К 20/4
Справ. ин.
Р. 3.

РУССКІЙ

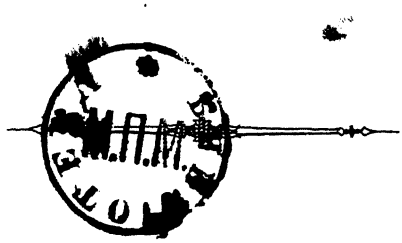
БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Т. 8

Ибакъ—Ключаревъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя **Императорскаго** Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

М.П.М.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1897.

И

Ибакъ (Ивакъ), татарскій царевичъ, былъ въ русской службѣ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, съ 1558 г.; упоминанія о немъ прекращаются съ 1570 г., и самыя владѣнія его въ 1584 г. оказываются уже за другими лицами. Въ 1562, 1563, 1564 и 1567 гг. онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ русскихъ войскъ; въ 1570 г. онъ владѣлъ Сурожикомъ. Его не надо смѣшивать съ Ибакомъ, ханомъ Шибанской орды, оказавшимъ услугу Іоанну III умерщвленіемъ Ахмата послѣ его похода на Русь въ 1480 г.

Карамзинъ, «Ист. Госуд. Росс.», IX, пр. 63, 66 и текстъ къ нимъ; «Прод. Древ. Росс. Вивл.», X, 95; «Древ. Росс. Вивл.», XIII, 315—389; «Писц. книги XVI в.», I, 114—118.

Ибрагимовъ, *Николай Мисаиловичъ* (умеръ 17-го апрѣля 1818 г.) воспитанникъ Московскаго университета, былъ инспекторомъ Казанской гимназіи и старшимъ учителемъ словесности и математики, а впослѣдствіи адъюнктъ-профессоромъ въ университетѣ. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей и, по отзывамъ современниковъ, умѣлъ возбуждать въ ученикахъ любовь къ себѣ и къ своему предмету. Въ 1806 году по мысли Ибрагимова было основано Казанское общество любителей отечественной словесности, въ «Трудахъ» (1815 г.) котораго и помѣщена большая часть стихотвореній и прозаическихъ произведеній самого основателя. Кромѣ того Ибрагимовъ сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., а въ «Благонамѣренномъ» 1822 году (ч. XVII) и 1825 г. (ч. XX) напечатаны его посмертныя стихотворенія. — П. М. Ибрагимовъ имѣлъ сына *Льва Николаевича*, который въ 30-хъ годахъ былъ учителемъ въ Казанской гимназіи, гдѣ преподавалъ грамматику и географію. Онъ также писалъ стихи и пріобрѣлъ даже нѣкоторую извѣстность своими русскими пѣснями. Стихотворенія его изданы въ Казани, въ 1841 году.

Каз. Извѣстія 1818, № 33.—Владиміровъ, «Истор. записка о 1-й Каз. гимназіи». К. 1867—68.—В. И. Панаевъ, «Воспоминанія» (В. Евр. 1867 г.).—Полн. собр. соч. С. Т. Аксакова, т. II, Спб. 1886.—Булычъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Каз. универ.» I, Каз. 1887.

Ибрагимъ, арабъ Петра Великаго, см. Ганнибалъ, Абрамъ Петровичъ.

Иваненко, *Григорій Григорьевичъ*, сынъ Григорія Ивановича, полковника брацлавскаго, оставшагося вѣрнымъ Петру, не смотря на прежнюю близость къ Мазепѣ; служилъ подъ начальствомъ гр. П. А. Румянцева, былъ полковникомъ переяславскимъ, отличился и былъ израненъ въ битвѣ подъ Кагуломъ, въ 70-хъ годахъ управлялъ переяславскими имѣніями графа Румянцева, а потомъ былъ предсѣдателемъ кіевской гражданской палаты (1782—1790).

Рус. Арх., 1871, № 11; Чтенія, 1865, I, II; 1866, I.

Иванинъ, *Михаилъ Игнатьевичъ*, ген.-лейт., изъ Черниговскихъ дворянъ, род. въ 1801 г., умеръ 27-го сентября 1874 г. Въ 1822 г. кончилъ курсъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду; въ 1831 г. прикомандированъ къ Военной академіи (нынѣ Академія генеральнаго штаба) для слушанія въ ней курса. Въ 1835 г., въ чинѣ капитана, назначенъ въ Оренбургскій корпусъ и участвовалъ въ Хивинской экспедиціи 1839—1840 г. Въ 1853 г. въ чинѣ полковника назначенъ

состоять совѣтникомъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ во Временной Совѣтъ для управленія внутреннею киргизскою ордою, а затѣмъ управляющимъ этою ордою. Его энергичное и дѣятельное управленіе принесло ордѣ много пользы. Затѣмъ Иванинъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ на Кавказѣ, въ 1857 г. произведенъ въ ген.-маіоры; въ 1858 г. принималъ участіе въ демаркаціи нашихъ азіатскихъ границъ съ Турціею. Въ 1864 г. назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для выработки положенія о перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою, въ 1866 г. произведенъ въ ген.-лейт. и назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для собранія подробныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1868 г.—постояннымъ членомъ комитета по перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою, съ 1871 г. состоялъ членомъ военно-ученаго комитета Главнаго штаба; онъ былъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Благодаря своей чрезвычайной дѣятельности Иванинъ находилъ время для ученыхъ работъ; имъ напечатаны «Поѣздка на Мангышлакъ въ 1848 г.»— Въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», II; «Описаніе Закамскихъ линій» — въ «Вѣстникѣ» того-же общества 1851 г.; «О внутренней Букеевской ордѣ»; «Зимній походъ въ Хиву въ 1839 — 1840 г.», Спб. 1874; послѣ его смерти уже вышелъ его обширный трудъ: «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ Монголо-Татаръ при Чингизъ-Ханѣ и Тамерланѣ», Спб. 1875, гдѣ собраны интереснѣйшія свѣдѣнія объ организаціи, вооруженіи, способахъ продовольствія у монголовъ и пр., и вмѣстѣ разсмотрѣны ихъ движенія и дѣйствія при покореніи Россіи; военная сторона этого факта весьма интересно освѣщена Иваниным. Иванинъ интересовался также стенографіей и написалъ нѣсколько работъ по этой отрасли.

Рус. Инв., 1874. № 239; Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., 1874, 7—8, 343—345; Толль, «Дополненія».

Иваницкій, *Александръ Борисовичъ*, горный-инженеръ генералъ-маіоръ, сынъ берггауптмана 6-го класса, род. 14 февраля 1811 г., умеръ 25 ноября 1872 г. Выпущенъ изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса и опредѣленъ на службу въ Луганскій горный округъ 1-го Января 1831 г., въ 1834 г. отправленъ въ Силезію для практическаго изученія доменнаго производства и горнаго дѣла вообще; возвратясь, онъ завѣдывалъ отливкою мелкихъ изящныхъ вещей и эмальированной посуды на Луганскомъ заводѣ. Служба Иваницкаго въ этомъ округѣ продолжалась до 1848 г.; за это время ему приходилось исполнять весьма многія порученія: такъ напр. онъ производилъ геогностическіе обзоры Луганскаго округа (1837 и 1839), осматривалъ мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ въ Бахмутскомъ округѣ и т. п.; въ 1839 г. онъ былъ посланъ въ Англію для ознакомленія со способами добычи каменнаго угля и желѣзнымъ производствомъ на минеральномъ топливѣ; послѣдствіемъ этой поѣздки было, во-первыхъ, порученіе Иваницкому (1842 г.) установить разработку антрацита въ землѣ Войска Донскаго и затѣмъ назначеніе его управляющимъ Лисичанскими каменноугольными копями; въ 1845—46 г. Иваницкому было поручено составить соображеніе о предполагавшемся устройствѣ въ Керчи доменнаго стальнаго и рельсоваго завода. Въ 1845 г. Иваницкій былъ назначенъ для особыхъ порученій къ Намѣстнику Кавказскому и въ томъ же году князь М. С. Воронцовъ, знакомый уже съ его дѣятельностью на Югѣ Россіи, сдѣлалъ его управляющимъ горною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ. Энергичный и дѣятельный, А. Б. Иваницкій много способствовалъ развитію горнаго промысла въ Маломъ Кавказѣ. За его управленіе возникло до 7 новыхъ крупныхъ частныхъ заводовъ (въ томъ числѣ Кедабекскій). Но главною заслугою Иваницкаго является прочное водвореніе на Кавказѣ выплавки серебра и свинца и устройство съ этой цѣлью казеннаго Алагирскаго завода въ Осетіи. Въ 1840 г. сдѣлался извѣстнымъ правительству пріискъ серебро-свинцовыхъ рудъ въ Садонскомъ ущельи (близъ соединенія послѣдняго съ Ардонскимъ), около аула Нижній Садокъ, на земляхъ Алагирскаго общества осетинъ, разрабатывавшійся грекомъ Чекаловымъ. Изслѣдованія горнаго чиновника Картерона (1842 и 1843 гг.), а затѣмъ горнаго инженера Рейнеке (1846 г.), показали богатство этого мѣсторожденія, а возникшій въ то время вопросъ о снабженіи войскъ «собственнымъ россійскимъ свинцомъ» способствовалъ переходу рудниковъ

Чекалова въ казну (1845 г.). Иваницкій, вступившій въ управленіе горною частью Кавказа, вскорѣ осмотрѣлъ Садокское мѣсторожденіе и представилъ намѣстнику соображеніе о возможности устроить здѣсь заводъ для ежегодной выплавки до 100 пуд. серебра и до 35.000 пуд. свинца. Князь Воронцовъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и поручилъ Иваницкому составить проектъ завода. Въ 1850 г. основана была изъ переселенцевъ съ Алтайскихъ, Уральскихъ и Луганскаго заводовъ близъ Ардонскаго ущелья горная станица и приступлено къ устройству Алагирскаго завода, для соединенія котораго съ рудникомъ была проведена на протяженіи 36 верстъ отличная дорога. Заводъ, построенный въ видѣ небольшой крѣпости, открылъ свое дѣйствіе въ присутствіи намѣстника 21 Мая 1853 г. Изъ первой опытной плавки былъ полученъ слитокъ серебра въ 26 ф. 48 з., поднесенный Государю, который повелѣлъ половину этого серебра употребить на приготовленіе сосуда для строившейся въ Петергофѣ (у Бабьяго-Гона) церкви, а изъ другой половины сдѣлать сосудъ для Исаакіевскаго собора. 28 Апрѣля 1850 г. Иваницкій, не оставляя своей должности, занялъ постъ горнаго начальника Алагирскаго завода; въ 1857 г. онъ былъ командированъ намѣстникомъ кавказскимъ «по особымъ, весьма важнымъ порученіямъ» въ Парижъ и Лондонъ, а въ 1862 г. ѣздилъ за границу для составленія предположеній, впрочемъ неосуществившихся, о переселеніи въ Алагиръ горныхъ мастеровъ съ германскихъ рудниковъ. Послѣдніе годы жизни посвятилъ сельскому хозяйству на участкѣ земли въ Ставропольской губ., близъ с. Безопаснаго, Высочайше пожалованномъ ему за службу на Кавказѣ; онъ всегда любилъ это дѣло и уже въ Алагирѣ положилъ начало культурѣ яблоковъ, которыми эта мѣстность славится. 18 Февраля 1866 г. Иваницкій вышелъ въ отставку и былъ однимъ изъ учредителей и ревностнымъ дѣятелемъ Славянскаго благотворительнаго Комитета.

Спеціальныя статьи Иваницкаго—числомъ до 21—появлялись въ Горномъ журналѣ (съ 1835 по 1853 г.).

«Историч. замѣтки о горномъ дѣлѣ на Кавказѣ», Кавказскаго старожила (Горн. журн. 1886 г. № 6; перепечатана изъ «Новаго Обозрѣнія»); «Объ устройствѣ Алагирскаго завода въ Осетіи» (Горн. журн. 1850 г. № 6); «Объ открытіи дѣйствія Алагирскаго зав.» (Горн. журн. 1853 г. № 6); «Голосъ» 1872 г. № 240. *С. Кулибинъ.*

Иваницкій, *Александръ Ивановичъ*, старшій учитель математики и физики въ Вологодской гимназіи, род. въ 1812 г., умеръ 7 іюня 1850 г., получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1835 г., по окончаніи курса, поступилъ учителемъ въ Гатчинское уѣздное училище, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до самой кончины. Сотрудничая въ губернскихъ вѣдомостяхъ, гдѣ печатались его метеорологическія наблюденія и статьи о климатѣ Вологды, онъ занимался и изящной словесностью. Ему принадлежатъ слѣдующія повѣсти: 1) Неразмѣнный червонецъ (Библ. для чтенія 1839 г., т. 37), 2) Мечтатель (Маякъ 1840 г., ч. 8), 3) Сыновняя обязанность (ib., 1842 г., ч. 1, 2), 4) Востокъ и Западъ (ib., 1843 г., ч. 7), 5) Суженые (Архангельскій историко-литер. сборникъ. Спб. 1844 г.). Кромѣ того имъ составлено «Собраніе ариѳметическихъ задачъ», напечатанное въ 1850 г. и выдержавшее 11 изданій.

Вологодск. губ. вѣд. 1850 г., № 24; Отто, «Вологодская дирекція училищъ до 1850 г.» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1866, т. 132); Вороновъ, «Историческо-статистич. обозрѣніе учебн. заведеній Спб. учебн. округа», Спб. 1854.

Иваницкій, *Николай Ивановичъ*, братъ предыдущаго, получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1838 г. со степенью кандидата по 1-му отдѣленію философскаго факультета. Въ томъ же году онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Псковскую гимназію, а въ 1843 г. былъ переведенъ въ Вологду, гдѣ прослужилъ до 1846 г. Необыкновенные успѣхи преподаванія доставили Иваницкому извѣстность въ педагогическомъ мірѣ, такъ что попечитель округа предложилъ ему занять мѣсто старшаго учителя 5-й Петербургской гимназіи. Въ 1852 онъ былъ уже инспекторомъ въ той же гимназіи, а съ 1853 по 1858 г. директоромъ въ Псковѣ. Преданный своему дѣлу, любимый начальствомъ и учениками, многосторонне образованный, Иваницкій по справедливости считался однимъ изъ выдающихся педагоговъ своего времени. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны слѣдующіе: 1) Осада Пскова Баторіемъ (Волог. губ. вѣд. 1840, № 8), 2) Причитанья невѣсты въ Вологодской губерніи (Москвит. 1841, кн. 12), 3) Ори-

гинальныя и переводныя стихотворенія изъ Шиллера и Кернера (Маякъ 1842—1844 гг.), 4) Способъ преподаванія логики въ училищахъ (ib. 1842, т. 4), 5) Къ русскимъ поэтамъ, критическая статья (ib. 1884, т. 16), 6) Г. Ф. Пухта, знаменитый берлинскій правовѣдъ (Соврем. 1846, т. 42), 7) Изъ записокъ Гете (ib., т. 43), 8) Натальинъ день, разсказъ (Отеч. Зап. 1849, т. 63), 9) За короля, драма въ 5 д., сюжетъ заимствованъ изъ романа В.-Скотта: «Оклен Камеронъ». Представлена въ Петербургѣ, въ 1847 г.; 10) Двѣ статьи о Н. В. Гоголѣ (Отеч. Зап., т. т. 81 и 86); 11) Изслѣдованія о времени основанія Пскова. Псковъ 1856.

Вороновъ, «Историческо-статистическ. обозрѣніе учебн. завед. петерб. округа», Спб. 1854; Радонежскій, «Историч. очеркъ 5-й С.-Петерб. гимназіи». Спб. 1874; Говорливый, «Историч. записка 50-лѣтія Псковской гимназіи», Спб. 1884.

Иваницкій, *Ѳедоръ Васильевичъ*, сынъ церковника, учился въ Переяславской семинаріи, Кіевской духовной академіи и въ 1790 г. поступилъ въ ученики медико-хирургическаго училища при С.-Петербургскомъ генеральномъ госпиталѣ, откуда въ 1800 г. выпущенъ лекаремъ и назначенъ въ Ахтіарскій морской госпиталь. Въ 1803 г. произведенъ въ штабъ-лекари и опредѣленъ врачемъ въ г. Жиздру, калужской губерніи. Онъ напечаталъ статью «О рогѣ съ успѣхомъ вырѣзанномъ изо лба». (Observ. med.-chir. 1805, 83).

Зиѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I.

Иванишевъ, *Николай Дмитріевичъ*, ректоръ университета св. Владиміра, шляхетско-духовнаго рода, Черниговской губерніи, род. 5 нояб. 1811 г., умеръ 14 октября 1874 г. По окончаніи курса въ Кіевской духовной семинаріи, въ 1829 г. переведенъ въ Главный Педагогическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1835 г. и былъ отправленъ за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ занимался въ Берлинѣ у Савиньи, но болѣе увлекался въ Прагѣ занятіями у знаменитыхъ славистовъ — Шафарика, Палацкаго, Ганки и др. По возвращеніи Иванишева въ Россію въ 1838 г., министръ Уваровъ прикомандировалъ его въ Кіевскій университетъ адъюнктомъ по юридическому факультету «для употребленія по той каѳедрѣ, которая нуждается въ преподавателѣ»; ему поручено было помогать профессору Неволину въ преподаваніи государственныхъ законовъ. Съ 9 января по 5 сентября 1839 г. Кіевскій университетъ былъ закрытъ; Иванишевъ въ это время выдержалъ испытаніе на степень доктора россійскаго законовѣдѣнія и съ 1839 г. по 1863 г. читалъ законы государственнаго благоустройства, въ 1843—1846 гг., сверхъ того, курсы общенароднаго правовѣдѣнія, и въ 1863—1864 гг. полицейское право, предметъ, только по уставу 1863 г. введенный въ кругъ университетскаго преподаванія. Въ 1840 г. онъ защитилъ дисертацію на степень доктора: «О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германской вирой»; въ этомъ сочиненіи впервые въ Россіи выдвинута мысль о необходимости изученія славянскихъ законодательствъ для русскаго юриста и доказывается, что между законодательствами у разныхъ славянъ есть тѣсная внутренняя связь, обусловленная ихъ одноплеменностью. Съ 1848 по 1861 г. онъ былъ деканомъ юридическаго факультета и очень тактично исполнялъ эту трудную, по тому времени, должность, ибо деканы были нѣкоторымъ образомъ обязаны наблюдать за преподаваніемъ всѣхъ другихъ профессоровъ; съ 1863 по 1865 г. онъ былъ ректоромъ, въ трудное время, когда начались въ обществѣ броженія и когда въ университетѣ, къ тому же, вводился новый уставъ. Службу въ университетѣ Иванишевъ оставилъ въ февралѣ 1865 г., когда былъ назначенъ въ Варшаву, въ распоряженіе Н. А. Милютина, который поручилъ ему направленіе работъ по составленію проекта уголовнаго судопроизводства; въ январѣ 1866 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ юридической коммиссіи въ Варшавѣ. Но въ 1867 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ уединеніи въ Кіевѣ. Онъ и прежде, по своимъ вкусамъ, былъ преимущественно кабинетнымъ ученымъ; сердце его не особенно лежало къ профессорской дѣятельности, а тѣмъ болѣе по наукамъ юридическимъ, ибо онъ всегда болѣе симпатизировалъ наукамъ историческимъ. Онъ былъ, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, однимъ изъ учредителей Кіевской археографической коммиссіи и принималъ въ дѣятельности ея очень живое участіе (1843—1863) въ качествѣ главнаго редактора ея изданій. Изъ его сочиненій наиболѣе важны: «Рѣчь объ идеѣ личности въ древнемъ

правѣ богемскомъ и скандинавскомъ» (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ., 1841 г., августъ), «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи» (Русская Бесѣда, 1858 г., № 3), «Свѣдѣнія объ Уніи» (тамъ же 1859 г., № 3), «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», К. 1849, 2 т.

Романовичъ-Славатинскій, «Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева», Др. и Н. Рос., 1876 г., I, II и отдѣльно; Сухомлиновъ, «Актъ 15-го іюня 1841 г. въ Кіевск. унив.» — Др. и Нов. Рос., 1876 г., II, 60—64; Владимірскій-Будановъ, «Исторія университета св. Владиміра».

Иванова, *Александра Ивановна*, артистка петербургской сцены, выпущена изъ петербургскаго театральнаго училища на оперную сцену въ 1822 г., но пѣла уже въ 1818 г., умерла 27 декабря 1830 г., 26-ти лѣтъ. Она обладала прекраснымъ, отлично обработаннымъ голосомъ, сценическимъ талантомъ и пользовалась всегда большимъ успѣхомъ во всѣхъ роляхъ своего обширнаго репертуара.

М. К. (Маркова), «Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ», М. 1874; Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», I, 28; Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», 265, 269.

Иванова, *Елизавета Михайловна*, жена Н. А. Иванова, умерла 23 апрѣля 1882 г., въ Миланѣ. Помѣщала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1873 г. «Письма изъ Ханькоу», съ описаніемъ своего путешествія изъ Москвы въ Ханькоу; въ 1881 г. напечатала совмѣстно съ мужемъ рядъ очерковъ изъ жизни китайцевъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Китай» въ журналѣ «Русская Рѣчь», (1881 года, кн. 8 — 12).

Языковъ, «Обзоръ трудовъ покойныхъ русскихъ писателей».

Иванова, *Елизавета Ѳедоровна* актриса, выступила на сцену въ 1774 г., на мѣсто скончавшейся Троепольской; играла еще въ 1802 г., но въ спискѣ актеровъ на 1803 г. ея имени уже нѣтъ. Она, вмѣстѣ съ А. М. Каратыгиной, занимала первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ (напримѣръ, «Ненависть къ людямъ и раскаяніе») и считалась въ свое время чрезвычайно хорошею артисткою.

Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», 107, 125, 163.

Иванова, *Марья*, граверъ, см. Скородумова.

Ивановская, *Александра Васильевна*, (рожденная Покровская), переводчица. Дочь петербургскаго священника, род. въ 1847 г., умерла 12 апрѣля 1870 г. Получила хорошее домашнее воспитаніе и живо интересовалась богословскими и философскими вопросами. Вышла замужъ за профессора Казанской духовной академіи, извѣстнаго знатока русскаго старообрядства Н. И. Ивановскаго, въ Казани примкнула къ ученому академическому кружку и принимала дѣятельное участіе въ переводѣ сочиненія Г. Ульрици—«Богъ и Природа» (2 ч. Казань. 1867—1868 гг.).

«Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1872 года, № 97; «Извѣстія по Казанской епархіи», 1870 г., № 10. *С. Г. Р.*

Ивановскій, *Антонъ Доминиковичъ*, римско-католическаго вѣроисповѣданія, ст. сов., писатель, род. въ 1823 г., умеръ въ 1873 г. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата, въ 1848 г. опредѣлился въ публичную библіотеку, въ 1849 — 1850 гг. служилъ въ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа и переводчикомъ въ депутатскомъ собраніи, въ 1850 году назначенъ переводчикомъ въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій и въ 1864 г., тамъ же, старшимъ столоначальникомъ; съ 1857 по 1869 г. служилъ младшимъ библіотекаремъ въ Императорской Публичной библіотекѣ; въ 1861 г. опредѣленъ профессоромъ русской и всеобщей исторіи въ с.-петербургскую Римско-католическую духовную академію. Есть нѣсколько его компилятивныхъ работъ, преимущественно біографическихъ, напр. о канцлерѣ графѣ Н. П. Румянцевѣ, митрополитѣ Евгеніѣ, С. А. Хрулевѣ, П. А. Мухановѣ, русскій народный разсказъ «Дочь купца» (1861 г.), имъ же сдѣлано изданіе сочиненій Снегирева. Все это подробно исчислено въ «Каталогѣ сочиненій и изданій Императорской Публичной библіотеки младшаго библіотекаря А. Ивановскаго», С.-Петербургъ, 1871.

Формуляръ въ Императорской Публичной библіотекѣ; Геннади, «Словарь».

Ивановскій, *Игнатій Іакинѳовичъ*, заслуженный профессоръ. Род. въ 1807 г.; умеръ 28 августа 1886 г. Послѣ минской гимназіи отлично окончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ въ 1826 г. и былъ назначенъ учителемъ исторіи и географіи въ Виленской гимназіи. Въ ноябрѣ 1827 г. отправленъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ и пробылъ тамъ до мая

1828 года, а потомъ принятъ въ число воспитанниковъ Дерптскаго профессорскаго института, гдѣ въ 1832 г. за диссертацію «De libera mercatura» получилъ степень доктора правъ. Пробывъ три года заграницею, преимущественно въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ Савиньи, Риттера и другихъ знаменитыхъ профессоровъ, вернулся въ Петербургъ, прочелъ весною 1835 г. пробную лекцію «Краткій взглядъ на науку дипломатіи вообще» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1835 г., ч. IX) и сдѣланъ въ 1836 г. экстраординарнымъ, а въ 1837 г. — ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общенароднаго права и дипломатіи. Служба его въ университетѣ продолжалась до 1871 г.; съ 1863 г. онъ былъ уже заслуженнымъ профессоромъ, въ 1862 г. онъ былъ членомъ «Временной коммиссіи», вѣдавшей дѣла университета во время его закрытія и членомъ коммиссіи по разработкѣ новаго университетскаго устава; неоднократно былъ деканомъ юридическаго факультета. Кромѣ университета читалъ еще въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ политическую экономію и статистику (1837 — 1867), въ Пажескомъ корпусѣ и Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Всюду онъ привлекалъ симпатіи и уваженіе слушателей своими превосходными дарованіями, живостью ума, обширными познаніями, увлекательнымъ изложеніемъ и симпатичнымъ обращеніемъ. Кромѣ вышеуказаннаго напечаталъ еще: «О началахъ постепеннаго усовершенствованія государствъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1837), актовую рѣчь: «О правахъ Даніи на Зундскій и Бельтскій проливы» (1848) и «Руководство по статистикѣ европейскихъ государствъ», 1857 г.

Григорьевъ, «Спб. университетъ», 153—154; Языковъ, «Обзоръ трудовъ покойныхъ русскихъ писателей».

Ивановскій, *Левъ Константиновичъ*, военный врачъ. Изъ дворянъ Казанской губерніи, род. въ 1845 г., умеръ въ Петербургѣ, 9 мая 1892 г. Окончивъ курсъ въ Петербургской 3-й гимназіи, вступилъ въ Медико-Хирургическую академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1871 г. съ золотою медалью; нѣкоторое время служилъ прозекторомъ у профессора Ландцерта, читалъ лекціи на женскихъ медицинскихъ курсахъ; былъ врачемъ въ артиллерійскихъ войскахъ, затѣмъ въ резервномъ батальонѣ и наконецъ старшимъ докторомъ въ саперномъ батальонѣ. Будучи искуснымъ врачемъ, Л. К. Ивановскій въ то же время былъ большимъ любителемъ и знатокомъ археологіи. Избранный въ члены Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (31 января 1873 г.), онъ съ 7 ноября 1880 г. по 16 апрѣля 1885 г. былъ секретаремъ русскаго отдѣленія, производилъ въ предѣлахъ Вотской пятины и на р. Сити раскопки, давшія очень интересные результаты; найденные предметы поступили частью въ Московское общество естествознанія, антропологіи и этнографіи, преимущественно же въ Императорское Русское Археологическое Общество; въ Археологическомъ Обществѣ Л. К. Ивановскій состоялъ членомъ коммиссіи по химическому изслѣдованію древнихъ бронзъ и редактировалъ изданный ею выпускъ ея трудовъ (при IX т. Извѣстій Археологическаго Общества). Нѣсколько его статей по археологіи были напечатаны въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, т. VIII и IX, въ VIII выпускѣ «Древностей» Московскаго Общества, и во II выпускѣ «Трудовъ» втораго Археологическаго Съѣзда; по медицинскимъ вопросамъ онъ написалъ только небольшую статью о баракахъ.

Ивановскій, *Михаилъ Іоакимовичъ*, протоіерей, сынъ священника, род. въ 1823 г., въ Гродненской губерніи, умеръ 1 іюля 1891 г. въ Люблинѣ. По окончаніи семинарскаго образованія поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, но по болѣзни не кончилъ въ ней курса, а 15 іюля 1844 г. уволился и поступилъ старшимъ учителемъ въ Березвечское духовное училище Литовской епархіи. 14 октября 1845 г. рукоположенъ во священника. Съ 1848 г. до 1863 г. состоялъ законоучителемъ Молодечненскаго уѣзднаго для дворянъ училища, переименованнаго потомъ въ прогимназію, а съ 1864 г. до 1875 г. законоучителемъ въ новооткрытой учительской семинаріи въ томъ-же мѣстечкѣ; 27 апрѣля 1869 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Тѣ же должности проходилъ онъ въ г. Деснѣ съ 2 сентября 1875 г., въ Радомѣ съ 21 мая 1876 г. и наконецъ въ Люблинѣ съ 10-го января 1885 г., гдѣ былъ протоіереемъ Крестовоздвиженскаго собора. Онъ напечаталъ «Руководство къ изученію Закона Божія» въ 3-хъ частяхъ, 1876 г.,

помѣстилъ много проповѣдей, статей и замѣтокъ частію историческаго содержанія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ («Литовскихъ епарх. вѣдом.», «Журн. Мин. Нар. Просв.» и др.).

«Церк. Вѣд.» и «Церк. Вѣстн.» за 1891 г.

Ивановскій, *Степанъ Алексѣевичъ*, гофъ-медикъ, тайн. сов., изъ дворянъ Черниговской губерніи, род. 28-го ноября 1812 г. умеръ 6 марта 1877 г. въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ Новгородсѣверской гимназіи поступилъ въ 1827 г. въ Московскій университетъ. Въ 1831 г., еще студентомъ, былъ командированъ въ Петербургъ для борьбы съ холерою. Въ 1832 г. кончилъ курсъ лекаремъ съ серебряною медалью, оставленъ при университетѣ и въ 1836 г. получилъ степень доктора медицины. Съ 1837 г. служилъ въ Петербургѣ въ Семеновскомъ полку, потомъ въ Преображенскомъ, и въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1851 г. опредѣленъ адъюнктомъ терапевтической клиники Медико-Хирургической академіи, гдѣ читалъ еще лекціи по исторіи медицины, которыя въ 1862 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Въ 1857 г. назначенъ гофъ-медикомъ VIII придворно-врачебнаго округа съ увольненіемъ отъ прежнихъ должностей, а въ 1874 г. непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Змѣевъ, «Русс. врачи писатели»; «Протоколы засѣд. общ. русс. врач. въ Спб.» 1876—1877 г.

Ивановскій, *Степанъ Ивановичъ*, священникъ въ Лондонѣ, умеръ въ Лондонѣ-же 13 февраля 1765 г. Обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи и въ 1739 г. отправленъ въ Лондонъ дьячкомъ при посольской церкви. 23 іюня 1746 г. служившій въ Лондонѣ съ 1716 г. священникъ-грекъ умеръ и Стефанъ Ивановскій былъ вызванъ въ Петербургъ для рукоположенія во священника въ Лондонѣ и рукоположенъ 5 февраля 1749 г. По отзывамъ посланниковъ Ивановскій былъ человѣкъ тихій, благочестивый, ученый; при немъ обновлена церковная утварь и церковь переведена изъ грязнаго глухаго переулка на болѣе приличное мѣсто.

Дѣла архива Святѣйшаго Синода: 1737 г. № 279; 1745 г. № 318; 1753 г. № 362; 1765 г. № 201.

Ивановъ, *Автономъ*, послѣдній думный дьякъ. Свѣдѣнія о его службѣ очень скудны. Въ 1680—1681 гг. онъ былъ только еще подьячимъ съ приписью въ Верхотурьи, а въ 1682 г. называется уже думнымъ дьякомъ; въ 1689 г. засѣдалъ въ Пушкарскомъ Приказѣ, въ 1694—вѣдалъ Иноземскій Приказъ и участвовалъ въ Кожуховскомъ походѣ; въ 1699 г. участвовалъ въ дѣлѣ введенія гербовой бумаги; въ 1686—1709 управлялъ Помѣстнымъ Приказомъ. Онъ былъ дѣятельнымъ исполнителемъ приказаній Петра Великаго по сбору денегъ, рекрутъ и по высылкѣ работниковъ въ Воронежъ и въ Петербургъ. По свидѣтельству Татищева онъ пользовался очень большимъ довѣріемъ государя и засѣдалъ въ Сенатѣ наравнѣ съ сенаторами; большое довѣріе и вниманіе къ нему монарха подтверждается значительнымъ количествомъ писемъ къ нему государя, не только дѣловыхъ, но и съ извѣщеніями о военныхъ подвигахъ и успѣхахъ.

Акты Истор., V; Доп. къ Акт. Ист., VII, VIII; Голиковъ, «Дѣянія».

Ивановъ, *Александръ*, врачъ, коллежскій совѣтникъ. Въ 1821 г. кончилъ курсъ въ с.-петербургской Медико-Хирургической академіи лекаремъ 1-го отдѣленія съ назначеніемъ во 2-й Карабинерный полкъ. Произведенный въ 1824 г. штабъ-лекаремъ, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828—1829 г. Въ 1841 г. получилъ степень доктора медицины въ Медико-Хирургической академіи и опредѣлился врачемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Онъ напечаталъ статью: «Призрѣнная Государемъ Императоромъ необыкновенная больная». («Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ и медицины» 1828 г. V, 76).

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», вып. I.

Ивановъ, *Александръ Андреевичъ*, живописецъ, академикъ, род. 16 іюля 1806 г., умеръ 3 іюля 1858 г. въ Петербургѣ.

Родившись въ стѣнахъ Академіи Художествъ—отецъ Иванова былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ ея—А. А. Ивановъ сталъ учиться рисованію, какъ только могъ держать въ рукахъ карандашъ. Воспитываясь дома, онъ учился большею частію у тѣхъ-же академическихъ преподавателей, какъ и ученики Академіи. 9-го же октября 1817 г. ему дозволено было Академическимъ совѣтомъ «пользоваться ученіемъ, преподаваемымъ какъ въ учебныхъ, такъ и въ художественныхъ классахъ Академіи». Однако, въ качествѣ «посторонняго ученика», Ивановъ, хотя и получилъ серебряныя медали за рисунки съ натуры и эскизъ, тѣмъ не менѣе не

могъ разсчитывать на полученіе золотыхъ, такъ какъ Академія, по уставу, награждала золотыми медалями за успѣхи въ художествахъ лишь собственныхъ воспитанниковъ по окончаніи ими полнаго курса ученія, не принадлежавшіе же къ ней или вышедшіе изъ нея преждевременно не имѣли права на подобныя награды. Вѣроятно, главнымъ образомъ по этимъ причинамъ, а не потому, что исполнялъ свои программы дома или что вышелъ изъ возраста, Ивановъ не могъ ничего получить за представленныя имъ Академіи въ 1824 г. картины: «Блудный сынъ», «Моисей, издающій вторымъ разомъ законъ» и «Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ пустынѣ». Но тутъ къ нему пришло на помощь незадолго передъ тѣмъ основанное Общество поощренія художниковъ, комитетъ котораго, имѣя въ виду вышеозначенное правило, положилъ жертвовать въ Академію ежегодно по три золотыхъ медали—двѣ малыя и одну большую, съ тѣмъ, чтобы послѣднія, съ согласія присутствующихъ въ публичномъ собраніи членовъ Общества, назначались и выдавались академическимъ начальствомъ за лучшія произведенія и не принадлежащимъ къ Академіи молодымъ художникамъ. Благодаря этому попали въ 1822 г. заграницу въ качествѣ пенсіонеровъ братья К. и А. Брюлловы, благодаря тому же могъ получить обѣ золотыя медали и Ивановъ, за заданныя Обществомъ программы: въ 1824 г.—малую, за картину «Пріамъ испрашиваетъ у Ахиллеса тѣло Гектора», и въ 1827 г.—большую, за картину «Іосифъ толкуетъ сны заключеннымъ въ темницѣ», вмѣстѣ съ правомъ на посылку за границу пенсіонеромъ Общества. Почти одновременно съ послѣдней программой молодой художникъ, котораго нѣкоторые профессора, напр. Егоровъ, подозрѣвали въ томъ, что ему помогаетъ въ работахъ отецъ и про котораго отецъ говорилъ, напротивъ, что «ему все дается съ боя», сдѣлалъ еще по порученію Комитета покровительствовавшаго ему Общества картоны съ античныхъ статуй въ натуральную величину: «Лаокона съ дѣтьми» (1827), «Венеры Медицейской» (1828) и «Гладіатора Боргезскаго» или «воина, сражающагося копьемъ» (1829),—чтобы ознакомиться со всѣми совершенствами классической женской фигуры и ученымъ познаніями древнихъ о мускулатурѣ человѣка въ сильномъ движеніи (всѣ три картона были пожертвованы художникомъ черезъ 20 лѣтъ Московскому училищу живописи, ваянія и зодчества). При этомъ рисунокъ «Бойца» дѣлался довольно медленно—около полугода, отчасти изъ-за болѣзни, отчасти, быть можетъ, изъ-за другихъ работъ, напр.: небольшихъ мѣстныхъ образовъ для иконостаса въ одну церковь, что навлекло на Иванова неудовольствіе членовъ Общества, почему онъ въ ожиданіи отправки за границу принялся за исполненіе еще одной картины: «Беллерофонтъ, отправляющійся въ походъ противъ Химеры» (1829). Однако, эта картина понравилась меньше, чѣмъ его программа на большую золотую медаль и даже чуть было не поколебала рѣшенія о посылкѣ автора ея пенсіонеромъ Общества въ Италію. Немногимъ раньше того Ивановъ, влюбившись въ дочь академическаго музыканта Гюльпена, собирался уже жениться на ней, чѣмъ лишилъ бы себя права на заграничное пенсіонерство; однако онъ удержался отъ этого шага, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго художника К. П. Рабуса. Художникъ этотъ вообще игралъ не маловажную роль въ первую пору самостоятельной жизни Иванова и не мало способствовалъ его развитію, переводя ему съ нѣмецкаго языка классическихъ писателей по исторіи художествъ въ родѣ Винкельмана и руководя имъ въ выборѣ книгъ для чтенія. Со своей стороны Ивановъ питалъ къ Рабусу самыя теплыя чувства, желалъ ѣхать за границу непремѣнно вмѣстѣ съ нимъ, а не съ другими пенсіонерами, и долго поджидалъ его возвращенія изъ Малороссіи въ Петербургъ. Наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, въ половинѣ іюня 1830 г. Ивановъ отправился съ другимъ пенсіонеромъ, Яненко, въ Италію, снабженный обширной инструкціей отъ Общества, гдѣ и что ему смотрѣть и дѣлать по пути въ «вѣчный городъ». Но вмѣсто положеннаго на путешествіе по Европѣ года, онъ употребилъ на это всего три мѣсяца и съ 13-го сентября сталъ уже посылать обширныя письма въ Общество изъ Флоренціи, не только подробно описывая все видѣнное и слышанное имъ по художественной части, но и подвергая обстоятельному разбору осмотрѣнныя имъ

произведенія старыхъ мастеровъ и слышанныя имъ мнѣнія тогдашнихъ свѣтилъ по художественной литературѣ.

Вообще Ивановъ любилъ писать и, помимо своей обширной переписки, заносилъ еще свои мысли и наблюденія въ записныя книжки, альбомы и даже на отдѣльные листки, благодаря чему и составился цѣлый томъ его литературныхъ произведеній. Кромѣ Общества онъ въ періодъ времени съ 1831 по 1858 г. былъ въ перепискѣ съ его секретаремъ В. И. Григоровичемъ и предсѣдателемъ гр. В. В. Мусинымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ, затѣмъ съ сестрами, отцомъ, братомъ, племянницей, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей-художниковъ—Лапченко, Моллеромъ, Серебряковымъ, Чмутовымъ, Михайловымъ, Резановымъ, Іорданомъ, съ извѣстнѣйшими нашими писателями, какъ Гоголь, Жуковскій, Чижовъ, Шевыревъ, Языковъ, Погодинъ, Герценъ, Сѣченовъ, и съ принадлежавшими къ литературнымъ кружкамъ 40-хъ годовъ Галаганомъ, А. О. Смирновой, графиней Апраксиной и др., съ нѣкоторыми изъ собирателей картинъ, напр. Солдатенковымъ, бр. Боткиными и проч., не считая разныхъ другихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сноситься по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ. Изъ одного уже этого перечня именъ видно, съ какими разнообразными личностями былъ въ сношеніяхъ Ивановъ и сколько у него должно было быть самаго разнороднаго матеріала для взаимнаго обмѣна мыслей. Немудрено поэтому, что его корреспонденція, поступившая въ подлинникѣ, по завѣщанію его брата архитектора, въ Московскій Публичный и Румянцевскій музей и изданная въ 1880 г. особой книгой, заключаетъ въ себѣ много любопытнаго не только насчетъ его собственной личности и его воззрѣній на все окружающее, но и обо многихъ тогдашнихъ явленіяхъ изъ міра художествъ, литературы и даже политики и является очень важнымъ историческимъ матеріаломъ для характеристики 30-тилѣтняго періода нашей общественной жизни изъ времени царствованія императоровъ Николая I и Александра II.

Посѣтивъ нѣкоторые германскіе города, чтобы ознакомиться съ тамошними картинными галлереями, Ивановъ, черезъ Трентъ, Верону, Мантую, Болонью и Флоренцію, гдѣ останавливался на болѣе продолжительное время, прибылъ къ лѣту 1831 г. въ Римъ. Здѣсь онъ на первыхъ же порахъ сталъ искать какого-либо историческаго сюжета для самостоятельной картины, набрасывая разные эскизы: «Аполлона, занимающагося пѣніемъ и музыкою со своими любимцами Гіацинтомъ и Кинарисомъ», «Сусанны съ двумя старцами», «Іосифа, нашедшаго чашу въ мѣшкѣ Веніамина», «Давида, утѣшающаго Саула игрою на гусляхъ и пѣніемъ», «Ахиллеса, укоряющаго Париса», «Іосифа, убѣгающаго отъ жены Пентефрія», и въ тоже время копируя въ Сикстинской капелѣ, по назначенію Общества, картонъ Микель Анджело «Сотвореніе человѣка». Но какъ ни одобряли въ общемъ, не смотря на нѣкоторыя частныя замѣчанія, Торвальдсенъ и Камуччини его эскизъ «Веніамина», Ивановъ все-таки не остановился на этой картинѣ, а продолжалъ искать другихъ сюжетовъ, дѣлая новые эскизы и рисуя части фресокъ Рафаэля—главнымъ образомъ головы и драпировки—пока, подъ вліяніемъ совѣтовъ Овербека: выбирать сюжетами для большихъ произведеній не отдѣльные эпизоды, а цѣлыя событія, не наткнулся на начало евангелія Іоанна «заключающее въ себѣ какъ бы сущность всего евангельскаго ученія», по понятію Иванова, и не выбралъ предметомъ своей будущей картины не тронутое еще никѣмъ событіе, о которомъ тамъ говорится, а именно—подготовленіе народа Крестителемъ къ принятію ученія Мессіи (1833). Однако, прежде чѣмъ приступить къ окончательной разработкѣ избраннаго наконецъ сюжета, Ивановъ, чтобы увѣриться въ собственныхъ силахъ, принялся сперва за менѣе сложную картину—«Явленіе Христа Магдалинѣ въ вертоградѣ по воскресеніи» (1834), для первой же сталъ дѣлать одинъ за другимъ новые эскизы, представляя ихъ на судъ прежнихъ своихъ цѣнителей и Корнеліуса, и изыскивая средства на путешествіе въ Палестину для изученія тамошней природы и жизни и писанія этюдовъ къ своимъ будущимъ картинамъ. Тѣмъ временемъ онъ предпринималъ поѣздки по Сѣверной Италіи, причемъ, послѣ короткихъ остановокъ въ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ городахъ и въ Болоньи, сдѣлалъ въ Венеціи копію съ «Ассунты» или «Вознесенія Божіей Матери на небо» кисти Тиціана, а потомъ черезъ Верону, Миланъ, Парму, Флоренцію и проч. вернулся опять въ Римъ

для окончанія начатыхъ работъ. Но онъ долго мучился съ изображеніемъ фигуры Христа на своей новой картинѣ, а тутъ еще прибавились матеріальныя тревоги изъ за потери надежды на полученіе средствъ для поѣздки въ Палестину и приближенія срока заграничному пенсіонерству послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Италіи. Къ концу 1835 г. картина «Явленіе Христа Магдалинѣ» была почти окончена, а весною слѣдующаго года, послѣ выставки въ римскомъ Капитоліи, отправлена съ пароходомъ изъ Ливорно въ Петербургъ на судъ Общества и публики. Выставленная осенью 1836 г. въ Академіи Художествъ картина эта возбудила всеобщіе восторги и доставила художнику званіе академика, къ его, впрочемъ, великому прискорбію, такъ какъ у него съ самаго начала было намѣреніе никогда не имѣть никакого чина; затѣмъ, въ день Тезоименитства Императора, поднесена Обществомъ Его Величеству, какъ своему непосредственному покровителю, поставлена по Высочайшему повелѣнія въ русскую галлерею Императорскаго Эрмитажа и доставила художнику продолженіе пенсіонерскаго содержанія еще на два года.

Отправивъ картину въ Петербургъ, Ивановъ продолжалъ обрабатывать свое новое созданіе—«Явленіе Мессіи народу», для котораго еще въ началѣ 1834 г. у него было сдѣлано 5 разныхъ эскизовъ, а въ 1836 г. сталъ писать и самую картину съ фигурами въ $^1/_3$ натуральной величины, по совершенно конченному эскизу масляными красками (находится теперь у Боткина), исполнивъ для нея, кромѣ того, и вполнѣ оконченный рисунокъ; но, извѣщенный о продолженіи пенсіонерскаго содержанія, заказалъ новый холстъ въ $7^1/_2$ арш. вышиною и $10^1/_2$ шириною, сдѣлалъ на немъ подмалевокъ и послалъ съ него рисунокъ въ Общество (1838). Благодаря этому эскизу, пенсіонъ былъ продолженъ ему еще на одинъ годъ, теперь уже въ послѣдній разъ, Ивановъ же полагалъ на окончаніе своей работы не менѣе 4-хъ лѣтъ и потому, воспользовавшись прибытіемъ въ Римъ, въ декабрѣ 1838 г., Наслѣдника Цесаревича, впослѣдствіи императора Александра Николаевича, испросилъ себѣ, чрезъ посредство В. А. Жуковскаго, содержаніе еще на три года.

Въ то же время ему, участвовавшему акварельнымъ рисункомъ съ изображеніемъ «Ave Maria» въ альбомѣ, поднесенномъ Цесаревичу русскими художниками въ Римѣ, было поручено Жуковскимъ наблюденіе за работами заказанными Его Высочествомъ въ «вѣчномъ городѣ». Къ этой же эпохѣ принадлежатъ и другія его жанровыя сцены изъ итальянской жизни, въ томъ числѣ изображающія октябрьскіе праздники и исполненныя акварелью для разныхъ альбомовъ.—Насколько серьезно относился обыкновенно къ своему дѣлу Ивановъ, видно изъ того, что, потерявъ надежду на путешествіе въ Палестину для этюдовъ къ своей большой картинѣ, онъ ѣздилъ по крайней мѣрѣ по Италіи (1838—39) въ Ассизи, Орвіето, Флоренцію, Ливорно и другія мѣстности Тосканы для ознакомленія съ мастерами XIV вѣка и сравненія ихъ твореній съ сохранившимися тамъ живыми типами, въ окрестности Неаполя, въ Субіако, на берега рѣкъ для писанія этюдовъ дикихъ горъ и купающихся людей, въ Миланъ и Венецію для изученія древнихъ колористовъ; отовсюду онъ привозилъ массу набросковъ и рисунковъ, такъ что въ короткое время у него накопилось свыше 240 писанныхъ и рисованныхъ группъ, головъ, фигуръ, ландшафтовъ, наконецъ цѣлыхъ эскизовъ для картины, не считая сдѣланныхъ для ней же копій частями съ Рафаэлева «Преображенія», Тиціанова «Мученія св. Петра» и другихъ великихъ мастеровъ. Въ исканіи новыхъ матеріаловъ для картины и постоянныхъ перемѣнахъ въ ней незамѣтно прошли три года, а картина не была кончена и потому Ивановъ снова началъ хлопотать передъ Цесаревичемъ, черезъ посредство Жуковскаго и Общества поощренія художниковъ, о продленіи ему пенсіона еще на такой же срокъ. Но, вмѣсто постояннаго содержанія, онъ получилъ на этотъ разъ изъ Кабинета Его Величества лишь единовременное пособіе въ 1500 руб. ассигнаціями, да, благодаря старанію тогдашняго инспектора надъ русскими художниками въ Римѣ Кривцова—2800 руб. (1842), отчасти въ видѣ платы за прежнюю картину «Явленіе Христа Магдалинѣ», за которую онъ еще ничего не получалъ. Однако и съ этими деньгами трудно было окончить картину въ назначенный срокъ, особенно при чрезмѣрной добросовѣстности Иванова, ни за что не хотѣвшаго въ то же время промѣнять свое тогдашнее положеніе не-

зависимаго художника на профессорство или исполненіе заказовъ для церквей. Къ матеріальнымъ невзгодамъ прибавилась еще болѣзнь глазъ, изъ-за которой художнику пришлось потерять почти два года времени; но, благодаря стараніямъ доктора Циммермана въ Неаполѣ, слабѣвшее зрѣніе было вновь возстановлено и Ивановъ опять горячо принялся за работу, по прежнему писалъ этюды въ окрестностяхъ Рима, въ Альбано, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова сталъ хлопотать о денежныхъ средствахъ для окончанія заботившей его картины—на этотъ разъ, главнымъ образомъ, черезъ посредство А. О. Смирновой (рожд. Россетъ), какъ очень вліятельной въ то время личности и лучшаго друга Гоголя, Жуковскаго и другихъ тогдашнихъ знаменитостей.

Стѣсненный въ денежныхъ средствахъ Ивановъ рѣшился даже добровольно отвлечься на нѣкоторое время отъ своей главной работы и въ 1844 г. занялся, по предложенію архитектора К. А. Тона, сочиненіемъ запрестольнаго образа «Воскресенія Христова» для строившагося тогда храма Спасителя въ Москвѣ. Со своей всегдашней добросовѣстностью онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подготовлялся къ этой работѣ, перечитывалъ все относящееся къ означенному событію, обдумывалъ сюжетъ до мельчайшихъ подробностей, дѣлалъ массу эскизовъ, разыскивалъ древнѣйшія церковныя изображенія этого момента и старался узнать взгляды нашихъ православныхъ іерарховъ. Но каково же было разочарованіе художника, когда пріѣхавшій въ Римъ въ 1845 г. Тонъ объявилъ Иванову, что ему поручается написать четырехъ евангелистовъ въ парусахъ, а образъ «Воскресенія» отданъ К. Брюллову. Разочарованный въ конецъ художникъ тотчасъ же бросилъ всякую идею о какихъ-либо другихъ работахъ и опять отдался своей любимой картинѣ. Пріѣздъ императора Николая въ Римъ въ декабрѣ 1845 г. нѣсколько оживилъ надежды Иванова, какъ и другихъ художниковъ, о которыхъ, въ виду порученныхъ имъ различныхъ заказовъ, было сдѣлано цѣлое представленіе бывшаго также въ то время въ Италіи вице-президента Академіи Художествъ, профессора гр. О. П. Толстого. Однако, и въ 1846 г., какъ и за годъ передъ тѣмъ, Иванову было выдано по Высочайшему повелѣнію лишь единовременное пособіе въ 1500 р., притомъ съ обязательствомъ окончить картину непремѣнно въ теченіе годичнаго срока. Какъ ни тяжелы казались подобныя условія художнику, онъ былъ радъ хоть въ томъ отношеніи, что, ссылаясь на Высочайшее желаніе видѣть картину оконченною въ одинъ годъ, могъ теперь запирать свою мастерскую отъ всякихъ докучливыхъ посѣтителей—не художниковъ, въ томъ числѣ и отъ лицъ, составлявшихъ въ то время инспекцію надъ русскими пенсіонерами въ Римѣ, въ родѣ новаго начальника, генералъ-маіора Киля, считавшаго себя художникомъ, и его секретаря Зубкова. Недовольный вообще тогдашнею постановкою дѣла инспекціи Ивановъ сталъ составлять обширный проектъ ея преобразованія; по его предположенію, князь Г. П. Волконскій, сынъ Министра Императорскаго Двора, долженъ былъ быть главнымъ руководителемъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, Гоголь—секретаремъ при немъ для составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, которые могли бы печататься затѣмъ для публики, Чижовъ—агентомъ для руководства самообразованіемъ художниковъ въ научномъ отношеніи и завѣдыванія ихъ библіотекою. Мечтамъ этимъ, конечно, не суждено было сбыться, за то друзья Иванова, съ поэтомъ Языковымъ во главѣ, образовали въ своихъ кружкахъ подписку на окончаніе имъ картины, когда онъ получилъ отъ Академіи Художествъ въ послѣдній разъ назначенное ему содержаніе на ½ года и отъ Наслѣдника Цесаревича еще 300 червонцевъ; въ то же время обрадовалъ Иванова пріѣздъ въ Италію его брата архитектора пенсіонеромъ отъ Академіи. Но новыя тревоги смущали теперь художника: посѣщая часто домъ С. П. Апраксиной (рожденной Толстой) и живя у нея подолгу въ Неаполѣ, особенно во время болѣзни глазъ, онъ влюбился въ ея дочь. Не смѣя думать о бракѣ въ виду большаго неравенства положенія, Ивановъ замкнулся въ самомъ себѣ, сдѣлался подозрительнымъ, приписывалъ всякое свое легкое нездоровье отравѣ, вслѣдствіе воображаемыхъ преслѣдованій. Въ это время онъ почти разошелся даже съ самыми близкими къ нему людьми, въ томъ числѣ и съ Гоголемъ, которому сперва во всемъ подчинялся, признавая его умъ и житейскую мудрость, и только изданіе великимъ писателемъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзья-

ми», гдѣ была между прочимъ и извѣстная статья о нашемъ художникѣ, нѣсколько возстановило между ними прежнія отношенія. Развлеченіями въ невзгодахъ служили Иванову небольшія путешествія, которыя онъ время отъ времени предпринималъ изъ Рима по Италіи, посѣщая Флоренцію, Ливорно, Геную, Миланъ, Пизу и проч. (1847). Эти поѣздки совпадали съ политическими волненіями въ Римѣ и другихъ средне-итальянскихъ городахъ. Такъ прожилъ Ивановъ до 1848 г., когда наслѣдство отъ отца дало братьямъ снова нѣкоторыя средства къ дальнѣйшему существованію заграницей. Въ это время А. А. Ивановъ занимался уже не одной своей картиной, а также композиціями изъ Новаго и Ветхаго Завѣта, съ изображеніемъ различныхъ моментовъ изъ жизни Христа и ихъ прообразовъ, для чего старательно изучалъ Библію по французскому переводу прямо съ еврейскаго.

По этимъ композиціямъ онъ думалъ расписать впослѣдствіи внутри особое зданіе, причемъ понизу стѣнъ должны были идти картины собственно съ событіями изъ жизни Христа въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, поверхъ ихъ—различныя, наросшія на эти происшествія со временемъ, преданія или сказанія, уже въ меньшемъ размѣрѣ, и еще выше, какъ-бы въ видѣ карниза или бордюра въ самыхъ малыхъ размѣрахъ—однородные съ ними сюжеты или пророчества о нихъ изъ ветхозавѣтнаго и древняго міра, служившіе какъ-бы предзнаменованіями новозавѣтнымъ. Для этой цѣли Ивановъ перечитывалъ не только Св. Писаніе, но и другія книги, относящіяся до жизни Христа, напримѣръ, извѣстное сочиненіе Штрауса, во французскомъ переводѣ Литтрѣ,—и настолько заинтересовался послѣдней книгой, что позднѣе ѣздилъ даже на свиданіе съ ея авторомъ, однако мало извлекъ для себя пользы изъ бесѣды съ нимъ, такъ какъ разговоръ велся съ одной стороны по-латыни, съ другой — по-итальянски, потому что Штраусъ не зналъ французскаго языка, а Ивановъ—нѣмецкаго. Въ то же время онъ заботился постоянно объ усовершенствованіи и развитіи брата своего, Сергѣя; по смерти Гоголя, котораго признавалъ общимъ воспитателемъ и учителемъ, сталъ хлопотать объ исполненіи воли покойнаго, чтобы его портретъ въ гравюрѣ былъ заказанъ Іордану и началъ разыскивать въ этихъ видахъ написанные имъ самимъ со своего друга два портрета, изъ которыхъ тотъ подарилъ одинъ—Жуковскому, другой—Погодину, постоянно заботился о пополненіи художественной библіотеки и картинной галлереи извѣстнаго московскаго собирателя Солдатенкова, по личной просьбѣ послѣдняго, и тѣмъ самымъ доставлялъ заказы своимъ собратьямъ-художникамъ (1852—1855). Мучимый разными сомнѣніями на счетъ своихъ работъ, послѣ нѣкотораго ослабленія, сравнительно съ прежнимъ, религіознаго чувства, Ивановъ отправился осенью 1857 г. въ Лондонъ къ Герцену, котораго зналъ еще въ Италіи, чтобы поговорить по этому поводу съ нимъ и съ Мадзини, а по дорогѣ лечился въ Интерлакенѣ, совѣтовался съ Эггеромъ въ Вѣнѣ и съ Греффе въ Берлинѣ на счетъ болѣзни глазъ и, наконецъ, представлялся императору Александру II и другимъ членамъ Царской Семьи въ Вильдбадѣ.

Лишь послѣ вторичной выставки своей главной картины въ Римѣ для великой княгини Елены Павловны и дѣтей великой княгини Маріи Николаевны—первый разъ она была выставлена для вдовствовавшей императрицы Александры Ѳеодоровны,—Ивановъ рѣшился въ 1858 г. послать ее въ Петербургъ на счетъ Великой Княгини, а самъ—съѣздить съ братомъ черезъ Грецію въ Палестину. Однако и на этотъ разъ поѣздкѣ на Востокъ не удалось осуществиться; въ началѣ мая того же года онъ окончательно оставилъ Римъ и черезъ Парижъ и Кельнъ пріѣхалъ со своей картиной въ Гамбургъ, гдѣ долженъ былъ ждать великую княгиню Ольгу Николаевну, обѣщавшую доставить его на военномъ пароходѣ изъ Киля въ Россію. Но тутъ у него сдѣлалось такое сильное кровотеченіе носомъ, сопровождавшееся къ тому же обморокомъ, что ему пришлось отложить свой отъѣздъ на нѣкоторое время и потомъ отправиться уже одному, черезъ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ совѣтоваться съ С. П. Боткинымъ и другими русскими докторами, и Штеттинъ—въ Петербургъ. На родинѣ Иванова встрѣтили новыя невзгоды: не смотря на радушный пріемъ со стороны Высочайшихъ Особъ, ему сильно не везло въ дѣлѣ представленія картины Государю Императору такъ, какъ онъ того бы хотѣлъ, и затѣмъ пріобрѣтенія ея Его Величествомъ.

Не мало равнодушія и противодѣйствія видѣлъ онъ въ этомъ случаѣ какъ разъ со стороны своихъ же собратьевъ художниковъ, особенно принадлежавшихъ къ высшей академической іерархіи. Подъ вліяніемъ послѣднихъ появилась даже, по случаю выставки картины въ Академіи Художествъ, послѣ представленія ея Государю въ Зимнемъ Дворцѣ, неблагопріятная для Иванова статья художника Толбина въ «Сынѣ Отечества», не мало его огорчившая. Но за то въ немъ стали принимать близкое участіе, кромѣ остававшихся еще въ живыхъ прежнихъ его друзей, Чернышевскій, къ которому онъ обращался съ просьбой о переводѣ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ текстовъ, необходимыхъ для его дальнѣйшихъ работъ, Кавелинъ, Стасовъ, архитекторъ Горностаевъ и др. Въ хлопотахъ о дальнѣйшей участи своей картины Ивановъ, и такъ не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, окончательно истощилъ свой организмъ, поэтому малѣйшихъ холерическихъ припадковъ въ соединеніи съ легкой простудой было достаточно для того, чтобы свести его въ могилу. Онъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни 3 іюля 1858 г. и, при большомъ стеченіи народа, похороненъ былъ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.

Знаменитая картина его пріобрѣтена была уже послѣ его смерти за 15,000 р. покойнымъ императоромъ Александромъ II и пожалована Его Величествомъ Московскому Публичному и Румянцевскому Музею, куда поступили впослѣдствіи, по завѣщанію С. А. Иванова, и всѣ альбомы его брата (свыше 50-ти), заключающіе въ себѣ его академическіе рисунки, этюды и эскизы для разныхъ картинъ, наброски со старыхъ мастеровъ и, наконецъ, композиціи изъ Новаго и Ветхаго Завѣта (около 330), а также всѣ черновые оригиналы его писемъ и замѣтокъ. Послѣ Московскаго музея наибольшее количество эскизовъ и этюдовъ А. Иванова находится у П. М. Третьякова въ Москвѣ (до 70-ти) и у М. П. Боткина въ Петербургѣ (до 80-ти). Всего же насчитывается его работъ свыше 400 масляными красками и свыше 600 рисунковъ.

Произведенія его изданы такъ, какъ не изданы произведенія ни одного другого нашего художника: различные снимки съ его картинъ разошлись въ десятkахъ тысячъ экземпляровъ, оставшіеся послѣ него его эскизы и карандашные наброски, по которымъ онъ мечталъ расписать особое изданіе, воспроизведены въ точнѣйшихъ хромолитографіяхъ Германскимъ Археологическимъ Институтомъ, на средства, завѣщанныя его братомъ. Много сдѣлали для оцѣнки Иванова Стасовъ и Крамской; о немъ писали и ранѣе—Гоголь, Шевыревъ, Чижовъ, Герценъ, Чернышевскій и др. — Но русское общество еще не оцѣнило вполнѣ по заслугамъ этого великаго художника, котораго можно поставить на ряду съ самыми выдающимися художественными дѣятелями послѣдняго столѣтія. Ивановъ испыталъ участь общую всѣмъ истиннымъ реформаторамъ и остался непонятымъ современниками и даже ближайшимъ потомствомъ. Быть можетъ, наслышавшись слишкомъ много о картинѣ Иванова, ждали отъ него больше, чѣмъ дало его произведеніе, глубоко задуманное и прекрасно исполненное, но не блестѣвшее колоритомъ, который часто всего болѣе дѣйствуетъ на публику; можетъ быть и самыя требованія становились уже другими — но этому и способствовалъ всего болѣе самъ А. А. Ивановъ, который всю свою дѣятельность посвятилъ на освобожденіе русскаго искусства отъ рутинныхъ пріемовъ и постоянно пробивалъ дорогу къ новымъ горизонтамъ.

Это и было главное достоинство созданій Иванова — именно стремленіе освободить искусство отъ условныхъ формъ и приблизить его къ истинной природѣ передачею изображаемыхъ событій со всею возможною правдивостію, при дѣйствительной обстановкѣ и настоящемъ движеніи дѣйствующихъ лицъ. Главный недостатокъ его картинъ—нѣкоторое отсутствіе колорита въ общемъ, при сравнительно изящномъ письмѣ частями. Ивановъ думалъ, что идеи современной цивилизаціи можно соединить съ техникой итальянскихъ мастеровъ XVI вѣка, съ Рафаэлемъ во главѣ, и, понятно, нѣсколько ошибался въ этомъ. Оттого акварельныя и карандашныя композиціи его изъ Священнаго Писанія, гдѣ нѣтъ уже этого недостатка извѣстной пестроты, могутъ быть поставлены во всѣхъ отношеніяхъ выше его работъ масляными красками, превосходя послѣднія даже и въ исторической вѣрности. Что касается взглядовъ Иванова на окружающее, то рѣшительный переворотъ въ

немъ произвелъ 1848 г. (но не въ томъ смыслѣ, какъ объяснялъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о нашемъ художникѣ), хотя еще задолго до того онъ высказывалъ въ письмахъ и замѣткахъ не мало передовыхъ по тому времени сужденій по всевозможнымъ вопросамъ, особенно же по художественной части. Онъ первый, напр., указывалъ на важность построить особое помѣщеніе съ верхнимъ свѣтомъ, чего еще тогда нигдѣ не было, для произведеній отечественнаго искусства, при чемъ, по его проекту, оно должно было служить и для всякихъ другихъ художественныхъ цѣлей (1833); онъ едва ли не первый поднялъ голосъ объ устарѣлости устава Академіи Художествъ, о необходимости полной независимости для художника и вредѣ всякихъ внѣшнихъ отличій для него (1836), о превращеніи содержимыхъ на жалованьи преподавателей художествъ въ простыхъ чиновниковъ, наконецъ, о важности изученія для русскаго искусства его предшественниковъ въ славянскихъ земляхъ (1846) и т. п. Въ одномъ только Ивановъ оказывался не выше окружавшихъ его — это въ дѣлѣ почти полнаго отрицанія современнаго жанра; но послѣднее можетъ быть объяснено вліяніемъ полученнаго имъ строго-классическаго художественнаго образованія.

«А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка» 1806—1858, изд. М. Боткина, Спб. 1880, 8°, XXXIX+477+XI стр., съ 12 фототипіями и гравюрами съ произведеній Иванова и его портретомъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. Собко и съ біографіей, написанной М. Боткинымъ; тутъ указана и вся предшествовавшая литература объ Ивановѣ; «Н. В. Гоголь и А. А. Ивановъ, ихъ взаимныя отношенія», Е. Некрасовой, («Вѣстн. Европы» 1883, дек., 611 — 657). «Собр. соч. В. В. Стасова», Спб. 1892: «Живописецъ А. А. Ивановъ», біографическій очеркъ, «25 лѣтъ русск. искусства», «Еврейское племя въ созданіяхъ искусства», гл. IV и VIII, «Письма изъ чужихъ краевъ»,—объ эскизахъ Иванова; «Русскія иллюстраціи къ Библіи и Евангелію», его-же («Сѣв. Вѣст.» 1888, кн. 8). «И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи 1837—1887», изд. А. Суворина, Спб. 1888, стр. 647—666; «Рус. Худож. Арх.», 1892, вып. I—IV, «Письма А. И. Иванова къ сыну»—весьма важный матеріалъ, показывающій, какое громадное вліяніе имѣлъ отецъ на А. А. Иванова. *Н. Собко.*

Ивановъ, *Александръ Владиміровичъ*, докторъ медицины, профессоръ, изъ мѣщанъ таврической губерніи, род. въ 1836 г. умеръ 15 октября 1880 г. въ Ментонѣ. Кончивъ Курскую гимназію, поступилъ въ Московскій университетъ. По окончаніи университета въ 1859 г., страдая кровохарканіемъ, уѣхалъ лѣчиться за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался офтальмологіею. Посѣтивъ Вюрцбургъ, Гейдельбергъ, Висбаденъ и Вѣну, въ 1867 г. получилъ степень доктора медицины въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Въ томъ-же году назначенъ ординаторомъ въ глазное отдѣленіе Кіевскаго военнаго госпиталя и командированъ на два года за границу. Въ 1869 г. занялъ въ Кіевскомъ университетѣ вновь учрежденную кафедру офтальмологіи съ званіемъ экстра-ординарнаго профессора, а съ 1875 г. и ординарнаго. Ученая дѣятельность Иванова была сосредоточена, главнымъ образомъ, на нормальной и патологической анатоміи глаза и въ этой области его заслуги громадны. Своими изслѣдованіями онъ не только обогатилъ скудныя свѣдѣнія по анатоміи глаза, но и впервые указалъ на многія патологическія измѣненія при его заболѣваніяхъ. Извѣстный патолого-анатомъ въ области глаза, профессоръ Гейдельбергскаго университета Беккеръ, еще въ 1870 г. сказалъ на лекціи, что А. В. Ивановъ одинъ сдѣлалъ для патологической анатоміи глаза больше, чѣмъ всѣ остальные изслѣдователи взятые вмѣстѣ. Подъ его руководствомъ, между прочимъ, занимался и извѣстный окулистъ, герцогъ Карлъ Теодоръ баварскій. Труды А. В. Иванова по медицинскимъ вопросамъ публикованы на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Змѣевъ, «Русск. врачи писат.»; Иконниковъ, «Біогр. слов. проф. Кіев. унив.»; «Клинич. газета» Боткина, 1881 г., № 14, тетр. 4.

Ивановъ, *Александръ Ивановичъ*, род. 27 октября 1820 года, умеръ 13 февраля 1890 г. Уроженецъ Олонецкой губерніи, самоучка, съ 13-ти лѣтъ начавшій канцелярскую службу (въ Петрозаводскѣ, въ Губернскомъ правленіи), Ивановъ еще юношей проявилъ любовь къ исторіи и народной литературѣ, рѣдкую для провинціальнаго чиновника 30-хъ и 40-хъ годовъ. Начиная съ 1841 г., Ивановъ, состоявшій съ 1840 г. корректоромъ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей, печаталъ въ нихъ древніе акты и статьи историческаго и географическаго содержанія, касающіеся олонецкаго края. Съ 1845 г. по 1864 г. Ивановъ былъ редакторомъ названныхъ вѣдомостей и постоянно старался пробудить въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ старинѣ и со-

временному положенію роднаго края. Еще въ 1845 г., когда въ томъ краѣ никто даже не подозрѣвалъ богатства и цѣнности народной литературы, особенно эпоса, Ивановъ въ одной статьѣ (Олон. вѣд., № 34) обращался къ мѣстной интеллигенціи съ просьбой собирать народныя пѣсни и присылать ихъ для помѣщенія въ губернской газетѣ. Въ 1866—1887 г. А. И. Ивановъ занималъ должность секретаря Олонецкаго статистическаго комитета и старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Онъ исполнилъ отлично множество работъ по составленію статистическихъ таблицъ, «Списка населенныхъ мѣстъ» для Центральнаго статистическаго комитета, всеподданнѣйшихъ отчетовъ и издалъ подъ своей редакціей «Памятныя книжки олонецкой губерніи» на 1867 и 1868 гг. (подъ его же редакціей изданы «Книжки» на 1858 и 1860 года) и два выпуска «Олонецкаго сборника» (Петроз., 1875, 1886 г.). Сверхъ того онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ въ Петрозаводскѣ въ 1873 г. Естественно-промышленнаго и историко-этнографическаго музея и составилъ первый каталогъ этого собранія. По порученію олонецкаго губернатора Г. Г. Григорьева Ивановъ разрабатывалъ разные вопросы, касавшіеся экономическаго развитія олонецкаго края (напр. «объ устройствѣ между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ соединительнаго пути» и др.). А. И. Ивановъ владѣлъ перомъ и обладалъ способностью дѣльно писать обо всемъ. По характеру это былъ человѣкъ въ высшей степени скромный, который дѣлалъ больше, чѣмъ говорилъ и нерѣдко многое за другихъ.

«Указатель къ Олон. губ. вѣдомостямъ 1838—1880 г.» К. М. Петрова; «Указатель къ памятнымъ книжкамъ Олонецкой губерніи» (Олон. Сборникъ, вып. I). Некрологъ—Олон. губ. вѣд. 1890 г. № 14. *А. Воронов*ъ.

Ивановъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, профессоръ архитектуры. Род. въ 1749 г., умеръ въ 1802 г. Сынъ флотскаго коммиссара, опредѣленъ въ Академію Художествъ, въ архитектурный классъ въ 1757 г. По прохожденіи полнаго курса и полученіи серебряныхъ и золотыхъ медалей за проекты: церкви (30 іюня 1763), внутреннихъ украшеній академическаго зданія (10 іюля 1766 г.) и училища на 150 человѣкъ (5 іюля 1767), онъ былъ выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степени и отправленъ пенсіонеромъ за границу. Во время своего шестилѣтняго пребыванія тамъ Ивановъ занимался у профессора королевской академіи Дюмона и Контана въ Парижѣ, а съ 1771 г. самостоятельно работалъ въ Римѣ. Возвратясь въ отечество, онъ получилъ академическія званія: назначеннаго—за проектъ «увеселительнаго дома» (2 сентября 1773), вмѣстѣ съ опредѣленіемъ на службу при академіи, и академика—за проектъ «публичнаго театра» (17 октября 1776). Первые годы по возвращеніи въ Петербургъ Ивановъ имѣлъ занятія по постройкамъ у камергера Ѳ. И. Балка, гр. И. И. Шувалова и гр. З. Г. Чернышева, а 22 марта 1778 г. былъ назначенъ преподавателемъ въ классѣ перспективы и, наконецъ, 2 сентября 1779 года утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора. Возведенный въ профессора, вышелъ въ 1789 г. въ отставку по слабости зрѣнія, строилъ еще нѣкоторое время у оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина; умеръ въ крайней бѣдности. Изъ его многочисленнаго семейства двое сыновей—Иванъ и Павелъ были также художниками.

Архивъ Имп. Ак. Худ. дѣла 1774, № 68, и 1789, № 18.—«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему, Л. Е. Юндолова. *Н. С.*

Ивановъ, *Алмазъ*, дьякъ, дѣлецъ царствованія царей Михаила и Алексѣя, умеръ 27 апрѣля 1669 г. Съ 1640 г. по 1660 г. былъ дьякомъ Казеннаго Приказа, съ 1645 по 1660 сидѣлъ въ Новгородской Чети, съ 1646 по 1666 сидѣлъ въ Посольскомъ Приказѣ, которымъ съ 1654 г. и управлялъ, получивъ 18 сентября 1654 г. званіе думскаго дьяка; въ 1654—1668 управлялъ Печатнымъ Приказомъ, получивъ въ 1688 г. званіе печатника; въ 1655 г. былъ въ Монастырскомъ Приказѣ, въ 1663 г. въ приказѣ Большаго Прихода, въ 1665 г. въ приказѣ Большаго Дворца; въ 1651—53 г. ѣздилъ въ посольствѣ къ Яну Казиміру съ жалобами на умаленіе царскаго титула и съ требованіями, чтобы была уничтожена унія, чтобы исполнялся Зборовскій договоръ и чтобы были наказаны виновные въ умаленіи царскаго титула; ѣздилъ посломъ въ Польшу еще въ 1658, 1662 и 1664 гг., принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ патріарха Никона. По словамъ Олеарія, который, подобно многимъ другимъ посламъ, былъ

въ близкихъ отношеніяхъ къ А. Иванову, онъ былъ «человѣкъ тонкій, способный, одаренный яснымъ умомъ и твердою памятью» и хорошо зналъ персидскій и турецкій языки.

Др. Рос. Вивліоѳ., XX; Акт. Ист., I—IV; Акты арх. эксп., III, IV; Доп. къ акт. ист., III—VIII; Рус. Ист. Библ., X; Памят. дипл. сношъ., IV, V, VIII, X; Соловьевъ, X, XI, XII; Лихачевъ, «Разр. дьяки XVI в.», Олеарій, въ перев. Барсова, 311.

Ивановъ, *Андрей Ивановичъ*, профессоръ исторической и портретной живописи. Род. 18 декабря 1772 г. въ Москвѣ, умеръ 12 іюля 1848 г. въ Петербургѣ отъ холеры. Сынъ неизвѣстныхъ родителей, онъ былъ принятъ въ Академію Художествъ изъ Воспитательнаго дома въ 1779 году и былъ ученикомъ извѣстнаго Угрюмова. Награжденный, при окончаніи курса, двумя серебряными медалями въ 1795 и 1796 гг. и первою золотою за «Жертвоприношеніе Ноево» въ 1797 г., онъ получилъ, вмѣстѣ съ аттестатомъ 1-й степени и званіемъ художника 14-го класса, право на заграничное пенсіонерство, но по обстоятельствамъ того времени не могъ быть отправленъ въ чужіе края и потому, оставшись въ Петербургѣ и обзаведясь семьей, поступилъ преподавателемъ рисованія въ Академію (1798). Въ 1800 г. онъ признанъ «назначеннымъ въ академики», въ 1802—академикомъ за исполненіе программы «Адамъ и Ева по изгнаніи изъ рая» и зачисленъ въ адъюнкты-профессоры, въ 1806 г. назначенъ совѣтникомъ и профессоромъ—за исполненіе программы «Сраженіе русскаго воина Мстислава Удалого съ печенѣгомъ Редедею» (1812, находится теперь въ Эрмитажѣ); наконецъ въ 1812 г. онъ былъ помѣщенъ на вакансію младшаго профессора живописи. Сдѣлавшись впослѣдствіи старшимъ профессоромъ, вышелъ въ отставку въ 1831 г.; онъ успѣлъ образовать не мало хорошихъ художниковъ, въ томъ числѣ извѣстныхъ К. Брюлова и Александра Иванова—своего старшаго сына. Андрей Ивановъ всегда считался художникомъ съ дарованіемъ, старательнымъ, трудолюбивымъ и весьма полезнымъ въ качествѣ преподавателя, но обращалъ на себя вниманіе не столько своими произведеніями, сколько академическою службою. Главными его работами были образа для церквей Михайловскаго замка («Моленіе о чашѣ»), Конногвардейскаго полка (1803), больницы для бѣдныхъ—половина иконостаса и запрестольный образъ «Воскресеніе Христово» (1804), Казанской Божіей Матери (10 мѣстныхъ образовъ 1804—12), Конюшеннаго вѣдомства (сѣверныя и южныя двери въ иконостасѣ съ двумя образами надъ ними, 1823), русской миссіи въ Пекинѣ (14 образовъ для иконостаса и плащаница, 1823), Измайловскаго полка (плащаница), Спаса Преображенія (6 образовъ съ изображеніями 12-ти апостоловъ и 4-хъ московскихъ святителей), 1-го Карабинернаго полка (запрестольный образъ «Снятіе со Креста» и 4 мѣстныхъ)—всѣ 1826—30 гг., а также для соборовъ: Александровскаго въ Варшавѣ «Преображеніе Господне» и «Сошествіе Св. Духа» (1835—36), Сіонскаго въ Тифлисѣ: «Пророкъ Моисей» (1836—37) и для церкви Академіи Художествъ («Положеніе во гробъ» и «Малая плащаница» 1837—38). Кромѣ того, имъ исполнены были: «Парящая Аѳина», альфреско на стѣнѣ чугунной лѣстницы въ Академіи Художествъ, эскизъ «Благодарность Христу одного прокаженнаго изъ 10-ти исцѣленныхъ» и историческія картины «Смерть Генерала Кульнева» (1827) и «Петръ Великій» (1837—1838), проектъ памятника императору Петру I въ Полтавѣ (1845—46) и проч. Наконецъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ есть еще историческая картина «Смерть Оивскаго вождя и друга Эпаминондова Пелопида» и два портрета—художника и его жены въ видѣ весталки, работы Андрея Иванова; въ залѣ же засѣданій Академическаго Совѣта сохраняется поколѣнный портретъ его въ натуральную величину, писанный И. С. Бугаевскимъ-Благодарнымъ на званіе академика въ 1824 г.—Чрезвычайно любопытныя письма его къ сыну, А. А. Иванову, заключающія цѣнныя данныя о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, напечатаны къ «Русск. Худож. Арх.», за 1892 г.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Ак. Худ.», П. Н. Петрова, т. I и II и «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова. «Журналъ изящныхъ искусствъ», В. И. Григоровича 1823, 36 и 424—426. «Отчеты Акад. Худ.»: 1828—30, 1836—37, 1837—38, 1842—43 и 1845—46 гг. «Каталогъ карт. галлереи Имп. Ак. Худ.» А. И. Сомова, 1872, I, 163; А. П. Новицкій, «Худож. галлерея Моск. Публ. и Румянц. Музея», 1889 г. 158. *Н. Собко.*

Ивановъ, *Андрей*—въ 1590 г. подьячій, съ 1598 г. дьякъ Новгородской Четверти. Въ 1606—1610 гг. дьякъ Казанскаго Дворца,

въ 1607—1609 и 1613—1615 дьякъ Новгородской Четверти. Будучи подьячимъ, въ 1590—1592 гг. состоялъ гонцомъ въ Литвѣ и свои доношенія писалъ «вязью, литореею и новою азбукой», заимствованной у австрійскаго посла. Въ 1598 г. велъ переговоры съ Шилемъ (посломъ императора). Въ 1601 г. съ кн. Григоріемъ Волконскимъ ѣздилъ посломъ къ Казы-Гирею. Въ 1604 г. ѣздилъ въ Грузію для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, въ 1606 г. опять съ кн. Григоріемъ Волконскимъ ѣздилъ въ Польшу съ извѣщеніемъ о смерти Лжедимитрія; это посольство испытывало отъ поляковъ много непріятностей; въ 1612 г. онъ подписывалъ нѣкоторыя грамоты князя Пожарскаго изъ Ярославля.

Акты Археогр. Эксп., тт. I, III; Акты Истор., тт. I, II, III; Др. Рос. Вивл., т. XX; Соловьевъ, т. VII, VIII, IX; Карамзинъ, т. X, XI, XII.

Ивановъ, *Антонъ Андреевичъ*, академикъ скульптуры. Род. въ 1815 г., умеръ въ 1848 г. Сынъ коммиссіонера 12-го класса, онъ принятъ былъ въ Академію Художествъ въ 1824 г., а въ 1831 г. назначенъ къ профессору живописи Варнеку, потомъ къ профессору скульптуры Гальбергу, подъ руководствомъ котораго и окончилъ свое художественное образованіе, съ званіемъ художника 14-го класса и двумя серебряными и двумя золотыми медалями, присужденными ему за барельефы: «Пигмаліонъ и Галатея» (1833), «Построеніе ковчега», «Іоаннъ Креститель, проповѣдующій въ пустынѣ» (1836) и за статую «Играющій въ городки» (1839). Затѣмъ онъ вылѣпилъ бюсты Безсонова (1831), Мальгина, оберъ священника Муромскаго (1837), адмирала Шишкова, Эртеля (1839) и друг., статую «Муза исторіи Кліо» для памятника Карамзину въ Симбирскѣ (1840, вмѣстѣ съ Ставассеромъ), барельефъ для Исаакіевскаго Собора «Христосъ передъ Пилатомъ», (1841); въ Римѣ онъ вылѣпилъ барельефъ для надгробнаго памятника С. Ѳ. Щедрину и статуи «Парисъ», «Ломоносовъ рыбакомъ», (1843—1844, обѣ въ Эрмитажѣ) и «Негръ, убивающій змѣю камнемъ», за которыя и возведенъ былъ въ званіе академика (27-го сентября 1846), и наконецъ по возвращеніи въ Россію,—проектъ памятника графу Платову въ Новочеркасскѣ (1846—1847) и барельефы для храма Спасителя въ Москвѣ: св. Марія Магдалина, великомученица Екатерина, модели, изображающія Іоанна Крестителя, Григорія Двоеслова, мучениковъ Лавра и Хрисанфа, Сергія Радонежскаго и другихъ (1847—1848), исполненныя изъ мрамора, за его смертью, Логановскимъ. — Подобно произведеніямъ большинства скульпторовъ того времени и его работы, при всемъ ихъ хорошемъ исполненіи, отличались академической холодностью.

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II и III, и «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова; «Указатели выставокъ А. Х.» 1833, 1836, 1839 и 1842 г.; «Отчетъ А. Х.» 1846—1847 г.; «Худож. Газета» Струговщикова 1841, № 12, 4—5; «Указатель наход. въ А. Х. произведеній», Е. Фишера, 1842, подъ буквою И.

Н. С.

Ивановъ, *Ардальонъ Васильевичъ*, род. въ 1805 г. Окончилъ курсъ въ Горномъ корпусѣ и Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ служилъ въ департаментѣ полиціи, съ 2 мая 1829 г. преподавалъ въ Горномъ корпусѣ латинскій языкъ, а потомъ и въ Училищѣ Правовѣдѣнія (съ 1835 года) русскій и латинскій языки. Вышелъ въ отставку въ 1853 году. Издалъ «Начальныя правила латинской этимологіи» (1832), «Русскую грамматику» (1834, выдержала 19 изданій), христоматію «Русскій міръ» (1869), «Описаніе русскаго государства въ географическомъ и статистическихъ отношеніяхъ» (1836), кромѣ того нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ и передѣланныхъ съ французскаго пьесъ. Въ «Современникѣ» за 1859 годъ (т. 76) напечатаны его «Воспоминанія о воспитаніи въ Горномъ корпусѣ». Перепечатаны съ нѣкоторыми измѣненіями въ книгѣ: «Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горнаго института» (Спб. 1873 г.).

Формуляры въ Гор. Кор. и Уч. Правовѣд.; Геннади, «Словарь».

Ивановъ, *Архипъ Матвѣевичъ*, академикъ скульптуры. Род. въ 1749 г., умеръ 28 сентября 1821 г. въ Петербургѣ. Сынъ солдата Семеновскаго полка, онъ былъ принятъ въ Академію Художествъ по прошенію 3 августа 1762 г. вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Михаиломъ и, по полученіи двухъ серебряныхъ медалей за рисунки (3 января 1766 и 11 мая 1769), исполнилъ барельефъ «Крещеніе великой княгини Ольги въ Константинополѣ» въ видѣ программы на большую золотую медаль, которую и получилъ 30 іюля 1770 г. вмѣстѣ съ аттестатомъ на званіе художника и правомъ на заграничное пенсіонерство. Посланный въ чу-

жіе края на 6 лѣтъ, онъ прибылъ въ Парижъ 7 октября того же года и, по опредѣленію тамошней академіи, поступилъ къ извѣстному профессору Пажу. Послѣдній рекомендовалъ нашему художнику рисовать и лѣпить то съ картинъ и гравюръ знаменитыхъ мастеровъ для изученія композиціи и драпировокъ, то съ моделей, поставленыхъ профессорами въ королевской академіи, а потомъ дѣлать бюсты и фигуры съ натуры. Но вскорѣ Ивановъ сильно заболѣлъ ревматизмомъ, прохворалъ цѣлый годъ и поправился только въ Римѣ, куда поѣхалъ 19 іюня 1773 г. Тамъ онъ снова принялся за рисованіе и лѣпленіе съ антиковъ и съ натуры въ Капитолійской академіи, а 23 ноября просилъ нашу Академію выслать ему его программу на золотую медаль для исполненія ея изъ мрамора, чтобы ознакомиться съ техникой этого мастерства, и 26 августа 1774 г. приступилъ къ этой работѣ. Это было первое произведеніе изъ мрамора, исполненное русскимъ художникомъ, и единственная дошедшая до насъ оригинальная работа Иванова, оконченная имъ въ 1775 г. Возведенный 17 октября 1776 г. въ званіе «назначеннаго» за сдѣланную въ Парижѣ въ 1772 г. копію въ гипсѣ со статуи Пажу «Плутонъ», онъ былъ произведенъ въ академики (7 октября 1777 г.) за аллегорическую фигуру изъ алебастра «Городъ Петербургъ, торжествующій побѣды»; до этого времени имъ были выполнены еще два барельефа въ Римѣ: «Время, держащее медаль съ изображеніемъ Екатерины II, и Исторія, записывающая достопамятныя дѣла Ея, сидя на облакахъ и будучи окружена геніями, изображающими различныя художества, съ трубящей славой» и «Геній художества, держащій вензель своего покровителя и любующійся имъ» (1774). Вернувшись въ Петербургъ (6 іюля 1776) и не видя большаго успѣха своихъ произведеній въ обществѣ, Ивановъ оставилъ художественное поприще и опредѣлился переводчикомъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ (1778), по азіатскому департаменту, гдѣ и дослужился до чина статскаго совѣтника. Памятникомъ его дѣятельности за время службы въ коллегіи остается изданный имъ переводъ итальянской книги «Понятіе о современномъ живописцѣ» (С.-Петербургъ, 1789).

Архивъ Имп. Ак. Худ., дѣла 1773, № 139; 1774, № 129; 1775, № 69; 1776, №№ 54 и 68; 1795, № 33, стар. описи; «Сб. матер. для ист. Имп. Акад. Худ.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова. *Н. Собко.*

Ивановъ, *Василій Ивановичъ*, граверъ на мѣди. Род. въ 1773 г., умеръ въ сентябрѣ 1806 г. Принятый въ Академію Художествъ въ 1779 г. изъ вольноотпущенныхъ, онъ окончилъ курсъ съ большой серебряной медалью и званіемъ художника 1 степени 21 октября 1794 г., а съ 1 января 1795 г. былъ опредѣленъ помощникомъ преподавателя въ классъ гравированія; въ августѣ 1796 г. перешелъ на службу въ Академію Наукъ и занимался гравированіемъ географическихъ картъ и другими работами для изданій Академіи; ранѣе же онъ награвировалъ портреты: архимандрита Іоанна Рагича—для греческой типографіи къ его «Исторіи Славянскихъ народовъ»—и купца Григорія Ивановича Шелехова — къ его «Странствованію въ 1783 г. изъ Охотска къ американскимъ берегамъ» (1795), а потомъ, съ оригинала М. Шамшина, портретъ купца Филиппа Коспова.

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова; Д. Ровинскій, «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ»; Арх. Имп. Ак. Худ., дѣла 1795 г. № 10, л. 51, стар. описи. *П. С.*

Ивановъ, *Василій Ивановичъ*, священникъ, род. въ 1776 г., умеръ 1 сентября 1817 г. Сынъ священника Петербургскаго уѣзда, обучался въ Александро-Невской академіи. 7 октября 1797 года поступилъ діакономъ въ петербургскій Петропавловскій соборъ, 23 февраля 1804 года рукоположенъ въ священника къ миссіи въ Римъ, но оставленъ при церкви Морскаго кадетскаго корпуса. 8 мая 1806 г. назначенъ въ миссію въ Стокгольмъ; во время войны со Швеціей былъ въ Петербургѣ ключаремъ Петропавловскаго собора. Въ 1812 г. въ іюнѣ, по прошенію, снова былъ назначенъ въ Швецію, гдѣ и умеръ.

Дѣла архива Свят. Синода: 1803 г. № 733; 1805 г. № 730.

Ивановъ, *Василій Игнатьевичъ*, адмиралъ, род. въ 1787 г., умеръ 18 ноября 1872 г. Въ 1804 г. выпущенъ мичманомъ изъ Морского кадетскаго корпуса; въ 1838 году произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1851 въ вице-адмиралы, въ 1861 въ адмиралы; имѣлъ ордена Станислава 1 степени, Георгія за 18 компаній, знакъ отличія за 50 лѣтъ службы. Долгое время былъ начальникомъ

штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта.

«Кронштт. вѣстн.», 1872 № 139.

Ивановъ, *Викторъ Андреевичъ*, полный генералъ, род. 6 ноября 1805 г., умеръ 20 декабря 1883 г. Происходилъ изъ дворянъ петербургской губерніи, окончилъ курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и 22 февраля 1823 г. зачисленъ мичманомъ. Въ 1827 г. участвовалъ въ битвѣ при Наваринѣ и за отличіе награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст.; затѣмъ служилъ въ Кронштадтѣ при штабѣ главнаго командира порта; въ 1852—1857 г. управлялъ низовымъ округомъ корабельныхъ лѣсовъ. 30 августа 1855 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ 21 іюня 1859 г. по кончину состоялъ членомъ Государственнаго Контроля. 30 августа 1880 г. произведенъ въ полные генералы.

Формуляръ въ Государственномъ Контролѣ.

Ивановъ, *Григорій Михайловичъ*, архитекторъ. Род. 5 января 1820 г., умеръ въ 1877 г. Сынъ титулярнаго совѣтника (кажется сынъ скульптора Михаила Ивановича Иванова), онъ былъ принятъ въ Академію Художествъ 15 ноября 1833 г. и, по полученіи 2-й и 1-й серебряныхъ медалей за архитектурныя композиціи (30 апрѣля 1838 г. и 29 апрѣля 1839 г.) и званія художника 14 класса (19 сентября 1839 г.), исполнилъ программы—на вторую золотую медаль «проектъ театральнаго училища» (1839 г.) и на первую—«проектъ театра на 1500 человѣкъ въ столицѣ» (1841 г.); 25 сентября 1850 г. былъ возведенъ въ званіе академика—«за искусство и познанія, доказанныя извѣстными трудами и многими, произведенными по собственнымъ проектамъ, строеніями». Въ 1846 г. онъ представилъ въ Академію для напечатанія на казенный счетъ «Записки объ исторіи архитектуры», которыя совѣтъ поручилъ разсмотрѣть профессору Кузьмину. Въ 1859—1860 гг. онъ былъ астраханскимъ губернскимъ архитекторомъ, въ 1860 — 1864 г.г. служилъ при Коммиссаріатскомъ департаментѣ по ремонту госпитальныхъ зданій, въ 1864—1866 г.г.—въ главномъ интендантскомъ управленіи Военнаго министерства. Въ это время Г. М. Ивановъ составилъ дополненія къ «Урочному положенію» на всякаго рода строительныя работы, а такъ-же десятичныя таблицы для составителей смѣтъ и вѣдомостей по производству оптовыхъ работъ, возвелъ нѣсколько большихъ частныхъ домовъ—преимущественно на Васильевскомъ островѣ и на Петербургской сторонѣ (1865—1874), и составилъ еще проекты: церкви на 300 человѣкъ для гор. Плоцка—по порученію намѣстника Царства Польскаго, графа Ѳ. Ѳ. Берга, дворца для Августѣйшаго Намѣстника Кавказа въ Тифлисѣ (по конкурсу), сельскихъ школъ примѣнительно къ полосамъ, матеріаламъ и климатамъ Россіи — по Высочайше одобренной программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (3 проекта по конкурсу), и проекты нѣкоторыхъ частныхъ домовъ.

Архивъ И. А. Х., дѣло 1846, № 113.—«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II и III, «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова; «Отчеты И. А. Х.» за 1860—74 г.г.

Н. Собко.

Ивановъ, *Григорій Ѳаддѣевичъ*, граверъ на мѣди, род. въ 1755 г., умеръ 18 марта 1778 г. Воспитанникъ Академіи Художествъ (съ 21 августа 1766 г. по 17 мая 1773 г.), онъ оставилъ послѣ себя изображенія великихъ князей Рюрика и Игоря (1769 г.), двѣ фигуры—колониста и голландской шинкарки во вкусѣ Міериса (1770 г.), «Водопадъ» съ картины Дидриха (за эту работу въ 1772 г. получилъ 2 серебряную медаль), неоконченный портретъ ген.-фельдм. кн. А. М. Голицына, «Явленіе ангеловъ пастырямъ» съ картины А. Коллони (за эту работу получилъ въ 1773 г. вторую золотую медаль); въ алфавитѣ къ «Подробному словарю русскихъ гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго Г. Ѳ. Иванову приписанъ портретъ артиста Императорскихъ театровъ А. С. Яковлева; но Яковлевъ выступилъ на сцену только въ 1794 г.

Архивъ И. А. Х. дѣла 1774 г., № 8, 1778 г., № 5, и рукописный каталогъ эстамповъ 1777 г.; Nagler, «Künstler-Lex.», VI, 515. *Н. С.*

Ивановъ, *Дмитрій Ивановичъ*, живописецъ, род. въ 1782 г., умеръ послѣ 1828 года. Воспитывался въ Академіи Художествъ, былъ ученикомъ профессора Г. И. Угрюмова и получилъ 1 сентября 1805 г. вторую золотую медаль за исполненіе заданной гр. С. О. Потоцкимъ программы «Мужественный подвигъ патріарха Никона при укрощеніи народнаго бунта». Въ мартѣ 1806 г. исполнилъ программы: «Пріемъ Владиміромъ Мономахомъ въ Кіевѣ греческихъ пословъ съ царскимъ

вѣнцомъ Константина Мономаха и другими драгоцѣнностями» и, по предложенію гр. Потоцкаго, «Сцена изъ Русской Правды»; за выдачей, однако, всѣхъ первыхъ золотыхъ медалей, ему дана была 1 сентября опять вторая золотая медаль за первую изъ этихъ картинъ и вторая и первая серебряныя медали за рисунки съ натуры. Въ мартѣ 1807 г. ему задана была на первую золотую медаль программа: «Отказъ Седраха, Мисаха и Авденаго поклониться поставленному Навуходоносоромъ кумиру», а въ мартѣ 1803 г.—«Врученіе пустынникомъ Ѳеодосіемъ Борецкимъ меча Ратмира юному вождю новгородцевъ Мирославу, назначенному Марѳой Посадницей въ мужья своей дочери Ксеніи»; но ему объявлена была лишь похвала за полученіемъ имъ уже 2-й золотой медали (1 сентября), съ выдачей аттестата объ окончаніи курса. Не получивъ первой золотой медали и за картину «Марѳа Посадница» (находится въ Эрмитажѣ), Ивановъ уѣхалъ изъ Петербурга и умеръ, кажется, въ провинціи. Можетъ быть имъ гравированы были пунктиромъ портреты: И. И. Хемницера, съ рис. И. Иванова (при «Баснях» и сказкахъ», изд. 1820 г.), кн. И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго, съ ориг. Доу и гр. П. Х. Витгенштейна (оба для книги «Спасаемая Грецiя» 1829).

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I; «Указатель» къ нему Юндолова; «Каталогъ Имп. Эрмитажа», 1863 г.; Д. Ровинскій. «Подробный словарь русс. гравиров. портретовъ». *Н. С.*

Ивановъ, *Дмитрій Ивановичъ*, врачъ, род. въ 1751 году, умеръ 28 марта 1821 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1774 г. былъ подлѣкаремъ въ Московскомъ генеральномъ госпиталѣ. Въ 1775 г. по Высочайшему повелѣнію отправленъ за границу и изучалъ медицину въ Страсбургѣ, гдѣ въ 1780 г. за диссертацію «De origine nervorum intercostalium» получилъ степень доктора медицины. По утвержденіи въ степени Медицинскою коллегіею въ 1781 г. назначенъ врачемъ въ пензенское намѣстничество, въ 1793 переведенъ въ симбирское, въ 1797 назначенъ инспекторомъ пензенской врачебной управы, въ 1799 г. на ту же должность въ Симбирскъ.

Змѣевъ, «Русск. врачи писатели», вып. I.

Ивановъ, *Емельянъ* (иначе Повѣнецкій) расколоучитель, умеръ 23 ноября 1688 г. Въ 1687 г. во время осады Палеостровскаго монастыря Мишенскимъ возбудилъ его защитниковъ къ самосожженію, а самъ ушелъ, по оффиціальнымъ сообщеніямъ—ограбивши казну, по преданію же раскольниковъ—благословленный на дальнѣйшіе подвиги. Въ 1688 г. онъ снова явился поблизости Палеострова, въ Толвуйскомъ погостѣ и, собравъ до 500 человѣкъ, внезапно напалъ 23 сентября на Палеостровскій монастырь, захватилъ тамъ 10 монаховъ и трехъ крестьянъ, бросилъ ихъ въ погребъ, и засѣлъ въ монастырѣ, остальная братія котораго разбѣжалась. Противъ него высланъ былъ изъ Олонца военный отрядъ, встрѣченный съ монастыря выстрѣлами; 23 ноября защитники монастыря подожгли его и всѣ погибли въ пламени.

Акт. Ист., т. III, № 151; Филлиповъ, «Исторія Выговской пустыни», 37—58.

Ивановъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, архитекторъ, род. въ 1747 г., умеръ въ началѣ XIX в. Сынъ флотскаго коммиссара, онъ поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., и въ 1759 г. былъ назначенъ въ архитектурный классъ. Отличаясь хорошими способностями, онъ уже въ 1763 г. получилъ вторую серебряную медаль за проектъ «внутренняго украшенія большой академической залы», а 21 сентября 1765 г.—первую серебряную медаль за архитектурную композицію; 10 іюля 1766 г. онъ получилъ и первую золотую медаль за проекты «внутреннихъ украшеній академическаго зданія», съ назначеніемъ его пенсіонеромъ и съ выдачей ему аттестата первой степени на званіе художника (5 іюля 1767). Посланный за границу, вмѣстѣ со своимъ братомъ А. А. Ивановымъ, И. А. Ивановъ работалъ, какъ и тотъ, у профессора Парижской академіи Дюмона, а затѣмъ занялся въ Римѣ (1770) составленіемъ проекта «лѣтняго дворца государя» для представленія въ Академію; о дальнѣйшей его судьбѣ не сохранилось свѣдѣній.

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.» П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» Юндолова; архивъ Имп. Ак. Худ., дѣло 1772 г., № 45. *Н. С.*

Ивановъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, живописецъ, род. 3 февраля 1779 г., умеръ въ 1848 г. Сынъ профессора Академіи Художествъ, онъ былъ принятъ туда въ 1787, а выпущенъ въ 1798 г. со второю серебряною медалью и съ аттестатомъ на званіе художника. По выходѣ изъ Академіи

рисовалъ и гравировалъ изображенія разныхъ современныхъ событій: «Посѣщеніе императоромъ Александромъ Публичной Библіотеки», «Сцена послѣ Лейпцигской баталіи», «Александръ I при Монмартрѣ», «Слава Россіи» и др. (1812—1816). Онъ былъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки; 5 декабря 1817 г. былъ опредѣленъ смотрителемъ рисовальныхъ классовъ въ Академіи, а 16 сентября 1822 г. возведенъ въ званіе «назначеннаго» по перспективной живописи (вѣроятно за «видъ надворнаго академическаго зданія», бывшій на выставкѣ 1820 г.); въ августѣ 1823 г. ему задано было въ видѣ программы на званіе академика: нарисовать акварелью «перспективный видъ парадной лѣстницы въ Академіи Художествъ» (гравировано въ контурѣ); званія академика онъ удостоенъ былъ лишь 12 октября 1830 г. за исполненіе этой программы (бывшей на выставкѣ 1830 г., находится теперь въ Академіи Художествъ). Находясь на службѣ въ Академіи, И. А. Ивановъ дѣлалъ рисунки для гравюръ къ разнымъ изданіямъ, отчасти по проектамъ А. Н. Оленина, какъ напр. къ его «Опыту о правилахъ медальернаго искусства» (Спб. 1817), къ «Сочиненіямъ В. А. Озерова» (1817), къ «Баснямъ и сказкамъ И. И. Хемницера» (1820 г.) къ «Баснямъ Ив. Крылова» (1826), къ «Путешествіямъ» Тимковскаго (1827) и Бороздина (1828) и др., составлялъ рисунки покроя и шитья для мундировъ разныхъ вѣдомствъ, рисовалъ модели канделябровъ, вазъ и разныхъ мелкихъ вещей для Императорскаго Стеклянаго завода и для Императорскаго Фарфороваго завода.

Архивъ И. А. Х. дѣла 1820—1835 гг.; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II, и «Указатель», Юндолова; «Отчеты И. А. Х.» за 1835—1840 и 1844—1848 гг.; Рукописный каталогъ И. А. Х., составл. Ухтомскимъ, №№ 363 и 1809; Д. Ровинскій «Подробный словарь русс. гравиров. портретовъ». *Н. С.*

Ивановъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ, род. въ 1764 г., умеръ 10 августа 1828 года. Въ 1779 году началъ службу подпрапорщикомъ въ Новгородскомъ пѣхотномъ полку, въ 1786 году получилъ чинъ прапорщика. Участвовалъ во второй турецкой войнѣ, между прочимъ при бомбардировкѣ и штурмѣ Измаила. Въ 1794 году стоялъ въ Варшавѣ, командуя ротой, и, когда вспыхнуло тамъ возстаніе, успѣлъ собрать свою роту и пробился съ нею изъ города; участвовалъ затѣмъ въ другихъ дѣлахъ противъ конфедератовъ и за штурмъ Праги произведенъ въ капитаны. Въ 1805 г., батальоннымъ командиромъ 8 Егерскаго полка, участвовалъ въ битвахъ при Кремсѣ и при Аустерлицѣ. Произведенный въ апрѣлѣ 1806 г. въ полковники снова въ войнѣ съ Наполеономъ принималъ участіе во многихъ дѣлахъ, получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. и назначенъ шефомъ 10 Егерскаго полка; съ нимъ принималъ участіе съ 1810 года въ турецкой войнѣ, 30 января 1811 г. участвовалъ во взятіи штурмомъ г. Ловчи. Въ 1812 г. былъ назначенъ со своимъ полкомъ въ армію Тормасова и 15 іюня 1812 г. участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кобриномъ, гдѣ русскіе впервые одержали верхъ надъ французами; отличился при отступленіи отъ Пружанъ къ Городечнѣ. Въ бою подъ Березиной 14 ноября 1812 г. былъ тяжело раненъ и, награжденный чиномъ генералъ-майора, на годъ оставилъ армію. Съ августа 1813 г. снова сражался въ составѣ Силезской арміи, былъ назначенъ командиромъ 3-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи и съ корпусомъ графа Воронцова оставался во Франціи до 1818 г. Въ 1826 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, командовалъ 16-ою, потомъ 19-ою дивизіями. Съ началомъ войны 1828 г. Ивановъ принялъ въ ней участіе; въ одномъ изъ дѣлъ подъ Шумлою получилъ тяжелую рану и черезъ недѣлю скончался.

Военная Галлерея Зимняго Дворца, т. III.

Ивановъ, *Иванъ Ивановичъ* (?), живописецъ, неклассный художникъ, род. въ 1824 г., умеръ въ 1869 г. Будучи ученикомъ профессора М. Н. Воробьева, онъ получилъ вторую и первую серебряныя медали (27 сентября 1844 и 13 ноября 1845 г.), исполнялъ программу на вторую золотую медаль, но получилъ (26 сентября 1847 г.) лишь похвалу за свой пейзажъ, исполненный съ натуры. До десяти работъ его находились на академической выставкѣ 1846 г.; всѣ они отличались «спокойной, безъэффектной правдой», особенно же привлекали вниманіе художественной критики «Солнечное утро», «Группа деревьевъ у ручья» и «Озеро при лунномъ освѣщеніи».

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II, и «Указатель» къ нему, Юндоло-

ва; «Указатель выставки въ Император. Акад. Худ.», 1864; «Иллюстрація» Н. Кукольника, 1846, № 16.

Н. С.

Ивановъ, *Иванъ Родіоновичъ*, врачъ, коллеж. совѣт., сынъ чиновника. По окончаніи курса въ Рязанской гимназіи въ 1818 году поступилъ въ Московскій университетъ. Въ 1823 году окончилъ курсъ въ Университетѣ докторантомъ съ серебряною медалью, защитилъ диссертацію на степень доктора медицины «De sangvinis natura et motu», и назначенъ аткарскимъ уѣзднымъ врачемъ. Въ 1824 году 8 іюля для прекращенія появившейся холеры, командированъ въ Астрахань гдѣ и оставался до 19 мая 1825 года. Въ 1830 г. назначенъ инспекторомъ саратовской врачебной управы и выдержалъ въ 1831 г. экзаменъ на это званіе въ Московскомъ университетѣ. Въ 1836 г. уволенъ въ отставку.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I; Геннади, «Словарь».

Ивановъ, *Константинъ Ивановичъ*, военный инженеръ, генералъ - лейтенантъ, членъ Инженернаго комитета, умеръ 2 апрѣля 1887 г. Въ 1843 г., окончивъ курсъ въ Инженерномъ училищѣ, произведенъ въ прапорщики корпуса военныхъ инженеровъ, въ 1844 — 1848 гг. служилъ въ С.-Петербургской и въ Кронштадтской инженерной дистанціи, съ 1848 г. по 1854 г. служилъ въ Западной Сибири; въ 1854 г. переведенъ въ Петербургъ и въ 1856 г. назначенъ адъютантомъ штаба Его Высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Съ этихъ поръ начинается для К. И. Иванова, заслужившаго особое расположеніе генерала Э. И. Тотлебена, рядъ быстрыхъ повышеній. Въ 1862 г. онъ былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ въ лейбъ-гвардію саперный батальонъ; въ 1863 г. получилъ чинъ полковника и въ 1864 г. назначенъ начальникомъ штаба начальника инженеровъ Кавказской арміи, потомъ помощникомъ начальника инженеровъ Кавказскаго округа, въ 1868 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ вновь въ Сибирь, на должность начальника инженеровъ Восточно-Сибирскаго округа; въ 1875 г. съ упраздненіемъ этой должности онъ вернулся въ Европейскую Россію, въ 1876 г. назначенъ помощникомъ начальника Главнаго инженернаго управленія, въ 1881 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ назначенъ членомъ Инженернаго комитета.

Формуляръ въ Главномъ инженерномъ управленіи; некрологъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», за 1887 г., № 75.

Ивановъ, *Ларіонъ Ивановичъ*, думный дьякъ, убитъ 15 мая 1682 г. Въ 1659 г. въ посольствѣ къ венгерскому королю Лихарева и Пескова былъ подьячій и гонецъ Новой Чети Ларіонъ Ивановъ, котораго посылали съ грамотами въ Москву; вѣроятно тутъ мы впервые и встрѣчаемъ того самаго Л. Иванова, который потомъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ дѣльцовъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Въ 1663 г. онъ былъ дьякомъ въ Новой Чети, въ 1665—1666 гг. въ Приказѣ Лифляндскихъ дѣлъ, съ 1665 же по 1668 г.—дьякомъ въ Приказѣ Большаго Дворца и одновременно въ Оружейномъ, при извѣстномъ Б. М. Хитрово и въ то же время въ 1666—1667 гг., со званіемъ дворцоваго дьяка, неоднократно дѣйствовалъ рядомъ съ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ при пріемѣ и угощеніи патріарховъ. Въ 1669 г. онъ являлъ царю бухарскихъ пословъ; въ 1671—1680 гг. сидѣлъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, въ 1672 г. при боярынѣ Хитрово участвовалъ въ церемоніи возведенія патріарха Питирима, и въ 1674 г., уже думнымъ дьякомъ,—въ возведеніи Іоакима. Въ 1673—1675 гг. сидѣлъ въ Устюжской Чети, въ 1675 г.—ѣздилъ приготовлять путь цесарскимъ посламъ. Въ 1676 г., по удаленіи Матвѣева, онъ замѣнилъ его въ Посольскомъ Приказѣ и въ Новгородской Чети, которыми и управлялъ до самой смерти; въ 1678 г. онъ управлялъ еще Лифляндскимъ Приказомъ и въ 1677—1678 гг. сидѣлъ еще въ Приказѣ Малой Россіи; наконецъ, въ 1680 г. онъ былъ въ Приказѣ Холопьяго Суда. Повидимому, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ царя Ѳеодора: онъ докладывалъ ему самыя важныя польскія дѣла. Въ первый же день стрѣлецкихъ бунтовъ, 15 мая 1682 г., онъ былъ изрубленъ стрѣльцами вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Василіемъ.

Др. Рос. Вивл. XX, Акты Ист., IV; Допол. къ Акт. Ист., III, V; Акты Арх. Экспед., IV; Памятн. дипл. сношен. I—V.

Ивановъ, *Левъ Григорьевичъ*, тайный совѣтникъ, начальникъ общаго архива Главнаго штаба, род. 18 января 1805 г., умеръ 4 февраля 1893 г.; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, учился въ

бывшей Петербургской гимназіи, уволенъ изъ 5 класса и вступилъ въ службу 18 мая 1820 г. подканцеляристомъ исполнительной экспедиціи Адмиралтействъ-коллегіи; съ мая 1828 г. по январь 1829 г. былъ въ составѣ походнаго дежурства при Императорской Главной квартирѣ на Дунаѣ. Пройдя затѣмъ послѣдовательно разныя младшія должности, въ 1848 г. принялъ на себя управленіе архивомъ Инспекторскаго департамента (переименованнымъ въ 1866 г. въ общій архивъ Главнаго штаба) и состоялъ въ этой должности 44 года, вплоть до увольненія въ отставку 1 ноября 1892 г. Выдающаяся по продолжительности служба, въ связи съ успѣшнымъ исполненіемъ разныхъ отдѣльныхъ порученій (напр. редактированіе въ 1853—1859 гг. одного изъ томовъ Свода военныхъ постановленій) снискали Л. Г. Иванову всѣ доступныя въ его положеніи награды, до ордена св. Анны 1 ст. (1873 г.) и чина тайнаго совѣтника (15 мая 1883 г.) включительно, а его изумительная память, знаніе архивныхъ дѣлъ и готовность со всякимъ подѣлиться своими знаніями и опытностью, оставили о немъ благодарное воспоминаніе у многихъ изслѣдователей нашей военной исторіи.

Дѣло 1 ст. канцел. Главнаго штаба 1891 г. № 147. *С. Н. П.*

Ивановъ, *Леонидъ Ивановичъ*, врачъ, изъ дворянъ херсонской губерніи, род. въ 1838 г., умеръ въ маѣ 1864 г. Кончивъ курсъ въ Херсонской гимназіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1861 г. съ правомъ на степень доктора медицины и былъ прикомандированъ къ Кіевскому военному госпиталю. Посвятивъ себя хирургіи, онъ первый занялся изслѣдованіемъ вопроса о физіологіи травматизма и результатомъ его работъ была диссертація «О вліяніи ампутаціи на боковое давленіе въ артеріяхъ, на вѣсъ и теплоту тѣла»; защитивъ эту диссертацію въ 1862 г., онъ затѣмъ напечаталъ еще двѣ спеціальныя статьи по хирургіи; умеръ отъ чахотки.

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», вып. I и тетр. 3; «Соврем. Медиц.», 1864, № 20.

Ивановъ, *Михаилъ Андреевичъ*, граверъ на мѣди, род. въ 1783 г., умеръ 12 іюля 1839 г. Воспитанникъ Академіи Художествъ, получилъ (въ 1801 и 1802 г.) вторую и первую серебряныя медали и 1 сентября 1803 г. былъ выпущенъ съ аттестатомъ на званіе художника 14 класса и оставленъ при Академіи для усовершенствованія подъ наблюденіемъ профессора Клаубера. Изъ его работъ извѣстны: 23 гравюры по рисункамъ собственнымъ, Скотникова, Егорова, Карнѣева, Кипренскаго съ картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ для изданія «Collection d'estampes de la Galerie Stroganoff» (St.-Pbg., 1807), 26 гравюръ къ «Миѳологіи» Милена, (1807) «11 portraits nationals (sic) de Nukahiva» для «Путешествія вокругъ свѣта въ 1803—1806 гг.» Крузенштерна (1807—1812), портреты: Ермака (начатый Богучаровымъ съ рис. К. Брюлова), генерала И. Д. Иловайскаго, графа В. В. Орлова-Денисова, генералъ-отъ-инфантеріи И. В. Сабанѣева, Карамзина (для «Альбома Сѣверныхъ Музъ» 1828), памятника Ломоносову (съ работы Мартоса), картинки къ книгѣ Смирнова «Жизнь и подвиги Платова» (М. 1821).

«Сборн. матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. II, «Указатель» къ нему Юндолова; Д. Ровинскій «Подробный словарь русск. гравир. портретовъ», но приведенныя Ровинскимъ даты рожденія и смерти относятся не къ М. А. Иванову, а къ скульптору М. И. Иванову. *Н. С.*

Ивановъ, *Михаилъ Ивановичъ*, скульпторъ, род. въ 1772 г., умеръ 12 сентября 1848 г. Принятый въ Академію Художествъ изъ Воспитательнаго Дома въ 1779 г., онъ 20 іюня 1794 г. былъ выпущенъ подмастерьемъ «формовальнаго дѣла» съ опредѣленіемъ въ формовальную мастерскую, 27 іюня 1799 г. утвержденъ мастеромъ. Занимаясь главнымъ образомъ отливкою гипсовъ и исправленіемъ формъ для воспроизведенія античныхъ фигуръ и бюстовъ, онъ и самъ лѣпилъ бюсты, изъ которыхъ нѣкоторые появлялись на академическихъ выставкахъ, какъ напримѣръ Державина, по портрету Тончи (1822), Шиллера (1824), императрицы Маріи Ѳеодоровны, граф. Строгоновой, Бортнянскаго и др. (1827); эти работы вызывали похвалы современной критики.

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I; «Указатель» къ нему, Юндолова; «Отеч. Записки» тт. XII, 406, XX, 320, XXXII, 146; «Журналъ Изящ. Искусствъ» 1825, 70—71; «Сѣв. Пчела» 1827, № 119. *Н. С.*

Ивановъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, академикъ живописи, род. въ 1748 г., умеръ 16 августа 1823 г. Въ Академію Художествъ поступилъ 3 августа 1762 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Архи-

помъ, и занимался подъ руководствомъ І. Ф. фонъ-Грота. По полученіи двухъ серебряныхъ медалей за рисунки съ натуры (1769 г.), онъ былъ выпущенъ 30 іюля 1770 г. съ аттестатомъ на званіе художника и со второю золотою медалью, за исполненіе программы: «Оливковое дерево съ развѣшанными на немъ воинскими доспѣхами, украшенными вензелемъ императрицы Екатерины II», давшей ему и право на заграничное пенсіонерство. Вмѣстѣ съ братомъ А. М. Ивановымъ, Г. И. Серебряковымъ и И. П. Якимовымъ онъ прибылъ 23 октября въ Парижъ и опредѣлился тамъ въ ученики къ живописцу Лепренсу, по указанію котораго занялся копированіемъ пейзажей съ извѣстныхъ мастеровъ и писаньемъ эскизовъ для большой картины (ноябрь 1771 г.), по вечерамъ же рисовалъ съ моделей у Пажу. Въ мартѣ 1772 г. Михаилъ Ивановъ окончилъ «Возвращеніе пастуха и пастушки съ паствы» и принялся за картину—«Доенье коровы на дворѣ»; отославъ ее въ академію въ іюлѣ того же года, занялся третьей картиной: «Время, приближающееся къ полудню» — впослѣдствіи тоже отправлена въ Петербургъ. 19 іюля 1775 г. оба Ивановы. съ художникомъ И. Бѣльченковымъ, поѣхали въ Римъ, и хотя въ сентябрѣ совѣтъ Академіи вызывалъ ихъ обратно въ Россію, Ивановы остались въ Италіи на собственный счетъ; въ іюнѣ 1776 г. коммиссіонеръ Академіи Рейфенштейнъ доносилъ ей, что Михаилъ Ивановъ, послывшій сдѣланную имъ копію съ картины Бенедетто Кастильоне «Отправленіе Іакова въ путь» и 8 рисунковъ «руинъ» съ натуры, рисуетъ карандашемъ нѣсколько робко и нерѣшительно, почему онъ и далъ ему копировать рисунки перомъ и сепіей работы Гакерта. Сдѣлавъ путешествіе по Италіи и Швейцаріи, причемъ постоянно срисовывалъ разные пейзажи, Михаилъ Ивановъ вернулся въ Петербургъ и 13 августа 1779 г. былъ удостоенъ званія «назначеннаго» за представленную имъ композицію и тогда же взятъ въ штатъ кн. Г. А. Потемкина письмоводителемъ. Сопровождая князя Потемкина, онъ написалъ нѣсколько видовъ съ натуры въ таврической области, разные моменты изъ второй турецкой войны, портретъ Потемкина въ ростъ (1788), смерть его (1791), штурмъ Измаила Суворовымъ (1790). Признанный еще 20 іюля 1785 г. академикомъ, Михаилъ Матвѣевичъ Ивановъ, по смерти кн. Потемкина, поступилъ хранителемъ рисунковъ въ Императорскій Эрмитажъ, пользовался расположеніемъ императора Павла; былъ членомъ совѣта Академіи (съ 6 марта 1800 г.) и преподавателемъ живописи въ классахъ «баталическомъ» (съ 16 августа 1800) и пейзажномъ (съ 10 сентября 1804). Въ 1806 г. онъ представилъ рисунокъ на конкурсъ, предложенный при Академіи гр. Потоцкимъ: «Петръ I, посылающій Шафирова въ турецкій лагерь при Прутѣ въ 1711 г.», а въ 1807 г. наблюдалъ за исполненіемъ рисунковъ къ оффиціальному изданію сочиненія объ овцеводствѣ. Михаилъ Матвѣевичъ Ивановъ вообще отличался мастерствомъ въ изображеніи животныхъ; современники, нѣсколько увлекаясь, сравнивали его съ Клодъ-Лорреномъ. М. М. Ивановъ былъ женатъ на вдовѣ гравера Г. И. Скородумова (умершаго въ 1792 г.), тоже занимавшейся гравированіемъ (см. Скородумова, Марья).—Домъ его посѣщался лучшими людьми того времени; его портретъ, писанный Я. И. Васильевымъ въ 1818 г., находится въ Академіи Художествъ, гдѣ сохраняется и его картина «Доенье коровы».

Архивъ И. А. Х. дѣла 1773, № 64; 1775, № 29; 1776, № 28, стар. описи; 1780, № 28; 1800, №№ 23 и 41; 1804, № 44; 1805, № 36; «Сб. матер. для ист. И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I и II и «Указатель» къ нему, Юндолова; «Отеч. Зап.» 1823, XVI, 141; Ровинскій «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ»; «Понятіе о соврем. живописцѣ», изд. А. М. Иванова, 1789 г.; Фишеръ, «Указ. наход. въ А. Х. произведеній»; «Каталогъ оригин. произведеній русск. живописи картинной галлереи И. А. Х.», А. Сомова, 149—150.

Н. Собко.

Ивановъ, *Назарій Андреевичъ*, горный инженеръ, заслуженный профессоръ Горнаго института, умеръ 11 марта 1883 г. Окончилъ курсъ въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ въ 1837 г. Долгое время преподавалъ въ этомъ учебномъ заведеніи химію (1841—1868), сперва въ качествѣ репетитора, затѣмъ преподавателя и, наконецъ, профессора. Съ 1852 по 1872 г. управлялъ лабораторіей Горнаго департамента (нынѣ лабораторія Министерства Финансовъ), въ которой онъ передъ тѣмъ былъ берг-пробиреромъ. Лабораторія, совмѣстно съ с.-петербургскою пробирною палатою, была въ 1866 г. преобразована по составленному Ивановымъ проекту; вслѣдствіе этого преобразова-

нія, а также новаго порядка пріема и испытанія золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, пробирный доходъ значительно повысился. Н. А. Ивановъ участвовалъ въ составленіи новаго пробирнаго устава (утвержденъ въ 1881 г.). Въ 1872 г. онъ назначенъ былъ начальникомъ Петербургскаго монетнаго двора; 6 апрѣля 1873 г. вышелъ въ отставку; чинъ генералъ-маіора получилъ 30 августа 1866 г. Занимаясь всю жизнь аналитической химіей Ивановъ произвелъ огромное число точныхъ разложеній русскихъ полезныхъ ископаемыхъ, минераловъ и заводскихъ продуктовъ. Многія изъ этихъ работъ имѣли весьма серьезное значеніе, какъ, напримѣръ, первые по времени подробные анализы южно-русскихъ каменныхъ углей (1839 г., результаты напечатаны въ «Горномъ Журналѣ»). Н. А. Ивановъ составилъ «Учебникъ аналитической химіи» (1855 г.), признанный Академіей Наукъ достойнымъ второстепенной Демидовской преміи, какъ первое самостоятельное сочиненіе въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ (XXIV присужденіе). Кромѣ того ему принадлежатъ: до 42 статей въ «Горномъ Журналѣ» (1837—1868 гг.); статья «О теплопроизводительной способности горючихъ матеріаловъ» въ «Памятной книжкѣ для русскихъ горныхъ людей» (1863 г.), и «Замѣтка о химическомъ изслѣдованіи минеральныхъ красокъ, подобныхъ умбрѣ» въ «Запискахъ Минералогическаго общества». (Ч. I. Сер. II. 1866).

С. Кулибинъ.

Ивановъ, *Никита*, живописецъ XVII в., см. Васильевъ, Сергѣй.

Ивановъ, *Николай Алексѣевичъ*, профессоръ русской и всеобщей исторіи и исторіи философіи въ Казанскомъ университетѣ, род. въ 1813 г., въ Нижнемъ Новгородѣ, умеръ 30 марта 1869 г. въ Дерптѣ. Отецъ его былъ канцелярскимъ служителемъ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ. По окончаніи ученія въ Нижегородской гимназіи въ 1830 г. Ивановъ поступилъ въ казенно-коштные студенты Казанскаго университета, по словесному отдѣленію (въ настоящее время историко-филологическій факультетъ) и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1833 г. Еще студентомъ обратилъ онъ на себя вниманіе попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, сдѣлавшаго очень много для поднятія научнаго уровня въ Казанскомъ университетѣ, и въ годъ окончанія курса былъ командированъ для усовершенствованія въ историческихъ наукахъ въ Дерптскій университетъ, съ зачисленіемъ въ Профессорскій институтъ; это учрежденіе, весьма почтенное, давшее русской наукѣ не мало выдающихся ученыхъ дѣятелей, въ теченіе пяти лѣтъ научно образовывало будущаго казанскаго профессора. Въ Казанскомъ университетѣ Ивановъ не могъ пріобрѣсти много знаній, потому что составъ профессоровъ словеснаго отдѣленія въ его время былъ неудовлетворителенъ, русская исторія, впослѣдствіи спеціальность Иванова, преподавалась по Карамзину, малосвѣдущимъ профессоромъ Булыгинымъ, такъ что всей своей эрудиціей Ивановъ всецѣло обязанъ Дерпту. Здѣсь даровитый отъ природы казанскій студентъ, научившійся нѣмецкому языку еще въ Казани, гдѣ было много профессоровъ нѣмцевъ, настолько овладѣлъ этимъ языкомъ, что писалъ на немъ ученыя статьи, посвященныя изслѣдованію вопросовъ по русской промышленности и торговлѣ (онѣ помѣщались въ «Dorpat Jahrbücher» и заслужили одобреніе ученой нѣмецкой критики) и одновременно прошелъ серьезную философскую и историко-критическую школу. Въ то время Гегель, едва сошедшій въ могилу († 1831 г.), царилъ надъ умами и имѣлъ среди дерптскихъ профессоровъ многихъ послѣдователей; историко-критическое направленіе, твердо установленное въ Дерптскомъ университетѣ Эверсомъ († 1830 г.), поддерживалось его учениками. Но кромѣ нѣмецкой науки Ивановъ испыталъ въ Дерптѣ и другого рода вліянія. Охранительно національная политическая программа императора Николая Павловича, выразившаяся въ ученіи о трехъ основахъ русской самобытности: православіи, самодержавіи и народности, нашла себѣ ревностнаго и стойкаго пропагатора въ лицѣ С. С. Уварова, назначеннаго въ 1833 г. Министромъ народнаго просвѣщенія и создавшаго на этихъ основахъ систему національнаго русскаго образованія. Ивановъ, принадлежа по своимъ философическимъ воззрѣніямъ къ такъ называемымъ «правымъ» гегеліанцамъ и исходя, повидимому, изъ знаменитаго тезиса Гегелевой философіи о разумности всего дѣйствительнаго, воспринялъ это ученіе и явился впослѣдствіи убѣжденнымъ его послѣдователемъ.

Подъ вліяніемъ этихъ идей онъ обратился къ изученію славянства, въ чемъ ему не мало помогъ извѣстный русскій журналистъ и литераторъ 30-хъ и 40-хъ гг. Ѳ. В. Булгаринъ, съ которымъ Ивановъ познакомился въ Дерптѣ. Ивановъ сталъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина, а въ 1835—1836 гг. явился участникомъ одного весьма интереснаго его изданія: «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (С.-Петербургъ, 1837 г., in 12^0, 4 т. исторіи, доведенной до смерти Ярослава, 1054 г., и 2 т. статистики; введеніе, основныя силы русскаго государства и физическая культура; больше не выходило). Булгаринъ говорилъ, что Ивановъ былъ его сотрудникомъ лишь въ составленіи статистики Россіи, но участіе Иванова въ исторической части книги Булгарина констатируется авторитетными свидѣтельствами литературнаго союзника Булгарина—Греча, академика К. Н. Бестужева-Рюмина и профессора А. А. Котляревскаго, знавшаго Иванова лично. Ивановъ совершенно справедливо считаетъ необходимымъ въ видѣ введенія въ исторію Россіи разсмотрѣть судьбы всего славянскаго міра до развѣтвленія его на отдѣльныя славянскія народности и изучать исторію Россіи въ связи со всеобщей — воззрѣніе широкое, доселѣ еще часто непонимаемое должнымъ образомъ. Правда, что съ выполненіемъ этой задачи Ивановъ не сладилъ какъ слѣдуетъ: въ его замыслахъ много натяжекъ, неясностей, даже ошибокъ; но въ то время авторъ былъ молодъ, и всѣ эти промахи объясняются его юношескимъ увлеченіемъ, а замыселъ, идея, планъ—тѣмъ не менѣе говорятъ за себя. Ивановъ начинаетъ обзоръ судьбы славянъ съ очерка міровъ римскаго и варварскаго и, переходя чрезъ эпоху великаго переселенія народовъ, останавливается на болѣе подробномъ разсмотрѣніи первоначальной исторіи славянскихъ племенъ съ VI в. по Р. Х. и на образованіи первоначальныхъ славянскихъ государствъ западныхъ, южныхъ и наконецъ восточнаго русскаго.—Начало статистики Россіи состоитъ изъ весьма обстоятельной пропедевтики статистической науки и тщательно составленнаго фактическаго обзора указанныхъ выше рубрикъ. Эта послѣдняя часть имѣетъ научное значеніе и въ настоящее время. Въ 1839 г. Ивановъ пріобрѣлъ въ Дерптѣ ученую степень доктора философіи. Его докторская диссертація «Cultus popularis in Rossia origines ac progressus adumbratio», Pars I-or, S. historica. (т. е. «Возникновеніе народной образованности въ Россіи и очеркъ ея дальнѣйшаго развитія», ч. I, отд. историческій), in 12^0, 76 pp., распадается на 6 главъ и, начинаясь обзоромъ быта восточныхъ славянъ до призванія Рюрика, доводитъ изслѣдованіе вопроса до воцаренія императора Николая I-го.

Въ 1839 г. Ивановъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскій университетъ, на мѣсто умершаго въ 1838 г. проф. Булыгина; ему же было поручено преподаваніе въ университетѣ и всеобщей исторіи, которое было до того времени распредѣлено между тремя профессорами—двумя оріенталистами (Ковалевскимъ и Эрдманомъ) и профессоромъ русской словесности Суровцовымъ. Вотъ главнѣйшіе факты изъ его ученаго формулярнаго списка: 1842 и 1843 гг., былъ командированъ попечителемъ учебнаго округа въ Петербургъ и Москву для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ; въ 1843 г. сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ; въ 1844 г. назначенъ руководить въ Педагогическомъ институтѣ при Казанскомъ университетѣ занятіями по исторіи, географіи и статистикѣ. Въ 1846 г., по предложенію губернскаго начальства, собиралъ матеріалы для исторіи Казани. Въ 1853 г. былъ членомъ комиссіи для составленія исторіи Казанскаго университета, ко дню его пятидесятилѣтія. Съ 1854 г. былъ членомъ испытательной комиссіи для пріема молодыхъ людей въ университетъ. Кромѣ преподаванія въ университетѣ онъ читалъ въ Казани нѣсколько курсовъ публичныхъ лекцій: такъ въ зиму 1839—1840 гг., по распоряженію попечителя, читалъ онъ безплатный общій курсъ русской исторіи, привлекшій большое количество слушателей и слушательницъ; въ зиму 1843 — 1844 гг. 14 лекцій о Петрѣ Великомъ, въ пользу открытаго въ Казани Николаевскаго дѣтскаго пріюта. «Лекціи сіи—по словамъ оффиціальнаго о нихъ отчета—были съ особенною любовью посѣщаемы публикою и сборъ суммы былъ весьма значителенъ». Продолженіемъ этихъ чтеній былъ курсъ зимы 1844—1845 г. о преемникахъ Петра Великаго до Екатерины II.

Десять лѣтъ профессорства въ Казани, съ 1839 по 1850 г., составляютъ лучшую пору въ ученой дѣятельности Иванова. За это время лекціи его, въ большинствѣ случаевъ отличаясь содержательностью и живостью изложенія, приводили слушателей въ восторгъ; нерѣдко онѣ представляли собою краснорѣчивую импровизацію. Но курсы свои Ивановъ не имѣлъ времени обработывать вполнѣ и во всѣхъ частяхъ и, начиная ихъ по широкому плану, не всегда доводилъ до конца. Нѣкоторыя лекціи и цѣлые отдѣлы курсовъ отличались поэтому сухостью изложенія и чуть не сплошь состояли изъ собственныхъ именъ.—Свои историко-политическія воззрѣнія Ивановъ полнѣе всего высказалъ въ программѣ исторической пропедевтики 1849—1850 г. Приведемъ ихъ въ извлеченіи. Указавъ, что съ самаго вступленія своего на каѳедру онъ слѣдовалъ мыслямъ С. С. Уварова, а именно: что въ народномъ воспитаніи преподаваніе исторіи есть дѣло государственное, Ивановъ заявляетъ, что онъ «убѣжденъ въ томъ, что мы, Русскіе, должны пользоваться умственнымъ достояніемъ, внесеннымъ другими народами въ общую сокровищницу человѣческаго вѣдѣнія; но вмѣстѣ съ этимъ онъ несомнѣнно вѣритъ и въ то, что намъ надлежитъ усвоить чужое безпристрастно, разсудительно и съ неослабнымъ уваженіемъ ко всему, на чемъ зиждется наша народность. Посему, излагая отношеніе философіи къ исторіи, онъ, упомянувъ объ услугахъ, оказанныхъ этой наукѣ великими мыслителями, не умолчитъ и о значительномъ вредѣ, причиненномъ ей философскимъ схематизмомъ, съ которымъ весьма часто бываютъ въ явномъ разладѣ жизнь и дѣйствительность. Касаясь связи между политическими науками и исторіею, онъ обратитъ особенное вниманіе на то, чтобы уяснить слушателямъ, какъ шатки политическія теоріи, чуждающіяся историческаго основанія, и какъ быстро преходятъ общественныя учрежденія, не имѣющія корня въ предшествовавшей жизни народа, въ его вѣрованіяхъ, въ его чувствованіяхъ, помыслахъ и дѣйствіяхъ, коихъ выраженіемъ была вся его исторія. Разсматривая теорію исторической критики и теорію дѣописанія, онъ постарается раскрыть своимъ слушателямъ причины, по которымъ намъ необходимо имѣть національное, русское воззрѣніе на исторію человѣчества. Сіи причины суть: 1) каждый народъ созидаетъ и законъ, и науку, и искусство изъ своей собственной жизни; 2) каждый народъ обязанъ свято сохранять свою личность; 3) принимать чье либо ученіе за народное вѣрованіе, думать, что не родные, а противные природѣ народа элементы могутъ превратиться въ его плоть и кровь, значитъ навсегда отказаться отъ самостоятельности; 4) каждый народъ, какъ членъ человѣчества, выполняетъ свое призваніе; 5) западные историки увлекаются національными, еще болѣе религіозными, въ особенности же политическими предубѣжденіями, и 6) западные историки или не имѣютъ никакаго понятія, или слишкомъ превратно разсуждаютъ о значеніи славянскаго элемента въ исторіи». Въ заключеніи программы по русской исторіи за тотъ же 1849—1850 г., Ивановъ, сопоставляя «великія судьбы пережитыя Россіею» съ «неистощимыми физическими и нравственными силами, какими она нынѣ обладаетъ», указываетъ на ея «славную будущность».—«Не осмѣливаясь предугадывать таинственныхъ намѣреній Провидѣнія, устрояющаго участь царствъ и народовъ—говоритъ онъ—можемъ, однакожъ, правдоподобно предполагать, что Оно призвало наше отечество для рѣшенія слѣдующихъ важныхъ задачъ: 1) явить примѣръ благодѣтельнаго вліянія самодержавія, показать, что только оно есть вѣрнѣйшее ручательство въ прочномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ; 2) представить новый, невиданный планъ народнаго просвѣщенія, подъ непосредственнымъ руководствомъ правительства, шествующаго впереди всѣхъ общественныхъ улучшеній; 3) примирить давнюю распрю Запада съ Востокомъ въ великомъ дѣлѣ религіи и произвести соединеніе всѣхъ, о коемъ восточная православная церковь столько вѣковъ возноситъ молитвы къ Богу; 4) обобщить частныя идеи, развитыя другими народами, согласить идеальное съ реальнымъ, соединить теорію съ опытомъ».

Напыщенность слога и оффиціально-хвалебный тонъ по отношенію къ тогдашнимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, звучащій въ приведенныхъ отрывкахъ изъ программъ, не лишаютъ историческихъ воззрѣній Иванова серьезныхъ достоинствъ. Чтобы понять его точку зрѣнія, слѣдуетъ

принять въ соображеніе господствовавшее у насъ въ исходѣ 40-хъ годовъ настроеніе въ оффиціальныхъ сферахъ и въ большинствѣ общества. Общественно-воспитательное значеніе исторіи, изученіе всеобщей исторіи человѣчества и славянства въ связи съ исторіею Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самобытность русской народности и русскаго историческаго развитія и увѣренность въ высокомъ назначеніи Россіи — вотъ тѣ убѣжденія, которыя проводилъ въ свою аудиторію казанскій профессоръ. Но то не было ученіемъ славянофиловъ, которые понимали основы русской самобытности иначе, чѣмъ оффиціальная правительственная программа, и славянофильству Ивановъ не сочувствовалъ. Оффиціально-хвалебный тонъ въ преподаваніи русской исторіи въ то время былъ безусловно необходимъ,—припомнимъ Устрялова Погодина, Арсеньева, Шульгина. Новое научное направленіе въ русской исторіи только начиналось въ Московскомъ университетѣ, и ему былъ чуждъ Ивановъ, а сочиненія Устрялова, въ особенности его изслѣдованіе «О системѣ прагматической русской исторіи» (Спб. 1836 г.) и «Историческое обозрѣніе царствованія императора Николая I» (Спб. 1849 г.) служили Иванову главными руководствами въ его курсахъ по русской исторіи. Нѣмецкая философская и историко-критическая школа сказалась въ Ивановѣ въ разработкѣ фактической стороны его курсовъ: тщательное экзегетическое изученіе источниковъ и литературы вопроса составляли отличительныя ихъ качества.

По русской исторіи Ивановъ читалъ курсы общіе и спеціальные. Въ общихъ курсахъ, въ теченіе двухъ академическихъ годовъ, онъ доводилъ обзоръ событій отъ древнѣйшихъ временъ до 1812 года, или даже до царствованія Николая I включительно. Въ большинствѣ случаевъ они состояли въ фактическомъ изложеніи внѣшней политической исторіи, а исторіи внутренней отводилось сравнительно весьма немного мѣста. Спеціальные курсы Ивановъ посвящалъ всестороннему разсмотрѣнію какого-нибудь отдѣльнаго вопроса. Такъ въ 1843—1844 акад. году онъ читалъ обзоръ русской исторіографіи, плодъ его самостоятельныхъ занятій въ столичныхъ библіотекахъ и архивахъ. Отрывки изъ этого курса: «Краткій обзоръ русскихъ временниковъ» и «Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ», напечатанные въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» (1843 г., кн. 2 и 3) не утратили научнаго значенія до сихъ поръ. Во второй изъ этихъ монографій находится обстоятельное изложеніе хода изученія русскихъ лѣтописей и древнѣйшей исторіи Россіи. Въ послѣдующіе годы Ивановъ читалъ спеціальные курсы: 1) по исторіи Московскаго государства за время Іоанна IH, Василія Іоанновича и Іоанна IV; повидимому, отрывокъ изъ этого курса составляетъ статья: «О сношеніяхъ папъ съ Россіей», помѣщенная въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», за 1849 г., кн. 4-я, и 2) по исторіи Петра Великаго. Такимъ же спеціальнымъ курсомъ являются чтенія Иванова по русскимъ древностямъ. Отдѣльное преподаваніе этого предмета возникло по иниціативѣ попечителя Мусина-Пушкина, и программа русскихъ древностей была составлена Ивановымъ по образцу программъ греческихъ и римскихъ древностей, столь тщательно разработанныхъ въ нѣмецкой ученой литературѣ, и обнимала изложеніе общественной, религіозной и домашней жизни нашихъ предковъ до Петра Великаго. То была древне-русская культурно-бытовая исторія. Въ программѣ Иванова по русскимъ древностямъ 1849—1850 акад. года мы находимъ опредѣленіе объема и содержанія этой науки, критическую оцѣнку трудовъ по ея разработкѣ и наконецъ самое изложеніе древностей. Ивановъ дѣлитъ ихъ на четыре періода: 1) славянскій, при чемъ указывается важность трудовъ Шафарика по славяновѣдѣнію; 2) норманскій; 3) отъ введенія христіанства до Іоанна III; 4) отъ Іоанна III до Петра Великаго.

Всеобщую исторію Ивановъ преподавалъ по лучшимъ нѣмецкимъ курсамъ и руководствамъ 30-хъ и 40-хъ гг., причемъ юристамъ читалъ особые курсы, составлявшіе сокращеніе изъ лекцій для словесниковъ. Древнюю исторію онъ излагалъ по Шлоссеру, средневѣковую по Рему, новую по Шлоссеру, Раумеру и Лео. Съ большей самоотоятельностью и съ большей пользой для студентовъ читалъ Ивановъ спеціальные курсы по пропедевтикѣ всеобщей исторіи. Слѣдуя Рюсу, Вахсмуту и Фитцу, Ивановъ вносилъ въ эти чтенія много своего и являлся достойнымъ ученикомъ нѣмец-

кихъ ученыхъ Дерптскаго университета. Курсы эти не всегда были одинаковаго объема и содержанія: Ивановъ обращалъ болѣе вниманія то на исторію философіи, то на исторіоматію (т. е. методологію изученія исторіи) и гевристику (теорію исторической критики).

Исторія философіи излагалась Ивановымъ по нѣмецкимъ учебникамъ правой фракціи гегеліанской школы, при чемъ онъ останавливался преимущественно на Платонѣ, Декартѣ и Лейбницѣ. Въ рѣчи, произнесенной Ивановымъ 13-го іюня 1843 г. на торжественномъ актѣ Казанскаго университета: «О необходимости содѣйствія философіи успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія» (Казань, 1843 г., in 4°, 32 стр.) онъ проводитъ свой излюбленный принципъ о воспитаніи и образованіи на основаніи трехъ началъ русской самобытности: православія, самодержавія и народности и о непригодности для Россіи неумѣреннаго заимствованія результатовъ западно-европейскаго просвѣщенія. Для доказательства этого принципа онъ представляетъ въ весьма талантливомъ очеркѣ развитіе литературы и философіи во Франціи, Германіи съ половины XVIII в., отмѣчая ложные, по его мнѣнію, пути этого развитія и указывая, какъ на панацею отъ заблужденій ума, на нѣмецкую идеалистическую философію, которую онъ признавалъ «наукой о безусловно-истинномъ, твердой опорой всякаго вѣдѣнія, душой прочихъ наукъ.»

Съ 1850 г. Ивановъ теряетъ то видное положеніе, какое доселѣ занималъ въ Казанскомъ университетѣ. Причины этого лежатъ какъ въ его личныхъ свойствахъ, такъ и въ условіяхъ окружавшей его среды. Какъ человѣкъ, Ивановъ былъ весьма несимпатиченъ: и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности это былъ характеръ тяжелый, неуживчивый. Женившись неудачно на графинѣ А. С. Толстой, Ивановъ былъ несчастенъ въ семейной жизни. Гордый своимъ научнымъ превосходствомъ передъ многими изъ сотоварищей по службѣ, онъ вслѣдствіе невоспитанности выражалъ свой ученый авторитетъ въ рѣзкихъ и грубыхъ формахъ, чѣмъ весьма естественно создавалъ себѣ массу враговъ и среди профессоровъ, и среди студентовъ, которые буквально трепетали передъ нимъ. Условія казанской провинціальной жизни 40-хъ годовъ мало благопріятствовали умственной самодѣятельности и Ивановъ, уставшій отъ усиленнаго научнаго труда, не могъ уже должнымъ образомъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ русской исторической науки. Его лекціи уже ничѣмъ не напоминали прежнихъ вдохновенныхъ импровизацій, являясь жалкой компиляціей изъ книгъ нерѣдко весьма сомнительнаго научнаго достоинства. Энергія его слабѣла, и онъ, по несчастному свойству, присущему многимъ даровитымъ русскимъ людямъ, сталъ искать забвенія въ крѣпкихъ напиткахъ. Это окончательно его сгубило. Онъ все болѣе и болѣе падалъ нравственно и въ началѣ 1856 г. покинулъ Казань. Онъ перешелъ на службу въ Дерптъ, также профессоромъ русской исторіи; но черезъ три года долженъ былъ оставить службу и тамъ. Пробывши нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, Ивановъ поступилъ учителемъ русской исторіи и русскаго языка въ Митавскую гимназію. Здѣсь мысль и энергія его снова оживились и онъ явился убѣжденнымъ проводникомъ русскаго воззрѣнія среди нѣмецкаго общества Балтійскаго побережья. Въ Митавѣ, по порученію попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Ивановъ составилъ подробную программу преподаванія русской исторіи для гимназій. По отзыву профессора Котляревскаго, это произведеніе есть не только программа, но полное руководство къ изученію русской исторіи, равно полезное и для педагогическихъ цѣлей, и для серьезныхъ спеціальныхъ занятій предметомъ. Ивановъ успѣлъ напечатать только часть этой программы—до времени Іоанна Грознаго. То было послѣднимъ ученымъ трудомъ его. Дерптскій университетъ, уважая въ Ивановѣ своего питомца, въ началѣ 1869 г. пригласилъ его снова къ себѣ—доцентомъ русскаго языка; но Ивановъ кажется, не успѣлъ прочесть ни одной лекціи: едва онъ прибылъ въ Дерптъ, какъ заболѣлъ и скончался здѣсь 30 марта 1869 г.

Некрологи Иванова: написанный Котляревскимъ—напеч. въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1869, ч. CXII, и повторенъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.», 1869, № 103; кромѣ того, некрологи были въ «Голосѣ», 1869, № 103 и въ «Иллюстр. Газетѣ», 1869, № 117. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ: Булгаринъ, «Россія въ истор., статист., геогр. и литер. отн.», 1837, статистика, ч. I, предисл., VII — X и Фойгта «Обзоръ состоянія Казан. унив. за 1827—1844 г.»; Геннади, «Словарь»; рецензіи на «Россію» — Бодянскаго, въ «Моск. Наблюд.», 1837 (неодобрительная) и Шафарика «Časopis Českšk. Muz.»

1837, 372—374 (похвальная); Корсаковъ, «Черты изъ жизни Поволжья» въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», 1890; Бестужевъ-Рюминъ, «Біографіи и характеристики», въ ст. объ Ешевскомъ, и въ біографіи Ешевскаго при 1 т. собранія его сочиненій; Гациссній, «Воспоминанія о Ешевскомъ», 1865; Е. А. Бѣловъ, «Къ исторіи русск. просвѣщ.» въ «Др. и Нов. Рос.», 1877, II, 274—276; «Рус. Арх.» 1870, стр. 1267; «Др. и Нов. Россія», 1877, II, 75—76; Гречъ, «Записки», 451; свѣдѣнія о службѣ Иванова и о программахъ его преподаванія извлечены изъ архива Казанскаго университета.

Д. Корсаковъ.

Ивановъ, *Николай Алексѣевичъ*, коммерціи совѣтникъ, род. въ Казани въ 1832 г., умеръ 14 марта 1882 г. Происходя изъ купеческой семьи, началъ торговую дѣятельность въ Сибири, гдѣ служилъ въ разныхъ коммерческихъ домахъ. Съ 1860 г. поселился въ Ханькоу, сначала какъ коммиссіонеръ русскихъ торгорыхъ домовъ, а затѣмъ какъ русскій вице-консулъ. Одинъ изъ первыхъ піонеровъ по торговлѣ нашей съ Китаемъ, онъ въ короткое время расширилъ ее до значительныхъ размѣровъ. Оставивъ Китай, былъ казначеемъ въ лѣчебницѣ военныхъ врачей въ Москвѣ и директоромъ страхового общества «Якорь». Принималъ участіе въ составленіи книги «Китай», изданной его женою въ 1882 г.

«Московскія Вѣдомости» 1882 г. № 84; Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ пок. русск. писат.», вып. VI.

Ивановъ, *Николай Григорьевичъ*, граверъ на мѣди, род. въ 1779 г., умеръ послѣ 1827 г. Сынъ академическаго канцеляриста, воспитывался въ Академіи Художествъ и 4 мая 1801 г. получилъ въ 5-мъ возрастѣ за рисунокъ съ натуры вторую серебряную медаль; 1 сентября 1803 былъ выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степени и опредѣленъ помощникомъ библіотекаря при Академіи (1804), гдѣ и оставался на службѣ до 1812 г., а послѣ служилъ граверомъ при Морской типографіи (1827). Принадлежа къ Бекетовской школѣ граверовъ, имѣвшей во главѣ Осипова, онъ гравировалъ для «Пантеона» Филиповскаго въ 1805—1810 г.г., а также исполнилъ портретъ генерала Ф. Я. Лефорта, съ ориг. Я. Аргунова.

Архивъ И. А. Х. дѣла 1804, № 25, и 1812, № 37; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему, Юндолова; Ровинскій, «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ».

Н. С.

Ивановъ, *Павелъ Алексѣевичъ*, академикъ миніатюрной живописи, род. въ 1776 г., умеръ 12 марта 1813 года, сынъ профессора А. А. Иванова, поступилъ въ Академію Художествъ 13 лѣтъ въ 3-й классъ и 26 января 1790 былъ назначенъ къ Жаркову въ классъ живописи на финифти. По полученіи двухъ серебряныхъ медалей за рисунки съ натуры (1791) и двухъ золотыхъ за исполненіе программъ: «Женщина, играющая на арфѣ» (21 октября 1794) и «Жертвоприношеніе Ноево» (19 декабря 1797), Павелъ Алексѣевичъ Ивановъ былъ оставленъ пенсіонеромъ при Академіи съ назначеніемъ ему жалованья и 20 декабря 1798 опредѣленъ для обученія учениковъ рисованію. Заслуживъ званіе «назначеннаго» (18 августа 1800) и академика за «Группы разныхъ персонъ съ натуры» (11 декабря 1802), онъ получилъ въ свое завѣдываніе классъ миніатюрной живописи (12 октября 1803).

Архивъ И. А. Х., дѣла 1789, № 10; 1803, № 3; 1813, № 23; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I и II и «Указатель» къ нему, Юндолова.

Н. С.

Ивановъ, *Петръ Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, умеръ 27 августа 1888 г. По окончаніи курса въ офицерскихъ классахъ Николаевскаго инженернаго училища въ 1844 г. выпущенъ на службу въ инженерныя войска; вскорѣ перешелъ въ кавалерію и принималъ участіе въ Севастопольской оборонѣ; затѣмъ нѣкоторое время преподавалъ въ Инженерномъ училищѣ фортификацію. Въ 1872 г. назначенъ инспекторомъ арсеналовъ и парковъ инженернаго вѣдомства, каковую должность и занималъ до кончины; въ 1873 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1883—въ генералъ-лейтенанты. Издалъ изслѣдованіе: «Составъ и устройство регулярной русской кавалеріи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» (1867) и напечаталъ нѣсколько статей по военнымъ вопросамъ.

«Русскій Инвалидъ» 1888, № 191.

Ивановъ, *Петръ Ивановичъ*, дѣйств. стат. совѣтникъ, директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, писатель, род. въ 1794 г., умеръ 30 ноября 1860 г. Происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Костромской гимназіи. Съ 1818 г. преподавалъ въ Московскомъ Алексѣевскомъ училищѣ и одновременно (1818—1821 г.) слушалъ лекціи на юридическомъ и словесномъ отдѣленіи Московскаго университета. Съ 1824 г. по 1833 г. П. И. Ива-

новъ находился на службѣ въ Московской удѣльной конторѣ помощникомъ управляющаго ею, въ 1833 г. назначенъ членомъ вотчиннаго департамента, съ 1839 года былъ предсѣдателемъ московской коммиссіи составленія свода запрещеній и разрѣшеній на имѣнія, а съ 1852 г. по кончину—директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Съ 1833 г. началась архивная дѣятельность П. И. Иванова. Сенатскіе московскіе архивы, находившіеся въ полномъ разстройствѣ, требовали фундаментальной разборки документовъ; столбцы были въ безпорядкѣ, описей документовъ не существовало. Въ 1835 г. по иниціативѣ тогдашняго министра юстиціи Д. В. Дашкова былъ образованъ особый комитетъ для обозрѣнія сенатскихъ архивовъ во всѣхъ отношеніяхъ и составленія имъ подробнаго описанія. Но комитетъ этотъ не успѣлъ сдѣлать ничего сколько нибудь важнаго; причиной этого съ одной стороны была нецѣлесообразно выработанная программа приведенія архивовъ въ порядокъ, а съ другой—малочисленность штата чиновниковъ; да и члены комитета не отличались большимъ усердіемъ и собственно одному Иванову комитетъ обязанъ былъ всѣмъ, что онъ успѣлъ дать за 7 лѣтъ своего существованія. П. И. Ивановъ былъ, по словамъ самихъ членовъ комитета, «чиновникъ опытный въ дѣлопроизводствѣ и вникнувшій въ порядокъ храненія дѣлъ въ архивахъ». Еще въ 1836 г. Ивановъ издалъ «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ», трудъ, заслужившій прекрасную аттестацію министра и старшаго члена вотчиннаго архива Похвиснева; и въ настоящее время «Систематическое обозрѣніе» не вполнѣ утратило свое значеніе. Затѣмъ Ивановъ далъ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ, направленныхъ къ посильному осуществленію задачъ, намѣченныхъ комитетомъ. Къ 1838 г. было приготовлено къ печати (вышло въ 1841 г.) первое историческое описаніе архивовъ, посвященное въ частности вотчинному архиву. Въ 1842 г. появилось «Описаніе Государственнаго разряднаго архива». Въ 1838—1842 гг. Ивановъ успѣлъ выполнить другія предначертанія комитета: по иниціативѣ Д. В. Дашкова было начато описаніе вотчиннаго архива по губерніямъ. Съ этою цѣлью Ивановымъ были изданы два «Обозрѣнія» писцовыхъ книгъ, одно по Московской губерніи, а другое—по Новгороду и Пскову. Въ 1842 г. комитетъ прекратилъ свое существованіе. Съ 1843 г. по проэкту министра графа В. Н. Панина была создана для ближайшаго надзора за сенатскими архивами новая должность инспектора, на которую и былъ назначенъ Ивановъ, одновременно съ этимъ въ 1844 г. получившій еще должность состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ 1-го отдѣленія VI департамента Сената. Признавая за архивами не только практическое значеніе, но и научное, П. И. Ивановъ пытался придать такой же характеръ и разработкѣ архивовъ, думалъ объ архивномъ ученомъ органѣ «Матеріалы Архивные», о библіотекѣ при архивахъ; онъ старался поднять умственный и нравственный уровень чиновниковъ «Дополнительнаго штата», образованнаго одновременно съ учрежденіемъ новой должности инспектора; но ему не удалось привлечь въ архивы людей съ нѣсколько болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ: неопредѣленное положеніе, въ какомъ очутился «Дополнительный штатъ» по окончаніи возложеннаго на него порученія описать документы, неопредѣленныя отношенія самого инспектора къ сенатскимъ архивамъ, все это требовало новой коренной реформы въ устройствѣ архивовъ, каковая и была произведена по проэкту графа Панина при непосредственномъ участіи П. И. Иванова, въ смыслѣ соединенія всѣхъ архивовъ въ одно мѣсто подъ общимъ названіемъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Въ 1852 г. Ивановъ былъ назначенъ первымъ директоромъ новаго архива и на этой должности оставался до самой своей смерти. Въ послѣднія десять лѣтъ жизни онъ все свое вниманіе посвятилъ составленію описей и пріему вновь поступавшихъ документовъ и за обязанностями административными у него почти не оставалось времени на ученыя работы. Но все-таки онъ успѣлъ издать: 1) Сборникъ палеографическихъ снимковъ (М. 1844 г.); 2) Описаніе Государственнаго архива старыхъ дѣлъ (М. 1850 г.), служащее продолженіемъ прежней серіи описаній; это изданіе, какъ и другія изданія Иванова въ этомъ родѣ, страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ—отсутствіемъ свѣдѣній о содержаніи документовъ; главное вниманіе сосредоточивается на исторіи каждаго архива и на количествѣ документовъ, хранящихся

въ нихъ; 3) Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ (М. 1853 г.) — изданіе не вполнѣ точное, вслѣдствіе того, что при перепискѣ актовъ Ивановъ требовалъ невозможной скорости, постоянно торопилъ, гналъ служащихъ, которые, вслѣдствіе этого нерѣдко отбрасывали непереписанными цѣлыя части актовъ (Маркевичъ, Исторія мѣстничества, I, 259). Послѣднимъ трудомъ Иванова былъ «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи» (Спб. 1863 г.), составленный по порученію графа Блудова. Съ 1831 года Ивановъ состоялъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» М. Погодина напечаталъ массу драгоцѣннаго матеріала по исторіи мѣстничества; съ 1841 г. онъ помѣщалъ въ «Московскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» статьи историческаго и археологическаго содержанія. Въ 1841 г. Ивановъ былъ избранъ въ корреспонденты Археографической коммиссіи и Московскаго статистическаго комитета. Всѣ труды Иванова носятъ на себѣ характеръ изданій, приспособленныхъ болѣе къ удовлетворенію практическихъ цѣлей, чѣмъ научныхъ. П. И. Ивановъ не былъ ученымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; историческія свѣдѣнія его, какъ замѣтилъ про него М. А. Дмитріевъ, ограничивались только навыкомъ; онъ былъ преимущественно хорошимъ знатокомъ и опытнымъ въ архивныхъ дѣлахъ человѣкомъ; и архивному дѣлу онъ оказалъ большія услуги; изъ нихъ главнѣйшая—это то, что онъ былъ настоящимъ создателемъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, этого громаднаго собранія драгоцѣннѣйшихъ документовъ.

«Описаніе документовъ и бумагъ Московскаго Архива Мин. Юстиціи», кн. 6 и 7; «Памятная книжка» того-же архива, 200—204; Геннади, «Словарь».

Ивановъ, *Сергѣй Андреевичъ*, архитекторъ, род. 9 іюля 1822 въ Петербургѣ, умеръ 29 января 1877 въ Римѣ. Младшій сынъ профессора Академіи Художествъ и братъ знаменитаго автора «Явленія Мессіи народу», онъ воспитывался въ Академіи, получилъ по двѣ серебряныя медали—за рисунки съ натуры (23 декабря 1839 и 4 мая 1840) и за архитектурныя композиціи (24 декабря 1840 и 10 мая 1841), и первую серебряную медаль за перспективный видъ академической лѣстницы (27 сентября 1840), конкурировалъ на золотыя медали программами: на вторую—«проектомъ гостиннаго двора въ столицѣ» (26 сентября 1842) и на первую—«проектомъ публичной библіотеки» (26 сентября 1843). Но такъ какъ императоръ Николай I нашелъ послѣднюю работу не вполнѣ удовлетворительною, то и велѣлъ оставить Сергѣя Иванова въ Академіи до 1845 г., и только въ 1846 г. ему удалось воспользоваться правомъ на заграничное пенсіонерство, за сочиненіе фасада «Прачешнаго дома» на Сергіевской улицѣ, который и былъ выстроенъ по этому проекту; 26 марта того-же года онъ прибылъ къ своему брату въ Римъ, послѣ непродолжительнаго путешествія по Европѣ. Сергѣй Андреевичъ Ивановъ очень любилъ древнюю архитектуру и интересовался реставраціями древнихъ памятниковъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Италію (въ 1847—1849 гг.) онъ на собственный счетъ началъ раскопки для отысканія термъ императора Каракаллы, нашелъ при этомъ прекрасныя мозаики, и открылъ древнюю систему отопленія бань и способъ устройства сводовъ. Занятый своими изслѣдованіями онъ не вернулся въ Россію въ 1849 г. не смотря на требованія академическаго начальства, въ 1850-хъ годахъ предпринялъ путешествіе въ Грецію тоже для научныхъ занятій, и возстановилъ тронъ знаменитой статуи Юпитера Олимпійскаго, работы Фидія. Помимо этихъ двухъ изслѣдованій, изъ которыхъ первое было напечатано на итальянскомъ языкѣ, а второе осталось въ рукописи, имъ были прочитаны нѣсколько докладовъ архитектурно - археологическаго содержанія въ засѣданіяхъ Германскаго археологическаго института въ Римѣ. Вернувшись въ 1858 г. въ Италію, С. А. Ивановъ прожилъ тамъ всю свою жизнь и умирая завѣщалъ всѣ коллекціи свои и брата—Московскому публичному и Румянцевскому музею, а Германскому археологическому институту капиталъ на изданіе въ краскахъ оставшихся послѣ его брата эскизовъ изъ Священнаго Писанія, — онъ чрезвычайно чтилъ память своего старшаго брата, который имѣлъ на его развитіе большое вліяніе и постоянно давалъ ему совѣты, направляя его дѣятельность не на практическую почву, а на чисто научную.

«Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т II и III, и «Указатель» къ нему, Юндолова; «Сынъ Отеч.», 1847, № 10, «Науки и худож.», с. 24; «Нов. Время» 23 февр. 1877, № 355, ст. В. Стасова (гдѣ ошибочно приписаны

С. Иванову «Записки объ исторіи архитектуры», принадлежащія Григ. Иванову); «Пчела», 1877, № 8. *Н. Собко.*

Ивановъ, *Степанъ Фаддѣевичъ*, академикъ гравированія на мѣди, род. 1749 г., умеръ 29 мая 1813. Онъ поступилъ въ Академію Художествъ въ апрѣлѣ 1763 г. вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Григоріемъ, и былъ ученикомъ Чемесова; по полученіи второй серебряной медали за рисунокъ съ натуры (29 декабря 1767) и второй золотой за исполненіе программы «Устраненіе пробудившимся княземъ Владиміромъ удара ножемъ, занесеннаго надъ нимъ Рогнѣдою во время сна», былъ выпущенъ съ аттестатомъ на званіе художника (30 іюля 1770 г.). Отправленный пенсіонеромъ въ Парижъ занимался тамъ подъ руководствомъ Л'Амперера, награвировалъ, между прочимъ, «Голландку» съ карт. Остада и портретъ фельдмаршала кн. Голицына (1773); по возвращеніи въ Россію, былъ удостоенъ званія «назначеннаго» (4 сентября 1774 г.) и академика—за гравюру «Пустынникъ», (св. Францискъ, 3 сентября 1782). Онъ исполнилъ портреты Платона, митрополита московскаго (до 1787) и гр. А. И. Мусина-Пушкина (до 1782), четыре плана, три фасада, одинъ разрѣзъ академическаго зданія (1794). По смерти профессора Радига ему былъ порученъ классъ гравированія (5 октября 1795), въ которомъ онъ уже обучалъ до 25 января 1785 г. и которымъ послѣ того завѣдывалъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; онъ былъ въ то же время библіотекаремъ Академіи и по этой должности получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени.

Архивъ И. А. Х., дѣла 1773, № 64; 1774 г., № 56; 1794, № 14, и 1805 г., № 36; «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», П. Н. Петрова, т. I, и «Указатель» къ нему, Юндолова; Ровинскій, «Н. И. Уткинъ», 41; его же «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ»; «Худож. Новости», 1889, № 16, ст. П. Н. Петрова.

Н. С.

Ивановъ, *Тимоѳей Ивановичъ*, медальеръ С.-Петербургскаго монетнаго двора. Род. въ 1729, умеръ въ 1803 г. Ученикъ медальерной школы (съ 1745), онъ былъ казеннымъ медальеромъ съ 1762 по 1800 г. и за это время вырѣзалъ не мало медалей. Первыми его работами могутъ считаться медали «на прощеніе податныхъ недоимокъ» (1754) и «на учрежденіе воспитательнаго дома», рублевики 1758 г. съ изображеніемъ императрицы Елизаветы Петровны и медаль «на побѣду надъ пруссаками при Франкфуртѣ на Одерѣ» (1759). Затѣмъ, кромѣ исполненія разныхъ копій съ произведеній другихъ мастеровъ (Вехтера и проч.), имъ были еще изготовлены: серебряные жетоны на основаніе Академіи Художествъ и изображеніе императрицы Екатерины II для большей медали на ея коронацію (1762), а также портреты ея на медаляхъ по случаю различныхъ событій ея царствованія, какъ-то: установленіе новой монеты, — закладка Исаакіевскаго собора, возобновленіе Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, пятидесятилѣтіе Академіи Наукъ, учрежденіе губерній (1775 г.), принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи (1783 г.), поѣздка императрицы въ Крымъ, побѣда надъ шведами и заключеніе мира съ ними, учрежденіе ордена св. Владиміра, и проч. (1763—1790 гг.). Наконецъ, онъ принималъ участіе въ изготовленіи «серіи историческихъ медалей», какъ напр.: на взятіе финляндскихъ и лифляндскихъ городовъ въ 1710 г. и вообще на завоеваніе Финляндіи и Лифляндіи въ 1713 г., на разныя событія изъ жизни Петра I 1717—1718 гг., исполнилъ медали на происшествіи времени великихъ князей Святослава и Ярополка и т. д. Нѣкоторыя изъ его работъ воспроизведены въ гравюрахъ въ «Собраніи русскихъ медалей», 1840 г.

Прозоровскій, «Каталогъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ монетъ-кабинетѣ И. А. Х.»; Иверсенъ «Словарь медальеровъ»; Ровинскій «Подробный словарь русск. гравиров. портретовъ».

Н. С.

Ивановъ, *Ѳедоръ*, явился 21 января 1747 г. къ русскому резиденту въ Константинополѣ Адріану Неплюеву и объявилъ черезъ переводчика, что онъ сынъ царя Ивана Алексѣевича, что царица Прасковья Ѳеодоровна отдала его младенцемъ греческому монаху Евѳимію и голландкѣ Маріи, которые, одѣвъ его въ женское платье, увезли черезъ Астрахань и Персію въ Дамаскъ; тамъ жили они много лѣтъ, при чемъ Евѳимій три раза на довольно продолжительные сроки уѣзжалъ въ Россію и оттуда привозилъ разныя драгоцѣнности, будто бы полученныя отъ царицы Прасковьи. Послѣ смерти Евѳимія Ѳедоръ проживалъ продавая свои драгоцѣнные камни, былъ въ Кипрѣ, на Аѳонѣ и наконецъ явился къ Неплюеву, имѣя около 40 лѣтъ отъ роду. Неплюевъ долго увѣщалъ его сказать

правду, потомъ велѣлъ его сѣчь; но Ивановъ все утверждалъ, что передаетъ сущую правду. Тогда резидентъ отправилъ его скованнаго въ Россію съ поручикомъ Обрѣзковымъ. Въ Айдосахъ узникъ сталъ кричать, что желаетъ принять магометанство; Обрѣзковъ попробовалъ его застрѣлить, но промахнулся; турки отобрали Иванова и отправили его въ Алеппо, откуда онъ объявилъ себя родомъ. Дальнѣйшая судьба его не извѣстна.

Соловьевъ, т. XXII, изд. 2, 214—215.

Ивановъ, *Ѳедоръ,* дьяконъ, расколоучитель, см. Ѳедоръ, дьяконъ.

Ивановъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, писатель, род. въ 1777 г., умеръ 31 августа 1816 г. Воспитывался подъ надзоромъ профессора математики въ Московскомъ университетѣ В. К. Аршеневскаго, обучаясь между тѣмъ въ Академической гимназіи и числясь на службѣ въ Семеновскомъ полку. Въ 1794 г. поступилъ во 2-й морской полкъ, участвовалъ въ шведской войнѣ, а въ 1794 г. вышелъ въ отставку. Черезъ два года онъ опять поступилъ на службу въ Коммиссію московскаго комиссаріатскаго депо и уже болѣе не перемѣнялъ ея, и жилъ постоянно въ Москвѣ, гдѣ и скончался. Ивановъ слылъ въ Москвѣ за хлѣбосола, остроумнаго, веселаго собесѣдника и записного театрала. Сдѣлавшись сперва членомъ литературнаго кружка, основаннаго Жуковскимъ, онъ впослѣдствіи самъ устраивалъ вечера, которые охотно посѣщались московскими литературными знаменитостями. Ивановъ пользовался всеобщимъ расположеніемъ, но въ особенности былъ друженъ съ А. Ѳ. Мерзляковымъ. Въ литературѣ Ивановъ извѣстенъ какъ драматическій писатель. Изъ пьесъ его наибольшимъ успѣхомъ пользовались комедіи: «Женихи» (1808), «Не все то золото, что блеститъ» (1808), но особенную популярность пріобрѣла патріотическая драма «Семейство Старичковыхъ», выдержавшая три изданія (1808, 1816, 1824 гг.). Въ 1809 году онъ перевелъ съ французской передѣлки «Разбойниковъ» Шиллера и написалъ «Марѳу Посадницу», трагедію въ стихахъ. Мелкія его стихотворенія и прозаическія статьи печатались въ разныхъ петербургскихъ и московскихъ журналахъ и между прочимъ въ «Амфіонѣ», который онъ издавалъ въ 1815 году вмѣстѣ съ Мерзляковымъ и С. В. Смирновымъ. Собраніе сочиненій и переводовъ Иванова издано Обществомъ любителей россійской словесности въ 1824 г., въ 4-хъ частяхъ, съ портретомъ автора и біографіей, написанной Мерзляковымъ.

Геннади, «Словарь»; Сочиненія К. Н. Батюшкова, изд. 1886, т. III. *В. Саитовъ.*

Ивановъ, *Ѳома*, иногда называется Тверитиновымъ, посадскій человѣкъ, казненъ 29 ноября 1714 г., двоюродный братъ еретика Дмиррія Тверитинова, род. въ Твери, въ Москву переселился въ 80-хъ годахъ XVII вѣка и здѣсь учился «лекарскому дѣлу». Когда началось дѣло Тверитинова, Ѳома Ивановъ самъ явился въ Преображенскій приказъ и объявилъ, что держится мнѣній судимыхъ. Находясь подъ карауломъ въ Чудовомъ монастырѣ однажды послѣ службы порубилъ въ церкви образа, за что и былъ сожженъ въ срубѣ въ Москвѣ, на Красной площади.

Опис. док. и дѣлъ архива Св. Син., т. II, ч. 1.

Ивановъ-Слѣпой, *Димитрій Даниловичъ*, окольничій и воевода при вел. кн. Іоаннѣ III, Василіѣ Іоанновичѣ и при ц. Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1517 г. участвовалъ въ смоленскомъ походѣ. Въ началѣ правленія Елены Глинской, въ 1537 г., былъ въ походѣ на князя Андрея Ивановича Старицкаго, когда онъ бѣжалъ изъ Старицы.

Карамзинъ, VII, пр. 98, VIII, пр. 16.

Иванцовъ, *Ѳеофилактъ Ѳедоровичъ*, врачъ, надворный совѣтникъ, духовнаго званія, род. въ 1819 г., умеръ 16 мая 1860 г., въ городѣ Каинскѣ, Томской губерніи. Въ 1843 г., окончивъ курсъ въ Медико-Хирургической академіи лѣкаремъ 1 отдѣленія, назначенъ въ Селенгинскій пѣхотный полкъ, въ 1845 г. въ Кіевскій военный госпиталь, откуда въ 1850 г. перешелъ въ Петербургскій госпиталь. Въ 1854 г. состоялъ въ придунайскихъ войскахъ. Въ 1856 г. переведенъ въ Томскую этапную команду. Напечаталъ въ «Протоколахъ С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей» 1859—1860 г. статью: «Объ успѣшномъ лѣченіи сибирской язвы на людяхъ въ селеніи Иткульскомъ, Каинскаго округа, Томской губерніи».

Змѣевъ, «Русск. врачи писатели», вып. I.

Иванчинъ - Писаревъ, *Николай Дмитріевичъ*, плодовитый писатель первой половины XIX в., происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; род. въ Москвѣ около 1795 г., умеръ въ февралѣ 1849 г. Дѣтство провелъ въ зажиточной, патріархаль-

ной и благочестивой семьѣ; образованіе получилъ домашнее, но очень хорошее, подъ руководствомъ воспитателей иностранцевъ. Служилъ нѣкоторое время въ гражданской службѣ, между прочимъ цензоромъ при московскомъ почтамтѣ. Иванчинъ-Писаревъ хорошо зналъ французскій, нѣмецкій и итальянскій языки и рано почувствовалъ наклонность къ занятіямъ литературой и исторіей. Въ юности любимыми его писателями были—Клейстъ, Галлеръ и Гердеръ, а изъ русскихъ — Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Подъ вліяніемъ элегіи послѣдняго «Сельское кладбище» сталъ писать стихи и первые его опыты появились въ журналѣ «Аглая» 1809 г. Впослѣдствіи Дмитріевъ, Мерзляковъ, Качановскій и В. Измайловъ приняли молодаго сочинителя подъ свое покровительство, а пріятель его, А. Ѳ. Таушевъ, самъ занимавшійся литературой, былъ его постояннымъ совѣтникомъ и цензоромъ его стихотворныхъ опытовъ. Съ 1814 года Иванчинъ-Писаревъ сдѣлался сотрудникомъ «Вѣстника Европы» и кромѣ того печаталъ стихи и прозу въ «Сынѣ Отечества» (1819 г.), «Сѣверной Пчелѣ» (1826 г.), во многихъ альманахахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ и почти во всѣхъ московскихъ журналахъ; по основаніи «Москвитянина» участвовалъ и въ немъ, а также въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». Первый сборникъ стиховъ Иванчина-Писарева былъ изданъ въ 1819 г., второй въ 1828 г., съ прибавленіемъ нѣсколькихъ сочиненій въ прозѣ, а третій въ 1832 г., безъ имени автора, подъ заглавіемъ: «Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ не проявилъ ни таланта, ни оригинальности, а по техникѣ стихи его не пошли дальше стиховъ заурядныхъ писателей конца XVIII и начала XIX в.; поэтому Воейковъ, въ своемъ парнасскомъ адресъ-календарѣ и посмѣялся надъ нимъ, сказавъ что Иванчинъ-Писаревъ состоитъ «по горной части, при переплавкѣ свинцовыхъ Мерзлякова стиховъ въ свои». Иванчинъ-Писаревъ былъ человѣкъ религіозный, большой патріотъ и врагъ галломаніи. Онъ благоговѣлъ передъ памятью Карамзина и еще при жизни его составилъ книгу: «Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувствованія сего писателя». Книга эта издана въ 1827 году и содержитъ въ себѣ отрывки изъ различныхъ сочиненій Карамзина, характеризующіе его какъ философа, патріота, литератора и историка. Въ 1832 году появилась въ печати «Отечественная Галлерея», изданіемъ которой авторъ хотѣлъ, по примѣру А. А. Писарева, побудить русскихъ художниковъ «къ занятію себя отечественными предметами». Съ этой цѣлью онъ даетъ художникамъ историческую канву, начиная со временъ Рюрика, до современныхъ автору событій. Кромѣ того «Отечественная Галлерея» заключаетъ въ себѣ біографіи: князя Ѳ. Н. Голицына, В. В. Измайлова, графа В. Г. Орлова, «Рѣчь въ память Карамзина» и наконецъ «Мысли и замѣчанія» самого автора. Во «Взглядѣ на старинную русскую поэзію» (1837 г.) Иванчинъ-Писаревъ является восторженнымъ патріотомъ, обвиняющимъ русское «недообразованное» общество въ раболѣпномъ подражаніи западной Европѣ. Разбирая произведенія народнаго творчества и «Слово о полку Игоревѣ», онъ высказываетъ, между прочимъ, мысль, что дошедшіе до насъ образцы народной поэзіи по своему глубокому чувству, живости образовъ, силѣ выраженій и красотѣ оборотовъ «не менѣе другихъ достойны комментатора съ отличнымъ дарованіемъ». Въ двадцатыхъ годахъ Иванчинъ-Писаревъ былъ избранъ членомъ Московскаго общества любителей россійской словесности, а также Общества Исторіи и Древностей. Въ своихъ историческихъ трудахъ онъ является не ученымъ, а дилетантомъ, при чемъ изложеніе его нерѣдко страдаетъ излишнею сентиментальностью и риторическою напыщенностью. Тѣмъ не менѣе, труды въ этомъ направленіи представляютъ собою наибольшую цѣнность изъ всего имъ написаннаго. Они цѣнны въ томъ отношеніи, что каждый изъ нихъ сопровождается обширными примѣчаніями, заключающими въ себѣ любопытные историческіе матеріалы и соображенія. Къ такого рода трудамъ относятся: 1) Михаилъ, великій князь Кіево-Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ. Изд. кн. М. Оболенскаго. М. 1830; 2) День въ Троицкой лаврѣ. М. 1840; 3) Вечеръ въ Симоновѣ. М. 1840; 4) Утро въ Новоспасскомъ. М. 1841; 5) Спасо-Андрониковъ. М. 1842; 6) Прогулка по древнему коломенскому уѣзду. М. 1843. Послѣднимъ трудомъ Иванчина-Писарева были «Воспоминанія объ А. А. Писаревѣ», напечатанныя въ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостяхъ» 1849 г., № 8. Занятія исторіей поставили его въ близкія сношенія съ Погодинымъ и Снегиревымъ, съ которыми, живя въ подмосковной, онъ велъ дѣятельную переписку. Иванчинъ-Писаревъ былъ знатокомъ и любителемъ художествъ. Болѣе тридцати лѣтъ онъ собиралъ рѣдчайшіе эстампы всѣхъ старыхъ и новыхъ школъ отъ начала гравированія, а также картины, миніатюры, рисунки и произведенія скульптуры. Краткое описаніе его замѣчательной коллекціи сдѣлано К. Я. Тромонинымъ въ его «Очеркахъ съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества» (М. 1839). Біографическихъ извѣстій объ Иванчинѣ-Писаревѣ очень мало: существуетъ только увѣдомленіе объ его смерти, помѣщенное И. М. Снегиревымъ въ Москвитянинѣ 1849 г. № 4, кн. 2, отд. VI, стр. 88. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ могутъ быть извлечены изъ собственныхъ его сочиненій, а также изъ писемъ къ Погодину, отрывки изъ которыхъ приведены въ біографіи послѣдняго, написанной Н. П. Барсуковымъ. *В. Саитовъ.*

Иванъ Агаѳоновичъ (по лѣтописи Гахоновичъ), упоминается въ лѣтописяхъ съ 1463 г. по 1486 г.; въ 1463 г. онъ былъ уже старымъ псковскимъ посадникомъ и провожалъ въ Москву князя Ѳ. Ю. Шуйскаго, присланнаго великимъ княземъ на помощь Пскову противъ нѣмцевъ. Въ это время псковичи, недовольные новгородцами за то, что они не помогли имъ въ войнѣ съ нѣмцами, задумали обособиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи. Въ 1464 г. они благодарили великаго князя за помощь противъ нѣмцевъ и просили о поставленіи для Пскова особаго владыки, родомъ псковича. Великій князь обѣщалъ подумать объ этомъ съ митрополитомъ. Въ концѣ января того же года псковичи отправили къ великому князю, по его требованію, большихъ пословъ, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Агаѳоновичъ. Поднеся государю въ даръ 50 р., послы снова просили объ особомъ владыкѣ для Пскова. Но въ этой просьбѣ имъ было отказано на томъ основаніи, что до того времени въ Псковѣ никогда не было владыки. 14 сентября 1471 г. по предварительному соглашенію съ королемъ польскимъ, девять посланцевъ псковскихъ, въ томъ числѣ и Иванъ Агаѳоновичъ, съѣзжались съ польскими послами для переговоровъ о пограничныхъ спорахъ, но не пришли ни къ какому результату. Въ томъ же году Иванъ Агаѳоновичъ принималъ участіе въ походѣ великаго князя на Новгородъ и былъ раненъ при осадѣ Вышгорода. Въ 1473 г. Иванъ Агаѳоновичъ принималъ участіе въ переговорахъ съ послами магистра въ Новгородѣ объ установленіи границъ, но соглашеніе не состоялось и псковичи вынуждены были просить у великаго князя помощи противъ нѣмцевъ. Въ 1474 г. на помощь имъ приходилъ князь Д. Холмскій, и великій князь ожидалъ благодарности за то чрезъ большихъ пословъ, между тѣмъ псковичи послали въ Москву простого гонца, и за это великій князь выразилъ Пскову «нелюбовь и гнѣвъ». Тогда псковичи отправили въ Москву большихъ пословъ: намѣстника, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго-Стригу, троихъ посадниковъ, въ числѣ ихъ и Ивана Агаѳоновича, и бояръ отъ всѣхъ концовъ. Но великій князь и «на очи не пустилъ» пословъ, «ни дару не принялъ» отъ нихъ; послы возвратились въ Псковъ «безъ отвѣта». Въ 1476 г. великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ и псковичи, еще въ 1475 г. просившіе у него другаго намѣстника вмѣсто князя Ярослава, который сильно утѣснялъ ихъ, отправили въ Новгородъ Ивана Агаѳоновича и еще троихъ посадниковъ. Даръ пословъ, 50 рублей, великій князь принялъ, но дѣло рѣшилъ въ пользу князя Ярослава, который еще сильнѣе началъ притѣснять псковичей. Въ 1480 г., когда Іоаннъ III былъ въ Новгородѣ, изъ Пскова пріѣхали привѣтствовать его намѣстникъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій съ Иваномъ Агаѳоновичемъ и еще четырьмя посадниками. Тогда же великій князь послалъ на помощь Пскову противъ нѣмцевъ князя Андрея Никитича Ногтева-Оболенскаго, который, послѣ удачнаго похода, разссорился съ псковичами и выѣхалъ въ Москву, хотя миру еще не было. Иванъ Агаѳоновичъ съ другими посадниками ѣздилъ мириться съ воеводою, но безъ успѣха. Въ 1483 г., вслѣдствіе своевольныхъ дѣйствій намѣстника князя Ярослава и посадниковъ, псковичи возмутились и разнесли дворы шести посадниковъ и въ числѣ ихъ дворъ Ивана Агаѳоновича, а въ 1484 г. поднялись смерды. Въ 1485 г. было отправлено въ Москву по дѣлу о смердахъ посольство, въ которомъ находил-

ся и Иванъ Агаѳоновичъ. Великій князь распорядился такъ, чтобы все было приведено въ прежній порядокъ. Въ 1486 г., послѣ взятія Твери, въ Москву пріѣхалъ псковскій намѣстникъ съ посадниками и боярами, въ числѣ которыхъ былъ и Иванъ Агаѳоновичъ.

Полн. собр. р. лѣт. IV; V, 35, 36, 38; VIII, 180.

Иванъ Александровичъ, новгородскій посадникъ, умеръ въ схимѣ въ 1417 г. Въ 1386 г. великій князь Дмитрій Донской пошелъ на Новгородъ съ сильной ратью. Новгородцы выслали на встрѣчу къ нему посадника Ивана Александровича и другихъ новгородскихъ бояръ съ челобитьемъ о мирѣ, но великій князь мира не далъ; только третье посольство умилостивило его. Преемникъ Донскаго, въ 1393 г., два раза пустошилъ Новгородскую волость. Со стороны Новгорода также рать охотниковъ пустошила земли великаго князя; въ числѣ вождей этой рати упоминается и Иванъ Александровичъ; вскорѣ, впрочемъ, обѣ стороны примирились. Изъ дарственной грамоты Вишерскому монастырю посадниковъ Ѳедора Тимоѳеевича и Ивана Александровича видно, что послѣдній былъ посадникомъ Славенскаго конца.

Полн. собр. р. лѣт. III, 107, 135; IV, 93, 100, 115; V, 241, 245; Карамзинъ, V, пр. 149; Григоровичъ, «Опытъ о посадн. новг.» 114-й посадн.; Амвросій, «Ист. росс. іерарх.» III, 559.

Иванъ Аѳанасьевичъ, новгородскій посадникъ; былъ посланъ въ 1464 г. новгородцами къ великому князю вмѣстѣ съ посадникомъ Ѳедоромъ Яковлевичемъ съ жалобами на Псковъ, хлопотавшій о томъ, чтобы стать самостоятельнымъ отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи и съ просьбой о военной помощи противъ него; просьба, однако, не была удовлетворена. Въ 1476 г. Іоаннъ III собрался въ Новгородъ «миромъ», но «на судъ и на управу». Во многихъ пунктахъ его встрѣчали то съ жалобами, то съ подарками. Въ Рыдинѣ, за 100 верстъ отъ Новгорода, его встрѣтили съ дарами архіепископъ, множество бояръ и житьихъ; тутъ же былъ и Иванъ Аѳанасьевичъ. Разобравши въ Новгородѣ многія жалобы, великій князь приказалъ схватить нѣкоторыхъ бояръ, и въ томъ числѣ Ивана Аѳанасьевича съ сыномъ Елевѳеріемъ, обвиненныхъ въ намѣреніи передаться польскому королю. Они отвезены были въ Москву, потомъ въ Коломну. Впослѣдствіи, по ходатайству митрополита Ѳеофила, они были освобождены; дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 130, 228, 251; VI, 18, 33, 203—205; VIII, 182; Ник. VI, 62; Арханг. 154; Григоровичъ, «Опытъ о посадн. новг.», 156-й посад.

Иванъ Богдановичъ, новгородскій посадникъ, умеръ въ 1419 г., былъ въ числѣ воеводъ новгородской рати, посланной на Двину для борьбы съ войсками великаго князя Василія Дмитріевича. Лѣтописи отмѣчаютъ этого посадника еще два раза, говоря, что въ 1416 г. онъ встрѣчалъ владыку Симеона, пріѣхавшаго изъ Москвы съ поставленія въ архіепископы, а затѣмъ, говоря о его смерти отъ повѣтрія.

Пол. собр. р. лѣт. III, 99, 106, 108, 138; Григоровичъ, «Опытъ о посадн. новг.», 113-й посадникъ; «Вѣст. археол. и ист.», IX, 116.

Иванъ Васильевичъ, новгородскій посадникъ. Въ 1435 г. ходилъ наказать Великія Луки и Ржеву за то, что онѣ не хотѣли платить дани. Будучи посадникомъ новгородскимъ, Иванъ Васильевичъ посадничалъ и въ Русѣ въ 1442 году. Послѣ 1471 года ѣздилъ съ другими посадниками къ великому князю и заключилъ договоръ, по которому великій князь обязывался держать новгородцевъ «по старинѣ и по пошлинѣ», а новгородцы держать княженіе его «честно и грозно», за короля польскаго не задаваться. Онъ поставилъ въ Новгородѣ церковь Алексѣя Божія человѣка.

Полн. собр. р. лѣт. III, 111—114; Никон. V, 119; Собр. гос. гр. и д. I, №№ 20, 21; Карамзинъ, V, пр. 283, 386; VI, пр. 66; Григоровичъ, «Опытъ о посадникахъ новгор.» 194, 242; «Вѣст. археологіи и исторіи», IX, 116.

Иванъ Войтишичъ, кіевскій воевода. По преданію водилъ на Дунай въ 1116 г. рать Мономаха и занялъ многіе города за то, что по приказу Алексѣя Комнена былъ убитъ въ Доростолѣ царевичъ Леонъ, зять Мономаха. Въ 1127 г. Мстиславъ I Владиміровичъ посылалъ сильную рать на кривскихъ (полоцкихъ) князей, изгналъ изъ Полоцка Давида Всеславича и посадилъ тамъ брата своего Рогволода. Въ этомъ походѣ былъ и Иванъ Войтишичъ съ торками. Въ 1139 г. ѣздилъ въ Новгородъ посломъ князя Всеволода Ольговича, занявшаго Кіевскій столъ и думавшаго объ утвержденіи за своимъ родомъ и Новгорода, гдѣ постоянно боролись партіи Мономаховичей и Ольговичей. Въ 1146 г. Кіевъ занялъ другой Ольговичъ, Игорь. Видя, какъ неохотно принимаютъ его кіевляне, Ольговичъ старался привлечь къ себѣ болѣе

знатныхъ и вліятельныхъ кіевлянъ, какъ воевода Иванъ Войтишичъ, тысяцкій Улѣбъ и другіе. Послѣдніе показывали видъ, что вѣрны ему, а между тѣмъ постоянно сносились съ Изяславомъ Мстиславичемъ и звали его въ Кіевъ. Когда Изяславъ подошелъ къ Кіеву, противъ него вышелъ съ Игоремъ и Иванъ Войтишичъ, но въ рѣшительную минуту оставилъ его и перешелъ къ Изяславу. Этимъ ограничиваются лѣтописныя извѣстія объ Иванѣ Войтишичѣ.

Полн. собр. р. лѣт. I, 130; II, 7, 11, 17, 24, 291.

Иванъ (Янъ) **Вышатичъ**, кіевскій тысяцкій, сынъ Вышаты, воеводы великаго князя Ярослава Владиміровича. По своему положенію онъ, конечно, принималъ участіе во многихъ событіяхъ кіевской Руси конца XI и начала XII вѣковъ, но лѣтописи упоминаютъ о немъ сравнительно рѣдко. Въ 1068 г. принималъ участіе въ неудачномъ походѣ князей Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей противъ половцевъ. Въ 1070 г. въ ростовской области собиралъ дань для Святослава Ярославича—явленіе загадочное, объяснимое развѣ только смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ кіевской Руси, такъ какъ ростовская область принадлежала не Святославу черниговскому, а брату его Всеволоду. На Бѣлѣозерѣ Вышатичъ встрѣтился съ двумя волхвами, на которыхъ жаловались бѣлозерцы, что они избиваютъ женъ ихъ за то, что тѣ, будто бы, скрываютъ въ себѣ жито, медъ, рыбу и т. п. припасы; они разрѣзывали у женщинъ кожу на спинахъ и дѣлали видъ, что вынимаютъ то жито, то рыбу и т. д. Вышатичъ бесѣдовалъ съ кудесниками о ихъ ученіи, потомъ вышелъ противъ нихъ съ оружіемъ, и тѣ, послѣ первой схватки, въ которой убитъ былъ священникъ Яна, бѣжали въ лѣсъ. Кажется часть населенія сочувствовала волхвамъ, но по требованію тысяцкаго они были выданы и казнены. Въ 1093 г. Янъ Вышатичъ участвовалъ въ походѣ на половцевъ вмѣстѣ съ Мономахомъ. Въ 1106 г. великій князь Святополкъ Изяславичъ послалъ его противъ половцевъ, воевавшихъ около Зарѣчска. Янъ вмѣстѣ съ братомъ Путятой одержалъ надъ степняками побѣду и отнялъ у нихъ полонъ. Лѣтописи и патерикъ печерскій восхваляютъ добродѣтели Яна и жены его Маріи, сообщаютъ, что они пользовались любовію преподобнаго Ѳеодосія, который посѣщалъ ихъ домъ и бесѣдовалъ съ ними о милостынѣ, о царствіи небесномъ и смертномъ часѣ. У такой добродѣтельной четы былъ еще болѣе добродѣтельный сынъ: презрѣвъ земное величіе, онъ тайно удалился въ пещеры, постригся тамъ и былъ первымъ печерскимъ игуменомъ.

Полн. собр. р. лѣт. I, 66, 75—6, 91, 94, 119; II, 261, 270, 272—3, 279, 287; III, 211; V, 143—5, 155; VII, 20, 331, 338—9. «Житіе преп. Варлаама печерск.» въ «Патер. печерскомъ».

Иванъ (Иванко) **Димитріевичъ** — новгородскій посадникъ, умеръ въ 1238 г.; выбранъ въ 1220 г. на мѣсто посадника Твердислава, съ которымъ не ладилъ кн. Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича; одновременно и Всеволодъ Мстиславичъ былъ замѣненъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ; просить въ Новгородъ Юрьевича ходили къ великому князю (1221 г.) владыка Митрофанъ и посадникъ Иванко. Но и Юрьевичъ въ 1222 г. бѣжалъ изъ Новгорода, а Новгороду угрожали ливонскіе рыцари; тогда къ новгородцамъ, по просьбѣ ихъ предъ Юріемъ, явился братъ его Ярославъ. Однако и этотъ скоро уѣхалъ въ свой Переяславль. Явился опять Всеволодъ Юрьевичъ, и опять тайно уѣхалъ въ Торжокъ (1224 г.), откуда грозилъ Новгороду войной, грозилъ напоить коня своего въ Волховѣ, какъ напоилъ уже въ Тверцѣ, а войска были у него подъ рукой. Иванко въ это время является въ Новгородѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и вождемъ боярской партіи, противной Юрьевичу: новгородцы клялись умереть за св. Софію и за него, защищая его отъ великаго князя, который требовалъ выдачи неугодныхъ ему бояръ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ обѣ стороны согласились, чтобы въ Новгородѣ княземъ былъ шуринъ Юрія, Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій; едва-ли можно принять извѣстіе Татищева, что новгородцы выдали Юрію его недруговъ, но правдоподобно его же извѣстіе, что они заплатили Юрію семь тысячъ гривенъ новою серебряною монетою, а Торжокъ—три тысячи.—Въ 1228 г. кн. Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ походъ на Псковъ, но безуспѣшный. Въ этомъ походѣ участвовалъ и посадникъ Иванко съ тысяцкимъ Вячеславомъ. Послѣ этой неудачи Ярославъ уѣхалъ въ Переяславль, а новгородцы, въ слѣдующемъ 1229 году лишили Иванко посадниче-

ства въ Новгородѣ, а дали въ Торжкѣ; но и новоторжцы не приняли его, и Иванко ушелъ къ кн. Ярославу. Въ 1238 г. мы видимъ его посадникомъ въ Торжкѣ, гдѣ онъ и погибъ при осадѣ города Батыемъ.

Полн. собр. русск. лѣт. I, 216, 225; III, 41—43; 52; IV, 27—28, 34; VII, 128, 143; IX, 87, X, 87; Татищева, «Росс. Ист.», III, 433; Григоровичъ, «Опытъ о посадн.новг.», 47-ой посадникъ.

Иванъ Дорогомиловичъ, псковскій воевода. Въ 1299 г. ливонскіе рыцари неожиданно напали на Псковъ и произвели большія опустошенія въ его окрестностяхъ. Князь Довмонтъ, не имѣя времени собрать большой рати, выступилъ только съ небольшой дружиной и Иваномъ Дорогомиловичемъ и на берегу рѣки Великой у церкви святыхъ Петра и Павла совершенно разбилъ рыцарей.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 45, 182; V, 203; VII, 182.

Иванъ Зиновьевъ, бояринъ великаго князя Іоанна III, исполнялъ нѣсколько довѣренныхъ важныхъ порученій. Въ 1474 г. ѣздилъ въ Псковъ для совѣщаній о дѣйствіяхъ противъ нѣмцевъ; въ 1477 г., когда великій князь собирался на Новгородъ, Иванъ Зиновьевъ былъ посланъ поднимать псковичей на новгородцевъ. По присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, въ 1478 г. оставленъ намѣстникомъ на Софійской сторонѣ вмѣстѣ съ Василіемъ Китаемъ; имъ поручено было всякія «дѣла судебныя и земскія правити по великаго князя пошлинамъ и старинамъ». Въ 1481 г. были посланы во Псковъ противъ нѣмцевъ кн. Ярославъ, кн. Иванъ Булгакъ и Зиновьеву приказано было съ посадниками, тысяцкими и т. д. идти во Псковъ «со всею ратною приправою», чтобы принять участіе въ походѣ на нѣмцевъ. Наконецъ, въ 1482 г. Зиновьевъ вмѣстѣ съ Андреемъ Плещеевымъ посланъ былъ къ волошскому воеводѣ Стефану сватать дочь его Елену за сына великаго князя, Іоанна Молодого.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 250, 256, 258, 261, 265; V, 37, 38, 41; VI, 19, 22, 33, 220, 234; VIII, 199, 214.

Иванъ Ларіоновичъ, сынъ псковскаго посадника, принималъ участіе въ двухъ посольствахъ: въ 1425 г. къ Витовту съ просьбою о примиреніи и въ 1436 г. къ великому князю съ просьбою смѣнить кн. Бориса Шуйскаго и дать въ намѣстники кн. Владиміра Даниловича.

Полн. собр. р. лѣт. V, 210; 25, 28—9.

Иванъ Михалковичъ, воевода Даніила Романовича галицкаго. Въ 1227 г. съ отрядомъ своего князя овладѣлъ городомъ Луцкомъ, принадлежавшимъ кн. Ярославу Ингваревичу. Когда галицкіе бояре составили заговоръ противъ князя Даніила Романовича, Иванъ Михалковичъ остался вѣренъ князю и взялъ въ плѣнъ 28 человѣкъ изъ Молибоговичей, фамиліи, стоявшей во главѣ заговора; однако, они были прощены (1229—1230).

Полн. собр. р. лѣт. II, 167, 170, 179.

Иванъ Никитичъ, двинской боярин, заволоцкій воевода, казненъ въ 1397 г. Когда новгородцы отказали митрополиту въ митрополичьемъ судѣ, а великому князю въ разрывѣ мира съ нѣмцами, Василій Димитріевичъ послалъ бояръ своихъ на Двину, въ Заволочье, склонять тамошнихъ жителей подчиниться великому князю, обѣщая защитить ихъ отъ Новгорода. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сторонниковъ великаго князя въ этомъ дѣлѣ былъ заволоцкій воевода Иванъ Никитичъ и братъ его Анфалъ. Двиняне съ Иваномъ Никитичемъ во главѣ присоединились къ боярину великаго князя Андрею, напали въ самый день Пасхи на волость Новгорода, Вель, повоевали ее и взяли большой окупъ. Но подошли новгородцы и взяли Орлецъ, гдѣ укрѣпились сторонники великаго князя; плѣнные были вообще пощажены, но воеводъ, поднимавшихъ Двинскую землю противъ Новгорода, не пощадили: однихъ убили, другихъ перековали; въ числѣ послѣднихъ были Иванъ Никитичъ и Анфалъ. Анфалъ бѣжалъ съ дороги, а Ивана привели въ Новгородъ и тамъ сбросили съ моста въ Волховъ.

Полн. собр. р. лѣт. III, 98, 100; IV, 103; V, 250; VIII, 71.

Иванъ Павловичъ, новгородскій посадникъ, выбранъ въ 1134 г., при кн. Всеволодѣ-Гаврінлѣ Мстиславичѣ, на мѣсто свергнутаго Петрила, убитъ въ сраженіи на Ждановой горѣ, 26 января 1136 г., когда новгородцы заставили князя Всеволода идти вторично на Суздальскую землю, чтобы отомстить за неудачный первый походъ того же года. По отзыву лѣтописей, былъ «храбръ зѣло».

Полн. собр. р. лѣт. II, 14; III, 6; IV, 4; V, 157; VII, 30; Григоровичъ, «Опыт. о посадн. новг.», 15-й посадникъ; «Вѣстн. археол. и ист.», IX, 102.

Иванъ Сидоровичъ, псковскій посадникъ, упоминается съ 1407 по 1441. Въ 1407 г., ѣздилъ просить у новгородцевъ помощи противъ нѣмцевъ, но не успѣлъ въ

этомъ; въ 1410 г. участвовалъ въ заключеніи мира съ нѣмцами въ Изборскѣ, «по старинѣ, по псковской волѣ». Въ томъ же году псковичи посылали Ивана Сидоровича и другихъ бояръ къ великому князю просить себѣ въ князья Александра Ѳедоровича ростовскаго на мѣсто умершаго въ 1409 г. Даніила Александровича; просьба была исполнена. Въ 1417 г. принималъ участіе въ посольствѣ, на этотъ разъ безуспѣшномъ, предлагавшемъ Новгороду дружески покончить несогласія, давно раздѣлявшія эти два города; принималъ участіе въ посольствѣ къ Витовту въ 1426 г. Въ 1434 г. Иванъ Сидоровичъ, Сильвестръ Леонтьевичъ и другіе заключили съ новгородцами миръ по старинѣ, скрѣпленный обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Въ послѣдній разъ Иванъ Сидоровичъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1441 г., когда онъ, по требованію великаго князя, шедшаго тогда съ войсками на Новгородъ, отъ имени Пскова складывалъ крестное цѣлованіе къ новгородцамъ и объявлялъ имъ войну.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 198, 211; V, 20—22, 27; VI, 26.

Иванъ Тимошкиничъ, новгородскій бояринъ, одинъ изъ вождей противной князю Юрію партіи; выдачи его, съ другими требовалъ князь въ 1224 г., но новгородцы, кажется, бояръ не выдали. Въ 1229 году въ Новгородѣ отнято было посадничество у Иванка Димитріевича и на его мѣсто выбрали свирѣпаго Внезда Водовика. Въ 1230 г. у Водовика возгорѣлась вражда съ Степаномъ, сыномъ извѣстнаго посадника Твердислава. Преданнѣйшимъ сторонникомъ Степана былъ Иванъ Тимошкиничъ. Противники дрались, грабили другъ друга, жгли дома. Водовикъ съ особенной яростью нападалъ на Ивана Тимошкинича и, наконецъ, собственноручно убилъ его и бросилъ въ Волховъ.

Полн. собр. р. лѣт. III, 41, 46; IV, 27—28.

Иванъ Халдѣевичъ, галицкій бояринъ и воевода Владимірка Володаревича; въ 1146 г. Всеволодъ Ольговичъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ воеводствовалъ Иванъ Халдѣевичъ; жители собрались на вѣче и положили сдаться, но воевода схватилъ трехъ главныхъ зачинщиковъ заговора, разсѣкъ каждаго изъ нихъ пополамъ и выбросилъ обезображенные трупы за городскія стѣны. Послѣ этого жители не думали уже о сдачѣ и когда городъ былъ зажженъ, усердно тушили пожаръ и отстояли городъ.

Полн. собр. р. лѣт. II, 22.

Иванъ Ѳедоровичъ, новгородскій бояринъ, сынъ посадника, жилъ и дѣйствовалъ во второй половинѣ XIV и началѣ XV вв. Въ 1377 г. онъ, при соучастіи воеводъ Василія Борисовича и Максима Ананьевича, ходилъ съ новгородской молодежью къ какому-то нѣмецкому Новугородку (лѣтописецъ говоритъ «ходили за окіянъ море на Тивролу»), взялъ посадъ и съ большимъ полономъ возвратился домой. Въ 1380 г., со многими другими боярами и житьими, онъ сопровождалъ новгородскаго владыку Алексѣя въ Москву къ великому князю Димитрію Ивановичу, который принялъ ихъ «въ любовь». Въ 1384 г., вмѣстѣ съ воеводами Осипомъ Захарьевичемъ и другими ставилъ городъ въ Ямѣ (Ямбургъ) а въ 1387 г., вмѣстѣ съ Фатіаномъ Есифовичемъ, по благословенію владыки Алексѣя, ставилъ каменный городъ въ Порховѣ. Въ 1411 г. шведы взяли новгородскій пригородъ Тиверскій и новгородцы, подъ главнымъ начальствомъ князя Лугвенія-Семена Ольгердовича, опустошили нѣкоторыя шведскія волости; въ числѣ воеводъ былъ и Иванъ Ѳедоровичъ (вѣроятно объ этомъ же самомъ походѣ говорятъ лѣтописи и подъ 1417 г., такъ какъ въ описаніи его упоминаются тѣ же дѣйствующія лица и тѣ же самыя мѣстности). Въ послѣдній разъ Иванъ Ѳедоровичъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1417 г., когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ Аѳанасіемъ и другими новгородцами, отбилъ въ Заволочьи новгородскихъ бояръ, плѣненныхъ московскимъ бояриномъ Глѣбомъ Семеновичемъ Юрьевымъ, при содѣйствіи новгородскихъ бѣглецовъ, Жадовскаго и Разсохина.

Полн. собр. р. лѣт. III, 91, 94, 104, 107; IV, 75, 91, 113, 138; V, 235, 258, 260.

Иванъ, нѣмецъ, вывезенный какъ полагаютъ, Юріемъ Траханіотомъ изъ Германіи, вмѣстѣ съ другимъ нѣмцемъ же Викторомъ; это были «рудознатцы» или горные инженеры, которыхъ желалъ имѣть великій князь Іоаннъ III для добыванія благородныхъ металловъ въ собственныхъ владѣніяхъ. Въ 1491 г. эти инженеры съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ отправлены были изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печоры. Черезъ семь мѣся-

цевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли серебряную руду вмѣстѣ съ мѣдной на р. Цылмѣ, верстахъ въ 20 отъ Косьмы, въ 300—отъ Печоры и въ 3500 отъ Москвы. Съ этого времени русскіе сами начали добывать металлъ и чеканить монету изъ своего серебра.

Полн. собр. р. лѣт. VIII, 221, 223; Карамзинъ, VI, 140.

Ивашинцовъ *Николай Алексѣевичъ*, контръ-адмиралъ, гидрографъ, род. въ 1819 г., умеръ 13 января 1871 г. Получилъ образованіе въ Морскомъ корпусѣ и въ офицерскомъ классѣ и оставленъ при корпусѣ преподавателемъ морскихъ и математическихъ наукъ. Прикомандированный въ 1848 г. къ гидрографическому департаменту Морскаго Министерства Ивашинцовъ подъ руководствомъ извѣстнаго гидрографа Рейнеке до 1853 г. участвовалъ ежегодно въ работахъ по съемкѣ Балтійскаго моря и редактировалъ Морской мѣсяцесловъ, издававшійся тогда гидрографическимъ департаментомъ. Въ 1853 году въ чинѣ капитанъ-лейтенанта былъ командированъ въ распоряженіе оренбургскаго генералъ-губернатора, участвовалъ въ штурмѣ Коканской крѣпости Акъ-Мечеть и получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Съ 1856 года приступилъ къ изслѣдованіямъ Каспійскаго моря, въ качествѣ начальника экспедиціи, продолжавшейся 15 лѣтъ, на многихъ пунктахъ моря произвелъ астрономическія и магнитныя наблюденія, изслѣдовалъ рельефъ дна и нанесъ на карту береговую линію. Въ 1867 г. назначенъ членомъ учебнаго отдѣленія морскаго техническаго комитета. Въ 1869 г. произведенъ въ контръ-адмиралы. Изъ ученыхъ работъ его замѣчательны: «Гидрографическія изслѣдованія Каспійскаго моря», 1866—1870 гг., 2 т., «Очеркъ теоріи урагановъ», 1850, «Русскія кругосвѣтныя путешествія съ 1803 по 1849 г.» и др. Онъ былъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ 1864 году удостоенъ былъ отъ него за свои труды константиновской преміи.

«Морской Сборникъ», 1857 г. № 11 и 1872 г. № 3. «Рус. Архивъ», 1873 г., стр. 1492.

Ивашкевичъ, *Георгій*, могилевскій римско-католическій епископъ-суффраганъ, род. 20 апрѣля 1819 г. въ с. Плуще, Ковенской губерніи, умеръ 28 декабря 1875 г.; происходилъ изъ старинной литовско-русской дворянской фамиліи, члены которой уже въ XVI в. занимали такія мѣста, какъ трокскаго казнохранителя, витебскаго ясельничьяго и т. п. Получивъ первоначальное образованіе въ по-іезуитской гимназіи мѣстечка Кроже, россіенскаго уѣзда, и затѣмъ въ Минской римско-католической епархіальной семинаріи, Георгій Ивашкевичъ поступилъ въ 1840 г. въ С.-Петербургскую Императорскую римско-католическую духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 г. со степенью магистра богословія и тогда же, по рукоположеніи въ священники, былъ оставленъ при Академіи сперва въ качествѣ доцента пастырскаго богословія и библейской археологіи, а потомъ профессора догматическаго богословія, которое преподавалъ по конецъ 1871 г.; въ 1849 г. награжденъ золотымъ наперстнымъ крестомъ и званіемъ каноника Могилевскаго архіепархіальнаго капитула. Въ послѣдующее время, кромѣ пожалованій орденами Св. Станислава и Анны 2-ой ст., Ивашкевичъ удостоенъ конференціею Академіи въ 1861 г. степени доктора богословія, а въ 1866 г. назначенъ прелатомъ упомянутаго капитула. Въ декабрѣ 1874 г. избранъ капитулярнымъ викаріемъ-управляющимъ Могилевской римско-католическаго архіепархіею, которой и завѣдывалъ по 14 апрѣля 1872 г. За симъ, съ Высочайшаго соизволенія, Ивашкевичъ возведенъ папою въ санъ епископа in partibus infidelium Антедоценскаго, суффрагана Могилевской архіепархіи, въ каковой должности и утвержденъ Именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 16 іюня 1872 г. Въ 1858 г. Ивашкевичъ состоялъ законоучителемъ Императорскаго гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института и съ 1859 г. по день своей кончины священнодѣйствовалъ при церкви Св. Іоанна Іерусалимскаго (Мальтійской, въ Пажескомъ корпусѣ). Скончался въ С.-Петербургѣ и похороненъ здѣсь на Выборгскомъ католическомъ кладбищѣ въ склепѣ духовныхъ подъ церковью. Старшій братъ епископа Ивашкевича, *Иванъ Ивашкевичъ*, былъ уніатскимъ священникомъ и умеръ въ 50-хъ годахъ законоучителемъ Щебрешинской гимназіи заможскаго уѣзда.

Дѣла Департам. иностр. испов. и Римско-кат. дух. коллегіи; A. Boniecki, «Poczet rodów w Wiel. Kniestwie Litewsk.», Варшава, 1887 г., стр. 100.

В. В.

Ивашко, псковскій дьякъ. Въ 1463 г. началась война у псковичей съ нѣмцами; въ ней кромѣ собственно войскъ принимали участіе охотники, добровольцы. Партія такихъ охочихъ людей, выбравши воеводой Ивашку дьяка, ходила за Изборскъ, пустошила нѣмецкую волость и благополучно возвратилась домой съ большой добычей. Въ 1471 году псковичи по приказу великаго князя пошли на Новгородъ. Охочихъ людей на этотъ разъ собралось болѣе полуторы тысячи и во главѣ ихъ стали тотъ же Ивашка и еще какой-то Манухна Сюйгинъ. Сначала дѣла ихъ шли успѣшно, они жгли и грабили селенія на протяженіи 20 верстъ отъ своего рубежа. Но затѣмъ подверглись неожиданному нападенію новгородцевъ; одни изъ охочихъ людей бѣжали; а изъ тѣхъ, которые вступили въ бой лишь немногіе спаслись; большая часть были избиты; новгородцы забрали все ими награбленное и ихъ оружіе. Что сталось съ Ивашкой—неизвѣстно.

Полн. собр. русск. лѣт. IV, 223, 241; V, 34.

Ивашковскій, *Семенъ Мартыновичъ*, ст. сов., ординарный профессоръ греческаго языка и древностей въ Московскомъ университета; происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ 1774 г. въ смоленской губерніи, умеръ 23 апрѣля 1850 года. По окончаніи курса въ Смоленской духовной семинаріи и въ Московскомъ университетѣ, преподавалъ съ 1801 по 1812 г. въ Академической гимназіи и съ 1804 до 1827 г. въ Московской губернской гимназіи; въ 1806 г. получилъ степень доктора философіи; съ 1819 по 1835 г. былъ профессоромъ греческой словесности въ Московскомъ университетѣ. Онъ былъ убѣжденный поклонникъ классическаго образованія и ревностно старался содѣйствовать его распространенію своими трудами—рѣчами, и изданіями и переводами классиковъ; важнѣйшія его работы словари: греко-русскій, изданный въ 1838 г. на средства извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія, грековъ братьевъ Зосимъ, русско-латинскій и латино-русскій, 1849—1853 г., отличавшіеся для своего времени большими достоинствами.

«Словарь профес. Московск. универс.», 344—351; Геннади, «Словарь».

Ивеличъ, *Маркъ Константиновичъ*, графъ, генералъ-лейтенантъ и сенаторъ; род. въ 1751 г., умеръ 3 декабря 1825 г. Въ 1770 г. 21 іюля явился на флотъ графа А. Г. Орлова и принятъ на службу подпоручикомъ; участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ турокъ, успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе побудить къ войнѣ съ турками черногорцевъ и герцоговинцевъ и за отличіе въ 1774 г. произведенъ въ секундъ-маіоры. По заключеніи мира былъ командиромъ 1-го морскаго батальона. При началѣ второй турецкой войны въ 1788 г. подполковникъ Ивеличъ снова былъ посланъ въ Черногорію и Герцоговину возбуждать населеніе къ войнѣ съ турками. Онъ дѣйствительно организовалъ возстаніе, склонилъ къ участію въ немъ многихъ своихъ родственниковъ, сформировалъ отдѣльный отрядъ славянъ изъ 12-ти батальоновъ и неоднократно наносилъ пораженія скутарійскому пашѣ. 9 сентября 1797 года произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ сформированнаго имъ же Томскаго мушкетерскаго полка. Въ 1798 году прекратилъ безпорядки въ Тобольской губерніи и 26 апрѣля 1799 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ томъ же году отставленъ отъ службы, а въ 1803 году вновь принятъ и въ 1805 въ третій разъ посланъ въ качествѣ уполномоченнаго къ черногорцамъ и боккезцамъ, возбуждать ихъ къ участію въ войнѣ противъ французовъ. Прибывъ въ Катаррскую область послѣ аустерлицкаго сраженія, когда Венеція, Далмація и Катарро были уступлены по мирному договору Франціи, Ивеличъ успѣлъ вызвать населеніе къ рѣшительному сопротивленію французамъ и австрійцамъ и не мало содѣйствовалъ успѣху дальнѣйшихъ дѣйствій вице-адмирала Сенявина. По возвращеніи въ Петербургъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, а въ началѣ 1812 года посланъ съ дипломатическими порученіями въ Италію и здѣсь содѣйствовалъ заключенію мира между Турками и Сербами на основаніяхъ, поставленныхъ бухарестскимъ миромъ въ 1812 г. Съ 1814 г. Ивеличъ занималъ должность сенатора. Ивеличъ происходилъ изъ города Ризано, въ бывшихъ венеціанскихъ владѣніяхъ въ Далмаціи; его братъ былъ независимымъ князькомъ; вѣроятно, въ виду этого М. К. Ивеличъ и былъ признанъ въ Россіи графомъ.

«Энцикл. воен. и морск. наукъ»; «Справоч. энцикл. сл.» Края; Архивъ Сената, формуляры № 2,202.

Ивинъ, *Евграфъ Петровичъ*, тайный сов., членъ кабинета Его Величества, изъ дворянъ тверской губерніи, род. въ 1809 г., умеръ 10 апрѣля 1871 г. По окончаніи въ 1828 г. курса въ Московскомъ университетѣ дѣйствительнымъ студентомъ вступилъ 12 августа 1829 г. на службу въ канцелярію Имеретинскаго временнаго правленія; въ 1830—1831 г. по порученію начальства составилъ генеральное описаніе Грузіи; въ 1836 г. перешелъ въ контрольное отдѣленіе при интендантствѣ кавказскаго корпуса бухгалтеромъ; 27 апрѣля 1847 г. опредѣленъ начальникомъ счетнаго отдѣленія департамента желѣзныхъ дорогъ; 18 января 1855 г. вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ д. ст. сов.; 20 августа 1855 г. опредѣленъ снова на службу членомъ Кабинета; участвовалъ въ ревизіи хозяйственной части Академіи Художествъ, былъ членомъ строительной коммиссіи Эрмитажа, завѣдывалъ кассою Министерства Императорскаго Двора, участвовалъ въ 1866 г. въ комитетѣ при Министерствѣ Двора для составленія инструкціи по примѣненію дѣйствій министерства ко вновь введеннымъ судебнымъ уставамъ. Въ 1864 г. произведенъ въ тайные совѣтники; въ 1870 г. пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла.

Дѣло I отд. Кабинета Его Величества, № 16, связка № 1842—А.

Игельстромъ, графъ *Іосифъ Андреевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сынъ лифляндскаго дворянина, род. въ 1737 г., умеръ въ 1817 г. Получилъ чинъ подполковника въ 1762 г., состоя подъ начальствомъ П. А. Румянцева (впослѣдствіи графа); затѣмъ служилъ въ Польшѣ подъ начальствомъ князя Н. В. Репнина и былъ главнымъ помощникомъ его при захватѣ и высылкѣ изъ Польши Солтыка, Залусскаго и Ржевусскихъ въ 1767 г. Участвуя въ первой турецкой войнѣ отличился подъ Кіліей, при Аккерманѣ и получилъ орденъ Георгія 3-й степени; въ 1784 г. по порученію князя Потемкина захватилъ Шагинъ-Гирея; послѣ этого Потемкинъ оказывалъ ему особое покровительство. Съ 1784 по 1792 гг. былъ намѣстникомъ симбирскимъ и уфимскимъ. Главною задачею его было сохраненіе спокойствія среди мусульманскаго населенія края, задачею, особенно трудною въ виду начавшихся у Россіи неудовольствій съ Турціею. Игельстромъ, значительно увеличивъ число мѣстныхъ хановъ, достигъ того, что престижъ ихъ, до того времени въ глазахъ мѣстнаго населенія очень значительный, почти совершенно палъ; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ вновь назначенные ханы оказывались вѣрными подданными Россіи, тогда какъ прежде именно ханы и были наиболѣе опаснымъ для общаго спокойствія элементомъ, то это послужило извѣстной гарантіей сохраненія спокойствія; кромѣ того генералъ-губернаторъ устроилъ нѣсколько новыхъ городовъ и укрѣпилъ нѣкоторые старые. Благодаря этимъ мѣрамъ, когда началась вторая турецкая война, удалось сохранить между киргизами спокойствіе, не смотря на всѣ старанія Турціи, черезъ посредство бухарскаго хана, вызвать среди ихъ волненіе. Имѣя въ виду и дальнѣйшее обрусеніе края, Игельстромъ заводилъ школы и привлекалъ туда дѣтей киргизовъ. Но эта мѣра оказалась не особенно удачною, потому что для преподаванія приходилось пользоваться услугами казанскихъ муллъ, ибо между киргизами способныхъ къ этому людей не было, а казанскіе муллы всегда, и прежде, какъ и теперь, отличались наибольшимъ мусульманскимъ фанатизмомъ; имъ удалось въ извѣстной степени развить такой же фанатизмъ и среди киргизовъ, которые раньше далеко не были религіозными фанатиками. Въ началѣ 1790 г., въ чинѣ генерала-поручика, Игельштромъ былъ назначенъ въ Финляндскую армію, а съ открытіемъ мирныхъ переговоровъ, приведшихъ къ заключенію Верельскаго мира (3 августа 1790 г.), принималъ въ нихъ главнѣйшее участіе, за что и получилъ орденъ св. Андрея, а затѣмъ еще чинъ генерала-аншефа, похвальную грамоту и шпагу. Предполагалось отправить его въ Швецію посломъ, но назначеніе это не состоялось, потому что взаимно назначены были министры низшаго ранга. Въ 1792 г. былъ намѣстникомъ псковскимъ, въ 1793—кіевскимъ и черниговскимъ, а отсюда переведенъ въ Варшаву, въ 1794 г., на смѣну Сиверса. Здѣсь распоряженія его, особенно въ виду недовольства, вызваннаго вторымъ раздѣломъ, оказались неудачными. Уступая постояннымъ жалобамъ жителей, онъ уменьшилъ число войскъ въ Варшавѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался дѣйствовать смѣло и энер-

гично, когда уже проявились признаки близкаго взрыва. 6 апрѣля 1794 г., въ ночь на Великій четвергъ, началась въ Варшавѣ рѣзня русскихъ; военные отряды въ столицѣ оказались безсильными подавить волненіе; самъ Игельстромъ съ большимъ трудомъ и съ большими потерями вывелъ, 7 апрѣля, изъ города всего до 250 человѣкъ. Вскорѣ послѣ этого Игельстромъ, впавшій въ немилость, вышелъ въ отставку и поселился въ Ригѣ. Императоръ Павелъ 1 декабря 1796 г. снова принялъ его на службу, переименовавши генераломъ отъ инфантеріи и назначилъ его оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ; черезъ два года Игельстромъ окончательно оставилъ службу.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь»; Статьи гр. Д. А. Толстого въ «Рус. Арх.» 1886, III, 341 — 371 и 1887, III, 457 — 520; Григоровичъ, «Канцлеръ кн. Безбородко»; Соловьевъ, «Исторія паденія Польши», 322 и слѣд.; Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. XXVII, 293—295; «Военный Сборникъ», 1872, № 5, 41—68; Энгельгардъ, «Записки», 52—54, 153—162 и др.

Игнатій, св. чудотворецъ ростовскій (умеръ 28 мая 1288 г.), первоначально былъ причетникомъ при церкви св. Богородицы въ Ростовѣ, потомъ подвизался въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ 1261 г., когда онъ былъ архимандритомъ этого монастыря, в. кн. Александръ Невскій назначилъ его помощникомъ епископу ростовскому Кириллу, а по смерти послѣдняго, въ 1262 г., св. Игнатій занялъ его каѳедру.— Лѣтопись подъ 1266, 1269, 1271, 1276—1278 гг. упоминаетъ объ его участіи въ бракосочетаніяхъ и погребеніяхъ членовъ княжескаго семейства; въ 1274 г. онъ былъ на Владимірскомъ соборѣ, на которомъ приняты были мѣры къ уничтоженію безпорядковъ въ церкви и клирѣ; въ 1278 г. похоронилъ князя Глѣба Васильковича въ ростовскомъ соборѣ, а чрезъ 9 недѣль — неизвѣстно почему — приказалъ тѣло его вынуть изъ могилы въ полночь и закопать въ землю въ Спасской обители, за что митрополитъ Кириллъ подвергъ его запрещенію. Но въ этомъ темномъ дѣлѣ св. Игнатій поступалъ, повидимому, съ основаніемъ, на что указываетъ какъ скорое прощеніе его митрополитомъ, такъ и замѣчаніе одной лѣтописи, что митрополитъ наложилъ на Игнатія наказаніе по клеветѣ. Въ 1280 г. св. Игнатій участвовалъ въ Переяславлѣ въ отпѣваніи умершаго тамъ митрополита Кирилла; въ томъ же году покрылъ оловомъ и вымостилъ краснымъ мраморомъ храмъ Богородицы въ Ростовѣ, а въ слѣдующемъ 1281 г. выступилъ примирителемъ родныхъ братьевъ, князей ростовскихъ Димитрія и Константина Борисовичей, поссорившихся изъ за волостей, ѣздилъ во Владиміръ и упросилъ великаго князя Димитрія Александровича пріѣхать въ Ростовъ и примирить братьевъ. Въ память этого примиренія святитель заложилъ въ Ростовѣ храмъ Бориса и Глѣба; въ 1282 г., уже не въ первый разъ, ѣздилъ въ орду ходатайствовать за церковный причтъ. — Св. Игнатій скончался 28 мая 1288 г. и еще до погребенія прославился чудесами. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что когда при отпѣваніи хотѣли вложить разрѣшительную грамоту въ руки усопшаго, онъ самъ поднялъ руку и взялъ грамоту; присутствующіе, пораженные ужасомъ, не рѣшились предавать его тѣло землѣ и мощи его почиваютъ донынѣ открыто въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, въ серебряной ракѣ (съ 1795 г.). Служба ему написана при царѣ Іоаннѣ Грозномъ.

Пол. собр. р. лѣт., т. т. I, III — VIII; Никон. лѣт. III, 66; Акты Ист.. I, 320, 332, IV, 172; Доп. къ акт. ист., II, 189; Русск. Врем., I, 143, 148; Карамзинъ, IV, пр. 140, 154, 179; Филаретъ, «Жит. рус. св.» 28 мая; Макарій, «Ист. рус. цер.», II, 75—78; Сергій, «Мѣсяцесловъ», II, 141.

Игнатій, епископъ смоленскій. Въ русской рукописной агіографической литературѣ называется святымъ и чудотворцемъ, но онъ не канонизованъ; изъ того же источника извѣстно, что онъ скончался 29 января 1292 г.

Барсуковъ, «Источ. русск. агіогр.» 211; Сергій, «Мѣсяцесловъ», III, 63.

Игнатій, преподобный, съ 1435 г. былъ архимандритомъ Кіевопечерской лавры. По одному древнему извѣстію, преподобный Игнатій за святое житіе получилъ отъ Бога даръ чудесъ и молитвою своею исцѣлялъ многихъ больныхъ. Онъ скончался въ 1438 г. Память ему совершается 28 августа вмѣстѣ съ другими подвижниками, почивающими въ Оеодосіевой пещерѣ.

Филаретъ, «Житія русск. св.»; Архим. Игнатій, «Кратк. жизнеоп. русск. св.», кн. II, 56, подъ 28 авг.

Игнатій, преподобный вологодскій, князь-инокъ вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря, гдѣ почиваютъ и мощи его. Въ мірѣ князь Іоаннъ Андреевичъ,

сынъ князя углицкаго Андрея Васильевича старшаго, брата великаго князя Іоанна Васильевича III, род. около 1477 г., умеръ 19 мая 1525 г. Въ 1492 г. великій князь Іоаннъ III посадилъ брата своего въ темницу на Казенномъ дворѣ въ Москвѣ, по обвиненію въ измѣнѣ, и заточилъ въ Переяславлѣ дѣтей его, князей Іоанна и Димитрія. Іоаннъ Андреевичъ 32 года томился въ темницѣ, сперва въ Переяславлѣ, потомъ на Бѣломъ озерѣ и въ Вологдѣ, проявляя истинно-христіанское терпѣніе и отличаясь удивительно праведной жизнью. Передъ смертью постригся подъ именемъ Игнатія, послѣ кончины прославился чудесами. Память его 19 мая, неканонизованъ.

Пол. соб. р. лѣт., III, 198, IV, 160, VIII, 223; «Яросл. епарх. вѣд.», 1873, № 28; Ключевскій, «Древнерус. житія святыхъ», 271; Вѣрюжскій, «Препод. Игнатій прилуцкій»; Барсуковъ, «Источники рус. агіографіи», 206.

Игнатій, св.—ученикъ преп. Кирилла бѣлозерскаго, подвизался въ 60 верстахъ отъ Вологды у г. Ломска, умеръ 28 декабря 1591 г. Основалъ здѣсь пустынь Игнатьево-Спасскую, извѣстную позже подъ именемъ Ломовскаго монастыря и Верхоломовской пустыни. Ушедши отсюда на берега р. Сарры въ вадожскую волость, жилъ сначала отшельникомъ, а когда и сюда собрались ревнители иноческой жизни, построилъ храмъ Покрова Богородицы и основалъ новую вадожскую Богородицкую пустынь. Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ закрытой вадожской пустыни.

Филаретъ, «Житія святыхъ», 346; Барсуковъ, «Источн. русск. агіографіи», 207.

Игнатій (Дмитрій Александровичъ *Брянчаниновъ*) епископъ кавказскій и черноморскій, род. 6 февраля 1807 г. въ с. Покровскомъ грязовецкаго уѣзда вологодской губ., изъ дворянъ, умеръ 30 апрѣля 1867 г. Получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ въ 1822 г. поступилъ въ Петербургское главное инженерное училище и обратилъ на себя вниманіе генералъ-инспектора инженеровъ великаго князя Николая Павловича, былъ зачисленъ пенсіонеромъ его Супруги и въ продолженіе всей своей жизни пользовался вниманіемъ своихъ высокихъ покровителей. Въ 1824 году переведенъ въ нижній офицерскій классъ (что нынѣ Николаевская инженерная академія) и 13 декабря произведенъ въ инженеръ-прапорщики. По окончаніи курса, не смотря на всѣ убѣжденія родителей и домашнихъ, рѣшилъ поступить въ монастырь, о чемъ думалъ съ дѣтства, и только вмѣшательство самого Государя удержало его отъ этого шага. Въ январѣ 1827 г. онъ былъ назначенъ въ динабургскую инженерную команду; но 6 ноября того же года, послѣ тяжкой болѣзни, онъ уволенъ отъ службы съ чиномъ поручика и немедленно отправился въ Александро-Свирскій монастырь. Около четырехъ лѣтъ проходилъ онъ различныя послушанія въ Площанской пустынѣ орловской губ., въ Оптиной Введенской пустынѣ калужской губ., въ Кирилло-Новоезерскомъ монастырѣ новгородской губ., въ Семигородной пустынѣ вологодской губ. и въ Глушицкомъ Діонисіевомъ монастырѣ. 28 іюня 1831 г. въ вологодскомъ Воскресенскомъ соборѣ онъ принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Игнатія и 25 іюля рукоположенъ въ санъ іеромонаха, а 6 января 1832 г. онъ былъ назначенъ въ Пельшемскій Лопотовъ монастырь кадниковскаго уѣзда строителемъ; за возобновленіе и благоустройство Лопотовой обители (онъ между прочимъ завелъ хорошій хоръ) 28 мая 1833 г. былъ возведенъ въ санъ игумена. Государь въ концѣ декабря 1833 г. велѣлъ перемѣстить его настоятелемъ въ Сергіеву пустынь съ производствомъ (1 января 1834 г.) въ архимандрита. Около 24-хъ лѣтъ управлялъ онъ этою пустынею и много потрудился для устройства обители: воздвигъ три храма и нѣсколько корпусовъ келій, пріобрѣлъ земли, лѣса и поля, завелъ огородничество, садоводство, скотоводство и хлѣбопашество, увеличилъ штатъ монашествующихъ; при немъ обитель была возведена въ число первоклассныхъ. Съ 22 іюня 1838 г. состоялъ благочиннымъ всѣхъ монастырей с.-петербургской епархіи; 27 октября 1857 г. посвященъ епископомъ въ г. Ставрополь кавказскій, 5 августа 1861 г. по разстроенному здоровью, послѣ натуральной оспы и горячки, онъ уволенъ на покой въ Николо-Бабаевскій монастырь съ пенсіею въ 1,500 р.; тамъ онъ и скончался. По образу жизни преосвященный Игнатій былъ въ полномъ смыслѣ слова аскетъ. Сочиненія его въ 6 томахъ: «Аскетическіе опыты»; «Аскетическая проповѣдь»; «Приношеніе современному монашеству — правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ и совѣты от-

носительно душевнаго иноческаго дѣланія», и др. выдержали нѣсколько изданій.

«Сочиненія» Игнатія, изд. 1885 г., т. I. 1—80.

Игнатій (*Гозадиновъ*—такъ писалась фамилія родного племянника митрополита Игнатія), митрополитъ. Родомъ грекъ. Скончался въ февралѣ 1786 г. (въ дѣлѣ архива Св. Синода указаны разныя даты: 2-го, 14-го и 16-го февраля). Въ 1779 г. вышелъ изъ Крыма, вмѣстѣ съ другими греками, числомъ до 25,000, поселившимися въ азовской губерніи и принявшими русское подданство; онъ именно и былъ главнымъ дѣятелемъ этого переселенія. Высочайшимъ указомъ 14 марта 1779 г. Игнатій оставленъ былъ митрополитомъ своей прежней паствы, выходцевъ грековъ, до смерти, съ прежнимъ титуломъ митрополита «готоейскаго и кефайскаго». Каѳедра считалась въ городѣ Маріуполѣ. Имѣлъ изъ Кабинета брилліантовую панагію.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1772 года, № 319; 1779 г., № 279; Екатер. епарх. вѣд., 1872 г., № 10; «Маріуполь и его окрестности», 1892 г.

С. Г. Р.

Игнатій (*Желѣзовскій*), епископъ, род. 20 января 1802 г., въ селѣ Сѣхновичахъ кобринскаго уѣзда гродненской губерніи, умеръ 1 апрѣля 1872 г. въ Гродно и погребенъ въ кладбищенской церкви; постригся въ монашество въ 1824 году; въ 1829 г. окончилъ курсъ въ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ; былъ смотрителемъ кобринскаго духовнаго училища, потомъ (1834—1836) супрасльскаго духовнаго училища, съ 1836 по 1839 г. инспекторомъ Литовской духовной семинаріи въ Жировицахъ; въ 1839 г. возсоединился съ православною церковью и назначенъ настоятелемъ гродненскаго Коложскаго Борисоглѣбскаго монастыря, 20 декабря 1839 г. возведенъ въ санъ архимандрита; 20 мая 1848 г. посвященъ въ санъ епископа брестскаго, викарія литовской епархіи, и былъ дѣятельнымъ помощникомъ митрополита Іосифа Сѣмашки въ дѣлѣ укрѣпленія въ православіи бывшихъ уніатовъ гродненской губерніи; 27 іюня 1870 г. удалился на покой; погребенъ въ Гродненской кладбищенской церкви.

Извѣковъ, «Ист. Литов. дух. семинаріи»; Батюшковъ, «Литва и Бѣлоруссія».

Игнатій (*Іевлевичъ*) въ 1656—1659 гг. игуменъ Богоявленскаго монастыря въ Полоцкѣ, съ 10 декабря 1659г. архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ 1657 году ѣздилъ по порученію полоцкаго епископа Каллиста въ Могилевъ, наблюдать въ городѣ и въ уѣздахъ за правильностью службы; 22 іюля 1659 г. получилъ отъ Каллиста «власть совершенную во всей области своей, не только церкви святыя, но и о иныхъ всякихъ духовныхъ дѣлахъ вѣдать, чинъ наблюдать и всякое безчиніе искоренять» и въ качествѣ «генеральнаго намѣстника» епископа объѣзжалъ епархію. Въ 1660 г. 2 сентября былъ вызванъ въ Москву, гдѣ (1660 г. 10 мая), подалъ царю Алексѣю Михайловичу записку—«Голосъ», въ которой доказываетъ, что не разобравши безпристрастно дѣла Никона, не поговоривши съ нимъ, нельзя приступить къ избранію новаго патріарха. «Голосъ» написанъ простымъ языкомъ, нѣкоторыя положенія подкрѣплены примѣрами, обнаруживающими ученость автора. Извѣстны еще его рѣчи, сказанныя царю Алексѣю Михайловичу при въѣздѣ его въ Полоцкъ 5 іюля 1656 г., 12 октября 1656 г. передъ молебномъ по случаю заключенія мира съ Польшей и 30 октября 1656 г., епископу Каллисту, при занятіи имъ епископской каѳедры, поздравительныя рѣчи, М. Ртищеву 1660 года 10 февраля и 1660 года 6 апрѣля, рѣчь къ архимандриту Чудовскаго монастыря Павлу 1660 года, поздравленіе въ день Пасхи воеводѣ С. Великому-Гагину. Благодаря своей ученой извѣстности, основанной на этихъ рѣчахъ,Игнатій пользовался симпатіями Алексѣя Михаиловича и патріарха Іоакима, позволившаго ему грамотой 1686 г. 27 марта освящать въ Бѣлоруссіи всѣ церкви, впрочемъ, только «съ посвященными въ Москвѣ антиминсы», безъ которыхъ «того да не дерзнетъ творити никтоже».

«Витебск. Стар.», т. IV; Др. Рос. Вивл., III, 309—392; Архивъ Ю. З. Россіи, ч. I., т. 5, 229—234; Акты Зап. Россіи, V, № 159; Витебск. губ. вѣд., 1859 г. № 47; М. О. Безъ-Корниловичъ,«Историч. свѣд. о Бѣлоруссіи», 88; Филаретъ. «Обзоръ русск. духовн. лит.», Спб. 1884 г., стр. 230.

Игнатій (Іоаннъ *Козыревскій*), родомъ полякъ, внукъ поляка взятаго въ плѣнъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и поселеннаго въ Сибири. Бродилъ со своимъ отцомъ въ отдаленныхъ частяхъ края, занимаясь звѣроловствомъ и иногда грабежемъ инородцевъ. Въ 1720 г., принявъ монашество, отправился въ Тобольскъ съ цѣлью получить отъ тобольскаго митропо-

лита разрѣшеніе основать пустыню въ Камчаткѣ; но въ Якутскѣ архимандритъ Ѳеофанъ насильно задержалъ его и отправилъ настоятелемъ въ якутскій Покровскій монастырь. По жалобамъ Игнатія, дошедшимъ до Синода и заключавшимъ интересныя свѣдѣнія объ отдаленнѣйшихъ частяхъ Сибири, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. 10 марта 1730 года явился въ Св. Синодъ заявилъ, что онъ въ «камчадальской землѣ» въ 1714 г. обращалъ въ христіанство тамошнихъ инородцевъ и строилъ для нихъ церкви, и былъ возведенъ въ санъ іеромонаха, но остался недоволенъ этимъ и жаловался Императрицѣ; за жалобу онъ былъ посланъ въ Угрѣшскій монастырь на безвыходное пребываніе; а 26 ноября того-же года пришло въ Синодъ донесеніе тобольскаго митрополита Антонія, что Игнатій, по собственному его признанію, въ 1711 году, состоя на службѣ въ камчадальскихъ острогахъ, во время происшедшаго тамъ бунта острожниковъ, присоединился къ нимъ вмѣстѣ съ другими якутскими казаками, принялъ на себя должность есаула и участвовалъ во многихъ грабежахъ и убійствахъ. 10 января 1732 г. Св. Синодъ лишилъ его монашества и разстрига Иванъ Козыревскій былъ отправленъ въ Юстицъ-коллегію. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Архивъ Св. Синода, 1732, № 170; «Опис. дѣлъ архива Св. Синода», IV, 105; «Сибирскій Сборникъ», 1823, ч. 2, стр. 27—32.

Игнатій Логгиновичъ, псковскій посадникъ, въ 1363 г., когда у Пскова и Новгорода были несогласія съ нѣмцами и неудачныя попытки къ примиренію, назначенъ былъ въ походѣ на послѣднихъ воеводой, ходилъ къ Городцу, но нѣмцевъ тамъ уже не засталъ; въ слѣдующемъ 1364 г. онъ заключилъ съ ними миръ.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 223—226, V, 34.

Игнатій *(Оксеновичъ - Старушичъ)*, профессоръ и ректоръ Кіево-могилянской академіи, игуменъ кіевскаго Выдубицкаго монастыря, извѣстный преданностью православію и даромъ проповѣдничества; присутствовалъ на Ясскомъ соборѣ 1643 года; избранный 12 іюня 1650 г. Мстиславскимъ епископомъ — коадъюторомъ, хиротисованъ въ іюлѣ 1650 г., но въ томъ же году умеръ.

Батюшковъ, «Литва и Бѣлоруссія».

Игнатій, (Иванъ Леонтьевичъ *Расновскій*), архимандритъ Псково-Печерскаго Успенскаго монастыря, род. въ Польшѣ, въ ярославльскомъ уѣздѣ, въ шляхетской семьѣ, умеръ 23 марта 1746 г. Послѣ домашняго воспитанія учился въ латинскихъ школахъ города Львова, откуда былъ взятъ въ Почаевскій монастырь. Во время изгнанія отъ уніатовъ ему вмѣстѣ съ игуменомъ пришлось переселиться въ Георгіевскій монастырь въ г. Козельскъ; черезъ полтора года онъ переселился въ Ильинскій Троицкій монастырь подъ Черниговымъ и жилъ въ немъ около 20 лѣтъ, неся различныя послушанія; здѣсь онъ въ 1707 г. постригся и рукоположенъ въ іеродіакона, а черезъ 10 лѣтъ— въ іеромонаха. Въ 1729 г. Игнатій бѣжалъ отъ гнѣва архіерейскаго въ Святогорскій монастырь псковской епархіи; вскорѣ былъ посвященъ въ игумена Любятова Николаевскаго монастыря той же епархіи, 20 мая 1732 г. произведенъ въ архимандрита Псково-Печерскаго монастыря, гдѣ и скончался скоропостижно. Оставшіяся послѣ него средства употреблены на устройство псковскихъ славяно-латинскихъ школъ.

Дѣла арх. Св. Син. 1732 г. № 129, 1734 г. № 145, 1747 г. № 114.

Игнатій *(Римскій-Корсаковъ)*, митрополитъ тобольскій, род. въ 1630—1635 г.г., умеръ 13 мая 1701 г.; происходилъ изъ дворянскаго рода и былъ стольникомъ при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ; постригся въ Соловецкомъ монастырѣ и былъ тамъ въ 1677 г. экклесіархомъ (церковнымъ уставщикомъ). Въ 1680 г. жилъ на соловецкомъ подворьи въ Москвѣ, управляя Моргуловской пустынью. Въ 1685 г. онъ является уже архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря; въ 1687 г. по порученію патріарха Іоакима ѣздилъ въ Кострому и Кинешму для увѣщеванія раскольниковъ, о чемъ оставилъ «Извѣстіе», въ 1689 г. принималъ участіе въ увѣщаніи Сильвестра Медвѣдева. 3 апрѣля 1692 г. назначенъ митрополитомъ тобольскимъ и сибирскимъ. Подъ конецъ жизни сошелъ съума, въ 1700 г. жилъ уже на покоѣ въ Чудовомъ монастырѣ; затѣмъ, въ виду буйнаго поведенія, былъ переведенъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ и скончался и погребенъ. Онъ принадлежалъ къ старо-русской партіи, съ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ преслѣдовавшей нововведенія и боровшейся противъ возрастающаго вліянія иностранцевъ, имѣя въ виду и защиту православной вѣры и русскіе

торгово-промышленные интересы. Въ этомъ именно направленіи написаны полемическія его сочиненія: «Возобличеніе на лютеранскій катехизисъ» и въ особенности «Слово на латиновъ и лютеровъ»—послѣднее сочиненіе собственно безъ имени автора, но по многимъ даннымъ принадлежитъ ему-же. Игнатій принималъ и непосредственное участіе въ борьбѣ партій. Онъ дѣятельно поддерживалъ патріарха Іоакима, въ дѣлѣ Шакловитаго допрашивалъ діакона Іакова, увѣщевалъ Сильвестра Медвѣдева; при этомъ его пріемы борьбы не отличались прямотой и роль его является довольно некрасивой; неоднократно онъ писалъ доносы. Патріархъ Адріанъ видимо не долюбливалъ его и постарался удалить изъ Москвы, хотя и съ почетнымъ назначеніемъ. Въ бытность митрополитомъ тобольскимъ Игнатію пришлось бороться противъ сибирскихъ раскольниковъ, въ особенности противъ извѣстнаго протопопа Авакума и казанскаго чернеца Іосифа Истомина. Противъ нихъ написаны его три извѣстныя окружныя посланія. Игнатій говоритъ въ этихъ посланіяхъ, что заблужденіе раскольниковъ происходитъ отъ армянъ, появившихся въ Россіи въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго и распространившихъ свое ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи; поэтому онъ называетъ и самихъ раскольниковъ армянами и полу-армянами, а расколъ — армянскою или полу-армянскою ересью. При немъ завязались сношенія съ Пекиномъ, куда онъ посылалъ благословенную грамоту на освященіе перваго русскаго храма священнику Максиму, уведенному насильно русскими плѣнниками въ 1685 г. Въ своей епархіи Игнатій учредилъ «десятильниковъ» (особыхъ чиновниковъ отъ архіерея для сбора податей); въ 1697 г. они были отмѣнены указомъ. Въ 1704 г. Игнатій открылъ мощи св. Симеона верхотурскаго.

Его сочиненія довольно многочисленны: 1) житіе Анны Кашинской; 2) житіе Симеона Верхотурскаго, тропарь на обрѣтеніе его мощей и разсказъ о чудесахъ отъ нихъ; 3) житіе и завѣщаніе патріарха Іоакима; 4) толкованіе образа Софіи премудрости Божіей; 5) Возобличеніе на лютеранскій катихизисъ (Несвижскій) и 6) слово на Латиновъ и Лютеровъ — два послѣднія напечатаны въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россіи 1884 г., № 3, въ статьѣ «Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ»; 7) Три посланія къ раскольникамъ (Казань, 1855 г.); 8) Историческое извѣстіе о россійскомъ царствѣ; 9) Извѣстіе о увѣщаніи раскольниковъ въ 1687 г. въ уѣздахъ Костромскомъ и Кинешемскомъ; 10) «Слово благочестивому и христолюбивому воинству».

И. Шляпкинъ, «Св. Дмитрій Ростовскій и его время». Спб. 1891 г., стр. 168—170 и др. О сочиненіяхъ Игнатія: Бычковъ, «Опис. рук. Имп. Публ. Библіотеки», I, 147; Проток. и изд. Импер. Общ. люб. древн. письм., 1879, 1880, 1886; Е. Поповъ, «Пермская и великопермская епархія», 80. Второе изъ вышеуказан. сочиненій—въ рукоп.Ундольскаго, 8 и 9 въ рукоп. Акад. Наукъ, 10—въ рукоп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.

Игнатій (въ мірѣ — Иванъ Дмитріевичъ *Рождественскій*), епископъ. Сынъ священника, род. 13 апрѣля 1827 г. въ Москвѣ, умеръ 7 іюня 1883 г. Образованіе получилъ въ Московской духовной семинаріи и Московской духовной академіи. Принялъ монашество 21 мая 1850 г., при окончаніи академическаго курса. Въ томъ же году послѣдовательно произведенъ во іеродіакона, іеромонаха и назначенъ учителемъ словесности и латинскаго языка и инспекторомъ Московской духовной семинаріи. Въ слѣдующемъ году переведенъ на каѳедру священнаго писанія и греческаго языка и библейской исторіи. 1 января 1855 г. посвященъ во архимандрита. Въ 1857 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Виоанскую семинарію. Въ концѣ года назначенъ членомъ московской духовной консисторіи, а въ началѣ 1858 г. членомъ московскаго духовно-цензурнаго комитета; 7 августа 1859 г. ему данъ въ управленіе московскій Знаменскій монастырь; 10 января 1861 г. Игнатій перемѣщенъ въ Московскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ. 25 октября 1863 г. назначенъ настоятелемъ московскаго Богоявленскаго монастыря. 7 августа 1866 г. хиротонисанъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ во епископа можайскаго, второго викарія московской митрополіи. 17 декабря 1877 г. назначенъ епископомъ дмитровскимъ, первымъ викаріемъ московской митрополіи. 11 февраля 1878 г. назначенъ на архіерейскую каѳедру въ Кострому, гдѣ и скончался. Преосвященный Игнатій былъ близкій родственникъ и духовный сынъ московскаго митро-

полита Филарета: отъ него онъ принялъ и постриженіе въ монашество, и посвященіе во всѣ іерархическія степени, и затѣмъ, состоя при немъ викаріемъ, былъ все время точнымъ исполнителемъ его предначертаній. Человѣкъ въ высшей степени скромный, высокорелигіозный, преосвященный Игнатій не зналъ утомленія въ богослуженіи. Его аскетическіе подвиги крайне изнурили его тѣло, а послѣ его смерти, при омовеніи, обнаружены были на колѣняхъ и ступняхъ ногъ язвы отъ стояній и колѣнопреклоненій. Народное преданіе чтитъ преосвященнаго Игнатія, какъ праведника. Въ продолженіе своей дѣятельности Игнатій неоднократно получалъ «особую» и «сердечную» благодарность отъ митрополита, отъ Государя и отъ Особъ царствующаго дома за свои благотворительныя дѣйствія. Имѣлъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. Состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1869 г.), Московскаго братства св. Петра митрополита (съ 1872 г.), Общества попеченія о дѣтяхъ лицъ, сосланныхъ въ Сибирь (съ 1877 г.), Костромскаго общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ (съ 1878 г.), и др. Его три проповѣди, говоренныя въ Костромѣ, и рѣчь при хиротоніи напечатаны въ книгѣ архимандрита Іустина «Вѣнокъ на могилу преосвящен. Игнатія, епископа костромскаго и галичскаго», Кострома, 1883.

Архим. Іустинъ, «Вѣнокъ на могилу преосв. Игнатія, еп. костр.»; С. Смирновъ, «Исторія моск. дух. акад.», 444. *С. Г. Р.*

Игнатій *(Семеновъ)*, архіепископъ. — Сынъ пономаря, впослѣдствіи бывшаго священникомъ, Матвѣй Аѳанасьевичъ Семеновъ род. 5 августа 1791 г. въ с. Покшенгахъ, пинегскаго уѣзда, умеръ 20 января 1850 г. Съ самаго ранняго дѣтства онъ любилъ посѣщать церковь; едва научившись читать, Матвѣй, можно сказать, не сходилъ съ клироса, помогая отцу въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ. Отецъ его, вслѣдствіе крайней бѣдности, желалъ какъ можно ранѣе опредѣлить сына въ дьячки, но архангельскій архіерей, увидѣвъ мальчика, приказалъ отослать его въ семинарію. Здѣсь его способности и успѣхи скоро доставили ему исключительное положеніе: еще будучи въ философскомъ классѣ, онъ уже состоялъ сначала лекторомъ (съ 1808 г.), а потомъ — (съ 1809) и учителемъ французскаго языка въ той же семинаріи. Въ 1811 г. онъ окончилъ курсъ семинаріи и оставался на прежней должности до 25 января 1812 г., когда былъ назначенъ учителемъ греческаго языка и всеобщей исторіи въ архангельское духовное училище; въ 1814 г. преподавателемъ священной исторіи, географіи и катехизиса; съ сентября 1813 г. онъ былъ уже инспекторомъ училища. 14 іюля 1816 г. перемѣщенъ учителемъ греческаго и французскаго языковъ въ Архангельскую семинарію, гдѣ съ 1817 г. сталъ и экономомъ. Въ іюнѣ 1819 г. былъ приглашенъ въ секретари мѣстнаго комитета Россійскаго библейскаго общества. По порученію преосвященнаго, участвовалъ въ составленіи «Симфоніи на пятокнижіе», изданной въ 1823 г. (церковной печати). Въ бытность учителемъ уже состоялъ иподіакономъ при архіереѣ, а 25 іюля 1820 г. принялъ монашество съ именемъ Игнатія; 1 августа рукоположенъ во іеродіакона, 15-го — во іеромонаха, а 3 февраля 1821 г.—во игумена съ назначеніемъ настоятелемъ Николаевскаго корельскаго монастыря. 1 марта 1821 г. вызванъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ баккалавромъ греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи Духовной академіи—съ оставленіемъ при прежнемъ настоятельствѣ. 26 іюля переведенъ на каѳедру богословскихъ наукъ; 3 августа получилъ степень магистра; 29 сентября назначенъ библіотекаремъ; 3 ноября — членомъ академической конференціи. Игнатій превосходно ознакомился съ академической библіотекой, привелъ ее въ порядокъ и составилъ каталоги; въ то же время онъ проповѣдывалъ въ академической церкви и напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» нѣсколько статей, преимущественно переводовъ съ греческаго. 23 іюля 1823 г. Игнатій, возведенный 8 ноября 1822 г. въ архимандриты, былъ назначенъ, какъ человѣкъ, выдающійся по педагогическимъ способностямъ, ректоромъ Новгородской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. 10 августа того же года назначенъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря и 28 августа членомъ новгородской духовной консисторіи. Всецѣло отдаваясь своему дѣлу, Игнатій во всѣхъ отношеніяхъ превосходно поставилъ свою семинарію. Свои богословскіе предметы (богословіе догматическое, нравственное, основное и пастырское и герменевтику) онъ преподавалъ не по

учебникамъ, а по собственнымъ запискамъ; положилъ начало преподаванію въ семинаріи церковной археологіи. Для учениковъ составилъ особую инструкцію и съумѣлъ добиться ея исполненія, почти не прибѣгая къ наказаніямъ. Въ матеріальномъ отношеніи Игнатій обезпечилъ семинарію, выхлопотавъ для нея экстраординарные оклады. Какъ членъ консисторіи отличался полною справедливостью, аккуратностью и превосходнымъ знаніемъ епархіи; его мнѣніе, въ случаѣ разногласій въ консисторіи, было рѣшающимъ для митрополита. Въ монастырѣ своемъ Игнатій завелъ строгое благочиніе. Среди всѣхъ этихъ заботъ, онъ еще часто говорилъ проповѣди, которыя производили сильное впечатлѣніе на слушателей, и одинъ разъ даже удостоился за свою проповѣдь поклона до земли отъ извѣстнаго графа А. А. Аракчеева и сдѣлался извѣстнымъ государю. Въ 1826 г. получилъ серебряную медаль за составленіе церемоніала встрѣчи тѣла императора Александра I, благодарность отъ комиссіи духовныхъ училищъ—за заботы по устройству семинаріи и орденъ Анны 2-й ст. 26 февраля 1828 г. хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ во епископа старорусскаго, викарія с.-петербургской митрополіи. Съ выдѣленіемъ изъ митрополіи самостоятельной олонецкой епархіи (21 апрѣля 1828 г.), Игнатій 22 мая 1828 г., избранъ Высочайшею волею, во епископа олонецкаго. Управленіе новообразованною епархіею представляло большія трудности. Здѣсь были главныя гнѣзда раскола; немногочисленное духовенство малообразовано и крайне бѣдно; церкви разбросаны на громадныхъ разстояніяхъ; народъ полудикій и почти незнакомый съ религіей; даже въ самомъ Петрозаводскѣ, гдѣ архіерею назначено было постоянное пребываніе, въ пасхальную ночь собралось въ каѳедральную церковь къ архіерейскому служенію лишь около 30 человѣкъ, а между тѣмъ тотъ же народъ густою толпою сходился на различныя гульбища, имѣвшія отношеніе къ древнему язычеству. Преосвященный Игнатій прибылъ въ Петрозаводскъ 7 августа 1828 г. на первомъ, пришедшемъ въ этотъ городъ пароходѣ, и за четырнадцатилѣтнее управленіе епархіей успѣлъ сдѣлать очень много: открылъ консисторію; пріобрѣлъ и устроилъ архіерейскій домъ; за недостаткомъ угодій въ казнѣ выхлопоталъ причисленіе къ архіерейскому дому владѣній упраздненнаго Климецкаго монастыря; отъ города получилъ участокъ пригородной земли—Древлянку—и устроилъ здѣсь такое превосходное хозяйство, что оно обратило на себя вниманіе нетолько русской, но и заграничной печати. 27 октября 1829 г. открылъ духовную семинарію съ училищами и, за неимѣніемъ для нихъ необходимаго помѣщенія, въ первое время давалъ пріютъ ученикамъ во флигеляхъ своего дома. Завелъ обученіе дѣтей при приходскихъ церквахъ,—число такихъ учениковъ въ епархіи достигло до 2,000 человѣкъ. Всѣми мѣрами стремился къ нравственному улучшенію и матеріальному обезпеченію своего духовенства: несвѣдущихъ вызывалъ къ себѣ для доученія; настоялъ на отводѣ каждому причту узаконеннаго количества земли и выхлопоталъ впервые жалованье духовенству своей епархіи; увеличилъ число приходовъ; съумѣлъ расположить къ пожертвованіямъ на церкви и къ постройкѣ новыхъ церквей: при немъ выстроено въ епархіи болѣе 40 новыхъ церквей и почти всѣ прежнія перестроены и приведены въ благолѣпный видъ. Съ миссіонерскою цѣлію заботился о распространеніи въ епархіи противораскольнической литературы; самъ неоднократно предпринималъ поѣздки въ раскольничьи скиты, посѣщалъ раскольничьи часовни, вступалъ съ раскольниками въ собесѣдованія и имѣлъ успѣхъ: цѣлые скиты дѣлались православными или единовѣрческими. Естественно, что такая дѣятельность заслужила преосв. Игнатію благодарность и уваженіе высшаго правительства. 14 ноября 1842 г. преосвященный Игнатій, имѣвшій съ 21 апрѣля 1835 г. санъ архіепископа, переведенъ въ епархію донскую и новочеркасскую. Въ первый же годъ, посѣтивъ почти всѣ приходы епархіи, онъ и здѣсь началъ хлопотать о заведеніи при церквахъ дароваго обученія дѣтей духовенствомъ, объ умноженіи числа приходовъ и пр.; за время управленія этой епархій получилъ орденъ св. Владиміра большого креста. 13 января 1847 г. онъ былъ переведенъ въ Воронежъ. Въ апрѣлѣ 1848 г. вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Проболѣвъ всю осень и начало зимы ревматизмомъ, преосвященный Игнатій скончался въ полночь съ 19 на 20 января

1850 г. Погребенъ въ Ѳеодоровской церкви, въ Александро-Невской лаврѣ, подъ амвономъ. Во все время своего святительства былъ человѣкъ всѣмъ доступный, отличавшійся, по отзыву современниковъ, «плѣнительною кротостью нрава», любилъ часто совершать богослуженіе и не пропускалъ ни одного удобнаго случая безъ поученія. Восторженныя воспоминанія о немъ оставлены его сотрудникомъ Иринеемъ (Боголюбовымъ), впослѣдствіи епископомъ екатеринбургскимъ. Отъ преосвященнаго Игнатія осталось много сочиненій, большею частію изданныхъ имъ самимъ, въ С.-Петербургѣ: въ 1844 г. «Бесѣды о мнимомъ старообрядствѣ», (2-е изд. въ 1846 г.); «Истина св. Соловецкой обители противъ неправды Челобитной», (2-е изд. въ 1847 г.); въ 1845 г. «Слова въ воспоминаніе воскресенія, кончины и скончавшихся въ вѣрѣ»; «Бесѣды изъ псалма: *На рѣкахъ вавилонскихъ*» (2-е изд. 1849 г.); «Церковныя слова о вѣрѣ и средствахъ къ ея познанію, исполненію, охраненію»; «Рѣчи воинству донскому»; въ 1846 г.—«Краткое сказаніе о Климецкомъ монастырѣ»; «Слова относительно обязанностей христіанъ другъ къ другу»; «Рождество І. Христа по изображенію въ евангеліи, пророчествахъ и церкви»; въ 1847 г.—«О покаяніи», бесѣды; «О вѣрѣ и благочестіи въ жизни общественной», слова; «Бесѣды о мнимомъ старообрядствѣ въ поповщинѣ»; въ 1848 г. — «Слова во время губительной болѣзни»; «Поученія при мощахъ святителя Митрофана воронежскаго»; «О православномъ богослуженіи», бесѣды; «Вечеръ Пасхи—въ собесѣдованіяхъ изъ св. евангелія»; «Примѣчанія къ чтенію и толкованію священнаго писанія»; въ 1849 г.—«О таинствахъ церкви», археологическій опытъ; «Чтенія о св. ап. Петрѣ»; «Исторія о расколахъ въ церкви россійской», ч. 1-я; «Воспоминанія о пришествіяхъ императора Петра I въ Олонецъ», со стариннымъ планомъ Петрозаводска и др. Кромѣ перечисленныхъ изданій остались въ рукописи многія сочиненія по исторіи раскола, церковной археологіи, объясненію священнаго писанія, епархіальной исторіи и статистикѣ, догматикѣ, а также слова, бесѣды, рѣчи и воспоминанія (общаго характера).

Архим. Иринеи, «Воспоминанія о высокопр. Игнатіѣ, архіепископ. воронежск. и задонск.», Спб., 1851; И. Чистовичъ, «Исторія Спб. дух. академіи», Спб., 1857. *С. Г. Р.*

Игнатій (*Смола*), митрополитъ саркій и подонскій, впослѣдствіи коломенскій, умеръ 25 декабря 1741 г. Въ 1712 г. посвященъ Стефаномъ Яворскимъ изъ архимандритовъ московскаго Богоявленскаго монастыря въ епископы суздальскіе, и управлялъ въ Москвѣ по духовнымъ дѣламъ патріаршею областью. Въ это время онъ повелѣлъ перенести въ Суздаль и положить въ соборной церкви обрѣтенныя мощи преосвященнаго Софронія, архіепископа суздальскаго, что и исполнено было 1716 г. іюня 10 дня. Въ числѣ другихъ онъ подписалъ составленное Яворскимъ по дѣлу Тверитинова и другихъ московскихъ еретиковъ «Увѣщаніе къ православнымъ». Въ 1719 г. онъ былъ переведенъ на Крутицы съ званіемъ митрополита и получилъ въ управленіе патріаршій духовный приказъ. Съ января 1719 г. ему вручена патріаршая область въ вѣдомство духовными дѣлами и для слушанія и для поставленія ставленниковъ, но вскорѣ, такъ какъ ставленниковъ было слишкомъ много, Синодъ по его просьбѣ распорядился, чтобы ставленники къ посвященію отсылались и къ прочимъ присутствующимъ архіереямъ. Въ 1720 г. Игнатій долженъ былъ просить прощенія у Синода, послѣ того какъ было обнаружено, что онъ, по требованію Синода, выслалъ не всѣхъ подьячихъ изъ бывшаго патріаршаго духовнаго приказа въ С.-Петербургъ, а только половину и неправильно титуловалъ Св. Синодъ въ оффиціальныхъ бумагахъ: «Въ Правительствующую Духовную Коллегію Св. Правительствующему Синоду», и «Правительствующему Духовному Синоду». Въ 1720 г. Питиримъ нижегородскій прислалъ въ Москву къ Игнатію обратившагося къ православной церкви раскольническаго «всѣхъ толковъ учителя»—монаха Іосифа Рѣшилова, который увлекъ въ расколъ большое число жителей бѣлевскаго, глуховскаго и другихъ уѣздовъ, но обратившись отъ раскола, самъ просилъ Питирима, чтобы его отправили въ тѣ-же уѣзды для увѣщанія прежде совращенныхъ имъ раскольниковъ. Съ 23 февраля 1721 года Игнатій находился подъ судомъ по обвиненію «въ оказываніи чести и разныхъ услугъ» инокинѣ Еленѣ, бывшей царицѣ Евдокіи, во время заточенія ея въ суздальскомъ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а имен-

но, въ томъ, во 1) что «прихаживалъ къ ней, бывшей царицѣ, на поклонъ въ господскіе праздники, и въ день ея именинъ, и видалъ ее, бывшую царицу, въ мірскомъ платьѣ и руку ея цѣловалъ, а не доносилъ»; 2) что въ 1717 г. приказалъ въ одной Суздальской церкви пустить Елену пѣть всенощную; 3) что въ 1717 г. «прислалъ пару возниковъ сѣрыхъ нѣмецкихъ, на которыхъ она ѣзживала, а въ 1718 г., какъ пріѣхалъ въ Покровскій монастырь гвардіи маіоръ Скорняковъ-Писаревъ, скрылъ это и лошадей взялъ къ себѣ». 8 сентября 1721 г. былъ объявленъ ему въ Синодѣ указъ, что Государь прощаетъ его ради новозаключеннаго счастливаго мира и повелѣваетъ быть ему иркутскимъ епископомъ, съ лишеніемъ митрополичьяго и архіепископскаго сана. 1 октября 1721 г. Государь, присутствуя въ Синодѣ, слушалъ докладъ по дѣлу Игнатія, подавшаго ему прошеніе, чтобы въ Иркутскъ его не посылать, и указалъ его въ иркутскую епархію не посылать, а отпустить за старостію на обѣщаніе въ Нилову пустынь, гдѣ и быть ему въ кельѣ, а митрополитомъ и епископомъ не писаться. Проживая въ этой пустынѣ, Игнатій приказалъ вырвать изъ общаго поминальнаго синодика листы, на которыхъ были вписаны имена родителей Императора; ему подтверждено вести себя смирно. Игнатій пытался было подняться при Екатеринѣ I и послалъ къ ней прошеніе, а къ Ѳеофану Прокоповичу письмо о возвращеніи ему епархіи и прежняго званія, но просьбы его не имѣли успѣха. Въ 1727 г. Петръ II повелѣлъ Игнатія перевести на Коломну митрополитомъ и 13 іюня повелѣлъ Игнатію, «быть въ присутствіи въ Св. Правительствующемъ Синодѣ въ числѣ синодальныхъ членовъ». Въ 1730 г. въ Синодѣ возникло дѣло о воронежскомъ епископѣ Львѣ Юрловѣ по доносу воронежскаго вицегубернатора Пашкова и Игнатій за медленность въ осужденіи Льва 30 августа 1730 же года былъ уволенъ изъ Синода, а 2 декабря того же года и по тому же дѣлу былъ лишенъ сана архіерейскаго и посланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской епархіи. Казанскій митрополитъ Сильвестръ принялъ Игнатія хорошо и оказывалъ почтеніе не какъ чернецу, но какъ архіерею и облегчалъ его тяжелое положеніе, за что и былъ преданъ суду. 30 декабря 1731 г. рѣшено Игнатія перевести изъ Свіяжскаго въ Корельскій монастырь подъ крѣпкій караулъ. 21 октября 1741 г. повелѣно Игнатія опредѣлить въ монастырь простымъ монахомъ, но содержаніе ему было увеличено противъ прочихъ монаховъ впятеро. По воцареніи Елизаветы Петровны Синодъ опредѣлилъ возвратить ему архіерейскій санъ, но Игнатій скончался до полученія его.

«Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Прав. Синода», I, II, IV, VI, VII, VIII и др. «Временникъ», кн. 22, 37; Чистовичъ, «Георгій Дашковъ», Прав. Обозр. 1863 г., янв.

Игнатій, (*Хрисоскулъ* — такъ писалась фамилія родного племянника архіепископа), архіепископъ-грекъ, умеръ 16 декабря 1807 г. Родился на островѣ Патмосѣ. Въ 1793 г., съ титуломъ архіепископа реондажскаго, вышелъ въ Россію, получилъ пожизненную пенсію и былъ назначенъ настоятелемъ балаклавскаго Георгіевскаго монастыря. Въ 1799 г., за «нехозяйственныя распоряженія», уволенъ отъ управленія монастыремъ и проживалъ въ Севастополѣ.

Арх. Св. Синода, дѣло 1880 г., № 144. *С. Г. Р.*

Игнатій (Иванъ Андреевичъ *Шамгинъ*), епископъ тамбовскій и козловскій, умеръ 26 марта 1718 г. Въ рукописномъ спискѣ архіереевъ архива Св. Синода о немъ сказано: «хиротонисованъ въ епископа тамбовскаго 7202 (1694) и того-же года 23 августа взятъ изъ Тамбова по указу Великаго Государя, а куда именно, неизвѣстно»; но сохранилось указаніе, что Игнатій былъ причастенъ къ дѣлу Талицкаго и за это сосланъ въ Соловки; слѣдовательно, болѣе вѣроятно указаніе Амвросія, что онъ былъ посвященъ и смѣненъ въ 1699 г.; Строевъ сообщаетъ, что Игнатій съ 1687 по 1697 г. былъ архимандритомъ Солотчинскаго монастыря, а въ 1697 г. посвященъ въ епископа Тамбовскаго; наконецъ, указывается еще 1689 г., какъ годъ его посвященія въ епископы, и августъ 1699 г. какъ время его низложенія.

Амвросій, «Исторія росс. іерархіи», I, 206; Строевъ, «Списки іерарховъ», 891; Ркп. архива Св. Синода, № 174. Опис. дѣлъ архива Св. Синода, III, CVII; «Христ. Чтеніе», 1880, II, 202—203.

Игнатій, первый епископъ смоленскій и брянскій, хиротонисанъ на смоленскую каѳедру кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ II въ 1128 г., а оставилъ ее въ 1133 г. Годъ кончины неизвѣстенъ.

Амвросій, «Ист. росс. іер.» I. 160; Никитинъ, «Исторія Смоленска», пр. I.

Игнатій, второй этого имени, четвертый по порядку епископъ смоленскій, ѣздилъ въ 1205 г. по порученію кн. смоленскаго Мстислава Романовича къ родственнику его, великому князю владимірскому Всеволоду Юрьевичу, склонять его на миръ и успѣлъ устроить между родственниками мирное соглашеніе.

Полн. собр. р. лѣт. I, 178; VII, 112.

Игнатій, второй этого имени епископъ ростовскій, рукоположенъ на ростовскую каѳедру митрополитомъ Алексѣемъ въ 1356 г., скончался въ 1364 г. При немъ, въ 1363 г., по благословенію преподобнаго Сергія радонежскаго, основанъ Борисоглѣбскій монастырь при р. Устьѣ, въ 17 верс. отъ Ростова. Игнатій упоминается въ числѣ свидѣтелей при составленіи духовныхъ грамотъ великаго князя Іоанна Іоанновича.

Собр. гос. грам. и дог. I, № 25; «Іерархи ростово-яросл. паствы», 65—66.

Игнатій, преемникъ Іова на патріаршей русской каѳедрѣ, умеръ въ Вильнѣ, около 1640 г. Грекъ по происхожденію, онъ былъ кипрскимъ архіепископомъ; послѣ завоеванія Кипра турками бѣжалъ и нѣкоторое время жилъ въ Римѣ; затѣмъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ явился въ Россію и отъ царя Бориса Ѳеодоровича получилъ въ управленіе рязанскую епархію. Когда двинулся на Москву самозванецъ, Игнатій сдѣлалъ ему торжественную встрѣчу въ Тулѣ, первомъ городѣ его епархіи, въ который вступилъ самозванецъ. Самозванецъ взялъ его съ собою и приблизилъ къ себѣ, а черезъ четыре дня послѣ занятія Москвы—24 іюня 1605 г.—приказалъ посвятить Игнатія въ патріархи. Въ этомъ санѣ Игнатій совершилъ и царское вѣнчаніе самозванца и бракосочетаніе его съ Мариною; безъ сомнѣнія онъ выразилъ согласіе и на тѣ уступки полякамъ, которыми ознаменовано первое время правленія самозванца и которыя особенно повредили и царю и патріарху въ глазахъ народа. Немедленно же послѣ смерти самозванца, вѣроятно 17 или 18 мая 1606 г., Игнатій былъ лишенъ патріаршества и даже епископскаго сана, впрочемъ, при обстоятельствахъ, не вполнѣ разъясненныхъ историческими изслѣдованіями. Онъ былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ какъ простой монахъ и даже подъ крѣпкимъ началомъ. Когда въ 1611 г. поляки, осажденные въ Кремлѣ, низвели и заточили патріарха Гермогена, Игнатій предъ самыми праздниками св. Пасхи былъ освобожденъ, объявленъ патріархомъ и дѣйствовалъ за одно съ боярами, державшими сторону Владислава. Но опасаясь дурныхъ послѣдствій своего поступка, заблаговременно бѣжалъ въ Польшу; Сигизмундъ далъ ему разрѣшеніе жить въ уніатскомъ виленскомъ Пронскомъ монастырѣ; принявши вскорѣ унію, Игнатій пользовался милостями Сигизмунда. Когда въ 1616 г. Владиславъ выступилъ въ походъ съ намѣреніемъ занять московскій престолъ, онъ объявлялъ, что съ нимъ будетъ и Игнатій. Обстоятельства дальнѣйшей его жизни неизвѣстны.

Обыкновенно Игнатія называютъ лжепатріархомъ и въ общепринятыхъ спискахъ русскихъ патріарховъ послѣ Іова непосредственно слѣдуетъ Гермогенъ. Но въ послѣднее время въ русской исторической литературѣ выставлено съ большою доказательностью положеніе, что первое возведеніе Игнатія на патріаршій престолъ нельзя не признать совершившимся вполнѣ правильно и что въ церковной русской практикѣ тѣхъ вѣковъ можно указать не одинъ примѣръ совершенно аналогичнаго возведенія высшихъ іерарховъ церкви. Несомнѣнно неправильнымъ было вторичное возведеніе Игнатія на патріаршій престолъ, ибо тогда онъ былъ простымъ монахомъ и не имѣлъ святительскаго сана. Главнѣйшимъ проступкомъ этого іерарха, имя котораго во многихъ современныхъ ему и позднѣйшихъ произведеніяхъ произносится съ ненавистью, надо признавать его роль относительно Марины, ибо онъ согласился, чтобы жена самозванца оставалась католичкою, и чтобы только народъ былъ введенъ на счетъ ея вѣроисповѣданія въ обманъ нѣкоторыми второстепенными уступками въ пользу православныхъ обрядовъ. Преосвященный Макарій справедливо выразился по этому поводу, что совѣсть патріарха оказалась въ этомъ случаѣ не лучше совѣсти іезуитовъ.

Обстоятельная статья «Игнатій, патріархъ московскій», помѣщена Левитскимъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1886 г., т. 2 и за 1887, т. 1; въ ней и указанія на источники и литературу вопроса.

Игнатій, архимандритъ московскаго Симонова монастыря. Род. въ 1731 г., постригся въ монашество въ 1764 г., умеръ 3 августа 1796 г. Съ 1778 г. былъ стро-

ителемъ островской Введенской пустыни петербургской епархіи, въ 1781 г. назначенъ строителемъ Пѣсношскаго монастыря московской епархіи, а 13 марта 1788 г. перемѣщенъ въ Успенскій тихвинскій монастырь, съ производствомъ (9 мая) въ архимандриты, какъ человѣкъ, своею жизнью особенно способный поддерживать уваженіе къ православному духовенству въ мѣстномъ раскольничьемъ населеніи. 23 апрѣля 1795 г. назначенъ въ московскій Симоновъ монастырь, гдѣ и скончался.

Дѣла архива Св. Синода 1788 г. № 105; 1795 г. № 95 и 38; 1796 № 168.

Игнатій, архимандритъ, грекъ, род. въ 1725 г., умеръ 30 іюля 1807 г. Посвященъ во іеродіакона въ 1748 г., въ 1751 г. во іеромонаха; въ 1775 г. назначенъ архимандритомъ ясскаго Трехсвятительскаго монастыря. Во время первой турецкой войны, по приглашенію командовавшаго арміей генерала Румянцева, ѣздилъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ для исполненія въ войскахъ требъ. Во вторую турецкую войну также оказывалъ духовныя услуги русскимъ войскамъ. Въ 1789 г. назначенъ присутствующимъ молдовлахійской духовной дикастеріи. Въ 1791 г. ему дано право ношенія митры и архимандричьяго креста по примѣру русскихъ архимандритовъ. За приверженность къ Россіи былъ схваченъ ясскими боярами и подъ крѣпкою стражею отправленъ въ Константинополь, однако по дорогѣ бѣжалъ и отдался подъ защиту русскаго войска. Въ 1794 г. принялъ русское подданство и съ разрѣшенія Св. Синода проживалъ въ Старомъ Крыму, получивъ въ 1796 г. отъ русскаго правительства домъ и два виноградника. Въ 1805 г., обремененный долгами, онъ сталъ просить опредѣленія къ мѣсту; но Св. Синодъ предложилъ ему лишь помѣститься въ любомъ монастырѣ іеромонахомъ.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1805 г., № 621; и др.
С. Г. Р.

Игнатій, іеромонахъ, род. около 1765 г., умеръ 21 января 1844 г. Сынъ купца новгородской губерніи; въ 1797 г. постригся въ Перекомскомъ монастырѣ новгородской епархіи. Съ 1803 г. былъ іеромонахомъ въ Валаамскомъ монастырѣ; въ августѣ 1805 г. опредѣленъ на корабль «Зачатіе св. Анны». Въ 1086 г., когда корабль этотъ стоялъ на копенгагенскомъ рейдѣ, Игнатій былъ опредѣленъ священникомъ въ г. Горсенсъ къ церкви принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской Екатерины Антоновны; онъ былъ и духовникомъ принцессы. 9 апрѣля 1807 г. Екатерина Антоновна скончалась и Игнатій былъ перемѣщенъ въ г. Веймаръ ко двору великой княгини Маріи Павловны. Принцесса Екатерина Антоновна завѣщала своему духовнику взять въ Россію и передать въ какую нибудь бѣдную церковь всю роскошную ризницу и утварь ея домовой церкви, а ему самому—до 70-ти книгъ своей библіотеки. 18 января 1809 года о. Игнатій возвратился въ Россію и сначала былъ въ псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, съ 1810 г. былъ игуменомъ въ великолуцкомъ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ, но въ 1811 г. лишенъ игуменскаго сана и жилъ въ Никандровой пустынѣ. Въ 1819 г. перемѣщенъ въ Валаамскій монастырь; въ 1822 г. опредѣленъ въ братство Александроневской киновіи, гдѣ въ 1824 г. исправлялъ смотрительскую должность, съ 30 ноября 1831 г. жилъ въ коневскомъ Рождественскомъ монастырѣ; погребенъ въ Александроневской лаврѣ.

Въ Коневскомъ монастырѣ хранится переданная Игнатіемъ рукопись «Собраніе словъ изъ пролога», писанная собственноручно принцессою Екатериною Антоновною уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ.

Формулярный списокъ и дѣла архива Св. Синода: 1804 г. № 238; 1809 г. № 536; 1810 г. №№ 596 и 653; 1844 г. № 2421.

Игнатовичъ, *Викентій Васильевичъ*, педагогъ, род. въ 1803 г., умеръ въ 1869 г. Кончилъ курсъ кандидатомъ правъ въ Педагогическомъ институтѣ при Виленскомъ университетѣ въ 1822 г., въ 1824 г. получилъ степень магистра и поступилъ въ Могилевскую гимназію преподавателемъ латинскаго языка и польской литературы. Въ 1834 г. назначенъ смотрителемъ Молодечненскаго уѣзднаго училища для дворянъ; въ 1839 г. инспекторомъ Гродненской губернской гимназіи, а въ 1847 г. директоромъ училищъ олонецкой губерніи. Съ 1849 по 1860 г. занималъ должность директора первой Петербургской гимназіи и съ 1850 г. состоялъ членомъ комитета для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. Въ 1860 г. назначенъ старшимъ чиновникомъ

особыхъ порученій при Главномъ управленіи цензуры, а по упраздненіи его въ 1862 г.,—чиновникомъ особыхъ порученій по дѣламъ книгопечатанія. Съ 1867 г. читалъ въ Императорскомъ Историко-Филологическомъ институтѣ педагогику. Въ 1831 г., по порученію попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа, составилъ польскую грамматику для русскихъ; впослѣдствіе напечаталъ въ «Журналѣ Минист. Народ. Просв.» за 1860—1862 г. рядъ статей о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ западной Европѣ, по педагогическимъ вопросамъ и нѣсколько рецензій.

Формуляръ въ Имп. Филолог. Инст.; «Народная Школа», 1869, февр., «Жур. Мин. Нар. Пр.» тт. 108—136.

Игнатьевъ, *Андрей Гавриловичъ*, генералъ-отъ-артиллеріи, изъ дворянъ петербургской губерніи, род. 28 марта 1802 г., умеръ 23 августа 1879 г. Въ службу вступилъ юнкеромъ въ 27 конно-артиллерійскую роту 12 мая 1817 г., произведенъ въ прапорщики 28 іюня 1818 г.; участвовалъ въ войнѣ съ турками 1828—1829 гг., и за отличія получилъ орденъ св. Анны 3-й ст. и 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ генералъ-маіоры произведенъ 6 декабря 1847 г. и назначенъ членомъ артиллерійскаго отдѣленія Военно-ученаго комитета; 20 апрѣля 1855 г. назначенъ командиромъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, 19 февраля 1858 г. инспекторомъ оружейныхъ заводовъ, 24 августа 1860 г. совѣщательнымъ членомъ оружейнаго отдѣла Артиллерійскаго комитета; въ генералы-отъ-артиллеріи произведенъ 3 декабря 1878 г. Въ 1854 г. наблюдалъ за вооруженіемъ батарей, воздвигавшихся у устьевъ Невы (всего вооружилъ 13 батарей съ 168 орудіями), въ 1855 г. командовалъ отрядомъ войскъ, охранявшихъ Финское побережье у Сестрорѣцка и Лисьяго Носа. Кромѣ того исполнялъ разныя порученія по артиллерійской части: въ 1840—1842 гг. находился заграницею, для заказа и наблюденія за приготовленіемъ штуцеровъ для стрѣлковыхъ баталіоновъ; съ 1849 по 1860 г. былъ членомъ комитета объ улучшеніи штуцеровъ и ружей.

Книга послуж. списковъ Гл. артил. управ. за 1874 г. въ арх. Глав. штаба и дѣло 1 ст. VI отд. того-же штаба 1879 г. № 63. *С. Н. П.*

Игнатьевъ, *Гавріилъ Александровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, происходилъ изъ дворянъ петербургской губерніи, род. въ 1768 г., умеръ 24 марта 1852 г. Съ 1782 по 1785 обучался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ корпусахъ; службу началъ при работахъ на Сѣверо-Екатерининскомъ каналѣ; затѣмъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ, между прочимъ и при штурмѣ Измаила, въ войнѣ съ польскими конфедератами, въ чинѣ капитана совершилъ итальянскій походъ Суворова, участвовалъ въ войнахъ 1805 и 1807 г. Въ 1810 г., въ чинѣ генерала маіора назначенъ начальникомъ работъ по укрѣпленію Бобруйска. На этомъ посту застала его и война 1812 г. Онъ не имѣлъ никакого повелѣнія принять начальство надъ крѣпостью, посланный имъ за разрѣшеніемъ этого вопроса курьеръ былъ захваченъ непріятелемъ; тогда онъ самъ рѣшился принять на себя начальство надъ Бобруйскомъ и оказалъ значительное содѣйствіе князю Багратіону, когда онъ отступалъ на соединеніе съ арміей Барклая-де-Толли; при этомъ князь Багратіонъ утвердилъ Игнатьева бобруйскимъ военнымъ губернаторомъ. Оставаясь все время войны въ Бобруйскѣ, Игнатьевъ дѣятельно собиралъ и сообщалъ главнокомандующимъ свѣдѣнія о численности и движеніяхъ непріятеля и собралъ значительные запасы продовольствія, которые затѣмъ очень пригодились русскимъ арміямъ. За эти дѣйствія Кутузовъ письменно выразилъ признательность Игнатьеву, а Государь наградилъ его орденомъ Владиміра 2 ст. По удаленіи непріятеля изъ предѣловъ Россіи Игнатьевъ былъ по 1815 г. военнымъ минскимъ губернаторомъ и чрезвычайно энергично и умѣло водворялъ порядокъ въ этихъ мѣстностяхъ, разстроенныхъ продолжительнымъ пребываніемъ непріятеля; между прочимъ ему непосредственно были подчинены, съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія интендантскаго управленія, всѣ склады въ минской губерніи. Въ 1816—1826 гг. Игнатьевъ былъ начальникомъ артиллеріи сначала 6-го, потомъ 2-го корпуса, а въ 1826—назначенъ директоромъ артиллерійскаго департамента Военнаго Министерства; за успѣшную дѣятельность на этомъ посту во время турецкой войны получилъ въ 1829 г. чинъ генералъ-адъютанта, а въ 1830 г. орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1833 г., по прошенію, перемѣщенъ на болѣе спокойную должность—члена генералъ-аудиторіата Военнаго Министерства, гдѣ и

прослужилъ до самой смерти. Въ теченіи своей почти 67-ми лѣтней службы онъ неоднократно получалъ Высочайшую благодарность и пожалованъ былъ арендою, земельнымъ участкомъ въ 5000 десятинъ (1824 г.), денежной наградой въ 20,000 р., (1832) г.; въ числѣ наградъ имѣлъ орденъ Георгія 4 ст. и золотой знакъ за Измаильскій штурмъ.

«Сѣв. Пчела», 1853, № 3—5.

Игнатьевъ, *Дмитрій Львовичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ, род. около 1782 г., умеръ въ 1833 г.; въ октябрѣ 1795 г. записанъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, а въ декабрѣ 1797 г. уволился отъ службы съ чиномъ гвардіи прапорщика. До 1806 г. не служилъ, занимаясь пополненіемъ своего образованія, а въ октябрѣ этого года опредѣлился на военную службу, снова подпрапорщикомъ; въ февралѣ 1807 г. переведенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и съ нимъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, между прочимъ и у Фридланда. Съ лѣта 1808 г. участвовалъ въ шведской войнѣ, совершилъ переходъ черезъ Ботническій заливъ; съ началомъ войны 1812 г. былъ въ арміи гр. Витгенштейна адютантомъ при главнокомандующемъ, все время отступленія находился въ арріергардѣ, а при наступленіи въ авангардѣ; отличаясь выдающеюся храбростью, исполнилъ много трудныхъ и опасныхъ порученій, передавая распоряженія главнокомандующаго и за отличіе получилъ ордена Владиміра 4 ст., Георгія 4 ст. и чинъ полковника; постоянно былъ съ гр. Витгенштейномъ и во время заграничнаго похода; послѣ битвы подъ Лейпцигомъ онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. 13 мая 1822 г. по болѣзни уволенъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіей; умеръ будучи тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

«Военная Галлерея Зимняго Дворца», VI.

Игнатьевъ, *Павелъ Николаевичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 7 іюня 1797 г., умеръ 20 декабря 1879 г. въ Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, ведущаго, какъ сказано въ дипломѣ на графское достоинство, свое происхожденіе отъ боярина Бяконта, отца св. Митрополита Алексѣя, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и 14 ноября 1814 г. поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ; 25 марта 1817 г. произведенъ былъ въ прапорщики и вскорѣ назначенъ полковымъ адъютантомъ. Въ годъ смерти императора Александра I Игнатьевъ былъ уже капитаномъ и командовалъ ротой Его Величества. 14 декабря 1825 г. онъ со своей ротой однимъ изъ первыхъ подоспѣлъ къ Зимнему дворцу, получилъ приказаніе быть неотлучно при Императорѣ и за примѣрный порядокъ, усердіе и точность въ исполненіи особыхъ порученій Императора удостоился Высочайшей признательности: ему сбавленъ годъ изъ 25-лѣтняго срока, опредѣленнаго на выслугу ордена св. Георгія, а 21 декабря 1825 г. Игнатьевъ произведенъ былъ во флигель-адъютанты. Съ 15 апрѣля по 7 октября 1828 г. онъ находился на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, участвовалъ въ блокадѣ и взятіи Варны и 29 сентября того же года произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году Игнатьевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для разслѣдованія злоупотребленій, обнаруженныхъ въ Оренбургскомъ краѣ, а впослѣдствіи принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ проэкта положенія для Оренбургскаго казачьяго войска. Съ 1 января 1830 г. по 23 мая 1834 г. Игнатьевъ состоялъ при принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ и въ то же время (въ 1832 г.) участвовалъ въ составленіи проэкта устава объ управленіи дѣйствующей арміей. 25 мая 1834 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса и состоялъ въ этой должности 12 лѣтъ; тутъ черезъ его руки прошли многія сотни офицеровъ русской арміи, которые сохранили о своемъ бывшемъ начальникѣ самыя теплыя воспоминанія и при празднованіи его пятидесятилѣтняго юбилея составили капиталъ его имени, проценты съ котораго ежегодно выдаются одному изъ воспитанниковъ Пажескаго корпуса. 10 сентября 1835 г. Игнатьевъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніе въ свиту Его Величества. 28 декабря 1838 г. онъ былъ командированъ въ Мюнхенъ для размѣна ратификованнаго брачнаго договора великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Въ 1842—1843 гг. Игнатьевъ временно исполнялъ должность начальника штаба по управленію военно-учебными заведеніями, а 1 января 1845 г. назначенъ членомъ главнаго управленія женскихъ учебныхъ заведеній. Въ

1846 г. онъ былъ назначенъ на должность дежурнаго генерала Главнаго штаба, 6 декабря того же года произведенъ въ генералъ-адъютанты и пожалованъ табакеркой съ портретомъ Императора. 23 марта 1847 г. Игнатьевъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ формированіи резервныхъ войскъ, въ виду предстоявшей войны съ венграми. 4 ноября 1848 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ Медико-хирургической академіи, 8 января 1850 г. членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, а 26 августа 1852 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ прочихъ званіяхъ. 2 іюня 1853 г. Игнатьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Витебской, Могилевской и Смоленской губерній, а 28 декабря 1854 г. переведенъ на постъ военнаго генералъ-губернатора въ Петербургъ и тутъ послѣдовательно получилъ ордена: Александра Невскаго (17 января 1855 г.) и Владиміра 1-й степени (12 мая 1857 г.); 12 апрѣля 1859 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Съ 12 января 1855 г. Игнатьевъ состоялъ вице-президентомъ Петербургскаго тюремнаго комитета, а съ 5 декабря 1859 г.— предсѣдателемъ Попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Въ теченіе 1861 г. онъ постепенно, по болѣзни, оставилъ всѣ должности, кромѣ должности члена Государственнаго Совѣта, но въ то же время принималъ дѣятельное участіе во введеніи въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1861 г. и занимался дѣлами по устройству Комитета о раненыхъ. Оправившись отъ болѣзни, Игнатьевъ 16 ноября 1864 г. занялъ постъ предсѣдателя коммиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и сталъ дѣятельнымъ членомъ Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Въ 1867 г., по случаю пятидесятилѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, ему пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго при особомъ Высочайшемъ рескриптѣ. Съ 27 февраля 1872 г. онъ состоялъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ и на этой должности оставался до самой смерти. Въ томъ-же году онъ участвовалъ въ коммиссіи для празднованія двухсотлѣтняго юбилея Петра Великаго, а 12 декабря 1877 г., въ день столѣтняго юбилея императора Александра I-го, при которомъ Игнатьевъ началъ свою службу, онъ возведенъ былъ съ потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Помимо своей административной дѣятельности, графъ Игнатьевъ извѣстенъ былъ какъ просвѣщенный человѣкъ, покровительствовавшій наукамъ, любившій и всегда поддерживавшій образованныхъ людей. Онъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ (съ 30 декабря 1856 г.), Московскаго университета (съ 5 января 1855 г.) и Медико-хирургической академіи (съ 8 января 1850 г.).

Отчетъ Государственнаго Совѣта за 1879 г. Некрологи есть: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1879 г. № 329, въ «Голосѣ», № 321, въ «Новомъ Времени», № 1371; Гр. Милорадовичъ, «Матеріалы для ист. Пажескаго корпуса».

Игнатьевъ, *Руфъ Гавриловичъ*, изъ дворянъ Московской губ., род. въ 1819 г., умеръ 2 января 1886 г. въ Уфѣ. Образованіе получилъ въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Парижской консерваторіи; онъ былъ большой знатокъ и любитель музыки и пѣнія; по возвращеніи изъ Парижа былъ подрегентомъ синодальнаго хора въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ концѣ 40-хъ годовъ, совершая поѣздку по монастырямъ для списыванія старинныхъ напѣвовъ, при разборѣ древнихъ архивовъ увлекся археологіей, затѣмъ сталъ заниматься этнографіей и археографіей; во многихъ изданіяхъ, преимущественно провинціальныхъ, онъ помѣстилъ свыше 500 статей и замѣтокъ по вышеуказаннымъ отраслямъ; былъ членомъ обществъ: Московскаго археологическаго, Любителей естествознанія, Вольнаго экономическаго, Общества исторіи, этнографіи и археологіи при Казанскомъ университетѣ, нѣсколькихъ статистическихъ комитетовъ и др.

«Историч. записка о дѣятельности Имп. Моск. Арх. Общ. за первыя 25 л. его существованія»; «Извѣстія Общества арх., ист. этногр. при Каз. унив.», т. XI, в. 2. 147—158.

Игнатьевъ, *Степанъ Лукичъ*, ген.-лейт. оберъ-комендантъ Петербурга, умеръ 7 апрѣля 1747 г.; въ 1727 г. бригадиръ и совѣтникъ военной коллегіи; вмѣстѣ съ Минихомъ участвовалъ въ разработкѣ штатовъ русской арміи передъ турецкой войной; съ 1730—дѣйств. ст. сов., съ 1732 г. присутствовалъ въ Сенатѣ; въ 1734 — генералъ-маіоръ; 1736 г.—членъ слѣдственной коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла о судь-

яхъ Сибирскаго приказа и о бывшемъ иркутскомъ губернаторѣ Жолобовѣ; въ 1737 г.—членъ генеральнаго суда надъ сенаторомъ кн. Д. Голицынымъ; въ 1737 г.—участвовалъ въ коммиссіи для освидѣтельствованія приходо-расходныхъ книгъ Петербургской городской канцеляріи, въ 1739 г.—въ особой коммиссіи для устройства конскихъ заводовъ; 5 января 1741 г. назначенъ вице-президентомъ Военной Коллегіи; въ 1742 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1743 г. участвовалъ въ судѣ надъ Лопухиной и др.; въ 1744 г. присутствовалъ въ сенатской конторѣ, гдѣ, за отъѣздомъ кн. Репнина, ему была поручена главная команда; умеръ 1747 г.

П. Барановъ, «Опись Высоч. указовъ, и повел.», Спб. 1875, т. II и III; Сенатск. арх., Спб. 1890, т. III, «Рус. Арх.», 1888, III, 179.

Игнатьевъ, *Яковъ,* протопопъ Верхоспасскій, духовникъ царевича Алексѣя Петровича, казненъ 8 декабря 1718 г. Будучи духовникомъ царевича въ теченіе времени около 12 лѣтъ, онъ имѣлъ на него огромное вліяніе, поддерживалъ его недовольство противъ отца и говорилъ на его признанія, что онъ желаетъ смерти отцу: «Богъ тебя проститъ, мы всѣ ему смерти желаемъ». Послѣ розыска казненъ въ Петербургѣ.

Устряловъ, «Исторія Петра В.», VI, 269, 458 и др. Соловьевъ, XVII, изд. 2, 135—136; «Чтенія», 1861, кн. 3.

Игнаціусъ, *Отто-Фридрихъ,* придворный живописецъ, сынъ пастора, род. 17 апрѣля 1794, въ Гейгерсѣ въ Эстляндіи, близъ Ревеля; умеръ 26 августа 1824 г. Родители его, люди высоконравственные и религіозные, прилагали всѣ заботы, чтобы дать сыну наилучшее воспитаніе и дѣйствительно, достигли того, что изъ молодаго Игнаціуса вышелъ человѣкъ, чрезвычайно добрый, привѣтливый, возбуждавшій искреннія симпатіи всѣхъ знавшихъ его. Щедро одаренный отъ природы онъ былъ въ одно и то-же время и живописцемъ, и поэтомъ, и музыкантомъ-композиторомъ. Подъ руководствомъ довольно хорошаго художника Вальтера, спеціально для этого приглашеннаго изъ Дрездена родителями О. Игнаціуса, молодой человѣкъ со свойственной ему пылкостью, сталъ заниматься живописью; въ 1813 г. отецъ послалъ его для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Берлинъ. Тамъ О. Игнаціусъ поступилъ ученикомъ къ Вейчу, который очень полюбилъ его, также какъ и всѣ его товарищи. Въ 1815 г. Игнаціусъ переѣхалъ въ Вѣну и занимался тамъ у Фюгера. Съ 1817 г. онъ, съ компаніей товарищей, переселился въ Римъ и самостоятельно работалъ здѣсь тоже два года. Въ 1819 г. картины Игнаціуса: «Принцесса д'Эсте и Тассъ» и другія заслужили особенное одобреніе императора Франца, во время посѣщенія имъ Рима. Въ 1820 г. Игнаціусъ вернулся въ отечество, унося съ собою искреннее расположеніе всѣхъ своихъ товарищей. Повидавшись съ родными, Игнаціусъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь получилъ вскорѣ мѣсто придворнаго живописца; вмѣстѣ съ тѣмъ разныя высокопоставленныя лица постоянно приглашали его къ себѣ и восхищались его игрой на фортепіано и композиторскимъ талантомъ. Въ 1820 г. при пожарѣ царскосельскаго дворца сгорѣла и его церковь; при возобновленіи ея Игнаціусу поручено было написать образъ для Царскаго мѣста; онъ принялся за работу со свойственнымъ ему жаромъ и страшно увлекался ею. Это была самая счастливая пора въ его жизни; въ это же время онъ женился на своей давнишней привязанности, дочери архитектора Шадова въ Берлинѣ; но уже въ слѣдующемъ (1823 г.) она умерла. Игнаціусъ былъ страшно потрясенъ этою потерею и чахотка, признаки которой были замѣтны уже и ранѣе, быстро развилась и свела его въ могилу, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, всего 31 года, полнаго энергіи, полнаго желанія трудиться и кончить начатый трудъ. Послѣ его смерти осталось нѣсколько хорошихъ портретовъ, замѣчательныхъ особенно колоритомъ, нѣсколько музыкальныхъ произведеній, танцевъ и романсовъ.

«Моск. Вѣдом.» 1824, № 95; St. Petersburger Zeitschrift», 1825, XVII, 39—52, 138—152, 254—272, XVIII, 239—267. «Journal de St. Pétersburg», 1825, № 8; «Русс. Инвал.» 1825, № 84.

М. Ф.

Иголкинъ, купецъ новгородскій. Торгуя въ Швеціи, онъ при началѣ Великой сѣверной войны вмѣстѣ со всѣми другими русскими, находившимися тогда въ Швеціи, былъ заключенъ въ тюрьму. Услыхавъ однажды бранные отзывы шведскихъ солдатъ сторожей о русскомъ государѣ, онъ сталъ требовать, чтобы запрещено было такъ говорить о Государѣ-помазанникѣ Божіемъ; но его жалобы вызвали только насмѣшки начальства и еще боль-

шую дерзость сторожей. Тогда Иголкинъ наконецъ, бросился на дерзкихъ и убилъ двоихъ ружьемъ, вырваннымъ у одного изъ нихъ. Предъ шведскимъ судомъ онъ прямо изложилъ все это происшествіе и Карлъ XII, уже возвратившійся тогда изъ Турціи, такъ тронутъ былъ его поступкомъ, что далъ ему свободу и отослалъ его къ Петру. Голиковъ, сообщающій объ этомъ происшествіи, передаетъ еще и другія анекдотическія подробности постояннаго вниманія и милости Царя къ Иголкину и его прямого, непреклоннаго характера.

Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2, т. XV, 93—96.

Игоревъ, *Левъ Степановичъ*, академикъ живописи, умеръ въ 1869 г. Возведенный въ званіе академика за портретъ ректора Духовной академіи епископа Макарія (7 декабря 1853), онъ писалъ разные портреты и образа для церквей: Христа Спасителя и Божіей Матери — въ с. Красное, имѣніе г. Стобеуса, Христа, возсѣдающаго на престолѣ—въ г. Тверь, и Божіей Матери въ медальонѣ на кости—для поднесенія императрицѣ Маріи Александровнѣ (1854—1855); въ 1856 г. былъ назначенъ въ духовную миссію, отправлявшуюся въ Пекинъ. Оттуда онъ прислалъ на академическую выставку 1865 г. изображенія разныхъ китайскихъ типовъ, какъ напр.: «нищіе на холодѣ», «чиновники», («въ младшемъ чинѣ», «въ лѣтнемъ платьѣ», «начальникъ отдѣленія иностранныхъ дѣлъ»), «солдатъ желтаго знамени, христіанинъ, 75-ти лѣтъ отъ роду», «татаринъ», «купецъ, родомъ манджуръ», «врачъ, родомъ китаецъ» и др.

Отчеты Имп. Акад. Худож. 1854—1855, 1855—1857 гг., стр. 24. Указатель выставки въ И. А. Х. 1865. *Н. С.*

Игорь, — Георгій Ярославичъ, князь XI в., см. Волынскіе князья.

Игорь Глѣбовичъ, князь, умеръ въ 1195 г., см. Рязанскіе князья.

Игорь Ольговичъ, великій князь кіевскій, сынъ Олега Святославича, князя черниговскаго, убитъ 19 сентября 1147 г. До занятія великокняжескаго стола провелъ время, какъ и другіе князья его современники, въ усобицахъ. Въ 1116 г. участвовалъ въ походѣ Владиміра Мономаха на Минскъ, въ 1129 г. при Мстиславѣ I Владиміровичѣ, ходилъ на Полоцкъ. За помощь, оказанную дѣтямъ Мстислава Великаго противъ вел. кн. Ярополка, онъ съ братьями получилъ Курскъ и часть Переяславской области (1136 г.). Но недовольный своимъ удѣломъ онъ, вмѣстѣ съ братьями и половцами, объявивъ великому князю войну, началъ грабить волости по р. Сулѣ, взялъ Прилуки, хотѣлъ осадить Кіевъ, но потерпѣлъ неудачу. Въ 1139 г. Всеволодъ Ольговичъ, братъ Игоря занялъ Кіевъ; Игорь, считая себя недостаточно награжденнымъ за помощь Всеволоду, разссорился съ нимъ, но въ 1142 г. снова перешелъ на сторону брата, получивъ отъ него Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ, и съ тѣхъ поръ дѣйствовалъ за одно съ нимъ до самой его кончины. Въ 1144 г. братья ходили на Владимірка Володаревича галицкаго; въ 1145 г. Всеволодъ передъ собравшимися къ нему родичами объявилъ Игоря своимъ преемникомъ; въ томъ же году Игорь ходилъ на помощь зятю Всеволода, польскому королю Владиславу, враждовавшему съ братьями; благодаря этой помощи Владиславъ получилъ отъ братьевъ четыре города, а русскимъ князьямъ отдалъ г. Визну. Въ 1146 г., вернувшись вмѣстѣ съ Игоремъ изъ похода на Владимірка галицкаго, больной Всеволодъ собралъ кіевскихъ гражданъ и просилъ ихъ признать Игоря своимъ княземъ; граждане притворно согласились и когда Игорь явился по ихъ зову въ Кіевъ, поклялись ему въ вѣрности. На слѣдующій день Игорь съѣздилъ въ Вышгородъ, принялъ присягу и отъ тамошнихъ жителей; такъ же и многіе князья, предъ спеціальными посланцами Всеволода, обѣщали сохранить вѣрность клятвѣ и признавать Игоря великимъ княземъ. По смерти Всеволода Игорь, въѣхавъ въ Кіевъ, принялъ на Ярославовомъ дворѣ отъ гражданъ присягу уже какъ великій князь. Послѣ этого кіевляне собрались на вѣче у Туровой божницы и позвали князя къ себѣ. Игорь послалъ на вѣче брата своего Святослава; граждане жаловались ему на Всеволодовыхъ тіуновъ. Святославъ обѣщалъ, что они сами будутъ выбирать себѣ тіуновъ и на этомъ цѣловалъ крестъ какъ за себя, такъ и за Игоря, а кіевляне снова цѣловали крестъ въ вѣрности князю. Игорь тоже поцѣловалъ крестъ кіевлянамъ на этихъ условіяхъ. Тогда кіевляне бросились грабить дворы тіуна Ратши и Всеволодовыхъ мечниковъ. Высланный Игоремъ Святославъ едва могъ возстановить въ городѣ поря-

докъ. Однако и далѣе кіевляне не сдержали присяги, данной Игорю, а начали сноситься съ Изяславомъ Мстиславичемъ; со своей стороны и Игорь не исполнилъ обѣщанія относительно тіуновъ и отношенія его съ кіевлянами становились все хуже и хуже; враждебно относились къ нему и всѣ другіе князья, изъ которыхъ на его сторонѣ былъ только братъ его Святославъ. Изяславъ Мстиславичъ двинулся къ Кіеву; у Заруба явились къ нему послы отъ черныхъ клобуковъ, отъ Кіева и нѣкоторыхъ другихъ городовъ съ заявленіемъ, что они не хотятъ имѣть у себя Ольговичей. Игорь послалъ къ своимъ двоюроднымъ братьямъ, Владиміру и Изяславу Давидовичамъ, спросить ихъ: окажутъ ли они ему поддержку; Давидовичи обѣщали свою помощь, но потребовали себѣ многихъ волостей. Игорь удовлетворилъ ихъ и звалъ ихъ на помощь. Затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ кіевскихъ воеводъ тысяцкаго Улѣба, Ивана Войтишича и Лазаря Саковскаго, и убѣждалъ ихъ остаться ему вѣрными. Но эти лица уже сносились съ Изяславомъ и торопили его идти на Кіевъ, извѣщая, что къ Игорю идутъ на помощь черниговскіе Давидовичи. Когда Изяславъ приблизился къ Кіеву, Игорь увидѣлъ кругомъ себя измѣну: воеводы убѣждали его выступить противъ Изяслава, а кіевляне вскорѣ призвали къ себѣ Изяславова тысяцкаго со стягомъ, берендеи изъ Мстиславовой рати передъ самыми Золотыми воротами захватили великокняжескіе товары. Тогда Игорь послалъ противъ нихъ брата Святослава, племянника Святослава Всеволодовича, Улѣба и Ивана Войтишича съ ихъ полками; но послѣдніе двое не двинулись и Игорь только съ братомъ и племянникомъ, презирая очевидную опасность, выступилъ противъ Изяслава. Въ происшедшей битвѣ великокняжескіе полки были разсѣяны, самъ великій князь заѣхалъ въ болото, гдѣ увязъ конь его, его братъ и племянникъ спаслись бѣгствомъ. Только чрезъ четыре дня Игоря вытащили изъ болота и представили Изяславу, который отправилъ его въ Выдубицкій монастырь, а отсюда въ оковахъ въ Переяславъ, въ монастырь св. Іоанна; здѣсь заключили его въ порубъ и приставили къ нему стражу. Побѣдители разграбили дома Игоревой дружины; къ нимъ присоединились теперь и Давидовичи. Святославъ обращался за помощью къ Юрію Долгорукому, но ничего не достигъ и даже самъ вынужденъ былъ бѣжать, съ женой Игоря, изъ своей Сѣверской области. Въ заключеніи Игорь тяжко заболѣлъ и просилъ Изяслава дозволить ему постричься. По принятіи постриженія отъ переяславскаго епископа Евѳимія, Игорь выздоровѣлъ, переѣхалъ въ Кіевъ, въ монастырь св. Ѳеодора и принялъ тутъ схиму (1147 г.). Вскорѣ Давидовичи черниговскіе вмѣстѣ съ Святославомъ, Игоревымъ братомъ, снова двинулись противъ Кіева; этимъ они до того озлобили кіевлянъ, что тѣ рѣшились убить Игоря, объ освобожденіи котораго хлопоталъ Святославъ. Митрополитъ, князь Владиміръ Мстиславичъ и тысяцкіе, при всѣхъ усиліяхъ, не могли удержать народа; кіевляне, по выраженію лѣтописца, какъ свирѣпые звѣри, устремились на Игоря, когда онъ слушалъ обѣдню, думая найдти въ храмѣ спасеніе отъ грозившей ему бѣды, стащили съ него мантію, кричали: «побейте! побейте!», когда онъ обратился къ нимъ съ словами укора, наконецъ, схватили и повели его изъ монастыря. Явившійся на защиту Игоря кн. Владиміръ Мстиславичъ, съ опасностью жизни, отбилъ его у кіевлянъ и скрылъ въ домѣ своей матери, но народъ снова собрался, вломился сюда и здѣсь же убилъ несчастнаго князя, потомъ трупъ его вывезенъ былъ на Подолъ на торговище и брошенъ на поруганіе. Но нашлись благочестивые люди, которые пришли поклониться тѣлу и прикрыли его. Владиміръ Мстиславовичъ послалъ двоихъ тысяцкихъ убрать тѣло его съ торговища. Когда тысяцкіе говорили кіевлянамъ, чтобъ они похоронили тѣло убитаго ими князя, тѣ отвѣчали, что не они убили Игоря, а Давидовичи и братъ его Святославъ, но все-таки взяли тѣло князя, отнесли его въ церковь св. Михаила и положили въ гробъ.

Во взглядѣ лѣтописца на кн. Игоря замѣчается двойственность: лѣтописецъ не скрываетъ, что Игоря не любили ни князья, ни народъ и обвиняетъ его за вражду съ Изяславомъ и вызванныя ею смуты, но въ то же время считаетъ, что Игорь былъ поборникомъ отечества и что его прославилъ Христосъ: въ церкви, гдѣ лежало его тѣло, въ первую же ночь, по словамъ лѣтописца «зажгошась свѣчѣ вси надъ нимъ». Въ 1150 г. Святославъ Ольговичъ перенесъ тѣло его въ Черниговъ, въ Спасопреобра-

женскій соборъ. Этотъ князь, въ иночествѣ и схимѣ названный Давидомъ, причтенъ къ лику святыхъ. Потомства онъ не оставилъ.

Лѣтописи Лавр, Воскрес., Никон. и послѣ 1146 г.—Новгородскія подъ указанными годами.

А. Э.

Игорь Рюриковичъ, великій князь кіевскій, единственный сынъ Рюрика, род. въ 877 г., убитъ въ 945 г. Въ 879 г. по смерти Рюрика опекуномъ его сына и правителемъ государства сталъ сподвижникъ и родственникъ Рюриковъ, Олегъ, который вскорѣ изъ Новгорода переселился въ Кіевъ. О жизни Игоря до вокняженія лѣтописи сообщаютъ весьма мало свѣдѣній: въ 903 г. когда еще Игорь былъ подъ опекой Олега, къ нему привели изъ Пскова жену, именемъ Ольгу; въ 907 г. Олегъ, отправляясь въ походъ на Византію, оставилъ въ Кіевѣ Игоря, какъ бы своимъ намѣстникомъ. Въ 912 г. Олегъ скончался, и первымъ дѣломъ вокнявшагося въ Кіевѣ Игоря было усмиреніе взбунтовавшихся древлянъ, которыхъ онъ наказалъ увеличеніемъ дани (914 г.). Въ тоже время покорено или возвращено къ покорности племя Угличей, жившее по сосѣдству съ Тиверцами; Игорь наложилъ на Угличей дань, которую отдалъ любимому воеводѣ своему Свенельду; ему же отдалъ и древлянскую дань, чѣмъ возбудилъ ропотъ въ своей дружинѣ. Въ 915 г. пришли впервые на Русскую землю печенѣги и кіевскій князь заключилъ съ ними миръ; но уже въ 920 г. Игорю пришлось вести съ этими степняками войну; обстоятельства ея неизвѣстны. Въ 935 г. корабли и войска Игоря ходили съ греческимъ флотомъ на Италію; но въ 941 г. мирныя отношенія ихъ нарушились и Игорь съ большой флотиліей—по лѣтописи состоявшей изъ десяти тысячъ судовъ—пошелъ на Константинополь. Императоръ былъ извѣщенъ о приходѣ руссовъ болгарами; однако Игорь успѣлъ сдѣлать высадку и опустошить окрестности Босфора; русская флотилія стала на якорѣ близъ Фара. Когда противъ нея вышелъ греческій флотъ, Игорь былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что приказалъ своимъ воинамъ щадить непріятелей и брать ихъ въ плѣнъ живыми; но въ происшедшей схваткѣ греческій огонь, который русскіе увидѣли тутъ впервые, навелъ такой ужасъ на Игоря и его воиновъ, что они поспѣшно удалились къ берегамъ Малой Азіи. Здѣсь они попробовали высадиться въ Вифиніи, но Патрикій Варда и Доместикъ Іоаннъ заставили ихъ удалиться на суда; руссы у береговъ Ѳракіи еще разъ сразились съ греками на морѣ и съ большимъ урономъ ушли домой. Однако Игорь началъ вновь собирать многочисленное войско: были призваны изъ за моря варяги и наняты печенѣги, отъ которыхъ взяты были заложники. Въ 944 г. Игорь выступилъ въ новый походъ на Грецію съ флотомъ и конницей. Корсунцы и болгары опять дали знать императору о приходѣ руссовъ и тотъ немедленно отправилъ къ Игорю пословъ, которые встрѣтили князя близъ дунайскаго устья, предложили ему дань, какую взялъ нѣкогда Олегъ, даже бо́льшую, если онъ согласится на миръ. Дошедши до Дуная, Игорь, по совѣту съ дружиной, взялъ у грековъ дары на всѣхъ воиновъ своихъ и, приказавъ наемнымъ печенѣгамъ пустошить Болгарію, возвратился въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ году императоръ прислалъ пословъ къ Игорю, а послѣдній отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь, гдѣ и былъ заключенъ мирный договоръ, «на всѣ лѣта, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ», но на условіяхъ, менѣе выгодныхъ для Руси, чѣмъ при Олегѣ. Императоръ клятвою утвердилъ договоръ и вновь отправилъ пословъ своихъ въ Кіевъ, предъ которыми Игорь, на холмѣ, у подножія Перуна, торжественно поклялся соблюдать дружбу съ имперіей; воины его, въ знакъ клятвы, полагали къ подножію идола оружіе, щиты и золото, а тѣ изъ нихъ, которые были христіанами, присягали въ церкви св. Иліи. Игорь отпустилъ греческихъ пословъ, одаривъ ихъ драгоцѣнными мѣхами, воскомъ и плѣнниками.—Какъ выше уже замѣчено было, дружина Игоря завидовала отрокамъ Свенельда, что они богаты оружіемъ и всякой одеждой, между тѣмъ какъ они, дружинники князя, босы и наги. Дружинники поэтому требовали, чтобы Игорь шелъ съ ними собирать налоги съ подвластныхъ племенъ и чтобы подѣлился съ ними. Съ наступленіемъ осени 945 г. Игорь пошелъ съ дружиной въ древлянскую землю и собралъ съ нея дань; затѣмъ, оставивъ при себѣ небольшую часть дружины, а остальную отпустивъ домой, князь хотѣлъ еще взять дани съ древлян-

ской земли. Но это возмутило древлянъ: надобно умертвить хищнаго волка—рѣшили они, иначе онъ истребитъ все стадо; они вооружились подъ начальствомъ мѣстнаго князяМала, вышли изъ Коростена, убили Игоря и похоронили недалеко отъ своего города, перебили и дружину его. По византійскимъ извѣстіямъ древляне привязали Игоря къ двумъ пригнутымъ къ землѣ деревьямъ и, отпустивъ деревья, разорвали его на двое. Къ княженію Игоря относится разсказъ арабскаго писателя Абульфеда о томъ, что въ 944 г. руссы взяли столицу арранскую Барду и возвратились въ свою землю р. Куромъ и Каспійскимъ моремъ. Другой восточный историкъ, Абульфарагъ, приписываетъ это нападеніе аланамъ, лезгинамъ и славянамъ. Что касается утвержденія при Игорѣ русскаго господства на берегахъ Босфора Киммерійскаго и болѣе рѣшительнаго подчиненія черныхъ болгаръ русскимъ князьямъ, то этотъ вопросъ еще требуетъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.

Полн. собр. р. лѣт. I, 8—23; II, 238—243, IV, 173, 174; V, 2, 9, 88—102; VII, 231—283; Иловайскій, «Болгаре и Русь на Азовск. морѣ», (Ж. М. Нар.Пр. 1875, ч. 178, с. 372). *А. Э.*

Игорь Святославичъ, князь, умеръ въ 1202 г., см. Черниговскіе князья.

Игорь Ярославичъ, сынъ великаго князя Ярослава I Владиміровича, князь владиміро-волынскій, потомъ смоленскій, род., по извѣстіямъ Татищева, въ 1036 г., умеръ въ 1060 г. Въ 1054 г., по смерти отца своего, онъ получилъ отъ старшаго брата, вел. князя Изяслава въ частный удѣлъ Владиміръ Волынскій, а въ 1057 г., по смерти Вячеслава Ярославича смоленскаго, съ общаго согласія князей, ему данъ былъ Смоленскъ, какъ настоящій, обычный удѣлъ, въ которомъ онъ и скончался; погребенъ «въ теремцѣ» черниговскаго Преображенскаго собора, иначе—въ башнѣ, которая и теперь называется Краснымъ теремомъ. Есть извѣстіе (Длугоша), достовѣрность котораго, однако, сомнительна, будто Игорь Ярославичъ, поддался польскому королю Болеславу II Смѣлому, когда онъ пришелъ на Русь вмѣстѣ съ вел. княземъ Изяславомъ Ярославичемъ.

Полн. собр. р. лѣт. I, 70; II, 269; III, 2; V, 139; VII, 333; Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.». II, пр. 50, 132, 390.

Игумновъ, *Александръ Васильевичъ*, знатокъ монгольскаго языка и быта монголовъ, род. въ 1761 г., умеръ 24 октября 1834 г. Сынъ коллежскаго ассесора, служившаго въ Кяхтѣ, Пекинѣ и Забайкальскомъ краѣ, род. въ Кударченской крѣпости, на Китайской границѣ. Дѣтство провелъ среди монголовъ, вполнѣ усвоилъ ихъ языкъ и сохранилъ на всю жизнь особенное умѣнье вести дѣло съ ними и вліять на нихъ. Съ 1771 г. по 1777 г. обучался въ школѣ монгольскаго языка въ Селенгинскѣ и оттуда поступилъ переводчикомъ въ пограничную канцелярію; въ 1781 и 1782 гг. сопровождалъ русскую миссію въ Пекинъ. Послѣ того попалъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ въ домъ Никиты Демидова и тутъ прилежнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ знающими людьми значительно пополнилъ свои общія знанія. Въ 1791 г. вернулся въ Иркутскъ и съумѣлъ уладить одну пограничную ссору съ китайцами, грозившую принять крупные размѣры, за что произведенъ изъ коллежскихъ регистраторовъ прямо въ коллежскіе секретари. Въ 1793—1795 гг. служилъ въ нижней расправѣ въ Нерчинскѣ, въ 1795—1798 гг. въ нижнемъ надворномъ судѣ въ Иркутскѣ, однако, нигдѣ не могъ ужиться съ товарищами, такъ какъ не принималъ никогда никакого участія въ обычныхъ тогда злоупотребленіяхъ чиновниковъ. Благодаря своему прекрасному знанію быта инородцевъ и вообще мѣстныхъ условій, онъ въ 1797 г. съ громаднымъ успѣхомъ и безъ всякихъ угнетеній для жителей собралъ въ иркутской губерніи болѣе половины накопившейся большой недоимки, въ 1798 г. устроилъ закупку у бурятъ шерсти для иркутской суконной фабрики, затруднившуюся вслѣдствіе неумѣнья лицъ, приставленныхъ къ этому дѣлу, вести дѣло съ бурятами; а съ этого времени поставка шерсти производилась безъ малѣйшихъ затрудненій и фабрика широко развила свою дѣятельность. Въ 1799—1804 г. онъ управлялъ поселеніями за Байкаломъ и очень много сдѣлалъ для ихъ благоустройства. Непріятности по службѣ заставили его выйдти въ 1809 г. въ отставку; онъ поселился въ Верхнеудинскѣ и, по просьбѣ бурятъ, занимался обученіемъ ихъ дѣтей. Тутъ въ 1814 г. познакомился съ нимъ П. А. Словцовъ. Въ 1819 г. Игумновъ былъ опредѣленъ членомъ верхнеудинской слѣдственной комиссіи, въ 1822 г. засѣдателемъ совѣстнаго суда, а потомъ переводчикомъ въ Иркутскѣ;

тутъ и жилъ онъ до смерти, преданный преимущественно ученымъ занятіямъ. Онъ составлялъ монгольскій словарь, рукопись котораго завѣщалъ Иркутской гимназіи; переводилъ на монгольскій языкъ книги священнаго писанія; переводъ этотъ однако не былъ напечатанъ; нѣсколько лѣтъ безвозмездно преподавалъ монгольскій языкъ въ Иркутской семинаріи; въ 1828 г. съ увлеченіемъ обучалъ тому же языку Попова и Ковалевскаго, присланныхъ къ нему изъ Казанскаго университета. Любя свое дѣло, онъ иногда слишкомъ имъ увлекался и ожидалъ, напримѣръ, что на всѣ науки окажетъ огромное вліяніе изученіе восточныхъ языковъ, введенное въ Казанскомъ университетѣ. Свою библіотеку онъ продалъ извѣстному оріенталисту барону Шиллингу и очень радовался мысли, что книги его не растеряются. Въ молодости онъ велъ записки о разныхъ происшествіяхъ въ близкой ему средѣ, но слухи, что онъ записываетъ все это для доносовъ по начальству, заставили его сжечь написанное. Послѣ его смерти осталось много рукописей, касающихся разныхъ сторонъ жизни монголовъ.

«Русскіе Люди», 1866, II, 93—103; это есть перепечатка статьи Н. Щукина—изъ «Сына Отечества», 1838, т. 2, отд. 3, 84—96; «Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. этн.», VI.

Иде, *Иванъ*, профессоръ, род. 1744 г., умеръ 2 октября 1806 г. Родился въ Брауншвейгѣ, кончилъ курсъ и получилъ степень доктора математики въ Гельмштетскомъ университетѣ, затѣмъ занимался у Кестнера (въ Геттлингенѣ) и у Лапласа; былъ другомъ знаменитаго Гаусса. Въ 1803 г. приглашенъ былъ кураторомъ Московскаго университета, М. Н. Муравьевымъ, и въ 1805—1806 гг. читалъ полатыни исчисленіе безконечно малыхъ; лекціи его интересовали слушателей. Онъ былъ единственный, приглашенный изъ-за границы профессоръ математики въ Московскомъ университетѣ.

«Біографич. словарь профессоровъ Моск. университета», 351—352; «Московскія ученыя вѣдомости», 1806, № 38.

Избрантъ, *Елизарій Елизаровъ* (Эбергардъ Избрантъ-Идесъ), посолъ въ Китай. Онъ былъ родомъ изъ города Глюкштата въ Голштиніи, торговалъ въ Россіи съ 1677 г. и сталъ извѣстенъ молодому царю во время его посѣщеній Нѣмецкой слободы; когда его торговыя дѣла пошли довольно неудачно, онъ съ удовольствіемъ согласился ѣхать посломъ въ Китай въ 1692 г. Цѣлью его посольства было узнать, принятъ ли китайскимъ правительствомъ Нерчинскій договоръ (Головина, 1689 г.) и завязать торговыя сношенія. Назначеніе Избранта состоялось 29 января 1692 г.; изъ Москвы онъ выѣхалъ 14 марта, 1 августа 1693 г. прибылъ на китайскую границу, а 3 ноября въ Пекинъ. Здѣсь ему пришлось испытать много непріятностей отъ китайцевъ, которые были недовольны, что въ грамотахъ титулъ царя поставленъ былъ ранѣе титула богдыханова; они заставили Избранта выдать грамоты и подарки ранѣе аудіенціи. 17 ноября, 27 декабря 1693 г. и 16 февраля 1694 г. Избрантъ имѣлъ аудіенціи у богдыхана, при чемъ послѣдній принялъ его хорошо, распрашивалъ объ его пути, о состояніи Россіи и объ ея отношеніяхъ къ разнымъ государствамъ; переводчиками служили іезуиты. Китайскіе чиновники высказали намѣреніе соблюдать Нерчинскій договоръ; кромѣ того они вели съ Избрантомъ переговоры о порубежныхъ дѣлахъ, о порядкѣ пріѣзда и пріема слѣдующихъ пословъ, и повторили свои требованія, чтобы царское имя писалось ниже богдыханова; со своей стороны посолъ собиралъ свѣдѣнія и замѣчанія о китайской торговлѣ. 19 февраля 1694 г. онъ оставилъ Пекинъ и 1 февраля 1695 г. возвратился въ Москву и представилъ царю карту и подробное описаніе своего пути. Описаніе его путешествія издано было впервые въ Амстердамѣ на французскомъ языкѣ въ 1699 г. затѣмъ на голландскомъ и на нѣмецкомъ; порусски—въ IX т. Древней Россійской Вивліоѳики.

«Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и Китаемъ», составлено Бантышъ - Каменскимъ, изд. Флоринскимъ, Казань, 1882, 67—74 и 531; Голиковъ, «Дѣянія», изд. 2, т. I, VII, XXIV (по указателю), «Рус. Арх.» 1879, I, 22; Гамель, «Англичане въ Россіи», 32—33.

Избыгнѣвъ (*Збыгнѣвъ*, *Сбыгнѣвъ*) Ивачевичъ, воевода галицкій, въ 1152 г. самъ другъ съ княземъ своимъ Владиміркомъ Володаревичемъ пробился сквозь толпу враговъ, когда ихъ окружили вел. кн. Изяславъ Мстиславичъ и венгерскій король Гейза II, на берегу р. Сана, и бѣжалъ въ Перемышль. Въ 1159 г. сынъ и преемникъ Владиміркa, Ярославъ, посылалъ Избыгнѣва съ послами отъ другихъ князей въ Кіевъ къ вел. кн. Изяславу Давидовичу требовать отъ него выдачи Ивана Ростиславича Берладника.

Полн. собр. р. лѣт. II, 67, 83; VII, 57.

Извѣкова, *Марія Евграфовна*, въ замужествѣ Бедряга (съ 1811 г.), сочинительница сентиментальныхъ романовъ и патріотическихъ стихотвореній, род. 12 февраля 1794, умерла 15 января 1830. Изъ произведеній ея наиболѣе извѣстны слѣдующія: 1) Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви. М. 1806; 2) Альфонсъ и Флорестина, драма въ 3 д. М. 1807; 3) Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою. Спб. 1809; 4) Милена или рѣдкій примѣръ великодушія. Спб. 1809. Извѣкова была образованная женщина, но не обладала литературнымъ талантомъ. Ея объемистые, скучные романы съ высоконравственнымъ содержаніемъ нерѣдко служили поводомъ къ сочиненію обидныхъ для авторскаго самолюбія эпиграммъ.

Кн. Н. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», 1889.

Излеръ, *Иванъ Ивановичъ*, швейцарецъ по происхожденію, увеселитель петербургской публики, род. въ 1811 г., умеръ 20 сентября 1877 г. Въ концѣ 30-хъ годовъ въ Новой Деревнѣ, на землѣ гр. Строгонова, существовалъ вокзалъ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ; здѣсь на эстрадѣ два раза въ недѣлю по вечерамъ играла музыка; въ 1848 г. вокзалъ этотъ взялъ на аренду Излеръ; онъ завелъ хорошій оркестръ Ив. Гунгля, цыганскій хоръ Васильева, труппу гимнастовъ — арабовъ, ставилъ входившія въ моду живыя картины, устраивалъ фейерверки, иллюминаціи и пр. Эти увеселенія пришлись очень кстати: они развлекали жителей столицы, унывшихъ во время свирѣпствовавшей тогда холеры. Въ 60-хъ годахъ садъ сталъ приходить въ упадокъ и Излеръ его оставилъ.

Пыляевъ, «Забытое прошлое окрестностей Петербурга»; «St. Petersburger Zeitung», 1877, № 254.

Измайловъ, *Александръ Александровичъ*, врачъ, стат. сов., род. въ 1812 г. Поступивъ вольнослушателемъ въ Петербургскую Медико-хирургическую академію, въ 1832 г. кончилъ курсъ лѣкаремъ второго отдѣленія. Въ 1837 г. назначенъ репетиторомъ физики и химіи, а съ 1838 г. субъ-инспекторомъ студентовъ академіи. Въ 1840 г., защитивъ диссертацію «Calculorum viarum urinarium naturam physico-chemicam nec non patogeniam exponens tractatus», получилъ степень доктора медицины и приглашенъ врачемъ С.-Петербургской театральной дирекціи и по Министерству Государственныхъ Имуществъ. Съ 1846 г. былъ адъюнктъ-профессоромъ физики въ Академіи.

Змѣевъ, «Русск. врачи писатели».

Извольскій, *Петръ Григорьевичъ*, тайн. сов., присутствующій въ Сенатѣ, род. въ 1838 г., умеръ 31 октября 1891 г. По окончаніи курса въ Училищѣ правовѣдѣнія началъ службу въ Сенатѣ; съ 1858 г. былъ губернскимъ прокуроромъ, сначала ковенскимъ, потомъ минскимъ; въ 1861 г.— оберъ-секретаремъ Сената, и въ 1863 г.— главнымъ редакторомъ «Сборника судебныхъ рѣшеній по Правительствующему Сенату». Въ 1865 г. назначенъ въ составъ юридической коммиссіи въ Варшаву и былъ тамъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи. Въ 1866 г. назначенъ членомъ Московской судебной палаты и вскорѣ предсѣдателемъ въ департаментѣ ея; въ 1877 г. назначенъ присутствующимъ въ 5 департаментѣ Сената.

Формуляръ въ 5 департаментѣ Сената.

Измайловъ, *Александръ Ефимовичъ*, баснописецъ и журналистъ, род. 14 апрѣля 1779 г., умеръ въ январѣ 1831 г., погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Воспитывался въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ. Записанный въ военную службу еще ребенкомъ, Измайловъ уже въ 1791 г. былъ произведенъ въ сержанты, но по окончаніи курса въ корпусѣ уволился отъ военной службы и поступилъ въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ. Здѣсь ревностною службою онъ обратилъ на себя вниманіе императора Александра I-го и въ 1806 г. былъ произведенъ въ надворные совѣтники. По преобразованіи экспедиціи въ Департаментъ государственнаго казначейства въ 1821 г. Измайловъ занялъ въ немъ мѣсто начальника отдѣленія. Въ 1826 г. былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, а въ 1828 г. переведенъ въ Архангельскъ. Въ 1829 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Въ 1830 г. Измайловъ по разстроенному здоровью оставилъ службу, но недостатокъ средствъ заставилъ его принять должность преподавателя словесности въ Пажескомъ корпусѣ.

Литературная дѣятельность А. Е. Измайлова началась рано; первыми произведеніями его, появившимися въ печати, были:

стихотвореніе «Смерть», переведенное изъ Малерба (напечатано въ мартовской книжкѣ «С.-Петербургскаго журнала» 1798 г.) и повѣсть: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», (2 ч. Спб. 1799—1801 гг.), написанныя, когда автору было, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, всего 18 лѣтъ. Живя съ молодости въ Петербургѣ, Измайловъ вращался въ кругу тѣхъ писателей, изъ которыхъ составилось Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, Высочайше утвержденное 15 іюля 1801 г. Измайловъ былъ его членомъ, а съ 1822 г. до конца существованія этого общества (1824 г.)—его предсѣдателемъ. Въ 1816 г. Измайловъ былъ избранъ въ члены Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ и въ то же время былъ членомъ Вольнаго общества любителей россійской словесности, которое образовалось въ Петербургѣ въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и издавало съ 1818 г. журналъ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія». Самъ Измайловъ издавалъ журналы: «Цвѣтникъ», въ 1809 г. въ соредакторствѣ съ А. П. Беницкимъ, а въ 1810 г.—съ П. А. Никольскимъ, и «Благонамѣренный», (въ 1818—1827 гг.). Кромѣ того, онъ редактировалъ въ теченіе 1817 г. «Сынъ Отечества», во время поѣздки Н. И. Греча заграницу; издалъ «Календарь Музъ», двѣ книги, на 1826 и 1827 гг. и, какъ другъ П. А. Никольскаго, издалъ по его смерти двѣ послѣднія книжки его «Пантеона русской поэзіи» (1817 г.).

Какъ писатель, А. Е. Измайловъ долженъ быть отнесенъ къ числу второстепенныхъ. Талантъ его, по преимуществу сатирическій, проявляется съ наибольшею силою въ изображеніи житейской пошлости, характеровъ низкихъ и грубыхъ; ихъ Измайловъ рисуетъ съ циническимъ реализмомъ. Его прозвали россійскимъ Теньеромъ. Наибольшій успѣхъ имѣли его басни, которыя доставили ему почетное названіе «дружки Крылова» и выдержали много изданій (1-е въ 1814 г., 8-е въ 1891 г.). Грубый реализмъ и разсудочность, будучи существенными свойствами Измайлова, какъ писателя, спасли его отъ крайностей сентиментальнаго направленія, хотя онъ и былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей Карамзина. Лично уважая Жуковскаго, Измайловъ, какъ критикъ, преслѣдовалъ романтиковъ. При необширномъ образованіи и неглубокомъ умѣ, онъ не любилъ философской отвлеченности и въ области литературной критики ограничивался исключительно французскими теоріями (Баттe, Буало, Лагарпъ).—Какъ человѣкъ А. Е. Измайловъ оставилъ по себѣ самую лучшую память своею честностію, правдивостью и добротою. Онъ отыскивалъ бѣдныхъ, помогалъ имъ самъ и своими статьями будилъ общественную благотворительность.—Сочиненія его изданы впервые въ Петербургѣ въ 1826 г., вторично тамъ же въ 1849 г. и наконецъ въ Москвѣ въ 1890—1891 гг.

Геннади, «Справочный словарь» и рецензія на него В. И. Саитова въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1880, октябрь; Письма Измайлова въ «Славянинѣ» 1828 г. ч. VII и VIII, «Сѣв. Пчелѣ» 1833 г. № 25, «Маякѣ» 1844, т. 15, кн. 29, «Библіограф. Запискахъ» 1859 г. и «Русск. Старинѣ» т. 66; Пѣтуховъ, «Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ науч. и литер. дѣятельности Востокова», 1890 г. *А. Круглый.*

Измайловъ, *Андрей Петровичъ*, умеръ 31 мая 1714 г.; въ 1682 г. ближній стольникъ царя Іоанна Алексѣевича, въ 1697 г. вмѣстѣ съ другими молодыми людьми отправленъ учиться заграницу; въ 1701 г. ѣздилъ посланникомъ къ курфюрсту бранденбургскому; въ 1701—1707 г. состоялъ посланникомъ при датскомъ дворѣ; въ 1706 г. ѣздилъ къ королю прусскому хлопотать, чтобы онъ не нарушилъ своего нейтралитета. Съ 30 іюля 1709 г. по сентябрь 1710 г. былъ назначенъ состоять, въ званіи ближняго стольника, при гетманѣ Скоропадскомъ, для участія съ нимъ въ управленіи, при чемъ тайною инструкціею ему было особенно предписано наблюдать, чтобы гетманъ не измѣнилъ. Царь, однако, остался недоволенъ его дѣйствіями при гетманѣ и отозвалъ его въ Москву, въ сентябрѣ 1710 г.; временно онъ даже подвергся немилости, но умеръ онъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

«Путешествіе стольника Толстого» въ «Русск. Арх.», 1886; Голиковъ, «Дѣянія», изд. 2, т.т. II, III, XI; Бантышъ-Каменскій, «Исторія Малой Россіи», ч. 3; его же «Словарь»; «Др. Рос. Вивліоѳ.», XX; «Зап. Русск. Арх. Общ.», т. X, стр. 83—84; К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ истор. родословія Измайловыхъ», 15—17.

Измайловъ, *Артемій Васильевичъ*, окольничій и воевода, казненъ въ 1634 г.; за время до XVIII в. онъ наиболѣе извѣстный представитель этой фамиліи, въ XVI и XVII вв. давшей довольно много лицъ, занимавшихъ второстепенныя и третье-

степенныя мѣста въ тогдашней администраціи. Въ 1593 г. онъ былъ въ Ливнахъ съ кн. Хворостининымъ головой при размѣнѣ съ крымскими послами. Съ 1597 по 1604 г. нѣсколько разъ видимъ его вторымъ воеводою въ разныхъ полкахъ, выходившихъ тогда ежегодно для предупрежденія крымскихъ набѣговъ; въ 1605 г. на свадьбѣ Лжедмитрія съ Мариною пожалованъ въ думные дворяне и сокольничьи. Затѣмъ онъ вѣрно служилъ царю Василію Шуйскому и сражался противъ поляковъ. Въ 1607 г. во время борьбы съ Болотниковымъ удачно дѣйствовалъ съ отдѣльнымъ отрядомъ у Козельска, за что сдѣланъ окольничимъ; въ 1609 г., уже дворецкимъ, посланъ былъ встрѣчать татарскіе отряды, шедшіе на помощь царю Василію и сговариваться съ ними относительно военныхъ дѣйствій противъ поляковъ; при царѣ Василіѣ нѣсколько разъ видимъ А. В. Измайлова въ разныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Когда въ 1611 г. двинулись къ Москвѣ, занятой поляками, дружины разныхъ городовъ, онъ привелъ вмѣстѣ съ кн. Масальскимъ владимірское ополченіе, принималъ дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ подъ Москвою вплоть до ея освобожденія и подписался подъ актомъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича А. В. Измайловъ былъ постоянно на виду: онъ участвовалъ во многихъ придворныхъ церемоніяхъ, принималъ участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ — представлялъ царю пословъ англійскихъ, шведскихъ, датскихъ, персидскихъ, крымскихъ; наиболѣе замѣтное его дѣло на этомъ поприщѣ — участіе (третьимъ) въ заключеніи деулинскаго перемирія (1618 г.); нѣсколько разъ на время отсутствія царя изъ Москвы онъ былъ назначаемъ вторымъ или третьимъ для начальствованія въ столицѣ; извѣстны три случая мѣстничества его, причемъ однажды, за мѣстничанье съ кн. Мезецкимъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму; это не помѣшало ему, однако, въ томъ же году участвовать въ оборонѣ Москвы отъ королевича Владислава. Воинская служба А. В. Измайлова шла своимъ чередомъ; онъ былъ воеводою въ Астрахани и на Валуйкѣ. Наконецъ, въ 1632 г. онъ былъ назначенъ первымъ товарищемъ боярину Михаилу Борисовичу Шеину, отправленному противъ поляковъ. Походъ кончился неудачно. Шеинъ и Измайловъ были обвинены въ измѣнѣ и казнены въ 1634 г.; казненъ былъ также сынъ Измайлова, Василій, другой сынъ, Семенъ, сосланъ въ Сибирь, братъ его сосланъ въ Казань.

Карамзинъ, т. XII; Соловьевъ, т. VIII, IX; Разрядныя книги; Дворцовые разряды; «Древняя Росс. Вивл.», XIII, XV; Акты арх. эксп., III; К. Б. (Бороздина), «Опытъ историческаго родословія Измайловыхъ».

Измайловъ, *Владиміръ Васильевичъ*, писатель карамзинской школы, род. въ Москвѣ 5 мая 1773 года, умеръ 4 апрѣля 1830 г. въ Москвѣ-же. Получивъ въ домѣ родителей хорошее образованіе и основательно изучивъ языки: латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій, Измайловъ поступилъ на службу въ гвардію, но скоро вышелъ въ отставку, не чувствуя склонности къ военной службѣ и желая посвятить себя литературѣ. Своимъ руководителемъ на этомъ поприщѣ онъ избралъ Карамзина и оставался всю жизнь ревностнѣйшимъ его послѣдователемъ. Первые опыты свои въ стихахъ и прозѣ Измайловъ помѣщалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» Подшивалова (1794—1799), «Аонидахъ» Карамзина и въ «Вѣстникѣ Европы», редакторомъ-издателемъ котораго былъ и самъ въ 1814 году. Кромѣ того онъ сотрудничалъ въ «Новостяхъ литературы», «Московскомъ Телеграфѣ» и во многихъ альманахахъ 20-хъ годовъ. Въ 1827 году онъ самъ издавалъ альманахъ «Литературный Музеумъ». Изъ многочисленныхъ произведеній Владиміра Васильевича Измайлова особенною извѣстностію пользовались въ свое время: «Ростовское озеро» (въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», 1795 г., ч. V и VI) и «Путешествіе въ полуденную Россію» (1800—1802 г.), представляющее и по формѣ, и по содержанію близкое подражаніе «Письмамъ русскаго путешественника», Карамзина. Кромѣ оригинальныхъ произведеній Измайлову принадлежитъ много переводовъ изъ Сегюра, Шатобріана, Мильвуа, Шанфора и Ж. Ж. Руссо. Послѣдній былъ любимѣйшимъ писателемъ Владиміра Васильевича Измайлова, который и въ теоріи, и на практикѣ старался осуществить идеи «своего любезнаго женевца», особенно тѣ изъ нихъ, которыя касались воспитанія. Съ этою цѣлію онъ писалъ статьи педагогическаго содержанія, издавалъ журналъ воспитанія «Патріотъ» (1804 г.) и открылъ

пансіонъ, существовавшій, впрочемъ, недолго; педагогическая дѣятельность Измайлова обратила на себя вниманіе правительства и императоръ Александръ I пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4-й ст. за то, что онъ первый изъ природныхъ дворянъ посвятилъ себя воспитанію юношества. Въ концѣ жизни Измайловъ, по недостатку средствъ, принужденъ былъ вступить на службу и сдѣлался цензоромъ при Московскомъ университетѣ.

«Письма Карамзина къ Дмитріеву»; Геннади, «Справочный словарь». *А. Круглый.*

Измайловъ, *Иванъ Михайловичъ*, дѣйствит. тайн. сов., умеръ въ 1787 г. Службу началъ въ 1740 г.; 2 апрѣля 1762 г. былъ произведенъ въ ген.-майоры и назначенъ шефомъ Невскаго кирасирскаго полка; 28 іюня 1762 г. долго удерживалъ свой полкъ отъ перехода на сторону императрицы Екатерины и за это немедленно былъ уволенъ въ отставку; но въ 1770 г. онъ былъ снова принятъ на службу съ чиномъ ген.—майора и секундъ-майора Конной гвардіи; 21 апрѣля 1773 г. произведенъ въ ген.-лейт., 28 іюня 1782 г.—въ дѣйств. тайн. совѣтники.

К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ историческаго родословія дворянъ Измайловыхъ», 23; «XVIII-ый вѣкъ», III, 353.

Измайловъ, *Иванъ Петровичъ*, ген.-лейт., умеръ въ 1754 году. Въ 1697 г. былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами заграницу, обучаться военнымъ наукамъ; вернувшись служилъ въ гвардіи. 1 января 1726 г. произведенъ въ ген.-майоры и назначенъ архангельскимъ губернаторомъ; 12 сентября 1727 г. переведенъ губернаторомъ въ Воронежъ; вскорѣ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ при царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ; затѣмъ былъ губернаторомъ астраханскимъ до 28 іюня 1735 г., когда вышелъ въ отставку по болѣзни и старости; уже въ отставкѣ 13 мая 1741 г. получилъ чинъ ген.-лейтенанта.

К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ историческаго родословія Измайловыхъ», 17—18.

Измайловъ, *Левъ Васильевичъ*, ген.-лейтенантъ, род. 20 января 1685 г., умеръ 13 января 1738 г. Въ 1706 г. былъ уже съ дипломатическимъ порученіямъ въ Даніи; въ 1707 г., однако, былъ отставленъ отъ занимаемаго мѣста и нѣкоторое время, кажется, путешествовалъ по Европѣ. Въ 1718 г. въ чинѣ капитана гвардіи подписался подъ приговоромъ царевичу Алексѣю. Въ 1719 г. 16 іюня былъ отправленъ Петромъ Великимъ посломъ въ Китай для устройства торговыхъ сношеній, причемъ Петръ, затрудняемый войною, приказалъ даже уступить требованіямъ китайцевъ, предъявленнымъ черезъ Избранда, и поставить въ грамотахъ богдыханово имя выше своего. 30 мая 1720 г. Измайловъ прибылъ въ Иркутскъ, 18 ноября въ Пекинъ; съ 28 ноября того же года по 23 февраля слѣдующаго былъ принятъ богдыханомъ десять разъ и очень милостиво; 2 марта онъ выѣхалъ обратно, добившись даже права оставить въ Пекинѣ своего резидента; но едва прибылъ первый торговый караванъ, какъ снова возникли пререканія, вслѣдствіе которыхъ этотъ резидентъ Лангъ, покинулъ Пекинъ (17 іюля 1721 г.). Въ 1734 г. участвовалъ въ походѣ противъ Станислава Лещинскаго и за побѣду при Сѣнцахъ (13 сентября) получилъ чинъ ген.-лейтенанта и орденъ св. Александра Невскаго; совершалъ крымскіе походы 1735 и 1737 годовъ.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь»; Голиковъ, «Дѣянія», пренмущ. IX т.; К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ историч. родословія дворянъ Измайловыхъ», 11—12.

Измайловъ, *Левъ Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1764 г., умеръ въ 1834 г. Шести лѣтъ записанъ былъ въ Семеновскій полкъ, первый офицерскій чинъ получилъ въ 1783 г.; участвовалъ въ шведской войнѣ и въ 1794 г., волонтеромъ, въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ. Въ 1794 г. въ чинѣ полковника командовалъ Кинбурнскимъ драгунскимъ, въ 1797 г.—гусарскимъ Шевича полкомъ; вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку; съ 1802 г. по 1815 г. былъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ 1806 г. формировалъ рязанскую милицію, въ 1812 г. командовалъ рязанскимъ ополченіемъ и съ нимъ совершилъ заграничный походъ. Л. Д. Измайловъ отличался крайне своевольнымъ и жестокимъ характеромъ; до сихъ поръ помнятъ множество его продѣлокъ надъ окружавшими его мелкими дворянами и мѣстными чиновниками; по отношенію къ своимъ крестьянамъ онъ представляетъ такъ-же одно изъ печальныхъ явленій, возможныхъ при крѣпостномъ правѣ. Слухи о его буйствахъ доходили до Петербурга, онъ состоялъ подъ надзоромъ губернскихъ властей, надъ нимъ даже нарядилось слѣдствіе, но благодаря своимъ

связямъ и богатству онъ оставался безнаказаннымъ; всего же печальнѣе то, что онъ былъ почтенъ довѣріемъ мѣстнаго общества, хотя его образъ жизни былъ всѣмъ извѣстенъ. Однако, послѣ слѣдствія, начатаго еще въ 1827 г. и оконченнаго спеціально присланнымъ изъ Петербурга полковникомъ Шаминымъ, 11 ноября 1831 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи надъ Измайловымъ опеки. Мѣстнымъ властямъ за ихъ послабленія ему во время прежнихъ слѣдствій объявленъ выговоръ. Л. Д. Измайловъ послужилъ оригиналомъ для одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти Мельникова (Печерскаго) «Старые годы».

«Древ. и Нов. Рос.», 1876, №№ 9—12, статья Славутинскаго.

Измайловъ, *Михаилъ Львовичъ*, генералъ-лейтенантъ, умеръ въ 1797 г. Записанъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ въ 1742 году, первый офицерскій чинъ получилъ въ 1750 г.; былъ камеръ-юнкеромъ при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, потомъ камергеромъ при его дворѣ; въ 1757 г. находился волонтеромъ при австрійской арміи; 1 іюня 1760 г. произведенъ въ полковники, въ 1761 г. участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Кольбергомъ; 25 февраля 1762 г. императоръ Петръ III произвелъ его въ генералъ-майоры и назначилъ шефомъ 2-го гренадерскаго полка. 28 іюня 1762 г. онъ ѣздилъ къ императрицѣ Екатеринѣ II съ письмомъ императора Петра Ѳеодоровича, тутъ же перешелъ на ея сторону и уговорилъ Петра Ѳеодоровича къ отреченію; въ каретѣ съ нимъ и гр. Гудовичемъ и былъ увезенъ бывшій императоръ изъ Ораніенбаума. Въ тотъ-же день императрица Екатерина пожаловала Измайлова орденомъ св. Александра Невскаго; 22 сентября 1768 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; 22 декабря 1769 г. уволенъ въ отставку и жилъ въ своихъ деревняхъ.

К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ историческаго родословія Измайловыхъ», 12—13; «XVIII вѣкъ» т. III, 351.

Измайловъ, *Михаилъ Михайловичъ*, дѣйств. тайн. сов., московскій главнокомандующій, род. въ 1719 г., умеръ 6 мая 1800 г. Въ 1761 г. произведенъ въ ген.-майоры; вскорѣ перешелъ въ штатскую службу и въ продолженіе почти всего царствованія Екатерины II находился при строеніи казенныхъ зданій; еще въ 1768 г. онъ былъ сдѣланъ первоприсутствующимъ новоучрежденной коммиссіи по постройкѣ кремлевскаго дворца; подъ его наблюденіемъ возводились въ Москвѣ зданія, гдѣ нынѣ Судебная палата и Окружной судъ. 14 февраля 1775 г. произведенъ въ дѣйст. тайн. сов.; съ 1786 г. онъ былъ первоприсутствующимъ въ пятомъ, московскомъ, департаментѣ Сената. 21 марта 1795 г. назначенъ московскимъ главнокомандующимъ; такъ какъ онъ былъ не военный, то военная часть была поручена сначала кн. Ю. В. Долгорукову, а съ 3 февраля 1797 года—ген. Архарову, съ переименованіемъ Измайлова главноначальствующимъ въ Москвѣ и московской губерніи. Во время торжества заключенія ясскаго мира былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. 2 мая 1797 г. оставилъ службу.

Карабановъ, «Списокъ замѣч. лицъ русскихъ», 26; «Рус. Арх.» 1876, I, 5—11, III, 405—406; 1886, I, 157; «Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства», по указателю; К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ истор. родосл. Измайловыхъ», 22—23.

Измайловъ, *Петръ Васильевичъ*, ген.-майоръ, умеръ въ 1772 г.; началъ службу въ 1700 г., 24 февраля 1728 году получилъ чинъ ген.-майора; въ 1730 г. былъ въ Москвѣ во время избранія Анны Іоанновны и подписался подъ протестомъ противъ замысловъ верховниковъ, составленнымъ Татищевымъ. Въ 1741 г. былъ произведенъ въ ген.-поручики и назначенъ членомъ Военной Коллегіи. При Петрѣ III былъ управляющимъ его дворомъ, не перешелъ на сторону Екатерины и былъ немедленно ею уволенъ въ отставку.

«XVIII вѣкъ», III, 167, 172, 353; «Архивъ Сената», IV; К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ истор. родосл. Измайловыхъ», 10—11.

Измайловъ, *Петръ Ивановичъ*, дѣйствит. тайн. сов., умеръ 1 марта 1807 г. Приближенный къ Петру III человѣкъ, онъ въ день воцаренія Екатерины старался удержать солдатъ въ вѣрности бывшему императору и съ перемѣной царствованія былъ уволенъ въ отставку, съ производствомъ изъ капитановъ Преображенскаго полка въ полковники. 19 ноября 1796 г. императоръ Павелъ назначилъ его дѣйств. тайн. сов. и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, вызвалъ его къ себѣ и оказывалъ ему большое вниманіе. 21 февраля 1797 г. ему было пожаловано 1000 душъ въ Московской губерніи; въ 1806 г. онъ отпу-

стилъ этихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы.

«XVIII вѣкъ», III, 354; «Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.»; VII, 112; «Рус. Арх.», 1879, I, 63, 69; «Архивъ Сената», I и «Журналы Комит. Министровъ», I, по указателю; К. Б. (Бороздинъ), «Опытъ истор. родосл. Измайловыхъ», 21—22.

Измаилъ, епископъ сарскій или сарайскій, въ 1296 г. былъ на съѣздѣ князей во Владимірѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ владимірскимъ владыкой Симеономъ, явился примирителемъ великаго князя Андрея, князя московскаго Даніила Александровича и другихъ, разсорившихся изъ-за волостей и готовившихся начать вооруженную борьбу. Въ 1312 г. митрополитъ Петръ, за какое-то преступленіе, лишилъ его сана.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181, 186; X, 178.

Израиль (*Даниловъ*), архимандритъ; изъ дворянъ, род. въ 1751 г., умеръ 14 ноября 1818 г. Принялъ монашество будучи въ чинѣ поручика и былъ опредѣленъ настоятелемъ въ опустѣлый Скановъ монастырь; онъ собралъ сюда братію, завелъ общежитіе и возобновилъ монастырскія зданія. Въ 1794 г. былъ назначенъ строителемъ пензенскаго Преображенскаго монастыря; въ 1798 г. произведенъ въ архимандрита; 21 іюля 1802 г. переведенъ въ Александро-свирскій монастырь, а 31 октября того же года назначенъ въ нижеломовскій Богородицкій съ особымъ порученіемъ привести разстроенный монастырь въ надлежащій порядокъ. По мысли Израиля въ Нижеломовскомъ монастырѣ было заведено общежитіе. Когда пензенскій епископъ Моисей задумалъ завести въ своей обширной епархіи «русскія школы» для дѣтей духовенства, не имѣющихъ возможности учиться въ семинаріи, первымъ отозвался на этотъ проэктъ о. Израиль. Онъ выстроилъ при своемъ монастырѣ и на монастырскія средства школу, снабдилъ ее книгами и изъ ста школьниковъ болѣе десяти содержалъ на монастырскій счетъ; ежегодно монастырь расходовалъ на школу болѣе 400 руб. О. Израиль убѣдилъ, кромѣ того, настоятелей двухъ сосѣднихъ монастырей, Спасскаго и Краснослободскаго, оказывать школѣ ежегодное пособіе въ 150 руб. отъ каждаго монастыря; школа его была образцовою среди всѣхъ «русскихъ школъ» пензенской епархіи. За свою дѣятельность Израиль былъ награжденъ въ 1810 г. орденомъ святой Анны 2-й степени при особомъ Высочайшемъ рескриптѣ. 19 ноября Израиль переведенъ въ Макаріевъ желтоводскій монастырь, нижегородской епархіи. Въ 1818 г. отпросился на покой.

Архивъ св. синода, дѣла 1802 г. № 514; 1809 г., № 47; 1818 г., № 900 и др.; «Пензенскія епарх. вѣд.», 1869 г., № 13. *С. Г. Р.*

Израиль (Іакинѳъ *Звягинцевъ*), архимандритъ свіяжскаго Богородицкаго монастыря. Изъ духовнаго званія, род. около 1767 г., умеръ 26 ноября 1829 г. Обучался въ Орловской семинаріи и затѣмъ въ Петербургской училищной гимназіи, затѣмъ былъ учителемъ, потомъ смотрителемъ народныхъ училищъ петербургской губерніи. Въ 1799 г. опредѣленъ префектомъ Орловской семинаріи и учителемъ философіи, исторіи, географіи, арифметики и нѣмецкаго языка. 3 марта 1801 г. постриженъ въ монашество, 25 марта рукоположенъ въ іеромонаха, 15 апрѣля возведенъ въ игумена брянскаго Успенскаго свѣнскаго монастыря, назначенъ присутствующимъ въ консисторіи и 9 іюня опредѣленъ ректоромъ и учителемъ богословія въ Орловской семинаріи. 7 февраля 1802 г. произведенъ въ архимандрита Троицкаго зеленецкаго монастыря и назначенъ учителемъ философіи въ Александро-невской академіи, 3 августа того же года опредѣленъ законоучителемъ 1-го кадетскаго корпуса и 2 сентября—присутствующимъ въ Петербургской консисторіи. 1 февраля 1804 г. назначенъ намѣстникомъ Александро-невской лавры, префектомъ въ Академіи и учителемъ философіи, нѣмецкаго языка, естественной исторіи и математики. 22 марта 1806 г. опредѣленъ настоятелемъ Сергіевой пустыни, съ удержаніемъ за нимъ должностей намѣстника лавры и префекта Академіи. 31 августа 1808 г. перемѣщенъ въ Казанскій свіяжскій монастырь и въ 1816—1818 гг. исполнялъ должность инспектора Казанской духовной академіи.

Арх. св. Син., дѣла 1802, №№ 124, 585, 934, 971; 1806 г. № 246; 1808 г. № 308; 1819 г. № 876; 1829 г. № 1090.

Израиль (Иванъ *Косминъ*), схимникъ, старецъ-подвижникъ въ смоленской губерніи. По происхожденію мѣщанинъ, род. около 1748 г. въ городѣ Малоярославцѣ, умеръ 27 октября 1836 г. Свѣдѣній о его мірской жизни не имѣется. Въ 1825—1827 гг. онъ, уже постриженный при живой женѣ

въ схиму съ именемъ Израиля, поселился въ пещерѣ въ густомъ лѣсу близъ с. Дѣдова духовщинскаго уѣзда смоленской губерніи; въ этой же пещерѣ онъ и скончался. Послѣ смерти его открылось, что онъ носилъ вериги и власяницу. Онъ былъ искренно-вѣрующій и истинно-благочестивый старецъ, возбуждавшій своею святою жизнью глубокое почтеніе всѣхъ его знавшихъ и искавшихъ у него совѣта и утѣшенія.

«Смолен. епарх. вѣд.», 1869 г. № 9.

Израиль (Яковъ Ивановичъ *Лукинъ*), епископъ винницкій, викарій каменецъ-подольскій. Сынъ діакона, род. около 1801 г. въ с. Синковцѣ, мало-архангельскаго уѣзда орловской губерніи, умеръ 11 октября 1864 г. Кончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи магистромъ въ 1825 году. 4 декабря того же года назначенъ учителемъ словесности въ Курской семинаріи, 22 ноября 1831 г. постригся въ монашество съ именемъ Израиля и 1 января 1832 г. рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Въ Курской семинаріи онъ былъ библіотекаремъ, инспекторомъ, исправлялъ должность ректора, преподавалъ философскія и богословскія науки и по своему сану былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Донского монастыря и исполнялъ должность цензора проповѣдей. Съ 1835 г. онъ служилъ въ духовныхъ семинаріяхъ: Владимірской, Калужской, Курской (вторично), Херсонской, Харьковской, Тифлисской и въ Кіевской академіи, состоя ректоромъ въ нихъ (кромѣ Владимірской) и преподавателемъ богословскихъ наукъ. Возведенный 3 ноября 1835 г. въ санъ архимандрита состоялъ въ то-же время настоятелемъ монастырей: лихвинскаго Добраго, бѣлогородскаго Свято-Троицкаго, одесскаго Успенскаго, рыльскаго Николаевскаго, харьковскаго Преображенскаго и тифлисскаго Преображенскаго. Архимандритъ Израиль не разъ ревизовалъ духовныя училища, былъ членомъ консисторій, благочиннымъ монастырей, членомъ Грузино-имеретинской синодальной конторы; кромѣ того былъ членомъ кавказскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Общества сельскаго хозяйства. 17 апрѣля 1854 г. награжденъ орденомъ Владиміра 3-й степени. 24 января 1860 г. посвященъ въ викарнаго епископа винницкаго и сдѣланъ настоятелемъ шаргородскаго Николаевскаго монастыря, но 25 марта 1861 г. это викаріатство было упразднено и преосвященный Израиль до смерти уже остался только настоятелемъ монастыря. Изъ сочиненій его извѣстны: «Слова и бесѣды архимандрита Израиля» въ 2-хъ томахъ; «Бесѣды о значеніи и силѣ внѣшняго поклоненія въ христіанской православной церкви и мысли христіанскія по случаю страшной грозы и града, бывшихъ въ городѣ Харьковѣ 1 мая 1851»; «Обличеніе ложныхъ религій: языческой, ново-іудейской и магометанской»; «Обозрѣніе раскольничьихъ толковъ». Оставшаяся послѣ него библіотека, согласно духовному завѣщанію, перешла въ Тифлисскую семинарію, а деньги отъ продажи его сочиненій, картинъ и другихъ вещей были употреблены на устройство физическаго кабинета въ той же семинаріи.

Архивъ Синода, послуж. списокъ и дѣла подъ указанными годами; Геннади, «Словарь»; «Странникъ», 1868, № 2; «Прибавл. къ подольск. епарх. вѣд.», 1864. № 23.

Израиль (Иванъ *Ѳедоровъ*), игуменъ, настоятель селенгинскаго Троицкаго монастыря; происходилъ изъ приписныхъ церковниковъ, род. въ апрѣлѣ 1794 г. въ галичскомъ уѣздѣ костромской губерніи, умеръ 2 ноября 1862 г. Съ 1806 до 1812 г. жилъ въ Петербургѣ и обучался сначала малярному, а потомъ и живописному искусствамъ. Въ маѣ 1816 г. онъ ушелъ тайно отъ родителей изъ дому и поступилъ въ число послушниковъ Николо-бабаевскаго монастыря, гдѣ въ 1817 г. принялъ малое постриженіе и названъ Израилемъ; 8 іюля 1821 г. постригся въ монашество. Въ 1822 г. перемѣщенъ въ костромской Богоявленскій монастырь, а черезъ два года причисленъ къ братству Ипатскаго архіерейскаго дома, гдѣ произведенъ въ іеродіакона и іеромонаха. 2 марта 1825 г. назначенъ въ селенгинскій Троицкій монастырь, гдѣ съ 1829 г. былъ строителемъ, а съ 1832 г.— игуменомъ. Во всѣхъ монастыряхъ, гдѣ онъ проходилъ онъ послушанія, онъ оставилъ на память расписанные имъ иконостасы; во время пребыванія въ селенгинскомъ монастырѣ онъ былъ сдѣланъ благочиннымъ надъ всѣми монастырями забайкальскаго края; ему порученъ былъ надзоръ за нравственностью духовенства; въ 1830 г., послѣ бывшаго въ тѣхъ мѣст-

ностяхъ наводненія и сильнаго неурожая, онъ собралъ до 30 человѣкъ дѣтей, устроилъ для нихъ училище съ общежитіемъ; но 12 апрѣля 1833 г. за самовольное заведеніе училища сдѣланъ былъ ему выговоръ, а въ августѣ 1834 г. онъ былъ обвиненъ во введеніи новаго ученія, противнаго ученію святой церкви, въ измѣненіи чина божественной литургіи и въ дерзкой мечтательности о себѣ, лишенъ монашества и священства и заключенъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ сумасшествіи.

Дѣла архива св. Синода: 1821 г. № 428; 1834 г. № 612; 1858 г. № 2757.

Изыльметьевъ, *Иванъ Николаевичъ*, контръ-адмиралъ, род. 5 января 1813 г., умеръ 4 января 1870 г. Окончивъ курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, 31 декабря 1831 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1853 г. посланы были въ Тихій океанъ для лучшаго надзора за китобойными судами, производившими безпорядки въ тамошнихъ портахъ, фрегатъ «Аврора», поставленный подъ команду Изыльметьева, и еще одинъ корветъ и одна яхта. Суда эти вышли отдѣльно и должны были собраться въ заливѣ Де-Кастри; «Аврора» вышла 14 августа 1853 г. Плаваніе ея до Ріо-де-Жанейро прошло благополучно. Но, прибывъ туда 15 января 1854 г., капитанъ ея получилъ извѣстіе о готовящемся разрывѣ Россіи съ Англіей и Франціей. Тогда Изыльметьевъ рѣшился совершать дальнѣйшій путь какъ можно скорѣе, чтобы дойти до мѣста назначенія ранѣе, чѣмъ разрывъ станетъ извѣстенъ положительно. Въ гавани Ріо-Жанейро сильнѣйшій туманъ задержалъ фрегатъ до 31 января, но, вышедши отсюда въ этотъ день, «Аврора» 6 апрѣля пришла въ Каллао, совершивъ 62-хъдневный переходъ, затѣмъ, послѣ необходимыхъ исправленій, 14 апрѣля вышла далѣе и снова, не останавливаясь нигдѣ, черезъ 66 дней, 19 іюня прибыла въ Камчатку. Такіе переходы для паруснаго судна считались почти невозможными и англійскіе морскіе писатели отзываются объ этомъ плаваніи Изыльметьева съ величайшимъ удивленіемъ. По причинѣ крайняго истомленія экипажа Изыльметьевъ рѣшился остановиться въ Петропавловскѣ, а не идти въ заливъ Де-Кастри, куда собственно былъ онъ посланъ. 17 іюля пришло въ портъ оффиціальное объявленіе войны, а 18 августа вошла въ заливъ непріятельская эскадра, 20—24 августа происходили перестрѣлки и попытка непріятеля высадиться; но попытка эта была отражена съ большимъ урономъ для нападавшихъ; 27 августа непріятель ушелъ. 3 марта 1855 г. получено было въ Петропавловскѣ предписаніе перенести центръ нашихъ морскихъ силъ въ Восточномъ океанѣ на Амуръ. 6 апрѣля собравшаяся въ Петропавловскѣ эскадра вышла въ море, 5 мая пришла въ заливъ Де-Кастри. 8 и 9 мая подходила непріятельская эскадра изъ трехъ судовъ, но, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, удалилась: командовавшій этимъ отрядомъ адмиралъ Эліотъ послалъ за подкрѣпленіями. Адмиралъ Завойко, начальствовавшій русскою эскадрою, вывелъ ее изъ залива Де-Кастри 15 мая и 27 мая подошелъ къ устью Амура. Онъ думалъ одно время принять тутъ сраженіе, но такъ какъ непріятель обладалъ 26-ю боевыми судами противъ четырехъ или пяти русскихъ, то рѣшено было ввести эскадру въ р. Амуръ. Всего труднѣе было провести свой фрегатъ Изыльметьеву, такъ какъ это было самое большое судно эскадры; иногда въ день успѣвали пройти при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ не болѣе 50 саженъ; однако вся эскадра была проведена вполнѣ благополучно. Англійскій флотъ совершенно не зналъ куда дѣвались русскія суда и общественное мнѣніе Англіи требовало суда надъ адмиралами, потерявшими непріятеля. Изыльметьевъ въ томъ же году перешелъ въ Кронштадтъ и командовалъ разными судами. Во время коронаціи императора Александра II онъ произведенъ былъ въ капитаны 1 ранга; 9 ноября 1864 г. произведенъ въ контръ-адмиралы. Въ 1865—1870 г. былъ начальникомъ штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта; 1 января 1870 г., по собственному желанію, назначенъ младшимъ флагманомъ балтійскаго флота. Скончался въ Ревелѣ.

Стрепцель, «И. Н. Изыльметьевъ», 1874.

Изюмовъ, *Николай Григорьевичъ*, ген.-лейт., изъ дворянъ могилевской губерніи, род. въ 1779 г., умеръ въ 1849 г.; въ службу вступилъ 5 іюля 1797 г. въ Чугуевскій уланскій полкъ, въ которомъ и прослужилъ слишкомъ 37 лѣтъ,—до 6 декабря 1834 года, когда произведенъ былъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 6-й легкой кавалерійской ди-

визіи. Съ 1 августа 1836 г. генералъ Изюмовъ служилъ по вѣдомству военныхъ поселеній, сначала въ должности начальника округовъ 2-й уланской дивизіи, а съ 26 сентября 1844 г.—въ должности начальника пяти округовъ военныхъ поселеній кіевской и подольской губерній. Н. Г. Изюмовъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ во время войнъ: съ Турціею въ 1806—1811 гг., съ Наполеономъ въ 1812—1815 гг., съ Персіею въ 1827—1828 гг. и съ польскими мятежниками въ 1831 г., и неоднократно отличался въ бояхъ: во время Лейпцигской битвы (4 и 6 октября 1813 г.), произвелъ противъ непріятельской пѣхоты удачную атаку съ тремя эскадронами конницы и помогъ спасти два брошенныя австрійцами орудія; 11 октября того же года, при Бутельштетѣ, командуя Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, онъ опрокинулъ шесть полковъ французскихъ драгунъ и преслѣдовалъ ихъ болѣе 5 верстъ, причемъ взялъ въ плѣнъ болѣе 200 человѣкъ; во главѣ того же полка, въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ (16 марта 1814 г.), онъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ атакъ и взялъ 3 орудія и болѣе 300 плѣнныхъ; 18 марта того же года, во время генеральной атаки Парижа, отбросилъ часть непріятельской артиллеріи, слѣдовавшей изъ Парижа въ Венсенъ, обратно къ Парижу, причемъ было захвачено 28 орудій, 12 офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Въ этихъ дѣлахъ онъ получилъ нѣсколько контузій и ранъ; большую часть чиновъ и орденовъ онъ получилъ за боевыя отличія. Высочайшимъ приказомъ 13 іюля 1849 г. исключенъ изъ списковъ, какъ умершій.

Формулярный списокъ въ московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго Штаба, въ книгѣ формуляровъ, № 12362. *С. И. П.*

Изяслава—лицо неизвѣстнаго происхожденія; Карамзинъ называетъ ее русской княжной. Сама по себѣ она ни чѣмъ не замѣчательна; свѣдѣнія о ней обрисовываютъ только въ нѣкоторомъ отношеніи личность князя волынскаго Владиміра Васильковича (умеръ въ 1288 г.) и даютъ намъ нѣсколько бытовыхъ чертъ того времени. Князь Владиміръ Васильковичъ, не имѣя дѣтей отъ своей супруги, Ольги Романовны брянской, взялъ Изяславу у ея матери еще «въ пеленахъ» и «воскормилъ» ее, «аки свою дщерь родимую». Передъ смертью, пригласивъ къ себѣ племянника своего, князя луцкаго Мстислава Даниловича, которому онъ хотѣлъ завѣщать свой удѣлъ, Владиміръ Васильковичъ заставилъ его цѣловать крестъ, что онъ не отниметъ ничего изъ завѣщаннаго ни у его вдовы, ни у Изяславы и что не выдастъ Изяславу замужъ противъ воли ея и его вдовы.

Полн. собр. рус. лѣт. II, 214, 216.

Изяславъ Андреевичъ, князь, умеръ 28 октября 1165 г., старшій сынъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго; въ 1159 г., по приказанію отца, ходилъ на помощь нареченному зятю своему, князю вщижскому Святославу Владиміровичу, осажденному во Вщижѣ князьями—черниговскимъ Святославомъ Ольговичемъ и полоцкимъ Всеславомъ Васильковичемъ; въ 1164 г. съ отцомъ ходилъ на камскихъ болгаръ, и участвовалъ во взятіи ихъ города Бряхимова. Онъ умеръ неженатымъ и погребенъ во владимірской Успенской церкви.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 150—151; II, 87, 92—93, 308; VII, 72, 77—78.

Изяславъ Владиміровичъ, князь, сынъ Владиміра Мономаха, убитъ 6 сентября 1096 г. Въ 1095 г., въ борьбѣ съ Олегомъ черниговскимъ в. кн. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ отняли Смоленскъ у Олегова брата Давида, послалъ его на княженіе въ Новгородъ, и отдали Смоленскъ Изяславу; но Давидъ, изгнанный новгородцами, опять явился въ Смоленскъ; Мономаховичъ ушелъ въ Курскъ, но не былъ тамъ принятъ, отправился въ Муромъ, и овладѣлъ имъ, захвативъ Олегова посадника. Вскорѣ явился Олегъ и потребовалъ, чтобы Изяславъ удалился въ отцовскую волость Ростовъ, а Муромъ оставилъ ему, какъ волость князей черниговскихъ. Изяславъ не уступилъ своему крестному отцу (Олегъ крестилъ его), и между ними произошелъ подъ городомъ бой, въ которомъ Мономаховичъ палъ. Тѣло его было взято братомъ его Мстиславомъ новгородскимъ и погребено въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Потомства онъ не оставилъ.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 98, 105, 107, 108; II, 281; VII, 8, 10, 11, 242.

Изяславъ Владиміровичъ, князь, умеръ въ 1101 г., см. Полоцкіе князья.

Изяславъ Владиміровичъ, князь, умеръ въ 1217 г., см. Рязанскіе князья.

Изяславъ Владиміровичъ, князь XIII в., см. Черниговскіе князья.

Изяславъ Глѣбовичъ, князь, умеръ въ 1134 г., см. Черниговскіе князья.

Изяславъ Давидовичъ, князь черниговскій и вел. кн. кіевскій, сынъ Давида Святославича черниговскаго, жилъ и дѣйствовалъ во время самой упорной борьбы за Кіевъ, между Мономаховичами и Ольговичами, убитъ 6 марта 1161 г. Сначала, въ 1139 г., онъ помогалъ вел. князю Всеволоду Ольговичу противъ Изяслава Мстиславича и нападалъ на владиміро-волынскую и туровскую области, потомъ перешелъ на сторону родныхъ братьевъ Всеволода, Игоря и Святослава, возставшихъ на старшаго брата изъ-за удѣловъ; вскорѣ (1142) снова примкнулъ къ великому князю, а въ 1146 г. опять измѣнилъ ему и присталъ къ Изяславу Мстиславичу, который вскорѣ занялъ кіевскій столъ, а Игоря посадилъ въ «порубъ». Послы Мстиславича и Давидовичей потребовали отъ Игорева брата Святослава, чтобы онъ отдалъ имъ Новгородъ Сѣверскій и отказался отъ поддержки брату. Святославъ не согласился, и войска союзныхъ князей вступили въ его область. Когда Ольговичъ бѣжалъ изъ Новгорода, Изяславъ преслѣдовалъ его, но потерпѣлъ пораженіе. Получивъ отъ Изяслава Мстиславича всѣ завоеванія въ Святославовой области кромѣ Курска, Давидовичи выгнали Ольговича изъ Брянска и Козельска, но получивъ извѣстіе, что къ Святославу пришла помощь, отступили къ Чернигову, объявивъ награду тому, кто убьетъ Ольговича. Вскорѣ Давидовичи опять перешли на сторону Святослава и Юрія суздальскаго, и это обстоятельство было причиной убіенія въ Кіевѣ Игоря Ольговича (1147 г.). Юрій суздальскій послалъ къ нимъ сына своего Ростислава; но Ростиславъ перешелъ на сторону Изяслава Мстиславича, а за нимъ присоединились къ Изяславу и черниговскіе князья (1148 г.). Давидовичъ былъ на сторонѣ Изяслава Мстиславича до 1150 г., когда снова перешелъ на сторону Юрія, но уже въ слѣдующемъ 1151 г. мы опять видимъ его на берегахъ р. Рута съ Изяславомъ Мстиславичемъ, между тѣмъ какъ братъ его Владиміръ былъ на сторонѣ Юрія. Въ битвѣ при Рутѣ Владиміръ палъ, Изяславъ Давидовичъ отвезъ тѣло убитаго брата въ Черниговъ; вскорѣ онъ полюбовно раздѣлился со Святославомъ Ольговичемъ: каждый изъ нихъ взялъ себѣ отцовское достояніе. Между тѣмъ Юрій суздальскій шелъ на Кіевъ, и по пути осадилъ Черниговъ; къ Давидовичу пришелъ на помощь братъ великаго князя, Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, и Черниговъ удержался (1152 г.).—Въ 1154 г. скончался в. кн. Изяславъ Мстиславичъ; Изяславъ Давидовичъ поѣхалъ въ Кіевъ на похороны, но Вячеславъ Владиміровичъ не пустилъ его въ свой стольный городъ, опасаясь со стороны его какихъ либо замысловъ. Тогда Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ заключили союзъ съ Юріемъ суздальскимъ. Въ 1155 г. умеръ Вячеславъ, и Ростиславъ, получивъ великое княженіе, подступилъ къ Чернигову и потребовалъ отъ Изяслава, чтобъ онъ призналъ его великимъ княземъ. Давидовичъ отвергъ это требованіе и, соединившись съ Глѣбомъ Юрьевичемъ и половцами, вышелъ и расположился на берегахъ р. Бѣлоуса. Въ происшедшей битвѣ войска Ростислава бѣжали. Кіевляне выслали къ побѣдителю епископа Даміана, приглашая Изяслава къ себѣ на княженіе. Юрій суздальскій, узнавъ объ этихъ перемѣнахъ, немедленно послалъ сказать Изяславу, чтобы онъ выѣхалъ изъ Кіева. Давидовичъ медлилъ, говорилъ, что его самъ народъ избралъ, но убѣжденія Святослава Ольговича и плохая надежда на свои силы заставили его удалиться въ Черниговъ и Кіевъ занятъ былъ Юріемъ. Изяславъ думалъ было вернуть Кіевъ силою и началъ готовиться къ войнѣ; но скоро согласился на миръ, который скрѣпленъ былъ бракомъ Юріева сына Глѣба съ дочерью Изяслава, причемъ этотъ послѣдній получилъ еще Корческъ; но онъ не могъ забыть Кіева, началъ искать друзей, примирился съ Ростиславомъ, уступилъ въ одномъ спорѣ племяннику Святославу Владиміровичу, привлекъ на свою сторону Мстислава Изяславича волынскаго. Эти князья уже готовились выступить къ Кіеву, какъ Юрій умеръ (1157 г.). Кіевляне, стѣсненные половцами, пригласили къ себѣ Изяслава и 19 мая 1157 г. онъ занялъ кіевскій столъ. Желая имѣть въ Святославѣ Ольговичѣ лучше друга, чѣмъ врага, Изяславъ добровольно отдалъ ему Черниговъ, а Новгородъ Сѣверскій уступилъ племяннику, Святославу Всеволодовичу. Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ остался обладателемъ только Кіевской области и нѣкоторыхъ черниговскихъ городовъ. Попытка его доставить туровскій удѣлъ, гдѣ си-

дѣлъ внукъ Святополка Юрій Ярославичъ, Владиміру Мстиславичу окончилась неудачей. Въ слѣдующемъ 1158 г. Изяславъ разсорился съ галицкимъ и волынскими князьями, изъ за того, что не выдалъ имъ князя Ивана Берладника, претендента на Галичъ; Ярославъ, князь галицкій, со своими союзниками Изяславичами волынскими и дядей ихъ Владиміромъ Андреевичемъ, выступилъ противъ великаго князя и занялъ Бѣлгородъ. У Изяслава было многочисленное войско, однихъ половцевъ болѣе 20.000,—но торки и берендѣи измѣнили ему и перешли на сторону его противниковъ. Изяславъ былъ разбитъ, бѣжалъ, пробрался въ сожскую область, гдѣ встрѣтился съ женой, бѣжавшей вслѣдъ за нимъ изъ Кіева. Считая виновникомъ своего несчастія Святослава, онъ захватилъ область вятичей и началъ тревожить курскіе города, почему Святославъ Ольговичъ вступилъ въ союзъ съ занявшимъ кіевскій столъ Ростиславомъ (1159 г.). Двѣ попытки Изяслава овладѣть Черниговомъ были неудачны. Въ этой борьбѣ Изяславу не мало помогъ Иванъ Берладникъ. Изяславъ раззорялъ смоленскія волости, въ которыхъ его половцы захватили болѣе 10.000 плѣнныхъ. Видя, однако, превосходство своихъ враговъ, Изяславъ Давидовичъ началъ искать союза съ Андреемъ Боголюбскимъ; дочь Боголюбскаго была выдана за Изяславова племянника, Святослава Владиміровича. На сторону Изяслава перешли Святославъ Владиміровичъ и нѣкоторые бояре кіевскіе и черниговскіе, сынъ Святослава Ольговича, Олегъ, а потомъ и самъ Святославъ. Въ 1160 г. Изяславъ съ союзниками подступилъ къ Переяславлю, но вскорѣ отступилъ и, соединившись со Всеволодовичами, Святославомъ Ольговичемъ и сыномъ его Олегомъ, переправился черезъ Днѣпръ, подступилъ къ Кіеву и одержалъ рѣшительную побѣду надъ Ростиславомъ, который бѣжалъ въ Бѣлгородъ. Вступивъ въ Кіевъ, Давидовичъ пришелъ въ Софійскій соборъ и объявилъ прощеніе всѣмъ кіевлянамъ. Святославъ совѣтовалъ ему взять миръ съ Ростиславомъ; Изяславъ отвергъ предложеніе и двинулся противъ него къ Бѣлгороду; но къ Ростиславу начала отовсюду собираться помощь, и Давидовичъ побѣжалъ отъ Бѣлгорода; Ростиславъ съ союзниками преслѣдовалъ его; Изяславъ, раненый Воиборомъ Генечевичемъ, упалъ и скончался на глазахъ Ростислава и Мстислава, 6 марта 1161 г. Тѣло его сначала погребено было въ кіевскомъ Симеоновскомъ монастырѣ, а потомъ перенесено было въ Черниговъ и положено въ церкви св. Бориса и Глѣба.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 135—150; II, 16—23, 64—91, 297, 301—307; III, 11—13; IV, 8—11; V, 160—162; VII, 33—76, 233. *А. Э.*

Изяславъ Мстиславичъ, вел. князь кіевскій, сынъ Мстислава I Владиміровича, род. въ 1096 г. въ Новгородѣ, умеръ 13 ноября 1154 г. Въ 1127 г., будучи княземъ курскимъ, ходилъ съ другими князьями на князей полоцкихъ, послѣ чего полоцкіе князья отправлены были въ Константинополь, а княжества полоцкое и минское отданы Изяславу (1129 г.). При вел. кн. Ярополкѣ Изяславъ занялъ Переяславль (1132 г.), но вскорѣ уступилъ этотъ удѣлъ дядѣ своему Вячеславу, а себѣ взялъ его туровскую волость и Пинскъ. Вскорѣ, однако, Вячеславъ отнялъ у него Туровъ, а Переяславль занялъ другой его дядя, Юрій суздальскій. Оскорбленный Изяславъ ушелъ въ Минскъ, а отсюда въ Новгородъ, къ брату Всеволоду, который обѣщалъ завоевать для него суздальскую область. Но походъ, предпринятый Всеволодомъ, былъ неудаченъ (1135 г.); Изяславъ ушелъ къ Всеволоду Ольговичу черниговскому, вмѣстѣ съ нимъ пустошилъ переяславльскую область, а по примиреніи Ольговича съ Ярополкомъ, получилъ отъ послѣдняго Владиміръ-Волынскій. Въ 1139 г. Всеволодъ Ольговичъ взялъ Кіевъ и думалъ жить въ мирѣ съ Мономаховичами, но такъ какъ послѣдніе не желали отказаться отъ Кіева, то началась борьба; измѣна Владимірка заставила Ольговича примириться съ Мономаховичами (1140 г.). Въ 1142 г. Вячеславъ уступилъ Переяславль Изяславу, взявъ себѣ Туровъ, а во Владимірѣ сѣлъ Всеволодовъ сынъ Святославъ. Въ 1143 г., Изяславъ ѣздилъ къ Юрію Суздальскому, но не успѣлъ примирить его съ Всеволодомъ, а въ 1144 г. онъ участвовалъ въ походѣ Всеволода на Владимірка галицкаго. Въ 1145 г. Изяславъ Мстиславичъ, послѣ долгихъ колебаній, присягнулъ Игорю Ольговичу. Въ 1146 г., когда Игорь сталъ великимъ княземъ кіевскимъ, тысяцкій Улебъ, воевода Иванъ Войтишичъ и др. пригласили Изяслава на кіевскій столъ. Послѣ легко одержанной побѣды

онъ вошелъ въ Кіевъ и былъ признанъ великимъ княземъ; Игоря схватили и заключили въ Іоанновской обители въ Переяславлѣ; дома и села Всеволодовой и Игоревой дружинъ, а также нѣкоторые монастыри были разграблены. Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и племянникъ ихъ Святославъ Всеволодовичъ признали побѣдителя великимъ княземъ, и только князь сѣверскій Святославъ Ольговичъ, желая освободить изъ заключенія брата своего Игоря, сталъ искать помощи у Юрія суздальскаго. Тогда великій князь началъ борьбу со Святославомъ сѣверскимъ, отнялъ у него владѣнія и отдалъ ихъ Давидовичамъ. Но въ 1147 г. Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ примкнули къ Святославу Ольговичу. Они пригласили Изяслава будто бы защитить ихъ отъ Юрія суздальскаго и Святослава, а сами уже соединились съ его врагами. Великій князь, противъ желанія кіевлянъ, выступилъ въ походъ. Не задолго до этого похода, Игорь выпросилъ у Изяслава позволеніе постричься въ монахи и принялъ схиму въ кіевскомъ монастырѣ св. Ѳеодора. Узнавъ уже во время пути объ измѣнѣ Давидовичей, великій князь объявилъ объ этомъ вѣроломствѣ ихъ въ Кіевѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ. На вѣчѣ въ Кіевѣ всѣ единогласно и съ энтузіазмомъ изъявили готовность идти на измѣнниковъ; опасаясь оставить въ Кіевѣ Игоря, народъ его умертвилъ. Въ происшедшей борьбѣ сынъ Юрія суздальскаго, Глѣбъ, былъ отраженъ отъ Переяславля, черниговцы и половцы Святослава опустошили Брагинъ. Изяславъ осадилъ Глѣба въ городцѣ Остерскомъ и заставилъ его смириться; до рѣшительной битвы дѣло не дошло. Когда Ростиславъ Юрьевичъ, посланный отцемъ на помощь черниговскимъ князьямъ, перешелъ на сторону Изяслава, Давидовичи и оба Святослава предложили послѣднему миръ; онъ былъ принятъ и рѣшено было начать общую борьбу противъ Юрія. Изяславъ отправился въ Смоленскъ—сборный пунктъ для войскъ, а отсюда, поручивъ войска брату Ростиславу, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ принятъ былъ восторженно. Съ Изяславомъ пошли новгородцы, псковичи и корела; на устьѣ Медвѣдицы они соединились съ Ростиславомъ; но вслѣдствіе распутицы войско вынуждено было воротиться въ Новгородъ; Изяславъ, проживъ затѣмъ зиму въ Смоленскѣ, пріѣхалъ въ Кіевъ (1149 г.). Здѣсь оклеветали передъ нимъ Ростислава Юрьевича, и великій князь, не разслѣдовавъ дѣла, отнялъ у оклеветаннаго оружіе, дружину, имѣніе и коней, и отправилъ его къ отцу. Тогда Юрій снова выступилъ на племянника. Давидовичи оставались на сторонѣ Изяслава, а Святославъ Ольговичъ присталъ къ Юрію. Къ великому квязю пришли на помощь братъ его Ростиславъ и Изяславъ Давидовичъ. У Переяславля Юрій предложилъ Изяславу уступить Переяславль одному изъ его сыновей. Изяславъ не согласился и произошла битва; проигравъ ее, Изяславъ прибѣжалъ въ Кіевъ и когда кіевляне стали умолять его не подвергать ихъ бѣдствіямъ и на время удалиться въ свой частный удѣлъ, онъ съ женой, дѣтьми и митрополитомъ Климентомъ ушелъ во Владиміръ, откуда отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію просить помощи; когда къ нему пришли союзники, Юрій согласился на миръ, съ тѣмъ, чтобы великое княженіе было уступлено ему самому или Вячеславу, а чтобы Изяславъ удовольствовался Великимъ Новгородомъ и областями владимірскою и луцкою. Но какъ только удалились союзники Изяслава, Юрій отказался уступить ему обѣщанное и снова начались было военныя дѣйствія. Но Владимірко галицкій, Вячеславъ и Андрей (Боголюбскій) убѣдили Юрія прекратить кровопролитіе. На съѣздѣ въ Пересопницѣ было положено, чтобы Изяславъ княжилъ во Владимірской области и пользовался новгородскими данями и чтобы пограбленное другъ у друга во время войны было возвращено по принадлежности; кромѣ того, Юрій обѣщалъ уступить Кіевъ Вячеславу, какъ старшему брату. Но суздальскій князь снова не исполнилъ условій: не отдалъ Кіева брату и не возвратилъ Изяславу военной добычи. Тогда Изяславъ взялъ Луцкъ и Пересопницу, и такъ неожиданно подступилъ къ Кіеву, что Юрій долженъ былъ бѣжать. Вячеславъ не хотѣлъ было покидать Кіева, но, убѣжденный племянникомъ, выѣхалъ въ Вышгородъ. Между тѣмъ къ Юрію стала подходить помощь; тогда Изяславъ обратился къ Вячеславу и умолялъ его пріѣхать, предлагая ему любую волость, и тотъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Теперь Изяславъ съ большими силами выступилъ противъ Юрія, но битву проиг-

ралъ и бѣжалъ; Кіевляне приняли Юрія; Изяславъ занялъ область по Горыни, Мстислава посадилъ въ Дорогобужѣ, а самъ съ братомъ Владиміромъ пришелъ во Владиміръ-Волынскій. На помощь ему двинулся его зять, король венгерскій Гейза III, но подкупленные совѣтники его уговорили его вернуться; получивъ все-таки отъ Гейзы вспомогательный отрядъ, Изяславъ пошелъ къ Кіеву, куда приглашали его мужи Вячеслава, кіевляне и берендѣи; Владимірко съ Андреемъ Юрьевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ дорогобужскимъ преслѣдовали его по пятамъ. По взятіи Бѣлгорода, Изяславъ пошелъ къ Кіеву, и занялъ его безпрепятственно; номинально великимъ княземъ сталъ снова Вячеславъ (1150). Снова Юрій съ Святославомъ Ольговичемъ, Давидовичами и половцами выступилъ противъ великаго князя; великій князь ожидалъ ихъ на берегу Днѣпра. Удачная переправа Ольговичей, а за ними и Юрія, черезъ рѣку заставила Изяслава отступить къ Кіеву. Съ согласія племянника Вячеславъ предложилъ брату миръ, но Юрій не принялъ этого предложенія. Въ происшедшей битвѣ Изяславъ имѣлъ успѣхъ; онъ преслѣдовалъ дядю, чтобы не дать ему соединиться съ Владиміркомъ. Новая попытка Изяслава заключить миръ не увѣнчалась успѣхомъ, и въ битвѣ за р. Рутомъ Юрій былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Но и Изяславъ, раненый и упавшій съ коня, едва не былъ убитъ своими, сначала не признавшими его... Отпраздновавъ въ Кіевѣ свою побѣду, Изяславъ и Вячеславъ пошли къ Переяславлю, гдѣ засѣлъ Юрій, и принудили его уйти въ Суздаль. Затѣмъ великій князь обратилъ оружіе на другого своего врага, Владимірка; однако по ходатайству Гейзы Изяславъ согласился на миръ, при чемъ Владимірко уступилъ ему нѣкоторые города. Между тѣмъ Юрій снова двинулся на Изяслава, но потерпѣлъ неудачу и ушелъ обратно. 1154 г. 13 ноября Изяславъ умеръ. Онъ погребенъ въ Ѳеодоровской церкви бывшаго Вотчаго (Отчаго) монастыря въ Кіевѣ. Изяславъ женатъ былъ три раза: первая жена его не извѣстна ни по имени, ни по происхожденію; вторая и третья, также неизвѣстныя по именамъ, были: вторая — княжна литовская, а третья—абазинская. Изъ трехъ сыновей его Мстиславъ занималъ великокняжескій столъ.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 130—147; II, 11—13, 16, 27—64, 79, 98, 293—301; III, 6, 10, 11; IV, 3, 7, 8; V, 156, 159, 160; VII, 219, 233. *А. Э.*

Изяславъ Николаевичъ, князь XII в., см. Полоцкіе князья.

Изяславъ Святополковичъ, князь, умеръ въ 1127 г., см. Волынскіе князья.

Изяславъ Ярославичъ, въ крещеніи Димитрій, вел. кн. кіевскій, сынъ Ярослава Владиміровича, род. въ 1024 г., убитъ 3 октября 1079 г. По завѣту отца Изяславъ, какъ старшій, долженъ былъ быть для младшихъ братьевъ вмѣсто отца; онъ получилъ Кіевскій столъ и Новгородъ, въ которомъ посадилъ посадникомъ Остромира. Почти 25 лѣтъ братья жили въ согласіи и рѣшали дѣла съ общаго совѣта: въ 1057 г. они перевели Игоря изъ Владиміра Волынскаго въ Смоленскъ; въ 1059 г. дали свободу дядѣ, Судиславу Владиміровичу, 24 года томившемуся въ темницѣ; въ 1058 г. Изяславъ побѣдилъ голядовъ; въ 1060 г. торковъ, ссоловъ (сосоловъ, которыхъ считаютъ за колыванцевъ или ревельцевъ), на которыхъ наложилъ дань по 2000 гривенъ. Полоцкіе Изяславичи были естественными врагами кіевскихъ Ярославичей, такъ какъ, происходя отъ старшаго сына Владимірова, считали себя наслѣдниками Кіевской Руси. Въ 1066 г. началась борьба Изяслава съ полоцкими князьями; первый съ братьями взялъ Минскъ и разбилъ Всеслава на р. Мемизѣ (Нѣманѣ) и затѣмъ вступилъ съ побѣжденнымъ въ переговоры о мирѣ. Повѣривъ клятвѣ Ярославичей, Всеславъ явился на свиданіе съ Изяславомъ, но былъ схваченъ и посаженъ въ Кіевѣ въ порубъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Въ 1067 г. Изяславъ съ братьями потерпѣлъ пораженіе отъ половцевъ на р. Альтѣ и бѣжалъ въ Кіевъ. Кіевляне потребовали оружія и коней для новой битвы съ половцами, но князь, почему-то, не согласился на такое требованіе. Тогда поднялся мятежъ, направленный преимущественно противъ главнаго воеводы князя, Коснячка; тотъ скрылся; тогда мятежники освободили Всеслава и Изяславъ бѣжалъ въ Польшу; въ 1068 г. онъ подступилъ къ Кіеву съ польскимъ королемъ Болеславомъ II Смѣлымъ. Всеславъ, объявленный великимъ княземъ кіевскимъ, выступилъ противъ Изяслава, но тайно бѣжалъ въ Полоцкъ;

кіевляне позвали къ себѣ Изяславовыхъ братьевъ, Святослава и Всеволода, говоря имъ, что, если они не придутъ къ нимъ и допустятъ въ Кіевъ поляковъ, то жители покинутъ городъ и уйдутъ въ Грецію. По приглашенію братьевъ, Изяславъ вошелъ въ Кіевъ съ Болеславомъ и небольшимъ числомъ поляковъ, которые, однако, скоро удалились, видя ненависть къ себѣ жителей, а великій князь, преслѣдуя врага своего Всеслава, занялъ Полоцкъ (1069 г.), гдѣ и посадилъ сына своего Мстислава (а по смерти его—другого сына, Святополка). Въ 1073 г. Святославъ черниговскій, съ братомъ Всеволодомъ, котораго онъ увѣрилъ, что Изяславъ замышляетъ на нихъ зло, поднялся противъ Изяслава и выгналъ его изъ Кіева. Изяславъ съ женой и богатыми сокровищами бѣжалъ опять въ Польшу, въ надеждѣ собрать тамъ войско; но Болеславъ на этотъ разъ взялъ у него сокровища, а самого его выслалъ. У императора Генриха IV, вслѣдствіе сношеній съ нимъ Святослава, Изяславъ также не добился помощи, и обратился къ папѣ Григорію VII. Папа принялъ его просьбу и писалъ Болеславу, чтобы онъ возвратилъ Изяславу похищенныя сокровища, но изъ этой переписки ничего не вышло. Въ 1076 году Святославъ скончался, и Кіевъ занялъ Всеволодъ, младшій братъ Изяслава. Съ нѣсколькими тысячами поляковъ Изяславъ пошелъ къ Кіеву; Всеволодъ безъ борьбы заключилъ съ нимъ миръ: старшій сѣлъ въ Кіевѣ, давъ Всеволоду Черниговъ, а сыну его Владиміру — Смоленскъ (1077 г.); въ слѣдующемъ году въ Новгородѣ Изяславъ посадилъ сына своего Святополка, на мѣсто убитаго въ Заволочьи Глѣба Святославича. Но вскорѣ Всеволодъ вынужденъ былъ Олегомъ Святославичемъ удалиться изъ Чернигова въ Кіевъ. Тогда со Всеволодомъ соединился Изяславъ и далъ Олегу битву на Нѣжатиной нивѣ; въ этой битвѣ Изяславъ палъ 3 октября 1079 г. Тѣло его перевезено было въ Кіевъ и погребено въ мраморной ракѣ въ Десятинной церкви. — Относительно внутренней дѣятельности Изяслава извѣстно, что онъ, по совѣту съ братьями и нѣкоторыми вельможами, замѣнилъ смертную казнь денежною пеней. При немъ же возникъ знаменитый Кіево-печерскій монастырь.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 64 — 87; 251—263; II, 265—275; III, 2, 3, 210; IV, 176; V, 138 — 148, 184; VII, 1, 2, 223, 232, 329—341. *А. Э.*

Изяславъ — Михаилъ Ярославичъ, князь XII в., см. Смоленскіе князья.

Икморъ, одинъ изъ ближайшихъ дружинниковъ великаго князя Святослава Игоревича, богатырь; его смерть въ одной схваткѣ во время осады Доростола была причиной того, что войска Святослава бѣжали съ поля битвы въ крѣпость.

«Хроника Льва, діакона Калойскаго», русскій переводъ Попова; Карамзинъ, I, пр. 407.

Иковъ, *Павелъ Петровичъ*, историческій и портретный живописецъ, род. въ 1828 г., умеръ 18 марта 1875 г. Получивъ первое художественное образованіе въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія въ 1844—1846 гг., онъ въ 1847 г. перешелъ въ Академію Художествъ, ученикомъ къ профессору Бруни. Только въ 1852 г. онъ получилъ первую награду, малую серебряную медаль; но затѣмъ въ немъ стали быстро развиваться способности хорошаго рисовальщика. Въ 1853 г. онъ уже получилъ вторую серебряную медаль за живописный этюдъ съ натурщика и началъ писать на малую золотую медаль картину: «Ахиллъ оплакиваетъ тѣло Патрокла»; но получилъ онъ золотую медаль только уже въ 1857 году, по исполненіи второй программы, на тему «Периклъ посѣщаетъ Анаксагора». Въ 1858 г. онъ получилъ первую золотую медаль и званіе художника 14-го класса, за картину «Христосъ омываетъ ноги своимъ ученикамъ». Послѣ того Иковъ пробылъ нѣкоторое время помощникомъ преподавателя рисовальныхъ классовъ Академіи и учителемъ рисованія въ рисовальной школѣ Общества Поощренія Художествъ, а въ 1860 г. онъ достигъ цѣли, къ которой давно стремился, былъ отправленъ пенсіонеромъ за границу. Первые три года онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ писалъ портреты и сдѣлалъ копію съ части Луврской картины Рубенса «Счастливыя времена регентства Маріи Медичи». Въ 1863 г., онъ поѣхалъ въ Италію и лишь въ 1867 г. вернулся въ Россію. Результатомъ его заграничнаго путешествія были выставленныя имъ въ Академіи въ 1868 г. картина «Сусанна», этюды старика и итальянскихъ женщинъ, виды Постума, Амальфи, часовни въ Субіако, виллы д'Эсте въ Тиволи; онъ расчитывалъ, что за эти работы будетъ сдѣланъ

академикомъ, но академическій совѣтъ не далъ ему этого званія. Съ тѣхъ поръ Иковъ жилъ скромнымъ труженникомъ, занимаясь преподаваніемъ рисованія и разными живописными работами.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.», П. Н. Петрова, т. III, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова; «Каталогъ карт. галлереи Имп. Акад. Худож.» А. И. Сомова, ч. II, стр. 195; «Отчетъ Имп. Ак. Худ. за 1877—1878 гг.». *М. Ф.*

Икорниковъ, *Василій Александровичъ*, писатель, род. 29 декабря 1859 г., умеръ 2 февраля 1888 г., студентомъ послѣдняго курса юридическаго факультета Петербургскаго университета, куда поступилъ черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса въ гимназіи. Еще будучи въ гимназіи сотрудничалъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи» Острогорскаго, студентомъ—помѣщалъ рецензіи книгъ, разсказы, стихотворенія и театральныя замѣтки въ журналахъ «Ребусъ», «Театръ», «Русская Мысль», «Воспитаніе и обученіе». Въ 1885 и 1887 выпустилъ подъ редакціею В. П. Острогорскаго двѣ книжки: «Русскіе писатели въ школѣ»: 1) «Жуковскій» и 2) «Лермонтовъ», дѣльно и талантливо изложенныя.

Икскуль-фонъ, баронесса, *Юлія-Шарлотта*, писательница, воспитанница Смольнаго монастыря, умерла въ 1866 г. На русскомъ языкѣ ей принадлежитъ нѣсколько переводовъ дѣтскихъ книгъ, очень плохо написанныхъ, а также переводъ брошюры Аделаиды Мерсіерклеръ: «Вступленіе молодой дѣвицы въ свѣтъ» (1852 г.), гдѣ даются наставленія, какъ должна благовоспитанная дѣвица «присѣдать, одѣваться, танцовать и держать съ кавалерами обыкновенный видъ». Приложенные ко второму изданію этой книжки (1859 г.) «Совѣты для молодыхъ женъ», произведеніе самой Икскуль, даютъ полное представленіе о кругозорѣ этой писательницы. Современная критика встрѣтила ея произведенія почти общимъ порицаніемъ. — Кромѣ упомянутаго Икскуль издала: на русскомъ языкѣ: «Елка на праздникъ Рождества Христова», разсказы (3 изданія, 1856, 1857, 1871); «Букетъ, собранный въ цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Миловиднымъ дѣвамъ и великодушнымъ дамамъ Россіи, предпочтительно же незабвеннымъ, далеко разсѣяннымъ подругамъ Смольнаго монастыря, вмѣсто сердечнаго привѣта и поклона отъ баронессы Юліи фонъ-Икскуль», С.-Петербургъ, 1861 и еще нѣсколько переводовъ. На нѣмецкомъ языкѣ ей принадлежитъ нѣсколько стихотвореній на торжественные случаи.

Кн. Н. Н. Голицынъ. «Библіограф. слов. русск. писательницъ»; A. v. Reding, «Die Manen Juliens, Baronesse von Uexküll». Moskau. 1866. *В. Б.*

Иларій (въ мірѣ Иванъ *Иродіоновъ* или *Ефимовъ*), архимандритъ задонскаго Богородицкаго монастыря, по однимъ свѣдѣніямъ происходилъ изъ отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ, по другимъ изъ тамбовскихъ купцовъ, род. въ 1778 г., умеръ 14 ноября 1845 г. Обучался грамотѣ, пѣнію, письму и живописному искусству. Въ 1805 г. постригся въ раненбургской Петропавловской пустыни, въ 1809 посвященъ въ іеромонаха. 7 іюля 1811 г. перемѣщенъ въ Симоновъ московскій монастырь, гдѣ въ 1812 г. предъ вторженіемъ французовъ убиралъ синодальную ризницу, а симоновскую ризницу отвезъ въ Вологду; съ 1820 г., былъ намѣстникомъ Симонова монастыря, въ 1823 г. ревизовалъ ростовскій Яковлевскій монастырь. Въ 1824 г. перемѣщенъ въ Александро-Невскую лавру, 12 мая 1827 г. произведенъ въ архимандрита Солотчинскаго монастыря, который онъ значительно обогатилъ и обстроилъ. Въ 1834 г. перемѣщенъ въ задонскій Богородицкій монастырь, гдѣ тоже много потрудился къ устроенію обители. 8 марта 1836 г. перемѣщенъ въ Соловецкій монастырь, а 23 іюля 1842 г. по болѣзни вторично—въ Задонскій, гдѣ и скончался.

Архивъ св. Синода, послужн. списокъ и дѣла 1827 г., № 430; 1834, № 1137; 1844, № 1368; 1845 г., № 2212; Строевъ, «Списки іерарховъ», 423.

Иларій строитель коренной Рождество-богородичной пустыни, умеръ около 1795 года. Изъ великороссіянъ; духовнаго званія. Монашество принялъ въ астраханскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1758 г.; при астраханскомъ архіерейскомъ домѣ состоялъ ризничимъ, экономомъ, духовникомъ. Затѣмъ былъ назначенъ строителемъ Покровскаго монастыря. Оттуда перешелъ въ Саровскую пустынь, тамбовской епархіи. 20 октября 1792 г. назначенъ въ коренную Рождество-богородичную пустынь (курской епархіи) намѣстникомъ — съ порученіемъ завести тамъ общежительные порядки. Потрудившись надъ реорганизаціей внутренней жизни пустыни три года, Иларій, по собственному желанію, возвратился въ 1795 г. въ Саровскую пустынь, гдѣ и скончался.

І. Л., «Историч. описаніе Коренной Рожд.-бо-

город. пустыни», 1865; Строевъ, «Списки іерарховъ», 640. *С. Г. Р.*

Иларій (*Илія*), игуменъ, род. около 1796 г., умеръ 3 іюля 1863 г. Въ молодыхъ годахъ поступилъ въ Соловецкій монастырь и въ 1823 г. принялъ постриженіе, въ 1827 г. возведенъ въ санъ іеродіакона, а въ 1829 г. въ іеромонаха. Въ 1830 г. перешелъ въ Александро-свирскій монастырь; черезъ два года—въ Козельскую пустынь. Въ 1834 г. назначенъ въ вологодскій Спасо-каменный монастырь и въ томъ же году, въ мартѣ, переведенъ въ угрѣшскій Николаевскій монастырь, московской епархіи, настоятелемъ. Митрополитъ Филаретъ посвятилъ Иларія 4 сентября 1834 г. во игумена. 16 ноября 1852 г. Иларій, по прошенію, уволенъ на покой въ пѣсношскій Николаевскій монастырь. Человѣкъ строгой жизни, онъ скоро удалился въ Геѳсиманскій скитъ, гдѣ принялъ схиму съ именемъ Иліи и жилъ до кончины.

Д. Б., «Угрѣша», М. 1875; Строевъ, «Списки іерарховъ», 209. *С. Г. Р.*

Иларіонъ, преподобный гдовскій или псковскій, ученикъ препод. Евфросина псковскаго, скончался 28 марта 1476 г. Въ 1431 г. новгородцы заложили два новыхъ города, Выборъ и Гдовъ. Въ этой части Новгородской области еще не было ни одного монастыря. Препод. Иларіонъ въ началѣ второй половины XV в. поселился тутъ на берегу р. Желчи, гдѣ въ 1470 г. устроилъ Покровскій-озерской монастырь. Жизнь въ этой обители какъ по скудости средствъ, такъ и по сосѣдству съ политическими и религіозными врагами Руси, была, конечно, не легкая, но преподобный Иларіонъ подвизался тутъ до самой кончины своей. Въ 1623 г. обитель его была еще самостоятельною, а въ 1695 г. приписана къ псковскому архіерейскому дому. Мощи преподобнаго покоятся подъ спудомъ въ храмѣ обители его, закрытой въ 1764 г.

Полн. собр. рус. лѣт. IV, 206; V, 26; Акты арх. экп., III, 189; Звѣринскій, «Матер. для истор. топогр. изслѣд. о монаст.», II, № 1067; Кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ».

Иларіонъ, преподобный схимникъ Кіево-печерскаго монастыря, современникъ преп. Ѳеодосія, смѣшиваемый иными съ митрополитомъ Иларіономъ. Мощи этого преподоб. Иларіона почиваютъ въ Ѳеодосіевой пещерѣ. Къ нему относятся слѣдующія слова Несторова «Житія пр. Ѳеодосія»: «бѣяше бо книгы хитръ писати, по вся дни и нощи писаше книгы въ кѣліи блаженнаго отца нашего Ѳеодосія». Въ одномъ сказаніи о житіяхъ святыхъ, составленномъ въ XVII в. по древнимъ надписямъ на доскахъ, закрывавшихъ пещеры съ мощами, объ этомъ Иларіонѣ говорится, что онъ былъ инокъ великаго воздержанія, ревностный подражатель препод. Ѳеодосію, въ келіи котораго и жилъ. Память пр. Иларіона совершается церковью 28 августа.

Яковлевъ, «Памятн. русск. литер. XII — XIII в.», 32; «Чтенія», 1858 г., III, отд. III, 16; «Краткія сказ. о жизни и подвигахъ св. отц. дальн. пещеръ кіевскихъ».

Иларіонъ, преподобный, основатель Успенской дороѳеевской пустыни на р. Мочѣ, въ предѣлахъ юрьевецъ-поволгскаго уѣзда; обстоятельства и даже время жизни неизвѣстны, неканонизованъ; извѣстенъ по упоминанію въ одной старинной рукописи, содержащей описаніе ликовъ разныхъ святыхъ.

Барсуковъ Н., «Источ. русс. агіографіи», 221.

Иларіонъ (князь *Вачнадзе*), архимандритъ. Изъ грузинъ; род. въ 1767 г., умеръ послѣ 1823 г. Въ 1780 г. поступилъ въ пустынь св. Давида гореджійскаго; черезъ пятнадцать лѣтъ постриженъ въ монашество; въ 1801 г. произведенъ во архимандрита и назначенъ настоятелемъ той же пустыни. Во время кахетинскаго волненія въ 1812 г. увѣщаніями содѣйствовалъ русскимъ властямъ въ усмиреніи народа. Въ 1813 г. на него возложено было управленіе некреской епархіей. Въ 1814 г. получилъ изъ Кабинета брилліантовый крестъ. Въ 1815 г. зачисленъ проповѣдникомъ осетинской духовной коммиссіи. Въ 1817 г., по неправильно взведенному на него обвиненію въ расхищеніи церковнаго имущества, отрѣшенъ отъ должностей, но въ 1820 г. оправданъ и опредѣленъ настоятелемъ въ прежнюю пустынь. Въ 1823 г., 7 сентября, по прошенію, уволенъ на покой въ монастырь св. Саввы, сигнахскаго уѣзда, гдѣ и скончался; годъ кончины неизвѣстенъ.

Архивъ св. синода, дѣло 1823 г., № 710, и др. *С. Г. Р.*

Иларіонъ (*Властелинскій* или *Властевинскій*), митрополитъ бѣлоградскій и обоянскій, родомъ великороссіянинъ, умеръ 4 апрѣля 1720 г. Сначала былъ въ числѣ патріаршихъ іеромонаховъ; 23 іюля 1699 г. произведенъ въ архимандриты московскаго Новоспасскаго монастыря; 6 января

1701 г. перемѣщенъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, а 21 марта 1703 года былъ хиротонисанъ въ митрополита крутицкой епархіи и назывался митрополитомъ саркимъ, подонскимъ и козельскимъ. 27 марта 1711 г. перемѣщенъ на бѣлоградскую епархію, которою и управлялъ 9 лѣтъ. «Изъ какого онъ званія происходилъ и какихъ лѣтъ умеръ, неизвѣстно. На семъ митрополитѣ, егда вмѣсто патріарховъ россійскихъ устроися синодъ, пресѣчеся именованіе митрополитовъ бѣлоградскихъ» — такою замѣткою кончается сказаніе объ Иларіонѣ въ синодальной рукописи.

Рукопись архива свят. Синода, № 147 «Списки архіереевъ за 1600—1800 гг.»; Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», т. I; Строевъ, «Списки іерарховъ».

Здр.

Иларіонъ (Иванъ Иродіоновичъ *Воскресенскій)* архимандритъ, сынъ протоіерея, род. въ 1803 г. въ Тулѣ, умеръ 24 февраля 1854 г. По окончаніи образованія въ Тульской семинаріи въ 1822 г. поступилъ священникомъ къ тульской Срѣтенской церкви и законоучителемъ Тульскаго кадетскаго корпуса. Потерявъ въ короткое время отца, дѣтей и жену, онъ, въ августѣ 1835 г., постригся въ монашество съ именемъ Иларіона и поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ магистромъ въ 1839 г.; послѣ того около года былъ начальникомъ духовныхъ училищъ кириловскаго уѣзда новгородской губерніи, а 17 сентября 1840 г. перемѣщенъ инспекторомъ въ Архангельскую семинарію, гдѣ преподавалъ логику, психологію, церковную исторію и богословскія науки; онъ былъ въ Архангельскѣ въ разное время настоятелемъ Пертоминскаго, Николаевскаго корельскаго и Архангело-Михайловскаго монастырей, состоялъ членомъ консисторіи и благочиннымъ приморскихъ монастырей, цензоромъ проповѣдей, предсѣдателемъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и членомъ тюремнаго и статистическаго комитетовъ; исправлялъ не разъ должность ректора семинаріи и ревизовалъ подвѣдомственныя духовныя училища. 24 мая 1848 г. о. Иларіонъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита, въ 1853 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ Иверскій монастырь, гдѣ и скончался. Педагогическою и административною дѣятельностію въ Архангельскѣ о. Иларіонъ оставилъ по себѣ добрую память.

«Странникъ», 1875 г., т. IV, № 10.

Иларіонъ *(Григоровичъ)*, епископъ крутицкій (сарскій и подонскій); род. въ Малороссіи въ г. Сосницѣ 20 декабря 1696 г., умеръ 3 декабря 1760 г. По окончаніи образованія въ Кіевской духовной академіи постригся въ монахи въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ въ 1721 г. и былъ опредѣленъ учителемъ въ Кіевской академіи, откуда перемѣщенъ былъ въ Харьковскій коллегіумъ, гдѣ преподавалъ риторику, философію, былъ проповѣдникомъ и съ 1726 г. префектомъ. Въ его управленіе библіотека Коллегіума получила значительное приращеніе: по повелѣнію императрицы Анны ей переданы были книги, оставшіяся по смерти преосвященнаго Стефана Яворскаго, хотя и завѣщанныя имъ нѣжинскому Благовѣщенскому монастырю — всего 547 книгъ, изъ которыхъ на русскомъ языкѣ 29, а остальныя — на латинскомъ и польскомъ. Въ 1733 г. Иларіонъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Святогорской обители бѣлгородской епархіи, откуда переведенъ въ Бѣлгородъ въ Никольскій монастырь, въ 1740 г. — въ монастырь Саввы сторожевскаго, а отсюда въ Чудовъ — при чемъ ему назначено жалованья 300 р. въ годъ изъ суммъ Московской типографіи. — Въ 1744 г. 14 февраля назначенъ Синодомъ «при слушаніи и исправленіи Библіи каждый день по утру и пополудни кромѣ недѣльныхъ дней быть и слушаніе и исправленіе Библіи имѣть» вмѣстѣ съ архіепископомъ московскимъ, Іосифомъ; въ то же время жалованье ему повышено до половины архіерейскаго оклада, т. е. до 750 р. 27 ноября Иларіонъ назначенъ настоятелемъ Воскресенскаго, что на Истрѣ, монастыря, съ прежнимъ, «каковое за библейскій трудъ получалъ», жалованьемъ, а въ священнослуженіи велѣно ему «облаченіе употреблять и мантію носить и мѣсто содержать по степени Чудова монастыря»; для занятія по исправленію Библіи Иларіонъ оставался жить въ Москвѣ на подворьѣ Воскресенскаго монастыря. За смертью преосвящ. Іосифа (10 іюня 1745 г.) товарищемъ къ Иларіону назначенъ былъ учитель Московской академіи греческихъ школъ, іеромонахъ Іаковъ Блонницкій, при чемъ имъ было велѣно положить въ основаніе исправленную и провѣренную при Стефанѣ Яворскомъ Библію и только еще разъ провѣрить тѣ мѣста, которыя тамъ

признано нужнымъ исправить. Отъ 9 января 1747 г. Иларіонъ донесъ св. Синоду, что для успѣха дѣла непремѣнно нужно смотрѣть на достовѣрный цѣльный текстъ библейскій, находящійся въ кодексахъ греческихъ и просилъ уволить его отъ такого дѣла, потому что «труждающіеся при чтеніи библейномъ должны знать совершенно греческій языкъ, а онъ греческому языку не учился», а къ тому же «чрезъ три года при той Библіи труждающійся ослабѣлъ не мало глазами и повседневно продолжающемуся черезъ четыре, пять часовъ и больше тому чтенію удовлетворить не можетъ» и отпустить его въ Воскресенскій монастырь съ тѣмъ, чтобы ему было оставлено и жалованье за труды по чтенію Библіи получаемое, «понеже въ Воскресенскомъ монастырѣ пять только рублей опредѣлено въ годъ архимандриту получать жалованья и больше приходу нѣтъ никакого». Просьба его была исполнена. Плодомъ его дѣятельности были 290 тетрадей, заключающихъ въ себѣ исправленный имъ библейскій текстъ. Въ 1748 г. мая 28 посвященъ во епископа крутицкаго. Въ 1752 г. 13 января былъ вызванъ въ Синодъ для присутствованія въ качествѣ синодальнаго члена; до этого года онъ засѣдалъ въ московской синодальной конторѣ. На донесеніе его, что онъ не имѣетъ средствъ ѣхать въ Петербургъ и что крутицкій архіерейскій домъ обремененъ болѣе чѣмъ четырьмя тысячами долгу, послѣдовало отъ 23 февраля 1752 г. повелѣніе: «Синодальному члену преосвящ. Иларіону въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ св. Синодѣ быть неотмѣнно, а на представленіе его изъ св. Синода отписать выговоръ съ изъясненіемъ, что онъ не для того въ архіерея произведенъ, чтобъ отъ неумѣренныхъ расходовъ долги наживать». Скончался въ 1760 г. и погребенъ въ усыпальницѣ подъ придѣльнымъ храмомъ прежняго крутицкаго архіерейскаго дома; народъ чтилъ его память и во множествѣ стекался къ его гробницѣ, которая до 1816 г. была открытою. Отъ него остались слова: въ недѣлю шестую по Пасхѣ (М. 1742 г.), на новый годъ, (М. 1747 г.), на тезоименитство императрицы Елизаветы Петровны (М. 1748 г.). Библіотека его, согласно его завѣщанію, поступила въ Крутицкую семинарію.

Архивъ св. Синода, 1752 г. № 68; Амвросій «Ист. Росс. іерархіи», I, 239, 641; II, 353; VI, 879, 893; «Святогорская общежительная Успенская пустынь», М. 1867 г.; «Чтенія», 1862 г. II, отд. 1, 112; Соловьевъ, т. XXII, изд. 2, 30; XXIII, изд. 3, 33—35; «Описаніе документовъ и дѣлъ св. Синода». т. III, №№ 37, 38; Геннади, «Справочный словарь»; «Историко - статист. опис. харьковской епархіи», 126.

Иларіонъ (*Денисовичъ*), по просьбѣ брестской каштеляншн Аполлоніи Войны и ея сына, основавшихъ (въ 1629 г.) монастырь при купятицкой церкви (пинскаго повѣта), присланъ виленскимъ Св.-Духовскимъ игуменомъ Іосифомъ Бобриковичемъ въ настоятели новооснованнаго монастыря; въ 1637 г., по приказу кіевскаго митрополита Петра Могилы, производилъ въ пинскомъ повѣтѣ сборъ пожертвованій на обновленіе Кіево-софійскаго собора и съ собранными деньгами отправилъ въ Кіевъ іеромонаха Макарія Токаревскаго; узнавъ отъ Токаревскаго о крайней ветхости купятицкаго монастырскаго храма, Могила далъ Денисовичу универсалъ о сборѣ пожертвованій на его возобновленіе; для сбора этихъ пожертвованій (въ 1637—1638 гг.) отправленъ былъ іеромонахъ Аѳанасій Филиповичъ, побывавшій даже въ Москвѣ; въ 1640 г. Денисовичъ отпустилъ этого Аѳанасія въ игумены Брестскаго монастыря.

П-чинъ, «Купятиц. икона Бож. Матери»; «Мин. епарх. вѣд.», 1891; Архим. Николай, «Ист.-стат. описаніе мин. еп.».

Иларіонъ Дойниковичъ, псковскій посадникъ, умеръ въ 1419 г. Въ 1406 г. съ княземъ Даніиломъ Александровичемъ ходилъ на Полоцкъ, въ 1410 г. съ другими боярами ѣздилъ въ Кирьяпичу (Киремпе) для заключенія мира съ ливонцами, въ 1417 г. ѣздилъ въ Новгородъ для устраненія разныхъ несогласій Новгорода съ Псковомъ.

Полн. собр. рус. лѣт., IV, 197, 201, 202; V, 19, 21—203.

Иларіонъ (*Яковъ Дуда*), архимандритъ, изъ дворянъ, род. въ 1790 г. въ г. Козельскѣ черниговской губ., умеръ 18 декабря 1872 г. Образованіе получилъ въ козельскомъ городскомъ училищѣ. Чтеніемъ аскетическихъ сочиненій развилъ наклонность къ монашеской жизни и въ 1819 г. 13 мая поступилъ послушникомъ въ черниговскій архіерейскій домъ. Съ 1821 г. былъ ризничимъ; въ 1822 г. постригся въ монашество. Былъ настоятелемъ Батуринскаго, Глуховскаго, Петропавловскаго и Домницкаго (съ 1846 года) монастырей;

въ іюнѣ 1861 г. удалился на покой въ Рыхловскій монастырь, гдѣ и оставался до смерти, ведя жизнь строго подвижническую.

«Черниг. еп. вѣд.», 1873 г., № 22.

Иларіонъ (Иванъ Андреевичъ *Кириловъ*) архимандритъ Успенскаго тихвинскаго монастыря. Сынъ священника, род. 13 ноября 1776 г. близъ г. Каргополя, умеръ 21 марта 1851 г. Получивъ первоначальное обученіе отъ отца, онъ по бѣдности не могъ поступить ни въ одно духовное училище, и въ 1789 г. былъ опредѣленъ въ шежемскій приходъ дьячкомъ; въ 1793 г. поступилъ въ братство Спасо-каргопольскаго монастыря, гдѣ обучался иконописанію, граматикѣ, риторикѣ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, изучалъ богословіе и творенія св. отцевъ. Въ 1799 г. онъ былъ перемѣщенъ въ новгородскій Хутынскій монастырь; 9 сентября 1801 г. постригся въ монашество въ Коневскомъ монастырѣ, служилъ въ немъ письмоводителемъ, казначеемъ, наконецъ строителемъ и Коневская обитель по справедливости можетъ называть о. Иларіона своимъ вторымъ основателемъ. Онъ собралъ въ монастырь братію, завелъ всѣ три рода монашеской жизни — общежительный, скитскій и пустынножительный, написалъ уставъ иноческой жизни. 14 сентября 1823 г. онъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ тихвинскаго Успенскаго монастыря, членомъ духовнаго правленія и благочиннымъ тихвинскихъ монастырей. Архим. Иларіонъ съ любовью занимался исторіей и археологіей. Ему принадлежатъ: «Служба, житіе и слово похвальное преп. Арсенію, коневскому чудотворцу» (1815 г.); «Взаимныя должности общаго монашескаго житія» (1816 г.); «Душевное врачество» (1817 г.); «Полезныя напоминанія иноку въ началѣ его подвиговъ» (1822 г.); «Корнилій—столѣтній старецъ коневскій»; «Разсужденіе о видѣніяхъ» (1823 г.); «Уставъ общежительнаго монастыря, уставоположенія для скита Коневскаго и уставъ коневскимъ уединеннымъ пустынникамъ» (1824 г.) и др.

Геннади, «Словарь»; «Иларіонъ, архим. коневск. и тихвинскаго монастырей» 1861 г.; «Историко-статистич. опис. с.-петерб. епархіи», т. I, стр. 30 и слѣд.

Иларіонъ (*Конаныкинъ*), архимандритъ, изъ купечества калужской губерніи, род. въ 1762 г., умеръ 4 іюня 1813 г. Принялъ монашество въ Александро-Невской лаврѣ 6 марта 1795 г.; съ 1804 г. былъ благочиннымъ петербургскихъ монастырей. 8 сентября 1806 г. произведенъ въ архимандриты Соловецкаго монастыря. Соловецкіе монахи жаловались на жестокое обращеніе съ ними Иларіона, и хотя св. Синодъ жалобу оставилъ безъ послѣдствій, но и самъ Иларіонъ съ 1808 г. настойчиво просилъ, чтобы его перевели въ другой монастырь. Св. Синодъ постановилъ удовлетворить его просьбу 30 іюня, не имѣя еще свѣдѣній, что 4 іюня о. Иларіонъ уже скончался. Крупный капиталъ, оставшійся послѣ его смерти былъ, по завѣщанію, распредѣленъ на церкви, въ пользу пострадавшихъ въ 1812 г., въ пользу библейскаго общества, между братіей соловецкаго монастыря и между нищими и арестантами.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1805, № 431; 1808, №№ 679 и 819; 1809, № 721; 1812, №№ 591 и 593; 1813, № 365; Строевъ. «Списки іерарховъ», 817.

Иларіонъ (*Кондратковскій*), епископъ, умеръ 12 января 1799 г., род. въ Воронежѣ, образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса былъ въ Кіевопечерской лаврѣ проповѣдникомъ и регентомъ (начальникомъ) лаврской канцеляріи. Въ 1768 г., въ Глуховѣ, сдѣлался извѣстенъ гр. П. А. Румянцеву и по его желанію былъ назначенъ главнымъ священникомъ въ предводимой имъ арміи. Пораженный безпорядками, открытыми среди войскового духовенства, Иларіонъ вернулся было назадъ въ лавру, но въ концѣ 1769 г., по настояніямъ графа П. А. Румянцева, снова принялъ свой постъ въ арміи. По увольненіи отъ службы въ войскахъ, 30 января 1773 г., Иларіонъ былъ рукоположенъ во архимандрита Кіевомежигорскаго монастыря, откуда въ 1775 г. переведенъ въ колязинъ Макаріевъ, тверской епархіи. 17 іюля 1776 г. Иларіонъ хиротонисанъ въ Москвѣ во епископа переяславльскаго. Заставъ свою епархію съ крайне незначительнымъ количествомъ церквей, вслѣдствіе отдѣленія значительнаго числа послѣднихъ къ новоучрежденной епархіи славенской, преосв. Иларіонъ выхлопоталъ причисленіе къ своей епархіи около полутораста заднѣпровскихъ приходовъ отъ епархіи кіевской. По кончинѣ кіевскаго митрополита Гавріила (9 августа 1783 г.) около трехъ мѣсяцевъ управлялъ митрополіей. 27 марта 1785 г. переведенъ въ новоучрежденную епархію новгородсѣверскую, а прежняя его епархія была раздѣлена между сосѣдними

епархіями. Въ 1797 г., за упраздненіемъ новгородсѣверской епархіи, преосв. Иларіонъ былъ назначенъ въ Могилевъ, но не поѣхалъ туда, а отпросился на покой въ новгородсѣверскій Спасскій монастырь, гдѣ и умеръ. Онъ отличался твердымъ энергическимъ характеромъ и строго наблюдалъ за своими подчиненными.

«Полтавскія епарх. вѣд.», 1867 г., № 21; архивъ Св. Синода, дѣла: 1776 г, № 105; 1797 г., № 594; 1797 г., №№ 235, 236 и др.; Геннади, «Справ. словарь», 54,—см. В. Колосова «Исторія тверск. семинаріи»; Каргопольцевъ, «Хронол. указ. іерарх. могил.», 1887. *С. Г. Р.*

Иларіонъ (*Князь Масальскій*), изъ іеромонаховъ супрасльскаго монастыря (гродненской губерніи), въ концѣ 1589 или началѣ 1590 гг. избранъ въ архимандриты этого монастыря; 28 января 1595 г. присутствовалъ на львовскомъ соборѣ Гедеона Болобана, постановившемъ ходатайствовать о скорѣйшемъ заключеніи уніи съ Римомъ; на Брестскомъ соборѣ 1596 г. онъ явился уже противникомъ уніи, а въ 1601 г. торжественно предалъ анаѳемѣ въ церкви супрасльскаго монастыря новаго уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, за что привлеченъ Поцѣемъ къ суду и декретомъ Сигизмунда III (19 января 1602 г.) осужденъ на изгнаніе изъ отечества; впослѣдствіи (8 августа 1607 г.) онъ обратился къ Поцѣю съ просьбою о прощеніи, и ему позволено было возвратиться въ супрасльскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1609 г.

Архим. Николай Далматовъ, «Супрасл. Благовѣщ. монастырь»; въ изслѣдованіи Н. Банденбурга, «Родъ князей Масальскихъ» этотъ Иларіонъ не указанъ.

Иларіонъ (Иванъ Дмитріевичъ *Ремезовъ*), іеромонахъ, сынъ причетника, род. около 1784 г. во владимірской губерніи, умеръ въ апрѣлѣ 1852 года. Обучался во Владимірской семинаріи. Глухота и головныя боли, слѣдствія ушиба головы въ дѣтствѣ, заставили его бросить ученіе и онъ поступилъ на гражданскую службу; но по давнишней склонности къ монашеству онъ опредѣлился въ Благовѣщенскій вязниковскій монастырь, въ 1806 г. перешелъ въ московскій Симоновъ и оставался въ немъ до конца своей жизни, сначала проходилъ разныя послушанія, въ 1814 г. постригся въ монашество съ именемъ Иларіона, вскорѣ сдѣланъ іеромонахомъ, а затѣмъ духовникомъ братіи. Въ 1823 г. путешествовалъ по Святымъ мѣстамъ и, возвратясь, занялъ должность ризничаго. Смиренная, благоговѣйная наружность, невыразимое спокойствіе въ чертахъ лица привлекали къ нему всякаго. Въ 1833 г. онъ отказался отъ занимаемыхъ имъ должностей и жилъ въ монастырѣ на больничной вакансіи. Онъ много занимался переводомъ отеческихъ книгъ и «Великаго зерцала»; собралъ и описалъ болѣе 1000 чудесъ Божіей Матери; составлялъ житія святыхъ, не помѣщенныхъ въ четьихъ-минеяхъ; изложилъ исторію монашескихъ обществъ; описалъ Симоновъ монастырь; сдѣлалъ симфонію текстовъ священнаго писанія и мнѣній учителей церкви на разные душеспасительные предметы.

Арсеній Троепольскій: «Іеромонахъ Симонова мон. Иларіонъ».

Иларіонъ (*Копьевъ*), архимандритъ, ректоръ Тверской семинаріи, умеръ въ 1793 г. Получилъ образованіе въ Новгородской семинаріи, гдѣ потомъ былъ учителемъ; въ 1775 г. произведенъ въ игумена деревяницкаго Воскресенскаго монастыря (нынѣ женскаго); въ 1776 г. перемѣщенъ архимандритомъ въ Борисоглѣбскій новоторжскій монастырь тверской епархіи, а въ 1777 г. 22 ноября—въ Отрочъ-Успенскій монастырь въ г. Твери и назначенъ ректоромъ Тверской семинаріи; мѣсто ректора онъ оставилъ въ 1786 г. Въ 1779 г. въ Москвѣ напечатаны три слова, сказанныя имъ на чредѣ богослуженія.

Дѣло архива Святѣйшаго Синода 1777 г. № 135; Колосовъ, «Исторія тверской семинаріи», 177, 196, 383—384.

Иларіонъ (*Рогалевскій*), архіепископъ черниговскій, умеръ въ 1742 г. Род. въ г. Минскѣ отъ благородныхъ родителей, получилъ образованіе въ Кіевской академіи и постригся въ монахи. По ходатайству фельдмаршала графа Б. П. Шереметева опредѣленъ оберъ-іеромонахомъ въ армію и былъ духовникомъ фельдмаршала. Изъ арміи отправленъ былъ съ А. И. Волынскимъ въ Персію, гдѣ познакомился съ состояніемъ магометанства. По возвращеніи опредѣленъ іеромонахомъ во флотъ; 23 іюля 1722 г. назначенъ архимандритомъ лубенскаго Мгарскаго монастыря кіевской епархіи, а 24 октября 1728 г.—московскаго Донского. 26 марта 1732 г. посвященъ во епископа казанскаго; 27 марта 1732 г. сдѣланъ архіепископомъ. Онъ пользовался особенною благосклонностію двора, едва-ли не былъ духовникомъ царственныхъ лицъ и получалъ Высочайшіе подарки. Архіепископъ Иларіонъ во время своего трех-

лѣтняго управленія епархіей обращалъ главное вниманіе на устройство духовныхъ училищъ и просвѣщеніе многочисленныхъ инородцевъ казанской епархіи. По просьбѣ его прибыли изъ Кіева въ Казань студенты: Стефанъ Головицкій, впослѣдствіи митрополитъ тобольскій и сибирскій, и Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, впослѣдствіи митрополитъ казанскій. При помощи ихъ Иларіонъ устроилъ въ Зилантовомъ монастырѣ Казанскую семинарію по образцу Кіевской академіи. Согласно представленному имъ проэкту учреждены были 26 февраля 1733 г. четыре инородческихъ школы: въ Казани, Елабугѣ, Цивильскѣ и Царевококшайскѣ. 29 марта 1735 г. преосвященный Иларіонъ переведенъ на черниговскую каѳедру; 12 марта 1735 г. ему пожалованъ въ Петербургѣ домъ, отобранный у генералъ-маіора Ульяна Сенявина, какъ выстроенный на похищенныя казенныя деньги. О заботливости его касательно церковнаго благоустройства въ черниговской епархіи свидѣтельствуютъ его окружныя грамоты 1735 г., коими предписано, чтобы вѣнечныя памяти выдавались не только простымъ людямъ, но и всѣмъ чиновнымъ, и чтобы во всѣхъ церквахъ богослуженіе совершалось по разосланному исправленному служебнику. 19 февраля 1736 г. преосв. Иларіонъ получилъ замѣчаніе за неумѣстное употребленіе грубыхъ и предосудительныхъ словъ въ прошеніи на Высочайшее имя относительно запрещенія монастырямъ и церквамъ въ Малороссіи покупать и принимать въ даръ отъ жертвователей земли. Въ 1737 г. имъ было учреждено «Собраніе Дѣвы Богородицы, попечительное о Черниговской семинаріи». Въ 1737 г. онъ былъ взятъ подъ арестъ генераломъ княземъ Барятинскимъ за дерзостныя слова, однако указомъ Синода преосвященный былъ освобожденъ и начато было слѣдствіе по этому дѣлу. Въ 1738 г. мая 2 по прошенію уволенъ на покой въ Кіево-Печерскую лавру; оттуда былъ вызванъ въ Синодъ къ отвѣту, по своему дѣлу; по пути въ Петербургъ скончался и погребенъ въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ.

«Архивъ Правит. Сената», I; «Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. Синода», II, 54, VIII, 630; Любарскій, «Ист. казанской іерархіи»; Благовѣщенскій, «Ист. каз. дух. семин.»; Можаровскій, «Ист. казан. семин.»; его же ст. въ «Чтеніяхъ» 1880, I; Соловьевъ, т. XX, 321; «Труды кіев. дух акад.», 1860, II, 259—263; «Черниг. губ. вѣд.». 1855; Геннади, «Справочный словарь».

Иларіонъ *(Смирновъ* или *Смирного)*, митрополитъ псковскій и изборскій, умеръ 22 іюня 1698 г. Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Въ 1680—1687 гг. онъ былъ архимандритомъ Соловецкаго монастыря; 9 января 1687 г. перемѣщенъ въ Спасо-ярославскій монастырь, откуда 1 февраля 1691 г. хиротонисанъ въ митрополита псковскаго. Умеръ въ Псковѣ и погребенъ въ Троицкомъ соборѣ.

Строевъ, «Списки іерарховъ»; Амвросій, «Ист. росс. іерарх.», т. I, и рукопись синодальнаго архива «Списки архіереевъ за 1600—1800 гг.» *Здр.*

Иларіонъ *(Трусовъ)*, архимандритъ, умеръ 22 апрѣля 1741 г. Въ 1732 г., будучи іеромонахомъ тобольскаго архіерейскаго дома, отправленъ былъ въ Пекинъ, на Посольскій дворъ и въ томъ же году отправленъ въ Петербургъ на судъ за то, что въ старой печатной формѣ молитвъ за Императорскую фамилію, для избѣжанія путаницы, вычеркнулъ имена двухъ умершихъ Великихъ Княгинь; на судѣ былъ оправданъ и опредѣленъ въ Новгородъ въ «разрядъ его преосвященства». 30 марта 1734 г. перемѣщенъ въ Александро-свирскій монастырь, а 10 сентября того же года назначенъ архимандритомъ посольскаго Преображенскаго монастыря. 9 января 1735 г., отправленъ вторично въ Пекинъ уже начальникомъ миссіи и въ Пекинѣ скончался.

Архивъ Синода, дѣло 1732 г. № 177.

Иларіонъ, второй епископъ ростовскій, прибылъ въ Ростовъ въ 991 г. изъ Константинополя. Какъ и его предмѣстникъ Ѳеодоръ, онъ напрасно старался окрестить язычниковъ ростовской области и «не терпяще невѣрія и многая досажденія отъ людей», въ 992 г. оставилъ Ростовъ и возвратился въ свое отечество, «ничто же успѣвъ»; по Степенной книгѣ два первые епископа ростовскіе были изгнаны изъ Ростова «невѣрными людьми».

Полн. собр. рус. лѣт. IV, 102; VI, 128; VIII, 69; «Степ. кн.» I, 153; Макарій, «Ист. рус. цер.» I, пр. 17.

Иларіонъ, митрополитъ кіевскій, пятый по общему счету и первый изъ русскихъ. До избранія въ митрополиты былъ священникомъ въ с. Берестовѣ, любимомъ мѣстопребываніи Владиміра Святого и его ближайшихъ преемниковъ. Отличаясь высокимъ, по тогдашнему времени, образованіемъ, велъ и жизнь благочестивую: на одномъ изъ ближайшихъ холмовъ онъ ископалъ себѣ «печерку малу»—въ ней впослѣд-

ствіи поселился св. Антоній—и часто приходилъ туда втайнѣ молиться Богу. Великій князь Ярославъ I также любилъ Берестово и слѣдовательно не могъ не знать тамошняго священника. Въ 1049 г., умеръ митрополитъ Ѳеопемптъ; великій князь, находившійся въ не совсѣмъ хорошихъ отношеніяхъ съ Византіей, соборомъ русскихъ епископовъ въ 1051 г. поставилъ въ митрополиты Иларіона. По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ впослѣдствіи принималъ участіе въ рѣшеніи вопроса о дѣлахъ, подлежащихъ духовному, а не свѣтскому суду. Извѣстны слѣдующія произведенія св. Иларіона: 1) Слово о законѣ и благодати, къ которому присоединены: похвала князю (кагану) Владиміру, просвѣтившему Русь св. крещеніемъ, и молитва къ Богу отъ лица всей новопросвѣщенной Руси (подражаніе византійскому духовному краснорѣчію, чуждое всякой простоты содержанія и слога), 2) Изложеніе или исповѣданіе вѣры и 3) Поученіе о пользѣ душевной.

Полн. собр. р. лѣт. I, 67, 254 — 255; II, 268; III, 2; V, 138; VI, 84; VII, 332, 339; «Прибавл. къ твор. св. от.», 1844; «Чтенія», 1848 кн. VII; «Изв. II отд. Акад. Наукъ» т. V, вып. 4; «Исторія русск. слов.» Галахова, Караулова, Порфирьева и др.; Филаретъ, «Ист. рус. церкви».

Иларіонъ, епископъ перемышльскій, извѣстенъ изъ двухъ жалованныхъ грамотъ (1292—1301 г.), приведенныхъ въ «Dissertationes historico-criticae de Archiepiscopatu Mitropolitano Kijovensi et Haliciensi» доминиканскаго монаха Климента Ходыкевича; впрочемъ, подлинность этихъ грамотъ довольно основательно заподозрѣвается.

Карамзинъ, IV, 103, пр. 203, Строевъ; «Списки іерарховъ», 1041.

Иларіонъ, епископъ коломенскій, умеръ 9 марта 1409 г.; до полученія епископской каѳедры былъ игуменомъ лисицкаго Богородичнаго монастыря, изъ котораго, въ 1396 г., переведенъ въ Симоновъ московскій монастырь архимандритомъ; съ 1406 г. по кончину былъ епископомъ; въ 1406 г. участвовалъ въ погребеніи митрополита Кипріана.

«Степенная книга», I, 558—559; Амвросій, «Ист. росс. іерархіи», I, 244; Строевъ, «Списки іерарховъ», 98, 149 и 1029.

Иларіонъ, митрополитъ рязанскій, умеръ 4 іюня 1673 г.; до 1656 г. былъ архимандритомъ Макаріевскаго желтоводскаго монастыря, въ 1657 г. хиротонисанъ патріархомъ Никономъ изъ архимандритовъ нижегородскаго Печерскаго монастыря, а въ 1667 (по другимъ извѣстіямъ въ 1669 г.) нареченъ митрополитомъ; въ 1664, 1668 и 1669 г. поднесъ государю на жалованіе ратнымъ людямъ 4100 руб.; въ 1669 г. приказалъ собрать въ Высоцкій монастырь всѣхъ постриженныхъ, но жившихъ въ міру женщинъ, братію же Высоцкаго монастыря перевелъ въ Рождественскій монастырь. Онъ подписалъ соборное постановленіе о низложеніи Никона. Въ 1673 г. 28 мая, былъ отпущенъ, въ сопровожденіи почетнаго военнаго конвоя, на покой изъ Москвы въ Макаріевъ желтоводскій монастырь, на пути и скончался, 4 іюня. Погребенъ въ Рязани. Послѣ него осталась обширная духовная грамота.

Воздвиженскій, «Ист. обоз. ряз. іерархіи», 130—156; Добротворскій, «Опис. нижегород. Печер. мон.», 81.

Иларіонъ, митрополитъ суздальскій, въ мірѣ Иванъ, сынъ священника Ананіи, род. въ 1632 г., умеръ 14 декабря 1708 г. Въ 1648 г. онъ, противъ желанія отца, женился, но чрезъ годъ овдовѣлъ. Въ 1652 г., Иванъ переселился со старшимъ братомъ въ Москву; однажды случайно зашелъ онъ во Флорищеву пустынь; тутъ жили четыре строгихъ отшельника; ему очень понравилась подвижническая жизнь. Коломенскій епископъ Павелъ, братъ умершей жены его, постригъ его въ монахи съ именемъ Иларіона, рукоположилъ во іеродіакона и онъ ушелъ во Флорищеву пустынь; вскорѣ патріархомъ Никономъ онъ посвященъ былъ въ іерея. Когда всѣ отшельники перемерли отъ моровой язвы, Иларіонъ удалился за Оку, но вскорѣ возвратился въ пустынь и, собравъ до 15 человѣкъ новой братіи, возобновилъ обитель. Иларіонъ велъ жизнь строго отшельническую, по имъ же написанному уставу; ему много приходилось терпѣть огорченій отъ братіи, какъ изъ-за принятія ново исправленныхъ богослужебныхъ книгъ, такъ и изъ-за его строгости и лишеній, которымъ онъ умышленно подвергалъ братію, никогда не отказывая въ помощи бѣднымъ. Иларіонъ былъ лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу и пользовался особымъ уваженіемъ царя Ѳеодора Алексѣевича, и по желанію царя Ѳеодора, былъ воспріемникомъ сына его Иліи; по этому случаю царь сдѣлалъ богатые дары Флорищевой пустыни. Вторую жену свою царь Ѳеодоръ избралъ по совѣту Иларіона; около 1680 г. царь посѣтилъ пустынь и приказалъ заложить въ монастырѣ церковь по образцу

церкви въ с. Измайловѣ. При прощаньи Иларіонъ поднесъ царю Ѳеодору, какъ даръ, искусно сплетенные лапотки. Царь Ѳеодоръ пріѣзжалъ въ 1682 г. на освященіе церкви. Патріархъ Іоакимъ 11 декабря 1682 г., посвятилъ Иларіона въ митрополита Суздальскаго. Прибывъ въ свою епархію, митрополитъ ревностно занялся поученіями паствы, къ чему обязывалъ и соборныхъ священниковъ, отдавался дѣламъ милосердія, исправлялъ нравы духовенства окружными посланіями, учредилъ поповскихъ надсмотрщиковъ (впослѣдствіи — старосты, нынѣ—благочинные), украшалъ храмы, возобновлялъ старые, строилъ новые и т. д. Въ послѣдніе годы жизни Иларіонъ ослѣпъ, но по повелѣнію Петра Великаго оставался на каѳедрѣ. Въ началѣ декабря 1708 г. во время утрени Иларіонъ внезапно почувствовалъ себя очень дурно и былъ отнесенъ въ келью на рукахъ; 14 декабря того же года онъ и умеръ; по смерти его оказалось у него всего 3 полушки денегъ. Тѣло его погребено въ сѣверо-западномъ углу соборной церкви.

«Правосл. Собесѣдн.», 1868 г., прилож.; Іеронимъ, іером., «Жизнь Иларіона, митр. суздальскаго»; Любимовъ, «Житіе святителя Иларіона»; «Душеполез. Чтеніе», 1867 г., ч. 1; «Владим. епарх. вѣдом.», 1874 года, № 5; Іоасафъ, іером. «Церковно-истор. опис. сузд. достопам.»; «Владим. ежегодникъ», т. 1, вып. 1.

Иларіонъ, архимандритъ Кіево-Печерской лавры, избранъ изъ намѣстниковъ ея же въ 1709 г. и посвященъ въ этотъ санъ въ присутствіи императора Петра I въ іюлѣ того же года митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ; спустя девять недѣль по посвященіи, скончался.

«Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и настоящемъ состояніи»; «Кіевская Старина», 1886, № 11.

Иларіонъ, епископъ астраханскій и ставропольскій, умеръ 9 іюня 1775 г. Неизвѣстно, гдѣ и когда онъ родился и гдѣ получилъ образованіе. Изъ его духовнаго завѣщанія видно, что сначала онъ былъ священникомъ, потомъ уже постригся въ монашество и былъ архимандритомъ астраханскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. 25 апрѣля 1731 хиротонисанъ во епископа астраханскаго, по прошенію астраханскихъ жителей, поданному въ Синодъ. 30 мая 1755 г. онъ просилъ уволить его на покой, ибо уже пятый годъ боленъ неизцѣлимою болѣзнью, но умеръ, не дождавшись увольненія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ пишетъ: «по мнѣ злата и сребра не ищите, потому что 20 лѣтъ былъ я въ пустой епархіи съ малымъ жалованьемъ и безъ вотчинъ. Когда я былъ священникомъ, то имѣлъ богатыхъ духовныхъ дѣтей, которые давали мнѣ деньги и во время моего архіерейства, но я все употреблялъ на устройство келлій».

Дѣла архива Св. Синода 1730 г. № 96; 1731 г. № 108 и 1755 г. № 158.

Иларіонъ, іеромонахъ, происходилъ изъ петербургскихъ гражданъ, род. около 1770 г., умеръ 12 ноября 1841 г. Постриженъ въ монашество въ Валаамскомъ монастырѣ въ 1797 г., потомъ перешелъ въ Саровскую пустынь, гдѣ пробылъ до смерти, около 50 лѣтъ. Чистота его жизни, готовность утѣшать всякаго страждущаго оставили по себѣ живую память. Его душеспасительныя наставленія о молитвѣ, кротости, смиреніи, послушаніи, молчаніи, прощеніи и терпѣніи, изданы въ сочиненіи іеромонаха Авеля: «Общежительная Саровская пустынь».

Иларіонъ, (Иларіонъ Меѳодіевичъ *Фокинъ*), извѣстенъ болѣе подъ именемъ о. Иларіона, хотя тайно онъ былъ постриженъ съ именемъ Иларія, пустынникъ-затворникъ, род. въ 1758 г. въ с. Зенкинѣ раненбургскаго уѣзда, умеръ 5 апрѣля 1853 г., сынъ крестьянина. Еще въ юности выдѣлялся склонностью къ молчанію, молитвѣ и воздержаніемъ; родителямъ не нравились такія наклонности сына и они въ 1777 г. женили его, но онъ въ день свадьбы убѣжалъ изъ родительскаго дома въ Кіевъ. Впослѣдствіи онъ вернулся на родину и жилъ въ с. Головинцинѣ у священника, обучился грамотѣ и поселился верстъ за четыре отъ селенія, въ такъ называемомъ Воловомъ оврагѣ, въ вырытой имъ самимъ пещерѣ. Чрезъ шесть лѣтъ онъ былъ отсюда изгнанъ и съ этого времени начались его сорокалѣтнія странствованія по разнымъ селамъ и деревнямъ; онъ думалъ устроиться въ скопинскомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ раненбургской Петропавловской пустынѣ, въ Коренной пустынѣ курской губерніи, гдѣ принялъ тайный постригъ съ именемъ Иларія, но отовсюду былъ гонимъ, то по навѣтамъ братіи монастырской, то по проискамъ своей жены, нѣсколько разъ бывалъ арестованъ. Только въ 1824 г. о. Иларіонъ спокойно поселился въ с. Троекуровѣ лебедянскаго уѣзда и тамъ подвизался въ затворѣ болѣе 30 лѣтъ. Добро-

дѣтельная и подвижническая жизнь его вездѣ собирала вокругъ него почитателей и послѣдователей, не смотря на стараніе его остаться неизвѣстнымъ; въ с. Троекуровѣ вдовы и дѣвицы составили цѣлое общество, начальникомъ котораго сталъ о. Иларіонъ. На собранныя деньги онъ купилъ землю въ деревнѣ Могилкахъ и выхлопоталъ право на учрежденіе Троекуровской женской общины, но не дожилъ до ея полнаго учрежденія (община открыта въ 1857 г.); за 6 лѣтъ до кончины лишился зрѣнія.

«Тамб. епарх. вѣд.» 1876 г., №№ 19—22.

Иларія, (*Нечаева*, рожденная *Баснина*), игуменія, умерла 26 сентября 1837 г. Дочь купца, род. въ Иркутскѣ. Лишившись мужа, 11 октября 1816 г. поступила въ иркутскій Знаменскій монастырь и 24 марта 1818 г. постриглась въ монашество; 8 января 1827 г. назначена казначеею и помощницею игумени; 21 октября 1828 г. произведена въ игуменіи. Частію ходатайствами предъ начальствомъ, частію при содѣйствіи своихъ братьевъ Басниныхъ, она обстроила и значительно обогатила монастырь; въ отношеніи къ сестрамъ она была добра, попечительна, но справедлива и строга. 26 марта 1831 г., по личнымъ неудовольствіямъ съ архіереемъ, была временно отстранена отъ должности, но вскорѣ вновь допущена къ управленію монастыремъ.

«Иркут. епар. вѣд.», 1892 г. № 24.

Иларія, (Елизавета *Кобелева*), монахиня курскаго женскаго монастыря, дочь купца. Род. въ 1810 г. въ г. Курскѣ, умерла 27 декабря 1892 г.; тринадцати лѣтъ поступила въ монастырь и прожила въ немъ около 70 лѣтъ; постепенно прошла почти всѣ монастырскія послушанія и 18 февраля 1852 г. пострижена въ монашество съ именемъ Иларіи и оказала большія услуги обители: большая часть монастырскихъ зданій построены подъ ея руководствомъ; она принимала дѣятельное участіе въ устройствѣ курскаго епархіальнаго Александровскаго женскаго пріюта и Курскаго епархіальнаго женскаго училища, и въ постройкѣ многихъ церквей. 23 октября 1886 г. она сдѣлана ризничею монастыря.

«Курск. епарх. вѣд.», 1893 г. № 2.

Илейко, казакъ, см. Петръ самозванецъ.

Илимовъ, *Иванъ Петровичъ*, химикъ, род. 20 января 1820 г., умеръ 22 сентября 1891 г. Образованіе получилъ въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, но не окончивъ курса былъ выпущенъ въ 1840 г. изъ младшаго офицерскаго класса въ лабораторію департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, съ переименованіемъ въ чиновника Горнаго вѣдомства; въ этой лабораторіи онъ былъ сначала ученикомъ, затѣмъ занималъ должности старшаго лаборанта (1843 г.), пробирера (1847 г.) и наконецъ бергъ-пробирера (1851 г.); Илимовъ еще въ корпусѣ ревностно изучалъ химію и уже въ 1841 и 1843 г. напечаталъ три статьи по химіи въ «Горномъ Журналѣ». Занимаясь въ лабораторіи, Илимовъ въ то-же время состоялъ химикомъ при Мануфактурномъ совѣтѣ (съ 1843 г.) и былъ назначенъ (1848 г.) въ С.-Петербургскую Думу для присутствія при клейменіи мѣръ и вѣсовъ; кромѣ того онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Вольно-Экономическаго Общества и въ 40-хъ годахъ преподавалъ химію въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училище), причемъ въ лекціяхъ проводилъ новыя, по тому времени, понятія о диссоціаціи, единствѣ матеріи и т. д. Какъ хорошій лекторъ, увлекавшій слушателей, Илимовъ былъ приглашенъ прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій въ зданіи Пассажа. Въ 1851 г. онъ оставилъ мѣсто въ лабораторіи и отдался практической дѣятельности, именно занялся развитіемъ дѣлъ Петербургскаго химическаго завода, гдѣ вскорѣ открылъ производство парафиновыхъ свѣчъ, затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи Общества заводской обработки животныхъ продуктовъ, имѣвшаго цѣлью развить стеариновое и мыловаренное производства въ Пермскомъ краѣ—одномъ изъ наиболѣе важныхъ средоточій салотопеннаго дѣла. Обществомъ былъ основанъ въ г. Екатеринбургѣ заводъ, на которомъ предполагалось получать также сѣрную кислоту; предпріятіе было задумано въ слишкомъ грандіозныхъ размѣрахъ, устройство завода поглотило огромныя деньги и онъ просуществовалъ не долго. Къ этому времени относятся взятыя Илимовымъ четыре привиллегіи на различныя улучшенія въ стеариновомъ и мыловаренномъ производствахъ. По прекращеніи дѣлъ общества имъ была издана брошюра: «На память для гг. акціонеровъ Общества заводской обработки животныхъ продуктовъ», (1859 г.) Въ то же время И. П. Илимовъ

не оставлялъ и теоретическихъ работъ по химіи, но много занимался въ устроенной имъ собственной лабораторіи. Впослѣдствіи Илимовъ содѣйствовалъ реализаціи капиталовъ, потребныхъ для постройки желѣзныхъ дорогъ: Поти-Тифлисской, Орловско-Витебской и Тамбово-Саратовской. Будучи однимъ изъ горячихъ сторонниковъ необходимости устройства для пользы нефтянаго промысла Закавказья нефтепровода въ видѣ сплошной трубы изъ Баку въ Батумъ, онъ съ этою цѣлью составилъ компанію и получилъ концессію, но вопросъ о нефтепроводѣ, возбужденный въ 1883 г. и подвергавшійся неоднократно разностороннему обсужденію въ Комитетѣ Министровъ, разрѣшился въ концѣ концовъ въ отрицательномъ смыслѣ. Вообще же нефтянымъ дѣломъ Илимовъ занимался не только съ практической, но и съ научной стороны. Изъ трудовъ его по этому предмету напечатаны: 1) «Нефтепроводъ»; Спб., 1884 г., 2) «О нефтепроводѣ и нефтяной промышленности» (Зап. Имп. Русск. Техн. Общ., 1884), 3) «Докладъ о современномъ положеніи нефтяной промышленности въ Баку и о нефтепроводѣ», 4) «Записка о раціональной переработкѣ нефти (оба труда въ Зап. Имп. Рус. Техн. Общ. 1885 г.), 5) «Докладъ о налогѣ на нефть» (Труды Общ. для сод. русск. промышл. и и тор., 1886 г.) 6), «Русскіе бакуоли и бакинскіе керосины на американскій ладъ» (Зап. Имп. Русск. Техн. Общ., 1886). Еще въ Горномъ институтѣ Илимовъ увлекался поэзіей и литературой; эта склонность не оставила его до конца жизни: нелишенныя таланта стихотворенія его, хорошо извѣстныя въ дружескомъ кругу, не были однако напечатаны.

Матеріалы для біографіи: 1) Свѣдѣнія, сообщенныя родными И. П. Илимова, 2) Формуляръ, хранящійся въ архивѣ Горнаго Департамента, 3) Некрологъ, «Новое Время», 1891, № 5595, и 4) «Воспоминанія академика Н. И. Кокшарова», «Русск. Стар.» 1890, Т. 66, стр. 529.

С. Кулибинъ.

Илинскій, *Августъ Ивановичъ*, графъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, камергеръ, род. въ 1763 г., умеръ 9 февраля 1844 г. Польскій дворянинъ по происхожденію, онъ, по окончаніи курса въ Терезіанской академіи въ Вѣнѣ, вступилъ въ статскую службу и впослѣдствіи возведенъ императрицей Маріей Терезіей въ графское достоинство. Съ 1788 г. служилъ въ Польшѣ, сначала шефомъ гренадерскаго полка, затѣмъ (съ 8 февраля 1793 г.) генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи. Послѣ третьяго раздѣла Польши принялъ русское подданство, былъ губернскимъ маршаломъ волынской губерніи; императрица Екатерина сдѣлала его камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ (18 октября 1796 г.), императоръ Павелъ чрезвычайно благоволилъ къ нему и сдѣлалъ его сенаторомъ, кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1800 г. по Высочайшему повелѣнію онъ обозрѣвалъ все управленіе въ однѣхъ, и въ 1807 г. въ другихъ губерніяхъ юго-западнаго края. Дѣлалъ неоднократно большія пожертвованія съ филантропическими цѣлями; такъ въ 1805 г. пожертвовалъ 150.000 р. на устройство перваго въ Россіи заведенія для глухонѣмыхъ, которое и было открыто въ мѣстечкѣ Романовѣ, волынской губерніи; былъ, съ 2 мая 1812 г., почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ. Съ 1830 г. уволенъ безсрочно въ отпускъ до излеченія отъ болѣзни.

Формуляръ въ Сенатскомъ Архивѣ, № 436; «Архивъ Госуд. Совѣта», III, 2; «Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства»; «Вѣстникъ Европы», 1805 г., ч. 23, № 17; Мороккинъ, «Іезуиты въ Россіи», I, 370—375 и др.

Иліодоръ (Илья Егоровичъ *Вавиловъ*), игуменъ, сынъ діакона, род. въ тобольской губерніи въ 1817 г., умеръ 12 октября 1865 г. По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи съ 1836 г. по 1846 г. былъ учителемъ греческаго языка въ Томскомъ, а потомъ въ Енисейскомъ духовныхъ училищахъ, былъ священникомъ и потерявъ жену, постригся 16 февраля 1841 г. съ именемъ Иліодора, сдѣланъ казначеемъ енисейскаго Спасскаго монастыря и за отсутствіемъ настоятеля, управлялъ монастыремъ. 30 апрѣля, 1850 г. назначенъ настоятелемъ туруханскаго Троицкаго монастыря, и въ 1859 г. возведенъ въ санъ игумена. Онъ былъ общимъ духовникомъ и благочиннымъ туруханской миссіи; въ 1863 г. основалъ при монастырѣ училище для дѣтей остяковъ, тунгусовъ и другихъ инородцевъ. Онъ усиленно работалъ не смотря даже на тяжелую цынгу, которою давно началъ страдать; но въ 1864 г., совсѣмъ ослабѣвъ, онъ отказался отъ всѣхъ должностей и поселился въ енисейскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ. Имъ составлено описаніе монастыря: «Туруханскій монастырь, его мѣстоположеніе, основаніе и возстановленіе», помѣщенное въ «Сказаніи о блаж. Василіи

Мангазейскомъ» преосвящ. Никодима, епископа енисейскаго.

«Иркут. еп. вѣд.», 1865 г. № 47; «Странникъ», 1867 г. № 4.

Иліодоръ (Иванъ Ѳедоровичъ *Голованицкій*), архимандритъ, сынъ священника, род. въ 1795 г. въ с. Старосельѣ кіевской губ., умеръ 28 іюля 1879 г. Съ 1806 г. обучался въ Кіевской семинаріи, но притѣсняемый своимъ собственнымъ братомъ—учителемъ въ 1813 г. оставилъ семинарію и поступилъ въ Нижегородское ополченіе. Въ 1815 г. поступилъ послушникомъ въ Кіево-Печерскую лавру, былъ затѣмъ въ Софроніевой и Глинской пустыняхъ и въ послѣдней принялъ малое постриженіе съ именемъ Іоиля, а въ 1824 г.—полное съ именемъ Іоанникія; въ томъ же году рукоположенъ въ іеродіакона. Въ 1826 г. перемѣщенъ въ рыхловскій Николаевскій монастырь черниговской епархіи казначеемъ. 6 августа 1840 г. назначенъ архимандритомъ Петропавловскаго монастыря глуховскаго уѣзда. 1845 г. 6 сентября по болѣзни уволенъ отъ должности и поселился въ Глинской пустынѣ, принявъ на себя подвигъ миротворца. Въ 1851 г. путешествовалъ въ Палестину и на Аѳонъ, въ 1858 г. принялъ схиму съ именемъ Иліодора, а съ 1863 г. совсѣмъ уединился въ лѣсу, гдѣ и умеръ. Онъ былъ инокъ очень строгой жизни; говорили, что онъ обладалъ даромъ прозорливости; въ теченіе своей жизни ему пришлось имѣть немало непріятелей отъ завистниковъ и клеветниковъ.

Іассонъ, «Иліодоръ, архимандритъ Глинской пустыни», М. 1887 г.

Иліодоръ (Иванъ *Чистяковъ*), архіепископъ курскій, сынъ священника Бориса Безсонова, род. въ с. Воскресенскомъ, калужской губ., умеръ 2 феваля 1861 г., образованіе получилъ въ Калужской семинаріи и въ Московской духовной академіи, откуда вышелъ со степенью магистра въ 1820 г. и опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ Костромской семинаріи; 18 декабря того-же года постриженъ въ монашество; въ 1821 г. посвященъ въ санъ іеромонаха; въ 1822 г. перемѣщенъ инспекторомъ и профессоромъ въ Московскую семинарію; въ 1823 г. опредѣленъ соборнымъ іеромонахомъ при московскомъ Донскомъ монастырѣ; въ томъ же году назначенъ ректоромъ Рязанской семинаріи. Въ 1824 г. возведенъ въ санъ игумена и опредѣленъ настоятелемъ рязанскаго Богословскаго монастыря; въ 1825 г. опредѣленъ настоятелемъ рязанскаго Свято-Троицкаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита; 1827 г. перемѣщенъ ректоромъ въ Новгородскую семинарію и настоятелемъ въ Антоніевскій монастырь. Въ 1832 г. февраля 19 назначенъ епископомъ курской епархіи; въ 1844 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1844 же году избранъ почетнымъ членомъ конференціи Казанской духовной академіи. Въ 1845 г. получилъ въ непосредственное управленіе бѣлгородскій Троицкій монастырь. Въ 1847 г. сдѣланъ членомъ секретной коммиссіи по дѣламъ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія. 5 ноября 1860 уволенъ на покой въ бѣлгородскій Троицкій монастырь, гдѣ и скончался. Отъ него осталось много поученій, изданныхъ и отдѣльно и въ сборникахъ: «Словесное млеко или собраніе словъ», двѣ части, 1839 г.; «Собраніе словъ и бесѣдъ»; 1839 и 1849 г.; «Духовное братство», 1846; «Духовная вечеря», 1847 и др.

Формулярный списокъ въ дѣлахъ архива Св. Синода; Геннади, «Справочный словарь»; Филаретъ, «Обзоръ русской дух. литературы», II, 492.

Иліодоръ, игуменъ, изъ духовнаго званія; род. въ 1725 г., умеръ 9 февраля 1789 г. Принялъ монашество въ 1756 г. въ Троице-Сергіевой лаврѣ. 5 декабря 1775 г. произведенъ во игумена козловскаго Троицкаго монастыря. Въ 1785 г., 12 октября, уволенъ, по прошенію, на покой, съ пенсіей и правомъ проживать въ Троице-Сергіевой лаврѣ, гдѣ и скончался 9 февраля 1789 г. Любилъ отшельничество и уединенную молитву, и одинъ разъ подалъ было подъ судъ за отказъ ѣхать изъ монастыря въ Тамбовъ, для очереднаго служенія, хотя отказъ и былъ мотивированъ тѣмъ, что во время переѣздовъ и пребыванія въ городѣ на постоялыхъ дворахъ монахъ вынужденъ «лишаться монашества».

Архивъ Св. Синода, дѣло 1785 г., № 113.

С. Г. Р.

Илія (*Іоаннъ*), святой, архіепископъ новгородскій, умеръ 7 сентября 1186 г.: память 7 сентября; мощи покоятся въ Новгородскомъ соборѣ. Былъ священникомъ при храмѣ св. Власія, на Волосовой улицѣ, въ Новгородѣ; въ 1163 г., уже постриженный съ именемъ Іоанна, по смерти епископа Аркадія, былъ избранъ въ епископы новгородскіе. Въ 1165 г. по хода-

тайству новгородцевъ, митрополитъ кіевскій Іоаннъ возвелъ его въ преемственный санъ архіепископа. Съ его именемъ связаны легенды объ избавленіи Новгорода отъ нападенія великаго князя Андрея Боголюбскаго: новгородцы, отразивъ его нападеніе, приписали свою побѣду чуду пресвятой Богородицы: во время осады города архіепископъ Илія услышалъ голосъ, повелѣвавшій ему вынести на стѣну икону пресв. Богородицы, находившуюся въ храмѣ Спаса; когда это было исполнено, суздальцы, пораженные страхомъ, бѣжали. Побѣда эта сдѣлалась любимымъ воспоминаніемъ новгородцевъ и народное представленіе помнитъ св. Илью-Іоанна, какъ орудіе чуда отъ иконы Богородицы. Внутренняя дѣятельность его ознаменовалась построеніемъ многочисленныхъ храмовъ; въ 1170 г., совмѣстно съ братомъ своимъ Гавріиломъ, будущимъ преемникомъ его на архіепископской каѳедрѣ, онъ основалъ Благовѣщенскій монастырь. Мощи его обрѣтены въ 1439 г. при архіепископѣ Евфиміѣ. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, но вопросъ о нихъ доселѣ не выясненъ.

Калайдовичъ приписываетъ ему: 1) 28 правилъ, данныхъ въ разрѣшеніе вопросовъ Кирика; 2) Прибавленіе къ Уставу о причащеніи, написанное вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ епископомъ бѣлогородскимъ и отрицаетъ принадлежность св. Иліѣ новгородской лѣтописи. Профессоръ Павловъ объ участіи св. Иліи въ отвѣтахъ Кирику говоритъ предположительно, но признаетъ принадлежность ему выпеупомянутаго прибавленія къ Уставу о причащеніи, и кромѣ того приписываетъ ему «Поученіе попомъ» (изд. въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1890 г., X).—Пол. собр. рус. лѣт. III, 13—19, 112, 113, 125, 180; IV, 12, 177, 215; Сергій, «Полн. мѣсяц. востока», II, 237; Барсуковъ, «Источ. рус. агіографіи», 247—249; «Памятники XII в.», 168, 200, 212, 223; «Рус. Ист. Библ.», VI, 21—22, 75—78.

Илія (*Муромецъ - Чеботокъ*), преподобный печерскій, память 19 декабря, мощи почиваютъ въ Кіевѣ, въ Антоніевой пещерѣ. Имя Ильи Муромца, какъ исторической личности, въ первый разъ встрѣчается у Эриха Ляссоты, западно-европейскаго путешественника, посѣтившаго Кіевъ въ 1594 г.: онъ говоритъ, что «внѣ церкви была гробница знаменитаго героя или богатыря Elia Morowlin'a, о которомъ разсказываютъ много басенъ; гробница его теперь разрушена»; святымъ Ляссота Илью не называетъ. Далѣе, описывая печерскій монастырь, Ляссота сообщаетъ, что въ пещерахъ между прочимъ находились мощи нѣкоего богатыря и товарища EliaMorowlin'a, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Чеботка. И такъ здѣсь Илья Муромецъ—богатырь и Илья Чеботко—святой являются двумя отдѣльными и самостоятельными лицами. Къ XVII ст. уже произошло смѣшеніе преданій объ Ильѣ Муромцѣ со сказаніями объ Ильѣ Чеботкѣ. Это видно изъ «Teraturgema», монаха Кіево-Печерской лавры Кальнофойскаго (Кіевъ, 1638 г.), гдѣ говорится (стр. 16 и 70), что угодникъ Илья Муромецъ жилъ за 450 лѣтъ (значитъ около 1188 г.), и что народъ зоветъ его Чеботкомъ. Священникъ І. Лукьяновъ (или Леонтій) пишетъ въ 1701 г.: «видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца въ нетлѣніи подъ покровомъ златымъ, ростомъ яко нынѣшнихъ крупныхъ людей; рука у него лѣвая пробита копіемъ; язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображаетъ крестное знаменіе». Существуетъ образъ св. Иліи, вырѣзанный на деревѣ однимъ Кіево-печерскимъ монахомъ, вскорѣ послѣ изданія книги Кальнофойскаго. Въ древнихъ агіологическихъ матеріалахъ имя этого св. Ильи не встрѣчается. Максимовичъ упоминаетъ, что на его памяти существовалъ въ Кіевѣ родъ дворянъ Чеботковъ.

Сергій, «Пол. мѣсяц. востока», II, 332; «Путевыя замѣтки Э. Ляссоты», Од. 1873, 19; Халанскій, «Великорус. былины»; «Изв. Рус. Арх. Общ.», 2 вып. III т. (изображенія древняго образа); О. Миллеръ, «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское»; В. Миллеръ, «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса».

Илія (*Куча*), 45-й митрополитъ кіевскій; посвященъ патріархомъ константинопольскимъ Іереміею въ 1577; обстоятельства его прежней жизни неизвѣстны; объ его управленіи митрополіей тоже ничего неизвѣстно; извѣстно только, что онъ въ томъ же году отказался отъ своего сана.

Илія (Иванъ Никитичъ *Матвѣевъ*) миссіонеръ, архимандритъ, сынъ причетника род. 18 августа 1790 г. въ селѣ Рождественскомъ пермской губерніи, умеръ 2 ноября 1839 г. По окончаніи въ 1807 г. курса въ Пермской семинаріи, поступилъ учителемъ русской грамматики, риторики и исторіи въ горную школу на Юговскомъ казенномъ заводѣ; 27 іюля 1809 г. поступилъ священникомъ въ Юговскій соборъ, а въ 1815 г. перемѣщенъ соборнымъ іереемъ въ Пермь и назначенъ законоучителемъ гимназіи; въ 1818 г. опредѣленъ учителемъ словесности въ семинарію. Состоялъ членомъ

консисторіи и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Въ 1830 г. назначенъ миссіонеромъ для обращенія раскольниковъ. Въ 1832 г. 10 февраля постригся въ монашество съ именемъ Иліи, былъ произведенъ въ игумена и настоятеля соликамскаго истобинскаго Троицкаго монастыря, въ 1834 г.—назначенъ архимандритомъ. Онъ былъ, однимъ изъ дѣятельныхъ миссіонеровъ пермскаго, а съ 1837 г. и тобольскаго края; многихъ изъ раскольниковъ вернулъ онъ въ православіе, какъ искусными спорами, основываясь въ состязаніяхъ съ раскольниками на тѣхъ книгахъ, которыя въ ихъ средѣ пользуются уваженіемъ, такъ и благодаря своимъ личнымъ качествамъ.

Стефанъ, іеромонахъ, «Илія, архимандритъ, пермскій миссіонеръ», 1852 г.

Илія *(Шестриковъ)*, архимандритъ; умеръ 1 іюля 1659 г.; въ 1645 г. уже былъ игуменомъ Соловецкаго монастыря, въ 1651 г. произведенъ въ архимандриты и начиная съ него въ Соловецкомъ монастырѣ всѣ настоятели были уже архимандритами. При немъ (31 мая 1645 г.) открыты были мощи святаго Филиппа, и въ 1652 г. взяты въ Москву. Во время войны 1654 г. онъ ссудилъ царя значительною суммою изъ монастырскихъ денегъ. При немъ монастырь терпѣлъ много безпокойствъ отъ Шведовъ.

Досиѳей, «Опис. Солов. монастыря», I, § 26.

Илія *(Торскій)*, возобновитель Густынскаго монастыря, умеръ въ 1645 г. Въ 1639 г. прибылъ изъ Кіево-Печерской лавры на игуменство въ густынскій Свято-Троицкій монастырь, находившійся въ совершенномъ запустѣніи послѣ бѣгства въ Путивль прежняго игумена Василія; нѣкоторое время новый игуменъ съ братіей питался подаяніями, но дѣятельно возстановлялъ монастырь; митрополитъ Петръ Могила, посѣтивъ въ томъ же году Густынскій монастырь, далъ благословеніе на сооруженіе новаго храма, который и началъ строиться въ 1641 г. на средства молдовлахійскаго воеводы.

«Чтенія въ Общ. истор. и древн.», 1848, № 8.

Илія *(Шумилевичъ)*, архимандритъ, умеръ 30 марта 1786 г. Родомъ изъ Польши, изъ с. Ярославки, каменецкаго повѣта, сынъ крестьянина. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. Съ 1764 по 1773 гг. состоялъ проповѣдникомъ въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Въ 1773 г., по рекомендаціи с.-петербургскаго митрополита Гавріила, какъ человѣкъ ученый, назначенъ настоятелемъ тобольскаго Знаменскаго монастыря и ректоромъ Тобольской семинаріи. Тотчасъ же по прибытіи въ Тобольскъ Илія былъ произведенъ въ архимадриты (27 октября 1773 г.), опредѣленъ присутствующимъ въ мѣстную консисторію и былъ въ ней единственнымъ представителемъ чернаго духовенства. Въ 1784 г., по прошенію, уволенъ отъ всѣхъ должностей съ оставленіемъ въ тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ на пенсіи въ 150 руб. въ годъ.

Архивъ Св. Синода дѣла: 1773 г., № 115; 1784 г., № 91; и др. *С. Г. Р.*

Илія Ярославичъ, князь новгородскій, старшій сынъ великаго князя кіевскаго Ярослава Владиміровича отъ перваго его брака съ неизвѣстной, а не отъ брака съ Ингигердой. Когда родился—неизвѣстно, но въ 1019 г. Ярославъ, занявъ великокняжескій столъ, вмѣсто себя посадилъ въ Новгородѣ Илью, который умеръ въ слѣдующемъ же 1020 г.

Карамзинъ, II, пр. 20 и 33; Соловьевъ, т. I, 233, пр. 323.

Илія Ѳеодоровичъ, царевичъ, сынъ царя Ѳеодора Алексѣевича отъ первой его супруги, Агафьи Семеновны Грушецкой, род. 11 іюля 1681 г.; черезъ три дня умерла царица, мать его, а въ ночь на 21 іюля умеръ и младенецъ царевичъ; его похоронили по обряду «младенческаго погребенія» (менѣе торжественному) въ Архангельскомъ соборѣ, у праваго столпа отъ южной стороны.

Илія, епископъ Перемышля Галицкаго, извѣстенъ только по одному упоминанію, въ 1422 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 1041.

Илія, десятый епископъ тверской, поставленъ изъ игуменовъ тверскаго Желтикова монастыря митрополитомъ Герасимомъ въ 1434 или 1435 г.; въ 1453 г. его мѣсто было уже занято Моисеемъ. Приглашенный въ Москву для выбора митрополита на мѣсто Исидора не могъ явиться, но письменно выразилъ согласіе на избраніе Іоны.

Чередѣевъ, «Біографіи тверскихъ іерарховъ», 46—48.

Илія, іеромонахъ Кіево-Печерской лавры, граверъ на деревѣ, въ 1636—1656 гг. исполнилъ около 300 довольно посредственныхъ гравюръ для разныхъ церковныхъ изданій, вышедшихъ изъ львовской и кіевской типографій, а именно для львовскихъ: Помоканона 1636 г., Псалтири 1637 г.,

Анѳологіона 1638, Апостола и Октоиха 1639 г., и для кіевскихъ: Тріоди 1640 г., Требника митроп. Петра Могилы 1649 г., Лицевой Библіи 1645 г., Патерика 1652—1656 г. и Акаѳистовъ 1663 г.

Ровинскій, «Русс. граверы и ихъ произведенія», 214—226; Стасовъ, «Разборъ соч. Ровинскаго» въ отчетѣ о седьмомъ присужд. наградъ гр. Уварова. *Н. С.*

Илличевскій, *Алексѣй Демьяновичъ*, поэтъ, род. въ 1798 г., умеръ 6 октября 1837 г., воспитывался первоначально въ Петербургской гимназіи (нынѣ 2-ая), а затѣмъ съ 1811 г въ Лицеѣ, гдѣ сблизился съ Кюхельбекеромъ, барономъ Дельвигомъ, Пушкинымъ, и скоро совершенно подчинился вліянію послѣдняго, который сдѣлался его учителемъ въ поэзіи. Писать стихи Илличевскій началъ еще до поступленія въ Лицей, какъ видно изъ писемъ его къ П. Н. Фусу. Въ Лицеѣ Илличевскій усовершенствовался и сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицейскихъ стихотворцовъ. Къ нему относятся слѣдующіе стихи Пушкина.

Острякъ любезный! по рукамъ:
Полнѣй бокалъ досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга.

Кромѣ эпиграммъ, которыхъ сохранилась цѣлая тетрадь, Илличевскій писалъ басни, посланія, оды и другія стихотворенія, которыя посылалъ въ петербургскіе журналы; перевелъ комическую оперу Сегюра, составилъ біографію Эйлера и затѣялъ большое литературное предпріятіе—изданіе «Новаго Плутарха для юношества». Товарищи лицеисты считали Илличевскаго соперникомъ Пушкина и у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ. Но, подавая большія надежды на школьной скамьѣ, Илличевскій не оправдалъ ихъ въ жизни и не написалъ ничего выше посредственности. Произведенія его печатались во многихъ современныхъ альманахахъ и журналахъ петербургскихъ и московскихъ. Отдѣльно изданы: «Опыты въ антологическомъ родѣ», въ 1827 г. и «Исторія булавки», повѣсть, въ 1829 г.

Гаевскій, «Пушкинъ въ Лицеѣ», «Современникъ», 1863 г., т. 97; статьи Я. К. Грота въ «Русскомъ Архивѣ», 1864 и 1875 г.; его-же, «Пушкинъ, его товарищи и наставники», 1887 г.; Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда. *А. К.*

Илличевскій, *Демьянъ Васильевичъ*, томскій губернаторъ. Происходилъ изъ духовнаго званія и былъ товарищемъ Сперанскаго по Александро-невской семинаріи; отсюда перешелъ въ Кіевскую духовную академію. По окончаніи въ ней курса служилъ чиновникомъ въ Министерствѣ Финансовъ. Пользовался расположеніемъ и протекціею Сперанскаго, который въ 1812 г. доставилъ ему должность томскаго губернатора. Но Илличевскій запятналъ себя неблагодарностью по отношенію къ своему товарищу и благодѣтелю. Прежде чѣмъ Илличевскій успѣлъ уѣхать въ Сибирь, надъ Сперанскимъ разразилась извѣстная катастрофа. Живя въ ссылкѣ въ г. Перми, онъ узналъ, что новый томскій губернаторъ будетъ проѣзжать чрезъ этотъ городъ и вышелъ къ нему на встрѣчу, но Илличевскій, испугавшись свиданія съ опальнымъ, быстро проѣхалъ мимо, сдѣлавъ видъ, что не знаетъ Сперанскаго. Вопіющія злоупотребленія Илличевскаго въ Сибири были причиною удаленія его по Высочайшему повелѣнію отъ должности губернатора въ 1822 г. Дѣло его разбиралось въ Сенатѣ и только благодаря великодушной защитѣ Сперанскаго Илличевскій избѣжалъ строгаго наказанія, но на службу уже болѣе не вступалъ и жилъ до кончины своей уединенно въ Петербургѣ.

Корфъ, «Жизнь гр. Сперанскаго», т. II, стр. 169 и сл.; 196, 265»; «Русскій Архивъ», 1869 г., № 11, стр. 1979; «Томск. губ. вѣд.» 1871, № 33, статья кн. Н. Кострова; «Въ память графа М. М. Сперанскаго», Спб. 1872 г.

Илличевскій, *Платонъ Демьяновичъ*, товарищъ Министра Юстиціи, тайн. сов., род. въ 1808 г., умеръ 1 мая 1858 года. Окончилъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ въ 1824 г. и опредѣлился на службу въ коммиссію составленія законовъ; по упраздненіи ея въ 1826 г. переведенъ во второе отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, принималъ участіе въ составленіи Свода Законовъ и за работы по составленію Свода получалъ неоднократно денежныя и другія награды; 19 іюня 1839 г. назначенъ вице-директоромъ второго департамента Государственныхъ Имуществъ; 6 іюля 1839 г. произведенъ въ дѣйствит. стат. сов.; 12 января 1842 г. назначенъ вице-директоромъ перваго департамента Государственныхъ Имуществъ; 3 января 1843 г. назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря. 28 мая 1847 г., по представленію графа В. Н. Панина, назначенъ исправляющимъ должность товарища Министра Юстиціи, и 30 августа 1848 г.

утвержденъ въ этой должности. Съ января 1848 г. былъ членомъ комитета объ устройствѣ земскихъ повинностей. Въ тайные совѣтники произведенъ 1 января 1850 г.: 26 апрѣля 1852 г. назначенъ членомъ комитета о разсмотрѣніи проекта новаго устава гражданскаго судопроизводства. Состоя на службѣ умеръ.

Формулярный списокъ П. Д. Илличевскаго въ дѣлѣ департамента Министерства Юстиціи, отд. 1, ст. 3, № по архиву 6994.

Иллинскій, *Тимофей Степановичъ*, профессоръ, членъ медицинскаго совѣта и почетный членъ военно-медицинскаго учебнаго комитета, сынъ священника, род. 15 іюля 1820 г. въ черниговской губерніи, умеръ 4 августа 1867 г. въ Парижѣ. Кончивъ курсъ въ Черниговской семинаріи въ 1839 г. поступилъ въ Медико-Хирургическую академію. Въ 1844 г. кончилъ курсъ съ золотой медалью и преміей имени Буша. Въ 1848 г. состоялъ прозекторомъ при кафедрѣ описательной анатоміи и въ 1849 г., защитивъ замѣчательную для своего времени диссертацію «De mania», получилъ степень доктора медицины. Въ 1853 г. Харьковскій университетъ пригласилъ его на кафедру описательной анатоміи и микроскопіи. Въ 1858 г. онъ посѣтилъ Берлинъ, Прагу, Парижъ и Вѣну, гдѣ занимался патологическою анатоміею и гистологіею. Въ 1859 г. Иллинскій перешелъ въ Медико-Хирургическую академію, на вновь учрежденную кафедру патологической анатоміи. Въ Академіи онъ отлично устроилъ патолого-анатомическій музей, основанный еще при Н. И. Пироговѣ, но до него очень бѣдный числомъ собранныхъ препаратовъ; по нѣкоторымъ отдѣламъ ихъ вовсе не было; Иллинскій же въ короткое время поставилъ свой кабинетъ наравнѣ съ лучшими европейскими музеями. Онъ же, первый изъ профессоровъ, положилъ начало практическимъ занятіямъ по гистологіи.

Змѣевъ, «Русск. врачи писатели»; «Медиц. Вѣст.», 1867, №№ 33, 39 и 40.

Иллишъ, *Ѳедоръ Самойловичъ*, профессоръ химіи, сынъ рижскаго аптекаря, род. въ 1822 году, умеръ 11 декабря 1867 г. По окончаніи курса въ Гессенскомъ университетѣ слушалъ лекціи въ Харьковскомъ и въ Московскомъ; при послѣднемъ 30 апрѣля 1846 г. выдержалъ экзаменъ на званіе провизора и опредѣленъ преподавателемъ химіи въ Технологическій институтъ. Въ 1860 г. былъ членомъ коммиссіи по составленію проекта положенія о питейномъ сборѣ, въ 1862 г.—членомъ комитета по пересмотру соляныхъ сборовъ и особаго техническаго комитета при Департаментѣ податей и сборовъ; въ 1862 г. былъ командированъ въ Лондонъ для изученія всемірной выставки и въ томъ же году читалъ публичный курсъ по винокуренію. 2 ноября 1863 году уволенъ въ отставку. Ему принадлежатъ сочиненія: «Алкоолометрія. Руководство къ опредѣленію крѣпости и цѣнности спирта» и «Полное руководство къ винокуренію и пр.».

Дѣло Технологическаго Института, № 52.

Иловайскій, *Алексѣй Ивановичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, умеръ весною 1797 г. въ Москвѣ. Онъ былъ внукомъ переселившагося на Донъ изъ г. Темникова и записавшагося въ казаки посадскаго человѣка; отецъ его, Иванъ Мокіевичъ, былъ долго въ плѣну у черкесовъ, пострадалъ за отказъ принять исламъ и, послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ бѣжать, спасся, по семейному преданію, получудеснымъ образомъ. Алексѣй Иловайскій участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ; уже въ чинѣ сотника оказалъ подвиги храбрости предъ Кагульской битвой и вскорѣ сдѣлался лично извѣстенъ Потемкину, который въ 1774 г. поручилъ ему, собравъ 1000 казаковъ, двинуться противъ Пугачева, направлявшагося на воронежскую губернію. Послѣ окончательнаго пораженія, нанесеннаго самозванцу Михельсономъ, Иловайскому, вмѣстѣ съ другимъ казацкимъ сотникомъ, Бородинымъ, поручено было преслѣдованіе Пугачева. Послѣ отчаянной погони, во время которой изъ отряда въ 400 казаковъ выбыло отъ утомленія 157 человѣкъ и пали всѣ лошади, удалось, наконецъ, настигнуть и схватить Пугачева. Иловайскій за это былъ произведенъ (15 февраля 1775 г.) въ полковники, съ назначеніемъ войсковымъ атаманомъ; 22 мая 1776 г. назначенъ атаманомъ Войска Донского и произведенъ въ генералъ-маіоры; вскорѣ послѣ того Императрица пожаловала ему, какъ особое отличіе, бунчукъ, булаву и насѣку. Во время его управленія на Дону въ значительной степени подвинулось впередъ примѣненіе мѣстнаго управленія къ общеимперскому. А. И. Иловайскій участвовалъ затѣмъ во второй турецкой войнѣ и въ войнѣ съ польскими конфедератами. Для присутствованія при коронаціи императора Павла былъ вызванъ въ Москву, произведенъ въ

генералы отъ кавалеріи, награжденъ орденомъ Владиміра 1-й степени, но въ Москвѣ же вскорѣ и умеръ.

«Донскія войсковыя вѣдомости», 1854, №№ 19, 51; Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники» III, 218, 224, 253—256; «Военная галлерея Зимняго Дворца», т. 5, въ біографіи В. Д. Иловайскаго.

Иловайскій, *Василій Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1785 г., умеръ 3 ноября 1860 г. Пяти лѣтъ былъ зачисленъ казакомъ въ атаманскій полкъ, семи произведенъ въ эсаулы; съ 1797 г. по 1800 г. обучался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; въ маѣ 1801 г. поступилъ на дѣйствительную службу; участвовалъ затѣмъ въ сраженіяхъ при Пултускѣ и при Прейсишъ-Эйлау; въ войнѣ 1806—1807 гг. онъ служилъ вмѣстѣ съ шестью родными братьями. Участвовалъ, подъ начальствомъ Платова, въ войнѣ съ турками въ 1809 г. Въ сентябрѣ принялъ начальство надъ полкомъ; за отличіе во многихъ дѣлахъ получилъ чинъ полковника и орденъ Владиміра 3 степени. Въ мартѣ 1812 г. вступилъ въ составъ арміи князя Багратіона; за военные подвиги въ сентябрѣ произведенъ въ генералъ-маіоры. При первыхъ же слухахъ о выступленіи французовъ изъ Москвы былъ посланъ туда для развѣдыванія и имѣлъ подъ Москвою удачную схватку съ венгерскою конницей; во время преслѣдованія непріятеля и въ заграничномъ походѣ неоднократно захватывалъ множество плѣнныхъ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и между прочимъ послѣ Кульмской битвы захватилъ въ плѣнъ Вандама съ его корпусомъ; за этотъ подвигъ получилъ орденъ Анны 1-й степени. Послѣ Лейпцигской битвы, по личному повелѣнію императора Александра, зашелъ впередъ отступавшихъ войскъ Наполеона и затруднялъ ихъ движеніе, разрушая мосты и другими подобными мѣрами. По возвращеніи въ Россію былъ назначенъ походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ въ Кавказскомъ корпусѣ, и участвовалъ въ маѣ 1827 г., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ пораженіи персіанъ у Джеванъ-Булаха. По разстроенному здоровью вернулся на Донъ, а въ 1840 г. 22 мая вышелъ въ отставку.

«Военная галлерея Зимняго Дворца», т. 5; годъ и день смерти—по сообщеніямъ лично знавшихъ В. Д. Иловайскаго особъ.

Ильдомскій, *Николай Александровичъ*, протоіерей, умеръ 13 Мая 1865 г. По окончаніи курса въ Ярославской семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи (въ 1829 г.), опредѣленъ въ Рязанскую семинарію профессоромъ греческаго языка и помощникомъ профессора богословія. Въ 1830 г. назначенъ инспекторомъ семинаріи и посвященъ въ санъ священника; въ 1836 г. сдѣланъ профессоромъ богословія; впослѣдствіи былъ благочиннымъ надъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Онъ написалъ нѣсколько статей по археологіи рязанской епархіи и расколу, напечатанныхъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» за 1861 и 1862 г.

«Рязанскія губ. вѣдом.», 1865 г. № 27.

Ильенковъ, *Павелъ Антоновичъ*, профессоръ химіи, род. въ 1821 г., умеръ 27 іюня 1877 г. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ въ 1843 г. былъ отправленъ заграницу и слушалъ лекціи и занимался практическими работами у знаменитѣйшихъ физиковъ и химиковъ Берлина и Парижа, особенно сблизился съ Либихомъ, съ которымъ и впослѣдствіи поддерживалъ переписку. По возвращеніи въ Петербургъ въ 1845 г. былъ назначенъ доцентомъ химіи въ Университетѣ; въ 1847 г. защитилъ диссертацію на степень магистра «О химическомъ процессѣ приготовленія сыровъ», въ 1865 г. получилъ въ Петербургскомъ же университетѣ степень доктора технологіи за «Изслѣдованіе о возможности употребить молочную кислоту для извлеченія углекислой извести изъ костянаго угля». Въ 1847 г. сдѣланъ былъ адъюнктомъ, въ 1850 г. экстраординарнымъ профессоромъ химіи; при его ближайшемъ участіи положено основаніе лабораторіи при технологическомъ кабинетѣ Университета; онъ даже пожертвовалъ на это годовой окладъ жалованія. Въ то-же время онъ принималъ участіе въ коммиссіяхъ по постройкѣ Исаакіевскаго собора и зданія Публичной библіотеки, былъ членомъ мануфактурнаго совѣта и артиллерійскаго отдѣла военноучебнаго комитета. Во время крымской компаніи, когда явилось сомнѣніе, окажутся-ли русскіе заводы въ состояніи приготовлять необходимое количество пороха, Ильенковъ былъ отправленъ въ Германію съ секретнымъ порученіемъ ознакомиться тамъ съ устройствомъ пороховыхъ заводовъ. Въ 1848 г. преподавалъ химію въ офицерскихъ классахъ Инженернаго училища, въ 1850—1851 г. былъ инспекторомъ классовъ Технологическаго института. Въ 1855 г. осо-

бныя обстоятельства заставили его оставить Университетъ и онъ принялъ, по условію на пять лѣтъ, мѣсто при сахарныхъ заводахъ гр. А. А. Бобринскаго. Искренно заинтересовавшись этимъ новымъ еще въ Россіи дѣломъ, онъ неустанно надъ нимъработалъ, оказалъ существенныя услуги улучшенію производства и возвышенію доходности предпріятія, оказавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ благотворное вліяніе и на экономическое развитіе цѣлаго большого района. Эта дѣятельность, однако, не удовлетворяла Ильенкова; онъ стремился къ чисто ученому и общественному дѣлу; поэтому онъ съ увлеченіемъ принялъ участіе въ разработкѣ положенія для вновь учреждавшейся Петровско-Разумовской академіи; ему предложено было мѣсто директора Академіи, но онъ отказался отъ него и принялъ мѣсто профессора прикладной химіи. Въ 1875 г., когда исполнилось 30 лѣтъ его учебной службы, онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ. Когда открылась восточная война, онъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы отдать себя въ распоряженіе Общества Краснаго Креста, но по дорогѣ въ Москвѣ умеръ.— Какъ человѣкъ Ильенковъ пользовался общими симпатіями за свой прекрасный характеръ, высокую честность и безкорыстіе; какъ ученый онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, никогда не обращался въ узкаго спеціалиста и всегда стремился своими трудами отвѣчать на важные запросы практики. Ученые труды его, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, исчислены въ отчетѣ Петровской академіи за 1876—1877 г.

Григорьевъ, «Петербургскій Университетъ», 174—176; «Отчетъ о состояніи Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи» за 1876—1877 г., 88—99.

Ильинскій, *Александръ Григорьевичъ*, уроженецъ харьковской губерніи, сынъ діакона, род. въ 1847 г., умеръ въ Тифлисѣ 21 декабря 1877 г. Окончивъ курсъ въ Бѣлгородской семинаріи, учился въ Петербургской духовной академіи, въ Петербургскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ (съ 1868 г.)и закончилъ высшее образованіе въ 1873 г. въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ по окончаніи курса, былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи. По предложенію проф. Н. Я. Аристова онъ началъ магистерскую диссертацію «О прямыхъ налогахъ въ древней Руси» (преимущественно XVI в.); А. Г. Ильинскій работалъ съ большою энергіей и уже въ 1876 г. напечаталъ часть своей диссертаціи, статью: «Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1876 г., № 6), заключающую нѣсколько интересныхъ и строго обоснованныхъ выводовъ въ предѣлахъ избраннаго вопроса. Но онъ не успѣлъ сдѣлать почти ничего болѣе; воспаленіе легкихъ свело его въ могилу 28-ми лѣтъ. По отзывамъ профессоровъ, близко его знавшихъ, К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. Я. Аристова, А. Г. Ильинскій подавалъ большія надежды и обѣщалъ современемъ сдѣлаться отличнымъ профессоромъ русской исторіи. Послѣ покойнаго осталась приготовленная уже къ печати статья «Объ изгояхъ» и вторая глава его диссертаціи, а также масса матеріала, извлеченнаго имъ изъ разныхъ архивныхъ источниковъ.

Статьи В. И. Семевскаго въ «Рус. Старинѣ» т. XXI, стр. 541 и Н. Я. Аристова, въ «Древ. и Нов Россіи», 1878 г., т. II, стр. 78.

Ильинскій, *Иванъ*, переводчикъ, умеръ 20 марта 1737 г., уроженецъ ярославской губерніи; по окончаніи курса въ Московской академіи поступилъ къ князю Д. Кантеміру въ качествѣ дядьки при его дѣтяхъ. Какъ хорошаго знатока латинскаго языка его хотѣли вмѣстѣ съ другими воспитанниками академіи отправить въ Прагу для перевода книгъ, но князь Кантеміръ удержалъ его при себѣ. Въ домѣ Кантеміра Ильинскій велъ между прочимъ «Notationes quotidionae—повсядневныя записки», рукопись которыхъ хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1725 г. Ильинскій былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, гдѣ, по свидѣтельству Тредіаковскаго, успѣлъ снискать себѣ расположеніе Шумахера «за свои честныя и благоразумныя поступки, слова и дѣла». Самъ Тредіаковскій отзывался объ Ильинскомъ, какъ «о праводушномъ, честномъ и добронравномъ мужѣ». Изъ литературныхъ его трудовъ извѣстны: «Симфонія, или согласіе на священное Четверо-евангеліе и Дѣянія св. Апостоловъ», М. 1733 г., и 1821 г.; переводъ съ латинскаго языка сочиненія князя Дмитрія Кантеміра «Книга Система, или состояніе мухаммеданской религіи», Спб., 1722 г.; въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ Академіи Наукъ» Ильинскому принадлежитъ переводъ статей Байера о Скиѳахъ. Онъ занимался также русской просодіей,

образчикомъ коей можетъ служить осмистишіе, напечатанное при его «Симфоніи».

Бантышъ-Каменскій, «Словарь», Геннади, «Словарь»; Пекарскій, «Наука и литература», I, 233—237; Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», II, 91 и др.

Ильинскій, *Михаилъ Ивановичъ*, умеръ 14 мая 1797 г., сынъ священника; въ 1760 г., черезъ годъ по окончаніи курса въ Троицкой семинаріи, поступилъ канцеляристомъ въ Троицкую лавру, а затѣмъ перешелъ учителемъ піитики въ Ярославскую семинарію, гдѣ оставался до 1765 г. Въ этомъ году онъ началъ преподавать въ Троицко-лаврской семинаріи философію, по Баумейстеру, давая иногда и свои объясненія и замѣчанія. Въ 1766 г. былъ назначенъ префектомъ и библіотекаремъ той же семинаріи и занималъ эти должности до 1776 г. Въ 1779 г. онъ поступилъ на службу секретаремъ въ Московскую духовную консисторію, а чрезъ годъ—протоколистомъ въ Московскую синодальную контору. Онъ занимался и литературными трудами, преимущественно переводами изъ Горація, Святого Транквилла, Клавдія Клавдіана. Изъ оригинальныхъ произведеній ему принадлежитъ «Опытъ историческаго описанія о началѣ города Москвы» (М. 1795 г.).

Смирновъ, «Исторія Троицкой семинаріи», 292, 492—495; Геннада, «Словарь».

Ильинскій, *Николай Степановичъ*, дѣйств. стат. сов., писатель, род. въ 1761 г. въ Вологдѣ, умеръ 15 августа 1846 г. въ Петербургѣ. Службу началъ въ 1771 г. копіистомъ въ Коммерцъ-коллегіи; съ 1781 г. по 1795 служилъ въ псковскомъ намѣстничествѣ; въ 1795 г. перешелъ на службу въ Петербургъ подъ начальство генералъ-прокурора П. Х. Обольянинова. При Александрѣ I служилъ въ коммиссіи составленія законовъ, былъ затѣмъ юрисконсультомъ при Министерствѣ Юстиціи. Не получивъ въ дѣтствѣ никакого образованія, Ильинскій впослѣдствіи развилъ себя чтеніемъ и литературными упражненіями въ стихахъ и прозѣ. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія:—«На взятіе Очакова» (1790); «Историческое описаніе Пскова» (6 ч., 1790—1795 г.); «Въ память Козьмѣ Минину» (1794); «Описаніе жизни и безсмертнаго подвига Козьмы Минина» (1799); «Мысли о человѣкѣ», (sine anno), «Изображеніе человѣка», въ стихахъ (s. a.), «Разныя стихотворенія», сочиненныя во Псковѣ (s. a.). — Записки Ильинскаго, относящіяся къ царствованіямъ Павла I и Александра I, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., № 12.

А. О. Круглый.

Ильинъ, *Александръ Александровичъ*, профессоръ статики. Род. въ 1839 г., умеръ 28 августа 1879 года, изъ дворянъ. Окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ физико-математическаго факультета въ 1860 г., получивъ въ 1859 г. золотую медаль; въ 1860—1862 гг. преподавалъ въ Ларинской гимназіи, съ 1862 по 1864 г. находился въ заграничной командировкѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ чистой математики. По возвращеніи былъ репетиторомъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и во второй прогимназіи и членомъ коммиссій для разбора учебниковъ для народныхъ школъ и для гимназій. 1 сентября 1868 г. назначенъ преподавателемъ статики въ Технологическомъ институтѣ; 8 октября 1877 г. отправился заграницу по болѣзни и уже не возвращался въ Институтъ.

Формуляръ въ Технологическомъ институтѣ.

Ильинъ, *Александръ Васильевичъ*, подполковникъ морской артиллеріи, умеръ въ 1849 г. Въ 1815 г. окончилъ курсъ въ черноморскомъ артиллерійскомъ училищѣ въ Николаевѣ унтеръ-офицеромъ и съ 1826 г. былъ учителемъ русскаго и французскаго языковъ въ томъ же училищѣ. Съ началомъ войны 1828 г. онъ поступилъ въ составъ морской артиллеріи и за отличіе при осадѣ Варны получилъ первый офицерскій чинъ. Переведенный затѣмъ въ балтійскій флотъ, онъ состоялъ при Морскомъ Министерствѣ. А. И. Ильинъ перевелъ «Руководство къ прицѣливанію артиллерійскихъ орудій на морѣ» и «Изслѣдованіе артиллерійскаго искусства на морѣ»; кромѣ того онъ составилъ руководства: «Практическая морская артиллерія» и «Наука морской артиллеріи», принятыя въ нашемъ флотѣ. Онъ много работалъ для лексиконовъ «Энциклопедическаго» и «Военно-энциклопедическаго» и для «Морского Сборника».

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.

Ильинъ, *Алексѣй Авиногеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ, род. 3 апрѣля 1834 г., умеръ 22 ноября 1889 г. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда въ 1852 г. былъ выпущенъ на службу въ лейбъ-

гвардіи Семеновскій полкъ и черезъ два года поступилъ въ Академію генеральнаго штаба, по окончаніи курса въ которой былъ опредѣленъ въ департаментъ Генеральнаго штаба и здѣсь состоялъ при военно-топографическомъ депо, участвовалъ въ съемкахъ и въ коммиссіяхъ, обсуждавшихъ вопросы картографіи и техническаго рисованія. Въ 1859 г., приступая по порученію штаба военно-учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ полковникомъ Полторацкимъ, къ изданію военно-историческаго атласа войнъ 1812—1815 гг., онъ открылъ литографію, съ которой тѣсно связана его дальнѣйшая дѣятельность. Начавъ это дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ, А. А. Ильинъ постепенно улучшалъ и расширялъ его. Сдѣлавшись въ 1864 г. собственникомъ литографіи, онъ основалъ «Картографическое заведеніе А. Ильина», издательская дѣятельность котораго мало по малу достигла весьма значительныхъ размѣровъ и пріобрѣла широкую извѣстность: годовой оборотъ ея дошелъ до 500,000 рублей, ежегодно выпускалось свыше 6 милліоновъ разныхъ оттисковъ. Кромѣ множества мелкихъ работъ, имъ были сдѣланы извѣстныя изданія: «Карта Азіатской Россіи», «Атласъ Россіи по губерніямъ», «Учебный атласъ для полнаго гимназическаго курса», «Географія» Реклю, альбомъ «Народы Россіи» и др. Въ 1877 г. онъ началъ издавать журналъ «Природа и Люди», а затѣмъ еще журналъ «Всемірный Путешественникъ»; но журналы эти вскорѣ прекратились. На разныхъ русскихъ и иностранныхъ выставкахъ картографическое заведеніе А. Ильина неоднократно получало высшія награды. Въ день 25-тилѣтняго юбилея учрежденія А. А. Ильинъ пожертвовалъ капиталъ около 15,000 р. для пенсіонной вспомогательной кассы служащихъ въ заведеніи.

«Всемірная Иллюстрація», 1889, № 1090; «Двадцатипятилѣтіе картографическаго заведенія А. Ильина», СПБ., 1884.

Ильинъ, *Андрей*, живописецъ XVII в., см. Васильевъ Сергѣй.

Ильинъ, *Василій Ѳедоровичъ*, ген.-майоръ, род. въ 1771 г., умеръ 7 іюня 1821 г. Происходилъ изъ дворянъ, въ службу зачисленъ 16 октября 1776 г., въ артиллерію; съ 1784 по 1806 г. обучался и затѣмъ служилъ во 2 кадетскомъ корпусѣ; съ 5 сентября 1806 г. былъ командиромъ сначала кіевскаго, потомъ полоцкаго подвижныхъ парковъ. 31 марта 1808 г. былъ назначенъ управляющимъ петербургскимъ провіантскимъ депо и въ 1810 г. исправляющимъ должность генералъ-провіантмейстера. Въ 1811 г. былъ командированъ въ Архангельскъ, для принятія мѣръ къ продовольствованію населенія, страдавшаго отъ недорода и недостатка хлѣба; онъ раскрылъ въ мѣстной администраціи большіе безпорядки и представилъ Комитету Министровъ свои предположенія объ обезпеченіи населенія хлѣбомъ на будущее время, которыя и были приняты Комитетомъ. Въ 1812 г. формировалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ артиллерійскіе резервы; по удаленіи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, 11 апрѣля 1813 г. назначенъ управляющимъ московскимъ артиллерійскимъ депо и за успѣшное исполненіе послѣднихъ порученій имѣлъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст.

Послуж. списокъ его въ архивѣ Главнаго штаба, въ книгѣ формуляровъ ген.-майоровъ за 1816 г., и дѣло 1 стола 1 отд. инспекторскаго департамента 1819 г. № 38, связ. 86; «Журналы Комитета Министровъ» т. I, 307, II 137, 163, 237, 263 и друг. *С. Н. П.*

Ильинъ, *Дмитрій Сергѣевичъ*, капитанъ 1-го ранга, умеръ до 1804 года. Въ Морской кадетскій корпусъ поступилъ въ 1759 г., выпущенъ мичманомъ 5 марта 1764 г., 30 іюля 1769 г. произведенъ въ лейтенанты. 25 іюня 1770 г. въ Чесменской бухтѣ лейтенантъ Ильинъ, вмѣстѣ съ мичманомъ княземъ Гагаринымъ и англійскими офицерами Дюгделемъ и Мекензи, добровольно вызвался напасть съ брандерами на непріятельскій флотъ. Ильинъ прямо подошелъ къ турецкому кораблю, не смотря на усиленный огонь непріятеля прицѣпилъ свой брандеръ, зажегъ его и благополучно отъѣхалъ обратно; вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ подожженный имъ корабль, а за нимъ загорѣлись и другіе; три остальные брандера сгорѣли безъ вреда для непріятелей. Ильинъ получилъ за этотъ подвигъ орденъ Георгія 4 ст. Въ 1771 г. онъ командовалъ кораблемъ «Молнія» и участвовалъ въ атакѣ крѣпости Митилене, а въ 1772 г.—въ бомбардировкѣ Чесмы. 9 декабря 1775 г. произведенъ въ капитаны 2-го ранга, 3 января 1777 г. уволенъ отъ службы капитаномъ 1-го ранга; умеръ въ Твери, въ бѣдности. Дочерямъ его была назначена пенсія императоромъ Александромъ I.

«Общій Морской списокъ» III, 596—597; Зедделеръ, «Военно-энцикл. лекс.»; VI, 79—80; **Г. Ге-**

раковъ, «Твердость духа россіянъ», 1813 г., 49—68.

Ильинъ, *Николай Ивановичъ*, литераторъ изъ кружка князя Шаховскаго, Кокошкина и Ѳ. Ѳ. Иванова, род. 14 марта 1777 г., умеръ 29 августа 1823 г.; состоялъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова, и пользовался расположеніемъ Державина, былъ еще членомъ Московскаго общества любителей россійской словесности. Онъ выступилъ на литературное поприще переводами съ французскаго въ концѣ прошлаго вѣка, а въ началѣ нынѣшняго пріобрѣлъ громкую извѣстность двумя оригинальными драмами: «Лиза или торжество благодарности» (представлена въ Петербургѣ 20 іюля 1803 г.) и «Великодушіе или рекрутскій наборъ» (представлена въ Петербургѣ 13 ноября 1803 г.). Піесы эти, особенно первая, производили сильнѣйшее впечатлѣніе на публику и вызывали восторженныя оваціи. Позднѣйшія произведенія Ильина состоятъ изъ нѣсколькихъ передѣлокъ французскихъ комедій на русскіе нравы и двухъ оригинальныхъ комедій: «Физіономистъ и хиромантикъ» (1815) и «Семикъ» (1818). Ильинъ сотрудничалъ также въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Амфіонѣ», а въ 1809 г. самъ издавалъ въ Москвѣ журналъ «Другъ дѣтей», въ которомъ видное мѣсто занимали переводы изъ сочиненій Беркеня. Уже послѣ смерти Ильина, 12 января 1837 г. была поставлена петербургской сценѣ его комедія «Монастырка или счастливая сирота» («Сѣверная Пчела» 1837, № 19). Ильинъ жилъ въ Москвѣ и былъ правителемъ канцеляріи у графа Растопчина, который считалъ его за преданнаго себѣ человѣка, но былъ не высокаго мнѣнія о его способностяхъ. Ильинъ былъ въ высшей степени самолюбивый и честолюбивый человѣкъ. Сперва сценическіе успѣхи вскружили ему голову, а впослѣдствіи все вниманіе его обратилось на чиновную карьеру и знакомство со знатью. Въ обществѣ онъ держался важно, чопорно, гордо. Съ теченіемъ времени эти несчастныя свойства характера довели Ильина до сумасшествія. Онъ умеръ въ Москвѣ и погребенъ на Симоновомъ кладбищѣ.

Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», 158—165; «Рус. Арх.» 1875 г., № 7, стр. 281; Геннади, «Словарь»; Сочиненія К. Н. Батюшкова, изд. 1886, т. III; Полное собр. соч. С. Т. Аксакова, т. IV.

В. Саитовъ.

Ильинъ, *Николай Павловичъ*, тайный совѣтникъ, членъ совѣта Министра Финансовъ, изъ дворянъ, род. въ 1830 г., умеръ 13 сентября 1892 г. По окончаніи курса въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ опредѣленъ, 6 ноября 1853 г., учителемъ математики въ Поневѣжское для дворянъ училище; затѣмъ былъ репетиторомъ по химіи во второмъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, а въ 1861 г. назначенъ преподавателемъ въ Технологическій институтъ; въ томъ же году командированъ на два года заграницу для изученія обработки волокнистыхъ веществъ и по возвращеніи назначенъ сначала исправляющимъ должность профессора по этой каѳедрѣ (въ 1865 г.), а въ 1876 г. 20 января утвержденъ профессоромъ; въ 1865 и 1866 гг. онъ совершилъ поѣздки по промышленнымъ губерніямъ Россіи для ознакомленія съ состояніемъ промышленности въ крупныхъ центрахъ. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи о ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая, съ 1872 по 1879 г., былъ секретаремъ учебнаго комитета Технологическаго института; въ 1874 г. назначенъ членомъ коммиссіи по устройству Технологическаго института въ Харьковѣ; въ то же время былъ членомъ коммиссіи по участію Россіи во всемірныхъ выставкахъ Вѣнской (1873), Брюссельской (1874), Филадельфійской (1877) и Парижской (1879), а равнымъ образомъ и по устройству всероссійской выставки въ 1882 г. Произведенный въ 1877 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники Н. П. Ильинъ 1 іюля 1879 г. былъ назначенъ директоромъ Технологическаго института. Находясь во главѣ этого учебнаго заведенія до 1891 г., Н. И. Ильинъ принималъ въ то же время дѣятельное участіе въ обсужденіи и исполненіи различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію промышленной дѣятельности Россіи. 5 декабря 1880 г. онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта торговли и мануфактуръ; 11 марта 1884 г.—членомъ особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому образованію и за труды по составленію общаго плана промышленнаго образованія въ Россіи, получилъ 23 августа 1884 г. Высочайшую благодарность; Высочайшее благоволеніе было объявлено ему и 15 апрѣля 1888 г. за участіе въ коммиссіи по женскому образованію. Въ 1886 г. Н. П. Ильинъ былъ призванъ къ участію въ трудахъ коммиссіи по изслѣдованію промышленности

царства Польскаго; 30 августа 1891 г., назначенъ членомъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ 1888 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Политехническаго общества при Московскомъ техническомъ училищѣ; въ томъ же году—назначенъ членомъ Совѣта училища технического рисованія барона Штиглица, въ 1890 г.—былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго Минералогическаго общества. Ему принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: «Условія раціональнаго воздѣлыванія и промышленной обработки льна» (1864), «Курсъ красильнаго производства» (1874) и «Отчетъ по изслѣдованію фабричной промышленности царства Польскаго» (1888—послѣдній трудъ составленъ при участіи г. Лангового).

Формуляръ въ Технолог. Институтѣ, № 50.

Ильманъ, *Петръ Ѳедоровичъ*, оберъ-берггауптманъ 4-го класса, командиръ Горнаго кадетскаго корпуса. Происходилъ изъ саксонскихъ дворянъ; род. около 1755 г., уволенъ въ отставку 23 января 1818 года. Въ 1770 г. поступилъ въ Московскій университетъ, но тотчасъ по открытіи Горнаго училища перешелъ въ число его студентовъ. Окончивъ курсъ въ первомъ выпускѣ (1776 г.), Ильманъ былъ командированъ для пріобрѣтенія «практическаго знанія» въ поѣздку по русскимъ заводамъ и рудникамъ, а въ 1777 г. былъ посланъ для усовершенствованія въ горныхъ наукахъ за границу и слушалъ лекціи во Фрейбергской академіи; вернувшись изъ-заграницы съ 1781 г. преподавалъ въ Горномъ училищѣ геологію, минералогію, горное искусство и нѣмецкій языкъ, а съ 1784 г. химію, пробирное искусство и металлургію; онъ былъ первымъ преподавателемъ Горнаго училища изъ числа окончившихъ курсъ въ этомъ же заведеніи. Въ 1785 г. Ильманъ сопровождалъ ген.-пор. П. А. Соймонова въ его поѣздкѣ для осмотра приходившихъ въ упадокъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и устроилъ тамъ фабрику для обогащенія убогихъ рудъ, чѣмъ доставилъ казнѣ большую выгоду. Въ 1793 г. Ильманъ вышелъ въ отставку, но въ 1801 г. снова принятъ на службу, произведенъ въ оберъ-берггауптманы 5-го класса и назначенъ инспекторомъ Горнаго училища, а въ 1804 г.—членомъ Берг-коллегіи; съ 1807 до 1816 г. состоялъ старшимъ членомъ въ Департаментѣ Берг-коллегіи, учрежденномъ при Департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ для рѣшенія и окончанія старыхъ дѣлъ. Ильманъ пользовался репутаціей весьма свѣдущаго горнаго чиновника, почему горное вѣдомство не разъ обращалось къ нему, когда рѣшеніе какого-либо вопроса требовало добросовѣстнаго изслѣдованія. Въ 1804 г. Ильманъ, по собственной просьбѣ былъ отправленъ на Уралъ, на вновь открытые Чусовскіе заводы для производства опытовъ надъ изобрѣтеннымъ имъ усовершенствованнымъ способомъ извлеченія золота изъ рудъ; Ильманъ производилъ свои опыты на Березовскомъ заводѣ, но они не дали цѣнныхъ результатовъ. Во время этого посѣщенія Урала Ильманъ обратилъ вниманіе на тамошнія золотоносныя розсыпи и возвратясь въ Петербургъ, въ запискѣ поданной въ Берг-коллегію, предлагалъ возобновить добываніе золота изъ золотоносныхъ песковъ близъ Ключевскаго и Царево-Елизаветинскаго рудниковъ, утверждая, что это добываніе обойдется дешевле, нежели разработка Чусовскихъ рудъ; неизвѣстно почему на это справедливое указаніе не было обращено вниманіе, золото по прежнему продолжали добывать протолчкою изъ рудъ и только въ 1814 г. благодаря штейгеру Брусницыну золотыя розсыпи Урала получили надлежащую извѣстность. Въ 1807 г. горный начальникъ Луганскаго завода Нилусъ донесъ что опыты выплавки тамъ чугуна изъ мѣстныхъ рудъ были малоуспѣшны, почему приходилось переплавлять на немъ лишь чугунную ломь и старые снаряды. Для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ такого неуспѣха и изысканія средствъ къ устраненію ихъ былъ посланъ въ 1808 г. на Луганскій заводъ Ильманъ. Онъ производилъ опытную плавку на коксѣ Городищенскихъ желѣзныхъ рудъ и пришелъ къ заключенію, что едва ли можно Луганскому заводу получать изъ своихъ рудъ мягкій и способный къ отливкѣ чугунъ. Вслѣдствіе этихъ опытовъ Луганскій заводъ продолжалъ свое дальнѣйшее дѣйствіе на уральскомъ чугунѣ; по мнѣнію Е. П. Ковалевскаго неудачные результаты, полученные Ильманомъ, зависѣли отчасти отъ незнакомства его съ особенностями выплавки чугуна на минеральномъ горючемъ. Въ 1809 г. Ильману было поручено изслѣдованіе каменноугольныхъ мѣсторожденій близъ г. Боровичей, о которыхъ посланные ранѣе этого горные чиновники донесли, что «боровицкая карьера безнадежна

для дальнѣйшей разработки». Ильманъ нашелъ также, что разработка угля подъ Боровичами не можетъ быть выгодна и потому она была остановлена, а въ 1826 г. и совершенно оставлена. Съ 1816 г. до 1818 г. Ильманъ былъ командиромъ Горнаго кадетскаго корпуса. Ардальонъ Ивановъ, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ съ большою симпатіей и уваженіемъ. Указомъ отъ 23 января 1818 г. Ильманъ былъ уволенъ въ отставку.

Формуляръ въ дѣлѣ Бергъ-коллегіи 1806—1807 г. № 2701, архивъ Горнаго департамента; «Дѣла Департ. горныхъ и соляныхъ дѣлъ» отд. 2 стола. 1807 и 1827 гг.; Статьи Чупина и Носова въ «Горн. Жур.» за 1878 г., №№ 2, 3, 8, 9 и 1854 г. № 10; Helmersen, «Reise nach dem Ural und den Kirgisensteppe»; Алексѣевъ и Бѣлозеровъ, «Минеральное топливо между Москвой и Петербургомъ»; А. Ивановъ, «Воспоминанія», въ книгѣ: «Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горн. Инст.».

С. Кулибинъ.

Ильминскій, *Николай Ивановичъ*, оріенталистъ, сынъ священника, род. въ 1821 году, въ г. Пензѣ, умеръ 27 декабря 1891 г. Окончивъ курсъ Пензенской семинаріи онъ поступилъ въ Казанскую духовную академію, незадолго предъ тѣмъ открытую, и зачислился на физико-математическое отдѣленіе; будучи уже на старшемъ курсѣ принялся за изученіе языковъ арабскаго и татарскаго, которые вызвался преподавать, для миссіонерскихъ цѣлей, А. К. Казембекъ. Такъ какъ Ильминскій занимался этими языками съ увлеченіемъ и обнаруживъ въ нихъ выдающіеся успѣхи, то по окончаніи курса въ 1846 г. былъ оставленъ при академіи баккалавромъ восточныхъ языковъ съ порученіемъ преподавать разные другіе предметы, вслѣдствіе того, что его главная спеціальность тогда не вошла еще въ штатъ. Онъ послѣдовательно читалъ математику, естественныя науки (ботанику), исторію философіи и еврейскій языкъ. Чтобы усовершенствоваться въ татарскомъ языкѣ, Ильминскій сталъ посѣщать медресе, даже поселился среди татаръ, которыхъ скоро расположилъ въ свою пользу и самъ привязался къ нимъ, а черезъ нихъ и къ прочимъ инородцамъ тюркскаго племени. Вокругъ нихъ и сосредоточились главные жизненные интересы Ильминскаго, ученые и общественные.

Случайнымъ образомъ на первыхъ же порахъ службы Ильминскаго намѣтились и тѣ задачи, которымъ онъ впослѣдствіи посвятилъ всѣ свои силы. Вслѣдствіе значительнаго отпаденія отъ православія крещеныхъ татаръ, возникла (въ 1847 г.) мысль ввести у нихъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, для чего нужно было перевести церковныя книги на татарскій языкъ. Составился переводческій комитетъ, куда былъ приглашенъ и Ильминскій. Два лѣта (1848 и 1849 гг.) Ильминскій совершалъ объѣздъ татарскихъ селеній въ казанской губерніи, чтобы собрать свѣдѣнія о религіозномъ положеніи крещеныхъ татаръ. Дѣло перевода подвигалось довольно медленно, Ильминскій считалъ себя мало къ нему подготовленнымъ и не сразу попалъ на настоящій путь. Онъ заявлялъ, что народный татарскій языкъ, бѣдный выраженіями религіозныхъ понятій, не пригоденъ для перевода богослужебныхъ книгъ, равно какъ непригоденъ и книжный, наполненный арабскими и персидскими словами; по мнѣнію Ильминскаго слѣдовало выработать для переводовъ особый, спеціальный языкъ. Въ 1850 г. Ильминскій получилъ годичную командировку въ Петербургъ, куда была перенесена дѣятельность переводческаго комитета, по случаю пребыванія тамъ казанскаго преосвященнаго Григорія. Въ это время возникъ вопросъ объ учрежденіи въ Казанской академіи миссіонерскихъ отдѣленій противъ иновѣрцевъ и язычниковъ. Для мусульманскихъ языковъ имѣли въ виду Ильминскаго, которому преосвященный Григорій исходатайствовалъ командировку на Востокъ на два съ половиною года. Въ обширной инструкціи, данной Ильминскому, главное мѣсто было отведено изученію мусульманской религіи, при чемъ предписывалось обратить особенное вниманіе на слабыя стороны мусульманства и тѣмъ вѣрнѣе изыскать способы обращенія мусульманъ въ христіанство. Въ Каирѣ, куда Ильминскій прибылъ въ ноябрѣ 1851 г., онъ усердно изучалъ богословскую литературу мусульманъ подъ руководствомъ разныхъ шейховъ, затѣмъ совершилъ путешествіе вверхъ по Нилу, былъ въ Нижней Нубіи, а въ началѣ 1853 г. отправился черезъ Синайскую пустыню въ Палестину и Сирію, былъ въ Бейрутѣ, Дамаскѣ, Смирнѣ; въ 1854 г. вернулся въ Петербургъ. Въ этомъ году и было открыто миссіонерское отдѣленіе въ Казанской духовной академіи. Обращеніе въ христіанство мусульманъ, по свойству ихъ религіи, имѣющей крѣпкую внутреннюю силу и враждебно настроенной къ христіанству, дѣло очень трудное,

и чѣмъ болѣе принимается мѣръ къ этому обращенію, тѣмъ хуже оно идетъ, вызывая реакцію и тупой фанатизмъ. По этому приходится прійти къ заключенію, что самое лучшее оставить мусульманство въ покоѣ. Казанскій край, какъ разъ, подтверждаетъ такое положеніе. Ильминскій, этотъ наивнѣйшій идеалистъ, увлекавшійся всякими вопросами объ инородцахъ, трезво смотрѣлъ на миссіонерскія задачи, выработавъ взглядъ на дѣло собственнымъ опытомъ. Онъ съ одной стороны доказывалъ, какъ опасно вести полемику съ мусульманствомъ, съ другой—говорилъ, что надо дѣйствовать на массы, такъ какъ отдѣльныя личности значатъ очень мало, а дѣйствовать на массы можно лишь распространяя среди мусульманъ просвѣщеніе и знакомя ихъ съ христіанской цивилизаціей. Но даже и Ильминскій не рѣшился на такую дѣятельность: онъ ограничился попеченіемъ только о крещеныхъ татарахъ, которые между тѣмъ продолжали отпадать попрежнему. Средство къ удержанію ихъ въ православіи указаны Ильминскимъ, это: просвѣщеніе, школы и переводъ священныхъ книгъ на языкъ *народный*, съ примѣненіемъ для этого русскаго алфавита. Такимъ образомъ Ильминскій измѣнилъ прежній взглядъ на значеніе народнаго татарскаго языка. Но перейдти тогда же отъ словъ къ дѣлу ему не пришлось, такъ какъ взглядъ его не встрѣтилъ сочувствія у ближайшаго начальства: преосвященный Аѳанасій приписывалъ Ильминскому какое то увлеченіе исламомъ и даже пропаганду его, и ректоръ Академіи о. Іоаннъ въ 1858 г. перевелъ Ильминскаго на математику. Тогда Ильминскій вышелъ изъ Академіи и опредѣлился на службу въ Оренбургскую пограничную коммиссію, начальникомъ которой въ то время былъ оріенталистъ В. В. Григорьевъ, къ которому Ильминскій, недовольный своимъ положеніемъ къ Академіи, просился уже и раньше. За этотъ періодъ Ильминскій напечаталъ нѣсколько трудовъ: въ 1848 г. — онъ написалъ рецензію на монгольскую грамматику Бобровникова,—рецензія эта появилась съ дополненіями другого лица въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, за подписью М. Т.; въ Запискахъ Археологическаго Общества за 1851 г. онъ напечаталъ «Татарскія надписи изъ временъ казанскаго царства въ Лаишевскомъ уѣздѣ»; въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III отд., т. II, 1854 г.— «Выписки изъ Ибн-эль-Атира о первомъ нашествіи Татаръ на кавказскія и черноморскія страны, съ 1220 по 1224 г.»; въ 1855 г. онъ напечаталъ арабскій текстъ. «Китабъ Биркили»—изложеніе основныхъ понятій мусульманскаго вѣроученія; въ 1856 г. написалъ замѣтку о тамгахъ и ункунахъ, помѣщенную въ Трудахъ восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества, ч. III. Въ слѣдующемъ году появилось капитальное изданіе: «*Baber-nameh*, djagataice ad fidem codicis Petropolitani, edidit N. Ilminski. Cazani MDCCCLVII». Этою работою Ильминскій думалъ положить начало изданію старинныхъ тюркскихъ текстовъ: за «Баберъ-намэ» должно было послѣдовать «Кысаси-Рабгузи», сочиненія Мируъ Али-шира, затѣмъ уйгурскіе тексты. Ильминскій говорилъ, что изученіе тюркской филологіи есть дѣло русскихъ, но что она не разработана, факты не на виду, не собраны, поэтому обнародованіе древнихъ текстовъ необходимо; такое обнародованіе явится основаніемъ, къ которому можно будетъ пріурочить нынѣ существующіе діалекты. Другія работы, однако, помѣшали Ильминскому выполнить этотъ планъ. Перейдя на службу въ Оренбургъ, Ильминскій на первое время получалъ разныя командировки въ степь, давшія ему возможность изучить языкъ киргизовъ и туркменъ; въ 1859 г. былъ назначенъ чиновникомъ для контроля въ степи. Результатомъ пребыванія Ильминскаго въ Оренбургскомъ краѣ явились слѣдующія статьи: «Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса у киргизовъ» (Извѣстія Археологическаго Общества, II); «О переходѣ татарскаго *зялъ* въ *іотъ* въ нарѣчіяхъ татарскихъ» (Бюллетени Академіи Наукъ); «Исторія пророковъ Рабгузи», 1859 г.; «О туркменскомъ языкѣ» (Бюллетени Академіи Наукъ, 1860); «Иръ-Таргынъ» (киргизская повѣсть, записанная со словъ пѣвца Марабая), Казань, 1861; въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета» онъ началъ печатать «Матеріалы для изученія киргизскаго нарѣчія» (1860, кн. III—IV; 1861, кн. I).

Въ это время Казанскій университетъ исходатайствовалъ введеніе въ немъ нѣкоторыхъ каѳедръ восточныхъ языковъ. Каѳедру арабско-турецкую занялъ Ильминскій, который въ началѣ 1862 г. и открылъ преподаваніе турецко-татарскаго языка (въ III-й книжкѣ «Ученыхъ Запи-

сокъ» университета за 1861 г. напечатана его вступительная лекція). Тамъ же онъ напечаталъ: «Учащательная форма татарскаго глагола», «Матеріалы для джагатайскаго спряженія» (1863, I и II), «Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ» (1865, I); въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1865 г. онъ помѣстилъ некрологъ Бобровникова и извлеченіе изъ отчета о его поѣздкѣ въ калмыцкія степи въ 1846 г.; въ «Извѣстіяхъ Археологическаго Общества», т. V— статью «О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками»; въ «Справочномъ Листкѣ г. Казани» за 1867 г., № 91, «Любопытное надгробіе на памятникѣ В. Н. Полянскаго»; въ «Ученыхъ Запискахъ» Университета за 1871, кн. VI, «Письмо пекинскаго муллы».

Вернувшись къ педагогической дѣятельности, Ильминскій съ увлеченіемъ занялся разработкой излюбленныхъ вопросовъ объ образованіи инородцевъ и объ укрѣпленіи ихъ въ христіанской вѣрѣ. Ученыя же изслѣдованія, которыя, при его глубокихъ филологическихъ познаніяхъ, могли бы прославить его въ ученомъ мірѣ, отошли у него на задній планъ и вскорѣ вовсе прекратились. Свои взгляды и завѣтныя желанія онъ развивалъ въ слѣдующихъ статьяхъ: «Объ образованіи инородцевъ посредствомъ книгъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ» (Правосл. Обозр., 1863, III; сборникъ «Казанская крещено-татарская школа», Казань, 1887); «Школа для первоначальнаго обученія крещеныхъ татаръ въ Казани» (Прав. Обозр., 1864, XII); «Еще о школѣ дѣтей крещеныхъ татаръ» (Тамъ же, 1865, II, V, XI); «Религіозное состояніе крещеныхъ татаръ» (Тамъ же, 1865, IX); «О количествѣ печатаемыхъ въ Казани магометанскихъ книгъ и о школѣ дѣтей крещеныхъ татаръ» (Тамъ же, 1866, II); «Школа для первоначальнаго обученія крещеныхъ татаръ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, іюнь, отдѣлъ современной лѣтописи); «Православное богослуженіе на татарскомъ языкѣ въ казанской школѣ для дѣтей крещеныхъ татаръ» (Прав. Обозр., 1869, X; «Казанская крещено-татар. школа»); «О переводѣ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ при христіанско-татарской школѣ въ Казани» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1870, ч. CLII, соврем. лѣтоп.); «Письмо по поводу отчета іеромонаха Мелетія объ Алтайской миссіи» (Прав. Обозр., 1870, XI); «Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ» (Тамъ же, 1871, I); Ильминскому же принадлежитъ татарскій букварь, изданный имъ, для облегченія цензурныхъ условій, отъ имени своего ученика Я. И. Фортунатова. Въ 1863 г. Казанская духовная академія опять пригласила Ильминскаго на каѳедру арабскаго и татарскаго языковъ; вслѣдствіе разногласій съ академическимъ начальствомъ онъ принужденъ былъ оставить Академію въ 1864 г., но черезъ годъ снова опредѣленъ туда распоряженіемъ высшаго начальства. Со введеніемъ въ 1870 г. новаго академическаго устава, Ильминскій окончательно вышелъ изъ Академіи, а въ 1872 г. оставилъ и Университетъ, получивъ должность директора только что открытой учительской семинаріи, имѣвшей цѣлью «прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія». Этимъ учрежденіемъ осуществлялась на дѣлѣ завѣтная мечта Ильминскаго и онъ весь отдался семинаріи. Не измѣнилъ онъ ей и тогда, когда Академія Наукъ желала избрать его въ свою среду; наука безусловно проиграла отъ этого отказа, а что выиграли инородцы — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ для Ильминскаго инородцы стояли на первомъ мѣстѣ и онъ постоянно носился съ различными планами въ ихъ пользу. То онъ составлялъ проэктъ гимназіи для татаръ, то думалъ издавать газету для нихъ, предлагалъ мѣры къ развитію у инородцевъ мусульманъ вкуса къ свѣтскимъ наукамъ и русскому языку, то составлялъ предположенія о школахъ въ степи, то ратовалъ за допущеніе киргизовъ въ университеты безъ гимназическаго образованія и т. д. и т. д. Но изъ за мечтаній Ильминскій не упускалъ и дѣйствительности, какъ это доказываетъ его теплое участіе въ судьбѣ крещено-татарской школы, имъ же учрежденной въ 1864 году и сдѣлавшейся впослѣдствіи разсадникомъ школъ по всѣмъ уѣздамъ казанской губерніи. За этотъ послѣдній періодъ, кромѣ переводовъ церковно-богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, что составляло для Ильминскаго главное занятіе, онъ напечаталъ слѣдующія статьи: «Новыя учебныя руководства для татаръ магометанъ. Грамматика русскаго языка для татаръ восточной Россіи, Радлова» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1873, іюнь); «О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки,

практическія замѣчанія», 1875; «Предварительное сообщеніе о турецкомъ переводѣ «Изложенія вѣры» патріарха Геннадія Схоларія», (1879); «Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновременныхъ редакцій церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія», (1882; 2-е изд. 1886); «Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ», (1883); «О церковномъ богослуженіи на инородческихъ языкахъ», (Прав. Собес., 1883, I, и отд. оттискъ); «Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія», (Прав. Собес., 1883, приложенія, и отдѣльно); «Къ исторіи инородческихъ переводовъ», (Тамъ же, 1884, кн. I); «Исторія молебнаго пѣнія при начатіи ученія отроковъ», (и дополнительная замѣтка, тамъ же, кн. III); «Переписка о трехъ школахъ уфимской губерніи,—къ характеристикѣ инородческихъ миссіонерскихъ школъ», (1885); «Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ объяснительными замѣчаніями для учителей», (1885; 2-е изд. 1887); «Изъ переписки объ удостоеніи инородцевъ священнослужительскихъ должностей», (1885); «Казанская крещено-татарская школа», (1887); «Бесѣды о народной школѣ», (Прав. Собес., 1888, II; и отд. оттискъ; 2-е изд. Спб. 1889); «Матеріалы для сравнительнаго изученія церковно-славянскихъ формъ и оборотовъ, извлеченные изъ Евангелія и Псалтири», (Прав. Собес., 1888, прилож.); «Св. Евангеліе отъ Матѳея. Древнеславянскій текстъ», (1888); «Церковно - славянская азбука для церковно-приходскихъ школъ» (1889); «Обученіе церковно-славянской азбукѣ», («Церковно-приходская школа», 1888, кн. I и II; отдѣльно—Кіевъ, 1888); «По поводу статьи: Школы грамотности, Соколова», (Тамъ же, кн. V); «Достопримѣчательное явленіе въ области начальнаго обученія», (Тамъ же, 1889, кн. IX); «Св. Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа. Древнеславянскій текстъ» (1889); «Образецъ полемики г. пастора Дальтона», (Прав. Собес., 1890, кн. I); «Переписка о чувашскихъ изданіяхъ переводческой коммиссіи», (1890); «Некрологъ А. П. Сердобольскаго», (Историческій Вѣстникъ, 1890, октябрь); «Къ некрологу Махмудова» (Казанскій Вѣстникъ, 1891, № 66). «Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ», (1891).

Ильминскій былъ почетнымъ членомъ Казанской духовной академіи и членомъ корреспондентомъ Академіи Наукъ.

П. Знаменскій, «Исторія Казанской духовной академіи»; К. П. Побѣдоносцевъ, «Изъ воспоминаній о Н. И. Ильминскомъ», (Русскій Вѣстн. 1892, февр.); «Н. И. Ильминскій. Избранныя мѣста изъ педагогическихъ сочиненій, нѣкоторыя свѣдѣнія о его дѣятельности и о послѣднихъ дняхъ его жизни. Изданіе почитателей покойнаго», 1892; В. Н. Витевскій, «Н. И. Ильминскій, директоръ казанской учительской семинаріи»; П. В. Знаменскій, «На память о Н. И. Ильминскомъ», 1892.

Н. Веселовскій.

Илья Борисовичъ, псковскій посадникъ. Въ 1333 г., со псковичами онъ пустошилъ берега р. Омовжи (Эмбахъ). Въ 1341 г. произошли у Пскова враждебныя столкновенія съ нѣмцами; нѣмцы осадили Изборскъ, гдѣ засѣлъ Илья Борисовичъ; осажденные почти готовы были уже сдаться, когда нѣмцы отступили. Въ 1348 г. Илья Борисовичъ съ псковичами оказали помощь Новгороду противъ Магнуса шведскаго и за это получили политическую автономію.

Полн. собр. рус. лѣт. IV, 187—189; V, 14.

Ильяшенко, *Михаилъ Максимовичъ*, военный врачъ, штабъ-докторъ Кавказскаго корпуса, род. 1790 г., умеръ въ Тифлисѣ 2 іюля 1847 г. отъ холеры. Кончивъ курсъ въ Полтавской семинаріи, въ 1807 г. поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, откуда выпущенъ въ 1811 г., лѣкаремъ. Съ 1811 г. служилъ на Кавказѣ; въ теченіи 20 слишкомъ лѣтъ онъ принималъ здѣсь участіе рѣшительно во всѣхъ походахъ; въ 1839 г. признанъ былъ безъ экзамена докторомъ медицины.

Змѣевъ, «Русск. врачи писат.»; Геннади, «Словарь»; «Medicin. Zeitung Russl.», 1847 г., № 303.

Имбергъ, *Алексѣй Осиповичъ*, дѣйств. стат. сов., предсѣдатель виленской казенной палаты, род. въ 1790 г., умеръ 24 марта 1864 г. Внукъ эмигрировавшаго французскаго купца, служилъ въ русской службѣ съ 1804 г.; въ 1814 г., состоя при кн. Репнинѣ, открылъ въ Лейпцигѣ милліонъ рублей фальшивыхъ русскихъ денегъ, скрытыхъ саксонскимъ правительствомъ у банкира Фреге; затѣмъ онъ былъ правителемъ канцеляріи у кн. Репнина, когда послѣдній занималъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора; въ 1844 г. вышелъ въ отставку по болѣзни. Любопытный отрывокъ изъ записокъ Имберга, заключающій интересныя

свѣдѣнія о Потемкинѣ и о войнѣ 1814 г., напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г., 373—404.

Имеретинскій, царевичъ, *Александръ Арчиловичъ*, первый русскій генералъ-фельдцейхмейстеръ, род. въ 1674 г., въ Тифлисѣ, умеръ въ Швеціи въ началѣ 1711 г. Привезенъ былъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ въ Москву 10 августа 1684 г.; здѣсь молодые князья заняли при дворѣ мѣсто во главѣ всѣхъ царевичей сибирскихъ, касимовскихъ и всей аристократіи. Царь Петръ обратилъ вниманіе на царевича Александра и онъ скоро сдѣлался его товарищемъ въ потѣшныхъ играхъ. Въ 1688 г. 30 іюля, царь Арчилъ, уѣзжая изъ Москвы на родину съ намѣреніемъ вернуть свои прежнія владѣнія, взялъ съ собою и дѣтей Александра и Матвѣя. Но въ 1692 г. царевичъ былъ уже снова въ Москвѣ—царь Арчилъ опять прислалъ ихъ въ Москву, увидавъ, что съ нимъ дѣти подвергаются слишкомъ большимъ опасностямъ; въ промежутокъ времени отъ 1694 до 1696 г. царевичъ Александръ женился на дочери боярина Ивана Михайловича Милославскаго; на другой его дочери былъ женатъ извѣстный полковникъ Циклеръ. Раскрытіе заговора Циклера, однако, нисколько не повредило царевичу; вскорѣ послѣ страшной казни Циклера царевичъ Александръ выѣхалъ въ свитѣ Великаго посольства заграницу, сопровождаемый тремя своими людьми. Царевичъ Александръ былъ вмѣстѣ съ Государемъ и тогда, когда онъ оставилъ посольство и только съ 18 избранными спутниками поѣхалъ впередъ; вмѣстѣ съ Петромъ царевичъ Александръ былъ и въ Голландіи; оставшись въ Амстердамѣ, Петръ послалъ Александра въ Гагу изучать артиллерійское дѣло. До 1699 г. Александръ пробылъ въ Гагѣ, проѣхалъ затѣмъ въ Терки къ отцу, а оттуда, къ осени 1699 г., вернулся въ Москву. Около этого времени онъ овдовѣлъ и вскорѣ снова женился на Гликеріи Ильинишнѣ, фамилія которой неизвѣстна; вѣроятно по случаю своей свадьбы онъ и получилъ (въ 1700 г.) отъ Петра, вмѣстѣ съ отцомъ, присутствовавшимъ также въ Москвѣ, терюшевскую, бѣлгородскую и лысковскую волости нижегородскаго уѣзда, заключавшія до 10.000 десятинъ удобной земли, 3284 двора, и дававшія до 4000 р. ежегоднаго денежнаго дохода. 19 мая 1700 г. царевичу Александру, съ чиномъ генерала артиллеріи, приказано вѣдать всякія дѣла, которыя были въ Пушкарскомъ приказѣ. Онъ дѣятельно началъ распоряжаться заготовкою снарядовъ, и въ томъ же году, 8 сентября, уже выступилъ къ Нарвѣ, куда шла и почти вся тогдашняя русская артиллерія; съ 20 октября началась бомбардировка Нарвы, какъ извѣстно — малоуспѣшная. 19 ноября русскіе были совершенно разбиты подъ Нарвою; въ числѣ 79 генераловъ и офицеровъ, захваченныхъ шведами, не смотря на обѣщаніе дать имъ свободный пропускъ, былъ и царевичъ Александръ. Съ плѣнниками обходились и первое время въ Нарвѣ и потомъ въ Швеціи очень сурово. Петръ думалъ выкупить или промѣнять какихъ нибудь плѣнныхъ на царевича, но шведы ставили чрезвычайно большія требованія. 19 ноября 1706 г. самъ царевичъ жаловался Петру письменно, что ихъ держатъ очень плохо. Царь Арчилъ доносилъ Петру, что Шведы согласны выдать царевича за 60 плѣнниковъ; Петръ спросилъ царевича Александра, желаетъ ли онъ такого размѣна; тотъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что никогда не согласится на такой невыгодный для Россіи обмѣнъ. Въ 1710 г. шведы согласились выдать царевича Александра, кн. Н. Трубецкаго, кн. Я. Долгорукаго и Авт. Головина за фельдмаршала Реншильда и гр. Пипера; но на пути въ Россію, во время объѣзда сухимъ путемъ Ботническаго залива, царевичъ Александръ умеръ; тѣло его не было выдано шведами. Потомства у него не было.

Хмыровъ, «Главные начальники русской артиллеріи», I, въ «Артиллер. журналѣ» 1866, № 1, 31—59.

Имеретинскій, царь, *Арчилъ Вахтанговичъ*, умеръ въ Москвѣ въ 1713 г. Отецъ его, Вахтангъ Багратіонъ, царствовалъ въ Картліи и Кахетіи съ 1660 г., признавая верховную власть персовъ. Покоривъ Имеретію, онъ назначилъ ея правителемъ Арчила; но турки вскорѣ вытѣснили его и онъ получилъ отъ отца Кахетію; когда по смерти Вахтанга персидскій шахъ думалъ назначить правителя Картліи помимо младшаго брата Арчилова, Георгія, Арчилъ заставилъ персовъ признать царемъ Георгія; но скоро персы принудили и его самого бѣжать изъ Кахетіи и Имеретіи, которою онъ было овладѣлъ. Въ 1681 г. Арчилъ обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ просьбою защитить его владѣнія отъ магометанъ и принять его самого въ подданство Россіи. Ему

было разрѣшено явиться въ Москву; въ 1683 г. онъ прибылъ въ Астрахань съ фамильными святынями своего дома; здѣсь его встрѣтилъ окольничій князь Ѳ. Ѳ. Волконскій, передалъ ему грамоту о принятіи его въ русское подданство, но сообщилъ рѣшеніе правительства, что онъ долженъ жить на Теркѣ. Арчилъ, указывая, что это опасно для него и для его семейства, просилъ, чтобы хотя дѣти его взяты были въ Москву. 10 августа 1684 г. два его сына, Александръ и Матвѣй прибыли въ Москву съ княземъ Волконскимъ и свитою до 65 человѣкъ. Въ томъ же году и самъ Арчилъ прибылъ въ Россію, пожалованъ деревнями, и 13 сентября 1686 г. занесенъ съ семействомъ въ родословную книгу подъ именемъ царя Имеретійскаго. Вернувшись затѣмъ на Кавказъ онъ началъ войну съ цѣлью завладѣть Имеретіей; въ 1691 г. онъ имѣлъ нѣкоторые успѣхи, но вскорѣ турки опять отняли все, что онъ успѣлъ занять. Въ 1699 г. онъ возвратился въ Москву и здѣсь жилъ до самой смерти. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Еще ранѣе его умерли его сыновья Матвѣй—въ 1693 г. (род. въ 1676 г.) и Давидъ—въ 1688 (род. въ 1678). Сынъ его Александръ былъ первымъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ.

Бутковъ «О духовномъ завѣщаніи ц. Арчила», въ «Сѣверн. Архивѣ», 1824 г., XII; Хмыровъ, «Главн. начальники рус. артилл.» въ «Артилл. жур.» 1866, № 1, 31—59.

Имшенецкій, *Василій Григорьевичъ*, академикъ по каѳедрѣ чистой математики. Род. въ 1832 г., умеръ 24 мая 1892 г. Въ 1853 г. онъ кончилъ курсъ кандидатомъ и съ золотою медалью въ Казанскомъ университетѣ и съ 3 февраля 1854 г. началъ службу преподавателемъ, сначала въ нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ, а затѣмъ—въ Казанской первой гимназіи. 24 ноября 1860 г. ему поручено было преподаваніе математики въ Казанскомъ университетѣ; въ 1862—1864 гг. онъ находился въ заграничной командировкѣ; 29 октября 1865 г., по защищеніи диссертаціи, утвержденъ въ степени магистра, а 24 мая 1868 г.—въ степени доктора чистой математики; 21 декабря 1868 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ чистой математики. Съ 11 декабря 1871 г. по 3 мая 1872 г. находился въ отставкѣ, а затѣмъ назначенъ профессоромъ механики въ Харьковскій университетъ; 4 декабря 1881 г. избранъ въ Академію Наукъ, перешелъ на службу въ Петербургъ, читалъ математику на Высшихъ женскихъ курсахъ, въ 1892 г. былъ назначенъ профессоромъ аналитической механики въ Технологическомъ институтѣ, но умеръ, не вступивъ въ эту должность. Онъ былъ учредителемъ и первымъ предсѣдателемъ математическихъ обществъ въ Харьковѣ и Петербургѣ; кромѣ того, онъ былъ членомъ-корреспондентомъ ученыхъ обществъ въ Люттихѣ, Бордо, нѣсколькихъ русскихъ и почетнымъ членомъ университетовъ Кіевскаго и Харьковскаго (съ 1889 г.). Имшенецкому принадлежитъ до 40 изслѣдованій и статей по различнымъ отраслямъ математики; онѣ помѣщены были въ «Запискахъ» и въ «Mémoires» Академіи Наукъ, въ «Сообщеніяхъ» харьковскаго математическаго общества, въ «Математическомъ Сборникѣ», изданномъ въ Москвѣ, въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», въ «Протоколахъ физико-математической секціи общества естествоиспытателей» при томъ же университетѣ, въ «Трудахъ» VIII съѣзда естествоиспытателей, наконецъ въ «Archiv der Mathematik» Грюнерта, «Mémoires de la Société Royale des Sciences de Liége», «Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques par Darboux et Houel» и въ «Mémoires de la Société des sciences physiques et naturelles de Bordeaux». Большинство работъ Имшенецкаго посвящено интегрированію дифференціальныхъ уравненій, преимущественно—дифференціальныхъ уравненій съ частными производными, которыя представляютъ доселѣ наименѣе разработанную область интегральнаго исчисленія; наиболѣе замѣчательна большая статья: «Sur l'intégration des équations aux dérivées partielles du premier ordre» (1869), представляющая хорошую монографію по частнымъ уравненіямъ перваго порядка, общая теорія которыхъ создана трудами Эйлера, Лагранжа, Коши, Якоби и Бура. Докторскую диссертацію Имшенецкаго представляетъ «Изслѣдованіе способовъ интегрированія уравненій съ частными производными второго порядка»; отдѣльныя статьи Имшенецкаго относятся къ вопросамъ изъ области геометріи (3 статьи), механики (4 статьи), алгебры, теоріи вѣроятностей и другихъ отраслей математики.

Формуляръ въ правленіи Академіи Наукъ, дѣла 1882 г.

Ингварь, *(Козьма)* **Игоревичъ,** князь

рязанскій, сынъ Игоря Глѣбовича, выступаетъ на историческую сцену въ самомъ началѣ XIII в., время кончины неизвѣстно—можно полагать или до 1237 г. или въ 1251—1252 гг. Въ 1207 г. великій князь владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ отправилъ его, вмѣстѣ съ другими рязанскими князьями, по обвиненію въ сношеніяхъ съ Ольговичами, въ заточеніе во Владиміръ, а отсюда въ Петровскъ; онъ былъ освобожденъ уже Юріемъ II Всеволодовичемъ въ 1212 г. Въ 1217 г. спасся отъ истребленія рязанскихъ князей Глѣбомъ Владиміровичемъ, благодаря тому, что опоздалъ на созванный Глѣбомъ княжескій съѣздъ; послѣ этого злодѣянія Глѣбъ бѣжалъ, а Ингварь занялъ рязанскій столъ и въ 1219 г. разбилъ Глѣба, когда онъ подступилъ къ Рязани, затѣмъ еще разъ отразилъ его союзниковъ половцевъ при помощи великаго князя владимірскаго Юрія II. Этимъ эпизодомъ оканчиваются лѣтописныя извѣстія объ Ингварѣ Игоревичѣ. Сомнительно, чтобы этого Ингваря надо было отождествлять съ Ингваремъ, являющимся на развалинахъ Рязани въ 1237 г., послѣ ухода татаръ, и извѣстнаго изъ сказаній о Евпатіи Коловратѣ и изъ «Достопамятностей рязанскихъ». Вѣрнѣе, что второй есть сынъ перваго, потому что нѣкоторыя лѣтописи называютъ его племянникомъ Юрія II, а Ингварь Игоревичъ былъ его братомъ. Изъ помянутыхъ сказаній, объ этомъ второмъ Ингварѣ повидимому — Ингварѣ Игоревичѣ, узнаемъ, что, вскорѣ по уходѣ татаръ, онъ пришелъ изъ Чернигова въ Рязань, отыскалъ и предалъ землѣ тѣла родичей своихъ, убитыхъ татарами, очистилъ городъ отъ гніющихъ труповъ, возобновилъ храмы и пр. О времени кончины его извѣстій не осталось, но надо думать, что онъ скончался или около 1252 г., или въ самомъ этомъ году, такъ какъ въ 1252 г., на рязанскомъ столѣ мы видимъ уже Олега Краснаго.

Полн. собр. русск. лѣт., I, 182—200; III, 30, 36; VII, 114—126, 243; «Временникъ» кн. 15; Иловайскій, «Собр. сочин.», I, 85, 206. *А. Э.*

Ингварь Ярославичъ, князь луцкій и нѣкоторое время великій князь кіевскій, внукъ великаго князя Изяслава Мстиславича, умеръ до 1224 г. Въ 1180 г. онъ ходилъ на помощь Рюрику Ростиславичу въ борьбѣ его со Святославомъ Всеволодовичемъ княземъ черниговскимъ. Въ 1202 г., когда Рюрикъ Ростиславичъ вмѣстѣ съ Ольговичами черниговскими задумалъ отнять у Романа Мстиславича Галичъ, но самъ былъ выгнанъ Романомъ изъ Кіева, послѣдній отданъ былъ, по условію между княземъ галицкимъ и великимъ княземъ владимірскимъ Всеволодомъ, Ингварю, но въ томъ же году Рюрикъ заставилъ Ингваря удалиться опять въ Луцкъ. Во время галицкихъ смутъ (1211—1212 гг.) Ингварь былъ на сторонѣ малолѣтняго князя Даніила Романовича; въ этотъ смутный періодъ онъ нѣкоторое время сидѣлъ во Владимірѣ Волынскомъ, но вскорѣ былъ смѣщенъ Александромъ Всеволодовичемъ бельзскимъ. Въ 1214 г. онъ помогалъ князю смоленскому Мстиславу Романовичу Старому выгнать Всеволода Чермнаго изъ Кіева, который занялъ самъ, но вскорѣ, уступивъ его Мстиславу, ушелъ опять въ Луцкъ. Годъ смерти неизвѣстенъ, но въ 1224 г. въ Луцкѣ княжилъ уже сынъ его Изяславъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» этотъ Ингварь называется «не худа гнѣзда шестокрыльцемъ».

Карамзинъ, III, пр. 160; Полн. собр. русск. лѣт., I, 176; II, 123, 128, 157, 159; 328—331; VII 107, 108, 234, 235. *А. Э.*

Ингигерда, супруга великаго князя Ярослава Владиміровича, см. Анна.

Индреніусъ, баронъ, *Бернгардъ Эммануиловичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, помощникъ финляндскаго генералъ-губернатора, род. 1812 г., умеръ 11 октября 1884 г., сынъ финляндскаго домпробста выборгской губ.; учился въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и Императорской военной академіи; вступилъ въ службу въ 23-ю артиллерійскую бригаду 22 января 1829 г.; 27 октября 1835 г. переведенъ въ Генеральный штабъ; въ 1837—1849 гг. былъ адъютантомъ штаба, въ 1855 и 1856 гг. начальникомъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ 1849—1853 гг. завѣдывалъ штабомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Въ теченіе службы на Кавказѣ онъ участвовалъ во множествѣ дѣлъ съ горцами и съ турками и получилъ нѣсколько наградъ, въ томъ числѣ орденъ св. Станислава 1 ст., въ 1853 г. за отличіе въ сраженіи съ турками у Башкадыклара; при отбытіи съ Кавказа получилъ аренду на 12 лѣтъ, а по окончательномъ покореніи Кавказа—2000 десятинъ въ Кубанской области. 10 ноября 1856 г. Б. Э. Индреніусъ былъ назначенъ с.-михельскимъ, а 18 декабря выборг-

скимъ губернаторомъ; 25 февраля 1866 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ финляндскій сенатъ, а на слѣдующій день—вице-канцлеромъ Императорскаго Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Оставаясь въ этихъ званіяхъ до выхода въ отставку, Индреніусъ кромѣ того былъ назначенъ въ 1871 г. предсѣдателемъ коммисіи для введенія въ Финляндіи общей воинской повинности и 22 марта 1873 г. исправляющимъ должность помощника финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками финляндскаго военнаго округа. 16 апрѣля 1878 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, 5 іюля 1876 г. получилъ орденъ Св. Александра Невскаго бриллiантами украшенный; 28 марта 1871 г.; онъ былъ возведенъ съ потомствомъ въ баронское достоинство великаго княжества Финляндскаго; 18 іюня 1881 г. онъ былъ отчисленъ отъ занимаемыхъ должностей а 19 февраля 1882 г. по слабости здоровья вовсе уволенъ отъ службы. Скончался въ Петербургѣ.

Формул. списокъ въ архивѣ Главнаго штаба, въ книгѣ формуляровъ по финляндскому военному округу, за 1879 г., связ. № 413; дѣла Глав. штаба, 2 ст. канц. 1878 г. № 26 и 3 ст. 4 отд. 1882 г. № 139; некрологъ въ «Русск. Инв.», за 1884 г. № 227. *С. Н. П.*

Инзовъ, *Иванъ Никитичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, намѣстникъ бессарабскій, род. въ 1768 г., умеръ 27 мая 1845 г. Выросъ пріемышемъ въ домѣ князей Юрія и Николая Никитичей Трубецкихъ и въ молодости былъ массономъ. Службу началъ въ 1785 г., кадетомъ въ Сумскомъ легкоконномъ полку; участвовалъ во второй турецкой войнѣ въ блокадѣ Измаила, въ занятіи Бендеръ и въ Мачинской битвѣ. Назначенный адъютантомъ къ кн. Н. В. Репнину, Инзовъ заслужилъ его расположеніе, былъ принятъ въ его интимный кругъ и имѣлъ случай постоянно пользоваться бесѣдою и самого кн. Н. В. Репнина, и тѣхъ выдающихся людей, которые охотно собирались около этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Въ ихъ кругу Инзовъ выработалъ въ себѣ тѣ прекрасныя свойства характера, которыя впослѣдствіе привлекали къ нему общія симпатіи. Въ 1799 г. Инзовъ совершилъ Итальянскій походъ въ качествѣ командира Апшеронскаго полка, шефомъ котораго былъ генералъ Милорадовичъ; Инзовъ былъ правою рукою Милорадовича и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ въ дѣлахъ при Требіи и при Нови. 18 ноября 1804 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Кіевскаго гренадерскаго полка. По желанію Кутузова былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при немъ, когда онъ командовалъ русскою арміею въ 1805 г.; въ 1806 г. участвовалъ въ дѣлѣ подъ Остроленкою и награжденъ за него орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1810 г. участвовалъ въ покореніи Силистріи, получилъ золотую шпагу съ алмазами и надписью «за храбрость» и былъ сдѣланъ начальникомъ 10-й дивизіи. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба третьей, резервной арміи генерала Тормасова и за Городечненское сраженіе получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Когда армія Тормасова поступила подъ начальство адмирала Чичагова, Инзовъ получилъ команду надъ 10-й дивизіей, участвовалъ въ битвѣ при Березинѣ и затѣмъ во время заграничнаго похода русской арміи въ битвахъ при Бауценѣ, при Лейпцигѣ и во многихъ другихъ. Король Людовикъ XVIII наградилъ Инзова орденомъ Почетнаго Легіона за то, что онъ очень человѣколюбиво относился къ французамъ, попадавшимъ въ плѣнъ въ его части. По возвращеніи въ Россію онъ былъ начальникомъ 18 дивизіи; 10 января 1818 г. назначенъ главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ комитета о колонистахъ южнаго края Россіи. Съ этого времени окончилась собственно военная служба Инзова и онъ перешелъ къ мирной дѣятельности, къ которой даже больше и чувствовалъ склонности. Въ зто время въ Россію двинулась масса переселенцевъ изъ Германіи, затѣмъ еще, въ теченіе 1812—1830 гг., переселилось до 20,000 семействъ болгаръ; иные изъ нѣмецкихъ переселенцевъ были послѣдователями болѣе или менѣе строгихъ и своеобразныхъ сектъ; ладить съ ними вообще было довольно не легко; но Инзовъ относился ко всѣмъ переселенцамъ съ такимъ искреннимъ вниманіемъ, съ такою, заботливостью, добротою, что ни разу не возникло у него съ ними никакихъ столкновеній и всѣ они чрезвычайно любили и почитали его; благодаря его неусыпнымъ попеченіямъ даже болгарскіе переселенцы стали жить очень достаточно. Съ 15 іюня 1820 г. по 28 іюня 1823 г. Инзовъ, сохраняя свое прежъ-

нее мѣсто, временно исправлялъ еще должность Бессарабскаго намѣстника и жилъ въ это время въ Кишиневѣ, куда переѣхалъ изъ Екатеринослава; въ 1823 г. онъ сдалъ намѣстничество гр. Воронцову, а самъ переѣхалъ въ Одессу, куда перенесено было управленіе колоніями. 25 іюня 1828 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 29 марта 1836 г. получилъ послѣднюю награду—брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго. Какъ человѣкъ онъ отличался чрезвычайною простотою, скромностью, чисто-христіанскою добротою; императоръ Александръ I всегда оказывалъ ему особенные знаки благоволенія и вниманія; желчный Вигель отзывается объ Инзовѣ съ насмѣшкою; но люди болѣе спокойные и ближе знавшіе Инзова единогласно даютъ наилучшіе отзывы о его характерѣ и умѣ. А. С. Пушкинъ, во время ссылки своей на югъ, нѣсколько времени жилъ въ Кишиневѣ въ домѣ Инзова и сохранилъ благодарное воспоминаніе объ этомъ благодушномъ старцѣ, который умѣлъ прощать поэту его юношескія шалости и защищалъ его предъ высшимъ начальствомъ.

«Военная галлерея Зимняго Дворца», II; ст. А. Стурдзы въ «Москвитянинѣ», за 1847 г., № 1, 217—228; Вигель, «Записки», т. VI, 90, 150 и др.; «Рус. Старина», т. XL.

Иннокентій, преподобный печерскій, неканонизованъ; упоминается въ немногихъ рукописяхъ; обстоятельства и время жизни неизвѣстны.

Барсуковъ Н., «Источники русск. агіографіи», 224; Сергій: «Полн. мѣсяц. востока» II, пр. 3, стр. 63.

Иннокентій, (князь Иванъ *Охлябининъ*) преподобный вологодскій, (называемый также комельскимъ, нуровскимъ), основатель Иннокентіева Спасопреображенскаго монастыря; скончался 19 марта 1521 г. Онъ постригся въ Кирилловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ и былъ ученикомъ преподобнаго Нила Сорскаго, вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ на востокъ къ святымъ мѣстамъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ аѳонскихъ и константинопольскихъ монастыряхъ. Нѣсколько времени Иннокентій жилъ и въ Сорской пустыни съ преподобнымъ Ниломъ, который затѣмъ послалъ его въ вологодскую область на рѣку Нурму, предсказавъ ему, что онъ будетъ основателемъ общежительнаго монастыря. Прибывъ на указанное ему мѣсто, Иннокентій поселился въ 55 верстахъ отъ Вологды и въ 10 отъ рѣки Нурмы при рѣчкѣ Едѣ и дѣйствительно основалъ тамъ монастырь по уставу своего учителя. Здѣсь онъ и скончался, завѣщавъ братіи соблюдать уставъ Нила Сорскаго. Монастырь этотъ давно упраздненъ. Мощи преподобнаго почиваютъ подспудомъ.

Рукоп. житіе въ рукописяхъ Царскаго, № 134, 274; Амвросій «Ист. рос. іер.», IV, 299—301; Филаретъ, «Русскіе святые», I. *А. Э.*

Иннокентій, святой (Иванъ *Кульчицкій*), первый епископъ иркутскій, происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, род. въ 1680 или въ 1682 гг., въ черниговской губерніи, скончался 27 ноября 1731 г. Съ 1695 г. обучался въ Кіевской коллегіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1706 или въ 1708 г. Постриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія принялъ въ Кіево-печерской лаврѣ въ 1708 г. и рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1710 г. вызванъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, и сначала преподавалъ словесность, а въ 1714 г. сдѣланъ префектомъ Академіи и преподавателемъ философіи, метафизики и нравственнаго богословія; наблюдалъ въ тоже время и за порядкомъ жизни академистовъ. Въ 1719 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ Александро-Невскій монастырь со званіемъ соборнаго іеромонаха и былъ назначенъ на корабль «Самсонъ», а вскорѣ переведенъ первымъ оберъ-іеромонахомъ въ финляндскій корпусъ. Съ конца 1720 г. Иннокентій исправлялъ должность намѣстника Александро-Невской лавры; 5 марта 1721 г. онъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа переяславскаго «въ Хинское государство (Китай) для проповѣди слова Божія и ради размноженія православной вѣры». Онъ отправился къ мѣсту назначенія 19 апрѣля 1721 г. въ сопровожденіи 12-ти человѣкъ, и только въ мартѣ 1722 г. добрался до Селенгинска и ожидалъ здѣсь изъ Пекина разрѣшенія отправиться въ дальнѣйшій путь; но по происканъ іезуитовъ, китайское правительство не разрѣшило быть въ своемъ государствѣ «великому господину Иннокентію», какъ онъ названъ былъ въ оффиціальныхъ бумагахъ и онъ почти пять лѣтъ прожилъ въ Селенгинскѣ. Трудна и печальна была его жизнь здѣсь безъ средствъ и въ неизвѣстности, что будетъ съ нимъ далѣе. Онъ находилъ утѣшеніе себѣ и твердость въ молитвѣ и ежедневномъ богослуженіи, въ свободное же время занимался иконопи-

саніемъ и бесѣдами о вѣрѣ съ бурятами-буддистами. Не удалось преосвященному Иннокентію проникнуть въ Китай и тогда, когда поѣхалъ туда въ 1726 г. русскій посолъ графъ С. В. Рагузинскій. Въ январѣ 1727 года Иннокентій былъ назначенъ епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ. Здѣсь онъ неутомимо работалъ почти четыре года, до самой своей кончины. Жители его епархіи были чрезвычайно грубы и преданы разнымъ порокамъ и Иннокентій долженъ былъ прилагать особенные труды, чтобы истребить грубый развратъ, заставить сколько нибудь почитать святость брака, соблюдать посты и исполнять хотя бы важнѣйшія заповѣди. Нравственное состояніе бѣлаго и чернаго духовенства было также неудовлетворительно; не мало было еще безграмотныхъ священниковъ. Противъ всего этого боролся преосвященный Иннокентій, подавая своею жизнью образецъ высокой нравственности, поучая проповѣдями, устроивъ школу для подготовленія священниковъ, открывая новыя церкви и изыскивая средства для обезпеченія ихъ и монастырей. Онъ ходатайствовалъ, чтобы уничтожены были въ вотчинахъ монастырей винные откупа, чтобы духовенство освобождено было отъ незаконныхъ поборовъ, чтобы была урегулирована торговля церковными свѣчами,—но свѣтская власть отвѣчала на все это или отказомъ, или молчаніемъ. Со стороны свѣтскихъ властей преосвященный не видѣлъ никакой поддержки; но его неустанные труды, согрѣтые истинною любовью къ своему дѣлу, принесли замѣтные плоды. Самъ преосвященный Иннокентій былъ чрезвычайно свѣтлая личность: безропотно и терпѣливо переносилъ онъ свою полную трудовъ и лишеній, жизнь, былъ начальникомъ очень строгимъ, но не менѣе и справедливымъ, и истиннымъ другомъ всѣхъ кающихся и исправляющихся; простота, общедоступность, кротость, истинное смиреніе и незлобіе отличали всю его дѣятельность. Онъ скончался 27 ноября 1731 г. почти три года перемогаясь и неутомимо работая уже совершенно больной. Съ первыхъ-же дней по кончинѣ святителя массы народа стали стекаться къ его гробу. Въ 1764 г. при исправленіи церкви тѣло, одежды и гробъ святителя найдены нетлѣнными; въ 1800 г. жители Иркутска просили объ открытіи его мощей, что и разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ 1 декабря 1804 года. Мощи открыты 19 января 1805 года, а празднованіе ему установлено 26 ноября.

Модестъ, «Жизнь св. Иннокентія», Спб. 1879 г., «Жизнь святителя и чудотворца Иннокентія, перваго епископа иркутскаго». М. 1887 г. и Томскъ 1890 г.; «Иркут. епарх. вѣд.», 1863, № 3—12; «Прав. Собесѣд.», 1855, кн. 3; «Опис. дѣлъ и докум. архива св. Синода, I, № 120; №№ 101, 143, 258, 267; IV, №№ 547 и 422; VII, №№ 328 и 350; VIII, № 701. *Здр.*

Иннокентій, (Илія Ѳеодоровичъ *Александровъ*) епископъ екатеринославскій, сынъ каѳедральнаго протоіерея Ѳеодора Чумички, род. 8 іюля 1793 г. въ г. Астрахани, умеръ 31 марта 1869 г. Учился въ Астраханской семинаріи и въ Петербургской духовной академіи и кончилъ курсъ магистромъ. Непосредственно по окончаніи курса поступилъ на духовно-учебную службу: былъ профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка, а впослѣдствіи — и философскихъ наукъ въ Новгородской духовной семинаріи. Въ 1820 г. 14 марта постригся въ монашество съ именемъ Иннокентія, рукоположенъ въ іеромонаха и сдѣланъ инспекторомъ семинаріи, 7 августа 1821 г. переведенъ въ Тверскую семинарію на тѣ же должности, 15 августа возведенъ въ санъ архимандрита старицкаго Успенскаго монастыря. 2 августа 1823 г. назначенъ ректоромъ Смоленской семинаріи и настоятелемъ смоленскаго Спасо-Аврааміева монастыря, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ консисторіи, цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ монастырей; 19 мая 1832 г. хиротонисанъ въ епископа слободско-украинскаго и харьковскаго, и на этомъ мѣстѣ проявилъ особую заботливость о епархіи и имѣлъ большое вліяніе на улучшеніе епархіальной консисторіи. 22 іюня 1835 г. перемѣщенъ епископомъ въ Иркутскъ, гдѣ много содѣйствовалъ миссіонерскимъ трудамъ протоіерея Веніаминова (впослѣдствіи митрополитъ московскій Иннокентій). 23 апрѣля 1838 г. назначенъ епископомъ екатеринославскимъ и таганрогскимъ. 24 октября 1839 г. избранъ въ дѣйствительные члены Одесскаго общества исторіи и древностей. 19 августа 1853 г. уволенъ на покой въ старо-харьковскій куряжскій Преображенскій монастырь, гдѣ и умеръ. Преосвященный былъ человѣкомъ простымъ, общедоступнымъ, предупредительно - внимательнымъ и снисходительнымъ къ людскимъ слабостямъ.

Геннади, «Словарь»; «Духовная Бесѣда», 1869 г. № 1; «Харьков. епарх. вѣдом.», 1869 г. №№ 1 и 8;

«Ворон. епарх. вѣдом.», 1869 г. № 10; Чистовичъ «Исторія Петерб. дух. акад.», 369.

Иннокентій, (*Алексѣевъ*), архимандритъ, род. въ 1771 г. въ рязанской губерніи, умеръ 3 сентября 1807 г. Происходилъ изъ духовнаго званія; обучался въ Крутицкой и Коломенской семинаріяхъ. Съ 4 октября 1795 г. былъ учителемъ въ Коломенской семинаріи, сначала «россійскаго класса» (приготовительнаго), затѣмъ класса грамматики и греческаго языка. Въ 1798 г., овдовѣвъ, былъ зачисленъ въ штатъ соборныхъ іеромонаховъ московскаго Донского монастыря. Въ 1799 г. былъ опредѣленъ иподіакономъ собора въ Воронежѣ и учителемъ поэзіи въ мѣстной семинаріи. 24 марта 1800 г. принялъ монашество, произведенъ въ іеромонахи и послѣдовательно проходилъ должности учителя высшаго краснорѣчія, философіи и богословія, французскаго языка, семинарскаго ипспрефекта и префекта. 15 сентября 1805 г. произведенъ въ архимандрита Задонскаго богородскаго монастыря. Былъ человѣкъ очень образованный и имѣлъ большую собственную библіотеку. Къ концу жизни сталъ страдать ипохондріей и въ одинъ изъ припадковъ этой болѣзни окончилъ жизнь самоубійствомъ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1805 г. № 431; 1807 г., № 762.

Иннокентій (Иванъ Алексѣевичъ *Борисовъ*), архіепископъ херсонскій, знаменитый проповѣдникъ и ученый, род. 15 декабря 1800 г., умеръ 26 мая 1857 г. Сынъ священника г. Ельца, онъ обучался сначала въ Воронежской, потомъ въ Сѣвской семинаріяхъ, въ 1823 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи первымъ магистромъ и былъ тогда же назначенъ инспекторомъ и профессоромъ Петербургской семинаріи и ректоромъ Петербургскаго духовнаго училища. 10 декабря 1823 г. онъ постригся въ монашество и занялъ каѳедру богословскихъ наукъ въ Петербургской духовной академіи, былъ въ ней инспекторомъ, членомъ правленія, конференціи и духовно-цензурнаго комитета, въ 1826 г. сдѣланъ архимандритомъ, въ 1829 г. возведенъ въ степень доктора богословія. 27 августа 1830 г. назначенъ ректоромъ Кіевской духовной академіи; 21 ноября 1836 г., возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго, викарія кіевской епархіи, 1 марта 1841 г., перемѣщенъ на епископскую каѳедру въ Вологду; 31 декабря того же года сдѣланъ епископомъ харьковскимъ, 15 апрѣля 1845 г. возведенъ въ санъ архіепископа; наконецъ, 24 февраля 1848 г. перемѣщенъ на епархію херсонскую, гдѣ и скончался.

Еще будучи студентомъ, онъ изумлялъ всѣхъ замѣчательною даровитостью. Хотя въ составъ перваго курса только что преобразованной (въ 1819 г.) Кіевской академіи поступили лишь самые лучшіе воспитанники изъ семинарій кіевскаго округа, по самому строгому выбору, тѣмъ не менѣе студентъ Борисовъ настолько превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей успѣхами, что, по ихъ собственному отзыву, написавъ въ разрядномъ спискѣ первымъ Борисова, слѣдовало пять-шесть мѣстъ оставить пустыми и потомъ уже писать прочихъ. Семестровыя сочиненія онъ писалъ, послѣ предварительнаго обдумыванія, прямо набѣло, и тѣмъ не менѣе они были на столько хороши, что три его ученые трактата и четыре его проповѣди, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими работами его товарищей, были изданы на счетъ Академіи въ книгѣ «Собраніе опытовъ перваго курса студентовъ Кіевской духовной академіи» (Кіевъ, 1824 г.). Исправно слушая лекціи профессоровъ Академіи, составъ которыхъ въ то время былъ очень хорошъ, и исполняя всѣ обязательныя для студента работы, молодой Иванъ Борисовъ самостоятельно изучалъ новѣйшую германскую философію и читалъ о ней лекціи своимъ товарищамъ, увлекавшія ихъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ чтенія профессоровъ, изучалъ новѣйшее западное богословіе, о которомъ лекцій въ Академіи не читалось, особенно же усердно знакомился съ произведеніями великихъ церковныхъ ораторовъ запада. Въ этихъ занятіяхъ Борисова находитъ себѣ объясненіе то смѣлое новаторство въ области богословія, какимъ онъ заявилъ себя сразу же по занятіи профессорской каѳедры въ Петербургской духовной академіи: широко пользуясь пособіями новѣйшей западной богословской литературы, преимущественно протестантской, еще болѣе проявляя самобытнаго научнаго творчества, онъ въ своихъ лекціяхъ совершенно реформировалъ постановку и методъ богословскаго курса: вмѣсто старой схоластической *системы* онъ ввелъ *исторію догматовъ*, создалъ совершенно новыя отрасли богословской науки: «религіозистику» (нынѣ называется обыкновенно «основное богословіе»), «богословіе

сравнительное» (оцѣнка разныхъ вѣроисповѣданій съ точки зрѣнія православія), «экклезіастику» (ученіе о составѣ и юрисдикціи церкви) съ «символикой» (обзоръ символическихъ изложеній христіанскаго ученія въ историческомъ порядкѣ). Лекцій своихъ какъ въ это время, такъ и позже, когда профессорствовалъ въ Кіевѣ, Иннокентій не писалъ, но онѣ отчасти сохранились въ запискахъ студентовъ: часть ихъ напечатана въ собраніи его сочиненій, другія имѣются въ рукописяхъ въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи (въ коллекціи митрополита Исидора), въ библіотекѣ П. И. Савваитова, а также у нѣкоторыхъ кіевскихъ учениковъ Иннокентія. Блестящія, художественныя по изложенію лекціи Иннокентія возбудили общій восторгъ и необычайно подняли интересъ къ наукѣ въ студентахъ; но старая рутина воздвигла противъ него гоненіе. Его и его товарища по профессурѣ Г. П. Павскаго, знаменитаго филолога и гебраиста, обвинили въ «неологизмѣ». Къ петербургскому періоду профессорства Иннокентія относятся три замѣчательныя его сочиненія, за которыя, по представленію трехъ членовъ конференціи—Г. П. Павскаго, І. С. Кочетова и архимандрита Іоанна Доброзракова онъ въ 1829 г. былъ возведенъ въ степень доктора богословія: «Жизнь св. Кипріана», «Жизнь св. апостола Павла», и «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа». Напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи», эти и другія сочиненія Иннокентія сдѣлали этотъ журналъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ то время. «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа»—одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній русской духовной литературы до настоящаго времени, показались тогда нѣкоторымъ настолько либеральными, что не смотря на особенный интересъ къ этому сочиненію въ обществѣ, оно могло быть напечатано вновь не ранѣе кончины Иннокентія (въ 1857 г.). Особенно блестящею и плодотворною была профессорская и ректорская дѣятельность Иннокентія въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ лицѣ митрополита Евгенія Болховитинова, этого великаго ученаго, нашелъ себѣ если не покровителя, то безпристрастнаго цѣнителя. Время ректорства и профессорства его въ Кіевѣ составляетъ, можно сказать, самый замѣчательный, блестящій періодъ въ исторіи высшаго богословскаго образованія въ Россіи. Первымъ дѣломъ Иннокентія по прибытіи въ Кіевскую академію была отмѣна существовавшаго цѣлыя столѣтія преподаванія богословія на латинскомъ языкѣ. Иннокентій явился здѣсь новаторомъ и зиждителемъ не только въ области образованія собственно богословскаго, но также и въ общеобразовательной половинѣ академическаго курса, къ которой относятся философія, исторія, литература и проч. И въ эту сферу Иннокентій внесъ небывалое дотолѣ оживленіе, указывая новые методы наукъ, расширяя и обновляя программы, входя самъ ближайшимъ образомъ во всѣ частности преподаванія; онъ довольно часто присутствовалъ на лекціяхъ профессоровъ и сообщалъ имъ свои замѣчанія и совѣты. Особенное вниманіе обращалъ онъ на студенческія сочиненія, самъ назначалъ для нихъ темы (большею частью историческія), иныя изъ этихъ сочиненій самъ переработывалъ и издавалъ (такъ, напримѣръ, явилась его работа «Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ», выдержавшее 4 изданія). Иннокентій обладалъ особеннымъ даромъ возбуждать въ студентахъ любовь къ ученой работѣ и очень многіе изъ студентовъ Академіи его времени впослѣдствіи составили себѣ хорошее ученое имя. Однако и въ это время по поводу нѣсколькихъ неточныхъ выраженій въ студенческихъ запискахъ его лекцій, читанныхъ еще въ Петербургѣ, Синодъ, по настоянію московскаго митрополита Филарета, назначилъ секретное дознаніе «объ образѣ мыслей архимандрита Иннокентія». Узнавъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Филарета, Иннокентій адресовалъ ему почтительное письмо, въ которомъ горько жаловался на несправедливыя преслѣдованія съ его стороны. Удовлетворенный его смиреніемъ, Филаретъ отвѣчалъ, что съ этого времени «будетъ преслѣдовать его лишь любовію своею». За вышеупомянутыя неправильныя выраженія въ студенческихъ запискахъ Иннокентій былъ признанъ не отвѣтственнымъ, такъ какъ эти записи не были имъ редактированы. Въ это же время Иннокентій основалъ въ Кіевѣ новый духовный еженедѣльный журналъ «Воскресное Чтеніе». Въ 1836 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго. Во время пребыванія его въ Петербургѣ для посвященія онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи и въ торжественномъ собраніи ея произнесъ блестящую рѣчь. Когда въ

слѣдующемъ году скончался митрополитъ Евгеній и каѳедру кіевской митрополіи занялъ Филаретъ (Амфитеатровъ), Иннокентій вскорѣ оставилъ профессуру, посвящая свои труды исключительно обязанностямъ ректора и дѣламъ управленія епархіальнаго, а главнымъ образомъ кабинетнымъ ученымъ занятіямъ и проповѣдничеству. Въ это время онъ началъ многія ученыя предпріятія, изъ которыхъ далеко не всѣ успѣлъ осуществить вполнѣ, постоянно встрѣчая затрудненія то въ отсутствіи подъ руками самыхъ необходимыхъ научныхъ пособій, то въ разныхъ другихъ обстоятельствахъ. Ученые друзья его въ Петербургѣ и Москвѣ старались облегчить ему научныя работы, отыскивая для него по его указаніямъ книги и рукописи и въ русскихъ библіотекахъ и у заграничныхъ антикваріевъ. Изъ ученыхъ работъ Иннокентія за этотъ періодъ назовемъ здѣсь главнѣйшія: 1) «Памятникъ Вѣры»—собраніе символовъ и вѣроизложеній христіанскаго ученія, въ подлинникѣ и въ переводахъ, отъ начала церкви до позднѣйшаго времени. Въ бытность свою въ Кіевѣ Иннокентій успѣлъ провести этотъ колоссальный трудъ лишь до XII в., въ послѣдующее время онъ былъ оконченъ вполнѣ, послѣ многихъ задержекъ отпечатанъ, но отправленный, до выхода въ свѣтъ, на окончательный просмотръ автора въ Одессу, въ 1857 г., за его смертью такъ и не былъ изданъ. 2) «Исторія соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, въ ихъ подлинныхъ дѣяніяхъ» (acta conciliorum),—этотъ трудъ былъ завершенъ лишь въ недавнее время Казанской академіей, но совершенно согласно съ начертаннымъ Иннокентіемъ планомъ; 3) «Вертоградъ духовный»—хронологическій сборникъ лучшихъ проповѣдей всѣхъ временъ и народовъ; 4) «Церковный архивъ»—библіотека древнихъ и новыхъ сочиненій по исторіи церкви, въ родѣ Штриттеровой «Memoria populorum»; 5) «Памятникъ Уніи»—сборникъ матеріаловъ по исторіи Уніи; 6) изданіе «Палинодіи» Захарія Копыстенскаго и другихъ замѣчательныхъ противоуніатскихъ сочиненій; 7) переводъ и изданіе полнаго подлиннаго текста «Кормчей книги» — трудъ, предпринятый Иннокентіемъ по настоянію оберъ-прокурора Синода Нечаева; 8) подробный «Богословскій Словарь»; 9) изданіе «Записокъ» Петра Могилы и его «Православнаго исповѣданія вѣры»; 10) «Исторія русской церкви въ связи съ исторіей церквей славянскихъ»; 11) «Исторія христіанства въ Польшѣ» (изъ этого сочиненія Иннокентій напечаталъ въ «Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ.» двѣ главы: «О началѣ христіанства въ Польшѣ» и «О реформаціи въ Польшѣ»); 12) переводъ на польскій языкъ православной литургіи, годичнаго круга богослужебныхъ пѣснопѣній и Катихизиса митр. Филарета; 13) переводъ того же Катихизиса на молдавскій языкъ. Изъ этихъ ученыхъ работъ однѣ были вполнѣ осуществлены самимъ Иннокентіемъ, для другихъ онъ собралъ матеріалы и далъ подробныя программы. Въ 1837 г. синодальный оберъ-прокуроръ, посѣтивъ Кіевскую академію, нашелъ ее въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи и въ своемъ годичномъ отчетѣ доложилъ Государю, какъ о чрезвычайномъ явленіи въ жизни церкви, «о новомъ блестящемъ дарованіи краснорѣчія духовнаго, достигшемъ полнаго развитія» въ Кіевѣ. Государь пожаловалъ проповѣднику орденъ св. Владиміра 3-й ст. Изданныя Иннокентіемъ въ Кіевѣ сборники проповѣдей, особенно знаменитыя «Седмицы»—«Первая седмица Великаго поста», «Страстная седмица» и «Свѣтлая седмица»—быстро разошлись по всей Россіи, съ восторгомъ читались при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Проповѣдникъ сталъ всероссійскою знаменитостію. Къ этому времени относится начало тѣхъ обширныхъ связей Иннокентія въ высшемъ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, а также среди дѣятелей науки и литературы, которыя дали ему возможность въ продолженіе послѣдующей его жизни принести много пользы и внѣ его непосредственныхъ іерархическихъ обязанностей. Какъ обширна была сфера общественнаго и государственнаго вліянія Иннокентія въ послѣднія 15—20 лѣтъ его жизни, показываетъ оставшаяся послѣ него коллекція его бумагъ и писемъ къ нему (хранится въ Императорской публичной библіотекѣ). Изъ нея мы узнаемъ, что императрица Александра Ѳедоровна и принцъ П. Г. Ольденбургскій совѣтовались съ нимъ объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній; по порученію великаго князя Константина Николаевича онъ составилъ для Морскаго устава главу о положеніи священниковъ во флотѣ; ему принадлежитъ редакція дѣйствующаго у насъ доселѣ законодательства о бракѣ (по порученію гр. Блудова); для

Министра Внутреннихъ Дѣлъ гр. Перовскаго онъ составилъ записку по возникшему въ то время вопросу объ употребленіи евреями христіанской крови; для кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова по поводу происходившихъ на югѣ политическихъ движеній составилъ записки: «О политическомъ значеніи духовенства въ юго-западныхъ губерніяхъ», «Объ устройствѣ Кіевскаго университета», и «Взглядъ на управленіе учебными округами»; въ бытность свою въ Одессѣ Иннокентій былъ постояннымъ ближайшимъ совѣтникомъ кн. М. С. Воронцова въ дѣлахъ, относившихся до духовнаго въ краѣ управленія; онъ дѣятельно переписывался также съ Министрами Народнаго Просвѣщенія кн. Голицынымъ, гр. Уваровымъ и Норовымъ, съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ гр. П. Д. Киселевымъ, съ гр. Я. И. Ростовцевымъ. Кромѣ того, Иннокентій находился въ перепискѣ съ гр. Нессельроде, Княжевичемъ, кн. В. А. Долгоруковымъ, Сухозанетомъ, кн. Меншиковымъ, кн. Паскевичемъ, кн. Васильчиковымъ, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, гр. Строгановыми, кн. Голицыными, гр. Гендриковыми, кн. Вяземскими, Шаховскими, Оболенскими, кн. Кочубеемъ, гр. Потоцкими, Левашевыми, Давыдовымъ, Никитинымъ, Остенъ-Сакенымъ, Т. Б. Потемкиной и множествомъ другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ. Главной сферой плодотворнаго вліянія Иннокентія была, конечно, область церковнаго управленія. Четыре оберъ-прокурора св. Синода—Нечаевъ, Протасовъ, Ахматовъ и гр. А. П. Толстой обращались къ нему при всякомъ важномъ дѣлѣ; его мнѣнія спрашивали постоянно и синодскіе дѣльцы—Сербиновичъ, Войцеховичъ, Познякъ; около двадцати архіереевъ вели съ нимъ переписку объ общихъ церковныхъ дѣлахъ. По мысли Иннокентія начато было ученое описаніе Московской синодальной библіотеки, осуществленное впослѣдствіи Горскимъ и Невоструевымъ, и перемѣщены рукописи изъ монастырей и другихъ мѣстъ въ духовныя академіи, гдѣ онѣ и лучше сохраняются и служатъ предметомъ ученой обработки; онъ представлялъ въ Синодъ проэктъ по вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства; съ нимъ совѣщались каждый разъ, когда заходила рѣчь о пересмотрѣ программъ и объ измѣненіи состава учебныхъ предметовъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Полная оцѣнка значенія Иннокентія въ этой области принадлежитъ, впрочемъ, будущему. Одно пока можно сказать: въ области церковнаго управленія, какъ и въ другихъ сферахъ своего вліянія онъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ и часто иниціаторомъ всѣхъ полезныхъ реформъ за время 1834—1857 гг. Какъ епархіальный архіерей, онъ во многихъ отношеніяхъ являлъ изъ себя также образецъ для прочихъ архіереевъ своего времени: въ отношеніяхъ къ людямъ, ниже его стоявшимъ по положенію, онъ отличался необыкновенною доступностью; во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ онъ епископствовалъ, онъ энергично и успѣшно трудился надъ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня духовенства, заботился объ улучшеніи его матеріальнаго быта, улучшилъ порядокъ дѣлопроизводства въ консисторіяхъ, самъ непосредственно входилъ во всѣ дѣла духовно-учебныхъ заведеній, самъ производилъ экзамены поставляемымъ въ церковныя степени, заботился объ улучшеніи проповѣдничества въ селахъ, объ увеличеніи числа церквей и особенно народныхъ школъ, защищалъ сельскіе причты и простой народъ отъ угнетенія помѣщиковъ, усиленно боролся противъ раскола и сектантства и т. д. Любимымъ дѣломъ и главною заботою Иннокентія, какъ епархіальнаго начальника, было возстановленіе упраздненныхъ и открытіе новыхъ монастырей и скитовъ, которые онъ находилъ необходимыми для поднятія религіознаго уровня въ народѣ и для цѣлей миссіонерскихъ; имъ возстановлены были монастыри: Тотемскій, Ахтырскій, Святогорскій и Георгіевскій—Балаклавскій; вновь учреждено нѣсколько скитовъ въ Крыму. Свои досуги Иннокентій съ любовью отдавалъ научнымъ занятіямъ, не одному богословію и церковной исторіи, но и свѣтскимъ наукамъ. Въ числѣ его сочиненій есть два обширные трактата по философіи: «О неологизмѣ или раціонализмѣ» и «Взглядъ на греческую философію»; онъ интересовался естественными науками, собралъ хорошую коллекцію минераловъ и въ Крыму не разъ предпринималъ геологическія экскурсіи; онъ переписывался по вопросамъ астрономіи, космографіи, нумизматики, этнографіи съ академиками Савичемъ, Сомовымъ, съ Хавскимъ, П. И. Савваитовымъ и гр. Ѳ. П. Литке; о политическихъ дѣлахъ Востока и о политикѣ

западныхъ державъ, о новостяхъ западной ученой литературы—съ Бурачкомъ, Палаузовымъ, Казначеевымъ, Стурдзой; о класическихъ и христіанскихъ древностяхъ Греціи и Аѳона, о религіяхъ и литературѣ древняго Востока—съ архимандритами Софоніей и Антониномъ, съ аѳинскимъ профессоромъ Типальдосомъ; со Снегиревымъ и Терещенко—о произведеніяхъ русскаго и славянскаго народнаго творчества; съ Бодянскимъ, Невоструевымъ и кн. М. Оболенскимъ—о славянской и русской палеографіи и о памятникахъ древне-русской и славянской литературы; съ М. П. Погодинымъ, своимъ ближайшимъ другомъ и издателемъ его сочиненій, съ бар. Шодуаромъ, М. А. Максимовичемъ, Ѳеоф. Новицкимъ—о славянской и въ частности польской исторіи; съ графомъ А. С. Уваровымъ, Мурзакевичемъ, А. Будбергомъ и Ашикомъ о древностяхъ Крыма и Кавказа и т. д. Особенно важны въ области этихъ постороннихъ Иннокентію занятій его заслуги для археологіи Крыма: ему принадлежитъ починъ въ дѣлѣ изученія древностей Крыма, въ частности въ раскопкахъ Херсонеса; но и кромѣ того въ каждой изъ епархій, гдѣ онъ епископствовалъ, онъ или самъ началъ этнографическія и историко-статистическія работы, или избралъ для нихъ способныхъ лицъ; такъ подъ его руководствомъ трудились надъ исторіей и археологіей Кіева Аскоченскій, Максимовичъ и другіе. Вообще не было отрасли знаній, съ которою бы Иннокентій не былъ знакомъ, или которою бы, по крайней мѣрѣ, не интересовался. Иннокентій любилъ покровительствовать начинающимъ ученымъ и щедро расходовалъ деньги, полученныя отъ продажи своихъ сочиненій, на пособія нуждающимся изъ нихъ, и охотно ходатайствовалъ за нихъ предъ своими знакомыми въ высшихъ сферахъ. Онъ близокъ былъ и со многими литераторами своего времени: съ гр. А. К. Толстымъ, Н. Кукольникомъ, Квиткою, Н. Ѳ. Щербиной и др.; Гоголь предъ нимъ изливалъ свою душу въ тяжелыя минуты своей жизни, послѣ удара, нанесеннаго ему Бѣлинскимъ за «Переписку съ друзьями». Въ новомъ и замѣчательномъ свѣтѣ выступаетъ дѣятельность Иннокентія на херсонской каѳедрѣ, какъ дѣятеля политическаго. Русскіе архимандриты, состоявшіе при нашихъ миссіяхъ въ Аѳинахъ, Іерусалимѣ, Константинополѣ, Бухарестѣ, бывшіе его товарищами или учениками по Кіевской академіи, его друзья, ученые греки: Пантели (переводчикъ на греческій языкъ исторіи Карамзина), Попандопуло (переводчикъ на греческій языкъ «Богословія» митрополита Макарія), аѳинскій купецъ Вальяно, аѳинскій профессоръ Типальдосъ, греческій митрополитъ Агаѳангелъ, жившій въ Одессѣ, ознакомили Иннокентія подробно съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ и съ политическимъ настроеніемъ на Востокѣ; молодой болгаринъ, прибывшій въ Одессу, Н. Х. Палаузовъ, ознакомилъ его подробно съ бѣдствіями турецкихъ славянъ и Иннокентій чрезъ греческихъ дипломатическихъ агентовъ въ Россіи—Зографо, Негри, Деліани и Метаксу—съ одной стороны, чрезъ русскихъ дипломатическихъ представителей на Востокѣ—Базили и В. П. Титова—съ другой, старался направлять ходъ дѣлъ на Востокѣ въ духѣ единенія и мира между греками и славянами. Результатомъ этихъ заботъ его было построеніе въ Константинополѣ, съ разрѣшенія султана и съ согласія патріарха, княземъ Вогоридесомъ особой церкви для болгаръ и возведеніе въ епископы образованнаго славянскаго патріота Стефана Ковачевича, съ порученіемъ ему состоять оффиціальнымъ представителемъ болгарской національности въ Турціи. Знаменитому греческому богослову Константину Икономосу, благодаря ходатайству Иннокентія, дано было по Высочайшему повелѣнію званіе члена конференціи Петербургской духовной академіи съ жалованьемъ въ 2000 р. Для болгаръ Иннокентій устроилъ въ Одессѣ «Болгарское настоятельство», которое имѣло попеченіе объ эмигрантахъ изъ Турціи, давая имъ средства существованія и воспитаніе. Когда началась война и русскія войска направились въ Болгарію, Иннокентій рекомендовалъ русскому правительству своего молодого друга П. Х. Палаузова, который былъ прикомандированъ къ русскому главнокомандующему «для сношеній съ болгарами» и принесъ много пользы. Когда театромъ войны сдѣлался Крымъ, мѣстные священники и іеромонахи по распоряженію своего архіерея писали ему самыя подробныя донесенія о всемъ происходившемъ; изъ этихъ писемъ составился большой томъ, сохранившійся въ бумагахъ Иннокентія; такимъ образомъ, онъ превосходно зналъ интимную исторію крымской эпопеи и когда

великіе князья ѣхали въ Севастополь, они въ Симферополѣ цѣлую ночь провели въ совѣщаніяхъ съ одесскимъ архипастыремъ. Въ Севастополѣ во время сраженій Иннокентій безстрашно обходилъ ряды войскъ, ободряя и благословляя героевъ. Но главнымъ дѣломъ всей жизни Иннокентія было его проповѣдничество. Проповѣдывалъ онъ въ храмахъ почти въ каждый праздникъ и воскресный день; проповѣдей своихъ большею частію не писалъ предварительно, а лишь наканунѣ произнесенія тщательно обдумывалъ, а записывалъ ихъ уже послѣ произнесенія. Тѣмъ не менѣе почти всѣ его проповѣди—превосходнѣйшія произведенія истинно-ораторскаго искусства и настоящіе образцы высоко-художественной русской рѣчи. Какъ проповѣдникъ Иннокентій справедливо ставится на ряду съ первостепенными свѣтилами церковнаго риторства. За пятью сборниками проповѣдей, изданными въ бытность его ректоромъ въ Кіевѣ, послѣдовали собранія его проповѣдей: «Къ паствѣ Вологодской» (1841), «Бесѣды на четыредесятницу» (1844), «Бесѣды о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ» (1844), «Съ нами Богъ» бесѣды на Рождество Христово (1845), «Бесѣды къ паствѣ Харьковской» (1847), «Слова одесскія» (1855), «Слова и рѣчи, говоренныя во время нашествія непріятелей», и т. д. (1855—1856 гг.). Своею проповѣдническою дѣятельностію Иннокентій произвелъ, можно сказать, настоящій переворотъ въ русской проповѣди, образовавъ цѣлую новую школу проповѣдниковъ русскихъ, къ которой принадлежитъ большая часть лучшихъ изъ нихъ въ послѣдующее время. Митрополитъ Серафимъ, изложившій отъ лица Синода постановленіе о «секретномъ дознаніи его образа мыслей» и раздѣлявшій убѣжденіе въ принадлежности кіевскаго ректора къ неологамъ, горячо привѣтствовалъ его какъ проповѣдника: «Богъ далъ вамъ великій даръ слова,—употребляйте его ко славѣ Его». Самъ Филаретъ московскій, придирчиво критиковавшій его проповѣди, не могъ несознаться, что въ нихъ «отлично много способности». Тогдашніе органы печати, всѣ до одного, восторжено отзывались о его проповѣдяхъ, нѣкоторыя изъ нихъ были перепечатаны въ свѣтскихъ газетахъ и журналахъ; въ «Москвитянинѣ» рецензировали его проповѣди И. В. Кирѣевскій и С. П. Шевыревъ, а въ «Revue critique» (ed. Cherbulier) знаменитый западный богословъ—Vinet; Стурдза значительную часть ихъ превосходно перевелъ на французскій языкъ и лучшій французскій духовный журналъ того времени, «Semeur», восторженно привѣтствовалъ геній «русскаго Боссюэта». Переведены были его изданныя проповѣди также на языки нѣмецкій, польскій, сербскій, новогреческій и армянскій; его проповѣди первыя изъ русскихъ произведеній этого рода стали извѣстны въ западной Европѣ и заслужили почетъ его имени. Вообще, окинувъ взглядомъ всю дѣятельность Иннокентія, мы должны признать его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ, русскихъ людей XIX в. Онъ имѣлъ огромное значеніе не только какъ богословъ, церковный историкъ и проповѣдникъ, но оставилъ замѣтный слѣдъ и въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества вообще. Полное собраніе сочиненій Иннокентія въ 11-ти томахъ издано въ 1871—1875 гг.

«Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіеп. херсонскаго», издалъ Н. И. Барсовъ, 2 тома; Буткевичъ, «Иннокентій, архіеп. херсонскій», 1887 г.; Макарій, «Біограф. записка объ Иннокентіѣ» въ V т. «Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ», XXXVIII—LIV; М. Погодинъ, «Вѣнокъ на могилу преосв. Иннокентія», 1864 и 1887 г.; Н. И. Барсовъ, «Иннокентій Борисовъ, арх. херсонскій, по новымъ матеріаламъ», 1884 г.; собраніе бумагъ Иннокентія, сохраненныхъ Н. Х. Палаузовымъ, въ Императорской публичной библіотекѣ.

Н. Барсовъ.

Иннокентій, (Иванъ Ивановичъ *Бѣликовъ*) архимандритъ, умеръ 2 ноября 1874 г., сынъ священника. По окончаніи курса въ Костромской семинаріи въ 1824 г. опредѣленъ учителемъ луховскаго духовнаго училища, въ 1827 г. сдѣлался священникомъ, въ 1836 г. былъ уже протоіереемъ, состоялъ цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ; его дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на присоединеніе къ православной церкви раскольниковъ; въ 1860 г. онъ постригся въ монашество и былъ опредѣленъ настоятелемъ желѣзноборовскаго Предтеченскаго монастыря съ производствомъ въ санъ архимандрита. 17 мая 1867 г. перемѣщенъ настоятелемъ Макаріева унженскаго монастыря, гдѣ и скончался. Отличался энергическою хозяйственною дѣятельностью въ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ.

«Костром. епарх. вѣд.», 1892 г., №№ 10—12.

Иннокентій (*Винницкій*), въ качествѣ нареченнаго перемышльскаго православнаго епископа присутствовалъ на Лю-

блинскомъ съѣздѣ, созванномъ Яномъ Собѣсскимъ для примиренія православныхъ съ уніатами въ 1680 году; когда этотъ съѣздъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, онъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Шумлянскимъ, епископомъ львовскимъ, прибылъ въ Варшаву и здѣсь (въ 1681 г.) передъ папскимъ нунціемъ принялъ унію; впрочемъ онъ скрывалъ это отъ православныхъ, стараясь о созваніи новаго съѣзда для примиренія ихъ съ уніатами; тѣмъ не менѣе православные его не признавали; уніаты напротивъ, старались вознаградить его архимандріями и имѣніями. По смерти перемышльскаго уніатскаго епископа Малаховскаго (1694) онъ занималъ его каѳедру.

Кояловичъ, «Литов. церков. унія», II.

Иннокентій *(Гизель)*, архимандритъ, духовный писатель, умеръ 18 ноября 1683 года. Род. въ реформатской семьѣ и провелъ дѣтство въ польской Пруссіи, откуда еще въ молодости попалъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ присоединился къ православію, постригся въ Кіево-Печерской лаврѣ и вскорѣ былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Львовскую академію. По возвращеніи оттуда Иннокентій занялъ должность учителя и проповѣдника, а въ 1648 г. былъ назначенъ ректоромъ Кіевской коллегіи. Въ 1650 г. Иннокентій покинулъ училищную службу и перешелъ въ Кирилловскій монастырь, а чрезъ два года въ Николаевскій, игуменомъ. Въ 1656 г. онъ сдѣлался архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, и на этомъ мѣстѣ оставался 27 лѣтъ, заслуживъ отъ современниковъ названіе «столпа и подпоры церкви Божіей», какъ характеризуетъ его св. Дмитрій Ростовскій въ рѣчи, сказанной имъ надъ его могилою. Заслуги, оказанныя Иннокентіемъ просвѣщенію, были оцѣнены уже при его жизни, когда Петръ Могила, умирая, завѣщалъ ему титулъ «благодѣтеля и покровителя Кіевскихъ школъ», который онъ и сохранялъ до конца своей жизни. Въ 1674 г. былъ напечатанъ въ Кіевѣ его «Синопсисъ», въ основаніе котораго легла хроника Сафоновича. Не имѣя за собою никакихъ достоинствъ историко-литературныхъ, этотъ трудъ тѣмъ не менѣе представляетъ «первый, младенческій несвязный лепетъ русской исторіографіи у насъ на югѣ» (Соловьевъ); до выхода въ свѣтъ «Краткаго россійскаго лѣтописца» Ломоносова, «Синопсисъ» представлялъ единственный учебникъ русской исторіи, хотя и переполненный массою не только искаженныхъ, но даже и выдуманныхъ фактовъ. Онъ выдержалъ 12 изданій, 3—церковною печатью въ Кіевѣ и 9—гражданскою въ Москвѣ и Петербургѣ. Изъ другихъ трудовъ Иннокентію извѣстны: «Миръ человѣка съ Богомъ», (2 изданія: 1669 и 1671 гг.); «О истинной вѣрѣ» (или «Отвѣтъ іезуиту Боймѣ о власти папы»), сочиненіе написанное на польскомъ языкѣ въ довольно рѣзкомъ тонѣ, остается въ рукописи. Иннокентій трудился также надъ изданіемъ патерика Печерскаго, который вышелъ въ Кіевѣ, въ 1661 г. но съ довольно сильнымъ искаженіемъ текста первоисточниковъ.

Евгеній, «Слов. пис. дух. чина»; Аскоченскій, «Кіевъ», 158—160; Филаретъ «Обз. рус. дух. лит.»; Шляпкинъ, «Св. Дмитрій Ростовскій», 43 и др.

Иннокентій *(Дубравицкій)*, архимандритъ, род. въ тверской губерніи около 1760 г., умеръ 25 декабря 1799 г. Обучался въ Новгородской духовной семинаріи и въ ней же съ 1781 г. былъ учителемъ и префектомъ. Въ 1788—1795 гг. состоялъ ректоромъ и учителемъ богословія въ Александро-Невской семинаріи и законоучителемъ въ училищѣ Святого Петра. Съ 1793 г. былъ духовникомъ, наставникомъ и законоучителемъ великихъ княгинь Елизаветы Алексѣевны и Анны Ѳеодоровны. Съ 22 октября 1788 г. былъ архимандритомъ новгородскаго Вяжицкаго монастыря, съ 1791 г. — Антоніева, и съ 1795 г.—Иверскаго монастыря. 2 ноября 1796 г. по болѣзни уволенъ съ пенсіею въ 1000 р., на покой въ Юрьевъ монастырь, гдѣ и умеръ. Отъ архимандрита Иннокентія остались: три проповѣди (о истинной славѣ, о важности благочестія и о силѣ примѣровъ, 1791 г.), «Слово при избраніи судей», Спб. 1792 г. и «Rhetorica sacra», Спб. 1790 г., бывшая долго классическимъ учебникомъ краснорѣчія.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1788 г. № 99, 1796 г. № 158 и 1800 г. № 18.

Иннокентій *(Лавровъ)*, архимандритъ. Род. въ 1736 г., умеръ 23 августа 1804 г. Не получивъ правильнаго образованія, былъ однако начитаннымъ и образованнымъ для своего времени человѣкомъ. Постриженъ въ монашество 23 февраля 1763 г., изъ вдовыхъ дьяконовъ въ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ. Въ 1766 г. былъ сдѣланъ игуменомъ глушицкаго Покровскаго монастыря, въ 1770 г.—Корниліева, состоя въ то же

время архіерейскимъ экономомъ и присутствующимъ въ консисторіи, 6 декабря 1774 г. произведенъ въ архимандрита въ Спасо-прилуцкій монастырь. Онъ оставилъ послѣ себя замѣчательное завѣщаніе (въ архивѣ Св. Синода, дѣло 1804 г., № 729) и большую библіотеку. Его отецъ—архимандритъ Мелхиседекъ—былъ настоятелемъ въ томъ же монастырѣ.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1774 г., № 150; 1804 г., № 416 и № 729; Строевъ, «Списки іерарховъ», 739, 749, 751.

Иннокентій (Осипъ *Мигалевичъ*) архимандритъ, умеръ 2 апрѣля 1744 г., родомъ изъ кіевской губерніи. Въ 1740 г., когда открывалась Новгородская духовная семинарія, отецъ Иннокентій вызванъ былъ изъ Кіева въ Новгородъ, какъ «искусный въ латинской словесности», и сначала одинъ велъ обученіе въ семинаріи. Съ расширеніемъ занятій и числа учащихся, онъ сдѣланъ былъ префектомъ, а съ 10 іюля 1743 года—ректоромъ и архимандритомъ Антоніева монастыря.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1745 г., № 174.

Иннокентій (*Моруевъ*) игуменъ, род. въ 1741 г., умеръ 22 сентября 1828 г., сынъ крестьянина олонецкой губерніи. Двѣнадцати лѣтъ поступилъ въ Валаамскій монастырь, въ 1772 г. постриженъ въ монахи; вскорѣ опредѣленъ ключникомъ въ Александро-Невскую лавру. Митрополитъ Гавріилъ, отправляя въ 1782 г. въ Валаамскій монастырь, для возстановленія его, іеромонаха Саровской пустыни, Назарія, далъ ему въ помощники и казначеи отца Иннокентія, тогда же посвятивъ его въ іеромонаха. Столько же строгій аскетъ, сколько человѣкъ весьма практичный и трудолюбивый, онъ много помогъ отцу Назарію въ возстановленіи монастыря. 13 іюля 1801 г. онъ былъ назначенъ преемникомъ Назарія, удалившагося на покой. Двадцатидвухлѣтнее управленіе монастыремъ отца Иннокентія навсегда останется замѣтною страницей въ исторіи Валаама. При немъ получило завершеніе внѣшнее возстановленіе монастыря, которое только начато было о. Назаріемъ, всецѣло посвятившимъ себя установленію внутренняго благоустройства въ монастырѣ. Воздвигнутъ почти весь такъ называемый внѣшній монастырскій четыреугольникъ, въ который входятъ двѣ церкви, монастырскія врата, больница; устроены два монастырскихъ подворья—въ Сердоболѣ и въ Петербургѣ, сооружена серебряная рака валаамскихъ чудотворцевъ. Императоръ Александръ I, посѣтившій монастырь въ 1819 г., пожертвовалъ въ монастырь драгоцѣнную ризницу, повелѣлъ внести дни памяти и перенесенія мощей валаамскихъ чудотворцевъ во всѣ печатные мѣсяцесловы, возвелъ обитель въ 1-й классъ и предполагалъ возвести настоятелей ея въ санъ архимандрита, но Иннокентій упросилъ оставить въ монастырѣ игуменство. Тогда Государь пожаловалъ въ преемственное ношеніе валаамскимъ настоятелямъ брилліантовый наперсный крестъ. Въ 1823 г. о. Иннокентій по болѣзни сталъ жить на покоѣ. Во время своего пребыванія на покоѣ онъ способствовалъ возстановленію Ондрусовской и Сяндемской пустынь, гдѣ были воздвигнуты храмы и келіи; о возстановленіи этихъ пустынь онъ ранѣе имѣлъ видѣніе.

«Валаамскіе подвижники», 1891 г.; архивъ Св. Синода, дѣло 1829 г., № 378; Строевъ, «Списки іерарховъ», 283. *С. Г. Р.*

Иннокентій (*Москвинъ*), іеромонахъ, умеръ 21 февраля 1866 г., вступилъ въ Троицкую лавру въ 1822 г., въ 1839—1860 гг. былъ ея библіотекаремъ, съ 1858 г. соборнымъ іеромонахомъ. При немъ составлено подробное «Описаніе рукописей Троицкой лавры», въ 1861 г. переданное въ Общество Исторіи и Древностей; о. Иннокентій отличался чрезвычайно строгою жизнью, кроткимъ характеромъ и оставилъ послѣ себя самую добрую память.

«Лѣтопись занят. Археогр. Ком.» IV, 129—130.

Иннокентій (*Неруновичъ*), епископъ иркутскій, умеръ 26 іюля 1747 г. Уроженецъ Кіева, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, постригся въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, гдѣ былъ потомъ нѣкоторое время наставникомъ; въ 1728 г. вызванъ въ Москву преподавателемъ Славяно-греко-латинской академіи и въ 1730 г. назначенъ префектомъ ея. 25 ноября 1732 г. прямо изъ іеромонаховъ посвященъ во епископа иркутскаго. Въ январѣ 1733 г. онъ получилъ въ Москвѣ книги на разныхъ языкахъ, оставшіяся отъ архимандрита новоспасскаго Ѳеофила, назначенныя ему по его просьбѣ Синодомъ, въ февралѣ 1733 г. выѣхалъ изъ Москвы и прибылъ въ Иркутскъ 20 октября. Тамъ онъ нашелъ большія неустройства въ епархіи: невѣжество и дрязги среди духовенства, грубость и своеволіе свѣтскихъ чиновниковъ, крайне скудныя средства къ суще-

ствованію, малочисленность церквей и многочисленность язычниковъ. Въ стремленіи упорядочить все это преосвященному Иннокентію приходилось бороться съ вице-губернаторомъ Жолобовымъ, бригадиромъ Сухаревымъ, даже съ архимандритомъ иркутскаго Вознесенскаго монастыря Антоніемъ Платковскимъ, монахомъ Игнатіемъ Козыревскимъ и другими, грабившими монастырское имущество. Въ этой борьбѣ преосвященный перенесъ не мало огорченій. За вопіющія злоупотребленія Жолобовъ, Сухаревъ и др. взяты были въ концѣ 1734 г. въ Петербургъ; 1 іюля 1736 г. Жолобовъ былъ даже казненъ. Когда отправилась въ Камчатку экспедиція Беринга, преосвященный Иннокентій снабдилъ ее походною церковью и причтомъ. Онъ ревностно заботился о религіозномъ просвѣщеніи инородцевъ, велѣлъ священникамъ по всей епархіи обучать прихожанъ молитвамъ и самъ окрестилъ многихъ язычниковъ. По его мысли устроена школа при иркутскомъ монастырѣ, гдѣ дѣти инородцевъ обучались своему и русскому языкамъ, причемъ не только ничего не взималось за ученіе, но еще ученики получали пищу и одежду. Преосвященный Иннокентій просилъ Св. Синодъ, чтобы и живущимъ близъ китайскихъ границъ народамъ, по принятіи ими крещенія, велѣно было давать льготы въ платежѣ ясака, какія были установлены для камчатскихъ и якутскихъ обитателей; чтобы для престарѣлыхъ якутовъ, а равно для принявшихъ, или готовящихся принять святое крещеніе, построить въ Якутскѣ богадѣльню и дать имъ покой и пропитаніе на счетъ якутскихъ канцелярскихъ доходовъ. Вмѣстѣ съ губернаторомъ Плещеевымъ ходатайствовалъ онъ о разныхъ льготахъ крещенымъ якутамъ, желавшимъ поселиться отдѣльно отъ некрещеныхъ. По недостатку въ іеромонахахъ Иннокентію пришлось рѣшиться на крайнюю мѣру: онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ всѣхъ вдовыхъ священниковъ и постригъ ихъ въ монахи. Онъ устроилъ въ Якутскѣ школу для дѣтей духовенства на средства духовенства же, снабдилъ священниками и устроилъ болѣе тридцати церквей въ отдаленнѣйшихъ частяхъ своей епархіи, обнимавшей почти всю теперешнюю восточную Сибирь. Когда въ 1735 году прибыли въ Иркутскъ академики Миллеръ и Гмелинъ, Иннокентій предписалъ по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, чтобы допускали Миллера брать грамоты, указы, метрики и росписи, вообще всѣ акты и бумаги, касающіеся церквей, монастырей и епархіальнаго управленія, или отсылали ихъ въ архіерейскій приказъ для доставленія Миллеру, и благодаря его заботамъ Миллеръ вывезъ большой и цѣнный матеріалъ для исторіи края. Въ 1740 г. основанная имъ монголо-русская школа стала называться семинаріей и первымъ наставникомъ латинскаго языка былъ въ ней извѣстный ссыльный Павелъ Малиновскій (впослѣдствіи—московскій архіепископъ Платонъ). Въ то же время ему пришлось имѣть нѣкоторыя непріятныя объясненія съ Синодомъ, когда Синодъ (вслѣдствіе указовъ отъ 5 марта 1733 г. и 26 апрѣля и 18 іюня 1734 г.), потребовалъ точныя свѣдѣнія о каждомъ изъ монашествующихъ, гдѣ, когда и кѣмъ кто постриженъ.

«Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Синода», VII, № 193; «Иркут. епарх. вѣдом.», 1865—1871 гг.; Геннади, «Словарь»; Смирновъ, «Исторія Московской академіи», 208; Аскоченскій, «Кіевъ», II, 69—71; Словцовъ, «Обозрѣніе Сибири», II, 17; архивъ Св. Синода, дѣла 1735 г., № 341; 1732 г., № 120.

Иннокентій (*Нечаевъ*), архіепископъ псковскій и рижскій, сынъ дворового человѣка дворянъ Нарышкиныхъ, род. въ 1722 г., умеръ 12 января 1799 года. По окончаніи курса въ Московской славяно-греко-латинской академіи былъ въ ней учителемъ риторики; въ 1758 г., по постриженіи въ монашество, опредѣленъ проповѣдникомъ, а въ 1759 г. и префектомъ Академіи. Въ 1761 г. сдѣланъ былъ архимандритомъ новгородскаго Антоніева монастыря и ректоромъ Новгородской семинаріи, но за болѣзнію отказался отъ этихъ должностей и поселился на жительство въ Троицкой Сергіевской лаврѣ, въ которой въ томъ же году сдѣланъ былъ намѣстникомъ. Въ 1763 г. 23 февраля хиротонисанъ во епископа корельскаго и ладожскаго, викарія новгородской епархіи; того же года 28 мая перемѣщенъ въ Тверь, а 29 октября на псковскую каѳедру, гдѣ 22 сентября 1770 г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа. 9 октября 1798 г., уволенъ «за старостію и болѣзнями» отъ управленія епархіей, съ оставленіемъ въ пенсію всего жалованья 6959 р. Скончался въ 1799 г. и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. При погребеніи его въ Лаврѣ не было говорено

надгробнаго слова, и потому Державинъ написалъ эпитафію:

Витія о Тебѣ не возгласилъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ.

Иннокентію принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «Чинъ исповѣданія отрокомъ» (три изданія, 1769, 1795 и 1814); «Наставленіе отъ архипастыря священнику», (три изданія); «Пріуготовленіе къ смерти», «Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни», въ 3 ч. (три изданія); кромѣ того, отдѣльно напечатаны его слова: «Въ день рожденія Императрицы Екатерины II, (М. 1766 г.), «Въ день бракосочетанія великаго князя Павла Петровича, 1773 г.», «На открытіе Рижскаго намѣстничества». Много словъ его остаются въ рукописи; напечатанныя же составляютъ библіографическую рѣдкость. Архіепископъ Иннокентій былъ провозглашенъ почетнымъ членомъ Россійской Академіи въ самый день ея открытія и принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи первой части академическаго словаря. Онъ пересматривалъ «Положеніе о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ» и вмѣстѣ съ митрополитомъ Гавріиломъ и Платономъ разсматривалъ «Наказъ» Екатерины II, когда до обнародованія его Императрица сообщила свой трудъ наиболѣе уважаемымъ ею людямъ. Въ «Антидотѣ» Екатерина II, въ опроверженіе клеветы о непросвѣщенности русскаго духовенства, указывала на трехъ архипастырей—Гавріила, Платона и Иннокентія.

Евгеній, «Слов. писателей дух. чина» и его-же «Описаніе Іоанно-Богословскаго Крыпецкаго монастыря», 50—тутъ свѣдѣніе о происхожденіи преосвященнаго; Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литер.»; Сухомлиновъ, «Ист. Рос. Акад.» I, 184—186; Знаменскій, «Чтенія изъ ист. рус. церкви»—въ «Прав. Собесѣд.», 1875, № 2, 99—143; Смирновъ, «Ист. Моск. слав.-гр.-лат. ак.», 210; Чередѣевъ, «Біографіи твер. іерарховъ», 46, 125; Геннади, «Справ. словарь»; «Библіогр. Зап.», 1859, № 2, 246; «Лѣт. занят. Археогр. ком.», IV, 62—130, Ефремовъ, «Матер. для ист. рус. лит.»; архивъ Св. Синода, дѣло 1799 г., № 695.

Иннокентій (Иванъ Матвѣевичъ *Новгородовъ*), архимандритъ. Сынъ священника воронежской губерніи, род. въ 1823 г. умеръ 20 мая 1868 г. По окончаніи курса въ Воронежской семинаріи въ 1847 г. и въ 1851 г. въ Кіевской духовной академіи, въ маѣ 1851 г. постригся въ монашество и былъ учителемъ въ Екатеринославской, а потомъ инспекторомъ въ Саратовской семинаріи; съ 1854 г. былъ инспекторомъ, а потомъ и ректоромъ Казанской семинаріи. Въ 1864 г. назначенъ ректоромъ Казанской духовной академіи; умеръ отъ чахотки. Изъ сочиненій его изданы отдѣльно: «Богословіе обличительное», въ 4-хъ томахъ; «О препровожденіи поста по уставу православной церкви», и «Памятныя записки Викентія Лиринскаго» (переводъ); въ «Православномъ Собесѣдникѣ» онъ напечаталъ: «О женскомъ священнодѣйствованіи (противъ раскольниковъ)»; «Къ наблюдающимъ за современностію»; «Разборъ ученія о необходимости таинства крещенія»; «О попыткахъ XVIII—XIX вѣковъ снабдить раскольниковъ епископомъ»; «О происхожденіи іерархіи новозавѣтной церкви» и др.; сверхъ того напечаталъ нѣсколько проповѣдей и сдѣлалъ нѣсколько переводовъ и изданій памятниковъ церковной литературы.

«Перм. еп. вѣд.», 1868 г., № 29; «Правосл. Собес.» 1868 г., № 7, и дѣла архива Св. Синода подъ указанными годами.

Иннокентій (Иванъ Ивановичъ *Орловъ*), архимандритъ, сынъ дьячка, род. въ селѣ Батуринѣ калужской губерніи, въ 1798 г., умеръ 9 февраля 1870 г. По окончаніи курса въ Калужской семинаріи, въ 1820 г., рукоположенъ во священника; овдовѣвъ въ ноябрѣ 1828 г. поступилъ въ братство калужскаго архіерейскаго дома, а въ 1829 г. перешелъ въ Троице-Сергіеву лавру; 21 декабря 1829 г. постригся въ монашество съ именемъ Иннокентія и былъ сдѣланъ библіотекаремъ, лаврскимъ благочиннымъ и членомъ духовнаго собора. Въ 1836 г. онъ сдѣлался духовникомъ митрополита Филарета. 23 марта 1841 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ можайскаго Лужецкаго монастыря; въ 1854 г. перемѣщенъ настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря, въ 1859 г.—въ Богоявленскій монастырь и 9 іюня 1863 г. въ Спасо-Андрониковъ монастырь. Онъ реставрировалъ старинныя палаты бояръ Романовыхъ, возобновлялъ, украшалъ и возводилъ другія постройки, умѣя привлекать многочисленныя пожертвованія; на бѣдныхъ московскихъ семинаристовъ назначилъ ежегодную субсидію отъ монастыря. Его прекрасный, высокій характеръ снискалъ ему общую любовь и уваженіе.

«Душепол. Чтеніе», 1870 г., № 2 и дѣла архива св. Синода подъ указанными годами.

Иннокентій (*Паскевичъ*), изъ польскихъ шляхтичей, род. въ 1722 г., умеръ послѣ 1804 г., былъ учителемъ еврейскаго языка въ Троицкой семинаріи, постригся въ 1745 г., 3 апрѣля 1753 г. назначенъ келаремъ Лавры. Въ 1758 г. назначенъ архимандритомъ Калязина монастыря, но отказался за болѣзнью и въ 1759 г. уволенъ на покой въ тверскую епархію, при чемъ «за его былые въ той Лаврѣ труды» ему сохранено келарское жалованье 100 р. въ годъ; въ печати извѣстны двѣ его проповѣди. Когда Петръ Левшинъ, впослѣдствіи митрополитъ Платонъ, учился въ семинаріи, Иннокентій оказывалъ ему вниманіе и покровительство и оставилъ о себѣ добрую память въ знаменитомъ архипастырѣ.

«Лѣт. зан. Арх. Ком.», IV, 89—90; Смирновъ, «Ист. Троиц. семин.», 98—99.

Иннокентій, (Иванъ Васильевичъ *Платоновъ*) архимандритъ, сынъ священника, род. около 1773 г. въ московской губерніи, умеръ 18 декабря 1842 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса въ Троицкой лаврской семинаріи былъ учителемъ въ Московской перервинской семинаріи около четырехъ лѣтъ. 29 іюня 1799 г. рукоположенъ въ священника; состоялъ увѣщателемъ при надворномъ судѣ, депутатомъ отъ духовенства и духовникомъ. Овдовѣвъ, 8 декабря 1819 г. постригся въ монашество съ именемъ Иннокентія и произведенъ въ архимандрита Златоустова московскаго монастыря и ректора заиконоспасскихъ училищъ. Въ 1820 г. перемѣщенъ въ Спасо-Андроніевъ монастырь, а въ концѣ 1821 г. былъ уже ректоромъ Пензенской духовной семинаріи и настоятелемъ нижеломовскаго Казанскаго монастыря пензенской епархіи. 27 апрѣля 1822 г. перемѣщенъ въ Новгородъ архимандритомъ Антоніева монастыря, ректоромъ Новгородской духовной семинаріи и членомъ духовной консисторіи, а черезъ годъ сдѣланъ настоятелемъ московскаго Богоявленскаго монастыря, членомъ консисторіи и съ 1824 г.—наставникомъ Закона Божія въ Московскомъ университетѣ. Въ 1827 г. перемѣщенъ въ нижегородскій Печерскій монастырь. Изъ сочиненій архимандрита Иннокентія извѣстны: «Сводъ латинской грамматики съ греческою», М. 1826 г. и двѣ рѣчи: одна «о могуществѣ вѣры какъ въ св. церкви, такъ и въ вѣрующихъ порознь», М. 1825 г., другая, сказанная на годичномъ актѣ Московскаго университета 12 января 1827 г.

Филаретъ, «Обзоръ духовн. литер.»; Геннади, «Словарь»; Строевъ, «Списки іерарховъ»; дѣла архива св. Синода 1819 г. № 726; 1821 г. № 182; 1823 г., №№ 618 и 641; 1841 г. № 564.

Иннокентій (*Покровскій*), архимандритъ, изъ духовнаго званія, род. въ 1789 г. умеръ 18 августа 1840 г. Кончивъ курсъ въ Воронежской семинаріи, былъ сельскимъ священникомъ, съ 17 ноября 1812 г. Съ 1822 г. былъ учителемъ, съ 1823 г. инспекторомъ воронежскаго духовнаго училища. 6 іюня 1824 г. постригся въ монашество. Въ 1829 г. назначенъ строителемъ валуйскаго Успенскаго монастыря. Въ томъ же году объявлено ему Высочайшее благоволеніе за труды по воронежскому попечительному комитету о бѣдныхъ, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1827 г. Въ 1831 г. опредѣленъ смотрителемъ кіевскихъ духовнаго и уѣзднаго училищъ, въ 1836 г. перешелъ на ту же должность въ Новочеркасскъ. За полезную педагогическую дѣятельность дважды получалъ особыя награды. Съ 1832 г. включенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Кіево-Печерской лавры. 22 августа 1836 г. произведенъ во архимандрита безъ управленія монастыремъ. Въ 1838 г. ему дана за отличную службу въ управленіе черноморская Екатерино-лебяжская пустынь.

Архивъ св. Синода, дѣло 1838 г., № 120 и др.

С. Г. Р.

Иннокентій (Иванъ *Полянскій*), епископъ воронежскій, сынъ священника, род. 13 апрѣля 1751 г., въ Полянахъ, близъ Рязани, умеръ 15 апрѣля 1794 г. По окончаніи образованія въ Рязанской семинаріи, былъ постриженъ въ монашество 26 августа 1773 г. и вскорѣ опредѣленъ въ Рязанскую семинарію учителемъ поэзіи, исторіи и географіи. 25 января 1774 г. сдѣланъ іеромонахомъ и вице-префектомъ семинаріи; въ 1776 г.—префектомъ и учителемъ философіи. Въ 1778 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Александро-Невскую семинарію, а въ 1782 г. переведенъ префектомъ въ московскую Славяно-греколатинскую академію и назначенъ игуменомъ московскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1783 г. назначенъ въ Александро-Невскую семинарію ректоромъ и учителемъ богословія, а въ 1784 г. произведенъ въ архимандрита Зеленецкаго монастыря. Въ 1785 г. былъ архимандритомъ новгородскаго Николаевскаго Вяжищскаго мо-

настыря, затѣмъ Сергіевой пустыни; былъ катихизаторомъ въ Пажескомъ корпусѣ и Петровскомъ училищѣ при нѣмецкой киркѣ. Въ 1784 г. 9 іюля избранъ членомъ Россійской Академіи и принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіи академическаго словаря, разсматривалъ правила правописанія, составленныя Григорьевымъ. 29 іюня 1788 г. въ присутствіи Императрицы Екатерины II въ Зимнемъ Дворцѣ посвященъ во епископа воронежскаго. Скончался въ Воронежѣ и погребенъ въ Благовѣщенскомъ воронежскомъ соборѣ; надгробное слово и рѣчь при поминовеніи его произносилъ протоіерей Евѳимій Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ Евгеній). Библіотека преосвященнаго Иннокентія была пожертвована въ Невскую семинарію, въ Московскую академію, въ Рязанскую и Воронежскую семинаріи, архимандриту Амвросію, ректору Воронежской семинаріи и Евѳимію Болховитинову. Памятникомъ литературной дѣятельности Иннокентія служатъ: «Избранныя поученія преосвященнаго Иннокентія, бывшаго епископа воронежскаго», собранныя и изданныя Евѳиміемъ Болховитиновымъ въ Воронежѣ. Иннокентій въ теченіи пятилѣтняго пребыванія въ Воронежѣ произнесъ и написалъ около ста поученій, но по скромности ихъ не печаталъ; и Евгеній съ большимъ трудомъ возстановилъ текстъ его поученій, да и то не всѣхъ, въ испещренныхъ варіантами черновыхъ рукописяхъ. Отдѣльно напечатаны два слова, произнесенныя Иннокентіемъ въ придворной церкви: въ день рожденія великаго князя Александра Павловича и въ день Его тезоименитства. Митрополитъ Евгеній говоритъ о преосвященномъ Иннокентіѣ съ большимъ уваженіемъ, какъ объ образцовомъ пастырѣ и человѣкѣ.

Евгеній, «Словарь писат. дух. чина», I, 292; Филаретъ, «Обзоръ русс. дух. литер.», II, 71; Сухомлиновъ, «Исторія Росс. Акад.», I, 233—237; Евгеній, митр., «Слово надгробное преосв. Иннокентію, еписк. воронежскому», Воронежъ, 1799; Геннади, «Справочный словарь»; Сергій, «Историческое описаніе московскаго Знаменскаго монастыря»; Смирновъ, «Исторія моск. Славяно-греко-латинской акад.», 363; Чистовичъ, «Исторія Петербургской дух. акад.», 36; архивъ Св. Синода, дѣло 1794 г., № 94.

Иннокентій, (Иванъ Евсеевичъ *Поповъ-Веніаминовъ*), митрополитъ московскій, сынъ пономаря, род. 26 августа, 1797 г. въ с. Ангинскомъ, иркутской губ., умеръ 31 марта 1879 г. Съ пяти лѣтъ началъ учиться грамотѣ подъ руководствомъ отца, девяти опредѣленъ въ Иркутскую семинарію. На ряду съ учебными предметами онъ занимался еще механикой, къ которой обнаружилъ большія способности, и устроилъ въ семинаріи водяные часы. Въ 1817 г., бывши еще ученикомъ въ семинаріи, вступилъ въ бракъ и былъ уже посвященъ въ діаконы къ Благовѣщенской церкви; по окончаніи же курса опредѣленъ учителемъ приходскаго училища и въ 1821 г. рукоположенъ во священника. Въ 1823 г. иркутскому духовенству было предложено ѣхать на островъ Уналашку (между Камчаткой и Америкой) для просвѣщенія алеутовъ. О. Іоаннъ Веніаминовъ, узнавъ, что инородцы жаждутъ просвѣщенія и охотно принимаютъ евангельское ученіе, 7 мая 1823 г. отправился въ путь, а прибылъ на мѣсто служенія только 29 іюля 1824 г. Поселившись среди полудикихъ идолопоклонниковъ, онъ выстроилъ тамъ церковь, изучилъ ихъ языкъ, составилъ азбуку и перевелъ на алеутскій языкъ катихизисъ, евангеліе отъ Матѳея и литургію; выстроилъ училище для мальчиковъ и былъ для алеутовъ не только священникомъ, но и учителемъ, и плотникомъ, и кузнецомъ, и механикомъ, и часовщикомъ; самъ отливалъ восковыя свѣчи, прививалъ оспу и пр. Въ продолженіи 10 лѣтъ о. Іоаннъ обратилъ въ христіанство всѣхъ жителей Алеутскихъ острововъ и переселился еще далѣе, къ самому берегу Сѣверной Америки, на о. Ситху, въ Новоархангельскій портъ, для просвѣщенія колошей, гдѣ еще пять лѣтъ продолжалъ свою дѣятельность съ тѣмъ-же характеромъ и съ тѣмъ-же успѣхомъ, какъ прежде; онъ трудился одинъ, вдали отъ міра, не ради славы и земныхъ выгодъ, а по одной любви къ дѣлу и къ своимъ новымъ духовнымъ дѣтямъ. Увидавъ обильные и хорошіе плоды своей дѣятельности, о. Іоаннъ 8 ноября 1838 г. отправился въ С.-Петербургъ хлопотать о расширеніи миссіонерскаго дѣла на Алеутскихъ островахъ и о разрѣшеніи печатать свои переводы священныхъ книгъ на инородческіе языки. За миссіонерскіе труды онъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея; въ это же время у него умерла жена; тогда онъ принялъ (29 марта 1840 г.) монашество съ именемъ Иннокентія, и 15 декабря 1840 г. хиротонисанъ во епископа камчатскаго, курильскаго и алеутскаго. Возвратившись къ своей паствѣ, онъ продолжалъ свое дѣло

съ еще большей энергіей, открывалъ новые приходы, снабжалъ новыхъ священниковъ самыми подробными инструкціями, основанными на его собственомъ опытѣ; не разъ онъ лично объѣзжалъ всю свою обширную и неудобную для путешествій епархію, поучалъ инородцевъ, устраивалъ училища, церкви; сверхъ всего этого еще переводилъ на инородческіе языки священныя книги. 21 апрѣля, 1850 г. онъ возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1857 г. вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ; такъ какъ неумѣренные труды разстроили его здоровье, онъ сталъ проситься на покой; но вмѣсто увольненія 5 января 1868 г. былъ назначенъ митрополитомъ въ Москву. Одиннадцатилѣтнее служеніе его въ санѣ митрополита носило тотъ же дѣятельный характеръ и оставило послѣ себя то жене малые слѣды: въ Москвѣ появились богадѣльни для вдовъ и сиротъ, различныя благотворительныя общества, духовно-учебныя заведенія обновились и пр. Своею свѣтлою личностью и по истинѣ изумительной миссіонерской дѣятельностью онъ снискалъ всеобщее глубокое почтеніе. Сочиненіе его «Указаніе пути въ царствіе небесное» переведено на всѣ инородческіе языки.

И. Барсуковъ, «Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій», М. 1883 г.

Иннокентій, (*Порѣцкій*), архимандритъ, сынъ священника, род. въ 1773 г., умеръ 27 февраля 1847 г. Учился въ Ярославской семинаріи и затѣмъ былъ приходскимъ священникомъ въ с. Порѣчьѣ, ростовскаго уѣзда. Въ 1813 г. поступилъ въ ростовскій Зачатьевскій монастырь, 8 сентября 1814 г. принялъ монашество и сталъ ризничимъ монастыря. 11 августа 1818 г. посвященъ во архимандрита и назначенъ настоятелемъ монастыря.—Человѣкъ болѣзненный, страдавшій язвами на ногахъ, о. Иннокентій крайне рѣдко могъ совершать богослуженіе; но своею подвижническою жизнію онъ пріобрѣлъ себѣ огромную популярность. Тысячи богомольцевъ, посѣщавшія монастырь, непремѣнно заходили въ келію къ «батюшкѣ», чтобы получить его благословеніе, наставленіе, совѣтъ, а иногда и денежную помощь. Его широкая и безусловная благотворительность снискала ему имя «сиротъ питателя, бѣдныхъ и безпріютныхъ всегдашняго подателя»; за его гробомъ шло со слезами несмѣтное количество народа. Въ Зачатьевскомъ монастырѣ онъ выстроилъ при соборномъ монастырскомъ храмѣ еще другой обширный теплый храмъ. За пожертвованія въ пользу Ярославской семинаріи и духовныхъ училищъ ярославской епархіи о. Иннокентій получилъ выраженіе признательности отъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ его управленіе 23 августа 1823 г. монастырь удостоился посѣщенія императоромъ Александромъ I, пожертвовавшимъ монастырю полное серебряное церковное облаченіе.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1818 г., № 411; 1821 г., № 339; 1823 г., № 904; 1824 г., № 336; 1825 г., № 400; 1830 г., № 189 и др.; «Яросл. епарх. вѣдом.», 1876 г.. №№ 5—7. *С. Г. Р.*

Иннокентій (*Сельнокриновъ*), архіепископъ. Происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ предѣлахъ пермской епархіи въ 1778 г., умеръ 25 апрѣля 1840 г. По окончаніи курса въ Вятской духовной семинаріи былъ назначенъ (1803 г.) въ Пермскую семинарію учителемъ низшихъ классовъ и греческаго языка; въ 1808 г. принялъ монашество. Въ 1813 г. произведенъ въ архимандрита Соликамскаго истобенскаго монастыря. Въ 1818 г. коммиссіей духовныхъ училищъ назначенъ учителемъ церковной и гражданской исторіи и инспекторомъ Пермской семинаріи. Въ 1824 г. переведенъ во Псковъ ректоромъ семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ; затѣмъ назначенъ присутствующимъ въ консисторіи, благочиннымъ надъ монастырями и архимандритомъ Елизарова монастыря. Въ 1826 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди. 23 мая 1827 г. въ Москвѣ хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московской митрополіи. 28 марта 1831 г. переведенъ въ Курскъ. Когда въ западныхъ губерніяхъ начато было проведеніе подготовительныхъ мѣръ къ возсоединенію уніатовъ и на тамошнія каѳедры были предназначены избранные епископы, Иннокентій былъ назначенъ 1 февраля 1832 г. на волынскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Высочайшимъ указомъ 1 марта 1840 г. преосвященный Иннокентій былъ переведенъ въ Орелъ, но во время пути на новое мѣсто служенія скончался. Въ бытность въ Перми онъ велъ близкое знакомство съ проживавшимъ тамъ въ ссылкѣ гр. М. М. Сперанскимъ. На Волыни онъ оставилъ замѣтный слѣдъ благоустройствомъ Почаевскаго монастыря, переименованнаго въ 1833 г. въ

Лавру; тогда же были открыты въ Лаврѣ мощи преподобнаго Іова; въ 1836 г. онъ устраивалъ Волынскую семинарію, которая была переведена изъ мѣстечка Аннополя въ г. Кременецъ. Мірское имя его было Яковъ Максимовичъ Коровинъ; въ семинаріи перемѣнена фамилія, въ монашествѣ—имя.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1827 г., № 463; 1831 г., № 260; 1840 г., № 2456 и др.; «Волынскія епарх. вѣдом.», 1869 г., № 24 и 1870 г., приложеніе; «Харьковскія епарх. вѣд.», 1871 г.; «Пермскія епарх. вѣд.», 1871 г. № 50 и 1872 г., №№ 6 и 11 (нѣкоторыя письма и рѣчь Иннокентія); Архим. Іустинъ (Лаговскій), «Исторія Пермской дух. семинаріи». *С. Г. Р.*

Иннокентій (Иларіонъ *Смирновъ*), епископъ, сынъ дьячка, род. 30 мая 1784 г., въ с. Павловѣ, богородицкаго уѣзда, умеръ 10 октября 1819 г. Обучался сначала въ московской Перервинской, а потомъ въ Троицкой лаврской семинаріи, гдѣ съ 1805 г. былъ учителемъ и катихизаторомъ, а съ 10 августа 1809 г. префектомъ; того же года 13 октября постриженъ въ монашество. Въ августѣ 1810 г. произведенъ въ игумена Угрѣшскаго монастыря, затѣмъ игуменомъ московскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1811 г. опредѣленъ баккалавромъ церковной исторіи, въ Александроневскую академію; въ 1812 году произведенъ во архимандрита и сдѣланъ инспекторомъ Петербургской семинаріи и членомъ духовной цензуры. Въ 1814 году возведенъ на степень доктора богословія и наименованъ архимандритомъ Сергіевской пустыни, а въ 1816 г.—Юрьева монастыря, оставаясь ректоромъ Петербургской семинаріи. 22 февраля хиротонисанъ во епископа пензенскаго и саратовскаго. Мужъ высокой духовной жизни, преосв. Иннокентій былъ извѣстенъ въ свое время, какъ толкователь Св. Писанія, проповѣдникъ, историкъ, богословъ и какъ авторъ прекрасныхъ писемъ. Въ библіотекѣ пензенскаго каѳедральнаго собора хранится рукописная книга о жизни преосв. Иннокентія, присланная въ 1827 г. юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ подъ заглавіемъ: «Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго». Написанное имъ «Начертаніе библейской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до XVIII в., въ пользу духовнаго юношества», 2 ч., 1817, послѣ того выдержало еще 6 изданій; «Сочиненія» его изданы были въ двухъ частяхъ, въ 1821 г.; нѣсколько словъ его на разные случаи напечатаны были отдѣльно.

Д. Троицкій, «Иннокентій, епископъ пермскій»; «Перм. епарх. вѣд», 1872, № 16; «Сарат. епарх. вѣд.», 1867, №№ 7, 13; Сергій, архим., «Историч. опис. москов. Знам. монаст.» 98; Смирновъ «Ист. Троицкой семин.», 498; Чистовичъ, «Исторія Петерб. духов. академ.»; 248; Д. Б., «Угрѣша», М. 1875; Геннади, «Словарь».

Иннокентій (Михаилъ *Сухановъ*), архимандритъ, сынъ священника, род. около 1774 г. въ иркутской губ., умеръ 2 мая 1811 г. Съ 1786 г. обучался въ Иркутской семинаріи, а съ 1798 г. въ Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса, въ 1801—1802 гг., обучался въ Академіи нотному пѣнію и нѣмецкому языку, потомъ возвратился на родину и былъ учителемъ въ семинаріи русскаго и нѣмецкаго языковъ, а съ 1804 г. префектомъ и учителемъ философіи. 25 февраля 1805 г. постригся съ именемъ Иннокентія. 24 мая 1808 г. произведенъ въ игумена, а 25 декабря въ архимандрита Киренскаго монастыря. Извѣстно его сочиненіе: «Историческое изслѣдованіе о соборахъ Россійской церкви» (Спб. 1803 г.) и рѣчь благодарственная по окончаніи курса въ Академіи.

Дѣла архива Св. Синода 1808 г.. № 535 и 1811 г. № 428.

Иннокентій, ректоръ Казанской духовной академіи, умеръ 20 мая 1868 г., сынъ священника воронежской губерніи. По окончаніи курса сначала въ Воронежской семинаріи въ 1847 г., а потомъ въ Кіевской академіи въ 1851 г., постриженъ въ монашество и былъ профессоромъ, инспекторомъ и ректоромъ въ семинаріяхъ: Екатеринославской, Саратовской, Казанской и, наконецъ въ 1864 г., назначенъ ректоромъ послѣдней. Ему принадлежатъ: «Богословіе обличительное», въ 4-хъ томахъ, «О препровожденіи великаго поста по уставу Православной церкви», «Памятныя записки Викентія Лиринскаго», (переводъ); кромѣ того имъ напечатано до 15 статей въ «Православномъ Собесѣдникѣ», за 1864—1868 гг.

«Православный Собесѣдникъ», 1868 г., II, 256—257.

Иннокентій, флотскій іеромонахъ. Изъ духовнаго званія, род. въ 1768 г., умеръ въ 1855 г. Обучался въ кирилловскомъ духовномъ училищѣ, изъ котораго исключенъ по великовозрастію. 30 ноября 1811г. поступилъ послушникомъ въ Кириловъ бѣлозерскій монастырь. Въ 1822 г. ру-

коположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Былъ человѣкъ неуживчиваго характера и до десяти разъ былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто по прошенію монастырскихъ настоятелей. Неоднократно находился во флотѣ и въ 1855 г. назначенъ былъ во флотъ съ званіемъ благочиннаго надъ флотскимъ духовенствомъ, находящимся въ Свеаборгѣ. Во время бомбардированія непріятельскимъ флотомъ Свеаборга 28 и 29 іюля 1855 г. о. Иннокентій, находившійся на кораблѣ «Россія», все время служилъ молебенъ на кораблѣ и съ крестомъ и св. водою обходилъ палубу подъ очень сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, воодушевляя экипажъ. За этотъ подвигъ храбрости онъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1855 г., № 3480 и др.

С. Г. Р.

Иноземцевъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, врачъ, дѣйств. стат. сов., членъ Медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, сынъ чиновника, род. 12 февраля 1802 года, въ калужской губ., умеръ 6 августа 1869 г. въ Москвѣ. Кончивъ курсъ въ Харьковской гимназіи въ 1819 г., онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Прослушавъ два года общіе курсы, желалъ записаться на медицинскій факультетъ, но, какъ стипендіатъ, долженъ былъ поступить на факультетъ не по собственному выбору, а по распоряженію начальства и былъ назначенъ на словесный, откуда черезъ годъ вышелъ, не кончивъ курса и за казенное содержаніе служилъ три года учителемъ сначала исторіи, а потомъ математики въ уѣздномъ училищѣ, въ г. Льговѣ, курской губ. Въ 1826 г. снова поступилъ въ Харьковскій университетъ прямо на второй курсъ медицинскаго факультета, и въ 1828 г. былъ отправленъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ, гдѣ 13 марта 1833 г. получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1835 г., по возвращеніи изъ заграницы, гдѣ онъ занимался въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, прочитавъ пробную лекцію, былъ назначенъ профессоромъ практической хирургіи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1839 г., по порученію Министра Народнаго Просвѣщенія обозрѣвалъ лучшія клиники Германіи Италіи и Франціи, и вмѣстѣ съ отчетомъ о своей поѣздкѣ представилъ проектъ устройства практическаго преподаванія медицины въ русскихъ университетахъ. Въ 1859 г. вышелъ въ отставку. Своею ученою дѣятельностію, направленной преимущественно къ практическому изученію медицины, Иноземцевъ достигъ блестящихъ результатовъ: онъ создалъ цѣлую школу врачей практиковъ и пользовался такою извѣстностью, что имѣлъ въ годъ до 6000 паціентовъ. Какъ профессоръ-практикъ Иноземцевъ писалъ не много. По его собственнымъ словамъ литературныя занятія имѣли для него второстепенное значеніе. Онъ напечаталъ: «О заслугахъ Лодера въ хирургіи»; (1827) и нѣсколько статей по современнымъ ему частнымъ вопросамъ. Въ 1858 — 1862 гг. онъ издавалъ «Московскую медицинскую газету», подаривъ ее Московскому обществу русскихъ врачей, имъ же основанному въ 1861 г.

Шевыревъ, «Словарь профес. Москов. унив.»; Змѣевъ, «Русск. врачи писатели»; Геннади, «Словарь»; Смирновъ, «Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцевѣ», М. 1872; «Русскія Вѣдом.», 1869, № 173, «Одесск. Вѣстн.», 1869, № 206; «Моск. мед. газ.» 1870, № 32.

Иноходцевъ, *Петръ Борисовичъ*, академикъ. Сынъ солдата Преображенскаго полка, род. въ Москвѣ 21 ноября 1742 г., умеръ 27 октября 1806 года. 10 ноября 1752 г. по прошенію отца принятъ въ гимназію при Академіи Наукъ; 8 августа 1760 г. за успѣхи въ наукахъ наименованъ студентомъ; съ 1762 г. уже началъ преподаваніе геометріи, сначала въ Академической гимназіи, а съ 1765 г.—въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ. 25 іюня 1765 г. отправленъ за границу для усовершенствованія въ физическихъ и математическихъ наукахъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими молодыми людьми порученъ надзору Шлецера, выѣхавшаго въ то-же время въ Германію. 24 августа прибыли они въ Геттингенъ и были приняты мѣстными профессорами въ высшей степени радушно. Два знаменитѣйшіе профессора Геттингенскаго университета того времени—Гольманъ и Кестнеръ—съ большою похвалою отзывались о занятіяхъ Иноходцева и ожидали многаго отъ его дальнѣйшей дѣятельности. 13 іюня 1767 г. Иноходцевъ возвратился изъ за границы. 10 октября 1768 г. единогласно избранъ адъюнктомъ Академіи за сочиненіе «De nivellatione» и по отличному отзыву о немъ выдающихся академиковъ. Въ 1767—1769 гг. приготовлялъ штурмановъ къ наблюденіямъ Венеры во время прохожденія ея черезъ дискъ солнца

и къ другимъ астрономическимъ наблюденіямъ, и перевелъ аналитику Эйлера. Въ 1769—1775 гг. совершилъ поѣздку на востокъ Россіи для астрономическихъ наблюденій и едва спасся отъ бунтовщиковъ Пугачева. Въ 1776—1777 гг. читалъ публичныя лекціи по математикѣ. Въ 1779 г. единогласно избранъ экстраординарнымъ академикомъ, въ 1783—ординарнымъ. Въ 1781—1785 гг. Иноходцевъ совершилъ второе астрономическое путешествіе, во время котораго опредѣлилъ географическую широту и долготу многихъ городовъ Россіи. По возвращеніи въ Петербургъ читалъ публичныя лекціи; въ 1784 г.—пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ, въ 1794 г. орденомъ св. Владиміра 4 ст.; 16 февраля 1797 г. назначенъ въ Ригу цензоромъ, 23 іюля 1799 г. вторично по Высочайшему повелѣнію принятъ въ Академію Наукъ. Съ этого времени постоянно уже оставался при Академіи, усиленно занимаясь астрономическими и метеорологическими наблюденіями; въ 1785 г. избранъ членомъ Россійской Академіи и принималъ живое участіе въ ея работахъ по составленію словаря. Опредѣленія долготы и широты, сдѣланныя Иноходцевымъ, отличаются большою точностью, нѣкоторыя даже совершенно вѣрны, что очень замѣчательно, если принять въ разсчетъ несовершенство инструментовъ, бывшихъ въ его распоряженіе. Многочисленныя его статьи по различнымъ вопросамъ появились въ изданіяхъ Академіи Наукъ, спеціально ученыя статьи писаны имъ по-латыни; по-русски онъ написалъ: «Приложеніе метеорологіи къ земледѣлію», затѣмъ описанія намѣстничествъ вологодскаго, тамбовскаго, великоустюжской области, города Каргополя, Каспійскаго моря, статьи о сѣверномъ сіяніи, о солнечномъ затмѣніи, о землетрясеніи и мн. др. Спеціально ученыя статьи создали Иноходцеву большую извѣстность даже заграницей. Всѣ его статьи совершенно лишены схоластичности и отмѣчены умомъ яснымъ и здравымъ.

Сухомлиновъ, «Ист. Рос. Акад.», III, 168—264, 364—434; на страницахъ 409—430 списокъ всѣхъ трудовъ Иноходцева, на стр. 376—383, путевыя записки, веденныя Иноходцевымъ и Юдинымъ во время ихъ заграничнаго путешествія.

Инсарскій, *Василій Антоновичъ*, род. въ Пензѣ въ 1814 г., умеръ 23 декабря 1882 г. Послѣ домашняго воспитанія и недолгаго пребыванія въ мѣстной гимназіи, служилъ въ мѣстномъ же уѣздномъ судѣ, затѣмъ въ Синодѣ и въ Департаментѣ государственныхъ имуществъ; въ 40-хъ годахъ поступилъ управителемъ имѣній къ кн. А. П. Барятинскому и въ 1857—1862 гг. былъ при немъ начальникомъ канцеляріи Кавказскаго намѣстничества; съ 1862 по 1866 не служилъ; въ 1866—1877 гг. былъ московскимъ почтъ-директоромъ, затѣмъ вышелъ въ отставку. Онъ оставилъ «Записки» о своей жизни, поступившія послѣ его смерти въ Императорскую публичную библіотеку; еще при жизни онъ напечаталъ отрывки изъ нихъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1868, 1869, 1873 и 1874 гг. и въ «Русской Старинѣ», тт. IX и XI.

Языковъ, «Обзоръ жизни и труд. покойн. русск. писат.», II, 27.

Ипатій, преподобный печерскій; память 31 марта, жилъ въ XIII в.; время кончины неизвѣстно; по преданію, служилъ больной братіи и за свою кротость, смиреніе и молитвенность удостоился дара исцѣленій.

Модестъ, «Краткое сказаніе о жизни св. отцовъ дальнихъ пещеръ».

Ипатій (*Поцѣй*), уніантскій митрополитъ кіевскій, род. въ 1541 г., умеръ 18 іюля 1613 г. (въ мірѣ Адамъ Львовичъ). Сынъ литовскаго подскарбія, православнаго вѣроисповѣданія, родился въ с. Рожанкѣ (сѣдлецкой губерніи); учился въ кальвинской школѣ и въ Краковской академіи; поступивъ на службу къ кн. Радзивилу, Поцѣй сдѣлался кальвинистомъ и оставался имъ до 33-хъ-лѣтняго возраста: затѣмъ перешелъ на государственную службу, причемъ возвратился (около 1574 г.) въ православіе; въ 1580 г. онъ былъ уже земскимъ судьею въ Брестѣ, а въ 1589 г. — сенаторомъ и брестскимъ каштеляномъ. Воспитанный внѣ живыхъ связей съ православною церковью, Поцѣй не былъ твердъ въ православной вѣрѣ и вскорѣ сталъ обнаруживать склонность къ католической церкви; очень сильное вліяніе на него въ этомъ дѣлѣ имѣли папскій нунцій Коммендони и Петръ Скарга. 20 марта 1593 г., король Сигизмундъ III, по настойчивому желанію кн. К. К. Острожскаго, назначилъ Поцѣя епископомъ владимірскимъ и брестскимъ; Поцѣй посвященъ былъ въ санъ во Владимірѣ луцкимъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ. Посвященіе Поцѣя въ на эту каѳедру было большимъ пріобрѣтеніемъ для задуманнаго польскимъ правительствомъ дѣла уніи, такъ какъ умомъ, образованіемъ, аристократическими связями, онъ

превосходилъ всѣхъ тогдашнихъ православныхъ западно-русскихъ епископовъ. Уже 21 мая 1594 г. стало извѣстнымъ, что Сигизмундъ III предположилъ послать его вмѣстѣ съ Терлецкимъ депутатами въ Римъ для заключенія уніи; 2 декабря 1594 г. они оба подписали актъ, ими же и составленный, о намѣреніи ихъ соединиться съ римскою церковью и привести къ соединенію съ нею все духовенство и весь народъ западно-русскій; затѣмъ начались хлопоты ихъ по собиранію подписей другихъ епископовъ о согласіи ихъ на унію, за что Сигизмундъ III грамотой 18 февраля 1595 г. выразилъ Поцѣю свое одобреніе; при руководящемъ участіи Поцѣя составлены и подписаны 1 іюня 1595 г. митрополитомъ и епископами условія уніи, а 12 іюня того же года—соборное посланіе къ папѣ съ изъявленіемъ согласія на принятіе уніи; 24 сентября 1595 г. Поцѣй съ Терлецкимъ отправились изъ Кракова въ Римъ, куда и прибыли 15 ноября; 23 декабря 1595 г., на торжественной аудіенціи, данной имъ Климентомъ VIII, провозглашена унія западной русской церкви съ Римомъ, причемъ Поцѣй прочелъ полатыни вполнѣ римское исповѣданіе вѣры, вопреки даннымъ ему отъ его собратій полномочіямъ. Поцѣй съ Терлецкимъ явились главными дѣятелями и на Брестскомъ соборѣ (6—9 октября 1596 г.) Послѣ этого собора Поцѣй пустилъ въ ходъ всѣ насильственныя мѣры къ фактическому введенію уніи, между прочимъ силою отнялъ у Брестскаго православнаго братства устроенную имъ школу, такъ что въ началѣ 1598 г. православные послы внесли на Варшавскій сеймъ «позывъ» на Поцѣя за всѣ его насилія. Позывъ этотъ, однако, не имѣлъ для Поцѣя никакихъ дурныхъ послѣдствій, а напротивъ, 26 сентября 1599 г. Сигизмундъ III назначилъ Поцѣя кіевскимъ митрополитомъ, съ сохраненіемъ за нимъ же и владимірской епархіи; съ этихъ поръ Поцѣй еще энергичнѣе началъ дѣйствовать противъ православныхъ, особенно въ Вильнѣ; въ 1601 г. онъ вытѣснилъ изъ Виленскаго монастыря Свято-Троицкое братство и когда оно основалось при Свято-Духовскомъ монастырѣ, всѣми средствами продолжалъ его и тутъ преслѣдовать; въ 1605 г. совсѣмъ отнялъ у виленскаго магистрата въ свое непосредственное распоряженіе Троицкій монастырь; усиленно старался овладѣть и Кіево-Печерской лаврой, однако безуспѣшно; при покровительствѣ короля онъ оставался всегда безнаказаннымъ; въ 1600 г. король объявилъ его оправданнымъ по извѣстному «позыву»; папа выразилъ ему благодарность. Борьба Поцѣя съ православными, особенно съ Духовскимъ братствомъ, принимала все болѣе и болѣе насильственный характеръ; самовольныя дѣйствія Поцѣя, особенно назначеніе имъ на должность намѣстника Рутскаго, возбудили противъ него даже то высшее виленское бѣлое и черное духовенство, которое раньше подчинилось ему, принявъ унію; теперь же и оно отказалось ему повиноваться; начался длинный судебный процессъ Поцѣя съ православными виленцами, окончившійся полной побѣдой Поцѣя, передачей ему (въ 1609 г.) всѣхъ виленскихъ церквей (кромѣ Духовской) и покушеніемъ тогда же на его жизнь въ Вильнѣ; въ 1609 г. онъ захватилъ кіевскій Софійскій соборъ; умеръ Поцѣй 18 іюля 1613 г. во Владимірѣ Волынскомъ и погребенъ въ каѳедральномъ Владимірскомъ соборѣ.

Батюшковъ, «Памятники русск. стар. въ зап. губ.», VIII; Трипольскій, «Уніатскій митр. Поцѣй». въ «Трудахъ Кіев. дух. акад.», 1877; Макарій, «Ист. русск. церкв.», т.т. IX, X.

Ипатій, архимандритъ, род. въ 1780 г., умеръ около 1850 г. По окончаніи образованія къ Кіевской духовной академіи рукоположенъ въ діакона, а черезъ два года въ священника. Съ 1813 по 1831 г., состоя «учителемъ оспопрививанія», сдѣлалъ прививку предохранительной оспы болѣе нежели 20.000 дѣтей. За это Высочайше удостоенъ денежной награды, произведенъ въ протоіереи и отъ Человѣколюбиваго общества получилъ золотую медаль. Съ 1828 г., по увольненіи изъ епархіальной службы, состоялъ экономомъ Курской семинаріи, затѣмъ курскаго архіерейскаго дома. 21 ноября 1831 г. принялъ монашество. Въ 1833 г. назначенъ строителемъ въ обоянскій Знаменскій монастырь, съ производствомъ во игумены. Въ 1834 г. посвященъ во архимандрита бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря; затѣмъ переведенъ снова въ обоянскій, а въ 1840 г. въ Путивльскій молчанскій монастырь. Въ 1849 г., по прошенію, за слабостію здоровья, уволенъ отъ настоятельства и вскорѣ скончался.

Архивъ св. Синода, дѣло 1849 г., № 1014.

Ипполитъ (*Авринскій*), архимандритъ. Происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ 1710 г., умеръ 26 сентября 1789 г.

Въ 1757 г. принялъ монашество въ Николаевскомъ прилуцкомъ монастырѣ; въ 1763 г., назначенъ настоятелемъ тотемскаго Спасо-суморина монастыря, въ 1765 году произведенъ въ санъ архимандрита, въ 1769 г. получилъ мѣсто настоятеля пензенскаго Преображенскаго монастыря, въ 1774 г. вернулся обратно въ Спасо-суморинъ. Его крутой нравъ, а можетъ быть и нѣкоторыя невоздержности, подвели его подъ судъ; въ 1785 г. онъ бѣжалъ отъ судебнаго разбирательства, но былъ сысканъ, лишенъ архимандричьяго креста и права священнослуженія. Въ 1787 г. Ипполиту возвращенъ архимандричій крестъ и дано настоятельство въ Архангельскомъ монастырѣ въ г. Лальскѣ. Съ 1788 г. онъ жилъ на покоѣ въ Спасо-суморинomъ монастырѣ, гдѣ и умеръ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1770 г., № 118; 1785 г., № 119; 1788 г., № 108, и др. *С. Г. Р.*

Ипсиланти, князь *Александръ Константиновичъ*, генералъ-маіоръ русской службы, род. въ 1793 г., умеръ 31 января 1828 г. Фамилія Ипсиланти ведетъ свое начало изъ Трапезунта. Когда въ началѣ XVIII вѣка фамилія эта разбогатѣла, были сдѣланы попытки связать ея начало съ царственнымъ родомъ Комненовъ. Первою историческою личностью этой фамиліи является Іоаннъ Ипсиланти, бывшій сначала старшиною константинопольскаго цеха мѣховщиковъ, а потомъ Валашскимъ господаремъ; онъ былъ повѣшенъ турками въ 1737 г.; Константинъ Ипсиланти, бывшій сначала господаремъ Молдавіи, а потомъ Валахіи, задумалъ освободить Грецію съ помощью Россіи. Замыслы его потерпѣли неудачу и послѣ Тильзитскаго мира онъ вынужденъ былъ удалиться въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ 1816 г. Послѣ него осталось многочисленное семейство и всѣ сыновья его поступили въ русскую службу. Александръ былъ старшимъ изъ нихъ; онъ получилъ домашнее воспитаніе, въ формулярномъ его спискѣ отмѣчено лишь «по россійски, по нѣмецки, по французски и по молдавански читать и писать умѣетъ и алгебры знаетъ». Службу началъ въ 1808 г. корнетомъ въ Кавалергардскомъ полку, въ 1813 г. онъ былъ переведенъ уже въ чинѣ подполковника въ Гродненскій полкъ. Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Клястицахъ и при Полоцкѣ; въ 1813 г. онъ участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ, при Дрезденѣ и во время отступленія при деревнѣ Бролись ему оторвало ядромъ правую руку; вскорѣ послѣ этого онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ 1816 г. онъ былъ пожалованъ въ званіе флигель-адъютанта, а въ 1817 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 1-й гусарской дивизіи. 9 марта 1821 г. онъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

Въ концѣ втораго десятилѣтія нынѣшняго вѣка Дунайскія княжества и вообще весь Балканскій полуостровъ были покрыты сѣтью тайныхъ комитетовъ «гетеріи»—политическаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести возстаніе всѣхъ подвластныхъ Турціи православныхъ христіанъ безъ различія ихъ народности. Послѣ двукратнаго отказа знаменитаго графа Каподистріи стать во главѣ гетеріи, уполномоченный пелопонезцевъ, Ксанѳъ, убѣдилъ Александра Ипсиланти принять на себя руководительство гетеріей, послѣ чего новый глава этого тайнаго общества отправился для свиданія со вторымъ уполномоченнымъ пелопонезцевъ, Папаригопуло, въ Одессу, гдѣ хранилась военная казна гетеристовъ—свыше 5.000.000 франковъ,—составившаяся по преимуществу изъ пожертвованій московскихъ и таганрогскихъ грековъ. Папаригопуло сообщилъ ему самыя подробныя свѣдѣнія о средствахъ и планахъ гетеріи и совѣтовалъ начать военныя дѣйствія съ Дунайскихъ княжествъ. Первоначально Ипсиланти думалъ отправиться изъ Трієста, высадиться въ ноябрѣ въ одномъ изъ прибрежныхъ пунктовъ Майны, поднять населеніе и 25 марта, въ день Благовѣщенія, торжественно возвѣстить освобожденіе греческаго народа; начальники албанскихъ отрядовъ, Савва Кашенари и Георгаки Олимпія, также обнадеживали Ипсиланти въ успѣхѣ возстанія. Ипсиланти, зная, что Турція не имѣетъ права ввести свои войска въ Дунайскія княжества безъ согласія Россіи, полагалъ, что при возстаніи Порта либо пошлетъ немедленно войска для усмиренія возмутившихся и такимъ образомъ, нарушивъ договоръ, дастъ право Россіи объявить ей войну, либо найдетъ нужнымъ испросить у Россіи согласія на отправленіе войска, на что при медленности тогдашнихъ сообщеній потребуется много времени, въ продолженіе котораго возстаніе сдѣлаетъ большіе успѣхи. Разсчитывая на это, Ипсиланти 22 февраля 1821 г. перешелъ Прутъ

въ сопровожденіи двухъ своихъ братьевъ, Николая и Георгія, полковника Кантакузена, Георгія Мано и польскаго офицера Гарновскаго. Молдавскій господарь, Михаилъ Сутцо, тотчасъ же присоединился къ движенію, а 24 февраля Ипсиланти издалъ въ Яссахъ свое извѣстное воззваніе къ грекамъ. Въ Валахіи въ это время происходили серьезные безпорядки изъ за того, что бояры не хотѣли признавать власти назначеннаго Портою новаго господаря, Каллимахи, а желали избрать въ эту должность кого либо изъ своей среды. Пользуясь этою анархіей, отрядъ Саввы Кашенари захватилъ Бухарестъ; но уже съ самого вступленія въ Молдавію, Ипсиланти возстановилъ противъ себя жителей этой области: объявивъ въ своемъ воззваніи, что идетъ освобождать грековъ, онъ раздражилъ румынъ, которые вовсе не желали служить смѣлымъ орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ иноземнаго пришельца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ипсиланти, при всей своей испытанной храбрости и безкорыстіи, не умѣлъ выбирать себѣ способныхъ помощниковъ и вовсе не обладалъ организаторскимъ талантомъ. Съ боярами онъ обращался крайне надменно, и не съумѣлъ сблизиться съ наиболѣе выдающимися изъ предводителей возставшихъ; помѣстивъ свою главную квартиру въ Тарговиштѣ, онъ сталъ заниматься раздачею чиновъ, балами, концертами, забывъ совершенно о близости турокъ, которые быстро наступали на столицу. Но главный ударъ попыткѣ Ипсиланти былъ нанесенъ положеніемъ, какое заняла Россія: императоръ Александръ Павловичъ отнесся несочувственно къ возстанію Ипсиланти, и самого его исключилъ изъ службы, вслѣдствіе чего отъ возставшихъ отпали всѣ тѣ, кто вѣрили доселѣ, что Россія не замедлитъ подать возставшимъ руку помощи, предоставленное же собственнымъ силамъ возстаніе, при явной неспособности главнаго вождя, должно было быть подавлено. Главныя силы инсургентовъ, доходившія прежде до 6000, съ каждымъ днемъ таяли. Наконецъ Ипсиланти отступилъ къ р. Ольтѣ, перешелъ ее и 17 іюня занялъ позицію у монастыря Дрогошанъ, неподалеку отъ Крайовы, близъ австрійской границы. 19 іюня 1821 г. турки аттаковали возставшихъ; двѣ аттаки были отбиты, но при третьей албанцы ударились въ бѣгство и увлекли за собою всѣ остальные отряды; одна «священная фаланга», отбивалась и послѣ отчаяннаго сопротивленія была истреблена почти въ полномъ составѣ. Самъ Ипсиланти перешелъ границу и былъ задержанъ австрійскими властями; Валахія перешла во власть султана. Ипсиланти, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, былъ заключенъ австрійцами сначала въ венгерскую крѣпость Могачъ, а потомъ переведенъ въ Терезіенштадтъ. Въ 1827 г., благодаря настояніямъ Россіи, узники были освобождены, но подъ условіемъ, что они не выѣдутъ изъ предѣловъ Австріи. Ипсиланти вскорѣ и скончался отъ грудной болѣзни, развившейся у него во время его долгаго заключенія.

Дѣятельность Ипсиланти въ княжествахъ представляетъ печальный примѣръ политическаго вождя, выдвинутаго на первый планъ только силою обстоятельствъ и взявшагося за непосильное для него дѣло. Начиная свое возстаніе, Ипсиланти не обдумалъ зрѣло всѣхъ подробностей своего предпріятія, не отдалъ себѣ отчета въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему предстояло дѣйствовать, а у самого его не было ни умѣнья, ни стойкости, чтобы бороться съ тѣми неблагопріятными для его дѣла обстоятельствами, съ которыми ему пришлось столкнуться. Исторія, однако, не забудетъ, что хотя попытка Ипсиланти и не удалась, но она, тѣмъ не менѣе, дала могучій толчокъ дѣлу освобожденія Греціи.

Pouqueville, «Histoire de la régénération de la Grèce» Paris, 1835; Палеологъ и Сивинисъ, «Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи», Спб. 1867; K. Mendelssohn-Bartholdy, «Geschichte Griechenlands», Leipzig, 1870; «Русскій Архивъ», 1868, стр. 294; книга формуляровъ № 2913 въ московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба.

Ираида (княжна Ирина Яковлевна *Куракина*), игуменья смоленскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, первая послѣ отнятія его у уніатовъ, управляла монастыремъ съ 1660 по 1678 гг.; по довольно достовѣрному устному преданію у нея воспитывалась Наталья Кирилловна Нарышкина.

«Ист.-стат. опис. смолен. епархіи», 223—226.

Ираида (*Павлуцкая*), игуменія иркутскаго Знаменскаго монастыря. На призывъ поддержать существованіе монастыря прибыла изъ Россіи въ августѣ 1769 г., собрала монахинь, расширила храмъ и много сдѣлала для устройства распадавшагося монастыря; умерла въ декабрѣ 1782 г.

«Иркут. епар. вѣд.», 1892 г.

Ираклій (*Евреиновъ*), архимандритъ, происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ, род. въ 1744 г., умеръ 31 октября 1815 г. Поступивъ въ 1764 г. въ число монашеской братіи, былъ, между прочимъ, келейникомъ московскаго архіепископа Амвросія, убитаго во время чумы. Въ 1770 г. посвященъ въ іеромонаха; состоялъ ризничимъ, казначеемъ, съ 1774 г. строителемъ Давыдовой пустыни, съ 1788 г. игуменомъ Знаменскаго монастыря. 21 ноября 1797 г. произведенъ въ архимандрита московскаго Златоустова монастыря; въ 1800 г. переведенъ въ Іосифовъ волоколамскій. Въ 1804 г., по желанію митрополита Платона, переведенъ въ московскій Богоявленскій монастырь; въ 1811 г.—въ московскій Даниловъ монастырь, въ которомъ и скончался. Отецъ Ираклій былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ митрополита Платона въ хозяйственныхъ дѣлахъ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1800 г., № 138; 1802 г., № 641; 1804 г., № 203; 1811 г., № 124; 1816 г., № 285.

Ираклій (Иванъ *Комаровскій*), епископъ. Сынъ священника-дворянина, род. въ 1703 г., умеръ 26 октября 1765 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи; былъ учителемъ въ Черниговской семинаріи. 1 ноября 1730 г. принялъ монашество; состоялъ каѳедральнымъ писаремъ при мѣстномъ архіереѣ, былъ игуменомъ костянскаго Троицкаго монастыря, затѣмъ суражицкаго Благовѣщенскаго, Каменнаго успенскаго и, наконецъ, Троицкаго ильинскаго черниговскаго монастыря. Этому монастырю онъ успѣлъ вернуть нѣкоторыя отнятыя у него разными лицами имѣнія. 8 сентября 1752 г. посвященъ во епископа черниговскаго и новгородсѣверскаго. Особенная его приверженность и предпочтеніе монашествующему духовенству возбудили противъ него бѣлое духовенство и протопопы въ 1761 году подали жалобу на него самой императрицѣ; вслѣдствіе этой жалобы назначенъ былъ въ Черниговъ новый епископъ — воронежскій Кириллъ, а Ираклій 19 октября 1761 г. былъ уволенъ отъ управленія епархіей; 5 ноября 1762 г. ему было предоставлено настоятельство въ черниговскомъ Троицкомъ ильинскомъ монастырѣ, съ обѣщаніемъ первой свободной архіерейской каѳедры; но Ираклій умеръ, не дождавшись ея.

Филаретъ, «Истор.-стат. опис. черниг. епархіи».

С. Г. Р.

Ираклій (*Лисовскій*), митрополитъ греко-уніатскій, сынъ помѣщика лепельскаго уѣзда витебской губерніи, умеръ 30 августа 1809 г. Онъ былъ сначала суперіоромъ Оршанскаго монастыря, потомъ архимандритомъ Онуфріевскаго монастыря; въ концѣ 1779 г. назначенъ первенствующимъ членомъ Полоцкой уніатской консисторіи, управлявшей бѣлорусскою епархіей послѣ перемѣщенія архіепископа Смогоржевскаго на митрополичью каѳедру въ Польшѣ; 16 января 1784 г. назначенъ архіепископомъ полоцкимъ. Онъ дѣйствовалъ всегда согласно съ видами русскаго правительства; въ 1785 г. предлагалъ уничтожить латинскія измѣненія въ греческихъ обрядахъ уніатской церкви; старался возстановлять въ уніатскихъ церквахъ иконостасы, предлагалъ даже духовенству совершать богослуженіе по книгамъ московской печати; самъ сталъ носить рясу; для изученія православныхъ обрядовъ совершилъ (въ 1802 г.) путешествіе въ Іерусалимъ. Въ 1803 г., по случаю совращенія ста тысячъ бѣлорусскихъ уніатовъ въ латинство, послалъ въ Петербургъ своего архипресвитера Красовскаго выяснить императору Александру тягостное положеніе уніатовъ въ Бѣлоруссіи; вслѣдствіе доклада Красовскаго послѣдовалъ 4 іюля 1804 г. Высочайшій указъ, запрещавшій обращать уніатовъ въ католичество, и рядъ распоряженій къ огражденію ихъ отъ латинской пропаганды; 12 іюля 1804 г. въ Римско-католическую коллегію въ С.-Петербургѣ, вѣдавшую дѣла уніатской церкви и состоявшую изъ однихъ католиковъ, приказано назначить членомъ уніатскаго епископа и трехъ асессоровъ отъ каждой изъ уніатскихъ епархій; 16 іюня 1805 г. образованъ особый (второй) греко-уніатскій департаментъ Римско-католической коллегіи, подъ предсѣдательствомъ Лисовскаго. 24 іюля 1806 г. онъ назначенъ митрополитомъ всѣхъ уніатскихъ церквей въ Россіи и по Высочайшему повелѣнію 16 декабря 1806 г. открылъ въ Полоцкѣ духовную семинарію для уніатовъ, много хлопоталъ, хотя безуспѣшно, о подчиненіи базиліанъ епархіальной власти и объ уничтоженіи ктиторства помѣщиковъ-католиковъ надъ уніатскими церквами. Умеръ 30 августа 1809 г. и погребенъ въ Струни, возлѣ Полоцка.

Бобровскій, «Рус. греко-уніат. церковь въ царствованіе императора Александра I»; Батюш-

ковъ, «Литва и Бѣлоруссія»; Сапуновъ, «Витебская Старина», V; «Матеріалы для ист. полоц. епархіи»; «Акты Вилен. археограф. ком.», XVI.

Ирецкій, *Василій Ѳедоровичъ*, вице-адмиралъ, изъ дворянъ, род. въ 1804 г., умеръ 6 февраля 1886 г.; въ службу вступилъ 8 іюня 1818 г. въ балтійскій флотъ гардемариномъ, произведенъ въ мичманы 2 марта 1821 г. Съ 1847 г. командовалъ разными судами. Въ 1854 г. находился въ Свеаборгѣ и во время бомбардированія его соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ былъ начальникомъ гельсингфорскихъ береговыхъ батарей. 30 августа 1855 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ второй морской бригады; 17 апрѣля 1863 г. произведенъ въ вице-адмиралы и уволенъ въ отставку.

Формуляръ въ архивѣ Морского Министерства.

Ирина Михаиловна, старшая изъ семи дочерей царя Михаила Ѳеодоровича отъ брака съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой, род. въ Москвѣ 22 апрѣля 1627 г., умерла въ Москвѣ же 3 февраля 1679 г. Въ іюнѣ 1640 г. задумали выдать ее замужъ за принца Вольдемара Христіана Гильденлеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго, сына датскаго короля Христіана IV отъ морганатическаго брака съ графиней Христиной Мункъ. 21 января 1644 г. принцъ пріѣхалъ въ Москву, но бракъ разстроился изъ за того, что Вольдемаръ не хотѣлъ переходить въ православіе; 17 августа 1645 г. принцъ уѣхалъ обратно въ Данію. Царевна Ирина была воспріемницей при св. крещеніи царевичей Дмитрія и Алексѣя Алексѣевичей и Петра Великаго. Погребена Ирина подъ соборной церковью Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ.

Соловьевъ, т. IX, 283—306 и X, 111 — 112; В. Бергъ, «Царствованіе царя Алексѣя Михаиловича», I, 24—29; Хмыровъ. «Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ»: «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей», 1867 г. № 4; Голубевъ, «Пренія о вѣрѣ».

Ирина Ѳеодоровна, царица, супруга Ѳеодора Іоанновича, дочь Ѳеодора Ивановича и Степаниды Ивановны Годуновыхъ; время и мѣсто рожденія ея неизвѣстны, умерла 26 октября 1603 г. въ Москвѣ. Въ 1580 г. она вышла замужъ за царевича Ѳеодора и въ томъ же году была посаженной матерью на свадьбѣ Грознаго съ Маріей Нагой. Во время предсмертной болѣзни тестя она хотѣла ухаживать за нимъ, но поведеніе царя заставило ее удалиться. 19 марта 1584 г. Ѳеодоръ вступилъ на престолъ и, вслѣдствіе его неспособности къ правленію, Ирина пріобрѣла значеніе гораздо большее, чѣмъ обыкновенно имѣли русскія царицы. По свидѣтельствамъ иностранцевъ, Ирина была женщина съ нѣкоторымъ образованіемъ; она участвовала въ управленіи государственными дѣлами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вела себя совершенно самостоятельно, и какъ женщина очень добрая, нерѣдко давала прощеніе преступникамъ, при чемъ иногда даже не упоминалось имени царя. Нѣкоторые именно ея вліянію предписываютъ ту перемѣну къ лучшему, которая настала въ Московскомъ государствѣ тотчасъ вслѣдъ за смертью Грознаго. Во многихъ грамотахъ временъ Ѳеодора Іоанновича имя Ирины упоминается рядомъ съ именемъ царя; этого при предшествовавшихъ государяхъ не бывало—слѣдовательно, Ирина даже оффиціально принимала значительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, не говоря уже о ея негласномъ вліяніи. Знали Ирину и заграницей: она переписывалась съ королевой англійской Елизаветой и съ александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ Пигасомъ. Пришельцевъ съ православнаго востока царица принимала всегда въ высшей степени привѣтливо; часто посылала богатые дары патріархамъ, и въ благодарность за это въ іюнѣ 1591 г. ей присланы были изъ Константинополя часть мощей св. Маріи Магдалины и «вѣнецъ царской золотъ съ каменьемъ и съ жемчугомъ».— Ирина была главной помощницей и опорой брата своего Бориса при его возвышеніи на степень ближайшаго къ царю лица. Въ виду этого, бояре, враждебные Борису, съ митрополитомъ Діонисіемъ во главѣ, составили въ 1587 г. заговоръ и рѣшили просить Ѳеодора, чтобы онъ развелся съ Ириной, такъ какъ отъ нея онъ не имѣлъ дѣтей. Но Борисъ во время узналъ про этотъ заговоръ и успѣлъ его разстроить; въ іюнѣ 1592 г. у Ирины родилась дочь Ѳеодосія, но въ слѣдующемъ же году она умерла. 3 января 1598 г. скончался царь Ѳеодоръ. Передъ смертью онъ долго разговаривалъ съ супругой наединѣ; содержаніе этого разговора осталось неизвѣстнымъ; но въ духовномъ завѣщаніи Ѳеодора Ирина назначена была наслѣдницей его на престолѣ. Немедленно всѣ присягнули Иринѣ, но она, на девятый день по кончинѣ Ѳеодора, торжественно отреклась отъ престола и 16 января постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ подъ именемъ

Александры, предоставивъ управленіе государствомъ боярамъ и патріарху. 21 февраля 1598 г. она благословила на царство Бориса, избраннаго народомъ, но пока собирался въ Москву соборъ для формальнаго избранія царя, государствомъ правила дума боярская, а номинально царицей считалась вдова Ѳеодора: указы писались именемъ царицы Александры, на ея же имя присылались донесенія воеводъ, ее же поминали и на ектеніяхъ (послѣднее продолжалось и въ царствованіе Бориса, вплоть до смерти Ирины — Александры). Послѣ смерти Ѳеодора, Ирина прожила еще около 6 лѣтъ, не выходя изъ своей кельи никуда, кромѣ церкви. Скончалась она въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Кремлѣ.

Карамзинъ, т. X и XI; Соловьевъ, т. т. VII и VIII; Иловайскій т. III, 355 — 360; «Русская родословная книга», т. II, стр. 45; Хмыровъ, «Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ»; С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Джильса Флетчера», 98—99; И. Малышевскій, «Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ», II, 12—13.

Иринархъ, (въ мірѣ *Илья*), преподобный, затворникъ ростовскій. Род. въ іюнѣ 1548 г., сынъ крестьянина с. Кондакова, ростовскаго уѣзда, скончался 13 января 1616 г. Съ дѣтства задумывался о монашествѣ и подвижничествѣ; занявшись затѣмъ по семейнымъ обстоятельствамъ, торговлею, отличался дѣлами милосердія и любовью къ назидательнымъ бесѣдамъ. Имѣя 30 лѣтъ отъ роду, удалился въ Борисоглѣбскій монастырь; здѣсь онъ велъ очень строгую жизнь; братія относилась къ нему недружелюбно и онъ не разъ временно долженъ былъ удаляться въ другіе мѣстные монастыри. Ведя жизнь въ затворѣ и посвящая все время молитвѣ и размышленію, Иринархъ, чтобы имѣть физическую работу, носилъ постоянно очень тяжелыя вериги. Онъ пользовался большою извѣстностью въ смутное время междуцарствія; говорили, что онъ предсказалъ раззореніе Москвы; онъ благословлялъ на битвы кн. М. Д. Скопина-Шуйскаго, затѣмъ рать кн. Пожарскаго, потомъ кн. Б. М. Лыкова; говорятъ, что съ нимъ неоднократно вступали въ споры о царѣ русскомъ предводители польскихъ отрядовъ, но проникнутые уваженіемъ къ старцу, не смотря даже на его рѣзкія противорѣчія, не трогали его монастыря. Въ извѣстіяхъ о личности Иринарха и въ фактахъ его дѣятельности мы находимъ любопытныя черты міровоззрѣнія русскихъ людей той тяжелой эпохи. Память его мѣстно чтится, какъ память святого; мощи подъ спудомъ въ Борисоглѣбскомъ ростовскомъ монастырѣ.

Забѣлинъ, «Мининъ и Пожарскій», гл. XI; «Препод. Иринархъ. затворникъ», 1884; Амфилохій, «Жизнь препод. Иринарха», 1863; гр. Толстой, «Книга, глаголемая описаніе о росс. святыхъ», 234.

Иринархъ (Яковъ Дмитріевичъ *Поповъ*), архіепископъ рязанскій. Сынъ священника, род. около 1790 г. въ с. Долгомъ, курскаго уѣзда, умеръ 25 сентября 1877 г. Обучался въ Курской семинаріи и въ 1817 г. кончилъ курсъ въ Петербургской духовной академіи магистромъ и опредѣленъ учителемъ церковной исторіи и еврейскаго языка въ Орловскую семинарію; 1 августа 1817 г. постриженъ въ Петербургѣ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1819 г. посланъ былъ въ Миланъ къ домовой церкви маркизы Терци, рожденной княжны Голицыной, затѣмъ состоялъ при миссіяхъ въ Римѣ и Флоренціи и возвратился въ Россію въ началѣ 1831 г., съ прекрасными отзывами отъ посланниковъ (въ одномъ онъ названъ даже «праведникомъ» за благочестивую жизнь). Въ февралѣ 1831 г. назначенъ архимандритомъ ярославскаго Толгскаго монастыря. Въ 1833 г. уѣхалъ, по приказанію Государя, съ миссіею въ Грецію съ оставленіемъ за нимъ и Толгскаго монастыря, — но по разстроенному здоровью возвратился въ январѣ 1835 г. и былъ награжденъ 200 червонцами и орденомъ Владиміра 3-й ст. 3 мая 1836 г. архимандритъ Иринархъ былъ хиротонисанъ во епископа старицкаго, викарія тверской епархіи, а 15 сентября перемѣщенъ епископомъ въ Ригу; тягостно было его служеніе здѣсь при враждебномъ отношеніи къ православію эстовъ и латышей; неминуемыя столкновенія и борьба вызвали даже непріятную для преосвященнаго переписку, но потомъ онъ былъ оправданъ и въ ноябрѣ 1841 г. переведенъ на острожскую каѳедру, викаріемъ воронежской епархіи; въ январѣ 1842 г. назначенъ епископомъ вологодскимъ, а 12 ноября 1844 г.—кишиневскимъ; здѣсь состоялъ вице-президентомъ тюремнаго комитета и ревностно заботился о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ перестроилъ на свой счетъ зданія Кишиневской семинаріи и училища; 14 апрѣля 1845 г. возведенъ въ санъ

архіепископа, 17 марта 1858 г. перемѣщенъ на каѳедру каменецъ-подольскую и 20 декабря 1866 г. въ Рязань; въ 1867 г. уволенъ на покой въ Спасскій троицкій рязанскій монастырь, которымъ и управлялъ до самой смерти, проводя самую строгую, почти затворническую жизнь. Преосвященный Иринархъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и ученѣйшихъ богослововъ и проповѣдниковъ; онъ отлично воспользовался для своего образованія своимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ европейскихъ столицахъ; до сихъ поръ еще свѣжа память о немъ, какъ о прекрасномъ проповѣдникѣ. Въ 1868 г. онъ издалъ въ Москвѣ свои сочиненія (поученія) въ 10 книгахъ.

«Церковный Вѣстникъ», 1892 г., № 36; «Странникъ» 1877 г. № 11; «Рязан. еп. вѣд.» 1870 г., № 7; «Вологод. еп. вѣд»., 1868 г. № 15; архивъ св. Синода, дѣло 1831 г., № 34. *Здр.*

Иринархъ (*Шигинг*), игуменъ, умеръ 26 марта 1806 г. Сынъ купца изъ Кинешмы, постригся въ монашество во Флорищевой пустынѣ въ 1784 г. и проходилъ различныя послушанія. Въ 1791 г. былъ назначенъ строителемъ Богородицкаго песоченскаго монастыря костромской епархіи, а 8 октября 1800 г. перемѣщенъ въ Макарьевскій унженскій монастырь, гдѣ и скончался скоропостижно отъ удара. Во время управленія монастыремъ онъ состоялъ благочиннымъ и присутствующимъ въ Унженскомъ духовномъ правленіи. О. Иринархъ былъ характера неуживчиваго; по словамъ митрополита Евгенія онъ имѣлъ приказную ссору почти со всѣмъ свѣтомъ, начиная съ преосвященнаго и кончая своими келейниками; не разъ судился онъ и съ крестьянами изъ за земли. Песоченскій монастырь онъ значительно обогатилъ.

«Костром. епарх. вѣд.», 1891 г., №№ 5—6; дѣло архива св. Синода 1805 г., № 975.

Иринархъ, архимандритъ, изъ духовнаго званія. Род. въ 1748 г., умеръ 5 іюля 1821 г. По окончаніи образованія былъ приходскимъ священникомъ; овдовѣвъ, постригся въ 1798 г. въ монахи и былъ назначенъ синодальнымъ ризничимъ. Въ 1800 г. произведенъ во архимандрита московскаго Златоустова монастыря. Скоро переведенъ въ Богоявленскій, а съ 1806 г. состоялъ архимандритомъ нижегородскаго Печерскаго монастыря и ректоромъ Нижегородской семинаріи. Въ 1808 г. былъ вызванъ на чреду священнослуженія въ Петербургъ; онъ пользовался большою извѣстностью, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Двѣ его проповѣди—въ день рожденія императрицы Маріи Ѳеодоровны (14-го октября 1808 г.) и при погребеніи нижегородскаго архіерея (25 марта 1811 г.) въ свое время были изданы Св. Синодомъ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1800 г., № 379; 1808 г., №№ 764 и 1008; 1811 г., № 371; 1821 г. № 814; Геннади, «Словарь». *С. Г. Р.*

Иринархъ, игуменъ соловецкій, съ 1613 по 1626 г., изъ соловецкихъ же постриженниковъ, замѣчателенъ своею хозяйственною дѣятельностью, оказавшею благотворное вліяніе на экономическое положеніе обширной окрестной страны. При немъ монастырь получилъ большія пожалованія отъ царя Михаила Ѳеодоровича, но за то долженъ былъ возобновить или исправить всѣ монастырскія зданія и укрѣпленія; для борьбы со шведами монастырь долженъ былъ держать на свой счетъ до 1040 чел. войска. Окрестные жители и донынѣ чтутъ память Игнатія.

Досиѳей, «Опис. Соловец. мон.», I, § 21; Игнатій, «Краткія жизнеописанія святыхъ».

Ириней (Иванъ Ивановичъ *Боголюбовъ*), епископъ. Сынъ священника с. Заколпья, бѣлозерскаго уѣзда, род. 18 апрѣля 1804 г., умеръ 8 мая 1860 г. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ своей старшей сестры, признательную память о которой сохранилъ до конца своихъ дней. Окончивъ затѣмъ курсъ въ бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ, поступилъ въ Новгородскую семинарію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1825 г. по первому разряду. Любимый ученикъ тогдашняго ректора семинаріи, архимандрита (впослѣдствіе архіепископа) Игнатія Семенова, онъ отказался отъ поступленія въ Академію и остался при архимандритѣ Игнатіѣ, занимаясь религіозно-нравственными сочиненіями и посѣщеніемъ уроковъ Игнатія по богословію; затѣмъ онъ былъ сдѣланъ лекторомъ греческаго языка въ семинаріи и одно время преподавалъ и еврейскій языкъ. Съ молодыхъ лѣтъ религіозно настроенный, онъ мечталъ о поступленіи въ монашество; но, по волѣ престарѣлыхъ своихъ родителей, женился и 26 марта 1827 г. рукоположенъ священникомъ въ г. Устюжну и назначенъ учителемъ мѣстнаго приходскаго училища. Въ 1828 г., когда архимандритъ Игнатій былъ назначенъ на олонецкую каѳедру, онъ перевелъ о. Іоанна въ Петрозаводскъ къ каѳедральному собору, затѣмъ назначилъ его экзаменаторомъ ставленниковъ и учителемъ

высшаго отдѣленія петрозаводскаго уѣзднаго духовнаго училища; въ январѣ 1831 г. онъ былъ назначенъ экономомъ архіерейскаго дома. 5 апрѣля 1831 г., овдовѣвъ, принялъ монашество съ именемъ Иринея. Въ 1832 г. назначенъ членомъ консисторіи; въ слѣдующемъ году—смотрителемъ петрозаводскихъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ епископа Игнатія по устройству новоучрежденной епархіи и по миссіонерской дѣятельности среди старообрядцевъ. 30 октября 1841 г. возведенъ въ санъ архимандрита безъ управленія монастыремъ. Въ 1843 г. перешелъ вмѣстѣ съ преосв. Игнатіемъ въ донскую епархію и состоялъ членомъ консисторіи и благочиннымъ монастырей. Въ 1847 г., опять съ преосвящ. Игнатіемъ, перешелъ въ воронежскую епархію—на тѣ же должности. По смерти архіепископа Игнатія Иринеи былъ назначенъ настоятелемъ Иверскаго валдайскаго монастыря и членомъ новгородской консисторіи, въ 1853 г. назначенъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры и 17 января 1860 г. хиротонисанъ во епископа екатеринбургскаго, викарія пермской епархіи.—Имъ написаны «Воспоминанія объ Игнатіѣ, архіепископѣ воронежскомъ и задонскомъ», и издано «Собраніе словъ», Спб., 1850.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1851 г., № 305; 1853 г., № 1872; 1859 г., № 1442; 1860 г., № 639; и др.; «Странникъ», 1860 г., № 9; Геннади, «Словарь». *С. Г. Р.*

Иринеи (Іоаннъ *Братановичъ* или *Братановскій*), епископъ вологодскій и велико-устюжскій. Род. въ концѣ 1725 г. въ м. Барышевкѣ, близъ Кіева, умеръ 23 августа 1796 г. Обучался въ Кіевской духовной академіи, тамъ-же постриженъ въ монашество и въ ней-же по окончаніи курса былъ учителемъ. Потомъ перешелъ въ Московскую духовную академію проповѣдникомъ и учителемъ философіи, а въ 1758 г. сдѣланъ префектомъ; былъ настоятелемъ монастырей: Угрѣшскаго, брянскаго Петропавловскаго и ростовскаго Яковлева и за отличное управленіе монастырями получилъ право носить особую мантію и посохъ. 26 апрѣля 1775 г. хиротонисанъ въ Москвѣ во епископа вологодскаго и великоустюжскаго. На этой каѳедрѣ онъ много сдѣлалъ для устройства мѣстной семинаріи: вызвалъ хорошихъ учителей, расширилъ преподаваніе наукъ, ввелъ обученіе географіи, исторіи, еврейскому, греческому, французскому и нѣмецкому языкамъ; заботился и о церковномъ благолѣпіи: докончилъ постройку Воскресенскаго собора, увеличилъ ризницу и проч. Какъ человѣкъ и архипастырь Иринеи отличался прекрасными качествами и оставилъ по себѣ добрую память. Въ «Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» 1868 г., № 14, напечатаны двѣ его рѣчи; нѣкоторыя поучительныя слова его напечатаны въ Ярославлѣ въ 1786 г.; въ рукописи извѣстно собраніе до 60 его словъ.

Дѣла архивъ св. Синода подъ указанными годами; Челищевъ, «Путешествіе по сѣверу Россіи», 150, 165, 184, 212.

Иринеи, (Иванъ Андреевичъ *Клементьевскій*), архіепископъ псковскій, сынъ священника, род. въ февралѣ 1753 г., въ с. Клементьевѣ ковровскаго уѣзда, умеръ 24 апрѣля 1818 г.; обучался во Владимірской семинаріи и Московской духовной академіи, затѣмъ былъ въ этой же Академіи учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ и проповѣдникомъ. Въ 1774 г. постригся въ монашество и въ 1776 г. былъ игуменомъ московскаго Знаменскаго монастыря и префектомъ Перервинской семинаріи. 25 декабря 1784 г. произведенъ во архимандрита ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Ярославской семинаріи. Въ 1787 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди и съ 1788 г. по 1814 г. состоялъ членомъ св. Синода. 26 мая 1792 г. хиротонисанъ во епископа тверского, 24 октября 1796 г. возведенъ въ санъ архіепископа и 13 октября 1798 г. перемѣщенъ во Псковъ, гдѣ и занималъ каѳедру 16 лѣтъ; 30 августа 1814 г. онъ уволенъ на покой и жилъ до кончины въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ состоялъ членомъ Россійской Академіи и сдѣлалъ много переводовъ отцовъ церкви съ греческаго языка. Отъ него осталось нѣсколько проповѣдей, отличающихся простотою слога и яснымъ изложеніемъ основной мысли. Кромѣ того, преосвященному Иринею принадлежатъ: «Толкованія на священное писаніе», въ 6 частяхъ, вышедшія въ 1787—1814 гг.; «Собраніе поучительныхъ словъ», 1791 г. и 1794 г.; «Богословскій трактатъ о смерти, о судѣ, о мукахъ и вѣчномъ блаженствѣ», 1795.

«Русскій Архивъ», 1869 г., №№ 7 и 8, статья Н. П. Григоровича; Филаретъ, «Обзоръ русской

духовной литературы», 422; Геннади, «Словарь»; Чередѣевъ, «Біографіи тверскихъ іерарховъ».

Ириней (Иванъ Степановичъ *Ключаревъ*), архимандритъ. Изъ духовнаго званія; род. въ 1783 г., умеръ въ 1847 г. Образованіе получилъ въ Архангельской семинаріи. Въ 1808 г. посвященъ во священника. Въ 1816 г. назначенъ былъ въ настоятели скопинскаго Духова монастыря, гдѣ 17 іюня 1816 г. онъ принялъ монашество. 1 іюля 1817 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Грузію и опредѣленъ учителемъ, а съ 1 октября 1818 г. ректоромъ Тифлисской семинаріи. 19 января 1819 г. произведенъ во архимандрита въ Іоанно-крестительскую пустынь. За описаніе положенія карталинскихъ крестьянъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст.; 1 іюня 1821 г. назначенъ членомъ грузино-имеретинской синодальной конторы и настоятелемъ Квабтахевскаго (тифлисскаго Спасо-преображенскаго) монастыря. Съ 10 августа того же года до 23 декабря, за смертію митрополита-экзарха, Ириней управлялъ грузинскою епархіей. Исполнялъ различныя особыя порученія и коммиссіи. Съ 23 октября 1823 г. состоялъ учителемъ философскихъ наукъ; 30 октября 1824 г. перемѣщенъ на должность ректора и учителя богословія въ Астраханскую семинарію и тогда же назначенъ настоятелемъ астраханскаго Преображенскаго монастыря. Въ Астрахани Ириней состоялъ также присутствующимъ въ консисторіи и цензоромъ проповѣдей. Въ октябрѣ 1825 г. Ириней уволенъ отъ училищной службы, въ февралѣ 1826 г. отрѣшенъ отъ управленія монастыремъ и опредѣленъ на іеромонашескую вакансію въ Покровскій болдинскій астраханскій монастырь. Въ апрѣлѣ 1826 г. за отличное служеніе въ Тифлисской семинаріи получилъ отъ св. Синода крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. О дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не имѣется.

Архивъ св. Синода, дѣла подъ указанными годами. *С. Г. Р.*

Ириней (Иванъ Гавриловичъ *Несторовичъ*), архіепископъ иркутскій, нерчинскій и якутскій. Сынъ священника, род. 25 января 1783 г. въ с. Старыхъ Дмитрушкахъ уманскаго уѣзда, умеръ 18 мая 1864 г. По окончаніи въ 1805 г. курса въ Кіевской духовной академіи былъ оставленъ въ ней учителемъ математики, латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ 1810 г. откомандированъ въ Яссы учителемъ русской словесности и греческаго языка въ главномъ Молдовлахійскомъ училищѣ, а въ 1812 г. перемѣщенъ въ Кишиневъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ семинаріи и при ней пансіона для благороднаго молдаванскаго юношества. Въ 1813 г. 11 ноября постригся въ монашество съ именемъ Иринея и рукоположенъ въ іеромонаха, а въ 1815 г. въ игумена Городищенскаго монастыря въ Бессарабіи. 25 мая 1817 г. произведенъ въ архимандрита курковскаго Рождественско-Богородицкаго монастыря кишиневской епархіи и назначенъ ректоромъ Кишиневской семинаріи и членомъ консисторіи. Графъ Воронцовъ поручилъ ему завѣдываніе новозаведенными ланкастерскими школами взаимнаго обученія. Въ 1824 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди, занялъ мѣсто законоучителя въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и обращалъ на себя общее вниманіе какъ проповѣдникъ. 31 января 1826 г. хиротонисанъ во епископа пензенскаго и саратовскаго. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ архипастырей, которые начали вводить послѣ воскресной литургіи обученіе прихожанъ молитвамъ, Символу вѣры и заповѣдямъ, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны гражданской власти. 26 іюля 1830 г. преосвященный Ириней возведенъ былъ въ санъ архіепископа иркутскаго, нерчинскаго и якутскаго. Громадное пространство епархіи и инородческій составъ паствы требовали усиленныхъ заботъ; увеличить число священнослужителей и поднять уровень ихъ образованія—было первымъ дѣломъ архіепископа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слѣдилъ за ихъ нравственностію, и побуждалъ къ болѣе энергичной и широкой дѣятельности. Здѣсь, какъ и въ Пензѣ, онъ заявилъ себя горячимъ защитникомъ церковной независимости, но борьба съ гражданскими властями окончилась не въ его пользу: 28 іюля 1831 г. состоялся указъ св. Синода объ удаленіи его отъ управленія епархіею и о назначеніи ему мѣстопребыванія въ Спасо-прилуцкомъ монастырѣ вологодской епархіи. Преосвященный Ириней не хотѣлъ вѣрить полученному указу и послалъ его къ Государю, какъ подложный, а свою особу поручилъ охраненію и защитѣ военнаго караула, но въ концѣ концовъ пришлось подчиниться состоявшемуся рѣшенію. Печальна и скучна была въ первое время его жизнь въ мо-

мастырѣ, но когда въ 1837—1840 гг., по опредѣленію Синода, стали присылать къ нему раскольниковъ для увѣщанія, когда въ 1838 г. ему разрѣшено священнослуженіе, назначена пенсія и дозволенъ выѣздъ изъ монастыря, преосвященный ожилъ духомъ и сталъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ монастыря и занялся широкой благотворительностію. 17 апрѣля 1848 г. онъ перемѣщенъ въ Толгскій ярославскій монастырь настоятелемъ; съ большею ревностью началъ онъ управлять монастыремъ, произносилъ поученія, строго слѣдилъ за жизнью иноковъ. Послѣ его смерти въ бумагахъ его нашлось много замѣтокъ, неоконченныхъ статей, проповѣдей и даже цѣлыхъ сочиненій («о происхожденіи и употребленіи двуперстнаго, троеперстнаго и именословнаго крестнаго сложенія»),— небольшая часть ихъ напечатана въ «Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» 1869 г., №№ 50—52 и въ «Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» 1870 г., № 2.

«Яросл. епарх. вѣд.» 1869, №№ 29—52; «Пенз. епарх. вѣд.» 1869, №№ 20—23 и 1870 г. № 2.

Ириней (Иванъ Якимовичъ *Фальковскій*), епископъ смоленскій, сынъ священника пирятинскаго уѣзда, род. 28 мая 1762 г., умеръ 29 апрѣля 1823 г. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца, который самъ учился въ Кіевской академіи; чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ обученіемъ своихъ сыновей, Фальковскій отецъ переселился въ Кіевъ и принялъ монашество въ Кіево-братскомъ монастырѣ, съ именемъ Іустина, а дѣтей отдалъ въ бывшую при монастырѣ академію. Въ началѣ 1776 г. онъ былъ назначенъ къ церкви, находившейся при «коммиссіи у покупки и отправленія къ Высочайшему двору венгерскихъ винъ» въ Токаѣ, въ Венгріи, и взялъ съ собою сыновей. Изъ поэтическаго класса академіи Иванъ Фальковскій перешелъ на причетническую должность въ Токаѣ, а здѣсь, чтобы продолжать ученіе, посѣщалъ мѣстное римско-католическое училище. Въ 1777 г. онъ пытался опредѣлиться въ Вѣнскій университетъ, но не былъ принятъ и поступилъ въ Пресбургскую гимназію, гдѣ, недовольствуясь курсомъ обязательныхъ наукъ, занимался еще и отдѣльно подъ руководствомъ частныхъ преподавателей. Для дальнѣйшаго образованія онъ въ 1778 г. перешелъ въ Пештскую римско-католическую гимназію. По смерти отца, 8 октября 1779 г., Иванъ Фальковскій остался безъ всякихъ средствъ, но выхлопотавъ себѣ небольшое ежегодное пособіе отъ нашего посла при вѣнскомъ дворѣ князя Д. М. Голицына, онъ отказался отъ писарской должности при токайской коммиссіи и вернулся въ Пештъ, чтобы продолжать свое образованіе. Въ 1780 году онъ перешелъ въ Офенскій университетъ. Въ 1781 г. онъ снова отказался отъ предложеннаго ему мѣста при посольствѣ въ Вѣнѣ, категорически заявивъ, что «всегда приготовлялся къ учительскому званію» въ отечествѣ; тѣмъ не менѣе ему приходилось иногда ѣздить въ Вѣну и въ Токаѣ для канцелярскихъ занятій; но его главною заботою было ученіе. По окончаніи въ 1782 г. философскаго образованія въ Пештѣ съ отличнымъ аттестатомъ, Фальковскій временно исправлялъ въ Токаѣ свою писарскую должность, но въ началѣ 1783 г. вернулся въ Россію и поступилъ на богословскій классъ въ Кіевскую академію. Еще до выпускныхъ экзаменовъ (8 января 1784 г.) онъ здѣсь назначенъ былъ преподавателемъ ариѳметики, затѣмъ былъ назначенъ учителемъ высшаго класса грамматики и суперъ-интендантомъ академическаго общежитія. Съ этого же года началась и проповѣдническая дѣятельность Фальковскаго, принявшая впослѣдствіи значительные размѣры. 28 февраля 1786 г., онъ принялъ монашество, съ именемъ Иринея. 1 октября 1787 г. назначенъ учителемъ поэзіи, геометріи, алгебры и архитектуры. Въ это время онъ основалъ въ Академіи «вольное піитическое общество», имѣвшее цѣлію ознакомленіе своихъ членовъ съ современной литературой. Въ 1788—1793 гг. Иринеи преподавалъ въ Академіи свой любимый предметъ, высшую математику. Съ 1793 г. Иринеи назначенъ былъ учителемъ философіи, а въ 1795 г. учителемъ богословія. 6 февраля 1799 г. посвященъ въ санъ архимандрита Гамалѣевскаго монастыря, черниговской епархіи, съ оставленіемъ на прежней должности въ Академіи; по упраздненіи же Гамалѣевскаго монастыря состоялъ архимандритомъ Кіево-братскаго. Въ это время, отстаивая независимость внутренняго строя академіи отъ епархіальнаго начальства, Иринеи пришелъ въ довольно сильныя столкновенія съ кіевскимъ митрополитомъ Іероѳеемъ, едва было не кончившіяся удаленіемъ Иринея изъ Академіи. Съ 1798 г. Иринеи состоялъ

толкователемъ апостольскихъ чтеній при Академіи. Не получивъ оффиціальнаго назначенія, онъ со времени избранія учителемъ богословія состоялъ фактически и ректоромъ Академіи. Въ 1804 г. по прошенію уволенъ отъ академическихъ должностей, съ оставленіемъ настоятелемъ Кіево-николаевскаго монастыря и присутствующимъ въ духовной дикастеріи. 24 февраля 1807 г. Иринеи хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи; въ 1811 г. онъ думалъ было одно время принять схиму. 19 февраля 1812 г. былъ назначенъ епископомъ смоленскимъ. Нашествіе Наполеона заставило Иринея скоро покинуть свою новую каѳедру, но по изгнаніи изъ Россіи французовъ онъ вернулся въ Смоленскъ и принялся за устройство раззоренной епархіи. Въ 1813 г., по прошенію, преосвященный Иринеи переведенъ на прежнее мѣсто въ Кіевъ и поселился въ Златоверхомъ михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался, среди аскетическихъ подвиговъ, 29 апрѣля 1823 года. Преосвященный Иринеи оставилъ послѣ себя множество работъ. Однѣхъ рукописей осталось до ста большихъ томовъ. Начавъ литературное поприще латинскими стихами еще въ Пештской гимназіи, Иринеи затѣмъ оставилъ научно-литературные слѣды по каждому предмету, бывшему въ его преподаваніи. Онъ писалъ псалмы, стихиры и тропари на славянскомъ языкѣ, гимны и элегіи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, богословскіе трактаты, толкованія на Священное писаніе, проповѣди, трактаты по философіи, статьи по хронологіи, медицинѣ, исторіи, географіи, статистикѣ, военной архитектурѣ; производилъ сложныя астрономическія и математическія вычисленія; писалъ ноты; составлялъ учебники, редактировалъ календари — словомъ, по разносторонности и плодовитости своей учено-литературной дѣятельности напоминалъ собою тѣхъ древнихъ учителей церкви, оставшіяся послѣ которыхъ сочиненія считаются тысячами. Составленныя имъ «Пасхалія» (М. 1797 г.) и «Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae theologiae.... compendium» (М. 1802) въ свое время употреблялись въ качествѣ учебниковъ. Въ наукѣ слѣда Иринеи, однако, не оставилъ: онъ былъ эклектикъ и популяризаторъ, а не самостоятельный ученый. Изобрѣтенный имъ новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей также носитъ характеръ лишь механическаго облегченія производства ариѳметическихъ дѣйствій. Иринеи Фальковскій былъ человѣкъ живого и яснаго ума и въ высшей степени широкихъ идеаловъ. Несоотвѣтствіе дѣйствительности его идеаламъ, и прежде всего въ немъ самомъ, дѣлало его настоящимъ страдальцемъ. Нѣкоторая неуравновѣшенность его характера къ концу его жизни исчезла и онъ являлся безспорнымъ и строгимъ аскетомъ, оставившимъ по себѣ добрую память въ народѣ. Погребенъ преосвященный Иринеи въ екатерининскомъ придѣлѣ Златоверхаго кіево-михайловскаго монастыря.

Г. О. Булашевъ «Преосвящ. Иринеи Фальковскій», Кіевъ, 1883.

Иринеи (Иванъ Ивановичъ *Шестаковъ*), архимандритъ. Род. въ 1767 г., умеръ послѣ 1827 г.; великороссіянинъ, изъ духовнаго званія. Обучался въ Рязанской семинаріи и еще будучи семинаристомъ, занимался съ 1784 г. преподаваніемъ въ младшихъ классахъ греческаго и латинскаго языковъ. Въ 1793 г. назначенъ учителемъ философіи, преподавалъ также естественную исторію и врачебное искусство. Послѣ преобразованія семинаріи въ 1808 г. остался профессоромъ греческаго и еврейскаго языковъ. Былъ замѣчательнымъ знатокомъ классическихъ языковъ и свободно говорилъ по-гречески и по-латыни. Семь лѣтъ былъ библіотекаремъ въ семинаріи и привелъ библіотеку въ порядокъ и благоустройство. Нѣкоторое время занимался публичнымъ изъясненіемъ въ семинаріи по воскреснымъ днямъ катихизиса и евангелія. Съ 1788 по 1792 г. былъ діакономъ, а съ 1792 г.—священникомъ при каѳедральномъ рязанскомъ соборѣ; состоялъ духовникомъ, экзаменаторомъ, увѣщателемъ преступниковъ и исполнялъ особыя порученія и коммиссіи. Принялъ монашество 10 марта 1812 г. и тогда же произведенъ во архимандрита въ рязанскій Троицкій монастырь, въ 1813 г. переведенъ въ солотчинскій Рождество-богородичный. Въ 1816 г. для излеченія болѣзни глазъ поступилъ въ московскую голицынскую больницу. Здѣсь былъ замѣченъ Государемъ, посѣтившимъ больницу въ томъ-же году, и взятъ имъ на свое собственное попеченіе и помѣщенъ въ домѣ лейбъ-медика Лодера, гдѣ и находился до 1820 г.; потомъ вернулся въ свой монастырь. 29 апрѣля 1827 г. уволенъ по про-

шенію на покой съ пенсіей въ размѣрѣ полнаго получаемаго имъ жалованья. О годѣ кончины свѣдѣній не отыскано.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1812 г., № 13; 1813 г., № 412; 1827 г., № 430; Строевъ, «Списки іерарховъ», 423, 424.

Ирманъ, *Андрей Аврамовичъ*, генералъ-поручикъ, главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, уволенъ въ отставку въ 1779 г. Въ службу вступилъ въ 1742 г. и во время Семилѣтней войны, въ чинѣ полковника, былъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера русской арміи. Въ концѣ 1763 г. Горо-Благодатскіе заводы (основанные въ 1735 г. и дважды переходившіе изъ вѣдѣнія казны въ частныя руки) пришли въ совершенное разстройство, отобраны были отъ послѣдняго ихъ владѣльца, гр. А. П. Шувалова, въ казну въ вѣдомство Бергъ-коллегіи и управленіе ими поручено было главному надъ Горо-Благодатскими и Камскими заводами командиру Ирману. Ирманъ положилъ первое основаніе правильному внутреннему устройству заводовъ и заводскому хозяйству. При немъ были выработаны заводскіе штаты, исправлены старыя дороги и проложены новыя, улучшена доставка металловъ въ Москву и Петербургъ, заводскіе служители и мастеровые исключены изъ подушнаго оклада и всѣ приписные крестьяне изъяты изъ вѣдѣнія губернскихъ канцелярій во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ. Къ тремъ уже существовавшимъ заводамъ, — Кушвинскому, Верхнетуринскому и Серебрянскому,—въ 1766 г. прибавленъ былъ еще заводъ Нижнетуринскій. 10 января 1769 г. Ирманъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ (нынѣ Алтайскіе); принявъ ихъ отъ А. И. Порошина уже въ весьма въ хорошемъ состояніи, онъ придалъ ихъ дѣятельности еще большее развитіе: средняя годовая выплавка серебра достигла за это время 1072 пудовъ, а въ 1774 г. она поднялась до 1277 п.—наивысшей цифры, когда либо достигавшейся на этихъ заводахъ. Въ 1771 г. на р. Томь-Чулымѣ былъ построенъ и пущенъ въ ходъ Томскій желѣзодѣлательный заводъ, на мѣсто Ирбинскаго завода, прекратившаго свое дѣйствіе въ 1769 г. Главною цѣлью постройки этого завода, обрабатывавшаго желѣзныя руды, богатыя-залежи которыхъ были незадолго передъ тѣмъ открыты въ кузнецкомъ уѣздѣ, было сократить перевозку желѣза и чугуна и приблизить мѣсто ихъ производства къ сереброплавильнымъ заводамъ. Въ 1775 г. былъ выстроенъ на Алтаѣ еще заводъ, Алейскій, предназначенный для выплавки свинца изъ убогихъ серебромъ рудъ Змѣино-горскаго и Семеновскаго рудниковъ. Строя новые заводы, Ирманъ заботился и о поддержаніи старыхъ: такъ на Сузунскомъ заводѣ было значительно улучшено обжиганіе рудъ и очищеніе мѣди. Но усиленная разработка однѣхъ лучшихъ рудъ истощила богатѣйшую часть Змѣино-горскаго рудника и въ послѣдній годъ управленія Ирмана (1778) производительность заводовъ понизилась до 913 п. Вмѣстѣ съ тѣмъ есть основаніе думать, что Ирманъ слишкомъ отягощалъ работами заводскихъ крестьянъ: съ его отставкою какъ разъ совпадаетъ Высочайшій манифестъ (23 мая 1779), коимъ заводскія работы, исправляемыя приписными крестьянами были опредѣлены болѣе точно. Въ генералъ-поручики Ирманъ былъ произведенъ 21 апрѣля 1773 г. При немъ (1771 г.) въ Змѣино-горскѣ подлѣкаремъ Андреевымъ впервые былъ произведенъ опытъ прививки 69 человѣкамъ оспы. При немъ же была снята и подробно нанесена на карту колыванская область.

Масловскій, «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. II; «Описаніе Гороблагодатскихъ зав.» въ «Горн. Журн.», 1839; статья Чупина въ «Перм. губ. вѣд.», 1882 г., №№ 71—76 (перепечатана въ «Пам. книж. Перм. губ.» на 1891 г.); Фалькъ, «Записки путешествія», (въ «Полномъ собр. ученыхъ путешествій», изд. Акад. Наукъ) Т. I, гл. 29; Голубевъ, «Алтай», Спб. 1891 г.; Германъ, И. Ф. «Сочиненія о Сибирскихъ рудн[illegible] и зав.», Спб., 1797, Т. I, гл. 12; Кулибинъ, «Описаніе Колывано-Воскресенскихъ зав.», въ Горн. Журн., 1836.

С. Кулибинъ.

Иродіонъ, преподобный илоезерскій, умеръ 28 сентября 1541 г., постриженикъ и ученикъ препод. Корнилія комельскаго; послѣ его смерти въ 1537 г. основалъ озадскую илоезерскую пустынь (нынѣ упраздненную), въ 15 в. отъ г. Бѣлозерска. Мощи его тамъ и почиваютъ подъ-спудомъ; память въ день его кончины.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ».

Иродіонъ (*Жураковскій*), епископъ, умеръ 18 сентября 1735 г. Происходилъ изъ извѣстной малорусской дворянской фамиліи. Получилъ образованіе въ Кіевскомъ коллегіумѣ. Принялъ монашество въ кіевскомъ межигорскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ впослѣдствіи избранъ былъ игуменомъ. Въ 1708 г., вмѣстѣ съ царскимъ посольствомъ, былъ командированъ для пе-

реговоровъ съ запорожцами и за успѣшное исполненіе порученія, по волѣ Петра Великаго, былъ произведенъ 6 января 1709 г. въ санъ архимандрита, причемъ и Межигорскій монастырь былъ возведенъ въ архимандрію, а затѣмъ по ходатайству Иродіона, 11 марта 1710 г., Межигорскій монастырь былъ сдѣланъ синодальною ставропигіей. 6 мая 1722 года Иродіонъ хиротонисанъ на черниговскую каѳедру. Онъ посвящалъ много забстъ обереженію церковныхъ имѣній отъ захватовъ, образованію духовнаго юношества, упорядоченію жизни церковнослужителей, стремился устранить излишнее вліянія свѣтскихъ лицъ на церковныя дѣла и жизнь духовенства. Онъ былъ дѣятель энергичный и настойчивый человѣкъ. Ревность о благоустройствѣ епархіи иногда увлекала его на нѣсколько рѣзкія мѣры и на поступки, вызывавшіе неудовольствіе различныхъ слоевъ общества, такъ что Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ членъ Синода, долженъ былъ совѣтовать преосв. Иродіону быть нѣсколько сдержаннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ 1730 г. преосвященный Иродіонъ, «за старостію и болѣзнями», сталъ проситься на покой, но былъ уволенъ только послѣ вторичной просьбы 23 іюля 1733 г. Каковы были отношенія преосвященнаго къ мѣстнымъ властямъ, можно судить по тому, что указъ о своемъ увольненіи преосвященный отослалъ въ консисторію для обнародованія только тогда, когда уже отъѣхалъ отъ Чернигова нѣсколько верстъ; онъ поселился въ Межигорскомъ монастырѣ, который, по его желанію, опредѣленъ былъ ему мѣстомъ пребыванія и который обязанъ былъ ему своимъ благоустройствомъ.

Филаретъ, «Истор.-стат. опис. черниг. епархіи»; «Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія», 1892 г.; «Описаніе докум. и дѣлъ архива Св. Синода», т. I; архивъ Св. Синода, дѣла: 1733 г., № 115; 1735 г., № 124 и др. *С. Г. Р.*

Иродіонъ, игуменъ Александрова-свирскаго монастыря, ученикъ препод. Александра Свирскаго, жилъ въ XVI в. Онъ написалъ въ 1545 г. житіе своего учителя. Иродіонъ принялъ постриженіе отъ самого Александра, сталъ іеромонахомъ еще при его жизни, и могъ знать объ основаніи Свирскаго монастыря и о прежней жизни преподобнаго Александра по его собственнымъ разсказамъ и по разсказамъ его первыхъ учениковъ. Къ сожалѣнію, Иродіонъ, человѣкъ хорошо начитанный въ агіографической литературѣ и усвоившій ея искусственные пріемы, сообщилъ сравнительно мало изъ того, что самъ зналъ о житіи преп. Александра, и внесъ въ свой разсказъ многое, заимствованное изъ житій Ѳеодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Варлаама Хутынскаго, Кирилла Бѣлозерскаго и др.

Ключевскій. «Древнерусскія житія», 262; Яхонтовъ, «Житія сѣверорусскихъ подвижниковъ».

Исаакій (*Чернъ*), преподобный, затворникъ печерскій, умеръ въ XII в.; родомъ купецъ изъ Торопца. Роздавъ все свое имущество бѣднымъ и монастырямъ, онъ отправился въ Кіевъ къ Антонію Великому и у него постригся, облекся во власяницу, затворился въ пещерѣ, питался, и то чрезъ день, одною просфорою. Въ теченіе семи лѣтъ онъ не выходилъ изъ пещеры и сильно заболѣлъ. Въ болѣзни за нимъ ухаживалъ самъ препод. Антоній, а затѣмъ Ѳеодосій. Въ теченіе двухъ лѣтъ Исаакій лежалъ глухимъ и нѣмымъ и не принималъ пищи, и только на третій годъ, заговорилъ и сталъ ходить, но «аки младенецъ». Исцѣлившись Исаакій опять началъ вести суровый образъ жизни, опять впалъ въ болѣзнь и 14 февраля скончался. Мощи его почиваютъ въ пещерахъ преп. Антонія.

Полн. собр. рус. лѣт. I, 82—85, 259—261, 263—265; II, 271; «Патер. печерскій»; «Прологъ», 27; «Четьи—Минеи», февраль, 14; «Истор. изв. о г. Торопцѣ», 26—27. *А. Э.*

Исаакій (*Борисковичъ*), епископъ, умеръ въ 1641 г. Изъ послушниковъ Кіево-печерской лавры онъ перешелъ въ услуженіе къ Александрійскому патріарху Мелетію и находился при немъ до самой кончины его (въ 1601 г.), а тогда, посвященный въ пресвитера, удалился на Аѳонъ, гдѣ пробылъ десять лѣтъ; по возвращеніи въ южную Россію былъ, по приглашенію кн. К. К. Острожскаго, строителемъ Дерманскаго монастыря; въ 1614 г. опять путешествовалъ на Востокъ; съ 1617 г. былъ игуменомъ Чернчицкаго монастыря. Въ 1620 г. патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ рукоположилъ его во епископа луцкаго, но жилъ онъ вслѣдствіе преслѣдованій польскаго правительства сперва въ Степанскомъ, потомъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ; въ 1624 г. былъ въ Москвѣ и представилъ царю просьбу кіевскаго митрополита Іова Борецкаго о принятіи Малороссіи въ московское подданство. Непризнанный въ своемъ епископскомъ званіи сеймомъ и королемъ, провелъ остатокъ дней своихъ въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ.

Смирновъ, «Вилен. Св.-Духов. монастырь»; Макарій, «Ист. рус. церкви», XI; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II; «Девятисотлѣтіе православія на Волыни».

Исаакій, (Иванъ Дмитріевичъ *Мокринскій*), архимандритъ, сынъ тобольскаго дворянина, впослѣдствіи старца Далмата, основателя Далматовскаго монастыря, умеръ 11 декабря 1724 г. Подъ вліяніемъ отца онъ принялъ монашество, въ 1651 г. поступилъ въ Далматову пустынь; 1666 г. возведенъ въ санъ игумена и былъ настоятелемъ почти въ продолженіи шестидесяти лѣтъ, съ промежуткомъ, когда, въ 1669—1683 гг., заподозрѣнный въ расколѣ, состоялъ подъ епитиміею съ запрещеніемъ священнослуженія; 29 мая 1702 г. возведенъ въ санъ архимандрита тюменскаго Спасскаго монастыря съ правомъ завѣдыванія монастырями Далматовскимъ, Туринскимъ и Рафаиловой пустынью. Съ 1705 г. опять сталъ жить въ Далматовомъ монастырѣ; при монастырѣ онъ основалъ училище.

«Перм. епарх. вѣд.», 1869 г., № 26.

Исаакій (въ схимѣ—Іоаннъ; въ мірѣ—Иванъ Ѳедоровичъ *Степановъ*), іеросхимонахъ, основатель Саровской пустыни; сынъ дьячка, род. въ с. Красномъ арзамасскаго уѣзда въ 1670 г., умеръ 4 іюля 1737 г. Уже въ дѣтствѣ онъ любилъ церковное чтеніе и пѣніе; 6 февраля 1689 г. постригся въ монашество въ арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ; въ 1691 г. ушелъ въ пустынную мѣстность тамбовской губерніи, называемую «Старымъ городищемъ», и здѣсь жилъ среди всякаго рода лишеній, только изрѣдка приходя въ ближайшіе монастыри. 2 февраля 1692 г. Исаакій рукоположенъ былъ въ санъ іеромонаха; въ ноябрѣ 1699 г. выстроилъ въ пустынѣ часовню, а въ 1700 г. по просьбѣ иноковъ принялъ на себя обязанности настоятеля въ арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ, гдѣ и остался до 1705 года. Знакомства и встрѣчи съ раскольниками вызвали о. Исаакія на миссіонерскую дѣятельность, которая имѣла громадный успѣхъ, потому что отличалась сердечностью, кротостью, любовью и искреннимъ участіемъ къ заблуждающимся. Въ ноябрѣ 1705 г. онъ ѣздилъ за Волгу и первый изъ православнаго духовенства проникъ съ проповѣдью въ лѣса Бѣльбожа и Керженца. Раскольники и впослѣдствіи поддерживали съ нимъ сношенія. Въ 1706 г. въ пятьдесятъ дней о. Исаакій съ братіею выстроили въ пустынѣ церковь; въ 1711 г. утвержденъ былъ общежительный уставъ пустыни. Жизнь иноковъ въ пустынѣ была не легка: то разбойники, то пожары не разъ раззоряли обитель и монашествующихъ. Въ январѣ 1715 г. о. Исаакій былъ очень боленъ и принялъ великую схиму съ именемъ Іоанна, со строгими обѣтами—оставить настоятельство, учительство и священнодѣйствованіе; но безпорядки въ обители заставили о. Іоанна, съ разрѣшенія митрополита, сложить съ себя схимническіе обѣты и по прежнему стать настоятелемъ. 18 декабря 1731 г. послѣ долгихъ споровъ и непріятностей были закрѣплены за Саровскою пустынею всѣ земли, пріобрѣтенныя настоятелемъ въ 1705—1729 гг. Въ октябрѣ 1734 г. схимникъ Іоаннъ былъ неожиданно закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Тайную канцелярію. Онъ былъ обвиняемъ за то, что въ монастырѣ его были найдены занесенныя монахами слѣдующія рукописи: «отреченіе отъ Бога и покаяніе въ немъ и данномъ бѣсамъ рукописаніи», «разрѣшительное письмо въ грѣхахъ»; тетради о монашествѣ сочиненія Маркелла Родышевскаго, манифестъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и книга «Правда воли монаршей». Хотя о. Іоаннъ обвинялся въ государственномъ преступленіи и въ сообщничествѣ съ раскольниками, но смиренный видъ схимника такъ ясно говорилъ о неправотѣ обвиненій, что о. Іоаннъ не подвергался пыткѣ и священный санъ его остался неприкосновеннымъ. Онъ умеръ въ заключеніи 4 іюля 1737 г., 67 лѣтъ отъ рожденія и погребенъ въ Петербургѣ при церкви Преображенія Господня.—Кромѣ мелкихъ записокъ и замѣтокъ, Іоаннъ оставилъ слѣдующія сочиненія: «Уставъ общежительныя Сатисо-Градо-Саровскія пустыни»; сказаніе о первомъ жительствѣ монаховъ и о построеніи церкви Пресв. Богородицы въ пустынѣ на Старомъ Городищѣ, гдѣ нынѣ стоитъ общежительная Саровская пустынь; сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ и похвала наобращеніе заволжскихъ раскольниковъ и увѣщаніе ко обращимся изъ раскола.

Іером. Порфирій, «Житіе и подвиги іеросхимонаха Іоанна», Муромъ, 1892 г.; «Правосл. Обозрѣніе», 1874 г., №№ 11—12; «Общежительная Саровская пустынь и ея достопамятные иноки», М. 1884 г.

Исаакій, второй епископъ пермскій, непосредственный преемникъ св. Стефана;

хиротонисанъ 20 января 1397 года, правилъ до 22 марта 1416 года; никакихъ подробностей его дѣятельности не сохранилось; умеръ въ Москвѣ.

Е. Поповъ, «Пермская и великопермская епархія», 10.

Исаакій, архіепископъ черниговскій, посвященъ изъ русскихъ митрополитомъ Пименомъ до 1389 г.; въ 1401 г. участвовалъ въ Москвѣ на соборѣ святителей; въ 1409 г. былъ на Москвѣ у кн. Василія Дмитріевича, въ 1415 г. участвовалъ въ посвященіи въ митрополиты Григорія Цамблака; годъ смерти неизвѣстенъ; преемникъ ему посвященъ митрополитомъ Іоною, слѣдовательно—не ранѣе 1448 г., когда Іона занялъ митрополію, такъ что послѣ Исаакія черниговская каѳедра оставалась, несомнѣнно, нѣкоторое время вакантною.

«Ист.-статис. опис. черниг. еп.», I, 27—29.

Исаакій, архимандритъ нижеломовскаго Богородичнаго монастыря, умеръ послѣ 1774 г., сынъ священника г. Шацка, тамбовской губерніи; принялъ монашество въ Саровской пустыни. Впослѣдствіи опредѣленъ игуменомъ въ Наровчатскій скановъ монастырь; отсюда переведенъ архимандритомъ въ Троицкій тамбовскій монастырь; въ 1763 г. опредѣленъ настоятелемъ въ Нижеломовскій монастырь. Здѣсь много потрудился по постройкѣ каменнаго монастырскаго храма; возвелъ четыре каменныхъ корпуса въ монастырѣ; обнесъ монастырь каменною оградой съ башнями по угламъ. Въ 1774 г., за встрѣчу въ обители Пугачева, лишенъ сана и сосланъ въ Сканову пустынь, гдѣ и скончался.

«Пензенскія епарх. вѣд.», 1869 г., № 13; «Общежит. Саровская пуст.».

Исаевъ, *Илья Ивановичъ*, вице-президентъ Коммерцъ-коллегіи, умеръ до 1744 г. По происхожденію московскій купецъ, сынъ взятаго въ плѣнъ въ 1655 г. жителя г. Дубровны, записавшагося въ 1671 году въ московскую мѣщанскую слободу; Илья Исаевъ сталъ извѣстенъ Петру Великому въ Архангельскѣ и такъ понравился ему своею смѣтливостью, что когда Рига была занята русскими, Петръ въ 1712 году, назначилъ его быть «надъ рижскимъ магистратомъ у надсмотра тамошнихъ коммерческихъ дѣлъ»; къ великому неудовольствію лифляндскаго купечества оно было подчинено Исаеву, которому царь поручилъ заботиться о развитіи черезъ Ригу русской торговли и объ установленіи казенной продажи нѣкоторыхъ отпускныхъ товаровъ. 16 января 1721 г., когда учрежденъ былъ Главный магистратъ, президентомъ его назначенъ былъ кн. Ю. Трубецкой, а помощникомъ ему—«оберъ-инспекторъ» Илья Исаевъ и имъ поручено было устроить магистратское управленіе во всѣхъ городахъ Россіи; въ 1722 г. Петръ грозилъ имъ обоимъ строгимъ наказаніемъ за медленное исполненіе этого предписанія. Въ 1726 г. Исаевъ назначенъ былъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Осипомъ Соловьевыми, къ исправленію русскаго тарифа, причемъ въ руководство имъ былъ сообщенъ тарифъ голландскій въ переводѣ на русскій языкъ. 8 октября 1731 г. назначенъ былъ вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи, президентомъ которой былъ А. Л. Нарышкинъ.

П. С. З., №№ 2723, 5860, «Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. LXI, 237; т. LVI, 274; Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», т. т. V, VIII и XV по указателю; «Матер. для ист. моск. куп.», I, прил. 2.

Исаевъ, *Савва* (*Савелій*) *Исаевичъ*, протоіерей. Сынъ пономаря, род. въ с. Котельскомъ, ямбургскаго уѣзда, въ 1725 г., умеръ 31 декабря 1799 г. Въ 1753 г., по окончаніи четырехлѣтняго курса въ Александро-невской семинаріи, рукоположенъ во священника, а въ 1768 г. помѣщенъ къ придворной церкви. Въ 1783 г. по предложенію митрополита Гавріила, избранъ членомъ Россійской Академіи для участія въ «Словарѣ», безъ баллотировки, «по извѣстному въ россійскомъ языкѣ знанію». Отецъ Савва собралъ слова на букву «Н» и дѣлалъ замѣчанія и дополненія къ аналогической росписи словъ. Въ 1795 г. императрица Екатерина избрала его духовникомъ себѣ и цесаревичу, при чемъ о. Савва назначенъ былъ присутствовать въ Синодѣ и протоіереемъ московскаго Благовѣщенскаго собора. Немедленно по воцареніи Павла I, о. Савву велѣно было допросить, не было ли ему приказываемо узнать на исповѣди о намѣреніяхъ великаго князя и не думаетъ ли онъ, что о чемъ нибудь проговорился? Затѣмъ онъ былъ отставленъ, хотя и съ сохраненіемъ содержанія.

Чистовичъ, «Ист. Петер. дух. академіи», 53; Сухомлиновъ, «Ист. Росс. Акад.», I, 277, 278, 423; VIII, 447; «Чтенія», 1876, № 1, 216—219; «Рус. Старина», VI т., 87—88; Саитовъ, «Петербургскій некрополь».

Исаія, преподобный печерскій. Время житія и подвиги неизвѣстны, мощи открыто почиваютъ въ пещерахъ св. Антонія; память 15 мая.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ».

Исаія, преподобный, первый епископъ ростовскій, родомъ изъ кіевской области, постриженникъ преподобнаго Ѳеодосія печерскаго; въ 1062 г. избранъ въ игумена Дмитріевскаго монастыря, въ 1077 г. сдѣланъ епископомъ ростовскимъ. Много потрудился для распространенія христіанства въ своей паствѣ и умеръ 15 мая 1090 г., пользуясь всеобщимъ высокимъ уваженіемъ; мощи его открыты въ 1160 г. и лежатъ въ ростовскомъ соборѣ; память 15 мая.

Кн. Эристовъ, «Словарь иоторич. о святыхъ»; Филаретъ, «Русскіе святые», II.

Исаія (*Германовскій*), архимандритъ, умеръ послѣ 1777 г. Родился въ Малороссіи и обучался въ Кіевской духовной академіи. Принялъ постриженіе въ монашество въ 1753 г. въ Черниговѣ и былъ тамъ въ семинаріи учителемъ риторики и пінтики. Въ 1759 г. перемѣщенъ въ Александро-невскую семинарію учителемъ риторики, а потомъ—философіи; съ 1764 г. былъ въ ней префектомъ и въ 1766—1770 г.—ректоромъ, въ санѣ архимандрита Николаевскаго старо-ладожскаго монастыря. Въ 1770—1775 гг. былъ настоятелемъ монастыря Назарета-нѣжинскаго, а въ 1775—1777 гг.—Кіево-михайловскаго. Изъ его сочиненій извѣстно «Слово при торжествѣ второго пріема благородныхъ дѣвицъ въ воспитательномъ обществѣ»; въ свое время онъ былъ извѣстенъ какъ хорошій проповѣдникъ, но слова его не изданы.

Дѣла архива св. Синода 1775 г. № 181 и 1777 г. № 135; Геннадіи, «Словарь»; Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литературы», 352.

Исаія (*Копинскій*), кіевскій митрополитъ, умеръ 5 октября 1640 г. Воспитанникъ Острожской школы, онъ постригся въ монашество въ Кіево-печерской лаврѣ и провелъ тамъ около 16 лѣтъ; въ 1615 г. перешелъ въ новооснованный братствомъ Богоявленскій монастырь и устроилъ тамъ общежитіе; въ 1616 г. сдѣлался настоятелемъ Межигорскаго монастыря и управлялъ еще Густынскимъ и Ладинскимъ подгорскимъ монастырями, основанными во владѣніяхъ кн. Вишневецкаго; въ 1619 г., по желанію княгини Вишневецкой, устроилъ лубенскій Мгарскій монастырь; 6 октября 1620 г. посвященъ патріархомъ Ѳеофаномъ іерусалимскимъ во епископа перемышльскаго; перешелъ потомъ на каѳедру архіепископа смоленскаго; но во все время своего епископства, не признанный въ своемъ званіи польскимъ правительствомъ, жилъ въ своихъ заднѣпровскихъ монастыряхъ и тамъ рукополагалъ ставленниковъ для своихъ епархій; около 20 іюля 1631 г. избранъ въ кіевскіе митрополиты и, послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, поселился въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ. Памятникомъ его церковной заботливости служитъ его «Наказъ» приходскимъ священникомъ. Въ 1632 г. въ «статьяхъ», принятыхъ сеймомъ по требованію православныхъ пословъ при избраніи Владислава IV, онъ не былъ признанъ въ званіи митрополита, но не захотѣлъ покориться своей участи, и признанный польскимъ правительствомъ въ званіи кіевскаго митрополита новопосвященный Петръ Могила былъ вынужденъ насильно перевести его изъ Михайловскаго монастыря въ Печерскую лавру. Въ 1634—1635 г., давъ предварительно обѣщаніе не дѣйствовать противъ новаго митрополита, Исаія опять получилъ въ управленіе Михайловскій монастырь; оставивъ 10 августа 1635 г. этотъ монастырь, онъ затѣялъ изъ-за обладанія имъ длинный и для него неудачный процессъ съ Могилой; остатокъ дней провелъ безвѣстно въ разныхъ монастыряхъ; умеръ гдѣ-то на Полѣсьи. Извѣстенъ какъ авторъ «Духовной Лѣствицы».

Голубевъ, «Ист. Кіев. дух. академіи»; Макарій, «Ист. рус. церкви», XI; Чистовичъ «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II.

Исаія, (Іона Ивановичъ *Путиловъ*), игуменъ, сынъ купца, род. въ 1786 г. въ Москвѣ, умеръ 16 апрѣля 1858 г. Въ 1805 г. поступилъ въ обитель Саровскую и жилъ въ ней безвыходно 54 года. 6 сентября 1812 г. постригся въ монашество, въ 1813 г. рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1815 г.—въ іеромонаха. Съ 1822 г. былъ казначеемъ, въ 1842 г. единогласно избранъ въ строители пустыни; 15 августа 1846 г. произведенъ въ санъ игумена. Онъ былъ примѣромъ для иноковъ по трудолюбію, чистотѣ и строгости своей истинно подвижнической жизни. Послѣ него осталась рукопись, содержащая защиту монашества отъ всѣхъ нападеній на него.

Архивъ св. Синода, дѣло 1812 г. № 589.

Исаія, (*Трофимовичъ-Козловскій*), іеромонахъ и членъ братства виленскаго Свято-Духова монастыря, умеръ въ 1651 г. Въ іюнѣ 1631 г. изъ Львова, гдѣ онъ былъ учителемъ, приглашенъ Петромъ Могилой занять мѣсто профессора въ предположенной имъ къ открытію коллегіи въ Кіевѣ; къ началу учебнаго года прибылъ въ Кіевъ

и руководилъ ученіемъ въ новооткрытой въ Лаврѣ школѣ; съ открытіемъ Кіево-могилянской коллегіи при братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, сдѣлался въ 1638 г. первымъ ея ректоромъ; въ то же время онъ былъ игуменомъ Пустыно-николаевскаго монастыря. Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Петра Могилы въ его просвѣтительной дѣятельности; особенно видное участіе принималъ онъ въ работахъ Кіевскаго собора 1640 г.; 9 сентября 1640 г., послѣ особой рѣчи, представилъ собору такъ называемое «Православное исповѣданіе вѣры» Петра Могилы, а 15 сентября того же года этотъ соборъ призналъ его докторомъ богословія.

Голубевъ, «Ист. Кіев. дух. академ.», I; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-русс. церкви», II; Макарій, «Ист. русской церкви»; XI.

Исаія, митрополитъ нижегородскій и алатырскій, умеръ 24 ноября 1720 года. Въ 1697 году онъ былъ архимандритомъ московскаго Новоспасскаго монастыря; 23 іюля 1699 года патріархъ Адріанъ хиротонисалъ его въ митрополита нижегородскаго. Онъ построилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ двѣ церкви; получивъ исцѣленіе отъ источника въ церкви Живоноснаго источника (разрушена въ 1814 г. подземными водами), онъ составилъ описаніе чудесныхъ дѣйствій этого источника и слово по этому поводу, хранящіяся въ рукописи въ Живоносновской церкви. Въ 1708 г., 2 сентября, былъ удаленъ по царскому повелѣнію отъ митрополіи, обвиненный бояриномъ Ив. Ал. Мусинымъ-Пушкинымъ въ приверженности къ старинѣ, и отправленъ на жительство въ Кириловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ и умеръ.

Макарій, «Исторіи нижегород. іерархіи», 25—28.

Исаія, архимандритъ, сынъ священника, род. около 1750 г., умеръ 18 августа 1814 г. Въ 1773 г. поступилъ въ кіевскій Златоверхо-михайловскій монастырь, постригся въ 1780 г. и занималъ съ 1787 г. должность казначея. Въ 1787 г. Исаію, уже въ санѣ іеромонаха, взялъ въ свою епархію Викторъ Садковскій, епископъ православныхъ церквей, бывшихъ въ польскихъ предѣлахъ и назначилъ его казначеемъ въ слуцкій Троицкій каѳедральный монастырь. За двадцатишести-лѣтнее свое пребываніе въ Слуцкѣ Исаія оставался, можно сказать, единоличнымъ управителемъ всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній минской епархіи, особенно въ послѣднія пятнадцать лѣтъ—при архіепископѣ Іовѣ (Потемкинѣ). Въ февралѣ 1789 г. Исаія, оставаясь каѳедральнымъ экономомъ, получилъ строительство въ грозовскомъ Николаевскомъ монастырѣ (близъ Слуцка); 27 апрѣля 1794 г. посвященъ во игумена—съ порученіемъ ему обоихъ грозовскихъ монастырей; 19 октября 1794 г. назначенъ членомъ консисторіи. Въ 1795 г. опредѣленъ намѣстникомъ слуцкаго Троицкаго монастыря. Въ 1794—1795 гг. Исаія былъ «благочиннымъ» по возсоединенію уніатовъ съ православною церковью. Въ 1812 г., французы «изъ единаго уваженія къ нему» не произвели въ Слуцкѣ ни малѣйшаго разоренія въ монастырѣ.—При перемѣщеніи съ минской каѳедры архіепископа Іова въ 1812 г. между нимъ и Исаіей возникло чрезвычайно запутанное дѣло по вопросамъ епархіальной экономіи; оно тянулось цѣлыхъ восемь лѣтъ и окончилось присужденіемъ Исаіи къ отрѣшенію отъ занимаемыхъ имъ должностей уже спустя шесть лѣтъ послѣ его смерти.

Архивъ св. Синода, дѣла 1798 г. № 226; 1812 г., № 384. Дѣла архива минской консисторіи.

С. Г. Р.

Исаковъ, *Александръ Степановичъ*, ген.-маіоръ, умеръ около 1770 г. Въ службѣ былъ съ 1742 г.; въ 1764 г. былъ ген.-маіоромъ и комендантомъ крѣпости св. Елизаветы; 12 марта 1764 г. учреждена была Новороссійская губернія, начальникомъ ея былъ назначенъ ген.-пор. А. П. Мельгуновъ, жившій въ Петербургѣ, а на мѣстѣ управлялъ губерніею въ качествѣ его помощника А. С. Исаковъ; въ 1769 г. онъ въ окрестностяхъ Елизаветграда отражалъ татаръ, вторгшихся въ русскіе предѣлы.

Петровъ, А., «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами», I, 132—138.

Исаковъ, *Григорій Степановичъ*, ген.-маіоръ, сынъ чиновника, род. въ 1775 г., умеръ 29 апрѣля 1854 г. Службу началъ 5 марта 1784 г. писчикомъ, въ 1798 г. назначенъ корабельнымъ подмастерьемъ съ чиномъ прапорщика. Съ 1790 по 1829 г. построилъ и спустилъ на воду девять кораблей, одинъ фрегатъ, пять галліотовъ и тридцать канонерскихъ лодокъ. Въ генералъ-маіоры произведенъ 15 октября 1829 г.; съ 26 февраля 1833 г. по 8 февраля 1851 г. былъ временнымъ членомъ кораблестроительнаго ученаго комитета; за долговременную службу построенныхъ имъ судовъ по Высочайшему повелѣнію получалъ по чину генералъ-маіора двойное жалованье.

Формуляръ въ архивѣ Морского Министерства: «Формуляры чиновниковъ 1853 года», 424.

Исаковъ, *Николай Васильевичъ*, ген.-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта, род. 10 февраля 1821 г., умеръ 25 февраля 1891 г. Получилъ воспитаніе въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1839 г. Черезъ три года Н. В. Исаковъ поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), съ отличіемъ окончилъ въ ней курсъ, былъ причисленъ къ генеральному штабу и служилъ сперва при департаментѣ Генеральнаго Штаба, а потомъ при 3-мъ корпусѣ и уже въ 1845 г. исправлялъ должность дивизіоннаго квартирмейстера 3-й легкой конной дивизіи. Съ 1846 года на чалась на Кавказѣ боевая служба Н. В. Исакова. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ принималъ здѣсь участіе въ цѣломъ рядѣ блестящихъ дѣлъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, подъ начальствомъ кн. Аргутинскаго и за храбрость и распорядительность, получилъ пять награжденій, въ томъ числѣ чинъ капитана съ назначеніемъ во флигель-адъютанты. Въ 1849 г. Н. В. Исаковъ состоялъ при генералѣ графѣ Граббе, посланномъ въ Константинополь для переговоровъ по поводу предполагавшихся дѣйствій противъ венгровъ, а во время войны находился при отрядѣ у того-же графа Граббе, съ успѣхомъ исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него важныя порученія и былъ посылаемъ съ театра войны въ Варшаву для доклада Государю. Въ 1854 г., уже въ чинѣ полковника, былъ командированъ съ особымъ порученіемъ Государя къ королямъ баварскому, виртембергскому и саксонскому; затѣмъ ему былъ порученъ осмотръ резервныхъ войскъ, парковъ и транспортовъ, назначенныхъ для отправленія въ Дунайскую армію. При началѣ Восточной войны Н. В. Исаковъ былъ назначенъ начальникомъ штаба кронштатдскаго гарнизона, но вскорѣ перешелъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ въ сраженіи при Альмѣ и въ защитѣ Севастополя. За отличіе онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ въ свиту Его Величества.

Съ окончаніемъ Крымской войны оканчивается и боевая служба Н. В. Исакова. Въ 1858 г. онъ былъ командированъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ эстляндскую губернію для изслѣдованія причинъ крестьянскихъ волненій и представилъ обстоятельный отчетъ о положеніи земледѣльческаго класса въ Остзейскомъ краѣ. Въ томъ же году былъ назначенъ членомъ присутствія Земскаго отдѣла, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступавшихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ по новому устройству быта крестьянъ. Съ 1859 года по 1863 г. Н. В. Исаковъ занималъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ его управленіе округомъ въ Московскомъ университетѣ было возстановлено преподаваніе всеобщей географіи и учреждена каѳедра государственнаго права европейскихъ державъ. По его ходатайству устроены въ Московскомъ округѣ педагогическіе курсы для приготовленія преподавателей въ среднія учебныя заведенія, а впослѣдствіи ассигнована сумма и на приготовленіе учителей для народныхъ училищъ. Въ 1862 г. онъ ѣздилъ заграницу, чтобы лично ознакомиться съ существовавшими тамъ училищными системами и со вспомогательными учрежденіями по народному образованію. По его представленію переведенъ былъ въ Москву Румянцевскій музей и устроены въ немъ университетскія коллекціи и кабинеты, публичная библіотека и музеи. Въ это же время Н. В. Исаковъ состоялъ членомъ Московскаго отдѣла Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, предсѣдателемъ въ Императорскомъ обществѣ испытателей природы и вице-предсѣдателемъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. По оставленіи же должности попечителя былъ избранъ почетнымъ членомъ названныхъ обществъ и учрежденій и Московскаго университета. Въ 1863 г. Н. В. Исаковъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. При его дѣятельномъ участіи, подъ руководствомъ военнаго министра ген.-адъютанта графа Д. А. Милютина состоялась реформа военно-учебныхъ заведеній. Основная мысль ея заключалась въ отдѣленіи спеціально-военныхъ классовъ отъ общеобразовательныхъ въ особыя заведенія. Такимъ образомъ установлены два главныхъ типа военно-учебныхъ заведеній: военныя и юнкерскія училища, съ двухгодичнымъ военно-спеціальнымъ курсомъ и общеобразовательныя военныя гимназіи съ семилѣтнимъ курсомъ реальнаго характера; для менѣе способныхъ учащихся учреждены военныя прогимназіи съ четырехгодичнымъ элементарнымъ курсомъ; изъ нихъ одна (Вольская) была приспособлена для нравственнаго исправленія малолѣтнихъ. Для

привлеченія на службу въ преобразованныя заведенія возможно лучшихъ силъ испрошены были для всѣхъ служащихъ по этой части новыя служебныя преимущества и учреждены педагогическіе курсы, давшіе болѣе 80 преподавателей съ высшимъ образованіемъ, и учительская семинарія въ Москвѣ, откуда выпущено болѣе 400 учителей и воспитателей для военныхъ прогимназій и военно-фельдшерскихъ школъ. Лучшіе преподаватели командировались заграницу съ педагогическою цѣлью, при Главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній издавался журналъ, «Педагогическій Сборникъ», неоффиціальная часть котораго была посвящена разработкѣ вопросовъ теоріи и практики воспитанія и обученія; учреждена центральная педагогическая библіотека, въ которой было собрано до 13,000 томовъ и Педагогическій музей, коллекціи котораго стоимостью превышаютъ 100,000 р. Въ 1881 г. военныя и юнкерскія училища могли уже замѣщать своими выпусками до 80% ежегодной убыли офицеровъ въ войскахъ всѣхъ родовъ оружія, тогда какъ до 1863 г. изъ военно-учебныхъ заведеній пополнялось не болѣе 30% всего числа офицерскихъ вакансій, остальныя же вакансіи замѣщались производствомъ изъ нижнихъ чиновъ. Во время управленія военно-учебными заведеніями Н. В. Исаковъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, назначенъ генералъ-алъютантомъ, получилъ орденъ Александра Невскаго и былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, Общества распространенія полезныхъ книгъ, обществъ Техническаго, Русскаго музыкальнаго и др. Въ 1881 г. онъ оставилъ должность начальника военно-учебныхъ заведеній и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1889 г., въ день пятидесятилѣтняго юбилея службы въ офицерскихъ чинахъ, Н. В. Исаковъ былъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго при милостивомъ Высочайшемъ рескриптѣ.

Лалаевъ, «Къ юбилею бывшаго Глав. нач. воен.-учебн. заведеній ген.-адъют. Исакова»; «Постановленія о воен.-уч. заведеніяхъ»; «Историческій очеркъ воен.-учеб. заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію».

Исаковъ, *Яковъ Алексѣевичъ*, книгопродавецъ въ Петербургѣ, род. въ 1811 г., умеръ 16 іюля 1881 г. Началъ свою дѣятельность въ 1823 году мальчикомъ въ книжной лавкѣ Панькова, торговавшаго исключительно иностранными книгами. Въ 1829 году онъ пріобрѣлъ эту лавку со всѣмъ товаромъ въ собственность за 1500 руб. асс., а затѣмъ мало по малу расширилъ свою торговлю и завелъ торговыя сношенія съ наиболѣе крупными петербургскими книгопродавцами того времени: Белизаромъ, Гаугеромъ и Грефомъ и пріобрѣталъ чрезъ нихъ заграничныя книжныя новости. Но онъ явился имъ опаснымъ конкуррентомъ, потому что началъ продавать иностранныя книги, считая франкъ — не въ 1 р. 75 к. или даже 2 р. 10 к. ассигнаціями, какъ считали эти торговцы, а въ 90 к.—1 р. 10 к.; талеръ—не въ 4—5 р., а въ 3 р. и т. д. Поэтому другіе книготорговцы прекратили съ нимъ торговыя отношенія; тогда, съ 1836 г. Исаковъ завелъ непосредственныя сношенія съ главными французскими книжными рынками—Брюсселемъ и Парижемъ. Съ 1854 г. къ иностранной торговлѣ Исаковъ присоединилъ и русскую, причемъ сдѣлался комиссіонеромъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Его извѣстности много помогли также и рекламы О. Булгарина, который въ 40-хъ годахъ не пропускалъ случая въ своихъ фельетонахъ упомянуть о магазинѣ Исакова, о полученныхъ имъ новыхъ книгахъ и о томъ, что онѣ продаются по четвертаку за франкъ и т. д. Начавъ торговлю русскими книгами, Исаковъ издалъ одинъ изъ лучшихъ для того времени атласовъ—Симашко, пріобрѣлъ въ собственность изданіе сочиненій Пушкина, напечаталъ много дѣтскихъ книгъ и учебныхъ пособій по военнымъ наукамъ, медицинѣ и проч., а также нѣсколько дополненій къ каталогу В. И. Межова. Годовые обороты магазина простирались въ среднемъ до 400 тыс. руб., а въ лучшіе годы—до 700 т. и болѣе. Долгое время всѣ лучшія силы по книжному дѣлу сосредоточивались у Исакова, магазинъ котораго служилъ какъ бы школою для позднѣйшихъ книгопродавцевъ, каковы: Битепажъ, Вольфъ, Колесовъ, Михинъ, Мартыновъ, Береншгамъ (въ Тифлисѣ), Фризъ (въ Лейпцигѣ) и др. Съ утратою въ 1873 г. коммиссіонерства для военно-учебныхъ заведеній дѣла Исакова пошли тише и поддерживались только давностью фирмы. 17 апрѣля 1879 г. Исаковъ отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своей дѣятельности. Послѣ его смерти фирма существовала весьма непродолжительное время. *Н. Л.*

Исаковъ, *Ѳедоръ Моисѣевичъ*, архитекторъ, род. въ 1695 г., умеръ 2 ноября 1745 г.

Будучи еще «гезелемъ архитектуріи», т. е. архитекторскимъ помощникомъ, перестраивалъ въ 1738 г. домъ кн. Меньшикова на Васильевскомъ Острову подъ кадетскій корпусъ и остался при немъ архитекторомъ.

Изъ рукописныхъ замѣтокъ П. Н. Петрова.

Исидоръ, святой, чудотворецъ ростовскій. Преданіе говоритъ, что онъ родомъ изъ Германіи, былъ родственникомъ магистра нѣмецкаго ордена и воспитанъ въ католичествѣ; неизвѣстно когда и гдѣ принявъ православіе, онъ, послѣ многихъ странствій, поселился въ Ростовѣ, въ бѣдной хижинѣ, имъ самимъ выстроенной, и наложилъ на себя обѣтъ юродства; скончался 14 мая 1474 г. и погребенъ при громадномъ стеченіи народа. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ и славятся чудесами; память 14 мая.

Кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ рус. церкви».

Исидоръ, преподобный, жилъ въ XIII в., въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, въ затворѣ; память 28 августа; обстоятельства жизни неизвѣстны.

Исидоръ (Иванъ *Борисовъ*), архимандритъ, умеръ 19 октября 1890 г. Крестьянинъ по происхожденію, онъ, по окончаніи курса во второй московской гимназіи, 25 лѣтъ служилъ по Министерству Путей Сообщенія, въ 1875 г. принялъ духовное званіе, а въ 1877 г., не вступивъ въ бракъ, былъ рукоположенъ во священника къ Никольской церкви Мезенскаго лѣсопильнаго завода Русановыхъ. Здѣсь онъ горячо предался высокому дѣлу — просвѣщенію грубыхъ рабочихъ и самоѣдовъ. Онъ построилъ небольшую деревянную церковь, въ паперти ея помѣстилъ школу и здѣсь, обучая дѣтей и взрослыхъ, онъ проводилъ большую часть своего времени. Въ 1881 г. онъ былъ принятъ въ число братіи Александро-Невской лавры и въ 1885 г. былъ назначенъ благочиннымъ лавры; въ 1887 г. былъ возведенъ въ санъ игумена, а въ 1889 г. назначенъ архимандритомъ и намѣстникомъ московскаго Донского монастыря и былъ духовникомъ высокопреосвященнаго Іоанникія, митрополита кіевскаго.

«Церковныя Вѣдомости», 1890 г., № 44.

Исидоръ (Яковъ Сергѣевичъ *Никольскій*), митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій и финляндскій, сынъ дьякона, род. 1 октября 1799 г. въ с. Никольскомъ, каширскаго уѣзда, тульской губерніи, умеръ 7 сентября 1892 г. Пройдя полный курсъ въ Тульской семинаріи, въ 1821 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1825 г.; 22 августа того же года принялъ монашество, 28-го опредѣленъ, какъ первый студентъ, баккалавромъ въ Академію по предмету Св. Писанія; 29-го посвященъ во іеродіакона, а 5 сентября во іеромонаха. Въ 1826 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. 14 августа 1829 г. произведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ мценскаго Петропавловскаго монастыря, 24 августа—ректоромъ Орловской семинаріи. Въ 1833 перемѣщенъ на должность ректора въ Московскую семинарію и назначенъ настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. 11 ноября 1834 г. хиротонисанъ во епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи. Въ 1837 г., іюля 5, назначенъ на самостоятельную полоцкую каѳедру, а 5 іюля 1840 г. перемѣщенъ въ Могилевъ и въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архіепископа. 12 ноября 1844 назначенъ архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, съ званіемъ члена Св. Синода и экзарха Грузіи. 26 августа 1856 г. «за неусыпную при долговременномъ архипастырскомъ служеніи заботливость о ввѣренныхъ постахъ и за ревностные на проходимомъ поприщѣ труды по общему управленію церковными дѣлами Закавказскаго края къ постоянному въ немъ благоустройству духовной части» лично возведенъ въ санъ митрополита. 1 марта 1858 г. назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, а 1 іюля 1860 г. митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ, финляндскимъ и эстляндскимъ, священно-архимандритомъ Александро-Невской лавры и главнымъ попечителемъ Императорскаго человѣколюбиваго общества. Преосвященный Исидоръ имѣлъ всѣ награды, присвоенныя духовнымъ лицамъ, со включеніемъ патріаршихъ отличій: ношенія двухъ панагій и предношенія креста въ священнослуженіи и кромѣ того состоялъ членомъ (почетнымъ или дѣйствительнымъ) слѣдующихъ ученыхъ обществъ (по хронологическому порядку избранія): Копенгагенскаго сѣверныхъ древностей, Императорскаго русскаго географическаго, Кіевской академической конференціи, Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургской и Московской академическихъ конференцій, Комитета грамотности при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, Императорскаго русскаго архео-

логическаго общества, С.-Петербургскаго университета, Медико-Хирургической академіи, Общества востановленія православія на Кавказѣ, Музея Цесаревича въ Москвѣ и Московскаго университета.

Дѣятельность митрополита Исидора, продолжавшаяся цѣлыхъ 67 лѣтъ, изъ которыхъ въ санѣ епископа 58 л. и въ качествѣ первоіерарха русской церкви и первенствующаго члена Св. Синода—32 года, представляется чрезвычайно обширною и разнообразною. Особенно рельефно выступаютъ его труды какъ епископа въ Полоцкѣ и Могилевѣ по присоединенію уніатовъ къ православію, на Кавказѣ по распространенію православія среди тамошнихъ инородцевъ и вообще по организаціи церковнаго управленія и хозяйства въ этомъ исключительномъ по этнографическимъ, историческимъ и географическимъ условіямъ краѣ. Наконецъ петербургскій періодъ ознаменованъ его непосредственнымъ и весьма дѣятельнымъ участіемъ въ переводѣ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ. Обладая ровнымъ характеромъ, никогда неувлекающимся и неволнующимся, большою начитанностью и житейскою опытностью и отъ природы одаренный тонкой наблюдательностію, преосв. Исидоръ въ своей разнообразной и широкой дѣятельности хотя и не являлся выдающимся иниціаторомъ-руководителемъ извѣстнаго направленія, но за то былъ совершенно чуждъ и тѣхъ теоретическихъ, партійныхъ, страстныхъ и личныхъ увлеченій, которыя для иныхъ становятся иногда выше интересовъ самаго дѣла; митрополитъ Исидоръ былъ человѣкъ по природному складу своего ума и образованію не столько теорій, идей, направленій, сколько практики, дѣла и во всякое дѣло онъ вносилъ опытность, твердость, послѣдовательность. Этимъ объясняется и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что онъ могъ не только уживаться съ самыми разнообразными теченіями и направленіями въ области церковной жизни, но и быть проводникомъ и исполнителемъ ихъ. Правда, если ему приходилось осуществлять такія мѣропріятія, съ которыми онъ въ душѣ не былъ согласенъ, то онъ всегда умѣлъ ихъ ослабить, даже совсѣмъ парализовать, но дѣлалось это всегда тихо, спокойно, практично, безъ всякой личной борьбы съ виновниками этихъ мѣропріятій, безъ всякаго обостренія съ ними отношеній. Соотвѣтственно этому общему характеру и направленію дѣятельности митрополита Исидора проходила и вся личная жизнь его. Его рабочій день обыкновенно начинался съ 6 ч. утра и непрерывно продолжался до тѣхъ поръ, пока онъ не прочитывалъ всѣхъ поступившихъ къ нему синодальныхъ и епархіальныхъ бумагъ и частной корреспонденціи. Двѣ громаднѣйшихъ по пространству, населенію и количеству церквей и монастырей епархіи — новгородская и с.-петербургская—съ ихъ консисторіями, семинаріями, училищами и академіею и третья—Финляндія, хотя небольшая въ численномъ отношеніи, но за то поставленная въ исключительныя условія во всѣхъ отношеніяхъ, требовали при управленіи ими непрерывнаго напряженія, вниманія и опытности; кромѣ того, какъ первенствующій членъ Св Синода и старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ (почти всѣхъ ихъ хиротонисавшій) онъ получалъ отъ нихъ массу запросовъ по разнымъ сомнительнымъ случаямъ архипастырской практики и на всѣ предложенные запросы давалъ совѣты и указанія. Какъ митрополитъ с.-петербургскій онъ постоянно долженъ былъ принимать лично, кромѣ подчиненнаго ему и разнаго пріѣзжаго духовенства, еще массу свѣтскихъ высокопоставленныхъ лицъ. Со всею этою разнообразнѣйшею дѣятельностію митрополитъ Исидоръ успѣвалъ справляться исключительно благодаря своей неизмѣнной аккуратности въ дѣлахъ, не нарушавшейся никакими событіями, никакими величайшими праздниками. Каждый день въ извѣстное время неизмѣнно сдавались имъ вороха́ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ съ положенными на нихъ резолюціями. Его положеніемъ, какъ митрополита объясняется и то, что онъ обнаруживалъ всегда бо́льшую склонность къ бумажной перепискѣ, чѣмъ къ непосредственному живому общенію съ подчиненными ему лицами. Онъ просто не находилъ времени съ ними бесѣдовать. Нравственное вліяніе митрополита Исидора среди русской іерархіи и свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства было громадное. Онъ являлся живою лѣтописью текущаго столѣтія; каждый не могъ не знать, что митрополитъ началъ свою дѣятельность еще въ то отдаленное время, когда всѣ отрасли церковнаго управленія: административная, духовноучебная и экономическая были сосредоточены, согласно регламенту, непосредственно въ Св. Синодѣ; на его гла-

захъ совершались всѣ выдающіяся реформы и преобразованія въ духовномъ вѣдомствѣ за настоящее столѣтіе и потому онъ могъ подвести всегда живую справку о скрытыхъ мотивахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ реформъ и преобразованій и объ отношеніи и участіи въ нихъ тѣхъ или другихъ дѣятелей. Бывали случаи, когда онъ однимъ словомъ могъ затормозить или совсѣмъ отклонить какой нибудь проектъ. Поэтому всѣ прислушивались къ его словамъ и взглядамъ и всѣмъ приходилось считаться съ ними. Этотъ маститый іерархъ такъ недавно сошелъ въ могилу, что еще не настало время судить подробнѣе о его дѣятельности. Подробная и безпристрастная исторія оцѣнитъ степень его личнаго участія и отношенія къ церковнымъ реформамъ, совершившимся за тотъ періодъ, когда онъ былъ первенствующимъ членомъ Св. Синода и опредѣлитъ его вліяніе на церковныя дѣла. Теперь же, до обнародованія многихъ документовъ, всякія сужденія были бы рановременны или субъективны. По случаю его 50 лѣтняго юбилея архіерейства (11 ноября 1884 г.) и смерти во всѣхъ духовныхъ журналахъ были помѣщены весьма подробныя свѣдѣнія о его дѣятельности. Изъ печатныхъ трудовъ преосвященнаго Исидора имѣются только его «Слова и рѣчи», изданныя отдѣльными брошюрами и за тѣмъ въ одномъ томѣ, въ Петербургѣ, въ 1876 г.

Исидоръ, митрополитъ всея Руси, умеръ въ 1472 г. или въ 1463 г. Родомъ грекъ или болгаринъ, онъ въ 1437 г. рукоположенъ былъ въ Царьградѣ патріархомъ Іосифомъ на русскую митрополію. Хотя у великаго князя былъ свой кандидатъ, рязанскій владыка Іона, но все же Исидоръ былъ принятъ въ Москвѣ. Новый митрополитъ московскій и всея Руси еще ранѣе, въ санѣ игумена, принимавшій участіе въ посольствѣ отъ императора Іоанна къ Базельскому собору, имѣлъ порученіе склонить русскихъ къ принятой греками на соборѣ уніи; самъ онъ готовъ былъ на унію какъ грекъ патріотъ, ибо былъ убѣжденъ, что благодаря сей греки получатъ достаточныя средства для отраженія турокъ. Въ Москвѣ Исидоръ выразилъ желаніе отправиться на соборъ, созванный папою и императоромъ для соединенія церквей. Великій князь противился такому желанію, но, наконецъ, уступилъ митрополиту, взявъ съ него клятву, что онъ «ничто странна и чюжа» не принесетъ отъ латинянъ и крѣпко будетъ стоять за православіе. Но уже въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Исидоръ поклонялся прежде «крыжу ляцкому», а потомъ уже православнымъ крестамъ, и, проводивъ первый до костела, православныхъ крестовъ не провожалъ. На соборѣ сначала въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи Исидоръ былъ явно на сторонѣ латинянъ. Добившись нѣсколькихъ уступокъ, латиняне и державшіе ихъ сторону православные поспѣшили составить соборное опредѣленіе, чтобы только считать этотъ соборъ состоявшимся. Исидоръ получилъ отъ папы санъ кардинала и званіе «легата отъ ребра апостольскаго» для всѣхъ сѣверныхъ странъ. На возвратномъ пути въ Будинѣ, Краковѣ и Львовѣ онъ объявлялъ о соединеніи церквей и совершалъ литургіи въ латинскихъ храмахъ; зиму провелъ въ Кіевѣ, гдѣ отъ князя Олелька Владиміровича получилъ грамоту на всѣ митрополичьи отчины и доходы. Въ Москвѣ, куда онъ вернулся весной 1441 г., передъ нимъ несли латинскій крестъ, и это всѣхъ изумило. На первой же литургіи, которую совершалъ митрополитъ, на эктеніяхъ вмѣсто восточныхъ патріарховъ поминали папу Евгенія; по окончаніи службы архидіаконъ сталъ читать съ амвона опредѣленія Флорентійскаго собора. Всѣ отъ изумленія безмолвствовали; но самъ великій князь выступилъ съ обличительнымъ словомъ: онъ назвалъ Исидора волкомъ-хищникомъ, лжепастыремъ, еретикомъ, губителемъ христіанскихъ душъ, приказалъ посадить его въ заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ и созвалъ соборъ изъ епископовъ для разсмотрѣнія Флорентійскихъ соборныхъ постановленій. Послѣднія признаны были противными древнему православному ученію; Исидора было рѣшено склонять къ раскаянію и исправленію (въ одной лѣтописи говорится даже, что онъ будто-бы осужденъ былъ на сожженіе), но напрасно; изъ заключенія онъ успѣлъ бѣжать въ Тверь, гдѣ великій князь Борисъ сначала хотѣлъ его задержать, но вскорѣ отпустилъ и Исидоръ чрезъ Литву пробрался въ Римъ, гдѣ получилъ мѣсто въ совѣтѣ кардиналовъ. Извѣстія русскихъ лѣтописей объ Исидорѣ оканчиваются заявленіемъ, что въ Римѣ онъ «нигдѣ же пристанища не имѣлъ»; умеръ тамъ же по однимъ извѣстіямъ въ 1472 г., по другимъ 14 марта 1463 г.

Полн. собр. рус. лѣт., II, 354; III, 112; IV, 122,

210—212; V, 29, 30, 267; VI, 151—169, 319; VII; 163; VIII, 100, 109, 122; «Др. Росс. Вивл.», т. VI, Sylv. Syropuli, «Vera historia unionis non verae», Hagae, 1660; Макарій, «Ист. русск. цер.», т. IV.

Исидоръ, священномученикъ, священникъ при церкви св. Николая въ Юрьевѣ (Дерптѣ). Католики сильно тѣснили православныхъ; только одинъ Исидоръ и остался тогда въ Юрьевѣ изъ священнослужителей. 6 января 1472 г. онъ вмѣстѣ со всѣми прихожанами въ числѣ 72 человѣкъ во время водосвятія на рѣкѣ Амовжѣ былъ схваченъ латинянами и когда послѣ многихъ истязаній они не согласились на отступленіе отъ православія, 8 января были утоплены въ р. Амовжѣ.

Кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ».

Исидоръ, митрополитъ новгородскій, умеръ 10 апрѣля 1619 г. Постриженикъ Соловецкаго монастыря, онъ въ 1597 г. сдѣланъ былъ въ немъ же игуменомъ, а въ 1604 году поставленъ на новгородскую митрополію. Въ 1605 г., по смерти царя Бориса, онъ отправленъ былъ вмѣстѣ съ Басмановымъ къ царскому войску, принимать отъ него присягу на вѣрность Ѳеодору Борисовичу; но едва успѣлъ митрополитъ вернуться въ Москву, исполнивъ возложенное на него порученіе, какъ въ столицу пришло извѣстіе объ измѣнѣ всего войска. Въ 1606 году, 1 іюня, онъ вѣнчалъ на царство Василія Ивановича Шуйскаго. Въ 1608 г., князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій былъ въ новгородской области и велъ переговоры со шведами, желая получить отъ нихъ помощь людьми; въ то время, какъ отовсюду приходили къ нему вѣсти, что число противниковъ царя Василія все увеличивается, посольство отъ Новгорода, отправленное при ближайшемъ участіи митрополита Исидора, призвало его въ этотъ городъ, обнадеживая въ вѣрности царю. Въ 1611 году, во время междуцарствія, Делагарди, долго стоявшій подъ Новгородомъ, 16 іюля сдѣлалъ приступъ и ворвался въ городъ; новгородцы на улицахъ и въ домахъ ожесточенно сопротивлялись шведамъ; во время сѣчи митрополитъ Исидоръ служилъ молебенъ на стѣнѣ кремля и издали благословлялъ протопопа Аммоса, который былъ у него подъ духовнымъ запрещеніемъ, но котораго онъ теперь простилъ за отважную оборону противъ шведовъ. Когда городъ былъ взятъ, митрополитъ Исидоръ и тогдашній воевода новгородскій, князь Иванъ Никитичъ Одоевскій, заключили съ Делагарди договоръ, по которому признали новгородскимъ государемъ королевича шведскаго Филиппа и обѣщали привести и все московское государство къ согласію на этотъ выборъ; 25 декабря 1611 г. отправлено было къ шведскому королю Карлу IX извѣщеніе объ этомъ. Отъ имени всякихъ чиновъ новгородскихъ людей, съ митрополитомъ Исидоромъ во главѣ, и велись всѣ переговоры, какъ съ королевичемъ Филиппомъ и шведскими уполномоченными, такъ и съ княземъ Пожарскимъ, который еще въ іюнѣ 1613 года отвѣчалъ на грамоту Исидора и всего Новгорода, извѣщавшую, что Новгородъ имѣетъ царемъ королевича шведскаго. Королевичъ Филиппъ, какъ извѣстно, въ Новгородъ не пріѣзжалъ, узнавъ, что остальныя части Россіи признали царемъ Михаила Ѳеодоровича, но шведскій военачальникъ въ Новгородѣ, Горнъ, тѣмъ не менѣе требовалъ отъ Новгородцевъ вѣрности шведскому принцу; и хотя было уже очевидно, что новгородцы желаютъ соединиться съ остальною Россіею и признать царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, шведы удерживали Новгородъ и только по Столбовскому миру 1617 г. Новгородъ былъ возвращенъ Россіи. Извѣщая объ этомъ митрополита Исидора и всѣхъ новгородцевъ особою грамотою, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ благодарилъ ихъ за вѣрность своему отечеству и вполнѣ извинялъ имъ ихъ временное отступничество, признавая, что для нихъ было невозможно противиться шведскимъ силамъ. Митрополитъ Исидоръ, утомленный всѣми этими безпокойствами, сталъ проситься на покой въ Соловецкій монастырь; но прежде чѣмъ это было ему разрѣшено, онъ уже скончался. Погребенъ въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ.

«Акты Ист.», III, № 284; «Доп. къ Акт. Ист.», I, №№ 162, 164, 166; II, №№ 3, 5, 11, 43; «Новый лѣтописецъ»; Карамзинъ, т. XI и XII; Соловьевъ, т. VIII, гл. 8, т. IX, гл. 1; Досиѳей, «Опис. Солов. монастыря», 93—94.

Искра, *Иванъ Ивановичъ*, полковникъ полтавскій, казненъ 15 іюля 1708 г. Внукъ Искры-Остряницы, онъ выдвинулся по родству съ Жученкомъ и Кочубеемъ, сдѣлался полтавскимъ полковникомъ и получилъ отъ Мазепы большія земельныя пожалованія. Послѣ отказа Кочубея отъ писарства Искра также оставилъ свое мѣсто, около 1700 г., и спокойно жилъ въ своихъ имѣніяхъ. Но потомъ Кочубей склонилъ его участвовать въ доносѣ на Мазепу; какъ извѣстно, доносу не повѣрили, сами доно-

щики были схвачены, судимы и послѣ жестокихъ пытокъ, 15 іюля 1708 г., казнены въ мѣстечкѣ Борщаковкѣ, около Бѣлой Церкви. Когда обнаружилась измѣна Мазепы, Петръ Великій оказывалъ особое вниманіе семействамъ невинно осужденныхъ и вернулъ имъ съ избыткомъ конфискованныя имѣнія. Послѣ смерти вдовы И. И. Искры и бездѣтной смерти его сына (до 1715 г.), всѣ ихъ имѣнія перешли къ Кочубеямъ. Позднѣйшіе представители фамиліи Искры ведутъ родъ свой отъ брата Ивана Ивановича, Захара Искры, ничѣмъ особеннымъ себя не ознаменовавшаго.

Статья Лазаревскаго въ «Рус. Арх.», 1875, III, 304—308; документы по дѣлу Кочубея и Искры въ «Чтеніяхъ», 1859 г., I; Соловьевъ, т. XV, гл. 4.

Искра, *Иванъ Яковлевичъ*, сынъ Искры-Остряницы, назначенный гетманъ, убитъ въ январѣ 1659 г. Имя его встрѣчается въ спискахъ полтавскаго полка съ 1649 г.; въ войнахъ Хмельницкаго, однако, онъ не является дѣйствующимъ лицомъ; но послѣ его смерти онъ принялъ живое участіе въ борьбѣ Пушкаря съ Выговскимъ, принадлежа къ партіи перваго. Въ 1658 г. онъ отправленъ былъ Пушкаремъ въ Москву, чтобы разоблачить намѣренія Выговскаго; послѣдній, въ свою очередь, тоже отправилъ посланца въ Москву, который старался всячески очернить въ глазахъ московскаго правительства Пушкаря и настаивалъ, что и Пушкарь и Искра заслуживаютъ строжайшаго наказанія; посланцу Выговскаго, Лѣсницкому, удалось достигнуть того, что изъ Москвы былъ отправленъ князь Ромадановскій смирить Пушкаря; но еще до его прибытія Пушкарь уже былъ убитъ приверженцами Выговскаго (1 Іюня 1658 г.), и Выговскій явно обнаружилъ свои симпатіи къ Польшѣ. Тогда въ Москвѣ Искру назначили въ гетманы и отпустили его въ Малороссію, для полученія булавы на мѣстѣ (въ декабрѣ 1658 г.); но по дорогѣ подъ с. Песками, недалеко уже отъ Лохвицы, гдѣ Искра долженъ былъ встрѣтиться съ княземъ Ромадановскимъ, на него напали сторонники Выговскаго съ татарами и убили его.

«Рус. Архивъ», 1875, III, 303—304.

Искра, *Яковъ*, казачій гетманъ, прозванный Остряница или Острянинъ, по происхожденію изъ г. Остра (близъ Кіева), родоначальникъ рода Искры, убитъ въ 1641 г. Въ 1638 г. онъ былъ выбранъ въ предводители казаками, возставшими противъ поляковъ; успѣшно выдержавъ осаду поляковъ въ Голтвѣ, онъ былъ разбитъ подъ Лубнами и въ іюнѣ того же 1638 г. бѣжалъ въ Московское государство, со всею семьею, и поселился на свободныхъ земляхъ, между рр. Ворсклою и Коломакомъ, въ предѣлахъ нынѣшняго полтавскаго уѣзда; но опасность здѣсь отъ поляковъ заставила его уйдти дальше отъ границы; лѣтомъ 1639 г. онъ явился въ Чигиринъ и получилъ здѣсь по царскому повелѣнію земли; въ 1641 г. онъ былъ убитъ своими товарищами, которые затѣмъ бѣжали обратно за рубежъ, вмѣстѣ съ семьею Искры; съ разрѣшенія гетмана Конецпольскаго они поселились особою слободою подъ Полтавою, гдѣ теперь село Искровка.

«Рус. Архивъ», 1875, III, 300—303.

Искрицкій, *Александръ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1806 г., умеръ 15 марта 1867 г., изъ дворянъ. Опредѣленъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части колонновожатымъ 1 іюня 1823 г.; участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828 г., дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 18-й пѣхотной дивизіи. Переведенный 10 апрѣля 1832 г. въ Генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, А. А. Искрицкій былъ помощникомъ начальника библіотеки Генеральнаго штаба, а затѣмъ въ распоряженіи Военнаго Министра и Генералъ-квартирмейстера. Въ 1834 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за опытъ стенографіи. Въ 1839 г. назначенъ членомъ въ Археографическую коммиссію, для участія со стороны Военнаго министерства въ разборѣ древнихъ актовъ, находившихся въ архивахъ этого министерства. 15 августа 1840 г. назначенъ начальникомъ архива военно-топографическаго депо и съ этой должности 29 августа 1848 г. уволенъ въ отставку генералъ-маіоромъ.

Дѣло Инспект. депар. 3 ст., 1 отд., 1848 г. № 877; «Протоколы засѣданія Археогр. комм.», I, 445. *С. Н. П.*

Исленьевъ, *Николай Александровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1785 г., умеръ 25 февраля 1851 г. Изъ дворянъ, обучался въ частномъ учебномъ заведеніи, въ службу вступилъ въ Куринскій полкъ, 3 мая 1803 г.; 5 января 1805 г. перешелъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ; съ 1822 по 1833 г. и командовалъ имъ; 22 іюля 1825 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ этимъ же полкомъ онъ уча-

ствовалъ въ войнѣ 1807 г. съ французами, въ войнѣ 1812—1814 гг., отличился въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Пирнѣ, Гисгюбелѣ и Кульмѣ, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1828 г. и въ усмиреніи польскаго возстанія и въ штурмѣ Варшавы въ 1831 году. При подавленіи мятежа 14 декабря 1825 г. Н. А. Исленьевъ находился съ полкомъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ и на слѣдующій день получилъ званіе генералъ-адъютанта. 15 августа 1830 г. Н. А. Исленьевъ былъ назначенъ членомъ Комитета, учрежденнаго 18 августа 1814 г. (нынѣ Александровскій комитетъ о раненыхъ), а 6 октября 1831 г.—командиромъ 1-й гвардейской пѣхотной бригады и съ нею въ 1835 г. принималъ участіе въ извѣстныхъ Калишскихъ маневрахъ, командуя отрядомъ войскъ гвардейскаго корпуса. Съ 22 іюля 1837 г. до 22 сентября 1841 г. былъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, былъ затѣмъ инспекторомъ гвардейскихъ запасныхъ полубаталіоновъ и гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ, членомъ комитета для составленія воинскаго пѣхотнаго устава и командующимъ оставшеюся отъ похода въ Петербургѣ и окрестностяхъ его пѣхотою (со 2 мая 1849 г.). Въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи онъ былъ произведенъ 10 октября 1843 г. и имѣлъ русскіе ордена до знаковъ ордена св. Александра Невскаго, брилліантами украшенныхъ, включительно.

Формул. списокъ въ книгѣ формуляровъ за 1849 г. № 13560, въ Арх. Глав. Штаба. *С. Н. П.*

Истомина, *Евдокія Ильинична*, извѣстная танцовщица петербургскихъ Императорскихъ театровъ. Род. 6 января 1799 г., умерла отъ холеры въ 1848 г. Воспитывалась въ Императорскомъ петербургскомъ театральномъ училищѣ казенно-коштной воспитанницей. Выпущена изъ училища въ 1816 г. Когда она прослужила обязательныхъ 10 лѣтъ, съ ней былъ заключенъ контрактъ на 3 года съ 1 марта 1825 г. съ жалованьемъ въ 5000 р., затѣмъ второй контрактъ (1828 г.) съ жалованьемъ въ 8000 р. и наконецъ третій контрактъ (1831 г.) съ жалованьемъ въ 10000 р. и бенефисомъ. По истеченіи срока этого контракта за годъ до срока выслуги пенсіи (1834 г.) дирекція убавила Истоминой жалованье до 6000 р., что вызвало со стороны обиженной артистки протестъ, оставленный, однако, безъ вниманія. 29 января 1835 г. Истоминой назначена была пенсія за 20 лѣтъ службы изъ оклада въ 4000 р. съ тѣмъ, чтобы она отслужила еще два года благодарности за полученное въ училищѣ воспитаніе. Въ 1836 году Истомина просила заграничнаго отпуска на пять мѣсяцевъ въ Парижъ и въ Карльсбадъ для леченія; дирекція взамѣнъ отпуска уволила ее 25 апрѣля 1836 г. въ отставку.

Истомина дебютировала, еще будучи воспитанницей, 30 августа 1815 г. въ балетѣ «Ацисъ и Галатея» и съ этихъ поръ талантливая ученица Дидло пользовалась неизмѣннымъ успѣхомъ на балетной сценѣ. По словамъ современниковъ Истомина была средняго роста, брюнетка, красивой наружности, имѣла большую грацію, легкость и быстроту въ движеніяхъ и въ пируэтахъ, воспѣтыя Пушкинымъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ». Большимъ успѣхомъ Истомина пользовалась въ балетахъ: «Зефиръ и Флора», «Африканскій левъ или геройство матери», «Калифъ Багдадскій», «Евтимій и Евхариса», «Роландъ и Маріана», «Лиза и Коленъ», «Русланъ и Людмила или низверженіе черномора, злого волшебника», «Федра» и во многихъ другихъ. Кромѣ балетовъ Истомина играла и въ водевиляхъ роли съ рѣчами. Такъ, 17 октября 1821 г. въ ея бенефисъ шелъ водевиль князя Шаховскаго «Фениксъ или утро журналиста», въ которомъ Истомина играла роль съ рѣчами танцовщицы Зефиреты и протанцовала цѣлую сцену. Затѣмъ, 8 января 1824 г., тоже въ бенефисъ Истоминой, давался передѣланный П. Араповымъ французскій водевиль «Путешествующая танцовщица-актриса или три сестры-невѣсты», для котораго А. А. Алябьевъ сочинилъ увертюру и музыку. Истомина явилась въ немъ танцовщицей и исполнила прекрасно три разнохарактерныя роли. По выходѣ въ отставку, уже въ сороковыхъ годахъ, Истомина вышла замужъ за второстепеннаго актера драматической труппы, Экунина. Портретъ Истоминой работы Іордана находится въ книгѣ «Русская Талія», 1825 г.; онъ поясной и изображаетъ артистку въ балетѣ «Зефиръ и Флора».

Дѣло петербургской конторы дирекціи Императ. театровъ № 79, 6 января 1816 г.—25 апр. 1836 г.; Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра».

Истоминъ, *Владиміръ Ивановичъ*, контръ-адмиралъ, одинъ изъ Севастопольскихъ героевъ, происходилъ изъ дворянъ эстляндской губерніи, род. въ 1811 г.,

убитъ 7 марта 1855 г. Окончивъ курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ еще гардемариномъ участвовалъ, на кораблѣ «Азовъ», въ Наваринскомъ сраженіи 8 октября 1827 г. и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; затѣмъ, онъ былъ на русскомъ флотѣ, ходившемъ въ 1833 г. въ Константинополь на помощь султану. Съ 1837 г. Истоминъ командовалъ отдѣльными судами въ Балтійскомъ морѣ, а съ 1844 г.—судами на Черномъ морѣ. Съ 1845 по 1850 г. находился при кавказскомъ намѣстникѣ князѣ М. С. Воронцовѣ для разработки мѣстныхъ морскихъ вопросовъ и въ 1847 г. участвовалъ въ блокадѣ береговъ Кавказа. По службѣ въ Черноморскомъ флотѣ В. И. Истоминъ сблизился и сталъ въ дружескія отношенія съ Лазаревымъ, Нахимовымъ и Корниловымъ. Командуемыя имъ суда всегда были образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ. 18 ноября 1853 г. В. И. Истоминъ, командуя кораблемъ «Парижъ», отличился въ Синопской битвѣ; Нахимовъ отдалъ приказъ поднять на своемъ адмиральскомъ кораблѣ сигналъ «благодарности» ему, но всѣ фалы были такъ перебиты, что исполнить приказаніе не было возможности; за это сраженіе Истоминъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Когда началась осада Севастополя, Истоминъ былъ назначенъ начальникомъ Сѣвернаго укрѣпленія, а затѣмъ, когда эту должность занялъ Корниловъ, остался при немъ начальникомъ штаба. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и храбрѣйшихъ участниковъ въ организаціи этой изумительной обороны. Послѣ смерти Корнилова онъ буквально ни на одинъ день не покидалъ своихъ позицій; онъ и жилъ на Камчатскомъ редутѣ, въ землянкѣ; 7 марта 1855 г. при выходѣ его изъ этой землянки, ему ядромъ оторвало голову. Такова была славная смерть этого славнаго защитника Севастополя. Прахъ его покоится рядомъ съ останками Лазарева, Корнилова и Нахимова. Имя его, вмѣстѣ съ именами этихъ героевъ, будетъ вѣчно жить въ благодарной памяти русскаго народа. — В. И. Истоминъ имѣлъ четырехъ братьевъ и всѣ они служили во флотѣ.

Архивъ Морскаго Министерства, формуляры за 1853 г., 412, № 23; дѣло № 174; «Рус. Архивъ», 1877, I, 124—126; Тотлебенъ, «Описаніе обороны Севастополя».

Истоминъ, *Константинъ Ивановичъ*, адмиралъ, род. въ 1807 г., умеръ 2 октября 1876 г. Въ 1819 г. поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ и въ 1821 г. выпущенъ гардемариномъ. Участвовалъ въ битвѣ при Наваринѣ и за храбрость получилъ орденъ св. Анны 4 ст.; въ 1833 г., послѣ пребыванія съ русскимъ флотомъ въ Константинополѣ, получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Съ 1845 г. командовалъ разными судами и совершилъ множество компаній; 7 апрѣля 1846 г. произведенъ въ капитаны перваго ранга и назначенъ флигель-адъютантомъ Государя Императора; 21 іюля 1849 г. участвовалъ въ дѣлѣ съ венгерцами при Добречинѣ. 19 апрѣля 1853 г., произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и вскорѣ назначенъ начальникомъ штаба при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта; принималъ участіе въ дѣлахъ съ флотомъ союзниковъ подъ Кронштадтомъ; въ 1857 г. былъ предсѣдателемъ военно судной коммиссіи, назначенной для разбора злоупотребленій, обнаруженныхъ по интендантской части Черноморскаго управленія; въ 1858—1859 гг. былъ начальникомъ эскадры Средиземнаго моря. Съ 1 февраля 1860 г. по 6 августа 1862 г. былъ главнымъ командиромъ Архангельскаго порта и военнымъ губернаторомъ Архангельска, затѣмъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ-совѣта; 23 апрѣля 1861 г. произведенъ въ вице-адмиралы, 1 января 1870 г. въ адмиралы. Съ 23 октября 1875 г. по кончину былъ предсѣдателемъ Главнаго военно-морскаго суда.

Дѣло Архива Морскаго Министерства, № 596.

Италинскій, *Андрей Яковлевичъ*, дѣйствит. тайный совѣтникъ, посолъ въ Римѣ, изъ дворянъ, род. въ Кіевѣ 15 мая 1743 г., умеръ 27 іюня 1827 г. въ Римѣ. По образованію и по началу свой дѣятельности онъ былъ медикъ. Окончивъ курсъ въ Кіевской духовной академіи въ 1761 г., изучалъ медицину въ Петербургѣ, Эдинбургѣ и Лондонѣ. Получивъ въ Лондонѣ въ 1774 г. степень доктора медицины, продолжалъ занятія въ Парижѣ, гдѣ въ 1780 г. былъ представленъ Гриммомъ цесаревичу Павлу Петровичу, совершавшему тогда заграничное путешествіе, заслужилъ его расположеніе и въ 1781 г. назначенъ секретаремъ посольства въ Неаполь, а въ 1795 г. занялъ тамъ мѣсто посла. Въ Италіи помимо своихъ служебныхъ обязанностей онъ дѣятельно занимался археологіею и со-

бралъ цѣнный музей. Въ 1801 г. переведенъ посломъ въ Константинополь. Въ 1812 г. велъ переговоры съ турками въ Бухарестѣ и подписалъ прелиминарныя условія мира. Въ 1817 г. назначенъ посломъ въ Римъ, гдѣ и скончался. Еще въ бытность его въ Неаполѣ Академія Художествъ просила его наблюдать за русскими художниками, жившими въ Италіи. По переселеніи въ Римъ А. Я. Италинскій имѣлъ еще болѣе случаевъ оказывать свое покровительство русскимъ художникамъ, въ средѣ которыхъ онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ за свою любовь къ искусству и готовность оказать всякую поддержку, когда русскій художникъ въ ней нуждался. Какъ любитель и знатокъ искусства онъ, 16 сентября 1822 г., былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, а послѣ его смерти его бюстъ былъ помѣщенъ въ одной изъ академическихъ залъ. Ученые труды его не напечатаны.

Змѣевъ, «Русск. врачи писат.»; Геннади, «Словарь»; Didot, «Biogr. generale»; «Сѣверная Пчела», 1827, № 85; «Арх. кн. Воронцова», т. XX; «Ист. Вѣстн.», т. XXV, 650.

Ишимова, *Александра Осиповна*, писательница для дѣтей, род. 25 декабря 1804 г. въ Костромѣ, умерла 4 іюня 1881 г. Училась сначала въ Петербургѣ, въ пансіонѣ г-жи Миллеръ, гдѣ, въ четыре мѣсяца выучилась читать по-русски, по-французски и по-нѣмецки; но затѣмъ, по случаю болѣзни, ученье было прервано, и снова учиться она стала лишь 12-ти лѣтъ въ пансіонѣ г-жи Гофманъ. Въ 1818 г. отецъ ея былъ высланъ изъ Петербурга, по распоряженію гр. Аракчеева, и А. О. Ишимова жила съ семьею сначала въ вологодской губерніи, въ Усть-Сысольскѣ, потомъ въ Никольскѣ, Кеми и въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ изгнаніи А. О. Ишимова облегчала участь семьи, давая частные уроки, но ревностно заботилась и о своемъ собственномъ образованіи, пользуясь привезенными изъ столицы книгами. Въ 1825 г. ей удалось пріѣхать въ Петербургъ и испросить у Государя облегченіе участи отца, который послѣ того былъ переведенъ въ Архангельскъ. А. О. Ишимова осталась въ Петербургѣ и открыла небольшую школу, которую, однако, въ 1830 г. пришлось закрыть. Оставшись безъ средствъ, она рѣшилась прибѣгнуть къ литературной работѣ. Первымъ ея произведеніемъ былъ переводъ съ французскаго сочиненія Жозефа Дроза «Искусство быть счастливымъ»; за нимъ послѣдовали переводы: «Красный морской разбойникъ», Купера и другіе. Въ 1834 г. она издала «Исторію Россіи въ разсказахъ для дѣтей», за которую въ 1852 г. получила Демидовскую премію въ 2500 р.; кромѣ того, сочиненіе это, благодаря Плетневу, доставило ей покровительство Царской Семьи и знакомство съ Шишковымъ, Сперанскимъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ, и затѣмъ съ Я. К. Гротомъ, Тургеневымъ и другими, съ которыми она встрѣчалась на вечерахъ у Плетнева; вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшись лично извѣстною Царской Семьѣ, А. О. Ишимова успѣла исходатайствовать отцу разрѣшеніе возвратиться въ столицу. Въ 1839 г. она была приглашена для занятій русскимъ языкомъ съ принцессой Терезой Ольденбургской, а въ 1848 г.—съ великой княжной Александрой Іосифовной. Съ 1841 г. императрица Александра Ѳеодоровна назначила ей ежегодную пенсію въ 400 руб.; кромѣ того Ишимова неоднократно получала отъ Царской фамиліи цѣнные подарки и денежныя награды. Въ 1842 г. она предприняла изданіе журнала для дѣтей «Звѣздочка», а съ 1850 г.—журнала для дѣвицъ «Лучъ», гдѣ помѣщались, кромѣ ея оригинальныхъ и переводныхъ работъ, произведенія многихъ лучшихъ писателей того времени. Свои статьи Ишимова выпускала отдѣльными изданіями и такимъ образомъ ею издано книгъ для дѣтскаго чтенія болѣе двадцати пяти названій. Изъ нихъ послѣ «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей» наибольшимъ успѣхомъ пользовалась «Священная исторія въ разсказахъ для маленькихъ дѣтей». Кромѣ того она помѣстила въ «Современникѣ» нѣсколько сценъ изъ «Драматическихъ очерковъ» Барри Корнуэля, переведенныхъ ею по просьбѣ Пушкина. Въ 1881 г. праздновался литературный ея юбилей, причемъ она получила привѣтствіе отъ великой княгини Александры Іосифовны и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и чрезъ массу депутацій поздравленія отъ разныхъ учрежденій и редакцій.

Нѣкоторыя свѣдѣнія получены отъ самой А. О. Ишимовой. Статья Быкова, въ «Др. и Нов. Рос.», 1878, № 8; Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойн. рус. пис.», I, 1885; Кн. Голицынъ, «Библіогр. словарь рус. писательницъ; «Сочиненія Пушкина», изд. Литер. фонда, т. VII, 419—420.

П. Васильевъ.

I

Іакинѳъ (Никита Яковлевичъ *Бичуринъ*), архимандритъ, извѣстный синологъ, сынъ дьячка села Бичурина казанской губерніи чебоксарскаго уѣзда, род. 29 августа 1777 г., умеръ 11 мая 1853 г. Ученіе началъ въ училищѣ нотнаго пѣнія въ г. Свіяжскѣ; въ 1785 г. поступилъ въ семинарію, причемъ и получилъ свою фамилію; здѣсь онъ своими способностями обратилъ на себя вниманіе казанскаго преосвященнаго Амвросія (Подобѣдова), и въ 1799 г. по окончаніи курса занялъ въ той же семинаріи, которая была уже преобразована въ Академію, должность учителя грамматики; въ 1800 г. онъ постригся въ монахи и былъ сдѣланъ учителемъ высшаго краснорѣчія. Въ 1802 г. въ званіи архимандрита онъ былъ назначенъ въ Вознесенскій монастырь въ Иркутскѣ и получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность ректора семинаріи; но, отличаясь всегда слишкомъ энергичнымъ, рѣшительнымъ характеромъ, онъ здѣсь своею строгостію и горячностію произвелъ волненіе среди семинаристовъ и послѣ этого былъ переведенъ въ Тобольскую семинарію преподавателемъ риторики съ запрещеніемъ совершать священнодѣйствіе. Въ 1805 г. отправлялась въ Китай на смѣну прежней восьмой новая, девятая, духовная миссія на десятилѣтній срокъ. Начальникъ ея, избранный въ Петербургѣ, архимандритъ Аполлосъ, доѣхавъ до Иркутска, пожелалъ остаться въ этомъ городѣ. Тогда Св. Синодъ опредѣлилъ начальникомъ миссіи архимандрита Іакинѳа, который съ радостью согласился на это назначеніе; онъ стремился въ невѣдомыя ему страны съ цѣлію изучить ихъ. 18 іюля 1807 года миссія выѣхала изъ Иркутска. Съ перваго же дня послѣ переѣзда русской границы Іакинѳъ началъ дневникъ своего путешествія и собиралъ свѣдѣнія о странѣ и народѣ, на второй же день по прибытіи въ Пекинъ (миссія достигла Пекина 10 января 1808 г.) принялся за изученіе китайскаго языка; онъ предпочелъ этотъ языкъ монгольскому и маньчжурскому потому, что основная литература для изученія сѣверо-восточной Азіи — китайская. Архимандритъ Іакинѳъ учился по китайски теоретически и практически. Соединяя съ необыкновенною способностью къ изученію языковъ и замѣчательное трудолюбіе, отецъ Іакинѳъ настолько усвоилъ китайскій языкъ, что впослѣдствіи объяснялся на немъ, какъ самый образованный китаецъ. Во время пребыванія въ Китаѣ онъ началъ составлять словарь, въ который вошло 12.000 іероглифовъ, сдѣлалъ много переводовъ на русскій языкъ изъ китайскихъ сочиненій, историческихъ и географическихъ; кромѣ того онъ близко сошелся съ католическими миссіонерами, которые познакомили его съ трудами іезуитовъ по изученію Китая. Переводя много съ китайскаго языка, онъ перевелъ и на китайскій съ русскаго, литургію, краткую священную исторію и изложеніе православной вѣры. Но вскорѣ Іакинѳъ и вся миссія очутились въ критическомъ положеніи. Деньги на содержаніе миссіи высылались обыкновенно на 5 лѣтъ; но въ 1812 г. правительство было такъ занято борьбою съ Наполеономъ, что деньги не были выслa-

ны. Существовать на средства китайскаго правительства, которое отпускало на миссію въ годъ 855 р. 50 к. сер. на наши деньги, не было возможности; пришлось занимать деньги у китайскихъ ростовщиковъ за высокіе проценты; наконецъ дѣло дошло до заклада церковной утвари; при такихъ обстоятельствахъ естественно возникли въ образѣ жизни членовъ миссіи безпорядки и разныя нежелательныя явленія. О миссіи вспомнили, когда предстояло снаряжать на смѣну ей новую; но и это снаряженіе затянулось. Десятая миссія прибыла въ Пекинъ 1 декабря 1821 г., и только 15 мая 1822 г. Іакинѳъ выѣхалъ изъ Пекина съ своей миссіей, проведя тамъ, вмѣсто положенныхъ 10 лѣтъ, 14 лѣтъ и 4 мѣсяца. Въ Петербургъ отецъ Іакинѳъ явился съ такимъ богатымъ запасомъ свѣдѣній о прошломъ и настоящемъ Китая, какого не имѣли члены прежнихъ миссій; этими знаніями онъ готовъ былъ дѣлиться со всякимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ превосходное сочиненіе о Китаѣ Тимковскаго, который широко воспользовался эрудиціей отца Іакинѳа; кромѣ того Іакинѳъ привезъ съ собою большое собраніе переводовъ съ китайскаго, частію оконченныхъ, частію только начатыхъ. Но въ Петербургѣ онъ былъ преданъ духовному суду за разстройство миссіи, былъ признанъ виновнымъ, лишенъ сана архимандрита и сосланъ на заточеніе въ Валаамскій монастырь, гдѣ и оставался въ забвеніи около 4 лѣтъ. Тамъ онъ находилъ утѣшеніе въ работѣ: исправлялъ прежніе труды, доканчивалъ начатые. Случайно посѣтилъ Валаамскій монастырь баронъ П. Л. Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ и замѣтилъ въ одной кельѣ монаха, который что-то усердно писалъ. Баронъ заинтересовался имъ и, узнавъ, что это Іакинѳъ, бывшій начальникъ русской миссіи въ Китаѣ, сталъ хлопотать о перемѣщеніи его въ Петербургъ. Въ 1826 году отецъ Іакинѳъ былъ опредѣленъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ китайскаго языка и помѣщенъ на жительство въ Александро-Невской лаврѣ. Съ этого времени начинается его неутомимая литературная дѣятельность, изумлявшая не только русскій, но даже и иностранный ученый міръ. Клапротъ прямо высказалъ, что отецъ Іакинѳъ одинъ сдѣлалъ столько, сколько можетъ сдѣлать только цѣлое ученое общество. Дѣйствительно, онъ писалъ о современномъ Китаѣ въ журналахъ, печаталъ книги объ этой странѣ, публиковалъ переводы китайскихъ сочиненій, какъ о самомъ Китаѣ, такъ и сосѣднихъ странахъ: о Монголіи, Джунгаріи, Тибетѣ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова положилъ у насъ начало изученію Китайской имперіи и ея вассальныхъ земель, возбудилъ интересъ въ обществѣ къ крайнему Востоку, показалъ, какую важность имѣетъ для изученія Средней Азіи богатѣйшая китайская литература и проложилъ путь для работъ другимъ синологамъ. Къ этому надо прибавить, что труды Іакинѳа доселѣ почти не устарѣли и ни одинъ изслѣдователь прошлаго Средней и Сѣверо-восточной Азіи не можетъ обойтись безъ нихъ. Масса новыхъ свѣдѣній, внесенныхъ въ науку отцемъ Іакинѳомъ, и отличное знаніе многихъ вопросовъ вполнѣ искупаютъ тѣ недостатки, отъ которыхъ его труды не свободны, которые, къ тому же, были до извѣстной степени общими всѣмъ ученымъ работамъ того времени. Іакинѳа справедливо обвиняли за отсутствіе критики, за излишнюю довѣрчивость къ свидѣтельству китайцевъ, за малое знакомство съ европейской литературой; комментаріи его часто слабъ, а иногда и вовсе невѣренъ. Повидимому онъ сознавалъ справедливость обращенныхъ къ нему упрековъ и быть можетъ поэтому избѣгалъ полемики. Еще важнѣе другіе недочеты въ работахъ отца Іакинѳа. Онъ, вслѣдствіе увлеченія и невѣрнаго представленія о мѣстопребываніи нѣкоторыхъ народовъ, составилъ монгольскую теорію о происхожденіи кочевыхъ народовъ Средней Азіи и видѣлъ монголовъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Переводы отца Іакинѳа, сдѣланные всегда прекраснымъ русскимъ языкомъ, во многихъ случаяхъ представляютъ сокращеніе китайскаго оригинала, иногда трудныя мѣста переданы у него наугадъ, безъ соотвѣтствующихъ оговорокъ, иногда встрѣчаются важные пропуски, которые затемняютъ связь событій. Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ не свободенъ и самый капитальный трудъ отца Іакинѳа, одинъ изъ послѣднихъ его трудовъ: «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи»; трудъ этотъ составленъ по порученію Академіи Наукъ, по ея же программѣ и потребовалъ 4 года усидчивыхъ занятій. Академія Наукъ вообще очень сочувственно относилась къ работамъ отца Іакинѳа, награждала выдающіяся изъ нихъ

преміями и избрала его въ 1828 г. въ свои члены-корреспонденты; въ 1831 г. онъ былъ избранъ членомъ Парижскаго азіатскаго общества. Въ 1829 — 1830 гг. Іакинѳъ, по порученію Азіатскаго департамента, совершилъ, вмѣстѣ съ барономъ Шиллингомъ, поѣздку за Байкалъ; въ 1835 г. онъ былъ командированъ въ Кяхту для открытія и устройства тамъ училища китайскаго языка. Отецъ Іакинѳъ дожилъ до почтенной старости и неутомимо работалъ почти до самой смерти; ему принадлежатъ, кромѣ множества статей, слѣдующіе труды, вышедшіе отдѣльными книгами: «Отвѣты на вопросы о Китаѣ»; «Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи»—въ сокращеніи переведено на французскій языкъ Клапротомъ; «Записки о Монголіи», переведены на французскій и нѣмецкій языки (1828 г.); «Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана», «Сань-цзы-цзинь или Троесловіе»; «Описаніе Пекина»—переведено на французскій и нѣмецкій языки; «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова» (1829); «Исторія Тибета и Хухэнора» (1833); «Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ» (1834); «Китайская грамматика» (1835); «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе» (1840); «Статистическое описаніе Китайской имперіи» (1842); «Земледѣліе въ Китаѣ» (1844); «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ его состояніи» (1848); «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнѣйшія времена» (1851); въ рукописи остаются его работы: словарь китайскаго языка по русскому алфавиту, небольшой китайскій словарь по предметамъ и переводы: географическаго описанія Китая въ 18 томахъ, исторіи Китая, сокращенія монгольскихъ уложеній и нѣсколькихъ китайскихъ сочиненій о Тибетѣ. Въ 1830 г. по возвращеніи въ Петербургъ онъ подалъ въ Синодъ прошеніе, чтобы ему разрѣшено было сложить съ себя монашескій санъ, потому что онъ не можетъ хранить монашескихъ обѣтовъ. Синодъ согласился на его просьбу, но рѣшеніе это не было утверждено Государемъ.

Автобіографическая записка отца Іакинѳа въ «Ученыхъ запискахъ» Академіи Наукъ, III, 665—672; статья Н. Щукина въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., ч. 95, 111—126; статья Адоратскаго въ «Православ. Собесѣдникѣ», 1886, №№ 2, 3, 5, 7 и 8; «Петерб. Вѣдомости», 1853, № 130; Никитенко, «Записки и дневникъ», III, 37—38; статья Н. Моллеръ въ «Рус. Старинѣ», 1888, августъ, 271—304, сентябрь, 525—560; «О. Іакинѳъ Бичуринъ», Каз., 1886; архивъ Св. Синода, дѣла 1802 г., № 219, 1803, № 183, 1809, № 152 и 1831, № 837.

Н. Веселовскій.

Іакинѳъ (Гавриловичъ, Великій), тверской бояринъ, сначала былъ боярином у Андрея Александровича, князя городецкаго и великаго князя владимірскаго, а по смерти его (1304 г.) вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву. Въ то же время въ Москву пришелъ на службу знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Нестеровичъ со своимъ дворомъ въ 1,700 чел. Обрадованные этимъ московскіе князья дали Родіону первое мѣсто между боярами, что оскорбило Іакинѳа, онъ перешелъ изъ Москвы въ Тверь и во время отсутствія изъ своихъ удѣловъ московскаго и тверскаго князей, задумалъ, вмѣстѣ съ другими боярами, послѣдняго отнять у Москвы Переяславль Залѣсскій и пошелъ на этотъ городъ съ тверскою ратью. Онъ три дня держалъ въ осадѣ великаго князя Іоанна Калиту, раньше пришедшаго изъ Москвы и засѣвшаго въ Переяславлѣ; на четвертый день явился изъ Москвы боярин Родіонъ, тверскія силы были совершенно разбиты и Родіонъ собственными руками убилъ Іакинѳа.

Полн. собр. рус. лѣт., IV, 46; VII, 184, 220; VIII, 26; X, 175; Карамзинъ, IV, пр. 208, 324 Соловьевъ, III, 260, пр. 370. *А. Э.*

Іакинѳъ (*Карпинскій*), архимандритъ московскаго Донского монастыря, сынъ священника, род. въ 1723 г. въ Малороссіи, умеръ 29 ноября 1798 г. Обучался въ Курской семинаріи, въ Харьковскомъ коллегіумѣ и кончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи. Былъ учителемъ разныхъ предметовъ въ различныхъ училищахъ и префектомъ Харьковскаго коллегіума до 1757 г.; тамъ и постригся въ монашество въ 1744 г.; былъ ректоромъ Переяславской, Коломенской, Кирилло-Бѣлозерской, Вологодской и Новгородской семинарій и настоятелемъ монастырей: дмитровскаго Борисоглѣбскаго, переяславскаго Данилова, Спасо-Преображенскаго сѣвскаго, рыльскаго Николаевскаго, коломенскаго Голутвина, новгородскаго Вяжицкаго, Кириллова-Бѣлозерскаго, Юрьева новгородскаго, московскаго Донского и наконецъ Новоспасскаго. Состоялъ и главнымъ управителемъ николаевскаго духовнаго правленія и съ 1794 г. членомъ московской синодальной конторы. Отецъ Іакинѳъ былъ че-

ловѣкъ ученый; онъ въ совершенствѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ, такъ что въ кружкахъ ученыхъ русскихъ монаховъ слылъ даже «Цицерономъ»; сочиненіе его «Compendium theologiae dogmatico-polemicae» долгое время служило учебникомъ; кромѣ того онъ оставилъ еще цѣлую книгу проповѣдей. Но онъ былъ и чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ. Всѣ архіереи знали его и почитали за ученость, но не любили за его характеръ; и изъ Спасскаго сѣвскаго монастыря онъ былъ уволенъ съ такой резолюціей архіерея: «не точію покоевъ, чести его достойныхъ, но и пропитанія пристойнаго ему у насъ нѣтъ,—дать ему изъ епархіи нашей обыкновенное, куда пожелаетъ, увольненіе для пріисканія себѣ мѣста»; за эти свойства онъ не былъ сдѣланъ епископомъ, хотя ему не разъ по старшинству и достоинству слѣдовало быть посвященнымъ.

«Орлов. еп. вѣд.», 1892 г., № 16; Геннади, «Словарь»; Филаретъ, «Обзоръ русс. дух. литер.», 378.

Іакинѳъ (*Кашперовъ* или *Кашпиревъ*), архимандритъ, сынъ священника, род. въ 1723 году, умеръ 1 февраля 1793 г. По окончаніи курса въ Тобольской семинаріи сначала былъ приходскимъ священникомъ; 18 іюня 1750 г. постригся и 23 іюня былъ назначенъ экономомъ Тобольскаго архіерейскаго дома, а въ мартѣ 1751 г.—казначеемъ. 10 февраля 1753 г. возведенъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ кондинскаго Троицкаго монастыря, 12 марта 1755 г. произведенъ въ архимандрита межигорскаго Іоанновскаго монастыря. Въ августѣ 1760 г. ему поручено управленіе дѣлами Тобольской консисторіи. 10 марта 1762 г. перемѣщенъ въ Далматовъ Успенскій монастырь. Въ 1776 г. на него возложена должность первоприсутствующаго въ Далматовскомъ духовномъ правленіи. Во время настоятельства въ Далматовскомъ монастырѣ ему пришлось участвовать въ усмиреніи двухъ бунтовъ: бунта далматовскихъ подмонастырныхъ крестьянъ въ 1763 г., по поводу изъятія изъ подъ вѣдома монастыря вотчинъ—онъ извѣстенъ подъ именемъ «Дубинщины»—и другого—Пугачевскаго, въ 1774 г., охватившаго весь Пріисетскій край. Въ февралѣ 1777 г. перемѣщенъ въ Пыскорскій монастырь; здѣсь началъ имъ постройкою въ 1792 г. новый храмъ, но не оконченъ. Отецъ Іакинѳъ былъ убитъ по подговору одного штатнаго монастырскаго приказнаго служителя. Онъ отличался горячностью и жестокимъ характеромъ.

Дѣло архива Св. Синода 1793 г., № 135; «Перм. еп. вѣд.», 1867 г., №№ 12—28; 1869 г. № 27.

Іакинѳъ (Иванъ *Логановскій*), архимандритъ. Род. въ 1765 г., умеръ 28 октября 1817 г.; происходилъ изъ кіевскихъ дворянъ. Образованіе получилъ въ Кіевской академіи, въ которую поступилъ въ 1779 г. По окончаніи академическаго курса, въ 1792 г. опредѣленъ учителемъ высшаго класса грамматики въ Переяславскую семинарію. Въ 1793 г. переведенъ учителемъ въ Кіевскую академію, въ 1800 г. былъ избранъ префектомъ Академіи. Преподавалъ латинскій языкъ, математику, «сельскую и домашнюю экономію», философію. Принялъ монашество въ Кіево-печерской лаврѣ въ 1795 г. и тогда же рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. 26 сентября 1803 г. посвященъ въ архимандрита Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ томъ же году назначенъ ректоромъ Академіи и учителемъ богословія, за отказомъ отъ этихъ должностей прежняго ректора, архимандрита Иринея (Фальковскаго). Въ сентябрѣ 1813 г. Іакинѳъ былъ переведенъ въ курскій Богородицкій знаменскій монастырь, причемъ ему было объявлено Св. Синодомъ, что это новое назначеніе признается «несовершенно соотвѣтствующимъ признанному достоинству его» и совершилось лишь вслѣдствіе того, что смоленскій епископъ Ириней (Фальковскій) пожелалъ вернуться на прежнее свое мѣсто кіевскаго викарія, въ то время какъ это званіе было предназначено Св. Синодомъ для Іакинѳа. Въ 1814 г. Іакинѳъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди; ему предложено было остаться и на слѣдующій годъ въ Петербургѣ, но по слабости здоровья онъ отказался отъ этого предложенія.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1803 г., № 294; 1813 г., № 632; 1814 г., № 796; 1815 г., №№ 46 и 176; 1816 г., № 65; 1818 г. № 42; Геннади, «Словарь», 75; Булашевъ, «Преосвященный Ириней Фальковскій». *С. Г. Р.*

Іакинѳъ (*Пелкинскій*), игуменъ, скончался 22 или 23 января 1789 г. Изъ игуменовъ витебскаго Маркова монастыря, по рекомендаціи кіевскаго митрополита, какъ человѣкъ «въ православіи твердый, польское обращеніе довольно вѣдающій, къ дѣламъ тамошнимъ пріобыкшій и противъ римлянъ и уніатовъ справедливо ополчающійся», назначенъ 15 іюня 1766 г. «стар-

шимъ» виленскаго Святодухова монастыря. Предъ назначеніемъ Іакинѳа братія виленскаго Святодухова монастыря ходатайствовала объ отмѣнѣ синодальнаго постановленія (28 января 1741 г.), по которому въ виленскій монастырь «старшіе» были назначаемы, во вниманіе къ тяжести ихъ служенія среди воинствующаго латинства, лишь на время не болѣе трехъ лѣтъ, послѣ чего обязательно были перемѣщаемы изъ Вильны съ повышеніемъ. Въ 1777 г. Іакинѳу удалось исходатайствовать у польскаго короля Станислава Августа подтвержденіе нѣкоторыхъ правъ диссидентовъ. Наступившая старость съ недугами и неопытность въ хозяйственныхъ дѣлахъ были причиною нѣкоторыхъ упущеній со стороны Іакинѳа, приведшихъ монастырь къ упадку въ матеріальномъ отношеніи. Въ маѣ 1787 г. преосвященный Викторъ (Садковскій) отрѣшилъ Іакинѳа отъ управленія виленскимъ монастыремъ и оставилъ за нимъ только одинъ изъ приписныхъ — Грозовскій. Тогда же за недосмотръ за сохранностью взятой въ монастырь на сбереженіе богатой библіотеки одного частнаго лица съ Іакинѳа былъ снятъ наперсный крестъ.

Ф. Смирновъ, «Виленскій Свято-духовъ монастырь», Вильна, 1888 г.; С. Г. Рункевичъ, «Письма преосвящ. Виктора Садковскаго», Минскъ, 1892 г.; «Акты, издан. виленск. археогр. коммиссіей», I, 205—210. *С. Г. Р.*

Іаковъ, святой, епископъ ростовскій, скончался 27 ноября 1391 г. Возведенъ въ санъ епископа въ 1385 г.; во время своего управленія паствою боролся съ ересью нѣкоего Маркіана, который возставалъ противъ почитанія иконъ. Вскорѣ ростовцы изгнали Іакова, раздраженные тѣмъ, что онъ простилъ одну женщину, которую рѣшено было казнить. Тогда Іаковъ построилъ себѣ за городомъ келью; сюда собрались многіе его почитатели и такимъ образомъ было положено начало Ростовскому Яковлевскому монастырю. Впослѣдствіе ростовцы просили Іакова возвратиться на каѳедру, но онъ отказался. Мощи его почиваютъ подъ - спудомъ; празднованіе ему установлено въ 1549 г.

Филаретъ, «Русскіе святые», III, 467 — 469; гр. Толстой, «Книга, глаголемая описаніе о рос. святыхъ», 223; кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ», 109—110; «Іерархи ростово-яросл. паствы», 68—71.

Іаковъ, преподобный, омучскій, умеръ около 1410 г.; основалъ вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ пустынь Успенія Богородицы на р. Омучѣ, въ 65 в. отъ г. Порхова; мощи подъ-спудомъ; память 21 октября.

Филаретъ, «Русскіе святые», III, 244.

Іаковъ, блаженный, боровичскій; мощи свидѣтельствованы въ 1545 г. архіепископомъ новгородскимъ Ѳеодосіемъ; память 23 октября; время жизни и подвиговъ неизвѣстно; мощи еще въ серединѣ XV в. уже находились на берегу р. Мсты и были почитаемы окрестными жителями; при патріархѣ Никонѣ перенесены въ Иверскій монастырь, на р. Валдаѣ.

Гр. Толстой, «Книга, глагол. опис. о рос. святыхъ», 143; кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ», 111.

Іаковъ, святой, желѣзноборовскій, скончался 11 апрѣля 1442 г. Происходилъ изъ рода дворянъ Амосовыхъ; былъ постриженъ въ монашество еще преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ и жилъ отшельникомъ въ глухомъ бору. Въ 1415 г. онъ находился въ Москвѣ и его молитвамъ было приписано рожденіе великаго князя Василія Васильевича; тогда великій князь Василій Дмитріевичъ далъ Іакову средства основать монастырь на мѣстѣ его прежнихъ подвиговъ. Въ 1429 г., монастырь былъ раззоренъ казанскими татарами, монахи разошлись, но Іаковъ вскорѣ возобновилъ свою обитель; скончался въ глубокой старости; мощи почиваютъ подъ-спудомъ.

Филаретъ, «Русскіе святые», I, 454 — 460; гр. Толстой, «Книга, глагол. опис. о росс. святыхъ», 369; кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ», 110—111.

Іаковъ, святой, менюжскій, младенецъ, жилъ и скончался вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Іоанномъ, въ новгородской области, въ 1566—1569 гг. Обстоятельства жизни неизвѣстны; мощи открыты въ концѣ XVII в.; память 24 іюня.

Гр. Толстой, «Книга, глагол. опис. о рос. святыхъ», 140.

Іаковъ, (*Блонницкій*), іеромонахъ, сынъ священника, род. 27 января 1711 года въ заднѣпровскомъ городѣ Орловцѣ, умеръ 14 апрѣля 1774 г. Съ 1724 г. обучался въ Кіевской академіи и еще во время обученія, въ 1729 г., постригся въ монашество. По окончаніи курса сначала жилъ въ лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ; въ 1741—1743 гг. былъ учителемъ въ Тверской семинаріи, въ 1743—1748 гг.—учителемъ въ Московской академіи. Въ 1748 г. по болѣзни оставилъ учительство и поселился въ Бѣлгородѣ въ Николаевскомъ монастырѣ; въ 1751 г. тайно уѣхалъ въ Грецію на Аѳонскую гору въ Зографскій

болгарскій монастырь для усовершенствованія въ греческомъ языкѣ и прожилъ тамъ около 10 лѣтъ. Затѣмъ вернулся въ кіевскій Братскій монастырь, прощенъ за безвѣстную отлучку и оставленъ на покоѣ. Въ 1767 г. просился въ Москву для ученыхъ занятій, но не получилъ на это разрѣшенія. Дѣятельность его была ученолингвистическая: въ Московской академіи онъ издалъ на латинскомъ языкѣ краткую греческую грамматику и перевелъ на славянскій языкъ Епиктетовъ «Енхиридіонъ» (1744 г.); въ 1745—1748 гг. онъ занимался исправленіемъ славянскаго перевода библіи, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иларіономъ (Григоровичемъ); въ 1748—1750 гг. перевелъ на славянскій языкъ постановленія Іерусалимскаго собора 1672 г. противъ кальвинистовъ и книгу Діонисія Ареопагита о небесной и церковной іерархіи; съ 1751 г. онъ посвятилъ свои труды составленію лексиконовъ еллино-словенскаго и словено-еллино-латинскаго и грамматики церковно-славянскаго языка, для чего и ѣздилъ въ Грецію, занимался тамъ сличеніемъ славянскихъ и греческихъ рукописей; онъ не успѣлъ окончить всѣ эти труды; славянская грамматика его находится въ архивѣ Св. Синода, а гдѣ находятся лексиконы—неизвѣстно.

Геннади, «Словарь», 75; Филаретъ, «Обзоръ духов. литер.», 348—350; Евгеній, «Словарь писат. дух. чина», 217.

Іаковъ (Іосифъ Ивановичъ *Вечерковъ*), архіепископъ нижегородскій и арзамасскій, сынъ діакона, род. 4 апрѣля 1792 г. въ слободѣ Серебрянкѣ новооскольскаго уѣзда, курской губерніи, умеръ 20 мая 1850 г. Въ 1804—1814 гг. обучался въ Бѣлгородской семинаріи и не поступилъ въ академію, потому что былъ оставленъ въ той же семинаріи учителемъ и два года обучалъ математикѣ, нѣмецкому языку, поэзіи и риторикѣ. Намѣревался вступить въ бракъ, но невѣста его наканунѣ свадьбы была убита громомъ. Въ 1816 г. онъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію и по окончаніи въ ней курса магистромъ, 22 августа 1819 г. принялъ постриженіе съ именемъ Іакова, былъ рукоположенъ въ іеромонаха и назначенъ инспекторомъ Орловской семинаріи и преподавателемъ церковной исторіи и еврейскаго языка; 10 сентября того же года назначенъ ректоромъ сѣвскихъ духовныхъ училищъ. Съ 1822 г. былъ ректоромъ Орловской, а затѣмъ ректоромъ Екатеринославской семинаріи. Въ 1827 г. былъ назначенъ настоятелемъ Григорьевскаго Бизюкова монастыря и 1 ноября произведенъ въ архимандрита. 19 марта 1832 г. избранъ, а 27 марта хиротонисанъ во епископа саратовскаго и царицынскаго, 15 января 1847 г. перемѣщенъ въ Нижній-Новгородъ, 3 апрѣля 1849 г. возведенъ въ санъ архіепископа, 19 ноября того же года вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Преосвященный Іаковъ былъ большой любитель исторіи и археологіи и много положилъ труда на борьбу съ расколомъ; онъ оставилъ слѣдующія сочиненія: «Увѣщаніе къ молоканамъ», «Статистическое описаніе саратовской епархіи» (1839 г.); «Историческій очеркъ саратовскаго края» (1848 г.), «О бѣглопоповской сектѣ въ саратовской епархіи», «Изслѣдованіе о мѣстѣ Сарая, столицы Кипчакской орды», «Состояніе православной церкви въ Кипчакской ордѣ», «Путевыя замѣтки о г. Петровскѣ»—въ «Запискахъ» Казанскаго университета за 1842—1843 гг. Изъ Печерскаго монастыря онъ до 1000 писанныхъ столбцовъ отправилъ въ Археографическую коммиссію. Собираніе статистическихъ свѣдѣній по нижегородской епархіи было начато преосвященнымъ въ широкихъ размѣрахъ, но дѣло это осталось неоконченнымъ. Противураскольническая дѣятельность преосвященнаго имѣла въ обѣихъ епархіяхъ широкіе размѣры, равно какъ и миссіонерская по отношенію къ калмыкамъ и евреямъ. Онъ учредилъ особую коммиссію для борьбы съ расколомъ и самъ постоянно ѣздилъ для собесѣдованій, исходатайствовалъ позволеніе на постройку единовѣрческихъ церквей, собиралъ старопечатныя книги, различныя записки и снимки съ древнихъ вещей, чтобы поражать раскольниковъ собственнымъ ихъ оружіемъ; устроилъ помѣщеніе для больныхъ изъ новокрещенныхъ и открылъ въ 1838 г. училище для дѣтей калмыковъ. Духовно-учебныя заведенія также не мало занимали его: онъ обогатилъ библіотеки Саратовской и Нижегородской семинарій; въ послѣдней находится и рукопись его «Церковная археологія»; онъ старался и въ учениковъ вселить желаніе и умѣнье бороться съ расколомъ, завелъ диспуты и произношеніе проповѣдей; его стараніемъ открыто нѣсколько духовныхъ, городскихъ и уѣздныхъ, училищъ: въ гг. Николаевѣ

(1845 г.), Вольскѣ и Балашевѣ (1848 г.), въ с. Лысковѣ (1849 г.) и въ г. Починкахъ (1850 г.). Въ той и другой епархіи сотни храмовъ и молитвенныхъ домовъ вновь построены и перестроены по увѣщаніямъ и наставленіямъ преосвященнаго.

«Саратов. епарх. вѣд.», 1872 г., № 16; «Жизнь преосвящ. Іакова, архіеп. нижегородскаго»; «Преосвящ. Іаковъ, архіеп. нижегородскій»; П. Лебедевъ, «Воспомин. о преосв. Іаковѣ».

Іаковъ, (*Воронковскій*), игуменъ, умеръ 15 марта 1774 г. Будучи іеромонахомъ Кіевософійскаго каѳедральнаго монастыря, состоялъ писаремъ (секретаремъ) кіевской духовной консисторіи. Въ1763 г., 12 декабря, назначенъ членомъ кіевской консисторіи, 1 апрѣля 1767 г. посвященъ во игумена въ кіево-выдубицкій Михайловскій монастырь. Онъ оставилъ историческое сочиненіе, имѣющее характеръ лѣтописно-справочной замѣтки: «Катедральный Кіевософійскій монастырь и его намѣстники» напечатано въ «Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1864 г., стр. 412—422.

«Кіевскія епарх. вѣдомости», 1864 г. *С. Г. Р.*

Іаковъ (Іеронимъ Петровичъ *Домскій*), епископъ якутскій и вилюйскій, сынъ священника въ с. Семенкахъ, подольской губерніи, крестникъ императора Александра Павловича, род. 6 іюля 1823 г., умеръ 27 мая 1889 г.; учился въ Каменецъ-Подольской семинаріи, затѣмъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1849 г. со степенью кандидата. 30 ноября 1849 г. назначенъ учителемъ въ Иркутскую семинарію и преподавалъ всевозможные предметы. 13 іюня 1858 г. переведенъ учителемъ въ Томскую семинарію; 8 октября 1860 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Іакова и рукоположенъ въ іеромонаха. Вскорѣ былъ избранъ въ члены комитета по составленію церковно-историческаго и статистическаго описанія томской епархіи. 25 ноября 1861 г. перемѣщенъ снова въ Иркутскъ инспекторомъ семинаріи; въ то же время былъ цензоромъ проповѣдей, подаваемыхъ духовенствомъ г. Иркутска, и цензоромъ «Иркутскихъ епархіальныхъ вѣдомостей»; 11 іюня 1865 г. произведенъ въ архимандрита. Въ 1870 г. назначенъ ректоромъ вновь открытой въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ семинаріи; въ 1879 г. переведенъ ректоромъ-же въ Пермскую семинарію; въ 1883 г. назначенъ архимандритомъ Данилова Троицкаго монастыря въ Переяславлѣ (владимірской губерніи); 8 января 1884 г. хиротонисанъ во епископа якутскаго и вилюйскаго. Въ 1879 г. за сочиненіе «Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества» получилъ степени магистра богословія. Состоя въ санѣ епископа, онъ особенно заботился о распространеніи грамотности и христіанскаго просвѣщенія между якутами, самъ велъ въ Якутскѣ внѣбогослужебныя бесѣды, заботился объ учрежденіи народныхъ школъ и библіотекъ, привлекалъ жертвователей, устроилъ въ Якутскѣ епархіальное женское училище для дѣтей не только мѣстнаго духовенства, но и для якутовъ.

«Церк. Вѣд.», 1889 г., № 26; «Церк. Вѣстн.», 1889 г., № 27; «Якут. еп. вѣдом.», 1889 г., №№ 15 — 24; формулярный списокъ въ дѣлахъ архива Св. Синода.

Іаковъ, (Иванъ Алексѣевичъ *Кривцовъ*), основатель богоугодныхъ заведеній въ бессарабской области, сынъ крестьянина, род. въ с. Троицкомъ обоянскаго уѣзда курской губерніи около 1797 года, умеръ 20 марта 1876 г. Образованія онъ никакого не получилъ и только на 25-мъ году жизни самоучкою выучился читать и писать. Въ 1827 г. семейство Кривцовыхъ переселилось въ с. Введенское (Тамуръ) аккерманскаго уѣзда бессарабской области. Выучившись грамотѣ Кривцовъ, постоянно читалъ житія святыхъ и другія религіозно-нравственныя сочиненія; въ 1830 г. онъ лишился зрѣнія, поселился въ землянкѣ и сталъ вести строго подвижническую жизнь. Въ 1835 г. Кривцовъ переѣхалъ въ г. Балту въ устроенную священникомъ Левицкимъ страннопріимницу и жилъ тамъ 12 лѣтъ. Въ 1847 г., послѣ смерти священника Левицкаго, онъ возвратился въ с. Введенское; для него выстроили здѣсь келью и онъ началъ призрѣвать у себя бѣдняковъ, престарѣлыхъ и изувѣченныхъ калѣкъ; являлось къ нему много людей за совѣтами и наставленіями, благодарили и жертвовали ему, кто чѣмъ могъ, а на эти жертвы онъ содержалъ безпріютныхъ. Дѣло призрѣнія, начатое Кривцовымъ, впослѣдствіе очень разрослось: въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, стоитъ громадное зданіе въ 40 келій, 2 церкви, 2 больницы, Введенская богадѣльня, училище для круглыхъ сиротъ и поселянскихъ дѣтей, страннопріимница и гостинница для пріѣзжихъ богомольцевъ; призрѣніемъ пользуются до 150 бѣдняковъ и калѣкъ, отъ

600 до 1000 человѣкъ постороннихъ бѣдняковъ ежегодно получаютъ отъ этого богоугоднаго учрежденія пособіе, а въ голодные годы число получавшихъ пособія простиралось до 10,000 человѣкъ. 31 октября 1870 г. для управленія этимъ богоугоднымъ заведеніемъ учреждено Покрово-Богородицкое братство. Въ видахъ упроченія благотворительности Тамурскихъ учрежденій старецъ Иванъ Кривцовъ отправился въ 1870 г. для сбора пожертвованій въ С.-Петербургѣ и поселился въ Александро-невской лаврѣ, гдѣ принялъ вскорѣ и постриженіе съ именемъ Іакова. Массы народа стекались къ нему въ келью для назиданія, утѣшенія и молитвы, многіе приглашали его и къ себѣ въ домъ. Всѣ приносимыя ему пожертвованія немедленно отсылались въ Тамуръ. Старость и болѣзненность не позволили ему возвратиться въ основанное имъ богоугодное заведеніе; онъ скончался въ Петербургѣ.

«Замѣчательный слѣпецъ Іоаннъ Алексѣевичъ Кривцовъ», Спб. 1876 г; «Кратк. свѣд. объ основ. и нынѣшн. сост. Введенской богадѣльни», Спб. 1876 г.; «Погребеніе почив. старца слѣпца І. А. Кривцова», Спб. 1876 г. *Здр.*

Іаковъ (Алексѣй Ивановичъ *Кротковъ*), епископъ муромскій, сынъ причетника Протопопова, род. въ 1812 г. въ г. Волоколамскѣ, умеръ 1 декабря 1885 г. По окончаніи курса въ Московской семинаріи, 6 августа 1836 г., былъ рукоположенъ въ діакона, 15 сентября 1838 г. былъ назначенъ учителемъ въ Донское духовное училище, гдѣ былъ впослѣдствіи и инспекторомъ. Овдовѣвъ, онъ 27 ноября 1838 г. постригся въ монашество и былъ рукоположенъ въ іеромонаха. 19 марта 1839 г. былъ опредѣленъ смотрителемъ Перервинскаго духовнаго училища. 24 декабря 1846 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря, управлялъ дмитровскимъ духовнымъ училищемъ и присутствовалъ въ духовномъ правленіи; съ 31 августа 1855 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ московскій Даниловъ монастырь, а съ 16 іюля 1856 г. состоялъ членомъ московской консисторіи, впослѣдствіи — цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ монастырей. 18 января 1870 г. хиротонисанъ во епископа муромскаго, викарія владимірской епархіи. Въ 1876 г. ему было поручено наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторое время управлялъ могилевскою епархіею. Въ 1884 г. по болѣзни отказался отъ предложенной ему самостоятельной каѳедры и былъ уволенъ на покой къ управленію сначала муромскимъ Благовѣщенскимъ Боголюбовымъ, а потомъ—московскимъ Донскимъ монастыремъ, гдѣ и умеръ. Преосвященный Іаковъ принималъ ближайшее участіе въ учрежденіи Общества любителей духовнаго просвѣщенія и былъ первымъ его предсѣдателемъ. Ему обязаны своимъ существованіемъ московская и владимірская епархіальныя библіотеки. Онъ былъ товарищемъ предсѣдателя Владимірскаго миссіонерскаго общества и почетнымъ членомъ братствъ Александро-невскаго, св. Петра, святителя Николая и святой равноап. Маріи. На покоѣ въ Донскомъ монастырѣ онъ не оставлялъ заботы о духовномъ просвѣщеніи: увеличилъ монастырскую библіотеку, хлопоталъ объ учрежденіи библіотекъ въ уѣздныхъ городахъ московской губерніи и собралъ для нихъ значительное количество книгъ. Каждый праздникъ въ вечернее время при его личномъ участіи происходили чтенія и бесѣды въ одной изъ церквей Донского монастыря. Митрополитъ московскій Филаретъ нерѣдко поручалъ ему особыя дѣла, касавшіяся епархіальнаго управленія и требовавшія особой опытности и знанія.

Послужной списокъ въ дѣлахъ синодальнаго архива; «Церковный Вѣстникъ», 1885 г., № 49; «Владимір. епар. вѣдом.», 1885 г., № 24. *Здр.*

Іаковъ (по другимъ источникамъ—Антоній, *Радиловскій*), епископъ перемышльскій съ 1549 по 1581 г.; возможно, что въ этотъ длинный періодъ правили каѳедрой два разныя лица, имѣвшія одну фамилію; въ это время перемышльская епархія подвергалась большимъ притѣсненіямъ со стороны нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, митрополитъ же кіевскій Онисифоръ не оказывалъ ей никакой защиты.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап. рус. церкви», I, 187.

Іаковъ (Яковъ Алексѣевичъ *Шубскій*), архимандритъ, умеръ 14 февраля 1790 г. Уроженецъ слободы Бѣлковъ, ахтырскаго полка, онъ въ дѣтскомъ возрастѣ благодаря своему прекрасному голосу, былъ взятъ въ придворную капеллу. Когда же линялся голоса, былъ сдѣланъ чтецомъ, а потомъ ктиторомъ придворной церкви. Императрица Елизавета благоволила къ нему и произвела его въ бригадиры. По смерти императрицы Елизаветы онъ уѣхалъ изъ Петербурга и поселился въ сумскомъ Успен-

скомъ монастырѣ, гдѣ скончался іеромонахомъ его отецъ, служившій ранѣе въ средѣ бѣлаго духовенства. Въ 1753 — 1760 гг. онъ выстроилъ на свои средства храмъ надъ монастырскими вратами и оказалъ значительную матеріальную поддержку монастырю въ постройкѣ главнаго монастырскаго храма; келіи для себя въ монастырѣ онъ также построилъ на свои средства. Чрезъ нѣкоторое время послѣ поселенія въ монастырѣ принялъ монашество и былъ посвященъ во іеромонаха. По указу Св. Синода 4 апрѣля 1787 г. произведенъ во игумена и назначенъ настоятелемъ монастыря. Когда въ 1788 г. сумскій Успенскій монастырь былъ закрытъ съ обращеніемъ его церкви въ приходскую, игумену Іакову было разрѣшено оставаться въ своихъ келіяхъ, съ именованіемъ игуменомъ заштатнаго старохарьковскаго монастыря. Но онъ въ ноябрѣ 1789 г. перешелъ на жительство въ село Токари, сумской округи, къ помѣщику маіору Смагину, гдѣ и скончался.

«Истор.-статист. описаніе харьковской епархіи»; дѣло архива св. Синода, 1790 г., № 106.

С. Г. Р.

Іаковъ, «черноризецъ», т. е. монахъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ писателей, жилъ, по предположенію митрополита Макарія, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XI в. Ему принадлежатъ несомнѣнно «Похвала великому князю Владиміру» и «Посланіе къ великому князю Димитрію-Изяславу»; кромѣ того, съ большою вѣроятностью надо считать его произведеніемъ одно изъ житій великаго князя Владиміра святого и одно изъ сказаній о свв. Борисѣ и Глѣбѣ.

Макарій, «Ист. русс. церкви», II, 108 — 123; «Христ. Чтеніе», 1849, II; Востоковъ, «Описс. рукоп. Румянц. музея», 304, 309.

Іаковъ, епископъ Владиміра суздальскаго; рукоположенъ митрополитомъ Максимомъ въ 1288 г. въ Кіевѣ; въ 1295 г. митрополитъ, посѣтивъ лично Владиміръ, за какую то вину лишилъ Іакова каѳедры и посвятилъ на его мѣсто Симеона.

Макарій, «Исторія русской церкви», т. V, 13.

Іаковъ, епископъ полоцкій, конца XIII в. и самаго начала XIV в., извѣстенъ только по имени.

Іаковъ, игуменъ Соловецкаго монастыря съ 1581 г. по 1597 г., постриженикъ соловецкій, ученикъ св. Филиппа. При немъ, въ 1584—1594 гг., построена вокругъ монастыря прочная каменная стѣна, существующая и понынѣ, по начертанію соловецкаго же монаха Трифона подъ наблюденіемъ присланнаго съ Москвы воеводы Ивана Яхонтова, но на собственныя средства монастыря. Царь Ѳеодоръ пожаловалъ при Іаковѣ монастырю большія земли; при немъ же былъ поставленъ монастыремъ Сумскій острогъ. Въ 1591 г. перенесены мощи св. Филиппа изъ тверскаго Отроча монастыря въ Соловецкій. Все время игуменства Іакова владѣнія Соловецкаго монастыря и основанныя изъ него обители подвергались неоднократнымъ нападеніемъ шведовъ.

Досиѳей, «Описс. Солов. мон.», I, § 18.

Іаннуарій, (Иванъ Ивановичъ *Поповъ* или *Воскресенскій*), епископъ балтскій, сынъ пономаря с. Михайловскаго, бѣлгородскаго уѣзда, курской губерніи, род. въ 1823 г., умеръ 5 сентября 1883 г. Образованіе получилъ въ Курской семинаріи и Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса въ послѣдней принялъ 11 октября 1849 г. монашество; 7 ноября того же года рукоположенъ въ іеродіакона, 13 ноября — во іеромонаха, опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую семинарію и преподавалъ различные предметы философско-богословскаго класса. Въ 1852 г. перемѣщенъ въ Подольскую семинарію помощникомъ ректора по классу богословскихъ наукъ. Въ іюлѣ того же года возведенъ, за выслугу лѣтъ, въ степень магистра богословія. Въ 1856 г. былъ назначенъ инспекторомъ Подольской семинаріи; въ 1857 г. опредѣленъ строителемъ Святотроицкаго, что надъ рѣкою Збручемъ, монастыря, подольской епархіи; въ 1860 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1862 г. опредѣленъ ректоромъ Астраханской семинаріи и настоятелемъ Іоанно-предтеченскаго монастыря астраханской епархіи. Въ 1868 г. назначенъ ректоромъ въ Минскую семинарію и настоятелемъ ляданскаго Благовѣщенскаго монастыря. 16 мая 1877 г. назначенъ и 5 іюля хиротонисанъ во епископа брестскаго, викарія литовской епархіи; 17 февраля 1879 г. перемѣщенъ на каѳедру епископа балтскаго, викарія подольской епархіи; скончался въ г. Каменцѣ. Онъ состоялъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ и братствъ и былъ избранъ въ почетные члены Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи. Какъ человѣкъ, преосвященный Іаннуарій отличался кроткимъ нравомъ, добродушіемъ и благотворительностію; на

службѣ въ семинаріяхъ онъ оказывалъ частую и значительную помощь бѣднѣйшимъ семинаристамъ; имъ учреждены двѣ стипендіи: въ минскомъ духовномъ училищѣ—имени его отца, и въ Курской духовной семинаріи—имени святителя Іоасафа Горленко. Какъ настоятель монастырей онъ заботился о внѣшнемъ и внутреннемъ ихъ благоустройствѣ; самъ онъ былъ прекраснымъ примѣромъ для монашествующей братіи. Будучи епископомъ, ревностно заботился о поддержаніи и развитіи церковной благотворительности; въ Каменцѣ онъ пожертвовалъ крупный капиталъ на устройство пріюта при каменецкомъ Іоанно-предтеченскомъ братствѣ, старшиною. котораго состоялъ. Памятникомъ его литературной дѣятельности остались: «Собраніе проповѣдей» архимандрита Іаннуарія, 3 выпуска, Спб., 1875—1877 гг., «Собраніе рѣчей, словъ и бесѣдъ», два выпуска, Спб. и Каменецъ-Подольскъ, 1878 и 1879 гг.

«Подольскія епарх. вѣдомости», 1883 г., 705—709. *С. Г. Р.*

Іасонъ (Яковъ *Никольскій*), архимандритъ, «великороссіянинъ», изъ духовнаго званія, род. въ 1779 г., умеръ въ 1830 году. Образованіе получилъ въ семинаріяхъ Перервинской и Калужской. Въ 1805 г., по окончаніи семинарскаго курса, назначенъ въ Калужскую семинарію «информаторомъ», 1 сентября 1807 г.—учителемъ, 24 января 1810 г.—инспекторомъ. Въ 1812 г. принялъ монашество и 10 марта этого года посвященъ во іеромонаха, а въ маѣ—во архимандрита Покровскаго лихвинскаго Добраго монастыря. 2 декабря 1812 г., по ходатайству тамбовскаго епископа Іоны, назначенъ въ Тамбовскую семинарію ректоромъ и учителемъ богословія, а также настоятелемъ Предтечева трегуляева монастыря и присутствующимъ тамбовской консисторіи. Въ 1822 г. переведенъ настоятелемъ въ козловскій Троицкій монастырь, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ по семинаріи и консисторіи. 15 марта 1826 г. переведенъ въ Толгскій Богородичный монастырь подъ Ярославлемъ, въ награду за его двадцатилѣтнее служеніе въ семинаріяхъ. Въ 1826 г. вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1812 г., № 784; 1826 г., №№ 354, 499; 1825 г., № 24. *С. Г. Р.*

Іасонъ (*Юноша-Смогоржевскій*), архіепископъ уніатскій, род. въ 1714 г., въ г. Смогоржевѣ (въ Силезіи), умеръ 1 апрѣля 1788 г. Сынъ католическихъ родителей онъ въ молодости поступилъ въ базиліанскій орденъ и отправленъ былъ имъ для богословскаго образованія въ греческую коллегію въ Римѣ; по возвращеніи изъ Рима, жилъ въ Супрасльскомъ монастырѣ, сблизился тутъ съ Флоріаномъ Гребницкимъ, уніатскимъ митрополитомъ, который въ 1747 г. назначилъ его своимъ генеральнымъ викаріемъ. Іасонъ принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ митрополита съ базиліанскимъ орденомъ и поддерживалъ стремленія Супрасльскаго монастыря освободиться изъ зависимости отъ базиліанскихъ протоархимандритовъ. Пять лѣтъ (1753—1758) онъ прожилъ въ Римѣ, отстаивая дѣло Супрасльскаго монастыря передъ римской куріей. Въ 1758 г. назначенъ въ Римѣ коадъюторомъ полоцкой архіепископіи; въ 1762 г. сдѣлался архіепископомъ полоцкимъ. Послѣ перваго раздѣла Польши въ октябрѣ 1772 г. принесъ присягу на подданство Россіи; императрица Екатерина утвердила его въ званіи бѣлорусскаго уніатскаго архіепископа, присоединивъ къ прежней его полоцкой епархіи уніатскіе приходы закрытой смоленской архіепископіи и дозволивъ ему сохранять власть и надъ оставшеюся за Польшей частью полоцкой архіепископіи. Стоя во главѣ бѣлорусскихъ уніатовъ, онъ старался оградить свою паству отъ латинской пропаганды; хлопоталъ о поднятіи образованія въ уніатскомъ духовенствѣ и народѣ, при содѣйствіи базиліанъ, съ которыми снова сблизился въ это время. Послѣ смерти уніатскаго митрополита въ Польшѣ, Льва Шептицкаго († 11 мая 1779 г.), Іасонъ, по желанію короля Станислава-Августа, въ концѣ 1780 г. перешелъ въ Польшу на митрополичью каѳедру; онъ сильно хлопоталъ при этомъ, чтобы удержать за собой и полоцкую архіепископію, но это ему не удалось. Въ Польшѣ онъ жилъ то въ Варшавѣ (въ подворьѣ Супрасльскаго монастыря), то въ г. Радомыслѣ, гдѣ была его консисторія; сильно пропагандировалъ унію, особенно въ кіевской и волынской области, созвалъ съ этою цѣлью уніатскую конгрегацію въ Радомыслѣ (въ маѣ 1781 г.) и всячески противодѣйствовалъ дѣятельности назначеннаго въ Польшу православнаго епископа Виктора Садковскаго; умеръ въ Варшавѣ.

Кояловичъ, «Исторія возсоединенія зап.-рус.

уніатовъ старыхъ временъ»; «Акты Вилен. археограф. комм.», XVI; Батюшковъ, «Литва и Бѣлоруссія»; «Труды комитета для ист.-стат. описанія подольской епархіи», III.

Іевлевъ, *Клементій Алексѣевичъ*, голова московскихъ стрѣльцовъ. Въ 1653—1654 г. ѣздилъ гонцомъ въ Кизильбаши; въ 1667 г. со званіемъ стряпчаго, ѣздилъ съ грамотою къ Карлу X, королю шведскому. Въ сентябрѣ 1672 г. онъ былъ присланъ на смѣну Волохова, неудачно дѣйствовавшаго противъ возмутившихся соловецкихъ монаховъ. Онъ попытался склонить монаховъ къ покорности, но монахи не вѣрили его обѣщаніямъ, что они будутъ прощены, и продолжали упорствовать въ своемъ неповиновеніи. Половину осени и зиму Іевлевъ долженъ былъ, за недостаткомъ провіанта на островахъ, провести въ Сумскомъ острогѣ; здѣсь онъ съ корыстными цѣлями вмѣшивался въ управленіе монастырскими вотчинами и вызвалъ нѣсколько жалобъ на себя въ Москву отъ старцевъ, которые остались вѣрны правительству и завѣдывали землями возмутившагося монастыря. Въ іюнѣ 1673 г. онъ снова переправился на острова и началъ сильно тѣснить монастырь. Но въ концѣ іюля того же года опять очистилъ острова, вытребованный въ Москву къ отвѣту по жалобамъ на свои злоупотребленія.—Отецъ этого Іевлева, *Алексѣй* Іевлевъ, былъ въ 1635 — 1645 гг. дьякомъ Земскаго приказа, въ 1651 г. былъ посылаемъ въ Грузію, въ 1653—1655 гг. былъ дьякомъ при воеводахъ въ Астрахани.

Сырцовъ, «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ», 369—377; «Доп. къ акт. истор.», V, 351 — 355; VI, 446—455; X, 30; «Матеріалы для ист. раскола», III, 318—322; «Акты истор.» III, 108—119; IV, 159, 184, 195, 205.

Іевлевъ, *Николай Васильевичъ*, род. въ 1835 г., умеръ 9 февраля 1866 г. Онъ былъ талантливый и образованный каррикатуристъ, сотрудничалъ въ лучшихъ русскихъ сатирическихъ и иллюстрированныхъ журналахъ, въ «Искрѣ», «Иллюстраціи» и др.; въ его каррикатурахъ видны были бойкое остроуміе и недюжинный умъ. Лучшее его произведеніе — рисунки къ стихотвореніямъ Некрасова.

«Иллюстр. Газета», 1866 г., № 6, стр. 96; «Мѣсяцесловъ» на 1867 г. *М. Ф.*

Іедлинскій, *Альбертъ Артуровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 25 мая 1813 г., умеръ 6 іюля 1878 г. Сынъ галицкаго помѣщика, онъ воспитывался въ Академіи Маріи Терезіи въ Вѣнѣ, въ русскую службу вступилъ 7 мая 1845 г. изъ оберъ-лейтенантовъ австрійской арміи поручикомъ, съ зачисленіемъ по кавалеріи при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Въ короткое время онъ получилъ цѣлый рядъ боевыхъ отличій за участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ; послѣдовательно командовалъ Лабинскимъ, Моздокскимъ и Сунженскимъ казачьими полками и одновременно съ тѣмъ—8-й и затѣмъ 9-й бригадами Кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Затѣмъ былъ начальникомъ военно-осетинскаго округа и восточнаго отдѣла и въ 1865 г. занялъ постъ старшаго помощника начальника кавказской кавалерійской дивизіи. Съ 1874 г. онъ состоялъ при Кавказской арміи, а съ 1876 г.—лично при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ. Въ генералъ - лейтенанты произведенъ 1 января 1878 г.

Послужной списокъ генер.-лейт. Іедлинскаго за 1874 г. въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба. *С. Н. П.*

Іезекіиль, (Яковъ Гавриловичъ *Дьяковскій*), іеромонахъ, сынъ лубенскаго мѣщанина Гавріила Бабакова, умеръ послѣ 1783 г. Образованіе получилъ «въ кіевскихъ школахъ», тамъ-же дана ему и фамилія Дьяковскій. 7 апрѣля 1745 г. постригся въ монашество и поступилъ въ Лубенскій монастырь. Въ 1747 г. іеродіаконъ Іезекіиль отправился на Аѳонъ и былъ тамъ до 1750 года. Возвращаясь чрезъ Волошскую землю, въ монастырѣ Кирнулѣ митрополитомъ бухарестскимъ былъ посвященъ въ іеромонаха и исправлялъ должность строителя этого монастыря. Черезъ годъ оставилъ монастырь Кирнулъ и года два проживалъ въ разныхъ монастыряхъ той мѣстности. Въ 1753 г. онъ опредѣлился для священнослуженія въ домъ полковника Вишневскаго, бывшаго въ Венгріи въ Токаѣ для покупки венгерскихъ винъ къ Петербургскому двору. Съ 1767 г. былъ іеромонахомъ при домовой церкви русскаго посланника въ Вѣнѣ, князя Д. А. Голицына, который отзывался объ іеромонахѣ Іезекіилѣ, какъ человѣкѣ добронравномъ, честномъ, добродѣтельномъ, «наиприличнѣйшемъ»; онъ пробылъ въ Вѣнѣ до 1783 г., когда по болѣзни и старости былъ уволенъ отъ должности съ удержаніемъ до самой смерти получаемаго имъ жалованья. Дальнѣйшая судьба и годъ смерти неизвѣстны.

Дѣла арх. Св. Синода 1767 г., № 205; 1774 г., № 378 и 1783 г., № 330. *Здр.*

Іеремія, святой, прозорливый печерскій,

умеръ послѣ 1070 г. въ глубокой старости, такъ какъ онъ помнилъ еще крещеніе кіевлянъ великимъ княземъ Владиміромъ святымъ; обстоятельства жизни неизвѣстны. Память 5 октября.

Филаретъ, «Русскіе святые», III, 196—197.

Іеремія Константиновичъ, князь, умеръ въ 1373 г., см. Дорогобужскіе князья.

Іеремія Глѣбовичъ, воевода владимірскій. Въ 1216 г., во время войны между Мстиславомъ Удалымъ и Константиномъ Всеволодовичемъ ростовскимъ съ одной стороны и Юріемъ и Ярославомъ—съ другой, онъ передъ Липецкой битвой привелъ въ помощь Мстиславу 500 вопновъ. Служа великому князю Юрію Всеволодовичу, онъ въ 1219 и въ 1228 гг. совершилъ два похода на болгаръ. Въ 1237 г. былъ посланъ великимъ княземъ на помощь Всеволоду Юрьевичу противъ Батыя и палъ въ битвѣ съ татарами подъ Коломной.

Полн. собр. русск. лѣт. I, 191, 196, 212; III, 34, 51; IV, 21, 31; VII, 121, 126, 139. *А. Э.*

Іеремія, (Иродіонъ Ивановичъ *Соловьевъ*), епископъ нижегородскій и арзамасскій, сынъ причетника, род. 10 апрѣля 1799 г. въ с. Георгіевскомъ ливенскаго уѣзда орловской губерніи, умеръ 7 декабря 1884 г. Въ 1810 г. онъ поступилъ въ четвертый классъ Сѣвской семинаріи, а по окончаніи курса въ 1819 г. опредѣленъ учителемъ греческаго языка и инспекторомъ въ сѣвское духовное училище; въ 1822 г. онъ вступилъ въ число послушниковъ брянскаго Печерскаго монастыря, гдѣ былъ чернорабочимъ, истопникомъ, скотникомъ и пономаремъ. Въ 1824 г., по предложенію семинарскаго его товарища, Иннокентія Борисова (впослѣдствіи архіепископъ), послушникъ Иродіонъ Соловьевъ былъ вызванъ Коммиссіею духовныхъ училищъ въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ и постригся 21 ноября 1823 года въ монашество. Въ Академіи Іеремія обучался только три года и, мечтая удалиться въ монастырское уединеніе, просилъ академическое начальство неудостоивать его никакой ученой степени. 14 августа 1827 г. онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха и вскорѣ былъ назначенъ законоучителемъ 2-го кадетскаго корпуса. Въ 1828 г. онъ былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-невской лавры и въ 1829 г. назначенъ баккалавромъ Петербургской духовной академіи по богословскому классу, а 4 сентября 1830 г. перемѣщенъ на должность инспектора въ Кіевскую академію и 5 октября посвященъ въ санъ архимандрита. Съ 1832 г. по 1840 г. онъ неоднократно ревизовалъ разныя семинаріи; въ 1834 г. сдѣланъ ректоромъ Кіевской духовной семинаріи, членомъ консисторіи и настоятелемъ Кіево-выдубецкаго монастыря. Въ 1837 г. обозрѣвалъ монастыри кіевской епархіи и состоялъ предсѣдательствующимъ членомъ комитета по устроенію Кіево-Софійскаго духовнаго училища; 10 октября 1839 года былъ назначенъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и настоятелемъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря; 6 апрѣля 1841 г. хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи. 1 января 1843 г. перемѣщенъ на кавказскую и черноморскую епископскую каѳедру, въ концѣ 1849 г. переведенъ въ Полтаву, а черезъ годъ въ Нижній-Новгородъ; съ этой каѳедры 17 іюня 1857 г. удалился на покой въ нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ и скончался. Преосвященный Іеремія всю свою жизнь былъ настоящимъ подвижникомъ, строгимъ постникомъ, отличался самоотверженною любовію къ ближнимъ, всегда готовъ былъ придти на помощь всѣмъ, кто только искалъ его помощи и, по своей живой впечатлительности, сильно скорбѣлъ и волновался, встрѣчая всякую неправду и несправедливость. Много полезнаго сдѣлалъ онъ для новоучрежденной кавказской епархіи, устроилъ и освятилъ до 12 церквей и Іоанно-Маріинскій женскій монастырь, открылъ Кавказскую семинарію, причемъ внесъ 8,500 рублей на стипендіи въ ней; но отдѣленіе въ 1845 г. около 100 станичныхъ церквей отъ кавказской епархіи въ вѣдѣніе главнаго оберъ-священника, несправедливыя жалобы раскольниковъ на притѣсненія отъ преосвященнаго, поддержанныя военными властями, возмутили преосвященнаго до глубины души и онъ по прошенію былъ переведенъ въ Полтаву. Однако, предубѣжденный противъ порядковъ полтавскаго епархіальнаго управленія и увидѣвъ въ Полтавѣ жизнь, слишкомъ неподходящую къ его характеру, привычкамъ и къ его собственному образу жизни, Іеремія не долго оставался и въ Полтавѣ и перешелъ въ Нижній-Новгородъ; но и здѣсь его возмущали порядки въ ярмарочномъ

соборѣ, въ которомъ гражданская власть была сильнѣе епархіальной. Постоянная борьба и волненія утомили преосвященнаго и послѣ многократныхъ просьбъ объ отставкѣ онъ былъ уволенъ на покой и жилъ сначала въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ тайно принялъ въ 1860 г. схиму съ именемъ Іоанна, а затѣмъ въ городецкомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ балахнинскаго уѣзда и наконецъ—въ нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, гдѣ и погребенъ. 27 лѣтъ жизни на покоѣ преосвященный Іеремія провелъ въ постѣ, молитвѣ и благотворительности. Послѣ него осталось много записокъ и сочиненій, но всѣ они въ рукописяхъ хранятся въ нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Кавказской, Нижегородской и Орловской семинаріяхъ, въ кавказскомъ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ, въ Полтавѣ при архіерейскомъ домѣ и у родственниковъ преосвященнаго. Изданы только «Сокровищница сельскихъ духовныхъ уроковъ»—въ извлеченіи, нѣкоторыя проповѣди и «Воспоминанія преосвященнаго Іереміи о высокопреосвященномъ Иннокентіѣ, архіепископѣ херсонскомъ» въ 1886 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ протоіереемъ І. Виноградовымъ и «Поученія, говоренныя къ нижегородской паствѣ», съ присовокупленіемъ келейныхъ его записокъ за 1851 — 1853 гг. — священникомъ Д. Покровскимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1890 г.

«Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 9, ст. Титова; прот. І. Виноградовъ, «Преосв. Іеремія, епископъ нижегородскій»; «Церковн. Вѣстн.», 1884 г., № 50; Мухинъ, «Кіево-братскій училищный монастырь». *Здр.*

Іеремія, (Евстафій *Тиссаровскій*), епископъ львовскій, умеръ 1 марта 1641 г. По происхожденію православный шляхтичъ, онъ въ 1607 г., по смерти Гедеона Болобана, былъ избранъ Львовскимъ братствомъ въ санъ епископа львовскаго; Сигизмундъ III, взявъ съ него тайное обязательство держаться уніи, 31 октября 1607 г. утвердилъ его въ санѣ епископа; но передъ самымъ посвященіемъ во епископа, которое совершалъ съ благословенія константинопольскаго патріарха волошскій митрополитъ Анастасій, Іеремія отрекся отъ даннаго имъ вынужденнаго обязательства. Онъ жилъ въ мирѣ съ братствомъ; съ 1610 года оставался единственнымъ православнымъ епископомъ на всю западную Русь; въ 1613 г. издалъ окружную увѣщательную грамоту къ православнымъ; ему приходилось выдерживать борьбу съ уніатскимъ митрополитомъ Поцѣемъ, поставившимъ во Львовѣ своего уніатскаго епископа (Рутскаго). Въ 1631 г. Іеремія былъ назначенъ экзархомъ константинопольскаго патріарха; въ 1632 г. онъ одинъ изъ всѣхъ прежнихъ православныхъ епископовъ западнорусскихъ былъ признанъ въ своемъ званіи польскимъ правительствомъ; въ 1633 году участвовалъ вмѣстѣ съ другими епископами во Львовѣ въ рукоположеніи Петра Могилы въ кіевскіе митрополиты. Умеръ въ с. Жолчовѣ, гдѣ и погребенъ въ приходской церкви.

Чистовичъ, «Ист. зап.-рус. церкви», II; Макарій, «Ист. рус. церкви», X—XI; Батюшковъ, «Подолія».

Іеремія, грекъ, епископъ рязанскій, пришелъ на Русь съ митрополитомъ Кипріаномъ и въ 1389 г. рукоположенъ епископомъ въ Рязань. Въ 1391 г. участвовалъ съ митрополитомъ на соборѣ въ Твери и посѣщалъ Новгородъ.

Филаретъ, «Рязанскіе іерархи».

Іеремія, архіепископъ казанскій, скончался въ 1581 г.; происходилъ изъ московскихъ купцовъ, постриженникъ Іосифова волоцкаго монастыря; въ 1567 г. архіепископомъ казанскимъ Германомъ посвященъ въ архимандриты казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; участвовалъ въ погребеніи св. Германа въ Москвѣ. На казанскую каѳедру посвященъ въ 1576 г. При немъ, 8 іюля 1579 г., обрѣтена икона Казанской Божіей Матери.

«Извѣстія по казан. епархіи», 1885.

Іеронимъ, святой, печерскій, извѣстенъ только по имени; память 21 сентября.

Іеронимъ, (*Алякринскій*), архимандритъ. Род. въ 1738 г., умеръ 18 марта 1828 г.; происходилъ изъ духовенства рязанской епархіи. Образованіе получилъ въ Рязанской семинаріи и Московской славяно-греко-латинской академіи. По окончаніи курса въ послѣдней, былъ назначенъ учителемъ въ Рязанскую семинарію, въ которой въ 1781—1805 гг. былъ префектомъ, а съ 1808 г.—ректоромъ. Овдовѣвъ, въ 1803 г. принялъ монашество и тогда же былъ посвященъ въ архимандрита солотчинскаго Рождество-богородичнаго монастыря. При преобразованіи семинаріи въ 1815 г. отчисленъ отъ преподаванія богословія, обыкновенно соединявшагося съ должностью ректора. Въ 1823 г., вслѣдствіе возникшихъ въ семинарской корпо-

раціи раздоровъ, уволенъ отъ должности ректора и остался лишь настоятелемъ Спасскаго монастыря, куда назначенъ былъ еще въ 1813 г. и въ которомъ скончался. Недюжинный природный умъ, честность, простота и добродушіе пріобрѣли Іерониму любовь семинаристовъ, не смотря на излишнее примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. Онъ написалъ нѣсколько замѣтокъ по исторіи рязанской епархіи, изданныхъ подъ чужимъ именемъ.

Архивъ св. Синода, дѣло 1813 г., № 412; Строевъ, «Списки»; «Русская Старина», т. LXXVI, 639—554; Геннади, «Справ. словарь».

С. Г. Р.

Іеронимъ (Игнатій *Визерскій*), архимандритъ, сынъ священника козловскаго полка, род. въ 1769 г., умеръ въ 1837 г. Первоначальное образованіе получилъ въ каневскихъ польскихъ школахъ, затѣмъ перешелъ въ Кіевскую академію. По окончаніи академическаго курса былъ назначенъ учителемъ философіи въ Волынскую семинарію; здѣсь въ 1808 г. принялъ монашество. Въ 1809 г. получилъ настоятельство въ загаецкомъ св. Іоанна Милостиваго монастырѣ; чрезъ нѣкоторое время былъ посвященъ въ архимандрита и назначенъ ректоромъ мѣстной семинаріи. Въ 1823 г. переведенъ на ту же должность въ Черниговскую семинарію и былъ назначенъ настоятелемъ черниговскаго слецкаго монастыря. 20 ноября 1828 г. былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія; 31 января назначенъ настоятелемъ свіяжскаго Богородицкаго монастыря, казанской епархіи, въ которомъ и скончался. Былъ для своего времени выдающимся знатокомъ языковъ. Управляя черниговскимъ елецкимъ монастыремъ привелъ его въ отличное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе.

Аскоченскій, «Кіевъ», ч. II; «Истор.-статист. опис. черниговской епархіи», II, 210; III, 28; Строевъ, «Списки», 293; архивъ св. Синода, дѣло 1830 г., № 343. *С. Г. Р.*

Іеронимъ (*Волчанскій*), епископъ мстиславскій, умеръ 14 октября 1754 г. Съ 1734 г. былъ «старшимъ» виленскаго Свято-духова монастыря; въ 1742 г. назначенъ епископомъ бѣлорусскимъ (мстиславскимъ), но долго не получалъ утвержденія отъ польскаго правительства; хиротонисанъ въ Москвѣ, 2 октября 1744 г. Все время своего епископства онъ провелъ въ борьбѣ съ католиками и уніатами, достигшей тогда крайняго напряженія; два раза (въ 1745 г.) посылалъ довѣренныхъ лицъ въ С.-Петербургъ съ просьбою о защитѣ отъ преслѣдованій. Погребенъ въ Спасской могилевской церкви.

Смирновъ, «Вилен. Св.-Духовъ мон.»; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-русск. церкви», II; «Хронолог. указатель іерарховъ могилевской паствы».

Іеронимъ (Иванъ Ѳедоровичъ *Геппнеръ*), архимандритъ, происходилъ изъ дворянской семьи лютеранскаго исповѣданія царства Польскаго, род. въ 1811 г.; умеръ 11 ноября 1876 г. Обучался въ Рижской гимназіи и въ Кенигсбергскомъ университетѣ, потомъ поступилъ въ Дерптскій университетъ на богословскій факультетъ и принялъ православіе; нѣкоторое время жилъ въ Соловецкомъ монастырѣ, а въ 1837 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію вольнослушателемъ и въ 1841 г. окончилъ курсъ магистромъ; съ 10 декабря 1842 г. служилъ въ Харьковской, Тамбовской, Астраханской и Кишиневской семинаріяхъ учителемъ церковной исторіи, каноническаго права и богословскихъ наукъ, библіотекаремъ и инспекторомъ. 7 апрѣля 1843 г. постригся въ монашество; 22 февраля 1859 г. произведенъ въ санъ архимандрита и былъ послѣдовательно настоятелемъ слѣдующихъ монастырей: Іоанно-Предтеченскаго астраханской епархіи, Гербовецкаго успенскаго и шабскаго Воскресенскаго кишиневской епархіи, Крестовоздвиженскаго вятской епархіи, нѣжинскаго Благовѣщенскаго и оренбургскаго Богодуховскаго. Много разъ онъ былъ ревизоромъ разныхъ духовно-учебныхъ заведеній, цензоромъ проповѣдей, благочиннымъ монастырей, членомъ духовныхъ консисторій и духовныхъ правленій, былъ дѣйствительнымъ или почетнымъ членомъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ и училищныхъ совѣтовъ. Широкая благотворительность, любовь къ наукѣ, превосходное знакомство со всеобщею литературою и отличное знаніе иностранныхъ языковъ, заботливость о нуждахъ духовенства и прихожанъ доставили о. Іерониму большую извѣстность; жители Оренбурга съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили назначеніе о. Іеронима въ 1875 г. настоятелемъ въ ихъ монастырь; но слабость здоровья вскорѣ заставила его проситься въ другой, болѣе удобный для него климатъ; въ сентябрѣ 1876 г. онъ былъ назначенъ въ Лебединскій монастырь тамбовской епархіи,

но не успѣлъ выѣхать изъ Оренбурга и въ немъ скончался.

«Вятскія еп. вѣд.», 1866 г., № 1; «Духовная Бесѣда», 1876 г., № 47; «Харьков. еп. вѣд.», 1877 г. № 1; «Москов. еп. вѣд.» 1876 г., № 50; «Оренб. еп. вѣд.», 1876 г., № 24; «Литовскія еп. вѣд.», 1876 г., № 52.

Іеронимъ (*Ершовъ*), игуменъ угрѣшскаго Николаевскаго монастыря московской епархіи, умеръ 15 декабря 1792 г. 17 февраля 1784 г. онъ постригся въ монашество, въ 1786 г. поступилъ учителемъ въ Перервинскую духовную семинарію и въ ней въ 1788 г. былъ сдѣланъ префектомъ; 16 марта 1788 г. перемѣщенъ въ Московскую духовную академію префектомъ-же, но въ 1790 г. удалился изъ Академіи и въ іюлѣ былъ назначенъ игуменомъ Угрѣшскаго монастыря. Въ 1791 году переведенъ въ игумены Успенскаго собора. Въ 1787 г. онъ представлялъ въ цензуру свой переводъ «Церковныхъ древностей» Бингама, но былъ-ли напечатанъ этотъ переводъ, неизвѣстно; издано его сочиненіе: «Мысли о блаженствѣ благочестивой жизни». (М. 1793 г.).

Филаретъ, «Обзоръ», 361; дѣло архива св. Синода 1791 г., № 116. *Здр.*

Іеронимъ *(Загоровскій)*, архимандритъ. Изъ малороссійскихъ дворянъ; род. въ 1741 г., умеръ 25 ноября 1804 г. Образованіе получилъ въ Кіевской академіи. Принялъ монашество въ Кіево-печерской лаврѣ 18 апрѣля 1770 г. и скоро затѣмъ посвященъ во іеродіакона. Въ 1774 г. рукоположенъ въ іеромонаха. Съ 1770 г. состоялъ лаврскимъ проповѣдникомъ. Въ 1772 г. уѣхалъ въ Москву, по земельнымъ дѣламъ лавры, и изъ Москвы въ Кіевъ уже долго не вернулся. 19 мая 1775 г. митрополитъ Платонъ назначилъ его намѣстникомъ звенигородскаго Саввина монастыря и присутствующимъ въ звенигородскомъ духовномъ правленіи; въ 1776 г. Іеронимъ былъ назначенъ префектомъ только что основанной Звенигородской семинаріи. Въ 1779 г. назначенъ игуменомъ орловскаго Успенскаго монастыря и префектомъ новоучрежденной Орловской семинаріи. Въ 1788 г. опредѣленъ присутствующимъ въ Сѣвскую духовную консисторію и орловское духовное правленіе. 22 іюня 1796 г. переведенъ въ гамалѣевскій Харлампіевъ монастырь, въ санѣ архимандрита, и назначенъ ректоромъ Новгородсѣверской семинаріи и присутствующимъ духовной дикастеріи. Въ сентябрѣ 1797 г. гамалѣевскій монастырь былъ упраздненъ, а Іеронимъ 14 января 1799 г. былъ опредѣленъ къ переводу въ нижегородскій Печерскій монастырь; но по разстроенному здоровью онъ отказался отъ новаго назначенія и временно назначенъ былъ настоятелемъ Кіевовыдубицкаго монастыря, въ которомъ и скончался.

Архивъ св. Синода, дѣла. 1803 г., № 294; 1804 г. №№ 898, 899; 1799 г., № 255. *С. Г. Р.*

Іеронимъ (Иванъ *Кириловъ*), архимандритъ. Изъ духовнаго званія, великороссіянинъ, род. въ 1765 г., умеръ 22 іюня 1829 г. Образованіе получилъ въ Тобольской семинаріи, и по окончаніи въ ней курса въ 1786 г. былъ рукоположенъ во священника. 2 марта 1803 г. переведенъ въ Пермь каѳедральнымъ протоіереемъ. 9 февраля 1813 г. принялъ монашество и 10 февраля посвященъ во игумена верхотурскаго Николаевскаго монастыря и вслѣдъ затѣмъ назначенъ префектомъ и учителемъ философіи, а затѣмъ богословія, въ Пермской семинаріи; нѣсколько времени былъ и ректоромъ. 19 августа 1818 г. назначенъ архимандритомъ томскаго Алексѣевскаго монастыря и въ Томскѣ былъ первоприсутствующимъ въ духовномъ правленіи, смотрителемъ томскаго духовнаго приходскаго училища и ректоромъ томскихъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1812 г., № 39; 1823 г., № 901; 1829 г., № 698; Лаговскій, «Исторія пермской дух. семинаріи». *С. Г. Р.*

Іеронимъ (Иванъ Евгеніевичъ *Лаговскій*), архимандритъ, ректоръ Пермской семинаріи, сынъ священника, род. въ 1827 г. въ посадѣ Большія Соли, умеръ 29 апрѣля 1884 г. Кончивъ курсъ въ Костромской семинаріи въ 1849 г., поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1853 г. магистромъ. 7 ноября 1853 г. былъ назначенъ учителемъ логики и психологіи въ Пермскую семинарію; 8 апрѣля 1856 г. рукоположенъ во священника. Въ 1858 г. онъ возведенъ въ санъ протоіерея и назначенъ благочиннымъ къ Введенскому собору горнаго Богословскаго завода и законоучителемъ въ горномъ училищѣ. Черезъ три года переведенъ къ Пермской тюремной церкви и преподавателемъ въ семинаріи. Съ 7 октября 1868 г. онъ былъ ректоромъ семинаріи; въ 1869 г. былъ избранъ въ члены комитета для чтенія катехизическихъ бесѣдъ. 23 февраля 1874 г. онъ постригся въ монашество и возведенъ

въ санъ архимандрита.12 сентября 1879 г. назначенъ членомъ Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Во время службы въ Пермской семинаріи онъ по документамъ ея архива составилъ «Исторію Пермской семинаріи» въ 3-хъ томахъ; кромѣ того, ему принадлежитъ трудъ «Библейская археологія». Замѣчательныя лекціи его по основному богословію изданы только въ видѣ литографированныхъ записокъ.

«Пермскія епарх. вѣд.», 1884 г., № 27.

Іеронимъ, (Іероѳей *Лукинъ*), іеросхимонахъ. Род. въ 1765 г., умеръ 23 сентября 1847 года. Съ 1782 по 1795 г. состоялъ на гражданской службѣ, въ 1799 г. принялъ монашество въ новгородскомъ Хутынѣ монастырѣ. Будучи знакомъ съ извѣстнымъ впослѣдствіи архимандритомъ Фотіемъ, тогда еще законоучителемъ кадетскаго корпуса, и узнавъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и разныхъ противныхъ православію ученій, Іеронимъ донесъ объ этомъ по начальству. За это былъ отосланъ въ Петропавловскую крѣпость, а оттуда въ 1830 г. переведенъ въ Соловецкій монастырь. Хотя школьнаго образованія онъ не получилъ, но былъ человѣкомъ очень свѣдущимъ по духовнымъ вопросамъ и «имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности»; его наставленія по части духовной жизни были очень цѣнимы монастырскою братіей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ велъ дневную запись своихъ мыслей, представляющую много любопытнаго. Отрывки изъ его сочиненій, вмѣстѣ съ біографическими свѣдѣніями о немъ, напечатаны въ книгѣ «Соловецкій Патерикъ», Спб., 1873 г.

С. Г. Р.

Іеронимъ (Яковъ *Малицкій*), архимандритъ. Сынъ священника, «великороссіянинъ», род. въ 1787 г., умеръ послѣ 1827 г. Образованіе получилъ въ Нижегородской семинаріи, откуда перешелъ въ Петербургскую духовную академію. 19 августа 1814 г., по окончаніи академическаго курса магистромъ, назначенъ профессоромъ богословскихъ, математическихъ и физическихъ наукъ и инспекторомъ архангельской семинаріи; 25 іюня 1819 г. принялъ монашество, чрезъ нѣсколько дней посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха и назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Минскую семинарію. Минскій архіепископъ Анатолій въ томъ же 1819 г. представлялъ іеромонаха Іеронима къ возведенію въ санъ архимандрита дятловичскаго Преображенскаго монастыря, но Св. Синодъ не утвердилъ этого представленія. Въ іюлѣ 1821 г. Іеронимъ перемѣщенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Псковскую семинарію, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и назначеніемъ настоятелемъ псковскаго Елеазарова монастыря. 11 іюня 1823 г., вслѣдствіе замѣченныхъ упущеній по семинаріи, уволенъ отъ духовно-училищной службы и опредѣленъ настоятелемъ въ Боголюбовъ монастырь владимірской епархіи. Въ 1824 г., 16 мая, уволенъ, по прошенію, отъ управленія монастыремъ и назначенъ по собственному выбору на іеромонашескую вакансію въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Трехлѣтнее пребываніе въ строгомъ режимѣ суздальскаго монастыря уравновѣсило склонную къ увлеченіямъ натуру бывшаго ректора. Въ мартѣ 1827 г., по ходатайству владимірскаго преосвященнаго, Св. Синодъ освободилъ Іеронима отъ пребыванія въ суздальскомъ монастырѣ и разрѣшилъ ему состоять въ штатѣ владимірскаго архіерейскаго дома. Затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ владимірской духовной консисторіи. О дальнѣйшей его судьбѣ и годѣ кончины свѣдѣній не отыскано.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1819 г., № 1048; 1821 г., № 110; 1823 г., № 610; 1824 г., № 312 и др.

С. Г. Р.

Іеронимъ, (Василій Андреевичъ *Нестеровскій*), ректоръ Вятской семинаріи, архимандритъ вятскаго Успенскаго монастыря, сынъ дьячка, род. въ 1787 г., умеръ 21 декабря 1834 г. Въ 1814 году, кончивъ курсъ въ Троицкой лаврской семинаріи, поступилъ въ Московскую духовную академію; по окончаніи академическаго курса въ 1818 году назначенъ преподавателемъ въ Виоанскую семинарію. 20 октября 1818 г. принялъ монашество и въ январѣ слѣдующаго года рукоположенъ во іеромонаха. Въ ноябрѣ 1819 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. Въ 1820 г. получилъ благодарность отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ за свою преподавательскую дѣятельность; въ 1822 г. назначенъ инспекторомъ Виоанской семинаріи, въ 1823 г.—ректоромъ Орловской; 26 августа 1823 года посвященъ въ архимандрита мценскаго Петропавловскаго монастыря. Въ 1827 г. назначенъ

ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Вятскую семинарію и настоятелемъ слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, въ маѣ 1828 г. назначенъ цензоромъ проповѣдей. 27 сентября 1829 г. переведенъ настоятелемъ въ вятскій Успенскій монастырь. Съ 24 декабря 1833 года находился на чредѣ священнослуженія и проповѣди въ С.-Петербургѣ, гдѣ и скончался. Имѣлъ серебряную медаль за встрѣчу и сопровожденіе чрезъ орловскую епархію тѣла императора Александра I-го.

«Орловскія епарх. вѣд.», 1867 г., № 11; «Вятскія епарх. вѣд.», 1865 г., № 23; 1869 г., № 7; архивъ св. Синода, дѣла: 1823 г., № 811, 1827 г., № 1999 г., 1829 г., № 688 и др. *А. Н.*

Іеронимъ (*Понятскій*), архимандритъ Новоіерусалимскаго монастыря, умеръ 4 іюля 1802 г. Образованіе получилъ въ Смоленской семинаріи, службу началъ іеромонахомъ во флотѣ, потомъ въ 1790—1792 гг. былъ учителемъ Кіевской духовной академіи; затѣмъ съ 1792 г.— игуменомъ смоленскаго Троицкаго монастыря, съ 1794 г. архимандритомъ нижегородскаго Печерскаго монастыря и съ 17 января 1799 г. архимандритомъ Новоіерусалимскаго монастыря, гдѣ и скончался. Извѣстны его сочиненія: «Стихи и рѣчи генералъ-аншефу Глѣбову» (1776 г.), слова—«Въ день восшествія на престолъ Императора Павла» (1797 г.) и «По случаю освященія храма Маріи Магдалины» (1801 г.); кромѣ того, изданы въ его переводахъ: «Гарвоода мысли о блаженствѣ благочестивыхъ» и «Цолликопфера надежное руководство родителямъ, воспитателямъ и учителямъ къ разумному христіанскому дѣтей воспитанію».

Филаретъ, «Обзоръ», 386; дѣла архива св. Синода 1800 г., № 245 и 1802 г. № 516; Строевъ, «Списки». *Здр.*

Іеронимъ (*Семивскій*), игуменъ, сынъ священника; род. въ 1744 г., умеръ 13 апрѣля 1801 г. Окончилъ курсъ въ Смоленской семинаріи; въ 1772 г. рукоположенъ во священника. Въ 1790 г. былъ вызванъ митрополитомъ Гавріиломъ въ Петербургскую семинарію на должность инспектора и учителя низшихъ классовъ; въ 1791 г. принялъ монашество; 1 мая 1792 г. произведенъ во игумена въ смоленскій Троицкій монастырь и назначенъ префектомъ и учителемъ философіи Смоленской семинаріи. Въ 1796 г. переведенъ въ гжатскій Колоцкій монастырь, гдѣ и скончался.

И. Чистовичъ, «Исторія Петерб. дух. академіи»; архивъ св. Синода, дѣла: 1800 г., № 379; 1801 г., № 421; 1802 г., № 845. *С. Г. Р.*

Іеронимъ, (Иванъ Павловичъ *Соломенцовъ*), іеросхимонахъ-духовникъ русскаго Пантелеймонова монастыря на Аѳонѣ, сынъ богатаго купца, род. 28 іюня 1803 г. въ г. Старомъ-Осколѣ, умеръ 14 ноября 1885 г. Наклонность къ духовнымъ подвигамъ была почти общею въ его семьѣ (до 15 человѣкъ изъ его родственниковъ были въ монашествѣ); не прельщаясь богатствомъ, онъ рано началъ проситься у родителей въ монастырь; держалъ строгій постъ, ночи проводилъ въ молитвѣ; наконецъ, въ 1831 г. родители отпустили его въ монастырь. Побывавъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ, онъ въ 1836 г. пріѣхалъ на Аѳонъ и вскорѣ постригся тамъ въ монашество съ именемъ Іоанникія. 21 ноября 1840 г. онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, 23 ноября—въ іеромонаха и тогда-же назначенъ общимъ духовникомъ русскаго Пантелеймонова монастыря. Въ 1841 г. Іоанникій принялъ схиму съ именемъ Іеронима. Въ монастырѣ онъ много потрудился надъ обновленіемъ обители, привлекъ многихъ благотворителей, продолжалъ издательскую дѣятельность монастыря и изданныя имъ душеполезныя книги, брошюры и листки, расходясь въ огромномъ количествѣ, съ большимъ избыткомъ покрывали расходы по изданію, а число иноковъ, прежде уменьшавшееся до 10, возросло до 800. Много сдѣлалъ Іеронимъ для примиренія двухъ враждовавшихъ въ монастырѣ партій — грековъ и русскихъ. Стараніемъ о. Іеронима устроенъ Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь на Кавказѣ. Его высоко почитала и можно сказать — благоговѣла предъ нимъ вся Святая Гора; иноки почитали его за святого и видѣли въ немъ мудраго и любвеобильнаго наставника.

А. Ковалевскій, «Іеросхимонахъ Іеронимъ». *Здр.*

Іеронимъ (*Срѣтенскій*), архимандритъ, «великороссіянинъ», сынъ діакона, род. въ 1781 г., умеръ послѣ 1831 г. Образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи. Въ 1802 г. посвященъ во священника; 11 іюля 1810 г., овдовѣвъ, поступилъ въ число братіи ярославскаго Толгскаго монастыря. 15 мая 1813 г. переведенъ въ Александро-Невскую лавру. 23 іюня того-же года принялъ монашество. 15 августа 1815 г. назначенъ въ Мадритскую миссію. 21 ноября 1819 г., по возвращеніи изъ заграницы, снова поступилъ въ Лавру, гдѣ

съ февраля 1820 г. состоялъ ризничимъ и присутствующимъ въ лаврской канцеляріи. 10 октября 1821 г. назначенъ настоятелемъ витебскаго Маркова монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Архивъ св. Синода, дѣло 1821 г., № 952; Строевъ, «Списки», 502. *С. Г. Р.*

Іеронимъ (*Фармаковскій*), епископъ владимірскій и муромскій, по происхожденію изъ духовныхъ казанской епархіи, род. въ 1732 г., умеръ 3 августа 1783 г. Въ 1747 году «взятъ былъ для обученія наукамъ» въ Казанскую семинарію, въ которой, по окончаніи курса, въ 1754 году, казанскимъ преосвященнымъ Лукою (Конашевичемъ) опредѣленъ учителемъ и состоялъ преподавателемъ 11 лѣтъ; впослѣдствіи былъ профессоромъ и ректоромъ; въ 1762 году постригся въ монашество въ Спасо-Казанскомъ монастырѣ; съ 1764 г. былъ игуменомъ Кизическаго монастыря. 22 января 1766 г. посвященъ въ архимандрита Спасо-Преображенскаго казанскаго монастыря; 1 іюня 1767 г. переведенъ въ свіяжскій Богородицкій монастырь. 25 декабря 1770 г. хиротонисанъ въ санъ епископа и назначенъ во владимірскую епархію. При немъ окончено было возобновленіе каѳедральнаго владимірскаго Успенскаго собора и начато возобновленіе архіерейскаго дома, церкви и братскихъ келій, пострадавшихъ отъ пожара въ 1777 году. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны слова, сказанныя имъ въ Муромѣ, при открытіи владимірскаго намѣстничества, при освященіи вновь построеннаго храма въ Саровской пустыни; они изданы въ Москвѣ въ 1778, 1779 и 1786 гг.; нѣсколько писемъ его въ Саровскую пустынь напечатаны въ «Описаніи Саровской пустыни», М. 1853.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1765 г. № 91, 1768 г. № 10, 1769 г. № 385, 1778 г. № 424; Іоасафъ, іером., «Церк.-истор. опис. владимір. достопамят.»; Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литер.»; Геннади, «Словарь»; Аскоченскій, «Кіевъ», 209; Авель, іером., «Общежит. Саровская пустынь»; «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ», 1839 г., ч. 33, 457. *А. Н.*

Іеронимъ (*Яновскій*), архимандритъ. Сынъ священника, малороссъ, род. въ 1736 г., умеръ 16 января 1814 г. Въ 1761 г., по окончаніи курса въ Кіевской академіи, рукоположенъ во священника; въ 1763 г. назначенъ «протопопомъ полтавской протопопіи». Съ 1766 г. состоялъ присутствующимъ въ славенской (позднѣе въ екатеринославской и новороссійской консисторіи; съ 1778 г. былъ протоіереемъ полтавскаго собора. Въ 1779 г. назначенъ ректоромъ въ новооткрытую Полтавскую семинарію, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Въ 1786 г. принялъ монашество въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ и остался соборнымъ старцемъ. Въ 1792 г. назначенъ начальникомъ кіевопечерской типографіи; въ 1795 г. — намѣстникомъ Лавры. 1 января 1799 г. посвященъ во архимандрита кіевскаго Златоверхо-михайловскаго монастыря. Въ 1800 г. переведенъ въ новгородсѣверскій Преображенскій монастырь. Въ 1804 г. былъ вызываемъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди, но по старости и слабости отказался отъ этого почетнаго вызова. Ему принадлежитъ «Краткое описаніе новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря», напечатанное въ «Исторіи россійской іерархіи» (т. V, стр. 337—339).

Архивъ св. Синода, дѣла: 1798 г., № 264; 1804 г., № 837; 1814 г., № 411; «Истор.-статист. опис. черниг. епархіи», III, 105. *С. Г. Р.*

Іеронимъ, архимандритъ Спасо-Преображенскаго астраханскаго монастыря; произведенъ въ архимандрита 27 февраля 1759 г. изъ монаховъ того же монастыря. 19 марта 1761 г. просилъ мѣстнаго преосвященнаго уволить его отъ настоятельства, опасаясь, чтобы при его болѣзненности и старости не произошло безпорядка въ монастырской экономіи, но преосвященный перемѣстилъ его настоятелемъ кизлярскаго Крестовоздвиженскаго монастыря и судьею кизлярскаго духовнаго правленія, вручивъ ему самыя широкія полномочія надъ церковнослужителями и всякаго званія мірскими людьми въ духовныхъ дѣлахъ.

«Астрахан. епарх. вѣдом.», 1893 г., № 21.

Іеронимъ, архимандритъ Соловецкаго монастыря, умеръ около 1798 г. Принялъ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ 1 октября 1755 г., изъ вдовыхъ священниковъ. Съ 15 іюля 1756 г. состоялъ въ монастырѣ казначеемъ. По избранію братіи назначенъ настоятелемъ въ 1777 г.; посвященъ во архимандрита 8 октября. Побѣгъ въ 1792 г. изъ монастыря одного «секретнаго арестанта» вызвалъ увольненіе Іеронима на покой (21 марта 1793 г.), при чемъ, однако, Іерониму было оказано полное вниманіе въ виду его долговременнаго и достойнаго служенія и лишь просьба его объ оставленіи на про-

бываніи въ Соловецкомъ-же монастырѣ не была уважена. Тогда онъ избралъ для себя онегскій Крестный монастырь. Впослѣдствіи ему разрѣшено было возвратиться въ Соловецкій монастырь, но слабость силъ не дозволила уже ему воспользоваться разрѣшеніемъ Св. Синода.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1777 г., № 134; 1793 г., № 129; 1796 г., № 159. *С. Г. Р.*

Іероѳей, (Яковъ Ѳедоровичъ *Лобачевскій*), епископъ, род. 24 марта 1783 г., умеръ 17 апрѣля 1871 г. Сынъ уніатскаго священника, род. въ городѣ Ковлѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома и еще въ раннемъ возрастѣ сталъ помогать своему отцу въ обученіи дѣтей. Когда въ 1793 г. совершилось возвращеніе Волыни къ Россіи и въ 1794 г. началось возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію, отецъ будущаго епископа Іероѳея съ семействомъ также присоединился къ православной церкви. Послѣ учрежденія въ 1795 г. викарной епархіи, въ городѣ Острогѣ была заведена православная семинарія, въ которую и поступилъ въ 1799 г. Яковъ Лобачевскій. Въ теченіе семинарнаго курса приглашенный репетиторомъ въ домъ врача Ереховича, преподававшаго семинаристамъ правила оспопрививанія, онъ ознакомился съ медицинскою наукой и усвоилъ языки французскій и нѣмецкій. Въ 1807 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію, и опять, давая уроки въ домѣ одного кіевскаго врача, имѣлъ случай усовершенствовать свои медицинскія и естественно-научныя познанія. По окончаніи академическаго курса былъ назначенъ въ сентябрѣ 1811 г. учителемъ въ Волынскую семинарію. По убѣжденію волынскаго епископа Стефана принялъ монашество 2 августа 1814 г., 6 августа посвященъ во іеродіакона, 9—въ іеромонаха; 20 сентября назначенъ строителемъ заштатнаго загаецкаго св. Іоанна Милостиваго монастыря, съ оставленіемъ учителемъ въ семинаріи. Съ 1815 г., послѣ преобразованія семинаріи, состоялъ въ ней инспекторомъ и учителемъ философіи. 28 декабря 1819 г. произведенъ во архимандрита. Въ томъ же году 5 октября былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы за несвоевременное будто бы исключеніе двухъ воспитанниковъ семинаріи и отдачу ихъ въ военную службу — по одному словесному приказанію мѣстнаго преосвященнаго. Оставаясь послѣ этого только настоятелемъ загаецкаго монастыря, архимандритъ Іероѳей 12 августа 1824 г. былъ назначенъ благочиннымъ монастырей. Загаецкій монастырь обязанъ Іероѳею тѣмъ, что былъ приведенъ по части своихъ зданій въ прекрасное состояніе и кромѣ того выигралъ въ Сенатѣ давно тянувшееся земельное дѣло съ сосѣднимъ помѣщикомъ. Въ 1825 г., какъ «мужъ истинно-христіанскаго просвѣщенія, примѣрно-добродѣтельной жизни, занимающійся проповѣданіемъ слова Божія, обладающій выдающимися свѣдѣніями по строительной части и хорошо знающій судебные порядки», Іероѳей былъ рекомендованъ мѣстнымъ преосвященнымъ къ переводу въ настоятели первоклассныго острожскаго Преображенскаго монастыря, помѣщавшагося послѣ пожара 1821 г. въ зданіяхъ бывшаго уніатскаго дерманскаго монастыря. Однако Св. Синодъ не утвердилъ этого представленія и только когда новый волынскій преосвященный въ 1829 г. вторично представилъ Іероѳея къ переводу въ острожскій монастырь, который послѣ новаго пожара нуждался въ настоятелѣ, знакомомъ со строительнымъ дѣломъ, Св. Синодъ 12 августа 1829 г. назначилъ Іероѳея на эту должность. Здѣсь Іероѳей возобновилъ истребленный пожаромъ главный храмъ и прекрасно обстроилъ бывшее при монастырѣ духовное училище. 25 марта 1845 г. онъ хиротонисанъ во епископа острожскаго, викарія волынской епархіи. Въ это время волынская епархія была соединена съ варшавскою и мѣстные архіереи жили большую часть года въ Варшавѣ, только на время пріѣзжая на Волынь, и ближайшее управленіе епархіей лежало на викаріѣ. Въ 1860 г. волынская и варшавская епархіи были раздѣлены. Преосвященный Іероѳей, большею частію жившій до того времени въ Житомірѣ, съ этихъ поръ помѣстился на постоянное жительство въ Дерманскомъ острожскомъ монастырѣ, настоятельство въ которомъ онъ сохранилъ и послѣ хиротоніи во епископа.—Онъ былъ человѣкъ очень образованный, хорошо знакомый съ богословскими, философскими, историческими и естественными науками, прекрасно знавшій языки латинскій, греческій, еврейскій, польскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій; имѣлъ отличную библіотеку; по характеру былъ человѣкъ кроткій и доброжелательный. Онъ помѣстилъ много статей историческаго содержанія (безъ подписи) въ «Волынскихъ губернскихъ вѣдо-

мостяхъ»; принималъ участіе въ ученыхъ работахъ коммиссіи, учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ для изданія актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи юго-западной Россіи; его «Историческая записка о дерманскомъ монастырѣ» и разборъ сочиненія архимандрита Николая: «Историко-статистическое описаніе минской епархіи» напечатаны въ «Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» (1873 г.). Состоя съ 1845 г. вице-президентомъ волынскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, два раза получить за свою полезную дѣятельность Высочайшее благоволеніе.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1814 г., № 946; 1819 г., № 934; 1823 г.. № 1129; 1825 г., № 1332; 1829 г., № 574; 1831 г., № 870; «Волынскія епархіальныя вѣдомости», 1869 г., № 24; 1871 г., № 10; 1873 г., №№ 5, 6, 9; 1892 г., №14; Геннади, «Словарь». *С. Г. Р.*

Іероѳей, (*Малицкій*), митрополитъ. «Изъ малороссіянъ», род. въ 1727 г., умеръ 2 сентября 1799 г. Получилъ образованіе въ Воронежской семинаріи и въ ней же по окончаніи курса, былъ учителемъ, проповѣдникомъ и префектомъ. Принялъ монашество въ 1758 г. и былъ назначенъ присутствующимъ воронежской консисторіи. Въ половинѣ 1762 г. перешелъ вмѣстѣ съ бывшимъ воронежскимъ преосвященнымъ Кирилломъ въ черниговскую епархію и былъ назначенъ игуменомъ Рождественскаго домницкаго или думницкаго монастыря, отчего, въ бытность архимандритомъ, именовался нерѣдко Іероѳеемъ Думницкимъ. Въ 1772 г. переведенъ настоятелемъ въ черниговскій Борисоглѣбскій монастырь; черезъ два года—въ Успенскій елецкій монастырь. При немъ была совершена передача монастырскихъ земель въ гражданское вѣдомство. Оставаясь настоятелемъ елецкаго монастыря, 20 апрѣля 1786 г. былъ назначенъ ректоромъ Черниговской семинаріи. 6 декабря 1788 г. хиротонисанъ во епископа черниговскаго и нѣжинскаго; 1 апрѣля 1796 г. назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и членомъ Св. Синода.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1788 г., №№ 84, 85; 1796 г., № 126; 1799 г., № 240; «Истор.-статист. опис. черниг. епархіи», I, 91; II, 208; III, 27, 226; IV, 106; «Кіевск. епарх. вѣдом.», 1874 г., № 10. *С. Г. Р.*

Іероѳей (*Прилуцкій*), архимандритъ, род. 26 октября 1682 г. въ г. Немировѣ; умеръ 28 октября 1728 г.; постриженъ и возведенъ въ іеродіаконы 2 мая 1707 г. въ Тюмени, въ іеромонахи—16 августа 1709 г. въ Иркутскѣ; въ 1714—1718 г.г. былъ экономомъ иркутскаго архіерейскаго дома; въ 1718 г. по собственному желанію поступилъ священникомъ «на корабли», за что получилъ званіе совѣтника Синода и санъ архимандрита.

Іакинѳъ, «Крат. истор. опис. Новосп. монаст.», 24—25.

Іеше, *Готлибъ Веніаминъ* (Jäsche), профессоръ Дерптскаго университета, род. 3 іюля 1762 г. въ Вартенбергѣ въ Шлезіи, умеръ 25 августа 1842 г. въ Дерптѣ. Послѣ домашняго обученія, учился въ Бреславской гимназіи, съ 1777 по 1783 годъ, затѣмъ, по 1786 г., изучалъ теологію въ Галле. Въ 1791 г. занимался философіей въ Кенигсбергѣ, подъ личнымъ руководствомъ Канта, Шульца, Крауса, Шмальца и др. Въ теченіе 1795—1799 г.г. былъ домашнимъ учителемъ въ Лифляндіи, пріобрѣлъ въ это время степень доктора философіи отъ университета въ Галле, а въ 1799 г. пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, выдержалъ полный экзаменъ, защитилъ диссертацію: «De arctissimo omnium disciplinarum inter se nexu» и до 1802 г. читалъ въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по философіи. 27 февраля былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ теоретической и практической философіи въ новооткрытый Дерптскій университетъ. Въ августѣ 1803 г. утвержденъ деканомъ философскаго факультета и занималъ эту должность почти безъ перерывовъ до 1828 г.; съ 1804 по 1822 г. состоялъ постояннымъ членомъ училищной коммиссіи. Въ 1833 г. уволенъ по прошенію отъ должности со званіемъ заслуженнаго профессора, цѣлый годъ оставался исправляющимъ должность профессора, а въ 1834 г. снова избранъ и утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора на пять лѣтъ. 7 января 1839 г. окончательно оставилъ службу. — Первый его ученый трудъ, безъ обозначенія имени автора, «Ueber reinen Naturalismus und positive Insonderheit christliche Religion u. s. w.» вышелъ въ 1790 г.; до своей диссертаціи онъ издалъ еще «Ideen zu einer systematischen Encyklopödie aller Wissenschaften», (въ 1795 г.) и «Versuch eines faszlichen Grundrisses der Rechts-und-Pflichten-lehre» (въ 1796 г.); ему принадлежитъ еще «Geschichte und Beschreibung der Feierlichkeiten bei Gelegenheit der... Eröffnung... Universität zu Dorpat»; во время службы

своей въ Дерптѣ Іеше, кромѣ цѣлаго ряда журнальныхъ статей и рецензій, издалъ отдѣльно еще семь трудовъ, изъ которыхъ самый обширный—«Der Panteismus nach seinen verschiedenen Hauptformen, seinen Ursprung und Fortgange u. s. w.», въ трехъ томахъ, вышелъ въ 1826—1832 г.

Дѣла архива Юрьевскго университета; «Allgemeine Deutsche Biographie»; «Allgemeines Schriftsteller-und-Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Estland und Kurland».

Іисусъ, (въ мірѣ *Іоаннъ*) іеромонахъ, основатель Распятскаго скита, род. въ Москвѣ въ 1635 г., умеръ 6 марта 1720 г. Онъ былъ священникомъ при одной изъ московскихъ церквей и своими проповѣдями и добродѣтельною жизнію пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе прихожанъ. На него обратилъ вниманіе государь Петръ I и назначилъ духовникомъ своимъ и всего царскаго семейства. Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія о. Іоаннъ былъ замѣшанъ въ дѣло Григорія Талицкаго и 13 марта 1701 года сосланъ въ Соловецкій монастырь для постриженія въ монашество. При постриженіи о. Іоаннъ принялъ имя Іова и, не смотря на свой возрастъ, исполнялъ всѣ возлагаемыя на него послушанія, удивляя братію смиренною покорностію и продолжительностью ночныхъ молитвъ; вскорѣ онъ былъ освобожденъ отъ послушаній и жилъ въ отдѣльной кельѣ, проводя время въ молитвѣ и постѣ. Между тѣмъ доносъ на о. Іова оказался не основательнымъ; его снова призывали ко Двору на прежнее мѣсто, но онъ отклонилъ отъ себя мірскія почести и для большаго уединенія въ 1702 г. переселился въ Анзерскій скитъ; въ 1706 г. ему было поручено начальство надъ скитомъ. Въ 1710 г. о. Іовъ принялъ схиму съ новымъ именемъ Іисуса и еще больше усилилъ свои подвиги, налагая на себя безмолвіе и удаляясь на нѣкоторое время въ пустыню. Въ 1715 г. была освящена Распятская церковь вновь учрежденнаго на Голгооской горѣ скита; іеросхимонахъ Іисусъ былъ первымъ его строителемъ.

Графъ М. Толстой, «Русскіе подвижники», 1—14; Порфирій, архим., «Священноинокъ Іовъ», 1873.

Іоакимъ (*Курсунянинъ*), святой, первый епископъ новгородскій, съ 989 г., умеръ въ 1030 году. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Въ лѣтописяхъ новгородскихъ сообщается, что великій князь Владиміръ взялъ Іоакима въ епископа новгородскаго непосредственно послѣ своего крещенія въ Корсунѣ; Іоакимъ и крестилъ народъ въ Новгородѣ. Въ 989 г. онъ построилъ въ Новгородѣ первую каменную церковь во имя Богоотецъ Іоакима и Анны. Церковь эта впослѣдствіи, при построеніи каменнаго Софійскаго собора, въ княженіе Ярослава Мудраго, вошла въ составъ этого собора и образовала южный придѣлъ его. Въ 1699 г., октября 12, при митрополитѣ новгородскомъ Іовѣ были обрѣтены мощи архіепископа Іоакима, перенесены въ Софійскій соборъ и погребены въ «Золотой паперти», подлѣ гробницы епископа Луки. Личность Іоакима представляетъ особый интересъ въ виду тѣсно связаннаго съ ней вопроса о такъ называемой «Іоакимовской лѣтописи», которая до сихъ поръ еще остается загадкой для русской исторіографіи. Объ лѣтописи этой говоритъ В. Н. Татищевъ въ своей «Исторіи Россійской», (ч. I, 7, 29); онъ указываетъ на нее въ доказательство того положенія, что «безсомнѣнно прежде Нестора, и задолго, писатели были». Татищевъ подробно разсказываетъ, какъ попала въ его руки эта лѣтопись и приводитъ изъ нея два отрывка; затѣмъ, основываясь на томъ, что при описаніи введенія христіанства въ Новгородѣ лѣтописецъ употребляетъ глаголъ въ первомъ лицѣ («и егда пріидохомъ», «мы же стояхомъ на торговой сторонѣ», «ходихомъ по торжицамъ и улицамъ, учахомъ людей елико можахомъ»), а также на припискѣ въ началѣ тетради: «святитель Іоакимъ написа»,—Татищевъ приходитъ къ заключенію, что лѣтопись эту писалъ именно Іоакимъ, первый епископъ новгородскій. Бывшій въ рукахъ Татищева подлинникъ этой лѣтописи до насъ не сохранился и мы знаемъ только два отрывка, приводимые Татищевымъ. Первый усомнился въ истинности сообщенія Татищева Шлецеръ. Онъ прямо считаетъ лѣтопись Іоакима подложной и выдуманной самимъ Татищевымъ; того-же мнѣнія держался и Карамзинъ, того-же взгляда въ новѣйшее время держится проф. Голубинскій. Съ другой стороны изслѣдованія Соловьева, Погодина, Лавровскаго, Буткова, Бестужева-Рюмина, Сенцгова, окончательно выяснили, что Татищева нельзя подозрѣвать въ обманѣ и что научная добросовѣстность его внѣ сомнѣній. Остается вопросъ о самой лѣтописи. Онъ былъ подвергаемъ многократному и многостороннему изслѣдованію. Въ концѣ концовъ изслѣдователи пришли къ слѣдую-

щему выводу: такъ называемая Іоакимовская лѣтопись есть позднѣйшая компиляція; первый отрывокъ ея (до призванія Рюрика) несомнѣнно подложенъ; составленъ онъ не ранѣе XVIII ст. и по источникамъ позднѣйшимъ, западнаго происхожденія, преимущественно польско-чешскимъ; что-же касается второго отрывка, то здѣсь компиляторъ пользовался какимъ-то дѣйствительно древнѣйшимъ источникомъ, какимъ-то не дошедшимъ до насъ «Сказаніемъ о крещеніи Новгородцевъ», составленнымъ если не самимъ Іоакимомъ, то во всякомъ случаѣ современникомъ его, быть можетъ ученикомъ того Ефрема, о которомъ говоритъ лѣтопись подъ 1030 г.: «и бѣша ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше».—Въ послѣднее время стало извѣстнымъ, что въ одной древней рукописи Кирилло - Бѣлозерской библіотеки этотъ Іоакимъ называется не корсуняниномъ, а волошаниномъ.

«Новгородскія лѣтописи», по изд. 1879 г., 1, 2, 379—380; Голубинскій, «Ист. русск. церкви», I, 242, 272, 277, 574, 710; «Прибавл. къ творен. св. отцовъ», 1881, кн. IV; статья Лавровскаго, въ «Учен. Записк. II отд. Акад. Наукъ»; ст. Линниченко въ «Журн. Мин. Народн. Просв.», 1883, № 10; Сениговъ, «Ист.-критич. изслѣд. о лѣтоп. новгород.».

Іоакимъ преподобный, основатель опоцкаго монастыря св. Иліи, жилъ въ XVI в.; память 9 сентября, обстоятельства жизни неизвѣстны.

Іоакимъ (Иванъ *Савеловъ*), патріархъ московскій и всея Руси, преемникъ Питирима и предшественникъ Адріана. Род. въ 1620 г., умеръ 17 марта 1690 г., происходилъ изъ рода московскихъ дворянъ Савеловыхъ. Въ 1655 г., потерявъ жену и дѣтей, постригся въ кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ. Въ 1657 г. патріархъ Никонъ взялъ его къ себѣ, назначивъ строителемъ въ Иверскій новгородскій монастырь. Только въ это время Іоакимъ началъ учиться грамотѣ и сколько нибудь широкаго, даже по тому времени, образованія Іоакимъ такъ и не пріобрѣлъ, почему враги постоянно укоряли его въ невѣжествѣ и необразованности. Вскорѣ послѣ назначенія въ Новгородъ Іоакимъ, по ходатайству боярина Ѳед. Ртищева, переведенъ былъ въ Москву и назначенъ сначала строителемъ Андреевскаго монастыря, а затѣмъ келаремъ Новоспасскаго. Въ 1664 г. онъ былъ сдѣланъ архимандритомъ Чудовскаго монастыря и въ этомъ положеніи пріобрѣлъ дружбу придворныхъ бояръ и расположеніе самого царя Алексѣя Михайловича. Въ 1673 г. онъ былъ назначенъ митрополитомъ новгородскимъ на мѣсто новопоставленнаго патріарха Питирима и здѣсь начинается его самостоятельная дѣятельность. Первыя распоряженія его касались внѣшней обрядности, на которую онъ вообще обращалъ большое вниманіе: онъ указалъ игумнамъ и протопопамъ, споривщимъ о мѣстахъ, «кому подъ кѣмъ стоять и засѣдать»; затѣмъ онъ установилъ, чтобы церковная дань собиралась не чиновниками митрополичьяго двора, а поповскими выборными старостами, которые въ то-же время должны были доставлять митрополиту свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи причтовъ и приходовъ; распоряженіе это онъ впослѣдствіи, будучи уже патріархомъ, распространилъ на всѣ русскія епархіи. Въ 1673 г. онъ посылалъ изъ Новгорода, для увѣщанія взбунтовавшихся монаховъ Соловецкаго монастыря, нѣкоего архимандрита Макарія, но его миссія, какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Въ 1674 г., послѣ годового междупатріаршества, Іоакимъ былъ избранъ въ патріархи московскіе. Онъ занималъ патріаршій престолъ 16 лѣтъ и за это время принималъ большое и вполнѣ опредѣленное участіе въ событіяхъ религіозной и политической жизни Московскаго государства. Главныя его усилія были направлены на борьбу противъ новыхъ вѣяній, проникавшихъ въ то время въ русское общество, противъ стремленія сблизиться съ иноземцами и перенять отъ нихъ то, чего недоставало самимъ русскимъ людямъ. Иностранное вліяніе въ описываемую эпоху шло главнымъ образомъ черезъ Польшу и представителями польско-латинской культуры въ Москвѣ были выходцы изъ южной Россіи, которые явились здѣсь въ особенно большомъ числѣ послѣ присоединенія въ 1654 г. Малороссіи къ Московскому государству. Эти люди, принужденные у себя бороться противъ католицизма помощью его-же собственнаго оружія, латинскихъ книгъ, хотя и оставались въ сущности вполнѣ православными, тѣмъ не менѣе усвоили себѣ внѣшніе пріемы латинской схоластики и, кромѣ того, сами того не замѣчая, допустили и у себя, подъ вліяніемъ католицизма, нѣкоторыя, хотя и маловажныя, отступленія отъ ученія и обрядовъ православной церкви. Понятно, что въ глазахъ противниковъ иноземцевъ и всякой новизны люди эти являлись папеж-

никами и еретиками, колебавшими древнее православіе. И вотъ въ Москвѣ образовались двѣ религіозно-политическія партіи. Во главѣ латинствующихъ, которые въ тоже время были по большей части и приверженцами новаго направленія, былъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря ученый монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, главнаго представителя польско-латинской культуры въ Москвѣ, пользовавшійся сочувствіемъ и поддержкой царевны Софьи и ея двора, другъ кн. В. В. Голицына и въ особенности Шакловитаго; оффиціальнымъ главой другой партіи, ревнителей православія и старины, былъ патріархъ Іоакимъ. Обѣ партіи рѣзко обозначились и столкнулись во время извѣстнаго спора о времени пресуществленія Св. Даровъ. Для борьбы съ польско-латинскимъ направленіемъ Іоакимъ выписалъ въ 1685 г. отъ восточныхъ патріарховъ двухъ ученыхъ грековъ, монаховъ братьевъ Лихудовъ, поставилъ ихъ во главѣ «греческаго» училища, основаннаго въ Москвѣ въ 1679 г. и поручилъ имъ опровергать сочиненія латинствующихъ. Другимъ помощникомъ Іоакима въ полемикѣ противъ латинствующихъ былъ извѣстный справщикъ, монахъ Евфимій. Борьба эта шла одновременно и параллельно съ борьбою партіи царевны Софьи съ партіею Петра; съ паденіемъ Софьи пострадали и всѣ близкіе къ ней люди, въ томъ числѣ и Медвѣдевъ; его обвинили въ злоумышленіи на жизнь патріарха и отдали на судъ Іоакиму. Созванъ былъ соборъ, на которомъ непосредственно и дѣйствовалъ самъ Іоакимъ; на соборѣ этомъ читали покаяніе Медвѣдева и «Слово поучительное» патріарха; Медвѣдевъ, приговоренный соборомъ къ тѣсному заключенію, былъ преданъ гражданской власти, подвергнутъ пыткѣ и казненъ. Враждебно относился патріархъ Іоакимъ и къ иностранцамъ. Во время крымскихъ походовъ онъ «молилъ и доносилъ начальствующимъ, еже бы еретикамъ иновѣрцамъ надъ христіаны въ полкахъ начальниками не быти», билъ челомъ, «да не попустятъ цари православнымъ христіаномъ съ еретиками и иновѣрцами... общеніе въ содружество творити» и да повелѣваютъ указомъ не строить «сборищъ еретическихъ», а выстроенныя уже—разорить; по его настоянію были высланы изъ Москвы іезуиты, пробравшіеся было сюда и успѣвшіе даже основать свою школу. Іоакимъ шелъ и еще дальше: онъ не хотѣлъ обѣдать за однимъ столомъ съ иновѣрцами, запрещалъ обращаться къ нѣмецкимъ докторамъ; польскихъ пословъ, пожелавшихъ присутствовать на патріаршей службѣ, не допустилъ, не смотря на просьбу царей; громилъ «эллинскій, блудническій, гнусный обычай» брить бороду и постригать волосы.

Въ бытность Іоакима патріархомъ совершилось присоединеніе кіевской епархіи къ московскому патріаршескому престолу; до этого же времени кіевскій митрополитъ и вся церковь малорусская стояли въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго. Послѣ присоединенія Малой Россіи къ Москвѣ московское правительство естественно стало стремиться подчинить себѣ и малорусское духовенство, не смотря на вполнѣ понятное несочувствіе этому восточныхъ патріарховъ. Въ 1685 г. на кіевскомъ соборѣ Гедеонъ, князь Четвертинскій былъ избранъ въ митрополиты кіевскіе; для поставленія онъ явился въ Москву; посвящая его, патріархъ Іоакимъ подтвердилъ права и привиллегіи малорусскаго духовенства, обезпечивавшія ему нѣкоторую автономность. Но уже немедленно вслѣдъ за этимъ патріархъ Іоакимъ сталъ постепенно урѣзывать и отнимать эти привиллегіи съ цѣлью сравнять мало по малу кіевскую митрополію съ прочими русскими епархіями. Онъ дѣйствовалъ послѣдовательно и настойчиво. Онъ зорко слѣдилъ за малорусской церковью, обличалъ въ ней латинствующія отступленія отъ правилъ и обрядовъ православія и ревниво охранялъ свои права верховнаго пастыря. Зная, что столь подозрительные ему взгляды Медвѣдева въ сущности—взгляды всего южно-русскаго духовенства, онъ обращался съ запросами къ малорусскимъ іерархамъ, спрашивалъ ихъ мнѣнія относительно времени пресуществленія Св. Даровъ, требовалъ свѣдѣній и мнѣній о Флорентинскомъ соборѣ, предлагалъ и другіе тому подобные вопросы. Малороссы медлили и давали уклончивые отвѣты, но патріархъ настаивалъ и грозилъ, и добился того, что малороссійскіе іерархи изъявили въ 1689 г. полное свое согласіе съ ученіемъ православной церкви.— По отношенію къ расколу Іоакимъ проявлялъ большую суровость. Раскольническій писатель, дьяконъ Ѳеодоръ, жалуется, что, будучи еще архимандритомъ Чудовскаго монастыря, Іоакимъ «паче всѣхъ архіереевъ

похвалялся на. нашу кровь». Въ бытность Іоакима патріархомъ раскольниковъ преслѣдовали, пытали, сжигали въ срубахъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что и раскольники проявляли крайнее ожесточеніе противъ оффиціальнаго духовенства и въ частности противъ Іоакима, да и вообще время было смутное, шаткое, требовались энергическія мѣры; извѣстно, какъ на собесѣдованіи, или лучше сказать—на спорѣ въ Грановитой палатѣ патріарха Іоакима и оффиціальнаго духовенства съ раскольниками, Никитой Пустосвятомъ и др., 5 іюля 1682 г., раскольники чуть не подвергли побоямъ архіепископа Аѳанасія, и неудивительно, что послѣ этого Никитѣ отрубили голову, а прочихъ вожаковъ раскола, монаха Сергія, Никиту Борисова и др., сослали въ дальнюю ссылку.—Не менѣе настойчиво чѣмъ раскольниковъ преслѣдовалъ Іоакимъ и низложеннаго на соборѣ 1666 г. патріарха Никона. Въ 1676 г. онъ перевелъ его на жительство въ Кириловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ Никонъ содержался подъ крѣпкимъ началомъ. Позже, не смотря на многократное ходатайство царя Ѳеодора Алексѣевича, Іоакимъ упорно не соглашался перевести Никона въ его любимый Воскресенскій монастырь и уступилъ уже въ то время, когда Никонъ былъ при смерти. Іоакимъ не согласился хоронить Никона какъ патріарха и не присутствовалъ на его погребеніи, не принялъ драгоцѣнной митры покойнаго, которую прислалъ ему царь Ѳеодоръ. Впрочемъ раздраженіе Іоакима въ этомъ случаѣ довольно понятно; его положеніе относительно Никона было не ловко, многіе не признавали низложенія Никона, Іоакима считали незаконнымъ патріархомъ, да и самъ Никонъ не упускалъ случая поносить Іоакима и досаждать ему.—Въ политической жизни своего времени патріархъ Іоакимъ принималъ довольно видное участіе, въ особенности послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича. Онъ способствовалъ уничтоженію мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ и энергично воспротивился проектированному около этого-же времени раздѣленію Россіи на намѣстничества съ учрежденіемъ наслѣдственныхъ намѣстниковъ изъ знатныхъ боярскихъ фамилій, «всеконечно возбранивъ» это дѣлать. Есть извѣстіе, что онъ не хотѣлъ вѣнчать на царство Іоанна Алексѣевича, когда послѣ того, какъ царемъ былъ уже объявленъ Петръ, стрѣлецкій бунтъ заставилъ признать двухъ царей, говоря, что «многоначаліе есть зло». Насколько могъ, онъ противодѣйствовалъ замысламъ царевны Софьи, въ особенности относительно намѣренія ея вѣнчаться на царство; однажды, но неизвѣстно когда именно, онъ даже отлучилъ Софью отъ церкви за заступничество «о нѣкоихъ противящихся царству»; кн. В. В. Голицына онъ ненавидѣлъ и постоянно боролся противъ его вліянія; когда возгорѣлась рѣшительная борьба между правительницей Софьей и Петромъ, патріархъ, не колеблясь, сталъ на сторону Петра и явился изъ Москвы въ Троицкую лавру.—Во внутреннемъ управленіи своей паствой Іоакимъ проявлялъ большую строгость, даже суровость; изъ общихъ мѣръ за время его патріаршества наиболѣе важны слѣдующія: было установлено, чтобы по всѣмъ епархіямъ всѣ духовныя дѣла подлежали вѣдѣнію духовныхъ лицъ, свѣтскихъ же чиновниковъ рѣшено было посылать только на «непокорниковъ и непослушниковъ»; въ 1681 г. всѣ церкви, неимѣвшія еще земельнаго надѣла, получили его, а тѣмъ изъ нихъ, которыя почему-либо утратили надѣлъ, онъ былъ возвращенъ. Вообще Іоакимъ стремился поставить духовенство въ юридическую и матеріальную независимость отъ свѣтской власти, выдѣлить его среди другихъ сословій и доставить ему по возможности самостоятельность во внутреннемъ его управленіи. Послѣ смерти Іоакима были приложены усилія канонизовать его; съ этой цѣлью настоятель Новоспасскаго монастыря архимандритъ Игнатій (Римскій-Корсаковъ), близкій человѣкъ къ покойному патріарху, написалъ его «Житіе», очень риторическое, изукрашенное, въ которомъ повѣствовалось о множествѣ чудесъ, будто бы сотворенныхъ имъ при жизни и послѣ смерти совершившихся у его тѣла, но попытка эта была вскорѣ оставлена. Памятниками дѣятельности Іоакима остались многочисленныя его грамоты, а также отдѣльныя сочиненія: «Увѣтъ духовный», направленный противъ раскола, «Слово поучительное», уже упомянутое выше, вошедшее въ составъ сборника «Остенъ», составленнаго по приказанію Іоакима и направленнаго противъ латинствующихъ. Сочиненія эти, а равно и грамоты Іоакима, по многимъ даннымъ принадлежатъ перу монаха Евѳимія, который состоялъ при Іоакимѣ въ

роли справщика и секретаря. Во всякомъ случаѣ самъ Іоакимъ не могъ всего этого писать по малообразованности своей; онъ указывалъ только общее направленіе, а писали близкіе къ нему люди; по указаніямъ Іоакима написанъ и «Щитъ Вѣры», архіепископомъ холмогорскимъ Аѳанасіемъ окончательно редактированный уже при патріархѣ Адріанѣ въ 1693 г., кажется, тѣмъ-же Евфиміемъ. Въ дѣятельности своей патріархъ Іоакимъ не является личностью свѣтлой и симпатичной; даже среди тогдашнихъ людей онъ выдѣляется своею нетерпимостью, и суровымъ, подчасъ жестокимъ, фанатизмомъ; но во всякомъ случаѣ онъ является личностью цѣльною и характерною, съ непоколебимой силою воли, съ желѣзною энергіею и настойчивостью.

Смирновъ, «Іоакимъ, патріархъ Московскій»; Шляпкинъ, «Св. Дмитрій Ростовскій и его время»; «Житіе» и «Завѣщаніе патріарха Іоакима» изданы отдѣльно Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности, № 47, а дополненія къ нимъ—«Памятники» Общества за 1880 г., вып. II; Соловьевъ, т. т. XIII, XIV; Крекшинъ, «Записки», въ изданіи Сахарова «Записки русскихъ людей»; «Матеріалы для исторіи раскола», IV; «Приб. къ твореніямъ св. отцовъ», т. 32, статья И. Мансветова, «Какъ у насъ правились книги», и др.

Іоакимъ (*Струковъ*), епископъ воронежскій и елецкій, сынъ священника, род. въ 1674 г. въ с. Пивоникольскомъ, усманскаго уѣзда въ нынѣшней тамбовской губерніи, умеръ 1 сентября 1742 г. Въ 1696 г. онъ опредѣленъ былъ священникомъ къ придворному Благовѣщенскому собору. Потерявъ жену, постригся въ монахи въ 1712 г. и былъ три года оберъ-іеромонахомъ флота. Затѣмъ былъ послѣдовательно игуменомъ Селижаровскаго монастыря, келаремъ Чудова монастыря и архимандритомъ Донскаго монастыря. 9 февраля 1727 г. Св. Синодъ представилъ его первымъ кандидатомъ на воронежскую каѳедру, но синодальный докладъ не получилъ Высочайшаго утвержденія; 22 мая того-же года Св. Синодъ представилъ его вторымъ кандидатомъ въ епископа устюжскаго, но императоръ Петръ II назначилъ его епископомъ въ Переяславль; хиротонисанъ 4 іюня 1727 г. Въ 1728 г. кіевскій архіепископъ Варлаамъ возбудилъ вопросъ объ отношеніи переяславскаго епископа къ кіевскому; ссылаясь на точный смыслъ указовъ, данныхъ при возстановленіи переяславской каѳедры, Варлаамъ ходатайствовалъ, чтобы переяславскій епископъ Іоакимъ «былъ подъ послушаніемъ престола кіевскаго и именовался коадъюторомъ кіевской архіепископіи». Св. Синодъ опредѣлилъ: «О случающихся въ этой епархіи духовныхъ дѣлахъ преосвященному Іоакиму, епископу переяславскому, имѣть братолюбное согласіе съ преосвященнымъ Варлаамомъ, по святымъ правиламъ». 7 іюня 1730 г. преосвященный Іоакимъ назначенъ воронежскимъ и елецкимъ епископомъ. Погребенъ черезъ 25 дней послѣ смерти, 26 сентября, въ воронежскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1730 г. № 96, 1742 г. № 214; «Описаніе дѣлъ и документовъ» синодальнаго архива, т.т., VI, VII и VIII; «Полтав. епар. вѣд.», 1867 г., № 19; «Описаніе Кіево-Печерской лавры», изд. 1831 г.

Іоакимъ (*Чудовскій*), архимандритъ Іосифова волоколамскаго монастыря, умеръ въ 1739 г. Около 1700 года онъ былъ сельскимъ священникомъ, но патріархомъ Адріаномъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста; затѣмъ онъ постригся въ монашество и жилъ въ Александро-невскомъ монастырѣ. Въ 1722 году 15 февраля, по просьбѣ выборныхъ крестьянъ Іосифова волоколамскаго монастыря, опредѣленъ архимандритомъ въ этотъ монастырь. Своею строгостію архимандритъ Іоакимъ вызвалъ неудовольствіе братіи и черезъ годъ былъ уволенъ отъ должности; въ 1728 году Іоакимъ былъ ризничимъ въ Чудовомъ монастырѣ, съ этой должности вторично былъ опредѣленъ настоятелемъ Іосифова волоколамскаго монастыря; въ исходѣ 1738 г. вновь отрѣшенъ отъ должности.

Строевъ, «Списки»; дѣла архива Св. Синода: 1722 г., № 205 — 426; 1728 г., № 183—609.

Здр.

Іоакимъ (Иванъ Ѳедоровитъ *Шишковскій*), архимандритъ пекинскаго Срѣтенскаго монастыря. Сынъ священника, род. около 1750 г. въ с. Пятигорцѣ волынскаго повѣта, умеръ 23 мая 1795 г. 27 марта 1767 г. поступилъ въ Кіевскую духовную академію. 8 марта 1780 г. Іоакимъ, уже изъ іеромонаховъ Александроневскаго монастыря, произведенъ въ архимандрита пекинскаго Срѣтенскаго монастыря и назначенъ начальникомъ пекинской миссіи; въ Пекинѣ пробылъ съ 2 ноября 1781 г. почти по день смерти. Въ данной ему изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ инструкціи было приказано не только поддерживать православіе среди албазинцевъ, но также доставлять свѣдѣнія о

намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ китайцевъ; но архимандритъ Іоакимъ не доставилъ никакихъ свѣдѣній. Въ 1794 г. онъ просилъ Синодъ вызвать его изъ Пекина и просьба его была уважена. Въ маѣ 1795 года онъ выбылъ изъ Пекина, но не переѣхавъ еще китайской границы, скоропостижно скончался.

«Русскій Архивъ», 1893 г. № 9, стр. 64; дѣла архива Св. Синода: 1778 г. № 330; 1792 г. № 288; 1795 г. № 297. *Здр.*

Іоакимъ, епископъ туровскій, упоминается подъ 1145 г., какъ участникъ въ поставленіи митрополита Климента; въ 1146 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ войсками великаго князя кіевскаго Изяслава, вмѣстѣ съ воеводами и намѣстниками князя Вячеслава туровскаго.

Карамзинъ, II, 127, пр. 304; Макарій, «Ист. русск. церкви», II, 7—11, пр. 44.

Іоакимъ, епископъ смоленскій, управлялъ епархіей въ 1475—1494 г.г.; подъ 1458 г. упоминается Іоакимъ епископъ туровскій; обстоятельства жизни ни того ни другого неизвѣстны; можетъ быть, это два разныя лица, а можетъ быть и одно.

Іоакимъ, епископъ перемышльскій, извѣстенъ лишь по имени, упоминается въ 1522—1528 г.г.

Іоакимъ, архіепископъ псковскій, умеръ 24 апрѣля 1623 г. Въ 1598 г., архимандритомъ Псково-Печерскаго монастыря, участвовалъ въ соборѣ, избравшемъ на царство Бориса Годунова; въ 1611 г. на его монастырь нападали Литва и нѣмцы и архимандритъ съ братіею принимали участіе въ ихъ отраженіи. 6 іюля 1616 г. хиротонисанъ первымъ архіепископомъ псковскимъ. Умеръ въ Псковѣ.

«Полн. собр русск. лѣт.», V, 55; «Акты Арх. Экспед.», II, 42, IV, 484; Строевъ, «Списки», 379.

Іоакимъ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, род. въ г. Суздалѣ, около 1651 г., умеръ 25 декабря 1741 г. Былъ приходскимъ священникомъ; потерявъ жену, постригся въ Александро-Невскомъ монастырѣ, и въ 1716 г., прямо изъ іеромонаховъ, былъ хиротонисанъ во епископа астраханскаго и ставропольскаго. По своей отдаленности и по особымъ мѣстнымъ условіямъ, астраханская епархія требовала особенныхъ заботъ; между тѣмъ въ бытность Іоакима епископомъ въ Астрахани ни при архіерейскомъ домѣ, ни при монастыряхъ не существовало ни одной школы. Повидимому, Іоакимъ не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ, которыя можно было предъявлять къ архипастырю: 12 января 1723 г. Высочайше повелѣно было: «Іоакима, епископа астраханскаго, за нѣкоторыя Его Величеству извѣстныя причины, изъ Астрахани вывести и опредѣлить въ которую пристойно епархію викаріемъ»; онъ былъ переведенъ викаріемъ къ новгородскому архіепископу Ѳеодосію и именованъ епископомъ корельскимъ и ладожскимъ. 16 марта 1726 г. назначенъ епископомъ на вологодскую каѳедру, 22 апрѣля того-же года, перемѣщенъ на суздальскую каѳедру. Въ числѣ другихъ архіереевъ былъ вызванъ ко дню коронаціи Императора Петра II въ Москву и 4 февраля 1728 г., послѣ торжественнаго въѣзда Петра II въ Москву, Іоакимъ привѣтствовалъ Государя въ Архангельскомъ соборѣ словомъ, а 25 того-же февраля участвовалъ въ короноваціи. Въ 1729 г. былъ въ Петербургѣ для отправленія чреды священнослуженія. 13 апрѣля 1731 г. назначенъ ростовскимъ епископомъ, 16 іюня того же года возведенъ въ санъ архіепископа и присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ по апрѣль 1732 г. При ростовскомъ архіерейскомъ домѣ преосвященный Іоакимъ учредилъ славяно-латинскую школу, которая существовала до учрежденія семинаріи въ Ярославлѣ. Его попеченіемъ устроенъ прекрасный иконостасъ въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ, а такъ же сдѣланы и другія украшенія. Скончался въ глубокой старости, погребенъ въ ростовскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1731 г. № 108; 1742 г. № 236; «Описаніе документовъ и дѣлъ» синодальнаго архива, т.т. IV, VI, VII; «Іерархи Ростовско-Ярославской паствы»; Гр. М. Толстой, «Древнія святыни Ростова Великаго»; Геннади, «Словарь». *А. Н.*

Іоакимъ, архимандритъ, умеръ 15 апрѣля 1779 г. Былъ сельскимъ священникомъ въ каргопольскомъ уѣздѣ, а затѣмъ, по принятіи монашества, состоялъ игуменомъ Александро-ошевенскаго монастыря; 10 февраля 1763 г. возведенъ въ санъ архимандрита Крестнаго монастыря, архангельской епархіи, причемъ посвященіе совершалъ не епископъ, а архимандритъ же по порученію архіерея, вслѣдствіе отдаленности Крестнаго монастыря.

Архивъ св. Синода, дѣло 1779 г., № 133. «Арханг. епарх. вѣд.»; 1890 г., № 8. *С. Г. Р.*

Іоакимъ, іеромонахъ, сынъ курскаго купца, род. около 1732 г., умеръ въ 1802 г.; въ молодыхъ еще годахъ поступилъ въ

Саровскую пустынь и провелъ въ ней всю свою жизнь, прошелъ различныя послушанія, былъ уставщикомъ при церковныхъ службахъ и книгохранителемъ при библіотекѣ и слылъ за человѣка высокаго разума, благочестиваго и примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ; за совѣтами, и утѣшеніями къ нему обращалось множество народу. Высшее духовное начальство намѣревалось послать его епископомъ въ русскія владѣнія въ С.-Америкѣ, но Іоакимъ не желалъ этого назначенія и, чтобы не быть все таки посланнымъ, прикинулся юродивымъ.

«Общежит. Саровская пустынь и ея достопамятные иноки». *Здр.*

Іоакимъ, епископъ ахтальскій, грекъ. Высочайшимъ указомъ 26 августа 1802 г., на прошеніе состоявшихъ въ Грузіи при горныхъ заводахъ мастеровыхъ православнаго исповѣданія, назначенъ изъ архимандритовъ («греческихъ») епископомъ ахтальскимъ. Хиротонисанъ въ г. Схетѣ 13 октября 1803 г.

Архивъ св. Синода, дѣло 1802 г., № 646. *С. Г. Р.*

Іоаннесъ (*Нерсесянъ*, *Карнагерьянъ*), архіепископъ армяно-грегоріанскихъ церквей въ Россіи, умеръ въ Астрахани, въ 1829 г. Посвященъ во епископа въ Эчміадзинѣ въ 1810 г. католикосомъ Даніиломъ. Въ слѣдующемъ году назначенъ епархіальнымъ архіереемъ всѣхъ обитающихъ въ Россіи армянъ и имѣлъ каѳедру въ Астрахани. Въ 1812 г. была учреждена вторая армяно-грегоріанская епархія въ Россіи — нахичевано-бессарабская. По смерти перваго и послѣдняго нахичевано - бессарабскаго епископа Григорія (Захарьянова) въ 1827 г., обѣ армяно-грегоріанскія епархіи слились и Іоаннесъ снова сталъ архіепископомъ всѣхъ армяно-грегоріанскихъ церквей въ Россіи. Въ 1826 г. присутствовалъ на коронаціи императора Николая I.

«Запискн. Имп. Одесскаго общ. ист. и древн.», IX, 317. *С. Г. Р.*

Іоанникій, преподобный, настоятель Заонѣжской пустыни вологодской губерніи, жилъ въ XVI в., обстоятельства жизни неизвѣстны, память 23 іюня.

К. Эристовъ, «Словарь историч. о свят.», 113.

Іоанникій (*Бураковскій*), архимандритъ, род. 1741 г., умеръ 20 мая 1789 г. Принялъ монашество въ Ниловой столбенской пустыни, будучи подканцеляристомъ. По смерти архимандрита ниловой пустыни Ѳеодосія (умеръ 2 сентября 1781 г.) «вкладчики» пустыни подали мѣстному архіерею нѣсколько прошеній, чтобы настоятелемъ пустыни опредѣленъ былъ Іоанникій, какъ человѣкъ давно живущій въ пустыни и извѣстный «отмѣннымъ для богоугодныхъ дѣлъ раченіемъ». Пустынь не была въ штатѣ, а содержалась на пожертвованія «разныхъ вкладчиковъ и пріѣзжающихъ во оную богомольцевъ» и сохраняла даже нѣкоторыя особыя характерныя черты общежительнаго порядка; по представленію преосвященнаго Синодъ назначилъ настоятелемъ пустыни Іоанникія, который и былъ возведенъ въ архимандриты 30 ноября 1781 г.

Архивъ св. Синода, дѣло 1781 г., № 127; Строевъ, «Списки», 464. *С. Г. Р.*

Іоанникій (Ипатій *Васильевъ*), схимонахъ, сынъ крѣпостного крестьянина села Копычева, коломенскаго уѣзда, род. 2 февраля 1784 г., умеръ 10 марта 1851 г. Съ молодости отличался благочестіемъ; самоучкою выучился читать по часослову и псалтырю. Съ однимъ изъ своихъ пріятелей онъ побывалъ въ Кіевѣ, затѣмъ, отыскавъ уединенное мѣсто на берегу Днѣпра, вырылъ себѣ пещеру и поселился тамъ со своимъ спутникомъ; но послѣдній вскорѣ скончался и Ипатій вернулся на родину. Скоро онъ затѣмъ поступилъ въ Голутвинъ коломенскій монастырь работникомъ; въ 1825 г. принятъ въ число братіи; 13 августа 1829 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Іоны. Черезъ десять лѣтъ удалился въ уединенную келью и жилъ глубокимъ отшельникомъ, постникомъ, истиннымъ аскетомъ; молва о его святой жизни привлекала къ нему множество людей, искавшихъ духовнаго утѣшенія и совѣта. Его нравственное вліяніе было очень велико въ широкомъ районѣ и много разсказовъ ходило о совершившихся по его молитвѣ чудесахъ. 21 августа 1836 г. принялъ схиму съ именемъ Іоанникія.

«Душеполезное Чтеніе», 1870 г. февраль. *С. Г. Р.*

Іоанникій (Иванъ *Гавриловъ*), архимандритъ московскаго Высокопетровскаго монастыря, умеръ 9 апрѣля 1816 г.; происходилъ изъ московскихъ купцовъ; въ 1770 г. постригся въ Симоновѣ монастырѣ, гдѣ послѣ былъ іеромонахомъ и намѣстникомъ; 6 октября 1776 г. переведенъ казначеемъ въ Троицкую лавру. По особенной рекомендаціи московскаго митрополита Платона назначенъ былъ 28 августа 1788 г. настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря; въ архимандрита посвященъ 21 ноября 1788 г.

По письму митрополита Платона о его слабости и старости въ 1797 г. онъ былъ уволенъ отъ управленія Симоновымъ монастыремъ; вообще же митрополитъ Платонъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ архимандритовъ своей митрополіи и отзывался, что онъ, «хотя проповѣдей и не говоритъ словомъ, но дѣломъ то исполняетъ». Въ 1800 г. отецъ Іоанникій назначенъ членомъ Московской консисторіи. Онъ участвовалъ въ коронованіи Императора Александра I-го 15 сентября 1801 г. и въ тотъ же день пожалованъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Архивъ св. Синода, дѣла 1788 г. № 119; 1816 г. №№ 607, 780; «Чтенія въ Общ. исторіи и древностей», 1874 г.; Строевъ, «Списки», 174; Розановъ Н., «Исторія моск. епарх. управленія», III, кн. 2, прим. 308; «Письма Платона», съ примѣчаніями С. Смирнова; «Лѣтопись занятій Археогр. ком.», IV, 62—130. *А. Н.*

Іоанникій (*Голятовскій*), знаменитый проповѣдникъ, умеръ въ 1688 г. Обстоятельства его жизни и дѣятельности извѣстны только въ общихъ чертахъ. Онъ былъ воспитанникъ Кіевской коллегіи и въ ней же былъ впослѣдствіи учителемъ, былъ игуменомъ Купятицкаго монастыря минской епархіи, затѣмъ ректоромъ Кіевской коллегіи и, наконецъ, съ 1672 г., архимандритомъ Новгородъ-сѣверскаго монастыря; онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ богослововъ и проповѣдниковъ до-петровской Руси. Сочиненія его слѣдующія: 1) «Мессія правдивый», вызванное появленіемъ въ еврейскомъ мірѣ Лже-мессіи Сабефа-Себе, который успѣлъ взволновать все еврейство западной и южной Россіи; это сочиненіе Іоанникія должно было дать православнымъ руководство въ борьбѣ съ еврействомъ; оно изложено въ формѣ разговора между евреемъ и христіаниномъ и обнаруживаетъ въ авторѣ большую эрудицію въ еврейскомъ богословіи; 2) «Алкоранъ Магометовъ, отъ кегелета (проповѣдника) Христова разрушенный»; 3) «Лебедь съ перьями или о причинахъ распространенія магометанства»; 4) «Боги поганскіе» — изложеніе и опроверженіе миѳологіи древнихъ грековъ и римлянъ, посвящено царевнѣ Софіи; 5) «Премудрость, совершающая въ дому своемъ чудеса противъ аріанъ и еретиковъ»; 6) «Алфавитъ еретиковъ, въ предостереженіе православнымъ»; всѣ эти сочиненія напечатаны были первоначально на польскомъ языкѣ въ Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ теченіе 1669 — 1681 гг.; первое изъ нихъ напечатано и въ русскомъ переводѣ, въ Кіевѣ въ 1669 и 1672 гг.; второе и третье такъ же переведены на русскій языкъ, но переводъ неизданъ. Противъ католицизма и уніи Голятовскій составилъ цѣлый рядъ сочиненій: 1) «Бесѣда Бѣлоцерковская», въ которой излагаются споры его съ іезуитомъ Пекарскимъ въ 1663 г. въ м. Бѣлой Церкви объ устройствѣ церковнаго управленія; 2) «Старая восточная церковь новой западной показываетъ исхожденіе Св. Духа отъ единаго Отца»—опроверженіе сочиненій Циховича и іезуита Боймы; 3) «Отвѣтъ Римлянамъ на книгу «Фундаменты вѣры» іезуита Скарги»; 4) «Души людей умершихъ или изслѣдованіе о состояніи души по смерти»; эти сочиненія такъ же изданы на польскомъ языкѣ въ 1676 — 1683 г.; извѣстно нѣсколько рукописей русскаго перевода перваго изъ нихъ. Сочиненія Голятовскаго противъ магометанства, язычества и іудейства занимаютъ первое мѣсто въ апологетической литературѣ до-петровскихъ временъ, а всѣ его произведенія высоко цѣнятся богословскою критикой за ихъ обширную эрудицію, большое діалектическое искусство и силу мысли. Но главнымъ образомъ историческое значеніе Голятовскаго основывается на его заслугахъ для русскаго проповѣдничества. Его сочиненіе: «Наука, альбо способъ сложенья казаній» было первою по времени въ Россіи гомилетическою теоріею и долгое время служило руководствомъ для проповѣдниковъ, въ особенности южно-русскихъ. Оно представляетъ переработку современныхъ автору католическихъ курсовъ гомилетики, преимущественно сочиненій Дрекселлюса и Симона Старовольскаго, и отличается безусловнымъ господствомъ схоластическихъ методовъ въ составленіи проповѣдей; современная автору гомилетика протестантская, развивавшаяся подъ вліяніемъ Эразма Роттердамскаго, Рейхлина, а главнымъ образомъ Лютера, и имѣвшая совершенно иной характеръ, осталась безъ всякаго вліянія на гомилетику Голятовскаго. Въ «Наукѣ» трактуется о построеніи проповѣди и ея содержаніи; содержаніе рекомендуется заимствовать не только изъ Библіи и жизнеописаній и твореній отцовъ церкви, но и изъ «исторій о разныхъ странахъ», изъ «книгъ о звѣряхъ, гадахъ, птицахъ, рыбахъ, камняхъ» и т. д. Сообразно съ такимъ воззрѣніемъ въ проповѣдяхъ Голя-

товскаго и его подражателей преобладали такъ называемые loci topici и схемы, заимствованныя изъ философіи, затѣмъ слѣдовало развитіе содержанія проповѣди изъ какой-либо мѣтафоры или аллегоріи, а иногда проповѣдь представляла прямо схоластическій трактатъ, взятый изъ какого-либо богословскаго курса, и, конечно, оставалась непонятною слушателямъ. Совѣтъ автора пользоваться для проповѣди данными изъ гражданской исторіи и изъ области естествознанія повелъ къ тому, что проповѣдь переполнялась фабулами, анекдотами и невѣроятными свѣдѣніями о явленіяхъ природы, которыя иногда придавали проповѣди внѣшнюю занимательность, но за то отнюдь не соотвѣтствовали нормальному содержанію проповѣди, а иногда находились даже въ противоположности ему. Собственныя проповѣди Голятовскаго въ свое время пользовались большою извѣстностію и служили образцами для другихъ проповѣдниковъ. Сборникъ ихъ, названный авторомъ «Ключъ разумѣнія», содержащій въ себѣ поученія на всѣ праздники, имѣлъ нѣсколько изданій: первое—въ Кіевѣ 1659 г., второе, дополненное, тамъ же, третье—въ Львовѣ въ 1665 г. съ новыми прибавленіями. Въ 1671 г. Голятовскій, какъ знаменитый ученый, былъ вызываемъ въ Москву и здѣсь говорилъ рѣчь царю и «слово въ 20-ю недѣлю по Пятидесятницѣ»; это слово, а также девять писемъ его къ царямъ сохраняются въ библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. Менѣе замѣчательны, хотя также пользовались въ свое время большою извѣстностію, сочиненія Голятовскаго: 1) «Небо новое, съ новыми звѣздами сотворенное» — сборникъ сказаній о чудесахъ Богоматери, издано трижды въ Львовѣ, Черниговѣ и Могилевѣ, въ 1665—1699 г., и новѣйшій переводъ въ Москвѣ въ 1851 г.; русскій переводъ XVII в. извѣстенъ лишь въ рукописи; 2) описаніе чудесъ Елецкой иконы Божіей Матери, съ похвальнымъ словомъ и стихами въ честь этой иконы, извѣстное подъ именемъ «Скарбницы», напечатано въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ 1676 г.

Филаретъ Черниговскій, «Обзоръ русск. дух. литературы», I, № 181; Ф. Терновскій, «Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв.» въ журналѣ «Руководство для сельскихъ пастырей» за 1869 г.; «Описаніе рукописей у Толстого», I, 236, II, 26.

Іоанникій (Иванъ Семеновичъ *Горскій*), архіепископъ херсонскій и одесскій, сынъ священника, род. въ 1810 г. въ селѣ Маломъ Богородскомъ даниловскаго уѣзда, умеръ въ ночь на 1 марта 1877 г. Образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи и въ Петербургской духовной академіи. 3 іюля 1836 г. постригся въ монашество, 27 іюля рукоположенъ въ іеродіакона, а 6 августа того же года—въ іеромонаха. По окончаніи курса, 6 сентября 1837 г., назначенъ преподавателемъ богословія въ Нижегородскую семинарію и 13 декабря 1837 г. получилъ степень магистра богословія. 29 августа 1838 г. перемѣщенъ инспекторомъ въ Кіевскую семинарію; 24 мая 1839 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры; 10 іюня 1841 г. назначенъ инспекторомъ и баккалавромъ богословскихъ наукъ въ Кіевской духовной академіи; 28 іюня 1842 г. произведенъ въ санъ архимандрита. Въ Кіевѣ онъ былъ членомъ духовно-цензурнаго комитета, цензоромъ проповѣдей, ревизовалъ Екатеринославскую семинарію; 10 октября 1846 г. назначенъ ректоромъ Ярославской семинаріи, и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ благочиннымъ ярославскихъ монастырей и настоятелемъ ростовскаго Аврааміева монастыря. 3 апрѣля 1850 г. перемѣщенъ въ Петербургъ ректоромъ семинаріи; 30 декабря 1854 г. назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской епархіи; 16 апрѣля 1856 г. перемѣщенъ на саратовскую архіерейскую каѳедру, а 17 іюля 1860 г. переведенъ въ Варшаву и возведенъ въ санъ архіепископа; 1 мая 1875 г: переименованъ въ архіепископа холмскаго; 16 ноября 1875 г. сдѣланъ архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ. Въ 1852 г. архимандритъ Іоанникій исправлялъ книгу протоіерея Дебольскаго «О христіанскомъ православномъ богослуженіи», за что ему объявлена благодарность отъ Св. Синода.

«Яросл. епарх. вѣдом.», 1870 г. № 44; Надеждинъ, «Исторія Петербургской семинаріи».

Здр.

Іоанникій (*Ивонка*), епископъ перемышльскій, правилъ съ 1469 по 1476 гг.; преемникъ его тоже назывался Іоанникіемъ и правилъ по 1491 г.; обстоятельства жизни того и другого неизвѣстны.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви»; I, 187.

Іоанникій (Иванъ Тимофѣевичъ *Микрицкій*), епископъ олонецкій, сынъ діакона, род. въ 1731 г. въ Успенскомъ погостѣ новгородскаго уѣзда, умеръ въ нояб-

рѣ 1785 г. Въ 1738 г. взятъ былъ съ другими священно-и-церковнослужительскими дѣтьми въ Новгородскую семинарію, въ которой по окончаніи курса состоялъ преподавателемъ, съ 1750 г. по 1762 г. 11 апрѣля 1758 г. постриженъ въ монашество, въ томъ же году произведенъ во іеромонаха; 14 января 1760 г. произведенъ во игумена Новгородскаго сковородскаго монастыря; 2 февраля 1762 г. произведенъ въ архимандрита Троицкаго данилова монастыря и назначенъ ректоромъ Переяславской семинаріи; 15 октября 1768 г. перемѣщенъ въ Юрьевскій монастырь, а въ 1773 г. опредѣленъ членомъ Новгородской духовной консисторіи. 2 апрѣля 1775 г. назначенъ епископомъ олонецкимъ. 10 марта 1782 г. уволенъ по болѣзни на покой въ Хутынскій монастырь съ пенсіей въ 500 р., перемѣщенъ затѣмъ въ Юрьевъ монастырь, гдѣ и скончался.

Архивъ св. Синода, дѣла за 1782 г., №№ 85 и 86; 1775 г.; № 166; Макарій, «Описаніе новгородскаго Юрьева монастыря», 98; Свирѣлинъ, «Ист.-статистич. описаніе переяславскаго Троицкаго монастыря». *А. Н.*

Іоанникій (Иванъ Андреевичъ *Москвинъ*), епископъ козловскій, умеръ 25 октября 1869 г. Онъ былъ сынъ священника костромской епархіи и племянникъ кіевскаго митрополита Арсенія, подъ надзоромъ котораго и находился съ ранней молодости. По окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи, какъ лучшій воспитанникъ, былъ отправленъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1839 году. Въ томъ же году опредѣленъ учителемъ въ Тамбовскую семинарію. 24 апрѣля 1841 г. опредѣленъ протоіереемъ къ церкви Тамбовскаго кадетскаго корпуса и назначенъ законоучителемъ корпуса; 17 августа 1857 г. назначенъ членомъ Тамбовской консисторіи. Съ 1 февраля 1863 г. состоялъ членомъ управленія Тамбовскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. 14 декабря 1866 г. опредѣленъ каѳедральнымъ протоіереемъ; 10 февраля 1867 г. назначенъ инспекторомъ Тамбовской семинаріи. Въ 1868 г. сдѣланъ редакторомъ «Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей». Еще будучи священникомъ, 10 декабря 1868 г. былъ назначенъ во епископа козловскаго, викарія тамбовской епархіи; 16 апрѣля 1869 г. постриженъ въ монахи, 17 того же апрѣля возведенъ въ санъ архимандрита, 9 мая 1869 г. хиротонисанъ во епископа. Ему принадлежитъ учебникъ «Священная исторія Новаго Завѣта для дѣтей».

Архивъ св. Синода, Формуляр. списокъ преосв. Іоанникія; «Тамб. епарх. вѣд.», 1869 г., №№ 21 и 22. *А. Н.*

Іоанникій (Иванъ Яковлевичъ *Образцовъ*), епископъ, сынъ пономаря весьегонскаго уѣзда, с. Титовскаго, род. въ 1790 г., умеръ 18 апрѣля 1880 г. Образованіе получилъ въ Тверской семинаріи и Петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1817 г. назначенъ учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ черниговскую семинарію. Принялъ монашество 28 августа 1819 г. и вскорѣ рукоположенъ во іеромонаха. Въ іюлѣ 1820 г. назначенъ присутствующимъ въ черниговской духовной дикастеріи. 16 августа 1821 г. назначенъ ректоромъ Минской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ; 16 февраля 1824 г. получилъ настоятельство въ грозовскомъ Іоанно-богословскомъ монастырѣ; 16 іюля того же года перемѣщенъ въ Могилевскую семинарію, а 7 октября 1825 г.—въ Тобольскую, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита тобольскаго Знаменскаго монастыря. 4 января 1826 г. назначенъ каѳедральнымъ цензоромъ. 15 ноября 1828 г. перемѣщенъ въ Пермскую семинарію, а отсюда въ Пензенскую, и назначенъ настоятелемъ нижнеломовскаго Богородицкаго монастыря. 3 апрѣля 1832 г. хиротонисанъ во епископа вятскаго; съ 16 ноября 1835 г. былъ епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ, съ 20 ноября 1849 г. епископомъ кавказскимъ; 30 октября 1857 г., по прошенію, уволенъ на покой и поселился въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ которомъ и оставался до кончины своей. Во время своей педагогической дѣятельности онъ былъ искренно любимъ своими учениками какъ за свою необыкновенную доброту, такъ и за необыкновенный педагогическій тактъ, благодаря которому онъ достигалъ въ преподаваніи отличныхъ успѣховъ безъ царившаго въ то время заучиванія наизусть; какъ архіерей онъ отличался добротою и снисходительностью и пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ знавшихъ его. Послѣ его смерти въ рукописи найдено нѣсколько его проповѣдей; изъ нихъ прощальная рѣчь къ вятской паствѣ и слово въ день Воскресенія Христова напечатаны въ «Черниг. епарх. Изв.», 1880 г., № 23.

«Черниг. епарх. извѣстія», 1880 г., №№ 22, 27; Геннади, «Справоч. словарь»; «Вятск. епарх.

вѣд.», 1865 г., № 17; Г. Никитниковъ, «Іерархія вятск. епархіи»; И. Чистовичъ, «Исторія Петерб. дух. акад.», 369. *С. Г. Р.*

Іоанникій (*Орловскій*), архимандритъ, умеръ 22 января 1782 г. Родомъ изъ г. Елатьмы. Былъ, въ званіи іеромонаха, префектомъ рязанской семинаріи и въ 1772 г. исправлялъ должность ректора. Съ 1774 г. въ званіи архимандрита, былъ ректоромъ Александроневской славянской школы, изъ которой образована впослѣдствіи Петербургская духовная академія и преподавалъ философію, а съ 1776 г. богословіе. Въ 1782 г. назначенъ настоятелемъ Солотчинскаго монастыря рязанской епархіи. Его слово на праздникъ Св. Георгія было напечатано въ 1776 г.

Чистовичъ, «Исторія Петерб. дух. акад.», 35; Геннади, «Справ. слов.», 77, — тутъ свѣдѣнія не вполнѣ вѣрныя; архивъ св. Синода, дѣло 1789 г., № 133. *С. Г. Р.*

Іоанникій (Иванъ Степановичъ *Павлуцкій*), епископъ воронежскій и елецкій. Род. въ 1699 г. въ Тобольскѣ, умеръ въ ночь съ 1 на 2 января 1763 г.; происходилъ изъ сибирской дворянской фамиліи. Есть основанія думать, что онъ не учился ни въ какой школѣ и прекрасное, по тому времени, образованіе было дано ему, вѣроятно, въ домѣ родителей, при помощи ученыхъ монаховъ. Разсказы учителей, чтеніе только что вышедшихъ въ свѣтъ Четій-миней св. Димитрія Ростовскаго, такъ подѣйствовали на юношу, что онъ 16-ти лѣтъ отъ роду тайно ушелъ изъ родительскаго дома въ Кандинскій монастырь. Въ 1719 г. послѣ искуса онъ постригся въ монашество и проходилъ различныя послушанія. Въ 1723 г. Іоанникій былъ вызванъ въ Тобольскъ, посвященъ въ іеродіакона и оставленъ при архіерейскомъ домѣ. Своимъ умомъ, рѣдкимъ въ то время образованіемъ, распорядительностію и честностію онъ скоро обратилъ на себя вниманіе преосвященаго и ему дана была почетная и вмѣстѣ трудная должность казначея и эконома архіерейскаго дома, которую онъ и занималъ въ продолженіи цѣлыхъ 25 лѣтъ. Въ 1743 г. онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха; въ 1744 г. назначенъ членомъ тобольской консисторіи; въ 1750 г. возведенъ въ санъ архимандрита енисейскаго Спасскаго монастыря и сдѣланъ «закащикомъ» всего енисейскаго округа. Вскорѣ онъ былъ вызванъ для присутствованія въ конторѣ Коллегіи экономіи, затѣмъ назначенъ членомъ Московской синодальной конторы, въ 1756 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ звенигородскій Саввинъ-Сторожевскій монастырь, а 6 декабря 1761 г. хиротонисанъ въ епископа воронежскаго и елецкаго. Въ Воронежѣ Іоанникію пришлось за недостаткомъ помѣщенія закрыть латинскіе классы семинаріи; онъ началъ постройку большаго каменнаго корпуса для духовной консисторіи и училища—которую, однако, не успѣлъ закончить—обративъ на это часть своихъ архіерейскихъ доходовъ.

Архивъ св. Синода, 1760 г. № 110; 1763 г. № 154; «Странникъ», 1868 г., № 3; «Ворон. еп. вѣдом», 1871 г., № 3. *Здр.*

Іоанникій (*Полонскій*), епископъ, род. въ 1742 г., въ хуторѣ близъ м. Полоннаго, волынской губерніи, сынъ крестьянина-мельника Никифора Беркута, умеръ 7 февраля 1819 г. Оставшись 10-ти лѣтъ сиротой по смерти родителей, убитыхъ татарами, былъ отданъ дядею для ученія приходскому дьячку; затѣмъ окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и въ санѣ іеромонаха былъ преподавателемъ Смоленской семинаріи, а потомъ законоучителемъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. За успѣшное преподаваніе Закона Божія Іоанникій возведенъ былъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Константино-Еленинскаго монастыря во Владимірѣ. Въ 1779 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ въ новооткрытую Тамбовскую семинарію, въ январѣ 1790 г. переведенъ настоятелемъ нижегородскаго Печерскаго монастыря съ опредѣленіемъ первенствующимъ членомъ нижегородской консисторіи. Послѣ того онъ былъ настоятелемъ Донского монастыря и членомъ Синодальной конторы въ Москвѣ; съ открытіемъ для Подоліи самостоятельной православной епархіи, 13 мая 1795 г., рукоположенъ во епископа брацлавскаго и подольскаго. На его долю пала забота объ искорененіи уніи въ Подоліи и укрѣпленіи въ православіи возсоединившихся, при постоянномъ противодѣйствіи мѣстной администраціи, латинскаго духовенства и польскихъ помѣщиковъ; ему пришлось устраивать управленіе новооткрытой епархіи, открывать семинаріи въ Шаргородѣ (въ 1797 г.) и потомъ (въ 1806 г.) переносить ее въ Каменецъ-Подольскъ; онъ и самъ жилъ сначала въ м. Шаргородѣ могилевской губерніи, а потомъ (въ 1799 г.) переселился въ Каменецъ; 15 сентября 1801 г. возведенъ въ санъ архіепископа.

Батюшковъ, «Подолія».

Іоанникій (Иванъ Петровичъ *Холуйскій*), архимандритъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря, умеръ послѣ 1861 г. Сынъ причетника владимірской епархіи, онъ по окончаніи курса во Владимірской семинаріи въ 1824 г. поступилъ въ Спасо-Виѳанскій монастырь, а въ 1827 г. 30 апрѣля постригся въ Троице-Сергіевой лаврѣ; 15 мая того же года посвященъ во іеродіакона. 2 іюня 1829 г. рукоположенъ во іеромонаха, затѣмъ былъ ризничимъ и экономомъ Чудова монастыря. Въ 1831 г. состоялъ казначеемъ по временному комитету, учрежденному при московской архіерейской каѳедрѣ для раздачи пособій бѣднымъ во время свирѣпствовавшей холеры. 12 марта 1834 г. утвержденъ намѣстникомъ Чудова монастыря. 19 января 1837 г. опредѣленъ членомъ Комитета, учрежденнаго для разборки и приведенія въ порядокъ дѣлъ консисторскаго архива; 15 іюня 1839 г. возведенъ въ санъ архимандрита и утвержденъ настоятелемъ московскаго Златоустовскаго монастыря, съ оставленіемъ въ должности намѣстника Чудова монастыря. 3 декабря 1845 г. опредѣленъ настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря, 11 января 1851 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ Богоявленскій монастырь. Въ 1857 г. уволенъ отъ должности намѣстника. 10 августа 1859 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ московскій Высокопетровскій второклассный монастырь, 27 февраля 1861 г. настоятелемъ въ Заиконоспасскій монастырь. О послѣдующей судьбѣ архимандрита Іоанникія свѣдѣній не имѣется.

Архивъ св. Синодъ, дѣло 1861 г., № 377; «Чтенія въ общ. ист. и древн.», 1874 г., I, 204—205. *А. Н.*

Іоанникій, митрополитъ, грекъ, скончался 25 марта 1724 г.—До 1719 г. состоялъ епископомъ, а затѣмъ митрополитомъ ставропольскимъ. Съ 1719 г. именовался митрополитомъ коломенскимъ и каширскимъ. Его подпись имѣется, въ числѣ другихъ архіереевъ, подъ Духовнымъ Регламентомъ. Въ 1723 г. имъ заведена школа при коломенскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которой къ 1725 г. было болѣе ста учениковъ.

«Опис. докум. и дѣлъ, храп. въ арх. св. Спн.», т.т. I—IV, VII. *С. Р. Г.*

Іоанникій, архимандритъ, умеръ 28 апрѣля 1740 г. Изъ настоятелей Антоніева николаевскаго монастыря въ тверской епархіи въ 1717 г. переведенъ въ деревяницкій новгородскій Воскресенскій монастырь. Когда въ 1735 г. Деревяницкій монастырь былъ причисленъ къ новгородскому архіерейскому дому, Іоанникій остался на пенсіи, но въ 1737 г., по распоряженію новаго архіерея новгородскаго, лишенъ пенсіи. Тогда онъ просилъ у Св. Синода опредѣленія снова настоятелемъ въ Деревяницкій монастырь. Св. Синодъ назначилъ его въ 1738 г. настоятелемъ въ николаевскій Антоніевъ монастырь, но Іоанникій отказался туда ѣхать, ссылаясь на свою слабость и на «прежнія свои ссоры съ того монастыря слугами и вотчинными крестьянами». Св. Синодъ назначилъ ему пребываніе въ новгородскомъ Хутынѣ монастырѣ, съ отпускомъ ему на содержаніе трехъ монашескихъ порцій. 10 Ноября 1738 г. Синодъ назначилъ Іоанникія настоятелемъ въ Клопскій троицкій монастырь, гдѣ онъ и оставался до своей кончины.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1738 г., №№ 197, 203; 1740 г., № 185; Строевъ, «Списки іерарховъ», 70, 73. *С. Г. Р.*

Іоанникій, архимандритъ, умеръ послѣ 1770 г. Въ 1743 г. поступилъ въ Мошногорскій монастырь, откуда вскорѣ перешелъ въ Кіево-печерскую лавру. 31 декабря 1745 г. взятъ въ Александро-невскій монастырь. 27 февраля 1748 г. здѣсь «постриженъ въ мантію», 12 марта посвященъ въ іеродіакона, а 2 января 1753 г. во іеромонаха; былъ въ лаврѣ экономомъ и намѣстникомъ. Въ 1761 г. посвященъ во архимандрита псковскаго Спасо-мирожскаго монастыря и назначенъ присутствующимъ псковской духовной консисторіи. Въ 1764 г. просился на покой въ Александро-невскій монастырь, но Св. Синодъ просьбы его не принялъ и онъ былъ возвращенъ къ прежнему мѣсту; но псковскій преосвященный назначилъ уже въ Спасо-мирожскій монастырь другого архимандрита, такъ что Іоанникій остался безъ настоятельства и былъ помѣщенъ въ Псково-печерскомъ монастырѣ. Отсюда въ 1770 г. перешелъ на пребываніе въ Кіево-печерскую лавру.

Архивъ св. Синода, дѣло 1764 г., № 110. *С. Г. Р.*

Іоаннъ (*Илія*), святой, архіепископъ новгородскій, см. Илія святой.

Іоаннъ (*Игнатій*), святой, князь, см. Игнатій святой.

Іоаннъ, святой, менюжскій отрокъ, см. Іаковъ, святой менюжскій.

Іоаннъ, святой, мученикъ кіевскій, убитъ въ 983 г. съ отцомъ своимъ Ѳеодоромъ за то, что отецъ не выдалъ своего сына язычникамъ, когда на него палъ жребій послужить жертвою языческимъ богамъ. Память совершается 12 іюля. Эта твердость въ вѣрѣ, выказанная христіанами, была по лѣтописному разсказу, однимъ изъ поводовъ, заставившихъ великаго князя Владиміра задуматься надъ вопросомъ о принятіи христіанства.

Филаретъ, «Русскіе святые», II, 367; «Полн. собр. русск. лѣт.» I, 35; VII, 295.

Іоаннъ, святой, многострадальный печерскій, скончался 18 іюля, около 1160 г.; извѣстенъ тяжелыми испытаніями, которыя онъ налагалъ на себя для отогнанія грѣховныхъ помысловъ; въ борьбѣ съ ними онъ подкрѣплялъ совѣтами и другую братію; въ настоящее время видны мощи его въ Антоніевской пещерѣ, наполовину закопанныя въ землю, наполовину находящіяся надъ землею.

Филаретъ, «Русскіе святые», II, 398—401.

Іоаннъ, преподобный, инокъ печерскій, память 29 декабря, извѣстенъ по чуду, которое совершилось по молитвѣ преподобнаго Марка гробокопателя печерскаго съ его тѣломъ послѣ его кончины.

Филаретъ, «Русскіе святые», III.

Іоаннъ, до принятія христіанской вѣры Буга-богатырь, татаринъ, мѣстно чтимый, неканонизованный праведникъ устюжскій. По извѣстіямъ позднѣйшихъ мѣстныхъ лѣтописей онъ былъ во второй половинѣ XIII в. сборщикомъ ясака въ Устюгѣ. Въ 1262 г. во многихъ городахъ сѣверной Руси народъ началъ возставать противъ татаръ и избивать ихъ. Такое же возстаніе подготовлялось и въ Устюгѣ. Но одна русская дѣвушка, насильно захваченная Бугой, предупредила его, тѣмъ не менѣе, что готовится избіеніе татаръ. Тогда Буга ударилъ на вѣчѣ устюжанамъ челомъ, прося прощенія за свои прежнія обиды и насилія, и изъявилъ желаніе принять христіанскую вѣру. Это спасло его отъ вѣрной гибели. Въ благодарность Бога, принявшій въ крещеніи имя Іоанна, женился на дѣвушкѣ, его спасшей. Съ этого времени Іоаннъ какъ бы переродился: началъ вести жизнь набожную и добродѣтельную, такъ что пріобрѣлъ при жизни всеобщую любовь согражданъ, а по смерти славу праведника, каковымъ онъ называется въ рукописныхъ святцахъ. Память о немъ и теперь еще жива въ Устюгѣ. Вмѣстѣ съ своей супругой Іоаннъ похороненъ у церкви Вознесенія на посадѣ.

«Лѣтописецъ Архангелогородскій», 59; «Лѣтоп. о вел. градѣ Устюгѣ» у Карамзина III, пр. 186, IV, пр. 106; Сергій, «Полный мѣсяцесловъ востока», III, пр. 3, ст. 64; Барсуковъ, «Источ. рус. агіографіи», 258. *А. Э.*

Іоаннъ, святой, мученикъ виленскій, замученъ 23 апрѣля 1362 г. Онъ былъ слугою вел. кн. Ольгерда и вмѣстѣ съ братомъ Антоніемъ принялъ тайно христіанство. Когда это стало извѣстно, ихъ заключили въ темницу; Іоаннъ черезъ годъ отрекся отъ христіанской вѣры и получилъ свободу; но затѣмъ угрызенія совѣсти и примѣръ Антонія, оставшаго твердымъ въ вѣрѣ, побудили его вернуться къ христіанству; тогда оба брата были вмѣстѣ подвергнуты жестокимъ мученіямъ. Когда же ихъ твердость и проповѣдь увлекли и другихъ къ принятію истинной вѣры, они были преданы мучительной смерти. Память Іоанна и Антонія совершается 14 марта; празднованіе ихъ установлено св. митрополитомъ Алексѣемъ.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ».

Іоаннъ, святой, епископъ суздальскій, скончался 15 октября 1373 г. Посвященъ былъ во епископа нижегородскаго и суздальскаго константинопольскимъ патріархомъ по желанію князя нижегородскаго Константина Васильевича въ 1350 г. Въ 1352 г. онъ содѣйствовалъ устроенію Спасо-Евѳиміева монастыря. Въ 1364 г. митрополитъ по желанію новаго князя, упразднилъ епископскую каѳедру въ Нижнемъ-Новгородѣ. Іоаннъ, отказавшись отъ сана епископа, до кончины провелъ жизнь въ подвигахъ благочестія. Уже при его жизни ходила молва о его святости.

Филаретъ, «Русскіе святые», III, 227—231.

Іоаннъ, святой, мученикъ казанскій, умеръ 24 января 1529 г., память въ день смерти. Попавшись въ плѣнъ казанцамъ, онъ вытерпѣлъ сильныя мученія за твердое исповѣданіе христіанства; израненный мучителями и брошенный ими, какъ мертвый, онъ добрался до русскихъ селеній и тутъ вскорѣ скончался.

Филаретъ, «Русскіе святые», I, 108.

Іоаннъ, святой, яренгскій, ученикъ и близкій человѣкъ св. Филиппа митрополита, когда Филиппъ былъ еще соловецкимъ игуменомъ. Въ 1561 г. онъ вмѣстѣ съ другимъ инокомъ Лонгиномъ потонулъ въ морѣ во время бури, разбившей ихъ

судно; тѣла ихъ море выбросило у с. Яренги; въ 1625 г. донесено было патріарху Филарету о чудесахъ, совершавшихся надъ ихъ могилой; послѣ изслѣдованія объ этихъ чудесахъ Іоаннъ и Лонгинъ были признаны святыми; 2 іюля 1638 г. мощи ихъ были перенесены въ церковь, а память установлено праздновать 3 іюля.

Филаретъ, «Русскіе святые», II, 329 — 331; Досиѳей, «Ист.-стат. опис. Соловец. мон.», 388—389.

Іоаннъ, блаженный, ростовскій, по прозванію «власатый», скончался 3 сентября 1580 г.; его происхожденіе и обстоятельства его жизни неизвѣстны; но онъ былъ человѣкъ по тому времени образованный, зналъ латинскій языкъ: св. Дмитрій ростовскій въ бытность свою митрополитомъ обложилъ лучшимъ переплетомъ тотъ латинскій псалтырь, который читалъ блаженный и который съ его смерти лежалъ на его гробницѣ.

Филаретъ, «Русскіе святые», III, 5—7.

Іоаннъ, блаженный, юродивый московскій, род. въ Вологдѣ, умеръ 3 іюля 1589 г. въ Москвѣ. Въ молодости онъ былъ водоносомъ при одной соловарнѣ. Затѣмъ, принявъ на себѣ подвигъ юродства, жилъ въ Ростовѣ одновременно съ препод. Иринархомъ; потомъ онъ перешелъ въ Москву и здѣсь былъ извѣстенъ подъ именемъ, «большого колпака», потому что носилъ на головѣ тяжелую желѣзную шапку; на шапкѣ онъ носилъ еще много веригъ. По преданіямъ, онъ уже при жизни совершалъ чудесныя изцѣленія больныхъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ вполнѣ приготовился къ ней и спокойно простился съ окружающими. По желанію царя Ѳеодора его погребеніе было совершено въ церкви Василія Блаженнаго казанскимъ митрополитомъ и архіепископомъ рязанскимъ въ сослуженіи множества духовенства. Въ моментъ отпѣванія надъ церковью разразилась страшная буря, молнія ударила въ храмъ, одинъ изъ присутствующихъ былъ убитъ, многіе оглушены и опалены. Мощи его найдены нетлѣнными 12 іюня 1672 г., почиваютъ подъ-спудомъ въ придѣлѣ соборной церкви Рождества Богородицы.

Филаретъ, «Русскіе святые», II, 331—333; кн. Эристовъ, «Слов. истор. о святыхъ»; Карамзинъ, X, 283, 284.

Іоаннъ, блаженный, затворникъ псковскій, извѣстенъ по упоминанію лѣтописи: 24 октября 1616 г. «преставился Иванъ, что въ стѣнѣ жилъ 22 лѣта; ядь же его рыба, а хлѣба не ѣлъ, а жилъ въ градѣ, якоже въ пустынѣ, въ молчаніи великомъ».

«Поли. собр. русск. лѣт.», IV, 332.

Іоаннъ Александровичъ, князь XIV в., см. Смоленскіе князья; князь XV в., Ростовскій, извѣстенъ только изъ родословныхъ.

Іоаннъ Андреевичъ, князь Боровскій, умеръ въ дѣтствѣ въ 1358 г., князь XIII в. и князь XIV в., князь XV в. Вяземскіе, извѣстны только изъ родословныхъ; князь XIV в., Мезецкій (Мещовскій), извѣстенъ только изъ родословныхъ; князь XV в.—см. Можайскіе князья; князь XV в.—Оболенскій, князь XV в. Ростовскій, и князь XV в Стародубскій, извѣстны только по родословнымъ; князь XIV в.—см. Ростовскіе князья; умеръ въ 1522 г.—см. Игнатій, святой.

Іоаннъ Борисовичъ, князь XV в., см. Кашинскіе князья, Нижегородскіе князья; князь XVI в., см. Волоцкіе князья.

Іоаннъ Васильевичъ, второй сынъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича и супруги его Софьи Витовтовны, род. 15 сентября 1396 г.; въ 1406 г. женился на дочери князя Ивана Владиміровича Пронскаго; умеръ 20 іюня 1417 г., не оставивъ потомства.

Хмыровъ, «Алфавитно-справоч. перечень князей русскихъ».

Іоаннъ Васильевичъ, великій князь рязанскій, сынъ великаго князя Василія Іоанновича рязанскаго и супруги его Анны, сестры Іоанна Васильевича III, род. 14 апрѣля 1467 г., умеръ 29 мая 1500 г. Онъ наслѣдовалъ отцу 8 января 1483 г.; немедленно же онъ долженъ былъ заключить договоръ съ великимъ княземъ московскимъ, ясно показывающій, какъ велико было значеніе Іоанна III предъ другими самостоятельными князьями; въ теченіе всей своей жизни онъ находился подъ вліяніемъ Москвы и не ознаменовалъ своего княженія никакими выдающимися дѣлами. Былъ женатъ на княжнѣ Аграфенѣ Васильевнѣ Бабичъ-Друцкой и отъ нея имѣлъ сына Іоанна.

Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья», II, 601—604.

Іоаннъ Васильевичъ, князь XV в.—сынъ князя Василія Дмитріевича Кирдяпы, извѣстенъ только по имени; князь Іоаннъ Васильевичъ Горбатый, см. князья Шуйскіе-Горбатые; князь XIV в. — см. Смоленскіе князья; князь XV в.—см. Бѣлевскіе князья; князья: XIV в.—Брянскій,

Вяземскій, Козловскій, XV в.—Боровскій, Вяземскій, Карголомскій, Ярославскій — извѣстны только по родословнымъ.

Іоаннъ Васильковичъ, князь XII в., см. Теребовльскіе князья.

Іоаннъ Владиміровичъ, князь XV в., см. Пронскіе князья и Серпуховскіе князья; князь XV в. Ростовскій, извѣстенъ лишь по родословнымъ; сынъ князя Владиміра Андреевича старицкаго—погибъ въ младенчествѣ, вмѣстѣ съ отцомъ въ 1569 г.

Іоаннъ Всеволодовичъ, князь XIII в.—см. Стародубскіе князья; князь XIV в.—см. Холмскіе князья; князь XII в., сынъ князя Всеволода Гавріила-Мстиславича, умеръ четырехъ лѣтъ, въ 1128 г.

Іоаннъ Глѣбовичъ, князь XIII в. Степанскій (отъ города Степаня) извѣстенъ лишь по имени, умеръ въ 1292 г.; князь XV в.—см. Смоленскіе князья; князь XV в. Ярославскій, упоминается лишь въ родословныхъ.

Іоаннъ Григорьевичъ, князь XV в. Вяземскій и князь XV в. Мещовскій, упоминаются лишь въ родословныхъ.

Іоаннъ Давидовичъ, князь XIII в.—см. Галицкіе князья, князь XV в. Стародубскій—Палецкій, извѣстенъ лишь по родословнымъ.

Іоаннъ Дмитріевичъ, князь XIV в., см. Переяславскіе князья, Суздальскіе князья; см. Іоасафъ святой; см. Шемячичъ, князь; Іоаннъ Дмитріевичъ, сынъ великаго князя Димитрія Александровича, умеръ въ дѣтствѣ, послѣ 1290 г.; князь XIV в. Друцкій, Смоленскій (Соломерскій), XV в. Тверской (Чернятинскій) и Ярославскій—упоминаются только въ родословныхъ.

Іоаннъ Іереміевичъ, князь XV в., см. Дорогобужскіе князья.

Іоаннъ Іоанновичъ, князь XIV в. см. Звенигородскіе князья; князь XV в., см. Стародубскіе князья, Ростовскіе князья; князь XVI в., см. Бѣлевскіе, князья, Ростовскіе князья; князь Брянскій—извѣстенъ по одному упоминанію подъ 1463 г.; князь Тверской извѣстенъ по одному упоминанію подъ 1406 г.; князь XIV в. Вяземскій, князь XV в. Пронскій—упоминаются только въ родословныхъ.

Іоаннъ Іоанновичъ Коротополъ, (или Коротополый) великій князь рязанскій, убитъ въ 1343 г. Онъ занялъ великокняжескій столъ послѣ убіенія татарами его отца, Іоанна Ярославича, въ 1327 г.; по этому случаю въ лѣтописяхъ онъ и упоминается въ первый разъ. О первыхъ пяти или шести годахъ его княженія до насъ не дошло извѣстій, а о послѣдующихъ знаемъ только два-три факта. Въ 1333 г., онъ кажется, участвовалъ въ походѣ Іоанна Калиты на Новгородъ. Въ 1342 г. мы видимъ Коротопола въ Ордѣ, откуда онъ сопровождалъ темника Товлубія, посланнаго ханомъ Узбекомъ наказать смоленскаго князя Іоанна Александровича за недоставленіе имъ въ Орду выхода; къ Товлубію должна была присоединиться и рязанская рать. На пути изъ Орды Коротополъ встрѣтилъ врага своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича, князя пронскаго, ѣхавшаго въ Орду съ выходомъ, ограбилъ его, привезъ въ Переяславль (Рязань) и тамъ убилъ. Сынъ убитаго, Ярославъ-Димитрій, привелъ изъ Орды татаръ съ ханскимъ посломъ Киндякомъ и осадилъ Переяславль; Коротополъ цѣлый день отбивался отъ осаждающихъ, а съ наступленіемъ ночи бѣжалъ. Татары вошли въ городъ, однихъ изъ гражданъ перебили, другихъ забрали въ полонъ и городъ запустѣлъ. На Разанскомъ княжествѣ сѣлъ Ярославъ-Димитрій. Въ слѣдующемъ 1343 г. Коротополъ былъ убитъ,—но гдѣ, кѣмъ и почему, неизвѣстно. Потомства онъ не оставилъ; едва ли основательно считать, что знаменитый Олегъ былъ его сыномъ; родословіе рязанскихъ князей, впрочемъ, вообще довольно запутано.

Иловайскій, «Ист. Рязанск. княж.»; Экземплярскій «Великіе и удѣльные князья», II, 579. *А. Э.*

Іоаннъ Іоанновичъ, такъ называемый Іоаннъ Молодой, великій князь, сынъ великаго князя Іоанна Васильевича III отъ первой супруги его, Маріи Тверской, род. 15 февраля 1458 г., умеръ 7 марта 1490 г. Уже въ 1468 г. отецъ бралъ его съ собою въ походъ противъ Казани; съ 1471 г. именуется въ нѣкоторыхъ грамотахъ великимъ княземъ на ряду съ отцомъ. Въ 1471 г. и въ 1478 г. во время походовъ Іоанна III противъ Новгорода Іоаннъ Молодой оставленъ былъ въ Москвѣ, равно какъ и въ 1476 г., когда великій князь ѣздилъ въ Новгородъ «на управу»; въ 1475 г. Мангупскій владѣлецъ предлагалъ ему въ жены свою дочь, но Іоаннъ III женилъ своего сына на Еленѣ, дочери молдавскаго господаря Стефана, 6 января 1483 г.; за невѣстою ѣздило особое посольство, съ боярином Михаиломъ Плещеевымъ во главѣ.

10 октября 1483 г. у Іоанна Молодого родился сынъ Димитрій, впослѣдствіи носившій титулъ великаго князя (умеръ 14 февраля 1509 г.); 15 сентября 1485 г., по покореніи Твери, Іоаннъ Молодой названъ былъ великимъ княземъ Тверскимъ. Въ лѣтописяхъ съ особеннымъ сочувствіемъ разсказано его поведеніе въ 1480 г. во время послѣдняго нашествія Ахмата. Іоаннъ Іоанновичъ еще ранѣе отца выѣхалъ къ войску, стоявшему противъ татаръ и не оставлялъ его, не смотря на неоднократныя требованія отца, чтобы онъ вернулся къ нему; по нѣкоторымъ лѣтописямъ великій князь будто бы приказывалъ даже насильно удалить сына отъ войска. Въ 1490 г. Іоаннъ заболѣлъ ломотою въ ногахъ, «камчугомъ», по тогдашнему названію болѣзни. Незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшій въ Москву изъ Венеціи врачъ Леонъ жидовинъ взялся лѣчить великаго князя, головою ручаясь за успѣхъ. Онъ ставилъ ему горячія банки къ ногамъ и давалъ какое то лекарство внутрь. Но Іоаннъ Іоанновичъ скончался; по истеченіи шести недѣль послѣ его смерти врачъ Леонъ былъ казненъ.

Карамзинъ т. VI; Соловьевъ т. V; «Пол. собр. рус. лѣтоп.», VI, 239.

Іоаннъ Іоанновичъ, послѣдній великій князь рязанскій, род. въ 1496 г., умеръ въ 1533 или 1534 гг. Онъ остался послѣ смерти отца своего Іоанна Васильевича еще младенцемъ и за его малолѣтствомъ правленіе княжествомъ находилось подъ ближайшимъ руководствомъ сначала его бабки, Анны Васильевны, а затѣмъ матери, Агриппины Ивановны, во всемъ послушныхъ Москвѣ. Когда Іоаннъ подросъ, то одна изъ придворныхъ партій успѣла склонить его къ попыткѣ избавиться отъ вліянія Москвы съ помощью Литвы. Но эти намѣренія стали извѣстны великому князю Василію Іоанновичу; одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ рязанскаго князя, подкупленный княземъ московскимъ, склонилъ Іоанна пріѣхать въ Москву по требованію великаго князя Василія Іоанновича. Немедленно же по прибытіи сюда Іоаннъ рязанскій былъ заключенъ подъ стражу, а въ рязанскіе города отправлены московскіе намѣстники; это было въ 1520 г. Въ 1521 г., во время смятенія, господствовавшаго въ Москвѣ, на которую двигался ханъ крымскій, Іоаннъ успѣлъ бѣжать изъ подъ стражи, пробрался въ свое бывшее княжество, но не нашелъ возможнымъ сдѣлать явную попытку отнять Рязань у Москвы. Затѣмъ онъ бѣжалъ въ Литву и тамъ жилъ до смерти. Крымскій ханъ неоднократно приглашалъ его къ себѣ, желая, конечно, имѣть князя, котораго можно было бы выставлять соперникомъ великому князю московскому. Іоаннъ собирался въ Орду, но почему то ему не пришлось туда пріѣхать.

Иловайскій, «Ист. Рязан. княжества»—отдѣльно и въ первомъ томѣ «Собранія сочиненій»; Экземплярскій, «Велик. и удѣльные князья сѣверной Руси», II, 601—608.

Іоаннъ Іоанновичъ, царевичъ, сынъ царя Іоанна IV Васильевича Грознаго и первой супруги его, Анастасіи Романовны, род. 28 марта 1554 г., скончался 19 ноября 1582 г. Какъ наслѣдникъ престола рано началъ появляться рядомъ съ отцомъ на пріемахъ иностранныхъ пословъ и въ разныхъ его поѣздкахъ; между прочимъ онъ сопровождалъ отца и въ Новгородъ, въ 1570 г., когда Іоаннъ совершалъ тамъ свою кровавую расправу. Царевичъ былъ участникомъ и въ томъ ужасномъ образѣ жизни, какой велъ его отецъ. 4 ноября 1571 г. его женили на Евдокіи Сабуровой; вскорѣ она была пострижена съ именемъ Александры въ Суздальскомъ монастырѣ; царевичъ женился затѣмъ на Парасковьѣ Соловой, но и ее черезъ нѣсколько времени приказано было заточить на Бѣлоозерѣ. Въ 1582 г. онъ женился въ третій разъ на Еленѣ Ивановнѣ Шереметьевой (впослѣдствіи иноким царица Леонида). Мы не знаемъ въ точности обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ Іоаннъ Грозный, 16 ноября 1582 г., въ Александровской слободѣ, въ припадкѣ гнѣва, ударилъ сына посохомъ въ високъ такъ сильно и неосторожно, что тотъ черезъ четыре дня, 19 ноября, скончался. По извѣстіямъ однихъ современниковъ отецъ былъ раздраженъ на сына за то, что къ нему проявлялась явная любовь народа, и за то, что онъ слишкомъ любилъ иностранцевъ, по извѣстіямъ другихъ — отецъ заподозрилъ сына въ измѣнѣ, когда тотъ сталъ требовать, во время военныхъ неудачъ Іоанна, чтобы отецъ вручилъ ему начальствованіе надъ войскомъ; наконецъ, есть извѣстія, что между отцомъ и сыномъ возникли столкновенія семейныя. Дѣтей царевичъ Іоаннъ не имѣлъ; впрочемъ, въ 1609 г. появился самозванецъ, Осиновикъ, называвшій себя сыномъ царевича Іоанна. Въ 1579 г. царевичъ Іоаннъ, по просьбѣ

сійскаго игумена Питирима и новгородскаго архіепископа Александра, написалъ житіе св. Александра Сійскаго съ похвальнымъ словомъ ему и службой; но произведеніе это не имѣетъ большого, значенія, ни въ литературномъ отношеніи, ни какъ историческій источникъ. Царевичъ просто передѣлалъ житіе св. Александра, ранѣе уже написанное монахомъ Іоной и только, выпустивъ нѣкоторыя любопытныя жизненныя подробности, замѣнилъ ихъ условными риторическими фразами; ему самому принадлежитъ собственно только вступленіе.

Карамзинъ, IX; Соловьевъ, VI; Ключевскій, «Древне-русск. житія святыхъ»; Середонинъ, «Сочиненіе Джильса Флетчера». *В. Б.*

Іоаннъ Константиновичъ, князь XIV в., см. Торусскіе князья; князь XV в., см. Оболенскіе князья; князь XIV в. Вяземскій упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Львовичъ, князь XV в. Мезецкій, упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Михайловичъ, царевичъ, второй сынъ царя Михаила Ѳеодоровича и супруги его Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой; род. 2 іюня 1633 г., умеръ 10 января 1639 г.; погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Іоаннъ Михайловичъ, великій князь тверской, сынъ великаго князя Михаила Александровича и супруги его Евдокіи Константиновны суздальской, род. въ 1357 г., умеръ 22 мая 1425 г. Въ 1371 г. онъ былъ въ Ордѣ и великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ (Донской) заплатилъ тамъ за него 10.000 р., а его взялъ съ собою въ Москву и здѣсь держалъ нѣкоторое время, пока отецъ его не выкупилъ; въ 1397 г. Іоаннъ ѣздилъ зачѣмъ то къ Витовту. 26 августа 1398 г. умеръ его отецъ и онъ наслѣдовалъ ему на великокняжескомъ тверскомъ столѣ; обославшись съ ханомъ Золотой Орды особымъ посольствомъ, Іоаннъ получилъ отъ него въ 1400 г. ярлыкъ на великое княженіе тверское. Съ самыхъ же первыхъ лѣтъ начались у Іоанна столкновенія съ удѣльными князьями тверской земли, его братьями; въ 1401 г. они примирились, благодаря вмѣшательству ихъ матери; но уже въ 1403, 1404 и 1405 г.г. опять возобновлялись у нихъ ссоры и столкновенія. Въ 1406 г. Іоаннъ Михайловичъ ходилъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, противъ Витовта; но при заключеніи мира между Москвою и Литвою возникли неудовольствія между Василіемъ и Іоанномъ по поводу того, что Василій началъ переговоры безъ вѣдома тверского князя и въ договорной грамотѣ поставилъ его имя ниже имени всѣхъ своихъ братьевъ. Когда послѣ этого Василій и въ слѣдующемъ году попросилъ у тверского князя помощи противъ Литвы, Іоаннъ отказалъ. Въ 1408 г. Іоаннъ ѣздилъ въ Орду и получилъ тамъ подтвержденіе своего великокняжескаго достоинства. Въ 1408 г. мурза татарскій Эдигей, подступивъ къ Москвѣ, потребовалъ помощи у князя Іоанна Михайловича; онъ двинулся на соединеніе съ Эдигеемъ, но шелъ очень медленно, такъ что и не поспѣлъ во время; благодаря этому пріему онъ сохранилъ хорошія отношенія и къ татарамъ и къ Москвѣ. Въ 1412 г. онъ захватилъ удѣлъ брата своего Василія, Кашинъ; въ томъ же году онъ совершилъ еще новую поѣздку въ Орду. Іоаннъ Михайловичъ былъ женатъ дважды, на Маріи Кейстутьевнѣ съ 1375 г., (умерла въ 1404 г.) и на Евдокіи Дмитріевнѣ дорогобужской (съ 1408 г.); отъ перваго брака имѣлъ дѣтей Іоанна, Александра и Юрія. Умеръ въ 1425 г. отъ моровой язвы, принявъ передъ смертью схиму съ именемъ Іоны.

Экземплярскій, «Велик. и удѣльн. князья», II, 497—504; Борзаковскій, «Ист. тверск. княжества».

Іоаннъ Михайловичъ, князь XVI в. см. Воротынскіе князья; князь XIV в., см. Моложскіе князья, Стародубскіе князья; князь XV в., см. Верейскіе князья, Козельскіе князья; князь XV в. Вяземскій — упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Мстиславичъ, князь XIII в., см. Луцкіе князья; князь XIV в., Карачевскій, упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій, неизвѣстенъ по родословіямъ; только Никоновская лѣтопись упоминаетъ подъ 1148 г. о его смерти.

Іоаннъ Рогволодовичъ, князь XII в., см. Полоцкіе князья.

Іоаннъ Романовичъ, князь Ярославскій, XV в., упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Святославичъ, князь XV в. см. Порховскіе князья.

Іоаннъ Симеоновичъ, князь XV в.

см. Друцкіе князья; князь XIV в.—сын., князя Симеона Іоанновича Гордаго, род. въ 1350 г., умеръ въ 1353 г.; князь XV в., Чернятинскій (Тверской), упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Силичъ, князь Вяземскій, XIV в. и XV в. упоминаются только въ родословныхъ.

Іоаннъ Титовичъ, князь XIV в., см. Козельскіе князья.

Іоаннъ Юрьевичъ, князь XII в., см. Курскіе князья, Туровскіе князья; князь XIII в. и князь XV в., см. Волконскіе князья; XV в., см. Зубцовскіе князья; князь Новосильскій XIV в. упоминается только въ родословныхъ.

Іоаннъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Романовича, князь пронскій. Съ 1308 г. онъ оставался старшимъ изъ всѣхъ потомковъ Ярослава Святославича и вѣроятно былъ великимъ княземъ рязанскимъ послѣ двоюроднаго брата своего, Василія Константиновича; убитъ въ 1327 г. Лѣтописи передаютъ только два факта изъ его жизни. Въ 1320 г. Юрій Даниловичъ московскій предпринялъ противъ него походъ, о причинахъ котораго лѣтописи ничего не говорятъ; не видно, чтобы дѣло доходило и до битвы; князья примирились, повидимому, на условіи подручничества Рязани Москвѣ: сынъ Іоанна Ярославича, Іоаннъ Коротополъ, принималъ участіе въ походѣ Калиты на Новгородъ. Лѣтописи весьма темно говорятъ объ убіеніи Іоанна Ярославича; погибъ онъ отъ татаръ, по однимъ извѣстіямъ, приходившихъ наказать тверичанъ за убіеніе ими Шевкала, по другимъ—онъ убитъ въ Ордѣ.

Идовайскій, «Истор. Рязан. княжества», Экземплярскій, «Вел. и удѣльные князья», т. II, 578.

Іоаннъ Ярославичъ, князь XVI в., см. Юрьевецъ Польскіе князья.

Іоаннъ Ѳеодоровичъ, князь XIII в., см. Рязанскіе князья; князь XIV в., см. Бѣлозерскіе князья, Стародубскіе князья; князь XV в., см. Рязанскіе князья, см. Ярославскіе князья; князья XIV в.—Вяземскій, Стародубскій, Елецкій, Толбузинъ, князь Іоаннъ Ѳеодоровичъ Собака, князья XV в.—Кривоборскій, Мезецкій, Прозоровскій, Стародубскій — упоминаются лишь въ родословныхъ.

Іоаннъ Даниловичъ Калита I, вел. кн. владиміро-московскій, сынъ князя московскаго Даніила Александровича, род. въ 1304 г., умеръ 31 марта 1341 г., наслѣдовалъ Московское княжество въ 1325 г., послѣ брата своего Юрія.

При жизни Юрія Іоаннъ не игралъ, конечно, большой роли, исполняя только порученія брата, начавшаго ожесточенную борьбу съ Тверью за первенство. Въ 1304 г., отправляясь въ Орду для рѣшенія своего спора съ Михаиломъ тверскимъ, Юрій оставилъ Іоанна блюсти Москву. Тверскіе бояре захватили въ Костромѣ другого брата Юріева, Бориса и готовились овладѣть Переяславлемъ, но Іоаннъ Даниловичъ, узнавъ объ этомъ, встрѣтилъ тверичей и разбилъ ихъ на-голову. Въ 1305 г. Юрій возвратился безъ великокняжескаго ярлыка, но борьба съ Тверью продолжалась; объ участіи въ ней Іоанна Даниловича мы ничего не знаемъ, хотя оно и несомнѣнно; въ 1320 г. онъ участвовалъ въ походѣ брата, тогда уже великаго князя, на Іоанна Ярославича, кн. рязанскаго, и въ томъ же году уѣхалъ въ Орду, гдѣ прожилъ болѣе года; конечно, онъ дѣйствовалъ тамъ противъ тверского князя, который получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе. Калита возвратился изъ Орды въ 1322 г. съ посломъ Ахмыломъ, который, вѣроятно, посланъ былъ ханомъ, привести въ порядокъ дѣла на Руси, но только «много пакости сотвори по Низовской землѣ», разграбилъ Ярославль и ушелъ обратно въ Орду. Въ концѣ 1325 г. умеръ Юрій, а въ 1326 г. Іоаннъ уже отправился въ Орду. Въ 1327 г., послѣ избіенія въ Твери посла татарскаго Шевкала, съ его свитою, Калита, неизвѣстно, по собственному ли почину, или по требованію хана, опять отправился въ Орду, откуда возвратился съ пятью темниками, т. е., слѣдов., съ довольно значительнымъ тататарскимъ войскомъ; съ этимъ войскомъ, при помощи Александра Васильевича, князя суздальскаго, онъ взялъ Тверь, Кашинъ и опустошилъ тверскую новоторжскую волость; Александръ Михайловичъ, князь тверской, бѣжалъ съ братьями изъ Твери еще до прихода татаръ. Послѣ этого Калита уже чувствуетъ себя какъ бы великимъ княземъ: онъ смѣло посылаетъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и опять отправляется (1328 г.) въ Орду и вмѣстѣ съ нимъ и какъ бы подъ его покровительствомъ—братъ бѣжавшаго Александра, Константинъ. Іоаннъ Даниловичъ объявленъ былъ великимъ княземъ, а Константинъ — тверскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ приказалъ представить въ Орду

и князя Александра. Посольства въ Псковъ, куда скрылся Александръ отъ Калиты и отъ Новгорода, были безуспѣшны. 26 марта 1329 г. Іоаннъ Даниловичъ самъ, въ сопровожденіи многихъ князей, пріѣхалъ въ Новгородъ, чтобы отсюда дѣйствовать на Псковъ и противъ принятаго псковичами Александра. Изъ Новгорода князья двинулись на Псковъ, дошли до Опоки и остановились. Калита какъ бы давалъ время одуматься и Пскову и князю Александру; наконецъ, Іоаннъ уговорилъ митрополита Ѳеогноста наложить отлученіе отъ церкви на князя Александра и на весь Псковъ. Эта мѣра подѣйствовала: Александръ ушелъ въ Литву, Іоаннъ Даниловичъ заключилъ съ псковичами миръ «по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ», а митрополитъ снялъ свое отлученіе.

Въ 1331 г. Іоаннъ вмѣстѣ съ Константиномъ тверскимъ ѣздилъ зачѣмъ то въ Орду; эти частыя поѣздки въ Орду истощали великокняжескую казну, и вотъ, послѣ послѣдней поѣздки, Іоаннъ требуетъ отъ новгородцевъ такъ называемаго «закамскаго» серебра (въ одной изъ лѣтописей оно названо «закаменскимъ» — т. е. зауральскимъ). Новгородцы отказали, и Калита отнялъ у Новгорода волости Торжокъ и Бѣжецкъ. Новгородцы, однако, не рѣшились ничего предпринимать противъ такого насилія, а Калита, въ началѣ 1333 г., со всѣми суздальскими и рязанскими князьями, опять пришелъ въ Торжокъ, вывелъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ и началъ опустошать новгородскія волости. Послы отъ Новгорода напрасно просили великаго князя въ Новгородъ на столъ, онъ не принялъ ихъ челобитья и уѣхалъ. Новое новгородское посольство нашло его въ Переяславлѣ, предлагало ему 500 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ взятыя имъ новгородскія волости, но опять безуспѣшно. Только съѣздивъ въ Орду, Калита принялъ пословъ и самъ 16 февраля 1334 г. пріѣхалъ въ Новгородъ; къ примиренію склонилъ князя, повидимому митрополитъ Ѳеогностъ: во время отсутствія Калиты къ митрополиту пріѣзжалъ новгородскій владыка, вѣроятно, съ просьбой примирить великаго князя съ Новгородомъ. Но есть и другое объясненіе происшедшей перемѣны: кажется въ 1335 г. великій князь съ новгородцами и со всею Низовскою землею намѣревался идти на Псковъ, такъ какъ во Псковѣ въ это время снова занималъ столъ князь Александръ тверской, возвратившійся изъ Литвы. Уѣзжая послѣ этого пребыванія изъ Новгорода, великій князь въ Торжкѣ узналъ, что Литва воюетъ новоторжскую волость, и немедленно послалъ противъ Литовцевъ свои рати, которыя сожгли нѣсколько городовъ. Согласіе Іоанна съ Новгородомъ скоро было нарушено: въ 1336 г. Калита ѣздилъ въ Орду, въ 1337 г. послалъ рать свою за Волокъ на Двину, во владѣнія Новгорода, вѣроятно, за данью, такъ какъ казна великаго князя отъ поѣздокъ въ Орду истощилась. Походъ, впрочемъ, былъ неудаченъ.

Въ 1338 г., князь Александръ, прощенный ханомъ, возвратился изъ Орды на тверской столъ; Іоанну, слѣдовательно, угрожала со стороны его опасность; опасность угрожала ему и съ другой стороны: среди удѣльныхъ князей росло недовольство имъ, за то, что онъ слишкомъ явно распоряжался въ удѣлахъ суздальской земли: въ Ростовѣ бояринъ его Василій Кочева вмѣшивался во внутреннія дѣла города, обиралъ жителей и т. п.; даже зять его, князь Василій Давидовичъ ярославскій, былъ противъ него. Въ виду этихъ затрудненій Калита въ 1339 г., отправивъ въ Новгородъ младшаго сына своего Андрея, самъ съ старшими, Симеономъ и Іоанномъ, отправился въ Орду. Тамъ онъ, конечно, не жалѣлъ казны своей и онъ и дѣти его были въ Ордѣ въ чести, и въ томъ же году «думою его», т. е. по его навѣтамъ, ханъ Узбекъ позвалъ въ Орду всѣхъ князей. Поѣхалъ туда, между прочимъ, и зять Калиты, Василій ярославскій, но Іоаннъ Даниловичъ, вслѣдствіе какихъ то своихъ соображеній, выслалъ 500 человѣкъ, чтобы перехватить его; однако Василій ускользнулъ отъ погони.

Когда Калита возвратился изъ Орды, новгородцы прислали къ нему съ послами выходъ; но великій князь черезъ тѣхъ же пословъ требовалъ еще «запроса царева, чего у него царь запрошалъ». Новгородцы отказали, говоря, что «того не бывало отъ начала міру». Калита, однако, ничего не предпринялъ противъ нихъ; его заботили дѣла въ Ордѣ; осенью 1339 г. онъ снова послалъ туда дѣтей своихъ: Симеона, Іоанна и Андрея, и 22 октября того же года въ Ордѣ убиты были князь Александръ тверской и бояринъ его Ѳеодоръ. Въ Твери оставались теперь совершенно безопасные для Іоанна князья Константинъ и Василій.

Калита по смерти Александра приказалъ снять колоколъ съ главнаго тверскаго храма св. Спаса и отправить его въ Москву. Это имѣло символическое значеніе верховенства московскаго князя надъ тверскимъ. Послѣ смерти Александра дѣти Калиты отпущены были изъ Орды «съ любовію». Такимъ образомъ великій князь обезпечилъ себя отъ всякихъ опасностей какъ со стороны Орды, такъ и со стороны Твери и опять обратился на Новгородъ, но опять неожиданно отвлеченъ былъ въ сторону Орды: въ 1340 г. онъ снова туда поѣхалъ: ханъ посылалъ войска свои на смоленскаго князя Іоанна Александровича; къ нимъ должны были присоединиться съ своими ратями и всѣ сѣверно-русскіе князья.—Въ стремленіи своемъ сдѣлать Москву первенствующею въ политическомъ отношеніи силою, Іоаннъ Даниловичъ постарался сдѣлать ее таковою же и въ церковномъ: вслѣдствіе его убѣжденій митрополитъ Петръ переселился изъ Владиміра въ Москву и здѣсь 4 августа 1326 г. заложилъ на мѣсто деревяннаго каменный соборный храмъ Успенія Пресвятой Богородицы.

Іоаннъ Даниловичъ былъ женатъ дважды; отъ перваго брака съ Еленой, происхожденіе которой неизвѣстно, онъ имѣлъ сыновей: Симеона, Даніила, Іоанна и Андрея, и дочерей: Ѳеотинію, Марію, Евдокію и Ѳеодосію; отъ второго брака съ Ульяной, имя отца которой также не извѣстно, онъ имѣлъ одну только дочь.

«Наста насилованіе много, сиречь княженіе великое московское досталось князю великому Ивану Даниловичу», говоритъ лѣтописецъ; но затѣмъ, въ лѣтописи же читаемъ: «и бысть оттоле тишина велика по всей Русской землѣ на 40 лѣтъ и пересташа татарове воевати Русскую землю»; кромѣ того лѣтописецъ замѣчаетъ, что Калита «исправи землю русскую отъ татей». Имѣя въ виду дѣятельность Калиты, надо признать болѣе вѣроятнымъ толкованіе его прозвища, данное К. Н. Вестужевымъ-Рюминымъ: конечно правдоподобнѣе, что прозвищемъ «калита», т. е. «мѣшокъ съ деньгами», народъ обозначилъ его бережливость, скопидомство, накопленіе богатствъ, а вовсе не хотѣлъ отмѣтить фактъ частой и обильной раздачи милостыни нищимъ, для чего якобы этотъ князь всегда имѣлъ съ собою мѣшокъ денегъ. Калита былъ, вѣроятно, властолюбивъ не менѣе чѣмъ его братъ, но болѣе сдержанъ, осторожнѣе шелъ къ намѣченной цѣли, умѣлъ пользоваться обстоятельствами, избиралъ средства хотя и медленно, но вѣрно ведущія къ цѣли, и достигъ первенства между князьями, упрочилъ его за своимъ родомъ и намѣтилъ программу и характеръ дѣйствій для своихъ преемниковъ почти на 200 лѣтъ.

Полн. собр. рус. лѣт. по указателю; въ Никон. лѣт. — годы 1304, 1314, 1327, 1329; 1332, 1333, 1338, 1340; въ Тверск. (Пол. собр. р. лѣт., т. XV)—1329, 1332; Степ. кн. I, 406; «Опис. рук. Румянц. муз.», 509; Общія сочиненія по исторіи Россіи: Татищева, кн. Щербатова, Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина; Вешняковъ, «О причинахъ возвыш. моск. княж.». *А. Э.*

Іоаннъ Іоанновичъ, II, великій князь владиміро-московскій, род. въ 1326 г. умеръ 13 ноября 1359 г., сынъ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, преемникъ на великокняжескомъ столѣ брата своего, Симеона Іоанновича. До полученія великокняжескаго стола былъ княземъ звенигородскимъ; наслѣдовалъ брату своему Симеону Іоанновичу въ 1353 г. За время княженія отца и брата Іоаннъ Іоанновичъ упоминается въ лѣтописяхъ только по случаю поѣздокъ его въ Орду, въ 1339, 1341, 1344 и 1351 г.г., и по случаю похода съ московскими полками, въ 1347 г., въ Новгородъ, для войны со шведами; но изъ этого похода онъ, почему-то воротился въ Москву, не принявъ даже благословенія владыки, и новгородскаго челобитья. И за время своего княженія Іоаннъ Іоанновичъ не совершилъ ничего выдающагося; онъ отличался характеромъ тихимъ и миролюбивымъ и, повидимому, не обладалъ умомъ сильнымъ и дѣятельнымъ.—Въ 1353 г., едва умеръ Калита, у Іоанна явился соперникъ въ лицѣ Константина Васильевича суздальскаго, котораго поддерживали новгородцы, отправившіе къ хану своего посла, Семена Судакова; однако, ханъ объявилъ великимъ княземъ Іоанна; 25 марта 1354 г. онъ сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ. Соперники сначала не признавали его, но мало по малу примирились съ нимъ. При Іоаннѣ начинаетъ являться въ качествѣ соперника Москвы Рязань, почти не имѣвшая значенія при Юріѣ и Іоаннѣ Калитѣ. По отъѣздѣ Іоанна въ 1353 г. въ Орду рязанцы съ юнымъ своимъ княземъ, впослѣдствіи знаменитымъ Олегомъ Ивановичемъ, захватили г. Лопасну, намѣстника тамошняго кн. Михаила Александровича, взяли въ плѣнъ и держали

въ заключеніи, пока Іоаннъ его не выкупилъ. Іоаннъ вознаградилъ племянника своего Владиміра Андреевича за потерянную имъ Лопасну нѣкоторыми рязанскими же мѣстами, прежде пріобрѣтенными. Въ 1357 г., 3 февраля, передъ утренями въ Москвѣ нашли на площади убитымъ тогдашняго московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста. Говорили, что это дѣло бояръ. Тысяцкій могъ имѣть громадное вліяніе на гражданъ, какъ ихъ представитель, и въ то же время могъ быть близкимъ къ великокняжескому двору, какъ бояринъ; на санъ тысяцкаго было много охотниковъ и, слѣдовательно, всякій тысяцкій имѣлъ много завистниковъ. Черезъ годъ многіе большіе бояре съ женами и дѣтьми уѣхали въ Рязань и въ числѣ ихъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ съ тестемъ своимъ Михаиломъ. Повидимому, бояре перессорились изъ-за свободнаго мѣста тысяцкаго, слѣдствіемъ сего и былъ отъѣздъ Вельяминова. Но возвращеніи въ 1358 г. изъ Орды, Іоаннъ перезвалъ ихъ обратно къ себѣ и вскорѣ Вельяминовъ самъ сдѣлался московскимъ тысяцкимъ. Тѣнь подозрѣнія въ убійствѣ Хвоста особенно и падаетъ на него.

При всей своей личной слабости Іоаннъ пользовался авторитетомъ, какъ великій князь владиміро-московскій; къ нему обращались, какъ къ третейскому судьѣ, тверскіе князья Василій Михайловичъ Кашинскій и Всеволодъ Холмскій. За годъ до смерти Іоанна въ Рязань пришелъ татарскій царевичъ Мамать-Хожа и потребовалъ отъ московскаго князя точнаго разграниченія московскихъ и рязанскихъ земель. Но Іоаннъ, ссылаясь на ханскія грамоты, не пустилъ царевича въ свою отчину; незадолго предъ тѣмъ были одинъ за другимъ два татарскіе посла за данью.—Іоаннъ скончался въ схимѣ и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Онъ былъ женатъ дважды: на княжнѣ Еѳодосіѣ, дочери Димитрія Романовича, князя брянскаго, которая вскорѣ умерла, и на Александрѣ, неизвѣстнаго происхожденія, отъ брака съ которой имѣли дѣтей: Димитрія (Донской), Іоанна, неизвѣстную по имени дочь, выданную въ 1356 г. за Гедиминова внука, князя Димитрія Коріатовича, и Марію, выданную за кн. Димитрія Михайловича Боброка-Волынскаго, извѣстнаго сподвижника Димитрія Донскаго.

«Полн. собр. русск. лѣт.», по указателю; въ Никон. подъ годами: 1326, 1339, 1347, 1353, 1359; «Собр. госуд. гр. и дог.», I, №№ 21, 22, 25; Соловьевъ, «Ист. отношен. между кн. Рюр. дома», 362; Бестужевъ-Рюминъ. «Русск. ист.», I, 398; Татищевъ, IV, 158.

Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь всея Руси, называемый такъ же иногда Великимъ, старшій сынъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго и супруги его, великой княгини Маріи Ярославны, внучки кн. Владиміра Андреевича Храбраго, род. 22 января 1440 г., въ день памяти апостола Тимофея, отчего и назывался по старинному обычаю Іоанномъ - Тимофеемъ, умеръ 27 октября 1505 г. Въ лѣтописи занесенъ разсказъ о чудесномъ предсказаніи, въ моментъ его рожденія, его величія и могущества. О его дѣтскихъ и отроческихъ лѣтахъ мы знаемъ, конечно, только отдѣльные факты. Въ 1446 г. онъ былъ вмѣстѣ съ матерью, когда она встрѣчала въ Переяславлѣ вел. кн. Василія Васильевича, возвращавшагося изъ казанскаго плѣна; вмѣстѣ съ отцомъ онъ былъ на богомольи въ Троице-Сергіевой лаврѣ, когда 13 февраля того же 1446 г. вел. кн. Василій Васильевичъ былъ схваченъ княземъ Иваномъ Можайскимъ; вѣрные слуги спрятали Іоанна и брата его Юрія въ монастырѣ, затѣмъ доставили ихъ ко князю Ряполовскому въ с. Бояроно. Ряполовскій укрывалъ ихъ въ укрѣпленномъ Муромѣ и охранялъ тамъ своими людьми. Но вскорѣ явился туда за ними митрополитъ Іона, которому Шемяка далъ клятву оставить дѣтей великаго князя на свободѣ и даже назначить имъ удѣлъ. Ряполовскій, отчасти полагаясь на клятву Шемяки, данную всѣми чтимому святителю, отчасти опасаясь, что въ случаѣ нападенія Шемяки не въ силахъ будетъ отстоять малолѣтнихъ князей, выдалъ ихъ Іонѣ. 6 мая митрополитъ привезъ ихъ въ Переяславль къ Шемякѣ; послѣдній нарушилъ свое слово: встрѣтивъ несчастныхъ дѣтей ласково, онъ 8 мая отправилъ ихъ въ заточеніе къ ихъ ослѣпленному отцу, въ Угличъ. Но общее сочувствіе къ великому князю Василію Васильевичу стало выражаться такъ ясно, что Шемяка принужденъ былъ примириться со своимъ плѣнникомъ и даже дать ему въ удѣлъ Вологду; Василій Васильевичъ почти немедленно вслѣдъ за освобожденіемъ своимъ со всѣмъ семействомъ пошелъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ игуменъ разрѣшилъ его отъ клятвы, данной Шемякѣ, затѣмъ въ

Тверь, всюду встрѣчая знаки сочувствія и видя постоянное возрастаніе своихъ силъ. Въ Твери, въ 1447 г., семилѣтній Іоаннъ былъ обрученъ съ пятилѣтней Маріей, дочерью вел. кн. тверскаго Бориса Александровича. Послѣ возстановленія своего на московскомъ столѣ, Василій Васильевичъ, какъ бы желая пріучить народъ видѣть Іоанна правителемъ, старался постоянно держать его на виду: въ 1448 г. онъ былъ въ войскѣ, ходившемъ противъ царя Мамутека, въ 1449 г. былъ съ отцомъ въ походѣ противъ Шемяки; съ 1450 г. уже называется во многихъ грамотахъ великимъ княземъ, рядомъ со своимъ отцомъ. Въ 1451 г. онъ былъ съ отцомъ, когда отецъ его удалился на сѣверъ собирать войска противъ Мазовши. Въ 1452 г., 4 іюля, былъ обвѣнчанъ съ обрученной ему Маріей Борисовной. Въ этомъ же году онъ ходилъ въ войскѣ, посланномъ противъ Шемяки на р. Кокшенгу, въ 1454 г. охранялъ съ братомъ Юріемъ берегъ Оки отъ царевича Салтана, въ 1459 г. защищалъ берегъ Оки отъ царя Седи-Ахмата, въ 1460 г. опять оберегалъ переправу черезъ Оку отъ новаго татарскаго набѣга; 15 февраля 1458 г. у него родился сынъ Іоаннъ (такъ называемый Іоаннъ Іоанновичъ Молодой). 27 марта 1462 г. умеръ великій князь Василій Васильевичъ Темный и Іоаннъ занялъ престолъ московскій. 43-хъ-лѣтнее правленіе Іоанна полно замѣчательными событіями: онъ соединилъ подъ власть великаго князя Московскаго почти всю тогдашнюю восточную Русь — за исключеніемъ лишь Пскова и Рязани, существеннымъ образомъ измѣнилъ отношенія наши къ татарамъ и первый сознательно началъ борьбу съ Польско-литовскимъ государствомъ за земли, населенныя русскимъ православнымъ населеніемъ, которыя, по этому, онъ считалъ принадлежащими Московскому государству; онъ началъ и умѣло поддерживалъ важныя сношенія съ Западной Европой; внутреннее устройство государства занимало его менѣе, но и тутъ важно изданіе имъ Судебника и увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ мѣры по закрѣпленію за Москвой вновь присоединенныхъ областей—Новгорода, Вятки, Твери.

Удѣлы.—При вступленіи Іоанна на престолъ въ Московскомъ княжествѣ были удѣльными князьями лишь его четыре брата: Юрій, Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой, и его двоюродный дядя, Михаилъ Андреевичъ, князь верейскій; самостоятельными еще оставались князья тверскіе, рязанскіе, ярославскіе и ростовскіе. Съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ Іоаннъ въ 1462 г. подтвердилъ договоръ, заключенный съ нимъ еще вел. кн. Василіемъ Темнымъ, но въ 1465 г., новымъ договоромъ ограничилъ его владѣнія и права; въ 1463 г. Іоанну уступили свою вотчину князья ярославскіе и поступили сами къ нему на службу; князья ростовскіе сохранили свою половину Ростова до 1474 года, когда они продали ее великому князю. Мало по малу Іоаннъ наложилъ свою руку на всѣ удѣльныя княжества. Въ 1472 г. умеръ старшій послѣ Іоанна братъ, Юрій, не оставивъ потомства и не сдѣлавъ никакого распоряженія относительно своего удѣла; Іоаннъ взялъ было весь его удѣлъ себѣ, но затѣмъ явное и сильное недовольство всѣхъ остальныхъ братьевъ заставило его уступить имъ по нѣсколько волостей; но и при этомъ Іоаннъ съумѣлъ выговорить у нихъ себѣ нѣкоторыя выгодныя условія. Въ 1480 г. возникло у Іоанна новое столкновеніе съ братьями. Къ Борису волоцкому отъѣхалъ князь Оболенскій-Лыко, приговоренный Іоанномъ уплатить значительную сумму лучанамъ и жителямъ Ржевы за разграбленіе ихъ земли; Іоаннъ, вопреки старинному праву отъѣзда, послалъ своихъ слугъ схватить его въ удѣлѣ Бориса; первая попытка исполнить это приказаніе не удалась и Борисъ заявилъ, что не допуститъ взять Оболенскаго; но тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній былъ захваченъ силою. Тогда братья великаго князя, негодовавшіе на него и за удѣлъ Юрія, и за то, что онъ ничего не далъ имъ послѣ присоединенія Новгорода, поднялись противъ него. Они двинулись въ новгородскую область, надѣясь встрѣтить тамъ поддержку. Первая попытка великаго князя уговорить ихъ не имѣла успѣха; только второй посланецъ Вассіанъ, епископъ ростовскій, убѣдилъ ихъ вступить въ соглашеніе съ великимъ княземъ; братья остановились и послали въ Москву для переговоровъ, но одновременно просили помощи и у Казиміра, короля польскаго. Іоаннъ согласился на нѣкоторыя уступки, особенно въ виду того, что въ то же время на Русь двинулись татары; но братья не приняли его предложеній. Когда же Казиміръ отказался имъ помочь. и первые татарскіе отряды ушли, они уменьшили свои требо-

ванія, но были отвергнуты уже великимъ княземъ. Однако, съ появленіемъ Ахмата на р. Угрѣ, Іоаннъ снова согласился на уступку братьямъ нѣкоторыхъ волостей и они явились со своими дружинами къ его войску, стоявшему противъ татаръ. Въ 1481 г. взаимныя уступки братьевъ подтверждены были договорами, причемъ Іоаннъ успѣлъ примириться съ братьями на различныхъ условіяхъ, этимъ разъединилъ ихъ и сдѣлалъ еще менѣе опасными для себя. Въ 1481 же году умеръ князь Андрей-Меньшой вологодскій и Іоаннъ получилъ по его завѣщанію весь его удѣлъ, въ уплату за его долгъ великому князю въ 30000 р. Въ 1484 г. умерла вдова Василія Темнаго, великая княгиня Марія Ярославна, въ значительной степени смягчавшая столкновенія своихъ сыновей. Въ 1486 г. Іоаннъ заключилъ съ оставшимися въ живыхъ братьями новые договоры и обязалъ ихъ не сноситься ни съ какими постороннимъ владѣтелями и отказаться отъ всякихъ притязаній на земли, принадлежащія великому князю. Въ 1491 г. Андрей-Большой и сыновья его Іоаннъ и Дмитрій были захвачены и заточены, за то, что вопреки договорамъ Андрей не послалъ своихъ полковъ съ полками великаго князя, удѣлъ его присоединенъ къ Москвѣ; Андрей и умеръ въ заключеніи въ 1494 г.; вслѣдъ за нимъ умеръ и Борисъ волоцкій; его удѣлъ достался его сыновьямъ Ѳеодору и Іоанну; Іоаннъ Борисовичъ, умирая въ 1503 г., завѣщалъ свою часть великому князю, называя его уже государемъ. Еще ранѣе Іоаннъ присоединилъ и Верейское княжество. Въ 1482 г. верейскій князь завѣщалъ свою вотчину, Бѣлоозеро, по своей смерти, великому князю. Но уже въ 1485 г. Іоаннъ отнялъ у него удѣлъ, разгнѣвавшись, или притворившись разгнѣваннымъ, за то, что Марія, жена сына Михаилова, Василія, племянница Софіи Ѳоминишны, получила отъ послѣдней въ подарокъ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, оставшіяся послѣ смерти первой жены Іоанна. Князь Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Литву, а отцу его удѣлъ былъ возвращенъ уже лишь пожизненно и какъ служилому князю. Михаилъ въ томъ же году и умеръ и въ завѣщаніи онъ называетъ Іоанна государемъ; Іоаннъ приглашалъ кн. Василія вернуться изъ Литвы и вступить на службу къ нему, но дѣло это не состоялось.

Тверь.— Тверское княжество было присоединено къ Москвѣ въ 1485 г. Великій князь тверской, Михаилъ Борисовичъ, шуринъ Іоанна, жилъ сначала съ нимъ въ мирѣ, подтвердилъ свою прежнюю договорную грамоту, написанную еще при вел. кн. Василіѣ Васильевичѣ, и помогалъ Іоанну въ обоихъ новгородскихъ походахъ. Но послѣ этого пріобрѣтенія, послѣ сверженія татарскаго ига, послѣ усиленія Іоанна на счетъ братьевъ, тверской князь, очевидно, понялъ, что и его владѣнія въ скоромъ времени будутъ поглощены Москвой. Онъ думалъ отвратить это съ помощью Казиміра польскаго, женился на его внучкѣ и заключилъ съ нимъ договоръ, содержавшій прямыя нарушенія его прежнихъ обязательствъ предъ московскимъ великимъ княземъ. Произошла война, конечно удачная для Іоанна (въ 1485 г.). По новому договору князь тверской сдѣлалъ Іоанну новыя уступки и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже потерялъ свои права, какъ равноправный союзникъ. Іоаннъ сталъ явно тѣснить Тверь: въ пограничныхъ спорахъ если тверичи жаловались на московитянъ, то никогда не могли добиться управы, а при неудовольствіи московитянъ на тверичей—Іоаннъ грозно требовалъ удовлетворенія. И вотъ изъ тверскихъ владѣній множество народу пошло въ московскую область; въ этомъ нельзя не видѣть явной симпатіи русскаго народа къ такъ ясно обозначившемуся въ дѣятельности Іоанна стремленію объединить Русь: вѣдь обыкновенно, безъ такой симпатіи, пограничные споры ведутъ не къ переселенію съ одной стороны на другую, а лишь къ взаимному ожесточенію. Въ такихъ обстоятельствахъ Михаилъ Борисовичъ снова попробовалъ завести сношенія съ Казиміромъ; но посолъ его былъ перехваченъ; не принимая оправданій, Іоаннъ 21 августа 1485 года выступилъ противъ Твери; 8 сентября Тверь была обложена, 10 начались подъ Тверью военныя дѣйствія, 11—явились изъ Твери бояре и били челомъ на службу великаго князя московскаго: въ ночь на 11 сентября князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву. Вся Тверь присягнула Іоанну; онъ принялъ на службу всѣхъ тверскихъ бояръ, особою грамотою утвердилъ за ними ихъ земельную собственность. 15 сентября князь Іоаннъ Іоанновичъ Молодой былъ названъ великимъ княземъ тверскимъ; намѣстникомъ въ Твери

былъ оставленъ бояринъ Василій Ѳедоровичъ Образецъ-Добринскій. Въ 1492 г. тверскія земли были переписаны помосковски въ сохи.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ княжествъ только Рязанское осталось самостоятельнымъ; но Іоаннъ имѣлъ въ Рязани сильное вліяніе: князь рязанскій, Василій Ивановичъ съ 1456 г. воспитывался въ Москвѣ, порученный своимъ отцомъ предъ смертью великому князю Василію Васильевичу; въ 1462 г., когда князю рязанскому исполнилось 14 лѣтъ, Іоаннъ выдалъ за него сестру свою Анну и отпустилъ его въ Рязань. Василій умеръ въ 1483 г., оставивъ двухъ сыновей, Іоанна и Ѳеодора, между которыми и раздѣлилось Рязанское княжество и которые слушались во всемъ своей матери, Анны, сохранившей близкія связи съ Москвой; въ 1503 г. младшій Ѳеодоръ умеръ бездѣтнымъ и завѣщалъ свой удѣлъ, приблизительно третью часть рязанской земли, великому князю московскому.

Новгородъ.—Но самымъ важнымъ шагомъ Іоанна въ объединеніи Руси было, конечно, присоединеніе Новгорода. Московскіе князья еще со времени Калиты постоянно боролись съ Новгородомъ, часто имѣли успѣхъ, брали съ богатаго города большія деньги, но никогда не могли окончательно подчинить его своей власти. Подъ конецъ жизни Василія Темнаго отношенія великаго князя московскаго къ Новгороду снова стали натянутыми. Когда вступилъ на престолъ Іоаннъ, новгородскіе правители начали дѣйствовать рѣшительнѣе и враждебнѣе: земли, давно уже уступленныя великимъ князьямъ московскимъ, они стали снова подчинять своему распоряженію, задерживали пошлины, слѣдовавшія Москвѣ, обращались дерзко съ намѣстниками великокняжескими. Іоаннъ молчалъ, частью занятый отношеніями казанскими, частью, вѣроятно, чтобы дать вопросу назрѣть до необходимости окончательнаго рѣшенія; желая, при этомъ, быть совершенно правымъ предъ новгородцами, онъ строго соблюдалъ «старину» въ отношеніяхъ къ нимъ: когда Псковъ въ 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. просилъ особаго епископа, чтобы не быть подчиненнымъ въ церковномъ отношеніи Новгороду, въ Москвѣ на это не согласились. Іоаннъ зналъ, безъ сомнѣнія, отъ своихъ сторонниковъ о существованіи въ Новгородѣ литовской партіи и о ея дѣйствіяхъ, но ограничивался только напоминаніями, что новгородское духовенство не должно имѣть никакого дѣла съ литовскимъ, потому что тамъ митрополитъ уніатъ, ученикъ и ставленникъ Исидора, и что поэтому сношеніе съ нимъ будетъ измѣною православію. Въ 1470 г. въ Москву явился съ обыкновенными земскими дѣлами новгородскій посадникъ Василій Ананьинъ и на представленные ему въ Москвѣ вопросы относительно послѣднихъ новгородскихъ событій отказался дать отвѣтъ, отозвавшись, что не имѣетъ отъ Новгорода порученія говорить объ этихъ дѣлахъ. Іоаннъ отпустилъ его съ выговоромъ и предостереженіемъ новгородцамъ, и самъ послалъ грамоту во Псковъ, приказывая готовиться къ дѣйствіямъ противъ новгородцевъ. Псковичи сообщили объ этомъ въ Новгородъ, предлагая свое посредничество; оно, конечно, было отвергнуто, а самое извѣстіе о приготовленіяхъ великаго князя вызвало въ Новгородѣ еще большее движеніе; псковичи отвѣчали великому князю, что готовы ему помогать. Посольство отъ Пскова пришло въ Новгородъ какъ разъ въ то время (въ ноябрѣ 1470 г.), когда рѣшено было, всетаки, что нареченный въ архіепископы Ѳеофилъ поѣдетъ ставиться въ Москву и когда, слѣдовательно, еще была надежда на то, что отношенія къ великому князю уладятся мирно; но это извѣстіе вызвало вспышку ненависти къ Москвѣ и литовская партія ослила; къ королю Казиміру было отправлено посольство, которое и заключило съ нимъ договоръ о подчиненіи ему Великаго Новгорода. Увѣщанія Іоанна и митрополита Филиппа остались безъ послѣдствій. Въ маѣ 1471 г. Іоаннъ по совѣту съ братьями, съ митрополитомъ и боярами рѣшилъ двинуться на Новгородъ; было сомнѣніе, не подождать ли зимы, какъ времени, болѣе удобнаго для движенія въ болотистой новгородской землѣ; но рѣшено было выступать немедленно и на счастіе Іоанна лѣто случилось такое жаркое и сухое, что войско не встрѣтило никакихъ затрудненій отъ болотъ. Походу былъ приданъ отчасти религіозный характеръ: Іоаннъ, какъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ, передъ походомъ противъ Мамая, молился у гробовъ своихъ предковъ и у мощей святыхъ угодниковъ, раздавалъ милостыню; московскій лѣтописецъ почти съ ненавистью говоритъ о новгородцахъ, высказывая мысль, что они

хуже язычниковъ, потому что тѣ искони не знаютъ Бога, а эти знали и отступили отъ истинной вѣры. Іоаннъ 23 мая послалъ въ Новгородъ объявленіе войны, 31 мая отпустилъ отрядъ на Двинскую землю и въ Заволочье, 6 и 13 іюня выступили изъ Москвы отряды, назначенные дѣйствовать противъ самого Новгорода, 20 іюня выступилъ изъ Москвы и самъ великій князь, взявъ съ собою братьевъ Юрія, Бориса и Андрея Меньшого, князя Михаила Андреевича верейскаго и сына его Василія, царевича Даніара и, наконецъ, дьяка Семена Бородатаго, знатока лѣтописей, чтобы обличать новгородцевъ историческими справками; управленіе государствомъ въ Москвѣ было поручено князю Андрею Большому и сыну Іоаннову, Іоанну Молодому. 29 іюня, когда Іоаннъ стоялъ въ Торжкѣ, къ московской рати присоединилась тверская и пришло посольство изъ Пскова объявить, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду; Іоаннъ приказалъ псковичамъ двинуться тоже; 10 іюля великій князь былъ въ Вышнемъ Волочкѣ. Уже 23 іюня князь Холмскій имѣлъ первую и удачную для москвитянъ стычку у Коростыня, на берегу Ильменя, а 14 іюля тотъ же князь Холмскій одержалъ блестящую побѣду при р. Шелони; выставленное Новгородомъ войско было разсѣяно; въ числѣ плѣнныхъ былъ сынъ знаменитой Марѳы Борецкой, степенный посадникъ Дмитрій Исаковичъ Борецкій, въ числѣ трофеевъ—подлинный договоръ съ королемъ Казиміромъ; 24 іюня въ Старой Русѣ великій князь приказалъ казнить Борецкаго и трехъ другихъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ; 50 менѣе знатныхъ были отправлены въ заточеніе въ Москву и въ Коломну. 27 іюля Іоаннъ расположился станомъ на берегу Ильменя. Сюда вскорѣ явились новгородскіе послы съ покорностью; но только черезъ нѣсколько дней принялъ ихъ великій князь и склонился на ихъ просьбы о мирѣ. 11 августа 1471 г. заключенъ былъ въ с. Коростынѣ договоръ, по которому Новгородъ обязался возвратить захваченныя земли великаго князя, платить великому князю «черную» дань (повидимому поголовный сборъ съ черныхъ людей, т. е. съ крестьянъ), а митрополиту судныя пошлины, обязался высшую судебную власть признавать за великимъ княземъ, королю польскому не подчиняться, архіепископа ставить только на Москвѣ и заплатить великому князю 15.500 р. (болѣе 70 пудовъ серебра). Іоаннъ цѣловалъ крестъ на соблюденіе условій мира. Уже послѣ его заключенія пришла вѣсть, что 27 іюля и въ Заволочьѣ воеводы великаго князя съ четырехтысячнымъ отрядомъ совершенно разбили 12-титысячное войско новгородское. 1 сентября 1471 г., въ тогдашній первый день новаго года, Іоаннъ торжественно вступилъ въ Москву, за 20 верстъ отъ города встрѣченный сыномъ, братомъ и множествомъ народа. Въ декабрѣ того же года освобождены были заточенные новгородскіе плѣнники, о которыхъ въ церкви съ амвона просилъ великаго князя архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ въ самый день своего посвѣщенія. Въ 1472 г. воевода великаго князя кн. Ѳедоръ Пестрый привелъ къ повиновенію великому князю Пермь, которая была уступлена Новгородомъ Москвѣ, но не хотѣла мирно подчиниться.

Въ Новгородѣ, повидимому почти сохранившемъ свою прежнюю самостоятельность, не утихла вражда партій и происходили ссоры между боярами, сопровождавшіяся взаимными грабежами и даже убійствами. 21 ноября 1475 г. пріѣхалъ въ Новгородъ «миромъ», но «на судъ и на управу» великій князь и пробылъ тамъ до 26 января 1476 г. 25 ноября онъ сталъ разбирать взаимныя жалобы новгородцевъ и приказалъ нѣсколько главныхъ обидчиковъ, извѣстныхъ сторонниковъ литовской партіи, взять подъ стражу. Окончивъ эти дѣла, великій князь жилъ въ Новгородѣ, принимая и давая пиры; по старинному обычаю онъ получилъ множество даровъ; въ это же время были въ Новгородѣ послы шведскіе, которыхъ Іоаннъ угощалъ, но договоръ съ которыми, по обычаю, велѣлъ заключить отъ имени Новгорода посадникамъ и владыкѣ. При отъѣздѣ, опять таки согласно договорамъ, Іоаннъ не взялъ никакихъ даровъ; 8 февраля 1476 г. онъ вернулся въ Москву. Вслѣдъ за нимъ туда прибылъ архіепископъ Ѳеофилъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи заключенныхъ, но эта просьба не была удовлетворена. Внутреннее положеніе Новгорода осталось таково, что многіе обиженные начали, вопреки одной изъ тѣхъ привилегій, которыми Новгородъ наиболѣе дорожилъ, являться на судъ въ Москву, не ожидая, когда великій князь пріѣдетъ въ Новгородъ.

Въ февралѣ 1477 года явились въ Москву по нѣкоторымъ обыкновеннымъ дѣламъ новгородскіе послы, подвойскій Назаръ и вѣчевой дьякъ Захаръ, и при челобитьи назвали Іоанна не «господиномъ», какъ называлъ вообще Новгородъ великаго князя, а «государемъ» (или, какъ тогда говорили, господаремъ). Лѣтописецъ отмѣчаетъ это, какъ фактъ совершенно необычный; называніе государемъ по тогдашнимъ понятіямъ обозначало болѣе полную степень подчиненности и подданства, чѣмъ называніе господиномъ; изъ всѣхъ князей впервые назвалъ такъ Іоанна умиравшій князь Михаилъ Андреевичъ верейскій въ 1485 г. Въ Москвѣ, впрочемъ, или не сразу напали на мысль воспользоваться фразою пословъ, или, быть можетъ, подготовляли необходимыя для дальнѣйшихъ дѣйствій силы: она произнесена была въ мартѣ, а только 24 апрѣля отправлены были изъ Москвы послы, спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства? и ѣхали эти послы такъ медленно, что прибыли въ Новгородъ лишь 18 мая. Въ Новгородѣ вѣчу до самаго ихъ прибытія ничего не было извѣстно объ этихъ происшествіяхъ; надо думать, что Назаръ и Захаръ не случайно оговорились, а что дѣло это было кѣмъ то подстроено.

Вопросъ великаго князя, предъявленный на вѣчѣ, вызвалъ сильнѣйшее волненіе; послышались обвиненія, что дѣло это устроено боярами, начались шумныя собранія; на вѣчѣ 31 мая двое были убиты, шесть человѣкъ подверглись побоямъ и оскорбленіямъ. Около шести недѣль продолжались въ Новгородѣ вызванныя этимъ происшествіемъ волненія, но послы великокняжескіе жили въ Новгородѣ всё это время спокойно, новгородцы ихъ не тронули и, наконецъ, отпустили ихъ въ Москву съ честью, поручивъ передать великому князю, что смута эта возникла по злому умыслу нѣкоторыхъ людей, а что они просятъ великаго князя держать ихъ во всемъ по старинѣ. Великій князь собралъ своихъ близкихъ и жаловался предъ ними, что новгородцы его оскорбили, сами предложили ему сначала «государство», а потомъ его «снимаютъ»; рѣшено было идти на Новгородъ войною. Нечего, конечно, и говорить, что все это было лишь предлогомъ, котораго Іоаннъ давно ожидалъ, чтобы покончить съ Новгородомъ. Быстро собрана была рать; 30 сентября послано было въ Новгородъ объявленіе войны; 9 октября Іоаннъ выступилъ самъ, оставивъ въ Москвѣ сына своего Іоанна Молодого; посланцевъ новгородскихъ, ѣхавшихъ къ великому князю просить «опаса», т. е. охранной грамоты для великихъ пословъ, не велѣлъ пускать къ себѣ; во время пути къ нему присоединилось ополченіе тверское, а во Псковъ былъ посланъ приказъ двинуться на Новгородъ. Только 8 ноября уже великій князь приказалъ отпустить прежнихъ новгородскихъ посланцевъ, давъ имъ грамоту для свободнаго проѣзда большихъ пословъ. 23 ноября, когда Іоаннъ стоялъ уже въ Ситинѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода, явились къ нему архіепископъ Ѳеофилъ, въ сопровожденіи пяти старыхъ посадниковъ (Якова Короба, Ѳеофилакта Захарьина, Луки Ѳедорова, Якова Ѳедорова и Луки Исакова Аполинарьина) и пяти представителей отъ концовъ; это посольство смиренно било Іоанну челомъ, называя его государемъ, чтобы онъ помиловалъ свою отчину. Великій князь ничего не отвѣтилъ на ихъ челобитье, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день послы предложили боярамъ, которыхъ назначилъ великій князь вести съ ними переговоры, уплачивать великому князю черезъ три года въ четвертый по 1000 рублей, во всемъ же остальномъ они думали сохранить старинное свое положеніе. Вмѣсто отвѣта Іоаннъ приказалъ полкамъ придвинуться къ Новгороду и на другой день отпустилъ пословъ, которымъ его бояре перечислили ихъ вины по отношенію къ великому князю, но не сообщили имъ требованій Іоанна, а сказали: «князь великій говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ намъ бить челомъ и онъ знаетъ, какъ ему намъ бить челомъ». Къ 30 ноября городъ уже былъ совершенно обложенъ; тамъ происходили волненія; была партія, стоявшая за отчаянную оборону; но восторжествовала сторона, считавшая необходимыми уступки. 4 декабря явился вновь владыка Ѳеофилъ, но былъ отпущенъ съ прежнимъ отвѣтомъ; 5 декабря послы вернулись и повинились, что Назаръ и Захаръ назвали Іоанна государемъ по приказу Новгорода. Тогда имъ отвѣтили: «если такъ, то вы всѣ провинились передъ великимъ княземъ и вотъ его воля: онъ хочетъ государствовать въ Новгородѣ, какъ на Москвѣ». Получивъ два дня на размышленіе посольство, въ еще увеличенномъ составѣ, вернулось 7 декабря и предложило разныя условія со своей

стороны; бояре Іоанна отвѣчали, что это уже не государствованіе, когда оно ограничено условіями и на отвѣтъ, что они не знаютъ обычая московскаго, имъ было сказано: «государство наше таково: вѣчу и посаднику въ Новгородѣ не быть, все государство намъ держать, имѣть намъ въ новгородской области села и земли; судъ сохранимъ по старинѣ, вывода не бойтеся». Только 17 декабря вернулись послы съ согласіемъ на эти требованія, но просили, чтобы великій князь, или его братья, или хотя воеводы по приказу великаго князя цѣловали крестъ — но получили отказъ; даже не были отпущены посовѣтоваться въ Новгородъ; только 29 декабря по просьбѣ пословъ дана была имъ аудіенція у великаго князя и они изъ его собственныхъ устъ услышали повтореніе обѣщаній, данныхъ 7 декабря, и были отпущены въ Новгородъ. Далѣе шли еще переговоры о данняхъ великому князю и объ отбираемыхъ имъ у монастырей земляхъ, причемъ Іоаннъ сдѣлалъ небольшія уступки въ первоначальныхъ требованіяхъ: именно, сначала Іоаннъ хотѣлъ взять половину вотчинъ изъ всѣхъ монастырскихъ и владычныхъ и всю новоторжскую область, а затѣмъ согласился взять половину земли только у шести наиболѣе богатыхъ монастырей (Юрьевскаго, Благовѣщенскаго, Аркажа, Антоніева, Никольскаго Неревскаго и Михайловскаго на Сковородкѣ), а у владыки, вмѣсто половины, земли, взялъ всего 10 волостей; затѣмъ великій князь уменьшилъ вдвое размѣръ поземельной дани, которую хотѣлъ брать сначала и согласился не посылать писцовъ переписывать новгородскую землю; новгородцы должны были дать точныя свѣдѣнія сами, подъ страхомъ жестокихъ наказаній за утаенную землю. 18 января 1478 г. весь Великій Новгородъ билъ челомъ великому князю о принятіи въ его службу. 20 января Іоаннъ извѣщалъ объ этомъ грамотою мать, сына и митрополита; намѣстниками въ Новгородъ были назначены два брата князья Оболенскіе, Иванъ Васильевичъ Стрига и Ярославъ Васильевичъ. Были захвачены Марѳа Борецкая съ внукомъ, еще шестеро новгородцевъ, имѣніе ихъ отобрано на великаго князя, сами они отправлены въ заточеніе; послѣ отъѣзда великаго князя снятъ былъ вѣчевой колоколъ, отвезенъ въ Москву и тамъ повѣшенъ на колокольнѣ Успенскаго собора, звонить вмѣстѣ съ прочими. Выѣхавъ изъ Новгорода 17 февраля, Іоаннъ 5 марта возвратился въ Москву.

Но Новгородъ еще не забылъ своей прежней воли и еще не разъ пришлось дѣйствовать Іоанну противъ него силою. Въ 1480 г., когда возникли слухи о движеніи на Московское княжество Ахмата, новгородцы снова начали какія то сношенія съ Казиміромъ. 26 октября Іоаннъ, взявши только 1000 человѣкъ и принявъ возможныя мѣры, чтобы новгородцы не получили вѣсть о его движеніи, двинулся къ Новгороду; при его приближеніи новгородцы затворились и рѣшили защищаться; Іоаннъ получилъ подкрѣпленія и началъ обстрѣливать городъ; Новгородъ тогда вскорѣ смирился и принялъ Іоанна; немедленно были схвачены и высланы до 50 чел., затѣмъ обнаружено участіе въ заговорѣ Ѳеофила, онъ сведенъ съ каѳедры и отправленъ на заточеніе въ Чудовъ монастырь; до 100 человѣкъ было казнено, столько же семей переселено въ другіе города; при подчиненіи Новгорода жители были обнадежены, чтобы не боялись вывода; но теперь послѣ новой смуты мѣру эту стали примѣнять. Въ 1481 и 1484 гг. происходили въ Новгородѣ подобная же расправа, но въ меньшихъ размѣрахъ; въ 1487 г. въ Новгородѣ четыре мѣсяца стоялъ московскій отрядъ и было выведено 50 семей; въ 1488 г. открылось намѣреніе убить великокняжескаго намѣстника; многіе были казнены, выведено было болѣе 700 новгородцевъ и взамѣнъ ихъ поселены были переведенцы изъ другихъ городовъ. Но наиболѣе сильный ударъ нанесенъ былъ Новгороду прекращеніемъ торговыхъ сношеній съ Ганзою въ 1494 г. Со времени полнаго подчиненія Новгорода великому князю, его намѣстники предъявляли все болѣе и болѣе требованій къ купцамъ ганзейскимъ; при самомъ уже взятіи Новгорода нѣсколько этихъ купцовъ были заключены подъ стражу и на нѣкоторое время торговыя сношенія прекратились; потомъ они, однако же, были возстановлены. Въ 1494 г. лѣтомъ явилось въ Москву посольство отъ Ганзы и, обмѣнявшись съ великимъ княземъ дарами, представило жалобы на притѣсненія со стороны московскихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ; въ отвѣтъ на это съ русской стороны выставлены были подобныя же претензія и жалобы. Послы, впрочемъ, были отпущены изъ Москвы, но по дорогѣ уже подъ Брон-

ницами, недалеко отъ Новгорода, арестованы, а 5 ноября 1494 г. всѣ купцы нѣмецкаго двора въ Новгородѣ были арестованы, товары взяты на великаго князя и самый дворъ запертъ. Всего были схвачены 49 купцовъ; большинство изъ нихъ въ 1497 г. были отпущены, но четверо такъ и остались въ заключеніи въ Москвѣ. Послѣ этого торговыя сношенія съ Ганзою уже не были возстановлены; въ 1514 г. заключенъ былъ съ Ганзою торговый договоръ на 10 лѣтъ, но нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ уже не былъ открытъ. Іоаннъ, повидимому, желалъ вести коммерческія сношенія съ Западной Европой безъ посредства Ганзы, которая во всякомъ случаѣ извлекала больше выгоды изъ торговли съ Новгородомъ, чѣмъ доставляла ему.

Важнѣйшая колонія Новгорода, земля Вятская, сохранявшая значительную степень самостоятельности и по отношенію къ Новгороду, первое время правленія Іоаннова не подчинялась и ему; въ 1466 г. вятчане даже опустошали ближайшія къ нимъ владѣнія великаго князя, въ 1469 г. отказались помогать его воеводамъ противъ Казани; но въ борьбѣ противъ Новгорода вятчане помогали Іоанну. Въ 1485 и 1486 гг. вятчане опять воевали земли великокняжескія. Тогда, наконецъ, въ 1489 г., утвердивъ уже свое вліяніе въ Казани, великій князь отправилъ противъ вятчанъ значительную рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Григорія Морозова, которые принудили къ сдачѣ главный городъ вятской области Хлыновъ и самихъ вятчанъ заставили присягнуть великому князю; три главные противника московскаго владычества были казнены, много семействъ разослано изъ Вятки въ московскіе города; мелкіе мѣстные князья были привезены въ Москву, но затѣмъ отпущены обратно въ ихъ владѣнія, въ качествѣ уже князей служилыхъ.

Псковъ. — Отношенія со Псковомъ при Іоаннѣ сохранили прежній характеръ. И Москва и Псковъ очень часто сталкивались съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, Новгородомъ, и это сближало ихъ; кромѣ того, начиная еще съ вел. кн. Василія Димитріевича, московскіе князья охотнѣе и дѣятельнѣе всѣхъ другихъ князей подавали помощь Пскову, когда онъ нуждался въ поддержкѣ противъ нѣмцевъ и уже съ того времени замѣчается, что съ одной стороны—Псковъ тяготѣетъ къ Москвѣ, а съ другой—что московскіе князья поддерживаютъ, гдѣ только было можно, Псковъ; впрочемъ, въ одномъ отношеніи псковичи никогда не успѣвали, не смотря на всѣ старанія: въ Москвѣ ни за что не разрѣшали имъ обособиться отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. И при Іоаннѣ были отклонены просьбы псковичей, клонившіяся къ этому, представленныя въ 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. Вообще Псковъ покорно исполнялъ требованія великихъ князей, а Іоаннъ со своей стороны поддерживалъ прежнія добрыя отношенія, не дѣлая, однако же, и большихъ уступокъ; псковичи помогали Іоанну въ обоихъ новгородскихъ походахъ 1471 и 1477 гг. Намѣстникомъ во Псковѣ бывалъ всегда князь, назначенный княземъ московскимъ; у намѣстниковъ этихъ постоянно возникали столкновенія съ Псковичами, разрѣшать которыя приходилось великому князю. Въ 1462 г. псковичи выгнали отъ себя кн. Владиміра Андреевича, даннаго имъ еще Василіемъ Темнымъ; Іоаннъ не сразу принялъ посольство псковичей по этому поводу, но затѣмъ умилостивленный просьбами и дарами, позволилъ псковичамъ самимъ выбрать для себя намѣстника, и они получили сначала кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, а затѣмъ—кн. Ѳедора Юрьевича. Въ 1472 г. псковичи попросили замѣнить кн. Ѳедора Юрьевича княземъ Иваномъ Васильевичемъ Стригой Оболенскимъ; великій князь отвѣтилъ, что кн. Стрига ему самому нуженъ и далъ имъ его брата кн. Ярослава Васильевича. Но съ этимъ княземъ псковичи не ужились въ мирѣ; уже въ 1475 г. обѣ стороны жаловались другъ на друга: рѣшеніемъ великаго князя неправыми были признаны псковичи и принуждены были заплатить своему намѣстнику 130 р., но несогласіе у нихъ не прекратилось и въ 1477 г., послѣ новыхъ, уже кровавыхъ столкновеній, и, особенно, вѣроятно, въ виду предстоявшаго столкновенія съ Новгородомъ, Іоаннъ далъ псковичамъ новаго намѣстника, кн. Василія Васильевича Шуйскаго. Однако, въ 1482 г. во Псковѣ опять намѣстникомъ былъ кн. Ярославъ Васильевичъ; при немъ произошли въ 1484—1486 гг. большія смуты по дѣлу о смердахъ, отказавшихся отъ нѣкоторыхъ работъ на основаніи новыхъ грамотъ, составленныхъ княземъ Ярославомъ безъ вѣдома вѣча; великій князь своимъ вмѣшательствомъ старался вернуть отношенія къ

ихъ прежнему положенію. Въ 1480 году во Псковъ явились братья великаго князя, во время ссоры своей съ Іоанномъ; псковичи просили ихъ идти противъ нѣмцевъ; но князья требовали, чтобы сначала Псковъ принялъ ихъ женъ и дѣтей; тогда псковичи отвѣчали, что они не могутъ быть съ ними въ дружбѣ, когда они поднялись противъ великаго князя, и князья выѣхали изъ псковской области, грабя и опустошая все по пути. Въ 1480—1483 г.г. воеводы великаго князя дѣятельно поддержали Псковъ въ столкновеніи его съ ливонскимъ орденомъ. Въ 1499 г. Іоаннъ, приблизивъ къ себѣ снова Софью и сына своего Василія, бывшихъ предъ тѣмъ въ опалѣ, назвалъ Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова; псковичи отправили пословъ просить, чтобы у нихъ былъ тотъ же великій князь, что и на Москвѣ; этотъ слабый протестъ противъ распоряженій великаго князя вызвалъ съ его стороны суровое замѣчаніе псковичамъ.

Почти уничтоживъ раздробленіе въ собственно московскомъ княжествѣ, покоривъ Новгородъ, а затѣмъ и Тверь, Іоаннъ продожалъ собираніе Русскихъ земель и присоединилъ къ своему княжеству нѣсколько областей, принадлежавшихъ въ то время великому княжеству Литовскому. Въ дѣйствіяхъ своихъ, направленныхъ къ этому присоединенію, Іоаннъ обнаружилъ свою обычную осторожность, твердость, настойчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что стремится совершенно сознательно именно къ соединенію въ одно государство всѣхъ областей, занятыхъ русскимъ православнымъ населеніемъ: впервые въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ выставилъ онъ титулъ «государь всея Руси» и настоялъ на его признаніи; утверждая постоянно относительно всякаго новаго пріобрѣтенія, какое бы ни дѣлала Москва отъ Литвы, что это есть лишь возвращеніе прежде принадлежавшаго преемникамъ св. Владиміра, онъ заявлялъ притязанія на всѣ земли, находившіяся во власти князей литовскихъ, но когда либо принадлежавшія русскимъ князьямъ, и въ то же время началъ принимать на себя роль защитника православія въ Литвѣ.

Отношенія литовскія и польскія. — Первое время правленія Іоаннова у него не было прямыхъ враждебныхъ столкновеній съ тогдашнимъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ: границы Москвы и Литвы почти не соприкасалась другъ съ другомъ, на большомъ пространствѣ раздѣленныя владѣніями тверскими и новгородскими; но Іоаннъ и Казиміръ постоянно являлись соперниками. Казиміръ обѣщалъ помощь Новгороду, обѣщался помочь князю тверскому, вступалъ въ сношенія съ недовольными братьями Іоанна; онъ поднималъ противъ Іоанна Золотую Орду, старался разрушить дружественныя отношенія къ Москвѣ крымскаго хана, но дѣйствовалъ вообще нерѣшительно и не довольно искусно и не успѣлъ помѣшать Іоанну ни въ одномъ его важномъ предпріятіи, тѣмъ болѣе, что его вниманіе отъ востока постоянно отвлекали отношенія къ Чехіи и Венгріи, на престолъ которыхъ Казиміръ старался постоянно посадить своихъ сыновей, что ему, наконецъ, и удалось. Со своей стороны, великій князь московскій поднималъ на Литву и Польшу хана крымскаго и Стефана, воеводу молдавскаго, приводилъ въ свое подданство мелкихъ пограничныхъ самостоятельныхъ князей и успѣлъ нанести Польско-литовскому государству значительно больше ущерба и хлопотъ, чѣмъ Казиміръ Москвѣ. Въ 1473 г. небольшая рать великаго князя сдѣлала нападеніе на литовскія области у Любутска; послѣ присоединенія Новгорода въ 1478 г. Іоаннъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ притязанія Казиміра получать нѣкоторые доходы съ Великихъ Лукъ и Ржева, которые шли королю польскому прежде, при новгородскомъ владычествѣ надъ этими городами; Казиміръ неоднократно повторялъ свои требованія, но въ отвѣтъ слышалъ лишь утвержденіе, что за нимъ много вотчинъ великаго князя, а что за великимъ княземъ его вотчинъ нѣтъ; впрочемъ, относительно Казиміра Іоаннъ какъ будто бы не рѣшался дѣйствовать болѣе круто и до рѣшительныхъ и открытыхъ столкновеній дѣло дошло только къ концу 1492 года.

На границахъ Московскаго и Литовскаго княжества лежала, такъ называемая тогда, «страна князей»; тутъ находились мелкіе самостоятельные князья, изъ которыхъ одни служили князю московскому, но бо́льшая часть признавали надъ собою верховную власть великаго князя литовскаго и служили ему частью со своими родовыми вотчинами, частью съ пожалованными отъ него на извѣстныхъ усло-

віяхъ. Князья эти постоянно ссорились между собою за границы своихъ владѣній и за право владѣть тѣмъ или другимъ городомъ, на основаніи старѣйшинства и другихъ родовыхъ отношеній. Въ эти ссоры князей, служившихъ Литвѣ, вмѣшивались и сосѣдніе и родственные имъ князья, служившіе Москвѣ. Казиміръ польскій относился къ этимъ спорамъ и ссорамъ князей недостаточно внимательно и далъ возможность Іоанну воспользоваться ими къ своей выгодѣ. И вотъ, съ конца 80-хъ годовъ не рѣдко къ такимъ спорившимъ князьямъ являлся московскій посланецъ и объявлялъ, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ хочетъ ихъ беречь, жаловать, приметъ ихъ въ свою службу съ городами и областями и будетъ защищать за ними тѣ владѣнія, съ какими они явятся въ московскую службу. Такія внушенія дѣйствовали. Еще въ 1482 г. отъѣхалъ къ Іоанну кн. Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій; а въ концѣ десятилѣтія идетъ цѣлый рядъ отъѣздовъ, при чемъ каждый князь отъѣзжалъ со своею вотчиною, а иногда еще удерживалъ и данные ему для службы литовскимъ княземъ города: сначала отъѣхалъ кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, затѣмъ въ 1489 г. кн. Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, въ 1490—кн. Иванъ Васильевичъ Бѣльскій, въ 1492—князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, который, не получивъ отъ Казиміра вознагражденія за земли, отнятыя у него кн. Дмитріемъ Воротынскимъ при переходѣ въ московскую службу, самъ послѣдовалъ его примѣру и тоже захватилъ два города, и кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, а въ 1493 г.—князь Михаилъ Романовичъ Мезецкій и князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій; немного ранѣе перехода двухъ послѣднихъ началась уже открытая война у Іоанна съ Литовскимъ княземъ; въ то же время въ Москвѣ былъ казненъ кн. Иванъ Лукомскій, тоже отъѣхавшій изъ Литвы и обвиненный теперь въ намѣреніи отравить великаго князя.

Въ концѣ 1492 г. умеръ Казиміръ; на престолѣ польскомъ ему наслѣдовалъ сынъ его Янъ Альбрехтъ, а на литовскомъ—второй сынъ Александръ; тогда Іоаннъ рѣшился дѣйствовать энергичнѣе и, направивъ на Литву Менгли-Гирея крымскаго, послалъ и свою рать подъ начальствомъ кн. Ѳедора Оболенскаго; были взяты Мезецкъ, Любутскъ, Хлѣпень, Рогачевъ, Мещевскъ, Серпейскъ, сожженъ Опаковъ; на этомъ остановились завоеванія, потому что уладилось дѣло о бракѣ между Александромъ литовскимъ и дочерью Іоанна и Софіи, Еленой, переговорами о чемъ Александръ тщетно думалъ остановить войну; по мирному договору 4 февраля 1494 г. къ Москвѣ отошли Вязьма, Серенскъ, половина Мезецкой волости; князья новосильскіе, одоевскіе, воротынскіе и бѣлевскіе признаны подданными московскими; за Іоанномъ признанъ титулъ государя всея Руси. Послѣ заключенія мира 13 января 1495 г. Іоаннъ отпустилъ свою дочь Елену въ Литву, въ замужество за князя Александра.

Первое предложеніе по поводу этого брака было сдѣлано 14 іюня 1492 г. въ самомъ началѣ войны въ Новгородѣ, тамошнему воеводѣ Якову Захарьичу намѣстникомъ полоцкимъ Забережскимъ черезъ своего писаря, пріѣхавшаго въ Новгородъ какъ будто бы за разными покупками. Яковъ Захарьичъ самъ пріѣхалъ въ Москву сообщить объ этомъ великому князю и Іоаннъ, по совѣту съ боярами, 17 октября приказалъ ему дать благопріятный для дальнѣйшихъ переговоровъ отвѣтъ. Забережскій писалъ по этому дѣлу кн. Юрію Ряполовскому, а затѣмъ въ январѣ 1494 г. пріѣхалъ въ Москву отъ Александра посолъ, Станиславъ Глѣбовичъ, который сначала повелъ переговоры по поводу войны, а затѣмъ заговорилъ и о сватовствѣ; съ обѣихъ сторонъ взаимно обвиняли другъ друга въ обидахъ и нарушеніи мира; вообще же съ литовской стороны хотѣли заключить договоръ о свадьбѣ прежде заключенія мирнаго, а московское правительство твердо стояло на томъ, что прежде надо рѣшить вопросъ о мирѣ; во время неоднократныхъ пересылокъ по этому поводу изъ Литвы въ Москву и обратно, 5 января 1493 г. посланный въ Литву дворянинъ Загряжскій впервые привезъ туда грамоты съ титуломъ: «Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси» и т. д.; литовскій князь въ январѣ 1494 г. прислалъ большихъ пословъ Петра Бѣлаго Яновича, воеводу трокскаго и Станислава Гаштольдовича Яновича, старосту жмудскаго. Они и заключили миръ на указанныхъ выше условіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покончили дѣло о бракѣ Елены съ Александромъ; получивъ торжественныя увѣренія, что великой княгинѣ не будетъ

притѣсненія въ вѣрѣ, Іоаннъ 6 февраля 1494 г. обручилъ дочь Александру, причемъ мѣсто жениха занималъ второй посолъ, панъ Станиславъ, потому что первый посолъ былъ женатъ вторымъ бракомъ. Затѣмъ князья Василій и Семенъ Ряполовскіе отправлены были послами въ Литву, чтобы привезти письменное обѣщаніе Александра, что Еленѣ не будетъ принужденія въ вѣрѣ; вслѣдъ за ихъ возвращеніемъ прибыло за невѣстой новое великое посольство и 13 января 1495 г., послѣ торжественной обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ отпустилъ дочь въ Литву. 15 февраля она была обвѣнчана въ Вильнѣ со своимъ нареченнымъ женихомъ.

Однако, бракъ этотъ, какъ и надо было думать, не улучшилъ отношеній между Москвою и Литвою; каждая сторона надѣялась и желала извлекать изъ него выгоды только для себя и столкновенія незамедлили возникнуть. Александръ почти немедленно послѣ брака пересталъ въ своихъ грамотахъ называть Іоанна государемъ всея Руси; присланныхъ съ Еленой изъ Москвы бояръ и боярынь отправилъ противъ желанія Іоанна изъ Литвы обратно въ Москву, говоря, что у него довольно и своихъ слугъ, и окружилъ супругу, къ великому неудовольствію тестя, слугами католиками; обѣщанной церкви для великой княгини не выстроилъ, ссылаясь на то, что по привиллегіямъ онъ не имѣетъ права строить въ своей странѣ новыхъ церквей греческихъ и что вблизи дворца есть церковь, удобная для посѣщеній великой княгини; наконецъ въ Москву постоянно доходили слухи о томъ, что великую княгиню принуждаютъ къ перемѣнѣ вѣры и хотя сама Елена въ письмахъ утверждала противное, Іоаннъ постоянно укорялъ этимъ Александра. Со своей стороны Іоаннъ не только не особенно ревностно старался удержать Менгли-Гирея отъ нападеній на литовскія земли, но вскорѣ даже началъ подстрекать его къ такимъ нападеніямъ; не удерживалъ отъ враждебныхъ отношеній къ Литвѣ и Стефана молдавскаго; онъ не очищалъ тѣхъ изъ занятыхъ его войсками земель, которыя по мирному договору должны были перейдти къ Литвѣ и по прежнему старался переманить на свою сторону пограничныхъ князей, остававшихся въ литовскомъ подданствѣ; съ той и другой стороны очень мало дѣлалось для устраненія пограничныхъ столкновеній или хотя бы для прекращенія возникавшихъ. Сношенія между зятемъ и тестемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, холодными и наконецъ совершенно прекратились. Въ февралѣ 1498 г. Москва и Литва обмѣнялись, однако, посольствами, по поводу того, что въ Литвѣ былъ задержанъ русскій посолъ къ султану, Плещеевъ; затѣмъ опять не было никакихъ сношеній до 30 мая 1499 г., когда до Іоанна дошло окольнымъ путемъ извѣстіе изъ Литвы, утвердительно говорившее, что тамъ поднято гоненіе на православіе и что дочь его Елену тоже принуждаютъ къ переходу въ латинство. Того же 30 мая отправленъ былъ въ Литву гонецъ съ письмами къ Еленѣ, въ которыхъ великій князь убѣждалъ её сохранить вѣру; дѣйствительно, извѣстно, что папа побуждалъ Александра дѣйствовать всѣми способами, чтобы заставить жену приступить къ римскому закону. Вскорѣ явилось въ Москву посольство изъ Литвы, не прямо по этому поводу, но переговоры коснулись и вопроса о принужденіи великой княгини къ перемѣнѣ вѣры; кромѣ того, литовскіе послы представили въ Москвѣ добытыя ими въ Крыму точныя копіи съ тайной переписки великаго князя съ ханомъ, въ которой Іоаннъ возбуждалъ хана къ нападенію на Литву; такимъ образомъ отношенія стали только еще болѣе натянутыми. Въ то же время Іоанну билъ челомъ о принятіи въ службу князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, выставляя ту причину, что въ Литвѣ начались притѣсненія православію; послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ объ условіяхъ подданства Іоаннъ къ началу 1500 г. принялъ Бѣльскаго и отправилъ въ Литву Дмитрія Загряжскаго сообщить объ этомъ своемъ рѣшеніи Александру; вслѣдъ за Бѣльскимъ отъѣхали къ Москвѣ со своими вотчинами князья Мосальскіе, Трубчевскіе и другіе, а затѣмъ приняты были въ московскую службу князь стародубскій, Семенъ Ивановичъ, сынъ князя можайскаго, захватившаго въ Троицкомъ монастырѣ вел. кн. Василія Васильевича, и князь сѣвёрскій Василій Ивановичъ Шемячичъ, внукъ заклятаго врага отца Іоанна; они принесли съ собою Москвѣ Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ и другіе города; вмѣстѣ съ объявленіемъ объ этомъ

въ Литву отправлена была и «складная грамота», т. е. объявлена война; въ то же время къ Стефану молдавскому и къ Менгли Гирею было сообщено о разрывѣ съ Литвою и посланы приглашенія идти на Александра. Менгли-Гирей двинулся, а Стефанъ не хотѣлъ было исполнить желанія Іоанна, такъ какъ изъ Литвы ему сообщили, что въ Москвѣ его дочь Елена, вдова князя Іоанна Іоанновича Молодого, и съ сыномъ ея подвергнута опалѣ; но въ 1502 г. напалъ на литовскія земли и онъ, увѣренный Менгли-Гиреемъ, что сообщенныя ему Александромъ извѣстія сильно преувеличены.

Военныя столкновенія уже шли на границахъ еще до отсылки складной грамоты; князья-отъѣздчики уже занимали прилежащіе города литовскіе; настоящая рать великаго князя московскаго, сначала подъ предводительствомъ царя казанскаго Магомета-Аминя и боярина Якова Захарьевича Кошкина, заняла нѣсколько городовъ, а затѣмъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Даніила Щени, 14 іюля 1500 г., въ годовщину Шелонской побѣды, встрѣтилась съ литовскимъ войскомъ у рѣчки Ведроши, подъ Дорогобужемъ и одержала полную побѣду; самъ предводитель литовскій, гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, со многими другими предводителями, вся артиллерія и обозъ попались въ руки москвичей. Дальнѣйшія военныя дѣйствія шли уже значительно менѣе энергично; московское княжество не имѣло еще достаточно силъ, чтобы, воспользовавшись первымъ крупнымъ успѣхомъ, нанести Литвѣ еще нѣсколько сильныхъ ударовъ; хотя уже въ 1501 г. опять московское войско одержало побѣду подъ Мстиславлемъ, но вообще дѣло ограничивалось занятіемъ нѣкоторыхъ городовъ; осада Смоленска, которую начала въ 1502 г. рать московская подъ начальствомъ сына великаго князя Димитрія Іоанновича (по прозванію Жилка) не-удалась и князь Дмитрій ограничился только опустошеніемъ окрестныхъ земель. Князь литовскій, со своей стороны послѣ сильнаго пораженія, не могъ вести войны энергично, къ тому же крымцы и Стефанъ отвлекали его вниманіе и силы; на помощь великому князю московскому двинулись псковичи, но Александръ успѣлъ поднять противъ нихъ Ливонскихъ рыцарей; псковичи и посланная тогда къ нимъ для поддержки московская рать неоднократно и съ перемѣннымъ счастіемъ бились съ нѣмцами; въ степяхъ союзникъ Іоанновъ Менгли-Гирей въ 1502 г. окончательно истребилъ послѣдніе остатки Золотой орды, предводимые Шихъ-Ахматомъ; съ этого времени началось то усиленіе Крымской орды, которое впослѣдствіе сдѣлало враждебными и отношенія Крыма и Москвы. Всѣ участники этой борьбы были ею утомлены; въ Москву еще въ 1500 году являлся литовскій посланецъ просить «опасной» грамоты для большихъ пословъ; это большое посольство явилось въ Москву 13 января 1501 г., когда уже тамъ было посольство отъ короля венгерскаго, Владислава, брата Александра литовскаго; вскорѣ пріѣхало посольство отъ Яна Альбрехта польскаго; позже прибыли еще послы и отъ папы Александра VI. Послы Александра литовскаго привезли письма Елены къ отцу, къ матери и къ братьямъ, въ которыхъ Елена просила, чтобы Польско-литовскому государству данъ былъ сколько-нибудь сносный миръ. Посольства предлагали посредничество своихъ властителей для заключенія мира, причемъ польское и венгерское даже грозили, что Александру будетъ подана помощь; на это бояре великаго князя отвѣчали его именемъ, что въ такомъ случаѣ помощь будетъ оказана неправому, перечисляли всѣ «неисправленія» Александра предъ великимъ княземъ московскимъ и заявили: «говорите вы, чтобы намъ въ отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поймали, то ихъ поступиться—то эти города, волости и земли изъ старины наша отчина»; «и не то одно наша вотчина, что тѣ города, которые нынѣ за нами; но и вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины наша вотчина», говорили бояре московскіе отъ имени своего великаго князя. Тутъ впервые, предъ лицомъ польскихъ представителей русскій великій князь прямо и опредѣленно выразилъ мысль, что города и земли съ русскимъ населеніемъ, хотя бы и принадлежавшіе тогда какому либо другому государству, считаются въ Москвѣ долженствующими принадлежать къ Россіи. При этихъ же переговорахъ положено было и основаніе праву русскаго государя защищать въ Литвѣ религіозную свободу православныхъ; литовское посольство косвенно какъ бы признало это право за Іоанномъ, представляя постоянно увѣре-

нія, что православные не испытываютъ въ ихъ землѣ никакихъ притѣсненій за вѣру. Цѣлуя предъ послами крестъ, что будетъ соблюдать договоръ, Іоаннъ торжественно заявилъ, что опять начнетъ войну, если станутъ снова принуждать дочь его къ перемѣнѣ вѣры, и будетъ стоять за это дѣло «сколько Богъ помощи подастъ». Съ 7 марта 1503 г. начались въ Москвѣ эти переговоры съ прибывшимъ туда литовскимъ посольствомъ при посредствѣ посольства венгерскаго и польскаго; Александръ литовскій опять называлъ Іоанна государемъ всея Руси; литовскіе послы предлагали заключить миръ на основаніи прежняго мирнаго договора, затѣмъ венгерскій посланецъ предложилъ половину захваченнаго удержать за Москвою, половину возвратить; но московскій великій князь не согласился ни за что отдавать тѣ города, которые онъ признавалъ отчиною великихъ князей всея Руси; 28 марта 1503 года заключено перемиріе по 25 марта 1509 г.; Москва удерживала за собою всѣ земли, принесенныя княземъ Шемячичемъ и Стародубскимъ, а на время перемирія и всѣ завоеванія,—всего 19 городовъ и 70 волостей; Кіевъ и другіе города названы были въ избѣжаніе пререканій не отчинами, а землями; чтобы взять крестное цѣлованіе съ Александра были посланы въ Литву спеціальные послы; Александръ не охотно, только послѣ всякихъ возможныхъ отсрочекъ и задержекъ, присягнулъ на соблюденіе условій договора; когда вскорѣ послѣ заключенія мира, въ Польшѣ, престолъ которой къ этому времени занялъ также Александръ, написали въ проѣзжей грамотѣ одному московскому послу титулъ Іоанна не вполнѣ, пропуская наименованіе «Государь всея Руси», онъ выразилъ по этому поводу неудовольствіе и заставилъ Александра объяснять неправильность написанія титула тѣмъ, что въ польскихъ канцеляріяхъ еще не знали, какъ его слѣдуетъ писать; такимъ образомъ на будущее время и съ польской стороны было какъ бы принято обязательство признать за великимъ княземъ московскимъ титулъ «государя всея Руси». Это былъ послѣдній успѣхъ Іоанна въ отношеніи къ Польско-литовскому государству: вскорѣ Іоаннъ и скончался; получивъ извѣстіе о его смерти Александръ немедленно извѣстилъ объ этомъ Ливонскихъ рыцарей, говоря, что настало время поправить свои дѣла; въ февралѣ слѣдующаго 1506 г. въ Москву прибыло польско-литовское посольство, завело рѣчь о возвращеніи Литвѣ городовъ, утверждая, что они захвачены Москвою неправильно, но встрѣтило такой твердый отвѣтъ, что Александръ счелъ за лучшее соблюдать перемиріе.

Казань.—Таковы были отношенія Іоанна къ частямъ русской земли, еще не соединившимся съ Москвою, и къ ближайшему его западному сосѣду, государству Польско-литовскому; при изложеніи ихъ мы уже неоднократно встрѣчались съ татарами и татарскими отношеніями Іоанна; эти отношенія имѣли большое значеніе во все время его правленія, и были очень важны для Москвы; Іоаннъ умѣлъ отлично пользоваться тѣмъ раздѣленіемъ татарскаго царства на три части, какое создалось къ его времени; съ ордою Крымскою онъ все время сохранялъ дружественныя отношенія и ею удерживалъ и ослаблялъ другую орду, Золотую; а въ то же время—самъ дѣйствовалъ прямо наступательно по отношенію къ третьему татарскому царству, Казанскому, наиболѣе слабому, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе близкому и слѣдовательно безпокойному для московской Руси. Въ Казани Іоанну удалось утвердить отчасти свое вліяніе, Золотая орда при немъ была окончательно уничтожена ханомъ крымскимъ; кромѣ этой услуги Крымская орда оказала существенную помощь Москвѣ, постоянно отвлекая силы и вниманіе государства Польско-литовскаго.

Съ Казанью непріязненныя столкновенія начались съ самыхъ первыхъ лѣтъ правленія Іоанна. Еще въ 1467 году московскій служилый царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани приглашеніе занять престолъ казанскій; Касимъ сообщилъ объ этомъ великому князю и Іоаннъ далъ ему отрядъ войска, который долженъ былъ проводить его въ Казань и посадить на царство; но свѣдѣнія Касима о положеніи дѣлъ въ Казани оказались невѣрными: казанскій царь Ибрагимъ встрѣтилъ его съ большимъ войскомъ и Касимъ съ московскимъ отрядомъ долженъ былъ поспѣшно отступать. Въ отвѣтъ на это казанцы сдѣлали вторженіе въ сосѣднія русскія области; въ декабрѣ того же года и въ январѣ 1468 г. отрядъ московскихъ дѣтей боярскихъ опустошилъ земли подвластной Казани Черемисы; въ то же время

татарскіе отряды нападали на костромской и на муромскій уѣздъ; шайки, дѣйствовавшіе подъ Муромомъ, были разбиты московскими отрядами. Весною русскіе имѣли успѣхъ противъ татаръ на Камѣ, но за то царь казанскій Ибрагимъ заставилъ Вятку признать свою власть. Весною же двинулась значительная московская рать подъ начальствомъ Беззубцева, еще ранѣе въ 1450 г. съ успѣхомъ водившаго русскую рать противъ казанцевъ; но въ то же время у великаго князя получила позволеніе ѣхать въ Казань ханша, вдова Касима и мать царя Ибрагима, которая обѣщала примирить Ибрагима съ Іоанномъ; поэтому великій князь послалъ въ Нижній Новгородъ главному воеводѣ Беззубцеву, приказаніе не двигаться на Казань всею ратью, а только отпустить охотниковъ; но когда Беззубцевъ сообщилъ это распоряженіе войску, то почти все оно высказало желаніе идти и биться съ татарами. Беззубцевъ никого не задерживалъ; войско выбрало себѣ предводителемъ нѣкоего Ивана Руно, рано утромъ 21 мая 1469 г. подплыло къ Казани, неожиданно на нее ударило, сожгло посады, перебило множество татаръ и захватило большую добычу; такъ какъ возвращаться по Волгѣ назадъ противъ теченія приходилось значительно медленнѣе, то рать татарская, двигаясь частью по берегу, частью и на судахъ, дважды производила нападеніе на русскихъ, но была отражена. Татары не успѣли такъ же помѣшать другому русскому отряду, который, получивъ извѣстіе, будто войско Беззубцева ушло, заключивъ миръ, рѣшился пройдти мимо Казани изъ Камы на судахъ; татары сдѣлали на него нападеніе, но русскіе пробились, хотя и съ большими потерями. Чтобы покончить наконецъ эти враждебныя столкновенія, Іоаннъ лѣтомъ 1469-же года отправилъ на Казань сильное войско, подъ начальствомъ братьевъ своихъ Юрія и Андрея Большого. 1 сентября они подступили къ Казани; вылазки татаръ были отражены, городъ обложенъ и обведенъ острогомъ; осажденные отрѣзаны отъ воды; вскорѣ царь Ибрагимъ просилъ мира и принялъ его на всей волѣ великаго князя; изъ условій этого мира мы знаемъ только, что были отпущены всѣ русскіе плѣнные, захваченные за послѣдніе 40 лѣтъ, т. е., вѣроятно всѣ бывшіе тогда въ Казани русскіе плѣнники. Этотъ походъ, повидимому, сильно напугалъ казанцевъ; почти восемь лѣтъ они не рѣшались послѣ этого подняться противъ Москвы, но, очевидно, только ожидали удобнаго случая; и въ 1478 г., получивъ ложное извѣстіе, будто бы великій князь потерпѣлъ подъ Новгородомъ рѣшительное пораженіе и самъ раненый едва убѣжалъ съ тремя спутниками, казанцы немедленно двинулись на Вятку и Устюгъ; но какъ, все таки, великъ былъ у нихъ страхъ предъ Іоанномъ, видно изъ того, что когда пришло къ этому войску справедливое извѣстіе объ успѣхѣ Іоанна, оно немедленно бросилось въ самое поспѣшное бѣгство, такъ что покинуло даже котлы съ варившеюся въ нихъ пищею. Въ наказаніе за это нападеніе великій князь послалъ снова подъ Казань свою рать, которая хотя и не имѣла противъ города большого успѣха, но все таки принудила Ибрагима просить мира. Въ 1482 г. Іоаннъ еще разъ лично самъ выступилъ противъ Казани; когда онъ былъ во Владимірѣ, а рать его уже въ Нижнемъ Новгородѣ, Ибрагимъ прислалъ посольство съ челобитьемъ о мирѣ и Іоаннъ возвратился безъ войны. Такимъ образомъ Ибрагимъ, начиная съ 1469 г., былъ до извѣстной степени подъ вліяніемъ Москвы. Въ 1486 г. онъ умеръ. Въ Казани произошли смуты и престолъ захватилъ послѣ нѣкоторой борьбы старшій сынъ Ибрагима, Алегамъ; второй сынъ покойнаго хана отъ ханши Нурсалтанъ, Магметъ-Аминь, тоже имѣлъ партію, которая желала видѣть его царемъ; послѣ удачи Алегама Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву и жилъ здѣсь при дворѣ великаго князя, пользуясь большимъ почетомъ. Іоаннъ охотно склонялся на его просьбы помочь ему въ достиженіи казанскаго престола и потому, что находилъ, конечно, выгоднымъ для себя вмѣшиваться въ дѣла казанскія, и потому, что мать Магметъ-Амиия, Нурсалтанъ вышла замужъ за вѣрнаго союзника Іоаннова, Менгли-Гирея; поэтому, когда и изъ Казани пришли къ Іоанну просьбы жителей защитить ихъ отъ жестокостей Алегама, онъ 11 апрѣля 1487 г. отправилъ подъ Казань войско подъ главнымъ начальствомъ кн. Даніила Холмскаго, а вслѣдъ за нимъ — 24 апрѣля и Магметъ-Аминя; 18 мая воеводы пришли подъ Казань, отбили вылазки татаръ, окружили городъ тыномъ, прогнали князя Алгазыя, который тревожилъ русское войско съ тыла, и 9 іюля царь Алегамъ сдался

воеводамъ. На царство именемъ Іоанна посаженъ былъ Магметъ-Аминь; Алегамъ сосланъ съ женою на Бологду, его мать, два брата и сестра въ Карголомъ. Магметъ-Аминь платилъ Іоанну какую то дань и собираясь жениться спрашивалъ у Іоанна позволенія. Въ 1496 г. по просьбѣ Магметъ-Аминя Іоаннъ посылалъ въ Казань войско, которое устранило противниковъ Магмета и сохранило за нимъ царство; но когда войско это ушло, недовольные Магметъ - Аминемъ казанскіе князья снова призвали шибанскаго хана Мамука и Магметъ-Аминь бѣжалъ въ Москву. Но кажется еще до его прибытія въ Москву явились послы изъ Казани, просить, чтобы великій князь простилъ ихъ измѣну и далъ бы кого - нибудь въ цари, но не прежняго Магметъ-Аминя; въ апрѣлѣ того же года Іоаннъ послалъ въ Казань брата Магмета, Абдылъ-Летифа, который не задолго предъ тѣмъ явился изъ Крыма и получилъ отъ великаго князя Звенигородъ: съ нимъ отправлены были князья Семенъ Холмскій и Ѳедоръ Палецкій, которые и посадили Летифа на царство, въ началѣ мая; 9 мая Магметъ-Аминь былъ отпущенъ въ пожалованные ему города, Серпуховъ, Каширу и Хотунь. Въ 1502 г. Летифъ, по приказанію Іоанна, былъ схваченъ и приведенъ въ Москву; на его мѣсто присланъ былъ снова Магметъ-Аминь, но онъ возсталъ противъ Іоанна; уже въ началѣ 1505 г. произошли у него съ Іоанномъ какія то недружелюбныя обсылки грамотъ; 24 іюня посолъ великаго князя и русскіе купцы, явившіеся на ярмарку, были схвачены, часть ихъ убита, остальные посланы къ ногаямъ; самъ Магметъ-Аминь получилъ помощь отъ ногаевъ и подступалъ къ Нижнему Новгороду, но татарское войско было отбито воеводою Хабаромъ Симскимъ, который побудилъ принять участіе въ защитѣ города до 300 плѣнныхъ стрѣлковъ литовскихъ, сосланныхъ въ Нижній-Новгородъ; за эту помощь они получили впослѣдствіи свободу и богатые дары. Іоаннъ не успѣлъ уже отомстить Казани: осенью того же года онъ умеръ.

Сверженіе татарскаго ига. — Сношенія Іоанна съ Золотою ордою, хотя и значительно ослабѣвшею уже, но сохранявшею еще номинально верховную власть надъ московскимъ княжествомъ, были постоянно недружелюбны. Іоаннъ не скрывалъ уже, что тяготится этою зависимостью; онъ ни разу самъ не ѣздилъ въ Орду; дань татарамъ, такъ называемые «выходы», если и платилъ, то не особенно исправно; со своей стороны и золотоордынскіе ханы не могли не видѣть и не чувствовать постоянно возроставшей опасности, что Москва сброситъ, наконецъ, съ себя зависимость отъ Орды; потому, Золотая орда охотно шла навстрѣчу всякимъ внушеніямъ противъ Москвы. Казиміръ литовскій, постоенно отвлекаемый другими дѣлами отъ возможности противодѣйствовать усиленію Іоанна настолько, насколько онъ бы того хотѣлъ, старался создавать Іоанну затрудненія черезъ Ахмата, современнаго ему хана Золотой орды; въ 1470 г. новгородцы, какъ уже сказано, ожидали помощи отъ Казиміра; онъ отправилъ въ Золотую орду спеціальнаго посланца, чтобы возбудить Ахмата къ нападенію; но Ахматъ не скоро успѣлъ собраться, его задержалъ между прочимъ набѣгъ вятчанъ, которые успѣли неожиданнымъ нападеніемъ захватить самый Сарай и благополучно удалились, уводя множество плѣнныхъ. Только лѣтомъ 1472 г. Ахматъ пошелъ на Іоанна; но на берегу Оки встрѣтилъ уже сильные полки московскіе, не рѣшился на попытку переправы и ушелъ въ степи, ограничившись взятіемъ и сожженіемъ города Алексина, которому воеводы великокняжескіе не успѣли подать помощи; полки московскіе подоспѣли къ берегу Оки, когда татары были уже подъ Алексиномъ, жители котораго были задержаны въ городѣ, благодаря корыстолюбію воеводы Беклемишева; но воеводы не имѣли средствъ для того, чтобы сразу переправить значительную массу войска; а подъ Алексиномъ Ока настолько уже глубока и широка, что переправа вплавь въ виду непріятеля была слишкомъ опасна. Послѣ этого набѣга между Ахматомъ и Іоанномъ заключенъ былъ миръ и въ 1474 г. ѣздилъ въ орду посланникомъ Никифоръ Басенокъ, съ которымъ обратно пришелъ посолъ Ахмата съ громаднымъ количествомъ татарскихъ купцовъ въ своей свитѣ; въ 1476 г. Ахматъ потребовалъ Іоанна въ Орду; Іоаннъ, конечно, не поѣхалъ, но отправилъ посломъ Бестужева; подробности этихъ сношеній неизвѣстны. Когда Іоаннъ двинулся во второй свой походъ на Новгородъ, Казиміръ опять сталъ поднимать Ахмата и опять татары опоздали: главныя ихъ силы пришли, не только тогда уже, когда было покончено съ Новгородомъ, но

уже и послѣ того, какъ Іоаннъ успѣлъ почти примириться съ братьями, которые послѣ покоренія Новгорода поднялись было противъ него. Есть извѣстіе, что ханъ Ахматъ былъ страшно раздраженъ противъ Іоанна, который, будто бы, въ отвѣтъ на предъявленное посломъ требованіе ѣхать въ Орду, взялъ у него «басму» (ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю и, перебивъ всѣхъ пословъ, кромѣ одного, отпустилъ этого послѣдняго въ Орду сказать хану, что такъ будетъ поступлено и съ нимъ самимъ, тогда какъ до того времени князья будто бы встрѣчали пѣшіе ханскаго посла, бывшаго верхомъ, и слушали ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ; но этотъ разсказъ не заслуживаетъ довѣрія, какъ потому, что находится только въ «Сказаніе о землѣ царства казанскаго», источникѣ, составленномъ значительно позднѣе и вообще невысокой достовѣрности, такъ и потому, что извѣстныя грамоты Іоанна къ ханамъ и хановъ къ нему дѣлаютъ совершенно невозможнымъ предположеніе, чтобы существовали подобные обряды не только при Іоаннѣ, но уже при его дѣдѣ и отцѣ. Лѣтомъ 1480 г. войска Ахмата приблизились къ московскому княжеству; 16 апрѣля 1480 г. получилъ великій князь извѣстіе, что Ахматъ поднялся на него; немедленно же были высланы на Оку полки московскіе; 23 іюня и самъ Іоаннъ прибылъ къ войску въ Коломну; татары пришли къ Окѣ, когда ее уже охраняли русскіе. Видя, что тутъ переправа затруднительна и опасна, ханъ направился на западъ, чтобы пройдти черезъ земли своего союзника Казиміра и вторгнуться черезъ литовскую границу; къ тому же онъ ожидалъ и непосредственной помощи отъ Казиміра; но и московскіе рати пошли тоже на западъ и ранѣе татаръ заняли линію по р. Угрѣ, тогдашней границѣ Москвы и Литвы, и оберегали всѣ перевозы и броды. Однако, въ Москвѣ почему то опасались, что татары на этотъ разъ сдѣлаютъ особенныя усилія, чтобы прорваться мимо русскихъ войскъ, и потому стали приготовляться на случай появленія татаръ подъ столицею и ея осады. Самъ Іоаннъ пріѣхалъ во время этого перехода войска изъ Коломны въ Москву; разсказы лѣтописей о его поведеніи въ это время разногласятъ между собою: однѣ обвиняютъ его въ трусости, и разсказываютъ, что будто бы, когда Іоаннъ 30 сентября подъѣхалъ къ Москвѣ, въ то время, какъ жители перебирались изъ посадовъ въ городскія укрѣпленія, изъ толпы раздались голоса, говорившіе: «ты, государь великій князь, въ спокойное время строго нами правишь и дани берешь большія, а теперь, раздраживъ хана тѣмъ, что ему дани не-платишь, оставляешь насъ на расправу татарамъ»; по словамъ того же лѣтописца въ Кремлѣ епископъ ростовскій Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя грозными укоризнами, называлъ его «бѣгуномъ», и вообще встрѣча была такова, что великій князь не рѣшился даже жить въ Москвѣ, а остановился въ Красномъ селѣ. Эти лѣтописи говорятъ, что сынъ великаго князя, Іоаннъ Молодой, не хотѣлъ ни за что послѣдовать примѣру отца и не ѣхалъ отъ войска, не смотря на настойчивое требованіе отца, не смотря даже на приказаніе, данное великимъ княземъ князю Холмскому, насильно отослать его въ Москву; наконецъ въ этихъ лѣтописяхъ читаемъ и самый непріязненный отзывъ о великой княгинѣ Софьѣ, которую Іоаннъ, вмѣстѣ съ сыномъ Василіемъ, отослалъ на сѣверъ; лѣтописецъ называетъ ее «римлянкой» и говоритъ, что тѣ мѣстности, черезъ которыя она прошла, пострадали болѣе, чѣмъ отъ татарскаго набѣга; самое поведеніе Іоанна объясняется вліяніемъ двухъ бояръ, Ощеры и Мамона, которыхъ будто бы князь великій слишкомъ слушался въ этомъ случаѣ и которые убѣждали его вспомнить судьбу его отца, какъ онъ попался въ плѣнъ казанцамъ, и не рисковать на сраженіе. Но въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ такого враждебнаго отношенія къ Іоанну; поведеніе его не представляется въ нихъ ни въ какомъ отношеніи недостойнымъ. Насколько мы можемъ судить о характерѣ Іоанна, мы знаемъ, дѣйствительно, что онъ не отличался безразсудною отвагою, но не можемъ никакъ сказать, чтобы онъ проявлялъ какую нибудь трусость. Были, вѣроятно, какія нибудь обстоятельства, оставшіяся намъ неизвѣстными, которыя дѣлали необходимымъ присутствіе Іоанна въ Москвѣ: дѣйствительно, только въ этотъ пріѣздъ Іоаннъ успѣлъ при посредствѣ матери, примириться съ братьями; на какія то несовѣмъ обычныя обстоятельства указываетъ и то, что въ Москвѣ стали готовиться на случай осады, хотя самъ по себѣ набѣгъ татаръ въ этомъ году не представлялъ ничего особеннаго, а наконецъ и еще какое

то странное распоряженіе: великій князь перевелъ въ Переяславль, на случай осады, жителей Дмитрова, а въ Дмитровъ послалъ московичей; быть можетъ лѣтопись, содержащая неблагопріятную для Іоанна версію разсказа, исходитъ изъ той партіи, которая впослѣдствіи сильно пострадала при опалѣ великой княгини Елены и сына ея, великаго князя Димитрія; на такое предположеніе наводятъ чрезвычайно рѣзкіе отзывы о Софьѣ, и очень мало вѣроятный разсказъ поведеніи великаго князя Іоанна Молодого, сына отъ перваго брака, столь выгодно, за то, рисующій его сравнительно съ отцомъ; неполная достовѣрность и недостаточная точность лѣтописной версіи, проявляющей большую недоброжелательность къ Іоанну, доказывается еще и тѣмъ, что по ея словамъ Іоаннъ жилъ въ селѣ Красномъ двѣ недѣли, тогда какъ по оффиціальнымъ даннымъ онъ пробылъ тутъ всего съ 30 сентября по 3 октября, и по лѣтописямъ же можно доказать, что 9 октября Іоанна уже не было въ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, Іоаннъ, прибывъ въ Москву, имѣлъ совѣщаніе съ матерью, митрополитомъ, боярами, достигъ полнаго примиренія съ братьями и черезъ 5 дней отправился снова къ войску; его провожали торжественно, съ крестами; Іоаннъ остановился въ Кременцѣ, въ 30 верстахъ отъ г. Медыни; сюда пришли къ нему со своими дружинами и братья; говорятъ, Іоаннъ посылалъ къ Ахмату съ мирными предложеніями, но соглашенія не состоялось; ни то, ни другое войско не рѣшалось переправляться въ виду непріятеля. Въ Кременцѣ Іоаннъ получилъ обширное и съ жаромъ написанное посланіе отъ Вассіана, убѣждавшаго его не уклоняться отъ битвы съ татарами; посланіе это представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ литературныхъ памятниковъ той эпохи. 26 октября стала Угра—вообще въ тотъ годъ зима наступила очень рано и была чрезвычайно сурова,—Іоаннъ приказалъ войскамъ отступить отъ берега Угры къ Кременцу, а затѣмъ отошелъ еще и къ Боровску, намѣреваясь, какъ говорятъ, тамъ дать битву татарамъ. Однако, Ахматъ не исполнилъ своей угрозы, что вторгнется въ московское княжество, когда станутъ рѣки; татары простояли на мѣстѣ до 11 ноября и затѣмъ вдругъ поспѣшно отступили, даже просто побѣжали; по дорогѣ они ограбили земли своего же союзника, Казиміра; причины такого страннаго поведенія ихъ не разъяснены окончательно; вѣроятно, Ахматъ не рѣшался воевать противъ Іоанна одинъ, поджидалъ Казиміра, а Казиміръ, по своему обычаю, не двинулся, и татары, страдая отъ сильнѣйшихъ холодовъ, должны были поспѣшно удалиться; но во всякомъ случаѣ неосновательно извѣстіе, будто Ахмата отвлекло отъ Угры нападеніе на его улусы царя Нордоулата и одного изъ воеводъ великокняжескихъ: Ахматъ не торопился домой: онъ зимовалъ на устьяхъ Дона. Здѣсь 6 января 1481 г. напалъ на него неожиданно ханъ ногайской орды Ибакъ, собственноручно закололъ его соннаго и завладѣлъ всею добычею; Золотая орда распалась окончательно; Шигъ-Ахматъ съ послѣдними остатками ея остался въ степяхъ недалеко отъ Кіева, у устьевъ Десны; Литва теперь относилась къ ослабѣвшей ордѣ уже вовсе не дружелюбно. Когда Менгли-Гирей выступилъ съ большими силами, чтобы окончательно уничтожить своихъ давнихъ соперниковъ, отъ Шигъ Ахмата улусы одинъ за другимъ стали переходить къ крымцамъ; въ началѣ іюня 1502 г. произошла битва, остальные улусы были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ; Шигъ-Ахматъ успѣлъ спастись; Менгли-Гирей прислалъ посольство къ Іоанну, извѣстить его объ уничтоженіи Золотой орды и выпросить разныхъ подарковъ въ вознагражденіе трудовъ своей орды. Шигъ-Ахматъ, послѣ разныхъ скитаній у ногаевъ и у турокъ, умеръ въ заключеніи въ Литвѣ, гдѣ его задержали, чтобы имѣть постоянно въ рукахъ человѣка, освобожденіемъ котораго можно было бы стращать Менгли-Гирея. Такъ какъ ханъ Ахматъ, давно уже недовольный великимъ княземъ московскимъ и собравшій всѣ свои силы для нападенія на него, не отважился на это нападеніе, встрѣтивъ приготовленную къ защитѣ страны рать московскую, то происшедшее событіе всѣ современники разсматривали, какъ сверженіе ига, такъ долго тяготѣвшаго надъ русской землей; Іоанна при возвращеніи его въ Москву встрѣтили со всеобщимъ ликованіемъ и благословеніями, тѣмъ болѣе, что успѣхъ не стоилъ никакихъ жертвъ, и такимъ образомъ благоразумная осторожность Іоанна не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Крымъ.—Наиболѣе живыя и вмѣстѣ дру-

жественныя отношенія создались у Іоанна съ ханствомъ крымскимъ; но только ему и удалось жить съ Крымомъ въ мирѣ и даже пользоваться его силами для достиженія своихъ цѣлей; послѣ него крымцы являются не менѣе злыми врагами Руси, чѣмъ были и казанцы и золотоордынцы. Крымское ханство образовалось въ 1446 г. изъ нѣсколькихъ улусовъ, отдѣлившихся отъ Золотой орды; первымъ самостоятельнымъ ханомъ его былъ Ази-Гирей, основавшійся въ Крыму съ помощью Казиміра литовскаго; поэтому онъ постоянно враждовалъ съ Золотою ордою, дружилъ съ польско-литовскимъ государствомъ и не разъ нападалъ на московскую Русь. Въ 1467 г. Ази-Гирей умеръ и въ царствѣ его утвердился, послѣ многихъ смутъ и столкновеній между его дѣтьми, одинъ изъ нихъ Менгли-Гирей. Постоянно враждуя съ Ахматомъ, Менгли-Гирей въ 1474 г. прислалъ къ Іоанну посла, предлагая союзъ и дружбу; Іоаннъ, съ своей стороны, отыскивая помощниковъ для борьбы съ Казиміромъ, конечно, съ большимъ удовольствіемъ принялъ такія предложенія и съ этимъ же посломъ, 31 марта 1474 г. отправилъ своего посла, Беклемишева; онъ успѣлъ положить начало тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ между Москвою и Крымомъ, которыя сохранились во все правленіе Іоанна. Менгли-Гирей обыкновенно подъ разными предлогами просилъ у Іоанна даровъ для себя и своихъ первыхъ приближенныхъ; Іоаннъ удовлетворялъ его просьбамъ, но за то и Менгли-Гирей иногда по желанію Іоанна отказывался отъ притязаній на нѣкоторыя дани; при этомъ тонъ грамотъ и взаимныя обращенія въ посольскихъ рѣчахъ мало по малу пріобрѣтаютъ характеръ все болѣе и болѣе равноправый. Въ 1475 г. Крымъ былъ завоеванъ турками и Менгли-Гирей призналъ верховную власть султана; недовольный своимъ положеніемъ, опасаясь, какъ бы султанъ не задумалъ почему либо лишить его престола, Менгли Гирей просилъ у Іоанна, чтобы въ случаѣ нужды онъ оказалъ ему помощь. Іоаннъ отвѣчалъ: «Дай Богъ, чтобы тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и пріѣдешь ко мнѣ, то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ, царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ, лиха никакого не будетъ; добровольно прійдешь, добровольно прочь пойдешь, намъ тебя не держать; а сколько силы моей станетъ, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто». Въ 1476 г. Менгли-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма Ахматомъ, который посадилъ на его мѣсто Зенебека; но въ 1479 г. Менгли-Гирей вернулся съ турецкой помощью; тогда Зенебекъ съ двумя братьями бѣжалъ въ Москву и великій князь не выпускалъ ихъ никогда изъ предѣловъ своего княжества. Менгли-Гирей былъ женатъ на вдовѣ казанскаго хана Ибрагима, Нурсалтанъ, и послѣдовательно два сына ея занимали, по волѣ Іоанна, казанскій престолъ; впрочемъ, второй изъ нихъ, Абдылъ-Летифъ, былъ схваченъ русскими воеводами за какія то вины и даже заступничество Менгли-Гирея не облегчило его участи. Менгли-Гирей постоянно отвлекалъ силы Казиміра, когда это нужно было Іоанну, и враждовалъ съ Золотой ордой, Іоаннъ, въ свою очередь, не выпускалъ Нордоулата, котораго одинъ изъ Ахматовыхъ дѣтей, одно время даже господствовавшій въ Крыму, думалъ посадить вмѣсто Менгли-Гирея; ежегодныя взаимныя пересылки пословъ между Іоанномъ и Менгли-Гиреемъ почти не прекращались; особенныя услуги оказалъ Менгли-Гирей Іоанну во время войны его съ Александромъ: помимо того, что онъ уничтожилъ окончательно послѣдніе остатки Золотой орды, онъ причинилъ сильнѣйшій вредъ и Александру литовскому: его земли давно уже не испытывали такихъ страшныхъ разореній, какія неоднократно производилъ въ нихъ Менгли-Гирей; онъ отодвинулъ далеко на западъ границу Польско-литовскаго государства сравнительно съ тѣмъ, какъ была она при Витовтѣ. Въ сношеніяхъ Іоанна съ Менгли-Гиреемъ произошелъ и слѣдующій случай, рисующій тогдашніе нравы и политику Іоанна: въ 1481 г. Тимофей Скряба, отправленный посломъ въ Крымъ, добился того, что Менгли-Гирей примирился съ Казиміромъ литовскимъ; но пока это устроилось и пока ханъ сообщилъ объ этомъ въ Москву, тамъ обстоятельства уже измѣнились, Іоаннъ снова желалъ, чтобы крымцы тревожили Литву и потому отправилъ туда новое посольство, которое отвезло въ Крымъ Скрябу, объявило отъ имени великаго князя, будто бы Тимофей дѣйствовалъ прежде тамъ въ противность даннымъ ему

наставленіямъ, выдало его головою хану и просило хана продолжать вражду съ Литвою. Но, впрочемъ, врядъ ли можно думать, чтобы Скрябу въ данномъ случаѣ постигли какія нибудь непріятности; крымцы вообще охотнѣе грабили Литву, чѣмъ изъ-за московскихъ отношеній соблюдали миръ съ этимъ сосѣдомъ; выдача Скрябы была, вѣроятно, такою чисто внѣшнею формальностью, какъ выдача головою обидчика впослѣдствіи при мѣстническихъ спорахъ.

Такъ дѣйствовалъ Іоаннъ относительно рускихъ земель, сохранившихъ еще самостоятельность, и боролся съ татарами и литовцами; но онъ велъ не мало и дружественныхъ сношеній съ западно-европейскими державами. При немъ впервые возобновились эти сношенія, надолго прерванныя тяжелымъ татарскимъ игомъ и усиленіемъ Польско-литовскаго государства. Первыми по времени и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе важными были при Іоаннѣ сношенія съ Римомъ, результатомъ которыхъ былъ бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ, а въ связи съ нимъ—и сношенія съ нѣкоторыми другими итальянскими государствами.

Бракъ съ Софьею Палеологъ. — Въ 1468 г., по совѣту кардинала Виссаріона, знаменитаго гуманиста и греческаго патріота, изъ Рима отправлены были Никколо Джисларди и грекъ Георгій къ нѣкоему Джону-Баттистѣ делля-Вольпе, монетчику великаго князя, жившему въ Москвѣ и извѣстному въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ивана Фрязина; они прибыли въ Москву 11 февраля 1469 г. и привезли Іоанну отъ имени кардинала Виссаріона предложеніе вступить въ бракъ съ Зоей Палеологъ, племянницей послѣдняго константинопольскаго императора. Предложеніе это было, конечно, пріятно для національнаго самолюбія русскихъ; вѣроятно и самъ Іоаннъ не безъ удовольствія думалъ, что посредствомъ этого брака родъ его будетъ связанъ съ угасавшимъ родомъ византійскихъ императоровъ. Послѣ совѣта съ митрополитомъ Филиппомъ, матерью и боярами, Іоаннъ, 8 марта 1469 г., отправилъ Вольпе въ Римъ, поглядѣть невѣсту и привезти ея портретъ. Вольпе былъ очень хорошо принятъ въ Римѣ при папскомъ дворѣ, получилъ портретъ принцессы и 14 октября 1470 г. выѣхалъ обратно, съ двухлѣтнею охранною грамотою папы для свободнаго проѣзда черезъ всѣ католическія земли. 16 января 1472 г. онъ снова выѣхалъ изъ Москвы въ Италію; съ нимъ ѣхали и русскіе послы; грамота, данная имъ, была написана на имя папы Калликста, какъ, по дошедшимъ въ Москву слухамъ, звали папу, избраннаго на мѣсто Пія II, умершаго въ 1471 г.; будучи уже заграницей, русскіе послы узнали, что новаго папу зовутъ не Калликстомъ, а Сикстомъ; они не рѣшились возвращаться за новыми грамотами, а подчистили въ грамотахъ, замѣнили имя «Калликстъ» именемъ «Сикстъ» и продолжали путь. 24 мая 1472 г. созвано было папой собраніе кардиналовъ, сообщено имъ о приходѣ пословъ отъ Іоанна, князя «Бѣлой Россіи», сватающаго Зою; кардиналы согласились на этотъ бракъ, принявъ во вниманіе, что митрополитъ русскій Исидоръ принялъ унію и что, слѣдовательно, «рутены» должны быть считаемы за «православныхъ». 25 мая послы были приняты папою, представили ему грамоты, поднесли дары, и папа выразилъ имъ согласіе на бракъ Зои съ Іоанномъ; есть основанія думать, что дѣло не встрѣтило никакихъ затрудненій въ вопросѣ о религіи жениха потому, что Вольпе ввелъ на этотъ счетъ папу въ заблужденіе и увѣрилъ его, что Іоаннъ согласится на полное подчиненіе Риму. 1 іюня 1472 г. совершено было въ базиликѣ св. Петра обрученіе Зои Іоанну, а уже на слѣдующій день папа высказалъ въ коллегіи кардиналовъ подозрѣнія въ истинѣ нѣкоторыхъ прежнихъ заявленій Вольпе и въ томъ, не переступилъ ли онъ отчасти данныхъ ему полномочій, потому что когда зашла рѣчь болѣе опредѣленно о вопросахъ вѣры и о походѣ противъ турокъ, въ чемъ сначала Вольпе общими выраженіями обнадеживалъ римскихъ политиковъ, то оказалось, что онъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ прямыхъ предписаній и полномочій на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе, обрученіе уже состоялось и 24 іюня 1472 г. Зоя съ Вольпе и довольно многочисленною свитою отправились въ Москву; путь ея лежалъ черезъ Флоренцію, Болонью, Нюренбергъ; въ началѣ сентября принцесса сѣла въ Любекѣ, на корабль и моремъ пріѣхала въ Ревель, отсюда прибыла въ Дерптъ, гдѣ ее встрѣтили представители великаго князя; 11 октября суда, везшія Софью—какъ стала называться Зоя съ момента вступленія на русскую территорію — были въ устьѣ Эмбаха торжественно привѣтствованы псковичами; тор-

жественная встрѣча ожидала Софью и въ Псковѣ и въ Новгородѣ; 12 ноября Софья прибыла въ Москву, прежде всего зашла помолиться въ соборъ, отсюда прошла въ покои великой княгини Маріи Ярославны матери Іоанна; здѣсь встрѣтилъ свою нареченную Іоаннъ и въ тотъ же день совершено было ихъ вѣнчаніе, въ деревянномъ шатрѣ, поставленномъ внутри Успенскаго собора, который тогда перестраивался.

Этотъ бракъ имѣлъ довольно большое значеніе во внутренней исторіи Россіи за время правленія Іоанна. Объ этомъ сказано будетъ ниже, а пока остановимся на двухъ особыхъ обстоятельствахъ, связанныхъ отчасти съ этимъ бракомъ. Софью сопровождалъ легатъ папскій Бонумбре; повсюду онъ занималъ почетное мѣсто въ ея поѣздѣ и привлекалъ общее вниманіе своимъ пышнымъ и страннымъ для русскихъ костюмомъ. Во Псковѣ онъ заходилъ въ русскія церкви, но прикладывался къ православнымъ образомъ только по настоятельному требованію царевны. Приближаясь къ Москвѣ, легатъ приказалъ везти предъ собою въ особыхъ саняхъ свой латинскій крестъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить, что дѣлать съ этимъ легатомъ, какъ его принимать; одни говорили, что за отличный пріемъ, оказанный русскимъ посланцамъ въ Римѣ, надо и съ нашей стороны оказать легату особое вниманіе и сдѣлать уступки; но митрополитъ Филиппъ заявилъ, что не останется ни минуты въ городѣ, если легату папскому будетъ оказанъ такой почетъ, какой для православныхъ неприлично оказывать представителямъ латинства. Тогда Іоаннъ отправилъ боярина Ѳедора Даниловича и онъ, встрѣтивъ поѣздъ царевны за 15 верстъ отъ Москвы, настоялъ, чтобы легатъ приказалъ убрать крестъ и въѣхалъ въ Москву безъ всякой особой торжественности, хотя при этомъ боярину пришлось преодолѣть упорное сопротивленіе легата и особенно Вольпе. Затѣмъ, по лѣтописному разсказу — очевидно, излагающему дѣло не безпристрастно — этотъ легатъ имѣлъ преніе о вѣрѣ съ митрополитомъ Филиппомъ и былъ совершенно посрамленъ русскимъ книжникомъ, знатокомъ Писанія, Никитой Поповичемъ, такъ что долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ споровъ, сославшись на то, что не имѣетъ съ собою необходимыхъ книгъ; вѣроятно, со стороны легата были сдѣланы какія либо попытки поднять вопросъ о вѣрѣ, несомнѣнно—никого ему не удалось убѣдить, и изъ этого факта затѣмъ создался такой разсказъ. Одновременно съ этимъ возникло въ Москвѣ другое, болѣе непріятное дѣло.

Сопровождавшій Вольпе въ его первомъ путешествіи въ Италію, племянникъ его Антоніо Джисларди, предложилъ Венеціи содѣйствіе свое и своего дяди для заключенія союза съ ханомъ Золотой орды, который, будто бы, готовъ былъ двинуться противъ турокъ, съ которыми тогда воевала Венеція, и могъ выставить до 200.000 войска. Не получая долго никакого отвѣта на свое предложеніе и считая это за признакъ недовѣрія, Джисларди предложилъ, чтобы съ нимъ былъ отправленъ уполномоченный республики, который бы убѣдился въ основательности представленнаго имъ плана. Венеціанская сеньорія назначила тогда своего секретаря, Джона Баттисту Тревизана, ѣхать съ Джисларди и завести сношенія съ Ахматомъ; со словъ Джисларди сеньорія думала, что самъ великій князь принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но этого не было; все было задумано однимъ Вольпе. Прибывъ въ Москву, онъ не объявилъ никому о цѣли пріѣзда Тревизана, а назвалъ его своимъ племянникомъ; онъ надѣялся потомъ доставить ему случай проѣхать въ Орду, но прежде долженъ былъ снова ѣхать въ Италію за Софьей. Когда прибыла въ Москву Софья, кто то изъ ея спутниковъ раскрылъ московскому правительству, кто такой Тревизанъ, и какое дано было ему порученіе. По тогдашнимъ понятіямъ вообще безъ вѣдома государя не должны были бывать въ государствѣ иностранцы; а съ Золотою ордою какъ разъ все это время (1470—1472) у Іоанна были отношенія далеко не дружественныя, поэтому — ѣхать безъ вѣдома великаго князя черезъ Москву въ Золотую орду съ цѣлью искать союза — было принято за оскорбленіе для ея Іоанна. Онъ страшно разгнѣвался, Вольпе приказалъ заключить въ тюрьму, въ Коломну, все имущество его отобрать, а Тревизана хотѣлъ было прямо казнить и помиловалъ только по просьбамъ спутниковъ Софьи. Тотъ самый Джисларди, объ участіи котораго въ этомъ дѣлѣ Іоаннъ ничего не зналъ, повезъ въ Венецію грамоту великаго князя, гдѣ тотъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу такого поведенія республики. Отвѣтъ республики, написан-

ный въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, вполнѣ удовлетворилъ Іоанна, разъяснилъ ему въ чемъ дѣло и Тревизанъ въ 1474 г. былъ отпущенъ въ Золотую орду съ русскимъ посломъ, дьякомъ Дмитріемъ Лазаревымъ и посломъ Ахмата, возвращавшимся въ Сарай. Съ извѣщеніемъ объ этомъ былъ отправленъ 24 іюля 1474 г. въ Венецію Семенъ Толбузинъ; ему поручено было кромѣ того привезти въ Москву искуснаго зодчаго; Толбузинъ исполнилъ это порученіе; вслѣдъ за нимъ и еще появились въ Москвѣ разные итальянцы мастера; о нихъ сказано будетъ нѣсколько далѣе.

Сношенія съ западной Европой и Турціей.—Въ 1486 г. начались первыя сношенія Іоанна съ императоромъ. Въ этомъ году явился въ Москву рыцарь Николай Поппель, путешествовавшій изъ любознательности съ охранною грамотою отъ императора Фридриха III. Въ Москвѣ онъ возбудилъ нѣкоторое удивленіе своимъ прибытіемъ; думали было, не подосланъ ли онъ для тайнаго развѣдыванія королемъ польскимъ; однако Поппель былъ отпущенъ безъ задержекъ. Возвратившись въ Германію, онъ сообщилъ, что за Польшею лежитъ другая Русь, вовсе не подвластная польскому королю и даже пожалуй еще болѣе обширная и могущественная. Въ 1489 г. Поппель вернулся въ Москву уже въ качествѣ посла отъ императора, заявилъ о желаніи императора быть въ дружбѣ съ великимъ княземъ и предлагалъ, чтобы дочь Іоанна была выдана за маркграфа баденскаго, племянника императора; затѣмъ онъ лично Іоанну сообщилъ, что до императора дошли слухи, будто-бы онъ, Іоаннъ, ищетъ, отъ папы королевскаго титула; Поппель говорилъ, что не папа даетъ этотъ титулъ, а только императоръ, и что императоръ охотно дастъ Іоанну титулъ короля. На это дьякъ Курицынъ отъ имени великаго князя отвѣчалъ 31 января 1489 г., что Іоаннъ не нуждается въ поставленіи отъ императора, такъ какъ русскіе государи—государи изначала и поставленіе свое имѣютъ отъ Бога. 22 марта 1489 г. съ Поппелемъ изъ Москвы отправленъ къ императору посолъ Юрій Траханіотъ, который долженъ былъ сообщить, что Іоаннъ готовъ быть въ дружбѣ и братствѣ съ императоромъ, а относительно сватовства за дочь великаго князя заявить, что выдать ее за маркграфа неприлично, но что Іоаннъ готовъ отдать дочь за Максимиліана, цесарева сына; вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ долженъ былъ приглашать для переѣзда въ московское государство разныхъ искусныхъ мастеровъ. Съ Траханіотомъ прибылъ въ Москву 16 іюля 1491 г. посолъ сына цесарева Максимиліана, Юрій Делаторъ, (фонъ-Турнъ), который предложилъ Іоанну союзъ съ императоромъ противъ польскаго короля и завелъ рѣчь о сватовствѣ Максимиліана на дочери Іоанновой; съ московской стороны предъявлены были требованія, чтобы русской княжнѣ предоставлена была полная свобода въ исповѣданіи православной вѣры, разговоры же о размѣрѣ приданаго были отклонены, какъ неприличные между великими государями. 19 августа Делаторъ поѣхалъ изъ Москвы обратно и съ нимъ русскіе послы—Юрій Траханіотъ и дьякъ Василій Кулешинъ; они везли грамоту Іоанна, въ которой онъ обѣщался помогать императору противъ Казиміра польскаго, если тотъ будетъ препятствовать Максимиліану въ достиженіи венгерской короны, и требовалъ, чтобы и императоръ помогалъ Москвѣ противъ Казиміра, когда Іоаннъ станетъ отбирать у него свои земли. Траханіотъ привезъ въ Москву (30 августа 1491 г.) подобную же грамоту отъ императора; но дѣло о сватовствѣ прекратилось, потому, что Максимиліанъ уже женился на принцессѣ бургундской. Во время отсутствія изъ Москвы этого посольства, 1 сентября 1490 г. въ Москву пріѣзжалъ человѣкъ Поппеля, Иванъ Саедръ, съ грамотой и поминками великому князю. Въ грамотѣ Поппель просилъ прислать для императора трехъ или четырехъ лосей и одного «гулятина, которые ѣдятъ сырое мясо»; результатъ этой обсылки неизвѣстенъ; гонецъ выѣхалъ обратно 9 сентября. 20 ноября 1491 г. снова пріѣхалъ въ Москву Делаторъ просить о помощи противъ Польши и о принятіи Іоанномъ подъ свое покровительство орденовъ тевтонскаго и ливонскаго. Іоаннъ отвѣчалъ, что Максимиліанъ самъ уже примирился съ Казиміромъ, уступивъ почти безъ борьбы венгерскій престолъ его сыну Владиславу, и что Іоаннъ тогда двинется на помощь, когда Максимиліанъ самъ всѣми силами будетъ бороться съ Польшею; относительно же рыцарскихъ орденовъ отвѣчали, что съ ними будетъ поступлено сообразно съ тѣмъ, какое челобитье пришлютъ они въ Москву. Такой же отвѣтъ долженъ былъ дать императору и Траханіотъ, который 6 мая 1492 г.

отправленъ былъ къ императору въ сопровожденіи Михаила Яропкина. Но становилось очевиднымъ, что сношенія Москвы съ имперіей не получаютъ никакого политическаго значенія; болѣе уже и не было настоящихъ оффиціальныхъ посольствъ; въ сентябрѣ 1492 г. въ Москву пріѣзжалъ нѣкій Снупсъ, желавшій выучиться по-русски и совершить путешествія въ отдаленнѣйшіе края московской земли; онъ имѣлъ рекомендательную грамоту отъ Максимиліана и его приняли ласково, но затѣмъ не пустили далѣе, подъ предлогомъ, что проѣздъ въ такія отдаленныя мѣста слишкомъ опасенъ; въ 1504 г. прибылъ отъ Максимиліана нѣкій Кантингеръ, который имѣлъ незначительное дипломатическое порученіе и вмѣстѣ долженъ былъ попросить у Іоанна бѣлыхъ кречетовъ; эта просьба была удовлетворена; пріѣздъ Кантингера былъ послѣднимъ въ ряду сношеній императора съ Іоанномъ.

Въ 1485 г. начались у Іоанна сношенія съ Венгріею. Знаменитый Матвѣй Корвинъ, тогдашній король венгерскій, прислалъ къ Іоанну посольство, съ предложеніемъ дружбы и союза; Іоаннъ принялъ эти предложенія благосклонно и отправилъ къ Матвѣю со своей стороны дьяка Ѳедора Курицына; онъ просилъ у венгерскаго короля присылки разныхъ мастеровъ, обѣщаясь со своей стороны служить королю всѣмъ, чѣмъ представится случай; въ 1487 г. Іоаннъ сообщалъ Матвѣю о совершившемся присоединеніи Твери и просилъ его двинуться на Польшу; однако, Матвѣй отклонилъ это приглашеніе, обѣщая выступить въ походъ, когда самъ Іоаннъ двинется болѣе рѣшительно; въ 1488 г. Іоаннъ отправилъ Матвѣю нѣсколько цѣнныхъ подарковъ; смерть Матвѣя пресѣкла эти сношенія.

Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, возвращаясь отъ Матвѣя Корвина въ 1487 г., былъ задержанъ въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ) турками; стараніями Менгли-Гирея и Матвѣя Корвина онъ былъ вскорѣ освобожденъ; турецкіе паши намекнули ему, что слѣдовало бы Іоанну вступить въ сношенія и съ султаномъ турецкимъ; однако, на этотъ разъ сношенія не начались, хотя Іоаннъ, справившись черезъ посредство крымскаго хана и получилъ благопріятный для ихъ начала отвѣтъ, отъ турецкихъ пажей; впервые Іоаннъ черезъ того же Менгли-Гирея отправилъ къ султану грамоту въ 1492 г., съ жалобами, что русскіе купцы подвергаются притѣсненіямъ и обидамъ въ Кафѣ и Азовѣ и съ предложеніемъ завести взаимныя сношенія. Султанъ, получивъ грамоту Іоанна, отправилъ и своего посла въ Москву; который долженъ былъ пріѣхать съ посольствомъ великаго князя, возвращавшимся отъ Менгли-Гирея; но въ Кіевѣ, по приказанію Александра литовскаго, посольство было задержано. Просьба Іоанна, чтобъ посолъ былъ пропущенъ, не была исполнена, подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде турецкіе послы не ходили черезъ литовскую землю и что по пути они будутъ ее «пересматривать». Не дождавшись этого посла, Іоаннъ весною 1497 г. отпустилъ въ Константинополь Михаила Плещеева; это былъ первый русскій посолъ у султана; Плещеевъ, сообразно данному ему наказу, держался въ Царьградѣ очень самостоятельно, добился того, что велъ дѣло прямо съ султаномъ, а не съ пашами, такъ что султанъ остался даже не очень доволенъ его поведеніемъ; но всетаки онъ сдѣлалъ просимыя Іоанномъ распоряженія о торговлѣ и она возобновилась; въ 1501 г. Іоаннъ посылалъ еще своего посла къ кафинскому намѣстнику.

Въ послѣдніе годы XV вѣка Іоаннъ велъ кратковременную войну со Швеціей; начать ее онъ обязанъ былъ союзомъ съ Даніей, король которой добивался шведской короны. Въ 1496 г. русскіе осаждали Выборгъ, но не могли его взять; въ 1497 г. русскіе дошли, опустошая все по пути, до Тавасгуста и нанесли значительное пораженіе шведскому войску, а кромѣ того, моремъ, изъ устьевъ Сѣверной Двины, напали на шведскіе берега и опустошили ихъ. Въ томъ же году шведское войско осадило и заняло Иванъ-городъ; но вскорѣ шведы удалились; датскій король достигъ своей цѣли, занялъ шведскій престолъ и война прекратилась, повидимому, безъ всякихъ результатовъ для Іоанна. Іоаннъ былъ еще постоянно въ союзѣ съ воеводой молдавскимъ Стефаномъ IV, такъ называемымъ Великимъ. Начало сношеній между ними относится къ 1480 г.; одинъ изъ спутниковъ кн. Ивана Звѣнца, ѣздившаго посломъ въ Крымъ, отвезъ къ Стефану предложеніе выдать его дочь за старшаго сына великаго князя. Въ 1482 г. Іоаннъ породнился со Стефаномъ, женивъ сына своего, Іоанна Молодого на дочери Стефана, Еленѣ. Стефанъ очень дорожилъ

дружбой Іоанна, потому что благодаря ей былъ спокоенъ со стороны Менгли-Гирея, прежде обнаруживавшаго намѣренія овладѣть его землею, и за это, со своей стороны, постоянно отвлекалъ силы государства Польско-литовскаго, когда это было нужно Іоанну. Въ 1491 г. Іоаннъ содѣйствовалъ примиренію Стефана съ Максиміліаномъ, королемъ римскимъ; въ 1499 г. удаленіе Елены и ея сына Димитрія охладило на время дружбу Іоанна и воеводы молдавскаго; но Менгли-Гирей, по порученію Іоанна, увѣрилъ Стефана, что свѣдѣнія о положеніи Елены, сообщенныя ему Александромъ литовскимъ, сильно преувеличены и Стефанъ снова напалъ на Литву и передъ смертью своею нанесъ Литвѣ такіе сильные удары, какихъ не наносилъ и прежде (онъ умеръ въ 1504 г.). Помимо этихъ сношеній Іоаннъ обмѣнивался еще посольствами съ ногайскою и тюменскою ордою; есть извѣстіе, что какой то посолъ его, Маркъ, былъ въ Персіи, но подробности этого посольства неизвѣстны; въ 1490 г. къ Іоанну приходило посольство отъ джагатайскаго или хорасанскаго хана, а въ 1492 г. — отъ грузинскаго князя Александра.

Внутренняя дѣятельность Іоанна III. — Такова была, въ главныхъ чертахъ, дѣятельность Іоанна въ области внѣшней политики. Ей Іоаннъ посвящалъ наибольшее вниманіе и, какъ мы видимъ, достигъ значительныхъ успѣховъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его дѣятельности по внутреннему устройству и управленію государствомъ.

Объединяя русскую землю путемъ присоединенія къ московскому княжеству отдѣльныхъ земель, Іоаннъ позаботился и закрѣпить это соединеніе; для этого онъ выводилъ изъ вновь присоединенныхъ областей извѣстную часть жителей въ области, изстари московскія, а на мѣсто выселенныхъ посылалъ переселенцевъ изъ этихъ областей. Такая мѣра была неоднократно примѣнена къ Новгороду, также къ Перми, Вяткѣ; изъ Тверской области жители сами до присоединенія переходили въ московскую; подобнымъ же образомъ дѣйствовало московское правительство и при сынѣ и внукѣ Іоанна. Эта мѣра, конечно, была непріятна тѣмъ мѣстностямъ, откуда такихъ переведенцевъ брали, но она достигала своей цѣли. Окончивъ свои присоединенія, Іоаннъ счелъ необходимымъ дать общія правила для суда и отчасти для управленіи. Такимъ образомъ явился Судебникъ, составленный по повелѣнію великаго князя дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ; онъ былъ утвержденъ великимъ княземъ, его дѣтьми и боярами и получилъ силу закона съ сентября 1497 г., тогдашняго начала новаго года. Въ основу этого Судебника положены уставныя грамоты, отчасти «Русская Правда», нѣсколько статей заимствовано изъ Двинской, и изъ Псковской судныхъ грамотъ. Главное содержаніе Судебника — опредѣленіе кто и какъ судитъ и сколько получаетъ за судъ; право суда признано за намѣстниками и волостелями, но съ непремѣннымъ условіемъ участія въ судѣ земскихъ представителей — дворскаго, старосты и «лучшихъ» людей; намѣстники Новгорода, Твери, Нижняго-Новгорода, и нѣкоторыхъ другихъ городовъ имѣли право суда и окончательнаго рѣшенія по дѣламъ болѣе важнымъ, чѣмъ намѣстники другихъ городовъ, которые свои рѣшенія въ подобныхъ случаяхъ должны были представлять на утвержденіе великаго князя. Доказательствами Судебникъ признаетъ письменные акты, показанія свидѣтелей и судебные поединки, такъ называемое «поле»; въ качествѣ наказанія являются смертная казнь, тѣлесныя наказанія и денежныя пени; тяжущіеся платятъ судьямъ опредѣленныя пошлины; постановленій гражданскаго характера — о наслѣдствѣ, куплѣ — продажѣ, о займахъ, и т. п. — въ этомъ Судебникѣ очень мало; новостью въ немъ является статья, запрещающая отказывать въ правосудіи; но вообще по полнотѣ и построенію этотъ законодательный памятникъ стоитъ значительно ниже Псковской Судной грамоты. Его положенія должны были быть неоднократно объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ городахъ и селахъ на торговыхъ площадяхъ во время торга; но онъ не уничтожалъ и не отмѣнялъ многочисленныхъ отдѣльныхъ частныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ суда для разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ группъ жителей: судъ по Судебнику долженъ былъ совершаться только въ томъ случаѣ, когда такой спеціальной грамоты не было. Ко времени же Іоанна относится Бѣлозерская таможенная грамота, сообщающая намъ любопытныя свѣдѣнія о порядкахъ тогдашней торговли и о связанныхъ съ нею пошлинахъ. Вообще въ дѣлѣ внутренняго управленія Іоаннъ не внесъ ничего особенно важнаго новаго; мы только знаемъ точнѣе и

лучше о многихъ фактахъ и явленіяхъ внутренняго положенія Руси съ его времени, благодаря тому, что отъ этой эпохи дошло до насъ болѣе памятниковъ. Областное управленіе по прежнему совершалось посредствомъ назначенія въ города намѣстниковъ, а въ села и волости волостелей; они управляли извѣстною областью, судили тамъ и взамѣнъ этого получали доходы съ управляемыхъ, «кормились», отчего и самое названіе ихъ—«кормленщики»; въ управленіи черезъ намѣстниковъ смѣшаны начало государственное — управленіе извѣстною группою людей, и частное—полученіе извѣстнымъ человѣкомъ доходовъ; помощниками кормленщиковъ въ управленіи являлись тіуны и доводчики; отношенія ихъ къ управляемымъ опредѣлялись отчасти уставными грамотами, а еще болѣе—обязательствомъ дѣйствовать по старинѣ, сохранять изстари сложившіяся отношенія. Главное значеніе намѣстничьяго управленію состояло въ томъ, что черезъ него сохранялась болѣе прочная связь провинцій съ центромъ, съ государствомъ; обыкновенно намѣстниковъ довольно часто перемѣняли, но извѣстенъ случай, что представители одной и той же фамиліи непрерывно назначались намѣстниками съ одной мѣстности (въ Мещерѣ) въ теченіе почти всего XV в. и большей половины XVI в.; впрочемъ, въ самое послѣднее время высказано сомнѣніе въ подлинности тѣхъ актовъ, которые намъ объ этомъ сообщаютъ; не рѣдко случалось, что князья прежде самостоятельные, но добровольно подчинявшіеся московскому великому князю, были назначаемы намѣстниками въ ихъ бывшихъ самостоятельныхъ удѣлахъ, гдѣ они сохраняли при этомъ большія земельныя владѣнія; извѣстно, что еще въ XVI в. князья Воротынскіе, Одоевскіе и другіе владѣли огромными пространствами земель въ своихъ прежнихъ удѣлахъ. Совершенно естественно, конечно, что далеко не всѣ знатные, богатые, родовитые бояре великаго князя смотрѣли съ удовольствіемъ или хотя бы даже спокойно, на такое усиленіе его власти, какое постоянно совершалось и которое несомнѣнно должно было раньше или позже кореннымъ образомъ измѣнить ихъ взаимныя отношенія съ великимъ княземъ. Мы видѣли уже, на примѣрѣ князя Оболенскаго-Лыко, что Іоаннъ не былъ склоненъ признавать во всей широтѣ права отъѣзда, права, которое прежніе князья признавали за своими слугами безусловно. Правда, что съ уменьшеніемъ числа самостоятельныхъ русскихъ княжествъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ Москвѣ, отъѣздъ становился возможнымъ почти только къ исконнымъ врагамъ Москвы—почти только въ государство Польско-литовское, но Іоаннъ, во всякомъ случаѣ, круто и рѣшительно высказался противъ права отъѣзда. Съ его времени начинается рядъ записей, которыми разные знатные, видные бояре обязывались ни къ какому другому государю отъ великаго князя московскаго не отъѣзжать, причемъ обыкновенно за каждаго боярина, съ котораго великій князь считалъ необходимымъ взять запись, являлись поручителями митрополитъ и большое число другихъ бояръ, отвѣчавшихъ въ случаѣ его отъѣзда каждый опредѣленною, довольно большою, суммою денегъ. Между боярами въ правленіе Іоанна первое мѣсто занимали князья Патрикѣевы, Ряполовскіе, Оболенскіе, вступившіе на московскую службу еще при отцѣ или дѣдѣ Іоанна, и князья Холмскіе, бывшіе прежде удѣльными тверскими; кн. Даніилъ Холмскій одержалъ Іоанну нѣсколько знаменитыхъ побѣдъ, и за сына его, кн. Василія, была выдана вторая дочь Іоанна, Ѳеодосія; эти князья, являвшіеся въ Москву обыкновенно со своими прежними удѣлами, занимали при дворѣ великокняжескомъ мѣста выше старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, изъ которыхъ только Кошкины сохранили почти равное положеніе съ ними. Ко времени Іоанна относятся первыя такія указанія источниковъ, которыя даютъ поводъ предполагать, что уже подготовлялось основаніе Приказовъ, т. е. что начинался переходъ отъ управленія посредствомъ отдѣльныхъ лицъ къ управленію черезъ учрежденія.—Административное дѣленіе во владѣніяхъ Іоанна сохранялось прежнее; общимъ было дѣленіе на уѣзды, уѣзды дѣлились на волости и станы, причемъ это послѣднее дѣленіе не было всюду единообразно: въ однихъ мѣстностяхъ волости подраздѣлялись на станы, въ другихъ—станы на волости. Для взиманія государственныхъ податей уже тогда существовала система, болѣе обстоятельно извѣстная намъ отъ XVI и XVII в., именно дѣленіе на сохи: для исполненія извѣстной, заранѣе опредѣленной, суммы различныхъ повинностей уѣздныя земли распредѣлялись на такъ называемыя «сохи»; каждая

такая соха платила или исполняла одинаковое, равное количество податей; но различіе между землями разныхъ разрядовъ установлялось тѣмъ, что на соху полагалось однихъ земель меньшее пространство, а другихъ большее; именно, на соху полагалось меньшее пространство тѣхъ земель, которыя должны были нести болѣе податей, и большее пространство такихъ, съ которыхъ податей собиралось менѣе; такимъ образомъ, по количеству земли наименьшею являлась соха черныхъ крестьянъ, какъ исполнявшихъ повинности единственно по отношенію къ государству, а наибольшей — соха земель помѣстныхъ, какъ назначенныхъ спеціально на содержаніе служилыхъ людей. Качество земель, ихъ доходность, такъ же принимались въ разсчетъ: чѣмъ земля была хуже, бѣднѣе, тѣмъ больше ея полагалось на соху. Крестьяне между собою уже сами распредѣляли повинности, соотвѣтственно численному составу и состоятельности отдѣльныхъ семей. Даже городскія оброчныя статьи, какъ, напримѣръ, лавки и вообще городскіе дворы, раскладывались такъ же по сохамъ, при чемъ сохѣ приравнивалось опредѣленное количество дворовъ, большее или меньшее тоже въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій. Ко времени Іоанна относятся и первыя дошедшія до насъ описанія земель; древнѣйшія изъ нихъ, описанія земель Новгородской области, сдѣланы въ 1495 г; лѣтописи сообщаютъ, что уже въ 1492 г. тверскія земли описаны были «по-московски въ сохи»; описаніе 1495 г. для нѣкоторыхъ мѣстностей являлось уже не первымъ. Можно находить довольно близкую аналогію между установившеюся въ московскомъ государствѣ въ XV—XVII в.в. системою и системой, издревле примѣнявшейся въ Византійской имперіи, но трудно прослѣдить тотъ путь, какимъ проникли византійскіе порядки этого дѣла въ Москву.

Крестьяне въ правленіи Іоанна оставались приблизительно въ прежнемъ положеніи; отношеніе ихъ ко владѣльцамъ земель, на которыхъ они сидѣли, продолжало развиваться и опредѣляться въ установившемся уже направленіи: все болѣе и болѣе признавалось нормальнымъ, чтобы земледѣлецъ не имѣлъ возможности и права слишкомъ легко, по собственному только желанію, мѣнять свое мѣсто жительства. Уже при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ нѣкоторые монастыри получили право не выпускать своихъ крестьянъ иначе, какъ въ опредѣленный срокъ, именно около осенняго Юрьева дня, и даже вовсе ихъ не выпускать. По Судебнику 1497 г. всѣ вообще крестьяне получили право выходить изъ-за прежнихъ владѣльцевъ, «отказываться» изъ волости въ волость и изъ села въ село только въ теченіе двухъ недѣль въ году, за недѣлю до осенняго Юрьева дня (26 ноября) и въ теченіи недѣли послѣ него, и притомъ установлена была за всякій выходъ извѣстная плата въ пользу владѣльца двора. Дальнѣйшее развитіе этихъ отношеній мало по малу привело, какъ извѣстно, къ полному закрѣпощенію крестьянъ.

Вообще, въ правленіе Іоанна собственно Московское княжество было все время спокойно и, вѣроятно, увеличило свое богатство. Оно не подвергалось никакимъ нашествіямъ или опустошеніямъ; только восточныя окраины были нѣсколько разъ тревожимы казанцами, да на югѣ два раза подходилъ Ахматъ, но ему не удалось проникнуть внутрь Московскаго княжества; центральныя части великаго княжества были спокойны отъ внѣшнихъ враговъ и только физическія бѣдствія нѣсколько разъ постигали ихъ: въ 1463—1464 гг. свирѣпствовалъ въ Москвѣ голодъ и съ нимъ моръ; страшный моръ постигъ сѣверъ тогдашней Руси въ 1467 г.; во Псковѣ онъ продолжался въ 1465—1466 гг., затѣмъ возобновился въ 1485 г.

Іоанну III принадлежитъ починъ въ украшеніи Москвы многими замѣчательными постройками. И возраставшее богатство великаго князя, и усиливавшееся его могущество, для котораго казалась необходимою и болѣе великолѣпная обстановка, побуждали къ этому Іоанна. Уже въ самые первые годы его правленія у него на службѣ были нѣкоторые иностранные ремесленники; такъ, дѣло о сватовствѣ Іоанна къ Софьѣ Палеологъ велось черезъ Джана Баттисту Вольпе (Иванъ Фрязинъ русскихъ лѣтописей), итальянца-монетчика великаго князя московскаго. Послѣ того какъ по дѣлу объ этомъ бракѣ Москва обмѣнялась нѣсколькими посольствами съ Римомъ, довольно часто стали появляться въ Западной Европѣ посольства изъ Москвы; политическіе вопросы затрогивались ими почти исключительно въ Вѣнѣ и касались дѣлъ съ Польшею и Литвою; въ сношеніяхъ съ папою они давали неопредѣленныя обѣща-

нія вступить въ союзъ противъ турокъ; главною же ихъ цѣлью было приглашеніе въ Москву разныхъ мастеровъ, рабочихъ, артистовъ, даже докторовъ. При Іоаннѣ появились въ Москвѣ первые рудознатцы, Иванъ и Викторъ, которые начали добывать на Руси свое серебро, рядъ докторовъ, первый «органный игрецъ», капланъ бѣлыхъ августинцевъ, Иванъ Спаситель (очевидно Salvator); говорятъ, въ сношеніяхъ съ Даніей былъ затронутъ вопросъ о приглашеніи въ Москву мастеровъ печатнаго дѣла, только что сдѣлавшагося извѣстнымъ и въ самой Европѣ. Наиболѣе удачно было приглашеніе въ Москву Рудольфа Фіораванти дельи Альберти, извѣстнаго подъ именемъ Аристотеля; онъ пріѣхалъ въ Москву съ русскимъ посломъ Семеномъ Толбузинымъ въ 1474 году; Аристотель былъ знаменитъ по всей Италіи своимъ искусствомъ въ разныхъ художествахъ, особенно въ архитектурѣ; получивъ одновременно приглашенія отъ султана Баязета и Іоанна III, онъ отдалъ предпочтеніе Москвѣ и пріѣхалъ со своимъ сыномъ Андреемъ и ученикомъ Петромъ Соляри; по условію онъ получалъ жалованья въ мѣсяцъ десять рублей серебра (около двухъ фунтовъ по вѣсу), сумму, по тогдашнему времени очень значительную. Въ 1490 г. множество каменьщиковъ, оружейниковъ, литейщиковъ и пр., а такъ же докторъ Леонъ Жидовинъ, извѣстный своею трагическою смертью, были приведены въ Москву братьями Дмитріемъ и Мануиломъ Ралевыми, греками по происхожденію, отправленными изъ Москвы послами въ 1488 г. Въ 1494 г. привезли въ Москву новую партію мастеровъ послы Мануилъ Докса и Данило Мамыревъ; въ числѣ ихъ спутниковъ были оружейный мастеръ Піетро и архитекторъ Алевизъ.— Аристотель Фіорованти построилъ въ 1479 г. въ Москвѣ Успенскій соборъ въ томъ самомъ видѣ, какъ существуетъ онъ понынѣ; затѣмъ итальянскими же мастерами былъ выстроенъ Благовѣщенскій соборъ; Петръ Антоніо Соляри закончилъ къ 1491 г. такъ называемую Грановитую палату; въ 1499 г. Алевизъ началъ строить каменныя царскія палаты, такъ называемый Теремный дворецъ. Въ теченіе 1485—1492 гг. были выстроены разными мастерами шесть каменныхъ башень въ Кремлевской стѣнѣ; въ 1505 г., еще при жизни Іоанна, былъ заложенъ въ Москвѣ Архангельскій соборъ, на мѣстѣ древняго храма, существовавшаго еще со временъ Калиты и разобраннаго для возведенія новаго храма; Аристотель, помимо своего строительства, чеканилъ еще монету, лилъ колокола и пушки; особенно большую пушку отлилъ въ 1488 г. Павелъ Дебосисъ; она въ свое время называлась Царь-пушкою, такъ же какъ и нынѣ существующая (отлитая въ 1686 г. мастеромъ Андреемъ Чоховымъ).

Извѣстно, какое сильное вліяніе на умы современниковъ произвело взятіе турками Константинополя въ 1453 г. При тогдашнемъ господствѣ религіознаго міросозерцанія такой фактъ, какъ переходъ столицы православнаго Востока въ руки мусульманъ, производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Появилось немедленно же множество литературныхъ произведеній, трактовавшихъ объ этомъ событіи; эти произведенія привлекали большое вниманіе русскихъ читателей и мало по малу въ нихъ начала выдвигаться мысль, что съ паденіемъ Византіи первенствующая роль въ христіанствѣ перешла къ Москвѣ и что Москва должна быть представительницею всего православнаго міра; бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ долженъ былъ придать еще новыя основанія признавать въ Москвѣ преемницу всемірнаго значенія Царьграда. Но два обстоятельства мѣшали дальнѣйшему развитію идеи объ этомъ возрастающемъ значеніи Москвы. Во первыхъ, сама Москва была еще подъ властью татарскихъ хановъ, во вторыхъ—по существовавшему въ то время убѣжденію съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, т. е. въ 1492 г. отъ Р. Х., долженъ былъ наступить конецъ міра. Это мнѣніе было общераспространеннымъ въ Московской Руси и отголоски его ясно видны какъ въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ замѣткахъ, такъ даже и въ нѣсколькихъ дѣловыхъ актахъ: за нѣкоторое время до 1492 г. замѣчается, что этотъ годъ все чаще и чаще ставится предѣльнымъ срокомъ разнаго рода условій и обязательствъ. Но татарское иго свергнуто; прошелъ и 1492 годъ, не принеся никакихъ существенныхъ измѣненій. Между тѣмъ успѣхи Московскаго княжества, ростъ его силы, значенія и славы—факты уже неоспоримые. И вотъ, въ новой пасхаліи, составленной митрополитомъ Засимою для годовъ, слѣдующихъ за 1492 г., на которые прежде даже и пасхаліи не существовало, читаемъ, что нынѣ «просла-

вилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константинову — Москвѣ, и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя». Это есть, сколько извѣстно, первое ясное выраженіе мысли, что прежнее значеніе Византіи, какъ столицы всего православнаго міра, перенесено на Москву. Извѣстно, что въ скоромъ времени, въ первой же четверти XVI вѣка, эта идея получила вполнѣ опредѣленную формулировку въ посланіяхъ старца Филофея, что впослѣдствіи такое воззрѣніе стало однимъ изъ факторовъ, опредѣлявшихъ все міросозерцаніе русскихъ людей въ XVI и XVII вѣкахъ; и если нельзя не признать, что именно паденіе Константинополя дало для этого первый поводъ, то несомнѣнно, что полное великихъ событій правленіе Іоанна III много содѣйствовало тому, что такая идея получила въ Московской Руси и полное развитіе и большое распространеніе.

Дѣла церковныя. — Вопросы просвѣщенія и нравственности въ правленіи Іоанна III стояли, конечно въ ближайшей связи съ дѣятельностью духовенства. Стремленіе къ упорядоченію жизни церковнослужителей, выступавшее не разъ и прежде, вызвало во Псковѣ въ самомъ началѣ правленія Іоанна, рѣшеніе отстранить отъ богослуженія всѣхъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ; архіепископъ новгородскій Іона хотѣлъ отмѣнить это рѣшеніе, но митрополитъ Ѳеодосій одобрилъ дѣйствія псковичей; самъ онъ строго слѣдилъ за жизнью священниковъ, не одобрялъ получавшаго слишкомъ большое распространеніе обычая, чтобы чуть не всякій состоятельный человѣкъ строилъ себѣ особую церковь; строгость Ѳеодосія вообще во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ вызвала противъ него неудовольствіе; и митрополитъ, послѣ того, какъ перенесъ тяжелую болѣзнь, 13 сентября 1464 г., оставилъ митрополію и жилъ до смерти въ Чудовомъ монастырѣ, среди подвиговъ милосердія. Преемникомъ Ѳеодосія былъ Филиппъ, современникъ покоренія Новгорода, посылавшій новгородцамъ укоризненныя грамоты по поводу заключеннаго ими союза съ королемъ польскимъ и убѣждавшій ихъ къ покорности Іоанну. Въ 1474 г. Филиппъ умеръ; мѣсто его занялъ 29 іюня Геронтій, епископъ коломенскій, и правилъ митрополіею 15 лѣтъ (по день смерти, 28 мая 1489 г.). Его отношенія къ великому князю отличались довольно значительною самостоятельностью. Такъ, когда возникъ споръ у митрополита съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ изъ-за того, что митрополитъ согласился признать за Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ право перейдти изъ вѣдома ростовскаго владыки подъ вѣдѣніе удѣльнаго князя верейскаго Михаила Андреевича, Іоаннъ не безъ затрудненій добился, что митрополитъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, а въ другомъ столкновеніи великій князь долженъ былъ прямо уступать. Въ 1479 г., по случаю освященія Успенскаго собора, возникъ споръ, правильно ли поступилъ митрополитъ, ходившій во время освященія съ крестами около церкви противъ солнца, а не по солнечному движенію; споръ затянулся; прямыхъ указаній, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, не находили; сторону митрополита приняло все духовенство, кромѣ архимандрита Чудовскаго, Геннадія и ростовскаго епископа Вассіана, и впослѣдствіи его преемника Іоасафа. Въ то время, пока Москва занята была послѣднимъ нашествіемъ Ахмата, митрополитъ молчалъ; но послѣ отраженія татаръ, онъ ставилъ митрополію и удалился въ Симоновъ монастырь; убѣжденія великаго князя Іоанна Іоанновича, ѣздившаго къ нему по порученію отца, не подѣйствовали; тогда Іоаннъ самъ отправился въ Симоновъ монастырь, просилъ у митрополита прощенія и только послѣ этого Геронтій вернулся на каѳедру. Преемникомъ Геронтію 22 сентября 1490 г. былъ избранъ Симоновскій архимандритъ Зосима; его управленіе было недолговременно. Склонность митрополита къ обнаружившейся въ Новгородѣ и перешедшей въ Москву ереси и не вполнѣ достойная его жизнь была причиною, что 17 мая 1494 г. Зосимъ пришлось оставить митрополію; преемникомъ его былъ избранъ 6 сентября игуменъ Троицы Сергіева монастыря Симонъ (правилъ по 1511 г.). Въ правленіе Іоанна духовенство, а съ нимъ отчасти и свѣтская власть, была заняты вопросомъ о еретикахъ, о церковныхъ имуществахъ и о вдовыхъ священникахъ. Чтобы понять возникновеніе этихъ вопросовъ и оцѣнить ихъ значеніе, необходимо имѣть въ виду довольно печальное состояніе просвѣщенія въ средѣ тогдашняго

русскаго духовенства. Архіепископъ новгородскій Геннадій, въ посланіяхъ своихъ жаловался, что къ нему часто по выбору прихожанъ являются для посвященія на дьяконскія и даже на священническія мѣста люди совершенно не грамотные, и что они даже не желаютъ учиться грамотѣ и убѣгаютъ, когда архіепископъ приказываетъ ихъ обучить. Тотъ же Геннадій въ перепискѣ съ архіепископомъ ростовскимъ Іоасафомъ, спрашивалъ его, нѣтъ ли въ монастыряхъ его епархіи нѣкоторыхъ книгъ, которыми пользовались жидовствующіе и которые поэтому необходимы были Геннадію для борьбы съ ними, и въ томъ числѣ спрашиваетъ о такихъ книгахъ, какъ Бытія, Царствъ, Притчи, Іисусъ Навинъ и т. п. Извѣстно, что сравнительно съ XVI вѣка отъ XV вѣка до насъ дошло рукописей чрезвычайно мало: рукописей за все время до конца XV вѣка сохранилось менѣе, чѣмъ отъ одного XVI вѣка. Кромѣ недостаточной образованности массы духовенства среди его замѣчались еще и другія нежелательныя явленія; особенно распространенъ былъ обычай ставить въ священный санъ почти единственно за деньги; многіе священники къ явному соблазну мірянъ вели совершенно неприличный образъ жизни.

При такихъ условіяхъ довольно быстро распространилось въ тогдашнемъ обществѣ одно еретическое ученіе. Впервые оно обнаружилось въ Новгородѣ. Наши свѣдѣнія и въ данномъ случаѣ таковы же, какъ и въ другихъ подобныхъ: и мы принуждены почерпать свѣдѣнія объ ученіи еретиковъ и объ распространеніи ереси изъ ея обличеній и потому не можемъ сказать, чтобы то и другое было извѣстно намъ совершенно точно. Говорятъ, что ересь эту занесъ въ Новгородъ жидъ Схарія, бывшій въ концѣ 1470 или въ началѣ 1471 г. въ Новгородѣ въ свитѣ князя Михаила Олельковича, занимавшаго въ это время по приглашенію новгородцевъ новгородскій столъ. Еретики отрицали христіанскую религію почти во всей ея сущности, отрицали ученіе о Троицѣ, отрицали будущую жизнь, отрицали таинства; но до послѣдняго времени высказываются сомнѣнія, дѣйствительно ли въ ихъ ученіи было много спеціально еврейскаго. Долгое время ересь распространялась въ Новгородѣ тайно; архіепископъ Ѳеофилъ, занятый борьбою Новгорода съ Москвой, не обращалъ вниманія на волненія среди своей паствы, вызванныя догматическими вопросами; первый назначенный изъ Москвы архіепископъ Сергій встрѣтилъ такое единодушно недружелюбное отношеніе къ себѣ со стороны новгородцевъ, что его вліяніе на внутреннюю жизнь паствы неизбѣжно было совершенно ничтожнымъ. Кромѣ того, еретики и вообще отличались чрезвычайною осторожностью и ловкостью въ своихъ дѣйствіяхъ. Охотно соблюдая по внѣшности всѣ предписанія православной церкви и являясь за то тѣмъ болѣе смѣлыми отрицателями ея ученія предъ людьми, склонными ихъ слушать, еретики успѣшно распространяли свое лжеученіе и въ то же время два изъ главнѣйшихъ представителей ереси, священники Алексѣй и Діонисій, успѣли такъ понравиться Іоанну III, когда онъ пріѣзжалъ въ 1480 г. въ Новгородъ, что онъ перевелъ ихъ въ Москву и опредѣлилъ перваго протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а второго — священникомъ въ Архангельскую церковь при своемъ дворѣ. Здѣсь представители новгородскаго лжеученія успѣли склонить къ своимъ мнѣніямъ очень многихъ: въ числѣ ихъ послѣдователей были архимандритъ Симонова монастыря Зосима, невѣстка великаго князя, вдова его сына Елена, и два брата дьяки Курицыны, одни изъ приближеннѣйшихъ къ великому князю дѣльцовъ; еретики оставались въ Москвѣ тѣмъ болѣе свободно, что въ это время общее вниманіе было отвлечено тѣмъ столкновеніемъ великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ 1484 г. Геннадій, только что назначенный архіепископомъ новгородскимъ, раскрылъ тамъ существованіе ереси. Онъ узналъ, что четыре священника, будучи въ нетрезвомъ состояніи, надругались надъ священными иконами. Виновные были привлечены къ отвѣту и изъ разслѣдованія обнаружилось, что они дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ особаго ученія, котораго придерживались. Геннадій узналъ, что въ Новгородѣ довольно много ихъ единомышленниковъ. Четыре первые обвиненные убѣжали изъ Новгорода въ Москву. По донесенію Геннадія они были отосланы въ Новгородъ, съ предписаніемъ отъ митрополита и великаго князя, чтобы было произведено обстоятельное дознаніе о ереси. Послѣ разслѣдованія дѣла Геннадій тѣхъ изъ еретиковъ, которые сознали свои

заблужденія, подвергъ церковному покаянію и епитиміямъ, о нераскаянныхъ донесъ въ Москву, а ихъ самихъ передалъ для наказанія великокняжескимъ намѣстникамъ. Но изъ Москвы онъ теперь не получилъ никакого отвѣта; митрополитъ Геронтій лично былъ противъ него предубѣжденъ, а кромѣ того, въ это время возвратился въ Москву ѣздившій посломъ въ Венгрію дьякъ Курицынъ и, вѣроятно, задержалъ преслѣдованіе еретиковъ своимъ вліяніемъ. Вскорѣ митрополитъ Геронтій умеръ; болѣе полутора года преемникъ ему не былъ избранъ, и отсутствіе духовнаго главы, конечно, имѣло результатомъ, что ересь распространялась особенно успѣшно; великій князь смотрѣлъ на нее какъ то слишкомъ спокойно, а главный борецъ противъ нея, новгородскій архіепископъ Геннадій, былъ какъ бы въ нѣкоторой опалѣ, такъ что его не только не пригласили въ Москву на выборъ новаго митрополита, но Зосима, немедленно по своемъ избраніи, потребовали даже отъ Геннадія новаго «исповѣданія вѣры», которое Геннадій, по обычаю, уже представилъ при своемъ поставленіи. Посылая это исповѣданіе, Геннадій возобновилъ свои требованія, чтобы ересь не была оставлена безъ вниманія, и указалъ главныхъ покровителей ея въ Москвѣ. Въ то же время на борьбу съ еретиками выступилъ знаменитый своею святою жизнью, своими строгими правилами и горячею ревностью подвижникъ, игуменъ волоколамскаго монастыря Іосифъ, (Іосифъ Санинъ). Стараніями его и Геннадія было достигнуто, что 17 октября 1490 г. созванъ былъ въ Москвѣ по дѣлу о ереси соборъ; на немъ девять человѣкъ еретиковъ изъ духовныхъ были осуждены, прокляты, выданы Геннадію и подвергнуты имъ въ Новгородѣ публичному позорному наказанію.

Но ересь не была уничтожена. Горячія обличенія ея Іосифомъ, причемъ онъ смѣло нападалъ и на самого митрополита, заставилъ этого послѣдняго сложить съ себя санъ. Однако, вѣроятно, подъ вліяніемъ дьяка Курицына, въ новгородскій Юрьевъ монастырь былъ назначенъ архимандритомъ Кассіанъ, оказавшійся еретикомъ; когда это обнаружилось, Іосифъ лично явился къ великому князю и склонилъ его принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; великій князь такъ былъ убѣжденъ Іосифомъ, что просилъ у него прощенія за то, что такъ долго не обращалъ на ересь должнаго вниманія и далъ слово искоренить ересь; у него явилось было сомнѣніе, не грѣхъ ли подвергать за религіозныя убѣжденія строгимъ наказаніямъ, но Іосифъ успѣлъ разубѣдить его въ этомъ. Однако, когда Іосифъ удалился, рѣшительныя мѣры снова не были приняты, не смотря даже на то, что Іосифъ напоминалъ великому князю черезъ его духовника объ его обѣщаніи. Только тогда, когда совершенно измѣнились существовавшія въ семьѣ великаго князя отношенія, когда его внукъ Димитрій, объявленный уже наслѣдникомъ престола и его мать, Елена, вдова Іоанна Молодого, были удалены и подверглись опалѣ, когда подверглись опалѣ и многія другія вліятельныя лица, державшія партію Димитрія и Елены, а Елена, какъ извѣстно придерживалалась ереси, только тогда новый соборъ, созванный въ 1504 г., въ присутствіи Іоанна и сына его Василія, подъ вліяніемъ особенно Іосифа волоцкаго, игравшаго на соборѣ первенствующую роль, примѣнилъ къ еретикамъ крайнія мѣры: дьякъ Волкъ Курицынъ, архимандритъ Кассіанъ и многіе другіе были сожжены, частью въ Москвѣ (27 декабря), частью въ Новгородѣ; другіе были подвергнуты различнымъ другимъ наказаніямъ, многіе заточены подъ строгій присмотръ въ монастыри. Ереси былъ нанесенъ послѣдній ударъ и только уже слабые отголоски ея проявлялись въ правленіе сына Іоанна.

Соборъ 1504 г., осудившій еретиковъ, былъ продолженіемъ собора, созваннаго въ 1503 г., и обсуждавшаго сначала другіе вопросы церковнаго благоустройства. Прежде всего былъ установленъ возрастъ, недостигшихъ котораго запрещено было посвящать въ діаконы и въ священники, именно 25 лѣтъ для перваго и 30 лѣтъ для второго сана; затѣмъ повторены строгія запрещенія поставлять кого либо въ духовный санъ не по достоинству, а единственно за деньги. Къ сожалѣнію, это послѣднее постановленіе было тотчасъ же нарушено однимъ изъ выдающихся святителей того времени: Геннадій новгородскій, немедленно же по возвращеніи въ Новгородъ, оказался виновнымъ въ поставленіи за деньги, былъ лишенъ сана, заточенъ въ Чудовъ монастырь и тамъ скончался черезъ два съ половиной года. Тотъ же соборъ отстранилъ отъ богослуженія

всѣхъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, и только тѣмъ изъ нихъ, которые извѣстны были своею достойною жизнью, разрѣшилъ ношеніе епитрахилей и стихарей. Поводомъ къ такому рѣшенію послужили многочисленные, бросавшіеся въ глаза факты крайне распущенной жизни вдовыхъ священнослужителей. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать такое рѣшеніе неспреведливымъ по отношенію къ тѣмъ изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, жизнь которыхъ не представлялась безнравственною. Это соборное постановленіе вызвало замѣчательное посланіе къ собору вдоваго ростовскаго священника Георгія Скрипицы; оно не возымѣло дѣйствія и соборное постановленіе не было отмѣнено, но произведеніе Скрипицы остается памятникомъ въ высшей степени замѣчательнымъ по тому уваженію къ человѣческой личности, которымъ оно проникнуто, по искреннему убѣжденію, что несправедливо набрасывать тѣнь на людей, ни въ чемъ дурномъ не обличенныхъ.

Тому же собору довольно неожиданно пришлось обсуждать еще одно важное дѣло. Члены собора начали уже разъѣзжаться, когда поднялся вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Довольно значительная партія въ средѣ тогдашняго духовенства, со знаменитымъ строгостью жизни отшельникомъ Ниломъ сорскимъ (Майковымъ) во главѣ, утверждала, что монахамъ, какъ людямъ, отрекшимся отъ всего мірского, не прилично владѣть богатствами, и что имъ слѣдуетъ содержаться исключительно трудами рукъ своихъ. Іоаннъ III предложилъ собравшимся въ Москвѣ іерархамъ обсудить этотъ вопросъ; для участія въ этомъ обсужденіи уѣхавшіе, въ томъ числѣ и Іосифъ, вернулись. Іосифъ явился рѣшительнымъ противникомъ взгляда Нила сорскаго. Онъ утверждалъ, что имущества принадлежатъ не лично монахамъ, а всему монастырю и что владѣніе ими нисколько не нарушаетъ чистоты монашеской жизни; наиболѣе вѣскимъ аргументомъ въ доказательствахъ Іосифа являлось его указаніе, что монастыри должны и могутъ свои имущества употреблять на пользу бѣдныхъ и несчастныхъ, какъ, дѣйствительно, и поступалъ самъ Іосифъ, оказавшій огромныя услуги всей близкой къ его монастырю мѣстности въ голодный годъ; конечно, слабѣе было другое его доказательство, именно указаніе на то, что если принудить монаховъ жить трудами своихъ рукъ, то не станутъ постригаться люди изъ хорошихъ фамилій, а тогда некого будетъ дѣлать епископами и вслѣдствіе этого поколеблется вѣра: въ этомъ случаѣ самъ Іосифъ своею личностью опровергалъ свое утвержденіе. Послѣ преній митрополитъ Симонъ представилъ Іоанну, что духовенство не считаетъ себя въ правѣ отдать отъ монастырей и церквей то, что было имъ пожертвовано разными благочестивыми людьми. Іоаннъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; вопросъ этотъ, однако, не переставалъ волновать умы; при сынѣ Іоанна III онъ снова поднялся, и въ теченіи двухъ съ половиной вѣковъ, вплоть до царствованія Екатерины II, онъ занималъ и правительство и духовенство.

Изложивъ событія государствованія Іоанна, его внѣшнюю политику и внутреннюю дѣятельность, скажемъ теперь о его семейныхъ отношеніяхъ, и постараемся выяснить существенныя черты его личности и значеніе его дѣятельности.

Личность Іоанна; дѣла семейныя. — Іоаннъ былъ женатъ дважды. Отъ первой супруги своей, Маріи Борисовны тверской, онъ имѣлъ одного только сына, Іоанна Молодого (род. 15 февраля 1458 г., умеръ 7 марта 1490 г.); Марія умерла 22 апрѣля 1467 г.; 12 ноября 1472 г. Іоаннъ вступилъ во второй бракъ съ Софьей, (Зоей) Ѳоминишной Палеологъ, племянницей послѣдняго византійскаго императора. Отъ нея онъ имѣлъ сыновей Василія (род. 26 марта 1479 г., умеръ 3 декабря 1533 г.), Юрія (род. 23 марта 1480 г., умеръ въ 1536 г.), Димитрія (род. 6 октября 1481 г., умеръ въ 1521 г.), Симеона (род. 21 марта 1487 г., умеръ въ 1518 г.) и Андрея (род. 5 августа 1490 г., умеръ въ 1537 г.) и дочерей—Елену (род. 8 апрѣля 1484 г., умерла въ 1513 г.), Ѳеодосію (род. 29 мая 1485 г., умерла въ 1501 г.); и Евдокію (род. около 1492 г., умерла въ 1513 г.) кромѣ того, умерли въ младенчествѣ два первые ребенка Іоанна отъ Софьи, двѣ дочери, обѣ носившія имя Елены, и родившіяся одна въ 1474 г., другая въ 1475 г. Изъ дочерей старшая Елена была, съ 15 февраля 1495 г. въ замужествѣ за Александромъ Казиміровичемъ, княземъ литовскимъ, впослѣдствіи королемъ польскимъ; бракъ этотъ былъ устроенъ преимущественно изъ политическихъ видовъ и, какъ мы знаемъ, не имѣлъ значительныхъ

результатовъ; Ѳеодосія была въ 1500 г. выдана замужъ за князя Василія Даниловича Холмскаго, сына знаменитаго воеводы, Евдокія была выдана 25 января 1506 г. за крестившагося татарскаго царевича, принявшаго имя Петра. Старшій сынъ Іоанна Васильевича, Іоаннъ Молодой, уже съ 1471 г. называется въ нѣкоторыхъ грамотахъ великимъ княземъ рядомъ съ отцомъ; 6 января 1483 г. онъ женился на Еленѣ, дочери Стефана воеводы молдавскаго. Одинъ изъ иностранныхъ писателей сообщаетъ, будто-бы Іоаннъ никогда не любилъ своего старшаго сына за какія то дурныя черты въ его характерѣ; но мы ничего болѣе объ этомъ не знаемъ; русскіе источники говорятъ объ Іоаннѣ Молодомъ скорѣе съ симпатіей; впрочемъ, о сколько нибудь активной дѣятельности его мы узнаемъ только разъ, въ описаніи послѣдняго нашествія Ахмата. Іоаннъ Молодой умеръ 7 марта 1490 г., оставивъ сына Димитрія (род. 10 октября 1483 г.). При дворѣ, очевидно, образовались двѣ партіи, расходившіяся по вопросу о томъ, кто долженъ быть преемникомъ Іоанна Васильевича на престолѣ: внукъ ли его отъ покойнаго старшаго сына, или второй сынъ, Василій, сынъ Софьи Ѳоминишны. Мы не знаемъ подробностей о борьбѣ этихъ партій. Но существованіе ихъ съ ясностью обозначилось въ 1497 г.: Іоанну донесено было, что нѣкоторые дьяки и дѣти боярскіе, Ѳедоръ Стромиловъ, Владиміръ Гусевъ, кн. Иванъ Палецкій, Аѳанасій Яропкинъ и др., подговариваютъ Василія подняться противъ великаго князя и погубить Димитрія, сына Іоанна Молодого, обнадеживая, что можно захватить казну и найдти поддержку на Вологдѣ и Бѣлоозерѣ; донесено было вмѣстѣ съ тѣмъ, что Софья Ѳоминишна пользуется совѣтами какихъ то ворожей, чтобы привлечь къ себѣ особенное расположеніе великаго князя. Обвиненные въ такихъ замыслахъ служилые люди были казнены 27 декабря 1497 г., бабы ворожеи утоплены въ Москвѣ рѣкѣ; Василія великій князь заключилъ подъ стражу и удалилъ отъ себя Софію, сталъ жить, по выраженію лѣтописей, «въ береженьи» отъ жены. 4 февраля 1498 г. онъ вѣнчалъ внука своего Димитрія въ Успенскомъ соборѣ на великое княженіе шапкою и бармами Мономаха; это было первое торжественное вѣнчаніе на царство въ семьѣ московскихъ князей; за богослуженіемъ великій князь и митрополитъ Симонъ говорили нововѣнчанному привѣтствія. Но, вѣроятно, доносъ на Василія и Софью былъ неосновательнъ: въ началѣ 1499 г. были схвачены важнѣйшіе вельможи двора Іоаннова, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, два его сына, Василій и Иванъ, и зять князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Великій князь «испыталъ ихъ вины» и хотѣлъ ихъ всѣхъ казнить, но по просьбѣ духовенства освободилъ отъ казни Патрикѣевыхъ, причемъ только младшій оставленъ былъ подъ стражею въ Москвѣ, а отецъ и старшій братъ были пострижены въ монахи, первый Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, а второй въ Кирилло-бѣлозерскомъ; князь же Ряполовскій былъ казненъ 5 февраля 1498 г. Связь этого дѣла съ борьбою партій сына и внука Іаннова несомнѣнна по тому, что непосредственно послѣ этого Іоаннъ удалилъ отъ себя Димитрія и мать его Елену Стефановну, и наоборотъ, приблизилъ къ себѣ опять Софью, и Василія объявилъ великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Псковичи попробовали было почему то выразить недовольство на это распоряженіе, попросивъ Іоанна черезъ посольство, чтобы во Псковѣ былъ тотъ же великій князь, какъ и въ Москвѣ; Іоаннъ гнѣвно отвѣтилъ, что онъ воленъ въ своихъ дѣтяхъ, кому хочетъ, тому и даетъ княженіе. 11 апрѣля 1502 г. Іоаннъ запретилъ поминать Димитрія на ектеніяхъ, отдалъ его и Елену подъ стражу, а 14 апрѣля вѣнчалъ Василія, или по выраженію лѣтописи, «благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ». 4 сентября 1505 г. Іоаннъ женилъ Василія на Соломоніи Юрьевнѣ Сабуровой. Черезъ полтора мѣсяца послѣ этого, 27 октября 1505 г., Іоаннъ III Васильевичъ скончался, пережившъ свою вторую супругу, Софью Ѳоминишну, всего на два съ половиною года (умерла 7 апрѣля 1503 г.).

Въ эти послѣдніе годы жизни Іоанна, въ эпоху борьбы между партіей Василія и партіей Димитрія, безъ сомнѣнія, нельзя не признать значительнаго вліянія Софьи Ѳоминишны; конечно, она хотѣла доставить престолъ сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ, по нѣкоторымъ деталямъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ этой борьбѣ, можно догадываться, что борьба велась до извѣстной степени такими средствами, которыя всегда

особенно сильны въ рукахъ женщинъ. Но вообще, намъ кажется, не совсѣмъ правильнымъ общераспространенное воззрѣніе, будто бы вліяніе Софьи на Іоанна было очень сильно. Мы, правда, слышимъ объ этомъ почти отъ современниковъ Іоанна; но приписывать то или другое слѣдствіе одному опредѣленному лицу—пріемъ слишкомъ часто примѣнявшійся прежними людьми, чтобы такое показаніе ихъ было для насъ особенно убѣдительно безъ какихъ нибудь неопровержимыхъ фактическихъ доказательствъ. Софья же была послѣ долгаго времени первою супругою русскаго великаго князя изъ такого знаменитаго рода; при ея мужѣ совершились значительныя событія—и въ глазахъ современниковъ не было никакого сомнѣнія, что именно бракъ съ византійской принцессой и были причиной этихъ перемѣнъ, хотя мы можемъ видѣть причины ихъ совершенно въ другомъ. Современники говорятъ намъ, что Іоаннъ сталъ удаляться отъ бояръ со времени брака съ Софьей; но просто бракъ этотъ совпалъ по времени съ такимъ усиленіемъ московскаго великаго князя, даже больше—явился именно вслѣдствіе такого усиленія его власти—что отношенія его къ своимъ боярамъ, къ тому же,—чрезвычайно увеличившимся въ числѣ, — неизбѣжно должны были измѣниться; намъ представляется, что Іоаннъ чувствовалъ свое положеніе настолько высокимъ, что ему казалось совершенно необходимымъ, чтобы и супруга его была изъ рода особенно знатнаго. Говорятъ далѣе, что Софья Ѳоминишна побудила мужа къ рѣшительнымъ поступкамъ относительно татаръ, повторяя ему, что она не за тѣмъ шла за него замужъ, чтобы быть данницей хана и что ея отецъ оставилъ родину, но не сталъ подданнымъ султана. Намъ кажется довольно сомнительнымъ, чтобы могли являться подобныя внушенія; положеніе Софьи до брака было далеко не такъ почетно и блестяще, чтобы, ставъ супругой Іоанна, она могла ему выражать неудовольствіе на свое положеніе; кромѣ того, всегда могъ явиться вопросъ — не предстоялъ ли выборъ ея отцу между смертью и бѣгствомъ, а не между бѣгствомъ и подданствомъ султану; къ тому же одинъ изъ братьевъ ея, какъ извѣстно, и жилъ потомъ въ Турціи, принявъ мусульманство и отдавъ дочь свою въ султанскій гаремъ. Но самое главное, это то, что сверженіе ига вовсе не явилось внезапнымъ; уже задолго до Софьи князья московскіе лелеяли мысли сбросить съ себя это позорное подданство дикой ордѣ и часто выражали такую надежду въ своихъ завѣщаніяхъ; самое сверженіе ига произошло безъ малѣйшаго участія Софьи, она отправлена была Іоанномъ далеко на сѣверъ, когда подступили полчища Ахмата. Еслибъ даже Іоаннъ и не женился на Софьѣ Палеологъ, то всетаки трудно себѣ представить, чтобы онъ, покоритель Новгорода, почти полновластный господинъ всей русской земли, кромѣ Твери и Рязани, Іоаннъ, распоряжающійся самовластно въ Казани, вліятельный въ Крыму—чтобы онъ оставался данникомъ довольно слабой уже Золотой орды! Наконецъ, по всему складу семейной древне - русской жизни очень трудно допустить, чтобы вліяніе Софьи было велико внѣ сферы вопросовъ этикета, устройства домашней жизни и обстановки великаго князя; но въ этой сферѣ, конечно, къ ней обращались за совѣтами какъ къ знавшей порядки и обычаи и византійскаго, да отчасти и другихъ дворовъ.

О внѣшности, обычномъ образѣ жизни и личномъ характерѣ Іоанна мы имѣемъ очень мало прямыхъ свидѣтельствъ. Контарини, путешественникъ венеціанскій, видѣвшій Іоанна въ 1476 г., говоритъ, что Іоаннъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, имѣлъ величавую осанку и красивую наружность; Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ въ 1517 г. разсказываетъ со словъ людей, помнившихъ Іоанна, что онъ имѣлъ такой грозный взглядъ, что отъ него женщины падали въ обморокъ, и что вообще всѣ кругомъ его трепетали. Герберштейну говорили, что самъ Іоаннъ рѣдко выступалъ изъ Москвы; по извѣстіямъ Контарини, напротивъ, онъ объѣзжалъ свои владѣнія каждый годъ; видимое противорѣчіе совершенно просто объясняется: Герберштейнъ передаетъ намъ о послѣднихъ годахъ жизни Іоанна, Контарини—о первой половинѣ его правленія; съ несомнѣнностью извѣстно, что Іоаннъ лично совершилъ множество походовъ; по лѣтописямъ видно также, что онъ принималъ обыкновенно дѣятельное участіе въ тушеніи всякаго большого пожара въ Москвѣ. Не имѣя обстоятельныхъ свидѣтельствъ о личномъ характерѣ Іоанна, прибѣгаютъ иногда къ толкованіямъ и объясненіямъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ и въ сущности недостаточныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, довольно часто повторяется обви-

неніе Іоанна въ крайней скупости или по меньшей мѣрѣ—въ излишней экономіи и въ доказательство приводятся слова грамоты, данной однимъ посламъ для свободнаго проѣзда, въ которой сдѣлано распоряженіе, что послы будутъ получать на станціяхъ для приготовленія себѣ пищи барана, но шкуру его должны отдавать назадъ, а не имѣютъ права оставлять себѣ; но едва ли можно сомнѣваться, что это распоряженіе есть распоряженіе соотвѣтственнаго Приказа и оно поэтому не можетъ быть почитаемо за такое, которое бы отражало въ себѣ личныя характерныя черты великаго князя. Равнымъ образомъ и распоряженіе Іоанна, чтобы посолъ его Толбузинъ взялъ съ Венеціанской республики 700 руб. за все, что далъ великой князь Тревизану, хотя дано было этому послѣднему всего на 70 руб., быть можетъ надо разсматривать, какъ своего рода наказаніе за поступокъ Тревизана, вызвавшій неудовольствіе князя. По недостатку свидѣтельствъ мы должны отказаться отъ стремленія очертить личность Іоанна Васильевича достаточно опредѣленными штрихами относительно всѣхъ чертъ его ума и характера. Наиболѣе вѣрные выводы, хотя за то лишь въ главныхъ чертахъ, мы получимъ, разсматривая его дѣятельность. Въ дѣлахъ же своихъ онъ является предъ нами человѣкомъ обширныхъ дарованій, чрезвычайно дѣятельнымъ умственно, человѣкомъ осторожнымъ въ своихъ начинаніяхъ, приступающимъ къ дѣлу лишь тогда, когда подготовлено все, что нужно для того, чтобы провести начатое дѣло до конца. Такими чертами отмѣчена вся дѣятельность Іоанна.

Уничтожая раздробленность Русской земли, соединяя ее въ одно государственное тѣло, Іоаннъ, однако, не рѣшился пойдти противъ старинаго обычая настолько круто, чтобы лишить своихъ младшихъ сыновей самостоятельныхъ владѣній; вѣроятно, ему и самому еще не представлялось возможнымъ быть княземъ безъ удѣла. Умирая, онъ раздѣлилъ свои владѣнія между всѣми пятью сыновьями. Старшаго сына Василія онъ благословилъ великимъ княженіемъ, далъ ему княжество московское, затѣмъ Новгородъ, Тверь, Владиміръ, Нижній-Новгородъ съ ихъ областями, ему же подчинилъ Псковъ, всего завѣщалъ ему 66 городовъ; всѣмъ остальнымъ — менѣе 30. Кромѣ обычныхъ уже въ междукняжескихъ отношеніяхъ условій, чтобы младшіе князья соединяли свои войска съ войсками старшаго по его требованію, чтобы сношеніями съ Ордой завѣдывалъ старшій князь, и чтобы младшіе вообще слушались и почитали его—«держали бы его имя честно и грозно»,—въ духовной грамотѣ Іоанна даны и другія преимущества великому князю. Такъ, доходы съ самого города Москвы назначены почти цѣликомъ ему: судныя пошлины распредѣлены были такъ, что двѣ трети доходовъ получалъ великій князь, а остальная часть дѣлилась поровну между всѣми братьями, включая и его; таможенныя же и другія торговыя пошлины цѣликомъ были отданы Василію и онъ только платилъ за это каждому брату ежегодно по сту рублей. Младшіе братья не имѣли права чеканить свою монету; чеканилъ ее только великій князь въ Москвѣ и въ Твери. Наконецъ прямо постановлено, что если какой изъ младшихъ братьевъ умретъ, не оставивъ мужского потомства, то удѣлъ его переходитъ къ одному великому князю и младшіе братья въ это дѣло не должны «вступаться»; если останутся дочери, то великій князь получаетъ удѣлъ ихъ отца и только обязанъ выдать ихъ замужъ и надѣлить приданымъ. Іоаннъ опредѣлилъ, сколько каждый его сынъ долженъ былъ платить въ тысячу рублей суммы, какая будетъ употреблена на ордынскій выходъ и на содержаніе разныхъ служилыхъ татарскихъ царевичей; на долю старшаго приходилось 717 руб. остальное дѣлилось между другими четырьмя братьями. Замѣтимъ здѣсь, что эти данныя говорятъ намъ, несомнѣнно, о процентномъ отношеніи взносовъ того или другого князя въ сумму, назначенную на поддержаніе татарскихъ отношеній, и что никакъ не должно думать, будто-бы именно 1000 рублей въ годъ и назначалось на это; такой способъ разсчетовъ былъ обычнымъ для того времени, когда не умѣли еще части выражать процентами, и кромѣ того, эта самая тысяча рублей упоминается и во многихъ прежнихъ грамотахъ, между тѣмъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы въ разныя эпохи и при разныхъ обстоятельствахъ размѣръ дани не мѣнялся.

Общая оцѣнка дѣятельности Іоанна.—Такова была дѣятельность Іоанна Васильевича III. Нельзя не видѣть, что достигнутые имъ результаты были громадной важности. Объединеніе Руси, очевидно, необходимое для того, чтобы рус-

скій народъ могъ проявить всѣ свои духовныя силы, было подвинуто Іоанномъ впередъ весьма значительно. Онъ не только соединилъ съ Московскимъ княжествомъ такія обширныя, богатыя и важныя области, какъ Новгородъ и Тверь, онъ вернулъ и множество областей, съ населеніемъ русскимъ, съ исповѣданіемъ православнымъ, но силою обстоятельствъ оторвавшихся отъ общерусской жизни и соединившихся съ государствомъ Польско-литовскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшняя безопасность Русскаго государства замѣтно утвердилась: татары, столь ужасные въ предшествовавшіе вѣка русской исторіи, при Іоаннѣ III были окончательно отражены отъ Россіи; съ его времени они уже только безпокойные сосѣди и неопасны для русскаго народа; внукъ Іоанна III началъ уже подчиненіе татарскихъ царствъ Россіи; Іоаннъ III не могъ еще на это отважиться, но онъ именно ослабилъ татаръ и притомъ — силами татаръ же; силами крымскаго хана онъ постоянно пользовался на усиленіе Москвы. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Іоаннъ проявлялъ не просто жадность къ завоеваніямъ, онъ даже не стремился только къ увеличенію своихъ силъ, какъ къ средству избавляться отъ разныхъ, могущихъ встрѣтиться, опасностей—онъ руководился настоящими государственными идеями, которыя и высказалъ не разъ совершенно ясно въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ, заявивъ, что онъ считаетъ русскими всѣ тѣ земли, которыя населены русскимъ населеніемъ, гдѣ русская рѣчь и православная вѣра. Іоаннъ ясно понималъ уже, что великій народъ долженъ составить одно государство; и знаменемъ объединенія онъ поставилъ не экономическія выгоды этого государства, не свою личную славу, какъ государя — онъ освѣтилъ это стремленіе идеей, той именно идеей, которая была наиболѣе способна привлечь симпатіи всѣхъ его подданныхъ, которая и въ предшествовавшіе вѣка и впослѣдствіи являлась однимъ изъ наиболѣе могучихъ двигателей въ исторіи русскаго народа: знаменемъ объединенія Руси Іоаннъ поставилъ православную вѣру. Наконецъ, Іоаннъ впервые послѣ длиннаго ряда вѣковъ возстановилъ сношенія съ западноевропейскими государствами, которыя значительно опередили въ умственномъ развитіи Русь, занятую почти исключительно тяжелыми татарскими отношеніями; онъ первый вступилъ на тотъ путь, которымъ шелъ и Грозный, и царь Алексѣй, и по которому, наконецъ, Петръ Великій вывелъ Россію на подобающее ей мѣсто среди всѣхъ другихъ государствъ. Іоаннъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ неоспоримо широту взгляда: твердо охраняя православіе, заботясь о единствѣ русскаго народа, Іоаннъ видѣлъ необходимость для Россіи ознакомиться съ результатами умственныхъ успѣховъ западноевропейскихъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ полную возможность въ сношеніяхъ съ западными государствами охранять и самостоятельность, и достоинство русскихъ людей. Оспаривать громадной важности достигнутыхъ Іоанномъ III результатовъ, очевидно, нельзя; но можно, однако, разно смотрѣть на его личную роль въ ихъ достиженіи, можно разнымъ образомъ оцѣнивать Іоанна, какъ политическаго дѣятеля.

Карамзинъ, исчисливъ вкратцѣ дѣла Іоанновы, говоритъ, что «Россія нынѣшняя есть созданіе Іоанна», «такъ какъ Россія Олега, Владиміра и Ярослава погибла въ нашествіе монголовъ»; «Іоаннъ стоитъ,—по словамъ Карамзина,—какъ государь, на высшей степени величія; онъ оставилъ государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія»; дѣла Іоанна Карамзинъ ставитъ выше подвиговъ Александра Македонскаго; «государствованіе Іоанна III — говоритъ онъ — есть рѣдкое богатство для исторіи; по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ». Такимъ образомъ, Карамзинъ отнесся къ Іоанну съ восторгомъ, если не съ благоговѣніемъ; и нельзя не сказать, что это довольно понятно у перваго работника по русской исторіи, который, можно сказать, открылъ Іоанна, познакомился съ его дѣятельностью, почти не имѣя представленія, что его ожидаетъ подобное зрѣлище. Соловьевъ отнесся къ Іоанну значительно спокойнѣе. Вѣрный своему основному принципу—«не дробить, не дѣлить исторію на періоды, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ»— онъ считаетъ Іоанна III преимущественно «счастливымъ потомкомъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ», который дѣлалъ только то, къ чему уже давно шли историческія событія, и

признаетъ только, что Іоанну принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. Строже всѣхъ отнесся къ Іоанну III Костомаровъ, который окончилъ очеркъ дѣятельности этого государя такими словами: «Истинно великіе люди познаются тѣмъ, что опережаютъ свое общество и ведутъ его за собою; созданное ими имѣетъ прочные задатки не только внѣшней крѣпости, но и духовнаго саморазвитія. Иванъ въ области умственныхъ потребностей ничѣмъ не сталъ выше своей среды. Онъ создалъ государство, но безъ задатковъ самоулучшенія, безъ способовъ и твердаго стремленія къ прочному народному благосостоянію простояло оно два вѣка, вѣрное образцу, созданному Иваномъ, хотя и дополняемое новыми формами въ томъ же духѣ, но застылое и закаменѣлое въ своихъ главныхъ основаніяхъ, представлявшихъ смѣсь азіатскаго деспотизма съ византійскими, выжившими свое время, преданіями. И ничего не могло произвести оно, пока могучій умъ Петра не началъ пересоздавать его на иныхъ культурныхъ началахъ». Не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ К. Н. Бестужева Рюмина, что изложеніе и характеристика дѣятельности Іоанна III у Костомарова—«прекрасная обвинительная рѣчь, но не сужденіе историка»; укажемъ еще, что въ характеристикѣ, данной Костомаровымъ, заключается, повидимому, противорѣчіе: если созданное Іоанномъ III простояло два вѣка и удовлетворяло черезъ 200 лѣтъ требованіямъ общества, то, несомнѣнно, что хотя отчасти, но онъ стоялъ впереди своего времени и, слѣд., имѣлъ хотя нѣкоторыя черты истинно великаго человѣка. Изъ современныхъ историковъ К. Н. Бестужевъ Рюминъ и Д. И. Иловайскій возвратились довольно близко ко взгляду Карамзина и, признавая, что дѣло Іоанна было въ значительной степени подготовлено его предшественниками, въ то же время признаютъ за нимъ и всѣ права быть причисленнымъ къ числу великихъ людей.

И дѣйствительно, если мы и не должны, пожалуй, представлять себѣ дѣятельность Іоанна въ такихъ величавыхъ, такъ сказать героическихъ чертахъ, какими рисуетъ ее Карамзинъ, если нельзя предполагать у него вполнѣ яснаго сознанія величія, прочности и важности для будущаго творимыхъ имъ дѣлъ, то нельзя также не признать въ Іоаннѣ того истиннаго и высокаго ума, который создаетъ нѣчто такое, что цѣнно и дорого потомъ людямъ въ теченіе вѣковъ. Если Іоаннъ, быть можетъ, и не сознавалъ ясно, что съ такимъ усердіемъ возстановляя единство русскаго народа, онъ становится на тотъ путь, работа на которомъ будетъ занимать его потомковъ еще 300 лѣтъ, то это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ оцѣнки его генія, который, такъ сказать, инстинктивно находилъ задачи, поистинѣ достойныя быть руководящими идеями истиннаго государственнаго человѣка. Намъ кажется несомнѣннымъ, что Іоаннъ имѣлъ такія идеи; но мало этого, онъ проявилъ совершенно исключительныя дарованія и въ осуществленіи ихъ. Въ теченіе всей своей дѣятельности онъ не испыталъ ни одной крупной неудачи: но нельзя сказать, чтобы успѣхами своими онъ былъ обязанъ исключительно счастью или благопріятнымъ обстоятельствамъ; всякій успѣхъ доставался Іоанну съ бою, и объясняется несомнѣнно тѣмъ, что Іоаннъ приступалъ къ рѣшенію всякаго важнаго, серьезнаго вопроса съ осторожностью, съ внимательною и глубокою умственною работою; конечно, именно благодаря такой работѣ, онъ, дѣйствительно, всегда господствовалъ надъ обстоятельствами; у него не было недостатка въ противникахъ и, не рѣдко — въ противникахъ, не уступавшихъ ему въ отношеніи силъ матеріальныхъ; но онъ очевидно далеко превосходилъ ихъ всѣхъ и своею умственною силою и своею умственною работою. Создавая великое дѣло, Іоаннъ, конечно, былъ очень остороженъ и опасался какимъ либо неблагоразумнымъ шагомъ нанести этому великому дѣлу ущербъ; но онъ никогда не доходилъ въ своей осторожности до того, чтобы изъ за нея упустить какой нибудь существенный успѣхъ. Несомнѣнно, конечно, что Іоаннъ не своими единоличными силами достигъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые дало его правленіе; на его сторонѣ, очевидно, стояло все тогдашнее населеніе, весь русскій народъ; мы видѣли, что митрополиты поддерживали Іоанна въ его распряхъ съ Новгородомъ; всѣ бояре его стояли дружно, послушно и убѣжденно за всякое дѣло своего великаго князя; по очень подробнымъ записямъ дипломатическихъ сноше-

ній съ Польско-литовскимъ государствомъ мы видимъ, какъ были проникнуты московскіе бояре тѣми же идеями, какія имѣлъ и Іоаннъ, и какъ настойчиво, съ какимъ достоинствомъ, и какъ умѣло поддерживали они его требованія; сочувствіе всей народной массы дѣлу объединенія не можетъ быть подвергаемо сомнѣнію; переходы въ Московское княжество изъ Тверского, легкость и прочность соединенія съ центромъ «страны князей»—ясно доказываютъ это. Но нельзя не признавать, что безусловно возвышался надъ всѣми окружающими, надъ всѣми своими помощниками самъ Іоаннъ: тѣ же бояре, съ которыми началъ онъ правленіе, дѣйствовали еще и при его отцѣ, тѣ же бояре, съ которыми онъ правилъ послѣдніе 10—15 л.; перешли и къ его сыну; но самый бѣглый взглядъ на ходъ дѣлъ при Іоаннѣ и при его предшественникѣ и при его преемникѣ показываетъ съ несомнѣнностью, что въ то время, какъ дѣлами руководилъ Іоаннъ, въ Москвѣ присутствовала такая умственная и нравственная сила, которой не было ни до него, ни послѣ. Особенныя свойства тѣхъ источниковъ, которые только и находятся въ нашемъ распоряженіи относительно тѣхъ эпохъ, мѣшаютъ намъ видѣть всю ту умственную работу, какую употреблялъ Іоаннъ для подготовки и исполненія своихъ великихъ плановъ; но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ раскрываетъ предъ нами эту умственную работу — а онъ обнаруживаетъ ее съ несомнѣнностью въ сношеніяхъ съ Литвою — то мы должны и въ другихъ случаяхъ, гдѣ Іоаннъ съ неменьшимъ успѣхомъ выходилъ изъ обстоятельствъ не менѣе трудныхъ, предполагать въ немъ такую же умственную работу.—Окидывая взглядомъ всю дѣятельность Іоанна III, мы смѣло говоримъ, что онъ долженъ быть причисленъ къ замѣчательнѣйшимъ государямъ не только XV ст., но и всѣхъ временъ. Іоаннъ III есть истинный основатель русскаго государства и представляетъ собою одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей, которыхъ русскій народъ долженъ всегда вспоминать съ благодарностью, которыми по справедливости онъ можетъ гордиться.

Наиболѣе обстоятельный разсказъ о событіяхъ княженія Іоанна III — «Полн. собр. рус. лѣт.», VIII, 150—245 (Воскресенская лѣтопись), V, 273—275 и VI, 1—50 (Софійская; то же въ «Софійскомъ Временникѣ», II, 89—275); подробности отношеній псковскихъ—«Полн. собр. рус. лѣт.», V, 222—281 (псковская первая), новгородскихъ—III, 142—147 (новгородская вторая); см. еще «Полн. собр. рус. лѣтоп.», II, 357—364, III, 241—243, IV, 132—136, V, 34—46, XVI, 208—224; «Степенная книга», II, 98—235; «Лѣтописецъ Типографскій» (М. 1784), 259—345; «Лѣтопись по Никонову списку», ч. VI, 1—173; «Лѣтописецъ русскій» (Львовская лѣтопись, М. 1792), II, 358—367, III, 1—284; «Русскій временникъ», II, 1—246; «Лѣтописецъ Архангелогородскій» (М. 1819), 163—211; «Лѣтопись Великоустюжская» (М. 1889), 35—45. Важнѣйшіе акты въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Собр. государ. грам. и догов.», I, №№ 88—144, II, №№ 18—25; «Акты Археограф. Экспед.». I, №№ 71—140, 376—384; «Акты Историч.», I, №№ 73—115, 277—288 (№ 105 заключ. Судебникъ 1497 г.); «Дополненія къ Акт. Истор.», I, №№ 14—22, 187—214; «Акты Юридическіе», №№ 1—11, 31, 62, 73—76, 101, 111, 140—145, 233, 234, 387, 388, 410—413; «Акты относящ. до юрид. быта», I — см. стр. 744 — 748: II — см. стр. 841 — 843; «Акты Запад. Россіи», I, №№ 66—220; «Акты Ѳедотова-Чеховскаго», I, №№ 6—14, 18—20, 29, 30, 54; «Сборникъ Муханова», №№ 10—86, 124, «Сборникъ кн. Хилкова», № 106; «Древняя Росс. Вивліоѳика», т. т. II, III, XIII, XIV, XIX, XX; «Лѣтоп. занят. Археограф. комм.», III, прил. 1—17, «Памятн. диплом. сношен.»,1—173; «Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ.», XXXV, 4—499; «Сборникъ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ», V; Важнѣйшія сочиненія, касающіяся времени Іоанна III: Карамзинъ, «Исторія Госуд. Росс.», т. VI; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, ч. I; Бестужевъ-Рюминъ, «Русская Исторія», II. 143—172; Иловайскій, «Исторія Россіи», II, 435 — 528; Костомаровъ, «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», I, 255—317; Ключевскій «Боярская дума древней Руси»; Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», I, 189—277; Карповъ, «Исторія борьбы Московск. государства съ Польско-литовскимъ»; Костомаровъ, «Сѣверно-русскія народоправства»; Никитскій, «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», «Экономическій бытъ Великаго Новгорода», «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ»; Бѣляевъ, «Разсказы изъ Русской исторіи», II, III; Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ»; Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества»; Борзаковскій, «Исторія Тверского княжества»; Вельяминовъ - Зерновъ, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», I; Перетятковичъ, «Поволжье въ XV и XVI в. в.», Вешняковъ, «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества»; Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей»; Успенскій, «Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ»; Пирлингъ, «Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ»; Бѣловъ, «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства»; Бережковъ, «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.»; Макарій, «Исторія русской церкви», т. т. VI, VII, VIII; Павловъ, «Историч. очеркъ секуляризаціи церков. земель въ Россіи»; Хрущовъ, «Изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа, препод. волоколамскаго»; Бѣляевъ, «Лекціи по исторіи русскаго права»; Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права», «Русскія юридич. древности», I, II; Владимірскій-Будановъ, «Обзоръ исторіи русск. права», I, II; Дмитріевъ, «Исторія судебныхъ инстанцій»; Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», и др.

Н. Чечулинъ.

Іоаннъ IV Васильевичъ, Грозный, царь и великій князь всея Руси, старшій сынъ великаго князя Василія III Іоанновича и второй супруги его Елены Васильевны, рожденной княжны Глинской, род. 25 августа 1530 г., вступилъ на великокняжескій престолъ 4 декабря 1533 г.; вѣнчанъ на царство 16 января 1547 г., умеръ 18 марта 1584 г. Рожденіе старшаго сына у великаго князя было радостнымъ событіемъ не только для его родителей, особенно для отца, но и для всего населенія Московскаго государства, такъ какъ этимъ рожденіемъ укрѣплялось прямое престолонаслѣдіе отъ отца къ сыну и устранялась опасность перехода престола московскаго къ одному изъ удѣльныхъ князей, братьевъ великаго князя. На десятый день послѣ рожденія сына великій князь отвезъ его въ Троицы-Сергіевъ монастырь, гдѣ игуменъ Іоасафъ Скрипицынъ совершилъ надъ младенцемъ таинство крещенія; воспріемниками при крещеніи были уважаемые старцы—иноки: Кассіанъ Босой и св. Даніилъ переяславскій; послѣ богослуженія отецъ положилъ новорожденнаго на раку св. Сергія, какъ бы отдавая своего сына подъ покровительство великаго угодника. Свою радость великій князь Василій ознаменовалъ снятіемъ опалы съ нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, освобожденіемъ изъ тюремъ заключенныхъ и щедрою милостынею бѣднымъ; въ память радостнаго событія заказаны были новыя раки для мощей московскихъ угодниковъ, золотая для св. Петра Чудотворца и серебряная для св. митрополита Алексія. Письма великаго князя Василія къ супругѣ его показываютъ, съ какою любовью и заботливостью отецъ относился къ своему сыну. Черезъ два года, 30 октября 1532 г., у Василія Іоанновича родился второй сынъ, единственный братъ Іоанна, Юрій. На четвертомъ году жизни Іоаннъ потерялъ отца. Во время предсмертной болѣзни вел. кн. Василій нѣсколько разъ говорилъ и съ братьями своими, удѣльными князьями Юріемъ и Андреемъ Ивановичами, и со всѣми боярами, и отдѣльно съ приближенными лицами кн. М. Л. Глинскимъ, М. Ю. Захарьинымъ и Шигоной Поджогинымъ, о судьбѣ своего государства; сыну своему Іоанну завѣщалъ онъ государство, которымъ благословилъ его, Василія, отецъ; братьевъ онъ заставилъ поцѣловать крестъ въ томъ, что они не станутъ подниматься противъ его сына и заклиналъ ихъ помнить свое крестное цѣлованіе; боярамъ онъ напоминалъ: «мы вамъ государи прирожденные, и вы наши извѣчные бояре: такъ постойте, братья, крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ». Во время болѣзни Василій сжегъ старую свою духовную грамоту, написанную еще до развода съ первою супругою, и написалъ новую. 3 декабр. 1533 г., сдѣлавъ всѣ распоряженія, вел. кн. Василій велѣлъ принести къ себѣ Іоанна, благословилъ его крестомъ св. Петра Чудотворца, приказалъ мамкѣ его, боярынѣ Аграфенѣ Челядниной, беречь ребенка, не отступать отъ него ни на шагъ; въ ночь съ 3 на 4 декабря вел. кн. Василій Іоанновичъ скончался. 4 декабря было его погребеніе и тогда же митрополитъ Даніилъ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ обрядъ поставленія Іоанна на великое княженіе.

До насъ не дошла духовная Василія; изъ одного позднѣйшаго извѣстія знаемъ, что онъ назначилъ удѣлъ своему второму сыну Юрію; управленіе государствомъ по однимъ источникамъ было ввѣрено вел. кн. Еленѣ Васильевнѣ, по другимъ—немногимъ боярамъ. Первое извѣстіе представляется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ опека надъ малолѣтними сыновьями принадлежала матери. Офиціальные акты съ этого времени писались отъ имени Іоанна, къ нимъ прикладывалась его печать, а государствомъ правила вел. кн. Елена Васильевна при содѣйствіи боярской думы; первымъ лицомъ въ думѣ былъ кн. В. В. Шуйскій, но самымъ близкимъ къ правительницѣ и самымъ вліятельнымъ—кн. И. Ѳ. Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Непродолжительное правленіе Елены представляетъ по характеру и духу своему продолженіе княженія Василія III. При содѣйствіи бояръ схвачены были 11 декабря 1533 г. удѣльный князь дмитровскій, Юрій Ивановичъ, а въ 1537 г. князь старицкій, Андрей Ивановичъ; оба они кончили свои дни въ заключеніи: кн. Юрій—3 августа 1536 г., едва-ли не голодною смертью, а кн. Андрей чрезъ полгода послѣ заключенія. Такъ устранены были лица, которыя по положенію своему могли бы быть соперниками для великаго князя. Въ самой думѣ боярской происходили въ началѣ правленія интриги: изъ Серпухова со службы бѣжали въ Литву кн. С. Ѳ. Бѣльскій и окольничій И. В. Ляцкій (изъ рода Кобылы);

въ соучастіи съ ними были обвинены и взяты за это подъ стражу кн. И. Ѳ. Бѣльскій, кн. И. М. Воротынскій, кн. Б. Трубецкой, бояринъ М. Ю. Захарьинъ (послѣдній былъ отданъ на поруки); черезъ нѣсколько дней, 19 августа 1534 г., заключенъ былъ дядя Елены, кн. М. Л. Глинскій; соучастникомъ его лѣтопись называетъ М. С. Воронцова. Кн. С. Ѳ. Бѣльскій выражалъ надежду добыть себѣ не только удѣлъ бѣльскій, но также рязанскій, такъ какъ отецъ его былъ женатъ на княжнѣ рязанской. Правительство было серьезнымъ образомъ встревожено отъѣздомъ Бѣльскаго и Ляцкаго; въ новгородской области жителей приводили даже второй разъ къ присягѣ. Событія эти были отголоскомъ удѣльныхъ отношеній; но слѣдуетъ отмѣтить, что стремленіе сохранить удѣльныя отношенія высказаны были почти исключительно князьями, выходцами изъ Западной Руси, которые сравнительно еще недавно стали слугами московскаго государя; рядомъ съ ними участниками смуты являются также представители старинаго московскаго боярства Захарьинъ, Воронцовъ и Ляцкій; поведеніе этихъ лицъ должно быть объясняемо личнымъ недовольствомъ ихъ противъ новаго правительства; при покойномъ вел. кн. Василіѣ Захарьинъ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ бояръ. Изъ князей Сѣверо-восточной Руси только одинъ кн. А. М. Шуйскій замѣшанъ былъ въ дѣлѣ князя дмитровскаго Юрія Ивановича; всѣ же остальные члены рода Шуйскихъ явились дѣятельными пособниками Елены въ подавленіи удѣльныхъ смутъ. Въ правленіе Елены начали въ Москвѣ чеканить новую серебряную монету, по три рубля изъ гривны серебра; на порчу серебряныхъ денегъ обратилъ вниманіе еще Василій III незадолго до смерти. Исполняя волю супруга, Елена построила въ Москвѣ около Кремля каменную стѣну, такъ называемый Китай-городъ; строителемъ былъ П. Фрязинъ; въ 1535 г. монастырямъ запрещено было пріобрѣтать покупкой или получать по духовнымъ завѣщаніямъ вотчинныя земли служилыхъ людей безъ вѣдома правительства; въ 1536 г. въ Новгородѣ отобрано было значительное число церковныхъ земель; и въ Москвѣ при постройкѣ Китай-города и въ Новгородѣ при постройкѣ новой деревянной стѣны впервые привлечено было къ городовой повинности духовенство, въ томъ числѣ въ Москвѣ митрополитъ, а въ Новгородѣ архіепископъ.

Въ 1534 г. и въ 1537 г. были подтверждены прежніе договоры съ Ливонскимъ орденомъ и со Швеціей; но главный врагъ Московской Руси на западѣ, государство Польско-Литовское, надѣялось воспользоваться малолѣтствомъ великаго князя и происходившими въ Москвѣ смутами; къ тому же бѣжавшіе въ Литву кн. Бѣльскій и Ляцкій указывали королю Сигизмунду I на легкость успѣховъ въ войнѣ съ Москвою. Когда въ 1534 г. истекло перемиріе, заключенное въ 1531 г., то со стороны Литвы-Польши открыты были враждебныя дѣйствія. Но успѣхи литовцевъ ограничились тѣмъ, что они взяли Гомель, сожгли Стародубъ и Почепъ; два послѣдніе города были возобновлены, какъ только литовцы оставили ихъ; московскіе воеводы успѣли построить на литовской землѣ города: Себежъ, Велижъ и Заволочье. Такіе нерѣшительные результаты склонили литовцевъ къ переговорамъ и въ 1537 г. заключено было перемиріе на 5 лѣтъ, съ 25 марта 1537 г. по 25 марта 1542 г.; каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ владѣла. Неуспѣхъ Сигизмунда I въ этой войнѣ зависѣлъ отчасти отъ того, что онъ расчитывалъ на помощь крымскаго хана, Сахыбъ-Гирея; но Москвѣ удалось въ это время выставить Сахыбу соперника въ лицѣ брата его, Исламъ-Гирея; ссоры двухъ братьевъ раздѣлили орду и не позволили Сахыбъ-Гирею оказать дѣятельную помощь Литвѣ; но въ 1537 г. Исламъ былъ убитъ и Сахыбъ сдѣлался одинъ ханомъ всей Крымской орды; у него тогда жилъ кн. С. Ѳ. Бѣльскій, который всячески подстрекалъ хана къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы. Единовластіе Сахыбъ-Гирея было тѣмъ непріятнѣе для Москвы, что еще въ 1535 г. въ Казани убитъ былъ царь Еналей, ставленникъ Василія III, и на его мѣсто посаженъ былъ Сафа-Гирей, племянникъ Сахыбъ-Гирея. Соединеніе двухъ татарскихъ царствъ подъ властью энергичной фамиліи Гиреевъ грозило Москвѣ большими опасностями. Русская партія въ Казани просила у Елены въ цари себѣ брата убитаго Еналея, Шигъ-Алея, который былъ въ заключеніи на Бѣлоозерѣ. Правительница освободила его, но посадить его въ Казани не удалось; царемъ казанскимъ пришлось признавать Сафа-Гирея и вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось внимательно обере-

гать и южную и восточную границу государства отъ энергическихъ нападеній татаръ, приходилось даже отказаться на время отъ наступательной политики.

3 апрѣля 1538 г. скончалась великая княгиня Елена Васильевна; Герберштейнъ говоритъ, что ее отравили бояре; однако Грозный, который впослѣдствіи попрекалъ бояръ во многихъ преступленіяхъ, ни разу не обвиняетъ ихъ въ смерти матери. За малолѣтствомъ великаго князя государствомъ править стала боярская дума, во главѣ которой сталъ энергичный князь В. В. Шуйскій; 9 апрѣля схваченъ и заключенъ кн. И. Ѳ. Овчина-Телепневъ-Оболенскій и скоро умеръ въ заключеніи голодной смертью; сестра его, мамка великаго князя, Аграфена Челяднина, сослана была въ Каргополь и тамъ пострижена въ монахини; содержавшіеся въ заключеніи князья И. Ѳ. Бѣльскій и А. М. Шуйскій выпущены и заняли мѣсто въ думѣ. Однако не долго господствовало среди бояръ согласіе; властолюбивый кн. В. В. Шуйскій столкнулся съ кн. И. Ѳ. Бѣльскимъ; послѣдній успѣлъ составить партію, къ которой примкнули, между прочими, митрополитъ Даніилъ и бояринъ М. В. Тучковъ; они уговорили великаго князя сказать боярство кн. Ю. М. Голицыну-Булгакову, а окольничество — И. И. Хабарову; этимъ ихъ партія въ думѣ должна была усилиться еще болѣе. Но Шуйскіе на этотъ разъ одолѣли: кн. И. Ѳ. Бѣльскій былъ опять посаженъ въ заключеніе, сторонники его разосланы по деревнямъ, а дьякъ О. Мишуринъ казненъ (21 октября 1538 г.); въ эту же зиму умеръ кн. В. В. Шуйскій и его мѣсто, какъ вождя партіи и правителя государства, занялъ братъ его кн. И. В. Шуйскій. Лѣтописецъ справедливо указываетъ главную причину вражды въ томъ, что каждый изъ бояръ заботился о себѣ и о своихъ, а не о государскомъ и не о земскомъ; хуже всего было то, что добычей, которую бояре дѣлили между собой, была русская земля. Бѣжавшій изъ Москвы иностранецъ П. Фрязинъ жалуется также, что по смерти великой княгини бояре начали жить по своей волѣ, чинить всѣмъ великія насилія, такъ что въ русской землѣ настали великій мятежъ и безгосударство. Новый правитель государства 2 февраля 1539 г. свелъ съ митрополіи Даніила и сослалъ его на житье въ Волоколамскій монастырь, гдѣ прежде Даніилъ былъ игуменомъ; желая оправдать свой беззаконный поступокъ, Шуйскіе заставили Даніила написать отреченную грамоту, въ которой тотъ отказался не только отъ митрополіи, но даже отъ архіерейства, признавая за собою «разумѣнія неполезна и мысль погрѣшительну». На митрополію возведенъ былъ 6 февраля Іоасафъ (Скрипицынъ), троицкій игуменъ, сторонникъ послѣдователей преподобнаго Нила сорскаго. Новый митрополитъ скоро разошелся съ Шуйскими, сблизился съ противной партіей и уговорилъ великаго князя освободить (6 іюня 1540 г.) кн. И. Ѳ. Бѣльскаго; а вскорѣ Бѣльскій сталъ даже во главѣ правленія; онъ дѣйствовалъ мягче своего предшественника: онъ не преслѣдовалъ своего противника, который скоро назначенъ былъ оберегать восточную границу государства отъ казанскихъ татаръ; по просьбѣ Бѣльскаго, митрополита Іоасафа и священника Сильвестра Іоаннъ освободилъ 25 декабря 1541 г. кн. Владиміра Андреевича, сына удѣльнаго кн. Андрея Ивановича, и его мать, кн. Евфросинью; Іоаннъ отдалъ Владиміру Андреевичу отцовскій удѣлъ Старицу, но бояръ къ его двору и дѣтей боярскихъ дворовыхъ назначилъ новыхъ, а не отцовскихъ; тогда же была нѣсколько облегчена участь кн. Дмитрія Андреевича, сына Андрея Васильевича углицкаго, заключеннаго вмѣстѣ съ отцомъ еще въ 1491 г.; 50 лѣтъ онъ сидѣлъ въ оковахъ, теперь оковы съ него были сняты, но изъ тюрьмы онъ не былъ освобожденъ. Наконецъ, и вся земля русская почувствовала облегченіе отъ своеволія намѣстниковъ, угнетавшихъ области, данныя имъ въ кормленіе. Освобожденіе Владиміра Андреевича было послѣднимъ дѣломъ Бѣльскаго: кн. И. В. Шуйскій, стоявшій во главѣ большого войска во Владимірѣ, склонилъ на свою сторону многихъ дѣтей боярскихъ, между прочимъ всѣхъ новгородскихъ помѣщиковъ, и привелъ ихъ къ присягѣ; по соглашенію съ боярами, своими сторонниками, онъ долженъ былъ явиться въ Москву 3 января 1542 г., а въ ночь со 2 на 3 января, часа за 3 до свѣта, сторонники Шуйскаго пришли въ хоромы Іоанна, разбудили его, заставили пѣть въ крестовой комнатѣ (т. е. читать утреннія молитвы), а сами въ это время схватили кн. И. Ѳ. Бѣльскаго; на слѣдующій день Бѣльскій сосланъ былъ на Бѣлоозеро, гдѣ и былъ вскорѣ убитъ П. Зайцевымъ, Клобуковымъ и Сергѣевымъ; люди партіи Бѣль-

скаго были разосланы: кн. П. М. Щенятевъ—въ Ярославль, И. И. Хабаровъ—въ Тверь; митрополитъ Іоасафъ едва не былъ убитъ дѣтьми боярскими новгородцами; съ трудомъ удержали новгородцевъ троицкій игуменъ Алексѣй и кн. Д. Ѳ. Палецкій; затѣмъ Іоасафа сослали въ Кирилловъ монастырь, а на его мѣсто 19 марта 1542 г., поставленъ былъ въ митрополиты Макарій, архіепископъ новгородскій, іосифлянинъ. Главнѣйшими дѣятелями въ этомъ переворотѣ были: князья И. В. Шуйскій, сынъ его, П. И. Шуйскій, А. М. Шуйскій, М. И. и И. И. Кубенскіе, Д. Ѳ. Палецкій, казначей И. Третьяковъ, Иванъ Большой Васильевичъ Шереметевъ и нѣкоторые другіе. Кн. И. В. Шуйскій вскорѣ умеръ, мѣсто его занялъ кн. А. М. Шуйскій, который былъ въ 1538—1540 гг. намѣстникомъ въ Псковѣ и оставилъ тамъ по себѣ самую недобрую память; отъ такого правителя русская земля не могла ожидать добра. Но Іоаннъ уже подросталъ; Шуйскіе замѣтили, что расположеніемъ молодого государя пользуется Ѳ. С. Воронцовъ; тогда 9 сентября 1543 г. князья А. М. и И. М. Шуйскіе, Ѳ. И. Скопинъ-Шуйскій, Д. Курлятевъ, И. Пронскій, А. Д. Басмановъ и другіе, во время совѣщанія въ присутствіи великаго князя, у него въ столовой избѣ, схватили Воронцова, били его, оборвали на немъ платье и даже хотѣли убить. Іоаннъ отправилъ къ нимъ митрополита и бояръ И. Г. и В. Г. Морозовыхъ и «для государева слова» Шуйскіе не убили Воронцова; онъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Кострому, хотя государь просилъ, чтобы Воронцова отправили на службу въ Коломну. Съ какою необузданностью и дерзостью вели себя въ этомъ дѣлѣ сторонники Шуйскихъ видно изъ того, что, между прочимъ во время переговоровъ о Воронцовѣ, Ѳ. Головинъ умышленно наступилъ на мантію митрополита и разодралъ ее. Но это было уже послѣднее своевольство бояръ. 29 декабря 1543 г. великій князь приказалъ схватить «первосовѣтника боярскаго», кн. А. М. Шуйскаго, велѣлъ отдать его псарямъ и «псари взяша и убиша его, влекуще къ тюрмамъ противу воротъ Ризъ-положенныхъ во градѣ»; кн. Ѳ. Скопинъ-Шуйскій, кн. Ю. Темкинъ, Ѳ. Головинъ были разосланы и «отъ тѣхъ мѣстъ начаша бояре отъ государя страхъ имѣти и послушаніе», говоритъ лѣтописецъ.

Обыкновенно полагаютъ, что въ эту эпоху (1538—1543 гг.) происходила борьба двухъ началъ—стараго удѣльнаго уклада и новаго государственнаго строя, что именно въ эти годы боярство, большинство котораго находилось на сторонѣ Шуйскихъ, показало полную свою несостоятельность и погубило свое дѣло главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что допустило страшныя хищенія и насилія въ странѣ. Но мы видимъ только борьбу партій Шуйскихъ, представителей старинныхъ московскихъ порядковъ, и Бѣльскихъ, принесшихъ съ собою западно-русскія идеи; мы видимъ стремленіе каждой партіи окружить государя своими сторонниками, раздать имъ кормленія, деньги и помѣстное жалованье; но въ дѣйствіяхъ Шуйскихъ нѣтъ ничего, что было бы направлено противъ укрѣплявшагося тогда монархическаго начала; при Еленѣ уничтожены были два удѣла, оба, особенно первый, при содѣйствіи боярской думы; послѣ Елены Шуйскіе не давали удѣла малолѣтнему брату Іоанна, Юрію Васильевичу, не подумали выпустить на свободу, а тѣмъ болѣе возвратить удѣлъ Владиміру Андреевичу. Шуйскіе твердо держали въ рукахъ власть, и не они, а Бѣльскіе ослабляли эту власть, вмѣшивая въ боярскія отношенія восьмилѣтняго государя; скажемъ болѣе: даже выходка кн. А. Шуйскаго противъ Воронцова произошла на засѣданіи думы и можетъ быть объяснима, какъ нежеланіе допустить торжество мнѣнія, опиравшагося лишь на волю 12-лѣтняго государя. Самъ Грозный впослѣдствіи обвинялъ Шуйскихъ, что они самовольно учинились у него опекунами, что они расхитили его казну, что оскорбляли его и память его родителей своимъ поведеніемъ; бывало мы съ братомъ Юріемъ играемъ, а кн. И. В. Шуйскій сидитъ опершись на локоть, положивъ ногу на постель отца нашего, вспоминалъ онъ. Однако преувеличенность нѣкоторыхъ обвиненій противъ бояръ и несостоятельность перваго совершенія ясны.

На Шуйскихъ лежитъ пятно крайне дурнаго хищническаго управленія землею, но, кажется, они и сами сознавали это зло и въ правленіе И. В. Шуйскаго даны были двѣ первыя губныя грамоты—Бѣлозерская и Каргопольская (1539 г.), а введеніе губныхъ учрежденій въ корнѣ подрывало систему кормленій. Дѣйствія Шуйскихъ были грубы, своевольны и корыстны; но въ нихъ не видимъ отголосковъ старины удѣльнаго уклада; Шуйскіе не мечтали о возстанов-

леніи Суздальскаго княжества, они оставались слугами московскаго государя; даже связь ихъ съ новгородцами не имѣла того политическаго значенія, какое ей приписываютъ: на сторонѣ Шуйскихъ было не потомство свободолюбиваго населенія Великаго Новгорода, а дѣти боярскіе, помѣщики новгородскіе—потомки людей, испомѣщенныхъ тамъ Іоанномъ III; на сторонѣ Шуйскихъ былъ и архіепископъ Новгорода, но опять-таки не избранный населеніемъ, а поставленный туда вел. кн. Василіемъ,—Макарій, усердный іосифлянинъ. Напротивъ, въ дѣйствіяхъ Бѣльскихъ проглядываетъ сочувствіе къ строю удѣльному: одинъ изъ нихъ мечталъ о рязанскомъ княжествѣ, потомъ бѣжалъ въ Литву, посѣтилъ Крымъ и Константинополь, всюду возбуждая враговъ на Московскую Русь; братъ его едва не выхлопоталъ ему прощенія; Бѣльскій же содѣйствовалъ возвращенію удѣла Владиміру Андреевичу. Во время малолѣтства Грознаго его бояре дѣйствовали и вели себя также, какъ бояре Димитрія Донскаго въ его малолѣтство; они не упускали изъ вида пользы государства, они не ослабляли власти государевой, а боролись между собой, главнымъ образомъ, изъ за власти и изъ за кормленій; они и не подумали сплотиться тѣснѣе, обезпечить свои права какимъ-либо договоромъ. Слишкомъ слабые и бѣдные, чтобы думать о политическихъ правахъ, подобно своей западно-русской братіи, слишкомъ увѣренные въ силѣ давнословившихся условій, они воспользовались малолѣтствомъ государя, чтобы безъ его контроля поправить состоянія свои и своихъ слугъ, оставаясь въ полной увѣренности, что государь будетъ править землею вмѣстѣ съ ними и черезъ нихъ и ихъ дѣтей и внуковъ.

Всего печальнѣе смуты боярскія отразились на отношеніяхъ къ татарамъ. Боярамъ не удалось разорвать связи Крыма съ Казанью и татары съ обѣихъ сторонъ нападали на Русь, грабили мѣста по всей юговосточной окраинѣ. Къ счастью двумъ татарскимъ ордамъ трудно было нападать на Русь одновременно: казанцы, не имѣвшіе судовъ, боялись лѣтомъ переходить за Волгу и потому предпочитали нападать на русскія земли зимою; напротивъ, крымцы для своихъ набѣговъ выбирали весеннее время и лѣто, когда въ степи былъ готовый кормъ для ихъ лошадей. Въ началѣ 1541 г., по вѣстямъ изъ Казани отъ кн. Булата, что сторонники Россіи собираются убить Сафа-Гирея, выслано было во Владиміръ, подъ начальствомъ кн. И. В. Шуйскаго, войско, составленное изъ дворовыхъ и городовыхъ дѣтей боярскихъ 17-ти городовъ; затѣмъ въ Москвѣ узнали, что Сахыбъ-Гирей идетъ на Русь со всею ордою и съ турецкими янычарами, съ пушками и пищалями, съ ногаями, астраханцами, азовцами, имѣя, по донесенію сторожевыхъ станицъ, болѣе ста тысячъ. Съ ханомъ былъ и измѣнникъ кн. С. Ѳ. Бѣльскій. Въ Москвѣ опасались осады, и не знали, оставаться-ли молодому государю въ Москвѣ, или отъѣхать въ какой-нибудь другой городъ. Одни бояре указывали, что когда татары приходили на Москву, то великіе князья въ городѣ не сиживали; имъ возражали, что въ тѣхъ случаяхъ великіе князья были совершеннолѣтніе, «истому великую могли подняти, и собою промыслити, и землѣ поссбляти; а нынѣ государь малъ, а братъ его и того меньше; борзой ѣзды и истомы поднять не могутъ». Прекрасно обрисовываютъ тогдашнее положеніе московскаго государства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ врагами, слова митрополита Іоасафа: «государи отступали, сказалъ митрополитъ, на Кострому и въ иные города, но эти города теперь не мирны съ Казанью; въ Новгородъ и Псковъ государи не отступали для литовскаго рубежа и нѣмецкаго; къ тому же на кого оставить Москву и чудотворцевъ; князь великій Димитрій съ Москвы съѣхалъ, брата своего и крѣпкихъ воеводъ не оставилъ, и надъ Москвою каково стало? Господи отъ таковой бѣды защити и помилуй! Теперь людей собрано много, есть кому беречь дѣло великаго князя и Москвѣ пособлять; поэтому положить великаго князя на Бога, Пречистую и чудотворцевъ Петра и Алексѣя, а тѣ имѣютъ попеченіе о русской землѣ». Ханъ 30 іюля пришелъ къ Окѣ, у Коломны хотѣлъ переправляться чрезъ рѣку, но встрѣченный большимъ войскомъ подъ начальствомъ кн. Д. Ѳ. Бѣльскаго 31 іюля сталъ отступать; на возвратномъ пути попытался было овладѣть городомъ Пронскомъ, но и здѣсь былъ отбитъ. Такой полный неуспѣхъ Сахыбъ-Гирея турецкіе источники объясняютъ заговоромъ Бакы-бея: хану донесли, что Бакы-бей намѣревается его убить во время переправы чрезъ Оку; ханъ, подойдя къ Окѣ, приказалъ Бакы-бею переправиться первому; пока они обсылались гонцами, стемнѣло и переправу пришлось отложить до слѣдую-

щаго дня, а въ ночь стали подходить русскія войска. Разгнѣванный неудачей Сахыбъ-Гирей написалъ Іоанну бранное посланіе, начинавшееся такъ: «Проклятый и отверженный, беззаконный, московскій пахарь, рабъ мой»; ханъ грозилъ Іоанну, что хотѣлъ его запречь въ соху и заставить сѣять золу и т. д. Въ общемъ въ боярское правленіе Русь съ трудомъ отбивалась отъ татаръ; рѣзкая перемѣна въ этихъ отношеніяхъ произошла лишь съ того времени, когда самъ Іоаннъ сталъ во главѣ управленія (съ 1545 г.).

Удачнѣе шли сношенія съ Литвой. Послѣ заключенія перемирія 1537 г. не прекращались взаимныя жалобы на пограничныя обиды; впрочемъ въ 1542 г., когда истекъ срокъ пятилѣтняго перемирія, оно было продолжено на тѣхъ же условіяхъ еще на 7 лѣтъ; и на этотъ разъ шли разговоры о вѣчномъ мирѣ, но Литва не хотѣла мириться безъ Смоленска, а боярамъ хотѣлось вернуть Гомель. Чтобы прекратить пограничные споры, особенно частые между жителями Полоцка и Себежа, рѣшено было отправить на мѣсто судей отъ той и другой стороны; такъ какъ Себежъ стоялъ собственно на литовской землѣ и размежеваніе не могло быть выгодно для Москвы, то бояре затянули дѣло и вели его такъ, что съѣздъ судей не состоялся: сначала на приглашеніе, присланное 18 января, 1543 г. назначить съѣздъ на 2 февраля, отвѣтили, что московскимъ судьямъ не поспѣть къ 2 февраля и что изъ за снѣговъ «рубежей не знати»; сами бояре предложили съѣхаться лѣтомъ, но потомъ отсрочили съѣздъ до Филиппова заговѣнья, т. е. до 14 ноября, затѣмъ съѣздъ былъ опять перенесенъ,— на Духовъ день 1544 г.; на этотъ разъ на мѣсто пріѣхали судьи съ той и другой стороны, но къ переговорамъ не приступали: цѣлый день проспорили сопровождавшіе посольство чиновники, гдѣ съѣхаться, а самые послы не видѣвшись и разъѣхались.— Въ такомъ положеніи были дѣла къ тому времени, съ котораго Іоаннъ сталъ принимать активное участіе въ дѣлахъ правленія.

Іоаннъ очень рано сталъ выступать въ придворной жизни, какъ государь: въ концѣ 1535 г. онъ принималъ царя Шигъ-Алея, выпущеннаго изъ заключенія на Бѣлоозерѣ; предъ малолѣтнимъ великимъ княземъ палъ ницъ царь казанскій. Потомъ Іоаннъ былъ у матери, когда ей являлись царь Шигъ-Алей и жена его; въ 1535 г. архіепископъ новгородскій Макарій являлся съ поклономъ къ Іоанну. Макарій провелъ въ Москвѣ 18 дней, черезъ день ѣздилъ къ государю, печаловался ему за опальныхъ людей. 13 августа 1536 г. Іоаннъ принималъ литовскихъ пословъ; на привѣтствіе ихъ онъ, по обычаю, вставъ съ своего мѣста спросилъ: «братъ нашъ Жигимонтъ король по здорову ли?», звалъ пословъ къ своей рукѣ, спрашивалъ ихъ, благополучно-ли они доѣхали до Москвы; при этой церемоніи стояли у мѣста великаго князя, берегли его, бояре: кн. В. В. Шуйскій и кн. И. Ѳ. Овчина-Оболенскій; въ заключеніи аудіенціи послу отъ имени великаго князя было объявлено: «пригоже было намъ тобя жаловати ѣсти, да еще есмя лѣты несовершенны, и быти намъ за столомъ, и намъ будетъ столъ въ истому, и ты на насъ не помолви, а мы тобѣ ѣству пошлемъ на подворье»; при этомъ официальная запись добавляетъ: «князь великій еще собѣ столомъ не ѣдалъ и опричь пословъ»; 18 февраля 1537 г. Іоаннъ цѣловалъ предъ послами крестъ.

Такіе пріемы и столь раннее участіе Іоанна въ придворной и общественной жизни, гдѣ все склонялось предъ нимъ, должны были развить въ немъ крайне высокое мнѣніе, какъ о себѣ лично, такъ и о достоинствѣ государя московскаго. Іоаннъ страдалъ впослѣдствіи недостатками тѣхъ лицъ, которыя не помнятъ себя иначе, какъ на престолѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ душу ребенка западали и впечатлѣнія совсѣмъ другого рода: смутно онъ могъ помнить, какъ черезъ недѣлю послѣ смерти его отца захватили его дядю, поднявшаго усобицу вопреки крестному цѣлованію; Іоанну было уже шесть лѣтъ, когда Юрій Ивановичъ умеръ въ тюрьмѣ, можетъ быть отъ голода; Іоаннъ долженъ былъ хорошо помнить тревогу, поднятую въ 1537 г. движеніемъ другого его дяди, Андрея Ивановича; онъ узналъ впослѣдствіи, что и ближайшій его родственникъ по матери, кн. М. Л. Глинскій, умеръ въ тюрьмѣ; онъ могъ знать, какъ въ 1537 г. Елена приказала расправиться съ измѣнившими государю дѣтьми боярскими новгородцами: 30 человѣкъ были перевѣшаны по дорогѣ въ Новгородъ; слышалъ Іоаннъ, какъ бояринъ и совѣтникъ его отца бѣжалъ въ Литву и послѣ этого поднималъ на Русь Литву, и крымцевъ, и турецкаго султана. Съ ранняго дѣтства Іоаннъ

привыкъ видѣть въ своихъ родныхъ своихъ первыхъ враговъ, привыкъ вѣрить всякимъ преступленіямъ, взводимымъ на нихъ; въ раннемъ дѣтствѣ Іоанну указаны были средства, которыми онъ могъ избавиться отъ враговъ, и висѣлицами обозначенъ къ Новгороду путь, по которому онъ много лѣтъ спустя прошелъ такимъ разрушительнымъ походомъ.

Если еще при жизни матери Іоаннъ привыкъ сознавать и чувствовать себя государемъ, то по смерти ея онъ чувствовалъ это сильнѣе: восьми лѣтъ Іоаннъ жалуетъ, по убѣжденію митрополита Даніила и Бѣльскаго, боярствомъ кн. Голицына; 10-ти лѣтъ онъ считаетъ себя уже совершеннолѣтнимъ, «мнѣ же въ возрастъ достигшу, не восхотѣвъ подъ рабскою властью быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго *отъ себя отослалъ* на службу, а у себя *есми велѣлъ быти* боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому», говоритъ онъ: это случилось въ 1540 г. и съ этого времени Іоаннъ считалъ себя дѣйствительнымъ правителемъ земли и, конечно, жестоко оскорблялся тѣмъ, что бояре еще не признавали его за совершеннолѣтняго; съ чувствомъ горькой досады онъ вспоминалъ, какъ кн. Шуйскій свысока смотрѣлъ на него, воспитывалъ его и брата его, Юрія, какъ «иностранныхъ», «какъ самую убогую чадь»; онъ упрекаетъ бояръ даже въ томъ, что не имѣлъ приличной одежды, иногда терпѣлъ голодъ, что у него на глазахъ небрежно и оскорбительно обращались съ дорогими для него вещами отца и матери. Обвиненія эти писаны много лѣтъ спустя, въ 1564 г., во время горькой полемики, но несомнѣнно, уже въ тѣ юные годы онъ привыкъ смотрѣть на себя, какъ на сираго и обездоленнаго; «призри», молился онъ въ 1541 г., «на насъ сирыхъ; остались есмы отъ пазухи отца своего и отъ чреслъ матери своея млады; ни откуду себѣ на земли утѣхи не имѣемъ»; то же онъ говорилъ въ 1550 г. Что онъ росъ безъ призора, что онъ страдалъ отъ этого, это подтверждаетъ и кн. Курбскій; что съ нимъ обращались иногда дерзко—это доказываютъ факты; но въ то же время онъ пользовался въ достаточной степени свободой; къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ, какъ шло образованіе Іоанна, во всякомъ случаѣ—одного изъ самыхъ яркихъ и оригинальныхъ умовъ московской Руси. Онъ читалъ много, но безъ разбору, систематически же вѣроятно не учился совсѣмъ; съ очень ранняго возраста онъ привыкъ разъѣзжать по монастырямъ; еще мать нѣсколько разъ возила его и Юрія то къ Троицѣ, то въ Можайскъ, то въ Боровскъ. Первыя его поѣздки обыкновенно продолжались дня четыре, дней пять; но уже съ 12-лѣтняго возраста онѣ измѣняютъ свой характеръ. 21 апрѣля 1542 г. Іоаннъ отправился въ Сергіевъ монастырь, оттуда проѣхалъ въ свои села: Слободу, Олешню и другія, вернулся въ Москву только 17 октября; 8 декабря поѣхалъ опять помолиться въ Боровскъ, Можайскъ и на Волокъ, вернулся 20 декабря; въ 1543 г., послѣ ссылки Воронцова, онъ 16 сентября поѣхалъ къ Сергію, заѣзжалъ въ Можайскъ и другія мѣста и возвратился въ Москву только къ 1 ноября. 3 марта 1544 г., на первой недѣлѣ великаго поста, онъ поѣхалъ къ Сергію, оттуда въ Макарьевъ Калязинъ монастырь, затѣмъ «на свою государскую потѣху въ Заболотье на медвѣди», оттуда опять къ Сергію и въ Москву. Курбскій говоритъ, что уже съ 11-лѣтняго возраста Іоаннъ привыкъ къ кровавымъ потѣхамъ, любилъ убивать животныхъ, бросалъ ихъ на землю съ крыши, а пѣстуны хвалили его за это; на 15 году Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, сталъ разъѣзжать по улицамъ города, окруженный толпою сверстниковъ, которые били и грабили народъ, а ласкатели опять только говорили: «О! храбръ будетъ сей царь и мужественъ». Разсказъ Курбскаго невѣренъ только въ хронологическомъ отношеніи: въ этой части своей «Исторіи» Курбскій постоянно считаетъ Іоанна старше, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Съ 1545 г. поѣздки Іоанна становятся еще продолжительнѣе и отдаленнѣе: онъ ѣздитъ въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, въ Вологду, въ Новгородъ и Псковъ. По поводу посѣщенія Іоанномъ Новгорода лѣтописецъ замѣчаетъ, что князь великій ни въ чемъ не управилъ своей вотчины, а только причинилъ населенію «много проторъ и волокиты».

Безпрестанные разъѣзды, столь быстрые переходы отъ молитвы къ потѣхѣ служатъ признакомъ неустойчиваго и непостояннаго характера молодого государя. Отношенія его къ окружающимъ, къ сожалѣнію, не только подтверждаютъ этотъ выводъ, но въ значительной степени усиливаютъ. Съ конца 1543 г. Іоаннъ считаетъ себя самостоятельнымъ правителемъ; на дѣлѣ всѣмъ стали заправлять кн. Глинскіе, родственники его

съ материнской стороны; самъ Іоаннъ не обнаружилъ ни чѣмъ желанія взяться въ дѣйствительности за дѣло правленія; изъ личныхъ его дѣйствій за это время знаемъ лишь его разъѣзды, опалы и казни, казалось бы несвойственныя въ столь раннемъ возрастѣ: въ сентябрѣ 1545 г. урѣзанъ языкъ А. Бутурлину за невѣжливыя слова, въ октябрѣ положена опала на кн. И. Кубенскаго, кн. П. Шуйскаго, кн. А. Горбатаго, Ѳ. Воронцова, кн. Д. Палецкаго, въ декабрѣ они прощены по ходатайству митрополита; 21 іюня 1546 г. по дѣлу о сопротивленіи новгородскихъ пищальниковъ казнены кн. И. И. Кубенскій и оба Воронцовы, а И. П. Ѳедоровъ и кн. И. М. Воротынскій заточены; официальный лѣтописецъ выражаетъ свое сомнѣніе въ виновности казненныхъ бояръ. Кромѣ этихъ казней, несомнѣнно происшедшихъ въ это время, Курбскій относитъ къ тому же времени казнь пятнадцатилѣтняго кн. М. Б. Трубецкаго, кн. И. И. Дорогобужскаго и кн. Ѳ. И. Овчины-Телепнева-Оболенскаго, сына любимца Елены, и еще нѣкоего Ѳ. Невѣжи. Родословная книга подтверждаетъ извѣстія о казни кн. Ѳ. Овчины, но не говоритъ, когда это было; въ виду молодыхъ лѣтъ троихъ казненныхъ и ихъ положенія приходится думать, что это были сверстники Іоанна и погибли въ минуту его раздраженія. Особенно заслуживаетъ вниманія отношеніе Іоанна къ Воронцову: прежде это былъ его любимецъ, послѣ казни Шуйскаго онъ былъ возвращенъ имъ изъ ссылки; въ 1545 г. онъ уже въ опалѣ, а въ 1546 г. и казненъ. Такимъ образомъ трое заслуженныхъ бояръ и почти несомнѣнно еще 4 человѣка казнены были Іоанномъ въ промежутокъ 1544—1547 годовъ, когда онъ государствомъ еще не правилъ, никакихъ вопросовъ государственныхъ не поднималъ; въ три года онъ казнилъ болѣе, чѣмъ отецъ его и дѣдъ во все время продолжительныхъ княженій. Эти казни, а равно и отношенія Іоанна къ населенію въ эти годы, обнаруживаютъ и крайне высокое мнѣніе о себѣ, пренебреженіе къ другимъ, полнѣйшее нежеланіе сдерживать себя, болѣзненную раздражительность и почти непонятную въ молодомъ возрастѣ жестокость. Въ 1551 г. Іоаннъ самъ созналъ это, заявивъ, что нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего, что сдѣлано было имъ дурного въ молодости.

Государствомъ продолжали управлять Глинскіе, которые относились къ народу нисколько не лучше Шуйскихъ. Первымъ актомъ государственной дѣятельности Іоанна было принятіе царскаго титула, событіе, чрезвычайно важное въ нашей исторіи; характерно, что именно съ этого Іоаннъ началъ; не сдѣлавъ еще ничего для своего государства, онъ на 17 году своей жизни принимаетъ титулъ, который хотѣли принять и его отецъ, и его дѣдъ, но не рѣшались этого сдѣлать даже послѣ важныхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ своей государственной дѣятельности. 13 декабря 1546 г. Іоаннъ совѣтовался съ митр. Макаріемъ о своей женитьбѣ и о томъ, что онъ хочетъ «сѣсти на царствѣ на великомъ княженіи». Послѣ двухъ совѣщаній митрополита съ боярами, даже опальными, мысль Іоанна была вполнѣ одобрена на соборѣ. 17 декабря Іоаннъ объявилъ собору, что онъ хотѣлъ искать невѣсты въ иныхъ государствахъ, но оставилъ эту мысль, потому что послѣ отца и матери остался молодъ, и бѣда будетъ, если онъ съ женой не сойдется нравомъ; еще въ 1543 г. Б. И. Сукину, ѣхавшему въ Литву, велѣно было, между прочимъ, объявить въ Литвѣ, что государь ищетъ невѣсты, но въ Литвѣ на этотъ намекъ не обратили вниманія. Митрополитъ и бояре заплакали отъ радости, по словамъ лѣтописи, видя государя столь еще молодого, а такъ основательно разсуждающаго. Затѣмъ Іоаннъ сказалъ, что хочетъ предъ женитьбою «поискать прежнихъ чиновъ своихъ прародителей» и «какъ прародители наши, цари и великіе князи и сродникъ нашъ вел. кн. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство и великое княженіе садились, такъ и я хочу потому же тотъ чинъ исполнити и на царство и великое княженіе хочу сѣсти», говорилъ Іоаннъ. Митрополитъ благословилъ его на это дѣло, а бояре возрадовались, что государь въ такихъ годахъ уже «поискалъ чиновъ своихъ прародителей». 16 января 1547 г. великій князь Іоаннъ Васильевичъ былъ торжественно вѣнчанъ на царство въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Макаріемъ.

Еще Іоаннъ III употреблялъ титулъ «царь» въ сношеніяхъ съ мелкими государствами, напримѣръ Тевтонскимъ орденомъ; Василій III, какъ сынъ византійской царевны, употреблялъ этотъ титулъ не только въ сношеніяхъ съ западными государями, за исключеніемъ Литвы-Польши,

но и въ нѣкоторыхъ актахъ; но только съ 1547 г. этотъ титулъ сталъ постояннымъ и обязательнымъ именованіемъ московскаго государя.

Современники различно объясняли значеніе этого событія. Само правительство московское, помимо всякихъ фикцій, объяснило это тѣмъ, что «нынѣ землею русскою владѣетъ государь нашъ одинъ». Нѣкоторые книжники видѣли въ этомъ исполненіе пророчества о третьемъ Римѣ, — «два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть», гласила эта теорія. Съ принятіемъ этого титула московскій государь становился главою и защитникомъ всего православнаго міра. Для большинства населенія этимъ титуломъ государь провозглашалъ себя и государство свое самостоятельнымъ и независимымъ,— «прежде бо его никтоже отъ прадѣдъ царемъ словяще въ Россіи, не смѣяше отъ нихъ ни кійждо поставитися царемъ и зватися тѣмъ новымъ именемъ, блудущеся зависти ради и востанія на нихъ поганыхъ царь», читаемъ въ лѣтописи. Четвертые, наконецъ, видѣли въ этомъ указаніе на объемъ власти, на выдѣленіе князя московскаго и именемъ изъ среды многочисленныхъ князей. Въ каждомъ толкованіи была своя доля истины. Царскій титулъ указывалъ и на полную самостоятельность Руси, ибо царемъ именовали на Руси татарскаго хана, прежде неограниченно господствовавшаго надъ Русью; указывалъ и на преемственность власти московскаго государя отъ византійскихъ императоровъ, такъ какъ ихъ называли на Руси также царями; этотъ титулъ выдѣлялъ, дѣйствительно, московскаго государя изъ среды князей, толпившихся около него и составлявшихъ его дворъ; и благодаря этому титулу московскій государь, «царь всея Руси», становился въ глазахъ массы выше «великаго князя литовскаго и русскаго». Въ этомъ событіи, какъ въ фокусѣ, отразились: и сверженіе татарскаго ига, и собраніе русской земли, и византійское вліяніе, и низведеніе удѣльныхъ князей на степень слугъ государевыхъ; это событіе есть завершеніе того процесса въ русской жизни, который начался еще во второй половинѣ XIV вѣка. Поэтому, такъ какъ это событіе касается почти исключительно русскаго народа, то и московскому правительству для того, чтобы добиться общаго признанія этого титула, пришлось выдержать борьбу, очень продолжительную и упорную, только съ литовско-польскимъ государствомъ, стремившимся тогда тоже овладѣть *русскимъ* міромъ.

Съ просьбою о признаніи этого титула за московскимъ государемъ наше правительство обратилось только къ восточнымъ патріархамъ. Восточные патріархи охотно дали свое согласіе; въ 1561 г. патріархъ константинопольскій Іоасафъ далъ грамоту отъ имени собора, хотя никакого собора въ это время не происходило и подписи самихъ іерарховъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, подложны, за исключеніемъ двухъ подписей: самого патріарха Іоасафа и Іоасафа, митрополита еврипскаго, привезшаго эту грамоту въ Москву. Соборъ 1565 г., низложившій патріарха Іоасафа, прислалъ Іоанну подтвердительную грамоту.

Для доказательства, что этотъ титулъ не былъ «новшествомъ», выдвинута была прежде всего легенда о войнѣ вел. кн. Владиміра Всеволодовича съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ, при чемъ разсказывалось, что императоръ «добилъ» Владиміру челомъ и прислалъ регаліи для царскаго вѣнчанія Владиміра въ Кіевѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что легенда эта образовалась сравнительно поздно, когда въ Москвѣ уже затемнилась память объ этихъ лицахъ: Владиміръ Мономахъ родился въ 1052 г., а императоръ Константинъ VIII умеръ въ 1054 г.; едва-ли можетъ быть допущена и позднѣйшая версія этой легенды, по которой Владиміръ Мономахъ получаетъ регаліи не послѣ побѣдоносной войны, а какъ внукъ по дочери Константина Мономаха, не имѣвшаго мужскаго потомства и прославшаго регаліи въ даръ своему внуку. Въ памятникахъ письменности упоминаніе о шапкѣ Мономаха впервые встрѣчается у Герберштейна (былъ въ Москвѣ въ 1517 и 1527 г.) и въ подложномъ посланіи старца Паисія по поводу вступленія Василія III во второй бракъ; въ духовныхъ грамотахъ князей изъ дома Калиты упоминаются «чѣпи золотые», «шапка золота», но только въ духовной Іоанна IV (1572—1578) встрѣчаемъ указаніе на Мономаховы регаліи; наконецъ въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ 1561 г. упоминаніе о Мономахѣ написано на очевидно выскобленномъ мѣстѣ и другимъ почеркомъ, такъ что въ Константинополѣ, гдѣ лучше помнили объ отношеніяхъ Руси и Византіи въ XI и XII вв., не написали

ничего о Владимірѣ Мономахѣ и это мѣсто грамоты измѣнено было въ Москвѣ.

Хотя само московское правительство сознавало слабость этихъ доводовъ, такъ какъ отказалось сообщить литовскимъ посламъ дѣло о вѣнчаніи Мономаха, но эту неудачную фикцію оно думало подтвердить или замѣнить другой, еще болѣе неудачной, о происхожденіи Рюрика отъ Пруса, брата римскаго императора Августа. Принятіе царскаго титула было слѣдствіемъ усиленія и объединенія сѣверо-восточной Руси; когда съ этимъ фактомъ пришлось примириться Рѣчи Посполитой, то она и признала этотъ титулъ, не нуждавшійся ни въ какихъ другихъ объясненіяхъ.

Выборъ невѣсты произведенъ былъ Іоанномъ также, какъ и отцомъ его избрана была Соломонія: намѣстники по городамъ выбирали болѣе красивыхъ дочерей лицъ служилаго класса, а изъ нихъ въ Москвѣ уже царь самъ выбралъ себѣ супругу. Выборъ его палъ на Анастасію, дочь Романа Захарьина Юрьева, изъ извѣстнаго стариннаго боярскаго рода Андрея Кобылы; отецъ ея, внукъ боярина И. Ѳ. Кошкина, былъ окольничимъ; дядя М. Ю Захарьинъ — бояриномъ, — оба они къ этому времени уже умерли. 3 февраля 1547 г. совершено было бракосочетаніе царя съ Анастасіей Романовной митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ соборѣ; 17 февраля царь отправился пѣшкомъ въ Троицы-Сергіевъ монастырь; его сопровождали молодая царица и братъ его Юрій; 5 марта царь возвратился въ Москву. Управленіе государствомъ оставалось еще въ рукахъ Глинскихъ, владычество которыхъ давно уже вызывало народное неудовольствіе,—люди Глинскихъ грабили народъ, а тѣ не унимали своихъ людей. Подавленная партія Шуйскихъ не имѣла достаточно силы, чтобы открыто возстать противъ Глинскихъ, но теперь она соединилась съ родственниками молодой царицы, Захарьиными, и возбудила народъ къ мятежу; поводомъ послужилъ небывалый по своимъ размѣрамъ пожаръ, случившійся въ Москвѣ 21 іюня 1547 г. Трудно, конечно, сказать, чтобы и самый пожаръ былъ дѣломъ этихъ лицъ; странно только, что пожару 21 іюня предшествовали въ Москвѣ два большихъ пожара 12 и 20 апрѣля. Во время іюньскаго пожара царь съ царицей удалились на Воробьевы горы, на слѣдующій день царь поѣхалъ навѣстить Макарія, сильно ушибленнаго во время пожара, распорядился, чтобы возобновленъ былъ его дворецъ и церкви, а о пострадавшихъ отъ пожара не обнаружилъ, кажется, никакой заботы; между тѣмъ нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ царскій духовникъ, протоіерей Ѳ. Барминъ, кн. Ѳ. И. Скопинъ-Шуйскій, кн. Ю. Темкинъ, И. П. Ѳедоровъ, Г. Ю. Захарьинъ, Ѳ. Нагой, взволновали народъ нелѣпымъ объясненіемъ, будто бы Москва сгорѣла отъ чародѣйства кн. Анны Глинской; въ это время изъ Глинскихъ въ Москвѣ былъ только кн. Ю. В. Глинскій; услышавъ такія рѣчи и видя ярость народа, онъ кинулся въ Успенскій соборъ, но толпа, по наущенію бояръ, убила его въ церкви; тѣло убитаго было брошено на торгу, гдѣ обыкновенно казнили преступниковъ; убиты были многіе люди Глинскихъ, пострадали также нѣкоторые дѣти боярскіе изъ Сѣверской украины, такъ какъ ихъ приняли за людей Глинскихъ. На третій день толпа явилась къ царю на Воробьевы горы и требовала выдачи княгини Анны и князя М. В. Глинскихъ; по приказанію царя многіе изъ толпы были схвачены и казнены, остальные разбѣжались. Усмиреніе этого возстанія было вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ партіи Шуйскихъ-Захарьиныхъ.

Во время этого буйства произошелъ съ Іоанномъ замѣчательный нравственный переворотъ, отчасти подъ вліяніемъ Сильвестра, священника Благовѣщенскаго придворнаго собора. Сильвестръ подѣйствовалъ на Іоанна указаніемъ на страшное народное бѣдствіе, говоря, что оно ниспослано Божіимъ гнѣвомъ за то, что царь забылъ свои обязанности.

Іоаннъ утверждалъ впослѣдствіи, что Сильвестръ устрашилъ его «дѣтскими страшилы»; Курбскій не отвергаетъ этого прямо; онъ, повидимому, признаетъ, что Сильвестръ постарался повліять на Іоанна, но оправдываетъ его, сравнивая его съ врачемъ, который иногда по неволѣ отрѣзываетъ вмѣстѣ съ гангреной и здоровое мясо.

Конечно, Іоаннъ былъ напуганъ Сильвестромъ; его воображенію, всегда слишкомъ живому, представили образъ разгнѣваннаго Бога, страшную кару, ожидающую его за предѣлами этой жизни; онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вполнѣ погрязнуть въ той безцѣльной жизни, которую онъ велъ до сихъ поръ. Сознаніе своей отвѣтственности не покидало его и, можетъ быть, онъ чувствовалъ потребность къ иной, луч-

шей дѣятельности. Не слѣдуетъ только преувеличивать этого переворота въ жизни Іоанна,—подчиненіе Сильвестру не было ни безсознательнымъ, ни полнымъ.

Вообще мы мало знаемъ о Сильвестрѣ; какъ-то внезапно онъ является въ нашей исторіи и также внезапно исчезаетъ. Сильвестръ былъ уроженецъ Великаго Новгорода, имѣлъ обширныя связи, лично былъ уже извѣстенъ Іоанну и принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи въ 1542 году. кн. Владиміра Андреевича; ложно, конечно, но Іоаннъ обвинялъ его впослѣдствіи, что онъ уговаривалъ населеніе Коломны побить камнями епископа Ѳеодосія, и что тѣ чуть было этого не исполнили; и впослѣдствіи враги Сильвестра опасались его связей во всѣхъ слояхъ общества. Такимъ образомъ мы имѣемъ право полагать, что за Сильвестромъ стояла цѣлая партія, ораторомъ которой онъ явился; у этой партіи былъ опредѣленный планъ дѣйствій въ духѣ покойнаго кн. И. Ѳ. Бѣльскаго. Іоаннъ нуждался въ это время въ опорѣ: партія Глинскихъ была уничтожена; ненависть народа къ ней была такъ велика, что въ ноябрѣ того же 1547 г. кн. М. В. Глинскій и кн. И. Турунтай-Пронскій хотѣли бѣжать въ Литву, опасаясь народной мести; партія Шуйскихъ и Захарьиныхъ скомпрометировала себя участіемъ въ народномъ возстаніи; для Іоанна удобнѣе всего было опереться на партію Сильвестра.

Хотя лѣтопись называетъ Сильвестра «аки все мога» и хотя самъ Іоаннъ впослѣдствіи жаловался, что ему опять ни въ чемъ не было воли, но факты показываютъ, что Іоаннъ часто поступалъ совершенно самостоятельно; Сильвестръ жалѣлъ, что Іоаннъ остался доступенъ вліянію разныхъ человѣкоугодниковъ; Курбскій также жалуется на вліяніе родственниковъ Анастасіи. Сильвестръ, котораго поддерживалъ митрополитъ, окружилъ Іоанна совѣтниками, которые назывались у него «избранная рада»; вмѣстѣ съ Сильвестромъ возвысился и игралъ крупную роль въ эти годы А. Ѳ. Адашевъ, происходившій изъ рода костромскихъ дѣтей боярскихъ Ольговыхъ; по всей вѣроятности А. Ѳ. Адашевъ, который былъ нѣсколькими годами старше Іоанна, былъ въ числѣ сверстниковъ молодаго государя; онъ долго былъ стряпчимъ при государѣ, но еще въ 1553 г. во время болѣзни государевой, онъ въ «думѣ» еще не былъ; въ 1556 г. ему велѣно было принимать подаваемыя царю челобитныя; виднымъ членомъ избранной рады былъ кн. А. М. Курбскій. Его дѣдъ по матери М. В. Тучковъ принадлежалъ къ партіи Бѣльскаго, этой же партіи держался, очевидно, и отецъ его, кн. М. М. Курбскій, такъ какъ послѣ освобожденія Бѣльскаго въ 1540 г. ему сказано было боярство. Къ сожалѣнію мы не знаемъ вполнѣ состава рады, но уже то, что три ея участника не принадлежали къ составу думы, указываетъ, что «избранная рада» была такимъ же комнатнымъ совѣтомъ молодаго царя, какой былъ у отца его; избранная рада, во главѣ которой стоялъ священникъ и весьма не родовитый стряпчій, никоимъ образомъ не можетъ быть признаваема за выразительницу московскихъ боярскихъ стремленій и разрывъ съ нею впослѣдствіи вовсе не обозначалъ начала борьбы съ боярствомъ. Это былъ кружокъ лицъ, честныхъ и благонамѣренныхъ, желавшихъ исправить современное имъ печальное положеніе русской земли; но идеалы этихъ лицъ были не впереди вѣка, а позади его.

Положеніе государства было тяжелое: народъ роптalъ на дурное управленіе, вымогательства, взяточничество и волокиту; жаловался на грабежи и разбои. Служилый классъ, составлявшій войско, указывалъ на свою бѣдность, почти нищету; а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ на московское государство наступали непріятели, а самые насущные интересы религіозные и національные, экономическіе и соціальные побуждали держаться относительно татаръ наступательной политики. Несостоятельность военной организаціи бросалась въ глаза: служилый классъ былъ плохо обезпеченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дорого стоилъ странѣ. Главная масса тогдашняго войска состояла изъ дѣтей боярскихъ; въ XVI в. это былъ еще очень пестрый классъ и по соціальному и по національному составу; доступъ въ него лицамъ другихъ состояній былъ не труденъ; дѣти боярскіе испомѣщены были въ уѣздахъ разныхъ городовъ и назывались по именамъ этихъ городовъ дмитровцами, звенигородцами, тверичами и т. д.; дѣди боярскіе—москвичи, естественно, занимали первое мѣсто среди нихъ и образовывали высшій сравнительно съ провинціальнымъ разрядъ слугъ московскаго государя и назывались *дворянами*; дѣти боярскіе провинціальныхъ городовъ раздѣлялись къ этому

времени на два разряда: *дворовыхъ* и *городовыхъ*. Вознагражденіемъ всему этому многочисленному классу, равно какъ и высшимъ чинамъ двора, служили помѣстья и кормленья. До реформъ Іоанна IV едва-ли было опредѣлено, съ какого именно количества земли выставляется вооруженный воинъ, и слѣдовательно служба распредѣлялась между лицами служилаго класса неравномѣрно. Кормленія, т. е. назначеніе въ намѣстники и волостели, составляло какъ-бы добавочное жалованье. Неудовлетворительность системы кормленій и тяжесть ея для населенія видны уже изъ того, что при этой системѣ управленіе вовсе не составляло обязанности кормленщика, а было его правомъ; кормленщикъ былъ заинтересованъ въ количествѣ пошлинъ и сборовъ, но нисколько не заботился о благоустройствѣ и сохраненіи порядка во ввѣренной ему области. Хотя уже въ концѣ XV в. правительство точно опредѣлило уставными грамотами размѣры повинностей населенія по отношенію къ кормленщикамъ, но, какъ и показываютъ событія 1538—1547 гг., кормленщики злоупотребляли своимъ положеніемъ и вымогали съ населенія значительно больше и, что еще хуже, иногда потакали преступникамъ, особенно разбойникамъ. Рѣдко, однако, кормленщику шли впрокъ деньги, собранныя путемъ злоупотребленія и насилія; едва онъ съѣзжалъ съ своей должности, какъ населеніе возбуждало противъ него въ Москвѣ обвиненіе въ нарушеніи уставной граматы; начинался судебный процессъ съ неизбѣжною московской волокитой, разорительный для обѣихъ сторонъ и выгодный только для приказныхъ людей; кормленщикъ иногда совершенно разорялся снова во время подобнаго процесса.

Между тѣмъ жалобы населенія на усиленіе разбоевъ все учащались; указывалось уже, что многія волости пустѣютъ. Еще Василій III думалъ помочь этому горю отправкой въ области сыщиковъ, на которыхъ возлагалась обязанность вмѣстѣ съ мѣстнымъ населеніемъ ловить разбойниковъ. Но сыщики оказались не лучше кормленщиковъ, содержаніе ихъ стоило населенію дорого, а пользы отъ нихъ было мало, разбои не уменьшались. Тогда правительство пришло къ мысли—предоставить населенію право преслѣдовать разбойниковъ и татей. Такъ возникли *губныя* учрежденія. Этимологія и значеніе слова «губа» еще не разъяснены окончательно. «Губы» въ смыслѣ округовъ упоминаются лишь въ Псковской и Новгородской областяхъ; можно допустить догадку, что губой назывался округъ, пользовавшійся правомъ расправы по уголовнымъ дѣламъ. Съ 1539 г. отдѣльнымъ округамъ—губамъ (величина губы была не постоянной, впослѣдствіи, обыкновенно, городъ съ уѣздомъ образовывалъ губной округъ, иногда уѣздъ дѣлился на 2 губы, иногда 2 уѣзда составляли одну губу и т. д.), правительство стало давать «губныя грамоты», предоставлявшія населенію право предупрежденія, розыска, суда и наказанія разбойниковъ, также татей съ поличнымъ и душегубцевъ; всѣ жители уѣзда должны были избрать губнаго старосту, но избраннымъ могъ быть только дворянинъ или сынъ боярскій по преимуществу этого же уѣзда; въ помощь ему тяглое населеніе избирало еще губныхъ цѣловальниковъ. Губной староста имѣлъ право пытать и казнить смертью татей и разбойниковъ; онъ подчинялся непосредственно Разбойному приказу; изъ имущества казненнаго губной староста удовлетворялъ мѣстныхъ истцовъ, оставшееся же за удовлетвореніемъ пересылалось въ Москву въ Разбойный приказъ.

Губное дѣло составило скоро одну изъ повинностей, при томъ не легкихъ, для населенія, на души котораго положено было это дѣло; но эти учрежденія обезпечивали населенію скорый судъ и удовлетвореніе исковъ на мѣстѣ; число разбоевъ во всякомъ случаѣ уменьшилось; положеніе населенія облегчилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ доходы кормленщиковъ уменьшились; эта реформа не давала еще правительству средства лучше обезпечить служилый классъ. Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ Іоаннъ обратился за совѣтомъ къ представителямъ земли и потомъ церкви.

Въ 1550 г. созванъ былъ первый Земскій соборъ; какъ онъ былъ составленъ—неизвѣстно, потому что изъ дѣйствій этого собора до насъ дошла только рѣчь Іоанна. Въ рѣчи своей Іоаннъ живо нарисовалъ печальную картину внутренняго состоянія Россіи; во всемъ онъ винилъ бояръ, оправдывалъ себя и просилъ представителей земли примириться другъ съ другомъ, обѣщая впредь быть судьей и обороной для населенія; царь имѣлъ, вѣроятно, въ виду безконечныя тяжбы, которыя вело

населеніе съ кормленщиками, оставившими свои кормленія.

При участіи собора этого изданъ былъ новый, такъ называемый «Царскій Судебникъ» въ іюнѣ 1550 г. Въ основу этого судебника легли: судебникъ Іоанна III и уложеніе Василія III; такъ какъ послѣднее до насъ не дошло, то мы не можемъ съ точностью опредѣлить, что именно въ этомъ судебникѣ принадлежитъ Іоанну IV; во всякомъ случаѣ важныя ограниченія суда намѣстниковъ составлены уже при немъ. Судебникъ этотъ представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ великокняжескимъ. Во 1-хъ, самая формулировка закона болѣе точная и опредѣленная; такъ запрещая взяточничество, Царскій Судебникъ опредѣляетъ и наказаніе за это преступленіе (ст. 2—11); точно опредѣлено безчестье разнымъ лицамъ (ст. 26). Во 2-хъ, онъ не имѣетъ такого процессуальнаго характера, какъ первый: въ немъ находятся постановленія о холопствѣ, вотчинахъ, крестьянахъ; Царскій Судебникъ въ видахъ ограниченія полнаго холопства постановляетъ, что полныя и докладныя могутъ быть выдаваемы только въ Москвѣ, и что сельское ключничество и тіунство влечетъ за собой холопство только съ «докладной» и запрещаетъ поступать въ холопы дѣтямъ боярскимъ, за исключеніемъ увѣчныхъ и отставныхъ. Далѣе онъ устанавливаетъ право выкупа родовыхъ вотчинъ, подтверждаетъ право крестьянъ «отказываться», т. е. переходить на другое мѣсто, плату за пожилое въ лѣсной полосѣ опредѣляетъ въ полтину и два алтына за 4 года, въ безлѣсной въ 1 р. и 2 алт. Въ 3-хъ, въ области суднаго процесса обезпечиваетъ болѣе интересы населенія, дѣлая обязательнымъ присутствіе на судѣ боярскомъ старостъ, лучшихъ людей и цѣловальниковъ; къ сожалѣнію онъ усилилъ значеніе пытки, такъ какъ сознанію преступника придаетъ большое сравнительно значеніе, а сознаніе влечетъ не уменьшеніе наказанія, а усиленіе—казнь. На слѣдующій 1551 годъ былъ созванъ духовный соборъ, извѣстный подъ именемъ Стоглаваго. Митрополитъ Макарій созывалъ соборы въ 1547 г. и въ 1549 г; на этихъ соборахъ были канонизованы многіе русскіе угодники. Стоглавый соборъ (названный такъ потому, что предложенные на его обсужденіе вопросы царя были раздѣлены на 100 главъ) имѣлъ гораздо большее значеніе: онъ созывался не для церковныхъ только дѣлъ, но и для государственныхъ. Соборъ открытъ былъ 28 февраля 1551 г. самимъ царемъ, на засѣданіяхъ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій, присутствовали на немъ всѣ іерархи русской церкви. Въ рѣчи своей Іоаннъ указывалъ собору его назначеніе, снова съ горестью вспоминалъ о своей юности, о своихъ грѣхахъ и призывалъ соборъ потрудиться для утвержденія истинной вѣры Христовой, для исправленія церковныхъ дѣлъ и для земскаго строенія. Судебникъ и уставныя грамоты были представлены на разсмотрѣніе отцовъ собора; Іоаннъ требовалъ мнѣнія собора также и по вопросамъ о мѣстничествѣ, о вотчинахъ, о корчмахъ, о лучшемъ устройствѣ ратнаго дѣла. И въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ гражданскихъ Стоглавый соборъ оказался не на высотѣ своего призванія. Онъ пользовался своими источниками и пособіями не всегда безукоризненно,—слова Св. Писанія приводилъ иногда неправильно и объяснялъ неудачно и произвольно, иногда принималъ за слова св. апостоловъ и св. отцевъ писанія подложныя. Этотъ соборъ между прочимъ церковными постановленіями утвердилъ: сложеніе двухъ перстовъ для крестнаго знаменія, сугубую аллилуію, запретилъ бритье усовъ и бороды. Основаніемъ для такого рѣшенія послужила «старина» русской церковной жизни; когда русскіе принимали христіанство отъ грековъ, греки такъ крестились и такъ пѣли аллилуія, — старый этотъ обычай и удержался на Руси; по неоднократно поднимавшимся вопросамъ о церковныхъ земляхъ соборъ выступилъ защитникомъ права церкви и только запретилъ богатымъ монастырямъ припрашивать себѣ у царя новыхъ земель. Заботу о бѣдныхъ и калѣкахъ соборъ возложилъ на государство; по вопросу о выкупѣ плѣнныхъ высказался, что слѣдуетъ ввести новую подать, которую равномѣрно разложить на всѣ сохи; бывшій митрополитъ Іоасафъ предлагалъ выкупать плѣнныхъ изъ казны духовныхъ лицъ, въ виду того, что крестьяне и безъ того платятъ достаточно податей; предложеніе это не было однако принято. По вопросу о школахъ соборъ постановилъ, чтобы въ каждомъ городѣ въ домахъ лучшихъ священниковъ и дьяконовъ заведены были школы; но не принялъ мѣръ для обезпеченія этихъ заведеній.

Удачнѣе были постановленія объ учрежденіи поповскихъ старостъ для надзора за духовенствомъ, о внѣшнемъ порядкѣ въ церквахъ, объ иконописаніи; отстаивая церковныя земли, соборъ своими постановленіями о святительскомъ судѣ и о подчиненіи архіерейскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ правительству, еще больше подчинилъ церковь государству. Наконецъ, на многіе вопросы—о пыткѣ, мѣстничествѣ и др., соборъ не далъ царю никакого отвѣта.

Чрезъ два года послѣ этого собора царь, съ благословенія митрополита, устроилъ первую въ Московской Руси типографію. По просьбѣ Іоанна датскій король прислалъ къ нему типографщика и протестантскую Библію съ тѣмъ, чтобы ее по переводѣ отпечатать въ Москвѣ. Іоаннъ, конечно, отклонилъ это предложеніе: въ Москвѣ нашлись люди, которые знали печатное дѣло (въ Западной Руси оно было далеко ужь не новость)—это были дьяконъ И. Ѳедоровъ, П. Мстивлавецъ и М. Нефедьевъ; а для устройства собственно типографіи, можетъ быть, воспользовались тѣми матеріалами, которые были присланы изъ Даніи. Только въ 1564 г. вышла изъ этой типографіи книга Апостолъ. Затѣмъ чернь московская, подстрекаемая, можетъ быть, невѣжественною частью духовенства и переписчиками, подожгла печатный дворъ; первые русскіе печатники искали спасеніе въ бѣгствѣ и кончили свою жизнь въ Западной Руси. Но печатаніе книгъ продолжалось въ Москвѣ: Грозный взялъ типографію подъ свое особое покровительство и устроилъ ее у себя, въ Слободѣ.

Получивъ отъ собора одобреніе судебника, Іоаннъ приступилъ къ дальнѣйшей реформѣ областнаго управленія и лучшей организаціи войска. Теперь правительство остановилось на мысли замѣнить управленіе кормленщиковъ управленіемъ черезъ лицъ, избираемыхъ самимъ населеніемъ. Сущность реформы заключалась въ слѣдующемъ. Общины черныхъ людей получали право избирать излюбленныхъ людей въ головы, старосты, судьи, судейки, цѣловальники. Выборные люди чинили судъ и управу между членами общины, вѣдали мірскія дѣла, собирали дани, оброки и подати и отвозили ихъ въ Москву; дѣла уголовныя: разбой, татьба съ поличнымъ и душегубство, оставались за губными старостами, мелкія уголовныя переходили къ земскимъ старостамъ. Общинѣ, получавшей это право, выдавалась уставная земская грамота; она получала право судиться съ людьми, не принадлежащими къ волости, въ Москвѣ обыкновенно въ два срока (напримѣръ Рождество и Петровъ день), что, конечно, избавляло старостъ отъ излишней волокиты. Власть излюбленныхъ лицъ была велика, они имѣли право поймаваго даже въ первой кражѣ казнить смертью, но вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и отвѣтственность за пристрастное или дурное исполненіе обязанностей: нѣкоторыя грамоты грозятъ за это смертною казнью. Эти права давались населенію однако не даромъ: оно должно было платить оброкъ «за намѣстничъ и тіуновъ кормъ». Величина этого оброка была очень различна въ разныхъ мѣстахъ государства и не оставалась неизмѣнною: какъ и всѣ сборы и подати, отдаваемые на оброкъ, правительство пыталось на слѣдующіе года отдавать его съ наддачей.

Предоставляя населенію значительныя права по самоуправленію, реформа возлагала на него и еще болѣе значительныя повинности. Она передавала мѣстнымъ выборнымъ лицамъ всѣ права государственной власти въ области и дѣлала черезъ выборныхъ лицъ все населеніе отвѣтственнымъ за исправное исполненіе государственныхъ повинностей, т. е. земское самоуправленіе обращалось въ тяжелую государственную повинность. При всемъ томъ реформа эта имѣла благодѣтельныя послѣдствія,—она пріучала отдѣльные міры къ болѣе широкой совмѣстной дѣятельности и предоставляла населенію широкую инціативу, эта тѣснѣе соединяла отдѣльныя области съ центромъ государства и такимъ образомъ въ корнѣ уничтожала удѣльное раздѣленіе Руси.

Первая уставная грамота помѣчена 28 февраля 1551 г.; въ 1555 г. состоялся указъ о повсемѣстной замѣнѣ кормленій земскими учрежденіями. Впрочемъ, эти учрежденія не уничтожили кормленщиковъ, которые существовали въ иныхъ мѣстахъ даже и въ XVII в. Причина этого прежде всего заключается въ томъ, что земскія учрежденія даны были исключительно тяглымъ людямъ, т. е. посадскимъ и черносошнымъ крестьянамъ; давались такія грамоты и дворцовымъ и монастырскимъ крестьянамъ, но это уже зависѣло отъ ихъ владѣльца, а не отъ правительственной власти. Крестьяне, жившіе на помѣстныхъ

земляхъ, въ составъ обществъ, пользовавшихся самоуправленіемъ, не входили, такъ какъ иначе юрисдикція старостъ столкнулась бы съ юрисдикціей помѣщика, а въ теченіи XVI в. власть помѣщика надъ жившимъ на его землѣ крестьяниномъ увеличивается все болѣе и болѣе; поэтому въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ волостей черносошныхъ крестьянъ оставалось немного, гдѣ сильно было служилое землевладѣніе, тамъ въ уѣздахъ и не могло развиться земское самоуправленіе, а намѣстники, напротивъ, должны были остаться, хотя кругъ ихъ дѣйствія былъ теперь чрезвычайно ограниченъ: на долю ихъ осталась почти исключительно финансовая администрація въ уѣздахъ.

Одновременно съ этимъ приступлено было къ лучшему устройству военнаго класса.

Еще въ 1550 г. рѣшено было испомѣстить въ московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ 1,000 человѣкъ дѣтей боярскихъ, лучшихъ слугъ. Цѣль этой мѣры заключалась въ томъ, чтобы эти дѣти боярскіе были всегда готовы на посылки по требованію правительства. Эта мѣра создала новый чинъ въ служиломъ классѣ, такъ называемый «выборъ». При этомъ помѣстья въ московскомъ уѣздѣ даны были боярамъ и другимъ лицамъ высшихъ чиновъ, у которыхъ не было подмосковныхъ земель. Боярамъ давали по 600 четвертей, дѣтямъ боярскимъ 1-й статьи тоже по 600 ч., дѣтямъ боярскимъ 2-й статьи по 450 ч. и 3-й статьи по 300 ч. Всего испомѣщено было 1.078 человѣкъ, а земли имъ назначено 118,200 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей или всего 177,300 дес.

Имена этихъ лицъ записаны были въ такъ называемую «тысячную книгу». Затѣмъ въ 1556 г. постановлено было со 100 ч. доброй земли выставлять человѣка на конѣ въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ и съ двумя лошадьми. Съ того же времени дѣтямъ боярскимъ стали раздавать денежное жалованье, такъ какъ значительныя суммы, получаемыя въ видѣ оброка за помѣстничъ кормъ, значительно увеличили денежные доходы правительства; жалованье выдавалось ежегодно только высшимъ чинамъ, а дѣтямъ боярскимъ постановлено было выдавать жалованье черезъ 4 года, на самомъ же дѣлѣ обыкновенно выдавали рѣже. Очевидно въ связи съ этой организаціей стали составлять особые списки лицъ служилаго класса—«десятни»; первыя извѣстныя десятни относятся къ 1554 г.

Введеніе земскаго самоуправленія перенесло массу дѣлъ изъ областей въ столицу; переустройство ратныхъ силъ государства, появленіе спеціальныхъ родовъ оружія, введеніе новыхъ податей, раздѣленіе государства на земщину и опричнину вызвало возникновеніе многихъ новыхъ приказовъ и новое распредѣленіе старыхъ. Ко времени Грознаго и относится первое упоминаніе о многихъ приказахъ; изъ нихъ нѣкоторые (Большой Приходъ, Четверти, Стрѣлецкій, Пушкарскій) возникли дѣйствительно въ это царствованіе, другіе (Приказъ Большаго Дворца, Посольскій) только получили болѣе опредѣленную организацію, а на дѣлѣ существовали раньше.

Казанскіе походы раскрыли предъ молодымъ царемъ, что одною изъ причинъ частыхъ неудачъ русскаго войска было мѣстничество. Въ 1551 г. составлено было уложеніе, по которому: 1) запрещено было княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ мѣстничаться съ начальниками своихъ полковъ; 2) мѣстничество разрѣшено было только воеводамъ полковъ, притомъ всякій второй воевода, считаясь ниже перваго воеводы своего полка, могъ съ нимъ мѣстничаться. Всѣ воеводы отдѣльныхъ полковъ считались ниже перваго воеводы большаго полка, но имъ одному до другаго дѣла не было и мѣстничаться между собою они не могли, за исключеніемъ воеводъ полковъ правой руки и лѣвой руки, причемъ воеводы правой руки считались выше воеводъ лѣвой руки. Слѣдуетъ отмѣтить, что уложеніе это не соблюдалось и самимъ правительствомъ; жизнь давно уже выработала вполнѣ опредѣленный взглядъ на старшинство полковъ, которые располагаются такъ: большой полкъ, правая рука, передовой, сторожевой, лѣвая рука. И послѣ уложенія 1551 г. подавались челобитья отъ воеводъ такихъ полковъ, которымъ по уложенію объявлено быть безмѣстными, и правительство принимало и разбирало подобныя челобитья.

Успокоеніе государства внутри позволило обратить больше вниманія на внѣшнія дѣла; изъ нихъ казанскія стояли на первомъ планѣ, такъ какъ до 1545 г. казанскіе татары почти безнаказанно вторгались въ восточные предѣлы московскаго государства.

Грозные въ своихъ набѣгахъ на Русь

казанскіе татары не умѣли организовать крѣпкаго государства; населеніе казанскаго царства состояло изъ татаръ, черемисъ, чувашъ, мордвы и башкиръ; связь финскихъ племенъ съ татарами была довольно слаба, финскія племена остались язычниками; власть царя казанскаго сильно была ограничена мѣстною аристократіею, враждовавшей между собою: давно уже въ Казани образовались три партіи: казанская, крымская и русская. Въ 1545 г. московское правительство нашло возможнымъ возобновить наступательныя дѣйствія противъ Казани: въ декабрѣ 1545 г. Сафа-Гирей былъ изгнанъ и отправлено посольство къ Іоанну съ просьбой пожаловать въ цари Шигъ-Алея, который въ іюнѣ 1546 г. и былъ посаженъ кн. Д. Ѳ. Бѣльскимъ на царство въ Казани; но уже въ іюлѣ онъ былъ изгнанъ и крымская партія возвратила престолъ Сафа-Гирею. Нѣкоторые казанцы изъ русской партіи бѣжали въ Москву, въ декабрѣ того же года горная черемиса била челомъ государю и просила послать рать на Казань, въ ту же зиму ходилъ на Казань кн. А. Б. Горбатый, который дошелъ до р. Свіяги, завоевалъ многія мѣста и захватилъ до 100 черемисъ въ плѣнъ. Съ осени 1547 г. начали дѣлать приготовленія къ новому походу противъ Казани, на этотъ разъ уже съ участіемъ самого царя. 11 декабря царь выступилъ изъ Москвы, 26 января онъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, 3 февраля—на островъ Работки; здѣсь настала сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою; три дня Іоаннъ напрасно ожидалъ, что установится зимній путь и, приказавъ царю Шигъ-Алею и кн. Д. Ѳ. Бѣльскому идти къ Казани, вернулся въ Нижній со слезами, что «не сподобилъ Богъ его къ путному шествію». Воеводы дошли до Казани и, простоявъ 7 дней подъ Казанью и ограбивъ окрестность, вернулись домой.

Въ мартѣ 1549 г. умеръ Сафа-Гирей; царемъ былъ провозглашенъ его двухлѣтній сынъ Утемишъ-Гирей; Въ Москвѣ рѣшили воспользоваться благопріятными обстоятельствами, войскамъ велѣно было собраться и 20 ноября 1549 г. Іоаннъ опять выступилъ изъ Москвы. 12 февраля подошли къ Казани; самъ Іоаннъ сталъ у озера Кабана, но наступила сильнѣйшая оттепель и ни стрѣлять изъ пушекъ, ни приступить къ городу не было возможности. Простоявъ 11 дней, царь 25 февраля пошелъ назадъ, остановился на устьѣ р. Свіяги и здѣсь на Круглой горѣ рѣшилъ поставить городъ Свіяжскъ, чтобы тѣснить казанскую землю; уже въ іюнѣ городъ былъ поставленъ, тотчасъ же инородцы, черемисы и чуваши били челомъ о подданствѣ Москвѣ; изъ Свіяжска воеводы подступали къ Казани и сильно ее стѣснили. Казанцы опять стали просить себѣ царемъ Шигъ-Алея въ надеждѣ, что Іоаннъ отдастъ ему горный берегъ съ Свіяжскомъ. 16 августа 1551 г. Шигъ-Алей былъ посаженъ на царство въ Казани. Но очень скоро обнаружилась непрочность Шигъ-Алея, хотя онъ и женился тамъ на вдовѣ Сафа-Гирея. Шигъ-Алей билъ челомъ государю, чтобы онъ уступилъ Казани горную сторону; въ октябрѣ Іоаннъ послалъ большія суммы Шигъ-Алею и князьямъ казанскимъ, но что касается горной стороны, то въ Москвѣ твердо рѣшили низачто не уступать ея Казани, а равно и полонъ весь христіанскій освободить до послѣдняго человѣка; но скоро въ Москвѣ узнали, что казанцы мало освобождаютъ полона (впрочемъ всетаки было освобождено до 60.000 плѣнныхъ), что Шигъ-Алей открылъ въ Казани заговоръ противъ себя и многихъ заговорщиковъ казнилъ; немедленно въ Казань отправленъ былъ А. Ѳ. Адашевъ, съ порученіемъ устроить дѣла въ городѣ такъ, чтобы кровь христіанская не лилась. Шигъ-Алей заявилъ Адашеву, что ему нельзя оставаться въ Казани, если ему не отдадутъ горной стороны; но на увѣщаніе укрѣпить городъ за Россіею, Шигъ-Алей по словамъ лѣтописи возразилъ «бусурманъ я есмь и не хочу на свою вѣру стати и государю своему измѣнить не хочу». Между тѣмъ присланные Шигъ-Алеемъ въ Москву послы въ январѣ 1552 г. били челомъ, чтобъ государь свелъ съ Казани Шигъ-Алея и на его мѣсто отправилъ бы намѣстниковъ своихъ. Тогда изъ Москвы опять отправили въ февралѣ А. Адашева свести Шигъ-Алея съ царства. 6 марта Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани со многими мурзами и князьями и съ 560 царскими стрѣльцами на озера рыбу ловить, но вмѣсто того увезъ всѣхъ съ собою въ Свіяжскъ. Тогда же кн. Микулинскій изъ Свіяжска потребовалъ отъ казанцевъ присяги; 7 марта пріѣхали лучшіе казанцы въ Свіяжскъ и присягнули; но когда кн.

С. И. Микулинскій и Серебряный поѣхали въ Казань, то казанцы городъ предъ ними затворили и рѣшили просить царя у ногаевъ. 24 марта объ этомъ узналъ Іоаннъ. Съ апрѣля начались въ Москвѣ совѣщанія о казанскомъ походѣ, многіе совѣтовали Іоанну остаться въ Москвѣ, но Іоаннъ настоялъ, чтобы ему идти самому. Рѣшено было на этотъ разъ нарядъ и запасы отправить водою, Государю идти полемъ, людямъ собираться въ Коломнѣ, Коширѣ и Муромѣ; впередъ на судахъ въ Свіяжскъ отправлены были воеводы кн. А. Б. Горбатый и кн. П. И. Шуйскій, М. Я. Морозовъ, на Каму посланы кн. М. П. Глинскій и окольничій И. И. Умновъ,—поставить людей по перевозамъ; въ апрѣлѣ же получено извѣстіе что горная черемиса волнуется; въ Свіяжскѣ развились болѣзни; неблагопріятны были также вѣсти съ Камы; по этимъ вѣстямъ отправленъ изъ Москвы Архангельскій протопопъ Тимофей со святою водою и поученіемъ митрополита Макарія

Изъ Касимова былъ вызванъ въ Москву на совѣщаніе царь Шигъ-Алей; онъ представлялъ, что на Казань удобнѣе идти зимой; но въ виду того, что запасы были уже посланы, рѣшено было идти теперь же. 16 іюня Іоаннъ, взявъ благословеніе у митрополита Макарія и простившись съ супругой, выступилъ изъ Москвы; ночевать расположился въ селѣ Островѣ, гдѣ получилъ извѣстіе о походѣ крымскихъ татаръ на Русь; 19-го въ Коломнѣ государю опредѣленно говорили, что крымцы идутъ на Рязань и Коломну. Іоаннъ самъ устроилъ свое войско, потому что съ нимъ мало было бояръ, опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ; скоро пришло ободрительное посланіе отъ митрополита; 23 іюня ханъ Девлетъ-Гирей подступилъ къ Тулѣ, на помощь къ которой стали подходить воеводы кн. Г. Темкинъ, кн. М. Репнинъ, Ѳ. Салтыковъ; среди татаръ распространился слухъ, что это идетъ самъ государь московскій; тогда Девлетъ-Гирей побѣжалъ; настигнутый и разбитый на р. Шиворонѣ ханъ поспѣшно бѣжалъ далѣе. Такъ неудачно кончились попытки крымскихъ татаръ помочь своимъ казанскимъ собратьямъ.

Въ Коломнѣ послѣ совѣщанія рѣшили раздѣлить войско на двѣ части и одной подъ предводительствомъ самого государя идти на Владиміръ и Муромъ, а другой—подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго—на Рязань и Мещеру; сойтись объ части должны были за Алатыремъ. 20 іюля Іоаннъ переправился у Мурома черезъ Оку и на 13-й день похода вошелъ въ сообщеніе съ отрядомъ кн. Мстиславскаго, на 14-й подошелъ къ р. Сурѣ; за Сурой оба отряда соединились; 11 августа Іоаннъ встрѣченъ былъ свіяжскими воеводами кн. Горбатымъ, Д. Р. Юрьевымъ, Б. И. Салтыковымъ и С. И. Микулинскимъ; 13 августа государь былъ въ Свіяжскѣ, 15-го отправилъ казанцамъ предложеніе сдаться, а 18-го переправился черезъ Волгу; затѣмъ отдѣльные полки занимали назначенныя имъ мѣста, съ 25-го начались битвы русскихъ съ татарами; 25-го же сильная буря потопила много судовъ съ запасами, что сильно огорчило войско; нѣкоторые уже совѣтовали воротиться, но Іоаннъ принялъ мѣры, чтобы войско было обезпечено провіантомъ; съ 26 августа стали дѣлать туры и подкатывать ихъ къ Казани; 29-го обложеніе города было кончено и съ 31-го розмыслъ (инженеръ) началъ вести главный подкопъ подъ стѣну, а ученики его подъ тайникъ къ водѣ; 5 сентября тайникъ былъ взорванъ. Осаждавшимъ сильно мѣшали татары, спрятавшіеся въ лѣсу подъ начальствомъ кн. Епанчи: они по сигналу, даваемому изъ Казани, нападали на тылъ русскаго войска, а казанцы одновременно дѣлали вылазки. 30 августа противъ Епанчи высланы были кн. Горбатый и Серебряный, которые гнали его верстъ на 15; но вслѣдствіе возобновившихся нападеній 6 сентября отправлено было противъ отряда Епанчи большое войско, которое очистило отъ непріятеля мѣстность верстъ на 150. Послѣ этого осада продолжалась безпрепятственно; русскія войска смущались, по словамъ Курбскаго, чародѣйствомъ казанцевъ и приписывали ихъ чарамъ дурную погоду; для ободренія войскъ привезенъ былъ изъ Москвы Животворящій Крестъ. 30 сентября былъ сдѣланъ первый взрывъ, часть казанской стѣны была взорвана и кн. Воротынскій занялъ стѣну со стороны Арскаго поля, но ему приказано было отступить; 1 октября послано было новое увѣщаніе казанцамъ сдаться и составленъ разрядъ, какъ воеводамъ идти на приступъ; въ ночь на 2-е Іоаннъ долго наединѣ говорилъ съ своимъ духовникомъ, затѣмъ сталъ вооружаться и, услышавъ звонъ, пошелъ къ заутренѣ; въ церкви кн. М. И. Воротынскій доложилъ ему, что

подкопъ готовъ, что въ городѣ видѣли этотъ подкопъ и медлить дальше нельзя; отданъ былъ приказъ войскамъ быть готовыми, а Іоаннъ приказалъ служить литургію. Во время Евангелія раздался первый взрывъ, за нимъ второй и войско русское пошло на приступъ (2 октября). Іоаннъ смотрѣлъ изъ церковныхъ дверей. Началась сѣча и скоро воеводы прислали къ Іоанну сказать, что время ему идти съ своимъ полкомъ на помощь. Курбскій увѣряетъ, что воеводы подвигнули самого царя, «хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ». Косвенно это подтверждаетъ и лѣтописный разсказъ, говоря, что Іоаннъ хотѣлъ дослушать литургію и потомъ уже ѣхать на брань. Прибытіе свѣжаго царскаго полка рѣшило дѣло, и Казань пала. Владиміръ Андреевичъ и бояре, а затѣмъ и Шигъ-Алей поздравили Іоанна съ побѣдой.

До покоренія Казани русскіе отбивались отъ татаръ, послѣднія десятилѣтія отбивались съ успѣхомъ и сбросили съ себя позорное иго (1480—1502); Іоаннъ завоевалъ Казанское царство; съ этого времени роли перемѣнились—русскіе наступаютъ, татары обороняются; Іоаннъ возобновилъ ту наступательную борьбу съ кочевыми народами, которую вели настойчиво лучшіе внуки и правнуки Ярослава. Покореніе Казани—событіе не только русской, но и всемірной исторіи. Это былъ сильный ударъ, нанесенный мусульманскому міру, въ то время какъ Западная Европа еще трепетала предъ турками, когда западныя государства только мечтали объ успѣшной борьбѣ съ ними. Покореніе Казани удовлетворило русское религіозное чувство, страдавшее отъ сознанія, что масса православныхъ томилась въ тяжеломъ плѣну у невѣрныхъ; наша восточная граница была обезопашена, нашей промышленности указанъ свободный путь къ богатствамъ нижней Волги, къ сношеніямъ съ Персіей и закаспійскими ханствами. Народная колонизація, двигавшаяся до того времени въ угрюмыя и неплодородныя мѣста сѣверо-восточной Европы, получила возможность двинуться въ теперешнія губерніи казанскую, симбирскую, самарскую и т. д. Послѣ покоренія города, говоритъ Курбскій, многіе совѣтовали Іоанну остаться въ немъ до весны, усмирить окончательно край; но Іоаннъ послушался совѣта своихъ шурьевъ и духовныхъ лицъ и поспѣшилъ въ Москву. Едва-ли удобно было бы царю такъ долго оставаться въ новозавоеванномъ краю; въ полгода все равно нельзя было покорить край, а дѣла важныя требовали присутствія царя въ Москвѣ. 11 октября царь выѣхалъ изъ Казани и на слѣдующій день поплылъ по Волгѣ до Нижняго; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ царицы, кн. Юрія Васильевича и митрополита. Изъ Нижняго на лошадяхъ государь поѣхалъ во Владиміръ, гдѣ отъ боярина В. Ю. Траханіота узналъ радостную вѣсть о рожденіи сына, царевича Димитрія; изъ Владиміра царь уѣхалъ въ суздальскій Покровскій монастырь, оттуда въ Троицы-Сергіевъ, гдѣ монахи съ бывшимъ митрополитомъ Іоасафомъ во главѣ привѣтствовали его; въ селѣ Тайницкомъ государь былъ встрѣченъ своимъ братомъ Юріемъ Васильевичемъ и боярами, остававшимися въ Москвѣ. 29 октября все населеніе Москвы вышло за Яузу привѣтствовать покорителя Казани; у Срѣтенскаго монастыря царя встрѣтилъ съ крестомъ и образами митрополитъ. Царь говорилъ митрополиту рѣчь и митрополитъ отвѣчалъ ему также. Затѣмъ началось торжество. 8 ноября былъ столъ у государя и государь жаловалъ брата своего, Владиміра Андреевича, шубами, и кубками, и ковшами золотыми; бояръ, воеводъ и дѣтей боярскихъ шубами со своихъ плечъ и пр. Три дня продолжалось это торжество и въ эти три дня пожаловано было вещей на 48,000 р., кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій.

Городъ Казань былъ взятъ, но покореніе края было далеко еще не полное; въ Казани оставлены были воеводами кн. А. Б. Горбатый и кн. В. С. Серебряный; въ Свіяжскѣ кн. П. И. Шуйскій. Уже въ декабрѣ въ Москвѣ узнали, что горные и луговые люди волнуются; только въ 1555 г. въ Москвѣ нашли возможнымъ отправить въ Казань архіепископа,—выборъ палъ на Гурія, бывшаго Селижаровскаго игумена; въ маѣ 1557 г. наконецъ и луговые люди били челомъ государю, чтобы отдалъ имъ ихъ вины и велѣлъ привести ихъ къ присягѣ; князья, мурзы и казаки, которые возставали—теперь просили прощенія, а горные люди стали платить дань. Тогда кн. П. И. Шуйскій отписалъ села царевы и всѣхъ казанскихъ князей на царя и государя, архіепископа, намѣстника, архимандрита и дѣтей боярскихъ. Еще и послѣ того нѣсколько разъ вспыхивали тамъ возстанія, но уже не опасныя для русской власти.

Покореніе Казани повлекло за собой покореніе Астрахани. До этого времени сношенія астраханскихъ царей съ Москвою были незначительны: астраханцы являлись иногда въ Москву по торговымъ дѣламъ и для полученія подарковъ отъ государя; сосѣдство Астрахани съ Крымомъ вызывало иногда переговоры относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ Крыма. Покореніе Казани измѣнило отношеніе Астрахани къ Руси; магометанскій міръ дѣлаетъ попытку сплотиться тѣснѣе противъ врага, который показалъ свою силу. Ногайскій князь Юсуфъ въ 1553 г. замышлялъ большой походъ противъ Москвы; но въ Москвѣ нашли противника Юсуфу въ лицѣ его брата—мирзы Измаила; часть орды, которою непосредственно управлялъ Юсуфъ, вела торговлю преимущественно съ Бухарой, а другая часть, бывшая подъ управленіемъ Измаила, торговала съ Москвой; поэтому Измаилъ на предложеніе Юсуфа идти на Москву не согласился, говоря, что это совершенно раззоритъ его и его слугъ и на этотъ разъ Юсуфъ долженъ былъ отказаться отъ похода на Москву, но дѣятельно поддерживалъ казанскихъ мятежниковъ и вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Астраханью и Крымомъ; такимъ образомъ сталъ составляться новый союзъ магометанскихъ государствъ противъ Россіи; сторонникъ Москвы—Измаилъ первый почувствовалъ силу этого союза и уже въ октябрѣ 1553 г. жаловался Іоанну на Ямгурчея, царя астраханскаго, просилъ отправить въ Астрахань царскую рать и посадить на престолѣ служилаго царевича Дербыша, который былъ ему родственникомъ. Въ Москвѣ тогда нашли, что Астрахань есть древняя Тмутаракань и слѣдовательно достояніе князей дома св. Владиміра, отправили Дербыша и войско подъ начальствомъ кн. Ю. И. Пронскаго и Измаилу велѣли идти на старшаго брата, Юсуфа; 29 іюля царскіе воеводы пришли на Переволоку; передовой отрядъ кн. А. Вяземскаго и Д. Чулкова разбилъ передовой отрядъ астраханцевъ; воеводы затѣмъ быстро двинулись къ Астрахани и 2 іюля заняли Астрахань безъ боя, такъ какъ жители бѣжали изъ города. Кн. Пронскій посадилъ Дербыша на царство и немногихъ оставшихся жителей привелъ къ присягѣ; Ямгурчей успѣлъ бѣжать въ Азовъ, но много его людей и его семья попались въ плѣнъ русскимъ. Скоро послѣ этого Юсуфъ былъ убитъ; его дѣти и племянники изгнаны; Измаилъ доносилъ, что всѣ ногаи признали княземъ его, Измаила, и теперь хотятъ быть за одно съ царемъ и великимъ княземъ; въ отвѣтъ имъ послано было царское жалованье.

Трудно, однако, было мусульманину быть вѣрнымъ православному царю; въ маѣ 1555 г. Тургеневъ далъ знать въ Москву, что Дербышъ сносится съ крымскимъ ханомъ, затѣмъ пришло извѣстіе, что Измаилъ прогнанъ дѣтьми Юсуфа; Измаилъ скоро одолѣлъ своихъ противниковъ и опять сталъ княземъ всѣхъ ногаевъ. Въ мартѣ 1556 г. изъ Москвы отправили атамана Филимонова и 500 казаковъ и И. Черемисинова съ стрѣльцами, а въ сентябрѣ получили отъ нихъ извѣстіе, что Дербышъ предъ ними бѣжалъ и городъ они нашли пустымъ. Населеніе мало по малу воротилось, а Дербышъ такъ и не возвращался; тогда воеводы сами остались въ городѣ, укрѣпили его и съ этого времени Астрахань стала управляться царскими воеводами. Въ этомъ же году къ царскимъ воеводамъ въ Астрахань стали пріѣзжать изъ Шевкалъ, изъ Шемахи, Дербента послы и гости съ заявленіями братства и любви къ московскому государю. Покореніе Астрахани ввело московскаго государя въ непосредственныя сношенія съ разными кавказскими князьями и владѣльцами; оно же открыло русскимъ торговые пути въ закаспійскія ханства и Персію.

Послѣ покоренія Казани, Астрахани и подчиненія ногаевъ осталось въ Восточной Европѣ одно, правда, сильнѣйшее магометанское царство—Крымская орда. Одновременно съ борьбою противъ астраханцевъ Іоаннъ велъ энергично и борьбу противъ крымцевъ. Раздосадованный успѣхами русскаго оружія, Девлетъ-Гирей пытался отомстить русскимъ; но въ 1555 г., при нападеніи на Тульскую украину, онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, потому что И. В. Шереметевъ зашелъ ему въ тылъ и почти два дня храбро выдерживалъ нападеніе татаръ на свой небольшой отрядъ при Судьбищахъ. Въ 1556 г. пришли вѣсти, что ханъ рано весною хочетъ быть на украину государя; для болѣе точныхъ развѣдокъ были посланы Д. Ржевскій, который съ казаками поплылъ внизъ по Пселу и Днѣпру, Д. Чулковъ и Н. Маль-

цевъ, которые поплыли внизъ по Дону. Ржевскій, присоединивъ къ себѣ 300 человѣкъ каневскихъ казаковъ, удачно бился съ турками и татарами подъ Очаковымъ. Появленіе далеко такого небольшого отряда Ржевскаго произвело сильное впечатлѣніе: ханъ сталъ опасаться прихода въ Крымъ самого царя русскаго; осенью того же года билъ челомъ Іоанну атаманъ днѣпровскихъ казаковъ, кн. Д. Вишневецкій, чтобъ государь его принялъ на свою службу. Вишневецкій въ это время отъѣхалъ отъ короля польскаго и укрѣпился на днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ. Раннею весной 1557 г. ханъ напалъ на Вишневецкаго въ Хортицѣ, но былъ отбитъ; въ октябрѣ, однако, Вишневецкій долженъ былъ удалиться въ Черкасы и Каневъ. По приказу Іоанна Вишневецкій пріѣхалъ въ Москву и получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и, кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ подклѣтныя села. Вѣроятно, обрадованный успѣхомъ на Хортицѣ Девлетъ-Гирей въ октябрѣ и декабрѣ присылалъ въ Москву гонцевъ и требовалъ большихъ поминковъ; но въ Москвѣ не думали оставлять наступательную политику. Въ январѣ 1558 г. Вишневецкій отпущенъ былъ противъ крымцевъ; ему велѣно было идти Волгою, оттуда пробраться къ Азову и перейдти на Днѣпръ; онъ удачно выполнилъ это трудное дѣло и у Хортицкаго острова соединился съ пришедшимъ сюда дьякомъ Ржевскимъ. Вишневецкій подступалъ къ самой Перекопи и татары держались за своими укрѣпленіями.

Въ февралѣ 1559 г. кн. Д. Вишневецкій съ 5000 человѣкъ, а Д. Ѳ. Адашевъ съ 8.000 чел. отправлены были на хана: первый пошелъ къ Азову, а второй Днѣпромъ. Энергичный Адашевъ вышелъ на лодкахъ въ Черное море, взялъ въ плѣнъ два корабля, высадился на западномъ берегу Крыма, двѣ недѣли воевалъ тамъ, многихъ русскихъ плѣнниковъ освободилъ и тѣмъ же путемъ по Днѣпру воротился обратно. Іоаннъ могъ написать тогда хану, что узналъ путь къ нему и степью и моремъ. Покореніе Казани и Астрахани, успѣхи надъ крымцами вселили во многихъ убѣжденіе, что еще нѣсколько усилій и русскимъ удастся очистить великую Европейскую равнину отъ бусурманъ.

До сихъ поръ дѣствіями Іоанна руководила извѣстная партія, во главѣ которой стоялъ Сильвестръ. 11 марта 1553 г. Іоаннъ тяжко заболѣлъ и нѣкоторые думали, что онъ больше не встанетъ. По напоминанію дьяка И. М. Висковатаго царь подписалъ духовную и вечеромъ того дня привелъ къ присягѣ своихъ бояръ, т. е. ближнюю думу; изъ нихъ кн. Д. И. Курлятевъ и казначей Фуниковъ притворились больными и не цѣловали креста; кн. Палецкій поступилъ еще хуже—немедленно же послѣ присяги засылалъ къ удѣльному князю Владиміру Андреевичу и его матери. Такимъ образомъ даже среди ближнихъ бояръ произошелъ расколъ. Между тѣмъ кн. Владиміръ Андреевичъ и его мать принялись собирать своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье; ближніе бояре указывали имъ на неприличіе подобнаго образа дѣйствія; Владиміръ Андреевичъ разсердился за это на бояръ; тѣ, опасаясь, перестали пускать его часто къ больному царю. Въ это время выступилъ Сильвестръ и говорилъ, почему не пускаютъ къ Іоанну Владиміра Андреевича: «братъ васъ, бояръ, государю доброхотнѣе»; ему отвѣчали, что дѣлаютъ такъ, чтобъ государству было крѣпче, и «отголѣ бысть вражда межи бояръ и Селивестромъ и его совѣтники». На слѣдующій день ближнимъ боярамъ велѣно было привести къ присягѣ остальныхъ бояръ, но эти послѣдніе отказывались подъ предлогомъ, что «пеленичному служить не хотятъ»; «предъ кѣмъ имъ крестъ цѣловати, коли государя нѣтъ»? окольничій Ѳ. Адашевъ, отецъ А. Ѳ. Адашева, сказалъ: «вѣдаетъ Богъ да ты, государь: тебѣ государю, и сыну твоему, царевичу Дмитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Даніилу съ братьею не служивать: сынъ твой, государь нашъ, еще въ пеленицахъ, и владѣть нами Захарьинымъ Даніилу съ братіею; а мы отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія». Поднялся сильный шумъ, крикъ и даже брань. Тогда больной государь, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ, видѣвъ боярскую жестость, сказалъ имъ: если вы не цѣлуете креста сыну моему Димитрію, то значитъ у васъ есть другой государь; а цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ вамъ государей иныхъ себѣ не искать; кто не захочетъ служить государю въ пеленицахъ, тотъ и государю великому служить не захочетъ; обращаясь къ боярамъ ближнимъ царь просилъ ихъ: «не дайте боярамъ сына моего извести

никоторыми обычаи, побѣжите съ нимъ въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ»; Захарьинымъ Іоаннъ прибавилъ: «а вы, Захарьины, чего испужалися, али чаете, бояре васъ пощадятъ? вы отъ бояръ первые мертвецы будете. И вы бы за сына моего, да и за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали». Эти слова испугали бояръ, они вышли въ переднюю комнату и цѣловали крестъ. Присяга была дана, но царю донесли, что и послѣ присяги нѣкоторыя лица (П. Щенятевъ, И. Пронскій, С. Ростовскій, Д. Нѣмово), говорили, что «владѣть ими Захарьинымъ и какъ де служить малому мимо стараго». Послѣ боярской присяги составлена была особая крестоцѣловальная запись для приведенія къ присягѣ кн. Владиміра Андреевича, но князь отказывался присягать; Іоаннъ на это только замѣтилъ: «то вѣдаешь самъ, коли не хочешь креста цѣловати, то на твоей душѣ што ся станетъ, мнѣ до тебя дѣла нѣтъ»; бояре же прямо сказали князю, что иначе ему оттуда не выйдти, «и едва князя Володимера принудили крестъ цѣловати, и цѣловалъ крестъ по неволѣ»; отъ матери его княгини Евфросиніи требовали, чтобъ она привѣсила свою печать къ крестоцѣловальной грамотѣ; посланные трижды ходили къ княгинѣ и она тоже едва велѣла печать приложить и говорила: «что де за цѣлованье, коли неволное». Разсказъ объ этомъ событіи лѣтописецъ заканчиваетъ многознаменательными словами: «и оттолѣ бысть вражда велія государю съ княземъ Володимеромъ Ондреевичемъ, а въ боярахъ смута и мятежъ, а царству почала быти во всемъ скудость». Событіе это является нѣкоторою новостью въ нашей исторіи. По смерти вел. кн. Василія III не поднялось ни одного голоса въ пользу его братьевъ, имѣвшихъ по стариннымъ понятіямъ гораздо больше правъ на московскій престолъ, чѣмъ кн. Владиміръ Андреевичъ, сынъ не великаго, а удѣльнаго князя; главной причиной отказа не хотѣвшіе присягать царевичу Димитрію выставляли его младенчество, они не хотѣли владычества немногихъ бояръ: смуты времени несовершеннолѣтія Грознаго научили бояръ остерегаться боярскаго правленія; если въ рѣчахъ нѣкоторыхъ бояръ и слышны отголоски удѣльнаго строя, то этимъ внѣшнимъ формамъ не должно придавать особаго значенія—главная причина отказа, безспорно, опасеніе передъ олигархіей; большинство бояръ желало власти сильной, желало видѣть на престолѣ человѣка, который могъ бы достойно поддерживать эту власть, оттого, напримѣръ, и не было рѣчи о братѣ Іоанна, малоумномъ Юріѣ Васильевичѣ. Но Іоанну стремленія бояръ указывали на самую печальную судьбу для тѣхъ, кто ему дороже всего на свѣтѣ: Іоаннъ слишкомъ хорошо зналъ, какими обычаями умѣли въ Москвѣ отстранять опасныхъ противниковъ и онъ требуетъ отъ бояръ служенія царской власти независимо отъ лица, облеченнаго ею. Пониманіе Грознымъ государственнаго начала выше, чѣмъ у его противниковъ, но оно отвлеченнѣе; напротивъ, противная сторона стоитъ на твердой почвѣ тогдашнихъ отношеній; за ихъ пониманіе горькій опытъ времени малолѣтства царя. Личный и династическій интересъ царя требовалъ передачи престола малолѣтнему сыну его, Димитрію; интересы же боярства требовали государя сильнаго.

Іоаннъ выздоровѣлъ, тяжелый кризисъ миновалъ; для потомковъ этотъ споръ можетъ казаться лишеннымъ достаточнаго основанія, такъ какъ принципіальнаго разногласія между спорящими не было; но взаимная горечь осталась въ душахъ спорящихъ; человѣкъ и менѣе подозрительный, чѣмъ Іоаннъ, сталъ бы видѣть въ лицахъ, отказывавшихся отъ присяги, своихъ враговъ, готовыхъ на все...

Послѣ выздоровленія Іоаннъ не рѣшился сразу удалить своихъ прежнихъ совѣтниковъ, поведеніемъ которыхъ во время своей болѣзни онъ не могъ быть доволенъ. Но Сильвестръ съ своей партіей представлялъ извѣстную силу; во время болѣзни царя видимъ около него ближнюю думу, изъ которой большинство дѣйствуетъ независимо и даже вопреки Сильвестру; можно догадываться, что во время этихъ событій въ партіи Сильвестра произошелъ расколъ, но съ другой стороны оставшійся вѣрнымъ Сильвестру кружокъ сблизился съ боярами, не входившими въ составъ ближней думы царя и, слѣдовательно, сохранилъ свое политическое значеніе; поэтому царь и не рѣшается сразу отдалить отъ себя прежнихъ совѣтниковъ, но въ то же время онъ ищетъ иной опоры для своей власти. Такъ какъ, однако, почти всѣ бояре того времени занимали мѣста въ думѣ не по милости царской, а по правамъ своего рожденія, такъ какъ Іоаннъ не могъ отставить членовъ думы и замѣнить ихъ но-

ными, то естественно онъ долженъ былъ искать опоры *внѣ* боярской думы, т. е. нарушить весь общественный строй; рѣшиться, однако, на это 23-лѣтній царь еще не могъ; пока онъ оставилъ все по старому, но немногу отдаляясь отъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ. Въ ознаменованіе своей благодарности за выздоровленіе царь рѣшилъ отправиться на богомолье въ Кирилловъ монастырь; Сильвестръ и его сторонники пробовали отговорить царя отъ этой поѣздки, для этого они прибѣгли даже къ авторитету Максима Грека, жившаго въ то время на покоѣ въ Троицы-Сергіевомъ монастырѣ. Знаменитый инокъ святогорецъ убѣждалъ бесѣдовавшаго съ нимъ Іоанна, что обѣтъ его несогласенъ съ разумомъ; послѣ взятія Казани осталось много вдовъ и сиротъ, гораздо лучше устроить судьбу ихъ, чѣмъ исполнять обѣщанія, данныя не по разуму; вездѣсущій и всевидящій Богъ и святые не обращаютъ вниманія на мѣсто молитвы, а на желаніе и добрую волю молящагося. «Если послушаешься меня, закончилъ Максимъ, будешь здравъ съ женою и съ сыномъ». Видя же, что Грозный не оставилъ своего намѣренія, Максимъ Грекъ велѣлъ передать ему чрезъ 4 лицъ, что если онъ забудетъ кровь мучениковъ, павшихъ подъ Казанью, презритъ слезы ихъ сиротъ и вдовъ, поѣдетъ все-таки, то сынъ его умретъ, не возвратится изъ поѣздки живъ. Такъ разсказываетъ кн. Курбскій, онъ же объясняетъ, почему сторонники Сильвестра противились поѣздкѣ царя: ѣхать склоняли Іоанна монахи,—«бо тѣ мнихи богатолюбные не зрятъ бѣгоугоднаго... чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ». Это замѣчаніе Курбскаго совершенно вѣрно. Про всякое почти посѣщеніе царя лѣтопись отмѣчаетъ, что Іоаннъ «братію довольну учредилъ»; слѣдовательно, желая остановить раздачу земель монастырямъ и указывали на то, что въ этихъ земляхъ нуждаются вдовы и сироты лицъ, павшихъ подъ Казанью. Но всѣ усилія оказались тщетны; отъ Троицы-Сергіева монастыря царь выѣхалъ на Пѣсношу, въ Никольскій монастырь; въ этомъ монастырѣ проживалъ на покоѣ Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ коломенскій, лицо близкое къ вел. кн. Василію III; въ іюлѣ 1542 г. онъ оставилъ епископію едва ли не вслѣдствіе народнаго возстанія на него. При посѣщеніи стараго совѣтника своего отца, Іоаннъ, по разсказу Курбскаго, спросилъ его, какъ бы ему хорошо править и въ то же время имѣть въ послушаніи великихъ и сильныхъ? Если хочешь быть самодержцемъ, послѣдовалъ отвѣтъ, то не держи совѣтниковъ мудрѣе себя, такъ какъ самъ ты лучше всѣхъ, тогда твердъ будешь на престолѣ и все будешь держать въ своихъ рукахъ; если же будешь держать совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя, то по неволѣ будешь въ послушаніи у нихъ. «Если бы и отецъ мой, воскликнулъ царь, былъ живъ, и онъ не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта». Форма разсказа Курбскаго подозрительна; шепчутъ на ухо не для того, чтобъ другіе слушали; но нѣтъ надобности толковать эти выраженія буквально.—Курбскій повторяетъ эти слова и въ посланіи къ царю.

Отъ Пѣсношской обители Іоаннъ рѣкой Яхромой спустился въ р. Дубну, Дубной—въ Волгу, по Волгѣ спустился до Шексны, посѣтивъ по пути Калязинскій монастырь, Угличъ, Покровскій женскій монастырь; Шексной царь поднялся вверхъ до Кириллова монастыря, ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и по пустынямъ, затѣмъ вернулся въ Кирилловъ монастырь и внизъ по Шекснѣ проѣхалъ въ Волгу, побывалъ въ Романовѣ и Ярославлѣ; отсюда сухимъ путемъ проѣхалъ въ Ростовъ, Переяславль, къ Сергію и затѣмъ пріѣхалъ въ Москву. На обратномъ пути Іоаннъ потерялъ сына Димитрія (есть позднѣйшій разсказъ, что ребенокъ упалъ въ воду съ рукъ кормилицы, задремавшей на борту судна). Поѣздка эта совершена была вопреки совѣту Сильвестра; на упадокъ вліянія Сильвестра указываетъ отчасти и дѣло объ ереси М. Башкина: при разбирательствѣ дѣла Висковатый подалъ обвиненіе на Сильвестра въ томъ, что онъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ старинные образа замѣнилъ новыми «своего мудрованія» (январь 1554 г.). Въ іюлѣ этого же года кн. С. Ростовскій, одинъ изъ нехотѣвшихъ присягать, сдѣлалъ попытку бѣжать въ Литву; оказалось, что кн. С. Ростовскій бывалъ въ сношеніяхъ съ литовскимъ посланникомъ, Довойной, разказывалъ ему думу царя и мало того, писалъ къ королю хулу и укоризну на государя и на землю. Кн. Ростовскій оправдывался своимъ «малоумствомъ»; говорилъ, что съ нимъ хотѣли бѣжать такіе же малоумы,—князья Лобановы и Пріимковы. Царь съ боярами приговорилъ кн. Семена къ смертной казни, но по ходатайству митрополита онъ былъ

лишь сосланъ на Бѣлоозеро. Іоаннъ жаловался впослѣдствіи, что Сильвестръ и его друзья съ этого времени стали держать кн. С. Ростовскаго въ великомъ береженьи.— Вопросъ о Ливонской войнѣ еще болѣе разъединилъ царя съ Сильвестромъ и его сторонниками.

Партія Сильвестра требовала отъ Іоанна рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крыма, но вниманіе царя обращено было въ другую сторону: вмѣсто войны съ Крымомъ онъ началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, скоро превратившуюся вслѣдствіе распаденія ордена въ войну за Ливонію; но 25-лѣтняя война эта кончилась полной неудачей для Россіи.

Какъ люди XVI вѣка раздѣлились въ мнѣніяхъ, слѣдовало ли Іоанну начинать эту войну, такъ точно несогласны въ своихъ возрѣніяхъ на борьбу за Ливонію и ученые XIX вѣка. Одни хвалятъ Іоанна за попытку овладѣть берегами Балтійскаго моря, видятъ въ этомъ стремленіе его къ западной цивилизаціи, другіе объясняютъ это алчностью царя, возгордившагося легкими успѣхами на Востокѣ и утверждаютъ, что сначала Россіи слѣдовало завоевать Крымъ и уничтожить это гнѣздо разбойниковъ; противная сторона возражаетъ, что нечего было и думать Московскому государству справиться съ Крымомъ, вассальнымъ государствомъ Турціи, столь сильной и грозной въ XVI в., и говорятъ, что походы XVII и первой половины XVIII в. показали, какое непреоборимое препятствіе къ завоеванію Крыма представляла степь, помимо даже турецкой помощи крымцамъ. Нельзя не признать этихъ возраженій очень доказательными; степь въ XVI в. была, дѣйствительно, непреодолима; борьба съ Турціей была далеко не по силамъ Россіи; но изъ этого не слѣдуетъ, что въ 1558 г. надо было начинать борьбу съ Ливоніей. Государство только что покорило Казанское и Астраханское царства, пріобрѣло громаднѣйшее пространство земли, далеко еще не окончательно усмиренное; столь быстрое расширеніе границъ вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, отливъ населенія отъ центра къ восточнымъ и юго-восточнымъ окраинамъ, и при такихъ условіяхъ едвали благоразумно было начинать войну, въ которой, какъ это было совершенно ясно, Россія вооружитъ противъ себя многихъ сосѣдей и не найдетъ союзниковъ. Россіи въ XVI в. не было надобности непремѣнно стремиться покорить Крымъ,—отношенія къ Крыму въ 1553—1559 годахъ показываютъ, что энергичною политикой можно было сдерживать Крымъ; въ послѣдующія царствованія постепенно выдвинулась въ степь линія укрѣпленныхъ городовъ, открывая русскому населенію богатыя черноземныя пространства, съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе обезпечивая центральныя области. Почти безъ помощи правительства, скорѣе вопреки ему, во второй половинѣ XVI в. часть русскаго народа спустилась по Дону почти до Азова, основала тамъ свои городки и стала страшна для крымцевъ—какъ много можно было бы сдѣлать въ этомъ направленіи, если бы вниманіе и силы государства не были отвлечены на западѣ.

Съ другой стороны, полтора столѣтія спустя великій преобразователь Россіи стремился имѣть только то, чѣмъ Іоаннъ владѣлъ до начала этой войны и что онъ потерялъ во время этой войны! Іоанну принадлежала мѣстность, на которой Петръ основалъ Петербургъ. Петру нуженъ былъ хотя бы клочекъ моря, чтобы создать на немъ флотъ; Іоаннъ стремился овладѣть портами и гаванями, не думая о флотѣ; а между тѣмъ борьба за Ливонію или правильнѣе борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ показываетъ, что только тотъ могъ вести торговлю на этомъ морѣ, кто имѣлъ флотъ, кто могъ заставить уважать свой флагъ; такъ и понимали эту борьбу, напр., Данцигъ и Любекъ: они стремились сдѣлать плаваніе по морю свободнымъ,—свободнымъ для себя, конечно. Опека Ганзы надъ русской торговлей смѣнилась въ XVI в. опекой, еще болѣе тяжелой, ливонскихъ городовъ; но за то между этими городами и ганзейскими начался споръ изъ за торговли съ Россіей, споръ, къ которому пристала и Швеція. Такъ возникли вопросы о «плаваніяхъ»: Ревельскомъ, Нарвскомъ, Выборгскомъ, т. е. каждой спорящей сторонѣ хотѣлось, чтобы только къ ея городу имѣли право приставать корабли, чтобы всѣ пошлины поступали въ пользу ея и граждане ея пользовались, конечно, исключительными правами. Споръ этотъ могъ быть рѣшенъ только на морѣ, какъ оно въ дѣйствительности и случилось. Іоаннъ сознавалъ необходимость сблизиться тѣснѣе съ западными государствами и понималъ, что Ливонскій орденъ препятствіе въ этомъ дѣлѣ; онъ не обратилъ только вниманія на то, что за этимъ орде-

номъ стояли Швеція, Ганзейскіе города, Данія, которые всѣ согласны были въ томъ, что не слѣдуетъ давать просвѣщенію и техникѣ западно-европейской проникнуть въ Россію. Пріобрѣтя ливонскія гавани, Россія имѣла бы дѣло предъ собой и для себя mare clausum, а не mare liberum; шведскіе или любекскіе военные корабли нападали бы на плывшія въ русскіе порты суда, Данія обыскивала бы и по произволу не пропускала бы ихъ черезъ проливы. Іоаннъ, повидимому, совершенно не видѣлъ этихъ обстоятельствъ рѣшаясь на войну. Его вина усугубляется тѣмъ, что какъ разъ предъ началомъ войны открытъ былъ новый торговый путь чрезъ Сѣверный океанъ и Бѣлое море и совершенно напрасно Іоаннъ отнесся къ этому пути слишкомъ пренебрежительно; правда, море это открыто для навигаціи только четыре мѣсяца, но оно было дѣйствительно mare liberum; предки Іоанна не имѣли и этого пути, на первое время государственныя потребности Россіи могли быть удовлетворяемы и этимъ путемъ, какъ оно и было въ дѣйствительности до временъ Петра Великаго. По этому морю давно уже русское населеніе плавало отъ Двины до Оби, слѣдовательно, здѣсь былъ готовый контингентъ людей, изъ которыхъ можно было создать моряковъ въ европейскомъ смыслѣ слова; процвѣтаніе этого пути заставило бы города, торговавшіе по Балтійскому морю, быть внимательнѣе къ требованіямъ Россіи.

Интересы торговли и промышленности заставили англійскихъ купцовъ въ это время усиленно искать новыхъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній; «общество купцовъ искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній, неизвѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ» снарядило экспедицію изъ трехъ кораблей подъ начальствомъ Ю. Уилльби; два корабля остановились на зимовку у рѣчки Арзины (на Лапландскомъ берегу), и экипажъ обоихъ погибъ отъ морозовъ. Третій же корабль, «Эдуардъ Благое Предпріятіе», отдѣлившійся во время бури отъ остальныхъ, благополучно бросилъ якорь въ устьѣ Сѣверной Двины; когда Іоаннъ узналъ объ этомъ, онъ ласково пригласилъ Ричарда Чанслора, начальника корабля, пріѣхать въ Москву. Прибытіе англичанъ было какъ нельзя болѣе кстати: англичане открывали новый торговый путь, которымъ Россія могла сноситься съ Западной Европою, минуя своихъ завистливыхъ сосѣдей. Обласканный царемъ Чанслоръ вернулся въ Англію съ дозволеніемъ англичанамъ пріѣзжать въ Россію, строить и покупать дворы и вести торговлю.

Осенью 1555 Чанслоръ съ торговыми агентами, прикащиками и съ товарами пріѣхалъ вторично въ Россію; на этотъ разъ Московской компаніи, образовавшейся въ Лондонѣ и получившей отъ англійскаго правительства монопольное право на торгъ съ Россіей, Іоаннъ пожаловалъ грамоту на безпошлинную торговлю въ Россіи; съ отъѣзжавшимъ въ Англію Чанслоромъ отпущенъ былъ царскій посланникъ къ Филиппу и Маріи О. Г. Непея. Непея вернулся въ Россію въ 1557 г., съ англійскимъ посланникомъ и довѣреннымъ человѣкомъ Московской компаніи Дженкинсономъ. Такъ завязались торговыя и политическія сношенія Россіи и Англіи. Московская компанія получила, кромѣ права безпошлинной торговли, дворы въ пяти городахъ, ея агенты имѣли право свободно разъѣзжать по всей Россіи; они искали путей въ Сибирь, Китай, ѣздили съ товарами въ Персію; впослѣдствіи ея агентамъ неоднократно Грозный давалъ политическія порученія.

Конечно, англичане всячески старались удержать этотъ путь открытымъ лишь для себя и извлекать только для себя выгоды торговли съ Россіей, стремились уничтожить конкуррентовъ по торговлѣ; но для Россіи была та выгода, что открытъ былъ свободный путь. Насколько затруднительны были раньше сношенія съ Европой, показываетъ дѣло Ганса Шлитте: Іоаннъ далъ ему порученіе набрать въ Европѣ опытныхъ мастеровъ, техниковъ, врачей для Россіи. Шлитте, заручившись предварительно разрѣшеніемъ императора Карла V, собралъ 123 человѣкъ; въ томъ числѣ были четыре богослова, приглашенные Шлитте самовольно. Но въ Любекѣ Шлитте со своими спутниками былъ задержанъ и посаженъ подъ стражу. Оказалось, что ревельцы и другіе ливонскіе города настоятельно просили не пропускать въ Москву Шлитте и его спутниковъ; они увѣряли, что если просвѣщеніе проникнетъ въ Москву, то великая опасность угрожаетъ не одной Ливоніи, а всему нѣмецкому народу. Швеція смотрѣла на попытки Москвы начать непосредственныя сношенія съ За-

падной Европой такъ же недружелюбно, какъ Ливонія. Отношенія Москвы къ обоимъ этимъ государствамъ опредѣлялись стремленіемъ Москвы получить свободный пропускъ для всѣхъ, ѣдущихъ въ Россію или изъ Россіи, и поземельными пререканіями, такъ какъ границы были весьма неопредѣленны. Поземельные споры Швеціи и особенно Ливоніи съ Новгородомъ и Псковомъ постоянно возникали и прежде; но вѣчевыя общины не имѣли силы настаивать на своихъ правахъ; иначе пошло дѣло послѣ присоединенія ихъ къ Москвѣ: московскіе государи унаслѣдовали права Новгорода и Пскова, но повели это дѣло гораздо энергичнѣе.

Въ 1537 г. заключено было между Россіей и Швеціей перемиріе на 60 лѣтъ; но Густавъ Ваза былъ встревоженъ до нельзя начавшимися сношеніями Англіи съ Россіей; онъ расчитывалъ напасть врасплохъ на Россію, занятую татарскими отношеніями; онъ надѣялся, что Ливонія, Литва и Польша соединятся съ нимъ и вмѣстѣ отодвинутъ Московское государство еще дальше на востокъ и какъ бы китайской стѣной отдѣлятъ его отъ запада. Предлогомъ войны выставлено было унизительное для Швеціи обыкновеніе, въ силу котораго шведскій король сносился не съ государемъ московскимъ, а съ его новгородскими намѣстниками. Война началась въ 1555 г. и шла неудачно для шведовъ. Въ 1557 г. заключено было перемиріе на 40 лѣтъ; рѣшено было урегулировать границы по Орѣховскому договору и обезпеченъ былъ свободный проѣздъ русскихъ чрезъ Швецію. Порядокъ сношеній остался тотъ же и шведамъ пришлось выслушать такія слова Грознаго про Густава Вазу: «а про вашего государя въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ—какого онъ рода, и какъ животиною торговалъ и въ шведскую землю пришелъ—это дѣлалось недавно и всѣмъ вѣдомо».

Поводомъ къ войнѣ съ Ливоніей послужилъ вопросъ объ Юрьевской дани. Такъ какъ ни договоръ 1463 г. между Псковомъ и дерптскимъ епископомъ, ни договоръ 1503 г. между Іоанномъ III и магистромъ Плеттенбергомъ до насъ въ подлинникахъ не дошли, то мы и не можемъ сказать, въ чемъ собственно заключалась эта дань, упоминаемая въ этихъ договорахъ; по мнѣнію однихъ это былъ платежъ за борти, бывшія у ливонскихъ крестьянъ за русской границей, по мнѣнію другихъ—это была плата Дерпта церкви св. Троицы за лѣсъ; но до 1554 г. ливонцы никакой дани не платили и при заключеніи перемирія въ 1534 году о дани разговора не было.

Въ 1554 г., когда явились ливонскіе послы просить о продолженіи перемирія, имъ предъявлено было требованіе, уплатить дань за 50 лѣтъ (съ 1503 г.) и впредь платить ее ежегодно, не стѣснять православнаго вѣроисповѣданія въ Ливоніи, не мѣшать русской торговлѣ и отказаться отъ Позвольскаго договора, по которому Литва и Ливонія заключили союзъ противъ Россіи. Въ Ливоніи, послѣ долгихъ споровъ, согласились на эти условія, оговоривъ, что будутъ аппелировать къ императору; тѣмъ не менѣе дани не везли, отправляли посольство за посольствомъ, чтобы уменьшить дань. Іоаннъ не хотѣлъ вести дальнѣйшихъ переговоровъ, и по его приказу огромное русское войско въ 1558 г., подъ начальствомъ Шигъ-Алея, вторглось въ Ливонію и страшно опустошило ее: въ 14 дней русскіе сожгли 4,000 дворовъ, селъ и поселеній; особенно свирѣпствовали татары, черемисы и др. инородцы, бывшіе въ русскомъ войскѣ. Послѣ этого похода ливонцы отправили пословъ съ 30,000 марокъ, чтобы купить миръ, бояре стали было склонять царя даже къ миру, какъ вдругъ жители Нарвы нарушили перемиріе и начали стрѣлять по Иванъ-городу. Военныя дѣйствія возобновились; 11 мая 1558 г. русскіе взяли Нарву (Ругодивъ), затѣмъ Этцъ (Адежъ), Нейшлоссъ (Сыренскъ), Нейгаусъ (Новгородокъ) и наконецъ кн. П. И. Шуйскій 8 іюня подступилъ къ Дерпту (Юрьеву); 18 іюня этотъ городъ палъ. Кн. Шуйскій подписалъ весьма льготныя условія, на которыхъ городъ сдавался царю. Іоаннъ нѣсколько измѣнилъ эти условія: уничтожилъ аппеляцію къ Ригѣ, ограничилъ освобожденіе дерптцевъ отъ военнаго постоя; но въ общемъ нѣмцамъ даны были широкія права, даже право свободнаго выѣзда изъ города; въ общемъ и нѣмецкіе историки чрезвычайно хвалятъ поведеніе русскихъ въ Дерптѣ. Взятіе Дерпта нанесло рѣшительный ударъ ливонскому оружію и распространило панику; послѣ этого сдались до 20 городовъ Везенбергъ (Ракоборъ), Лаисъ, Ацель (Говье), Рингенъ (Тушинъ) и другіе. Воеводы вернулись въ Москву, гдѣ щедро были награждены царемъ,—много дѣтей боярскихъ было испо-

мѣщено въ юрьевскомъ (дерптскомъ) уѣздѣ. Въ январѣ 1559 г. въ Ливонію вторглось новое русское войско (кн. С. И. Микулинскій и кн. Серебряный); на этотъ разъ русскіе подступали къ самой Ригѣ, взяли 11 небольшихъ городовъ. Еще важнѣе по результатамъ былъ походъ 1560 г. (кн. П. И. Шуйскій и Серебряный): взяты были важныя крѣпости Маріенбургъ (Алыстъ) и Феллинъ (Вильянъ, въ концѣ августа); въ Феллинѣ взятъ въ плѣнъ бывшій магистръ ордена Фюрстенбергъ; на этотъ разъ русскіе доходили до Пернова и Вейссенштейна (Пайды). Въ Ливоніи окончательно убѣдились, что одному ордену война не по силамъ, но напрасно искали помощи у сосѣднихъ государствъ; тѣ не скрывали своихъ намѣреній раздѣлить владѣнія ливонскаго ордена. Тогда началось распаденіе ордена: епископъ эзельскій еще въ 1559 г. продалъ Даніи остр. Эзель; Ревель, сильно страдавшій отъ нарвской торговли, въ 1561 г. перешелъ подъ власть Швеціи; между тѣмъ еще въ 1559 г. по Виленскому договору послѣдній магистръ ордена Кетлеръ склонилъ Сигизмунда II Августа принять Ливонію подъ свой протекторатъ, 28 ноября 1561 г. ливонцы принесли присягу королю Сигизмунду-Августу.

Распаденіе ордена совершенно измѣнило политическое положеніе и поставило Московское государство лицемъ къ лицу съ Швеціей, Даніей и Литвой-Польшей; вопросъ могъ быть рѣшенъ только въ борьбѣ между этими государствами. Очень скоро начались военныя дѣйствія между Москвой и Польшей (съ 1562 г.) и одновременно вспыхнула семилѣтняя война между Швеціей и Даніей. Для московскаго правительства наиболѣе выгоденъ могъ бы быть союзъ съ Швеціей, явно враждебной къ притязаніямъ Польши на балтійскомъ побережьи. Въ 1561 г. продолжено было перемиріе между Швеціей и Москвой на 20 лѣтъ, считая отъ 25 марта 1562 г., но заключенный договоръ такъ мало соотвѣтствовалъ новымъ условіямъ, что остался мертвой буквой; между русскими и шведскими войсками происходили уже мелкія стычки, на которыя жаловались царю новгородскіе намѣстники. Для улаженія этихъ дѣлъ прибыло въ началѣ 1563 г. въ Москву шведское посольство. Эрикъ XIV домогался, чтобы Іоаннъ призналъ за Швеціей всѣ завоеванія, которыя онъ сдѣлалъ въ Ливоніи и которыя сдѣлаетъ въ будущемъ; чтобы стапельнымъ пунктомъ для торговли съ Россіею оставался Ревель, въ то время уже шведскій. Неудивительно, что это посольство не было принято царемъ, и получило отвѣтъ отъ новгородскихъ намѣстниковъ. Послѣ этого въ Дерптѣ заключено было перемиріе на 7 лѣтъ на основаніи владѣнія; Нарвское плаваніе Эрикъ соглашался допустить только подъ условіемъ уплаты Швеціи 5% со стоимости провозимыхъ товаровъ. Въ то же время съ Даніей Іоаннъ заключилъ договоръ 7 августа 1562 г., по которому оба государства должны были дѣйствовать противъ Швеціи и Польши; за Даніей царь признавалъ право надъ Эстляндіей, Эзелемъ и Пильтеномъ; Фридрихъ II, король датскій, даровалъ русскимъ право имѣть свои дворы въ Копенгагенѣ и на Готландѣ, Грозный—датчанамъ въ Новгородѣ и Ивангородѣ. Если Грозный велъ себя двулично по отношенію къ Швеціи, то слѣдуетъ помнить, что Фридрихъ въ то время былъ въ союзѣ съ Польшей. Неудивительно, что и этотъ договоръ остался только на бумагѣ; въ начавшейся войнѣ Даніи съ Швеціей Фридрихъ напрасно расчитывалъ на русскую помощь; несмотря на его постоянныя жалобы русскіе даже не прерывали съ шведами торговыхъ сношеній. Такое уклончивое поведеніе Грознаго по отношенію къ Швеціи и Даніи объясняется тѣмъ, что совершенно справедливо въ Литвѣ—Польшѣ видѣлъ онъ главнаго своего соперника въ пріобрѣтеніи Балтійскаго побережья и на Литву—Польшу Грозный рѣшилъ направить свои силы.

Еще въ 1549 г. Литва и Москва условились продлить перемиріе на прежнихъ условіяхъ на 7 лѣтъ (до 25 марта 1556 года); для разграниченія владѣній обоихъ государствъ около Себежа постановили назначить новый съѣздъ. Но, когда приступили уже къ составленой перемирной грамоты, дѣло чуть было не разстроилось совсѣмъ изъ за новаго титула московскаго государя; московскіе дьяки написали Іоанна «царемъ», литовскій писарь, конечно, отказался такъ писать, послы рѣшительно приняли его сторону и готовы были ѣхать изъ Москвы, не смотря на угрозы бояръ, что этимъ учинятъ кровопролитіе христіанамъ; Іоаннъ посовѣтовавшись съ думой, приговорилъ: настойчиво требовать написанія царскаго титула, даже отпустить пословъ, но въ концѣ все-таки вернуть

ихъ и уступить, «для недруговъ крымскаго и казанскаго», царскій титулъ написать все-таки въ своей грамотѣ, потому что она будетъ у короля, а королевская безъ этого титула будетъ у государя въ казнѣ (!); а противъ трехъ недруговъ стоять вдругъ истомно.

Послѣ заключенія этого перемирія оба государства до начала военныхъ дѣйствій въ концѣ 1562 г. обмѣнялись 31 дипломатической посылкой; но многочисленныя эти посылки не могли привести къ заключенію вѣчнаго мира, хотя объ немъ много говорили съ обѣихъ сторонъ. Главнымъ препятствіемъ къ заключенію мира первые 8 лѣтъ этихъ сношеній (1549—1556 г.) былъ вопросъ о новомъ титулѣ, принятомъ московскимъ государемъ, а съ 1556 г. выдвинулся ливонскій вопросъ.

Московское правительство энергично добивалось признанія новаго титула со стороны Литвы-Польши; постепенно оно развило цѣлую систему доказательствъ законности этого своего акта. Кромѣ прежнихъ доказательствъ оно указывало на то, что всѣ сосѣдніе государи признаютъ этотъ титулъ московскаго государя, а нѣкоторые бусурманскіе государи именуютъ его даже выше—«Бѣлымъ царемъ»; литовскимъ посламъ показывали грамоты султана турецкаго Сулеймана, короля шведскаго, Филиппа, короля испанскаго и англійскаго, дѣлали ссылки на грамоту императора Максимиліана, присланную вел. кн. Василію Іоанновичу, но всѣ эти доказательства не имѣли успѣха. Послѣ этого московскіе посланники въ Литвѣ не брали грамотъ, писанныхъ безъ титула «царя», а въ Москвѣ отъ пословъ Довойны и Воловича вѣрющая грамота также не была принята по той же причинѣ (1554 г.), литовскимъ посланникамъ пробовали вручать отвѣтныя грамоты безъ королевскаго титула, но тѣ отказывались принять таковыя или, взявши, бросали ее на первомъ же ямѣ отъ Москвы, какъ поступилъ въ 1551 г. посолъ Гедройтъ.

При такихъ сношеніяхъ можно было ожидать, что война между Моской и Литвой-Польшей неминуема; если въ Москвѣ уступали, то или потому, что до 1552 г. находили истомнымъ стать сразу противъ трехъ недруговъ,—казанскаго, крымскаго и литовскаго, или потому, что казанскіе люди послѣ 1552 г. еще «не гораздо поукрѣпились». Въ 1554 г. въ Москвѣ согласились продолжить перемиріе только на *два* года, расчитывая въ будущемъ стоять крѣпко за царское имя,—съ 1556 г. обстоятельства нѣсколько измѣняются, въ Москвѣ выражаютъ сильное желаніе къ заключенію вѣчнаго мира, такъ въ 1556 г. продолжаютъ перемиріе на 6 лѣтъ и то по тому, что литовскіе послы не захотѣли назначить большій срокъ, а въ Москвѣ готовы были прибавить еще года три, четыре; въ февралѣ 1558 г. изъ Москвы посылаютъ къ королю Р. В. Алферьева, чтобы короля «о дружбѣ задрати». Такая перемѣна въ политикѣ объясняется ливонскимъ вопросомъ; рѣшившись начать борьбу съ Ливонскимъ орденомъ, Іоаннъ хочетъ обезопасить себя со стороны Литвы-Польши; и въ наказѣ Алферьеву велѣно развѣдывать, «что̀ королево умышленіе о ливонскихъ нѣмцахъ». Когда въ 1558 г. пріѣхали большіе послы (В. Тышкевичъ и др.), то въ Москвѣ, не начиная дѣла о царскомъ титулѣ, предложили заключить миръ на условіяхъ владѣнія, причемъ сразу заявили, что для добраго согласія «прародителевыхъ своихъ отчинъ, города Кіева и иныхъ городовъ русскихъ не учнемъ изыскивати», но за то просили и пословъ, чтобъ они «зашлыя дѣла отставили»; но послы для заключенія мира стали требовать, чтобъ Іоаннъ «съ души предковъ своихъ свелъ»: Смоленскъ, Сѣверу, Черниговъ, Вязьму, Дорогобужъ и т. д. Такія условія не могли быть приняты и послы хотѣли говорить о продолженіи перемирія, такою притчей: «чѣмъ добрые часы не обѣдня?»; но въ этомъ имъ было отказано; тогда только они объявили, что съ ними еще есть наказъ—ихъ де государь желаетъ мира для всѣхъ христіанъ «и для нѣмецкія земли Инфлянтскія», что инфлянцевъ король принялъ подъ свою оборону. На отпуску самъ царь посламъ сказалъ: съ братомъ своимъ перемиріе додержимъ до сроку, а впередъ межъ насъ неправду Богъ разсудитъ; о Ливоніи въ отвѣтной грамотѣ было сказано, что «Вифлянты извѣчные наши данщики». Послѣ этого всѣ переговоры вращаются около ливонскаго вопроса; каждая сторона хочетъ возложить на другую отвѣтственность въ предстоящемъ кровопролитіи. Одно время, въ 1560 г., въ Москвѣ заговорили было дѣйствительно въ примирительномъ духѣ, потому что Іоаннъ хотѣлъ по смерти Анастасіи вступить во второй бракъ съ Екатериной Ягеллонкой, сестрой

Сигизмунда-Августа, но это не удалось, она была выдана замужъ за Іоанна, герцога финляндскаго, брата Эрика XIV; тогда по истеченіи 25 марта 1562 г. срока перемирія начались военныя дѣйствія. Іоаннъ рѣшился нанести сильный ударъ своему врагу. 30 ноября 1562 г. царь выступилъ изъ Москвы, 31 января подошелъ къ Полоцку и указалъ мѣсто, гдѣ стать какому полку; 9-го полочане зажгли острогъ и посадъ, при этомъ изъ города вышло 11060 черныхъ людей съ женами и дѣтьми; пока ихъ велѣно было кормить, впослѣдствіе они были розданы служилымъ и приказнымъ людямъ; 14-го начали обстрѣливать Полоцкъ, рано утромъ 15-го городъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ, и воевода Довойна и владыка Арсеній прислали бить челомъ Іоанну о сдачѣ Полоцка; городъ немедленно же занятъ былъ русскими войсками; 18 февраля Іоаннъ совершилъ торжественный въѣздъ въ городъ и слушалъ обѣдню въ храмѣ Св. Софіи. Царь милостиво обошелся съ плѣнными воинами, позволилъ имъ идти къ своему королю, только ремесленники и техники военные должны были волей неволей поступить на русскую службу. Страшная участь постигла однихъ полоцкихъ евреевъ — Іоаннъ приказалъ ихъ утопить въ р. Двинѣ.

Оставивъ въ Полоцкѣ воеводами кн. П. И. Шуйскаго, В. С. и П. С. Серебряныхъ-Оболенскихъ съ большимъ войскомъ и давъ имъ пространный наказъ, какъ укрѣпить и беречь городъ, какъ устроить мѣстное управленіе, Іоаннъ двинулся обратно въ Москву: тотчасъ послѣ взятія Полоцка литовскіе паны—рада писали боярамъ, чтобъ тѣ наводили своего государя на миръ и обѣщали, что король пришлетъ своихъ пословъ къ 15 августа 1563 г. 21 марта царь вступилъ въ Москву; предъ самою Москвою бояринъ Траханіотъ возвѣстилъ ему рожденіе царевича Василія, перваго сына его отъ втораго брака; въ Москвѣ у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ митрополитъ Макарій встрѣтилъ царя съ крестами и иконами и поздравлялъ его, что онъ своимъ великимъ подвигомъ «очистилъ святыя церкви отъ иконоборецъ люторей и досталныхъ сущихъ христіанъ въ православіе собралъ».

Взятіе Полоцка было крупнымъ успѣхомъ московскаго государя; но въ слѣдующемъ году русскіе потерпѣли сильное пораженіе подъ Оршей: войско подъ начальствомъ кн. П. И. Шуйскаго шло небрежно и внезапно было атаковано кн. Радивиломъ; кн. Шуйскій убитъ, многіе взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали. Однако послѣ этого русскіе взяли Озерище, построили въ литовской землѣ города Усвятъ, Копіе, Улу и др., но рѣшительныхъ успѣховъ не было.

Поэтому переговоры долго, до 1570 г., оставались безъ результата, не смотря на то, что обѣ стороны постоянно обмѣнивались послами и посланниками. Въ Москвѣ требовали теперь уже всей русской земли и Кіева, и Волыни, и Берестья, и Львова, и Галича. Правда отъ этого скоро отступились, но твердо стояли: 1) на признаніи царскаго титула, 2) на уступкѣ Полоцка и его повѣта, незавоеваннаго русскими и 3) на полномъ отказѣ Литвы-Польши отъ Ливоніи. Два раза въ переговоры вмѣшивался, вопреки установившимся обычаямъ, самъ Грозный; «презрѣвъ свою царскую честь», онъ говорилъ съ литовскими послами 28 декабря 1563 г. и 10 іюня 1570 г. Въ переговоры Грозный вносилъ свойственныя ему живость и иронію. Хоткевичу онъ позволилъ вставлять въ рѣчь польскія слова—«которые будетъ рѣчи полскимъ языкомъ молвишь, и мы то уразумѣемъ»; Грозный смѣялся надъ обычными запросами съ обѣихъ сторонъ,—«припоминать велѣли того для, что братъ нашъ припоминаетъ намъ,—и вось мы попросимъ у брата нашего Вилны, и братъ нашъ дастъ ли намъ Вилну? А братъ нашъ попроситъ у насъ Москвы, и намъ Москва дати ли ему?» Но особенно долго царь говорилъ съ посломъ Я. Скротошиномъ 10 іюня 1570 г.; онъ подробно (рѣчь занимаетъ $11^1/_2$ стр. мелкой печати) пересчиталъ всѣ сношенія съ Литвой съ самой кончины отца своего, указывая постоянно на неправды брата своего, короля Жигимонта, и литовскихъ радныхъ людей. О рѣчи царя секретарь посольства отозвался такъ: «милостивый государь, такихъ великихъ дѣлъ испамятовати невозможно; твой государской отъ Бога дарованный разумъ кромѣ (т. е. выше) человѣческаго разума». Литовскаго посланника Ю. Быковскаго Грозный принялъ въ 1567 г. на полѣ, въ шатрѣ; царь, царевичъ и всѣ окружающіе были въ доспѣхахъ; Іоаннъ сказалъ: «И ты, Юрьи, тому и не диви, что мы сидимъ въ воинской приправѣ во оружіи; пришелъ еси къ намъ отъ брата нашего отъ Жигимонта-

Августа короля съ стрѣлами, и мы потому такъ и сидимъ». Напротивъ того, особая честь оказана была посланнику У. Букрабѣ (1563 г.), который по приказанію пановъ-рады на торжественномъ представленіи именовалъ Грознаго «царемъ всей Русіи». Наконецъ только 19 іюня 1570 г. удалось заключить перемиріе съ Литвой на условіи владѣнія и то только на три года; во время этихъ послѣднихъ переговоровъ послы объявили Іоанну, что въ случаѣ смерти Сигизмунда-Августа и польское и литовское королевства желаютъ избрать себѣ государя изъ славянскаго рода по волѣ и «прихиляютца тебѣ великому государю и твоему потомству».

Неудачи въ Литовской войнѣ объясняются въ значительной степени событіями, происходившими внутри московскаго государства. Іоаннъ началъ ливонскую войну вопреки мнѣнію Сильвестра, Адашева и другихъ. Сильвестръ, который своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь царя постоянно надоѣдалъ ему, не замѣчая, что съ каждымъ годомъ царю труднѣе выслушивать подобные упреки, теперь не упускалъ случая, чтобы не попрекнуть царя войной съ христіанской Ливоніей,—«еже какова скорбного ни сотворится намъ, то вся сія германъ ради случися». Въ ноябрѣ 1559 г. царь возвращался съ супругой изъ своего объѣзда; дорога стояла невозможная и въ это время заболѣла Анастасія Романовна. Іоаннъ дѣлаетъ по этому поводу не вполнѣ понятный для насъ намекъ—«лишь вспомню немилостивное путное прехожденіе съ больной Анастасіей изъ Можайска въ Москву! Единаго ради малого слова непотребна»! Очевидно, отношенія между партіей Сильвестра и Анастасіей были натянуты; къ тому же и Курбскій не разъ жалуется на царскихъ шурьевъ.

Еще въ концѣ января 1560 г. Адашевъ по обычаю велъ переговоры съ литовскимъ посланникомъ, а въ маѣ того же года онъ посланъ третьимъ воеводой большаго полка въ Ливонію, т. е. былъ уже въ опалѣ. Курбскій, да и самъ Іоаннъ, ставятъ эту опалу въ связь съ болѣзнью Анастасіи; 17 іюня въ Москвѣ былъ большой пожаръ и царь съ великою нужею проводилъ ее въ Коломенское село, «занеже болѣзнь еѣ бысть велика зѣло». 7 августа 1560 г скончалась Анастасія, оставивъ Іоанну двухъ сыновей,—царевича Іоанна (род. въ 1554 г.) и Ѳеодора (род. въ 1557 г.). Анастасія была погребена по обычаю въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На погребеніи ея былъ не только самъ Іоаннъ, его братъ, бояре и вельможи, не только множество народа, но и «всѣ нищіе и убозіи со всего града пріидоша на погребеніе не для милостыни, но со плачемъ и рыданіемъ веліемъ провождали»; отъ множества народа съ трудомъ пронесли ея тѣло въ монастырь. Это лѣтописное замѣчаніе лучшая похвала первой русской царицѣ; русскіе и иностранные источники именно ей приписываютъ сдерживающее и смягчающее вліяніе на Іоанна,—«бѣ бо милостива и беззлоблива». Іоаннъ былъ пораженъ скорбью, «царя и великаго князя отъ великаго стенанья и отъ жалости сердца едва подъ руцѣ ведяху». Скорбь свою по умершей супругѣ Іоаннъ выразилъ раздачей самой щедрой милостыни по церквамъ, не только городскимъ, но и сельскимъ; послана была милостыня и въ Царьградъ, и въ Іерусалимъ, и на Святую гору и въ другія мѣста; и впослѣдствіи Іоаннъ съ любовью вспоминалъ свою первую супругу, называя ее «юницей своей». Странно только, что немедленно же послѣ ея смерти Іоаннъ приказалъ строить на спѣхъ отдѣльные хоромы для брата своего кн. Юрія Васильевича и отдѣльные же для сыновей своихъ, Іоанна и Ѳедора; какъ будто онъ хотѣлъ жить на свободѣ, ничѣмъ не стѣсняясь. Затѣмъ чрезъ 7 дней, 14 августа къ Іоанну приходили митрополитъ, бояре и другія лица и просили его вступить во второй бракъ, а 18 августа пришли къ заключенію, что царю пригоже жениться на сестрѣ Сигизмунда-Августа. Забывая неудачу 1543 г., теперь въ Москвѣ, кажется, не сомнѣвались въ успѣхѣ: дѣлались, напр., соображенія, что королевнѣ по прибытіи ея въ Москву надо идти въ Успенскій соборъ и т. п. Тогда же дали наказъ Сукину, отправленному съ этою цѣлью въ Литву: посолъ долженъ былъ развѣдывать про обѣихъ сестеръ короля (Анну и Екатерину),—«каковы ростомъ, и сколь которая тѣлна, и какова которымъ обычаемъ и которая ихъ лучше». Если обѣ сестры одинаковыхъ достоинствъ, но старшей больше 25 лѣтъ, то свататься за младшую. Этотъ наказъ, составленный на 11-й день по смерти Анастасіи производитъ тяжелое впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что смерть супруги произвела переломъ въ жизни Іоанна; страстная натура взяла верхъ

и Іоаннъ, едва достигнувъ 30-лѣтняго возраста, быстро опускается въ нравственномъ отношеніи. Смерть Анастасіи была роковымъ ударомъ для партіи Сильвестра; по словамъ Курбскаго, новые приближенные—льстецы обвинили прежнихъ совѣтниковъ государя въ отравленіи Анастасіи,—отголоскомъ этихъ обвиненій служатъ слова самого Іоанна—«и съ женою меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея: ино бы Кроновы жертвы не было». Обвиняемые, Адашевъ и Сильвестръ, требовали, чтобы имъ дали возможность оправдаться предъ судомъ, но противники успѣли убѣдить царя, не смотря на возраженія митрополита Макарія, не призывать ихъ, говоря, что иначе Сильвестръ и Адашевъ снова очаруютъ царя. Участь Сильвестра остается темною: Курбскій говоритъ, что онъ былъ заточенъ въ Соловецкій монастырь; Іоаннъ писалъ впослѣдствіи, что онъ попу Сильвестру «ничего зла не сотворихъ». Адашевъ же былъ назначенъ воеводой въ Феллинъ, затѣмъ вслѣдствіе мѣстническихъ счетовъ былъ переведенъ въ Юрьевъ, гдѣ во время производимаго надъ нимъ слѣдствія и умеръ,—враги его увѣряли, будто онъ самъ отравился; были казнены родственники и друзья его: нѣкая Марія Магдалина полька по рожденію, И. Шишкинъ съ дѣтьми, родной братъ Д. Ѳ. Адашевъ съ сыномъ Тархомъ, тесть его Туровъ, Сатины, на сестрѣ которыхъ женатъ былъ А. Ѳ Адашевъ. Это были первыя казни послѣ 15—16-лѣтняго промежутка. Къ несчастью, бракъ Іоанна съ Екатериной Ягеллонкой не состоялся; въ августѣ 1561 г. Іоаннъ женился на Маріи Темгрюковнѣ, дочери кабардинскаго князя Темгрюка, которая предъ тѣмъ была крещена въ христіанскую вѣру; красивая черкешенка не имѣла на Іоанна никакого нравственнаго вліянія, а родственники ея—только дурное. Его забавы и пиры становятся все чаще и все ужаснѣе; къ этимъ годамъ 1561—1565 относятся казни кн. Д. Ѳ. Овчины-Оболенскаго, кн. М. Репнина, кн. Кашина, кн. Д. Курлятева и другихъ; кн. М. Репнинъ, напримѣръ, казненъ за то, что отказался надѣть на себя маску; въ эти же годы сосланъ на Бѣлоозеро слуга государевъ, казанскій герой кн. М. И. Воротынскій; подвергнутъ жестокимъ мукамъ И. В. Большой Шереметевъ, поспѣшившій потомъ постричься въ монахи подъ именемъ Іоны; братъ его, Никита, казненъ. Царь подозрѣвалъ бояръ и князей въ измѣнѣ, онъ видѣлъ несочувствіе ихъ Ливонской войнѣ, узналъ о попыткахъ ихъ бѣжать въ Литву. Еще въ 1561 г. Грозный началъ брать съ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они отъ него не отъѣдутъ; такія грамоты были взяты съ князей В. М. Глинскаго, И. Ѳ. Мстиславскаго, И. Д. Бѣльскаго, А. И. Воротынскаго, съ И. В. Большаго Шереметева, И. П. Яковлева, Л. А. Салтыкова и др. Каждый, дававшій такую запись, долженъ былъ представить по себѣ поруку въ томъ, что онъ не сбѣжитъ; ручавшіеся, въ противномъ случаѣ, должны были заплатить опредѣленную сумму денегъ. Въ 1562 г. ограничены были права князей на родовыя вотчины: по смерти князя, не оставлявшаго дѣтей мужескаго пола, вотчины его отходятъ къ государю; брату или племянникамъ умиравшій могъ завѣщать только съ дозволенія государя; продавать, мѣнять или отдавать въ приданое такія вотчины запрещалось вовсе.

Въ 1563 г. умерли братъ Іоанна, Юрій и митрополитъ Макарій, который все же заступался за опальныхъ и голосъ котораго Іоаннъ иногда принималъ во вниманіе. Для выбора новаго митрополита царь созвалъ 9 февраля 1564 г. церковный соборъ, который долженъ былъ сначала разсудить о нѣкоторыхъ внѣшнихъ отличіяхъ русскихъ іерарховъ. Этотъ соборъ постановилъ: митрополиту носить бѣлый клобукъ и печатать грамоты краснымъ воскомъ; тѣ же отличія даны архіепископу новгородскому, а казанскому — только печать краснаго цвѣта. Митрополитомъ былъ избранъ бывшій царскій духовникъ, инокъ Чудова монастыря, Аѳанасій.

Въ началѣ 1564 г. бѣжалъ въ Литву знаменитый воевода, другъ Адашева и Сильвестра, кн. А. М. Курбскій; раньше его отъѣхалъ кн. Д. Вишневецкій, затѣмъ бѣжали и другіе: В. Заболоцкій, кн. М. Ноготковъ-Оболенскій, Е. Бутурлинъ, Тетеринъ, кн. Черкасскій и др. Бѣгство этихъ лицъ, особенно кн. А. М. Курбскаго, было крайне непріятно для Іоанна; между нимъ и Курбскимъ завязалась переписка, драгоцѣнная для исторія. Въ четырехъ письмахъ къ Іоанну Курбскій жестоко порицаетъ поведеніе и пороки Іоанна, сравниваетъ первые годы его царствованія съ послѣдующими, упрекаетъ его въ избіеніи бояръ и особенно благородныхъ княжатъ,

имѣніями и вотчинами которыхъ царь завладѣлъ; горячо защищаетъ память Сильвестра и Адашева и отстаиваетъ право совѣта, которое Курбскій признаетъ и за «всенародными человѣки», «понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Въ двухъ своихъ отвѣтахъ, особенно первомъ, Іоаннъ защищаетъ самодержавіе, часто смѣшивая съ нимъ единодержавіе, указываетъ на божественное происхожденіе власти, на отвѣтственность свою предъ Богомъ за каждаго изъ своихъ подданныхъ, приводитъ примѣры вреда отъ разновластія и повторяетъ, что онъ воленъ своихъ холоповъ жаловать, воленъ и казнить ихъ; обвиняетъ князей и бояръ въ небреженіи его воспитаніемъ, въ непочтительномъ отношеніи къ нему, въ самовольствѣ, имъ приписываетъ всѣ неудачи, постигшія Россію.

Нѣсколько лѣтъ спустя открылось, что король Сигизмундъ-Августъ подговаривалъ нѣкоторыхъ бояръ бѣжать въ Литву чрезъ гонца своего, И. Козлова. По приказанію Грознаго кн. И. Д. Бѣльскій, кн. И. Ѳ. Мстиславскій, кн. М. И. Воротынскій, бояринъ И. П. Ѳедоровъ-Челяднинъ отвѣчали королю письмами, несомнѣнно сочиненными самимъ Грознымъ. Въ письмахъ этихъ кн. Бѣльскій именуетъ себя Литовскимъ и Бѣльскимъ, Мстиславскій—Литовскимъ, Ижеславскимъ и Мстиславскимъ; они называютъ короля своимъ братомъ; увѣряютъ короля, что онъ поступаетъ, какъ прокураторы, фалшеры и лотры, что королямъ не прилично такимъ татцкимъ обычаемъ хапати; защищаютъ правленіе Грознаго: онъ, какъ есть государь правый, христіанскій, всѣхъ жалуетъ по достоинству, а виноватыхъ и израдецъ вездѣ казнятъ; они доказываютъ, что вездѣ несвободно,—несвободно было и въ раю, гдѣ Адамъ долженъ былъ соблюдать заповѣдь Господню; законъ данъ былъ и Аврааму и Моисею, благость и святость—Іисусомъ Христомъ, вездѣ было законоуставленіе и преступающимъ наказаніе. Бѣльскій указываетъ цѣлый рядъ недостойныхъ поступковъ въ домѣ Гедимина: Ольгердъ его, Бѣльскаго, прапрадѣда, а своего сына, Владиміра, отъ достойные чести и отчества отставилъ, потому что понялъ другую жену, тверянку; дѣдъ короля Сигизмунда-Августа, Казимиръ сродича Бѣльскаго кн. Михаила Олельковича «зрадным обычаемъ» убилъ; отчину его за себя взялъ; всѣмъ извѣстно, въ какой чести были прадѣдъ Бѣльскаго, кн. Иванъ, и особенно дѣдъ, кн. Ѳедоръ, котораго принуждали «самую вѣру душевную отложити и едва во единой кошюлѣ утекъ до истиннаго православія». Бѣльскій хвалитъ теперешнее свое положеніе, «кромѣ государской воли нихто нами не властенъ»; онъ согласится промѣнять свое положеніе, если король уступитъ ему все Литовское княжество, и они будутъ, какъ были Ягайло и Витовтъ: Сигизмундъ на польскомъ королевствѣ, а Бѣльскій на великомъ княжествѣ литовскомъ и русскомъ, и оба будутъ «подъ голдомъ» его царскаго величества. Кн. Мстиславскій предлагаетъ такой раздѣлъ: Сигизмундъ пусть будетъ на польскомъ королевствѣ, Бѣльскій—на литовскомъ княжествѣ и русскомъ, а онъ, Мстиславскій, въ Трокахъ, Брестѣ, Ковнѣ и прусской землѣ и всѣ подъ голдомъ царскаго величества; онъ увѣряетъ, что паны отравили королеву Барбару; «гдѣ государьской воли надъ собою не имѣютъ, тутъ яко изумѣвся шатаютца и никоего блага не вѣдятъ». Воротынскій хвалится тѣмъ, что его государя «вольное самодержство, не какъ ваше убогое королевство, нашимъ великимъ государемъ никто не указываетъ, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ и укажутъ»; упрекаетъ Сигизмунда происхожденіемъ отъ конюшца Гегимника; себѣ проситъ Новгородъ Литовскій, Витебскъ и др. города.

Въ ноябрѣ 1564 г. Іоаннъ перемѣнилъ нѣкоторыя вотчины у кн. Владиміра Андреевича; въ Москвѣ чувствовалось особое напряженіе; царь все чаще уѣзжалъ оттуда, любилъ проводить время въ Александровской слободѣ; что это указывало на какія-то приготовленія Іоанна, на недовольство его, видно изъ того, что это обстоятельство хотѣли скрыть отъ литовцевъ. Наконецъ 3 декабря 1564 г. Іоаннъ съ своей супругой, съ дѣтьми выѣхалъ изъ Москвы; этотъ царскій подъемъ не походилъ на прежніе: царь взялъ съ собою иконы, кресты, всю казну, весь домашній обиходъ; ближнимъ лицамъ, которымъ велѣно было ѣхать съ царемъ, приказано было взять съ собою женъ и дѣтей. Вслѣдствіе безпутицы царь прожилъ 2 недѣли въ Коломенскомъ, оттуда чрезъ Тайнинское проѣхалъ къ Троицы-Сергію, гдѣ отпраздновалъ 21 декабря,—память св. митрополита Петра; оттуда проѣхалъ въ Слободу.

Между тѣмъ въ Москвѣ всѣ власти и

все населеніе были въ недоумѣніи по случаю такой необычайной царской поѣздки, неизвѣстно куда. 3 января 1565 г. Іоаннъ прислалъ къ митрополиту грамоту, въ которой обвинялъ бояръ, духовенство, служилыхъ и приказныхъ людей въ томъ: 1) что бояре и приказные люди расхитили его казну послѣ смерти отца его, 2) что они разобрали себѣ и близкимъ своимъ раздавали помѣстья и вотчины и кормленое жалованье, и все-таки о государствѣ не радѣютъ и отъ недруговъ крымскаго, литовскаго и нѣмцевъ, не оберегаютъ; напротивъ, удаляясь отъ службы, чинятъ насилія крестьянству; 3) что духовенство, сложась съ ними, прикрываетъ ихъ вины, когда царь захочетъ ихъ наказать. Въ виду этого Іоаннъ, не желая терпѣть долѣе измѣнныхъ ихъ дѣлъ, оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться тамъ, гдѣ государю Богъ наставитъ. Вмѣстѣ съ этой грамотой царскій гонецъ (Поливановъ) привезъ и другую, къ гостямъ, купцамъ и всему православному крестьянству града Москвы; въ этой грамотѣ царь писалъ, чтобъ они на себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы нѣтъ.

Въ Москвѣ сейчасъ же съ великимъ плачемъ рѣшили отправить къ государю челобитчиковъ, чтобы государь царь гнѣвъ свой отвратилъ, милость показалъ и опалу свою отдалъ, а государство бы свое не оставлялъ, владѣлъ бы имъ, какъ хочетъ; а измѣнниковъ и лиходѣевъ вѣдаетъ Богъ да онъ, государь, и въ животѣ и въ казни его государская воля; черные люди города Москвы прибавляли, что они за «измѣнниковъ не стоятъ, а и сами ихъ потребятъ». Съ этими челобитными поѣхалъ въ Слободу въ тотъ же день архіепископъ новгородскій Пименъ, архимандритъ Левкій, бояре и множество всякаго люда; многіе даже не заѣзжали къ себѣ домой. 5 января посланные увидѣли царевы очи, били челомъ государю; Іоаннъ сказалъ свое милостивое слово: онъ хочетъ взять свое государство, но какъ его взять и какъ имъ владѣть, объ этомъ онъ прикажетъ митрополиту. Посланные вернулись въ Москву, только немногіе (напр. кн. Бѣльскій) были оставлены въ Слободѣ.

Скоро Іоаннъ объявилъ условія, на которыхъ онъ снова принялъ государство: 1) на измѣнниковъ и непослушныхъ государю класть свою опалу, иныхъ казнить, животы и статки ихъ брать; 2) учинить въ своемъ государствѣ опричнину, особый дворъ, весь обиходъ особый же,—бояръ, дворянъ, казначеевъ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ и т. д.; 3) на свой и дѣтей своихъ обиходъ взять 27 городовъ (Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Суздаль, Галичъ, Устюгъ и др.), 18 волостей, брать и другія волости, жаловать дѣтей боярскихъ и лицъ, которые будутъ въ опричнинѣ; 4) опричниками быть 1,000 чел., помѣстья имъ дать въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а прежнихъ владѣльцевъ оттуда вывести; 5) въ Москвѣ очистить для царя особое мѣсто подъ его дворъ и взять въ опричнину нѣсколько улицъ московскихъ и слободъ подмосковныхъ; 6) государство, судъ, управу, воинство и всякія земскія дѣла вѣдать боярамъ, которымъ велѣно быть въ земскихъ: кн. И. Д. Бѣльскому, кн. И. Ѳ. Мстиславскому и инымъ; приказные люди о большихъ дѣлахъ должны приходить къ боярамъ; о ратныхъ вѣстяхъ и великихъ земскихъ дѣлахъ бояре должны приходить къ царю; 7) за свой подъемъ Іоаннъ взялъ изъ Земскаго приказа 100,000 рублей.

Вдумываясь въ лѣтописный разсказъ объ учрежденіи опричнины, видимъ большое сходство между нимъ и разсказомъ о первомъ обращеніи молодаго царя къ народу: и тогда и теперь онъ обвинялъ бояръ въ расхищеніи казны, въ захватѣ земель, въ нерадивомъ исполненіи своихъ обязанностей; но тогда молодой государь для исцѣленія зла взывалъ къ общему примиренію и путемъ всенароднаго и частнаго обсужденія приступилъ къ излѣченію зла новыми мѣрами. Прошло 16 лѣтъ, положеніе государства напоминало нѣсколько его положеніе тогда: внѣшнія удачи опять смѣнились пораженіями, внутри государства жалобы на казни, попытки бѣжать и измѣнить государю. Тяжелая ливонская война начата была вопреки мнѣнію большинства и нѣкоторыя неудачи,—въ томъ числѣ самая крупная, оршинская—послѣдовали отъ небрежности боярской; раздача помѣстій и жалованья не сдѣлала дѣтей боярскихъ болѣе ревностными служаками. 35-лѣтній Іоаннъ уже не расчитываетъ на реформы, на возможность ими исправить зло; его самолюбивый умъ не хочетъ сознаться въ томъ, что онъ далъ своему народу непосильную задачу; въ ожесточеніи онъ готовъ вѣрить, что опалами и казнями онъ заставитъ работать

какъ слѣдуетъ людей, которые забыли свой долгъ. Для исполненія этого Іоанну нужны люди, зависящіе исключительно отъ него, которые бы понимали, что значеніе ихъ въ милости царя, а не въ правахъ ихъ по рожденію. Но опричники были направлены не на однихъ бояръ, а также и на многочисленный средній служилый классъ, который до этого времени довольно тѣсно связанъ былъ съ княжескими фамиліями; дѣти боярскіе часто принадлежали къ «племени» боярскихъ князей, входили въ составъ ихъ слугъ. Не имѣя возможности отстранить весь этотъ многочисленный классъ, даже нуждаясь въ его услугахъ, Грозный рѣшилъ создать въ государствѣ отдѣльное государство, гдѣ бы все зависѣло отъ него, составляло бы его частную собственность и этимъ небольшимъ, но лучше устроеннымъ и содержимымъ государствомъ, править надъ остальною землей. Окруженный толпою преданныхъ ему тѣлохранителей, не имѣвшихъ связей ни съ отечествомъ, ни съ землею, Грозный могъ чувствовать себя нѣкоторое время безопаснѣе и спокойнѣе. Но опричники рѣзко выдѣляли его отъ земли, создавали слово и дѣло государево, полагали государеву безопасность въ зависимости не отъ единенія съ землею, не отъ сознательнаго подчиненія подданныхъ, а отъ грубой силы наемныхъ воиновъ, расположеніе которыхъ могло быть куплено на счетъ земли, и Іоаннъ въ глазахъ массы становился царемъ, ниспосланнымъ небомъ въ наказаніе за грѣхи ея.

Отъ сосѣдей, особенно отъ Литвы, Грозный старался скрыть самое существованіе опричнины, вѣрный знакъ того, что онъ самъ не вполнѣ вѣрилъ въ основательность своего шага. Обыкновенно, посламъ предписывалось говорить: «у государя нашего никоторые опричнины нѣтъ; живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ и которые государю дворяне служатъ правдою, и тѣ при государѣ живутъ близко, а которые дѣлали неправды, и тѣ живутъ отъ государя поодаль. И нѣчто будетъ незная того мужичье называютъ опричниной и мужичьимъ рѣчамъ чему вѣрить. Воленъ государь, гдѣ похочетъ дворы и хоромы ставить, туто станить; отъ кого ся государю *отдѣливати*?»; или «царь по тому живетъ въ Слободѣ, что въ осеннюю пору на Москвѣ государю непрохладно жити»; наконецъ, указывали литовцамъ «вѣдь и въ вашей землѣ есть земское, и дворное, и кролевское, и гетманы, и подскарбіи, и иные чиновники». Трудно отвѣтить на вопросъ, на сколько Іоаннъ предоставилъ управленіе земскими дѣлами боярской думѣ: источники говорятъ намъ почти исключительно о дѣлахъ ратныхъ и наиболѣе важныхъ актахъ государственной жизни, т. е. о такихъ, о которыхъ уставъ опричнины представляетъ боярамъ обращаться за разрѣшеніемъ къ царю, слѣдовательно мы не замѣчаемъ разности отъ времени предшествующаго опричнинѣ и непосредственно за ней слѣдующаго. Однако, переписка царя съ боярской думой, сохранившаяся въ дипломатическихъ актахъ, указываетъ на то, что текущія дѣла въ земщинѣ были предоставлены вѣдѣнію думы: Іоаннъ въ 1569 г. приказываетъ боярамъ отписать въ Смоленскъ, что литовскому послу кормъ готовъ, т. е. не онъ самъ распоряжается, а дума; иногда онъ извѣщаетъ думу о принятомъ имъ рѣшеніи, иногда устраиваетъ совѣщанія бояръ думы съ боярами изъ опричнины: въ 1570 г. при переговорахъ о границахъ въ Ливоніи, совѣщались бояре земскіе и изъ опричнины, однимъ словомъ прежняго единства государя съ думой нѣтъ, и дума боярская разсматривается, какъ учрежденіе самостоятельное.

Въ случаяхъ особо важныхъ Іоаннъ считалъ нужнымъ заручиться согласіемъ всего служилаго класса. Такъ, въ 1566 г. 28 іюня царь созвалъ второй земскій соборъ, на разрѣшеніи котораго предложилъ вопросъ, продолжать ли дальше войну за Ливонію? На этомъ соборѣ было 374 чел.; кромѣ духовныхъ чиновъ и думы приглашены были дворяне московскіе, тѣ изъ уѣздныхъ дѣтей боярскихъ, которые имѣли помѣстья около Москвы, такъ называемый *выборъ*, воеводы пограничныхъ городовъ и столичные торговые люди высшихъ разрядовъ. Соборъ единогласно отвѣтилъ, что слѣдуетъ продолжать войну, какъ этого и желалъ царь и, слѣдовательно, принялъ на себя обязательство способствовать всѣми мѣрами успѣху дѣла.

Число опричниковъ скоро было увеличено съ 1000 ч. до 6000 ч.; Малюта Скуратовъ Бѣльскій и кн. Вяземскій сформировали эту новую дружину царскую; судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ они выбирали въ опричники лицъ незнатнаго происхожденія, отличавшихся своеобразнымъ удальствомъ. Собачья голова и метла— вотъ отличительные знаки опричниковъ.

Окруженный этой толпой Іоаннъ жилъ обыкновенно въ Александровской слободѣ.

Таубе и Крузе передаютъ, что Іоаннъ велъ въ Слободѣ монашескій образъ жизни: 300 отборныхъ опричниковъ составляли «братію», они носили сверхъ блестящихъ кафтановъ черныя рясы, на головы надѣвали высокія тафьи. Самъ Іоаннъ назывался игуменомъ, Вяземскій — келаремъ, М. Скуратовъ—параклесіархомъ. Въ четвертомъ часу утра Іоаннъ съ дѣтьми и Малютою шелъ звонить въ колоколъ; по звону этому братія собиралась къ заутрени, въ 8 часовъ всѣ опять шли къ обѣднѣ; Іоаннъ молился съ необыкновеннымъ усердіемъ; послѣ обѣдни братія садилась за трапезу, а царь стоялъ, читая поученія; по окончаніи трапезы Іоаннъ обѣдалъ одинъ; остатки трапезы выносились изъ дворца и раздавались нищимъ; въ 8 час. шли къ вечернѣ, а въ 10-мъ Іоаннъ уходилъ въ опочивальню, гдѣ слѣпые разсказывали ему сказки, пока онъ не засыпалъ. Это смиреніе конечно, не было искреннимъ, казни не прекращались, и нерѣдко между церковными службами царь мучилъ и казнилъ несчастныхъ узниковъ. Тотчасъ послѣ введенія опричнины были казнены: кн. А. Б. Горбатый съ сыномъ Петромъ, окольн. П. П. Головинъ, кн. И. И. Суховъ-Кашинъ, кн. Д. А. Шевыревъ; кн. Куракинъ и Нѣмово пострижены въ монахи, опалѣ подверглись также многіе дворяне и дѣти боярскіе; въ 1568 г. казнены: И. П. Ѳедоровъ-Челяднинъ, князья Ростовскія, Щенятевъ, Турунтай-Пронскій, Ряполовскій и другіе. Съ большою подозрительностью Іоаннъ по прежнему относился къ Владиміру Андреевичу, нѣсколько разъ мѣнялъ его вотчины, отнялъ у него города Старицу, Алексинъ и Верею, а далъ ему взамѣнъ Дмитровъ, Боровскъ и Звенигородъ. Вотчины мѣнялись и отнимались не у одного только Владиміра Андреевича, а у очень многихъ князей: у Воротынскаго, Гундуровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Пеньковыхъ, Микулинскихъ, Мстиславскаго, Засѣкина, Телятевскаго; по писцовымъ книгамъ коломенскаго, московскаго и вяземскаго уѣздовъ видно, что владѣльцы вотчинъ и помѣстій мѣнялись въ то время часто; затѣмъ при введеніи опричнины произведено было массовое перемѣщеніе служилаго класса; въ мѣрахъ этихъ нельзя не видѣть стремленія Іоанна подорвать значеніе потомковъ князей удѣльныхъ, сохранявшихъ удѣлы своихъ предковъ, гдѣ они имѣли значительную власть и надъ населеніемъ, такъ какъ тамъ же испомѣщены были дѣти боярскіе, составлявшіе ихъ дворы, тамъ они имѣли свои остроги, содержали своихъ стрѣльцовъ (напр. кн. Воротынскіе, Мстиславскіе, Микулинскіе). Курбскій также объясняетъ нѣкоторыя казни Грознаго желаніемъ овладѣть богатыми вотчинами (кн. Ушатыхъ и Прозоровскихъ). Исторія не имѣетъ права не признать законности и своевременности стремленій Грознаго и отрицать значительность достигнутыхъ имъ въ этомъ отношеніи результатовъ, но конечно не можетъ одобрить пріемовъ, которыми эти результаты были достигнуты, всѣхъ этихъ казней невинныхъ людей, попустительства страшному своеволью опричниковъ. Когда все вокругъ Іоанна молчало, тогда митр. Филиппъ рѣшился возвысить свой голосъ. Преемникъ Макарія, митр. Аѳанасій отказался отъ митрополіи въ 1566 г.; выборъ царя палъ было на Германа, архіепископа казанскаго, но бесѣда его не понравилась Іоанну и онъ не былъ посвященъ въ митрополиты; такъ разсказываетъ Курбскій и прибавляетъ, что черезъ два для Германъ найденъ былъ въ своихъ покояхъ мертвымъ; послѣднее несомнѣнно невѣрно, потому что Германъ скончался чрезъ 1 годъ и 3 мѣсяца во время мороваго повѣтрія; поэтому и самый фактъ избранія Германа въ митрополиты остается подъ сомнѣніемъ. Преемникомъ Аѳанасія Іоаннъ выбралъ Филиппа, изъ рода Колычевыхъ, игумена соловецкаго. При первомъ же предложеніи Филиппу митрополіи, Филиппъ непремѣннымъ условіемъ согласія поставилъ отмѣну опричнины, но Іоаннъ съ гнѣвомъ отказалъ въ этомъ и требовалъ, чтобы Филиппъ не вступался въ опричнину и домовый обиходъ царя; по настоянію собора Филиппъ далъ на это свое согласіе и 25 іюля 1566 года посвященъ былъ въ митрополиты въ присутствіи самого Іоанна. Филиппъ сначала тайно усовѣщевалъ Іоанна, а затѣмъ сталъ обличать его всенародно. Разгнѣванный Іоаннъ хотѣлъ было заставить Филиппа замолчать, убѣждалъ его не прекословить державѣ царской, увѣрялъ его, что противъ него возстали его близкіе, но Филиппъ не оставилъ своихъ обличеній. Царь созвалъ соборъ для суда надъ святителемъ; въ угоду Іоанну соборъ

осудилъ митрополита, 8 ноября 1568 г. митрополитъ съ позоромъ былъ выведенъ изъ церкви опричниками и посаженъ въ заключеніе въ Богоявленскій монастырь, затѣмъ переведенъ въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ и былъ задушенъ въ 1569 г. Малютою Скуратовымъ. На его мѣсто возведенъ былъ Троицкій игуменъ Кириллъ, по смерти его (1572 г.) Антоній, архіепископъ полоцкій. Въ лицѣ св. Филиппа церковь выставила святителя, положившаго душу за свою паству, русское общество—проповѣдника и учителя, осудившаго образъ дѣйствій Іоанна, неприличный государю европейскому и христіанскому. Вслѣдъ за св. Филиппомъ погибъ удѣльный кн. Владиміръ Андреевичъ, о казни котораго иностранцы разсказываютъ ужасающія подробности. Въ связи съ казнью Владиміра Андреевича стоитъ Новгородскій погромъ: архіепископа Пимена и другихъ обвиняли въ томъ, что они хотѣли отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, а на престолъ московскій возвести кн. Владиміра Андреевича; обвиненіе слишкомъ странное; можно было бы вѣрить его второй половинѣ, если бы не было первой. Свой опустошительный походъ Іоаннъ началъ съ Твери, гдѣ «многія люди поби». 2 января 1570 г. явился въ Новгородъ передовой отрядъ, который оцѣпилъ городъ со всѣхъ сторонъ; тогда же были захвачены духовныя и наиболѣе состоятельныя лица города. 6 января пріѣхалъ самъ царь съ царевичемъ Іоанномъ, со множествомъ войска, и остановился на Городищѣ. 8-го царь въѣхалъ въ Новгородъ; встрѣченный на Волховскомъ мосту архіепископомъ Пименомъ царь не подошелъ подъ благословеніе, упрекнулъ Пимена и новгородцевъ въ желаніи предать городъ польскому королю, назвалъ Пимена «волкомъ, и хищникомъ, и губителемъ, и измѣнникомъ и порфирѣ и вѣнцу его досадителемъ»; тѣмъ не менѣе Іоаннъ слушалъ обѣдню у св. Софіи, затѣмъ пошелъ обѣдать къ архіепископу со всею своею свитою; началъ было ѣсть, но вскорѣ «возопилъ гласомъ веліимъ»; это былъ условный сигналъ, владыка Пименъ былъ схваченъ, посаженъ въ заключеніе, его казна, казна св. Софіи и другихъ церквей захвачены, и началось избіеніе новгородцевъ, ихъ женъ и дѣтей; опричники безсмысленно истребляли даже недвижимое имущество несчастныхъ въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ верстъ на 200—300; наконецъ, 13 февраля, царь призвалъ къ себѣ новгородцевъ, оставшихся живыми, изъ каждой улицы вызвалъ къ себѣ по человѣку,—они явились дряхлы и унылы, отчаявшись въ животѣ своемъ стояли, какъ мертвые. Но Іоаннъ, взглянувъ на нихъ милостивымъ окомъ, велѣлъ имъ молиться о своемъ царскомъ здравіи и благополучіи; сказалъ имъ, что вся пролитая кровь взыщется на владыкѣ Пименѣ и на всѣхъ совѣтникахъ его и велѣлъ имъ жить спокойно и не скорбѣть о случившемся. Отсюда Іоаннъ пошелъ въ Псковъ, отправивъ Пимена и многихъ духовныхъ лицъ въ Москву; Пименъ скоро умеръ въ заточеніи; тогда же многіе новгородцы выведены были изъ своего города и разселены по другимъ областямъ. Въ Синодикѣ число погибшихъ новгородцевъ, однако, показано только 1,505 чел., у Курбскаго 15,000, у Таубе и Крузе—27,000, въ Псковской лѣтописи,—60,000, у Горсея—700,000. Пскову, куда царь прослѣдовалъ изъ Новгорода, повидимому угрожала та же участь, но Псковъ былъ спасенъ,—большинство источниковъ приписываетъ это спасеніе юродивому Николѣ, напугавшему царя страшными предсказаніями; испуганный Іоаннъ не лишилъ жизни ни одного псковича и вернулся въ Москву, гдѣ немедленно же принялся за розыскъ новгородской измѣны; на этотъ разъ въ числѣ осужденныхъ были самые близкіе къ Іоанну опричники,—кн. А. Вяземскій, Басмановы, отецъ и сынъ, печатникъ И. М. Висковатый, казначей Фуниковъ, Яковлевъ и др.; среди страшныхъ мукъ, большая часть изъ нихъ была казнена въ іюлѣ 1570 г. на площади въ Москвѣ; обвинены они были въ томъ, что извѣстили будто бы новгородцевъ о страшной участи ихъ ожидающей, слѣдовательно они были соучастниками въ новгородской измѣнѣ.

Скоро Москву постигло бѣдствіе, въ которомъ современники видѣли наказаніе за Новгородскій погромъ. Со времени Ливонской войны Іоаннъ не могъ уже съ прежней энергіей дѣйствовать противъ крымцевъ, но онъ постоянно поддерживалъ дипломатическія сношенія съ Крымомъ, пытаясь удержать Девлетъ-Гирея отъ союза съ Литвой-Польшей, чрезъ пословъ своихъ А. Нагаго и Ржевскаго; это давало только крымскимъ хищникамъ возможность торговаться и требовать какъ можно больше поминковъ отъ короля и отъ царя; опасность

грозила Москвѣ уже отъ турокъ, потому что султанъ турецкій не могъ забыть,—какъ это сдѣлалъ Девлетъ-Гирей,—паденія двухъ магометанскихъ юртовъ, къ тому же, ведя въ то время постоянныя войны съ Персіей, султанъ напалъ на мысль соединить каналомъ Волгу съ Дономъ, чтобы избавить свои войска отъ утомительныхъ переходовъ чрезъ всю Малую Азію; Девлетъ-Гирей, для котораго этотъ проэктъ былъ невыгоденъ и опасенъ, потому что отъ крымцевъ турки потребовали бы самаго дѣятельнаго участія и помощи, отговаривалъ султана. Въ 1569 г. турки сдѣлали попытку привести въ исполненіе свой проэктъ соединенія Волги съ Дономъ; прорыть каналъ имъ, конечно, неудалось; они только потеряли время и подошли къ Астрахани слишкомъ поздно; испуганные приближеніемъ русскаго войска они поспѣшно стали отступать къ Азову, причемъ ханъ нарочно велъ ихъ далекою и безводною дорогой такъ, что отбилъ у турокъ охоту ходить къ Волгѣ. Но султанъ Селимъ не оставилъ своего намѣренія возвратить магометанамъ Казань и Астрахань; тщетно Іоаннъ отправлялъ къ нему двухъ пословъ,—Новосильцева въ 1570 г., и Кузьминскаго въ 1571 г.; султанъ стоялъ на своихъ требованіяхъ и въ Москвѣ должны были ждать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны крымцевъ. Этимъ и объясняется назначеніе кн. М. И. Воротынскаго, самаго славнаго и опытнаго воеводы того времени, вѣдать съ 1 января 1571 г. станицы и сторожи польской, т. е. полевой, службы. Всю раннюю весну кн. Воротынскій провелъ въ хлопотахъ объ лучшемъ устройствѣ сторожевой и станичной службы, составилъ при участіи станичныхъ головъ и вожей росписаніе, гдѣ быть новымъ сторожамъ, чтобъ государеву дѣлу прибыльнѣе и бережнѣе было, гдѣ ѣздить и стоять станичникамъ. Но эти мѣры не привели ни къ чему. Девлетъ-Гирей съ 120,000 войскомъ, подошелъ къ Окѣ; русскіе измѣнники указали ему удобное мѣсто для переправы чрезъ Оку и ханъ направился быстро къ Серпухову; Іоаннъ съ опричниками бѣжалъ къ сѣверу, а воеводы съ остальными полками не рѣшились встрѣтить хана въ полѣ, а заняли предмѣстья Москвы, гдѣ и безъ того было огромное скопленіе народа; 24 мая татары были уже у Москвы и имъ удалось стрѣльбой зажечь Ивановскую колокольню; при очень сильномъ вѣтрѣ пожаръ быстро распространился по всему городу, сгорѣло и задохнулось отъ дыма безчисленное множество народа, въ томъ числѣ кн. И. Д Бѣльскій. Въ этомъ бѣдствіи Іоаннъ обвинялъ бояръ и князь Мстиславскій сознался, будто онъ навелъ на Москву крымцевъ; но сознаніе кн. Мстиславскаго, оставшагося безнаказаннымъ за такое страшное преступленіе, нужно было Іоанну только для того, чтобы объяснить это дѣло выгоднѣе для себя Литвѣ-Польшѣ. Послѣ этого Іоаннъ сильно понизилъ тонъ въ сношеніяхъ съ Крымомъ, обязался платить Крыму ежегодную дань, подъ названіемъ «тышъ»; но ханъ требовалъ еще возвращенія Казани и Астрахани; Іоаннъ уже думалъ, что ему придется уступить хану Астрахань. Къ счастью, ханъ новымъ набѣгомъ вздумалъ принудить Іоанна къ рѣшительнымъ уступкамъ; и на этотъ разъ ему удалось перейти Оку, но на берегу Лопасни кн. М. И. Воротынскій преградилъ ему путь и послѣ цѣлаго ряда схватокъ принудилъ отступить съ большимъ урономъ (1572 г.); послѣ этого не было и рѣчи объ уступкѣ Астрахани.

Царь переживалъ въ это время тревожное состояніе: казни почти не прекращались; въ 1573 г. жертвою подозрительности Іоанна сдѣлались герой Казани, побѣдитель при Лопаснѣ кн. М. И. Воротынскій, кн. Одоевскій и Морозовъ. Около этого времени (между 1572 и 1578 гг.) Іоаннъ написалъ свое завѣщаніе дѣтямъ; но и въ этомъ памятникѣ напрасно было-бы искать искренняго тона; не жалѣя словъ для изображенія своихъ пороковъ, Іоаннъ и здѣсь сейчасъ же начинаетъ обвинять другихъ и на нихъ сваливаетъ вину,—«воздаша ми злое за благое и ненависть за возлюбленіе мое». Косвенно, кажется, онъ признаетъ неудобство опричнины, потому что предоставляетъ продленіе ея на волю дѣтей; младшему сыну, Ѳеодору, назначаетъ удѣлъ, но этотъ удѣлъ также къ государству старшаго сына; младшій не долженъ выходить изъ послушанія старшему. Въ завѣщаніи Іоаннъ считаетъ себъ изгнаннымъ изъ государства «отъ бояръ самовольства ихъ ради». Мысль о томъ, что ему придется искать спасенія въ бѣгствѣ изъ Россіи, давно уже не покидала Іоанна; еще въ 1566 г. онъ чрезъ Дженкинсона завелъ переговоры объ этомъ съ Елизаветою англійской; онъ предлагалъ ей заключить тѣсный союзъ со

включеніемъ условія, что если одну изъ договаривающихся сторонъ постигнетъ бѣда, то другая должна дать ей убѣжище въ своей странѣ. Гордость Іоанна была сильно оскорблена тѣмъ, что Елизавета, предлагая ему на случай бѣды убѣжище въ Англіи, и не заикнулась о чемъ-нибудь подобномъ для себя, равно отклонила и заключеніе тѣснаго союза съ Москвой — англичане въ сношеніяхъ съ московскимъ государствомъ руководились единственно своими торговыми интересами, о которыхъ и хлопотала у Іоанна Елизавета; поэтому Грозный очень колко отвѣчалъ ей, что: «ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые». Въ концѣ 1575 г. Іоаннъ поставилъ во главѣ земщины царя Симеона Бекбулатовича, которому затѣмъ далъ титулъ царя и великаго князя всея Руси, а самъ сталъ именоваться «Московскимъ», но въ іюлѣ 1576 г. Симеонъ Бекбулатовичъ называется только «Тверскимъ»; этому мнимому царю Грозный подавалъ даже челобитныя, именуюсь «Иванцомъ Московскимъ»; но одинъ современникъ Грознаго дьякъ Тимофеевъ характерно называетъ этотъ поступокъ Грознаго «игрою»; что это не было серьезнымъ отреченіемъ отъ престола, видно изъ того, что Іоаннъ хотѣлъ скрыть обстоятельство это отъ пословъ цесаря и велъ съ ними переговоры, какъ будто бы ничего не случилось. Недовѣряя окружающимъ, подозрѣвая всюду измѣну, Іоаннъ повторилъ событія конца 1564 и начала 1565 г. и снова заставилъ своихъ подданныхъ просить его принять бразды правленія. Флетчеръ и Горсей прибавляютъ, что онъ за возвращеніе свое опять взялъ значительныя суммы съ монастырей; около этого же времени царь, подтвердивъ запрещеніе монастырямъ принимать земли, отнялъ у нихъ часть ихъ земель. Такое печальное положеніе дѣлъ внутри государства отразилось и на внѣшней политикѣ. Ливонская война шла вяло: одно время Грозный думалъ сблизиться со Швеціей, гдѣ царствовалъ тогда Эрихъ XIV; уже въ 1566 г. царь *лично* принялъ шведскихъ пословъ и велъ съ ними переговоры, тогда же Грозный выразилъ странное желаніе, чтобы Эрихъ выдалъ ему Екатерину, супругу Іоанна, герцога финляндскаго, за которую Грозный неудачно сватался въ 1560 г.; послѣ нѣсколькихъ обмѣновъ посольствами въ февралѣ 1567 г. заключенъ былъ въ Москвѣ договоръ; московскій царь и шведскій король вступали между собою въ тѣсный союзъ, Эрихъ долженъ былъ выдать Грозному Екатерину, царь отказывался въ пользу Швеціи отъ Эстляндіи, уступалъ ей 12 городовъ, въ Ливоніи должны быть установлены точныя границы, шведскій король получалъ право сноситься съ московскимъ царемъ, подданнымъ обѣихъ государствъ давался свободный проѣздъ чрезъ владѣнія обоихъ государей; Рига, Венденъ, Дерптъ, Нарва отходили къ Москвѣ. Въ Швецію отправлено было посольство для подтвержденія договора и для того, чтобы просить руки сестры короля для царевича Іоанна Іоанновича; въ приданое за ней Грозный просилъ Ревель. Но къ чести своей Эрикъ рѣшительно отказалъ посламъ московскимъ выдать Екатерину; тѣмъ временемъ Эрикъ XIV былъ свергнутъ братьями съ престола и его мѣсто занялъ Іоаннъ III, супругъ Екатерины. Это важное событіе сближало Польшу со Швеціей и Грозный сдѣлалъ попытку сблизиться съ Даніей. По совѣту двухъ плѣнныхъ ливонцевъ, Таубе и Крузе, Іоаннъ задумалъ образовать изъ Ливоніи государство, вассальное Москвѣ; этимъ путемъ онъ расчитывалъ привлечь на свою сторону ливонцевъ; орудіемъ своей политики царь сначала хотѣлъ избрать Фюрстенберга, потомъ Кеттлера; оба они отказались; тогда чрезъ посредство тѣхъ же Таубе и Крузе Іоаннъ обратился къ Магнусу, брату короля датскаго, Фридриха II; послѣ предварительныхъ переговоровъ Магнусъ пріѣхалъ въ Москвѣ (1570 г.) и заключилъ договоръ съ Іоанномъ: Магнусъ назначался королемъ Ливоніи, «голдовникомъ» царя, но Ливонія сохраняла свободу вѣроисповѣданія и свои учрежденія. Но эту Ливонію надо было сначала завоевать: до 1577 г. русскіе дѣйствовали тамъ довольно удачно, но главныхъ городовъ Ревеля и Риги взять не могли; особенно чувствительна была неудача подъ Ревелемъ: 27 августа 1570 г. русскіе съ Магнусомъ осадили Ревель, простояли 30 недѣль, до 16 марта, и должны была снять осаду; не имѣя флота, русскіе не могли взять такого укрѣпленнаго города, какъ Ревель. 1 января 1573 г. самъ Іоаннъ взялъ Вейссенштейнъ (Пайду), причемъ палъ Малюта Скуратовъ; въ 1577 г. въ январѣ повторена попытка взять Ревель и опять неудачно; въ іюнѣ царь снова явился въ Ливонію и взялъ до 26 городовъ, въ томъ числѣ Венденъ. (Кесь)

и Динабургъ (Ненгинъ); успѣхи эти не были, однако, прочны: едва ушелъ Іоаннъ, какъ поляки отняли у русскихъ Динабургъ, затѣмъ Венденъ и другіе города; шведы соединились съ поляками и стали тѣснить русскихъ у Пернова и Дерпта, Магнусъ, которому царь давно уже не довѣрялъ, не смотря на его бракъ съ Маріей Владиміровной, дочерью кн. Владиміра Андреевича, въ 1578 г. измѣнилъ Іоанну и перешелъ на сторону Польши; въ довершеніе всего датскій король Фридрихъ II не утвердилъ условій перемирнаго договора, заключеннаго его посломъ Ульфельдомъ въ Москвѣ. Виновникомъ такой перемѣны въ отношеніяхъ къ Грозному въ значительной степени былъ новый польскій король Стефанъ Баторій.

Въ 1572 г. скончался послѣдній Ягеллонъ, Сигизмундъ II Августъ; въ числѣ кандидатовъ на польско-литовскій престолъ называли и Іоанна Грознаго, но потомъ сторонники московской партіи рѣшили просить у Іоанна въ короли второго его сына Ѳеодора; съ этимъ предложеніемъ пріѣхалъ въ Москву гонецъ Воропай (1572 г.). Іоаннъ говорилъ съ нимъ лично и высказалъ ему свое желаніе быть избраннымъ въ польскіе короли; главнымъ препятствіемъ къ избранію своему Іоаннъ считалъ слухи о своей жестокости; поэтому онъ оправдывался въ этомъ, по обычаю сваливая вину на своихъ подданныхъ; литовцамъ и полякамъ онъ обѣщалъ не только сохранить ихъ вольности, но даже увеличить. Но скоро, однако, Іоаннъ понялъ, что ему неудобно быть королемъ польскимъ и новому посланнику Михаилу Гарабурдѣ онъ внушалъ мысль о раздѣлѣ Речи Посполитой: Польшу предлагалъ отдать императору Максимиліану, а Литву и Русь—Москвѣ. Въ переговорахъ по этому дѣлу Іоаннъ выказалъ много достоинства: онъ требовалъ во всякомъ случаѣ первенства государству московскому, присоединенія къ нему Кіева и Ливоніи, установленія въ Речи Посполитой наслѣдственной монархіи. Іоаннъ не посылалъ не только денегъ въ Литву, но даже и пословъ; неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ 1573 г. въ короли избранъ былъ Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX; но Генрихъ пробылъ въ Польшѣ только около полугода и бѣжалъ, по смерти своего брата, во Францію; на этотъ разъ Грозный отправилъ своего посланника Новосильцева, давалъ обѣщанія частнымъ лицамъ пожаловать ихъ, но отъ поставленныхъ раньше условій не отказывался; Іоаннъ хотѣлъ въ это время войти въ соглашеніе съ императоромъ Максиміліаномъ о вышеупомянутомъ раздѣлѣ Речи Посполитой (въ Вѣну ѣздили Скобельцынъ и затѣмъ кн. Сугорскій, въ Можайскъ пріѣзжали Кобенцель и Принцъ). На избирательномъ сеймѣ голоса раздѣлились между Эрнестомъ и Баторіемъ. Седмиградскій воевода Ст. Баторій проявилъ гораздо больше энергіи и признанъ былъ всѣми государемъ Речи-Посполитой. При вступленіи на престолъ Баторій далъ обязательство возвратить Речи Посполитой потерянныя ею области; но возстаніе Данцига заставило Баторія искать на время перемирія съ Москвой, поэтому онъ прислалъ своихъ пословъ въ Москву въ январѣ 1578 г. (Крыйскій и Н. Сапѣга); за неудачу свою Грозный жестоко глумился надъ Баторіемъ, не призналъ его своимъ братомъ и назвалъ его своимъ сосѣдомъ; перемиріе было продолжено, однако, на три года; но когда московскіе послы Карповъ и Головинъ пріѣхали къ Баторію за подтвержденіемъ этого перемирія, то Баторій, усмирившій уже Данцигъ, нарочно долго не принималъ ихъ, приготовляясь къ походу на московское государство. Грозный съ своей стороны собирался въ 1579 г. идти опять въ Ливонію; но Баторій предупредилъ его, въ августѣ осадилъ Полоцкъ и 29 числа взялъ этотъ городъ, а за нимъ и крѣпость Соколъ; неудача эта сильно подѣйствовало на Грознаго; хотя онъ еще крѣпился, но уже приказалъ своему гонцу Нащокину согласиться на отправку царскихъ пословъ въ Литву; гонецъ долженъ былъ и лично терпѣть, перенести даже безчестье и не обращать вниманія, если король не спроситъ о царскомъ здоровьи и т. п. Въ 1580 г. Баторій взялъ Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, Невель, Озерище, Заволочье; литовскіе отряды подходили къ Холму, сожгли Старую Русу; Шведы взяли Кексгольмъ; посольство кн. Сицкаго и Пивова не имѣло никакого успѣха; Іоаннъ отправилъ новыхъ пословъ Пушкина и Писемскаго; и этимъ посламъ предписывалось перетерпѣть безчестье, даже побои. Теперь Іоаннъ хотѣлъ удержать за собой только четыре города въ Ливоніи, но Баторій отвергъ эти условія и въ 1581 г., взявъ Островъ, осадилъ Псковъ. Мужество кн. И. П. Шуйскаго и гарнизона спасло

Псковъ и остановило побѣдоносное шествіе Баторія, но во время этой осады шведскій полководецъ Делагарди взялъ Нарву (15 сент. 1581 г.). Въ это трудное время Грозный обратится къ посредничеству римскаго папы и просить посредничества отправилъ въ Римъ дьяка Шевригина; хотя папа Григорій XIII и былъ удивленъ тѣмъ, что Грозный ничего не говорилъ о религіи, тѣмъ не менѣе онъ отправилъ въ Москву знаменитаго іезуита Поссевина. Римская курія тогда занята была проэктами объ изгнаніи турокъ изъ Европы; ей выгодно было поэтому примирить Москву съ Польшей и привлечь первую къ союзу христіанскихъ государствъ противъ ислама, тѣмъ болѣе что надѣялись, что образованіе такого союза повлечетъ за собою и единеніе религіозное. Іоаннъ отказался вести переговоры о вѣрѣ, пока не будетъ заключенъ миръ съ Баторіемъ; съ своей стороны и Поссевинъ не оказалъ сколько нибудь существенной поддержки московскимъ посламъ кн. Елецкому и Алферьеву; продолжительные переговоры кончились заключеніемъ 15 января 1582 г. на Киверовой горѣ у Запольскаго яма 10-ти лѣтняго перемирія: Іоаннъ отказывался отъ Ливоніи, возвращалъ королю Полоцкъ и Велижъ, за это всѣ остальные московскіе города, взятые Баторіемъ, возвращались Москвѣ. Заключая это перемиріе, Грозный расчитывалъ отстоять города въ Эстляндіи, отнятыя у него шведами, но и это не удалось: по договору 1583 г. Іоаннъ долженъ былъ отказаться не только отъ Нарвы, но и отъ стариныхъ городовъ: Ямы, Копорья и Ивангорода. Только вѣсть о завоеваніи Сибирскаго царства Ермакомъ нѣсколько разсѣяла то тревожное и печальное состояніе духа, которое переживали царь и его народъ.

Еще въ 1555 г. сибирскій царь Едигеръ призналъ себя данникомъ московскаго государя; но преемникъ его власти, Кучумъ, не только не платилъ никакой дани, но даже нападалъ на сѣверо-восточныя границы государства. Здѣсь въ Пермскомъ краѣ лежали богатѣйшія вотчины знаменитыхъ Строгановыхъ, къ которымъ Грозный очень благоволилъ; онъ пожаловалъ имъ по притокамъ Камы до 8 милліоновъ десятинъ земли, правда, ненаселенной. Здѣсь Строгановы завели соляныя варницы, для защиты которыхъ отъ нападенія дикихъ сосѣдей имъ позволено было выстроить укрѣпленные городки и содержать гарнизоны изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Въ 1579 г. къ нимъ пришли волжскіе казаки, съ Ермакомъ во главѣ; предъ этимъ они грабили суда на Волгѣ; въ 1581 г. они въ числѣ около 800 человѣкъ, двинулись по Чусовой на востокъ, въ Сибирь: по извѣстію Строгановской лѣтописи Строгановы послали казаковъ покорить Сибирь; по словамъ Есиповской лѣтописи казаки двинулись въ походъ самовольно безъ участія Строгановыхъ; наконецъ, Ремезовская лѣтопись говоритъ, что Строгановы принуждены были помочь казакамъ въ этомъ ихъ предпріятіи изъ страха предъ ними. Въ 1582 г. 26 октября казаки, послѣ труднаго похода и нѣсколькихъ битвъ, взяли городъ Сибирь. Кучумъ бѣжалъ въ степь, а въ январѣ 1583 г. пришла въ Москву радостная вѣсть о новомъ пріобрѣтеніи.

Въ 1581 г. въ ноябрѣ царь, не привыкшій сдерживать себя, такъ сильно ударилъ своего сына въ високъ, что тотъ на четвертый день скончался. Объ этомъ печальномъ событіи наиболѣе вѣрный разсказъ передаетъ Поссевинъ. Грозный ударилъ жену царевича Іоанна, въ то время беременную, царевичъ упрекнулъ отца, а Іоаннъ въ горячахъ ударилъ сына въ високъ. Горесть Іоанна не поддавалась описанію; но онъ скоро успокоился и энергичнѣе повелъ дѣло о своей женитьбѣ на одной изъ родственницъ Елизаветы. Опустившійся Іоаннъ шелъ на самыя существенныя уступки англійскимъ купцамъ, соглашался даже закрыть порты Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря для всѣхъ иностранцевъ, кромѣ англичанъ, лишь бы состоялся его бракъ съ Маріей Гастингсъ. Во время этихъ переговоровъ съ Боусомъ Іоаннъ внезапно скончался, 18 марта 1584 г. По разсказу иностранцевъ, больной царь сѣлъ играть въ шахматы и внезапно упалъ безъ чувствъ... Другіе иностранцы (Горсей) намекаютъ, что Годуновъ и Б. Бѣльскій причастны къ смерти Грознаго царя. Митрополитъ Діонисій успѣлъ умирающаго Іоанна постричь въ монахи подъ именемъ Іоны. Грозный былъ похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Въ хронографѣ наружность Іоанна описана такъ: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плеща имѣя высоки, груди широки, мышцы толстыя». Іоаннъ Грозный былъ женатъ шесть разъ: первой его супругой была Анастасія Романовна, дочь окольн-

ничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина; она скончалась 7 августа 1560 г.; отъ этого брака у Іоанна было три сына: Димитрій (род. въ 1552 г., умеръ въ 1553 г.), Іоаннъ (род. 28 марта 1554 г., умеръ 19 ноября 1581 г.) и Ѳеодоръ, наслѣдникъ отца своего на престолѣ (род. 11 мая 1557 г., умеръ 7 января 1598 г.) и три дочери: Анна (род. въ 1549 г., умерла въ 1550 г.), Марія (род. въ 1551 г., умерла въ 1554 г.) и Евдокія (род. въ 1556 г., умерла въ 1558 г.); 21 августа 1561 г. Іоаннъ вступилъ во второй бракъ съ Маріей Темгрюковной, дочерью кабардинскаго кн. Темгрюка (умерла 1 сентября 1569 г.); отъ этого брака у царя былъ сынъ Василій (род. 20 марта 1563 г., умеръ въ 1564 г.); 28 октября 1571 г. Іоаннъ вступилъ въ третій бракъ съ Марѳой Богдановой Собакиной, дочерью новгородскаго гостя, но уже 13 ноября того же года она скончалась; въ началѣ 1572 г. царь вступилъ въ четвертый бракъ, на что впослѣдствіи получилъ разрѣшеніе церковнаго собора, съ Анной Алексѣевной Колтовской, но года черезъ два развелся съ ней и постригъ ее въ монахини подъ именемъ Дарьи; она скончалась въ Тихвинскомъ монастырѣ въ 1626 г.; въ 1575 г. Іоаннъ вступилъ въ пятый бракъ съ Анной Васильчиковой, которая похоронена въ Суздальскомъ женскомъ монастырѣ, слѣдовательно и съ ней Іоаннъ развелся; въ сентябрѣ 1580 г. Іоаннъ вступилъ въ шестой бракъ съ Маріей Ѳеодоровной Нагой, дочерью Ѳ. Ѳ. Нагого; эта жена пережила Грознаго, она скончалась подъ именемъ старицы Марѳы въ 1608 г.; отъ нея у Грознаго былъ сынъ царевичъ Димитрій (род. 19 октября 1583 г., убитъ 1591 г. 15 мая), которому царь, умирая, назначилъ въ удѣлъ Угличъ.

Іоаннъ IV представляетъ собой рѣдкое явленіе въ нашей исторіи; его сложный, загадочный характеръ не поддается удовлетворительной оцѣнкѣ. Карамзинъ далъ блестящую характеристику Іоанна, но оцѣнилъ его поступки лишь съ нравственной точки зрѣнія: представилъ его ангеломъ въ первую половину правленія и тираномъ, равнаго которому нѣтъ въ исторіи, во вторую половину царствованія; какъ могла произойти такая крупная перемѣна, Карамзинъ не объяснилъ. Послѣдователи его взгляда—Погодинъ, Костомаровъ, Иловайскій—обратили большее вниманіе на годы юности Іоанна, указали черты жестокости и своенравія въ Іоаннѣ, еще отрокѣ; Погодинъ и Костомаровъ все хорошее, сдѣланное въ 1547 — 1560 г., приписывали Сильвестру и Адашеву и считали Іоанна человѣкомъ далеко не умнымъ; Костомаровъ считалъ его нравственно больнымъ въ послѣдніе годы; Кавелинъ смотрѣлъ на исторію какъ на процессъ постепеннаго освобожденіе личности отъ узъ родоваго быта и съ этой точки зрѣнія онъ высоко ставилъ дѣятельность Іоанна, сравнивалъ его съ Петромъ Великимъ, признавалъ его паденіе къ концу, но объяснялъ это неспособностью и тупостью среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ первый русскій царь. Соловьевъ также указалъ на столкновенія въ это царствованіе началъ быта родоваго и государственнаго, на успѣхи послѣдняго, достигнутые Іоанномъ; но указавъ это и доказавъ извѣстную самостоятельность Іоанна и при Сильвестрѣ, Соловьевъ строго осудилъ средства и пріемы Іоанна, пригодные только для азіатскаго общества: своими дѣйствіями Іоаннъ развратилъ русское общество и отчасти подготовилъ смутное время. Бѣляевъ и Бѣловъ, особенно послѣдній, подчеркнули мысль Соловьева о торжествѣ государственнаго начала при Іоаннѣ; Бѣловъ пытался доказать законность его поступковъ, заподозрить многія извѣстія о казняхъ, также обратилъ вниманіе на значеніе княжеской аристократіи и въ сокрушеніи ея притязаній видѣлъ главную заслугу Іоанна, оклеветаннаго, по его мнѣнію, въ исторіи. К. Аксаковъ видѣлъ въ Іоаннѣ натуру художественную, но лишенную нравственнаго чувства. Самаринъ объяснялъ его жестокости сознаніемъ нелѣпости и недостатковъ окружающей его среды и въ то-же время безсиліемъ исправить окружающее его: оттого Іоаннъ и ограничивался однимъ безсмысленнымъ разрушеніемъ стараго; ненавидя другихъ, онъ презиралъ и себя. На недостатокъ воли въ Іоаннѣ указывалъ и Ждановъ; характеристику Самарина считаетъ лучшею Бестужевъ-Рюминъ, который сближаетъ дѣятельность Іоанна съ дѣятельностью Петра Великаго, объясняетъ полную неудачу перваго его непрактичностью, его излишнимъ себялюбіемъ, но и слабостью тогдашней Россіи. Ключевскій указалъ на неясное, но въ сущности вѣрное, пониманіе Грознымъ того, что по ходу исторіи государь московскій долженъ стать

государемъ демократическимъ; Іоаннъ смутно понималъ это, но какъ человѣкъ психически нездоровый преувеличивалъ опасность и видѣлъ ее тамъ, гдѣ ея не было. Ковалевскій объяснялъ поступки Грознаго, какъ поступки человѣка, подверженнаго нейрастеніи.

Всматриваясь въ дѣятельность Іоанна, прежде всего поражаемся его подвижностью; рѣдко Іоаннъ долго оставался на мѣстѣ: то онъ на богомольѣ въ монастырѣ, то въ какомъ-нибудь селѣ на потѣхѣ, то онъ осматриваетъ свои полки, то пограничные города. Іоаннъ, до тѣхъ поръ пока болѣзнь не сломила его окончательно, не могъ оставаться бездѣятельнымъ въ случаѣ войны: онъ не разъ выступалъ съ своими полками къ берегамъ Оки для защиты своей земли отъ хищниковъ, нѣсколько разъ онъ водилъ свои войска и за предѣлы своего государства; можно еще сомнѣваться, на сколько велико было его участіе въ славномъ взятіи Казани, но Полоцкъ и Венденъ взяты были подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Во время веденія дипломатическихъ переговоровъ Іоаннъ часто нарушалъ установленный этикетъ, призывалъ къ себѣ пословъ и лично вступалъ съ ними въ объясненія, не говоря уже о томъ, что нѣкоторые иностранцы служили ему агентами во внѣшней политикѣ, которую онъ велъ лично, безъ участія думы. Вмѣстѣ съ подвижностью Іоаннъ обнаруживалъ всегда страсть играть извѣстную роль: онъ любилъ являться къ народу и обращаться къ нему съ рѣчью, любилъ предсѣдательствовать на соборахъ, совершать торжественные въѣзды и принимать поздравленія. Гонца Быковскаго Грозный принимаетъ въ шатрѣ на полѣ, сидя въ полномъ вооруженіи—эту театральную обстановку онъ придумалъ, чтобы уязвить короля польскаго и показать свою готовность къ войнѣ; посла крымскаго хана, съ которымъ ему приходилось постоянно торговаться о количествѣ дани, Іоаннъ принялъ, одѣвшись въ бѣдную одежду; говорятъ, что ливонскихъ пословъ угостили пустыми блюдами вмѣсто обѣда, потому что они пріѣхали безъ дани. На дипломатическихъ актахъ времени Грознаго лежитъ печать его своеобразной ироніи: то онъ попрекаетъ Елизавету, что мимо ея управляютъ торговые мужики, то Густава Вазу — мужичьимъ происхожденіемъ отъ торговца мясомъ, то Баторія—«многомятежнымъ человѣческимъ избраніемъ». Однимъ словомъ предъ нами человѣкъ, одаренный живымъ, пылкимъ умомъ, со страстью къ эфекту. На бѣду свою Іоаннъ не получилъ правильнаго воспитанія и образованія, привыкъ съ дѣтства никому не отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, привыкъ смотрѣть на себя, какъ на лицо высшее, отвѣтственное только предъ Богомъ. Оттого остроуміе и живость ума принесли Іоанну только вредъ; онъ рано началъ тратить ихъ на мелочи, стараясь сообразно съ духомъ времени доказать правоту того, во что онъ самъ едва ли вѣрилъ въ спокойныя минуты. Насколько интересны и ѣдки его отзывы о врагахъ и насмѣшки надъ ними, настолько же безсодержательны его положительные доводы. И что брался доказывать молодой царь? что Астрахань—древняя Тмутаракань, что Ливонія — исконная вотчина и давнишняя данница дома Калиты, что царскій титулъ также давно принадлежитъ государямъ московскимъ. Тратя силы своего ума на доказательство никогда не существовавшихъ отношеній, Іоаннъ начиналъ вѣрить тому, что говорилъ, принимать ложь за истину. Пылкая фантазія, не сдерживаемая ни знаніями, ни характеромъ, влечетъ Іоанна отъ одного предпріятія къ другому: онъ помнитъ завѣтъ своихъ предковъ увеличивать свое государство, но не можетъ соблюсти должной границы. Великая заслуга Сильвестра состояла въ томъ, что онъ умѣлъ сдерживать Іоанна требованіями нравственнаго закона; это было послѣднее средство; когда возмужавшій Іоаннъ презрѣлъ нравственный законъ, онъ быстро сталъ опускаться. Прежняя иронія переходитъ въ презрѣніе ко всѣмъ окружающимъ; сознавая за собою извѣстныя заслуги, Грозный въ другихъ видитъ одни недостатки; правда, онъ не скупится и на изобличеніе себя, но это только ради фразы: сейчасъ же начинаются обвиненія другихъ, доказательства, что все зло происходитъ отъ нихъ; прежняя живость ума подъ вліяніемъ нравственныхъ недуговъ развиваетъ болѣзненное воображеніе и появляется въ Іоаннѣ увѣренность, что онъ окруженъ отовсюду измѣнниками, что онъ даже изгнанъ изъ своего государства; и прежде Іоаннъ не цѣнилъ человѣческой жизни,—теперь онъ казнитъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, казнитъ отдѣльныхъ лицъ, казнитъ и массы; избивая тысячи новгородцевъ, онъ приказываетъ имъ молить Бога о царскомъ

здравіи и спокойно возлагаетъ всю отвѣтственность на архіепископа Пимена; по любви къ внѣшности Іоаннъ порою облекаетъ свои дѣйствія и казни театральной обстановкой и тѣмъ усугубляетъ впечатлѣніе: ему мало теперь костюмомъ своимъ насмѣяться надъ посланниками, онъ является предъ народомъ то монахомъ, то палачемъ, то, наконецъ, подданнымъ своего подданнаго! Въ юности онъ забавлялся мученіямъ животныхъ, подъ старость—муками людей. Іоаннъ палъ такъ низко не потому, что ему пришлось дѣйствовать среди тупой и безсмысленной среды: онъ далеко не лучшій изъ этой среды, а потому, что среда эта, во имя высшей идеи, смутно сознаваемой ею, не ставила ему въ личныхъ его дѣйствіяхъ никакой преграды.

Іоаннъ былъ горячо привязанъ къ православной церкви, не только не пропускалъ ея службъ и церковныхъ церемоній, не только не щадилъ матеріальныхъ средствъ на созданіе и украшеніе церквей, но и не разъ словесно и письменно сражался за нее. Въ 1570 г. Іоаннъ, выслушавъ лютеранскаго пастора Рокиту, далъ ему письменный отвѣтъ, раздѣленный на 14 «словъ» (пунктовъ). Въ отвѣтѣ этомъ царь обнаружилъ большую начитанность въ духовной литературѣ. Онъ защищалъ православное ученіе объ оправданіе, значеніе св. преданія, какъ источника вѣроученія, почитаніе святыхъ и иконъ, іерархію, монашество, бракъ, посты и т. д. Это произведеніе Грознаго страдаетъ обычными недостатками его изложенія, разбросанностью, частыми повтореніями, многословіемъ и излишнею запальчивостью, но не лишено остроумія: имя Лютера Грозный производитъ отъ слова «лютъ», протестантскихъ проповѣдниковъ, по польски kaznodzieja, называетъ «кознодѣями», не признаетъ Рокиту христіаниномъ: онъ, Рокита, какъ аспидъ глухой затыкаетъ уши, съ нимъ, какъ со псомъ невѣрующимъ, не слѣдовало бы и говорить о вѣрѣ, но пусть протестанты не считаютъ царя «яко не вѣдуща». Въ 1577 г. въ Кокенгаузенѣ, встрѣтивъ на улицѣ одного пастора, Іоаннъ вступилъ съ нимъ въ пренія о вѣрѣ и въ горячности ударилъ его кнутомъ, когда пасторъ приравнялъ Лютера къ апостоламъ.

Горькой ироніей наполнено обширное посланіе Грознаго игумену и братіи Кирилловскаго монастыря; въ началѣ, правда, Іоаннъ, по привычкѣ своей, крайне смиренно говоритъ о себѣ, называетъ себя даже псомъ смердящимъ, недостойнымъ кого либо учить, а тѣмъ болѣе монаховъ; «свѣтъ же инокомъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки»; Іоаннъ увѣряетъ, что онъ всегда хотѣлъ постричься и что даже теперь «мнѣ мнится окаянному, яко исполу чернецъ»; но затѣмъ царь читаетъ наставленіе монахамъ, какъ бы имъ слѣдовало жить по уставу св. Кирилла, и обнаруживаетъ тайную цѣль, съ которой это посланіе было написано: попрекнуть монаховъ послабленіями, дѣлаемыми въ монастырѣ Іонѣ (въ міру Ивану) Шереметеву; царь ѣдко спрашиваетъ братію, что стало бы съ монастыремъ, если-бы онъ самъ подстригся; монастырь обратился бы въ царскій дворецъ, да и теперь «надъ Воротынскимъ церковь, а на подъ Чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а Чудотворецъ за церковью, оттого и на страшномъ судѣ Воротынскій и Шереметевъ станутъ выше св. Кирилла: Воротынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что имъ Кириллова крѣпчае». Съ Поссевиномъ, послѣ его возвращенія въ Москву изъ лагеря Баторія, Іоаннъ имѣлъ устное преніе о вѣрѣ, и то по усиленному желанію іезуита: и римско-католическую церковь Грозный не признавалъ христіанской; не желая оскорблять папу, Іоаннъ свелъ преніе на мелочи—отчего у Поссевина подстрижена борода, отчего папу носятъ на престолѣ, отчего на сапогѣ у папы крыжъ, а на крыжѣ распятіе Господа; въ концѣ Грозный всетаки разгорячился и сказалъ, что папа волкъ, а не пастырь. Увидѣвъ, однако, что Поссевинъ обидѣлся, царь увѣрялъ, что лично къ Григорію эти слова не относились; на просьбу Поссевина позволить католикамъ имѣть свои костелы въ Московскомъ государствѣ царь отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Но и искренняя привязанность къ церкви не могла сдерживать Іоанна: какъ и большинство его современниковъ, онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе внѣшнимъ формамъ богопочитанія и вѣрилъ въ возможность щедрой милостынею и покаяніемъ загладить всякій грѣхъ.—Нравственное паденіе Грознаго не должно закрывать предъ нимъ того, что имъ было сдѣлано хорошаго, что пережило его: не только расширеніе границъ московскаго царства на востокѣ, но и введеніе земскаго самоуправленія, уничтоженіе остатковъ и преданій

удѣльной розни, устройство военныхъ силъ, первая книгопечатня и постоянное стремленіе къ цивизаціи Запада составляютъ безпорную заслугу Грознаго, заслугу его несомнѣннаго ума, всегда способнаго судить здраво, если только дѣло не касалось лично его.

Источники: лѣтописи: Никоновская, ч. VII и VIII, Львовская, ч. IV и V, Царственная книга, Новгородская, 2-я и 3-я, Псковская, Софійская, Воскресенская, Отрывокъ русской лѣтоп. 1530—1537 г. (Полн. собр. Рус. Лѣтоп. т. т. III, IV, VI, VIII); Александро-Невская (Русск. Ист. Библ., III), Архангелогородскій лѣтописецъ, Строгановская, изд. Спасскимъ въ 1821 г., Есиповская—имъ же, Ремезовская—Спб., 1880 г.; Разряды, напечатанные въ слѣд. изданіяхъ: Древн. Росс. Вивліоѳ., ч. XIV, Симбирскій Сборникъ, Витебская Старина, ч. IV, Вельяминовъ-Зарновъ, «Изслѣд. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». — Акты: Арх. Эксп. т. I; Историческіе, т. I, Дополн. къ Акт. Ист.; т. I; Собран. Гос. Грам. и Дог. т. I и II; Акты Моск. Госуд. т. I; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, Русско-Ливонскіе акты, Родословная книга (Времен. Об. Ист. и Др. Р., X) Памятники древней русской письменности, относ. къ смут. времени (Ист. Библ. т. XIII, Временникъ И. Тимоѳеева, повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго, прежде называемый хронографъ С. Кубасова), Сказанія кн. Курбскаго. Дневникъ послѣдн., похода Баторія; Др. Рос. Библ., т. VIII, XIII, XX, XXVIII—XXXI; Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 38, 41, 59, 70. Памятники дипломат. сношн., т. I и X; Стоглавъ, изд. Кожанчикова и Казанской академіи; Писцовыя книги, ч. 1 и 2. Изъ иностранцевъ: Гваниньи, Одерборнъ, Посевинъ, Гейденштейнъ (есть русск. переводъ, изд. Арх. Комиссіи)—у Старчевскаго «Hist. Ruth. scriptores», т. I и II; Флетчеръ и Горсей въ изд. Bond, «Russia, at close of XVI cent»; другіе англичане «Hackluyt Collection of the early voyages»; ливонскіе писатели—въ изданіи «Scriptores rerum Livonicarum»; Таубе и Крузе въ «Sammlung Russ. Geschichte», X.

Главнѣйшія пособія: Карамзинъ, «Ист. Гос. Росс.», т. VIII и IX; Соловьевъ, «Ист. Россіи съ древн. врем.», т. VI и VII; Бестужевъ-Рюминъ, «Русс. Ист.», т. II, ч. I; Иловайскій, «Ист. Росс.», т. III; Костомаровъ, «Рус. Ист. въ біогр. и жизн.», ч. 1 и отдѣльн. статьи; Макарій, «Ист. рус. церкви», т. VI и VII; Павловъ, «Очеркъ секуляризаціи»; Дьяконовъ, «Власть московск. государей»; Ключевскій, «Боярская Дума»; его же, «Составъ представительства на земскихъ соб.»; Пресняковъ, «Царственная книга»; Жмакинъ, «Митр. Даніилъ и его сочиненія»; Ясинскій, «Соч. кн. Курбскаго»; Бѣловъ, «Объ историч. значеніи русс. боярства»; Регель, «Analecta»; Форстевъ, «Балт. вопросъ въ XVI и XVII в. в.»; Перетятковичъ, «Поволжье въ XVI в.»; Смирновъ, «Крымское ханство»; Толстой, «Россія и Англія»; Гамель, «Англичане въ Россіи»; Pierling, «Papes et Tsars»; его же, «Rome et Moscou» и др.; Латкинъ, «Земскіе соборы»; Ждановъ, «Къ ист. Стогл. Собора» (въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., №№ 6 и 7), Владимирскій-Будановъ, «Обзоръ исторіи русскаго права»; Загоскинъ, «Исторія права Моск. Госуд.»; его-же, «Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія»; его-же, «Уставныя грамоты XIV—XVI вв.»; Чичеринъ, «Областныя учрежденія въ Россіи XVII в.»; Дмитріевъ, «Исторія судебн. инстанцій»; Дьяконовъ, «Доп. свѣд. о реформ. Грознаго» (въ Журн. Мин. Нар. Просв.» 1894, № 4) Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.»; его-же, «Библіотека и архивъ моск. государей»; его-же, «О происхожденіи рода Адашевыхъ» (Ист. Вѣстн. 1890 г., № 5); Платоновъ, «Какъ возникли чети» (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., № 5); Маркевичъ, «Исторія мѣстничества въ Моск. госуд. въ XV—XVIII в.», т. 2; Цвѣтаевъ, «Литер. борьба съ протестанствомъ»; Устряловъ, «Именитые люди Строгановы»; Небольсинъ, «Покореніе Сибири»; Дмитріевъ, «Пермская Старина»; Голохвастовъ, «Благовѣщ. іерей Сильвестръ» (Чт. Об. Ист. и Ар., 1874, I), Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. I; Иванишевъ, «Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» и друг.

С. Середонинъ.

Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь и великій князь, сынъ царя Алексѣя Михайловича и супруги его Маріи Ильиничны, изъ рода Милославскихъ, род. 27 августа 1666 г., умеръ 29 января 1696 г. Іоаннъ Алексѣевичъ съ дѣтства отличался крайней болѣзненностью, подобно тремъ старшимъ братьямъ; онъ страдалъ цынгою, имѣлъ слабое зрѣніе и во всю жизнь оставался слабымъ, малоразвитымъ человѣкомъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности. По смерти царя Ѳеодора Алексѣевича 27 апрѣля 1682 г. партія Нарышкиныхъ (князья Долгорукіе и Голицыны), опасаясь возвращенія къ власти Милославскихъ, воспользовались болѣзненностью и слабостью законнаго наслѣдника, 16-лѣтняго Іоанна и провозгласили царемъ 10-лѣтняго Петра. Когда патріархъ Іоакимъ съ боярами предложилъ собравшемуся на площади народу вопросъ: кому быть на царствѣ?—возгласы «Петру Алексѣевичу» заглушили голоса не многихъ, стоявшихъ за Іоанна. Такъ разсказываютъ современники, заслуживающіе довѣрія; оффиціальная грамота 26 мая 1682 г. говоритъ, что Іоаннъ Алексѣевичъ самъ объявилъ на соборѣ, что Петру пристойнѣе быть на престолѣ, такъ какъ у него жива мать, царица Наталья Кириловна, и «поступился царствомъ» брату; но едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что оффиціальный разсказъ не совсѣмъ точенъ и что просто въ оффиціальномъ документѣ было сочтено необходимымъ представить отреченіе Іоанна отъ правъ на престолъ добровольнымъ; есть также извѣстіе, что и самъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ передъ смертью хотѣлъ объявить наслѣдникомъ престола Петра. — Царевна Софья и Милославскіе, ближайшіе родственники ея и Іоанна, вскорѣ

возстановили стрѣльцовъ противъ ставшихъ во главѣ управленія Нарышкиныхъ и ихъ сторонниковъ; 15 мая 1682 г. стрѣльцы возмутились и бросились къ Кремлевскому дворцу, подъ вліяніемъ слуха, будто бы Нарышкины задушили царевича Іоанна. Іоаннъ, вмѣстѣ съ Петромъ, вышелъ на крыльцо дворца къ толпѣ стрѣльцовъ, и сказалъ, что его никто не изводитъ и что онъ жаловаться ни на кого не можетъ; волненіе стало утихать, но усилія агентовъ Милославскаго и Софьи съ одной стороны и неблагоразумный поступокъ кн. Ю. Долгорукаго съ другой, дали поводъ разыграться печальнымъ сценамъ стрѣлецкаго бунта. 23 мая, послѣ разгрома партіи Нарышкиныхъ, стрѣльцы потребовали воцаренія Іоанна. Соборъ изъ духовенства и всякихъ чиновъ Москвы долженъ былъ согласиться на требованіе восторжествовавшей партіи и Іоаннъ былъ провозглашенъ царемъ вмѣстѣ съ Петромъ. 26 мая, по новому требованію стрѣльцовъ, внушенному царевной Софьей, дума формально объявила Іоанна первымъ, а Петра вторымъ царемъ; черезъ мѣсяцъ, 25 іюня, Іоаннъ и Петръ торжественно вѣнчались на царство.—Впрочемъ, при дворѣ и по воцареніи Іоанна Алексѣевича, остались лица прямо ему враждебныя: въ 1684 г. нѣсколько бояръ осмѣлились ослушаться приказа «быть въ ходу со святыми иконами за царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ», за что и подверглись опалѣ; подъ знаменемъ защиты слабаго Іоанна боролась царевна Софья противъ партіи Петра; но самъ Іоаннъ участія въ этой борьбѣ никакого не принималъ. Въ 1689 г. Ѳедоръ Шакловитый безуспѣшно пытался возмутить стрѣлецкіе полки слухами о томъ, что Левъ Нарышкинъ изломалъ царскій вѣнецъ, забросалъ комнату Іоанна полѣньями, ломился однажды въ двери его покоевъ съ какимъ-то злымъ умысломъ. Въ день окончательнаго разрыва Софьи съ Петромъ, 1 сентября 1689 г., царь Іоаннъ угощалъ виномъ и водкой изъ собственныхъ рукъ сторонниковъ Софьи, служилыхъ иноземцевъ и царедворцевъ, но затѣмъ, когда Петръ потребовалъ выдачи Шакловитаго, Іоаннъ объявилъ присланному отъ Петра полковнику Сергѣеву, что онъ прикажетъ выдать Шакловитаго, если за нимъ пріѣдетъ дядька его князь Петръ Прозоровскій, и велѣлъ передать Софьѣ, что онъ и для нея царевны, не только для Шакловитаго, ни въ чемъ съ братомъ ссориться не будетъ. Послѣ паденія Софьи Іоаннъ встрѣтилъ въ Москвѣ Петра «со всекрайнею братнею любовью». Въ дѣла управленія Іоаннъ Алексѣевичъ не мѣшался, и «пребывалъ въ непрестанной молитвѣ и твердомъ постѣ». Не смотря на свои болѣзни, онъ рѣдко пропускалъ церковныя службы, ѣздилъ на богомолье въ монастыри и особенно часто посѣщалъ Новодѣвичій монастырь, и по долгу тамъ оставался; Петръ изъ одной своей дѣловой поѣздки пишетъ своему брату о поклоненіи мощамъ чудотворцевъ по данному обѣту; Іоаннъ, получивъ извѣстіе о взятіи Петромъ двухъ каланчей подъ Азовомъ, въ отвѣтномъ письмѣ, радуется преимущественно борьбѣ «съ врагами божьими и христіанскими» и проситъ брата беречь себя въ сраженіяхъ.—9 января 1684 г. Іоаннъ Алексѣевичъ сочетался бракомъ съ Прасковьей Ѳедоровной изъ рода Салтыковыхъ, выбранной для него царевной Софьей, и имѣлъ отъ нея дочерей Марію (род. 21 марта 1689 г.), Ѳеодосію (род. 4 іюня 1690 г.), Екатерину (род. 29 октября 1691 г.), Анну (впослѣдствіи императрица, род. 28 января 1693 г., умерла 17 октября 1740 г.) и Прасковью (род. 12 мая 1694 г.). Болѣзнь, между тѣмъ, быстро разрушала его организмъ; 27-ми лѣтъ онъ уже казался совсѣмъ дряхлымъ, плохо видѣлъ и, по свидѣтельству Невиля, былъ пораженъ параличемъ. 6 января 1696 г. Іоаннъ ходилъ съ крестнымъ ходомъ на Іордань на Москву рѣку; 26 января слушалъ литургію въ дворцовой церкви и затѣмъ угощалъ изъ собственныхъ рукъ придворныхъ, а черезъ три дня, 29 января 1696 г., въ 10 часовъ утра, скончался скоропостижно, 29 лѣтъ отъ роду. Тѣло его погребено въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

«Собр. госуд. грам. и догов.», т. IV, №№ 147, 162, 221; «Полн. собр. зак.», №№ 920, 931; «Акты арх. эксп.», т. IV, № 152; «Акты истор.», т. V, 135, Дневникъ Гордона; Записки Матвѣева, (7, 20, 54, 58), Желябужскаго, 3, Крекшина, 16, 70, въ изданіи Сахарова «Записки русскихъ людей»; Neuville, «Relation», 38, 41, 199; «Разыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ», I, 42, 53, 861, 873, 881; «Бумаги и письма Петра Вел.», I, с. 520, № 26; «Дворц. разряды», IV, 242, 250, 260; Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.» I, 80, 118, 149, 184; Соловьевъ, «Ист. Россіи», тт. XIII, XIV; Устряловъ, «Ист. царств. Петра Вел.», тт. I и II; Погодинъ, «Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра»; Аристовъ, «Москов. смуты въ правл. Софьи»; Пекарскій, «Наука и литер. при Петрѣ Вел.», I, 444.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Іоаннъ VI Антоновичъ, императоръ, род. 2 августа 1740 г., умеръ 4 іюля 1764 г. Онъ былъ сынъ принца Антона-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго и Анны Леопольдовны, дочери герцога Карла Леопольда Мекленбургскаго и Екатерины Іоанновны, дочери царя Іоанна Алексѣевича. Императрица Анна послѣ долгихъ колебаній только наканунѣ смерти, 16 октября 1740 г., подписала указъ о назначеніи преемникомъ своимъ на императорскомъ всероссійскомъ престолѣ младенца Іоанна, подъ регентствомъ, до его совершеннолѣтія, герцога Эрнста Іоанна Бирона. Въ ночь съ 8 на 9 ноября того же года Биронъ былъ свергнутъ и регентшею стала мать Іоанна, Анна Леопольдовна, а въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна свергла малолѣтняго императора и была сама провозглашена императрицею. Говорятъ, что Елизавета, которая лично арестовала правительницу, взяла Іоанна на руки и, цѣлуя его, говорила: «бѣдное дитя! ты ни въ чемъ не виновато, родители твои виноваты». Вся Брауншвейгская фамилія была помѣщена подъ надзоромъ въ бывшемъ дворцѣ Елизаветы. Въ манифестѣ отъ 28 ноября 1741 г. сказано, что вся фамилія будетъ отпущена заграницу и получитъ приличное содержаніе. Елизавета сначала, несомнѣнно, имѣла такія намѣренія. 12 декабря 1741 г. генералъ-лейтенантъ Вас. Ѳед. Салтыковъ съ большимъ конвоемъ вывезъ Іоанна съ родителями и сестрою изъ Петербурга; ему было велѣно ѣхать по возможности скорѣе. Но потомъ на Елизавету подѣйствовали разныя внушенія и она рѣшилась задержать Іоанна въ Россіи до прибытія избраннаго ею въ наслѣдники племянника ея, принца Петра Голштинскаго (впослѣдствіи императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ). 9 января 1742 г. привезена была Брауншвейгская фамилія въ Ригу и помѣщена въ замкѣ, гдѣ жилъ прежде Бирон; тутъ Анна Леопольдовна по требованію императрицы подписала присягу ей за себя и за сына; между тѣмъ, слухи, быть можетъ даже неосновательные, о враждебномъ настроеніи Анны Леопольдовны по отношенію къ новому правительству и заговоръ Турчанинова (въ іюлѣ 1742 г.), заставили Елизавету видѣть въ Іоаннѣ опаснаго претендента и потому она рѣшилась не выпускать его изъ Россіи. 13 декабря 1742 г. Брауншвейгскую фамилію помѣстили въ крѣпости Динамюнде; когда же въ іюлѣ 1743 г. открытъ былъ новый заговоръ, Лопухина, то въ январѣ 1744 г. рѣшено было перевести всю фамилію въ Раненбургъ (нынѣ Рязанской губерніи), при чемъ назначенный доставить туда Анну Леопольдовну съ семействомъ гвардіи поручикъ Вындомскій сначала чуть было не направился съ ними въ Оренбургъ. 27 іюля 1744 г. данъ былъ приказъ камергеру Николаю Андреевичу Корфу отвести арестованныхъ въ Соловецкій монастырь. Прибывъ въ Раненбургъ 10 августа, Корфъ нашелъ почти все семейство больнымъ; онъ спросилъ въ Петербургѣ, что дѣлать, и получилъ приказаніе немедленно исполнить порученіе; тогда уже Корфъ распорядился отправкою арестованныхъ. Малолѣтняго Іоанна Корфъ долженъ былъ отдать везти майору Миллеру, которому строжайше запрещено было показывать кому либо младенца, приказано было даже называть его не Іоанномъ, а Григоріемъ. Въ октябрѣ прибыли въ Холмогоры и Корфъ, остановившись тутъ, такъ какъ изъ за льда ѣхать въ Соловки было невозможно, настоялъ, чтобы заключенныхъ и содержать въ Холмогорахъ, въ архіерейскомъ домѣ, представляя, что въ Соловкахъ труднѣе будетъ доставлять имъ пропитаніе и держать ихъ въ тайнѣ. Іоаннъ былъ помѣщенъ особо отъ всей семьи и можно думать, что остальные даже не знали, что онъ находится почти рядомъ съ ними. Корфъ уѣхалъ въ Петербургъ весною 1745 г., сдавъ надзоръ за арестантами капитану Измайловскаго полка Гурьеву, при которомъ оставались Миллеръ и Вындомскій. Подробностей о пребываніи Іоанна Антоновича въ Холмогорахъ мы никакихъ не имѣемъ; знаемъ, что его держали въ строжайшей тайнѣ; только въ случаѣ если бы онъ былъ очень опасно боленъ, къ нему было позволено допустить священника; жену Миллера, несмотря даже на ея болѣзнь, не позволено было отпустить изъ Холмогоръ; всѣ, знавшіе о младенцѣ, были обязаны клятвою ничего о немъ не говорить; правительство Елизаветы принимало всякія мѣры, чтобы уничтожить самую память объ императорствѣ Іоанна: приказано было уничтожать присяжные листы съ его именемъ, уничтожать въ книгахъ листы съ его титуломъ, перечеканивать монеты и медали съ его изображеніемъ. Говорить младенцу, кто онъ, было, ко-

нечно, запрещено, запрещено было также и учить его грамотѣ; однако Іоаннъ зналъ свое имя, зналъ, что онъ принцъ и даже называлъ себя государемъ той страны, гдѣ онъ находился и если, быть можетъ, не умѣлъ читать—какъ надо думать изъ словъ указа по поводу его смерти,—то все таки, былъ нѣсколько свѣдущъ въ Священномъ Писаніи, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о твореніяхъ отцовъ церкви; фактъ этотъ засвидѣтельствованъ донесеніями офицера, наблюдавшаго за нимъ въ Шлиссельбургѣ и остается необъяснимымъ.

Въ 1756 г. въ Тайную Канцелярію былъ доставленъ бѣглый преступникъ Иванъ Зубаревъ, который, между прочимъ, разсказалъ, что онъ былъ въ Берлинѣ, черезъ посредство извѣстнаго Манштейна видѣлъ самого короля Фридриха и что его уговаривали поднимать раскольниковъ въ пользу Іоанна Антоновича и обѣщали самого принца выкрасть изъ Холмогоръ. Если даже и не было придано вѣры этому разсказу цѣликомъ, то изъ него стало, все таки, очевидно, что мѣстопребываніе бывшаго императора стало извѣстно многимъ. Поэтому рѣшено было перевести его въ другое, болѣе надежное мѣсто, и въ 1756 же году, глухою ночью, лейбъ-кампаніи сержантъ Савинъ увезъ его въ Шлиссельбургъ. Онъ былъ содержимъ тамъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ начальника Тайной Канцеляріи, Александра Ивановича Шувалова, подъ ближайшимъ надзоромъ сначала гвардіи капитана Шубина, а когда онъ заболѣлъ капитана Овцына; помощниками при нихъ были два офицера Власьевъ и Чекинъ. Донесеніе Овцына извѣстны и обрисовываютъ намъ состояніе узника съ 1757 по 1761 г. Мѣстопребываніе его было тщательно скрываемо; офицерамъ запрещено было въ письмахъ къ роднымъ сообщать, гдѣ они находятся; письма къ нимъ должно было писать просто на Тайную Канцелярію. Безысходное заключеніе, не говоря уже о тяжелой въ нравственномъ отношеніи обстановкѣ, разрушительно подѣйствовало на организмъ узника. Овцынъ неоднократно доносилъ о его совершенно ненормальномъ поведеніи и болѣе склонялся къ мысли, что онъ, дѣйствительно, помѣшанъ, чѣмъ что онъ притворяется. Узникъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и подозрителенъ; ему постоянно казалось, что его портятъ шептаніями, дурными взглядами; каждое почти движеніе окружающихъ онъ толковалъ, какъ направленное къ его вреду и вообще чрезвычайно легко раздражался, часто покушался бить окружающихъ; много разговаривалъ самъ съ собою, говоря совершенно непонятныя вещи; постоянно выражалъ онъ ко всѣмъ окружающимъ глубочайшее презрѣніе, себя называлъ великимъ человѣкомъ, принцемъ, говорилъ, что онъ безплотенъ, что только духъ св. Григорія принялъ его видъ, временами говорилъ, что хочетъ постричься, но отказывался отъ предлагаемаго ему имени Гервасія и желалъ принять имя Ѳеодосія, думалъ быть митрополитомъ и говорилъ, что тогда испроситъ у Бога позволенія кланяться образамъ и даже нѣкоторымъ людямъ, а что безъ этого онъ не долженъ никому поклоняться. Отъ являвшихся у него временами припадковъ буйства его удерживали, лишая чаю и лучшей одежды; тяжело было ему присутствіе офицеровъ, которые его часто умышленно дразнили. Иногда думаютъ, что показанія о безуміи Іоанна Антоновича не вполнѣ достовѣрны и основаніемъ недовѣрія указываютъ то обстоятельство, что наиболѣе прямое и положительное свидѣтельство въ такомъ смыслѣ было дано надзиравшими за узникомъ офицерами уже послѣ его смерти. Но и болѣе раннія донесенія Овцына даютъ намъ несомнѣнныя указанія на ненормальность состоянія Іоанна Антоновича; что же касается того, что о безуміи узника особенно рѣшительно было сказано послѣ его смерти, то это совершенно естественно: тогда именно былъ поднятъ этотъ вопросъ прямо, а кромѣ того совершенно естественно, что надзиратели за узникомъ не считали нужнымъ въ своихъ обычныхъ ежедневныхъ рапортахъ постоянно повторять о его безуміи, а прямо выразили свое убѣжденіе въ этомъ уже послѣ его смерти. Петръ Ш Ѳеодоровичъ по вступленіи на престолъ посѣтилъ узника въ Шлиссельбургѣ, въ сопровожденіи Н. А. Корфа, Унгерна, Александра Нарышкина и Волкова; со словъ Корфа передано это свиданіе Бюшингомъ; Іоаннъ произвелъ впечатлѣніе человѣка слабаго физически и разстроеннаго умственно; то же сказано и въ манифестѣ по случаю его смерти, при чемъ упоминается, будто и Екатерина его видѣла; обстоятельства этого свиданія совершенно неизвѣстны; но одна записка Екатерины къ Н. И. Панину, безъ обозначенія времени, даетъ основаніе думать, что

Екатерина, дѣйствительно ѣздила въ Шлиссельбургъ (Сбор. Имп. Рус. Ист. Об. VII, 331); по общему отзыву Іоаннъ былъ крайне косноязыченъ, говорилъ, — хотя и поддерживая рукою нижнюю челюсть,—такъ, что его почти невозможно было понять. Петръ III думалъ улучшить судьбу арестанта и помѣстить его въ особомъ для него выстроенномъ зданіи; но за свержениемъ Петра предположеніе это не осуществилось. При Екатеринѣ узникъ находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Н. И. Панина, который въ первое время правленія Екатерины принималъ ближайшее участіе во всѣхъ важнѣйшихъ внутреннихъ дѣлахъ; въ первые же дни по воцареніи императрицы ген.-майоръ Силинъ вывезъ узника изъ Шлиссельбурга и направился въ Кексгольмъ, такъ какъ въ Шлиссельбургѣ рѣшено было помѣстить Петра Ѳеодоровича; но буря задержала ихъ на дорогѣ, а послѣ смерти Петра Ѳеодоровича Іоаннъ былъ возвращенъ въ Шлиссельбургъ. Узникъ остался въ прежнемъ положеніи; оно становилось даже все тяжелѣе, потому что офицеры, тяготясь своею обязанностью быть неисходно съ арестантомъ, все враждебнѣе и враждебнѣе къ нему относились и болѣе его дразнили. Въ публикѣ объ узникѣ знали такъ мало, что мѣстопребываніе его оставалось неизвѣстнымъ даже такимъ людямъ, какъ сенаторъ Ив. Ив. Неплюевъ, и что временами возникали предположенія и пожеланія, чтобы Елизавета, а потомъ Екатерина вступили съ нимъ въ бракъ.—Іоаннъ погибъ насильственной смертью. Въ ночь съ 4 на 5 іюля 1764 г. поручикъ В. Я. Мировичъ попытался освободить узника, съ цѣлью провозгласить его императоромъ, въ надеждѣ составить этимъ себѣ счастье. Приставленные къ Іоанну офицеры Власьевъ и Чекинъ со своими сторожами сначала отбивались отъ Мировича и послѣдовавшихъ за нимъ солдатъ, но потомъ, когда Мировичъ сталъ готовить пушку чтобы разбить двери, они, опасаясь, что арестанта у нихъ отнимутъ, закололи его, согласно инструкціи, данной на такой случай имъ ранѣе и подтвержденной Н. И. Панинымъ. Тѣло бывшаго императора похоронено было гдѣ то въ Шлиссельбургской крѣпости, по христіанскому обряду, но тайно.—Политическая исторія Россіи за то время пока Іоаннъ Антоновичъ былъ императоромъ изложена въ біографіи Анны Леопольдовны, а подробности покушенія Мировича — въ біографіи этого послѣдняго.

Соловьевъ, «Исторія Россіи», тт. XXI, XXII, XXIV, XXV, XXVI; Брикнеръ, «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за № 1874 г. и отдѣльно; «Императоръ Іоаннъ Антоновичъ», въ «Русской Старинѣ» 1879 г., №№ 3, 5, 7; М. И. Семевскій, «Іоаннъ Антоновичъ», въ «Отечеств. Зап.», 1866, т. VII; Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», I, 189—197; Ковалевскій, «Графъ Блудовъ и его время», 222—230; «Чтенія моск. общ. ист. и древн.», 1860, III, 149—154 и 1861, I, 182—185: Пекарскій, «Бумаги К. И. Арсеньева», 375—408; Каширевъ, «Памятники новѣйшей рус. исторіи», I, 307—312; «Восемнадцатый вѣкъ», III, 357—387; «Вѣст. Европы», 1808, ч. 40, 197; «Внутренній бытъ рус. госуд. съ 17 окт. 1740 г. по 25 ноября 1741 г.», ч. I и II; «Сенатскій Архивъ», т. т. II — IV; Полн. Собр. Зак., №№ 9192, 9197, 12228, 12241; Сбор. Имп. Рус. Общ., VII, 331, 364, 365—373.

Н. Чечулинъ.

Іоаннъ (Петръ *Аваліановъ*), епископъ горійскій, викарій грузинской епархіи, сынъ священника изъ грузинскихъ дворянъ, род. въ Тифлисѣ, умеръ 6 апрѣля 1858 г. Въ 1804 г., кончилъ курсъ въ Тифлисскомъ благородномъ училищѣ; въ 1807 г. рукоположенъ во діакона, въ 1814 г.—во священника къ тифлисскому Сіонскому собору и назначенъ проповѣдникомъ для обращенія осетинъ; въ 1818 г. награжденъ наперснымъ крестомъ за обращеніе 2097 осетинъ въ православіе. Къ 1819 г. имъ окрещено было уже до 3834 душъ обоего пола; въ награду Петръ Аваліановъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея и опредѣленъ благочиннымъ въ Осетіи, въ 1825 г. опредѣленъ благочиннымъ по тифлисскому уѣзду и управляющимъ церковными имѣніями въ Тифлисѣ. Въ 1826 — 1835 гг. онъ былъ членомъ тифлисскаго Совѣстнаго Суда; въ 1831 г. опредѣленъ настоятелемъ Сіонскаго собора. Въ 1833 г. назначенъ депутатомъ со стороны грузинскаго духовенства въ Высочайше учрежденную въ Тифлисѣ Судную Коммиссію для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ о дѣлателяхъ въ Грузіи и Имеретіи фальшивыхъ царскихъ грамотъ на дворянское и княжеское достоинство. 7 сентября 1834 г. постригся въ монашество, опредѣленъ членомъ грузино-имеретинской Синодальной Конторы и настоятелемъ Давидгарджійской пустыни съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1841 г. опредѣленъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія гуджаровъ о грузинскихъ церковныхъ имѣніяхъ и крестьянахъ. 13 апрѣля 1852 г. хиротонисанъ во епископа горійскаго, викарія грузинской

епархіи, и опредѣленъ настоятелемъ Шуамтинскаго монастыря.

Архивъ св. Синода: формулярный списокъ епископа Іоанна; Толстой, Ю., «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ»; Строевъ, «Списки іерарховъ». *А. Н.*

Іоаннъ (*Вирецкій*), епископъ перемышльскій, извѣстенъ по одному упоминанію подъ 1467 г.

Іоаннъ (*Богоявленскій*), подвижникъ. Сынъ священника Шубина, род. въ с. Кругломъ, ливенскаго уѣзда, орловской губерніи, около 1794 года, умеръ въ 1829 г. Образованіе получилъ въ сѣвскомъ духовномъ училищѣ и въ семинаріи до класса поэзіи; затѣмъ былъ келейникомъ епископа орловскаго Досиѳея. 17 сентября 1822 г. скрылся изъ дома, неизвѣстно куда; только въ 1829 г. стало извѣстно, что въ Тамбовѣ скончался въ тюрьмѣ, какъ безпаспортный, странникъ Илія нѣмой, который оказался Іоанномъ. О принятомъ имъ на себя подвигѣ молчанія зналъ только его духовникъ.

«Странникъ», 1862 г., № 6. *Здр.*

Іоаннъ (Иванъ Лукичъ *Быковъ*), затворникъ, род. въ с. Горкахъ коротоякскаго уѣзда воронежской губерніи 24 іюня 1791 г., умеръ 14 декабря 1839 г., сынъ дворового крестьянина. Образованія не получилъ никакого. 15 лѣтъ онъ прикинулся юродивымъ; затѣмъ побывалъ въ кіевской Лаврѣ. Возвратившись на родину, поселился въ затворѣ, въ с. Сезеневѣ лебядянскаго уѣзда; слухъ о строгомъ затворникѣ привлекалъ къ нему толпы народа. Въ 1833 г. Іоанну дана была вольная отъ своего помѣщика. Около церкви, близъ которой онъ жилъ, стали селиться благочестивыя женщины, искавшія его наставленій; такъ возникла Сезеневская женская обитель, открытая въ 1849 г., а въ 1853 г. возведенная на степень дѣвичьяго монастыря. Память Іоанна мѣстно чтится, какъ память праведника.

«Душеполезное Чтеніе», 1875, № 2.

Іоаннъ (*Вышенскій* или *Вишневскій*), монахъ, духовный писатель, умеръ около 1630 г. Галичанинъ по происхожденію, родомъ изъ мѣстечка Вишни, онъ въ концѣ XVII в. постригся въ монашество и удалился на Аѳонъ, въ Зографскій монастырь. Отсюда онъ внимательно слѣдилъ за церковными и общественными дѣлами въ южной Руси; съ несомнѣнностью извѣстно только объ одномъ приходѣ Іоанна съ Аѳона на родину, въ началѣ XVII в.; въ 1621 г. кіевскій соборъ приглашалъ его прибыть на Русь, но не извѣстно, исполнилъ ли Іоаннъ просьбу собора. Съ Аѳона Іоаннъ писалъ въ Малороссію свои посланія: «Посланіе ко кн. Вас. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Малой Руси», «Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ югозападной Руси», «Посланіе къ митрополиту и епископу, принявшимъ унію», «Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры»; повидимому, Іоанну же принадлежитъ «Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію», извѣстная подъ псевдонимомъ Христофора; въ рукописяхъ извѣстны еще два его произведенія; кромѣ того, онъ самъ упоминаетъ еще о трехъ своихъ сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ. Въ сочиненіяхъ своихъ Іоаннъ горячо порицалъ современниковъ, особенно высшую церковную іерархію, за упадокъ нравственности и ослабленіе вѣры, возставалъ противъ иновѣрцевъ и уніи. Неизвѣстно, получилъ ли онъ какое либо образованіе; но сочиненія его отражаютъ сильный умъ и энергическую личность.

Сумцовъ, «Іоаннъ Вышенскій»; «Подольскія епарх. вѣдом.», 1875, №№ 15, 17—21; «Акты, относящ. къ ист. южной и запад. Россіи», II.

Іоаннъ (Иванъ *Гладковъ*), іеросхимонахъ, сынъ купца, род. около 1810 г. въ г. Муромѣ, умеръ 17 октября 1888 г. Въ 1827 г. онъ покинулъ родительскій домъ, 20 лѣтъ путешествовалъ по различнымъ монастырямъ, какъ юродивый. Въ 1847 постригся въ монашество съ именемъ Исихія въ Святогорскомъ монастырѣ харьковской епархіи, и прожилъ въ монастырѣ 20 лѣтъ. Съ 1867 г. до самой смерти жилъ въ Московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ, состоя въ то же время духовникомъ въ Ивановскомъ женскомъ монастырѣ и Казанской Головинской пустыни; 24 февраля 1887 г. принялъ схиму съ именемъ Іоанна. Извѣстенъ былъ аскетическою жизнію и благотворительностію.

«Церковн. Вѣд.», 1888 г. № 47.

Іоаннъ (*Гоголь*), епископъ владиміроволынскій, извѣстенъ только по упоминанію о поставленіи его въ 1405 г. митрополитомъ Кипріаномъ.

Іоаннъ (Михаилъ Степановичъ *Доброзраковъ*), архіепископъ донской и новочеркасскій, сынъ священника, род. въ 1790 г. въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи, умеръ 23 іюня 1872 г. Обучался въ Нижегородской семинаріи и Петербург-

ской духовной академіи. По окончаніи курса съ 24 іюля 1817 г. былъ преподавателемъ въ Черниговской семинаріи, съ 20 августа 1819 г.—баккалавромъ Петербургской академіи по классу церковнаго краснорѣчія; 21 августа того же года постригся въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха. Въ Академіи онъ былъ библіотекаремъ; 26 іюля 1821 г. назначенъ инспекторомъ и баккалавромъ богословскихъ наукъ, а 16 августа возведенъ въ санъ архимандрита юрьево-польскаго Архангельскаго монастыря владимірской епархіи, съ оставленіемъ при Академіи; 23 февраля 1824 г. былъ назначенъ членомъ цензурнаго комитета. 14 ноября 1824 г. архимандритъ Іоаннъ былъ назначенъ ректоромъ Петербургской семинаріи, настоятелемъ можайскаго лужецкаго монастыря и благочиннымъ надъ законоучителями учебныхъ заведеній. 12 марта 1825 г. за сочиненіе «Declinatio Hermeneuticae Sacrae» удостоенъ степени доктора богословія; 30 января 1826 г. назначенъ ректоромъ Петербургской духовной академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ и членомъ Синодальной конторы. 14 января 1829 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ пинскій Богоявленскій монастырь, 17 августа 1830 г. хиротонисанъ во епископа пензенскаго и саранскаго. Въ 1832 г. онъ временно управлялъ тремя епархіями: пензенскою, нижегородскою и саратовскою; 19 января 1835 г. перемѣщенъ въ Нижній-Новгородъ, 18 апрѣля 1847 г. назначенъ архіепископомъ донскимъ и новочеркасскимъ. Въ 1851—1852 гг. присутствовалъ въ Св. Синодѣ; 6 марта 1867 г. по болѣзни уволенъ на покой въ кременецкій Вознесенскій монастырь донской епархіи, гдѣ и скончался.

«Донскія епарх. вѣд.», 1872 г., № 13; Надеждинъ, «Исторія Петербург. семин.»; Чистовичъ, «Исторія Петербург. дух. академіи; «Странникъ», 1867 г., декабрь. *Здр.*

Іоаннъ (Павелъ Іоновичъ *Ждановъ*), епископъ чигиринскій, сынъ священника, род. въ 1817 г., въ с. Засижьѣ, дорогобужскаго уѣзда, смоленской губерніи, умеръ 14 января 1883 г. Обучался въ Смоленской семинаріи и Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса магистромъ, 27 августа 1844 г. опредѣленъ учителемъ въ Смоленскую семинарію; 31 декабря назначенъ 1843 г. ректоромъ вяземскаго духовнаго училища; 20 февраля 1844 г. рукоположенъ во священника; былъ цензоромъ проповѣдей, катехизаторомъ, присутствующимъ духовнаго правленія и членомъ временнаго холернаго комитета. 8 января 1853 г. переведенъ въ смоленскій каѳедральный соборъ и съ 6 ноября 1855 г. былъ ректоромъ смоленскаго духовнаго училища. Овдовѣвъ, онъ 14 сентября 1870 г. постригся въ монашество, былъ возведенъ въ санъ игумена, избранъ духовникомъ, благочиннымъ и членомъ правленія дома преосвященнаго; вскорѣ онъ былъ перемѣщенъ ректоромъ въ Новгородскую семинарію, съ производствомъ въ архимандрита Антоніева монастыря. 30 марта 1875 г. хиротониванъ во епископа чебоксарскаго, викарія казанскаго, и былъ предсѣдателемъ братства св. Гурія; 4 февраля 1878 г. перемѣщенъ былъ въ Кіевъ, епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевскимъ.

«Смоленск. епарх. вѣдом.», 1875 г., № 11; «Памяти преосвящ. Іоанна, епископа чигиринскаго», 1883 г. *Здр.*

Іоаннъ (Илія *Золотовъ*), архимандритъ, умеръ въ февралѣ 1870 г. Родомъ великороссъ, получилъ первоначальное образованіе въ военномъ казанскомъ сиротскомъ отдѣленіи. Въ 1810 г. поступилъ рядовымъ на военную службу, въ Витебскій пѣхотный полкъ, участвовалъ въ 1811 и 1812 г.г. въ войнѣ съ турками и съ французами, совершилъ заграничный походъ; принимая участіе въ четырнадцати сраженіяхъ, получилъ знакъ отличія военнаго ордена, медаль въ память двѣнадцатаго года и медаль въ память вступленія въ Парижъ. Въ 1829 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ 1832 г., съ благословенія кіевскаго митрополита Евгенія, поступилъ на послушаніе въ Кіево-братскій монастырь; въ 1833 г. назначенъ экономомъ Кіевской духовной академіи; въ 1835 г. принялъ монашество и въ томъ же году былъ рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Въ 1835 г. получилъ золотой наперсный крестъ, по разстроенному здоровью оставилъ академическую службу и былъ назначенъ исправляющимъ должность намѣстника Кіево-михайловскаго монастыря. Черезъ восемь мѣсяцевъ оставилъ службу по разстроенному здоровью, но по убѣжденію преосвященнаго снова принялъ оставленную должность; такой отказъ и возвращеніе были повторены еще разъ; мѣстные архіереи дорожили Іоан-

номъ, какъ образцовымъ хозяиномъ. Въ 1844 г. кіевское епархіальное начальство, озабочиваясь возсоздать почти опустѣвшую Мошногорскую обитель, опредѣлило туда настоятелемъ о. Іоанна. Здѣсь, въ августѣ того же года, онъ получилъ санъ игумена. Мошногорскій Вознесенскій монастырь ему обязанъ своимъ возрожденіемъ. Нашедши монастырь почти въ развалинахъ, онъ энергично принялся за устройство обители и достигъ полнаго успѣха. Для правильной распланировки новыхъ построекъ онъ снялъ отвѣсную гору и на выровненныхъ ея уступахъ соорудилъ келіи и монастырскіе службы, онъ выигралъ трудный и запутанный судебный процессъ и возвратилъ монастырю отнятую у него землю; монастырь собралъ до 23.000 рублей капитала безъ помощи крупныхъ благотворителей, благодаря умѣнью и энергіи своего игумена. Почти ежегодно получая изъявленіе благодарности начальства, Іоаннъ въ 1859 г. былъ посвященъ во архимандрита.

«Кіевскія епарх. вѣдом.», 1870 г., № 10.

С. Г. Р.

Іоаннъ (*Іоселіани*), епископъ гурійскій, изъ дворянъ; род. въ 1788 г. въ с. Персатахъ кутаисской губерніи, умеръ 19 октября 1869 г. Начальное образованіе получилъ въ грузинской школѣ въ Шіомгвимской пустыни, русскому же языку выучили въ тифлисскомъ Спассопреображенскомъ монастырѣ. 15 марта 1813 г. рукоположенъ въ діакона, 5 декабря 1819 г. принялъ монашество съ удержаніемъ мірского имени. Съ 15 мая 1822 г. жилъ въ тифлисскомъ Спассопреображенскомъ монастырѣ, былъ тамъ казначеемъ, потомъ былъ экономомъ тифлисской семинаріи; 6 августа 1831 г. возведенъ въ санъ игумена. 25 сентября 1835 г. назначенъ управляющимъ церковными имѣніями и крестьянами по грузинской епархіи, 18 іюля 1843 г. произведенъ въ архимандрита. Въ 1846 г. 22 мая переведенъ въ Имеретію настоятелемъ Челишскаго монастыря, а потомъ Гаенатскаго монастыря. Управлялъ церковными имѣніями въ рачинскомъ уѣздѣ и не разъ всею имеретинскою епархіею. 8 сентября 1853 г. хиротонисанъ въ Тифлисѣ въ санъ епископа гурійскаго. Во все время войны съ турками онъ объѣзжалъ свою епархію, неоднократно, презирая опасности, посѣщалъ войска, поддерживалъ ихъ въ вѣрности царю и отечеству. Послѣ этихъ трудовъ здоровье его ослабѣло и 19 августа 1858 г. онъ по прошенію былъ уволенъ на покой въ Гаенатскій монастырь, гдѣ и скончался.

Дѣла архива св. Синода. 1858 г., № 2089; 1867 г. № 2065 и послужной списокъ еп. Іоанна. *Здр.*

Іоаннъ (*Козловичъ*), епископъ, умеръ 16 марта 1757 г. Получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, и въ ней по окончаніи курса, состоялъ учителемъ риторики. Въ 1742 г. опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи въ московскую Славяно-греко-латинскую академію. Съ 1745 г. былъ учителемъ богословіи. Въ 1748 г. назначенъ архимандритомъ московскаго Донского монастыря, ректоромъ Славяно-греко-латинской академіи и настоятелемъ училищнаго Заиконоспасскаго монастыря; Іоаннъ жилъ постоянно въ Донскомъ монастырѣ, а академическими дѣлами завѣдывалъ префектъ академіи, іеромонахъ Константинъ Бродскій. 7 марта 1753 г. Іоаннъ былъ посвященъ во епископа переяславскаго и бориспольскаго. Въ епархіи своей преосвященный Іоаннъ особенно заботился объ образованіи юношества; на свой счетъ онъ выстроилъ въ Переяславлѣ каменный корпусъ для семинаріи, въ которомъ послѣдняя помѣщалась болѣе 100 лѣтъ, до перевода въ 1862 г. въ Полтаву; на монастырскія суммы были выстроены два деревянные дома для помѣщенія бѣдныхъ учениковъ семинаріи, на содержаніе которыхъ средства были собираемы большею частью натурою, съ церковныхъ земель и священниковъ. Какъ человѣкъ, епископъ Іоаннъ отличался полною нестяжательностью и чрезвычайно щедрою раздачею милостыни. По его настоянію, при всѣхъ церквахъ Переяславля были заведены «шпитали», т. е. дома призрѣнія для убогихъ, въ которые онъ самъ жертвовалъ все, что только могъ. Всякій, потерпѣвшій какое нибудь матеріальное несчастіе, отъ пожара, вора и т. п., могъ быть увѣренъ, что получитъ у преосвященнаго помощь и пособіе. Онъ посѣщалъ также и тюрьмы, ободряя и утѣшая заключенныхъ. Разсказы о его нищелюбіи и сострадательности передавались изъ устъ въ уста и сохранились въ народномъ преданіи до нашихъ дней. Онъ былъ прозванъ Іоанномъ Милостивымъ. Послѣ его смерти у него было найдено всего $2^1/_4$ коп., все остальное было роздано нищимъ. Изъ литературныхъ его произведеній извѣстны его слова: на 27 іюня 1742 г. (М.

1742), на новый 1749 годъ (М. 1749) и рукопись, содержащая въ себѣ читанную имъ въ академіи систему философіи.

Архивъ св. Синода, дѣло 1752 г., № 67; «Странникъ», 1873 г., № 5, Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литературы»; Геннади, «Словарь». *С. Г. Р.*

Іоаннъ (*Кривцовъ*), слѣпецъ, см. *Іаковъ* Кривцовъ.

Іоаннъ (Иванъ *Крюковъ*), іеромонахъ затворникъ Святогорской успенской пустыни, сынъ мѣщанина, род. въ Курскѣ въ 1795 г., умеръ 11 августа 1867 года. Чуть не съ дѣтства онъ думалъ объ иноческой жизни и желалъ выучиться грамотѣ; но родители по бѣдности своей не могли его учить и отдали его на семь лѣтъ въ ученіе къ мастеру печныхъ изразцовъ; затѣмъ онъ былъ прикащикомъ у торговца скотомъ, впослѣдствіи самъ завелъ фабрику изразцовыхъ лѣпныхъ печей, которыя въ то время очень цѣнились. Но мысль о монашествѣ никогда его не покидала и по смерти жены онъ 26 августа 1833 г. поступилъ послушникомъ въ глинскую Богородичную пустынь, въ 1839 г. опредѣленъ въ той же пустыни экономомъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Іоанникія; въ это только время онъ началъ учиться грамотѣ; въ 1844 г. перешелъ въ Святогорскую пустынь, въ 1849 г. рукоположенъ въ санъ іеромонаха и назначенъ духовникомъ для приходящихъ богомольцевъ. Черезъ нѣсколько времени, съ разрѣшенія преосвященнаго, «затворился» въ мѣловой кельѣ. 29 августа принялъ схиму съ именемъ Іоанна. 17 лѣтъ пробылъ въ затворѣ, потерялъ зрѣніе, тѣло его изсохло и покрылось отъ желѣзныхъ веригъ ранами. Мѣстные жители чтутъ его память какъ святого; ежедневно въ 3 часа по полудни надъ его могилой бываетъ по немъ панихида, а въ праздничные дни стекаются въ обитель толпы народа служатъ литіи и панихиды надъ его прахомъ.

Княгиня Горчакова, «Святогорская Успенская общежительная пустынь». *Здр.*

Іоаннъ (*Лопатка-Остоловскій*), умеръ въ 1575 году; въ 1569 г. назначенъ былъ епископомъ галицкимъ; онъ являлся соперникомъ Гедеону Балабану, и былъ проведенъ въ епископы по представленію латинскаго архіепископа Симеона Шломовскаго; послѣ его смерти мѣсто епископа досталось Гедеону.

Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап. рус. церк.», I, 183.

Іоаннъ (*Максимовичъ*), митрополитъ тобольскій, род. въ г. Нѣжинѣ въ декабрѣ 1651 г., умеръ 10 іюня 1715 г. Окончивъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, онъ былъ въ ней же преподавателемъ латинскаго языка, затѣмъ постригся въ монахи и былъ сдѣланъ экономомъ Кіево-печерской лавры. Въ 1679 г. онъ ѣздилъ въ Москву къ царю Ѳеодору Алексѣевичу просить помощи противъ турокъ, подготовлявшихъ нападеніе на Украину, и обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ и даромъ слова. Въ 1685 — 1690 г.г. онъ былъ проповѣдникомъ въ Кіево-печерской лаврѣ; изъ словъ его извѣстны въ печати (въ книгѣ: «Зерцало отъ писанія Божественнаго», 1705 г.) слова «О страшномъ судѣ», «На Рождество Іоанна Предтечи» «На преставленіе св. Іоанна Златоуста»; остальныя сохраняются въ Лаврѣ въ рукописи. 14 января 1697 г., по единогласному желанію духовенства и мірянъ, посвященъ въ санъ епископа черниговскаго. Въ Черниговѣ онъ въ 1700 г. устроилъ «коллегіумъ»—первую по времени въ Россіи семинарію. Въ 1712 г. онъ былъ назначенъ митрополитомъ тобольскимъ и сибирскимъ; онъ былъ въ то время единственнымъ архіереемъ въ Сибири: викарій его жилъ въ Москвѣ. Іоаннъ очень дѣятельно управлялъ своею обширною епархіею, успѣшно обращалъ инородцевъ въ христіанство, большое вниманіе посвящалъ устройству школъ и преподаванію въ нихъ; въ 1714 г. онъ содѣйствовалъ открытію въ Пекинѣ духовной русской миссіи. Сибирскіе жители чтутъ память его, какъ память святого и разсказываютъ о чудесахъ, совершающихся у его могилы. Кромѣ вышесказанныхъ его словъ напечатаны еще слѣдующія его произведенія: 1) «Алфавитъ собранный, рифмами сложенный, отъ св. писаній и отъ древнихъ реченій»; 2) «Богородице Дѣво», или толкованіе на привѣтствіе архангельское Божіей Матери; 3) «Ѳеатронъ нравоучительный»; 4) «Богословіе на пользу правовѣрныхъ»; 5) «Царскій путь креста Господня, вводящій въ животъ вѣчный»; 6) «Иліотропіонъ, сообразованіе воли человѣческой съ божественной показующій»; 7) «Отче нашъ», или толкованіе на молитву Господню. 8) «Осмь блаженствъ евангельскихъ» и другія (1705—1709 г.г.). Большинство изъ нихъ представляютъ переводъ или передѣлку съ латинскаго; въ тѣхъ частяхъ, гдѣ авторъ оригиналенъ, онъ является горячимъ сторонникомъ и панегиристомъ Петровской ре-

формы. Среди современниковъ его многіе, въ этомъ числѣ даже св. Дмитрій ростовскій и кн. А. Кантеміръ, относились къ его произведеніямъ отрицательно; сочиненія его «Богословіе» и «О блаженствахъ» были даже, указомъ 3 октября 1720 г., запрещены, какъ заключающія много неправославныхъ мнѣній.

Пекарскій, «Наука и литер. при Петрѣ В.», II, 115, 118; Сулоцкій, «Жизнь Іоанна Максимовича»; Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литер.»; его-же «Ист.-стат. описаніе черниг. епархіи», 56—62; «Временникъ Моск. общ. ист. и древ.», X; «Странникъ», 1864, I, 5—37; «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1850, № 10; Шляпкинъ, «Св. Димитрій ростовскій», 283 и др.; «Тобольскія епар. вѣд.», 1888, №№ 18—20; «Тобольскія губ. вѣд.», 1857, № 20.

Іоаннъ (*Никитинъ*), епископъ великоустюжскій и томскій. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его очень скудны. Въ 1758 г. онъ былъ игуменомъ новгородскаго Деревяницкаго монастыря, въ 1762 г. произведенъ въ архимандрита новгородскаго Хутынскаго монастыря; 15 іюля 1764 г. хиротонисанъ въ епископа олонецкаго и каргопольскаго, викарія новгородской епархіи, а 9 іюня 1767 г. перемѣщенъ на великоустюжскую епископскую каѳедру; 9 іюля 1786 г. уволенъ на покой съ пенсіею въ 500 руб. и управлялъ устюжскимъ Архангельскимъ монастыремъ, гдѣ и скончался 13 октября 1799 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ»; Ю. Толетой: «Списки архіереевъ». *Здр.*

Іоаннъ (Петръ Ивановичъ *Оболенскій*), архимандритъ, великороссіянинъ, сынъ священника орловской епархіи, род. въ 1799 г., умеръ 17 августа 1851 г. Въ 1823 г. окончилъ курсъ въ Орловской семинаріи, въ 1827 г.—въ Кіевской духовной академіи и былъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Пермскую семинарію. 6 апрѣля 1829 г. постригся въ монашество и назначенъ инспекторомъ Пермской семинаріи, въ слѣдующемъ году назначенъ ректоромъ Харьковской семинаріи. Въ февралѣ 1833 г. возведенъ въ архимандрита, а въ декабрѣ утвержденъ въ степени магистра. Онъ тяготился должностью преподавателя и въ 1836 г. по его просьбѣ за нимъ оставлена была только должность ректора. Тѣмъ не менѣе, когда 6 іюня утверждено было опредѣленіе Св. Синода объ открытіи въ Казани духовной академіи съ началомъ 1842—1843 учебнаго года, 1 іюля Св. Синодъ назначилъ ректоромъ вновь открывавшейся академіи архимандрита Іоанна, съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первоклассnаго монастыря, не смотря на то, что тогдашній харьковскій епископъ Иннокентій (Борисовъ) въ письмѣ отъ 18 іюля 1842 года къ члену Синода рязанскому архіепископу Гавріилу давалъ такой отзывъ: «Вы берете у насъ ректора въ Казань и даете намъ инспектора Петербургской академіи, Филоѳея (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій). Мѣна для насъ прекрасная, но подумали ли хорошо объ участи новой Академіи? О. Іоаннъ человѣкъ прекрасный, но управитель не таковъ. Впрочемъ, новое поприще можетъ пробудить новую дѣятельность. Дай Богъ! Судьба Академіи много значитъ!». 7 мая 1844 г. архимандритъ Іоаннъ по разстроенному здоровью и согласно прошенію уволенъ отъ духовно-училищной службы и назначенъ настоятелемъ рязанскаго Троицкаго монастыря, гдѣ и скончался.

Аскоченскій, «Ист. Акад. кіевской»; Знаменскій, «Ист. Казан. духов. академіи», I, 79, 25 — 31; Архивъ св. Синода, дѣло за 1829 г., № 1152; «Правос. Собесѣд.», 1868 г., Ш, статья Гвоздева; «Чтенія въ Моск. общ. ист. и древ.», 1869, I, 104. *А. Н.*

Іоаннъ (*Островскій*), епископъ пермскій и екатеринбургскій, изъ мѣщанъ, род. около 1734 г. въ г. Васильковѣ кіевской губерніи, умеръ 24 декабря 1801 г. Съ 1754 г. обучался въ Кіевской духовной академіи и по окончаніи курса оставленъ въ ней же учителемъ латинскаго языка, философіи и богословскихъ наукъ. Здѣсь онъ постригся и произведенъ въ 1768 г. въ игумена Кіево-петропавловскаго монастыря и былъ затѣмъ префектомъ Академіи. 6 января 1785 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Гамалѣевскаго монастыря черниговской епархіи. Впослѣдствіи былъ настоятелемъ монастырей: коломенскаго Голутвина, Антоніева и Юрьева новгородскихъ, новгородъ-сѣверскаго Спасскаго и тверского Калязина, и ректоромъ Коломенской и Новгородской семинарій. 5 февраля 1800 г. хиротонисанъ въ епископа новооткрытой пермской епархіи. Онъ ревностно принялся за устройство новой епархіи, но скоро скончался.

Макарій, «Опис. Юрьева монаст.»; Е. Поповъ, «Пермская и великоперм. іерархія».

Іоаннъ (*Папинъ* или *Попынинъ*), управлялъ новгородской епископіей въ 1108—1130 г.; обстоятельства жизни до посвященія неизвѣстны. При немъ въ 1119 г. основанъ въ Новгородѣ Юрьевъ монастырь. По мѣстному преданію въ 1127 г. онъ оказалъ большую помощь народу, страдавшему отъ неурожаевъ и го-

лода. Въ 1130 г. отказался отъ сана и поселился въ одномъ изъ новгородскихъ монастырей. Годъ кончины неизвѣстенъ.

Тихомировъ, «Біографіи первыхъ новгор. епископовъ», 47—52.

Іоаннъ (Алексѣй Алексѣевичъ *Петинъ*), архіепископъ, сынъ причетника, род. 9 марта 1813 г. въ с. Воловѣ ливенскаго уѣзда орловской губерніи, умеръ 8 іюля 1889 г. Обучался въ Орловской семинаріи и Кіевской духовной академіи; 27 сентября 1839 г. былъ назначенъ учителемъ въ Тверскую семинарію, затѣмъ переведенъ въ Орловскую семинарію. 24 іюня 1842 г. принялъ постриженіе. Въ 1848 г. исправлялъ должность ректора Кіевской семинаріи и настоятеля Кіево-пустынскаго монастыря. Въ 1850 г. перемѣщенъ въ Екатеринославль, гдѣ былъ ректоромъ семинаріи, членомъ консисторіи и цензоромъ проповѣдей. 16 января 1852 г. назначенъ намѣстникомъ Кіево-печерской Лавры; здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ сооруженіи Князь-Владимірскаго собора и въ открытіи пещеръ на Панкратьевскомъ спускѣ. 23 декабря 1862 г. хиротонисанъ въ санъ епископа полтавскаго; 16 апрѣля 1878 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1887 г. уволенъ на покой и жилъ въ Полтавскомъ архіерейскомъ домѣ.

«Полт. епарх. вѣд.», 1873 г., №10; «Церк. Вѣстн.», 1889 г., № 32; дѣла архива св. Синода, 1842 г., №№ 1562 и 2468.

Іоаннъ (Григорій *Петровъ*), архимандритъ, сынъ пономаря изъ ростовскаго уѣзда; род. въ 1696 г., умеръ 13 апрѣля 1760 г. Въ 1719 г. посвященъ въ діакона, но скоро обратился въ расколъ и бѣжалъ на Вѣтку. Здѣсь постриженъ въ монашество съ именемъ Герасима. Послѣ разгрома Вѣтки вмѣстѣ съ другими доставленъ въ Петербургъ и здѣсь вернулся въ православіе. Изъ Петербурга отосланъ въ нижегородскій архіерейскій домъ къ преосвященному Питириму и былъ у него послѣ экономомъ. Въ 1742 г. посвященъ во іеромонаха, съ переименованіемъ Іоанномъ. 20 ноября 1744 г. произведенъ во архимандрита въ Спасскій зеленогорскій монастырь; въ 1747 г. перешелъ въ оранскій Богородичный, гдѣ и скончался.

Макарій «Опис. оранской Богород. пустыни».

Іоаннъ (*Постниковъ*), умеръ 16 апрѣля 1752 г. Въ 1746—1750 гг. былъ библіотекаремъ Троицкой лавры; при немъ, по предписанію преосвященнаго Арсенія, преподаватели Троицкой семинаріи отобрали изъ лаврской въ семинарную библіотеку до 370 книгъ и рукописей, «за курьезъ причитаемыхъ»; въ 1749 г. Іосифъ принялъ на себя смотрѣніе за Балахнинскими монастырскими соляными варницами и привелъ ихъ въ отличный порядокъ.

«Лѣтоп. занят. Археограф. Ком.», IV, 127.

Іоаннъ (*Сааказовъ*), архіепископъ мангнельскій (грузинскій), умеръ 28 марта 1751 г. Еще будучи архимандритомъ принялъ схиму съ именемъ Іоанна. Съ 1725 г. онъ жилъ въ Дербентѣ; въ 1735 г., когда Дербентъ перешелъ къ Персіи, онъ переселился въ Кизляръ, а затѣмъ въ Астрахань; въ 1744 году пріѣхалъ въ Петербургъ и получилъ разрѣшеніе построить въ Астрахани монастырь. Но построенный имъ монастырь въ 1747 г. сгорѣлъ и архіепископъ переѣхалъ снова въ Кизлярскую крѣпость; онъ думалъ устроить собственный монастырь и въ Кизлярѣ, но не получилъ на то разрѣшенія.

Архивъ св. Синода, дѣло 1725 г., № 323—198. *Здр.*

Іоаннъ (Владиміръ Сергѣевичъ *Соколовъ*), епископъ смоленскій, сынъ священника Вознесенской церкви въ Москвѣ, род. 5 іюля 1818 г., умеръ 17 марта 1869 г. Обучался въ Высокопетровскомъ духовномъ училищѣ, въ Московской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ Академіи, 29 августа 1842 г. постригся въ монашество; 21 сентября 1842 г. назначенъ баккалавромъ при Московской академіи по нравственному богословію; 22 сентября 1843 г. удостоенъ степени магистра; 30 октября 1844 г. перемѣщенъ въ Петербургскую духовную академію баккалавромъ каноническаго права; 9 января 1848 г. опредѣленъ членомъ конференціи Петербургской духовной академіи, а 20 августа того же года членомъ духовно-цензурнаго комитета; 8 сентября 1848 г. возведенъ въ санъ архимандрита; 8 іюля 1850 г. Св. Синодъ поручилъ ему пересмотръ переводовъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ; 17 іюля 1850 г. назначенъ членомъ особаго комитета для разсмотрѣнія программъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 23 декабря 1850 г. назначенъ инспекторомъ Петербургской духовной академіи; лѣтомъ 1851 г. обозрѣвалъ Архангельскую семинарію; 26 сентября 1851 г. возведенъ въ званіе экстраординарнаго профес-

сора, 19 декабря 1852 г.—въ званіе ординарнаго профессора; 8 октября 1853 г. за сочиненіе «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» удостоенъ степени доктора богословія; 10 января 1855 г. назначенъ ректоромъ Петербургской семинаріи, лѣтомъ того же года обозрѣвалъ Тверскую семинарію; 17 марта 1857 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ догматическаго богословія въ Казанскую духовную академію; въ Казани онъ редактировалъ «Православный Собесѣдникъ» и привлекъ къ этому журналу живое вниманіе читающей публики, подвергая въ немъ обсужденію многіе жгучіе вопросы современности; 31 марта 1864 г. перемѣщенъ ректоромъ въ Петербургскую духовную академію; 17 января 1865 г. посвященъ въ санъ епископа выборгскаго, съ оставленіемъ въ должности ректора; лѣтомъ того-же года обозрѣвалъ Рижскую семинарію; 9 ноября 1866 г. опредѣленъ епископомъ смоленскимъ, и на этомъ мѣстѣ оставался до смерти. Іоаннъ смоленскій извѣстенъ, какъ лучшій русскій канонистъ своего времени; его сочиненіе «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» (два выпуска), пользовалось большою извѣстностью; ему же принадлежитъ цѣлый рядъ статей по церковному законовѣдѣнію въ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Православномъ Собесѣдникѣ»; кромѣ того, онъ замѣчателенъ и какъ проповѣдникъ. Изъ сочиненій его, кромѣ вышеназваннаго, замѣчательны: «О монашествѣ епископовъ»; «Общество и духовенство»; «О преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ»; слова: «Слово объ освобожденіи крестьянъ», «Слово по случаю дворянскихъ выборовъ въ Петербургѣ» и нѣкоторыя другія.

«Странникъ», 1869 г., апрѣль; Романскій, «Преосв. Іоаннъ, епископъ смоленскій, его жизнь и проповѣдническіе труды», М. 1877 г.

Іоаннъ (*Солунскій*), архимандритъ. Съ 1743 г. по 1767 г. былъ настоятелемъ въ ахтырскомъ Троицкомъ монастырѣ харьковской епархіи. О годѣ кончины свѣдѣній не отыскано. Мѣстные жители долго хранили о немъ воспоминаніе, какъ о примѣрномъ пастырѣ.

«Историко-статист. опис. харьковской епархіи», 150; Строевъ, «Списки», 973.

Іоаннъ (*Терликовъ*), архимандритъ. Изъ купеческаго званія, род. въ 1749 г. умеръ послѣ 1816 г. Неизвѣстно, гдѣ получилъ образованіе, но «изучалъ на россійскомъ языкѣ грамматику, риторику, исторію, географію, нравственную науку и богопознаніе»; служилъ сначала «въ приказномъ чинѣ». Въ 1780 г. принялъ монашество въ Ниловой пустыни, тверской епархіи, рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха и состоялъ послѣдовательно уставщикомъ, ризничимъ, «гробовымъ у храненія мощей преподобнаго Нила Чудотворца» и, наконецъ, намѣстникомъ. Въ 1785 г. посвященъ во игумена Алексѣевскаго угличскаго монастыря. Въ 1786 г. переведенъ въ Толгскій монастырь; въ 1789 г. произведенъ во архимандрита Ниловой пустыни; въ 1797 г. назначенъ архимандритомъ въ Симоновъ монастырь. Въ 1797 и 1798 годахъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ происходило сооруженіе 16 серебряныхъ «кувшиновъ» для муроваренія на Высочайше пожалованную сумму. Исполнялъ различныя сложныя порученія высшаго духовнаго начальства, преимущественно экономическаго характера. Въ 1810 г. переведенъ въ Донской монастырь. Опредѣленъ Св. Синода отъ 10 августа 1814 г. назначенъ къ переводу въ кіевскій Пустынно-николаевскій монастырь, но за болѣзнію отказался отъ этого назначенія 23 октября 1816 г. былъ уволенъ, по прошенію, съ пенсіей на покой въ Новоспасскій монастырь. О времени кончины свѣдѣній не сохранилось.

Архивъ св. Синода, дѣла, 1814 г., №№ 702, 788; 1816 г., № 326. *С. Г. Р.*

Іоаннъ (*Тудоровичъ*), игуменъ, умеръ послѣ 1761 г. Былъ въ 1749 г. строителемъ Борисовскаго монастыря (минской губерніи) и подвергался здѣсь преслѣдованіямъ католиковъ. Въ 1753 году, состоя іеромонахомъ шкловскаго Воскресенскаго монастыря, онъ былъ отправленъ епископомъ Іеронимомъ Волчанскимъ въ Москву для сбора пожертвованій. Въ 1756 — 1758 годахъ епископъ Георгій Конисскій посылалъ его въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ епархіи, крайне стѣсняемой и раззоряемой латинянами. Его переписка съ преосвященнымъ Георгіемъ и другіе относящіеся къ послѣднему посольству документы напечатаны въ «Могилевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» въ 1892 г. Въ январѣ 1761 г. онъ состоялъ игуменомъ шкловскаго монастыря.

Н. Бантышъ-Каменскій, «Историч. изв. о возникш. въ Польшѣ уніи», 329; «Могил. епарх. вѣд.», 1892 г., 368.

Іоаннъ (*Ястрембскій*), игуменъ Угрѣшскаго монастыря, умеръ послѣ 1751 г. Сна-

чала былъ іеродіакономъ при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и учителемъ въ новгородской латинской школѣ. Какъ человѣкъ знакомый съ иностранными языками и уже раньше бывавшій заграницей, онъ былъ назначенъ Св. Синодомъ для священнослуженія въ домовой церкви нашего посланника въ Лондонѣ и 27 мая 1739 г. рукоположенъ во іеромонаха. Однако находившійся въ Лондонѣ съ 1716 г. священникъ-грекъ очень недружелюбно встрѣтилъ русскаго іеромонаха, спорилъ съ нимъ о первенствѣ въ служеніи и постоянно жаловался на о. Іоанна Св. Синоду. 1740 г. Іоанна перемѣстили въ Голландію, но посланникъ графъ А. Г. Головкинъ въ августѣ 1741 г. отправилъ его въ Петербургъ, за неимѣніемъ, будтобы для него помѣщенія, причемъ далъ о немъ отзывъ, что о. Іоаннъ «многія науки знаетъ, во многихъ чужеземныхъ странахъ бывалъ и достоинъ высшаго мѣста». Іоаннъ былъ послѣ этого игуменомъ въ Иверскомъ новгородскомъ монастырѣ, а съ 1 января 1842 г. въ Рождественскомъ монастырѣ въ Путивлѣ. Въ 1739 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Угрѣшскій монастырь и съ 1750 г. былъ членомъ московской консисторіи; въ 1751 г. по нѣкоторымъ дѣламъ взятъ былъ на судъ въ Москву и 29 іюня бѣжалъ изъ Москвы, однако 14 іюля 1751 г. найденъ въ Петербургѣ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Дѣла архива св. Синода, 1737 г. № 279; 1751 г. №№ 97 и 101. *Здр.*

Іоаннъ, митрополитъ кіевскій, третій по порядку, первый этого имени, управлялъ съ 1008 г. по 1035 г.; обстоятельства его жизни и дѣятельности неизвѣстны.

Макарій, «Исторія русской церкви»», II, 17—19, 28.

Іоаннъ, митрополитъ кіевскій, второй этого имени, грекъ изъ Константинополя, поставленный въ митрополиты, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ митрополита Макарія и Е. Е. Голубинскаго, не позже 1077 г., скончался въ 1088 или въ 1089 г. Въ лѣтописи находятся лишь краткія упоминанія о нѣкоторыхъ фактахъ его жизни: о погребеніи имъ въ Кіевѣ князя Ярополка (въ 1086 г.), объ освященіи имъ церкви Выдубицкаго монастыря и церкви Пресвятой Богородицы въ Кіево-печерскомъ монастырѣ. Современники называли его «пророкомъ Христовымъ», лѣтописецъ отъ себя называетъ его «блаженнымъ и добрымъ» и говоритъ, что онъ былъ мужъ искусный въ книгахъ и ученіи, милостивый къ убогимъ и вдовицамъ, ласковый со всякимъ—богатымъ и бѣднымъ, смиренный, кроткій, обладавшій даромъ слова, умѣвшій своими святыми бесѣдами утѣшить печальныхъ, и вообще былъ такой митрополитъ, какого на Руси не было прежде, и послѣ не будетъ. Извѣстныя подъ его именемъ два сочиненія: «посланіе къ папѣ Клименту», называемое въ рукописяхъ также посланіемъ «къ архіепископу Римскому объ опресноцѣхъ» или поученіемъ «седми соборъ на Латину» и «церковное правило» или «посланіе къ черноризцу Іакову» служатъ доказательствами его высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній древне-русской литературы. «Посланіе къ папѣ Клименту», сохранившееся во многихъ спискахъ, въ греческомъ подлинникѣ, а также въ латинскомъ и древне-русскомъ переводахъ, долгое время возбуждало недоумѣнія относительно принадлежности его митрополиту Іоанну II. Еще въ 1809 г. Фабриціи высказывалъ убѣжденіе, что оно писано къ папѣ Клименту VIII, занимавшему папскій престолъ съ 1592 по 1605 г.; впослѣдствіе онъ относилъ это посланіе къ 1549 г. Между тѣмъ въ латинскомъ переводѣ посланіе было издано Герберштейномъ еще въ 1549 г., а славянскій переводъ его найденъ въ рукописи XIV в.; митрополитъ Евгеній и архіеп. Филаретъ черниговскій считали его произведеніемъ митрополита Іоанна III или Іоанна IV (1164 — 1166). Многолѣтнія недоумѣнія ученыхъ рѣшены архіеп. Филаретомъ: въ «Обзорѣ русской духовной литературы» онъ высказалъ положеніе, что посланіе писано къ папѣ Клименту III и что, слѣдовательно, «Иванъ худый, митрополитъ русскій», подписавшійся подъ посланіемъ, есть именно митрополитъ Іоаннъ II, такъ какъ его преемникъ, носившій то же имя, былъ по словамъ лѣтописи «человѣкъ не книжный и простецъ» и отнюдь не былъ писателемъ. При этомъ преосвященный Филаретъ объясняетъ, почему въ рукописяхъ посланіе адресуется къ архіепископу (а не къ «папѣ») римскому: папа Климентъ III былъ поставленъ по волѣ императора Генриха IV при жизни папы Григорія VII

и русскій переводчикъ посланія не хотѣлъ вѣроятно называть папой антипапу. Мнѣніе архіепископа Филарета объ Іоаннѣ II какъ авторѣ посланія было впослѣдствіи установлено окончательно въ статьѣ неизвѣстнаго автора въ «Православномъ Собесѣдникѣ». Въ видахъ большаго успѣха въ борьбѣ съ Григоріемъ VII и Урбаномъ II, Климентъ III пытался сблизиться съ церковію восточною и въ этомъ смыслѣ писалъ посланіе русскому митрополиту: изъ текста посланія Іоанна II видно, что оно служитъ отвѣтомъ Клименту III. Посланіе Іоанна замѣчательно по духу кротости и любви, вообще рѣдкому въ полемикѣ восточныхъ и западныхъ богослововъ, по горячему сочувствію, съ какимъ русскій митрополитъ относится къ предложенію Климента III, и по осмотрительности, съ какою онъ принимаетъ распространявшіяся въ то время въ Византіи обвиненія латинянъ въ ересяхъ, наконецъ—по исполненному достоинства сознанію безусловной правоты православія въ его разномысліи по нѣкоторымъ пунктамъ церковнаго ученія съ католичествомъ и по значительной для того времени эрудиціи. Въ заключеніи своего отвѣта митрополитъ Іоаннъ предлагаетъ папѣ адресоваться къ патріарху константинопольскому «и сущимъ съ нимъ епископамъ, которые яко свѣтила въ мірѣ сіяютъ».—Еще болѣе замѣчательно второе сочиненіе митрополита Іоанна II—его «Правило церковное» или «Посланіе къ черноризцу Іакову», послѣ «Устава» Св. Владиміра предоставляющее самый цѣнный памятникъ для исторіи древне-русскаго церковнаго права. По формѣ своей «Правило» принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «каноническихъ отвѣтовъ», какіе по временамъ писались на востокѣ представителями церкви на предложенные имъ вопросы и которые хотя не имѣли силы постановленій соборовъ, тѣмъ не менѣе служили руководствомъ въ церковной жизни; въ этомъ отношеніи твореніе Іоанна имѣетъ сходство съ почти современными ему отвѣтами новгородскаго епископа Нифонта на вопросы Кирика. Слогъ этого сочиненія крайне неправиленъ и малопонятенъ; предполагаютъ, что или Іоаннъ написалъ «Правило» самъ порусски, недостаточно хорошо владѣя русскимъ языкомъ, или что оно написано авторомъ по гречески, и переведено лицомъ, недостаточно хорошо владѣвшимъ греческимъ или русскимъ языкомъ. Содержащіяся въ посланіи правила изложены не въ порядкѣ предметовъ, которыхъ касаются, а въ порядкѣ вопросовъ Іакова, на которые служатъ отвѣтами; всѣхъ главъ по однимъ спискамъ 27, по другимъ — 26; всѣхъ частныхъ правилъ насчитывается 35; они касаются предметовъ вѣры, церковныхъ священнодѣйствій и церковной святыни, іерархіи и духовенства, отношеній брачныхъ, семейной жизни, наконецъ отношеній къ латинянамъ, евреямъ и язычникамъ. Кромѣ первостепеннаго значенія въ отношеніи церковно-каноническомъ, правило митрополита Іоанна имѣетъ не меньшее значеніе въ отношеніи исторіи русскаго общественнаго быта и культуры: авторъ посланія подвергаетъ отлученію тѣхъ, которые поклоняться «бѣсамъ, болотамъ и кладязямъ», «творятъ волхвованія и чародѣянія», гуманно возставая противъ смертной казни и изувѣченія виновныхъ въ этихъ грѣхахъ—черта, напоминающая высоко-просвѣщенныя наставленія Владиміра Мономаха. Духовнымъ лицамъ митрополитъ запрещаетъ употребленіе цвѣтныхъ одеждъ; не воспрещаетъ имъ ходить къ мірянамъ на пиры, но предписываетъ оставлять таковые, какъ только на нихъ начнутся «игранія, плясанія и гудѣнія»; изъ правилъ 7, 15, 21 и 31 узнаемъ, что существовало въ народѣ мнѣніе, будто церковное вѣнчаніе приличествуетъ однимъ князьямъ и боярамъ, а что простые люди могутъ обходиться и безъ него, а также объ обычаѣ имѣть по двѣ и по нѣскольку женъ; съ латинянами авторъ разрѣшаетъ трапезничать ради любви Христовой; если кто хочетъ избѣгать этого подъ предлогомъ сохраненья чистоты, пусть избѣгаетъ; нужно, однако, наблюдать, чтобы отъ этого не произошелъ соблазнъ и вражда; тѣхъ, которые несоблюдаютъ уставовъ церкви относительно пищи, если не послушаютъ увѣщанія, слѣдуетъ предоставлять ихъ собственной волѣ, какъ противниковъ вѣры; человѣка, слугу, не слѣдуетъ продавать ни жидовину, ни еретику и т. д.—Эти немногія выдержки изъ правила митрополита Іоанна съ одной стороны характеризуютъ эпоху, а съ другой—и въ самомъ митрополитѣ показываютъ личность просвѣщенную и гуманную.

«Посланіе Іоанна къ Клименту» на греческомъ языкѣ издано Григоровичемъ въ «Ученыхъ Запискахъ II отд. Академіи Наукъ», I, отд. III, 1—20,

затѣмъ Софокломъ Икономосомъ въ Аѳинахъ въ 1888 г., лучшее изданіе А. С. Павлова, въ приложеніи къ его сочиненію: «Опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ»; русскій переводъ изданъ Калайдовичемъ въ «Памятникахъ русской словесности XII в.» и Павловымъ же, въ приложеніи къ названному сочиненію. Изложеніе и обслѣдованіе этого посланія у Макарія, во II т. «Исторіи русской церкви», въ статьѣ Неволина, въ «Извѣстіяхъ» второго отдѣленія Академіи Наукъ, т. II, стр. 96, въ названномъ сочиненіи А. С. Павлова и въ трудѣ А. Н. Попова: «Историко-литерат. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ». «Посланіе къ Іакову» напечатано въ «Русскихъ Достопамятностяхъ», т. I, стр. 85 и слѣд., болѣе исправно—въ приложеніяхъ ко II тому «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія. Объ Іоаннѣ, его сочиненіяхъ и жизни вообще—«Пол. собр. рус. лѣт.», I, 88, II, 276; «Bibliotheca graeca», t. XII, p. 197; Евгеній, «Словарь писат. духов. чина»; Филаретъ, «Исторія рус. церкви» и его же «Обзоръ рус. духов. литер.»; «Православный Собесѣдникъ», 1866, сентябрь; Макарій, митр., «Исторія русской церкви», II; Голубинскій, «Исторія русской церкви», I. *Н. Б.*

Іоаннъ, митрополитъ кіевскій, третій этого имени, выѣхалъ на Русь съ великой княгиней Анной Всеволодовной въ 1089 г.; не отличившись никакими особыми дѣяніями, въ слѣдующемъ году и умеръ.

Макарій, «Ист. рус. церкви», II, 8—9.

Іоаннъ, пятый епископъ черниговскій, посвященъ въ 1087 г.; въ 1089 г. участвовалъ въ освященіи соборной кіевопечерской церкви Успенія; въ 1091 г. онъ участвовалъ въ перенесеніи мощей препод. Ѳеодосія. Скончался послѣ продолжительной болѣзни въ 1112 г.

Филаретъ, «Ист. опис. черниг. епархіи», 12.

Іоаннъ, епископъ ростовскій, посвященъ 23 января 1190 г. изъ духовниковъ великаго князя Всеволода Юрьевича; въ 1213 г. оставилъ епархію и принялъ схиму въ Боголюбовскомъ монастырѣ. Годъ кончины неизвѣстенъ.

Іоаннъ, епископъ холмскій, современникъ короля Даніила Романовича. Въ 1260 г. онъ освящалъ церкви, возобновленныя Даніиломъ послѣ татарскаго разгрома; въ томъ же году онъ ѣздилъ по порученію Даніила вмѣстѣ съ братомъ его и сыномъ убѣждать новаго баскака татарскаго, Бурондая, отступиться отъ предъявленныхъ имъ требованій, чтобы были разрушены всѣ вновь построенныя укрѣпленія; посольство не увѣнчалось успѣхомъ.

Карамзинъ, IV, 53, пр. 102, стр. 36, 37.

Іоаннъ, епископъ холмскій, извѣстенъ по одному упоминанію въ лѣтописи подъ 1331 г.

Іоаннъ, епископъ ростовскій. Съ 1330 г. былъ первымъ архимандритомъ основаннаго вел. кн. Іоанномъ Даниловичемъ монастыря Преображенія. Онъ сочинилъ канонъ св. Леонтію, епископу ростовскому. Поставленъ епископомъ въ Ростовъ въ 1346 г.; скончался въ 1356 г.

Полн. собр. русс. лѣт., I, 230; IV, 103; VI, 128; VII, 202; VIII, 10, 69.

Іоаннъ, епископъ сарайскій, извѣстенъ только по упоминанію, что онъ былъ посвященъ въ этотъ санъ митрополитомъ Алексѣемъ въ 1356 г.

Іоаннъ, епископъ суздальскій, первый, послѣ перенесенія митрополичьей каѳедры въ Москву. Лѣтописныя извѣстія о его жизни чрезвычайно сбивчивы и представляютъ множество неясностей. Хиротонія его послѣдовала не позже 1340 г., а быть можетъ и въ 1332 г.; онъ дважды оставлялъ по неизвѣстнымъ намъ причинамъ каѳедру; скончался въ 1374 г.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщ.», 1891, ноябрь—декабрь, ст. Титова, стр. 75—82.

Іоаннъ, первый архимандритъ Высокопетровскаго монастыря въ Москвѣ, съ 1379 г. Въ томъ-же году отправился въ Константинополь, въ свитѣ Михаила Митяя, избраннаго великимъ княземъ въ митрополиты, и ѣхавшаго для посвященія. Когда Митяй въ пути умеръ, его спутники самовольно избрали преемникомъ ему Пимена, епископа переяславскаго; нѣкоторые же требовали, чтобы каѳедру митрополита занялъ Іоаннъ; но онъ не хотѣлъ подчиниться этому незаконному избранію и грозилъ открыть передъ патріархомъ обманъ; тогда спутники заключили его въ оковы и недопустили до патріарха. Онъ первый ввелъ въ московскихъ монастыряхъ общежительный уставъ.

«Чтенія общ. ист. и древ.», 1874, I, 173—174.

Іоаннъ, (сынъ Порфирія) архіепископъ новгородскій, умеръ въ 1417 г. Въ 1388 г. онъ изъ игумновъ Хутынскаго монастыря былъ избранъ по жребію на новгородскую архіепископскую каѳедру и получилъ благословеніе отъ предшественника своего Алексѣя, оставлявшаго архіепископію; хиротонисанъ въ Москвѣ митрополитомъ Пименомъ. Въ 1389 г., когда во Псковѣ свирѣпствовалъ моръ, Іоаннъ пріѣхалъ туда, совершилъ тамъ торжественныя моленія объ избавленіи отъ язвы, и моръ прекратился; затѣмъ онъ еще вторично пріѣзжалъ въ Псковъ благословить городъ и людей, оставшихся въ живыхъ. Въ

1391 — 1392 г. г. митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ и потребовалъ принадлежавшаго ему церковнаго суда; но новгородцы заявили, что подъ клятвой обязались не давать ему суда; Кипріанъ въ гнѣвѣ оставилъ Новгородъ и извѣстилъ патріарха объ этихъ происшествіяхъ; со своей стороны и новгородцы обратились съ жалобой къ патріарху же. Патріархъ нашелъ дѣйствія митрополита справедливыми; а великій князь потребовалъ не только церковной подсудности митрополиту, но и дани себѣ, такъ называемаго «чернаго бора», и войною принудилъ новгородцевъ въ 1393 г. исполнить свои требованія. Въ 1395 г. Кипріанъ ѣздилъ въ Новгородъ съ посломъ отъ патріарха, но такъ какъ дѣло уладилось уже раньше, то они только воспользовались почетнымъ пріемомъ отъ новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году митрополитъ вызывалъ Іоанна въ Москву. Въ 1397 г. Іоаннъ примирилъ съ Новгородомъ Псковъ и по зову митрополита ѣздилъ въ Москву; онъ старался тамъ примирить съ Новгородомъ великаго князя, но безуспѣшно, въ 1401 г. Іоаннъ, по зову Кипріана, опять поѣхалъ въ Москву по святительскимъ дѣламъ, а великій князь, въ то же время, снова началъ войну въ Заволочьи. Когда владыка пріѣхалъ въ Москву, государь «велѣлъ поимати» его, Іоанна схватили и держали въ заключеніи; онъ былъ освобожденъ и отпущенъ въ Новгородъ только въ 1403 г. Въ 1410 или 1411 г. архіепископъ еще разъ ѣздилъ въ Москву къ митрополиту Фотію. Въ 1414 г. Іоаннъ оставилъ архіепископскую каѳедру, постригся въ схиму и скончался въ Деревяницкомъ монастырѣ. Во время своего управленія онъ поставилъ нѣсколько церквей и ревностно поддерживалъ благолѣпіе ихъ и особенно Софійскаго собора; онъ не жалѣлъ денегъ и на другія постройки, имѣвшія значеніе для Новгорода и Пскова: въ 1398 г. онъ заложилъ «городъ дѣтинецъ каменный»; въ 1400 г. въ Псковѣ далъ денегъ для построенія «костра» надъ р. Псковой.

Полн. собр. русск. лѣт., т. т. III, IV, V, VI, VIII подъ указанными годами; Никонов. лѣт., IV, 156 и слѣд., V, I—55; «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1847, іюнь. *А. Э.*

Іоаннъ, епископъ луцкій, умеръ послѣ 1398 г. Около 1370 г., послѣ смерти митрополита Антонія, король польскій Ягайло, по просьбѣ Іоанна, ходатайствовалъ въ Царьградѣ о посвященіи его въ митрополиты для Литвы; но патріархъ неисполнилъ этого желанія короля. Въ 1398 г. Іоаннъ снова просилъ о назначеніи его митрополитомъ, но былъ только сдѣланъ епископомъ галицкимъ.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап. рус. церкви» I, 115.

Іоаннъ, архимандритъ Кіево-печерскаго монастыря; при немъ въ 1470 г. возобновлена Великая печерская церковь, лежавшая въ развалинахъ со временъ татарскаго раззоренія.

«Опис. Кіево-печер. лавры», 1847, стр. 138.

Іоаннъ, архіепископъ ярославскій, поставленъ 9 февраля 1520 г. изъ архимандритовъ Симоновскаго монастыря; умеръ въ 1526 г.; обстоятельства жизни неизвѣстны.

«Іерархи Ростово-ярославск. паствы», 105.

Іоаннъ, игуменъ Троицкаго колязина монастыря съ 1644 по 1650 г., привелъ этотъ монастырь до значительной степени благоустройства и обогатилъ его пожертвованіями.

Лебедевъ, «Опис. троиц. коляз. мон.» 1867.

Іоаннъ, съ 1652 г. священникъ Лядинскаго прихода, въ 33 верстахъ отъ г. Каргополя, составилъ во второй половинѣ XVII в. описаніе чудесъ челмогорскаго отшельника преп. Кирилла и написалъ икону его, которую пожертвовалъ въ Челмогорскій монастырь. По всей вѣроятности служба преп. Кириллу также составлена Іоанномъ.

Ключевскій, «Древнерусскія житія», 320; «Христ. Чтеніе», 1889 г. №№ 3—4.

Іоаннъ, іеросхимонахъ, основатель Саровской пустыни (1670—1737 гг.), см. Исаакій.

Іоаннъ, іеросхимонахъ козельской Оптиной пустыни калужской губерніи, род. въ 1763 г., умеръ 4 сентября 1849 г. Воспитывался среди раскольниковъ, но потомъ присоединился къ православной церкви и сдѣлался горячимъ ревнителемъ православія. Съ 1839 г. жилъ въ Оптиномъ Предтечевомъ скиту, гдѣ постригся въ монашество, принялъ схиму и скончался. Онъ сообщилъ въ своихъ сочиненіяхъ множество свѣдѣній о мнѣніяхъ и дѣлахъ разныхъ раскольническихъ толковъ, въ которыхъ онъ самъ былъ. Изъ сочиненій его извѣстны: «О древности трехперстнаго сложенія» и «Дополненіе сочиненія о трехперстіи» (М., 1839 г.); «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ

толковъ» (М., 1841 г.); «О непоколебимости и важности святой церкви» (М., 1849 г.).

Филаретъ, «Обзоръ дух. литер.» 467; «Историч. опис. Введен. оптиной пуст.», 103. *Здр.*

Іоаннъ, схимонахъ соловецкій, род. въ 1775 г., умеръ 26 мая 1870 г. Будучи помѣщичьимъ крестьяниномъ псковской губерніи, онъ участвовалъ вмѣстѣ со своимъ помѣщикомъ въ войнѣ 1812 г. Получивъ за вѣрную службу вольную, онъ въ 1827 г. поступилъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1842 г. принялъ постриженіе въ схиму и жилъ въ Филипповой пустыни въ строгомъ воздержаніи, безмолвіи и молитвѣ. Лѣтъ черезъ 20 онъ перемѣстился въ монастырскую больницу, гдѣ тоже продолжалъ пребывать въ строгомъ уединеніи. Въ монастырѣ помнятъ о немъ, какъ о старцѣ святой жизни.

«Соловецкій Патерикъ», Спб. 1873. *С. Г. Р.*

Іоасафъ, преподобный псковскій, первый игуменъ и, вѣроятно основатель Святогорскаго псковскаго монастыря; былъ убитъ 4 марта 1299 г. при нападеніи нѣмцевъ на Псковъ. Мощи его въ соборной монастырской церкви.

Кн. Эристовъ, «Словарь историч. о святыхъ»; Филаретъ, «Русскіе святые», I.

Іоасафъ, святой, въ мірѣ Андрей князь заозерскій, изъ рода князей Ярославскихъ, старшій сынъ князя Димитрія Васильевича заозерскаго, въ 1448 г.,—по однимъ извѣстіямъ—12-ти, по другимъ—20-ти лѣтъ отъ роду, пришелъ въ Спасокаменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, постригся въ монахи съ именемъ Іоасафа и, спустя пять лѣтъ по постриженіи, скончался 10 сентября 1453 г. Мощи его прославились чудесами и онъ признанъ святымъ. Послѣ уничтоженія монастыря пожаромъ 24 іюня 1773 г., мощи, неоднократно подвергавшіяся и прежде пожарамъ и спасенныя съ немногимъ монастырскимъ имуществомъ отъ огня, перенесены были въ Вологду въ Духовъ монастырь, который съ этого времени сталъ именоваться, въ память погорѣвшаго, Спасокаменнымъ.

Амвросій, «Истор. росс. іерар.», III, 465, IV, 331; «Историч.-топогр. изв. о г. Вологдѣ», 64; Пол. соб. рус. лѣт., VII, стр. IX; «Волог. епарх. вѣд.», 1885 г., № 6.

Іоасафъ (Иванъ Ильичъ *Болотовъ*), епископъ кадьякскій, викарій иркутской епархіи, сынъ священника кашинскаго уѣзда с. Стражнова, род. 22 января 1761 г., утонулъ весною 1799 г. Съ 1777 г. обучался въ Тверской и въ Ярославской семинаріи. По окончаніи курса въ послѣдней былъ около четырехъ лѣтъ учителемъ въ углицкомъ духовномъ училищѣ. Въ 1786 году постриженъ въ монашество въ Толгскомъ монастырѣ. 4 мая 1783 г. императрица Екатерина, снисходя на просьбу «именитыхъ гражданъ» Ив. Голикова и Григ. Шелихова, чтобы «въ найденной ими сѣверной части Америки основать и умножить христіанскій законъ», повелѣла Св. Синоду учредить сѣверо-американскую кадьякскую миссію. Начальникомъ этой миссіи былъ сдѣланъ іеромонахъ Валаамскаго монастыря Іоасафъ, о которомъ извѣстный своею святою жизнію игуменъ валаамскій Назарій далъ прекрасный отзывъ. Въ помощь ему назначены іеромонахи: Аѳанасій, Макарій, Ювеналій, іеродіаконъ Нектарій и монахъ Германъ. Іоасафъ произведенъ былъ въ архимандриты и получилъ приказаніе «пребываніе имѣть на островѣ Кадьякѣ». На дальнюю дорогу ему выдано 500 р., прочимъ членамъ миссіи—по 250 р. Онъ получилъ такую же инструкцію, какая была сочинена въ 1769 году на такой же случай для тобольской епархіи. Кромѣ того петербургскій митрополитъ Гавріилъ далъ ему отъ себя письменное наставленіе. Въ началѣ 1794 года миссія отправилась въ Америку. Въ Иркутскъ она пріѣхала 16 марта того же года; 2 мая отправились въ путь далѣе и 12 іюля прибыли въ Охотскъ въ сопровожденіи одного изъ участниковъ американской компаніи, Григ. Шелихова, который снабдилъ миссію всѣмъ необходимымъ на три года. Своимъ поведеніемъ и ревностію къ святому дѣлу миссіонеры уже въ Иркутскѣ пріобрѣли такое уваженіе, что жители проводили ихъ «съ великимъ усердіемъ и слезами». По прибытіи въ 1794 году въ Кадьякъ, гдѣ компанія имѣла уже свое поселеніе, миссіонеры построили церковь, школу и немедленно приступили къ проповѣди Евангелія среди туземцевъ и въ этомъ высокомъ дѣлѣ достигли быстрыхъ успѣховъ. Преосвященный иркутскій Веніаминъ уже 23 января 1796 года доносилъ Св. Синоду, что миссія крестила 6740 человѣкъ и сочетала бракомъ 1573 человѣкъ. 25 мая 1795 года архим. Іосафъ послалъ іеромонаха Макарія для проповѣди на Алеутскіе острова и до 24 іюня 1796 г. онъ на двадцати пяти островахъ, имѣвшихъ до 50 селеній, окрестилъ 2472 человѣкъ, браковъ

повѣнчалъ 536, въ томъ числѣ 36 браковъ русскихъ съ алеутками. Въ томъ же 1795 г. архимандритъ Іоасафъ отправилъ іеромонаха Ювеналія въ Неучекъ, гдѣ тотъ и окрестилъ болѣе 700 чугачъ; затѣмъ въ селеніи Кенайскомъ окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей. Въ слѣдующемъ году Ювеналій переправился на Аляску къ озеру Илямнъ или Шелихову, гдѣ былъ убитъ язычниками. Прочіе члены миссіи, кромѣ обыкновеннаго служенія въ церкви, занимались еще обученіемъ дѣтей въ школѣ. Быстрые успѣхи кадьякской миссіи въ дѣлѣ проповѣди Слова Божія язычникамъ и остоянныя ходатайства Голикова предъ Св. Синодомъ объ опредѣленіи епископа въ сѣверо-американскія владѣнія компаніи, побудили Св. Синодъ учредить кадьякское викаріатство въ иркутской епархіи. 19 іюля 1796 г. состоялось учрежденіе кадьякскаго викаріатства; первымъ кадьякскимъ епископомъ назначенъ архимандритъ Іоасафъ, съ тѣмъ, чтобы хиротонія надъ нимъ совершена была иркутскимъ епископомъ единолично, по отдаленности епархіи. Содержаніе ему назначено въ 4030 р. Новому епископу вмѣнено въ особую обязанность стараться объ ученіи туземнаго юношества русскому языку и грамотѣ. Прибывъ въ Иркутскъ въ декабрѣ 1798 года архимандритъ Іоасафъ далъ обстоятельные отвѣты на запросы Св. Синода о подробностяхъ своихъ дѣйствій; такимъ образомъ, составлено было имъ обстоятельное «Топографическое, климатическое, статистическое и нравственное описаніе острова Кадьяка»; оно напечатано въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія» за 1805 г. (октябрь). 10 апрѣля 1799 года архимандритъ Іоасафъ былъ хиротонисанъ во епископа иркутскимъ епископомъ Веніаминомъ и вскорѣ послѣ этого онъ выѣхалъ обратно на островъ Кадьякъ; но судно «Фениксъ», на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣло крушеніе и погибло со всѣми пассажирами. Послѣ этого печальнаго событія на долго оставлены были заботы объ открытіи американской епархіи.

Архивъ Св. Синода, дѣло за 1793 г., № 45; «Пут. записки архіеп. Нила», 393—396; «Моск. Вѣдом.», 1858 г., № 142, ст. Рогозинникова; «Странникъ», 1862 г., № 6; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1840 г., ч. 26; Пассекъ, «Очерки Россіи», V; «Памятникъ трудовъ правос. благовѣстниковъ русс.», «Мірской Сборникъ», 1861, № 1, прилож.; Евгеній, митр., «Словарь дух. писателей», I, 298—300; Филаретъ, архіеп. «Обзоръ дух. литер.»; его же; «Исторія Рус. церкви», т. V.

А. Никольскій.

Іоасафъ (Василій *Гиноновъ*) іеромонахъ суздальскаго Спасо-евфиміева монастыря, сынъ сельскаго священника. Род. въ 1801 или въ 1802 гг. въ курской губерніи, умеръ 22 іюля 1861. По окончаніи курса въ Курской семинаріи въ 1825 г. поступилъ учителемъ въ путивльское приходское училище; въ 1826 г. рукоположенъ во священника; въ 1833 г., овдовѣвъ, поступилъ въ Кіевскую духовную академію и 7 апрѣля принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Іоасафа. По окончаніи курса въ Академіи, 7 сентября 1837 г. былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ въ Астраханскую семинарію; 15 декабря того-же года возведенъ въ степень магистра богословія и переименованъ въ профессора, назначенъ цензоромъ проповѣдей и 12 марта 1838 г. получилъ въ управленіе астраханскій Іоанно-предтеченскій монастырь. Въ короткое время онъ привлекъ въ монастырь много жертвователей и украсилъ монастырь, продолжая въ то же время службу въ семинаріи. Въ октябрѣ 1840 г. онъ былъ перемѣщенъ инспекторомъ Петербургской семинаріи; 6 октября 1841 г. онъ перемѣщенъ былъ на ту же должность въ Одесскую семинарію, 21 марта 1844 г. въ Тверскую семинарію. 24 сентября 1845 г. св. Синодомъ уволенъ отъ духовно-училищной службы и посланъ въ число братства въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, по обвиненію въ томъ, что онъ носилъ иногда свѣтскую одежду, употреблялъ мясную пищу, и въ Великую Пятницу говорилъ въ соборѣ проповѣдь, не согласуясь съ исправленіями цензора. Въ монастырѣ о. Іоасафъ дѣятельно занялся собираніемъ матеріаловъ по исторіи владимірской епархіи. Въ 1847 г. онъ представлялъ Св. Синоду на разсмотрѣніе четыре рукописныхъ сочиненія: «Жизнь преосвященнаго Иларіона митрополита суздальскаго», «Жизнеописанія суздальскихъ святыхъ: епископовъ Осодора и Іоанна, препод. Евоимія и препод. княжны Евфросиніи суздальской», «Извѣстіе о св. Осодорѣ и Іоаннѣ, суздальскихъ чудотворцахъ», и «Суздальскія древности»; изъ нихъ послѣднее произведеніе напечатано во «Владимірскихъ губ. вѣдомостяхъ» за 1849 г., а остальныя рукописи, хотя и не были одобрены Синодомъ къ печатанію, однако почти полностію вошли въ сочиненіе Іоасафа «Описаніе Владимірскихъ достопамятностей» (Владиміръ 1857 г.).

Владимірскіе преосвященные часто ходатайствовали о его прощеніи и просили назначить его или преподавателемъ семинаріи, или настоятелемъ какого-либо монастыря, но Св. Синодъ не находилъ возможнымъ исполнить это; въ ноябрѣ 1856 г. ему назначенъ былъ магистерскій денежный окладъ 100 р. 10 к. въ годъ и велѣно по прежнему заниматься учеными работами. Изъ сочиненій его, кромѣ указанныхъ, извѣстны: «Воспоминанія о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ», «О еврейскихъ праздникахъ» (1843 г.); «Слова» (1844); «О святыхъ иконахъ, особенно чтимыхъ, находящихся во владимірской епархіи» (1859 г.).

Дѣла архива св. Синода 1847 г. №№ 2338 и 2747; 1849 г., № 97; 1853 г., № 730; 1854 г., № 1041; Надеждинъ, «Ист. Петерб. семин.»; «Странникъ», 1860 г., сентябрь; «Владим. губ. вѣдом.» 1861 г. № 31; 1874 г. №№ 44—48. *Здр.*

Іоасафъ (Іоакимъ *Горленко*), сынъ прилуцкаго полковника, со стороны матери внукъ гетмана Апостола, род. 8 сентября 1705 г., умеръ 10 декабря 1754 г. Семи лѣтъ отданъ былъ въ Кіевъ учиться и уже съ 11 лѣтъ задумалъ идти въ монахи; 18-ти лѣтъ, не добившись на это согласія отъ родителей, тайно перешелъ въ Кіевѣ въ Лавру и, послѣ искуса, постриженъ съ именемъ Иларіона, а черезъ 2 года—въ схиму съ именемъ Іоасафа. 8 января 1728 г. назначенъ учителемъ въ семинаріи; въ ноябрѣ 1734 г. сдѣланъ іеромонахомъ и членомъ консисторіи. Въ 1736 г. назначенъ игуменомъ лубенскаго Преображенскаго монастыря; 14 сентября 1744 возведенъ въ архимандриты, съ 1745 г. по 1748 былъ намѣстникомъ Троицкой лавры, а затѣмъ назначенъ епископомъ Бѣлгорода, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ строгой, святой жизни, много поработалъ надъ возвышеніемъ нравственнаго уровня духовенства своей епархіи; относительно властей свѣтскихъ держался очень смѣло, самостоятельно и умѣлъ заставить себя уважать. Ходитъ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ разными событіями жизни его и его близкихъ, говорятъ о чудесахъ, совершающихся у его гроба. Напечатаны двѣ его проповѣди и извѣстно въ рукописи его произведеніе: «Путешествіе въ мірѣ грѣшника Іоасафа Горленка».

«Странникъ», 1865, т. III, 45, 63, 87; «Душеполез. Чтеніе», 1869, III; Г. Квитка, «Крат. опис. жизни преосвящ. Іоасафа Горленка»; Геннади, «Словарь».

Іоасафъ (Иванъ *Заболотскій*), архіепископъ, род. въ 1744 г. въ с. Заболотьи, владимірской губерніи, умеръ 13 февраля 1788 г. Учился въ Новгородской, потомъ въ Троицкой лаврской семинаріи, по окончаніи курса былъ учителемъ въ Новгородской семинаріи. Въ 1774 г. принялъ монашество, исправлялъ должность проповѣдника при Московской академіи; въ 1775 г. назначенъ игуменомъ Крестовоздвиженскаго московскаго монастыря; въ 1777 г. законоучителемъ при Академіи Художествъ; въ 1778 г.—архимандритомъ Сергіевской пустыни. Съ 1780 г. онъ былъ членомъ Св. Синода, 16 мая 1782 г. хиротонисанъ во епископа нижегородскаго; 22 сентября 1783 г. перемѣщенъ въ тверскую епархію; въ 1785 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Онъ былъ извѣстенъ, какъ проповѣдникъ и обличитель раскола. Изъ его проповѣдей напечатаны: «О дѣйствіи мужества въ день св. вел. кн. Александра Невскаго», «О томъ, что не надобно бояться смерти», «На день тезоименитства вел. кн. Александра Павловича», «въ день обрѣтенія мощей преп. Сергія» «во вторую недѣлю Великаго поста», «на новый годъ» и др.; «Поучительныя слова, сказанныя при Высочайшемъ Дворѣ», «Поученія и рѣчи, сказанныя на пришествіе Екатерины II въ 1787 г.».

Макарій, «Исторія нижегор. іерархіи»; Чередѣевъ, «Біогр. тверск. іерарховъ; 138; «Древ. Рос. Впвл.», т. XVIII (изд. 2-е), 100; Геннади, «Словарь»; «Тверск. епарх. вѣд.», 1865, № 2; архивъ св. Синода, дѣла 1774 г. № 195, 1777 г. № 135, 1785 г. № 101.

Іоасафъ (Иванъ *Кириаковъ*), умеръ 27 іюня 1644 г., сынъ протопопа г. Балахны; впослѣдствіи онъ и самъ былъ протопопомъ въ Балахнѣ; около 1617 г. поступилъ въ монахи Троицкой лавры; съ 1632 г. по смерть былъ библіотекаремъ; при немъ составлена первая опись книгъ Лавры,—всего оказалось 742 тома; при его показаніяхъ и объясненіяхъ, какъ старожила, списаны неизвѣстнымъ надгробныя надписи Троицкой лавры.

«Лѣт. занятій Археогр. Комм.», IV, 123.

Іоасафъ (*Кроковскій*), митрополитъ кіевскій, умеръ 1 іюля 1718 г. Постриженникъ Кіевопечерской лавры, опъ до 1693 г. служилъ въ Кіевской академіи учителемъ, а съ 1693 г. по 1697 г. ректоромъ и получилъ извѣстность, какъ выдающійся преподаватель богословія; въ то же время былъ игуменомъ сперва Брат-

скаго, потомъ Никольскаго монастырей; въ 1697 г. былъ избранъ братіею въ архимандриты Кіевопечерской лавры, а въ 1707 г. соборомъ кіевскаго духовенства избранъ въ кіевскіе митрополиты и посвященъ въ Москвѣ Стефаномъ Яворскимъ 15 августа 1708 года; 6 ноября 1708 г. по приказу Петра торжественно проклялъ Мазепу; въ 1718 г. вызванъ въ Петербургъ, вслѣдствіе подозрѣнія въ сочувствіи Мазепѣ и въ тайномъ противодѣйствіи отобранію церковныхъ недвижимостей; изъ Твери его свита была возвращена въ Кіевъ, а онъ сосланъ въ тверской Архангельскій монастырь, гдѣ и умеръ.

Аскоченскій, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей».

Іоасафъ (*Лазаревичъ*), митрополитъ ростовскій, посвященъ въ санъ въ 1691 г. изъ архимандритовъ Чудовскаго монастыря. Умеръ 10 ноября 1701 г. Онъ былъ извѣстенъ особенною ревностью къ церковному благолѣпію.

Титовъ, А. «Ростовская іерархія»; его-же, «Лѣтописецъ о рост. архіереяхъ».

Іоасафъ (*Лебединскій*), архимандритъ. Происходилъ изъ малороссійской дворянской фамиліи, род. въ 1771 г., умеръ послѣ 1816 г. Принялъ монашество въ 1800 г. въ домницкомъ Рождество-Богородичномъ монастырѣ, гдѣ состоялъ ризничимъ, казначеемъ, намѣстникомъ и, наконецъ, въ санѣ игумена, настоятелемъ съ 1805 г. Съ 1804 г. состоялъ присутствующимъ въ черниговской дикастеріи. 10 мая 1808 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1811 г. былъ благочиннымъ монастырей черниговской епархіи. 25 сентября 1816 г. назначенъ настоятелемъ Екатерино-лебяжьей николаевской пустыни. Онъ сочинилъ и прислалъ въ Св. Синодъ «Уставъ о средствахъ къ чиноустановленію монашеской жизни по возможности сближенныхъ», на что Св. Синодъ отвѣтилъ ему, что «для монастырей и монашествующихъ довольно правилъ въ регламентѣ и въ другихъ указныхъ предписаніяхъ, которыя чтобы въ точности соблюдаемы были братіею надлежитъ показывать самимъ настоятелямъ дѣятельные примѣры благочестивой цѣломудренной жизни и безсоблазнительнаго поведенія; умственныя же мудрованія или письменныя установленія, каково прописанное, быть полезными никогда не могутъ, яко не одушевленныя святостію руководствующихъ и управляющихъ». О времени кончины свѣдѣній не отыскано.

Архивъ св. Синода, дѣла 1816 г., № 256, № 917; «Истор.-статист. опис. черниг. еп.», III, 232. *С. Г. Р.*

Іоасафъ (*Лисянскій*), епископъ архангелогородскій и холмогорскій, род. около 1715 г., умеръ 1 мая 1769 г. 19 октября 1761 г. назначенъ, а 2 декабря хиротонисанъ изъ архимандритовъ псковскаго Спасо-Мирожскаго монастыря во епископа архангелогородскаго и холмогорскаго. Онъ перенесъ пребыванія епископа изъ Холмогоръ въ Архангельскъ и жилъ сначала въ Архангельскомъ монастырѣ, а затѣмъ въ выстроенномъ имъ архіерейскомъ домѣ. Погребенъ въ холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ; при погребеніи его не было никакого архіерея по отдаленности епархіи.

Архивъ св. Синода: дѣла за 1760 г., № 110, 1769 г., № 104, 1778 г., № 424; «Арханг. губ. вѣд.», 1847 г., № 25. *А. Н.*

Іоасафъ (Исидоръ *Маевскій*), архимандритъ кіевскаго Межигорскаго монастыря, умеръ послѣ 1752 г. Откуда онъ былъ родомъ и чей сынъ, неизвѣстно. Образованіе получилъ въ кіевскихъ школахъ и былъ въ числѣ учениковъ Ософана Прокоповича; постриженіе принялъ въ Польшѣ, въ Марковомъ монастырѣ. Въ 1714—1715 гг. былъ вызванъ въ Смоленскъ, въ открывавшуюся тамъ школу, для обученія дѣтей латинскому языку. Дѣятельность его въ Смоленскѣ была очень успѣшна; въ 1718 г. Іоасафъ, послѣ смерти митрополита смоленскаго Дороѳея Короткевича, покровительствовавшаго школѣ, уѣхалъ обратно въ Польшу, но черезъ годъ былъ вызванъ обратно новымъ митрополитомъ смоленскимъ Сильвестромъ Холмскимъ и назначенъ проповѣдникомъ. Въ 1721—1724 гг. Іоасафъ былъ архимандритомъ Крестнаго монастыря архангельской епархіи; въ 1724 г. перемѣщенъ въ Антоніевъ монастырь новгородской епархіи, съ іюня 1726 г. былъ судьею тверского архіерейскаго дома и архимандритомъ калязинскаго Макарьева монастыря; сначала онъ былъ близокъ къ Ософилакту Лопатинскому и исполнялъ его порученія, но потомъ перешелъ на сторону Ософана Прокоповича и 18 октября 1731 г. назначенъ былъ настоятелемъ Бизюкова монастыря близъ Дорогобужа. Когда возникло такъ называемое «Рѣшиловское дѣло», Іоасафъ, какъ лично знавшій Іосифа Рѣши-

лова, былъ вызванъ въ 1732 г. въ С.-Петербургъ, въ качествѣ свидѣтеля, а потомъ и самъ былъ судимъ за непринятіе присяги и за другіе проступки. 7 мая 1736 г. онъ былъ лишенъ сана, получилъ прежнее имя Исидора Маевскаго и былъ отправленъ въ Тайную Канцелярію. Но Высочайшимъ указомъ 20 декабря 1740 г., отпущена была вина, въ числѣ другихъ, и Исидору Маевскому, ему возвращено было монашество съ прежнимъ именемъ Іоасафа и онъ посланъ былъ на неисходное жительство въ Межигорскій монастырь. 9 іюля 1742 г. разрѣшено ему священнослуженіе, а 22 декабря 1745 г., по словесному докладу Св. Синода государынѣ, возвращенъ Іоасафу и санъ архимандрита, съ назначеніемъ его настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Въ концѣ 1750 г. монастырская братія обвиняла архимандрита Іоасафа въ нарушеніи давно установившихся въ монастырѣ порядковъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Дѣла архива св. Синода, 1731 г., № 155; 1733 г., № 134; 1742 г., № 264; 1745 г., № 158; 1750 г., № 84; «Чтен. въ Общ. ист. и древн.», 1863 г., IV; «Историч. очерки Смоленской дух. семин.»; Чистовичъ, «Рѣшиловское дѣло». *Здр.*

Іоасафъ (*Митковичъ*), епископъ, умеръ 30 іюня 1763 г. Сынъ священника города Козельца; получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса до 1748 г. состоялъ учителемъ въ Новгородской семинаріи. Въ 1748 г. назначенъ исправляющимъ должность семинарскаго префекта, а въ 1750 г.—преподавателемъ богословія, ректоромъ семинаріи и скоро затѣмъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря. 9 февраля 1756 г. переведенъ въ архимандриты Хутына монастыря; 26 апрѣля 1758 г. хиротонисанъ во епископа бѣлоградскаго и курскаго. Исправлялъ по порученію Св. Синода Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго для третьяго изданія (Кіевъ, 1754 г.) и Кіевопечерскій Патерикъ (Кіевъ, 1759 г.).

Архивъ св. Синода, дѣла 1754 г., № 174, 1756, № 199; Аскоченскій, «Кіевъ»; Ю. Толстой, «Списки архіереевъ»; Геннади, «Словарь». *С. Г Р.*

Іоасафъ (*Моховъ*), архимандритъ. Изъ малороссійскихъ дворянъ, сынъ священника, род. въ 1779 г., умеръ послѣ 1823 г. Образованіе получилъ въ Кіевской академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1801 г. 13 сентября былъ опредѣленъ учителемъ въ Полтавскую семинарію. Принялъ монашество 14 февраля 1809 г., 21 марта рукоположенъ въ іеродіакона, 25 марта—во іеромонаха; въ августѣ того же года получилъ званіе соборнаго іеромонаха Кіево-печерской лавры; состоялъ присутствующимъ полтавской консисторіи. 14 марта 1810 г. назначенъ въ Кіевскую академію учителемъ философіи, а съ 10 ноября того же года состоялъ въ ней и префектомъ. 14 января 1813 г. назначенъ настоятелемъ Кіево-печерскаго училищнаго монастыря, 14 февраля 1814 г. произведенъ въ архимандриты; 17 февраля того же года назначенъ ректоромъ Академіи и учителемъ богословія. 30 января 1817 г., за неповиновеніе кіевскому митрополиту Серафіону въ хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, по настоянію митрополита, отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ должностей и помѣщенъ въ Кіево-печерскую лавру въ число рядовыхъ іеромонаховъ. Въ декабрѣ 1825 г., по ходатайству кіевскаго митрополита Евгенія, ему назначена архимандричья пенсія. О дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не отыскано.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1813 г., № 778; 1815 г., № 870; 1825 г., № 1285; Аскоченскій, «Кіевъ», II. *С. Г. Р.*

Іоасафъ, (князь Савва—Исаакъ *Оболенскій*), архіепископъ ростовскій и ярославскій, умеръ 7 октября 1514 года. Онъ былъ сначала служилымъ княземъ у великаго князя московскаго; около 1436 г. онъ женился на княжнѣ Дарьѣ Васильевнѣ Луховской, но вскорѣ княгиня умерла и тогда кн. Савва постригся въ монахи въ бѣлозерскомъ Ферапонтовомъ монастырѣ, и жилъ нѣкоторое время подъ ближайшимъ руководствомъ препод. Мартиніана, тогдашняго игумена обители, отличавшагося очень строгою жизнью. По преставленіи препод. Мартиніана, въ 1480 г. онъ былъ избранъ братіею въ игумны, а въ 1481 г. 22 іюня посвященъ въ санъ архіепископа ростовскаго. Сохранились посланія къ нему отъ новгородскаго архіепископа Геннадія, въ которыхъ Геннадій съ нимъ совѣтуется о мѣрахъ борьбы съ ересью жидовствующихъ. Въ спорѣ митрополита Геронтія съ великимъ княземъ по поводу обрядовъ при освященіи храма Іоасафъ и Геннадій держали сторону великаго князя; но затѣмъ Іоасафъ вступилъ въ какія-то недружелюбныя отношенія къ великому князю Іоанну Васильевичу; сохранилось преданіе, что когда великая княгиня Софья возвраща-

лась въ Москву послѣ отраженія послѣдняго нашествія Ахмата, Іоасафъ сильно упрекалъ ее за то, что ея спутники обижали жителей. Въ 1489 г. онъ отошелъ на покой обратно въ Ѳерапонтову пустынь, здѣсь онъ и скончался въ глубокой старости, почти ста лѣтъ. При копаніи для него могилы были найдены мощи преподобнаго Мартиніана. Память объ архіепископѣ Іоасафѣ до сихъ поръ мѣстно чтится.

Гр. М. Толстой, статья въ «Душеполезномъ Чтеніи», 1876, I, 244—255; **Соловьевъ**, «Исторія Россіи», ч. I, стр. 1545.

Іоасафъ (*Пашинъ*), ректоръ Пензенской семинаріи и архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря, сынъ священника смоленской епархіи, род. въ 1818 г., умеръ 18 іюля 1869 г. По окончаніи курса въ Смоленской семинаріи и въ Петербургской духовной академіи, въ 1843 г. августа 7 постригся въ монашество; 16 того же августа посвященъ во іеромонаха. Съ 1843 г. служилъ смотрителемъ въ Краснохолмскомъ духовномъ училищѣ, учителемъ въ Смоленской семинаріи и былъ членомъ комитета для описанія смоленской епархіи. 31 октября 1853 г. опредѣленъ помощникомъ ректора Полоцкой семинаріи. Съ 1853 г. по 1861 г. преподавалъ миссіонерскому отдѣленію «Критическое обозрѣніе сочиненій, касающихся раскольническаго ученія». 29 іюля 1856 г. возведенъ въ санъ игумена и назначенъ настоятелемъ махировскаго Покровскаго монастыря. 3 сентября 1862 года назначенъ ректоромъ и наставникомъ богословскихъ наукъ въ Пензенской семинаріи и настоятелемъ Пензенскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; 20 сентября возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1863 г. состоялъ предсѣдателемъ епархіальнаго комитета объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства пензенской епархіи и цензоромъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Архивъ св. Синода, формулярные списки должностныхъ лицъ Пензенской семинаріи за 1863 г.; «Пензенскія губ. вѣдомости», 1869 г., № 30.

А. Н.

Іоасафъ (*Потемкинъ*), архимандритъ Преображенскаго пыскорскаго монастыря вятской епархіи, род. въ 1697 г. въ дорогобужскомъ уѣздѣ смоленской губ., въ вотчинѣ отца своего, въ сельцѣ Починкахъ, умеръ 8 ноября 1753 г. Образованіе получилъ домашнее; въ 1721 г. былъ написанъ въ службу рядовымъ шляхтичемъ въ смоленскій шляхетскій полкъ. Въ монашество постригся случайно, «за рубежемъ», въ мстиславскомъ Тупичевскомъ монастырѣ 1 января 1723 г. при чемъ, вопреки распоряженіямъ Петра Великаго, ни письменно, ни словесно никого не просилъ объ увольненіи въ монашество. Въ іеромонахи посвященъ въ1723 году 26 апрѣля Сильвестромъ, епископомъ могилевскимъ. Въ 1731 г. Арсеніемъ, епископомъ бѣлорусскимъ, опредѣленъ въ Мстиславль каѳедральнымъ намѣстникомъ, но недѣли черезъ двѣ безъ разрѣшенія епископа пріѣхалъ въ Смоленскъ и поступилъ въ Бизюковъ монастырь; онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что въ Мстиславлѣ жить ему было не при чемъ, такъ какъ никого изъ монашескихъ лицъ тамъ не было и священнослуженія отправлять было не съ кѣмъ. Въ 1736 г. онъ былъ привлеченъ къ отвѣту по извѣстному Рѣшиловскому дѣлу, но былъ оправданъ и съ 1744 г. по 1752 г. былъ настоятелемъ Успенскаго трифонова монастыря вятской епархіи. Въ 1753 г. въ мартѣ мѣсяцѣ «по извѣстному Св. Синоду дѣлу» взятъ былъ въ Москву въ Канцелярію тайныхъ дѣлъ, но вскорѣ въ Москвѣ и скончался и погребенъ въ Знаменскомъ монастырѣ.

Архивъ св. Синода, дѣла за 1733 г., № 152, 1753 г., № 202; «Опис. дѣлъ и докум., хранящ. въ арх. св. Синода», т. VIII. *А. Н.*

Іоасафъ (*Роменскій*), игуменъ. Изъ дворянской фамиліи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII в. состоялъ, въ санѣ игумена, настоятелемъ Михайловской предтечевой пустыни, харьковской епархіи и оставилъ замѣтки о мѣстной старинѣ, оканчивающіяся 1774 годомъ.

«Ист.-статист. опис. харьк. еп.», I; **Строевъ**, «Списки», 974. *С. Г. Р.*

Іоасафъ (*Скрипицынъ*) митрополитъ московскій, умеръ 27 іюля 1555 г. Съ 1529 г. по 1539 г. былъ игуменомъ Троице-Сергіевской лавры, присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ вел. кн. Василія Іоанновича и вмѣстѣ съ митрополитомъ Даніиломъ настоялъ на постриженіи его предъ смертію. Въ 1539 г. партіей Шуйскаго былъ возведенъ въ санъ митрополита на мѣсто Даніила. Въ малолѣтство царя онъ поддерживалъ И. Бѣльскаго, противника Шуйскихъ, и имѣлъ большое вліяніе на молодого великаго князя, но въ 1542 г. былъ свергнутъ партіей князей Шуйскихъ и былъ сосланъ сначала въ Кирилло-Бѣлозерскій, а потомъ

въ Троице-Сергіевскій монастырь, гдѣ и скончался.

Соловьевъ, ч. I, 1655—1664; ч. II, 31—23; Макарій, «Исторія русск. церкви», VI, 208; Голубинскій, «Преп. Сергій Радонежскій», 137; Горскій, «Историч. опис. Троицкой лавры».

Іоасафъ (*Срѣтенскій*), архіепископъ. Родомъ «великороссіянинъ», изъ духовнаго званія, род. въ 1768 г., умеръ 1 марта 1827 г. Образованіе получилъ въ Тверской семинаріи, съ 1791 по 1797 г. состоялъ учителемъ при пѣвчихъ тверского архіерейскаго дома, и вмѣстѣ съ тѣмъ экзаменаторомъ ставленниковъ, ризничимъ, казначеемъ и присутствующимъ въ походной архіерейской конторѣ. Въ 1795 г. принялъ монашество и вслѣдъ затѣмъ былъ рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Въ 1796 г. назначенъ игуменомъ старицкаго Успенскаго монастыря. Въ 1798 г. посвященъ въ архимандрита Ниловой пустыни, въ слѣдующемъ году опредѣленъ благочиннымъ надъ монастырями. Въ 1800 г. переведенъ въ Богоявленскій авраамиевъ монастырь и назначенъ префектомъ ростовскихъ церковныхъ училищъ и благочиннымъ надъ монастырями. Съ 1802 г. былъ ректоромъ Ярославской семинаріи. Въ 1808 г. переведенъ въ Троицкій колязинъ монастырь и опредѣленъ ректоромъ тверской семинаріи. 21 ноября 1810 г. хиротонисанъ во епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи; съ 6 іюля 1813 г. былъ епископомъ смоленскимъ, съ 7 іюля 1821 г.— архіепископомъ могилевскимъ и витебскимъ. На смоленскую каѳедру онъ былъ назначенъ послѣ раззоренія Смоленска въ двѣнадцатомъ году французами и положилъ не мало труда на устроеніе епархіи. Въ 1817 г. при немъ произведено было преобразованіе Смоленской семинаріи. Въ 1819 г., по его иниціативѣ, открытъ епархіальный комитетъ библейскаго общества. Въ своей дѣятельности преосвященный Іоасафъ отличался строгимъ наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ существующихъ узаконеній. Будучи хорошимъ юристомъ по своимъ познаніямъ, онъ и въ жизни на первый планъ выдвигалъ юридическія правовыя отношенія. Съ большимъ сочувствіемъ относился онъ къ духовному образованію и лично слѣдилъ за преподаваніемъ въ духовныхъ училищахъ своей епархіи.

Архивъ св. Синода, дѣло 1810 г., № 447; Сперанскій И., «Очеркъ исторіи смолен. семин.», Лебедевъ, А., «Опис. Колязина мон.»; Колосовъ, «Исторія тверской семинаріи»; Ю. Толстой «Списки архіереевъ». *С. Г. Р.*

Іоасафъ (*Хотунцевскій* или *Хотунцевичъ*), епископъ кексгольмскій и ладожскій, изъ малороссіянъ, умеръ 29 апрѣля 1759 г. По окончаніи образованія въ Кіевской духовной академіи постригся въ монахи и въ санѣ іеродіакона въ 1739 г. былъ отправленъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію проповѣдникомъ. Съ 1741 г. былъ экзаменаторомъ крутицкой епархіи, а въ концѣ 1742 г. назначенъ начальникомъ духовной миссіи, отправлявшейся въ Камчатку, и возведенъ въ санъ архимандрита. Въ Камчаткѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память. Онъ лично окрестилъ 1719 человѣкъ туземцевъ; благодаря его заботливости на полуостровѣ было сооружено нѣсколько новыхъ церквей, до того времени ихъ было всего три; затѣмъ устроены были три школы въ Большерѣцкѣ, Верхне-Камчатскѣ и Нижне-Камчатскѣ; число обучающихся въ нихъ мальчиковъ достигло 200. 7 іюня 1748 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для хиротоніи во епископа иркутскаго, но по пріѣздѣ хиротонисанъ не былъ, кажется, по болѣзни. 18 февраля 1754 г. былъ назначенъ ректоромъ Московской славяно-греко-латинской академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря, откуда въ 1757 г. перемѣщенъ былъ въ московскій Высоко-Петровскій монастырь, въ которомъ пользовался нѣкоторыми епископскими преимуществами. 17 апрѣля 1758 г. назначенъ епископомъ Кексгольма и Ладоги, викаріемъ новгородской епархіи; хиротонисанъ 24 мая того же года. Ему принадлежитъ «Слово» въ день Вознесенія, говоренное въ 1742 г.

Архивъ св. Синода, дѣла за 1752 № 79, 1754 г., № 355, 1757 г. № 176; Толстой, Ю; «Списки архіереевъ»; Строевъ, «Списки іерарховъ»; Смирновъ, «Исторія Моск. славяно-греколат. акад.», 201, 233; Филаретъ, «Обзоръ», II, 62; его-же «Исторія рус. церкви», V, 39—40; Макарій, «Описаніе Юрьева мон.», 98; Геннади, «Словарь», статья Попова въ «Лѣтопис. рус. литер.», 1859 г., т. II; Словцовъ, «Историческое обозрѣніе Сибири», II, 20; «Сибирскій Вѣстникъ», 1822 г., ч. XVII, стр. 88; «Иркут. епар. вѣдом.», 1874 и 1875. *А. И.*

Іоасафъ (Осипъ Ивановичъ *Шестаковскій*), архимандритъ шартомскаго Николаевскаго монастыря владимірской губерніи, сынъ шляхтича, род. около 1717 г. въ Польшѣ, умеръ послѣ 1770 г. Сначала находился въ военной службѣ и съ 1740 г.

состоялъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Въ 1751 г. назначенъ былъ адъюнктомъ въ Академію Наукъ, переводилъ на латинскій языкъ статьи для «Новыхъ Комментаріевъ» Академіи; по слабости здоровья въ маѣ 1755 г. оставилъ службу и постригся въ монашество; состоялъ іеромонахомъ Александро-невскаго монастыря и занималъ должность катехизатора. Въ 1757 г. былъ отправленъ во Францію для исправленія богослуженія въ церкви при русскомъ посольствѣ. Припадки «меланхоліи» у о. Іоасафа заставили въ 1760 г. М. П. Бестужева-Рюмина, просить, чтобы Іоасафъ былъ вызванъ въ Россію. 10 января 1761 г. Іоасафъ былъ произведенъ въ архимандрита и назначенъ настоятелемъ шартомскаго Николаевскаго монастыря владимірской епархіи. Въ 1763 г. онъ по болѣзни долженъ былъ совсѣмъ уволиться на покой и проживалъ въ Новоспасскомъ московскомъ монастырѣ, до 1770 года.

Дѣла архива св. Синода, 1755 г., № 191; 1756 г., № 383; 1761 г., № 100; 1767 г., № 93; Пекарскій, «Ист. Акад. Наукъ», II ,472. *Здр.*

Іоасафъ, епископъ Владиміра волынскаго, извѣстенъ только по имени, упоминается подъ 1228 и 1229 гг.

Іоасафъ, епископъ луцко-острожской епархіи, упоминается въ 1558—1561 г.; преемникъ его упоминается въ 1564 г.

Іоасафъ, епископъ вологодскій и пермскій, посвященъ около 1558 г., умеръ между 1560 и 1568 г.г.; участвовалъ на соборѣ, рѣшившемъ въ 1558 г. войну съ Польшею и въ избраніи митрополита Филиппа; въ 1560 г. возобновилъ Авнежскій монастырь; умеръ и погребенъ въ Троицкой лаврѣ.

«Вологод. епарх. вѣд.», 1865, 768—769.

Іоасафъ, архіепископъ вологодскій и пермскій, рукоположенъ изъ игуменовъ Кириллова бѣлозерскаго монастыря въ 1604 г.; умеръ 3 іюня 1607 г.

«Вологод. епарх. вѣд.», 1865, 791.

Іоасафъ, настоятель Троице-Сергіева монастыря, въ 1605—1610 гг. возведенъ на это мѣсто изъ иноковъ Пафнутіева боровскаго монастыря; при немъ Лавра выдержала осаду Сапѣги и Лисовскаго. Онъ погибъ въ числѣ другихъ иноковъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ, когда этотъ послѣдній былъ взятъ и сожженъ поляками.

Горскій, «Истор. опис. Свято-Троицкой лавры», 99—124.

Іоасафъ I, четвертый патріархъ московскій, преемникъ Филарета и предшественникъ Іосифа, поставленъ въ патріархи 6 февраля 1634 г., умеръ 28 ноября 1640 г. Онъ происходилъ изъ боярскихъ дѣтей, постригся въ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ при архимандритѣ Исидорѣ; когда Исидоръ поставленъ былъ архіепископомъ въ Новгородъ, онъ вызвалъ къ себѣ Іоасафа и пользовался его помощію во время смутъ, произведенныхъ первымъ самозванцемъ, проникавшихъ и въ Новгородскую область. Въ 1621 г. Іоасафъ былъ сдѣланъ игуменомъ Псково-печерскаго монастыря, 1 января 1627 г. поставленъ въ псковскіе архіепископы. Въ 1632 г. онъ подписался въ прошеніи псковичей къ Царю объ запрещеніи нѣмцамъ имѣть во Псковѣ свой торговый дворъ; царь былъ недоволенъ этою просьбою и патріархъ за это наложилъ на Іоасафа запрещеніе; вскорѣ, однако, вмѣстѣ съ псковичами, прощенъ былъ и ихъ архіепископъ. Черезъ два года послѣ этого, 6 февраля 1634 г., Іоасафъ былъ поставленъ царемъ въ патріархи, предуказанный для этого сана своимъ предшественникомъ, патріархомъ Филаретомъ, и соборомъ русскихъ епископовъ избранный въ число трехъ кандидатовъ. Извѣщая о его избраніи восточныхъ патріарховъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ называлъ его «мужемъ благоразумнымъ, правдивымъ, благоговѣйнымъ и наученнымъ всякой добродѣтели». Одинъ изъ современниковъ (архіепископъ Пахомій) избраніе его въ патріархи объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ «дворовый сынъ боярскій, въ нравахъ и житіи добродѣтельный и къ царю не дерзновененъ». Іоасафъ далеко не имѣлъ при дворѣ такого положенія, какимъ пользовался Филаретъ. Онъ назывался уже не «великимъ государемъ», а лишь «великимъ господиномъ»; имя патріарха не значится, какъ было раньше, рядомъ съ именемъ государя въ актахъ не только государственныхъ, но и церковныхъ, исходившихъ лично отъ Государя, напр. въ грамотахъ царя о посылкѣ священнослужителей въ сибирскіе города, въ грамотѣ Сійскому монастырю при ссылкѣ туда архіепископа суздальскаго, въ грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю о доставкѣ въ Москву книгъ для печатнаго двора и т. д. Новыя, сравнительно съ предыдущимъ патріаршествомъ, отношенія высшей церковной власти къ госу-

дарю хорошо формулированы самимъ патріархомъ Іоасафомъ въ посланіи его къ царю, въ отвѣтъ на предложенный ему царемъ вопросъ объ отношеніяхъ къ крымскому хану. Патріархъ пишетъ: «Нашъ долгъ молить Бога, Пречистую Богородицу и святителей московскихъ о мирѣ всего міра, о благосостояніи св. божіихъ церквей и о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и твоего семейства. А о томъ, что учинить крымцамъ за мученіе твоихъ людей, намъ, твоимъ богомольцамъ, не пристойно написать такого отвѣта, чтобы учинить воздаяніе. Разсудить объ отмщеніи врагамъ и что учинить имъ — дѣло, государь, твое и твоихъ бояръ и ближнихъ людей и твоего царскаго синклита, а не насъ, твоихъ государевыхъ богомольцевъ». Патріархъ прибавляетъ только: «Намъ, богомольцамъ твоимъ, прилично лишь напоминать тебѣ, какъ царю и владыкѣ. Тебѣ, государь, принявшему управленіе православнымъ народомъ, подобаетъ пещися не о себѣ только, но соблюдать отъ треволненія все ввѣренное тебѣ стадо Божіе. Поревнуй, боговѣнчанный царь, какъ ревновалъ прежде, царю Константину и князю Владиміру. Ты глава всѣмъ: покажи ревность освободить своихъ посланниковъ изъ бесерменскихъ рукъ, отъ злого мученія и позора, а потомъ можно будетъ отказать крымцамъ, за ихъ многую неправду, въ той казнѣ, что посылалась имъ»... Такимъ образомъ патріархъ дастъ царю совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ не въ силу присущаго ему по званію патріарха какого-либо постояннаго права давать совѣты, а лишь по прямому требованію царя, и за собою, какъ за высшей церковной властью, считаетъ лишь право «напоминать» православному Государю о его обязанностяхъ въ отношеніи его православныхъ подданныхъ.— Патріаршество Іоасафа I не было ознаменовано какими-либо крупными событіями въ церковной жизни Россіи. Вниманіе его было занято преимущественно изданіемъ богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ и нѣкоторыми частными мѣропріятіями для устраненія безпорядковъ въ богослуженіи и въ быту духовенства. Книгъ при Іоасафѣ I, въ шесть лѣтъ его патріаршества, издано было болѣе, чѣмъ въ четырнадцатилѣтнее патріаршество Филарета; типографскихъ становъ дѣйствовало двѣнадцать, тогда какъ при Филаретѣ всего семь. Впрочемъ, изъ двадцати трехъ изданій, сдѣланныхъ при Іоасафѣ, шестнадцать представляли перепечатку съ Филаретовскихъ изданій. Какъ при Филаретѣ, такъ и при Іоасафѣ книги были напечатаны лишь по исправленіи ихъ согласно съ старинными русскими списками, которые были собраны. Справщиками печатаемыхъ книгъ на Печатномъ дворѣ, которымъ завѣдывалъ бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, были «старцы добрые», а также черные попы и дьяконы, «житіемъ воздержательные и крѣпкожительные, грамотѣ гораздые»; но между ними не значилось знатоковъ греческаго языка, и греческіе подлинники исправляемыхъ книгъ не принимались во вниманіе при исправленіи русскихъ переводовъ, вслѣдствіе чего книги Іоасафовскія, въ смыслѣ правильности текста, имѣютъ не больше достоинства, чѣмъ исправленныя при Филаретѣ. Изъ справщиковъ болѣе другихъ извѣстенъ подьячій патріаршаго двора Василій Бурцевъ. Ни на одномъ изъ Іоасафовскихъ изданій не отмѣчено, что книга была «свидѣтельствована патріархомъ», какъ это дѣлалось при Филаретѣ, и потому можно думать, что самъ Іоасафъ принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе меньшее, чѣмъ Филаретъ. При Іоасафѣ были напечатаны: Псалтирь (семь изданій), Потребникъ, Минея общая, Псалтирь слѣдованная, Часословъ (по четыре изданія), Евангеліе, Служебникъ, Тріодь цвѣтная (по три изданія), Апостолъ, Тріодь постная, Каноникъ, Шестодневъ (по два изданія), Евангеліе учительное, Октоихъ, Минея мѣсячная—на сентябрь, октябрь и декабрь, и Уставъ церковный (по одному изданію). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій замѣчаются отступленія отъ изданій прежнихъ; такъ въ Іоасафовскомъ изданіи Требника выпущенъ особый чинъ погребенія священническаго, по той причинѣ, что будто бы этотъ чинъ составленъ еретикомъ Еремеемъ, попомъ болгарскимъ. Въ Требникѣ Іоасафовскомъ вставлены вновь цѣлыя три главы: 40, 42 и 46; въ «Уставѣ церковномъ» прибавлены «чины русскихъ церквей и монастырей» и т. п. Семь книгъ, вновь изданныя Іоасафомъ, слѣдующія: Азбука, съ начатками грамматики, составленная Бурцевымъ по виленскому изданію, Аноологій, Трефолой (въ четырехъ томахъ, по три мѣсяца въ каждомъ), Трефолой со службами русскимъ святымъ, Потребникъ иноческій, Святцы и житіе св. Николая со службою ему. Уже

послѣ кончины Іоасафа вышли въ свѣтъ изданія, предпринятыя, вѣроятно, по его указанію: Прологъ за первую половину церковнаго года (съ сентября по мартъ) и Маргаритъ (сборникъ проповѣдей Златоуста, съ прибавленіями). Іоасафъ хотѣлъ также издать Четіи-Минеи, для чего вытребованъ былъ изъ Кириллова монастыря экземпляръ Макарьевскихъ великихъ Четьихъ-Миней, но этого намѣренія онъ не успѣлъ исполнить.

Памятникомъ дѣятельности Іоасафа I по благоустроенію церковнаго чина служитъ сохранившаяся до нашего времени его «память» патріаршему тіуну Ивану Мануйлову и главному старостѣ поповскому въ Москвѣ никольскому попу Панкратію относительно церковнаго благочинія и жизни духовенства. Богослуженіе въ то время отправлялось въ церквахъ крайне неблагочинно: пѣли въ церквахъ наскоро, голосовъ въ пять-шесть читали и пѣли единовременно разное, міряне вели громкіе разговоры, да и сами попы бесѣдовали и безчинствовали во время службы, обѣдню служили безъ часовъ, въ великомъ посту отправляли службы наскоро и т. д. Въ своей «памяти», которую старосты поповскіе должны были всѣ имѣть у себя въ спискахъ и прочитывать всѣмъ причтамъ, патріархъ требовалъ, чтобы попы и діаконы жили благочинно и исправляли свои обязанности тщательно, пѣніе и чтеніе въ церквахъ совершали во всемъ согласно съ церковными правилами; чтобы міряне вели себя въ храмѣ благоговѣйно; чтобы всѣ службы церковныя совершались своевременно и на нихъ читались бы учительныя евангелія и прочія поученія изъ прологовъ и другихъ учительныхъ книгъ; чтобы попы учили дѣтей своихъ духовныхъ страху Божію и всякому благочинію, наставляли ихъ, какъ слѣдуетъ молиться Богу и Его угодникамъ, какъ проводить праздники по христіански, чтобы они исправляли въ народѣ злые нравы и обычаи. Заслуживаетъ вниманія произведенное патріархомъ Іоасафомъ уничтоженіе своего рода мѣстничества между церковными властями. При съѣздахъ іерарховъ въ Москву, на соборныхъ засѣданіяхъ, при собраніяхъ у патріарха для совѣщаній, за трапезой въ палатахъ царскихъ, іерархи спорили о мѣстахъ и производили безпорядки, стараясь сѣсть одинъ выше другаго. Іоасафъ составилъ «лѣствицу властямъ», въ которой съ точностію опредѣлилъ мѣсто каждаго архіерея и монастырскаго настоятеля.—Благочестивый и строгій инокъ Іоасафъ имѣлъ особенное уваженіе къ мѣсту своего постриженія, Соловецкому монастырю, и щедро благотворилъ ему то церковными облаченіями, то деньгами, то богослужебными книгами. Его содѣйствіемъ въ 1634 г. основанъ дворяниномъ Гладковымъ оранскій Богородицкій монастырь (въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской губерніи), въ память чудесъ отъ Владимірской иконы Божіей Матери, къ которой Іоасафъ имѣлъ особенное усердіе. Вообще же за время его управленія въ Россіи основано вновь три монастыря и возстановлено пять прежнихъ, закрывшихся до него. «Поспѣшеніемъ» патріарха новгородскій митрополитъ Аѳоній написалъ сочиненіе о духовной силѣ и благодати, подаваемой въ таинствѣ крещенія и въ день пятидесятый, а соловецкій монахъ Сергій составилъ въ 1639 г. сказаніе о святыхъ Іоаннѣ и Логгинѣ яренгскихъ.

Макарій, «Ист. русс. церкви», т. XI; Соловьевъ, «Ист. Россіи», т. IX, гл. III и IV; «Чтенія Моск. общ. ист. и древ.», кн. 3, 37—40. *И. Б.*

Іоасафъ II, седьмой патріархъ московскій, преемникъ Никона и предшественникъ Питирима, умеръ 17 февраля 1672 г. Въ 1654—1656 гг. онъ былъ архимандритомъ Рождественскаго монастыря во Владимірѣ, а въ 1656 — 1666 гг. архимандритомъ Троицы-Сергіева монастыря. На этомъ мѣстѣ царь Алексѣй Михайловичъ близко узналъ Іоасафа и получилъ къ нему особенное уваженіе послѣ того, какъ во время трехдневнаго поста и молитвъ архимандрита съ братіей московская рать одержала блестящую побѣду надъ поляками. Въ особой грамотѣ по этому случаю царь называлъ архимандрита Іоасафа и братію монастыря «небесными человѣками и земными ангелами». 10 февраля 1667 г. соборомъ іерарховъ Іоасафъ, находившійся уже въ преклонныхъ лѣтахъ, былъ поставленъ въ патріархи. Патріаршество его, продолжавшееся пять лѣтъ, было ознаменовано нѣсколькими крупными событіями и важными реформами въ русской церкви. При немъ были составлены Симеономъ Полоцкимъ и изданы въ 1670 г. два катихизиса, большой и малый; при его же ближайшемъ участіи возстановлена за долго предъ тѣмъ прекратившаяся въ Московской Руси изустная проповѣдь въ церквахъ; миссіонер-

ская проповѣдь православной вѣры при Іоасафѣ достигла восточной Даурiи: на берегахъ Амура въ 1671 г. былъ построенъ іеромонахомъ Гермогеномъ Спасскій монастырь; на сѣверѣ проповѣдано было христіанство зырянамъ и самоѣдамъ и жителямъ острововъ Новой Земли. Большой Московскій соборъ 1667 г., на которомъ кромѣ патріарха московскаго присутствовали два патріарха восточныхъ, 11 митрополитовъ, 13 архіепископовъ и епископовъ и 54 духовныя лица низшихъ степеней, сдѣлалъ много важныхъ постановленій. Конечно, трудно рѣшить, сколько въ этихъ постановленіяхъ имѣла значенія личная инiціатива патріарха Іоасафа II; въ постановленіяхъ собора дѣлаются ссылки преимущественно на примѣръ церквей восточныхъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что участіе Іоасафа не было всегда только пассивнымъ: нѣкоторые настойчивые совѣты восточныхъ патріарховъ были оставлены Іоасафомъ безъ исполненія. Такъ, онъ совершенно игнорировалъ ихъ прекрасный совѣтъ о заведеніи повсемѣстно въ Россіи училищъ, что, какъ патріархи указывали, конечно, совершенно справедливо, было бы лучшимъ средствомъ для борьбы съ расколомъ; онъ также не послѣдовалъ ихъ совѣту объ учрежденіи новыхъ епархій въ Россіи—изъ нихъ имъ учреждена лишь одна бѣлгородская. Изъ постановленій собора, осуществленію которыхъ Іоасафъ II посвящалъ свою дѣятельность, особенно важны: отмѣна подсудности духовенства свѣтскимъ чиновникамъ, причемъ вмѣсто «Тіунской избы» учрежденъ «Приказъ церковныхъ дѣлъ», въ которомъ засѣдали только духовные судьи; постановленіе, чтобы священники обязательно обучали своихъ дѣтей грамотѣ; запрещеніе признавать нетлѣнныя тѣла святыми безъ достовѣрныхъ освидѣтельствованій; запрещеніе работать, торговать и производить судъ въ праздничные дни, — наблюдать за исполненіемъ этого должны были архіереи и священники; установленіе для всѣхъ духовныхъ лицъ обязательнаго единообразнаго одѣянія; запрещеніе священникамъ при совершеніи браковъ ѣхать впереди свадебнаго поѣзда съ крестомъ, если поѣздъ сопровождается скоморохами, музыкой и пѣніемъ и т. п. Много сдѣлано было соборомъ и другихъ постановленій, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія іерархическихъ церковныхъ степеней и обрядовыя подробности богослужебнаго чина, изъ которыхъ нѣкоторыя съ теченіемъ времени утратили силу; этотъ же соборъ отмѣнилъ перекрещиваніе католиковъ. Въ патріаршество Іоасафа II окончательно совершилось и образованіе раскола старообрядства, обособившаго отъ общей религіозной жизни Россіи милліоны русскихъ людей, не пожелавшихъ отказаться отъ древнихъ церковныхъ обрядовъ и старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, и за неповиновеніе въ этомъ дѣлѣ церкви преданныхъ, по силѣ церковныхъ правилъ, 13 мая 1667 г. проклятію, а государствомъ подвергнутыхъ уголовному преслѣдованію, согласно византійскимъ законамъ, внесеннымъ въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Особымъ посланіемъ къ священноначальствующимъ Іоасафъ разъяснялъ, какъ надо относиться къ раскольникамъ. На долю его выпало впервые примѣнить постановленія собора 1667 г. противъ раскольниковъ. Въ 1668 г., узнавъ, что многіе священники отказываются отправлять церковныя службы по новымъ книгамъ, а литургію совершаютъ на просфорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, патріархъ лишилъ ихъ должностей и предалъ суду, а просфорницъ сослалъ въ монастыри. Изъ другихъ распоряженій Іоасафа II извѣстны его законы о правильномъ писаніи иконъ, по поводу чего онъ обращался съ посланіями къ царю и къ «придворному изуграфу» Симону Ушакову. Своими мѣропріятіями патріархъ остановилъ вторженіе въ русскую иконопись итальянской и вообще западной манеры иконописанія и узаконилъ византійскій стиль иконописи, по древнимъ подлинникамъ. Исправленіе богослужебныхъ книгъ по древнимъ греческимъ текстамъ, не вполнѣ оконченное при Никонѣ, продолжалось и при Іоасафѣ II. Въ 1670 г. издана «Цвѣтная тріодь», свѣренная съ греческимъ подлинникомъ, а въ 1672 г. напечатана «Постная тріодь», вновь переведенная съ греческаго.—Изъ письменныхъ произведеній съ именемъ Іоасафа II извѣстны: «грамота» отъ лица собора 1667 г. о предметахъ церковнаго суда; грамота о духовныхъ лицахъ, впавшихъ въ уголовныя преступленія; «увѣщательная грамота» къ раскольникамъ; грамота къ малороссійскому народу по поводу смутъ Брюховецкаго, содержащая въ себѣ увѣщанія держаться

царя московскаго и «духовное завѣщаніе» (всѣ три въ рукописи Синодальной библіотеки).

Макарій, «Ист. рус. церкви», т. XII, 760—792; Соловьевъ, «Ист. Россіи», т. XI, гл. IV, V; «Чтенія Моск. общ. ист. и древ.», ч. 5, 75—80; «Акты Археогр. Экспед.», IV, №№ 155, 161. *Н. Б.*

Іоасафъ, архіепископъ тверской, умеръ въ 1676 г., въ схимѣ съ именемъ Іосифа. Посвященъ на архіепископскую каѳедру въ 1657 г. патріархомъ Никономъ; въ 1666 г. онъ участвовалъ въ соборѣ о раскольникахъ, въ судѣ надъ Никономъ и подписалъ актъ о его низложеніи. Въ 1661 г. въ Твери былъ сильный пожаръ и Іоасафъ много сдѣлалъ для возобновленія сгорѣвшихъ церквей.

Чередѣевъ, «Біографіи тверскихъ іерарховъ», 86—90.

Іоасафъ, митрополитъ казанскій, на каѳедру посвященъ 6 сентября 1674 г. изъ архимандритовъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря. Умеръ 30 января 1686 г. Изъ всѣхъ казанскихъ іерарховъ онъ одинъ только именовался митрополитомъ казанскимъ и болгарскимъ.

Горталовъ, «Краткія біогр. свѣдѣнія объ іерархахъ казан. епархіи».

Іоасафъ, игуменъ Красногорскаго монастыря архангелогородской епархіи, назначенъ на это мѣсто 23 мая 1690 г., умеръ послѣ 1694 г. Онъ много сдѣлалъ для улучшенія хозяйственнаго положенія монастыря; но 17 февраля 1694 г. преосвященный Аѳанасій смѣнилъ его, запретилъ ему священнослуженіе и отослалъ подъ строгій надзоръ въ Сійскій монастырь, такъ какъ оказалось, что онъ жилъ слишкомъ роскошно, выстроилъ себѣ новыя обширнѣйшія кельи, продавалъ на сторону, для покрытія своихъ расходовъ, изъ монастыря богослужебныя книги, допустилъ и братію до слишкомъ свободной жизни, при чемъ монахи стали для увеличенія своихъ доходовъ, крестить и исполнять другія требы, принадлежащія собственно только священникамъ.

Макарій, «Ист. описаніе Красногород. монастыря», 89—93.

Іоасафъ, іеромонахъ, строитель площанской Богородицкой пустыни орловской епархіи, изъ дворянъ, род. въ Каширѣ около 1692 г., умеръ въ 1766 г. Постригся въ монашество въ Одриномъ монастырѣ, въ 1716 г. Въ 30-хъ годахъ XVIII в. удалился въ Брянскіе лѣса для безмолвнаго уединенія и былъ первымъ подвижникомъ, собравшимъ около себя учениковъ и положившимъ начало процвѣтанію пустынножительства въ Брянскихъ лѣсахъ. Въ 1741 г. Іоасафъ былъ назначенъ строителемъ Площанской пустыни; въ монастырѣ онъ построилъ двѣ церкви, увеличилъ ризницу и библіотеку. Любовь къ уединенію заставила его отказаться отъ начальства и въ 1746 г. онъ снова удалился изъ монастыря. Къ нему являлось множество людей, желавшихъ получить отъ него совѣтъ, наставленіе или-же остаться при немъ и участвовать въ его подвигахъ. Многихъ изъ своихъ учениковъ онъ постригалъ въ монашество; за это, какъ нарушитель закона, Іоасафъ взятъ былъ на судъ въ Сѣвскую консисторію; но преосвященный сѣвскій Кириллъ, увидавъ изнуреннаго подвижника-старца, велѣлъ освободить его и оставить въ Площанской пустыни.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просв.», 1893 г., сентябрь; Амвросій, «Исторія Росс. іерар.», т. V; «Описаніе Богородицк. площан. пуст.». *Здр.*

Іоасафъ, архимандритъ, «великороссіянинъ», род. въ 1751 г., умеръ послѣ 1797 г. Въ молодыхъ годахъ онъ былъ въ Константинополѣ, на Аѳонѣ и въ Молдавіи и изучилъ языки греческій, итальянскій, французскій, нѣмецкій и румынскій. Принялъ монашество въ Пиловой пустыни въ 1786 г., и былъ въ ней капонархомъ и уставщикомъ. Посвященъ во іеромонаха въ 1787 г. Въ 1788 г., по указу Святѣйшаго Синода, какъ знающій греческій языкъ, опредѣленъ оберъ-іеромонахомъ флотскаго духовенства на Средиземномъ морѣ. Участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ и 29 ноября 1790 г. за подвиги во время морскихъ сраженій получилъ брилліантовый наперсный крестъ. 17 декабря 1790 г. посвященъ во игумена арзамасскаго Спасскаго монастыря, 13 іюля 1791 г. произведенъ во архимандрита Спасо-евѳиміева монастыря. Въ 1797 г. 22 іюня назначенъ въ ставропигіальный Спасопреображенскій пермскій монастырь, не смотря на просьбу объ увольненіи на покой по болѣзни. Онъ не послушался указа Синода, заявилъ рѣшительно, что по болѣзни не можетъ продолжать настоятельства и въ ноябрѣ 1797 г. былъ уволенъ.

Архивъ св. Синода, дѣла 1749 г., № 118; 1797 г., №№ 172, 182; 1798 г., № 244. *С. Г. Р.*

Іоасафъ, архимандритъ, умеръ 23 іюня 1800 г., родомъ изъ Миргорода. Изъ настоятелей полоцкаго Богоявленскаго монастыря, былъ назначенъ въ мартѣ 1800 г. архимандритомъ виленскаго Свято-Духова

монастыря. Когда Іоасафъ вошелъ съ представленіями къ литовскому военному губернатору о необходимости капитальной перестройки крайне обветшавшихъ зданій и объ отпускѣ необходимыхъ для этого средствъ, минскій архіепископъ Іовъ и минская консисторія 7 января 1806 г. предложили Святѣйшему Синоду, за отсутствіемъ на мѣстѣ просимыхъ средствъ, закрыть монастырь и вмѣсто него учредить каѳедральный соборъ въ Вильнѣ. Но Синодъ и Государь воспротивились этому и монастырь продолжалъ существовать.

Смирновъ, «Виленскій Свято-Духовъ монастырь».

Іоасафъ, игуменъ. Род. въ 1775 г., умеръ послѣ 1821 г. Былъ сначала священникомъ; овдовѣвъ, поступилъ въ смоленскій Троицкій монастырь и въ 1812 г. принялъ монашество. Въ 1813 г. назначенъ экономомъ смоленскаго архіерейскаго дома и былъ, по порученію рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта, который завѣдывалъ всѣми работами по возобновленію разрушенныхъ непріятелями церковныхъ зданій (кромѣ находившихся въ Москвѣ), главнымъ распорядителемъ по возобновленію смоленскаго архіерейскаго дома, Богоявленскаго собора и Одигитріевской церкви. Въ 1814 г. назначенъ игуменомъ Колоцкаго гжатскаго монастыря и устроилъ этотъ раззоренный французскими войсками монастырь.

Архивъ св. Синода, дѣла 1821 г., № 630.

С. Г. Р.

Іоасафъ, архимандритъ, изъ купцовъ, бѣлоруссъ по происхожденію; род. въ 1749 г., умеръ 1 ноября 1824 г. Принялъ монашество въ Кіево-братскомъ монастырѣ и въ вотчинахъ монастыря былъ управителемъ, потомъ былъ ключникомъ, «расходчикомъ», «денежнымъ и питейнымъ шафероМъ», уставщикомъ, казначеемъ и экономомъ. Когда монастырскія имѣнія были взяты въ казну, Іоасафъ былъ назначенъ экономомъ Кіевской академіи. Въ 1791 г. вызванъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ Могилевъ, въ экономы архіерейскаго дома, причемъ ему было поручено и завѣдываніе всѣми вотчинами могилевской архіерейской каѳедры. 8 сентября 1792 г. посвященъ во игумена могилевскаго Богоявленскаго монастыря и назначенъ присутствующимъ могилевской духовной консисторіи. Въ іюнѣ 1794 г. преосвященный Георгій за что то отрѣшилъ Іоасафа отъ всѣхъ его должностей, но въ 1795 г. онъ былъ опредѣленъ новымъ могилевскимъ епископомъ Аѳанасіемъ въ настоятели Оршанскаго монастыря и присутствующимъ оршанскаго духовнаго правленія, а въ 1797 г.—ректоромъ Могилевской семинаріи и снова настоятелемъ Богоявленскаго монастыря и присутствующимъ могилевской консисторіи. Въ 1798 г. возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1799 г. назначенъ благочиннымъ надъ монастырями. Въ 1813 г., поссорившись съ новымъ могилевскимъ епископомъ Даніиломъ, Іоасафъ самовольно оставилъ свою должность по консисторіи. Возникшее по этому поводу дѣло окончилось тѣмъ, что Святѣйшій Синодъ, оставляя Іоасафа настоятелемъ въ его монастырѣ, обязалъ его испросить извиненіе у преосвященнаго, что имъ и было исполнено. 31 іюля 1815 г., по прошенію, уволенъ отъ настоятельства въ монастырѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло дѣло о самоуправномъ распоряженіи имъ землями архіерейскаго дома и монастырей; дѣло это закончилось лишь въ 1823 г.; Іоасафъ былъ помѣщенъ въ число рядовыхъ іеромонаховъ въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ и скончался 1 ноября 1824 г. Въ 1810 г. онъ возобновилъ послѣ пожара зданія могилевскаго Богоявленскаго монастыря, причемъ онъ самъ собралъ и нужную на это сумму.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1795 г., № 110; 1813 г., № 636; 1814 г., № 942; 1825 г., № 84.

С. Г. Р.

Іовскій, *Александръ Алексѣевичъ*, врачъ, изъ духовнаго званія, род. 29 августа 1796 г. въ воронежской губерніи, скончался послѣ 1854 г. Въ 1814 г. онъ кончилъ курсъ въ Воронежской семинаріи и, пробывъ два года учителемъ рисованія, въ 1816 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Получивъ серебряную и золотую медали за представленныя сочиненія, въ 1821 г., по окончаніи курса, оставленъ при Университетѣ. По предписанію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія ѣздилъ въ губерніи московскую, рязанскую, тульскую и калужскую и въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ представилъ описаніе открытыхъ имъ мѣсторожденій каменнаго угля въ тульской губерніи. Въ 1822 г. получилъ степень доктора медицины. Въ 1823 г. былъ посланъ на два года за границу и изучалъ химію и фармацію въ Парижѣ, Фрейбергѣ и Лондонѣ. Въ 1826 г. назначенъ въ Московскій университетъ адъюнктомъ для преподаванія аналитиче-

ской химіи въ приложеніи къ медицинѣ. Съ 1829 г. читалъ общую химію, а съ 1836 г., согласно новому уставу, съ званіемъ экстра-ординарнаго профессора—фармацію и фармакологію съ рецептурой и токсикологіею. Въ 1842 г. вышелъ въ отставку. Въ печати извѣстны слѣдующіе его труды: «Начальныя основанія химіи, изданныя сообразно новѣйшимъ открытіямъ», (1822); «Начертаніе общей фармакологіи» (1835); «Начертаніе фармаціи» (1838) «Лѣкарственникъ или фармакологія К. Шпренгеля, переводъ съ латинскаго» (1820). Въ 1828—1832 гг. онъ издавалъ ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ естественныхъ наукъ и медицины» и въ 1829 г.—«Журналъ хозяйственной химіи».

Змѣевъ, «Русскіе врачи писат.»; «Біограф. словарь проф. Моск. Унив.».

Іовскій, *Петръ Алексѣевичъ*, магистръ нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1835—1836 гг. читалъ въ Московскомъ университетѣ, примѣняясь къ Своду Законовъ, русское государственное право; въ то же время онъ былъ секретаремъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Изъ сочиненій его напечатано разсужденіе «О монархическомъ правленіи» (1828); кромѣ того онъ издалъ на 1832 годъ альманахъ «Элизіумъ».

«Біограф. словарь професс. Московск. университета», 364.

Іовъ, преподобный ущельскій, первый строитель монастыря на Ущельѣ, при р. Мезени, основаннаго въ 1615 г. Убитъ разбойниками въ 1628 году. Память его 5 августа.

Толстой гр., «Книга, глаголемая описаніе о росс. святыхъ».

Іовъ (*Желъзо*), святой, игуменъ Почаевскаго монастыря, род. около 1551 г., скончался 28 октября 1651 г. На десятомъ году ушелъ въ Угорницкій монастырь, и черезъ два года постригся; въ 1581 г. былъ рукоположенъ въ іеромонахи и принялъ схиму подъ именемъ Іоанна, въ 1583 г. перешелъ, по просьбѣ князя Константина Острожскаго, въ Дубенскій монастырь игуменомъ. Здѣсь при его ближайшемъ участіи учреждено было братство, занимавшееся подъ его руководствомъ изученіемъ и переводами книгъ духовнаго содержанія. Плодомъ этихъ занятій была «Діоптра мірозрительная», напечатанная въ 1612 г. Въ 1604 г. Іовъ тайно оставилъ Дубенскій монастырь, возвратился въ Угорницкій и тоже былъ избранъ игуменомъ. 21 марта 1617 г., по совѣтамъ преподобнаго Іова, Анна Гойская завѣщала монастырю богатые угодья, поля, сѣнокосы, даже крестьянъ; въ 1649 г., также благодаря Іову, Ѳедоръ и Евва Домашевскіе построили въ монастырѣ каменный храмъ Св. Троицы. Въ 1641—1647 гг. Іовъ утвердилъ за монастыремъ пожертвованіе Анны Гойской, выигравъ процессъ съ претендентами на это имѣніе. Въ монастырской типографіи онъ напечаталъ между прочимъ «Зерцало Богословія» Кирилла Транквилліона, молитвенники, посланія православныхъ архіепископовъ и многія другія книги. Въ 1628 г. присутствовалъ на духовномъ соборѣ въ Кіевѣ; вообще же Іовъ велъ жизнь отшельника, проводилъ цѣлые дни и даже недѣли на молитвѣ въ небольшой каменной пещерѣ. Въ 1649 г., за два года до смерти, самъ назначилъ себѣ преемника. Мощи его находятся въ Почаевской Успенской лаврѣ и привлекаютъ многочисленныхъ поклонниковъ.

Хойнацкій, «Жизнь и подвиги преп. Іова»; «Очерки изъ исторіи Правосл. церкви на Волыни», 149—229.

Іовъ (*Базилевичъ*), епископъ. Умеръ 2 мая 1776 г. Уроженецъ м. Боромли, воспитанникъ Харьковскаго коллегіума, онъ въ немъ же, по окончаніи курса, состоялъ послѣдовательно учителемъ, префектомъ и ректоромъ. Съ 1763 по 1770 г. былъ архимандритомъ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ 1770 г. переведенъ въ курскій Знаменскій. 31 октября 1770 г. хиротонисанъ во епископа переяславскаго, коадъютора кіевской митрополіи. Управляя преимущественно такими православными приходами, которые были подъ владычествомъ Польши, преосвященный Іовъ положилъ много труда и заботъ какъ на сбереженіе своей паствы отъ окончательнаго расхищенія латинствомъ, такъ и на ея внутреннее упорядоченіе. Латиняне въ то время всѣми способами угнетали православныхъ: насильно отнимали у нихъ церкви, изгоняли священниковъ съ приходовъ, православныхъ крестьянъ силою заставляли идти въ уніатскія церкви. Среди самыхъ православныхъ, вслѣдствіе общаго безпорядка въ Польшѣ, тоже возникали многочисленныя неурядицы: протопопы дозволяли себѣ различныя самоуправства, незаконные поборы и пр. Время архипастырства преосвященнаго Іова ознаменовано подъемомъ

православно-русскаго сознанія среди малороссійскаго крестьянства, бывшаго подъ властію Польши, и возвращеніемъ къ православію многихъ насильно совращенныхъ въ унію; съ внѣшней стороны онъ такъ же отчасти упорядочилъ церковныя дѣла епархіи.—Одно его письмо къ преосвященному Георгію Конисскому напечатано въ «Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападнаго края, издаваемомъ при виленскомъ учебномъ округѣ». (II, 140—142).

Кояловичъ, «Исторія возсоед. уніатовъ стар. временъ»; Рункевичъ, «Исторія минской архіеписк.»; Филаретъ, «Истор.-статист. опис. харьковской епархіи»; Строевъ, «Списки», 637; архивъ св. Синода, дѣло 1769 г., № 385. *С. Г. Р.*

Іовъ, (Иванъ Матвѣевичъ *Борецкій*), кіевскій митрополитъ, умеръ 2 марта 1631 г. Род. въ Галиціи, въ м. Боречи; учился вѣроятно въ заграничныхъ коллегіяхъ; въ 1604 г. былъ ректоромъ Львовской братской школы и преподавалъ въ ней латинскій и греческій языки; нѣкоторое время преподавалъ въ домѣ князя К. К. Острожскаго; затѣмъ, былъ священникомъ въ Кіевѣ; съ 1615 г., когда возникло въ Кіевѣ Богоявленское братство, сталъ ректоромъ братскаго училища; въ 1618 г. постригся въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ, а въ 1619 г. сдѣлался игуменомъ этого монастыря; въ этомъ же году напечатанъ въ печерской типографіи «Анѳологіонъ», Іовомъ переведенный съ греческаго языка и истолкованный; 9 октября 1620 г., іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, Іовъ посвященъ былъ въ санъ кіевскаго митрополита. Королевскими универсалами 22 марта 1621 г. онъ былъ объявленъ шпіономъ и возмутителемъ республики, подлежащимъ заключенію въ тюрьму; 15 мая 1621 г. подалъ протестъ на митрополита и епископовъ уніатскихъ, распространявшихъ ложные слухи о его самозванствѣ; въ томъ же 1621 г., опираясь на казачество, созвалъ въ Кіевѣ соборъ для совѣщанія о мѣрахъ, какія слѣдовало принять, чтобы поддержать православную вѣру въ русскомъ народѣ, и особою окружною грамотою (15 декабря 1621 г.) увѣщевалъ всѣхъ православныхъ крѣпко держаться законно-возстановленной православной іерархіи. 14 января 1625 г., въ Москвѣ, по его уполномоченію, луцкій епископъ Исаакій Борисковичъ просилъ царя принять Малороссію въ Московское подданство; въ 1628 г. Іовъ собралъ въ Кіевѣ большой соборъ для окончательнаго прекращенія великаго соблазна, произведеннаго въ западно-русской церкви переходомъ въ унію Мелетія Смотрицкаго. Самъ по себѣ не чуждый мысли о примиреніи съ уніатами, Іовъ совершенно оставилъ эту мысль, когда увидѣлъ, что замыслы Смотрицкаго идутъ слишкомъ далеко, даже до пожертвованія православіемъ уніи. Іовъ скончался, не признанный польскимъ правительствомъ въ своемъ званіи, и погребенъ въ своемъ Михайловскомъ монастырѣ.

Голубевъ, «Ист. Кіев. дух. академіи», I; Макарій, «Ист. рус. церкви», XI; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II.

Іовъ (Яковъ Петровичъ *Потемкинъ*), архіепископъ. Сынъ полковника, род. въ с. Нихолажѣ смоленской губерніи, 22 іюля 1750 г., умеръ 23 марта 1823 г.; онъ былъ троюроднымъ братомъ кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго. Образованіе получилъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ въ чинѣ поручика, но вскорѣ вышелъ изъ военной службы и, не сказавъ никому изъ родныхъ ни слова, принялъ въ 1779 г. монашество въ одномъ изъ молдавскихъ монастырей. Фамилія Потемкиныхъ вообще отличалась религіозностью и склонностью къ монашеству: двѣ сестры дѣда преосвященнаго Іова по отцу—Перфилія и Февронія — одна за другой были игуменьями московскаго Новодѣвичьяго монастыря; родной братъ преосвященнаго, также получившій военное образованіе и бывшій въ военной службѣ, оставилъ ее, ушелъ на Аѳонъ, тамъ принялъ монашество съ именемъ Анастасія и скончался игуменомъ въ Николаевской корочской пустыни орловской губерніи въ 1791 году.—Іовъ началъ свою монашескую жизнь съ самыхъ низшихъ и самыхъ тяжелыхъ ступеней, ни въ чемъ не желая пользоваться преимуществами своего происхожденія. Въ 1784 году онъ былъ посвященъ во іеромонаха въ Яссахъ; черезъ годъ произведенъ во игумена городищенскаго Успенскаго монастыря (въ Бессарабіи). 20 января 1790 г., по словесной просьбѣ князя Потемкина-Таврическаго, екатеринославскій архіепископъ Амвросій (Серебрениковъ), бывшій въ то же время и блюстителемъ молдо-влахійской екзархіи, посвятилъ Іова въ санъ архимандрита, съ возложеніемъ на него креста на лентѣ ордена св. Владиміра. 27 февраля 1793 г. Іовъ былъ хиротонисанъ во епископа

ѳеодосійскаго и маріупольскаго, викарія екатеринославской епархіи. Вслѣдствіе кончины преосвященнаго Амвросія (13 сентября 1792 г.) Іову пришлось нѣкоторое время—до назначенія новаго архіерея—управлять и екатеринославской епархіей (по 10 мая 1793 г.). 13 мая 1796 г. Іовъ былъ назначенъ архіепископомъ минскимъ и волынскимъ. 11 мая 1797 г., при отъѣздѣ императора Павла Петровича изъ Минска, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. 7 февраля 1812 г. переведенъ на екатеринославскую каѳедру. Здѣсь 1 іюля 1817 г., «за дѣятельное споспѣшествованіе россійскому библейскому обществу къ усиленію его капиталовъ, отъ усерднаго и добровольнаго приношенія составляющихся», получилъ алмазный крестъ на клобукъ. Скончался въ 1823 г.; погребенъ въ склепѣ самарскаго загороднаго архіерейскаго дома. Историческое значеніе преосвященнаго Іова опредѣляется его дѣятельностію на минской каѳедрѣ. Минская епархія, только что учрежденная 13 апрѣля 1793 г., представляла много особенностей, не всегда согласныхъ съ принятыми въ русской церкви обычаями, что являлось вполнѣ естественнымъ результатомъ совершенно особенныхъ условій жизни православія подъ владычествомъ Польши, отъ которой области, составлявшія минскую епархію, только что были возвращены Россіи. Пятнадцатилѣтнее управленіе епархіей преосвященнаго Іова ввело минскую епархіальную жизнь въ обычныя рамки жизни россійскихъ епархій. Первымъ вопросомъ, съ которымъ пришлось ему имѣть дѣло на минской каѳедрѣ, былъ вопросъ о такъ называемыхъ «совращеніяхъ». При архіепископѣ Викторѣ (Садковскомъ), предшественникѣ преосвященнаго Іова, въ дѣлѣ возсоединенія начала развиваться одна очень нежелательная сторона. Возсоединившіеся съ православіемъ крестьяне, подъ давленіемъ своихъ помѣщиковъ, сплошь католиковъ, и многихъ уніатскихъ священниковъ, отказавшихся отъ возсоединенія и потому оставшихся безъ мѣстъ, начали оставлять православіе и совращаться снова въ унію. Преосвященный Іовъ засталъ въ минской епархіи болѣе пятнадцати «развращенныхъ» такимъ образомъ приходовъ. Своими энергичными и рѣшительными распоряженіями онъ совершенно прекратилъ совращенія; но зато, обставленныя слишкомъ сложными формальностями, почти прекратились и новыя возсоединенія. Замѣнателенъ преосвященный Іовъ и своею устроительною дѣятельностію. Онъ перевелъ въ 1799 г. архіерейскую каѳедру изъ уѣзднаго города Слуцка въ губернскій Минскъ, гдѣ она и была назначена высочайшимъ указомъ 12 апрѣля 1795 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Минскъ была переведена изъ Слуцка и консисторія. Въ Минскѣ каѳедральный соборъ переведенъ въ новое помѣщеніе и устроена первая приходская церковь, Екатерининская (17 сентября 1799 года). Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ минской губерніи были учреждены уѣздные соборы. Преосвященный Іовъ исправилъ всѣ церковныя строенія, нуждавшіяся въ ремонтѣ, упорядочилъ устройство кладбищъ, снабдилъ церкви церковною утварью и богослужебными книгами. Съ перваго же года своего пребыванія на минской каѳедрѣ онъ неоднократно объѣзжалъ свою епархію и устранялъ замѣчаемые недостатки въ церковной жизни. Особыя условія мѣстной церковной жизни, именно невозможность наполнить монастыри монашествующими, заставили преосвященнаго Іова закрыть нѣсколько монастырей. По его ходатайству были закрыты монастыри: слуцкій братскій Преображенскій (въ 1797 г.), виленскій Благовѣщенскій женскій (въ 1798 г.), кейданскій Преображенскій (въ 1798 г.), свейскій Успенскій, кронскій Троицкій, грозовскій Николаевскій и дисненскій Воскресенскій (въ 1810 г.). Два монастыря—минскій Духовскій и пинскій Богоявленскій—были соединены и преобразованы въ штатный первоклассный пинскій Богоявленскій монастырь, нештатный виленскій Святодуховскій монастырь былъ введенъ въ штатъ, по второму классу (19 мая 1797 г.); по повелѣнію императора Павла брестскій Симеоновскій и грозовскій Іоаннобогословскій были возведены въ 1798 г. въ архимандріи.—Какъ администраторъ, преосвященный Іовъ былъ человѣкъ въ высшей степени самостоятельный: онъ не слушалъ ничьихъ совѣтовъ, не любилъ посторонней помощи и самъ вникалъ рѣшительно во все; вспыльчивый и требовавшій безпрекословнаго и немедленнаго исполненія своихъ повелѣній, онъ на первыхъ порахъ своего архіерейства, на ѳеодосійской каѳедрѣ, сталъ въ отношеніи къ духовенству примѣнять такія суровыя мѣры, что заслужилъ строгій выговоръ отъ Св. Синода; послѣ этого онъ сталъ нѣсколько осторожнѣе, по характера

своего не измѣнилъ. Разсказы о суровости его до сихъ поръ передаются епархіальными старожилами. Впрочемъ, преосвященный и въ отношеніи къ себѣ самому былъ очень строгъ и требователенъ. Любопытный эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ его монашеской жизни живо рисуетъ твердость его воли: когда онъ еще былъ молдавскимъ монахомъ, онъ былъ посланъ изъ монастыря въ Россію, въ качествѣ проводника іеромонаху - молдаванину, опредѣленному для сбора пожертвованій на монастырь. Онъ былъ въ родномъ селѣ, въ родномъ домѣ, говорилъ со своими родными, но ничѣмъ не выдалъ себя и ушелъ неузнаннымъ.

Рупкевичъ, «Исторія минской архіепископіи».

С. Г. Р.

Іовъ (*Чарнуцкій*), архимандритъ, умеръ въ 1769 г. Въ августѣ 1744 г. онъ былъ отправленъ въ Киль (въ Голштиніи) для священнослуженія въ придворной церкви, которая упразднена была только 5 декабря 1799 г. Въ Килѣ онъ нашелъ русскихъ всего 10 человѣкъ и чрезъ 4 года возвратился въ Россію. Въ 1749 г. Іовъ былъ опредѣленъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Троице Сергіевой лавры. Въ 1754 г. произведенъ былъ въ архимандриты калужскаго Лаврентіева монастыря; 16 мая 1757 г. былъ назначенъ архимандритомъ въ Спасо-Преображенскій арзамасскій монастырь; 25 января 1759 г. уволенъ отъ должности.

Дѣла архива св. Синода. 1744 г., №№ 383, 385; 1754 г., № 206; 1757 г., № 174; 1767 г., № 93.

Здр.

Іовъ (Игнатій Ивановичъ *Челюскинъ*), строитель. Родомъ изъ Рославля, умеръ послѣ 1632 г. Принялъ монашество въ 1611 г. въ брянскомъ Успенскомъ монастырѣ, при поступленіи вложилъ въ монастырь всѣ земли. Въ 1618 г. онъ былъ уже строителемъ обители. Человѣкъ очень состоятельный, онъ дѣлалъ частые и значительные вклады церковными вещами какъ въ монастырскій храмъ, такъ и въ церкви монастырскихъ селъ и давалъ изъ своей келейной казны деньги на постройку церквей. 6 февраля 1632 г. патріархъ Филаретъ пожаловалъ ему грамоту, чтобы поповскіе старосты не взимали патріаршей дани съ священно-и-церковнослужителей церквей, состоящихъ въ районѣ владѣній свѣнской обители, и чтобы взамѣнъ того сами причты доставляли патріаршую дань въ Москву. Будучи строителемъ монастыря, Іовъ, по всей вѣроятности, монастыремъ не управлялъ, — такъ какъ въ годы его пребыванія въ монастырѣ тамъ значится и игуменъ Іона,—а какъ человѣкъ почтенный и благотворитель, лишь распоряжался монастырскимъ имуществомъ и ходатайствовалъ по дѣламъ обители предъ царемъ и патріархомъ. Послѣдніе годы жизни Іовъ провелъ въ схимѣ. О годѣ кончины его свѣдѣній не имѣется.

Архим. Іероѳей, «Брянскій свѣнскій Успенскій монастырь», 183—184.

С. Г. Р.

Іовъ, архіепископъ суздальскій и тарусскій, умеръ 24 іюня 1594 г. Въ 1572 г. былъ еще настоятелемъ Спасо - евѳиміева монастыря. Хиротонисанъ во епископа суздальскаго въ 1586 г. или въ концѣ 1585 г.; участвовалъ въ соборѣ объ учрежденіи патріаршества; въ 1592 г. наименованъ архіепископомъ. Въ 1591 г., когда татары подступали къ Москвѣ, Іовъ былъ высланъ изъ Москвы къ русскому войску съ иконами.

«Чтенія въ общ. любит. духовнаго просвѣщ.», 1892, іюнь, статья Титова, 54.

Іовъ, первый патріархъ московскій и всея Руси, умеръ 19 іюня 1607 г. Происхожденіе его въ точности не извѣстно. По разсказу «Исторіи о первомъ Іовѣ патріархѣ», составленной въ серединѣ XVII вѣка, въ Успенскомъ монастырѣ въ г. Старицѣ росъ мальчикъ Іоаннъ, котораго архимандритъ этого монастыря Германъ воспиталъ и обучилъ «грамотѣ и всему благочинію и страху Божію»; возросши, Іоаннъ принялъ иночество съ именемъ Іова, а послѣ того, какъ царь Іоаннъ Грозный посѣтилъ Старицкій монастырь, «государскимъ благоразсмотрѣніемъ сій инокъ Іовъ въ той же святѣй обители поставленъ бысть архимандритомъ» (около 1569 г.). Въ 1571—1572 гг. архимандритъ Іовъ настоятельствовалъ въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ, а въ 1575—1580 гг.—въ московскомъ же Новоспасскомъ. Въ апрѣлѣ 1581 г. Іовъ былъ рукоположенъ во епископа коломенскаго; въ январѣ 1586 года митрополитомъ Діонисіемъ возведенъ въ санъ ростовскаго архіепископа, а 11 декабря того же года онъ смѣнилъ этого же Діонисія на московской митрополичьей каѳедрѣ. Извѣстно, какія важныя событія свершались тогда во внутренней жизни русской церкви и въ сферѣ ея отношеній къ православному востоку. Объединеніе великорусской народности подъ властью московскаго великаго князя, бывшее слѣдствіемъ пробужденія и развитія національ-

наго самосознанія въ массахъ, въ свою очередь вліяло на дальнѣйшій ростъ національныхъ идеаловъ и послужило основаніемъ для извѣстной теоріи «Москва — третій Римъ». Молодое московское государство, только что освободившееся отъ татарской зависимости, было тѣмъ не менѣе однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ сѣверной Европы XVI вѣка, а православная русская церковь была единственною не разоренною отъ иновѣрныхъ. Русскіе люди скоро поняли, что съ паденіемъ Константинополя значеніе общаго центра православнаго можетъ быть наслѣдовано только Москвою. Своего великаго князя московскіе люди называли еще въ началѣ XVI вѣка «единымъ православнымъ великимъ русскимъ царемъ во всей поднебесной», «враздодержателемъ святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской и апостольской церкви». Въ 1547 г. московское княжество торжественно было превращено въ «царство», и въ это новое царство, «третье» послѣ «Рима стараго» и «Рима новаго», сливались всѣ другія христіанскія царства; возникала вмѣстѣ съ тѣмъ и третья церковь московская, пастырю которой приличествовалъ санъ уже не митрополичій, а патріаршій. Достоинство и полнота христіанскаго царства требовали, по понятіямъ того времени, чтобы рядомъ съ высшимъ свѣтскимъ авторитетомъ «царя» стоялъ и высшій духовный авторитетъ—патріарха. Однако возвести московскаго митрополита въ санъ патріарха нельзя было безъ согласія и содѣйствія восточныхъ греческихъ патріарховъ; только ихъ согласіе и участіе могло сообщить этому дѣлу каноническую правильность и твердость. Въ концѣ XVI в., со вступленіемъ на престолъ царя Ѳеодора Іоанновича, московское правительство направляетъ свои усилія къ тому, чтобы поднять въ средѣ восточнаго духовенства вопросъ объ учрежденіи патріаршества на Москвѣ и добиться его разрѣшенія въ положительномъ смыслѣ. Открытые переговоры объ этомъ дѣлѣ начались, насколько извѣстно, въ 1586 году, еще при митрополитѣ Діонисіи, когда въ Москву пріѣзжалъ «за милостынею» антіохійскій патріархъ Іоакимъ; его просили, чтобы онъ «посовѣтывалъ» съ восточными іерархами объ установленіи на Москвѣ патріаршества «ко благочестію вѣры христіанскія». Дальнѣйшіе же переговоры ведены были и пришли къ счастливому завершенію уже послѣ того, какъ Іовъ сталъ митрополитомъ московскимъ. По документамъ, относящимся къ учрежденію патріаршества, однако, не видно, чтобы Іовъ стоялъ во главѣ этого дѣла; на первомъ планѣ, какъ начинатели и руководители переговоровъ съ греческими іерархами были представители свѣтской власти: самъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и его шуринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. По оффиціальнымъ описаніямъ, главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала самому благочестивому царю Ѳеодору, который въ данномъ случаѣ сознательно шелъ впереди другихъ къ достиженію имъ самимъ поставленной цѣли; извѣстія же частнаго характера даютъ историкамъ поводъ думать, что настоящимъ руководителемъ московской дипломатіи въ этомъ дѣлѣ былъ Борисъ Годуновъ; напримѣръ, одинъ изъ современниковъ событія, дьякъ Ив. Тимофеевъ, въ своемъ «Временникѣ», упоминая объ установленіи патріаршества, колеблется въ оцѣнкѣ факта, не рѣшается признать его слѣдствіемъ личныхъ своекорыстныхъ интригъ Годунова, но очень рѣшительно заявляетъ, что «устроеніе се бысть начала гордыни его». Что же касается до мнѣнія, будто бы къ патріаршеству стремились сами московскіе митрополиты, сперва Діонисій, затѣмъ Іовъ, то надобно помнить, что въ данномъ вопросѣ личное положеніе московскаго митрополита было очень щекотливо и ему, разумѣется, надлежало дѣйствовать съ особенною сдержанностью по соображеніямъ простаго приличія. И дѣйствительно, во всемъ ходѣ переговоровъ о патріаршествѣ нельзя замѣтить вмѣшательства Іова, ни прямаго и открытаго, ни косвеннаго и тайнаго. Въ переговорахъ съ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 г. Іовъ, будучи архіепископомъ ростовскимъ, не могъ играть замѣтной роли, хотя и участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ, устроенной пріѣзжему іерарху, 25 іюня въ Успенскомъ соборѣ, отъ всего московскаго духовенства. Когда же въ 1588 году въ Москву пріѣхалъ цареградскій патріархъ Іеремія и съ нимъ были начаты прямые переговоры объ установленіи на Москвѣ патріаршества, митрополитъ Іовъ оставался совершенно въ сторонѣ отъ дѣла. Съ патріархомъ бесѣдовали государевъ шуринъ и государевы дьяки; Іовъ же выступаетъ на видъ лишь тогда, когда его избрали въ патріархи и когда послѣ нареченія въ санъ, бывшаго 23 января 1589 года, совершено

было 26 января и поставленіе его по торжественному «чину и уставу».

Патріаршество Іова протекло въ такую пору, когда московское государство переживало исключительной важности событія: прекращеніе потомства Калиты, утвержденіе на престолѣ Бориса Годунова и погибель его сына Ѳеодора отъ самозваннаго Димитрія. По этой причинѣ, разумѣется, патріархъ Іовъ гораздо чаще является передъ нами, какъ политическій дѣятель, чѣмъ какъ іерархъ, устрояющій церковь. Въ области церковной ему пришлось приводить въ исполненіе соборное уложеніе 1589 года, по которому слѣдовало быть въ великомъ Россійскомъ царствіи четыремъ митрополитамъ («въ великомъ государствѣ новгородскомъ, въ царствующихъ градѣхъ въ Казани и въ Астрахани, въ великомъ княженіи града Ростова, близъ царствующаго града Москвы на Крутицахъ»), шести архіепископамъ (въ Вологдѣ, Суздалѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Рязани и Твери) и восьми епископамъ (во Псковѣ, Ржевѣ Володиміровѣ, Великомъ Устюгѣ, на Бѣлоозерѣ, въ Коломнѣ, въ землѣ Сѣверской, въ Дмитровѣ; восьмая епископія въ уложенной грамотѣ не была поименована). Іовъ произвелъ согласно съ уложеніемъ четырехъ митрополитовъ: новгородскаго—Александра, ростовскаго—Варлаама, казанскаго — Гермогена и крутицкаго — Геласія. Изъ шести архіепископовъ Іовомъ поставлены были пять; мѣсто шестого нижегородскаго, занималъ выѣзжій іерархъ Арсеній, архіепископъ елассонскій (называемый въ современныхъ актахъ «галасунскимъ»), котораго именовали и «архангельскимъ», потому что ему указано было жить при московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Въ 1602 г., впрочемъ, открыта была и шестая архіепископія, но не въ Нижнемъ Новгородѣ, а въ Астрахани. Что же касается до восьми епископій, опредѣленныхъ уложеніемъ, то онѣ не были установлены въ предуказанномъ порядкѣ; епископія коломенская существовала и ранѣе уложенія 1589 года, а послѣ этого уложенія установлены только двѣ: псковская и корельская. Такимъ образомъ, по причинамъ для насъ неяснымъ, соборное уложеніе 1589 г. не совсѣмъ точно было исполнено. Другихъ же мѣропріятій общаго характера при патріархѣ Іовѣ не видимъ; а изъ дѣлъ текущаго управленія можемъ отмѣтить только: 1) заботы о поддержаніи благочинія въ низшемъ духовенствѣ, причемъ подтверждались и дополнялись мѣры, указанныя въ этомъ направленіи Стоглавымъ соборомъ; 2) заботы о распространеніи и поддержаніи православія среди инородческаго населенія, преимущественно на восточныхъ окраинахъ государства и въ только что занятомъ Сибирскомъ царствѣ, и 3) установленіе церковныхъ праздниковъ святымъ, уже ранѣе чествованнымъ церковію и вновь канонизованнымъ. Такъ, въ честь московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны ранѣе существовали, особыя каждому, празднества; при патріархѣ Іовѣ установленъ общій имъ праздникъ 5 октября. Память преп. Іосифа Волоцкаго почитаема была мѣстно, въ его обители; при патріархѣ Іовѣ опредѣлено праздновать ему по всей Руси 9 сентября. При Іовѣ канонизованы были вновь: Василій Блаженный, юродивый московскій, Гурій и Варсонофій, казанскіе чудотворцы, препод. Антоній Римлянинъ, препод. Корнилій комельскій, св. благовѣрный князь Романъ угличскій.

Въ сферѣ политической патріарху Іову суждено было не только переживать тяжелыя времена междуусобій, но и самому дѣятельно участвовать въ борьбѣ, даже сдѣлаться жертвою этой борьбы. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ патріархъ вѣдалъ только свою паству и къ сужденію о гражданскихъ дѣлахъ бывалъ привлекаемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда государь желалъ слышать его личное мнѣніе и мнѣніе дѣйствовавшаго при патріархѣ «освященнаго собора». Въ царствованіе Ѳеодора такіе случаи бывали часто и одинъ изъ нихъ былъ особенно важенъ. Въ 1591 году въ Угличѣ внезапно умеръ царевичъ Дмитрій Іоанновичъ, и смерть его вызвала безпорядки въ городѣ. Заявленіе родни царевича, что царевичъ убитъ, повело къ тому, что угличане самосудомъ избили предполагаемыхъ виновниковъ его смерти, всего около двѣнадцати человѣкъ, и въ томъ числѣ дьяка Михаила Битяговскаго, присланнаго въ Угличъ отъ московскаго правительства для надзора за дворцомъ царевича. Для производства слѣдствія была отправлена въ Угличъ особая коммиссія, а при ней для погребенія царевича отъ патріарха былъ посланъ крутицкій митрополитъ Геласій. Коммиссія, по возвращеніи изъ Углича, представила царю письменный докладъ, «обыскъ», въ которомъ устанавливалось, что царевичъ нечаянно закололъ себя самъ

въ припадкѣ падучей болѣзни и что родня царевича, главнымъ образомъ его дядя Михаилъ Нагой, подстрекнули посадскихъ людей на убійство Битяговскаго и прочихъ, взведя на нихъ ложное обвиненіе въ покушеніи на жизнь царевича. Царь, выслушавъ докладъ, «приказалъ бояромъ и дьякомъ съ углицкимъ обыскомъ итить на соборъ къ Іеву патріарху». У патріарха въ соединенномъ собраніи боярской думы и патріаршаго совѣта былъ выслушанъ какъ «обыскъ», такъ и устный докладъ, «сказка», митрополита Геласія, и на основаніи выслушаннаго освященный соборъ призналъ, что «Михаилъ Нагой съ братьею и мужики угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья; а то дѣло земское, градцкое, въ томъ вѣдаетъ Богъ да государь... все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость». Государь съ своею думою, опираясь на такой соборный приговоръ, опредѣлилъ наказаніе виновнымъ; изъ руководителей, Нагихъ, никто не былъ казненъ смертью; ограничились ссылками и постриженіемъ въ монашество царицы Маріи Нагой. Въ данномъ случаѣ Іовъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ, указанныхъ ему свѣтской властью. Совершенно инымъ стало его положеніе послѣ кончины бездѣтнаго царя Ѳеодора, когда, выражаясь старымъ языкомъ, престолъ московскаго государства началъ «вдовѣть».

Оффиціально говорилось, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, умирая, оставилъ «на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ» свою жену царицу Ирину Ѳеодоровну. Когда она отказалась отъ власти и пожелала принять иночество въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, а за нею уѣхалъ изъ Москвы въ тотъ же монастырь и братъ ея, «правитель» Борисъ Годуновъ,—государство осталось на попеченіи патріарха и боярской думы. И въ эти дни, и въ послѣдующее безгосударное время московскій патріархъ считался «начальнымъ человѣкомъ», безъ котораго боярамъ нельзя было вершить земскія дѣла; иначе не могло быть по взглядамъ людей того времени, для которыхъ патріархъ былъ представителемъ столь же высокаго авторитета, какъ царскій. Поэтому въ дѣлѣ царскаго избранія Іовъ, волей-неволей, долженъ былъ принять на себя руководительство—и тотчасъ же во главѣ московскаго населенія обратился къ Борису, предлагая ему престолъ въ силу того, что Борисъ и прежде «великія государства Россійскаго царства правилъ и содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по царскому приказу». Получивъ отказъ, Іовъ повторилъ свои просьбы и явныя и тайныя: «многижда наединѣ съ государемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ особь моляше со слезами и прещаше ему государю, дабы не ослушался повелѣнія Божія» и принялъ царскій скипетръ. Но какъ извѣстно, Борисъ не согласился ни на какія увѣщанія московскихъ жителей и властей, и дѣло было отложено до земскаго собора, созваніе котораго, по оффиціальнымъ документамъ, принадлежало тому же патріарху Іову. Въ февралѣ 1598 года началась дѣятельность этого собора; у патріарха Іова («велѣлъ *у себя* быти на соборѣ», говорится о патріархѣ въ грамотѣ объ избраніи Бориса) собралось до 500 участниковъ земскаго собора; изъ нихъ духовенства было до 100 человѣкъ, думныхъ и придворныхъ людей до 200, дворянъ московскихъ и городовыхъ до 150 человѣкъ и людей тяглыхъ, т. е. податныхъ, всего до 50 человѣкъ. Этимъ соборомъ, составъ котораго былъ столичнымъ и аристократическимъ по происхожденію и мѣсту службы большинства его членовъ, руководилъ патріархъ. Открывая засѣданіе собора 17 февраля, онъ обратился къ земскимъ представителямъ съ прямымъ заявленіемъ, что у него самого и у всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, «которые были на Москвѣ» до земскаго собора и обсуждали вопросъ о судьбѣ престола,—«мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно», что помимо Бориса «иного государя никого не искати и не хотѣти». Это заявленіе, шедшее не лично отъ Іова, а отъ всѣхъ бывшихъ ранѣе «на Москвѣ», имѣло рѣшающее значеніе для земскаго собора, составленнаго болѣе чѣмъ на половину, изъ тѣхъ же самыхъ собственно московскихъ людей. Соборъ безъ разсужденій, не медля, выбралъ Бориса въ цари; «князи же Шуйскіе единые его не хотяху на царство», прибавляетъ одинъ изъ лѣтописцевъ. О народномъ избраніи торжественно, всѣмъ соборомъ, извѣстили Бориса 20 февраля; Борисъ опять отказался отъ высокой чести, также и сестра его, инокиня царица Александра, «брата своего на государство не пожаловала». Тогда патріархъ предложилъ собору и соборъ согласился дѣйствовать такъ: на другой

день, 21-го февраля, идти къ Борису и къ его сестрѣ въ Новодѣвичій монастырь всему собору и московскимъ жителямъ со святынями московскими, крестнымъ ходомъ, и если Борисъ и инокиня Александра «о государствѣ конечно откажутъ», то принять противъ нихъ самую крутую мѣру, о которой патріархъ Іовъ говорилъ такими словами: «саны святительскіе съ себя соймемъ и панагіи сложимъ и облечемся во мнишеская, тамо въ монастырѣ (Новодѣвичьемъ) и честные кресты и чудотворные образы оставимъ, и для ихъ ослушанія престанутъ во святыхъ церквахъ божественныя службы и святыхъ таинъ литургисанія, пѣнія же и хвалы и благодарственное словословіе, и того Господь Богъ взыщетъ на нихъ», т. е. на Борисѣ и сестрѣ его. До интердикта, однако, дѣло не дошло. Встрѣтивъ крестный ходъ и выслушавъ настояніе собора, Годуновы дали согласіе: царица-инокиня благословила брата на царство, Борисъ принялъ престолъ. Такъ излагаютъ дѣло оффиціальные документы, редактированные царемъ Борисомъ и самимъ патріархомъ Іовомъ. Здѣсь Іову отводится первое мѣсто и роль руководителя. Иначе разсказаны обстоятельстна избранія Бориса въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ того времени, русскихъ и иностранныхъ, основанныхъ на слухахъ, ходившихъ среди населенія и пущенныхъ въ оборотъ, если судить по такъ называемому «Иному сказанію», стороною князей Шуйскихъ. Въ ихъ передачѣ дѣло представляется такъ, какъ будто самъ Борисъ устроилъ свое воцареніе, дѣйствуя черезъ «доброхотовъ» и «спомогателей» своихъ; агенты Бориса ласкою и страхомъ склоняли народъ въ его пользу; они руководили и земскимъ соборомъ, патріархъ же во всемъ дѣлѣ игралъ лишь пассивную роль. По однимъ сказаніямъ, Іовъ былъ «подвигнутъ», «понуженъ,» «подъятъ», на избраніе Бориса, сторонниками Годуновыхъ; по другимъ—онъ дѣйствовалъ въ пользу Бориса и по свободному убѣжденію, «видя народное усердіе и тщаніе къ Борису» и не разумѣя скрытыхъ отъ него ухищреній Борисовыхъ агентовъ. Изслѣдователи исторіи смутнаго времени иногда черезъ мѣру довѣряли частнымъ сказаніямъ и изображали избраніе Бориса въ цари, какъ актъ самаго грубаго и безстыднаго насилія, слегка лишь прикрытаго законными формальностями. Въ послѣднее время, однако, составъ земскаго собора 1598 года изученъ настолько, что стало возможнымъ считать этотъ соборъ правильно составленнымъ, а не подтасованнымъ въ интересахъ одной Годуновской партіи. Стало быть, если политическая агитація въ данномъ случаѣ дѣйствительно извратила законный ходъ вещей, то она пользовалась средствами, болѣе тонкими, чѣмъ грубое устрашеніе народныхъ массъ и насильственное воздѣйствіе на патріарха и земскій соборъ.

Патріархъ Іовъ, будучи сторонникомъ и другомъ Бориса въ пору его воцаренія, остался его вѣрнымъ союзникомъ и во время борьбы съ самозванцемъ Онъ участвовалъ въ дипломатической перепискѣ съ польско-литовскимъ правительствомъ по поводу личности самозванца и объявлялъ самозванца Гришкою Отрепьевымъ. Онъ употреблялъ всѣ мѣры, какими только могъ располагать, для борьбы съ движеніемъ въ пользу Лжедимитрія и для поддержанія власти Годуновыхъ: свидѣтельствовалъ, что истинный Димитрій умеръ и погребенъ въ Угличѣ, что принявшій его имя есть разстрига и еретикъ, приказывалъ всенародно проклинать этого еретика и разстригу и совершалъ моленія о дарованіи побѣды царю Борису. По смерти Бориса онъ также прямо и рѣшительно поддерживалъ его сына Ѳеодора и не призналъ самозванца даже тогда, когда его признала уже Москва и когда погибли Годуновы. Вотъ почему Іовъ сталъ жертвою переворота, предавшаго Москву самозванцу. Въ іюнѣ 1605 года его свергли съ патріаршества, схвативъ его во время служенія въ Успенскомъ соборѣ и ограбивъ его домъ. Онъ просилъ, чтобы его отпустили «на обѣщаніе его» въ городъ Старицу въ Успенскій монастырь, въ которомъ онъ принялъ иночество; его отправили туда на убогой телѣгѣ. Патріархомъ на Москвѣ сталъ архіепископъ рязанскій Игнатій.

Новый царь Димитрій и новый патріархъ Игнатій правили Московскимъ государствомъ около года. Въ маѣ 1606 года первый былъ убитъ, а второй заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ. На царскій престолъ вступилъ Василій Ивановичъ Шуйскій, но Іовъ уже не возвратился на патріаршество; «не возвратися, говорятъ современники, понеже доброзрачная зѣница потемнѣста и сладостный свѣтъ отъ очесъ его взятся».

Но еслибы Іовъ и не потерялъ зрѣнія, врядъ ли бы онъ сталъ патріархомъ при Шуйскомъ; послѣдній не могъ желать, чтобы на патріаршествѣ былъ человѣкъ съ политическимъ значеніемъ. Іова онъ сторонился, какъ друга Годуновыхъ; митрополита Филарета ростовскаго, о нареченіи котораго въ патріархи шла тогда рѣчь, онъ боялся, какъ главу сильной фамиліи Романовыхъ, а потому въ патріархи нареченъ былъ митрополитъ казанскій Гермогенъ. Царствованіе Шуйскаго было очень несчастливо: народныя массы, которыя до тѣхъ поръ были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ придворныхъ партій, сами собою пришли въ броженіе и московское правительство не могло ни справиться съ ними, ни даже уразумѣть точно причины и цѣли движенія. Въ первое время своего правленія царь Василій не одинъ разъ, въ борьбѣ со своими врагами, прибѣгалъ къ мѣрамъ нравственнаго порядка. Такъ изъ церковнаго торжества перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву онъ сдѣлалъ средство политическаго воздѣйствія на народъ, думая этимъ уничтожить самую возможность самозванщины. Видѣніе, бывшее «въ тонцѣ снѣ» какому-то «мужу духовну», было принято за призывъ свыше къ общему покаянію и очищенію и повело къ тому, что съ 14 по 19 октября 1606 г. «постъ учинили во царствѣ» и молились о томъ, чтобы Господь укротилъ междуусобіе и укрѣпилъ власть царя Василія. Въ началѣ 1607 года, въ тяжелую пору войны съ Болотниковымъ и самозванцемъ Петромъ, царь Василій по совѣту съ патріархомъ Гермогеномъ вызвалъ въ Москву бывшаго патріарха Іова для того, чтобы совершить торжественно всенародное покаяніе во многихъ клятвопреступленіяхъ и измѣнахъ преждебывшимъ царямъ. Патріархи должны были, выслушавъ народное покаяніе и мольбы о разрѣшеніи грѣховъ, подать народу просимое разрѣшеніе и этимъ укрѣпить народъ въ вѣрности Шуйскому. Іовъ пріѣхалъ въ Москву 14 февраля, былъ встрѣченъ съ почетомъ и 20 февраля въ Успенскомъ соборѣ простилъ и благословилъ свою бывшую паству. Такимъ образомъ состоялось примиреніе патріарха съ народомъ, который, всего полтора года тому назадъ, въ той же самой церкви попустилъ клевретамъ самозванца низвергнуть и оскорбить пастыря. Вскорѣ послѣ возвращенія Іова въ Старицу, онъ скончался, 19 іюня 1607 года, окруженный попеченіями своего почитателя, архимандрита старицкаго Успенскаго монастыря Діонисія, того самаго, который въ смутное время правилъ Троицы-Сергіевымъ монастыремъ. Погребенъ былъ патріархъ въ Успенскомъ монастырѣ, а въ 1652 г. его останки были перенесены въ Москву въ Успенскій соборъ.

Отъ Іова дошло до насъ нѣсколько произведеній, составленныхъ съ большимъ литературнымъ искусствомъ и очень риторичныхъ. На первомъ мѣстѣ упомянемъ «Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Іоанновича», написанную при царѣ Борисѣ и вошедшую въ Никоновскую лѣтопись. Въ этой повѣсти Іовъ далъ общій обзоръ важнѣйшихъ событій времени царя Ѳеодора: подчиненія Сибири, учрежденія патріаршества, шведской войны, войны съ крымцами въ 1591 году. Особенно интересны для историка: разсказъ Іова о послѣднихъ минутахъ царя Ѳеодора, нѣкоторыя черты разсказа о нашествіи татаръ на Москву въ 1591 г. и характеристики самого царя Ѳеодора и Бориса Годунова. И къ тому и къ другому лицу Іовъ относится съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ его глазахъ Ѳеодоръ «древнимъ царемъ благочестивымъ равнославенъ». Господствующею чертою въ характерѣ Ѳеодора Іовъ считаетъ глубокое благочестіе: стремленіе къ вѣчному отвлекаетъ Ѳеодора отъ житейскихъ заботъ, ведетъ его къ непрестанной молитвѣ, къ изнурительному посту. Вся жизнь царя есть рядъ подвиговъ благочестія и благотворенія: онъ «зѣло благочестивъ и милостивъ ко всѣмъ, кротокъ и незлобивъ, милосердъ, нищелюбивъ и страннопріимецъ». Этими свойствами Ѳеодоръ отличается не только въ частной жизни, но и въ управленіи государствомъ; онъ царствуетъ, «правду любя, злобы ненавидя, любовь имѣя, лукавство жъ разрушая, и межусобныя брани, востающія во всемъ царствіи его, своимъ царскимъ смиренномудріемъ укрощая и вся предѣлы богохранимаго царствія своего въ мирѣ и въ тишинѣ и во всякомъ благоденствіи утвержая». Въ лицѣ Ѳеодора такимъ образомъ Іовъ создаетъ какъ бы идеалъ монарха, инока и аскета въ личной жизни и въ то же время разумнаго, кроткаго и дѣятельнаго правителя. Въ другихъ русскихъ сказаніяхъ той эпохи Ѳеодоръ Іоанновичъ является столь же благочестивымъ человѣ-

комъ, но совершенно не дѣятельнымъ государемъ. Что касается до Бориса Годунова, то его Іовъ ставитъ по добродѣтелямъ рядомъ съ Ѳеодоромъ. Борисъ мудръ и храбръ; о его умѣ, мужествѣ и благочестіи слава распространилась даже за предѣлы Руси, самъ царь Ѳеодоръ, видя правленіе своего шурина, удивлялся его достоинствамъ; «пречестнымъ его правительствомъ благочестивая царская держава въ мирѣ и тишинѣ велелѣпней цвѣтуще»; онъ создалъ много каменныхъ градовъ и въ нихъ много храмовъ и обителей; Москву онъ украсилъ, «яко нѣкую невѣсту», построивъ въ ней много церквей, «палаты купеческія» и каменныя стѣны. Таковъ былъ «изрядный правитель», по разсказу патріарха. И та и другая личность, и царь и правитель одинаково идеальны въ изображеніи Іова. Его мастерской панегирикъ Борису есть лучшее свидѣтельство того, что Іовъ былъ крѣпкимъ другомъ царя Бориса. Объ этой крѣпкой дружбѣ говоритъ и «духовная грамота» Іова. Начинается она своего рода автобіографіей патріарха, за которою слѣдуетъ теплая похвала царю Борису. Къ послѣднему Іовъ много разъ обращается въ завѣщаніи съ благодарностью за «благодѣянія и милосердіе» къ нему, патріарху, съ благословеніемъ и прощеніемъ, наконецъ, съ объясненіями о томъ, въ какомъ положеніи находится патріаршее имѣніе и куда была трачена патріаршая казна. Завѣщаніе это составлено было Іовомъ еще въ то время, когда нельзя было предвидѣть скораго паденія Годуновыхъ и изгнанія самого патріарха.—«Посланіе» Іова царицѣ Иринѣ по поводу смерти царевны Ѳеодосіи, торжественныя «грамоты», излагающія ходъ и мотивы избранія Бориса въ цари, привѣтственныя «рѣчи», говоренныя Іовомъ царю Борису,—это особый видъ оффиціальной риторики, которою Іовъ владѣлъ съ большимъ совершенствомъ. Интересно то обстоятельство, что въ 1613 году, по избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, для составленія «утвержденной грамоты» объ избраніи, дословно воспользовались текстомъ такой же грамоты 1598 года, которую составлялъ или же редактировалъ Іовъ.—Наконецъ, Іову принадлежатъ учительныя посланія грузинскимъ царю и митрополиту и грамота константинопольскому патріарху по вопросу о московскомъ патріаршествѣ, а также «канонъ» и «служба» преподобному Іосифу Волоколамскому, составленные по случаю установленія праздника этому святому 9 сентября. Въ «Исторіи Россійской» В. Н. Татищева (т. I, стр. XII) находится указаніе, что «Іосифъ келейникъ Іова патріарха или *самъ Іовъ*» описалъ дѣла послѣднихъ 24 лѣтъ царствованія Грознаго «весьма кратко», а затѣмъ «до избранія царя Михаила (sic!) довольно пространно». Конечно, Іовъ не могъ описать времени послѣ 1606 года, такъ какъ самъ скончался въ 1607 году, а въ 1606 уже потерялъ зрѣніе; но и о времени Грознаго мы не знаемъ труда Іова и потому должны осторожно относиться къ сообщенію Татищева, который могъ въ данномъ случаѣ имѣть въ виду «Повѣсть» Іова о царѣ Ѳеодорѣ и предшествующія ей въ спискахъ Никоновскаго свода извѣстія о царствованіи Іоанна IV-го.

Личныя свойства патріарха Іова мы можемъ опредѣлить только по сообщеніямъ упомянутой выше «Исторіи о первомъ Іовѣ патріархѣ». Составленная, вѣроятно, по случаю перенесенія тѣла патріарха въ Москву въ 1652 году, эта «исторія» не современна патріарху и отличается панегирическимъ тономъ; тѣмъ не менѣе характеристика Іова, данная въ ней, очень любопытна. По словамъ автора «исторіи», патріархъ Іовъ владѣлъ рѣдкимъ знаніемъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, служилъ всегда наизусть и съ замѣчательнымъ чувствомъ; велъ воздержную жизнь и строго постился; отличался полнымъ смиреніемъ и кротостью; «во дни же убо его не обрѣтеся человѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ». Патріаршій санъ не измѣнилъ характера Іова, и онъ остался тѣмъ же кроткимъ человѣкомъ: «лѣнивыхъ никакоже никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всѣхъ милуя и преизлишно питая». Смиреніемъ патріарха авторъ объясняетъ и всѣ особенности его политической дѣятельности. Когда Борисъ Годуновъ воцарился «многимъ кознодѣйствомъ», его темныя дѣла стали извѣстны народу и соблазняли его. Многіе люди упрекали Іова въ томъ, что онъ «молчитъ» передъ Борисомъ; но Іовъ только плакалъ и не могъ стать «обличникомъ» Бориса. Не сталъ онъ прямо противъ Годунова и тогда, когда развились доносы и погибало много невинныхъ лю-

дей: патріархъ только молился и просилъ народъ, «дабы престали отъ всякаго зла дѣла, паче же отъ доводовъ и отъ ябедничества; и бѣ ему непрестанныя слезы и плачъ непостижный». Мужественно ополчился Іовъ только противъ самозванца, котораго авторъ «исторіи» называетъ еретикомъ и волхвомъ. Патріархъ «съ горькими слезами глаголаше народомъ», что онъ зналъ Отрепьева давно,—«какъ онъ въ Чудовѣ монастырѣ былъ и какъ въ келіи у него жилъ».—Эта характеристика по существу не противорѣчитъ тому, что извѣстно изъ другихъ источниковъ; но она и провѣрена быть не можетъ. Личности въ древней Руси обыкновенно слишкомъ мало высказывались и потому всего труднѣе точно опредѣлять ихъ.

Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», X—XII; Соловьевъ, «Исторія Россіи», VII—VIII; Макарій, митр., «Исторія Русской церкви», т. X; о. П. Николаевскій, «Учрежденіе патріаршества въ Россіи»; «Русская Историч. Библіотека, изд. Археограф. Коммиссіею», XIII; статьи о патріархѣ Іовѣ въ «Православн. Собесѣдникѣ», 1867 г. № 10, и въ «Московскихъ Университ. Извѣстіяхъ», 1871 г., №№ 6 и 7. *С. П—въ.*

Іовъ, митрополитъ новгородскій, умеръ 3 февраля 1716 года. Годъ рожденія неизвѣстенъ, происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ с. Катункахъ, балахнинскаго уѣзда. Еще въ молодыхъ лѣтахъ постригся въ монахи въ Троицы-Сергіевой лаврѣ; здѣсь, вѣроятно, онъ и пріобрѣлъ начитанность, какою отличался впослѣдствіи; о первоначальномъ же ученіи его нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Былъ архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря въ Москвѣ, а въ 1694—1697 гг. архимандритомъ Сергіевой лавры; 5 іюня 1697 г. патріархомъ Адріаномъ посвященъ въ санъ митрополита новгородскаго. Отличаясь большою скромностью, онъ неохотно принялъ это высокое назначеніе. Въ 1699 г. 2 октября онъ перенесъ въ Софійскій соборъ мощи перваго новгородскаго епископа, св. Іоанна Корсунянина. Въ 1706 году онъ испросилъ у царя освобожденіе братьевъ Іоаникія и Софронія Лихудовъ и учредилъ въ Новгородѣ два училища—греко-латинское и славянское; съ помощью учениковъ, получившихъ образованіе въ этихъ школахъ, онъ впослѣдствіе открылъ въ своей епархіи еще 14 русскихъ школъ. Преподавая въ училищѣ, Лихуды по порученію преосвященнаго Іова сдѣлали еще нѣсколько переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ; для изданія переведенныхъ ими книгъ Іовъ испросилъ у государя типографію, заведенную нѣкогда при царскомъ дворѣ Симеономъ Полоцкимъ, такъ называемую «верхнюю», но передача этой типографіи въ Новгородъ почему то не состоялась. Особенно замѣчательнымъ дѣломъ Іова является учрежденіе въ 1706 г. въ Новгородѣ трехъ больницъ и дома для воспитанія незаконнорожденныхъ и подкидышныхъ младенцевъ. Іовъ относился къ этому послѣднему учрежденію съ большою любовію и вниманіемъ; первое время онъ даже и содержалъ его на счетъ своихъ собственныхъ доходовъ; но впослѣдствіи царь Петръ назначилъ этому благотворительному заведенію пособіе отъ казны, а въ 1715 г. предписалъ сдѣлать во всѣхъ городахъ имперіи, при какой либо церкви, госпитали по примѣру заведенныхъ Іовомъ. Во внутреннемъ управленіи паствою Іову приходилось много бороться противъ раскольниковъ; въ 1707 г. онъ написалъ опроверженіе на подметное раскольническое письмо о рожденіи антихриста; въ 1710 г. онъ успѣлъ помѣшать осуществленію намѣренія братьевъ Денисовыхъ устроить обширный притонъ для раскольниковъ на бойкомъ торговомъ мѣстѣ по р. Чаженгѣ. Много заботъ такъ же требовало отъ преосвященнаго церковное устройство и управленіе въ новозавоеванныхъ у Швеціи областяхъ, присоединенныхъ къ его епархіи.—Іовъ пользовался большимъ расположеніемъ и уваженіемъ Петра Великаго и ближайшихъ его сотрудниковъ. Въ 1704 и 1711 гг. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и въ 1704 г. освятилъ первую въ Петербургѣ церковь—въ крѣпости, во имя Петра и Павла. Начиная съ 1712 г. онъ просился неоднократно на покой, но государь не соглашался на его просьбу. Послѣ Іова осталось большое количество писемъ, очень любопытныхъ для исторіи того времени; напечатана только небольшая часть ихъ въ «Странникѣ» за 1861 г., февраль; письма къ нему—въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей», 1860, III, большая же часть его переписки хранится въ рукописи въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи.

Чистовичъ, «Новгород. митр. Іовъ», въ «Странникѣ», 1861, февраль, 61—145; «Странникъ», 1861, октябрь, 155; «Чтенія», 1860, III; 1878, IV, 142; духовное завѣщаніе Іова напечатано въ «Опис. Соловецкаго мон.», Досиѳея, II, 247—262.

Іовъ, игуменъ, умеръ 9 февраля 1794 г. Великороссіянинъ, изъ духовнаго званія; принялъ монашество въ 1760 г. въ Задонскомъ монастырѣ, въ которомъ съ 1762 г. по 1766 г. былъ казначеемъ. Въ 1766 г. назначенъ экономомъ воронежскаго архіерейскаго дома и присутствующимъ въ консисторіи; съ 1767 г. былъ настоятелемъ дивногорскаго Успенскаго монастыря; Съ 1788 г. былъ настоятелемъ коротоякскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ и оставался до своей кончины. Много сдѣлалъ для благоустройства своихъ монастырей и завелъ въ Острожскѣ дивногорское подворье.

«Воронежск. епарх. вѣд.», 1869 г. № 9. *С. Г. Р.*

Іодзевичъ, *Даміанъ Казиміровичъ*, докторъ богословія, изъ дворянъ виленской губерніи, род. въ 1783 г., умеръ 29 марта 1846 г. Монашескіе обѣты принялъ въ 1799 г.; въ 1807 г. окончилъ курсъ наукъ въ славившейся тогда высшей школѣ доминиканцевъ въ м. Забялы, витебской губерніи, и сдѣлался преподавателемъ этой школы, и на этомъ мѣстѣ, въ 1813 г. издалъ первый римско-католическій катихизисъ на русскомъ языкѣ. Въ 1816 г., по изгнаніи іезуитовъ изъ Петербурга, приглашенъ на должность проповѣдника при церкви Св. Екатерины и руководителя состоявшей при ней школы, заведенной еще іезуитами; въ 1827 г. назначенъ настоятелемъ этой церкви и учрежденнаго при ней монастыря доминиканцевъ. Одновременно, вплоть до кончины, Іодзевичъ состоялъ законоучителемъ римско-католическаго исповѣданія въ кадетскихъ корпусахъ и въ дѣвичьихъ институтахъ Екатерининскомъ, Смольномъ и Патріотическомъ и за труды на этомъ поприщѣ нѣсколько разъ получалъ драгоцѣнные подарки отъ Высочайшаго Двора. Іодзевичъ неоднократно былъ призываемъ духовнымъ начальствомъ на высшія ступени въ іерархіи, но предпочелъ остаться въ орденѣ доминиканцевъ, который за труды и заслуги его на пользу сего ордена удостоилъ Іозевича степени доктора богословія и наименовалъ его «отцомъ провинціи» (pater provinciae).

Дѣло архива Рим.-кат. духовной коллегіи: «Wizyta jeneralna kosciola S-ei Katarzyny w Petersburgu», 1841 г.; «Всеобщая энциклопедія», Оргельбрандта (1863 г.), т. XIII; Сборникъ статей «Charitas», изданный въ пользу рим.-кат. благотвор. общества при церкви Св. Екатерины, 137.

Вл. В.

Іоиль (*Воскобойниковъ*), архимандритъ. Род. въ 1742 г. въ г. Лохвицѣ; сынъ казака; умеръ 11 сентября 1816 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи и по окончаніи въ ней курса былъ учителемъ въ Переяславской семинаріи. Въ 1774 г. перешелъ на должность главнаго корректора типографіи Кіево-печерской лавры; 24 февраля 1776 г. принялъ монашество; 16 марта 1779 г. рукоположенъ въ іеромонаха. Въ Лаврѣ состоялъ одновременно проповѣдникомъ, казначеемъ, библіотекаремъ. Ему обязана лаврская библіотека приведеніемъ въ порядокъ и благоустройствомъ. 26 января 1786 г. назначенъ соборнымъ іеромонахомъ. 29 октября 1800 г. назначенъ намѣстникомъ Лавры. 29 декабря 1804 г. опредѣленъ настоятелемъ въ Кіево-выдубицкій михайловскій монастырь, съ оставленіемъ и въ Лаврѣ намѣстникомъ. 28 января 1805 г. посвященъ во архимандрита. 9 августа 1815 г., по прошенію, за старостію и слабостію здоровья, уволенъ отъ настоятельства.

Архивъ св. Синода, дѣла: 1804 г., № 898; 1807 г., № 224; 1815 г., №№ 172, 354; 1816 г., № 326. *С. Г. Р.*

Іоиль (*Котовичъ*), архимандритъ. Сынъ священника-дворянина, бѣлоруссъ, род. около 1777 г., умеръ 26 іюля 1846 г. Получилъ образованіе въ Могилевской семинаріи, въ которой началъ и свою службу въ 1801 г. учителемъ. Въ 1803 г. былъ рукоположенъ во священника къ могилевскому собору; былъ ключаремъ при соборѣ, экзаменаторомъ ставленниковъ и присутствующимъ въ консисторіи; овдовѣвъ, принялъ 4 апрѣля 1806 г. монашество и былъ назначенъ законоучителемъ второго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. 15 февраля 1813 г. посвященъ во архимандрита виленскаго Святодухова монастыря и былъ законоучителемъ въ Виленскомъ университетѣ. При немъ на сумму, испрошенную при проѣздѣ чрезъ Вильну императора Александра I, въ 1815 г. заново обстроенъ монастырь. Въ 1814 г. духовникъ великой княгини Александры Павловны (супруги венгерскаго палатина), іеромонахъ Германъ, возвращаясь изъ Австріи въ Петербургъ, посѣтилъ Вильну и сообщилъ добытыя имъ въ цареградскихъ архивахъ свѣдѣнія относительно нахожденія въ подъ-алтарной пещерѣ мощей св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Въ 1826 г., въ настоятельство Іоиля, и со-

вершено было оффиціальное открытіе мощей.—Страдая временными припадками умопомраченія, Іоиль однажды, во время поѣздки по губерніи, совершилъ нѣсколько противузаконныхъ поступковъ: не повиновался мѣстнымъ властямъ, стрѣлялъ въ народъ и т. п. За это, послѣ суда, 29 октября 1830 г., лишенъ орденовъ, креста и сана и заключенъ на безысходное пребываніе въ суздальскій Спасо-евфиміевъ монастырь. По недоразумѣнію, онъ не былъ помѣщенъ въ монастырь тамошнимъ настоятелемъ въ число рядовыхъ монаховъ и содержался на собственномъ иждивеніи въ арестантскомъ отдѣленіи до 8 февраля 1838 г.. Изможденный долгимъ заключеніемъ, больной, Іоиль просилъ въ 1840 г. о переводѣ его въ какой нибудь другой монастырь, въ мѣстность съ болѣе благопріятными климатическими условіями. По докладу Св. Синода, Государь повелѣлъ перевести его въ Саровскую пустынь.

Архивъ св. Синода, дѣло 1829 г., № 702; Смирновъ, «Виленскій Святодуховъ монастырь».

С. Г. Р.

Іоиль (*Озерянскій*), архимандритъ святогорской Успенской пустыни, родомъ изъ черкасовъ-казаковъ. Въ 1663 г., по приглашенію харьковскаго полковника Г. І. Донца, онъ основалъ Куряжскую пустынь. Возвратившись затѣмъ въ Святогорскій монастырь, въ 1679 г. былъ вмѣстѣ съ братіею захваченъ татарами и пробылъ въ плѣну болѣе двухъ лѣтъ; но потомъ былъ освобожденъ изъ плѣна и управлялъ обителью до 1687 г.

«Историко-статист. опис. харьк. епархіи», I, 54—56, 119—121.

Іоиль, игуменъ Толгскаго монастыря ярославской епархіи; управлялъ въ 1640—1657 гг. При немъ и, по преданію, послѣ того, какъ онъ имѣлъ чудесное видѣніе въ 1642 г., монастырь по благословенію митрополита ростовскаго и ярославскаго Варлаама, былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ и теперь находится.

«Ярославскій Толгскій монастырь».

Іоиль, епископъ ладожскій, умеръ 17 іюня 1712 г. Происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ Вязьмѣ. Женившись, онъ вскорѣ добровольно разошелся съ женою и постригся въ Нило-Столбенской пустыни, не ранѣе 1679 г. Вскорѣ, по молвѣ о его святой жизни, митрополитъ новгородскій Іовъ вызвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ духовникомъ. Черезъ нѣсколко времени, съ разрѣшенія Іова, Іоиль отправился странствовать по сѣверу Россіи и въ 1697 г. положилъ начало Рабежской пустыни, въ нынѣшнемъ валдайскомъ уѣздѣ; въ 1700 г. онъ построилъ тутъ деревянную церковь. Затѣмъ Іовъ снова вызвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ архимандритомъ Ефремовскаго новоторжскаго монастыря, а 18 января 1708 г. посвятилъ въ епископа. Іоиль жилъ въ Антоніевскомъ монастырѣ въ Новгородѣ, дѣятельно помогая Іову въ управленіи его обширною епархіею.

Силинъ, П., «Описаніе Троицкой рабежской пустыни», 4—7.

Іоиль (въ схимѣ *Іона*, въ мірѣ *Іоаннъ*), строитель Новосоловецкой пустыни. Сынъ крестьянина; род. въ 1660 г. въ дер. Жилинѣ, осташковскаго уѣзда; умеръ въ 1740 г. Съ раннихъ лѣтъ началъ обнаруживать склонность къ благочестивой жизни, и еще въ отроческомъ возрастѣ часто удалялся въ лѣсъ для уединенной молитвы. 16-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Успенскую пустынь, — сначала наемнымъ работникомъ; изучивъ богослуженіе и правила монашеской жизни, 30-ти лѣтъ постригся въ монашество и отличался особенною строгостью аскетической жизни. Но не вполнѣ удовлетворяясь монастырскою средой, съ благословенія настоятеля, соорудилъ для себя въ лѣсу земляную келію и удалялся въ нее по временамъ для уединеннаго подвижничества, а затѣмъ перешелъ на необитаемый островъ Вселуцкаго озера. Князь Иванъ Порфирьевичъ Шаховской, которому принадлежалъ островъ, распорядился было изгнать изъ своихъ владѣній неизвѣстнаго человѣка, но когда дѣло разъяснилось, оставилъ его на мѣстѣ и обѣщалъ свое покровительство, а потомъ отдалъ ему и весь островъ въ полное владѣніе. Скоро молва объ Іоилѣ стала собирать на островъ богомольцевъ и искателей подвижнической жизни. Въ 1701 г. Іоиль получилъ разрѣшеніе построить на островѣ церковь и общежительную обитель. Онъ самъ былъ назначенъ строителемъ новооснованнаго монастыря. Въ 1738 г. онъ передалъ управленіе обителью другому іеромонаху, а самъ принялъ схиму.

«Пам. книжка твер. губ. на 1865 г.». *С. Г. Р.*

Іолшинъ, *Михаилъ Александровичъ*, ген.-лейтенантъ, изъ дворянъ могилевской губерніи, род. 29 ноября 1830 года, умеръ 23 января 1883 г. Воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, вступилъ въ службу 13 іюня 1848 года въ гренадерскій короля

Фридриха Вильгельма III полкъ, 10 апрѣля былъ переведенъ въ л.-гв. Литовскій полкъ. Въ 1859 — 1864 гг. былъ начальникомъ Кавказской стрѣлковой школы, затѣмъ командовалъ разными полками, съ 5 апрѣля 1878 г. командовалъ 25 пѣхотною дивизіею. Въ ген.-лейтенанты произведенъ 30 августа 1881 г. Въ 1862 г., въ чинѣ полковника, участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, а въ 1877 г., командуя первою бригадою 14 пѣхотной дивизіи, оказалъ выдающіяся заслуги при переправѣ чрезъ Дунай 15 іюня 1877 г. у Зимницы, гдѣ первымъ изъ начальствующихъ лицъ вступилъ на правый берегъ Дуная, а также при оборонѣ Шипкинскаго перевала; за переправу черезъ Дунай получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. изъ рукъ Государя Императора и 15 іюня 1880 года Высочайшимъ приказомъ зачисленъ въ одинъ изъ полковъ, находившихся подъ его командою при переправѣ; за отличія подъ Шипкой награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. съ мечами.

Послужной списокъ въ дѣлѣ 3 ст. VI отд. Глав. штаба, 1883 г., № 198 и дѣло 3 ст. I отд. Глав. штаба, 1880 г., № 53. *С. Н. П.*

Іона, преподобный палеостровскій, основалъ Палеостровскій монастырь, существующій и нынѣ, на островѣ Палей Онежскаго озера, жилъ не позже второй половины XIV в. Единственную біографическую подробность о немъ сообщаетъ рукописная ему служба, называющая Псковъ «отечествомъ» преподобнаго.

Барсовъ, «Палеостровъ и его значеніе въ обопеж. краю».

Іона, святой, митрополитъ московскій, род. въ с. Одноушевѣ близъ Солигалича; умеръ 31 марта 1461 г. Онъ принялъ монашество въ одномъ изъ галицкихъ монастырей, имѣя всего 12 лѣтъ отъ роду, затѣмъ онъ былъ инокомъ въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ и здѣсь обратилъ на себя вниманіе митрополита Фотія, который возвелъ его въ санъ епископа рязанскаго и муромскаго. Въ Рязани Іона много сдѣлалъ для обращенія въ христіанство мѣстныхъ инородцевъ—Мордвы, Мещеры, Муромы. Въ 1431 г., послѣ смерти митрополита Фотія, соборомъ русскихъ іерарховъ избранъ былъ ему въ преемники Іона, но политическія обстоятельства помѣшали ему немедленно отправиться въ Константинополь для утвержденія въ новомъ санѣ: борьба изъ-за великаго княженія сначала между кн. Юріемъ Дмитріевичемъ и вел. кн. Василіемъ Василіевичемъ, а затѣмъ между послѣднимъ и Димитріемъ Шемякой, удержала Іону въ Москвѣ. Онъ, какъ и митрополитъ Фотій, держалъ сторону вел. кн. Василія Васильевича, стоялъ за возвышеніе Москвы, за самодержавіе Василія даже тогда, когда Шемяка завладѣлъ Москвой, ослѣпилъ Василія, а самого Іону призналъ митрополитомъ. Отправивъ ослѣпленнаго вел. кн. Василія въ Угличъ, Шемяка упросилъ Іону взять малолѣтнихъ дѣтей Василія—Іоанна и Юрія—у князя Ряполовскаго, который ихъ укрылъ изъ Троицкой лавры въ то время, какъ кн. Иванъ Можайскій захватилъ вел. кн. Василія; Шемяка далъ при этомъ всѣми уважаемому святителю торжественное обѣщаніе оставить малолѣтнихъ князей на свободѣ. Іона повѣрилъ, отправился въ Муромъ и 6 мая 1446 г. привезъ Іоанна и Юрія къ Шемякѣ въ Переяславль; но Шемяка нарушилъ свое слово и немедленно же отослалъ своихъ новыхъ плѣнниковъ въ Угличъ. Скоро Василій восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ, занялъ великокняжескій престолъ, а противъ Шемяки соборъ русскихъ епископовъ, при участіи и Іоны, издалъ въ 1447 г. грозное посланіе, въ которомъ осуждался весь удѣльный порядокъ; самъ Шемяка въ посланіи этомъ приравнивался Каину и Святополку.

Между тѣмъ въ Константинополѣ былъ посвященъ патріархомъ въ митрополита всея Руси смоленскій епископъ Герасимъ, присланный литовскимъ княземъ. Герасимъ не успѣлъ посѣтить Москвы: въ 1435 г., заподозрѣнный въ измѣнѣ, онъ былъ сожженъ кн. Свидригайломъ; но Іона и послѣ этого не получилъ утвержденія въ санѣ митрополита, такъ какъ на русскую митрополію былъ назначенъ изъ Константинополя Исидоръ, орудіе императора Іоанна Палеолога и патріарха Іосифа, замышлявшихъ унію съ Римомъ. Немедленно же по пріѣздѣ въ Россію Исидоръ отправился, противъ желанія великаго князя, на Флорентійскій соборъ, принялъ тамъ унію, попытался по возвращеніи въ Москву ввести ее и въ Россіи, но въ 1441 г. былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ и заключенъ подъ стражу; вскорѣ однако онъ успѣлъ бѣжать въ Римъ. Великій князь Василій приготовилъ тогда константинопольскому патріарху грамоту, въ которой перечислялъ преступленія Исидора и просилъ утвердить митрополитомъ Іону, но узнавъ, что императоръ и патріархъ сами

приняли унію, онъ грамоты не послалъ. Внутреннія смуты въ Россіи замедлили еще на нѣсколько времени утвержденіе Іоны въ санѣ митрополита и утвержденіе это состоялось только 15 декабря 1448 г., помимо патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ. Въ окружномъ посланіи къ русскому духовенству Іона доказывалъ законность своего избранія, ссылался на прецеденты, а въ Грецію отправлена была грамота, объяснявшая, что митрополитъ избранъ самостоятельно «не по кичливости и дерзости», не изъ желанія разорвать союзъ съ греческой церковью, а по «великой нуждѣ», вслѣдствіе трудности и отдаленности пути, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и «разногласія въ церкви Божіей», происходившихъ въ Греціи. Паденіе Константинополя (1453 г.) сдѣлало излишними такія извиненія. Нуждавшійся въ матеріальной помощи со стороны Россіи патріархъ Геннадій не только прислалъ свое благословеніе Іонѣ, но, принявъ во вниманіе трудность, почти невозможность для русскихъ посѣщать Константинополь, захваченный турками, предоставилъ по соглашенію съ другими патріархами разъ навсегда русскимъ епископамъ право самостоятельно ставить митрополита и притомъ призналъ за этимъ митрополитомъ по достоинству первое мѣсто послѣ патріарховъ. И по утвержденіи митрополитомъ, Іона какъ и прежде держалъ сторону великаго князя Василія, въ грамотахъ своихъ требовалъ покорности ему, обличалъ Шемяку, посылалъ грозныя грамоты въ Новгородъ, пріютившій этого непримиримаго врага великаго князя московскаго, и всему духовенству вообще предписывалъ побуждать князей къ войнѣ съ татарами въ союзѣ съ Василіемъ. Своей дѣятельностью, Іона много способствовалъ упроченію власти московскаго великаго князя, котораго онъ именовалъ уже «великимъ господаремъ, царемъ русскимъ».

Митрополиту Іонѣ подчинена была съ 1449 г. также и митрополія литовская, которою онъ управлялъ черезъ намѣстника, жившаго въ Кіевѣ, но нѣсколько разъ ѣздилъ туда и самъ, заботился объ укрѣпленіи православія, просилъ короля, а также князей, о присоединеніи митрополіи галицкой. Литва къ этому времени сложилась уже въ самостоятельное государство, для котораго митрополитъ, преданный другому государству, былъ не особенно желателенъ. И въ 1459 г., съ согласія Исидора, все еще считавшаго себя митрополитомъ всея Руси, папа Каллистъ III назначилъ въ Кіевъ самостоятельнаго митрополита Григорія, ученика Исидора. Не смотря на грамоты, разосланныя вел. княземъ Василіемъ и митрополитомъ Іоною, къ польскому королю Казиміру, князьямъ и духовенству, съ увѣщаніемъ не принимать новаго митрополита, не нарушать старины, Григорій былъ принятъ и, такимъ образомъ, митрополія кіевская отдѣлилась отъ московской. Соборъ русскихъ епископовъ, созванный 15 декабря 1459 г., своимъ посланіемъ къ литовскому духовенству не могъ предотвратить этого факта и только поклялся не принимать Григорія.—Митрополитъ Іона умеръ 31 марта 1461 г. При перестройкѣ стараго Успенскаго собора, 29 мая 1472 г. открыты были его мощи. Канонизованъ Іона на соборѣ 1547 г. Около этого-же времени написано, по порученію митрополита Макарія, и его житіе.

Карповъ, «Очерки изъ исторіи росс. церковной іерархіи»; Макарій, «Исторія русской церкви», т. VI; Терновскій, «Изслѣдованіе о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху»; Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей»; Барсуковъ, «Источники русской агіографіи»; Васильевъ, «Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ»; Ключевскій, «Житія святыхъ, какъ историческій источникъ».

В. Б.

Іона, святой, четвертый епископъ пермскій, поставленъ около 1455 г., скончался въ 1470 г., память 29 января. Въ 1459—1461 гг. онъ былъ въ Москвѣ, участвовалъ въ выборѣ митрополита Ософосія; въ своей епархіи онъ успѣлъ крестить многихъ язычниковъ, въ томъ числѣ одного изъ мѣстныхъ князьковъ, получившаго имя Михаила и оказывавшаго затѣмъ большое содѣйствіе епископу; при немъ же въ Чердыни основанъ Богословскій монастырь.

Филаретъ, «Русскіе святые», I, 138—140; Е. Поповъ, «Пермская и великоперм. іерархія», 11—12, «Вологод. епарх. вѣд.», 1865, 697, 705.

Іона, святой, архіепископъ новгородскій, скончался 5 ноября 1470 г. Оставшись семи лѣтъ сиротой, воспитывался у вдовы Натальи Медоварцевой, которая отдала его «въ наученіе грамотѣ дьяку», а затѣмъ принялъ монашество въ Отенской пустынѣ. Съ 1459 г. до самой смерти занималъ новгородскую каѳедру. Въ церковныхъ дѣлахъ отличался самовластіемъ. Въ Новгородѣ построилъ церковь во имя великомученика Димитрія и св. Сергія Радонежскаго, а въ Отенской пустынѣ—камен-

ную церковь во имя трехъ святителей. Мощи почиваютъ въ Отенской пустынѣ. Канонизованъ въ 1549 г.

Карамзинъ, т.т. V и VI; Толстой, гр. М., «Книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ»; Эристовъ, кн., «Словарь историческій о святыхъ».

Іона (въ мірѣ *Іоаннъ*), святой, основатель Псково-Печерскаго монастыря, умеръ въ 1474 г. Род. въ Московскомъ княжествѣ, затѣмъ перешелъ въ Юрьевъ ливонскій (Дерптъ), былъ тамъ два съ половиной года священникомъ, но долженъ былъ съ семействомъ бѣжать отъ притѣсненій католиковъ. Онъ поселился въ с. Почковѣ (псковской губерніи) и здѣсь при рѣчкѣ Каменцѣ выкопалъ въ горѣ церковь во имя Успенія Богородицы. Послѣ смерти своей жены, принявшей передъ кончиной монашество, Іона тоже постригся въ монахи. Мощи до настоящаго времени почиваютъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. Память 29 марта.

Толстой, гр. М., «Книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ»; «Псково-Печерскій монастырь»; Звѣринскій, «Матеріалы для истор. топогр. изслѣд. о правос. монастыряхъ», № 398.

Іона (въ мірѣ *Іоаннъ*), преподобный, климецкій, основалъ около 1520 г. климецкій Николаевскій монастырь на островѣ Климецкомъ Онежскаго озера, существующій и нынѣ; скончался въ 1534 г. По преданію онъ былъ сынъ новгородскаго посадника Ивана Клементьева, въ молодости занимался торговлей; въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ торговою цѣлью по Онежскому озеру онъ былъ застигнутъ сильной бурей, но судно его было выброшено волнами на каменистую отмель около острова Климецкаго и Іоаннъ спасся. Чудесное избавленіе отъ опасности такъ на него подѣйствовало, что онъ постригся въ одномъ изъ новгородскихъ монастырей и всѣ свои средства отдалъ на основаніе монастыря на островѣ Климецкомъ; первыми иноками новой обители были монахи Нятинскаго монастыря, находившагося на томъ же островѣ, перешедшіе по приглашенію Іоны въ основанный имъ монастырь.

Барсовъ, «Олонецкій монастырь Климецы» въ «Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древ.»; 1870, IV; Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ», прил. VI, 163; «Препод. обонежскіе пустыножители».

Іона, преподобный соловецкій, утонулъ въ 1561 г., вмѣстѣ съ инокомъ Вассіаномъ. Его мощи находится въ Пертоминскомъ монастырѣ архангельской епархіи, который былъ основанъ въ 1566 г. на мѣстѣ, гдѣ были выброшены тѣла утонувшихъ. Въ 1694 г. обитель посѣтилъ Петръ I, застигнутый бурею при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря. Пробывъ здѣсь три дня, царь собственноручно сдѣлалъ крестъ, который и поставилъ на берегу, съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ: «Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ лѣто 1694 г.». Впослѣдствіе, въ 1805 г., крестъ этотъ былъ перенесенъ въ соборъ г. Архангельска, а на его мѣстѣ воздвигнута была церковь. Память преподобнаго Іоны 12 іюня.

Эристовъ, кн., «Словарь историч. о святыхъ»; Филаретъ, «Русскіе святые», II.

Іона, преподобный яшезерскій, основалъ около 1582 г. Благовѣщенскій яшезерскій монастырь, существующій и нынѣ въ олонецкой губерніи. По мѣстному преданію преп. Іона былъ родомъ изъ Шокши, селенія, находящагося недалеко отъ Яшезера. Скончался послѣ 1628 г.

«Чтенія моск. общ. ист. и др.», 1870 г., IV; Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ», прил. VI, 159; «Олон. губ. вѣд.», 1850 г. № 37.

Іона (*Архангельскій*), митрополитъ сарскій и подонскій, умеръ въ 1621 г. Съ 1589 г. по 1608 г. онъ былъ настоятелемъ переяславскаго Троицкаго Данилова монастыря; въ 1589 г. былъ въ Москвѣ на соборѣ объ учрежденіи патріаршества; въ 1613 г. былъ назначенъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ и завѣдывалъ дѣлами патріаршими до возвращенія изъ плѣна митрополита Филарета. Въ 1619 г. 24 іюня участвовалъ въ избраніи и посвященіи въ санъ патріарха митрополита Филарета, а въ 1620 г. по рѣшенію собора ему было запрещено священнодѣйствовать за неправильное крещеніе двухъ латинянъ, присоединившихся къ православной церкви и за неправое осужденіе епископа Нектарія.

«Опис. переясл. Троиц. Данилова мон.»; «Чтенія», 1862 г., кн. 2; Макарій; «Ист. рус. церк.», X, 169—173.

Іона (Иванъ *Борзобогатый-Красненскій*), епископъ луцкій, умеръ въ 1585 г. Въ 1546 г. онъ получилъ королевскую привиллегію на волынское епископство и 19 лѣтъ управлялъ епархіею, именуясь «нареченнымъ» и не вступая въ духовный санъ; управленіе его отличалось крайнимъ произволомъ и вызывало неоднократныя жалобы жителей; наконецъ, въ 1561 г. Феодосій Лазовскій добылъ себѣ привиллегію на владимірское епископство, вооруженною силою захватилъ епископскій замокъ и изгналъ Борзобогатаго; послѣдній по-

лучилъ луцкую епархію и распоряжался въ ней такъ же, какъ во владимірской; только въ 1571 г. кіевскій митрополитъ принудилъ его принять постриженіе. Въ 1585 г., послѣ неоднократныхъ жалобъ мірянъ, онъ былъ, наконецъ подвергнутъ суду и приговоренъ къ лишенію всего имущества и изгнанія изъ отечества; но въ томъ же году онъ и умеръ, до приведенія приговора въ дѣйствіе.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», I, 165, 174.

Іона (Иванъ Семеновичъ *Васильевскій*), митрополитъ, сынъ дьячка - иконописца, род. 18 февраля 1763 г. въ Калугѣ, умеръ 22 іюня 1849 г. Восьми лѣтъ лишился отца и матери и жилъ со своей слѣпой бабкою, собирая милостыню. Совершенно случайно на 15-мъ году былъ опредѣленъ въ училище при Лаврентіевомъ монастырѣ вблизи Калуги, перешелъ затѣмъ въ Перервинскую семинарію, а затѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, переведенъ въ Лаврскую семинарію, переименованную потомъ въ Московскую духовную академію, въ которой и кончилъ курсъ въ 1790 г. Ему предложено было мѣсто смотрителя Звенигородскаго духовнаго училища съ условіемъ постриженія въ монашество, но онъ отказался и 30 января 1792 г. поступилъ священникомъ къ калужской Воскресенской церкви. Въ 1803 г. произведенъ въ санъ протоіерея, а въ 1807 г., уже овдовѣвъ, постригся въ монашество и назначенъ законоучителемъ коммерческаго училища въ Петербургѣ. Черезъ полгода, уже въ санѣ архимандрита, былъ назначенъ ректоромъ Калужской семинаріи и настоятелемъ перемышльскаго Свято - Троицкаго лютикова монастыря. Въ 1810 г. вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія; въ 1811 г. назначенъ настоятелемъ Волоколамскаго монастыря, инспекторомъ и экономомъ Петербургской духовной академіи, а 29 марта 1812 г. хиротонисанъ во епископа тамбовскаго; 26 апрѣля 1821 г. возведенъ въ санъ архіепископа астраханскаго, черезъ пять мѣсяцевъ назначенъ экзархомъ Грузіи и членомъ Св. Синода, а въ 1828 г. возведенъ въ санъ митрополита.—Преосвященный Іона много жертвовалъ на украшеніе монастырскихъ храмовъ и на духовно-учебныя заведенія; въ Астрахани успѣшно боролся съ раскольниками; въ Грузіи его заботы были направлены на устройство семинаріи и на расширеніе и улучшеніе въ ней преподаванія; какъ личность онъ отличался высокими нравственными качествами. Разстроенное здоровье заставило его проситься на покой и 5 марта 1832 г. онъ былъ уволенъ отъ управленія грузинскою церковію и вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до самой смерти; онъ жилъ въ это время въ Александро - невской лаврѣ, устроивъ себѣ тамъ самую простую и скромную обстановку.

Бѣльскій, М., «Сказаніе о жизни митроп. Іоны, бывшаго экзарха Грузіи, съ приложеніемъ пяти словъ его». *Здр.*

Іона (*Глезна*), изъ архіепископовъ полоцкихъ, въ 1488 г. избранъ на кіевскую митрополію. Этотъ малоизвѣстный митрополитъ умеръ въ 1494 г.

Макарій, «Ист. рус. церкви», IX; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви» II.

Іона (Иванъ *Гоголь-Богушевичъ*), дворянинъ; въ 1586 г. получилъ отъ короля кобринскій Спасскій монастырь, съ обязательствомъ въ теченіи года вступить въ духовный санъ; въ 1596 г. получилъ королевскую привиллегію на пинскую и туровскую епископію; на Брестскомъ соборѣ 1596 г. принялъ унію; умеръ въ 1602 г.

Макарій, «Ист. рус. церк.», IX; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», ч. I.

Іона (*Думинъ*), митрополитъ ростовскій, скончался 7 марта 1608 г. Въ 1588 г. посвященъ въ архіепископа вологодскаго изъ архимандритовъ владимірскаго Рождественскаго монастыря. Въ 1602 г. онъ былъ митрополитомъ ростовскимъ и, по преданію, первый обращалъ вниманіе патріарха Іова на какіе то замыслы послушника Григорія Отрепьева; но его указаніямъ не было придано, какъ извѣстно, вѣры. Послѣдній годъ жизни онъ провелъ на покоѣ въ Рождественскомъ монастырѣ; въ рукописи сохраняется его окружное посланіе къ ростовской паствѣ.

Титовъ, А., «Ростовская іерархія», 63—64; «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ», изд. Общ. любит. древ. письм., 20.

Іона (Ипполитъ Леонтьевичъ *Капустинъ*), епископъ екатеринбургскій, сынъ протоіерея г. Камышлова, род. 11 января 1790 г., умеръ 13 ноября 1867 г. По окончаніи курса въ Пермской духовной семинаріи, былъ въ ней преподавателемъ съ 1809 г. по 1820 г.; 23 августа 1820 г. поступилъ въ Московскую духовную академію и въ ней кончилъ курсъ въ 1824 г.;

11 апрѣля 1825 г. назначенъ инспекторомъ Пермской семинаріи; 15 іюня 1826 г. постриженъ, а 22 іюня того же года посвященъ во іеромонаха; 21 сентября того же года утвержденъ въ степени магистра. 22 іюня 1829 г. опредѣленъ ректоромъ Пермской семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита; 15 марта 1830 года перемѣщенъ ректоромъ въ Тобольскую семинарію и 30 іюля того же года опредѣленъ настоятелемъ межигорскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря тобольской епархіи. 16 ноября 1835 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ бизюковъ Григорьевскій монастырь екатеринославской епархіи, 16 марта 1836 года опредѣленъ ректоромъ Екатеринославской семинаріи. Въ 1843 г. и 1844 г. былъ на чредѣ священнослуженія въ С.-Петербургѣ и состоялъ членомъ академическаго комитета для составленія новыхъ конспектовъ по предметамъ, преподаваемымъ въ семинаріи. 19 мая 1846 г. хиротонисанъ во епископа екатеринбургскаго, викарія пермской епархіи и получилъ въ управленіе далматовскій Успенскій монастырь. Въ 1859 г. 21 ноября уволенъ по болѣзни съ пенсіей на покой въ тотъ же Далматовскій монастырь.

Архивъ св. Синода, формулярный списокъ преосв. Іовы; «Пермскія епарх. вѣдом.», 1867 г. № 4; Толстой, Ю., «Списки архіереевъ»; Строевъ, П., «Списки іерарховъ». *А. Н.*

Іона (*Лушаковъ*), архимандритъ. «Рейтарскій сынъ»; род. въ 1671 г., умеръ послѣ 1741 г. Онъ былъ съ 1730 г. настоятелемъ великолуцкаго Троицы-Сергіева монастыря, въ 1738 г., по требованію Тайной канцеляріи, лишенъ сана и сосланъ въ Ордейскую пустынь на неисходное пребываніе. 1 февраля 1741 г. правительница Анна Леопольдовна вернула его изъ заточенія и дала право избрать себѣ настоятельство въ любомъ монастырѣ или хотя бы мѣстожительство, если старость и слѣпота не позволятъ ему принять настоятельство. О дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не отыскано.

«Псковскія губ. вѣд.»; 1870, № 37; архивъ св. Синода, дѣло 1738 г., № 207. *С. Г. Р.*

Іона (Иванъ Дмитріевичъ *Павинскій*), архіепископъ. Сынъ священника олонецкаго края, род. въ 1773 г., умеръ 3 февраля 1828 г. Образованіе получилъ въ Олонецкой, Архангельской и Александроневской семинаріяхъ. 23 марта 1793 г. посвященъ во діакона къ Исаакіевскому собору въ Петербургѣ. Въ 1797 г. рукоположенъ во священника и отправленъ въ Копенгагенъ въ составъ русской миссіи, гдѣ исполнялъ при посланникахъ и обязанности переводчика. Въ 1802 г. опредѣленъ къ Захаріевской церкви въ Петербургѣ; въ 1803 г. переведенъ къ Симеоновской церкви. Въ іюнѣ того же года, назначенъ былъ «путешествовать съ княгиней Александрою Петровною Голицыной» и обучать при этомъ ея дѣтей закону Божію. Черезъ годъ вернулся изъ-заграницы. Въ 1806 г. опредѣленъ законоучителемъ іезуитскаго института. 11 мая 1808 г. назначенъ присутствующимъ въ петербургскую консисторію. 9 сентября, по Высочайшему указу, назначенъ духовникомъ при великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Въ 1813 году, съ разрѣшенія Государя, оставилъ мѣсто духовника при великой княгини и постриженъ 24 декабря 1813 г., въ монашество; 31 декабря того же года назначенъ настоятелемъ Ново-Іерусалимскаго монастыря, на слѣдующій день возведенъ въ санъ архимандрита. 9 марта 1816 г. назначенъ членомъ московской синодальной конторы. 22 іюля 1817 г. хиротонисанъ во епископа орловскаго. Въ 1821 г. 21 іюля переведенъ архіепископомъ въ Тверь и назначенъ членомъ Св. Синода; 6 ноября 1826 г.—въ Казань, гдѣ и скончался. Правленіе архіепископа Іоны казанскою епархіей ознаменовано смутами въ церковной жизни, происходившими вслѣдствіе массоваго отпаденія отъ православной церкви крещеныхъ татаръ. Отзывы о личности преосвященнаго довольно разнорѣчивы; но нѣтъ основанія винить его въ происходившихъ въ казанской епархіи безпорядкахъ—они были обусловлены издавна дѣйствовавшими причинами. Какъ писатель, преосвященный Іона извѣстенъ собраніемъ своихъ словъ, говоренныхъ въ разныя времена (изданы въ Москвѣ 1816 г.), рѣчью императору Александру Павловичу по прибытіи его въ Ново-Іерусалимскій монастырь 24 августа 1816 г., рѣчью при вступленіи на казанскую епархію и переводами: «Опытъ о краснорѣчіи проповѣдниковъ», Блера и «Правило предписаннаго въ Императорско-Королевскихъ наслѣдныхъ земляхъ преподаванія пастырскаго богословія» (Спб. 1803 г.).

Архивъ св. Синода, дѣла: 1813 г., № 641; 1816 г., №№ 208, 1251; 1817 г., № 594; «Памятн. книжка тверской губ. на 1865 г.»; Геннади, «Сло-

варь»; Чистовичъ, «Исторія Петерб. дух. академіи»; «Извѣстія казанской епархіи», 1873 г., № 2; Филаретъ, «Обзоръ», II. *С. Г. Р.*

Іона (*Протасовичъ-Островскій*), митрополитъ кіевскій, управлялъ въ 1568—1576 г.г.; умеръ въ 1577 г.; посвященъ изъ епископовъ пинскихъ; не будучи въ состояніи добиться отъ короля Стефана Баторія удовлетворенія по своимъ жалобамъ на различныя притѣсненія православныхъ, отказался отъ каѳедры.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап. рус. церкви», I, 141.

Іона (*Рогожа*), основатель и первый игуменъ Николы-Радовицкаго монастыря рязанской епархіи. Онъ основалъ монастырь на мѣстѣ, гдѣ нашелъ икону св. Николая; подробностей о его жизни нѣтъ; по надписи на одной рукописной богослужебной книгѣ онъ былъ игумномъ въ 1580 г.

Макарій, «Ист.-стат. свѣд. о рязан. еп.», 262—264.

Іона (Иванъ *Семеновъ*), архимандритъ, изъ духовнаго званія; род. въ 1715 г.; умеръ въ 1780 г. Принялъ монашество 9 января 1745 г. въ княгининскомъ Троицкомъ монастырѣ; 27 января 1755 г. посвященъ во игумена Печерской пустыни. Былъ архимандритомъ въ Амвросіевѣ Дудинѣ монастырѣ, въ нижегородскомъ Благовѣщенскомъ, въ оранской Богородичной пустыни и въ алатырскомъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ и скончался. Въ Оранской пустыни онъ установилъ два крестныхъ хода—въ Нижній Новгородъ и въ село Павлово, по случаю бывшаго въ это время морового повѣтрія.

Макарій, «Опис. оранской Богород. пустыни»; Строевъ, «Списки іерарховъ», 615, 618, 628, 984.

Іона (*Собина*), епископъ суздальскій, умеръ въ 1548 г. Въ 1522 г., въ санѣ архимандрита Чудовскаго монастыря, являлся поручителемъ по кн. В. И. Шуйскомъ, затѣмъ по князьяхъ Ив. М. Воротынскомъ, Ѳ. М. Мстиславскомъ и И. И. Пронскомъ. Въ 1525 г. былъ однимъ изъ главныхъ обвинителей Максима Грека. Въ 1539 г. былъ кандидатомъ на митрополію. 21 февраля 1544 г. хиротонисанъ въ санъ епископа суздальскаго. Участвовалъ на соборѣ 1547 г., установившемъ празднованіе многимъ русскимъ святымъ.

«Чтенія въ Обществѣ любит. дух. просв.», 1892, іюнь, ст. Титова, 47.

Іона (*Сосновскій*), епископъ холмскій, извѣстенъ по одному упоминанію подъ 1540 г.

Іона (*Сысоевичъ*), митрополитъ ростовскій, род. близъ Ростова около 1607 г., умеръ 20 декабря 1690 г. Сначала былъ инокомъ углицкаго Воскресенскаго (нынѣ упраздненнаго) монастыря, потомъ архимандритомъ Бѣлогостицкаго и Аврааміевскаго Богоявленскаго монастырей; 15 августа 1652 г. возведенъ патріархомъ Никономъ въ санъ ростовскаго митрополита. Въ 1654 и 1656 гг. присутствовалъ въ Москвѣ на соборахъ объ исправленіи церковныхъ книгъ и во время удаленія патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь управлялъ патріархіею. Въ 1663 г. участвовалъ въ разборѣ дѣла патріарха Никона; въ 1664 г., по приговору всѣхъ архіереевъ, былъ удаленъ отъ управленія дѣлами патріаршими за то, что принялъ благословеніе отъ прибывшаго въ это время въ Москву патріарха Никона. Въ 1666 г. присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ патріарха Никона, а затѣмъ съ 1674 по 1690 г. принималъ участіе на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ и съѣздахъ іерарховъ въ Москвѣ. 5 іюля 1690 г. удалился на покой. Митрополитъ Іона былъ извѣстенъ своею ревностью къ церковному благолѣпію; онъ устроилъ въ своей епархіи нѣсколько новыхъ церквей и украсилъ существовавшіе ранѣе монастыри и церкви. При немъ же, въ 1658 г., была выдѣлена часть ростовской митрополіи и изъ нея учреждена особая епархія велико-устюжская.

Титовъ, А., «Ростовская іерархія», М. 1890 г.; его же «Лѣтописецъ о ростовск. архіер.»; «Ярославскія Губерн. Вѣдом.», 1855 г., № 10.

Іона, епископъ луцкій, правилъ съ 1492 г. по 1495 г., когда скончался во время сильнаго мора; обстоятельства жизни неизвѣстны.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», I, 173.

Іона, епископъ черниговскій и брянскій; упоминается подъ 1499 г.; въ 1500 г., по взятіи Смоленска и Брянска онъ былъ отправленъ въ Москву.

«Ист.-стат. опис. черниг. еп.», I, 28—32.

Іона, митрополитъ кіевскій, управлялъ съ 1503 по 1507 г.; посвященъ изъ архимандритовъ минскаго Вознесенскаго монастыря; онъ былъ ревностный и строгій пастырь; прибывъ въ Литовское княжество духовникомъ в. кн. Елены Іоанновны постоянно поддерживалъ ее противъ понужденій перейдти въ католичество.

Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», I, 139.

Іона, епископъ туровскій и пинскій, извѣстенъ только по имени, упоминается съ 1514 по 1522 г., въ 1523 г. упоминается Іона епископъ владиміро-волынскій; обстоятельства жизни того и другого неизвѣстны; быть можетъ, это одно и то же лицо.

Іона, епископъ рязанскій, въ 1517 г. былъ посвященъ въ архимандриты новгородскаго Юрьева монастыря, а съ этого мѣста 23 марта 1523 г. посвященъ митрополитомъ Даніиломъ на рязанскую епархію; участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Петра и въ 1547 г. на соборѣ, канонизовавшемъ многихъ русскихъ святыхъ. Преемникъ его, епископъ Михаилъ, посвященъ въ 1548 г.

Макарій, «Опис. новгор. Юрьева мон.»; Макарій, «Ист.-стат. свѣд. о рязан. еп.»; Филаретъ, «Рязанскіе іерархи».

Іона, архіепископъ ярославскій, поставленъ на мѣсто архіепископа Корнилія, скончавшагося въ 1574 г.; онъ умеръ въ Москвѣ, 20 апрѣля 1577 г., кажется, даже не успѣвъ прибыть на мѣсто своего служенія; погребенъ въ ростовскомъ соборѣ; обстоятельства жизни неизвѣстны.

«Іерархи ростово-ярославской паствы», 111; Титовъ, А., «Ростовская іерархія».

Іона, игуменъ, настоятель Николаевскаго угрѣшскаго монастыря. Находился въ посольствѣ къ польскому королевичу Владиславу, отправленномъ 11 сентября 1610 г. Скончался въ заточеніи въ Кіевѣ, куда былъ отправленъ Сигизмундомъ съ прочими послами.

Д. Б., «Угрѣша», М. 1875.

Іона, игуменъ Троицкаго колязина монастыря съ 1633 по 1639 г. При немъ въ 1633 г. отмѣненъ былъ особенный уставъ этого монастыря.

А. Лебедевъ, «Опис. Троицк. коляз. мон.».

Іона, архіепископъ тверской, умеръ въ 1654 г.; съ 1638 г. былъ игуменомъ Богоявленскаго московскаго монастыря; посвященъ на каѳедру 24 декабря 1642 г., участвовалъ въ вѣнчаніи на царство царя Алексѣя Михайловича 28 сентября 1645 г.; изъ его распоряженій извѣстно запрещеніе торговать и работать въ воскресные дни до 5 часовъ пополудни.

Чередѣевъ, «Біографіи тверскихъ іерарховъ», 81—83; Титовъ, «Тверскіе епископы», 53.

Іона, архіепископъ вятскій, род. въ 1635 г., умеръ 8 октября 1699 г. Постригся въ монахи 18-ти лѣтъ; 23 августа 1674 г., изъ архимандритовъ тихвинскаго монастыря, поставленъ епископомъ вятскимъ; въ 1682 г. наименованъ архіепископомъ. Отличался строгою, благочестивою жизнью и ревностью къ вѣрѣ; выстроилъ въ Вяткѣ соборъ, содѣйствовалъ построенію большого числа церквей, ревностно наблюдалъ за благочиніемъ монашеской жизни; собралъ много книгъ. Царь и патріархъ уважали его и неоднократно вызывали въ Москву для совѣщаній. Память его очень чтится мѣстными жителями.

Платонъ (Любарскій), «Іерархіи вятская и астраханская», 3—4.

Іона, юродивый, монахъ, умеръ въ 1737 г. Постригся въ монашество около 1730 г. въ Троицкой Сергіевой лаврѣ. За принятое имъ на себя юродство Іона былъ высланъ въ приписной къ Лаврѣ Пѣсношскій монастырь, гдѣ и жилъ до своей смерти, нерѣдко на продолжительное время уединяясь въ пещерѣ въ лѣсу. До настоящаго времени память его мѣстно чтится; въ 1877 г. на мѣстѣ его подвиговъ въ лѣсу устроена часовня.

«Историч. опис. мон. св. Николая, что на Пѣсношѣ». *Здр.*

Іонаѳанъ (Иванъ *Дмитріевъ*), игуменъ. Сынъ бѣднаго ремесленника, род. въ Москвѣ 9 мая 1816 г., умеръ 20 января 1891 г. Рано осиротѣвъ, учился и воспитывался въ одной изъ ремесленныхъ школъ Человѣколюбиваго общества, и былъ впослѣдствіи работникомъ на заводахъ Берда и на Старочугунномъ механическомъ заводѣ. Дмитріевъ всегда былъ на хорошемъ счету у начальства; тихій, нравственный, сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ усердно посѣщалъ церковь и много читалъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ 1847 г. онъ поступилъ послушникомъ въ Валаамскій монастырь, а 14 марта 1854 г. постригся, въ слѣдующемъ году рукоположенъ во іеродіакона и во іеромонаха. Съ 29 ноября 1859 г. Іонаѳанъ исполнялъ обязанности казначея, затѣмъ во время долгой болѣзни игумена Дамаскина управлялъ монастыремъ, а 14 апрѣля 1879 г. былъ избранъ братіею въ настоятели монастыря; онъ увеличилъ число монастырскихъ строеній, устроилъ въ монастырѣ водопроводъ, молочную ферму, улучшилъ монастырское садоводство и огородничество, устроилъ паровыя водокачальни, маслобойни, кирпичный заводъ съ рельсовымъ путемъ къ берегу, смолевой и кожевенный заводы; онъ началъ постройку въ монастырѣ обширнаго ка-

меннаго собора. Въ то же время онъ строго слѣдилъ за нравственностію братіи, за строгимъ исполненіемъ монастырскаго устава, старался пріучить братію къ чтенію духовныхъ книгъ и пополнилъ и привелъ въ порядокъ монастырскую библіотеку.

«Настоятель Валаам. мон. игум. Іонаѳанъ», 1893 г.; «Церк. Вѣстн.», 1891 г., № 7; «Церк. Вѣдом.», 1891 г., № 8; дѣло архива св. Синода 1881 г. № 1188.

Іонаѳанъ, игуменъ Соловецкаго монастыря, умеръ въ 1833 г. Происходилъ изъ петербургскихъ мѣщанъ; принялъ постриженіе въ Валаамскомъ монастырѣ въ 1792 г.; во іеродіакона рукоположенъ въ 1793 г.; въ іеромонаха—въ 1794 г. Во игумена Соловецкаго монастыря избранъ 22 января 1830 г.; человѣкъ характера мягкаго, уступчивый, кроткій, онъ тяготился своимъ служеніемъ въ монастырѣ, въ которомъ аскетическая строгость, твердость и энергичность настоятелей успѣла перейти въ традицію. При немъ тихая монастырская жизнь была прерываема волненіями, которыя были производимы посторонними лицами, помѣщенными въ монастырѣ «подъ надзоръ», и число которыхъ въ то время достигало довольно значительной цифры.

«Валаамскій монастырь», Спб., 1889 г. *С. Г. Р.*

Іонинъ, *Александръ Осиповичъ*, профессоръ Императорскаго Историко-филологическаго института. Род. въ 1834 г., умеръ 21 декабря 1882 г. Въ 1859 г. окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ историко-филологическаго факультета и былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ Ларинскую гимназію. Затѣмъ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу и по возвращеніи былъ преподавателемъ въ 3-й Петербургской гимназіи, а въ 1867 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Филологическій институтъ; съ 1867 по 1871 г. занималъ въ немъ и должность секретаря; въ 1875 г. по болѣзни оставилъ службу. Крайне слабое здоровье препятствовало ему такъ работать на научномъ поприщѣ, какъ бы онъ желалъ и какъ былъ способенъ; но онъ былъ отличный знатокъ и преподаватель латинскаго языка; своихъ слушателей онъ умѣлъ дѣйствительно научить своему предмету и пользовался ихъ большими симпатіями и уваженіемъ.

Формуляръ въ Импер. Истор.-филол. институтѣ; некрологъ—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1883 г., январь.

Іонинъ, *Владиміръ Семеновичъ*, дворянинъ воронежской губерніи, род. 23 іюня 1838 г. въ дер. Варваровкѣ, бобровскаго уѣзда, умеръ 15 декабря 1886 г. По окончаніи курса сначала въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, а затѣмъ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при Азіятскомъ Департаментѣ, онъ вступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ 1859 г. и былъ посланъ студентомъ миссіи въ Константинополь; въ 1860 г. былъ назначенъ секретаремъ консульства въ Мостарѣ, въ 1865 г. драгоманомъ генеральнаго консульства въ Бѣлградѣ; черезъ годъ былъ прикомандированъ къ Азіятскому Департаменту. Въ Мостарѣ у него зародилась мысль о необходимости пропагандировать освобожденіе славянъ; онъ стремился принять въ этомъ дѣлѣ болѣе живое участіе, и въ 1867 г. отправился опять на Востокъ, получивъ назначеніе секретаремъ консульства въ Рагузѣ. Но страстность, порывистость въ вопросахъ, касавшихся славянъ, которую онъ всегда выказывалъ, не соотвѣтствовала тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, не вязалась съ его офиціальнымъ положеніемъ и въ сентябрѣ того же 1867 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Бейрутъ въ званіи секретаря и драгомана нашего генеральнаго консульства. Въ 1869 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Дамаскъ, въ 1871 г. вторично переведенъ въ Петербургъ въ Азіятскій Департаментъ чиновникомъ сверхъ штата, а 18 января 1872 г. уволенъ отъ службы съ пенсіею; въ маѣ 1872 г. Іонинъ снова поступилъ въ службу въ Департаментъ таможенныхъ сборовъ. Вскорѣ начались событія, приведшія къ послѣдней русско-турецкой войнѣ; Черногорія и Сербія выступили открытыми борцами противъ Турціи, а затѣмъ двинулись на помощь южнымъ славянамъ и русскіе добровольцы. Іонинъ въ сентябрѣ 1875 г. оставилъ службу по министерству финансовъ и уѣхалъ на югъ. Въ 1876 г. онъ былъ предсѣдателемъ болгарскаго революціоннаго комитета въ Бухарестѣ; 20 іюля 1876 г. онъ вмѣстѣ съ Енчевымъ получилъ отъ командующаго моравскою арміею М. Г. Черняева предписаніе сформировать въ Зайчарѣ отрядъ болгарскихъ добровольцевъ для вторженія въ Болгарію; впослѣдствіи подготовленные имъ добровольцы вошли въ составъ отряда генерала Столѣтова. За свои труды по болгарскому

ополченію Іонинъ въ 1879 г. получилъ очень лестное благодарственное письмо отъ митрополита Анѳима, предсѣдателя Народнаго Собранія въ Тырновѣ. Въ 1877 г. Іонинъ перенесъ свою дѣятельность въ Боснію и на собраніи въ Тишковцѣ, 29 сентября 1877 г., былъ избранъ предсѣдателемъ боснійскаго народнаго временнаго правительства. Но вскорѣ онъ долженъ былъ бѣжать отъ своихъ противниковъ; спасаясь, онъ выскочилъ изъ окна верхняго этажа и сломалъ себѣ ногу. Послѣдніе годы своей бурной жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ отъ паралича сердца; похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.—Іонинъ, не смотря на всѣ свои неудачи, до самой смерти продолжалъ сношенія съ босняками и герцеговинцами, которые въ тяжелыя минуты постоянно обращались къ нему. По ихъ просьбѣ написалъ онъ 18 мая 1880 г. письмо къ Гладстону относительно жестокостей австрійскихъ войскъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Энтузіастъ, горячо преданный славянской идеѣ, Іонинъ съ юношескимъ пыломъ хотѣлъ служить излюбленнымъ своимъ идеямъ не словомъ лишь, а дѣломъ, и не дорожилъ для нея не только служебною карьерою, но и жизнью. Если онъ и ошибался, то во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ всегда съ полнѣйшею искренностью, и имѣлъ въ виду только интересы славянъ, какъ онъ ихъ понималъ.

Іонсонъ, *Яковъ Ивановичъ*, докторъ философіи и магистръ агрономіи; умеръ въ 1865 г. Въ качествѣ члена Вольно-Экономическаго общества онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Общества за періодъ 1840—1865 гг.; съ 1844 г. до самой смерти своей состоялъ редакторомъ журнала, издававшагося Обществомъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Mittheilungen»; по смерти его изданіе это было прекращено за недостаткомъ подписчиковъ. Въ 1848 г. ему было поручено завѣдываніе библіотекой Общества. Онъ принималъ участіе во многихъ коммиссіяхъ, работавшихъ при Обществѣ, и неоднократно былъ командированъ отъ Общества въ Россію и за-границу для собиранія свѣдѣній по агрономіи и сельскому хозяйству. Сочиненія его, всѣ посвященныя сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, довольно многочисленны и большею частью изданы Вольно-Экономическимъ обществомъ.

Ходневъ, «Исторія Имп. Вольно. экономическаго общества съ 1765 до 1865 г.», 90, 132—147, 169, 181, 244, 436, 473.

Іорданъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, профессоръ гравированія и ректоръ Императорской Академіи Художествъ, род. 13 августа 1800 г. въ Павловскѣ, умеръ 19 сентября 1883 г. въ Петербургѣ. Сынъ придворнаго обойнаго мастера, онъ былъ принятъ въ 1819 г., по желанію своей воспріемницы, императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Академію и назначенъ въ гравировальный классъ академика Уткина. Въ августѣ 1822 г. и въ декабрѣ 1823 г. онъ получилъ вторую и первую серебряныя медали за копіи съ гравюръ иностранныхъ мастеровъ и рисунки съ натуры. Въ 1824 г. онъ получилъ вторую золотую медаль за гравюру съ картины П. Соколова—«Меркурій, усыпляющій Аргуса», причемъ конференцъ-секретарь Академіи В. И. Григоровичъ отмѣтилъ въ «Журналѣ Изящныхъ Искусствъ» (1825, № 1, стр. 47), что «эстампъ Іордана отличается твердостію и свободою исполненія». По выпускѣ изъ Академіи съ аттестатомъ 1-й степени, Іорданъ, вмѣстѣ съ пятью другими молодыми художниками, былъ оставленъ при Академіи для дальнѣйшаго усовершенствованія, подъ условіемъ, чтобы они постоянно посѣщали натурный и художественный классы, представляли свои работы на экзамены, исполняли обязанности помощниковъ при профессорахъ и подъ ихъ присмотромъ наблюдали за учениками, получая, впрочемъ, особое за то вознагражденіе, а сами находились въ вѣдѣніи инспектора или исправляющаго его должность. Въ это время Іорданъ награвировалъ, по частнымъ заказамъ, въ 1825 г. портретъ танцовщицы Истоминой для альманаха Ѳ. Булгарина «Русская Талія» и актера В. Каратыгина для издателя альманаховъ Аладьина; затѣмъ изображеніе статуи герцога Ришелье въ Одессѣ (работы Мартоса) для «Журнала Изящныхъ Искусствъ» В. И. Григоровича и картину «Собачья дружба», съ рисунка И. Иванова, по наброску А. Оленина, для басенъ Крылова въ изданіи Слѣнина.

Въ сентябрѣ 1827 г. Іорданъ получилъ первую золотую медаль за гравюру съ картины Лосенко «Умирающій Авель» и заслужилъ одобрительные отзывы за свою работу въ журналахъ того времени. За

эту же гравюру онъ получилъ золотые часы отъ императора Николая Павловича. Послѣ того онъ исполнилъ еще нѣсколько частныхъ заказовъ и работъ по указанію Академіи и въ апрѣлѣ 1829 г., по предложенію Уткина, былъ отправленъ съ особою инструкціею на три года въ Парижъ; содержаніе ему было назначено 300 червонцевъ въ годъ; онъ получилъ 100 червонцевъ на путевыя издержки и рекомендательныя письма къ русскому послу въ Парижѣ гр. Поццо-ди-Борго и къ члену французскаго института, извѣстному граверу Тардье, избранному передъ тѣмъ въ почетные вольные общники нашей Академіи Художествъ. Въ Парижъ Іорданъ пріѣхалъ 22 сентября, выѣхавъ изъ Кронштадта 1 августа. Рапорты его изъ-заграницы въ Академію довольно кратки и содержатъ въ себѣ больше свѣдѣній объ его занятіяхъ, чѣмъ отзывовъ о видѣнныхъ имъ художественныхъ предметахъ; гораздо подробнѣе донесенія его президенту Оленину, гдѣ онъ описывалъ и свои впечатлѣнія отъ того, что видѣлъ за-границей, между прочимъ, довольно обстоятельно событія іюльской революціи 1830 г. и бѣдствія отъ нея для нѣкоторыхъ художественныхъ памятниковъ.

Благодаря рекомендаціямъ Уткина, онъ познакомился съ французскими художниками: Жераромъ, Штейбекомъ, Денойе и Ришомомъ, къ которому и поступилъ въ мастерскую, «по причинѣ маститой старости Тардье», какъ онъ доносилъ Академіи. Въ Парижѣ онъ началъ гравировать головы Перуджино и Рафаэля изъ «Аѳинской школы» послѣдняго, а такъ-же занимался рисованіемъ съ натуры въ частной академіи; и дѣлалъ рисунокъ для гравюры съ картины Тиціана въ королевскомъ музеѣ «Спаситель въ мученической одеждѣ передъ народомъ»; послѣ конкурса въ королевской академіи художествъ онъ принятъ былъ въ число рисующихъ; вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ рисунокъ для гравюры «Лоретская Богоматерь» (собственно «Св. Семейство»), съ картины Рафаэля въ Луврѣ.

Въ виду тревожнаго состоянія умовъ въ Парижѣ Іордану, по соглашенію А. Н. Оленина съ министромъ Императорскаго Двора княземъ Волконскимъ, было предписано отправиться въ Лондонъ; ему даны были рекомендательныя письма къ русскому священнику Я. И. Смирнову и члену петербургской Академіи Художествъ, знаменитому англійскому граверу Раймбаху. Пріѣхавъ въ Лондонъ 29 сентября, Іорданъ явился къ русскому посланнику гр. Матушевичу и другимъ рекомендованнымъ ему лицамъ; Раймбахъ, однако, лишь по личной просьбѣ о. Смирнова позволилъ нашему граверу работать у него въ мастерской за плату по 3 фунта стерлинговъ въ мѣсяцъ, безъ квартиры и стола, которыхъ онъ ему не могъ дать; по вечерамъ Іорданъ рисовалъ съ чертежей и съ натуры въ королевской академіи художествъ. Вмѣстѣ съ прибавкою къ годичному пенсіону въ 100 червонцевъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества и 30-ти изъ экономическихъ суммъ Академіи, Іордану опредѣлено было оставаться за-границей, вмѣсто трехъ лѣтъ—шесть, считая со дня пріѣзда въ Парижъ, т. е. съ 22 сентября 1829 г.

Іорданъ скоро заслужилъ расположеніе Раймбаха и подъ его наблюденіемъ продолжалъ гравировать по крѣпкой водкѣ, en taille-douce, картину Рафаэля «Лоретская Богоматерь», изучая въ то же время различные пріемы, употребляемые англійскими художниками при гравированіи. Совѣтъ Академіи поручилъ ему изучить методу гравированія au lavis или in aqua tinta у Бентлея, а также на стали. По полученіи же отъ него въ 1832 г. первой пробы акватинтнаго гравированія и оттисковъ съ гравюры «Св. Семейство», Совѣтъ предписалъ ему, провѣривъ рисунокъ рукъ и постепенность свѣтотѣни, отпечатать avant la lettre, 100 экземпляровъ и avec la lettre сколько выйдетъ хорошихъ оттисковъ.

Знакомясь съ разными способами подтравливанія досокъ извѣстными граверами, Паемъ, Гудолемъ и др., Іорданъ привелъ къ окончанію гравюру съ Рафаэля, представляющую портретъ его самого и Перуджино, а по закрытіи студіи Раймбаха, который удалился въ Гриничъ и пересталъ работать, онъ занялся изученіемъ гравированія на стали у извѣстнаго Д. Г. Робинзона и на первыхъ же порахъ награвировалъ для одного англійскаго изданія уменьшенную копію съ Гогарта, изъ его сюиты «Лѣнивый и прилежный», а затѣмъ принялся за гравюру на мѣди съ картины Чиголи «Божія Матерь, оплакивающая смерть Спасителя». Одновременно съ этимъ онъ ознакомился съ системой полученія безчисленнаго множества стальныхъ штем-

пелей помощью пресса по способу Перкинса и награвировалъ, по заказамъ англійскихъ издателей портреты одного изъ членовъ парламента и одного англійскаго капитана, сражавшагося въ Индіи. Вмѣстѣ съ сообщеніемъ Совѣту о различныхъ способахъ вытравливанія при гравированіи на стали и на мѣди, Іорданъ прислалъ въ Петербургъ оттиски своихъ гравюръ съ Рафаэля «Портретъ его и Перуджино» и «Св. Семейство», за которыя, по выставкѣ ихъ въ Академіи, и получилъ званіе почетнаго вольнаго общника (13 сентября 1833 г.); вслѣдъ за тѣмъ онъ прислалъ пробный оттискъ гравюры съ картины Чиголи. По поводу присылки имъ оттисковъ со своихъ гравюръ, Іорданъ получилъ длинное письмо отъ президента Оленина съ большими похвалами его работамъ, но такъ-же и съ замѣчаніями относительно нѣкоторой неправильности контуровъ. Олениннъ на столько былъ доволенъ Іорданомъ, что при первой же возможности исходатайствовалъ ему у министра Двора позволеніе отправиться въ Италію, о чемъ Іорданъ черезъ Уткина просилъ дозволенія; въ то же время ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень за поднесенный Государю Императору оттискъ съ гравюры «Св. Семейство». Однако по дорогѣ въ Италію Іорданъ заболѣлъ въ Парижѣ воспаленіемъ глазъ и принужденъ былъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ вернуться въ Лондонъ и только въ концѣ сентября 1834 г. онъ снова выѣхалъ изъ столицы Англіи въ Парму, гдѣ онъ долженъ былъ познакомиться съ профессоромъ гравированія Тоски. По дорогѣ съ нимъ случилось новое несчастіе: при перекладкѣ вещей съ одного парохода на другой, во время переѣзда изъ Кельна въ Мангеймъ, затерялась мѣдная доска отъ гравюры съ картины Чиголи. Въ Пармѣ Іордану не удалось работать по случаю холодовъ и онъ поѣхалъ, черезъ Модену, въ Болонью, гдѣ встрѣтился съ К. Брюлловымъ. Тутъ онъ занялся рисунками съ «Преображенія Господня» Люд. Карраччи и «Св. Троицы» Фр. Альбани, а затѣмъ направился въ Римъ, куда и прибылъ весной 1835 г. Въ «вѣчномъ городѣ» онъ принялся за рисунокъ съ «Преображенія Господня» Рафаэля въ Ватиканѣ, взявшись за это дѣло, по совѣту и настоянію Брюллова; самъ онъ думалъ взять себѣ оригиналомъ картину Гверчино «Невѣріе Ѳомы». Начатая имъ работа требовала гораздо больше времени, чѣмъ оставалось у него до окончанія пенсіонерства, хотя и отсроченнаго, по ходатайству Оленина, еще на годъ, т. е. до осени 1836 г. и потому Іорданъ и самъ лично и черезъ посредство начальника надъ русскими художниками П. И. Кривцова, просилъ о продолженіи ему еще срока пенсіонерства. Послѣ нѣкотораго разногласія между Совѣтомъ Академіи и ея президентомъ, находившимъ, что уже достаточно времени казна содержитъ Іордана за-границей, послѣдовало назначеніе ему содержанія до іюля 1837 г. въ виду начатаго имъ подготовленія гравюры иглою и по крѣпкой водкѣ на мѣдной доскѣ вѣсомъ въ $1^1/_2$ пуда. Іорданъ хотѣлъ сдѣлать гравюру съ «Преображенія» въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ когда-либо была воспроизведена эта картина. А. А. Ивановъ находилъ, что «рисунокъ Іордана хорошъ, лучше всѣхъ, какіе были сдѣланы, но многаго въ немъ и недостаетъ,—особливо женскія фигуры совсѣмъ не имѣютъ характера Рафаэля». Другіе же видѣли въ Іорданѣ «будущую опору искусства гравированія въ нашемъ отечествѣ» и говорили, что «надежды о превосходствѣ его гравюры основаны на глубокомъ познаніи рисунка, коимъ нашъ художникъ обладаетъ въ высокой степени и чѣмъ не могутъ похвалиться самые знаменитѣйшіе граверы, такъ какъ для большей части изъ нихъ рисунки съ картинъ исполнялись посторонними рисовальщиками». Совѣтъ Академіи, сравнивъ всѣ лучшіе эстампы съ картины «Преображенія», призналъ, что «трудъ Іордана превосходитъ ихъ точностію рисунка и выраженіемъ и, безъ сомнѣнія, принадлежать будетъ къ лучшимъ памятникамъ гравировальнаго искусства». Поэтому, когда Іорданъ, видя невозможность окончить гравюру къ назначенному времени, снова просилъ объ отсрочкахъ и о продленіи содержанія, Совѣтъ Академіи далъ ему средства — одинъ разъ въ 1837 г. изъ академическихъ суммъ въ видѣ пособія въ 3000 р. въ два срока, другой разъ (въ 1838 г.)— въ видѣ подписки на извѣстное число оттисковъ будущаго эстампа по продажной цѣнѣ—5000 р. съ выдачей въ теченіи двухъ лѣтъ. Іорданъ же со своей стороны обязался не заниматься ни чѣмъ другимъ, помимо своего главнаго труда, и только въ 1838 — 39 гг. долженъ былъ

награвировать, съ рисунковъ пенсіонера Каневскаго, портреты великихъ князей Александра и Михаила Николаевичей. Но такъ какъ не хватило и ассигнованныхъ Академіею суммъ, Іордану назначено было изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по ходатайству Оленина, вслѣдствіе рапорта Кривцова о его необыкновенномъ трудолюбіи и отзыва Брюллова, что «рисунокъ, приготовленный Іорданомъ, сдѣланъ съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ едва-ли въ состояніи сдѣлать другой какой либо граверъ въ Европѣ», по 300 червонцевъ на три года (съ января 1843 г.).

Наконецъ, въ началѣ 1844 г. Іорданъ кончилъ вчернѣ всю свою гравюру и, отпечатавъ великолѣпный трудъ свой, взволновался до лихорадки, какъ сообщалъ Ивановъ Моллеру. «Да, въ положеніе гравера мы не можемъ войти—прибавлялъ онъ: восемь лѣтъ трудиться, и въ одинъ день узнать всѣ недостатки, навѣрное!» Между тѣмъ, Академическій Совѣтъ тогда же призналъ Іордана академикомъ безъ задачи ему особой программы (въ январѣ 1844 г.), а по ходатайству Тона ему продолжено было содержаніе еще на годъ, правда съ условіемъ, чтобы онъ окончилъ свою гравюру непремѣнно въ 1847 г., да кромѣ того, Академія выслала изъ суммы, на одобреніе художниковъ положенной, 1000 р. въ видѣ подписки на эстампъ по назначенной цѣнѣ. Въ 1840-хъ гг. имя Іордана было уже хорошо извѣстно русской публикѣ, въ особенности послѣ статей о русскихъ художникахъ въ Римѣ Шевырева и Погодина въ «Москвитянинѣ», Чижова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Московскомъ Ученомъ и Литературномъ Сборникѣ» и, въ довершеніе всего, Гоголя, напечатавшаго свое «Завѣщаніе» 1845 г. въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» 1847 г., гдѣ онъ просилъ своихъ читателей покупать только тотъ его портретъ, на которомъ будетъ выставлено «Гравировалъ Іордановъ», а еще лучше — пріобрѣтать, вмѣсто того, эстампъ «Преображенія». Изъ названныхъ писателей одинъ предсказывалъ, что трудъ Іордана «будетъ лучше всѣхъ живописныхъ копій съ картины Рафаэля»; другой—что «онъ обѣщаетъ намъ такую гравюру, какой можетъ быть не имѣетъ еще Европа»; третій утверждалъ—«что это будетъ одна изъ весьма и весьма немногихъ гравюръ, которымъ удалось приблизиться къ твореніямъ великаго свѣтила живописи»; четвертый—что эстампъ этотъ «есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую».

Работая усиленно надъ своей гравюрой (до 11-ти часовъ въ день), Іорданъ велъ въ Римѣ очень уединенный образъ жизни и посѣщалъ только квартиру Гоголя или кафѣ, гдѣ собирались русскіе художники, не любившіе вина и картъ. Это не мѣшало ему однако быть свѣтскимъ человѣкомъ, и, если требовалось говорить рѣчь на парадномъ обѣдѣ, разъяснять кому либо что либо, или показывать кому бы то ни было достопримѣчательности города,—всегда на сцену выступалъ Іорданъ. Изъ русскихъ художниковъ онъ, какъ считавшійся римскимъ гражданиномъ, долженъ былъ во время революціи 1847 г. нести обязанности солдата гвардіи и стоять съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ на часахъ у банка.

До своего отъѣзда изъ Рима, откуда вызывались всѣ наши художники по случаю смутныхъ обстоятельствъ, онъ успѣлъ еще награвировать: 6 контурныхъ рисунковъ для «Систематическаго описанія Помпей», Классовскаго (1848—1849), 14 такихъ же рисунковъ съ оригиналовъ англійскаго скульптора Джибсона для изданія «The Story of Psyché, by Elizabeth Strutt», два другихъ рисунка карандашной манерой «Отрочество» и «Венера» съ оригиналовъ того же художника и чрезвычайно граціозный портретъ поэта Языкова въ профиль, по заказу Хомякова и Кирѣевскаго.

Не смотря на то, что Ивановъ, по поводу выставки Іорданомъ оттиска со своей гравюры «Преображеніе» въ эстампномъ магазинѣ на Корсо, писалъ Гоголю весной 1850: «мнѣ досадно было, что она не только не лучше Моргена и Павона, гравировавшихъ тоже съ этой картины, (но) и не лучше всѣхъ гравюръ, какія находятся на свѣтѣ» и потомъ: «не думаю, чтобы живительныя перемѣны были въ гравюрномъ мірѣ и съ самымъ счастливымъ привѣтствіемъ его важнаго труда: его искусство не коренное, а подчиненная страсть, его характеръ не уработанъ, подъ стать наступившей эпохѣ нашего времени и, наконецъ, его сердце не русское»; тѣмъ не менѣе, лишь только Гоголь, Жуковскій и Брюлловъ сошли со сцены въ 1852 г.,

нашъ знаменитый живописецъ, всячески ободрявшій своего друга, сталъ первый хлопотать о доставленіи ему случая награвировать портреты «этихъ знаменитыхъ покойниковъ».

Иначе посмотрѣлъ на работу Іордана Академическій Совѣтъ: признавая, что «трудъ исполненъ съ такимъ художественнымъ достоинствомъ, что въ эстампѣ видно все то понятымъ, что находится въ самой картинѣ, (ибо) гравюры производились съ этой знаменитой картины неоднократно и извѣстнѣйшими въ свое время граверами, но ни одна столь достойно и вѣрно не передаетъ важнѣйшее твореніе Рафаэля Санціо, какъ твореніе Іордана», онъ опредѣлилъ удостоить его званія профессора (безъ задачи особой программы) и назначилъ ему содерженіе по 300 червонцевъ въ годъ, на 6 лѣтъ для исполненія гравюры съ картины Егорова «Истязаніе Спасителя» по собственному рисунку. Критика, въ лицѣ Д. Мицкевича заявляла, что «не смотря на однообразіе штриха, гравюра Іордана даетъ полное понятіе о высокихъ красотахъ Рафаэлевой картины»; что «Іорданъ не гнался за эффектомъ, но силою необыкновеннаго терпѣнія и таланта, онъ опередилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ гравировальномъ искусствѣ и обогатилъ русское художество такимъ произведеніемъ, подобнаго которому еще у насъ никогда не было и какихъ, кажется, немного и заграницею».

Но особенно привѣтствовала нашего гравера Москва, гдѣ въ художественномъ классѣ данъ былъ 19 марта 1851 г. учеными, литераторами, художниками и любителями торжественный обѣдъ въ честь его и Айвазовскаго съ выставкой нѣсколькихъ картинъ послѣдняго и всѣхъ существующихъ гравюръ съ «Преображенія». Изъ рѣчей обращала на себя особое вниманіе сказанная Погодинымъ, доказывавшаго, послѣ всевозможныхъ похвалъ Іордану, что и въ гравюрѣ есть свое творчество. Карандашный рисунокъ Іордана съ картины Рафаэля, былъ купленъ для тогоже класса за 2000 руб., а первые оттиски гравюры быстро разошлись въ числѣ 30 экземпляровъ.

Занявшись на родинѣ изготовленіемъ рисунковъ съ картинъ Угрюмова на сюжеты изъ отечественной исторіи, какъ: «Возведеніе на царство Михаила Ѳеодоровича», «Покореніе Казани при Іоаннѣ Грозномъ», «Испытаніе силы Яна Усмовича», и награвировавъ дипломъ для почетныхъ членовъ Академіи Художествъ (1857), Іорданъ, для производства гравюры съ картины Егорова и печатанія эстампа съ картины Рафаэля, переселился на время во Флоренцію, гдѣ профессора мѣстной академіи предложили нашему художнику включить его въ число своихъ почетныхъ членовъ, а въ лучшей художественной газетѣ «Dell Arte» появился очень лестный отзывъ о трудѣ его (1 октября 1853). Но въ 1855 г. онъ былъ приглашенъ, по предложенію ректора Шебуева, занять послѣ смерти Галактіонова мѣсто профессора гравированія въ нашей Академіи Художествъ, съ предоставленіемъ ему, особой мастерской близъ гравировальнаго класса; однако, учениковъ у него было всегда очень мало (рѣдко больше одного), да и не всегда относились они къ нему сочувственно, какъ видно изъ автобіографій Сѣрякова и Пожалостина въ «Русской Старинѣ».

Вслѣдъ за опредѣленіемъ Іордана профессоромъ, онъ былъ назначенъ въ Императорскій Эрмитажъ: сперва помощникомъ хранителя, потомъ хранителемъ эстамповъ и оригинальныхъ рисунковъ, вмѣсто Уткина. Занимая двѣ должности, причемъ ему приходилось не разъ исполнять разныя постороннія порученія (напр. по участію въ устройствѣ русскаго художественного отдѣла на Лондонской всемірной выставкѣ 1862 г.), онъ не оставлялъ и гравированія, продолжая работать надъ гравюрой съ картины Егорова и гравируя портреты извѣстныхъ русскихъ писателей для изданій ихъ сочиненій, какъ-то: Гоголя—по заказу его племянника (съ оригинала Моллера въ 1856—1857), Лермонтова—по заказу А. И. Глазунова, Бѣлинскаго по заказу К. Т. Солдатенкова, Державина—по заказу Академіи Наукъ, наконецъ, Гоголя—вторично (въ 1865) и Плетнева—для г-жи Плетневой (въ 1868—1870), а также двѣ таблицы Керченскихъ древностей въ контурахъ—для отчетовъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1867 и 1869 гг.

По окончаніи гравюры съ картины Егорова, доска, послѣ сдѣланыхъ оттисковъ на китайской бумагѣ у Шардона въ Парижѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Уткинымъ капитала на одобреніе граверовъ, и покрытія сталью, была передана въ собственность Академіи (1868), а

художнику, за поднесеніе оттиска Государю Императору, пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-й степени (1869).

Сдѣлавшись послѣ того, на мѣсто Бруни, въ 1871 г. ректоромъ Академіи, гдѣ до тѣхъ поръ избирались на эту должность, кромѣ архитекторовъ, только живописцы и скульпторы, и затѣмъ завѣдующимъ мозаичнымъ отдѣленіемъ (1875), Іорданъ, справлявшій осенью 1874 г. свой 50-тилѣтній юбилей, причемъ онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и золотую медаль съ его изображеніемъ (работы медальера Алексѣева), по прежнему продолжалъ трудиться на поприщѣ гравированія, исполнилъ двѣ таблицы древностей Павловскаго дворца—къ статьѣ Стефани въ «Мемуарахъ» Академіи Наукъ (1872), еще три таблицы Керченскихъ древностей для отчетовъ Археологической Коммиссіи за 1870 и 1871 гг., и портреты: свой собственный (1871), лейбъ-медика Здекауера, оберъгофмаршалаА. П. Шувалова, императоровъ Александра II (1875) и Александра III—въ бытность Его Наслѣдникомъ престола (1875—1877), игумена Валаамскаго монастыря Дамаскина, сенатора Д. А. Ровинскаго, великаго князя Владиміра Александровича, перваго президента Академіи Художествъ И. И. Шувалова, знаменитаго гравера Скородумова (съ его собственнаго акварельнаго портрета), старѣйшихъ изъ профессоровъ живописи въ Академіи—Левицкаго, Шебуева и Егорова (1882—1883 гг.), но послѣдняя работа осталась уже не вполнѣ конченой.

Доски отъ его гравюръ были пріобрѣтены Академіей: «Преображеніе» за 2000 р., «Святое Семейство» портреты двухъ Императоровъ и Великаго Князя—по 500 р. каждый, Ровинскаго—за 400 р., его собственный, Здекауера, А. Шувалова и Дамаскина—за 1000 р. Кромѣ исполненнаго имъ самимъ съ себя портрета, его гравировали еще: В. А. Бобровъ—на мѣди (въ 1880) и Э. Беренсъ и Ю. Барановскій—на деревѣ (для «Всемірной Иллюстраціи» и для «Нивы»).

Біографіи Іордана: В. Толбина въ «Сѣв. Пчелѣ», 1860 г. (№№ 4 и 5), П. Петрова во «Всемірной Иллюстраціи» 1874 г., (№№ 300, 310 и 312), Н. Собко въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» 1884 г. (вып. 1, 3 и 6), со спискомъ его работъ (составл. Д. А. Ровинскимъ), его портретовъ и печатныхъ матеріаловъ о немъ. Некрологъ—«Нов. Время», 1883 г., (№ 2717); въ «Русск. Старинѣ» 1891 г., (т. 69—72) напечатаны подъ ред. и съ примѣч. Н. Собко «Записки» Іордана а въ архивѣ Академіи Художествъ, имѣется нѣсколько дѣлъ о немъ;—1829 г., № 140; 1846 г., № 44; и др.

Н. Собко.

Іосафатъ (*Булгакъ*), уніатскій митрополитъ, Сынъ католика-помѣщика слонимскаго уѣзда гродненской губерніи. 16-ти лѣтъ поступилъ въ базиліанскій орденъ; въ 1768 — 1777 г. учился въ Жировицкомъ базиліанскомъ училищѣ, въ 1782 — 1785 г. въ Римѣ, въ греческой коллегіи, которую окончилъ со степенью доктора богословія; посвященный въ Римѣ во іеромонахи, былъ, по возвращеніи на родину, учителемъ Березвечскаго и Жировицкаго базиліанскихъ училищъ; въ 1787 г. назначенъ викарнымъ епископомъ туровско-пинскимъ; по закрытіи этого викаріатства въ 1795 г. жилъ нѣкоторое время на пенсіи, назначенной ему русскимъ правительствомъ; въ 1804 г. назначенъ епископомъ брестскимъ и членомъ Римско-католической коллегіи въ Петербургѣ. Въ борьбѣ базиліанъ съ бѣлымъ духовенствомъ онъ сталъ на сторону первыхъ; 2 января 1817 г. назначенъ митрополитомъ уніатскихъ церквей въ Россіи, а 24 сентября того же года предсѣдателемъ Греко-уніатскаго департамента коллегіи и продолжалъ съ новой энергіей защищать базиліанъ; въ 1818 г. хлопоталъ даже о допущеніи католиковъ въ базиліанскій орденъ и объ ограниченіи доступа къ архіерейству лицамъ бѣлаго уніатскаго духовенства, поддерживалъ всѣми мѣрами въ коллегіи интригу базиліанскихъ монаховъ противъ полоцкаго архіепископа Красовскаго; съ 1822 г., со времени энергичныхъ правительственныхъ дѣйствій по подготовкѣ возсоединенія уніатовъ, держалъ себя въ этомъ дѣлѣ совершенно пассивно; въ 1833 г. съ брестской епископской каѳедры перешелъ на полоцкую.

Бобровскій, «Рус. греко-уніат. церковь въ царствованіе имп. Александра I».

Іосафатъ, (Иванъ Гавриловичъ *Кунцевичъ*), уніатскій архіепископъ. Сынъ сапожника, род. въ 1580 г., во Владимірѣ Волынскомъ, убитъ 12 ноября 1623 г. Служилъ нѣсколько лѣтъ въ Вильнѣ въ прикащикахъ; сблизившись тутъ съ уніатскими монахами, поступилъ послушникомъ въ виленскій Троицкій монастырь и посѣщалъ въ то же время Виленскую іезуитскую академію; въ 1604 г. постриженъ въ монашество; въ 1609 г. посвященъ во іеромонаха; въ это время онъ написалъ

свое сочиненіе «Obrone wiary». Затѣмъ онъ былъ настоятелемъ въ Бытенскомъ и Жировицкомъ монастыряхъ, а въ 1613 г. посвященъ во архимандрита и настоятеля виленскаго Троицкаго монастыря. 12 ноября 1617 г. онъ посвященъ былъ въ санъ епископа и назначенъ коадъюторомъ полоцкой епархіи, а въ концѣ того же года полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ. Дѣятельность его въ Полоцкѣ отличалась крайнимъ фанатизмомъ: въ 1619 г. онъ выхлопоталъ у короля привиллегію на подчиненіе его власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей его епархіи; особенно усилился его фанатизмъ со времени посвященія Мелетія Смотрицкаго въ санъ полоцкаго православнаго архіепископа; въ 1621 г. Іоасафатъ приказалъ запечатать всѣ православныя церкви въ полоцкомъ воеводствѣ, а священниковъ бросить въ тюрьмы. Озлобленіе православныхъ противъ него достигло крайнихъ предѣловъ; самъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга просилъ въ февралѣ 1621 г. митрополита Іосифа Рутскаго сдержать Кунцевича. Но митрополитъ не принялъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ и православные, выведенные изъ терпѣнія дѣйствіями Кунцевича, особенно запрещеніемъ совершать богослуженіе даже за городомъ въ шалашахъ, 12 ноября 1623 г. убили въ Витебскѣ Кунцевича. Папа Урбанъ VIII въ 1624 г. причислилъ его къ лику блаженныхъ; гробъ съ тѣломъ Кунцевича находился въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ до 1705 года, когда перенесенъ былъ въ г. Бѣлу (Сѣдлецкой губерніи); въ 1874 г. тѣло его зарыто было здѣсь въ землю.

Кояловичъ, «Литов. церк. унія», II; Говорскій, «Вѣстн. Зап. Россіи», 1862; Брянцевъ, «Ист. государства литовскаго»; Макарій, «Ист. рус. церкви», X.

Іосифовъ, *Иванъ*, протоіерей русской православной посольской церкви въ Вѣнѣ, умеръ въ концѣ 1823 г. въ Вѣнѣ. Сначала былъ священникомъ въ Петербургѣ при церкви Андрея Первозваннаго; 14 августа 1783 г. перемѣщенъ въ Вѣну и служилъ тамъ безвыѣздно 40 лѣтъ и заслужилъ глубокое уваженіе всѣхъ русскихъ, жившихъ по долгу въ Вѣнѣ. 29 мая 1815 г. о. Іоаннъ былъ произведенъ въ санъ протоіерея. 20 іюля 1823 г. онъ былъ уволенъ отъ должности съ пенсіею, но, по старости и болѣзненности, не могъ вернуться въ Россію и скончался въ Вѣнѣ.

Дѣла архива св. Синода: 1783 г., № 330; 1789 г., № 261; 1815 г., № 444; 1819 г., № 9; 1821 г., № 738; 1824 г., № 124. *Здр.*

Іосифъ Андреевичъ, князь XVI в., см. *Дорогобужскіе* князья.

Іосифъ, преподобный заоникіевскій, см. Иларіонъ преподобный.

Іосифъ, преподобный печерскій, подвизался въ Печерскомъ монастырѣ. Обстоятельства жизни неизвѣстны; память 28 августа.

Іосифъ (*Санинъ*), преподобный волоцкій, род. въ 1439 или 1440 году, скончался 9 сентября 1515 г.; причисленъ къ лику святыхъ 20 декабря 1578 г. Онъ былъ сыномъ вотчинника села Язвище, въ предѣлахъ волоколамскихъ; дѣдъ его вышелъ изъ Литвы. Первоначальное образованіе Іосифъ получилъ въ монастырѣ, куда онъ отданъ былъ на осьмомъ году жизни. По словамъ своихъ біографовъ, Іосифъ уже въ молодости отличался столько же красотою, силою и мужествомъ, сколько разумомъ и силою воли. Съ дѣтства онъ почувствовалъ стремленіе къ монашеской жизни и 20-ти лѣтъ постригся въ монастырѣ Пафнутія боровскаго. Въ обители Пафнутія онъ пробылъ 18 лѣтъ и это время имѣло для Іосифа огромное воспитательное значеніе. Пафнутій боровскій отличался особенною привязанностью къ московскимъ князьямъ, которые въ свою очередь платили ему особеннымъ уваженіемъ и почти благоговѣніемъ къ его личности, такъ что послѣ смерти онъ сдѣлался какъ бы семейнымъ святымъ у московскихъ князей; такія отношенія уважаемаго наставника къ представителямъ свѣтской власти не остались безъ вліянія на сложившееся у Іосифа міровоззрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь преподобнаго Пафнутія, отличавшагося особенными хозяйственными способностями, выдѣлялся рѣдкимъ благоустройствомъ, обширностью и такимъ богатствомъ, которое служило предметомъ удивленія не только для простыхъ людей, но даже для князей и бояръ. И эта сторона монастырскаго быта не осталась безъ вліянія на Іосифа. По кончинѣ преподобнаго Пафнутія, послѣдовавшей въ 1477 г., настоятельство въ его монастырѣ, согласно желанію великаго князя Іоанна III и избранію братіи, получилъ Іосифъ. Но игуменство его въ Боровскомъ монастырѣ продолжалось недолго. Онъ задался цѣлію ввести въ немъ строгое общежитіе и примѣнить еще болѣе строгій уставъ въ этомъ и безъ того стро-

гомъ монастырѣ. Среди братіи поднялся ропотъ. Тогда Іосифъ рѣшился провѣрить и разширить сложившіеся у него взгляды на обязательный для монаховъ образъ жизни посредствомъ путешествія по разнымъ монастырямъ своего отечества, тайно оставилъ свой монастырь и около года странствовалъ по русскимъ обителямъ. Изъ этого странствованія онъ вынесъ рѣшеніе основать свою собственную обитель по своему собственному плану и уставу, и въ 1479 году, на живописномъ мѣстѣ вблизи родовой вотчины Саниныхъ, недалеко отъ города Волоколамска, основалъ монастырь, получившій впослѣдствіи названіе Іосифова Волоколамскаго и скоро пріобрѣвшій громкую извѣстность. Въ томъ же 1479 году удѣльный князь волоцкій Борисъ Васильевичъ пожертвовалъ основанному въ его владѣніяхъ монастырю деревню; средства новаго монастыря начали быстро возрастать и черезъ шесть лѣтъ послѣ основанія въ немъ уже была построена большая каменная церковь во имя Успенія Богородицы; вскорѣ отлично обстроился и весь монастырь. Устраивая церкви, облаченія и церковные обряды съ возможной пышностью и великолѣпіемъ, для иноковъ Іосифъ ввелъ въ своемъ монастырѣ самое строгое общежитіе, при чемъ составилъ для него свой собственный уставъ. Самъ онъ съ примѣрною аккуратностію исполнялъ свои келейныя обязанности монаха и три раза въ день совершалъ церковныя службы или въ качествѣ священника или въ качествѣ клирошанина; для книгохранилища своего монастыря онъ переписалъ собственноручно до одиннадцати рукописей. При немъ получила свое начало богатая библіотека Волоколамскаго монастыря, сохранившаяся до настоящаго времени и раздѣленная въ послѣднее время на три части (лучшая ея часть досталась Московской духовной академіи, вторая часть поступила въ Московскую епархіальную библіотеку, третья, самая малая, и до сихъ поръ находится въ Іосифовомъ монастырѣ).

Улучшенію матеріальнаго положенія Іосифова монастыря много способствовало то обстоятельство, что преимущественно въ немъ начали постригаться многіе изъ князей и бояръ, которые вносили въ монастырь богатые вклады; но это обстоятельство ни мало не препятствовало тому, что Іосифъ проявлялъ особенную заботливость о крестьянахъ и вообще о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи или защитѣ. Онъ нерѣдко писалъ къ господамъ, убѣждая ихъ быть милостивыми къ крестьянамъ; онъ оказывалъ матеріальную поддержку всякому крестьянину, если только онъ въ ней нуждался. Во время голода Іосифъ безвозмездно раздавалъ голодающимъ хлѣбъ изъ монастырскихъ житницъ; до семи тысячъ человѣкъ голодающихъ получали отъ монастыря постоянную помощь, въ самомъ монастырѣ ежедневно пропитывалось отъ четырехъ сотъ до пяти сотъ человѣкъ. Многіе изъ голодающихъ приводили своихъ голодныхъ дѣтей къ монастырю и здѣсь оставляли ихъ. Игуменъ собиралъ всѣхъ этихъ несчастныхъ дѣтей, устроилъ для нихъ особый домъ и давалъ имъ воспитаніе въ монастырѣ до зрѣлаго возраста. Много заботъ посвящалъ Іосифъ и больнымъ, покоилъ ихъ въ монастырѣ и даже самъ ухаживалъ за ними.

Іосифъ уже давно, еще какъ инокъ Пафнутіева монастыря, извѣстенъ былъ великому князю московскому. Какъ основатель монастыря, скоро сдѣлавшагося знаменитымъ по своему благоустройству и строгости устава, и какъ ревностный защитникъ православія противъ современныхъ ему еретиковъ, Іосифъ еще болѣе заслужилъ уваженіе и почетъ въ глазахъ Іоанна III. Преемникъ его, великій князь Василій Іоанновичъ, относился къ преп. Іосифу, съ религіознымъ благоговѣніемъ слушался его совѣтовъ, широко покровительствовалъ основанному имъ монастырю и, согласно послѣдней волѣ преподобнаго, послѣ его смерти принялъ его монастырь въ свое особенное попеченіе. Онъ часто навѣщалъ монастырь преподобнаго Іосифа, входилъ въ подробности его внутренней жизни, называлъ себя «приказчикомъ» Іосифа по основанному имъ монастырю, пригласилъ въ крестные отцы къ своему сыну (впослѣдствіи Іоанну IV) старца Іосифова монастыря Кассіана Босого; наконецъ передъ смертію своею онъ окруженъ былъ волоколамскими монахами и скончался на ихъ рукахъ. Вообще, монастырь Іосифа сдѣлался какъ бы придворнымъ монастыремъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка онъ получилъ значеніе какъ-бы религіозно-исправительнаго заведенія: сюда ссылались на покаяніе большинство еретиковъ и вольнодумцевъ того времени.

Преп. Іосифъ волоцкій извѣстенъ въ исторіи не только какъ замѣчательный

организаторъ монастыря: онъ въ то же самое время является наиболѣе выдающимся борцомъ своего времени противъ тогдашней ереси жидовствующихъ. Эта ересь, образовавшаяся изъ цѣлаго ряда отрицательныхъ идей и мнѣній, самостоятельно развившихся на русской почвѣ въ качествѣ реакціи формализму современной религіозно-церковной жизни, поддержанныхъ заразительнымъ примѣромъ реформаціоннаго движенія на западѣ, и случайно получившая особый внѣшній колоритъ жидовства отъ первыхъ своихъ распространителей, открылась въ Новгородѣ въ 1471 году. Въ 1485 году новгородскимъ архіепископомъ сдѣланъ былъ Геннадій, человѣкъ просвѣщенный, энергичный и дѣятельный. Напавъ на слѣды ереси спустя два года по прибытіи своемъ на епархію, архіепископъ Геннадій немедленно сообщилъ о появленіи ереси великому князю и митрополиту въ Москву. Это происходило въ 1487 году. Между тѣмъ ересь перебралась въ Москву, гдѣ начала распространяться довольно успѣшно, нашедши приверженцевъ среди лицъ, занимавшихъ высокія мѣста на разныхъ поприщахъ. Къ числу ихъ относились: Елена, невѣстка великаго князя Іоанна III, вдова его старшаго сына Іоанна Іоанновича, два брата дьяки Курицыны и др. Геннадій обратился по дѣлу объ открывшейся ереси съ посланіями къ случайно находившимся въ Москвѣ тремъ епископамъ. Посланія Геннадія оказали свое дѣйствіе. Составился соборъ противъ еретиковъ, изъ которыхъ главные были осуждены и подвергнуты торговой казни. Въ 1489 году на московскую митрополію вступилъ симоновскій архимандритъ Зосима, тайный еретикъ. Со вступленіемъ на митрополію Зосимы настало время самаго широкаго процвѣтанія ереси. Но ревностный новгородскій архіепископъ обратился и къ новому митрополиту и къ другимъ епископамъ съ просьбою о созваніи новаго собора для осужденія еретиковъ. Епископы потребовали собора, который и состоялся въ октябрѣ 1490 года. И на этотъ разъ соборъ довольно снисходительно отнесся къ еретикамъ: одни изъ нихъ были лишены духовнаго сана, другіе посланы на заключеніе по монастырямъ; но еретики и послѣ собора 1490 года продолжали спокойно жить въ Москвѣ и даже усилили свою пропаганду. Тогда Геннадій вызвалъ на борьбу съ еретиками преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Іосифъ, лично извѣстный великому князю Іоанну и пользовавшійся уваженіемъ великаго князя Василія, его сына и наслѣдника престола, употребилъ всю свою энергію для того, чтобы ослабить ересь. И личными свиданіями съ великимъ княземъ, и посланіями къ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, онъ достигъ того, что въ декабрѣ 1504 года составился соборъ, на которомъ еретики присуждены были къ строгимъ наказаніямъ: сожженію на кострѣ, урѣзыванію языка и т. п.

Въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ Іосифъ Волоцкій не ограничился одною богословской съ ними полемикой; одновременно съ тѣмъ онъ настойчиво предлагалъ другія средства противъ ереси—безпощадное преслѣдованіе еретиковъ и примѣненіе къ нимъ смертной казни. Для того чтобы уничтожить ересь жидовствующихъ, существовало, по его мнѣнію, одно средство—это заключенія и смертная казнь еретиковъ. Онъ строгъ и неумолимъ даже и къ тѣмъ еретикамъ, которые изъявляли раскаяніе. «Аще ли кто восхощетъ покаятися», писалъ преп. Іосифъ по этому поводу, «мощно есть и въ темницѣ каятися, въ скорбѣхъ бо и въ бѣдахъ паче слышитъ Богъ кающихся». Въ казняхъ еретиковъ онъ видѣлъ «ревность по православной вѣрѣ и любовь къ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ». Обязанность наказывать еретиковъ лежитъ, по его взгляду, на гражданской власти, но разыскивать ихъ должны болѣе всего представители церкви. Главный источникъ такой нетерпимости Іосифа кроется, конечно, въ перенесенной на русскую почву изъ Византіи церковной письменности которая содержала въ себѣ не мало данныхъ, освящавшихъ собою религіозную нетерпимость.

Но между современниками Іосифа находилось не мало лицъ, которыя не считали справедливымъ примѣненіе жестокихъ мѣръ противъ еретиковъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ Іосифа въ этомъ вопросѣ выступило цѣлое общество старцевъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и всѣхъ монастырей вологодскихъ, носившихъ общее названіе заволжскихъ монастырей. Душою всѣхъ этихъ старцевъ былъ преподобный Нилъ сорскій, очень гуманно относившійся къ еретикамъ. Самымъ замѣчательнымъ и ближайшимъ ученикомъ Нила былъ князь инокъ Вассіанъ Косой Патри-

кѣевъ, который принялъ на себя дѣятельную роль проводника идей своего учителя. Между Іосифомъ волоцкимъ и Вассіаномъ Косымъ по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ открылась горячая и любопытная литературная полемика, продолжавшаяся между ихъ послѣдователями и послѣ смерти Іосифа и Вассіана.

Іосифъ волоцкій принималъ дѣятельное участіе во многихъ другихъ современныхъ ему общественныхъ вопросахъ. Онъ былъ однимъ изъ членовъ собора 1503 года, происходившаго въ Москвѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о земельныхъ владѣніяхъ монастырей. Присутствовавшій на этомъ соборѣ преп. Нилъ сорскій высказалъ мысль, что въ видахъ возвышенія нравственнаго состоянія монашества, полезно было бы отобрать у монастырей земли и крестьянъ. Іосифъ выступилъ на соборѣ противникомъ мнѣнія Нила и въ защиту своего мнѣнія представилъ множество каноническихъ и историческихъ доказательствъ и разныхъ практическихъ соображеній. «Аще у монастырей селъ не будетъ», говорилъ между прочимъ преп. Іосифъ на соборѣ, «какъ честному и благородному человѣку постричися? И если не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополію, или архіепископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе». Соборъ 1503 года призналъ земли, принадлежащія монастырямъ, неотчуждаемыми. Рѣшенный юридически вопросъ о монастырскихъ имуществахъ продолжалъ развиваться въ современной литературѣ и нашелъ себѣ какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. Между представителями обоихъ направленій, Іосифомъ волоцкимъ и Вассіаномъ Косымъ, а послѣ ихъ смерти—между послѣдователями того и другого, по вопросу о монастырскихъ имуществахъ возникла ожесточенная и продолжительная литературная полемика, прекратившаяся только въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVI столѣтія.

На томъ же московскомъ соборѣ 1503 года предметомъ обсужденія служилъ между прочимъ вопросъ о вдовствующихъ священнослужителяхъ. Соборомъ 1503 года всѣ вдовые священнослужители лишались права священнослуженія. Заволжскіе старцы стояли противъ соборнаго рѣшенія. Іосифъ волоцкій, въ защиту соборнаго рѣшенія написалъ особое небольшое сочиненіе, въ которомъ проводилъ мысль, что вдовому священнику чистымъ оставаться «не мощно».

Преподобный Іосифъ былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ и выдающихся духовныхъ писателей своего времени. Его многочисленныя произведенія группируются около двухъ важнѣйшихъ вопросовъ: вопроса о монастырскомъ уставѣ и вопроса о борьбѣ съ ересью жидовствующихъ; отдѣльно стоятъ нѣсколько посланій. Данный Іосифомъ своему монастырю общежительный уставъ имѣетъ слѣдующее полное заглавіе: «Духовная грамота многогрѣшнаго и недостойнаго и худаго игумена Іосифа о монастырскомъ и иноческомъ устроеніи подлинно же, и пространно, и по свидѣтельству божественныхъ писаній»; въ Макаріевской Четьи-Минеи къ этому заглавію еще прибавлено: «духовному настоятелю, иже по мнѣ сущему, и всѣмъ иже о Христѣ братіямъ моимъ отъ перваго даже до послѣдняго въ обители Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, въ ней же жительствую». Монастырскій уставъ Іосифа имѣетъ предисловіе и состоитъ изъ четырнадцати главъ. Отличительною его особенностью является преобладаніе обрядности и внѣшній ригоризмъ. Жизнь иноковъ по этому уставу регулируется до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Первое качество, которое требуется отъ монаха—это безусловное послушаніе. Настоятель монастыря имѣетъ надъ инокомъ неограниченную власть. Надзоръ его, при содѣйствіи разныхъ его помощниковъ, проникаетъ всюду и отъ него не можетъ укрыться самый маловажный поступокъ подначальнаго инока. Между самими иноками уставъ не признаетъ равенства: онъ раздѣляетъ ихъ на три класса и для каждаго класса точно опредѣляетъ родъ занятій, пищу и одежду. Пунктуальность устава Іосифова монастыря доходила до того, что для каждаго монаха назначено было въ церкви особое мѣсто, указаны двери, въ какія входить и въ какія выходить изъ церкви. Вообще составитель устава взвѣшиваетъ каждый шагъ монаха и регулируетъ его во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ, «и въ хожденіяхъ, и въ словесѣхъ, и въ дѣлѣхъ». За всякій проступокъ въ уставѣ назначалось соотвѣтствующее наказаніе, не исключая даже тѣлеснаго. Что же касается собственно нравственной стороны дѣла, внутренняго духовнаго усовершенствованія инока, то эта сторона въ

уставѣ преподобнаго Іосифа развита сравнительно слабо. Собственно внутреннее духовное развитіе инока за массою предписаній, опредѣляющихъ его внѣшнее поведеніе, стушевывается; нравственной его дѣятельности предоставляется возможность развиваться и усовершенствоваться болѣе всего путемъ внѣшняго механическаго навыка. Впрочемъ, уставъ общежитія, составленный преподобнымъ Іосифомъ, не представляетъ изъ себя совершенно новаго явленія. По общему своему характеру уставъ этотъ есть возстановленіе древняго общежитія, основаннаго преподобнымъ Ѳеодосіемъ печерскимъ, причемъ Іосифъ отъ себя прибавилъ преимущественно только строгія опредѣленія различныхъ внѣшнихъ формальностей.—«Уставъ» не есть единственное произведеніе Іосифа, изображающее намъ его мысли о монашествѣ; полнѣе взгляды преподобнаго на этотъ предметъ развиты въ другихъ его сочиненіяхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ вопросы о монастыряхъ и о монашествующихъ. Сюда относятся: «Посланіе къ вел. кн. Василію Іоанновичу»; «Духовная грамота», съ порученіемъ Іосифова монастыря покровительству великаго князя Василія Іоанновича; «Посланіе къ четыремъ духовнымъ лицамъ о разстригшемся чернецѣ», «Наставленіе, о еже не исходи мнихомъ безъ благословенія изъ обители»; «Посланіе старцамъ о недержаніи хмѣльныхъ напитковъ въ монастырѣ», четыре посланія объ епитиміяхъ и нѣкоторыя другія.

Монастырь, по взгляду Іосифа волоцкаго, непремѣнно долженъ обладать значительными матеріальными средствами для того, чтобы онъ всегда могъ идти на помощь притекающему къ нему простому бѣдному народу. Главнѣйшимъ источникомъ матеріальнаго богатства монастырей онъ признаетъ владѣніе селами и крестьянами. По его убѣжденію это есть древнее и священнѣйшее право монастырей, ставящее ихъ въ положеніе привиллегированныхъ правительственныхъ учрежденій; это есть необходимое условіе, безъ котораго монастыри не могутъ удовлетворять своему назначенію— быть, между прочимъ, воспитательно-образовательными заведеніями, одну изъ главныхъ задачъ которыхъ составляетъ подготовка людей для занятія высшихъ церковныхъ должностей—игуменовъ, епископовъ, митрополитовъ. И преподобный Іосифъ успѣлъ, дѣйствительно, сдѣлать свой монастырь какъ бы разсадникомъ іерарховъ тогдашней Руси: въ XVI вѣкѣ ни одинъ монастырь не поставилъ столько іерарховъ для русской церкви, сколько выставилъ изъ среды себя монастырь Волоколамскій: съ 1506 до 1589 года изъ стѣнъ этого монастыря вышло до семнадцати архипастырей,—число громадное, при незначительномъ числѣ епархій того времени. Всѣхъ выходившихъ изъ Іосифова монастыря крѣпко объединяла вѣрность тѣмъ идеямъ и воззрѣніямъ, на которыхъ они воспитались во время пребыванія своего въ монастырѣ. Глубокая духовная связь воспитанниковъ Волоколамскаго монастыря настолько рѣзко бросалась въ глаза, что современники всѣхъ лицъ, выходившихъ изъ этого монастыря, обозначали особымъ названіемъ «іосифлянъ».

Въ связи съ борьбою противъ ереси жидовствующихъ преп. Іосифомъ написаны слѣдующія сочиненія: «Просвѣтитель», состоящій изъ шестнадцати словъ и представляющій изъ себя преимущественно выборъ изъ святоотеческихъ твореній; «Сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ»—это единственный памятникъ, сохранившій исторію появленія ереси жидовствующихъ; посланія къ Нифонту, епископу суздальскому и тарусскому отъ 1493 года, къ брату Вассіану Санину, архіепископу ростовскому, къ иноку иконописцу, къ архимандриту Митрофану, духовнику великаго князя Іоанна III; два посланія великому князю Василію о еретикахъ; посланія къ великому князю Іоанну Васильевичу на еретика Клеопова, къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію, къ боярину Василію Андреевичу Челяднину, наконецъ, недошедшее до насъ сочиненіе, состоявшее изъ девяти словъ—извѣстны только заглавія этихъ словъ.

По характеру своихъ сочиненій преп. Іосифъ принадлежитъ къ школѣ древнерусскихъ книжниковъ, начетчиковъ, и не можетъ быть названъ богословомъ въ строгомъ смыслѣ. Мѣриломъ истинности всякой религіозной мысли онъ признаетъ «Божественное писаніе», подъ понятіе котораго у него подходитъ не одно въ строгомъ смыслѣ богодухновенное писаніе, но вся вообще письменность съ религіознымъ содержаніемъ; въ его сочиненіяхъ встрѣчаются ссылки и на Священное Писаніе въ тѣсномъ смыслѣ, и рядомъ-на сочиненія апокрифическаго характера и даже сочи-

ненія несомнѣнно подложны. Въ сочиненіяхъ препод. Іосифа не видимъ оцѣнки сравнительной важности того или другого приводимаго имъ церковнаго авторитета: у него подводится подъ одну категорію и ученіе апостольское, безусловно истинное и обязательное для всѣхъ, и единичное мнѣніе какого либо отца церкви или даже простого церковнаго писателя, которое вовсе не можетъ имѣть безусловно обязательнаго значенія. Мало того— въ его глазахъ гражданскіе законы и постановленія византійскихъ императоровъ имѣли одинаковое достоинство съ постановленіями соборовъ и правилами св. отцовъ.

Въ борьбѣ съ еретиками Іосифъ высказалъ и нѣсколько довольно оригинальныхъ воззрѣній. Таково напримѣръ его догматическое ученіе о «прехищреніи и коварствѣ Божіемъ», выразившихся въ сошествіи на землю Сына Божія. Безусловное и равностепенное довѣріе ко всякому церковному авторитету и въ области нравственныхъ воззрѣній заставляло Іосифа, защищать и оправдывать всякій и единичный поступокъ какого либо святого мужа, хотя бы онъ находился въ противорѣчіи съ самымъ духомъ христіанскаго ученія. Вообще все міровоззрѣніе Іосифа волоцкаго отличается строго консервативнымъ характеромъ. «Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ, какъ ему должно быть согласно давнопризнаннымъ авторитетамъ» — вотъ духъ понятій преп. Іосифа. Онъ былъ противъ всякой новой мысли, всякой новой мѣры; онъ признавалъ ихъ опасными для чистоты вѣры и нравственности. Въ этомъ характерѣ воззрѣній Іосифа волоцкаго лежитъ объясненіе всей его дѣятельности, въ которой онъ всегда является борцомъ за сохраненіе созданнаго временемъ и освященнаго авторитетомъ старины строя церковно-общественной жизни русскаго народа. Не безъ нѣкотораго основанія одинъ изслѣдователь о сочиненіяхъ Іосифа говоритъ, что ученіе его сдѣлалось достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ Іосифа воспротивилась новшествамъ Никона.

Въ жизни преп. Іосифа волоцкаго былъ одинъ особый эпизодъ, который послужилъ для него поводомъ къ написанію нѣсколькихъ посланій. По древнему распредѣленію епархій Волоколамскій монастырь входилъ въ предѣлы новгородской епархіи. Притѣсняемый мѣстнымъ владѣльцемъ преподобный Іосифъ обратился въ Москву къ великому князю и митрополиту съ просьбою принять его монастырь подъ свое покровительство, и самовольно перешелъ въ другую епархію безъ благословенія своего владыки. Новгородскій архіепископъ Серапіонъ послалъ Іосифу неблагословенную грамоту которою виновный отлучался отъ священства и причащенія Св. Таинъ. Іосифъ обратился къ защитѣ великаго князя и митрополита. Серапіонъ вызванъ былъ въ Москву, и по опредѣленію собора, онъ лишенъ былъ святительскаго сана и даже монашества и заключенъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей. Приговоръ собора надъ Серапіономъ отличается и крайнею суровостью и вопіющею несправедливостью. Правила церковныя всѣ говорили въ пользу Серапіона; всѣ симпатіи современнаго общества находились также на сторонѣ несчастнаго новгородскаго архіепископа. По поводу столкновенія своего съ архіепископомъ Серапіономъ Іосифъ волоцкій написалъ слѣдующія посланія: Посланіе къ митрополиту Симону; Посланіе къ Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину; Посланіе къ Борису Васильевичу Кутузову и Посланіе къ великому князю Василію Іоанновичу, «како миритися со архіепископомъ Серапіономъ».

Помимо лѣтописей, разнообразныхъ современныхъ памятниковъ и собственныхъ литературныхъ произведеній Іосифа, имѣются три житія его. Одно житіе составлено неизвѣстнымъ, другое житіе принадлежитъ Саввѣ, епископу крутицкому и третье, написанное въ формѣ надгробнаго слова преподобному, составлено его ученикомъ и родственникомъ Досиѳеемъ Топорковымъ. Всѣ три житія Іосифа отличаются отъ другихъ подобныхъ имъ современныхъ произведеній тѣмъ, что въ нихъ очень мало общихъ мѣстъ и, напротивъ, много свѣдѣній о немъ чисто историческаго характера. Изученію жизни и дѣятельности преп. Іосифа посвящены цѣликомъ или отчасти слѣдующія сочиненія: Профессоръ П. С. Казанскій: «Іосифъ Волоколамскій» и «Писанія Іосифа Волоколамскаго» въ «Прибавленіяхъ къ твор. Св. Отецъ», 1847 г.; Булгаковъ, «Преп. Іосифъ Волоколамскій»; «Просвѣтитель», статья, напеч. въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1859 г., ч. III, 153—179; И. Хрущевъ, «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. игумена Волоцкаго»; разсмотрѣніе изслѣдованія г. Хрущева.—К. И. Невоструева въ «Отчетѣ о XII присужденіи премій. гр. Уварова»; В. Жмакинъ,» «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія»; Іеромонахъ Нектарій, «Историческое описаніе Іосифова Волоколамскаго монастыря.

В. Жмакинъ.

Іосифъ (*князь Аргутинскій-Долгорукій*), патріархъ армянскаго народа, род.

въ 1743 году въ селеніи Саначинъ, близъ Тифлиса, умеръ 9 марта 1801 г. Поступивъ въ Эчміадзинскій монастырь, онъ учился у католикоса Симеона, который посвятилъ его въ санъ епископа 25 декабря 1771 года. Получивъ отъ него же чрезъ два года санъ архіепископа, Іосифъ отправился въ 1773 году въ Астрахань на должность епархіальнаго начальника всѣхъ обитающихъ въ Россіи армянъ. Заслуживъ любовь и полную довѣренность всѣхъ своихъ соплеменниковъ, онъ много содѣйствовалъ успѣшному переселенію ихъ въ 1779 г. изъ Крыма въ г. Нахичевань (на Дону), который ему же во многомъ обязанъ и своимъ устройствомъ. Въ 1782 г. архіепископъ Іосифъ участвовалъ въ переговорахъ относительно принятія Грузіей русскаго подданства; въ 1788 г. по Высочайшему повелѣнію находился при русской арміи въ турецкомъ походѣ и, обладая большими свѣдѣніями о состояніи Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи и другихъ мѣстностей и народовъ, входившихъ въ составъ Турецкой имперіи, оказалъ русскому правительству большія услуги. Воспользовавшись своимъ вліяніемъ на соплеменниковъ, онъ сталъ во главѣ переселенія турецкихъ армянъ въ предѣлы Россіи и основалъ въ 1792 г. для переселившихся городъ Григоріополь, названный такъ въ честь князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, который указалъ и мѣсто для города у р. Днѣстра. Освященіе мѣста и закладка города совершены архіепископомъ Іосифомъ 25 іюля 1792 года. Іосифъ много потрудился надъ благоустройствомъ церквей и надъ устройствомъ быта гражданъ новаго города. Въ томъ же 1792 году онъ былъ избранъ въ члены Императорскаго-Вольнаго Экономическаго общества. Въ 1793 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ, былъ милостиво принятъ Императрицею, предъ которой произнесъ двѣ благодарственныя рѣчи отъ лица армянъ. По возвращеніи изъ Петербурга онъ перенесъ свою каѳедру въ Нахичевань, устроилъ богатый монастырь, церковь и другія зданія. Самый городъ Нахичевань вмѣстѣ съ монастыремъ Св. Креста освящены были архіепископомъ Іосифомъ 17 ноября 1792 г. Въ томъ же монастырѣ онъ положилъ начало второй типографіи въ южномъ краѣ Россіи, благодаря чему небольшой монастырь Св. Креста получилъ вскорѣ у григоріанo-армянъ такое-же значеніе, какое у армянъ-католиковъ имѣетъ до нынѣ венеціанскій монастырь Мехитаристовъ. Изъ армянской нахичеванской типографіи уже въ 1793 г. вышло двѣ книги: «Дверь милостыни», въ которой изложена исторія новопостроенныхъ городовъ Григоріополя и Нахичевани, и вторая «Приключеніе Телемаха, сына Улиссова», сочиненіе Фенелона, въ переводѣ съ русскаго на армянскій Маркара Ходжанца; напечатаны были «Похожденія Телемаха» въ количествѣ 500 экземпляровъ на счетъ извѣстнаго армянскаго богача Лазарева. Въ 1796 г. архіепископу Іосифу повелѣно было отправиться въ персидскій походъ съ русскими войсками подъ предводительствомъ, графа В. Зубова. И въ этомъ походѣ архіепископъ Іосифъ, благодаря отличному знанію Закавказскаго края и духа азіатскихъ народовъ, оказалъ большія услуги русскому правительству: подвергая жизнь свою опасностямъ, онъ облегчалъ доставленіе продовольствія для русскаго войска, указывалъ удобные пути, доставлялъ всевозможныя пособія для русской арміи. Ему удалось убѣдить хана Старой Шемахи Мустафу-Хана и другихъ болѣе сильныхъ владѣтельныхъ хановъ горскихъ отдаться подъ покровительство Россіи, а ихъ примѣру послѣдовали и менѣе сильные владѣтели Кавказа. Ему же поручено было открыть карабахскимъ меликамъ и армянскимъ христіанамъ сокровенныя намѣренія Русскаго правительства на пользу христіанъ и онъ достигъ того, что многіе изъ нихъ приняли русское подданство и болѣе 30000 армянъ подъ охраною возвращавшихся изъ похода русскихъ войскъ переселились въ Россію, приняли русское подданство и поселились въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Дербентѣ. По его ходатайству переселившимся армянамъ отпущены были изъ государственной казны значительныя денежныя суммы на хозяйственное обзаведеніе, а въ 1799 г. дарованы были льготы армянскимъ обществамъ, водвореннымъ въ городахъ: Астрахани, Кизлярѣ, Моздокѣ, Григоріополѣ, и Дербентѣ. Императоръ Павелъ I 9 мая 1799 г. пожаловалъ Іосифу орденъ св. Анны 1-й степени, а въ 1800 г. призналъ родъ его въ княжескомъ достоинствѣ и далъ ему гербъ. Въ 1799 году 30 декабря въ Эчміадзинѣ на совѣтѣ высшаго духовенства и знатныхъ армянъ архіепископъ Іосифъ избранъ былъ патрі-

архомъ всего армянскаго народа, и Высочайшею грамотою отъ 28 іюля 1800 года утвержденъ въ семъ достоинствѣ 30 октября того же года Высочайше повелѣно «во уваженіе заслугъ получаемое жалованье производить архіепископу Іосифу въ пенсію по смерть и сверхъ того выдать въ Астрахани 1000 р.». Отправясь изъ Петербурга въ первопрестольный армянскій Эчміадзинскій монастырь, онъ скончался на пути туда въ г. Тифлисѣ, не достигши Арменіи и не получивъ миропомазанія на патріаршій санъ. Ему принадлежатъ сочиненія: «Историческое описаніе побудительныхъ причинъ посольства Карабахскихъ меликовъ къ императору Петру Великому и о изданныхъ именныхъ Его указахъ на обстоятельства ихъ», 1790 г.; «Слово на освященіи Армянской церкви въ С.-Петербургѣ», 1780 г.; двѣ рѣчи, произнесенныя въ Высочайшемъ присутствіи Екатерины II; рѣчь, говоренная, по случаю пожалованія ему ордена Св. Анны 1-й ст. 1799 г. При немъ переведены на русскій языкъ и изданы его попеченіемъ: «Чинъ священныя и Божественныя литургіи Армянской церкви»; «Исповѣданіе Армянской церкви»; «Таинство Крещенія Армянской церкви»;—всѣ напечатаны въ Петербургѣ въ 1799 г.

Архивъ св. Синода, дѣла за 1781 г., № 349; 1872 г., № 268; 1790 г., № 233, 1799 г., № 519, 1800 г., № 499; «Записки Одес. Общ. исторіи и древн.», IX, 313, 211—219; «Собраніе актовъ, относящ. къ обозр. исторіи Армян. народа», II и III; II, «Сѣверный Архивъ», 1823 г., № 10, 221—226; «Кавказская Старина», 1872 г., № 1, 29—34; «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», Буткова; Шахатуновъ, «Описаніе Эчміадзина» (на армянскомъ языкѣ); «Акты, собран. кавказ. археограф. ком.», т. I; «Журналъ Арменіи», 1862 г., № 8, 593—600, 1863 г., № 10, 111—12; «Россійская родословная книга,» изд. кн. П. Долгоруковымъ; Геннади, «Словарь»; «Энциклопедическій лексиконъ», т. III, Спб. 1835 г., стр. 20—21, ст. Худобашева. *А. Н.*

Іосифъ (Иванъ Гавриловичъ *Баженовъ*), епископъ балтскій, викарій подольской епархіи, сынъ дьякона, род. въ слободѣ Александровкѣ, острожскаго уѣзда, воронежской губерніи, умеръ 23 января 1886 г. Образованіе получилъ въ Воронежской семинаріи и Петербургской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Въ 1853 г. былъ опредѣленъ помощникомъ ректора въ Псковскую семинарію; въ 1856 г. постригся въ монашество; въ 1857 г. перемѣщенъ въ Петербургскую семинарію преподавателемъ библіографіи по расколу; въ октябрѣ 1859 г. назначенъ инспекторомъ семинаріи; въ іюнѣ 1860 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1862 г. былъ ректоромъ Костромской, съ 1868 г. Вятской семинаріи. Затѣмъ былъ настоятелемъ Добраго монастыря калужской епархіи и въ 1875—1880 гг. членомъ Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Въ 1881 г. назначенъ настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря, а 30 декабря 1884 г.—епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской епархіи. Преосвященный Іосифъ отличался замѣчательнымъ проповѣдническимъ талантомъ; онъ проповѣдывалъ за каждою службою, краснорѣчиво и глубокомысленно обсуждая современные общественные вопросы. Въ литературѣ онъ извѣстенъ сочиненіями: «Крестные ходы въ городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ» (1858 г.); «Историческая достовѣрность сказанія Степенной книги о первоначальной святынѣ города Пскова»; «Описаніе псковскаго Спасо-Елеазарова монастыря»; «Утѣшеніе умирающимъ о Господѣ»; «Программа народной проповѣди»; «Избранныя слова, бесѣды и рѣчи» (1885 г.); «Поученія на великіе праздники православной церкви и на первую недѣлю великаго поста» (1881 г.).

Надеждинъ, «Исторія Петерб. дух. семинаріи»; «Церковн. Вѣстникъ», 1886 г., №№ 5, 7, 16.

Іосифъ (*Бобриковичъ - Анехожскій*), епископъ, скончался 9 апрѣля 1635 г. Былъ ректоромъ братской школы и проповѣдникомъ въ виленскомъ Духовскомъ монастырѣ; въ 1625 г. митрополитъ Іовъ Борецкій поручилъ ему написать отъ его имени къ важнѣйшимъ польскимъ государственнымъ дѣятелямъ ходатайство по дѣламъ православной церкви и вручить ихъ казацкимъ посламъ, отправлявшимся на Варшавскій сеймъ; съ 1629 по 1633 г. онъ былъ настоятелемъ Духова монастыря; въ 1632 г. руководимое имъ виленское Свято-Духовское братство послало на конвокаціонный сеймъ цѣлую книгу «Синопсисъ», съ изложеніемъ всѣхъ притѣсненій православнымъ отъ уніатовъ; 14 марта 1633 г. онъ былъ назначенъ королевскою грамотою на епископію мстиславскую и могилевскую. Скончался въ Вильнѣ, куда приглашенъ былъ братствомъ для совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ по случаю приближавшагося сейма; погребенъ въ

Свято-Духовомъ монастырѣ митрополитомъ Петромъ Могилой, нарочно прибывшимъ для этого въ Вильну.

Макарій, «Ист. рус. церкви», XI; Чистовичъ, «Очерки ист. зап.-рус. церкви», II; Смирновъ, «Вилен. Св.-Духовъ монастырь».

Іосифъ (Иванъ Ивановичъ *Богословскій*), архіепископъ воронежскій, сынъ причетника, род. въ 1802 г. въ селѣ Кобыльскомъ, зарайскаго уѣзда рязанской губерніи, умеръ 19 февраля 1892 г. Учился въ Рязанской семинаріи и въ Московской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1828 г. старшимъ кандидатомъ и тогда же постригся въ монашество. Въ 1829 г. былъ назначенъ инспекторомъ Московской семинаріи, въ 1835 году возведенъ въ санъ архимандрита Заиконоспасскаго монастыря. 27 декабря 1842 г. онъ былъ хиротонисанъ въ епископа дмитровскаго, викарія московской митрополіи, и былъ сотрудникомъ и помощникомъ митрополита Филарета. 20 ноября 1849 г. перемѣщенъ на самостоятельную оренбургскую епископскую каѳедру, гдѣ много приложилъ труда по обращенію язычниковъ въ христіанство и раскольниковъ въ единовѣріе и православіе. 27 августа 1853 г. переведенъ былъ въ Воронежъ; 3 апрѣля 1860 г. возведенъ въ санъ архіепископа. При ближайшемъ участіи его въ августѣ 1861 г. открыты мощи святителя Тихона Задонскаго. Болѣзнь глазъ и потомъ совершенная потеря зрѣнія заставили архіепископа Іосифа 14 ноября 1864 г. удалиться на покой въ воронежскій Митрофаніевъ монастырь, гдѣ онъ и прожилъ до кончины. Изъ сочиненій его извѣстны: «О праздникахъ первенствующей церкви» (въ рукописи), «Слово по случаю открытія дворянскихъ выборовъ въ Московской губерніи» (1844 г.) и «Слово при перенесеніи мощей преподобнаго Саввы» («Москов. губ. вѣдом.», 1847 г., № 31); «Семь поученій о силѣ и значеніи троеперстнаго и именославнаго перстосложенія» (1860 г.).

«Душепол. чтеніе», 1892 г., № 4. *Здр.*

Іосифъ (*Болгариновичъ*), митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1500 г.; въ 1494 г. изъ слуцкихъ архимандритовъ былъ посвященъ въ епископа смоленскаго; въ 1499 г. онъ употреблялъ усиленныя убѣжденія, чтобы склонить къ переходу въ католичество вел. княгиню Елену Іосифовну, дочь Іоанна Васильевича III, супругу вел. князя литовскаго Александра. Хотя старанія его, какъ извѣстно, и не увѣнчались успѣхомъ, но за эту услугу онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго.

Чистовичъ; «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», I, 138—139.

Іосифъ (Іоакимъ *Величковскій*), епископъ. Сынъ московскаго протоіерея, род. въ 1773 г., умеръ въ 1852 г. Образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, по окончаніи курса былъ нѣкоторое время діакономъ при одной изъ московскихъ церквей. Овдовѣвъ, въ 1801 г. постригся въ монашество и былъ учителемъ Петербургской семинаріи и законоучителемъ Петербургскаго коммерческаго училища. Въ 1803 г. назначенъ соборнымъ іеромонахомъ Александроневской лавры. Въ 1807 г. опредѣленъ настоятелемъ бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, ректоромъ Курской семинаріи и присутствующимъ въ курской консисторіи. Въ 1809 г. переведенъ въ переславскій Даниловъ монастырь; въ 1811 г. состоялъ членомъ владимірскаго оспеннаго комитета. Въ 1814 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословія Владимірской семинаріи. 9 ноября 1819 г. хиротонисанъ въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ во епископа архангельскаго и холмогорскаго. 3 іюля 1821 г. переведенъ въ Смоленскъ. 17 февраля 1834 г. уволился по прошенію на покой и проживалъ до кончины въ Печерской лаврѣ, гдѣ и похороненъ въ церкви при дальнихъ пещерахъ. Въ обѣихъ епархіяхъ оставилъ по себѣ память, какъ о «добромъ» архипастырѣ. Поученія свои, по отзыву критиковъ «проникнутыя искреннимъ благочестіемъ, отеческимъ простодушіемъ и нѣкотораго рода своеобразнымъ остроуміемъ», онъ печаталъ въ журналѣ «Воскресное Чтеніе». Прощальная его рѣчь смоленской паствѣ напечатана въ «Историко-статистическомъ описаніи смоленской епархіи». Памятникомъ его дѣятельности на смоленской каѳедрѣ осталось возобновленіе имъ на собранныя путемъ пожертвованій деньги смоленскаго большого Успенскаго собора.

Архивъ св. Синода, дѣло 1819 г., № 706; «Истор.-статист. опис. смоленской епархіи», Спб. 1864; «Архангельскія губерн. вѣдомости», 1847 г., № 26; Чистовичъ, «Ист. Петерб. дух. академіи»; Геннади, «Словарь». *С. Г. Р.*

Іосифъ (*Вельяминовъ-Рутскій*) третій уніатскій митрополитъ, умеръ 5 февраля

1637 г. Онъ былъ сынъ московскаго воеводы Вольяминова, передавшагося на сторону польскаго короля въ 1568 г. послѣ сраженія при Улѣ и получившаго фамилію Рутскаго по имѣнію своему Рутѣ въ предѣлахъ нынѣшняго новогрудскаго уѣзда минской губерніи. Іосифъ въ молодости измѣнилъ православію и перешелъ въ кальвинизмъ; но потомъ іезуитами обращенъ въ латинство и отправленъ въ Римъ, въ греческую коллегію, а по окончаніи въ ней курса, въ интересахъ латинской пропаганды, наружно принялъ унію. По возвращеніи изъ Рима, въ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ въ 1606 г. постриженъ Ипатіемъ Поцѣемъ въ монашество; затѣмъ ему порученъ былъ надзоръ за молодыми людьми, готовившимися въ этомъ монастырѣ къ монашескому званію, а также наблюденіе за монастырской школой. 21 іюля 1608 г. Поцѣй назначилъ его намѣстникомъ своей митрополіи, не смотря на протесты виленскаго уніатскаго духовенства, а въ концѣ того же года—архимандритомъ виленскаго Троицкаго монастыря. Въ 1611 г. Поцѣй посвятилъ Рутскаго во епископа и наименовалъ его своимъ викаріемъ во Львовѣ, хотя онъ продолжалъ жить въ Вильнѣ, въ Троицкомъ монастырѣ. По смерти Поцѣя Іосифъ 8 августа 1613 г. назначенъ былъ кіевскимъ уніатскимъ митрополитомъ. Дѣйствуя противъ православныхъ иногда и силою, подобно Поцѣю, Рутскій все таки старался возродить уніатскую церковь болѣе посредствомъ внутреннихъ преобразованій: въ 1617 г., въ имѣніи своемъ Новогродовичахъ, въ предѣлахъ нынѣшней минской губерніи, онъ созвалъ на конгрегацію всѣхъ настоятелей уніатскихъ монастырей и, при содѣйствіи іезуитовъ, положилъ здѣсь начало уніатскому базиліанскому ордену, устроенному по образцу латинскихъ; въ 1613 г. выхлопоталъ королевскую грамоту, предоставлявшую базиліанамъ образованіе уніатскаго духовенства и народа и въ 1626 г., на кобринской базиліанской конгрегаціи провелъ постановленіе объ открытіи особой семинаріи для образованія уніатскаго духовенства; въ 1635 г. выхлопоталъ королевскую грамоту, по которой одни базиліане могли занимать всякія іерархическія должности въ уніатской церкви. Умеръ въ Дерманѣ и погребенъ въ виленскомъ Троицкомъ монастырѣ.

Макарій, «Ист. рус. церкви», X; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II; Батюшковъ, «Литва и Бѣлоруссія»; Кояловичъ, «Литов. церк. унія»; II; Щербицкій, «Вилен. Троицкій монастырь»; Брянцевъ, «Ист. государства литовскаго».

Іосифъ (Иванъ Михайловичъ *Дроздовъ*), епископъ. Сынъ діакона, род. 7 сентября 1824 г. въ с. Лекмѣ, весьегонскаго уѣзда тверской губерніи, умеръ 28 сентября 1881 г. Учился въ краснохолмскомъ духовномъ училищѣ, въ тверской семинаріи, и въ Петербургской духовной академіи. На послѣднемъ курсѣ Академіи, 4 апрѣля 1851 г., принялъ монашество, на слѣдующій день рукоположенъ во іеродіакона, 2 сентября—во іеромонаха. По рекомендаціи ректора академіи епископа Макарія (Булгакова, впослѣдствіи митрополитъ московскій), рижскій преосвященный Платонъ (Городецкій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій) опредѣлилъ Іосифа 21 сентября 1852 г. инспекторомъ въ новооткрытую Рижскую семинарію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ комитета по разсмотрѣнію духовно-назидательныхъ сочиненій, изготовляемыхъ для рижской паствы, помощникомъ редактора журнала «Училище благочестія», издававшагося на эсто-латышскомъ и русскомъ языкахъ членомъ комитета по составленію латышско-русскаго словаря и членомъ рижской консисторіи, 23 іюля 1856 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ симбирской духовной семинаріи; 6 августа возведенъ въ санъ архимандрита; 21 декабря назначенъ директоромъ симбирскаго тюремнаго комитета; 9 января 1857 г.—каѳедральнымъ цензоромъ. Въ 1860 г., 24 ноября, какъ человѣкъ опытный въ церковной службѣ на окраинахъ Россіи, перемѣщенъ въ Литовскую семинарію и назначенъ настоятелемъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. Въ Вильнѣ состоялъ благочиннымъ надъ монастырями, членомъ консисторіи, каѳедральнымъ цензоромъ, директоромъ тюремнаго комитета, директоромъ статистическаго комитета, членомъ церковно-строительнаго губернскаго комитета, редакторомъ епархіальныхъ вѣдомостей. Получая за свою службу неоднократно благодарности и награды, 14 сентября 1868 г., по ходатайству литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки, хиротонисанъ въ санъ епископа ковенскаго, викарія литовской епархіи. 7 декабря 1874 г. назначенъ епископомъ смоленскимъ.—Преосвященный Іосифъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ своею замѣчательною добротою. Смоленская паства

со слезами провожала во гробъ его останки. Какъ администраторъ, онъ дѣйствовалъ въ духѣ любви, милосердія и совершенной снисходительности; къ подчиненнымъ относился, какъ добрый, любящій отецъ. Былъ всегда и всѣмъ доступенъ, со всѣми внимателенъ, предупредителенъ. Часто предпринималъ объѣзды епархіи, но всегда ѣздилъ безъ такъ называемой архіерейской свиты и былъ желаннымъ гостемъ у приходскихъ священниковъ; очень часто говорилъ проповѣди, но никогда не писалъ ихъ. Смоленская епархія обязана ему преобразованіемъ смоленскаго училища дѣвицъ духовнаго званія и попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, постройкою помѣщеній для многихъ причтовъ епархіи, преимущественно городскихъ, учрежденіемъ благочинническихъ совѣтовъ. Скончался преосвященный въ Ялтѣ, гдѣ находился для излеченія болѣзни, погребенъ въ Смоленскѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Его слово при нареченіи во епископа и духовное завѣщаніе напечатаны въ «Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ» 1881 г.

Аѳонскій, «Краткій очеркъ жизни и дѣят. преосв. Іосифа, еп. смоленскаго», (изъ «Смоленск. епарх. вѣд.» 1881 г.). *С. Г. Р.*

Іосифъ (*Дѣвочкинъ*, *Кочергинъ*). Былъ казначеемъ Троицкой лавры въ 1609 г. во время ея осады и по неосновательному доносу монаха Гурія Шишкина былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ; князь Долгорукій подвергъ его жестокимъ пыткамъ, послѣ которыхъ Іосифъ заболѣлъ сильною цынгою и въ томъ же году умеръ.

«Лѣт. занятій археогр. ком.», IV, 94—95.

Іосифъ (*Дяткинъ*), іеромонахъ, умеръ послѣ 1687 г.; уже въ 1639 г. онъ былъ строителемъ Варнавинской пустыни, и составилъ житіе препод. Варнавы, послѣ того какъ мощи его были освидѣтельствованы по указу патріарха Іосифа; въ 1687 г. онъ былъ взятъ изъ своего монастыря, и назначенъ въ Москву главнымъ правителемъ книжнаго печатнаго дѣла.

А. Титовъ, «Словарь писат. духов. и свѣт. чина костром. губ.».

Іосифъ (*Зинкевичъ*), игуменъ, умеръ послѣ 1740 г. Въ 1730 г. изъ настоятелей краснокутскаго Петропавловскаго монастыря переведенъ настоятелемъ же въ куряжскій Преображенскій монастырь близъ Харькова; вмѣстѣ съ этимъ былъ назначенъ префектомъ Бѣлогородской семинаріи. Человѣкъ открытаго и рѣшительнаго характера, онъ, не будучи въ состояніи привести свой монастырь со стороны нравственной въ подлежащій порядокъ, отказался отъ настоятельства. Однако черезъ годъ (съ 6 мая 1736 г.) снова вступилъ въ отправленіе своей должности. Президентъ св. Синода, архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, предалъ Іосифа слѣдствію, результатомъ котораго была его ссылка въ Сибирь, гдѣ онъ и оставался до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Окончилъ жизнь схимникомъ въ Кіевѣ.

«Историко - статистист. описаніе харьковской епархіи», М. 1852. *С. Г. Р.*

Іосифъ (Иванъ *Золотой* или *Золотовъ*) епископъ вологодскій, сынъ звонаря московскаго Успенскаго собора, род. въ 1720 г., умеръ 25 декабря 1774 г. По окончаніи образованія въ Московской славяно-греко-латинской академіи въ 1744 г., былъ въ ней учителемъ; въ 1745 г. по стриженъ въ монашество, а въ 1748 г. назначенъ проповѣдникомъ при Академіи. Въ ноябрѣ 1750 г. произведенъ во игумена серпуховскаго Владычняго монастыря съ тѣмъ, «чтобы онъ подлежащія по проповѣдническому своему званію Слова Божія проповѣди сказывалъ всегда и безъ всякихъ отговорокъ, а въ томъ бы никакой остановки никогда отнюдь не было». 30 іюля 1755 г. возведенъ въ санъ архимандрита Архангельскаго монастыря устюжской епархіи; 19 марта 1758 г. перемѣщенъ въ тульскій Предтеченскій монастырь. 17 апрѣля 1758 г. переведенъ въ Высокопетровскій московскій монастырь. 16 декабря 1761 г. хиротонисанъ епископомъ Вологды и Бѣлаозера. Въ бытность свою на вологодской каѳедрѣ онъ построилъ вчернѣ каѳедральный соборъ, архіерейскій домъ, домъ для помѣщенія семинаріи; заботился и о просвѣщеніи духовенства своей епархіи и лучшихъ семинаристовъ посылалъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію съ тѣмъ, чтобы по окончаніи образованія они вернулись въ родную семинарію для занятія учительскихъ должностей. Преосвященный Іосифъ пользовался большою любовью своей паствы. Библіотеку свою онъ завѣщалъ Вологодской семинаріи. Въ печати извѣстно его «Слово» на 26 февраля 1749 г.

Архивъ св. Синода: дѣла за 1750 г., окт. 10, № 88, 1754 г., сент. 9, № 174, 1755 г., іюня 26,

№ 165, 1758 г., марта 16, № 132, 1760 г., мая 12, № 110, 1775 г., янв. 5, № 166; Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. литературы»; Смирновъ, «Ист. моск.-славяно-греко-латинской академіи», 123, 214; Рождественскій, В., «Историч. опис. серпух. Владычняго мон.»; «Чтенія въ общ. ист. и древн. росс.», 1874 г.; «Лѣтописи русской литературы», 1859 г., II, отд. III, 21; Геннади, «Словарь»; «Волог. епарх. вѣд.», 1866 г., №№ 16, 17 и 24, 1873 г., № 22; «Волог. губер. вѣд.», 1852 г., № 44. *А. Н.*

Іосифъ (*Ильицкій*), архимандритъ, сынъ священника, род. въ 1759 г. въ с. Бѣлоусовкѣ золотоношскаго уѣзда, умеръ 20 сентября 1824 г. Учился въ Кіевской академіи, и въ Александро-невской семинаріи; постриженъ въ монашество въ 1781 г., проходилъ разныя послушанія въ Кіево-Братскомъ монастырѣ; въ 1782 г. переведенъ въ Софійскій монастырь и завѣдывалъ библіотекой его. Въ 1788 г. опредѣленъ въ Шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ іеродіакономъ для служенія, произнесенія проповѣдей и для обученія воспитанниковъ Закону Божію и русскому языку. Въ 1797 г. въ іюлѣ произведенъ въ іеромонахи и отправленъ къ русской миссіи въ Данію, къ содержавшимся въ г. Горзенсѣ дѣтямъ правительницы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Въ 1802 г. по Высочайшему разрѣшенію возвратился въ Россію; затѣмъ онъ управлялъ нѣсколькими монастырями и умеръ архимандритомъ полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря.

Архивъ св. Синода, дѣло за 1802 г., окт. 17, № 774, 1804 г., янв. 14, № 29. 1812 г., янв. 5, № 39, 1816 г., февр. 7, № 154, 1824 г., ноября 3, № 1073; Аскоченскій, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ-академіей», II, 281; «Памятная книжка полтавской губ. за 1865 г.», 438. *А. И.*

Іосифъ (*Кононовичъ-Горбацкій*), епископъ бѣлорусскій, умеръ въ мартѣ 1653 г. Годъ и мѣсто рожденія его неизвѣстны; въ 1642—1646 г. онъ состоялъ игуменомъ Кіевобратскаго учплищнаго монастыря и ректоромъ Богоявленскаго училища; за свое просвѣщеніе онъ пользовался особымъ вниманіемъ митрополита Петра Могилы и вмѣстѣ съ другими лицами былъ посланъ отъ русской церкви депутатомъ на ясскій соборъ и былъ на немъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей. Въ 1646 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь, а 2 мая 1650 г. хиротонисанъ во епископа могилевскаго и бѣлорусскаго. Ежегодно вносилъ по 500 злотыхъ на улучшеніе Кіево-Братскаго монастыря и училища.

Мухинъ, «Исторія Кіево-Братскаго монастыря», 76, 85; Сапуновъ, «Витебская старина», V, CLII.

Іосифъ (Іезекіиль *Корцевичъ*, *Курцевичъ* или *Арцыбышевичъ*), архіепископъ суздальскій, умеръ 15 іюня 1642 г. Происходилъ изъ Кіева. Въ 1621 г. іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ хиротонисалъ его изъ игуменовъ Терехтемировскаго монастыря въ санъ епископа владимірскаго и берестейскаго. Въ 1626 г. онъ находился для какихъ то причинъ въ Москвѣ, а въ 1628 г. является уже архіепископомъ суздальскимъ; но точно неизвѣстенъ годъ, когда онъ изъ епископа Владиміра Галицкаго переведенъ въ Суздаль. Почти непосредственно вслѣдъ за назначеніемъ Іосифа въ Суздаль мѣстные жители начинаютъ подавать Государю на него челобитныя, жалуясь, что онъ съ большою жестокостью относится къ своимъ подчиненнымъ и обнаруживаетъ большое корыстолюбіе. Дѣйствительно, по образу своей жизни Іосифъ напоминалъ епископовъ польско-литовскаго государства временъ религіозной уніи. 21 марта 1634 г. состоялся царскій указъ сослать Іосифа въ Антоніевъ сійскій монастырь подъ строгій надзоръ, съ запрещеніемъ на нѣкоторое время посѣщать церковь, но безъ лишенія архіерейскаго сана. Впослѣдствіе онъ былъ переведенъ въ Зилантовъ казанскій монастырь, гдѣ и скончался.

«Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщ.», 1892 г., іюнь, ст. Титова, 65—68; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II, 283.

Іосифъ (*Неелов*ъ), старецъ. Постриженъ въ монахи въ брянскомъ свѣнскомъ Успенскомъ монастырѣ въ 1558 г. Судя по характеру вклада, внесеннаго имъ въ монастырь при постриженіи и состоявшаго изъ коней, войсковой упряжи и оружія, онъ былъ до поступленія въ монастырь военнымъ. По его челобитью, царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ въ 1583 г. въ монастырь колоколъ и богатый денежный вкладъ. Человѣкъ, очевидно, состоятельный, онъ на свои средства возобновилъ существовавшую уже ранѣе въ монастырѣ больницу. Около 1587 г. сдѣлался настоятелемъ монастыря. Скончался въ 1594 или 1595 г.

Іероѳей, архим., «Брянскій свѣнскій Успенскій мон.», 780—181.

Іосифъ (*Нелюбовичъ-Тукальскій* или *Шуляницкій*) митрополитъ кіевскій, умеръ

24 іюля 1676 г. Въ 1649 г. былъ старшимъ виленскаго Свято-Духова монастыря, въ 1658 г. назначенъ архимандритомъ Лещинскаго монастыря. 3 августа 1661 г. утвержденъ королемъ въ званіи мстиславскаго епископа, съ оставленіемъ въ его управленіи и Лещинскаго монастыря; въ 1663 г., по смерти митрополита Діонисія Балабана былъ избранъ православнымъ духовенствомъ на Кіевскую митрополію, но не признанъ въ этомъ званіи польскимъ правительствомъ, которое дало привиллегію на эту митрополію перемышльскому епископу Антонію Винницкому; въ іюнѣ 1664 г. Іосифъ, оклеветанный гетманомъ правобережной украйны Тетерею въ возмущеніи казаковъ, былъ заключенъ польскимъ правительствомъ въ Маріенбургскую крѣпость, но въ 1664 г. по Подгаецкому договору освобожденъ изъ крѣпости и 6 марта 1668 г., по ходатайству гетмана Дорошенка, утвержденъ константинопольскимъ патріархомъ въ званіи кіевскаго митрополита и патріаршаго экзарха въ Польшѣ и Литвѣ; съ этихъ поръ онъ и жилъ при Дорошенкѣ въ Чигиринѣ. Утвердившись на правой, польской сторонѣ Днѣпра, онъ домогался получить власть и надъ лѣвой, московской стороной, при содѣйствіи Дорошенка даже схватилъ и заточилъ намѣстника митрополіи на этой сторонѣ, Меоодія, но не успѣлъ подчинить себѣ лѣваго берега. Онъ умеръ въ подаренномъ ему Дорошенкомъ мѣстечкѣ Стойкахъ, погребенъ въ Мгарскомъ лубенскомъ монастырѣ.

Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», II; Батюшковъ, «Подолія»; Смирновъ, «Вилен. Св. Духов. монастырь».

Іосифъ (*Оранскій*), архимандритъ, умеръ 8 октября 1751 г. Изъ учителей риторики Кіевской академіи назначенъ былъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка архимандритомъ слуцкаго Троицкаго монастыря, служившаго въ то время церковно-административнымъ центромъ для православныхъ всей сѣверо-западной Руси, бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ. Въ 1748 г., какъ человѣкъ «чрезъ немалыя лѣта въ Польшѣ въ защищеніи благочестія труждающійся», былъ избранъ Св. Синодомъ во архимандрита Кіевопечерскаго монастыря и утвержденъ императрицей 15 марта того же года.

Архим. Николай, «Ист.-стат. опис. минской еп.», 116; «Кіевскія еп. вѣд.», 1877 г., 499; Строевъ, «Списки». *С. Г. Р.*

Іосифъ (*Рустинъ*), митрополитъ кіевскій; въ 1516 г. онъ былъ архіепископомъ полоцкимъ; въ 1523 г. по благословенію патріарха іерусалимскаго Іереміи возведенъ въ санъ митрополита. Лѣтописи называютъ его неученымъ и близорукимъ. Умеръ онъ до 1534 г.

Салуновъ, «Витебская Старина», т. V, CXLIV; Чистовичъ, «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», I, 139.

Іосифъ (Иванъ Григорьевичъ *Рѣшиловъ*), игуменъ клобукова Николаевскаго монастыря тверской епархіи, сынъ крестьянина, род. въ Бѣлевѣ, умеръ послѣ 1740 г. Онъ выросъ въ расколѣ, былъ хорошимъ начетчикомъ въ раскольническихъ сочиненіяхъ, былъ раскольническимъ попомъ и многихъ увлекъ въ расколъ въ бѣлевскомъ, глуховскомъ и другихъ уѣздахъ, побывалъ съ своими учениками въ Подоліи, на Волыни и даже въ Венгріи. Но въ 1719 г. во время пребыванія въ одномъ изъ керченскихъ скитовъ онъ вдругъ рѣшился присоединиться къ православію. Нижегородскій епископъ Питиримъ съ большою радостію принялъ его, какъ извѣстнаго въ расколѣ учителя и, послѣ недолгаго собесѣдованія, присоединилъ его къ православной церкви; вскорѣ Рѣшиловъ былъ даже представленъ Петру Великому. Принявъ постриженіе въ монашество съ именемъ Іосифа, онъ просилъ, чтобы его назначили для обращенія раскольниковъ въ тѣ именно мѣстности, гдѣ въ недавнее время онъ самъ проповѣдывалъ расколъ. Ему поручено было сначала обращать въ православіе раскольниковъ въ Калугѣ, Вязникахъ, Ржевѣ, Твери, Торжкѣ; въ январѣ 1722 г., опять-таки по собственному вызову, онъ отправленъ былъ для той-же цѣли въ Стародубье и другіе раскольническіе скиты черниговской губерніи. Зная, что очень много раскольниковъ бѣжитъ за польскую границу въ Вѣтковскіе скиты, онъ первымъ дѣломъ позаботился объ устройствѣ крѣпкихъ заставъ по тому тракту, а затѣмъ началъ свои обращенія. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ обратилъ въ православіе по его донесеніямъ, по крайней мѣрѣ до 800 чел., а съ тѣхъ, которые не послушали его проповѣди, собралъ 1700 р. штрафныхъ денегъ. Дѣятельность его отличалась многими несимпатичными чертами; раскольники слободы Елеонки даже сдѣлали на пасхѣ нападеніе на соборную церковь въ Стародубѣ, съ цѣлью

убить Іосифа, но онъ спасся. Съ октября 1724 г. до 1726 г. Іосифъ прожилъ въ Петербургѣ и ходатайствовалъ объ организаціи противораскольническаго миссіонерскаго дѣла; но хлопоты его не имѣли никакого успѣха; въ концѣ 1725 г. Іосифъ просилъ Св. Синодъ уволить его отъ миссіонерской должности и дозволить ему жить въ какомъ нибудь монастырѣ тверской епархіи. Не получивъ еще согласія Синода на эту просьбу Іосифъ, однако, 6 января 1726 г. поѣхалъ въ Тверь съ тверскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ (Лопатинскимъ) и тамъ они вмѣстѣ трудились надъ составленіемъ книги «Неправды раскольническія». Сначала Іосифъ былъ іеромонахомъ тверского архіерейскаго дома, чрезъ три мѣсяца сдѣланъ игуменомъ Ракова зубцевскаго монастыря въ старицкомъ уѣздѣ, причемъ ему поручено было вѣдать всѣ раскольническія дѣла по епархіи; съ января же 1728 г. Іосифъ былъ игуменомъ клобукова Николаевскаго монастыря тверской епархіи. Осенью 1730 г., по жалобамъ братіи и крестьянъ, Іосифъ былъ уволенъ отъ игуменства и посланъ въ Старицкій монастырь въ число братства. Въ апрѣлѣ 1731 г. Іосифъ возвратился въ тверской архіерейскій домъ, затѣмъ въ Калязинѣ монастырѣ исполнялъ должность конюшаго. Въ іюнѣ 1732 г. Іосифъ ѣздилъ на богомолье въ Москву, а съ августа 1732 г. самовольно поселился въ Бизюковомъ монастырѣ смоленской епархіи и исполнялъ тамъ различныя послушанія.

21 ноября 1732 г. Іосифъ по обвиненію въ растратѣ казеннаго имущества, былъ вытребованъ въ Москву на судъ, потомъ его перевезли въ Петербургъ и возникло извѣстное въ исторіи «Рѣшиловское дѣло». Расхищеніе ничтожной суммы послужило для Ѳеофана Прокоповича только предлогомъ начать преслѣдованіе своихъ политическихъ противниковъ; мало по малу привлечены были къ слѣдствію Іоасафъ Маевскій, Маркеллъ Родытевскій, наконецъ, архіепископъ Ѳеофилактъ и многіе другіе. Послѣ долгаго суда всѣ они болѣе или менѣе пострадали и оппозиція приверженцевъ страны и противниковъ Петровской церковной реформы была окончательно ослаблена. 20 марта 1734 г. игуменъ Іосифъ Рѣшиловъ былъ лишенъ сана, названъ растригою Иваномъ и отправленъ въ Тайную Канцелярію. 20 декабря 1740 г. Высочайшимъ указомъ Ивану Рѣшилову, вмѣстѣ съ другими, была отпущена вина, возвращено прежнее имя Іосифа и приказано было послать его въ какой-либо монастырь въ число братіи на неисходное жительство. Когда онъ скончался, свѣдѣній не имѣется.

«Чтенія въ общ. ист. и древн. росс.», 1863 г., т. IV; Чистовичъ, «Рѣшиловское дѣло»; дѣла архива св. Синода: 1733 г., № 152; секретный архивъ 1738 г., № 71. *Здр.*

Іосифъ (*Серебрянскій*), іеромонахъ, умеръ послѣ января 1803 г. Родомъ изъ мѣстечка Обуховки, кіевскаго уѣзда; сынъ священника. Принялъ монашество въ корсунскомъ Уляницкомъ монастырѣ въ 1777 г. Въ 1780 г. посвященъ во іеродіакона, въ 1793 г.—во іеромонаха; въ 1796 г. по прошенію опредѣленъ во флотъ, въ 1798 г. былъ назначенъ на корабль «Богоявленіе Господне», въ эскадру адмирала Ушакова, съ которою былъ въ плаваніи по Черному и Средиземному морямъ и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ Венеціанскомъ заливѣ, у острова Корфу и при штурмѣ острова Видо. Затѣмъ, вмѣстѣ съ русскимъ десантомъ, подъ командою капитана Сытина, участвовалъ при аттакѣ и взятіи крѣпости Фано, при взятіи крѣпости Синагальи, при блокадѣ и взятіи крѣпости Анконы. По донесенію военныхъ начальниковъ онъ «всегда находился неотлучно съ войсками, въ переднихъ рядахъ, ободряя солдатъ своимъ присутствіемъ и неустрашимостью съ крайнимъ усердіемъ и неутомимостью» и особенно отличился при отраженіи вылазки, произведенной непріятелемъ изъ крѣпости Анконы 22 октября, и при штурмѣ и при взятіи крѣпости 30 октября; 26 іюня 1799 г. былъ переведенъ на фрегатъ «Навархію»; 22 января 1802 г., по болѣзни и прошенію, уволенъ Св. Синодомъ отъ службы во флотѣ въ кіевскую епархію, съ правомъ занять первую вакантную должность настоятеля въ третьеклассномъ монастырѣ; но онъ отказался отъ настоятельства и по собственному желанію былъ помѣщенъ въ число рядовыхъ іеромонаховъ Кіевобратскаго училищнаго монастыря. Синодъ опредѣлилъ ему пенсію по 30 р. въ годъ, хотя онъ получалъ и штатный окладъ въ монастырѣ. 23 января 1805 г. по его просьбѣ ему дозволено было перейти на жительство въ Кіевопечерскую лавру; но онъ, удалившись изъ Кіевобратскаго монастыря, въ Лавру не явился и исчезъ безслѣдно, такъ

что неизвѣстно гдѣ и когда кончилъ онъ жизнь.

Архивъ св. Синода, дѣло 1801 г., № 868.

С. Г. Р.

Іосифъ (*Солтанъ*), митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1521 г. Въ 1502 г. былъ епископомъ смоленскимъ, въ 1507 г. избранъ на кіевскую митрополію и поставленъ въ 1509 г. Въ 1506 г. пожертвовалъ Супрасльскому монастырю имѣнія, пожалованныя ему королемъ Александромъ, и далъ ему общежительный уставъ. Въ 1509 г. созвалъ въ Вильнѣ соборъ въ видахъ возстановленія церковныхъ порядковъ и огражденія западно-русскаго духовенства отъ свѣтской власти. Въ 1511 г. выхлопоталъ у короля Сигизмунда I грамоту, подтверждавшую права и преимущества православнаго духовенства.

Макарій, «Ист. рус. церкви», IX; Чистовичъ, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», I; Батюшковъ, «Литва и Бѣлоруссія».

Іосифъ (*Сѣмашко*) митрополитъ, главный дѣятель по возсоединенію уніатовъ съ православною церковью, сынъ небогатаго дворянина, впослѣдствіи уніатскаго священника Іосифа Тимофеевича Сѣмашко, род. 25 декабря 1798 г. въ с. Павловскѣ, липовецкаго уѣзда, кіевской губерніи, умеръ 23 ноября 1868 г. Все дѣтство свое онъ провелъ среди простого православнаго малорусскаго населенія и съ раннихъ уже лѣтъ проникся его русскими и православными симпатіями. Послѣ первоначальнаго домашняго ученья у православнаго дьячка Бочковскаго, онъ въ сентябрѣ 1809 г. поступилъ въ Немировскую гимназію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1816 г. первымъ ученикомъ. Въ августѣ того же года, при содѣйствіи своего родственника, Кирилла Сѣроцинскаго (впослѣдствіи уніатскаго епископа), посланъ на казенный счетъ въ главную духовную семинарію при Виленскомъ университетѣ. Во время четырехлѣтняго ученія въ этой польско-католической академіи, Сѣмашко не только не утратилъ своихъ русскихъ симпатій, чему отчасти способствовало либеральное вообще направленіе преподаванія въ семинаріи, но и вынесъ еще большее нерасположеніе ко всему польскому и католическому, еще болѣе разочаровался въ уніи, въ ея догматической и исторической правдѣ. По окончаніи, въ 1820 г., курса ученія со степенью магистра богословія, Сѣмашко возвратился въ свою луцкую епархію и луцкимъ епископомъ Яковомъ Мартусевичемъ посвященъ, безъ вступленія въ бракъ, но и безъ постриженія въ монашество, 6 октября 1820 г. въ санъ иподіакона, 20 декабря 1820 г. въ діакона, а 28 декабря 1821 г. въ санъ іерея. Еще въ санѣ иподіакона онъ былъ назначенъ инструкторомъ ставленнической семинаріи и засѣдателемъ Луцкой консисторіи (и консисторія и семинарія находились тогда въ м. Жидичинѣ, въ 5 верстахъ отъ Луцка) и благодаря своей усидчивости, знаніямъ и искусству излагать бумаги на русскомъ языкѣ вскорѣ сдѣлался въ консисторіи главнымъ дѣятелемъ. Когда состоялось правительственное распоряженіе о присылкѣ изъ уніатскихъ епархій въ Римско-католическую духовную коллегію въ Петербургѣ на новое трехлѣтіе лицъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ и русскимъ законодательствомъ, Сѣмашко, еще 7 января 1822 г. возведенный въ санъ протопресвитра, назначенъ былъ Мартусевичемъ (20 іюня 1822 г.) для присутствованія въ уніатскомъ департаментѣ Коллегіи.

Сѣмашко прибылъ въ Петербургъ въ Коллегію въ тотъ моментъ, когда только-что началъ обозначаться въ правительственной нашей системѣ нѣкоторый переломъ по отношенію къ уніатскому вопросу: 28 сентября 1822 г. князь Голицынъ предложилъ Коллегіи позаботиться объ учрежденіи духовныхъ семинарій для образованія бѣлаго уніатскаго духовенства и объ упраздненіи съ этою цѣлью излишнихъ базиліанскихъ монастырей, а 16 октября 1822 г. обнародованъ былъ Высочайшій указъ о недопущеніи католиковъ въ базиліанскій орденъ. Сѣмашко вскорѣ по вступленіи въ Коллегію получилъ въ ней руководящую роль и сталъ энергично отстаивать интересы уніатской церкви, нерѣдко по этому поводу входилъ въ столкновеніе съ прочими членами Коллегіи, и даже съ самимъ ея прокуроромъ. Благодаря его энергичному вмѣшательству дѣло о полоцкомъ архіепископѣ Красовскомъ, преданномъ суду Коллегіи по интригамъ базиліанъ, окончилось не отрѣшеніемъ его отъ должности, а лишь перемѣщеніемъ на другую (луцкую) епархію, благодаря ему же получило, наконецъ, должное движеніе и дѣло о 20,000 совращенныхъ въ католичество уніатахъ, двадцать лѣтъ остававшееся въ Коллегіи подъ-спудомъ. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ пребыванія своего

въ Коллегіи, причемъ 23 марта 1823 г. онъ возведенъ былъ въ санъ каноника, а 8 октября 1825 г. въ санъ прелата-схоласта луцкаго каѳедральнаго собора, Сѣмашко основательно изучилъ всю исторію стремленій и ходатайствъ передъ правительствомъ бѣлаго уніатскаго духовенства въ его борьбѣ съ базиліанскими монахами; и мало по малу выработалъ себѣ полный планъ дѣйствій по подготовкѣ общаго возсоединенія уніатовъ; по убѣжденіямъ своимъ онъ въ Петербургѣ сталъ вполнѣ православнымъ и имѣлъ даже намѣреніе лично присоединиться къ православной церкви и постричься въ монахи въ Александро-невской лаврѣ. Въ концѣ 1827 г. планъ Сѣмашко, изложенный имъ въ особой запискѣ, черезъ директора департамента Карташевскаго и министра Шишкова былъ представленъ императору Николаю и получилъ полное его одобреніе. Въ духѣ этой записки, по предложенію правительства, Сѣмашко составилъ затѣмъ отъ лица Коллегіи подробный протоколъ о нуждахъ уніатской церкви въ Россіи. Этотъ протоколъ 17 января 1828 г. и послужилъ поводомъ и основаніемъ для знаменитаго Высочайшаго указа 22 апрѣля 1828 г., положившаго начало преобразованію уніатской церкви въ видахъ постепеннаго ея сближенія съ православною. На основаніи этого указа, при непосредственномъ участіи Сѣмашко, учреждена самостоятельная грекоуніатская Духовная коллегія, сокращено число уніатскихъ епархій, преобразованъ составъ уніатскихъ консисторій, базиліане поставлены подъ дѣйствительный контроль епархіальной власти, предложено католикамъ оставить базиліанскій орденъ, уничтоженъ сборъ десятины съ уніатскаго населенія въ пользу католическаго духовенства, прекращены посылки уніатовъ въ Виленскую главную семинарію, открыта для образованія бѣлаго духовенства литовской епархіи духовная семинарія въ Жировицахъ; въ этой семинаріи, а равно и въ Бѣлорусской (въ Полоцкѣ) введенъ — съ нѣкоторыми ограниченіями — тогдашній уставъ православныхъ духовныхъ училищъ и т. д. 4 августа 1829 г., въ Петербургѣ, въ костелѣ Св. Екатерины, Сѣмашко посвященъ былъ въ санъ епископа мстиславскаго, викарія бѣлорусской епархіи, причемъ назначенъ предсѣдателемъ бѣлорусской консисторіи, съ оставленіемъ и въ должности члена Коллегіи. Въ мартѣ 1830 г. онъ отправился для обозрѣнія уніатскихъ епархій и въ сентябрѣ того же года, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ въ Коллегію донесеніе о томъ, что недавнія преобразованія встрѣчены сочувственно уніатскимъ духовенствомъ, что въ частности обѣ семинаріи найдены имъ въ благопріятномъ для русскаго дѣла состояніи. Случившееся вскорѣ послѣ этого польское возстаніе 1831 г. побудило правительство закрыть нѣкоторые скомпрометтированные въ этомъ возстаніи базиліанскіе монастыри, а Почаевскую лавру передать въ православное вѣдомство. Послѣ кратковременной реакціи въ пользу полонизма, подъ вліяніемъ интригъ Жарскаго, уніатскій вопросъ сталъ опять подвигаться въ желательномъ для Сѣмашко направленіи: уничтожено было право ктиторства польскихъ помѣщиковъ-католиковъ надъ уніатскими церквами и закрыто опять много излишнихъ базиліанскихъ монастырей. 2 апрѣля 1832 г. Іосифъ Сѣмашко назначенъ былъ самостоятельнымъ литовскимъ епископомъ и съ этого времени подготовка литовской епархіи къ возсоединенію быстро пошла впередъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ избраннаго имъ самимъ въ викаріи себѣ епископа Антонія (Зубко). Въ то же время Сѣмашко энергичною запискою, которую онъ 25 октября 1833 г. подалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Д. Н. Блудову, положилъ предѣлъ частнымъ присоединеніямъ уніатовъ къ православной церкви, столь вреднымъ для общаго возсоединенія, а на общемъ собраніи всѣхъ уніатскихъ епископовъ, въ Петербургѣ, 7 февраля 1834 г. предложилъ ввести въ уніатской церкви въ употребленіе служебники московской печати и заняться устройствомъ иконостасовъ; предложеніе это было принято. Въ 1834 г. онъ вторично обозрѣвалъ обѣ уніатскія епархіи, видѣлъ лично около 800 уніатскихъ священниковъ, снабдилъ ихъ много нужными указаніями относительно преобразованій въ устройствѣ и обрядахъ и утишилъ поднявшіеся было въ нѣкоторой части уніатскаго духовенства протесты противъ московскихъ служебниковъ. 26 мая 1835 г. Сѣмашко назначенъ былъ членомъ особаго секретнаго комитета, образованнаго для лучшаго направленія уніатскихъ дѣлъ; 19 декабря 1835 г., когда уніатскія духовно-учебныя заведенія подчинены были Коммиссіи духовныхъ училищъ, онъ назна-

ченъ членомъ ея. Въ 1835 и 1836 гг., когда опять стало обнаруживаться въ правительствѣ колебаніе по уніатскому вопросу, а частныя присоединенія уніатовъ, не смотря на особую инструкцію, выработанную секретнымъ комитетомъ для православныхъ архіереевъ западныхъ губерній, продолжали вредить общему дѣлу возсоединенія, Сѣмашко повторилъ еще ранѣе сдѣланную имъ угрозу, что лично перейдетъ въ православіе и оставитъ все дѣло объ уніатахъ, и достигъ того, что въ январѣ 1837 г. уніатская церковь была подчинена вѣдѣнію оберъ-прокурора Св. Синода. Въ томъ же 1837 г. Сѣмашко, во время новаго четырехъ-мѣсячнаго обозрѣнія обѣихъ уніатскихъ епархій, старался объ уничтоженіи еще остававшихся въ уніатскихъ церквахъ латинскихъ особенностей и бралъ уже отъ нѣкоторыхъ лицъ высшаго уніатскаго духовенства подписки о желаніи возсоединиться съ православною церковью. 2 марта 1838 г., по смерти митрополита Іосафата Булгака, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Коллегіи, принялъ рядъ мѣръ противъ нежелавшихъ давать подписки на возсоединеніе уніатскихъ священниковъ, и своевременно прекратилъ волненія съ средѣ уніатскаго духовенства въ Бѣлостокской области и въ Бѣлоруссіи. 1 декабря 1832 г. онъ подалъ правительству записку о безотлагательномъ возсоединеніи уніатовъ, въ началѣ 1839 г. отправился въ Бѣлоруссію, и 12 февраля 1839 г., въ Полоцкѣ, вмѣстѣ съ прочими уніатскими епископами, онъ составилъ соборное постановленіе о желаніи уніатовъ возсоединиться съ православною церковью. Съ этимъ постановленіемъ, подкрѣпленнымъ подписями 1305 лицъ уніатскаго духовенства, Сѣмашко возвратился въ Петербургъ и 25 марта 1839 г. Св. Синодъ принялъ западно-русскую уніатскую церковь, въ лицѣ Сѣмашки, въ общеніе, причемъ Іосифъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа, съ оставленіемъ и предсѣдателемъ Коллегіи, переименованной теперь въ бѣлорусско-литовскую. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился въ Западную Россію и совершилъ тамъ рядъ торжественныхъ совмѣстныхъ богослуженій православнаго и возсоединеннаго духовенства. Въ 1840 г., по его предположеніямъ, произведено разграниченіе западно-русскихъ православныхъ епархій, причемъ онъ получилъ титулъ литовскаго и виленскаго архіепископа и священно-архимандрита виленскаго Троицкаго монастыря. Въ 1841, 1842 и 1843 гг., онъ навѣщалъ свою епархію, для личныхъ наблюденій за ходомъ дѣлъ временно въ ней; кромѣ того, въ 1841 г. (по болѣзни Зубко) завѣдывалъ минскою епархіей, въ 1842 г. совершилъ паломничество по русскимъ святымъ мѣстамъ, въ 1843 г. обозрѣвалъ минскую, полоцкую и могилевскую епархіи, такое же обозрѣніе повторилъ еще въ 1845 и 1849 г. Въ 1844 г. совсѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Жировицы, исходатайствовавъ предварительно, въ 1843 г. закрытіе бѣлорусско-литовской коллегіи и учрежденіе второго (ковенскаго) викаріатства въ литовской епархіи. Въ 1845 г. литовское епархіальное управленіе вмѣстѣ съ семинаріей переведено, по его предложенію, въ Вильну, куда окончательно и онъ самъ переселился, причемъ получилъ въ завѣдываніе виленскій Духовъ монастырь вмѣсто Троицкаго. Въ 1846 г. Сѣмашко совершилъ торжественный объѣздъ своей епархіи. 1 апрѣля 1847 г. онъ возведенъ былъ въ званіе члена Св. Синода. Въ 1848 г. ему пришлось вступить въ борьбу съ мѣстными представителями высшей гражданской власти, которые давали вѣру разнымъ клеветамъ на присоединившееся духовенство; такъ началась его долгая и упорная борьба съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, слишкомъ поддававшимся вліянію мѣстнаго польскаго общества; неоднократно Сѣмашко жаловался на него въ Петербургъ, а въ 1855 г. написалъ оберъ-прокурору Св. Синода знаменитое письмо о необходимости усиленія православно-русскаго элемента въ западно-русскомъ чиновничествѣ, въ виду возможности новаго польскаго мятежа. 30 марта 1852 г. Сѣмашко возведенъ былъ въ санъ митрополита. Въ 1857 г. участвовалъ въ Москвѣ въ коронаціи императора Александра II. Съ вновь назначеннымъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ у него сначала установились добрыя отношенія. Когда въ 1857 г. Назимовъ возбудилъ дѣло о большемъ благолѣпіи православныхъ храмовъ въ литовской епархіи, Іосифъ настоялъ, чтобы обязанность строить церкви была возложена не на крестьянъ, а на ихъ владѣльцевъ, а въ казенныхъ имѣніяхъ на правительство. Когда въ томъ же году обнародованъ былъ Высочайшій указъ 20 ноября объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ западныхъ гу-

берніяхъ, Іосифъ принялъ черезъ духовенство всѣ мѣры къ сохраненію въ народѣ тишины и порядка. Въ томъ же году онъ возсталъ противъ предположенія учебнаго начальства ввести въ приходскія школы изученіе польскаго и жмудскаго языковъ. Съ 1859 г., когда латино-польская пропаганда, особенно усилилась въ западномъ краѣ, Іосифъ, помимо разныхъ частныхъ столкновеній изъ-за нея съ Назимовымъ, послалъ 26 февраля 1859 г. черезъ оберъ-прокурора Св. Синода особую записку Государю о гибельныхъ плодахъ примирительной политики относительно поляковъ въ западной Россіи и о необходимости открыто заявить, что правительство не имѣетъ въ виду никакихъ измѣненій въ своей политикѣ относительно Польши; за эту записку онъ получилъ Высочайшую благодарность. Особенно испортились его отношенія съ Назимовымъ съ того времени, когда въ «Колоколѣ» было напечатано его вышеупомянутое секретное письмо къ оберъ прокурору 1855 г., такъ какъ въ сообщеніи его онъ заподозрилъ самого Назимова. Въ ноябрѣ 1859 г. Сѣмашко прибылъ, для присутствованія въ Синодѣ, въ Петербургъ, и пробылъ тутъ до мая слѣдующаго года. Въ 1860 г. предписалъ духовенству открыть церковно-приходскія школы; тогда же ихъ открыто было 222; въ 1861 г. открылъ въ Вильнѣ женское училище духовнаго вѣдомства. Когда въ томъ же 1861 г. начались въ Вильнѣ польскія манифестаціи, онъ обнародовалъ подробное наставленіе своему духовенству на случай открытаго мятежа. Съ назначеніемъ въ маѣ 1863 г. М. Н. Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ дѣятельность его на пользу православной церкви и духовенства опять могла проявляться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Прежде всего оказана была помощь священникамъ и ихъ семействамъ, пострадавшимъ отъ польскихъ повстанцевъ; затѣмъ, на отпущенныя изъ казны средства, а также на контрибуціонныя деньги началась постройка новыхъ и реставрація старыхъ церквей; улучшено матеріальное положеніе православнаго духовенства. Тогда же началось сильное движеніе католиковъ къ переходу къ православіе, особенно усилившееся въ 1865 и 1866 гг. Митрополитъ Іосифъ въ эти годы былъ уже обезсиленъ физическими недугами и прямого, непосредственнаго участія во многихъ дѣлахъ не могъ принимать, чѣмъ отчасти и объясняются нѣкоторыя шероховатости въ дѣлѣ присоединенія католиковъ въ генералъ-губернаторство Кауфмана; но общее направленіе всѣхъ этихъ дѣлъ принадлежало ему. Митрополитъ Іосифъ скончался 23 ноября 1868 г. и погребенъ въ пещерной церкви виленскаго Духова монастыря. Кромѣ всѣхъ русскихъ орденовъ, онъ имѣлъ Высочайше пожалованный ему 27 марта 1866 г. посохъ, осыпанный драгоцѣнными камнями.

«Записки митр. Іосифа», изд. Академіей Наукъ; Ивановъ, «Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко», 1889; Кояловичъ, «Іосифъ, митр. Литовскій»,— «Христ. Чтеніе», 1868 — 1869 гг.; Кипріановичъ. «Жизнь Іосифа Сѣмашко», 1893. *П. Жуковичъ.*

Іосифъ (*Тризна*), архимандритъ, умеръ въ 1655 г. Происходилъ изъ знатнаго стариннаго рода и съ юныхъ лѣтъ увлекался иноческими подвигами; учился богословскимъ наукамъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ; съ 1640 по 1647 г. былъ архимандритомъ виленскаго Свято-Духова монастыря; 25 января 1647 г. избранъ братіей архимандритомъ Кіево - Печерскаго монастыря. При немъ совершилось присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ.

Смирновъ, «Виленскій Св.-Духовъ монастырь». Макарій, «Ист. рус. церкви», XII.

Іосифъ (*Хржоновичъ*), игуменъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ пинскаго Богоявленскаго монастыря. Монастырю приходилось испытывать разнаго рода непріятности со стороны пинскаго католическаго духовенства и онъ не разъ выступалъ съ протестами въ защиту своего монастыря. Кромѣ того, ему не разъ приходилось защищать и сосѣднихъ православныхъ священниковъ: въ то время въ Польшѣ православныя приходскія церкви обыкновенно ютились вокругъ монастырей и еще отъ нихъ находили какую нибудь защиту и поддержку.

Архим. Николай, «Ист.-стат. опис. минской еп.».

С. Г. Р.

Іосифъ (Иванъ *Чепиговскій*), епископъ владикавказскій, сынъ священника, род. въ 1821 г. въ таврической губерніи, умеръ 24 іюля 1890 г. Учился въ Одесской семинаріи и Кіевской духовной академіи. По окончаніи курса въ 1847 г. былъ назначенъ на Кавказъ инспекторомъ духовнаго училища; 27 мая 1854 г. постригся въ монашество и назначенъ инспекторомъ въ Тифлисскую семинарію. Въ 1855 г. командированъ въ Тавризъ и Тегеранъ при русскомъ посольствѣ; въ 1857 г. произве-

денъ въ архимандриты и назначенъ управляющимъ осетинскими приходами. Въ 1869 г. сдѣланъ членомъ Грузино-имеретинской синодальной конторы, а 13 ноября 1875 г. хиротонисанъ въ санъ викарнаго владикавказскаго епископа. Онъ много потрудился на пользу духовнаго просвѣщенія православныхъ осетинъ. 22 іюля 1888 г. по прошенію былъ уволенъ на покой въ московскій Новоспасскій монастырь, гдѣ и скончался.

«Церковныя вѣдомости» 1890 г. и 1891 г.

Іосифъ (Исидоръ *Шаровъ*), строитель, сынъ купца, род. 8 мая 1688 г. въ Ладогѣ, умеръ послѣ 1762 г. 13 марта 1719 г. постригся въ монашество въ Валаамскомъ монастырѣ, 12 февраля 1724 г. сдѣланъ строителемъ Валаамской обители, только что совершенно сгорѣвшей и по справедливости считается однимъ изъ возстановителей монастыря. Сколько времени онъ настоятельствовалъ и когда умеръ, неизвѣстно; въ 1762 г. онъ еще упоминается, но уже въ числѣ простыхъ иноковъ Валаамскаго монастыря. Извѣстно его сочиненіе: «Несчастное приключеніе Валаамскаго монастыря строителя Іосифа Шарова».

«Валаам. мон. и его подвижники», Спб. 1889 г.
Здр.

Іосифъ (Иванъ Станиславичъ *Шумлянскій*), епископъ, сынъ ротмистра и самъ бывшій ротмистромъ; умеръ 23 іюля 1708 г. 26 іюня 1668 г. онъ былъ утвержденъ королемъ въ званіи православнаго львовскаго епископа, не смотря на противодѣйствіе Львовскаго братства; желая въ борьбѣ съ братствомъ получить помощь отъ католической іерархіи, Іосифъ въ 1677 г. въ Варшавѣ тайнымъ образомъ отрекся отъ православія; въ 1679 г. ему поручена была королемъ администрація кіевской митрополіи; онъ хлопоталъ и въ Москвѣ о признаніи его кіевскимъ митрополитомъ; 24 января 1680 г., по его предложенію, назначенъ былъ королемъ соборъ православныхъ и уніатовъ въ Люблинѣ для окончательнаго принятія уніи всѣми православными; изъ предпріятія этого ничего не вышло, но Іосифъ продолжалъ и далѣе дѣйствовать тайно въ пользу уніи; 5 мая 1700 г. онъ открыто объявилъ себя въ Варшавѣ на сеймѣ уніатомъ; многіе годы всевозможными мѣрами преслѣдовалъ Львовское православное братство и, наконецъ, достигъ того, что 2 мая 1707 г. оно изъявило согласіе на принятіе уніи.

«Труды комат. для ист.-стат. опис. подольской епархіи», III.

Іосифъ, митрополитъ кіевскій, грекъ; до назначенія на русскую митрополію былъ епископомъ въ Никсѣ, прибылъ на Русь въ 1237 г.; годъ смерти неизвѣстенъ; вѣроятно, митрополитъ погибъ въ разрушеніе Кіева татарами въ 1240 г.

Макарій, «Ист. русск. церкви», III, 23.

Іосифъ, епископъ рязанскій; упоминается только въ послѣсловіи къ Кормчей, гдѣ сказано, что онъ посвященъ митрополитомъ Максимомъ въ 1284 г.

Филаретъ, «Рязанскіе іерархи».

Іосифъ, епископъ смоленскій, рукоположенъ 15 февраля 1515 г. изъ чудовскихъ архимандритовъ; при немъ смоленская епархія окончательно подчинилась московскому митрополиту; умеръ 22 іюня 1522 г.

«Истор.-стат. опис. смолен. еп.», 1864, 88.

Іосифъ, епископъ коломенскій, хиротонисанъ 18 марта 1565 г. изъ архимандритовъ ярославскаго Спасскаго монастыря, гдѣ былъ настоятелемъ въ теченіе года; умеръ до 1570 г. Никакихъ данныхъ о его дѣятельности не сохранилось.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 337, 1031; Карамзинъ, IX, пр. 268.

Іосифъ, основалъ въ 1588 г., ваше-островскій Преображенскій монастырь (нынѣ несуществующій), въ предѣлахъ нынѣшней олонецкой губерніи, въ петрозаводскомъ уѣздѣ, въ 65 верстахъ къ сѣверу отъ Петрозаводска, на островѣ озера Ва́шезера. Умеръ послѣ 1606 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 1008; «Писцовая книга Обонежской пятины», 1618 г., ркп. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, К. 308, л. 855

Іосифъ, архіепископъ псковскій, извѣстенъ по одному упоминанію подъ 1610 г.; въ это время Псковъ былъ во власти приверженцевъ Лжедмитрія II и повидимому ими Іосифъ и былъ объявленъ архіепископомъ.

«Акты историч.», II, 360.

Іосифъ, епископъ коломенскій, хиротонисанъ въ 1586 г., умеръ 27 января 1615 г. Участвовалъ въ избраніи патріархомъ Іова; когда московскій престолъ занималъ самозванецъ, онъ былъ въ числѣ очень немногихъ іерарховъ, рѣшившихся требовать крещенія Марины прежде, чѣмъ она станетъ царицею московскою; въ 1609 г. онъ подвергся преслѣдованіямъ и мученіямъ отъ возставшихъ противъ Шуй-

скаго за то, что увѣщевалъ жителей Коломны сохранить вѣрность царю.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 1031; Карамзинъ, XI, 152; XII, 76.

Іосифъ, архіепископъ рязанскій, хиротонисанъ въ 1617 г. Участвовавалъ 30 іюля 1618 г. при отраженіи черкасъ, напавшихъ на Рязань и чуть было ею не овладѣвшихъ; въ 1619 г. участвовалъ въ возведеніи на патріаршество Филарета; правилъ до 1622 г.

Филаретъ, «Рязанскіе іерархи».

Іосифъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря съ 1613—1623 гг. Въ 1613 г. принималъ участіе въ посольствѣ, отправленномъ въ Кострому, къ царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Снегиревъ, И., «Новоспасскій мон.», М. 1843 г. Адріанъ, «Краткое описаніе Новоспасскаго мон.», М. 1821 г.

Іосифъ, строитель Ипатскаго монастыря, умеръ послѣ 1643 г.; въ 1637—1641 гг. сопровождалъ князя Ѳедора Волконскаго, отправленнаго изъ Москвы въ Грузію, для «досмотра христіанской вѣры грузинскаго народа».

Діевъ, «Ист. опис. Ипат. монастыря», 37.

Іосифъ, игуменъ Пафнутіева боровскаго монастыря, управлялъ съ 1620 по 1650 г.; управленіе его ознаменовалось поступленіемъ множества значительныхъ пожертвованій, возведеніемъ многихъ монастырскихъ строеній и украшеніемъ монастыря.

«Историч. опис. боровскаго Пафнутіева монастыря», 106—110.

Іосифъ, пятый патріархъ московскій и всея Руси, преемникъ Іоасафа I и предшественникъ Никона, умеръ 15 апрѣля 1652 г. Уроженецъ г. Владиміра на Клязьмѣ, онъ избранъ былъ на патріаршество 20 марта 1642 г. изъ архимандритовъ московскаго Симонова монастыря, по закрытому жребію, изъ шести избранныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ кандидатовъ. Дѣятельность его на патріаршемъ столѣ была направлена прежде всего на заботы и мѣропріятія для благоустройства церкви. Въ 1646 г. предъ началомъ великаго поста патріархъ разослалъ «окружной наказъ» клиру и мірянамъ о томъ, чтобы постъ былъ всѣми соблюдаемъ во всей строгости, чтобы всѣ приходили въ церковь неопустительно и стояли въ ней благочинно, молясь со слезами о своихъ грѣхахъ; сборщиковъ, которые ходили по церквамъ съ блюдами и образами, а равно нищихъ, которые иногда заводили въ церкви брань и драки, приказано было не впускать въ церковь во время богослуженія. Священнослужителей, которые «почнутъ ходить безчинно и пьянствовать», патріархъ грозилъ «смирять большимъ смиреніемъ», а о мірянахъ, которые будутъ непослушны духовнымъ отцамъ, приказывалъ доносить ему, патріарху, послѣ чего «на всѣхъ тѣхъ непослушныхъ будетъ государевъ указъ». Въ 1647 г. состоялось постановленіе патріарха и цѣлаго собора іерарховъ о томъ, чтобы, начиная съ благовѣста къ вечернѣ наканунѣ всѣхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней и въ эти самые дни затворять торговые ряды и бани, прекращать всякую работу и всѣмъ православнымъ собираться въ храмъ для молитвы; открывать торговлю въ воскресенье и праздники дозволялось лишь съ четырехъ часовъ вечера; исключеніе дѣлалось единственно для торговли кормомъ скоту. Подобнымъ же образомъ запрещена была торговля во все продолженіе крестныхъ ходовъ, пока съ крестами не придутъ въ соборную церковь.—Наиболѣе важнымъ событіемъ патріаршество Іосифа было изданіе богослужебныхъ и церковноучительныхъ книгъ,—въ такомъ количествѣ, въ какомъ онѣ не издавались ни при одномъ изъ его предшественниковъ,—отчасти прежде издававшихся, отчасти новыхъ, причемъ иныя изданія въ его патріаршество повторены были по нѣскольку разъ (Псалтырь, богослужебная и вмѣстѣ учебная—восемь разъ, другія богослужебныя книги—отъ двухъ до пяти разъ; всего было издано 19 богослужебныхъ книгъ). Изъ книгъ церковно-учительныхъ замѣчательны изданія житій русскихъ святыхъ (Саввы, Сергія и Никона Радонежскихъ), твореній отцовъ церкви (Ефрема, Ѳеофилакта болгарскаго, Дорофея, Анастасія Синаита, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Двоеслова, Іоанна Дамаскина, Епифанія Кипрскаго, Златоуста, Кирилла туровскаго и многихъ другихъ); издаваемы были также книги апологетическія и полемическія—противъ латинянъ и протестантовъ (сборникъ твореній святыхъ отцовъ о почитаніи иконъ, «Кириллова книга», «Книга о вѣрѣ» и другія), каноническія («Собраніе о артикулахъ вѣры», «Кормчая» и другія),—всего 36 названій книгъ, въ томъ числѣ 14 раньше не издававшихся на Руси. Книги печатались съ прежнихъ славянскихъ списковъ, иногда съ значитель-

ными перемѣнами и прибавленіями, но безъ сличенія съ греческими подлинниками; и хотя для этого дѣла избраны были «лучшіе» люди изъ тогдашняго московскаго духовенства (Іоаннъ Насѣдка, Михаилъ Роговъ, архимандритъ Сильвестръ, протопопъ Іоакимъ, старцы Савватій, Евѳимій и Матѳей, міряне Шестой Мартемьяновъ, Захарій Аѳанасьевъ, Захарій Новиковъ), но по причинѣ малой образованности этихъ «справщиковъ», число неисправностей и погрѣшностей въ книгахъ въ это время значительно увеличилось сравнительно съ прежними изданіями и, что особенно важно, въ это время въ нихъ внесены были тѣ ошибочныя мнѣнія, которыя составляютъ ученіе раскола. По выраженію архіепископа Филарета, справщики «не оставили въ покоѣ почти ни одной строки въ прежнихъ книгахъ». Ученіе о двуперстіи для крестнаго знаменія до Іосифа существовало лишь въ «большомъ катихизисѣ», Лаврентія Зизанія изданія 1627 года, при Іосифѣ оно внесено было также въ предисловіе къ «псалтири», книгѣ особенно распространеной, въ «слѣдованную псалтирь», въ «Кириллову книгу», въ «книгу о вѣрѣ» и въ «малый катихизисъ». Ученіе о сугубой аллилуіи до Іосифа въ богослужебныхъ книгахъ не существовало, а при немъ оно внесено въ «служебникъ», «часословъ» и другія. Неизвѣстно, не замѣчалъ-ли только престарѣлый патріархъ этихъ новшествъ, положившись всецѣло на своихъ справщиковъ, или и раздѣлялъ эти мнѣнія самъ. Не прежде, какъ послѣ указанія бывшаго въ Москвѣ въ 1649 г. іерусалимскаго патріарха Паисія, у царя и патріарха Іосифа возникла мысль о необходимости сличенія печатаемыхъ славянскихъ книгъ съ греческими подлинниками, а равно русскихъ обрядовъ съ обрядами церквей восточныхъ, для чего и былъ отправленъ на востокъ Арсеній Суховъ, который съ своими наблюденіями и заключеніями по этому предмету и съ массою—свыше 700—старинныхъ греческихъ книгъ возвратился уже по смерти патріарха Іосифа. Въ концѣ патріаршества Іосифа обнаружилось рѣшительное движеніе противъ измѣненій, внесенныхъ въ богослужебныя книги справщиками, и стремленіе издавать эти книги не иначе, какъ по сличеніи ихъ съ греческими подлинниками, чему способствовало вліяніе бывшихъ въ Россіи грековъ, а также Никона, въ это время новгородскаго митрополита. Такое же происхожденіе имѣло и еще одно важное предпріятіе, впрочемъ неосуществившееся въ это время—изданіе славянской библіи, исправленной по греческому тексту, для чего были присланы изъ Кіева, согласно волѣ царя Алексѣя, Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій. Въ патріаршество же Іосифа бояринъ Ртищевъ основалъ близъ Москвы монастырь, въ которомъ до тридцати прибывшихъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ преподавали желающимъ славянскую и греческую грамматику, риторику и философію—что было, повидимому, плодомъ внушеній царю со стороны Никона: патріархъ далъ свое «благословеніе» одновременно съ царскимъ на то «изволеніемъ». По иниціативѣ царя, несомнѣнно подъ вліяніемъ Никона, поднятъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ, такъ называемаго «хомоваго» или «раздѣльно-рѣчнаго» пѣнія и многогласія (т. е. одновременнаго пѣнія и чтенія нѣсколькими лицамъ различныхъ частей церковной службы—напримѣръ шестопсалмія и каѳизмъ — ради скорѣйшаго ея совершенія); патріархъ Іосифъ открыто противился этому нововведенію, отстаивая старину. Узкость своихъ взглядовъ и недостаточное знаніе правилъ церковныхъ патріархъ Іосифъ особенно ясно обнаружилъ въ своемъ посланіи «о великихъ церковныхъ потребахъ» къ Константинопольскому патріарху Парѳенію, писанномъ въ 1650 г.; въ этомъ посланіи онъ спрашивалъ указаній по такимъ вопросамъ, ясные отвѣты на которые имѣлись въ существующихъ церковныхъ канонахъ и даже въ Священномъ Писаніи, какъ напримѣръ: «можно-ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить литургію на двухъ потирахъ»? «могутъ-ли мужъ и жена произвольно оставлять другъ друга для поступленія въ монастырь кого-либо изъ нихъ»? «можетъ-ли священнослужитель жениться на вдовѣ»? «слѣдуетъ-ли въ службахъ церковныхъ соблюдать единогласіе»? Патріархъ Парѳеній отвѣтилъ на эти вопросы отчасти разъясненіями, которыя содержались уже въ готовомъ видѣ, въ церковныхъ книгахъ, отчасти простыми указаніями на соотвѣтствующія церковныя правила. Что касается отмѣны «многогласія» въ церковныхъ службахъ, то патріархъ настолько рѣшительно отстаивалъ его, что понадобилось составить соборъ іерарховъ для рѣшенія этого вопроса, и только когда соборъ единогласно высказался за отмѣну многогласія, пат-

ріархъ не противорѣчилъ болѣе.—Наконецъ бывшіе въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ догматическіе споры московскихъ богослововъ, протопоповъ Никиты и Михаила, ключаря Ивана Насѣдки, съ протестантскимъ пасторомъ Матвѣемъ Фильгоберомъ, прибывшимъ въ Москву, въ свитѣ датскаго королевича Вольдемара, представляютъ весьма интересный фактъ въ исторіи русскаго богословія. Рѣчь шла объ обливательномъ крещеніи, о таинствѣ священства, о почитаніи святыхъ и иконъ, и русскіе богословы выказали большое знаніе дѣла и начитанность, а отъ лица патріарха составлено было и общее изложеніе догматовъ православной вѣры. Наконецъ при Іосифѣ, безъ всякаго его противодѣйствія, учрежденъ былъ Монастырскій Приказъ, причемъ духовенство было по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ сдѣлано подсудно мірскимъ чиновникамъ; противъ этого Приказа впослѣдствіе, какъ извѣстно, сильно возставалъ Никонъ. Отъ патріарха Іосифа сохранилось «поученіе архіереямъ и священноинокамъ и мірскимъ іереямъ», которое онъ при самомъ вступленіи на патріаршескую каѳедру напечаталъ и разослалъ всему духовенству. Оно состоитъ изъ трехъ частей: въ первой рѣчь обращена спеціально къ духовному чину; во второй—къ князьямъ, судьямъ и всѣмъ православнымъ; въ третьей опять обращаетъ рѣчь къ іереямъ—съ изложеніемъ каноновъ церковныхъ, относящихся къ ихъ служенію. По обилію мыслей и всесторонности изложенія обязанностей пастырей церкви, а также и обязанностей мірянъ по отношенію къ церкви—посланіе Іосифа одно изъ лучшихъ произведеній этого рода; но, безъ сомнѣнія, оно было составлено не самимъ патріархомъ, а кѣмъ либо изъ близкихъ къ нему людей. — По выраженію митрополита Макарія, какъ правитель церкви Іосифъ не оставилъ по себѣ доброй памяти. Онъ отличался пристрастіемъ къ накопленію богатствъ. Послѣ него одной «келейной казны», составлявшей его личную собственность, осталось 13,400 р. и множество цѣнной серебряной утвари; домовой же патріаршей казнѣ имъ собрано было до 15,000 р., суммы, по тому времени весьма значительной.—Жалуемыя царемъ драгоцѣнныя матеріи, парчи и т. п. Іосифъ продавалъ и обращалъ въ деньги, имѣя въ виду купить большія земельныя владѣнія. Духовенство патріаршей области жаловалось на него за то, что всѣмъ ставленникамъ для поставленія, а также попамъ, имѣвшимъ надобность въ перехожихъ граматахъ, онъ велѣлъ являться къ нему въ Москву, хотя бы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ области, которая простиралась болѣе чѣмъ на 800 верстъ, вмѣсто того, чтобы дозволять имъ, какъ было прежде, посвящаться у ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ служенія архіереевъ, — что разоряло священнослужителей и ихъ семьи и обогащало патріаршихъ подъячихъ. Скончался патріархъ Іосифъ среди тяжкихъ огорченій, испытанныхъ имъ отъ споровъ о «хомовомъ» пѣніи, во время которыхъ всѣ были противъ него. Патріархъ Іосифъ, подобно своему предшественнику титуловался не «государемъ», а только «великимъ господиномъ».

Митр. Макарій, «Исторія русск. церкви», т. XI; Филаретъ, архіеп. черниговскій, «Исторія русск. церкви»; Соловьевъ, т.т. IX — X; Мансветовъ, «Какъ правились на Руси церковныя книги»; Бѣлокуровъ, «Арсеній Сухановъ». *Н. Б.*

Іосифъ, архіепископъ суздальскій, хиротонисанъ изъ ризничныхъ Саввина сторожевскаго монастыря въ 1665 г., умеръ въ началѣ 1657 г. Никакихъ слѣдовъ его дѣятельности неизвѣстно.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщ.», 1892 г. іюль, ст. Титова, 69.

Іосифъ первый митрополитъ астраханскій, род. въ 1597 г. въ Астрахани же, убитъ 11 мая 1671 г. По преданію, еще въ дѣтствѣ во время смутъ, вызванныхъ въ Астрахани пребываніемъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ, онъ получилъ ударъ въ голову, отъ котораго у него всю жизнь тряслась голова. 15 декабря 1659 г. посвященъ изъ архимандритовъ Троицкаго монастыря въ архіепископа астраханскаго; 8 іюня 1667 г. наименованъ митрополитомъ, причемъ ему дано третье мѣсто среди россійскихъ іерарховъ; 2 іюня того же года совершалъ въ Москвѣ церемонію шествія на осляти. Въ 1671 г. Разинъ, взявшій уже Астрахань и двинувшійся къ сѣверу, прислалъ изъ Царицына приказаніе взять Іосифа подъ стражу, потому что онъ сносится съ царскими воеводами. Хозяйничавшіе въ Астрахани казаки рѣшили пытать и убить митрополита. По требованію казаковъ митрополитъ пошелъ въ ихъ кругъ; предварительно онъ надѣлъ полное облаченіе и взялъ крестъ. На вопросъ мятежниковъ, правда ли, что онъ въ сношеніяхъ съ воеводами, онъ отвѣчалъ упреками, что они бунтуютъ противъ прави-

тельства. Казаки хотѣли немедленно же его убить; одинъ изъ нихъ, Миронъ, сталъ удерживать своихъ товарищей отъ такого преступленія, но былъ самъ тутъ же убитъ; затѣмъ казаки приказали сопровождавшимъ митрополита священникамъ разоблачить его; тѣ повиновались; святитель сохранялъ полное спокойствіе духа. Когда священныя одежды съ митрополита были сняты, казаки подвергли его пыткѣ огнемъ, спрашивая о его сношеніяхъ съ царскими воеводами; но онъ твердо перенесъ мученія и ничего не сказалъ. Потомъ они отвели его на городскую стѣну и сбросили съ нея; при паденіи онъ и убился до смерти. На другой день тѣло его было отпѣто, а черезъ 10 дней и похоронено въ соборѣ.

Платонъ (Любарскій), «Іерархія вятская и астраханская», 23—26.

Іосифъ, архимандритъ соловецкаго монастыря, въ 1666—1672 г. Постриженикъ этого же монастыря, онъ былъ настоятелемъ монастырскаго подворья въ Москвѣ. До 1666 г. онъ держался, какъ и всѣ другіе соловецкіе монахи, раскола; но затѣмъ по требованію собора, безпрекословно оставилъ старообрядство. Въ іюлѣ 1666 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ на мѣсто Варѳоломея, котораго братія монастыря не желала болѣе имѣть архимандритомъ. Когда Іосифъ прибылъ въ Соловки, братія объявила ему, что разрѣшаетъ ему жить въ монастырѣ, но что слушаться его не станетъ; въ соборной церкви въ теченіи нѣсколькихъ дней читалась привезенная Іосифомъ царская грамота и шли горячіе споры о старой и новой вѣрѣ. Іосифъ былъ нѣкоторое время даже насильно удержанъ въ монастырѣ, но въ концѣ 1667 г. братія рѣшила выслать его съ острововъ. Послѣ того онъ жилъ въ Сумскомъ посадѣ и оттуда управлялъ монастырскими вотчинами. Тутъ онъ пришелъ во враждебныя столкновенія съ Волоховымъ, присланнымъ усмирять монастырь; по взаимнымъ ихъ жалобамъ оба они въ 1672 г. взяты были въ Москву; Іосифъ опредѣленъ былъ настоятелемъ въ Казанскій Спасопреображенскій монастырь.

Сырцовъ, «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ», 281—299, 347—369; Досиѳей, «Опис. соловецкаго монастыря», I, 151, 158.

Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, умеръ 29 іюня 1681 г. Въ 1664 г. назначенъ былъ архимандритомъ нижегородскаго Печерскаго монастыря, въ 1672 г. хиротонисанъ на коломенскую каѳедру. Въ 1672 г. участвовалъ въ посвященіи патріарха Питирима, въ 1675—на соборѣ іерарховъ, который установилъ неподсудность духовенства свѣтскимъ властямъ и опредѣлилъ отношенія епархіальныхъ архіереевъ къ патріарху и къ подчиненному имъ духовенству. Но въ томъ же году возникло дѣло, по обвиненію Іосифа въ чрезвычайно жестокомъ обращеніи съ подчиненными и въ непочтительныхъ отзывахъ о царѣ и о патріархѣ Іоакимѣ. Послѣ суда Іосифъ былъ лишенъ каѳедры въ 1676 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 1032; Соловьевъ, т. XIII, гл. I; «Акты истор.», V, 481.

Іосифъ, архіепископъ рязанскій, умеръ 21 сентября 1681 г. Въ 1653 г. упоминается, какъ игуменъ Тихвинскаго монастыря, при чемъ управлялъ и церквами тихвинской десятины. Въ 1666 г. былъ архимандритомъ Новоспасскаго московскаго монастыря и участвовалъ въ судѣ надъ Никономъ. 9 августа 1674 г. хиротонисанъ въ архіепископа рязанскаго; въ этомъ санѣ участвовалъ въ вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича; въ мартѣ 1678 г. участвовалъ на соборѣ для установленія церковныхъ обрядовъ въ недѣлю ваій; въ 1679 г. онъ обличалъ въ церкви одного яраго проповѣдника раскола, монаха Михаила, и затѣмъ отослалъ его въ Москву. По его порученію былъ сдѣланъ переводъ церковныхъ лѣтописей Баронія, оставшійся въ рукописи.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просв.», 1890 г., янв.—февр., статья Титова, 41—44.

Іосифъ, архіепископъ вологодскій, рукоположенъ 17 октября 1708 г., умеръ въ 1719 г. Родомъ москвитянинъ, посвященъ изъ архимандритовъ московскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1715 г., во время поѣздки въ Кирилловъ монастырь, для переложенія въ новую раку мощей преподобнаго Кирилла, заболѣлъ и въ 1716 г. удалился на покой въ Москву, гдѣ и умеръ.

«Вологод. епарх. вѣд.», 1866, 216.

Іосифъ, архіепископъ великоустюжскій и тотемскій; хиротонисанъ 5 мая 1700 г. изъ игуменовъ владимірскаго Златоврагскаго монастыря, въ 1719 г. ушелъ на покой, умеръ 4 января 1720 г. Въ печати неизвѣстно никакихъ документовъ о его дѣятельности.

Амвросій, «Исторія россійской іерархіи», I, 253; Строевъ, «Списки іерарховъ».

Іосифъ, архіепископъ самебельскій и

циркальскій, умеръ 1 сентября 1750 г. Въ 1730 г. былъ выкупленъ русскимъ правительствомъ изъ плѣна у лезгинъ, пріѣхалъ въ Москву и 29 августа 1733 года получилъ отъ Св. Синода разрѣшеніе «отправлять по церковному чиноположенію священнослуженія» въ Москвѣ. 13 марта 1734 г. вмѣстѣ съ выѣхавшимъ изъ Грузіи митрополитомъ Романомъ причисленъ въ штатъ на мѣста умершихъ въ Москвѣ грузинскихъ владыкъ; жалованья имъ было назначено по 150 р. въ годъ и хлѣба по пяти пудовъ на день. 15 мая 1734 г. повелѣно архіепископу Іосифу быть въ Новгородѣ при архіепископѣ Ѳеофанѣ адъюторомъ, т. е. «помощнымъ архіереемъ или намѣстникомъ и въ Юрьевѣ монастырѣ имѣть власть и титлу архимандрическую». При отъѣздѣ въ Новгородъ въ августѣ того же года ему была вручена копія съ составленной и собственноручно написанной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и утвержденной Св. Синодомъ инструкціи подъ заглавіемъ: «Опредѣленіе дѣла и пребыванія, такожъ и удовольствованія преосвященному архіепископу Іосифу, намѣстному намъ въ епархіи нашей споспѣшнику». Въ мартѣ 1736 г. Ѳеофанъ вручилъ ему полную власть въ Юрьевѣ монастырѣ, отмѣнивъ тѣ ограниченія, которыя были сдѣланы въ инструкціи. Архіепископъ Іосифъ помогалъ Ѳеофану Прокоповичу въ управленіи епархіей до самой смерти послѣдняго; онъ и погребалъ Ѳеофана. 16 ноября 1737 года архіепископъ Іосифъ просилъ Св. Синодъ объ прибавкѣ содержанія и объ отпускѣ въ Москву для излѣченія отъ болѣзни и печатанія на грузинскомъ языкѣ его литературнаго труда (какого именно, онъ въ прошеніи не упоминаетъ), предпринятаго имъ для распространенія религіознаго просвѣщенія Грузіи. Не получивъ разрѣшенія отъ Св. Синода, онъ лично просилъ Императрицу о томъ же, за что и былъ сдѣланъ ему въ собраніи Св. Синода выговоръ чрезъ переводчика. Въ 1740 г. 16 октября онъ опредѣленъ былъ архимандритомъ московскаго Знаменскаго монастыря, съ жалованіемъ въ 1000 р., но 7 сентября 1741 года уволенъ отъ управленія этимъ монастыремъ; ему отведено было подворье Пафнутьева монастыря въ Москвѣ, а производство жалованья прекращено. 3 декабря 1749 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на увольненіе его, согласно прошенію, въ Кизляръ для пребыванія по обѣщанію въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ съ производствомъ ему жалованья на общемъ основаніи съ увольняемыми на покой архіереями. Скончался въ Саратовѣ, погребенъ въ Астрахани въ соборѣ.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1734 г., № 303, 304, 1737 г., № 230, 1745 г., № 273, 1747 г., № 177, 1749 г., № 247; Сергій, «Историч. описаніе москов. Знамен. мон.»; Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время»; Макарій, архимандритъ, «Описаніе Юрьева монастыря». *А. Н.*

Іосифъ (въ схимѣ Иларіонъ), архимандритъ; умеръ 29 апрѣля 1891 г. О происхожденіи его ничего неизвѣстно; обучался въ духовной семинаріи. Былъ синодальнымъ ризничимъ, потомъ настоятелемъ Высокопетровскаго монастыря въ Москвѣ. Послѣднее время, около 4-хъ лѣтъ, провелъ въ Андреевскомъ русскомъ скитѣ на Аѳонѣ горѣ и былъ тамъ духовникомъ, пользуясь большимъ уваженіемъ всей братіи. Ему принадлежатъ сочиненія: «Церковно-историческое описаніе Кремля и московскихъ святынь»; «Описаніе рукописей и драгоцѣнностей патріаршей ризницы и библіотеки».

«Церк. Вѣстникъ», 1891 г., № 22; «Церк. Вѣдомости» 1891 г., № 22; «Московскія церк. вѣд.« 1891 г., № 21).

Іосія (Яковъ *Самгинъ*), іеромонахъ строитель Берлюковой пустыни, умеръ послѣ 1738 г.; уроженецъ города Елатьмы. Въ 1711 г. былъ принятъ въ Саровскую пустынь по желанію царевенъ Маріи и Ѳеодосіи, дочерей царя Алексѣя Михайловича. Въ Саровской пустыни Іосія умѣлъ пріобрѣсти любовь и довѣріе настоятеля, былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха и въ 1716 г. назначенъ казначеемъ, а за отсутствіемъ настоятеля нерѣдко управлялъ всею обителью. Въ отсутствіе настоятеля, Іосія принималъ и постригалъ въ монашество всѣхъ приходившихъ къ нему безъ всякаго разбора, такъ что въ числѣ ихъ оказались и женатые и бѣглые. Вслѣдствіе непріятностей съ настоятелемъ Іосіи пришлось удалиться изъ пустыни, но по ходатайству вліятельныхъ знакомыхъ онъ въ 1732 г. былъ сдѣланъ настоятелемъ Берлюковой пустыни. Въ 1734 г. началось слѣдствіе надъ однимъ изъ монаховъ Саровской пустыни, съ которымъ Іосія былъ друженъ. Изъ боязни, что раскроются допущенные имъ въ пустыни безпорядки, Іосія при первой-же встрѣчѣ съ тѣмъ монахомъ завелъ горячій споръ и крикнулъ «слово и дѣло». Началось слѣдствіе; въ Саровской

пустынѣ были найдены различныя запрещенныя рукописи. Іосія на допросѣ оклеветалъ очень многихъ, его доносы не подтвердились и онъ самъ былъ лишенъ монашества, и въ декабрѣ 1738 г., вмѣсто смертной казни, битъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и сосланъ въ Камчатку на вѣчное поселеніе, гдѣ и умеръ, но когда неизвѣстно.

Дѣло архива Св. Синода, 1734 г., № 151; «Житіе и подвиги іерохимон. Іоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни», 1892 г. *Здр.*

Іосса, *Григорій Андреевичъ*, горный инженеръ, род. 24 января 1804 года на Уралѣ въ Богословскомъ заводѣ, гдѣ отецъ его былъ управителемъ, умеръ въ Петербургѣ 27 іюля 1874 г. Окончивъ курсъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, Іосса 1 января 1823 г. былъ назначенъ смотрителемъ казеннаго желѣзнаго рудника горы Благодати и одновременно завѣдывалъ промыслами золотыми и платиновыми, не задолго до того открытыми. Здѣсь онъ занялся изслѣдованіемъ способовъ обработки сырой платины и вмѣстѣ съ горн.-инж. Архиповымъ обработалъ на Кушвинскомъ заводѣ, впервые на Уралѣ, довольно значительное количество названнаго металла путемъ сплавленія его съ мышьякомъ. Въ 1829 году Іосса отправленъ былъ на казенный счетъ во Фрейбергъ и поступилъ тамъ въ Горную академію; въ каникулярное время осматривалъ рудники и заводы Германіи, Австріи и Венгріи. Возвратясь въ 1832 году въ Россію, Іосса получилъ въ Горномъ Корпусѣ кафедру металлургіи и до 1857 г. былъ профессоромъ въ этомъ заведеніи, принявъ на себя съ 1845 года еще и лекціи горнаго искусства. Въ своихъ лекціяхъ, живыхъ и безъискусственныхъ, онъ умѣлъ сосредоточить вниманіе слушателей на самомъ существенномъ и внушить имъ ту-же искреннюю любовь къ горному дѣлу, которая воодушевляла его самого. Своимъ юморомъ онъ умѣлъ привлечь симпатіи слушателей, пользовался большой популярностью среди сослуживцевъ и долгое время составлялъ центръ, около котораго группировалось большинство горныхъ инженеровъ.

Въ 1857 году Г. А. Іосса былъ назначенъ директоромъ Горнаго Департамента Царства Польскаго; тутъ устраненіемъ формальностей, стѣснявшихъ свободную торговлю металлами казенныхъ заводовъ, ему удалось не только окончательно погасить долгъ послѣднихъ Польскому банку, но еще оставить въ кассѣ заводовъ до 300.000 рублей. Въ 1859 году Іосса выработалъ проектъ осушенія Олькушскихъ копей, важныхъ для цинковой промышленности; проектъ былъ утвержденъ высшимъ правительствомъ, но дѣло это не было исполнено; по нѣкоторымъ обстоятельствамъ проектъ былъ значительно измѣненъ, но во всякомъ случаѣ починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Іоссѣ.

Въ 1861 г. Г. А. Іосса вернулся въ Петербургъ и до самой смерти не переставалъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ горнаго вѣдомства, въ качествѣ члена Горнаго Совѣта, Горнаго ученаго комитета и совѣта Горнаго Института. Съ особеннымъ вниманіемъ относился онъ къ горнымъ дѣламъ Царства Польскаго. Въ 1867 году онъ вновь, на короткое время, принялъ на себя чтеніе въ Горномъ Институтѣ лекцій по горному искусству, каѳедру котораго некѣмъ было тогда замѣстить. Іосса помѣстилъ въ «Горномъ Журналѣ» до 35 статей (съ 1831 и 1867 гг.) преимущественно по металлургіи; кромѣ того имъ обработаны нѣкоторые отдѣлы въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по горной части» на 1865 годъ. Среди серьезной дѣятельности Іосса находилъ еще время писать юмористическія стихотворенія, заниматься живописью, слѣдить за драматическимъ искусствомъ; до самой смерти онъ не прекращалъ начавшихся во Фрейбергѣ дружескихъ отношеній и переписки съ нѣкоторыми выдающимися нѣмецкими учеными той эпохи — Платнеромъ, Шереромъ, Врейтгауптомъ и Фонъ-Котта; брошюра послѣдняго «Ungarische und Siebenbürgische Bergorte» была издана съ рисунками Іоссы.

Рукописная біографія Г. А. Іоссы, составленная племянникомъ его, профессоромъ Горнаго Института К. А. Іосса; нѣкоторыя біографическія о немъ свѣдѣнія заключаются въ статьѣ: «Горнозаводское дѣло въ 1874 г. «Горный Журналъ» 1875 г., № 1; некрологи: «Петерб. Вѣдомости», 1874 г., № 205 и «Голосъ», 1874 г. № 208.

С. Кулибинъ.

Іохеръ, *Адамъ-Бенедиктъ*, библіографъ польскій, род. въ 1791 г., умеръ въ 1860 г. Окончилъ курсъ въ Виленской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Виленскаго университета и въ 1811 г. получилъ степень магистра. Занимался затѣмъ педагогическою и литературною дѣятельностью; въ 1827 г. назначенъ былъ

помощникомъ библіотекаря Виленскаго университета и привелъ въ порядокъ и описалъ его нумизматическія коллекціи; съ 1830 г. былъ профессоромъ латинскаго языка. По закрытію университета нѣкоторое время преподавалъ въ Ковенской гимназіи; въ 1845 г. вернулся въ Вильно и занялся продолженіемъ своего труда начатаго имъ еще въ 1839 г. «Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce», который и вышелъ въ 1859 г. въ трехъ томахъ. Работа эта, предпринятая по обширному плану, осталось неоконченою, но тѣмъ не менѣе представляетъ чрезвычайно замѣчательный и цѣнный трудъ и пользуется большимъ уваженіемъ въ польской ученой литературѣ. Кромѣ того Іохеръ напечаталъ: «Poglad na kierunek na bieg wiary Swietéj w Polsce» (1857 г.) и нѣсколько филологическихъ трудовъ, неимѣющихъ особаго значенія; послѣ него осталось въ рукописи много начатыхъ. сочиненій.

Olgebrand, «Encyklopedyja powszechna», VI, 54—55.

Іуліанія, преподобная, княжна Ольшанская. Обстоятельства жизни неизвѣстны; въ началѣ XVIII в. тѣло ея было случайно найдено у церкви Успенія въ Кіевѣ, нетлѣннымъ. Она была признана святою и память ей установлена 6 іюля. Въ 1718 г. мощи ея сгорѣли и остатки ихъ въ 1730 г. помѣщены въ Успенскую церковь.

Эристовъ, кн., «Словарь истор. о святыхъ».

Іуліанія (*Осорьина*), преподобная, мѣстно чтимая, дочь вотчинника Устина Недюрева, род. въ первой четверти XVI в., умерла 4 января 1604 г. Жизнь ея не богата событіями, но полна подвигами живой любви къ ближнему. Уже въ дѣтствѣ, когда она, оставшись рано сиротою, воспитывалась у своихъ тетокъ, она отличалась кротостію, скромностію и тайно благотворила бѣднымъ, раздавая имъ всѣ свои рукодѣлья. 16-ти лѣтъ она была выдана замужъ за Георгія Осорьина и въ замужествѣ, поддерживая во всей чистотѣ древне-русскій патріархальный семейный бытъ, не переставала помогать бѣднымъ; ограничивая себя во всемъ, она щедро раздавала нуждающимся, что только могла. Особенно много благотворила она въ годы народныхъ бѣдствій. Какою сердечностью проникнута была ея помощь, доказываетъ легенда, что нищіе, получавшіе отъ нея уже очень плохой хлѣбъ, такъ какъ въ своей благотворительности она дошла до совершенной бѣдности, тѣмъ не менѣе находили, что хлѣбъ этой женщины, самое имя которой они не всегда знали, особенно вкусенъ. Трогательное по простотѣ жизнеописаніе ея, составленное ея сыномъ Кассіаномъ, напечатано въ «Памятникахъ старинной русской литературы», изданныхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко, I, 63—67; мастерская характеристика Іуліаніи дана В. О. Ключевскимъ въ его публичномъ чтеніи «Добрые люди древней Руси» («Богословскій вѣстникъ», 1892 г., январь, 77—76).

Іуліанія (*Медвѣдева*) въ 1632 г. или 1633 г., на мѣстѣ запустѣлой послѣ морового павѣтрія церкви основала, въ память своего чудеснаго исцѣленія, Семигородную общежительную пустынь, гдѣ и была первою настоятельницей; умерла въ 1643 г. Въ 1652 г. пустынь эта обращена въ мужскую.

Саввантовъ, «Опис. Семигородской Успенской пустыни».

Іуліанія, княгиня, жена князя Симеона Мстиславича, удѣльнаго князя Вяземскаго, убита въ 1407 г. Смоленскій князь Юрій Святославичъ, увлеченный ея красотою, убилъ у себя на пиру ея супруга и желалъ сдѣлать Іуліанію своею любовницею. Но она не желала уступить его страсти и, обороняясь отъ него, нанесла ему ударъ ножемъ и бросилась бѣжать. Князь Юрій догналъ ее и, въ порывѣ бѣшенства, собственноручно ее изрубилъ. Тѣло княгини погребено въ г. Торжкѣ и память ее мѣстно чтится; князь же Юрій вскорѣ скончался въ монастырѣ, подавленный воспоминаніемъ о своемъ преступленіи и преслѣдуемый общимъ презрѣніемъ.

Эристовъ, кн., «Словарь истор. о святыхъ».

Іуліанія Дмитріевна, княгиня, супруга князя Юрія Васильевича, брата царя Іоанна Васильевича Грознаго. Принадлежала къ роду князей Палецкихъ; вышла замужъ 3 ноября 1547 г. По современнымъ свидѣтельствамъ Іуліанія отличалась замѣчательными качествами ума и сердца; ее называли второю Анастасіею. Князь Юрій, скудный умомъ и пользовавшійся лишь внѣшними знаками почета, умеръ въ 1563 г.; 30 апрѣля 1564 г. Іуліанія постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ Александры. Царь Іоаннъ, очень чтившій Іуліанію, окружилъ ее и въ иночествѣ обстановкою, приличною члену царскаго семейства. Впослѣд-

ствіи Іуліанія переселилась въ дѣвичій Воскресенскій (Горицкій) монастырь на Шекснѣ. Здѣсь, въ 1569 г., когда наступила мрачная эпоха царствованія Іоанна, она была утоплена, вмѣстѣ съ инокинею Ефросиніею, матерью князя Владиміра Андреевича.

Карамзинъ, т. VIII, 67; т. IX, 26, 84; «Древ. рос. вивліоѳика», XIII, 36.

Іустинъ (*Базилевичъ*), митрополитъ бѣлгородскій, хиротонисанъ 15 апрѣля 1705 г. изъ начальниковъ кіевскихъ пещеръ; скончался 17 августа 1709 г. въ Кіевѣ; погребенъ въ Лаврѣ.

«Харьков. епарх. вѣд.», 1868, № 21.

Іустинъ (Иванъ Ѳедоровичъ *Вишневскій*), епископъ пермскій и екатеринбургскій, сынъ священника, род. въ 1748 г. въ с. Сергіевскомъ, михайловскаго уѣзда рязанской губерніи, ум. 31 января 1826 года. Обучался въ Рязанской семинаріи и по окончаніи курса оставленъ въ ней учителемъ грамматики и ариѳметики. Въ 1773 г. постригся въ монашество. Въ 1775 г. былъ назначенъ законоучителемъ въ Инженерный кадетскій корпусъ и обучалъ русскому языку прибывшихъ въ Россію грековъ. 9 августа 1783 г. Іустинъ съ двумя своими братьями отправился въ Венецію для служенія въ устраиваемой при посольствѣ домовой церкви; онъ вернулся въ Россію въ апрѣлѣ 1799 г., потерявъ почти все свое имущество во время занятія Венеціи французами. 4 августа 1799 г. онъ былъ произведенъ въ архимандрита Іосифова волоколамскаго монастыря и назначенъ членомъ духовной коммиссіи въ Москвѣ для разсматриванія сочиненій и переводовъ, касающихся церкви и ея ученія, 13 декабря того же года перемѣщенъ въ Иверскій монастырь новгородской епархіи, 25 марта 1800 г. хиротонисанъ въ епископа свіяжскаго, викарія казанской епархіи. Въ 1801 г. онъ свидѣтельствовалъ и открывалъ мощи иркутскаго святителя Иннокентія. 20 января 1802 г. перемѣщенъ на пермскую и екатеринбургскую епископскую каѳедру, гдѣ явился замѣчательнымъ дѣятелемъ. Особенно заботился онъ о церковной проповѣди, снабдилъ цензора проповѣдей особенною инструкціею а проповѣдниковъ поощрялъ выдачею похвальныхъ листовъ и отмѣтками объ ихъ проповѣдяхъ въ послужныхъ спискахъ, и самъ постоянно проповѣдывалъ, отзываясь на всѣ важнѣйшіе вопросы общественной и церковной жизни. Въ Екатеринбургѣ и Перми онъ открылъ не мало единовѣрческихъ приходовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ заслужить полное уваженіе и отъ раскольниковъ; 5 февраля 1818 г. открылъ для просвѣщенія язычниковъ своей епархіи отдѣленіе Библейскаго общества. Онъ выстроилъ въ Перми новый каѳедральный соборъ, учредилъ въ Екатеринбургѣ женскую общежительную обитель, открылъ въ Далматовѣ духовное училище и много трудовъ положилъ на устройство открытой 11 ноября 1800 г. Пермской семинаріи; значительно пополнилъ семинарскую библіотеку, привлекъ многихъ жертвователей, а въ своемъ духовномъ завѣщаніи отказалъ семинаріи и всю свою собственную библіотеку. 31 мая 1823 г. преосвященный Іустинъ былъ уволенъ на покой съ пенсіею въ 1000 руб.; 2 октября 1824 г. преосвященный удостоился посѣщенія Государемъ Императоромъ. — Въ семинарской библіотекѣ имѣется его рукописное сочиненіе: «Славянская грамматика, сочиненная при Россійскомъ министерствѣ въ Венеціи іеромонахомъ Іустиномъ». Въ печати извѣстны многія его рѣчи: «Увѣщаніе къ паствѣ о привитіи оспы», «Увѣщаніе къ христіанамъ Пермской епархіи, по тому случаю, что многія тысячи изъ нихъ не исповѣдываются и не причащаются», «Увѣщаніе къ пастырямъ и пасомымъ по случаю голода въ пяти зауральскихъ уѣздахъ въ 1818 г.» и др.

Будринъ, Е., «Іустинъ, епископъ пермскій» 1887 г.; «Пермскія епарх. вѣдом.» 1875 г., № 52; «Волынскія епарх. вѣдом.» 1873 г., № 17; дѣла архива св. Синода: 1783 г., № 329, 1799 г., № 277 и 1800 г., № 14. *Здр.*

Іустинъ (Яковъ Евдокимовичъ *Михайловъ*), епископъ владимірскій, сынъ дьякона, род. въ с. Альшанѣ орловскаго уѣзда, ум. 17 марта 1879 г. Учился въ Орловской семинаріи и кончилъ курсъ со степенью магистра въ Кіевской духовной академіи въ 1823 г. и въ томъ же году назначенъ въ Академію баккалавромъ по классу богословскихъ наукъ. 25 февраля 1824 г. постриженъ, посвященъ въ іеромонаха и опредѣленъ библіотекаремъ Академіи. 8 мая 1828 г. назначенъ ректоромъ Кіевской семинаріи, а 18 іюля того же года опредѣленъ архимандритомъ и настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго мона-

стыря. Въ 1834 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ черниговскій Елецкій монастырь и ректоромъ Черниговской семинаріи; 20 іюля 1841 г. хиротонисанъ въ санъ епископа винницкаго, викарія подольской епархіи. Въ 1842 г. перемѣщенъ на каѳедру епископа старорусскаго, викарія новгородской епархіи, и въ томъ же году—на каѳедру епископа ревельскаго, викарія петербургской епархіи. 11 августа 1845 г. назначенъ епископомъ костромскимъ и галичскимъ; 25 февраля 1850 г. перемѣщенъ епископомъ на каѳедру владиміро-суздальскую. Съ 21 мая 1850 г., по 1-е марта 1851 г. управлялъ нижегородской епархіей. Въ 1863 г., іюля 26 уволенъ на покой въ Боголюбовъ монастырь.

Архивъ св. Синода: формулярный списокъ преосв. Іустина; Островскій, П., «Ист. статист. опис. костромского Ипатьевскаго мон.». «Истор. описаніе чернигов. еп.», II, 210. *А. Н.*

Іустинъ (*Рудинскій* или *Рудзенскій*), оберъ-іеромонахъ флота въ Ревелѣ, ум. 10 апрѣля 1727 г. Свѣдѣній о его происхожденіи, образованіи и первоначальной его службѣ и дѣятельности не имѣется. Въ октябрѣ 1721 г., еще іеродіакономъ Кіевопечерской лавры, онъ былъ вызванъ на должность учителя славяно-латинскихъ школъ въ Москву, куда и прибылъ въ 1722 году. 10 сентября 1722 г. Св. Синодомъ онъ былъ назначенъ миссіонеромъ на сеймъ въ Польшу, какъ довѣренное лицо для защиты православія, утѣсняемаго уніатами и латинянами; 8 января 1724 г. Іустинъ былъ назначенъ оберъ-іеромонахомъ въ Ревельскую эскадру.

«Описаніе дѣлъ и докум., архива Св. Синода». т.т. I—VIII. *Здр.*

Іустинъ (Иванъ Григорьевичъ *Трипольскій*), игуменъ Акатова воронежскаго монастыря, сынъ протоіерея, род. въ 1741 г. въ Полтавѣ, ум. 16 декабря 1809 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи; съ 1770 г. состоялъ учителемъ въ ней же, въ 1773 г. назначенъ учителемъ въ Петербургскую семинарію, въ томъ-же году постригся въ монашество, въ 1775 г. назначенъ префектомъ въ Псковскую семинарію; въ то же время былъ игуменомъ Спасомирожскаго монастыря и присутствующимъ въ консисторіи. 26 мая 1781 г. Св. Синодъ хотѣлъ послать о. Іустина къ миссіи въ Голштинію, но онъ отказался по слабости здоровья. Въ 1784 г. былъ назначенъ настоятелемъ Николаевскаго бѣлгородскаго монастыря. Въ Бѣлгородѣ онъ состоялъ префектомъ, а потомъ и ректоромъ Бѣлгородской семинаріи. 23 августа 1794 г., онъ былъ назначенъ архимандритомъ Спасо-Евѳиміева суздальскаго монастыря, но по болѣзни не могъ отправиться на мѣсто назначенія. Въ 1797 г. онъ перемѣщенъ былъ настоятелемъ въ воронежскій Акатовъ монастырь Въ 1808 г. уволился отъ должности, по болѣзни глазъ, съ пенсіею. Послѣ него осталась довольно богатая библіотека—до 300 книгъ, преимущественно на иностранныхъ языкахъ.

Дѣла архива св. Синода: 1773 г., № 115; 1781 г., № 351; 1794 г., № 118; 1810 г., № 67. *Здр.*

Іустинъ (Іоакимъ *Фальковскій*), іеромонахъ, сынъ ремесленника; род. въ г. Лебединѣ, въ 1723 г., ум. 8 октября 1779 г. Оставшись рано сиротой, онъ нѣкоторое время былъ причетникомъ, потомъ, увлекаемый жаждою знанія, принялся за изученіе латинскаго языка и поступилъ въ Кіевскую академію. Окончивъ философскій классъ академіи, въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ, онъ сдѣлался сельскимъ священникомъ. Овдовѣвъ около 1770 г. и оставшись съ двумя сыновьями, онъ всю свою остальную жизнь посвятилъ на ихъ воспитаніе. Вмѣстѣ съ сыновьями, имѣя уже 52 года, Іустинъ поступилъ въ публичные богословскіе классы Кіевской академіи. Въ концѣ 1774 г. онъ, былъ назначенъ къ церкви, бывшей при русской миссіи, которая постоянно находилась въ Токаѣ, въ Венгріи для пріобрѣтенія виноградныхъ винъ къ Высочайшему двору, такъ какъ въ то время, когда между русскими и австрійскими владѣніями находились польскія земли, внутреннія неустройства Польши дѣлами почти невозможнымъ получать какіе либо товары изъ Венгріи обыкновеннымъ путемъ. Здѣсь онъ пробылъ около четырехъ лѣтъ, всѣ свои средства отдавая на воспитаніе своихъ сыновей; пользуясь этимъ пребываніемъ заграницей, довершилъ свое образованіе сынъ его Иванъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи почетную извѣстность подъ монашескимъ именемъ Иринея.

Г. О. Булашевъ, «Преосвященный Иринеи Фальковскій, епископъ чигиринскій»; архивъ св. Синода, дѣло 1774 г. № 378.

К.

Каау-Бургавъ, *Германъ*, (Hermann Kaau-Boerhaave), лейбъ-медикъ, род. 27 сентября 1705 г. въ Гагѣ, ум. скоропостижно въ Москвѣ 7 октября 1753 г. Его отецъ и особенно дядя, послѣ котораго онъ и получилъ вторую фамилію пользовались большою извѣстностью какъ доктора; Германъ Каау-Бургавъ занимался медициной въ Лейденѣ и получилъ тамъ, въ 1729 г., степень доктора медицины за диссертацію De argento vivo. Въ 1741 г. архіятеръ Анны Леопольдовны Фишеръ пригласилъ его на службу къ русскому двору, по контракту на 4 года, съ жалованьемъ въ 2000 рублей въ годъ, съ готовой квартирой, столомъ и экипажемъ и съ правомъ заниматься вольной практикой, однако съ тѣмъ, чтобы онъ повсюду сопровождалъ дворъ. Бургавъ прибылъ въ Россію уже по воцареніи Елизаветы Петровны, принятъ былъ милостиво, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а послѣ ареста Лестока, указомъ 6 декабря 1748 г., назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ Императрицы и директоромъ медицинской канцеляріи; онъ пользовался громкою славою отличнаго врача. Но Бургавъ не интересовался дѣлами и почти ничего не сдѣлалъ для улучшенія медицинской части въ Россіи; находясь постоянно при дворѣ, онъ все веденіе дѣлъ въ медицинской канцеляріи предоставилъ двумъ своимъ помощникамъ, Гриву и Лерхе, которые въ свою очередь также очень мало о ней заботились и въ вѣдомствѣ, имъ порученномъ, водворилось чрезвычайное лихоимство; всѣ назначенія на лекарскія мѣста просто покупались. Послѣ смерти Бургава, его наслѣдники успѣли, въ 1799 г., продать въ казну, въ счетъ уплаты долга въ 60.000 рублей, библіотеку и манускрипты, оставшіеся послѣ покойнаго лейбъ-медика; впрочемъ тогда же, вскорѣ послѣ покупки, медицинская коллегія признала, что манускрипты эти не представляли почти никакой цѣны, а библіотека состояла по большей части изъ изданій попорченныхъ или разрозненныхъ.

Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи», въ приложеніяхъ, 58—60, 190—192; Рихтеръ, «Исторія Медицины въ Россіи», III, 440—444.

Кабановъ, *Иванъ Андреевичъ*, академикъ живописи. Род. въ 1823 г., ум. 30 ноября 1869 г., въ Петербургѣ. Сынъ удѣльнаго крестьянина дер. Старовѣрской бугурусланскаго уѣзда, онъ былъ посланъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Московское училище живописи и ваянія, гдѣ и состоялъ пенсіонеромъ удѣльнаго вѣдомства, съ 28 іюня 1845 г. по августъ 1849 г., когда, по распоряженію кн. Волконскаго, согласно его просьбѣ, былъ переведенъ пенсіонеромъ же въ Академію Художествъ, въ классъ проф. А. Т. Маркова и постоянно получалъ на экзаменахъ за свои карандашныя и живописныя работы первые номера; въ 1849 и 1850 гг. онъ получилъ вторыя серебрянныя медали, за рисунокъ и этюдъ съ натуры, а въ 1851 г.—первую серебряную медаль за этюдъ же. Въ 1852 г. получилъ вторую золотую медаль,

за программу: «Іоаннъ Предтеча, проповѣдующій въ пустынѣ», а въ 1853 г.—первую, за картину: «Молодой Ахиллесъ, обучающійся стрѣльбѣ у центавра Хирона» и былъ посланъ въ 1855 г. пенсіонеромъ за границу, гдѣ исполнилъ картины: «Вакханка», за которую получилъ званіе академика (1860 г.), «Времена года» въ видѣ «Амуровъ съ цвѣтами», на зеркалахъ, по заказу вел. кн. Маріи Николаевны, и «Смерть Лукреціи» (1861—1862 гг.). По возвращеніи въ Россію онъ написалъ нѣсколько портретовъ, въ томъ числѣ портретъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, съ оригинала Крюгера, для конференцъ-залы Академіи Художествъ, и кромѣ того образъ Спасителя для Петербургской Городской Думы (1866—1867 гг.).

Дѣло 48—К. въ архивѣ Академіи Художествъ; «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худож.», П. Н. Петрова, т. III, и «Указатель» къ нему, Юндолова; «Указатель выставокъ въ Академіи Художествъ»: 1850, 19; 1852, 242; 1853, 46; 1860, X, 26; «Отчеты Акад. Худ.», за 1859—1867 годы; «Отеч. Записки», 1852, № 11, смѣсь, 31; 1853, №№ 11, 23, 26; «Современникъ», 1852, №№ 11, 81; «Москвитянинъ», 1853, № 5, 12—13; «Сѣв. Пчела» 1860, № 212, с. 868. *Н. С.*

Кабатъ, *Иванъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, почетный членъ Военно-медицинской академіи и непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, род. въ 1812 г., ум. 4 апрѣля 1884 г. Кончивъ курсъ въ Петербургской медико-хирургической академіи въ 1833 г. со степенью лекаря, 14 февраля 1834 г. поступилъ на службу по военному вѣдомству. До 1840 г. почти ежегодно получалъ командировки во внутреннія губерніи Россіи для прекращенія въ войскахъ глазныхъ эпидемій. Въ 1840 г. назначенъ старшимъ врачемъ петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя, а въ 1847 г. лейбъ-окулистомъ Высочайшаго двора. Какъ врачъ-окулистъ извѣстенъ многими удачными глазными операціями. Имъ изданы: «Опыты примѣненія гальвано-магнитнаго тока къ леченію глазныхъ болѣзней» (1844 г.), «Проектъ объ устройствѣ народныхъ пріютовъ для призрѣнія больныхъ и раненыхъ во время войны» (1877 г.), «Записка объ устройствѣ санитарныхъ станцій въ военныхъ округахъ» (1878 г.,—оба послѣдніе труда вмѣстѣ съ докторомъ Сахаровымъ), «Красный крестъ на санитарныхъ станціяхъ въ Славянскѣ, на Кавказѣ и въ Крыму въ 1878 г. (1880 г.); «Баракъ-шатеръ и баракъ-сакля», (1882 г.).

«С.-Петербургскія Вѣдомости», № 98; «Новое Время», № 2911; Языковъ, «Обзоръ трудовъ покойн. русск. писат., умершихъ въ 1884 г.».

Каблуковъ, *Владиміръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ. Изъ дворянъ, род. въ 1779 г., ум. послѣ 1845 г. Въ службу вступилъ въ 1791 г. въ Преображенскій полкъ, въ 1798 г. произведенъ въ прапорщики. Въ 1802 г. перешелъ въ Кавалергардскій полкъ; участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ 1805—1814 гг.; въ битвѣ при Аустерлицѣ получилъ три сабельныхъ раны въ голову и двѣ раны штыкомъ въ бокъ; въ Кульмскомъ сраженіи отбилъ 4 непріятельскихъ орудія, взялъ обратно 20 прусскихъ пушекъ и русскій обозъ и захватилъ въ плѣнъ до 280 непріятелей; за отличіе въ сраженіи при Фершампенуазѣ произведенъ 13 марта 1815 г. въ генералъ-маіоры. Въ 1821 г. назначенъ командиромъ Лейбъ-Кирасирскаго Ея Величества полка, затѣмъ 2-й бригады 1-й кирасирской дивизіи, а въ 1828 г., уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта (полученномъ имъ 22 августа 1826 г.), принялъ начальство надъ 4-й гусарской дивизіей, съ которою участвовалъ въ польской войнѣ 1831 г., причемъ за отличіе въ сраженіи 23 іюня при Поневѣжѣ получилъ орденъ св. Анны 1 ст. съ короною; въ 1830 г. ему поручено было оцѣпленіе войсками Москвы во время холеры. Послѣ непродолжительнаго начальствованія надъ 4-ю легкою кавалерійскою дивизіею, 7 января 1834 г. назначенъ присутствующимъ въ Правительствующимъ Сенатѣ. Въ 1843 г. переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Формул. спис. за 1832 г. въ московскомъ архивѣ Главнаго Штаба, № 12427; формуляръ за 1845 г., въ сенатскомъ архивѣ, № 742. *С. Н. П.*

Каблуковъ, *Платонъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ. Изъ дворянъ, род. въ 1784 г., ум. въ 1835 г. Въ службу вступилъ въ Преображенскій полкъ, произведенъ въ прапорщики 1798 г. Переведенный въ 1802 г. въ Кавалергардскій полкъ, участвовалъ въ войнахъ съ Франціею 1805—1807 и 1812—1814 гг.; подъ Аустерлицомъ былъ раненъ въ ногу и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго освобожденъ въ 1806 г.; подъ Бородинымъ также былъ раненъ и за отличіе получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Произведенный за Кульмское сраженіе въ генералъ-маіоры, онъ командовалъ отрядомъ въ арміи графа Бе-

нигсена и отличился при Магдебургѣ. Затѣмъ генералъ Каблуковъ занималъ должности: командира 2-й бригады 3-й драгунской 1-й бригады 3-й кирасирской дивизіи, и начальника 3-й кирасирской дивизіи. Во главѣ этой дивизіи онъ принялъ участіе въ польской войнѣ 1831 г. и оказалъ цѣлый рядъ отличій; за Гроховское сраженіе, гдѣ былъ раненъ пулею въ бокъ, получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., а за пораженіе мятежниковъ при Нурѣ—орденъ св. Александра Невскаго. Затѣмъ былъ начальникомъ военныхъ поселеній въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, и командиромъ сначала своднаго, а потомъ 2 резервнаго кавалерійскихъ корпусовъ.

Формулярный списокъ за 1834 г. въ московскомъ архивѣ Главнаго Штаба, № 841; «Военная галлерея Зимняго Дворца», V. *С. Н. П.*

Кавелинъ, *Александръ Александровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1 іюля 1793 г., ум. 4 ноября 1850 г. Сынъ небогатаго тульскаго дворянина, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и по окончаніи курса въ 1810 г. вступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ подпоручикомъ. Въ сраженіи при Бородинѣ онъ получилъ двѣ тяжелыя раны. Въ 1818 г. Императоръ Николай Павловичъ, тогда еще великій князь, избралъ Кавелина себѣ во флигель-адъютанты. Въ 1827 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ 1828 г. во время похода въ Турцію занималъ должность коменданта императорской главной квартиры. Императоръ Николай Павловичъ желалъ поручить Кавелину воспитаніе цесаревича Александра Николаевича, но Кавелинъ, находя себя не способнымъ исполнять такое отвѣтственное, важное дѣло, упросилъ не назначать его на мѣсто воспитателя. Императоръ назначилъ его 20 марта 1830 г. директоромъ Пажескаго корпуса; въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 1834 г. императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ ему состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. Въ 1841 г. онъ былъ уволенъ отъ этой должности, съ назначеніемъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній и присутствующимъ въ Сенатѣ. 28 іюля того же года онъ былъ назначенъ въ Вильну предсѣдателемъ коммиссіи по дѣлу о злоумышленникахъ полякахъ, послѣ того, какъ между генералъ-губернаторомъ Миркови-чемъ и губернаторомъ Назимовымъ возникли столкновенія изъ-за дѣятельности этой коммиссіи. 2 декабря 1842 г. онъ былъ назначенъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, 8 декабря—членомъ Государственнаго Совѣта. 3 октября 1843 г. произведенъ въ чинъ генерала отъ инфантеріи. Въ 1846 г., по разстроенному здоровью, Кавелинъ оставилъ должность петербургскаго генералъ-губернатора, былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и до самой смерти пользовался особеннымъ благоволеніемъ и вниманіемъ императора Николая Павловича и Наслѣдника Цесаревича. Въ частной жизни онъ отличался неподкупною прямотою и чрезвычайною строгостью къ самому себѣ; повидимому строгій и къ подчиненнымъ онъ, въ сущности, былъ очень добрымъ человѣкомъ и охотно помогалъ всякому нуждающемуся, стараясь скрывать свою помощь.

«Русскій Инвалидъ», 1850, №№ 272, 273; «Журналъ для чтенія воспит. воен.-учеб. завед.», т. 90; «Вѣстн. Европы», 1872, май, 319—326; формуляръ въ Сенатѣ, № 815.

Кавелинъ, *Дмитрій Александровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, изъ дворянъ калужской губерніи, род. въ 1778 г., ум. въ 1851 г. Шести лѣтъ записанъ былъ въ Измайловскій полкъ и еще въ дѣтствѣ получилъ первые чины. Въ 1795 г. кончилъ съ медалью курсъ въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и вступилъ на службу офицеромъ; въ 1803 г. перешелъ въ статскую службу, въ 1812—1816 гг. былъ директоромъ Медицинскаго департамента, въ 1816 г. назначенъ директоромъ Главнаго педагогическаго института, въ 1819 г.—директоромъ С.-Петербургскаго университета. Онъ напечаталъ нѣсколько незначительныхъ произведеній въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» и въ «Аонидахъ» и отдѣльно, былъ членомъ Арзамаса (назывался «Пустынникомъ»); потомъ онъ сталъ однимъ изъ орудій реакціи. Когда въ 1821 г. послѣ С. С. Уварова исполнялъ должность попечителя петербургскаго округа Руничъ, Кавелинъ явился ревностнѣйшимъ и беззастѣнчивымъ пособникомъ его въ обвиненіи профессоровъ Арсеньева, Галича, Германа и Раупаха за вредное яко-бы направленіе ихъ чтеній. Дѣло это, чрезвычайно раздутое Руничемъ и Кавелинымъ, надѣлало много шуму, восходило до Комитета Министровъ и только въ 1827 г. послѣдовало

Высочайшее повелѣніе считать его оконченнымъ. Кавелинъ былъ уволенъ отъ должности директора въ 1823 г. Университетъ лишился 11-ти профессоровъ, изъ которыхъ, однако, многіе потомъ были снова приняты на службу и достигли высокаго положенія.—О семействѣ Д. А. Кавелина и о его домашней жизни въ послѣдніе годы нѣкоторыя подробности приведены въ біографіи его сына извѣстнаго ученаго, Константина Дмитріевича Кавелина.

Григорьевъ, «Императорскій С.-Петербургскій Университетъ за первыя 50 лѣтъ своего существованія»; Сухомлиновъ, «Матеріалы для исторіи просвѣщ. въ Россіи въ царств. Александра I»; Сушковъ, «Моск. Универ. благород. пансіонъ»; статья Корсакова о К. Д. Кавелинѣ въ «Вѣстн. Евр.», 1886, № 5; Сочиненія Батюшкова, изданныя под. ред. Майкова, т. II; «Чтенія Моск. общ. исторіи и древностей», 1866, кн. 3.

Кавелинъ, *Константинъ Дмитріевичъ*, русскій историкъ, юристъ, философъ, публицистъ и общественный дѣятель, род. 4 ноября 1818 г. въ С.-Петербургѣ, ум. тамъ же 3 мая 1885 г. Происходя изъ стариннаго русскаго дворянскаго рода, началомъ своимъ восходящаго къ XVII в., К. Д. Кавелинъ принадлежалъ по своему положенію къ среднему провинціальному помѣщичьему кругу и только вслѣдствіе личныхъ талантовъ и путемъ борьбы съ окружающею средою вышелъ за черту этого круга. Дѣдъ К. Д. Кавелина, секундъ-майоръ Александръ Михайловичъ Кавелинъ (умеръ около 1812 г.), отъ брака съ Анною Ивановною Кошелевой имѣлъ семнадцать человѣкъ дѣтей—одиннадцать сыновей и шесть дочерей; вслѣдствіе такого большого семейства довольно значительное состояніе его, заключавшееся въ 500 слишкомъ душахъ крѣпостныхъ крестьянъ (въ губерніяхъ калужской, рязанской и тамбовской) при раздѣлѣ между его дѣтьми раздробилось на очень мелкія владѣнія и сыновья и дочери А. М. Кавелина стали мелкопомѣстными дворянами, за исключеніемъ второго сына, Дмитрія Александровича, отца Константина Дмитріевича. Д. А. Кавелинъ въ царствованіе императора Александра I весьма успѣшно служилъ по вѣдомствамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и за службу свою получалъ какъ аренды и единовременныя крупныя денежныя награды, такъ и пожалованія землей, что дало ему возможность значительно увеличить свои наслѣдственныя владѣнія. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ просвѣщенными людьми своего времени: А. И. Тургеневымъ, гр. Сперанскимъ, Магницкимъ, Жуковскимъ, гр. Блудовымъ, Д. В. Дашковымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Батюшковымъ, гр. С. С. Уваровымъ; одни изъ названныхъ лицъ были его товарищами по ученію въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, другіе—сослуживцами. Указанныя обстоятельства возвышали Д. А. Кавелина въ глазахъ его мелкопомѣстныхъ родственниковъ, среди которыхъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ, и выдѣляли его изъ общей массы министерскихъ чиновниковъ. Въ 1805 году онъ женился на дочери умершаго придворнаго архитектора, шотландца Белли, Шарлотѣ Ивановнѣ, и имѣлъ отъ этого брака семь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ Константинъ Дмитріевичъ былъ пятымъ.

Первоначальное воспитаніе и образованіе К. Д. Кавелинъ получилъ въ домѣ родителей. Когда онъ переходилъ въ отроческій возрастъ, служебная карьера его отца сильно пошатнулась, что, естественно, повліяло какъ на матеріальныя условія жизни всей семьи, такъ и на душевное расположеніе отца Константина Дмитріевича: онъ захандрилъ и впалъ во внѣшнее обрядовое благочестіе, почва для котораго была уже готова въ болѣе раннемъ религіозномъ направленіи его мыслей. Прежніе друзья Д. А. Кавелина, за весьма малыми исключеніями, отъ него отстранились и общество его почти исключительно состояло изъ родственниковъ и новыхъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ преобладали духовныя лица, преимущественно монахи. Изъ Рязани, гдѣ Д. А. Кавелинъ служилъ при ген-губ. А. Д. Балашовѣ, онъ въ 1829 г. переѣхалъ со всей семьей въ Москву, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Отроческіе годы К. Д. Кавелина начались въ Москвѣ, но воспитаніе его и образованіе какъ разъ въ эту важную пору жизни, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, не могли быть раціональны и систематичны. Уже въ эту пору для К. Д. Кавелина наступила нравственная ломка и борьба съ семейной средой. Его пытливый умъ и чуткое сердце еще тогда представили ему воочію всю неправду помѣщичьяго крѣпостнаго права и семейнаго произвола, среди которыхъ онъ росъ. Онъ возму-

щался тѣмъ и другимъ и симпатіи его направлялись къ безправнымъ и обездоленнымъ крестьянамъ и дворовымъ, а нѣжное чувство, оскорбляемое мелочной строгостью отца и придирчивою педантичностью матери, развивало въ юношѣ ненависть къ произволу и умственному гнету. Но по своей природной организаціи К. Д. Кавелинъ не могъ озлобиться до крайней степени: не допустила его до этого сердечность его натуры, особенно выражавшаяся во дни отрочества. Съ этого уже времени въ немъ проявляется непреодолимое желаніе улучшить положеніе крѣпостныхъ, а съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивается сознаніе, что крѣпостное право дѣйствуетъ развращающимъ образомъ не только на крестьянъ, но и на помѣщиковъ. Изъ цѣлой массы гувернеровъ-иностранцевъ и случайныхъ учителей К. Д. Кавелина принесли ему несомнѣнную пользу и оставили въ его психической жизни прочный слѣдъ лишь двое, дававшіе ему уроки въ послѣдній годъ передъ его поступленіемъ въ Московскій университетъ, когда онъ былъ уже 15—16-лѣтнимъ юношей. То были извѣстный филологъ, эллинистъ и санскритологъ К. А. Коссовичъ и еще болѣе извѣстный литературный критикъ В. Г. Бѣлинскій.

Въ 1835 году К. Д. Кавелинъ поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, но вскорѣ перешелъ на юридическій, будучи увлеченъ чтеніями только что вернувшихся изъ за границы профессоровъ: философіи и энциклопедіи права П. Г. Рѣдкина и римскаго права Н. И. Крылова. Оба эти выдающіеся въ русской наукѣ правовѣдѣнія ученые, непосредственные ученики и послѣдователи Гегеля, философская система котораго въ то время властвовала надъ германской мыслью, оставили глубокій слѣдъ во всемъ послѣдующемъ научномъ направленіи Кавелина. Рѣдкину онъ обязанъ дальнѣйшимъ развитіемъ и систематизаціей своего природнаго, обобщающаго строго-логическаго, но отвлеченнаго мышленія, а Крылову—воспріятіемъ отъ него точнаго, научнаго метода изслѣдованія правовыхъ явленій. Но кромѣ этихъ двухъ профессоровъ вообще подъемъ научнаго преподаванія того времени въ Московскомъ университетѣ и умственное оживленіе среди студентовъ благотворно вліяли на расширеніе міросозерцанія даровитаго юноши Кавелина: въ годъ поступленія его въ Московскій университетъ произошли два знаменательныхъ явленія въ жизни этого старѣйшаго на Руси разсадника высшаго знанія: попечителемъ Московскаго университета былъ назначенъ графъ С. Г. Строгоновъ, связавшій съ своимъ именемъ лучшую пору въ жизни университета и былъ введенъ новый университетскій уставъ, впервые поставившій на научную высоту русское университетское преподаваніе. Въ «строгоновское» время Московскій университетъ сталъ центромъ умственной жизни и Москвы, и всей Россіи. Къ Московскому университету примыкали образовавшіеся тогда въ Москвѣ литературно-философскіе кружки, въ которыхъ вырабатывались два противоположныя и враждебныя одно другому культурно-общественныя воззрѣнія на русскую дѣйствительность—западническое и славянофильское. Распря между ними происходила въ оживленныхъ спорахъ въ московскихъ «литературныхъ салонахъ» и переносилась оттуда на страницы газетъ и журналовъ и на университетскія каѳедры. Еще въ студенческіе годы Кавелинъ посѣщалъ эти салоны и изъ нихъ наибольшее вліяніе оказалъ на него салонъ А. П. Елагиной, по первому браку Кирѣевской, матери основателей славянофильскаго ученія—братьевъ Петра Васильевича и Ивана Васильевича Кирѣевскихъ. Онъ сблизился тогда съ обоими братьями, а затѣмъ, нѣсколько позже, и съ остальными корифеями славянофильства: А. С. Хомяковымъ, К. С. Аксаковымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ. Хотя впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, Кавелинъ и присталъ къ «западникамъ», но близость къ славянофиламъ въ юности оставила въ немъ настолько глубокіе слѣды, что вполнѣ западникомъ онъ никогда не былъ; вліяніе славянофильства замѣтно какъ въ его магистерской диссертаціи, относящейся къ 1844 г., такъ и въ его послѣдующемъ міросозерцаніи.

Въ 1839 г. Кавелинъ кончилъ курсъ кандидатомъ правъ, получивъ золотую медаль за сочиненіе, написанное на тему Крылова: «О римскомъ владѣніи». До 1842 г. онъ жилъ въ Москвѣ, при своихъ родителяхъ, сдавъ въ 1840 г. экзаменъ на магистра гражданскаго права и вращаясь въ московскихъ университетскихъ и литературныхъ кружкахъ и еще усерднѣе посѣщая литературные салоны, изъ

которыхъ кромѣ упомянутаго выше салона Елагиной сильное вліяніе на складъ его мыслей оказали салоны П. А. Чаадаева и А. С. Хомякова, вождей западниковъ и славянофиловъ того времени. Особенно сблизился онъ тогда съ замѣчательнымъ въ исторіи русской мысли дѣятелемъ Т. Н. Грановскимъ, извѣстнымъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, начавшимъ тамъ свои чтенія осенью 1839 г. Это сближеніе, основанное на родственныхъ чертахъ Грановскаго и Кавелина въ организаціи ихъ духовной природы и характера, перешло со временемъ въ самую тѣсную между ними дружбу и со стороны Кавелина доходило почти до культа.

Кавелина влекло къ университетской каѳедрѣ, но онъ встрѣтилъ сильныя препятствія въ своей семьѣ. Отецъ его считалъ въ это время занятія наукой, основанной на зловредномъ гегеліанствѣ, опаснымъ вольнодумствомъ, а мать, слѣдуя шаблонному свѣтскому пониманію того времени «карьеры», считала для своего сына, потомственнаго дворянина, унизительной профессуру, годную, по ея мнѣнію, только для «разночинцевъ». Съ отцомъ К. Д. Кавелинъ еще могъ бороться, но Шарлота Ивановна была женщина съ такимъ характеромъ, что К. Д. Кавелинъ долженъ былъ ей уступить. Въ 1842 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи; но канцелярская служба, не смотря на удачное ея начало, не привлекала его; онъ тяготился ею и сблизился въ Петербургѣ съ литераторами, составлявшими кружокъ тогдашнихъ петербургскихъ западниковъ. Во главѣ этихъ новыхъ друзей Кавелина стоялъ его бывшій учитель Бѣлинскій, въ то время уже первенствовавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ» (которыя выходили съ 1839 г. подъ редакціей А. Краевскаго); вокругъ Бѣлинскаго группировались молодые представители только что нарождавшейся «натуральной» школы въ русской литературѣ: И. И. Панаевъ, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ и часто наѣзжавшій изъ Москвы въ Петербургъ къ своему другу Бѣлинскому В. П. Боткинъ; со всѣми ими познакомился К. Д. Кавелинъ, но особенно сильно привязался къ Бѣлинскому и къ Тургеневу, съ которыми не прерывалъ сношеній до конца ихъ жизни. Кавелинъ, находя умственную и нравственную опору въ кружкѣ Бѣлинскаго, началъ работать надъ магистерской диссертаціей объ основныхъ началахъ русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ. Въ началѣ 1844 г. онъ защитилъ эту диссертацію въ Москвѣ и вслѣдъ затѣмъ получилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто и. д. адъюнкта при каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства (которую въ то время занималъ проф. Морошкинъ). Чтеніе лекцій Кавелинымъ въ Москвѣ продолжалось всего четыре года, съ 1844 по 1848 г., но тѣмъ не менѣе было весьма плодотворно и для русскаго просвѣщенія вообще и для русской исторической науки въ частности. За эти годы Кавелинъ сошелся съ А. И. Герценомъ, незадолго передъ тѣмъ поселившимся въ Москвѣ и, войдя въ его кружокъ, испыталъ на себѣ вліяніе общественныхъ французскихъ доктринъ, во главѣ которыхъ стояло извѣстное ученіе Сенъ-Симона. Кавелинъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ» (возобновленномъ Панаевымъ и Некрасовымъ въ 1847 г.) рядъ статей по русской исторіи и исторіи русскаго права, большею частью критическаго или полемическаго содержанія, составившихъ ему почетное имя не только среди русскихъ ученыхъ и литераторовъ и въ образованной публикѣ, но и между учащейся университетской молодежью. Университетское преподаваніе Кавелина и его отношенія къ студентамъ также привязывали ихъ къ нему и онъ явился однимъ изъ популярнѣйшихъ московскихъ профессоровъ: имя его ставилось наряду съ именами Грановскаго и Рѣдкина. Въ журнальныхъ статьяхъ и съ университетской каѳедры онъ популяризировалъ новую теорію объ историческомъ развитіи русской гражданственности, теорію, выводившую, вопреки славянофиламъ, весь русскій общественный и государственный бытъ изъ первоначальнаго быта, кровнородоваго, патріархальнаго, а не общиннаго, и придававшую первенствующее значеніе въ русской исторической жизни реформѣ Петра Великаго. Эта теорія, развившаяся со временемъ въ особую школу, извѣстную въ русской исторіографіи подъ именемъ школы историко-юридической или родоваго быта, считаетъ Кавелина, вмѣстѣ съ С. М. Соловьевымъ, своимъ основателемъ. Но если мы припомнимъ, что С. М.

Соловьевъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ лишь въ 1842 г. и впервые высказалъ теорію родового быта въ 1846 г. въ статьѣ «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси» («Московскій ученый и литературный сборникъ», I, 203—215), а Кавелинъ указалъ на ея положенія уже въ своей магистерской диссертаціи и излагалъ ее съ каѳедры съ 1844 г.,—то должны будемъ признать основателемъ школы родоваго быта въ Московскомъ университетѣ одного К. Д. Кавелина. Изъ числа его слушателей теорію родоваго быта развивали въ своихъ изслѣдованіяхъ два извѣстные ученые по исторіи русскаго права: Б. Н. Чичеринъ (самый крайній представитель теоріи) и Ѳ. М. Дмитріевъ. Въ частныхъ бесѣдахъ со студентами Кавелинъ пропагандировалъ мысль о неизбѣжности освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и, относясь къ молодежи безусловно честно и правдиво, непрестанно сохранялъ вѣру въ русское молодое поколѣніе. Вотъ чѣмъ, помимо своихъ чтеній, Кавелинъ особенно привязывалъ къ себѣ учащееся юношество! Къ сожалѣнію, столь благотворное вліяніе его на университетскую молодежь скоро должно было прекратиться. Въ 1845 г. Кавелинъ женился на Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ, сестрѣ извѣстныхъ литераторовъ Евгенія Ѳедоровича и Валентина Ѳедоровича Коршъ; старшая же сестра ея Любовь Ѳедоровна еще раньше вышла замужъ за профессора Никиту Ивановича Крылова. На почвѣ семейныхъ отношеній Кавелина съ Крыловымъ возникъ между ними цѣлый рядъ прискорбныхъ недоразумѣній, принявшихъ въ 1847 г. общественно-служебный характеръ. Всѣ молодые профессора, а изъ болѣе пожилыхъ П. Г. Рѣдкинъ, стали на сторону Кавелина и въ Московскомъ университетѣ возникла «профессорская исторія», печальнымъ результатомъ которой было оставленіе каѳедръ многими изъ профессоровъ, въ томъ числѣ Кавелинымъ и Рѣдкинымъ. Съ 1848 по 1857 г. Кавелинъ опять состоялъ на службѣ въ Петербургѣ; въ девять лѣтъ онъ часто мѣнялъ мѣста своего служенія, очевидно не удовлетворяясь ими: съ 1848 по 1850 г. онъ занималъ мѣсто «редактора» въ городскомъ отдѣлѣ Хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1850—1853 гг.—начальника воспитательнаго отдѣла въ штабѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній; въ 1853—1857 гг.—начальника отдѣленія въ канцеляріи Комитета министровъ. Въ Петербургѣ Кавелинъ сблизился съ выдающимися личностями въ сферѣ политической и общественной жизни. Онъ сталъ извѣстенъ и заслужилъ вниманіе великой княгини Елены Павловны, принимавшей весьма дѣятельное и значительное участіе въ важнѣйшихъ реформахъ императора Александра II, въ особенности-же въ краеугольной изъ этихъ реформъ—освобожденіи крестьянъ. Ближайшими петербургскими друзьями Кавелина были: фрейлина великой княгини Елены Павловны, баронесса Э. Ѳ. Раденъ, братья Милютины, Дмитрій Алексѣевичъ, впослѣдствіи военный министръ и Николай Алексѣевичъ, организаторъ «редакціонныхъ комиссій» по освобожденію крестьянъ и убѣжденный сторонникъ укрѣпленія русской власти въ царствѣ Польскомъ; К. К. Гротъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, В. А. Арцимовичъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. Мысль объ освобожденіи крестьянъ всецѣло поглощала Кавелина и сближала его съ названными лицами, которые точно также какъ и онъ страстно преданы были этому вопросу, извѣстному въ 50-хъ годахъ подъ именемъ «эмансипаціи». Та же мысль побудила Кавелина въ исходѣ 40-хъ годовъ войти въ число членовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и, нѣсколько позднѣе, принять должность непремѣннаго секретаря Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества: въ обоихъ этихъ обществахъ въ то время назрѣвалъ уже вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, хотя, по условіямъ времени, находился, такъ сказать, подъ спудомъ; въ первомъ обществѣ подготовлялся для этого дѣла матеріалъ въ видѣ этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій русскаго крестьянскаго быта, во второмъ—выражался въ формѣ пропаганды «раціональнаго сельскаго хозяйства». Къ этому времени относится рядъ замѣчательныхъ статей Кавелина по изученію русскаго народнаго быта, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» и въ изданіяхъ Географическаго Общества. Въ 1853 г. умерла мать Кавелина и онъ явился «помѣщикомъ», владѣльцемъ крестьянъ въ самарской губерніи. Съ этого времени его начинаетъ преслѣдовать забота «объ улучшеніи быта» его собственныхъ крестьянъ, что видно изъ сохранившихся въ его бумагахъ весьма интересныхъ проектовъ такого улучшенія и

переписки съ его управляющими. Около того же времени возникла знаменитая «записка» Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, окончательная редакція которой относится къ 1855 г., уже ко времени воцаренія императора Александра II. Въ этой запискѣ, которая составила Кавелину политическую репутацію и имѣла впослѣдствіи большое значеніе, какъ въ дѣлѣ 19 февраля 1861 г., такъ и въ личной судьбѣ ея автора, онъ энергично высказывается за освобожденіе крестьянъ съ землею и за уничтоженіе разныхъ видовъ крѣпостнаго права, въ государственной и общественной сферахъ Россіи. Голосъ Кавелина о выкупѣ государствомъ крестьянскихъ надѣловъ былъ если не самымъ первымъ, то однимъ изъ первыхъ, и этотъ принципъ, какъ извѣстно, легъ въ основаніе «Положенія 19 февраля 1861 г.».

Въ 1857 г. сфера дѣятельности Кавелина значительно расширяется: онъ, при участіи великой княгини Елены Павловны, приглашенъ былъ въ наставники русской исторіи и гражданскаго права къ покойному цесаревичу Николаю Александровичу (старшему сыну императора Александра II, скончавшемуся въ 1865 г.), а совѣтомъ Петербургскаго университета былъ избранъ въ профессора гражданскаго права; вскорѣ временно поручено было ему и чтеніе философіи права. Сблизившись еще больше съ названными выше провозвѣстниками «эмансипаціи», Кавелинъ сошелся съ «молодыми» профессорами петербургскаго университета, врагами научной и школьной рутины, и представителями «прогрессивнаго» направленія петербургской и московской журналистики, каковыми являлись въ то время Чернышевскій съ Добролюбовымъ и редакторъ «Русскаго Вѣстника» М. Н. Катковъ. Намъ странно теперь произносить эти имена вмѣстѣ, но въ 1856—1859 гг. они стояли рядомъ. Имя Кавелина снова, какъ во время его московской профессуры, быстро дѣлается однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ не только въ столицѣ, но во всей Россіи; съ энтузіазмомъ произносится оно молодежью и прогрессистами и съ озлобленіемъ — людьми рутины и регресса. Но и на этотъ разъ такое выдающееся положеніе Кавелина не было продолжительнымъ. Изъ лагеря вліятельныхъ сторонниковъ крѣпостнаго права, противниковъ зарождавшихся теченій въ русской мысли, поднялись противъ него, какъ наставника Наслѣдника престола, различныя инсинуаціи, а затѣмъ возникшіе въ Петербургскомъ университетѣ безпорядки заставили его вторично покинуть каѳедру. Оклеветанный передъ императоромъ Александромъ II, онъ въ началѣ 1858 г. принужденъ былъ оставить должность наставника при цесаревичѣ Николаѣ, причемъ отказался какъ отъ предложенной ему за нее пенсіи, такъ и отъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а три года съ небольшимъ спустя, въ концѣ 1861 г., вышелъ въ отставку и изъ профессоровъ Петербургскаго университета. Причиной этого выхода были мѣропріятія и распоряженія тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Путятина и петербургскаго попечителя генерала Филипсона по отношенію къ замѣшательствамъ среди студентовъ. Вообще 1861 годъ явился въ жизни Кавелина трагическимъ годомъ. 19 февраля совершилось лучшее чаяніе всей его жизни—освобожденіе крестьянъ, при чемъ осуществилась его мысль объ освобожденіи ихъ съ землею; но это радостное событіе было для него омрачено тяжелымъ личнымъ горемъ: за нѣсколько дней до этого умеръ его 14-тилѣтній сынъ, подававшій большія надежды. Къ тому же году относится неудачный дебютъ Кавелина на поприщѣ редактора еженедѣльной газеты и почти открытый разрывъ его съ редакціей «Современника». Газета «Вѣкъ», предпринятая Кавелиномъ въ 1861 г., вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ и А. В. Дружининымъ, имѣла своею программою пропагандировать среди общества мирный и законный прогрессъ, и такое направленіе вызвало нападки и насмѣшки со стороны «Современника», которому оно представлялось стишкомъ умѣреннымъ. Редакторство Кавелина прекратилось въ самомъ началѣ «Вѣка», вслѣдъ за смертію сына, да и самая газета просуществовала недолго: перейдя съ конца 1861 г. въ руки П. И. Вейнберга, она прекратилась въ слѣдующемъ 1862 г.

Съ 1862 по 1877 г., въ теченіе пятнадцати лѣтъ, Кавелинъ былъ, что называется, «не у дѣлъ». Причисленный въ 1862 г. къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, онъ, въ виду предположеннаго пересмотра устава русскихъ университетовъ, былъ командированъ преемникомъ гр. Путятина В. А. Головнинымъ за границу, для изученія состоянія университетовъ во Франціи и Германіи. За границей Кавелинъ про-

былъ до конца 1864 г. но собранный имъ интересный матеріалъ о положеніи высшаго преподаванія и быта студентовъ во Франціи и Германіи не былъ примѣненъ къ дѣлу: новый университетскій уставъ былъ обнародованъ въ маѣ 1863 г., до возвращенія Кавелина въ Россію; тѣмъ не менѣе двухлѣтнее пребываніе его въ Западной Европѣ имѣло важное для него значеніе. Кавелинъ отдохнулъ психически въ Германіи, этой классической странѣ университетскаго преподаванія, строгой науки и уютнаго ежедневнаго существованія, и, смотря на Россію «изъ Европы», лучше понялъ наши внутреннія дѣла и во многомъ измѣнилъ свои воззрѣнія. Оживленная переписка Кавелина за 1862—1864 гг. съ его друзьями, остававшимися въ Россіи, въ особенности съ баронессой Э. Ѳ. Раденъ, живо передаетъ его воззрѣнія на наши внутреннія дѣла за это время и сообщаетъ интересныя фактическія данныя изъ общественной русской жизни тѣхъ лѣтъ. Припомнимъ, что эти года были годами «искушенія» на пути нашего прогрессивнаго развитія съ 1856 г. То было время осуществленія крестьянской реформы, разгара польскаго возстанія, бурнаго развитія крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній, теоретическихъ и политически-общественныхъ, среди молодежи и вмѣстѣ съ тѣмъ время чаянія дальнѣйшихъ реформъ. У Кавелина въ эти годы сложился тотъ умѣренно-либеральный, но вполнѣ независимый образъ мыслей, который заставилъ его съ одной стороны разойтись со многими изъ своихъ старыхъ друзей, начиная съ Герцена, и отшатнуться отъ крайнихъ новыхъ русскихъ воззрѣній, съ другой—отдалиться отъ оффиціальныхъ сферъ, гдѣ на его самостоятельность смотрѣли иногда, какъ на своего рода сопротивленіе властямъ. Исходя изъ совершившагося факта — освобожденія крестьянъ, которое онъ считалъ основой и точкой отправленія всей послѣдующей русской общественной и политической жизни, Кавелинъ призывалъ, прежде всего, русское дворянство, за которымъ признавалъ по праву его историческія заслуги, отбросить свои quasi-либеральныя политическія мечтанія и серьезно, ставъ во главѣ практической, всесословной, мѣстной, хозяйственно - экономической дѣятельности, сохранить этимъ свое первенствующее общественное положеніе; залогъ политической и общественной силы Россіи онъ видѣлъ въ консервативной крестьянской массѣ, преобладающей у насъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, надъ интеллигентными классами. Въ этомъ смыслѣ своеобразно называлъ Кавелинъ Россію «мужицкимъ царствомъ» и желалъ прежде всего упроченія благосостоянія духовнаго и матеріальнаго (умственно-нравственнаго и экономическаго) въ русскихъ народныхъ массахъ и дальнѣйшаго и прогрессивнаго ихъ развитія. Кавелину болѣе чѣмъ прежде ясно представилось коренное различіе между Россіей и Западной Европой, между общественностью и культурой нашей и романо-германской; онъ увидалъ тщету и вредъ легкомысленныхъ заимствованій для насъ съ Запада политическихъ и общественныхъ формъ и увлеченій «послѣдними словами» европейской науки и изложилъ свои воззрѣнія въ двухъ монографіяхъ: «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», Берлинъ, 1862 г. и «Мысли и замѣтки по русской исторіи» («Вѣстникъ Европы», 1866 г., кн. II). Благодаря заграничной поѣздкѣ Кавелинъ постигъ, болѣе чѣмъ когда либо, что суть цивилизаціи вообще и цивилизаціи русской въ частности заключается въ умственномъ и нравственномъ развитіи отдѣльныхъ человѣческихъ личностей—составныхъ частей, элементовъ общества, а потому особенно прилежно сталъ работать надъ вопросами психологіи и этики. Результатами этихъ работъ явились: «Задачи психологіи» въ 1872 г., «Задачи этики» въ 1885 г. (вторымъ изданіемъ въ 1886 г.) и статья: «Злобы дня», напечатанная уже послѣ смерти автора въ «Русской Мысли» 1888 г., кн. 3 и 4.

Возвратившись въ концѣ 1864 г. изъ-за границы въ Петербургъ, Кавелинъ нашелъ занятія у своего друга, К. К. Грота, въ то время директора департамента неокладныхъ сборовъ въ Министерствѣ финансовъ, при условіи, что онъ имѣетъ право не пользоваться преимуществами государственной службы, т. е. не будетъ получать ни чиновъ, ни орденовъ. Занятія его состояли въ юридическихъ работахъ по акцизу, что уподобляло его полуоффиціальное служебное положеніе должности юрисконсульта. Разойдясь въ 1862 г. съ редакціей «Современника», Кавелинъ примкнулъ къ двумъ періодическимъ изданіямъ, съ редакторами которыхъ находился въ близкихъ отношеніяхъ — къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (1863—

1875 гг.), издававшимся В. Ѳ. Коршемъ, и къ «Вѣстнику Европы», возобновленному въ 1866 году бывшимъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ М. М. Стасюлевичемъ. Въ этомъ журналѣ Кавелинъ сотрудничалъ до конца жизни, а по переходѣ редакціи «Петербургскихъ Вѣдомостей» въ 1875 г. къ другому редактору, сталъ участвовать въ «Недѣлѣ» П. В. Гайдебурова (1875—1877 гг.) и «Новостяхъ» О. К. Нотовича (1882—1884 гг.); участвовалъ онъ также въ двухъ новыхъ изданіяхъ—В. Ѳ. Корша «Сѣверный Вѣстникъ» (1877—1878 г.) и М. М. Стасюлевича «Порядокъ» (1881 г.), а также и въ возникшемъ въ Москвѣ въ 1880 г. журналѣ «Русская Мысль». Статьи Кавелина, помѣщенныя во всѣхъ этихъ изданіяхъ, касались вопросовъ внутренней общественной жизни Россіи того времени и, главнымъ образомъ, вопроса крестьянскаго, а затѣмъ вопросовъ психологическихъ, которымъ, какъ сказано выше, онъ придавалъ особенно важное значеніе.

Въ 1877 г. Кавелинъ, оставаясь на службѣ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, принялъ избраніе на каѳедру гражданскаго права въ преобразованной Военно-юридической академіи, въ которой и началъ чтеніе лекцій съ 3 сентября 1878 г. Это было послѣднимъ учено-педагогическимъ его служеніемъ; на должности профессора Военно-юридической академіи онъ и умеръ, унося въ могилу то же восторженное къ себѣ отношеніе со стороны военной учащейся молодежи, какое питали къ нему студенты двухъ университетовъ—Московскаго, въ 40-хъ годахъ, и Петербургскаго, въ 50-хъ, когда онъ тамъ профессорствовалъ. Въ послѣдніе годы жизни Кавелина его ученыя заслуги были оцѣнены двумя университетами—Кіевскимъ и Казанскимъ, и тремя юридическими обществами — московскимъ, петербургскимъ и одесскимъ, избравшими его въ свои почетные члены. За три года до кончины, въ 1882 г., Кавелинъ былъ избранъ въ президенты Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, но занималъ эту должность всего лишь два года, до 1884 г.

Какъ историкъ, Кавелинъ имѣетъ значеніе въ русской исторіографіи въ смыслѣ основателя школы родоваго быта и распространителя въ публикѣ ея положеній. Въ статьѣ «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» и въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ Кавелинъ съ особенною ясностью выразилъ свои воззрѣнія на постепенное образованіе у русскихъ славянъ быта гражданскаго и государственнаго изъ первоначальнаго, патріархальнаго, родственно семейнаго быта, путемъ постепенной эволюціи личности. Личное начало, столь сильно развитое—по воззрѣнію Кавелина—христіанствомъ и бытомъ германо-романскихъ племенъ, являетъ собою для каждаго народа, безусловный элементъ прогресса и цивилизаціи, но по господству у славяно-руссовъ семейно-родственнаго быта, оно не могло у насъ возникнуть самостоятельно и независимо отъ Западной Европы; выработавшись въ древней Руси только какъ форма, весьма грубая и не развитая, лишенная содержанія, личность должна была получить это содержаніе извнѣ, оттуда, гдѣ она развилась всего болѣе, т. е. изъ Западной Европы, что и выполнено реформой Петра Великаго. Іоаннъ Грозный и Петръ Великій являютъ собою воплощеніе двухъ, такъ сказать, фазисовъ развитія у насъ личности: первый—древне-русскаго, формальнаго; второй—новаго, европейскаго, внутренняго, широкаго. Стадіи, моменты развитія русскаго общественнаго быта, по взглядамъ Кавелина, были таковы: 1) Первоначальныя славяно-русскія племена, состоявшія изъ многихъ разрозненныхъ между собою семействъ, управлявшихся старѣйшинами по возрасту, путемъ естественнаго размноженія посредствомъ нарожденія, разростаются въ нѣсколько родовъ, въ которыхъ, при дальнѣйшихъ ихъ развѣтвленіяхъ, все болѣе и болѣе теряется сознаніе кровнаго родства; вслѣдствіе этого, возникаютъ общины и племенные союзы, образующіеся все таки по типу кровно-родоваго быта; общины сходятся на совѣщанія — вѣча, возникаютъ города въ защиту отъ враговъ, старѣйшины выбираются. 2) Затѣмъ наступаетъ еще большая потеря сознанія кровнаго родства между родами-союзами и общинами; начинается разложеніе общинъ, племенныхъ союзовъ и родовъ на семьи, которыя враждуютъ другъ съ другомъ («вста родъ на родъ»—какъ говорятъ наши лѣтописи). Князья приглашаются извнѣ (изъ Варягъ), для умиротворенія внутреннихъ раздоровъ. Эти князья приносятъ къ намъ дружину, основанную на началѣ личности; но это начало очень скоро растворяется въ кровно-патріархальныхъ основахъ славяно-русскаго быта: менѣе чѣмъ черезъ

столѣтіе варяги славянизируются, и Ярославъ, сынъ Владиміра, является уже совершеннымъ славяниномъ, пытающимся основать государственный бытъ Руси на семейно-родовомъ началѣ. Это бытъ юридическій (потому что государство тогда было развито еще не вполнѣ). Съ семьей Ярослава происходитъ то же, что произошло съ славянскими семьями до него, и что происходило съ разными частными семьями, ему современными: она разрослась въ родъ, а затѣмъ стала роспадаться снова на семьи. По семьѣ Ярослава и ея потомству мы можемъ изучать то, что дѣлалось въ это время во всѣхъ остальныхъ славяно-русскихъ семьяхъ, наблюденія надъ которыми не доступны историку. 3) Это распаденіе на семьи княжескаго рода, проявившееся со второй половины XII в., выдѣляетъ изъ себя личный элементъ въ началѣ вотчинномъ, особенно сильно выразившемся въ сѣверо-восточной Руси, и служащимъ переходомъ къ 4)—началу государственному, которое съ Іоанна III, облекаясь въ формы политическія, вступаетъ въ борьбу съ началами вотчиннымъ и родовымъ.

Такова по Кавелину общая схема развитія русской общественности изъ кровно-патріархальныхъ началъ. Она, правда, отличается слишкомъ отвлеченнымъ построеніемъ и въ настоящее время положенія ея далеко не могутъ быть приняты всецѣло, но въ 40-хъ и 50-хъ годахъ схема эта являлась цѣлой программой для разработки внутреннихъ, преимущественно правовыхъ вопросовъ русской исторіи; въ наши же дни, она важна въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ методологическомъ, давая нѣсколько важныхъ пріемовъ синтезированія историческихъ явленій, 2) въ общественно-психологическомъ, ставя личное начало, личность человѣка, основой общественнаго развитія; эти двѣ темы и являются любимыми темами ученыхъ трудовъ Кавелина, и историческихъ, и философскихъ, и юридическихъ. Первая тема можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) Внутренняя русская исторія есть стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы Петра Великаго). 2) Наша исторія представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ, слѣдовательно, въ ней было развитіе, не такъ какъ на Востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ повторяется почти одно и то же; въ этомъ смыслѣ мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію, къ прогрессу. 3) Только путемъ самаго тщательнаго изученія своего прошлаго и настоящаго, изученія, основаннаго на точныхъ научныхъ пріемахъ, безъ предвзятыхъ идей, мы можемъ выяснить наше современное положеніе и дѣйствительное отношеніе къ Западной Европѣ, отъ которой отличаемся во многомъ, но плоды цивилизаціи которой должны быть усвоены нами. 4) Взглядъ, теорія, непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета; но и на оборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ теоріи; сухое знаніе всѣхъ фактовъ недостижимо по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно безполезно, въ сущности ничего не прибавляя къ нашему знанію; взглядъ, теорія опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ. 5) Современный бытъ русскаго крестьянства хранитъ въ себѣ такіе остатки старины и древности, что изученіе этого быта для того, чтобы уяснить себѣ древнѣйшій и старинный бытъ нашихъ предковъ, важнѣе чѣмъ свидѣтельства лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ; это послѣднее положеніе вытекаетъ изъ трудовъ Кавелина по русской этнографіи, естественно примыкающихъ къ его историческимъ работамъ, и въ высшей степени важно. По словамъ одного изъ критиковъ, Кавелинъ, по методу этнографическаго изслѣдованія и по выводамъ и объясненіямъ частностей и отдѣльныхъ явленій, на тридцать слишкомъ лѣтъ опередилъ Лёббока, Тейлора и Мена.

Этнографическія изученія легли у Кавелина въ основу замѣчательной его статьи «Мысли и замѣтки по русской исторіи», представляющей обобщеніе тѣхъ измѣненій въ его историческихъ воззрѣніяхъ, которыя произошли у него въ 60-хъ годахъ. Вотъ краткое изложеніе этой статьи.

Подробное знакомство съ исторіей великорусскаго племени даетъ возможность правильнѣе понять его племенныя и общественныя особенности и его политическое значеніе среди другихъ русскихъ племенъ. Колонизація славяно-руссовъ среди финновъ съ запада началась весьма рано, но великорусское племя возникаетъ этимъ

путемъ не ранѣе XII — XIII в. Колонисты принесли съ собой христіанскую религію, въ видѣ греко-россійскаго православія, организованнаго въ стройную систему византійской церковности, но у нихъ не было установившихся самостоятельныхъ общественныхъ и культурныхъ формъ, и потому они должны были начинать свою жизнь на сѣверѣ съ самыхъ первобытныхъ началъ общежитія. Эти два обстоятельства и легли въ основу двухъ особенностей великорусской общественности: православіе, какъ ясное отличіе колонистовъ отъ туземцевъ-язычниковъ (христіане=крестьяне) явилось у нихъ выраженіемъ ихъ самосознанія и замѣнило мѣсто національности, народности; вслѣдствіе чего у великоруссовъ православная церковь получила характеръ организующаго государственнаго, политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось ихъ національное сознаніе. Начиная жизнь съ изнова среди финскихъ инородцевъ, на широкой первобытной территоріи, славянскіе насельники имѣли всю возможность проявить свою племенную склонность къ молодечеству, къ разгулу, къ безграничной свободѣ, къ удали, безъ цѣли и безъ предѣла. Эти черты великорусса создали казачество, разбойничество, и породили массовыя движенія и взрывы, выступавшіе во всѣхъ нашихъ смутахъ и потрясавшіе государство. Монгольское завоеваніе вовсе не понизило русской культуры на западѣ и сѣверѣ; у великоруссовъ же, къ появленію монголовъ, только зачинавшихъ свою племенную особенность, никакой культуры не было, нечего было поэтому и понижать. Культура воспринималась великоруссами чисто внѣшнимъ образомъ; вмѣсто самодѣятельности, мы видимъ пассивное воспріятіе чужаго; меньшинство является проводникомъ этого чужаго въ нашу жизнь, а потому весь культурный процессъ идетъ сверху внизъ, изъ вершинъ общества въ народныя массы. Внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ исторіею было поставлено великорусское племя, на цѣлые вѣка сдѣлали невозможнымъ развитіе великорусской вѣтви изъ самой себя. «Ея не воспитывала среда, въ которой она жила», говоритъ Кавелинъ, «нравственная и умственная сторона въ ней дремала. Единственнымъ путемъ культуры Великороссіи было постепенное, такъ сказать, всасываніе образовательныхъ элементовъ извнѣ, изъ другихъ странъ, болѣе образованныхъ. Наша подражательность, обезьянничанье, наша падкость къ новому и чужому, наша способность принимать всевозможные виды и образы, ставятся намъ въ укоръ; но такая воспріимчивость и впечатлительность, выработанныя въ насъ, правда, до виртуозности, доказываютъ только отсутствіе въ насъ всякаго содержанія и сильную потребность наполнить эту пустоту единственнымъ способомъ, который оставался—впитываніемъ, вдыханіемъ въ себя образовательныхъ элементовъ извнѣ. Эти внѣшнія вліянія чрезвычайно медленно осѣдали въ народѣ и продолжали жадно восприниматься отовсюду, до тѣхъ поръ, пока почва не напиталась ими и не народилась для самостоятельнаго, нравственнаго и духовнаго развитія».

Государственный и предшествовавшій ему гражданскій бытъ Великороссіи представляетъ также своеобразное развитіе зачатковъ, принесенныхъ сюда переселенцами съ запада Россіи. Замѣтимъ, что Кавелинъ всегда говоритъ съ «запада», а не «съ запада и юга». Великоруссы создали Московское государство и во главѣ его самодержавную царскую власть, перешедшую и къ государямъ всероссійскимъ. Самодержавіе родилось вмѣстѣ съ Великороссіей и Андрей Боголюбскій былъ такой же самодержецъ какъ и Московскіе цари до смутной эпохи,—прибавляетъ Кавелинъ,—а государственная власть ихъ развилась изъ первобытной Московской общественности. Такимъ первобытнымъ началомъ, ячейкой, изъ которой развилась со временемъ вся великорусская общественность и государственность — былъ домъ, дворъ; домовладыка, окруженный семьей и домочадцами, распоряжающійся своимъ хозяйствомъ, установляющій порядокъ среди своей семьи и своихъ слугъ и рабочихъ-домочадцевъ,— явился прототипомъ той высшей общественной, а затѣмъ и государственной власти, которая выработалась въ великорусскомъ племени, которое создало государство, сначала Московское, а затѣмъ Всероссійское. Великорусскій царь—это домовладыка; подчиненность ему различныхъ «разрядовъ» русскаго народа (служилые люди, торговые, тяглые) и организація его управленія («наказы», «приказы», «пути»)— суть ничто иное, какъ дальнѣйшее разростаніе распорядковъ, сложившихся во дворѣ, въ домѣ великорусса. Крѣпостное право

первоначально произошло изъ тѣхъ же «домашнихъ» распорядковъ и заключалось, прежде всего, въ полномъ, но патріархальномъ подчиненіи власти домовладыки всѣхъ членовъ его семейства, всѣхъ его домочадцевъ и слугъ. Власть эта, вслѣдствіе грубости нравовъ, была первоначально жестока и сурова, но не состояла въ правѣ на человѣка. Крѣпостное право не исключало попечительности о людяхъ, справедливости въ обращеніи съ ними, правильнаго опредѣленія ихъ обязанностей и повинностей. Такой же принципъ крѣпостнаго права лежалъ въ основѣ взаимныхъ отношеній всѣхъ классовъ русскаго народа, причемъ самый обширный классъ земледѣльцевъ-крестьянъ находился, на основаніи такого крѣпостнаго права, въ зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Воззрѣніе на крѣпостнаго крестьянина со стороны ихъ какъ на вещь, какъ на экономическую силу, наконецъ какъ на раба — мало-по-малу складывалось въ теченіи XVIII и XIX вв. подъ вліяніемъ юридическихъ понятій, занесенныхъ къ намъ изъ Западной Европы, что и ускорило самое паденіе крѣпостнаго права. Крѣпостное начало вліяло и на формированіе великорусскихъ сельскихъ и городскихъ общинъ, которыя стали возникать у великоруссовъ не ранѣе XVII в., подъ вліяніемъ фискальныхъ требованій государства, для платежа государственныхъ повинностей, государственнаго «тягла». Общинная жизнь, изначала присущая всѣмъ славянскимъ племенамъ и развитая у славяно-руссовъ на югѣ, западѣ и сѣверѣ, не имѣла корней для своего развитія у великоруссовъ среди ихъ общественности, выросшей изъ «дома». Изъ той же ячейки, «дома», происходятъ: затворничество женщинъ, преслѣдованіе великоруссами въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ цѣлей чисто домашнихъ, такъ сказать семейныхъ, частныхъ, а не общихъ.

Іоаннъ IV первый изъ Московскихъ царей формулировалъ царскую власть, какъ принципъ, и вступилъ въ борьбу съ вошедшими въ Московское царство элементами боярской знати, чуждыми его организаціи: то были польско-литовскіе выходцы и потомки русскихъ удѣльныхъ князей, внесшіе въ московскую государственность начала польскія и западно-русскія удѣльно-княжескія. Начала эти обнаружились въ смутное время, выразившись въ ограниченіи верховной царской власти властью бояръ. Предчувствіями такого измѣненія великорусскаго государственнаго строя во многомъ объ ясняются, помимо личныхъ качествъ Іоанна IV, его крутыя мѣры по отношенію къ боярству. Реформа Петра Великаго вноситъ въ великорусскую жизнь новый общественный идеалъ — западно-европейскаго государства, и примѣнительно къ нему начинается переработка всего, къ чему пришла великорусская общественность къ исходу XVII в. Самъ Петръ Великій совершенный великоруссъ; онъ смотрѣлъ на иностранцевъ только какъ на временныхъ «инструкторовъ» своего народа, какъ на «свѣдущихъ людей», и докончилъ своими преобразованіями лишь то, къ чему стремились Московскіе цари; способъ примѣненія реформы, ея внѣшній и принудительный характеръ, являются его личнымъ элементомъ въ дѣлѣ реформы. Но струя европейскихъ идей, внесенныхъ къ намъ реформой Петра, была воспринята и усвоена русскимъ обществомъ впослѣдствіи, помимо воли Петра, и не по его программѣ; и эти-то обстоятельства служатъ яснымъ доказательствомъ въ органической необходимости нашего культурнаго, но самобытнаго общенія съ Западной Европой.

Какъ юристъ, Кавелинъ внесъ въ русское гражданское право начало обобщенія и даже представилъ попытку новой его систематизаціи. Изучая правовыя явленія въ области исторіи русскаго права и въ дѣйствующемъ законодательствѣ по гражданскому праву, Кавелинъ находилъ ненормальнымъ полное игнорированіе русскаго обычнаго права и насильственное подведеніе всѣхъ нашихъ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ правъ подъ чуждыя русскому народу нормы права римскаго и комментаріевъ на него западно-европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, цивилистовъ и пришелъ къ заключенію о необходимости измѣнить самую систему русскаго гражданскаго права. Эти мысли проведены имъ въ его работахъ по гражданскому праву и сводятся къ слѣдующему общему положенію: область гражданскаго права ограничивается лишь правами и обязанностями, вытекающими изъ имущественныхъ отношеній и обязательствъ; значительную часть 1-й ч. X т. Свода Законовъ онъ не признавалъ относящеюся къ области гражданскаго права, а именно: права семейственныя Кавелинъ относилъ къ области обществен-

наго права и наоборотъ, признавалъ необходимымъ ввести въ систему гражданскаго права цѣлый рядъ новыхъ рубрикъ, излагающихъ юридическія отношенія, вытекающія изъ правъ по имуществу и обязательствамъ, но разбросанныя по разнымъ другимъ томамъ Свода Законовъ и обыкновенно разсматриваемыя въ изложеніи правъ государственнаго, административнаго, общественнаго, полицейскаго, финансоваго и др. По такой новой программѣ Кавелинъ читалъ лекціи въ Военно-юридической академіи. Изъ явленій русскаго обычнаго права Кавелинъ всего болѣе удѣлялъ вниманія русской сельской земельной общинѣ. Она привлекала его къ себѣ, какъ оригинальная и самобытная форма землевладѣнія, не только не исключающая параллельнаго съ нею частнаго землевладѣнія, но и не поглощающая индивидуальности въ самихъ членахъ общины; по его взгляду она предназначена спасти русскаго крестьянина отъ пролетаріата. Кавелинъ доказывалъ, что многія черты общиннаго землевладѣнія, которыя его противниками указываются, какъ доказательство его несостоятельности и вреда, представляютъ лишь административныя и фискальныя повинности, которыя на общину возложены извнѣ и вовсе не составляютъ отличительныхъ ея свойствъ.

Какъ философъ, Кавелинъ работалъ преимущественно въ области психологіи, гдѣ его опять таки занимала личность человѣка, и опредѣленіе сущности человѣческаго духа, человѣческой души являлось для него, въ данномъ вопросѣ, такой же основной задачей, какъ и опредѣленіе сущности правовой личности въ его трудахъ историческихъ и юридическихъ. Въ основѣ своихъ философскихъ воззрѣній Кавелинъ является метафизикомъ гегеліанской школы, съ поправками, заимствованными отъ представителей нѣмецкаго философскаго реализма пятидесятыхъ годовъ, съ Бенеке во главѣ. Въ 60-хъ годахъ Кавелинъ не остался чуждъ вліянію такъ называемой «позитивной» философіи, получившей у насъ въ то время особое распространеніе, но подпалъ этому вліянію, главнымъ образомъ, лишь со стороны методологической, а не по существу психологическихъ явленій; изъ этого понятно, почему «Задачи психологіи» Кавелина вызвали нападки съ двухъ противоположныхъ сторонъ: и со стороны позитивиста Сѣченова, и со стороны мыслителя теологическаго направленія, Самарина. Вотъ какъ опредѣляетъ сущность психологическихъ воззрѣній Кавелина извѣстный профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ М. М. Троицкій: «Чтобы оцѣнить по достоинству метафизику души Кавелина, слѣдуетъ разсматривать ее въ связи съ обстоятельствами жизни русскаго мыслителя пятидесятыхъ годовъ. Кавелинъ, очевидно, не удовлетворялся ни нѣмецкимъ идеализмомъ, господствовавшимъ въ кружкахъ нашихъ славянофиловъ и западниковъ того времени, ни нѣмецкимъ матеріализмомъ школы Фейербаха, распространеннымъ тогда въ нашей образованной публикѣ, ни психологіею Бенеке, которая играла преобладающую роль въ нашей высшей школѣ тѣхъ же лѣтъ. Ему хотѣлось создать свою психологію изъ матеріала, представляемаго теоріями этихъ трехъ направленій,—психологію, которая бы примирила ихъ и внесла миръ въ умы русскаго общества. Исполняя эту задачу, Кавелинъ, по примѣру Бенеке, не страшится признать душу за организмъ, вырастающій на матеріальной почвѣ, но отдѣляется отъ Бенеке во взглядѣ на сознательность и произвольность, понимая первую, подобно школѣ Рида, какъ операцію, параллельную всѣмъ другимъ психическимъ операціямъ, и видя въ ней, подобно нѣмецкому идеализму, высшее, сравнительно съ матеріею, хотя и не полное, откровеніе единаго начала, такъ какъ полное раскрытіе его дается только съ произвольностью, или свободою, сопровождающею сознаніе. Съ метафизической точки зрѣнія, психологическія комбинаціи Кавелина обличаютъ въ немъ сильнаго и глубокаго мыслителя, и его «Задачи психологіи», по ихъ метафизическому содержанію, останутся навсегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей философской литературы пятидесятыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что въ метафизикѣ нельзя искать положительной науки, и метафизика души Кавелина, съ положительной точки зрѣнія, вопреки увѣренности въ ея истинѣ самого автора, неспособна поручиться, не только за свою достовѣрность, но и за простую вѣроятность. Достаточно сказать, что нѣкоторыя изъ психологическихъ теорій Кавелина, дѣйствительно, не противорѣчатъ фактамъ, т. е. реально мыслимы, хотя, можетъ быть, вслѣдствіе разновременныхъ передѣлокъ, не представ-

ляютъ желательной логической стройности». Но если «Задачи психологіи» Кавелина и носятъ на себѣ слѣды нѣсколькихъ философскихъ міросозерцаній, онѣ тѣмъ не менѣе лишены эклектизма: Кавелинъ переработывалъ воззрѣнія, а не компилировалъ ихъ. Въ «Задачахъ этики» онъ подводитъ итоги своимъ философскимъ воззрѣніямъ. Профессоръ Троицкій говоритъ объ этой книги такъ: въ «Задачахъ этики» Кавелинъ не обошелъ ни одного изъ основныхъ пунктовъ своей прежней метафизики души, а очевидно съ намѣреніемъ поставилъ ихъ на видъ и далъ имъ такую обработку, въ которой не осталось и слѣда ихъ метафизическаго смысла. Правда, психологія его утратила черезъ это много оригинальности; правда и то, что положительное ученіе его о психическихъ явленіяхъ не отличается ни ясностью, ни новизною и далеко не отвѣчаетъ современнымъ успѣхамъ психологіи; но онъ достигъ того, къ чему стремился неутомимо всю свою жизнь, единства, цѣльности своихъ философскихъ взглядовъ на почвѣ строгой научности. Вотъ почему «Задачи этики» удовлетворяли его болѣе всѣхъ его предыдущихъ произведеній: въ нихъ послѣднее слово его долговременнаго философскаго труда надъ величайшимъ изъ всѣхъ научныхъ вопросовъ,—надъ вопросомъ о методѣ науки,—заключительный шагъ его постепенной переработки себя изъ метафизика сороковыхъ годовъ въ современнаго положительнаго мыслителя. Слѣдя за исторіею философскаго развитія Кавелина по его работамъ, мы выносимъ много назидательнаго. Положительный методъ разработки науки о духѣ, — это послѣднее слово всего философскаго труда его надъ вопросами о духѣ, — выступаетъ въ его произведеніяхъ, какъ первый долгъ современнаго психолога. Споръ его съ Сѣченовымъ и Самаринымъ достаточно выяснилъ, что положительная наука не противъ метафизическихъ гипотезъ, какъ руководства въ личной, молчаливой постановкѣ вопросовъ о духѣ; она только противъ признанія ихъ научно-разрѣшимыми, и поэтому противъ введенія ихъ въ число предметовъ, подлежащихъ ея обработкѣ.

Въ біографическомъ очеркѣ мы уже касались нѣсколько общественныхъ воззрѣній Кавелина, которыя онъ высказываетъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ. Основнымъ вопросомъ въ этихъ статьяхъ является вопросъ крестьянскій, съ отрочества занимавшій помыслы Кавелина. Разъясненію его онъ и посвящаетъ преимущественно свои публицистическіе трактаты. Обращаясь къ концу 50-хъ годовъ, когда двузья Кавелина и онъ самъ трудились надъ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостнаго права и надъ созданіемъ «Положеній 19-го февраля 1861 г.», и сравнивая тогдашнія радужныя надежды людей 40-хъ годовъ съ исполненіемъ ихъ на дѣлѣ въ 70-хъ годахъ,—Кавелинъ не могъ не поражаться діаметральною противоположностью того и другого. Отступленіе отъ духа «Положеній 19-го февраля 1861 г.» въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ по крестьянскому дѣлу, извращеніе лучшихъ чаяній людей 40-хъ годовъ при переходѣ идеи освобожденія крестьянъ въ дѣйствительность—все это не могло укрыться отъ зоркаго умственнаго взгляда Кавелина и не могло не оскорблять его чуткаго къ добру сердца. Необходимость стать твердо на положительную законную почву «Положеній о крестьянахъ», устранить вліяніе случайныхъ циркуляровъ и распоряженій съ одной стороны, проявленій грубости нравовъ, и общества, и крестьянства,—съ другой, проводить въ жизнь лишь строго логическіе выводы изъ законоположеній 19-го февраля 1861 г.—вотъ тѣ идеи, которыя развивалъ и проповѣдывалъ теперь Кавелинъ съ горячностью, съ настойчивостью, и въ частныхъ разговорахъ, и въ бесѣдахъ съ оффиціальными людьми, и въ письмахъ, и въ цѣломъ рядѣ печатныхъ статей и замѣтокъ. «Крестьяне не освобождены!—восклицалъ онъ. Положеніе 19-го февраля 1861 г. дало только программу ихъ освобожденія, которая не только не исполнена, но изломана въ конецъ. Дальнѣйшее улучшеніе экономическаго, нравственнаго и умственнаго положенія крестьянъ еще впереди и много, много придется надъ нимъ поработать»! Для этого, по убѣжденію Кавелина, необходимы: скорѣйшее окончаніе выкупа и облегченіе его для крестьянъ, образованіе дешеваго государственнаго кредита для помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земель сверхъ ихъ надѣла, улучшеніе и упрощеніе ихъ самоуправленія и суда, поднятіе крестьянскихъ хозяйствъ путемъ улучшенія ихъ веденія и основаніе большаго количества школъ.

Смотря на осуществленіе реформъ земской и судебной, Кавелинъ также мало-

по-малу разочаровывался, но не въ самыхъ принципахъ этихъ реформъ, которые онъ также горячо отстаивалъ и впослѣдствіи, какъ въ 60-хъ годахъ, а разочаровывался въ той средѣ, черезъ которую преломлялись свѣтлые лучи русскихъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, образуя своеобразные и «безобразные» спектры и ими неопровержимо изобличая присутствіе въ русской дѣйствительности такихъ общественныхъ суррогатовъ, которые не были предусмотрѣны лучшими русскими людьми 40-хъ годовъ, теоретиками-идеалистами. Но Кавелинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣчать ихъ, и слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы уступать имъ, идти съ ними на компромиссъ. Напротивъ, онъ съ нравственною болью указывалъ на нихъ и предлагалъ средства для дальнѣйшаго слѣдованія по пути прогресса и реформъ. Въ числѣ общественныхъ разочарованій Кавелина однимъ изъ самыхъ крупныхъ должно быть отмѣчено разочарованіе въ тѣхъ надеждахъ, которыя онъ возлагалъ въ 60-хъ годахъ на мѣстное провинціальное дворянство, какъ на руководителя земства, какъ на общественный элементъ, которому, по историческимъ и общественнымъ условіямъ, предстояло стать во главѣ мѣстной хозяйственной и общественной дѣятельности.

Умственныя политическія «шатанія» среди молодежи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, поведшія къ горестнымъ проявленіямъ анархизма, побудили его высказаться по основнымъ, кореннымъ вопросамъ нашей политической жизни. Къ сожалѣнію, по цензурнымъ условіямъ замѣчательныя брошюры его по этимъ вопросамъ могли быть напечатаны только за границей и анонимно; въ нихъ Кавелинъ высказывается прежде всего за самодержавіе, какъ за исторически сложившуюся и единственно возможную въ Россіи форму правленія, понимая самодержавіе въ высшемъ, идеальномъ его проявленіи и подвергая серьезной критикѣ западно-европейскій парламентаризмъ, предлагаетъ цѣлую систему административныхъ реформъ въ управленіи центральномъ и мѣстно-областномъ; затѣмъ—порицаетъ мечтанія нѣкоторой части нашего дворянства о политическомъ представительствѣ и убѣждаетъ молодежь въ необходимости дѣйствительнымъ дѣломъ и серьезнымъ трудомъ служить на пользу русскаго народа.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ занимаетъ видное мѣсто въ группѣ просвѣщенныхъ русскихъ мыслителей - идеалистовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ», столь много сдѣлавшихъ для прогрессивнаго развитія русской мысли и общественной жизни. Исходя изъ философскихъ отвлеченныхъ построеній, онъ, какъ и всѣ люди этой группы, и въ наукѣ, и въ жизни искалъ принциповъ, общихъ началъ, но не только съ каѳедры и не путемъ одной ученo-литературной дѣятельностью проводилъ онъ въ жизнь свои воззрѣнія. Очень много русское общество обязано личному вліянію Кавелина. Его оригинальная психическая организація и симпатичный характеръ привлекали къ нему людей и обаятельно дѣйствовали на значительное большинство, служа для весьма многихъ примѣромъ и образцомъ. Синтетическій умъ Кавелина, чуждый крайнихъ воззрѣній, но всегда самостоятельный и упорный въ выводахъ и сужденіяхъ, отличался живостью и разносторонностью, а изящная и содержательная его рѣчь, убѣжденная и въ большинствѣ случаевъ страстная, производила сильное впечатлѣніе и возбуждала работу мысли. Но что особенно привлекало къ нему людей—это необыкновенная сердечность и честность его натуры. К. Д. Кавелинъ обладалъ весьма рѣдкимъ качествомъ: гармоническимъ взаимодѣйствіемъ ума и сердца: его умъ согрѣвался чувствомъ, а чувство просвѣтлялось умомъ. Слово у него не расходилось съ дѣломъ, онъ не торговался съ совѣстью и не зналъ никакихъ компромиссовъ. Ставя выше всего въ человѣкѣ нравственныя основы и посвятивъ столько силъ тому, чтобы содѣйствовать развитію и прогрессу нравственной личности, самъ онъ являлся яркимъ выразителемъ этихъ высокихъ свойствъ. Только такое равновѣсіе душевныхъ силъ и давало ему возможность находить постоянно и въ людяхъ и въ общественныхъ явленіяхъ хорошія стороны, поселяя въ немъ увѣренность въ лучшее будущее для человѣческихъ обществъ, создавало въ немъ то душевное настроеніе, которое принято называть оптимизмомъ. Но Кавелинъ не могъ быть такимъ оптимистомъ, который не замѣчаетъ вокругъ себя зла и неправды: его умъ и сердце чутко угадывали всякую пошлость и искренно возмущались несправедливостью и порокомъ. Прекрасную оцѣнку всей его

личности и дѣятельности сдѣлали его послѣдніе слушатели, офицеры Военно-юридической Академіи, когда они возложили на его гробъ вѣнокъ съ надписью: «Учителю *права* и *правды*»

Приводимъ здѣсь списокъ важнѣйшихъ трудовъ К. Д. Кавелина, дополняя и исправляя неточности, существующія въ спискахъ, напечатанныхъ ранѣе. Въ 1859 г. въ Москвѣ Солдатенковымъ и Щепкинымъ изданы были въ четырехъ томахъ «Сочиненія Кавелина»; въ это изданіе вошло все, написанное имъ до 1859 г., т. е. его кандидатская и магистерская диссертаціи, «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», «Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ», въ I томѣ; во II и III тт. напечатаны его критическія статьи и рецензіи на книги по русской исторіи и исторіи русскаго права, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія на сочиненія Погодина, Пл. Вас. Павлова, Соловьева и Чичерина; въ т. IV статьи, относящіяся до изученія народнаго быта, изъ которыхъ весьма важенъ разборъ книги Терещенки: «Бытъ русскаго народа», далѣе рѣчи и мелкія статьи публицистическаго содержанія. Объ этомъ изданіи были даны любопытные отзывы: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ статьѣ «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки», въ «Московскомъ Обозрѣніи», 1859 г., кн. I, имъ же въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г., кн. 4, 6, 8 и 11, О. М. Дмитріевымъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1860 г., №№ 185 и 209 и др. Магистерская диссертація Кавелина «Основныя начала русскаго судоустройства и судопроизводства отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ» вышла въ Москвѣ еще въ 1844 г. (рецензіи на нее въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1844 г., кн. 3, «Современникѣ», 1844 г. т. XXXIV, «Русскомъ Инвалидѣ», 1844 г., № 67, «Москвитянинѣ», 1844 г., мартъ, «Литературной газетѣ», 1844 г., № 14). Статья «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» (1847 г.) вызвала цѣлую небольшую литературу. О ней писали Ю. О. Самаринъ (подписано М...З... К...), въ «Москвитянинѣ» 1847 г., кн. 2, М. П. Погодинъ, въ «Москвитянинѣ», 1847 г., кн. 1, 2, 3 и Н. Левитскій, тамъ же, кн. 3; отзывъ объ этой же статьѣ Бѣлинскаго—въ письмахъ къ Герцену и Кавелину, «Русская Мысль» 1891 г., кн. 1 и 1892 г., кн. 1.

Въ періодъ времени съ 1859 года по 1885 годъ Кавелинымъ напечатаны слѣдующіе труды:

По крестьянскому вопросу и по вопросамъ о внутреннемъ положеніи Россіи вообще: 1) «Записка объ освобожденіи крестьянъ»—написана въ 1855 г., напечатана въ «Русской Старинѣ», 1886 г., тт. XLIX и L. 2) «Письма изъ деревни», (о юридическихъ обычаяхъ русскаго крестьянства вообще и новоузенскаго уѣзда самарской губерніи въ частности), — въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1860 г., №№ 192 и 194. 3) «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», анонимно,—отдѣльнымъ изданіемъ въ Берлинѣ въ 1862 г. 4) «Письмо къ самарскому губернскому предводителю дворянства Б. П. Обухову», написано въ 1862 г., напечатано въ «Новостяхъ» 1886 г., № 22. 5) «Сборникъ статей о конституціонномъ началѣ, бар. А. Гакстгаузена»,—переводъ съ нѣмецкаго вмѣстѣ съ Б. И. Утинымъ (1866 г.). 6) «Изъ записной книжки деревенскаго жителя», подъ псевдонимомъ «Ивановскій»,—въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1873 г., №№ 259, 260, 264. 7) «Общинное владѣніе»,—«Недѣля» 1876 г., №№ 3—7 и отдѣльно 8) «Поземельная община въ древней и новой Россіи» (по поводу книги Кейсслера), въ «Вѣстникѣ Европы» 1877 г., кн. 5. 9) «Чѣмъ намъ быть»? Отвѣтъ редактору газеты «Русскій Міръ» (Р. В. Фадѣеву), анонимно, отдѣльнымъ изданіемъ, въ Берлинѣ, въ 1876 г. 10) «Политическіе призраки», анонимно, тамъ же, 1878 г. 11) «Разговоръ съ соціалистомъ-революціонеромъ», анонимно, тамъ же, 1880 г. 12) «Крестьянскій вопросъ», въ «Вѣстникѣ Европы» 1881 г., книги 3, 8, 9—12 и отдѣльно (1882 г.). Полемика по поводу этой книги съ прибалтійской нѣмецкой прессой—въ «Вѣстникѣ Европы», 1883 г., кн. 9 и въ «Revalische Zeitung», 1883 г., №№ 202—213 и 256; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1883 г., № 4, по поводу «Крестьянскаго вопроса» Кавелина, за подписью Д. Д. напечатана статья «Мысли сельскаго хозяина». 13) Письма къ О. К. Потовичу, по поводу его книги: «Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія», «Новости», 1882 г., №№ 240 и 256 и полемика изъ за этихъ статей, въ «Вѣстникѣ Европы» 1882 г., кн. 12.—14) «Путевыя письма», въ «Вѣстникѣ Европы», 1882 г., кн. 10.

По философіи: 1) «Мысли о современномъ научномъ направленіи» (по поводу

магистерской диссертаціи Н. А. Неклюдова), въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г., №№ 132 и 133, и отдѣльно, 1865 г.; на эту статью были рецензіи въ «Современникѣ», 1865 г., кн. 7 и въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», 1865 г., кн. 10.—2) «Задачи психологіи», въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г., кн. 1—4 и отдѣльно въ томъ же году. По поводу этой книги К. Д. Кавелинъ долженъ былъ вести полемику съ И. М. Сѣченовымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ («Вѣстникъ Европы», 1872 г., кн. 11, 1873 г., кн. 3—7 и 9, 1875 г., кн. 5—7); на сочиненіе это существуютъ рецензіи: С. Шашкова («Дѣло», 1872 г., кн. 6), Литвинова («Знаніе», 1872 г., кн. 5). Гусева («Гражданинъ», 1872 г., №№ 25—31, 34) и анонимная въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1872 г., кн. 8, 10, 11).—3) «Задачи этики», въ «Вѣстникѣ Европы» 1884 г., кн. 10—12 и отдѣльно, 1885 г. и вторично, съ портретомъ автора, въ 1886 г.; этому сочиненію посвящены статьи В. Д. Спасовича въ «Вѣстникѣ Европы» 1885 г., кн. 10, Э. Л. Радлова въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1886 г., кн. 4, М. М. Троицкаго въ «Русской Мысли», 1885 г., кн. 11 и В. А. Гольцева, «Нравственныя идеи К. Д. Кавелина», въ «Русской Мысли» 1892 г., кн. 6.—4) «Злобы дня», въ «Русской Мысли», 1888 г., кн. 3 и 4.

По русской исторіи и культурѣ: 1) «Мысли и замѣтки по русской исторіи», въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., т. II.—2) Характеристики Грановскаго, Н. А. Милютина, Бѣлинскаго, Ю. Ѳ. Самарина, «Первыхъ славянофиловъ», Достоевскаго и А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (первая, вторая, четвертая и шестая въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., IV, 1872 г., кн. 3, 1876 г., кн. 4 и 1880 г., кн. 11, третья—въ газетѣ «Недѣля», 1875 г., № 10 и 1876 г., № 36; пятая—въ газетѣ «Сѣверный Вѣстникъ», 1877 г., №№ 68, 69 и 1878 г., №№ 20, 23, 24 и 49, наконецъ послѣдняя въ газетѣ «Порядокъ», 1881 г., № 356).

По вопросамъ гражданскаго права: 1) «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія» (актовая рѣчь въ Петербургскомъ университетѣ, 1860 г.), въ «Современникѣ», 1860 г. № 2 и отдѣльно, въ томъ же году; по поводу ея Кавелинъ имѣлъ полемику съ Лохвицкимъ («Отечественныя Записки», 1861 г., кн. 1 и «Современникъ», 1861 г., № 2). 2) «Что желательно для Россіи: новаго Свода законовъ или Уложенія»?—«Петербургскія Вѣдомости», 1863 г., № 223. 3) «Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?»—«Петербургскія Вѣдомости», 1864 г., №№ 14, 15, 18, 24, 31 и 37 и отдѣльно, 1864 г. 4) «Права и обязанности по имуществу и обязательствамъ» (конспектъ лекцій по гражданскому праву, читанныхъ въ Военно-юридической академіи), 1879 г. На это сочиненіе явились рецензіи: С. Муромцева въ «Критическомъ Обозрѣніи» 1879 г., №№ 18 и 19, С. Слонимскаго въ «Словѣ», 1879 г., № 7, въ «Варшавскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», 1879 г., № 34 и въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1880 г., № 6; Кавелинъ отвѣчалъ г. г. Муромцеву и Слонимскому въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», 1880, №№ 1 и 2. 5) «О гражданскомъ уложеніи» въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», 1882 г., кн. 11 и 12 и 1883 г., кн. 1 и 2. 6) «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза», въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», 1882—1883 и отдѣльно въ 1884 г.; этотъ трудъ, равно какъ и послѣдующій, возникъ изъ лекцій, читанныхъ въ Военной юридической академіи; рецензіи на него: въ «Юридическомъ обозрѣніи», 1882, № 9, и 1883, №№ 98 и 99, въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», 1883, кн, 1; о немъ же говорится въ статьѣ И. Тютрюмова: «Семейныя отношенія», въ «Русскомъ Богатствѣ», 1884 г., кн. 4. 7) «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имуществомъ», въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», за 1884 г. и отдѣльно, 1885 г. — Кромѣ этихъ крупныхъ и весьма цѣнныхъ по содержанію работъ, К. Д. Кавелинъ въ періодъ времени съ 1859 по 1885 г. написалъ еще до 80-ти мелкихъ монографій, статей и замѣтокъ, такъ что общее число его работъ за это время значительно превышаетъ сто названій.

Біографическія свѣдѣнія о К. Д. Кавелинѣ при его жизни помѣщены были въ слѣд. изданіяхъ: «Біограф. словарь професс. Моск. унив.», М. 1855 г., I, 364—366; «Портретн. галл. русск. дѣят.», изд. А. Мюнстера, СПБ. 1860 г., т. II, съ портретомъ; «Матер. для ист. упразди. крѣпостн. сост. помѣщ. крестьянъ въ царств. Александра II», Берлинъ, 1860 г., I, 233—241; В. В. Григорьевъ, «С.-Петерб. универ., въ теченіи перв. 50-ти лѣтъ его существованія», СПБ. 1869 г., 80, 126 и слѣд., 158—159, 315—317; поправки въ статьѣ В. Д. Спасовича,

«Вѣстникъ Европы», 1870 г., апр. и май; De-Gubernatis, «Dizionario biogr. degli scritt. contempor.», Firenze, 1879; Шапиро, «Фотогр. портр. знамен. русск. дѣят.», СПБ. 1882 г. съ портретомъ.—По поводу смерти К. Д. Кавелина въ 1885 г. въ 35 періодическихъ изданіяхъ помѣщено было 67 статей, некрологовъ и краткихъ замѣтокъ. Изъ столичныхъ газетъ не дали по случаю смерти Кавелина никакого отзыва о немъ только «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдом.»; послѣднее изданіе помѣщало телеграммы и извѣстія петербургскихъ газетъ, но воздержалось отъ собственнаго сужденія. Пресса провинціальная и церковная отнеслись къ Кавелину съ большимъ сочувствіемъ. Наиболѣе цѣнны изъ некрологовъ статьи, помѣщенныя въ казанскомъ изданіи «Волжскій Вѣстникъ», въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (ст. К. Н. Бестужева-Рюмина), двѣ статьи въ кіевской газетѣ «Заря», въ газетѣ «Новости» (въ №№ 121—125 и 272, 277, 280), ст. В. П. Безобразова, въ «Нови», кн. XIV; четыре статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ IV книжкѣ «Русской Старины», шесть статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», наконецъ, въ англійскомъ ученомъ изданіи «The Atheneum», № 3005. Кромѣ этихъ, болѣе крупныхъ статей, некрологи и замѣтки о Кавелинѣ были еще въ «Биржевыхъ Вѣдом.», «Волын. епарх. вѣдом.», «Восточн. Обозрѣніи», «Всемірн. Иллюстр.», «Газетѣ Гатцука», «Голосѣ Москвы», «Журн. гражд. и уголовн. права», «Казанскомъ биржев. листкѣ», «Колосьяхъ», «Минутѣ», «Москов. церков. вѣдом.», «Новомъ Времени», «Недѣлѣ», «Одес. Новост.», «Петерб. Газетѣ», «Русск. Мысли», «Русск. Курьерѣ», «Свѣтѣ», «Сибир. Вѣстникѣ», «Современ. Извѣст.», «Сынѣ Отечества», «Сѣвер. Вѣстн.», «Церков. Вѣстн.», «Церковно-общ. вѣстникѣ» — во всѣхъ называемыхъ изданіяхъ за 1885 годъ. Памяти Кавелина посвящены слѣдующія болѣе обширныя монографіи: 1) книга «Изъ первыхъ воспоминаній о К. Д. Кавелинѣ», СПБ. 1885 г.; здѣсь помѣщены статьи о Кавелинѣ М. М. Стасюлевича,—первонач. въ «Вѣстн. Европы», 1885 г., № 6, А. Ѳ. Кони—первонач. въ «Недѣлѣ», 1885 г., № 19, В. Д. Спасовича—первонач. въ «Вѣстн. Евр.», 1885 г., № 6, А. Н. Пыпина, стих. Минскаго, составленный Языковымъ библіогр. списокъ трудовъ Кавелина; 2) статья М. И. Кулишера «Кавелинъ и русская этнографія», въ «Вѣстн. Европы», 1885 г., авг.; 3) Проток. чрезв. засѣд. Моск. Юр. Общ. 7 мая 1886 г., посв. пам. Кавелина»—въ «Юридич. Вѣстн.» 1885, кн. VI—VII (рѣчи Муромцева, Чупрова и Гольцева); 4) М. Г. Моргулисъ, «К. Д. Кавелинъ по его трудамъ», въ «Протоколахъ» Одес. юрид. общества 1885 г., перепеч. въ «Новостяхъ», 1885 г., №№ 272, 277, 280; 5) статья А. И. Чупрова въ «Русск. Вѣд.», 1885 г., № 128; 6) двѣ статьи въ «Ист. Вѣстн.», 1885 г. іюнь и августъ; 7) К. И. Домонтовича характеристика Кавелина въ «Русской Старинѣ», 1886 г., кн. 3.; 8) Д. А. Корсакова, «Матеріалы для біогр. Кавелина изъ семейной переписки и воспоминаній», въ «Вѣстн. Евр.», 1886 г. кн. 5—8, 10 и 11; 1887 г., кн. 2, 4, 5, 8; 1888 г., кн. 5.; 9) Д. Д. Языкова, Краткая біографія и списокъ сочиненій и статей о Кавелинѣ—въ «Обзорѣ жизни и трудовъ русск. писат., умерш. въ 1885 г.», прилож. къ «Ист. Вѣстн.» 1888 г.; 10) В. К. Болдырева, «Кавелинъ какъ проф. Военно-юридич. академіи», «Недѣля», 1887, № 19; 11) П. И. Бобровскаго, «Кавелинъ на каѳедрѣ гражд. права въ Военно-юрид. акад.», 1890 г.; объ этой книгѣ см. «Вѣстн. Евр.»; 1890 г., кн. 11, ноябрь, литер. хрон. О Кавелинѣ см. также: А. В. Никитенки, «Дневникъ», за 1848—1877 гг., и статьи по поводу этого дневника «Вѣст. Евр.», 1890 г., кн. 12. Изъ литературной переписки Кавелина (1847—1884 г.), съ предисл. и примѣч. Д. А. Корсакова «Русс. Мысль», 1892 г., кн. 1, 3, 5, 01 и 1895 г., кн. 2.—Переписка А. И. Герцена съ Кавелинымъ и Тургеневымъ, Женева 1892 г.

Д. Корсаковъ.

Каверинъ, *Павелъ Никитичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, въ службѣ съ 1770 г., ум. послѣ 1827 г. Въ 1796 г. императоръ Павелъ, немедленно по воцареніи, отправилъ его въ Москву и назначилъ московскимъ полицеймейстеромъ, 31 марта 1797 г. произвелъ въ статскіе совѣтники и назначилъ оберъ-полицеймейстеромъ, 29 декабря того же года—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 9 декабря 1798 г. отдалъ приказъ о причисленіи его къ Герольдіи, «впредь до опредѣленія къ другимъ дѣламъ». Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ московскимъ отдѣленіемъ Государственнаго ассигнаціоннаго банка, а въ 1812 г.—калужскимъ губернаторомъ. По изгнаніи непріятеля онъ, сохраняя должность калужскаго губернатора, былъ назначенъ сенаторомъ и губернаторомъ въ смоленскую губернію, съ особыми полномочіями и въ теченіе двухъ лѣтъ устраивалъ этотъ раззоренный непріятелемъ край. 31 марта 1813 г. вмѣстѣ съ сенаторами Модерахомъ и Болотниковымъ онъ былъ назначенъ въ коммиссію для разбора дѣлъ о лицахъ, находившихся въ службѣ у французовъ.

Полн. собр. закон., № 25,356; «Сенатскій архивъ», I; «Журналы Комитета Министровъ», I, II; «Списокъ состоящихъ въ гражданской службѣ чиновъ первыхъ пяти классовъ», за 1803—1824 гг.; «Русскій Архивъ», 1871, стр. 1612.

Кавосъ, *Альбертъ Катариновичъ*, академикъ архитектуры, род. 12 декабря 1800 г., ум. 22 мая 1863 г. въ Петербургѣ. Сынъ директора музыки императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, онъ окончилъ курсъ въ Падуанскомъ университетѣ докторомъ математики; въ 1820-хъ годахъ онъ сдѣлалъ рельефный планъ Петербурга и выставлялъ его въ Петербургѣ, Берлинѣ и Парижѣ; затѣмъ онъ былъ помощникомъ архитектора Росси при постройкѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ. Имъ былъ перестроенъ въ 1836 г. Большой театръ въ Петербургѣ и построены: домъ Львова на Караванной улицѣ, Каменноостровскій деревянный театръ въ

1844 г. и циркъ, имъ же перестроенный затѣмъ въ Маріинскій театръ (въ 1846—1849 гг.); кромѣ того, онъ произвелъ много капитальныхъ и замѣчательныхъ перестроекъ въ петербургскомъ и московскомъ почтамтахъ, въ институтахъ Смольномъ и Екатерининскомъ, устроилъ ипподромъ въ Царскомъ Селѣ и перестроилъ послѣ пожара Петровскій театръ въ Москвѣ (1852—1859 гг.). Имъ же составлены были проекты: для постройки православной церкви и для Большой оперы въ Парижѣ—послѣдній доставилъ ему орденъ Почетнаго легіона—и проекты для перестройки Александринскаго, Михайловскаго и другихъ театровъ въ Петербургѣ въ 1858—1859 гг. Имъ изданы были въ Парижѣ: «Traité de la construction des théatres, avec un atlas» (1847 г.) и «Grand théatre de Moscou dit Petrovsi, avec 20 photolithogr.» (1859 г.). За «извѣстныя познанія и работы» Кавосъ получилъ въ 1846 г. званіе академика отъ Академіи Художествъ и въ 1849 г. званіе почетнаго архитектора отъ Бразильскаго императора.

Рукоп. матер., сообщ. сыномъ Кавоса; «Петербургскія Вѣдомости», 1863, № 116, с. 478; «Русск. Худож. листокъ», 1857, №№ 15 и 16; «Сборн. матер. для исторіи Имп. Акад. Худож.» П. Н. Петрова, III, 80 и 108; «Отчеты Имп. Акад. Худож.», за 1846—1859 гг. *Н. С.*

Кавосъ, *Катерино Альбертовичъ* (Caterino Cavos), извѣстный капельмейстеръ петербургскихъ театровъ и композиторъ, род. въ 1775 г. въ Венеціи, ум. 28 апрѣля 1840 г. Его отецъ былъ директоромъ театра La Fenice въ Венеціи. Воспитываясь въ театральной обстановкѣ, Катерино Кавосъ съ дѣтства проявлялъ большія музыкальныя способности. Музыкой занимался онъ подъ руководствомъ Біанки, профессора капеллы св. Марка, и въ 12-тилѣтнемъ возрастѣ уже написалъ кантату на прибытіе императора Леопольда II въ Венецію. Эта работа была замѣчена и заслужила благоволеніе императора. На 14-мъ году онъ по конкурсу получилъ право занять мѣсто органиста въ церкви св. Марка, но добровольно уступилъ его своему сопернику, пожилому человѣку, обремененному многочисленнымъ семействомъ; этотъ великодушный поступокъ молодаго Кавоса увеличилъ еще болѣе уваженіе, съ которымъ относились къ нему его товарищи и вообще соотечественники. Огромный успѣхъ имѣла его новая большая кантата, написанная по случаю заключенія мира въ Кампо-Форміо (1797 г.), по которому Венеція присоединялась къ Австріи. Въ это же время онъ написалъ музыку къ балету «Сильфида». Въ 1798 г., во время пребыванія своего въ Германіи, онъ встрѣтилъ антрепренера Казасси, содержавшаго итальянскую оперу въ Петербургѣ и, по его приглашенію, поступилъ въ его труппу капельмейстеромъ; но съ 1 апрѣля 1799 г. Кавосъ поступилъ уже на службу дирекціи. По пріѣздѣ въ Петербургъ молодой композиторъ обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что написалъ цѣлую арію для одного безголоснаго пѣвца, основавъ ее чуть-ли не на одной нотѣ, оказавшейся въ силахъ пѣвца. Пѣвецъ имѣлъ успѣхъ, а самая арія такъ понравилась, что Кавосъ сдѣлался любимцемъ публики. Вскорѣ итальянская опера въ Петербургѣ окончила свое существованіе и уступила мѣсто французской музыкѣ, представителями которой являлись Боальдье и Парисъ. Кавоса перевели во французскую труппу и ему пришлось писать музыку для французскихъ оперетокъ; изъ нихъ наиболѣе обращали на себя вниманіе «Les trois bossus», «L'intrigue dans les mines», «Les trois sultans» и др. Но главная заслуга Кавоса состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ въ музыкѣ серьезное вниманіе на русскіе народные элементы, изучалъ русскіе пѣсни и мотивы и хотя не создалъ русской оперы въ строгомъ смыслѣ, какъ М. И. Глинка, но тѣмъ не менѣе стремился къ этому всѣми силами и до нѣкоторой степени проложилъ путь другимъ. Видя, съ какимъ восторгомъ публика приняла оперу Кауера и Давыдова «Русалка», Кавосъ усердно принялся за разработку русской національной музыки и 5 мая 1805 г. шла въ первый разъ его опера «Князь Невидимка», въ 6 дѣйствіяхъ; это одна изъ самыхъ длинныхъ оперъ того времени; представленіе ея продолжалось семь часовъ, но опера очень понравилась публикѣ; 12 мая она была повторена въ присутствіи Императорской фамиліи, но уже съ сокращеніемъ до 4-хъ дѣйствій. 31 декабря 1806 г. была поставлена вторая опера Кавоса въ томъ же родѣ «Илья богатырь», на слова И. А. Крылова, въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Обѣ эти оперы долго не сходили со сцены и давали хорошіе сборы. Весьма долго держалась на сценѣ и третья его опера «Жаръ-птица», съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ русской сказки, но наибольшимъ успѣхомъ пользовалась

патріотическая опера «Иванъ Сусанинъ» (въ 2-хъ дѣйствіяхъ), являющаяся самымъ капитальнымъ произведеніемъ Кавоса. Въ первый разъ она была исполнена 19 октября 1815 г. и много лѣтъ не сходила со сцены. Послѣднею его оперою была «Новая суматоха», представлявшая собою сборъ музыки изъ разныхъ авторовъ и имѣвшая лишь временный успѣхъ. Въ теченіи своей дѣятельности въ Россіи Кавосъ написалъ музыку къ 32-мъ русскимъ оригинальнымъ операмъ и къ 6-ти переводнымъ, много водевилей и балетовъ, кантатъ, интермедій, полонезовъ и т. п.

Кромѣ композиторской дѣятельности Кавосъ усердно занимался сложными обязанностями по управленію оперным оркестромъ и труппою, преподавалъ музыку и пѣніе въ театральномъ училищѣ, въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтахъ и во многихъ знатныхъ домахъ. Ни одно большое празднество при Дворѣ не обходилось безъ его дѣятельнаго участія въ сочиненіи, разучиваніи и постановкѣ на придворной сценѣ оперныхъ пьесокъ, хоровъ, гимновъ, кантатъ и проч. Во всѣхъ принимаемыхъ на себя обязанностяхъ онъ всегда являлся исполнительнымъ, усернымъ, знающимъ и талантливымъ и благодаря этому постоянно пользовался благосклонностью трехъ императоровъ Павла I, Александра I и Николая I, а также другихъ Высочайшихъ особъ; преимущественно благоволила къ Кавосу супруга императора Павла Петровича, императрица Марія Ѳеодоровна. По Ея представленію онъ разновременно получилъ за свои занятія съ институтками чинъ 9-го класса и ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 3 ст.,—для музыканта и вообще для артиста эти награды, по тому времени, считались безпримѣрными.—Кавосъ работалъ на пользу музыкальнаго развитія русскаго общества болѣе 42 лѣтъ и умеръ въ Петербургѣ 28 апрѣля 1840 г. Его музыкальныя заслуги признаются всѣми. Для русскаго оперная театра онъ сдѣлалъ очень много и въ первыя 40 лѣтъ XIX вѣка русская опера процвѣтала только благодаря его неутомимымъ трудамъ и неослабѣвающей энергіи. Какъ музыкальный педагогъ онъ далъ русской оперѣ нѣсколькихъ первоклассныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, но какъ композиторъ онъ можетъ быть оцѣниваемъ, разумѣется, условно, лишь съ точки зрѣнія музыкальныхъ требованій того времени. Музыкальная критика установила на Кавоса такой взглядъ: будучи итальянцемъ онъ не могъ отдѣлаться ни отъ вліянія родственной ему музыки, ни отъ традицій школы; поэтому въ его русскихъ операхъ итальянскій элементъ играетъ видную роль и постоянно перемежается съ русской мелодіей; сознательно или безсознательно онъ старался согласить простую, задушевную русскую пѣсню съ фіоритурной вычурной итальянской музыкою; выходило нѣчто слащавое, иногда эффектное, но далеко не глубокое и не самобытное; впрочемъ, три четверти столѣтія тому назадъ самобытной русской музыки, можно сказать, еще не существовало и не мудрено, что произведенія Кавоса казались верхомъ совершенства. Но если Кавосу и не удалось создать для нашей національной музыки ничего самобытнаго, его заслуги всетаки весьма почтенны; онъ составляетъ въ исторіи нашей музыки переходную ступень отъ компилятивно-подражательной эпохи XVIII столѣтія къ сантиментальному творчеству эпохи позднѣйшихъ талантливыхъ русскихъ композиторовъ. Еще болѣе важны его заслуги въ томъ отношеніи, что онъ впервые популяризировалъ сокровища русской національной пѣсни и умѣлъ въ теченіи многихъ лѣтъ поддерживать интересъ къ нимъ въ нашей публикѣ, вообще скорѣе сторонившейся отъ всего русскаго. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что въ исторіи русской оперы Кавосъ составляетъ собою цѣлую эпоху; А. Н. Сѣровъ, собираясь писать исторію русской музыки и русской оперы, думалъ къ первому періоду отнести оперу въ Россію до Кавоса, а второй посвятить исключительно Кавосу и его времени.—Какъ человѣкъ, Кавосъ отличался большою живостью, свойственною вообще южанамъ, веселымъ, простымъ характеромъ, добротою и готовностью на всякую услугу. Объ этомъ вполнѣ согласно свидѣтельствуютъ всѣ его современники. П. А. Каратыгинъ, называетъ его покровителемъ и отцомъ для бѣднѣйшихъ музыкантовъ; зачастую онъ помогалъ имъ своими деньгами. Каратыгинъ указываетъ, что Кавосъ, не смотря на то, что самъ написалъ оперу на тотъ же сюжетъ, который послужилъ Глинкѣ для его «Жизни за Царя», усердно и съ любовью принялся разучивать оперу новаго своего соперника и хлопоталъ о ней какъ о своей собственной. Самъ М. И. Глинка

подтверждаетъ этотъ фактъ. Такія качества въ характерѣ Кавоса пріобрѣли ему всеобщее уваженіе его современниковъ, которые сохранили о немъ самыя лучшія воспоминанія.

«Біографія капельмейстера Кавоса», въ «Репертуарѣ русскаго театра», 1840, кн. 10, 1—10; «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1840, ч. 2, № 4, стр. 62—64; «К. А. Кавосъ», статья Гилью въ «Сѣверной Пчелѣ», 1840, № 210; М. К. (Кублицкій), «Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ», 1874, 213—215; В. Морковъ, «Историческій очеркъ русской оперы», 1862, 45—49 и др. (здѣсь приведенъ списокъ болѣе крупныхъ произведеній Кавоса); П. Мачаровъ, «Краткое историческое обозрѣніе русской оперы», въ «Музыкальномъ свѣтѣ», 1874; Вл. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», 1879, 317—322; «Biographie universelle des musiciens», par F. J. Fétis, ed. 2, t. 2, Paris, 1878; Записки М. И. Глинки, 1871, 87—88, 91; Записки П. А. Каратыгина, 66—68; «Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ», Спб. 1892. Вып. I, отд. I, стр. 108.

Н. Л—скій.

Кавосъ, *Цезарь Альбертовичъ*, академикъ архитектуры, род. 7 ноября 1824 г. въ Петербургѣ, ум. 14 іюля 1883 г. въ Петергофѣ. Сынъ архитектора А. К. Кавоса, онъ воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ и въ Академіи Художествъ и по испытанію 13 ноября 1845 г., былъ признанъ некласснымъ художникомъ; 14 марта 1857 г. онъ былъ возведенъ въ званіе академика безъ исполненія особой программы, за пропзведенныя по собственнымъ проектамъ постройки въ теченіи девятилѣтней службы при Пажескомъ корпусѣ и въ Почтовомъ вѣдомствѣ. Онъ состоялъ архитекторомъ по канцеляріи С.-Петербургскаго Совѣта дѣтскихъ пріютовъ и по вѣдомству Общества воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Помимо исполненія служебныхъ обязанностей онъ построилъ по собственному проекту бумагопрядильную фабрику для наслѣдниковъ Голенищева въ Петербургѣ и, по конкурсу (въ 1865—1870 гг.), зданіе дѣтской больницы имени принца П. Г. Ольденбургскаго, близъ Греческой церкви, съ примѣненіемъ впервые научныхъ требованій къ удобству и изяществу помѣщенія. Нѣсколько статей его напечатаны были въ «Недѣлѣ строителя»; кромѣ того онъ былъ гласнымъ Петербургской городской думы и директоромъ или гласнымъ въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ.

Некрологи: «Новое Время», № 2650; «Новости», 1883, № 189; «Худож. Новости.», 1883, № 15; «Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худож.», П. Н. Петрова, III, 41 и 276; «Отчеты Академіи Художествъ», за 1857—1870 гг.

Н. С.

Каде, *Эрастъ Васильевичъ*, почетный лейбъ-хирургъ, тайный совѣтникъ, род. въ курляндской губерніи въ 1817 г., ум. 22 ноября 1889 г. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1841 г., уѣхалъ для усовершенствованія за границу и по возвращеніи былъ назначенъ врачемъ при миссіи въ Тегеранѣ. Въ 1851 г. переведенъ въ Петербургъ штатнымъ ординаторомъ Маріинской больницы, а спустя три года принялъ участіе въ крымской кампаніи въ качествѣ ассистента при Пироговѣ. По возвращеніи съ войны онъ былъ командированъ за границу, гдѣ занимался въ клиникахъ знаменитыхъ въ свое время профессоровъ Вельно, Лагенбека и др. Въ 1856 г. былъ назначенъ врачемъ при вел. кн. Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ. Въ 1861 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины «О ранахъ колѣннаго сустава». Въ 1864 г. былъ сдѣланъ старшимъ ординаторомъ Маріинской больницы, а въ 1867 г. главнымъ докторомъ ея. Въ 1871 г. былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1875 г. пожалованъ званіемъ почетнаго лейбъ-хирурга. Во время войны 1877—1878 гг. принималъ участіе въ организаціи особаго госпиталя вѣдомства императрицы Маріи, устроеннаго имъ въ Систовѣ, а также на перевязочныхъ пунктахъ подъ Плевной и Горнымъ Дубнякомъ. Въ 1884 г. вышелъ въ отставку. Онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ хирурговъ, а также какъ одинъ изъ учредителей Русскаго Хирургическаго Общества.

«Новое Время», № 4935.

Кадмина, *Евлалія Павловна*, извѣстная пѣвица и драматическая артистка, род. въ 1853 г., ум. 10 ноября 1881 г. Воспитывалась въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, а музыкальное образованіе получила въ консерваторіи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на московской оперной сценѣ она уѣхала въ Италію, гдѣ вышла замужъ за доктора Форпони. По возвращеніи въ Россію она провела нѣкоторое время въ Петербургѣ, а затѣмъ посѣтила Кіевъ и Харьковъ, гдѣ пріобрѣла себѣ громкую извѣстность, благодаря художественной игрѣ. Задумавъ посвятить себя драматическому искусству, Кадмина 19 декабря 1880 г. выступила въ Харь-

ковѣ въ роли Офеліи и имѣла громадный успѣхъ. Лѣтомъ 1881 г. она окончательно перешла на драматическую сцену, поступивъ въ труппу Медвѣдева, а 10 ноября того же года кончила жизнь самоубійствомъ (отравилась). Въ литературномъ сборникѣ «Помощь братьямъ» (Кіевъ, 1884 г.) напечатаны три главы изъ ея неоконченной и не окончательно обработанной повѣсти «Діана Эмбріако».

«Харьк. губерн. вѣд.», 1881 г., №№ 293—296; 296; «Южный Край», 1881 г., №№ 301—303, 307; «Новое Время», 1881, № 2053.

Кадо, *Михаилъ Михайловичъ*, род. въ 1768 г., ум. 30 апрѣля 1823 г., докторъ философіи, профессоръ Варшавскаго университета. По происхожденію онъ былъ французъ, сынъ чиновника варшавскаго магистрата; учился въ іезуитской школѣ въ Варшавѣ. Въ 1783 г. поступилъ въ корпусъ артиллеріи; въ 1794 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ капитана и сеймомъ удостоенъ званія шляхтича Польши. Затѣмъ Кадо поступилъ на службу къ кн. Ф. Сапѣгѣ архитекторомъ, а въ 1799 г. по конкурсу получилъ должность адъюнкта гражданской архитектуры въ Главной литовской школѣ; кромѣ того онъ преподавалъ въ этой школѣ рисованіе топографическихъ картъ и плановъ и фортификацію по программѣ, имъ же составленной. Въ 1810 г. онъ оставилъ преподаваніе и поступилъ въ корпусъ инженеровъ герцогства Варшавскаго. По порученію князя Іосифа Понятовскаго онъ опредѣлялъ границы краковскаго округа съ раздѣленіемъ на уѣзды. Въ 1811 г. производилъ постройки укрѣпленій въ Модлинѣ, въ 1812 г. устраивалъ укрѣпленія подъ Рогачевомъ въ могилевской губерніи; въ 1813 г. устраивалъ первую линію укрѣпленій подъ Дрезденомъ. Въ 1816 г. назначенъ на должность шефа артиллеріи и инженеріи при правительственной коммиссіи въ Краковѣ, а въ 1818 г. уволенъ съ чиномъ маіора. Въ 1821 г. приглашенъ на должность профессора гражданской архитектуры въ Варшавскій университетъ. Онъ написалъ на польскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій по строительному искусству; большая часть ихъ осталась въ рукописи.

«Rocznik Towarz. przikl. nauk», XVIII, p. 145; Bielski, «Stan nauk matematycznych».

Кадомскій, *Василій Петровичъ*, юродивый. Сынъ небогатаго дворянина, род. въ дер. Шахмановѣ, рязанскаго уѣзда, въ 1776 г., ум. 2 мая 1840 г. въ Рязани. Образованія онъ не получилъ никакого и только выучился дома грамотѣ. Въ 1804 г. поступилъ въ ополченіе и участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ французовъ, но вскорѣ оставилъ службу въ ополченіи и принялъ видъ юродиваго. Одѣтый зимою и лѣтомъ въ холодное платье, онъ странствовалъ, никогда не оставаясь долго на мѣстѣ; никогда не употребляя мяса, онъ по средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ. Онъ пользовался огромною популярностью въ Рязани и въ окрестностяхъ ея, получалъ отъ многихъ деньги и вещи, но все раздавалъ неимущимъ, не оставляя себѣ ничего.

«Странникъ», 1865 г., іюль, 1—21. *С. Г. Р.*

Кадьянъ, *Захаръ Ивановичъ*, род. въ 1783 г., ум. послѣ 1840 г. Началъ службу 14-ти лѣтъ подканцеляристомъ въ лубенскомъ земскомъ судѣ, затѣмъ служилъ въ канцеляріи Сената; съ 1807 г. служилъ при управленіи казеннымъ стекляннымъ заводомъ, въ 1820 г. назначенъ помощникомъ директора на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ; въ 1821 г. ревизовалъ кіево-межигорскую фаянсовую фабрику; въ 1836 г. былъ предсѣдателемъ коммиссіи объ устройствѣ Горыгорѣцкаго института.

Дѣла Кабинета Его Величества, оп. 151—320, № 23—139, оп. 452—1732, № 85—113.

Кажинскій, *Викторъ Матвѣевичъ*, капельмейстеръ и композиторъ. Род. въ 1814 г. въ Вильнѣ, гдѣ отецъ его былъ первымъ драматическимъ артистомъ, а затѣмъ директоромъ виленскаго театра, ум. 6 марта 1867 г. По окончаніи курса въ Виленскомъ университетѣ занялся исключительно музыкою, подъ руководствомъ Эльснера, и вскорѣ сдѣлался любимцемъ виленской публики. Съ 1836 г. онъ управлялъ оркестромъ виленской нѣмецкой оперы, основанной тамъ пріѣзжимъ артистомъ Шмидкопфомъ. Къ этому же времени относятся его первыя произведенія, представляющія музыку къ польскимъ мелодрамамъ: «Подземный воспитанникъ» (1838 г.) и «Вѣчный жидъ» (1840 г.). Въ 1842 г. Кажинскій переселился изъ Вильно въ Петербургъ и выдвинулся, какъ первоклассный аккомпаніаторъ. Въ 1844 г. онъ предпринялъ артистическое путешествіе по Германіи и Сѣверной Италіи. Замѣтки объ этомъ путешествіи были изданы на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ: «Notatki z podróży muzykalnej po Niemczech» (1845 г.), а затѣмъ перевe-

дены на русскій языкъ и помѣщены въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Пантеонѣ русскихъ театровъ»; кромѣ того Кажинскій занимался исторіею драматической музыки въ Италіи и напечаталъ въ «Библіотекѣ для чтенія» нѣсколько статей по этому вопросу. Въ 1845 г. онъ былъ приглашенъ на мѣсто капельмейстера оркестра Александринскаго драматическаго театра и съ успѣхомъ исполнялъ свои обязанности въ теченіи 22 лѣтъ до самой своей смерти Онъ умеръ скоропостижно въ день своего концерта за 4 часа до его начала, тѣмъ не менѣе концертъ состоялся подъ управленіемъ его помощника г. Клямрота и далъ весьма хорошій сборъ въ пользу вдовы и двухъ дѣтей. Для петербургской сцены Кажинскій написалъ оперетки: «Дамская протекція», «Жена или карты», «Альбомъ обличитель», музыку къ драмѣ Полевого «Русскій морякъ» и къ поэмѣ Пушкина «Чума», кромѣ того «Пажи герцога Вандомскаго» и «Хоръ пажей» на 8 женскихъ голосовъ, нѣсколько увертюръ, антрактовъ, кантатъ, хоровъ, маршей, большое количество танцевъ и переложеній фортепіанныхъ пьесъ для оркестра. *Н. Л.*

Казадаевъ, *Александръ Васильевичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1781 г., ум. 15 мая 1854 г. Образованіе получилъ въ бывшемъ артиллерійскомъ корпусѣ и въ 1793 г. былъ записанъ въ военную службу. Въ 1803 г. переведенъ въ Бергъ-коллегію, съ переименованіемъ въ штатскій чинъ; съ 1804 г. по 1813 г. былъ командиромъ Горнаго кадетскаго корпуса. Въ 1821 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, въ 1824 г. назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ и членомъ комитета для составленія проекта устава учебныхъ заведеній. Въ 1825 г. произведенъ въ тайные совѣтники, назначенъ сенаторомъ и статсъ-секретаремъ. Въ маѣ 1826 г. получилъ въ управленіе Департаментъ податей и сборовъ. 21 декабря 1828 г. вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью; послѣдніе годы жизни провелъ въ Петербургѣ, занимаясь литературными трудами. Россійская академія избрала его 12 января 1829 г. въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Онъ издалъ переводъ книги Рецова «Новыя историческія записки о Семилѣтней войнѣ» (1818 г.); послѣ его смерти найдены были въ его рукописяхъ: нѣсколько біографій русскихъ литераторовъ и другихъ замѣчательныхъ людей, собраніе матеріаловъ для исторіи царствованія Екатерины II и переводъ съ французскаго «О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ».

«Отчетъ Импер. Акад. Наукъ по отдѣл. рус. языка», за 1851—1866 гг., 116—117; «Сѣверная Пчела», 1855 г., № 6.

Казаковъ, *Матвѣй Ѳедоровичъ*, архитекторъ экспедиціи строенія Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, род. въ 1733 г., умеръ 26 октября 1812 г. въ Рязани. Ученикъ В. И. Баженова, онъ поступилъ на службу въ 1751 г., а въ 1768 г., въ чинѣ поручика, участвовалъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Никитинымъ и другими въ строеніи гор. Твери послѣ пожара; какъ извѣстно, благодаря заботамъ новгородскаго губернатора ген.-пор. Я. Е. Сиверса, послѣ этого пожара Тверь была отстроена образцово и долго оставалась лучшимъ провинціальнымъ городомъ Россіи по постройкамъ и расположенію ихъ. Затѣмъ, начиная съ возведенія на Ходынкѣ увеселительнаго строенія для празднованія мира съ Турціей (1775) и кончая зданіемъ для Сената и другихъ присутственныхъ мѣстъ въ Кремлѣ, съ великолѣпною залою для дворянскихъ выборовъ (1780), не было, по свидѣтельству Снегирева, ни одного значительнаго казеннаго зданія въ Москвѣ, въ устройствѣ котораго Казаковъ не участвовалъ бы или дѣйствительнымъ производствомъ сооруженія, или полезными совѣтами, или разрѣшеніемъ разнаго рода недоумѣній. Казаковымъ построены были дворцы: бывшій Пречистенскій (впослѣдствіи домъ кн. Голицына), Петровскій подъѣздной (за Тверскою заставою), Царицынскій (главный корпусъ), Слободской (нынѣ сломанный); дома: для главнокомандующаго (на Тверской ул.), богадѣленный (въ с. Преображенскомъ), митрополичій (на Троицкой ул.), архіерейскій (при Чудовомъ монастырѣ), князя Прозоровскаго и Козицкой (на Тверской), графа Орлова (на Никитской), Демидова (въ Новой Басманной, впослѣдствіи Сиротскій домъ); далѣе—острогъ (Губернскій тюремный замокъ), Университетъ (на Моховой); больницы: Голицынская (близъ Донскаго монастыря) и Павловская (близъ Данилова), церкви—св. Мартина Исповѣдника (близъ Таганки), Косьмы и Даміана (на Покровкѣ), Лазаря (на кладбищѣ того же имени); наконецъ онъ исправлялъ Лефортовскій дворецъ (въ Нѣмецкой слободѣ), корпуса у Воскресенскихъ воротъ (гдѣ Гу-

бернское правленіе), монастыри Воскресенскій и Новодѣвичій (послѣ пожаровъ) и проч. Находясь въ 1772 г.—въ 9-мъ и въ 1785 г.—въ 7-мъ классѣ, онъ состоялъ въ 1793 г. еще въ чинѣ надворнаго совѣтника, въ 1797 г.—въ чинѣ статскаго совѣтника и умеръ уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.—М. Ѳ. Казаковъ принималъ дѣятельное участіе при снятіи плана г. Москвы, давая указанія, какъ вѣрнѣе снимать, составлять планъ и наносить его на бумагу; онъ подалъ еще мнѣніе о вынутіи изъ ямы въ Кремлѣ на Ивановской площади большаго колокола—такъ называемаго Царь-колокола—въ 12,000 пудовъ вѣсомъ, что представляло не малыя затрудненія.

Дѣло Общаго архива Мин. Имп. Двора: 1768, оп. 319, № 382; 1794, оп. 365, № 16; 1797, оп. 464, №28(моск. отдѣл.) и 1785—1786, оп. 84/518, № 172; 1810, оп. 532/1538, № 9 (петерб. отдѣл.); «Русс. Вѣст.» Глинки 1816, № 11, с. 5—14; «Моск. губ. вѣдом.», 1844, прибавл., № 44, с. 551—558; Ив. Снегиревъ, «Памятники Моск. древностей», 1842, стр. CXII и др.; «Чтенія Моск. общ. истор. и древн.», 1864, IV, смѣсь, 145—185.

Н. С.

Казанскій, *Петръ Симоновичъ*, докторъ богословія, профессоръ Московской духовной академіи, сынъ сельскаго священника, род. 19 ноября 1819 г. въ московской губерніи, умеръ 14 февраля 1878 г. Послѣ домашняго образованія, Казанскій учился въ Вифанской семинаріи и въ Московской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ магистровъ въ 1842 году. Прямо со студенческой скамьи онъ занялъ каѳедру въ той же самой Академіи и прослужилъ въ ней почти до смерти. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ, и въ 1858 г. ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ общей гражданской исторіи; съ 1874 г. Казанскій сохранилъ за собою только должность цензора, на которую былъ назначенъ въ 1864 г., а службу оставилъ, но не оставилъ ученыхъ трудовъ. Не смотря на чрезвычайно слабое здоровье, на множество тяжелыхъ болѣзней, перенесенныхъ Казанскимъ, онъ неутомимо работалъ и его ученые труды по справедливости можно считать своего рода нравственнымъ подвигомъ. За первыя 8 лѣтъ профессорства, Казанскій преподавалъ гражданскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до Вѣнскаго конгресса; изъ событій же послѣ конгресса разсматривалъ возникновеніе и обнаруженіе демократическихъ идей. Онъ хлопоталъ предъ академическимъ начальствомъ о замѣнѣ учебниковъ Кайданова руководствами Лоренца и Вебера и въ 1863 г. самъ издалъ руководство по всеобщей исторіи для духовныхъ семинарій. Предметомъ спеціальныхъ ученыхъ занятій Казанскаго была, однако, не гражданская общая исторія, а русская церковная и общая исторія. Наиболѣе выдающимися являются сочиненія Казанскаго по русской гражданской исторіи; въ этой области онъ былъ однимъ изъ предначинателей періода критики. Свои выводы Казанскій горячо отстаивалъ и обыкновенно выходилъ изъ полемики побѣдителемъ. Ученую степень доктора богословія онъ получилъ въ 1873 г. за сочиненіе «Исторія православнаго монашества на востокѣ».

Вотъ списокъ главнѣйшихъ ученыхъ трудовъ П. С. Казанскаго по отдѣламъ. По общей церковной исторіи съ ея археологіей ему принадлежатъ: «Исторія православнаго монашества на востокѣ» 2 части (1854—1856 гг.); «Св. Петръ, архіепископъ александрійскій»; «Св. Нилъ синайскій и его сочиненія»; «О вліяніи христіанства на языческое общество въ первые три вѣка послѣ Рождества Христова» (три послѣднія сочиненія въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ за 1856—1861 гг.) и другіе. По русской и славянской церковной исторіи: «Исторія православнаго русскаго монашества до учрежденія Троицкой лавры», (1853 г.); «Преп. Іосифъ Волоколамскій и его писанія» (1847 г.); «Исправленіе церковнобогослужебныхъ книгъ при патр. Филаретѣ»; «Кто были виновники Соловецкаго возмущенія въ 1666—1676 гг.». Въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» Казанскій издалъ нѣсколько любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ по русской исторіи, какъ напримѣръ: «Посланіе Іосифа Волоколамскаго къ Нифонту епископу суздальскому», съ предисловіемъ; его же посланія къ иноку иконописцу, къ Митрофану, архимандриту андроніевскому, его же «Отвѣщаніе любозазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ Рустѣй земли»; замѣчательное «Написаніе вдоваго попа Георгія Скрипицы изъ Ростова града о вдовствующихъ попѣхъ» и многіе другіе. По русской гражданской исторіи Казанскій написалъ нѣсколько замѣчательныхъ для своего времени статей, между которыми особенно важны посвященныя вопросу объ авторѣ первоначальной русской лѣтописи: «Еще

вопросъ о Несторѣ», «Дополненіе къ вопросу о Несторѣ», «Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о лѣтописцѣ Несторѣ», «Объясненіе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно лѣтописи Нестора» (во «Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей», за 1849—1851 гг.); «Замѣчанія на отвѣтъ г. Буткова на новый вопросъ о Несторѣ» («Отеч. Записки», 1851 г.); изъ другихъ его работъ по русской исторіи упомянемъ статьи: «О времени сдачи поляками русскимъ Кремля въ 1612 г.» («Чтенія общества исторіи и древностей», 1869 г.) и «Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія» («Русскій Вѣстникъ», 1877 г.).

«Православное Обозрѣніе», 1878 г., № 3; «Душеполезное чтеніе», 1893 г. №№ 1—2; «Москов. епарх. вѣдом.», 1878 г. № 9; Смирновъ, «Исторія Москов. академіи».

Здр.

Казанцевъ (иначе Казанецъ), *Василій Ивановичъ*, капитанъ-поручикъ, ум. послѣ 1742 г. Въ 1702 г. поступилъ въ московскую математическую школу и, окончивъ въ ней курсъ, посланъ былъ въ Англію для обученія мореходству. По возвращеніи въ Россію въ 1713 г. Казанцевъ опредѣленъ былъ на службу во флотъ въ званіи подштурмана. Въ 1724 г. Казанцевъ произведенъ былъ въ капитанъ-поручики и въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ коммиссіи «для содержанія кригсъ-рехтовъ» при Петербургскомъ адмиралтействѣ, но вскорѣ онъ былъ арестованъ (1727 г.) и въ 1728 г. «за продерзости» посланъ въ Сибирь и назначенъ въ распоряженіе Беринга. Черезъ три года Казанцевъ снова попалъ подъ судъ и по опредѣленію Сената «за непристойныя слова» отправленъ былъ въ Охотскій портъ для службы за штурмана на морскихъ судахъ. Въ 1732 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлявшій Охотскимъ краемъ, отправилъ его въ Камчатку для построенія Камчатскаго острога. Въ 1736 г. Казанцевъ представилъ въ сенатъ составленное имъ географическое и этнографическое описаніе Охотскаго края и Камчатки и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, чтобы доказать, что Берингъ и Скорняковъ-Писаревъ «своимъ неразсудительнымъ и непорядочнымъ отправленіемъ дѣла сдѣлаютъ въ скорости государству не малый вѣчный убытокъ и разореніе». Адмиралтействъ-Коллегія нашла, что представленныя Казанцевымъ карты составлены по извѣстнымъ уже атласамъ. Впослѣдствіи, Казанцевъ былъ прощенъ и жилъ въ Москвѣ.

«Общій морской списокъ», I; «Полн. Собр. Законовъ», №№ 5224, 5813, 7888. *Н. П.-С.*

Казарскій, *Александръ Ивановичъ*, капитанъ 1 ранга, флигель-адъютантъ, род. въ 1797 г., ум. 16 іюня 1833 г. Началъ службу волонтеромъ въ 1811 г. въ черноморскомъ флотѣ; въ 1813 г. былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1814 г.—въ мичманы и въ 1819 г.—въ лейтенанты. Въ 1826 и 1827 гг. командовалъ сначала бригомъ «Соперникъ», а затѣмъ транспортомъ того же имени. Въ 1828 г. принималъ участіе въ турецкой войнѣ, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и получилъ саблю за храбрость. Въ 1829 г. былъ назначенъ командиромъ брига «Меркурій», начальствуя которымъ прославился геройскимъ поступкомъ. 14 мая 1829 г. фрегатъ «Штандартъ» и бриги «Орфей» и «Меркурій» крейсировали у Константинопольскаго пролива. На разсвѣтѣ они замѣтили турецкій флотъ, въ числѣ 18 судовъ, шедшій прямо на нихъ. Первыя два судна успѣли уйти къ Сизополю и соединиться съ нашимъ флотомъ, но «Меркурій» былъ настигнутъ двумя турецкими кораблями, изъ которыхъ одинъ былъ 110-пушечный, а другой 74-пушечный. Казарскій, видя, что уйти невозможно, созвалъ военный совѣтъ на которомъ было рѣшено вступить въ бой съ непріятелемъ, а когда невозможно будетъ продолжать сраженія, то, по предложенію поручика корпуса штурмановъ Прокофьева, сцѣпиться съ однимъ изъ турецкихъ судовъ и взорвать пороховую камеру. Турки, между тѣмъ, сигналами предлагали сдаться; Казарскій отвѣтилъ отказомъ. Тогда былъ открытъ огонь; но послѣ двухчасоваго боя «Меркурій» заставилъ турецкія суда отступить. За такую почти безпримѣрную храбрость Казарскій былъ награжденъ чиномъ капитана 2 ранга, орденомъ св. Георгія 4 класса и пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта; кромѣ того ему и всему экипажу была назначена пожизненная пенсія, въ размѣрѣ двойнаго оклада жалованья. Затѣмъ Казарскій командовалъ фрегатомъ «Поспѣшный» и кораблемъ «Тенедосъ» и участвовалъ при взятіи Мессемвріи. Въ 1830 г. былъ посланъ съ княземъ Трубецкимъ въ Лондонъ для поздравленія короля Вильгельма IV. Въ апрѣлѣ 1831 г.

былъ уволенъ отъ командованія кораблемъ и состоялъ при Государѣ Императорѣ, исполняя различныя Высочайшія порученія; въ томъ же году произведенъ въ капитаны 1 ранга. Умеръ скоропостижно, во время ревизіи Черноморскаго флота. Въ настоящее время въ Севастополѣ, при входѣ въ портъ, ему воздвигнутъ памятникъ.

«Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей», Спб., 1885 г., т. I; В. Шульцъ, «Подвиги русскихъ моряковъ», Спб., 1853 г.; «Справочный энциклопед. словарь», Крайя, т. 6; «Русская Стар.», т. LI и LII; «Записки Учен. Комит. Глав. Морск. Штаба», ч. XI, 1834.

Казачковскій, *Кирилъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1760 г., ум. 24 іюня 1829 года. На 17-мъ году поступилъ сержантомъ въ Елецкій полкъ и несъ дѣйствительную службу; въ 1781 г. произведенъ въ прапорщики; участвовалъ въ штурмѣ Очакова въ 1788; въ 1806—1807 гг. отличился въ дѣйствіяхъ противъ французовъ, обратилъ на себя вниманіе гр. Каменскаго и получилъ чинъ генералъ-маіора. Въ 1809 г. участвовалъ въ шведской войнѣ и принималъ видное участіе въ Куортанскомъ сраженіи, давшемъ благопріятный для насъ оборотъ теченію военныхъ дѣйствій. Въ 1812 г. Казачковскій состоялъ въ отрядѣ гр. Витгенштейна и принималъ участіе въ первомъ дѣлѣ съ французами, подъ Клястицами, которое окончилось въ пользу русскихъ; подъ Полоцкомъ онъ былъ раненъ, но вылечившись отъ раны, вернулся къ арміи, участвовалъ въ сраженіи снова подъ Полоцкомъ и на берегахъ Березины. Подъ Люценомъ онъ получилъ новую сильную рану и не могъ уже продолжать дѣйствительной службы; онъ умеръ, числясь только на военной службѣ и получивъ производство въ чинъ генералъ-лейтенанта непосредственно отъ императора Александра I на полѣ сраженія подъ Люценомъ.

«Военная галлерея Зимняго дворца», I.

Казбекъ, *Михаилъ Гавриловичъ*, генералъ-маіоръ, изъ горскихъ владѣльцевъ, род. 15 іюня 1805 г., ум. 18 іюня 1876 г. Воспитывался въ Тифлисскомъ благородномъ училищѣ, произведенъ въ прапорщики за отличіе противъ горцевъ во время состоянія при генералѣ Ермоловѣ, 13 февраля 1819 г. Всю службу провелъ на Кавказѣ, участвовалъ во множествѣ дѣлъ съ горцами и получилъ за боевыя отличія нѣсколько чиновъ, орденовъ и переводъ въ гвардію. Съ 1850 г. по 1859 г. состоялъ главнымъ начальникомъ горскихъ народовъ тифлисской губерніи. Произведенный въ 1859 г. въ генералъ-маіоры, состоялъ при кавказской арміи.

Послужн. спис. за 1864 г., въ дѣлѣ 3 ст. 6 отд. Главн. Штаба 1866 г. № 276. *С. Н. П.*

Казем-бекъ, мирза, *Александръ Касимовичъ*, въ мусульманствѣ Мухаммедъ-Али, знаменитый оріенталистъ, род. въ 1802 г., ум. 27 ноября 1870 г. Онъ представляетъ рѣдкій примѣръ ученаго персіянина, усвоившаго европейское образованіе. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи Дербента, гдѣ дѣдъ его занималъ должность назира-министра или попечителя народнаго продовольствія при дербендскомъ ханѣ Фетхъ-Али-ханѣ; отецъ избралъ своею спеціальностію мусульманское законовѣдѣніе. Родъ Казем-бека происходилъ отъ Курчинскихъ бековъ, переселившихся въ Закавказье во время царствованія шаха Надира. Когда началось движеніе русскихъ въ Закавказье, отецъ молодаго Мухамеда-Али вслѣдствіе смутъ и междоусобій покинулъ Дербентъ и предпринялъ религіозное путешествіе въ Мекку и Медину, гдѣ прожилъ шесть лѣтъ и получилъ почетный титулъ хаджи (пилигримъ). Въ 1800 г. онъ прибылъ въ Персію и въ 1801 г. въ городѣ Рештѣ женился на дочери мѣстнаго губернатора Миръ-Бакыръ-хана; отъ этого брака и родился у него сынъ—Мухаммедъ-Али. Между тѣмъ ханства Кубинское и Дербентское вошли въ составъ Россійской имперіи и были умиротворены; это побудило Хаджи-Казем-бека посѣтить свою родину въ 1808 г. Русское начальство отнеслось къ нему очень внимательно и предложило ему должность мѣстнаго шейхъ-уль-ислама («главы вѣры», рѣшающаго дѣла гражданскія и уголовныя), на что онъ согласился и въ 1810 г. вызвалъ свою семью изъ Гиляна. Здѣсь Мухаммедъ-Али и прошелъ курсъ мусульманскаго ученія подъ руководствомъ отца и слѣдующихъ наставниковъ: мулла-Самехъ-Билиджи преподавалъ ему арабскую грамматику, Мулла-Абдуль-Азизъ Хискенджэ—риторику и логику, шейхъ-Мухаммедъ Бахрейнскій — законовѣдѣніе, въ обширномъ смыслѣ; языки же турецкій и персидскій были природными въ семьѣ Казем-бека. Мухаммедъ-Али отличался блестящими природными способностями и настолько освоился съ мусульманскою ученостію, что въ 1819 г. и самъ написалъ со-

чиненіе на арабскомъ языкѣ «Опытъ грамматики арабскаго языка», а въ 1820 г.—«Муамма-ва-Лугазъ» (шарады, на арабскомъ и персидскомъ языкахъ). Въ 1820 г. Хаджи-Казем-бекъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ дербентскимъ ханомъ, укрывшимся въ Аваріи, былъ высланъ А. П. Ермоловымъ въ Астрахань, куда вскорѣ прибылъ и сынъ его Мухаммедъ-Али. Здѣсь молодой персіянинъ близко сошелся съ англійскими миссіонерами, Гленомъ и Макферсономъ, которые стали брать у него уроки турецкаго и арабскаго языковъ, а сами учили его англійскому. Между христіанами и мусульманиномъ нерѣдко происходили религіозные споры. Чтобы лучше вести полемику, Мухаммедъ-Али рѣшился ближе познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ — и кончилъ тѣмъ, что, въ 1823 г., по глубокому убѣжденію перешелъ въ христіанство по ученію пресвитеріанцевъ и въ крещеніи названъ Александромъ. Этотъ шагъ разсорилъ на долго Александра Казем-бека съ семьею. А. П. Ермоловъ, которому, какъ главнокомандующему на Кавказѣ, была подчинена и астраханская губернія, опасаясь, что молодой Казем-бекъ можетъ сдѣлаться въ рукахъ англичанъ агентомъ для антирусскихъ цѣлей, принялъ мѣры къ удаленію его изъ Астрахани и въ 1825 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ татарскаго языка въ Азіатское училище въ г. Омскѣ и переводчикомъ при тамошнемъ главномъ управленіи, съ содержаніемъ по 800 руб. въ годъ. Въ 1826 г. Александръ Казем-бекъ, на пути къ мѣсту служенія, остановился въ Казани и тамъ заболѣлъ; это обстоятельство измѣнило его судьбу. Университетское начальство не захотѣло упустить изъ Казани такого знатока восточныхъ языковъ и выхлопотало ему должность лектора персидской словесности и турецко-татарскаго языка въ Казанскомъ университетѣ (1827 г.). Тамъ Казем-бекъ послѣдовательно достигъ званія адъюнкта, экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Въ Казани Казем-беку открылось широкое поле для его глубокой эрудиціи и неутомимой дѣятельности. Его труды за это время сдѣлали его имя громкимъ, какъ среди русскихъ ученыхъ и оріенталистовъ, такъ и среди заграничныхъ; въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ на каѳедру персидской словесности, за выходомъ въ отставку мирзы Джафара Топчибашева. Въ Петербургѣ кругъ занятій А. Казем-бека значительно расширился. Кромѣ университета онъ имѣлъ занятія въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и при Св. Синодѣ.

Еще находясь въ Казани, Казем-бекъ принялъ дѣятельное участіе въ переводахъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ и продолжалъ эти занятія и въ Петербургѣ. Но его планъ и система переводовъ, какъ показалъ опытъ, имѣли отрицательное значеніе. Онъ стоялъ за книжный языкъ, наполненный арабскими и персидскими словами, простому народу непонятными; поэтому переводы, имъ сдѣланные, не имѣли среди татаръ никакого успѣха. Дѣло это потомъ пришлось исполнить вновь, но уже иначе.

Казем-бекъ издалъ очень много своихъ трудовъ на языкахъ: англійскомъ, французскомъ, русскомъ, арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ, на которыхъ писалъ и говорилъ совершенно свободно. Наибольшее значеніе имѣютъ его работы: по мусульманству и мусульманскому законовѣдѣнію—въ этой области въ то время ему было немного равныхъ—и по изданію текстовъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) Observations sur un chapitre inconnu du Coran, publié par M-r Garcin du Tassy (Journal Asiatique, 1843, t. II); 2) Мухтесеруль-Вигкаетъ, курсъ мусульманскаго законовѣдѣнія по школѣ Ханефидовъ (на арабскомъ языкѣ съ предисловіемъ на русскомъ), Казань, 1845 г., (въ 1876 г. вышло 2-е изданіе, а въ 1885 г.—3-е); 3) Notice sur la marche et les progrès de la jurisprudence musulmane parmi les sectes orthodoxes (Journal Asiatique, serie 4-me, t. XV); 4) О значеніи имама, его власть и достоинство, (Русское слово, 1860 г., № 3); 5) Исторія ислама (тамъ же, №№ 2, 5, 8 и 10); 6) Шераіуль-Исламъ, 1-я книга, *о торговлѣ и залогѣ*. На русскомъ языкѣ съ арабскимъ текстомъ. Законы мусульманскіе по ученію гаіитовъ. С.-Петербургъ, 1862 г.; 7) Бабъ и Бабиды. Религіозно-политическія смуты въ Персіи съ 1845 г. до 1853 г. С.-Петербургъ, 1865 г. (Французскій переводъ въ Journal Asiatique, 1866 г., t.t. VII—VIII); 8) Шераіуль-Исламъ, 2-я книга, *о наслѣдствѣ*.—Изъ сдѣланныхъ Казем-бекомъ изданій текстовъ наиболѣе замѣчательны: 1) Ассебъ-

ус-Сейяръ, или Семь планетъ. Исторія крымскихъ хановъ отъ 1466 г. до 1737 г. Сочиненіе Сейдъ-Ризы,—на турецкомъ языкѣ со введеніемъ на русскомъ. Казань, 1832 г.; 2) Мухаммедіэ, поэма XV в., на турецкомъ языкѣ. Казань, 1845 г.; 3) Себатъ-уль-аджизинъ, или утвержденіе слабыхъ. Поэма на джагатайскомъ нарѣчіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями Каземъ-бека. Казань, 1847 г.; 4) Derbend-Nameh or the History of Derbend, translated from a select turkish version and publiched with the text and with notes illustrative of the history, geography, antiquities etc. St.-Petersb., 1850 г. (трудъ, награжденный Демидовской премiей).

Кромѣ того Каземъ-бекъ составилъ нѣсколько учебныхъ пособій, каковы: 1) Грамматика турецко-татарскаго языка. Казань, 1839 г. (Второе изданіе 1846 г. Трудъ увѣнчанъ Демидовской премiей); нѣмецкій переводъ Ценкера появился въ Лейпцигѣ въ 1848 г.: Allgemeine Grammatik der Türkisch-tatarischen Sprache von Mirsa A. Kasem-Beg. 2) Учебныя пособія для временнаго курса турецко-оттоманскаго языка въ Императорской Военной Академіи. С.-Петербургъ 1854 г. (Сочиненіе это удостоено Демидовской преміи). 3) Мифтаху-Кунзуль-Куръанъ. Ключъ ко всѣмъ словамъ и выраженіямъ Корана. С.-Петербургъ 1859 г.

Въ различныхъ журналахъ Каземъ-бекъ помѣстилъ рядъ статей, ученыхъ изслѣдованій и критическихъ замѣтокъ: Сравнительныя извлеченія изъ разныхъ писателей, относящихся къ исторіи Семи планетъ (Журн. Министр. Народн. Просвѣщ., 1835 г.); О взятіи Астрахани въ 1660 г. крымскими татарами. (Ученыя записки Казанскаго университета, 1835 г.); О появленіи и успѣхахъ восточной словесности въ Европѣ и упадкѣ ея въ Азіи (Журн. Мин. Нар. Просв., 1836 г.); Изслѣдованіе объ Уйгурахъ (Ibid. 1841 г.); О нѣкоторыхъ политическихъ переворотахъ, приготовившихъ поприще Мухаммеду въ Аравіи и внѣ ея (Ibid., 1845 г.); Объясненіе русскихъ словъ, сходныхъ со словами восточныхъ языковъ (Извѣстія II отд. Импер. Акад. Наукъ, 1852 г.); Объ этнографическомъ изслѣдованіи русскихъ словъ, усвоенныхъ мѣстными тюркскими нарѣчіями (Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1852 г.); Объясненіе нѣкоторыхъ восточныхъ надписей (Ученыя записки Импер. Акад. Наукъ, по I и III отдѣл., 1855 г.; на французскомъ языкѣ статья эта помѣщена въ Revue de l'Orient: Explications de quelques inscriptions orientales, lettre à l'academicien Brosset); Sur l'état de la civilisation en Perse (Revue de l'Orient, 1857); Муридизмъ и Шамиль. (Русское Слово, 1859 г.); Магомедъ-Эминъ (Ibid. 1860 г.). Принявъ во вниманіе множество серьезныхъ критическихъ статей и переводы священныхъ книгъ съ русскаго на татарскій языкъ, можно себѣ представить, какъ обширна и плодотворна была ученая дѣятельность Каземъ-бека, сколько сдѣлано было этимъ однимъ человѣкомъ для Востоковѣдѣнія. Помимо важныхъ научныхъ заслугъ Каземъ-Бека долго сохранялась о немъ память среди всѣхъ, лично знавшихъ его, какъ о человѣкѣ необыкновенно добромъ.

Къ концу 60-хъ годовъ здоровье Каземъ-бека такъ разстроилось, что онъ почти не читалъ лекцій въ университетѣ. Онъ умеръ въ С.-Петербургѣ.

В. В. Григорьевъ, «Императорскій Петербургскій Университетъ», Спб. 1870 г.; И. Н. Березинъ, «А. К. Каземъ-бекъ» (Протоколы засѣданій совѣта Петербургскаго Университета, № 4, Спб. 1872 г.); О. А. Боратынская, «А. Каземъ-бекъ», въ «Русскомъ Архивѣ», 1893 г., №№ 10 и 12; «Труды А. К. Каземъ-бека»—«Русскій Архивъ», 1894 г., № 2; Е. И. Ковубскій, «А. П. Ермоловъ и А. К. Каземъ-бекъ»—«Русскій Архивъ», 1893 г., № 12; «Къ біографіи А. К. Каземъ-бека», (тамъ же, 1894 г., № 6; съ приложеніемъ портрета); «По поводу біографіи А. К. Каземъ-бека» (тамъ же, № 7). На иностранныхъ языкахъ: въ англійскомъ альманахѣ «Christian Keepsake», 1836; Dugat, «Histoire des Orientalistes de l'Europe», T. I; Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, VIII). *Н. Весселовскій.*

Казимеръ, *Василій Ѳедоровичъ*, новгородскій посадникъ. Въ 1471 г. въ битвѣ съ кн. Холмскимъ на берегахъ р. Шелони онъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Коломну въ тюрьму. Зимой того же года, по ходатайству архіепископа Ѳеофила, великій князь освободилъ его. Въ 1476 г. Казимеръ билъ челомъ Іоанну за тѣхъ новгородскихъ бояръ, которыхъ великій князь отдалъ подъ стражу послѣ суда на Городищѣ, но челобитье его не было принято. По вступленіи Іоанна въ Новгородъ, въ числѣ другихъ знатныхъ новгородцевъ, угощалъ великаго князя и Казимеръ. Въ 1478 г., когда Іоаннъ опять шелъ на Новгородъ, Казимеръ просилъ его о принятіи къ себѣ на службу, но просьба не была удовлетворена. Въ 1481 г. Казимеръ, вмѣстѣ со многими другими былъ взятъ подъ

стражу и высланъ въ московскіе города.

Полн. собр. русск. лѣт., т. VI, 15, 16, 193—219; VIII, 165, 166, 197, 198; «Соф. Временникъ», II, 104, 164, 169—171; Калайдовичъ, «Опытъ о посадн. новгородскихъ». *А. Э.*

Казинъ, *Дмитрій Ниловичъ,* тайный совѣтникъ, директоръ канцеляріи капитула орденовъ, род. въ 1791 г., ум. послѣ 1852 г.; изъ дворянъ, получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; съ 1811 г. служилъ въ Таврическомъ гренадерскомъ полку, участвовалъ въ битвахъ подъ Бородинымъ, Краснымъ и подъ Лейпцигомъ; въ 1816 г. за болѣзнію уволенъ въ отставку. Въ 1823 г. причисленъ къ Кабинету Его Величества; 13 января 1829 г. назначенъ директоромъ гранильной и бумажной фабрикъ; 10 октября 1848 г. назначенъ членомъ Кабинета; 7 іюня 1849 г.— директоромъ канцеляріи капитула орденовъ.

Дѣла Кабинета Его Величества: оп. 2 — 51, № 254—285; оп. 452—1732, № 91—120.

Казнаковъ, *Геннадій Геннадіевичъ,* свиты Его Величества генералъ-маіоръ, изъ дворянъ тверской губерніи, род. 15 апрѣля 1833 г., ум. 13 сентября 1870 г. Воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ службу вступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ въ 1851 г., участвовалъ въ войнѣ съ Турціею въ 1854 г. Въ 1860 г. назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества и въ этомъ званіи неоднократно былъ командированъ съ разными порученіями; между прочимъ, находясь въ 1863 г. въ волынской губерніи для наблюденія за призывомъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ, получилъ начальствованіе надъ летучимъ Житомірскимъ отрядомъ, сформированнымъ для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ и разбилъ ихъ 5 и 10 мая. Послѣ кратковременнаго командированія 2 гренадерскимъ Ростовскимъ полкомъ, въ концѣ 1866 г. назначенъ вице-директоромъ канцеляріи Военнаго Министерства. Въ 1868 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Послужн. спис. въ дѣлѣ 3 ст. 6 отд. Главнаго Штаба 1870 г., № 488. *С. Н. П.*

Казнаковъ, *Николай Геннадіевичъ,* генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, изъ дворянъ тверской губерніи, род. въ 1824 г., ум. 2 февраля 1885 г. Въ службу вступилъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ въ 1842 г. По окончаніи въ 1847 г. курса въ Императорской Военной академіи первымъ, съ награжденіемъ большою серебряною медалью, переведенъ въ гвардейскій Генеральный штабъ; состоялъ адъюнктъ-профессоромъ тактики въ Военной Академіи (въ 1850—1853 г.г.) и читалъ лекціи по этому предмету старшимъ офицерамъ гвардейскаго корпуса; въ тоже время онъ перевелъ (съ М. И. Богдановичемъ) сочиненіе Шпехта «Королевство Вестфальское и разрушеніе его графомъ Чернышевымъ» (С.-Петербургъ, 1852 г.). Съ 1853 г. по 1861 г. состоялъ при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ, причемъ въ 1855 г. получилъ званіе флигель-адъютанта, а въ 1858 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1861 г. былъ командированъ въ калужскую губернію для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ, причемъ за прекращеніе безпокойствъ въ одномъ имѣніи получилъ Высочайшее благоволеніе и въ томъ же году назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Гренадерскаго корпуса. Въ 1864—1866 г.г. состоялъ кіевскимъ губернаторомъ. Въ 1867 г. пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. 1 января 1875 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и командующимъ войсками западно-сибирскаго округа и, состоя въ этихъ должностяхъ, получилъ орденъ св. Александра Невскаго (въ 1876 г.) и чинъ генералъ-отъ-инфантеріи (въ 1878 г.). 19 февраля 1881 г., по разстроенному здоровью отчисленъ отъ указанныхъ должностей и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ день коронаціи въ 1883 г. получилъ брилліантовый перстень съ портретомъ Его Величества.

Послужн. списокъ, за 1869 г. въ архивѣ Главнаго Штаба, кн. № 311; Глиноецкій, «Историческій очеркъ Николаевскій Академіи Генеральнаго Штаба». *С. Н. П.*

Казначеевъ, *Александръ Ивановичъ,* сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ. Род. 7 ноября 1788 г., ум. 20 іюня 1880 г.; изъ дворянъ. Окончилъ курсъ въ Рязанской гимназіи и началъ службу въ 1807 г. въ канцеляріи попечителя петербургскаго учебнаго округа Новосильцева; въ 1812 г. поступилъ въ петербургское ополченіе, былъ ординарцемъ у Кутузова, участвовалъ въ битвахъ при Бородинѣ, при Тарутинѣ и при Лейпцигѣ; 24 октября

1818 г. произведенъ въ полковники; въ 1823 г. назначенъ правителемъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго намѣстника графа М. С. Воронцова, съ переименованіемъ изъ полковниковъ въ статскіе совѣтники. 1 января 1827 г. назначенъ ѳеодосійскимъ градоначальникомъ, а 17 апрѣля 1829 г. таврическимъ губернаторомъ. Занимая это мѣсто въ теченіе девяти лѣтъ, А. И. Казначеевъ очень много сдѣлалъ для благоустройства Симферополя, который онъ засталъ еще совершенно незначительнымъ поселеніемъ, вполнѣ сохранявшимъ физіономію татарскаго поселка; внимательно относясь къ нуждамъ мѣстныхъ жителей и близко принимая къ сердцу ихъ интересы, Казначеевъ оставилъ въ нихъ самое благодарное воспоминаніе о себѣ. Онъ оказалъ значительныя услуги въ 1828 и 1830 гг. въ Севастополѣ, во время чумы и вызваннаго ею возмущенія и во время двухлѣтняго неурожая и холеры въ губерніи; въ 1834 г. произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника. Въ 1837 г. онъ вышелъ въ отставку, въ 1845 г. былъ избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства таврической губерніи; въ 1848 г. назначенъ одесскимъ градоначальникомъ. 2 февраля 1854 г. назначенъ сенаторомъ; съ 29 ноября 1856 г. состоялъ членомъ коммиссіи, наблюдавшей за постройкою храма Христа Спасителя въ Москвѣ; съ 11 ноября 1860 г. по 4 января 1863 г. былъ управляющимъ сохранною и сберегательною кассою при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

Завадовскій, «Сто лѣтъ жизни Тавриды», 244—249; формуляръ А. И. Казначеева въ Сенатѣ, за № 1549-б.

Каиновъ (иначе *Варагинъ*), *Андрей Алексѣевъ*, расколоучитель. Род. въ 1751 г., ум. послѣ 1828 г. По происхожденію петербургскій мѣщанинъ; онъ странствовалъ по разнымъ раскольничьимъ скитамъ, пользовался большимъ вліяніемъ среди петербургскихъ ѳедосѣевцевъ и предсѣдательствовалъ на многихъ соборахъ этой секты, являясь ревностнымъ противникомъ брака; неоднократно редактировалъ постановленія этихъ соборовъ. Послѣдніе годы провелъ въ одномъ изъ петербургскихъ монастырей.

«Сборникъ для исторіи старообрядства», т. II, вып. IV,—«Каталогъ» Павла Любопытнаго, 56.

Каинъ, *Иванъ Осиповъ* (*Ванька Каинъ*), разбойникъ и сыщикъ XVIII в. Крестьянинъ купца Филатова, род. въ ростовскомъ уѣздѣ, въ с. Ивановѣ въ 1718 г., ум. послѣ 1756 г. Съ дѣтства онъ отличался воровскими наклонностями; убѣжавъ послѣ нѣсколькихъ кражъ и грабежей изъ Москвы, бродилъ по разнымъ городамъ; присталъ къ разбойнической шайкѣ въ нижегородской губерніи, затѣмъ вернулся въ Москву и 27 декабря 1741 г. явился въ Сыскной приказъ, принесъ повинную въ своихъ прежнихъ преступленіяхъ и предложилъ свои услуги для ловли по Москвѣ воровъ. Услуги его были приняты и въ первую же ночь, съ помощію 17 солдатъ, онъ захватилъ 34 человѣка; по ноябрь 1743 г. по его доносамъ и указаніямъ были забраны 109 человѣкъ. Но затѣмъ Иванъ Каинъ подкупилъ подъячихъ Полицеймейстерской канцеляріи и Сыскнаго приказа и, прикрываясь званіемъ доносителя Сыскнаго приказа, началъ самъ заниматься воровствомъ и вымогательствами съ пойманныхъ воровъ, которыхъ затѣмъ отпускалъ. Опасаясь, однако, какого нибудь доноса, онъ заявилъ, что по важному дѣлу ему необходимо явиться въ присутствіе Сената и 24 сентября 1744 г. представилъ Сенату, что ему очень опасно ловить воровъ и мошенниковъ, такъ какъ кто нибудь изъ нихъ можетъ сдѣлать на него ложный доносъ, по которому его могутъ даже подвергнуть пыткѣ; Сенатъ 3 октября 1744 г. постановилъ, что доносамъ на него не будетъ дано вѣры, а 9 ноября того же года издалъ новый указъ, который грозилъ наказаніями всякому, кто не будетъ помогать «доносителю Каину» въ порученномъ ему дѣлѣ. Пользуясь этими указами Каинъ сталъ еще смѣлѣе продолжать свою возмутительную дѣятельность и подъ его покровительствомъ въ Москвѣ водворилось огромное количество воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ; грабежи сдѣлались постояннымъ явленіемъ, затѣмъ начались поджоги и вскорѣ неустройство въ Москвѣ приняло такіе размѣры, что, наконецъ, присланы были для пикетовъ гвардейскіе полки изъ Петербурга, а въ іюлѣ 1748 г. подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Ѳедора Ушакова была учреждена особая коммиссія для изслѣдованія о пожарахъ. Положеніе Каина стало опаснымъ; чтобы отвлечь отъ себя подозрѣнія, онъ донесъ на своего главнаго помощника Петра Камчатку, который послѣ пытокъ и наказаній былъ сосланъ въ Оренбургъ на вѣчную каторгу; однако, подозрѣнія противъ самого Каина постоянно усиливались и въ январѣ 1749 г. новый московскій генералъ-полицеймейстеръ Тати-

щевъ велѣлъ его арестовать. Каинъ опять прибѣгъ къ прежнему средству, раскрылъ Татищеву, какъ вели себя многіе чины московской полиціи; возникло новое дѣло, для разбора котораго учреждена была особая коммиссія; но на этотъ разъ Каину не удалось выпутаться: въ іюнѣ 1755 г. онъ приговоренъ былъ къ смертной казни, но по приговору Юстицъ-коллегіи 27 февраля 1756 г. казнь была замѣнена ему вѣчною каторгою. Дальнѣйшая судьба Каина неизвѣстна.—Его похожденія живо рисуютъ печальное внутреннее положеніе государства въ концѣ первой половины прошлаго вѣка. Автобіографія Каина, записанная съ его словъ, издана Григоріемъ Книжникомъ, въ 1859 г.

Статья Есипова «Ванька Каинъ» въ III книгѣ сборника «Восемнадцатый вѣкъ», 280—335; Губерти, «Матеріалы для русской библіографіи». вып. II, № 46, стр. 109—112.

Кайгородовъ, *Никифоръ Ивановичъ*, дѣйств. стат. совѣтникъ, управляющій Кабинетомъ Его Величества, род. въ 1763 г., ум. послѣ 1810 г. Кончилъ курсъ въ Горномъ училищѣ вѣдомства Бергъ-коллегіи въ 1774 г. и былъ опредѣленъ къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ; въ 1783 г. обозрѣвалъ и описывалъ Змѣиногорскій и Кузнецкій рудники, гдѣ предпринималась тогда разработка серебра. Въ 1786 г. переведенъ на службу въ Кабинетъ Его Величества и во время путешествія Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. состоялъ въ свитѣ императрицы, для веденія во время путешествія дѣлъ, относившихся къ Кабинету. Въ началѣ царствованія Павла былъ снова при Колыванскихъ заводахъ; въ 1805 г. прибылъ въ Петербургъ съ значительнымъ количествомъ серебра и вскорѣ назначенъ управляющимъ Кабинетомъ. 8 августа 1809 г. по растроенному здоровью вышелъ въ отставку.

Дѣла Кабинета Его Величества, оп. 398—502, № 485—484.

Кайдановъ, *Иванъ Кузьмичъ*, заслуженный профессоръ исторіи въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ, сынъ дьячка, род. въ 1780 г., ум. 9 сентября 1843 г. По окончаніи въ 1801 г. курса въ Кіевской духовной академіи, Кайдановъ былъ назначенъ учителемъ въ Переяславскую семинарію, но вскорѣ же былъ переведенъ въ Петербургскій педагогическій институтъ для продолженія образованія; по окончаніи курса въ 1807 г. со званіемъ старшаго учителя гимназіи, онъ былъ командированъ заграницу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Съ 1808 по 1811 гг. Кайдановъ пробылъ въ Германіи, слушая въ разныхъ университетахъ лекціи исторіи и философіи. По возвращеніи изъ за-границы онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра и въ томъ же 1811 г. былъ назначенъ адъюнктомъ исторіи въ Александровскій Лицей, гдѣ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ читалъ лекціи по отечественной и всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ. Въ 1816 г. Кайдановъ долженъ былъ раздѣлить чтеніе своихъ лекцій съ помощникомъ, а съ 1826 г. отъ него совсѣмъ отошли статистика и географія. Въ 1841 г. вышелъ въ отставку. Съ 1835 по 1838 гг. Кайдановъ велъ занятія въ Училищѣ правовѣдѣнія, въ качествѣ наставника для преподаванія всеобщей и русской исторіи, одновременно состоя и членомъ педагогическаго совѣта Училища. Съ 1823 по 1826 гг. Кайдановъ состоялъ членомъ комитета для разсмотрѣнія книгъ, употребляемыхъ въ Пажескомъ и кадетскихъ корпусахъ; въ 1824 г. онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, а въ 1826 г.—членомъ корреспондентомъ Академіи Наукъ. Въ основаніе своихъ лекцій по географіи Кайдановъ клалъ книгу, изданную отъ Главнаго правленія училищъ, по отечественной статистикѣ—труды Зябловскаго, а статистику прочихъ главныхъ государствъ читалъ по собственнымъ запискамъ. При философскомъ обозрѣніи фактовъ всемірной исторіи онъ пользовался извлеченіями изъ сочиненій Боссюэта, Феррана и Гердера. Самостоятельнаго освѣщенія излагаемыхъ фактовъ Кайдановъ не былъ въ состояніи дать; его собственныя воззрѣнія не отличались глубиною или силою мысли. Среднюю исторію Кайдановъ излагалъ по Ремеру съ собственными дополненіями, а новую исторію читалъ по книгѣ Геерена: «Handbuch der Geschichte des Europäischen - Staaten - Systems und seiner Colonien». Въ свое время Кайдановъ пользовался большою извѣстностью, какъ авторъ цѣлаго ряда учебныхъ пособій по всеобщей и русской исторіи. Въ основаніи его учебниковъ по всеобщей исторіи лежали главнымъ образомъ труды Геерена и Ансильона. Не смотря на нѣкоторые существенные недостатки учебни-

ковъ Кайданова—какъ то: несоразмѣрность въ изложеніи происшествій неодинаковаго историческаго значенія, упоминанія о лицахъ, незаслуживающихъ мѣста во всеобщей исторіи, и пропускъ такихъ дѣятелей, которые составляютъ эпоху въ исторіи наукъ и художествъ—книги его тѣмъ не менѣе, за полнымъ почти отсутствіемъ подобнаго рода изданій, пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и до появленій трудовъ Смарагдова и Шульгина онѣ были едва ли не единственнымъ сколько нибудь удовлетворительнымъ учебнымъ пособіемъ. Многіе изъ этихъ учебниковъ выдержали 5, 6, одно даже 16 изданій. Кайданову принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) Основанія всеобщей политической исторіи. Ч. I. Древняя исторія (1814 г.); 2) Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи. Ч. I. Древняя исторія (1817 г.); 3) Хронологическая и синхронистическая таблица, представляющая достопамятныя происшествія, въ трехъ частяхъ; 4) Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи, 3 ч.; 5) Краткое начертаніе всемірной исторіи (въ 16-ти изданіяхъ); 6) Начертаніе исторіи государства Россійскаго; 7) Извлеченіе изъ рукописныхъ историческихъ лекцій, 2 книги; 8) Краткое изложеніе дипломатіи россійскаго двора, 2 ч. (1833) и еще подъ пятью названіями учебники исторіи. Нѣкоторые изъ трудовъ Кайданова были переведены на языки французскій, нѣмецкій, польскій и румынскій.

Селезневъ, И., «Историческій очеркъ Александровскаго Лицея»; «Собраніе сочиненій В. В. Стасова», т. II, ст. 429 и т. III, ст. 1595; «Воспоминанія» Я. Яхонтова въ «Русск. Старинѣ», т. LX, стр. 113; М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», т. I, стр. 199; Геннади, «Словарь».

Кайдановъ, *Яковъ Кузьмичъ*, докторъ медицины, сынъ дьячка, род. въ 1779 г., ум. 9 декабря 1855 г. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, поступилъ въ Петербурское медико-хирургическое училище и въ немъ, не окончивъ еще курса, былъ назначенъ репетиторомъ при профессорѣ патологіи и терапіи. Кончивъ курсъ въ 1803 г., былъ посланъ за границу и, по возвращеніи, назначенъ адъюнктомъ ветеринаріи въ Медико-хирургической академіи. Въ 1807 г. былъ командированъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ витебскую губернію для прекращенія появившейся на людяхъ и рогатомъ скотѣ эпидемической горячки и, изслѣдовавъ болѣзнь, представилъ ея описаніе и способъ лѣченія. Въ 1808 г. ѣздилъ въ шлиссельбургскій уѣздъ для прекращенія сибирской язвы. Въ 1812 г. получилъ степень доктора медицины и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1828 г. назначенъ вице-директоромъ Медицинскаго департамента Военнаго Министерства, членомъ Медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; былъ почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ печати извѣстны труды его (переводы съ нѣмецкаго): Консбрухъ, «Клиническая карманная книга для молодыхъ врачей», 2 ч., 1803 г., Эллизенъ, «О желвакахъ или сибирская язва», 1807 г., «Начальныя основанія опытной физики», Майера, 1809 г., «Карманная книга военной гигіены», Энегольма, 1812 г.

Змѣевъ, «Русс. врачи-писатели»; «Сѣвер. Пчела», 1856 г., № 92; Геннади, «Словарь».

Кайсаровъ, *Андрей Васильевичъ*, изъ дворянъ, род. въ 1784 г. въ цивильскомъ уѣздѣ казанской губерніи, ум. 16 іюля 1854 г. Въ 1805 г. окончилъ курсъ въ Казанской гимназіи и поступилъ въ Казанскій университетъ; въ 1809 г. окончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата, въ 1811 г. возведенъ въ степень магистра физики и математики; службу началъ секретаремъ училищнаго комитета; въ 1818 г. назначенъ преподавателемъ физики въ гимназіи, а въ 1820 г.—въ Университетѣ со званіемъ адъюнкта. Онъ преподавалъ въ гимназіи двадцать пять лѣтъ, въ Университетѣ же — до 1837 г., исполняя часто разныя порученія по университетской службѣ.

«Казан. губ. вѣд.», 1854, № 31.

Кайсаровъ, *Андрей Сергѣевичъ*, профессоръ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, докторъ исторіи и медицины, принадлежалъ къ дворянской фамиліи тамбовской губерніи, род. въ 1782 г., ум. 15 мая 1813 г. Воспитывался въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, съ которыми сохранилъ впослѣдствіи дружественныя связи. Не окончивъ курса въ университетѣ Кайсаровъ въ 1796 г. поступилъ на военную службу, такъ какъ въ это время всѣ молодые дворяне приглашены были правительствомъ поступать въ военную службу; въ 1799 г. вышелъ въ отставку и

уѣхалъ заграницу пополнять свое образованіе. Вмѣстѣ со своимъ другомъ А. И. Тургеневымъ Кайсаровъ слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, объѣздилъ славянскія земли, гдѣ занимался собираніемъ славянскихъ рукописей и книгъ, посѣтилъ Англію и слушалъ курсы врачебныхъ наукъ въ Эдинбургскомъ университетѣ, отъ котораго и получилъ степень доктора медицины. Въ Англіи Кайсаровъ занимался и собираніемъ матеріаловъ для русской исторіи. Результатомъ пребыванія его въ Англіи явилась между прочимъ его докторская диссертація «Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи», написанная на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «De manu mittendis per Russiam servis», Göttingen, 1806. Диссертація была написана въ духѣ отвлеченныхъ освободительныхъ идей. Въ числѣ доводовъ противъ рабства авторъ указывалъ между прочимъ на то, что крѣпостное право служитъ сильнымъ тормазомъ для экономическаго роста Россіи. Авторъ посвятилъ свою диссертацію императору Александру I, которому она и была преподнесена чрезъ Новосильцова. Другимъ крупнымъ трудомъ Кайсарова была его «Versuch einer slavischen Mythologie», Göttingen, 1804, переведена на русскій языкъ и дважды издана—въ 1807 и 1810 гг.: «Миѳологія славянская и россійская». Это была первая попытка въ русской ученой литературѣ поставить изученіе славянскихъ древностей на научную почву. Въ то время она вызвала весьма сочувственный отзывъ со стороны лучшаго знатока славянскихъ древностей—Добровскаго; но въ настоящее время эта книга потеряла всякое научное значеніе и всѣ почти заключенія его, какъ то замѣтилъ въ свое время И. И. Срезневскій, могутъ считаться неправильными. Изъ мелкихъ литературныхъ работъ Кайсарову принадлежитъ—«Рѣчь о любви къ отечеству» (Дерптъ, 1811), переведенная въ томъ же году на нѣмецкій языкъ.

Съ наступленіемъ отечественной войны 1812 г. Кайсаровъ снова вступилъ на военную службу и завѣдывалъ, между прочимъ, походною типографіею фельдмаршала Кутузова; 14 мая 1813 г. подъ Ганау смертельно раненъ при взрывѣ пороховаго ящика.

«Сочиненія К. Н. Батюшкова», II, 399, 561; А. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I; Галаховъ, «Ист. русс. словесн.», II, 148—149; В. П. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», I, 287; «Сборн. отд. русск. языка и словесности», т. XIX; И. И. Срезневскій, «Чешскія глоссы въ «Mater verborum», 121.

Кайсаровъ, *Василій Сергѣевичъ*, генералъ отъ инфантеріи, изъ дворянъ тамбовской губ., род. въ 1783 г., ум. въ 1844 г. Службу началъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, 14-ти лѣтъ произведенъ въ прапорщики, съ переводомъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ. Въ 1805 г. назначенъ адъютантомъ къ М. И. Голенищеву-Кутузову, находясь при которомъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ французами и подъ Аустерлицомъ получилъ сильную контузію. Въ 1808—1812 гг. принималъ участіе въ турецкой войнѣ и былъ секретаремъ мирнаго конгресса въ Бухарестѣ и правителемъ канцеляріи главнокомандующаго. Въ 1812 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, состоялъ дежурнымъ генераломъ дѣйствующихъ армій, сражался подъ Бородинымъ и участвовалъ въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, а затѣмъ, въ качествѣ авангарднаго начальника передоваго корпуса графа Платова, участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля, причемъ былъ раненъ пикою. Пользуясь особымъ довѣріемъ Кутузова, Кайсаровъ состоялъ при немъ до его смерти, а затѣмъ начальствовалъ летучимъ партизанскимъ отрядомъ на лѣвомъ флангѣ союзниковъ и неоднократно оказывалъ услуги смѣлыми и удачными своими рекогносцировками; особенно отличился въ дѣлѣ при Ганау. Въ сраженіи при Арсисъ-сюръ-Объ казачій отрядъ, находившійся подъ командою Кайсарова, принималъ очень видное участіе и произвелъ блестящую аттаку на непріятеля; съ отрядомъ графа Платова онъ участвовалъ въ занятіи Фонтенебло. За боевыя отличія въ 1813 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., св. Анны 1 ст. съ бриллiантами и золотую шпагу. Въ 1815 году находился при Императорѣ Александрѣ въ Парижѣ и затѣмъ послѣдовательно занималъ должности: командира 2 бригады 23 пѣхотной дивизіи, начальника штаба 1 пѣхотнаго корпуса, въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, начальника 14 пѣхотной дивизіи, въ 1826 г. назначенъ сенаторомъ, въ 1829—1831 гг. былъ начальникомъ Главнаго Штаба 1-й арміи, наконецъ былъ командиромъ 3-го и 5-го (впослѣдствіи 4-го) пѣхотныхъ корпусовъ (1831—1844 гг.). Въ 1831 г. съ войсками 3 пѣхотнаго корпуса держалъ въ блокадѣ крѣпость Замостье,

сдавшуюся 9 октября. Произведенъ въ генералы отъ инфантеріи въ 1833 г.

Послуж. списокъ за 1841 г. въ Московскомъ архивѣ Главнаго Штаба, кн. № 5733; Богдановичъ, «Исторія войны 1814»; Леверъ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. V.

С. Н. П.

Кайсаровъ, *Иванъ Ивановичъ*, капитанъ флота, ум. послѣ 1753 г. Учился сначала въ математической школѣ, затѣмъ въ 1715 г. поступилъ въ Морскую академію; въ слѣдующемъ году отправленъ гардемариномъ въ Венецію и участвовалъ въ сраженіяхъ венеціанскаго флота съ турецкимъ. По возвращеніи въ Россію въ 1719 г. Кайсаровъ произведенъ былъ въунтеръ-лейтенанты галернаго флота и сразу назначенъ былъ командиромъ галерной эскадры изъ 17 судовъ. Съ 1736 г. по 1740 г. состоялъ въ донецкой и днѣпровской экспедиціяхъ, при чемъ участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ съ турками. Произведенный въ 1740 г. въ капитаны, Кайсаровъ затѣмъ въ 1742 г. командовалъ эскадрой галернаго флота, отправленной подъ начальствомъ ген.-аншефа Левашова въ финляндскія шхеры, для дѣйствій противъ шведовъ; въ 1743 г. онъ имѣлъ сраженіе съ шведскимъ галернымъ флотомъ при Корностремѣ и послѣ трехъчасоваго боя принудилъ непріятеля отступить. За это сраженіе Кайсаровъ произведенъ былъ въ капитанъ-командиры (1749 г.); затѣмъ въ 1750 г. онъ командовалъ галернымъ флотомъ, въ 1752 г. опредѣленъ былъ на должность директора Адмиралтействъ-Коллегіи, въ слѣдующемъ году уволенъ отъ службы за болѣзнью.

«Общій морской списокъ».

Кайсаровъ, *Михаилъ Сергѣевичъ*, директоръ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, род. въ 1780 г., ум. 9 марта 1825 г. Воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ; въ 1795 г. поступилъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ; въ 1797 г. уволенъ отъ службы и занялся продолженіемъ своего образованія. Въ теченіе 1800—1801 гг. снова былъ въ военной службѣ, въ 1802 г. перешелъ въ штатскую, въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1803 г. былъ назначенъ сопровождать въ путешествіи по Россіи ученаго англичанина Артура Юнга и обратилъ на себя вниманіе представленнымъ имъ описаніемъ промышленности въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ 1808 г. перешелъ въ канцелярію Министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1810 г.—въ Министерство Полиціи; въ 1818 году по разстроенному здоровью оставилъ службу и жилъ въ своей деревнѣ, занимаясь литературою и улучшеніями въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ 1820 г. назначенъ былъ начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи Министра финансовъ, въ 1824 г.—директоромъ департамента. Изъ его литературныхъ трудовъ извѣстенъ переводъ сочиненія Стерна: «Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди» (1804—1807, въ 6 частяхъ), почитавшійся въ свое время образцовымъ.

«Сѣв. пчела», 1825, № 99.

Кайсаровъ, *Петръ Сергѣевичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1777 г., въ дворянской семьѣ въ рязанской губерніи, ум. 27 февраля 1854 г. Въ 1792 г. поступилъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, въ 1797 г. окончилъ курсъ и поступилъ въ военную службу, въ 1801 г. перешелъ въ гражданскую, переводчикомъ при Петербургскомъ почтамтѣ. Въ 1805 г. по Высочайшему повелѣнію принималъ мѣры къ прекращенію моровой язвы, открывшейся въ гдовскомъ уѣздѣ; въ 1805 г. исполнялъ особыя порученія по устройству походныхъ аптекъ и запасныхъ госпиталей; въ свитѣ императора Александра I находился въ Аустерлицкомъ сраженіи; по заключеніи перемирія отправленъ былъ императоромъ Александромъ съ особымъ порученіемъ въ Константинополь. Въ 1808—1810 гг. Кайсаровъ усердно изучалъ исторію, политическую экономію и финансовую науку; въ 1809 г. опредѣленъ секретаремъ лифляндскаго комитета; въ 1811—1828 гг. исполнялъ должность оберъ-прокурора въ сенатѣ; въ 1828 г. назначенъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ; въ его управленіе дѣлопроизводство департамента было улучшено, упрощено и ускорено; при его близкомъ участіи приведена была восьмая ревизія; въ 1839 г. Кайсаровъ былъ уволенъ отъ управленія департаментомъ и назначенъ сенаторомъ.

«С.-Петерб. Вѣдом.», 1854, № 123.

Кайсымъ (или *Касимъ Трегубъ*), называвшійся по—татарски Кизи-Кирманомъ, сынъ изгнаннаго изъ орды хана Улу-Махмета, въ первый разъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1447 г., когда Кайсымъ и братъ его Якубъ, ушедшіе въ Черкасскую землю, изъ боязни подвергнуться участи отца и брата Юсуфа, убитыхъ другимъ ихъ братомъ Махмутекомъ, появи-

лись съ отрядомъ татаръ и около Ельны встрѣтились съ княземъ боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ и другими русскими выходцами, которые шли изъ Литвы на выручку великаго князя. Между повстрѣчавшимися едва не произошло кровопролитія, но во-время объяснилось, что тѣ и другіе идутъ выручать великаго князя; они соединились и пошли вмѣстѣ. Какъ извѣстно, Василій Васильевичъ былъ возстановленъ на великомъ княжествѣ московскомъ. Въ 1449 г. онъ бралъ царевичей въ походъ противъ Шемяки и въ томъ же году самъ Кайсымъ, узнавъ, что татары Сеидъ-Ахмета грабятъ русскіе предѣлы, выступилъ противъ нихъ изъ Звенигорода, разбилъ ихъ около р. Похры и отнялъ у нихъ всю добычу. Въ 1450 г. Кайсымъ и Якубъ со своими князьями опять ходили съ войсками великаго князя противъ Шемяки и участвовали въ битвѣ съ нимъ подъ Галичемъ. Въ томъ же году великій князь, узнавъ, что на Русь идетъ Меулимъ-бирды-огланъ, отрядилъ противъ него Кайсыма и воеводу Беззубцева, которые и разбили татаръ у р. Битюга. Въ это именно время, т. е. въ началѣ второй половины XV вѣка, Кайсымъ получилъ въ Рязанской области, на берегу Оки, Городецъ (Мещерскій городокъ). На пожалованіе ему этого Городца во владѣніе прямыхъ указаній нѣтъ,—но за него говорятъ какъ названіе самаго Городца Касимовымъ, такъ и живо сохранившееся преданіе о томъ среди мѣстнаго татарскаго населенія; наконецъ документальное, хотя и косвенное, но сильное доказательство того, что Городецъ данъ былъ Касиму, находимъ въ томъ, что въ договорѣ 1483 г. между великими князьями Іоанномъ Васильевичемъ московскимъ и Іоанномъ Васильевичемъ рязанскимъ говорится, что въ пользу Кайсыма и сына его Даніара шли съ Рязанской земли нѣкоторые сборы еще при князѣ рязанскомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ (умеръ въ 1456 г.), говорится о записяхъ, совершенныхъ по этому предмету великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ за князя рязанскаго Василія Ивановича къ князьями Кайсыма, Кубекомъ, сыномъ Хайдера, и Исхакомъ, сыномъ Ахмета,—говорится, наконецъ, объ отношеніяхъ мордвы и мещеры къ царевичамъ и великимъ князьямъ рязанскимъ. Почему и какъ состоялись эти постановленія, изъ договора не видно, но, конечно, они должны быть отнесены къ тому времени, когда Кайсымъ, а потомъ сынъ и преемникъ его Даніаръ, получали въ свое владѣніе Мещерскій городокъ. Вѣроятно, при передачѣ городка опредѣлены были права и обязанности Кайсыма, какъ подручника великаго князя. Изъ приведеннаго договора видно, что царевичу шла извѣстная дача съ Рязанской земли, что у Кайсыма и Даніара были въ подданствѣ мусульмане, мордвины и мещеряки, платившіе ему ясакъ и пошлины. Что касается обязанностей Кайсыма, то надо полагать, что онъ долженъ былъ вообще повиноваться волѣ великаго князя и являться къ нему при первомъ требованіи со всею дружиною на воинскую службу. Жалуя Мещерскій городокъ Кайсыму, великій князь, очевидно, желалъ создать здѣсь оплотъ какъ отъ набѣговъ ордынскихъ татаръ, такъ, главнымъ образомъ, и отъ казанскихъ, съ главою которыхъ Кайсымъ былъ въ близкомъ родствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находился и въ непримиримой враждѣ. Въ 1467 г. казанскіе князья приглашали Кайсыма на царство въ Казань, въ которой сидѣлъ тогда сынъ Махмутека, Ибрагимъ. Кайсымъ и великій князь, конечно, обрадовались этому приглашенію и 14 сентября царевичъ съ своими татарами и съ сильнымъ русскимъ войскомъ подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги и Ивана Юрьевича Патрикѣева двинулся къ Казани. Но походъ былъ неудаченъ: на другой сторонѣ Волги Ибрагимъ стоялъ готовый къ бою со всѣми князьями своими и многочисленной ратью; казанцы не дали царевичу и воеводамъ переправиться чрезъ рѣку и послѣдніе должны были идти назадъ. Обратный путь былъ бѣдственный по случаю холодной и дождливой погоды и недостатка въ провіантѣ. —Неизвѣстно, когда, но вскорѣ послѣ этого похода Кайсымъ умеръ: въ 1469 г. великій князь отпустилъ въ Казань къ царю Ибрагиму мать его, жену Кайсыма (онъ былъ женатъ на вдовѣ брата своего Махмутека). Едва ли можно сомнѣваться, что великій князь не могъ бы отпустить ее въ Казань, если бы Кайсымъ былъ еще живъ.

«Полн. собр. рус. лѣт.», VI, 131—139; V, 269, 274; VI, 177—190; VIII, 3, 120—122, 152—157; Никон. V, 212—217, 288,—VI, 4, 12, 48; Карамзинъ, V, пр. 354: «Истор. замѣт. и очерки Касимова», въ «Ряз. губ. вѣд.», 1846 г., № 13; Вельяминовъ-Зерновъ: «Изслѣд. о Касим. царяхъ и царевичахъ», I. *А. Э.*

Каковинскій, *Николай Никитичъ*, генералъ-поручикъ, род. около 1735 г., ум. послѣ 1788 г. Записанный въ 1742 г. въ л.-гв. Преображенскій полкъ, въ томъ же году былъ пожалованъ въ пажи ко Двору. Въ 1757 г. произведенъ въ подпоручики въ Семеновскій полкъ и получивъ въ теченіе шести лѣтъ всѣ младшіе чины до полковника включительно, перешелъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1769—1774 гг. Произведенный въ 1771 г. въ бригадиры и чрезъ 5 мѣсяцевъ въ генералъ-маіоры, онъ состоялъ сначала при 1-й, затѣмъ при 2-й арміи и наконецъ при Украинской дивизіи. Около 1780 г. назначенъ въ чинѣ генералъ-поручика Московскимъ оберъ-комендантомъ и въ 1788 г. уволенъ отъ службы.

Формуляр. спис. Тенгинскаго полка за 1770 г. въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба, оп. 214, кн. 104; списки генералитету за 1774, 1776, 1779 и 1781 гг. и дѣло Воен. Коллегіи, 1788 г., № 82, оп. 83, связка 56, тамъ же. *С. Н. П.*

Калайдовичъ, *Константинъ Ѳедоровичъ*, изслѣдователь древне-русской и славянской письменности, род. въ маѣ 1792 г. въ Ельцѣ, гдѣ отецъ его Ѳедоръ Дмитріевичъ, былъ врачемъ, ум. 19 апрѣля 1832 г.; учился въ елецкомъ народномъ училищѣ, въ Кіевской духовной академіи, а съ 1799 г. по іюль 1807 г. въ гимназіи Московскаго университета, въ 1807 г. поступилъ въ Московскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1810 г. кандидатомъ словесныхъ наукъ. Занятія его въ университетѣ были довольно разнообразны: онъ интересовался ботаникой и минералогіей наравнѣ съ археологіей; составилъ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ коллекцію монетъ, гербарій и зоологическій кабинетъ московской губерніи, издавалъ вмѣстѣ съ нимъ же рукописный журналъ «Русская муза», въ которомъ помѣщалъ свои статьи и стихотворенія; въ 1807 г. принималъ участіе въ альманахѣ К. Ѳ. Андреева «Весенній цвѣтокъ». Въ 1808 г. вышли въ Москвѣ «Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы К. Калайдовича». Работалъ онъ еще на школьной скамьѣ энергично, обладая «желѣзнымъ» терпѣніемъ. По окончаніи университетскаго курса, онъ посвятилъ себя почти исключительно археологіи и исторіи. Семнадцатилѣтній кандидатъ посѣтилъ Троицы-Сергіевскую лавру и вступилъ въ ученый споръ съ митрополитомъ Платономъ по поводу одного мѣста лѣтописи. Службу онъ началъ учителемъ исторіи и географіи въ университетской гимназіи и въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ; въ 1811 г. читалъ для чиновниковъ лекціи русской исторіи въ Университетѣ. Тогда же начинается его участіе въ трудахъ московскихъ ученыхъ обществъ и рядъ замѣтокъ и статей по археологіи въ «Вѣстникѣ Европы», съ редакторомъ котораго Каченовскимъ Калайдовичъ былъ довольно близокъ. Въ 1811 г. Калайдовичъ былъ избранъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ и принялъ въ немъ дѣятельное участіе; онъ представилъ въ Общество рефераты: «О древностяхъ славяно-русскихъ», «Замѣчанія на статью князя Щербатова объ одной россійской монетѣ», «Розысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладогу», «Біографическія свѣдѣнія о жизни гр. А. П. Мусина-Пушкина». Онъ внесъ въ Общество предложеніе издавать замѣчательнѣйшіе памятники древне-русской письменности въ видѣ журнала подъ заглавіемъ «Русскія достопамятности»; предложеніе это было встрѣчено Обществомъ исторіи и древностей сочувственно, и редакція изданія поручена была Калайдовичу, который успѣлъ напечатать нѣсколько листовъ, но наступившія великія военныя событія отвлекли его отъ научныхъ занятій, а во время пожара Москвы сгорѣла и вся его богатая библіотека со множествомъ рѣдкихъ рукописей; онъ поступилъ въ московское ополченіе, участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ при преслѣдованіи непріятеля отъ Тарутина до Орши; во время похода онъ ознакомился съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, составилъ «Краткій словарь бѣлорусскаго нарѣчія» и едва ли не первый сообщилъ въ русской литературѣ правильныя свѣдѣнія о языкѣ бѣлоруссовъ (см. «Труды Общ. любит. рос. слов.», 1822 г., ч. I).

Послѣ того какъ ополченіе было распущено, онъ до 1815 г. снова преподавалъ въ Университетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ готовился, какъ стипендіатъ, къ магистерскому экзамену; экзамена онъ, впрочемъ, не окончилъ, но научныхъ занятій не прекратилъ и продолжалъ помѣщать статьи по русской исторіи въ «Вѣстникѣ Европы» (1812—1814 гг.) и «Сынѣ Отечества» (1814—1815 гг.). Въ эти же годы Калайдовичъ вступилъ въ близкія сношенія со многими учеными: Карамзинымъ, митр. Евгеніемъ, Н. Бантышъ-Каменскимъ и его сыновьями,

Малиновскимъ, Сопиковымъ и др. Въ 1815 г. Калайдовичъ издалъ (по порученію митрополита Евгенія) «Каталогъ писателей, объяснявшихъ гражданскую и церковную исторіи, А. Селлія»; въ томъ же году вышла 1 часть «Русскихъ достопамятностей»; изданіе это не потеряло значенія и до сихъ поръ; въ него вошли между прочими: «Поученіе епископа Луки Жидяты», съ примѣчаніями Тимковскаго, «Русская Правда» по списку XIII вѣка, «Посланіе митр. Никифора къ Владиміру Мономаху», «Посланіе митр. Іоанна къ Іакову черноризцу» и др. Это изданіе памятниковъ было сдѣлано вполнѣ научно: издатель недовольствовался однимъ спискомъ, но тщательно подыскивалъ и другіе для варіантовъ, снабжалъ ихъ объяснительными предисловіями и примѣчаніями. Вскорѣ Калайдовичъ собралъ матеріалы для второй части «Достопамятностей», но продолженіе это явилось уже послѣ его смерти въ 1843 г. При изслѣдованіи архивовъ Калайдовичъ посѣтилъ Владиміръ и Суздаль и собралъ здѣсь нѣсколько цѣнныхъ и рѣдкихъ рукописей; въ началѣ 1815 г. онъ вернулся въ Москву; въ Суздалѣ съ Калайдовичемъ приключилось какое-то невыясненное его біографами происшествіе, заставившее его отца помѣстить его, во избѣжаніе болѣе непріятныхъ послѣдствій, сперва на полгода въ московскій домъ для умалишенныхъ, а затѣмъ на годъ удалить его въ Николо-Пѣшношскую обитель. Въ уединеніи и изгнаніи Калайдовичъ не оставлялъ занятій, писалъ стихи, собиралъ матеріалы для исторіи Пѣшношскаго монастыря; необходимыя справки для послѣдняго труда сообщалъ ему изъ Москвы П. М. Строевъ; «Историческое и топографическое описаніе монастыря св. Николая, что на Пѣшношѣ», составленное Калайдовичемъ, вышло въ 1837 г. Положеніе Калайдовича по выходѣ изъ монастыря было нѣкоторое время крайне неопредѣленнымъ; въ это время онъ полгода пробылъ въ Калугѣ и здѣсь нашелъ очень цѣнную и интересную рукопись Кирши Данилова «Древнія россійскія стихотворенія», которая при его посредствѣ была пріобрѣтена гр. Н. П. Румянцевымъ и издана Калайдовичемъ въ 1818 г. съ обстоятельнымъ предисловіемъ; это предисловіе—первый опытъ изслѣдованія русскаго былеваго эпоса; тутъ впервые указана была важность точнаго изданія текста былинъ; предшествующее изданіе Кирши Данилова, сдѣланное Якубовичемъ въ 1804 году, было неполно и неудовлетворительно. Въ изданіе Калайдовича не вошли 7 «неприличныхъ» былинъ и 2 духовные стиха. За утратою впослѣдствіи самой рукописи, изданіе Калайдовича пріобрѣло особое значеніе; (впрочемъ, по свѣдѣніямъ недавно полученнымъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, рукопись «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» отыскалась въ библіотекѣ кн. Долгорукова, внука извѣстнаго А. Ѳ. Малиновскаго). Въ 1817 г. Калайдовичъ сталъ принимать участіе въ изданіяхъ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и тѣсно примкнулъ такимъ образомъ къ «Румянцевскому кружку». Онъ былъ причисленъ къ архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Калайдовичъ участвовалъ въ изданіи II, III и IV томовъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», въ 1819 г. издалъ «Законы великаго князя Іоанна Васильевича и Судебникъ царя Іоанна Васильевича» (совмѣстно съ П. М. Строевымъ). Занимаясь исторіей славянскаго книгопечатанія, Калайдовичъ сообщилъ цѣлый рядъ указаній Сопикову для первой части его «Опыта россійской библіографіи»; равнымъ образомъ внесъ не мало дополненій въ «Словарь писателей» митрополита Евгенія. Будучи послѣ Карамзина однимъ изъ лучшихъ въ то время знатоковъ русской исторіи, Калайдовичъ мечталъ и составлялъ планы для научнаго изданія лѣтописей, отсутствіе котораго особенно чувствовалась въ то время. Общество исторіи и древностей россійскихъ не осуществило его надеждъ и предложеній; только послѣ сильныхъ настояній Калайдовича оно рѣшилось выпустить 13 листовъ начатаго профессоромъ Тимковскимъ прерваннаго въ 1812 г. изданія Лаврентьевской лѣтописи.

Въ 1817 г., по порученію графа Румянцева, П. М. Строевъ предпринялъ археографическую поѣздку для описанія рукописей извѣстнѣйшихъ монастырей. Калайдовичъ присоединился къ нему добровольно «изъ любопытства». Поѣздка эта въ исторіи русской науки имѣла очень важное значеніе, такъ какъ сопровождалась открытіемъ цѣлаго рода древнихъ памятниковъ русской письменности, иногда первостепенной важности; въ этихъ открытіяхъ Калайдовичу принадлежитъ очень видная роль: въ Новомъ

Іерусалимѣ онъ нашелъ и сдѣлалъ первое описаніе «Святославова Сборника» 1073 г., онъ же нашелъ древнѣйшіе списки разрядовъ, путешествіе гостя Василія къ Св. мѣстамъ, онъ нашелъ новые списки сочиненій Іоанна Экзарха; Строевъ отыскалъ «Похвалу Кагану Владиміру». Неутомимый Калайдовичъ мечталъ объ изданіи найденныхъ сокровищъ, главнымъ же образомъ «Сборника» 1073 г., какъ возможно скорѣе; но разнаго рода обстоятельства помѣшали осуществленію его мечты. Въ 1820 г. Калайдовичъ женился, нѣкоторое время путешествовалъ по Россіи, и затѣмъ занялся изданіемъ «Памятниковъ россійской словесности XII вѣка» (М. 1821); это изданіе сохраняетъ свое значеніе до настоящаго времени. Въ него вошли: Творенія Кирилла Туровскаго, Посланіе митр. Никифора Владиміру Мономаху, Слово Даніила Заточника, Вопросы Кирика, Посланіе Симона къ Поликарпу и др.; всѣ памятники снабжены обстоятельными объясненіями, съ подборомъ варіантовъ. Наиболѣе важнымъ было изданіе сочиненій Кирилла Туровскаго, о которомъ въ нашей литературѣ до изданія Калайдовича были представленія очень сбивчивыя; въ «Памятникахъ» же были напечатаны 15 сочиненій Кирилла, опредѣлено впервые мѣсто и время его жизни. Заслуга энергичнаго издателя увеличивается еще въ виду неустановленности критическихъ пріемовъ при изданіи, недостатка историческихъ свѣдѣній о древнѣйшей культурной жизни Руси, когда приходилось работать при «навѣтахъ скептиковъ»; вполнѣ извинительны поэтому мелкіе промахи и недостатки одного изъ первыхъ у насъ научныхъ и критическихъ изданій памятниковъ литературы; любопытна полемика по поводу Кирилла Туровскаго между Каченовскимъ и Калайдовичемъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1822 г., №№ 1, 2 и 6. Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ Калайдовича было сочиненіе: «Іоаннъ, экзархъ болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію славянскаго языка и литературы въ IX и X столѣтіи» (1824 г.). Калайдовичъ нашелъ нѣсколько сочиненій Іоанна—«Небеса», «Шестодневъ»—въ Московской Синодальной библіотекѣ еще въ 1814 г., и, не смотря на раздававшіяся въ началѣ сомнѣнія, онъ настаивалъ на древности ихъ и важности при изученіи древне-церковнославянскаго языка. Изслѣдованіе свое онъ поставилъ очень широко: коснулся вопросовъ о началѣ письма у славянскихъ народовъ, о трудахъ Кирилла и Меѳодія и о дальнѣйшемъ движеніи литературнаго славянскаго языка. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію помѣщены: тексты сочиненій и переводовъ Іоанна и снимки. По богатству новаго матеріала, привлеченнаго къ изслѣдованію, и широкимъ выводамъ это сочиненіе Калайдовича занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ трудовъ по славянской филологіи. Открытіе Калайдовичемъ виднаго литературнаго дѣятеля X вѣка вызвало со стороны многихъ недовѣріе; въ числѣ скептиковъ были: митрополитъ Евгеній, Добровскій, заявлявшій, что во время царя Симеона не было никакого екзарха Іоанна, наконецъ Каченовскій, находившій, что Іоаннъ—сербскій писатель XII вѣка; привѣтствовали новое изданіе Полевой и Востоковъ.—Изъ другихъ работъ и изданій Калайдовича назовемъ: «Опытъ рѣшенія вопроса: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоревѣ»,—въ XI ч. Трудовъ Общества любителей россійской словесности, 1818 г.; въ этой статьѣ Калайдовичъ, бывшій горячимъ защитникомъ подлинности «Слова», доказывалъ, что оно «сочинено», по всѣмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи, что поэтическій стихъ и языкъ существовалъ у насъ еще ранѣе, до появленія Слова, что оно написано не чистымъ русскимъ языкомъ, а съ примѣсью церковно-славянизмовъ и т. д.; «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ изъ древнихъ русскихъ лѣтописей» (1821 г.); «Описаніе рукописей библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого» (1825 г.)—составленное совмѣстно съ П. М. Строевымъ,—трудъ очень важный и добросовѣстный; другая подобная работа, начатая Калайдовичемъ, по порученію гр. Румянцева — описаніе рукописей Синодальной библіотеки—не была докончена; въ 1828 г. Калайдовичъ началъ изданіе журнала «Русскій Зритель»; но до конца этотъ журналъ доведенъ былъ другими лицами; въ немъ нѣсколько статей Калайдовича по русской исторіи. По порученію гр. Румянцева Калайдовичъ совершилъ еще нѣсколько археографическихъ поѣздокъ по Россіи, отыскивалъ и пріобрѣталъ для него рукописи, поступившія впослѣдствіи въ Румянцевскій музей. Смерть Румянцева (1826 г.) потрясла слабое здоровье Калайдовича. Уже въ 1827 г. въ немъ замѣтно было разстройство умственныхъ способностей; въ 1828 г. онъ забо-

лѣлъ окончательно и былъ отчисленъ отъ Архива. Съ 1830 г. онъ поправился умственно, но не физически. Оставшіеся послѣ его смерти бумаги пріобрѣтены были Погодинымъ, а отъ него перешли въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Погодинъ такъ характеризуетъ Калайдовича: «Не обнимая исторіи въ цѣломъ, онъ былъ любителемъ, знатокомъ, искателемъ частностей: рукопись, книга, камень, крестъ, образъ, монета—одинаково привлекали его вниманіе и подавали поводъ къ самымъ подробнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ. Онъ живмя-жилъ въ библіотекахъ, рылся въ рукописяхъ съ утра до вечера, посѣщалъ безпрестанно всѣхъ мѣнялъ и серебренниковъ, справлялся, записывалъ, изслѣдовалъ, читалъ, работалъ безъ устали, въ безпрерывномъ движеніи, и открытія слѣдовали у него одно за другимъ». Но нельзя не признать, что Калайдовичъ не былъ только собирателемъ, а обладалъ замѣчательнымъ критическимъ дарованіемъ и научною осторожностью, не переходившею однако, въ чрезмѣрный скептицизмъ; онъ обладалъ также способностью къ обобщеніямъ и широкимъ выводамъ, оставляя въ этомъ отношеніе далеко позади себя многихъ другихъ членовъ «Румянцевскаго кружка». Кромѣ того, онъ отличался самостоятельностью какъ въ научныхъ изысканіяхъ, такъ и въ личныхъ отношеніяхъ со всѣми. «Калайдовичъ, писалъ Строевъ, какъ человѣкъ самолюбивый, держался самостоятельно». Послѣднее обстоятельство и было повидимому причиной его натянутыхъ отношеній къ Строеву и митрополиту Евгенію. Заслуга кружка Румянцева характеризуется обыкновенно такимъ образомъ: благодаря «кружку» открыты древнѣйшіе памятники русской и славянской письменности, вмѣсто библіографіи впервые даны были опыты историко-литературныхъ изслѣдованій древней литературы, явились едва ли не первыя научныя и критическія изданія памятниковъ и начато изученіе древне-славянскаго языка. Безъ сомнѣнія, въ ряду дѣятелей кружка К. Ѳ. Калайдовичъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

П. Безсоновъ, «К. Ѳ. Калайдовичъ», біогр. очеркъ въ «Русской Бесѣдѣ», 1861 г., и въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1862 г.; Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Строева»; А. Кочубинскій, «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія; Шишковъ и Румянцевъ»; «Записки важныя и мелочныя», К. Ѳ. Калайдовича (отрывокъ)—въ «Лѣтопис. русск. лит. и древн.», 1859—1860 гг., т. III, кн. 5; «Письма Калайдовича къ прот. Григоровичу» въ—«Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн.», 1864 г., II; «Переписка гр. Румянцева»—тамъ же, 1882 г., I; Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина»; библіографическія указанія въ «Справочн. словарѣ писателей», Геннади, II и въ «Опытѣ русской исторіографіи», Иконникова.

А. Лященко.

Калайдовичъ, *Ѳедоръ Дмитріевичъ*, сынъ кіевскаго мѣщанина, род. въ 1742 г., ум. 15 марта 1819 г. Учился въ Черниговской коллегіи. Въ 1773 г. поступилъ ученикомъ въ Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, откуда черезъ годъ вышелъ подлѣкаремъ и въ 1775 г. назначенъ въ полевой госпиталь крѣпости св. Дмитрія. Въ 1800 г. перешелъ въ Москву врачемъ университетскаго Благороднаго пансіона. При оставленіи Москвы 1812 г. уѣхалъ въ Казань, гдѣ подалъ прошеніе «о желаніи преподавать на россійскомъ языкѣ медицинскія лекціи», былъ опредѣленъ адъюнктомъ по медицинѣ въ Казанскій университетъ и читалъ лекціи гигіены. Здѣсь же онъ напечаталъ свой трудъ «О сохраненіи здоровья или краткія правила гигіены». Впрочемъ преподаваніе его продолжалось очень недолго: осенью 1813 г. онъ вернулся въ Москву на прежнюю службу.

Змѣевъ, «Русс. врачи-писатели»; «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1862 г., кн. 3; Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казан. унив.».

Калачовъ, *Николай Васильевичъ*, ученый историкъ-юристъ, академикъ и сенаторъ, род. 26 мая 1819 г., ум. 25 октября 1885 г. Происходилъ изъ зажиточной дворянской семьи, родоначальникомъ которой былъ дьякъ Земскаго приказа Михаилъ Постникъ Калачовъ, пожалованный вотчиной за Московское осадное сидѣнье 1618 года. Отецъ Н. В. Калачова, Василій Андреевичъ, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи, былъ предводителемъ дворянства юрьевпольскаго уѣзда владимірской губерніи и жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи сельцѣ Вескѣ (того же уѣзда). Здѣсь провелъ свое дѣтство Н. В. Калачовъ и получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ гувернеровъ иностранцевъ, изъ числа которыхъ докторъ философіи Гегерманъ рано пробудилъ въ даровитомъ мальчикѣ интересъ къ историческимъ занятіямъ. Послѣ отъѣзда Гегермана заграницу Калачовъ съ 1831 г. продолжалъ свое образованіе въ Москвѣ, сначала въ пансіонѣ Чермака, а потомъ въ московскомъ Дворянскомъ институтѣ, откуда по окончаніи

курса въ 1836 г. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Въ это именно время былъ введенъ новый университетскій уставъ 1835 г., попечителемъ московскаго учебнаго округа назначенъ графъ Строгановъ, начали читать лекціи только что прибывшіе изъ заграницы молодые профессора Рѣдкинъ, Крыловъ и др., интересъ къ источникамъ права былъ оживленъ изданіемъ «Полнаго собранія законовъ» и дѣятельностью Археографической коммиссіи. Живой и воспріимчивый по своему характеру, Калачовъ увлекся университетской наукой и, еще будучи студентомъ, написалъ изслѣдованіе о Судебникѣ царя Іоанна Васильевича настолько серьезное, что оно было напечатано въ «Юридическихъ Запискахъ» Рѣдкина, т. I. Интересъ къ родной старинѣ уже во времена студенчества пробудился у Калачова въ такой степени, что «онъ съ жадностью погружался въ чтеніе лѣтописей, старинныхъ актовъ, онъ ходилъ по старымъ монастырямъ и разыскивалъ надгробные камни на старыхъ полуразрушенныхъ кладбищахъ». Калачовъ вдумывался въ памятники и слѣды прошлаго потому, что искалъ въ нихъ исторической связи съ настоящимъ, которое интересовало его всегда не менѣе, чѣмъ прошлое: такимъ складомъ его ума объясняется его ученая и общественная дѣятельность, направленная на предметы, повидимому не сходные.

Сразу по окончаніи курса въ университетѣ (въ 1840 г.) Калачовъ поступилъ на службу въ Археографическую коммиссію въ Петербургъ (по рекомендаціи М. П. Погодина) и здѣсь, изучая въ подлинникахъ древніе русскіе акты, началъ готовиться къ магистерскому экзамену. Въ 1843 г. Калачовъ былъ откомандированъ Археографической коммиссіей въ Москву для занятій въ архивахъ подъ руководствомъ знаменитаго археографа П. М. Строева, но вскорѣ домашнія обстоятельства—смерть отца и продолжительная болѣзнь матери—заставили его оставить службу, чтобы заняться хозяйствомъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Въ 1846 г. Калачовъ возвратился въ Москву и занялъ должность библіотекаря въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а также вновь поступилъ на службу въ Археографическую коммиссію съ откомандированіемъ для занятій въ Москву. Въ томъ же году онъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію «Предварительныя юридическія изслѣдованія для полнаго объясненія Русской Правды», а также издалъ «Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій», а въ слѣдующемъ 1847 г. напечаталъ «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права». Эти въ высшей степени цѣнные труды сразу создали Калачову авторитетное имя въ вопросахъ исторіи русскаго права. Въ 1848 г. Калачовъ, избранный въ 1847 г. въ члены Московскаго Общества исторіи и древностей, занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру исторіи русскаго законодательства, только что оставленную К. Д. Кавелинымъ. Какъ профессоръ онъ обращалъ главное вниманіе на такъ называемую внѣшнюю исторію права, посвящая большую часть курса критическому обозрѣнію и разбору памятниковъ русскаго законодательства. Кромѣ чтенія лекцій на юридическомъ факультетѣ онъ читалъ еще студентамъ историко-филологическаго, математическаго и медицинскаго факультетовъ «государственныя и губернскія учрежденія» и «законы о состояніяхъ».

Въ 1852 г. Археографическая коммиссія, избравшая въ 1851 г. Калачова своимъ членомъ, поручила ему изданіе «Дополненій къ актамъ историческимъ». Для собиранія историческихъ матеріаловъ Калачовъ совершилъ два путешествія по Россіи: одно въ 1852 г. по губерніямъ орловской, владимірской и саратовской, другое въ 1853 г., по самарской, тамбовской и рязанской и осмотрѣлъ какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и частныя собранія. Описаніе путешествія и найденныхъ имъ матеріаловъ сдѣлано имъ въ статьѣ «Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ», а также въ донесеніяхъ предсѣдателю Археографической коммиссіи. Въ 1857 г. Калачовъ, уже оставившій каѳедру въ Московскомъ университетѣ, переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу во Второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи и здѣсь по порученію графа Блудова занялся редакціей третьяго изданія «Свода гражданскихъ законовъ». Въ 1858 г. Калачовъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, въ 1862 г. назначенъ членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, въ 1863 г. членомъ-редакторомъ учрежденной при Государственной канцеляріи коммиссіи для составленія проекта преобразованія судебной части,

въ 1864 г. возведенъ Петербургскимъ университетомъ за ученые труды въ степень доктора гражданскаго права, а черезъ 4 года избранъ въ почетные члены того же университета; въ 1865 г. Калачову повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ управляющимъ Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи. Въ 1878 г. Калачовъ былъ назначенъ директоромъ основаннаго имъ Археологическаго института; въ 1882 г. избранъ въ члены Академіи Наукъ.—Калачовъ перенесъ свою дѣятельность въ Петербургъ, когда готовилось освобожденіе крестьянъ и онъ не остался въ сторонѣ отъ этого великаго дѣла. Въ 1859 г., назначенный членомъ редакціонныхъ коммиссій, онъ вступилъ въ юридическое отдѣленіе ихъ, учрежденное для опредѣленія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ. Чрезъ 4 мѣсяца по вступленіи его въ юридическое отдѣленіе, 10 іюля 1859 г. общее присутствіе коммиссій уже слушало первый докладъ этого отдѣленія «О прекращеніи крѣпостнаго права», составленный Калачовымъ, и обратившій на себя особенное вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ своею обстоятельностью. Послѣ окончанія работъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ Калачовъ не разъ еще высказывался въ печати по крестьянскому вопросу, который его живо интересовалъ и которому посвящены слѣдующія его статьи: «Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ» (Архивъ ист. и практ. свѣд., 1859 г., II); «Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII столѣтіи» (Лѣтоп. занятій Археог. ком., вып. III); «Артели въ древней и нынѣшней Россіи» (Этнографич. сборникъ Географ. общ., VI); «О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи» (Сборникъ Госуд. знаній, т. VIII); «Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта» (Труды VI археол. съѣзда, т. I). По крестьянскому дѣлу Калачовъ трудился и въ качествѣ предсѣдателя учрежденной по его мысли при Географическомъ обществѣ коммиссіи для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. «Сборникъ юридическихъ обычаевъ» по мнѣнію Калачова могъ бы служить лучшимъ пособіемъ для составленія «Сельскаго судебнаго устава», въ которомъ онъ видѣлъ главное спасеніе отъ многихъ золъ, разъѣдающихъ жизнь нашего села въ настоящее время. Придавая большое значеніе обычному праву, Калачовъ, участвовавшій въ составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ, настоялъ, чтобы въ Уставъ гражданскаго судопроизводства внесена была статья (130-ая) дозволяющая мировымъ судьямъ при постановленіи рѣшеній руководствоваться также мѣстными народными обычаями. Въ видахъ подготовки силъ для новыхъ судовъ Калачовъ собралъ въ Петербургѣ кружокъ молодыхъ юристовъ и съ ними занимался вопросами практическаго судопроизводства, а позднѣе, въ Москвѣ, принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи Юридическаго общества, былъ его первымъ предсѣдателемъ и положилъ начало ежемѣсячному журналу «Юридическій Вѣстникъ», который и редактировалъ въ 1860—1864 гг. и въ 1867—1870 гг. (съ г. Шайкевичемъ). Когда въ 1875 г. въ Москвѣ состоялся первый—и до сихъ поръ единственный—съѣздъ русскихъ юристовъ, Калачовъ, избранный въ предсѣдатели, принималъ самое живое участіе какъ въ его занятіяхъ—между прочимъ прочелъ рефератъ «Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству»—такъ потомъ и въ изданіи «Трудовъ» съѣзда. Мечтою Калачова было устраивать юридическіе съѣзды періодически; по порученію Московскаго юридическаго общества онъ хлопоталъ объ этомъ, но безуспѣшно. Какъ юристъ-практикъ, Калачовъ неоднократно высказывался въ печати по разнымъ вопросамъ современнаго законодательства (таковы, напр., его разъясненія тѣхъ или другихъ статей «Свода законовъ», или отвѣты на различные вопросы по гражданскому праву, обращаемые къ нему).

Уже первыя изслѣдованія Калачова (о Царскомъ судебникѣ, о Русской Правдѣ, о Кормчей) даютъ ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ-юристовъ, особенно, если принять въ соображеніе, какъ мало было сдѣлано до него въ области разработки и изученія памятниковъ древнерусскаго законодательства. Впослѣдствіи издательская, архивная и общественная дѣятельность отвлекали вниманіе Калачова въ разныя стороны; тѣмъ не менѣе за его первыми трудами слѣдовалъ длинный рядъ другихъ въ области исторіи, права и археологіи, небольшихъ по объему, но цѣнныхъ по содержанію.

Изъ числа позднѣйшихъ трудовъ Калачова по исторіи права особенно замѣчательны рецензіи, имѣющія характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій, на труды: Чичерина, «Областныя учрежденія» (отчетъ о 26 присужденіи Демидовскихъ наградъ); Дмитріева, «Исторія судебныхъ инстанцій» (Отчетъ о 29 присужденіи тѣхъ же наградъ); Чебышева-Дмитріева, «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву» (Отчетъ о 32 присужденіи ихъ); Романовича-Славутинскаго, «Дворянство въ Россіи» (Юрид. Вѣстн., вып. 48); Андреевскаго, «О намѣстникахъ и воеводахъ» (34 присужденіе Демидовскихъ наградъ); Энгельмана «О давности» (12 присужденіе Уваровскихъ наградъ); Полѣнова, «Историческія свѣдѣнія объ Екатерининской коммиссіи» (15 присужденіе Уваровскихъ наградъ); Петровскаго, «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго» (19 присужденіе тѣхъ же наградъ) и др.

Важную услугу русской исторической наукѣ и наукѣ права Калачовъ оказалъ, какъ издатель и какъ организаторъ архивнаго дѣла. Въ 1850 г. въ Москвѣ онъ началъ изданіе «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи»— вышло 4 книги, 1850—1861 гг. Этотъ сборникъ, благодаря трудамъ самого издателя и такихъ сотрудниковъ, какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Буслаевъ, Аѳанасьевъ, былъ очень важнымъ явленіемъ тогдашней исторической литературы. Это изданіе Калачовъ продолжалъ въ Петербургѣ подъ именемъ «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», 12 книгъ, 1859—1864 гг. Перемѣна названія показывала, что издатель имѣлъ цѣлью историческую разработку современныхъ общественныхъ вопросовъ для выясненія національныхъ началъ и формъ нашей общественной жизни. Въ приложеніи къ «Архиву историческихъ и практическихъ свѣдѣній» Калачовъ началъ 1860 г. изданіе «Юридическаго Вѣстника». Подъ редакціей Калачова вышли слѣдующія изданія Археографической коммиссіи: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Котошихина», «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», 3 тома (1857, 1864, 1884 гг.), «Дополненія къ Актамъ историческимъ», т. VII, VIII и IX (1859, 1863, 1875 гг.). По порученію Географическаго Общества Калачовымъ были изданы въ извлеченіи «Писцовыя книги XVI вѣка». Затѣмъ подъ редакціей Калачова изданы: «Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные кн. М. Оболенскимъ» изданіе Общества исторіи и древностей, 1847 г., «Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», т. I, 1880 г.; т. II, кн. 1, 1882 г.; кн. 2, 1883 г.; т. III, кн. 1, 1886 г. «Архивъ Государственнаго Совѣта», изданіе канцеляріи Государственнаго Совѣта, т.т. I и II, 1869 г.; т. III, 1878 г.; т. IV, 1881 г. «Матеріалы для исторіи Русскаго дворянства» вып. I—II, 1885 г., вып. III, 1886 г.

Какъ архивный дѣятель, Калачовъ безспорно занимаетъ у насъ первое мѣсто: онъ именно выдвинулъ впервые вопросъ объ архивахъ вообще, много сдѣлалъ для устройства Московскаго архива Министерства Юстиціи, основалъ Археологическій институтъ, по его мысли и благодаря его энергіи учреждены ученыя архивныя коммиссіи. Служба въ Археографической коммиссіи, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, археографическія путешествія по Россіи въ 1852—1853 гг. и въ послѣдующее время, знакомство съ постановкой архивнаго дѣла заграницей, и наконецъ управленіе Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи выработали изъ Н. В. Калачова отличнаго архивиста. По словамъ людей, лично знавшихъ Калачова, его любовь къ архивамъ и архивному дѣлу была безпредѣльна. Такое увлеченіе у человѣка, чуткаго къ вопросамъ современной жизни, объясняется его точкой зрѣнія на архивы. По мнѣнію Калачова архивы, какъ сокровищницы человѣческаго опыта и знанія, одинаково важны и для ученыхъ и для людей, вращающихся въ практической сферѣ. Благоустройство архивовъ — важное условіе для процвѣтанія исторической науки и тѣсно съ ней связанной науки права. Изученіе архивныхъ матеріаловъ Калачовъ признавалъ «однимъ изъ необходимыхъ условій для дальнѣйшаго развитія общественнаго и частнаго быта согласно съ требованіями каждой народности». Не одни акты давно минувшихъ лѣтъ, но также историческіе матеріалы недавняго прошлаго, на истребленіе которыхъ отъ разныхъ случайностей равнодушно смотрѣли даже люди, прикосновенные къ исторической наукѣ, нашли въ Калачовѣ горячаго защитника. Такой взглядъ на значеніе архивовъ обусловливалъ его убѣжденіе въ необходи-

мости во 1-хъ, самаго тщательнаго храненія, во 2-хъ, всесторонняго выясненія содержанія архивныхъ документовъ, въ 3-хъ, распространенія путемъ печати свѣдѣній о матеріалахъ, содержащихся въ архивахъ, и наконецъ, всякаго возможнаго содѣйствія лицамъ, желающимъ лично дѣлать извлеченія изъ архивныхъ документовъ.

По мнѣнію Калачова архивное дѣло будетъ поставлено на должную высоту лишь въ томъ случаѣ, если архивами будутъ завѣдывать люди съ надлежащей подготовкой, не только общеобразовательной, но и спеціальной, которую они должны получать въ особомъ заведеніи, или на особыхъ курсахъ при какомъ либо изъ столичныхъ архивовъ. Въ интересахъ науки надо обратить вниманіе не на одни столичные архивы, но и на провинціальные, положеніе которыхъ еще печальнѣе. Калачовъ мечталъ объ устройствѣ въ провинціальныхъ городахъ центральныхъ историческихъ архивовъ, которыми будутъ завѣдывать люди, спеціально приготовленные къ архивному дѣлу, и объ устройствѣ при этихъ архивахъ историческихъ и археологическихъ обществъ.

Архивный вопросъ былъ выдвинутъ Калачовымъ въ 1869 г. на первомъ археологическомъ съѣздѣ, гдѣ Калачовъ сдѣлалъ сообщеніе объ архивахъ; о томъ же читалъ онъ на второмъ археологическомъ съѣздѣ въ 1872 г., присоединяя на этотъ разъ просьбу указать, что можно сдѣлать для устройства русскихъ архивовъ. Члены втораго съѣзда отнеслись съ живымъ участіемъ къ предложенію Калачова и вотъ, въ 1873 г. съ Высочайшаго разрѣшенія была учреждена подъ предсѣдательствомъ Калачова Временная коммиссія объ устройствѣ архивовъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Эта коммиссія, душой которой былъ Калачовъ, выработала два проекта: Главной архивной коммиссіи, какъ центральнаго управленія архивами, и Археологическаго института, какъ спеціальнаго заведенія для подготовки архивистовъ изъ лицъ, уже получившихъ высшее классическое или юридическое образованіе. Первый проектъ остался на бумагѣ, главнымъ образомъ за неимѣніемъ средствъ; второй осуществился лишь благодаря энергіи Калачова.

Археологическій институтъ, образцомъ для коего послужила Парижская École des chartes, былъ открытъ Калачовымъ въ С.-Петербургѣ 15 января 1878 г. на частныя средства, и только съ 1883 г. его существованіе было обезпечено ежегодной правительственной субсидіей въ 6000 руб. При Институтѣ Калачовъ началъ на частныя средства два изданія, гдѣ нашли себѣ мѣсто не мало статей, посвященныхъ архивному дѣлу: «Сборникъ Археологическаго института», 5 книгъ, 1878—1881 гг. и «Вѣстникъ археологіи и исторіи», 1885 г., 4 выпуска. Недовольствуясь петербургскимъ Археологическимъ институтомъ, который былъ его любимымъ дѣтищемъ, Калачовъ незадолго до смерти ходатайствовалъ объ учрежденіи другаго Археологическаго института въ Москвѣ при архивѣ Министерства Юстиціи съ менѣе обширной программой, имѣющей въ виду исключительно архивное дѣло. Мечта Калачова о центральныхъ историческихъ архивахъ въ провинціяхъ и ученыхъ обществахъ при нихъ была осуществлена до нѣкоторой степени въ 1884 г., когда по его мысли явились у насъ ученыя архивныя коммиссіи, провинціальныя историческія общества, ближайшей задачей которыхъ является созданіе мѣстнаго историческаго архива и связанное съ этимъ дѣломъ изученіе мѣстной исторіи.

Съ 1865 г. по 1885 г. Калачовъ занималъ постъ управляющаго Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи, однимъ изъ нашихъ важнѣйшихъ историческихъ архивовъ. Сдѣлавшись хранителемъ массы драгоцѣнныхъ документовъ, онъ сталъ вносить въ нее свѣтъ и порядокъ при помощи людей, получившихъ высшее образованіе: онъ сформировалъ изъ нихъ такъ называемое ученое отдѣленіе и поставилъ ему задачей систематическое описаніе документовъ, хранящихся въ архивѣ. Подъ руководствомъ Калачова начато было изданіе «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи» (при его жизни въ 1869—1884 гг. издано 4 тома), заключающее впрочемъ не одно описаніе документовъ, но и ученыя изслѣдованія на основаніи матеріаловъ архива. Съ 1880 г. къ этому главному изданію архива присоединилось другое: «Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи», т. I, 1880 г., т. II, 1886 г.: именно Калачовъ спасъ отъ гибели 363 вязки дѣлъ

«съ извѣстнымъ титуломъ»—т. е. относящихся къ тому времени, когда императоромъ былъ малолѣтній Іоаннъ Антоновичъ,—предназначенныя къ уничтоженію предшественникомъ Калачова П. И Ивановымъ «какъ совершенно безполезныя и излишнія для храненія тѣмъ болѣе, что о сожженіи этихъ дѣлъ состоялось два сенатскихъ указа отъ 30 марта и 30 іюля 1745 г.» Стараніями Калачова для Московскаго архива Министерства Юстиціи было воздвигнуто на Дѣвичьемъ полѣ, на землѣ, безмездно уступленной городомъ, новое зданіе, спеціально приспособленное къ архивнымъ потребностямъ, куда архивъ былъ переведенъ уже по смерти Калачова. Это перемѣщеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что архивъ Министерства Юстиціи при Калачовѣ былъ значительно увеличенъ присылкой дѣлъ изъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ всей Россіи (въ силу циркуляра Министра юстиціи отъ 3 декабря 1866 г.), и включенія въ составъ его громаднаго Московскаго сенатскаго архива. По вопросу объ архивахъ Калачовъ напечаталъ рядъ статей: «Замѣтка по поводу предпринимаеваго описанія Московскаго архива Министерства Юстиціи» (Журн. Минист. Юстиціи, т. XXVIII, ч. II, № 4); «Архивы» (Труды перваго археол. съѣзда, т. I); «Архивы» («Русскій Міръ», 1871 г. №№ 94—96); «Высочайше учрежденная коммиссія объ устройствѣ архивовъ» («Русск. Старина» 1873 г., т. VII); «Архивы въ Россіи» («Голосъ», 1875 г., 114, передовая статья); «Архивы. Ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» (Сборникъ госуд. знаній, т. IV) и другія.

К. П. Побѣдоносцевъ такими словами характеризуетъ личность Н. В. Калачова: «...Работая самъ, онъ постоянно думалъ и заботился о привлеченіи другихъ къ той же работѣ, объ оживленіи интереса къ ней во всѣхъ, кто подходилъ къ труду его, особенно въ молодыхъ людяхъ... ...Голова его работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ; новые планы одинъ за другимъ возникали въ умѣ его и всѣ были направлены къ одной цѣли—къ возбужденію новой жизни тамъ, гдѣ ея не было, къ поощренію таланта и добросовѣстнаго труда, въ комъ бы и то и другое ни встрѣчалось, къ вызову новыхъ силъ, новыхъ работниковъ на поле науки... ...Въ своемъ дѣлѣ умѣлъ онъ распознавать и отыскивать людей и привлекать ихъ къ себѣ; умѣлъ, потому что Богъ далъ ему свойство простоты душевной, пособляющей входить въ прямое искреннее общеніе съ людьми, помимо чиновничьяго величія, помимо бумаги и начальственнаго обращенія...».

«Біографич. словарь професс. Москов. университета», I; памяти Н. В. Калачова посвященъ весь пятый выпускъ «Вѣстника археологіи и исторіи»; некрологи въ «Вѣстникѣ Европы», 1885, XII и «Историч. Вѣстникѣ», 1885, XII; въ «Историч. Вѣстн.», 1887, V, въ ст. А. Востокова «Литературная дѣятельность Калачева», перечислены всѣ его труды; «Труды Импер. Моск. археол. общ.», XI, вып. II; «Опис. докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. арх. Мин. Юстиціи», VII.

А. Вороновъ.

Калашниковъ, *Дмитрій Михайловичъ,* архитекторъ при петербургскомъ Адмиралтействѣ, академикъ архитектуры, род. въ 1780 г., ум. около 1845 г. Воспитанникъ Академіи Художествъ онъ получилъ за свои программы вторую и первую серебряныя медали въ 1800 и 1801 гг., вторую золотую въ 1802 г. за проектъ Медико-Хирургической Академіи и, наконецъ,—аттестатъ 1-й степени въ 1803 г., хотя его «проектъ карантиннаго лазарета на островѣ въ открытомъ морѣ» и признанъ былъ слабымъ. Оставленный затѣмъ при Академіи въ качествѣ пенсіонера онъ въ 1804 г. находился при постройкахъ, возводимыхъ профессоромъ Захаровымъ, въ томъ же году получилъ большую золотую медаль имени М. И. Муравьева—за эскизъ надгробнаго памятника академику Лепехину; въ слѣдующемъ 1805 г. получилъ большую золотую медаль отъ Академіи и право на за-граничное пенсіонерство за «проектъ большаго театра». Въ 1807 г., по политическимъ обстоятельствамъ, онъ былъ вызванъ вмѣстѣ съ другими пенсіонерами обратно изъ Рима въ Петербургъ, но въ 1808 г. былъ опять отправленъ въ чужіе края. Во второе свое пребыванія въ Римѣ, Калашниковъ, послѣ осмотра памятниковъ въ Неаполѣ, занялся проектомъ Духовной Академіи, за проектъ же «публичнаго театра съ тремя окружающими цирками—для конскихъ ристалищъ, звѣриной охоты и морскихъ игръ, съ корпусами и садами», получилъ въ 1811 г., по предложенію Кампорези званіе академика отъ Сентлукской Академіи. По возвращеніи въ томъ же году въ Россію, онъ былъ причисленъ къ архитектурному классу въ помощь профессорамъ, и вскорѣ затѣмъ ему, вмѣстѣ съ Мельниковымъ, поручено было, сочиненіе въ видѣ про-

граммы для представленія Государю Императору—плана и новаго фасада для Демидовскаго училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ, примѣнительно съ пространствомъ и внутреннимъ расположеніемъ стараго дома и новой пристройки. Въ 1812 г. Калашниковъ опредѣлился архитекторомъ при Адмиралтействѣ, съ оставленіемъ Академіи; въ 1813 г. возведенъ былъ въ званіе академика за «проектъ загороднаго увеселительнаго дома», въ 1816 г. просился на мѣсто архитектора при Казанскомъ университетѣ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худож.», П. Н. Петрова, т. I и II и «Указат. къ нему», А. Е. Юндолова. *Н. С.*

Калениченко, *Иванъ Осиповичъ*, изъ крестьянъ, род. въ 1805 г. въ Сумахъ, ум. 17 января 1876 г. Учился въ уѣздномъ сумскомъ училищѣ, въ Харьковской гимназіи и университетѣ. По окончаніи университетскаго курса въ 1829 г., былъ посланъ за границу и, по возвращеніи, назначенъ адюнктъ-профессоромъ частной терапіи въ томъ же университетѣ. Въ 1837 г., защитивъ диссертацію получилъ степень доктора медицины и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1862 г.—ординарнымъ; въ 1864 г. вышелъ въ отставку. Въ свое время его считали въ Харьковѣ однимъ изъ лучшихъ врачей-практиковъ. Труды его: «Современное физіолого - патологическое изслѣдованіе желчи» (1856), «О дѣйствіи черныхъ хлѣбныхъ рожковъ надъ организмами людей» и нѣкоторые другіе.

Зиѣевъ, «Русскіе врачи писатели», «Врач. Вѣд.», 1876. № 5. «Харьк. Губ. Вѣдом.», 1876, № 15.

Калиграфъ, *Надежда Ѳедоровна*, актриса московскихъ театровъ, жена актера, неоднократно играла и въ Петербургѣ, въ 1796—1801 гг., принадлежала къ числу лучшихъ трагическихъ актрисъ своего времени. Умерла въ 1813 г.

Араповъ, «Драматич. альбомъ» на 1850 г.

Калиновскій, *Яковъ Николаевичъ*, профессоръ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, род. 9 октября 1814 г. въ Екатеринославлѣ, ум. послѣ 1854 г. Происходилъ изъ дворянъ. Кончилъ курсъ въ Екатеринославской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1836 г., на медицинскомъ факультетѣ. До 1838 г. служилъ лѣкаремъ въ морскомъ вѣдомствѣ, а затѣмъ вышелъ въ отставку, отправился за-границу и тамъ занимался естественными науками и изучалъ теоретически и практически сельское хозяйство въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Галле, Гейдельбергѣ. Въ 1842 г., по порученію Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства командированъ на три года въ Гагенгеймскій высшій земледѣльческій институтъ. Тутъ Калиновскій изучалъ сельское хозяйство и лѣсоводство у лучшихъ ученыхъ и авторитетнѣйшихъ практиковъ того времени и принималъ участіе въ ежегодныхъ съѣздахъ германскихъ ученыхъ агрономовъ; въ 1842—1845 гг. онъ былъ избранъ членомъ ученыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Баденѣ и Галле; его письма о сельской промышленности Рейнпфальца были напечатаны въ «Московскомъ Земледѣльческомъ журналѣ», а работы по химіи помѣщались въ «Журналѣ Практической Химіи» Эрдмана и Маршана. Получивъ степень доктора философіи отъ университета въ Галле, Калиновскій совершилъ, по порученію Московскаго Общества сельскаго хозяйства, поѣздку въ южныя губерніи съ научною цѣлію, а затѣмъ 6 августа 1846 г. назначенъ профессоромъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Ярославскій Демидовскій Лицей. Въ 1847 г. получилъ степень магистра сельскаго хозяйства отъ Харьковскаго университета, защитивъ диссертацію «О наружныхъ признакахъ рогатаго скота относительно его способности къ работѣ»; 17 сентября 1853 г. назначенъ профессоромъ въ Московскій университетъ.

«Біографич. словарь профессоровъ Москов. унив.», I, 375—378.

Калинскій, *Ѳома Іоасафовичъ*, протоіерей, сынъ священника, род. въ 1815 г. ум. 28 апрѣля 1889 г. По выходѣ въ 1834 г. изъ средняго отдѣленія семинаріи, былъ два года учителемъ греческаго языка въ Супраельскомъ духовномъ училищѣ, въ 1836 г. снова поступилъ въ богословское отдѣленіе семинаріи, въ 1838 г. кончилъ курсъ и 5 марта 1839 г. рукоположенъ во священника къ Долгиновской церкви вилейскаго уѣзда литовской епархіи. Съ 1862 г. о. Калинскій состоялъ законоучителемъ Долгиновскаго народнаго училища. Заслуги его ясны изъ слѣдующаго сопоставленія: въ 1839 г. въ мѣстечкѣ Долгиновѣ не было даже православной церкви и прихожанъ - уніатовъ насчитывалось только до 500 человѣкъ,—теперь же тамъ

прекрасный каменный православный храмъ и до 2000 православныхъ. Миролюбивою дѣятельностью о. Калинскій снискалъ расположеніе и у мѣстныхъ католиковъ, которые настолько его уважали, что посылали дѣтей своихъ въ Долгиновское училище, гдѣ они изучали законъ Божій по обряду православной церкви.

«Литов. епарх. вѣдом.», 1889 г. №№ 13 и 21. «Церк. Вѣстникъ», 1889 г. № 21. *Здр.*

Калинскій-Гелита, *Осипъ Ѳедоровичъ*, докторъ. Сынъ дьячка кіевской губерніи, род. въ 1792 г., ум. 30 октября 1858 г. Въ 1813 г., кончивъ курсъ въ Кіевской духовной академіи съ званіемъ кандидата философіи, онъ поступилъ въ Петербургскую Медико-хирургическую академію, откуда въ 1817 г. выпущенъ лѣкаремъ 1 отдѣленія съ золотою медалью. Въ 1821 г., по возвращеніи изъ за-границы, куда былъ командированъ Академіею, назначенъ въ Академіи адъюнктомъ при каѳедрѣ окулистики; въ 1822 г. получилъ степень доктора медицины. 4 октября 1823 г. по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Астрахань для прекращенія холеры, еще впервые тогда посѣтившей Россію. Въ 1826 г. сопровождалъ кн. Меншикова, посланнаго къ Персидскому двору. Въ 1831 г. назначенъ помощникомъ гражданскаго генералъ-штабъ-доктора для распоряженій, относящихся къ борьбѣ съ появившейся тогда въ Петербургѣ холерой и, по прекращеніи эпидеміи, въ награду получилъ званіе ординарнаго профессора частной терапіи. Въ 1839 г. получилъ почетный дипломъ отъ Медицинскаго Совѣта на званіе доктора хирургіи, а въ 1842 г., утвержденный въ званіяхъ академика и заслуженнаго ординарнаго профессора, вышелъ въ отставку, а затѣмъ поступилъ младшимъ докторомъ въ почтовую больницу. Пользовался въ свое время извѣстностью опытнаго консультанта; написалъ нѣсколько статей въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ (1833—1836 г.). Изъ отдѣльныхъ сочиненій ему принадлежатъ: «Терапевтическія записки», 2 ч.; «Рецептура или наука сочинять и прописывать лѣкарства»; переводъ съ англійскаго: «Батеманъ, Практическое описаніе накожныхъ болѣзней».

Змѣевъ, «Русск. врачи писат.»; «Проток. Петербурга Общест. Рус. Врачей 1858—1859»; Геннади, «Словарь»; Medic. Zeitung Russl. 1858, с. 376.

Калкатинъ, *Иванъ Степановичъ*, ковенскій губернаторъ, род. въ 1800 г., ум. 25 апрѣля 1856 г. Изъ дворянъ, службу началъ канцеляристомъ въ могилевскомъ городовомъ магистратѣ въ 1816 г.; въ 1819 г. генералъ Инзовъ, тогдашній бессарабскій намѣстникъ, перевелъ его въ свою канцелярію, гдѣ онъ и получилъ первый классный чинъ; въ 1824 г. опредѣленъ при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій; въ 1819 и въ 1830 гг., когда въ Бессарабіи свирѣпствовала чума, онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ нею. Въ 1830 г. переведенъ въ департаментъ Министерства Юстиціи, и въ томъ же году сопровождалъ сенаторовъ, ревизовавшихъ архангельскую губернію, при чемъ содѣйствовалъ раскрытію тамъ многихъ злоупотребленій. Въ 1831 г. опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ въ Архангельскъ, въ 1832 г.—на ту-же должность въ Вильно; въ 1836 г. назначенъ тамъ же предсѣдателемъ палаты уголовнаго суда и былъ директоромъ попечительнаго тюремнаго комитета. Въ 1839 г. назначенъ старшимъ членомъ въ Виленскую коммисію для пріема государственныхъ имуществъ въ новое управленіе, въ 1840 г.—управляющимъ виленскою палатою государственныхъ имуществъ, 23 апрѣля 1843 г.—ковенскимъ губернаторомъ. На этомъ мѣстѣ онъ въ 1844 г. успѣшно произвелъ обширное слѣдствіе о шайкѣ разбойниковъ, грабившихъ въ ковенской и витебской губерніяхъ и въ Курляндіи. Но положеніе его въ мѣстномъ обществѣ было довольно трудное; его затрудняли отношенія къ представителямъ мѣстной польской интелигенціи и въ 1848 г. онъ сталъ просить у генералъ-губернатора Мирковича продолжительнаго отпуска для поправленія здоровья и затѣмъ перевода въ одну изъ великороссійскихъ губерній. 10 марта 1848 г. онъ былъ уволенъ отъ должности по болѣзни.

Формуляръ въ дѣлѣ Архива Минист. Внут. Дѣлъ, I отд. I ст., № 643, № 32.

Каллистовъ, *Яковъ Семеновичъ*, протоіерей, сынъ діакона. Род. около 1790 г., ум. 25 апрѣля 1875 г. Обучался въ Костромской семинаріи, вышелъ изъ философскаго класса въ 1813 г., чтобы занять мѣсто умершаго отца, въ 1819 г. произведенъ въ священники, 23 апрѣля 1823 г. сдѣланъ благочиннымъ; 17 іюля 1862 г. произведенъ въ санъ протоіерея. Въ частной жизни своей онъ отличался рѣдкими добродѣтелями

и по всему Поволжью пользовался онъ извѣстностью и общимъ уваженіемъ; множество народа нарочно пріѣзжало въ Кострому, чтобы обратиться къ нему за совѣтомъ, утѣшеніемъ и благословеніемъ.

«Прот. І. С. Каллистовъ», М. 1878 г.; «Душепол. Чтеніе», ноябрь 1875 г. *Здр.*

Каллистъ (*Дороѳеевичъ—Риторайскій*), изъ игуменовъ витебскаго Маркова монастыря, назначенъ 13 марта 1656 г. патріархомъ Никономъ намѣстникомъ полоцкой епархіи, а въ слѣдующемъ году посвященъ въ епископа полоцкаго, съ порученіемъ и смоленской епархіи; 29 августа 1661 г. предстательствовалъ предъ московскимъ воеводой кн. Хованскимъ за жителей своей епархіи, терпѣвшихъ разоренія и опустошенія отъ московскихъ войскъ; 16 апрѣля 1662 г. писалъ царю Алексѣю Михайловичу по дѣлу патріарха Никона.

Сапуновъ, «Витеб. Старина», т. V, ч. I; Чистовичъ, «Ист. зап. рус. церкви», II.

Каллистъ (*Поборскій*), архіепископъ тверской и кашинскій, ум. 23 іюня 1711 г. Родомъ изъ Смоленска; съ 1700 г. былъ архимандритомъ Спасо-ярославскаго монастыря; 21 февраля 1703 г. хиротонисанъ въ архіепископа тверскаго. Въ 1709 г. онъ успѣлъ исходатайствовать, чтобы ежегодно отпускалось изъ казны по 1200 на церковные расходы по тверской епархіи. 12 сентября 1709 г. освятилъ въ Желтиковѣ монастырѣ Алексѣевскую церковь, устроенную Петромъ Великимъ. Въ 1711 г. былъ вызванъ въ Москву и тамъ скончался.

Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время»; Чередѣевъ, «Тверскіе іерархи».

Калмыковъ, *Денисъ Спиридоновичъ*, контръ-адмиралъ, род. въ 1687 г., ум. 22 мая 1746 г. Происходилъ изъ дѣтей боярскихъ, 15-ти лѣтъ поступилъ въ навигацкую школу, затѣмъ отправленъ былъ въ 1706 г. въ Англію для изученія штурманскаго дѣла. Въ 1713 г. Калмыковъ возвратился въ Россію и произведенъ былъ въ экстра-мичманы; въ слѣдующемъ году онъ отправленъ былъ въ Ригу для найма на русскую службу англичанъ и голландцевъ, матросовъ и офицеровъ, пріѣзжавшихъ на купеческихъ судахъ, и нанялъ 52 человѣка. Въ 1719 г. онъ произведенъ былъ въ капитанъ-поручики, въ 1721 г. въ капитаны 3-го ранга. Кромѣ командованія судами въ практическихъ плаваніяхъ онъ исполнялъ разнообразныя порученія: въ 1724 г. ревизовалъ Тырницкіе заводы, помогалъ капитану Зотову при составленіи штата о таксахъ, ѣздилъ въ Голландію для найма штурмановъ, въ 1726 г. переводилъ англійскіе морской уставъ и регламентъ для дополненія русскаго морскаго устава. Въ 1727 и 1728 г.г. онъ плавалъ въ Киль и во вторую поѣздку на фрегатѣ Аронделъ привезъ тѣло герцогини голштинской Анны Петровны. Въ 1730 г. Калмыковъ произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ былъ главнымъ командиромъ астраханскаго порта; черезъ три года его перевели въ Кронштадтъ и 1742 произвели въ контръ-адмиралы. Въ 1745 г. Калмыковъ былъ сдѣланъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта.

«Общій Морской Списокъ»; «Матеріалы для ист. русскаго флота».

Калмыковъ, *Петръ Давыдовичъ*, профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права, род. 27 октября 1808 г., ум. 18 марта 1860 г. Сынъ небогатаго дворянина московской губерніи, онъ пяти лѣтъ остался круглымъ сиротою и выросъ на попеченіи дяди своего, И. М. Фролова; въ его домѣ онъ пользовался уроками француза Ланжюине, эмигранта, принадлежавшаго къ одной изъ лучшихъ фамилій Франціи, человѣка съ хорошимъ образованіемъ. Въ 1822 г. Калмыковъ отданъ былъ въ третью петербургскую гимназію, тогда особенно процвѣтавшую, а въ 1827 г. поступилъ на философское отдѣленіе Петербургскаго университета. Въ ноябрѣ 1827 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе избрать въ русскихъ университетахъ двадцать молодыхъ людей и отправить ихъ сначала на три года въ Дерптъ, а затѣмъ—еще на два года заграницу, для приготовленія къ занятію каѳедръ по юридическимъ наукамъ. Въ числѣ шести студентовъ, избранныхъ, въ силу упомянутаго Высочайшаго повелѣнія Петербургскимъ университетомъ, былъ и П. Д. Калмыковъ, едва прослушавшій лекціи на первомъ курсѣ, но выдержавшій при Академіи Наукъ испытаніе, которое дало ему право ѣхать въ Дерптъ. Въ іюлѣ 1828 г. молодые люди отправились въ Дерптъ. О Калмыковѣ уже черезъ годъ отъ дерптскихъ профессоровъ былъ полученъ отзывъ, что онъ вполнѣ подготовленъ для самостоятельныхъ занятій, почему 24 ноября 1830 г. онъ уже уѣхалъ за границу и, избравъ по предложе-

нію М. М. Сперанскаго, науки юридическія, слушалъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ — Савиньи, Эйхгорна, Гегеля и Ганса; особенно близки были его отношенія къ Эйхгорну и впослѣдствіи онъ издалъ чрезвычайно любопытныя и живонаписанныя—«Воспоминанія о знаменитомъ профессорѣ Эйхгорнѣ» (1855). По возвращеніи въ Россію 29 іюня 1834 г. П. Д. Калмыковъ немедленно причисленъ былъ ко Второму отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, 7 августа 1835 г. назначенъ преподавателемъ по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и русскаго государственнаго права, а 4 сентября 1835 г., безъ представленія диссертаціи, только по выдержаніи экзамена и защитѣ тезисовъ, былъ признанъ докторомъ правъ; 27 марта 1837 г. возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Энциклопедію законовѣдѣнія онъ читалъ до самой своей смерти, а государственное право лишь до 1850—1851 г. когда этотъ предметъ порученъ былъ его ученику, В. А. Милютину; въ 1838—1860 г. П. Д. Калмыковъ читалъ въ Училищѣ правовѣдѣнія уголовное право, а въ 1851—1860 г. въ Александровскомъ Лицеѣ исторію русскаго права; кромѣ того, съ 31 января 1840 по 2 октября 1849 г. онъ былъ директоромъ первой гимназіи въ Петербургѣ и принесъ этому заведенію огромную пользу; къ сожалѣнію, эта должность отнимала у него много времени и неблагопріятно отразилась на количествѣ трудовъ, которые успѣлъ Калмыковъ издать. Въ 1842—1843 г. онъ принималъ участіе въ коммиссіи, образованной для выработки новыхъ правилъ о производствѣ въ ученыя степени. Лѣтомъ 1857 г. онъ объѣхалъ Германію и Бельгію и посѣтилъ Парижъ, имѣя порученіе изучить положеніе юридическихъ факультетовъ, такъ какъ въ Россіи подготовлялся новый университетскій уставъ. Но до изданія его П. Д. Калмыковъ уже не дожилъ.

Лекціи его по энциклопедіи законовѣдѣнія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей; гр. Сперанскій неоднократно на нихъ присутствовалъ и остался очень доволенъ молодымъ профессоромъ; онъ убѣдился, что истинно философское направленіе въ преподаваніи правъ обезпечено для Петербургскаго университета. По приглашенію нѣкоторыхъ сенаторовъ Калмыковъ читалъ въ небольшомъ частномъ кругу курсъ по философіи права. Энциклопедію права Калмыковъ опредѣлялъ, какъ «обзоръ юридическихъ наукъ въ общей ихъ связи» и дѣлилъ на догматическую и историческую части; въ первой онъ стремился дать систематическое изложеніе общихъ основаній или истинъ права, въ томъ видѣ, какъ они сознаются учеными въ настоящее время; во второй—изложить ихъ дѣйствительное, историческое развитіе. Догматическую часть онъ не успѣвалъ обыкновенно довести далѣе изложенія ученій философовъ древности; но его чтенія тѣмъ не менѣе оказывали огромное вліяніе на развитіе слушателей. Обладая отличнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, Калмыковъ изучилъ древнихъ философовъ въ подлинникахъ; изложеніе его отличалось ясностью, простотою, стройностью, глубокимъ философскимъ взглядомъ и живымъ отношеніемъ къ вопросамъ и требованіямъ современной дѣйствительности; по отзывамъ одного изъ учениковъ П. Д. Калмыкова, проф. И. Е. Андреевскаго, его курсы по философіи права не уступали лучшимъ курсамъ по той же спеціальности и въ Германіи.—П. Д. Калмыковъ оставилъ не много сочиненій. Въ 1839 г. онъ напечаталъ рѣчь, которую произнесъ на актѣ Университета: «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности»; на актѣ 1851 г. онъ прочелъ—«О литературной собственности вообще и въ особенности объ исторіи правъ сочинителей въ Россіи»;—рѣчь эта была издана въ томъ же году. Въ 1855 г. онъ напечаталъ «Воспоминанія о К. Фр. Эйхгорнѣ» (въ Журн. Мин. Нар. Просв., № 5) и таблицу для руководства при преподаваніи уголовнаго права въ Училищѣ правовѣдѣнія; въ отчетѣ о десятомъ присужденіи Демидовскихъ премій онъ помѣстилъ обстоятельный разборъ «Энциклопедіи законовѣдѣнія» Неволина. Актовая рѣчь 1839 г. представляетъ замѣчательное произведеніе; въ ней проводится мысль новая и смѣлая для русскаго юриста того времени, когда русская наука права еще только зарождалась, мысль, что исторія права есть наука опытная, не только въ фактической своей части, но и въ философской, такъ какъ общія, основныя истины, составляющія предметъ науки права, открываются лишь путемъ опытнаго изслѣдованія, и указывается, что единство

этихъ началъ раскрывается ясно въ символизмѣ права, не смотря на разнообразіе формъ, опредѣляемое различіемъ народностей и мѣстностей. Актовая рѣчь 1851 г. представляетъ начало обширнаго изслѣдованія, которому Калмыковъ посвятилъ много труда, но котораго не успѣлъ завершить. Кромѣ того онъ готовилъ къ печати: «Введеніе въ науку законовѣдѣнія» и «Государственное право Россійской Имперіи»; послѣ его смерти изданъ былъ въ 1866 г. Любавскимъ «Учебникъ уголовнаго права», составленный по его лекціямъ.—Какъ человѣкъ П. Д. Калмыковъ отличался высокими нравственными качествами; горячо преданный наукѣ онъ имѣлъ свои опредѣленные взгляды, которыхъ и придерживался строго, но въ тоже время относился и къ чужимъ мнѣніямъ съ полною терпимостью и уваженіемъ. Особенно заботливо привѣтствовалъ онъ молодыхъ людей, которые обнаруживали интересъ къ научнымъ занятіямъ и съ любовью руководилъ ихъ занятіями, не щадя ни своего времени, ни силъ. Нѣкоторые товарищи его по университетскому преподаванію называли его «патріархомъ юридическихъ наукъ, правды и чести».

Формулярный списокъ П. Д. Калмыкова въ «Формулярахъ Совѣта С.-Петербургскаго Университета» за 1850 г.; Григорьевъ, «Петерб. Университетъ за 50 л. своего существованія», 86, 111, 149—152; статья Андреевскаго въ «Петерб. Вѣдомостяхъ», 1860, № 86; Геннади, «Словарь».

Калмыкъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, живописецъ и граверъ крѣпкой водкой. Род. около 1764 г. на границѣ Китая, ум. въ 1824 въ Карлсруэ. Собственно онъ принадлежитъ Россіи только по имени и по мѣсту рожденія: сынъ калмыцкаго султана или князя, онъ былъ захваченъ казаками во время переселенія племени тортоутовъ изъ Россіи въ Китай въ 1770 г., привезенъ въ Петербургъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, которая крестила его въ православную вѣру и подарила его еще пяти или шести-лѣтнимъ мальчикомъ принцессѣ баденской Амаліи-Фредерикѣ (матери императрицы Елизаветы Алексѣевны). Воспитаніе и образованіе Ѳ. И. Калмыкъ получилъ за-границей, сперва въ филантропическомъ заведеніи въ Мершлинцѣ, гдѣ его готовили къ изученію медицины, а затѣмъ, когда обнаружились его художественныя способности—подъ руководствомъ придворнаго живописца І. Меллинга (ум. въ 1777 г.) и директора галлереи въ Карлсруэ Беккера; затѣмъ онъ провелъ 7 лѣтъ въ Римѣ, перерисовалъ мраморныя статуи музъ въ Ватиканѣ (оригиналы эти хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ) и награвировалъ въ очеркахъ съ собственныхъ рисунковъ знаменитыя бронзовыя двери съ барельефами на сюжеты изъ Священнаго Писанія, работы Гиберти XV в. въ баптистеріи во Флоренціи,—для изданія Беккера (1798 г.) Получивъ въ 1799 году предложеніе лорда Эльгина сопутствовать ему въ Грецію для срисовыванія важнѣйшихъ памятниковъ древности, онъ перерисовалъ и перегравировалъ мраморы временъ Фидія и Праксителя, украшавшіе храмы Юпитера на о. Эгинѣ и Аполлона въ Филасіи и поступившіе затѣмъ въ Британскій музей, вмѣстѣ съ оригинальными рисунками Калмыка. Одновременно съ изданіемъ этихъ мраморовъ въ его гравюрахъ, въ Лондонѣ въ 1815 г., былъ изданъ и гравированный Калмыкомъ съ себя портретъ въ мѣховой шапкѣ, очень высоко цѣнимый знатоками. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ Калмыкъ въ 1806 г. возвратился въ Карлсруэ и получилъ званіе придворнаго живописца; онъ исполнилъ на стѣнахъ мѣстной лютеранской церкви сцены изъ земной жизни Спасителя. Болѣе извѣстенъ былъ Калмыкъ какъ рисовальщикъ и граверъ, чѣмъ какъ живописецъ.

«Отеч. Зап.» Свиньина 1823, № 42; «С.Петерб. Вѣдом.», 1861, № 191 (ст. В. Стасова); «Иллюстр.», 1861, № 197 (ст. П. Петрова); «Воскрес. Досугъ», 1871, № 50. *Н. С.*

Калнышевскій (*Калнышъ*), *Петръ Ивановичъ*, послѣдній кошевой атаманъ войска запорожскаго. По прямому показанію его надгробной плиты, онъ родился въ 1690 г., но эту дату можно подвергнуть сомнѣнію, о чемъ скажемъ далѣе; ум. 31 октября 1803 г. Мѣсто рожденія Калныша—село Пустовойтовка, нынѣ полтавской губ., роменскаго уѣзда, а въ XVII—XVIII в.—роменскаго полка, константиновской сотни, лежащее верстахъ въ 8 отъ г. Ромна вверхъ по р. Сулѣ. Отца Калныша звали Иваномъ, мать—Агафьей, и кажется, она была родомъ изъ г. Лохвицы. Фамилія отца Калныша, однако, неизвѣстна; невполнѣ можетъ быть установлено и его званіе: по однимъ указаніямъ онъ былъ изъ казаковъ, по другимъ,

болѣе вѣроятнымъ, лицомъ духовнымъ; наконецъ, въ одномъ оффиціальномъ актѣ Калнышъ названъ подольскимъ шляхтичемъ; все это, впрочемъ, можно согласить: отецъ Калныша могъ быть подольскимъ шляхтичемъ, потомъ переселиться въ лѣвобережную Малороссію, зачислившись здѣсь въ казаки, и наконецъ, стать духовнымъ. Гдѣ и какъ воспитывался Калнышъ—неизвѣстно. Иные думаютъ даже, что онъ былъ не грамотенъ; но это мало вѣроятно, такъ какъ вообразить себѣ во второй половинѣ XVIII в. неграмотнаго кошеваго въ Запорожьи, гдѣ уже такъ цѣнилось тогда просвѣщеніе, слишкомъ трудно; кромѣ того, Калнышъ рисуется настолько развитымъ человѣкомъ, что безъ грамотности этого достигнуть было бы прямо невозможно; во всякомъ случаѣ подписать свою фамилію онъ умѣлъ, какъ это видно изъ универсаловъ, имъ подписанныхъ, которыхъ сохранилось не мало. Въ молодости онъ несомнѣнно былъ казакомъ, повидимому, въ Лубенскомъ полку; тамъ, позднѣе, дѣйствительно, у него были родственники. Потомъ онъ, конечно, ушелъ въ Запорожье, гдѣ и дали ему прозвище Калнышъ (сперва, кажется, даже Калнышъ); записанъ онъ былъ въ Кущевскомъ куренѣ. Въ Запорожье прибылъ Калнышъ не позже 1740-хъ годовъ; по крайней мѣрѣ въ половинѣ 1750-хъ годовъ мы видимъ его тамъ въ почетномъ и отвѣтственномъ званіи войсковаго эсаула, которое пріобрѣталось въ Запорожьи не безъ труда. До этого же времени Калнышъ долженъ былъ вести жизнь, обычную для запорожца.

Половина XVIII в.—критическое время Запорожья. Хотя оно еще недавно переселилось изъ турецкихъ владѣній въ Новую Сѣчь и было ласкаемо правительствомъ, вообще въ то время очень благосклоннымъ къ малороссамъ, но уже завязывались отношенія, которыя вскорѣ привели Запорожье къ гибели. Сравнительная сила Россіи и слабость Турціи дѣлали существованіе его вовсе не необходимымъ; между тѣмъ плодородныя земли Новороссіи, занятыя Запорожьемъ, которыхъ оно не могло въ должной степени эксплуатировать въ экономическомъ отношеніи, уже требовались для государства, развивавшаго на этихъ земляхъ и русскую и инородческую колонизацію. Со всѣхъ сторонъ на вольныя земли Запорожья надвигались поселенія сосѣдей, захватывались запорожскія земли и угодья; на жалобы запорожцевъ вниманія не обращалось, тяжбы за земли никогда не были рѣшаемы, а границы земель оставались безъ опредѣленія; если же запорожцы отбивали свои земли вооруженною рукою, это разсматривалось какъ безпорядокъ, или даже бунтъ. Словомъ, уже происходила та земельная борьба, которая стала поводомъ для уничтоженія Запорожья.

Независимо отъ этого въ русскомъ государствѣ существовали извѣстные порядки, съ которыми строй Запорожья имѣлъ очень мало общаго; между тѣмъ запорожцы хотѣли жить, какъ жили ихъ предки. Они вели безконечную частичную борьбу съ крымцами и ногайцами, когда между Россіей и Турціей уже устанавливались отношенія, регулируемыя дипломатическими способами; запорожцы, по старинѣ, поддерживали гайдамачину въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, когда этому сильно противилось русское правительство, тѣмъ болѣе, что набѣги гайдамаковъ не щадили и русскихъ порубежниковъ. Запорожцы принимали по старому бѣглецовъ изъ Россіи, когда русское правительство стало уже достаточно сильно, чтобы настоять на ихъ выдачѣ и т. д. При подобныхъ условіяхъ жить обособленною политическою жизнью запорожцы не могли.

Нельзя сказать, чтобы въ Запорожьи не было людей, понимавшихъ положеніе войска въ данное время. Напротивъ, здѣсь образовалась партія, хотя и весьма преданная Запорожью и вѣрившая въ его жизненность, даже готовая принести себя ему въ жертву, но въ то же время желавшая, чтобы Запорожье входило въ составъ русскаго государства, какъ элементъ вполнѣ мирный и благонадежный. Принадлежавшіе къ этой партіи запорожцы старались во чтобы то ни стало ладить съ правительствомъ въ лицѣ его мѣстныхъ агентовъ, хотя бы даже мелкихъ, угождать ему, честно помогать ему во время войнъ; земельныя ссоры стремились они рѣшать на законныхъ основаніяхъ, или путемъ привлеченія на свою сторону петербургскихъ дѣльцовъ; къ гайдамакамъ и вольному люду, укрывавшемуся въ запорожскихъ степяхъ, относились крайне враждебно и сдерживали ихъ порывы на грабежи, пожалуй, даже строже, чѣмъ самое правительство;

но люди эти не понимали, что ихъ политика, подрывая основныя черты запорожскаго строя—вольный характеръ жизни, демократизмъ, самостоятельную борьбу съ сосѣдями — все равно приведетъ къ уничтоженію Запорожья, лишивъ его всякаго жизненнаго значенія. Затѣмъ къ этой партіи обыкновенно принадлежали запорожцы богатые, владѣвшіе обширными участками земли, на которыхъ они устраивали зимовники и хутора, гдѣ имѣли большія пасѣки; по степямъ у нихъ ходили огромные табуны лошадей и скота; не мало было у этой запорожской аристократіи и денегъ, которыя она вкладывала въ выгодныя торговыя предпріятія или отдавала въ займы на проценты и еще болѣе богатѣла. Для веденія обширныхъ хозяйствъ ей необходимы были рабочія силы, почему на земляхъ ея селились сперва бѣглые, а потомъ и прирожденные крестьяне—подданные и «гнѣздюки», въ дѣйствительности почти прикрѣпленные къ землѣ, что составляло въ запорожскомъ строѣ большую аномалію. Запорожская аристократія стала и наиболѣе культурнымъ элементомъ войска; она была очень религіозна, поддерживала святыни запорожцевъ: Кіево-Межигорскій и Самарскій монастыри, заботилась объ организаціи въ Запорожьи духовенства, о благолѣпномъ богослуженіи, о болѣе приличномъ образѣ жизни казачества, объ устройствѣ школъ. Среди такой запорожской аристократіи видное мѣсто и занялъ въ свое время Калнышъ, или, какъ онъ затѣмъ сталъ называться, Калнышевскій.

Первое указаніе на дѣятельность Калнышевскаго въ Запорожьи относится къ 1750—1752 г., когда онъ, въ званіи войсковаго эсаула, былъ помощникомъ тогдашняго кошеваго, престарѣлаго Григорія Ѳедорова, въ борьбѣ съ гайдамаками; истребленіемъ гайдамацкихъ шаекъ занятъ былъ Калнышевскій и въ 1754 г.; въ 1755 г. онъ участвовалъ въ депутаціи, посланной въ Петербургъ для «нѣкоторыхъ войсковыхъ нуждъ», т. е. главнымъ образомъ для того, чтобы хлопотать о возвращеніи Запорожью земель, захватываемыхъ его сосѣдями. Возвратившись на Запорожье въ 1756 г., Калнышевскій вскорѣ былъ избранъ войсковымъ судьею, но пробылъ въ этомъ званіи недолго, около года, и въ 1758 г. снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной въ Петербургъ съ тою же цѣлью, какъ и предшествующая. Но обѣ онѣ по вопросу о земляхъ не привели къ благопріятнымъ результатамъ. Вернулась депутація въ 1760 г. и Калнышевскій, кажется, снова, хотя и не надолго, сталъ войсковымъ судьею и оставался въ этомъ званіи до 1762 г., когда впервые избранъ былъ кошевымъ атаманомъ и затѣмъ немедленно былъ отправленъ въ Москву для присутствованія при коронаціи императрицы Екатерины II; при этомъ случаѣ онъ получилъ золотую медаль на андреевской лентѣ.

Уже въ 1763 г. Калнышевскій, по вліянію запорожской «голоты», былъ скинутъ съ атаманства; не прошла его кандидатура въ атаманы и въ слѣдующемъ году, тѣмъ болѣе, что его не было на лицо: въ 1763 г. онъ отправился на богомолье въ Кіевъ, гдѣ получилъ отъ кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго въ благословеніе икону со св. мощами. Въ это время Калнышевскій былъ уже настолько богатъ, что могъ пожертвовать въ церковь с. Пустовойтовки евангеліе въ окладѣ, стоимостью въ 500 р., построилъ соборную церковь въ г. Лохвицѣ и началъ постройку церкви въ г. Ромнахъ, а, можетъ быть, и въ Кіево-Межигорскомъ монастырѣ. Средства эти Калнышевскій, очевидно, имѣлъ независимо отъ занятія войсковыхъ должностей, такъ какъ даже въ званіи кошеваго онъ получалъ жалованья всего 70 р. въ годъ, а другіе доходы по должности кошеваго были еще менѣе значительны. Вѣроятно, Калнышевскій былъ крупный запорожскій землевладѣлецъ и умѣлый хозяинъ.

Во второй разъ избранъ былъ кошевымъ Калнышевскій 1 января 1765 г. и оставался въ этомъ званіи до уничтоженія Запорожья, т. е. болѣе 10 лѣтъ сряду, чего въ кошѣ «изъ вѣку вѣковъ не бывало». И на этотъ разъ Калнышевскому немедленно по избраніи пришлось ѣхать съ депутаціей въ Петербургъ, хлопотать тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ и вернуться съ ничтожными результатами, причемъ теперь для него наступило еще болѣе тяжелое время: разыгрывалась Коліивщина и Запорожье не безъ основанія было заподозрѣно въ активномъ содѣйствіи гайдамацкимъ отрядамъ, что и ставилось на видъ Калнышевскому. Кошевой, старшина и во-

обще умѣренная партія, сколько могли, сдерживали Запорожье, и пожалуй не безуспѣшно, путемъ угрозъ и строгихъ мѣръ; но это стоило Калнышевскому значительной жертвы—онъ утратилъ популярность въ Сѣчи; къ тому же и русскимъ правительствомъ, за его поведеніе во время Коліивщины, Запорожье не могло быть довольно. Это сказалось немедленно: когда Калнышевскій на радѣ 26 января 1769 г. объявилъ волю правительства о принятіи Запорожьемъ участія въ предстоящей войнѣ съ турками, вспыхнули такіе безпорядки, что кошевой, переодѣвшись монахомъ, бѣжалъ въ Кодакъ и вернулся лишь тогда, когда Сѣчь успокоилась. Во время этихъ безпорядковъ, среди разгрома имущества Калнышевскаго была изрублена икона, подаренная ему кіевскимъ митрополитомъ; но по его просьбѣ Арсеній Могилянскій въ 1769 г. послалъ ему другую, съ мощами же.

Турецкая война 1768—1774 гг. вызвала дѣятельное участіе запорожцевъ, важность котораго засвидѣтельствована Высочайшими рескриптами на имя Калнышевскаго и наградами войску, равно и письмами къ кошевому русскихъ главнокомандующихъ. Подвиги нѣкоторыхъ запорожцевъ, напр. Колпака, были очень интересны. Въ 1769 г. Калнышевскій съ запорожцами дѣйствовалъ въ арміи гр. Румянцева и отражалъ турецкіе набѣги на запорожскія земли по р. Бугу; въ 1770 году, состоя въ отрядѣ кн. Прозоровскаго, онъ дѣйствовалъ между рр. Бугомъ и Тилигуломъ, дѣлая поиски подъ Очаковымъ и Хаджибеемъ, и получилъ въ награду золотую медаль съ портретомъ государыни, осыпаннымъ брилліантами; въ Сѣчи въ это же время составился заговоръ съ цѣлью убить Калнышевскаго и старшину и передаться туркамъ; но замыселъ былъ открытъ и виновные строго наказаны. Въ 1771—1772 гг. военная дѣятельность Калнышевскаго ограничилась охраненіемъ р. Буга.—Одновременно съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Калнышевскій занятъ былъ управленіемъ Запорожья; онъ неоднократно объѣзжалъ его обширныя земли, которыя старался колонизовать, приглашая не только малороссовъ, но и молдавановъ и болгаръ изъ Новой Сербіи, Польши и Буджака и селилъ приходцевъ по р. Днѣпру. На запорожскихъ степяхъ устраивались села, хутора и зимовники, причемъ Калнышевскій требовалъ, чтобы новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь; можетъ быть, онъ хотѣлъ этимъ ослабить зависимость войска отъ казны, обусловленную недостаткомъ провіанта вслѣдствіе слабаго хлѣбопашества. Самъ Калнышевскій былъ очень богатъ; кромѣ крупнаго хозяйства онъ имѣлъ много денегъ, раздаваемыхъ въ займы. Управлялъ онъ Запорожьемъ твердо и строго, съ правительствомъ и его агентами всячески старался ладить, разнымъ «гультямъ» потачки не давалъ; потому не пользовался популярностью среди запорожской голоты, которая даже снова задумывала передаться подъ власть Порты.

Заключеніе Кучукъ - Кайнарджійскаго мира оказалось роковымъ для Запорожья: черезъ годъ оно было уничтожено; выше указаны общія причины, приведшія къ такому результату. Споры за земли не прекращались даже во время турецкой войны; къ тому же императрица Екатерина вообще стремилась уничтожать особенности, существовавшія во многихъ соединенныхъ съ Имперіей областяхъ. Система эта постепенно была приводима въ исполненіе, и однимъ изъ эпизодовъ общаго нивеллированія областей было уничтоженіе Запорожья. Запорожья не спасли хорошія отношенія Калнышевскаго къ разнымъ петербургскимъ вліятельнымъ лицамъ и между прочимъ къ Г. А. Потемкину, исполнить желаніе котораго—записать его въ запорожскіе братчики и даже именно въ Кущевскій курень, Калнышевскій считалъ за счастье.

Борьба за земли въ 1774 г. и поведеніе запорожцевъ послужили поводомъ для уничтоженія Сѣчи. 4 іюня 1775 г. она была окружена русскими войсками и затѣмъ раскассирована. Запорожцы сильно волновались въ это время, думали оказывать вооруженное сопротивленіе, хотя бы и безъ надежды на успѣхъ, но Калнышевскій и архимандритъ Владиміръ Сокальскій удержали запорожцевъ и развязка приняла мирный характеръ; лишь небольшая часть запорожской голоты убѣжала въ турецкія владѣнія.

Ни предшествующая дѣятельность Калнышевскаго въ Запорожьи, ни поведеніе его при уничтоженіи Сѣчи, не даютъ основанія заподозрить это въ антиправитель-

ственныхъ дѣйствіяхъ, или хотя бы замыслахъ. Ни въ какомъ преступленіи онъ и не былъ дѣйствительно обвиненъ; тѣмъ удивительнѣе суровое наказаніе, которому онъ былъ подвергнутъ. Приходится думать, что Калнышевскій пострадалъ вообще за Запорожье; серьезной протекціи въ Петербургѣ онъ не имѣлъ, а вельможи, нѣкогда получавшіе отъ него гостинцы, не сочли возможнымъ за него заступиться, за исключеніемъ Потемкина. Калнышевскій послѣ разгрома Сѣчи доставленъ былъ подъ конвоемъ въ Петербургъ въ Военную Контору, гдѣ и пробылъ въ заключеніи около года. Сперва его предполагалось казнить, но, по ходатайству Потемкина, повелѣно было 4 мая 1776 г. смертную казнь замѣнить вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырѣ; имущество Калнышевскаго поступило въ секвестръ и изъ него опредѣлено было выдавать ему на пропитаніе по рублю въ день. Мѣстомъ заточенія избранъ былъ Соловецкій монастырь; 11 іюля 1776 г. Калнышевскій подъ конвоемъ секретно былъ доставленъ въ Архангельскъ, а 29 іюля въ Соловки, гдѣ и переданъ былъ архимандриту Досиеею. Въ Соловкахъ Калнышевскій находился въ заключеніи 25 лѣтъ; помѣщался онъ сперва, кажется, въ тюремной камерѣ, а затѣмъ въ кельяхъ. Обставленъ онъ былъ въ заключеніи, повидимому, не дурно, но находился подъ строгимъ карауломъ и всякія личныя и письменныя сношенія ему не были дозволены; выводили его лишь въ церковь для говѣнья.

По извѣстному указу 15 марта 1801 г. Калнышевскій былъ освобожденъ изъ заточенія, но, получивъ свободу, онъ все же остался въ монастырѣ, сдѣлался послушникомъ и скончался «смертью благочестивою доброю» 31 октября 1803 г. На плитѣ, положенной на его могилѣ въ 1856 г. архимандритомъ Александромъ (Павловичъ, впослѣдствіи епископъ полтавскій и переяславскій), сказано, что Калнышевскій умеръ 112 лѣтъ отъ роду. Насколько эта дата вѣрна, сказать трудно, но можно усумниться, чтобы Калнышевскій сталъ кошевымъ въ 70 слишкомъ лѣтъ и пробылъ въ этомъ званіи до 85 лѣтъ.

По преданіямъ Калнышевскій былъ высокаго роста и широкоплечій; по образу жизни и привычкамъ онъ былъ обычный богатый запорожецъ. Объ умѣ его свидѣтельствуетъ уже его карьера: исполняемыя имъ запорожскія должности, до кошеваго включительно, причемъ въ послѣдней онъ безсмѣнно пробылъ 10 лѣтъ, а также многократное участіе его въ петербургскихъ депутаціяхъ, доказываютъ, что онъ былъ для своего времени талантливымъ запорожскимъ дѣятелемъ. Мы видимъ въ немъ умнаго администратора Запорожья, храбраго начальника запорожскихъ отрядовъ, человѣка ловкаго въ сношеніяхъ съ русскими вельможами, богатаго и опытнаго хозяина въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Но особенную окраску придаетъ Калнышевскому его благочестіе, фактически выразившееся въ его многочисленныхъ пожертвованіяхъ на церкви и, наконецъ, принятіемъ послушничества уже въ глубокой старости. Кромѣ того, мы знаемъ, что онъ прилагалъ большія старанія относительно благолѣпія Запорожскихъ церквей и снабженія ихъ образованнымъ духовенствомъ.

Заключеніе въ Соловецкомъ монастырѣ сдѣлало Калнышевскаго еще болѣе религіознымъ; жилъ онъ, по аттестаціямъ властей, чрезвычайно тихо и спокойно, ревностно исполняя требуемые православной церковью обряды; освобожденіе же свое онъ ознаменовалъ пожертвованіемъ въ Соловецкій монастырь евангелія въ дорогомъ окладѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что на основаніи всего, извѣстнаго намъ о П. И. Калнышевскомъ, этотъ хотя и видный запорожскій дѣятель, былъ въ сущности далеко не крупною личностью въ обильномъ выдающимися людьми XVIII вѣкѣ. Популярность Калныша, отразившаяся даже въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, основывается не столько на его личныхъ свойствахъ, сколько на его случайномъ и притомъ по неволѣ, въ силу его званія, выдающемся участіи, въ трагической исторіи уничтоженія Запорожья. Калнышъ былъ послѣдній кошевой атаманъ войска запорожскаго—этимъ все сказано. И имя Калныша крѣпко пристало къ Запорожью, къ представленіямъ о прекратившейся его вольной жизни и уничтоженнымъ своеобразнымъ порядкамъ, которымъ Калнышъ даже не всегда сочувствовалъ. Запорожскія легенды знаютъ «батька» Калныша, рисуютъ его образъ по типу чисто запорожскаго кошеваго атамана вообще, придаютъ ему даже черты

«характерника» (чародѣя); но съ историческимъ Калнышевскимъ этотъ образъ сходства имѣетъ мало.

Источниковъ и пособій для знакомства съ біографіей Калныша не особенно много. Важнѣе всего свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архива Запорожья и сообщенныя въ сочиненіи А. А. Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи» (изд. 3, въ трехъ частяхъ, Одесса, 1885—1886 гг.); затѣмъ не мало данныхъ въ сочиненіи Эварницкаго, «Запорожье въ остаткахъ старины». См. еще «Кіевскую Старину», за 1886 г., № 7, (статья Эварницкаго «Архивные матеріалы для исторіи Запорожья»), 1887 г., № 9, (ходатайство Потемкина объ участи Калныша), 1892 г., № 5 (статья Ѳ. Н., «Родина Калнышевскаго»), 1893 г., № 7 (Переписка Калныша съ кіевск. митрополит. Арсеніемъ Могилянскимъ); въ «Русск. Старинѣ», за 1875 г. т. XV, см. статью П. Ефименка «Калнышевскій», за 1876 г.— замѣтку Рѣпинскаго «Атаманъ Калнышевскій» и за 1887 г. т. LVI и 1888 г. т. LVII статью Колчина «Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря». Въ «Полтавск. губерн. вѣд., за 1890 г., № 4, статью Буткевича, «Ромны». Преданія о Калнышѣ приведены въ указанныхъ выше сочиненіяхъ Скальковскаго, Эварницкаго, Ефименка и Колчина, также въ «Устномъ повѣствованіи бывшаго запорожца Коржа» (Одесса, 1842 г.) и въ «Кіевской Старинѣ», за 1883 г., № 3, стр. 27; о дѣятельности Калнышевскаго въ турецкую войну—см. Петровъ, «Борьба Россіи съ Турціей и польскими конфедератами», «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», LXVII и LXXXVII. *Ал. Маркевичъ.*

Камаровскій, графъ *Евграфъ Ѳедотовичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, изъ дворянъ, род. въ 1769 г., ум. въ 1843 г.; произведенъ въ прапорщики л.-гв. Измайловскаго полка 12 августа 1792 г., 20 ноября 1796 г. назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу, произведенъ въ полковники 1798 г., а въ слѣдующемъ году въ генералъ-маіоры. Этотъ чинъ онъ получилъ въ бытность въ итальянскомъ походѣ Суворова, гдѣ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бастиньяно, Тидонѣ, Требіи, Нурѣ и др. и находился въ авангардѣ отряда князя Багратіона. Въ 1801 г. получилъ званіе генералъ-адъютанта, въ 1802 г. назначенъ помощникомъ петербургскаго военнаго губернатора гр. М. Ѳ. Каменскаго, въ 1811 г. назначенъ инспекторомъ внутренней стражи, въ 1816 г. командиромъ отдѣльнаго корпуса той-же стражи, а въ 1828 г., по производствѣ въ генералы - отъ - инфантеріи, назначенъ присутствующимъ въ Сенатѣ. Послѣ наводненія 7 ноября 1824 г. состоялъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Петербургской и Выборгской сторонъ и за скорое приведеніе ихъ въ порядокъ награжденъ золотою табакеркою съ портретомъ императора Александра I. Графское достоинство получилъ въ 1803 г. отъ Римскаго Императора.

Послуж. списокъ за 1827 г. въ Москов. Архивѣ Глав. Штаба, кн. № 8915; Списки генераловъ по 1845 г., стр. 62. *С. Н. П.*

Камбекъ, *Логинъ Ѳедоровичъ* (Louis Alexander Cambecq), профессоръ, род. 6 января 1796 г., въ Дрезденѣ, ум. 30 мая 1859 г. Учился въ Митавской гимназіи, съ 1815 г. слушалъ лекціи въ Берлинѣ и Геттингенѣ, въ 1820 г. получилъ степень доктора правъ въ Кенигсбергѣ; затѣмъ служилъ въ Ригѣ и въ Дерптѣ; въ 1822 г. представилъ въ Дерптскій университетъ диссертацію pro venia legendi, но за одинъ изъ тезисовъ она была уничтожена. Въ 30-хъ годахъ былъ инспекторомъ и исправлялъ должность директора въ Нижегородской гимназіи; немедленно же по прибытіи въ Нижній-Новгородъ онъ завелъ и частный пансіонъ. По протекціи И. Г. Линдгрена, назначеннаго профессоромъ въ Казань и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ Камбекомъ, онъ былъ тоже назначенъ въ Казань профессоромъ римскаго права. Читалъ онъ лекціи, по устарѣлымъ источникамъ и на плохомъ русскомъ языкѣ. Когда въ 1855 г. А. С. Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, посѣтилъ Казань, Камбекъ въ его присутствіи прочиталъ такую лекцію, что долженъ былъ оставить каѳедру; но чтобы дать ему возможность дослужить до пенсіи, ему поручено было чтеніе лекцій по международному праву; конечно, и эти чтенія были столь же слабы. Въ томъ же году Камбекъ оставилъ университетъ и уѣхалъ въ Дерптъ. Имъ написано нѣсколько сочиненій, неимѣющихъ серьезнаго научнаго значенія, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; по-русски онъ издалъ «Конспектъ преподаванія Пандектовъ» (1838), «Учебную книгу гражданскаго права» (1845) и «Опытъ начертанія гражданскаго судопроизводства по россійскимъ законамъ» (1849 г. 2-е изданіе 1859 г.); впрочемъ послѣднее сочиненіе написано было Логгиномъ Камбекомъ по-нѣмецки, а на русскій переведено его сыномъ Львомъ.

Napiersky, «Lexicon» I, 317 и «Nachtrag», II, 12; Геннади «Словарь»; личныя воспоминанія одного изъ учениковъ Камбека.

Камберленъ, *Іосифъ*, скульпторъ и архитекторъ, род. въ Антверпенѣ 1766 г., ум. въ Тифлисѣ 1821 г. Воспитанникъ Антверпенской академіи, онъ окончилъ свое образованіе въ Парижѣ, откуда вернулся въ отечество въ 1798 г., а въ 1805 г. переселился въ Петербургъ. Здѣсь онъ исполнялъ колоссальныя группы для украшенія новой Биржи, многіе памятники, въ томъ числѣ графа Завадовскаго, и проектъ фронтона (65 фут. длиною и 15 шириною) для Военной школы. Въ 1809 г. онъ возведенъ былъ въ званіе академика за статую «Рѣка въ видѣ Нептуна».

Журналы засѣд. Акад. Худож.; Nagler, «Künstler-Lex.», II, 303. *Н. С.*

Каменевъ, *Валеріанъ Константиновичъ*, академикъ живописи, род. 1822 г. въ Новгородской губерніи, ум. 14 декабря 1874 г. въ Гатчинѣ. Дворянинъ по происхожденію, воспитанникъ Новгородской гимназіи, онъ, не кончивъ курса, поступилъ въ 1838 г. на службу въ мѣстную уголовную палату, затѣмъ перешелъ въ губернскую канцелярію, а въ 1841 г. причислился къ Департаменту Удѣловъ и съ 1845 г. состоялъ помощникомъ начальника въ Удѣльной конторѣ. Чувствуя давно влеченіе къ рисованію и въ особенности къ пейзажной живописи, онъ, по переселеніи въ Петербургъ, сталъ посѣщать классы Академіи Художествъ, и въ 1848 г. за нѣсколько представленныхъ имъ пейзажей удостоенъ былъ званія некласснаго художника. Перейдя въ 1850 г. въ Правительствующій Сенатъ, по Департаменту герольдіи, и въ 1857 г. въ департаментъ Министерства Юстиціи, Каменевъ, возведенный въ томъ же году въ званіе академика за «Видъ на островѣ Голодаѣ близъ Петербурга», скоро навсегда разстался съ чиновнической карьерой и послѣ путешествія съ художественною цѣлью по Европѣ занялся исключительно преподаваніемъ рисованія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Морскомъ корпусѣ (1858 — 1864 гг.), въ Инженерномъ и Артиллерійскомъ училищахъ, въ Петербургской седьмой мужской гимназіи (съ 1862 г.), въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ (1869 — 1886 гг.) и въ Гатчинской женской гимназіи. Его пейзажи посвящены были преимущественно видамъ Финляндіи (Гельсингфорсъ, водопады Кивачъ и Кюро), Петербургскимъ островамъ (Петровскому, Крестовскому, Голодаю) и вообще столичнымъ окрестностямъ (Лахтѣ, Ижорѣ, Гатчинѣ), наконецъ Швейцаріи (Ледникъ Розенбау, Женевское озеро, кантонъ Гларусъ); кромѣ того, онъ писалъ портреты Высочайшихъ особъ для разныхъ учрежденій и лицъ (императора Павла I, императрицы Маріи Ѳеодоровны, императрицы Маріи Александровны, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго), образа (для церкви л.-гв. Кирасирскаго полка), сдѣлалъ нѣсколько гравюръ крѣпкой водкой.

«Біограф. свѣдѣнія о членахъ Академіи и вообще художникахъ, умершихъ въ 1873—1875 гг.»—при отчетѣ Акад. Худож. за 1874 — 1875 г.; «Олонец. губ. вѣдом.» 1875 г., № 2; «Указатели Академ. выставокъ» 1846, 1850—1853, 1857—1859, 1861—1864, 1867, 1870—1873 гг.; «Отчеты Акад. Художествъ» 1857—1867 и 1870—1871 гг. *Н. С.*

Каменевъ, *Гавриилъ Петровичъ*, писатель, род. въ Казани, въ 1772 г., ум. тамъ же въ іюнѣ 1803 г. Онъ былъ сынъ казанскаго купца, бургомистра, обратившаго на себя своимъ умомъ и расторопностью вниманіе Екатерины II во время посѣщенія ею Казани въ 1767 г. Образованіе Г. П. Каменевъ получилъ въ пансіонѣ Вюльфинга, въ Казани, и основательно изучилъ языки французскій и нѣмецкій. Молодость его прошла несчастливо. Родители не разрѣшили ему вступить въ бракъ съ любимою имъ дѣвушкою, дочерью иностранца-доктора, а принудили его жениться по ихъ выбору. Получивъ отъ отца значительное состояніе, Г. П. Каменевъ не занимался своимъ торговымъ дѣломъ, хотя и былъ ратманомъ и бургомистромъ, а все свое время посвящалъ литературѣ. Бывая по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ, онъ успѣлъ тамъ познакомиться съ Карамзинымъ. Имъ напечатано нѣсколько переводовъ и оригинальныхъ произведеній въ періодическихъ изданіяхъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1799 гг.), «Ипокрена» (1799 — 1801 гг.), «Новости русской литературы» (1802—1805 гг.) и особенно—въ «Періодическомъ изданіи» Петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, котораго онъ былъ членомъ. Всѣ его сочиненія отличаются общею произведеніямъ того времени сентиментальностью, но въ его лучшемъ произведеніи, балладѣ «Громвалъ», довольно ясно сказываются зачатки романтизма, впослѣдствіи такъ прекрасно развитаго Жуковскимъ; «Громвалъ» былъ

въ 1822 г. перепечатанъ Жуковскимъ въ 3-й части «Собранія образцовыхъ произведеній»; Пушкинъ отозвался о Каменевѣ, что онъ сдѣлалъ бы много, если бы не умеръ такъ рано.

Статья Второва въ сборникѣ «Вчера и сегодня». I, 29—64; тамъ-же и письма Каменева изъ Москвы, Загоскинъ, «Пушкинъ въ Казани», 1892, 10—11;

Каменевъ, *Левъ Львовичъ*, академикъ живописи, род. въ 1831 г. въ г. Рыльскѣ, ум. 14 января 1886 г. въ Саввинской слободѣ подъ Звенигородомъ. Происходилъ изъ купеческой семьи; воспитывался въ Астраханской гимназіи, но не кончилъ курса и занялся торговлей, а на 21-мъ году поступилъ въ Московское училище живописи, ваянія и зодчества; затѣмъ, при содѣйствіи купца Аласина, прожилъ два года за границей, большею частью въ Дюссельдорфѣ и Мюнхенѣ. За представленныя имъ на академическія выставки пейзажи совѣтъ Академіи наградилъ его: въ 1867 г.—званіемъ класснаго художника 3-й степени, а въ 1869 г.—званіемъ академика. Съ 1871 г. онъ принималъ участіе въ передвижныхъ выставкахъ «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ» и состоялъ однимъ изъ учреждителей этого товарищества. Главнѣйшія его произведенія были 1866 г.—«Зима» (изъ окрестностей Троицкой Лавры), «Весна» (изъ окрестностей Москвы), и «Туманъ на Красномъ прудѣ въ Москвѣ» (всѣ три у П. М. Третьякова), 1869 г.—виды «Изъ окрестностей Москвы» и «Изъ окрестностей села Порѣчья, имѣнія гр. Уварова», 1871 г.—«Лѣтняя ночь на рѣкѣ» (у К. Т. Солдатенкова) и «Осень», 1872 г.—«Лѣсъ», 1874 г.— «Пруды» (у К. Т. Солдатенкова), 1875 г.—«Метель», 1879 г.—«Лугъ», 1880 г.—«Ночь», 1882 г.—«На Москвѣ рѣкѣ», 1883 г.—«Близъ Саввинскаго монастыря», 1884 г.—«Колоколъ», «Вечеръ», «Ручей».

Автобіогр. замѣтка художника; некрологи въ «Нов. Врем.», №№ 3362 и 3574, «Новостяхъ», 1886, № 27, «Худож. Новостяхъ», 1886, № 3, с. 95—96, «Худож. Журналъ», 1886, № 1, с. 59; «Указатели и Каталоги выставокъ»: академическихъ 1867—1869 и 1872—1873 г., передвижныхъ 1871 — 1884 гг. и періодическихъ въ Москвѣ 1883—1886 гг.

Н. С.

Каменецкій, *Осипъ Кирилловичъ*, дѣйств. статскій совѣтникъ, лейбъ-медикъ, род. въ г. Стародубѣ, черниговской губерніи въ 1754 г., ум. 14 іюня 1823. По окончаніи курса въ Черниговской коллегіи въ 1778 г. поступилъ ученикомъ въ Петербургскій генеральный госпиталь, откуда въ 1780 г. выпущенъ подлѣкаремъ въ Невскій полкъ. При учрежденіи врачебныхъ управъ въ 1798 г. назначенъ инспекторомъ Петербургскаго физиката, въ 1799 г. назначенъ членомъ Медицинской коллегіи. Въ 1802 г., когда состоялся Высочайшій указъ о преподаваніи медицины въ духовныхъ семинаріяхъ, онъ издалъ, по порученію Медицинской Коллегіи, книгу, пользовавшуюся общею извѣстностью въ Россіи, выдержавшую нѣсколько изданій, подъ заглавіемъ «Краткое наставленіе о лѣченіи простыми средствами болѣзней, отъ разныхъ ядовъ случающихся, для сельскихъ учителей, гдѣ нѣтъ врачей». Въ 1814 г. удостоенъ безъ экзамена степени доктора медицины. Въ 1816 г. 6 сентября, первый изъ русскихъ врачей, удостоенъ званія лейбъ-медика.

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели»; Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи»; Никитинъ, «Обзоръ медицины въ Россіи въ царств. Импер. Екатерины II»; Геннади, «Словарь».

Каменецкій, *Титъ Алексѣевичъ*, профессоръ Московскаго университета. Род. въ 1790 г., ум. 7 апрѣля 1844 г. Въ 1808 г. окончилъ курсъ въ Московской губернской гимназіи, въ 1811 г.—въ Московскомъ университетѣ и былъ немедленно же назначенъ преподавателемъ нѣмецкаго языка; во время нашествія французовъ сопровождалъ въ Нижній-Новгородъ студентовъ и гимназистовъ. Въ 1815 г. представилъ диссертацію на степень магистра словесныхъ наукъ «О началѣ, обширности и вспомогательныхъ средствахъ англійской торговли» и былъ допущенъ къ чтенію лекцій по географіи и статистикѣ; въ 1816—1824 г.г., т. е. до оставленія службы при университетѣ, онъ читалъ еще публичныя лекціи по всеобщей и русской географіи, а затѣмъ издалъ «Руководство къ географіи», учебникъ, выдѣлявшійся для своего времени значительными достоинствами. Въ 1815 г. онъ былъ назначенъ учителемъ географіи, исторіи и статистики въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ, а въ 1818 г.—и директоромъ его; съ 1838 г. онъ былъ помощникомъ оберъ-директора этого училища.

«Біографич. словарь профес. Москов. университета», I, 379—380.

Каменновъ, *Александръ Михайловичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1773 г., ум. въ 1829 г. Всю службу провелъ въ л.-гв. Казачьемъ полку, куда поступилъ

въ 1797 г., произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1826 г. и затѣмъ назначенъ командиромъ этого полка. Участвовалъ въ войнахъ съ Франціею въ 1805—1807 гг., съ Швеціею въ 1808—1809 гг, и за освобожденіе Германіи въ 1813 г., отличился въ сраженіи при Фридландѣ 2 іюня 1807 г., при Лейпцигѣ 4 октября 1813 г., принималъ участіе въ блистательной аттакѣ Лейбъ-казачьяго полка, которая оказала рѣшительное вліяніе на исходъ битвы, за что получилъ орденъ св. Анны 2 степени съ алмазами.

Формул. списокъ за 1828 г. въ Москов. Архивѣ Глав. Штаба, № 9137; «Исторія л.-гв. Казачьяго полка», 1876 г.

С. Н. П.

Каменская, *Александра Ѳедотовна*, писательница. Дочь генерала Ѳедота Михайловича Каменскаго и сестра знаменитаго впослѣдствіи фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго, род. 19 августа 1740 г., ум. 17 апрѣля 1769 г. Получила отличное воспитаніе, знала языки французскій и итальянскій, занималась музыкой и живописью; нѣсколько ея стихотвореній были напечатаны еще въ 1760—1763 гг. въ тогдашнихъ журналахъ; въ рукописи читались ея «Письма Кабардинскія», написанныя въ подражаніе извѣстному въ свое время роману m-me Graffigny «Lettres Péruviennes», 1746. Она была замужемъ за А. А. Ржевскимъ.

Ефремовъ, «Матеріалы для исторіи рус. литер.», 93; «Русская Старина», 1870, № 8, изд. 2, 606—607.

Каменскій, *Дмитрій Ивановичъ*, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, род. въ 1818 г. въ Кіевѣ, ум. 30 ноября 1880 г. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, началъ службу въ Кіевѣ, въ 1843 г. перешелъ въ Петербургъ въ канцелярію Военнаго Министерства; въ 1857 г. вышелъ въ отставку. Затѣмъ состоялъ главнымъ редакторомъ «Сѣверной Почты» и въ 1869 г., по преобразованіи этой газеты въ «Правительственный Вѣстникъ», былъ назначенъ членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Перевелъ байроновскаго «Сарданапала», писалъ критическія статьи въ журналахъ сороковыхъ годовъ, участвовалъ въ газетѣ «Голосъ», гдѣ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ, и занимался ботаникою. Огромный трудъ его по части практическаго садоводства остался не оконченнымъ и въ 1880 г. вышла только первая часть его «Садовника-любителя».

«Голосъ», 1880 г., № 334.

Каменскій, графъ *Михаилъ Ѳедотовичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, сынъ гофъ-юнкера, служившаго мундшенкомъ при Петрѣ Великомъ, род. 8 мая 1738 года, убитъ 12 августа 1809 г. Въ 1751 г. записанъ былъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ, въ 1756 г. выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ вѣдомство канцеляріи строеній, а затѣмъ переведенъ въ артилерію унтеръ-цалмейстеромъ. Въ 1757 г. поступилъ во французскую армію волонтеромъ и находился при ней по 1759 годъ. Въ 1758 г. произведенъ въ капитаны артиллеріи; до 1761 г. служилъ въ московской артиллерійской командѣ, а затѣмъ посланъ былъ въ дѣйствовавшую армію. Ссылаясь на «частую головную болѣзнь и глухоту» и опасаясь сдѣлаться окончательно «неспособнымъ къ службѣ», если останется «при орудіяхъ», онъ просилъ перевода въ полевые пѣхотные полки и 13 февраля 1762 г. былъ переведенъ въ пѣхоту съ переименованіемъ въ премьеръ-майоры; въ томъ же году произведенъ въ полковники, и 12 марта, по представленію графа П. А. Румянцева, назначенъ въ его корпусѣ генералъ - квартирмейстеръ - лейтенантомъ. Послѣ Семилѣтней войны Каменскій командовалъ 1-мъ Московскомъ пѣхотнымъ полкомъ, состоявшимъ въ Финляндской дивизіи генералъ-аншефа П. И. Панина. Въ октябрѣ 1764 г. онъ былъ представленъ Великому Князю и послѣ этого часто бывалъ во Дворцѣ. Въ августѣ 1765 г. Каменскій былъ посланъ въ Пруссію, въ лагерь подъ Бреславлемъ, въ качествѣ военнаго агента, для ознакомленія съ системой обученія прусскихъ войскъ. Здѣсь онъ былъ замѣченъ Фридрихомъ Великимъ, который въ разговорѣ съ генераломъ Тауенціномъ назвалъ Каменскаго «молодымъ канадцемъ, довольно образованнымъ». Въ октябрѣ того-же года онъ вернулся въ Петербургъ и представилъ Великому Князю «Описаніе прусскаго лагеря», имъ сочиненное. Нѣкоторыя, спеціально военныя замѣчанія Каменскаго, высказанныя имъ въ этомъ описаніи, совершенно справедливы, но отъ образованнаго военнаго агента можно было бы ожидать лучшаго освѣщенія и надлежащей

оцѣнки фридриховской тактики (хотя бы ея одной); Каменскій же былъ настолько ослѣпленъ прусскимъ порядками, что внѣ ихъ почти ничего не видѣлъ. Любите Государь, свое войско, — имъ цари и дальнѣйшимъ народомъ повелѣваютъ, и отечество отъ насилія враговъ освобождаютъ. Не долженъ ли всякій признаться, что все «знаніе» (философовъ Греціи и людей преданныхъ «вольнымъ», другимъ наукамъ и «художествамъ») служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ. Славный прадѣдъ вашъ не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной Коллегіи, ниже Сената». Такъ оканчиваетъ Каменскій письмо, при которомъ онъ представилъ свое описаніе маневровъ.

Въ 1766 г. Каменскій произведенъ былъ въ бригадиры, а въ чинъ генералъ-маіора—передъ началомъ войны Россіи съ Турціею Въ началѣ кампаніи 1769 г. онъ командовалъ 4-ю бригадою, состоявшею изъ 5 пѣхотныхъ полковъ и входившею въ составъ арміи кн. А. М. Голицына. 19 апрѣля Каменскій принималъ участіе въ битвѣ подъ Хотиномъ, окончившейся пораженіемъ турокъ. На военномъ совѣтѣ 19 мая 1769 г. Каменскій особенно сильно настаивалъ на необходимости взять Хотинъ, доказывая, что, овладѣвъ Хотинскою крѣпостью, армія наша будетъ владѣть обоими берегами Днѣстра до Бендеръ; что безъ этого нельзя и думать о дальнѣйшихъ движеніяхъ во внутрь княжествъ и далѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ занятіе Хотина пресѣчетъ сообщеніе Польши съ Портою, поведетъ за собою уничтоженіе конфедератовъ, что дастъ возможность усилить армію отрядомъ, оставленнымъ въ Польшѣ. Впрочемъ Каменскій предлагалъ это лишь на тотъ случай, если имѣется возможность овладѣть крѣпостью посредствомъ правильной осады не позже трехъ недѣль, т. е. до прибытія арміи визиря на ея освобожденіе. Предложеніе это не было принято.

По возобновленіи наступательныхъ дѣйствій бригада Каменскаго при вторичномъ переходѣ арміи на лѣвый берегъ Днѣстра, была оставлена у д. Янчинцы въ отрядѣ генералъ-поручика Ренненкампфа. Когда визирь Молдаванчи-паша атаковалъ нашу армію, Каменскій съ ввѣренною ему бригадою участвовалъ въ сраженіи, хотя и успѣшномъ для нашихъ войскъ, но не избавившимъ нашу армію отъ необходимости новаго отступленія на лѣвый берегъ Днѣстра.

Каменскій принималъ весьма дѣятельное участіе въ разыгравшемся, вмѣсто ожидаемаго незначительнаго боя, генеральномъ сраженіи при Хотинѣ 29 августа. Въ этомъ сраженіи, оказавшемъ рѣшительное вліяніе на исходъ операцій въ 1769 г., онъ отлично исполнилъ данную ему задачу, привелъ свою колонну къ рѣшительному пункту на лѣвомъ флангѣ вполнѣ своевременно, чѣмъ далъ возможность Салтыкову выручить войска Брюса въ самый критическій моментъ боя. При послѣдующихъ дѣйствіяхъ первой арміи Каменскій участвовалъ въ занятіи Хотина. За эту кампанію Императрица пожаловала ему орденъ св. Анны.

Въ 1770 г. Каменскій состоялъ во второй арміи генералъ-аншефа Панина и командовалъ 1-й бригадой въ 1-й дивизіи генералъ-поручика Дальке. 29 іюня, во время переправы арміи чрезъ Днѣстръ подъ начальствомъ Каменскаго былъ отдѣленъ отрядъ для обложенія и бомбардированія Бендеръ съ лѣваго берега Днѣстра. Во время производства постепенной атаки Бендерской крѣпости Каменскій вообще много способствовалъ ея успѣху. При отбитіи контръ-атаки турокъ ночью 23 іюля онъ лично повелъ егерей и обратилъ непріятеля въ бѣгство, занялъ форштадтъ и держался въ немъ до полученія приказанія объ отступленіи. Съ августа Каменскій, не довольствуясь производствомъ атаки на лѣвомъ берегу Днѣстра, съ разрѣшенія главнокомандующаго, провелъ безсмѣнно въ траншеяхъ 6 сутокъ, чтобы, изучивъ лучше мѣстность и расположеніе траншей, съ большимъ успѣхомъ отражать вылазки. При штурмѣ 15 сентября на Каменскаго было возложено руководство атакою лѣваго фланга нашей арміи. За отличіе подъ Бендерами Каменскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія. 20 сентября Каменскій былъ направленъ къ Аккерману для содѣйствія отряду Игельштрома. Приближеніе отряда Каменскаго ускорило сдачу этой крѣпости, послѣ чего онъ возвратился въ Бендеры.

Въ 1771 г. Каменскій не принималъ замѣтнаго участія въ операціяхъ и былъ

въ отпуску. Въ 1772 г. онъ состоялъ въ арміи Румянцева и начальствовалъ войсками, отдѣленными отъ арміи и расположенными въ Малой Польшѣ, для противодѣйствія партизанскимъ отрядамъ польскихъ конфедератовъ.

Въ 1773 г. Каменскій былъ въ арміи Румянцева и состоялъ въ корпусѣ генералъ-поручика графа И. П. Салтыкова, расположенномъ отъ Краіовскаго Баната до р. Арджишъ. 16 сентября отрядъ этотъ сдѣлалъ нападеніе на турецкій лагерь подъ Турно. Турки, видя малочисленность передоваго отряда, выслали противъ него до 5000 конницы. Но этотъ турецкій отрядъ конницы былъ почти совершенно уничтоженъ, благодаря главнымъ образомъ Каменскому. Въ ноябрѣ Каменскій командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, наблюдавшимъ лѣвый берегъ Дуная отъ австрійской границы до урочища Мало. За отличія въ эту кампанію Каменскій получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса и, по линіи, чинъ генералъ-поручика.

Въ 1774 г. Каменскій командовалъ уже лѣвымъ крыломъ арміи. Переправившись въ апрѣлѣ черезъ Дунай, онъ сталъ у Карасу 9 мая, а 16 съ его отрядомъ соединился и отрядъ Суворова; оба генерала должны были предпринять совмѣстно рѣшительное наступленіе. Турки не были еще готовы къ открытію кампаніи; ближайшія же ихъ войска были расположены гарнизонами въ крѣпостяхъ, причемъ у Шумлы было сосредоточено до 50,000 чел. Главнокомандующій предоставилъ Каменскому и Суворову самимъ условиться относительно общаго наступленія и оставилъ имъ полную свободу дѣйствій; въ спорныхъ вопросахъ рѣшеніе принадлежало Каменскому, какъ старшему. Выработанный Каменскимъ и Суворовымъ планъ дѣйствій, по исправленіи его Румянцевымъ, сводился къ слѣдующему: оба отряда должны были параллельно наступать къ Шумлѣ, причемъ Каменскій долженъ выслать отряды для демонстрацій противъ Варны, а Суворовъ—прикрывать Каменскаго со стороны Силистріи. Затѣмъ предполагалось направить главныя операціи противъ Шумлы или, если непріятель будетъ встрѣченъ въ полѣ и направится противъ Каменскаго, то Суворовъ долженъ ударить во флангъ или тылъ турецкой арміи и отрѣзать ее отъ Шумлы.

Въ концѣ мая отрядъ Каменскаго, выступилъ къ Базарджику—важному узлу путей между Шумлой, Варной и Силистріей; 2 іюня передовой отрядъ занялъ Базарджикъ. Здѣсь Каменскій простоялъ 6 дней въ ожиданіи прибытія Суворова; 9 іюня отряды Каменскаго и Суворова соединились у Юшенли. Въ тотъ же день оба генерала, со всею кавалеріею, произвели усиленную рекогносцировку на Козлуджи, гдѣ и нашли турецкую армію въ числѣ до 25,000 пѣхоты и 15,000 конницы, высланную визиремъ отъ Шумлы противъ нашихъ войскъ. Наша кавалерія, преслѣдуя отступавшаго непріятеля, вступила въ лѣсное дефиле, растянулась, была атакована турками и приведена въ замѣшательство; но благодаря распорядительности Каменскаго порядокъ былъ возстановленъ. Каменскій вывелъ обратно кавалерію изъ дефиле и послалъ за своею пѣхотою; завязалось сраженіе; въ концѣ концовъ турки были принуждены отступить. Суворовъ преслѣдовалъ противника до его лагеря и, подготовивъ атаку пушечнымъ огнемъ, перешелъ снова въ наступленіе; турки бросили лагерь и бѣжали къ Шумлѣ и Праводамъ. Хотя заслуга нанесенія рѣшительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнаго удара принадлежитъ Суворову, но и Каменскій не мало способствовалъ этой побѣдѣ. Къ сожалѣнію, послѣ этой блестящей побѣды Суворовъ и Каменскій снова дѣйствовали нерѣшительно. Каменскій не рѣшался продолжать наступленіе вслѣдствіе яко-бы недостатка перевозочныхъ средствъ и провіанта и собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено остаться у Козлуджи, а затѣмъ отступить на позицію между Шумлой и Силистріей, дабы отрѣзать послѣдней сообщенія и тѣмъ способствовать ея покоренію. Румянцевъ былъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и предписалъ Каменскому и Суворову продолжать наступательныя операціи собственно противъ Шумлы и только, въ случаѣ невозможности овладѣть этою крѣпостью безъ правильной осады приблизиться къ Силистріи. Каменскій двинулся къ д. Еникой, а корпусъ Суворова направился къ Кулевчѣ, съ цѣлью прервать сообщенія между Шумлою, Варною и Праводами. Въ то же время главнокомандующій самъ принялъ мѣры для обезпеченія продовольствія войскъ Каменскаго и Суворова. 16 іюня

авангардъ корпуса Каменскаго сбилъ 5000 турецкой конницы у Ени-Базара; 17 Каменскій продвинулся до д. Буланыкъ, въ 5 в. отъ Шумлы, а затѣмъ отошелъ къ д. Алибаба, на Силистрійской дорогѣ Каменскій не рѣшался атаковать крѣпость открытою силою: въ его корпусѣ было всего 7000 чел., а у визиря около 35,000, и считалъ за лучшее выманить турокъ въ поле, для чего были высланы отдѣльныя партіи съ приказаніемъ жечь ближайшія селенія. 19 іюня турецкая конница атаковала небольшой отрядъ полковника Розена, который былъ высланъ для поддержанія сообщеній съ корпусомъ Салтыкова и двигался слишкомъ близко отъ Шумлы; Каменскій поддержалъ Розена почти всею пѣхотою. Визирь вышелъ изъ крѣпости съ большею частью своей арміи, произошло сраженіе, окончившееся безпорядочнымъ отступленіемъ турецкой арміи. Желая вновь заставить турокъ выйдти изъ лагеря, Каменскій приступилъ къ траншейнымъ работамъ; однако, визирь не двигался съ мѣста. Тогда Каменскій рѣшилъ ограничиться наблюденіемъ за дорогами, ведущими внутрь страны, для чего передвинулъ свой корпусъ къ югу. Съ 3 іюля всѣ сообщенія турецкой арміи были перерваны и недостатокъ припасовъ и фуража скоро вызвалъ многочисленные побѣги солдатъ. 6 іюля почти вся турецкая армія атаковала наши передовые посты и прикрывающіе отряды, но была отбита. Въ тотъ же день Каменскій получилъ предписаніе главнокомандующаго не предпринимать ничего рѣшительнаго противъ турокъ, такъ какъ въ это время велись уже переговоры о мирѣ; но Каменскій полагалъ, что «для чести русскаго оружія» необходимо овладѣть хотя бы «ретраншаментами» и расположить наши войска на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они находились до сраженія 6 іюля. 7 іюля онъ и достигъ этого съ значительными усиліями; но главнокомандующій рѣшительно запретилъ дальнѣйшія военныя дѣйствія. 9 іюля, наканунѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго трактата, Каменскій отошелъ отъ крѣпости.—Боевой опытъ Каменскаго, его личная храбрость и способность командовать небольшими, но вполнѣ самостоятельными отрядами несомнѣнны; но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствія въ 1774 г. показали его неспособность быть не только главнокомандующимъ, но хотя бы командиромъ отдѣльнаго корпуса. Въ 1775 г. при празднованіи заключенія мира, Каменскій былъ награжденъ орденами св. Георгія 2 степени и св. Александра Невскаго.

Съ 1775 до 1779 г. Каменскій получалъ различныя назначенія въ войскахъ, изъ нихъ послѣднимъ было назначеніе въ Воронежскую дивизію. Въ 1779 г., во время войны за Баварскаго наслѣдство, Каменскій былъ за границей въ качествѣ военнаго агента при прусской арміи и присутствовалъ при стычкѣ у Егендорфа въ Верхней Силезіи.

Въ 1783—1785 гг. Каменскій былъ генералъ-губернаторомъ рязанскимъ и тамбовскимъ. Дѣятельность его на этомъ посту не ознаменована чѣмъ либо выдающимся; скорѣе, нѣкоторыя распоряженія его надо признать невполнѣ умѣстными; такъ, напр., въ противность дарованнымъ дворянству правамъ, онъ приказываъ доставлять неслужащихъ дворянъ въ губернскій городъ «для наученія грамотѣ и частью ариѳметикѣ» или для опредѣленія на службу», поясняя при этомъ, что «довольно и того пятна для каждой благородной фамиліи, если въ ней и одинъ извергъ найдется, который никогда нигдѣ не служивалъ». Посѣтивъ въ 1784 г. Шацкъ, Каменскій узналъ, что нѣкій «изъ дворянъ отставной каптинармусъ не соотвѣтствуетъ дворянству въ своемъ званіи» и занимается портняжничествомъ; онъ приказалъ доставить этого дворянина къ тамбовскому коменданту для опредѣленіе его на вакансію рядоваго; «а чтобы и въ прочихъ мѣстахъ праздношатающихся дворянъ не было», онъ приказалъ высылать таковыхъ въ намѣстническое правленіе «за карауломъ».

Предъ началомъ второй турецкой войны, когда организовывались дѣйствующія арміи, Каменскій пріѣхалъ въ Петербургъ, повидимому, ожидая назначенія въ армію; ему дали денежную награду въ 5000 руб. Недовольный, онъ растратилъ пожалованныя ему деньги, ежедневно посѣщая Лѣтній садъ, гдѣ угощалъ всякаго встрѣчнаго, и уѣхалъ изъ Петербурга. Въ 1787 г. онъ былъ назначенъ въ армію графа Румянцева командовать 2 корпусомъ, занимавшимъ Уманьскій округъ по Бугу. Каменскій, полагая, что гораздо выгоднѣе быть подъ командой Потемкина, выказывалъ по

отношенію къ нему чрезмѣрную угодливость и даже интриговалъ противъ Румянцева; Потемкинъ обнаружилъ эту интригу и Каменскій былъ сильно скомпрометированъ.

Въ 1788 г. Каменскій командовалъ 4-ю дивизіею (иначе называемою «запаснымъ корпусомъ»). 24 іюня дивизіи его и генералъ-аншефа Эльмпта были высланы съ цѣлью произвести «сильный поискъ» противъ Ибрагима-паши. 2 іюля Эльмптъ и Каменскій выступили противъ непріятеля; 4 сентября непріятель сдалъ Хотинъ. Около того же времени было получено извѣстіе о намѣреніи турокъ, собравшихся у Бендеръ въ числѣ отъ 25 до 30000, двинуться къ Днѣстру для нападенія на наши магазины и дѣйствій противъ нашихъ сообщеній; Каменскій выступилъ по этимъ слухамъ противъ непріятеля, но слухъ оказался сильно преувеличеннымъ. 17 сентября Каменскій присоединился къ Румянцеву у Цоцоры. Въ ноябрѣ армія была расположена на зимнія квартиры, причемъ дивизія Каменскаго — въ Кишиневѣ и Лопушнѣ. Въ это время было обнаружено приближеніе къ Ганкуру и Сокульцамъ (близъ Бендеръ) отряда Ибрагима-паши, который предполагалъ, получивъ подкрѣпленіе изъ Бендеръ, произвести нападеніе на наши зимнія квартиры. Каменскій испросилъ у главнокомандующаго разрѣшеніе выбить непріятеля изъ Ганкура. Оставивъ всю тяжелую артиллерію въ Кишиневѣ и Чучуленахъ, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, онъ двинулся колоннами по тремъ дорогамъ, въ разстояніи 12—15 верстъ одна отъ другой, неожиданно напалъ на турокъ и послѣ двухкратной схватки выбилъ непріятеля изъ Ганкура; за это дѣло Каменскій награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра первой степени.

Въ началѣ 1789 года, послѣ назначенія Потемкина главнокомандующимъ обѣими арміями, Румянцевъ поручилъ временное командованіе Украинскою арміею, до прибытія генералъ-аншефа князя Репнина, Каменскому. Репнинъ прибылъ 7 мая 1789 года. Послѣ соединенія армій Каменскій не получалъ никакого назначенія и уѣхалъ въ отпускъ. Съ этого времени обнаруживается явное нерасположеніе къ нему Императрицы. Въ 1790 году (во время войны со Швеціей) Каменскій лично просилъ у Императрицы разрѣшенія отправиться «на галеры» и въ Выборгъ. Государыня, съ видомъ удивленія, спросила его: «зачѣмъ?»,—Каменскій могъ отвѣтить только: «изъ единаго любопытства». Въ 1791 году онъ просилъ разрѣшенія снова ѣхать въ армію для свиданія съ сыномъ. Государыня отвѣтила: «это отъ васъ зависитъ». Тѣмъ не менѣе, въ томъ же году 3 августа онъ былъ назначенъ въ армію Потемкина, хотя Императрица писала ему 25 іюля: «Просилъ ты меня, чтобъ я тебя избавила отъ Каменскаго, а нынѣ отъ графа Безбородко слышу, что просишь его къ себѣ; отпиши ко мнѣ, я или онъ ослышался; я помню, что говорили, что онъ грызется». Въ дневникѣ Храповицкаго по поводу этого назначенія читаемъ: «точно открылось, что князь Потемкинъ, прося въ овою команду Каменскаго, изъяснялся, что дѣлаетъ сіе не по волѣ, но дабы не говорили, что вытѣсняетъ репутацію имѣющаго, а будетъ стараться при первомъ случаѣ такъ его употребить, чтобъ самъ сломалъ себѣ голову». Съ самаго перваго дня прибытія Каменскаго въ армію Потемкина явно открылось недоброжелательство къ нему князя Таврическаго. Пріѣхавъ въ Яссы, Каменскій просилъ у Потемкина разрѣшенія произвести смотръ своему Московскому полку, но главнокомандующій удержалъ его на одинъ день при себѣ; въ тотъ же день онъ отдалъ приказаніе о сформированіи Екатеринославскаго полка, въ составъ котораго вошелъ, между прочимъ, весь Московскій полкъ. Каменскій ничего объ этомъ не зналъ и только, пріѣхавъ въ лагерь подъ Рябой Могилой (гдѣ стоялъ Московскій полкъ), узналъ, что его полкъ уже не существуетъ. Въ арміи Каменскій не получилъ какого либо опредѣленнаго назначенія. Между тѣмъ дни Потемкина были сочтены. Потому ли что онъ чувствовалъ свое нездоровье или по какой либо другой причинѣ, 18 сентября 1791 г. (еще до прибытія Каменскаго въ армію) отъ него былъ посланъ довольно неясный ордеръ на имя генералъ-аншефа Каховскаго, въ которомъ было сказано: «Вашему высокопревосходительству предписываю: по полученіи сего отправиться ко мнѣ для принятія здѣсь команды»... 5 октября Потемкинъ скончался. Войска остались безъ главнокомандующаго; начав-

шіеся переговоры о мирѣ пріостановились. Упомянутый ордеръ былъ извѣстенъ только Каховскому и правителю канцеляріи Потемкина генералъ-маіору В. С. Попову. Каменскій, какъ старшій генералъ въ арміи, долженъ былъ принять на себя званіе главнокомандующаго. 7 октября онъ извѣстилъ Каховскаго о вступленіи въ командованіе арміею и предоставилъ ему начальство надъ прежде ввѣренными ему частями. Затѣмъ Каменскій потребовалъ отъ всѣхъ начальствующихъ лицъ полныхъ свѣдѣній о состояніи войскъ, довольствіи, о денежныхъ суммахъ и особенно объ экстраординарной суммѣ, состоявшей при главномъ дежурствѣ. Самъ онъ такъ говоритъ объ своихъ дѣйствіяхъ въ это время въ письмѣ къ графу Салтыкову (8 октября):.. «генералъ Поповъ заѣхалъ ко мнѣ и сказалъ... что де вы старшіе, примите команду... Я былъ боленъ и перемогся, и мнѣ вздумалось вступить въ свою должность.. Поповъ ни о чемъ свѣдѣнія не далъ мнѣ, то я принужденъ сдѣлался сноситься съ полками, снесся и съ уполномоченными нашими здѣсь..... къ заключенію мира съ Турками..... Они предъявили мнѣ данное имъ Потемкинымъ повѣренное письмо, послѣ котораго... мѣшаться въ ихъ дѣло не оставалось». Принимая армію, Каменскій считалъ своею обязанностью привести ее въ порядокъ и едвали могъ думать о какихъ либо славныхъ предпріятіяхъ. Это ясно видно изъ его писемъ, гдѣ онъ говорилъ о принятыхъ имъ мѣрахъ по довольствію арміи и о томъ, что «принужденъ сталъ спросить словесно Попова: не осталось ли экстраординарныхъ денегъ у покойнаго фельдмаршала въ канцеляріи? Поповъ сказалъ, что хотя де и есть, но что онѣ запечатаны за посторонними печатьми». Каменскій вошелъ съ формальнымъ требованіемъ объ отпускѣ этихъ денегъ и это требованіе, по слабости здоровья Попова, отвезъ ему и отдалъ самъ, но Поповъ отдалъ ему это требованіе обратно, сказавъ при томъ, что «дѣла (съ нимъ) никакого не имѣетъ и чтобы (онъ) оставилъ его въ покоѣ, потому что командиромъ арміи оставленъ покойнымъ фельдмаршаломъ.. Каховскій, а не онъ, Каменскій»... «Таковое его объясненіе, писалъ Каменскій, должно меня было понудить къ властительному дѣйствію, потому что никакого приказа покойнымъ фельдмаршаломъ въ полки и команды и генераламъ дано не было, чтобъ Каховскому командовать всею арміею, обойдя меня. Но по уваженію, въ какомъ состоитъ Поповъ въ лицѣ самой Государыни, я остался при командованіи арміею и безъ экстраординарной суммы до указа». Затѣмъ Каменскій указывалъ на «комплотъ» поставщиковъ провіанта, коимъ деньги выданы екатеринославскимъ губернаторомъ Каховскимъ, а провіанта на 180.000 рублей нѣтъ. Требованіемъ отчета о суммахъ Каменскій затронулъ самое больное мѣсто Попова, которому угрожала повидимому «большая бѣда» въ случаѣ, если бы Каменскій остался главнокомандующимъ; Поповъ же позволялъ себѣ не исполнять приказанія Каменскаго и дерзко ему отвѣчать, надѣясь на благоволеніе Императрицы, которой не было извѣстно истинное положеніе финансовыхъ дѣлъ въ арміи, искусно скрываемое тѣмъ же Поповымъ, доносившимъ ей 8 октября: «Здѣсь хотя и оставался Каменскій, но безъ всякой команды и безъ объявленія о немъ въ арміи. — Воображая сколь неблагоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству вступленіе его въ начальство, (я) вскорѣ явился къ нему и объявилъ, что команда поручена отъ Потемкина..... генералу Каховскому. Генералъ Каменскій изъявилъ свое неудовольствіе и сообщилъ всѣмъ начальникамъ, что онъ вступилъ въ командованіе арміи»... 12 октября Каменскій писалъ Салтыкову: «Каховскій пріѣхалъ въ Яссы 10 октября и требовалъ, чтобъ я не командовалъ и предъявилъ ордеръ сентября 18-го». Каменскій основывался на томъ, что во-первыхъ по арміи не было объявлено, чтобы Каховскаго слушаться, во-вторыхъ, что ордеръ писанъ до пріѣзда Каменскаго къ арміи и въ третьихъ, что въ ордерѣ написано, чтобы Каховскій пріѣхалъ «въ Яссы для командованія» безъ поясненія чѣмъ: всею арміею или какою либо частью, и утверждалъ, что командовать арміею долженъ онъ, Каменскій, какъ старшій по арміи. Каховскій же заявилъ ему о томъ, что онъ предпишетъ всѣмъ частямъ арміи. (и предписалъ) не исполнять его приказаній; Каменскій «предложилъ ему» «отъ того воздержаться до полученія новаго указа и... лучше обоимъ испрошать его». Въ то же время онъ отправилъ донесеніе Императрицѣ, испрашивая разрѣшенія

этого вопроса. Между тѣмъ слѣдствіемъ этихъ столкновеній было опасное недоумѣніе какъ въ арміи, такъ и среди представителей иностранныхъ державъ. Каменскій, желая вполнѣ основательно устранить это ненормальное положеніе, принялъ однако совершенно несоотвѣтственную мѣру: рѣшить возникшій вопросъ на военномъ совѣтѣ большинствомъ голосовъ всѣхъ генераловъ, для чего разослалъ приглашенія. Собравшіеся шесть генераловъ выразили склонность повиноваться Каховскому и тогда Каменскій «отступился до настоящаго указа», увѣдомивъ Каховскаго о своей болѣзни. 5 ноября Императрица писала въ рескриптѣ Каховскому: «Извѣстились мы съ неудовольствіемъ о странныхъ поступкахъ генерала Каменскаго, который по кончинѣ главнокомандующаго..... собралъ генералитетъ для сужденія о дѣлѣ, въ коемъ воля покойнаго фельдмаршала, изображенная въ данномъ вамъ ордерѣ, долженствовала служить закономъ, пока указомъ нашимъ рѣшить благоволимъ». Въ то же время Императрица, основываясь на донесеніяхъ Попова, писала Салтыкову: «Сумасшедшій Каменскій шалитъ... Поповъ старался его три дня уговаривать, чтобъ онъ удержался принять команду, его поступки во всей арміи умножаютъ рыданіе и печаль»... и Попову: «собраніе генераловъ ради сужденія, кому командовать, доказываетъ безразсудность собирателя и послѣ сего поступка уже къ нему довѣренность имѣть едва-ли возможно». Отстранивъ Каменскаго отъ командованія арміею, Императрица приказала прекратить всѣ дѣла о растратѣ казенныхъ денегъ въ штабѣ Потемкина; вообще Поповъ вышелъ изъ этого дѣла правымъ въ ущербъ Каменскому.—Послѣ этого случая Каменскій вышелъ въ отставку и до самой кончины императрицы Екатерины былъ не у дѣлъ.

24 ноября 1796 г. императоръ Павелъ назначилъ его начальникомъ Финляндской дивизіи съ переименованіемъ въ генералы-отъ-инфантеріи и шефомъ Рязанскаго мушкетерскаго полка. 4 марта 1797 г. онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 5 апрѣля, въ день коронованія Императора, Каменскій былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и возведенъ въ графское достоинство. Вскорѣ, однако, онъ впалъ въ немилость и уѣхалъ въ село Сабурово, гдѣ занимался хозяйствомъ, литературой и математикою.

Въ 1802 г. Каменскій былъ призванъ на мѣсто Кутузова къ исполненію обязанностей военнаго губернатора въ С.-Петербургѣ и былъ предсѣдателемъ коммисіи для допроса Шубина, офицера, замѣшаннаго въ дѣлѣ о заговорѣ противъ жизни Императора. На посту генералъ-губернатора Каменскій оказался настолько несоотвѣтственнымъ человѣкомъ, что наконецъ самъ Государь спросилъ однажды у графа Е. Ѳ. Камаровскаго (помощника Каменскаго): «Не хочетъ ли графъ Каменскій проситься прочь? Если-бъ сіе случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери». Въ концѣ 1802 г. онъ оскорбилъ дѣйствіемъ одного купца, который принесъ жалобу Императору. Государь повелѣлъ разслѣдовать это дѣло министру юстиціи Державину; но когда Державинъ прибылъ съ этою цѣлью къ фельдмаршалу, тотъ встрѣтилъ его весьма рѣзкими словами. Оскорбленный, въ свою очередь, Державинъ доложилъ обо всемъ Императору, который повелѣлъ Каменскому оставить свою должность.

Въ 1806 г. начались приготовленія къ новой войнѣ съ Франціей. Въ октябрѣ Россія выставила армію въ числѣ 122.000 чел., состоявшую изъ трехъ корпусовъ: Беннигсена (60.000 при 276 орудіяхъ), Буксгевдена (40.000 при 216 орудіяхъ) и Эссена 3-го (22.000 при 132 орудіяхъ); кромѣ того русскимъ войскамъ долженъ былъ содѣйствовать прусскій корпусъ Лестока (14.000 при 92 орудіяхъ). Особенно затруднительнымъ являлось рѣшеніе вопроса о выборѣ главнокомандующаго. М. И. Кутузовъ былъ въ опалѣ послѣ Аустерлица. Въ пользу назначенія Каменскаго высказывалось отчасти общественное мнѣніе, а главнымъ образомъ Аракчеевъ, считавшій фельдмаршала большимъ знатокомъ военнаго дѣла. Графъ Нессельроде писалъ, что «Императоръ не совсѣмъ охотно сдавался на заявленіе доходившихъ до него толковъ и сдѣлалъ это (назначилъ Каменскаго), чтобы русское имя было во главѣ арміи». Слава Каменскаго, какъ полководца, являлась результатомъ яко-бы патріотическихъ реляцій, преувеличившихъ значеніе его дѣятельности въ первую и вторую турецкія войны и принимаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ и даже арміею за чистую монету. 10 ноября на имя фельд-

маршала, назначеннаго главнокомандующимъ, съ званіемъ члена Государственнаго Совѣта, былъ данъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Ввѣряю вамъ славу Россійскаго оружія, безопасность Имперіи и спокойствіе Моихъ подданныхъ. Довѣренность моя неограниченная, а потому считаю за лишнее снабжать васъ здѣсь какимъ либо предписаніемъ. Распоряжайтесь и дѣйствуйте войсками во всѣхъ случаяхъ по вашему усмотрѣнію. Я увѣренъ, что всѣ ваши предначертанія обратятся къ пораженію непріятелей, къ славѣ отечества и общему благу». Только три обстоятельства Государь ставилъ на видъ главнокомандующему: «1) при успѣхѣ преслѣдовать непріятеля доколѣ можно, не подвергая себя опасности; 2) не склоняться на предложеніе о перемиріи и мирѣ; 3) имѣть нѣсколько пунктовъ, на которые можно бы было опереться въ случаѣ неудачи». Въ Петербургѣ Каменскій былъ принятъ, какъ «спаситель», а передъ отъѣздомъ въ армію, его пожелала видѣть Императрица; «Она съ жаромъ и чувствомъ говорила о защитѣ и спасеніи любезной Ей Россіи, и ему казалось, — говоритъ самъ М. Ѳ. Каменскій — что онъ слышитъ небесный голосъ». Во время пребыванія его въ Петербургѣ «колонны батюшекъ и бабушекъ, дядюшекъ и тетушекъ—лѣзли на приступъ номера гостинницы, гдѣ остановился фельдмаршалъ». Описавшій эту сцену извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ самъ ворвался къ нему въ 4 часа ночи съ просьбою о назначеніи въ армію. Объ этомъ поступкѣ Давыдова Каменскій говорилъ:.. «Это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая, тутъ душа, тутъ сердце... я это знаю, я чувствую». Даже Державинъ, забывъ свое личное неудовольствіе на Каменскаго, въ стихотвореніи «На отправленіе въ армію фельдмаршала графа Каменскаго» въ горячихъ словахъ привѣтствовалъ это назначеніе и выражалъ твердую увѣренностъ, что подъ предводительствомъ «природнаго вождя» русскія войска одержатъ побѣды и снова покроются славою.

Между тѣмъ, до пріѣзда Каменскаго въ армію, Беннигсенъ, въ виду наступательныхъ маршей—маневровъ французскихъ корпусовъ, подошелъ 24 ноября къ Пултуску, выдвинувъ авангарды на линію р. Вкры. Лестокъ отошелъ къ Страсбургу. Еще ранѣе (за два дня) корпусъ Буксгевдена сосредоточился у Остроленки. Наполеонъ готовилъ нападеніе. Каменскій выѣхалъ изъ Петербурга 10 ноября, ѣхалъ медленно, провелъ два дня въ Ригѣ, столько же въ Вильнѣ, еще болѣе въ Гроднѣ и прибылъ въ Пултускъ лишь 7 декабря. Уже на пути, изъ Вильны, онъ доносилъ Императору: «Я лишился почти послѣдняго зрѣнія. Не способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте мнѣ наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ». Такое чистосердечное сознаніе въ неспособности могло бы быть поставлено въ заслугу Каменскому лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ отказался отъ званія главнокомандующаго при самомъ своемъ назначеніи; просьба же его о разрѣшеніи «жить при арміи» указываетъ на совершенное непониманіе имъ назначенія, правъ и обязанностей главы арміи. Каменскій, прослуживъ почти полвѣка, теперь только уразумѣлъ всю трудность принятой на себя задачи и 10 декабря доносилъ Государю: «старъ я для арміи. Дерзаю поднести на разсмотрѣніе малѣйшую часть переписки, въ шести бумагахъ состоящую, которую долженъ былъ имѣть однимъ днемъ, чего долго выдержать не могу, для чего дерзаю испрашивать себѣ перемѣны».

7 декабря прибылъ въ Варшаву и Наполеонъ и немедленно приказалъ своимъ войскамъ начать наступленіе. 10 числа Каменскій отвергъ предположенное Беннигсеномъ сосредоточеніе силъ и принялъ новый планъ, приведшій къ весьма нецѣлесообразной разбросѣ войска. Онъ приказалъ Беннигсену двинуться къ р. Вкрѣ, а Буксгевдену — раздѣлить свой корпусъ пополамъ и направить: дивизіи Тучкова и Дохтурова правѣе Беннигсена, а дивизіи Анрепа и Эссена 3-го лѣвымъ берегомъ Нарева, къ Попову (на Бугѣ) для обезпеченія лѣваго фланга нашей арміи и охраненія пространства между Наревомъ и Бугомъ. Съ ними было приказано сблизиться корпусу Эссена 1-го, который однако 10 декабря долженъ былъ опять вернуться въ Брестъ; затѣмъ главнокомандующій послалъ ему же цѣлый рядъ противорѣчившихъ одно другому приказаній, вслѣдствіе чего Эссенъ 1-й бездѣйствовалъ подъ Брестомъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Всѣ эти передвиженія, начавшіяся 10 декабря, привели къ авангард-

нымъ боямъ 11 декабря у Колозомба, Сохочина и Чарнова. Только послѣ самой упорной десятичасовой обороны авангарды наши, атакованные цѣлыми французскими корпусами, стали отступать: Барклай-де-Толли отъ Сохочина и Колозомба, а Остерманъ-Толстой отъ Чарнова къ Насельску. Остерманъ, понимая важность переправы у Пултуска, просилъ неподчиненнаго ему Багговута спѣшить къ Пултуску и удерживать этотъ пунктъ во что бы то ни стало. Такимъ образомъ, только благодаря необыкновенной стойкости нашихъ войскъ и столь умѣстно проявленной иниціативѣ Остермана, наша армія въ день 11 декабря сохранила возможность перехода къ болѣе сосредоточенному положенію, не взирая на несогласныя съ требованіями обстоятельствъ распоряженія Каменскаго. Однако и 12 декабря главнокомандующій приказалъ Беннигсену и Остерману двигаться къ Стрегочину, Буксгевдену—остановить дивизію Дохтурова у Голымина и Тучкова — у Макова, а дивизіямъ Анрепа и Эссена 3-го—оставаться у Попова. Въ этотъ день Каменскій, если и думалъ о сосредоточеніи войскъ, далеко неполномъ, то лишь какъ о вынужденной необходимости. Узнавъ о приближеніи французовъ (корпуса Ланна) къ Пултуску, онъ приказалъ 12 ночью спѣшить туда же Беннигсену. Къ счастью Наполеонъ, получая донесенія о движеніяхъ русской арміи, предположилъ, что она исполняла какой-то маневръ, трудно поддающійся уразумѣнію. Допустивъ, что наши войска сосредоточиваются у Голымина, Наполеонъ началъ перемѣну фронта въ сѣверномъ направленіи, для чего 12 декабря двинулъ корпуса: Сульта на Цѣхановъ, Ожеро—на Новомясто, Даву, гвардію и резервную кавалерію—на Насельскъ и Стрегочинъ. 13-го Наполеонъ, въ видахъ лучшаго ріентированія, остановился съ гвардіей и частью резервной кавалеріи въ Насельскѣ, что имѣло слѣдствіемъ потерю времени. Между тѣмъ большая часть корпуса Беннигсена подошла къ Пултуску. Фельдмаршалъ, рѣшивъ принять здѣсь бой, приказалъ занять позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Буксгевдену: «Завтра надѣемся имѣть непріятеля въ гостяхъ. Хорошо если бы дивизіи ваши могли подоспѣть къ дѣлу; Дохтурову я приказалъ, чтобъ онъ показался тогда лишь, когда настоящее дѣло зачнется», — такимъ образомъ дивизіонному генералу было дано приказаніе безъ вѣдома корпуснаго командира, не говоря уже о томъ, что «настоящее дѣло»—едва-ли можетъ служить сигналомъ, для того, чтобы «показаться»; Эссену 3-му Каменскій предписывалъ отступить отъ Попова и занять лѣса пониже или прямо противъ Пултускихъ мостовъ, дабы непріятель, появившійся у Пултуска, не навелъ скрытно моста и не зашелъ намъ въ тылъ. Въ ожиданіи столкновенія съ французами, Каменскій послалъ начальникамъ дивизій повелѣнія на случай, если бы кто либо изъ нихъ былъ атакованъ: 1) «Всѣ дивизіи строятся побригадно; каждая бригада въ три линіи, такъ чтобы у каждаго пѣхотнаго полка первый батальонъ составлялъ первую линію, 2 вторую, а 3 третью линію. 2) Батальоны строятся колоннами изъ дивизіоновъ, а батальонъ позади другого не менѣе 70 саженъ, дабы не могли разстроить заднихъ. 3) Бригада отъ бригады строятся сажень на сто или полтораста. 4) За каждою бригадою прикомандируется по одному эскадрону отъ кавалеріи». Изъ этихъ повелѣній видно, что Каменскій хотѣлъ строго придерживаться отжившей тактики и предписывалъ прямо отъ себя начальникамъ дивизій то, что въ данномъ случаѣ хотя и было до нѣкоторой степени умѣстно, но не должно было являться предметомъ самой существенной и первѣйшей заботы главнокомандующаго. Въ то же время начальникамъ дивизій было послано слѣдующее повелѣніе: «При несчастливой удачѣ нашей, ретирада всего войска будетъ на Россійскія границы, уже не на Гродно, а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераломъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману; дровъ вездѣ и фуражъ и подводы брать, чтобъ ни въ чемъ остановки не было, а вошедъ въ границу послѣ таковаго несчастья явиться къ старшему». Къ счастью, оступленіе послѣ Пултусскаго сраженія не было произведено въ духѣ этого страннаго предписанія.— Въ 3 часа ночи (съ 13 на 14 декабря) главнокомандующій призвалъ къ себѣ Беннигсена и вручилъ ему слѣдующее письменное повелѣніе: «Я раненъ, верхомъ ѣздить не могу, слѣдственно и командовать арміею. Вы коръ-дарме вашъ привели разбитый въ Пултускъ; думать должно о ретирадѣ въ наши границы, что и выполнить сегодня.

Объ дивизіи графа Буксгевдена ретираду вашу прикроютъ. Вы имѣете состоять, съ полученія сего, въ командѣ графа Буксгевдена». Беннигсенъ, графъ Толстой (дежурный генералъ) и Остерманъ-Толстой убѣждали Каменскаго отложить принятое рѣшеніе, указывали ему на нарушеніе долга, на судъ потомства, но все было напрасно, главнокомандующій уѣхалъ передъ самымъ сраженіемъ въ госпиталь, въ Остроленку, откуда доносилъ Императору: «Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ получилъ садну отъ сѣдла, которая сверхъ прежнихъ перевязокъ моихъ, совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такой обширной арміею, а потому я командованіе оной сложилъ на старшаго по мнѣ генерала, графа Буксгевдена, совѣтовавъ ретироваться ближе во внутренность Пруссіи, потому что оставалось хлѣба только на одинъ день, а у иныхъ полковъ ничего; я и самъ пока вылечусь остаюсь въ госпиталѣ въ Остроленкѣ. Если армія простоитъ въ нынѣшнемъ бивакѣ еще пятнадцать дней, то весной ни одного здороваго не останется. Передъ Государемъ открываюсь, что по нынѣшнему короткому пребыванію при арміи, нашелъ себя несхожимъ на себя: нѣтъ той резолюціи, нѣтъ того терпѣнія къ трудамъ и ко времени, а болѣе всего нѣтъ прежнихъ глазъ, а безъ нихъ полагаться должно на чужіе рапорты, не всегда вѣрные. Графъ Буксгевденъ, смѣло надѣюсь, выполнитъ все, какъ и я. Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ. Дозволенія Вашего ожидать буду здѣсь, дабы не играть роль писарскую, а не командирскую при войскѣ». Императоръ Александръ I безусловно обвинилъ Каменскаго и, узнавъ объ отъѣздѣ его передъ сраженіемъ, призналъ его «бѣжавшимъ» изъ арміи. Ходили даже слухи о преданіи фельдмаршала суду. Многіе современники и историки полагали, что Каменскій одряхлѣлъ, потерялъ всякую способность что либо соображать и даже признали его страдающимъ «душевнымъ разстройствомъ». Но упрямство его, въ силу котораго онъ, не смотря на просьбы генераловъ, все-таки уѣхалъ изъ арміи, исходило изъ того, что Каменскій, найдя армію плохо снабженною, опасаясь обхода своего лѣваго фланга, считалъ отступленіе наиболѣе раціональнымъ способомъ дѣйствій при такой обстановкѣ. Онъ хотѣлъ отступать лишь до границы, при чемъ наши земли не попадали бы въ руки противника; въ то же время онъ принудилъ бы Наполеона растянуть свою операціонную линію, а самъ приблизилъ бы свою армію къ источнику снабженій и усилилъ бы ее подошедшими изъ Россіи дивизіями. Планъ этотъ могъ бы значительно улучшить положеніе нашей арміи; но къ сожалѣнію, при исполненіи его, Каменскій выказалъ крайнюю слабость. Рѣшившись отступать, когда по его же приказаніямъ, наши войска блуждали, не зная смысла этихъ блужданій, онъ сдался на доводы Беннигсена, горѣвшаго желаніемъ принять бой у Пултуска и сославшагося на полученное имъ повелѣніе Императора: «защищать до послѣдней возможности Кенигсбергъ» (резиденцію прусскаго короля). Раздраженный отказомъ Беннигсена отступать, не обладая достаточной смѣлостью и энергіей, дабы выполнить принятое рѣшеніе, Каменскій не могъ и не хотѣлъ заставить себѣ повиноваться и уѣхалъ немедленно изъ арміи, чего такъ желалъ Беннигсенъ. Безпорядочныя распоряженія Каменскаго, введя противника въ заблужденіе, избавили русскія войска отъ атаки всей французской арміи. Изъ этого и извлекъ для себя пользу Беннигсенъ, имѣвшій дѣло лишь съ однимъ корпусомъ Ланна. Вслѣдствіе указанныхъ распоряженій отъѣхавшаго главнокомандующаго одновременно съ Пултускимъ сраженіемъ произошелъ бой у Голымина, въ которомъ 4 французскіе корпуса съ кавалеріею Мюрата произвели ударъ на остатки разныхъ дивизій, блуждавшихъ въ разныхъ направленіяхъ; Буксгевденъ же во время этихъ боевъ бездѣйствовалъ съ дивизіею Тучкова въ 15 верстахъ отъ обоихъ полей сраженія. Высокія качества нашихъ войскъ дали имъ возможность выпутаться изъ этого ужасающаго положенія и вынести на своихъ плечахъ и атаки Наполеона, и странныя распоряженія своихъ начальниковъ. — Удалившись отъ арміи, фельдмаршалъ не переставалъ отдавать безпорядочныя приказанія войскамъ, помимо ихъ начальниковъ. Все это, вмѣстѣ съ нежеланіемъ Беннигсена подчиняться Буксгевдену, послужило къ усугубленію созданнаго Каменскимъ хаоса при отступленіи нашихъ войскъ къ Остроленкѣ и Новограду. Въ концѣ декабря фельдмар-

шалъ еще думалъ возвратиться къ арміи, но наканунѣ отъѣзда получилъ повелѣніе объ увольненіи его отъ должности главнокомандующаго. Кромѣ того ему было приказано оставаться въ Гроднѣ, откуда онъ писалъ Императору: «Мнѣ жить вездѣ равно, если лишенъ Вашей эстимы. Ей я дорожу, она мнѣ возвратится, въ томъ надѣюсь на Васъ самихъ, на Бога». Въ это время Каменскій отлично понималъ свое положеніе и 29 декабря писалъ младшему сыну: «Батюшка твой вмѣсто командира обратился во дворецкіе». 21 февраля 1807 г. онъ получилъ разрѣшеніе ѣхать въ свою деревню. Объясняя сыну свое поведеніе за время командованія арміею, онъ просилъ доложить Государю: «отецъ твой, не могши хорошо дѣлать дѣло государево, лучше захотѣлъ его оставить, нежели какъ испортить, спрашиваясь у другихъ; голова и сердце у отца твоего прежнія, но тѣло состарилось къ бивуакамъ, да къ ѣздѣ». Во время переѣзда домой онъ встрѣтилъ въ Смоленскѣ С. Н. Глинку и говорилъ ему: «я имѣлъ кое какую славу пятьдесятъ лѣтъ, и хотятъ отнять ее у меня въ одну минуту; надѣюсь на правоту Государя. Я встрѣтилъ армію необъятную, невиданную въ наше время. Король прусскій обѣщалъ доставить продовольствіе, но не могъ. Мы теперь огрызаемся, откусываемся; но не побѣждаемъ. Все зависитъ отъ превосходнаго числа войскъ. У кого десятью человѣками болѣе, на сторонѣ того побѣда. Черезъ три мѣсяца я буду оправданъ». Надежды Каменскаго на оправданіе не сбылись. Самъ онъ былъ главнымъ виновникомъ своего «позора», но онъ же и проявилъ своеобразное геройство, идя на встрѣчу этому «позору», лишь только для него выяснилась его неспособность къ выполненію задачи, данной ему Государемъ.— Поселившись затѣмъ въ своемъ селѣ Сабуровѣ, Каменскій прожилъ не долго. Его любовница и симпатизировавшій ей чиновникъ подкупили ея пятнадцатилѣтняго брата, служившаго у фельдмаршала казачкомъ. Этотъ мальчикъ, во время поѣздки Каменскаго по своимъ рощамъ, ударомъ топора раздробилъ ему черепъ 12 августа 1809 г. Фельдмаршалъ похороненъ въ церкви села Сабурова.

М. Ѳ. Каменскій былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Павловнѣ Щербатовой. Онъ имѣлъ одну дочь и двухъ сыновей Сергѣя и Николая. Отецъ не любилъ старшаго сына; во время спора съ Каховскимъ о командованіи арміею онъ послалъ за сыномъ Сергѣемъ, чтобы отправить его съ донесеніемъ къ Императрицѣ. За опозданіе на сутки М. Ѳ. Каменскій далъ сыну офицеру двадцать ударовъ арапникомъ. Къ младшему сыну Николаю онъ относился лучше, заботился о немъ, интересовался его карьерою и любилъ съ нимъ переписываться. Въ этихъ письмахъ встрѣчаемъ мы различныя замѣчанія, равно характеристичныя для выясненія себѣ личности гр. М. Ѳ. Каменскаго, но рисующія его съ совершенно различныхъ сторонъ; такъ 18 іюля 1808 г. онъ писалъ сыну: «не будь красной дѣвкой: первый разъ что случится быть наединѣ съ Государемъ, чуфись и проси, какъ Багратіону дано и многимъ другимъ, аренды. Вѣдь отецъ твой не міліонщикъ; тогда можешь сказать обо мнѣ, что ничего не пріобрѣлъ собой, что ничего мнѣ не жаловано. Не стыдись! не краснѣй, спросъ не бѣда»; за то, напримѣръ, въ письмѣ во время Шведской войны (1808) онъ писалъ «Будучи въ Финляндіи, не слѣдуй примѣру прежнихъ полководцевъ, не отнимай у мужиковъ ничего и того не терпи отъ подчиненныхъ».

М. Ѳ. Каменскій владѣлъ домомъ въ Москвѣ и богатыми имѣніями. Въ Москвѣ онъ и жилъ по временамъ, давая волю своимъ прихотямъ. Около фельдмаршала, по словамъ современниковъ, образовалось нѣчто въ родѣ двора; «масса всякой дворни наполняла домъ, гдѣ онъ властвовалъ сурово и деспотически; здѣсь смѣшивалась азіатская роскошь съ утонченностями европейской жизни, представленія французскихъ пьесъ съ пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ».

М. Ѳ. Каменскій былъ небольшого роста, крѣпкаго сложенія, пріятной наружности; онъ выдѣлялся между современниками своимъ образованіемъ; до самого конца своей жизни онъ не оставлялъ занятій науками и искусствами: онъ изучалъ выходившія въ свѣтѣ сочиненія по математикѣ; занимался поэзіей или, какъ онъ самъ писалъ: «готовился быть Гомиромъ», «надѣялся скакать по слѣдамъ Ломоносова»; но онъ очень много портилъ и самъ всю жизнь страдалъ отъ своего невыработаннаго и совершенно необузданнаго характера. Его горячность, вспыльчивость и нерѣдко злоба доходили до крайнихъ предѣловъ; въ свою очередь рѣзкость и жесто-

кость внезапно смѣнялись сердечною бесѣдою, ласковостью; нерѣдко онъ лукавилъ, охотно льстилъ; при такомъ характерѣ всегда и всюду онъ со всѣми ссорился и не одну тяжелую минуту доставляли ему его ссоры съ сильными людьми. Всѣ государи, въ царствованіе которыхъ служилъ Каменскій, ранѣе или позднѣе переставали ему довѣрять и отказывались отъ его услугъ. Исполняя тѣ или другія порученія во время военныхъ дѣйствій, онъ проявлялъ истинную храбрость, большую энергію, разумную рѣшительность, но по мѣрѣ повышенія его по службѣ становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что онъ былъ лишенъ выдающихся воинскихъ дарованій. Онъ могъ пожалуй быть хорошимъ исполнителемъ, но отнюдь не самостоятельнымъ начальникомъ. Самъ Каменскій понялъ это слишкомъ поздно, но былъ понятъ задолго до того императрицею Екатериною, слова которой «къ нему довѣренность имѣть едва-ли возможно»—къ несчастью для него до извѣстной степени оправдались шестнадцать лѣтъ спустя.

Бантышъ-Каменскій, «Біографіи росс. генералиссимусовъ и ген.-фельдмарш.»; его-же, «Словарь достопам. люд.», 1840 г., т. II: Бутурлинъ, «Картина войнъ Россіи съ Турціей»; Петровъ, «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. I—V; его-же, «Вторая турецкая война 1787—1791 гг.», т. I и II; «Обзоръ войнъ Россіи», подъ ред. Леера, ч. I; Масловскій, «Записки по исторіи военн. искус.», вып. II; его-же, «Письма и бумаги Суворова, Потемкина и Румянцева»; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе второй войны Императора Александра I съ Наполеономъ 1806—1807 гг.»; «Журналъ военныхъ дѣйствій армій Е. И. В. 1769 года»; «Журналъ второй арміи 1770 г.»; «Журналъ военныхъ дѣйствій 1806—1807 гг.»; реляціи о Турецкой войнѣ, напечат. въ Прибавленіи къ «Спб. Вѣдом.», 1769 г. Военно-ученый архивъ Гл. Шт. отд. 2-й, № 408; того-же Штаба Общаго архива Москов. отдѣлъ опись дѣлъ (секретнаго повытья) 47-я, № 1.235; опись 193, №№ 61, 68; опись 194, № 411; опись 199 и 200, №№ 136 и 424; «Петербургскія Вѣдомости 1802 г.»; «Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общ.», т.т. XII, XIII, XVI, XIX, XXIII, XLII, XLIV, LIV, LXV, LXX, LXXVIII, LXXXIX; «Русскій Архивъ», 1864 г.; 1868 г.; 1873 1878 гг; «Русская Старина», 1874 г., № 9-й; 1875 г., № 2, 9; 1876 г.; № 1, 2, 5, 6, 11; 1880, т. XXIX. 1881 г. № 11, 12. 1882 г., т. 33; «Русскій Вѣстникъ», 1864 г. т. LI; 1865 г., т. LVIII и LIX; «Отечественныя Записки», 1855 г. т. XCIX; Сегюръ, графъ, «Записки»; Долгорукій, кн., «Родословная книга»; II; Дунинъ-Борковскій, «Spis nazwisk szlachty polskiej»; Карновичъ, «Замѣч. богат. част. лицъ»; Храповицкій, «Дневникъ»; Энгельгардтъ, Л. Н. «Записки»; Порошинъ, «Записки»; Державинъ, «Сочиненія», т. II, VIII; Давыдовъ, Д. В., «Сочиненія», т. II; Вигель, Ф. «Воспоминанія»; Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», т. II.

П. Гейсманъ.—А. Дубовской.

Каменскій 2-й, *графъ Николай Михайловичъ*, генералъ отъ инфантеріи, младшій сынъ генералъ-фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго и графини Анны Павловны, рожденной княжны Щербатовой, род. 27 декабря 1776 года, ум. 4 мая 1811 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Кадетскомъ корпусѣ, впослѣдствіе же усовершенствовалъ свое образованіе отчасти подъ руководствомъ отца. Онъ отлично зналъ французскій и нѣмецкій языки и математику и охотно и много читалъ.

Н. М. Каменскій былъ принятъ въ службу по именному указу императрицы Екатерины II 2 іюня 1779 г., корнетомъ въ Новотроицкій кирасирскій полкъ. 15 апрѣля 1785 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Гантвигу, 4 іюля 1787 г. переведенъ адъютантомъ же къ своему отцу, 23 апрѣля 1789 года назначенъ генеральсъ-адъютантомъ въ его штатѣ, а по прошествіи шестилѣтняго срока пребыванія въ этой должности, 23 апрѣля 1795 года, переведенъ въ Симбирскій гренадерскій полкъ подполковникомъ; 28 апрѣля 1796 г. онъ былъ переведенъ въ 10-й егерскій баталіонъ, 15 февраля 1797 г. въ Рязанскій мушкатерскій полкъ; 12 апрѣля 1797 г. произведенъ въ полковники того же полка, а 28 іюня 1799 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ мушкатерскаго имени своего, а нынѣ Архангелогородскаго, полка. Тяготясь бездѣйствіемъ молодой Каменскій добился отъ своего отца разрѣшенія поступить въ дѣйствующую армію подъ начальство Суворова. Зная, что отношенія между его отцомъ и Суворовымъ были не очень хороши, онъ ожидалъ сухаго пріема. Прибывъ въ Италію 20 августа 1799 г., онъ явился Суворову до его перехода черезъ Альпы. «Какъ, воскликнулъ фельдмаршалъ, бросившись обнимать его, сынъ друга моего будетъ со мною пожинать лавры, какъ я нѣкогда съ отцемъ его!» Прочитавъ затѣмъ письмо бывшаго сослуживца, Суворовъ не могъ удержаться отъ слезъ и прибавилъ: «Когда ты къ батюшкѣ будешь писать, то принеси ко мнѣ письмо, я припишу».

Съ 4 сентября графъ Н. М. Каменскій находился въ Швейцаріи съ своимъ пол-

комъ, въ составѣ корпуса генерала Дерфельдена. Корпусъ этотъ долженъ былъ двинуться отъ Беллинцоны и атаковать С.-Готардъ съ фронта, тогда какъ корпусъ генерала Розенберга долженъ былъ выйти въ тылъ непріятельской позиціи на С.-Готардѣ. Маршъ-маневръ былъ начатъ 10 сентября. 12-го полкъ графа Каменскаго перешелъ въ Даціо, а 13-го участвовалъ въ сраженіи на С.-Готардѣ, послужившемъ русскимъ войскамъ, въ томъ числѣ и молодому Каменскому, первымъ урокомъ въ горной войнѣ. Самъ онъ въ этомъ сраженіи обнаружилъ большую храбрость и постоянно находился тамъ, гдѣ была наибольшая опасность.

14 сентября Каменскій участвовалъ въ наступательномъ движеніи войскъ Суворова съ боемъ черезъ р. Рейссу къ Вазену. Во время боя главныхъ силъ на Чертовомъ мосту отряженный со своимъ полкомъ отъ корпуса Дерфельдена, онъ перешелъ на лѣвый берегъ Рейссы близъ Урзерна и двигался впередъ, поднимаясь на высокій хребетъ Бетцбергъ. Пуля пробила его шляпу, но самъ онъ остался невредимъ; и въ этомъ бою поведеніе его произвело благопріятное впечатлѣніе на солдатъ его полка, увидѣвшихъ, что ихъ юный шефъ вполнѣ достоинъ своего высокаго назначенія и съ честью командуетъ ими, Суворовскими «чудо - богатырями». Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что движеніе полка графа Каменскаго совпало съ рѣшительнымъ переломомъ боя въ пользу русскихъ; самъ же онъ стремительно атаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и преслѣдовалъ до Вазена.

Затѣмъ Каменскій съ своимъ полкомъ принималъ участіе: 15 сентября въ дальнѣйшемъ движеніи съ боемъ при преслѣдованіи и прогнаніи непріятеля до мѣстечка Альторфа, а 16 и 17 — въ чрезвычайно затруднительномъ маршъ-маневрѣ, въ составѣ колонны главныхъ силъ Суворова, по тропинкѣ, доступной только для самыхъ смѣлыхъ охотниковъ, изъ Шаценской долины черезъ высокій, снѣговой хребетъ Росштокъ въ долину Муттенскую. При послѣднемъ движеніи полку графа Каменскаго пришлось пройти не болѣе 18—19 верстъ въ два дня, но эти два дня стоили цѣлаго похода: все пространство отъ Альторфа до Муттена представляло непрерывную нить людей и вьюковъ, по одиночкѣ пробиравшихся по этимъ страшнымъ крутизнамъ, при чемъ многіе и погибли.

Между тѣмъ были получены страшныя вѣсти: Римскій - Корсаковъ, Готце и Елачичъ были разбиты и отступили; Массена собиралъ свою армію къ Швицу, чтобы запереть русскимъ выходъ изъ Муттенской долины; тѣмъ не менѣе на военномъ совѣтѣ, собранномъ Суворовымъ, рѣшено было идти впередъ и сражаться; на совѣтѣ этомъ участвовалъ и Каменскій.

19 сентября Каменскій участвовалъ въ боевомъ расположеніи войскъ близъ Клентальскаго озера, а 20—въ бою у Нетцталя: авангардъ Багратіона опрокинулъ французовъ, они отступили къ Нефельсу, заняли впереди его весьма выгодную позицію и здѣсь долго отражали атаки Багратіона; но наконецъ русскіе ворвались въ Нефельсъ; вскорѣ былъ устроенъ мостъ на козлахъ и Каменскій съ баталіономъ своего полка перешелъ на правый берегъ р. Линты, отбросивъ непріятеля до самаго Молиса и занялъ эту деревню. При этомъ 2 пушки, 1 знамя и 106 плѣнныхъ остались въ рукахъ русскихъ. Къ вечеру французы, получивъ подкрѣпленія, перешли въ наступленіе, вытѣснили изъ Молиса баталіонъ графа Каменскаго, но въ Нефельсѣ русскіе удержались до тѣхъ поръ, пока не былъ оконченъ маршъ главныхъ силъ Суворова къ Нетцталю.

Съ 24 сентября по 1 октября Н. М. Каменскій участвовалъ въ чрезвычайно трудномъ отступательномъ маршѣ отъ Гларіса вверхъ по Зерпертской долинѣ черезъ Энги, Эльмъ и снѣговую гору Рингенъ-Копфъ къ Иланцу, затѣмъ къ Куру и въ отступленіи черезъ Майнфельдъ къ Фельдкирху, гдѣ окончился собственно Швейцарскій походъ войскъ Суворова; затѣмъ русскіе дошли до Линдау и расположились по квартирамъ между Линдау и Гогенэмбсомъ; съ 19 октября русскіе двинулись въ Баварію, 27 ноября 1796 г. выступили изъ Баваріи и 5 марта 1800 г. вступили въ предѣлы Россіи.

За отличіе въ Швейцарскомъ походѣ Каменскій получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени; Суворовъ сказалъ его отцу фельдмаршалу: «юный сынъ вашъ старый генералъ». Походъ этотъ былъ для молодаго Каменскаго наилучшею боевою школою въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Послѣ того, какъ ему привелось быть участникомъ этого безпримѣрнаго похода, онъ могъ быть увѣренъ, что все, что бы ни встрѣтилось ему въ предстоящихъ войнахъ, будетъ во вся-

комъ случаѣ легче того, что онъ видѣлъ, испыталъ и отчасти исполнилъ въ Швейцарскомъ походѣ Суворова. Этимъ, по всему вѣроятію, и объясняется та выдающаяся смѣлость и рѣшительность, которая проявилась въ дѣйствіяхъ Н. М. Каменскаго въ послѣдовавшія затѣмъ кампаніи.

По возвращеніи въ Россію, продолжая командовать своимъ мушкетерскимъ полкомъ, Каменскій началъ жить слишкомъ роскошно и разстроилъ свои дѣла: отецъ выдавалъ ему лишь весьма ограниченное содержаніе. Императору Павлу I было донесено, что онъ растратилъ казенныя деньги; командированъ былъ для повѣрки инспекторъ. Но преданные своему полковнику офицеры успѣли покрыть растрату, солдаты не заявили никакихъ претензій и не принесли жалобъ на своего шефа. Въ это время вступилъ на престолъ Императоръ Александръ I.

Графъ Н. М. Каменскій не смѣлъ просить денегъ у отца, котораго онъ очень боялся; но обратился прямо къ самому Государю, признался Ему въ израсходованныхъ деньгахъ и получилъ прощеніе. Только послѣ этого онъ отправился въ Высочайше разрѣшенный ему «домовой отпускъ» съ 9 декабря 1801 по 15 марта 1802 года, а затѣмъ возвратился къ полку, переименованному незадолго до того (въ 1801 году) въ Архангелогородскій мушкетерскій полкъ.

Въ 1802 году Императоръ выразилъ графу М. Ѳ. Каменскому, что онъ доволенъ полкомъ его младшаго сына; въ то же время фельдмаршалъ получилъ о немъ же отличный отзывъ и отъ генерала А. М. Римскаго-Корсакова; но ни то, ни другое не могло измѣнить мнѣнія о сынѣ строгаго отца, который былъ «увѣренъ, что онъ въ солдатахъ быть не годится».

Въ 1805 г. Каменскій съ полкомъ находился въ составѣ корпуса графа Буксгевдена въ арміи генерала-отъ-кавалеріи Михельсона, на западной границѣ Россіи, а затѣмъ участвовалъ въ маршахъ, произведенныхъ корпусомъ Буксгевдена съ цѣлью передвиженія на театръ военныхъ дѣйствій и соединенія съ арміею Кутузова: съ 3 по 29 октября въ Новой Галиціи, съ 29 октября по 4 ноября въ Прусской Силезіи и съ 4 по 16 ноября въ Моравіи. 12 ноября Каменскій съ полкомъ былъ на смотру всей арміи, произведенномъ императорами Александромъ и Францомъ у Ольмюца, а 16-го, послѣ дѣла князя Багратіона у Вишау, участвовалъ, съ двумя мушкетерскими баталіонами, въ преслѣдованіи непріятеля, въ выбитіи его изъ м. Раузницъ и въ занятіи послѣдняго. 20 ноября, во время сраженія при Аустерлицѣ, полкъ графа Каменскаго находился въ составѣ авангарда Багратіона. Войска Багратіона были атакованы Ланномъ, обратившимъ большую часть своихъ силъ на ихъ лѣвый флангъ. Багратіонъ двинулъ туда изъ 2-й линіи Каменскаго съ Архангелогородскимъ полкомъ. Сопротивленіе Каменскаго было хотя и не особенно продолжительно, но упорно. Нѣсколько разъ онъ былъ окружаемъ кавалеріею, атаковавшей его со всѣхъ сторонъ, а въ промежутки между атаками французы громили Архангелогородцевъ артиллеріею; въ теченіе одного только часа полкъ потерялъ болѣе 1,600 человѣкъ и, растроившись, началъ отступать. Въ это время Каменскій упалъ съ лошади, пораженной пушечнымъ ядромъ и чуть было не погибъ, но успѣлъ спастись, потому что баталіонный адъютантъ его полка, подпоручикъ Закревскій уступилъ ему свою лошадь. Каменскій спасся отъ смерти или плѣна и вывелъ изъ боя остатки своего полка. Эти дѣйствія Каменскаго замедлили до нѣкоторой степени напоръ непріятеля; Багратіонъ же, воспользовавшись этимъ, отступалъ шагъ за шагомъ; близъ Раузница французы прекратили преслѣдованіе. За отличіе въ этомъ сраженіи Каменскій получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Н. М. Каменскій принималъ участіе и во второй войнѣ Россіи съ Наполеономъ, вступивъ на прусскую территорію 20 ноября 1806 г. 22 января 1807 г. онъ выдержалъ упорный бой съ французами у Бергфрида, защищая переправу черезъ р. Алле; Каменскій отразилъ энергичныя аттаки Сульта и удержалъ переправу за русскими, обнаруживъ и замѣчательную распорядительность и необыкновенную стойкость.

Участвуя затѣмъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау 26 и 27 января, Каменскій командовалъ 14-ю дивизіею, состоявшею изъ пяти полковъ. Во второй день сраженія дивизія его была расположена въ резервѣ за нашимъ лѣвымъ флангомъ; она принимала очень дѣятельное участіе въ упорнѣйшемъ боѣ за селеніе Саусгартенъ; селеніе это два раза переходило изъ рукъ въ руки и окончательно осталось за французами; но съ появленіемъ 36 конныхъ

орудій, приведенныхъ графомъ Кутайсовымъ для поддержки нашего лѣваго фланга, и съ прибытіемъ прусскихъ войскъ Лестока, русскіе снова отбросили французовъ; нашъ лѣвый флангъ остановился и устроился, а пѣхота Каменскаго съ конницею Чаплица двинулась на помощь къ Лестоку, французы были выбиты изъ рощи и отброшены къ Клейнъ-Саусгартену.

Въ этомъ сраженіи обѣ арміи разбились одна объ другую, но наши войска и въ частности дивизія Каменскаго выказали необыкновенную стойкость въ оборонѣ и соотвѣтственную стремительность въ атакѣ, а самъ Каменскій обнаружилъ отличныя способности къ начальствованію войсками въ бою при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. За отличіе въ этомъ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. 22 февраля Каменскій участвовалъ въ бою при Лаунау.—Съ наступленіемъ весны Наполеонъ предпринялъ овладѣть Данцигомъ, въ которомъ былъ гарнизонъ въ 17,000 чел. и направилъ противъ крѣпости сначала 17,000 Лефевра, а къ концу осады увеличилъ отрядъ корпусомъ Ланна до 42,000 чел. Для выручки Данцига рѣшено было направить корпусъ графа Каменскаго, въ составѣ 4,475 русскихъ и 3,500 пруссаковъ. 15 апрѣля въ Бартенштейнѣ Каменскій получилъ предписаніе главнокомандующаго: «отправиться чрезъ Кенигсбергъ въ Пиллау, оттуда на судахъ черезъ проливъ на Нерунгъ, слѣдовать по оному къ Данцигу, истребить непріятельскіе по Вислѣ мосты и возстановя такимъ образомъ нашу коммуникацію съ городомъ, подать возможность снабдить оный припасами, снарядами, порохомъ и всѣмъ нужнымъ»; на время соединенія съ гарнизономъ онъ поступалъ подъ начальство генерала Калькрейта; а исполнивъ все предписанное, долженъ былъ возвратиться къ арміи. Продовольствованіе корпуса и изготовленіе судовъ поручены Кенигсбергскому военному губернатору генералу Рюхелю. Армія должна была содѣйствовать демонстраціями, а отрядъ Лестока форсировать р. Пассаргу и наступать къ Эльбингу.

Каменскій прибылъ 17 апрѣля въ Кенигсбергъ и 18 торжественно, въ присутствіи королевской прусской фамиліи, выступилъ съ корпусомъ далѣе; въ Пулау получивъ свѣдѣніе о противникѣ и о расположеніи его на Нерунгѣ, Каменскій сдѣлалъ диспозицію для атаки перваго непріятельскаго поста (въ укрѣпленіяхъ при Кольбергѣ, не болѣе 2,000 человѣкъ), при чемъ предполагалъ произвести атаку 25 апрѣля до разсвѣта; но 23 числа онъ получилъ повелѣніе главнокомандующаго: атаку на Нерунгъ отмѣнить, ограничившись демонстраціями, для чего назначить полковника Бюлова съ тремя прусскими баталіонами и 100 партизанами; на ихъ мѣсто взять Могилевскій мушкетерскій полкъ (вмѣсто 2,000 только 800 чел.), сѣсть на суда, отправиться моремъ къ Данцигу, сдѣлать высадку у Нейфарвассера и оттуда уже открыть сообщеніе съ городомъ.

По мнѣнію Каменскаго, для исполненія данной ему задачи, нужно было дѣйствовать быстро и не только не ослаблять, но напротивъ того усилить его отрядъ. Онъ представилъ главнокомандующему свои соображенія и просилъ разрѣшенія «выполнить прежній планъ», но началъ въ то же время приготовленія къ исполненію новаго плана; изъ главной квартиры приказано было исполнить послѣдній планъ. Каменскому удалось добиться содѣйствія трехъ англійскихъ фрегатовъ, находившихся у Данцига, и одного шведскаго 74-пушечнаго линейнаго корабля, но въ то же время онъ получилъ свѣдѣнія о прибытіи къ французамъ сильныхъ подкрѣпленій и осадной артиллеріи. 28 къ вечеру войска Каменскаго (6,621 чел., въ томъ числѣ 430 кавалеристовъ, съ 14 легкими пушками) были посажены на суда и выведены на рейдъ. На первыхъ же порахъ нѣкоторыя купеческія суда не поняли перваго сигнала командовавшаго эскадрою англійскаго капитана Сандерса и пошли раньше назначеннаго времени. Отмѣтивъ это, Каменскій писалъ въ своемъ журналѣ: «такимъ образомъ съ малыми силами, въ затруднительномъ положеніи, я долженъ былъ предпринять сію экспедицію, хотя почти сомнѣвался о успѣхѣ оной, и посему почелъ обязанностью о таковомъ моемъ мнѣніи донести главнокомандующему съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ». 30 апрѣля Каменскій высадился съ большею частью своего отряда. Утромъ 1 мая Калькрейтъ просилъ его: «коль скоро всѣ войска соберутся, взять непріятеля и всѣ его работы черезъ Лангфуръ въ тылъ или есть-ли разчесть можно, что войска идущія черезъ Нерунгъ уже близко, то атаковать и стѣснить его съ той стороны», обѣщая поддержать это нападеніе. Каменскій произвелъ рекогносци-

ровку и замѣтилъ, что непріятель завладѣлъ уже вершиною гласиса у Гагельсберха и въ немъ окопался, и дѣятельно работалъ около батарей и шанцовъ на Гольмѣ; у него уже были сдѣланы три моста черезъ Лаку; около Легена имѣлъ онъ большіе паромы для переправы черезъ Вислу; на плотинѣ Нейдамъ вдоль по берегу устроенъ проѣздъ съ брустверомъ. Предполагая вести атаку черезъ Лангфуръ, Каменскій отдалъ для этого тщательно обдуманную диспозицію, но отложилъ атаку въ виду неприбытія двухъ судовъ съ войсками. Между тѣмъ было получено свѣдѣніе о прибытіи къ французамъ еще 8,000 чел. Ланна. Только въ полдень 2 мая прибылъ шведскій корабль съ послѣдними войсками, отставшій вслѣдствіе поздняго отплытія и медленнаго хода.

Между тѣмъ изъ вновь полученной депеши Калькрейта было ясно, что при предполагаемомъ нападеніи на Лангфуръ отъ гарнизона никакого пособія не будетъ; самъ же Калькрейтъ совѣтовалъ: «скоро атаковать Гольмъ, Голандеръ и Леганъ; Шельмюль и Калькшанцъ держать въ респектѣ, а тамъ укрѣпиться гдѣ можно будетъ, чтобъ послѣ и Шельмюль взять... Отъ меня тысяча человѣкъ помогутъ взять Калькшанцъ. Послѣ чего весь корпусъ долженъ идти черезъ Нерунгъ, гдѣ мало непріятеля...» Каменскій, желая сообразоваться во всемъ съ требованіями Калькрейта, рѣшилъ атаковать непріятеля со стороны Нерунга и Гольма, Леганъ же и Шельмюль атаковать въ то же время «почелъ невозможнымъ, по слабости корпуса, ибо чрезъ то раздѣлился бы онъ на двѣ части, между которыми была Висла безъ всякой возможности имѣть коммуникацію». Принявъ во вниманіе невозможность присоединенія части Нейфарвассерскаго гарнизона и слабость Вейксельмюндскаго, Каменскій отдалъ новую диспозицію для атаки непріятеля четырьмя колоннами; англичане обѣщали ввести въ Вислу по крайней мѣрѣ одинъ изъ своихъ фрегатовъ и прервать коммуникацію между Гольмомъ и другимъ берегомъ Вислы.

Французы занимали на правомъ берегу Вислы сильно укрѣпленную позицію, тянувшуюся отъ устья канала Лааке черезъ опушку лѣса, значительно усиленную засѣками, вплоть до моря. Въ $3^1/_2$ часа утра 3 мая двинулись первыя колонны. Послѣ упорнаго боя одна колонна дважды овладѣвала одною французскою батареею, но послѣ упорнаго боя съ непріятелемъ, постоянно получавшимъ подкрѣпленія, принуждена была отступить; отступленіе произведено было въ полномъ порядкѣ. Каменскій приказалъ отправлять раненыхъ возможно скорѣе въ Кенигсбергъ, подкрѣпилъ Вейксельмюндскій гарнизонъ однимъ баталіономъ, а остальныя войска (5,069 чел.) переправилъ обратно въ Нейфарвассеръ.

4 мая, получивъ свѣдѣнія, что Бюловъ дошелъ до Штегена и Пассварка, Каменскій предписалъ Бюлову медленно отступать и не отдаляться отъ него безъ крайней къ тому необходимости. Донося главнокомандующему о происшедшемъ, онъ «объяснялъ, что онъ уже не въ состояніи открыть съ Данцигомъ коммуникацію, что единственно движенія и дѣйствія главной арміи могутъ спасти крѣпость отъ паденія, которое вскорѣ предвидѣть можно»; самъ же онъ предполагалъ оставаться въ Нейфарвассерѣ, «доколѣ французы не займутъ Данцига». Въ этотъ же день вечеромъ Каменскій получилъ свѣдѣнія о движеніи впередъ главной арміи; 5 мая онъ произвелъ усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Заспе, съ цѣлью выяснить, какими силами могъ располагать противъ него непріятель, и опредѣлилъ, что «весь сей корпусъ долженъ былъ простираться до десяти тысячъ человѣкъ безъ малѣйшаго ослабленія Нерунга или главнаго осаднаго корпуса». Между тѣмъ англичане согласились доставить въ крѣпость необходимый для гарнизона порохъ на своемъ 22-пушечномъ прамѣ, а Калькрейтъ настойчиво совѣтовалъ Каменскому овладѣть Гольмомъ и послѣ того уже выручить гарнизонъ. Въ то же время были получены свѣдѣнія, что Бюловъ отброшенъ къ Пиллау и что армія отъ Лаунау «распущена по прежнимъ квартирамъ». Тогда Каменскій, произведя вновь рекогносцировку, собралъ военный совѣтъ, всѣ члены коего «единогласно утвердили, что совершенно невозможно исполнить по требованію генерала Калькрейта, что таковое предпріятіе повлечетъ за собой безъ всякой пользы совершенную потерю всего корпуса». Мнѣніе совѣта было представлено главнокомандующему при донесеніи Каменскаго; была сдѣлана попытка доставить въ крѣпость провіантъ и порохъ, но и она окончилась неудачею; 7 мая, въ 4 часа пополудни, англійскій прамъ, на которомъ находилось 50 прус-

скихъ егерей, 300 центнеровъ пороха и 500 шеффелей овса, быстро пошелъ вверхъ по Вислѣ; но непріятельскій огонь повредилъ снасти и паруса, судно сѣло на мель и подверглось сильнѣйшему огню, такъ что капитанъ его наконецъ сдался.

8 мая Калькрейтъ сообщилъ, что непріятель на Гагельсбергѣ уже «работаетъ спускъ въ ровъ» и просилъ, въ случаѣ штурма, отвлечь часть его силъ демонстраціей «на Заспе, Лангфуръ и Алего». Каменскій тотчасъ же отдалъ диспозицію для производства нападенія, причемъ приказалъ войскамъ ожидать особаго приказанія въ мѣстахъ своего расположенія и ожидалъ сигнала отъ Калькрейта.

10 мая Калькрейтъ требовалъ доставки пороха не позже 15-го, а въ противномъ случаѣ рѣшилъ сдаться, а въ то же время не было слышно выстрѣловъ изъ крѣпости. Тѣмъ не менѣе Каменскій рѣшилъ оставаться въ Нейфарвассерѣ по крайней мѣрѣ до полученія извѣстія о заключеніи капитуляціи, дабы своимъ присутствіемъ вынудить непріятеля «къ большему снисхожденію въ требованіяхъ». Въ 8 часовъ вечера того-же дня Калькрейтъ сообщилъ, что подписана капитуляція, сдача Оливскихъ воротъ произойдетъ 16-го и выступленіе гарнизона изъ крѣпости 17-го. Тогда Каменскій поспѣшилъ окончить начатыя уже ранѣе приготовленія къ обратной посадкѣ войскъ на суда; 12 мая прибылъ изъ главной квартиры англійскій посланникъ генералъ Гутчинсонъ, а графъ Де-Бальменъ извѣстилъ Каменскаго, что «Государю все имъ предпринятое благоугодно» и что «Главнокомандующій весьма доволенъ его распоряженіями и чтобы онъ дѣлалъ приготовленія къ амбаркированію войскъ, стараясь спасти буде возможно часть Данцигскаго гарнизона».

13 мая было объявлено Каменскому Высочайшее одобреніе его дѣйствій и разрѣшено дѣйствовать впредь по его личному «усмотрѣнію»; въ случаѣ паденія Данцига присоединиться къ корпусу Лестока. Получивъ затѣмъ извѣстіе отъ Калькрейта о заключеніи имъ капитуляціи, Каменскій приказалъ посадить войска на суда, подписавъ въ тоже время совмѣстно съ генераломъ Гутчинсономъ общее мнѣніе, что послѣ сдачи Данцига удерживать гарнизоны въ Нейфарвассерѣ и Вейксельмюнде не должно, и что слѣдуетъ спасти лишь эти гарнизоны и все, что можетъ быть вывезено, а самыя укрѣпленія бросить. Посадка войскъ Каменскаго на суда началась съ наступленіемъ темноты; самъ Каменскій «оставался на берегу, доколѣ всѣ не тронулись съ мѣста» и только утромъ 14 сѣлъ на фрегатъ «Фальконъ», который снялся съ якоря также послѣ всѣхъ прочихъ судовъ. 15 войска Каменскаго высадились въ Пиллау, оставивъ на Нерунгѣ, согласно полученному отъ главнокомандующаго повелѣнію, 3000 чел.

Объ экспедиціи этой Каменскій говоритъ: «Таковымъ образомъ учиненное мнѣ порученіе для спасенія Данцига, не смотря на всѣ труды, на храбрость и неутомимость войскъ, окончилось паденіемъ сего города, по слабости употребленныхъ средствъ, коимъ причиною, конечно, невозможность употребить большихъ». Невольное промедленіе Каменскаго въ Пиллау имѣло весьма неблагопріятное значеніе, ибо слухи объ экспедиціи Каменскаго дошли до Наполеона, который и успѣлъ усилить Лефевра; дѣйствія же самого Каменскаго нельзя не признать вполнѣ отвѣчавшими условіямъ, въ которыя онъ былъ поставленъ.

18 мая войска Каменскаго выступили изъ Пиллау, присоединились къ корпусу Лестока и были назначены въ резервъ арміи. 27 мая были получены свѣдѣнія объ отступленіи главной арміи, а между тѣмъ непріятель тѣснилъ передовые посты Каменскаго и Лестока. Получивъ въ это время депешу Беннигсена на имя Лестока, Каменскій распечаталъ ее и прочелъ предписаніе присоединиться къ арміи у Гутштадта. Лестокъ, находившійся тогда въ Гейлигенбейлѣ, не могъ-бы исполнить этого предписанія и Каменскій рѣшилъ идти съ находившимся въ его распоряженіи 9,672 человѣкъ русскихъ и прусскихъ войскъ на соединеніе съ главною арміею, съ которою и соединился непосредственно передъ сраженіемъ при Гейльсбергѣ 29 мая, потерявъ въ происшедшихъ при этомъ маршѣ-маневрѣ стычкахъ 60 человѣкъ и захвативъ 15 плѣнныхъ. Въ произшедшемъ затѣмъ сраженіи главный ударъ непріятеля направлялся лѣвѣе расположенія Каменскаго; потерпѣвъ тутъ неудачи французы обратились противъ праваго фланга, но эти атаки были отбиты гр. Каменскимъ и непріятель былъ прогнанъ далеко назадъ, потерявъ весьма много убитыми и ранеными. Однако и войска Каменскаго потеряли: убитыми 1 генерала, 11 офицеровъ

и 1,343 нижнихъ чиновъ, ранеными 1 генерала, 39 офицеровъ и 317 нижнихъ чиновъ (при общей потерѣ всей арміи до 8,000 человѣкъ).

30 мая, въ виду движенія корпусовъ Даву и Мортье къ Ландсбергу, Беннигсенъ снова отрядилъ Каменскаго, черезъ Бартенштейнъ и Домнау, на соединеніе съ Лестокомъ, съ цѣлью прикрытія и обороны Кенигсберга. Каменскій выступилъ въ этотъ же день, въ 11 часовъ вечера, прибылъ на мѣсто въ 9 часовъ вечера 31 мая, совершивъ весьма опасный фланговый маршъ и пройдя 55 верстъ въ 22 часа, 1 іюня онъ соединился у Людвигсвальде съ Лестокомъ, при чемъ произошли лишь мелкія стычки съ французами. 2 іюня (въ день Фридландскаго сраженія) войска Лестока и Каменскаго отошли къ Кенигсбергу, при чемъ послѣднія заняли позицію между Фридландскими и Бранденбургскими воротами. Французскій генералъ Белліаръ пріѣхалъ съ требованіемъ сдачи города; Каменскій отвѣтилъ ему: «Вы видите на мнѣ русскій мундиръ и смѣете требовать сдачи!» и сказавъ это повернулъ кругомъ и уѣхалъ.—5 іюня корпусъ Каменскаго присоединился къ главной арміи.

Въ эту кампанію Каменскій замѣтно выдѣлился изъ ряда генераловъ нашей арміи. Войска, сослуживцы и начальники довѣряли ему вполнѣ; Государь неоднократно выражалъ ему Свое благоволеніе, а 12 декабря того же года произвелъ его, за отличіе, въ генералъ-лейтенанты.

15 декабря, 17-я дивизія, ввѣренная Каменскому, была двинута черезъ Петербургъ къ границамъ Финляндіи и въ концѣ января 1808 года расположилась въ Фридрихсгамѣ, подъ начальствомъ князя Горчакова 1-го, за отсутствіемъ находившагося въ отпуску Каменскаго, составляя лѣвое крыло корпуса графа Буксгевдена, назначеннаго для дѣйствій противъ Швеціи. По занятіи Гельсингфорса, Буксгевденъ, начальствовавшій уже Финляндскою арміею, оставилъ «для охраненія» этого города и для «легкаго наблюденія за Свеаборгомъ», а затѣмъ для блокады Свеаборгскихъ укрѣпленій отрядъ, поступившій 24 февраля подъ начальство прибывшаго къ арміи Каменскаго. Каменскій участвовалъ затѣмъ въ дѣйствіяхъ противъ Свеаборга, приведшихъ къ сдачѣ этой крѣпости, въ качествѣ дѣятельнаго помощника и искуснаго исполнителя предначертаній главнокомандующаго и его совѣтника, генерала Сухтелена. Послѣ сдачи Свеаборга (26 апрѣля) Каменскій оставался въ Гельсингфорсѣ и командовалъ войсками, оборонявшими побережье отъ Борго до Гангуда.

Между тѣмъ дѣла наши въ Финляндіи приняли неблагопріятный для насъ оборотъ: на правомъ флангѣ Тучковъ у Куопіо и на лѣвомъ графъ Орловъ-Денисовъ у Біернеборга должны были ограничиться одною обороною; около Біернеборга къ тому же вспыхнуло среди мѣстныхъ жителей возстаніе; въ центрѣ Раевскій, потерявъ сообщеніе съ фланговыми корпусами и съ главною квартирою, отступалъ, послѣ неудачнаго боя у Лаппо, отъ Алаво къ Тавастгусу; у Або самъ главнокомандующій, въ ожиданіи высадокъ шведскаго короля съ Аландскихъ острововъ, нуждался въ подкрѣпленіяхъ. При такихъ условіяхъ Буксгевденъ 12 іюля отправилъ Каменскаго къ корпусу Раевскаго, приказалъ ему, принявъ начальство надъ этимъ корпусомъ, дѣйствовать по своему усмотрѣнію и предписывалъ, «не взирая на малое число войскъ, аттаковать и разбить непріятеля». Свое повелѣніе главнокомандующій заканчивалъ словами: «отъ дѣйствія вашего зависитъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи спокойствія жителей и внѣшнее положеніе войскъ для защиты береговъ. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ». Остальныя части арміи должны были отвлекать по возможности вниманіе и силы непріятеля отъ корпуса Каменскаго. Каменскій слѣдуя по назначенію изъ Гельсингфорса, едва не былъ захваченъ непріятельскими партизанами, но ускользнулъ отъ нихъ проселками. 14 іюля онъ встрѣтилъ Раевскаго, на второмъ переходѣ отъ Алаво, одобрилъ рѣшеніе отступать, сближаясь съ запасами и присоединяя разбросанныя команды, продолжилъ отступленіе еще на 100 верстъ и остановился на высотѣ Таммерфорса, на линіи Кумоисъ-Кумалаксъ. Бездѣйствіе шведовъ дало ему возможность устроить войска и обезпечить ихъ продовольствіе: къ 1 августа онъ сосредоточилъ у Ямса 10,415 человѣкъ при 38 орудіяхъ. Непріятельскія войска были расположены: 12,000 человѣкъ при 51 орудіи, и нѣсколько тысячъ вооруженныхъ крестьянъ, подъ начальствомъ графа Клингспора, у Христинештадта, Сальми и Тайволы и 2,000 чел. при 8 орудіяхъ, подъ начальствомъ Фіандта, у

Линдулакса. Войска эти были настроены бодро и смѣло, вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ. 5 августа шведы имѣли при Алаво успѣшную для себя стычку съ небольшимъ отрядомъ ген. Эриксона, находившимся въ составѣ корпуса Каменскаго. Желая предупредить возможныя послѣдствія этого успѣха шведовъ, Каменскій рѣшилъ быстро пройти къ Алаво и разбить Клингспора. Приказавъ Властову непремѣнно разбить Фіандта и занять Линдулаксъ, для дѣйствій оттуда противъ лѣваго фланга Клингспора, а Эриксону возвратиться назадъ и спѣшить къ Алаво, Каменскій 14 августа вступилъ въ Алаво, пройдя въ 7 дней 290 верстъ.

Властовъ дѣйствительно разбилъ 9 августа при Карстулѣ Фіандта и имѣлъ даже возможность отрядить одинъ полкъ въ Алаво; давъ отдыхъ войскамъ и присоединивъ къ себѣ нѣкоторыя подкрѣпленія, Каменскій 19 августа началъ наступательныя дѣйствія, намѣреваясь атаковать Клингспора. Командовавшій авангардомъ Кульневъ, встрѣтивъ у Каухаламби шведскій аріергардъ, вынудилъ его къ очищенію какъ этой позиціи, такъ и послѣдующихъ, и прекратилъ преслѣдованіе только въ виду главной позиціи Клингспора на линіи деревень Руона и Таккала, гдѣ шведы имѣли до 7,000 регулярныхъ войскъ съ 30 орудіями и массы вооруженныхъ крестьянъ; ночью сосредоточился предъ этими деревнями весь корпусъ Каменскаго. 20 утромъ Каменскій рѣшилъ атаковать противника.

Въ 10 часовъ утра Раевскій началъ обходное движеніе противъ лѣваго фланга непріятеля, преодолѣвая большія затрудненія (стремнины, густой лѣсъ и болота), такъ что въ теченіе 4-хъ часовъ могъ пройдти только 5 верстъ; два разобранныя орудія несены были на рукахъ. Клингспоръ, увѣренный въ неприступности праваго фланга своей позиціи, перевелъ оттуда часть войскъ на лѣвый флангъ и перешелъ въ атаку; но русскіе своевременно получили подкрѣпленія и шведы были отбиты. Между тѣмъ отряды Лукова и Казачковскаго появились на флангахъ шведской позиціи и угрожали обходомъ. Хотя въ этомъ сраженіи при Куартале или при Руона шведы и удержались на своей позиціи, но Клингспоръ заключилъ изъ упорства атакъ, что Каменскій повторитъ ихъ на слѣдующее утро и, считая себя не въ силахъ выдержать новую атаку, въ особенности въ виду появленія на флангѣ и въ тылу его Лукова и Козачковскаго, ночью скрытно очистилъ свою позицію и отступилъ къ Сальми. Каменскій приказалъ починить сожженный непріятелемъ мостъ при Руона и двинулъ Кульнева для преслѣдованія непріятеля. Кульневъ настигъ непріятельскій аріергардъ на пути къ Сальми и вынудилъ его къ быстрому отступленію, затѣмъ атаковалъ шведовъ на новой ихъ позиціи у Сальми, а въ тоже время Козачковскій появился въ тылу непріятеля. Шведы были разбиты и поспѣшно отступили. Гусары преслѣдовали ихъ на протяженіи 10 верстъ. Въ бояхъ при Куортале и Сальми корпусъ Каменскаго потерялъ 17 офицеровъ и 827 нижнихъ чиновъ, но то за эти бои имѣли весьма благопріятныя для насъ послѣдствія: по всей Финляндіи распространился страхъ русскаго оружія, народное возстаніе начало утихать и вскорѣ совсѣмъ прекратилось. Каменскій былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

22 августа Каменскій пришелъ въ Лаппо, гдѣ получилъ денесеніе, что Властовъ опять разбилъ Фіандта, который почти бѣжитъ къ Овертилю, по пути на Гамле-Карлеби. Давъ отдыхъ войскамъ и обезпечивъ продовольствіе, Каменскій двинулся изъ Лаппо 26 августа, съ цѣлью зайдти въ тылъ отступавшимъ шведскимъ отрядамъ. 29 августа онъ занялъ Иллистаро, гдѣ соединился съ Ушаковымъ, и 30 пошелъ къ Лилькиро. Его успѣхи отразились и на положеніи дѣлъ въ береговой части театра военныхъ дѣйствій, гдѣ въ послѣднее время шведы начали пріобрѣтать перевѣсъ.

1 сентября Кульневъ съ авангардомъ Каменскаго расположился въ виду сильной позиціи, занятой впереди Оравайса 7000 шведовъ и финновъ, кромѣ вооруженныхъ крестьянъ; позиція эта имѣла предъ фронтомъ рѣчку, протекавшую черезъ болота, и была усилена укрѣпленіями и засѣками. Каменскій приказалъ Кульневу аттаковать непріятеля 2 сентября въ 10 часовъ утра; самъ Каменскій имѣлъ въ виду своевременно подойти съ главными силами. Но Кульневъ началъ дѣло въ 8 часовъ утра и хотя въ общемъ имѣлъ успѣхъ, но положеніе его было довольно критическое тѣмъ болѣе, что, увлекшись, войска его отряда слишкомъ приблизились къ шведскимъ позиціямъ. Къ счастью, въ рѣшительную минуту прибылъ Каменскій, узнавшій о началѣ боя по канонадѣ, которую онъ услышалъ за 15 верстъ отъ поля сраженія; од-

нако, съ нимъ подошелъ сначала лишь очень небольшой отрядъ и русскіе едва выдерживали отчаянныя аттаки шведовъ. Всѣ его ближайшіе сподвижники считали уже бой проиграннымъ, Каменскій одинъ только не отчаялся въ успѣхѣ. Когда, наконецъ, подошли Литовскій полкъ, 6 ротъ Могилевскаго полка, Гродненскіе гусары и Польскіе уланы, онъ привѣтствовалъ ихъ словами: «Покажемъ шведамъ, каковы русскіе. Не выйдемъ отсюда живы, не разбивъ шведовъ въ пухъ! Ружья на перевѣсъ! За мной! Съ нами Богъ! Впередъ, ура»! Войска дружно подхватили «ура» и, съ барабаннымъ боемъ, неудержимо бросились на непріятеля, овладѣвшаго уже почти полемъ сраженія. Началась жестокая рукопашная схватка; Каменскій былъ среди общей свалки и не переставалъ ободрять солдатъ командою: «впередъ, коли»! Непріятель былъ опрокинутъ и бѣжалъ, но остановился на своей позиціи и открылъ сильный артиллерійскій, а затѣмъ и ружейный огонь. Наступилъ уже вечеръ; но Каменскій не прекратилъ боя. Онъ поручилъ Демидову обойти лѣвый флангъ непріятельской позиціи и, получивъ донесеніе объ исполненіи этого обхода, приказалъ произвести общую атаку. Войска бросились на непріятельскія укрѣпленія и батареи, но Клингспоръ отступилъ, не выждавъ удара; вскорѣ отступленіе превратилось въ бѣгство. Авангардъ преслѣдовалъ непріятеля, который остановился только въ 5 верстахъ за Оравайсомъ.

Въ этомъ сраженіи, отличавшемся особенною ожесточенностью, шведы и финны потеряли около 1500, а русскіе до 1100 человѣкъ. Русскіе солдаты были до того утомлены, что не хотѣли варить пищу и кидались на землю для отдыха, но бодро вскакивали, когда Каменскій обходилъ биваки и благодарилъ ихъ. Уже это одно показываетъ, какъ дѣйствителельно велики были въ этомъ случаѣ заслуги Каменскаго; въ шведской же арміи послѣ этого пораженія распространилось всеобщее отчаяніе. Каменскій получилъ орденъ св. Георгія 2 степени.—10 сентября Каменскій прибылъ въ Гамле-Карлеби, велѣлъ строить паромы и готовился къ атакѣ позиціи, занятой шведами въ 8—9 верстахъ къ сѣверу отъ названнаго города; но 12 сентября къ его корпусу прибылъ главнокомандующій гр. Буксгевденъ, который принялъ предложеніе Клингспора заключить перемиріе и назначилъ для переговоровъ Сухтелена и Каменскаго. Ко времени возобновленія военныхъ дѣйствій главныя силы шведовъ, подъ начальствомъ Клеркера, 9500 чел. при 37 орудіяхъ, занимали сильно укрѣпленную позицію при Химанго.

20 октября Каменскій по приказанію главнокомандующаго двинулся чтобы атаковать непріятеля, но оказалось, что онъ уже бросилъ позицію при Химанго, вслѣдствіе обходнаго движенія отряда генерала Тучкова. Отступая, шведы уничтожали мосты, но затѣмъ остановились и заняли позицію при Каміоки, съ фронта неприступную. 25 октября подошелъ авангардъ, а 26 главныя силы Каменскаго, войска котораго въ это время терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и который поэтому долженъ былъ дѣйствовать безъ потери времени. Оставивъ Кульнева и Демидова противъ фронта шведовъ, онъ самъ пошелъ въ обходъ шведской позиціи и, совершивъ чрезвычайно трудный маршъ, по не вполнѣ замерзшимъ болотамъ и мѣстами по поясъ въ водѣ, появился въ тылу противника; тогда Клеркеръ 28-го очистилъ Каміокскую позицію и продолжалъ отступленіе по пути къ Улеоборгу; Каменскій же обходами вынуждалъ непріятеля къ очищенію занимаемыхъ имъ позицій. Овладѣвъ такимъ образомъ Пикаіокскою позиціею, онъ послалъ оттуда два отряда, на Францилло и Пулькилло, для дѣйствій противъ тыла отряда Сандельса (находившагося на пути отступленія Тучкова). Тогда Клеркеръ приказалъ Сандельсу отступить на соединеніе съ нимъ къ Улеоборгу, а самъ отошелъ въ Сикаіоки. Вскорѣ послѣ этого шведскіе генералы собрались на совѣтъ и положили вступить въ переговоры съ Каменскимъ; онъ въ это время двигался для атаки Брагештедта, но имѣлъ отъ главнокомандующаго тайное повелѣніе не отвергать выгодныхъ для насъ предложеній, если бы они послѣдовали отъ непріятеля.

Получивъ соотвѣтственное приглашеніе Каменскій остановилъ колонны и поѣхалъ въ передовую цѣпь непріятельскую. Здѣсь генералъ Адлеркрейцъ предложилъ ему прекратить военныя дѣйствія, уступая намъ Брагештедтъ и Улеоборгъ и изъявляя готовность отступить еще на 60 верстъ за послѣдній городъ. Согласившись прекратить военныя дѣйствія, Каменскій 5 ноября отправилъ предложенныя ему

статьи на утвержденіе главнокомандующаго; переговоры были возобновлены и привели къ заключенію (7 ноября) Ольківокской конвенціи, въ силу которой шведская армія очистила всю улеоборгскую губернію, оставивъ во власти русскихъ оба берега рѣки Кеми.

Такимъ образомъ окончилась кампанія 1808 года, приведшая къ завоеванію русскими войсками Финляндіи. Каменскій былъ главнымъ виновникомъ блестящихъ успѣховъ ея. Дѣйствія его носятъ, такъ сказать, Суворовскій характеръ: въ нихъ замѣчаются тѣ же «глазомѣръ, быстрота и натискъ», что и у его великаго учителя; точно также онъ примѣняетъ въ надлежащей мѣрѣ разсчетъ, проявляетъ самъ необыкновенную энергію и требуетъ отъ подчиненныхъ, въ необходимыхъ случаяхъ, необыкновенныхъ усилій, но за то заботится о нихъ и самъ переноситъ наравнѣ съ ними всѣ трудности точно также вселяетъ въ свои войска отличный духъ, довѣріе къ себѣ и сознаніе въ ихъ общей непобѣдимости. Уѣзжая вскорѣ послѣ заключенія Ольківокской конвенціи въ Петербургъ для поправленія здоровья и прощаясь съ войсками, онъ имѣлъ полное право сказать: «Мы завоевали Финляндію—сохраните ее»!

Въ компанію 1809 г. Каменскій, назначенный командиромъ улеоборгскаго корпуса, прибылъ въ Умео 23 іюня. Въ это время шли уже переговоры о мирѣ въ Фридрихсгамѣ; но военныя дѣйствія не были прекращены и шведы, желая облегчить для себя условія мира, снарядили флотъ—до 120 небольшихъ судовъ съ десантнымъ отрядомъ силою до 9000 человѣкъ подъ начальствомъ графа Вахтмейстера, которому было приказано произвести высадку у Ратана и атаковать Каменскаго съ тыла; въ тоже время графъ Вреде съ 6,000 долженъ былъ дѣйствовать противъ него съ фронта.

Получивъ извѣстіе о предстоящей высадкѣ, Каменскій оставилъ близъ Ратана и въ Умео небольшіе отряды наблюдать за берегомъ, а самъ 4 августа двинулся противъ графа Вреде, съ цѣлью оттѣснить его возможно дальше; но 5 августа, извѣщенный что непріятель приступилъ у Ратана къ десанту, пошелъ обратно.

Дѣйствительно, графъ Вахтмейстеръ 5 и 6 августа высадилъ свои войска и потѣснилъ небольшой наблюдательный отрядъ русскихъ. Но дѣйствія шведовъ не отличались рѣшительностью и 7 августа уже Каменскій атаковалъ ихъ на позиціи при дер. Севарѣ. Послѣ горячаго боя и сильной перестрѣлки шведы, обойденные съ обоихъ фланговъ, отступили къ Ратану.

По окончаніи боя Каменскій получилъ донесеніе о наступленіи графа Вреде къ Умео, съ силами, значительно превышавшими то, чѣмъ располагали тамъ русскіе; но онъ не пошелъ туда, а рѣшилъ сначала довершить побѣду надъ Вахтмейстеромъ. 8 августа онъ атаковалъ Вахтмейстера у Ратана и принудилъ его поспѣшно возвратиться на суда и уйдти въ море. Въ сраженіи при Севарѣ и у Ратана наши войска потеряли 39 офицеровъ (въ томъ числѣ двухъ генераловъ) и 1,650 нижнихъ чиновъ, а непріятель до 2,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 270 плѣнныхъ). Дѣйствія Вреде противъ русскихъ ограничились тѣмъ, что онъ принудилъ 9 августа отрядъ полковника Эриксона очистить правый берегъ р. Умео.

Не взирая на свои успѣхи, Каменскій не считалъ возможнымъ оставаться въ Вестроботніи вслѣдствіе недостатка продовольствія и боевыхъ припасовъ, а потому выступилъ 12 изъ Умео и 18 отошелъ къ Питео, куда къ тому же времени прибылъ изъ Улеоборга транспортъ съ хлѣбомъ и запаснымъ паркомъ. Давъ здѣсь войскамъ отдыхъ и снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, онъ выступилъ 21-го обратно по пути къ Умео, но на первомъ же переходѣ встрѣтилъ генерала Сандельса, имѣвшаго полномочіе на заключеніе перемирія съ тѣмъ, чтобы русскія войска остались въ Питео съ авангардомъ въ Іефре, а шведскія въ Умео. Каменскій принялъ перемиріе, обязавшись увѣдомить начальника шведскаго отряда, въ случаѣ если оно не будетъ утверждено и не возобновлять военныхъ дѣйствій ранѣе прошествія 15 дней послѣ подобнаго извѣщенія.

Графъ Румянцевъ, ведшій переговоры о мирѣ съ Швеціею, былъ недоволенъ отступленіемъ Каменскаго къ Питео и заключеніемъ перемирія, полагая, что это можетъ поощрить шведовъ въ ихъ нежеланіи уступить намъ Аландскіе острова, и просилъ чтобы Каменскому повелѣно было идти впередъ и даже о производствѣ высадки близъ Стокгольма. Но военный министръ Барклай-де-Толли представилъ Им-

ператору, что «рѣшимостью отступить отъ превосходнаго непріятеля, графъ Каменскій вывелъ войска съ большимъ успѣхомъ изъ затруднительнаго положенія, избѣгнулъ быть окруженъ непремѣнно, предупредилъ голодъ въ войскахъ и недостатокъ въ патронахъ и снарядахъ. Положеніе войскъ нашихъ при Питео нимало не перемѣняетъ обстоятельствъ угрожать шведскому правительству войною въ его областяхъ; но корпусъ выведенъ съ честью и съ знаменитою побѣдою изъ столь тѣснаго положенія... По мнѣнію моему, сіе отступленіе превосходнѣе побѣды, не имѣющей полезныхъ послѣдствій». Императоръ отвѣчалъ Барклаю-де-Толли: «Признаю въ полной мѣрѣ всю основательность распоряженій графа Каменскаго, достойныхъ всякой похвалы и открывающихъ въ немъ искуснѣйшаго генерала». За побѣду при Севарѣ и дѣйствія въ Вестроботніи вообще Каменскій былъ награжденъ брилліантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго. 17 же ноября по заключеніи Фридрихсгамскаго мира, онъ возвратился въ Петербургъ, оставивъ по себѣ добрую память въ Вестроботніи, жители которой пользовались во время занятія ихъ края русскими полною безопасностью своей личности и собственности.

Операціи Каменскаго противъ шведовъ поставили его чрезвычайно высоко въ ряду генераловъ нашей арміи, и въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе совпадало со взглядами Императора, полагавшаго, что Каменскій способенъ лучше другихъ окончить войну съ турками. 4 февраля 1810 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскою арміею, вмѣсто князя Багратіона.

При отъѣздѣ Каменскаго въ армію ему были сообщены слѣдующія предначертанія Императора: ускорить заключеніе мира силою оружія; изъ арміи, численность которой доводилась до 85,000 человѣкъ, 40,000 употребить для операцій за Дунаемъ, 25,000 въ гарнизоны и для поддержанія спокойствія въ княжествахъ; остальныя 20,000 назначались въ составъ резервнаго корпуса у Букарешта; побуждать сербовъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ, отправивъ къ нимъ особый отрядъ съ опытнымъ генераломъ. Каменскому предписывали, переправившись передъ разливомъ Дуная, отрядить одинъ корпусъ для наблюденія Силистріи, а другой къ берегамъ Чернаго моря, съ главными же силами арміи быстро утвердиться въ Балканахъ и направить затѣмъ легкія войска къ Адріанополю; резервный корпусъ долженъ быть осадить Журжу, а по взятіи ея переправиться за Дунай; черноморскій флотъ долженъ былъ бомбардировать Варну и не допускать высадки турокъ. Впрочемъ, Каменскому предоставлялась достаточная свобода дѣйствій и разрѣшалось «поступать по соображеніямъ съ мѣстными обстоятельствами» и даже заключить миръ на указанныхъ Императоромъ основаніяхъ.

12 (по другимъ указаніямъ 7) марта Каменскій 2-й пріѣхалъ въ Яссы. Къ этому времени наша армія, всего 78,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 7,500 больныхъ), была расположена въ Молдавіи и Валахіи, а корпусъ графа С. М. Каменскаго (старшаго брата главнокомандующаго) въ сѣверной части Добруджи. Турки еще не окончили подготовительныхъ операцій: визирь сосредоточилъ у Шумлы 20,000; около 10,000 находилось въ дунайскихъ крѣпостяхъ и столько же у Базарджика. Однако Каменскій не могъ приступить тотчасъ же къ наступательнымъ операціямъ, вслѣдствіе недостатка фуража и провіанта. Немедленно по прибытіи Каменскій принялъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію духа войскъ, къ поддержанію въ нихъ строгаго порядка и дисциплины, къ устраненію требованій не боеваго, а плацпараднаго характера; такъ, запрещено было производить ученія и парады во время маршей, требовать излишней чистоты аммуниціи и т. п.; большое вниманіе было обращено и на обезпеченіе довольствія войскъ; особенно строгія требованія были имъ предъявлены начальникамъ: «кто будетъ находить невозможности, того смѣню другимъ», объявилъ главнокомандующій.

Въ концѣ апрѣля Каменскій выдвинулъ корпусъ своего брата къ Траянову валу; 5 мая переправился черезъ Дунай у Гирсова Кульневъ, а черезъ четыре дня переправились и главныя силы арміи. Къ серединѣ мая подготовительныя операціи были окончены, продовольственные запасы пополнены: войска снабжены провіантомъ на 40 дней. 14 мая армія двинулась къ Карасу, гдѣ 18 соединилась съ корпусомъ С. М. Каменскаго. Тутъ главнокомандующій установилъ подраздѣленія въ своей арміи; генералу Уварову былъ порученъ авангардъ; въ составѣ арміи остались кор-

пуса: 1-й—Маркова, 2-й—Эссена 3-го, 3-й—Раевскаго и 4-й—Левиза; отдѣльные корпуса были подъ начальствомъ С. М. Каменскаго и Ланжерона. 18 и 19 мая авангардъ, 2-й, 3-й и 4-й корпуса и корпусъ Ланжерона двинулись къ Силистріи, а Каменскій 1-й съ корпусами своимъ и Маркова къ Базарджику, которымъ и овладѣлъ 22 мая; 19 мая Зассъ овладѣлъ Туртукаемъ и обратился къ наблюденію за Рущукомъ; 21 мая главныя силы арміи подошли къ Силистріи. Главнокомандующій Каменскій произведя лично рекогносцировку крѣпости), поручилъ веденіе осады Ланжерону, подчинивъ ему и корпусъ Раевскаго, а остальныя части главныхъ силъ арміи расположилъ у Калипетри и по дорогѣ въ Гирсову, въ видѣ резервовъ.

Въ ночь на 24 мая, послѣ отказа силистрійскаго гарнизона сдаться, были заложены передъ Силистріею редуты и батареи. 26 мая были поведены траншеи и начато бомбардированіе; 30 мая турки вступили въ переговоры и сдали крѣпость съ 190 орудіями и большимъ количествомъ боевыхъ припасовъ; гарнизонъ былъ отпущенъ въ Шумлу, оставивъ побѣдителямъ 40 знаменъ. О причинѣ, почему дозволенъ свободный выходъ гарнизону Силистріи, Каменскій доносилъ Императору: «десять дней для меня важнѣе, нежели опасенъ для меня гарнизонъ, составленный большею частью изъ обывателей, не умѣющихъ защищать свои дома; особенно неопасенъ онъ по ненависти между великимъ визиремъ и силистрійскимъ пашею».

1 іюня былъ занятъ Разградъ. За взятіе Силистріи, Разграда и Базарджика Каменскій былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. 31 мая визирь послалъ Каменскому уполномоченныхъ для заключенія перемирія; но главнокомандующій отказался вступать въ переговоры безъ принятія указанныхъ Императоромъ основаній для заключенія мира, въ томъ числѣ признанія Дуная границею между Россіею и Турціею. Авангардъ арміи двинулся къ Шумлѣ, а 2 и 3 іюня за нимъ послѣдовали и всѣ силы изъ-подъ Силистріи; въ то же время другія части приближались къ Іени-Базару, Козлуджи и начинали обложеніе Рущука и Варны.

10 іюня армія подошла къ Шумлѣ на 10 верстъ. Генералъ Фридерици произвелъ рекогносцировку и доложилъ о крайне неудовлетворительномъ состояніи крѣпости; тогда принято было рѣшеніе немедленно атаковать Шумлу открытою силою. Для веденія атаки было приказано: лѣвому крылу подъ начальствомъ С. М. Каменскаго 1-го силою до 13,500 человѣкъ начать раньше другихъ частей арміи атаку по Іени-Базарской дорогѣ и привлечь на себя вниманіе непріятеля и этимъ облегчить дѣйствія праваго крыла (силою въ 6000 человѣкъ) и центра (силою до 16,000 человѣкъ), находившихся подъ начальствомъ Левиза и Раевскаго.

Утромъ 11 іюня войска двинулись согласно диспозиціи, но уже въ самомъ началѣ ея исполненія дѣла начали принимать неблагопріятный оборотъ: Каменскій 1-й не исполнилъ диспозиціи и оставался на мѣстѣ ночлега; Левизъ былъ задерживаемъ разломанными мостами; движеніе главныхъ силъ было замѣчено противникомъ, который не замедлилъ занять высоты впереди крѣпости, вслѣдствіе чего бой начался въ центрѣ. Командующая высота впереди нашего праваго фланга, по донесеніямъ Фридерици не занятая непріятелемъ, оказалась не только занятою, но и укрѣпленною. Ею, однако, русскіе овладѣли и удержали ее, не смотря на нѣсколько отчаянныхъ атакъ турокъ; корпусъ С. Каменскаго вступилъ въ дѣло уже послѣ всѣхъ другихъ частей арміи; наступившая темнота прекратила бой.

12 іюня турки возобновили атаки на наши фланги, но были отбиты. Во время боевъ 11 и 12 іюня они потеряли болѣе 2,000, а наши войска до 750 человѣкъ; но наши потери были болѣе ощутительны въ виду меньшей численности нашей арміи. Убѣдившись въ невозможности овладѣть Шумлою посредствомъ атаки открытою силою, Каменскій рѣшилъ принудить турокъ къ сдачѣ ея посредствомъ голода, а между тѣмъ, подъ впечатлѣніемъ постигшей его неудачи, писалъ Императору о чрезмѣрности нашихъ требованій, заключавшихся въ уступкѣ княжествъ, уплатѣ контрибуціи и признаніи независимости сербовъ, при чемъ представлялъ необходимымъ удовольствоваться границею по Серету и предоставленіемъ сербамъ лишь нѣкоторыхъ правъ, при условіи полнаго нашего отказа отъ денежнаго вознагражденія; но эти представленія были отклонены Императоромъ.

Между тѣмъ Каменскій началъ блокаду Шумлы, хотя и имѣлъ всего 35,000 чело-

вѣкъ противъ 40,000 турокъ. Онъ успѣлъ поставить гарнизонъ Шумлы въ тяжелое положеніе, такъ какъ въ крѣпости истощились запасы. Неоднократныя вылазки турокъ были съ успѣхомъ отражаемы. Предложеніе визиря заключить перемиріе было отклонено главнокомандующимъ, потому что турки не соглашались на требованія, уже ранѣе предъявленныя со стороны русскихъ, какъ непремѣнныя условія мира. 28 іюня было начато бомбардированіе крѣпости съ батарей, построенныхъ впереди лѣваго фланга; въ тотъ же день, турки успѣли провести въ Шумлу большой транспортъ провіанта, обезпечившій гарнизонъ на три недѣли и 29 іюня визирь объявилъ, что Порта никогда не согласится на предлагаемыя нами условія.

Положеніе нашей арміи становилось затруднительнымъ: растянувшись на 80 верстъ, она не могла препятствовать проходу въ крѣпость подкрѣпленій; осада Рущука шла вяло; блокаду Варны пришлось снять; турки готовились къ наступительнымъ дѣйствіямъ въ Малой Валахіи; армія Измаилъ-бея готовилась вступить въ Сербію; въ Варнѣ высадились 15,000 турокъ, которые угрожали тылу главныхъ силъ арміи. Тогда Каменскій рѣшился, оставивъ сильные отряды между дорогами въ Разградъ и Силистрію для наблюденія за Шумлою, овладѣть Рущукомъ, а затѣмъ двинуться за Балканы.

Наблюдать Шумлу и Варну былъ оставленъ С. М. Каменскій съ 23 — 24,000; Ланжеронъ съ 4,500 чел. расположился у Разграда, а самъ главнокомандующій, съ остальными 10,000 чел., двинулся 3 іюня къ Рущуку. Генералъ Зассъ задумалъ взять крѣпость до его прибытія и 6 іюля произвелъ штурмъ, окончившійся полною неудачею. 9 прибылъ къ Рущуку Каменскій и сосредоточилъ здѣсь 22,000 чел. при 100 орудіяхъ; гарнизонъ же крѣпости состоялъ изъ 20,000 подъ начальствомъ храбраго Бошнякъ-аги; 11 начато бомбардированіе; но производимыя имъ поврежденія въ крѣпости весьма дѣятельно исправлялись турками по ночамъ. Каменскій, потерявъ терпѣніе, рѣшилъ произвести штурмъ 18 іюля, но, вслѣдствіе сильнаго дождя, отложилъ его на 22. По диспозиціи войска были раздѣлены на 6 колоннъ, изъ коихъ 1 и 2 (Засса) должны были вести главную атаку, 3 и 4 (Эссена) содѣйствовать этой атакѣ, а 5 и 6 (Уварова) произвести демонстрацію. Бошнякъ-ага, получившій свѣдѣнія о приготовленіяхъ русскихъ къ штурму, рѣшилъ допустить передовыя ихъ части взобраться на валы и затѣмъ атаковать главную массу во рву. Сообразно съ этимъ, онъ расположилъ свои лучшія войска у галлерей, выходившихъ въ ровъ, а прочія войска у подошвы вала (внутри крѣпости). Въ $3^1/_2$ часа утра наши войска двинулись на штурмъ и съ большимъ трудомъ начали взбираться на валъ; но тутъ быстро ударили на нихъ турки, оттѣснили ихъ въ ровъ и во рву началась настоящая бойня. Каменскій ввелъ въ дѣло всѣ резервы; но ничто не помогло; начальники колоннъ и офицеры большею частью выбыли изъ строя, войска начали колебаться и около 8 часовъ утра главнокомандующій подалъ сигналъ къ отступленію.

Этотъ штурмъ стоилъ нашей арміи громадныхъ жертвъ: она потеряла убитыми и ранеными 363 офицеровъ и не менѣе 8,000 нижнихъ чиновъ. Виновникомъ неудачи былъ самъ Каменскій, который, однако, тотчасъ послѣ штурма не хотѣлъ этого сознать: хотя въ донесеніи Императору онъ и просилъ объ увольненіи его отъ командованія арміею, но въ то же время писалъ: «Уже всѣ колонны были на верху контръ-эскарпа. Но тутъ напало на нихъ, какъ нѣкое ослѣпленіе: головы колоннъ облегли верхъ разбитой контръ-эскарпы и, перестрѣливаясь, ни подъ какимъ видомъ далѣе двигаться не хотѣли». Въ приказѣ по арміи отъ 26 іюня онъ упрекалъ войска: «Воины Рущукскаго отряда! Вы сами виноваты въ сей неудачѣ и большой потерѣ нашей. Нѣкоторые изъ васъ поступали храбро, большую же часть обуялъ какой-то страхъ»... Онъ жаловался также на нѣкоторыхъ генераловъ. Съ теченіемъ времени, успокоившись, Каменскій началъ понимать дѣйствительную причину неудачи. Когда Императоръ потребовалъ откровеннаго изложенія обстоятельствъ, вызвавшихъ жалобу на войска, Каменскій доносилъ (31 августа): «Я усердно дерзаю просить, чтобы сіе дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, удостовѣряя, что я бы не оставилъ виновныхъ обнаружить, если бы оные были». Къ Барклаю-де-Толли Каменскій писалъ: «Виновныхъ въ неудачѣ штурма нѣтъ, кромѣ меня; виновнымъ себя поставляю въ томъ, что слиш-

комъ много считалъ на свои войска». Между тѣмъ, численный перевѣсъ турокъ еще усилился; одна армія визиря въ Шумлѣ была доведена до 60,000 чел. Визирь рѣшилъ обратиться къ наступательному образу дѣйствій и съ главными силами разбить русскихъ подъ Рущукомъ, предварительно же поручилъ особому корпусу изъ 30,000 чел. атаковать С. М. Каменскаго 1, съ цѣлью привлечь въ этомъ направленіи наше вниманіе; но отрядъ этотъ потерпѣлъ пораженіе и былъ вынужденъ запереться въ Шумлѣ. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій Каменскій убѣдился въ невозможности одновременныхъ дѣйствій противъ Шумлы и Рущука, и рѣшилъ теперь вести операціи главнымъ образомъ противъ Рущука, съ цѣлью принудить эту крѣпость къ сдачѣ посредствомъ голода; поэтому у генерала С. М. Каменскаго были оставлены войска, только совершенно необходимыя для оборонительнаго образа дѣйствій, а всѣ остальныя сосредоточены у Рущука; къ серединѣ августа Каменскій имѣлъ подъ Рущукомъ около 30,000 человѣкъ. Между тѣмъ гарнизонъ этой крѣпости, въ ожиданіи прибытія арміи визиря, дѣйствовалъ весьма энергично, производя ежедневно вылазки или фуражировки, не говоря уже о неумолкаемой перестрѣлкѣ. Въ то же время у Батына сосредочилось до 30,000 турокъ; они должны были соединиться съ сильнымъ отрядомъ сераскира Османа-паши, двигавшагося изъ Шумлы черезъ Разградъ и атаковать русскихъ подъ Рущукомъ. Получивъ объ этомъ обстоятельныя донесенія, Каменскій оставилъ подъ Рущукомъ и Журжею менѣе 14,000 человѣкъ, а съ остальными войсками, въ числѣ не болѣе 21,000 человѣкъ при 62 орудіяхъ, двинулся 24 августа къ Батыну, гдѣ къ тому времени турки усилились до 40,000 человѣкъ. Подойдя къ непріятельской позиціи 25-го, Каменскій въ 7 часовъ утра слѣдующаго дня напалъ на турокъ. Такъ какъ армія наша сильно растянулась, дабы атаковать вдвое сильнѣйшаго противника не только съ фронта, но отчасти и съ тыла, то бой долго не принималъ рѣшительнаго характера. Наконецъ, одновременная смѣлая атака съ фронта и ударъ отряда Кульнева въ тылъ турокъ, подъ личнымъ наблюденіемъ главнокомандующаго, рѣшили дѣло. Непріятельская кавалерія бѣжала съ поля сраженія, а пѣхота отступила въ укрѣпленный лагерь впереди Батына. Къ ночи изъ пяти турецкихъ укрѣпленій четыре были взяты, а затѣмъ бой былъ прекращенъ; утромъ же 27-го пѣхота, занимавшая послѣднее укрѣпленіе, сдалась въ плѣнъ. Побѣда эта стоила намъ 1,400 чел.; турки же потеряли до 5,000 убитыхъ и раненыхъ, 4681 плѣнныхъ, 14 орудій и 78 знаменъ. Каменскій за этотъ успѣхъ былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго.

Послѣ этой побѣды отрядъ ген. Сабанѣева занялъ Тырновъ; самъ Каменскій возвратился къ Рущуку; 15 іюня Рущукъ и Журжа были сданы турками на капитуляцію съ 247 орудіями, большимъ количествомъ боевыхъ припасовъ и 42 знаменами; гарнизону былъ разрѣшенъ свободный выходъ.

Въ то же время Каменскій былъ озабоченъ положеніемъ сербовъ, противъ которыхъ готовились дѣйствовать 30,000 турокъ. На помощь имъ былъ посланъ отрядъ Засса силою около 4,000 чел.

По прибытіи изъ Россіи 9-й дивизіи Каменскій рѣшилъ взять Никополь и покорить крѣпости по Дунаю до сербской границы; этимъ онъ надѣялся выманить визиря въ поле и разбить его. 28 сентября онъ направилъ отрядъ князя Вяземскаго къ Турну, а самъ двинулся 9 октября съ главными силами къ Никополю; 10-го турки сдали Турну, а 15-го, еще до прибытія главныхъ силъ Каменскаго, и Никополь. Высланный изъ Систова отрядъ графа Воронцова овладѣлъ Плевною, Ловчею и Сельви, а затѣмъ присоединился къ главнымъ силамъ. Въ началѣ того же мѣсяца и Сербія была очищена отъ турецкихъ войскъ. Далѣе, съ наступленіемъ зимы, Каменскій не находилъ уже возможнымъ продолжать операціи, вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго состоянія дорогъ и невозможности подвоза фуража. Онъ оставилъ три дивизіи въ дунайскихъ крѣпостяхъ, а остальныя войска расположилъ (въ серединѣ ноября) на зимнихъ квартирахъ въ княжествахъ; главная квартира была перенесена въ Букарештъ. Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій зимою войска могли быть сосредоточены не позже двухъ недѣль. Турки также расположились на зимнихъ квартирахъ, частью даже къ югу отъ Балканъ.

Неудачныя дѣйствія Каменскаго въ началѣ этой кампаніи могутъ быть объяснены отчасти полученными имъ свыше пред-

писаніями, требовавшими очень энергичнаго наступленія, частью — недостаткомъ надлежащей исполнительности у нѣкоторыхъ его подчиненныхъ, но главнымъ образомъ—его незнакомствомъ съ театромъ военныхъ дѣйствій и съ противникомъ, а также излишнею самоувѣренностью, вполнѣ впрочемъ понятною послѣ ряда блестящихъ успѣховъ въ предыдущія кампаніи. Онъ сразу хотѣлъ всего достигнуть, сразу разбросалъ свои силы, сразу же оказался на всѣхъ пунктахъ слабѣе противника и потерпѣлъ неудачи, не смотря на обнаруженную имъ громадную энергію. Непривыкшій къ неудачамъ онъ, правда лишь на короткое время, предался отчаянію и къ сожалѣнію далъ совершенно несправедливую оцѣнку ввѣренныхъ ему войскъ; лучшимъ доказательствомъ полной несправедливости обвиненія ихъ въ недостаткѣ храбрости является тотъ фактъ, что подъ Рущукомъ войска эти отступили въ порядкѣ, потерпѣвъ потерю въ 16% убитыми и 26% ранеными. Ошибку допустилъ Каменскій и въ концѣ года: послѣ одержанныхъ нашими войсками успѣховъ противникъ былъ ослабленъ, какъ матеріально такъ и нравственно, а потому и слѣдовало продолжать операціи.

Въ теченіе зимы производились приготовленія къ предстоявшей кампаніи. Армія была усилена 26,000 рекрутъ. Каменскій предполагалъ открыть кампанію возможно раньше и перенести операціи за Балканы. Чтобы занять своевременно проходы черезъ эти горы, онъ еще въ концѣ декабря 1810 года направилъ графа Сенъ-При съ 1,500 чел. къ Ловчѣ, чтобы затѣмъ идти къ Сельви и Габрову. Сенъ-При нашелъ Ловчу сильно укрѣпленною и занятою 5,000 турокъ; не успѣвъ захватить ее, онъ отошелъ къ Плевнѣ 1-го января 1811 г. Въ серединѣ января Каменскій, усиливъ его отрядъ до 10,000 чел., снова приказалъ ему овладѣть Ловчею. Въ то же время визирь изъявилъ желаніе начать мирные переговоры. Узнавъ, что у него въ Шумлѣ находилось не болѣе 5,000 чел., и намѣреваясь произвести сильное воздѣйствіе на ходъ переговоровъ, Каменскій приказалъ всѣмъ частямъ арміи изготовиться къ походу за Дунай къ 1-му февраля, чтобы перевезти всѣ тяжести черезъ Дунай еще по льду.

Между тѣмъ, въ виду ожидавшейся новой войны съ Наполеономъ, Императоръ не призналъ возможнымъ развивать и въ этомъ году операціи за Дунаемъ и приказалъ ограничиваться дѣйствіями по преимуществу оборонительнаго характера. Въ серединѣ января было получено Высочайшее повелѣніе объ отдѣленіи отъ Молдавской арміи пяти дивизій къ западной границѣ и объ оставленіи на Дунаѣ лишь четырехъ дивизій. Исполненіе этого повелѣнія не могло быть скрыто отъ турокъ; слѣдовало ожидать, что послѣ того весною визирь начнетъ наступательныя операціи и поставитъ нашу армію въ затруднительное положеніе. Поэтому Каменскій думалъ разрушить Силистрію и Никополь, притянуть все, что возможно, къ Рущуку, собрать такимъ образомъ около 50 баталіоновъ, и двинуться съ ними къ Плевнѣ, а оттуда, вмѣстѣ съ отрядомъ С.-При, къ Ловчѣ и Сельви; вообще Каменскій хотѣлъ поставить турокъ въ необходимость озаботиться оборонною Балканъ. Но Императоръ не одобрилъ мысли о срытіи Силистріи и Никополя; тогда Каменскій оставилъ въ нихъ слабые гарнизоны и началъ сосредоточивать войска къ Рущуку. С.-При выступилъ 28 января изъ Плевны и 31 овладѣлъ Ловчею, при чемъ находившійся тамъ турецкій корпусъ (15,000 чел.) былъ совершенно разбитъ и наши войска взяли 1,400 плѣнныхъ, 10 орудій, 50 знаменъ и боевые припасы. Каменскій 4 февраля прибылъ въ Никополь и предполагалъ открыть операціи по полученіи донесеній отъ Сенъ-При, но тутъ заболѣлъ настолько сильно, что не могъ уже управлять арміею; давно уже онъ страдалъ отъ изнурительной лихорадки, все болѣе и болѣе осложнявшейся разными опасными симптомами; вмѣстѣ съ здоровьемъ исчезла вся его энергія и рѣшительность. Не рѣшаясь поручить веденіе операцій другому лицу, Каменскій приказалъ С.-При пріостановить наступленіе, а главнымъ силамъ арміи расположиться частью въ дунайскихъ крѣпостяхъ, частью въ Малой Валахіи, частью въ Букарештѣ; со своей стороны и визирь не отваживался на наступательныя дѣйствія.

Усилившаяся болѣзнь заставила Каменскаго просить объ увольненіи его отъ должности главнокомандующаго; 7 марта онъ передалъ веденіе и рѣшеніе дѣлъ по управленію арміею дежурному генералу Сабанѣеву; 12-го же марта во временное командованіе арміею вступилъ графъ Ланжеронъ. Между тѣмъ императоръ предпо-

лагалъ назначить Н. М. Каменскаго главнокомандующимъ 2-ю западною арміею и писалъ ему въ рескриптѣ, отъ 7-го марта: «Болѣзнь ваша крайне Меня обезпокоила. Предписываю вамъ, сдавъ армію, отправиться коль скоро вамъ возможно будетъ, въ Житомиръ. Между тѣмъ надѣюсь, что переѣздъ вашъ въ благорастворенный климатъ Волыни послужитъ къ совершенному укрѣпленію здоровья вашего. При семъ случаѣ пріятно Мнѣ изъявить вамъ, сколь Моя довѣренность и любовь къ вамъ пріумножились, послѣ знаменитыхъ заслугъ, оказанныхъ вами въ командованіе ваше Молдавскою арміею». Каменскій 16 апрѣля доносилъ императору, что «консиліумъ докторовъ» отправляетъ его въ Одессу, откуда онъ предполагалъ по выздоровленіи отправиться къ «лестному мѣсту ему предназначенному». Но въ дорогѣ ему сдѣлалось еще хуже: онъ лишился слуха, памяти и обнаруживалъ даже умственное разстройство... По прибытіи въ Одессу, онъ скончался тамъ 4 мая 1811 года; тѣло же его погребено въ селѣ Сабуровѣ (орловской губерніи), рядомъ съ могилою его отца.

Императоръ. узнавъ о смерти графа Николая Михайловича Каменскаго, писалъ его матери, графинѣ Аннѣ Павловнѣ: «Раздѣляя съ вами горесть, не могу вамъ представить другаго утѣшенія, кромѣ свидѣтельства совершеннаго Моего въ ней участія. Кончина сына вашего есть великая потеря для отечества. Воинскія его дарованія отверзли ему путь къ славѣ; опыты утвердили его мужество; знаменитые подвиги увѣнчали его походы. Отечество взирало на него съ признательностью въ настоящемъ и съ вѣрными надеждами въ будущемъ. Заслуги сына вашего отечеству пребудутъ незабвенны. Отличное уваженіе Мое къ его памяти навсегда сохранится».

Графъ Н. М. Каменскій 2-й былъ средняго роста, имѣлъ довольно пріятную наружность, отличался добрымъ сердцемъ, но былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Онъ былъ избалованъ отношеніемъ къ нему другихъ людей, и даже суровый отецъ относился къ нему лучше, чѣмъ къ старшему своему сыну. Одобреніе Суворова въ 1799 году, Буксгевдена и Барклая-де-Толли въ 1808 и 1809 годахъ и самого Императора, начиная съ 1807 года, цѣлый рядъ блестящихъ успѣховъ въ Финляндіи и Швеціи въ качествѣ почти самостоятельнаго старшаго начальника, любовь со стороны войскъ, не смотря на строгое къ нимъ отношеніе по службѣ, наконецъ чрезвычайно быстрое повышеніе по служебной іерархической лѣстницѣ—все это до нѣкоторой степени вскружило голову молодому генералу, быстро превратившемуся въ молодаго полководца. Онъ не только не терпѣлъ ни малѣйшаго возраженія или отступленія отъ своихъ предписаній, но даже переходилъ иногда въ этомъ отношеніи за надлежащіе предѣлы. Съ солдатами онъ былъ ласковъ, терпѣлъ нужду съ ними, при трудныхъ переходахъ самъ находился передъ колоннами и только тогда оставался доволенъ, когда могъ доставить войскамъ достаточныя удобства. Любили его и солдаты, какъ и вообще первоначально всѣ низшіе подчиненные, а потому, подъ его начальствомъ, особенно въ 1808 и 1809 годахъ, совершали дѣла, казавшіяся невозможными.

Очутившись на посту главнокомандующаго на 34 году отъ роду, Н. М. Каменскій долженъ былъ еще доучиваться на практикѣ трудному дѣлу высшаго руководительства операціями; и нельзя не замѣтить въ распоряженіяхъ его нѣсколькихъ существенныхъ ошибокъ. Въ общемъ онъ принесъ большую пользу Россіи на военномъ поприщѣ, и конечно, «заслуги его пребудутъ незабвенны». — Графъ Н. М. Каменскій женатъ не былъ и потомства не оставилъ.—Извѣстный въ печати: «Журналъ военныхъ дѣйствій войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора гр. Каменскаго 2 съ 14 апрѣля по 27 іюня 1807 г.» составленъ при непосредственномъ участіи самого Н. М. Каменскаго; ясность изложенія, сжатость и достаточно объективное отношеніе къ дѣлу составляютъ достоинства этого труда.

Кромѣ источниковъ, указанныхъ при біографіи фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго см. еще: Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопам. людей»; Вавиловъ, П. «Жизнь и военныя дѣянія ген.-отъ-инф. гр. Н. М. Каменскаго», 2 части; «Военный Сборникъ», 1865 г., №№ 5—8, «Гр. Н. М. Каменскій», ст. Н. Дубровина; Журналы военныхъ дѣйствій: а) Императорской Россійской арміи съ ноября 1806 по 7 іюня 1807 года; б) войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора гр. Каменскаго 2 съ 14 апрѣля по 27 іюня 1807 г. (имъ же составленный); в) 1807, 1808, 1809 и 1810 гг. (въ извлеченіи въ «Прибавленіяхъ» къ Спб. Вѣдомостямъ); «Заря» 1871 г., № 3; 1872 г., № 1; Kirgener, «Précis du siège de Dantzick, fait par l'armée française en avril et mai 1807»; исторіи раз-

ныхъ полковъ; Милютинъ, «Исторія войны 1799 г.», т. II; Михайловскій-Данилевскій: «Описаніе войны 1805 г.»; «Описаніе финляндской войны въ 1808 и 1809 гг.»; «Описаніе турецкой войны съ 1806 до 1812 года»; Петровъ, А. Н., «Война Россіи съ Турціей 1806—1812 гг.»; Переписка Наполеона I (французскія изданія); «Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède»; «Русскій Архивъ», 1879 г., II; «Русская Старина», 1871 г., № 11; 1872 г., V, VI; 1875 г., № 2, 3; 1878 г., № 7, 8; 1880 г., т. 28; 1881 г., № 12; «Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.», XXI, XLIII, LXXII; формулярные списки генерала гр. Н. М. Каменскаго 2 (копія), генералъ-адъютанта гр. Закревскаго; Фуксъ, «Исторія Росс.-австр. кампаніи 1799 г.»; его же, «Анекдоты кн. Италійскаго гр. Суворова Рымникскаго». Въ распоряженіи автора были нѣкоторые неизданные матеріалы, сообщенные ему графомъ А. А. Каменскимъ.

П. Гейсманъ.

Каменскій 1-й, графъ *Сергѣй Михайловичъ*, старшій сынъ генералъ-фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго, род. 5 ноября 1771 г. (по другимъ показаніямъ 1772 г.), ум. 8 декабря 1835 г. Онъ воспитывался, какъ и братъ его Николай, въ кадетскомъ корпусѣ; вообще же отецъ, любя его менѣе, чѣмъ младшаго его брата, менѣе и заботился о его воспитаніи и образованіи. На службу зачисленъ въ 1774 г. корнетомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; въ 1777 г. переведенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, а 5 мая 1789 года произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ. Въ этомъ же году онъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи, въ бояхъ при Максименахъ и Галацѣ.

Въ 1790 году, участвуя въ войнѣ противъ шведовъ, Каменскій заслужилъ одобреніе фельдмаршала графа Салтыкова. Въ 1791 году онъ былъ отправленъ въ армію князя Репнина и отличился при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай; въ компаніяхъ противъ поляковъ въ 1792 и 1794 гг. участвовалъ въ сраженіяхъ: при Щекоцинахъ 27 мая, при Песочномъ, при отраженіи вылазки изъ Варшавы 27 іюня, при Мацѣвицахъ 29 сентября и въ штурмѣ Праги 24 октября 1794 года, при чемъ раненъ въ животъ картечною пулею; 8 мая 1794 г. былъ назначенъ командиромъ 3-го баталіона Екатеринославскаго егерскаго корпуса (иначе полка); въ послѣднюю кампанію ему приходилось нерѣдко командовать полкомъ. За отличія въ эту же кампанію онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени и золотой крестъ за штурмъ Праги. 1 января 1797 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, а 14 марта 1798 г. въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Полоцкаго мушкетерскаго полка; но вскорѣ онъ попалъ въ немилость и былъ уволенъ отъ службы 3 іюня того же года. 26 марта 1801 года онъ былъ вновь опредѣленъ на службу, а 19 августа того же года назначенъ шефомъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка.

Въ кампанію 1805 года С. М. Каменскій находился въ корпусѣ графа Буксгевдена, а въ сраженіи при Аустерлицѣ въ колоннѣ графа Ланжерона. Три блестящихъ атаки бригады Каменскаго противъ дивизіи С.-Илера хотя и замедлили нѣсколько наступленіе корпуса Сульта, но не могли остановить его. Кутузовъ, присутствовавшій при этихъ атакахъ, самъ призналъ невозможность держаться долѣе и отступилъ съ бригадою Каменскаго къ Гостіерадеку. Дѣйствія Каменскаго въ этомъ сраженіи вообще обнаружили въ немъ способность къ правильной оцѣнкѣ обстановки въ критическихъ моментахъ боя и умѣстное проявленіе собственной иниціативы. За отличіе въ сраженіи при Аустерлицѣ Каменскій былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-го класса. 15 іюня 1806 года Каменскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 12-й дивизіи, а затѣмъ командиромъ корпуса въ арміи Михельсона, открывшей операціи противъ турокъ. Выступивъ 24 ноября изъ Могилева на Днѣстрѣ, Каменскій 8 декабря былъ уже въ Бырладѣ. Въ это время главнокомандующій приказалъ: отряду князя Долгорукова (3,000 ч.), отправленному Милорадовичемъ изъ Галаца для занятія Обилештъ, съ цѣлью уничтоженія непріятельскихъ партій, появлявшихся для грабежа со стороны Туртукая и Силистріи, поступить подъ начальство Каменскаго; тремъ баталіонамъ изъ состава корпуса Каменскаго занять Галацъ, а самому Каменскому съ остальными войсками двинуться далѣе на югъ, войти въ связь съ корпусомъ Милорадовича, занимавшимъ Букарештъ, обезпечивать сообщенія съ Яссами и наблюдать теченіе Дуная отъ Туртукая до Галаца и особенно Браиловъ.

Въ 1807 году арміи Михельсона было приказано ограничиться оборономъ дунайскихъ княжествъ. Михельсонъ поставилъ себѣ ближайшею цѣлью взять Измаилъ, а Каменскому приказалъ отражать наступательныя покушенія непріятеля изъ Браи-

лова и Силистріи. Каменскій обратилъ особенное вниманіе на Браиловъ, къ сторонѣ коего ему было приказано произвести демонстрацію; по свѣдѣніямъ Каменскаго турки собрали въ Браиловѣ до 15,000 человѣкъ и отъ великаго визиря ожидали еще отряда тысячъ въ 12. 21 мая Каменскій узналъ о прибытіи въ Браиловъ 8,000 анатолійцевъ и о намѣреніи противника дѣйствовать наступательно противъ отдѣльныхъ частей его корпуса. Онъ рѣшился предупредить непріятеля. 22 мая онъ выступилъ съ мѣста своего расположенія и двинулся къ Браилову, чтобы захватить иниціативу въ дѣйствіяхъ. Весь свой корпусъ, кромѣ Галацкаго отряда, онъ сосредоточилъ у Визирскаго брода (на р. Бузео) и совершивъ трудный ночной переходъ, подъ проливнымъ дождемъ, подошелъ къ 9-ти часамъ утра къ селенію Гаджи-Хапитанъ-Мегметъ, которое было окружено и занято казаками. Затѣмъ Каменскій двинулся далѣе, остановился на удобной позиціи въ 4-хъ верстахъ отъ Браилова и построилъ боевой порядокъ. Высланные отсюда конные отряды донесли, что ближайшія къ крѣпости деревни уже очищены турками, а плѣнные показали, что изъ Браилова вышелъ отрядъ въ 5,000 отборной конницы къ с. Одай, намѣреваясь сдѣлать оттуда поискъ на Слободзею. Почти немедленно вслѣдъ за прибытіемъ Каменскаго, отрядъ этотъ, узнавъ объ опасности, угрожавшей Браилову, возвратился въ крѣпость. Тогда Каменскій рѣшилъ попытаться выманить непріятеля въ поле, дабы затѣмъ разбить его. Въ 10 часовъ утра 24 мая онъ двинулся къ Браилову, построивъ войска въ пять каре, съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, но внѣ выстрѣловъ крѣпостной артиллеріи, затѣмъ повернулъ вправо и произвелъ фланговое движеніе вдоль западной части Браилова, какъ бы желая обойти крѣпость и примкнуть правымъ флангомъ къ Дунаю. Тогда непріятель выслалъ въ поле до 15,000 конницы, которая стремительно понеслась въ атаку, стараясь охватить наши войска со всѣхъ сторонъ и направивъ свои усилія главнымъ образомъ на два лѣвыя каре; завязался бой, въ которомъ скоро приняла участіе и вышедшая изъ крѣпости пѣхота; турки нѣсколько разъ возобновляли атаку, но наконецъ были совершенно отбиты и въ безпорядкѣ отступили въ крѣпость, потерявъ до 2,000 человѣкъ; наши войска потеряли около 100 человѣкъ. Объ этомъ боѣ Каменскій доносилъ главнокомандующему: «я не найду словъ, какъ нахвалиться ревностью и усердіемъ всѣхъ войскъ вообще, кои, не смотря ни на погодицу, ни на дурную дорогу и на отдаленность разстоянія, ничего такъ не желали, какъ скорѣе повстрѣчаться съ непріятелемъ». Войска просились даже на штурмъ Браилова, но Каменскій, имѣя въ виду неизбѣжность большихъ потерь и назначеніе своего корпуса поддерживать, въ случаѣ надобности, Милорадовича, не счелъ возможнымъ штурмовать крѣпость. Предавъ огню окрестныя мусульманскія селенія, онъ возвратился, въ этотъ же день, на лѣвый берегъ р. Бузео. Результатомъ этихъ дѣйствій было лишеніе турецкихъ войскъ, находившихся въ Браиловѣ, возможности предпринять, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, наступательныя дѣйствія, а это до извѣстной степени облегчало весьма затруднительное положеніе Милорадовича, которому угрожали главныя силы турокъ. За отличія въ бояхъ 23 и 24 мая подъ Браиловымъ Каменскій былъ награжденъ брилліантовыми знаками ордена св. Анны 1-го класса.

Въ теченіе второй половины 1807 и всего 1808 гг. происходили переговоры о перемиріи и военныхъ дѣйствій почти не было. Въ 1809 г. новый главнокомандующій, князь Багратіонъ, назначилъ Каменскаго командовать корпусомъ, занимавшимъ Исакчу и Тульчу. Предполагая наступать съ главными силами къ Силистріи, Багратіонъ приказалъ Каменскому выслать отрядъ для занятія Бабадага и вообще обезпечивать тылъ арміи. Послѣ побѣды при Расеватѣ, корпусъ Каменскаго былъ переведенъ 22 сентября въ Кюстенджи; 24 сентября ему было приказано приблизиться къ Силистріи; въ виду предполагаемаго непріятельскаго десанта на берега Добруджи и наступленія турокъ изъ Варны, Каменскій 26 сентября былъ направленъ къ Базарджику и далѣе къ Варнѣ. По снятіи осады Силистріи и отступленіи арміи къ Черноводамъ, Каменскому было приказано отойти къ Кюстенджи, а по окончаніи операцій этого года и по переходѣ арміи на лѣвый берегъ Дуная, онъ вступилъ въ командованіе корпусомъ Милорадовича и остался съ нимъ на правомъ берегу Дуная, занимая Гирсову, Исакчу и Мачинъ.

По назначеніи главнокомандующимъ мол-

давскою арміею генерала-отъ-инфантеріи Н. М. Каменскаго 2-го, Каменскій 1-й очутился подъ непосредственнымъ начальствомъ своего младшаго брата и, повидимому, былъ этимъ очень недоволенъ. Въ маѣ 1810 г. ему было приказано овладѣть Базарджикомъ, занятымъ турецкимъ корпусомъ Пегливана-паши (до 10,000 чел.). 20 мая Каменскій 1-й сосредоточилъ у с. Мусабей всѣ свои силы (14,000 пѣхоты и 4,700 кавалеріи), 21 произвелъ рекогносцировку укрѣпленій Базарджика и 22 аттаковалъ его. Дѣло началось сильною перестрѣлкою; около трехъ часовъ дня русскій огонь началъ ослабѣвать, а въ 3 часа Каменскій подалъ сигналъ къ штурму; турки, никакъ не ожидавшіе штурма днемъ, не были готовы къ надлежащему отпору; ихъ сопротивленіе было слабо; русскіе же солдаты нападали съ чрезвычайною отвагою. Спустя часъ послѣ начала штурма Базарджикъ былъ взятъ съ 68 знаменами, 17 исправными орудіями, значительнымъ запасомъ пороха и 2,058 плѣнными, въ числѣ коихъ находился и самъ Пегливанъ-паша. Спаслось едва ли болѣе 150 турокъ, а болѣе восьми тысячъ ихъ положено было на мѣстѣ. Наши войска потеряли 883 человѣка. Участвовавшимъ въ Базарджикскомъ штурмѣ генераламъ и офицерамъ были пожалованы особые золотые кресты, солдатамъ серебряныя медали на георгіевской лентѣ, а самъ Каменскій 1 произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

По взятіи Базарджика были заняты Козлуджи и Іени-Базаръ, разъѣзды доходили до Варны. Въ іюнѣ С. М. Каменскій съ своими войсками принялъ участіе въ операціяхъ главныхъ силъ арміи противъ Шумлы подъ начальствомъ самаго главнокомандующаго, при чемъ, во время атаки 11 іюня, не исполнилъ диспозиціи, двигался медленно, и даже отсталъ на мѣстѣ ночлега, «подъ предлогомъ усталости людей», въ то время, какъ его отрядъ долженъ былъ первымъ ударить на врага; благодаря главнымъ образомъ этому, атака Шумлы и окончилась неудачею. По выступленіи главнокомандующаго Каменскаго изъ подъ Шумлы къ Рущуку, С. М. Каменскій оставленъ былъ въ составѣ войскъ, наблюдавшихъ Шумлу; 8 іюля онъ поддержалъ корпусъ Ланжерона, противъ направленной на него атаки турокъ. 23 іюля визирь произвелъ изъ Шумлы атаку отряда С. М. Каменскаго; но послѣ упорнаго боя турки были отражены съ такимъ урономъ, что визирь болѣе уже не рѣшался выступать изъ Шумлы. Эта побѣда С. М. Каменскаго имѣла особенно важное для насъ значеніе потому, что наканунѣ подъ Рущукомъ самъ главнокомандующій Н. М. Каменскій потерпѣлъ серьезную неудачу, такъ какъ турки отбили штурмъ, при чемъ русскіе потеряли 8,000 человѣкъ. За побѣду свою С. М. Каменскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2 ст. Но не смотря на одержанный успѣхъ, онъ доносилъ главнокомандующему о невозможности оставаться подъ Шумлою въ виду недостатка воды и фуража и былъ передвинутъ съ своими войсками къ Рущуку; здѣсь участвовалъ, подъ начальствомъ брата, въ операціяхъ его арміи до конца этой кампаніи, въ томъ числѣ въ сраженіи при Батынѣ 26 августа, командуя правымъ крыломъ, которое разбило лѣвый флангъ непріятеля и овладѣло тремя его укрѣпленіями и болѣе всѣхъ способствовало полному пораженію непріятеля.

Въ кампанію 1812 года Каменскій 1-й командовалъ корпусомъ, входившимъ въ составъ 3-й резервной обсерваціонной арміи генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. Его подчиненный Чаплицъ участвовалъ въ бою при Кобринѣ 15 іюля, а весь его корпусъ въ сраженіи при Городечнѣ 31 іюля. Каменскій, будучи въ это время больнымъ, сдалъ корпусъ князю Щербатову, а вскорѣ послѣ того былъ зачисленъ по арміи и состоялъ въ отпуску.

Въ вышеуказанныхъ походахъ и сраженіяхъ онъ обнаружилъ несомнѣнную храбрость, распорядительность и вообще способность командовать войсками на войнѣ и въ бою, но онъ не умѣлъ (или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не хотѣлъ) повиноваться на точномъ основаніи правильно понимаемаго служебнаго долга, что привело его къ поведенію, несогласному съ требованіями военной дисциплины въ кампанію 1810 г., подъ начальствомъ Н. М. Каменскаго, главнымъ же образомъ при атакѣ Шумлы 11 іюня. Только снисходительность его брата главнокомандующаго спасла его отъ отвѣтственности, но даже и послѣдующіе его успѣхи не изгладили въ душѣ императора Александра I неудовольствія на него; болѣзнь же во время Отечественной войны и разныя его чудачества еще болѣе ему повредили; 6 марта 1822 года онъ былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ.—Оставивъ дѣйствительную службу, С. М. Ка-

менскій поселился въ Орлѣ и зажилъ богатымъ бариномъ, удивляя всѣхъ своими странностями и еще больше своею расточительностью. Расточительностью отличался онъ всю свою жизнь: еще въ молодости, пользуясь именемъ своего отца, онъ входилъ въ большіе долги. Послѣ смерти отца и младшаго брата, унаслѣдовавъ большую часть ихъ имуществъ, онъ сдѣлался богачемъ и имѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, что и дало ему средства къ его широкой жизни: онъ держалъ открытый столъ, къ которому могъ приходить каждый порядочно одѣтый человѣкъ; имѣлъ собственный театръ и труппу актеровъ, 80 человѣкъ музыкантовъ, обмундированныхъ по военному образцу; дворня его состояла изъ 400 человѣкъ и т. п. Но на такую жизнь не хватило и его состоянія и онъ умеръ раззорившимся.—Въ частной жизни С. М. Каменскій отличался своеволіемъ, боялся только отца; отношенія его къ брату Николаю не были хороши, а послѣ его смерти онъ избѣгалъ даже говорить о своей боевой жизни, дабы не вспоминать объ обогнавшемъ его по службѣ младшемъ братѣ. — Онъ былъ женатъ на Акулинѣ Васильевнѣ Куриловой и отъ него идетъ существующій и нынѣ родъ графовъ Каменскихъ.

Сверхъ источниковъ для біографіи графа С. М. Каменскаго, общихъ съ источниками для біографій отца его, фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго, и брата, гр. Н. М. Каменскаго см. еще: Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 г.»; «Военный Сборникъ», статьи Н. Дубровина; Высочайшіе приказы по военному вѣдомству; Костомаровъ, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой»; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе отечественной войны 1812 года»; «Русскій Архивъ», 1880, II; «Русская Старина», 1875 г. № 3, 8; 1881 г. № 1; формулярный списокъ гр. С. М. Каменскаго, состав. въ 1811 г.

П. Гейсманъ.

Камеронъ, *Карлъ Карловичъ* (Charles Cameron), архитекторъ. Несмотря на всю значительность, по своему времени, этого художника, біографическія данныя о немъ весьма скудны: иностранные словари о немъ умалчиваютъ послѣ его переселенія въ Петербургъ, а въ русскихъ источникахъ упоминаются только нѣкоторыя изъ его сооруженій. Лишь изъ писемъ Екатерины къ Гримму мы узнаемъ, что онъ былъ родомъ шотландецъ, по убѣжденіямъ якобинецъ, учился много лѣтъ на антикахъ въ Римѣ, гдѣ и издалъ въ 1772 (всего въ числѣ 50 экземпл.) свое изслѣдованіе о римскихъ баняхъ къ очеркомъ исторіи искусствъ въ Римской Имперіи («The Baths of the Romans explained and illustrated..., to which is prefixed... a dissertation on the state of the arts during the different periods of the Roman Empire»), а затѣмъ строилъ въ Царскомъ Селѣ: висячіе сады съ купальней внизу и галлереей вверху (1779), отдѣлывалъ новые апартаменты для императрицы по рисункамъ Клериссо, котораго онъ особенно высоко цѣнилъ (1781), сооружалъ большую лѣстницу, ведущую на Іоническую галлерею его имени въ Большомъ дворцѣ (1783), наконецъ, выстроилъ церковь въ Софіи за старымъ садомъ (модель ея была прислана имъ въ Академію Художествъ въ 1781 г.), а также Китайскую деревню въ новомъ саду (1782—1788). Затѣмъ имъ произведена была въ 1782—1784 гг., на мѣстѣ возведеннаго имъ же домика Паульлустъ перестройка Большаго дворца въ Павловскѣ (погорѣвшаго въ 1803), одновременно съ другими сооруженіями, какъ напр.: мостомъ черезъ Славянку, «храмомъ дружбы», каскадомъ, колоннадой и проч. Въ 1805 г. Камеронъ состоялъ членомъ по части строеній Кронштадтской экспедиціи для поправленія портовъ, а въ 1807 г. считался уже бывшимъ адмиралтейскимъ архитекторомъ, продолжая свою службу при Кабинетѣ Его Величества, гдѣ при немъ состояли бывшіе ученики Академіи Художествъ по архитектурѣ: въ 1786 г.—Ив. Расторгуевъ и Пав. Лукинъ, съ 1802 г —Мих. Войловъ, Ѳед. Уткинъ и Ал. Шмидтъ, съ 1811 г.—Ал. Волковъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не встрѣчается.

«Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.», XXIII, 157—158, 179, 196, 207, и 602; Ил. Яковкинъ, «Описаніе Села Царскаго», 1830, стр. 33—34 и 61; В. Бурьяновъ, «Прогулка съ дѣтьми по С.-Петербургу», 1838, III, 101, 116—117 и 121; Ив. Пушкаревъ, «Описаніе С.-Петербурга» 1842, IV, 51, 63—64 и 72; «Мѣсяцесловъ на 1840 г.», с. 176; П. Шторхъ, «Путеводитель по Павловску», 1843 г.; «Павловскъ, очеркъ исторіи и описаніе 1777—1877», с. 23, 25—32, 35, 37, 401, 520, 525, 528, 532, 543, 546—547 и 550; Nagler's «Künstler-Lexikon», II, 356; Адресъ-Календарь 1805, I, 309; въ архивѣ Академіи Художествъ дѣло 1781 г., № 6; «Сборникъ матер. для исторіи Акад. Художествъ», II. Н. Петрова, I, 239—240, 498, 291, 429—430, 555.

Н. Собко.

Каминскій, *Александръ Валентиновичъ*, академикъ живописи. Род. въ 1823, ум. въ мартѣ 1886 г. въ Варшавѣ. Получивъ художественное образованіе въ Академіи Художествъ, онъ отправился въ

1847 г. заграницу пенсіонеромъ Царства Польскаго и пробылъ тамъ 12 лѣтъ, сдѣлавшись изъ учениковъ А. Т. Маркова ученикомъ Поля Деляроша; по возвращеніи въ Варшаву онъ занялъ должность преподавателя въ мѣстной художественной школѣ, а въ 1860 г. возведенъ былъ Академіей въ званіе академика. Изъ его работъ появлялись на петербургскихъ выставкахъ: въ 1846—«Бѣднякъ слѣпой съ мальчикомъ», доставившій художнику золотую медаль за экспрессію, въ 1858 г. копія съ Микель-Анджело, исполненная по заказу императрицы Александры Ѳеодоровны (эскизъ для этой картины былъ пріобрѣтенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа для мѣстной Художественной школы), въ 1860 портреты г-жи Заржецкой, брата и матери художника.

Некрологъ въ «Хужеств. Новостяхъ» 1886, № 6, с. 192; «Сборн. матер. для исторіи Акад. Худож.», Петрова III, 65, 66, 71, и 335, и «Указат. выставки въ Акад. Худож.» 1860, с. 15.; «Иллюстрація» 1866, № 40; «Иллюстр. Газета», 1867, № 17; «Живопис. Обозрѣніе», 1878, № 5.

Н. С.

Каминскій, *Викторъ Кирилловичъ*, род. 28 октября 1808 г., ум. въ 1865 г. Окончилъ курсъ въ 1831 г. въ гимназіи князя Безбородко; увлекаясь математикой онъ отказался отъ представлявшагося ему лучшаго мѣста, чтобы поступить преподавателемъ любимаго предмета; въ 1834 — 1850 гг. служилъ въ Новгородскомъ и Полтавскомъ кадетскихъ корпусахъ. Разстроенное здоровье принудило его оставить службу, онъ уѣхалъ заграницу, гдѣ здоровье его поправилось и дало ему возможность предпринять продолжительное путешествіе на Востокъ, описанное имъ въ книгѣ «Воспоминанія поклонника Св. Земли» (1855 и второе изданіе 1856). Совершивъ второе путешествіе въ Іерусалимъ, Сирію и Аравію, онъ умеръ въ Іерусалимѣ во время третьяго своего пребыванія тамъ; погребенъ на Сіонской горѣ.

«Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко», 398.

Каминскій, *Цезарь Францовичъ*, род. въ 1765 г., ум. 20 марта 1827 г., базиліанинъ, докторъ богословія и философіи, адъюнктъ астрономіи Виленскаго университета. Воспитывался въ школѣ базиліанской, въ 1781 г. вступилъ въ монашество въ Березовецкомъ базиліанскомъ монастырѣ, въ 1790 г. рукоположенъ во священники, затѣмъ учился въ Римѣ. Въ 1797 г. литовская эдукаціонная комиссія назначила Каминскаго адъюнктомъ астрономіи и помощникомъ астронома обсерватора главной литовской школы. По выходѣ въ отставку профессора Решке въ 1808 г. Каминскій до 1814 г. преподавалъ астрономію по новой имъ самимъ составленной программѣ. Онъ два раза былъ избираемъ провинціаломъ Литовской провинціи. Умеръ аббатомъ базиліанскаго монастыря въ Лѣщѣ, въ Пинскомъ уѣздѣ.— Онъ былъ дѣятельнымъ защитникомъ базиліанскаго ордена въ дореформенномъ періодѣ уніи въ Западной Россіи.

Bielinski, «Stan nauk»; «Христіанское Чтеніе», 1889, № 5—6.

Каміонко, *Валеріанъ Генрихъ*, епископъ администраторъ римско-католической епархіи, род. въ 1767 г., ум. 26 августа 1840 г.Въ 1785 г. получилъ степень доктора богословія въ Виленскомъ университетѣ, въ 1789 г. рукоположенъ во священника, въ 1790—1799 гг. былъ начальникомъ въ разныхъ монастыряхъ; въ 1802 — 1817 г. былъ секретаремъ при митр. Сестренчевичѣ; въ 1817 назначенъ и утвержденъ папою въ санѣ епископа абдеританскаго; въ 1833 г. назначенъ администраторомъ могилевской епархіи; въ 1838 году по прошенію уволенъ отъ должности. Отличался благотворительностью, построилъ на собственный счетъ два храма и щедро помогалъ бѣднымъ.

«Могилев. губ. вѣд.», 1840, № 36.

Кампенгаузенъ, баронъ *Балтазаръ Балтазаровичъ*, государственный контролеръ и управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, род. въ Лифляндіи, въ Ленценгофѣ, 5 января 1772 г., ум. въ Петербургѣ 11 сентября 1823 г. Онъ былъ сынъ барона Балтазара Ивановича, почетнаго опекуна, и внукъ перваго барона Кампенгаузена, Іоанна-Балтазара. Послѣ первоначальнаго образованія въ частной школѣ въ Ригѣ, слушалъ съ 1789 по 1791 г. лекціи въ университетахъ Лейпцигскомъ, Виттембергскомъ и Геттингенскомъ. Въ Геттингенѣ онъ былъ избранъ въ члены королевскаго общества наукъ и въ корреспонденты королевскаго института историческихъ знаній за свой докладъ «Entvürfe zu physikalischen Völker-Religions- und Kultur-Karten des russichen Reichs». Въ 1792 г. Кампенгаузенъ возвратился въ Россію и гр. Я. Е. Сиверсъ, отправляв-

шійся въ то время посломъ въ Польшу, взялъ его съ собою; въ августѣ 1793 г. онъ привезъ въ Петербургъ актъ о второмъ раздѣлѣ Польши, принятый на гродненскомъ сеймѣ, и получилъ въ награду чинъ коллежскаго ассесора и орденъ Св. Владиміра 4 ст. Въ 1796 г. онъ былъ при русскомъ посольствѣ въ Стокгольмѣ, въ 1798 г. назначенъ совѣтникомъ суда въ Ригѣ. Въ 1797 г., по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, ему поручено было завѣдываніе Коммерческимъ училищемъ, учрежденнымъ въ 1772 г. на средства, пожертвованныя Прокопіемъ Демидовымъ, а въ 1800 г. подъ его наблюденіемъ училище это переведено было въ Петербургъ. Въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и назначенъ членомъ Медицинской коллегіи. Въ 1801 г. онъ совершилъ путешествіе по олонецкой губерніи, для изученія ея состоянія, а въ 1802 г. выработалъ планъ учрежденія въ Петербургѣ медико-хирургическаго института. Въ 1802 же году императоръ Александръ Павловичъ отправилъ его въ порты Чернаго и Азовскаго морей, для изслѣдованія причинъ дурнаго состоянія въ нихъ торговли и для лучшаго устройства на югѣ Россіи карантинной части, въ виду господствовавшей въ Персіи и Турціи чумы. Кампенгаузенъ успѣлъ раскрыть въ таможняхъ множество безпорядковъ и съ устраненіемъ ихъ таможни Азовскаго моря въ пять мѣсяцевъ доставили сборовъ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ прежде получалось въ теченіе цѣлаго года. Въ 1803 г. Кампенгаузенъ устраивалъ карантины въ Одессѣ, Дубоссарахъ и по Днѣпру. Получивъ за свои дѣйствія нѣсколько милостивыхъ рескриптовъ отъ императора Александра и орденъ Св. Анны 1 ст., Кампенгаузенъ изъ Одессы былъ вызванъ на постъ начальника медицинской экспедиціи департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и на обратномъ пути въ Петербургъ ознакомился съ положеніемъ медицинской части во всѣхъ губерніяхъ, черезъ которыя проѣзжалъ. Вскорѣ же по вступленіи своемъ въ новую должность, Кампенгаузенъ представилъ планъ новой организаціи ввѣренной ему экспедиціи, который и былъ осуществленъ. Въ 1805 г. Кампенгаузенъ былъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ, но вскорѣ снова возвратился въ Петербургъ, сблизился со Сперанскимъ и, вмѣстѣ съ гр. Северіномъ Потоцкимъ, В. П. Кочубеемъ, Н. С. Мордвиновымъ и М. А. Балугьянскимъ, составлялъ интимный кружокъ Сперанскаго, въ которомъ этотъ послѣдній развивалъ и вырабатывалъ свой планъ государственныхъ реформъ. Въ 1810 году Кампенгаузенъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ государственнымъ казначеемъ; 28 января 1811 г. назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Съ учрежденіемъ въ 1811 году Государственнаго Контроля онъ былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ и на его долю выпало выработать ближайшимъ образомъ порядокъ веденія дѣлъ въ этомъ новомъ учрежденіи, опредѣлить какіе и какъ должны быть представляемы въ Государственный Контроль отчеты. Въ 1817 году онъ былъ, вмѣстѣ съ А. А. Саблуковымъ, членомъ коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ Н. С. Мордвинова для изслѣдованія дѣлъ о злоупотребленіяхъ при снабженіи русской арміи въ 1812 г. провіантомъ, и былъ главнымъ дѣятелемъ этой коммиссіи. Въ 1821 г. онъ былъ членомъ комитета для разсмотрѣнія отчета о Сибири и комитета для пріисканія новыхъ источниковъ доходовъ. Въ іюлѣ 1823 г. онъ былъ призванъ занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Кампенгаузенъ не успѣлъ произвести на этомъ новомъ высокомъ мѣстѣ ничего сколько нибудь значительнаго; издано было только подготовленное еще при кн. В. П. Кочубеѣ измѣненіе въ устройствѣ приказовъ общественнаго призрѣнія, да учреждены эти приказы въ Таганрогѣ и Одессѣ. Въ августѣ того же года лошади понесли карету Кампенгаузена, онъ разшибся, сломалъ себѣ руку и, будучи вообще крайне слабъ здоровьемъ, не вынесъ этой болѣзни и 11 сентября 1823 г. умеръ.—По отзывамъ современниковъ онъ отличался обширными и основательными познаніями, умомъ истинно государственнымъ, высокою честностью и трудолюбіемъ.—Баронъ Кампенгаузенъ издалъ (на нѣмецкомъ языкѣ) нѣсколько сочиненій: «Основанія россійскаго государственнаго права» (1792); «Опытъ географическо-статистическаго описанія намѣстничествъ Россійской имперіи. Тетрадь I. Намѣстничество Олонецкое» (1793); «Избранныя топографическія достопамятности С.-Петербургской губерніи» (1797); «Лифляндскій магазинъ» ч. 1 (1803; вторая часть, уже готовая къ печати, была утрачена послѣ смерти изда-

теля, взявшагося ее напечатать); «Генеологическо-хронологическая исторія дома Романовыхъ» (1805).

Napiezsky, «Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-lexicon der Provinzen Lif-Est-und-Kurland», I, 322—326; Варадиновъ, «Исторія Министерства Внутр. Дѣлъ», т. II, кн. II, 289, 297—300; «Журналы Комитета Министровъ»; «Архивъ Госуд. Совѣта», т. IV; Иконниковъ, «Гр. Н. С. Мордвиновъ», Ш, 116. Вигель, «Записки», Ш, 116.

Кампенгаузенъ, баронъ *Иванъ Ивановичъ* (Iohann Balthasar), род. въ Стокгольмѣ 30 іюня 1689 г., ум. въ Петербургѣ, 28 февраля 1758 г. Учился въ рижскомъ Лицеумѣ, еще очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ военную службу, въ чинѣ капитана участвовалъ въ Полтавской битвѣ и затѣмъ былъ при Карлѣ XII во все время пребыванія его въ Бендерахъ. Потомъ онъ думалъ было поступить на службу въ Польшѣ, но отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ ему предложили принять католичество. Въ 1711 г. онъ вступилъ на русскую службу, въ 1712 г. былъ произведенъ въ полковники и сдѣланъ шефомъ гренадерскаго полка, въ 1721 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1742 г. въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-губернаторомъ въ части Финляндіи, которую тогда занимали русскія войска; при уступкѣ Швеціи этой территоріи Кампенгаузенъ, съ согласія русскаго правительства, получилъ отъ шведскаго баронскій титулъ. Съ 1721 г. онъ былъ ландратомъ рижскаго крейса и оказалъ существенныя услуги мѣстному населенію своими заботами о народномъ образованіи и особенно—возстановленіемъ рижскаго Лицеума. Его сынъ, баронъ Балтазаръ Ивановичъ, род. 28 ноября 1745 г., умеръ 12 іюня 1800 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи почетнаго опекуна; сынъ этого послѣдняго, внукъ перваго барона Кампенгаузена, былъ государственнымъ контролеромъ.

Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller-und-Gelehrten-Lexicon der Prarnzen Liv-Est und-Kurland», II, 321, 326—327.

Кампіони, *Сантинъ Петровичъ*, орнаментальный скульпторъ. Род. въ 1774 г. въ Варезѣ близъ озера Комо, ум. 27 января 1847 г. въ Москвѣ. Онъ обучался своему искусству у Бола въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ въ 1783 г., а въ 1795 переселился въ Москву. Лишившись на 15 году отца, онъ сдѣлался хозяиномъ заведенія, въ которомъ производились мраморныя и бронзовыя работы; мастерская его существовала болѣе 50 лѣтъ, а домъ его служилъ мѣстомъ собраній для иностранныхъ художниковъ, пріѣзжавшихъ въ первопрестольную столицу. Его трудами украсились многія казенныя и частныя зданія, какъ напр.: церкви при больницахъ Голицынской и Шереметевской, придѣлы въ Новомъ Іерусалимѣ, дома Благороднаго собранія, гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ, гр. Шереметева въ Останкинѣ, кн. Юсупова въ Архангельскомъ и гр. Орловой. Особеннаго искусства онъ достигъ въ приготовленіи имитаціи пестраго мрамора; послѣднія его работы въ этомъ родѣ исполнены были въ новомъ Кремлевскомъ дворцѣ изъ камня, найденнаго въ коломенскомъ уѣздѣ.

«Моск. Город. Листокъ», 1847 г., № 26; Н. Иванчинъ-Писаревъ, «Прогулка по древ. коломенскому уѣзду». с. 115. *Н. С.*

Кампорези, *Франческо*, архитекторъ и граверъ въ Москвѣ. Онъ докончилъ строеніе Екатерининскаго дворца, исправлялъ домъ гр. Орлова-Денисова, бывшій гр. Растопчина и строилъ, на Тверской, ротонду для панорамы въ 1806 г.; существуетъ изображеніе церкви Николы въ Стаянахъ, награвированное имъ акватинтой.

«Русская Старина», Мартынова и Снегирева, изд. 2-е, годъ 3-й, с. 136, «Моск. Вѣдом.» 1806 г. с. 1487. *Н. С.*

Кандорскій, *Иванъ Михайловичъ*, протоіерей московской Варваринской, что на Варваркѣ, церкви, начала XIX стол.: до 1800 г., былъ священникомъ Никитской, за Яузою, церкви; въ санъ протоіерея возведенъ 1 мая 1810 года. Другихъ свѣдѣній о его жизни не имѣется. Онъ оставилъ послѣ себя довольно много сочиненій и переводовъ духовно-нравственныхъ книгъ, какъ то: «Образованіе духа и сердца въ непрестанномъ богомысліи» (М. 1799 г.); «Миръ души, проистекающій изъ соблюденія мира съ Богомъ, съ самимъ собою и съ ближними», въ 2-хъ частяхъ, переводъ съ французскаго (М. 1807 г.); «Благословенный зритель природы, или утреннія, полуденныя, вечернія и нощныя размышленія славнаго Гервея», перев. съ французскаго (М. 1800 г.); «Жертва величію Божію, или умиленныя мысли о дѣлахъ Его», въ 4-хъ частяхъ (М. 1801 г.); «Духъ, или избранныя мысли изъ душеспасительныхъ поученій московскаго митрополита Платона», въ 2-хъ частяхъ (М. 1804 г.); «Вѣра честнаго че-

ловѣка, самымъ сильнымъ образомъ отражающая противниковъ христіанства», переводъ съ французскаго (М. 1803 г.); «Литтеральное и нравственное изъясненіе молитвы Господней: Отче нашъ» (М. 1806 г.); «Нравственный пластырь для такъ называемыхъ старообрядцевъ, или доброжелательное посланіе отъ нѣкоего ревнителя по благочестіи грекороссійской церкви къ наставнику ѳеодосіевскаго согласія», въ 2-хъ частяхъ (М. 1811 г.) и другія.

«Дѣла Архива Св. Синода» 1807 г., №№ 725 и 748; Филаретъ, «Обзоръ русско-духовной литературы»; Геннади, «Словарь». *Здр.*

Кандорскій, *Илья Михайловичъ*, священникъ московской Покровской, что въ Кудринѣ, церкви; жилъ въ концѣ XVIII столѣтія; духовный писатель и переводчикъ духовно-нравственныхъ книгъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ. Изъ сочиненій его можно видѣть, что онъ велъ уединенную жизнь. Ему принадлежатъ: «Христіанинъ, здраво разсуждающій о презрѣніи суетъ мірскихъ», въ 3-хъ частяхъ, переводъ съ латинскаго (М. 1795 г.). «Сердечныя чувствованія, излитыя отъ отца къ сыну при послѣднихъ часахъ жизни» (М. 1798 г.); «Духовное уединеніе, служащее къ возстановленію для христіанина добрыхъ его правилъ», переводъ съ иностраннаго (М. 1799 г.).—Остальныя сочиненія, иногда приписываемыя ему, принадлежатъ протоіерею Ивану Кандорскому.

Филаретъ, «Обзоръ рус. дух. лит.»; Геннади: «Словарь». *Здр.*

Каневскій, *Ксаверій Ксаверіевичъ*, академикъ живописи. Род. въ октябрѣ 1804 г., ум. 1 апрѣля 1867 г. въ Варшавѣ. Студентъ Виленскаго университета, и потомъ пенсіонеръ его въ Академіи Художествъ (съ 1827 г.), онъ получилъ отъ послѣдней: 2-ю и 1-ю серебряныя медали за рисунки (въ 1828 и 1829 г.) и 2-ю золотую — за программу «Довѣріе Александра Македонскаго къ врагу Филиппу», которая и появилась на академической выставкѣ 1830 г. вмѣстѣ съ портретами его работы: гр. Витгенштейна, кн. Шихматова, Соколова, г-на и г-жи Бучинскихъ, и копіей съ Рубенса «Вода и земля», а затѣмъ возведенъ въ званіе свободнаго художника въ 1833 г. Послѣ того, уже въ качествѣ заграничнаго пенсіонера отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, онъ исполнилъ: портретъ в. к. Михаила Павловича (грав. Іорданомъ въ 1837 г.), «голову турка» и акварель «дѣти кн. Боргезе» (были выставлены въ Римѣ въ 1837 г.), а также копіи съ Рафаэля: «Madonna di Foligno» (1835 г.) и «Осада Рима Атиллой» (1840 г.), появившіяся на академическихъ выставкахъ 1836 и 1842 гг., и съ картины Даніеля-Вольтерра «Снятіе со креста» (находится въ Академіи Художествъ). Въ 1842 г., въ бытность его уже учителемъ рисованія въ Варшавской художественной школѣ, ему задана была на званіе академика программа «Далила обрѣзаетъ волосы Самсону», но за исполненіе ея онъ былъ признанъ только назначеннымъ, на искомое же званіе дана была другая программа — портретъ князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго (20 февраля 1845 г.); за труды свои по части портретной живописи онъ былъ возведенъ въ академики 13 сентября 1845 г. Въ 1858 г., по смерти директора Варшавской художественной школы Волкова, онъ занялъ его мѣсто; въ 1865 г. предпринялъ путешествіе заграницу для ознакомленія съ устройствомъ высшихъ художественно-учебныхъ заведеній въ Европѣ; по преобразованіи же художественной школы въ Варшавѣ въ рисовальный классъ управлялъ послѣднимъ; подъ его руководствомъ образовались многіе польскіе художники.

«Сборникъ матер. для исторіи «Акад. Худож.», П. Н. Петрова, II и III, и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова; «Указатели выставокъ въ Акад. Худож.»: 1830 г., №№ 152, 169 — 173, 301; 1833 г., № 134; 1836 г., № 326; 1842 г., с. 13 и 1847 г., с. 11; «Журналъ Министерства Народнаго Просв.» 1835 г. IV, 453; «Худож. Газета» 1837 г., с. 133; 1840 г., № 1, с. 3 и 1841 г., № 4, с. 7; «Сѣв. Пчела» 1843 г., № 95, с. 378 и 1845 г., № 100, с. 398; «Литерат. Газета» 1844 г., № 43, с. 721; «Иллюстр. Газета» 1868, I, 217; «Отчетъ Акад. Худ.» 1868—1869 г., с. 13; А. Сомовъ, «Каталогъ галлереи Акад. Худ.», 1874 г., II, 187.

Н. С.

Каницъ, *Юлій Ивановичъ*, директоръ Казанской гимназіи. Происходилъ изъ дворянъ, род. въ 30-хъ гг. XVIII в., ум. въ 1781 г. Обучался съ 1744 г. по 1751 г. въ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ военной службѣ пробылъ только 2 года; былъ потомъ секретаремъ Юстицъ-коллегіи эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ; въ декабрѣ 1764 г. назначенъ «командиромъ Казанскихъ гимназій», которыми и управлялъ до смерти. Не смотря на неимѣніе спеціальной подготовки Каницъ

оказался хорошимъ педагогомъ и администраторомъ. При управленіи гимназіей, основанной въ 1758 г., ему пришлось бороться со многими неблагопріятными условіями: недостаткомъ средствъ, отсутствіемъ хорошо подготовленныхъ преподавателей; ему же пришлось пережить и осаду города Пугачевымъ въ 1774 г., даже принять участіе въ защитѣ Казани вмѣстѣ съ своимъ «корпусомъ», въ числѣ 74 человѣкъ изъ учителей, учениковъ, служащихъ при гимназіи и другихъ лицъ, а потомъ и возстановлять свое учебное заведеніе. При всемъ томъ, Каницъ умѣлъ удержать гимназію, если не въ блестящемъ, то въ довольно приличномъ состояніи. Онъ привлекалъ учителей изъ числа московскихъ студентовъ, заботился о преподаваніи языковъ, ввелъ преподаваніе татарскаго языка; поощрялъ заведенныя еще ранѣе театральныя представленія, а также литературныя чтенія. Самъ Каницъ не былъ чуждъ научнымъ занятіямъ; онъ особенно интересовался исторіей Казани; плодомъ его занятій явилось «Расположеніе древняго города Казани въ 1552 г., съ изъясненіемъ плана Казани и описаніемъ осады и взятія ея».

В. Владиміровъ, «Историческая записка о 1-й Казанск. гимн.»; А. Артемьевъ, «Казанская гимназія въ XVIII ст.» (Спб. 1874; изъ Журн. Мин. Нар. Пр.); Донесенія Каница о положеніи гимназіи въ «Библіограф. Запискахъ» 1858.

Арк. Л—нко.

Канкринъ, графъ *Валеріанъ Егоровичъ*, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, сынъ гр. Е. Ф. Канкрина, министра финансовъ род. въ 1820 г., ум. 29 ноября 1861 г. Воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, въ службу вступилъ прапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ 10 августа 1838 г. Въ 1840 г. былъ прикомандированъ къ Куринскому егерскому полку и участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ, получивъ за отличіе въ дѣлѣ при Валерикѣ орденъ св. Анны 4 ст.; 16 апрѣля 1841 г. пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта и, пробывъ нѣкоторое время въ образцовомъ пѣхотномъ и кавалерійскомъ полкахъ для усовершенствованія строевого образованія, вновь былъ командированъ 1844 г. на Кавказъ. Въ Венгерской кампаніи 1849 г. отличился въ дѣлѣ при Мюленбахѣ 31 іюля; 13 декабря 1851 г. назначенъ командиромъ Кинбурнскаго драгунскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ Восточной войнѣ, и за отличіе въ дѣлѣ 15 мая 1855 г. у Селенъ-Сакъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». 26 августа 1856 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. 9 октября 1858 г. назначенъ управляющимъ провіантскимъ департаментомъ, а 12 апрѣля 1859 года—исправляющимъ должность генералъ-кригсъ-комиссара Военнаго Министерства.

Формул. списокъ за 1859 г. въ Архивѣ Главнаго Штаба кн. 3099. *С. Н. П.*

Канкринъ, графъ *Егоръ Францовичъ*, министръ финансовъ, род. 16 ноября (по другимъ показаніямъ—8 декабря) 1774 г. въ гессенскомъ городѣ Ганау, ум. 9 сентября 1845 г. въ Павловскѣ. Двое изъ предковъ Е. Ф. Канкрина были пасторами, съ фамиліей Krebs, впослѣдствіи передѣланной на латинскій манеръ въ Cancrinus отъ cancer—ракъ. Дѣдъ Е. Ф. Канкрина былъ горный чиновникъ, а отецъ извѣстный минералогъ, въ 1783 г. поступившій на русскую службу, на должность управляющаго Старорусскими соляными варницами. Отправляясь въ Россію, родители оставили своего сына Георга (Егора) въ родномъ городкѣ Ганау, гдѣ онъ получилъ гимназическое образованіе; высшее юридико-политическое образованіе получилъ онъ въ Гиссенскомъ и Марбургскомъ университетахъ; въ этомъ послѣднемъ онъ получилъ въ 1794 г. и степень доктора правъ. Помимо юридическихъ знаній, онъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ техники; особенно любилъ онъ горное, монетное и строительное дѣло. Онъ занимался въ то же время и литературою. Среди товарищей онъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ за свои блестящія дарованія, такъ и за отзывчивость ко всему прекрасному и благородному.

Е. Ф. Канкринъ думалъ служить на родинѣ; но поступить тамъ на службу ему не удалось и въ 1797 г. отецъ вызвалъ его въ Россію. Впечатлѣніе, произведенное на молодаго человѣка Петербургомъ, было столь неблагопріятно, что онъ чуть не вернулся обратно. Тяжело было ему въ чужой незнакомой средѣ; на первыхъ порахъ пришлось перенести не мало разочарованій, лишеній и опасную болѣзнь. Е. Ф. Канкринъ, имѣвшій уже, по ходатайству отца, въ герцогствѣ Ангальтскомъ чинъ Regierungsrath'а, былъ переименованъ въ надворные совѣтники, что для его лѣтъ было

весьма крупнымъ шагомъ, но въ то же время и повредило ему, такъ какъ при незнаніи русскаго языка и русскихъ административныхъ порядковъ ему нельзя было дать должности, соотвѣтствовавшей этому чину, а чинъ мѣшалъ ему занять какую нибудь незначительную должность. Шесть лѣтъ провелъ Е. Ф. Канкринъ безъ опредѣленнаго положенія, не получая достаточной поддержки отъ отца и даже терпя нужду; это время наложило свою печать на его характеръ: онъ остался человѣкомъ самой простой, суровой жизни и чрезвычайно бережливымъ; это отразилось впослѣдствіи и на характерѣ его министерской дѣятельности. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ хлопоталъ, но безуспѣшно, о мѣстѣ учителя гимназіи, былъ коммиссіонеромъ, служилъ бухгалтеромъ у откупщиковъ. Только въ январѣ 1800 г., благодаря покровительству вице-канцлера, гр. И. А. Остермана, онъ получилъ мѣсто помощника при отцѣ въ Старой Руссѣ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ 1803 г. Е. Ф. Канкринъ назначенъ совѣтникомъ солянаго отдѣленія въ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Исполняя разныя оффиціальныя порученія по солянному и по лѣсному дѣлу, онъ ознакомился со многими мѣстностями Россіи, съ русскимъ народомъ и полюбилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ознакомился и съ русскимъ языкомъ, такъ что въ послѣдствіи свободно говорилъ и даже писалъ по-русски, хотя и съ нѣкоторыми неправильностями.

Въ 1809 г. Канкринъ сдѣланъ былъ инспекторомъ нѣмецкихъ колоній Петербургской губерніи. Полтора года этой службы, при чемъ лѣтомъ онъ жилъ близъ Стрѣльны, а зимою въ Петербургѣ, онъ называлъ потомъ самымъ счастливымъ временемъ своей жизни. Служба эта оставляла ему довольно досуга для литературныхъ занятій, которыя онъ весьма любилъ.

Именно къ этому времени относится интересное (анонимное, какъ и всѣ его сочиненія) сочиненіе «О военномъ искусствѣ», которое обратило на него вниманіе военнаго министра Барклая-де-Толи и извѣстнаго австрійскаго генерала Шфуля, почитавшагося тогда однимъ изъ авторитетовъ по военнымъ вопросамъ. Познакомившись съ Шфулемъ Канкринъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ и Александру I. Въ началѣ 1811 г. онъ, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣланъ былъ помощникомъ генералъ-провіантмейстера; въ началѣ Отечественной войны—генералъ-интендантомъ первой арміи, а въ 1813 г.—и всѣхъ русскихъ войскъ.

Надо было много знанія, энергіи и находчивости, чтобы обезпечить продовольствіе огромной арміи, съ надлежащей экономіей, при тогдашнихъ средствахъ подвоза; Е. Ф. Канкринъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что армія наша ни въ чемъ не нуждалась во все время войнъ 1812—1815 гг. Но по его собственнымъ словамъ, въ это время онъ живо почувствовалъ весь ужасъ войны и ясно понялъ все варварство средствъ, которыя онъ же вынужденъ былъ совѣтовать для продолженія войны.

Свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ на этомъ посту Канкринъ изложилъ въ запискѣ, представленной Александру I въ 1815 г., а потомъ уже въ 20-хъ годахъ въ обширномъ трудѣ о военномъ хозяйствѣ.

Благодаря умѣлой экономіи Е. Ф. Канкрина Отечественная война обошлась въ 4 года только около 400 мил. руб. съ остаткомъ въ 26 милл. руб. отъ суммъ, ассигнованныхъ на ея веденіе. А при разсчетѣ съ союзниками по продовольствію нашихъ войскъ за-границей онъ блистательно доказалъ неосновательность многихъ претензій съ ихъ стороны, такъ что вмѣсто 360 милл. руб., которыхъ требовали съ русскаго правительства союзники, пришлось выплатить всего лишь 60 мил. руб. Строгое и честное отношеніе къ дѣлу создало Канкрину массу враговъ; нашлись даже люди, формально обвинявшіе его въ злоупотребленіяхъ; но представленный имъ императору Александру I отчетъ о всѣхъ его операціяхъ заставилъ умолкнуть клеветниковъ.

Послѣ войны Канкринъ довольно долго былъ при главной квартирѣ въ Оршѣ, Могилевѣ и Шкловѣ. Пораженный безотраднымъ положеніемъ мѣстнаго крестьянства онъ составилъ, въ началѣ 1816 г., записку объ освобожденіи крестьянъ, которую и препроводилъ императору Александру въ 1818 г. По другому свѣдѣнію записка была напечатана по порученію самого Государя. (Записка эта въ переводѣ съ французскаго, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ», 1865). Это былъ цѣлый планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ. Но послѣ войны взгляды Александра I во многомъ измѣнились; а въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ онъ наталкивался на несочувствіе не только помѣщиковъ вообще, но и весьма выдающихся и отчасти близкихъ ему лицъ, каковы Растопчинъ,

Карамзинъ, Каразинъ и др. Поэтому возможно и то, что эта записка Канкрина нѣсколько повредила ему; на время по крайней мѣрѣ онъ былъ забытъ. Служебныя столкновенія Канкрина съ разными лицами, постоянная и твердая защита казеннаго интереса, преслѣдованіе взяточничества и прочихъ злоупотребленій не находили достаточной поддержки въ высшихъ сферахъ; Канкрина стали считать человѣкомъ безпокойнымъ. Утомленный безплодною борьбою онъ просилъ объ увольненіи отъ должности, которое и получилъ въ апрѣлѣ 1820 г., съ назначеніемъ въ члены Военнаго Совѣта. Въ это время австрійское правительство предложило ему перейдти на службу въ Австрію на чрезвычайно соблазнительныхъ условіяхъ; но, свыкшись уже съ Россіею и полюбивъ ее, Канкринъ рѣшительно отказался.

Работая въ званіи члена Военнаго Совѣта и участвуя въ разныхъ коммиссіяхъ, онъ не имѣлъ, однако, никакой активной роли. Но въ 1821 г. Государь вспомнилъ о немъ и взялъ его съ собою на конгрессъ въ Лайбахѣ, для обсужденія предполагавшихся военныхъ операцій по случаю волненій въ Неаполѣ и Піемонтѣ. По возвращеніи съ конгресса, Канкринъ получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи, а 22 апрѣля 1823 г. онъ смѣнилъ собою графа Гурьева въ управленіи министерствомъ финансовъ. Въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ назначеніе это было встрѣчено съ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Многіе утверждали, что этотъ мизантропъ изъ нѣмцевъ, нелюдимъ и ворчунъ, съ рѣзкими выходками и безбожно коверкающій русскій языкъ, не знаетъ и не понимаетъ Россіи и непремѣнно ее раззоритъ. Вышло, однако, напротивъ. Канкринъ оказался не только искуснымъ счетчикомъ, котораго мудрено было ввести въ заблужденіе; онъ оказался глубоко понимающимъ дѣло финансистомъ и необыкновеннымъ работникомъ. Онъ работалъ часовъ по 15 въ день, не считая пріема посѣтителей и просителей. На интриги, которыя велись противъ него постоянно, онъ отвѣчалъ презрѣніемъ, противуставляя имъ блестящіе результаты своего управленія, безпощадно обличая злоупотребленія и поражая своихъ недоброжелателей своими, иногда весьма ѣдкими, остротами. Его рѣзкія выходки и насмѣшки нажили ему, несомнѣнно, еще больше враговъ, чѣмъ нетерпимость къ злоупотребленіямъ. Тѣмъ не менѣе, никому не удалось поколебать довѣріе къ нему императора Николая и Е. Ф. Канкринъ продолжалъ, до полнаго истощенія силъ, сидѣть, какъ онъ выражался, «на огненномъ стулѣ» русскаго министра финансовъ.

Императоръ уважалъ и умѣлъ цѣнить своего министра финансовъ. Иногда Государь и министръ расходились въ воззрѣніяхъ, но по большей части дѣло устраивалось согласно мнѣнію Канкрина; Императоръ неизмѣнно благоволилъ къ Канкрину до послѣднихъ его дней.

Въ 1839 г. Канкрина постигло первое сильное потрясеніе здоровья (апоплексія) и силы его стали видимо слабѣть; противники его уже не встрѣчали въ немъ болѣе такого рѣзкаго и опаснаго оппонента, какъ прежде. Онъ сталъ проситься въ отставку, но Государь на это долго не соглашался, а только увольнялъ его нѣсколько разъ для поправленія здоровья заграницу (1840, 1841, 1843 гг.). Эти поѣздки нѣсколько укрѣпляли его; но затѣмъ силы его снова быстро падали и въ началѣ 1844 г. онъ снова и тяжело заболѣлъ. Когда онъ нѣсколько оправился, Государь дважды пріѣзжалъ къ нему и уговаривалъ оставаться въ должности; Канкринъ, однако, чувствовалъ, что силы его истощены окончательно, что онъ уже не можетъ такъ работать, какъ считалъ онъ нужнымъ, и настоялъ на своемъ рѣшеніи выйдти въ отставку. 1 мая 1844 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра финансовъ, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, и опять уѣхалъ заграницу. Лѣтомъ 1845 г. онъ вернулся и поселился въ Павловскѣ, гдѣ и скончался 9 сентября 1845 г., не переставая до послѣднихъ минутъ интересоваться наукой. Въ самый день смерти жена его читала ему политико-экономическое изслѣдованіе Коха.

Полезная дѣятельность Канкрина во все время его службы награждалась по-царски. Сверхъ чиновъ и орденовъ, до самыхъ высшихъ, и возведенія въ графское достоинство (1829 г.), онъ неоднократно получалъ аренды и крупныя денежныя награды; сверхъ того (въ 1835 г.) ему было пожаловано въ потомственное владѣніе 30 тыс. дес. земли въ Бессарабіи.

Въ слишкомъ двадцатилѣтнее управленіе Канкрина министерствомъ финансовъ экономическое положеніе Россіи поднялось весьма высоко. Систему свою, основанную главнымъ образомъ на поднятіи экономическаго благосостоянія Россіи, онъ проводилъ съ неуклонной послѣдовательностью, соблюдая при этомъ большую осторожность относительно нововведеній. «Не ломать, а постепенно улучшать» было его правиломъ. И хотя онъ любилъ говорить, что заслуга его «не столько въ томъ, что онъ сдѣлалъ, сколько въ томъ, чему помѣшалъ», но и сдѣлалъ онъ очень много, какъ въ области финансовъ, такъ и въ области народной экономіи. Главные принципы его финансово-экономической политики можно характеризовать такъ: 1) бережливость, экономія; 2) осторожность въ пользованіи государственнымъ кредитомъ; 3) крайняя осторожность въ установленіи новыхъ налоговъ; 4) поднятіе отечественной промышленности и 5) упроченіе денежной системы.

Признавая, что государственное финансовое хозяйство должно слѣдовать тѣмъ же правиламъ, что и частное, Канкринъ ставилъ бережливость весьма высоко. Прежде всего онъ позаботился объ устраненіи дефицита изъ бюджета 1823 г. Отлично зная хозяйственную часть арміи, онъ доказалъ возможность значительныхъ сокращеній бюджета по этой статьѣ; затѣмъ онъ добился нѣкоторыхъ сокращеній и по другимъ вѣдомствамъ. Канкринъ устранялъ расходы излишніе; но необходимые естественно продолжали рости и потому дефициты нерѣдко повторялись въ болѣе или менѣе крупныхъ суммахъ. Но нельзя винить за это Канкрина: то неурожаи, то войны, то другія чрезвычайныя, особенно политическія обстоятельства нерѣдко разрушали всѣ его разсчеты. Сокрушаясь, что ему неудается устранить повтореніе дефицитовъ, онъ говаривалъ: «что я сберегаю, то все уйдетъ на казармы, крѣпости и пр.», «что милліонъ—то батальонъ». Канкринъ былъ бережливъ, но онъ не хранилъ своихъ сбереженій подъ спудомъ; въ экстренныхъ случаяхъ они являлись полезнымъ подспорьемъ. Такъ накопленные имъ въ первые годы управленія 160 мил. руб. асс. обезпечили веденіе Персидской войны.

Оберегая всѣми силами казначейство отъ обычныхъ, самыхъ разнообразныхъ на него посягательствъ, Канкринъ на дѣйствительныя потребности не былъ скупъ и всегда имѣлъ деньги; «я скряга на все, что не нужно», говорилъ онъ. Въ вину ставили иногда министру, что его скопидомство привело къ накопленію спеціальныхъ капиталовъ въ разныхъ вѣдомствахъ, что̀ вызвало большую запутанность въ отчетности и содѣйствовало неправильному пользованію доходами съ этихъ капиталовъ; но можетъ быть болѣе виновато въ этомъ отсутствіе единства кассы, устраненное у насъ лишь почти черезъ 20 лѣтъ послѣ Канкрина. Онъ, съ своей стороны, многое улучшилъ въ счетной и казначейской части и устранилъ много злоупотребленій по собиранію доходовъ, которые вслѣдствіе этого сразу повысились.

Кредитомъ онъ пользовался осторожно, держась того убѣжденія, что государственные долги не увеличиваютъ народнаго благосостоянія. «Строго говоря, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, къ займамъ слѣдуетъ прибѣгать только тогда, когда они нужны для того, чтобы вывести государство изъ затруднительнаго положенія, или для общеполезныхъ предпріятій, не только дающихъ народному богатству проценты, но и погашающихъ долгъ; потому что тогда достается потомкамъ нашимъ эквивалентъ за антиципацію, сдѣланную нами на ихъ счетъ».

Неохотно обращаясь къ государственному кредиту, Канкринъ дѣлалъ секретные займы въ государственныхъ банкахъ, изъ частныхъ вкладовъ въ государственныя кредитныя учрежденія, оставшихся свободными за удовлетвореніемъ ссудами заемщиковъ банковъ. Эта система позаимствованій навлекла на Канкрина въ позднѣйшее время не мало нареканій. Указывали, что такими займами онъ могъ поставить кредитныя учрежденія въ безвыходное положеніе, въ случаѣ если-бы явились усиленныя востребованія вкладовъ. Но эту опасность онъ хорошо сознавалъ и потому обращался къ этому источнику лишь съ осторожностью и умѣренностью. До извѣстной степени такіе тайные займы оправдываются тѣмъ, что при обиліи свободныхъ суммъ въ банкахъ, деньги эти являлись мертвымъ капиталомъ, требуя, тѣмъ не менѣе, оплаты процентами въ пользу вкладчиковъ.

Какъ уже упомянуто, Канкринъ не охотно

вводилъ новые налоги и за все время его управленія къ существовавшимъ тогда налогамъ прибавилъ одинъ только — акцизъ на табакъ и то очень умѣренный. Онъ держался убѣжденія, что «всѣ виды налоговъ страдаютъ коренными недостатками» и что «въ монархіяхъ особенно трудно вводить новые налоги, такъ какъ тутъ причиняемое ими неудовольствіе обращается противъ самого монарха». Такимъ образомъ, если Канкринъ не ввелъ никакихъ улучшеній въ прямые налоги, то по крайней мѣрѣ онъ ихъ и не повысилъ.— Особенно сильные упреки противъ него вызвало возстановленіе откупной системы питейныхъ сборовъ. Можетъ быть онъ и не рѣшился бы на эту мѣру, если бы могъ предвидѣть печальные нравственные результаты откуповъ, да притомъ имѣлъ бы въ виду другой, столь же обильный источникъ дохода. Конечно, онъ обманывался, полагая, что «монополія эта есть истинное благодѣяніе, ограничивая пьянство» и рѣшился на нее только послѣ «всевозможныхъ стараній сохранить казенное управленіе» — и только тогда, когда «послѣднее оказалось неблагонадежнымъ», онъ вернулся къ «откупной системѣ, но улучшенной противъ прежняго». Хотя эта система дала весьма значительное приращеніе дохода, Канкринъ не считалъ однако отраднымъ явленіемъ, что питейный доходъ составлялъ главную статью бюджета; но, оберегая по необходимости этотъ доходъ, онъ сократилъ нѣкоторые другіе налоги, между прочимъ налогъ на соль, сборъ съ водяныхъ сообщеній и др.

Поощреніе промышленности и вмѣстѣ поднятіе этимъ путемъ финансоваго благосостоянія государства, составляло существенную часть финансовой системы Канкрина. Его протекціонизмъ заслужилъ ему едва ли не больше упрековъ, чѣмъ какая либо другая часть его системы. Прежде всего замѣтимъ, что онъ признавалъ нужнымъ для Россіи довольно высокое таможенное обложеніе не только ради покровительства промышленности, но также, чтобы косвеннымъ путемъ привлечь къ участію въ уплатѣ государственнаго дохода классы привиллегированные, не затрогивая ихъ привиллегій. Что же касается до протекціонизма, то начало строго покровительственной системы было положено еще до Канкрина. Либеральный тарифъ 1819 г. былъ замѣненъ запретительнымъ еще въ 1822 г.; впрочемъ, почти несомнѣнно, что и тогда дѣло это состоялось подъ сильнымъ вліяніемъ Канкрина. Полагаютъ, что появившаяся тогда записка, въ которой рѣзко критиковалась система 1819 г., была написана самимъ Канкринымъ. Признавая, что «каждый народъ долженъ стремиться къ полной независимости отъ другихъ народовъ» и что «народы обогащаются въ торговлѣ только хитростью или силою», Канкринъ и дѣйствовалъ какъ протекціонистъ. Къ тому же, зная косность и необразованность русскихъ производителей, онъ думалъ, что если чѣмъ либо можно возбудить ихъ къ дѣятельности, то лишь приманкою большихъ барышей, какіе обѣщало ограниченіе иностраннаго соперничества. Однако, не одними только высокими пошлинами старался онъ поднять промышленность и, сверхъ покровительственнаго тарифа, принималъ и другія мѣры къ оживленію русской промышленности. Такъ, по его иниціативѣ начато было изданіе «Коммерческой Газеты», «Журнала мануфактуръ и торговли» (съ 1824 г.), «Извѣстій о мануфактурномъ и горномъ дѣлѣ» (съ 1839 г.); издано болѣе 30 сочиненій по разнымъ отраслямъ техники и карта распредѣленія мануфактурной промышленности въ Россіи; отправлены за границу агенты, чтобы узнавать о новѣйшихъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ; привлечены въ Россію искусные мастера; учреждены: Мануфактурный Совѣтъ съ отдѣленіями и корреспондентами, Технологическій Институтъ и промышленныя школы, безплатныя школы рисованія съ женскими отдѣленіями, классы рисованія при гимназіяхъ; началась посылка молодыхъ людей заграницу; улучшенъ полицейскій надзоръ за работами; устроены промышленныя выставки въ Петербургѣ и Москвѣ и приняты многія другія мѣры. Въ 1832 г. тарифъ 1822 года, и безъ того высокій, былъ повышенъ на $12^1/_2\%$; но это пришлось сдѣлать ради увеличенія доходовъ, разстроенныхъ турецкою и польскою войнами и въ 1834 и 1836 гг. послѣдовали нѣкоторыя пониженія таможенныхъ сборовъ. Въ 1842 г. введенъ былъ новый тарифъ, выработанный непосредственно самимъ Канкринымъ, во избѣжаніе преждевременной огласки перемѣнъ. Тарифъ этотъ также ставятъ въ упрекъ Канкрину; но онъ содержитъ наряду съ повышеніями пош-

линъ на одни предметы, пониженія на другіе; въ 1844 и 1845 гг. были сдѣланы въ немъ еще нѣкоторыя облегченія. Да и большинство повышеній тарифныхъ ставокъ, по словамъ Канкрина, сдѣланы были теперь не столько въ цѣляхъ покровительства, сколько для увеличенія государственнаго дохода. Вообще же Канкринъ держался убѣжденія, что «поощрять промышленность слѣдуетъ лишь гомеопатическими дозами, не слишкомъ ускоряя ходъ дѣлъ» и высказывалъ надежду, что «со временемъ и Россія будетъ имѣть свободную торговлю».

Враги Канкрина указывали на то, что благодаря высокимъ пошлинамъ чрезвычайно усилилась контрабанда и вообще увеличились злоупотребленія въ таможенномъ вѣдомствѣ. Но и этотъ упрекъ не имѣетъ достаточнаго основанія: организація таможенной части была при немъ во многомъ улучшена, введенъ лучшій контроль, обращено вниманіе на выборъ личнаго состава служащихъ, увеличена и преобразована таможенная стража.

Но не одна мануфактурная промышленность обращала на себя вниманіе Канкрина. Сельское хозяйство, лѣсоводство, овцеводство, горное дѣло и т. д. все это было предметомъ его заботъ. Правда, непосредственныхъ мѣръ поощренія земледѣлію и скотоводству не предпринималось; но правительство открыло помѣщикамъ кредитъ подъ залогъ имѣній и не его вина, если взятыя ссуды расходовались большею частію непроизводительно. Для улучшенія экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ и для подъема ихъ хозяйства Канкринъ сдѣлалъ очень много. Онъ старался о введеніи у нихъ четырехпольнаго хозяйства, объ улучшеніи системы запасныхъ магазиновъ; принималъ мѣры къ переселеніямъ, гдѣ нужно заводилъ школы и т. д. Въ 1835 г. при Технологическомъ Институтѣ устроено было производство сельско-хозяйственныхъ орудій, съ безплатною пересылкою ихъ въ казенныя палаты для продажи; въ 1836 г. производство земледѣльческихъ орудій заведено и въ Москвѣ; въ 1833 г. началось изданіе «Земледѣльческой Газеты»; тогда же возникло Закавказское Общество поощренія промышленности и сельскаго хозяйства, 1838 г. таковое же въ Дерптѣ; въ 1826 г. заведены были въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Остзейскомъ краѣ общества для распространенія тонкорунаго овцеводства, оказавшія, при матеріальномъ содѣйствіи правительства, большое вліяніе на подъемъ этой отрасли хозяйства. Къ поддержанію сельскаго же хозяйства должно было служить: учрежденіе шерстяныхъ ярмарокъ (1828 г.), сортировка шерсти (1829 г.), учрежденіе двухъ акціонерныхъ обществъ: (1832 г.) для развитія тонкорунаго овцеводства въ Западной Сибири и въ Харьковѣ — для торговли шерстью (1838 г.). Въ 1827 г. устроено было въ Тифлисѣ иностранцемъ Кастель, съ значительною субсидіей отъ казны, шелкомотальное заведеніе, давшее сильный толчекъ развитію этого дѣла; а въ 1836 г. учреждено было въ Закавказьи, съ разными привиллегіями и пособіями отъ казны общество для распространенія шелководства. Въ 1825 — 1830 гг. учреждены: компанія для улучшенія крымскихъ винъ и такая же въ Закавказскомъ краѣ; заведена выдѣлка бочекъ, бутылокъ; улучшена выдѣлка бурдюковъ; разсылались сѣмена табаку и другихъ техническихъ растеній, не безъ успѣха для развитія ихъ культуры. Въ 1825 г. учреждена была Луганская образцовая ферма, затѣмъ Горы-горѣцкое Земледѣльческое Училище.

Не мало сдѣлано было также для лѣснаго и горнаго хозяйства. До Канкрина лѣсная часть была организована весьма неудовлетворительно, а научная ея сторона была въ полномъ упадкѣ; Лѣсной Институтъ существовалъ, но находился въ полномъ упадкѣ, не имѣя даже преподавателя лѣснаго хозяйства. Канкринъ преобразовалъ его, учредилъ при немъ землемѣрное училище, устроилъ Лисинское учебное лѣсничество, лѣсные классы при Митавской гимназіи; послалъ значительное число молодыхъ людей заграницу для изученія лѣснаго дѣла; выработалъ проектъ лѣснаго законодательства, съ спеціальнымъ указаніемъ началъ правильнаго лѣснаго хозяйства; предпринялъ мѣры для сохраненія и разведенія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ; улучшилъ охраненіе лѣсовъ и т. д.; изданы были на казенный счетъ разныя сочиненія по лѣсной части; учреждены: «Лѣсной журналъ» и «Общество лѣснаго хозяйства».

Канкринъ произвелъ важныя улучшенія также въ нашемъ горномъ дѣлѣ: преобразовалъ у правленіе имъ, учредилъ корпусъ горныхъ инженеровъ, улучшилъ ученую и учебную часть, возобновилъ отправку заграницу для усовершенствованія и сталъ посы-

лать не только молодежь доучиваться, но и лицъ, имѣющихъ уже практическій опытъ. При его управленіи былъ преобразованъ Горный Институтъ и заведенъ при немъ богатѣйшій музей; улучшены существовавшія горныя училища и созданы новыя; учреждены училища — техническое по горной части и пробирное при Технологическомъ Институтѣ. Казенные горные промыслы были значительно улучшены; заведено правильное лѣсное хозяйство на уральскихъ заводахъ; сдѣланы крупныя улучшенія въ самомъ производствѣ и въ горномъ законодательствѣ; изданы узаконенія о золотопромышленности, которая получила въ управленіе Канкрина небывалое до того времени развитіе; значительно улучшена была соляная часть; начато добываніе антрацита въ землѣ Войска Донскаго. Очень много сдѣлано для изслѣдованія Россіи въ геологическомъ отношеніи: въ разныя мѣста посылались экспедиціи; привлечены иностранные изслѣдователи; приглашены были въ Россію знаменитые ученые путешественники-естествоиспытатели, каковы Гумбольдтъ, Мурчиссонъ, Розе, Эренбергъ и др. Особенно усердно содѣйствовалъ Канкринъ путешествію по Россіи въ 1829 г. Гумбольдта и далъ ему возможность написать его знаменитое изслѣдованіе о Центральной Азіи, гдѣ изложены и результаты его путешествія по Россіи. Канкринъ завелъ сношенія по вопросамъ горнаго дѣла съ иностранными учеными обществами и спеціалистами; по его желанію издано было на казенный счетъ много сочиненій по горному дѣлу. «Горный Журналъ», «Извѣстія о мануфактурахъ и горныхъ заводахъ», «Извлеченія (на французскомъ языкѣ) изъ Горнаго Журнала» и берлинское изданіе «Архивъ научныхъ свѣдѣній о Россіи»—имѣли въ Канкринѣ дѣятельнаго покровителя, а отчасти и сотрудника. По его же иниціативѣ заведены были въ разныхъ мѣстахъ магнитныя и метеорологическія наблюденія (съ 1834 г.), нормальная обсерваторія при Горномъ Институтѣ, магнитныя обсерваторіи на Уралѣ, въ Сибири и въ Казани.

Торговля — внутренняя и внѣшняя — также имѣла въ Канкринѣ дѣятельнаго попечителя. Онъ внимательно прислушивался къ ея требованіямъ; давалъ пособія и привиллегіи торговымъ городамъ; выполнилъ рядъ мѣръ для облегченія и поощренія судоходства; по его иниціативѣ основаны новыя верфи, оказывалась поддержка развитію пароходныхъ сообщеній — напр. по Днѣпру и Донцу; Канкринъ содѣйствовалъ учрежденію торговыхъ и промышленныхъ компаній; при немъ изданы: правила для браковки товаровъ, уставъ Петербургской биржи (1832 г.), наставленія къ лучшему сооруженію судовъ; учреждены биржевые комитеты въ Москвѣ и Ригѣ; заключены торговые договоры съ Пруссіей, Швеціей, Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами. Канкринъ принялъ рядъ мѣръ для того, чтобы твердо поставить русскую метрологію: выписаны были изъ-за границы оффиціальные образцы важнѣйшихъ европейскихъ мѣръ длины и емкости, русскія мѣры и вѣсъ опредѣлены очень точно, издано ученое сочиненіе объ этомъ предметѣ и изготовлены, съ помощью дорогихъ машинъ, образцы мѣръ и вѣса—частію изъ платины—для разсылки въ губерніи; а для храненія образцовъ и повѣрочныхъ машинъ выстроено въ Петропавловской крѣпости особое зданіе, по тому времени образцовое.—Однимъ словомъ, можно сказать, не было отрасли народнаго хозяйства, на которую не обратилъ бы вниманія Канкринъ и которая не имѣла бы въ его лицѣ знающаго и дѣятельнаго пособника и ходатая.

Значительно улучшена была, наконецъ, и организація всего финансоваго вѣдомства, приняты мѣры къ устраненію злоупотребленій по собиранію доходовъ, улучшена система отчетности (1830 г.); пересмотрѣны и изданы вновь почти всѣ узаконенія по кредитной части; улучшенъ порядокъ платежей по государственнымъ долгамъ и принято за правило не усиливать очень погашеніе для искуственнаго повышенія курса фондовъ. Ускорено и упорядочено вообще передвиженіе казенныхъ суммъ въ государствѣ устраненіемъ безцѣльной пересылки ихъ изъ губерній въ Главное Казначейство и обратно. Даны новыя, лучшія правила для ссудъ изъ Коммерческаго банка, а по Заемному банку прекращены ссуды подъ промышленныя заведенія («по неблагонадежности этихъ ссудъ и по неправильности усиленія фабрикъ ссудами»), съ возстановленіемъ ссудъ подъ населенныя имѣнія, съ назначеніемъ погасительнаго процента. По мысли Канкрина сдѣлано обязательнымъ представленіе отъ всѣхъ мѣстъ подробныхъ отчетовъ Государственному Контролю; для представленія Государю Императору стали составляться раз-

ные счетные обзоры, «кои прежде не представлялись», и ежегодно представлялись отчеты въ Финансовый Комитетъ. Несомнѣнно, что Канкринъ заботился о введеніи правильной отчетности и контроля; но только онъ находилъ болѣе удобнымъ сосредоточить контрольную часть въ Министерствѣ Финансовъ, а не передавалъ ея цѣликомъ въ Государственный Контроль; за это нѣкоторые обвиняютъ его—но неосновательно — въ томъ, что онъ, будто бы, былъ противникомъ отчетности.

Стоитъ упомянуть еще, что многіе города Россіи, а Петербургъ въ особенности, обязаны Канкрину возведеніемъ многихъ зданій, служившихъ не только къ удовлетворенію существовавшей надобности, но и къ украшенію городовъ. Какъ любитель художествъ, а архитектуры въ особенности, Канкринъ старался придавать постройкамъ, которыя ему приходилось возводить, по возможности изящный видъ. Въ Петербургѣ воздвигнуты въ его управленіе: зданіе таможни; биржевые пакгаузы съ помѣщеніемъ для выставокъ; постройки для музеевъ Академіи Наукъ; зданіе Технологическаго Института; Лѣсной Институтъ съ двумя слободами при немъ; Морской корпусъ; Александровскій чугунно-литейный заводъ; пристройки къ зданію Горнаго Института; помѣщеніе для Министерства Финансовъ, въ составѣ общаго зданія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Главнаго штаба; Московскія чугунныя триумфальныя ворота; мосты: Пѣвческій, Банковскій, Никольскій. Перестроены: зданіе Заемнаго банка, съ помѣщеніемъ для пробирнаго училища; зданіе Главнаго Казначейства въ крѣпости, Монетный дворъ, старый гостиный дворъ на Васильевскомъ островѣ; Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Устроены вновь: биржевой скверъ, набережная у Тучкова моста, Александровскій паркъ, гранитная набережная у (бывшаго) Исаакіевскаго моста, насосы для разборки воды; очищенъ и углубленъ фарватеръ Невы. Въ Москвѣ построено зданіе биржи; въ Кронштадтѣ—таможня съ казармами и лѣсная биржа; въ Ригѣ—большое зданіе для арсенальнаго склада; въ Одессѣ и Таганрогѣ—таможенныя помѣщенія; въ Таурогенѣ—укрѣпленное зданіе для таможни; сдѣланы поправки и улучшенія въ нижегородскомъ ярмарочномъ гостиномъ дворѣ; въ Кяхтѣ устроенъ каменный гостиный дворъ и таможня; въ Архангельскѣ укрѣплены берега и т. д.

Важнѣйшею мѣрою собственно финансоваго управленія Канкрина была денежная реформа и возстановленіе металлическаго обращенія. Уже съ конца прошедшаго столѣтія наша денежная система была разстроена. Ассигнаціи, появившіяся въ 1768 г., какъ удобная замѣна преобладавшей тогда мѣдной монеты, были хорошо приняты въ народѣ и первое время ходили даже съ лажемъ. Но съ увеличеніемъ ихъ количества курсъ ихъ сталъ падать: въ 1801 г. ассигнаціонный рубль стоилъ уже только 65—60 к. мѣдью, а послѣ Наполеоновскихъ войнъ—когда ассигнацій было выпущено уже на 830 милліоновъ рублей — только 25 коп. Тогдашній министръ финансовъ, гр. Гурьевъ, согласно плану Сперанскаго, предложилъ путемъ внѣшнихъ займовъ получить металлъ, для изъятія изъ обращенія части бумажныхъ денегъ; по его разсчетамъ, благодаря этому, курсъ долженъ былъ поправиться настолько, что улучшилось бы экономическое положеніе всего государства. Планъ этотъ былъ принятъ. Были сдѣланы два внѣшнихъ займа на 40 и 43 милліона рублей серебромъ; съ помощью этихъ денегъ было изъято изъ обращенія и сожжено ассигнацій на 181 милліонъ рублей; до того времени за рубль серебромъ платилось 4 р. асс., т. е. 400 копѣекъ; послѣ этого нѣкоторое время рубль серебряный стоилъ только 373 к., но затѣмъ снова онъ дошелъ до 380 к., и на этомъ остановился. Такимъ образомъ въ результатѣ русскіе финансы обременены были новымъ долгомъ въ 83 милліона рублей серебромъ, съ 5 милл. руб. серебромъ ежегоднаго расхода на проценты, а улучшенія не оказалось. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло Канкринъ. Признавая извлеченіе ассигнацій займами дѣломъ нераціональнымъ, онъ тотчасъ прекратилъ эту операцію, по заключенію коммиссіи для изслѣдованія денежнаго обращенія, организованной въ 1824 г. Коренною задачею Канкринъ поставилъ упроченіе курса бумажныхъ денегъ и потому не тотчасъ же приступилъ къ выполненію своего плана реформы, а выжидалъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя и дѣйствительно явились ему на помощь.

По указу 9 апрѣля 1812 г. ассигнаціонный рубль сталъ нормальной государственной монетой, но принимался казною по курсу на серебряный рубль, причемъ для приданія прочности ассигнаціямъ пріемъ

звонкой монеты въ казенные платежи былъ воспрещенъ. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, съ улучшеніемъ экономическаго положенія государства, наличное количество оборотныхъ средствъ, представляемыхъ ассигнаціями (около 596 милл. руб. асс., что при курсѣ около 400 к. асс. за 1 р. с. составляло всего около 150 м. р. с.) стало оказываться недостаточнымъ и въ народномъ обращеніи появилось множество звонкой монеты, золотой и серебряной, русской (изъ-подъ спуда) и иностранной, такъ что пришлось наконецъ отмѣнить запрещеніе пріема звонкой монеты въ казенные платежи и установить курсъ, по какому ее принимать.

Наряду съ появленіемъ звонкой монеты въ обращеніи и бумажный рубль нѣсколько поправился; вмѣсто 380 к. асс. рубль серебра сталъ цѣниться уже въ 350 к. асс., а нѣкоторое время и того ниже (до 330 к.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ появился лажъ: номинально ассигнаціонный рубль оставался рублемъ, но при платежѣ на него накидывался нѣкоторый процентъ, при томъ въ разныхъ мѣстахъ различный и доходившій иногда до 27%. Этимъ создавалось весьма неопредѣленное положеніе денежнаго обращенія, которое порождало своего рода аліотажъ, обманы и неопредѣленность въ платежахъ. Хотя лажъ и былъ узаконенъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 27 октября 1827 г., но тѣмъ не менѣе онъ составлялъ прямо народное бѣдствіе. Образовалось нѣсколько разныхъ курсовъ: вексельный, податной, таможенный, биржевой и простонародный, которые измѣнялись не только по времени, но и по мѣстностямъ и путали всѣ разсчеты; разница между биржевымъ и народнымъ курсомъ бывала отъ 3% до 18%. Необходимо было положить конецъ этой путаницѣ и неустойчивости. Появленіе въ обращеніи звонкой монеты и значительно усилившаяся къ концу 30-хъ гг. добыча золота (съ 25 пудовъ въ 1823 г., она дошла въ 1842 г. до 1000 пудовъ)—словомъ, имѣвшійся запасъ металла—давали возможность серьезно приступить къ реформѣ, которая и была произведена въ началѣ 1840-хъ годовъ.—На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта представлено было пять проектовъ денежной реформы; два изъ нихъ—адмираловъ Мордвинова и Грейга были найдены непрактичными; а остальные три—Сперанскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, и Канкрина — были совершенно сходны въ своей основѣ, особенно проекты Сперанскаго и Канкрина, съ тою разницей, что Сперанскій не находилъ возможнымъ обойтись безъ внѣшняго займа, а Канкринъ доказывалъ, что внѣшній заемъ не нуженъ и дѣйствительно выполнилъ реформу, не прибѣгая къ займу. Идея реформы была взята изъ проекта Джона Гранта, представленнаго этимъ послѣднимъ императору Александру I въ 1821 г.

1 іюля 1839 г. вышелъ манифестъ, коимъ серебряный рубль объявленъ былъ законною монетною единицею, а ассигнаціонный допускался лишь въ качествѣ второстепеннаго знака, съ неизмѣннымъ отношеніемъ къ серебру—какъ $3^1/_2$ къ 1. Съ установленіемъ этого постояннаго отношенія простонародные лажи исчезли мгновенно. Далѣе предстояло замѣнить ассигнаціи представителями, писанными на узаконенную серебряную единицу. Но простая замѣна однихъ бумажекъ другими только уменьшила бы количество ихъ въ $3^1/_2$ раза, не придавъ имъ никакой фактической прочности; надо было обезпечить ихъ размѣномъ и для этого—создать металлическій фондъ. Операція эта и была выполнена Канкринымъ весьма искусно: съ 1 января 1840 г. открыта была при Коммерческомъ банкѣ депозитная касса для пріема отъ публики золота и серебра, съ выдачею за нихъ «депозитныхъ» билетовъ (цѣнностью 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей), т. е. какъ бы сохранныхъ росписокъ (какъ и предлагалъ назвать ихъ Сперанскій) на эти вклады, обмѣниваемыхъ на металлъ немедленно по предъявленіи. Публика охотно понесла свои запасы металла въ эту кассу, такъ что черезъ годъ съ небольшимъ въ ней образовался фондъ до 38 милл. руб. сер., а впослѣдствіи слишкомъ удвоился. Такимъ образомъ добытъ былъ размѣнный фондъ для будущихъ бумажныхъ денегъ безъ всякихъ затратъ. За симъ, въ видѣ опыта и для облегченія оборотовъ кредитныхъ установленій (затрудненныхъ востребованіемъ вкладовъ) выпущены были въ 1841 г. 50-рублевые кредитные билеты на сумму 30 милл. рубл. (Манифестъ 1 іюня 1841 г.). Номинально они обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства, а для дѣйствительнаго размѣна образованъ былъ фондъ въ $^1/_6$ часть количества выпущенныхъ билетовъ. Опытъ оказался удачнымъ и можно уже было приступить къ довершенію задуманной мѣры.

1 іюня 1843 г. изданъ былъ манифестъ о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, размѣниваемыми на звонкую монету по предъявленіи. Вмѣсто депозитныхъ кассъ учреждена Экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Съ сентября 1843 г. и началась замѣна ассигнацій и депозитныхъ билетовъ кредитными, при фондѣ около 36 милл. руб., который быстро затѣмъ увеличивался и въ годъ смерти Канкрина составлялъ около 87 милл., при 189,4 милл. руб. выпущенныхъ билетовъ. Послѣ Канкрина количество ихъ превысило 300 милл. при соотвѣтственномъ увеличеніи фонда (напр. въ 1848 г. 147 м. р.). Эта сумма очевидно не представляла опасности для твердости обращенія; къ обмѣну представлялось очень мало и наряду съ требованіемъ металла и онъ самъ вносился въ обмѣнъ на кредитные билеты. Можно было думать, что система упрочена. Экспедиція кредитныхъ билетовъ, обязанная размѣнивать билеты по предъявленіи, была ничѣмъ не хуже банка, хотя бы и акціонернаго, но немогущаго имѣть самостоятельности. И дѣйствительно, денежное обращеніе было достаточно прочно до тѣхъ поръ, пока Крымская война, а позднѣе Восточная война 1877 — 1878 гг. не вынудили къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Но нельзя же винить за это Канкрина, прекрасно понимавшаго (какъ видно изъ его дѣйствій и отзывовъ) весь вредъ пользованія бумажными деньгами, какъ финансовымъ рессурсомъ.

Въ самомъ началѣ реформа Канкрина въ нѣкоторой части публики встрѣтила неодобреніе. Членъ Государственнаго Совѣта графъ Литта заявлялъ даже, что теперь Россія раззорена. И въ позднѣйшее время упрекали Канкрина за учиненное имъ «государственное банкротство» въ видѣ яко-бы произвольнаго уменьшенія бумажно-денежнаго долга въ $3^1/_2$ раза. Напоминали, что мѣра эта была противна манифесту 1810 г., обезпечившему номинальную стоимость ассигнацій всѣмъ достояніемъ государства. Но Канкринъ не былъ творцомъ банкротства; оно совершилось само собою; цѣнность ассигнацій стала упадать еще съ конца прошедшаго столѣтія, упадала очень низко (до 421 коп. асс. за 1 р. с. въ 1815 г.), а къ концу 30-хъ гг. установилась приблизительно на 350 коп. асс. за 1 р. с.; Канкринъ только узаконилъ этотъ фактъ. Возстановленіе же бумажнаго рубля до равенства съ серебрянымъ обошлось бы государству чрезвычайно дорого, а главное дѣло—оно было-бы совершенно непрактично, произвело бы громадную пертурбацію въ платежахъ, создало бы убытки для однихъ и незаслуженную прибыль для другихъ. Общество дѣйствительно понесло въ свое время потери на упадкѣ цѣнности ассигнацій; въ теченіе полувѣка курсъ ихъ упадалъ и колебался, причиняя тѣмъ убытки всему народному хозяйству; но убытки эти совершались постепенно, распредѣлялись между всѣми и всѣ наконецъ примирились съ ними; кто потерялъ, кто выигралъ неизвѣстно; рубль ассигнаціонный сталъ монетой sui generis и никому уже не представлялся имѣвшимъ когда либо одну цѣну съ серебрянымъ; къ этому привыкли до такой степени, что еще долгое время послѣ замѣны ассигнацій кредитными билетами, публика продолжала считать на ассигнаціи и упрекала Канкрина, что онъ установилъ такую неудобную единицу—три съ половиной.

Словомъ, реформа Канкрина, при данныхъ обстоятельствахъ, была построена на совершенно правильномъ основаніи. И не будь экстренныхъ обстоятельствъ, Россія и доселѣ имѣла бы, благодаря ему, твердое денежное обращеніе.

Изложивъ государственную дѣятельность гр. Е. Ф. Канкрина, мы должны остановиться на его литературной дѣятельности. Уже съ юныхъ лѣтъ онъ началъ писать и до послѣднихъ дней жизни охотно высказывалъ свои взгляды печатно, хотя въ періодъ своей наиболѣе важной государственной работы онъ имѣлъ очень мало времени для литературныхъ занятій.—Еще совершенно молодымъ человѣкомъ онъ написалъ романъ: «Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Kriege» (1797—1798). Самъ Канкринъ нигдѣ печатно не призналъ, что онъ авторъ этого романа, можетъ быть считая романъ этотъ грѣхомъ своей юности; но общій голосъ современниковъ приписывалъ «Dagobert'a» ему и не безъ основанія; авторъ виденъ по лаконичности и рѣшительности высказываемыхъ положеній, по способу выраженія, по мыслямъ, обнаруживающимъ не простаго беллетриста, а скорѣе ученаго или публициста, которому форма романа служитъ лишь средствомъ высказать возможно большему кругу читателей волнующія его идеи. Романъ напи-

санъ въ приподнятомъ стилѣ, свойственномъ той эпохѣ; но среди сантиментальныхъ и вычурныхъ фразъ то и дѣло мелькаютъ серьезныя мысли. Тутъ есть и правила жизни, и мысли о философіи, искусствѣ, религіи. Въ разсказѣ своемъ авторъ обнаруживаетъ свою любовь къ Франціи, нерасположеніе къ Англіи и скорбь о косности Германіи. Въ первое время своей службы въ Россіи, Канкринъ писалъ рецензіи о нѣмецкомъ театрѣ, который онъ очень любилъ вообще. Онъ былъ большимъ любителемъ поэзіи, музыки, архитектуры, археологіи; въ 1836 г. вышло его сочиненіе: «Die Elemente des Schönen in der Baukunst». Довольно отвлеченно разсуждая о предметѣ, авторъ высказываетъ, однако, много тонкихъ замѣчаній и правилъ, полезныхъ для практики; интересны и вообще его мысли о прекрасномъ. Уже старикомъ писалъ онъ разные разсказы, но напечаталъ онъ эти, какъ онъ ихъ называлъ «глупости», только въ 1845 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Phantasiebilder eines Blinden» послѣ того, какъ получилъ одобрительный отзывъ отъ извѣстной писательницы фонъ-Пальцофъ. Публика, впрочемъ, отнеслась къ нимъ очень равнодушно, что очень огорчило автора. Вообще онъ отличался довольно сильнымъ писательскимъ самолюбіемъ и потому всѣ свои работы издавалъ анонимно, не желая подвергаться лично нападкамъ критики.

Разносторонній интересъ представляютъ: его переписка съ Ал. Гумбольдомъ: «Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen A. Humboldt und dem Grafen Kankrin; aus den Jahren 1827—1832»; далѣе— его путевыя замѣтки во время путешествій, изданныя въ извлеченіи, его зятемъ, графомъ Кейзерлингомъ: «Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin... aus den Jahren 1840—45. Mit einer Lebensskizze Kankrins» 1865, 2 тома; въ этой книгѣ собрано много чрезвычайно интересныхъ замѣчаній Канкрина по разнымъ предметамъ.

Но больше представляютъ интереса и заслуживаютъ особаго вниманія ученые труды Канкрина. Въ 1809 г. онъ напечаталъ очень интересное, по отзывамъ спеціалистовъ, сочиненіе о военномъ искусствѣ: «Fragmente über die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der militairischen Philosophie»; въ 1815 г. оно вышло вторымъ изданіемъ. Въ 1820—1823 гг. вышелъ его обширный трудъ «Ueber die Militair-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen», въ трехъ томахъ in 4^0, съ литографированными таблицами. Эта обширная работа составляетъ какъ бы выводъ изъ опыта войны, въ которой Е. Ф. Канкринъ былъ, какъ мы видѣли, дѣйствующимъ лицомъ, и какъ бы завершеніе его изысканій по этой части, начавшихся сочиненіемъ 1809 г. Ему же приписывается еще другое сочиненіе «О системѣ и средствахъ продовольствія большихъ армій»; но, по словамъ Кейзерлинга, это быть можетъ была оффиціальная записка для изданнаго въ 1812 г. Барклаемъ-де-Толли «Устава о снабженіи армій». Въ «Militair-Oekonomie» Канкринъ упоминаетъ дѣйствительно о какой-то своей работѣ по этому же вопросу, говоря, что онъ бросилъ два тома рукописи и чертежей, убѣдившись въ непримѣнимости изложенныхъ тамъ соображеній. Въ предисловіи къ «Militair-Oekonomie» авторъ заявляетъ, что неохотно приступилъ къ этой работѣ, но считалъ долгомъ не держать про себя своего опыта. А въ предисловіи къ 3-му тому онъ говоритъ: «читали это сочиненіе немногіе, но многіе изъ людей знающихъ одобрили его». И дѣйствительно сочиненіе это содержитъ въ себѣ обширный запасъ указаній для практиковъ военнаго хозяйства, отъ мало видной дѣятельности которыхъ такъ много зависятъ военные успѣхи.

Въ 1821 г. вышло еще одно сочиненіе Е. Ф. Канкрина: «Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, oder Versuch neuer Ansichten der Politischen Oekonomie». Книга эта считается многими какъ бы программой его финансоваго управленія въ противоположность позднѣйшей — «Die Oekonomie der menschlihen Gesellschaften und das Finanzwesen» (1845), которую считаютъ послѣсловіемъ и какъ-бы завѣтомъ умудреннаго опытомъ дѣятеля своимъ преемникамъ. Самъ авторъ, въ заключительныхъ словахъ къ первому изъ этихъ сочиненій, приписываетъ ему лишь теоретическое значеніе, безъ какой либо замѣтной пользы для практики. Но на дѣлѣ вышло наоборотъ: въ области теоріи сочиненіе это прошло малозамѣченнымъ и встрѣтило лишь неблагопріятные отзывы, на практикѣ же оно оказалось дѣйствительно программою финансоваго управленія своего автора. Авторъ, «имѣвъ довольно случаевъ

видѣть вблизи и въ большомъ объемѣ дѣла житейскія, убѣдился, что односторонность основныхъ началъ и выводовъ, мелочность (zu viel Kalkul) и недостаточное вниманіе къ моральной сторонѣ дѣла составляютъ коренной недостатокъ современныхъ идей политической экономіи и потому онъ старается указать тѣ основныя черты, которыя должны намѣтить перемѣны, подлежащія внесенію въ науку». Критика нашла въ этой книгѣ нѣкоторыя странности, которыя и поставлены были въ упрекъ автору; но парадоксальность идей почти вездѣ сглаживается, если разбирать ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ.

Не смотря на свой небольшой объемъ эта книга даетъ не мало выводовъ и мѣткихъ замѣчаній, вызывающихъ на размышленіе. Интересны, между прочимъ, мысли автора о нуждахъ русскихъ финансовъ; они, какъ видно, тогда уже очень его интересовали и въ отзывахъ его слышится скорѣе голосъ какъ-бы опытнаго практика, чѣмъ простаго сторонняго созерцателя явленій.

Позднѣе, будучи уже дѣйствительно опытнымъ практикомъ, въ званіи министра финансовъ, Е. Ф. Канкринъ имѣлъ случай развить свои идеи въ томъ трудѣ, который ему пришлось обработать для ознакомленія по Высочайшему повелѣнію, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича «съ финансовой частію». Это «Краткое обозрѣніе россійскихъ финансовъ», содержащее въ себѣ всѣ отрасли финансоваго вѣдѣнія, государственнаго и земскаго, съ статистическими данными, было читано Наслѣднику въ началѣ 1838 года.

Отмѣтимъ нѣкоторыя «внутреннія правила финансоваго управленія», которыя министръ-преподаватель внушалъ своему слушателю—Наслѣднику престола. «Коренное условіе добраго финансоваго управленія—говоритъ гр. Канкринъ—содѣйствовать благосостоянію народа разными учрежденіями, облегченіями и пр.; богатый народъ можетъ давать и большіе доходы; а вымогать оный у бѣднаго значитъ срубать дерево для полученія плодовъ... Удобнѣе, избѣгая новыхъ налоговъ, улучшать существующіе... ибо новые иногда могутъ быть хуже старыхъ; но должно имѣть въ виду нѣкоторое постепенное умноженіе доходовъ, ибо расходы обыкновенно изъ года въ годъ усиливаются. Должно вообще, говоритъ онъ, настаивать на уменьшеніи расходовъ... но необходимые, истинно полезные и умножающіе народное богатство расходы должны быть покрываемы. Финансовое управленіе... обыкновенно имѣетъ въ высшихъ классахъ противниковъ и недоброжелателей, а народу вообще оно непріятно; потому надо стараться... примирить финансы съ публикой». Приведемъ еще нѣкоторыя наставленія гр. Канкрина: онъ указывалъ, что очень важно: «не оставаться безъ рессурсовъ на чрезвычайные случаи; сохранять денежную систему въ порядкѣ и поддерживать публичный и частный кредитъ»; «...не приступать къ большимъ перемѣнамъ для выгодъ незначительныхъ или невѣрныхъ... и не слѣдовать путямъ сомнительнымъ; но въ случаяхъ чрезвычайныхъ поступать съ рѣшимостью, не вовлекаясь въ полумѣры...»; «пещись, чтобы текущія дѣла шли скоро и исправно, а важныя не были рѣшаемы скороспѣшно и неосновательно, и чтобы во всемъ была исправная отчетность»; «принимать мѣры къ правильному и скорому движенію суммъ...»; «безъ крайней нужды или прямой пользы не входить въ долги, ибо ежегодно возрастающіе процентные платежи составятъ наконецъ неотвратимое отягощеніе». «Дефициты должны быть отвращаемы сокращеніемъ расходовъ; а къ умноженію налоговъ приступать по одной крайности; ибо вѣрнѣйшая порука внутренняго спокойствія государствъ и сильнѣйшее оружіе противъ безпокойнаго духа вѣка есть умѣренность въ налогахъ и вообще хорошее управленіе, соединяющее частные интересы съ интересомъ общимъ». «...Ни познанія, ни опыты при финансовомъ управленіи не могутъ замѣнить практическаго такта... Однѣ теоріи рождаютъ доктринера, одни опыты—умнаго подьячаго».

Сочиненіе «Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Von einem ehemaligen Finanzminister» вышло въ 1845 году, т. е. въ самый годъ смерти гр. Канкрина, и было написано имъ въ промежутокъ времени съ осени 1844 до 1845 г. Русскій переводъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1846 г. Это — единственное изъ его сочиненій, помѣченное его именемъ и то лишь подъ предисловіемъ. Оно какъ бы заключительное слово всей его дѣятельности. Предупреж-

дая читателя, что это не ученая работа, а только изложеніе взглядовъ автора, Канкринъ замѣчаетъ, что «продолжительная практика дала ему много случаевъ провѣрить свои взгляды и узнать практическія исключенія изъ правилъ теоріи». Сличая, однако, эти окончательные выводы автора съ его первоначальными взглядами, изложенными въ «Weltreichthum», не трудно убѣдиться, что въ общемъ воззрѣнія его перемѣнились очень мало. Какъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, зоркій наблюдатель, вдумчиво относившійся къ окружавшимъ его явленіямъ, Канкринъ и въ своей послѣдней книгѣ даетъ много интересныхъ и практическихъ замѣчаній. Особенно интересенъ третій отдѣлъ ея, посвященный финансамъ. Онъ содержитъ въ себѣ въ сжатомъ очеркѣ все, что по мнѣнію автора, нужно знать лицамъ, желающимъ сдѣлаться основательными практическими финансистами. Къ сожалѣнію критика наша обращала и обращаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на нѣкоторыя несовременныя, по нынѣшнему, мысли Канкрина и парадоксальность нѣкоторыхъ его мнѣній и выводовъ, скользя мимо того что есть дѣльнаго въ его трудахъ; между тѣмъ какъ его замѣчанія о явленіяхъ, которыми сопровождается паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ, замѣчанія о мѣрахъ къ исправленію денежнаго обращенія, объ ажіотажѣ, о банкахъ, о торговлѣ, объ охранительной системѣ, о налогахъ, о государственныхъ займахъ, наконецъ объ обязанностяхъ министра финансовъ—въ высокой степени интересны.

Гр. Канкринъ сотрудничалъ также въ основанныхъ или поддерживаемыхъ имъ изданіяхъ. Между прочимъ онъ помѣстилъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» замѣчательную статью о раздѣленіи Россіи на пояса по климату и естественнымъ произведеніямъ; статья эта обратила на себя вниманіе всей ученой Европы. Въ «Горномъ Журналѣ» интересны его статьи о золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири и др.

Оффиціальныя записки его тоже представляютъ нерѣдко ученые труды; таковы: 1) Записка объ улучшеніи овцеводства въ Россіи, поданная графу Остерману въ 1800 г.; 2) Записка, содержащая въ себѣ планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ (написана, кажется, по порученію императора Александра I), подъ заглавіемъ: Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la féodalité des cultivateurs, surtout en Russie, въ 1816 г. Тутъ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ крѣпостнаго права и полагаетъ, что постановленія, которыя, не уничтожая его, клонились бы только къ точному опредѣленію отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, лишь увѣковѣчили бы крѣпостную зависимость. Реформу онъ полагалъ произвести постепенно, въ теченіи 30 л., начиная съ 1820 г. такъ, что къ 1850 г. крестьяне окончательно сдѣлались бы собственниками и получили бы право перехода. 3) Записка о походахъ противъ турокъ, отъ 21 августа 1819 г. (напечатана въ «Военномъ Сборникѣ», т. 99); 4) Замѣчанія на проектъ учрежденія губерній 1825 г. (напечатаны въ «Матеріалахъ коммиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій», 1870, ч. I); 5) Записка о разныхъ способахъ взиманія питейнаго дохода, 1826, (въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по Министерству Финансовъ», 1866, кн. 3). Вѣроятно, въ архивахъ Министерства Финансовъ и Государственнаго Совѣта находятся еще и другія записки Канкрина; его частныя рукописи, по словамъ графа Кейзерлинга, затеряны.

Результаты своего управленія гр. Канкринъ изложилъ въ сжатомъ видѣ въ «Обзорѣ примѣчательнѣйшихъ дѣйствій по финансовой части въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ», представленномъ имъ отъ 12 марта 1843 г. императору Николаю I.

«Обзоръ» напечатанъ съ нѣкоторыми сокращеніями въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по Министерству Финансовъ», 1865 г., а въ полномъ видѣ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ приложеніи въ книгѣ «Aus den Reisetagebüchern», ч. I. Цѣлью обзора было, говоря словами его автора, «въ возможной краткости и безъ подробныхъ разсужденій вывести ходъ финансовыхъ дѣлъ Россіи, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, фактами». И дѣйствительно—это перечень фактовъ, съ очень малымъ числомъ поясненій, но фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о неустанной полезной дѣятельности министра финансовъ. Обзоръ заключается слѣдующими знаменательными строками: «вышеизложенное безпристрастному читателю можетъ служить матеріаломъ къ сужденію, можно-ли упрекать министра финансовъ, какъ то дѣлали нѣкоторые, будто онъ въ теченіе 20 лѣтъ ничего не дѣлалъ и дѣйствовалъ безъ сис-

темы. Министръ финансовъ спокоенъ своею совѣстью и осмѣливается думать, что между необъятнымъ множествомъ безполезныхъ, лишнихъ или маловажныхъ дѣлъ и формальностей въ нашемъ управленіи онъ не упустилъ сдѣлать сколько могъ существенно полезнаго» — и, прибавимъ, довольствуясь тѣмъ финансово - административнымъ организмомъ, какой достался ему отъ его предшественника. Дѣйствительно, онъ не сдѣлалъ никакихъ важныхъ перемѣнъ въ организаціи Министерства Финансовъ (капитально была преобразована только горная часть), не видя въ томъ существенной необходимости для дѣла. «У насъ, авторитетно говоритъ онъ въ «Обзорѣ», иногда ожидаютъ отъ перемѣны формъ того, что требуетъ не измѣненія наружности, а занятія существомъ дѣла. Наклонность къ формализму и наружнымъ перемѣнамъ принадлежатъ у насъ вообще къ болѣзнямъ управленія».

Дѣйствительно, Канкринъ считалъ излишнимъ все то, въ чемъ онъ не видѣлъ «существенно-полезнаго», составлявшаго непрерывную заботу всей его жизни. Если же онъ не всегда достигалъ желаемыхъ результатовъ, то, быть можетъ, не столько вслѣдствіе нѣкоторыхъ ошибокъ своей системы, сколько вслѣдствіе встрѣчавшагося противодѣйствія съ разныхъ сторонъ. Онъ не могъ быть вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ и не отъ него зависѣло водворить во всѣхъ вѣдомствахъ правильное употребленіе средствъ; но на сколько было можно, онъ энергически отстаивалъ рессурсы государства. И нельзя его винить, что ему не удалось устранить нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій, мѣшавшихъ какъ ему, такъ и его преемникамъ установить прочныя основы для финансоваго хозяйства нашего отечества.

При сужденіи о томъ, чего бы могъ достигнуть графъ Канкринъ, необходимо имѣть въ виду зависимость его отъ всего окружающаго и отъ того положенія, въ какомъ были въ то время прочія части управленія. Онъ не разъ заявлялъ, что потребности государства превышаютъ его рессурсы, что стараясь увеличивать доходы, надо въ тоже время уменьшать расходы; но обстоятельства были сильнѣе его.

Его попытка ввести «нормальную роспись» каковая была имъ составлена на 1836 г., съ назначеніемъ максимума расходовъ для каждаго министерства и съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставалась еще часть доходовъ «на полезныя предпріятія», успѣха не имѣла, не смотря на сочувствіе Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта и самого Императора.

Встрѣчая то и дѣло препятствія своимъ цѣлямъ, Канкринъ иногда не могъ не уступать ихъ давленію. Только довѣріе Государя, хотя и раздражавшагося его отказами, но большею частью внимавшаго его совѣтамъ, поддерживало его въ борьбѣ съ своими противниками. А въ числѣ его противниковъ были личности не безсильныя и не незначительныя; въ числѣ ихъ видимъ: гр. Мордвинова, кн. Друцкаго-Любецкаго, кн. Меншикова, гр. Строгонова, гр. Киселева, Тенгоборскаго и др. Мордвиновъ былъ наиболѣе компетентнымъ критикомъ системы Канкрина. Сходясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о необходимости сокращеній въ расходахъ военнаго вѣдомства, о водвореніи серебряной валюты, отчасти въ вопросѣ о тарифахъ, онъ осуждалъ общій духъ его системы — неподвижность, отрицаніе общественнаго кредита, питейный откупъ, систему налоговъ, сохраненіе въ тайнѣ бюджета. Начиная съ 1828 г., онъ писалъ обстоятельныя критики на государственныя росписи Канкрина, доказывая, что онъ дѣйствуетъ нецѣлесообразно. Кн. Друцкой-Любецкой доказывалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что система Канкрина несостоятельна; Меншиковъ, по своему обыкновенію, отпускалъ ѣдкія остроты по адресу министра финансовъ; Тенгоборскій, крайній фритредеръ, естественно осуждалъ его таможенную политику. Съ Киселевымъ, больше и больше завоевывавшимъ себѣ расположеніе Государя, Канкринъ воевалъ изъ-за доходовъ отъ государственныхъ имуществъ, которыми этотъ министръ новосозданнаго Министерства Государственныхъ Имуществъ хотѣлъ распоряжаться помимо министра финансовъ, вопреки принципу единства въ финансовомъ дѣлѣ.

Подъ вліяніемъ этой оппозиціи былъ отвергнутъ въ 1826 г. Государственнымъ Совѣтомъ весьма разумный проектъ Канкрина относительно денежной реформы; въ 1834 и 1838 гг. отвергнуто его предложеніе понизить цѣну серебра при пріемѣ въ таможенные платежи, что привело бы къ нѣкоторому повышенію ассигнацій. При ре-

формѣ 1839 г. Государственный Совѣтъ установилъ выпускъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ вопреки Канкрину, заявлявшему, что они вытѣснятъ металлическія деньги.

Рибопьеръ, въ своихъ «Запискахъ», отзываясь о Канкринѣ, какъ объ умномъ и высокообразованномъ человѣкѣ, упрекаетъ его въ нелюбви въ Россіи и презрѣніи къ русскимъ. Этотъ упрекъ повторяется и другими. Упрекали его и въ презрѣніи къ чужимъ мнѣніямъ и совѣтамъ, даже ко всякому умственному дарованію, кромѣ своего собственнаго. Этимъ недостаткамъ его—чрезмѣрному честолюбію, высокому мнѣнію о себѣ и презрѣнію ко всему, что не отъ него исходило—и приписываетъ графъ М. А. Корфъ противодѣйствіе, какое часто ему оказывали, и то, что онъ не все то сдѣлалъ, чего бы можно было ожидать отъ его способностей.

Если бы Канкринъ дѣйствительно не любилъ Россію, то вѣроятно бы и не остался въ ней, а послѣдовалъ бы весьма соблазнительному приглашенію въ Австрію, сдѣланному какъ разъ въ весьма критическую минуту его жизни. За чрезмѣрное самолюбіе и презрительное отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ, конечно, не заслуживаетъ онъ похвалы; но это, къ сожалѣнію, недостатокъ, свойственный очень многимъ даровитымъ людямъ.

Вообще обвиненія, высказанныя противъ Канкрина въ нашей и частію въ иностранной литературѣ, сводятся къ слѣдующему: его сочиненія по политической экономіи содержатъ въ себѣ много ложныхъ мыслей; въ финансовомъ дѣлѣ онъ простой эмпирикъ, въ таможенномъ — протекціонистъ; онъ ярый противникъ акціонерныхъ предпріятій, поклонникъ системы исключительно казенныхъ кредитныхъ учрежденій, и то съ финансовыми цѣлями; онъ отрицалъ пользу кредитнаго обращенія; держалъ бюджетъ въ секретѣ; оказывался очень непослѣдовательнымъ въ вопросѣ о бумажныхъ деньгахъ, совершивъ съ ними замаскированное банкротство; прибѣгалъ къ секретнымъ займамъ изъ государственныхъ банковъ; ввелъ продажу рекрутскихъ квитанцій; возстановилъ откупъ питейныхъ сборовъ; не сдѣлалъ преобразованій въ налогахъ; завелъ особый видъ государственнаго долга—билеты Государственнаго Казначейства и т. д. Словомъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ практикѣ Канкринъ проводилъ будто-бы «воззрѣнія, крайне враждебныя наукѣ» и что только «исключительныя личныя, нравственныя и умственныя достоинства создателя этой системы, его необыкновенная государственная честность, добросовѣстность и осторожность и сверхъ того, чрезвычайно благопріятныя для этой системы внѣшнія и внутреннія обстоятельства государства оберегли ее отъ несостоятельности (впрочемъ, только наружной) въ то время, какъ она дѣйствовала подъ рукой ея создателя».

Было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь подробно всѣ неблагопріятные отзывы о Канкринѣ и указывать, что̀ слѣдуетъ дѣйствительно поставить въ вину ему и что̀ — обстоятельствамъ, его окружавшимъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій разсмотрѣны нами выше; нѣкоторые пункты своей дѣятельности онъ достаточно объяснилъ самъ. Надо имѣть въ виду и то, что критика иногда слишкомъ сгущаетъ краски, иногда, какъ замѣчено выше, беретъ его положенія отрывочно, безъ связи съ общимъ ходомъ его мыслей. Замѣтимъ еще, что нѣкоторые изъ «парадоксовъ» Канкрина, подъ вліяніемъ тяжелаго опыта, уже и перестали быть таковыми, какъ, напримѣръ, его протекціонизмъ, мысль о вредѣ большихъ промышленныхъ компаній, его мнѣніе, что лучше было бы правительству взять желѣзнодорожное дѣло въ свои руки, его мысли о вредѣ, приносимомъ нѣкоторыми сторонами банковой дѣятельности, о необходимости правительственнаго контроля надъ частными банками и т. д. Канкринъ, конечно, ошибался, ожидая, напримѣръ, отъ питейнаго откупа благихъ послѣдствій не только для казны, но и для народнаго богатства и народной нравственности; но вспомнимъ, что откупомъ смѣнилось казенное управленіе, оказавшееся вполнѣ несостоятельнымъ и не менѣе вреднымъ для народнаго благосостоянія, чѣмъ впослѣдствіи оказалась откупная система.

Прекрасную характеристику графа Канкрина даетъ графъ Корфъ: «Канкринъ, говоритъ онъ, обладалъ весьма обширными познаніями, хотя и не одинаковыми, но всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній; при чрезвычайной дѣятельности и способности къ быстрой работѣ, онъ былъ одаренъ драгоцѣнной способностью быстро и вѣрно рѣшать самые сложные и тонкіе вопросы. Не смотря на его нѣмецкій стиль и говоръ,

въ рѣчи его было нѣчто пластическое, осязаемое. Это былъ языкъ, доступный всякому пониманію и приноровленный ко всякимъ принципамъ. Если ему неудавалось убѣдить своихъ собесѣдниковъ доказательствами, то онъ прибѣгалъ къ ироніи и даже къ плоскимъ выходкамъ, возбуждавшимъ веселость». Какъ видно изъ его научныхъ трудовъ онъ обладалъ хорошею подготовкой для своего дѣла; его система не была наскоро испеченной и перемѣнчивой системой человѣка, случайно попавшаго въ министры финансовъ изъ совершенно другой области. Онъ былъ въ свое время едва ли не единственнымъ изъ нашихъ государственныхъ людей, практическая дѣятельность котораго имѣла научную подкладку.

Сочиненія свои Канкринъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ и издавалъ ихъ большею частію заграницей; внутри Россіи гласности въ его время не существовало, да и самъ онъ не былъ ея поклонникомъ, напримѣръ въ бюджетномъ дѣлѣ; поэтому путемъ оглашенія своихъ воззрѣній и дѣйствій онъ не могъ вліять на публику. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе признавало въ немъ человѣка, глубоко понимающаго свое дѣло. Если кое-что изъ его дѣятельности вызывало критику въ свое время или представляется ошибочнымъ съ нынѣшней точки зрѣнія, то тѣмъ не менѣе за нимъ остается та заслуга, что онъ внесъ извѣстную систему въ финансовую и хозяйственную политику Россіи, упрочилъ въ предѣлахъ возможности по тому времени ея финансовое положеніе, ея кредитъ, повысилъ ея промышленное развитіе. Подчиненные боготворили этого суроваго, угрюмаго нѣмца, всегда обращавшагося съ ними просто и дружественно, безъ всякой «оффиціальщины», какъ онъ выражался,—начальника, умѣвшаго отличать людей дѣльныхъ и цѣнить ихъ заслуги,—этого «скряги», охотно помогавшаго своимъ подчиненнымъ въ ихъ невзгодахъ, и на счетъ казны, если это было можно, и изъ собственныхъ средствъ. Память о немъ долго жила между его бывшими подчиненными и живетъ доселѣ въ нашемъ обществѣ: многіе не знаютъ, кто были его предшественники, о преемникахъ его имѣютъ лишь смутное понятіе, а имя Канкрина извѣстно почти всякому. И уже самое то, что онъ единственный изъ всѣхъ нашихъ министровъ финансовъ служитъ доселѣ предметомъ разсужденій и критики, что даже полстолѣтія спустя послѣ его смерти дѣятельность его подвергается разбору,—уже это указываетъ, что онъ не былъ заурядною личностью, что въ немъ было нѣчто, характеризующее не простаго администратора, а именно государственнаго дѣятеля.

Изученіе законовъ матеріальнаго преуспѣянія человѣческихъ обществъ—финансы, политическая экономія—возведено на степень науки лишь въ недавнее сравнительно время. Имѣя дѣло съ матеріаломъ безконечно разнообразнымъ, вывести изъ котораго законы явленій экономической жизни съ полною ясностью чрезвычайно трудно, наука эта съ самаго своего возникновенія вызывала и доселѣ вызываетъ сомнѣнія и споры объ основныхъ своихъ истинахъ. Столь дѣятельный и усердный, какъ графъ, Канкринъ, примѣнитель научныхъ истинъ къ жизни государства, столь выходящаго изъ ряда другихъ государствъ, какъ Россія, не могъ не встрѣтить въ современникахъ своихъ страстнаго и подъ часъ не безпричиннаго осужденія. Но по мѣрѣ того, какъ всеумиряющее время погашаетъ очаги вражды человѣческой, возстаютъ надъ пепломъ ихъ тѣни мужей, заслуживающихъ того, чтобы память ихъ сохранилась въ исторіи; къ такимъ мужамъ принадлежитъ и гр. Канкринъ.

Не смотря на иностранное свое происхожденіе, безкорыстно полюбивъ Россію, онъ посвятилъ ей всю свою почтенную, трудовую жизнь. Сначала въ сравнительно скромныхъ обязанностяхъ интенданта арміи, затѣмъ на видномъ посту Министра Финансовъ онъ неустанно, упорно трудился на пользу государственную, никогда не теряя изъ виду научныхъ теорій, къ которымъ столь пренебрежительно относилось его время, не преклоняясь ни предъ какимъ временщикомъ, съ откровенностью излагая свои мысли и предъ Царемъ въ своихъ докладахъ и предъ цѣлымъ міромъ въ своихъ печатныхъ сочиненіяхъ; дорожа казенной копѣйкою больше собственнаго благосостоянія, гр. Канкринъ и въ эпоху тяжелыхъ войнъ и послѣ нихъ, когда приходилось исправлять потрясенія, причиненныя народному хозяйству этими войнами, и проводя свои глубокообдуманныя реформы, которыя оказали о громное вліяніе на развитіе экономическаго благосостоянія Россіи,—оставался тѣмъ же скромнымъ труженикомъ,

убѣжденнымъ, что для полезной государственной дѣятельности прежде всего необходимо соединеніе теоріи и практики знанія науки и пониманія жизни. И благодаря постоянно твердой поддержкѣ императоровъ Александра I и въ особенности Николая I, гр. Канкринъ успѣлъ осуществить свои многочисленныя замѣчательныя мѣропріятія.

Изданія сочиненій Канкрина указаны въ текстѣ. Въ 1894 г. вышелъ весьма плохой, анонимный переводъ его «Oekonomie» подъ заглавіемъ: «Графъ Канкринъ и его очерки политической экономіи и финансіи» (sic).—Краткая біографія гр. Канкрина приложена гр. Кейзерлингомъ къ его «Reisetagbücher»; извлеченіе изъ этой книги на русскомъ языкѣ напечатано въ «Русск. Арх.» 1866 г. Далѣе—обзоры его жизни и дѣятельности: Сементковскій, «Егоръ Францовичъ Канкринъ; его жизнь и государственная дѣятельность» 1893 г.; Шиповъ, «Очеркъ жизни и государственной дѣятельности гр. Канкрина»—въ «Библ. для Чтенія» 1864 г. и отдѣльно; «Journal de St.-Pétersbourg» 1860 г., №№ 138—140, 142, 143; Skalkovsky, «Les ministres des finances de la Russie 1802—90» и на русскомъ языкѣ: «Наши государственные и общественные дѣятели»; Бліохъ, «Финансы Россіи въ XIX столѣтіи», т. I; Иконниковъ, «Гр. Мордвиновъ. Историч. монографія»; «Библіографическія Записки», I, 1858 г.; Вернадскій, «Очеркъ исторіи полит. экономіи», 1858 г.; сборникъ: «XIX вѣкъ», I; В. П. Безобразовъ, «О вліяніи экономич. науки на государств. жизнь въ современной Европѣ» и на французскомъ языкѣ: «De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne», въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, XII série, t. XI, № 10; его же «О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи»; С. Муравьевъ, «Гр. Канкринъ и его финансовая система по отношенію къ нашему времени» въ «Отеч. Запискахъ» за 1865 г., т. 161; Н. Х. Бунге, «Мысли гр. Канкрина о бумажныхъ деньгахъ» въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., т. 64; его же «Замѣчанія» въ приложеніи къ переводу соч. Ад. Вагнера «Русскія бумажныя деньги»; Гольдманъ, «Русскія бумажныя деньги»; Судейкинъ, «Денежно-кредитная реформа гр. Е. Ф. Канкрина», въ «Юрид. Вѣстн.» 1891 г.; гр. Сперанскій, «Мысли о новыхъ билетахъ казначейства», 1831 г., въ «Русской Старинѣ», 1872 г.; Schmidt, «Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Gr. Kankrin von 1823—1845», въ журналѣ «Russische Revue», 1875 г. III и отдѣльно; Roscher, «Geschichte der Nationaloekonomik»; Bodenstedt, «Cancrin», статья въ Bluntschli und Brater, «Staatswörterbuch, II; (Anonym) «Russland und die Gegenwart», Leipzig 1851, I; «Aus der Petersburger Gesellschaft. Von einem Russen». Leipzig, 1874. Neue Folge; И. Н. Б—овъ, «Графъ Е. Ф. Канкринъ и его двадцатилѣтнее управленіе разными финансами»—«Русскій Вѣстникъ» 1895 г., т. 239 и др. Проф. *В. А. Лебедевъ.*

Канкринъ, *Францъ Людвигъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, отецъ предыдущаго; род. 21 февраля 1738 г. въ Брейтенбахѣ, ум. 1816 г. Дѣтство свое провелъ Канкринъ въ Биберѣ, гдѣ отецъ его занималъ мѣсто бергмейстера; первоначальное образованіе получилъ онъ въ мѣстной школѣ, а отецъ преподавалъ ему спеціальные предметы; когда наслѣдный принцъ гессенскій Вильгельмъ предложилъ Канкрину-отцу посвятить одного изъ его сыновей горному дѣлу, то выборъ старика палъ на Франца Людвига, который и изучалъ это дѣло практически подъ руководствомъ отца. Молодой Канкринъ къ 20-ти годамъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что ему было предложено мѣсто директора горной и соляной части, но онъ отказался и пожелалъ продолжать образованіе, поступивъ для этого въ Іенскій университетъ; здѣсь съ 1759 по 1762 г. Ф. Канкринъ изучалъ юридическія науки, къ которымъ имѣлъ большую склонность, и математику, и вслѣдъ затѣмъ, для усовершенствованія въ горномъ дѣлѣ посѣтилъ Тюрингію и Гарцъ. Въ 1764 г. получилъ мѣсто секретаря въ Ганау, въ Гессенѣ, а въ 1767 г.—асессора въ казначействѣ (Rentkammer). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ математику и инженерныя науки принцу гессенскому Фридриху и былъ профессоромъ математики въ военной академіи и гимназіи, а также занималъ мѣсто въ управленіи гражданскихъ строеній. Къ этому же времени относятся первые печатные труды Канкрина: Praktische Abhandlung von Zubereitung und Zugutmachung der Kupfererze (1765) и Beschreibung der vorzüglichsten Bergwerke im Hessen (1767). Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, Канкринъ принималъ также дѣятельное участіе въ управленіи театрами и состоялъ членомъ коммиссій дорожной и строительной, а съ 1774 г. принялъ въ свое завѣдываніе монетную часть. Въ 1773 г. по слабости здоровья Канкринъ былъ избавленъ отъ профессуры. Не смотря на массу работы по постройкѣ театра, по руководству устройствомъ соляныхъ промысловъ и Вильгельмсбада, по завѣдыванію горной частью и т. д. Канкринъ успѣлъ въ это время издать свое классическое сочиненіе о горномъ дѣлѣ. Въ 1768 г. избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ Гессенская академія наукъ, а въ 1778 г.—берлинское общество естествоиспытателей.

Съ 1781 г. Канкринъ состоялъ гессенскимъ главнымъ камеральнымъ совѣтникомъ, но вслѣдствіе ссоры между его женою и одною изъ придворныхъ дамъ перешелъ на службу къ маркграфу Бранденбургъ-Анспахскому; послѣдній назначилъ его директоромъ канцеляріи («съ званіемъ

губернатора», какъ выражался самъ Канкринъ) въ Альтенкирхенѣ, въ графствѣ Зайнскомъ. Но Канкринъ не ужился съ преобладавшими при Гессенскомъ дворѣ женскими вліяніями и въ 1783 г., воспользовавшись сдѣланнымъ ему русскимъ правительствомъ предложеніемъ, вступилъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника; 3 сентября 1784 г. назначенъ былъ начальникомъ Старорусскаго солеваренаго завода. Познанія его въ Россіи цѣнились весьма высоко; въ виду этого ему предоставлены были разныя льготы; такъ напр. съ 1786 г. по 1793 г. онъ пробылъ для поправленія здоровья и окончанія нѣкоторыхъ научныхъ работъ за границей, причемъ сохранялъ все свое содержаніе.

3 декабря 1796 г. Канкринъ былъ назначенъ членомъ Бергъ-коллегіи, а 19 апрѣля 1798 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. 6 сентября 1799 г. вторично назначенъ управляющимъ Старорусскимъ солеваренымъ заводомъ и пробылъ въ этой должности до самой своей отставки въ 1812 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ, произведенный въ 1801 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Канкринъ въ 1807 г., по закрытіи Бергъ-коллегіи опредѣленъ былъ почетнымъ членомъ горнаго департамента. При преобразованіи же горнаго департамента въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, Канкринъ съ 1811 г. былъ причисленъ къ горному совѣту этого департамента.

Завѣдуя двукратно Старорусскимъ заводомъ, Канкринъ много потрудился и привелъ его въ блестящее состояніе: исправилъ плотину на р. Полисти, улучшилъ градиры и число ихъ увеличилъ до 15, къ существовавшимъ до него 14 цренамъ прибавилъ еще три большихъ; вслѣдствіе этого выварка соли могла быть доведена до 165,000 пудовъ въ одно лѣто. За это Канкрину въ 1804 г. Высочайше повелѣно было выдать за все время управленія старорусскимъ заводомъ по 2,000 р. за годъ и выдавать впредь эту сумму помимо жалованья (2,000 р.), а кромѣ того уплачивать ему по 2 к. съ пуда вываренной соли сверхъ 165 тыс. пуд. Къ концу своей дѣятельности Канкринъ состояніе завода нѣсколько запустилъ.—Канкринъ, обладая обширными познаніями въ весьма разнообразныхъ областяхъ, былъ весьма плодовитымъ писателемъ, преимущественно въ области техники; самымъ солиднымъ и значительнымъ трудомъ его является: «Erste Gründe der Berg-und-Salzwerkskunde. 12 Th. 1773—1791, Frankfurt». Сочиненіе это, посвященное императрицѣ Екатеринѣ II, было впослѣдствіи по желанію императрицы издано и на русскомъ языкѣ. (Первыя основанія искусства горныхъ и соляныхъ производствъ. Въ 17 частяхъ, перевели Рожешниковъ, Мартовъ, Бусырскій, Протопоповъ, Петровъ, Волковъ, Васильевъ и Карандашевъ. Спб. 1785—91). Изъ другихъ его трудовъ пользуются извѣстностью также «Abhandlung vom Wasserrechte», сочиненіе о горномъ законодательствѣ Германіи и т. д. Полный перечень трудовъ Канкрина можно найти въ Kayser's Bücherlexicon. Въ одномъ изъ своихъ прошеній въ горный департаментъ Канкринъ между прочимъ заявляетъ, что также «онъ изложилъ и объяснилъ, по Прагскому миру, право россійскихъ государей на оба маркграфства Оберъ и Нидеръ-Лаузицъ, съ приложеніемъ генеалогическаго описанія россійско-императорскаго дома».

Формуляръ и нѣкоторыя другія бумаги въ архивѣ Горнаго Департамента; «Allgemeine Deutsche Biographie»; «Aus den Reisetagebüchern des Gr. Kankrin». 1865. Braunschweig, B. I, S. 1; «Сѣверн. Пчела» 1825 г., № 51; Геннади, «Словарь»; «Справ. Экц. Лекс.», изд. Края; Севергинъ, «Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ Росс., Госуд.», Спб. 1804; «Русск. Арх.», 1866 г., № 1, стр. 113; «Русск. Арх.», 1864 г., вып. 9 (изъ бумагъ Архарова); Сементковскій, «Е. Ф. Канкринъ», 1893 г. Спб.

С. Кулибинъ.—А. Ф.

Каноппи, *Антоніо*, живописецъ-декораторъ и архитекторъ. Род. въ Моденѣ въ 1774 г., ум. 19 апрѣля 1832 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, инженеръ герцога Моденскаго, извѣстный въ свое время разными гидравлическими сооруженіями въ Италіи, далъ сыну хорошее воспитаніе и направилъ его способности на изученіе математическихъ наукъ и строительнаго искусства, а молодой Каноппи, имѣя отъ природы склонность къ рисованію, былъ особенно наклоненъ къ изящнымъ искусствамъ и уже тогда своими альфреско украшалъ дворцы многихъ итальянскихъ вельможъ. Извѣстный Канова, познакомившись съ молодымъ художникомъ, принялъ его подъ свое покровительство и подъ его руководствомъ Каноппи получилъ первыя познанія въ скульптурѣ. Кромѣ того, онъ занимался разными проектами по архитектурѣ, украшалъ внутренности зданій и сдѣлался сценическимъ живописцемъ театра

Феличе. Исполненныя имъ декораціи сдѣлали извѣстнымъ его имя въ Италіи и работы его долго сохранялись въ Миланѣ, на ряду съ произведеніями знаменитаго Гонзаго; Болонская и Миланская академіи живописи сдѣлали его своимъ членомъ.

Во время нашествія французовъ Каноппи, какъ горячій патріотъ, сталъ въ ряды враговъ Франціи, но вскорѣ, чтобы избѣгнуть смертной казни, принужденъ былъ бѣжать изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, куда проникало французское оружіе. Скитаясь на чужбинѣ, онъ попалъ въ Вѣну, и здѣсь случай свелъ его съ русскимъ посланникомъ, кн. Разумовскимъ. Кн. Разумовскій оцѣнилъ дарованія молодаго художника и уговорилъ его переселиться въ Россію. Съ рекомендательными письмами отъ князя онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1805 г., принялъ русское подданство и поселился въ Москвѣ, пользуясь расположеніемъ семействъ Разумовскихъ, Гудовичей, Юсупова, Растопчина и другихъ вельможъ. Въ Москвѣ онъ между прочимъ расписалъ большую залу Дворянскаго собранія какъ бы въ видѣ открытой галлереи съ храмомъ безсмертія Екатерины II и тріумфальною аркою императора Александра I по концамъ и съ разными военными изображеніями въ аттикѣ колонады. Эти произведенія, погибшія въ 1812 г., описаны въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе живописи, изобрѣтенной и исполненной Антономъ Каноппи въ большой залѣ Дворянскаго собранія въ Москвѣ». (М., въ тип. Н. С. Всеволожскаго, 1812). Сверхъ того, Каноппи составилъ проекты: монумента Пожарскому, чугунной колонны въ память войны 1812 г., соборной церкви съ катакомбами и подземельями.

Послѣ раззоренія непріятелемъ Москвы Каноппи, стараніями своего стараго пріятеля Гонзаго, былъ принятъ декораторомъ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ. Какъ знатокъ театра, онъ начертилъ планы многимъ зданіямъ для публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній; изъ написанныхъ имъ декорацій извѣстны были: египетскій залъ, садъ и греческій перистиль — для оперы «Волшебная флейта», римская галлерея или залъ, темница въ духѣ Пиранези — для оперы «Семирамида» и друг.; для возобновленнаго вторично Большаго театра онъ написалъ занавѣсъ съ изображеніемъ временныхъ Нарвскихъ воротъ въ Петербургѣ, построенныхъ по случаю возвращенія войскъ изъ Франціи въ 1815 г.

Въ 1813 г. Каноппи принесъ въ даръ Академіи Художествъ картину своей работы, изображающую «живописца, снимающаго видъ съ красивой мѣстности» и за свои картины и рисунки былъ признанъ назначеннымъ академикомъ; въ видѣ программы на званіе академика онъ исполнилъ двѣ картины — «Геройскій подвигъ ген. Раевскаго подъ Смоленскомъ въ 1812 г.», и «Снятіе со креста Спасителя». Эта картина высоко цѣнилась современниками за хорошій рисунокъ. Затѣмъ въ Академіи Художествъ были еще три картины его работы: «Венера съ купидонами», «Старикъ съ зажженнымъ факеломъ» и эскизъ, изображавшій императора Александра ѣдущимъ отъ Казанскаго собора въ колесницѣ, запряженной львами, и объявляющаго міръ Европѣ. Въ 1819 г. разстроенное трудами здоровье Каноппи заставило его уѣхать въ продолжительный отпускъ на Кавказъ; вернувшись въ Петербургъ въ 1821 г. онъ исправлялъ должность декоратора до самой своей смерти.—Каноппи работалъ много, писалъ легко и скоро, но рѣдко отдѣлывалъ свои картины съ тщательностію. Особенно онъ любилъ изображать разныя эффектныя явленія, въ родѣ луннаго освѣщенія или огненнаго отраженія, какъ напр.: въ «Появленіи Энея съ Сивиллою въ Елисейскихъ поляхъ» (сіяніе трехъ свѣтилъ) и въ «Сошествіи въ адъ» изъ Виргилія (борьба солнечныхъ лучей съ огненнымъ освѣщеніемъ), въ картинѣ «Внутренность монастыря» (лучшее его произведеніе) и въ «Жертвоприношеніи вакханокъ» (особенно фантастическое сіяніе луны). Изъ картинъ его въ архитектурномъ родѣ виды «Зимняго Дворца» и «Арки у зданія Главнаго штаба» помѣщены въ Эрмитажѣ. Каноппи оставилъ также много рисунковъ тушью и перомъ, особенно замѣчательныхъ по своей перспективѣ. Онъ писалъ сочиненія объ архитектурѣ, перспективѣ и живописи, и одно изъ нихъ было издано въ 1830 г. подъ заглавіемъ: «Opinion d'Antoine Canoppi sur l'architecture en général et en spécialité sur la construction des théâtres modernes». Онъ сочинялъ и стихи на своемъ родномъ языкѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ занимался онъ руководствомъ молодыхъ художниковъ, всячески поощряя ихъ къ успѣхамъ въ из-

бранныхъ ими предметахъ; начитанность его по части древнихъ итальянскихъ и французскихъ поэтовъ дѣлала его очень пріятнымъ собесѣдникомъ; онъ пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ.

«Худож. Газета» 1837 г., ст. 351 — 4; Nagler's Künstler-Lex., V, 225; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Акад. Худ.», П. Н. Петрова и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова. *Н. С.*

Кантакузенъ, князь *Николай Родіоновичъ*, генералъ-маіоръ, изъ греческихъ князей, род. въ 1763 г., ум. въ Одессѣ въ 1841 г. По особому Высочайшему повелѣнію принятъ въ семилѣтнемъ возрастѣ прапорщикомъ въ сформированный его отцемъ Волохскій гусарскій полкъ. Послѣ восьмилѣтняго служенія въ австрійской арміи, въ 1790 г. вторично принятъ въ русскую службу подполковникомъ въ Екатеринославское казачье войско и за отличіе при штурмѣ и взятіи Измаила награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ слѣдующемъ году, по приказанію кн. Потемкина, принялъ начальство надъ всѣми волонтерами, преимущественно арнаутами, находившимися при арміи, сформировалъ изъ нихъ пятисотенный Левантскій полкъ и занимался устройствомъ арнаутскихъ поселеній по р. Бугу. Послѣ непродолжительнаго командованія Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ, въ 1797 году былъ уволенъ въ отставку, въ которой и находился до назначенія въ 1806 г. наказнымъ атаманомъ Бугскаго казачьяго войска, съ которымъ участвовалъ въ 1806—1808 гг. въ Турецкой войнѣ, сформировавъ при этомъ въ Дунайскихъ княжествахъ 6 волонтерныхъ полковъ для русской арміи. По производствѣ въ 1818 г. въ генералъ-маіоры состоялъ до 1823 г. при начальникѣ 3-й Бугской уланской дивизіи графѣ Виттѣ для особыхъ порученій по дѣламъ военныхъ поселеній; въ 1833 г. уволенъ въ отставку.

Дѣло 3 ст. 1 отд. Инспек. деп. Воен. минист. за 1833 г. № 136, въ Москов. отд. Архива Главн. штаба. *С. Н. П.*

Кантакузенъ, князь *Радуканъ* (Родіонъ), род. въ 1725 г., ум. въ 1774 г. Происходилъ изъ рода волохскихъ бояръ; въ 1770 г. еще до перехода въ русскую службу, съ нѣсколькими сотнями волонтеровъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ съ Турками. Въ слѣдующемъ году принятъ полковникомъ въ русскую службу, вмѣстѣ со сформированнымъ имъ на свой счетъ изъ уроженцевъ Валахіи полкомъ, названнымъ Волохскимъ гусарскимъ. Во главѣ этого полка онъ участвовалъ въ 1771 и 1773 гг. во многихъ сраженіяхъ, особенно отличившись при осадѣ Силистріи.

Формул. спис. Волохскаго гусарскаго полка за 1773 г. въ Москов. отд. Архива Главн. штаба, оп. 214, кн. 141. *С. Н. П.*

Кантемиръ, князь *Антіохъ Дмитріевичъ*, сатирикъ, переводчикъ и дипломатъ первой половины XVIII вѣка, род. 10 сентября 1708 г. въ Константинополѣ, ум. въ Парижѣ, 31 марта 1744 г. Отецъ его, князь Дмитрій Константиновичъ, господарь Молдавіи, былъ союзникомъ Петра Великаго въ турецкомъ походѣ 1711 г. и послѣ неудачи на берегахъ р. Прута, лишившись владѣній, нашелъ убѣжище въ Россіи и за потерю престола былъ вознагражденъ царемъ обширными помѣстьями. Поселившись сначала въ Харьковѣ, онъ скоро переѣхалъ въ Петербургъ и занялъ видное мѣсто при дворѣ Петра, который цѣнилъ въ немъ человѣка съ выдающимися познаніями въ языкахъ и исторіи востока, философіи и математикѣ. Отправляясь въ походъ противъ Персіи, Петръ взялъ Кантеміра съ собою; молодой Антіохъ, будущій писатель, сопровождалъ отца; но дорогой старый князь заболѣлъ, вернулся съ разрѣшенія царя въ свое помѣстье Дмитровку и вскорѣ умеръ тамъ 21 августа 1723 г. Въ записной книжкѣ Петра Великаго сохранился такой отзывъ о немъ: «оный господарь человѣкъ зѣло разумный и въ совѣтахъ способный».

Семейство Дмитрія Кантеміра состояло изъ жены его, княгини Кассандры, рожденной Кантакузенъ, дочерей Маріи и Смарагды и четырехъ сыновей: Матвѣя, Константина, Сергѣя и Антіоха. Княгиня Кассандра умерла въ 1713 г., успѣвъ— однако, дать серьезное направленіе воспитанію дѣтей; ея родной языкъ, греческій, былъ обычнымъ разговорнымъ языкомъ въ семьѣ; на немъ впослѣдствіи всего охотнѣе вела переписку княжна Марья. Вмѣстѣ съ Кантеміромъ пріѣхалъ въ Россію въ качествѣ воспитателя греческій священникъ Анастасій Кондоиди, впослѣдствіи епископъ вологодскій Аѳанасій. Дѣти господаря росли въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ для умственнаго развитія, нежели сыновья рус-

скихъ семей того времени; однако только младшій изъ нихъ, Антіохъ, широко воспользовался возможностью учиться и явился потомъ едва ли не самымъ образованнымъ человѣкомъ своей эпохи въ Россіи. Его блестящія способности были замѣчены уже наблюдательнымъ Петромъ и когда старикъ Кантемиръ передъ смертью просилъ царя присудить все его состояніе одному изъ сыновей—достойнѣйшему, выборъ царя былъ уже предрѣшенъ; онъ желалъ передать состояніе кн. Антіоху и только скорая смерть Петра помѣшала осуществиться этому намѣренію. Однако царь отвѣчалъ отказомъ на просьбу о поѣздкѣ заграницу съ цѣлью образованія, съ которой обратился къ нему Антіохъ черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ смерти отца; вѣроятно, ожидавшееся въ скоромъ времени открытіе Академіи Наукъ въ Петербургѣ было основаніемъ для отказа. Три года спустя Антіохъ, въ то время уже прапорщикъ Преображенскаго полка, слушалъ въ только что открывшейся академіи лекціи Бернулли, Байера и Гросса.

Начало литературной дѣятельности кн. А. Кантеміра относится къ 1726 году, когда онъ составилъ, кажется по совѣту своего бывшаго учителя Ивана Ильинскаго, «Симфонію на псалтырь», родъ систематизаціи изреченій, взятыхъ изъ псалтыри, облегчавшій пользованіе ими для практическихъ цѣлей. Рукопись своего труда авторъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ I вмѣстѣ съ посвященіемъ и въ слѣдующемъ году, на отпущенныя ему деньги, книга была напечатана въ 1250 экземплярахъ. Въ то же время онъ усердно занимался переводами и сочинялъ любовныя пѣсенки, о которыхъ онъ вспомнилъ потомъ въ IV сатирѣ (стихи 151—165).

Русское общество переживало въ то время моментъ хаотической и болѣзненной реакціи. Дѣло Петра, попавъ въ неумѣлыя и корыстныя руки, было заброшено на другой же день по его смерти; загорѣлась борьба личныхъ разсчетовъ, все болѣе и болѣе безпощадная; презрѣніе къ общему благу и къ тому, въ чемъ Преобразователь видѣлъ главное его орудіе, просвѣщенію, заявлялось открыто. Горячо сочувствуя дѣламъ Петра Великаго, Кантеміръ сознательно примкнулъ къ небольшому кружку лицъ, хранившихъ петровскія преданія, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Настроеніе кружка и нашло выраженіе въ I и II сатирахъ Кантеміра, которыя въ 1729 году распространились въ рукописяхъ по Москвѣ и Петербургу. Авторъ могъ бы съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Ювеналъ, сказать, что «время» сдѣлало его сатирикомъ, потому что ни въ характерѣ его, сдержанномъ и кроткомъ, ни въ умѣ, созерцательномъ и вдумчивомъ, не было задатковъ для той энергіи негодующаго чувства и того страстнаго отношенія къ конкретному факту, безъ которыхъ немыслимъ истинный сатирикъ. Грусть при видѣ начавшагося упадка петровскихъ начинаній, тоска по миновавшемъ «золотомъ вѣкѣ, въ коемъ предсѣдала мудрость», усмѣшка, то горькая, то брезгливая—замѣняютъ у него чисто сатирическій паѳосъ. Многочисленныхъ заимствованій изъ Ювенала, Горація, Персія и Буало авторъ не думалъ скрывать; но въ образахъ хулителей просвѣщенія несомнѣнны черты, списанныя съ натуры, и образъ науки, скитающейся въ рубищѣ, есть его оригинальное и трогательное созданіе. Тема второй сатиры также подсказана жизнью: въ лицѣ Евгенія, чваннаго и невѣжественнаго, требующаго себѣ важнаго мѣста за одну породу, мы видимъ то общественное явленіе, которое подняло голову, какъ только трудъ и личная заслуга потеряли въ лицѣ Петра своего покровителя.

Сатиры Кантеміра были привѣтствованы сочувственными стихотвореніями Ѳеофана Прокоповича и Ѳеофила Кролика, префекта Заиконоспасской академіи. Въ словахъ Ѳеофана слышится однако упрекъ въ недостаточно смѣломъ нападеніи на общаго врага: «но зачѣмъ же было имя укрывати».

Отвѣтомъ на сочувственный отзывъ Ѳеофана Прокоповича явилась третья сатира, которую Кантеміръ послалъ архіепископу новгородскому изъ Москвы въ августѣ 1730 г. Въ началѣ слѣдующаго написаны сатиры четвертая и пятая, первая съ обращеніемъ автора къ своей музѣ, и этимъ прерывается на время литературная дѣятельность Кантеміра для того, чтобы возобновиться уже въ Лондонѣ. Въ этихъ трехъ сатирахъ мы уже не видимъ живаго отношенія къ окружающей дѣйствительности; съ этихъ поръ и до самаго конца обличенія автора принимаютъ отвлеченный, философическій характеръ, теряя и въ сатирической силѣ, и въ историческомъ значеніи. Одни только личные намеки, тамъ и сямъ разсѣянные, на Меншикова, Остермана, Рагузинскаго и др., составляютъ

связь съ русской дѣйствительностью; тамъ, гдѣ авторъ покушается сдѣлать большее—недостаточное знакомство съ русскою жизнью внѣ столицъ даетъ себя чувствовать слишкомъ замѣтно. Когда въ шестой сатирѣ онъ заговорилъ о сельскомъ священникѣ, которому знакома дорога въ кружало, обличительный тонъ не вяжется съ картиной безъисходной нужды, которую создаетъ себѣ по нѣкоторымъ подробностямъ болѣе вдумчивый читатель. Памятникомъ благовѣйнаго отношенія кн. А. Кантеміра къ памяти Петра Великаго осталось еще «Петрида, или описаніе кончины Петра Великаго», гдѣ сквозь неуклюжія вирши проглядываетъ мѣстами искренній лиризмъ автора. Стихотвореніе это относится къ началу 1731 г.

Между тѣмъ матеріальное положеніе Кантеміра за эти годы было далеко не удовлетворительно. Вопросъ о наслѣдствѣ, котораго не успѣлъ разрѣшить Петръ, нашелъ себѣ при другихъ обстоятельствахъ неожиданное и несправедливое разрѣшеніе: второй изъ братьевъ, Константинъ, женился на дочери кн. Дмитрія Михайловича Голицына, и покровительство могущественнаго тестя было причиной, что все состояніе господаря, болѣе 10,000 душъ, перешло къ нему. Это породило вражду къ нему остальныхъ братьевъ, которая сгладилась нѣсколько только позднѣе, когда ихъ положеніе улучшилось при новомъ правительствѣ.

Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны составило эпоху въ біографіи Кантеміра. Когда сдѣлались извѣстны олигархическія покушенія членовъ Верховнаго Совѣта, онъ примкнулъ рѣшительно къ ихъ противникамъ; онъ собиралъ подписи офицеровъ въ Преображенскомъ полку, сопровождалъ Черкасскаго и Трубецкаго во дворецъ новой государыни; его перу принадлежитъ адресъ, поданный затѣмъ дворянствомъ. Признательность новаго правительства скоро выразилась матеріальнымъ образомъ: кн. Антіоху вмѣстѣ съ родственниками, хотя послѣдніе и не принимали участія въ событіяхъ 1730 г., было пожаловано 1030 душъ, которыми они владѣли долгое время сообща и только въ 1740 г. состоялся раздѣлъ между тремя братьями. Это пожалованіе повлекло за собою два процесса съ казною, которые и составляли потомъ предметъ семейной переписки: сперва братья хлопотали о додачѣ имъ 280-ти душъ, которыхъ недоставало на пожалованныхъ землях до указаннаго числа; потомъ они хлопотали о сложеніи съ нихъ казенной недоимки въ 11000 р., которая числилась на пожалованныхъ земляхъ, бывшихъ вотчинахъ сосланнаго кн. Меншикова.

Участіе въ событіяхъ 1730 г. поставило кн. А. Кантеміра въ близкія отношенія съ семьей кн. Алексѣя Михайловича Черкасскаго. Добродушный старикъ, повидимому, искренно полюбилъ даровитаго и симпатичнаго князя Антіоха и готовъ былъ выдать за него свою единственную дочь, княжну Варвару, въ то время богатѣйшую невѣсту въ Россіи; но дѣло затянулось на много лѣтъ; княгиня-мать не желала этого брака; недоступный и скрытный характеръ княжны, не дававшей рѣшительнаго отвѣта, также являлся сильною помѣхой; отношенія, однако, поддерживались; во время отсутствія изъ Петербурга кн. Антіоха княжна Марья Кантеміръ видалась съ Черкасскими и давала брату въ письмахъ подробный отчетъ о своихъ свиданіяхъ; въ ихъ перепискѣ отецъ является обыкновенно подъ именемъ «черепахи», а невѣста—«тигрицы»; въ 1742 г., со смертью старика кн. Черкасскаго, совершился разрывъ, и дочь его, уже не молодою, вышла за гр. Шереметева. Этотъ эпизодъ въ біографіи нашего писателя даетъ цѣнный матеріалъ для характеристики его личности; то, что для другого служило бы главною приманкой такой партіи—знатность, богатство, связи—то самое пугало молодаго философа; все опредѣленнѣе складывался у него иной идеалъ жизни, который онъ и набросалъ въ началѣ своей шестой сатиры: Горацій, какъ лучшее выраженіе изящнаго и очищеннаго эпикуреизма; просвѣтительное, философское направленіе вѣка, проникнутаго уваженіемъ къ человѣческому разуму и вѣрой въ него; христіанскія убѣжденія искренно вѣрующаго человѣка рядомъ съ отвращеніемъ къ ханжеству и лицемѣрію—вотъ тѣ источники, изъ которыхъ вышло его міросозерцаніе. Когда смерть Черкасскаго положила конецъ болѣе чѣмъ десятилѣтнему сватовству, кн. Антіохъ выражаетъ въ письмѣ къ сестрѣ свою искреннюю радость, чувствуя себя нравственно освобожденнымъ. Къ чести княжны Марьи надо замѣтить, что, принимая близко къ сердцу карьеру брата, она умѣла понимать эту, болѣе цѣнную часть его существа; нѣжныя, дружескія отношенія брата и сестры покоились на серьезной нравственной основѣ.

Старшая изъ дѣтей молдавскаго господаря. княжна Марья родилась въ 1700 году и получила первоначальное воспитаніе подъ руководствомъ умной и образованной матери. Съ тѣхъ поръ на всю жизнь умственные интересы занимаютъ важное мѣсто въ ея существованіи. Антіохъ былъ ей гораздо ближе остальныхъ братьевъ: въ нихъ двоихъ только сказалась даровитость родителей; но и остальные братья, особенно легкомысленный Сергѣй—Сербанъ, какъ называли въ семьѣ—были предметомъ ея заботъ; ею держалась потомъ семейная связь; переписка ея богата интимными подробностями для біографіи брата; письма княжны писаны по гречески или по русски; братъ отвѣчаетъ почти всегда по итальянски; княжна научилась этому языку по настоянію брата, но не могла писать на немъ.

Милостивое отношеніе новаго правительства, покровительство сильнаго въ то время Черкасскаго, выдающееся образованіе, рѣдкое въ тогдашнемъ обществѣ—создали для кн. Антіоха возможность видной служебной карьеры: въ концѣ 1731 г. состоялось назначеніе его резидентомъ въ Лондонѣ. 1 января слѣдующаго года онъ отправился въ путь; по дорогѣ двадцатитрехлѣтній дипломатъ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время въ Берлинѣ и Гагѣ, чтобы воспользоваться совѣтами русскихъ резидентовъ, болѣе его опытныхъ,—такова была, повидимому, мысль Остермана. Довольно долго промедлилъ Кантеміръ въ Гагѣ, гдѣ съ давнихъ поръ былъ посланникомъ гр. А. Г. Головкинъ, и 30 марта прибылъ въ Лондонъ. Первою заботой его были переговоры о личности новаго англійскаго представителя въ Петербургѣ, который долженъ былъ замѣнить тогдашняго резидента Клавдія Рондо. Выборъ остановился на лордѣ Форбсѣ; вопросъ о его дипломатическомъ «характерѣ» былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что оба представителя—и русскій, и англійскій—получили одинакое званіе—полномочныхъ министровъ. Скоро обнаружилась крайняя недостаточность тѣхъ средствъ, которыя отпускались русскому посланнику,—всего 3000 р. Хлопоты о прибавкѣ вызвали переписку, и, благодаря содѣйствію кн. Черкасскаго и княжны Марьи, въ то время пожалованной во фрейлины, вопросъ разрѣшенъ благопріятно: содержаніе полномочнаго министра увеличено до 7000 р. Въ Лондонѣ Кантеміръ нашелъ нѣсколько десятковъ русскихъ въ бѣдственномъ положеніи; нѣкоторые были когда-то посланы правительствомъ и потомъ имъ позабыты; инымъ угрожала даже тюрьма за долги; Кантеміръ хлопоталъ за нихъ: выручить ихъ, по его мнѣнію, требовала самая честь Россіи; но при начавшемся въ то время господствѣ нѣмцевъ при дворѣ императрицы Анны такія ходатайства не имѣли успѣха. Хлопоты о русской посольской церкви оказались однако-жъ успѣшнѣе; церковь была устроена еще Петромъ Великимъ, но около шести лѣтъ, какъ она была заброшена; между тѣмъ въ Лондонѣ нашелся даже православный священникъ, грекъ Варфоломей, научившійся хорошо по англійски и обратившій въ православіе нѣсколькихъ англичанъ. Стараніями Кантеміра ему назначено было небольшое содержаніе и православное богослуженіе было возстановлено.

Въ 1733 г. смерть польскаго короля Августа II и возникшія затрудненія при замѣщеніи польскаго престола призвали молодаго дипломата къ болѣе серьезной дѣятельности. По указаніямъ Остермана онъ добивался отъ англійскаго правительства отправки эскадры къ Данцигу, чтобы парализовать дѣйствіе французскаго флота; онъ долженъ былъ обнадеживать англичанъ въ полной готовности русской эскадры выступить изъ Кронштадта; но плохое состояніе русскаго флота, заброшеннаго послѣ смерти Петра, должно быть, не было тайной для англичанъ, и правительство англійское давало уклончивые отвѣты; тѣмъ временемъ Данцигъ былъ взятъ русскими войсками, и англійское правительство не помѣшало избранію Августа III, поддержаннаго Россіей. Это было вмѣнено въ заслугу Кантеміру.

Довольно непріятною и хлопотливою обязанностью, лежавшей также на русскихъ дипломатическихъ агентахъ, было слѣдить за книгами о Россіи, появлявшимися заграницей. XVIII вѣкъ богатъ печатными пасквилями на Россію, авторами которыхъ были всего чаще иностранные авантюристы, потерпѣвшіе въ ней какую нибудь неудачу. Уже въ 1732 г. Кантеміръ сообщалъ Остерману о враждебной Россіи статьѣ въ журналѣ Evening Post. А въ ноябрѣ 1735 г. завязалась оживленная переписка по поводу памфлета противъ Россіи, который появился подъ французскимъ заглавіемъ Lettres moscovites и тотчасъ же былъ переведенъ на англійскій языкъ. Авторъ пам-

флета былъ скоро угаданъ въ Петербургѣ: онъ оказался итальянскимъ авантюристомъ графомъ Локателли, который пріѣхалъ въ Россію подъ вымышленнымъ именемъ и былъ арестованъ въ Казани по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Привезенный въ Петербургъ, онъ цѣлый годъ просидѣлъ въ крѣпости, пока не былъ наконецъ высланъ заграницу за недостаткомъ уликъ. «Московскія письма» содержатъ очень нелестную картину русскихъ правительственныхъ порядковъ. Роль Кантеміра въ дѣлѣ объ этой книгѣ оказалось очень затруднительной: ему было не легко увѣрить петербургскія власти, что само правительство въ Англіи безсильно противъ свободной печати. Когда, три года спустя, самъ Локателли появился въ Лондонѣ, продавая какіе то «медицинскіе секреты», Кантеміръ предлагалъ Остерману другое средство, къ которому въ то время въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали: нанять людей, которые нашли бы случай побить Локателли. Результатъ такого предложенія неизвѣстенъ.

Много хлопотъ русскому дипломату доставляли еще различныя порученія, которыя давали ему изъ Петербурга разныя высокопоставленныя лица. Сношенія съ Парижемъ, послѣ размолвки по польскому вопросу, были въ то время рѣдки; кромѣ того, кажется, самая молодость лондонскаго резидента позволяла съ большою безцеремонностью обременять его коммиссіями. Эти порученія представляютъ нѣкоторый бытовой интересъ. Роскошь, поощряемая императрицей и Бирономъ, быстро распространялась,—и вотъ Кантеміру приходится по просьбѣ разныхъ лицъ закупать дорогія матеріи, шелковые чулки, страусовыя перья и т. п.; онъ долженъ даже разыскивать «дамскія фузеи», потому что придворныя дамы, подражая императрицѣ, стали увлекаться стрѣльбой изъ ружей. Вѣроятно, съ большею охотой исполнялъ молодой посланникъ другого рода порученія: закупалъ для Академіи Наукъ книги, математическіе и астрономическіе инструменты и собиралъ гравированные портреты Петра Великаго.

Въ 1737 г. Кантеміръ долженъ былъ объявить англійскому правительству объ избраніи графа Бирона въ герцоги курляндскіе. Дѣло имѣло свою щекотливую сторону: нужно было выставить это избраніе добровольнымъ актомъ со стороны курляндскихъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ главнымъ предметомъ заботъ лондонскаго посланника сдѣлались французскія отношенія. По инструкціи Остермана онъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ де-Камби, и успѣшное начало ихъ подало мысль о переводѣ Кантеміра въ Парижъ. Въ сентябрѣ 1738 г. и состоялся переводъ его туда. Слишкомъ шестилѣтнее пребываніе въ Лондонѣ было для князя Антіоха хорошею дипломатическою школой. Пріѣхавъ въ страну, языка которой онъ первоначально вовсе не зналъ, не имѣя даже непосредственнаго предшественника, отъ котораго могъ-бы получить характеристику людей и отношеній,—онъ долженъ былъ постоянно имѣть дѣло съ такими выдающими противниками, какъ братья Вальполи и, не смотря на то, съ честью выполнялъ свою миссію, заслужилъ расположеніе двора, уваженіе обоихъ министровъ и дружбу одного изъ нихъ—Горація. Его выдающаяся образованность и таланты тотчасъ были оцѣнены въ культурной Англіи; похвалы Вальполей, кажется, даже возбудили какъ бы зависть въ Остерманѣ. Первый біографъ Кантеміра, аббатъ Венути, видитъ секретъ дипломатическихъ успѣховъ его въ Лондонѣ и потомъ въ Парижѣ въ высокихъ нравственныхъ свойствахъ его личности, которыя позволяли ему вносить больше искренности и честности въ дипломатическое дѣло, чѣмъ это обыкновенно бывало.

Выдающимся фактомъ частной жизни нашего дипломата за лондонскій періодъ его службы является процессъ четырехъ братьевъ Кантеміровъ противъ ихъ мачихи. Господарь, овдовѣвъ черезъ два года по пріѣздѣ въ Россію, въ 1719 году вступилъ во второй бракъ съ шестнадцатилѣтней княжной Трубецкой; въ 1723 г. онъ умеръ и вдова его не получила законной части наслѣдства, которое цѣликомъ перешло потомъ къ ея пасынку Константину. Примирившись съ обстоятельствами, пока были въ силѣ Голицыны, вдова господаря выжидала только удобной минуты и, бросившись однажды къ ногамъ императрицы Анны, просила ее дать разрѣшеніе на возбужденіе процесса. Разрѣшеніе дано было тѣмъ охотнѣе, что процессъ являлся удобнымъ средствомъ припомнить князю Дмитрію Михайловичу Голицыну его участіе въ событіяхъ 1730 года; всѣ такъ и посмотрѣли съ самаго начала на этотъ процессъ; веденный съ большою суровостью, онъ раз-

рѣшился въ 1737 году и повлекъ за собой заточеніе въ крѣпость гордаго петровскаго фельдмаршала; княгинѣ же Кантеміръ, около этого времени вышедшей замужъ за принца Гессенъ-Гомбургскаго, состоявшаго на русской службѣ, разрѣшено было взыскать неполученную ею долю наслѣдства съ Константина и частію съ остальныхъ трехъ братьевъ, насколько они пользовались наслѣдствомъ отца до его присужденія Константину; князю Антіоху приходилось выплатить мачихѣ 21000 р.,— сумму, которая совершенно превышала его тогдашнія средства. Князь Антіохъ началъ дѣятельно хлопотать, чтобы избавиться отъ такого непосильнаго ему расхода; ревностною пособницей его явилась та же княжна Марья; результатъ былъ благопріятенъ для кн. Антіоха; кажется, дѣло не обошлось безъ заступничества кн. Черкасскаго; да и сама мачиха не настаивала особенно на взысканіи съ трехъ обдѣленныхъ, какъ и она, братьевъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Кантеміръ принужденъ былъ нѣкоторое время жить инкогнито, пока не выяснился вопросъ о его полномочіяхъ; въ Петербургѣ, повидимому, находили даже, что онъ поторопился пріѣздомъ, и княжнѣ Марьѣ пришлось вдіять на не совсѣмъ дружелюбно расположеннаго Остермана, чтобы небольшому служебному промаху не дано было слишкомъ большаго значенія. Наконецъ полученъ былъ кредитивъ на званіе полномочнаго министра и 23 декабря 1738 г. состоялся пріемъ у короля. Но возникли новыя затрудненія: французское правительство соглашалось отправить своего уполномоченнаго не иначе, какъ на правахъ посланника; русскій дипломатъ не могъ согласиться на это безъ ущерба для чести Россіи и въ концѣ января 1739 г. онъ получилъ новый кредитивъ на званіе посланника и имѣлъ новую аудіенцію у короля 27 января. Въ Парижѣ ждали русскаго дипломата болѣе трудныя и хлопотливыя задачи, которыя усложнялись очень сильно неискреннею и медлительною политикой кардинала Флери. Часто и горько жаловался честный и искренній Кантеміръ, работавшій подъ придирчивымъ надзоромъ Остермана, на образъ дѣйствій французскаго министра: «нельзя довольно ухвалить его обходительность», сознается онъ, но дѣло тормозится «сумнительными експрессіями», которыхъ полны его рѣчи, «малопамятствомъ» и «легкоподозрительствомъ» кардинала. Вопросъ объ отъѣздѣ французскаго посланника въ Петербургъ все затягивался; сперва намѣченъ былъ гр. Вогренанъ; онъ медлилъ, скрывался отъ Кантеміра, выставлялъ вымышленныя причины, препятствовавшія ему ѣхать; наконецъ выбрано было другое лицо—маркизъ Шетарди, который и отправляется въ Россію въ концѣ 1739 г. Но по пріѣздѣ его началась длинная и непріятная переписка: французскій посолъ былъ недоволенъ пріемомъ, а русское правительство—его заносчивымъ и неосторожнымъ поведеніемъ.—На первыхъ же порахъ кн. А. Кантеміру пришлось приступить къ щекотливому вопросу объ императорскомъ титулѣ, въ которомъ французское правительство все еще отказывало русскимъ государямъ. Всѣ представленія Кантеміра встрѣчены были упорнымъ сопротивленіемъ; французское правительство ссылалось на примѣръ Австріи; напрасно русскій посланникъ развивалъ мысль, что французскій король могъ бы быть самостоятеленъ въ своемъ сужденіи— ему отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ.

Важною задачей было выясненіе французской политики въ Константинополѣ; но содержаніе депешъ французскаго посла де-Вильнева кардиналъ Флери тщательно скрывалъ; положеніе посланника затруднялось еще дружбою Россіи съ Австріей, которая возбуждала французскую подозрительность. Между тѣмъ дороговизна парижской жизни очень давала себя чувствовать; содержаніе русскаго посланника было больше, чѣмъ недостаточно; онъ долженъ былъ уступать даже сардинскому, который тратилъ въ годъ не менѣе 120 тыс. ливровъ. Онъ представлялъ въ Петербургъ о необходимости предоставить ему бо́льшія средства; такого рода ходатайства неохотно исполнялись и кн. А. Кантеміру приходилось еще оправдываться отъ упрековъ въ корыстолюбіи.

Въ іюнѣ 1739 года надѣлала большаго шума загадочная смерть шведскаго маіора Синклера, который проѣздомъ изъ Константинополя въ Швецію былъ убитъ въ Силезіи; теперь достовѣрно извѣстно, что это было сдѣлано по желанію петербургскаго правительства; но тогда это, конечно, тщательно скрывалось и отвергалось; Кантеміру стоило большихъ усилій очистить русское правительство отъ подозрѣній въ этомъ политическомъ убійствѣ; французъ

Кутюрье, спутникъ Синклера, былъ арестованъ въ Дрезденѣ для допроса; французское правительство готово было видѣть въ этомъ знакъ сильнаго вліянія Россіи на польско-саксонскій домъ и это возбуждало въ немъ непріятное чувство и ревность.

Извѣстіе о кончинѣ Анны Іоанновны и регенствѣ Бирона поставило Кантеміра въ затруднительное положеніе; догадываясь о непрочности власти нелюбимаго иноземца, онъ отправилъ поздравительное письмо свое на имя одного изъ друзей, и разсчетъ его оказался вѣренъ: письмо не дошло еще до мѣста, когда Бирона былъ свергнутъ. Но здѣсь почва колеблется у него подъ ногами; ему неизвѣстно отношеніе къ нему новаго правительства; онъ подумывалъ объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье; но опасенія немилости оказались неосновательными; были даже, повидимому, предположенія назначить его воспитателемъ къ малолѣтнему Іоанну VI-му.

Съ искренней радостью встрѣтилъ Кантеміръ воцареніе дочери Петра Великаго. Самое положеніе его какъ дипломата замѣтно облегчилось; роль Франціи и маркиза Шетарди въ переворотѣ 24 ноября 1741 г. положила начало новымъ болѣе откровеннымъ отношеніямъ, которыя дали возможность возбудить опять, и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, вопросъ о титулѣ. Но личное положеніе Кантеміра скоро омрачилось неблагопріятными обстоятельствами: смерть Черкасскаго (въ 1742 г.) лишила его могущественной поддержки; Бестужевъ-Рюминъ не благоволилъ къ нему; онъ какъ бы боялся найти въ лицѣ Кантеміра себѣ соперника; секретарь Кантеміра Гроссъ, котораго онъ очень цѣнилъ, былъ отозванъ противъ желанія Кантеміра; это было личною ему непріятностью и помѣхой въ дѣлахъ, исполненіе которыхъ къ тому же все болѣе и болѣе затруднялось ослабленіемъ здоровья кн. А. Кантеміра. Слабость здоровья преслѣдовала его съ дѣтства; къ ней присоединилась болѣзнь глазъ, слѣдствіе перенесенной въ дѣтствѣ оспы. Лондонскіе врачи не принесли ему пользы; лейбъ-медикъ Людовика XV Жандронъ доставилъ ему облегченіе, однако не надолго; болѣзнь возобновилась, явилась надобность въ поѣздкахъ на воды; но ни Пломбьеръ, ни Эксъ-ла-Шапелль не принесли ему большой пользы. Хилый организмъ разрушался; наконецъ, у него развилась чахотка, которая и свела его въ могилу 31 марта 1744 г. Кантеміръ встрѣтилъ смерть съ твердостью философа и вѣрующаго христіанина. За нѣсколько дней, перечитывая съ однимъ изъ друзей разсужденіе Цицерона о дружбѣ, онъ разговорился объ обязанностяхъ истиннаго друга и заставилъ собесѣдника открыть ему, насколько опасно, по заключенію врачей, его положеніе. Тогда спокойно и твердо кн. А. Кантеміръ занялся послѣдними распоряженіями: обезпечилъ незаконную семью, которую имѣлъ отъ одной француженки, распредѣлилъ остальное имущество между сестрой и братьями Матвѣемъ и Сергѣемъ и завѣщалъ перевезти свое тѣло въ Россію, чтобы лежать рядомъ съ могилой отца, въ николаевскомъ греческомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Судьба сочиненій Кантеміра была не совсѣмъ благопріятна. Почти всѣ переводы его пропали: творенія Эпиктета, Персидскія письма Монтескье, съ которымъ переводчикъ былъ лично знакомъ, сочиненіе Фонтенеля «О множествѣ міровъ»—были переведены имъ, но не увидѣли свѣта; судьба рукописей неизвѣстна; остался только отрывокъ послѣдняго труда. О существовавшемъ переводѣ сочиненія Альгаротти «О свѣтѣ» узна́емъ изъ предисловія къ позднѣйшему изданію итальянскаго оригинала, гдѣ авторъ благодаритъ переводчика. Объ изданіи перевода Гораціевыхъ посланій, которыя были любимымъ чтеніемъ Кантеміра, онъ успѣлъ позаботиться самъ: они появились въ свѣтъ въ 1744 году вмѣстѣ со статьей о стихосложеніи. Кантеміръ употреблялъ иногда Псевдонимъ «Харитонъ Макентинъ», представляющій анаграмму изъ его имени и фамиліи. Судьба девяти сатиръ, басенъ и эпиграмъ также его озабочивала; незадолго до смерти онъ пересмотрѣлъ ихъ для изданія, сдѣлалъ измѣненія и написалъ «Посланіе къ стихамъ своимъ», но только въ 1762 г. они увидѣли свѣтъ, изданныя Академіей Наукъ подъ редакціей Баркова. Переводы Кантеміра имѣли значеніе какъ работа надъ неустановившимся еще, бѣднымъ для выраженія отвлеченной мысли, тогдашнимъ русскимъ языкомъ. Сатиры его вмѣстѣ съ баснями, эпиграммами и пр. цѣнны скорѣе для его личной характеристики и кой-гдѣ для характеристики эпохи, чѣмъ какъ памятникъ русскаго слова. Умный, образованный, одушевленный лучшими чувствами, Кантеміръ былъ лишенъ художественнаго, творческаго

дара. Другимъ источникомъ нежизненности его созданій былъ недостатокъ живаго источника рѣчи: «не русакъ породой», по его собственному выраженію, онъ не носилъ въ себѣ того творческаго инстинкта, который выразился потомъ такъ могущественно въ трудѣ холмогорскаго рыбака, чтобы лечь въ основу только что создававшейся литературной русской рѣчи. Ложнымъ шагомъ былъ и стихъ его, шедшій въ разрѣзъ съ музыкальными элементами русскаго языка.

Первый біографъ Кантеміра вышелъ изъ того учено-философскаго кружка, въ которомъ онъ вращался въ Парижѣ; это былъ аббатъ Венути, который вмѣстѣ съ Монтескье, Мабли, Мопертюи и др. высоко цѣнилъ его умъ и характеръ. Въ 1749 г. явилась книга Венути: Satyres de m-r le prince Cantemir avec l'histoire de sa vie. Londres.— Сочиненія его были переизданы въ 1836 и 1848 гг. (Смирдинымъ); въ 1849 г. изданы Перевлѣсскимъ «Избранныя сочиненія» его. Въ 1867 г. явилось первое полное изданіе съ обширными примѣчаніями П. А. Ефремова и статьей Стоюнина о жизни Кантеміра.

Данныя для біографіи Кантеміра находятся въ слѣдующихъ трудахъ: Бантышъ-Каменскій: «Дипломатическія сношенія двора русскаго съ европейскими», тт. I и IV; «Памятники новой русской исторіи», т. III, Спб. 1873 г.; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Ист. Общ.», т. 66, 1889 г.; «Архивъ кн. Воронцова», т. I и II; статья В. Н. Александренко въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1889, августъ, сентябрь; его же, «Реляціи кн. А. Д. Кантеміра изъ Лондона», т. I; его же, «Къ біографіи кн. Кантеміра», 1896—между прочимъ тутъ опись его библіотеки; Шимко, «Новыя данныя къ біографіи кн. Кантеміра и его ближайшихъ родственниковъ» въ «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1891 г. апрѣль—май; Стоюнинъ, «Кн. Кантеміръ въ Лондонѣ» въ «Вѣстн. Евр.» 1867, тт. I и II; Корсаковъ, «Вступленіе на престолъ имп. Анны Іоанновны» 1880 г.; его же, «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ» — «Др. и Нов. Россія», 1879 г. т. X; Байеръ, « О жизни и дѣлахъ молд. господ. кн. Константина Кантеміра»; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей земли русской», т. III, Жуковскій, «О сатирѣ и сатирахъ Кантеміра»; Галаховъ, «О сатирахъ Кантеміра»—«Отечеств. Зап». 1848 г. № XI; Дудышкинъ, «Кантеміръ какъ сатирикъ» — Современникъ, 1848 г. № XI; Соловьевъ, «Исторія Россіи», тт. XX и XXI; Дружининъ, «Три неизвѣстныя произведенія кн. Кантеміра», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1887, декабрь.

А. Шалыгинъ.

Канъ, *Фердинандъ*, тираспольскій римско-католическій епархіальный епископъ. Род. въ 1787 г., ум. 6 октября 1864 г.— Родомъ австріецъ, прибылъ въ Россію въ 1810 г.—По окончаніи курса богословскихъ наукъ въ Забяльской доминиканской школѣ (въ витебской губерніи) и рукоположеніи въ священники въ 1815 г., онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ учителемъ Гродненской и другихъ гимназій и затѣмъ въ 1822 г. назначенъ настоятелемъ рижской римско-католической церкви, при которой и состоялъ по 1849 г.—Съ учрежденіемъ въ этомъ году особой, преимущественно для духовныхъ потребностей нѣмецкихъ колонистовъ южной части Россіи, херсонской римско-католической епархіи, переименованной въ 1852 г. въ тираспольскую, Канъ возведенъ былъ въ епископы этой епархіи и много потрудился для правильнаго устройства ея духовныхъ учрежденій въ г. Саратовѣ. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности въ епископскомъ званіи, онъ всегда былъ вѣрнымъ и твердымъ исполнителемъ предначертаній правительства и преслѣдовалъ всякія нарушенія присяги со стороны неблагонамѣренныхъ лицъ, обращавшихъ религію въ орудіе своихъ политическихъ замысловъ. Канъ скончался въ Саратовѣ, и погребенъ тамъ же на католическомъ кладбищѣ.

Дѣла архива департамента иностранныхъ исповѣданій. *Вл. В.*

Капгеръ, *Александръ Христіановичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ, род. въ 1809 г., ум. 30 ноября 1876 г. Воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ, произведенъ въ прапорщики 1 января 1829 г. съ оставленіемъ при училищѣ для продолженія наукъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ артиллеріи, при чемъ участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 г., поступилъ въ Императорскую Военную Академію, которую и окончилъ въ 1838 г. Переведенный въ 1840 г. въ Генеральный Штабъ, онъ въ 1842 г. былъ командированъ на службу въ Кавказскій корпусъ и участвовалъ во множествѣ дѣлъ съ горцами въ Дагестанѣ въ 1843—1848 и 1851—1854 гг. и получилъ за боевыя отличія чины до генералъ-маіора, нѣсколько знаковъ отличій и золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ 1852—1857 гг., занималъ должность начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморія; 1 января 1858 г. былъ назначенъ тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ; 28 января 1860 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ въ Межевомъ департаментѣ. Въ 1861 г.

по Высочайшему повелѣнію назначенъ ревизовать калужскую и владимірскую губерніи, и по окончаніи сего порученія удостоился Высочайшаго благоволенія за безпристрастное донесеніе о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Калужской губерніи.

Формул. списокъ за 1862 г. въ архивѣ Главнаго Штаба, кн. № 811.

С. Н. П.

Капгеръ, *Иванъ Христіановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. въ 1806 г., ум. 25 мая 1867 г. Изъ дворянъ, лютеранинъ; кончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ и опредѣленъ 4 сентября 1823 г. въ коммиссію составленія законовъ; 1826 г. опредѣленъ во второе отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода военно-уголовныхъ законовъ, и въ составленіи свода мѣстныхъ законовъ для Остзейскихъ провинцій. Въ 1841 г. назначенъ оберъ-прокуромъ 5 департамента Сената, въ маѣ 1842—членомъ комитета въ обществѣ попечительства о тюрьмахъ; ревизовалъ тюрьмы въ Москвѣ, и кромѣ того производство дѣлъ въ коммерческихъ судахъ московскомъ и петербургскомъ. 13 сентября 1851 г. назначенъ сенаторомъ. Участвовалъ въ составленіи уложенія о наказаніяхъ; въ апрѣлѣ 1852 г. на него возложена главная редакціонная работа по составлявшемуся въ Военномъ Министерствѣ проекту военно-уголовнаго устава; за успѣшное выполненіе этой послѣдней работы получилъ награду въ 5000 р., равно какъ награды и выраженіе Монаршей благодарности получалъ и за прежніе свои труды по составленію проектовъ новыхъ законовъ.

Формуляръ въ Сенатѣ, за № 1717.

Капелли, *Алоизій*, родомъ итальянецъ, докторъ правъ и философіи, занималъ каѳедру права гражданскаго и каноническаго въ Пизанскомъ университетѣ (1797 — 1801 гг.); по оставленіи каѳедры служилъ чиновникомъ во Флоренціи и Вольтеррѣ; въ 1804 г. занялъ въ Виленскомъ университетѣ каѳедру гражданскаго и уголовнаго права; съ 1808 г. преподавалъ въ немъ итальянскій языкъ; 1815 г. читалъ въ университетѣ и главной при немъ духовной семинаріи каноническое право въ очень либеральномъ духѣ (по отзыву его учениковъ—Іосифа Сѣмашки и Антонія Зубки); два раза былъ деканомъ факультета словесныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ (1811—1817 и 1827—1832); по закрытіи университета, преподавалъ (въ 1833—1838 гг.) каноническое право въ Виленской римско-католической академіи; издалъ нѣсколько книгъ и брошюръ по гражданскому, уголовному и каноническому праву и по исторіи итальянской литературы на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ; пользовался особенными симпатіями студентовъ, которые при возвращеніи его (въ 1838 г.) въ Италію на свои средства отлитографировали его портретъ.

Жуковичъ, «О профессорахъ богословскаго факультета Виленскаго университета въ настоящемъ столѣтіи», въ «Хр. Чт.» 1888; Symon, «De catholica facultate theologica in universitate litterarum olim Vilnensi», въ приложеніи къ Academica Caesarea Romano-Catholica Ecclesiasti Petropolitana anno academico 1888—1889.

Капельмансъ, *Викторъ* (Cappellemans), публицистъ, род. въ 1824 г., ум. 29 января 1871 г. въ Льежѣ. Былъ сотрудникомъ «Journal des Débats», «Independance Belge», редактировалъ «Nord» и затѣмъ съ 1858 г. «Journal de St.-Pétersbourg». Кромѣ разныхъ политическихъ брошюръ, онъ издалъ въ 1854 г. свой трудъ «De la propriété littéraire en Belgique et en France».

«Journal de St. Pétersbourg», 1871, № 25, 27. Русскій календарь А. Суворина на 1872 г.

Капитонъ, крестьянинъ дворцоваго села Даниловскаго костромской губерніи, современникъ протопопа Аввакума. Постригшись въ монахи, онъ удалился въ мѣстность, называемую Колесниково, основалъ тамъ скитъ и, привлекая народъ подвижничествомъ своимъ, совращалъ въ расколъ, распространяя, такимъ образомъ, свое ученіе въ Костромскихъ предѣлахъ. Отъ его имени раскольники первоначально назывались капитонами.

Макарій, Ист. русс. раскола. Спб. 1855 г., стр. 107 пр. 307; Игнатій, митрополитъ Сибирскій, 3-е посланіе (Казань, 1857), стр. 96—99.

Капковъ, *Яковъ Ѳедоровичъ*, живописецъ. Род. въ 1816 г., ум. 29 марта 1854 г. въ Петербургѣ. Сынъ небогатаго подрядчика, крѣпостнаго человѣка кн. М. С. Воронцова, онъ началъ свое художественное образованіе въ мастерской А. Е. Егорова. Не смотря на крайнюю бѣдность, имѣя возможность питаться — въ буквальномъ смыслѣ—только хлѣбомъ съ квасомъ, онъ всею душою стремился въ Академію Художествъ и, чтобы попасть туда, представилъ

нѣсколько отборныхъ рисунковъ собственной работы своему барину, кн. М. С. Воронцову, и просилъ позволенія выкупиться отъ него; князь Воронцовъ, видя въ немъ дѣйствительный талантъ, отпустилъ его на волю безъ всякой платы. Но послѣднее обстоятельство чуть было не погубило художника: онъ предался разгульной жизни, пока не истратилъ всѣхъ приготовленныхъ на выкупъ денегъ. Тогда, почувствовавъ стыдъ своего поведенія и влекомый по прежнему къ искусству, онъ покаялся во всемъ отцу и умолялъ его объ опредѣленіи въ Академію. Отецъ всегда смотрѣлъ косо на занятія сына, но мачиха поощряла въ немъ страсть къ живописи. Въ Академіи Капковъ, копируя копію Угрюмова съ Гвидо Рени «Архангелъ Михаилъ», обратилъ на себя вниманія К. П. Брюллова и сталъ пользоваться его совѣтами въ своемъ дальнѣйшемъ образованіи.

Будучи, въ качествѣ пенсіонера Общества Поощренія Художниковъ вольноприходящимъ академистомъ съ 1832 г. и получивъ двѣ серебряныхъ медали 2-го достоинства въ 1838 г., онъ, не имѣя возможности по бѣдности окончить курсъ, просилъ о выдачѣ ему аттестата на званіе свободнаго художника въ 1839 г.; но и послѣ того онъ продолжалъ свои занятія въ Академіи. Въ 1841г. онъ выставилъ картину «Молодой кіевлянинъ», въ томъ же году получилъ двѣ серебряныя медали 1-го достоинства—за живопись съ натуры и за рисунокъ, а въ 1842 г. представилъ на золотыя медали программы: «Смерть Алкивіада» и въ 1845 г. «Силоамская купель». Пріобрѣтя, вмѣстѣ съ большою золотой медалью за послѣднюю картину, право на заграничное пенсіонерство, онъ отправился въ Италію и прибылъ въ Римъ 20 ноября 1847 г. Но, по случаю наступившихъ тамъ смутъ, былъ вызванъ черезъ $1^1/_2$ года, по Высочайшему повелѣнію, обратно въ Россію, одновременно съ другими пенсіонерами (19 апрѣля 1849 г.), а въ 1850 г. снова посланъ заграницу, однако не на Востокъ, какъ о томъ ходатайствовало начальство, а на Западъ — въ Голландію и Испанію.

Плѣнясь еще во время пребыванія своего въ Папской области живописью до-Рафаэлевской эпохи, Капковъ мечталъ о воскрешеніи у насъ стиля Мазаччіо, Беато Анжелико и другихъ живописцевъ тѣхъ же временъ, когда священныя изображенія писались съ полною вѣрою, и потому снова стремился въ Италію; но смерть его сестры, которая содержала ихъ мачиху, тогда уже вдову, заставила его вернуться въ Петербургъ; здѣсь онъ обезпечилъ старуху, купивъ для нея на послѣднія деньги небольшой домикъ, и остался въ Россіи.

Кромѣ «Молодой альбанки, съ книгою въ рукахъ», написанной имъ въ Римѣ, и пріобрѣтенной императоромъ Николаемъ I (въ 1850 г.), имъ исполнены были еще картины: «Марія передъ образомъ Богоматери» изъ «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина (находится во дворцѣ въ Александріи, какъ и первая); «Заремба, исполненная ревности»—оттуда же (неизвѣстно, гдѣ теперь), «Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ» (пріобрѣтенная императоромъ Николаемъ I для вел. кн. Ольги Николаевны), «Благовѣщеніе» (находится у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ; была на Академической выставкѣ 1852 г.), «Вдовушка» (въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ С. И. Миллеру, а другой поступилъ, вмѣстѣ со всей галлереей Прянишникова, въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей). Про двѣ послѣднія картины, написанныя съ одной прелестной дѣвушки, современная критика отзывалась, что «Благовѣщеніе свидѣтельствовало о томъ серьезномъ направленіи художника, къ которому стремился онъ, и представляло прекрасный залогъ будущихъ произведеній его кисти», а «въ изображеніи Вдовушки Капковъ вложилъ такое внутреннее содержаніе, которое дается лишь огромному таланту». Помимо названныхъ картинъ, имъ написано было еще нѣсколько прекрасныхъ по тому времени портретовъ въ томъ числѣ: проф. Куторги, семейства Черткова, г-жъ Резановой и Бенуа, и мн. др.

Н. Рамазановъ, «Матер. для исторіи художествъ въ Россіи», М. 1863 г., I, 54—59; ст. П. Петрова въ «Сѣв. Сіяніи» 1864 г., № 12, с. 739—746; А. Сомовъ, «Каталогъ оригин. произведеній русской живописи въ карт. галлереѣ Акад. Худ., 1872, I, 208; «Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худ.», П. Н. Петрова, т. II и III, и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова; «Указатели выставокъ въ Акад. Худ.» 1839, 1842, 1846 и 1852 гг.»; Архив. дѣла Акад. Худ. 1837 г., № 41, и Мин. Им. Дѣлъ, 1850 г., № 6; «Моск. Вѣдом.» 1856 г., № 14, и «Отеч. Зап.» 1856 г., т. CV, отд. V, с. 69—70. *Н. С.*

Капнистъ, *Василій Васильевичъ*, писатель, род. въ 1757 году, въ селѣ Обуховкѣ, миргородскаго уѣзда полтавской губерніи, ум. 28 октября 1823 г. Онъ былъ

младшій изъ четырехъ сыновей бригадира В. П. Капниста и его второй жены, Софьи Андреевны Дуниной-Борковской; годъ рожденія его былъ и годомъ смерти его отца, погибшаго въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ. Мать В. В. Капниста, коренная малороссіянка, происходившая изъ хорошей дворянской фамиліи, была женщина малообразованная, но обладавшая природнымъ умомъ. Овдовѣвъ, она направила всѣ заботы на то, чтобы дать дѣтямъ хорошее образованіе и съ этою цѣлію помѣстила ихъ въ одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ. Окончивъ образованіе, Капнистъ въ 1771 г. поступилъ въ Измайловскій полкъ капраломъ и въ томъ же году произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, а въ началѣ слѣдующаго года перешелъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ въ 1775 г. и получилъ первый офицерскій чинъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Въ началѣ 1782 г. онъ былъ избранъ въ предводители дворянства миргородскаго уѣзда, а въ августѣ того же года поступилъ подъ начальство графа А. А. Безбородка, получивъ должность контролера главнаго почтоваго правленія. Въ маѣ 1783 г. онъ оставилъ и эту службу, уѣхалъ на родину и въ январѣ 1785 г. былъ выбранъ кіевскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Въ 1787 г. Капнистъ былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ кіевскаго шелковичнаго завода. Въ 1797 г., находясь уже въ отставкѣ, Капнистъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу. Въ это время состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ. Тогда Капнистъ, чтобы имѣть возможность продлить свое пребываніе въ столицѣ, обратился къ Л. А. Нарышкину съ просьбою о доставленіи ему службы. 31 октября 1799 г. онъ былъ причисленъ къ театральной дирекціи и назначенъ на должность «по разсматриваніи всѣхъ піесъ и переправливаніи оныхъ». Въ это время русскій театръ въ Петербургѣ былъ въ упадкѣ и въ публикѣ замѣчалось явное охлажденіе къ нему. Капнистъ, завѣдывая русскою труппою, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы оживить сцену, и съ этою цѣлію вызвалъ изъ Москвы нѣсколькихъ талантливыхъ артистовъ. Капнистъ состоялъ при театральной дирекціи по 14-е августа 1801 г. и при увольненіи былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1802 г. онъ былъ утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента полтавскаго генеральнаго суда, а затѣмъ, съ 24 марта 1812 г. по 19 февраля 1818 числился при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1822 г. Капнистъ былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Скончался въ селѣ Кибенцахъ, имѣніи Д. П. Трощинскаго, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Похороненъ въ своей любимой, воспѣтой имъ въ стихахъ, Обуховкѣ.

Какъ писатель, Капнистъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, душою котораго былъ извѣстный знатокъ искусствъ и литературы Н. А. Львовъ, а наиболѣе видными представителями — Хемницеръ, Богдановичъ, Державинъ и отчасти А. Н. Оленинъ. Знакомство со Львовымъ относится еще ко времени пребыванія Капниста въ Измайловскомъ полку, гдѣ оба они посѣщали полковую школу, находившуюся подъ особеннымъ покровительствомъ А. И. Бибикова, «охотника до наукъ, особливо до стихотворства». Капниста и Львова, кромѣ дружбы, связывали и семейныя отношенія: первый былъ женатъ на Ал. А. Дьяковой, а второй — на ея сестрѣ Маріѣ Алексѣевнѣ. Чрезъ Львова Капнистъ познакомился и съ Хемницеромъ, въ литературной дѣятельности котораго принималъ большое участіе и оказывалъ на него несомнѣнное вліяніе. Съ переходомъ Капниста въ Преображенскій полкъ начинается сближеніе его съ Державинымъ, который съ 1795 г. также дѣлается своякомъ его и Львова, женившись на Д. А. Дьяковой. Литературныя занятія способствовали ихъ сближенію, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Благодаря Капнисту, Державинъ сошелся со Львовымъ и Хемницеромъ. Подъ вліяніемъ этихъ-то лицъ и совершился тотъ поворотъ Державина къ самостоятельному творчеству, начало котораго онъ самъ относитъ къ 1779 году. Друзья Державина усердно занимались просмотромъ его сочиненій, дѣлали въ нихъ поправки, переводили для него произведенія древнихъ классиковъ, даже составляли для него виньетки. Капнистъ значительно превосходилъ Державина въ образованіи и знаніи иностранныхъ языковъ, изъ которыхъ французскимъ владѣлъ вполнѣ свободно, но изъ древнихъ зналъ только латинскій. Въ домѣ Державина Капнистъ познакомился, между прочимъ, съ И. И.

Дмитріевымъ, на котораго произвелъ впечатлѣніе живостью и остроуміемъ — отличительными свойствами своего характера. Въ началѣ XIX столѣтія Капнистъ сблизился съ литературнымъ кружкомъ Оленина. Изъ друзей Оленинскаго дома онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ, которому и подалъ мысль продолжать переводъ Иліады, начатый Костровымъ. Къ этому же времени относится знакомство Капниста съ Озеровымъ и Батюшковымъ, котораго онъ поощрялъ въ занятіяхъ италіанской литературой.

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Капниста была «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet année 1774». Ода эта была напечатана отдѣльнымъ изданіемъ въ 1775 году. Съ 1780 г. Капнистъ дѣлается сотрудникомъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», въ іюньской книжкѣ котораго появилась «Сатира первая», заключавшая въ себѣ рѣзкія сужденія о современной литературѣ и нѣкоторыхъ ея представителяхъ. Сатира доставила автору извѣстность, но возбудила непріятную полемику. Большою извѣстностью пользовалась также «Ода на рабство», написанная въ 1783 г., но напечатанная только въ «Лирическихъ сочиненіяхъ», изданныхъ въ 1806 году. Въ ней вспоминаются прежнія времена Малороссіи, когда она пользовалась свободой, и высказываются жалобы на тѣ узы рабства, которыя наложены были на родину поэта. Ода эта, безъ сомнѣнія, вызвана была указомъ 3 мая 1783 г., по которому поселяне кіевскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго намѣстничествъ объявлялись крѣпостными людьми тѣхъ помѣщиковъ, на чьихъ земляхъ засталъ ихъ новый законъ. «Ода на рабство», по словамъ самого автора, послужила поводомъ къ сочиненію «Оды на истребленіе въ Россіи званія раба, Екатериною II въ 15 день февраля 1786 г.». Въ это время, какъ извѣстно, состоялся указъ, повелѣвающій подписываться на просьбахъ не «рабъ», а «вѣрноподданный». Этою одою и началось сотрудничество Капниста въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» (1787 г., ч. XV), служившихъ какъ бы продолженіемъ «Собесѣдника любителей русскаго слова», въ которомъ Капнистъ также участвовалъ по приглашенію издателей его, кн. Е. Р. Дашковой и О. П. Козодавлева.

Карамзинъ, цѣнившій въ Капнистѣ литературный вкусъ и чистоту языка, также привлекъ его къ сотрудничеству въ своихъ изданіяхъ: «Московскомъ журналѣ» (1792 г.) и «Аонидахъ» (1796—1799 гг.). Въ позднѣйшее время Капнистъ сотрудничалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Журналѣ древней и новой словесности», «Другѣ просвѣщенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Трудахъ» московскаго и казанскаго обществъ любителей словесности, которыхъ онъ былъ почетнымъ членомъ, и въ «Сынѣ Отечества».

Стихотворная дѣятельность Капниста выразилась преимущественно въ одахъ, подраздѣляющихся на духовныя, торжественныя, нравоучительныя, элегическія, горацiанскія и анакреонтическія. Горацій былъ любимымъ классикомъ Капниста, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ почти исключительно имъ занимался. Но въ свои переводы изъ Горація Капнистъ внесъ слишкомъ много субъективнаго элемента, такъ что они являются скорѣе подражаніями, при чемъ рѣзко выдѣляются анахронизмы въ смѣшеніи національнаго элемента съ древне-классическимъ.

Какъ лирическій поэтъ, Капнистъ не пріобрѣлъ себѣ извѣстности, хотя нѣкоторыя изъ его произведеній очень цѣнились за легкій стихъ и временами неподдѣльное, хотя и не глубокое чувство. Не говоря уже о современникахъ Капниста, укажемъ на Гоголя, который въ стихахъ его находилъ «ароматъ истинно-душевнаго чувства и какую-то особенную антологическую прелесть». Нельзя, однако, не замѣтить, что чувство это въ большинствѣ случаевъ выражалось меланхоліей, которою Капнистъ злоупотреблялъ; это было замѣчено еще И. И. Дмитріевымъ, а впослѣдствіи подтверждено и Бѣлинскимъ.

Своею литературною извѣстностью Капнистъ обязанъ «Ябедѣ». Комедія эта въ первый разъ появилась на сценѣ 22 августа 1798 г. и тогда же была напечатана. Поводомъ къ сочиненію «Ябеды» послужилъ процессъ, веденный Капнистомъ съ сосѣдомъ своимъ, помѣщикомъ Тарновскимъ. Піеса эта, не отличающаяся художественными достоинствами, имѣла блестящій успѣхъ, благодаря своему общественному значенію. Но послѣ четырехъ представленій комедія, по Высочайшему повелѣнію отъ 23 октября, была запрещена и изъята изъ продажи. Опала эта объясняется

тѣмъ, что, обличая взяточниковъ, Капнистъ пріобрѣлъ много враговъ среди чиновнаго люда, и наиболѣе вліятельные изъ нихъ, безъ сомнѣнія, употребили всѣ усилія къ тому, чтобы представить автора комедіи опаснымъ для общества человѣкомъ. Въ 1805 г. опала съ «Ябеды» была снята, послѣ чего она долго держалась на сценѣ. Популярность комедіи была такъ велика, что нѣкоторыя выраженія ея обратились въ пословицы.

Кромѣ «Ябеды», Капнисту принадлежатъ еще слѣдующія драматическія произведенія: 1) «Клорида и Милонъ», пастушеская опера въ одномъ дѣйствіи, сюжетъ которой взятъ изъ древне-греческой жизни. Она была въ первый разъ представлена 6 ноября 1800 г. и тогда же напечатана безъ имени автора; 1) «Сганарель, или мнимая невѣрность», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представляющая собою передѣлку піесы Мольера «Sganarelle, ou le cocu imaginaire». Поставлена на сцену 17 мая 1806 г.; 3) «Антигона», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, представленная 21 сентября 1814 г. Первая изъ этихъ піесъ имѣла еще нѣкоторый успѣхъ, а послѣднія двѣ никакого. Самъ авторъ признавалъ ихъ слабыми и впослѣдствіи самъ ихъ осмѣялъ эпиграммами, напечатанными въ «Сынѣ Отечества».

Хотя Капнистъ и состоялъ членомъ Россійской Академіи еще съ 1785 г., но только въ 1814 г. принялъ участіе въ ея трудахъ. При составленіи словаря ему порученъ былъ выборъ словъ изъ Слова о полку Игоревѣ и изъ Русской Правды. Благосклоннѣе относился онъ къ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, въ которой числился почетнымъ членомъ съ самаго ея основанія (1811 г.). Въ «Чтеніяхъ» Бесѣды, кромѣ стихотвореній, печатались и прозаическія статьи Капниста. Такъ, въ 17-мъ Чтеніи (1815 г.) помѣщено «Письмо къ С. С. Уварову о гекзаметрахъ», въ которомъ Капнистъ предлагалъ переводить Гомера размѣромъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Но Уваровъ, какъ извѣстно, опровергъ его мнѣніе, чѣмъ и убѣдилъ Гнѣдича переводить Иліаду размѣромъ подлинника. Въ 18-мъ Чтеніи (1815 г.) было напечатано «Краткое изысканіе о Гипербореянахъ и коренномъ россійскомъ стихосложеніи», въ которомъ авторъ, сѣтуя на Ломоносова за то, что послѣдній «не возобновилъ древняго русскаго стихосложенія, предъ всѣми иностранными толико преимущественнаго», рѣшается «вступить дерзостною ногою въ ристалище, мининованное исполиномъ отечественнаго стихотворства» и для того старается прежде всего доказать тожество Славянъ съ Гипербореянами, «народомъ знаменитымъ, отъ котораго сами греки заимствовали искусства и науки». Очевидно, что въ этой части своего изслѣдованія Капнистъ руководствовался не строгою научною критикой, а чувствомъ патріотизма и различными фантастическими гипотезами, въ чемъ однако и самъ сознается. Изысканіе Капниста, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено въ печати насмѣшливыми отзывами. Послѣдующія же его статьи: «О возстановленіи первыхъ шести пѣсней Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ» (Спб. 1819) и «Мнѣніе о томъ, что Улиссъ странствовалъ, не въ Средиземномъ, но въ Черномъ и въ Азовскомъ моряхъ» («Сынъ Отечества», 1819 г.) не удостоились даже и насмѣшливаго отзыва. Такое обидное молчаніе было принято авторомъ за знакъ презрѣнія къ его «велемудрствованію».

Собранія сочиненій Капниста печатались въ Петербургѣ и выдержали три изданія (1796, 1806, 1849 гг.). Послѣднее изъ нихъ неудовлетворительно въ смыслѣ неисправности текста, но отъ предыдущихъ отличается наибольшею полнотой, хотя и не заключаетъ въ себѣ извѣстной оды «На рабство», отсутствіе которой объясняется цензурными соображеніями того времени.

«Рецензентъ» 1821 г., № 21, 25; «Отеч. Записки» 1824 г., ч. XIX, № 52; «Атеней» 1828 г., ч. II, № 5; «Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. россійскихъ» 1847 г., № 9; «Росс. Библіографія» 1881 г., № 90; «Соч. Бѣлинскаго», изд. 5-е, т. III, 399; т. VIII, 120 — 121; «Соч. Батюшкова», изд. 1885 — 1887 гг.; «Кіевская Старина» 1886 г. т. XVI; «Соч. Гоголя», изд. 10-е, т. IV, 176; «Записки С. П. Жихарева». М. 1890 г.; «Истор. Вѣстникъ» 1891 г., т. XLIV; «Русск. Архивъ» 1892 г., кн. II; «Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ». Спб. 1892; «Библіографъ» 1894 г., вып. 2.

В. Саитовъ.

Капнистъ, *Василій Петровичъ*, бригадиръ, убитъ 19 августа 1757 г. Онъ происходилъ съ острова Занте, изъ фамиліи Капниссн, бѣжалъ въ Россію послѣ прутскаго похода Петра Великаго. Въ Изюмѣ его узналъ мѣстный полковникъ Павлюкъ, принялъ его подъ свое покровительство и довѣрилъ ему нѣкоторый капиталъ, съ которымъ Капнистъ удачно торговалъ и пріобрѣлъ значительное состояніе.

Но онъ стремился къ военной дѣятельности. Въ 1734 г. калмыки, татары и нагайцы грабили земли запорожцевъ. Капнистъ быстро, на свой страхъ, собралъ отрядъ и нанесъ грабителямъ сильное пораженіе; за это его произвели въ казачьи сотники. Затѣмъ онъ отличился во время походовъ Миниха, особенно подъ Очаковымъ въ 1737 г., и былъ произведенъ въ миргородскіе полковники. Въ 1750 г. возникло дѣло по неосновательному доносу, будто-бы онъ замышляетъ убить гетмана и вступить въ сношенія съ татарами, но ложность обвиненія была имъ совершенно ясно доказана и онъ получилъ въ награду за невинное страданіе чинъ бригадира. Въ 1743 г. онъ руководилъ, вмѣстѣ съ французскимъ инженеромъ подполковникомъ де-Боскетомъ, устройствомъ нѣкоторыхъ укрѣпленій противъ внезапныхъ татарскихъ набѣговъ. При началѣ Семилѣтней войны онъ начальствовалъ пятью слободскими полками и погибъ геройскою смертью въ битвѣ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ. Сынъ В. П. Капниста — В. В. Капнистъ, извѣстный писатель XVIII в.

Бантышъ-Каменскій, «Исторія Малороссіи, т. III; Маркевичъ, «Исторія Малороссіи», т. II; «Сѣверная Пчела», 1846; № 136; Гербель, «Изюмскій слободскій полкъ», 74, 100, 105.

Каподистрія, графъ *Іоаннъ Антоновичъ*, министръ иностранныхъ дѣлъ, род. въ Корфу въ 1776 г., убитъ въ Навпліи, 27 сентября 1831 г. Онъ принадлежалъ къ старинному и уважаемому дворянскому семейству. Окончивъ курсъ въ Падуанскомъ университетѣ, онъ вернулся въ Корфу и принялъ дѣятельное участіе въ управленіи Іоническими островами; въ 1803 г. онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ республики по иностраннымъ дѣламъ, а въ 1806 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ при Петербургскомъ Дворѣ, но къ посту своему ему не довелось отправиться: въ это время началась война съ Турціею и онъ остался на родинѣ, чего желалъ и русскій посланникъ въ Корфу, графъ Моченіго, который находилъ себѣ въ графѣ Каподистріи дѣятельнаго и способнаго сотрудника. Передача, по Тильзитскому миру, русскаго протектората надъ Іоническими островами французамъ, горестно поразила гр. Каподистрію, смотрѣвшаго на русское покровительство какъ на вѣрный залогъ блестящаго будущаго для своей родины. Отклонивъ предложеніе занявшихъ острова французовъ вступить къ нимъ на службу, гр. Каподистрія предпочелъ воспользоваться приглашеніемъ гр. Румянцева и въ январѣ 1809 г., пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему дали чинъ статскаго совѣтника и причислили къ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Два года его держали въ полномъ бездѣйствіи; но въ 1811 г. онъ былъ опредѣленъ сверхштатнымъ секретаремъ нашей миссіи въ Вѣнѣ и скоро обратилъ на себя вниманіе различными мемуарами по восточнымъ дѣламъ. Къ этому времени относится основаніе имъ гетеріи «филомузъ», игравшей такую видную роль въ возрожденіи Греціи. Но эта дѣятельность не удовлетворяла гр. Каподистрію и онъ съ радостью принялъ приглашеніе Чичагова, командовавшаго дунайскою арміею и нуждавшагося въ людяхъ опытныхъ и знающихъ Востокъ, поступить къ нему на службу. По прибытіи гр. Каподистріи въ главную квартиру, ему была поручена политическая переписка съ Вѣной, Константинополемъ, Сербіей и диванами Молдавіи и Валахіи; между прочимъ ему же было поручено выработать проектъ устройства Бессарабской области, только что присоединенной тогда къ Россіи и получавшей совершенно особое управленіе. Когда произошло соединеніе дунайской съ большою арміею, графъ Каподистрія управлялъ дипломатическою канцеляріею Барклая-де-Толли и сопровождалъ армію въ походѣ 1813 г. Первою самостоятельною его миссіею было возложенное на него императоромъ Александромъ порученіе, послѣ битвы подъ Лейпцигомъ, склонить Швейцарію отдѣлиться отъ Наполеона и обезпечить союзнымъ арміямъ свободный проходъ по альпійскимъ ущельямъ, что и было съ успѣхомъ имъ выполнено. Возвратясь послѣ того въ Швейцарію, уже въ качествѣ чрезвычайнаго нашего посланника и полномочнаго министра, гр. Каподистрія оставался тамъ недолго: вскорѣ онъ былъ вызванъ для участія въ трудахъ вѣнскаго конгресса, при чемъ не разъ имѣлъ случай выказать въ полномъ блескѣ свои замѣчательныя государственныя способности; ему удалось оказать тогда важную услугу и своей родинѣ, добившись включенія въ акты конгресса признанія независимости Іоническихъ острововъ. Благодаря также ему не удалась интрига, замышленная Меттернихомъ и направленная къ тому, чтобы узаконить европейское вмѣшательство въ от-

ношенія Россіи къ Турціи путемъ занесенія въ заключительный актъ конгресса гарантіи цѣлости султанскихъ владѣній. Во время втораго похода, предпринятаго императоромъ Александромъ послѣ возвращенія Наполеона во Францію, Каподистрія сопровождалъ Императора, неся вмѣстѣ съ кн. Разумовскимъ и гр. Нессельродомъ званіе полномочнаго министра. 30 августа 1815 г. онъ былъ пожалованъ въ званіе статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ; по возвращеніи въ Петербургъ онъ и вступилъ, съ января 1816 г. въ завѣдываніе иностранными дѣлами Россіи, насколько они касались Востока и отношеній Россіи къ славянамъ; отношенія къ другимъ государствамъ остались въ вѣдѣніи гр. Нессельроде. По вторичномъ изгнаніи Наполеона послѣ «Ста дней», въ Парижѣ начались мирные переговоры. Гр. Каподистрія участвовалъ въ нихъ въ качествѣ нашего втораго уполномоченнаго и оказалъ существенныя услуги французскому правительству; такой же политики держался онъ на Аахенскомъ конгрессѣ, такъ какъ онъ постоянно былъ горячимъ приверженцемъ русско-французскаго единенія. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ мало выгоды извлекала Россія изъ Священнаго союза. На конгрессѣ въ Троппау онъ имѣлъ даже гражданское мужество противиться прямому вмѣшательству Россіи въ дѣло неаполитанской революціи, какъ совершенно чуждое Россіи; это обстоятельство впослѣдствіи было истолковано его врагами какъ доказательство сочувствія его къ карбонаріямъ и послужило одною изъ причинъ его отставки. Александръ I цѣнилъ его заслуги: чинъ тайнаго совѣтника, ордена Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. были тому доказательствами; кромѣ того, Каподистрія пользовался и особымъ личнымъ довѣріемъ Императора. Ревностно служа своему второму отечеству, гр. Каподистрія никогда не забывалъ своего происхожденія и считалъ, что онъ обязанъ работать на пользу независимости Греціи; однако, онъ хотѣлъ, чтобы такой результатъ былъ достигнутъ лишь законными средствами, а потому дважды—въ 1817 и 1820 годахъ—отказался отъ предложенія стать во главѣ гетеріи, намѣревавшейся силою освободить грековъ; за то предъ Императоромъ онъ былъ неустаннымъ ходатаемъ за своихъ порабощенныхъ соотчичей, доказывая, что лишь одна Россія призвана избавить грековъ отъ ига; онъ разоблачилъ коварную политику Австріи, стремившейся вырвать Балканскій полуостровъ изъ подъ вліянія Россіи. Этимъ онъ навлекъ на себя непримиримую ненависть Меттерниха, который, воспользовавшись вторженіемъ въ Дунайскія княжества Ипсиланти, выставилъ гр. Каподистрію его единомышленникомъ и сообщникомъ и вообще человѣкомъ, зараженнымъ либеральными идеями, и добился его опалы и удаленія въ 1822 г. въ безсрочный отпускъ. Гр. Каподистрія поселился въ Женевѣ и прожилъ тамъ вплоть до своего избранія, 11 апрѣля 1827 г., президентомъ Греціи. Уволенный въ отставку 1 іюля 1827 г., гр. Каподистрія, желая сохранить въ новомъ своемъ положеніи полную независимость, отказался отъ предложенной ему императоромъ Николаемъ пенсіи въ 60 тысячъ франковъ въ годъ. Посѣтивъ сначала разные европейскіе дворы, новый президентъ прибылъ въ Эгину 12 января 1828 г.—Греція была въ самомъ жалкомъ положеніи и раздиралась междоусобицами; казна была пуста, подати не поступали вовсе, земледѣліе и торговля были заброшены, страна, пройденная турками огнемъ и мечомъ, представляла изъ себя скорѣе пустыню. Чтобы прекратить внутренніе раздоры, гр. Каподистрія началъ съ составленія министерства изъ представителей различныхъ партій, затѣмъ создалъ Панэллиніонъ—совѣтъ представителей различныхъ частей Греціи; главною его заботою было устроить сельское населеніе и дать воспитаніе подростающему поколѣнію: онъ предоставилъ крестьянамъ средства, чтобы обстроиться и начать обработку земли, устроилъ образцовую ферму, возстановилъ разрушенныя церкви, улучшилъ бытъ духовенства. Искусными мѣрами въ какіе нибудь 6 мѣсяцевъ искоренилъ онъ въ странѣ разбойничество, а въ окрестныхъ моряхъ — пиратство. Благодаря русскимъ побѣдамъ и Адріанопольскому миру независимость Греціи была признана державами и султаномъ. Прочно укрѣпивъ свою власть и очистивъ страну отъ турокъ, гр. Каподистрія продолжалъ устраивать вновь образованное государство. Онъ организовалъ армію, флотъ, судебную часть, открывалъ повсюду школы, отстраивалъ вновь города, лежавшіе въ развалинахъ, возводилъ обширныя постройки для различныхъ правительст-

венныхъ учрежденій, чеканилъ монету, основалъ національный банкъ. Задача гр. Каподистріи была тѣмъ труднѣе, что, организуя всѣ отрасли государственнаго хозяйства, онъ располагалъ самыми малыми денежными средствами и долженъ былъ бороться не только съ партіями недовольныхъ внутри Греціи и съ отдѣльными честолюбцами, но и съ враждебнымъ настроеніемъ къ нему Англіи и Франціи, всячески задерживавшихъ обѣщанныя субсидіи, безъ которыхъ, въ особенности въ началѣ, при раззореніи страны, нельзя было обойдтись. Обѣ державы эти не довѣряли бывшему русскому министру и подозрѣвали его, совершенно неосновательно, въ намѣреніи принести грековъ въ жертву Россіи, тогда какъ въ дѣйствительности для гр. Каподистріи на первомъ планѣ стояла государственная польза Греціи, требовавшая поддержанія добрыхъ отношеній съ народомъ, искони сочувствовавшимъ грекамъ. Враждебность обѣихъ западныхъ державъ ярко выразилась во время бунта острововъ Спеціи, Гидры и Псары, когда онѣ явно поддерживали мятежниковъ. — Убѣдившись, наконецъ, что открытою силою невозможно сломить президента, политическіе противники гр. Каподистріи рѣшили отдѣлаться отъ него путемъ убійства; 27 сентября 1831 г. онъ и былъ убитъ въ Навпліи Георгіемъ и Константиномъ Мавромихали. Шесть мѣсяцевъ спустя прахъ его былъ перевезенъ въ Корфу, гдѣ и покоится рядомъ съ могилою его отца, въ монастырѣ Платитеры.—Въ своей дѣятельности какъ русскій министръ гр. І. Каподистрія обнаружилъ блестящія дарованія ума и качества прекрасной души. Онъ вполнѣ искренно преданъ былъ интересамъ своего новаго отечества и въ царствованіе императора Александра былъ вѣренъ великимъ завѣтамъ политики Екатерины II; онъ постоянно твердо и внимательно отстаивалъ реальные русскіе интересы, не увлекаясь мечтаніями, осуществленіе которыхъ на дѣлѣ было бы полезно для Россіи только въ томъ случаѣ, если бы всѣ ея союзники такъ же были бы преданы общему дѣлу, какъ преданъ былъ ему Императоръ Александръ I; но этого не было и потому нельзя не жалѣть, что совѣтамъ и планамъ гр. І. Каподистріи мало слѣдовали. Но особенно ярко проявилъ гр. Каподистрія свои замѣчательныя дарованія въ своей дѣятельности какъ президентъ грческой республики. Свѣтлый и гибкій умъ и обширныя познанія соединялись въ немъ съ характеромъ идеально-безкорыстнымъ, съ истинною приверженностью къ православію и крайнею простотою нравовъ. Кипучая дѣятельность его не знала устали; не оставляя безъ вниманія вопросовъ даже второстепенныхъ, отдавъ все свое состояніе отчизнѣ, онъ служилъ своему дѣлу самоотверженно, влагая въ него всю свою душу, свое сердце, которое билось лишь для всего благороднаго, всего прекраснаго.

Notice biographique sur le comte Jean Capodistrias, président de la Grèce, par A. de S. (Alexandre Stourdza) въ приложеніи къ книгѣ: «Correspondance du comte Jean Capodistrias». Genève 1830; «Graf Johann Kapodistrias», von Mendelsohn-Bartholdy. Berlin. 1864. Послужной списокъ гр. Каподистріи въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; записка гр. Каподистріи о своей службѣ въ Россіи — «Сбор. Импер. Рус. Истор. Общ.», Ш, 163—303. «Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи», историческій очеркъ В. Теплова. Спб. 1893.

Капустинъ, *Иванъ Федоровичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1759 г., ум. послѣ 1816 г. Въ службу поступилъ рядовымъ въ 1777 году въ Рязанскій мушкетерскій полкъ; участвовалъ въ турецкой войнѣ 1787—1791 гг., въ англо-русской экспедиціи 1799 г., и въ сраженіи при Бергенѣ 8 сентября былъ раненъ, въ войнѣ съ Франціею 1806 — 1807 гг., во время которой былъ раненъ при Прейсишъ-Эйлау и при Фридландѣ, и получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Въ 1807 г. назначенъ командиромъ 20-го егерскаго полка и съ нимъ участвовалъ во множествѣ дѣлъ съ французами въ 1812—1814 гг. и за боевыя отличія получилъ орденъ св. Владиміра 3 и 4 ст. и св. Анны 2 ст. съ алмазами, чинъ генералъ-маіора и аренду. Въ это время онъ былъ снова дважды раненъ, подъ Смоленскомъ и подъ Калишемъ. Въ 1815 году назначенъ командиромъ 1-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи и въ слѣдующемъ году уволенъ, за ранами, въ отставку.

Послужной списокъ за 1816 г. № 561, въ Московск. отд. архива Главн. Штаба. *С. И. И.*

Капустинъ, *Платонъ Ивановичъ*, протоіерей. Род. въ 1815 г., ум. 8 декабря 1890 г. Сынъ священника Пермской епархіи, получилъ образованіе въ Пермской семинаріи и Московской духовной академіи, курсъ которой окончилъ вторымъ по списку магистромъ въ 1840 г. По выходѣ

изъ академіи назначенъ профессоромъ въ Тобольскую семинарію; въ мартѣ 1842 г. переведенъ баккалавромъ философскихъ наукъ въ Московскую духовную академію; черезъ два года перешелъ на каѳедру физико-математическихъ наукъ, къ которымъ питалъ особенную любовь. Онъ былъ отличный знатокъ своего предмета, прекрасно устроилъ физическій кабинетъ въ Академіи, котораго до него можно сказать, не существовало, и былъ превосходнымъ руководителемъ лицъ, спеціально занимавшихся его предметомъ. Во время службы въ Академіи принималъ участіе въ переводѣ твореній святыхъ отцовъ съ греческаго языка на русскій, печатавшемся въ тогдашнемъ академическомъ органѣ «Прибавленія къ твореніямъ святыхъ отецъ». Въ VIII книгѣ этого изданія (1849 г.) напечаталъ безъ подписи стихотвореніе «Душе моя, душе моя». Въ 1850 г., также безъ подписи, напечаталъ въ томъ же журналѣ (IX книга) бесѣду на день Срѣтенія Господня. Эта бесѣда обратила на автора вниманіе тогдашняго московскаго митрополита Филарета и послужила къ назначенію о. Капустина священникомъ на приходъ московской Рождествобогородичной, что на Бутыркахъ, церкви,—въ то время академическая профессорская служба была такъ плохо обезпечена, что профессора охотно мѣняли каѳедру на приходъ. Во время своей службы въ санѣ священника, о. Капустинъ состоялъ въ разное время: благочиннымъ, членомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, членомъ комитета по преобразованію духовно-учебной части, смотрителемъ дома Филаретовскаго дѣвичьяго училища, учителемъ математики и физики въ этомъ училищѣ, законоучителемъ московской 2-й женской гимназіи, членомъ духовно-цензурнаго комитета. Перемѣнивъ нѣсколько приходовъ, съ марта 1886 г. до кончины состоялъ, въ санѣ протоіерея, настоятелемъ церкви св. апостоловъ Петра и Павла на Басманной; былъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. За труды по устройству политехнической выставки въ 1872 г. и за изобрѣтенный имъ уравнительный маятникъ и другіе приборы имѣлъ почетный адресъ второй категоріи отъ комитета выставки.

«Церк. Вѣдом.», 1890 г., № 52.—С. Смирновъ, «Исторія московской дух. академіи», М. 1879.—«Моск. Церк. Вѣд.», 1890 г., № 51. *С. Г. Р.*

Капустинъ, *Семенъ Яковлевичъ*, писатель, род. 2 октября 1828 г. въ Тобольскѣ, ум. 2 января 1891 г. въ Петербургѣ. Сынъ чиновника, учился въ Тобольской гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ кандидатомъ юридическихъ наукъ къ Казанскомъ университетѣ въ 1852 г. По окончаніи курса поступилъ на службу въ Омскѣ при главномъ управленіи Западной Сибирью, постоянно занимался изученіемъ крестьянской жизни и былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ ея; въ 1855 г. въ Казани вышло его изслѣдованіе: «Древнее русское поручительство». Въ 1864 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ представленъ Н. А. Милютину какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ по крестьянскому вопросу и назначенъ на должность комиссара въ Царство Польское. Здоровье, разстроенное усиленными трудами, заставило его, однако, въ слѣдующемъ же году выйдти въ отставку. Нѣкоторое время онъ служилъ по вѣдомству государственнаго контроля и по министерству юстиціи; въ 1868 г. переведенъ былъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ 1869 г. назначенъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»; это мѣсто онъ занималъ до 1883 г., когда болѣзнь заставила его покинуть всякую службу. Ему принадлежитъ нѣсколько очень цѣнныхъ трудовъ по изученію народнаго быта и народнаго хозяйства, таковы: «Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей», дважды изданный въ 1877 г. по распоряженію Императорскаго Вольнаго экономическаго общества; въ журналахъ «Русская Мысль», «Отечественныя Записки», «Недѣля» ему принадлежитъ рядъ цѣнныхъ и интересныхъ статей.

Некрологъ въ «Сѣверн. Вѣст.», 1891, № 2.

Капцевичъ, *Петръ Михайловичъ*, генералъ-отъ-артиллеріи, род. въ 1772 г., ум. 3 іюля 1840 г. Воспитывался въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1792 году поручикомъ въ квартировавшую въ Гатчинѣ артиллерійскую команду. Здѣсь онъ сталъ извѣстенъ цесаревичу Павлу Петровичу и пріобрѣлъ особенное его расположеніе; по вступленіи Цесаревича на престолъ, Капцевичъ былъ немедленно переведенъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, въ началѣ 1797 г. произведенъ въ полковники и въ томъ же году въ

генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ артиллерійскаго баталіона; во главѣ этого баталіона онъ участвовалъ въ 1799 г., въ составѣ корпуса генерала Германа, въ англо-русской экспедиціи и, по возвращеніи изъ Голландіи, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1803—1808 гг. Капцевичъ состоялъ шефомъ 3-го артиллерійскаго полка и инспекторомъ артиллеріи кавказской инспекціи, при чемъ участвовалъ въ дѣлахъ съ чеченцами, а въ 1808 г. назначенъ дежурнымъ генераломъ при графѣ Аракчеевѣ. Назначенный въ 1810 г. командиромъ 7-й пѣхотной дивизіи, онъ принималъ участіе въ оборонѣ Смоленска, въ битвѣ при Бородинѣ, командовалъ кавалеріею въ арріергардѣ, прикрывавшемъ подъ командою гр. Милорадовича отступленіе войскъ за Москву; затѣмъ участвовалъ въ дѣлахъ при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Краснымъ; получилъ за храбрость орденъ св. Георгія 3 ст. и золотую шпагу съ алмазами, а по переходѣ нашей арміи за границу принялъ командованіе надъ 10-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, (бывшимъ въ составѣ Силезской арміи), участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Кюстрина, въ дѣлѣ 11 августа 1813 г. при Гольдбергѣ и прославился геройствомъ въ битвѣ при Лейпцигѣ, гдѣ получилъ сильную контузію въ ногу, но тѣмъ не менѣе оставался на полѣ сраженія и однимъ изъ первыхъ вошелъ въ городъ, за что получилъ орденъ св. Георгія 2 ст. Съ 1819 г. Капцевичъ въ теченіе 9 лѣтъ трудился въ Сибири, гдѣ занималъ должности командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса и тобольскаго и томскаго генералъ-губернатора и оставилъ по себѣ видный слѣдъ своими заботами объ улучшеніи быта ссыльныхъ, приведеніемъ въ порядокъ службы и организаціи сибирскаго казачьяго войска, учрежденіемъ въ Омскѣ военнаго госпиталя и пр.; императоръ Александръ Павловичъ, равно какъ и императоръ Николай Павловичъ, всегда отличали Капцевича особеннымъ своимъ довѣріемъ. Назначенный въ 1828 г. командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичъ (произведенный въ этотъ чинъ въ 1823 г., но въ 1835 г. переименованный въ генералы-отъ-артиллеріи) также оставилъ добрую память облегченіемъ службы и заботами объ улучшеніи служебнаго положенія подчиненныхъ ему войскъ. Усиленные труды, доставившіе ему ордена св. Александра Невскаго съ брилліантами и св. Владиміра 1 ст., разстроили здоровье Капцевича, что и заставило его провести конецъ жизни въ продолжительномъ отпуску, во время котораго онъ и скончался въ 1840 году въ Оренбургѣ.

Послужн. спис. въ Москов. отд. архива Главнаго Штаба, № 4609; «Энциклопед. воен. и морск. наукъ», подъ редакціей г.-л. Леера, т. IV; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамят. людей».

С. Н. П.

Карабановъ, *Павелъ Ѳедоровичъ*, собиратель древностей, род. 25 октября 1767 г., ум. въ концѣ мая 1851 г. Онъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Послѣ домашняго воспитанія П. Ѳ. Карабановъ нѣкоторое время служилъ въ Преображенскомъ полку, а въ 1789 г. оставилъ службу и до конца жизни жилъ въ Москвѣ, занимаясь преимущественно собираніемъ предметовъ древности и различныхъ преданій и разсказовъ о прошломъ русскаго государства. Его собраніе различныхъ древнихъ вещей и портретовъ составляло какъ бы дополненіе къ сокровищамъ Оружейной палаты; послѣ смерти его оно поступило въ казну и было размѣщено по разнымъ древнехранилищамъ. П. Ѳ. Карабановъ принадлежалъ къ типу тѣхъ «трудолюбцевъ и любопытныхъ людей», который создался въ русскомъ обществѣ въ концѣ XVIII в. Онъ записалъ множество семейныхъ преданій о лицахъ высшаго общества XVIII и частью XVII в. и многіе его разсказы имѣютъ большую цѣну, сообщая подробности, которыя неизвѣстны ни изъ какихъ другихъ источниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняютъ нѣкоторыя неясности въ свѣдѣніяхъ, почерпаемыхъ нами изъ другихъ источниковъ. Извлеченія изъ его записокъ напечатаны были въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей», 1860, кн. IV, 105—214, а полностію они помѣщены въ «Русской Старинѣ», т. т. 2—6.

«Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн.», 1860, IV, 105; «Москвитянинъ», 1849, II, 54.

Карабановъ, *Петръ Матвѣевичъ*, стихотворецъ и переводчикъ конца XVIII и первой четверти XIX в. Сынъ маіора, род. въ Смоленскѣ 1 января 1764 г., ум. 19 апрѣля 1829 г. Обучался въ Тверской

семинаріи и въ семинаріи Троицкой лавры; по окончаніи курса въ 1782 г. поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ. Въ 1785 г. изъ университета Карабановъ опредѣлился на службу въ контору дворцовыхъ строеній, а потомъ—въ канцелярію кн. Потемкина. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Стихотворная дѣятельность Карабанова началась сотрудничествомъ въ журналахъ прошедшаго столѣтія: «Зеркало Свѣта» (1786—1877 гг.), «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» (1791 г.), «С.-Петербургскій Меркурій» (1798 г.) и «Новости» (1799 г.). Воейковъ назвалъ его «именитымъ стихотворцемъ», который долженъ всегда «имѣть въ запасѣ нѣсколько пьесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола»; онъ перевелъ, между прочимъ, Вольтерову «Альзиру». Переводъ этотъ, выдержавшій три изданія (1786, 1798 и 1811 гг.), былъ осмѣянъ И. А. Крыловымъ, но тѣмъ не менѣе доставилъ Карабанову извѣстность среди писателей старой школы, группировавшихся около Шишкова. Въ 1807 г. Карабановъ за свои литературные труды былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, а съ 1811 г. засѣдалъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова. Въ извѣстной сатирѣ Батюшкова на членовъ Бесѣды о Карабановѣ сдѣланъ очень рѣзкій отзывъ. Не ограничиваясь одною торжественной лирикой, Карабановъ, по свидѣтельству С. П. Жихарева и кн. Вяземскаго, писалъ не мало стихотвореній, по содержанію неудобныхъ для печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ лучшихъ изъ всего, имъ написаннаго. Кромѣ того Карабанову принадлежатъ еще слѣдующіе переводы съ французскаго: «Инженерная наука въ производствѣ работъ при укрѣпленіяхъ и архитектура гражданская» соч. Белидора (1802 г.) и «Утѣшеніе христіанина, или побудительныя причины къ упованію на Бога въ различныхъ обстоятельствахъ жизни» соч. аббата Роассара (1806 г.). Какъ членъ Россійской Академіи Карабановъ вмѣстѣ съ Державинымъ, А. С. Никольскимъ и А. С. Хвостовымъ участвовалъ въ составленіи словаря и въ переводѣ Лагарпова «Лицея», изд. 1810—1814 гг. Стихотворенія Карабанова «нравственныя, лирическія, любовныя, шуточныя, смѣшанныя, оригинальныя и въ переводѣ» изданы въ 1801 и въ 1812 гг.

«Русскій Архивъ», 1863 и 1879 гг.; Сухомлиновъ, «Исторія Россійской академіи»; Геннади, «Словарь»; Сочиненія Батюшкова, т. I.; В. Колосовъ, «Исторія Тверской духовной семинаріи»; Записки С. П. Жихарева. *Л. Перетцъ.*

Каравакъ, *Люи,* французскій живописецъ въ Россіи. Род. въ XVII ст., въ Марсели (быть можетъ, предки его происходили изъ города Каравака, въ провинціи Мурсіи, въ Испаніи); ум. 9 іюня 1754 г. въ Петербургѣ. По заключенному съ нимъ Ив. Лефортомъ договору въ Парижѣ 13 ноября 1715 г., онъ обязался ѣхать въ Петербургъ и работать на службѣ Его Царскаго Величества 3 года по части живописи масляными красками, именно «историческихъ картинъ, портретовъ, баталій, лѣсовъ, деревень, цвѣтовъ и звѣрей въ большомъ, маломъ и миніатюрномъ видѣ», а также взять себѣ учениковъ изъ русскихъ, по указанію Государя, за что ему полагалось въ общемъ жалованья по 500 р. въ годъ при готовомъ помѣщеніи и уплатѣ путевыхъ издержекъ, кромѣ особливой платы за его работы по назначенію Царя. Быть можетъ, еще до отъѣзда въ Петербургъ, Каравакъ успѣлъ въ 1716 г. написать съ Петра I портретъ (гравированный въ 1783 и 1784 гг. Ланглуа въ Парижѣ, въ 8 и 4 д. л.) — или между 26 мая и 15 іюня въ Пирмонтѣ, куда Кононъ Зотовъ привозилъ къ Царю нанятыхъ Лефортомъ во Франціи художниковъ, съ Леблономъ во главѣ, или 14—15 ноября въ Гавельбергѣ, если Каравакъ сопровождалъ Царя туда, такъ какъ подъ тѣми числами сохранилось въ «Походномъ журналѣ»—впрочемъ, безъ обозначенія имени художника — извѣстіе, что «списывали персону» Его Величества; 23 же іюня Петръ послалъ изъ Шверина, передъ своимъ отправленіемъ въ Копенгагенъ, кн. Меншикову въ Петербургъ подлинные контракты французскихъ мастеровъ, отправленныхъ моремъ, привезенныхъ Зотовымъ въ Пирмонтъ сухимъ путемъ и пріѣхавшихъ прежде съ Растрелли, а 23 мая 1717 г. писалъ ему же изъ Парижа, чтобы онъ заставилъ Каравака писать для Шпалерной мануфактуры историческія картины, согласно его договору, а именно: баталіи Полтавскую, Левенгауптскую (при Лѣсномъ) и другія; въ помощь ему должно было дать учениковъ. Вытканныя съ работъ Каравака картины украшали потомъ нѣсколько комнатъ въ Зимнемъ Дворцѣ, исполненный же имъ въ 1718 г. подлинникъ «Полтавской баталіи» хранился въ Петергофѣ.

Кромѣ этой картины имъ выполнены были въ 1718 г., по приказанію директора отъ строенія кн. А. М. Черкасскаго, еще 12 чертежей тріумфальной колонны, по которымъ моделировалъ Растрелли, а въ 1721 г., по приказанію директора отъ строенія Синявина,—чердакъ въ «менажеріи» и три картины для Кабинета въ Монплезирѣ въ Новомъ Петергофѣ; причемъ за всѣ эти произведенія ему заплачено было, вмѣсто просимыхъ имъ 530 р., всего 300 р. Затѣмъ, взятый Петромъ въ «Низовый походъ» въ маѣ 1722 г., онъ написалъ въ іюлѣ того же года въ Астрахани портреты Петра и Екатерины, изъ которыхъ первый былъ гравированъ Субейраномъ въ 1743 г., съ оригинала, сообщеннаго нашимъ посланникомъ во Франціи, кн. Кантеміромъ, а второй—Вортманомъ и Ал. Зубовымъ въ 1735 г., при чемъ Каравакъ получилъ, сверхъ путевыхъ издержекъ и платы за матеріалы, еще по 100 р. за самое исполненіе портретовъ, да кромѣ того Царь велѣлъ отдать ему деревянный домъ, въ которомъ онъ жилъ, во Французской улицѣ (нынѣ Загибенинъ пер.), на Васильевскомъ Островѣ, въ Петербургѣ. Въ мартѣ 1724 г. Каравакъ писалъ портреты царевенъ Анны и Елизаветы, подаренные въ 1762 г. Екатериною II Академіи Художествъ, гдѣ первый изъ нихъ находится и понынѣ, а въ 1725 г. участвовалъ въ росписываніи церкви въ Зимнемъ Дворцѣ и двухъ бесѣдокъ при Лѣтнемъ домѣ. Послѣ того, въ 1727 г. имъ написанъ былъ портретъ императора Петра II, гравированный Ал. Зубовымъ въ декабрѣ 1727 г. и Ив. Зубовымъ въ 1728 г., а въ концѣ года онъ посылаемъ былъ съ учениками въ Москву писать картины.

Въ проектѣ объ учрежденіи Академіи ремеслъ въ 1730 г. Караваку предназначалось мѣсто преподавателя живописи; тогда же онъ сталъ писать портреты императрицы Анны Іоанновны, гравированные Вортманомъ въ 1731, 1736 и 1740 гг.; въ 1733 г. онъ принималъ участіе въ росписываніи вновь строившагося тогда дома Императрицы (близъ Адмиралтейства), гдѣ имъ исполненъ былъ плафонъ, по отзывамъ современниковъ, въ красивомъ колоритѣ, но съ игрушечными фигурами и украшеніями, а нѣсколько спустя, онъ написалъ портреты правительницы Анны Леопольдовны и жены Бирона Бенигны Готлибъ, гравированные тоже Вортманомъ въ 1739 и 1741 гг., а также и портретомъ Бирона, гравированный Ив. Соколовымъ въ 1740 г. Черезъ Бирона онъ выхлопоталъ себѣ титулъ придворнаго живописца, съ бо́льшимъ противъ прежняго жалованьемъ (по 1500 р. въ годъ), и полковничій чинъ, которымъ очень гордился.

По вступленіи Елизаветы Петровны на престолъ, Каравакъ долженъ былъ написать въ 1742 г. 14 большихъ портретовъ Императрицы въ ростъ, для отсылки ко всѣмъ русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ, но, не смотря на уплату ему за нихъ половины денегъ впередъ, даже въ 1746 г. отъ него не было получено ни одного экземпляра. Впрочемъ, какой-то портретъ въ ростъ имъ былъ исполненъ ко времени коронаціи, такъ какъ существуетъ съ него гравюра черной манерой, раб. Штенглина 1744 г., и, кромѣ того, написанъ еще поколѣнный портретъ Елизаветы въ профиль, съ котораго самимъ художникомъ былъ сдѣланъ въ 1744 г. рисунокъ для медали, работы Гедлингера; съ другого же оригинала его, апробованнаго Императрицей, исполнена была въ 1746 г. Ив. Соколовымъ гравюра рѣзцомъ, взамѣнъ уничтоженнаго портрета лубочной гравировки, при чемъ указомъ 11 марта 1747 г. велѣно было, чтобы прочіе мастера «дѣлали и писали на подобіе этого портрета», подъ опасеніемъ «наижесточайшаго истязанія безъ всякой пощады»; наконецъ, въ Академіи Наукъ находится еще большой портретъ Елизаветы, его кисти, отъ 1750 г.

Судя по дошедшимъ до насъ работамъ Каравака, онъ не можетъ почесться первостепеннымъ художникомъ: портреты его манерны и не могли заслужить похвалы знатоковъ даже въ то время, такъ какъ имъ недоставало живаго выраженія и вкуса; но за то, по отзывамъ его современника Штелина, вообще нерасположеннаго къ нему, всѣ они отличались необыкновеннымъ сходствомъ.

Изъ учениковъ Каравака извѣстны по документамъ: Ив. Милюковъ (1724—1731 г.), Ив. Дм. Максимовъ (съ 1725 г.), Ив. Смирновъ (до 1728 г.), Мих. Бѣляковъ (въ 1731 г.), Тим. Васильевъ (1740 г.), Макс. Гарканецкій (1742 г.) и Ал. Вировскій (1742—1749 г.).

Н. П. Собко, «Франц. художники въ Россіи въ XVIII в. — живописецъ Людов. Каравакъ», въ

«Истор. Вѣст.» 1882 г. (VIII, 138—148), гдѣ указаны всѣ извѣстные до тѣхъ поръ источники; въ Госуд. Архивѣ дѣла Кабинета Петра I, кн. 25, полул. 522; въ общемъ Архивѣ Мин. Имп. Двора, дѣла Канцел. отъ строен.: кн. 42, полул. 18; кн. 48, л. 730, 833 и 946; кн. 49, л. 147 и 417; журналы 1727—32 гг.; кн. 116, л. 35; кн. 163, л. 71; кн. 159, л. 74; кн. 307, л. 77, и дѣла Гофъ-Интенд. Конт. 1742, № 2; «Спб. Вѣд.» 1755, № 57, с. 8.

Н. С.

Каразинъ, *Василій Назарьевичъ*, сотрудникъ Императора Александра I по народному образованію въ началѣ его царствованія, главный дѣятель при основаніи Харьковскаго университета, род. 30 января 1773 г. въ с. Кручикѣ, слободско-украинской губерніи, краснокутскаго коммисаріатства, впослѣдствіи богодуховскаго уѣзда, ум. 4 ноября 1842 г. Со стороны отца—полковника русской службы Назарія Александровича Каразина, отличавшагося въ турецкія войны императрицы Екатерины II—онъ былъ сербскаго или греческаго происхожденія (одинъ изъ предковъ его, носившій прозвище Караджи, былъ софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи); со стороны матери, дочери сотника харьковскаго полка Якова Ивановича Ковалевскаго, В. Н. Каразинъ можетъ считаться малороссомъ.

Начальное воспитаніе Каразинъ получилъ въ домѣ «строгаго родителя, воина, который посѣдѣлъ въ битвахъ и порученіяхъ державной власти по дѣламъ отечества»; дальнѣйшее воспитаніе дали ему кременчугскій и харьковскій частные пансіоны Фирлинга и Шульца, о которыхъ Каразинъ сохранялъ самое лучшее воспоминаніе. Оставшись сиротою на одиннадцатомъ году отъ рожденія, Каразинъ лично подалъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, при проѣздѣ его черезъ Харьковъ, прошеніе о зачисленіи въ военную службу, и такъ какъ отецъ Каразина былъ хорошо извѣстенъ Румянцеву, то просьба его была исполнена: онъ былъ зачисленъ въ Кирасирскій орденскій полкъ, шефомъ котораго состоялъ фельдмаршалъ Румянцевъ (въ 1783 г.). По окончаніи ученія въ пансіонѣ Каразинъ продолжалъ свое образованіе въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ предался любимымъ своимъ занятіямъ—теоретическому и практическому изученію человѣка и природы; уже здѣсь онъ пріобрѣлъ многія свѣдѣнія въ точныхъ наукахъ, а такъ какъ занимался постоянно и впослѣдствіи, то нерѣдко онъ удивлялъ спеціалистовъ разнообразіемъ своихъ знаній. Въ 1791 г. онъ былъ зачисленъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, но на службѣ впрочемъ онъ только числился, а продолжалъ свои занятія въ Горномъ корпусѣ; «страсть моя къ наукѣ», писалъ онъ въ 1798 г., «и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти съ дѣтства моего, наконецъ, самое здоровье отвлекли отъ мысли о продолженіи службы навсегда. Я много разъ имѣлъ случай быть выпущеннымъ въ армію или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него, не взирая на усилія моихъ родственниковъ, и сіе отъ двухъ причинъ: зналъ, что я умру прежде, нежели заслужу оный по достоинству, даромъ же носить отличіе я гнушался; сверхъ того боялся я, что не найду со всѣми возможными отличіями того счастія, которое находилъ у себя въ кабинетѣ или въ сельской рощѣ своей». Каразинъ не довольствовался теоретическою разработкой наукъ: онъ искалъ ихъ примѣненія къ дѣлу. Чтобы лучше понять, что нужно Россіи, на что особенно важно направить свои занятія, онъ предпринялъ рядъ путешествій по русскимъ губерніямъ. Мало по малу онъ пришелъ къ мысли, оставить Россію—съ одной стороны съ тѣмъ, чтобы докончить свое образованіе за границей, съ другой стороны потому, что слабость его здоровья должна была лишить его, какъ ему казалось, возможности служить благу Россіи. Онъ мечталъ навсегда переселиться за границу и «среди просвѣщеннаго общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность, провести нѣсколько лѣтъ, оставшихся ему по его болѣзни», какъ говорилъ онъ въ запискѣ, приложенной къ прошенію на имя Императора Павла. Когда просьба его «о позволеніи отлучиться въ чужіе края» была отвергнута Императоромъ Павломъ, онъ рѣшился ѣхать тайно. Замыселъ бѣгства не удался: Каразинъ былъ задержанъ съ женою и дворовымъ человѣкомъ, разъѣздомъ Екатеринославскихъ гренадеръ за Ковно при переправѣ черезъ Нѣманъ и посаженъ на гауптвахту (1798). Отсюда черезъ рекетмейстера князя Вяземскаго Каразинъ послалъ императору Павлу письмо съ разъясненіемъ мотивовъ своего бѣгства за границу; Императоръ былъ тронутъ тономъ письма, откровенностью и простотою, съ которою говорилъ его ав-

торъ, и простилъ его; послѣ личнаго представленія Императору Каразинъ былъ принятъ согласно его просьбѣ на гражданскую службу въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора (барона Васильева) коллежскимъ переводчикомъ (въ 1800 г.). За успѣшныя занятія по исторіи медицины въ Россіи и по исторіи финансовъ (въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ архивахъ) уже въ слѣдующемъ году Каразинъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго асессора.

Въ 1801 году, дней черезъ десять послѣ восшествія на престолъ императора Александра I, на столѣ Императора была найдена анонимная записка замѣчательнаго содержанія; блистая богатствомъ идей, умомъ, талантливостью и энергіею автора, поражая простою задушевностью и въ то же время страстностью его стремленій, она рисовала предъ Царемъ программу либеральнаго царствованія, говорила о надеждахъ, возлагаемыхъ Россіей на молодаго Императора. Авторъ записки ожидалъ отъ новаго царствованія непреложныхъ законовъ, составленныхъ «совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престолъ, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ», «которые сообразятъ законы съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіей, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ»; онъ представлялъ себѣ возможность учрежденія гласнаго суда «при дверяхъ открытыхъ», суда лицъ, избранныхъ изъ народа, мечталъ объ улучшеніи финансовъ не посредствомъ увеличенія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей; признавая безцѣльность самыхъ совершенныхъ законовъ въ средѣ невѣжественнаго народа, онъ указывалъ на необходимость распространенія народнаго образованія и воспитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ обезпеченія «правъ человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ», узаконенія имъ права собственности, установленія предѣловъ ихъ зависимости; онъ ждалъ отъ осуществленія этого плана улучшенія земледѣлія, лѣсоводства, садоводства, заселенія степей, орошенія безводныхъ земель, а съ другой стороны — развитія ремеслъ, мануфактурной промышленности, фабричнаго дѣла, торговли. Для охраны мира онъ считалъ нужнымъ оградить западные предѣлы имперіи «удвоеннымъ забраломъ крѣпостей» и расположить войска, готовыя во время вражескаго нападенія защищать границы, во время мира по очереди занятыя работами надъ созданіемъ государственныхъ сооруженій. Подлинникъ этого письма Каразина хранится въ военно-ученомъ архивѣ; списокъ, напечатанный въ «Русской Старинѣ» со многими отличіями противъ подлинника—въ Императорской публичной библіотекѣ. Записка Каразина, представлявшая собою почти все его, какъ онъ выразился, «политическое вѣроисповѣданіе», имѣла громадное значеніе въ жизни ея автора. Молодой императоръ Александръ крайне заинтересовался мыслями, высказанными въ запискѣ; онъ поручилъ графу Палену и Д. П. Трощинскому разыскать ея автора. На удивленіе всѣмъ Каразинъ достигъ безграничнаго довѣрія Государя, получилъ право бесѣды съ нимъ въ его кабинетѣ и право непосредственной переписки, началъ принимать участіе въ обсужденіи и составленіи проектовъ самаго разнообразнаго содержанія. Нѣкоторые изъ проектовъ Каразина были приведены въ исполненіе и изданы въ свое время безъ указанія на имя составителя, другіе, неосуществившіеся, частью были напечатаны впослѣдствіи съ именемъ Каразина (таковы «мысли относительно присутственныхъ мѣстъ», «о причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный» и пр.), частью сгорѣли во время пожара помѣщичьяго дома въ имѣньи Каразина, когда погибла вся его богатая библіотека.

Главныя заботы Каразина касались народнаго образованія въ Россіи. Въ первое свиданіе съ Государемъ на вопросъ его, съ чего начать реформы, Каразинъ отвѣчалъ: «конечно, Ваше Величество, съ образованія народнаго» и началъ развивать мысль объ устроеніи «отдѣльнаго вѣдомства», которое бы самостоятельно могло распоряжаться столь важною частью государственной жизни. Послѣ этого разговора Каразину было поручено въ подробностяхъ разработать свои взгляды на народное образованіе. Замѣчательно, что идея о такомъ самостоятельномъ вѣдомствѣ высказана и развита Каразинымъ раньше, чѣмъ это было сдѣлано въ другихъ государствахъ Европы. Польша, въ

которой впервые учреждена была самостоятельная «Эдукаціонная коммиссія», въ то время уже не существовала какъ государство. Какъ широко смотрѣлъ Каразинъ на задачи вѣдомства, которому поручалась забота о народномъ просвѣщеніи, насколько высоко ставилъ его въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, видно изъ его письма къ доктору Реману, писаннаго нѣсколько лѣтъ позже составленія проекта министерства, въ 1810 году. «Если что-либо, писалъ онъ, можетъ обезпечить незыблемость обширнаго пространства Россіи, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія, то это опять только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ». Сфера дѣятельности этого министерства, по мнѣнію Каразина, должна обнимать собою все, «что только можетъ относиться къ образованію добрыхъ гражданъ къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола и возраста ни были». Соединивъ подъ одинъ кровъ всѣхъ «будущихъ» воиновъ, судей, служителей церкви, художниковъ и ученыхъ, уничтоживъ тѣмъ права и преимущества даваемыя раньше родами занятій, Каразинъ предполагалъ уничтожить рознь и вражду между сословіями, происходящую отъ различія воспитанія съ самаго дѣтства, уничтожить духъ партій, поддерживаемый въ «затворахъ духовныхъ и свѣтскихъ», часто ведущій къ государственнымъ переворотамъ. Общее воспитаніе всѣхъ въ одномъ учрежденіи Каразинъ считалъ важнымъ и для правительства потому, что «государство освободится отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты», и для учащихся—тѣмъ, что каждый будетъ имѣть возможность «выбрать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по природѣ», что усилится «любовь къ занятіямъ взаимными примѣрами», распространится «уваженіе къ образованію». — Примѣненіе мыслей Каразина предполагалось при исполненіи его давняго плана объ основаніи Харьковскаго университета; идея «о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и былъ бы достоинъ называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи» была сообщена Каразинымъ Александру I и принята Императоромъ благосклонно; Каразинъ получилъ приказаніе заняться «начертаніемъ плана къ нему». По предположеніямъ Каразина университетъ долженъ былъ быть устроенъ не по образцу нѣмецкихъ университетовъ, а долженъ представлять собою «всеобъемлющее училище»—соединеніе современнаго университета съ современными высшими спеціальными училищами, академіями и институтами, а также низшими профессіональными школами; факультетовъ (отдѣленій) по мысли Каразина должно было быть 9: 1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское отдѣленіе, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; въ качествѣ низшихъ классовъ предполагалось училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Харьковъ, такимъ образомъ, становился по мысли Каразина просвѣтительнымъ центромъ всего юга Россіи, «особою колоніей» учащихся. Лѣтомъ 1802 года на многочисленномъ собраніи всѣхъ дворянъ слободско-украинской губерніи, созванномъ въ Харьковѣ по случаю врученія дворянскому обществу Высочайшей грамоты въ подтвержденіе правъ и привиллегій дворянъ этой губерніи, Каразинъ въ одушевленной рѣчи сообщилъ взглядъ Императора на устроеніе университета въ Харьковѣ. Результатомъ этой рѣчи было рѣшеніе дворянства внести изъ своихъ имѣній 400,000 руб. на обезпеченіе существованія университета. Одновременно съ рѣшеніемъ о пожертвованіи со стороны дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи въ пользу университета отъ харьковскаго городскаго общества, уѣздныхъ городовъ харьковской губерніи, затѣмъ екатеринославскаго, новороссійскаго и херсонскаго дворянствъ. Такимъ образомъ, дѣйствовавшій на свой рискъ Каразинъ достигъ своей цѣли: дворянство выказало готовность устроить въ Харьковѣ университетъ; составленное имъ предначертаніе университетскаго устава было одобрено собраніемъ, дворянство поднесло ему благодарственный адресъ и вмѣстѣ съ другими

сословіями избрало его депутатомъ по университетскому дѣлу. Это было въ августѣ 1802 года; но въ томъ же августѣ по возвращеніи въ Петербургъ, Каразинъ нашелъ свое положеніе при Государѣ значительно пошатнувшимся. У Каразина было слишкомъ мало друзей и слишкомъ много зложелателей, стоявшихъ близко къ трону. Эти послѣдніе считали «маркиза Позу», какъ называли Каразина при дворѣ, выскочкою, находящимся не у мѣста, помѣхой себѣ; они были обижены его «заносчивымъ» тономъ, любовью къ нему Государя и постарались представить передъ императоромъ Александромъ въ непривлекательномъ освѣщеніи и дѣятельность и личныя качества Каразина. Сдѣлать это было легко: Государь былъ склоненъ къ подозрительности, а пылкій, не практичный Каразинъ — слишкомъ довѣрчивъ къ своимъ врагамъ. По прибытіи въ столицу, Каразинъ не былъ принятъ во дворцѣ и получилъ приказаніе всѣ дѣла Харьковскаго университета передать по начальству. Въ это время какъ разъ опредѣлилось оффиціальное положеніе Каразина: 8 сентября 1802 г. былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія и поставленной отъ него въ зависимость коммиссіи училищъ. Каразинъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ коммиссіи при предсѣдателѣ графѣ Завадовскомъ (министрѣ народнаго просвѣщенія) и членахъ князѣ Адамѣ Чарторижскомъ, графѣ Потоцкомъ, Клингерѣ, Хитрово и академикахъ Озерецковскомъ и Фусѣ. Несмотря на нѣкоторое отдаленіе Государя отъ Каразина, на явное нерасположеніе къ нему многихъ членовъ коммиссіи и другихъ лицъ, занимавшихъ высокое положеніе, Каразинъ работалъ съ прежнимъ рвеніемъ и искренностью, добиваясь осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей о народномъ образованіи. Во всѣхъ работахъ, сначала коммиссіи, затѣмъ главнаго училищнаго правленія, въ которое коммиссія была преобразована, Каразинъ принималъ самое близкое участіе и, можно думать, ему принадлежатъ почти всѣ подготовительныя работы этихъ учрежденій; такъ, имъ было составлено упомянутое выше «предначертаніе университетскаго устава», его же трудамъ можно приписать общій планъ училищъ Чарторижскаго, извѣстный подъ названіемъ «начала для народнаго образованія въ Россійской имперіи», и также «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», получившія высочайшее утвержденіе въ январѣ 1803 г. вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ вновь образованнымъ «главнымъ училищъ правленіемъ». Въ то же время Каразинъ продолжалъ дѣятельно хлопотать объ утвержденіи положенія Харьковскаго университета. Дѣло это двигалось, однако, чрезвычайно медленно, благодаря противодѣйствіямъ усилившихся враговъ Каразина; даже докладъ о дѣйствіяхъ Каразина въ Харьковѣ, о пожертвованіяхъ дворянъ и другихъ сословій былъ представленъ государю лишь въ концѣ января 1803 г., т. е. черезъ полгода послѣ Харьковскихъ событій; въ томъ же мѣсяцѣ былъ данъ высочайшій милостивый рескриптъ харьковскому дворянству, изъявлена благодарность харьковскимъ гражданамъ, пожалованы орденами, чинами и другими отличіями лица, принявшія участіе въ дѣлѣ Харьковскаго университета. Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ новаго харьковскаго учебнаго округа; на себя онъ взялъ дѣло пріисканія профессоровъ заграницей, а заботы о скорѣйшемъ открытіи университета въ Харьковѣ онъ поручилъ И. Ѳ. Тимковскому, назначенному профессоромъ харьковскаго университета; Каразину же поручилъ имѣть «надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ особами, избранными дворянствомъ по устройству новаго университета». Недостатокъ денегъ и дѣятельность противниковъ Каразина сильно тормозили исполненіе его предпріятія. Огорченный неудачами, найдя по возвращеніи въ Петербургъ дѣла правленія училищъ крайне запутанными, среди всѣхъ членовъ его, кромѣ Чарторижскаго, явное недоброжелательство, безуспѣшно испытавъ всѣ средства двинуть дѣло, Каразинъ рѣшился дѣйствовать на Государя непосредственно. Въ своемъ письмѣ (переданномъ Государю черезъ камердинера) онъ писалъ: «я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность и тяжелый, съ правилами ни мало не соображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство». «По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ», писалъ онъ далѣе, «пожаловали Вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ четырехъ округахъ народнаго просвѣщенія; повѣрите ли, Всемилостивѣйшій Государь, что понынѣ сія сумма совсѣмъ не тронута, и что госу-

дарственный казначей хотѣлъ уже просить у министра позволеніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе». Карамзинъ сообщалъ Государю въ томъ же письмѣ, что Потоцкому не шлютъ денегъ ни на путевыя издержки, ни на присылку въ Харьковъ профессоровъ, что профессора, пріѣхавшіе уже въ Харьковъ, живутъ въ бездѣйствіи, и т. п. Каразину, наконецъ, удалось двинуть дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрное его упорство въ исполненіи плана, рѣзкость по отношенію къ противникамъ этого плана, даже энергія и одушевленность въ работѣ (онъ хлопоталъ въ Петербургѣ о покупкѣ библіотеки и ученыхъ коллекцій для Харьковскаго университета и велъ переписку съ западно-европейскими учеными по поводу ихъ вступленія въ число профессоровъ Харьковскаго университета) привели къ печальнымъ результатамъ для самого Каразина: «Дѣятельность ваша», писалъ ему Тимковскій, «есть пламень, все пожирающій... пожирающій и васъ самихъ, есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье». Такъ и случилось съ Каразинымъ: послѣ отъѣзда его въ Харьковъ по университетскимъ дѣламъ одно изъ его распоряженій—о выпискѣ въ Харьковъ для университетскихъ нуждъ различныхъ мастеровъ — было истолковано какъ превышеніе власти, хотя на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ полномочіе и на подобные случаи; министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій доложилъ дѣло Государю въ неблагопріятномъ для Каразина смыслѣ и поручилъ графу Потоцкому сдѣлать Каразину строгій выговоръ и запретить ему мѣшаться въ дѣла университета. Это было подтверждено 18 іюня высочайшимъ повелѣніемъ и 13 августа 1804 г. Каразинъ былъ отставленъ съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника. Поѣздка его въ Петербургъ въ сентябрѣ того же года не привела ни къ чему, и онъ безъ всякихъ средствъ, принужденный «заложить послѣдній перстень» на выѣздъ изъ Петербурга, долженъ былъ удалиться въ село Кручикъ, помѣстье, пожалованное его отцу Екатериной II.

Не смотря на тяжелый ударъ, кипучая дѣятельность Каразина не остановилась. Во весь остальной періодъ своей жизни Каразинъ, время отъ времени, отъ заботъ хозяйственныхъ и мѣстныхъ общественныхъ, возвращался къ прежней государственной дѣятельности; но всѣ попытки его принять какимъ бы то ни было образомъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ или помочь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ были отвергаемы въ властныхъ сферахъ, какъ отвергались и всѣ его самые безобидные проекты: онъ почитался за человѣка опаснаго и его старались избѣгать и нельзя не признать, что большинство изъ послѣдующихъ проектовъ Каразина, дѣйствительно, отличались странностями; постигшія Каразина горькія неудачи если и не лишили его энергіи, то, несомнѣнно, нарушили его душевное равновѣсіе; сохранивъ прежнюю пылкость, прежнее горячее желаніе блага своей родинѣ, Каразинъ теперь часто не могъ уже спокойно и вѣрно оцѣнивать положеніе вещей и представлялъ планы, большею частью явно несостоятельные.

Въ первый разъ Каразинъ напомнилъ о себѣ въ томъ же 1804 г., благодаря начавшемуся въ это время сербскому возстанію противъ турецкой власти. Считая себя сербомъ по отцу, онъ хотѣлъ способствовать дѣлу освобожденія своихъ единоплеменниковъ; онъ думалъ отправиться въ Сербію въ качествѣ русскаго тайнаго агента для взаимнаго соединенія сербовъ, для учрежденія временнаго правительства, отправки депутатовъ въ Константинополь и т. п. Ему казалось, что междуусобія въ Турціи, слабость ея силъ, вели ее къ паденію и обѣщали освобожденіе славянъ; если Турція откажется удовлетворить сербскихъ депутатовъ, поддержанныхъ русскимъ посланникомъ и не дастъ Сербіи самоуправленія съ условіемъ платить опредѣленную дань и защищать Турцію отъ внѣшнихъ враговъ, возстаніе должно быстро распространиться; тогда славяне, соединившись всѣ въ одно цѣлое, возстановятъ славянское царство, обнимающее собою всѣ земли по восточному берегу Адріатическаго моря, начиная отъ Албаніи, на югѣ граничащія съ сѣверною Македоніей, на сѣверѣ съ Австріей и Россіей; въ него Каразинъ предполагалъ ввести и «часть Венгріи, и австрійскую Славонію, и земли хорватовъ»; на его престолъ онъ прочилъ одного «изъ августѣйшихъ братьевъ Александра». Каразинъ просилъ Чарторижскаго, которому сообщилъ свой планы, доложить о нихъ Государю, умоляя не оставить ихъ безъ вниманія; онъ брался ѣхать въ Сербію на свой страхъ, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ неудачи правительство могло отказаться отъ него и его

сотрудниковъ, какъ дѣйствовавшихъ самовольно. Проектъ Каразина не былъ принятъ. Въ слѣдующемъ 1805 г., послѣ Аустерлица, Каразинъ рѣшился представить Государю бумагу; въ ней онъ умолялъ Александра «не отваживать славы Россіи» въ войнѣ, исходъ которой ему казался сомнительнымъ; онъ считалъ возможнымъ дѣйствовать на Европу однимъ страхомъ, не принимая активнаго участія въ войнѣ; по его мнѣнію, Европа привыкла бояться Россіи. Это письмо имѣло ту же участь, какъ и предыдущія.

Въ 1809 г. по поводу того, что Александръ рѣшился принять участіе въ дѣлахъ Европы, Каразинъ снова представилъ ему письмо «о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы». «Россійская имперія», писалъ онъ, «находится нынѣ между двумя крайностями по всѣмъ отношеніямъ... Съ одной стороны грозитъ война, которой конецъ сомнителенъ, т. е. съ Наполеономъ, съ другой медленное, но столько же болѣзненное истощеніе государства». Предлагая стать въ нейтральное положеніе, онъ совѣтовалъ «отрѣзать Россію отъ всей остальной части Европы, совершенно уничтожить всѣ политическія связи, не только отказаться отъ пособія той или другой державѣ, но устранить себя отъ всякаго участія въ ихъ дѣлахъ, прекратить всѣ министеріальныя сношенія, отозвать нашихъ резидентовъ и взаимно выслать посланниковъ другихъ державъ, не позволяя быть у насъ даже торговымъ консуламъ». Необходимость такой мѣры доказывалась, по его мнѣнію, тѣмъ, что «политическія связи нечувствительно заводятъ насъ далѣе, нежели-бъ требовала существенная наша польза и сіе ослѣпляетъ насъ выгодами, то поджигая наше самолюбіе, то приковывая необходимостью пристойности, то заставляя жертвовать вновь для выручки пожертвованнаго уже, и такъ далѣе». «При совершенномъ отчужденіи себя отъ Европы», говоритъ Каразинъ далѣе, «мы съ одной стороны, не имѣя пустыхъ надеждъ, лучше воспользуемся собственными силами... съ другой мы—отнимемъ у Наполеона важнѣйшій предлогъ на случай дѣйствій его противу насъ наступательно». Въ 1809 г., когда «Европа вверхъ дномъ опрокинута», казалось Каразину, было самое удобное время отъ нея запереться. «Я воображаю себѣ», говорилъ онъ, «повальную заразительную болѣзнь, съ которою нынѣшнее положеніе Европы во многомъ сходствуетъ: простительно заключить свои двери и ограничиться сохраненіемъ своего собственнаго дома». Эти письма Каразина вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: «статскаго совѣтника и кавалера Каразина за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія не отваживался болѣе безпокоить Его Величество». Неизвѣстно, впрочемъ, было ли приведено это распоряженіе въ исполненіе; но Каразинъ продолжалъ высказывать свои мысли или непосредственно Государю или кому нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ. Онъ писалъ о необходимости возсоединенія уніатовъ, о вредѣ тайныхъ обществъ, предлагалъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею противодѣйствовать этимъ обществамъ учрежденіемъ подъ предсѣдательствомъ министра особаго общества, которое, занимаясь собственно улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, распространяло бы среди нихъ здравыя понятія о государственномъ благоустройствѣ, согласномъ съ началами монархическаго правленія, опирающагося на общественное мнѣніе; объ этомъ съ 1828 г. онъ писалъ и прямо Государю. Кочубею же Каразинъ доказывалъ, что статсъ-секретарь графъ Каподистрія агентъ «чужестранныхъ тайныхъ обществъ», что многія происшествія и государственныя у насъ учрежденія имѣютъ цѣлью поссорить Государя съ подданными»; въ другомъ письмѣ Кочубею онъ разъяснялъ вредъ военныхъ поселеній, и выражалъ надежду, что Кочубей передастъ его бумагу Государю. Около того же времени онъ пришелъ къ мысли объ учрежденіи статистическаго департамента, въ которомъ видѣлъ средство выяснить «подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ», думая чрезъ посредство собранныхъ статистическихъ свѣдѣній открыть «тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству». Наконецъ 21 апрѣля 1820 г. онъ переслалъ Государю письмо, въ которомъ высказывалъ мысли о «странномъ направленіи умовъ» въ Россіи. На это письмо Государь обратилъ вниманіе и по повелѣнію его Кара-

зинъ составилъ обширную объяснительную записку въ семи тетрадяхъ для министра внутреннихъ дѣлъ, В. П. Кочубея. Написанная на-скоро записка эта, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою любопытный документъ для характеристики Каразина, главнымъ образомъ въ политическомъ отношеніи. Въ ней Каразинъ указываетъ на недостатки въ современномъ положеніи Россіи: со стороны правительства онъ отмѣчаетъ непослѣдовательность въ отношеніяхъ государства къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ—то преслѣдованіе ихъ, то чрезмѣрное покровительство, неуваженіе къ православной религіи и ея обрядамъ, неправильность въ отношеніяхъ правительства къ народу, ограниченіе свободы мысли и слова цензурой и полиціей, чрезмѣрное господство государственной тайны, неправильное веденіе морскаго дѣла, вслѣдствіе этого паденіе флота, вредную систему финансовъ, неправильность постановки военнаго дѣла, худой выборъ военныхъ начальниковъ, неудовлетворительность медицинской части и т. д. Считая необходимымъ устранить эти промахи правительства, онъ обращалъ его вниманіе на недостатки лицъ служащихъ—таковы развращеніе и отсутствіе образованности у духовенства, злоупотребленія чиновниковъ, расхищеніе казны и т. д. Подавая эту записку, Каразинъ сознавалъ, что писалъ больше, чѣмъ можно, такъ какъ «говорить истину опаснѣе, нежели сражаться на полѣ битвы», ибо льстецы, обыкновенно окружающіе государей, сочтутъ его рѣчи «оскорбленіемъ величества». Такъ и случилось. Когда Каразинъ писалъ пятую тетрадь своей записки (по поводу Семеновской исторіи), надъ нимъ уже собиралась гроза: черезъ мѣсяцъ послѣ возмущенія полка императоръ Александръ въ письмѣ къ князю Васильчикову высказалъ предположеніе, что настоящіе виновники подобныхъ исторій,— суть люди въ родѣ Греча и Каразина; далѣе Императоръ предлагалъ Васильчикову не терять изъ виду «Karasin et ses menées» (10-го ноября 1820 года). Результатомъ письма было приказаніе полиціи слѣдить за Каразинымъ. Наконецъ, его заподозрили даже въ составленіи «грубаго пасквиля», подброшеннаго въ казармы Преображенскаго полка въ день Семеновской исторіи; въ концѣ ноября Каразинъ былъ задержанъ и скоро затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; черезъ 6 мѣсяцевъ освобожденный изъ заключенія онъ былъ сосланъ на житье въ деревню съ запрещеніемъ выѣзжать оттуда и съ дозволеніемъ переписываться не иначе, какъ черезъ посредство губернатора. Только въ царствованіе Николая I выѣздъ изъ деревни былъ разрѣшенъ Каразину, впрочемъ безъ дозволенія въѣзда въ Петербургъ. Это измѣненіе участи Каразина послѣдовало благодаря его запискѣ къ императору Николаю (18 сентября 1826 г.), посланной съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ, касающихся его заключенія въ Шлиссельбургъ и затѣмъ высылки въ Украйну.

Жизнь его въ его имѣньи Кручикѣ и до Шлиссельбургской ссылки и послѣ нея вся была посвящена дѣлу улучшенія быта и образованія крестьянъ, упорядоченія положенія сельскаго духовенства и, въ особенности, заботамъ о правильной постановкѣ земледѣлія въ южной Россіи и о раціональномъ, научномъ веденіи сельскаго хозяйства.

Неудовлетворительное положеніе помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ обратило вниманіе Каразина еще до его сближенія съ Императоромъ Александромъ I, когда только онъ вступилъ въ управленіе своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ въ 1792 г. Отвлеченный другими заботами, онъ послѣ своей отставки вновь отдался крестьянскому вопросу и свои взгляды на желаемое его разрѣшеніе изложилъ въ составленныхъ имъ уставахъ двухъ его селъ—Анашкина, московской губерніи, и Кручика, харьковской губерніи. Мысли свои по этому поводу, придавъ имъ видъ разъяснительной записки къ уставу Кручика, Каразинъ изложилъ въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину. Главное положеніе, высказанное Каразинымъ въ этомъ письмѣ, заключается въ необходимости ограничить крѣпостное право, не уничтожая его совершенно. Признавая монархію лучшею формой правленія въ большихъ обществахъ—государствахъ, Каразинъ считалъ возможнымъ продолжить монархическое начало и въ общества меньшія. «Въ государствѣ монархическомъ, говоритъ онъ, всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія, одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и слѣдовательно помѣщики для благосостоянія селеній земледѣльческихъ столько же нужны, сколько монархи для подданныхъ вообще». Но, признавая

монархію немыслимой безъ твердыхъ законовъ, и считая необходимымъ для пользы государства свободное выраженіе общественнаго мнѣнія, онъ требовалъ ограниченія произвола помѣщиковъ «законами, начертанными для нихъ властію верховною». По мысли Каразина помѣщикъ долженъ былъ быть какъ бы наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому правительство, «давъ землю для населенія, ввѣрило чрезъ то попеченіе о людяхъ (поселянахъ), на оной жить имѣющихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами: однимъ словомъ, онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ». Каразинъ признавалъ нужнымъ отнять у помѣщика право собственности надъ крестьянами и дать ему лишь «власть начальника».

По уставу селу Кручику каждому крестьянину, достигшему совершеннолѣтія, если онъ не имѣлъ земли прежде, дается въ надѣлъ семь съ половиной десятинъ пахатной земли, полдесятины подъ усадьбу и одна десятина сѣнокосу. Если онъ не получилъ двора по наслѣдству, ему дается весь нужный для постройки лѣсъ и деньги въ заемъ изъ сельской общественной суммы. Кромѣ того каждому крестьянину отпускается нужное для отопленія избы количество дровъ и дерева на необходимый ремонтъ земледѣльческихъ орудій и проч. Для опредѣленія платы, причитающейся помѣщику, какъ хозяину земли съ крестьянъ за право владѣнія его собственностью, Каразинъ принялъ за единицу рабочій день «земледѣльческой работы», оцѣнивающейся на основаніи данныхъ за пять лѣтъ. Принимая, что капиталъ долженъ приносить около 6% дохода, Каразинъ опредѣляетъ повинности крестьянъ въ пользу помѣщина за владѣніе 9 десятинами (цѣною въ 400 рублей — 8 по 45 р. и 1 — по 40 рублей) въ 24 рубля или по средней оцѣнкѣ рабочаго дня въ 80 дней работы, остальныя же повинности (за постройку двора, за дрова, ремонтъ земледѣльческихъ орудій) въ 21 рубль или въ 70 рабочихъ дней. Плата могла быть или внесена деньгами или заработана. По величинѣ повинностей земледѣльческихъ опредѣлялись повинности другихъ рабочихъ — мастеровыхъ, ремесленниковъ — также или 150-ю днями земледѣльческой работы или 45 рублями. Такъ предполагалъ Каразинъ регламентировать отношенія крестьянъ къ помѣщику. Внутреннее устройство крестьянской общины и взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщика Каразинъ предполагалъ устроить такъ: въ главѣ сельскаго общества онъ ставилъ сельскую думу, состоявшую изъ 5 членовъ: помѣщика, какъ предсѣдателя, двухъ выборныхъ, священника и надзирателя должностей; всѣ члены кромѣ помѣщика получали жалованье изъ общественной суммы села. Всѣ рѣшенія и приговоры думы постановлялись на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, за исключеніемъ случаевъ, непредусмотрѣнныхъ законами. Полиція должна быть ввѣрена младшему изъ двухъ выборныхъ сельской думы; за порядкомъ въ каждомъ десяткѣ домовъ (село дѣлилось на десятки) должны слѣдить домохозяева по очереди; они должны ежедневно являться съ докладомъ и за распоряженіями въ сельскую думу къ выборному. Тому же выборному было поручено попеченіе о рекрутскомъ наборѣ. Нельзя не упомянуть также предположенныхъ Каразинымъ постановленій объ опекѣ надъ малолѣтними крестьянскими сиротами; малолѣтніе сыновья и дочери должны были получать участки безъ взноса повинностей; о землѣ ихъ долженъ заботиться назначенный думою домохозяинъ за 10% изъ дохода; остальная сумма доходовъ должна быть представляема въ сельскую думу и выдаваться сиротѣ по достиженіи совершеннолѣтія. Повинности, платимыя крестьянами, распадались на два вида по тому, куда онѣ направлялись; часть ихъ платилась правительству, «пекущемуся о цѣлости и благоустройствѣ общества» и «охраненіи сей цѣлости извнѣ»; часть вносилась въ общественную сумму и употреблялась на «охраненіе въ самомъ обществѣ личной безопасности» и на «охраненіе и обезпеченіе права собственности»: повинности, платимыя правительству, имѣли видъ личныхъ податей; повинности, вносимыя въ пользу общества, были пріурочены Каразинымъ къ имуществу и представляли собою такимъ образомъ косвенные налоги; эти налоги, пополнявшіеся чрезвычайными доходами, каковы пени, добровольныя приношенія и прочее, составляли общественную сельскую сумму,

Къ этой суммѣ Каразинъ присоединилъ свою долю, равную половинѣ суммы, собранной съ крестьянъ. Общая сложность всего ежегоднаго взноса (кромѣ чрезвычайныхъ доходовъ) составляла цѣну 2,250 рабочихъ дней или по тогдашней оцѣнкѣ 675 рублей. Изъ этой суммы покрывались всѣ общественные расходы. Выходъ изъ крѣпостнаго состоянія Каразинъ допускалъ лишь въ томъ случаѣ, «когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни» и можетъ внести за себя въ общественную сумму цѣну рекрута, т. е. 600 рублей. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сельскій уставъ былъ изданъ Каразинымъ для села Анашкина; онъ вышелъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнья, состоящаго на оброкѣ» (С.-Петербургъ, 1818).

Въ близкой связи съ заботами объ улучшеніи быта крестьянъ находились заботы Каразина объ упорядоченіи положенія сельскаго духовенства. Высоко ставя миссію священника вообще и особенно миссію сельскаго священника, онъ считалъ необходимымъ сдѣлать званіе это почетнымъ и совершенно независимымъ отъ мелкихъ денежныхъ счетовъ съ прихожанами, иначе сказать, видѣлъ необходимость обезпечить безбѣдное существованіе священника опредѣленнымъ содержаніемъ со стороны помѣщика и крестьянъ. Приведеніе въ исполненіе этой реформы въ селѣ Кручикѣ произошло въ 1805 — 1806 годахъ. Для опредѣленія своихъ отношеній къ священнику Каразинъ составилъ запись со священникомъ А. Ивановымъ и представилъ ее для приданія ей формальной силы у крѣпостныхъ дѣлъ слободско-украинской палаты гражданскаго суда, а затѣмъ переслалъ для утвержденія на вѣчныя времена епископу Христофору (Сулимѣ). По этой записи обязанности помѣщика и крестьянъ по отношенію къ священнику и церковникамъ сводились къ платѣ жалованья (250 р. съ помѣщика и 150 руб. «неотяготительною раскладкою» съ крестьянъ), къ обезпеченію ему отопленія и ремонта (матеріалъ помѣщика, трудъ крестьянъ) и дома (домъ предоставлялся священнику въ неотъемлемую собственность отъ помѣщика); священникъ и церковники обязывались исполнять всѣ церковныя требы безъ взысканія особой платы съ прихожанъ; священникъ, кромѣ того, долженъ былъ безвозмездно обучать дѣтей чтенію, письму и нотному пѣнію. Всѣ церковныя земли, находившіяся въ пользованіи священника, по записи Каразина переходили безповоротно въ собственность помѣщика, за исключеніемъ сада, дворовой и огородной земли, такъ какъ съ саномъ священника по мысли Каразина было несовмѣстимо занятіе хлѣбопашествомъ; впрочемъ церковнослужителямъ предоставлялось въ случаѣ ихъ желанія невозбранно пользоваться участками поля и сѣнокоса наравнѣ съ поселянами. Содержаніе сельской церкви предполагалось обезпечивать добровольными дареніями и завѣщаніями, остатками отъ сборовъ казенныхъ податей, пенными деньгами, взимаемыми съ крестьянъ по приговору выборныхъ, выморочными имуществами, продажею двадцатаго улья пчелъ, процентными деньгами отъ церковной казны, если представится случай выдавать послѣднюю въ долгъ надежнымъ Кручанскимъ жителямъ.—Таковы были главныя положенія замѣчательной Каразинской записи. Эти положенія были вполнѣ оцѣнены высшимъ духовнымъ начальствомъ того времени. Не смотря на то, что статья записи о церковной землѣ явно противорѣчила не задолго передъ тѣмъ вышедшему указу Св. Синода о неотъемлемости церковной земли, епископъ Христофоръ въ формальномъ представленіи Синоду прямо высказалъ, что въ положеніяхъ записи Каразина видитъ «примѣрную пользу и выгоду священно-и-церковнослужителей преимущественнѣйшую нежели паханье подцерковной земли, тѣмъ наипаче, что и самое время, употребляемое обыкновенно на земледѣліе, остается имъ... на упражненія для нихъ приличнѣйшія и свойственнѣйшія». Но не смотря на сочувствіе Каразину и епископа Христофора и митрополита Амвросія (Подобѣдова), которому епископъ Христофоръ переслалъ запись Каразина, Синодъ утвердилъ запись не вполнѣ: церковная земля была передана Каразину въ собственность не навсегда, а лишь съ правомъ распоряжаться ею временно; съ такимъ ограниченіемъ запись Каразина была утверждена Синодомъ и она дѣйствовала около 20 лѣтъ, пока Каразинъ, лишенный средствъ, не оказался не въ состояніи платить содержаніе духовенству; новый же владѣлецъ большей части кручанскаго помѣстья, графъ Подгоричани-Петровичъ, объявилъ, что съ прежними установленіями Каразина сообразоваться

не намѣренъ. Причту Кручика съ большимъ сожалѣніемъ пришлось разстаться съ «Каразинскимъ содержаніемъ» и вернуться къ прежнему положенію.

Народное образованіе, какъ мы видѣли, постоянно привлекало вниманіе Каразина. Въ 1805 году онъ устроилъ согласно давнимъ своимъ предположеніямъ въ Кручикѣ приходское училище; это было первое приходское училище во всей тогдашней слободско-украинской губерніи. Въ пособіе учителю онъ составилъ два катехизиса, гражданскій и религіозный. Примѣняя училище къ сельскимъ нуждамъ, онъ старался не отрывать учениковъ отъ земледѣлія, но поддерживать въ нихъ уваженіе къ дѣлу ихъ отцовъ, онъ хотѣлъ изъ учениковъ сдѣлать людей, которые были бы «благороднѣе и прилежнѣе къ своему долгу, чрезъ ученіе книгамъ дать имъ способы и праздное время проводить съ пріятностью вмѣсто безчувственнаго пьянства». Кромѣ устройства приходскаго училища Каразину было поручено комитетомъ харьковскаго университета устройство уѣзднаго училища въ Богодуховѣ.

Какъ уже сказано, В. Н. Каразинъ интересовался съ молодыхъ лѣтъ естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ. Проживая теперь въ деревнѣ постоянно, онъ старался поднять сельское хозяйство, вводилъ новыя растенія, овощи, выписывалъ изъ-за границы сѣмена, заботился о развитіи лѣсоводства и садоводства, изыскивалъ средства борьбы съ вредными для посѣвовъ насѣкомыми. Понимая громадное значеніе для Россіи ея земледѣльческаго хозяйства и лѣсовъ, и видя начавшееся въ то время ихъ истребленіе, онъ горячо ратовалъ за ихъ охраненіе, доказывалъ необходимость лѣсоразведенія и вообще древесныхъ насажденій, писалъ противъ лѣсоистребленія, у себя въ имѣньи сажалъ деревья по межамъ и т. п. Изъ статей его по этому вопросу отмѣтимъ слѣдующія: «Письмо объ обсадкѣ дорогъ деревьями»; «О лѣсоводствѣ и лѣсоразведеніи»; «О важности лѣсоводства наипаче для Россіи» — очень интересная рѣчь, назначенная для торжественнаго собранія филотехническаго общества, которое предполагалось въ высочайшемъ присутствіи Государя 18 сентября 1817 года въ Харьковѣ (рѣчь эта была перепечатана во многихъ журналахъ). Крайне дорожа лѣсомъ, Каразинъ пытался найдти наиболѣе экономичный способъ отопленія и пришелъ къ мысли о водяномъ отопленіи, которую и развивалъ въ статьѣ «Нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубки»; въ 1838 году онъ предлагалъ устроить подобное отопленіе въ Зимнемъ дворцѣ, но мысль его была отвергнута. Впослѣдствіи, когда въ Берлинѣ Кипферлингъ примѣнилъ этотъ способъ отопленія, Каразинъ написалъ рядъ статей, въ которыхъ доказывалъ, что ему первому принадлежитъ честь этого изобрѣтенія; «Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій», «О новомъ открытіи въ Англіи, которое однако есть повтореніе россійскаго изобрѣтенія 1809 г.», «Нѣсколько предложеній добраго гражданина». Помимо сельскаго хозяйства и лѣсоводства, Каразинъ интересовался улучшеніемъ селитроваренія и хлопоталъ передъ Сперанскимъ объ устройствѣ селитроваренаго завода, но безуспѣшно, интересовался винокуреніемъ и придумалъ новый винокуренный снарядъ, кожевеннымъ производствомъ и т. д.; во всѣхъ этихъ работахъ у Каразина была всегда на первомъ планѣ мысль о сбереженіи лѣсовъ. Въ 1813 году, когда возникъ вопросъ о продовольствіи русскихъ войскъ, возвращавшихся изъ Франціи, Каразинъ представилъ записку въ военное вѣдомство объ «сгущенныхъ произведеніяхъ для продовольствія арміи», т. е. о консервахъ; сухой бульонъ, консервы изъ овощей, концентрированный спиртъ, сдѣланные по предложенному имъ способу, оказались при опытахъ въ военномъ министерствѣ прекраснаго качества; за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, Каразинъ получилъ благодарность отъ министра военныхъ силъ.

Желая распространить свои идеи, возбудить къ нимъ участіе, Каразинъ въ 1811 году создалъ въ Харьковѣ ученое сельскохозяйственное общество для поднятія южно-русскаго хозяйства, какъ говорится въ первомъ параграфѣ его устава, для того, чтобы «распространять и усовершать всѣ вѣтви художества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской имперіи» («Предначертанія правилъ филотехническаго общества»).

Въ тѣсной связи съ работами по сельскому хозяйству и заботами объ улучшеніи его состоянія въ Россіи стоялъ у Каразина интересъ къ наукамъ. Стремясь поставить на научномъ основаніи сельское

хозяйство, онъ считалъ необходимымъ изучить тѣ естественныя науки, которыя могли быть полезны для такихъ занятій. Кромѣ ботаники, изученіе которой у Каразина шло нераздѣльно съ занятіями сельскимъ хозяйствомъ, особенно важною для сельскаго хозяйства онъ считалъ метеорологію; онъ видѣлъ въ ней науку, которая «руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала бы неурожаи», которая «содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искусства», которая «могла бы указывать правительству время, когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, если не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода». Чтобы метеорологію можно было примѣнить къ дѣлу, Каразинъ считалъ необходимымъ устройство метеорологической сѣти по всему пространству Россіи; для этой цѣли онъ думалъ воспользоваться учителями уѣздныхъ училищъ, которымъ хотѣлъ поручить дѣлать наблюденія, подчинивъ ихъ особому центральному учрежденію «метеорологическому комитету». Путемъ такихъ наблюденій онъ предполагалъ достигнуть относительной правильности въ предсказаніи погоды. Изъ этихъ выписокъ видно, что Каразинъ довольно ясно представлялъ себѣ тѣ практическія примѣненія метеорологіи, которыхъ она достигла только теперь; но въ то время подобныя надежды и ожиданія казались безсмысленными утопіями; не смотря на всѣ хлопоты объ устройствѣ метеорологическихъ станцій, Каразинъ не добился въ этомъ отношеніи никакого результата, увѣренность же его въ возможности предсказывать погоду возбуждала лишь глумленіе. Изъ статей Каразина по метеорологіи слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія: Mémoire lu à la société impériale des naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 Mars 1810 (М. 1812. Переводъ напечатанъ П. Гвоздевымъ въ «Сынѣ Отечества», 1817 г., ч. 52, стр. 265—274), «О предвѣстіяхъ погоды», «Нѣчто относительное къ метеорологіи», «Выписка изъ письма Каразина къ губернатору В. Г. Муратову отъ 3 ноября 1817 г. съ письмомъ къ издателю «Сына Отечества», «О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры». Въ газетѣ «Харьковскія Извѣстія» Каразинъ печаталъ «Метеорологическія свѣдѣнія изъ села Кручикъ».—Въ связи съ занятіями метеорологіей стояли работы Каразина по изслѣдованію воздушнаго электричества. Въ 1817 г. Каразинъ во время проѣзда императора Александра черезъ Харьковъ поднесъ ему экземпляръ записки объ учрежденіи и успѣхахъ филотехническаго общества, въ которой были упомянуты занятія Каразина электричествомъ. «Но сіе важное изобрѣтеніе», прибавлено къ сообщенію, «не могло иначе произведено быть въ дѣйствіе какъ только въ маломъ видѣ за недостаткомъ способовъ. Оно достойно нашего вѣка и нынѣшней славы Россіи. Жалѣть буду, какъ патріотъ, если кто въ чужихъ краяхъ впадетъ на сію самую идею». Эта замѣтка заинтересовала Государя и Каразину было поручено составить объясненіе къ ней. Объясненіе подъ названіемъ «О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка», въ которомъ авторъ между прочимъ предлагаетъ собрать электричество, находящееся въ верхнихъ слояхъ атмосферы посредствомъ особаго устройства аэростатовъ, по Высочайшему приказанію было передано въ Императорскую Академію наукъ; здѣсь академикомъ Фусомъ планъ Каразина былъ отвергнутъ.

Научныя занятія Каразина не ограничивались изученіемъ метеорологіи и агрономіи; въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ его сочиненій можно найдти трактаты по химіи (въ Кручикѣ была небольшая химическая лабораторія), минералогіи, медицинѣ, технологіи, статистикѣ, торговому дѣлу, исторіи, педагогикѣ. Изъ статей Каразина по перечисленнымъ наукамъ отмѣтимъ слѣдующія: «Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи Московскаго общества испытателей природы 18 сентября 1807 года по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ въ окрестностяхъ Москвы»; «О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью»; «О древностяхъ слободско-украинской губерніи»; «О харьковскихъ древностяхъ»; «Взглядъ на украинскую старину»; «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» (въ этой статьѣ Каразинъ проектировалъ устройство женскаго ремесленнаго училища въ Харьковѣ); «О химическихъ превращеніяхъ»; записка объ изданіи «Отечественнаго архива»; «Каталогъ славяно-россійскихъ рукописей профессора Баузе»; «Подробная таблица обстоятельствъ на-

родонаселенія въ слободско-украинской губерніи на основаніи 10-ти лѣтней сложности (съ 1808 — 1817) съ означеніемъ уѣздовъ, селъ, числа рожденій, смертностей и браковъ» (VII таблицъ съ «объясненіемъ»); «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами»; «О значеніи Харькова для полуденной Россіи», въ которой проводится мысль, что при возобновленіи филотехническаго общества югъ Россіи можетъ увеличить свою заграничную отпускную торговлю.

Научныя занятія въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ были, можно сказать, сильнѣйшею страстью Каразина, длившеюся всю его жизнь; они и свели его въ могилу. Осенью 1842 г. В. Н. Каразинъ путешествовалъ по Крыму, обдумывая свой планъ улучшить винодѣліе; онъ предъ тѣмъ выработалъ новый способъ приготовленія вина, при которомъ должна была сохраняться ароматичность винограда. Во время обозрѣнія крымскихъ винодѣлень онъ сильно простудился и едва добравшись до Николаева, гдѣ служилъ его сынъ Ф. В. Каразинъ, умеръ отъ горячки 4 ноября 1842 г. Послѣднимъ его трудомъ, оконченнымъ за нѣсколько дней до смерти (28 октября), была статья «Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на ея произведенія».—Кипучая дѣятельность Каразина, отдавшаго всего себя благосостоянію Россіи, прекратилась почти незамѣтно для современниковъ. «Москвитянинъ», «Московскія Вѣдомости» и «Одесскія Вѣдомости» напечатали краткіе некрологи; этимъ и закончились поминки Каразина.

Современники въ сужденіяхъ о жизни и дѣятельности Каразина и о немъ, какъ о человѣкѣ, раздѣлялись на два противоположныхъ лагеря. Одни завидовали ему какъ человѣку, быстро возвысившемуся до близости къ Государю, и какъ человѣку, замѣчательно одаренному. Его не понимали, какъ человѣка, во многомъ стоявшаго впереди вѣка; какъ идеалистъ онъ былъ однимъ смѣшенъ, другимъ казался притворщикомъ; многіе его ненавидѣли даже, потому, что онъ, сознавая свое превосходство, не всегда умѣлъ держаться въ обычномъ почтительномъ тонѣ съ другими, былъ рѣзокъ на словахъ, казался гордецомъ; у большинства сложилось о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ непріятномъ и даже опасномъ; мы видѣли, какъ произошла его отставка; а затѣмъ большинство его плановъ тогда не вызвали сочувствія или вниманія и осуществились лишь черезъ 50 — 60 и болѣе лѣтъ. Изъ современниковъ Каразина самое рѣзкое осужденіе его дѣятельности и нравственнаго образа произнесъ Воейковъ; въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ» Воейковъ называетъ Каразина «хамелеономъ», расточающимъ «брань и лесть властямъ земнымъ», сочиняющимъ пѣсни свободѣ и деспотизму, поющимъ хвалебные гимны атеизму и въ тоже время акаѳисты святымъ. Неблагопріятныя сужденія о Каразинѣ высказываютъ В. И. Ярославскій въ своихъ воспоминаніяхъ, В. Г. Анастасевичъ въ запискѣ о Каразинѣ, Державинъ, гр. Растопчинъ въ письмахъ къ императору Александру, Н. И. Тургеневъ, не сходившійся съ Каразинымъ во взглядахъ на крѣпостное право (онъ называлъ Каразина «homme d'un esprit inquiet, veritable brouillon»). Литературныя распри испортили отношенія Каразина къ Карамзину (вслѣдствіе напечатанія Каразинымъ безъ согласія Карамзина его «Записки о достопамятностяхъ Москвы»). Рѣчь Каразина, прочитанная имъ въ обществѣ соревнователей русскаго просвѣщенія, въ которой онъ жалуется на пустоту русскихъ журналовъ и между прочимъ трудовъ общества, оттолкнула отъ него многихъ членовъ общества; митрополитъ Евгеній, если не относился къ Каразину вполнѣ отрицательно, то во всякомъ случаѣ не видѣлъ въ немъ много прока. Благопріятныя сужденія о Каразинѣ даютъ К. Ѳ. Калайдовичъ въ «Запискахъ важныхъ и мелочныхъ», профессоръ Роммель въ воспоминаніяхъ о своей службѣ въ Харьковѣ, С. Т. Аксаковъ, П. И. Кеппенъ, М. П. Погодинъ и нѣкоторые другіе; въ печальные для Каразина дни, когда имѣніе его должно было перейдти въ собственность его кредитора, харьковское городское общество и кружокъ профессоровъ университета вспомнили Каразина и при письмѣ къ предсѣдателю гражданской палаты представили значительную сумму, чѣмъ и выкупили половину Каразинскаго Кручика. Что заслуги Каразина по учрежденію университета были оцѣнены въ свое время университетскою корпораціей, свидѣтельствуетъ избраніе его въ почетные члены университета (1811), въ благодарность за то, что «единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе уни-

верситета въ Харьковѣ» (quia eius singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta). Одинъ современникъ характеризуетъ его такими словами: «Это былъ умъ жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности»... «Ни одна отрасль наукъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни—онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ теоретически». Но «страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному настойчивому исполненію предначертаннаго»... «Нетерпѣливый и отвлеченно практическій» онъ «оставался теоретикомъ и въ практикѣ». «Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ явленіямъ нашего современнаго общества и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности».

Списокъ сочиненій В. Н. Каразина помѣщенъ при біографическомъ очеркѣ Каразина, написанномъ Г. П. Данилевскимъ (Украинская Старина, 1866, 152—166). Къ списку Даниловскаго слѣдуетъ прибавить сочиненія, напечатанныя въ «Благонамѣренномъ» 1818, III, 309—337, 1819, IV, 324—329, 1819, V, 337, въ «Украинскомъ Вѣстникѣ», 1818 (май), 121—143, въ «Соревнователѣ Просвѣщенія», 1820, IX, 198—213 и 129—141, въ «Сынѣ Отечества», 1820, 59, 93—96, въ «Актахъ Харьковскаго филотехническаго общества» (Москва, 1829), т. VI, въ «Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ», 1829, ч. 2, № 6, 256—260, въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1830, 368—371, въ «Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», 1839, № 19, 20, въ «Полярной Звѣздѣ» 1862 г., т. VII, вып. 2, 57—72; въ «Чтеніяхъ моск. общ. исторіи и древностей», 1863, № 3, 115—130, 1866, № 3, 31—36; въ «Русской Старинѣ» 1870, т. II, 307—313, 532—565, 1871, т. III, 16—38, 330—366, 700—722, т. IV, 68—80; въ «Евгеніевскомъ сборникѣ», XV—XVI; въ «Русской Старинѣ», 1872, т. V, 82—83, 661—669, 1873, VII, 228—235, 566—568, т. XII, 750—758; въ сочиненіи Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. II, 204, 318, 325, III, 216—217, VI, 67, 313, VII, 136; въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи», т. I, 410—466, т. II, 445—514, т. V, 308; въ «Русскомъ Архивѣ», 1893, I, 97—98. Изъ отдѣльныхъ изданій Каразина Даниловскимъ не указаны: «О самоудобнѣйшемъ способѣ сохранять и на большія разстоянія перевозить питательныя, цѣлебныя и въ рукодѣльяхъ употребляемыя вещества изъ царствъ животныхъ и растеній» (1829) и «Статистика Харьковской губерніи» (Москва, 1819). Въ настоящій списокъ не вошли сочиненія Каразина, помѣщенныя въ перечисленныхъ ниже статьяхъ, касающихся его дѣятельности.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности В. Н. Каразина находятся въ слѣдующихъ изданіяхъ и статьяхъ: Данилевскій, Г. П., «В. Н. Каразинъ—матеріалы для біографіи»,—и его же, «Дополнит. замѣтка»—въ «Сѣвер. Пчелѣ», 1860, №№ 24—31, то же въ «Харьк. губ. вѣдом.», 1860, № 67—78; его же—«В. Н. Каразинъ»—въ сборникѣ «Украинская Старина», 99—169; Лавровскій, Н. А., «В. Н. Каразинъ и открытіе Харьков. универ.»—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1872, № 1 и 2; его же, «Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ»—тамъ же, 1873, № 2, Каразинъ, Ф. В., «В. Н. Каразинъ, основатель Харьков. универ.», — «Русская Старина», 1875, тт. XII и XIV; Лащенковъ, Н. А., «В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика»—«Харьков. сборникъ», 1887, I, 53—64; Багалѣй, Д. И., «Просвѣтит. дѣятельность В. Н. Каразина», въ «Запискахъ Харьков. универ.», кн. I, 5—35; его же, «Опытъ исторіи Харьков университета», его-же, «Къ біографіи В. Н. Каразина»,—«Сборникъ Харьков. филол. общества», III, 307; Фойгтъ, К., «Историко-статист. замѣтка о Харьков. универ.»; «Матеріалы для исторіи основ. Харьков. универ.», въ «Харьков. губерн. вѣдом.», 1878, №№ 19—47; Роммель, «Пять лѣтъ изъ истор. Харьк. универ.»; Абрамовъ, Я. В., «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность»; «Труды общества любит. росс. словесности», 1819, т. VIII и т. IX; «Сборникъ постановл. по министерству народнаго просвѣщенія», т. I, «Циркуляры по Харьковскому учебному округу», 1875, № 7—разрѣшеніе открыть подписку на сооруженіе памятника В. Н. Каразину; Погодинъ, «Н. М. Карамзинъ», II, 409—410; Шмидтъ, Е., «Исторія сред. учебн. заведеній въ Россіи», 24; Иконниковъ, «Гр. Мордвиновъ и его время», 218, 555; Пыпинъ, «Обществ. движеніе при Александрѣ I,» 115; его же, «Исторія русск. этнографіи», III, 89; Петровъ, Н. И., «Очерки исторіи украинской литературы XIX в.», 65; Барсуковъ, Н. П., «Жизнь и труды Погодина», тт. II, III, VII; Гротъ, Я. К., «Сочиненія Державина», тт. VI, VIII; Тургеневъ, Н., «La Russie et les Russes», 463; Жихаревъ, «Записки», 444; Л. (Лесли?), «И. Ф. Вернегъ»,—въ «Современникѣ», 1847, I; Калайдовичъ, К. Ѳ. «Записки важныя и мелочныя»—въ «Лѣтописяхъ рус. литер. и древностей, И. Тихонравова», 1861, III, 81; «Письма Карамзина къ Дмитріеву»; «Перепис. митр. Евгенія съ гр. Д. И. Хвостовымъ»; Семевскій, В. И., «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX в.», I; Сушковъ, И., «Изъ записокъ о времени Александра I» — въ «Вѣстникѣ Европы», 1867, т. II, 175.—Рукописные матеріалы для біографіи Каразина, находящіеся въ Императ. Публ. Библіотекѣ.—Матеріалы и небольшія записки о В. Н. Каразинѣ напечатаны—въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. ист. и древн.», 1861, № 3; 1862, № 2; 1863, № 3; 1865, № 2; 1866, № 3; въ «Русской Старинѣ», тт. II, 228, 234, 312, 532; III, 326, 722; IV, 567; V, 149; VI, 294; VII, 418; IX, 594; XVII, 465; XXXIX, 115; LXI, 207; въ «Русскомъ Архивѣ», 1863, 461, 464; 1867, стр. 1678; 1871, I, 136; 1873, I, 962; 1875, I, 352; II, 326; III, 417; 1876, I, 59; 1882, III, 98; 1892, II, 75;

1894, I, 561; въ «Кіевской Старинѣ», 1891, т. 34, 212, 375; 1892, т. 38, 180; т. 39, 163, 438; въ «Харьков. губерн. вѣдом.», 1873, №№ 26, 27, 140; 1874, № 241; 1875, № 241; 1880, № 155; 1892, №№ 283, 287, 288, 290, 291; въ «Харьковскомъ Сборникѣ», 1887, I, 53—71; въ «Сборникѣ Харьков. истор.—филол. общ.», Ш, 338; въ «Южномъ Краѣ», 1889, №№ 2766, 3108, 3793; 1890, №№ 4066, 4070, 4071 и др.— Множество статей явилось въ 1892 г. по поводу пятидесятилѣтія смерти В. Н. Каразина; краткіе некрологи были помѣщены въ «Одесск. Вѣстникѣ», 1842, № 98, «Москвитянинѣ», 1843, № 2. *В. Срезневскій.*

Каразинъ, *Филадельфъ Васильевичъ*, род. въ 1810 г., ум. въ концѣ 1870-хъ годовъ. Сынъ В. Н. Каразина отъ его втораго брака съ Александрой Васильевной Мухиной. Въ 1829 г. окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ по словесному отдѣленію философскаго факультета; съ 1837 по 1853 годъ служилъ въ канцеляріи главнаго командира Черноморскаго флота въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при командирѣ, съ 1854 по 1862 г. состоялъ при Министерствѣ государственныхъ имуществъ, затѣмъ въ 1862 году перешелъ на службу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ (въ департаментъ общихъ дѣлъ) и вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Ф. В. Каразинъ получилъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ благодаря изданію трудовъ своего отца и матеріаловъ для его біографіи. Первая статья Каразина подъ заглавіемъ «В. Н. Каразинъ» была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860 года въ видѣ отвѣта на статью Г. П. Данилевскаго, появившуюся въ томъ же журналѣ. Вслѣдъ за этой статьей было напечатано въ «Современной лѣтописи», а послѣ и въ «Украинской Старинѣ» Г. П. Данилевскимъ, но безъ подписи, письмо Ф. В. Каразина о сношеніяхъ его отца съ В. Г. Анастасевичемъ, какъ опроверженіе записки Анастасевича, изданной О. М. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи древностей». Въ началѣ 1870-хъ годовъ Ф. В. Каразинъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» цѣлый рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ матеріаловъ для біографіи своего отца; въ томъ же изданіи онъ помѣстилъ цѣнное изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Василій Назарьевичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета» (съ подписью «воспитанникъ Харьковскаго университета 1820-хъ годовъ»). Въ 1894 году въ статьѣ «Изъ бумагъ А. Г. Троицкаго» издано письмо Ф. В. Каразина къ Тройницкому отъ 17 ноября 1842 года, содержащее біографическія данныя о В. Н. Каразинѣ, только что передъ тѣмъ умершемъ (4 ноября 1842 года).

«Адресъ-календари» 1830, 1840, 1850, 1860 годовъ; «Современная лѣтопись», 1865, № 16, 13—15; «Украинская Старина», Г. П. Данилевскаго 99—109, 166—168; «Русская Старина», т. II, 307—312, 532—566, т. Ш, 326—366, 700—722, т. IV, 68—80, т. V, 82—83, 661—669, т. VII, 228—235, 567—568; т. XII, 329—338, т. XIII, 61—80, т. XIV, 185—200, 268—279, 470—477; «Голосъ», 1871, № 38 (статья Ф. Каразина «Отвѣтъ Оресту Миллеру»); «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1872, № 2, 302; «Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго 41, 112; «Русскій Архивъ», 1894, т. I, 564—572. Рукописные матеріалы. *В. С—ій.*

Карамзинъ, *Владиміръ Николаевичъ*, сенаторъ, сынъ исторіографа Н. М. Карамзина, род. 5 іюня 1819 г., ум. 7 августа 1869 г. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата, онъ въ 1839 г. поступилъ на службу во второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, а затѣмъ перешелъ въ Министерство юстиціи, и въ 1853 г. состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Во время войны 1854 г. по собственному желанію отправился въ Крымъ съ запасомъ лѣкарствъ для оказанія помощи раненымъ и больнымъ. Когда созвано было ополченіе, онъ вернулся изъ Крыма и поступилъ въ ополченіе ротнымъ командиромъ. По окончаніи войны, онъ вновь поступилъ на службу въ Сенатъ и въ 1858 г. принялъ участіе въ крестьянской реформѣ, въ качествѣ члена курскаго губернскаго комитета. По окончаніи занятій въ комитетѣ, онъ былъ назначенъ членомъ консультаціи при Министерствѣ юстиціи. Въ 1861 году, когда было обнародовано положеніе 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, онъ занялъ должность мироваго посредника города Петербурга. По введеніи судебной реформы, онъ занялъ мѣсто члена Петербургской судебной палаты, а въ 1868 г. былъ назначенъ сенаторомъ, сначала въ уголовный кассаціонный департаментъ, затѣмъ въ 1871 г. перешелъ во 2-е отдѣленіе 5-го департамента и въ 1872 г.— въ 1-й департаментъ.

Отличаясь нѣкоторою непривѣтливостью и неподатливостью въ обращеніи, Карам-

зинъ не пользовался особымъ сочувствіемъ общества, среди котораго жилъ, но за этимъ недостаткомъ внѣшней гибкости въ немъ скрывалась неизмѣнная твердость въ исполненіи того, что онъ считалъ нравственнымъ своимъ долгомъ.

«Голосъ». 1879 г., № 249; «Русскій Календарь» А. С. Суворина, на 1880 г.

Карамзинъ, *Николай Михайловичъ*, исторіографъ, род. 1 декабря 1766 г., ум. 22 мая 1826 г. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, ведущему свое происхожденіе отъ татарскаго мурзы, по имени Кара-Мурза. Отецъ его симбирскій помѣщикъ, Михаилъ Егоровичъ, служилъ въ Оренбургѣ при И. И. Неплюевѣ и вышелъ въ отставку капитаномъ; женатъ онъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Пазухиной; вторымъ сыномъ, рожденнымъ отъ этого брака, былъ Николай Михайловичъ. Родился онъ въ селѣ Михайловкѣ, нынѣ самарской губерніи бузулукскаго уѣзда, и младенцемъ увезенъ былъ въ село Знаменское, симбирской губерніи и симбирскаго уѣзда. Матери онъ лишился очень рано и едва ее помнилъ, хотя и сохранилъ особое благоговѣніе къ ея памяти. Въ 1770 г. отецъ его женился во второй разъ на теткѣ И. И. Дмитріева, о которой не сохранилось никакихъ свѣдѣній; мы знаемъ, что отъ нея у Михаила Егоровича было нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ съ сестрою Маріею былъ друженъ Николай Михайловичъ; но долго ли жила вторая жена М. Е. Карамзина, имѣла ли какое либо вліяніе на пасынка, мы не знаемъ. Свѣдѣнія о дѣтствѣ Карамзина сохранились отчасти въ запискахъ И. И. Дмитріева, а частію (хотя и въ романической формѣ, но съ справедливою основою, что подтверждается собственными разсказами Карамзина близкимъ людямъ) въ повѣсти: «Рыцарь нашего времени». Въ этой повѣсти встрѣчаемъ кругъ простодушныхъ друзей и сосѣдей Михаила Егоровича, отставныхъ военныхъ, образованныхъ мало, но исполненныхъ понятій чести, которыя такимъ образомъ перешли къ сыну отъ отца. Библіотека романовъ, оставшихся послѣ матери, была первымъ чтеніемъ героя повѣсти Леона, лишь только онъ выучился грамотѣ у дьячка. Погодинъ вѣрно замѣчаетъ, что если бы Карамзинъ не прочелъ этихъ романовъ въ дѣтствѣ, онъ не зналъ бы ихъ даже по названію. Такое чтеніе развивало въ мальчикѣ мечтательность, за то романы эти своимъ хотя сентиментальнымъ, но нравоучительнымъ направленіемъ укрѣпили въ немъ вѣру въ непремѣнное торжество добра. Впрочемъ онъ читалъ и не одни романы: по собственному его показанію, тогда же прочелъ онъ и Римскую исторію (должно быть Ролленя). Религіозное чувство укрѣпилось въ Карамзинѣ страннымъ случаемъ: разъ во время прогулки съ дядькою онъ встрѣтилъ медвѣдя; вдругъ ударилъ громъ и убилъ медвѣдя. Припоминая этотъ случай, Карамзинъ говорилъ (1792 г.): «сей ударъ былъ основаніемъ моей религіи». Въ 1773 г., узнавъ о нападеніи на ихъ деревню пугачевцевъ, Михаилъ Егоровичъ уѣхалъ и тѣмъ спасся отъ погибели. На одинадцатомъ году жизни Карамзина на него, какъ на хорошенькаго мальчика, обратила вниманіе сосѣдка ихъ, Пушкина (имя сообщаетъ Сербиновичъ на основаніи словъ исторіографа) и начала воспитывать его по свѣтски: учить по французски, баловать, пріучать къ свѣтскимъ пріемамъ, ласкать. (Оба эти обстоятельства: и ударъ грома и сосѣдка, вошли въ повѣсть «Рыцарь нашего времени»). Вліяніе это продолжалось, кажется, не болѣе года: отецъ, по вѣроятному соображенію Л. И. Поливанова, испугался такого направленія и, по совѣту своего сосѣда Теряева, отдалъ сына въ Симбирскъ въ пансіонъ Фовеля, гдѣ онъ учился по-французски; не къ тому-ли времени относится показаніе Дмитріева, что по-нѣмецки Карамзинъ учился въ Симбирскѣ у доктора, фамиліи котораго Дмитріевъ не сообщаетъ, а хвалитъ кроткій и чистый его характеръ. Въ Симбирскѣ Карамзинъ пробылъ недолго и былъ, по совѣту того же Теряева, отвезенъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ профессора Шадена. Это случилось послѣ 1776 года, какъ можно догадаться по словамъ самого Карамзина, что въ пансіонѣ онъ слѣдилъ за освободительною Американскою войною. Шаденъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ хорошій, нравственный, образованный человѣкъ и умный преподаватель. Въ своихъ академическихъ рѣчахъ Шаденъ развивалъ многія изъ тѣхъ мыслей, которыя впослѣдствіи встрѣчаемъ у Карамзина. Онъ является защитникомъ семьи, требуетъ отъ нея нравственности и образованія, въ которомъ религія должна занимать первое мѣсто. Религія, по его мнѣнію, начало мудрости, безъ нея нѣтъ счастія. Изъ формъ государственнаго устройства онъ предпочиталъ монархію, въ которой давалъ

видное мѣсто дворянству. Благородный, по его мнѣнію, долженъ быть мужемъ добродѣтельнымъ и мудрымъ, жертвовать всѣмъ общей пользѣ, поставлять величайшую награду въ самой добродѣтели. Само собой разумѣется, что онъ долженъ быть образованъ, чтобы съ пользою служить отечеству. Подробностей о преподаваніи въ пансіонѣ мы къ сожалѣнію не имѣемъ: знаемъ только, что здѣсь Карамзинъ основательно познакомился съ нѣмецкимъ и французскимъ языками, учился по-англійски, кажется по-латыни, по-итальянски и по-гречески: самъ Карамзинъ говорилъ въ «Письмахъ путешественника», что онъ начиналъ учиться по-гречески; касательно латинскаго языка кажется достовѣрно свидѣтельство Тургенева, что онъ учился этому языку, не смотря на слова Петрова въ письмѣ къ Карамзину: «хоть ты по-латыни и не учился»; изъ примѣчаній къ «Исторіи Государства Россійскаго» можно заключить, что онъ зналъ по-латыни. Изъ пансіона Карамзинъ вынесъ уваженіе къ славному тогда нѣмецкому моралисту Геллерту: по лекціямъ Геллерта Шаденъ преподавалъ правоученіе (этику) своимъ воспитанникамъ. Въ автобіографической запискѣ Карамзина для митр. Евгенія говорится, что онъ посѣщалъ въ это время университетскія лекціи, но къ сожалѣнію неизвѣстно какія; впрочемъ Дмитріевъ свидѣтельствуетъ, что они съ Петровымъ слушали Шварца. По обычаю того времени Карамзинъ съ колыбели былъ записанъ въ военную службу, и потомъ по окончаніи курса въ пансіонѣ въ 1781 г. явился въ Преображенскій полкъ и получилъ годовой отпускъ; тогда, быть можетъ, онъ и слушалъ лекціи Шварца въ Москвѣ. Въ 1782 г. онъ поступилъ на дѣйствительную службу. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ И. И. Дмитріевымъ Съ этихъ поръ началась ихъ дружба, продолжавшаяся безъ всякихъ недоразумѣній до смерти Карамзина. Дмитріевъ не былъ такъ богато одаренъ, какъ Карамзинъ, не былъ такъ широко образованъ, но онъ былъ человѣкъ умный, сдержанный, съ большимъ тактомъ, пріятный собесѣдникъ. Письма Карамзина къ Дмитріеву, съ которымъ онъ почти такъ же откровененъ, какъ съ женою, — драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи; жаль, что не сохранилось писемъ Дмитріева. Записки Дмитріева даютъ хотя любопытныя, но слишкомъ краткія свѣдѣнія о Карамзинѣ. Въ эту пору молодые друзья постоянно видались и сообщали другъ другу свои литературные опыты. Карамзинъ, по свидѣтельству Дмитріева, началъ свою дѣятельность переводомъ «Разговора въ царствѣ мертвыхъ Маріи Терезіи съ императрицей Елизаветой Петровной». За этотъ переводъ получилъ онъ отъ книгопродавца Миллера экземпляръ «Тома Джонса» въ русскомъ переводѣ («Томасъ Іонесъ»). Переводъ этотъ не отысканъ. Первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ идиллій Геснера: «Деревянная нога» (1783 г.). По смерти отца Карамзинъ вышелъ въ отставку (уволенъ 1 января 1784 г.) и уѣхалъ на родину. Въ Симбирскѣ онъ велъ разсѣянную свѣтскую жизнь, какъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ; но не одни развлеченія занимали его здѣсь: изъ писемъ къ нему Петрова видно, что онъ тамъ много читалъ, перевелъ статью для «Дѣтскаго чтенія», издававшагося Новиковымъ («Разговоръ между отцомъ и дѣтьми о кофе»), готовилъ возраженія на мнѣніе Вольтера о Шекспирѣ, собирался переводить Шекспира. Петровъ, съ которымъ Карамзинъ познакомился, вѣроятно, еще во время пребыванія въ пансіонѣ Шадена, имѣлъ большое вліяніе на развитіе его вкуса, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень начитанный. Карамзинъ очень любилъ его и въ статьѣ «Чувствительный и хладнокровный», писанной уже по смерти Петрова, представилъ подъ именемъ хладнокровнаго его характеристику. Дмитріевъ пишетъ: «Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подчасъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ». Изъ Симбирска уѣхалъ Карамзинъ лѣтомъ 1785 г.: его уговорилъ возвратиться въ Москву Н. П. Тургеневъ, тоже симбирскій уроженецъ. Тургеневъ былъ масонъ и въ Москвѣ онъ сблизилъ Карамзина съ кругомъ Новикова, въ которому принадлежалъ Петровъ и въ которомъ Карамзинъ уже былъ извѣстенъ участіемъ въ «Дѣтскомъ чтеніи». Въ Москвѣ Карамзинъ поселился вмѣстѣ съ Петровымъ у Меншиковой башни въ домѣ, принадлежавшемъ «Дружескому Обществу». «Я какъ теперь вижу,— говоритъ Дмитріевъ — скромное жилище молодыхъ словесниковъ:

оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву; а другая освящена была Іисусомъ на Крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа». Масонство могло съ одной стороны привлекать къ себѣ Карамзина: въ Москвѣ въ то время оно проявляло себя благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью. Этими сторонами масонство, въ лицѣ Новикова, осталось навсегда памятнымъ въ русской исторіи; но и въ самыхъ воззрѣніяхъ масоновъ было нѣчто сочувственное Карамзину: масонство являлось противодѣйствіемъ возрастающему въ просвѣщенныхъ классахъ Европы невѣрію, которое должно было отвращать отъ себя Карамзина по характеру его и по его воспитанію; но мистическая сторона масонства и таинственность масонскихъ обрядовъ не могли нравиться Карамзину, какъ онъ самъ разсказывалъ Гречу, и потому передъ отъѣздомъ своимъ за границу онъ заявилъ, что перестанетъ ходить въ собранія масоновъ; разстались они друзьями, и послѣ Карамзинъ является защитникомъ Новикова. Вотъ почему, преслѣдованіе, начавшееся позднѣе противъ масоновъ, его не коснулось: масоны сами заявили, что Карамзинъ не находится съ ними въ связи; но въ матеріальномъ отношеніи онъ понесъ ущербъ, ибо ручался по векселямъ Новикова, и къ нему обратились по случаю ликвидаціи дѣлъ общества. Въ эти годы Карамзинъ очень много работалъ: участвовалъ въ переводѣ Штурмовыхъ «Размышленій о дѣлахъ Божіихъ» (1786 г. —изданы позднѣе), участвовалъ въ «Дѣтскомъ чтеніи» (1787—1789 гг.), гдѣ кромѣ переводовъ принадлежитъ ему, по основательной догадкѣ А. Д. Галахова, повѣсть «Евгеній и Юлія», напечатанная безъимянно,—съ этой повѣсти слѣдуетъ вести начало чувствительныхъ повѣстей; переводилъ въ прозѣ Галлерову поэму: «О происхожденіи зла» (1786 г.), отличающуюся оптимизмомъ, къ которому такъ склоненъ былъ Карамзинъ, и который былъ его постояннымъ воззрѣніемъ (идиллическій и сентиментальный характеръ этого произведенія остановилъ на немъ выборъ Карамзина); переводилъ Шекспирова «Юлія Цезаря» (1787 г.), полагая такимъ образомъ основаніе знакомству русской публики и съ этимъ великимъ поэтомъ. Уже и тогда Карамзинъ понималъ неудовлетворительность французскаго классицизма. Потомъ онъ перевелъ Лессингову «Эмилію Галотти» (1788 г.), наконецъ писалъ стихотворенія между ними особенно замѣчательно одно: «Поэзія» (1787 г.), въ которомъ Карамзинъ исчисляетъ своихъ любимыхъ поэтовъ и тѣмъ показываетъ, какъ широкъ былъ уже и тогда объемъ его чтеній. Замѣчательно, что въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву (2 іюля 1788 г.) онъ указываетъ на гекзаметръ, какъ на размѣръ, наиболѣе годный для эпической поэзіи: его стало быть не перепугалъ примѣръ «Телемахиды». Въ этихъ упражненіяхъ развивались языкъ и слогъ Карамзина, которые скоро въ «Письмахъ русскаго путешественника» такъ поразили всѣхъ. «Откуда взяли вы такой чудесный слогъ?»—спрашивалъ разъ Ѳ. Н. Глинка Карамзина.—«Изъ камина», отвѣчалъ онъ. —«Какъ изъ камина?»—«Вотъ какъ: я переводилъ одно и то же раза по три и по прочтеніи бросалъ въ каминъ, пока наконецъ доходилъ до того, что оставался довольнымъ и пускалъ въ свѣтъ». Въ эту пору жизни Карамзинъ, кромѣ Дмитріева и Петрова, былъ еще близокъ съ А. М. Кутузовымъ, переводчикомъ «Мессіады» и Юнговыхъ «Ночей», человѣкомъ умнымъ, склоннымъ къ меланхоліи, въ чемъ онъ сходился съ Карамзинымъ; тогда онъ былъ уполномоченнымъ отъ московскихъ масоновъ заграницей, гдѣ и умеръ. Близокъ онъ былъ съ Ленцемъ, нѣмецкимъ поэтомъ бурнаго періода, благодаря которому онъ болѣе познакомился съ англійскою поэзіей. Ленцъ умеръ въ Москвѣ, потерявъ предварительно разсудокъ. Въ эту пору Карамзинъ вошелъ въ переписку съ знаменитымъ тогда Лафатеромъ; письма его къ швейцарскому мудрецу недавно отысканы и изданы въ «Запискахъ» Академіи Наукъ (т. LXXIII). Всего же ближе былъ Карамзинъ съ семействомъ Плещеевыхъ: мужъ былъ предсѣдателемъ одной изъ палатъ въ Москвѣ, жена славилась своимъ умомъ и любезностью. Къ нимъ писалъ Карамзинъ изъ-заграницы свои знаменитыя письма; Плещеевой была посвящена впослѣдствіи его «Аглая». Когда состояніе Плещеевыхъ пошатнулось, Карамзинъ не разъ выручалъ ихъ изъ затрудненій. Для этого онъ въ 1795 г. продалъ остальное имѣніе братьямъ, торопилъ ихъ высылкою денегъ, ѣздилъ по этому поводу въ Симбирскъ; но никогда не напоминалъ Плещеевымъ объ этомъ долгѣ.

Весною 1789 г. Карамзину удалось исполнить свое сильное желаніе увидѣть Европу. Онъ продалъ имѣніе братьямъ и на эти деньги совершилъ поѣздку. За границей пробылъ онъ 18 мѣсяцевъ (съ 18 мая 1789 г. по сентябрь 1790 г.). Ѣхалъ онъ черезъ Курляндію въ Германію, гдѣ останавливался въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Веймарѣ и потомъ черезъ Франкфуртъ и Страсбургъ пріѣхалъ въ Швейцарію. Здѣсь останавливался въ Бернѣ, Цюрихѣ, Женевѣ; ходилъ по горамъ. Оттуда отправился во Францію, посѣтилъЛіонъ, останавливался въ Парижѣ. Путешествіе закончилось Лондономъ. Изъ Англіи онъ вернулся на родину моремъ.— Путешествіе Карамзина было явленіемъ необыкновеннымъ. Ѣздили—какъ справедливо замѣчаетъ Д. Н. Анучинъ—люди состоятельные болѣе для прогулки и увеселенія себя; ѣздили люди, готовящіеся къ ученому званію, но тѣ заняты были своею цѣлью и не имѣли ни времени, ни средствъ знакомиться съ окружающимъ обществомъ. Болѣе могъ видѣть Фонвизинъ, но въ своихъ письмахъ, часто остроумныхъ, онъ останавливается (по замѣчанію того-же автора) только на мрачныхъ сторонахъ; къ тому же они не были предназначены къ печати. Карамзинъ рисуетъ въ своихъ письмахъ красоты природы, которыя онъ научился цѣнить во время своего путешествія; прежде онъ любилъ только описанія ихъ у поэтовъ; разсказываетъ дорожныя встрѣчи и знакомства, описываетъ достопримѣчательности городовъ, а главное передаетъ свои разговоры съ замѣчательными людьми. Цѣлью его путешествія было не изученіе какой либо науки, а наблюденіе надъ чуждою для Россіи жизнью: его широкое литературное образованіе дало ему средства и разговаривать съ европейскими поэтами и учеными, и передать русской публикѣ очерки ихъ личностей. Современникамъ его изящное изложеніе давало возможность многое узнать и расширить свой умственный горизонтъ. Потомство въ письмахъ его находитъ драгоцѣнный матеріалъ для выясненія взглядовъ людей того времени. Еще недавно появился французскій переводъ этого произведенія и вызвалъ статьи, указывающія его значеніе, какъ историческаго матеріала. Карамзинъ интересуется болѣе всего природой и умственнымъ движеніемъ, политики касается мало; но видно, что онъ не одобряетъ французской революціи. По своимъ взглядамъ онъ и не могъ одобрять ее: онъ стоялъ за мирный прогрессъ; событія его времени еще болѣе укрѣпили его въ этихъ воззрѣніяхъ. Можетъ быть и самое настроеніе правительства внушало Карамзину осторожность: извѣстно, что и въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, послѣднія части «Писемъ» появились только въ 1804 г.; Карамзинъ мало слѣдилъ за жизнью массъ, — но она тогда еще не внушала такого интереса, какъ впослѣдствіи; впрочемъ онъ не оставилъ безъ замѣчанія и ея тяжелаго положенія. «Письма» не только познакомили русскую публику съ мало еще извѣстнымъ ей міромъ европейской жизни, но и дали небывалый дотолѣ образецъ вполнѣ изящнаго изложенія. Я. К. Гротъ основательно доказалъ, что если Карамзинъ и имѣлъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи, то ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ этого тона постоянно: рядомъ съ изящною фразою встрѣчается совершенно нескладная. Оттого Карамзинъ вызвалъ много подражателей и вопросъ о «старомъ и новомъ слогѣ» возникъ по поводу его сочиненій.—Чѣмъ же является Карамзинъ въ своихъ письмахъ? Хотя онъ и въ то время былъ пламеннымъ патріотомъ, но твердо стоялъ за общечеловѣческое просвѣщеніе: «все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами», говоритъ онъ. Глубоко уважая европейскую цивилизацію, Карамзинъ относился къ ней критически: онъ высоко ставилъ Руссо, съ которымъ сближали его и его чувствительность и любовь къ природѣ; но онъ находилъ парадоксальнымъ его разсужденіе о вредѣ наукъ, указалъ недостатки въ «Новой Элоизѣ» и конечно не могъ сочувствовать его «Общественному договору». Въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ онъ стоялъ ближе къ Вольтеру, желавшему реформъ черезъ посредство просвѣщеннаго правительства; въ Вольтерѣ онъ цѣнилъ также проповѣдника религіозной терпимости; но цинизмъ Вольтера и въ особенности его грубыя насмѣшки надъ религіей не могли ему нравиться. Знакомство съ нѣмецкою и англійскою литературами спасло Карамзина отъ односторонняго увлеченія французскою. Отдавая должное представителямъ французскаго классицизма, онъ ставилъ однако выше

нхъ Шекспира и нѣмецкихъ драматурговъ; но подъ вліяніемъ французовъ, особенно Вольтера, онъ не понималъ среднихъ вѣковъ и слово «готическое» (даже въ архитектурѣ) у него означало варварское; отсюда и къ Раблэ онъ относился недовѣрчиво. Любопытно, что въ то время, когда большинство горячо вѣрило въ возможность пересоздать общество учрежденіями, Карамзинъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе: «не конституція, — говоритъ онъ въ «Письмахъ», — а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть сообразены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: «мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ». Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно». Въ этихъ словахъ слышится будущій авторъ «Записки о древней и новой Россіи» и «Исторіи Государства Россійскаго».

Въ Петербургѣ Карамзинъ пробылъ не долго. Здѣсь онъ черезъ Дмитріева познакомился съ Державинымъ. Слѣдующій случай, сообщаемый Сербиновичемъ со словъ самого Карамзина, характеризуетъ тогдашнее настроеніе: за столомъ у Державина Карамзинъ въ спорѣ выразилъ мнѣнія, несогласныя съ общепринятыми тогда; жена Державина, толкнувъ его, дала ему понять, чтобы онъ выражался осторожнѣе. Не смотря на то, что подъ вліяніемъ событій во Франціи правительство начало относиться подозрительно къ литературѣ, Карамзинъ рѣшился въ Москвѣ издавать журналъ, и въ ноябрѣ напечаталъ о немъ объявленіе. Журналъ назывался «Московскій Журналъ»; въ объявленіи Карамзинъ обѣщалъ помѣщать «все, что можетъ нравиться людямъ, имѣющимъ вкусъ», но заявлялъ, что въ планъ его «не входятъ только теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія, сухія піесы». И простое заглавіе и скромное объявленіе были новостью посреди тогдашнихъ вычурныхъ названій журналовъ и широковѣщательныхъ объявленій о нихъ, примѣры которыхъ собраны Д. Н. Анучинымъ въ статьѣ «Столѣтіе Писемъ русскаго путешественника», («Русская Мысль», 1891 г., №№ 7 и 8). Въ «Московскомъ Журналѣ» помѣщались стихотворенія Державина, Хераскова, Дмитріева, а главнымъ образомъ сочиненія самого Карамзина. Здѣсь печаталось въ 1791 г. начало «Писемъ русскаго путешественника», «Софія»—любопытная попытка драмы изъ русской жизни во вкусѣ Коцебу: «Фролъ Силинъ», идеализированное изображеніе русскаго крестьянина, основанное на дѣтскихъ воспоминаніяхъ автора; нѣсколько стихотвореній Карамзина, нѣсколько замѣтокъ о новыхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ и статьи о театрѣ, изъ которыхъ особенно замѣчательна статья о представленіи «Эмиліи Галотти» на Московской сценѣ. «Московскій Журналъ» выходилъ и въ 1792 г.; въ этомъ году появилось продолженіе «Писемъ»; напечатана «Бѣдная Лиза», произведшая глубокое впечатлѣніе на современниковъ; понравилась она, по вѣрному заключенію А. Д. Галахова, болѣе своимъ сентиментальнымъ направленіемъ, чѣмъ внѣшнею обстановкою. Въ особенности слабо изображена героиня, въ которой уже никакъ нельзя видѣть крестьянки. Тамъ-же появилась «Наталья, боярская дочь», по мнѣнію Л. И. Поливанова, произведеніе юмористическое и составляющее переходъ отъ «Душеньки» къ «Руслану и Людмилѣ». Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться вполнѣ: если Карамзинъ и не былъ тогда противникомъ реформы Петра, какимъ явился въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» и въ «Исторіи Государства Россійскаго», то все же простота старинной жизни имѣла для него свою прелесть и потому, если и встрѣчаются юмористическія черты въ этой повѣсти, то есть и доля сочувствія. Въ повѣсти «Ліодоръ» находятъ черты автобіографическія. Стихотворенія Карамзина тоже помѣщались въ 1792 г.; изъ нихъ замѣчательно: «Къ Милости» — первый гражданскій подвигъ Карамзина, ибо оно появилось во время преслѣдованій масоновъ. Любопытно, что въ этомъ году напечатаны были «Сцены изъ Саконталы», новое свидѣтельство широкихъ литературныхъ вкусовъ Карамзина. Въ литературѣ Карамзинъ встрѣтилъ противниковъ въ «Зрителѣ» Крылова и Клушина и «Россійскомъ Магазинѣ» Туманскаго. Явились и послѣдователи: такимъ былъ появившійся журналъ Подшивалова «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Въ 1793 г. журналъ не возобновился. Въ послѣсловіи къ «Московскому Журналу» Карамзинъ указываетъ на срочность журнала, которая мѣшала строгому выбору статей, и на свое

желаніе заняться трудомъ болѣе прочнымъ. Вмѣсто журнала онъ принимался за сборникъ «Аглая»; указаніе на большой трудъ—намекъ, что онъ уже мечталъ объ исторіи. Едва ли это впрочемъ единственная причина прекращенія журнала. Жаловаться на неуспѣхъ журнала было нельзя: успѣхъ былъ большой, ибо хотя въ первый годъ было только 256 подписчиковъ, но на второй уже было 294, что тогда казалось большимъ успѣхомъ; о сочувствіи публики свидѣтельствуетъ и то, что въ 1794 г. Карамзинъ собралъ свои статьи изъ «Московскаго Журнала» подъ названіемъ «Мои бездѣлки», которыя были перепечатаны въ 1797 г. и снова въ 1801 г. Наконецъ, въ 1801 г. вышло 2-е изданіе всего журнала. Политическія обстоятельства могли способствовать прекращенію журнала, ибо хотя Карамзинъ и не подвергся опалѣ, но слухи о ней носились въ обществѣ. Погодинъ удивляется тому, что Екатерина не обратила вниманія на Карамзина, но хотя невинность его была ясна, все же въ глазахъ тогдашнихъ правителей связи его съ «Дружескимъ Обществомъ» кидали на него тѣнь. Въ 1793 г. Карамзинъ лишился своего ближайшаго друга: А. А. Петровъ умеръ въ Петербургѣ. Горе свое Карамзинъ выразилъ въ статьѣ: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», такъ называлъ онъ Петрова. Статья эта помѣщена въ первой книжкѣ сборника «Аглая», изданнаго имъ зимою 1793 г. Именемъ Аглаи, одной изъ грацій, Карамзинъ называлъ Плещееву. Вторая книжка «Аглаи», вышедшая въ 1794 г., была ей посвящена. Въ первой книжкѣ помѣщено было: «Что нужно автору», гдѣ выше всего ставится желаніе добра, любовь къ человѣчеству; этими качествами Карамзинъ объясняетъ успѣхъ Руссо, опроверженію мнѣній котораго о вредѣ наукъ посвящена другая статья той же книжки: «Нѣчто о наукахъ». Здѣсь же напечатанъ «Островъ Борнгольмъ», привлекавшій современниковъ таинственностью содержанія и нравившейся знаменитою тогда пѣснею: «Законы осуждаютъ предметъ моей любви»; «Письма русскаго путешественника» продолжаются въ обѣихъ книжкахъ «Аглаи». Были въ этомъ сборникѣ и чужія произведенія. Большую часть 1793 и 1794 гг. Карамзинъ провелъ въ имѣніи друзей своихъ Плещеевыхъ (въ орловской губерніи); осенью 1794 года вышла вторая книжка «Аглаи». Изъ статей Карамзина, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, особенно важна «Переписка Филалета и Мелодора». По остроумному замѣчанію А. Д. Галахова, Мелодоръ и Филалетъ это олицетвореніе Карамзина въ двухъ разныхъ настроеніяхъ: Мелодоръ—Карамзинъ, убоявшійся за успѣхъ просвѣщенія, въ виду прискорбныхъ явленій той эпохи, и усомнившійся въ прогрессѣ; Филалетъ—это Карамзинъ послѣдователь оптимизма, убѣжденный въ томъ, что въ мірѣ Божіемъ существуетъ порядокъ, котораго мы только не понимаемъ по слабости нашего разума. Здѣсь же напечатанъ изящный очеркъ: «Аѳинская жизнь» и начата сказка «Илья Муромецъ». Карамзинъ готовилъ третью книжку «Аглаи», но она не выходила. Въ 1795 г. онъ принялъ участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и помѣщалъ въ нихъ подъ названіемъ «Смѣси» мелкія статьи, большею частію переводныя. Погодинъ справедливо называетъ эти статьи фельетономъ. Вообще эти годы Карамзинъ работалъ довольно мало и предавался свѣтскимъ удовольствіямъ: ухаживалъ за женщинами, даже игралъ въ карты. Погодинъ объясняетъ такой разсѣянный образъ жизни политическими обстоятельствами, подозрѣваетъ даже, не было ли дано ему какого либо предостереженія, тѣмъ болѣе, что ходили слухи объ его ссылкѣ. Можетъ быть это предположеніе довольно основательно, возможно и то, что извѣстная доля этихъ увлеченій должна быть отнесена къ молодости Карамзина: мы знаемъ, что и въ Симбирскѣ онъ увлекался выѣздами въ свѣтъ. Карамзинъ самъ не былъ доволенъ такимъ образомъ жизни: «Правда, бывали минуты, бывали часы,—писалъ онъ Дмитріеву,—въ которые другъ твой смѣшивался съ толпою, но съ моимъ ли сердцемъ можно любить свѣтъ». Полная бездѣятельность однако была для него невозможна и потому въ 1796 г. онъ перевелъ повѣсть Сталь «Мелина», издалъ повѣсть «Юлія» и первую книжку собранія чужихъ и своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Лониды», которая является подражаніемъ извѣстному тогда «Almanach des Muses». Вторая книжка «Лонидъ» вышла въ 1797 г., а третья въ 1799 г.—6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина. Новое царствованіе пробудило въ Карамзинѣ надежды на лучшее время: дѣятели «Дружескаго Общества» были возвращены изъ ссылки. Восшествіе Павла привѣтствовалъ онъ одою, въ которой прославляетъ

въ общихъ выраженіяхъ милость къ Новикову, выражаетъ надежду на то, что «святая искренность» можетъ «къ царю приближаться теперь». Скоро, однако, Карамзинъ убѣдился, что перемѣны къ лучшему не произошло. Принимались мѣры, которыя могли возбудить только недоразумѣнія и неудовольствія. Другъ Карамзина Дмитріевъ подвергся аресту по ложному доносу, и хотя онъ скоро освободился, но можно было видѣть, чего ждать впередъ. Литературой Карамзинъ продолжалъ заниматься, но здѣсь встрѣтился съ цензурою болѣе строгой: такъ при изданіи «Писемъ путешественника» (1797 г.) ему можно было только перепечатать прежде помѣщенныя въ журналахъ, а послѣднія двѣ части остались въ рукописи до 1804 г. По поводу «Писемъ» Карамзину грозила большая опасность: рижскій цензоръ Туманскій, недовольный Карамзинымъ за то, что онъ не помѣщалъ въ «Московскомъ Журналѣ» его стиховъ, получивъ нѣмецкій переводъ «Писемъ», нашелъ въ нихъ вольныя мысли и сдѣлалъ доносъ. Гр. Растопчинъ спасъ на этотъ разъ Карамзина; онъ же спасъ его по случаю другого доноса, поданнаго императору (кажется отъ Кутузова, впослѣдствіи московскаго попечителя). Въ такомъ положеніи Карамзину осталось только печатать «Аониды», издавать старыя свои сочиненія и заниматься переводами: такъ въ 1798 г. издана была 2-я часть Мармонтелевыхъ повѣстей; въ томъ же году Карамзинъ началъ изданіе «Пантеонъ иностранной литературы» (вышло отъ 1798 по 1803 гг. три тома; второе изданіе въ 1818 г., третье въ 1835 г.). Въ этомъ изданіи онъ думалъ помѣщать образцы древнихъ и новыхъ литераторовъ; но встрѣтилъ такія цензурныя затрудненія, что писалъ Дмитріеву: «странное дѣло! у насъ есть Академія, Университетъ, а литература подъ лавкою»; въ другой разъ, тоже по случаю цензурныхъ затрудненій, высказалъ онъ желаніе прекратить занятія литературою и прибавлялъ: «умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература!». «Въ этомъ восклицаніи, — замѣчаетъ Соловьевъ въ своей юбилейной рѣчи,—высказалась глубокая непоколебимая вѣра въ силу и живучесть народа, духу котораго литература служитъ выраженіемъ». Въ гамбургскомъ журналѣ «Spectateur du Nord» Карамзинъ написалъ извѣстіе о русской литературѣ. Къ этой же порѣ относятся и болѣе важныя его занятія: въ записной его книжкѣ встрѣчаются указанія, что онъ намѣренъ читать историковъ древнихъ и новыхъ, очевидно потому, что готовился къ историческому труду, который въ неясной перспективѣ рисовался ему еще въ Парижѣ. Въ 1797 г. написанъ имъ «Разговоръ о счастіи», заключающій въ себѣ систематическое изложеніе оптимизма. Система эта, поддерживаемая европейскими писателями: Лейбницемъ, Шефтсбюри, Попомъ и осмѣянная Вольтеромъ въ «Кандидѣ», весьма подходила къ характеру и воспитанію Карамзина. Она состоитъ въ томъ, что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему, а зло есть нѣчто временное. Очень трудно сдѣлать вѣрное заключеніе о религіозныхъ убѣжденіяхъ Карамзина, но едва ли можно отрицать вѣроятность того, что по крайней мѣрѣ въ первую половину его жизни они заключались въ чистомъ деизмѣ, мирящемся съ оптимистическими воззрѣніями, хотя съ тою разницею отъ деизма Вольтера, что у представителей этого воззрѣнія сильно вѣрованіе въ Промыслъ, котораго у Вольтера нѣтъ; — таково мнѣніе преосвященнаго Иннокентія (Борисова): въ одномъ письмѣ къ Погодину онъ называетъ Карамзина «хорошимъ деистомъ». Разговоръ ведется между двумя лицами: Мелодоромъ, отрицающимъ счастіе на землѣ, и Филалетомъ, его признающимъ. Короткимъ выраженіемъ всего ученія служатъ слова Филалета: «Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу, въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе такъ же невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надо заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть счастливымъ есть.... быть добрымъ*». Въ этихъ словахъ весь Карамзинъ. Въ эти годы задумывалъ онъ писать похвальныя слова Петру и Ломоносову, набросалъ даже нѣсколько мыслей для перваго; но планъ этотъ не былъ исполненъ.—12-го марта 1801 г. скончался императоръ Павелъ, и 26-го марта Карамзинъ поздравлялъ брата съ «новымъ любезнымъ нашимъ императоромъ». Восшествіе на престолъ Александра

Карамзинъ привѣтствовалъ одою, въ которой сравниваетъ его восшествіе съ приходомъ весны, выражаетъ надежду на великія дѣла, но желаетъ мира, правды на судѣ, добрыхъ нравовъ, образецъ которыхъ долженъ представлять дворъ; при этомъ предостерегаетъ отъ льстецовъ и указываетъ на доблести Пожарскаго и правдивость кн. Я. Долгорукова; въ заключеніе изображаетъ, что музы снимаютъ съ себя черный крепъ. Императоръ благосклонно принялъ эту оду. Въ апрѣлѣ 1801 г. Карамзинъ женился на Е. Н. Протасовой, сестрѣ Плещеевой. Онъ прожилъ съ ней только годъ, былъ очень счастливъ, хотя постоянно тревожился ея плохимъ здоровьемъ. Въ мартѣ 1802 г. она родила дочь Софію, а въ апрѣлѣ скончалась. Карамзинъ былъ неутѣшенъ. Все время ея болѣзни онъ однако принужденъ былъ работать (онъ тогда издавалъ «Вѣстникъ Европы») и дѣлилъ время между своимъ кабинетомъ и комнатою больной. Отдыха онъ не имѣлъ. М. А. Дмитріевъ со словъ дяди разсказывалъ, что разъ утомленный онъ заснулъ на диванѣ и видѣлъ странный сонъ: стоитъ онъ у вырытой могилы, а черезъ нее подаетъ ему руку дочь кн. Вяземскаго, Екатерина Андреевна, на которой онъ послѣ женился; о ней онъ совсѣмъ не думалъ. Женился онъ второй разъ въ январѣ 1804 г. Въ 1801 г. Карамзинъ написалъ нѣсколько краткихъ біографій для предпринятаго П. П. Бекетовымъ изданія: «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» и въ томъ же году онъ занятъ былъ составленіемъ «Историческаго похвальнаго слова императрицѣ Екатеринѣ», которое было издано въ 1802 г. Слово это принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій Карамзина. На основаніи только воспоминаній и источниковъ, всѣмъ доступныхъ, онъ съумѣлъ составить полную и въ значительной степени вѣрную картину этой знаменитой эпохи. Онъ разсматриваетъ сначала побѣды Екатерины, потомъ ея законы и наконецъ учрежденія. Мѣстами встрѣчаются блестящія характеристики, мѣстами вѣскія разсужденія. Ясно высказываясь въ пользу самодержавія, Карамзинъ ставитъ въ заслуги Екатеринѣ то, что «она уважала въ подданномъ санъ человѣка», что она провозгласила: «владыки земные должны властвовать для блага народовъ». Темную сторону царствованія Екатерины онъ помянулъ потомъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи». Здѣсь онъ ея не коснулся, вѣроятно, потому, что имѣлъ въ виду показать новому правительству тотъ идеалъ, который носился передъ нимъ самимъ. Державный обѣтъ императора «править народомъ по закону и сердцу бабки своей Екатерины Великой» далъ Карамзину возможность указать, въ чемъ же состояли дѣянія великой бабки. Александръ одобрилъ «Слово». Въ 1802 г. Карамзинъ началъ издавать новый журналъ «Вѣстникъ Европы», который продолжался и въ 1803 г. Цѣль журнала была способствовать нравственному образованію: «развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей». Главное содержаніе «Вѣстника Европы» было общественное: онъ сообщалъ два раза въ мѣсяцъ (журналъ выходилъ въ числѣ 24 номеровъ въ годъ) политическія обозрѣнія, писанныя самимъ издателемъ, въ которыхъ онъ дѣлалъ характеристики и лицъ и событій того времени, останавливаясь въ особенности на дѣлахъ тогдашняго перваго консула (послѣ императора) Бонапарта, но не оставляя безъ вниманія и другія страны. Еще съ большимъ вниманіемъ занимался Карамзинъ вопросами чисто русскими, въ особенности всѣмъ, что касалось просвѣщенія; такъ любопытны его статьи: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи», «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей»; въ «Письмѣ сельскаго жителя» высказалъ Карамзинъ свой взглядъ на крестьянскій вопросъ: онъ желалъ только ограниченія, а не уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что помѣщикъ можетъ быть благодѣтелемъ крестьянъ, и что освобожденные они предадутся лѣни и пьянству. Въ то время немногіе думали иначе, а Карамзинъ, выходящій всегда изъ мысли о постепенномъ усовершенствованіи и бывшій свидѣтелемъ событій конца XVIII вѣка, по самому складу ума своего не могъ быть защитникомъ немедленнаго освобожденія. «Времена — говоритъ онъ въ этой статьѣ—подвигаютъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя». Усилившаяся въ то время подражательность и пристрастіе къ иноземному под-

верглись сильному осужденію отъ Карамзина, особенно въ статьѣ «О любви къ отечеству и народной гордости», гдѣ онъ говоритъ: «мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самъ себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ». Воспитаніе дѣтей за границею вызвало его статью «Странность», поводомъ къ которой было намѣреніе основать близъ Парижа пансіонъ для русскихъ юношей. Небрежность воспитанія изображена въ статьѣ «Исповѣдь», имѣющей форму признанія богатаго барича въ пустотѣ и безполезности свѣтской жизни. Изъ литературныхъ произведеній Карамзина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», вспомнимъ «Марѳу Посадницу», напоминающую формою своею поэмы въ прозѣ, любимыя въ XVIII в., образцомъ которыхъ послужилъ «Телемакъ». Приподнятый слогъ «Марѳы Посадницы» очень нравился тогда и страницы изъ нея заучивались наизустъ (напр. рѣчь Холмскаго). Замѣчательно, что и здѣсь, какъ и въ «Исторіи», Карамзинъ, понимая неизбѣжность паденія Новгорода, оплакивалъ его. Въ «Вѣстникѣ» же была помѣщена автобіографическая повѣсть «Рыцарь нашего времени», о которой уже было говорено выше; было говорено также и о статьѣ «Чувствительный и хладнокровный», характеризующей Карамзина и Петрова. Карамзинъ въ это время уже прилежно занимался исторіей и помѣстилъ въ своемъ журналѣ рядъ историческихъ статей: «Историческія воспоминанія и замѣчанія по пути къ Троицѣ»—особенно любопытно въ этой статьѣ сочувствіе Карамзина къ Годунову и сомнѣніе въ его преступленіи; «О случаяхъ и характерахъ въ Россійской исторіи, которые могутъ служить предметомъ художества»; «О тайной канцеляріи», гдѣ доказывается, что Приказъ тайныхъ дѣлъ ц. Алексѣя Михайловича совсѣмъ не тайная канцелярія XVIII ст.; «Извѣстіе о Марѳѣ Посадницѣ» основано на житіи св. Зосимы и показываетъ, что Карамзинъ и въ это время уже знакомился съ памятниками подобнаго рода; «О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича»—пересказъ извѣстій иностранцевъ,—стало быть и съ ними знакомился уже Карамзинъ и т. д. Кромѣ своихъ сочиненій Карамзинъ помѣщалъ и переводы (изъ Жанлисъ). Въ 1803 г. началось изданіе «Сочиненій Карамзина» (окончено въ 1804 г.; вышло 8 т.) Въ томъ же году появилось сочиненіе А. С. Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», подавшее поводъ къ сильной полемикѣ, въ которой, впрочемъ, Карамзинъ не принялъ никакого участія. Изъ защитниковъ новаго слога замѣчательны Д. В. Дашковъ (впослѣдствіи министръ юстиціи) и П. И. Макаровъ, редакторъ «Московскаго Меркурія», скоро умершій. Преобразованіе Карамзина состояло въ томъ, что онъ ограничивалъ роль славянскаго языка, который, по опредѣленію Ломоносова, служилъ признакомъ высокаго слога; употреблялъ иностранныя слова, хотя и не болѣе своихъ предшественниковъ, и къ тому же скоро сталъ многія изъ нихъ замѣнять русскими, придавалъ словамъ новое значеніе (напр. потребность), ввелъ нѣсколько новыхъ словъ (напр. общественность); вообще онъ сталъ писать языкомъ, близкимъ къ разговорному. По мнѣнію Я. К. Грота реформа Карамзина не есть подражаніе иностраннымъ грамматикамъ, а основана на русскомъ разговорномъ языкѣ, при чемъ этотъ языкъ обогащается въ случаѣ нужды на основаніи своихъ началъ, и къ заимствованіямъ, и то не противнымъ духу языка, слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ. Объ измѣненіяхъ въ слогѣ вѣрно выразился И. И. Дмитріевъ: «Карамзинъ началъ писать языкомъ, подходящимъ къ разговорному языку образованнаго общества 70-хъ годовъ; въ составленіи періода началъ употреблять возможную сжатость, притомъ воздерживается отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій; наконецъ соблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи». Шишковъ защищалъ языкъ Ломоносовскаго періода, считая церковно-славянскія слова только принадлежностью высокаго слога, и для замѣны иностранныхъ словъ прибѣгалъ къ страннымъ нововведеніямъ (напр. мокроступы). Плохіе подражатели Карамзина придавали вѣроятность соображеніямъ Шишкова. Самъ-же Карамзинъ прислушивался и къ Шишкову и значительно измѣнилъ свой слогъ, хотя и остался вѣренъ принятымъ началамъ.—28 сентября 1803 г. обратился онъ къ М. Н. Муравьеву, попечителю Московскаго округа, съ просьбою ходатайствовать о доставленіи ему званія историографа и средствъ для совершенія задуманнаго труда. 31 ноября того же года изданъ указъ, которымъ исполняется это ходатайство. Тогда Карамзинъ,

окончилъ изданіе «Вѣстника», отдался своему труду и, по выраженію кн. Вяземскаго, «постригся въ историки». Работать приходилось много: предшественникомъ Карамзину были Татищевъ, исторія котораго есть только сводъ лѣтописей, и Щербатовъ, у котораго есть умныя замѣчанія, есть стремленіе связать событія, но мало критики и еще менѣе таланта. Изслѣдованій было сдѣлано немного; на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, знаменитый Шлецеръ; его «Несторъ» только еще выходилъ, да и служить пособіемъ могъ только для начала Руси; плеяда изслѣдователей, группировавшаяся около гр. Румянцева, составилась во время работъ Карамзина; памятниковъ было издано мало, да и не всѣ изданы были хорошо. Вотъ почему Карамзину приходилось работать почти цѣлый день и зимой въ Москвѣ и лѣтомъ въ Остафьевѣ, имѣніи кн. Вяземскаго, куда онъ началъ ѣздить лѣтомъ, женясь на Екатеринѣ Андреевнѣ. Большая часть работы съ тѣхъ поръ, какъ онъ приступилъ къ кіевской эпохѣ, велась по рукописямъ: библіотеки и архивы были ему открыты съ самаго начала. Пока живъ былъ Муравьевъ, онъ пользовался его содѣйствіемъ, а когда онъ умеръ (въ 1808 г.). Карамзинъ обращался за содѣйствіемъ къ Н. Н. Новосильцеву, президенту Академіи. Въ Москвѣ ему много помогалъ А. Ѳ. Малиновскій, директоръ архива Министерства иностранныхъ дѣлъ; коммиссіонеромъ по доставленію книгъ и по сношеніямъ съ разными учеными служилъ ему А. И. Тургеневъ, умный, всѣмъ интересующійся, сынъ того Тургенева, который познакомилъ когда то Карамзина съ Новиковымъ; онъ былъ давно знакомъ историографу. Къ Шлецеру историографъ не обратился за совѣтомъ, по вѣроятному предположенію Погодина, потому, что опасался его высокомѣрія и сознавалъ недостатокъ своей ученой подготовки. Дѣйствительно, въ началѣ работы, какъ нѣкогда въ Парижѣ, ему казалось возможнымъ «выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ». Углубившись въ работу, онъ убѣдился, что недовольно раскрашивать то, что есть въ источникахъ, а приходится глубже изучить источники, и вотъ полгода проходитъ на изученіе всего, что написано о племенахъ, жившихъ нѣкогда въ Россіи, что составило содержаніе первой главы. Знатоки дивятся, какъ скоро онъ совладалъ съ обширною литературой и представилъ изящное изложеніе всего существеннаго въ наукѣ его времени. Только проработавъ три года, онъ могъ написать Муравьеву: «не боюсь ферулы Шлецеровой». Еще въ 1806 г., описавъ времена языческія, что по первоначальному замыслу составляло два тома (впослѣдствіи вышелъ одинъ), онъ писалъ Муравьеву: «надѣюсь въ 3-мъ томѣ дойдти до Батыя, а въ 4-мъ до перваго Ивана Васильевича; тамъ останется написать еще тома два до Романовыхъ». Планъ этотъ, какъ извѣстно, расширился. Въ 1808 г. онъ писалъ Новосильцову: «Надѣюсь съ помощью Божіею, года черезъ три или четыре дойдти до времени, когда воцарился у насъ знаменитый домъ Романовыхъ». Послѣ этого онъ проработалъ еще шестнадцать лѣтъ и не дошелъ до Романовыхъ. Во время работъ радовался онъ новыми находками: Новосильцева извѣщалъ онъ въ (1808 г.), что «найдены мною въ Московской патріаршей и въ монастырскихъ библіотекахъ нѣкоторыя важныя историческія рукописи XIII и XIV вѣка, до нынѣ совершенно неизвѣстныя. Смѣю утвердительно сказать, что я могъ объяснить, не прибѣгая къ *догадкамъ* и *вымысламъ*, многое темное и при томъ достойное любопытства въ нашей древней исторіи». Въ 1809 г. нашелъ онъ Волынскую лѣтопись, сначала въ Хлѣбниковскомъ, а потомъ въ Ипатскомъ спискѣ, и на основаніи ея много передѣлалъ въ своемъ изложеніи. Въ концѣ 1809 г. Государь, бывшій въ Москвѣ, сказалъ на балѣ Карамзину нѣсколько привѣтливыхъ словъ: тогда въ первый разъ онъ представился Государю. Тогда же былъ онъ представленъ в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ (кажется Растопчинымъ, родственникомъ Плещеевыхъ), былъ принятъ благосклонно и получилъ приглашеніе пріѣхать въ Тверь, гдѣ супругъ ея, принцъ Ольденбургскій, былъ генералъ-губернаторомъ. Въ Твери Карамзинъ читалъ отрывки изъ Исторіи въ присутствіи в. кн. Константина Павловича; тогда же заочно узнала его вдовствующая Императрица; съ этихъ поръ начинается ея благоволеніе къ нему. Съ этихъ поръ началась его переписка съ Великою Княгинею, теперь уже изданная. Отношенія были съ Ея стороны самыя благосклонныя, а съ его—самыя непринужденныя. Альбомъ выписокъ мыслей разныхъ авто-

ровъ, составленный для Великой Княгини Карамзинымъ, чрезвычайно для него характеристичный, напечатанъ въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы» Н. С. Тихонравова.

Когда Государь въ 1810 г. пожаловалъ Карамзину орденъ Св. Владиміра 3 степени, вѣроятно, исходатайствованный Дмитріевымъ, бывшимъ тогда министромъ юстиціи, Кутузовъ, только что назначенный попечителемъ, послалъ министру гр. Разумовскому доносъ на Карамзина, оставшійся впрочемъ безъ послѣдствій. Любопытно, что въ то время было въ виду назначить Карамзина или министромъ, или попечителемъ. Первому плану воспрепятствовалъ Сперанскій, указавъ на малый чинъ Карамзина; а отъ втораго назначенія отрекся, кажется, самъ историографъ. Около этого времени приглашали его профессоромъ въ Харьковъ, но Карамзинъ также отказался. Въ третье свое посѣщеніе Твери Карамзинъ читалъ отрывки изъ своей Исторіи (о Куликовской битвѣ) въ присутствіи Государя, которому тогда же представилъ «Записку о древней и новой Россіи». Государь былъ къ нему очень милостивъ, но, прочитавъ «Записку», простился съ нимъ холодно; впрочемъ впослѣдствіи милость опять возвратилась. «Записка»— высшій гражданскій подвигъ, на который немногіе бы рѣшились. Очертивъ вкратцѣ древнюю Русь, авторъ обращается къ Петру Великому. Воздавъ должное его генію и его намѣреніямъ, онъ говоритъ, что онъ «могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». Въ «Исторіи» онъ ясно даетъ преимущество великому князю Іоанну Васильевичу передъ Петромъ, какъ государю, неизмѣнявшему обычаевъ. Строго осудивъ XVIII в., онъ указываетъ и на темныя стороны Екатерины II: упадокъ нравовъ, болѣе блеска, чѣмъ основательности въ учрежденіяхъ, воспитаніе на чужеземный ладъ. Царствованіе Павла тоже не оставлено имъ безъ осужденія. Переходя къ своему времени, Карамзинъ осуждаетъ поспѣшность реформъ, заимствованіе законовъ, неудачи во внѣшней политикѣ. Можно не соглашаться съ выводами Карамзина, можно опровергать его мнѣніе о крѣпостномъ правѣ, находить, что министерства лучше коллегій и т. д., но нельзя не признать, что Карамзинъ остался вѣренъ своему эпиграфу: «нѣсть льсти на языцѣ моемъ». Новые критики строго осуждаютъ эту «Записку» и находятъ даже въ ней одну изъ причинъ паденія Сперанскаго, что конечно несправедливо. Если бы даже «Записка» Карамзина и навела Государя на мысли, неблагопріятныя Сперанскому, чего, кажется, не было, то и тогда можно сказать, что Карамзинъ осуждалъ систему, а не человѣка, и стало быть не могъ подать поводъ къ ссылкѣ его. Въ 1812 г. Государь думалъ даже назначить Карамзина государственнымъ секретаремъ, но предпочелъ Шишкова. Карамзинъ оставилъ Москву только наканунѣ вступленія французовъ (1 сентября), поѣхалъ въ Ярославль, а оттуда въ Нижній Новгородъ. Въ Москву онъ возвратился въ іюнѣ 1813 г. Въ Нижнемъ онъ читалъ, проводилъ свободное время въ кругу московскихъ знакомыхъ; въ Нижнемъ жила тогда вдова М. Н. Муравьева, Екатерина Ѳедоровна, которую Карамзинъ очень уважалъ; при ней нѣкоторое время находился родственникъ ея мужа, поэтъ Батюшковъ, тамъ-же жилъ В. Л. Пушкинъ. Въ Нижнемъ Карамзинъ потерялъ сына. Въ Москвѣ между тѣмъ сгорѣла его библіотека, кромѣ тѣхъ книгъ и рукописей, которыя были въ Остафьевѣ. Возвратясь въ Остафьево, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «я плакалъ дорогой, плакалъ и здѣсь; Москвы нѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни домы сгорѣли, самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало». Императрица Марія Ѳеодоровна предлагала Карамзину поселиться въ Павловскѣ. Карамзинъ, получивъ извѣстіе объ этомъ отъ Дмитріева, написалъ благодарственное письмо и получилъ милостивый собственноручный отвѣтъ. Въ Петербургъ, впрочемъ, Карамзинъ рѣшился ѣхать не прежде того времени, когда ему можно будетъ приняться за изданіе «Исторіи». Въ то время онъ писалъ царствованіе Василія Іоанновича. Окончаніе войны въ 1814 г. побудило его написать стихотвореніе: «Освобожденіе Европы и слава Александра». Въ предисловіи къ нему онъ изъявлялъ намѣреніе описать происшествія той эпохи. Мысль эту очень одобряла вдовствующая императрица въ своихъ письмахъ (сохранились наброски мыслей для этого не осуществившагося произведенія). Въ 1814 г.

исторіографъ уже приступаетъ къ Грозному. «Мысленно смотрю на Грознаго: какой славный характеръ дли исторической живописи! —писалъ онъ Тургеневу,—жаль если выдамъ Исторію безъ сего любопытнаго царствованія! тогда она будетъ, какъ павлинъ безъ хвоста». Слова, чрезвычайно важныя для характеристики художественнаго взгляда Карамзина на исторію. Тогдашнія занятія Карамзина хорошо рисуются въ его письмахъ къ Дмитріеву, брату, Тургеневу и въ отрывкахъ изъ записокъ К. Ѳ. Калайдовича, который въ ту пору часто посѣщалъ Карамзина и помогалъ его розысканіямъ. Въ началѣ 1816 г., окончивъ 8-й томъ и написавъ предисловіе и посвященіе, Карамзинъ собрался въ Петербургъ поднести свой трудъ Государю и просить средствъ на изданіе. Императрица Марія Ѳедоровна давно уже звала его въ Петербургъ: «Еще прошло лѣто,—писала она въ сентябрѣ 1815 г.,—и все еще Розовый павильонъ (въ Павловскѣ) извѣстенъ вамъ только по имени и все еще письменно только съ вами бесѣдую». 2 февраля 1816 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ до конца марта (выѣхалъ послѣ 21 числа). Письма его къ женѣ представляютъ подробное и любопытное извѣстіе объ этой поѣздкѣ. Въ Петербургѣ его приняли очень хорошо: изъ литераторовъ онъ особенно дорожилъ «Арзамасцами», членами литературнаго общества, основаннаго для противодѣйствія «Бесѣдѣ любителей Русскаго слова» и «Россійской Академіи», съ предсѣдателемъ которой Шишковымъ тогда онъ познакомился. Арзамасцы, по большей части москвичи, старые знакомые и, какъ Жуковскій, даже друзья Карамзина, встрѣтили его радушно. Всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался, были къ нему привѣтливы; гр. Румянцевъ, видя, что печатаніе на казенный счетъ можетъ не состояться, предлагалъ деньги на изданіе; Карамзинъ отказался, считая помощь частнаго лица не согласною съ званіемъ исторіографа. Обѣ Императрицы и другіе члены Царской фамиліи были чрезвычайно милостивы къ Карамзину; обѣщали, что Государь его скоро приметъ; но пріемъ откладывался все далѣе и далѣе. Долго Карамзинъ не собрался сдѣлать визитъ Аракчееву, не смотря на то, что, какъ ему достовѣрно было извѣстно, тотъ желалъ его визита. Наконецъ собрался и на другой день былъ призванъ къ Государю (16 марта), который обнялъ его, разговаривалъ съ нимъ болѣе часа и назначилъ ему на изданіе «Исторіи» 60,000 руб., съ тѣмъ, чтобы издавалась она въ Петербургѣ; весною и лѣтомъ отводилась ему дача въ Царскомъ Селѣ; но—что всего важнѣе—ему предоставлялось право быть искреннымъ. Въ маѣ Карамзинъ совсѣмъ переселился изъ Москвы и прямо переѣхалъ на дачу въ Царское Село. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ постоянно лѣтомъ въ Китайской деревнѣ Царскаго Села, а зимой въ Петербургѣ. Здѣсь все болѣе и болѣе усиливалась его близость къ Царской фамиліи. Государь часто приглашалъ его къ себѣ; много разговаривалъ съ нимъ при прогулкахъ по парку (аллеи котораго звалъ «зеленымъ кабинетомъ»), принялъ на себя цензуру «Исторіи», постоянно читалъ ее въ рукописи, выслушивалъ и исполнялъ просьбы Карамзина за разныхъ лицъ, сообщалъ ему даже важныя дѣла (Карамзинъ въ числѣ немногихъ зналъ объ отреченіи Цесаревича); Карамзинъ, не обинуясь выражалъ ему свои мнѣнія; такъ въ 1819 г. онъ представилъ ему свою знаменитую записку: «Мнѣнія русскаго гражданина», когда узналъ о намѣреніи присоединить къ Царству Польскому западныя губерніи. Государь, хотя и не совсѣмъ доволенъ былъ этимъ мнѣніемъ, но сохранилъ благосклонность къ автору. Любопытны слова Карамзина въ запискѣ, оставленной для дѣтей: «я всегда былъ чистосердеченъ, Онъ былъ терпѣливъ, притомъ любезенъ неизъяснимо, не требовалъ моихъ совѣтовъ, однако-жъ слушалъ ихъ, хотя имъ большею частью не слѣдовалъ». Мы знаемъ, что Карамзинъ не одобрялъ ни мистицизма кн. Голицына, ни дѣятельности Шишкова, Магницкаго, ни—вѣроятно—военныхъ поселеній,—мы видѣли, что онъ съ трудомъ собрался сдѣлать визитъ Аракчееву. Государь изрѣдка самъ заходилъ на его дачу; сохранились его чрезвычайно милостивыя письма. Сохранились также письма обѣихъ Императрицъ; задушевныя письма императрицы Елизаветы Алексѣевны чрезвычайно хороши; особенно трогательно ея послѣднее письмо, писанное по кончинѣ Императора; о письмахъ в. кн. Екатерины Павловны, впослѣдствіи королевы Виртембергской, кончину которой пришлось оплакивать Карамзину, уже было упомянуто. Письма вдовствующей Императрицы извѣстны до сихъ поръ только въ извлеченіяхъ; для императрицы Елизаветы Алек-

сѣевны Карамзинъ составилъ альбомъ, до сихъ поръ еще не изданный.

Изъ писемъ Карамзина и изъ разсказовъ, собранныхъ въ книгѣ Погодина, видно, какъ онъ проводилъ свое время: утромъ онъ работалъ, ѣздилъ верхомъ; вечера проводилъ въ семействѣ или за чтеніемъ литературныхъ произведеній (онъ особенно любилъ романы Вальтеръ Скотта) или въ бесѣдѣ съ друзьями. Кромѣ арзамасцевъ, гр. Румянцева и Е. Ѳ. Муравьевой, Карамзинъ въ это время особенно сблизился съ гр. Каподистріей. Выѣзжалъ онъ рѣдко и болѣе всего къ особамъ Царской Фамиліи. Кромѣ «Исторіи» въ это время онъ написалъ только (1817 г.) «Записку о Московскихъ достопамятностяхъ» для императрицы Маріи Ѳеодоровны, которую напечатали безъ его вѣдома и которая возбудила ѣдкую, но несправедливую критику Каченовскаго; да еще напечатана была рѣчь, произнесенная имъ въ Россійской Академіи, когда онъ былъ выбранъ ея членомъ (1818 г.). Эта любопытная рѣчь заключаетъ въ себѣ косвенный отвѣтъ на филологическія мнѣнія президента Академіи Шишкова, выразившіяся и въ дѣйствовавшемъ тогда уставѣ Академіи.

28 января 1818 г. Карамзинъ поднесъ Государю 8 томовъ «Исторіи», которые печатались медленно въ двухъ типографіяхъ. Напечатано былъ 3000 экземпляровъ и все изданіе разошлось въ 25 дней. Потребовалось второе, которое принялъ на себя книгопродавецъ Сленинъ (изданіе это заключаетъ въ себѣ одиннадцать томовъ и выходило въ 1819—1824 г.; двѣнадцатый томъ вышелъ уже подъ редакціей Блудова въ 1829 г.). Исторія была переведена еще при жизни Карамзина на французскій, нѣмецкій, польскій и итальянскій языки. Ее встрѣтили сочувственными рецензіями Геренъ, Добровскій, Берне, Дону и нѣкоторые другіе французскіе критики. Въ Россіи М. Ѳ. Орловъ и Каченовскій разобрали предисловіе; Арцыбашевъ, Погодинъ, Полевой, Ходаковскій сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Критика Арцыбашева, весьма придирчивая, на первые томы «Исторіи Государства Россійскаго» появилась въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» 1822 и 1823 гг., но обратила на себя вниманіе послѣ перепечатки въ «Московскомъ Вѣстникѣ»; были его замѣтки и въ «Вѣстникѣ Европы»; Булгаринъ разобралъ томы 10 и 11, и самъ надѣлалъ промаховъ; Н. М. Муравьевъ, декабристъ, написалъ опроверженіе общаго взгляда Карамзина съ либеральной точки зрѣнія; эта рецензія напечатана только Погодинымъ; молодой тогда Пушкинъ встрѣтилъ «Исторію» двумя эпиграммами. Первую серьезную критику помѣстилъ Лелевель въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822, 1823 и 1824 гг. (критика Полеваго появилась въ 1829 г.).—Цѣль своей книги Карамзинъ хорошо охарактеризовалъ въ письмѣ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ: «я писалъ съ любовью къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности». «Исторія Государства Россійскаго» произведеніе необыкновеннаго трудолюбія, пламеннаго патріотизма, высокаго нравственнаго чувства и мощнаго художественнаго таланта. Карамзинъ собралъ сколько могъ источниковъ, между которыми оказывается много до него неизвѣстныхъ, сдѣлалъ изъ нихъ выписки въ примѣчаніяхъ, замѣнявшихъ самые источники пока они не были напечатаны, а нѣкоторые и до сихъ поръ общедоступны только въ примѣчаніяхъ Карамзина. Не оставилъ онъ безъ вниманія ни памятниковъ словесности, ни памятниковъ вещественныхъ. Собранные памятники онъ изучилъ тщательно и сдѣлалъ много вѣрныхъ критическихъ замѣчаній о подложности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Любя хорошее вездѣ, Карамзинъ любилъ его преимущественно въ Россіи: «Чувство: «мы», «наше», говоритъ онъ—оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть». «Если нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, — писалъ онъ къ Тургеневу, — есть только двуножныя животныя съ брюхомъ». Патріотическое настроеніе Карамзина проходитъ черезъ всю исторію. Не менѣе замѣтно и высокое нравственное чувство: онъ строго судитъ то, что считаетъ дурнымъ, восхищается всѣмъ добрымъ и, сознавая необходимость побѣды, не укоряетъ побѣжденныхъ. Онъ ненавидитъ только зло. Если иногда къ людямъ былаго времени онъ примѣняетъ мѣрку своего вѣка, то то-же дѣлали всѣ историки поры его образованія, на которыхъ онъ выросъ; нѣкоторая доля сентиментальности, сказавшаяся въ томъ, что онъ ищетъ чувствительности въ князьяхъ древней Руси—тоже дань времени. Какъ художникъ, Карамзинъ представилъ яркіе очерки характеровъ, умѣлъ такъ располо-

жить матеріалъ, что обозрѣніе его доступно всякому: нигдѣ онъ не сбился и все разставилъ на своемъ мѣстѣ. Слогъ его «Исторіи» можетъ иногда казаться искусственнымъ, но за то какъ мелодично теченіе его рѣчи, какъ кстати онъ пользуется лѣтописными словами. Самая искусственность тогда считалась необходимою: о предметахъ важныхъ слѣдовало говорить иначе, чѣмъ объ обыкновенныхъ. Въ «Исторіи» Карамзина есть еще особенность: въ предисловіи онъ сказалъ: «исторія есть священная книга царей и народовъ»; исходя изъ этой мысли, онъ считалъ необходимымъ выводить изъ прошедшаго поученія для настоящаго: оттого онъ ставитъ в. кн. Іоанна Васильевича выше Петра за то, что онъ не измѣнялъ обычаевъ, — косвенное поученіе для подражательности его времени. Останавливаясь на способѣ составленія Царскаго Судебника, онъ какъ бы осуждаетъ снова работы законодательной коммиссіи Сперанскаго. Можно еще прибавить, что до сихъ поръ книга Карамзина должна была бы служить поучительнымъ чтеніемъ для юношества, и нельзя не пожалѣть о томъ, что ее читаютъ мало и даже въ школахъ изучаютъ недостаточно. На ней выросло не одно поколѣніе, и конечно никто не пожалѣлъ о томъ. Въ 1825 г. Карамзина, занятаго сочиненіемъ 12 тома «Исторіи», постигло большое горе: 19 ноября скончался императоръ Александръ. Карамзинъ написалъ задушевное письмо къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которая прислала ему трогательный отвѣтъ. Ея онъ тоже больше не видалъ. Самъ онъ проводилъ всѣ эти тяжелые дни во дворцѣ, между прочимъ и прискорбный день 14 декабря. Новый Императоръ поручилъ ему вмѣстѣ со Сперанскимъ составить манифестъ. Въ своихъ разговорахъ съ молодымъ Государемъ и его матерью онъ передавалъ свои мысли и между прочимъ разъ произнесъ осужденіе нѣкоторымъ мѣрамъ прошлаго. «Пощадите сердце матери, Николай Михайловичъ!» воскликнула императрица Марія Ѳеодоровна. «Ваше Величество,—отвѣчалъ Карамзинъ,—я говорю не только матери Государя, который скончался, но и матери Государя, который готовится царствовать». Въ январѣ 1826 г. Карамзинъ заболѣлъ: у него началась чахотка. Медики нашли нужнымъ послать его въ Италію, и онъ письменно просилъ Государя назначить его агентомъ во Флоренцію, гдѣ, какъ онъ слышалъ, открывается вакансія. Государь отвѣтилъ, что хотя вакансіи во Флоренціи и нѣтъ, «но Россійскому исторіографу ненужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести, кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особенно флорентійской». Для проѣзда его былъ снаряженъ фрегатъ, Карамзинъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ. Въ маѣ переѣхалъ онъ въ Таврическій дворецъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ до отъѣзда. Здоровье его, однако, все слабѣло, и друзья его, особенно Жуковскій, начали хлопотать объ обезпеченіи его семейства; хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Государь назначилъ ему пенсію по 50000 р. въ годъ, которые послѣ его смерти должны перейдти нераздѣльно къ его семейству. Въ рескриптѣ, сопровождавшемъ эту милость, было написано: «Александръ сказалъ вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа». Императрица Марія Ѳеодоровна лично посѣтила Карамзина. 22 мая онъ скончался.

Карамзинъ былъ не только великій писатель, но и благороднѣйшій человѣкъ. «Жить— писалъ онъ Тургеневу — есть не писать исторію, не писать трагедію, или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ». Однажды онъ писалъ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, что желалъ бы вписать въ ея альбомъ къ числу русскихъ пословицъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись... жить!». «Она всѣмъ извѣстна, — прибавляетъ онъ, — но безъ окончательнаго слова, которое важно и найдено мной недавно въ одной древней рукописи». Самъ онъ умѣлъ себя воспитывать: мы знаемъ, какъ рано онъ отказался отъ увлеченій молодости, которымъ когда-то предавался, хотя, впрочемъ, довольно умѣренно; онъ съумѣлъ изъ свѣтскаго человѣка и литератора сдѣлаться ученымъ и дойдти до того, что «ферулы Шлецера болѣе не боялся». Никогда не отвѣчая на критики, онъ умѣлъ пользоваться вѣрными замѣчаніями: слогъ его много измѣнился подъ вліяніемъ критики Шишкова и здѣсь, какъ и вездѣ, онъ могъ быстро отдѣлить вѣрное отъ невѣрнаго. Не отвѣчая критикамъ, не обращая

вниманія на своихъ враговъ, онъ, однако, никогда не дѣлался ихъ врагомъ: онъ никому не мстилъ. Умѣя повсюду сохранять свою независимость, онъ желалъ, чтобы и другіе знали это. Когда разъ А. С. Пушкинъ сказалъ ему въ спорѣ: «и такъ, вы рабство предпочитаете свободѣ», онъ очень огорчился и замѣтилъ: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ не говорили». Къ друзьямъ своимъ онъ сохранялъ неизмѣнную привязанность,—вспомнимъ Петрова, Дмитріева; къ постороннимъ онъ былъ сострадателенъ, помогалъ бѣднымъ, готовъ былъ ходатайствовать, когда было нужно, передъ Государемъ. Чувствительность Карамзина, которая по странности для нашего времени ея формы, кажется иногда искусственною, была дѣйствительнымъ свойствомъ его характера, не смотря на сдержанность, которую онъ выработалъ въ себѣ въ продолженіи жизни. Въ обществѣ онъ былъ очень пріятенъ: «не было человѣка обходительнѣе и добрѣе Карамзина въ обращеніи»—говоритъ М. А. Дмитріевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти»;—голосъ краснорѣчивѣйшаго нашего писателя былъ громокъ и благозвученъ. Онъ говорилъ съ необыкновенною ясностью; спорилъ горячо, но логически, и никогда не сердился на противорѣчія». Такимъ является Карамзинъ во всѣхъ разсказахъ современниковъ. Словомъ, болѣе изящнаго и болѣе мѣрнаго человѣка трудно сыскать.

Сочиненія Карамзина имѣли 5 изданій (1803—1804; 1814; 1820; 1834—1835 и 1848); всѣ неполны, а послѣднее даже неисправно. Лучше всѣхъ Л. И. Поливанова: «Избр. соч. Карамзина», ч. 1. М. 1884 г., но оно неполно и неокончено. Въ 1862 г. вышла первая часть «Неизд. соч. и перев. Н. М. Карамзина», но вторая не выходила. «Зап. о древн. и нов. Россіи» напечатана въ «Русск. Арх.» 1870 г. «Ист. Гос. Росс.» имѣла 6 изданій (1—1818 г. въ 8 т., 2—1819-1829 г. 12 т.; 3—1830—31; 4—1833—1835; 5—1842—1843, почитаемое лучшимъ; при немъ, какъ и при второмъ, строевскій «Ключъ», 6—1848); въ 1892 г. напечатано 7-е изданіе въ приложеніи къ журналу «Сѣверъ»; изданіе «Дешевой Библіотеки» совсѣмъ безъ примѣчаній. Переводы Карамзина собраны въ одно изданіе разъ и то невполнѣ (1834—1835 г. въ 9 т.). Переписка Карамзина напечатана частью въ отдѣльныхъ сборникахъ: «Письма къ Дмитріеву», СПБ. 1866 г., «Письма къ Малиновскому», М. 1860 г., частью въ журналахъ: «Москвитянинѣ», «Атеней», «Библіогр. Зап.», «Русск. Арх.», «Записки Акад. Наукъ», т. LXXIII, «Сборникъ II отдѣл. Акад. Наукъ» и др., частью въ изданіи «Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина», частью въ трудѣ Погодина; многія еще не изданы. Лучшая біографія Карамзина составлена Погодинымъ: «Н. М. Карамзинъ», М. 1866 г. 2 т. (рецензія на нее А. Д. Галахова въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1867, № 1). Обстоятельной оцѣнки Карамзина со всѣхъ сторонъ пока еще не имѣемъ, только «Исторія» подробно, хотя быть можетъ и черезъ чуръ строго, разобрана Соловьевымъ («Отеч. Зап.» 1853—1856 г.г.); еще строже къ ней П. Н. Милюковъ (въ статьѣ «Главныя теченія въ русской исторіографіи» — «Русская Мысль», 1895 г.) Нѣкоторые эпизоды его жизни и дѣятельности изучены въ статьяхъ А. Д. Галахова (въ «Совр.», «Отеч. Зап.» и «Вѣстн. Евр.»), Н. С. Тихонравова (въ «Русск. Вѣстн.», объ отношеніяхъ его къ масонамъ); о языкѣ Карамзина имѣемъ подробное изслѣдованіе Я. К. Грота въ «Филолог. разыск.» и Ѳ. И. Буслаева—«О преподав. отеч. языка». Общія характеристики, хотя и не подробныя, въ «Ист. русск. слов.» А. Д. Галахова, въ брошюрѣ Н. Л. Лавровскаго, «Карамзинъ и его лит. дѣятельность», въ рѣчи Я. К. Грота на юбилеѣ 1866 г., въ замѣчаніяхъ Бѣлинскаго, разсѣянныхъ по разнымъ статьямъ, въ книгѣ К. Бестужева-Рюмина «Біографіи и характеристики»; въ сочиненіи А. Н. Пыпина «Общ. движ. при Александрѣ I» строгое осужденіе направленія Карамзина. «Письма Русск. путеш.» оцѣнены въ статьяхъ Ѳ. И. Буслаева («Москов. Унив. Изв.», 1867 г.—перепечат. въ изданіи «Писемъ» въ «Дешев. Библіот.) и Д. Н. Анучина («Русск. Мысль», 1891»). С. И. Пономаревъ помѣстилъ въ 36-мъ томѣ «Сборн. Отд. русск. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ» «Матеріалы для библіографіи литер. о Карамзинѣ», заключающіе въ себѣ перечень его сочиненій, переводовъ и писемъ, переводовъ его сочиненій и статей о нихъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Карамышевъ, *Александръ Матвѣевичъ*, коллежскій совѣтникъ, состоявшій при Кабинетѣ Ея Величества. Происходилъ изъ «сибирскихъ дворянъ», ум. 22 ноября 1791 г. Воспитывался въ Екатеринбургскомъ горномъ училищѣ, дальнѣйшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ; послѣ этого онъ изучалъ естественныя науки и химію у Линнея и Валлеріуса въ Упсальскомъ университетѣ и подъ руководствомъ Линнея написалъ диссертацію «Dissertatio academica, demonstrans necessitatem promovendæ historiæ naturalis in Rossia»; въ диссертаціи этой, между прочимъ, собраны всѣ существовавшія до того времени свѣдѣнія о сибирскихъ растеніяхъ. Эта диссертація, которую Карамышевъ защищалъ передъ медицинскимъ факультетомъ Упсальскаго университета 16 мая 1766 г., была, повидимому, задумана самимъ Линнеемъ, который еще въ 1764 г. писалъ къ жившему тогда въ Барнаулѣ шведскому пастору и естествоиспытателю Э. Лаксману, что думаетъ заставить Карамышева защищать диссертацію по какому либо предмету изъ естественной исторіи Сибири; Лаксманъ доставилъ и много матеріаловъ

для диссертаціи Карамышева. Возвратясь въ Россію, Карамышевъ въ 1773 г., по открытіи Горнаго Училища, преподавалъ въ немъ химію и металлургію, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Ученаго собранія при этомъ училищѣ; съ 1773 г. по 1778 г. исправлялъ должность маркшейдера при Бергъ-коллегіи. Въ 1779 г. Карамышевъ занялъ мѣсто директора вновь учрежденной иркутской банковой ассигнаціонной конторы, на которомъ и находился до 1789 г., съ небольшимъ лишь перерывомъ въ теченіе 1780 и 1781 г., когда онъ назначенъ былъ временно на должность начальника Нерчинскихъ горныхъ заводовъ. Въ кратковременное управленіе послѣдними онъ успѣлъ поднять производительность ихъ до 450 пудовъ серебра съ 406, причемъ почти полгода пришлось ему исправлять запущенное состояніе рудниковъ. Кромѣ того имъ было открыто 5 новыхъ рудниковъ. Въ Иркутскѣ около Карамышева группировались мѣстные представители умственныхъ и литературныхъ интересовъ. Въ 1790 г. иркутская ассигнаціонная контора была закрыта и Карамышевъ былъ опредѣленъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ Горную по Колывано-Воскресенскимъ заводамъ экспедицію Кабинета Ея Величества, гдѣ и состоялъ по день смерти. Онъ былъ членомъ Вольнаго экономическаго общества и Берлинскаго общества любителей естествознанія, имѣлъ званіе корреспондента (adscriptus) Стокгольмской академіи наукъ и члена корреспондента Императорской Академіи Наукъ (съ 21 іюня 1779 г.). Кромѣ вышеупомянутой диссертаціи Карамышевъ издалъ заграницею стихотвореніе: In publica solemnia coronationis augustae Catharinae Alexiewnae... Upsalae. 1762. Во время пребыванія въ Россіи онъ написалъ много статей, посвященныхъ естествознанію, сельскому хозяйству и разнымъ предметамъ домашняго обихода, напечатанныхъвъ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» и «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Позамѣткамъ Карамышева была составлена Спасскимъ статья «Забайкальскія геогностическія замѣчанія» («Сибирскій Вѣстн.», 1821 г., 16). Вмѣстѣ съ Хемницеромъ, своимъ сослуживцемъ по Горному училищу, Карамышевъ участвовалъ въ окончательной редакціи книги Брикмана «О драгоцѣнныхъ камняхъ» (1779), переведенной Беспаловымъ. Въ книгѣ этой переводчикъ упоминаетъ, между прочимъ, объ опытахъ, произведенныхъ Карамышевымъ и подтверждавшихъ сгораемость алмазовъ.

Геннади, «Словарь»; В. Лагусъ, «Эрикъ Лаксманъ», Спб. 1890; Спасскій—въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», 1820, ч. 10, примѣч. къ письмамъ Лаксмана; Неустроевъ, «Разысканія о русскихъ поврем. изданіяхъ»; Pallas, «Neue Nord. Beytr.», B. II, 359; Германъ, «Сочиненіе о Сибир. рудн. и завод.», Спб. 1801. Т. III, 243; адресъ-календари за различные годы; «Сочиненія и письма Хемницера», изд. подъ ред. Я. К. Грота. Спб. 1873.

С. Кулибинъ.

Карасевичъ, *Порфирій Леонтьевичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ 1845 г., въ г. Кагулѣ въ небогатой семьѣ, ум. 4 марта 1878 г. Въ 1863 г. онъ окончилъ курсъ въ гимназіи Ришельевскаго лицея съ золотою медалью и поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета; въ 1869 г. по окончаніи курса отправленъ былъ на два года за-границу и въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Вѣнѣ слушалъ наиболѣе выдающихся профессоровъ. Въ 1871 г. защитилъ диссертацію на степень магистра: «Право, мораль и государство по ученію Герберта и его школы» и назначенъ былъ въ Ярославскій Демидовскій юридическій лицей на каѳедру энциклопедіи права; въ 1873 г. защитилъ докторскую диссертацію «Гражданское обычное право во Франціи» и приглашенъ былъ на каѳедру энциклопедіи права въ Московскій университетъ. Онъ былъ очень хорошій знатокъ гражданскаго права; зная четыре новые языка онъ внимательно слѣдилъ за европейскою литературой и въ библіографическомъ листкѣ «Юридическаго Вѣстника» постоянно давалъ краткіе, но содержательные отчеты обо всемъ, что появлялось замѣчательнаго въ области его науки. Хорошо знакомый съ антропологіей, онъ внимательно слѣдилъ за всѣми открытіями въ области первобытной исторіи человѣчества; энциклопедію права онъ понималъ какъ философію положительныхъ законодательствъ и въ своихъ чтеніяхъ всегда настаивалъ, что изученіе отдѣльныхъ наукъ права безъ помощи высшей науки, стоящей надъ ними и объединяющей ихъ въ одно цѣлое, недостаточно для дѣйствительнаго и полнаго проникновенія въ духъ этихъ знаній.

Отчетъ Московск. университета за 1878 г.

Карасевскій, *Александръ Ивановичъ*, директоръ духовно-учебнаго управленія тайный совѣтникъ, при Святѣйшемъ Синодѣ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, род. въ 1796 г., ум. 25 декабря 1856 г. Въ 1814 г. кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Сначала служилъ въ военномъ министерствѣ и въ министерствѣ финансовъ. За десять лѣтъ (1814—1824 гг.) службы въ канцеляріи генералъ-кригсъ-коммисара и чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ онъ не разъ побывалъ заграницей для осмотра военныхъ запасовъ дѣйствовавшей тамъ русской арміи. Въ 1824 г. онъ былъ перемѣщенъ въ провіантскій департаментъ; въ 1825 г. былъ назначенъ помощникомъ правителя дѣлъ въ слѣдственную коммиссію для разслѣдованія о злоумышленныхъ обществахъ; съ 7 апрѣля 1831 г. служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ. 27 августа 1832 г. онъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ, членомъ консультаціи, при оберъ-прокурорѣ учрежденной, и членомъ хозяйственнаго комитета при Св. Синодѣ. 1 апрѣля 1839 г. опредѣленъ директоромъ вновь учрежденнаго духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ. При немъ и чрезъ него проведена была реформа духовно-учебныхъ заведеній графа Пратасова. Онъ прекрасно поставилъ хозяйственную часть учебныхъ заведеній и много увеличилъ духовно-учебные капиталы; особенныя услуги оказалъ онъ при устройствѣ Петербургской семинаріи, которая поручена была особенному попеченію его. Не разъ онъ исполнялъ должность оберъ-прокурора Св. Синода. Съ 1843 г. былъ членомъ комитета по пересмотру правилъ о производствѣ въ чины; въ 1844 г. избранъ въ почетные члены конференціи Казанской духовной академіи; въ 1852 г. былъ членомъ комитета по разсмотрѣнію дѣйствовавшей контрольной системы; въ томъ же году избранъ въ почетные члены конференціи Московской духовной академіи. Много разъ, по волѣ цесаревны Маріи Александровны, ѣздилъ въ Ярославль, Казань и другіе города для устройства и обозрѣнія женскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Въ январѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора Св. Синода; но тяжелая болѣзнь принудила его оставить это высокое мѣсто; 30 октября 1856 г. онъ назначенъ былъ членомъ коммиссіи для принятія прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ; 12 ноября 1856 г., съ небольшимъ за мѣсяцъ до кончины, былъ назначенъ попечителемъ всѣхъ женскихъ духовноучебныхъ заведеній подъ непосредственнымъ начальствомъ императрицы Маріи Александровны.

Дѣла арх. Св. Синода 1839 г. № 24616: 1856 г. №№ 1369, 1375, 1489, 2065, 3161; Филаретъ—«Письма къ Высоч. особамъ»; Надеждинъ, «Ист. Спб. семинаріи».

Здр.

Карателевъ, *Корнилій Ивановичъ*, профессоръ математики въ Новороссійскомъ университетѣ; род. въ 1828 г., ум. 18 января 1886 г. Образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ и на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1850 г. со степенью кандидата, и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ математики во 2-ю Одесскую гимназію. 4 февраля 1854 г. перешелъ адъюнктомъ математики въ Ришельевскій лицей. Въ 1860 г., защитивъ диссертацію «Теорія интегралов функцій мнимаго перемѣннаго количества», получилъ степень магистра и въ 1865 г. занялъ каоедру чистой математики въ Новороссійскомъ университетѣ. Въ 1865 г. получилъ степень доктора за диссертацію «Теорія измѣненій постоянныхъ и приложеніе ея къ вычисленію измѣненій элементовъ планетъ по способу Лагранжа и Пуассона».

Языковъ, «Обзоръ писателей умершихъ въ 1886 г.»; Михневичъ, «Историческій очеркъ Ришильевскаго лицея».

Каратаевъ, *Иванъ Петровичъ*, библіографъ и собиратель старопечатныхъ книгъ; род. въ 1817 г., ум. 22 февраля 1886 г. Происходилъ изъ купеческаго сословія и не получилъ систематическаго образованія. Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ заинтересовался старопечатными книгами и сталъ составлять коллекцію ихъ. Въ образовательномъ отношеніи Каратаеву много помогли знакомства съ московскими палеографами-коллекціонерами, сначала съ Аверинымъ и Сахаровымъ, потомъ съ Погодинымъ, Царскимъ и другими. Для пополненія своей коллекціи Каратаевъ нѣсколько разъ посѣтилъ внутреннія губерніи и успѣлъ составить богатѣйшее собраніе старопечатныхъ книгъ, принадлежащее теперь Императорской Публичной Библіотекѣ.

Каратаевъ былъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Публичной Библіотеки и Императорской Академіи Наукъ. Торговлей онъ никогда не занимался. Онъ составилъ слѣдующіе библіографическіе труды: 1) «Хронологическая роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кириллов-скими буквами 1491—1730» (1861)—удостоена Демидовской преміи; 2) «Библіографическія замѣтки о старопечатныхъ славянскихъ изданіяхъ» (Спб. 1872 г.); 3) «Осьмигласникъ 1491 г., напечатанный въ Краковѣ» (Спб. 1876 г.); 4) «Описаніе старопечатныхъ книгъ, напечатанныхъ кириллов-скими буквами. Т. I: съ 1491 по 1652» (Спб. 1883; въ XXXIV т. «Сборника 2 отд. Акад. Наукъ» и отд.). Въ послѣднемъ изъ нихъ находимъ наиболѣе полное и обстоятельное описаніе старопечатныхъ славянскихъ книгъ

Д. Языковъ, «Обзоръ трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 6; «Писатели, умершіе въ 1886 г.». Спб. 1889; статья архим. Леонида въ «Жур. Мин. Нар. Просв.», 1884, май.

Арх. Л—ко.

Каратыгина, *Александра Дмитріевна*, рожденная Полыгалова, по сценѣ Перлова, жена Андрея Васильевича Каратыгина, род. 16 апрѣля 1777 г., ум. 25 мая 1859 г. Воспитывалась въ театральномъ училищѣ подъ руководствомъ Дмитревскаго и Крутицкаго. Окончила курсъ въ 1794 г. Занимала сначала первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ; обладала сильнымъ чувствомъ, красивою наружностью и прекраснымъ голосомъ. Лучшая ея роль—Эйлалія въ драмѣ Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Въ 1811 году перешла на роли благородныхъ матерей и въ этомъ амплуа пріобрѣла еще бо́льшую любовь публики.

Каратыгина, *Александра Михайловна*, знаменитая драматическая актриса, рожденная Колосова, род. въ 1802 г., ум. въ 1880 г., дочь извѣстной балерины Евдокіи Ивановны Колосовой. Образованіе получила въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ Петербурга; звучный, пріятный голосъ, благородныя манеры, правильное чтеніе стиховъ, въ которомъ Колосова упражнялась еще въ пансіонѣ, обратили на нее вниманіе князя Шаховскаго и подъ его руководствомъ она дебютировала въ первый разъ ролью Антигоны въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» 16 декабря 1818 года, затѣмъ 30 декабря появилась въ роли Моины въ «Фингалѣ» Озерова. Успѣхъ дебютантки былъ блестящій, и 1 марта 1819 года она принята была на службу въ петербургскіе казенные театры. Руководство Шаховскаго и, главнымъ образомъ, П. А. Катенина развили талантъ Колосовой до такой высоты, что даже громадное дарованіе Е. С. Семеновой не въ силахъ было затмить его. Лучшими ея ролями въ трагическомъ репертуарѣ считались Ифигенія и Медея. Но скоро Колосова перешла на другія роли. 8 іюня 1822 г. она уѣхала съ матерью за границу и провела цѣлый годъ въ Парижѣ, гдѣ училась у знаменитой французской артистки m-lle Марсъ, первоклассной исполнительницы Мольеровскихъ ролей. Вернувшись въ Петербургъ, Колосова 27 ноября 1823 г. выступила въ роли Селимены («Мизантропъ» Мольера). Естественность и простота исполненія этой роли, невиданная дотолѣ на русской сценѣ, привели публику въ восторгъ; съ тѣхъ поръ Колосова стала выступать преимущественно въ такъ называемой высокой комедіи. Въ февралѣ 1827 года она вышла замужъ за В. А. Каратыгина. Въ сороковыхъ годахъ стала появляться на сценѣ все рѣже и рѣже, а въ 1845 году совсѣмъ покинула театръ. Въ литературѣ Каратыгина извѣстна переводами французскихъ драматическихъ произведеній («Эсмеральда» и друг.); въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1881 г., №№ 4 и 5) напечатаны ея воспоминанія. Она прекрасно исполняла роли и на французскомъ языкѣ.

Каратыгина, *Любовь Іосифовна*, рожденная Дюръ, жена П. А. Каратыгина, род. 1804 г., ум. 4 декабря 1828 г. Воспитывалась въ театральномъ училищѣ и была любимою ученицей Шаховскаго. 2 мая 1821 г. дебютировала въ Большомъ театрѣ въ комедіи Мольера «Школа женщинъ» и имѣла выдающійся успѣхъ. Окончила училище въ 1823 г. и, поступивъ на казенную сцену, занимала первыя роли въ комедіяхъ и драмахъ.

Каратыгинъ, *Андрей Васильевичъ*, сынъ придворнаго садовника, род. 4 іюля 1774 г., ум. 26 декабря 1831 г. Воспитывался въ театральномъ училищѣ и сначала готовился въ балетную труппу, но затѣмъ увлекся драмою и перешелъ въ классъ Дмитревскаго. Выпущенъ былъ изъ училища 16 августа 1794 г., но дебютировалъ еще въ 1791 г. въ роли Гектора (комедія «Игрокъ»). Лучшая роль А. В.

Каратыгина была въ комедіи Гольдони «Лжецъ». Два года онъ исполнялъ обязанности режиссера петербургской драматической труппы. Въ теченіе всей своей службы А. В. Каратыгинъ велъ дневные журналы, въ которыхъ подробно отмѣчалъ день за день все, что происходило на русской сценѣ. Эти журналы представляютъ драгоцѣнный источникъ для исторіи русскаго театра. 9 октября 1794 г. онъ женился на А. Д. Перловой.

Каратыгинъ, *Василій Андреевичъ,* знаменитый трагикъ, сынъ А. В. Каратыгина, род. 26 февраля 1802 г., ум. 13 марта 1853 г. Образованіе получилъ въ Горномъ корпусѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу въ департаментъ внѣшней торговли, гдѣ и дослужился до перваго офицерскаго чина. Еще будучи кадетомъ онъ принималъ участіе въ домашнихъ спектакляхъ въ домѣ отца. Тутъ видѣлъ его князь Шаховской и, оцѣнивъ его крупный талантъ, сталъ серьезно обучать его драматическому искусству. Однако молодой Каратыгинъ скоро покинулъ Шаховскаго и сблизился съ П. А. Катенинымъ, который не только съумѣлъ развить блестящимъ образомъ дарованія своего ученика, но и образовалъ его умъ, ознакомивъ его съ лучшими произведеніями европейской литературы. Впослѣдствіи замѣчанія и совѣты А. А. Жандра и критическія статьи, которыя онъ помѣщалъ въ журналахъ касательно дебютовъ Каратыгина, также много способствовали развитію таланта В. А. Каратыгина. 3 мая 1820 г. онъ дебютировалъ на сценѣ петербургскаго Малаго театра ролью Фингала въ трагедіи Озерова. Успѣхъ былъ необыкновенный. Въ теченіе мая и іюня Каратыгинъ имѣлъ еще три дебюта, сопровождавшіеся такимъ же успѣхомъ. Тогда онъ оставилъ департаментъ и перешелъ на службу въ казенную драматическую труппу, которой и не покидалъ до конца жизни. Онъ считался первымъ трагикомъ своего времени. Игра его принадлежала къ старому классическому роду и отличалась благородствомъ; обвиняли его иногда въ недостаткѣ истиннаго одушевленія. Лучшими его ролями были: Гамлетъ, Отелло, Король Лиръ, Карлъ Мооръ и др. Въ 1853 г. на похоронахъ артиста Брянскаго В. А. Каратыгинъ простудился, заболѣлъ тифомъ и скоро умеръ. Самъ императоръ Николай выразилъ его вдовѣ соболѣзнованіе, громадная толпа публики, собравшаяся проводить своего любимца, на рукахъ перенесла гробъ его въ Благовѣщенскую церковь, а оттуда на Смоленское кладбище, гдѣ онъ похороненъ. В. А. Каратыгинъ переложилъ въ стихи комедію Загоскина: «Добрый малый» и перевелъ болѣе 20 пьесъ. Въ февралѣ 1827 г. онъ женился на артисткѣ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой.

Каратыгинъ, *Петръ Андреевичъ,* сынъ А. В. Каратыгина, род. 29 іюня 1805 г., ум. 24 сентября 1879 г. Въ 1816 г. отданъ былъ въ театральное училище и попалъ въ классъ Дидло, который хотѣлъ приготовить его къ балету. Но онъ занялся изученіемъ драматическаго искусства подъ руководствомъ Шаховского, который очень полюбилъ его. Еще въ 1818 г. Каратыгинъ выступалъ на сценѣ въ драмѣ Коцебу: «Эйлалія Мейнау», но настоящій его дебютъ состоялся 6 мая 1821 г. въ комедіи «Молодость Генриха V» и прошелъ незамѣченнымъ. Какъ актеръ П. А. Каратыгинъ особенно не выдѣлялся. Но онъ написалъ нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ свое время и частью держащихся еще и нынѣ на репертуарѣ. Еще будучи въ училищѣ, Каратыгинъ организовалъ тамъ домашніе спектакли воспитанниковъ и оставался главнымъ ихъ руководителемъ и по окончаніи курса. Между прочимъ, на этихъ спектакляхъ онъ думалъ разыграть «Горе отъ ума», недопущенное на сцену. Пьеса была срепетована подъ руководствомъ самого Грибоѣдова, но администрація не позволила играть ее. Для этихъ же спектаклей Каратыгинъ и самъ написалъ пародію «Неронъ» и водевиль «Сентябрьская ночь». Послѣ поступленія на службу онъ написалъ новый водевиль «Знакомые незнакомцы» и поставилъ его на казенной сценѣ въ 1830 г. Пьеса имѣла шумный успѣхъ и понравилась самому императору Николаю Павловичу, который подарилъ автору брилліантовый перстень въ 1,200 руб. ассигнаціями. Съ этихъ поръ Каратыгинъ пріобрѣлъ популярность и почти ежегодно ставилъ по нѣсколько новыхъ водевилей. За время 1830—1878 г. имъ было написано 68 пьесъ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ, кромѣ первой, имѣли: «Ложа перваго яруса на послѣдній дебютъ Тальони», «Отелло на Пескахъ», «Вицъ-мундиръ» и др. Въ то же время онъ перешелъ на ро-

ли комическія и въ нихъ обнаружилъ недюжинное дарованіе. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ репетиторомъ по драматической части въ театральномъ училищѣ, а вскорѣ и главное руководство этою частью перешло въ его руки. Успѣхи его учениковъ (изъ нихъ замѣчательны Мартыновъ и Максимовъ) обратили на него вниманіе начальства. Императоръ пожаловалъ ему золотую табакерку. Какъ опытный учитель драматическаго искусства былъ приглашенъ давать уроки декламаціи кадетамъ Морскаго корпуса, а послѣ прекращенія этихъ занятій ежегодно былъ приглашаемъ для устройства въ корпусѣ домашнихъ спектаклей. Вслѣдъ затѣмъ ему стали поручать устройство спектаклей и въ другихъ корпусахъ, а также при Высочайшемъ дворѣ и въ аристократическихъ домахъ. Всѣ эти обстоятельства создали П. А. Каратыгину широкую популярность, которую онъ сохранилъ до конца жизни, хотя послѣ 1873 г., по старости, рѣдко уже показывался на сценѣ.

Свѣдѣнія о жизни всѣхъ, выше упомянутыхъ, Каратыгиныхъ находятся въ слѣд. источникахъ: П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра»; П. А. Каратыгинъ, «Записки»; изданы и редактированы П. П. Каратыгинымъ. 1880 г.—«Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ», вып. I (1746 - 1801 гг.). Спб. 1892 г.; «Рус. Старина», LXIII; Боцяновскій, «Къ исторіи русскаго театра. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой», 1822 — 1826. Спб. 1893 г.; В. В. В., «Біографія А. М. Колосовой». См. «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, 27 полутомъ. *С. Адріановъ.*

Карауловъ, *Семенъ Юрьевичъ*, генералъ-поручикъ, въ службу вступилъ гренадеромъ въ 1714 г., принималъ участіе въ Сѣверной войнѣ и въ 1720 г., состоя поручикомъ во второмъ гренадерскомъ полку, получилъ золотой портретъ императора Петра Великаго за отличіе при пораженіи шведской эскадры при Гренгамѣ. Въ 1722—1729 гг. находился въ Персіи, при чемъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ персами и въ томъ числѣ при Дербентѣ, Баку и Рящѣ; между прочимъ въ 1726 г. былъ командированъ съ пятисотеннымъ отрядомъ противъ трехтысячной шайки персидскихъ бунтовщиковъ и за разбитіе ея награжденъ чиномъ премьеръ-маіора; въ 1729 г., при возвращеніи въ Россію составилъ описаніе персидскихъ провинцій, лежащихъ по берегамъ Каспійскаго моря и получилъ за это чинъ подполковника. Въ слѣдовавшихъ затѣмъ войнахъ съ Польшею и Турціею Карауловъ также принималъ участіе и дважды былъ раненъ: при осадѣ Данцига и при взятіи Очакова; за отличія въ этихъ дѣлахъ онъ награжденъ чинами полковника и бригадира. Произведенный въ 1741 г. въ генералъ-маіоры, принималъ участіе въ войнѣ съ Швеціей и впослѣдствіи въ Семилѣтней войнѣ, во время которой завѣдывалъ продовольствіемъ сосредоточенныхъ подъ Кюстриномъ войскъ, а послѣ Цорндорфскаго сраженія былъ командированъ для эвакуированія больныхъ и раненыхъ въ Россію и за успѣшное выполненіе этого порученія при чемъ (изъ 12 тысячъ сданныхъ ему людей болѣе 10 тысячъ выздоровѣло и отправлено вновь въ полки, а умерло только 424 чел.), пожалованъ чиномъ генералъ-поручика и званіемъ члена Военной Коллегіи. Въ 1764 г. уволенъ въ отставку.

Собственноручная сказка Караулова въ Московск. Отд. Архива Главнаго Штаба, оп. 10, св. 566. *С. Н. П.*

Карачаровъ, *Митрофанъ Ѳедоровъ*. Въ 1499 году великій князь посылалъ его съ грекомъ Димитріемъ Ралевымъ «до италійскихъ странъ (въ Венецію) о своихъ потребахъ»; послы возвратились въ 1504 или въ 1505 г. и привезли съ собой многихъ мастеровъ серебряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ.

Полн. собр. русс. лѣт. VI, 43, 49;—VIII, 236, 244; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), VII, пр. 43. *А. Э.*

Карачевскіе и Козельскіе князья: *Борисъ Ивановичъ*, кн. козельскій (по другимъ родословнымъ—перемышльскій), сынъ Ивана Михайловича, кн. козельскаго и перемышльскаго, въ 1490 г. вмѣстѣ съ отцомъ и сыномъ своимъ Ѳедоромъ выѣхалъ изъ Литвы на службу къ великому князю московскому и принималъ участіе въ походахъ своего отца. Отъ него, чрезъ внука его Ивана Ѳедоровича, по прозванію Горчака, происходятъ кн. Горчаковы.

Василій Ивановичъ, кн. козельскій; единственный сынъ Ивана Мстиславича, внукъ Мстислава-Пантелеймона Святославича, праправнукъ Всеволода Ольговича, кн. черниговскаго. Лѣтописи, не называя его по отчеству, сообщаютъ, что онъ погибъ при взятіи Батыемъ Козельска въ 1238 г.: упомянувъ объ избіеніи татарами жителей Козельска до грудныхъ младенцевъ онѣ добавляютъ: «а о князи Василіи невѣдомо есть, иніи же глаголаху, яко въ крови утопе, понеже бо младъ бѣ».

Иванъ Михайловичъ, кн. козельскій, по

другимъ родословнымъ — перемышльскій, единственный сынъ князя Михаила Семеновича козельскаго, правнукъ Владиміра Андреевича. По нѣкоторымъ родословнымъ онъ перешелъ изъ литовскаго въ московское подданство съ сыномъ Борисомъ и внукомъ Ѳедоромъ въ 1490 г.; въ 1499 г. ходилъ противъ ордынскихъ казаковъ, нападавшихъ на козельскія мѣста, а въ 1503 г. съ московскими полками ходилъ отвоевывать свои родовыя владѣнія отъ литовцевъ. Лѣтописи упоминаютъ объ немъ подъ 1490 и 1500 гг. и, повидимому, смѣшиваютъ его съ кн. И. М. Воротынскимъ;

Иванъ Ѳедоровичъ, по прозванію Горчакъ, кн. козельскій, единственный сынъ Ѳедора Борисовича козельскаго, родоначальникъ кн. Горчаковыхъ, извѣстенъ только по родословнымъ.

Мстиславъ-Пантелеймонъ Святославичъ, сначала кн. козельскій, потомъ кн. черниговскій, младшій изъ пяти сыновей Святослава Всеволодовича, князя черниговскаго. Въ 1183 г. онъ участвовалъ въ блистательномъ походѣ отца своего на половцевъ и пораженіи ихъ на берегахъ р. Угла или Орели; въ 1191 г. сдѣлалъ, но уже неудачный, походъ на тѣхъ же половцевъ съ Ольговичами черниговскими. Съ 1219 г. о Мстиславѣ Святославичѣ говорится въ лѣтописяхъ уже какъ о князѣ черниговскомъ; слѣдовательно, онъ получилъ Черниговъ по смерти брата своего Глѣба, но когда именно — неизвѣстно, такъ какъ неизвѣстенъ годъ смерти Глѣба, упоминаемаго въ лѣтописяхъ въ послѣдній разъ подъ 1215 г. Въ 1220 г. на черниговскую землю напали литовцы: Мстиславъ Святославичъ «гони по нихъ и изби всѣхъ, полонъ отъятъ». Въ 1224 г онъ участвовалъ въ кіевскомъ совѣтѣ князей, состоявшемся по поводу ожидавшагося нашествія татаръ, въ битвѣ съ которыми на р. Калкѣ и палъ. Въ 1181 г. онъ женился на ясынѣ (изъ племени ясовъ) «свѣсти» (свояченицѣ) великаго князя владимірскаго Всеволода III Юрьевича, которая въ Любецкомъ синодикѣ названа Маріей. Тамъ же и Мстиславъ названъ Пантелеймономъ. Родословныя не отмѣчаютъ за нимъ дѣтей, но что онъ имѣлъ ихъ, это несомнѣнно: въ лѣтописяхъ говорится, что онъ убитъ на Калкѣ «съ сыномъ», который по имени не названъ, а въ Любецкомъ синодикѣ есть князь «Димитрій черниговскій, убіенный отъ татаръ за православную вѣру и княгиня его Мамелфа»; въ Елецкомъ же и Сѣверскомъ синодикахъ вмѣстѣ съ этимъ Димитріемъ упоминаются еще Андрей, Іоаннъ и Гавріилъ Мстиславичи, которыхъ и надо, вѣроятно, считать дѣтьми Мстислава Святославича.

Святославъ Мстиславичъ, кн. карачевскій, второй изъ четырехъ сыновей кн. Мстислава Михайловича карачевскаго, упоминается въ лѣтописи подъ 1310 г.: въ этомъ году кн. Василій Александровичъ (изъ рода смоленскихъ князей), отнявшій въ 1309 г., при помощи татаръ, Брянскъ у дяди своего Святослава, съ тѣми же татарами напалъ на Карачевъ и убилъ князя карачевскаго Святослава Мстиславича. Брянскъ незадолго передъ тѣмъ принадлежалъ князьямъ черниговскимъ; очевидно, смоленскіе князья, овладѣвъ Брянскомъ, стремились завладѣть и другими черниговскими удѣлами. Потомства Святославъ Мстиславичъ не оставилъ.

Титъ Мстиславичъ, кн. карачевскій, старшій изъ четырехъ сыновей Мстислава Михайловича, кн. карачевскаго, въ родословныхъ относится къ XIII кол. Онъ имѣлъ сыновей: Святослава и Василія, кн. карачевскихъ, и Ѳедора и Ивана—козельскихъ. По нѣкоторымъ родословнымъ отъ него происходили кн. Болховскіе, которыхъ другія родословныя производятъ отъ брата его Адріана. Бархатная книга и родословныя Временника именно этому Титу приписываютъ участіе, въ 1365 г., въ разбитіи великимъ княземъ рязанскимъ Олегомъ ордынскаго князя Тагая. Но по разсчету времени, въ 1365 г. могъ дѣйствовать не сынъ Мстислава Михайловича, а развѣ внукъ его или правнукъ.

Родословныя; Зотовъ, «О черниговскихъ князьяхъ»; Пол. собр. рус. лит., I, 189, 217-219; II, 125, 127, 141, 335; III, 41; VII, 128, 130—132; X, 92; XV, 332, 339—342.

Карбоньеръ, (Карбонье д'Арситъ), *Левъ Львовичъ*, генералъ-инженеръ русской службы, род. 22 ноября 1770 г. въ Петербургѣ, ум. 27 апрѣля 1836 г. Онъ былъ сынъ француза, служившаго въ русской службѣ; семи лѣтъ записанъ былъ капраломъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1795 г. переведенъ въ черноморскій гренадерскій корпусъ и участвовалъ въ постройкѣ крѣпости Одессы. Въ 1801 г. зачисленъ въ свиту Его Величества, въ 1808 г. переименованъ изъ подполковни-

ковъ въ капитаны втораго ранга и назначенъ адъютантомъ къ министру морскихъ силъ, адмиралу Чичагову; въ 1809 году укрѣплялъ Балтійскій портъ, противъ блокировавшаго его англо-шведскаго флота. Въ 1809 г. назначенъ былъ директоромъ гидравлическихъ работъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, въ 1810 г. переведенъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, въ 1811 г. назначенъ генералъ-инспекторомъ этого корпуса. Принималъ участіе въ войнѣ 1812—1814 гг. и за лейпцигское сраженіе получилъ знаки ордена Анны 1 ст., брилліантами украшенные. Въ 1815—1816 гг. произвелъ значительныя улучшенія для судоходства по рр. Волгѣ (выше Рыбинска), Тверцѣ, Гжати и Москвѣ. Въ 1818 г. назначенъ былъ директоромъ работъ военныхъ поселеній, но вскорѣ оставилъ эту должность, перешелъ въ совѣтъ путей сообщенія и получилъ порученіе образовать военно-строительное училище, а затѣмъ и управлялъ имъ. Въ 1824—1826 гг. по болѣзни находился въ отставкѣ, въ 1826 году снова опредѣленъ въ инженерный корпусъ и назначенъ предсѣдателемъ главнаго цензурнаго комитета; въ 1827 г. назначенъ былъ директоромъ строительнаго департамента по морской части; при немъ въ Кронштадтѣ воздвигнутъ былъ фортъ Петръ I. Въ 1834 г. получилъ чинъ инженеръ-генерала.—Карбоньеръ перевелъ съ нѣмецкаго два сочиненія барона Дибича: «Подробное описаніе учебнаго времени и маневровъ потсдамскихъ гарнизоновъ въ царствованіе Фридриха II» и «Мысли о солдатѣ», и съ французскаго «Полный курсъ фортификаціи», соч. С.-Поля (1813); былъ почетнымъ членомъ университетовъ Казанскаго и Виленскаго, Академіи Наукъ, академій Россійской и Художествъ.

«Справочн. энцикл. словарь», VI, 530.

Кардолли, *Сальваторъ*, граверъ на мѣди рѣзцомъ. Пріѣхалъ изъ Рима въ Россію въ послѣднихъ годахъ XVIII ст. Въ 1797 г. награвировалъ очень схожій портретъ императора Павла I, въ 1798—«Катафалкъ надъ прахомъ герцога Виртембергскаго», а въ 1814 г. получилъ званіе придворнаго гравера, съ содержаніемъ по 1200 р. въ годъ изъ Кабинета Его Величества. Кромѣ 50-ти различныхъ портретовъ, въ томъ числѣ: императора Александра I (съ оригиналовъ Кюгельхена, Рейхеля, Жерара, Изабе и др.), императрицъ: Елизаветы Алексѣевны, Маріи Ѳеодоровны, вел. кн. Константина, Михаила и Николая Павловичей, Александры Ѳеодоровны, разныхъ героевъ отечественной войны имъ же, или подъ его наблюденіемъ, были награвированы еще съ рисунковъ Д. Скотти 1814 г. «Побѣды, одержанныя въ Россіи надъ Наполеономъ» на 12-ти листахъ, доски которыхъ цѣнились Совѣтомъ Академіи въ 1816 г. по 1500 р. каждая, а также «Пожаръ московскій 1812 г.» съ рис. Л. Ругендаса 1813 г. Затѣмъ ему же принадлежатъ 15 гравюръ съ различныхъ картинъ старыхъ мастеровъ, въ томъ числѣ 10-ть съ Эрмитажныхъ.

Сборникъ «Матер. для исторіи И. А. Х.», Петрова, II, и «Указатель къ нему», А. Е. Ювдолова; Д. Ровинскій «Русск. Народ. Картинки», II, 249 и IV, 419 и «Подроб. Словарь русск. гравиров. портретовъ». *Н. С.*

Карелинъ, *Григорій Силычъ*, путешественникъ; род. въ 1801 г., ум. въ концѣ 1872 г. Происходилъ изъ дворянъ петербургской губерніи, рано остался сиротою и воспитаніе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1817 г. вступилъ на дѣйствительную службу прапорщикомъ въ артиллерію. Въ 1819 г. гр. Аракчеевъ, замѣтивъ въ немъ выдающіяся способности, взялъ его въ собственную канцелярію; но вскорѣ Карелинъ въ товарищескомъ кругу позволилъ себѣ посмѣяться надъ Аракчеевымъ; объ этомъ было донесено этому послѣднему и 20 февраля 1822 г. Карелинъ внезапно, съ фельдъегеремъ, отправленъ былъ въ Оренбургъ и записанъ въ Оренбургскій гарнизонъ. Здѣсь всѣ окружающіе полюбили симпатичнаго и даровитаго молодаго человѣка; но онъ не увлекся праздною жизнью отдаленнаго захолустья, а сошелся съ профессоромъ Казанскаго университета Эверсманомъ, началъ заниматься ботаникой, зоологіей и минералогіей и уже не разставался съ этими занятіями до конца дней. Въ 1823 г. онъ принималъ участіе въ экспедиціи въ степь для топографическихъ съемокъ, въ 1824 и 1825 гг. ѣздилъ на сибирскіе казенные заводы для руководства отливкою снарядовъ; въ 1826 г. уволенъ за болѣзнію въ отставку; въ 1828 г. избранъ въ члены Московскаго общества испытателей природы, въ 1829 г. получилъ брилліантовый перстень за составленную имъ карту земель внутренней киргизской орды; 9 марта 1831 г. принятъ на службу въ

Министерство иностранныхъ дѣлъ и назначенъ состоять при ханѣ внутренней киргизской орды. Въ 1831 и 1832 гг. совершилъ двѣ экспедиціи—къ вершинамъ р. Тобола и къ Каспійскому морю, во время которыхъ, особенно во время второй, собралъ множество въ высшей степени любопытныхъ матеріаловъ и замѣтокъ. Въ 1833 г. былъ назначенъ начальникомъ работъ по устройству укрѣпленія на восточномъ берегу Каспійскаго моря, названнаго Ново-Александровскимъ. За успѣшное выполненіе этихъ порученій Карелинъ получилъ, кромѣ ордена и чина, единовременную награду въ 6000 р. и пожизненный пенсіонъ въ 800 р. Въ 1836 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ учено-торговой экспедиціи по южному берегу Каспійскаго моря, имѣвшей секретныя политическія порученія и въ 1838 г. переведенъ былъ на службу въ Министерство финансовъ. Въ 1839 г. отправленъ былъ для ученыхъ изслѣдованій Малаго Алтая, Саянскаго хребта и мѣстностей по Китайской границѣ; въ этомъ путешествіи онъ провелъ три года. Онъ вывезъ изъ этой экспедиціи разнообразнѣйшія и богатѣйшія коллекціи, распредѣленныя имъ между разными учеными обществами и музеями. Въ 1845 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей подмосковной деревнѣ, но въ 1852 г. снова поѣхалъ въ Оренбургскій край и до смерти своей прожилъ въ г. Гурьевѣ, занимаясь собираніемъ зоологическихъ коллекцій и особенно—наблюденіемъ надъ перелетомъ птицъ.—Послѣ его смерти бумаги его были переданы въ петербургское общество естествоиспытателей и напечатаны затѣмъ подъ редакціей М. Н. Богданова въ X томѣ «Записокъ по общей географіи». Матеріалы, оставшіеся послѣ смерти Карелина, представляютъ лишь часть того, что было имъ собрано; но тѣмъ не менѣе въ нихъ много наблюденій, чрезвычайно цѣнныхъ и важныхъ; особенно важна карта древняго русла Аму-Дарьи, снятая Карелинымъ въ 1836 г.

«Записки по общей географіи», т. X; «Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», т. LVII, листъ 37.

Карелль, *Филиппъ Яковлевичъ*, лейбъ-медикъ, почетный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, совѣщательный членъ медицинскаго совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ, род. 28 ноября 1806 г., ум. 18 августа 1886 г. Окончивъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ Дерптскомъ университетѣ, 16 мая 1832 г. получилъ степень доктора медицины и 7 іюня того же года началъ службу баталіоннымъ врачемъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку, затѣмъ работалъ въ госпиталяхъ гвардейскаго корпуса и, назначенный въ госпиталь лейбъ-гвардіи Коннаго полка, завѣдывалъ имъ до конца жизни. Въ 1849 г. получилъ званіе лейбъ-медика. Въ 1856 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1867 г. — въ тайные. Карелль первый ознакомилъ русскихъ врачей съ наложеніемъ крахмальной повязки при переломахъ костей, ввелъ и разработалъ систему молочнаго леченія, и его трактатъ о леченіи молокомъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Ему же принадлежитъ организація санитарныхъ ротъ въ русской арміи и починъ въ основаніи Общества Краснаго креста.

«Новое Время», 1886 г., № 3763; «Новости», 1886 г., № 228; «Врачъ», 1886 г. № 35; «Всемірная Иллюстрація», 1886 г., № 919.

Карельщиковъ, *Сергѣй Петровичъ*, род. 18 ноября 1834 г. въ Москвѣ, ум. 16 января 1877 г. Получивъ первоначальное образованіе въ Якиманскомъ и Петропавловскомъ училищахъ и 3-й Московской реальной гимназіи, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, но черезъ годъ вышелъ и затѣмъ вновь поступилъ уже на естественный факультетъ. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ посвятилъ себя педагогическому поприщу и былъ преподавателемъ ботаники въ Московскомъ земледѣльческомъ училищѣ, въ Коммерческой академіи, въ школѣ садоводства и пансіонѣ Креймана, а затѣмъ въ 1865 г. перешелъ въ Петербургъ въ Земледѣльческій институтъ. Въ 1867 г. онъ представилъ въ Московскій университетъ магистерское сочиненіе «О размѣщеніи и развитіи устьицъ на листьяхъ цвѣтковыхъ растеній». Пристрастившись еще съ дѣтства къ изученію ботаники, онъ занимался въ этой области съ особою любовью, не щадя силъ и здоровья. Множество статей его печатались въ спеціальныхъ журналахъ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», «Трудахъ Московскаго общества естество-

испытателей» и друг.; онъ и скончался, простудившись на одной изъ экскурсій.

С. Розановъ, «С. П. Карельщиковъ». (Некрологъ).

Каржавинъ, *Ѳедоръ Васильевичъ,* переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, род. 20 января 1745 г., ум. въ 1812 г. Отецъ его былъ богатый первой гильдіи купецъ, вышедшій самъ изъ простонародья и изъ раскола, и по торговымъ дѣламъ долго жившій заграницею. Онъ позаботился дать сыну хорошее образованіе. Ѳедоръ Каржавинъ учился въ Данцигѣ, въ Лондонѣ, Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ университетѣ; съ 1760 г. считался уже на службѣ студентомъ русской иностранной коллегіи и до 1765 г. продолжалъ ученіе, числясь при посольствѣ. Въ этомъ году отецъ вызвалъ его въ Петербургъ и хотѣлъ, чтобы сынъ занялся подъ его руководствомъ торговлею. Но тотъ поступилъ сначала учителемъ французскаго языка въ Троицкую Лаврскую семинарію (въ 1767—1769 г.), затѣмъ перешелъ въ вѣдомство кремлевской экспедиціи помощникомъ къ извѣстному архитектору Баженову. Въ 1773 г. уволился, подъ предлогомъ слабости здоровья, отъ службы при этой экспедиціи и уѣхалъ за границу. Съ отцомъ онъ окончательно въ это время разошелся и не видѣлся съ нимъ уже до его смерти, послѣдовавшей въ 1786 г., хотя письменно онъ примирился съ отцомъ во время одной опасной своей болѣзни. Заграницею нѣкоторое время Ѳ. В. Каржавинъ проживалъ въ Голландіи, исполняя порученіе, данное ему отъ Демидова, а затѣмъ проѣхалъ въ Парижъ, слушалъ тамъ медицинскіе курсы и женился. Не успѣвъ устроить хорошенько свою жизнь во Франціи, онъ отправился искать счастья въ Америку, на о. Мартиникъ, куда и прибылъ въ концѣ 1776 г. Въ Америкѣ онъ былъ какъ разъ во время войны Англіи съ отпавшими ея колоніями и испыталъ всевозможныя превратности судьбы; во Францію онъ вернулся лишь въ 1788 г.; въ теченіе этихъ 12-ти лѣтъ онъ побывалъ на службѣ и у англичанъ, и у американцевъ, былъ и докторомъ, и учителемъ, и табачнымъ фабрикантомъ, нѣсколько разъ составлялъ себѣ довольно значительный капиталъ и нѣсколько разъ терялъ его то отъ военныхъ силъ враговъ, то отъ нападеній каперовъ, то, наконецъ, отъ землетрясенія. Въ іюлѣ 1788 г. онъ отправился съ паспортомъ отъ русскаго резидента въ Парижѣ, Хотинскаго, въ Россію; здѣсь онъ имѣлъ получить довольно значительное наслѣдство послѣ отца, но перессорился съ домашними и не получилъ ничего. Въ 1797 г., благодаря покровительству Баженова, онъ получилъ мѣсто переводчика въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на которомъ и умеръ; между прочимъ онъ представлялъ кн. Безбородко проектъ развитія русской внѣшней торговли.—Ѳ. В. Каржавинъ отличался необыкновенною предпріимчивостью и энергіею, удивляя, какъ онъ самъ говоритъ, въ Америкѣ «своимъ неунывающимъ россійскимъ духомъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень независимыхъ убѣжденій, и довольно неуживчиваго характера, но, благодаря своимъ дарованіямъ и знаніямъ, повсюду умѣлъ найти себѣ дѣло и людей, которые его любили и охотно ему помогали. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько рукописныхъ работъ и слѣдующія печатныя: «Ахахамукхама Талымъ Набы, или книга богословіи магометовой», пер. съ французскаго (М. 1783); «Сокращенный Витрувій или современный архитекторъ», пер. съ французскаго, 1789; «Описаніе хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ Аравіи», пер. съ англійскаго, 1790; «Новоявленный вѣдунъ, повѣдающій гаданіе духовъ; невинное упражненіе во время скуки», 1795 г.; «Фокусъ-покусъ или собраніе любопытныхъ ручныхъ искусствъ», 1795; «Французскіе, россійскіе и нѣмецкіе разговоры», 1807; «Description d'un poux, vue en microscope», avec figures, a Carouge, 1789, съ русскимъ переводомъ—единственная книга, напечатанная въ Каружѣ (въ Швейцаріи) русскими буквами; «Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet», 1791.

«Русская Старина», т. XII, 272—297; 655—659, статьи Н. П. Дурова; «Архивъ кн. Воронцова», III, 308—322; «Сборн. отдѣлен. рус. яз. и словесности», т. IX, 408—424.

Каринъ, *Александръ Григорьевичъ,* писатель, братъ Николая и Ѳедора Кариныхъ, ум. въ 1769 г. Изъ дворянъ, учился въ гимназіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ; по окончаніи въ немъ курса служилъ въ Конномъ полку и принималъ участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II. Въ 1762 г. былъ произведенъ въ корнеты, а въ 1769 г., находясь въ въ Саратовѣ съ командою при коммиссіи по дѣламъ Соляной конторы, умеръ въ

чинѣ поручика.—По отзыву Новикова, онъ «былъ превеликій любитель словесныхъ наукъ, искусенъ довольно въ нѣкоторыхъ иностранныхъ и въ своемъ природномъ языкѣ... Его сочиненія показываютъ остроту его разума и многими знающими людьми похваляются. Словомъ, онъ превеликую подавалъ надежду показать въ себѣ хорошаго стихотворца». Произведенія его напечатаны отдѣльно слѣдующія: 1) «Графъ Карамелли», драма комическая въ 3 д. М. 1759 г.; пьеса эта представляетъ собою передѣлку комедіи Детуша: «Le tambour nocturne, ou le mari devin»; 2) Ода на день восшествія на престолъ Елизаветы. Спб. 1759 г. и 3) Ода на восшествіе на престолъ Екатерины II. Спб. 1762 г. Мелкія стихотворенія печатались въ журналахъ Хераскова: «Полезное Увеселеніе» 1760—1761 гг. и «Свободные Часы» 1763 г. Неизданными остались: комедія «Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи» и трагедія «Антигона», недокончивъ которую Каринъ и умеръ.

Саитовъ, В. И., «Ѳ. Г. Каринъ, одинъ изъ малоизвѣстныхъ писателей второй половины XVIII в.», Спб. 1893 г. *Л. Перетцъ.*

Каринъ, *Николай Григорьевичъ*, писатель, ум. въ 1768 г. Онъ былъ братъ Александра и Ѳедора Кариныхъ, обучался въ университетской гимназіи; въ 1757 г., произведенный въ капралы гвардіи съ правомъ проситься въ тотъ полкъ, куда пожелаетъ, поступилъ въ Конный полкъ; въ 1765 г. былъ произведенъ въ корнеты, умеръ поручикомъ. Занимался литературой, но написалъ немного. «Сочиненныя имъ, говоритъ Новиковъ, разныя стихотворенія, напечатанныя въ московскихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, весьма изрядны и довольно похваляются». Что онъ написалъ—неизвѣстно, такъ какъ подписи его въ періодическихъ изданіяхъ того времени не находится. Сопиковъ приписываетъ Карину переводъ соч. Стерна: «Письма Іорика къ Элизѣ». Но переводъ этотъ появился черезъ 27 лѣтъ послѣ смерти Карина и потому предположеніе Сопикова сомнительно.

Саитовъ, В. И., «Ѳ. Г. Каринъ, одинъ изъ малоизвѣстныхъ писателей второй половины XVIII в.», Спб. 1893 г. *Л. Перетцъ.*

Каринъ, *Семенъ Антоновичъ*, архитекторъ, род. въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, ум. въ началѣ настоящаго. Съ 1744 былъ ученикомъ Артиллерійской школы, въ 1746 отданъ въ «архитектурную науку», а въ 1747 отправленъ къ строенію церкви св. Андрея Первозваннаго и дворца въ Кіевѣ, гдѣ и провелъ 13 лѣтъ, исполняя работы за архитектора Мичурина и построилъ между прочимъ губернаторскій домъ; по возвращеніи же въ Петербургъ въ 1761, былъ подвергнутъ экзамену въ коммиссіи архитекторовъ и признанъ достойнымъ званія архитектора. 21 августа 1762 былъ уволенъ за болѣзнію отъ службы при Канцеляріи Строеній; въ 1766 онъ былъ снова принятъ съ порученіемъ оканчивать постройки, начатыя Квасовымъ, въ томъ числѣ церковь съ колокольнею въ гор. Козельцѣ для гр. Разумовскаго. Затѣмъ въ 1782 онъ былъ московскимъ полицейскимъ архитекторомъ, а въ 1794 при московской же Управѣ Благочинія.

Общій Архивъ Мин. Имп. Двора, дѣла Канцел. Строеній, кн. 112, л. 120—132, и кн. 129, л. 126—138; кн. 150, л. 234; «Штатскій Списокъ» 1794, стр. 156. *Н. С.*

Каринъ, *Ѳедоръ Григорьевичъ*, писатель, младшій братъ Александра и Николая Кариныхъ, род. въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ XVIII ст., ум. въ 1800 г.; образованіе получилъ въ Московской гимназіи, числился однимъ изъ лучшихъ учениковъ и особенные успѣхи оказывалъ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ. По словамъ графа Д. И Хвостова, его племянника, Каринъ обучался и въ университетѣ, но свидѣтельство это ничѣмъ не подтверждается. Благодаря основательному знанію французскаго языка онъ и могъ непосредственно ознакомиться съ французскою литературой, изученіемъ образцовъ которой впослѣдствіи и занялся. Окончивъ курсъ, Каринъ поступилъ въ военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика арміи. Красивая наружность, хорошее воспитаніе и богатство доставили ему возможность вращаться въ лучшихъ салонахъ обѣихъ столицъ; по словамъ Глинки онъ былъ знакомъ также и со всѣми современными ему писателями, кромѣ Дмитріева и Карамзина. Въ 1772 г. Каринъ женился на княжнѣ А. М. Голицыной, но бракъ этотъ оказался несчастнымъ. До женитьбы и послѣ нея Каринъ жилъ широко и весело, утопая въ роскошныхъ пирахъ и всевозможныхъ забавахъ, особенно увлекаясь псовой охотой. Проживъ болѣе половины принадлежавшихъ ему 7,000 душъ, Каринъ за годъ до смерти попалъ подъ опеку.—Какъ писатель, онъ принадлежалъ къ числу второстепенныхъ

дѣятелей русской литературы, но выдѣлялся изъ нихъ по своему уму и образованію. Не обладая даромъ оригинальнаго творчества, онъ занимался большею частію переводами, изъ которыхъ многіе остались ненапечатанными. Слѣдя за движеніемъ французской литературы, Каринъ сочувствовалъ и увлекался тѣми писателями своего времени, которые старались распространять въ обществѣ идеи просвѣщенія и гуманизма, но на ряду съ ними высоко чтилъ и французскихъ классиковъ XVII в., въ особенности Расина. Этимъ объясняется и преклоненіе его предъ «русскимъ Расиномъ», Сумароковымъ, которому Каринъ отводилъ первое мѣсто въ ряду отечественныхъ писателей ложно-классической школы.

Изъ литературныхъ трудовъ Карина извѣстны слѣдующіе: 1) «Разсужденіе о добродѣтели и награжденіяхъ», соч. Гіацинта Драгонетти. Переводъ съ французскаго перевода Панжерона. Спб. 1769 г.; 2) «Нравоучительныя мнѣнія, взятыя изъ свойствъ гр. М. В. Салтыковой» М. 1771 г.; 3) «Слово на торжество мира съ Портою Атаманскою» (sic) М. 1775 г., написанное по случаю годовщины Кучукъ-Кайнарджійскаго мира; 4) «Письмо къ Н. П. Николеву о преобразителяхъ россійскаго языка на случай преставленія А. П. Сумарокова», М. 1778 г. Послѣднее произведеніе, представляющее одинъ изъ раннихъ опытовъ нашей критики, заслуживаетъ наибольшаго вниманія изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ Карина. Въ немъ онъ высказываетъ весьма дѣльныя и умныя сужденія о писателяхъ Ломоносовской школы, искажавшихъ русскую рѣчь славянизмами, и такимъ образомъ въ вопросѣ о преобразованіи русскаго литературнаго языка является теоретическимъ предшественникомъ Карамзина, который, благодаря своему таланту, сумѣлъ разрѣшить этотъ вопросъ и практически. 5) «Слово» по случаю открытія Владимірскаго намѣстничества. М. 1779 г. и 6) «Фанелія или заблужденія отъ любви», драма въ 5 д. Спб. 1785 г. Это—передѣлка романа Бартелеми Амбера. Изъ ненапечатанныхъ трудовъ Карина извѣстны: 1) «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ»; 2) отрывки изъ русской грамматики; 3) переводы изъ Гельвеція, Томаса и Расина.

В. И. Саитовъ, «Ѳ. Г. Каринъ, одинъ изъ малоизвѣстныхъ писателей второй половины XVIII в.». Спб. 1893 г. *Л. Перетцъ.*

Карицкіе, см. *Коричкіе.*

Каріонъ (Истоминъ), іеромонахъ Чудовскаго монастыря, ум. въ сентябрѣ 1717 г. Онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ школы Лихудовъ. Въ 1682 г. въ санѣ іеродіакона назначенъ былъ справщикомъ печатнаго двора съ окладомъ въ 40 р.; въ то же время онъ является однимъ изъ приближенныхъ патріарха Іоакима. Въ 1685 г. онъ посланъ былъ, съ игуменомъ Игнатіемъ собирать свѣдѣнія о смоленскомъ епископѣ Симеонѣ, который велъ слишкомъ пышный образъ жизни, неприличный духовному пастырю. Патріархъ Адріанъ, занявшій 24 августа 1690 г. мѣсто умершаго Іоакима, еще болѣе приблизилъ къ себѣ Каріона и сдѣлалъ его какъ бы своимъ личнымъ секретаремъ; вскорѣ послѣ этого былъ сдѣланъ еще и «смотрителемъ царственной типографіи». Въ 1712 г. митрополитъ новгородскій Іовъ вызвалъ его въ Новгородъ на помощь братьямъ Лихудамъ, которые, по желанію митрополита, возобновили въ Новгородѣ свою преподавательскую дѣятельность; впрочемъ, онъ уже въ слѣдующемъ году вернулся въ Москву, гдѣ и умеръ. Онъ былъ однимъ изъ горячихъ сторонниковъ мысли о необходимости для Россіи просвѣщенія; самъ онъ былъ очень любознательный и начитанный человѣкъ и довольно плодовитый писатель. Послѣ него осталось довольно много словъ и проповѣдей; они собраны въ рукописи Чудова монастыря подъ названіемъ «Веселіилъ»; ему же принадлежитъ богословское сочиненіе подъ названіемъ «Имя новое» и многочисленныя стихотворныя произведенія, между которыми «Букварь» выдается гуманнымъ взглядомъ автора на учениковъ и признаніемъ необходимости для ученія болѣе гуманныхъ пріемовъ; характерно такъ же и то, что авторъ предназначалъ свой букварь одинаково для мальчиковъ и дѣвочекъ. Не мало оставилъ онъ поздравительныхъ и привѣтственныхъ стихотвореній царевнѣ Софьѣ, царю Петру Алексѣевичу, царевичу Алексѣю Петровичу; ему же принадлежитъ нѣсколько переводовъ съ латинскаго.

«Каріонъ Истоминъ. Жизнь его и сочиненія», С. Браиловскаго въ «Чтеніяхъ въ обществѣ любителей дух. просв.» 1889 г., №№ 4—6; его же «Къ біографіи Каріона Истомина», Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 г., № 8.

Карлгофъ, *Вильгельмъ Ивановичъ,* помощникъ попечителя одесскаго учебнаго округа, беллетристъ, род. въ г. Двинскѣ (въ то

время Динабургѣ) въ 1796 г., ум. 29 марта 1841 г. Первоначально воспитывался въ Олонецкой гимназіи, а затѣмъ во второмъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ въ 1817 г. прапорщикомъ артиллеріи, а въ слѣдующемъ году назначенъ корпуснымъ офицеромъ при томъ же второмъ Кадетскомъ корпусѣ; въ 1825 г. переведенъ старшимъ адъютантомъ въ Сибирскій корпусъ (въ Омскѣ); въ 1828 г. перешелъ на службу въ штабъ гвардейскаго корпуса; участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—1829 гг.; въ 1833 г. въ чинѣ полковника назначенъ для особыхъ порученій при генералъ-кригсъ-коммисарѣ. Въ 1838 г. перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, а черезъ годъ переведенъ на ту же должность въ г. Одессу, гдѣ и скончался. Литературная дѣятельность Карлгофа выразилась въ переводѣ для журналовъ нѣсколькихъ спеціальныхъ статей по военному дѣлу и по литературѣ. Такъ имъ переведена съ обозначеніемъ имени переводчика «Исторія войнъ въ Европѣ съ 1692 г.». Спб. 1838 г., составляющая часть «Военной библіотеки»; двѣ комедіи принцессы Амаліи Саксонской «Дядя» (въ Библіотекѣ для Чтенія 1838 г. кн. 6, т. XXVII) и «Сельскій хозяинъ» (въ томъ же журналѣ 1839 г. кн. 1, т. XXXII). Кромѣ того имъ изданы оригинальныя «Повѣсти и разсказы» въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1832 г. Воспоминанія о В. И. Карлгофѣ напечатаны женою его, по второму мужу Драшусовой, подъ заглавіемъ «Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвѣстной», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1881 г., № 9—11.

В. Яковлевъ.

Карловичъ, *Антонъ Михайловичъ,* генералъ-отъ-инфантеріи, изъ дворянъ виленской губ., род. въ 1785 г., ум. послѣ 1861 г. Въ службу вступилъ изъ Виленскаго военнаго училища 6 іюля 1803 г. прапорщикомъ въ 38 егерскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ войнахъ съ Турціею и Франціею 1809—1815 гг., причемъ былъ трижды раненъ, контуженъ находился слишкомъ три мѣсяца въ плѣну и за боевыя отличія получилъ чины штабсъ-капитана и капитана, ордена св. Анны 3 ст. и Владиміра 4 ст. и золотую шпагу «за храбрость». 6 декабря 1827 г. назначенъ командиромъ 4-го (съ 1833 г.—Эстляндскаго) егерскаго полка, съ которымъ сдѣлалъ кампанію противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 г., получивъ за дѣло на Гроховскомъ полѣ 13 февраля 1831 г. орденъ св. Анны 2 ст. съ короною и за взятіе Варшавы 27 августа — аренду по 800 руб. на 12 лѣтъ. Произведенный 10 сентября 1835 г. въ генералъ-маіоры, онъ послѣдовательно занималъ должности командира 2-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, 1 бригады 6-й пѣхотной дивизіи и начальника 4-й пѣхотной дивизіи, во главѣ которой участвовалъ въ Венгерской кампаніи. Въ день 50-ти-лѣтняго юбилея службы въ 1853 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ предсѣдателемъ полеваго ауditоріата дѣйствующей арміи; 6 октября 1861 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи съ увольненіемъ въ отставку.

Формул. спис. за 1854 г. въ Архивѣ Главнаго Штаба кн. № 16262; «Русск. Инв.» 1854 г., № 3—4.

С. Н. П.

Карловичъ, *Владиміръ Михайловичъ,* инженеръ генералъ-маіоръ, род. въ 1834 г., ум. въ январѣ 1892 г. По окончаніи курса въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, а затѣмъ въ Николаевской инженерной академіи, состоялъ при ней съ 1856 г. репетиторомъ, въ 1867 г. избранъ адъюнктъ-профессоромъ и читалъ въ Академіи по смерть, съ 1887 г. въ званіи заслуженнаго профессора. Съ 1866 по 1875 г. состоялъ въ должности городскаго инженера при Петербургской думѣ, завѣдывалъ преимущественно гидротехническими сооруженіями и между прочимъ построилъ Адмиралтейскую набережную; состоялъ въ коммиссіи по разсмотрѣнію проектовъ Литейнаго моста, завѣдывалъ работами по возведенію зданія архива Государственнаго Совѣта. Въ 1886 г. назначенъ былъ членомъ строительнаго отдѣленія Морскаго техническаго комитета и принималъ участіе въ постройкѣ броненосныхъ кораблей «Екатерина II», «Чесма», «Синопъ» и Алексіевскихъ доковъ въ Севастополѣ; кромѣ того онъ состоялъ вице-предсѣдателемъ Военно-санитарнаго общества, предсѣдателемъ третьяго отдѣла Техническаго общества и товарищемъ предсѣдателя Общества охраненія народнаго здравія. Изъ ученыхъ трудовъ его замѣчательно сочиненіе: «Основанія и фундаменты» (1869 г.), которое представляетъ первый по времени ученый

трактатъ по данному вопросу не только у насъ, но и вообще въ литературѣ; имъ же напечатаны любопытные «Санитарно-инженерные очерки».

«Инженерный журналъ» 1892 г., № 8.

Карамановъ, *Діомидъ Ивановичъ*, археологъ-любитель, род. въ началѣ XVIII в., ум. въ концѣ его; сынъ тверскаго посадскаго. Съ малолѣтства онъ отличался жаждою знанія и, познакомившись съ тверскими семинаристами, сталъ посѣщать семинарскіе классы вольнослушателемъ. Учители семинаріи отнеслись къ нему съ вниманіемъ, и такъ какъ онъ не понималъ латинскаго языка, на которомъ велось преподаваніе въ высшихъ классахъ семинарій, то нѣкоторые учителя давали ему уроки у себя на дому. Дошедши до философскаго класса, онъ оставилъ семинарію, женился и занялъ должность подканцеляриста тверскаго магистрата. Въ январѣ 1764 г. въ тверскую семинарію назначенъ былъ ректоромъ Макарій (Петровичъ), начавшій преподавать богословіе на русскомъ языкѣ. Свои уроки онъ велъ въ Желтиковѣ монастырѣ, коего состоялъ архимандритомъ. Сюда по вечерамъ, вмѣстѣ съ семинаристами, опять сталъ приходить и Карамановъ, что продолжалось по декабрь 1765 г., когда Макарій скончался. Карамановъ послѣ этого занялся изученіемъ исторіи своей родной области и написалъ не мало сочиненій, большею частію остающихся въ рукописи и хранящихся въ библіотекѣ тверской духовной семинаріи. Неизданныя его сочиненія: «Историческія извѣстія тверскаго княжества, почерпнутыя изъ общихъ россійскихъ лѣтописцевъ съ пріобщеніемъ новѣйшихъ онаго приключеній, 1775 г.», «О бывшихъ въ Твери преосвященныхъ архіереяхъ», «О имѣющихся въ Твери святыхъ церквахъ, когда оныя и кѣмъ построены», «Рѣчь императрицѣ Екатеринѣ II благодарительная отъ тверскаго купечества и мѣщанства, говоренная въ магистратскомъ залѣ 10 іюня 1778 г.», «Историческія извѣстія о принадлежащихъ къ тверскому намѣстничеству городахъ», «Рѣчь о высокихъ и благодѣтельныхъ Ея Императорскаго Величества намѣреніяхъ касательно до учрежденія градскихъ и сельскихъ школъ», «Разсужденіе о числѣ женъ, помазавшихъ Господа муромъ», «Три письма о необходимости православія для ржевскихъ раскольниковъ» и одиннадцать проповѣдей; нѣкоторыя изъ проповѣдей напечатаны въ «Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ». Кромѣ того, напечатано «Доказательство безсмертія души», М. 1779. Карамановъ составлялъ еще «Исторію города Твери», но трудъ этотъ не сохранился.

В. Колосовъ, «Исторія тверской духовной семинаріи».

С. Г. Р.

Карминъ, *Павелъ Васильевичъ*, академикъ архитектуры. Род. въ 1827, ум. 25 апрѣля 1875. Учился въ Академіи Художествъ, занимаясь подъ ближайшимъ руководствомъ К. А. Тона, помощникомъ котораго онъ состоялъ, по окончаніи курса ученія въ 1839 г., съ званіемъ художника XIV кл. при постройкахъ: гофмейстерскаго флигеля Маріинскаго дворца (до 1845), Благовѣщенской церкви л.-гв. Коннаго полка (съ 1843 по 1849) и церкви св. Павла л.-гв. егерскаго полка (съ 1849 по 1852), прикомандированный уже къ Кабинету Его Величества съ званіемъ каменныхъ дѣлъ мастера. Заслуживъ въ 1850, какъ за занятія по означеннымъ сооруженіямъ, такъ и за многія частныя работы званіе академика, онъ занялся исполненіемъ различныхъ порученій Строительной Конторы Министерства Императорскаго Двора, къ которой былъ прикомандированъ въ 1857, и обязанностей по должности архитектора при С.-Петербургскомъ Биржевомъ зданіи, полученной имъ въ томъ же году, а также перестройкой: церкви Вознесенія Христова (1851—52) и казармъ Преображенскаго полка и постройкой: мастерскихъ для С.-Петербургскаго Общества газоваго освѣщенія (1852) и дома для С.-Петербургскаго митрополита (1863). Наконецъ, съ полученіемъ въ 1862 должности архитектора для ремонтныхъ работъ по зданіямъ Академіи Художествъ, а впослѣдствіи мѣста полиціймейстера тамъ же, участвовалъ въ перестройкѣ и отдѣлкѣ главнаго академическаго корпуса къ столѣтнему юбилею Академіи.

«Біограф. свѣдѣнія о членахъ Акад. и вообще художникахъ, умерш. въ 1873—75 г.г.», стр. 18—19 (при отчетѣ И. А. Х. за 1874—75 г.); «Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.», Петрова, т. II и III, и «Указат. къ нему», А. Е. Юндолова; «Указатель выставки въ И. А. Х.» 1839 г., стр. 2; «Отчеты И. А. Х 1850—66 и 1872—76 г. *Н. С.*

Карницкій, *Иванъ Осиповичъ*, тайный совѣтникъ сенаторъ Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, ум. въ 1879 г. По окончаніи курса по

юридическому факультету въ Виленскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ правительственную коммиссію юстиціи въ Царствѣ Польскомъ и вскорѣ занялъ въ ней мѣсто секретаря. Занимая постепенно различныя высшія должности по судебному вѣдомству, онъ принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ, какъ членъ особаго законодательнаго комитета, учрежденнаго въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ. Въ 1856 г., состоя уже членомъ Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, назначенъ былъ статсъ-секретаремъ совѣта управленія въ Царствѣ Польскомъ, а въ 1865 г. предсѣдательствующимъ въ IX департаментѣ Сената и занималъ эту должность до упраздненія въ Варшавѣ департаментовъ Сената и введенія судебной реформы 1 іюля 1876 г.

Карніолинъ-Пинскій, *Матвѣй Михаймовичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 23 ноября въ 1796 г., ум. 21 декабря 1866 г. Происходилъ изъ дворянъ черниговской губерніи, учился въ Смоленской гимназіи и по окончаніи курса въ Главномъ педагогическомъ институтѣ въ 1816 г. былъ назначенъ учителемъ въ Симбирскую гимназію; сначала онъ преподавалъ естественную исторію, затѣмъ ему поручено было преподаваніе всеобщей исторіи, и наконецъ—логики и риторики. Въ 1823 г. онъ оставилъ службу въ гимназіи, переѣхалъ въ Москву и былъ, по приглашенію кн. Шаховскаго, нѣкоторое время преподавателемъ декламаціи и словесности въ театральной школѣ, а въ 1825 г. поступилъ въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора. Въ 1831 г. перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, въ 1836 г. назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 3 департаментъ Сената, въ 1838 г. утвержденъ въ должности оберъ-прокурора названнаго департамента. Принималъ участіе въ работахъ коммиссій по составленію проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, по составленію проекта устава уголовнаго судопроизводства и др. Въ 1846 г. назначенъ директоромъ департамента министерства юстиціи; въ 1850 г. онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ; въ 1862 г. первоприсутствующимъ въ первомъ отдѣленіи 5-го департамента Сената; былъ членомъ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ Каракозовымъ; въ 1866 г. 16 апрѣля назначенъ былъ первоприсутствующимъ въ уголовномъ департаментѣ Сената.

«Журналъ Министерства Юстиціи» 1866 г., ч. 28, 37, 210—211: «Русск. Архивъ» 1876 г., II. 454—460.

Карновичъ, *Евгеній Петровичъ*, род. въ с. Лупандинѣ, близъ Ярославля, 28-го октября 1824 г., ум. 25-го октября 1885 г., въ С.-Петербургѣ. Сынъ богатаго помѣщика, происходившаго изъ старинной дворянской русской фамиліи, Карновичъ, послѣ отличной домашней подготовки, поступилъ въ Педагогическій институтъ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1844 г. За три года передъ тѣмъ умеръ его отецъ, оставивъ дѣла до такой степени разстроенными, что Карновичу приходилось заботиться о средствахъ къ жизни; поэтому онъ вынужденъ былъ, по выходѣ изъ института, принять должность учителя греческаго языка въ Калужской гимназіи (1844—1849). Переведенный въ виленскій учебный округъ, Карновичъ прослужилъ здѣсь десять лѣтъ—сначала чиновникомъ при канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ правителемъ дѣлъ въ канцеляріи попечителя мѣстнаго учебнаго округа. Выйдя въ 1859 г. въ отставку и переселившись въ Петербургъ, Карновичъ всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности, которую весьма удачно началъ еще въ 1845 г., переводомъ съ греческаго двухъ комедій Аристофана: «Облака» («Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 г., кн. 1) и «Лизистрата» («Библіотека для чтенія» 1845 г., № 12); при неустанномъ журнальномъ трудѣ Карновичъ находилъ еще время для общественнаго служенія въ безмездной должности директора тюремнаго комитета; за службу въ этомъ учрежденіи онъ произведенъ въ годъ смерти въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Писатель чрезвычайно трудолюбивый, работавшій необыкновенно быстро, человѣкъ обширныхъ свѣдѣній и серьезныхъ интересовъ, свободно владѣвшій перомъ и многими иностранными языками, Карновичъ легко справлялся со всякой темой, былъ желаннымъ сотрудникомъ лучшихъ періодическихъ изданій и оставилъ множество статей и очерковъ публицистическихъ, юридическихъ, статистическихъ, критическихъ и историческихъ, а также произведеній беллетристическихъ. Въ числѣ первыхъ журнальныхъ работъ Карновича, обратившихъ на себя вниманіе, были очерки ста-

ринnаго быта Польши, начавшіе появляться въ 1857 г. на страницахъ «С-Петербургскихъ Вѣдомостей», печатавшіеся затѣмъ въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для чтенія» и вышедшіе въ 1873 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Въ эпоху освобожденія крестьянъ Карновичъ началъ издавать еженедѣльную газету «Мировой Посредникъ», которая продолжалась, однако, недолго, менѣе двухъ лѣтъ (1861—1862). Въ то же время онъ предпринималъ и другія серьезныя работы, выходившія отдѣльными изданіями, каковы, напр.: «Санктпетербургъ въ статистическомъ отношеніи» (1860 г.) «Историческія и статистическія свѣдѣнія о существующихъ нынѣ государствахъ» (1860). «О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи» (1863), «Еврейскій вопросъ въ Россіи» (1864), «О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ» (1865). Съ 1865 по 1875 годъ Карновичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ газеты «Голосъ», гдѣ писалъ преимущественно передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ; въ 1875—1876 годахъ онъ редактировалъ издававшіяся Полетикою «Биржевыя Вѣдомости», а въ 1881—1882—журналъ «Отголоски», предпринятый книгопродавцемъ Ретгеромъ и неимѣвшій успѣха. Къ началу семидесятыхъ годовъ относятся три юридическихъ труда Карновича — «Пособіе для занятій по судебно-гражданской части» (2 книги, 1872), «Очерки нашихъ порядковъ административныхъ, судебныхъ и общественныхъ» (1873) и «Собраніе узаконеній Русскаго государства», причемъ послѣдній, къ сожалѣнію остался неоконченнымъ: въ 1874 г. вышелъ только первый томъ, обнимающій царствованіе Алексѣя Михайловича. Монографіи, статьи, очерки, разсказы и романы изъ русской исторіи во множествѣ появились изъ-подъ пера Карновича въ послѣднее десятилѣтіе его литературной дѣятельности, когда онъ сотрудничалъ въ «Русской Старинѣ», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Недѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Народной Школѣ» и «Нови». Въ своихъ историческихъ работахъ Карновичъ обнаружилъ обширную начитанность, которая могла бы стать настоящею ученостью. Чуждый тенденціозныхъ пристрастій, онъ давалъ мѣсто реальному значенію фактовъ и здравому смыслу, нерѣдко провѣряя ходячія историческія мнѣнія. Удовольствовавшись скромною ролью популяризатора историческихъ свѣдѣній, отлично изучившаго бытъ и нравы русскихъ XVIII вѣка, Карновичъ стоялъ выше простаго компилятора, въ немъ были задатки настоящаго историка, что можно, напримѣръ, видѣть изъ его статьи «Значеніе бироновщины въ русской исторіи» («Отеч. Записки» 1873 г., кн. 10 и 11), равно какъ изъ историко-біографическихъ очерковъ: «Фотій Спасскій» и «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ» («Русская Старина» 1875 и 1877—1878 гг.). Наиболѣе значительные очерки и статьи Карновича собраны въ двухъ книгахъ: «Историческіе разсказы и бытовые очерки» (1884) и «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій» (первое изданіе въ 1884, второе — въ 1893 г.). Кромѣ того, необходимо упомянуть о такихъ двухъ любопытныхъ популярно-историческихъ работахъ, какъ «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи» (первое изд. въ 1874, второе — въ 1884 г.) и «Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими». Историческіе повѣсти и романы Карновича — «Мальтійскіе рыцари въ Россіи» (два изданія—1878 и 1880 г.), «Самозванныя дѣти» (1880), и «Любовь и корона» (1879 и 1883 гг.), «Пагуба» (1887 г.), «Придворное кружево» (1885), «Сельская жизнь» (1886), «Переполохъ въ Петербургѣ» и «Лимонъ» (1887)—не лишены достоинствъ. Не имѣя выдающагося художественнаго таланта, Карновичъ былъ умнымъ разсказчикомъ, одареннымъ несомнѣннымъ вкусомъ. Строго держась историческихъ данныхъ, не допуская никакихъ вымысловъ и прикрасъ, онъ и во внѣшней обстановкѣ выдерживалъ историческую точность. Внимательное изученіе изображаемой эпохи, наряду съ умѣньемъ распорядиться матеріаломъ и съ легкимъ сжатымъ изложеніемъ дѣлаютъ беллетристическія работы Карновича чтеніемъ не только занимательнымъ, но и полезнымъ.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 5, стр. 72—77 (полный перечень статей Карновича) и вып. 6, стр. 8 (напечатанное послѣ смерти)—«Историч. Вѣстникъ» 1885 г., № 12. — «Вѣстникъ Европы» 1885, кн. 12, стр. 927—930.—«Русская Старина», кн. 12, стр. 716—719. — «Новь» 1886 г., кн. 1, стр. 152—154 и кн. 2, стр. 288—292.—Во всѣхъ некрологахъ указанъ годомъ рожденія Карновича 1823; между тѣмъ въ «Альбомѣ М. И. Семевскаго» — «Знакомые» (стр. 51) имѣется указаніе

самого Карновича на 1824-ый годъ, который и принятъ здѣсь. *С. Тр.*

Карновичъ, *Ефимъ Степановичъ,* коллежскій ассесоръ, помѣщикъ ярославской губерніи, род. въ 1793 г., ум. 18 декабря 1855 г. Получивъ первоначальное образованіе сначала дома, а затѣмъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ, онъ выдержалъ въ Московскомъ университетѣ экзаменъ на степень студента. Въ 1811 г. поступилъ на службу въ коммиссію составленія военныхъ законовъ, учрежденную при военномъ министерствѣ, откуда, послѣ закрытія коммиссіи, перешелъ сперва въ инспекторскій департаментъ, а затѣмъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ министерства финансовъ. Въ 1817 г. былъ переведенъ въ Ярославское губернское правленіе; но вскорѣ перешелъ въ Московскую межевую канцелярію. Въ Москвѣ онъ вошелъ въ близкое сношеніе съ Московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, принималъ участіе въ переводѣ сочиненій Теэра, изданныхъ впослѣдствіи Обществомъ, оставилъ затѣмъ службу, поселился въ деревнѣ и былъ съ 1830 г. по 1833 г. уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ ярославской губерніи. Вся дальнѣйшая его дѣятельность была посвящена исключительно сельскому хозяйству. Онъ жилъ постоянно въ своемъ имѣніи въ ярославской губерніи и занялся опытами введенія плодоперемѣнныхъ сѣвооборотовъ, разведеніемъ картофеля; онъ первый изъ русскихъ сельскихъ хозяевъ началъ засѣвать поля клеверомъ и обратилъ особенное вниманіе на мѣстную льняную и полотняную промышленность. Выписавъ изъ-за границы мастеровъ для обработки и обѣлки льна, онъ въ короткое время достигъ блестящихъ успѣховъ, за которые былъ Высочайше награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ, а хозяйство его сдѣлалось настолько извѣстнымъ, что даже иностранные писатели, какъ напр. Гакстгаузенъ, въ своемъ отчетѣ о путешествіи по Россіи отзывался о немъ съ особенной похвалой. Какъ спеціалистъ-хозяинъ, Карновичъ нерѣдко исполнялъ порученія министерства государственныхъ имуществъ, посѣтивъ не только многіе города Россіи, но и Западной Европы. Желая сблизить между собою хозяевъ ярославской губерніи, онъ много содѣйствовалъ возникновенію Ярославскаго общества сельскихъ хозяевъ, открытаго въ 1843 г., и первые шесть лѣтъ былъ его секретаремъ. Статьи его по разнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ печатались исключительно въ журналахъ Московскаго общества сельскихъ хозяевъ и министерства государственныхъ имуществъ.

«Земледѣльческая газета», 1860 г., № 48, 49; «Ярославскія губерн. вѣд.», 1893 г., № 67.

Карновичъ, *Степанъ,* граверъ на мѣди. Изъ дворянъ, род. 1746 г., ум. послѣ 1784 г. въ Малороссіи. Принятый въ Академію Художествъ въ 1758 г., онъ получилъ 30 іюня 1763 г. малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, а въ 1765 вышелъ уже изъ Академіи, гдѣ былъ ученикомъ Чемесова. Поступивъ затѣмъ въ гражданскую службу, онъ занималъ, въ чинѣ поручика, должность дворянскаго засѣдателя въ мглинскомъ нижнемъ земскомъ судѣ. Имъ награвированы были: «Св. Цецилія», съ карт. Рафаэля по гравюрѣ Томассена въ обратную сторону; «Мальчикъ, испугавшійся медвѣдя», съ французскаго оригинала (1762); «Купидоны на жнитвѣ», съ рис. Буше по гравюрѣ Дюфло (1763); «Слава, несущая вѣнки и медали»—виньетка на учрежденіе Академіи Художествъ (1765) и проч.

«Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худ.», Петрова, I, и «Указат. къ нему» Юндолова; Д. Ровинскій, «Словарь граверовъ». *Н. С.*

Карновскій, *Михаилъ Дмитріевичъ,* граверъ на мѣди при Московской типографіи, ученикъ Пикара; ум. послѣ 1711 г. Гравировалъ не мало мелкихъ картинокъ для книгъ, печатавшихся въ Московской типографіи, какъ напр.: изображеніе Богоматери съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ и преп. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ по сторонамъ—для «Патерика» 1702 г., царя Давида—для «Псалтыри» 1704 г., Христа во храмѣ Іудейскомъ—для «Минеи» 1706 г., Іоанна Воина—для «Службы и житія его» 1707, Всадника на конѣ, попирающаго льва и змія—для изданія «Політіколѣпная апофеози» 1709, разныхъ приборовъ—для «Ариѳметики» Магницкаго, Христа съ двумя ангелами, младенца Христа на облакахъ, Св. Семейства, Богородицы, раздирающей бѣсовскія сѣти, Воскресенія Христова (въ 2-хъ видахъ), Вознесенія Христова (въ 3-хъ видахъ), Искушенія Христа въ пустынѣ, Тайной Вечери, Страшнаго Суда, Василія Великаго; наконецъ богословскіе тезисы (на 2-хъ ли-

стахъ каждый), въ манерѣ Шхонебека, съ изображеніемъ: Стефана Новаго (1706 г.), Св. Троицы (1708), Ветхаго и Новаго Завѣта, Петра I и Полтавской баталіи (1709 г., на 16 листахъ, вмѣстѣ съ Ив. Зубовымъ).

Д. Ровинскій, «Русск. граверы», 1870, с. 33, 228—230 и 377, и «Русск. народ. карт.», III и IV; «Худож. Газета» 1838, 544; Андреевъ, «Живопись и живописцы», 476; «Nagler's Kunstler-Lex.» VI, 531 (ошибочно Карковскій). *Н. С.*

Карнѣевъ, *Егоръ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, род. въ 1773 г., ум. 17 января 1849 г. Учился сначала въ Харьковѣ, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ и 1 января 1789 г. поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. 1 января 1796 г. произведенъ въ арміи капитаны съ назначеніемъ состоять при дежурствѣ у князя Н. В. Репнина; 6 декабря 1798 г. назначенъ состоять при генералѣ-отъ-инфантеріи Ласси инспекторскимъ адъютантомъ, 11 іюня 1799 г., по волѣ императора Павла, былъ отставленъ отъ службы. 2 марта 1800 г. Карнѣевъ поступилъ на гражданскую службу цензоромъ въ Виленскую цензуру. Занимая затѣмъ послѣдовательно должности экспедитора канцеляріи генералъ-прокурора Беклешева (1801 г.), правителя канцеляріи архангельскаго (1802 г.) и николаевскаго военныхъ губернаторовъ (1803 г.), начальника отдѣленія медицинской экспедиціи Министерства внутреннихъ дѣлъ (1804 г.), начальника отдѣленія въ экспедиціи Государственнаго Хозяйства (1805 г.), онъ былъ 12 февраля 1809 г. назначенъ управляющимъ главнымъ управленіемъ мануфактуръ; 17 іюля 1811 г. былъ назначенъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Состоя въ этой должности онъ неоднократно былъ командированъ въ разныя губерніи для обозрѣнія фабрикъ и заводовъ. 30 іюня 1816 г. онъ былъ опредѣленъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго въ Москвѣ для снабженія войскъ сукнами, при чемъ за значительныя сбереженія былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степени. 25 іюня 1822 г. назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. 16 августа 1824 г. опредѣленъ управляющимъ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ Горнаго кадетскаго корпуса и членомъ совѣта Министерства финансовъ; впослѣдствіи состоялъ еще членомъ главнаго правленія училищъ (съ 1825 г.) и мануфактуръ совѣта (съ 1828 г.). Въ 1830 г. ему повелѣно было обозрѣть Луганскій литейный заводъ и изыскать на мѣстѣ средства къ приведенію его въ лучшее положеніе; въ 1836 г. Карнѣевъ былъ командированъ въ Крымъ и на бессарабскія соляныя озера для осмотра мѣстныхъ соляныхъ производствъ. Переведенный въ 1834 г. въ корпусъ горныхъ инженеровъ генералъ-лейтенантомъ, онъ неоднократно исполнялъ обязанности начальника штаба корпуса горныхъ инженеровъ. 18 апрѣля 1837 г. онъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей директора департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и Горнаго кадетскаго корпуса и пожалованъ званіемъ сенатора, съ назначеніемъ присутствовать въ Межевомъ департаментѣ сената.

Управляя горнымъ корпусомъ, Карнѣевъ много потрудился по ввѣренному ему учрежденію и занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди дѣятелей по Горному институту. Онъ значительно расширилъ помѣщеніе института, особенно — помѣщеніе лабораторіи (при этомъ въ новомъ спеціально построенномъ зданіи были соединены лабораторіи Горнаго Департамента и институтская), музеевъ и библіотеки. Въ 1825 г. была учреждена главная горная аптека для снабженія медикаментами горныхъ заводовъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ учрежденій, по цѣнамъ болѣе дешевымъ, чѣмъ прежнія. Въ 1828 г. былъ открытъ минералогическій магазинъ, на подобіе существующихъ во Фрейбергѣ, для продажи частнымъ лицамъ минералогическихъ коллекцій и химическихъ продуктовъ. Заботясь о процвѣтаніи горнаго дѣла, Карнѣевъ въ 1825 г. исходатайствовалъ разрѣшеніе издавать при горномъ департаментѣ «Горный Журналъ или собраніе свѣдѣній о горномъ и соляномъ дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по наукамъ, къ сему предмету относящимся», который долженъ былъ служить для распространенія свѣдѣній и новыхъ открытій по горной части и давать возможность служащимъ по горному вѣдомству слѣдить за успѣхами и ходомъ наукъ въ Западной Европѣ. Основаніе «Горнаго Журнала» составляетъ весьма важную заслугу Карнѣева. Самое изданіе журнала, въ составъ котораго должны были входить точныя науки, изложеніе которыхъ требуетъ величайшей внимательности и спе-

ціальныхъ знаній, по мысли Карнѣева, возлагалось на учрежденный одновременно съ тѣмъ Горный ученый комитетъ, въ обязанности котораго входило также разсмотрѣніе разныхъ проектовъ по горному дѣлу, поступавшихъ въ горный департаментъ. Въ 1826 г. благодаря стараніямъ Карнѣева были дарованы важныя права и преимущества по горной службѣ и наконецъ послѣднимъ преобразованіемъ Карнѣева—было переименованіе горнаго кадетскаго корпуса въ Горный институтъ, причемъ воспитанники двухъ высшихъ классовъ получили званіе студентовъ.

Время управленія Карнѣева было одно изъ самыхъ блистательныхъ для Горнаго института, такъ какъ, будучи человѣкомъ высокаго образованія, онъ заботился не только о спеціальномъ, но и объ общемъ образованіи кадетъ и усердно поддерживалъ преподаваніе искусствъ. При немъ былъ устроенъ въ институтѣ небольшой театръ. Онъ очень любилъ кадетъ, заботился объ улучшеніи ихъ положенія и по праздникамъ приглашалъ поочередно двухъ изъ лучшихъ воспитанниковъ къ обѣду и на цѣлый день. Когда императоръ Николай I узналъ объ этомъ, то поручилъ гр. Канкрину благодарить отъ Его имени Карнѣева и повелѣлъ производить ему 2,000 руб. особыхъ столовыхъ денегъ. Карнѣевъ возобновилъ, на время оставленную, посылку заграницу лучшихъ горныхъ офицеровъ. Не чуждъ былъ Карнѣевъ и литературнымъ занятіямъ. Зная прекрасно языки, въ особенности древніе, онъ перевелъ Корнелія Непота, Творенія Тертулліана и Лактанція, «Духъ законовъ» Монтескье, «Приключенія Бониквеста, сына Целестинова, обитателя счастливыя страны Интры», «Божественная философія въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ, открытымъ въ тройственномъ зерцалѣ: вселенныя, человѣка и священнаго писанія»—Дю-Туа. Кромѣ того въ сочиненіи «Вѣра, Надежда и Любовь» (Пб. 1854 г.) ему приписываются «Священныя пѣснопѣнія древняго Сіона, переложенныя въ стихи», вышедшія въ С.-Петербургѣ въ 1846 г.

Формуляръ Карнѣева въ архивѣ Сената. Д. Соколовъ, «Историческое и статистическое описаніе Горнаго кадетскаго корпуса», А. Лоранскій, «Историческій очеркъ Горнаго Института»; Геннади, «Словарь».

Карнѣевъ, см. *Корнѣевъ.*

Каровинъ, *Степанъ*, граверъ на мѣди, ум. 3 октября 1741 г. Посланный Петромъ I заграницу, онъ былъ отданъ Конономъ Зотовымъ въ Парижѣ учиться гравированію (1719) и награвировалъ въ 1723 г., съ оригинала Каравака, портретъ Петра I; затѣмъ служилъ контролеромъ при Нарвской портовой таможнѣ (1725—1730), потомъ переводчикомъ съ французскаго языка и секретаремъ при Академической лабораторіи.

«Архивъ кн. Куракина». I, 7; «Матер. для исторіи Акад. Наукъ», IV, 736. *Н. С.*

Карпенко, *Моисей Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 28 августа 1775 г., умеръ въ Малороссіи въ 1854 г. Онъ былъ сынъ старшины и товарища булавы войска Запорожскаго, происходилъ изъ дворянъ бывшаго екатеринославскаго намѣстничества, а по матери изъ княжеской фамиліи Туркестановыхъ. Воспитаніе получилъ домашнее. Въ 1790 г. онъ уже вступилъ подпрапорщикомъ въ Таврическій гренадерскій полкъ. Въ 1798 г. Карпенко былъ произведенъ въ подпоручики. Онъ участвовалъ во всѣхъ почти войнахъ съ конца царствованія Екатерины II и до середины царствованія Николая I: въ польской войнѣ 1792—1794 гг., въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Грузіи въ 1803 г., а въ 1804 г.—въ Персіи; въ войнахъ съ французами 1807 и 1812 гг. и въ шведской войнѣ 1808—1809 гг. онъ выдался, какъ храбрый и опытный офицеръ, хладнокровный и неустрашимый въ битвѣ. Въ шведской войнѣ, командуя въ сраженіяхъ при Пигайоки и Сигайоки авангардомъ отряда генерала Кульнева, Карпенко первый бросился на непріятеля, сбилъ его и оттѣснилъ, при чемъ самъ былъ контуженъ. Въ 1809 г. онъ отличился въ сраженіяхъ при киркѣ Шелефтѣ и при дер. Гернефорсѣ. За шведскую войну онъ былъ награжденъ чиномъ полковника и нѣсколькими орденами. Въ 1810 г. Карпенко былъ назначенъ командиромъ 26-го Егерскаго полка и въ томъ же году шефомъ 1-го Егерскаго полка. Въ войнѣ 1812 г. онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Бородинымъ и выказалъ замѣчательную неустрашимость; его полкъ понесъ въ этомъ сраженіи большія потери, самъ онъ былъ контуженъ и подъ нимъ пало три лошади. За подвиги въ этой битвѣ Карпенко былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Тарутинымъ; при отступленіи французовъ, онъ, командуя отрядомъ у Соловьевой переправы (близъ Смоленска),

нанесъ сильное пораженіе противнику; за битву при Бауценѣ онъ получилъ орденъ Георгія 3 ст. По возвращеніи въ Россію Карпенко въ 1816 г. вышелъ въ отставку. Въ 1839 г. при торжествѣ открытія памятника на Бородинскомъ полѣ онъ былъ снова принятъ на службу по личному желанію императора Николая. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1844 г.—комендантомъ крѣпости Замостья и въ 1849 г.—членомъ генералъ-аудиторіата. Умеръ въ своемъ имѣніи Буриновѣ (калужской губ., тарусскаго уѣзда). Послѣ него остались записки, которыя, впрочемъ, имѣютъ болѣе семейный интересъ. Отрывки изъ этихъ записокъ, приведены въ біографическомъ его очеркѣ, составленномъ А. Іокишемъ.

«Военный Сборникъ», 1872 г., № 1.

Карпинскій, *Александръ Львовичъ*, профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, род. 28 мая 1836 г. въ г. Быхавѣ, люблинской губерніи, ум. 30 мая 1887 г. По окончаніи курса въ Люблинской гимназіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ и въ 1862 г. окончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата; въ теченіи курса занимался подъ ближайшимъ руководствомъ К. Ѳ. Кесслера. Въ 1866 г. получилъ степень магистра зоологіи и мѣсто преподавателя естественныхъ наукъ въ прогимназіи въ Прагѣ, подъ Варшавой; въ 1869 г. назначенъ доцентомъ, а въ 1870 г. профессоромъ института въ Новой Александріи, гдѣ читалъ зоологію и энтомологію, а также рыбоводство, пчеловодство и шелководство. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ слушателей; со своей стороны онъ очень заботился о нихъ и между прочимъ положилъ основаніе кассѣ для выдачи ссудъ нуждающимся студентамъ; основнымъ фондомъ кассы послужили 2,000 р., вырученныя отъ продажи составленныхъ Карпинскимъ (на польскомъ языкѣ) брошюръ: «Объ искусственномъ размноженіи рыбъ» и «Основы прудоваго хозяйства». Ему принадлежитъ до девяти сочиненій, написанныхъ по-русски, по-польски и понѣмецки.

«Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», т. LVII, листъ 8.

Карпинскій, *Михаилъ Михайловичъ*, маіоръ корпуса горныхъ инженеровъ, род. въ Москвѣ 28 октября 1810 г.; ум. въ С.-Петербургѣ 22 апрѣля 1868 г. Сынъ оберъ-гиттенъ-фервальтера. По окончаніи въ 1829 г. курса въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ поступилъ въ округъ Богословскихъ заводовъ, гдѣ до 1838 г. состоялъ смотрителемъ поперемѣнно различныхъ золотопромывательныхъ фабрикъ и золотыхъ промысловъ; въ теченіи весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ 1830—1837 гг. онъ производилъ геогностическія изслѣдованія и поисковыя на золото работы въ названномъ округѣ, и помѣстилъ въ «Горномъ Журналѣ» нѣсколько статей по этому предмету. Произведенный въ капитаны, Карпинскій въ 1838 г. былъ переведенъ въ округъ Екатеринбургскихъ заводовъ и опредѣленъ здѣсь сперва бергмейстеромъ золотыхъ промысловъ, а затѣмъ и управляющимъ послѣдними.

По представленію министра финансовъ, 19 іюня 1836 г. Высочайше повелѣно было, въ видахъ «опредѣлительнѣйшаго основанія теоріи разысканія и разработки золотоносныхъ розсыпей въ Россіи толико важныхъ», назначить двѣ преміи по 2,500 р. за лучшее сочиненіе по теоріи и практикѣ горнаго дѣла. Къ назначенному сроку (1 марта 1839 г.) было представлено нѣсколько сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; представилъ и Карпинскій весьма обширный и обстоятельный трудъ «О золотоносныхъ розсыпяхъ». Горный ученый комитетъ разсматривавшій названныя работы, 27 февраля 1840 г., присудилъ Карпинскому изъ 5,000 р. (т. е. соединенной преміи)—4,000 р.; тысяча рублей была выдана автору другаго сочиненія, Разгильдяеву. Сочиненіе Карпинскаго, напечатанное въ «Горномъ Журналѣ», (1840 г.), нѣсколько устарѣвшее въ своей теоретической части, не утратило до сихъ поръ значенія со стороны практической.

Въ 1842 г. Карпинскій былъ произведенъ въ маіоры, а 22 января 1843 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ; вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ на себя управленіе золотыми пріисками графини Барановой и М. В. Пашкова, находившимися въ Восточной и Западной Сибири; въ началѣ же 50-хъ годовъ Карпинскій поступилъ управляющимъ мѣдиплавиленными заводами М. В. Пашкова, Воскресенскимъ и Преображенскимъ, въ Южномъ Уралѣ; ему неоднократно приходилось однако ѣздить въ Сибирь на упо-

мянутые золотые промыслы, которые, подъ руководствомъ другаго лица, дѣйствовали неудовлетворительно.

Дѣла бывшаго Штаба корпуса горн. инж. въ архивѣ Горн. департ. (аттестатъ Карпинскаго и дѣло о преміи за лучшее соч. по вол. части); нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены сыномъ покойнаго.

С. Кулибинъ.

Карпинскій, *Никонъ Карповичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, генералъ-штабъ-докторъ. Сынъ казака Лубенскаго полка, род. въ 1745 г., ум. въ 1810 г. По окончаніи курса въ Харьковской коллегіи, въ 1773 г. поступилъ въ Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Черезъ годъ произведенъ подлѣкаремъ и, какъ лучшій ученикъ, назначенъ прозекторомъ при преподавателѣ анатоміи. Въ 1776 г. утвержденъ лѣкаремъ. Въ 1778 г., оставивъ госпитальную службу, уѣхалъ за границу и въ 1781 г., защитивъ въ Страсбургѣ диссертацію «De impedimentis in lythotomia occurentibus», получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1784 г. онъ былъ назначенъ младшимъ докторомъ въ Петербургскій адмиралтейскій госпиталь, откуда черезъ полгода переведенъ въ Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь преподавателемъ анатоміи. Въ 1786 г., когда училища при военныхъ госпиталяхъ были преобразованы, получилъ званіе профессора анатоміи и физіологіи. Въ 1791 г. назначенъ членомъ Медицинской коллегіи, а по ея закрытіи въ 1804 г.—начальникомъ ученаго отдѣленія въ экспедиціи государственной медицинской управы и членомъ медицинскаго совѣта; въ 1805 г. назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ по военному вѣдомству. Онъ составилъ книгу «Pharmacopea Rossica», Petr., 1798 г., 2 ч. на латинскомъ языкѣ; книга эта издана и по-русски въ перев. И. Леонтовича, подъ заглавіемъ «Россійская фармакопея или аптека» (1802 г.); кромѣ того Карпинскій написалъ наставленіе «О лѣченіи желтой горячки». Спб. 1804 г. и участвовалъ въ составленіи карантиннаго и другихъ уставовъ, инструкцій для врачей и прочихъ изданій медицинской коллегіи. По его предложенію составленъ и напечатанъ первый Россійскій медицинскій списокъ въ 1809 г.

Зиѣевъ. «Русскіе врачи писат.»; Геннади, «Словарь»; Чистовичъ, «Ист. первыхъ медиц. школъ въ Россіи»; Никитинъ, «Обзоръ медиц. въ Россіи въ царств. Имп. Ек. II»; «Всеобщ. журн. врачеб. науки», 1811, № 1, 109—114.

Карповичъ, *Михаилъ Францискъ*, первый епископъ вигерской римско-католической епархіи, просуществовавшей съ 1798 до 1818 г. въ предѣлахъ сувалкской губерніи и бывшей бѣлостокской области. Род. въ 1744 г., ум. въ октябрѣ 1803 г., происходилъ изъ дворянъ брестскаго уѣзда, обучался въ Варшавской семинаріи миссіонеровъ. Съ 1772 г. состоялъ профессоромъ Главной духовной римско-католической семинаріи въ Вильнѣ, получилъ степень доктора богословія и затѣмъ должность въ епархіальномъ капитулѣ, съ званіемъ смоленскаго архидіакона. Въ 1798 г. возведенъ въ епископы вигерской епархіи. Карповичъ извѣстенъ, какъ выдающійся проповѣдникъ; его, по краснорѣчью, сравнивали съ Массиліономъ. Сборникъ его проповѣдей и рѣчей по различнымъ случаямъ изданъ въ Варшавѣ 1808—14 гг. въ 8-ми томахъ и переведенъ затѣмъ на чешскій языкъ.

«Encyklopedyi Kosciolnej», (К. М. Новодворскаго), t. X.

Карповъ, *Василій Николаевичъ*, профессоръ, род. 2 апрѣля 1798 г., ум. 8 декабря 1867 г. Сынъ священника села Хрѣноваго, воронежской губерніи. Образованіе получилъ въ Воронежской семинаріи и Кіевской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса въ 1825 г. Карповъ былъ опредѣленъ учителемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ Кіевскую духовную семинарію. Въ 1827 г. утвержденъ въ степени магистра; 26 октября 1829 г. переведенъ въ Кіевскую академію на должность баккалавра французскаго языка. Съ 10 марта 1831 г. исправлялъ должность баккалавра философскихъ наукъ въ академіи. Въ октябрѣ 1833 г. переведенъ въ Петербургскую академію. Здѣсь въ 1834 г. онъ исправлялъ должность библіотекаря, съ 1835 г. — профессора философскихъ наукъ и 7 октября этого года утвержденъ прямо изъ баккалавровъ ординарнымъ профессоромъ. Нѣсколько разъ во время своей службы исправлялъ должности отсутствовавшихъ профессоровъ физики и греческаго языка. Привелъ въ прекрасный порядокъ академическую библіотеку. Въ 1855 г. опредѣленъ членомъ духовно-цензурнаго комитета. Съ 1844 г. вмѣсто философіи преподавалъ въ академіи исторію философіи, съ 1855 г. и логику, съ 1859 г. логику и исто-

рію послѣ-кантовской философіи, съ 1865 г. логику и психологію. Былъ не разъ назначаемъ для обозрѣнія семинарій и училищъ. Его сочиненія: «Систематическое изложеніе логики», 1856 г.; переводъ сочиненій Платона съ греческаго на русскій, тт. I—IV изд. 1863 г., тт. V и VI изд. 1879 г., посмертное; въ 1859—1860 гг. печаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» статьи «О раціонализмѣ философскомъ», въ 1867 г.—«О нравственныхъ началахъ»; въ «Странникѣ» напечаталъ: «О самопознаніи» (1860 г.), рецензію на II т. «Философскаго лексикона» Гогоцкаго (1861 г.), «О безсмертіи души—противъ натурализма», разговоръ (1861 г.); въ «Радугѣ» въ 1866 г. «Систематическая форма философскаго раціонализма, или науко-ученіе Фихте». Подъ его редакціей переведены: «Церковная исторія» Евсевія и изданъ переводъ греческихъ историковъ: Вріеннія, Киннама, Анны Комниной и Пахимера. Кромѣ того, помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ «Странникѣ», подъ псевдонимомъ Хрѣновскаго: Ясли (1865 г.), На землѣ миръ (1866 г.), Глумленіе надъ Крестоносцемъ (1866 г.), Нигилизмъ (1866 г.). Послѣ его смерти напечатаны: въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1868 г. «Введеніе въ философію», въ «Странникѣ» того же года: «Мысли изъ уроковъ философіи нравственнаго міра». Кромѣ того, много мелкихъ статей напечаталъ Карповъ въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія», въ «Пропилеяхъ», въ «Странникѣ», въ «Чтеніи для дѣтей». Съ разрѣшенія Св. Синода С.-Петербургская духовная академія въ залѣ собраній поставила его мраморный бюстъ.

«Христ. Чтеніе», 1868, №2; Чистовичъ, «С.-Пет. дух. академія»; «Вопросы филол. и психол.», 1890, № 4; «Воронеж. епарх. вѣд.», 1868 и 1869.

С. Г. Р.

Карповъ, *Геннадій Ѳедоровичъ*, докторъ русской исторіи, род. 2 февраля 1839 г., ум. 24 апрѣля 1890 г. Онъ былъ сынъ смотрителя углицкаго народнаго училища, учился въ борисоглѣбскомъ духовномъ училищѣ, въ ростовскомъ уѣздномъ училищѣ и въ ярославской гимназіи; окончивъ въ ней курсъ въ 1855 г., поступилъ въ Демидовскій лицей, но черезъ два года оставилъ его и, не имѣя никакихъ средствъ, пѣшкомъ пришелъ въ Москву, и поступилъ на юридическій факультетъ университета. Заработывая себѣ средства къ существованію тяжелымъ трудомъ, Г. О. Карповъ въ 1861 г. окончилъ курсъ и, по рекомендаціи С. М. Соловьева, обратившаго вниманіе на даровитаго и прилежнаго слушателя, былъ назначенъ репетиторомъ въ Александровское военное училище; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ причисленъ былъ къ университету для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1867 г. онъ защитилъ диссертацію на степень магистра русской исторіи «Исторія борьбы Московскаго государства съ польско-литовскимъ (1462—1508)» и былъ назначенъ доцентомъ въ Харьковскій университетъ; въ 1870 г. онъ получилъ степень доктора за диссертацію «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся». Въ 1871 г. онъ оставилъ службу въ университетѣ; въ это время въ матеріальномъ отношеніи положеніе его значительно улучшилось; онъ переселился въ Москву и отдался научнымъ занятіямъ. 15 октября 1866 г. еще онъ былъ избранъ членомъ Императорскаго общества исторіи и древностей, 6 мая 1873 г.—членомъ Археографической коммисіи, 17 марта 1880 г. членомъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ занятіяхъ этихъ ученыхъ обществъ и учрежденій онъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Подъ его редакціею вышло нѣсколько изданій; въ Археографической коммисіи онъ постоянно принималъ участіе въ разборѣ и оцѣнкѣ различныхъ древнихъ документовъ, въ Обществѣ исторіи и древностей въ теченіи 12-ти лѣтъ былъ казначеемъ. Послѣ смерти Г. Ѳ. Карпова его вдова, А. Т. Карпова, рожденная Морозова, внесла въ Общество исторіи и древностей 11.500 р. съ тѣмъ, чтобы ежегодно проценты съ этихъ денегъ выдавались въ видѣ преміи за ученыя изслѣдованія въ области русской исторіи, при чемъ преимущество отдается трудамъ, посвященнымъ исторіи Малороссіи.

Одинъ изъ ближайшихъ учениковъ С. М. Соловьева, Г. Ѳ. Карповъ направилъ свое вниманіе преимущественно на изученіе процесса образованія и устроенія русскаго государства; послѣдовательно онъ изучалъ самые рѣшительные кризисы, какіе переживала Московская Русь въ работѣ надъ государственнымъ объединеніемъ русскаго народа. Богатство и свѣжесть данныхъ о древней русской жизни, извлеченныхъ С. М.

Соловьевымъ изъ его архивныхъ работъ, привлекли вниманіе и Г. Ѳ. Карпова преимущественно къ изученію матеріала архивнаго. Первый ученый трудъ Г. Ѳ. Карпова «Очерки изъ исторіи россійской церковной іерархіи» (напечатанъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» кн. 3 и 4 за 1864 г.) посвященъ былъ изученію церковно-нравственныхъ силъ, поддерживавшихъ въ русскомъ народѣ стремленіе объединиться; въ магистерской диссертаціи, напечатанной въ 3 и 4 книгахъ «Чтеній» Московскаго общества за 1866 г., авторъ разсмотрѣлъ объединительную дѣятельность великаго князя Іоанна Васильевича III и далъ замѣчательную оцѣнку многихъ источниковъ для исторіи того времени, источниковъ, извѣстныхъ и ранѣе, но впервые имъ критически разсмотрѣнныхъ. Впослѣдствіи Г. Ѳ. Карповъ обратился къ вопросу о возсоединеніи Малой Россіи съ Великою; но состояніе источниковъ, необходимыхъ для этой работы и въ особенности ошибки нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдованій по тому же вопросу, потребовали столькихъ предварительныхъ критическихъ изслѣдованій, что Г. Ѳ. Карповъ цѣлую докторскую диссертацію посвятилъ «Критическому обзору разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся за время 8 января 1651 г.—30 мая 1672 г.». Тутъ онъ съ большимъ умѣньемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою смѣлостью выдѣлилъ первоначальную, фактическую основу въ повѣствованіяхъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ, отъ позднѣйшихъ прибавленій и баснословій; нерѣдко ему приходилось не только опровергать вымыслы, но еще и указывать, какъ и даже для чего въ иныхъ ученыхъ трудахъ эти вымыслы поддерживались. Многіе выводы и замѣчанія Г. Ѳ. Карпова вызвали противъ него упреки въ слишкомъ пристрастномъ, московскомъ отношеніи его къ Богдану Хмѣльницкому; но лучшимъ отвѣтомъ на подобныя обвиненія могутъ служить слова въ послѣдней статьѣ Г. Ѳ. Карпова «Въ защиту Богдана Хмѣльницкаго» («Чтенія», 1889 г.), гдѣ онъ говоритъ: «Народъ, могущій выставить изъ себя Богдана Хмѣльницкаго и не отступать въ продолженіе вѣковъ отъ разъ высказаннаго своего обѣщанія: «Боже утверди! Боже, укрѣпи! чтобъ есмы во вѣки всѣ едино были»—такой народъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и уваженія».

Кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ Г. Ѳ. Карповъ написалъ еще, не считая мелкихъ статей и замѣтокъ, слѣдующія работы: «Митрополія кіевская и московское правительство во время объединенія Малороссіи съ Великою Россіей» («Православное Обозрѣніе», 1871, №№ 8, 9); «Начало исторической дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго», М. 1873; «Діонисій Балабанъ, митрополитъ кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевской церковной іерархіи къ московскому правительству» («Православное Обозрѣніе», 1874 г. № 1); «Меѳодій Филимоновичъ, епископъ мстиславскій и оршанскій, блюститель кіевской митрополіи», (тамъ же, 1875); «Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи» (1871); «Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей» (1872); «О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи» (1875); «Малороссійскіе города въ эпоху соединенія съ Великою Россіею» (1876). Кромѣ того, подъ редакціею Г. Ѳ. Карпова напечатаны: «Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи», тт. X и XIV и четыре тома «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»: тт. 35 и 54, заключающіе «Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польско-Литовскимъ государствомъ» 1482—1560, т. 41—«Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Крымскою и Ногайскою ордами и Турціею» 1487—1533, и т. 53, заключающій «Памятникъ сношеній съ Нѣмецкимъ орденомъ за 1533—1558 гг.»; на средства Г. Ѳ. Карпова сдѣлано изданіе фотографическаго снимка съ Изборника 1073 г. в. кн. Святослава.

«Чтенія Москов. Общ. исторіи и древ. россійск.», 1892, I,—рѣчь В. О. Ключевскаго; «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.», 1892, іюнь, статья Е. В. Барсова.

Карповъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, бояринъ, ум. въ 1530 г. Въ 1508 г. встрѣчалъ пословъ Менгли-Гирея съ Никитой Романовымъ и дьякомъ Лукинымъ. Вскорѣ послѣ того онъ произведенъ былъ въ окольничіе, а въ 1517 г. въ бояре. Въ 1530 г. онъ велъ переговоры съ казанскими послами, Табаемъ и его товарищами, по вопросу о сверженіи съ казанскаго престола царя Сафа-Гирея и замѣнѣ его Шигъ-Алеемъ, а потомъ Еналеемъ. Между сочиненіями Максима Грека, между прочимъ, значится одно посланіе его къ Ѳ. И. Карпову.

Собр. лѣт. VIII, 275—276; Др. росс. Вивліоѳ. XX, 19 24; Карамз. VII, пр. 42, 306, 341.

А. Э.

Карпъ, основатель ереси стригольниковъ, разстриженный дьяконъ; лѣтописи упоминаютъ о немъ, однако, очень мало; въ 1376 г. онъ съ нѣкимъ Никитою былъ сброшенъ съ моста въ Волховъ и утопленъ.

Макарій, «Ист. русской церкви», IV, 148; Иловайскій, «Исторія Россіи», II, 408, пр. 87.

Карташевскій, *Григорій Ивановичъ*, сенаторъ, попечитель виленскаго учебнаго округа. Изъ дворянъ, род. 18 сентября 1777 г., ум. 12 августа 1840 г. Въ 1791 г. поступилъ въ Московскій университетъ, въ 1796 г. окончилъ курсъ и въ 1799 г. назначенъ учителемъ математики въ Казанскую гимназію. Въ 1805 г. при основаніи въ Казани университета назначенъ адъюнктомъ для преподаванія высшей математики. Онъ очень любилъ свой предметъ и свое дѣло; для того, чтобъ имѣть возможность лучше исполнять свои университетскія обязанности, онъ оставилъ преподаваніе въ гимназіи и сосредоточился только на университетскихъ занятіяхъ; лекціи онъ читалъ не по чужимъ курсамъ, а по собственнымъ запискамъ и собирался представить свои работы въ Академію Наукъ, чтобы получить высшія ученыя степени. Но нѣкоторые поступки директора университета, Яковкина, вызвали противъ него неудовольствіе многихъ профессоровъ; начались между преподавателями столкновенія и 5 декабря 1806 г., въ числѣ другихъ и Карташевскій былъ уволенъ отъ университетской службы. Несомнѣнно, что университетъ потерялъ въ немъ полезнаго дѣятеля, потому что онъ отлично умѣлъ возбуждать въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ и къ труду. Въ сентябрѣ 1807 г. Карташевскій получилъ мѣсто редакторскаго помощника въ коммисіи составленія законовъ; въ коммисіи этой работали нѣкоторые бывшіе профессора Казанскаго университета и, вѣроятно, Карташевскій былъ принятъ по рекомендаціи кого нибудь изъ нихъ. Въ 1809 г. онъ былъ назначенъ столоначальникомъ въ экспедицію государственнаго хозяйства; затѣмъ служилъ по департаментамъ государственнаго хозяйства и разныхъ податей и сборовъ. 16 мая 1824 г. назначенъ директоромъ департамента въ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; 3 августа 1829 г. назначенъ попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа; 7 марта 1835 г. уволенъ по болѣзни отъ службы съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника; 28 іюня 1839 г.» назначенъ сенаторомъ. — С. Т. Аксаковъ, близко знавшій Карташевскаго, рисуетъ его личность самыми симпатичными чертами.

Формуляръ въ Сенатѣ, № 1915; «Извѣстія Казан. унив.», 1875, т. XI, 268—271. Буличъ, «Изъ первыхъ лѣтъ Казан. унив.», I, 75, 78, 383 и др.; Аксаковъ, «Семейн. хроника и воспомин.», 331—335 и др.

Карусъ, *Эрнстъ Августъ*, профессоръ Дерптскаго университета, род. въ 1798 г., ум. 14 марта 1854 г. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ, получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ въ 1822 г. степень доктора философіи, медицины и хирургіи. Въ 1844 г., когда онъ состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ Лейпцигскаго университета, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ Дерптскаго университета по каѳедрѣ хирургіи. Въ теченіи своей службы получилъ два раза Высочайшее благоволеніе за хорошее состояніе ввѣренной ему клиники. Въ началѣ 1854 г. получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ для поправленія разстроеннаго здоровья, но успѣлъ только доѣхать до Берлина и тамъ умеръ.

Карцевъ, *Николай Петровичъ*, музыкантъ, род. въ 1845 г., умеръ 5 марта 1878 г. Окончилъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія и нѣкоторое время состоялъ на государственной службѣ, но затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ посвятилъ себя занятіямъ музыкою въ консерваторіи и у извѣстнаго композитора Рейнеке. Возвратившись въ Россію, онъ сначала писалъ музыкальную критику въ нѣкоторыхъ газетахъ, затѣмъ пріобрѣлъ отъ Макарова журналъ «Музыкальный Свѣтъ»; будучи самъ недурнымъ композиторомъ и отличнымъ знатокомъ музыки, съ большимъ успѣхомъ издавалъ его нѣсколько лѣтъ.

«Голосъ», 1878, № 66.

Карцевъ, *Яковъ Ивановичъ*, сынъ священника смоленской епархіи, профессоръ Царскосельскаго лицея, род. въ 1785 г., умеръ 15 февраля 1836 г. Образованіе получилъ въ Смоленской семинаріи, въ Петербургской Ларинской гимназіи и въ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ которомъ и кончилъ курсъ въ 1807 г. Въ числѣ 12-ти лучшихъ воспитанниковъ отправленъ былъ въ 1808 г. за границу, а въ 1811 г., по выдержаніи экза-

мена при Академіи Наукъ, назначенъ адъюнктъ-профессоромъ на каѳедру физико-математическихъ наукъ въ только что открытый Императорскій лицей въ Царскомъ Селѣ. Онъ устроилъ при лицеѣ и описалъ кабинеты физическій и минералогическій; въ 1818 г. былъ избранъ членомъ минералогическаго общества; съ 1831 г. преподавалъ физику и механику въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и физико-математическія науки принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

«Памят. книжка Императ. Александр. лицея на 1856—1857 г., 164—169.

Карцовъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 22 марта 1817 г., ум. 29 ноября 1875 г. Изъ дворянъ новгородской губ., воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ; службу началъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку 7 марта 1836 г.; въ 1841 г. окончилъ курсъ первымъ въ Императорской военной академіи и былъ переведенъ въ Гвардейскій генеральный штабъ. Послѣ двухлѣтняго управленія воспитательнымъ отдѣленіемъ штаба Его Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній назначенъ въ 1850 г. главнымъ наблюдателемъ по преподаванію военныхъ наукъ въ названныхъ заведеніяхъ. Съ 1847 по 1856 г. Карцовъ читалъ лекціи по тактикѣ въ Военной Академіи, сначала въ качествѣ адъюнктъ-профессора, а съ 1850 г.—въ званіи профессора и въ то же время приглашенъ былъ преподавать этотъ предметъ и военную исторію великимъ князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу. Одновременно съ преподавательскою и учено-литературною дѣятельностью, плодами которой явились: «Курсъ тактики» въ 2 томахъ (1850—22 г.г.) и «Военно-историческіе обзоры войнъ Сѣверной, 1812 и 1813 г.» (Спб. 1851 — 1853 г.г.), Карцовъ участвовалъ въ работахъ коммиссіи по обсужденію мѣръ къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря, по разработкѣ улучшеній по военной части и по устройству спеціальной кавалерійской школы и исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера Штаба главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами, а съ 26 августа 1856 г., произведенный въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, состоялъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Въ 1858 г. былъ назначенъ преподавать тактику и военную исторію Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ 1860 г. Карцевъ получилъ назначеніе состоять въ распоряженіи главнокомандующаго на Кавказѣ, затѣмъ былъ начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи, причемъ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами и за боевыя отличія получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, орденъ Бѣлаго Орла, аренду по 3000 руб. на 12 лѣтъ и 6000 десятинъ земли въ кубанской области; въ то-же время назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ должности помощника главнокомандующаго Кавказскою арміею, 14 апрѣля 1868 г. назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, 30 августа 1869 г.—командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа. Состоя въ этой должности, онъ участвовалъ въ трудахъ Главнаго распорядительнаго комитета по перевооруженію арміи и въ коммиссіи по организаціи войскъ; въ 1870 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, въ 1872 получилъ знаки орд. св. Александра Невскаго, бриллiантами украшенные.

Формул. списокъ въ дѣлѣ 3 ст. 6 отд. Главн. Штаба 1873 г. № 984; Глиноецкій «Исторія Никол. Акад. Генер. Штаба». *С. Н. П.*

Карцовъ, *Петръ Кондратьевичъ*, адмиралъ, род. въ 1750 году, умеръ 24 февраля 1830 года. Воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ 1761 году и по окончаніи въ немъ курса наукъ въ 1766 году былъ выпущенъ гардемариномъ въ Черноморскій флотъ; участвовалъ въ сраженіи при Чесмѣ и въ высадкѣ десантныхъ войскъ при осадѣ крѣпости Митилины. Въ 1789 г. участвовалъ въ сраженіи со шведскимъ флотомъ у о. Гохланда, командуя кораблемъ «Вячеславъ», и за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. 15 мая 1790 года перешелъ на службу въ Коммисаріатскую экспедицію, въ 1793 году, былъ опредѣленъ въ Морской корпусъ подполковникомъ. Въ 1796 году произведенъ въ генералъ-маіоры, мѣсяцъ спустя переименованъ въ контръ-адмиралы и по Высочайшему повелѣнію посланъ въ черноморскій флотъ для производства инспекторскихъ смотровъ. Затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ эскадры, отправляемой въ Англію. Въ 1801 году былъ назначенъ членомъ Адмиралтействъ коллегіи, а годъ

спустя директоромъ Морскаго корпуса. Онъ значительно улучшилъ учебную часть корпуса, особенно благодаря содѣйствію инспектора классовъ, П. Я. Гамалѣи. Въ 1819 г. Карцовъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1822 году членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1824 г. испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на увольненіе отъ должности директора корпуса, сохранивъ за собою званіе члена Государственнаго Совѣта.

«Записки Учен. Комит. Глав. Морс. Штаба», ч. V; Веселаго, «Очеркъ исторіи Морскаго кадетскаго корпуса».

Карчевскій, *Викентій Іосифовичъ*, магистръ философіи, помощникъ астронома при виленской астрономической обсерваторіи, род. въ 1789 г., ум. въ 1832 г. Учился въ учительской семинаріи; съ 1808 по 1811 г. состоялъ, какъ студентъ, при астрономической обсерваторіи; въ 1811 г. удостоенъ степени магистра. Въ 1814 г. ему было поручено временно преподавать астрономію въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1818 г., отправился во Францію для усовершенствованія въ математическихъ наукахъ; въ Парижѣ познакомился съ учеными знаменитостями того времени и переиздалъ сочиненіе Снядецкаго о Коперникѣ. Возвратясь изъ за границы въ 1821 г. получилъ должность учителя математики въ Кѣлецкой гимназіи, затѣмъ должность адъюнкта при краковской астрономической обсерваторіи, которую и занималъ до 1828 г. Добивался профессуры, но не удовлетворилъ требованіямъ конкурса, отказался отъ должности и вернулся въ Вильно; въ 1830 г. получилъ должность помощника астронома при астрономической обсерваторіи Виленскаго университета, которую и занималъ до смерти. Его сочиненія: 1) Początki aryfmetiki. 2) Początki geometryi. Kielce 1823. 3) O piamack na sloncu (Dzienn. Wil. 1815, II, 187). 4) O gwiazdach konstelacyachi o sposobie ich poznawania и др.

Адр.-календарь; Bielinski, «Stan Nauk».

Карчевскій, *Іосифъ*, агрономъ, род. въ 1780 г., ум. 28 января 1853 г. Былъ сначала межевымъ судьею, адвокатомъ при главныхъ литовскихъ судахъ; затѣмъ поступилъ генеральнымъ защитникомъ, а послѣ генеральнымъ прокуроромъ имѣній князя Доминика Радзивила. Въ 1829 г. вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторое время былъ секретаремъ бывшаго въ Вильнѣ общества Шубравцовъ, участвовалъ въ издаваемой этимъ обществомъ газетѣ «Уличныя извѣстія». Состоялъ членомъ-корреспондентомъ С.-Петербургскаго агрономическаго комитета, отъ котораго имѣлъ похвальный отзывъ, и членомъ-корреспондентомъ Виленскаго губернскаго статистическаго комитета. Напечатано его произведеніе «Совѣты отца сыновьямъ».

«Виленскія губ. вѣдом.», 1853 г., № 9.

С. Г. Р.

Каръ, *Алексѣй Филипповичъ*, статскій совѣтникъ, род. въ 1680 г., умеръ въ 1756 г. Отецъ его былъ полковникомъ и въ его полку Алексѣй Каръ былъ произведенъ въ прапорщики бояриномъ Шеинымъ въ 1693 г.; затѣмъ онъ участвовалъ въ Азовскихъ походахъ и въ Великой Сѣверной войнѣ, былъ при взятіи Копорья, Ямбурга и Нарвы и былъ раненъ въ Полтавской битвѣ; въ чинѣ маіора принималъ участіе во многихъ дѣлахъ въ Финляндіи и на морѣ. Въ 1741 г. переведенъ изъ военной службы въ статскую и назначенъ въ ямскую канцелярію; въ 1742 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ главнымъ командиромъ въ Соляную контору. Одинъ изъ его двухъ сыновей, Василій, получилъ печальную извѣстность своими неудачными дѣйствіями противъ Пугачева.

Собственноручная записка Кара о своей службѣ, въ Моск. Ар. Мин. Юстиціи, дѣло Сената, № 21—8122, стр. 874—875.

Каръ, *Василій Алексѣевичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ статскаго совѣтника А. Ф. Кара, род. по собственнымъ показаніямъ въ 1730 г., по показанію же своего отца—въ 1732 г.; ум. послѣ 1775 г. Зачисленъ былъ въ службу въ 1740 г.; 4 января 1742 г. зачисленъ въ пажи, въ 1748 г. выпущенъ поручикомъ въ Виленскій пѣхотный полкъ, въ 1757 г. былъ волонтеромъ при австрійской арміи, въ 1758 г.—при французской, въ 1760—1761 гг. находился при русской арміи и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1766 г., въ чинѣ полковника, былъ отправленъ въ Польшу, въ распоряженіе князя Репнина и назначенъ былъ состоять при князѣ Радзивилѣ, который въ это время принялъ сторону русскаго правительства, получилъ позволеніе вернуться въ Польшу и вступить въ управленіе своими имѣніями, но за которымъ, въ виду извѣстной слабости его характера и его непостоянства, необхо-

димо было имѣть бдительный надзоръ; нѣсколько разъ въ теченіи 1767 и 1768 гг. В. А. Каръ пріѣзжалъ съ депешами и устными докладами отъ кн. Н. В. Репнина къ гр. Н. И. Панину; онъ же командовалъ русскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ Радомѣ, въ іюнѣ 1767 г., когда тамъ составлялась генеральная конфедерація и очень успѣшно выполнилъ всѣ предписанія кн. Репнина, клонившіяся къ тому, чтобы заставить съѣхавшихся пословъ исполнить всѣ требованія Россіи. Въ маѣ 1769 г. онъ былъ назначенъ командиромъ сформированнаго при началѣ войны съ Турціей легіона, получившаго сначала имя Иностраннаго, затѣмъ переименованнаго въ Петербургскій. 1 января 1770 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ декабрѣ того же года получилъ заграничный отпускъ на теплыя воды для леченія. Возвратившись въ октябрѣ 1773 г., онъ въ Петербургѣ руководилъ наборомъ рекрутъ, а затѣмъ былъ отправленъ для дѣйствій противъ самозванца Пугачева. 14 октября Военная коллегія дала ему указъ «какъ наискорѣе отсюда отправясь, слѣдовать въ Казань, а оттуда, усматривая надобность, и въ Оренбургъ,» тамъ «учинить надъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить;» казанскому и оренбургскому губернаторамъ предписано было дѣйствовать по соглашенію съ Каромъ, и на театръ возстанія были уже отправлены военныя силы, которыми правительство находило возможнымъ располагать. Каръ выѣхалъ изъ Петербурга въ самый день объявленія ему указа, въ Москву прибылъ 20 октября, на слѣдующій же день выѣхалъ далѣе и 30 октября пріѣхалъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, находившійся въ 432 в. отъ Оренбурга. Онъ опередилъ всѣ команды, которыя должны были поступить подъ его начальство и могъ располагать только тѣми силами, которыя уже до него находились на мѣстѣ и состояли изъ 1600 чел. гарнизонныхъ солдатъ, 1200 чел. вооруженныхъ поселянъ и 606 человѣкъ полевыхъ войскъ. Казанскій губернаторъ ген.-пор. Брандтъ увѣрялъ его, что шайка Пугачева состоитъ изъ совершенно неопаснаго сброда. Каръ, видѣлъ недостаточность своихъ силъ, но надѣялся быстрымъ нападеніемъ разсѣять мятежниковъ и 2 ноября двинулся къ Оренбургу, съ отрядомъ въ 1467 человѣкъ. 7 ноября онъ узналъ, что толпа мятежниковъ разграбила Авзяно-Петровскій заводъ и рѣшился сначала уничтожить эту толпу. Къ вечеру его отрядъ встрѣтился уже съ мятежниками, но наступившая темнота не позволила начать нападенія. Слѣдующій день Каръ простоялъ на мѣстѣ, въ деревнѣ Юзеевой, ожидая отряда, силою приблизительно въ 200 чел., который долженъ былъ къ нему присоединиться, и не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. Мятежники не показывались и Каръ былъ увѣренъ, что они разсѣялись; но они находились поблизости, узнали о приближеніи помянутаго отряда и ночью неожиданно напали на этотъ отрядъ во время движенія, съ тыла; солдаты, послѣ первыхъ же выстрѣловъ, положили оружіе и отказались защищаться. Понявъ, что шедшее къ нему подкрѣпленіе уничтожено, Каръ рѣшился и самъ отступать, но едва двинулся утромъ 9 ноября, какъ былъ немедленно атакованъ толпою мятежниковъ тысячи въ двѣ человѣкъ, съ девятью орудіями, тогда какъ у Кара было всего четыре орудія и къ тому же значительно меньшаго калибра. Конные татары и вооруженные крестьяне передались на сторону мятежниковъ, колебаніе обнаруживалось и среди солдатъ, но Каръ, ген.-маіоръ Фрейманъ и маіоръ Варнстедтъ успѣли удержать порядокъ. Отстрѣливаясь, отрядъ отступилъ къ дер. Сарманаевой, 17 верстъ преслѣдуемый мятежниками. Потерявъ до 125 чел., сохранивъ всего 167 зарядовъ и не имѣя почти никакихъ средствъ получать продовольствіе, Каръ отступилъ далѣе. Въ то же время онъ узналъ, что отрядъ полковника Чернышева, въ количествѣ до 1200 чел., получившій отъ него приказаніе проникнуть въ Оренбургъ, истребленъ мятежниками. Наступившіе холода имѣли слѣдствіемъ сильное развитіе въ отрядѣ Кара болѣзней; онъ заболѣлъ и самъ. Тогда, отступивъ къ Бугульмѣ, онъ распорядился только прикрывать границы казанской губерніи, а самъ счелъ нужнымъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить лично докладъ о положеніи дѣлъ въ краѣ; къ тому же и его нездоровье увеличилось и 18 ноября, сдавъ въ с. Шалты начальство Фрейману, онъ уѣхалъ въ Казань, а отсюда 23 ноября выѣхалъ въ Москву; 29 числа, въ 10 в. отъ Москвы, онъ встрѣ-

тилъ курьера отъ президента Военной коллегіи, гр. З. Г. Чернышева, который везъ отвѣтъ Кару на его донесеніе о намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, запрещавшій ему оставлять отрядъ и даже требовавшій, чтобы онъ возвратился немедленно къ своему посту, если письмо это застанетъ его уже въ дорогѣ. Каръ, однако, совершенно больной, рѣшился въѣхать въ Москву. Пріѣздъ его произвелъ въ городѣ сильнѣйшее впечатлѣніе, вызвалъ общее негодованіе. По приказанію императрицы главнокомандующій въ Москвѣ, кн. М. Н. Волконскій, объявилъ Кару запрещеніе ѣхать въ Петербургъ, а 30 декабря 1773 г. изъ Военной коллегіи послѣдовалъ указъ объ исключеніи Кара изъ службы.—Нельзя, конечно, не признать въ дѣйствіяхъ Кара нѣкоторыхъ ошибокъ, и не видѣть неблагопріятныхъ послѣдствій ихъ для дальнѣйшей борьбы съ мятежомъ. Но во многомъ эти слѣдствія зависѣли не отъ Кара, а отъ сложившихся помимо его обстоятельствъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка на мѣстѣ войскъ. Главнѣйшая его ошибка была въ томъ, что онъ бросился дѣйствовать, не ознакомившись хорошо съ положеніемъ дѣла; А. И. Бибиковъ этой ошибки не повторилъ. Но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній видѣть въ поступкѣ Кара бѣгство съ театра дѣйствій и даже вообще обвинять его въ трусости. Онъ явился тою несчастною жертвою, какой обыкновенно общество требуетъ при неприятныхъ неудачахъ. Годъ смерти В. А. Кара неизвѣстенъ; онъ жилъ въ уединеніи, совершенно забытый современниками.

Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники», II, 62—66, 90—112, 151—166; «Сборн. Имп. Русс. Истор. Общ.,» т. т. 67, 87; Beer, «Die erste Theilung Polens,» I.

Касимъ, см. Каисымъ.

Касовскій, *Харлампій Романовичъ*, живописецъ. Род. 1755 г., ум. въ 1790-хъ годахъ. Сынъ священника Владимірской церкви въ С.-Петербургѣ и воспитанникъ Академіи Художествъ (съ 1766 г.), онъ учился у Хр. Грота и Г. Серебрякова и оставилъ послѣ себя нѣсколько пейзажей, скопированныхъ съ Бергема въ 1770-хъ г.г. и находившихся прежде въ Академической галлереѣ.

Архивъ Акад. Худ., дѣло 1818, № 61 (по стар. нумер.). *Н. С.*

Кассель, *Роза Ѳеодоровна*, инспектриса Александровской половины Смольнаго института; умерла въ апрѣлѣ 1877 г., 92-хъ лѣтъ. Должность инспектриссы занимала двадцать пять лѣтъ и пользовалась глубокимъ уваженіемъ и искренними симпатіями своихъ слушательницъ, къ которымъ она всегда относилась съ истинно-материнскою заботливостью.

Кассини, графъ *Викторъ Ивановичъ*, (Vittorio-Maria-Gioachino Capizucchi Conte di Cassine di Strada) потомокъ древняго италіянскаго рода, род. 8 октября 1754 г., умеръ въ темницѣ въ 1811 г. Будучи человѣкомъ любознательнымъ, онъ отправился путешествовать, въ Яссахъ сталъ извѣстенъ кн. Потемкину и былъ имъ приглашенъ въ русскую службу (въ іюлѣ 1790 г.); въ 1793 г. Потемкинъ посылалъ его въ Варшаву съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ; въ Варшавѣ Кассини былъ израненъ чернью и посаженъ въ тюрьму, откуда былъ освобожденъ по требованію русскаго правительства и получилъ въ награду чинъ премьеръ-маіора, 500 червонцевъ и брилліантовый перстень (1 января 1794). Въ слѣдующемъ году Кассини былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ, а въ 1801 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Римѣ, гдѣ оставался до 1809 г., когда навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона, былъ арестованъ въ Падуѣ и посаженъ въ фортъ Финестрель, гдѣ и скончался въ заключеніи въ 1811 году. Единственный сынъ его гр. Павелъ Викторовичъ (род. 7 декабря 1797, † 11 апрѣля 1871) былъ дѣйствит. ст. совѣт. и генеральнымъ консуломъ въ Тріестѣ, а затѣмъ въ Венеціи, а одинъ изъ внуковъ—гр. Артуръ Павловичъ—нынѣ русскій посланникъ въ Китаѣ.

В. Румель.

Кассіанъ, преподобный авнежскій. Во второй половинѣ XIV в. въ Авнежской волости, по р. Сухонѣ, поселились отшельники Стефанъ, ученикъ св. Сергія радонежскаго, и Григорій. Около 1370 г. они поставили церковь и кельи. Имъ много помогалъ мѣстный богатый селянинъ, по имени Константинъ Дмитріевичъ, который затѣмъ и самъ постригся въ монахи съ именемъ Кассіана, и былъ поставленъ келаремъ новой обители, когда в. кн. Дмитрій Іоанновичъ вызвалъ Стефана на Москву. Въ концѣ XIV в. обитель много терпѣла отъ набѣговъ казанскихъ татаръ и вятчанъ, и въ одинъ изъ такихъ набѣговъ, въ 1392 г., были убиты оба подвижника, слѣдствіемъ чего было запустѣніе обители. Въ 1524 г. одинъ авнежскій

селянинъ, при расчисткѣ лѣса, нашелъ ихъ мощи. Надъ ними поставлена была часовня. Въ 1560 г. игуменъ Троицкаго монастыря Варлаамъ, на царское иждивеніе, построилъ у гроба угодниковъ монастырь. Мощи ихъ, по благословенію митр. Макарія, свидѣтельствовалъ вологодскій епископъ Іоасафъ, и установлено было мѣстно совершать память авнежскихъ чудотворцевъ 15 іюня.

Амвросій «Ист. Росс. Іер.», III, 60—63; Филаретъ, «Русск. святые», іюнь. *А. Э.*

Кассіанъ, преподобный, игуменъ Спасокаменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ, сконч. около 1463 г.; жилъ нѣкоторое время при св. Кириллѣ Бѣлозерскомъ въ его обители и съ 1445 г. былъ ея игуменомъ. По порученію митрополита Іоны дважды ѣздилъ въ Царьградъ къ патріарху, за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся церковныхъ дѣлъ. По возвращеніи былъ назначенъ игуменомъ Спасокаменнаго монастыря. У него постригся князь Андрей Димитріевичъ вологодскій, впослѣдствіи признанный тоже преподобнымъ.

Кн. Эристовъ; «Словарь истор. о святыхъ».

Кассіанъ, преподобный, (князь *Константинъ* Мангупскій),—сконч. 21 октября 1504 г. Происходилъ изъ рода Комниновъ. Послѣ взятія Царяграда турками, удалился въ Морею къ деспоту Ѳомѣ Палеологу и вмѣстѣ съ семействомъ его прибылъ въ Римъ. 12 ноября 1473 г. прибылъ въ Москву въ свитѣ Софіи Ѳоминишны. Нѣкоторое время оставался при дворѣ Іоанна III, затѣмъ былъ опредѣленъ бояриномъ къ ростовскому архіепископу Іоасафу (кн. Оболенскому). Когда Іоасафъ удалился отъ управленія епархіей въ Ѳерапонтовъ бѣлозерскій монастырь, Константинъ послѣдовалъ за нимъ и здѣсь, въ особой кельѣ, подъ руководствомъ старца Филарета, посвятилъ себя благочестивой жизни. Послѣ чудеснаго видѣнія постригся въ монахи съ именемъ Кассіана. Онъ былъ однимъ изъ друзей и собесѣдниковъ преподобнаго инока Нила, впослѣдствіи прославившагося подъ именемъ Нила Сорскаго. Въ началѣ 1490-хъ годовъ основалъ скитъ на берегу р. Учьмы, впадающей въ Волгу; построилъ храмъ во имя Успенія Богородицы (освященъ въ 1494 г.), трапезу и новыя кельи. Число братіи быстро увеличилось; учреждено было общежитіе и первымъ игуменомъ избранъ старецъ Закхей; Кассіанъ оставался строителемъ. Князь Андрей Васильевичъ углицкій оказывалъ нововозникшему монастырю большое расположеніе, часто посѣщалъ его, дарилъ богатыми вкладами и угодьями. Онъ же построилъ новый каменный храмъ, другой деревянный и новыя келліи. Скончался Кассіанъ 120-ти лѣтъ отъ роду. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ. «Служба, житіе и чудеса» его написаны въ 1686 г. священническимъ сыномъ Михаиломъ Пименовымъ, образъ написанъ «по видѣнію» изографомъ Симеономъ въ 1659 г.

«Странникъ», 1874 г., мартъ, статья Я. Д. Струкова; Кн. Эристовъ, «Словарь истор. о святыхъ»; Звѣринскій, «Матеріалъ для историко-топографич. изслѣд. о монастыряхъ», № 810.

Кассіанъ, (Іяхницкій), архимандритъ Кіево-братскаго монастыря, сынъ причетника, род. въ 1735 г., ум. 11 іюля 1784 г. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи и по окончаніи курса остался въ ней же учителемъ. Въ 1762 г. постригся въ монашество съ именемъ Кассіана; въ 1773 г. назначенъ префектомъ академіи; съ 1774 г. преподавалъ богословіе и 17 мая 1775 г. произведенъ въ архимандриты Кіево-братскаго училищнаго монастыря съ назначеніемъ въ ректоры Кіевской академіи. Въ октябрѣ 1782 г. вызываемъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди. Послѣ смерти его осталась большая библіотека изъ русскихъ, греческихъ, латинскихъ и польскихъ книгъ. Изъ сочиненій его извѣстны: «Рѣчь при встрѣчѣ Высочайшихъ особъ въ академіи», 13 октября 1781 года, и сочиненное имъ для слушателей своихъ «Руководство о догматахъ вѣры» (Кіевъ 1779 г.).

Дѣла арх. св. Синода: 1769 г № 396; 1775 г. № 176; 1784 г. № 103; Мухинъ, «Опис. Кіево-братск. мон.»; Аскоченскій, «Кіевъ съ его древ. училищемъ, академіею». *Здр.*

Кассіанъ, (*Каллистъ* Саковичъ) сынъ православнаго священника, род. около 1578 г., ум. въ 1647 г. въ Подгеличѣ; образованіе получилъ въ Замойской и Краковской академіяхъ; затѣмъ нѣкоторое время жилъ при дворѣ перемышльскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго; по принятіи монашества былъ ректоромъ кіевской братской школы въ 1620—1624 гг.; въ 1624 г. по просьбѣ Лаврентія Древинскаго переселился въ Люблинъ; разорившись съ люблинскимъ братствомъ, перешелъ (въ 1625 г.) въ унію; былъ архи-

мандритомъ обращеннаго имъ въ унію Дубенскаго Спасскаго монастыря; подъ конецъ жизни перешелъ въ католичество и умеръ въ Краковѣ; написалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ православныхъ («Перспектива») и уніатовъ.

Голубевъ, «Ист. Кіев. дух. академіи»; Макарій, «Исторія рус. церкви», XI).

Кассіанъ, епископъ рязанскій, умеръ въ октябрѣ 1556 г. Посвященъ на каѳедру изъ архимандритовъ Юрьевскаго монастыря. Въ 1554 г. принималъ участіе въ соборѣ, судившемъ еретика Матвѣя Башкина; на засѣданіяхъ Кассіанъ возвышалъ голосъ въ защиту осуждаемыхъ, рѣзко порицалъ суровыя мѣры, какія предписывалъ противъ еретиковъ «Просвѣтитель» Іосифа волоцкаго и говорилъ, что въ сочиненіи Іосифа приведены невѣрныя свидѣтельства. Послѣ этого собора Кассіанъ долженъ былъ оставить каѳедру и удалился въ монастырь.

Строевъ, «Списки іерарховъ», 414; Костомаровъ, «Великорус. религіоз. вольнодумцы въ XVI в.», въ «Отечеств. запискахъ», 186, т CXLIV, 317—348.

Касьянъ, основалъ около 1592 г. Соломенскій Петропавловскій монастырь (нынѣ не существующій) въ предѣлахъ нынѣшней Олонецкой губерніи, на берегу Онѣжскаго, озера, въ 6 верстахъ къ сѣверу отъ Петрозаводска. Скончался послѣ 1615 г.

Акт. Истор. I, № 237; «Чтенія въ Общ. Ист. и Др.», 1870 г. IV.

Кастелли, *Степанъ Николаевичъ*, генералъ-маіоръ, изъ польскихъ шляхтичей, род. въ 1753 г., ум. въ 1806 г. Въ службу вступилъ въ 1771 г. сержантомъ въ Козловскій мушкетерскій полкъ, участвовалъ въ 1771—1774 гг. въ турецкой войнѣ и въ 1778 г. въ крымскомъ походѣ. Въ 1779 г. переведенъ въ Елизаветградскій гарнизонъ, а по сформированіи приморскаго гренадерскаго баталіона назначенъ княземъ Потемкинымъ его командиромъ. Въ 1792 г. переведенъ въ Архангелогородскій мушкетерскій полкъ и съ нимъ принималъ участіе въ войнѣ съ Франціею 1799 года, отличился въ сраженіи при Серавалле и при Нови.

Формул. спис. за 1805 г. № 311 въ Москов. Отдѣл. Архива Глав. Штаба. *С. Н. П.*

Кастеринъ, *Алексѣй Ивановичъ*, петербургскій купецъ, ум. 1 августа 1847 г., собиратель рѣдкихъ и старопечатныхъ книгъ. Кастеринъ сначала собиралъ рукописи и пріобрѣлъ ихъ въ достаточномъ числѣ, но потомъ обмѣнялъ ихъ одному любителю на печатныя книги. Затѣмъ и изъ печатныхъ книгъ всѣ Петровскія (числомъ 118) продалъ купцу П. С. Шишкину и сталъ собирать книги исключительно церковной печати. Не было ни одного любителя, ни одного знатока по этой части, съ которымъ бы Кастеринъ не былъ знакомъ и не находился въ сношеніяхъ. По этимъ связямъ и своей коммерческой ловкости, онъ въ короткое время собралъ болѣе тысячи книгъ. Собраніе его по своему богатству и образцовому порядку въ свое время было едва ли не единственнымъ въ Россіи. Видя необходимость печатнаго каталога своей библіотеки какъ для себя, такъ и для своихъ коммиссіонеровъ, закупавшихъ книги въ разныхъ мѣстахъ по его порученію, онъ обратился за содѣйствіемъ къ одному ученому, и первый листъ краткаго реестра былъ уже набранъ, когда Кастеринъ умеръ, еще въ молодыхъ годахъ. Его библіотека была куплена отъ наслѣдниковъ за 10 тыс. руб. извѣстнымъ любителемъ Степ. Ѳедор. Соловьевымъ, который принесъ ее, въ полномъ составѣ, въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ въ 1848 году.

Удовлетворяя общему желанію собирателей и занимающихся древностями, В. М. Ундольскій составилъ каталогъ библіотеки Кастерина и напечаталъ его сначала въ «Чтеніяхъ Импер. Общ. Ист. и Древностей» (1848 г., т. 9), а затѣмъ отдѣльно въ 8° (въ два столбца; VIII+80 стр.) и въ 32° (XVI+199 стр.). Чтобы описаніе это, кромѣ частнаго, имѣло общій библіографическій интересъ, составитель при каждой книгѣ сдѣлалъ указанія на извѣстныя печатныя библіографическія сочиненія, и отмѣтилъ книги, видѣнныя имъ въ разныхъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Изъ этихъ ссылокъ открывалось, какіе богатые матеріалы были разсѣяны повсюду для исторіи славяно-русскаго книгопечатанія и какъ мало ими до того времени пользовались. Оказывалось также, что многіе изъ названныхъ въ каталогѣ библіотекъ по частямъ хотя и были полнѣе библіотеки Кастерина, но въ общемъ не доходили и до половины ея объема. Такъ напр. Типографская, Сергіевской лавры и Успенскаго собора были богаче Московскими изданіями, у М. П.

Погодина находилось больше венеціанскихъ книгъ, библіотека Каратаева отличалась вообще изяществомъ книгъ. Но ни одно книгохранилище не превосходило Кастеринскаго собранія обширностью своего состава и многочисленностью рѣдкихъ экземпляровъ. Къ числу особенно цѣнныхъ въ его коллекціи относятся: полное собраніе библейскихъ книгъ Скорины (№ 4); изъ острожскихъ: Хронологія (№ 31), Діалогъ патріарха Геннадія (№ 35); листъ къ Ипатію Поцѣю (№ 69). Требникъ (№ 71); изъ тюбингенскихъ: Новый Завѣтъ (№ 13). Евангеліе толковое (№ 14) и Наука Христіанская (№ 71); Изложеніе вѣры. напечатанное въ Угорцахъ (№ 101); изъ новопечатныхъ: Библія, напеч. въ Почаевѣ (№ 1020) и т. д.

О Кастеринѣ, кромѣ «Чтеній», см. «Сѣв. Пчела». 1847 г. № 227 (некрологическая замѣтка въ фельетонѣ Ѳ. Б.); «Матеріалы для библіографіи», Я. Березина-Ширяева, кн. VIII, стр. 99; «Справочный словарь» Геннади, т. II, стр. 121.

Н. Л.

Касторскій, *Михаилъ Ивановичъ*, докторъ философіи, профессоръ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, род. въ 1809 г., умеръ 6 іюля 1866 г. Окончилъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ; еще въ бытность слушателемъ института перевелъ «Письма леди Рондо», которыя и были изданы въ 1836 г.; 1 іюня 1836 г. отправленъ былъ за границу, гдѣ слушалъ Ранке, Раумера, Бёка, Мишле, затѣмъ занимался въ Прагѣ у Шафарика славянскими языками и славянскими древностями. 1 сентября 1838 г. возвратился въ Петербургъ, 22 декабря того же года назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, которую и преподавалъ юристамъ до отставки своей въ 1860 г.; въ 1839—1843 г. и въ 1846 г. онъ читалъ лекціи по славянской филологіи, кромѣ того, преподавалъ временно древнюю географію; съ 1854 г. онъ читалъ только древнюю исторію; съ 11 октября 1839 г. онъ преподавалъ исторію въ Дворянскомъ полку; въ 1841—1849 гг. былъ секретаремъ философскаго факультета. Степень доктора философіи Касторскій получилъ въ 1841 г., за разсужденіе: «Очеркъ славянской миѳологіи». Въ преподаваніи своемъ Касторскій отличался чрезвычайною сухостью и не умѣлъ возбуждать въ своихъ слушателяхъ интереса ни къ своему предмету, ни къ самостоятельной работѣ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, обратившихся къ изученію славянства; но надо, кажется, признать, что интересъ къ славянству не явился у Касторскаго совершенно сознательнымъ или даже какъ результатъ увлеченія; скорѣе можно думать, что онъ занялся изученіемъ славянства только въ отвѣтъ на запросъ со стороны правительства, учредившаго по университетскому уставу 1835 г. каѳедру исторіи литературы славянскихъ нарѣчій. Касторскій написалъ статью «О новѣйшей чешской литературѣ» (въ «Журн. Мин. Народ. Просв.», 1837), перевелъ нѣсколько пѣсенъ изъ сборника Караджича, вопросу о славянской миѳологіи посвятилъ свою диссертацію, написалъ разсужденіе «О вліяніи Карловингской династіи на славянскія племена» («Журн. Мин. Нар. Просв.», XXIV), но въ чтеніи лекцій по каѳедрѣ славяновѣдѣнія онъ ограничивался только разборомъ грамматики церковнославянскаго языка. Кромѣ указанныхъ трудовъ ему принадлежатъ еще нѣсколько статей, въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», чч. XXV, XXIII и XLVI; въ рукописи остался переводъ первоначальной русской лѣтописи на латинскій языкъ; напечатана часть его переводовъ изъ сочиненій Аристотеля.

Формуляръ въ «Формулярахъ совѣта Петербургскаго Университета 1850 г.»; Григорьевъ, «Петерб. университетъ за первыя 50 л. его существованія», 218—220, 242, прим. 363; Геннади, «Словарь».

Кастренъ, *Матвѣй-Александръ*, извѣстный финнологъ. Род. 20 ноября 1813 г. въ мѣстечкѣ Терволѣ (улеоборгской губерніи), гдѣ отецъ его, Христіанъ Кастренъ, былъ пасторомъ, ум. 25 апрѣля 1852 г. Рано лишившись отца, Матвѣй-Александръ Кастренъ нашелъ пріютъ у своего дяди, доктора Матвѣя Кастрена, который и воспиталъ племянника и привилъ ему любовь къ научнымъ занятіямъ. Въ 1830 г. Матвѣй Кастренъ поступилъ въ Гельсингфорскій университетъ, гдѣ думалъ подготовиться къ пасторской дѣятельности, а потому изучалъ греческій и восточные языки; но увлекшись трудами датскаго филолога Раска, рѣшилъ посвятить свою жизь изученію финскихъ нарѣчій. Въ 1836 г. Кастренъ получилъ степень магистра философіи, а въ 1838 г. совершилъ первое лингвистическое путешествіе въ Лапландію, повторенное имъ въ слѣдующемъ году. Въ 1841 г. онъ

снова отправился въ Лапландію, посѣтилъ губерніи архангельскую и олонецкую, затѣмъ перебрался за Уральскій хребетъ, въ Западную Сибирь. Въ это время Академія Наукъ была озабочена снаряженіемъ экспедиціи для изученія финскихъ нарѣчій въ сѣверной Азіи и, по рекомендаціи академика Шегрена, поручила эту задачу Кастрену. Кастренъ съ радостію принялъ это предложеніе, но здоровье, разстроенное всевозможными лишеніями въ путешествіяхъ, вынудило его въ 1844 г. вернуться на родину; здѣсь Кастренъ скоро поправился и могъ напечатать зырянскую грамматику (Elementa Grammatices Syrjaenae), черемисскую (Elementa Grammatices Tscheremissae) и статьи о вліяніи словоударенія въ лопарскомъ языкѣ (Vom Einflusse des Accents in der lappländischen Sprache). Кромѣ того онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора философіи и защитилъ диссертацію. Послѣ этого онъ въ 1845 г. отправился въ продолжительное путешествіе въ Сибирь по порученію Академіи Наукъ, взявъ къ себѣ въ помощники кандидата философіи Бергстади. При самой неблагопріятной обстановкѣ и скудныхъ средствахъ Кастренъ производилъ лингвистическія и этнографическія изслѣдованія надъ самоѣдами, остяками, татарами, монголами и тунгусами и окончательно подорвалъ свое здоровье, какъ подорвалъ свое здоровье и спутникъ его Бергстади. Отчеты о работахъ Кастрена печатались въ «Бюллетеняхъ» Академіи Наукъ. Изъ этого путешествія Кастренъ вернулся въ Петербургъ въ январѣ 1849 г. съ богатымъ запасомъ ученаго матеріала. Академія для обработки этого матеріала исходатайствовала Кастрену содержаніе адъюнкта Академіи на три года съ правомъ жить въ Гельсингфорсѣ. Въ томъ же году появилась его остяцкая грамматика (Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss). Въ слѣдующемъ—De affixis personalibus linguarum altaicarum; это сочиненіе доставило Кастрену каѳедру финскаго языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Новое назначеніе и усилившаяся болѣзнь не дали Кастрену возможности обработать свои матеріалы. Послѣднимъ его трудомъ была статья (на шведскомъ языкѣ): «Что значатъ слова Юмала и Укко въ финской миѳологіи», напечатанная въ 1851 г. Бумаги, послѣ него оставшіяся, были пріобрѣтены Академіей Наукъ и частію опубликованы, но большая часть текстовъ не можетъ быть издана, такъ какъ способъ записи остался неизвѣстнымъ. Но и то, что сдѣлано Кастреномъ, представляетъ капитальный вкладъ въ область финской филологіи; онъ положилъ прочное основаніе этой отрасли филологіи и можно сказать, что другаго подобнаго изслѣдователя Азія послѣ того не видала. Труды его произвели большое впечатлѣніе среди венгровъ, которые стали продолжать изслѣдованія Кастрена съ цѣлію отыскать свою прародину.

Біографическія подробности о Кастренѣ находятся: въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географич. Общества» за 1852 г., часть V, отд. хроники, стр. 130—135; въ томъ же «Вѣстникѣ» за 1853 г., ч. VII, отд. хроники, стр. 100—133: «Очеркъ жизни и трудовъ Кастрена»; въ «Собраніи старыхъ и новыхъ путешествій (Путешествіе Александра Кастрена по Лапландіи, Сѣверной Россіи и Сибири)». М. 1860. Въ «Acta societatis scientiarum fennicae. T. IV, Helsinforsiae, 1856 (Minnes-tal öfver Matthias Alex. Castrén, allet på Finska Velenskarssocietetens Arshögtid den 29 april 1853 1—43). Въ «Tillfälliga uppsatser», 1870 г. помѣщена біографія Кастрена.

Н. Веселовскій.

Кастро-Лацерда, графъ *Яковъ Антоновичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1733 г., ум. въ 1800 г. По формулярному списку показанъ изъ «гишпанскихъ вельможъ 1-й степени»; принятъ въ русскую службу изъ прусской въ 1761 г., капитаномъ въ Ревельскій драгунскій полкъ. Служилъ впослѣдствіи полковникомъ въ Полоцкомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ 1788 г. въ осадѣ и взятіи крѣпости Очакова. Въ 1797 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта назначенъ комендантомъ въ Ревель и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка.

Формул. спис. Ревельскаго пѣх. полка № 28 за 1799 г. въ Московск. отдѣл. Архива Глав. Штаба.

С. Н. П.

Катакази, *Гавріилъ Антоновичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1793 г., ум. 25 апрѣля 1867 г. Происходилъ изъ «греческихъ константинопольскихъ дворянъ» и въ службу «пожалованъ изъ бояръ княжества валашскаго» коллежскимъ совѣтникомъ 27 іюля 1815 г.; въ 1816 г. назначенъ былъ въ миссію нашу въ Константинополѣ сверхъ штата; 8 ноября 1826 г. опредѣленъ въ коммиссію, учрежденную по Высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія требованій Россіи къ Портѣ Оттоманской; онъ принималъ участіе, какъ представитель отъ министерства

иностранныхъ дѣлъ, въ экспедиціи нашего флота и 8 октября 1827 г. былъ на кораблѣ «Азовъ» въ сраженіи при Наваринѣ. Въ 1830 г. назначенъ былъ правителемъ дѣлъ въ коммиссіи статсъ-секретаря Дашкова, учрежденной для управленія дѣлами Молдавіи и Валахіи, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1833 г. онъ былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ въ Баварію и въ августѣ того же года назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при королѣ греческомъ Оттонѣ. Онъ заслужилъ общее расположеніе и уваженіе въ Аѳинахъ и успѣлъ установить самыя дружественныя отношенія новаго греческаго правительства къ русскому. Въ 1843 г. Катакази былъ вызванъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку; но въ 1845 г. снова опредѣленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; въ 1847 г. ему повелѣно присутствовать въ Сенатѣ. Благодаря своему близкому знакомству съ дѣлами востока, Катакази былъ постояннымъ совѣтникомъ министерства въ томъ, что касалось отношеній нашихъ къ Турціи и къ балканскимъ народностямъ; дѣятельное участіе пришлось ему принять и въ тѣхъ переговорахъ, которые закончились Крымскою войною. Въ 1854 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа; но эту послѣднюю должность занималъ всего около года, а затѣмъ возвратился въ Петербургъ и до кончины присутствовалъ въ Сенатѣ, сначала въ третьемъ, потомъ въ пятомъ и въ первомъ департаментахъ. Г. А. Катакази пользовался искренними симпатіями и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его, благодаря своему свѣтлому уму и прекраснымъ душевнымъ качествамъ.

Формуляръ въ 1 депар. Сената; «Journal de S.-Pétersbourg», 1867, № 95.

Катакази, *Константинъ Гавриловичъ*, тайный совѣтникъ. Род. въ 1830 г., ум. 1 апрѣля 1890 г. По окончаніи курса въ Ришельевскомъ лицеѣ поступилъ въ 1848 г. на службу въ Азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ; чрезъ три года онъ былъ отправленъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Бразилію, но въ томъ же году переведенъ въ Вашингтонъ; съ 1856 по 1859 г. онъ исправлялъ обязанности старшаго секретаря миссіи нашей въ Ганноверѣ, гдѣ заслужилъ сначала расположеніе короля Георга. Но это благоволеніе длилось недолго; вскорѣ тотъ же король просилъ о смѣнѣ Катакази, который и былъ перемѣщенъ въ Лиссабонъ, а въ 1863 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при вице-канцлерѣ князѣ Горчаковѣ, поставившемъ его въ число ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Это была самая блестящая пора его жизни, когда выказались всѣ качества его гибкаго ума. Въ 1869 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ при Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Миссія эта, однако, окончилась для него неблагопріятно: уже черезъ два года американскому посланнику въ Петербургѣ пришлось настойчиво просить объ отозваніи Катакази, что и было исполнено въ 1872 г.; въ томъ же году онъ былъ, безъ прошенія, уволенъ отъ службы. Хотя Катакази и былъ снова зачисленъ на службу въ 1884 г., съ производствомъ въ тайные совѣтники, но не занималъ уже никакого самостоятельнаго поста и проживалъ въ Парижѣ до самой своей смерти.

Каталей, *Василій Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, род. въ 1818 г. убитъ подъ Петричевымъ 29 декабря 1877 г. Воспитывался въ лицеѣ кн. Безбородко, въ службу вступилъ въ Якутскій пѣхотный полкъ въ 1836 г., произведенъ въ прапорщики 26 іюня 1838 г. Въ 1860 г. назначенъ командиромъ Днѣпровскаго полка. Затѣмъ командовалъ полками: Кексгольмскимъ гренадерскимъ Императора Австрійскаго и л.-гв. Литовскимъ. Въ 1869 г. въ чинѣ генералъ-маіора Каталей зачисленъ въ Свиту Его Величества и назначенъ и. д. начальника мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа, а въ 1872 г. перемѣщенъ на такую же должность въ Петербургскій военный округъ; въ 1873 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Съ апрѣля 1875 г. состоялъ еще членомъ Главнаго комитета по устройству и образованію войскъ. При сформированіи въ концѣ 1876 г. дѣйствующей арміи назначенъ начальникомъ ея военныхъ сообщеній, а въ мартѣ слѣдующаго года перемѣщенъ на должность начальника 3 гвардейской пѣхотной дивизіи, во главѣ которой участвовалъ въ войнѣ.

Послуж. спис. за 1872 г. въ архивѣ Главнаго Штаба св. № 433; генеральскіе списки съ 1863 г., книга 4, ч. 3, стр. 1853; статья Энкеля въ «Военномъ Сборникѣ», 1880, №№ 10, 11 и 1881, №№ 1—7.

С. Н. П.

Катенинъ, *Александръ Андреевичъ*, генералъ-адъютантъ, род. въ 1803 г., ум. 3 іюля 1860 г. Изъ дворянъ костромской губерніи, воспитаніе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ; на службу вступилъ подпрапорщикомъ л.-гв. Преображенскаго полка въ 1818 г., участвовалъ въ войнѣ 1828 г. и въ усмиреніи польскаго мятежа въ 1831 г. Въ 1835 г. принималъ участіе въ большихъ Калишскихъ маневрахъ и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1839 г. назначенъ исправляющимъ должность коменданта Императорской квартиры; въ томъ же году переведенъ въ должность начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, на Кавказъ, гдѣ и принималъ въ теченіе 1839 г. участіе во многихъ дѣлахъ съ чеченцами; въ 1842 г. назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, въ генералъ-маіоры произведенъ въ 1843 г. Съ 1848 по 1852 г. командовалъ Преображенскимъ полкомъ; 26 августа 1852 г. назначенъ дежурнымъ генераломъ при Его Величествѣ, 6 декабря 1853 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты; 11 апрѣля 1854 г. назначенъ исполнять обязанности товарища военнаго министра; 8 сентября 1856 г. по разстроенному здоровью уволенъ отъ должностей, занимаемыхъ въ военномъ министерствѣ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. 7 апрѣля 1857 г. назначенъ командиромъ оренбургскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ оренбургскимъ и самарскимъ.

Формулярн. списокъ въ архивѣ Глав. Шт.Воен. Министерства за 1857 г. въ книгѣ подъ лит. А.

Катенинъ, *Павелъ Александровичъ*, писатель и театралъ, род. въ 1792 г., ум. 23 мая 1853 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, служилъ сначала по министерству народнаго просвѣщенія; въ 1810 г. перешелъ портупей-прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и принималъ участіе въ Отечественной войнѣ 1812 г. Около этого же времени началъ и свою литературную дѣятельность. Первыя его стихотворенія печатались въ «Цвѣтникѣ» Бениикаго, «Сынѣ Отечества», «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ того времени. Всѣ они написаны довольно хорошо, но не представляютъ ничего особенно выдающагося ни по формѣ, ни по содержанію; къ числу достоинствъ Катенина нужно отнести его умѣнье согласовать форму съ содержаніемъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ онъ подражалъ Виргилію, Гесснеру, Оссіану, но нѣсколько эпическихъ стихотвореній написаны имъ совершенно самостоятельно на темы, взятыя изъ древне-русской жизни. Таковы его поэмы «Мстиславъ Мстиславичъ» «Старая быль», «Пѣвецъ Усладъ» и др. Катенинъ особенно увлекался театромъ, проходилъ съ актерами ихъ роли, руководилъ ими, переводилъ и писалъ пьесы для бенефисовъ, и т. д. Въ 1811 году былъ поставленъ его переводъ комедіи Корнеля «Аріадна», въ 1816 г. переводъ трагедіи Расина «Эсѳирь», въ 1819 г. имъ написанъ драматическій отрывокъ «Пиръ Іоанна Безземельнаго», въ 1821 г. вышла его передѣлка комедіи «Сплетни» («Le méchant» Грессе), въ 1822 г.—переводъ «Сида» Корнеля. Въ этомъ же году за шиканье актрисѣ Семеновой Катенинъ по настоянію нерасположеннаго къ нему генералъ-губернатора гр. Милорадовича былъ высланъ на родину въ костромскую губернію. Здѣсь онъ перевелъ комедію Мариво «Les fausses confidences», напечатанную въ 1827 г. подъ заглавіемъ «Обманъ въ пользу любви» и написалъ оригинальную трагедію въ пяти дѣйствіяхъ «Андромаха», въ которой признавалъ большія достоинства даже Пушкинъ. Послѣдній, впрочемъ, вообще высоко ставилъ Катенина, считалъ его лучшимъ изъ современныхъ «Шлегелей», не исключая даже А. Бестужева (Марлинскаго). Съ такимъ же уваженіемъ относился къ Катенину и Грибоѣдовъ, написавшій вмѣстѣ съ нимъ комедію «Студентъ», гдѣ осмѣяны Жуковскій и другіе романтики; Грибоѣдовъ совѣтовался съ Катенинымъ относительно «Горя отъ ума».

Какъ въ стихотворныхъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ своихъ, Катенинъ, однако, является классикомъ, «неромантикомъ». Онъ переводитъ главнымъ образомъ Корнеля, Расина, читаетъ Делавиня, въ которомъ находилъ «нѣчто расиновское», самъ старается имъ подражать, смѣется надъ романтизмомъ, надъ новою мѣщанскою комедіей. Въ своемъ стихотвореніи «Тѣнь Шекспира», онъ не безъ злой ироніи разсказываетъ, что теперь «на зрѣлищахъ Кесарь не смѣетъ явиться», что «нѣтъ Андромахи на нихъ, согнанъ Ахиллъ и Орестъ», что ихъ замѣнили «торговли совѣтникъ, юнкеръ, секретарь, гусарскіе маіоры», которые «ищутъ

съ закладами денегъ, крадутъ ложки въ карманъ», однимъ словомъ, что каждый находитъ теперь въ театрѣ «себя и знакомыхъ». Приверженность къ классицизму не мѣшала, однако, Катенину цѣнить по достоинству такихъ писателей, какъ Пушкинъ. Катенинъ былъ въ восторгѣ отъ «Евгенія Онѣгина» и «Графа Нулина», считалъ первое произведеніе лучшимъ изъ всего, написаннаго Пушкинымъ. Вопреки своимъ современникамъ, какъ критикъ съ дѣйствительно художественнымъ чутьемъ, Катенинъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» видѣлъ «не больше, какъ сказку, лишенную колорита времени, мѣстности и народности». Въ сущности, какъ это можно видѣть изъ его критической статьи «Размышленія и разборы», въ которой онъ даетъ опредѣленіе поэзіи вообще и разбираетъ поэзію еврейскую, греческую, латинскую и новоевропейскую, Катенинъ мало отличался отъ писателей яко бы враждебнаго ему романтическаго направленія. Также какъ и его мнимые враги, Катенинъ требуетъ отъ произведенія «правдоподобія» и «натуры»; стремясь къ реализму, онъ употреблялъ народныя слова и выраженія, постоянно, по замѣчанію одного критика «обнаруживалъ особенное предрасположеніе къ народности». Катенинъ былъ такимъ образомъ врагомъ лишь того романтизма, «родителемъ котораго на Руси былъ Жуковскій, поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ». Катенинъ цѣнилъ Пушкина, любилъ Байрона, но не понималъ Шекспира, котораго ставилъ ниже французскихъ классиковъ. Въ ссылкѣ Катенинъ пробылъ десять лѣтъ; вскорѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ переведенъ былъ въ Эриванскій полкъ; въ 1836 г. его назначили комендантомъ крѣпости Кизляръ. Въ 1838 г. онъ вышелъ въ отставку и снова поселился въ своей деревнѣ и занимался литературой до самой своей смерти.

Сочиненія П. А. Катенина, Спб. 1833 г., ч. I и II; Е. Пѣтуховъ, «П. А. Катенинъ», (біографическій очеркъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1888 г., № 9); «Къ исторіи русскаго театра»; Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой» («Русск. Старина», 1893 г., №№ 3—4).

В. Боцяновскій.

Катковъ, *Михаилъ Никифоровичъ*, публицистъ, род. 1 ноября 1818 г. въ Москвѣ, ум. 20 іюля 1887 г. Отецъ его происходилъ изъ личныхъ костромскихъ дворянъ и служилъ въ московскомъ губернскомъ правленіи; онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. М. Н. Катковъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, остался ребенкомъ на рукахъ матери своей, Варвары Екимовны, рожденной Тулаевой (родомъ грузинки). Ея любви и самопожертвованію обязаны были оба брата всѣмъ своимъ воспитаніемъ и дальнѣйшимъ образованіемъ. Первые уроки имъ преподавались либо самою матерью, либо подъ непосредственнымъ ея надзоромъ. Впослѣдствіи онъ учился нѣкоторое время въ Преображенскомъ сиротскомъ училищѣ, потомъ, около года — въ 1-й московской гимназіи, наконецъ, поступилъ въ пансіонъ профессора М. Г. Павлова. Тутъ онъ окончилъ средній курсъ ученія и въ 1834 г. поступилъ въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Первый годъ онъ засталъ еще лекціи Надеждина, который такъ сильно содѣйствовалъ пробужденію философскихъ интересовъ среди молодежи. Изъ другихъ профессоровъ словеснаго отдѣленія пользовались тогда славой: Качеповскій, Погодинъ и Шевыревъ. Кромѣ того, Катковъ прослушалъ еще курсъ анатоміи у Эйнбродта. Но по его собственному свидѣтельству никого изъ вышеупомянутыхъ профессоровъ нельзя назвать его ближайшимъ учителемъ. «Ни съ кѣмъ въ особенной близости онъ не состоялъ, — разсказываетъ Н. А. Любимовъ,—и занимался самостоятельно и своеобразно. Лекціи Крюкова (по каѳедрѣ римской словесности), начавшаго преподавать съ 1837 г., оставили, впрочемъ, въ немъ сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ дарованія его скоро были замѣчены. Этому содѣйствовало обстоятельство, о которомъ я самъ слышалъ отъ него разсказъ. Передъ экзаменомъ по исторіи М. Н. Каткову случилось познакомиться съ однимъ капитальнымъ сочиненіемъ о переселеніи народовъ—не припомню, какимъ. Книга его заинтересовала и онъ внимательно съ нею ознакомился. На экзаменѣ ему попался билетъ именно о переселеніи народовъ. Онъ сталъ входить въ такія подробности, что удивилъ экзаменаторовъ, которымъ оставалось только слушать его изложеніе. Съ тѣхъ поръ его отвѣты на экзаменахъ вообще славились. П. М. Леонтьевъ разсказывалъ, что молодые студенты ходили слушать, какъ отвѣчаетъ Катковъ. Внимательный попечитель графъ Строгановъ, замѣтилъ «дарови-

таго студента». Въ маѣ 1838 г. Катковъ окончилъ университетскій курсъ кандидатомъ съ отличіемъ.

Изъ профессоровъ могъ оказать на Каткова вліяніе только М. Г. Павловъ, у котораго жилъ Катковъ и который былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ шеллингіанства въ Московскомъ университетѣ. Вѣроятно у Павлова же онъ познакомился и съ Станкевичемъ, который ввелъ его въ свой кружокъ около 1837 г. Въ то время въ кружкѣ принимали участіе Бѣлинскій, В. Боткинъ, М. Бакунинъ и др. Всѣ они увлекались гегельянствомъ, причемъ извлекали изъ этой системы примирительную ея сторону, умѣряя сухой раціонализмъ Гегеля поэтическимъ вліяніемъ Шеллинга. Къ этому направленію примкнулъ и Катковъ, и первыя его статьи, написанныя въ 1839—1840 гг., носятъ на себѣ сильную печать Станкевичевскаго кружка. Катковъ сразу занялъ въ этомъ кружкѣ почетное положеніе. Всѣ друзья цѣнили его солидныя познанія въ области философіи и онъ, будучи хорошо знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ и читая Гегеля въ подлинникѣ, сталъ, вмѣстѣ съ Боткинымъ и Бакунинымъ, руководителемъ Бѣлинскаго въ занятіяхъ германскою философіей, особенно послѣ отъѣзда Станкевича заграницу (1837 г.), когда онъ особенно сблизился съ Бѣлинскимъ. Послѣдній въ то время интересовался эстетическими вопросами и даже создалъ свою особую теорію изящнаго, но «Катковъ стакнувшись съ Егоромъ Ѳедоровичемъ (такъ называли въ кружкѣ Гегеля) разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію»,— писалъ онъ Боткину. Затѣмъ Катковъ же пришелъ съ Гегелемъ на помощь Бѣлинскому, когда тотъ «утомился отвлеченностью» и «жаждалъ сближенія съ дѣйствительностью». Но все же нѣкоторое разстояніе отдѣляло молодаго студента отъ писателя, успѣвшаго уже заслужить извѣстность. Разстояніе это значительно сократилось къ 1839 г., когда Катковъ сдалъ магистерскій экзаменъ и самъ выступилъ на литературномъ поприщѣ. Впрочемъ, еще на студенческой скамьѣ онъ работалъ для печати, участвуя въ переводѣ съ французскаго книги Демишеля: «Исторія среднихъ вѣковъ» (М. 1836) и въ записываніи и составленіи лекцій профессора И. И. Давыдова, которыя вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Чтеніе о словесности» (М. 1837). Затѣмъ въ «Сынѣ Отечества» (1838 г., кн. I) былъ напечатанъ первый актъ трагедіи Шекспира «Ромео и Юлія» въ переводѣ Каткова, но противъ желанія переводчика. Однако лишь со второй половины 1838 г. онъ начинаетъ постоянно сотрудничать въ періодическихъ изданіяхъ. Тогда Бѣлинскій приступилъ къ изданію «Московскаго Наблюдателя», основною задачей котораго было установить здравыя, построенныя на философскихъ принципахъ, понятія объ искусствѣ и утвердить на нихъ критику современныхъ явленій русской литературы. Съ этою цѣлью Катковъ далъ въ журналѣ переводъ статьи Рётшера «О философской критикѣ художественнаго произведенія», къ которой сдѣлалъ свое предисловіе. Тамъ же былъ помѣщенъ рядъ его стихотворныхъ переводовъ изъ Гейне и нѣсколько сценъ изъ «Ромео и Юліи». Первые шаги Каткова на литературномъ поприщѣ вызвали искренній восторгъ среди участниковъ кружка. Бѣлинскій относилъ его переводы къ первокласснымъ явленіямъ въ сферѣ русской литературы. И, дѣйствительно, они обнаруживали въ авторѣ большой вкусъ и недюжинное умѣнье владѣть языкомъ. «Московскій Наблюдатель» просуществовалъ недолго и скоро прекратился, поставивъ въ тяжелое матеріальное положеніе всѣхъ своихъ участниковъ. Особенно нуждались Бѣлинскій и Катковъ, который долженъ былъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но старушку мать и брата, приготовлявшагося къ университету.

Его положеніе нѣсколько улучшилось, когда онъ получилъ предложеніе участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Съ этимъ журналомъ онъ вошелъ въ сношенія черезъ А. Д. Галахова, который посылалъ Краевскому отзывы о новыхъ книгахъ, выходившихъ въ Москвѣ и подѣлился своей работой съ Катковымъ; нѣсколько позже къ нимъ примкнулъ и Бѣлинскій. Въ апрѣлѣ или въ началѣ мая 1839 г. Катковъ ѣздилъ въ Петербургъ для свиданія съ Краевскимъ, уговорился съ нимъ относительно условій своего сотрудничества и вернулся въ Москву, плѣненный ласковымъ и радушнымъ обхожденіемъ петербургскаго издателя. Въ третьемъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ появилась первая статья Каткова: «Отзывъ иностранца о Пушкинѣ», пере-

водъ статьи Варнгагена фонъ-Энзе, съ предисловіемъ переводчика. Въ слѣдующемъ томѣ помѣщена вторая большая статья Каткова о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, по поводу изданнаго Сахаровымъ сборника. Изъ послѣдующихъ работъ Каткова въ «Отечественныхъ Запискахъ» обратили на себя вниманіе современниковъ слѣдующія: «Разборъ книги А. Зиновьева: «Основанія русской стилистики по новой и простой системѣ» (1839 г., т. VI, кн. 11, отд. VI, стр. 47 — 64), «Разборъ книги: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ гр. С. Ѳ. Толстой» (1840 г., т. XII, кн. 10, отд. V, стр. 15—50) и «Разборъ книги М. Максимовича: «Исторія древней русской словесности» (1840 г., т. IX, кн. 4, отд. V, стр. 37—72). Сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», Катковъ сталъ помѣщать тамъ и стихотворные переводы, и мелкія библіографическія замѣтки. Сотрудничалъ онъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду», которыя издавалъ также Краевскій. Кромѣ напечатанныхъ статей, которыя всѣ относятся къ области отвлеченной философіи и литературной критики, Катковъ предполагалъ написать еще рядъ статей по живописи и скульптурѣ и большую біографію Гегеля. Всѣ эти замыслы не были приведены въ исполненіе и любопытны только въ томъ отношеніи, что показываютъ, чѣмъ тогда занимался и интересовался Катковъ: интересы эти чисто отвлеченнаго, метафизическаго, либо историко-литературнаго характера. Политическія и общественныя темы остаются пока чуждыми Каткову. И въ статьяхъ этого періода сильно сказывается шеллингіанско-гегельянская закваска Станкевичевскаго кружка; на каждомъ шагу встрѣчаются фразы, которыя можно найти и въ раннихъ статьяхъ Бѣлинскаго: Катковъ говоритъ, напримѣръ, что въ пѣсняхъ русскаго народа раскрывается таинственная сущность русскаго духа; литературу вообще онъ опредѣляетъ, какъ живую совокупность произведеній, исчерпывающихъ собою различныя направленія развивающагося духа и т. п. Рядомъ съ тѣмъ, особенно въ статьѣ о Саррѣ Толстой, рѣзко выражается сантиментально-романтическое и мечтательно-фантастическое настроеніе автора. Для него вся природа является чѣмъ то одухотвореннымъ, онъ знаетъ минуты, когда между душой человѣка и внѣшнимъ міромъ устанавливается таинственное единство, и онъ въ «какихъ-то полузримыхъ звукахъ» готовъ проникнуть во внутреннюю сущность духа и мірозданія. Душа его болѣзненно и съ тоской рвется изъ тяжкихъ земныхъ узъ въ океанъ вѣчнаго и прекраснаго. Это мистическое направленіе находится у Каткова въ тѣсной связи съ глубокой и искренней религіозностью, которая, какъ кажется, воспиталась у него подъ вліяніемъ матери и осталась въ душѣ его на всю жизнь. Даже цѣль самой философіи онъ видитъ въ утвержденіи союза духа и внѣшней природы, ума и религіознаго чувства. Поэтому критическія, анализирующія ученія не прививаются къ нему; онъ усердно ищетъ синтеза. Такое направленіе статей Каткова какъ нельзя болѣе подходило къ тогдашнему настроенію Бѣлинскаго и его друзей, и потому естественно, что Бѣлинскій встрѣчалъ ихъ восторженно. «Статья Каткова—прелесть, писалъ онъ Боткину по поводу рецензіи на Максимовича,—глубоко, послѣдовательно, энергически и вмѣстѣ спокойно, все такъ мужественно, ни одной дѣтской черты». Такъ же горячо отзывался онъ и про статью о Саррѣ Толстой. Но, съ другой стороны, вполнѣ естественно, что позже, когда взгляды самого Бѣлинскаго измѣнились, онъ отнесся къ той же статьѣ уже отрицательно.

По внѣшней формѣ первыя произведенія Каткова отличаются необыкновенной отдѣланностью слога, доходящей иногда до риторики. Риторика впослѣдствіи исчезла, а прекрасный слогъ остался у Каткова навсегда. Какъ работалъ Катковъ надъ своими статьями, видно изъ слѣдующихъ словъ Н. А. Любимова: «Чтобы напечатать написанную имъ или продиктованную статью по интересующему предмету, М. Н. Катковъ проводилъ ее черезъ цѣлый рядъ корректуръ. За отдѣлкой формы, начинались колебанія относительно содержанія: что недоговорено, что переговорено. Иногда изъ за сомнѣнія по поводу одного слова статья, совсѣмъ готовая, откладывалась до другаго дня». Отлично владѣя языкомъ, какъ писатель, Катковъ былъ плохимъ ораторомъ: «Когда была необходимость, онъ говорилъ съ замѣтнымъ успѣхомъ, тономъ лишеннымъ простоты и свободы. Вообще онъ не любилъ и затруднялся го-

ворить публично». Такая тщательная отдѣлка статей, когда онъ былъ заваленъ всякой работой, свидѣтельствуетъ о замѣчательной усидчивости Каткова; энергія и неутомимость въ работѣ были одной изъ основныхъ чертъ въ характерѣ его. Отмѣтимъ еще одну черту, проявленную Катковымъ на первыхъ шагахъ его литературнаго поприща и затѣмъ сохраненную имъ на всю жизнь: это глубокій и искренній патріотизмъ, вѣра въ силы и великую будущность Россіи. Точно также относится онъ и къ славянамъ: «Грѣшно намъ, пишетъ онъ, не ощущать силы, заключенной въ славянствѣ, и не предчувствовать его благородной будущности. Оно будетъ велико въ духѣ и человѣчествѣ, славянское племя».

Въ 1840 г. Катковъ задумалъ поѣздку за границу для довершенія своего образованія. Въ серединѣ лѣта того-же года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы устроить свои денежныя дѣла. Тутъ онъ заработалъ нѣкоторую сумму переводомъ романа Купера «Pathfinder», а главные фонды разсчитывалъ получить за переводъ «Ромео и Юліи» Шекспира, проданный книгопродавцу Полякову. Но Поляковъ откладывалъ уплату денегъ со дня на день, и Катковъ уѣхалъ за границу вмѣстѣ съ Анненковымъ 19 октября, не дождавшись денегъ, которыя были высланы ему гораздо позднѣе. Жестокую нужду пришлось терпѣть Каткову на чужбинѣ: подходящей работы на мѣстѣ онъ найти не могъ, а статьи, которыя онъ изрѣдка посылалъ въ «Отечественныя Записки», также не могли дать достаточныхъ средствъ. Только поддержка отъ Краевскаго да ссуды отъ русскихъ знакомыхъ, съ которыми онъ встрѣчался за границей, давали ему возможность жить. Однако въ Россію Катковъ вернулся лишь въ началѣ 1843 г., успѣвъ посѣтить Германію, Францію и Бельгію. Большую часть времени провелъ онъ въ Берлинѣ, слушая лекціи въ тамошнемъ университетѣ и преимущественно занимаясь у Шеллинга, который читалъ тогда свою «философію откровенія» Въ этой философіи Катковъ нашелъ, наконецъ, давно желанный синтезъ и сдѣлался горячимъ поклонникомъ ея. Онъ близко сошелся съ самимъ Шеллингомъ, у котораго часто бывалъ на дому. Связи Каткова съ Бѣлинскимъ и его друзьями стали ослабѣвать еще до отъѣзда его заграницу. Причины тому были разнообразныя. Во-первыхъ, Катковъ былъ значительно моложе всѣхъ своихъ пріятелей, и въ немъ много еще оставалось юной угловатости, самолюбія и склонности къ позѣ,—тѣхъ качествъ, которыя уже прошли у членовъ кружка и теперь непріятно рѣзали ихъ глазъ. Происходили постоянно личныя столкновенія болѣе или менѣе остраго характера, но симпатія къ молодому талантливому Каткову брала долго верхъ, и ссоры кончались примиреніемъ. Гораздо серьезнѣе были разногласія принципіальнаго характера. Друзья вступали на діаметрально противуположныя дороги, но пока еще не успѣли далеко разойтись, и общеніе между ними было возможно. Посѣщеніе Петербурга Катковымъ и встрѣча съ Бѣлинскимъ до отъѣзда за границу оказали на послѣдняго сильное вліяніе. Увлекаемый Катковымъ,—онъ сталъ много читать: познакомился ближе съ Шекспиромъ, Софокломъ, Вальтеръ-Скоттомъ, а разговоры съ другомъ пробудили въ его головѣ много новыхъ мыслей. Правда, Бѣлинскій теперь чувствовалъ себя съ Катковымъ «какъ то несвободно». Впослѣдствіи онъ такъ формулировалъ свои отношенія къ другу за это время: «Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе въ Питерѣ Каткова дало сильный толчокъ движенію моего сознанія. Личность его проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда; но его взгляды на многое,—право, мнѣ кажется, что они мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому... Онъ много разбудилъ во мнѣ, и изъ этого большая часть воскресла и самодѣятельно переработалась во мнѣ уже послѣ его отъѣзда». Пока Катковъ былъ за границей, друзья занялись переоцѣнкой его личности и пришли къ выводамъ неблагопріятнымъ для него. Поэтому расположеніе ихъ къ Каткову сильно охладѣло, а вѣсти о томъ, что онъ увлекается Шеллингомъ, окончательно оттолкнули ихъ отъ него. Бѣлинскій тогда окончательно выработалъ новое міросозерцаніе, сблизившее его съ Герценомъ и Грановскимъ, міросозерцаніе, противуположное философіи откровенія. Поэтому, вернувшись въ Петербургъ, Катковъ оказался совершенно оторваннымъ отъ прежняго своего кружка. Связи съ «Отечественными Записками» также прекратились естественнымъ образомъ, хотя первое время послѣ возвращенія изъ-за границы онъ

и разсчитывалъ на работу у Краевскаго Но главнымъ образомъ Катковъ сталъ теперь хлопотать о поступленіи на государственную службу. Ему обѣщали мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сначала въ качествѣ помощника столоначальника, а потомъ—чиновника особыхъ порученій. Такая перспектива улыбалась ему. «Числясь при министерствѣ, писалъ онъ А. Н. Попову,—я буду писать свою диссертацію. Темы я еще по сію пору окончательно не выбралъ, но думаю, что остановлюсь на свойствахъ корней и образовательныхъ частицъ русскаго языка». Такимъ образомъ Катковъ собирался отъ философіи перейти къ славянской филологіи. Въ этомъ сказалось, надо думать, вліяніе Я. Гримма, съ которымъ онъ также познакомился за границей.

Въ ожиданіи окончательнаго отвѣта изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Катковъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ оказался такимъ же одинокимъ, такимъ же отставшимъ отъ всѣхъ партій, какъ и въ Петербургѣ, одинаково отворачиваясь отъ крайностей западничества и славянофильства. «Я здѣсь молчу и только слушаю, пишетъ онъ Попову,—тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ, какъ собака на живодернѣ; тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи и надо бы держать ее какъ можно далѣе отъ жизни, заключить ее въ формулы, чтобы толпа не смѣла въ нее вмѣшиваться; здѣсь, что философія есть не болѣе какъ выраженіе нѣмецкаго филистерства». Встрѣча съ графомъ Строгановымъ скоро вывела Каткова изъ неопредѣленнаго положенія: графъ убѣдилъ его отказаться отъ чиновничьей карьеры и заняться ученой дѣятельностью. Катковъ совершенно отклонился отъ всякихъ кружковъ и углубился въ изученіе филологіи, исторіи и классической древности. Всѣ общественныя теченія шли и развивались, не задѣвая его. Средства къ существованію онъ сталъ снискивать теперь педагогической дѣятельностью и давалъ уроки въ семействѣ князя Голицына, владѣльца подмосковнаго сельца Никольскаго. Къ 1845 г. у него готова была диссертація на степень магистра: «Объ элементарныхъ формахъ славяно-русскаго языка». Это изслѣдованіе написано по историко-сравнительному методу, все состоитъ изъ фактовъ и сличеній и чрезвычайно скупо на выводы и обобщенія. Успѣшно защитивъ диссертацію въ томъ-же 1845 г., Катковъ получилъ мѣсто адъюнкта въ Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ философіи и пять лѣтъ преподавалъ преимущественно логику и психологію, до 1850 г., когда преподаваніе философіи въ университетахъ перешло въ руки священниковъ—профессоровъ богословія.

Къ новымъ своимъ обязанностямъ Катковъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно и, приступая къ нимъ, сильно волновался, по собственному признанію. Главное вниманіе обратилъ онъ на основательность курса и не заботился «о минутномъ успѣхѣ». «Однако, пишетъ онъ Попову, я не могу пожаловаться на невнимательность: особенно въ юридическомъ факультетѣ замѣтилъ я интересъ къ дѣлу; въ аудиторію мою сходились слушатели и другихъ факультетовъ и курсовъ». Лекціи свои онъ обработывалъ такъ же тщательно, какъ и статьи, и они поражали наиболѣе развитыхъ студентовъ глубиной философскаго изложенія, но для большинства не были достаточно доступны. Какъ профессоръ, Катковъ пользовался большимъ уваженіемъ, но имъ не увлекались, и на его долю не выпало блестящихъ успѣховъ Грановскаго и Кудрявцева. Доброе вліяніе Каткова на студентовъ укрѣплялось не столько въ аудиторіи, сколько бесѣдами у него на дому. «Мы горячо полюбили его, разсказываетъ П. Бартеневъ,—и сокрушались сердечно когда онъ лишился каѳедры... Мы усердно посѣщали его въ скромномъ его помѣщеніи на Цвѣтномъ бульварѣ, гдѣ намъ случалось видать и его матушку... Про нее разсказывали, что она горячо любила сына: когда онъ возвращался домой съ уроковъ и спѣшилъ облечься въ халатъ, она сама прибирала его одежду и цѣловала ее». Въ своихъ лекціяхъ Катковъ оставался вѣренъ шеллингіанству и оставался чуждъ новѣйшему движенію нѣмецкой философіи, лѣвому гегеліанству, которымъ такъ увлекались его прежніе друзья. Новымъ германскимъ философамъ онъ предпочиталъ французовъ. «Ихъ мысль, писалъ онъ Попову, — гораздо шире, свѣжѣе; въ ней больше положительности; у нихъ развивается также и смыслъ для уразумѣнія высшихъ вопросовъ». Усиленныя занятія вскорѣ страшно разстроили здоровье Каткова; онъ сталъ часто пропускать лекціи,

а когда приходилъ въ аудиторію, то поражалъ слушателей худобой, слабостью и блѣднотой; опасались, что у него развивается чахотка.

Весной въ 1847 г. въ Московскій университетъ прибыло нѣсколько новыхъ профессоровъ, въ томъ числѣ П. Н. Кудрявцевъ и П. М. Леонтьевъ, только что вернувшіеся изъ Берлина, гдѣ слушали Шеллинга и стали горячими его поклонниками. Катковъ, не сходившійся съ сослуживцами въ философскомъ міросозерцаніи, былъ весьма радъ, что, наконецъ, нашлись люди, съ которыми онъ могъ дѣлиться своими мыслями и находить сочувствіе. Особенно тѣсная дружба завязалась вскорѣ между Катковымъ и Леонтьевымъ, сошедшимися въ умственныхъ вкусахъ, занятіяхъ и убѣжденіяхъ. Они становятся неразлучными вплоть до самой смерти Леонтьева въ 1875 г. О глубинѣ связывавшаго ихъ чувства можно судить по слѣдующимъ строкамъ изъ некролога Леонтьева, написаннаго Катковымъ. «Я потерялъ въ немъ часть своего существа и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего, что не было бы съ нимъ связано и что не болѣло бы теперь съ его утратой. Въ продолженіи всей зрѣлой поры нашей жизни мы были неразлучны съ нимъ до послѣднихъ тайниковъ мысли и сердечныхъ движеній. Симпатическія отношенія установились между нами сразу и до конца ни на мгновеніе не поколебались. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ насъ соединяла совокупная дѣятельность, и семнадцать лѣтъ мы жили, почти не разставаясь, подъ однимъ кровомъ. Между нами не было никакой розни. Мысль, возникавшая въ одномъ, непосредственно продолжала дѣйствовать и зрѣть въ другомъ. Онъ былъ истиннымъ хозяиномъ моего дома, душой моей семьи. Между нимъ и мною не было ни разу не только ссоры, но и серьезнаго разногласія»...

1850-й годъ былъ тяжелъ для Каткова. Потерявъ каѳедру онъ снова остался безъ средствъ къ существованію. У него уже была приготовлена докторская диссертація, которую онъ собирался защитить въ ближайшій семестръ. Факультетъ ходатайствовалъ объ утвержденіи Каткова въ званіи и. д. экстраординарнаго профессора при ученыхъ трудахъ по случаю столѣтія Московскаго университета; предлагали еще ему мѣсто адъюнкта по русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ, но Катковъ не хотѣлъ покидать Москвы и при томъ считалъ неудобнымъ для себя идти въ адъюнкты. Кинувъ мысль о профессурѣ, онъ усердно принялся хлопотать, по совѣту графа Строганова, о мѣстѣ цензора въ Москвѣ, и, кажется, дѣло уже налаживалось, когда въ началѣ 1851 г. неожиданно очистилась вакансія редактора «Московскихъ Вѣдомостей», замѣщавшаяся тогда по назначенію. Въ мартѣ 1851 г. это мѣсто было предоставлено Каткову, съ оставленіемъ его въ званіи адъюнкта, а съ 18 іюля 1854 г. онъ окончательно вышелъ изъ университетской корпораціи и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VI-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія. Новое мѣсто дало Каткову 2.000 руб. содержанія съ прибавкой по 25 коп. съ подписчика и казенную квартиру. При скромныхъ потребностяхъ своихъ, онъ считалъ себя обезпеченнымъ и въ 1851 г. женился на княжнѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Шаликовой, дочери извѣстнаго въ свое время литератора.

Такимъ образомъ, послѣ 10-ти-лѣтняго перерыва Катковъ снова вернулся къ журналистикѣ и сразу оказался умѣлымъ редакторомъ. Газета значительно оживилась. Въ ней приняли участіе московскіе профессора, помѣщались отчеты о публичныхъ лекціяхъ и диспутахъ, явился постоянный литературный отдѣлъ. Былъ и политическій отдѣлъ, но въ силу тогдашнихъ условій, никакихъ самостоятельныхъ взглядовъ въ этой сферѣ не допускалось, и статьи газета имѣла право перепечатывать только изъ петербургскихъ изданій, не прибавляя ничего отъ себя. Были и другія стѣсненія: начальство постоянно вмѣшивалось въ веденіе газеты и заставляло иногда печатать статьи, несогласныя съ взглядами редактора, лишая его всякой самостоятельности, типографія была неблагоустроена, экспедиція газеты также. Но и при такихъ условіяхъ, не смотря на троекратное возвышеніе подписной цѣны, число подписчиковъ при Катковѣ поднялось съ 7,000 на 15,000. Крупнѣйшимъ самостоятельнымъ трудомъ Каткова, напечатаннымъ въ этотъ періодъ, являются: «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи» (сначала помѣщались въ «Пропилеяхъ», а затѣмъ вышли отдѣльной книжкой, М. 1854). Трудъ этотъ, написанный на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ, обнимаетъ

весь до-сократовскій періодъ и заканчивается системами Гераклита и Демокрита. По обще-философскимъ воззрѣніямъ Катковъ и тутъ остается шеллингіанцемъ, полагая, что философія есть постепенное раскрытіе духомъ его собственной сущности, скрытой въ мірѣ. Философію древнихъ грековъ онъ понимаетъ символически и старается истолковать числа Пиѳагора или огонь Гераклита, какъ образное выраженіе нѣкоторыхъ отвлеченныхъ истинъ. Изслѣдованіе Каткова было замѣчено въ современной печати: «Отечественныя Записки» отозвались о немъ съ похвалой, за то въ «Москвитянинѣ» появилась, хотя сдержанная, но неблагопріятная рецензія баккалавра московской духовной академіи В. И. Лебедева. Катковъ отвѣчалъ на нее («Москвитянинъ» 1854 г., ч. V, кн. XVIII, отд. V, стр. 57—122). Уже въ этомъ отвѣтѣ чувствуется сильный полемическій талантъ автора.

Новое царствованіе и народившіеся вмѣстѣ съ нимъ новые общественные интересы побудили Каткова искать права на изданіе самостоятельнаго органа печати. Сначала онъ думалъ возобновить «Сынъ Отечества», но этотъ журналъ перешелъ къ Кукольнику; затѣмъ онъ хотѣлъ купить у Деникера «Сѣверное Обозрѣніе», а когда и это не удалось, то рѣшилъ ходатайствовать о разрѣшеніи новаго журнала, который выходилъ бы отъ одного до четырехъ разъ въ мѣсяцъ, подъ названіемъ «Русскаго Лѣтописца» и состоялъ бы изъ отдѣловъ литературнаго, критическаго и политическаго. Въ качествѣ приложенія къ журналу Катковъ проектировалъ выпускать ежедневный листокъ «Текущихъ извѣстій Русскаго Лѣтописца». Ходатайство Каткова встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны московскаго университета, который опасался, что новый органъ будетъ служить подрывомъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», и что Катковъ, заботясь о своемъ изданіи, будетъ нерадѣть объ университетской газетѣ. Въ виду этого рѣшено было отказать Каткову, но, благодаря поддержкѣ со стороны товарища министра народнаго просвѣщенія, князя П. А. Вяземскаго, и статсъ-секретаря графа Блудова, рѣшеніе было перемѣнено, тѣмъ болѣе, что второе возраженіе университета пало само собой, когда Катковъ выразилъ готовность, въ случаѣ необходимости, отказаться отъ редактированія «Московскихъ Вѣдомостей». Изданіе ежедневнаго листка признано было неудобнымъ, и Катковъ получилъ разрѣшеніе выпускать разъ или два въ мѣсяцъ журналъ подъ названіемъ «Русскій Вѣстникъ» по предложенной имъ программѣ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій представляла собою, «безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, лишь связный выборъ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій, въ Россіи выходящихъ». Отъ редактированія «Московскихъ Вѣдомостей» Каткову пришлось отказаться.

Новый журналъ началъ выходить съ 1856 г.; ближайшими членами редакціи были объявлены Е. Ѳ. Коршъ, П. Н. Кудрявцевъ и П. М. Леонтьевъ. Въ длинномъ спискѣ лицъ, обѣщавшихъ свое сотрудничество, встрѣчаются имена самыхъ выдающихся нашихъ писателей и ученыхъ. Изъ писателей - художниковъ отмѣтимъ графа Л. Н. Толстаго, Тургенева и Гончарова, изъ дѣятелей науки—Бестужева-Рюмина, Бодянскаго, Буслаева, Галахова, Ешевскаго, Забѣлина, Кавелина, Соловьева, Сухомлинова, Тихонравова, Чичерина. Если прибавить сюда еще имена людей съ рѣзко обозначенной общественной физіономіей, какъ-то: Аксаковыхъ, Анненкова, А. И. Георгіевскаго, Д. А. Милютина, А. Н. Пыпина, Н. А. Любимова, то станетъ ясно, что съ одной стороны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сосредоточились тогда всѣ лучшія силы русской интеллигенціи, а съ другой стороны, что взгляды редакціи отличались необычайной широтой, ибо въ этомъ спискѣ соединились лица, вскорѣ разошедшіяся въ діаметрально противуположныя стороны: тутъ есть корифеи и славянофильства и западничества. Впрочемъ, съ Аксаковыми Катковъ былъ близко знакомъ еще со студенческой скамьи; именъ же Погодина и Шевырева въ спискѣ нѣтъ, такъ что журналъ въ началѣ пріобрѣталъ скорѣе, западническую, чѣмъ славянофильскую окраску. Самъ редакторъ первое время не занимался общественными и политическими вопросами. Въ 1856 г. онъ, кромѣ общаго редакціоннаго труда, далъ для журнала статью, чисто эстетическаго содержанія: «Пушкинъ», да и та осталась незаконченною. Политическое обозрѣніе, связанное цензурными условіями, составлялось нѣкоторыми изъ сотрудниковъ, и

Катковъ не былъ имъ доволенъ. Въ 1857 г. онъ началъ принимать участіе въ этомъ отдѣлѣ, а съ 1858 г. цѣликомъ взялъ его въ свои руки. Журналъ сразу пошелъ очень хорошо: уже въ мартѣ 1856 года было 3,000 подписчиковъ, и скоро пришлось закрыть подписку за неимѣніемъ свободныхъ экземпляровъ.

Судьба натолкнула Каткова на публицистическое поприще, къ которому онъ, въ сущности, былъ мало подготовленъ Занимаясь исключительно философіей и филологіей, онъ до середины 50-хъ годовъ не задумывался надъ вопросами соціально-политическаго характера, не изучалъ наукъ юридическихъ и общественныхъ, не вращался даже въ кружкахъ, гдѣ вырабатывались воззрѣнія на государственныя задачи. Понятно, что у него не были до сихъ поръ формулированы не только отвѣты на частные запросы внутренней и внѣшней политики, но даже не выяснились еще и общіе принципы. Онъ ясно сознавалъ этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи и торопился заполнить его. Основы для выработки общественнаго міросозерцанія, собственно говоря, у Каткова уже были и выяснились въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ: это—горячій патріотизмъ, искренняя религіозность и беззавѣтная преданность престолу. Постоянное развитіе внутреннихъ и внѣшнихъ силъ Россіи подъ верховнымъ руководствомъ ея Державнаго Вождя—вотъ цѣль, которую всегда неуклонно проповѣдывалъ Катковъ, но въ выборѣ средствъ онъ не былъ такъ постоянен. Не создавая себѣ стройной, выясненной до мельчайшихъ деталей, государственной системы, Катковъ охотно признавалъ всякое средство, которое могло-бы содѣйствовать достиженію основной его цѣли, но также быстро и отказывался отъ него, разъ оно не оправдывало ожиданій, возложенныхъ на него. Мало того, онъ принципіально отказывался примкнуть къ какой бы то ни было партіи, именно для того, чтобы оставить за собой право пробовать средства, предлагаемыя всѣми теоріями, и бросать ихъ, если они окажутся на практикѣ нецѣлесообразными. Въ положительной сторонѣ его проповѣди замѣчается цѣлый рядъ противорѣчій, но иначе и быть не могло,—Катковъ былъ практическій дѣятель, не способный въ угоду теоріи, хотя бы и симпатичной, жертвовать насущнѣйшими интересами. Главная сила его заключалась не въ созиданіи, а въ критикѣ, которою руководило недремлющее, не поддающееся никакимъ обманамъ трезвое чувство патріотизма. Онъ чутко улавливалъ болѣзненныя явленія въ русскомъ государственномъ организмѣ и въ частяхъ его, разыскивалъ причины этихъ болѣзней и, разъ нашедши корень зла, безпощадно нападалъ на него и, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, обличалъ и громилъ до тѣхъ поръ, пока на зло не обращали вниманія и не вступали въ серьезную борьбу съ нимъ. Страстный и увлекающійся, онъ часто заходилъ въ своихъ нападкахъ слишкомъ далеко, преувеличивалъ опасность, не стѣснялся въ выборѣ средствъ для борьбы, но за то оставался всегда искренен въ своихъ увлеченіяхъ.

На первыхъ же порахъ при составленіи политическаго обозрѣнія, Каткову пришлось столкнуться съ необходимостью уяснить свое общественно-политическое міросозерцаніе. Стремленіе къ реформамъ, охватившее тогда все русское общество, нашло горячее сочувствіе и въ Катковѣ. Онъ сознавалъ, что Россіи необходимо полное обновленіе всего ея строя. Не сходясь съ славянофилами, онъ искалъ образца для реформъ на Западѣ, гдѣ въ то время первое мѣсто занимали Франція и Англія. Первая съ своими шаткими еще нарождающимися учрежденіями, съ неостывшимъ еще революціоннымъ жаромъ и страстью къ переворотамъ, не могла удовлетворить Каткова, искавшаго прочныхъ устойчивыхъ формъ, явившихся результатомъ спокойнаго историческаго развитія. За то въ Англіи онъ находилъ симпатичную ему преданность монархіи, соединенную съ широкой свободой, находилъ общественный строй, выработанный и провѣренный вѣковымъ опытомъ. Естественно, что всѣ его симпатіи пали на сторону Англіи. Онъ усердно началъ изучать ея учрежденія по Гнейсту и Блэкстону, даже ѣздилъ въ Англію, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ самымъ духомъ тамошнихъ порядковъ. Такимъ образомъ въ первые годы существованія «Русскаго Вѣстника» всѣ интересы Каткова были сосредоточены за предѣлами Россіи, и о внутреннихъ дѣлахъ онъ говорилъ мало, тѣмъ болѣе, что тогда это было еще весьма трудно; цензура только постепенно ослабляла свои бразды и Каткову неоднократно приходилось выдерживать съ ней

столкновенія. Особенно опаснымъ стало положеніе Каткова въ 1858 г., когда у него вышло два крупныхъ недоразумѣнія. Первое произошло изъ-за статьи: «Турецкія дѣла», гдѣ авторъ, болгаринъ Даскаловъ, горячо вступился за своихъ соплеменниковъ, терпящихъ угнетеніе со стороны греческаго фанаріотскаго духовенства. Статья эта вызвала неудовольствіе константинопольскаго патріарха, и Каткову предложено было напечатать опроверженіе, но онъ отказался на отрѣзъ и въ обширной докладной запискѣ доказывалъ справедливость обвиненій Даскалова и необходимость свободы печатнаго слова. Причиной втораго недоразумѣнія была «Современная лѣтопись» въ декабрьской книжкѣ, гдѣ Катковъ рѣзко высказался противъ стѣснительныхъ мѣръ, практикуемыхъ въ Пруссіи касательно печати. Ему сдѣланъ былъ выговоръ и предложено измѣнить общій тонъ журнала. На это онъ отвѣтилъ снова объемистою докладной запиской, гдѣ горячо отстаивалъ права гласнаго обсужденія различныхъ вопросовъ и заявлялъ, что скорѣе закроетъ журналъ, чѣмъ откажется отъ своихъ убѣжденій и станетъ говорить не то, что думаетъ. Обѣ записки Каткова, благодаря его связямъ и заступничеству графа Блудова и князя Вяземскаго, возымѣли желаемое дѣйствіе. Такой успѣхъ сильно ободрилъ Каткова, и тонъ его становился чѣмъ дальше, тѣмъ свободнѣе. Онъ сталъ говорить о такихъ вопросахъ, которые раньше не были доступны для гласнаго обсужденія, и тѣмъ много содѣйствовалъ разширенію гласности въ русской печати вообще.

Но, отстаивая реформы и свободу, Катковъ далекъ былъ отъ всякихъ крайнихъ увлеченій и горячо нападалъ на нарождавшійся среди молодаго поколѣнія нигилизмъ, а главнымъ образомъ на писателей, которые увлекали молодежь на этотъ пагубный путь. Въ цѣломъ рядѣ полемическихъ статей Катковъ обрушился сначала на «Современникъ», а затѣмъ возсталъ противъ авторитета Герцена и достигъ того, что обаяніе этого публициста почти совершенно пало. Но агитація далеко не прекратилась, и борьба съ ней стала одною изъ жизненныхъ задачъ Каткова. Уже одинъ тотъ фактъ, что возможно стало открыто полемизировать съ Герценомъ, показываетъ, какъ сильно расширилась свобода печатнаго слова. Для того, чтобы развернуть всѣ свои силы, почти не стѣсняемыя теперь извнѣ, Каткову мало было одного журнала, онъ желалъ получить ежедневную газету, и скоро къ тому представился случай. Въ 1862 г. рѣшено было сдать «Московскія Вѣдомости» въ аренду. Катковъ предложилъ университету арендную плату въ 74.000 р., и, такъ какъ условія другихъ конкурентовъ были не столь выгодны, то газета осталась за нимъ. Приступая вторично къ редактированію этой газеты, онъ еще разъ заявилъ въ предварительной статьѣ, что редакція «не связана ни съ какимъ кружкомъ, ни съ какою партіею и въ общественномъ дѣлѣ дорожитъ болѣе всего независимостью своихъ воззрѣній и своего слова». «Московскія Вѣдомости» подъ новой редакціей Каткова и Леонтьева начали выходить съ 1 января 1863 г. Въ томъ же году привелось Каткову оказать Россіи величайшую услугу.

Гуманныя и либеральныя идеи, овладѣвшія въ то время лучшими русскими умами, значительно затуманили чувство дѣйствительности и заслонили первѣйшія потребности, необходимыя для существованія государственнаго организма. Когда вспыхнуло польское возстаніе, то громадное большинство дѣятелей остановилось передъ нимъ въ недоумѣніи и изъ побужденій гуманности не отваживалось крутыми мѣрами бороться со зломъ, не представляя себѣ съ достаточною отчетливостью всей серьезности положенія. Тогда Катковъ въ цѣломъ рядѣ статей, проникнутыхъ горячимъ патріотизмомъ, опираясь на свое непосредственное чувство русскаго человѣка, разъяснилъ, что теперь вопросъ идетъ о самомъ существованіи Россіи, какъ великой національной державы, что Россія и Польша рядомъ существовать не могутъ, что освобожденіе Польши равносильно уничтоженію всего, что создано вѣковыми усиліями русскаго народа. Отрезвляющій голосъ Каткова, поддержанный всеподданнѣйшими адресами со всѣхъ концовъ Россіи, возымѣлъ надлежащее дѣйствіе, и борьба съ возстаніемъ повелась энергически. Въ этомъ пробужденіи національнаго духа главная заслуга принадлежитъ Каткову. Дальнѣйшія его статьи по польскому вопросу уже далеко не имѣли такого значенія: онъ не освѣщалъ русской политикѣ на западныхъ

окраинахъ новыхъ путей, а только расчищалъ тотъ путь, по которому двигалось русское правительство, и энергично поддерживалъ политику Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ и политику Милютина и князя Черкасскаго въ Польшѣ. Но нелегко далась Каткову его побѣда: ему пришлось выдержать жестокую борьбу съ представителями либеральной русской и иностранной прессы (особенно рѣзко полемизировалъ онъ съ барономъ Фирксомъ, писавшимъ подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти), да и цензура неоднократно карала Каткова за рѣзкій тонъ его статей: за одинъ мѣсяцъ 1863 г. ему пришлось заплатить штрафовъ на 950 руб. Но Катковъ не останавливался ни передъ чѣмъ, глубоко вѣруя въ справедливость и необходимость своего дѣла. Тѣмъ не менѣе, не смотря на поддержку вліятельныхъ лицъ, канцлера князя Горчакова и военнаго министра Милютина, положеніе Каткова становилось со дня на день тяжелѣе, и въ концѣ 1864 г. онъ даже хотѣлъ бросить публицистическую дѣятельность. Въ цензурныхъ преслѣдованіяхъ Катковъ самъ былъ въ значительной степени виноватъ. Указывая, что польское возстаніе стало возможно только благодаря поддержкѣ прямой и косвенной русскихъ либераловъ, онъ съ обычной страстностью обрушился на либеральную партію и на ея приверженцевъ не только среди частныхъ лицъ, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Въ своихъ поискахъ «внутреннихъ воровъ», по его выраженію, онъ зашелъ такъ далеко, что 31 марта 1866 г. получилъ первое предостереженіе. Въ необычайно рѣзкихъ выраженіяхъ встрѣтилъ онъ эту кару и отказался его перепечатать. Всѣ ждали прекращенія публицистической дѣятельности Каткова, но покушеніе Каракозова 4 апрѣля заставило вспомнить, что Катковъ первый выступилъ обличителемъ нигилизма, и онъ былъ прощенъ. Тогда Катковъ еще болѣе страстно сталъ обрушиваться на «внутреннихъ воровъ» и вынудилъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева объявить «Московскимъ Вѣдомостямъ» 6 мая второе предостереженіе, а на слѣдующій день—третье съ прекращеніемъ издательской дѣятельности редактора на 2 мѣсяца. 25 мая Москву посѣтилъ Государь. Катковъ добился аудіенціи въ Петровскомъ дворцѣ, былъ милостиво принятъ и получилъ разрѣшеніе продолжать свою публицистическую дѣятельность, при чемъ Александръ II обѣщалъ ему свое особое покровительство. Когда послѣ польскаго вопроса поднялись вопросы остзейскій, финляндскій, армянскій и т. д., Катковъ съ неменьшей энергіей сталъ ратовать противъ обособленія иноплеменныхъ національностей, вошедшихъ въ русскій государственный организмъ. «Не естественно-ли, писалъ онъ въ 1864 г.,—русскому желать, чтобы въ предѣлахъ русскаго государства не было ни эста, ни лива, ни шведа, ни нѣмца, и чтобы нѣмецъ въ Россіи, не разучиваясь своему языку и не измѣняя своей вѣры, тѣмъ не менѣе звалъ себя, прежде всего, русскимъ и дорожилъ этимъ званіемъ?»

Въ 1866 г. постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ графъ Д. А. Толстой, и на очередь поставленъ былъ вопросъ о реформѣ средне-учебныхъ заведеній. Катковъ явился горячимъ поборникомъ классической системы и не только защищалъ ее и объяснялъ ея смыслъ печатно, но рѣшилъ на практикѣ доказать ея превосходство. Съ этой цѣлью онъ задумалъ открыть частное учебное заведеніе, однако находящееся подъ покровомъ правительства, и въ іюлѣ 1867 г. подалъ на Высочайшее усмотрѣніе соотвѣтствующій проэктъ, а 13 января 1868 г. уже открылъ свой лицей, которому даровано было названіе Лицея Цесаревича Николая и покровительство Наслѣдника, впослѣдствіи Императора Александра III. Осенью 1872 г. при Лицеѣ учреждено было особое отдѣленіе для безплатнаго обученія и содержанія способныхъ мальчиковъ изъ народа, преимущественно изъ народныхъ школъ и по возможности изъ всѣхъ частей Россіи, съ тѣмъ, чтобы они приготовлялись къ учительскому званію. Этой учительской семинаріи дано было названіе Ломоносовской. Внутренняя организація лицея была больше дѣломъ Леонтьева, чѣмъ Каткова, который такъ опредѣлялъ свою роль въ этомъ дѣлѣ послѣ смерти своего друга: «Мнѣ, какъ одному изъ основателей, принадлежала только мысль создать подобное заведеніе въ интересѣ общей реформы въ нашемъ отечествѣ, моимъ дѣломъ была только борьба съ внѣшними затрудненіями и заботы обезпечить развитіе и самостоятельность заведенія законодательнымъ признаніемъ и необходимыми правами; но все, что ка-

сается внутренняго устройства заведенія, все исполненіе предположеннаго нами плана, было дѣломъ моего покойнаго товарища». Классическая система была однимъ изъ убѣжденій Каткова, которымъ онъ не измѣнялъ до конца жизни.

Горячій русскій патріотъ, Катковъ съ неизмѣнными симпатіями относился всегда и къ славянскимъ національностямъ, находящимся подъ властью нѣмцевъ и турокъ. Еще въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ, какъ мы уже указывали, пророчилъ славянству великую будущность; пробужденіе народнаго чувства у австрійскихъ славянъ въ 60-хъ годахъ онъ привѣтствовалъ съ искренней радостью. На всеславянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1867 г. Катковъ явился однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ культурнаго единенія всѣхъ славянъ. Преслѣдованіе русскихъ подданныхъ австрійскаго императора вызывало горячія статьи на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», а поляки, содѣйствовавшіе угнетенію галицкихъ русскихъ, объявлялись измѣнниками славянской идеѣ. Движеніе балканскихъ славянъ нашло въ Катковѣ также одного изъ самыхъ энергичныхъ своихъ защитниковъ, и движеніе среди русскаго общества въ пользу возставшихъ было въ значительной степени вызвано и поддержано воззваніями Каткова. Выгодами Россіи и славянства опредѣлялось отношеніе Каткова къ западно-европейскимъ государствамъ. Противъ Австріи и Англіи онъ боролся неутомимо, касательно же Франціи и Германіи измѣнялъ свои взгляды неоднократно, пока, наконецъ, не сталъ рѣшительно на сторону франко-русскаго союза съ 1886 г.

На радикальныя теченія среди русскаго общества Катковъ смотрѣлъ, какъ на порожденіе польской интриги и упорно, страстно преслѣдовалъ и клеймилъ ихъ. Это не мѣшало ему въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ быть горячимъ поклонникомъ реформеннаго движенія. Съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчалъ онъ освобожденіе крестьянъ, земское и городское самоуправленіе, въ особенности же новые суды. Когда недостатки, обнаружившіеся въ реформенныхъ учрежденіяхъ, стали вызывать нападки въ печати, Катковъ выступилъ на защиту ихъ и долго доказывалъ, что нельзя сразу ожидать вполнѣ успѣшныхъ результатовъ отъ самодѣятельности общества, не привыкшаго къ свободнымъ установленіямъ. Только мало по малу тонъ Каткова сталъ измѣняться. Недостатки крестьянскаго самоуправленія вызвали у него мысль о необходимости предоставить мировымъ судьямъ надзоръ за дѣйствіями волостныхъ сходовъ и волостныхъ судовъ, въ чемъ можно видѣть зарожденіе идеи о необходимости соединенія судебной власти съ административной, осуществленнаго впослѣдствіи въ институтѣ земскихъ начальниковъ. Сочувствіе Каткова къ новымъ судамъ охладили все чаще и чаще повторявшіеся факты оправданія очевидно преступныхъ подсудимыхъ. Впрочемъ сначала, отмѣчая эти факты, онъ не относилъ ихъ къ сущности суда присяжныхъ. Лишь послѣ оправданія Вѣры Засуличъ и другихъ доказательствъ мягкаго отношенія окружныхъ судовъ къ революціонному элементу Катковъ сталъ страстно нападать на самую идею суда общественной совѣсти, который своею мягкостью только потворствуетъ крамолѣ. Въ этомъ потворствѣ онъ видѣлъ признакъ шаткости всей русской интеллигенціи, у которой усмотрѣлъ «какое-то роковое несогласіе съ дѣйствительностью». А естественнымъ выводомъ отсюда явилось убѣжденіе, что нельзя полагаться на этотъ шаткій слой, нельзя ввѣрять въ руки интеллигенціи ни одной отрасли управленія. Тогда начался его походъ противъ новаго суда и земствъ. Въ Катковѣ опять громко заговорилъ горячій патріотъ, зорко слѣдящій прежде всего за цѣлостью и мощью государственнаго организма. Каткову казалось, что терроризмъ революціонной шайки — подобно польской интригѣ, которая имъ руководила, по его мнѣнію — грозилъ самому существованію Россіи. Катковъ сталъ проповѣдывать, что необходимо, во чтобы то ни стало, спасти государство, искоренить зло; онъ забывалъ всѣ свои прежнія симпатіи и антипатіи и сталъ требовать мѣръ чрезвычайныхъ. «Еще-ли государственный мечъ будетъ коснѣть въ своихъ ножнахъ? Еще-ли не пора явить святую силу власти во всей грозѣ ея величія?» восклицаетъ онъ. Можетъ быть, небезосновательно будетъ отмѣтить, что такое боевое положеніе «Московскія Вѣдомости» заняли въ концѣ 70-хъ годовъ, послѣ смерти Леонтьева, который, кажется, прежде умѣрялъ страстнаго, увлекающагося Каткова. Катастрофа 1 марта 1881 г. доказала, что

Катковъ былъ правъ, приписывая злу весьма серьезное значеніе и требуя для борьбы съ нимъ экстраординарныхъ мѣръ. Въ виду этого авторитетъ его, естественно, поднялся на необыкновенную высоту, и «Московскія Вѣдомости» пріобрѣли значеніе, какого до нихъ не имѣла въ Россіи ни одна газета. Въ первые же мѣсяцы новаго царствованія Катковъ ясно и опредѣленно формулировалъ свою новую программу. «Предлагаютъ много плановъ, писалъ онъ, но есть одинъ царскій путь... Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ, чтобы предъ нимъ уравнивалось различіе сословій... Единая власть и никакой иной власти въ странѣ, и стомилліонный, только ей покорный народъ, вотъ истинное царство... Да положитъ Господь въ сердце Государя нашего шествовать именно этимъ, воистину царскимъ путемъ и имѣть въ виду не прогрессъ или регрессъ, не либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего стомилліоннаго народа». Манифестъ 29 апрѣля 1881 г. Катковъ привѣтствовалъ восторженно: «Свершилось, теперь мы можемъ вздохнуть свободно. Конецъ малодушію, конецъ всякой смутѣ мнѣній! Рѣшительное слово Монарха... возвращаетъ Россіи Русскаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога пріявшаго власть свою и лишь передъ Богомъ отвѣтственнаго». — «И такъ, господа, встаньте! писалъ онъ по другому поводу: правительство идетъ; правительство возвращается!.. Не вѣрите?»

Послѣ 1863 г. факты личной жизни Каткова немногосложны. Начинается неустанная работа, поглощавшая все существо его, всѣ силы и страсти. До этой эпохи онъ еще отдавалъ дань обычному теченію жизни: самъ бывалъ у близкихъ знакомыхъ, принималъ у себя друзей и сотрудниковъ. Но съ лѣта 1863 г. литературныя связи отступили на задній планъ, а на первый выдвинулись сношенія съ государственными и общественными дѣятелями. Самая работа принимаетъ характеръ подвижничества, забывающаго о личныхъ потребностяхъ. Постоянное умственное и нервное напряженіе влекло за собой мучительныя безсонницы, и правильнаго сна Катковъ не зналъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, засыпая только иногда отъ утомленія. По ночамъ у него шла главная работа. Расхаживая по кабинету онъ диктовалъ секретарю свои статьи, которыя сейчасъ-же посылались въ типографію и затѣмъ подвергались тщательной передѣлкѣ въ корректурахъ. Статьи значительнаго объема диктовались въ нѣсколько пріемовъ, а короткія представляли родъ импровизаціи и часто производили особенно сильное впечатлѣніе своей непосредственностью и горячностью. Помимо безсонницъ, Катковъ и всю жизнь велъ крайне негигіенично, не зная опредѣленныхъ часовъ ни для завтрака, ни для обѣда и не различая дня отъ ночи. Какъ ни крѣпка была его организація, но все-таки не выдержала такой напряженной жизни, и послѣднее время Каткова сломила тяжкая болѣзнь. Скончался онъ въ своемъ имѣніи—селѣ Знаменскомъ (подольскаго уѣзда, московской губерніи), а погребенъ въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Съ 22 января 1882 г. Катковъ состоялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Смерть Каткова произвела большое впечатлѣніе въ Россіи и за границей. На слѣдующій же день вдова получила сочувственную телеграмму отъ Императора Александра III, затѣмъ посыпались депеши со всѣхъ концовъ Россіи, отъ русскихъ кружковъ заграницей, изъ славянскихъ земель. Болѣе 80 вѣнковъ возложено было на гробъ. Европейская пресса видѣла въ смерти Каткова фактъ міровой важности. «Исчезновеніе съ обширной арены русской политики столь могущественнаго лица, какъ Катковъ, писалъ Standard 2 августа,—не можетъ не имѣть немедленнаго и значительнаго вліянія на дѣла не только Европы, но и другихъ континентовъ». Въ томъ же духѣ отзывались и другіе органы, расходясь только въ точкѣ зрѣнія на дѣятельность покойнаго. Изъ русскихъ отзывовъ упомянемъ два, наиболѣе характерныхъ. «Катковъ никогда ничего не дѣлалъ для угожденія публики, говорилъ В. Г. Авсѣенко,—для внѣшняго успѣха своихъ изданій. Разъ въ чемъ-нибудь убѣждался, онъ высказывалъ свою мысль до конца, рѣзко и ярко, хотя бы и зналъ заранѣе, что въ данную минуту общественная масса будетъ противъ него. Впрочемъ, онъ рѣдко говорилъ къ массѣ. Его лучшія, самыя обдуманныя и обработанныя статьи всегда были обращены къ властнымъ правительственнымъ сферамъ; это былъ публицистъ не столько газетный,

сколько государственный». Послѣднюю черту подробнѣе характеризовалъ Н. П. Гиляровъ: «Московскія Вѣдомости» образовали своего рода департаментъ, въ которомъ обсуждались и подготовлялись къ рѣшенію важнѣйшіе вопросы по внутренней и внѣшней политикѣ,—департаментъ не оффиціальный, съ голосомъ независимымъ и не властнымъ, но къ звукамъ котораго нельзя было оставаться глухимъ, и котораго сила удвоивалась настойчивымъ повтореніемъ разъ поставленныхъ положеній и безпощадною полемикой съ противниками, кто бы они ни были и гдѣ бы ни стояли,—въ рядахъ-ли публицистики, на верхнихъ-ли ступеняхъ государственной іерархіи». И самъ Катковъ, подъ конецъ уже жизни, въ 1886 г. заявлялъ, что смотритъ на свою публицистическую дѣятельность, какъ на государственную службу, какъ на «способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользѣ престола и отечества», при чемъ считалъ первымъ правиломъ «держаться на твердой почвѣ и не теряться въ безплодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ... Всякій кто за это дѣло въ Россіи серьезно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностію и становится призваніемъ. Онъ доженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его, гдѣ бы оно ни загнѣздилось и какую бы личину не принимало. Его долгъ—доискаться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями съ одной стороны, никакими вынужденіями—съ другой. Вотъ какимъ долженъ быть серьезный политическій органъ въ Россіи. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совѣсти».

«Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета». М. 1855, ч. I, стр. 381—383.—И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія». Спб. 1876, ч. II.—А. Н. Пыпинъ. «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Спб. 1876, т. I—II.—П. В. Анненковъ. «Воспоминанія и критическіе очерки». Спб. 1881, отд. III.—Н. А. Любимовъ. «М. Н. Катковъ и его историческая заслуга, по документамъ и личнымъ воспоминаніямъ»—въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1888 г., №№ 1—4, 7, 8; 1889 г., №№ 2, 3 и 8; отдѣльной книгой: М. 1889.—С. Невѣдѣнскій. «Катковъ и его время». Спб. 1888. (Отрывокъ былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1888 г., № 6).—«Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову 1843—1857»—въ «Русскомъ Архивѣ», 1888 г., № 8 (съ примѣчаніями П. Бартенева)—Ф. Боденштедтъ. «Воспоминанія о пребываніи въ Россіи въ 1841—1845 гг.»—въ «Русской Старинѣ», 1887 г., май.—В. Г. Бѣлинскій. «Сочиненія», ч. III, изд. 5-ое. М. 1884, стр. 102.—«Календарь Лицея Цесаревича Николая на 1869—1870 учебный годъ». М. 1869.—«Краткій очеркъ исторіи императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая за первое двадцатипятилѣтіе его существованія»,—въ «Календарѣ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на 1894—1895 учебный годъ», М. 1894.—«Московскія Вѣдомости» 1887 г., іюльскіе и августовскіе номера.—Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ умершихъ русскихъ писателей», вып. 7-ой—въ «Библіографическихъ запискахъ» за 1892 г., № 2. (Тутъ полный перечень всѣхъ раннихъ трудовъ Каткова и некрологовъ о немъ).—«Энциклопедическій словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, томъ XIV, Спб. 1895, стр. 731—734 (статья И. А.). *С. А—въ.*

Католинскій, *Александръ Павловичъ*, гофъ-медикъ, род. 10 іюля 1830 г. въ Тобольскѣ, ум. 2 ноября 1865 г. Кончивъ курсъ въ Тобольской гимназіи, поступилъ въ 1847 въ Петербургскую Медико-хирургическую академію. Окончилъ курсъ въ Академіи въ 1835 г. лѣкаремъ съ серебряной медалью и поступилъ въ медицинскій департаментъ Военнаго министерства. Состоя съ 1862 г. ординаторомъ перваго военно-сухопутнаго госпиталя получилъ званіе почетнаго гофъ-медика. Много и съ успѣхомъ занимался изученіемъ электротерапіи и первый ввелъ въ Петербургѣ лѣченіе болѣзней сжатымъ воздухомъ. Его статьи: «Леченіе фимоза безъ кровавой операціи», «О никотинѣ», «Два случая холеры, гдѣ употребленъ электрогальванизмъ» и др. напечатаны въ журналѣ «Другъ здоровья» 1852 г. и слѣд.

Змѣевъ. «Русск. врачи-писатели»; «Медиц. Вѣстн.» 1865 г. № 46.

Катыревъ-Ростовскій, князь *Иванъ Михайловичъ*, умеръ въ 1640 г. Онъ извѣстенъ своею «Повѣстью» о смутномъ времени Московскаго государства, которая ранѣе приписывалась сыну боярскому Сергѣю Кубасову. Князь Иванъ Михайловичъ былъ послѣднимъ представителемъ своего рода. Этотъ родъ пошелъ отъ князя Ивана Андреевича Хохолкова-Катыря и былъ «большимъ» боярскимъ родомъ; про Катыревыхъ въ XVI—XVII вѣкахъ говорили, что они «въ разрядѣ велики живутъ», и считали ихъ самыми «великими» изъ всѣхъ многочисленныхъ ростовскихъ князей. Отецъ князя Ивана,

князь Михаилъ Петровичъ, былъ однимъ изъ видныхъ воеводъ въ послѣднюю четверть XVI вѣка и не разъ ходилъ въ походы первымъ воеводою большаго полка. Онъ умеръ на воеводствѣ въ Великомъ Новгородѣ въ 1606 г. отъ мороваго повѣтрія одновременно со своею женою Домною Васильевною, рожденною княжною Палецкою.

Князь Иванъ Михайловичъ началъ свою службу еще при жизни отца; вмѣстѣ съ нимъ онъ подписался на грамотѣ, утверждавшей избраніе Бориса Ѳеодоровича Годунова на царство въ 1598 г. При жизни отца, вѣроятно, и женился князь Иванъ на Татьянѣ Ѳеодоровнѣ, дочери боярина Ѳеодора Никитича Романова, впослѣдствіи патріарха Филарета; по смерти Татьяны Ѳеодоровны, послѣдовавшей въ іюлѣ 1611 г., князь Иванъ женился вторично; происхожденіе его второй жены, княгини Ирины Григорьевны, пока не опредѣлено. Впервые является предъ нами князь Иванъ Михайловичъ на придворныхъ церемоніяхъ при царѣ Борисѣ и носитъ въ это время чинъ стольника. Оставался онъ при дворѣ и во время Лжедимитрія и былъ на его свадьбѣ въ 1606 г. Черезъ два года, въ 1608 г., участвовалъ онъ въ свадебномъ поѣздѣ царя Шуйскаго, который женился на его родственницѣ, М. П. Буйносовой. Но родство съ царемъ Василіемъ не сблизило Катырева съ Шуйскими. Въ томъ же 1608 г., въ то время, когда второй самозванецъ приближался къ Москвѣ и противъ него были высланы войска, въ этихъ войскахъ «нача быти шатость, хотяху царю Василію измѣнити». Измѣна во-время стала извѣстна Шуйскому. Онъ отозвалъ все войско къ Москвѣ, «переималъ измѣнниковъ» и однихъ сослалъ, другихъ казнилъ. Лѣтопись, передавая имена измѣнившихъ, на первомъ мѣстѣ называетъ князя Ивана Катырева вмѣстѣ съ князьями Ю. Трубецкимъ и И. Троекуровымъ. Всѣ трое были сосланы съ Москвы, и Катыревъ дальше всѣхъ—въ Сибирь, на воеводство въ Тобольскъ, куда онъ прибылъ уже въ 1609 г. Въ должности тобольскаго воеводы ему суждено было остаться приблизительно до освобожденія Москвы отъ поляковъ. Такимъ образомъ онъ не былъ очевидцемъ смуты во второй ея половинѣ, и если онъ описалъ въ своей «Повѣсти» послѣдніе смутные годы такъ же обстоятельно, какъ первые, то, конечно, пользовался при этомъ чужими показаніями и письменными источниками. Дошедшіе до насъ остатки той дѣловой переписки, какую онъ велъ, будучи въ Тобольскѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что Катыревъ своевременно узнавалъ изъ оффиціальныхъ грамотъ о главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ на Руси. Въ 1612 г. бояре изъ «полковъ», стоявшихъ подъ Москвой, вызвали Катырева изъ Сибири и назначили на его мѣсто кн. И. П. Буйносова; въ 1613 г. мы видимъ Катырева уже въ Москвѣ. Быть можетъ, онъ успѣлъ туда пріѣхать раньше избранія въ цари его шурина Михаила Ѳеодоровича: подпись Катырева находится на избирательной грамотѣ 1613 г.

При новомъ государѣ началась весьма почетная служба Катырева—придворная и военная. Онъ часто въ чинѣ стольника упоминается въ разрядныхъ книгахъ. Такъ въ 1614 г. лѣтомъ былъ онъ назначенъ первымъ воеводою большаго полка на Тулу противъ татаръ. Въ 1615 г., когда татары грозили самой Москвѣ, ему поручена была защита Замоскворѣчья, и онъ опять былъ первымъ воеводою большаго полка. Въ то же время поручались ему и придворныя службы: въ 1615 г. ходилъ онъ съ государемъ къ Троицѣ; въ 1616 и 1617 гг. «смотрѣлъ въ большой столъ» на дворцовыхъ обѣдахъ послу Дж. Мерику. Въ 1618 и 1619 гг. снова видимъ Катырева въ военныхъ должностяхъ: съ мая и до зимы 1618 г. вѣдалъ онъ оборону Замоскворѣчья отъ поляковъ, а «на весну» 1619 г. его послали въ Тулу противъ крымцевъ; и въ Москвѣ, и въ Тулѣ онъ былъ первымъ воеводой. Въ 1622 г. Катыревъ именуется уже дворяниномъ московскимъ и съ тѣхъ поръ въ перечняхъ дворянъ всегда пишется первымъ. Въ 1622—1629 гг. онъ жилъ въ Москвѣ, ходилъ за государемъ въ походы на богомолья, присутствовалъ на первой и на второй свадьбахъ Михаила Ѳедоровича и на другихъ придворныхъ церемоніяхъ, часто обѣдалъ за царскимъ и патріаршимъ столомъ,—словомъ, былъ ближнимъ, «комнатнымъ» человѣкомъ.

Въ 1630 г. Катыревъ вмѣсто почетныхъ, но кратковременныхъ порученій, получилъ назначеніе на постоянную должность начальника Владимірскаго суднаго приказа и занималъ ее приблизительно до сентября 1632 г. Въ сентябрѣ или октя-

брѣ 1632 г. князю Ивану дано было новое почетное назначеніе: онъ былъ посланъ первымъ воеводой въ Новгородъ и оставался тамъ около трехъ лѣтъ до конца 1635 или начала 1636 г. Что дѣлалъ онъ въ 1636 г., мы не знаемъ; но въ 1637—1639 г. имя его встрѣчается изрѣдка при описаніи посольскихъ пріемовъ и придворныхъ обѣдовъ въ Москвѣ. Въ концѣ же 1640 г. князь Иванъ скончался въ прежнемъ своемъ чинѣ московскаго дворянина, не достигши боярскаго сана.

Такова была жизнь Катырева. Извѣстія о ней односторонни: они даютъ свѣдѣнія о службѣ князя Ивана, но не даютъ понятія о его личныхъ способностяхъ, образованіи и взглядахъ. А между тѣмъ «Повѣсть» Катырева, выдѣляясь изъ ряда современныхъ ей историческихъ повѣствованій своими литературными достоинствами, заставляетъ видѣть въ ея авторѣ талантливаго и образованнаго человѣка. Съ литературной стороны его трудъ стоитъ выше едва ли не всѣхъ прочихъ сказаній о Смутѣ; слогъ Катырева можетъ увлечь своимъ оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ складомъ. Обиліе троповъ дѣлаетъ языкъ его «Повѣсти» изобразительнымъ, но не вычурнымъ и не запутаннымъ; рѣчи, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, оживляютъ изложеніе; въ разсказъ иногда удачно вводится картина природы, набросанная немногими, но яркими штрихами. Умъ писателя сказывается въ той сдержанности, съ какою обыкновенно относится онъ и къ друзьямъ и къ врагамъ своимъ; чувство мѣры не позволяетъ автору кстати и не кстати пестрить свое изложеніе библейскими выписками: онѣ являются у него всегда у мѣста и не нарушаютъ общаго характера рѣчи. Эти выписки свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Иванъ былъ человѣкомъ книжнымъ, а извѣстныя вирши, которыми онъ заканчиваетъ свой трудъ, намекаютъ и на то, что Катыревъ не ограничивалъ своего чтенія одними богословскими книгами.

Собственно историческимъ содержаніемъ «Повѣсть» Катырева довольно богата. Начинаясь краткимъ разсказомъ о царѣ Иванѣ Грозномъ, она заканчивается извѣстіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Предъ читателемъ проходятъ послѣдовательно всѣ главнѣйшіе моменты смуты, очерченные довольно кратко, но весьма стройно. Съ одинаковымъ вниманіемъ авторъ останавливается на времени Бориса и похожденіяхъ самозванца, на междоусобіяхъ при Шуйскомъ и на обстоятельствахъ борьбы съ поляками. Разсказъ его не подробенъ: Катыревъ не вдается въ описаніе мелочей, а въ общемъ очеркѣ спѣшитъ отъ факта къ факту, ограничиваясь иногда только упоминаніемъ о томъ или другомъ событіи. Нельзя при этомъ не замѣтить, что онъ замѣчательно объективенъ въ сравненіи съ другими современными ему писателями о смутѣ. Своею задачей онъ ставитъ простое изображеніе фактовъ и очень рѣдко высказываетъ свои взгляды на событія и лица; о себѣ же самомъ не говоритъ ни слова. У него нельзя замѣтить и какой-нибудь общей мысли, которая руководила бы всѣмъ изложеніемъ; не всегда наблюдается даже стремленіе къ простому прагматизму. Авторъ довольствуется фактическимъ описаніемъ одного событія за другимъ, не претендуя на истолкованіе ихъ общаго смысла и связи. Такой пріемъ автора обращаетъ его трудъ въ безпристрастную хронику событій, которая дорога историку тѣмъ, что составлена современникомъ описанной эпохи.

«Повѣсть» Катырева была первоначально напечатана въ «Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей» А. Н. Поповымъ, подъ именемъ хронографа Сергѣя Кубасова; съ именемъ настоящаго автора она помѣщена въ XIII т. «Русской исторической библіотеки», издаваемой Археографической Коммиссіей.

Платоновъ, С. Ѳ., «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени», Спб., 1888 г. 203—222; Майковъ, Л. Н., «О началѣ русскихъ виршъ», въ «Журн. Министерства Народн. Просв.», іюнь 1891 г., 443—453.

С. Пл.

Кауфманъ-фонъ, *Константинъ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, род. 19 февраля 1818 г., ум. 4 мая 1882 г., въ Ташкентѣ. Воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ и 25 декабря 1836 г. былъ произведенъ въ инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ при училищѣ для продолженія курса наукъ въ офицерскихъ классахъ; 22 февраля 1839 г.; въ чинѣ поручика, былъ назначенъ на службу въ западный инженерный округъ, а въ 1843 г. переведенъ въ Кавказскій

отдѣльный корпусъ. Съ этого времени начинается его боевая дѣятельность. Съ 1844 г. по 1852 г., онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ 1845 г. въ Даргинскомъ походѣ; подъ Дарго былъ раненъ пулею въ шею. Произведенный въ капитаны 6 іюня 1848 г. онъ участвовалъ въ штурмѣ Гергебиля и за отличіе въ этомъ дѣлѣ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ съ награжденіемъ орденомъ св. Георгія 4-й степ. Отправляясь къ мѣсту служенія въ Тифлисъ, онъ получилъ приказаніе осмотрѣть укрѣпленія лѣваго фланга кавказской линіи, что и было имъ выполнено съ такимъ знаніемъ дѣла, что въ слѣдующемъ 1849 г., по волѣ главнокомандующаго, онъ былъ назначенъ старшимъ инженеромъ въ войска Прикаспійскаго края на время экспедиціи дагестанскаго отряда. Въ этой экспедиціи при штурмѣ аула Чоху, онъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Въ 1850 г. подъ его руководствомъ были возведены укрѣпленія въ долинѣ рѣки Самура, въ Прикаспійскомъ краѣ. Въ маѣ 1851 г. онъ былъ прикомандированъ къ образцовому пѣхотному полку, а 22 декабря того же года произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Дагестанскій пѣхотный полкъ командиромъ 3-го баталіона. Въ 1852 г. за дѣло при Гергебильскомъ спускѣ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Во время восточной войны 1853—1856 гг., командуя Кавказскимъ саперным баталіономъ, К. П. Кауфманъ участвовалъ въ 1854 г. въ сраженіи подъ Кюрюкъ-Дара и въ 1855 г. въ блокадѣ, штурмѣ и взятіи крѣпости Карса, при чемъ, исполняя обязанности начальника походнаго штаба при главнокомандующемъ, заключилъ съ англійскимъ генераломъ Вильямсомъ условія сдачи Карса и турецкой анатолійской арміи; 18 сентября 1855 г. онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, 25 января 1856 года, переведенъ исправляющимъ должность начальника штаба Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части; въ маѣ назначенъ членомъ совѣта Императорской военной академіи и конференціи Николаевской инженерной академіи и 26 августа произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности начальника штаба. Въ 1857 г. онъ былъ командированъ на югъ Россіи для составленія соображеній объ усиленіи обороны Керченскаго пролива и теченія р. Буга, а за тѣмъ, по возвращеніи, назначенъ членомъ комитета по преобразованію заведеній военныхъ кантонистовъ въ училища военнаго вѣдомства. 17 апрѣля 1858 г. онъ былъ назначенъ въ свиту Его Императорскаго Величества, 30 августа 1861 г.—директоромъ канцеляріи военнаго министерства. По этой должности принималъ дѣятельное участіе въ Военномъ Совѣтѣ и разныхъ комитетахъ по измѣненію организаціи войскъ, преобразованію арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства, устройству военныхъ тюремъ и т. д. Въ 1864 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, а въ апрѣлѣ 1865 г. виленскимъ, ковенскимъ, гродненскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ витебской и могилевской губерній и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Въ этой должности онъ пробылъ до октября 1866 г., когда получилъ отпускъ на 11 мѣсяцевъ. Управляя краемъ, только что умиреннымъ, онъ положилъ много труда по устройству благосостоянія населенія и заслужилъ всеобщее уваженіе. Въ іюлѣ 1867 г. онъ былъ назначенъ командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа. Съ этимъ назначеніемъ начинается вновь его боевая дѣятельность. Въ 1868 г., выступивъ съ отрядомъ изъ Ташкента для наказанія бухарскаго эмира за непріязненныя его дѣйствія, разбилъ отступившія на Зарыбулакъ бухарскія войска, взялъ съ боя городъ Самаркандъ и принудилъ эмира къ заключенію мира, по которому къ Россіи присоединена вся Зарявшанская долина, образовавшая Самаркандскую область. Ордена св. Георгія 3 ст. и Бѣлаго Орла и занесеніе имени на доску въ главномъ инженерномъ училищѣ съ прибавленіемъ «1868 г. Самаркандъ», были наградою Кауфману за эти подвиги. Въ 1873 г. непріязненныя отношенія хивинскаго хана вызывали экспедицію чрезъ безводную степь въ Хиву. Экспедиція окончилась взятіемъ, 29 мая 1873 г., Хивы, покореніемъ ханства и освобожденіемъ всѣхъ бывшихъ въ ханствѣ невольниковъ. Побѣда эта и выгодный для Россіи миръ упрочили обаянія россійской державы среди азіатскаго населенія. За этотъ походъ Кауфманъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени, а 1-го января 1874 г. произведенъ въ инженеръ-гене-

ралы. Появленіе на нашей границѣ шаекъ возставшихъ противъ хана Худояра кокандцевъ, грозившихъ возбудить общее мусульманское движеніе, вызвало новую экспедицію. 22 августа 1875 г. Кауфманъ разбилъ мятежниковъ у крѣпости Махрамъ, возстаніе было подавлено и кокандцы изъявили желаніе присоединиться къ Имперіи, что и состоялось 19 февраля 1876 г., причемъ изъ Кокандской территоріи была образована Ферганская область, включенная въ составъ туркестанскаго генералъ-губернаторства. За этотъ подвигъ К. П. фонъ-Кауфманъ былъ пожалованъ шпагою съ бриллiантами и надписью: «За пораженіе кокандцевъ». Не мало потрудился онъ и въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія во ввѣренномъ ему краѣ. При немъ было усилено народное образованіе открытіемъ до 60 школъ, 2 мужскихъ и 2 женскихъ гимназій въ гг. Ташкентѣ и Вѣрномъ и публичной библіотеки въ Ташкентѣ, а равно обращено особенное вниманіе на изученіе края. Благодаря просвѣщенному покровительству К. П. Кауфмана лицамъ изучавшимъ край, и цѣлому ряду научныхъ экспедицій, Туркестанъ явился одною изъ наиболѣе изученныхъ частей нашего отечества. Заслуги на этомъ поприщѣ доставили Кауфману званіе почетнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, предсѣдателемъ туркестанскаго отдѣла котораго онъ и состоялъ.

«Русскій Инвалидъ», 1882 г., № 103; «Туркестанскія вѣдомости», 1882 г., № 21; П. П. Семеновъ, «Исторія полувѣковой дѣятельности Импер. Русс. Геогр. Общества».

Кауфманъ, *Николай Николаевичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. 8 февраля 1834 г., ум. 15 декабря 1870 г. По окончаніи курса въ Московской третьей гимназіи поступилъ въ Московскій университетъ на естественое отдѣленіе физико-математическаго факультета; еще съ дѣтства любимымъ его предметомъ была ботаника, которой онъ посвятилъ преимущественно свои занятія въ университетѣ. По окончаніи курса въ 1856 г. назначенъ былъ преподователемъ естественной исторіи во второй Московской гимназіи, а съ 1860 г. началъ преподованіе въ университетѣ. Страстно любя природу, онъ умѣлъ внушать слушателямъ интересъ къ своему любимому предмету и, не отличаясь краснорѣчіемъ въ изложеніи своихъ лекцій, привлекалъ тѣмъ не менѣе множество слушателей и учениковъ. Онъ основалъ въ университетѣ карпологическую и дендрологическую коллекціи, привелъ въ порядокъ университетскій гербарій, привелъ въ отличное положеніе ботаническій садъ при университетѣ. Въ области своей науки онъ занимался преимущественно морфологіей и систематикою. Изъ сочиненій его особенно замѣчательно: «Московская флора» (1866)—трудъ, съ серьезными научными достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ — вполнѣ общедоступно изложенный.

«Отчетъ Москов. универ. за 1870 г.».

Кауфманъ - фонъ, *Петръ Федоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 1784 г., ум. въ 1849 г. Отецъ его, по происхожденію австрійскій дворянинъ, въ русскую службу вступилъ въ 1771 г. съ чиномъ капитана. Умеръ въ 1793 г. подполковникомъ. По окончаніи въ 1799 г. курса въ 1 мъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ П. Кауфманъ произведенъ въ прапорщики въ Вятскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1820 г.; участвовалъ въ войнахъ съ Франціею въ 1805—1807 и 1812—1814 г., и съ Турціею въ 1811—1812 гг. и былъ трижды раненъ. Съ 1821 командовалъ 31-мъ егерскимъ полкомъ; принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828—1829 гг., во время которой командовалъ отрядомъ, назначеннымъ для занятія мѣстности между рр. Ольтою и Веде и наблюденія за крѣпостію Турно, раненъ подъ Эски-Арнаутларомъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Въ 1828 г. былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Варны, а въ мартѣ 1829 г., командиромъ Селенгинскаго пѣхотнаго полка. Впослѣдствіи занималъ должности командира Симбирскаго егерскаго полка (1833—1837 г.), командира сначала 2-й, а потомъ 1-й бригадъ 1-й пѣхотной дивизіи и начальника 7-й пѣхотной дивизіи и, съ которою въ 1849 г. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи и въ плѣненіи Гёргея. Въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ 1847 г.

Формул. спис. за 1849 г. № 11903 въ Моск. отдѣл. архива Гл. штаба. *С. Н. П.*

Кауцманъ, (*Michael Ehrenreich*) профессоръ Дерптскаго университета, род. въ Швабахѣ 25 іюня 1769 г., ум. 16 іюля 1816 г. Былъ слушателемъ Ерлангенскаго университета по медицинскому факультету, началъ службу военнымъ врачемъ, затѣмъ занимался частною практикой. Въ 1802 г. полу-

чилъ степень доктора медицины за сочиненіе «De novo trepanationis instrumento» и въ 1803 г. былъ приглашенъ въ Дерптскій университетъ прозекторомъ, а въ 1805 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ хирургіи. Въ 1810 вышелъ въ отставку и занимался частною практикой сначала въ Дерптѣ, потомъ въ Ригѣ (1813) и наконецъ въ Ревелѣ, гдѣ и умеръ.

Кахановъ, *Семенъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ тамбовской губ., род. въ 1785 г., ум. въ 1857 г. Воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ 12 іюня 1802 г. подпоручикомъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. 6 февраля 1822 г., въ чинѣ полковника, назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гренадерскаго корпуса. Состоялъ командиромъ Астраханскаго гренадерскаго полка съ 26 августа 1826 по 14 апрѣля 1829 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и затѣмъ командовалъ нѣсколькими бригадами и дивизіями съ 1830 по 1839 г. 15 декабря 1839 г. назначенъ грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а съ 10 іюня 1841 г. состоялъ членомъ Совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. 7 апрѣля 1846 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Былъ въ походахъ и сраженіяхъ: въ 1807 г. въ войнѣ съ Франціею, въ 1808—1809 гг. съ Швеціею, причемъ за занятіе г. Умео получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», въ 1812—1814 г. въ войнѣ съ Франціею и за дѣла подъ Бауценомъ и и на Вильгельмсбургѣ получилъ ордена св. Владиміра 4 ст. и Анны 2 ст., въ 1829—31 г.—въ войнѣ съ горцами на Кавказѣ, причемъ командовалъ отрядомъ войскъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и за дѣла противъ отряда Кази-Муллы получилъ орденъ св. Анны 1 ст. и аренду по 1000 р. на 12 лѣтъ.

Формул. спис. за 1854 г. въ архивѣ Гл. штаба, книга № 16337; генерал. списки по 1863 г., кн. 4, стр. 774 тамъ же.

С. Н. П.

Каховскій (Коховскій), графъ *Михаилъ Васильевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, изъ дворянъ смоленской губерніи, род. въ 1734 году, ум. въ 1800 г. Воспитывался въ Сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ службѣ считался съ 8-го мая 1752 года когда былъ еще кадетомъ; въ 1757 году выпущенъ подпоручикомъ въ первый полкъ «Обсерваціоннаго» (Шуваловскаго) корпуса; при расформированіи же этого корпуса переведенъ въ 1-й Фузилерный полкъ. Принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, начиная съ 1758 года и былъ въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ, при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ. Въ 1760 году произведенъ въ поручики; въ томъ же году назначенъ состоять при австрійскомъ генералѣ Лаудонѣ, при которомъ и находился во время блокады Бреславля, въ сраженіи при Лигницѣ и при отступленіи послѣ сраженія, затѣмъ находился въ корпусѣ графа Чернышева при взятіи Берлина. Въ іюнѣ 1761 года произведенъ въ капитаны съ переводомъ въ Петербургскій мушкетерскій полкъ. Въ томъ же году въ сентябрѣ назначенъ оберъ-квартермистромъ при корпусѣ графа Чернышева, а затѣмъ участвовалъ, въ составѣ австрійскаго корпуса Лаудона, въ штурмѣ и взятіи крѣпости Швейдница 1-го октября. Въ апрѣлѣ 1762 года назначенъ генералъ-квартермистръ-лейтенантомъ при корпусѣ Чернышева, а 21-го іюля того-же года состоялъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II въ сраженіи при Буркерсдорфѣ.

Въ 1764 году состоялъ въ корпусѣ князя М. Н. Волконскаго, осматривалъ по его порученію имѣнія князя Радзивилла, которыя были взяты подъ русское управленіе и располагалъ въ нихъ войска по квартирамъ. Въ 1766 году онъ былъ произведенъ въ бригадиры, а въ 1768 назначенъ генералъ-квартермистромъ. Состоя въ этой должности и чинѣ, онъ принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ въ главной квартирѣ арміи князя Голицына. Въ кампанію 1769 года онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ Хотина. Въ кампанію 1770 года, находясь во 2-й арміи подъ начальствомъ графа П. И. Панина, онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Бендерами до взятія этой крѣпости включительно, а въ кампанію 1771 года, въ той же арміи, въ операціяхъ князя Долгорукова въ Крыму, въ томъ числѣ во взятіи штурмомъ Перекопской линіи 13—14 іюня, во взятіи Кафы 29-го іюня и въ овладѣніи Крымомъ вообще.

Вслѣдствіе повелѣнія Императрицы отъ 8-го ноября 1771 года, «для загражденія прилегающей къ Польской Литвѣ границы нашей, для отвращенія отъ оной всякой отъ польскихъ возмутителей случится могущей тревоги и для сохраненія въ са-

момъ томъ видѣ въ лежащихъ близъ помянутой границы нашей польскихъ провинціяхъ спокойствія и тишины», были расположены, въ видѣ кордона, наши войска (24 роты пѣхоты, 9 эскадроновъ драгунъ, 1000 казаковъ, 9 легкихъ полевыхъ командъ) по рѣкамъ Западной Двинѣ и Днѣпру; начальство надъ большею частью этихъ войскъ, расположенныхъ отъ Друи до Лоева, было ввѣрено переименованному въ генералъ маіоры Каховскому. Ему же поручено было, по указаніямъ посла нашего въ Варшавѣ, Сальдерна, и ген.-пор. А. И. Бибикова, производить «экзекуціи» надъ имѣніями польскихъ магнатовъ, явно или тайно противодѣйствовавшихъ видамъ русскаго правительства въ Польшѣ.

Въ 1772 г., еще до завершенія переговоровъ съ Австріею и Пруссіею, Каховскій уже былъ предназначенъ императрицею на должность губернатора могилевской губерніи, которую предположено было образовать изъ половины присоединяемыхъ земель—другая половина должна была составить псковскую губернію и ея губернаторомъ назначался М. Н. Кречетниковъ. Обоимъ имъ дано было секретное предписаніе собирать подъ рукою свѣдѣнія, которыя должны были понадобиться имъ на новыхъ постахъ. 28-го мая 1772 г. данъ былъ имъ обоимъ особый наказъ для управленія ввѣренными имъ губерніями. Императрица поручила имъ прежде всего возстановить полную безопасность для всѣхъ жителей, пресѣчь разбои, устранить всякія несправедливости въ рѣшеніи дѣлъ и вмѣстѣ—«въ изслѣдованіи дѣлъ мерзкія пытки»; Императрица предписывала строго соблюдать полную вѣротерпимость, дѣла частныя вести по прежнимъ законамъ и на прежде принятомъ языкѣ; особому вниманію губернаторовъ поручено было устройство крестьянскаго населенія въ прежнихъ королевскихъ имѣніяхъ, отходившихъ въ казенную собственность, а также въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя находились временно въ пользованіи тѣхъ или другихъ лицъ по ихъ должности, и впослѣдствіи должны были вернуться въ казну; предписывалось имѣть бдительный надзоръ за монастырями и духовенствомъ, особенно за іезуитами, но вообще—управлять страною такъ, чтобы жители дѣйствительно видѣли преимущество и выгоды русскаго подданства предъ прежнимъ польскимъ господствомъ. Вскорѣ сенатъ получилъ отъ Каховскаго и Кречетникова ихъ замѣчанія на предположенное въ Петербургѣ разграниченіе ихъ губерній и уѣздовъ и согласился съ измѣненіями, какія они предлагали; въ то же время оба губернатора устраивали по новой границѣ Россіи съ Польшею таможни, и внутри своихъ губерній почты; особенное вниманіе на пути сообщенія и почты обращалъ Каховскій; въ 1773 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики. Въ февралѣ 1776 г. Сенатъ согласился съ представленными Каховскимъ соображеніями объ организаціи торговли хлѣбомъ и виномъ съ польскими областями и вскорѣ ставилъ въ примѣръ другимъ губернаторамъ мѣры, принятыя Каховскимъ для обезпеченія своей губерніи отъ недостатка въ хлѣбѣ. Съ 1779 г. Каховскій занималъ должность члена Военной Коллегіи, президентомъ которой былъ кн. Г. А. Потемкинъ.

Въ 1783 году, командуя отдѣльнымъ корпусомъ, Каховскій участвовалъ въ операціяхъ въ Крыму, а затѣмъ въ присоединеніи Крыма къ Россіи. За отличное исполненіе возложенныхъ на него при этомъ обязанностей онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы 24 ноября 1784 года. Съ началомъ второй турецкой войны (въ 1787 году) онъ былъ назначенъ командующимъ 2-ю дивизіею Екатеринославской арміи, на которую была возложена оборона Крыма. Онъ выполнилъ успѣшно это назначеніе, управляя вмѣстѣ съ тѣмъ и самою Таврическою областью.

Въ случаѣ высадки непріятеля, согласно съ указаніями Потемкина, онъ полагалъ, не обороняя побережья, отступить внутрь страны (напримѣръ отъ Ѳеодосіи къ Карасубазару), сосредоточить весь Крымскій корпусъ или, по крайней мѣрѣ, большую его часть и атаковать турокъ. Подобный планъ дѣйствій долженъ быть поставленъ неизмѣримо выше того плана, который былъ принятъ нами при высадкѣ союзниковъ въ томъ же Крыму въ 1854 году.

Въ 1791 году Каховскій участвовалъ въ операціяхъ противъ крѣпости Анапы, до взятія ея штурмомъ включительно. Потемкинъ, посѣщая Крымъ, близко узналъ Каховскаго, и съ этихъ поръ всегда рекомендовалъ его Императрицѣ, аттестуя его съ самой лучшей стороны. Незадолго до своей смерти, Потемкинъ особымъ ордеромъ вызвалъ Каховскаго въ главную

квартиру «для принятія команды», что имѣло слѣдствіемъ, послѣ смерти фельдмаршала, извѣстный споръ между Каховскимъ и (старшимъ въ чинѣ) М. Ѳ. Каменскимъ за главное начальство. Споръ этотъ (см. выше біографію М. Ѳ. Каменскаго) разрѣшился въ пользу Каховскаго, который и принялъ начальство какъ надъ арміею, такъ и надъ Черноморскимъ флотомъ.

Въ это время уже велись мирные переговоры, окончившіеся заключеніемъ Ясскаго мира, а потому Каховскому не пришлось вести военныхъ операцій; онъ долженъ былъ лишь вывести армію изъ турецкихъ областей, составлявшихъ театръ военныхъ дѣйствій, и расположить ее на зимнихъ квартирахъ въ пограничномъ раіонѣ. Вскорѣ послѣ того, передъ началомъ второй польской войны 1792 года, Каховскому было поручено начальство надъ украинскою арміею, которая была составлена изъ войскъ, находившихся въ Молдавіи и Бессарабіи, и назначена для дѣйствій противъ главныхъ силъ польской арміи князя Іосифа Понятовскаго въ Подоліи, на Украйнѣ и на Волыни.

Украинская армія состояла изъ 54 баталіоновъ, 109 эскадроновъ и 13 казачьихъ полковъ, т. е. приблизительно изъ 65,000 человѣкъ и дѣлилась на четыре отдѣленія или корпуса генералъ-поручиковъ М. И. Голенищева-Кутузова, Дунина, Дерфельдена и Леванидова. По плану Каховскаго главныя силы арміи, въ составѣ корпусовъ Кутузова и Дунина, должны были вторгнуться въ Польшу со стороны Днѣстра и дѣйствовать противъ поляковъ, стараясь охватить ихъ съ праваго фланга, тогда какъ Дерфельденъ долженъ былъ двинуться черезъ Ольвіополь въ лѣвый флангъ противнику, а Леванидовъ дѣйствовать противъ его тыла.

Къ началу кампаніи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, были получены свѣдѣнія о расположеніи частей польской арміи у Тыврова, Немирова, Брацлава и Тульчина. Каховскій приказалъ Дерфельдену привлечь вниманіе непріятеля къ сторонѣ Ольвіополя. Дерфельденъ въ маѣ перешелъ границу у этого пункта и, обходя противника, направился къ Умани. Дунинъ и Кутузовъ, перейдя черезъ Днѣстръ 8 мая, двинулись, дѣлая большіе переходы, первый черезъ Томашполь и Шпиковъ къ Рогознѣ на Бугѣ, а второй, при отрядѣ котораго былъ и самъ Каховскій, черезъ Шаргородъ и Брацлавъ къ Винницѣ, противъ крайняго праваго фланга противника. Поляки уразумѣли опасность своего положенія, а потому, не вдаваясь въ сколько нибудь упорный бой, начали отступать чрезвычайно быстро. 31 мая Понятовскій присоединилъ къ своимъ главнымъ силамъ у Пикова отряды Віельгорскаго, Грохов-скаго и Костюшки, но войска его уже нѣсколько пали духомъ.

Въ это же время Каховскій соединилъ у Литина корпусы Кутузова и Дунина, выслалъ къ Леванидову (на Чудновъ) 2 полка козаковъ «для обезпеченія коммуникаціи» и двинулся съ ними противъ праваго фланга непріятеля къ Хмѣльнику, а Дерфельденъ направился на Погребище, угрожая лѣвому флангу поляковъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Каховскій вынудилъ непріятельскую армію отступить къ Любару. Русскіе продолжали наступленіе, угрожая полякамъ обходами. Кутузовъ, отдѣлившись отъ главныхъ силъ, соединился съ Леванидовымъ, направлявшимся черезъ Чудновъ на Мирополье, для дѣйствій противъ тыла непріятеля, а Каховскій съ остальными войсками двинулся 1 и 2 іюня отъ Хмѣльника черезъ Старую Синяву и Мирополье, съ цѣлью перейдти у этого пункта черезъ р. Случь и атаковать поляковъ. Въ то же время генералу Маркову съ 4 баталіонами и 12 эскадронами было приказано «разными движеніями показывать себя противу главнаго ихъ стану, подъ командою князя Понятовскаго находящагося при мѣстечкѣ Любарѣ, дабы тѣмъ сокрыть маршъ къ Острополю». Дерфельденъ былъ оставленъ у Погребища для прикрытія тыла и обезпеченія сообщеній арміи, а также для поддержанія Тарговицкой конфедераціи.

Переправившись у Острополья, Каховскій двинулся 3 іюня на Вышнеполь, съ цѣлью атаковать поляковъ у Любара, при чемъ Леванидовъ долженъ былъ преградить имъ путь въ Полонное. Однако Понятовскій, отрядивъ Костюшку къ Чарторыѣ съ демонстративною цѣлью (для угрозы сообщеніямъ Леванидова), самъ двинулъ быстро свои войска тремя колоннами черезъ Чарторыю, Борышковичи и Деревичи къ Полонному, съ цѣлью предупредить тамъ русскихъ. Леванидовъ готовился уже выступать, но, узнавъ о движеніи Костюшки, поддался опасенію быть

атакованнымъ съ фронта Понятовскимъ и съ тыла Костюшкой, а потому остался у Мирополья. Благодаря этому Понятовскій съ частью арміи прибылъ безпрепятственно къ Полонному, но остальныя колонны не могли уйдти совсѣмъ отъ русскихъ.

4-го іюня въ 3 часа ночи, Каховскій двинулъ свои войска двумя колоннами въ обходъ праваго фланга противника. Во время марша выяснилось, что непріятель потянулся внизъ по берегу р. Случь къ м. Чарторыѣ, отдѣливъ до 4,000 пѣхоты, для прикрытія марша и занятія переправъ на пути къ Полонному, и 10 эскадроновъ для прикрытія м. Любара и магазиновъ въ лагерѣ — впослѣдствіи при приближеніи нашихъ легкихъ войскъ эти магазины были сожжены самимъ же непріятелемъ. Тогда Каховскій направилъ обѣ наши колонны къ дд. Дживищизнѣ и Динковцамъ, гдѣ были наскоро устроены два моста черезъ р. Бездонную Криницу и исправлена плотина. Непріятель, въ виду обхода его праваго фланга, отступилъ; наши передовыя войска его преслѣдовали и непріятель бѣжалъ, потерявъ 227 человѣкъ. Между тѣмъ была замѣчена пѣхота его лѣвой колонны, прикрывавшая обозъ и другую часть магазиновъ. Каховскій направилъ противъ нея генералъ-маіора Маркова съ Екатеринославскимъ егерскимъ корпусомъ. Большая часть обоза была взята, а другая бросилась къ ближайшей колоннѣ Віельгорскаго. Ее преслѣдовали наша конница и егеря. У деревни Деревичи (близъ деревни Борышковицы, упоминаемой польскими источниками) произошло столкновеніе съ колонною Віельгорскаго. Поляки были оттѣснены къ д. Деривичи, а когда начинали отступленіе, то подъ тяжестью повозокъ и орудій, сломался мостъ на гати черезъ длинную запруду. Поляки были разбиты и потеряли 981 человѣкъ, 7 пушекъ, немалое число разнаго оружія, подвижной магазинъ съ хлѣбомъ и часть денежной казны; наши же войска потеряли 98 человѣкъ. Потери поляковъ были бы больше, если бы Левандовъ преградилъ имъ путь на Полонное. Непріятель укрѣпилъ это мѣстечко (въ которомъ находились его магазины) и позицію близъ него и предполагалъ задержать здѣсь Каховскаго, но, вслѣдствіе паденія духа въ польскихъ войскахъ послѣ боя у Деревичей, безпорядочности отступленія и другихъ обстоятельствъ, а также въ виду рѣшительнаго наступленія Каховскаго, Понятовскій отказался отъ указаннаго предположенія, отправилъ часть запасовъ къ Заславлю, остальные запасы зажегъ и 6 іюня на разсвѣтѣ двинулся туда же, подъ прикрытіемъ аріергарда Костюшки; затѣмъ онъ притянулъ къ Зелинцамъ (Жилинцамъ) часть войскъ Любомирскаго, а самъ расположился у Шепетовки.

6-го Каховскій занялъ Полонное. Для преслѣдованія противника былъ направленъ генералъ-маіоръ Шереметевъ, который нагналъ его съ трудомъ, такъ какъ былъ задерживаемъ испорченными мостами; затѣмъ былъ выдвинутъ отрядъ генералъ-маіора Маркова, чтобы обойдти поляковъ черезъ Зелинцы и ударить имъ во флангъ. Марковъ быстро двинулся на разсвѣтѣ 7 іюня и въ 7 часовъ утра прибылъ къ Зелинцамъ, гдѣ былъ встрѣченъ 3,000 поляковъ Заіончека, подкрѣпленными затѣмъ самимъ Понятовскимъ; въ 6 часовъ вечера непріятель началъ отступленіе къ Заславлю. Почти въ это же время подошелъ съ противоположной стороны Костюшко, который, въ свою очередь, завязалъ нерѣшительный бой съ частью силъ Маркова, а затѣмъ втянулся въ лѣсъ и окольными путями присоединился на другой день къ Понятовскому. Въ этомъ бою, именуемомъ въ реляціи Каховскаго (отъ 29 іюня) боемъ при Городищѣ, поляки потеряли не менѣе 800 чел., не считая раненыхъ, и 2 орудія, а русскіе 730 человѣкъ.

Между тѣмъ Понятовскій, сосредоточивъ у Заславля до 23,000 человѣкъ, рѣшилъ продолжать отступленіе, при чемъ надѣялся поставить слѣдующую за нимъ русскую армію между двухъ огней, для чего двинулся съ 17,000 чел. къ Острогу, направивъ Любомирскаго съ 6,000 чел. къ Куневу; Каховскій же слѣдуя за поляками, вступилъ 9 іюня въ Заславль. Здѣсь явились къ нему адъютанты Понятовскаго съ предложеніемъ заключить перемиріе на 4 недѣли. Каховскій отвѣчалъ, что «будетъ продолжать дѣйствія свои до тѣхъ поръ, доколѣ существовать будетъ въ Польшѣ партія, или какое-либо скопище войскъ, противное генеральной конфедераціи и великодушнымъ намѣреніямъ Ея Императорскаго Величества, клонящимся согласно со всеобщимъ желаніемъ истинныхъ патріотовъ къ возвращенію республикѣ вольности и законовъ ея, похищен-

ныхъ беззаконною конституціею 3 мая; и что присоединиться къ конфедераціи или положить оружіе, суть единыя средства, могущія прекѣчь пораженія сихъ противныхъ войскъ и отвратить пролитіе крови». Тѣмъ не менѣе поляки переговорами выиграли нѣкоторое время, такъ какъ Каховскій выступилъ изъ Заславля лишь 14 іюня.

Съ этихъ поръ Каховскій рѣшилъ угрожать лѣвому флангу поляковъ, съ цѣлью отрѣзать Понятовскаго отъ сѣверныхъ воеводствъ и, при благопріятныхъ условіяхъ, отбросить его къ границѣ Австріи, къ Галиціи. Поэтому онъ не обратилъ вниманія на движеніе Любомирскаго къ Куневу и двинулся съ главными силами къ Острогу, направивъ Дунина къ Черняхову, а Леванидова еще правѣе къ Гущѣ, съ цѣлью перейдти у этихъ двухъ пунктовъ черезъ Горынь и атаковать польскую армію на ея сильной позиціи у Острога или охватить ее съ лѣваго фланга.

Войска Понятовскаго были расположены на неприступныхъ крутизнахъ и высотахъ, значеніе коихъ усиливалось болотами и протоками; сверхъ того и половина мѣстечка Острога, удобная для обороны, была укрѣплена и занята артиллеріею и пѣхотою. По прибытіи Каховскаго съ казаками, въ 6 часовъ пополудни, завязался бой съ передовыми частями непріятеля, поспѣшившими отступить въ мѣстечко; бой возобновлялся до вечера, но безъ всякаго успѣха для поляковъ; наши войска, участвовавшія въ бою, заночевали въ боевомъ порядкѣ, а прочія—на пути, такъ какъ подошли еще не всѣ: пройдти приходилось 30 верстъ лѣсомъ.

Утромъ 15-го іюня замѣчены были непріятельскія войска, которыя построивъ на высотахъ 4 батареи, приблизились къ Францисканскому монастырю Мензиржичи (на нашемъ лѣвомъ флангѣ), окруженному валомъ, и намѣревались преградить тутъ намъ переправу. Каховскій отрядилъ Маркова съ 2 пѣхотными и 3 конными полками при 10 орудіяхъ, чтобы прогнать врага и сбить его батареи, но дѣйствія Маркова должны были имѣть значеніе демонстраціи, такъ какъ Дунину и Леванидову было подтверждено слѣдовать какъ можно скорѣе къ указаннымъ пунктамъ, ускорить и переправу черезъ Горынь и атаковать врага съ фланга и тыла. Дѣйствія Маркова имѣли слѣдствіемъ лишь отступленіе непріятеля къ его главному лагерю.

Ночью Понятовскій получилъ извѣстіе, что легкія войска Дунина уже перешли черезъ Горынь у Черняхова и что прочія его войска готовятся слѣдовать за ними. Въ виду этого, а также въ виду недостатка боевыхъ припасовъ, онъ отказался отъ дальнѣйшей обороны позиціи у Острога и утромъ 16-го отступилъ по пути на Дубно. Каховскій тотчасъ же приказалъ возстановить мосты на р. Виліи, занялъ Острогъ, далъ здѣсь небольшой отдыхъ войскамъ, а затѣмъ всю ночь преслѣдовалъ противника до д. Урвани, приказавъ войскамъ, переправившимся у Черняхова, «слѣдовать поспѣшнѣйше» для исполненія того же съ лѣваго фланга. Поляковъ гнали до Варковичей; потери ихъ были довольно значительны; наши же войска потеряли всего 12 чел. и 9 лошадей.

Въ это время въ польской арміи возникли неудовольствія и раздоры. Понятовскій и Любомирскій, поссорившись, не только съ приближеніемъ русскихъ отступили по разнымъ дорогамъ, но, продолжая отступленіе и дойдя до Владиміра, расположились отдѣльно: первый у Владиміра, а второй въ 4-хъ верстахъ сѣвернѣе, у д. Вербы.

Между тѣмъ русскіе были задержаны преимущественно значительнымъ числомъ рѣкъ, на которыхъ были уничтожены мосты. 17-го Дунинъ и Леванидовъ строили мосты черезъ Горынь. Перейдя черезъ эту рѣку и продолжая охватывать поляковъ въ Дубнѣ, Леванидовъ былъ направленъ черезъ Ровно и Кивань на Миховъ, а Дунинъ, черезъ Варковичи на Дубно, поддерживая связь съ Каховскимъ, который, расположившись у д. Урвани, далъ отдыхъ войскамъ 18 и 19, съ цѣлью притянуть отставшіе обозы. 20 іюня Каховскій и Дунинъ подошли къ Дубно, послѣ чего предполагалось атаковать непріятеля на слѣдующій день; но 21 іюня выяснилось, что противникъ, «разломавъ мосты, самъ въ ночь ретировался, оставивъ въ виду нашемъ аріергардъ изъ конницы». Для преслѣдованія его были направлены 2 казачьи, а затѣмъ еще 2 легкоконныхъ полка. Съ 17-го до 21-го было взято въ плѣнъ 60 поляковъ, а въ Дубнѣ взятъ магазинъ и въ немъ «знатное количество провіанту и аммуниціи». Наши войска, занявъ Дубно, расположились у дд. Хорупани и Ивани.

Каховскій далъ войскамъ два дня отдыха и только 23 іюня выступилъ изъ окрестностей Дубно, съ цѣлью настичь непріятеля, черезъ Красное и Локачи на Владиміръ; Леванидовъ же шелъ отъ Михова черезъ Ковель на Любомль. Съ 23-го по 25-ое было взято въ плѣнъ 115 поляковъ; 25-го захваченъ обозъ изъ 40 повозокъ; 25-го же, въ м. Локачѣ, получено извѣстіе, что поляки расположились лагеремъ на высотахъ за р. Лугою у Владиміра и что они, «находясь въ великомъ страхѣ, спѣшатъ отправлять свои обозы для переправы за Бугъ при м. Дубенкѣ». Каховскій, давъ 10-ти-часовой отдыхъ войскамъ, выступилъ въ 11 час. ночи и въ 4 часа утра 26 іюня подошелъ къ Владиміру съ конницею; по полученіи донесенія о подходѣ пѣхоты съ артиллеріею, онъ приказалъ казакамъ произвести рекогносцировку предмѣстья. Непріятель не дождался атаки и «побѣжалъ правымъ флангомъ» къ мосту черезъ болото по пути на Дубенку, оставивъ для порчи моста и плотины на р. Лугѣ часть пѣхоты, которая вскорѣ была также опрокинута, а необходимые мосты возстановлены. Войска готовились уже слѣдовать къ Владиміру для расположенія на отдыхъ, какъ вдругъ показались противъ нашего праваго фланга войска Любомирскаго, которому Понятовскій не далъ знать о своемъ отступленіи и который пошелъ на выстрѣлы. Послѣ непродолжительнаго боя, потерявъ до 200 чел., обозъ съ казною (до 40,000 рублей), съ палатками и боевыми припасами, Любомирскій быстро отступилъ къ Бугу; наши же войска расположились на обоихъ берегахъ р. Луги.

Теперь польскія войска, отступившія за Бугъ, должны были оборонять линію этой рѣки. Въ видахъ выполненія этой задачи, они разбросались по всей этой линіи въ видѣ кордона, который и былъ прорванъ какъ на сѣверѣ Кречетниковымъ, такъ и Каховскимъ на югѣ.

Вслѣдъ за Каховскимъ во Владиміръ явились вожди Тарговицкой конфедераціи, послѣ чего и здѣсь была образована конфедерація, приступившая къ Тарговицкой. Это замедлило движеніе Каховскаго и дало полякамъ возможность усилить оборону. До 3 іюля передъ фронтомъ арміи были высланы только небольшіе казачьи отряды, а въ этотъ день передовой корпусъ Каховскаго перешелъ въ Устилугъ, Тормасовъ находился въ Торчѣ (Турчаны), а Леванидовъ въ Любомлѣ. Получены извѣстія, что Понятовскій сожигаетъ мосты и паромы, портитъ броды, укрѣпляетъ позиціи и т. п. и что онъ направилъ Вѣльгорскаго къ Опалину, Костюшку къ Кладневу, а самъ, съ главными силами, остался у Дорогуска, полагая, что на послѣдній пойдутъ всѣ силы Каховскаго.

5 іюня подошли къ Бугу всѣ наши войска; 6-го войска продолжали движеніе къ переправѣ при Кладневѣ, куда направился для производства рекогносцировки самъ Каховскій. Непріятель, устроившій укрѣпленія на обоихъ берегахъ рѣки, открылъ было огонь, но подоспѣвшіе егеря съ артиллеріею заставили его прекратить перестрѣлку. Находившійся тутъ мостъ былъ сожженъ еще до прибытія Каховскаго, но два парома на лѣвомъ берегу обгорѣли только на половину; егеря бросились вплавь и перетащили ихъ на правый берегъ, послѣ чего началась переправа; казаки переправились вплавь. Оказавшаяся въ верстѣ отъ переправы непріятельская кавалерія въ количествѣ 6 эскадроновъ была опрокинута. Между тѣмъ былъ наведенъ понтонный мостъ, по которому перешелъ весь передовой корпусъ, расположившійся при Дубенкѣ. Въ то же время Каховскій приказалъ на слѣдующій день атаковать непріятеля. Костюшко съ 7,000 — 8,000 чел. занялъ сильную позицію, примыкавшую правымъ флангомъ къ д. Воля, близъ австрійской границы, а лѣвымъ къ д. Уханкѣ на Бугѣ. Позиція эта была еще усилена батареями, флешами и шанцами. 7-го въ 5 часовъ утра Каховскій отправился на рекогносцировку этой позиціи съ легкими войсками Орлова и съ Екатеринославскими егерями; сила непріятельской позиціи нисколько его не смутила, онъ вполнѣ полагался на храбрость войскъ, сосредоточенныхъ, къ тому же, въ достаточномъ числѣ. Въ 3 часа пополудни Каховскій двинулъ свои передовыя войска тремя колоннами, которыя были встрѣчены огнемъ съ непріятельскихъ батарей. Главнокомандующій направилъ Салтыкова съ 2 баталіонами егерей и Орлова съ тремя казачьими полками влѣво къ Волѣ, чтобы выбить изъ лѣса легкія войска, находившіяся впереди праваго крыла противника; другіе два бата-

ліона егерей съ двумя казачьими полками направлены вправо къ Уханкѣ; Бражникову приказано поставить батарею изъ 20 орудій подъ прикрытіемъ гренадеръ В. Зубова; за ними стать Маркову съ кавалеріею. Затѣмъ, когда подошли войска Дунина, то 12 его орудій стали правѣе батареи Бражникова, а самъ Дунинъ съ 6 баталіонами, 24 орудіями и 11 эскадронами пошелъ вправо, противъ лѣваго непріятельскаго крыла.

Двинувшись впередъ въ такомъ порядкѣ, наши войска были встрѣчены огнемъ всей непріятельской артиллеріи, которая, однако, была слишкомъ разбросана и потому огонь нашихъ батарей быстро ее подавилъ. Пользуясь этимъ, генералъ Милашевичъ, командовавшій пѣхотою лѣваго крыла, послалъ 5 ротъ гренадеръ противъ шанцевъ; гренадеры, пробравшись черезъ болото, взяли три шанца, а почти въ то же время фанагорійцы одолѣли лѣвое крыло поляковъ и овладѣли всѣми ихъ укрѣпленіями у Уханки. Такимъ образомъ лѣвое крыло и центръ противника были поколеблены. Тогда Каховскій приказалъ полковнику Пальменбаху съ елисаветградскими конно-егерями овладѣть укрѣпленіями праваго крыла противника, прикрывавшими его путь отступленія. Конно-егеря овладѣли двумя шанцами, но въ это время Пальменбахъ былъ убитъ; самое занятіе шанцевъ нѣсколько разстроило ряды атакующихъ, и на нихъ еще ударила свѣжая польская конница Велевейскаго; они были опрокинуты; вскорѣ, однако, они же собрались за встрѣтившими непріятеля легко-конными эскадронами харьковцевъ и снова бросились впередъ. Между тѣмъ продолжавшая наступленіе наша пѣхота овладѣла всѣми укрѣпленіями и даже лагеремъ противника, потерявшаго болѣе 900 чел. убитыми и ранеными и 7 орудій; наши войска потеряли 500 чел. и 640 лошадей. Дремучій лѣсъ, находившіся позади позиціи поляковъ, способствовалъ ихъ поспѣшному отступленію; съ нашей же стороны преслѣдованіе производилось версты на двѣ и окончилось уже ночью. Побѣдители расположились на ночлегъ у Уханки. Въ этотъ же день переправились черезъ Бугъ Леванидовъ у Опалина и Тормасовъ у Дорогуска. Непріятель хотя и оказалъ сильное сопротивленіе въ обоихъ пунктахъ. но долженъ былъ отступить, такъ какъ, въ виду разбитія Костюшки Каховскимъ, опасался быть отрѣзаннымъ.

9-го іюня Каховскій приказалъ Леванидову двинуться (съ 20-дневнымъ запасомъ провіанта) къ Брестъ-Литовску «для учрежденія сообщенія» съ войсками Кречетникова; 10-го Каховскій выступилъ изъ Уханки, послѣдовалъ за арміею Понятовскаго, отступавшею черезъ Бискупице, Люблинъ и Куровъ къ Пулавамъ, и 14-го вступилъ въ Люблинъ. Здѣсь ему представился адъютантъ польскаго главнокомандующаго Хоментовскій, привезшій ему письмо отъ нашего посланника Я. И. Булгакова, съ извѣщеніемъ, что король польскій приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, что князю Понятовскому также послано предписаніе прекратить борьбу противъ русскихъ войскъ и что съ этимъ слѣдуетъ сообразовать дальнѣйшія мѣры.

Однако поляки, предполагая, что Каховскій прекратитъ военныя дѣйствія, хотѣли воспользоваться этимъ и хоть подъ конецъ одержать успѣхъ надъ передовою частью русскихъ войскъ, чтобы потомъ раздуть этотъ успѣхъ въ большую побѣду и прокричать о воинственномъ пылѣ войскъ и готовности ихъ къ продолженію войны; этимъ они надѣялись произвести такое впечатлѣніе, будто все подавало надежду на величайшіе успѣхи въ то самое время, когда повелѣніе короля остановило армію среди побѣдъ. Съ этою цѣлью Понятовскій произвелъ нападеніе на находившіеся впереди арміи Каховскаго у Маркушова два полка казаковъ; но разсчеты его были разстроены прибытіемъ къ казакамъ подкрѣпленій, о которыхъ поляки не знали, а кромѣ того двигался къ Маркушову и самъ Каховскій съ главными силами. Въ бою у Маркушова Орловъ разбилъ поляковъ, потерявшихъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными и 84 плѣнными. Каховскій разгадалъ намѣренія поляковъ и, когда Понятовскій, прибывъ къ нашимъ передовымъ постамъ, выразилъ желаніе переговорить съ нимъ лично, то онъ послалъ къ нему Валеріана Зубова съ объявленіемъ, что такъ какъ Понятовскій продолжалъ военныя дѣйствія, не взирая на то, что король уже приступилъ къ конфедераціи, то онъ (Каховскій) не можетъ съ нимъ вступать въ переговоры, но требуетъ, чтобы Понятовскій или положилъ оружіе или принесъ присягу конфедераціи. Но пока Зубовъ ѣхалъ къ нему, Понятов-

скій по другой дорогѣ прибылъ къ нашимъ постамъ и, добившись свиданія съ Каховскимъ, предложилъ ему заключить перемиріе на время, пока онъ не получитъ отъ короля указаній, что дѣлать съ войсками. Каховскій подтвердилъ ему то же, что передавалъ черезъ Зубова, и прибавилъ, что если поляки останутся такъ же близко къ русскимъ войскамъ, какъ до тѣхъ поръ, то онъ немедленно возобновитъ военныя дѣйствія.

Понятовскій попросилъ полтора часа на размышленіе, но еще до истеченія этого срока возвратился къ Каховскому съ Костюшкою и въ сопровожденіи болѣе 40 офицеровъ и объявилъ, что имъ получено извѣщеніе короля о присоединеніи къ конфедераціи, а потому онъ проситъ прекратить военныя дѣйствія. Каховскій изъявилъ на это согласіе, но продолжалъ требовать отъ Понятовскаго исполненія всего, что было необходимо въ видахъ полнаго обезпеченія русскихъ войскъ отъ вѣроломныхъ покушеній со стороны поляковъ; сверхъ того и съ своей стороны онъ принималъ необходимыя мѣры предосторожности. 18-го онъ перешолъ въ Пулавы, гдѣ къ нему присоединился Кутузовъ. Отсюда часть войскъ, вслѣдствіе требованія нашего посланника, была направлена къ Варшавѣ. Съ этою частью арміи Каховскій и занялъ 5-го августа столицу Польши, гдѣ находился до 13-го января 1793 года, причемъ ему былъ подчиненъ и корпусъ, занимавшій Литву.

Въ кампанію 1792 года Каховскій обнаружилъ далеко недюжинное стратегическое и тактическое искусство: его планъ дѣйствій отвѣчалъ обстановкѣ, равно какъ замѣчательно и исполненіе этого плана, соединявшее необходимую осторожность съ достаточною рѣшительностью; онъ отлично пользовался превосходствомъ тактической и боевой подготовки своихъ войскъ надъ противникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда держалъ свои главныя силы сосредоточенно, тогда какъ непріятель, наоборотъ, нерѣдко разбрасывалъ свои и безъ того слабѣйшія войска; 700 — 750 верстъ въ непріятельской странѣ отъ р. Днѣстра до р. Вислы пройдены были Каховскимъ въ 72 дня, т. е. со среднею скоростью 10 верстъ въ день — о подобномъ веденіи военныхъ операцій никто изъ западноевропейскихъ полководцевъ въ его время даже и не помышлялъ.

Побѣдоносная кампанія Каховскаго (и Кречетникова) имѣла слѣдствіемъ второй раздѣлъ Польши, возвратившій Россіи Подолію, Волынь и остававшуюся еще въ рукахъ поляковъ часть Бѣлоруссіи, т. е. обширную территорію, значительно превосходившую пріобрѣтенія Россіи по первому и третьему раздѣламъ Польши.

За эту кампанію Каховскій былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ концѣ 1792 года онъ отнялъ у Валеріана Зубова начальство надъ ввѣренными ему войсками за найденные въ нихъ безпорядки; но за это и самъ былъ лишенъ начальства, отозванъ ко двору и назначенъ генералъ-губернаторомъ пензенскимъ и нижегородскимъ. Въ 1794 году ему было поручено начальство надъ войсками, расположенными въ Крыму, съ сохраненіемъ званія генералъ губернатора упомянутыхъ губерній.

Въ 1796 году Императоръ Павелъ переименовалъ его въ генералы-отъ-инфантеріи и назначилъ начальникомъ Таврической дивизіи, а въ день коронованія пожаловалъ ему графское достоинство и 2000 душъ крестьянъ (въ окрестностяхъ Порѣчья). Сверхъ того онъ былъ назначенъ шефомъ мушкетерскаго имени своего полка. Но вслѣдъ за тѣмъ Высочайшимъ приказомъ 13 февраля 1800 года Каховскій «за старостію лѣтъ и неумѣренную имъ отставку нижнихъ чиновъ полковъ его инспекціи отставленъ отъ службы». Вскорѣ послѣ того онъ умеръ.

Каховскій былъ не только отличнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, строевымъ начальникомъ и администраторомъ, но и хорошимъ главнокомандующимъ, хотя и не можетъ быть причисленъ къ особенно выдающимся полководцамъ. Это былъ человѣкъ дѣла, выдвинутый на высокое поприще не случайною протекціею, а отличавшимъ высшую правительственную власть того времени умѣньемъ оцѣнивать людей по заслугамъ.

Московск. Отдѣл. Общ. Арх. Главн. Штаба: формулярный списокъ ген.-отъ-инф. гр. Каховскаго (изъ книги форм. списковъ, съ дополненіемъ); Военно-учен. арх. Главн. штаба, отд. 2-е, дѣло № 435 (А), 1772 г.; дѣло № 1214 (реляціи Каховскаго 1792 года) и друг.; «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи» №№ 13.808, 13.848, 13.894, 13.911, 14,441, 14,495 и др.; Ф. Смиттъ, «Суворовъ и паденіе Польши»; «Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ.», т. XIII и LI, и другіе; «Бумаги кн. Потемкина-Таврическаго», вып. I и II; «Архивъ Государств. Совѣта», т. I, ч. II. 207,

Глиноецкій, «Исторія русскаго генеральнаго штаба»; Масловскій, «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи»; Бантышъ-Каменскій, «Словарь», «Русскій Архивъ», «Русская Старина». Журналы военныхъ дѣйствій. Исторіи разныхъ полковъ русской арміи. Храповицкій, «Памятныя записки»; Петровъ. а) Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами 1769—1774 гг. б) Вторая турецкая война въ царств. Импер. Екатерины II 1787—1791 гг.; Gorski. «Historya piechoty polskiej», его же, «Historya jazdy polskiej»; «Korrespondencya krajowa Stanislawa Augusta».

П. А. Гейсманъ.

Качаловъ, *Григорій Аникіевичъ*, граверъ на мѣди. Род. въ 1712 г. въ Новгородѣ, ум. послѣ 1761 г. Сынъ драгуна Нижегородскаго полка, прибылъ въ Петербургъ 4 сентября 1728 и опредѣленъ былъ 16 іюля 1731 г., «въ грыдоровальные ученики» при Академіи Наукъ, гдѣ учился рисованію у архитектора Шумахера, а гравированью у Эллигера и Фортмана, получая жалованья сперва по 18 руб. въ годъ; затѣмъ въ 1737 г. «за прилежные труды» былъ пожалованъ подмастерьемъ съ увеличеніемъ жалованья до 120 р. въ годъ, причемъ, кромѣ «грыдорованія портретовъ, проспектовъ и другихъ всякихъ куншътовъ» и «рисованія кунстъ-камерныхъ разныхъ и протчихъ въ книги гравировальныхъ листовъ», занимался также обученіемъ рисованью и гравированью нѣсколькихъ учениковъ, за что съ 1 іюля 1743 г. сталъ получать прибавку въ 80 р. къ годовому окладу. Наконецъ, въ 1754 г., состоя мастеромъ «притридоровальной типографіи фигуръ», получалъ жалованья, вмѣсто положенныхъ по штату 200—250 р., по приказу гр. Разумовскаго.

Въ бытность еще ученикомъ, онъ гравировалъ изображенія: Маріи Магдалины читающей при свѣтѣ лампады, пастушки, сидящей на камнѣ съ обручемъ въ рукахъ, и виньетки съ изображеніями: музыкальныхъ принадлежностей, сидящей Минервы и Данаи, а потомъ: портретъ Петра I (копія съ портрета Вортмана), пять листовъ къ описанію палатъ Академіи Наукъ; фейерверкъ по случаю коронаціи 1737 г., двѣ доски съ изображеніемъ короны и сосуда съ муромъ для описанія коронаціи Анны Іоанновны; 10 листовъ къ описанію коронаціи Елизаветы Петровны; фейерверкъ, сожженный въ августѣ 1745 г. въ Петербургѣ по случаю бракосочетанія великаго князя Петра Ѳеодоровича съ Екатериной Алексѣевной; видъ Тихвинскаго монастыря; изображенія Св. Александра Невскаго и великомученика Ѳеодора съ видомъ Александра Невскаго монастыря 1748 г.; три «проспекта»—Невской переспективной дороги, р. Фонтанки и Адмиралтейства, съ рис. Махаева, 1761 г.

«Учен. Акад. Наукъ» 1853—55 г., т. II и III, алфав. реэстръ Штелина и списокъ учениковъ Академич. гимназіи; «Отеч. Зап.» 1855 г., № 10, науки и худож., с. 47—48; Д. Ровинскій, «Русс. граверы» 1870 г., с. 230—232, и «Русс. Народ. Карт.», IV, 473 и 495, 736; II, 308; III, 542; Nagler's «Kunstler-Lex.», VI, 536.

Н. С.

Качаловъ, *Иванъ Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Новгородской губ., род. 1821 г., ум. въ ноябрѣ 1887 г. Воспитывался въ Новгородскомъ Аракчеевскомъ корпусѣ, произведенъ въ прапорщики изъ Дворянскаго полка 8 августа 1842 г., въ 1858 г. переведенъ въ Оренбургскій округъ. Назначенный въ 1860 г. командиромъ крѣпостной артиллеріи въ фортѣ Перовскій, онъ участвовалъ въ походахъ противъ коканцевъ и оказалъ цѣлый рядъ боевыхъ отличій при взятіи: Яны-Кургана, Динъ-Кургана, гор. Туркестана, Чимкента и Ніязбека; въ послѣднемъ дѣлѣ, отрядомъ генерала Качалова, состоявшимъ изъ $9^1/_2$ ротъ и 12 орудій, взято 370 человѣкъ плѣнными, 6 орудій, 7 фальконетовъ, много ручнаго оружія и пр.; за эти отличія получилъ въ теченіи 1861—1865 г. три чина и два ордена. Съ 1866 по 1876 г. состоялъ помощникомъ начальника артиллеріи Кіевскаго военнаго округа и послѣ непродолжительнаго пребыванія въ должности начальника артиллеріи Казанскаго округа, Качаловъ, произведенный въ чинъ генералъ-лейтенанта 30 августа 1876 г., назначенъ былъ комендантомъ Брестъ-Литовской крѣпости.

Послуж. списокъ за 1879 г. въ архивѣ Главнаго Штаба, св. № 425; генерал. списки съ 1880 г. кн. 4, ч. 3, стр. 2019.

С. Н. П.

Качаловъ, *Никита* (Митка), племянникъ дьяка Михаила Битяговскаго, одинъ изъ обвиняемыхъ въ убійствѣ царевича Димитрія, убитъ въ Угличѣ народомъ въ день смерти царевича 15 мая 1591 г.

«Собр. Госуд. грам. и догов.», II, № 60; «Русс. Историч. библіотека», XIII.

Качаловъ, *Николай Александровичъ*, тайный совѣтникъ, директоръ департамента таможенныхъ сборовъ, род. 14 апр.

1818 г., умеръ 28 октября 1891 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода новгородской губерніи; воспитаніе получилъ въ Морскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ мичманомъ 23 декабря 1838 года. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Балтійскомъ флотѣ Качаловъ въ 1845 г. вышелъ въ отставку, поселился въ своихъ имѣніяхъ и занимался хозяйствомъ; въ 1855—1863 гг. былъ предводителемъ дворянства бѣлозерскаго уѣзда. Въ 1865 г. онъ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ первой открытой въ Россіи губернской земской управы въ Новгородѣ. Въ то время земскія учрежденія только вводились и дѣятельность ихъ не была еще достаточно точно регулирована и согласована съ дѣятельностью органовъ, которые прежде, а частью еще и въ то время, вѣдали дѣла, передаваемыя мало-по-малу земству; поэтому первой земской управѣ, а также и первому земскому собранію предстояла трудная работа. Н. А. Качаловъ посвятилъ новому дѣлу всѣ свои силы и отлично руководилъ работами управы и собранія; превосходно изучивъ Земское Положеніе онъ обнаружилъ и отличное знаніе мѣстныхъ условій и выдающіяся административныя способности. Его дѣятельность привлекла высокое вниманіе въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Александровича, тогда еще Наслѣдника престола; въ январѣ 1868 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ пожелалъ познакомиться съ Н. А. Качаловымъ и удостоивалъ его неоднократно продолжительными бесѣдами, распрашивая объ экономическомъ положеніи сѣверныхъ губерній и о дѣятельности земства. — Лѣто 1867 г. было неурожайное и съ первыхъ мѣсяцевъ 1868 г. населеніе многихъ мѣстностей начало терпѣть сильный недостатокъ въ продовольствіи. Въ февралѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева и подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича учрежденъ былъ комитетъ для пособія нуждающимся. Благодаря энергіи Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета было доказано, что дѣйствительно существуетъ голодъ, хотя нѣкоторые органы власти это отрицали, и были приняты энергическія мѣры для борьбы съ нимъ. Планъ закупки хлѣба и доставки его въ голодающія мѣстности, составленный самимъ Цесаревичемъ и нѣсколько видоизмѣненный по совѣтамъ Н. А. Качалова, которому Цесаревичъ оказывалъ въ этомъ дѣлѣ особенное довѣріе, былъ осуществленъ съ блистательнымъ успѣхомъ; хлѣбъ былъ закупленъ дешево, доставленъ своевременно и бѣдствіе отстранено. По закрытіи Комитета Качаловъ изъ отставныхъ лейтенантовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ лестный рескриптъ отъ Его Высочества.

Въ теченіе 1865—1868 г., при ближайшемъ участіи Н. А. Качалова, новгородское губернское земство сдѣлало очень много для народнаго здравія и образованія. Тогда въ Россіи не было еще учительскихъ семинарій и контингентъ учителей, обучавшихъ по деревнямъ, былъ очень плохъ; всѣ они были приглашены въ Новгородъ и извѣстный педагогъ баронъ Косинскій, по просьбѣ губернской земской управы занимался съ ними въ теченіе лѣта, сообщилъ имъ новые методы, далъ нѣсколько полезныхъ практическихъ указаній и успѣлъ очень возвышающимъ образомъ подѣйствовать на ихъ нравственность; во всѣхъ существовавшихъ школахъ быстро увеличилось число учащихся и потребовалось открытіе новыхъ школъ. Средства на это были найдены такимъ путемъ: земство приняло на себя содержаніе почти всѣхъ почтовыхъ станцій и на сумму, которую министерство внутреннихъ дѣлъ платило за это прежде подрядчикамъ, а теперь передало земству, земство не только значительно улучшило почтовое дѣло, но и получило деньги на школы.

Въ маѣ 1869 г. Н. А. Качаловъ былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ; императоръ Александръ Николаевичъ лично далъ ему порученіе—обратить особенное вниманіе на экономическое положеніе края и представить свои соображенія о мѣстныхъ нуждахъ. Но прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту новаго назначенія Н. А. Качаловъ сопровождалъ, по желанію Наслѣдника Цесаревича, Его Высочество въ поѣздкѣ Его съ Цесаревною и съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, черезъ Москву, Нижній, Царицынъ и Донскую область въ Крымъ.

Въ Архангельскъ Н. А. Качаловъ прибылъ осенью 1869 г. и всю зиму посвятилъ объѣздамъ и изученію своей губерніи; въ февралѣ 1870 г. онъ былъ въ Петербургѣ и лично представилъ Государю докладъ, удостоившійся полнаго одо-

бренія; въ то же время министръ финансовъ Рейтернъ предложилъ Н. А. Качалову мѣсто директора департамента таможенныхъ сборовъ и Качаловъ принялъ его, выговоривъ только себѣ условіе, что до ноября мѣсяца ему будетъ предоставлена возможность окончить разработку статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ архангельской губерніи. Лѣтомъ 1870 г. Н. А. Качаловъ сопровождалъ великаго князя Алексѣя Александровича въ его поѣздкѣ отъ Вологды въ Архангельскъ и далѣе по Бѣлому морю и Сѣверному океану. Въ октябрѣ мѣсяцѣ состоялось назначеніе его директоромъ департамента, и 11 ноября 1870 г. онъ вступилъ въ должность. На этомъ мѣстѣ онъ оставался 12 лѣтъ, до апрѣля 1882 г. Въ его управленіе таможенною частію была введена уплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ, устроена таможенная часть по вновь установленной между Россіею и Турціею, Россіею и Румыніею границъ, таможенная часть Кавказа подчинена общеимперскому таможенному управленію, устроено и открыто портофранко въ Батумѣ; во многихъ прибалтійскихъ городахъ устроены новыя лучшія таможенныя помѣщенія. Обращая большое вниманіе на составъ и содержаніе таможенной стражи, Н. А. Качаловъ учредилъ два обширныя училища для дѣтей недостаточныхъ служащихъ и содѣйствовалъ возведенію нѣсколькихъ церквей по границамъ Россіи съ Пруссіей и Австріей, въ такихъ мѣстахъ гдѣ жило много стражниковъ, а церквей православныхъ по близости не было. Оставивъ управленіе департаментомъ, Н. А. Качаловъ до смерти состоялъ членомъ совѣта министра финансовъ и въ 1885 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для окончательной разработки собранныхъ еще ранѣе имъ же матеріаловъ о положеніи архангельской губерніи. Какъ общественный дѣятель, Н. А. Качаловъ отличался энергіею, въ сношеніяхъ съ высшими прямотою и непоколебимою стойкостью въ томъ, что считалъ правымъ дѣломъ; въ частной и семейной жизни это былъ чрезвычайно симпатичный и почтенный человѣкъ. Н. А. Качаловъ оставилъ послѣ себя обширныя записки обо всей своей служебной дѣятельности, написанныя въ 1883—1888 гг., заключающія драгоцѣнныя данныя объ императорѣ Александрѣ Александровичѣ, благосклонностью котораго онъ долго пользовался и къ которому со своей стороны питалъ особенную преданность и любовь.

Формуляръ Н. А. Качалова.—Его записки.

Каченовскій, *Дмитрій Ивановичъ*, профессоръ международнаго и государственнаго права въ Харьковскомъ университетѣ, род. 8 декабря 1827 г. въ г. Карачевѣ, ум. 21 декабря 1872 г. въ Харьковѣ. Послѣ смерти отца остался на попеченіи своей матери, которая, не имѣя почти никакихъ средствъ къ жизни, помѣстила его на казенный счетъ въ канцелярское училищѣ въ г. Орлѣ. Одаренный отъ природы чрезвычайно живыми способностями, Каченовскій обратилъ на себя вниманіе быстрыми успѣхами и переведенъ былъ на казенный же счетъ въ Харьковъ, въ гимназію. Въ 1842 г. онъ кончилъ курсъ гимназіи съ золотою медалью; ему было всего 15½ лѣтъ, такъ что потребовалось спеціальное разрѣшеніе попечителя, чтобы онъ могъ поступить въ университетъ. Поступивъ на юридическій факультетъ, Каченовскій первый годъ своего студенчества провелъ довольно безпорядочно; но затѣмъ онъ съ увлеченіемъ принялся за работу и, можно сказать, не переставалъ трудиться до конца жизни. Во время его студенчества на него большое вліяніе оказали лекціи даровитыхъ преподавателей Г. С. Гордеенко и М. М. Лунина, къ сожалѣнію вскорѣ умершихъ. По окончаніи курса Д. И. Каченовскій былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, причемъ, по ходатайству университета, министерство внутреннихъ дѣлъ освободило Каченовскаго отъ обязательства прослужить опредѣленный срокъ за полученное на счетъ суммъ министерства образованіе. Въ 1849 г. Каченовскій выдержалъ экзаменъ на магистра, защитилъ диссертацію «О владычествѣ надъ морями» и началъ преподаваніе международнаго права въ качествѣ приватъ-доцента. Не смотря на свою молодость онъ обладалъ уже очень солидными знаніями и умѣлъ сдѣлать свои чтенія не только очень занимательными, но и очень поучительными для слушателей. Скоро онъ сталъ самымъ виднымъ преподавателемъ Харьковскаго университета. Въ 1855 г. онъ представилъ въ Московскій университетъ какъ диссер-

тацію на степень доктора изслѣдованіе «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ». Диспутъ его прошелъ блестящимъ образомъ; во время пребыванія въ Москвѣ Каченовскій сблизился съ большинствомъ профессоровъ Московскаго университета, среди которыхъ тогда было особенно много выдающихся ученыхъ. Диссертація его тогда же обратила на себя вниманіе западно-европейской ученой печати, а въ 1867 г. вышла въ Лондонѣ въ переводѣ на англійскій языкъ сдѣланнымъ Праттомъ, адвокатомъ существовавшей тогда корпораціи Doctor's Commons. Какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ послѣдующихъ своихъ работахъ по международному праву Каченовскій являлся убѣжденнымъ проповѣдникомъ болѣе свободныхъ и гуманныхъ началъ въ международномъ правѣ, и нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя Каченовскимъ какъ постулаты, впослѣдствіи осуществлены были въ морскомъ правѣ многихъ государствъ. Въ 1858 г. Д. И. Каченовскій отправился въ продолжительное путешествіе заграницу и пробылъ тамъ до середины 1860 г. Подобныя же поѣздки, но на менѣе продолжительные сроки, онъ предпринималъ еще въ 1864, 1866, 1868 и 1870 гг. Онъ не только посѣщалъ крупные центры умственной жизни и ученой дѣятельности Западной Европы, знакомился и сближался съ выдающимися представителями западно-европейской науки, но онъ изучалъ и государственное устройство и общественную жизнь этихъ государствъ практически: онъ сближался съ гражданами разныхъ городовъ; такъ онъ присутствовалъ на выборахъ въ Англіи и ознакомился со всѣми пріемами англійской избирательной агитаціи. Всѣ свои впечатлѣнія Каченовскій заносилъ очень обстоятельно въ свой дневникъ; многія замѣтки его поражаютъ мѣткостью и вѣрностью сужденія; вообще, эти путевыя замѣтки Каченовскаго въ высшей степени любопытны. Отчетъ о первой поѣздкѣ заграницу былъ напечатанъ Каченовскимъ въ Харьковѣ въ 1860 г., замѣтки о слѣдующихъ путешествіяхъ остались въ рукописи. Онъ слушалъ лекціи Моля, Блунчли, Миттельмайера, Арндта, Гейссера въ Германіи; познакомился съ Мишле во Франціи, съ Маколеемъ, Гротомъ, Льюисомъ и Гладстономъ въ Англіи; въ Англіи онъ сдѣлалъ ученые доклады въ юридическомъ обществѣ и противурабскомъ обществѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ читалъ въ Харьковѣ лекціи международнаго права и государственнаго права; въ теченіи 1859—1866 г. вышли слѣдующія его работы: «Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), «О современномъ состояніи политическихъ наукъ въ Западной Европѣ и Россіи», «Курсъ международнаго права», въ двухъ частяхъ, переведенъ былъ затѣмъ на англійскій языкъ; кромѣ того рядъ болѣе мелкихъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Русской Рѣчи». Д. И. Каченовскій съ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ реформамъ царствованія Александра II; онъ былъ горячимъ поклонникомъ свободы въ общественной жизни, но онъ не только цѣнилъ одно право на свободу для личности, а любилъ и уважалъ истинную свободу, со всѣми тѣми многочисленными обязанностями, какія она налагаетъ на человѣка. Убѣжденный, что Россія должна и можетъ достигнуть великихъ успѣховъ въ развитіи своей гражданственности, онъ понималъ и другимъ внушалъ убѣжденіе, что истинные успѣхи на этомъ поприщѣ могутъ быть достигнуты лишь серьезною работою. Въ Харьковскомъ университетѣ Д. И. Каченовскій оставилъ по себѣ неизгладимую память, какъ преподаватель высокихъ дарованій и широко образованный юристъ; онъ, не смотря, на свою недолгую жизнь, воспиталъ шесть поколѣній молодыхъ людей. Студенческую молодежь онъ искренно любилъ, съ чрезвычайною заботливостью, можно сказать съ настойчивостью и любовью, слѣдилъ за работами своихъ учениковъ и руководилъ ими; въ оцѣнкѣ отвѣтовъ и письменныхъ работъ онъ отличался строгостью, но тѣмъ не менѣе, студенты не только уважали, но и любили его. При юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета учреждена въ память его премія его имени, которая выдается за лучшее сочиненіе, написанное на заданную факультетомъ тему. Д. И. Каченовскій отличался не только высокими умственными дарованіями, но и рѣдкими качествами сердца; онъ завоевывалъ симпатіи и уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло. Онъ былъ, наконецъ, любителемъ и тонкимъ цѣнителемъ музыки и живописи. Д. И. Каченовскій умеръ отъ чахотки, отъ которой умеръ и его отецъ. Первые признаки бо-

лѣзни обнаружились во время заграничнаго путешествія его въ 1870 г.; затѣмъ болѣзнь, быстро развившись, свела ученаго еще въ цвѣтѣ лѣтъ въ могилу. Онъ отлично понималъ свое безнадежное положеніе и встрѣтилъ смерть съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и твердостью.

Стояновъ, А., «Д. И. Каченовскій. Біографическій очеркъ». (Публичная лекція); его же, некрологъ для акта Харьк. унив., въ «Русскомъ Мірѣ», 1872, №№ 338 и 339; Де-Пуле, въ статьѣ о Харьк. унив. въ 40-хъ годахъ, въ «Вѣстникѣ Европы», 1874, № 2; въ «Вѣстникѣ Европы», 1873, № 1 и 2, некрологъ П. Б., «Русскій Архивъ», 1874, 1095—1124; «Записки Харьк. унив.», 1874, Геннади «Словарь».

Каченовскій, *Левъ Яковлевичъ*, протоіерей православной воздвиженской церкви въ Швейцаріи, сынъ священника. Род. въ 1794 г. въ черниговской губерніи; умеръ послѣ 1847 г. Окончилъ курсъ въ черниговской семинаріи; 1 января 1823 г. рукоположенъ въ священники, 2 августа 1828 г. назначенъ полковымъ священникомъ въ дѣйствующіе эскадроны 4-го Бугскаго уланскаго полка. Участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ съ турками. Съ 18 марта 1829 г. исправлялъ должность благочиннаго 4-й уланской дивизіи, и былъ законоучителемъ въ школахъ кантонистовъ. Съ 6 іюня 1830 года состоялъ при Ясскомъ военномъ госпиталѣ въ молдавскомъ княжествѣ. 30 мая 1838 г. командированъ съ походною церковью въ Пруссію, въ свитѣ Ея Величества, затѣмъ—въ Австрію въ г. Теплицъ, въ свитѣ Его Величества. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ назначенъ священникомъ къ нашей православной церкви въ Швейцаріи, гдѣ состоялъ и духовникомъ великой княгини Анны Ѳеодоровны. 17 іюня 1842 г. произведенъ въ протоіереи. Въ 1843 году ѣздилъ въ Россію въ смоленскую и черниговскую губерніи съ агрономомъ Карломъ Гофштетеромъ для устройства земледѣльческихъ школъ. Въ 1847 году уволенъ отъ должности съ пенсіею и проживалъ въ Россіи. Ему принадлежитъ сочиненіе: «Объ учрежденіи въ Бѣлоруссіи образцовой земледѣльческой школы по образцу швейцарскихъ».

Дѣла арх. Св. Синода: 1831 г. № 101; 1842 г. № 298; 1846 г. №№ 632 и 638. *Здр.*

Каченовскій, *Михаилъ Трофимовичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. 1-го ноября 1775 г. въ Харьковѣ, ум. 19 февраля 1842 г. Происходилъ изъ небогатой греческой семьи Качони. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, откуда вынесъ хорошее знаніе древнихъ языковъ. На четырнадцатомъ году лишившись отца, Каченовскій долженъ былъ оставить ученіе и поступить на службу—урядникомъ въ Екатеринославское казачье ополченіе. Въ 1793 г. онъ перешелъ на гражданскую службу въ харьковскій губернскій магистратъ, но черезъ два года возвратился къ службѣ военной—сперва въ Таврическомъ гренадерскомъ, а затѣмъ въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку. Неожиданныя событія совершенно измѣнили судьбу Каченовскаго: въ 1801 г. Ярославскій полкъ, стоявшій въ Москвѣ, назначенъ былъ въ корпусъ Корсакова, слѣдовавшій въ Швейцарію, а полковому квартирмейстеру Каченовскому поручено было продать ненужныя вещи, въ числѣ которыхъ былъ порохъ. Увлекаясь страстью къ чтенію, погруженный въ это время въ изученіе Вольтеровой Генріады, Каченовскій запустилъ это дѣло, а затѣмъ приказалъ своимъ рядовымъ продавать вещи гуртомъ, забывъ, по неопытности, что для продажи пороха нужно свидѣтельство коменданта. За это онъ подвергся аресту и былъ бы отданъ подъ судъ, если бы генералъ-лейтенантъ Дурасовъ не взялъ вины на себя. Заключеніе на гауптвахтѣ оказалось счастливымъ для Каченовскаго обстоятельствомъ. Тутъ онъ познакомился съ капитаномъ С. Н. Глинкой, будущимъ издателемъ «Русскаго Вѣстника», и отъ него получилъ «Примѣчанія на исторію Россіи Леклерка» Болтина и другія книги. По замѣчанію П. А. Плетнева «это случайное событіе рѣшило и будущее поприще и будущій въ наукѣ характеръ Каченовскаго».—«Въ Каченовскомъ, говоритъ Плетневъ, на всю его жизнь остались отъ первыхъ напечатлѣній мыслящей силы Болтина эта наклонность къ историческимъ изслѣдованіямъ и это скептическое настроеніе, которое впослѣдствіи сообщилось многимъ изъ его слушателей, поддерживаемое подражаніемъ подобному же ученію въ Германіи». Освобожденный изъ подъ ареста, Каченовскій вышелъ въ отставку и поступилъ библіотекаремъ къ гр. А. К. Разумовскому. Обширная библіотека Разумовскаго послужила богатымъ источникомъ для начитанности будущаго ученаго. Ученая карьера Каченовскаго начинается въ 1805 г., когда онъ получилъ,по предложенію Разумовскаго,

попечителя Московскаго университета, званіе магистра философіи и былъ назначенъ преподавателемъ риторики и русскаго языка въ академической гимназіи. На литературное поприще Каченовскій выступилъ нѣсколько ранѣе—съ 1799 г. появляются его переводы и оригинальныя статьи въ журналѣ «Ипокрена», а съ 1803 г. въ «Новостяхъ Русской Литературы». Первые литературные опыты Каченовскаго лишены оригинальности и писаны въ духѣ моднаго тогда сентиментализма; въ области литературнаго вкуса онъ и позднѣе не выбился изъ узкихъ рамокъ устарѣлыхъ школьныхъ понятій. 1805 годъ вывелъ его на иную дорогу, на которой онъ, не смотря на незначительную подготовку, имѣлъ возможность развернуть свои недюжинныя силы. «Каченовскій, говоритъ проф. А. А. Кочубинскій, въ 1805 году является разомъ въ двухъ образахъ, передъ двоякою аудиторіей: передъ обширною, какъ издатель Карамзинскаго «Вѣстника Европы», и передъ тѣсною, какъ профессоръ университета». Но и въ университетѣ Каченовскій не сразу попалъ на настоящую свою спеціальность. Получивъ въ 1806 г. степень доктора философіи и изящныхъ искусствъ, онъ въ 1808 г. утвержденъ былъ адъюнктомъ и назначенъ правителемъ канцеляріи попечителя. Службу въ канцеляріи Каченовскій оставилъ въ 1810 г., когда утвержденъ былъ въ должности экстраординарнаго профессора. Въ 1811 г. гр. А. К. Разумовскій перешелъ на постъ министра народнаго просвѣщенія и предлагалъ Каченовскому перейдти также на службу въ министерство. Отказавшись отъ этого, Каченовскій въ томъ же году назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, и только въ 1821 г. перешелъ на каѳедру исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства. Весь этотъ первый періодъ университетской дѣятельности Каченовскаго можно назвать подготовительнымъ. Его преподаваніе, о которомъ можно судить по извлеченію изъ его лекцій, изданному въ 1823 г., И. Войцеховичемъ, подъ заглавіемъ: «Опытъ начертанія общей теоріи изящныхъ искусствъ», не шло дальше развитія традиціонныхъ взглядовъ французской школы. За эти годы Каченовскій издалъ переводы: «Тереза и Фальдэни, или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Ліонѣ, Леонадра» (2 ч. въ 1804 г. и 4 ч. въ 1816 г.), трудъ, о которомъ переводчикъ впослѣдствіи жалѣлъ, какъ о напрасной тратѣ времени; «Аѳинскія письма, или переписка одного агента, находящагося по тайнымъ препорученіямъ отъ царя персидскаго въ Аѳинахъ въ продолженіе Пелопонезской войны» (6 ч. 1804—1816 г.); «Береговое право», драма въ 1 д. Коцебу (1819 г.); «Библіотека повѣстей и анекдотовъ» (5 ч. 1816 – 1817 г.); «Повѣсти, анекдоты и смѣсь» (5 ч. 1819—1820 г.); «Выборъ изъ сочиненій лорда Бейрона» (1821 г.) и «Поэма послѣдняго барда» В. Скотта (1823 г.). Переводы лишены художественнаго достоинства. Въ то же время Каченовскій издалъ: «Учебную книжку древняго греческаго языка»(1807—1809 г.; 4-е и 5-е изд. въ 2-хъ частяхъ—1822 и 1827 г.), и «Греческую христоматію Якобса, съ переводомъ, примѣчаніями и словаремъ» (1821 и 1824 г.). Важнѣе дѣятельность Каченовскаго, какъ издателя «Вѣстника Европы». Онъ издавалъ его съ 1805 по 1807 г.—одинъ; въ 1808 г.—издателемъ былъ Жуковскій; въ 1809—1810 г.—Каченовскій вмѣстѣ съ Жуковскимъ; въ 1811—1813 г.—Каченовскій одинъ; въ 1814 г.—Измайловъ, а съ 1815 г. до прекращенія изданія въ 1830 г.—опять Каченовскій. Еще въ 1804 г., въ редакторство Карамзина, Каченовскій напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью: «Взглядъ на Благородный Пансіонъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ» (въ XVII томѣ). «Эта статья, говоритъ С. М. Соловьевъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней высказалось уже то направленіе, которому Каченовскій остался вѣренъ во все продолженіе своего литературнаго поприща: какъ истинный ученый, Каченовскій всю жизнь ратовалъ противъ двухъ крайностей: съ одной стороны, противъ равнодушія и даже отвращенія, презрѣнія къ образованности, которыя прикрывались чувствомъ отвращенія къ чужому и любви къ своему; съ другой стороны, противъ равнодушія и презрѣнія къ своему, которыя происходили отъ пристрастія къ чужому». Такова одна существенная черта въ публицистической дѣятельности Каченовскаго. Сдѣлавшись самостоятельнымъ издателемъ журнала, Каченовскій яснѣе высказалъ свою программу въ первомъ номерѣ за 1805 г., въ «Письмѣ къ издателю», имъ самимъ написанномъ. Задачей журнала Каченовскій считаетъ сообщеніе обо всемъ,

«что дѣлается и что пишется въ Европѣ», а, въ частности, ознакомленіе русской публики съ литературой и исторіей родственныхъ славянъ. Обѣщанія Каченовскаго не остались неисполненными. Журналъ далъ рядъ статеекъ по славяновѣдѣнію, и въ трудѣ проф. А. А. Кочубинскаго «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія» сдѣлана горячо-сочувственная характеристика роли Каченовскаго въ зарожденіи и развитіи научнаго интереса къ славянству. Что касается западной литературы, то Каченовскій, самостоятельно изучившій французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, а на старости лѣтъ учившійся шведскому, давалъ въ «Вѣстникѣ Европы» переводы и выписки изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Особенно характерны частыя выдержки изъ словаря Беля, привлекавшаго Каченовскаго критическимъ направленіямъ, и переводы статей о Нибурѣ, критическіе пріемы котораго производили на Каченовскаго сильное впечатлѣніе. Рядомъ съ этимъ стоятъ статьи по русской исторіи, древностямъ и исторіи русской литературы. Въ первые годы Каченовскій былъ почти единственнымъ авторомъ статей, печатавшихся въ журналѣ и имѣлъ право сказать: «я трудился одинъ» («Вѣстникъ Европы» XXII ч., 1805 г.); позднѣе появляются статьи митр. Евгенія, Калайдовича, Арцыбашева и др. Тѣмъ не менѣе за все время изданія «Вѣстникъ Европы» своимъ содержаніемъ характеризуетъ ходъ личнаго развитія Каченовскаго. Все оно отличается отрывочностью, состоитъ изъ очерковъ, намековъ, свидѣтельствующихъ о широтѣ и разнообразіи интересовъ издателя, о его постоянномъ стремленіи къ точности и критической провѣркѣ сообщаемыхъ свѣдѣній, но также о невозможности, при наличныхъ средствахъ, свести къ чему-либо цѣлому отдѣльныя частныя изслѣдованія. Въ историческихъ, археологическихъ и историко-литературныхъ статьяхъ Каченовскій поднималъ много частныхъ научныхъ вопросовъ; въ критикѣ чужихъ мнѣній онъ сильнѣе, чѣмъ въ собственныхъ построеніяхъ, и многіе изъ поднятыхъ вопросовъ рѣшалъ удачнѣе своихъ предшественниковъ. Съ необыкновенною научною осторожностью, съ рѣшимостью предпочитать скептическій отрицательный выводъ произвольному отвѣту, Каченовскій, при современной ему разработкѣ историческихъ источниковъ не могъ найдти надежнаго, съ его строгой точки зрѣнія, матеріала для построенія системы русской исторіи. Самъ же онъ не много сдѣлалъ и въ области подготовительныхъ работъ по изученію матеріала, отвлекаемый крайне разнообразною дѣятельностью. Въ 1821 г. онъ занялъ каѳедру русской исторіи, статистики и географіи; въ 1830—1831 г. ему была поручена каѳедра россійской словесности; въ 1832—1833 г. онъ преподавалъ всеобщую исторію и статистику; въ 1835 г., утвержденный въ званіи заслуженнаго профессора, онъ перешелъ на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, учрежденную по его-же иниціативѣ еще въ 1825 г., но порученную сперва дряхлому и неподготовленному Гаврилову. Эту каѳедру Каченовскій и занималъ до кончины. Въ тоже время Каченовскій несъ различныя обязанности, частью и внѣ университета, какъ визитаторъ училищъ въ разныхъ губерніяхъ (въ 1810, 1817 и 1818 г.), деканъ (1813 г.), членъ училищнаго совѣта (1816—1820 и 1821—1829 г.), начальникъ университетской типографіи (1815—1816 г.), членъ правленія университетскаго благороднаго пансіона (1819—1825 г.), вторично деканъ (1831 г.), цензоръ (съ 1833 г.) и ректоръ Московскаго университета (съ 1837 г.), не считая участія въ разныхъ комитетахъ и обязанности ежегодно обозрѣвать московскія казенныя училища и частные пансіоны. По прекращеніи «Вѣстника Европы» Каченовскій почти ничего не печаталъ; въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета» появились только отрывки: «О баснословномъ времени въ Россійской исторіи» (1833 г.), «О балтійскомъ происхожденіи сѣверныхъ славянъ», «О кожаныхъ деньгахъ» (1835 г.—переработка статьи изъ № 13 «Вѣстника Европы» за 1828 г.) и «Изъ разсужденія о Русской Правдѣ». (1835 г.), да въ «Запискахъ и Трудахъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» статья: «О судебныхъ поединкахъ» (то же въ «Вѣстникѣ Европы» 1811 г.).—Дѣло его продолжали ученики, работы которыхъ въ духѣ Каченовскаго помѣщались въ «Вѣстникѣ Европы» и «Ученыхъ Запискахъ»; они-то и составили такъ называемую «скептическую школу», не пережившую Каченовскаго и едва-ли заслуживающую такого титула. Значеніе Каченовскаго не въ печатныхъ трудахъ, его собственныхъ и его учениковъ, а въ той школѣ, какую проходило

младшее поколѣніе въ его аудиторіи. Читалъ Каченовскій сухо, не обладая способностью свободно выражаться передъ многочисленною аудиторіей, и тѣмъ не менѣе его слушали охотно, особенно въ первые годы. И. А. Гончаровъ, въ воспоминаніяхъ своихъ, съ благодарностью говоритъ о содержательности его лекцій. Глубокое вліяніе оказалъ Каченовскій на многихъ будущихъ корифеевъ русской науки, прошедшихъ черезъ его аудиторію; К. С. Аксаковъ сообщаетъ объ увлеченіи Каченовскимъ въ кружкѣ Станкевича; Рѣдкинъ, въ автобіографіи, говоритъ, что «болѣе всѣхъ онъ обязанъ лекціямъ по русской исторіи Каченовскаго, въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько ученыхъ пріемовъ». Кавелинъ, сравнивая Каченовскаго съ Венелинымъ, выражается еще опредѣленнѣе: «Оба хватали гораздо дальше, нежели успѣли высказать и сдѣлать; оба передовые люди, первые пошли на проломъ противъ безмыслія, напыщенности, задушившихъ было всякое разумѣніе русской исторіи». Отрицая, чтобы ошибочность положительныхъ выводовъ Каченовскаго должна быть принята въ разсчетъ для оцѣнки его значенія, Кавелинъ справедливо замѣчаетъ, что его «навели на эти мысли другія, болѣе глубокія и въ основаніи своемъ вѣрныя, требованія отъ науки русской исторіи». Эти вѣрныя требованія сводились къ общей мысли о соотвѣтствіи всѣхъ условій мѣста, времени и быта, всѣхъ сторонъ историческаго процесса, какъ о высшемъ принципѣ исторической критики. Эта новая въ русской историографіи мысль на долго опредѣлила ея дальнѣйшее развитіе. Самъ Каченовскій въ этомъ развитіи не игралъ уже роли. Новое поколѣніе ученыхъ, воспринявъ отъ Каченовскаго все, что было у него цѣннаго, пошло по новому пути, подъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи. Каченовскій, спрашивавшій «отчего Шеллингъ преподаетъ не въ домѣ сумасшедшихъ», не примкнулъ къ новому теченію, переживъ свой успѣхъ и закончивъ свою вліятельную роль раньше, чѣмъ кончилась его дѣятельность.

Иконниковъ, «Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники», «Кіев. Унив. Изв.» 1871 г. №№ 9—11 и отдѣльно; Милюковъ, «Главныя теченія русской исторической мысли», Рус. Мысль. 1894 г. № 11; Давыдовъ въ «Отчетѣ Московскаго Университета» за 1842 г.; Зелинецкій, — въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» за 1842 г.; Плетневъ въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по отд. Рус. яз. и слов. за первое десятилѣтіе», Спб. 1852 г. (стр. 50); Соловьевъ—въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Им. Моск. Унив.», М. 1855 г.; Геннади, «Справочный словарь», Кочубинскій, «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія»; С. Н. Глинка, «Записки», изд. «Русской Старины», Спб. 1895 г. (стр. 173—174). Кавелинъ, «Сочиненія», II, 407—408; Рѣдкинъ, автобіографія въ «Біогр. словарѣ проф. Моск. Ун.»; Бестужевъ-Рюминъ, «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки», въ «Москов. Обозрѣніи» 1859 г. кн. I; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т. IV; Снегиревъ, Воспоминанія», въ Рус. Арх. за 1866 г. Вѣрная оцѣнка Каченовскаго у Пыпина въ «Ист. русск. этнографіи» т. II, стр. 24.

Качка, *Гавріилъ Симоновичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, род. 25 марта 1739 г. на Уралѣ, гдѣ отецъ его служилъ на Бымовскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ, ум. 19 августа 1818 г. Сынъ австрійскаго подданнаго, прибывшаго въ Россію въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, изъ мѣстечка Топшау въ Венгріи. Получивъ домашнее образованіе, поступилъ сперва штейгеромъ, потомъ оберъ-штейгеромъ на Змѣиногорскіе рудники; въ 1757 г. отправился въ С.-Петербургъ и здѣсь поступилъ въ артиллерію штыкъ-юнкеромъ, но вскорѣ по представленіи А. И. Порошина (начальника Колывано-Воскресенскихъ заводовъ), былъ опредѣленъ въ кабинетъ Ея Величества, по колыванской экспедиціи, пробирнымъ ученикомъ для обученія раздѣленію золота, серебра и другихъ металловъ, очисткѣ ихъ и пробирному искусству. Прошедши всѣ низшія должности тогдашняго горнаго управленія, онъ 18 марта 1782 г. назначенъ былъ управляющимъ монетнымъ департаментомъ. Онъ внесъ значительныя улучшенія въ практиковавшійся тогда на монетномъ дворѣ способъ раздѣленія золота отъ серебра, а также возобновилъ и улучшилъ фабрику азотной кислоты. Въ 1783 г. сентября 22 пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, причемъ орденъ этотъ былъ возложенъ на него самою императрицею.

Въ 1775 г., вмѣстѣ съ введеніемъ учрежденія о губерніяхъ, послѣдовало преобразованіе управленія горнымъ дѣломъ въ Россіи: оно было передано въ вѣдѣніе мѣстныхъ казенныхъ палатъ, Бергъ-Коллегію рѣшено было оставить только до 1784 г. и затѣмъ закрыть. Отстраненіе Бергъ-

Коллегіи отъ горнаго дѣла сильно повліяло на ухудшеніе послѣдняго; заводы, отданные въ управленіе чиновниковъ казенныхъ палатъ, людей мало свѣдущихъ или вовсе несвѣдущихъ въ горномъ дѣлѣ, стали сокращать производство: такъ Колывано-Воскресенскіе заводы уменьшили выплавку съ 1000 пуд. до 400, Нерчинскіе съ 600 до 215 и т. д. Для исправленія дѣла императрица Екатерина послала въ Сибирь члена кабинета Ея Величества П. А. Соймонова, который, осмотрѣвъ заводы, призналъ необходимымъ измѣнить все управленіе ими и по его представленію въ 1785 г. начальникомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ назначенъ былъ Качка въ чинѣ статскаго совѣтника.

Во время управленія его этими заводами, выплавка серебра была доведена вновь до 1000 пудовъ въ годъ; найдено было нѣсколько мѣсторожденій серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ, возобновлены работы на Колыванскомъ заводѣ, построенъ новый Гавриловскій (переименованный такъ самою Императрицею изъ Екатерининскаго) сереброплавильный заводъ (въ 1795). Въ 1786 г., по представленію Соймонова, при Локтевскомъ заводѣ построена была шлифовальная фабрика для обработки цвѣтныхъ камней, которыми столь обиленъ Алтай; наконецъ Качка обратилъ вниманіе на улучшеніе положенія рабочихъ: онъ составилъ урочное положеніе для Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, продѣлалъ всѣ работы собственноручно и согласно полученнымъ результатамъ опредѣлилъ уроки.

Въ 1793 г., сентября 2, онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1795 г. отправленъ на Уралъ для введенія порядка на Богословскихъ заводахъ, которые находились въ то время въ самомъ разстроенномъ состояніи и приходили въ разрушеніе, и для управленія ими. Качка возстановилъ порядокъ и слѣдствіемъ этого была возможность безъ всякаго затрудненія получить на сказанныхъ заводахъ до 50,000 п. мѣди. Въ 1798 г. ноября 20 онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и 5 декабря того же года по прошенію уволенъ отъ службы съ пенсіею. Въ 1800—1801 гг. онъ принималъ участіе въ комитетѣ, учрежденномъ для разсмотрѣнія вопроса, полезнѣе ли быть горнымъ заводамъ въ казенномъ содержаніи или въ частныхъ рукахъ, приводилъ въ порядокъ дѣла по канцеляріи главнаго заводовъ правленія въ Екатеринбургѣ, производилъ разслѣдованіе безпорядковъ и неустройства на Нерчинскихъ заводахъ и съ 1 августа 1801 г. присутствовалъ въ Бергъ-коллегіи. Въ 1807 г. сентября 21 былъ назначенъ директоромъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, только что учрежденнаго вмѣсто упраздненной Бергъ-коллегіи, а въ 1811 г. августа 9 пожалованъ званіемъ сенатора.—Г. С. Качка, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ горныхъ инженеровъ своего времени и выдавался и практическимъ знакомствомъ съ горнымъ дѣломъ и своими глубокими и обширными познаніями, пріобрѣтенными имъ преимущественно на практикѣ; усердно и постоянно онъ пополнялъ ихъ чтеніемъ книгъ.

«Горный Журналъ», 1846 г., т. IV (біографія, составл. Бальземомъ); А. Лоранскій, «Историческій очеркъ Горнаго Института»; Голубевъ, «Алтай»; Блиновъ, «Историко-статист. очеркъ Богословскихъ заводовъ» (Журналъ Минист. Внутр. дѣлъ, 1855. №№ 8 и 9).

А. Ф.

Качковскій, *Карлъ Григорьевичъ*, докторъ, род. въ 1797 г. въ Варшавѣ, ум. 2 октября 1867 г. По окончаніи курса въ Виленскомъ университетѣ лѣкаремъ 1-го отдѣленія, былъ назначенъ въ 1-й гренадерскій пѣхотный полкъ. Защитивъ въ Виленскомъ университетѣ диссертацію: «De plicae polonicae in variis, praeter pilos, corporis humani partes vi et effectu», получилъ въ 1821 г. степень доктора медицины. Въ 1823 г. читалъ при мѣстномъ лицеѣ публичныя лекціи по гигіенѣ, вышедшія за тѣмъ отдѣльною книгою: «Lekcye hygieny czyli nauki zachowania zdrowia, wykladane publicznie od r. 1823 w liceum wolynskiem, Warszawa 1826. 2 t.». Занимаясь въ то же время ботаникою, въ 1825 г. предпринялъ путешествіе въ Крымъ, результатомъ котораго явилась его работа: «Dziennik podrozy do Krymu odbytéj w r. 1825. Warsz. 1829». (4 тома). Въ 1829 г. переведенъ въ Варшавскій университетъ профессоромъ терапіи. Въ 1832 г. уѣхалъ во Львовъ и, по возвращеніи въ 1835 г., занимался практикою въ нѣсколькихъ городахъ южной Россіи. Въ Житомірѣ въ 1858 г. основалъ Общество волынскихъ врачей и былъ первымъ предсѣдателемъ этого общества. Онъ пользовался широкою извѣстностію и любовью общества всюду, гдѣ приходилось ему работать. Кромѣ уже

указанныхъ работъ, ему принадлежитъ рядъ статей въ польскихъ медицинскихъ и естественно-научныхъ изданіяхъ за 1827—1846 гг. Онъ же, еще студентомъ, издавалъ сатирическій журналъ «Verba veritatis».

Kosminski, «Slownik lekarzow polskich»; «Tygodnik illustrowany», 1868, № 16; Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; Hirsch, «Biogr. Lexikon d. Aerzte».

Кашеваровъ, *Александръ Филипповичъ*, генералъ-маіоръ, род. 28 декабря 1809 г., умеръ 25 сентября 1870 г. Онъ былъ сынъ учителя-русскаго и алеутки, родился въ Павловской гавани, на о-вѣ Кадьякѣ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ Американскою компаніею сначала въ частный пансіонъ, а затѣмъ въ Кронштадтское штурманское училище. Уже съ 1824 г. еще кадетомъ онъ ходилъ въ далекія плаванія, по окончаніи же курса совершилъ въ 1828—1830 г. кругосвѣтное плаваніе на компанейскомъ суднѣ «Елена», при чемъ сначала былъ старшимъ штурманомъ, а затѣмъ вахтеннымъ. Въ 1831 г. онъ былъ зачисленъ прапорщикомъ въ корпусъ флотскихъ штурмановъ, отправился въ русскія американскія колоніи и провелъ тамъ 12 лѣтъ, ежегодно командуя судами и совершивъ въ 1838 г. съ флотиліею байдарокъ плаваніе для обозрѣнія и описанія полярныхъ береговъ Сѣверной Америки. Въ 1843 г. пріѣхалъ черезъ Сибирь въ Петербургъ и былъ причисленъ къ гидрографическому департаменту, съ порученіемъ составить атласъ водъ, омывающихъ восточную Сибирь и Аляску. Въ 1850 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, Кашеваровъ былъ отправленъ Русско-американскою компаніей начальникомъ въ Аянъ, въ 1854 г. принималъ участіе въ отраженіи англійскихъ кораблей, за что награжденъ орденомъ Владиміра 4 ст. Въ 1856 г. возвратился въ Петербургъ и назначенъ начальникомъ чертежной гидрографическаго департамента; въ 1862 г. отчисленъ въ запасъ и въ 1865 г.—уволенъ въ отставку, съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора.

«Кронштт. Вѣстникъ», 1870, № 112.

Кашинскіе удѣльные князья.

1. *Александръ Михайловичъ*, по прозванію *Ордынецъ*, сынъ Михаила Александровича, князя микулинскаго и великаго князя тверскаго, по порядку третій или четвертый удѣльный князь кашинскій. Въ 1382 г., когда Михаилъ Александровичъ тверской, послѣ безуспѣшныхъ хлопотъ въ ордѣ по пріобрѣтенію ярлыка на Владимірское великое княжество, уѣхалъ оттуда, сынъ его Александръ оставался въ ордѣ до 1386 г.

2. *Василій* I *Михайловичъ*, по порядку первый удѣльный князь кашинскій, занимавшій и Тверское великое княжество, четвертый, самый младшій внукъ великаго князя тверскаго Ярослава Ярославича, ум. въ 1386 г. По смерти великаго князя Константина Михайловича, въ 1345 г., Василій Михайловичъ какъ старшій въ родѣ, считалъ себя преемникомъ Константина, но встрѣтилъ соперника въ лицѣ племянника своего, князя холмскаго Всеволода. Споръ между дядей и племянникомъ былъ перенесенъ въ орду и окончился въ пользу послѣдняго. Ихъ удалось примирить въ 1348 г. тверскому владыкѣ Ѳеодору: Всеволодъ удовольствовался Холмомъ, а Василій сѣлъ въ Твери. Но скоро распри между ними возобновились. Въ 1351 г. ордынскій посолъ Ахматъ привезъ Василію ярлыкъ на великое княженіе Тверское, и съ этого времени дядя началъ жестоко тѣснить племянника, бояръ его и слугъ. Всеволодъ обратился съ жалобой къ митрополиту Алексѣю, но ни посредничество его, ни великаго князя московскаго Іоанна Іоанновича не примирило враговъ. Въ томъ же году русскіе князья, въ томъ числѣ и Василій со Всеволодомъ, отправились къ новому хану Бердибеку. Всеволодъ поздно явился къ хану, такъ какъ его не пропустили туда чрезъ Переяславль и ему пришлось ѣхать чрезъ Литву, и Василій успѣлъ въ ордѣ настроить приближенныхъ къ хану людей противъ своего племянника и возвратиться въ Тверь великимъ княземъ. Когда Всеволодъ прибылъ въ орду, его выдали Василію, и дядя изгналъ племянника. Въ 1359 г. тверскіе князья, въ томъ числѣ и Всеволодъ, недавно возвратившійся изъ Литвы, подѣлились волостями. Уступчивость Василія въ этомъ случаѣ объясняется, кажется, положеніемъ дѣлъ въ великомъ княжествѣ Владиміро-московскомъ, гдѣ спорили о власти московскій и суздальскій князья, изъ которыхъ первый, поддерживавшій Василія, въ данное время самъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но Василію явился новый соперникъ, братъ Всеволода, Михаилъ, князь микулинскій, пользовавшійся большою любовью тверичей; Василій ходилъ противъ него съ вой-

скомъ, но соперники на время примирились. Ссора возобновилась въ 1364 г. по тому случаю, что бездѣтный дорогобужскій князь Семенъ Константиновичъ, умирая, завѣщалъ свою часть удѣла, помимо старшаго брата своего Еремѣя, Михаилу Александровичу. Судъ тверскаго владыки Василія, произведенный «по митрополичью благословенію», оправилъ Михаила (1365 г.). Но враги его имѣли на своей сторонѣ великаго князя московскаго. Михаилъ ушелъ въ Литву. Въ отсутствіе его въ Тверскомъ княжествѣ шли междуусобія. Возвратившись съ литовскими войсками, Михаилъ вынудилъ Василія просить мира, который и былъ заключенъ въ 1386 г.

3. *Василій Михайловичъ* II, единственный внукъ предъидущаго, ум. 6 мая 1382 г. По смерти отца своего пріѣхалъ въ Тверь съ своими боярами и отдался въ волю великаго князя Михаила Александровича Но въ 1374 г. онъ бѣжалъ въ Москву, а въ слѣдующемъ 1375 г. участвовалъ въ походѣ великаго князя московскаго Димитрія Іоанновича на Тверь. По договору Димитрія съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ кашинскій удѣлъ становился отдѣльнымъ, совершенно самостоятельнымъ отъ Твери княжествомъ, связаннымъ скорѣе съ Москвою. Лѣтописи ничего не говорятъ объ участіи князей тверской земли въ Куликовской битвѣ, но нѣкоторыя сказанія объ этой битвѣ передаютъ, что Василій кашинскій былъ въ засадномъ полку кн. Димитрія Волынскаго-Боброка. Василій Михайловичъ скончался бездѣтнымъ, а потому Кашинъ перешелъ къ великому князю Михаилу Александровичу тверскому.

4. *Василій Михайловичъ* III, сынъ великаго князя Михаила Александровича, ум. послѣ 1426 г. Вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Иваномъ Борисовичемъ получилъ отъ отца въ 1399 г. Кашинъ и Коснятинъ. Между тверскими князьями Михайловичами все время шла вражда; въ 1403 г. Василій бѣжалъ въ Москву, но въ томъ же году, при посредствѣ великаго князя московскаго, братья примирились. Въ 1405 г. Василій за чѣмъ-то пріѣхалъ въ Тверь, гдѣ неожиданно, по приказу великаго князя, былъ схваченъ вмѣстѣ съ кашинскими боярами и посаженъ подъ стражу. На страстной недѣлѣ они примирились и во вторникъ на Святой недѣлѣ Иванъ отпустилъ Василія въ Кашинъ. Но черезъ три мѣсяца снова началась между ними борьба. Василій бѣжалъ опять въ Москву, гдѣ ему дали Переяславль, а Иванъ послалъ въ Кашинъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1406 г., послѣ переговоровъ съ братомъ, Василій возвратился въ Тверь и въ томъ же году былъ посланъ Иваномъ на помощь московскому князю въ войнѣ его съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ. Черезъ пять или шесть лѣтъ возобновилась между братьями ссора: въ 1412 г., передъ отъѣздомъ въ орду, Иванъ приказалъ схватить Василія съ его женой, боярами и слугами, и отправить въ Новый Городокъ. Съ дороги Василій, пользуясь оплошностью стражи, ускакалъ и пробрался въ Москву. Отсюда онъ уѣхалъ въ орду. Въ октябрѣ онъ возвратился оттуда вмѣстѣ съ великимъ княземъ московскимъ, а 24 декабря подступилъ съ татарами къ Кашину. Находившееся въ городѣ тверское войско и князь Иванъ Борисовичъ не пустили Василія въ Кашинъ и онъ опять ушелъ въ орду. Съ этого времени до 1425 г. лѣтописи ничего не говорятъ о немъ и мы не замѣчаемъ присутствія его въ Тверской землѣ; гдѣ онъ проживалъ, неизвѣстно. Въ 1425 г. скончался Иванъ Михайловичъ; передъ смертью онъ примирился съ Василіемъ и отдалъ ему Кашинъ. Но въ слѣдующемъ же 1426 г. великій князь Борисъ Александровичъ, внукъ Ивана Михайловича, приказалъ взять его подъ стражу, и съ этого времени мы уже не находимъ въ лѣтописяхъ никакихъ извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Василія. Василій былъ послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ кашинскимъ: со времени арестованія его до 1486 г. Кашинъ составлялъ одну изъ волостей великихъ князей тверскихъ, а въ 1486 г. вмѣстѣ съ Тверью присоединенъ къ Москвѣ и кашинскимъ княземъ объявленъ сынъ Іоанна III, Іоаннъ Молодой.

Иноземцевъ, «Удѣльные кашинскіе князья» въ «Чтеніяхъ Общества ист. и древ.», 1873 кн. IV; Экземплярскій, А. «Великіе и удѣльные князья», т. II, стр. 522—538. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, по указателю.

Кашинцовъ, *Николай Андреевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, род. въ 1799 г., ум. 10 января 1870 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; въ 1807 г. зачисленъ былъ во владимірское губернское правленіе, въ 1810 г. получилъ первый классный чинъ; продолжая числиться на

службѣ, онъ прослушалъ курсъ въ Московскомъ университетѣ вольнымъ слушателемъ. Въ 1832 г., причисленный къ III отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи, получилъ порученіе наблюдать за всѣми выходящими въ Москвѣ періодическими изданіями. Онъ сблизился со всѣми московскими литераторами и многократно оказывалъ поддержку нѣкоторымъ изъ нихъ и совѣтами, и матеріально; между прочимъ по его ходатайству предъ гр. Бенкендорфомъ, назначена была пенсія въ 2000 р. Н. А. Полевому. Издалъ отдѣльными брошюрами нѣсколько своихъ стихотвореній на разные торжественные случаи.

«Влад. губер. вѣдом.», 1870, № 31.

Кашинъ, *Александръ Петровичъ*, лѣкарь, надворный совѣтникъ, род. въ 1819 г. ум. 7 апрѣля 1869 г. въ Павловскѣ. По окончаніи курса въ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи въ 1843 г., служилъ въ военно-медицинскомъ департаментѣ; съ 1856 г. состоялъ помощникомъ редактора «Военно-Медицинскаго Журнала» и въ 1865 г. вышелъ въ отставку. Посвятивъ себя исключительно литературѣ, Кашинъ оставилъ образцовые переводы крупныхъ сочиненій, какъ то: Каруса «Основанія краніоскопіи» (1844), Винклера «Медицинская флора» Гезера «Исторія повальныхъ болѣзней» (1867). Будучи крайне добросовѣстнымъ труженикомъ, онъ мало заботился о томъ, чтобы получать хорошее вознагражденіе за свой трудъ, предоставлялъ нерѣдко издателямъ пользоваться своими трудами безъ всякаго вознагражденія и умеръ въ крайней бѣдности. Кромѣ нѣсколькихъ переводовъ, уже указанныхъ, онъ составилъ очеркъ: «Островъ Эзель и Аренсбургскія морскія купанья». Спб. 1858.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; «Архивъ суд. медиц.» 1869, № 2; «Военно-Медиц. Журн.», 1869, № 16; Геннади, «Словарь».

Кашинъ, *Данила Никитичъ*, композиторъ, род. въ 1769 г., ум. въ концѣ 1841 г. Происходилъ изъ крестьянъ и былъ крѣпостнымъ Гавріила Ильича Бибикова. Замѣтивъ музыкальныя способности Кашина, Г. И. Бибиковъ отдалъ его учиться къ знаменитому Сарти, выписанному въ Россію Потемкинымъ. Кашинъ оказалъ большіе успѣхи въ музыкѣ, кромѣ того изучилъ языки французскій и итальянскій и ознакомился съ Аріосто, Тассо и другими классическими писателями. Въ концѣ XVIII столѣтія Г. И. Бибиковъ далъ ему вольную. Кашинъ не далъ музыки самобытной, чисто русской; онъ писалъ музыку на русскія пѣсни вполнѣ въ стилѣ своего учителя, но во всякомъ случаѣ онъ обладалъ большими дарованіями; знаменитый Рубини съ удовольствіемъ исполнялъ его произведенія и многія изъ нихъ пользовались успѣхомъ за границей. Особенно любимъ былъ хоръ Кашина «Защитники Петрова града», написанный въ 1812 г.; въ 1816 г. Кашинъ переложилъ на музыку слова Жуковскаго, спеціально для него написанныя: «Слава Богу на небѣ». Кромѣ того, онъ написалъ двѣ оперы на текстъ С. Глинки: «Однѣ сутки царствованія Нурмангалы» и «Ольга прекрасная» и нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ Кашинъ былъ преподавателемъ музыки въ Московскомъ университетѣ и написалъ множество кантатъ и хоровъ. Онъ постоянно вращался въ кругу литераторовъ и ученыхъ; Ѳ. Г. Каринъ, С. Н. Глинка, В. А. Жуковскій принадлежали къ числу его друзей. Какъ человѣкъ Д. Н. Кашинъ отличался замѣчательно добрымъ сердцемъ и пользовался необыкновенною популярностью и любовью въ Москвѣ. Послѣ смерти его друзьями издано было «Собраніе русскихъ пѣсенъ», Кашина, заключающее до 250 №№.

«Русскій Вѣстникъ», 1842, V, 12—14.

Кашинъ, *Никита Ивановъ*, рядовой потомъ сержантъ, оставилъ записки подъ заглавіемъ: «Я нижеподписавшійся описываю самовидѣнное и вѣрно слышанное мною съ 1717 г. до 1725 г. дѣла, поступки и увеселительныя забавы славнаго и великаго Императора Петра Алексѣевича». Напечатано въ «Русскихъ Анекдотахъ», М. 1822 и въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности подъ заглавіемъ «Забавы императора Петра Великаго».

А. Карабановъ, «Военно-Энциклопед. лексиконъ», ч. VII, стр. 99. Геннади, «Словарь», т. II, стр. 125 и при изданіи его записокъ Общ. любит. древн. письм.

Кашинъ-Оболенскій, *кн. Юрій Ивановичъ*, ум. 1565 г.; сторонникъ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго. Въ 1549 г. былъ воеводою сторожеваго полка, при сборѣ войскъ въ Юрьевѣ Польскомъ, для похода на Казань, въ 1552 г. —

бояриномъ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго, участвовалъ въ осадѣ Казани и былъ во время этой осады раненъ въ грудь; по выздоровленіи занялъ 1 октября вмѣстѣ съ кн. Григоріемъ Мещерскимъ, Ногайскую дорогу, во главѣ отряда дворянъ царской дружины. Въ 1554—1555 гг. былъ третьимъ воеводою въ Казани; въ 1556 г. пожалованъ въ бояре и былъ первымъ воеводой лѣвой руки на Торусѣ; затѣмъ участвовалъ въ ливонскихъ походахъ Іоанна Грознаго и занималъ должность воеводы въ разныхъ украинныхъ городахъ. Въ 1565 г. убитъ: какъ повѣствуетъ кн. Курбскій, зарѣзанъ по приказанію царя Іоанна IV, при входѣ въ церковь ночью, въ то время какъ шелъ къ заутрени.

«Разр. кн.», въ «Др. Росс. Вивл.», изд. 2-е, XIII. стр. 252, 262, 281, 293, 331, 335, 340—341, и въ «Отеч. Зап.», 1830 г., XLIV, 95; «Царств. кн.», 278; «Сказ. кн. Курбскаго», 3-е изд., стр. 81 и 316, примѣч. 123; Карамзинъ, «Ист. госуд. Россійскаго», изд. 5-е Эйнерлинга, т. VIII, стр. 74. 100, 101, 106, 108; примѣч. 220 и 305.

Д. Корсаковъ.

Кашкинъ, *Евгеній Петровичъ*, генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ тульскій и калужскій, род. 12 января 1737 г., ум. 7 октября 1796 г. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; его отецъ, Петръ Гавриловичъ Кашкинъ, былъ генералъ-адмиралъ; старшій его братъ, Аристархъ Петровичъ, умеръ въ началѣ 1790-хъ годовъ, въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности управителя г. Царскаго-Села. Евгеній Петровичъ Кашкинъ отлично кончилъ курсъ въ Сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ и 17-ти лѣтъ былъ записанъ на службу сержантомъ. С. Ѳ. Апраксинъ, отправляясь въ 1756 г. для командованія русскою арміею противъ Пруссіи, взялъ его, вмѣстѣ съ А. И. Ржевскимъ, «для дѣлъ, производящихся на иностранныхъ языкахъ въ его канцеляріи»; Кашкинъ въ это время былъ поручикомъ. Послѣ смерти Апраксина, Кашкина приблизилъ къ себѣ гр. З. Г. Чернышевъ; по взятіи Швейдница Кашкинъ, уже въ чинѣ премьеръ-маіора, присланъ былъ съ донесеніемъ объ этой побѣдѣ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ 1763—1764 г. онъ стоялъ съ частями русскихъ войскъ на польской границѣ, для охраненія русскихъ границъ отъ нападеній конфедератовъ; въ 1764 г. небольшой отрядъ подъ его начальствомъ дѣйствовалъ въ Польшѣ. Когда въ 1764 г., во время поѣздки Екатерины II по прибалтійскому краю, Мировичъ сдѣлалъ попытку освободить Іоанна Антоновича, попытку, какъ извѣстно, окончившуюся смертью несчастнаго узника, Н. И. Панинъ отправилъ къ императрицѣ съ донесеніемъ о происшествіи и для личнаго доклада о принятыхъ мѣрахъ Е. П. Кашкина, тогда уже бывшаго въ чинѣ подполковника. Императрица осталась очень довольна Кашкинымъ и въ письмахъ къ Панину высказываетъ увѣренность, что никто лучше Кашкина и не могъ быть употребленъ для разслѣдованія этого дѣла. Въ томъ же году Кашкинъ произведенъ былъ въ полковники и получилъ командованіе надъ Ярославскимъ полкомъ. Принявъ участіе въ первой турецкой войнѣ, Кашкинъ отличился храбростью, но при атакѣ мостоваго укрѣпленія подъ Хотиномъ, 22 августа 1769 г. былъ тяжело раненъ и уѣхалъ изъ арміи для лѣченія; 1 января 1770 г. Императрица назначила его премьеръ-маіоромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ съ увольненіемъ въ отпускъ до излѣченія отъ раны. 16 августа того же года онъ былъ отправленъ встрѣчать ѣхавшаго въ Петербургъ принца Генриха прусскаго и состоялъ при немъ во все время пребыванія его въ Россіи, т. е. до конца января 1771 г. Въ числѣ сопровождавшихъ принца лицъ и онъ нерѣдко имѣлъ случай бывать во дворцѣ, бесѣдовать съ Императрицей и заслужилъ полное ея довѣріе. Съ августа по ноябрь того же года Кашкинъ былъ на границахъ Польши, съ отрядомъ войскъ, для соблюденія предосторожностей со стороны Польши. 8 февраля 1772 г. посланъ былъ вмѣстѣ съ адмираломъ Нольсомъ для устройства на Дунаѣ русской флотиліи. Кашкинъ былъ собственно подчиненъ Нольсу, но Императрица самымъ лучшимъ образомъ рекомендовала его начальнику. «Съ душею честною,—писала она,—онъ соединяетъ большую дѣятельность. Онъ вполнѣ знакомъ съ нашими правилами и обычаями и можетъ быть чрезвычайно полезенъ, облегчая транспортъ и сооруженія, слѣдя за исправностью и прилежаніемъ подчиненныхъ и туземцевъ, находящихся въ распоряженіи адмирала, благорасположеніе котораго онъ съумѣетъ снискать своими поступками; его отецъ служилъ на нашихъ галерахъ, которыми онъ командовалъ долгое время; но сынъ яснымъ умомъ много

превосходитъ своего покойнаго отца». 100,000 р., предназначенныя на расходы по постройкѣ флотиліи, были выданы въ распоряженіе Кашкина. Нольсъ въ своихъ донесеніяхъ отзывался о немъ съ большою похвалою; но имъ обоимъ не пришлось исполнить возложеннаго на нихъ дѣла, потому что на мѣстѣ они встрѣтили многочисленныя неудобства, совершенно не предвидѣнныя въ Петербургѣ, и въ томъ же году, лѣтомъ, Кашкинъ вернулся съ юга Россіи. За время 1773—1774 гг. мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности Кашкина; въ 1775 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и, повидимому, приблизился къ цесаревичу Павлу Петровичу; по крайней мѣрѣ извѣстно одно довольно интимное письмо къ нему цесаревича, а по вступленіи на престолъ, Павелъ Петровичъ 21 ноября 1796 г. пожаловалъ вдовѣ и дѣтямъ Кашкина имѣніе въ выборгской губерніи. Въ 1776 г. Е. П. Кашкинъ снова состоялъ при принцѣ Генрихѣ, во время его вторичнаго пріѣзда въ Петербургъ, а затѣмъ встрѣчалъ и сопровождалъ въ столицу невѣсту великаго князя, великую княжну Марію Ѳеодоровну. Въ началѣ 1780 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Выборгъ, а 7 мая 1780 же года—правящимъ должность генералъ-губернатора въ предположенныя къ открытію намѣстничества пермское и тобольское. Сообщая объ этомъ назначеніи Кашкину частнымъ письмомъ, гр. З. Г. Чернышевъ передавалъ ему слова императрицы, что она «рада, что для отдаленнаго сего края нашла верховнаго правителя, о коего ревности, безкорыстіи и способности она совершенно увѣрена». Кашкинъ долженъ былъ объѣхать край, который поручался его попеченіямъ, выбрать пункты для объявленія ихъ городами и представить свои соображенія о мѣстныхъ нуждахъ. По его предложенію послѣдовалъ 26 ноября 1780 г. указъ о пріобрѣтеніи въ казну отъ графовъ А. Р. Воронцова и С. Р. Воронцова принадлежавшаго имъ Ягошихинскаго завода и объ устройствѣ изъ поселенія при немъ губернскаго города Перми. 18 октября 1781 г. Кашкинъ открылъ пермскую губернію, въ составѣ двухъ областей — пермской и екатеринбургской—и 16-ти уѣздовъ; 30 августа 1782 г. онъ открылъ и тобольскую губернію, тоже въ составѣ двухъ областей — тобольской и томской—и 16-ти же уѣздовъ. Эти отдаленныя, обширныя и малолюдныя области требовали особаго вниманія со стороны высшаго представителя власти. Въ именномъ указѣ Кашкину отъ 30 января 1781 г. говорится, что требуются съ его стороны «особыя попеченія, дабы различныя части государственнаго въ томъ краѣ хозяйства, подъ вѣдѣніемъ разныхъ мѣстъ бывшія, съ одной стороны сократить въ ихъ дѣйствіи на пользу казны нашей, а съ другой—согласить ихъ съ образомъ правленія, тамъ вводимымъ, и поставить въ надлежащую зависимость отъ главныхъ мѣстъ, въ губерніи учрежденныхъ». Особенному попеченію Кашкина порученъ былъ горный промыселъ и предписаны правила, какъ управлять и вѣдать казенными заводами, какъ разбираться въ различныхъ, часто возникавшихъ, спорахъ между казною и частными лицами о правахъ на нѣкоторые рудники. Въ виду особыхъ мѣстныхъ условій для этихъ губерній утверждены были штаты, отличные отъ общихъ губернскихъ штатовъ. Кашкинъ дѣятельно занимался управленіемъ въ своемъ намѣстничествѣ. Онъ лично посѣщалъ большинство городовъ и открывалъ тамъ новыя присутственныя мѣста. Много заботился онъ объ обезпеченіи своихъ губерній хлѣбомъ и получилъ утвержденіе на поданную имъ императрицѣ записку о заведеніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; заботился о развитіи въ Сибири вывозки соли и составилъ обширную записку объ улучшеніи добычи соли въ пермской губерніи и вывоза ея оттуда; впрочемъ, его преемникомъ было сдѣлано представленіе о разныхъ неудобствахъ, сопряженныхъ съ осуществленіемъ его плановъ и они были оставлены безъ исполненія. Въ пермской губерніи, какъ затѣмъ въ ярославской и вологодской, Кашкинъ вводилъ между казенными крестьянами дѣленіе на волости, сообразно съ предположеніями объ устройствѣ быта казенныхъ поселянъ, какія вырабатывала, хотя не умѣла закончить, императрица Екатерина. Сохранились свидѣтельства о чрезвычайно гуманномъ отношеніи Кашкина къ раскольникамъ, но вообще административная дѣятельность его извѣстна сравнительно довольно мало; вѣроятно немного сохранилось о ней оффиціальныхъ документовъ, потому что въ Тобольскѣ сильные пожары истребили множество бумагъ. Должность пермскаго и тобольскаго

намѣстника Е. П. Кашкинъ исполнялъ до 1 марта 1788 г., когда онъ выѣхалъ изъ Тобольска въ Петербургъ; въ это время онъ получилъ въ 1782 г. орденъ св. Александра Невскаго, а 22 сентября 1784 г.— св. Владиміра 1 степени. Послѣ смерти А. П. Мельгунова, послѣдовавшей 2 іюня 1788 г., Кашкинъ былъ назначенъ на его мѣсто намѣстникомъ ярославскимъ и вологодскимъ, въ 1790 г. произведенъ въ генералъ-аншефы, въ 1793 г. назначенъ намѣстникомъ тульскимъ и калужскимъ и въ этомъ званіи умеръ, во время пребыванія въ Петербургѣ 21 октября 1796 г., скоропостижно.—Высокое мнѣніе, которое имѣла императрица о Е. П. Кашкинѣ, было совершенно справедливо; онъ не казался только скромнымъ и честнымъ труженникомъ, а былъ таковъ на самомъ дѣлѣ. Болотовъ, близко и неоднократно сталкивавшійся съ нимъ, говоритъ, что Кашкинъ «казался очень разумнымъ, степеннымъ, тихимъ и отъ всякаго непомѣрнаго высокомѣрія и гордости удаленнымъ и скромнымъ вельможею», что надо было «любоваться, смотря какъ онъ принималъ отъ многихъ и разныхъ проситедей просьбы и на всѣ давалъ скорыя и умныя резолюціи». Въ Тулѣ до его прибытія, по словамъ того же современника, «о добротѣ его носилась всюду лестная молва», и извѣстный своими многочисленными произведеніями В. А. Левшинъ написалъ на его прибытіе особый прологъ—«Тула и Калуга обрадованныя». По разсказамъ Болотова намѣстникъ жилъ пышно и открыто; до конца жизни онъ страстно любилъ охоту.—Не оставивъ по себѣ громкаго слѣда въ дѣятельности государственной, Е. П. Кашкинъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ очень почтеннымъ и полезнымъ дѣятелямъ. Его простота и скромность являлись въ то время качествами, присущими далеко не многимъ столь же высокопоставленнымъ лицамъ; несомнѣнно, что эти качества въ особѣ намѣстника благотворно дѣйствовали на общество, еще далеко не достаточно развитое и слишкомъ, къ сожалѣнію, привыкшее къ произволу и самовластію высокопоставленныхъ лицъ.

Біографическій очеркъ П. Н. Петрова «Е. П. Кашкина» въ «Русской Стар.», 1882 г., т. 35, стр. 1—40; «Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества», тт. VII, X, XXVIII, XLII, LI, и особ. XIII, по указателю; т. XX, 450 и слѣд.; «Полн. Собр. Законовъ», №№ 15013, 15085, 15113, 15115, 15281, 15867, 16184, 16201, 16635, 16840 и др.; «Архивъ Гос. Совѣта», II, 719—720; «Русскій Архивъ», 1876, I, 94; «Сочиненія Державина», изд. Академіи Наукъ, VI, 630, 631; «Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и древн.», 1869, I, 17—21; «Пермскія Губ. Вѣдом.», 1885; Болотовъ, «Жизнь и приключенія», т. IV, стр. 1124, 1127, 1198 и др. *Н. Ч.*

Кашкинъ, *Петръ Гавриловичъ*, генералъ-адмиралъ, умеръ въ 1763 г. Первоначальное образованіе получилъ въ навигаторской школѣ въ Москвѣ, откуда въ 1715 г. переведенъ былъ въ Морскую Академію и по окончаніи въ ней курса отправленъ былъ въ Венецію для практическаго обученія мореходству. По возвращеніи въ Россію въ 1720 г. произведенъ былъ въ унтеръ-лейтенанты галернаго флота. Въ 1729 г. онъ произведенъ былъ въ лейтенанты и въ слѣдующемъ году въ капитаны и состоялъ сначала при постройкѣ петербургскаго адмиралтейства и позднѣе при постройкѣ ново-исаакіевскаго моста. Въ 1737 г. Кашкинъ былъ посланъ въ Брянскъ для постройки судовъ и участвовалъ въ войнѣ съ турками. Затѣмъ въ войну со шведами въ 1742—1743 гг. онъ командовалъ эскадрой галернаго флота и былъ сильно раненъ въ ногу. Въ 1753 г. Кашкинъ былъ произведенъ въ капитанъ-командиры и въ 1756 г. назначенъ директоромъ адмиралтейской конторы. Въ 1752—1760 гг. онъ участвовалъ въ мемельской экспедиціи, построилъ въ Мемелѣ плоскодонныя суда для перевоза артиллеріи, кромѣ того составилъ карты морскаго берега отъ Кенигсберга до Пилау. По возвращеніи въ Россію Кашкинъ былъ сдѣланъ членомъ адмиралтейской коллегіи, затѣмъ въ 1763 произведенъ былъ въ генералъ-адмиралы и въ концѣ этого года умеръ.

«Общій морской списокъ» т. I; Лееръ, «Энцикл. воен. и морскихъ наукъ», т. VI; «Военно-Энциклоп. Лексиконъ» т. VII; «Рус. Старина», т. 35, 5—8.

Кашменскій, *Стефанъ Никифоровичъ*, каоедральный протоіерей въ Вяткѣ. Род. въ 1817 г., ум. 28 января 1889 г., обучался въ Кіевской духовной академіи. По окончаніи въ 1841 г. курса, все время служилъ въ Вяткѣ, былъ профессоромъ въ семинаріи; потомъ рукоположенъ во священника. Кромѣ педагогическихъ трудовъ, главною своею обязанностію онъ считалъ миссіонерскую дѣятельность. Онъ обратилъ въ православіе многихъ раскольниковъ, язычниковъ, лютеранъ, магометанъ и евреевъ. Въ 1875 г. имъ открыта

въ Вяткѣ противураскольническая школа для взрослыхъ крестьянъ и по образцу ея открыты по епархіи 32 школы въ мѣстностяхъ, гдѣ много раскольниковъ. Много о. Кашменскій и путешествовалъ съ миссіонерскою цѣлію. Имъ составлено: «Краткое руководство для собесѣдованія съ мнимыми старообрядцами» и много брошюръ противураскольническаго содержанія. Извѣстны также его сочиненія: «Систематическій сводъ ученія св. отцевъ церви о душѣ человѣческой», въ 3-хъ книгахъ (1860—65 гг.) и «Краткое ученіе о божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго».

«Церковн. вѣдомости» 1889 г. № 12; «Вятск. епарх. вѣдом.» 1889 г. № 3—4. *Здр.*

Каширевъ, *Василій Владиміровичъ*, издатель, род. въ 1836 г., ум. 4 декабря 1875 г. Прослушавъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ служилъ въ Ярославлѣ, затѣмъ переселился въ Петербургъ и издавалъ въ 1869—1872 гг. ежемѣсячный журналъ «Заря»; въ 1871—1873 г. имъ же изданы четыре выпуска сборника «Памятники новой русской исторіи», составленные при участіи многихъ извѣстныхъ ученыхъ; сборникъ этотъ заключаетъ много интересныхъ изслѣдованій и документовъ. Но издательство шло у В. В. Каширева неудачно. Онъ отличался глубокою любовью къ этому дѣлу, обширными свѣдѣніями въ новой литературѣ и по многимъ отраслямъ знанія, но былъ совершенно непрактичнымъ человѣкомъ. Всѣ знавшіе его вспоминаютъ о немъ какъ о лицѣ чрезвычайно симпатичномъ и почтенномъ. Онъ умеръ отъ болѣзни, которая развилась у него послѣ несчастнаго перелома ноги, заставившаго его годы пролежать въ постели, испытывая жестокія страданія

Некрологъ, написанный Н. Н. Страховымъ, въ «Гражданинѣ», подъ ред. Пуциковича 1875, № 50.

Кашталинскій, *Матвѣй Ѳедоровичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, умеръ послѣ 1810 г. Въ службѣ съ 1741 г.; въ 1765 г. онъ былъ уже церемоніймейстеромъ, съ 1766 г. и до конца царствованія Екатерины II управлялъ церемоніальною экспедиціею при Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; въ 1774 г. получилъ званіе оберъ-церемоніймейстера, въ 1784 г. чинъ тайнаго совѣтника. Императоръ Павелъ назначилъ его 25 января 1797 г. сенаторомъ, 5 апрѣля 1797 г.—произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 26 апрѣля 1798 г.—уволилъ по прошенію за болѣзнями отъ службы. Послѣ того Кашталинскій жилъ въ своихъ имѣніяхъ въ Смоленской губерніи.

Адресъ-календари 1765—1796 гг.; «Сенатскій Архивъ», I; «Журналы Комитета Министровъ», I, II.

Кашутинъ, *Василій Алексѣевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1791 г., ум. въ 1842 г. Въ службу вступилъ въ 1811 г. прапорщикомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ; по производствѣ въ 1830 г. въ полковники былъ командиромъ Крымскаго и Тенгинскаго пѣхотныхъ полковъ, а затѣмъ, въ чинѣ генералъ-маіора командовалъ 1 бригадою 20 пѣхотной дивизіи. Большую часть своей службы Кашутинъ провелъ въ войнахъ (съ Франціею въ 1812—1814 гг., съ кавказскими горцами въ 1821 г., съ Персіею въ 1827—1828 г., съ Турціею въ 1828—1829 гг. и опять съ горцами въ 1830 и 1834—1839 гг.) и лучшею характеристикою его боевой дѣятельности являются четыре полученныя имъ раны и тотъ фактъ, что большая часть чиновъ и всѣ ордена до св. Станислава I ст. и Георгія 4 ст. включительно пожалованы ему за отличія въ дѣлахъ съ непріятелемъ; кромѣ того онъ имѣлъ золотую шпагу «за храбрость» и аренду на 12 лѣтъ, данную ему въ 1839 г. за отличную храбрость противъ горцевъ.

Формул. списокъ за 1841 г. № 5311 въ Моск. отдѣл. архива Главнаго Штаба.

С. Н. П.

Кащенковъ, *Исаакъ*, скульпторъ. Род. въ 1760 г., ум. въ 1808 г. Ученикъ Академіи Художествъ, онъ получилъ серебряную медаль за лѣпленіе съ натуры: вторую въ 1801 и первую 1802 г. и золотыя—за программы: «Юпитеръ и Меркурій, посѣщающіе въ видѣ странниковъ Филемона и Бавкиду»—вторую въ 1802 г. и «Дмитрій Донской послѣ побѣды подъ Мамаемъ»—первую, въ 1805 г.; оставленный при Академіи въ качествѣ пенсіонера, для усовершенствованія подъ руководствомъ профессора, онъ лѣпилъ между прочимъ, барельефъ «Успеніе» для Казанскаго собора (1804), а затѣмъ нѣкоторыя фигуры для новаго зданія биржи (1807).

«Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худ.», Петрова, и «Указат. къ нему», Юндолова.

Н. С.

Квадаль (Quadal), *Мартинъ-Фердинандъ*, академикъ живописи и граверъ. Род. 1736 г. въ Моравіи, ум. 30 декабря 1808 г. въ Петербургѣ. Получивъ обра-

зованіе въ Вѣнской Академіи Художествъ, онъ пріѣхалъ въ Россію въ концѣ XVIII ст. и въ 1791 г. писалъ образа для царскихъ дверей въ Троицкій соборъ Александро-Невской лавры. Кромѣ того, имъ были написаны картины: Коронованіе императора Павла I (куплена княземъ А. Б. Куракинымъ); коронованіе императора Александра I; смотръ прусскихъ войскъ въ Берлинѣ въ присутствіи прусскаго короля, в. к. Павла Петровича и фельдмаршала гр. П. А. Румянцева и портреты: супруги гр. Румянцева (находится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ), собственный (1804; находится у Ѳ. Ѳ. Мосолова), императора Александра I (1804), в. к. Константина Павловича (1808), гр. Н. И. Салтыкова (1808), кн. Юсупова 8-ми лѣтъ отъ роду въ мальтійскомъ костюмѣ, наконецъ разныя жанровыя сценки. Въ 1804 г. онъ былъ признанъ академикомъ «по разнымъ извѣстнымъ публикѣ его картинамъ»; въ 1806 г. ѣздилъ въ Англію и произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе своими работами.

«Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худ.», П. Н. Петрова, I, и «Указатель къ нему», А. Е. Юндолова; Д. Ровинскій «Словарь русс. гравиров. портретовъ», прилож.; «Катал. выставки работъ Квадаля» 1808 г. *Н. С.*

Квасовъ, *Андрей Васильевичъ*, архитекторъ XVIII ст. Состоя сперва при строеніяхъ Царскаго Села, онъ былъ произведенъ въ 1743 г. (17 октября) изъ «архитектуріи учениковъ» въ «гезели», съ назначеніемъ къ смотрѣнію собственныхъ Ея Величества строеній при Вотчинной Канцеляріи и съ производствомъ жалованья по 300 р. въ годъ. Въ 1766 г. онъ производилъ строенія: въ Кіевѣ — дворца и въ Козельскѣ—церкви.

Въ общемъ архивѣ М. И. Д. дѣла Канцел. строеній, кн. 307, л. 233 (1749 г.) и др. *Н. С.*

Квачевскій, *Александръ Андреевичъ*, юристъ, ум. въ 1890 г. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852 г.; принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ по составленію судебныхъ уставовъ въ 1864 г., затѣмъ былъ прокуроромъ кашинскаго окружнаго суда и предсѣдателемъ острогожскаго окружнаго суда; съ 1873 г. былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Полтавѣ и Кіевѣ. Онъ напечаталъ «Теоретическое и практическое руководство объ уголовномъ преслѣдованіи, о дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 г.» (С.-Петербургъ, 1866—1870), «Судъ присяжныхъ по русскому законодательству», «О товариществахъ вообще по началамъ права, русскимъ законамъ и судебной практикѣ»; кромѣ того помѣстилъ рядъ статей въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», «Юридическомъ Вѣстникѣ», и сдѣлалъ изданіе, съ объясненіями и примѣчаніями, нѣкоторыхъ русскихъ законодательныхъ актовъ.

«Энциклопед. Словарь» (Брокгауза и Ефрона), т. XIV.

Квашнинъ-Самаринъ, *Андрей Никитичъ*, былъ 1766—1772 г. казанскимъ губернаторомъ и сенаторомъ, ум. въ 1775 г.; въ Казани онъ разрѣшалъ довольно свободно строить мечети, даже близъ православныхъ храмовъ; на это Синодъ принесъ жалобу императрицѣ Екатеринѣ, но императрица отвѣтила: «Всевышній Богъ на землѣ всѣ вѣры, языки терпитъ... и дѣйствія губернатора согласны со ст. 494—496 Большаго даннаго Наказа».

Квашня, *Иванъ Родіоновичъ* (въ монашествѣ Игнатій), внукъ Нестера Рябца, родоначальника рода Квашниныхъ, боярина; ум. въ 1390 г. Будучи костромскимъ воеводой, Квашня участвовалъ въ 1380 г. въ Куликовской битвѣ съ своимъ полкомъ; потомъ былъ свидѣтелемъ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго и при кончинѣ послѣдняго состоялъ въ числѣ девяти бояръ, избранныхъ самимъ Дмитріемъ въ совѣтники сыну его Василію Дмитріевичу. Почти передъ самою своею кончиной Иванъ Родіоновичъ принялъ монашество; погребенъ въ московскомъ монастырѣ на Всходнѣ.

Квитка, *Григорій Ѳеодоровичъ*, болѣе извѣстный подъ именемъ Основьяненка, писатель на русскомъ и на малорусскомъ языкѣ, род. 18 ноября 1778 г. въ с. Основѣ, возлѣ Харькова, — нынѣ оно даже вошло въ черту города, ум. 8 августа 1843 г.

Квитки—второстепенный казацкій родъ, жившій въ XVII в. сперва въ полтавщинѣ, гдѣ одинъ изъ Квитокъ былъ гадяцкимъ полковникомъ, а затѣмъ переселившійся въ харьковскую украину, гдѣ Квитки тоже бывали полковниками разныхъ слободскихъ полковъ и связали свое имя съ устроеніемъ Харькова. Отецъ писателя, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ человѣкъ состоятельный; онъ

былъ женатъ на Маріи Васильевой, рожденной Шидловской, изъ виднаго харьковскаго дворянскаго рода. Братъ Ѳ. И. Квитки, Илья Ивановичъ Квитка, тоже жилъ въ Основѣ, отличался благочестіемъ и занимался исторіей Малороссіи; имъ составлены записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г., изданныя въ 1812 г. въ Харьковѣ и иногда приписываемыя его племяннику, какъ болѣе извѣстному писателю, тогда какъ онъ былъ лишь ихъ издателемъ. Старшій братъ писателя, Андрей Ѳедоровичъ Квитка, былъ губернаторомъ въ Псковѣ, сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ; впослѣдствіи онъ около 25 лѣтъ сряду былъ харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и жилъ въ Основѣ, гдѣ устроилъ роскошную усадьбу; его богатство отчасти объясняется тѣмъ, что Гр. Ѳ. Квитка, ревнуя о чести своей фамиліи и подъ вліяніемъ родителей, отказался почти отъ всего слѣдовавшаго ему имѣнія.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка съ первыхъ дней былъ ребенкомъ слабымъ и золотушнымъ и по небрежности прислуги потерялъ было зрѣніе; оно вернулось къ нему, когда ему было 5 лѣтъ, во время поѣздки въ сосѣдній монастырь на богомолье, что уже съ дѣтства сдѣлало Квитку очень набожнымъ. Такое настроеніе усилилось еще болѣе, благодаря вліянію дяди Ильи и архимандрита Куряжскаго монастыря Наркиса, потомъ и жившаго въ домѣ Квитокъ на покоѣ, и вообще знакомству съ монахами, а можетъ быть и подъ вліяніемъ украинскаго философа идеалиста Гр. С. Сковороды, часто домъ Квитки посѣщавшаго

Объ ученіи Квитки мы почти не имѣемъ свѣдѣній, но, по его словамъ, оно было неважное; кажется единственнымъ учителемъ былъ какой то монахъ Куряжскаго монастыря; впрочемъ, большаго образованія въ то время для дворянина и не требовалось. Квитка же былъ болѣзненный, отчасти лѣнивый и безпечный мальчикъ, такъ что результаты ученія были невелики, и своимъ образованіемъ Квитка обязанъ былъ болѣе самому себѣ, своей даровитости и воспріимчивости; странно однако же, что Квитка не зналъ иностранныхъ языковъ, даже французскаго.

Съ двѣнадцати-лѣтняго возраста Квитка сталъ стремиться въ монастырь, но родители уговорили его отложить это намѣреніе и онъ продолжалъ жить въ Основѣ, записанный, по практиковавшемуся въ то время обычаю, въ 1793 г. вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ; въ слѣдующемъ году Квитка перечислился на службу въ департаментъ герольдіи, но къ должности не являлся и въ 1796 г. перешелъ снова въ военную службу—сперва въ Сѣверскій карабинерный, а въ 1797 г. въ Харьковскій кирасирскій полкъ въ чинѣ ротмистра; затѣмъ опять вышелъ въ отставку капитаномъ и лѣтомъ 1804 г., поступилъ, наконецъ, послушникомъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ пробылъ, однако, всего около 10 мѣсяцевъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполняя за то возлагаемыя на него обязанности, иногда очень тяжелыя и неудобныя. Но монахомъ Квитка не сдѣлался; весною 1805 г. возвратился онъ въ Основу, гдѣ то предавался подвигамъ благочестія, то много веселился, занимался музыкой, участвовалъ въ спектакляхъ, что ему особенно нравилось, устраивалъ фейерверки, причемъ отъ взрыва пороха потерялъ одинъ глазъ. Развлеченія не помѣшали ему, однако, быть сотрудникомъ Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета. Въ 1806 г., во время созыва народнаго ополченія, Квитка снова поступилъ въ военную службу—въ милицію харьковской губерніи, но черезъ годъ вышелъ въ отставку.

Съ 1807 г. Квитка уже не покидалъ Основы и Харькова (развѣ для краткосрочныхъ поѣздокъ въ Кіевъ, Бѣлгородъ, Тулу, Москву) и занялся преимущественно общественною и литературною дѣятельностью. Онъ велъ очень свѣтскій образъ жизни, страстно увлекался театромъ, игралъ въ любительскихъ спектакляхъ и съ 1812 г. сдѣлался директоромъ Харьковскаго театра—это званіе онъ покинулъ въ 1816 г. для иной дѣятельности. Въ 1812 г. при ревностномъ содѣйствіи Квитки основано было харьковское благотворительное общество, которое въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно избирало его правителемъ дѣлъ, причемъ по его иниціативѣ возникъ харьковскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, сперва какъ частное учебное заведеніе—деньги на его содержаніе собраны Квиткою же, который жертвовалъ не мало и изъ собственныхъ средствъ; имъ же позднѣе были собраны средства и на пріобрѣтеніе институтомъ собственнаго дома. Въ 1818 г. институтъ перешелъ въ вѣдомство Императрицы Маріи и для управленія

имъ установленъ совѣтъ; членомъ его сталъ, конечно, и Квитка, который и велъ его хозяйство, оставаясь въ званіи члена совѣта до 1821 г.

Со службою по институту связана и женитьба Квитки на классной дамѣ Аннѣ Григорьевѣ Вульфъ. Квитка былъ очень счастливъ въ семейной жизни; его жена имѣла большое вліяніе и на литературную его дѣятельность, ей предварительно читалъ онъ всѣ свои произведенія, она была довольно тонкимъ критикомъ, помогала Квиткѣ знаніемъ иностранныхъ языковъ; ей, вѣроятно, обязанъ Квитка и нѣкоторою идеализаціей женскихъ образовъ, которая вообще замѣтна въ его произведеніяхъ.

Кромѣ института Квитка принималъ участіе въ основаніи кадетскаго корпуса (открытаго однако въ Полтавѣ) и публичной библіотеки при Харьковскомъ университетѣ. Съ 1817 по 1829 г., т. е. четыре трехлѣтія, Квитка служилъ по выборамъ харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, съ 1832 по 1840 г. харьковскимъ совѣстнымъ судьей, съ 1840 г. предсѣдателемъ харьковской палаты уголовнаго суда; въ этомъ званіи онъ и скончался надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ Св. Анны 2-й ст. и Св. Владиміра 4-й ст.; похороненъ въ Харьковѣ на Холодной Горѣ, а рядомъ съ нимъ и жена его, послѣ его смерти жившая лишь памятью о немъ и скончавшаяся въ 1852 г.

Какъ беллетристъ Г. Ѳ. Квитка пользовался въ свое время большою популярностью, даже считался знаменитымъ писателемъ; теперь русскія сочиненія Квитки имѣютъ лишь историческое значеніе, но малорусскія отчасти сохраняютъ и литературный интересъ. Какъ извѣстно, всѣ русскія литературныя направленія, въ началѣ являясь чисто подражательными, съ теченіемъ времени руссифицировались, т. е авторы, сохраняя въ своихъ произведеніяхъ формы, свойственныя принятому ими за образецъ западно-европейскому направленію, старались вкладывать въ нихъ болѣе русское содержаніе, что имъ иногда и удавалось, хотя все же не могла не чувствоваться и зависимость ихъ отъ иностранныхъ образцовъ. Такова была и участь нашего сентиментализма. Насажденный у насъ Карамзинымъ и распространенный его неумѣлыми послѣдователями, онъ слишкомъ былъ похожъ на иностранный. Въ началѣ XIX столѣтія наши беллетристы сентиментальнаго направленія старались болѣе прежняго познакомиться съ русскимъ бытомъ и изображать его въ своихъ произведеніяхъ, иногда даже съ очень удовлетворительными результатами; но главные герои и героини все же написаны по старымъ сентиментальнымъ образцамъ. Таковы романы и повѣсти Нарѣжнаго, среди которыхъ встрѣчаются мѣста, интересныя и теперь, если можно такъ выразиться, въ этнографическомъ отношеніи; за ними шли: «Семейство Холмскихъ» Бѣгичева, «Монастырка» и другія произведенія А. Перовскаго (подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго), «Дочь купца Жолобова» и другія произведенія Ушакова; наиболѣе національнымъ изо всѣхъ этихъ второстепенныхъ писателей является Квитка. Но русскому сентиментализму не суждено было стать господствующимъ направленіемъ въ русской литературѣ: теченіе ея было обусловлено иными направленіями; сентиментализмъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Квитки, отступилъ у насъ на второй планъ, и вліяніе Квитки на русскую литературу было слабое: за немногими и сравнительно неважными исключеніями (въ родѣ Гребенки) оно отразилось лишь на первыхъ произведеніяхъ Гоголя, созданныхъ именно во время его подчиненія сентиментализму.

Иное значеніе имѣли малорусскія сочиненія Квитки. До него малорусская изящная словесность не имѣла произведеній, способныхъ привлечь культурнаго читателя, заставить его посмотрѣть на нее, какъ на дѣло серьезное. Талантливыя сочиненія Котляревскаго и его послѣдователей скорѣе всего могли навести на мысль, что малорусскій языкъ годенъ лишь на изображеніе смѣшнаго, а малорусская литература состоитъ спеціально изъ анекдотовъ. Повѣсти и драмы Квитки, написанныя впервые не затѣйливымъ, а простымъ прозаическимъ и въ то же время превосходнымъ малорусскимъ языкомъ и донынѣ не устарѣлымъ, заинтересовывали читателей разнообразіемъ сюжетовъ, не только комическихъ, но и трогательныхъ, и даже трагическихъ; въ нихъ являлись не только каррикатурные образы, но и живые люди съ разнообразными, часто возвышенными чувствами, хотя бы и не вполнѣ естественными, и не исключительно мужики, но и лица болѣе культурныхъ классовъ. Сочиненія Квитки сдѣлали возможнымъ появ-

леніе, помимо цѣлаго ряда произведеній второстепенныхъ писателей, стихотвореній Шевченко (обратившагося къ Квиткѣ со знаменитымъ поэтическимъ посланіемъ), въ которыхъ малорусскій языкъ оказался вполнѣ подходящимъ для выраженія самыхъ тонкихъ душевныхъ движеній, а затѣмъ и сочиненій И. Левицкаго (Нечуя) и другихъ современныхъ малорусскихъ беллетристовъ, художественно изображающихъ жизнь высшихъ классовъ и безъ затрудненія передающихъ сужденія ихъ о философскихъ, экономическихъ и иныхъ вопросахъ, нынѣ ихъ занимающихъ. Такимъ образомъ значеніе Квитки въ исторіи малорусской литературы очень велико. Онъ заставилъ культурные классы малорусскаго общества смотрѣть на нее, какъ на дѣло серьезное, вполнѣ достойное вниманія образованнаго человѣка, а тѣмъ болѣе уроженца Малороссіи. Такое значеніе сохраняютъ произведенія Квитки и въ настоящее время; и когда въ 1861 г. въ С.-Петербургѣ сталъ издаваться журналъ на малорусскомъ языкѣ, ему было дано названіе «Основа» въ честь родины Квитки, заимствовавшаго у нея свой популярный псевдонимъ «Основьяненко»; впрочемъ, въ названіи журнала былъ отчасти и символическій смыслъ.

Литературная дѣятельность Квитки началась—если не считать письмомъ въ нѣсколько строкъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 г. съ приложеніемъ объявленія объ открывающемся въ Слободско-украинской губерніи благотворительномъ обществѣ—въ 1816 г., когда при участіи Квитки сталъ издаваться первый харьковскій журналъ «Украинскій Вѣстникъ», выходившій до 1818 г. Здѣсь Квитка печаталъ статьи о харьковскомъ благотворительномъ обществѣ и его институтѣ, подъ своимъ именемъ (одна, приписываемая Квиткѣ, статья о благотворительномъ обществѣ напечатана безъ подписи въ «Сынѣ Отечества» 1815 г.) и бойкіе фельетоны о харьковской общественной жизни, подъ псевдонимомъ Ѳалалея Повитухина, имѣвшіе большой успѣхъ среди мѣстныхъ читателей; тогда же въ «Харьковскомъ Демокритѣ» печаталъ онъ стихотворенія, довольно слабыя, впрочемъ. Сдѣлавшись предводителемъ дворянства, Квитка счелъ неудобнымъ продолжать фельетонную дѣятельность и прекратилъ ее; но позже—въ періодъ времени съ 1820 по 1822 г.—снова вернулся къ ней, только въ петербургскихъ журналахъ, а именно печаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» фельетоны подъ псевдонимами: Аверьянъ Любопытный, 1—19 А***, Шестериковъ, Городъ Т (Квитка былъ тогда въ Тулѣ), Юноша Бѣлаго города (былъ въ Бѣлгородѣ), а въ 1822 г. опять Ѳалалей Повитухинъ; въ «Вѣстникѣ Европы» же печаталъ Квитка и малороссійскіе анекдоты фельетоннаго характера. Совершенно закончилъ Квитка свою фельетонную дѣятельность, кажется, въ 1824 г.; ему приписываются еще фельетоны «Званые гости» и «Мемуары Евстафія Мякушкина» въ «Современникѣ» 1840 и 1841 года; конечно, для настоящаго времени фельетоны Квитки совершенно утратили всякое значеніе.

Занятый служебными и общественными дѣлами Квитка временно пересталъ работать для литературы, сохраняя однако дружественныя отношенія съ ея представителями, какъ харьковскими (Вернетъ, Артемовскій-Гулакъ, Срезневскій), такъ и столичными (Жуковскій); близокъ онъ былъ и съ знаменитымъ актеромъ Щепкинымъ. Всегдашняя страсть къ театру внушила Квиткѣ желаніе работъ для сцены, и въ 1827 г. написана была комедія «Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ», тогда не напечатанная (напечатана въ 1840 г. въ журналѣ «Репертуаръ» съ замѣткой: писано въ 1827 г.), но многими прочитанная въ рукописи. Представляя слабый интересъ сама по себѣ, комедія эта имѣетъ историко-литературное значеніе, вслѣдствіе сильнаго сходства съ «Ревизоромъ» Гоголя, почему невольно является мнѣніе, что одинъ изъ авторовъ подражалъ другому. Имѣя оффиціальныя указанія, что комедія Квитки была представлена въ цензуру въ 1828 г., нѣтъ основаній сомнѣваться, что она дѣйствительно написана въ 1827 г.; напечатана она еще при жизни Квитки, съ его согласія, а правдивость Квитки вообще никѣмъ и никогда не заподозривалась; слѣдовательно невозможно допустить, чтобы онъ заимствовалъ сюжеты комедіи у Гоголя; наконецъ въ такомъ подражаніи нѣтъ психологической правды: въ 1836 г., когда появился «Ревизоръ», Квитка уже былъ извѣстнымъ писателемъ. Вѣроятно, оба писателя, увидѣвшіе въ случаѣ мнимаго ревизорства, вообще довольно обычномъ на Руси, удобный сюжетъ для комедіи, обрабатывали его независимо другъ отъ друга, и появившееся въ результатѣ сходство

объясняется единствомъ сюжета, однообразіемъ общества, въ которомъ происходитъ дѣйствіе комедій и, наконецъ, случайными совпаденіями. Но нельзя всетаки не замѣтить, что сходство и въ сюжетѣ обѣихъ комедій, и особенно въ деталяхъ столь значительно, что случайность его представляется почти неправдоподобною; и очень можетъ быть, что Гоголь подражалъ Квиткѣ, съ комедіей котораго познакомился хотя и въ устной, но обстоятельной передачѣ (чего Гоголь и не отрицалъ); согласить съ этимъ переданное Аксаковымъ сообщеніе Гоголя, что сюжетъ для «Ревизора» указанъ ему Пушкинымъ, можно предположеніемъ, что отъ Пушкина онъ получилъ первоначальное указаніе относительно возможности создать комедію на этотъ сюжетъ. Къ такому рѣшенію пришелъ и лучшій біографъ Квитки и пріятель Гоголя, Г. П. Данилевскій. Конечно, относительно художественности изображенія между комедіями Гоголя и Квитки не можетъ быть и сравненія.

Вслѣдъ за «Пріѣзжимъ изъ столицы» написана была Квиткою еще комедія изъ провинціальной жизни «Дворянскіе выборы», въ двухъ частяхъ (М. 1829 и 1830 г.), гдѣ явно вліяніе «Ябеды» Капниста и дѣйствующія лица называются Кожедраловыми, Выжималовыми, и т. п.; возможно, что появленіе этой комедіи имѣетъ отношеніе къ оставленію Квиткою званія предводителя дворянства (именно въ 1829 г.). За «Дворянскими выборами» слѣдовали на русскомъ языкѣ: «Турецкая шаль» (затерялась), «Шельменко-волостной писарь», «Странница или Соннамбула» (она же «Ясновидящая», тоже затерявшаяся, но сюжетъ извѣстенъ, ибо изъ нея заимствованъ сюжетъ повѣсти «Маргарита Прокофьевна») изъ разсказа Квитки того же названія и водевиль «Мертвецъ-шалунъ» (какъ намъ кажется,—переводъ съ польскаго). Все это теперь уже забыто, иное и для своего времени было неважно; исключеніе составляетъ лишь комедія «Шельменко — деньщикъ» (напечатана въ 1840 г. и представляетъ собою передѣлку изъ повѣсти Квитки «Украинскіе дипломаты»); хотя тоже довольно неправдоподобная по сюжету и полная шаржа, она написана очень бойко, остроумнымъ слогомъ и даетъ талантливымъ актерамъ не мало благодарныхъ положеній, почему и держится на сценѣ; въ свое же время она чрезвычайно нравилась публикѣ. Особенно живо изображенъ плутоватый деньщикъ хохолъ Шельменко, созданный отчасти подъ вліяніемъ французской комедіи и очень напоминающій Фигаро (Бомарше) и вообще слугъ плутовъ. Обѣ комедіи о Шельменкѣ написаны на русскомъ языкѣ, но лица изъ простонародья говорятъ по малорусски; раньше, въ 1836 г. напечатана была Квиткою исключительно малорусская оперетка «Сватанье на Гончарівці» (Гончаривка, предмѣстье Харькова, нерѣдко является мѣстомъ дѣйствія въ сочиненіяхъ Квитки), тоже удерживающаяся на сценѣ, благодаря остроумному, хотя и не безъ карикатурности, изложенію и, еще болѣе, обилію вставленныхъ пѣсенъ; но въ сущности— это вещь сентиментальная, сходная нѣсколько съ «Наталкою Полтавкой» Котляревскаго. Другая малорусская оперетка Квитки «Бой-жинка» (напечатана лишь въ 1893 г.) довольно неудачное подражаніе опереткѣ Котляревскаго же «Москаль чарівникъ»; третья «Покійникъ Опанасъ» хотя и шла на сценѣ, но еще не напечатана; четвертая «Купало на Ивана» затеряна. Чтобы покончить съ драматическими произведеніями Квитки, назовемъ еще драму «Щира любовь», передѣланную изъ его повѣсти того же имени и впервые напечатанную уже послѣ смерти автора; это первая драма на малорусскомъ языкѣ; сохранился планъ еще одной, малорусской комедіи, которую задумывалъ Квитка. Параллельно драматическимъ произведеніямъ писалъ Квитка и повѣсти на русскомъ и малорусскомъ языкахъ; первою напечатана въ «Телескопѣ» Надеждина въ 1832 г. «Харьковская Ганнуся», но безъ имени автора, вмѣсто котораго подписался переводчикъ ея на русскій языкъ, Погодинъ, значительно ее сократившій.

Въ харьковскомъ альманахѣ «Утренняя Заря» на 1833 г. (Х. 1834 г.) напечатана повѣсть «Солдатскій потретъ», въ первый разъ за подписью Основьяненко, указывающею на мѣсто рожденія и постояннаго пребыванія автора—с. Основу; съ этого времени подъ псевдонимомъ Основьяненко печатаетъ Квитка всѣ свои сочиненія и псевдонимъ этотъ получаетъ большую популярность.

Перечислить всѣ повѣсти Квитки не легко, ибо онѣ разбросаны по различнымъ періодическимъ и единовременнымъ петербургскимъ и харьковскимъ изданіямъ, иногда составляющимъ библіографическую рѣдкость. Чаще всего печаталъ Квитка русскія

повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго и особенно въ «Современникѣ» Плетнева; малорусскія же издавалъ отдѣльно въ Харьковѣ. Кажется, онъ писалъ всѣ повѣсти сперва по малорусски, а затѣмъ уже самъ переводилъ ихъ на русскій языкъ; иныя сохранились на обоихъ языкахъ, другія на одномъ изъ нихъ. На малорусскомъ языкѣ сохранилось ихъ 16: «Солдацькій партретъ» съ супликой до пана издателя въ предисловіи, «Маруся», «Мертвецькый велик-день», «Добре роби, добре и буде», «Конотопська видьма», «Отъ тоби и скарбъ», «Козырь-дивка», «Сердешна Оксана», «Пархимова сниданьня съ примиреньемъ», «На пушанньня-якъ завьязано», «Перекоты поле», «Пидбрехачь», «Божи диты», «Щира любовь», «Купованый разумъ», «Ганнуся и Малороссійская быль»; но нѣкоторыя изъ нихъ есть и на русскомъ языкѣ. Только по русски сохранились повѣсти: «Украинскіе дипломаты», «Ложныя понятія», «Ярмарка», «Фенюшка», «Герой очаковскихъ временъ», «Добрый панъ», «Маргарита Прокофьевна», «Знакомые незнакомцы», «Ботфортъ» (полагаемъ, что плохо разобранное названіе это повело къ предположенію о существованіи разсказа Квитки «Готороптъ», будто бы утраченнаго), «Знахарь», «Разсказъ», «Друзья», «Вояжеры», «12-й годъ въ провинціи», «Умныя дѣти», «Безсрочный» и недавно найденная, безъ заглавія, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ» 1887 г. № 1; есть еще двѣ не вполнѣ оконченныя: «Очки» и «Губернскія сцены». Но и изъ этихъ повѣстей нѣкоторыя могли существовать на малорусскомъ языкѣ; «Щира любовь» и «Божи диты» напечатаны были только по русски, а теперь нашлись и малорусскіе ихъ оригиналы.

По содержанію большинство повѣстей Квитки заимствовано изъ народнаго быта; нѣкоторыя изъ нихъ—обычные анекдоты о малороссахъ, въ иныхъ изображены малорусскія повѣрья; но и тѣ и другія заключаютъ живое изображеніе народной малорусской обстановки; третьи, наконецъ, изображаютъ несчастную женскую любовь, и это самыя популярныя, доставившія славу Основьяненкѣ, хотя критика не безъ основанія указываетъ на слишкомъ сильную въ нихъ идеализацію народа; въ особенности героини у Квитки возвышенны по чувствамъ до идеальности, а сюжеты повѣстей всегда нѣсколько искусственны, можетъ быть въ зависимости отъ тогдашнихъ условій.

Малорусскія повѣсти Квитки написаны были нѣсколько раньше русскихъ, сочиненіемъ которыхъ онъ занялся потомъ, причемъ сталъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ петербургскихъ журналовъ; еще позднѣе написано было имъ два большихъ русскихъ романа: «Панъ Халявскій» и «Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова» (сперва въ напечатанныхъ отрывкахъ—Пустолюбова). Первый изъ нихъ всегда считался важнѣйшимъ произведеніемъ Квитки, но въ сущности его главный интересъ заключается въ этнографическомъ элементѣ; въ разсказѣ о жизни помѣщиковъ Халявскихъ, о воспитаніи героя, его юности, занятіяхъ, службѣ и пр. дано дѣйствительно художественное и разностороннее изображеніе малороссійской жизни въ XVIII в., далеко оставляющее за собою подобныя же изображенія въ романахъ Нарѣжнаго и иныхъ современныхъ Квиткѣ писателей. Въ другомъ романѣ изображено то же малороссійское общество, но уже во времена Квитки и у автора нѣтъ въ отношеніи къ нему прежней объективности, зато есть много шаржа, такъ что романъ фельетонный; герой романа то идіотъ, то умный и благородный человѣкъ. Критика указывала на сходство этого романа съ очень популярнымъ у насъ тогда Жильблазомъ Лесажа, но оно мало замѣтно, развѣ въ эпизодахъ, хотя отрицать вообще вліянія на Квитку Лесажа нельзя, оно сказывается и въ его фельетонахъ. Затѣвалъ Квитко еще романъ о Мировичѣ, составлялъ планъ, сдѣлалъ выписки, но намѣренія не исполнилъ.

Къ беллетристическимъ произведеніямъ Квитки въ сущности можно причислить и историческія, даже иногда трудно установить между ними грань: «Преданія о Гаркушѣ», «Основаніе Харькова», «Татарскіе набѣги»; таковы же были, вѣроятно, и тѣ сказки «Климка-злодѣй», «Украденный зубъ» и «Вѣдьма», которыя посланы были Квиткою Далю и затеряны, кромѣ послѣдней, изданной въ переводѣ Даля; таковъ же наконецъ и «Головатый», имѣющій однако значеніе первоисточника, ибо знаменитый запорожскій дѣлецъ бывалъ въ Основѣ и Квитка зналъ его лично. Спеціально историческій характеръ имѣетъ лишь статья «Основаніе слободскихъ полковъ» (во 2-мъ изд. О слободскихъ полкахъ), со вставленными актами, но и то написанная главнымъ

образомъ по сочиненію И. И. Квитки. Статья эта вмѣстѣ съ отдѣльными мѣстами повѣстей «Татарскіе набѣги» и «Основаніе Харькова» даетъ недурную картину слободской украины XVII—XVIII в.; къ этой же группѣ можно отнесть «Городъ Харьковъ» и статьи объ иныхъ городахъ харьковской губерніи (статья о Волчанскѣ затеряна), «Исторію театра въ Харьковѣ» и небольшой очеркъ «Украинцы»; написалъ Квитка краткую малороссійскую исторію для простолюдиновъ на малорусскомъ языкѣ, но она не напечатана. Квитка вообще желалъ писать для народа, но изъ этого ничего не вышло: краткая священная исторія тоже осталась въ рукописи; бесѣды о спасеніи души утратились; краткій сводъ уголовныхъ законовъ для народа, о чемъ Квитка мечталъ, въ послѣдніе годы, будучи судьею и видя, какъ ничтожны знанія простолюдиновъ народа въ этомъ отношеніи, не были, кажется, и начаты; напечатаны лишь «Листы до любезныхъ земляковъ» нравственно-публицистическаго характера и разсказъ о св. мученицѣ царицѣ Александрѣ, послѣднее произведеніе Квитки (въ журналѣ «Звѣздочка» въ 1843 г.); если прибавить мелкія статьи, не подходящія ни подъ одну изъ предыдущихъ группъ—«Украинское утро», «Торговля шерстью», о правописаніи малороссійскаго языка, о своихъ сочиненіяхъ, то этимъ исчерпываются всѣ извѣстныя намъ сочиненія Квитки; приписываютъ ему еще составленіе жизнеописанія преосв. Іосафа Бѣлогородскаго, но это произведеніе не его (можетъ быть его дяди).

Такимъ образомъ видимъ, что написано Квиткою было не мало, и это не малое доставило ему при жизни большую извѣстность, поставило его въ рядъ выдающихся русскихъ писателей; но на нашъ взглядъ цѣнны лишь малорусскія повѣсти. Въ нихъ видно и сильное чувство, сердечное отношеніе автора къ сюжету, любовь къ народу, отличный слогъ, художественное изложеніе, бойкій малорусскій юморъ; словомъ видно, что Квитка здѣсь у себя дома, тогда какъ въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ Квитка писалъ вяло, образы его блѣдны, слогъ тяжелый, остроуміе натянутое, иногда вымученное, являющееся результатомъ слѣдованія обличительной тенденціи, столь сильной въ литературѣ того времени. Квитка смотритъ на себя, какъ на руководителя общества, мало понимая задачи русской литературы того времени, хочетъ быть моралистомъ, и это отравляетъ даже лучшія его повѣсти; даже нѣкоторыя малорусскія произведенія Квитки испорчены этимъ дидактизмомъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, если Квитка писатель и второстепенный, то въ ряду другихъ такихъ же въ 30-хъ годахъ ему принадлежало первое мѣсто.

По наружности Квитка былъ средняго роста, худощавъ и некрасивъ; полное и круглое лицо его съ выразительными чертами хотя и имѣло кроткое выраженіе, но было испорчено пятнами отъ ожога, лѣвый глазъ былъ всегда полузакрытъ; онъ имѣлъ густые черные волосы, усы и бороду, по обычаю чиновниковъ того времени, брилъ и носилъ небольшія бакенбарды. Съ дѣтства онъ былъ болѣзненъ, но затѣмъ поправился и отличался хорошимъ здоровьемъ. Въ молодости былъ большимъ щеголемъ, но затѣмъ одѣвался всегда очень скромно. Ума Квитка былъ обширнаго и разносторонняго, но не систематичнаго, мало развитаго предшествующимъ общимъ образованіемъ; въ томъ обществѣ впрочемъ, гдѣ онъ жилъ, Квитка все же былъ однимъ изъ наиболѣе развитыхъ людей. Таланты у него были самые разнообразные: онъ хорошо игралъ на флейтѣ и на фортепьяно, сочинялъ духовные концерты, марши и кадрили, былъ прекраснымъ актеромъ, интересно разсказывалъ и т. д., но какъ истый малоросъ, онъ былъ нѣсколько лѣнивъ, чрезвычайно любилъ природу, лунную ночь, цвѣты и пр., вообще былъ въ душѣ большой эстетикъ. Въ то же время извѣстно какъ серьезно относился всегда Квитка къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, не щадя ни своихъ силъ, ни средствъ; между тѣмъ онъ былъ человѣкъ очень небогатый. Уступивъ брату для поддержанія чести фамиліи Квитокъ свою часть Основы, онъ сохранилъ лишь небольшое имѣніе (50 душъ и до 500 дес. земли) въ зміевскомъ уѣздѣ харьковской губерніи при с. Гуляй-поль и въ 1829 г. продалъ его за 40,000 р. асс.; между тѣмъ онъ былъ женатъ и притомъ онъ былъ человѣкъ общественный, гостепріимный, склонный къ благотворительности; поэтому Квитка часто нуждался въ средствахъ. Литературныя занятія приносили ему не много, главнымъ образомъ покрывали пріобрѣтеніе журна-

ловъ и книгъ. Отчасти недостатокъ средствъ могъ быть причиною, почему Квитка промѣнялъ почетное, но убыточное званіе предводителя дворянства на платныя должности. Основу, да и вообще свою харьковщину, любилъ Квитка чрезвычайно; пишетъ онъ вездѣ о ней съ нескрываемой симпатіей, да и не удивительно—онъ посвятилъ ей всю жизнь. Большой онъ поклонникъ и Малороссіи, но въ немъ мало замѣтенъ тотъ украинскій сепаратизмъ, который жилъ въ то время въ полтавскихъ кружкахъ; Квитка гораздо терпимѣе иныхъ малороссовъ. Точно также вся жизнь показываетъ въ немъ помѣщика-дворянина, гордаго честью своимъ предковъ, и въ тоже время его повѣсти отличаются сильною симпатіей къ народу. Квитка былъ идеальнымъ семьяниномъ; онъ и жена, можно сказать, жили другъ для друга: дѣтей у нихъ не было, что придавало ихъ жизни идеально-грустный оттѣнокъ, но они заботились о родственникахъ, которыхъ очень любили, или о чужихъ дѣтяхъ.

Какъ обыкновенно бываетъ, особенно въ провинціи, Квитка имѣлъ противниковъ, которые между прочимъ, писали на него эпиграммы; Квитка въ свою очередь мстилъ врагамъ эпиграммами, но вообще былъ человѣкъ очень миролюбивый, беззлобный; къ похвалѣ и порицанію относился онъ, впрочемъ, очень чувствительно и строгая критика его произведеній огорчала его очень сильно, хотя самъ онъ относился къ своимъ сочиненіямъ довольно строго и вѣрно указывалъ ихъ недостатки. Себялюбіе заставляло его часто казаться сдержаннымъ, даже скрытнымъ, стѣсняться людей, которыхъ онъ мало зналъ или въ расположеніи которыхъ къ себѣ увѣренъ не былъ; но съ близкими людьми Квитка былъ очень простъ и добродушенъ. Вообще о нравственныхъ качествахъ Квитки у всѣхъ знавшихъ его сохранились наилучшія воспоминанія. Особенно интересно, что Квитка былъ, какъ говорится, человѣкомъ иниціативы, всегда умѣлъ во время усмотрѣть, что надо сдѣлать и, создавъ планъ, умѣлъ осуществить его на дѣлѣ. Выдающеюся чертою его характера была его религіозность. Еще въ дѣтствѣ онъ стремился въ монастырь, юношей былъ послушникомъ, всю жизнь искренно предавался дѣламъ благочестія и благотворительности и доводилъ свою религіозность до мистицизма. И въ его сочиненіяхъ идеальныя лица всегда отличаются религіозностью, ищутъ въ религіи утѣшенія въ минуты горя, спасаются въ монастыряхъ и пр. Умирая Квитка, по удачному выраженію проф. Срезневскаго, могъ сознавать, что онъ честно служилъ Богу и отечеству.

Полнаго собранія сочиненій Гр. Ѳ. Квитки-Основьяненки, къ сожалѣнію, нѣтъ; самъ Квитка издалъ два раза (въ 1834 и 1841 гг.) собраніе малороссійскихъ повѣстей, но не всѣхъ; малороссійскія же повѣсти изданы были въ 1858 г. Кулишомъ, и тоже не всѣ; въ 1862 г. Кулишъ издалъ и драматическія произведенія Квитки и опять не всѣ. Новое и лучшее изданіе сочиненій Квитки предпринято харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ послѣ 100-лѣтняго юбилея дня рожденія писателя, т. е. въ 1878 г.; тогда харьковское земство устроило въ Основѣ народную школу имени Квитки съ преподаваніемъ садоводства и огородничества; землю подъ школу пожертвовали родственники писателя, школа построена на средства земства и на частныя пожертвованія и собранъ былъ отъ частныхъ же лицъ небольшой капиталъ на изданіе сочиненій Квитки, съ тѣмъ, чтобы доходъ отъ ихъ продажи шелъ въ пользу школы; редакцію изданія принялъ на себя проф. Потебня. Съ 1887 по 1890 г. (о причинахъ замедленія въ изданіи см. «Кіевская Старина», 1887 г., № 10, стр. 367) изданы были четыре тома, заключающіе малорусскія (въ томъ числѣ еще нигдѣ ненапечатанныя) и русскія повѣсти, историческія и публицистическія статьи; затѣмъ изданіе остановилось, можетъ быть временно за смертью проф. Потебни, и въ него не вошли ни оба романа, ни драматическія произведенія, ни переписка Квитки. Матеріала имѣется еще на пять, на шесть томовъ, такого же размѣра, какъ выпущенные; особо будетъ приложена и обстоятельная біографія Квитки. Послѣ смерти Потебни, изданіе черезъ нѣсколько времени возобновилось и вышли томы 5-й и 6-й; въ него должны будутъ войдти и тѣ произведенія, которыя напечатаны послѣ смерти автора, или совсѣмъ не напечатаны, а такихъ много.

О сочиненіяхъ Квитки въ свое время писалось достаточно: его, какъ писателя, высоко цѣнилъ Бѣлинскій, какъ о малорусскомъ писателѣ, о немъ дали отзывы

Бодянскій, Костомаровъ, Мухинъ, Пыпинъ, А. Котляревскій и др., но о личности Квитки сообщено сравнительно не многое. Лучшею біографіею его остается напечатанная Гр. П. Данилевскимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 г. №№ 11 и 12 и изданная отдѣльно (Спб. 1856 г.) и снова перепечатанная съ дополненіями въ сборникѣ статей Данилевскаго «Украинская старина» (X, 1866 г.); 4-е изданіе ея въ VI т. сочиненій Данилевскаго. Воспользовавшись всѣмъ, что до него написано о Квиткѣ, хотя бы въ провинціальныхъ изданіяхъ, Данилевскій самъ не мало поработалъ въ семейномъ архивѣ Квитокъ и другихъ архивахъ, пользовался разсказами родныхъ писателя и вообще лицъ его знавшихъ, напр. Костомарова, Даля, Аѳанасьева-Чужбинскаго и частью переписки Квитки, и составилъ дѣйствительно прекрасную біографію его, внесъ въ нее цѣликомъ или въ отрывкахъ неизвѣстныя или мало извѣстныя стихотворенія Квитки, присоединилъ эпизодъ о печальной судьбѣ харьковской публичной библіотеки, письма Квитки къ Плетневу, важныя для знакомства съ литературною дѣятельностью Квитки, письма къ Квиткѣ Загоскина, Даля и Гребенки и, наконецъ, перечень сочиненій Квитки, напечатанныхъ какъ при жизни автора, такъ и по смерти его или утраченныхъ.

Не перечисляя того, что было еще писано о Квиткѣ, и матеріаловъ для его біографіи—все, напечатанное до 1883 г., указано въ «Библіографическомъ показчикѣ новой украинской литературы» М. Комарова, Рада, К. 1883 г.—замѣтимъ развѣ письма Квитки къ Шевченкѣ, напечатанныя въ журналахъ «Основа» 1861 г., № 7, «Русская Старина» 1879 г., № 1, и «Древняя и Новая Россія» 1879 г., № 4, и къ Максимовичу, напечатанныя въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г., № 6. Краткое воспоминаніе о Квиткѣ въ предисловіи въ 4-му изд. «Пана Халявскаго» (Спб., 1879 г.), гдѣ сообщено со словъ Квитки о его знакомствѣ съ Сковородою. Затѣмъ важенъ анализъ произведеній Квитки, особенно малорусскихъ, въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. И. Петрова (К., 1884 г.). Съ оцѣнкою значенія Квитки Петровымъ не согласился рецензентъ его труда, проф. Дашкевичъ (Отчетъ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб., 1888 г.), доказывающій оригинальность повѣстей Квитки и слабую зависимость его отъ сентиментальныхъ повѣстей Карамзина и его послѣдователей и дающій нѣкоторыя параллели къ сочиненіямъ Квитки. Далѣе отмѣтимъ популярную брошюру А-ра — «Гр. Ѳ. Квитка» (К., 1885 г.), статью пр. Сумцова «Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки» («Кіевская Старина» 1884 г., № 6). и статью В. И. Науменка въ «Чтеніяхъ Общества Нестора лѣтописца», кн. 2, 1888 г., и статью Н. Шугурова «Илья Ивановичъ Квитка» въ «Кіевской Старинѣ» 1890 г., № 3.

Пятидесятилѣтній юбилей со дня смерти Квитки снова оживилъ память о немъ и «Кіевская Старина» 1893 г., № 8, вся посвящена его памяти. Здѣсь напечатаны статьи Науменка: «Біографическій очеркъ Квитки» (съ портретомъ его); Сумцова «Квитка, какъ этнографъ» (авторъ придаетъ ему въ этомъ отношеніи большое значеніе); Багалѣя, «Историческія повѣсти и статьи Квитки» (указаны источники, коими Квитка пользовался); Науменка, «Квитка, какъ малорусскій писатель передъ судомъ критики». Въ статью Науменка вставлено еще ненапечатанное окончаніе любопытной статьи Максимовича: «Трезвонъ о Квиткиной Марусѣ» (1861 г.), направленной въ защиту Котляревскаго и Артемовскаго-Гулака отъ Кулиша, придававшаго имъ въ исторіи малорусской литературы лишь отрицательное значеніе, чрезмѣрно возвышая Квитку; Глаголя «Памяти Квитки»; В. П-ко, «О могилѣ Квитки» (перепечатана изъ «Харьк. Вѣдомостей»), которая въ жалкомъ видѣ; «Шиблачки, або московьскому эпиграммы» напечатаны Квиткой въ «Москвѣ» 1883 г., № 120, и затѣмъ забытыя, и Замѣтка — справка о сочиненіяхъ Квитки. Затѣмъ въ «Кіевск. Стар.» за 1893 г. были напечатаны: въ № 10 Бойжинка, оперетка Квитки и въ №№ 11 и 12 письма его къ Краевскому, и за 1894 г. № 2 замѣтка объ одной народной пѣснѣ, передѣланной Квиткою, и въ № 5 письма къ нему Краевскаго.

А. Маркевичъ.

Квитка, *Илья Ивановичъ*, писатель. Род. въ 1745 г.; ум. послѣ 1814 г. происходилъ изъ дворянскаго малорусскаго рода харьковской губерніи. Свѣдѣній о его жизни почти не имѣется; преосв. Филаретъ, въ своемъ «Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи», говоритъ, что И. И. Квитка «не былъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ», что онъ былъ особенно близокъ съ лицами духовными и занимался литературою. Въ послѣднее время доказали, что ему принадлежатъ «Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г.», (Харьковъ, 1812), приписывавшіяся прежде Г. Ѳ. Квиткѣ, и «Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное изъ лѣтописей» и т. д., изданное О. М. Бодянскимъ въ 1848 г., и авторъ котораго долго былъ неизвѣстенъ.

«Кіевская Старина», 1890, № 3, 444—453, соч. Шугурова.

Квитницкій, *Леонидъ Ксенофонтовичъ*, генералъ-лейтенантъ. Род. въ 1828 г., умеръ 13 октября 1885 г.; изъ дворянъ Харьковской губерніи, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, началъ службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку; въ 1861 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ. Въ

1864—1871 гг. онъ командовалъ 12 гренадерскимъ Астраханскимъ, а потомъ до 1881 г., въ чинѣ генералъ-маіора, 3-ю гренадерскою дивизіей. Въ войнѣ 1877—78 гг., отличился въ послѣдней битвѣ съ Османомъ-пашею, подъ Плевной, послѣ которой Османъ-паша сложилъ оружіе; въ этомъ сраженіи Квитницкій былъ раненъ въ лѣвое плечо и контуженъ въ голову и лѣвый бокъ. Съ 1881 г. по день смерти командовалъ кавказскою гренадерскою дивизіей.

Некрологъ Квитницкаго въ «Русской Старинѣ», 1886 г., № 3.

Квицинскій, *Онуфрій Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ виленской губ., род. въ 1794 г., ум. въ 1862 г. Выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ 1810 г. подпоручикомъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ во многихъ сраженіяхъ 1812—1814 гг. и получилъ нѣсколько боевыхъ отличій. Въ 1816 г. перешелъ въ 11 егерскій полкъ, а въ 1818 — въ Самогитскій гренадерскій, въ которомъ прослужилъ до назначенія въ 1827 г. командиромъ 47 егерскаго полка. Во главѣ этого полка онъ принималъ участіе въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 г., причемъ былъ сильно контуженъ. Въ 1836 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ должность командира 2-й бригады 17 пѣхотной дивизіи, а въ 1845 г. назначенъ командующимъ 16-ю пѣхотною дивизіею. Во главѣ этой же дивизіи онъ принялъ участіе въ началѣ войны 1854 г., а именно въ сраженіи 8 сентября при р. Альмѣ, гдѣ полкамъ 16-й дивизіи, особенно Владимірскому, пришлось играть выдающуюся роль; въ концѣ сраженія ген. Квицинскій лично повелъ этотъ полкъ въ атаку и проявилъ замѣчательное мужество, удерживая натискъ цѣлой дивизіи англичанъ, но оставленный безъ поддержки принужденъ былъ начать отступленіе, и въ этотъ моментъ былъ дважды раненъ въ руку и ногу и контуженъ въ бокъ съ переломомъ ребра. За храбрость, проявленную въ битвѣ при Альмѣ онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и денежную награду, но вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ долженъ былъ оставить строевую службу и былъ зачисленъ въ запасныя войска.

Формул. спис. за 1856 г. въ Архивѣ Главн. Штаба. *С. Н. П.*

Квятковскій, *Иванъ Константиновичъ*, врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, изъ духовнаго званія, род. въ 1811 г., ум. въ 1876 г. По окончаніи курса въ Подольской духовной семинаріи въ 1829 г., поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію. Выпущенный изъ академіи лѣкаремъ, въ 1833—1836 гг. служилъ врачемъ въ Якутскомъ и Охотскомъ пѣхотныхъ полкахъ; въ 1839 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Въ 1842 г. переведенъ на Кавказъ, сначала въ эриванскій военный госпиталь, а затѣмъ штабъ-лѣкаремъ Апшеронскаго полка. Въ 1848 г. назначенъ помощникомъ главнаго доктора ставропольскаго военнаго госпиталя, а въ 1853 г.—и. д. главнаго доктора александропольскаго военно-временнаго госпиталя. Въ 1854 г. былъ помощникомъ штабъ-доктора дѣйствующаго на кавказской границѣ корпуса; въ 1860 г. назначенъ помощникомъ генералъ-штабъ-доктора кавказской арміи. Состоя съ 1862 г. штабъ-докторомъ войскъ Кубанской области, въ 1866 г. уволенъ въ отставку. Онъ напечаталъ любопытный: «Отчетъ о больныхъ въ александропольскомъ (Эриванской губ.) военно-временномъ госпиталѣ съ 7 октября 1853 по 1 ноября 1854 г.» («Военно-Медиц. Журн.», 1855).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели».

Квятковскій, *Несторъ Герасимовичъ*, врачъ, сынъ священника с. Суходола, кіевской губ., род. въ 1759 г., ум. въ 1812 г. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, въ 1778 г. поступилъ въ московскій генеральный госпиталь, откуда по Высочайшему повелѣнію былъ посланъ за границу, гдѣ 4 года учился въ Кенигсбергѣ и тамъ же въ 1784 г., защитивъ диссертацію «Theses anatomico—physiologicae de nervorum fluido, decussatione et gangliis», получилъ степень доктора медицины. Въ сентябрѣ 1784 г., по возвращеніи изъ за-границы, былъ опредѣленъ въ Петербургскій генеральный адмиралтейскій госпиталь младшимъ докторомъ, какъ не выдержавшій въ Медицинской коллегіи испытанія на право практики; это право онъ получилъ по вторичному испытанію въ декабрѣ того же года. Въ 1785 г. былъ назначенъ врачемъ въ курское намѣстничество, откуда въ 1791 г. переведенъ въ г. Ливны.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи».

Кеворкъ IV, (*Георгъ IV*), католикосъ всѣхъ армянъ. Род. въ предѣлахъ Турціи

5 іюля 1813 г., ум. 6 декабря 1882 г. Образованіе получилъ духовное въ духѣ національной армянской церкви. Быстро пройдя всѣ степени церковной іерархіи, Кеворкъ съ 1844 г. управлялъ брусскою епархіею въ званіи архіепископа. На выборахъ католикоса 17 мая 1858 г. онъ былъ намѣченъ вторымъ кандидатомъ; первый кандидатъ—Матѳеосъ, уже утвержденный въ званіи католикоса султаномъ, когда былъ еще въ Константинополѣ армянскій константинопольскій патріархъ, отрекся отъ престола по старости; ему наслѣдовалъ епископъ Кеворкъ; но вскорѣ, (въ 1860) онъ былъ принужденъ покинуть высокій постъ, такъ какъ онъ не сочувствовалъ конституціи (Салманадрутьюн), вырабатывавшейся тогда въ армянскихъ собраніяхъ съ вѣдома Порты; по мнѣнію Кеворка, она должна была принести лишь вредъ интересамъ духовенства и прерогативамъ патріархіи. Отставка Кеворка была принята Портою съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ, что въ немъ подозрѣвали симпатіи къ Россіи, особенно послѣ того, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, въ бытность свою въ Брюссѣ, останавливался у Кеворка, тогда мѣстнаго архіепископа, и, такимъ образомъ, отличилъ его передъ представителями другихъ церквей. Въ 1860 г. по смерти армянскаго патріарха въ Іерусалимѣ, брусскій епископъ былъ довольно вѣроятнымъ кандидатомъ на это мѣсто, но дѣло затянулось, вслѣдствіе образованія двухъ партій, изъ которыхъ одна принципіально оспаривала право на выборъ лицъ, не изъ состава мѣстной патріархіи. Въ это именно время Бруссу опустошилъ сильный пожаръ; архіепископъ Кеворкъ высказалъ послѣ него большую энергію и организаторскій талантъ и своею распорядительностью сослужилъ великую службу населенію второй столицы Турціи. 17 сентября 1866 г. въ Эчміадзинѣ происходили выборы католикоса; первымъ кандидатомъ былъ выбранъ архіепископъ Кеворкъ; онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи высочайшимъ рескриптомъ, обнародованнымъ въ февралѣ 1867 г. Съ этого времени дѣятельность его переносится въ Россію.

Выѣхавъ весною 1867 г. изъ Константинополя въ Эчміадзинъ, Кеворкъ 21 мая того-же года принялъ священное помазаніе на свой новый высокій санъ. 5 октября Кеворкъ IV былъ въ Петербургѣ, гдѣ представился Государю, а попутно посѣтилъ города съ армянскимъ населеніемъ. Въ февралѣ 1868 г. Католикосъ былъ уже въ первопрестольномъ монастырѣ за новымъ дѣломъ. Объявивъ сборъ для благоустройства первопрестольнаго монастыря, новый католикосъ упорядочилъ отчетность по хозяйственной части, какъ епархій, такъ и святаго престола и добился (въ 1868 г.) измѣненія въ пользу монастырей тѣхъ статей «Положенія», въ силу которыхъ имущества умершихъ монаховъ переходили въ руки родственниковъ. По его иниціативѣ въ Ошаканѣ надъ могилою св. Месропа построена новая церковь, и въ день ея освященія установленъ (въ 1879) праздникъ и паломничество. Въ пользу Эчміадзинскаго монастыря, въ частности Духовной академіи при монастырѣ, Кеворкъ обратилъ доходъ съ изданій монастырской типографіи. При вступленіи Кеворка въ Эчміадзинъ средства монастыря были совершенно истощены, благодаря же его разумной экономіи въ день его смерти въ монастырской кассѣ оставалось 250,000 рублей. Кеворкъ построилъ въ Эчміадзинѣ у восточной стѣны главнаго храма монастырскую сокровищницу, куда снесены были церковныя древности, расширилъ съ запада такъ называемую рощу Нерсэса, обвелъ ее стѣною, развелъ сады вокругъ пруда и за монастырскою стѣною, къ сѣверу отъ деревни, а въ Бюраканѣ построилъ лѣтній патріаршій дворецъ.

Для поднятія церковнаго благочинія онъ установилъ цензъ для рукоположенія во священники, желая допускать къ занятію этого сана исключительно лицъ, окончившихъ курсъ въ монастырскихъ и епархіальныхъ училищахъ и усвоившихъ церковное пѣніе по армянскимъ нотамъ.

Въ интересахъ армянскаго общества Кеворкъ былъ занятъ упорядоченіемъ церковныхъ законовъ, касающихся брачнаго вопроса. Чтобы обезпечить успѣхъ своимъ предначертаніямъ, касавшимся поднятія умственно-нравственнаго уровня армянскаго духовенства, особое вниманіе онъ обратилъ на школьное дѣло: учредилъ епархіальныя училищныя инспекціи, издалъ новыя школьныя программы, а епархіальнымъ инспекторамъ преподалъ особыя правила для руководства. Для устройства созданныхъ имъ армянскихъ церковно-приходскихъ школъ, въ 1874 и 1882 г. созы-

ваемы были въ Тифлисѣ съѣзды представителей этихъ школъ.

Въ виду малаго знакомства русскихъ армянъ съ роднымъ церковнымъ пѣніемъ Кеворкъ вызвалъ изъ городовъ, населенныхъ армянами, но одному лицу изъ готовившихся къ духовному званію и поручилъ обученіе ихъ, а равно молодыхъ дьяконовъ первопрестольнаго монастыря, свѣдущему пѣвцу Николаю Ташчяну, нарочно приглашенному изъ Константинополя въ Эчміадзинъ; одновременно изданы были ноты церковнаго пѣнія, для посвящаемыхъ во священники.

Для ознакомленія армянскаго общества съ начинаніями верховнаго главы, равно какъ съ рукописными сокровищами монастыря, Кеворкъ основалъ (въ 1868) ежемѣсячный журналъ «Араратъ». Въ то же время были изданы отдѣльными томами памятники армянской литературы, преимущественно духовнаго характера. Затѣмъ, Кеворкъ расширилъ монастырскую типографію, основалъ словолитню, а въ библіотекѣ отвелъ просторный залъ для читальни. Нуждаясь въ сотрудникахъ, а также съ цѣлью подготовить для будущаго просвѣщенныхъ дѣятелей въ церковно-учебномъ и литературномъ дѣлѣ, онъ при содѣйствіи армянскаго населенія Астрахани положилъ (въ 1869) основаніе высшаго въ Россіи, армянскаго учебнаго заведенія, открытаго съ 1874 г. и извѣстнаго у армянъ подъ названіемъ Георгіевской Академіи. Академія эта не только оправдываетъ въ значительной степени возложенныя на нее задачи, но служитъ еще и государственнымъ интересамъ въ краѣ, какъ тѣмъ, что вноситъ просвѣщеніе въ армянское населеніе Россіи, такъ въ частности и тѣмъ, что въ стѣнахъ ея на ряду съ армянами русскими подданными воспитываются и осваиваются съ русскою гражданственностью уроженцы Турціи, Персіи и Индіи.

Во внѣшнихъ армянскихъ дѣлахъ Кеворкъ проявлялъ большую осторожность. Въ 1869 г. папа Пій IX подъ предлогомъ церковнаго благоустройства рѣшилъ собрать въ Ватиканѣ вселенскій соборъ; въ числѣ прочихъ получили приглашеніе армянскіе епископы Турціи. Католикосъ всѣхъ армянъ особымъ «кондакомъ» (такъ называются католикосскія посланія) предостерегъ константинопольскаго патріарха отъ участія въ католическомъ соборѣ, какъ затѣваемомъ папой изъ честолюбія.

Кеворкъ стремился, чтобы титулъ «католикосъ всѣхъ армянъ», завѣщанный вѣками эчміадзинскимъ патріархамъ, не былъ пустымъ звукомъ, чтобы духовная власть Эчміадзина одинаково признавалась армянами всѣхъ странъ. Этимъ завѣтнымъ желаніемъ Кеворка объясняется его столкновенія съ армянской патріархіей въ Константинополѣ, его взгляды по вопросу о Сисскомъ католикосѣ и вообще его отношенія къ армянскому духовенству Турціи.

Когда въ турецкую кампанію 1877—1878 г. турецкіе армяне, во главѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Нерсэсомъ, старались обезпечить реформы въ Турецкой Арменіи, Кеворкъ IV продолжалъ спокойно заниматься внутреннимъ благоустройствомъ армянской церкви. Католикосъ всѣхъ армянъ не оставался однако безучастнымъ къ судьбамъ турецкой части своей паствы. Въ 1877 г. болѣе двухъ мѣсяцевъ кормилъ онъ на монастырскія средства турецкихъ переселенцевъ и вообще все время принималъ самое живое участіе въ судьбѣ турецкихъ страдальцевъ, посильнымъ вспомоществованіемъ какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ.

Во время голода 1879—1880 г. монастырскіе запасы хлѣба были назначены на нужды голодающихъ переселенцевъ; еще раньше католикосъ рѣшилъ проценты съ суммъ, собранныхъ въ пользу турецкихъ переселенцевъ изъ Алашкерта, предоставить армянскому благотворительному кружку въ Турціи—такъ называемому Соединенному Обществу для развитія школьнаго дѣла въ Алашкертѣ.—Католикосъ Кеворкъ IV скончался 6 декабря 1882 г.; 12 декабря онъ былъ погребенъ въ Эчміадзинѣ, въ сѣверной части колокольни. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ строгаго порядка и просвѣщенной, рекущейся объ общемъ благѣ, власти, въ высшей степени энергичный дѣятель на поприщѣ мирнаго преуспѣянія своей обширной паствы, видѣвшій въ основательномъ просвѣщеніи армянъ наиболѣе вѣрный залогъ свѣтлаго для нихъ будущаго.

Н. М.

Кедринъ, *Трифонъ Тимофеевичъ,* священникъ въ Берлинѣ. Родился въ первой четверти XVIII столѣтія. Сначала былъ діакономъ С.-Петербургскаго Андреевскаго собора. 3 февраля 1763 г. рукоположенъ во священника къ Владимірской посольской церкви въ Берлинѣ. Въ 1776 г. онъ

обновилъ тамъ церковную ризницу. Скончался въ Берлинѣ 1 іюля 1782 г. По отзыву посланника, Кедринъ былъ—честь и слава русскаго духовенства.

Дѣла Арх. Св. Синода. 1773 г. № 337; 1775 г. № 375; 1777 г. № 311; 1782 г. № 274.

Кейзерлингъ, *Германъ Карлъ*, баронъ, затѣмъ графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, русскій дипломатъ, род. въ Блиденѣ въ Курляндіи, въ 1697 г., ум. въ Варшавѣ 19 сентября 1764 г. Учился въ гимназіи въ Данцигѣ, затѣмъ слушалъ лекціи въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и пріобрѣлъ основательныя и обширныя познанія въ разныхъ наукахъ. Первыми своими успѣхами на служебномъ поприщѣ онъ былъ обязанъ поддержкѣ герцога Бирона, который питалъ благодарность ко всему семейству Кейзерлинговъ, такъ какъ покровительству одного Кейзерлинга онъ былъ обязанъ началомъ своего возвышенія при дворѣ курляндской герцогини Анны Іоановны, впослѣдствіи императрицы всероссійской. Въ 1720 г. Германъ Карлъ Кейзерлингъ, только что возвратившись изъ путешествія по Германіи, былъ по личному желанію Анны Іоановны опредѣленъ ко двору ея камеръ-юнкеромъ. Въ 1730 г., послѣ возшествія Анны Іоановны на русскій престолъ, онъ былъ отправленъ отъ курляндскаго земства въ Москву съ поздравленіемъ. Онъ привезъ въ Москву извѣстіе очень пріятное и лично для Бирона: благодаря его усиліямъ, курляндское дворянство приняло Бирона въ свою среду, о чемъ раньше тщетно старался другой Кейзерлингъ, тогдашній покровитель Бирона. И курляндское дворянство и самъ Кейзерлингъ получили знаки благодарности Императрицы: курляндскому дворянству дана была особая жалованная грамота, а Кейзерлингъ назначенъ вице-президентомъ Юстицъ-коллегіи эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ. 18 іюля 1733 г. именнымъ указомъ императрицы Анны, Кейзерлингъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ. Это назначеніе было принято въ средѣ Академіи съ живѣйшею радостью, потому что имъ оканчивалось полное, почти безконтрольное хозяйничаніе въ Академіи Шумахера, который вносилъ въ свою дѣятельность много произвола. 19 іюля состоялось торжественное вступленіе въ должность новаго президента. Какъ человѣкъ широко образованный, Кейзерлингъ относился къ ученымъ съ большимъ уваженіемъ; такъ, знаменитый историкъ Бауеръ хотѣлъ было изъ-за разныхъ непріятностей покидать Академію и Россію—Кейзерлингъ успѣлъ уговорить его остаться; ученаго юриста, члена Академіи Бекенштейна, онъ еще ранѣе привлекъ къ участію въ дѣлахъ Юстицъ-коллегіи эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ; Кейзерлингомъ же 14 октября 1733 г. принятъ былъ на службу при Академіи В. К. Тредіаковскій. Немедленно по вступленіи своемъ въ должность, Кейзерлингъ внимательно ознакомился съ финансовымъ положеніемъ Академіи, упорядочилъ до извѣстной степени ея хозяйство и исходатайствовалъ у Императрицы 30,000 р. на покрытіе долговъ Академіи. Но онъ очень недолго былъ президентомъ Академіи: въ концѣ того же 1733 г. онъ былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи полномочнаго министра назначенъ въ Польшу, на смѣну посольства оберъ-гофмаршала графа Карла-Густава Левенвольда, ко двору только что избраннаго въ польскіе короли Августа III. Кейзерлингъ явился ревностнымъ и умѣлымъ дѣятелемъ въ пользу Августа III; онъ успѣлъ склонить на его сторону многихъ польскихъ вельможъ и въ 1736 г. получилъ орденъ Бѣлаго Орла отъ польскаго правительства и чинъ тайнаго совѣтника отъ русскаго. Въ 1737 г. благодаря усиліямъ Кейзерлинга король Августъ призналъ за курляндскимъ дворянствомъ право свободнаго избранія герцога и избранъ былъ, какъ извѣстно, Биронъ. Съ паденіемъ Бирона положеніе Кейзерлинга нѣсколько поколебалось; въ первое время онъ былъ отставленъ отъ должности посланника, затѣмъ присланъ къ саксонско-польскому двору гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ и Кейзерлингъ поставленъ отъ него въ зависимое положеніе. Но онъ былъ дѣйствительно усерднымъ слугою Россіи и А. П. Бестужевъ-Рюминъ, пріобрѣтавшій все большее вліяніе и знавшій Кейзерлинга еще ранѣе, такъ какъ оба они были близки къ Бирону, цѣнилъ его способности, довѣрялъ ему и вскорѣ Кейзерлингъ снова сдѣланъ былъ самостоятельнымъ представителемъ Россіи. Кейзерлингъ уже тогда вполнѣ раздѣлялъ взгляды Бестужева на опасность для Россіи возрастающаго могущества Пруссіи и являлся очень ревностнымъ сотрудникомъ знаменитаго рус-

скаго дипломата въ его борьбѣ противъ Пруссіи. Въ то же время онъ хлопоталъ о признаніи Польшею императорскаго титула русскихъ государей, но безуспѣшно; ему удалось, однако, достигнуть, что саксонское правительство обѣщало приложить всѣ усилія для того, чтобы имперія римская признала этотъ титулъ. Въ февралѣ 1742 г. Кейзерлингъ, раньше имѣвшій титулъ барона, получилъ отъ саксонскаго курфюрста графскій титулъ, а 13 марта ему разрѣшено было русскимъ правительствомъ принять этотъ титулъ. 27 іюля 1744 г. онъ назначенъ былъ на предстоявшій имперскій сеймъ. Во время сейма и избранія во Франкфуртѣ императоромъ германскимъ Франца I, Кейзерлингъ успѣлъ добиться отъ имперіи окончательнаго признанія императорскаго титула русскихъ государей; въ 1746 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Въ 1747 г. графъ Кейзерлингъ назначенъ былъ министромъ въ Берлинъ и оставался тамъ до весны 1749 г., когда снова назначенъ былъ къ саксонско-польскому двору. Уже въ то время онъ началъ дѣйствовать противъ предположенныхъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Польши, именно отмѣны liberum veto, и предупреждалъ въ Петербургъ, что саксонское министерство имѣетъ виды доставить престолъ курляндскій, фактически бывшій вакантнымъ послѣ ссылки Бирона, кому-нибудь изъ своихъ сторонниковъ; Бестужевъ на основаніи его донесеній предложилъ императрицѣ освободить Бирона, но Елизавета Петровна отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Въ 1752 г., когда потерялъ свое мѣсто русскій посолъ въ Вѣнѣ, гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, канцлеръ перевелъ туда въ званіи чрезвычайнаго посла гр. Кейзерлинга. Тогда же раздавались голоса противъ того, что представителемъ Россіи при дворахъ, съ которыми у Россіи часто бываютъ общія дѣла, касающіяся Польши, служитъ гр. Кейзерлингъ, польскій подданный. Но онъ очень добросовѣстно служилъ русскимъ интересамъ: изъ Вѣны онъ уже въ 1753 г. доносилъ о замыслахъ поставить въ Польшѣ при слѣдующемъ избраніи королемъ человѣка, преданнаго Австріи и Франціи, и говорилъ о необходимости для Россіи сохранять въ Польшѣ преобладающее вліяніе. Въ то же время онъ успѣлъ уладить неудовольствіе вѣнскаго правительства, по поводу начавшагося выселенія сербовъ изъ Австріи въ Россію. Въ 1753 г. онъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго и орденъ Св. Александра Невскаго, котораго еще не имѣлъ. Въ 1755 г. онъ провелъ довольно долгое время на водахъ для поправленія здоровья, а возвратившись въ Вѣну принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ, скрѣплявшихъ близкія отношенія Россіи и Австріи: главнѣйшіе переговоры велись, впрочемъ, въ Петербургѣ самимъ Бестужевымъ, и въ Петербургѣ же подписаны были всѣ главнѣйшія конвенціи съ Австріей. Кейзерлингъ же въ Вѣнѣ ясно видѣлъ совершенно эгоистическія стремленія вѣнскаго правительства, его желаніе по возможности въ свою только пользу употребить результаты участія Россіи въ войнѣ противъ Пруссіи и вынесъ за это время большое нерасположеніе къ Австріи. Въ 1761 г. онъ былъ назначенъ ѣхать въ Аугсбургъ, на предполагавшійся тамъ конгрессъ для заключенія общаго мира. Но конгрессъ этотъ не состоялся и Кейзерлингъ былъ назначенъ, уже Петромъ III, полномочнымъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву, но предварительно вызванъ въ Петербургъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ уже послѣ переворота 28 іюня 1762 г., въ іюлѣ. При новой государынѣ Кейзерлингъ вмѣстѣ съ Н. И. Панинымъ былъ главнымъ совѣтникомъ по дѣламъ иностранной политики. Онъ вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, принималъ участіе въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса о герцогѣ курляндскомъ; но съ бывшимъ своимъ покровителемъ, А. П. Бестужевымъ, онъ теперь разошелся: въ то время, какъ Бестужевъ стоялъ за возвращеніе къ союзу съ Австріей, порванному Петромъ III, Кейзерлингъ поддерживалъ мнѣніе Н. И. Панина, что необходимо для Россіи дѣйствовать во внѣшней политикѣ вполнѣ самостоятельно, и посолъ имперскій, гр. Мерси, жаловался, что именно благодаря вліянію его и Панина не удалось ему вернуть Россію къ союзу съ Австріей. Императрица Екатерина очень цѣнила дипломатическую опытность гр. Кейзерлинга и уважала его мнѣнія; она переписывалась съ нимъ чаще чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ изъ находившихся внѣ Петербурга своихъ сотрудниковъ и нерѣдко спрашивала его совѣта. 8 августа 1763 г. подписана была инструк-

ція ему для дѣйствій при польскомъ дворѣ; въ Варшаву онъ прибылъ къ декабрю того же года. Первоначально, слѣдуя своей инструкціи, онъ не начиналъ въ Польшѣ особенно энергичныхъ дѣйствій; онъ старался только подготовить партію людей, съ помощью которыхъ можно было бы дѣйствовать при избраніи новаго короля: король Августъ III уже давно и серьезно хворалъ и кончины его надо было ожидать постоянно. Старанія Кейзерлинга легко увѣнчались успѣхомъ: польскіе вельможи не только безъ затрудненій склонялись поддерживать русскія требованія, но даже сами вмѣшивали русское правительство въ свои внутреннія дѣла; кн. Чарторижскіе, съ которыми сблизился Кейзерлингъ, какъ съ вождями наиболѣе сильной партіи между противниками саксонскаго дома, представили ему нѣсколько промеморій, изъ которыхъ было ясно, что они думали силами Россіи добиться очень большаго усиленія своего вліянія,—Россіи они обѣщали за это признаніе императорскаго титула ея государей. Эти промеморіи были приняты посломъ и пересланы въ Петербургъ. Оттуда отвѣчали неопредѣленно. Но можно утверждать положительно, что дѣйствія русскаго правительства относительно Польши нимало не подчинялись настояніямъ поляковъ, вступившихъ въ сношенія съ русскимъ министромъ; переписка Панина показываетъ, что въ то время у русскаго правительства были уже приняты по этому вопросу очень опредѣленныя рѣшенія.

24 сентября 1764 г. умеръ король польскій Августъ III; избраніе новаго короля было очень важно для Россіи. Имѣли въ виду, во-первыхъ, не допустить на польскій престолъ принца изъ католическаго дома, связаннаго, поэтому, съ Австріей и Франціей, такъ какъ отношенія правительства Екатерины къ этимъ двумъ государствамъ были вообще нехороши; во-вторыхъ, желали достигнуть въ Польшѣ успѣха и для того, чтобы доказать, что Россія можетъ дѣйствовать самостоятельно. Въ общемъ относительно избранія польскаго короля петербургское правительство сговорилось заблаговременно съ Фридрихомъ II прусскимъ, но прусскій король предоставилъ намъ, въ этомъ дѣлѣ, говоря словами Панина, «первое мѣсто и свободное поле». Въ помощь гр. Кейзерлингу, часто недомогавшему, былъ отправленъ въ ноябрѣ 1764 г. князь Н. В. Репнинъ; впрочемъ, это нимало не доказывало недовѣрія къ гр. Кейзерлингу; въ письмахъ къ Репнину и въ это время и неоднократно послѣ смерти гр. Кейзерлинга, императрица Екатерина выражала полнѣйшее довѣріе къ умѣнью и талантамъ стараго посла; присылка же Репнина имѣла въ виду облегчить ему дѣйствительно большія хлопоты, неизбѣжно предстоявшія, разъ русское правительство рѣшило провести своего кандидата. Кейзерлингъ не былъ нимало недоволенъ присылкою Репнина и отношенія между ними были все время самыя дружественныя. Новая инструкція, которую привезъ Репнинъ, предписывала очень рѣшительно провести на престолъ русскаго кандидата. При этомъ послы должны были заблаговременно сообщить этому кандидату, что за такую поддержку русское правительство ожидаетъ отъ него, по достиженіи имъ престола, постоянной благодарности и уступокъ по очень многимъ существеннымъ пунктамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самимъ посламъ только, было сообщено, что отъ своихъ требованій Россія не отступитъ ни за что, и что если поляки своимъ сопротивленіемъ доведутъ до необходимости дѣйствовать оружіемъ, то Россія не оставитъ его прежде, чѣмъ не присоединитъ къ себѣ нѣкоторыхъ областей отъ Польши. Таковы были секретныя наставленія, слѣдовательно—истинныя намѣренія русскаго правительства. Другимъ же дворамъ было, конечно, сообщено, что Россія заботится только о томъ, чтобы въ Польшѣ выборы происходили вполнѣ свободно. То же говорили и представители Австріи и Франціи, и такъ же они старались поддерживать своихъ кандидатовъ. Но Кейзерлингъ и Репнинъ были снабжены большими денежными средствами — на употребленіе въ Польшѣ заготовлено было до 1.000,000 р., да, кажется, и дѣйствовали они болѣе энергично, и болѣе умѣло. Польша была въ то время раздираема внутренними несогласіями. Представители Россіи воспользовались нѣкоторыми насильственными поступками Браницкаго и Радзивила и въ мартѣ 1765 г. составили изъ преданныхъ Россіи людей конфедерацію въ Литвѣ. Въ апрѣлѣ открылся сеймъ, на которомъ русская партія захватила все вліяніе. Торжественнымъ сеймовымъ постановленіемъ признанъ былъ императорскій титулъ русскихъ государей, герцогомъ курляндскимъ

признанъ, какъ того хотѣла Екатерина, Бирономъ, наконецъ императрицѣ отъ имени сейма и республики принесена благодарность за ея попеченіе о вольности польской. Этимъ постановленіемъ были очень довольны въ Петербургѣ и Панинъ толковалъ его такъ, что, признавъ дѣйствія Россіи одолженіемъ республикѣ, сеймъ этимъ самымъ наложилъ на Россію какъ бы обязанность продолжать такой образъ дѣйствія относительно Польши и далѣе. Тотъ же сеймъ принялъ и нѣсколько постановленій, которыя впослѣдствіи были признаны не соотвѣтствующими видамъ Россіи и потому уничтожены, во время посольства уже одного Репнина, послѣ упорнаго сопротивленія поляковъ,—именно проведены были постановленія, клонившіяся къ усиленію королевской власти и ограниченію liberum veto. Есть показанія, но не вполнѣ достовѣрныя, что гр. Кейзерлингу принятыя на сеймѣ рѣшенія были сообщаемы не точно, въ измѣненномъ видѣ, и что такимъ образомъ усыплена была его бдительность; но кн. Репнинъ, высказывавшій впослѣдствіи не разъ свое сожалѣніе по поводу того, что такія постановленія прошли, не обвинялъ поляковъ въ такомъ обманѣ, а приписывалъ допущеніе невыгодныхъ съ точки зрѣнія Россіи статей своему незнанію польскихъ порядковъ, и болѣзненному состоянію гр. Кейзерлинга. Онъ, дѣйствительно, былъ уже очень боленъ. 26 августа 1765 г. состоялось избраніе королемъ русскаго кандидата, гр. Станислава Понятовскаго, а 19 сентября, т. е. черезъ три съ половиною недѣли, гр. Г. К. Кейзерлингъ скончался. Императрица очень жалѣла о его смерти и письмомъ на имя сына его выразила полное одобреніе всѣмъ его дѣйствіямъ и всѣмъ расходамъ, произведеннымъ имъ изъ суммъ, находившихся въ его безконтрольномъ распоряженіи.—Ему приписывается небольшое сочиненіе, вышедшее въ Варшавѣ въ 1736 г. на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, предъ обсужденіемъ на сеймѣ вопроса о предоставленіи Курляндіи права избрать себѣ герцога, подъ названіемъ: «Brevis et succincta enarratio jurum Curlandiae et Semigaliae circa electionem novi principis»; въ «Mémoires de l'Académie royale des sciences de Berlin», 1748 напечатаны его «Recherches sur l'abrogation du droit d'élire un roi des Romains faussement imputée à l'Empereur Henri VI»; въ рукописи остались отъ гр. Г. К. Кейзерлинга «Historia critica comitiorum regni Poloniae generalium, a Piasti principatu usque ad electionem Uladislai Jagellonis».

Показаніе гр. Г. К. Кейзерлинга о его службѣ — дѣло Правит. Сената, въ Москов. Архивѣ Минист. Юстиціи, № частный 21, общій 8122, стр. 710 — 711. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопам. людей рус. земли», III; Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», I, 498—502, 192, 199; Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», II, 432—433; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т.т. XXI—XXVI, въ книгахъ V—VI, по указателю; Чечулинъ, «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», по указателю.—Архивъ кн. Воронцова, т.т. I, VI; наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности гр. Кейзерлинга — переписка его съ Императрицей, инструкціи ему и пр.—въ «Сборникѣ Импер. Русс. Историч. Общества», особ. т. V, 134—136; XLVI, 35—48, 412—441, 482, 512; XLVIII, 59, 123, 137; LI, 92 — 101 и по указателю; см. еще т. т. VII, XVIII, XX, XXVII, LXVI, LXXVI, LXXX и LXXXI—по указателю. Беръ, въ сочиненіи своемъ «Die erste Theilung Polens», I, 127—128, называетъ русскаго посла въ Варшавѣ, гр. Г. К. Кейзерлинга «бывшимъ кенигсбергскимъ профессоромъ»; но Беръ, повидимому, смѣшалъ его съ Іоганномъ Эрнстомъ фонъ-Кейзерлингомъ, служившимъ при Фридрихѣ II и почти ровесникомъ гр. Кейзерлинга — онъ родился въ 1698 г.; по крайней мѣрѣ, никакіе другіе источники не сообщаютъ, чтобы гр. Кейзерлингъ—посолъ былъ профессоромъ; I. Э. Кейзерлингъ то же едва ли былъ профессоромъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, учился въ Кенинбергскомъ университетѣ и говорилъ тамъ ученыя рѣчи; нѣкоторыя другія подробности о его личности, сообщаемыя у Напирскаго—какъ разъ соотвѣтствуютъ тому, что Беръ говоритъ о гр. Г. К. Кейзерлингѣ—ср. Beer I, 127 — 128 и Napiersky, «Allgemeines Lexikon», II, 427—428. Едва ли Беръ не былъ введенъ въ заблужденіе Рюльеромъ — см. «Histoire de l'anarchie de Pologne», II, 23—здѣсь тѣ же отзывы о внѣшности Г. К. Кейзерлинга, какіе повторяетъ Беръ, но которые, судя по Напирскому, должно отнести къ I. Э. Кейзерлингу.

Н. Ч.

Кейзерлингъ, графъ *Генрихъ-Христіанъ*, сынъ извѣстнаго дипломата русской службы, род. въ Лейтенѣ, въ Курляндіи, 1 августа 1727 г. ум. въ Кенигсбергѣ 21 ноября 1787 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, подъ ближайшимъ руководствомъ своего отца, съ 1741 г. слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ и Галле, съ 1764 г. снова занимался дома, подъ руководствомъ бывшаго профессора Якова-Фридриха Миллера. Еще въ Лейпцигѣ онъ былъ зачисленъ въ польскую гвардію; при коронованіи императора Карла VII пожалованъ въ рыцари священной римской имперіи, въ 1746—1749 гг. совершилъ путешествіе по Европѣ,

въ 1750 г. онъ былъ назначенъ камергеромъ саксонскаго двора, въ 1752 г.—представителемъ Саксоніи въ Регенсбургѣ, затѣмъ переведенъ въ Вѣну и здѣсь сдѣланъ камергеромъ императорскаго двора. Въ 1762 г. перешелъ на русскую службу, сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и сопровождалъ своего престарѣлаго отца въ его послѣднемъ посольствѣ въ Польшу, въ качествѣ совѣтника посольства. Послѣ смерти отца онъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ нѣкоторыя свои соображенія объ образѣ дѣйствій въ Польшѣ кн. Репнина; императрица не осталась довольна его замѣчаніями и Кейзерлингъ вышелъ въ отставку; онъ жилъ затѣмъ до смерти преимущественно въ Кенигсбергѣ. Онъ оставилъ нѣсколько политическихъ брошюръ и памфлетовъ, касающихся польскихъ и курляндскихъ дѣлъ, каковы: «Remarques d'un Courlandais sur le mémoire donné rélativement aux affaires de Courlande (à Varsovie), 1763»; «Rémarques d'un gentilhomme prussien sur celles d'un gentilhomme polonais à l'occasion de la prise en possession de la Prusse polonaise» и др.—Его супруга, графиня Шарлотта-Амалія Кейзерлингъ, рожденная графиня Трухзесъ-фонъ-Вальдбургъ пользовалась извѣстностью, какъ художница-миніатюристка.

Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Liv-Est-und-Kurland», II, 430—431, 426;—«Справочн. лексиконъ», изд. Крайя, VI; Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. LVII, 26, 86, 87.

Кейзеръ, *Антонъ Андреевичъ*, вице-адмиралъ, ум. въ маѣ 1762 г., англичанинъ, въ русской службѣ съ 1734 г., въ капитаны произведенъ въ 1751 г.; въ вице-адмиралы въ 1757 г.; въ 1757—1762 г. былъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, по день смерти.

«Кронштт. Вѣстникъ», 1867 г., № 4.

Кейзеръ (Keyser), *Яковъ*, граверъ ландкартъ и рѣщикъ литеръ. Родомъ голландецъ, онъ работалъ въ Москвѣ при Оружейной Палатѣ (1710), потомъ при С.-Петербургской типографіи и въ качествѣ помощника выписаннаго въ 1726 г. гравера (Еллингера)—при Академіи Наукъ, но оттуда былъ уволенъ въ 1729 г. Изъ его работъ извѣстны гравюры для «Марсовой книги»: 20, Бомбардированія Нарвы, 21, Взятіе Юрьева въ 1704. 26, Крѣпость Рига, (1710), 51, Баталія съ генераломъ Левенъ-Гауптомъ.

По архив. документамъ. *Н. С.*

Кейтъ, *Джемсъ* (*Яковъ*), генералъ-аншефъ впослѣдствіи фельдмаршалъ прусскій, род. 11 іюня (н. ст.) 1696 г., убитъ подъ Гохкирхеномъ 14 (н. с.) октября 1758 г. Онъ былъ младшимъ братомъ Георга Кейта, наслѣдственнаго лорда-маршала Шотландіи и принялъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ Якобитскомъ возстаніи. Послѣ пораженія Якова Стюарта при Шерифмюрѣ оба Кейта вмѣстѣ съ нимъ бѣжали во Францію; здѣсь узналъ Кейта Петръ Великій и приглашалъ поступить на русскую службу, но Кейтъ отказался, не желая сражаться противъ Карла XII, который внушалъ ему большое уваженіе своею личностью; Кейтъ поступилъ на службу въ Испанію съ чиномъ капитана; въ крѣпости Сеутѣ, во время ея осады марокканцами, онъ получилъ тяжелую рану; съ 1722 по 1725 г. жилъ въ Парижѣ и занимался науками. Возвратившись въ Испанію, онъ получилъ чинъ полковника, но какъ протестантъ не могъ въ Испаніи получить командованіе полкомъ. Герцогъ де-Лирія, хорошо знавшій Кейта, находясь при русскомъ дворѣ, выхлопоталъ въ февралѣ 1728 г. принятіе Кейта въ русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора. Кейтъ въ сентябрѣ 1728 г. прибылъ въ Кронштадтъ и затѣмъ отправился въ Москву, гдѣ въ это время находился дворъ. Въ Россіи онъ быстро пошелъ впередъ. Помимо личныхъ его достоинствъ, о которыхъ даетъ самый лучшій отзывъ его современникъ и сослуживецъ В. А. Нащокинъ, ему покровительствовалъ особенно Ласси, самъ шотландецъ и тоже оставившій отечество какъ якобитъ. Въ 1730 г. императрица Анна Іоанновна, учредивъ Измайловскій лейбъ-гвардіи полкъ, назначила Кейта подполковникомъ въ немъ. Въ 1732 г. онъ былъ назначенъ на только что учрежденную тогда должность военнаго инспектора и цѣлый годъ провелъ въ разъѣздахъ, инспектируя разныя части войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія. Въ 1734 г. онъ успѣшно дѣйствовалъ съ самостоятельнымъ отрядомъ въ Польшѣ противъ приверженцевъ Станислава Лещинскаго. Въ 1735 г. онъ былъ ближайшимъ помощникомъ ген.-аншл. Ласси, во время похода 20,000-го русскаго корпуса на помощь императору Карлу VI. Русскія войска дошли до Неккара, но въ битвахъ участія не принимали, потому что движеніе ихъ заставило воюющія стороны

заключить миръ. Русскія войска въ этомъ походѣ вызвали общее удивленіе своею дисциплиною. Кейтъ получилъ за участіе въ этомъ походѣ чинъ генералъ-поручика и почти непосредственно по возвращеніи принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей подъ начальствомъ Миниха. При штурмѣ Очакова онъ получилъ тяжелую рану въ ногу; его старшій братъ прибылъ въ Россію, получивъ извѣстіе объ опасномъ положеніи Я. Кейта. Онъ, однако, поправился и пріѣхалъ съ братомъ въ Петербургъ; для окончательнаго излѣченія, императрица Анна Іоанновна разрѣшила ему поѣздку во Францію, на воды въ Монпелье, причемъ на путешествіе и лѣченіе пожаловала ему 10,000 р. Кейтъ, дѣйствительно, выздоровѣлъ, но на всю жизнь остался хромымъ. Въ 1740 г. онъ былъ посланъ въ Малороссію съ правами гетмана и заслужилъ тамъ общее расположеніе; но уже въ 1741 г. онъ былъ вызванъ для участія въ войнѣ со Швеціей. Главнокомандующимъ въ этой войнѣ былъ Ласси; онъ немедленно по прибытіи въ армію пригласилъ Кейта къ себѣ въ главную квартиру; по совѣщаніи съ нимъ было предпринято 23 августа нападеніе на Вильманстрандтъ, окончившееся полнымъ успѣхомъ. Послѣ этой побѣды военныя дѣйствія пріостановились; Ласси и Кейтъ пріѣхали въ Петербургъ для совѣщаній о дальнѣйшихъ операціяхъ. 25 ноября вступила на престолъ императрица Елизавета Петровна и начались переговоры о мирѣ; поэтому всю первую половину года, военныхъ дѣйствій не было. Но Кейтъ имѣлъ случай обнаружить и свое присутствіе духа и видѣть свою популярность въ арміи именно въ это время. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны кончилось тяжелое для русскаго народа господство въ правительствѣ нѣмцевъ и народное нерасположеніе къ нимъ выразилось очень сильно въ столицѣ; отразилось оно и въ дѣйствующей арміи. Въ русскій лагерь 6 іюня прибыли для переговоровъ два шведскіе офицера; среди солдатъ уже и раньше слышались толки, что иноземцы-начальники приказываютъ брать въ походъ недостаточное количество снарядовъ или снаряды, не подходящіе по калибру къ оружію; появленіе въ русскомъ лагерѣ шведовъ, которые остановились у генералъ-маіора Ливена, вызвало явную вспышку неудовольствія: гренадеры вдругъ бросились въ лагерь конной гвардіи, гдѣ была ставка Ливена, схватили шведовъ, приставили къ нимъ караулъ, схватили своего офицера Респе и съ криками розыскивали своего же офицера Икскуля. Объ этомъ волненіи донесено было скорѣе всего Кейту; онъ немедленно бросился на мѣсто происшествія; встрѣтивъ толпу, ведшую Респе, онъ немедленно освободилъ офицера и объявилъ, что схватившіе его будутъ разстрѣляны; онъ даже послалъ за священникомъ, чтобы ихъ исповѣдать; всѣмъ офицерамъ приказалъ идти немедленно къ своимъ частямъ и сдѣлать перекличку, съ тѣмъ, чтобы наказать всѣхъ, которые окажутся въ отсутствіи; услыхавъ это, всѣ солдаты побѣжали по мѣстамъ. Благодаря находчивости Кейта и тому уваженію, какимъ онъ пользовался у всѣхъ военныхъ, волненіе было такимъ образомъ прекращено въ самомъ началѣ. При послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ дѣйствіяхъ Кейтъ занялъ Аландскіе острова. По заключеніи мира былъ назначенъ начальникомъ корпуса войскъ, отправленнаго русскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ, для помощи шведамъ противъ Даніи; онъ вступилъ туда 30 ноября 1743 г. съ полками Ростовскимъ и Казанскимъ. Здѣсь онъ пробылъ до лѣта 1744 г., причемъ съ конца 1743 г. завѣдывалъ и дипломатическими сношеніями. По возвращеніи изъ Швеціи онъ былъ назначенъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Ревелѣ, затѣмъ переведенъ въ Ригу. Кейтъ былъ послѣднее время недоволенъ своимъ положеніемъ въ Россіи: господство нѣмцевъ, столь очевидное въ царствованіе Анны Іоановны, смѣнилось теперь, напротивъ, довольно явнымъ недоброжелательствомъ ко всѣмъ иностранцамъ. Такъ Кейту очень хотѣлось получить мѣсто начальника русскаго отряда, объ отправленіи котораго на Рейнъ шли переговоры въ 1747 и 1748 гг., но ему предпочтенъ былъ кн. Репнинъ. Въ Военной коллегіи имѣлъ большое значеніе С. Ѳ. Апраксинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ; онъ лично былъ нерасположенъ къ Кейту и Военная коллегія сдѣлала ему нѣсколько непріятныхъ для него замѣчаній. Кромѣ того гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, не вполнѣ довольный дѣйствіями Кейта въ Швеціи, склонилъ императрицу отказать старшему брату Кейта въ разрѣшеніи поселиться въ Россіи, представляя, что это могло бы возбудить неудовольствіе англійскаго правительства. Тогда Кейтъ въ

1747 г. попросилъ отставки, которую и получилъ. Онъ отправился тогда моремъ въ Гамбургъ; въ Копенгагенѣ онъ получилъ приглашеніе Фридриха II прусскаго вступить къ нему на службу и принялъ это предложеніе; 17 сентября 1747 г. Фридрихъ далъ ему чинъ фельдмаршала, въ 1749 г. назначилъ его на должность губернатора Берлина; берлинская академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ; вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ, прибывшимъ также въ Берлинъ, онъ принадлежалъ къ числу интимныхъ друзей короля. При началѣ Семилѣтней войны Фридрихъ постоянно пользовался совѣтами Кейта, военныя дарованія котораго онъ очень цѣнилъ. Кейтъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ, и былъ убитъ 14 октября 1758 г. при Гохкирхенѣ; онъ былъ погребенъ со всѣми почестями австрійцами, за которыми осталось поле сраженіе; въ 1759 г. его прахъ былъ перевезенъ въ Берлинъ; въ 1786 г. ему воздвигнутъ былъ памятникъ. И Фридрихъ II, и его братъ Генрихъ, и русскій офицеръ Нащокинъ, согласно отмѣчаютъ въ Кейтѣ, какъ характерную черту—его героическую храбрость вмѣстѣ съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ; его воинскія дарованія нашли себѣ достойную оцѣнку въ тѣхъ почестяхъ, которыя оказаны были ему по смерти.

«Allgemeine Deutsche Biographie», XV, 553—555; «Военно-энциклопедическій лексиконъ», VII, 128—130,—въ этомъ словарѣ, въ статьѣ Языкова, посвященной Кейту, приведенъ отзывъ о немъ и о причинахъ его отставки, данный Нащокинымъ; въ печатномъ изданіи записокъ Нащокина, сдѣланномъ тѣмъ же Языковымъ, отзыва этого нѣтъ—или Языковъ заимствовалъ его изъ другихъ бумагъ Нащокина, или изданіе его записокъ сдѣлано съ сокращеніями; Соловьевъ, «Исторія Россіи»; книга V, 74—75, 180—182, 289—291, 961 и др.; Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. т. LXXIX, 88, 198.

Кекинъ, *Алексѣй Дмитріевичъ,* ростовскій купецъ, одинъ изъ первыхъ піонеровъ русской торговли въ оренбургскомъ краѣ; И. И. Неплюевъ зналъ его и иногда пользовался его совѣтами въ случаяхъ, требовавшихъ знанія мѣстныхъ обстоятельствъ; по преданію, онъ помогалъ Неплюеву и въ выборѣ мѣста для Оренбурга. Потомки Кекина до начала настоящаго столѣтія были въ числѣ крупнѣйшихъ торговцевъ съ Хивою и Бухарою.

Титовъ, «Кекинскій лѣтописецъ».

Келеръ, *Карлъ* (Heinrich Karl Ernst *Koehler*), дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Академіи наукъ, директоръ перваго отдѣленія Эрмитажа, археологъ, род. 13 августа 1865 г. въ Вехсельбургѣ, въ Саксоніи, ум. 27 декабря 1837 г. въ Петербургѣ. Учился сначала въ Виттенбергѣ, затѣмъ изучалъ съ 1787 г. въ Лейпцигѣ юридическія науки, но заинтересовавшись классическою филологіей и исторіей искусствъ, пріобрѣлъ уже въ это время въ нихъ большія свѣдѣнія самоучкою; въ то же время онъ пріобрѣлъ большія и основательныя свѣдѣнія по техникѣ разныхъ искусствъ. Онъ не стремился къ полученію какой либо ученой степени и до конца жизни вообще очень мало интересовался внѣшними знаками отличія, степенями, званіями. Въ 1790 г. онъ прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ домашняго учителя въ семействѣ купца Овандера, и въ 1795 г. получилъ мѣсто библіотекаря въ Императорскомъ Эрмитажѣ и хранителя коллекціи геммъ и медалей. Этимъ назначеніемъ онъ обязанъ былъ двумъ статьямъ своимъ, напечатаннымъ еще въ 1794 г. въ изданіи Буссе «Journal von Russland»: «Ueber das Kaiserliche Museum zu Zarskoe-Selo» и «Bemerkungen über die Russisch-Kaiserliche Sammlung von geschnittenen Steinen», въ которыхъ обнаружилъ свои обширныя познанія по части античнаго искусства. За этими статьями послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, посвященныхъ разнымъ произведеніямъ искусства древности, изслѣдованій не большихъ по объему, но весьма интересныхъ и важныхъ по содержанію и свидѣтельствовавшихъ о большихъ знаніяхъ автора и о тонкомъ художественномъ его чувствѣ. Эти статьи создали Келеру громкую извѣстность среди ученыхъ въ Западной Европѣ; знаменитый Бекъ отзывался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ о весьма цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ для изученія древностей. Въ 1804 г. Келеръ по Высочайшему повелѣнію совершивъ археологическое путешествіе по Крыму, гдѣ онъ осмотрѣлъ нѣкоторые памятники и предметы древности въ Херсонесѣ и другихъ мѣстахъ; болѣзнь помѣшала ему, однако, долго остаться въ Крыму. Въ 1817—1819 гг. онъ совершилъ продолжительное путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи, осматривалъ музеи и изучалъ художественныя коллекціи; во время этого путешествія онъ установилъ близкія связи со многими выдающимися учеными Европы. Въ 1821 г. онъ совершилъ второе путешествіе въ Крымъ, и представилъ

свои соображенія о необходимости охранять тамъ памятники древности и о способахъ для этого. Послѣ этой поѣздки онъ написалъ нѣсколько весьма важныхъ замѣтокъ о древнихъ надписяхъ южнаго берега Крыма и о медаляхъ и монетахъ, найденныхъ тамъ, а также объ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ сооруженій; между сочиненіями, явившимися какъ результатъ путешествія Келера въ Крымъ, особенно замѣчательны: «Mémoire sur les Iles et la Course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin, avec des éclaircissemens sur les antiquités du littoral de la sarmatie et des recherches sur les honneurs que les Grecs ont accordés à Achille et aux autres héros de la guerre de Troie» (S.-Pt. 1825) и «Recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale» (S. Pt. 1828), изъ которыхъ особенно послѣднее сообщаетъ весьма любопытныя изысканія о бытѣ древнихъ. Капитальнѣйшимъ трудомъ его было изслѣдованіе «Zur alten Gemmenkunst», часть котораго вышла въ годъ смерти почтеннаго ученаго. Келеръ уступалъ Винкельманну и Висконти въ непосредственномъ чувствѣ изящнаго, въ ихъ горячей любви къ прекрасному, въ пониманіи его и въ умѣньи разъяснять прекрасное и высокое въ искусствѣ другимъ; но онъ, обладая и этими качествами въ достаточно высокой степени, превосходилъ своихъ современниковъ ученостью, глубокимъ и всестороннимъ знаніемъ предмета; слѣдованія его послужили однимъ изъ лучшихъ и важнѣйшихъ основаній для дальнѣйшаго развитія археологіи. Отличаясь страстною любовью къ своему предмету, Келеръ никогда не избѣгалъ полемики и не разъ вступалъ въ жаркіе ученые споры; но лично отличался прекраснѣйшимъ характеромъ и пользовался искреннимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ знавшихъ его.—Съ 1803 г. онъ былъ членомъ корреспондентомъ Академіи Наукъ, съ 1817 г. ея дѣйствительнымъ членомъ; кромѣ того онъ состоялъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, членомъ академій: Берлинской, Мюнхенской, Стокгольмской, Римской, Вѣнской и нѣсколькихъ ученыхъ обществъ заграницей.

«H. K. E. Köhler. Zur Erinnerung an den verewigten», von K. Morgenstern. Recueil des actes de la séance publique de l'Acad. Impr. des sciences de St. Pétersb., 1839, 73—140, тамъ же 3—8.

Келеръ, (v. Köhler Hermann Iohann) доцентъ Дерптскаго университета, род. въ Ригѣ 1 мая 1792 г., получилъ медицинское образованіе въ Дерптскомъ университетѣ (1811—1815) и сейчасъ по окончаніи курса защитилъ диссертацію «De feminarum natura, ut frequente quarundam morborum causa» Dorp. 1815. Съ 1820 г. избранъ приватъ-доцентомъ медицинскаго факультета въ Дерптѣ, а потомъ утвержденъ въ званіи доцента, каковымъ оставался до 1850 г., когда вышелъ въ отставку по выслугѣ 30 лѣтъ; умеръ 12 ноября 1860 г. Кромѣ диссертаціи напечаталъ: «Aristoteles de molluscis cephalopodibus. Commentatio pro venia legendi», Rigae, 1820; «Vorbericht zu der Beiträgen zur Naturkunde aus den Ostseeprovinzen Ruslands», 1820; «Beiträge zu der von J. Hecker herausgegebenen Litterarischen Anzeige der gesammten Heilkunde», 1825 и др.

Кёлеръ, *Іоганъ Готфридъ*, граверъ при С.-Петербургской Академіи Наукъ. Родомъ изъ Дрездена, онъ учился въ Петербургѣ у Еллингера и Кортмана и гравировалъ ландшафты, а также картины къ сказкѣ о Францускѣ.

Д. Ровинскій «Подроб. словарь русс. граверовъ», 1895, II; метрики церкви св. Екатерины.

Н. С.

Келинъ, генералъ-майоръ, ум. послѣ 1711 г. Съ 1702 г. служилъ полковникомъ въ русской арміи; участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Нотебургомъ, Ніеншанцемъ, Дерптомъ и Нарвою. Въ концѣ 1708 г., при вступленіи Карла XII въ Украйну, онъ назначенъ былъ комендантомъ Полтавы. Съ незначительнымъ, сравнительно, гарнизономъ, ему и пришлось выдержать осаду шведами этого города—всего онъ имѣлъ не болѣе 5100 человѣкъ солдатъ и до 2600 вооруженныхъ гражданъ. Его распорядительности и храбрости обязаны мы въ значительной степени тѣмъ, что городъ не попалъ въ руки шведовъ. Петръ Великій немедленно по прибытіи своемъ подъ Полтаву собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ объ этомъ Келина и благодарилъ его и гарнизонъ за храбрую оборону. Келинъ нѣсколько разъ отбивалъ штурмы шведовъ, успѣшно боролся съ подземными работами и сдѣлалъ нѣсколько смѣлыхъ и удачныхъ вылазокъ. Послѣ пораженія шведовъ Келинъ привѣтствовалъ государя краткою рѣчью при вступленіи его въ городъ, послѣ чего государь нѣсколько разъ поцѣловалъ его и благодарилъ за храбрость и вѣрную службу; чинъ гене-

ралъ-майора и крупная денежная сумма были ему наградою; во время пребыванія въ Полтавѣ царь постоянно особенно отличалъ Келина. Въ 1711 г. онъ дѣйствовалъ подъ Азовомъ; свѣдѣній о дальнѣйшей жизни его не имѣется.

Голиковъ «Дѣянія Петра Великаго», IV, 39; XI, 165 — 169, 189 — 191, 235; «Справ. энцикл. словарь». VII 641—642; «Журн. для чтенія воспит. военно-учеб. завед.», т. 44, 252—263.

Келлерманъ, *Андрей*, докторъ, ум. въ концѣ XVII в. Род. въ Москвѣ, въ 40-хъ годахъ XVII в., былъ сынъ иноземца купца, давно уже жившаго по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ; въ 1661 г. по царскому указу былъ отправленъ въ иностранныя земли для ученья: онъ учился шесть лѣтъ въ Лейпцигѣ, три года въ Страсбургѣ, два года въ Лейденѣ, около полутора года въ Оксфордѣ и Парижѣ и, наконецъ, въ Падуанской академіи, отъ которой получилъ степень доктора медицины; по возвращеніи въ 1678 г. въ Московское государство онъ просилъ о принятіи его на службу московскому царю; просьба его была принята благосклонно и онъ назначенъ на службу, съ денежнымъ жалованьемъ въ 204 р., кромѣ выдачи натурою разныхъ припасовъ; между прочимъ ему пришлось лѣчить многихъ раненыхъ во время войны въ Малороссіи, которые пріѣзжали лѣчиться въ Москву.

«Русс. Старина», 1895, т. 33, 146—149.

Келлнеръ, *Христіанъ Готлибъ*, преподаватель Московскаго университетета, ум. 25 февраля 1760 г. Въ 1757 г. приглашенъ былъ И. И. Шуваловымъ, по рекомендаціи Готшеда, читать нѣмецкій языкъ и универсальную исторію; на слѣдующій же годъ ему порученъ былъ лишь одинъ послѣдній предметъ; онъ былъ баккалавромъ философіи и членомъ лейпцигскаго общества изящныхъ искусствъ.

«Біографич. словарь профес. Москов. Университета», I, 403.

Кельдяевъ, *Иванъ*, по прозванію Дружина, родомъ мордвинъ, изъ села Кужендѣева арзамасскаго уѣзда, сопровождалъ Іоанна IV Грознаго въ 1552 г. подъ Казань, участвовалъ во взятіи города и выказалъ «храбрость не малую». За это царь его пожаловалъ «вотчинами, лѣсами съ бортными угодьями и со звѣриной ловлею»... по рѣкѣ Вельтмѣ и ея притокамъ; жалованная грамота царя и вел. кн. Іоанна Васильевича Ивашкѣ Кельдяеву, данная въ 1564 г. напечатана въ «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Др. Росс.» т. V, стр. 52—54. Имѣніе это по смерти И. Кельдяева перешли къ его потомкамъ Кужендѣевымъ, а потомъ къ Баташевымъ.

Кельзи, *Ѳедоръ Ильичъ*, лекторъ Петербургскаго университета, род. въ 1819 году въ Алеппо, ум. въ 1886 г. Род. въ арабской семьѣ; въ сороковыхъ годахъ переселился въ Россію; съ 1856 г. началъ практическія упражненія со студентами факультета восточныхъ языковъ въ арабскомъ языкѣ; въ 1863 г. былъ утвержденъ штатнымъ лекторомъ; въ этомъ же году онъ напечаталъ небольшое руководство: «Русско-арабскіе общественные разговоры съ приложеніемъ опыта перевода басенъ Крылова на арабскій языкъ»; въ 1881 г. за выслугою лѣтъ уволенъ въ отставку; преподаваніе прекратилъ въ 1882 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Петерб. унив.», I, 306.

Кельрейтеръ, (Ioseph-Theophilus Koelreiter), ботаникъ, адъюнктъ петербургской Академіи Наукъ, род. въ 1733 г. ум. въ 1806 г. Изучалъ естественныя науки въ Тюбингенѣ; получилъ степень доктора въ 1755 г. и былъ вызванъ въ Петербургъ; въ 1760 г. ему поручена была каѳедра ботаники по увольненіи академика Гебенштейна. Въ 1761 г. оставилъ русскую службу и уѣхалъ въ Лейпцигъ; въ теченіе 1761—1764 гг. издалъ сочиненіе «Vorläufige Nachricht von einigen das Geschlecht der Pflanzen betreffenden Versuchen», представляющій одно изъ лучшихъ сочиненій прошлаго столѣтія по этому вопросу; оно переиздано въ Ostwald's «Klassiker der exakten Wissenschaften», Leipzig, 1893 г. № 41.

Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», II, 723, 958.

Кельсіевъ, *Василій Ивановичъ*, писатель, эмигрантъ, род. въ Петербургѣ, въ 1835 г., ум. 2 октября 1872 г. Онъ принадлежалъ къ роду, вышедшему въ Россію съ Кавказа при Екатеринѣ II, и имѣвшему право на княжескій титулъ, съ теченіемъ времени утраченный. Съ дѣтства онъ отличался большими способностями и чрезвычайно живымъ темпераментомъ; рано оставшись сиротою онъ росъ безъ семьи и безъ правильнаго руководительства. Отданный въ коммерческое училище, онъ окончилъ тамъ курсъ въ самомъ началѣ крымской войны и мечталъ поступить

волонтеромъ въ дѣйствующую армію; но такъ какъ состоялось распоряженіе волонтеровъ опредѣлять лишь въ резервныя войска, то онъ оставилъ это намѣреніе и продолжалъ подготовку свою для практической дѣятельности и два года слушалъ въ Петербургскомъ университетѣ лекціи восточныхъ языковъ. Онъ отличался чрезвычайною способностью къ изученію языковъ и впослѣдствіи зналъ до 25-ти языковъ и нарѣчій и въ томъ числѣ 14 такъ, что могъ на нихъ говорить; въ это время онъ изучалъ преимущественно китайскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ значительной мѣрѣ поддался разнымъ новымъ вѣяніямъ, которыя носились тогда въ русскомъ обществѣ; увлеченіе этими новыми дѣяніями дошло у Кельсіева до того, что когда въ 1858 г. онъ былъ задержанъ бурями въ Плимутѣ, по дорогѣ въ Сѣверную Америку, для службы въ сѣверо-американской кампаніи, онъ переѣхалъ въ Лондонъ, сблизился съ кружкомъ Герцена, и рѣшилъ остаться въ Англіи, а затѣмъ и совершенно порвать связи съ отечествомъ; въ 1859 г. онъ явился въ русское генеральное консульство и заявилъ, что эмигрируетъ изъ Россіи. Предоставивъ себя въ распоряженіе партіи революціонной пропаганды, Кельсіевъ первое время занялся переводомъ Библіи, которую партія намѣревалась распространить въ публикѣ въ переводѣ, сдѣланномъ безъ всякаго участія духовной цензуры; начало этого перевода издано въ 1866 г. подъ псевдонимомъ Вадима; въ Лондонѣ въ руки Кельсіева попали оффиціальные документы, относящіеся къ расколу, которые и были имъ напечатаны подъ названіемъ «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ» (4 книги, Лондонъ, 1861—1862) и «Сборникъ постановленій по части раскола», (2 книги, тамже, 1863). Познакомившись съ положеніемъ раскольниковъ, Кельсіевъ пришелъ къ мысли воспользоваться ими для революціи въ Россіи, и съ турецкимъ паспортомъ пріѣзжалъ въ Москву и распространялъ между раскольниками прокламаціи; онъ думалъ затѣмъ поселиться для революціонной дѣятельности въ Австріи, но тамъ приняли его за тайнаго русскаго агента и онъ долженъ былъ уѣхать въ Турцію. Кельсіевъ въ Константинополѣ познакомился съ многими польскими эмигрантами; сношенія и съ ними произвели на него глубокое впечатлѣніе; онъ началъ колебаться въ своей безусловной вѣрѣ въ приложимость къ жизни тѣхъ принциповъ, въ которые прежде слѣпо вѣрилъ и кромѣ того онъ почувствовалъ себя русскимъ и отрекся отъ прежняго отрицанія всякой національности. Не отказавшись еще вполнѣ отъ вѣры въ плодотворность революціи, Кельсіевъ, однако, почувствовалъ непреодолимое стремленіе быть среди русскихъ людей и потому вмѣстѣ съ извѣстнымъ Садыкъ-пашей, Чайковскимъ, переселился на нижнее теченіе Дуная, въ среду казаковъ-некрасовцевъ и скопцовъ. Здѣсь мечталъ онъ устроить пріютъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы выселиться изъ Россіи и устроить свою жизнь сообразно съ новыми соціальными теоріями. Въ короткое время Кельсіевъ пріобрѣлъ большое довѣріе казаковъ-некрасовцевъ; онъ даже былъ выбранъ въ старшины и оказалъ своей общинѣ большія услуги, выигравши нѣсколько очень запутанныхъ ея процессовъ съ сосѣдями; казаки всѣ свои собственныя дѣла стали предоставлять на рѣшеніе Кельсіева, и совершенно не обращались къ турецкимъ судамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кельсіевъ увидѣлъ, что никакая революціонная пропаганда между ними немыслима; казаки-раскольники, всѣ грамотные, читали прокламаціи, которыя Кельсіевъ усердно расклеивалъ въ Тульчѣ, и оставались совершенно равнодушными къ ихъ содержанію; мало того, Кельсіевъ видѣлъ въ нихъ постоянно горячую любовь къ Россіи. Сомнѣнія въ приложимости своихъ идей къ жизни, къ идеаламъ и взглядамъ русскаго народа, и тѣхъ идей, какія питала партія Герцена, еще усилились въ умѣ Кельсіева; своими сомнѣніями онъ дѣлился съ революціонерами Лондона, просилъ совѣтовъ, просилъ прислать къ нему людей, которые, быть можетъ, лучше его сумѣютъ взяться за дѣло — но его письма оставлены были безъ всякаго вниманія. Въ 1865 г. его постигли тяжелыя личныя утраты: умерли его братъ, жена и дѣти. Къ тому же, внушенія Кельсіева привели къ тому результату, что раскольничій бѣлокриницкій митрополитъ запретилъ, наконецъ, своей паствѣ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Кельсіевымъ. Глубоко потрясенный всѣмъ этимъ онъ уѣхалъ изъ Тульчи и поселился въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ началъ заниматься этнографіею и миѳологіею славянъ, и нѣсколько статей его, написанныхъ подъ псевдонимомъ Иванова-Желудкова, были на-

печатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Изъ Вѣны Кельсіевъ предпринималъ поѣздки по славянскимъ землямъ—и чѣмъ больше ѣздилъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя русскимъ,—и тѣмъ легче примирялся съ несовершенствами существующаго у насъ порядка, что повсюду видѣлъ у славянъ горячую вѣру въ Россію, и любовь къ ней; онъ самъ проникся убѣжденіемъ, что русскій народъ съ честью исполняетъ свою историческую миссію и что ему предстоитъ великая будущность. Жизнь въ славянскихъ земляхъ завершила тотъ переломъ въ убѣжденіяхъ Кельсіева, который начался еще среди казаковъ-раскольниковъ: 20 мая 1867 г. Кельсіевъ явился на русскую границу въ таможню Скуляны, заявилъ, что онъ эмигрантъ и по дѣятельности своей государственный преступникъ, хотя и не былъ судимъ, и отдался въ руки властей. 2 іюня 1867 г. онъ былъ доставленъ съ жандармами въ Петербургъ; здѣсь съ него начали снимать допросъ; видя, что слова его стенографически записываются, онъ вызвался самъ составить записку о своей жизни и дѣятельности за границей. Записка эта была написана очень просто и правдиво, при чемъ, однако, Кельсіевъ не называлъ рѣшительно никого изъ лицъ извѣстныхъ ему по связямъ съ заграничными революціонерами. Государь Императоръ самъ прочелъ эту записку и даровалъ Кельсіеву полное прощеніе, съ правомъ свободнаго жительства въ столицахъ и даже съ правомъ поступленія на государственную службу. Кельсіевъ остался въ Петербургѣ и занялся литературными трудами. Осенью еще 1867 г. онъ сдѣлалъ въ Географическомъ обществѣ сообщеніе о скопцахъ, которое заключало въ высшей степени цѣнныя свѣдѣнія объ этой тогда еще мало изученной сектѣ. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ «Пережитое и передуманное», (С.-Петербургъ, 1868); это произведеніе отличается большою искренностью и правдивостью; въ воспоминаніяхъ его невидно ни малѣйшей рисовки, и чрезвычайное умѣнье деликатно умалчивать о другихъ приверженцахъ той же партіи, къ которой онъ принадлежалъ нѣкогда самъ. Въ 1868 г. вышли его «Галичина и Молдавія, путевые очерки»; въ 1869 г. — «Эмигрантъ Абихтъ» (Русскій Вѣстникъ, I), «Изъ разсказовъ объ эмигрантахъ» (Заря, III), «Святорусскіе двоевѣры», (Заря, X, XI); въ 1871 г. были напечатаны имъ двѣ историческія повѣсти «Москва и Тверь» и «При Петрѣ», обѣ отличающіяся нѣкоторыми литературными достоинствами; въ это же время онъ сотрудничалъ въ газетѣ «Голосъ» и въ журналѣ «Нива». Здоровье его было сильно потрясено и нравственными страданіями, и нелегкою жизнью среди казаковъ и, наконецъ, неумѣреннымъ употребленіемъ вина, въ которомъ онъ одно время искалъ забвенія послѣ потери семьи. Кельсіевъ часто хворалъ, впадая временно въ полную апатію и умеръ на 37 году жизни въ Петербургѣ.

«Нива», 1872, стр. 667—668; «Иллюстрированная Недѣля», 1874, № 38; «Современный Листокъ», 1867. № 82.

Кельхенъ, *Иванъ Захаровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, лейбъ-хирургъ, род. въ Ригѣ, въ 1722 г., ум. 1800 г. Былъ сначала врачемъ въ домѣ гр. З. Г. Чернышева, затѣмъ сдѣлался членомъ Вольнаго Экономическаго общества и съ 1785 по 1792 г. состоялъ иностраннымъ его секретаремъ. Съ 1783 г. преподавалъ въ медико-хирургическомъ институтѣ, учрежденномъ при Калинкинской больницѣ и имѣвшемъ цѣлью приготовлять для русской провинціи врачей изъ уроженцевъ остзейскихъ губерній; затѣмъ получилъ званіе лейбъ-хирурга и пользовался такимъ довѣріемъ императрицы, что Калинкинская и Обуховская больницы, организованныя по представленному имъ плану, были поручены непосредственно его управленію, независимо отъ Медицинской Коллегіи. Его «Grundriss der Einrichtung der Kaiserlich-medicinisch-chirurgischen Schule», (1786), вышелъ и въ переводѣ на французскій языкъ.

Никитинъ, «Крат. обзоръ состоян. медиц. въ Россіи въ царств. Екатерины II»; 49; Recke u. Napierski, «Allgem. gelehrt. Lexicon», II, 420 u. Nachtrag, 300; Hirsch, «Biographisches Lexicon der hervorrag. Aerzte», III, 450.

Кельхинъ, *Георгій Захаровичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1741 г., въ службу вступилъ кондукторомъ въ 1759 г., произведенъ въ инженеръ-прапорщики въ 1761 г. и затѣмъ много лѣтъ провелъ въ плаваніяхъ на военныхъ корабляхъ, причемъ участвовалъ въ чесменскомъ боѣ, на кораблѣ Ростиславъ. По производствѣ въ 1794 г. въ генералъ-маіоры состоялъ пер-

новскимъ комендантомъ и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка. Уволенъ отъ службы въ 1797 г.

Форм. спис. по Инжен. кор. за 1794 г. № 50 въ Москов. отд. Архива Гл. Штаба.

С. Н. П.

Кеммереръ, *Александръ Богдановичъ*, оберъ-бергъ аптекарь, предсѣдатель фармацевтическаго общества въ С.-Петербургѣ, род. въ 1789 году въ тюрингенскомъ городкѣ Артернѣ (принадлежавшемъ тогда Саксоніи); ум. въ С.-Петербургѣ 3 февраля 1858 года. Кеммереръ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ своими родителями восьмилѣтнимъ мальчикомъ; получивъ первоначальное школьное образованіе, онъ поступилъ ученикомъ въ частную аптеку и, благодаря упорному труду, уже въ 1807 г. выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго ученика, а еще черезъ два года и на провизора. Своею дѣятельностью и познаніями онъ пріобрѣлъ между сотоварищами довѣріе и кредитъ, и это дало ему возможность въ 1812 г. открыть собственную аптеку, во главѣ которой онъ стоялъ 14 лѣтъ. Чисто практическое дѣло не мѣшало Кеммереру усердно отдаваться научнымъ занятіямъ; въ 1818 г. принималъ онъ дѣятельное участіе въ учрежденіи русскаго фармацевтическаго общества, которому оказалъ большія услуги и которымъ впослѣдствіи руководилъ въ качествѣ предсѣдателя; въ 1822 г. избрало его своимъ членомъ Императорское минералогическое общество, а незадолго передъ тѣмъ приняло его въ свою среду Московское общество испытателей природы.

Разнообразныя отношенія, завязанныя Кеммереромъ въ его широкой дѣятельности, сблизили его, между прочимъ, съ горнымъ вѣдомствомъ, которое въ 1824 г. предложило ему мѣсто химика при лабораторіи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а затѣмъ, въ 1826 г., поручило ему завѣдываніе только-что основанной Главной горной аптекой.

Это новое положеніе способствовало тому, что Кеммереръ посвятилъ себя почти исключительно занятіямъ своимъ любимымъ предметомъ—минералогіей, которыя нашли оцѣнку въ избраніи его членомъ Данцигскаго общества естествоиспытателей, членомъ-корреспондентомъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи и членомъ Минералогическаго общества въ Іенѣ. За работу: Ueberblick der Theorien der Geologie Werner's und Hutton's (напечатана въ «Запискахъ Минералогическаго общества» и въ «Горномъ Журналѣ») Гейдельбергскій университетъ присудилъ Кеммереру въ 1829 году докторскій дипломъ. Въ томъ же году, по волѣ Императора Николая I, Кеммереръ (уже въ чинѣ беръ-гауптмана 6 класса) сталъ преподавать нѣкоторыя естественныя науки Великому Князю Александру Николаевичу, впослѣдствіи Императору Александру II. Въ 1846 году вышелъ въ отставку. Въ 1857 г. къ 50 лѣтнему юбилею своей фармацевтической дѣятельности Кеммереръ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Какъ человѣкъ честный и добрый, Кеммереръ пользовался всеобщими симпатіями. Онъ составилъ себѣ превосходную коллекцію минераловъ, преимущественно русскихъ. Одинъ изъ послѣднихъ—разновидность пеннина, встрѣчающаяся близъ Бисерскаго завода и на озерѣ Иткулѣ, на Уралѣ,—Н. Норденшёльдъ (отецъ) назвалъ въ честь него «Кеммереритомъ». Большая часть этой коллекціи ушла впослѣдствіи въ Лондонъ. Горное вѣдомство неоднократно прибѣгало къ помощи Кеммерера при выпискѣ изъ-за границы для музеума Горнаго Института минераловъ, окаменѣлостей и слѣпковъ частей ископаемыхъ животныхъ. Покупались минералы и у него лично. Въ «Горномъ Журналѣ» (1825—1830 гг.) помѣщено нѣсколько статей Кеммерера по минералогіи.

«St.-Petersburger Zeitung» 1857 г., №№ 97 и 100; словарь Геннади; архивъ Горнаго департамента.

С. Кулибинъ.

Кемницъ, *Евгеній Карловичъ*, педагогъ, род. въ 1832 г., въ г. Чугуевѣ харьковской губерніи, ум. 16 августа 1871 г. Сынъ капельмейстера уланской дивизіи. По слабости здоровья воспитывался дома до 16 лѣтъ, а потомъ въ Кіевской гимназіи, гдѣ не окончилъ курса тоже по болѣзни. Въ 1857 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда выбылъ по недостатку средствъ и пѣшкомъ возвратился на родину. Въ 1860 г. и 1861 г. слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ до его закрытія. Пройдя суровую школу нужды съ юныхъ лѣтъ, онъ былъ человѣкъ крѣпкаго нравственнаго закала, отличался полнѣйшею независимостью убѣжденій и готовностью отстаивать ихъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Живя въ совершенномъ уединеніи, по своей крайней застѣнчивости избѣгая общества людей,

онъ все время отдавался научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Съ 1862 г. принималъ дѣятельное участіе въ журналахъ «Учитель» и «Педагогическій Сборникъ, издаваемый при военно-учебныхъ заведеніяхъ», помѣстивъ въ нихъ много замѣчательныхъ, по глубинѣ мысли и вѣрности оцѣнки, критическихъ и библіографическихъ статей и замѣтокъ, а также нѣсколько компилятивныхъ работъ, содержащихъ теоретическую разработку педагогическихъ вопросовъ и имѣвшихъ большое значеніе въ свое время. Принималъ участіе въ составленіи «Настольнаго Словаря», Толя и «Энциклопедическаго Лексикона» Лаврова. Перевелъ съ нѣмецкаго извѣстный трудъ Вундта «Душа человѣка и животныхъ», 1869 г. и др. Въ 1871 г. у него особенно развился порокъ сердца, которымъ онъ страдалъ постоянно и онъ былъ на средства Литературнаго фонда помѣщенъ въ Маріинскую больницу, гдѣ и скончался. Изъ статей его назовемъ: «Совѣтъ матерямъ касательно двоякаго рода умственныхъ способностей въ питомцахъ»; «Гигіеническія условія воспитанія»; «Очерки воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ временъ»; «О преподаваніи исторіи»; «Обученіе французскому языку по методѣ Магера»; «Умственныя упражненія»; «Очерки древняго міра»; въ журналахъ «Учитель» за 1861—1869 гг. и въ «Педагогическій Сборникъ» съ 1864—1871 гг., напечатано имъ до 70 рецензій книгъ.

Некрологъ, въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» 1871 г.;—Записка, составленная близкимъ родственникомъ Кемпица П. А. Гайдебуровымъ (рукопись); устные разсказы друзей и сотрудниковъ покойнаго Кемница; Журналы «Учитель» и «Педаг. Сборникъ» за 1862—1871 гг.

П. Васильевъ.

Кемпфъ, *Іоганъ Георгъ*, архитекторъ XVIII ст. Саксонскій уроженецъ, онъ работалъ въ Петербургѣ въ 1746—1751 гг.; по его проэкту построены зданіе школы и и дома пасторовъ при церкви Св. Петра и Павла на углу Невскаго проспекта и Конюшенныхъ улицъ.

Изъ архив. документовъ. *Н. С.*

Кемскіе князья. Въ XIV в. выдѣлились изъ Бѣлозерскаго княжества князья Кемскіе и Кемско-Сугорскіе, т. е. обладатели Сугорья и Кемской области. Третій сынъ кн. Бѣлозерскаго Василія Романовича (умершаго въ 1380 г.), Семенъ Васильевичъ былъ первымъ и послѣднимъ княземъ Кемско-Сугорскимъ. По родословнымъ онъ имѣлъ 5 сыновей: Владиміра, Ѳедора, прозвищемъ Дурака, Давыда, Дмитрія и Константина; изъ нихъ Ѳедоръ, Владиміръ и Дмитрій владѣли Сугорьемъ, а остальные Кемской областью; впрочемъ Константинъ рано оставилъ мірскую жизнь для монашеской кельи и Сугорьемъ остались владѣть Владиміръ и Ѳедоръ. Давидъ имѣлъ сыновей: Александра, Ивана, Аѳанасія прозваніемъ Фуника, сопровождавшаго въ 1494 г. вел. кн. Елену Іоанновну въ Вильну, Юрія и Ѳедора (ум. 1506). Послѣдніе два уже не были владѣтельными князьями; какъ видно изъ тяжебнаго дѣла дѣтей Юрія Давидовича съ Анной, женой дяди ихъ Ѳедора Давидовича (Акты Юрид., № 13), Юрій и его сыновья были простыми землевладѣльцами или вотчинниками. Изъ ихъ потомковъ, дожившихъ только до начала XVII в., наиболѣе замѣчателенъ кн. Ѳедоръ Ивановичъ, въ иночествѣ Ѳеодосій, написавшій «Лѣтописецъ Россійскаго Государства отъ начала Россійскихъ князей до царя Ивана Васильевича», въ 1549 г.

Кемпъ, *Людвигъ Мартыновичъ*, академикъ, род. 11 января 1801 г., въ Трептовѣ, въ Помераніи, ум. 8 декабря 1867 г. въ Петербургѣ. Онъ былъ сынъ простаго земледѣльца, учился сначала въ мѣстной школѣ, потомъ въ гимназіи въ Трептовѣ и въ латинской школѣ въ Галле; въ 1819 г. онъ поступилъ въ университетъ въ Галле, сначала занимался юридическими науками, но затѣмъ перешелъ къ занятіямъ науками математическими и физикою; въ 1822 г. онъ получилъ степень доктора философіи за свое разсужденіе о логариѳмѣ интегралов; затѣмъ онъ началъ читать лекціи по физикѣ въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1827 г. получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1834 г. ординарнаго профессора въ томъ же университетѣ въ Галле. За этотъ періодъ времени онъ издалъ цѣлый рядъ статей по изученію электрическихъ и свѣтовыхъ явленій; статьи эти обратили на него вниманіе ученаго міра, и изданный въ 1839 г. Кемпемъ «Lehrbuch der Experimentalphisik» создалъ ему солидную ученую извѣстность. Но эти работы, при всей своей важности, не занимали исключительно времени и вниманія Кемпа, а еще болѣе работалъ онъ въ области изученія законовъ атмосферныхъ явленій. Въ періодъ времени съ 1825 по 1831 г. онъ написалъ цѣлый рядъ

въ высшей степени замѣчательныхъ монографическихъ изслѣдованій объ измѣненіяхъ въ стояніи барометра, о вліяніи луны на барометръ, объ опредѣленіи средней температуры сутокъ, о причинахъ наименьшей температуры предъ восходомъ солнца, о годичныхъ измѣненіяхъ температуры, о сѣверномъ сіяніи и пр. Въ 1831, 1832 и 1836 гг. вышло въ трехъ томахъ капитальнѣйшее сочиненіе Кемца «Lehrbuch der Meteorologie», которое является классическимъ въ области избранной науки; онъ представляетъ не только сводъ всего сдѣланнаго по метеорологіи прежде, но рядъ спеціальныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій по всѣмъ частямъ науки, произведенныхъ по одному общему плану; Кемцъ обнаружилъ удивительную начитанность въ томъ, что было сдѣлано по той же наукѣ ранѣе, но особенно замѣчателенъ цѣлый рядъ остроумныхъ и интересныхъ самостоятельныхъ вычисленій и рядъ прекрасныхъ наблюденій и опытовъ. Изданное самимъ Кемцемъ сокращенное изложеніе его книги — «Vorlesungen über Meteorologie», 1840, было переведено въ скоромъ же времени на русскій, (проф. М. Спасскимъ «Чтеніе о метеорологіи»), французскій, англійскій и итальянскій языки. Въ 1841 г. Кемцъ занялъ каѳедру въ Дерптскомъ университетѣ; съ 1847 г. и почти до конца жизни онъ ежегодно совершалъ путешествія съ научною цѣлью—преимущественно въ Альпы, для изученія вопроса о происхожденіи ледниковъ; онъ издавалъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго общества «Метеорологическій Сборникъ» (10 выпусковъ), въ которомъ сообщались результаты и выводы изъ наблюденій, дѣлавшихся по всей имперіи; въ «Сборникѣ» этомъ большая часть принадлежитъ перу самого Кемца. Въ члены Академіи Наукъ онъ былъ избранъ въ 1865 г.

Записки Акад. Наукъ, XIII 1—7; Poggendorf, «Handwörterbuch», I, 1216.

Кёне, баронъ *Борисъ Васильевичъ,* тайный совѣтникъ, род. 4 (16) іюля 1817 г. въ Берлинѣ, гдѣ отецъ его былъ тайнымъ государственнымъ архиваріусомъ, ум. въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, 5 февраля 1886 г. Учился въ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, получилъ въ послѣднемъ степень доктора философіи и филологіи и въ 1842 г. прибылъ въ Россію. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ людьми, интересовавшимися нумизматикою; покровительство герцога Лейхтенбергскаго дало возможность этимъ лицамъ учредить Русское нумизматическое общество, вскорѣ переименованное въ Русское Археологическое; Кёне былъ первымъ его секретаремъ. Въ 1845 г. Кёне поступилъ на службу помощникомъ начальника перваго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, въ 1850 г. перемѣщенъ во второе отдѣленіе въ томъ же году онъ былъ назначенъ управляющимъ первымъ отдѣленіемъ при департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената. Въ 1862 г. ему дозволено было принять баронское званіе пожалованное ему правительствомъ княжества Рейсъ-Грейцскаго; въ 1863 г. Кёне произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ 1864 г. назначенъ совѣтникомъ Эрмитажа по ученой части. Его труды въ области археологіи и въ частности нумизматики доставили ему европейскую извѣстность. Онъ былъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ Россіи и западной Европы, сочиненія его печатались на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ и датскомъ, которыми онъ всѣми владѣлъ. По части археологіи и нумизматики, кромѣ нѣсколькихъ статей и замѣтокъ особенно замѣчательны его труды: «Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса Таврическаго» (С.-Петербургъ, 1848), «Описаніе европейскихъ монетъ, X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи» (1849—1850, есть и на нѣмецкомъ языкѣ), «Описаніе музеума покойнаго князя Василія Викторовича Кочубея и изслѣдованія объ исторіи и нумизматикѣ греческихъ поселеній въ Россіи и царствъ Понтійскаго и Босфора Киммерійскаго» (С.-Петербургъ, 1855, есть и на французскомъ языкѣ)—за это сочиненіе Кёне получилъ одну изъ высшихъ существующихъ ученыхъ наградъ—именную золотую медаль отъ Institut de France). «Das Münzwesen der Stadt Berlin», «De nummis Frederici II, electoris Brandenburgensis». Кёне издавалъ въ Берлинѣ журналъ «Zeitschrift für Münz-Siegelund Wappenkunde». По части генеалогіи и геральдики Кене издалъ: «Девизы русскихъ городовъ», «Recherches sur l'origine de plusieurs maisons souveraines de l'Europe», «Les familles célèbres de la Russie», подъ его руководствомъ составлены и изданы части 11, 12 и 13 «Гербовника

Россійской Имперіи» и, совмѣстно съ нѣсколькими другими лицами, «Каталогъ нумизматическаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа»; послѣднею его ученою работою было: «Berlin — Moscau — St.-Petersburg», (С.-Петербургъ, 1882)—историческое изслѣдованіе отношеній между русскимъ и прусскимъ дворами съ 1649 по 1763 г. Кёне былъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ до 30 иностранныхъ обществъ и академій, въ томъ числѣ стокгольмской и мадридской археологическихъ академій, королевской академіи генеалогіи и геральдики въ Пизѣ, римскаго института; археологическихъ обществъ французскаго, бельгійскаго, берлинскаго, копенгагенскаго, британскаго и др.

«Историч. Вѣстникъ», 1886, т. 24, 261; Языковъ, «Обзоръ», VI, 75—76; «Новости» 1886, 11 февраля.

Кеневичъ, *Владиславъ Ѳеофиловичъ*, род. въ 1831 г., ум. 23 октября 1879 г. Учился въ Дворянскомъ полку; преподаватель Введенскій, замѣтивъ его необыкновенныя способности, внушилъ ему желаніе идти въ университетъ. Окончивъ курсъ въ Дворянскомъ полку, Кеневичъ самоучкою изучилъ латинскій и греческій языки и выдержалъ экзаменъ въ университетъ; по окончаніи въ немъ курса—онъ съ 1852 г. по самую смерть былъ преподавателемъ—сначала въ Дворянскомъ полку, потомъ въ 1 кадетскомъ корпусѣ и въ институтахъ Патріотическомъ и Елизаветинскомъ, и въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся педагоговъ и по своему умѣнью внушать учащимся любовь къ труду, и по умѣнью подмѣтить и поддержать интересъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, и по своему выдающемуся дару слова и по знакомству своему съ методами преподаванія и педагогическою литературою. Среди учебныхъ своихъ занятій, дѣятельнаго участія въ журналахъ «Учитель», «Педагогическій Музей», «Библіотека для чтенія», въ газетахъ «Москва» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», онъ находилъ время и для ученыхъ и литературныхъ трудовъ и оставилъ два замѣчательныхъ для своего времени пособія: «Опытъ учебника русскаго синтаксиса» и «Хрестоматія для изученія произведеній древней русской литературы» (составлена совмѣстно съ В. К. Скопинымъ). Кромѣ того онъ перевелъ автобіографію Августа Людвига Шлецера, которая и вышла подъ названіемъ «Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера» и принималъ дѣятельное участіе, по порученію академика Я. К. Грота, въ различныхъ библіографическихъ работахъ, связанныхъ съ изданіемъ сочиненій Державина, сдѣланнымъ Академіею Наукъ подъ редакціей Я. К. Грота. Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ Кеневича являются «Библіографическія и историческія примѣчанія къ Баснямъ И. А. Крылова», изданныя въ 1868 г. Академіей Наукъ—въ VI т. «Сборника статей, читанныхъ во II отдѣленіи Академіи Наукъ» и отдѣльно. Въ трудѣ этомъ Кеневичъ, на основаніи изученія разныхъ изданій басенъ и рукописей баснописца, а также многихъ печатныхъ свѣдѣній, относящихся ко времени его жизни, установилъ хронологическій порядокъ басенъ Крылова и снабдилъ ихъ многими чрезвычайно интересными примѣчаніями. Въ дополненіе къ этой работѣ онъ напечаталъ тогда же обширный «Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ» и «Матеріалы для біографіи Крылова». Эти работы Кеневича представляютъ произведенія замѣчательныя и лучшее, что у насъ существуетъ для изученія дѣятельности знаменитаго баснописца.—Въ кругу знакомыхъ и учениковъ В. Ѳ. Кеневичъ оставилъ о себѣ самое лучшее воспоминаніе, и добротою своего сердца и привлекательными чертами своихъ умственныхъ дарованій.

«Новое Время», 1879, № 1314, некрологъ В. Острогорскаго.

Кенигъ, *Отфридъ*, медальеръ XVIII ст. Прибывъ въ Россію въ 1717 г., онъ рѣзалъ штемпеля, какъ полагаютъ, московскихъ рублевиковъ 1718 — 1724 гг. и всѣхъ медалей того времени съ русскими надписями и съ иниціалами О. К., иногда К. О., а также большую медаль на коронацію Петра II, съ буквами О. К.—штемпеля же съ портретами Петра Великаго и латинскими надписями, сдѣланныя взамѣнъ сломавшихся, работы Мюллера, принадлежатъ не ему.

Въ «Словарѣ художниковъ» Наглера упоминается лѣпщикъ изъ воска и граверъ Георгъ Генрихъ Кёнигъ, геннеборгскій уроженецъ, работавшій въ Вѣнѣ и Англіи, а главное въ Петербургѣ для императрицы Екатерины II и кн. Потемкина,—но это несомнѣнно другое лицо, потому что онъ умеръ уже въ началѣ XIX ст. Ю. Иверсенъ. «Словарь русс. медальеровъ», 1874; Nagler, «Künstler-Lex.», VII, 121.

Н. С.

Кеппенъ, *Петръ Ивановичъ*, академикъ род. 19-го февраля 1793 г. въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его, бранденбургскій уроженецъ, одинъ изъ 30-ти вызванныхъ Екатериной II въ 1786 г. врачей, былъ завѣдующимъ медицинской частью въ губерніи; ум. 23 мая 1864 г. Уже на 14 г. Кеппенъ вынужденъ былъ поступить на службу въ мѣстную губернскую чертежную. Посѣщая одновременно приготовительный при университетѣ для студентовъ классъ, онъ въ 1810 г. поступилъ въ университетъ и, защитивъ въ 1814 г. диссертацію «De reparatione damni per bellum illati», (оставшуюся ненапечатанной), получилъ степень магистра правовѣдѣнія. Въ томъ же году онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ почтовый департаментъ. Продолжая заниматься вопросами философіи и государственныхъ наукъ (къ 1815 году относится составленное имъ и оставшееся въ рукописи сочиненіе «Міръ идеаловъ»), Кеппенъ, благодаря близости своей съ семьями Яновскаго (извѣстнаго автора «Словотолкователя»), бывшаго профессора политической экономія въ Харьковѣ Л. Якоба, и извѣстнаго ученаго Ѳ. П. Аделунга (на дочери котораго онъ въ 1830 г. женился), познакомился вскорѣ съ большинствомъ тогдашнихъ представителей науки и литературы; уже въ 1816 г. онъ участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго общества любителей россійской словесности. Съ этого времени начинаются его занятія русскою лингвистикой и археологіей. Напечатанныя имъ въ 1818 г. подъ заглавіемъ «Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ, въ Россійско-Императорскомъ титулѣ упоминаемой» извлеченія изъ сочиненія академика Лерберга «Untersuchungen zu Erläuterung der älteren Geshichte Russlands» обратили на него вниманіе графа Н. П. Румянцева, который доставилъ ему мѣсто втораго редактора издававшейся тогда при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «Сѣверной почты». Уже къ этому времени относятся нѣкоторыя изъ тѣхъ поѣздокъ Кеппена, которыя онъ затѣмъ предпринималъ почти ежегодно: въ 1819 г. онъ ревизовалъ почтовыя станціи по Бѣлорусскому тракту, а также до станціи Крыма и Кавказа. Въ 1822 г. Кеппенъ вышелъ въ отставку и отправился, по приглашенію одного своего друга, въ путешествіе за границу. Пріѣхавъ черезъ Кіевъ и Галицію въ Вѣну, онъ совершалъ отсюда поѣздки въ Славонію, Сирмію, Венгрію и Трансильванію, во время которыхъ сблизился со всѣми выдающимися австрійскими учеными и сталъ такимъ образомъ первымъ посредникомъ между славистами западно-европейскими и русскими учеными; возвращаясь затѣмъ черезъ Германію въ Петербургъ, онъ сблизился и здѣсь съ многими знаменитыми нѣмецкими учеными; въ Королевской мюнхенской библіотекѣ онъ копировалъ, между прочимъ извѣстные Фрейзингенскіе отрывки — древнѣйшіе памятники славянской письменности, которые съ объясненіями А. Востокова издалъ въ 1827 г. графъ Н. Румянцевъ.—Возвратясь въ Петербургъ, Кеппенъ въ 1824 г. вновь поступилъ на службу, въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Еще въ 1819 г. онъ издалъ томъ «Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», содержавшій въ себѣ обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности. Второй томъ этихъ матеріаловъ составили представляющіе теперь рѣдкость «Библіографическіе Листы», изданіе которыхъ Кеппенъ предпринялъ въ 1825 г. и довелъ до августа 1826 г. Ближайшее участіе въ этомъ изданіи, цѣль котораго была дать обзоръ всѣхъ выходящихъ въ Россіи сочиненій, а также и иностранныхъ, посвященныхъ Россіи, принималъ А. Востоковъ и кромѣ того всѣ свѣтила тогдашняго славяновѣдѣнія, какъ-то Ганка, Бандтке, Добровскій, Копитаръ, Колларъ, Палацкій, Шафарикъ, и др. Помѣщенное въ «Листахъ» изложеніе статьи Добровскаго «Критическое изслѣдованіе о Кирилѣ и Меѳодіи» вызвало доносъ Магницкаго, будто Кеппенъ пишетъ противъ постановленій православной церкви. Оскорбленный Кеппенъ составилъ «Логическія и историческія объясненія» противъ обвиненія Магницкаго; назначенный надъ нимъ судъ изъ кіевскаго митрополита Евгенія, петербургскаго Серафима и нѣкоторыхъ другихъ представителей духовенства отвергъ обвиненіе. Въ 1826—1829 гг. Кеппенъ велъ по порученію тогдашней Россійской Академіи оживленную переписку съ славистами Ганкою, Шафарикомъ и Чепаковскимъ относительно приглашенія ихъ въ Петербургъ, гдѣ они должны были быть назначены библіотекарями предполагавшейся къ учрежденію при академіи общеславянской библіотеки. Въ 1825 г. Тюбингенскій университетъ

далъ Кеппену степень доктора философіи, въ слѣдующемъ году Академія Наукъ избрала его членомъ-корреспондентомъ. Стремленіе возможно ближе ознакомиться съ различными мѣстностями Россіи побудило Кеппена перейдти въ 1827 г. на службу въ Министерство внутреннихъ дѣлъ и принять мѣсто помощника главнаго инспектора шелководства, садоводства и винодѣлія; въ качествѣ таковаго онъ въ 1827 г. переселился въ Крымъ и, объѣзжая по обязанности службы ежегодно громадное пространство между Волгою и Днѣстромъ, имѣлъ возможность собрать драгоцѣнные матеріалы по географіи, естественной исторіи и хозяйству этихъ мѣстностей.—Обозрѣвая, между прочимъ, по порученію намѣстника, графа М. С. Воронцова, южную часть Крыма, онъ открылъ остатки цѣлаго ряда укрѣпленій, по всей вѣроятности, византійской эпохи. Результатомъ этой поѣздки и этихъ открытій былъ еще и теперь цѣнимый «Крымскій Сборникъ» (СПб. 1837 г.) и превосходная карта южнаго Крыма. Переселившись, по приглашенію графа С. С. Уварова, въ Петербургъ, Кеппенъ съ іюля 1834 по декабрь 1835 г. редактировалъ нѣмецкія «С.-Петербургскія Вѣдомости». Въ 1837 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по каѳедрѣ статистики и въ томъ-же году, будучи прикомандированъ къ V-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, получилъ порученіе обревизовать государственныя имущества въ таврической губерніи, а также и сложныя отношенія поземельной собственности крымскихъ татаръ; во время этой его поѣздки при немъ состоялъ извѣстный впослѣдствіи Н. А. Милютинъ. Возвратясь въ С.-Петербургъ, Кеппенъ поступилъ на службу во вновь основанное Министерство государственныхъ имуществъ, начальникомъ отдѣленія. Многократныя путешествія почти по всей Европейской Россіи отъ Финляндіи до Астрахани и Терека и отъ Вятки до Бессарабіи дали ему возможность собрать богатѣйшіе этнографическіе и статистическіе матеріалы. Онъ описывалъ въ своихъ «дорожникахъ» все замѣчательное и, слѣдя внимательно за всѣми періодическими изданіями, пополнялъ свои замѣтки литературными указаніями. Послѣдніе два десятилѣтія своей жизни онъ посвятилъ разработкѣ собранныхъ матеріаловъ. Въ 1844—1845 гг. Кеппенъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи русскаго Географическаго общества и на квартирѣ его собирались лица, интересовавшіяся этимъ дѣломъ. Будучи избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи статистики, Кеппенъ принималъ затѣмъ участіе почти во всѣхъ изданіяхъ общества; по его порученію онъ составилъ этнографическую карту Европейской Россіи (издана въ 1851 г.), надъ разработкою которой трудился въ теченіе многихъ лѣтъ и за которую Географическое общество присудило ему Константиновскую медаль и Жуковскую премію. Еще раньше въ 1848 г. было представлено имъ въ Академію Наукъ сочиненіе, «О народныхъ переписяхъ въ Россіи», которое не могло быть напечатано, потому что оно было, по отзыву министра финансовъ Вронченко «кромѣ нѣкоторыхъ рѣзкихъ отзывовъ на счетъ распоряженій, вовсе не подлежащихъ обсужденію публики, совершенно противно какъ цѣли, такъ и основаніямъ, по какимъ производятся у насъ правительствомъ народныя переписи». Только въ 1889 г. сочиненіе это, не потерявшее по отзыву знатоковъ и до сего времени своего значенія, было напечатано въ VI т. «Записокъ Русскаго Географическаго Общества» по отдѣленію статистики. Въ 50-хъ же годахъ началось осуществленіе предпріятія, на необходимость котораго Кеппенъ указывалъ еще въ 20-хъ годахъ, именно составленіе полнаго списка населенныхъ мѣстъ въ Россіи. Благодаря своимъ частымъ поѣздкамъ, а также сношеніямъ Академіи Наукъ съ губернаторами, ему удалось въ сороковыхъ годахъ собрать свѣдѣнія о посадахъ и мѣстечкахъ и эти свѣдѣнія были положены Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ основаніе при составленіи возможно полнаго списка городскихъ поселеній въ Россіи. По назначеніи графа Д. Н. Блудова президентомъ Академіи, Академія вошла по представленію Кеппена, въ сношеніе со Святѣйшимъ Синодомъ и Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и состоялось распоряженіе, чтобы изъ каждаго прихода былъ доставленъ въ Академію полный списокъ обитаемыхъ мѣстъ. Первою консисторіей, доставившей эти свѣдѣнія, была тульская; на основаніи ихъ было издано въ 1858 г., подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ Кеппена, сочиненіе «Города и селенія Тульской губерніи въ 1857 г.», послужившее образцомъ

для «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи». Когда въ 1856 г. Императорское Русское Географическое Общество рѣшилось предпринять изданіе «Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи», то коммиссія, избранная для организаціи дѣла, возложила на Кеппена трудъ составить полный алфавитъ всѣхъ предметовъ, имѣющихъ войдти въ изданіе. Втеченіи трехъ лѣтъ 1857—1860 этотъ алфавитъ—16000 карточекъ—былъ составленъ имъ при помощи А. А. Штакельберга. «Главное достоинство, алфавита говорится въ предисловіи къ 1-му тому словаря, заключалось въ томъ, что на карточкѣ были нанесены библіографическія указанія, для составленія которыхъ просмотрѣна большая часть періодическихъ изданій, заключающихъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ данныхъ (какъ напр. губернскихъ вѣдомостей и т. п.). Сверхъ того на тѣхъ-же карточкахъ сдѣланы были извлеченія изъ весьма важнаго необнародованнаго источника, а именно приходскихъ списковъ Россійской Имперіи». «Безъ этого громаднаго матеріала, по словамъ вице-предсѣдателя общества графа Ѳ. П. Литке, изданіе словаря оказалось-бы совершенно невозможнымъ». Уже съ 1852 г. Кеппенъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья проводилъ большую часть времени (1852—1853, 1858—1859, 1860—1864) въ Крыму въ своемъ любимомъ имѣніи Карабагѣ, близъ Алушты, гдѣ и скончался 23 мая 1864 г.

Научная дѣятельность Кеппена обнимала такимъ образомъ самыя разнообразныя отрасли знанія — географію, статистику, этнографію, археологію и библіографію, естествознаніе, сельское и лѣсное хозяйство, но всѣ его труды были посвящены изученію Россіи. Изъ многочисленныхъ трудовъ его (существуютъ два списка ихъ: одинъ, составленный имъ самимъ и приложенный къ описанію его юбилея въ 1859 г., второй—академика А. А. Куника — въ «Запискахъ Академіи Наукъ», 1868 г. т. XII, стр. 107—142), назовемъ только наиболѣе выдающіеся. Первые труды Кеппена относятся къ области археологіи, библіографіи и исторіи просвѣщенія въ Россіи; изъ нихъ особенно замѣчательны «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи». (Москва, 1822 г.); «Alterthümer am Nordgestade des Pontus» (Wien, 1823). «Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи» (СПб. 1827) и упомянутые уже «Крымскій Сборникъ» и «Библіографическіе Листы».

Сочиненіе Кеппена «О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи» (СПб. 1832) составляетъ переходъ къ новой группѣ его ученыхъ трудовъ, а именно къ трудамъ въ области статистики; къ ней-же относится, кромѣ упомянутыхъ: «Ueber den Kornbedarf Russlands» (S.-Pb. 1839) «Russlands Gesammtbevölkerung im Jahre 1838» (S.-Ptb. 1843), «Ueber die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des Europäischen Russlands (S.-Pb, 1845), «Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen in den verschiedenen Provinzen», «Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 г.», (Спб. 1857) и «Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850» (Spb. 1852). Изслѣдованіямъ этнографическимъ посвящены слѣдующіе труды: «Finnland in ethnographischer Beziehung» (Spb. 1846), «Die Deutschen in St.-Petersburgischen Gouvernement» (Spb. 1850), «Водь и Вотская пятина» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1851 г. май и іюнь), «Der Lithauische Volkstamm-Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts. (Spb. 1851); «Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements (Spb. 1850), упомянутая уже «Этнографическая карта Европейской Россіи», вышедшая въ 1856 г. третьимъ изданіемъ, и составленный подъ руководствомъ Кеппена и съ его предисловіемъ обширный (500 стр.) «Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи (Спб. 1861 г.). Изъ трудовъ географическаго содержанія укажемъ: «Главныя озера и лиманы Россійской Имперіи» («Вѣстникъ Имп. Русскаго Географ. Общества», 1859 г. т. XXVII); «Ueber den Wald-und-Wasser-Vorrath im Gebiete der obern-und-mitleren Wolga. Bericht an die Commission zur Untersuchung der Frage über den Einfluss der Vesminderung der Wälder auf die Verminderung des Wassers in der obern Wolga» съ предисловіемъ академика К. Бера. (Baer und Helmersen's Beiträge zur Kenntniss des russischen Reichs, Bd. V. 1841), «Ueber einige Landes-Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem

Asow'schen Meere» (Baer u. Helmersen's Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reichs, Bd. XI, 1845), «Ueber die Temperatur von 130 Quellen der Taurischen Halbinsel», (въ мемуарахъ академіи «Sciences mathématiques» (etc. t. II), «Wege und Pfade des Taurischen Gebirges» (въ мемуарахъ, Sciences mathém. t. II), этою работой, къ большому огорченію Кеппена, во время Крымской войны воспользовалось французское военное министерство, черезъ извѣстнаго Шницлера, который на основаніи этой работы представилъ докладъ о путяхъ сообщенія въ Крымѣ, (напечатанъ въ книгѣ Шницлера «Description de la Crimée», Paris et Strasbourg, 1855), «О наблюденіи періодическихъ явленій природы» («Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1845 г., сентябрь; любопытно, что уже въ 1833 г. Кеппенъ доказывалъ необходимость производства фенологическихъ наблюденій и предлагалъ Академіи составить для этого инструкцію), «Ueber Pflanzen-Acclimatisirung im Russland» (1856), «О вредныхъ насѣкомыхъ»—сочиненіе это, вышедшее безъ имени автора, было составлено имъ по порученію министра государственныхъ имуществъ графа П. Д. Киселева. Разработать вполнѣ богатѣйшія собранныя имъ коллекціи Кеппену не удалось. Большую часть оставшагося неразработаннымъ матеріала онъ завѣщалъ Академіи Наукъ; еще въ 1846 г. Кеппенъ передалъ академіи болѣе 20,000 карточекъ, на которыхъ онъ во время чтенія записывалъ каждое новое или употребленное въ необычномъ смыслѣ слово; онъ интересовался также особенно бѣлорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями и составленное имъ собраніе образцовъ этихъ нарѣчій (въ трехъ томахъ in f°) хранится въ Академіи Наукъ.

Необыкновенно любознательный и разносторонній и при всей разносторонности одинаково точный во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, отличаясь громадною эрудиціей и самостоятельностью, студентъ Кеппенъ былъ однимъ изъ выдающихся членовъ той группы ученыхъ, которой поручилъ себя графъ Румянцевъ—которая такъ много сдѣлала для изученія отечественной исторіи и литературы; съ теченіемъ времени изъ него выросъ первоклассный ученый. О «Библіографическихъ Листахъ» Ундольскій замѣтилъ въ свое время «что они столько же важны для библіографіи печатной, какъ и для рукописной. Нельзя не пожалѣть, что это позднѣйшее изданіе не продолжалось до настоящаго времени».

«Митрополитъ Евгеній и Кеппенъ» (Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, т. VIII); «Доносъ Магницкаго на Библіографическіе Листы и объясненія Кеппена въ I т. «Чтеній Моск. Общ. Исторіи и Древностей», 1864. II, 143—161; «Юбилей Кеппена» Спб. 1860 (автобіографія и перечень трудовъ); «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.» т. VI, 487 — 492; «Списокъ произведеній Кеппена, составленный Куникомъ»—въ Зап. Им. Ак. Н. т. XII, кн. II, 107 — 142; «Словарь», Геннади, I, 129 — 130; Ѳ. П. Кеппенъ «Къ столѣтнему юбилею рожденія К.»—Русск. Старина. 1893, IV.

Кербетъ, (Ербетъ), новгородскій воевода, въ 1242 г., съ вел. кн. Александромъ Невскимъ ходилъ на ливонскихъ нѣмцевъ, отъ которыхъ потерпѣлъ пораженіе. Въ 1245 г. онъ въ качествѣ уже тверскаго воеводы, вмѣстѣ съ другимъ тверскимъ же воеводой Яведомъ, съ тверичами и дмитровцами, выступалъ на помощь Ярославу, сыну Владиміра псковскаго, противъ литовцевъ, съ которыми бился у Торопца.

Полн. собр. рус. лѣт. III, 53—54; IV, 37, 179; V, 180, 182; VII, 150, 152.

Э. А.

Керестури, *Францъ Францовичъ*, (Ferentz Kereszturi), профессоръ Московскаго университета, род. близъ г. Кашау, въ Венгріи, 28 мая 1735 г., ум. 16 февраля 1811 г. Прослушавъ курсъ медицины въ Пештскомъ университетѣ, въ 1762 г. прибылъ въ Россію и поступилъ врачемъ въ московскій генеральный госпиталь. Въ 1764 г. утвержденъ лѣкаремъ и въ томъ же году получилъ степень хирурга. Въ 1765 г. опредѣленъ прозекторомъ при анатомическомъ театрѣ Московскаго университета и врачемъ университетской больницы. Въ 1770—1771 гг. принималъ дѣятельное участіе въ прекращеніи чумы, появившейся тогда въ Москвѣ. Въ 1772 г. получилъ степень перваго хирурга (Protochirurgus). Въ 1777 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи и хирургіи въ Московскомъ университетѣ, а черезъ годъ утвержденъ и ординарнымъ. Въ 1781 г. избранъ въ члены Императорской Леопольдино-Каролинской академіи испытателей природы. Въ 1787 г. получилъ степень доктора медицины. Съ 1804 г. состоялъ президентомъ Общества соревнованія медико-физическихъ наукъ. Пораженный параличемъ, съ 1805 г. прекратилъ свои ученыя занятія. Одинъ изъ лучшихъ врачей-практиковъ, пользовавшійся въ свое время громкою извѣстностью, Кере-

стури писалъ мало. Напечатаны его три рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ университета: «De sensationibus tam in tuenda sanitate, quam in corrigenda adversa valetudine, homini necessaria et amica auxilia praebentibus» (1778 г.); «De cognoscenda vita, ut intima corporis humani indoles clarius elucescat» (1783)—рѣчь, послужившая и диссертаціею на степень доктора медицины; «De politia medica ejusque in Rossia usu» (1795 г.).

Чистовичъ, «Исторіи первыхъ медиц. школъ въ Россіи»; Шевыревъ, «Слов. проф. Моск. Унив.»; Никитинъ, «Обзоръ медиц. въ Россіи въ царств. Екатер. II»; Hirsch, «Biograph. Lex. der Aerzte.».

Кернеръ, *Богданъ Егоровичъ*, врачъ, статскій совѣтникъ, род. въ Нарвѣ 17 ноября 1772 г., умеръ скоропостижно въ день выхода въ отставку 19 января 1828 г. Учился въ кронштадтскомъ медико-хирургическомъ училищѣ и С.-Петербургскомъ медико-хирургическомъ институтѣ. Въ 1795 г. произведенъ въ лѣкаря съ назначеніемъ въ Балтійскій флотъ; въ 1799 г. въ штабъ-лѣкаря. Съ 1810 г. служилъ при сформированномъ тогда гвардейскомъ экипажѣ, съ которымъ находился во всѣхъ сраженіяхъ и морскихъ походахъ 1812—1814 годовъ, за что и получилъ медали за 1812 г. и за взятіе Парижа. Изъ ученыхъ трудовъ извѣстно его сочиненіе «О пользѣ летучей щелочной соли въ судорожныхъ болѣзняхъ».

«Сѣверная Пчела», 1828 г., № 36.

Кернъ, *Анна Петровна*, рожд. Полторацкая, во второмъ бракѣ Маркова-Виноградская, извѣстная вдохновительница А. С. Пушкина, авторъ любопытныхъ воспоминаній. Род. въ Орлѣ, въ 1800 г.; ум. въ Москвѣ, въ 1880 г. Выросшая въ старинной помѣщичьей средѣ, воспитанная только на французскомъ языкѣ и французской литературѣ подъ руководствомъ назначавшейся для великой княжны Анны Павловны m-lle Bénoit, она 17 лѣтъ была выдана замужъ противъ воли за престарѣлаго генерала Ермолая Ѳедоровича Кернъ, съ которымъ и прожила 24 л. Живя съ мужемъ, большею частью, въ Петербургѣ, она въ 1819 г. впервые встрѣтилась у Олениныхъ съ Пушкинымъ. Великій поэтъ былъ восхищенъ ея красотою и умомъ; глубокое, страстное чувство къ ней онъ питалъ долгое время; переписывался съ ней и эта переписка имѣетъ важное біографическое значеніе; А. П. Кернъ внушила Пушкину прекрасное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновенье», воскресила въ «разочарованномъ» поэтѣ «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Вскорѣ по смерти ген. Керна (1841 г.), А. П. Кернъ 40 лѣтъ, вышла вторично замужъ за своего двоюроднаго брата Александра Васильевича Маркова-Виноградскаго, противъ воли отца, лишившаго ее за это всякой матеріальной поддержки. Впослѣдствіи Виноградскіе поселились въ Лубнахъ, въ уѣздѣ котораго было родовое имѣніе Полторацкихъ и гдѣ Анна Петровна въ дѣтствѣ провела не мало лѣтъ, и должны были вести очень скудную жизнь.

Изъ воспоминаній Кернъ первые отрывки были напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1858 г., № 5: «Воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ», гдѣ помѣщены и письма поэта за время 1825—1826 гг.—(эти и другія письма къ ней Пушкина вошли потомъ во всѣ полныя изданія сочиненій поэта). Затѣмъ въ «Русской Старинѣ» за 1870 г., т. I, изъ ея «воспоминаній» были помѣщены: «Три встрѣчи съ императоромъ Александромъ I»; далѣе въ «Семейныхъ Вечерахъ» за 1864, № 10—«Отрывки изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глинкѣ», и наконецъ въ «Русскомъ Архивѣ», за 1884 г., № 6—«Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ», гдѣ заключается не мало любопытныхъ въ бытовомъ отношеніи чертъ старинной помѣщичьей жизни.

«Вдохновительница Пушкина» въ «Недѣлѣ» за 1880 г., № 34; и «Воспоминанія» Павлищева въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1888 г.

Кернъ, *Ермолай Федоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1765 г., ум. 1841 г. Въ службу записанъ въ 1777 г., произведенъ въ прапорщики за отличіе при штурмѣ Измаила 11 декабря 1790 г. и въ подпоручики—за сраженіе при Мачинѣ 28 іюня 1891 г. Послѣдовавшая затѣмъ война съ Польшей, доставила ему слѣдующіе два чина за боевыя отличія. Въ 1806, 1807 и 1808 гг. участвовалъ въ войнахъ съ кавказскими горцами, французами и шведами, но послѣдствія полученной имъ въ бою съ лезгинами раны заставили его въ 1809 г. выйдти въ отставку, въ которой онъ пробылъ до назначенія въ 1811 г. командиромъ 48 егерскаго полка. Войны съ Франціею въ 1812—1814 гг. вновь дали Керну возможность

проявить свою храбрость и боевые таланты, отмѣченные цѣлымъ рядомъ наградъ; въ теченіи двухъ лѣтъ онъ получилъ семь наградъ. Затѣмъ Кернъ послѣдовательно занималъ должности командира 3 бригады 17 пѣхотной дивизіи, начальника 15 пѣхотной дивизіи, командира 2 бригады 25 пѣхотной дивизіи, начальника 11 пѣхотной дивизіи, коменданта гор. Риги и Смоленска. Произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1829 г. и уволенъ въ отставку въ 1837 г.

Формул. спис. въ Московск. Отд. Архива Главнаго Штаба.

С. Н. П.

Керштенсъ, *Іоганнъ Христіанъ,* (Kerstens, Iohann Christian) профессоръ Московскаго университета, род. 17 декабря 1713 г. въ г. Штаде, ганноверской провинціи, ум. 13 іюля 1802 г. Получивъ въ 1749 г. въ Галле докторскій дипломъ за представленную диссертацію «De spissitudine sanguinis», онъ продолжалъ изучать медицину въ Лейпцигѣ, гдѣ въ 1757 г. напечаталъ двѣ диссертаціи: «De maturatione, ut causa perfectionis corporum organicorum» и «De maturatione, ut causa novae valetudinis» и вторично удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1758 г. былъ приглашенъ въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ химіи и минералогіи, при чемъ по хадатайству куратора университета, И. И. Шувалова, Медицинская коллегія предоставила ему право медицинской практики безъ особаго испытанія. Занимая каѳедру до 1770 г., онъ преподавалъ, кромѣ химіи и минералогіи, теоретическую и экспериментальную физику, врачебное веществословіе и химію въ связи съ натуральною исторіею простыхъ аптекарскихъ лѣкарствъ. Сверхъ того онъ состоялъ врачемъ университетской больницы и завѣдывалъ богатымъ минералогическимъ кабинетомъ, подареннымъ тогда университету наслѣдниками Акинѳія Никитича Демидова. Въ декабрѣ 1769 г., оставивъ по собственному желанію службу въ университетѣ, онъ переселился въ Германію и занялъ каѳедру медицины въ Килѣ, гдѣ и умеръ.—Труды его—рѣчи, читанныя на торжественныхъ собраніяхъ университета: «Dass die Ehre und die Wohlfarht eines Landes eine Folge von der Aufnahme der Wissenschaften sei.» (1762 г.); на латинскомъ языкѣ о томъ, «что человѣкъ не въ физическомъ, но только въ нравственномъ разсужденіи назваться можетъ благороднѣйшею и достойнѣйшею тварью» (1766 г.), и на латинскомъ же языкѣ «Ad augendum incolarum in Russia insufficientem numerum pro ruricolis plebeiis maxime monita et praecepta medica diatetico-therapeutica» (1769 г.). Рѣчь эта (указаніе причинъ появленія разныхъ болѣзней среди простаго народа и наставленіе для борьбы съ ними) для болѣе широкаго распространенія переведена на русскій языкъ и издана отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ учителей, служащія ко умноженію не довольнаго числа людей въ Россіи. М. 1769. 8°».

Шевыревъ, «Словарь проф. Имп. Моск. Унив.»; Чистовичъ, «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи»; Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи»; Hirsch, «Biogr. Lexikon der Aertzte»; Геннади, «Словарь».

Керъ, (Kehr), *Георгъ Яковъ,* оріенталистъ, переводчикъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, род. въ 1692 г. въ Шлейзингенѣ, ум. 5 мая 1740 г. въ Петербургѣ. Изучалъ восточные языки въ Галле, въ 1722 г. получилъ степень магистра въ Лейпцигѣ. Керъ былъ замѣчательнымъ знатокомъ восточныхъ языковъ, особенно арабскаго. Вице-канцлеръ гр. Андрей Ивановичъ Остерманъ пригласилъ его, черезъ посредство русскаго посла въ Берлинѣ, М. П. Бестужева-Рюмина, на русскую службу; Керъ прибылъ въ Петербургъ въ январѣ 1732 г. и въ мартѣ заключилъ контрактъ, по которому онъ поступилъ на службу въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ языковъ арабскаго, персидскаго и турецкаго, съ жалованьемъ 400 р. въ годъ и съ обязательствомъ учить этимъ языкамъ русскихъ молодыхъ людей, при чемъ за каждаго, въ совершенствѣ выучившагося студента, онъ долженъ былъ получать по 100 р. Въ іюнѣ того же года, по требованію Коллегіи, изъ московской Славяно-греко-латинской академіи было выслано къ Керу шесть молодыхъ людей; но занятія ихъ шли плохо и въ 1737 г. прекратились совершенно. Керъ участвовалъ переводами во всей текущей перепискѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ восточными странами и между прочимъ перевелъ съ турецкаго на нѣмецкій языкъ мирный трактатъ между Турціей и Персіей и грамоту султана къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Нѣкоторые свои переводы изъ восточныхъ

писателей Керъ представлялъ и въ Академію Наукъ. Онъ занимался своими любимыми языками и помимо своихъ служебныхъ обязанностей; между прочимъ, онъ собралъ до 137 азбукъ и написалъ на всѣхъ ихъ молитву Господню; въ 1876 г., на средства туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана эта рукопись была воспроизведена въ печати, въ количествѣ всего 45 экземпляровъ. Затѣмъ Керъ собралъ многочисленную коллекцію весьма любопытныхъ восковыхъ и сургучныхъ слѣпковъ съ восточныхъ монетъ, составилъ карты Кавказа, Закаспійскаго края и Чернаго моря, написалъ множество касающихся Востока трактатовъ по исторіи, юриспруденціи, астрономіи и богословію; они хранятся въ рукописяхъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Особенно же любопытенъ составленный Керомъ проэктъ объ учрежденіи въ Россіи Академіи или ученаго общества для изученія восточныхъ языковъ съ замѣчательною для того времени широтою взгляда. Керъ указываетъ особенную важность и необходимость для русскаго правительства содѣйствовать изученію этихъ языковъ, затѣмъ разсматриваетъ вопросъ о необходимыхъ для устройства академіи пособіяхъ, перечисляетъ имѣющіеся въ Петербургѣ и Москвѣ матерьялы, могущіе послужить для первоначальнаго упражненія въ этихъ языкахъ и указываетъ, кромѣ себя, въ Петербургѣ еще девять человѣкъ, хорошо владѣющихъ языками турецкимъ, татарскимъ, персидскихъ, калмыцкимъ и китайскимъ; въ числѣ ихъ встрѣчаемъ русскихъ—Синевича, «отлично говорящаго» потурецки и Бакунина и Петра Смирнова, какъ знатоковъ китайскаго языка.—Кромѣ этихъ трудовъ Керъ еще въ Германіи напечаталъ на латинскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій по востоковѣдѣнію и нѣсколько стихотвореній. Въ частной жизни онъ былъ нѣсколько чудакомъ и не признавалъ, кажется, никакихъ другихъ интересовъ и вопросовъ, кромѣ связанныхъ съ изученіемъ восточныхъ языковъ.

Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ», I, 313; М. Шуваловъ, «Очеркъ жизни и дѣятельности Кера», въ V выпускѣ «Сборника Моск. Глав. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ», 89—110.

Кесслеръ *Карлъ Ѳедоровичъ*, ректоръ С.-Петербургскаго университета, зоологъ. Род. въ 1815 г. заграницей, около Кенигсберга, гдѣ его отецъ былъ королевскимъ оберъ-форстмейстеромъ, ум. 3 марта 1881 г. Въ 1822 г. отецъ Кесслера, по приглашенію русскаго правительства, переселился въ Россію и былъ назначенъ лѣсничимъ въ новгородской губерніи. Въ 1828 г. юный К. Кесслеръ былъ отданъ пансіонеромъ въ 3-ю Петербургскую гимназію, гдѣ послѣ смерти отца былъ принятъ на казенный счетъ. Окончивши курсъ въ гимназіи въ 1834 г., онъ былъ принятъ тоже на казенный счетъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1838 г. Въ 1840 г. Кесслеръ защитилъ магистерскую диссертацію, а въ 1842 — докторскую, послѣ чего былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ Кіевскомъ университетѣ вмѣсто отправившагося въ сибирское путешествіе А. Ѳ. Миддендорфа. Въ Кіевскомъ университетѣ Кесслеръ оставался до 1862, и оставилъ его уже ординарнымъ профессоромъ, будучи приглашенъ на каѳедру зоологіи въ С.-Петербургскій университетъ, вмѣсто умершаго С. С. Куторги; въ Петербургѣ онъ вскорѣ былъ избранъ сначала деканомъ, а въ 1874 ректоромъ, но вскорѣ по болѣзни оставилъ эту должность; университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ.

К. Ѳ. Кесслеръ съ одной стороны, является представителемъ опредѣленнаго научнаго направленія, а съ другой стороны отмѣчаетъ своею дѣятельностью извѣстную эпоху въ развитіи русской естественно-исторической науки, эпоху, отмѣченную организаціей ученыхъ обществъ и съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей.

М. Н. Богдановъ, ученикъ и біографъ Кесслера, отмѣчаетъ, что съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности Кесслеръ столкнулся съ бюрократическими противодѣйствіями; опытъ, который онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи, до нѣкоторой степени наложилъ свой отпечатокъ на всю его дальнѣйшую дѣятельность, въ которой Кесслеръ большое вниманіе посвятилъ тому, чтобы содѣйствовать освобожденію науки отъ излишней бюрократической опеки. Еще студентомъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Желѣзновымъ, талантливымъ, но рано умершимъ ботаникомъ, Кесслеръ былъ рекомендованъ проф. Бонгардомъ для участія въ экспедиціи Перовскаго въ Хиву, но въ этомъ имъ было отказано, да и экспедиція не состоялась.

Въ 1838 французскій натуралистъ Гаймаръ на средства французскаго правительства снаряжалъ экспедицію въ полярныя страны. Гаймаръ былъ въ Петербургѣ и просилъ прислать для участія въ экспедиціи русскихъ натуралистовъ, что ему и было обѣщано. Кесслеръ и Желѣзновъ были въ числѣ кандидатовъ, но съ отъѣздомъ Гаймара изъ Петербурга имъ было въ командировкѣ отказано. Наиболѣе близко познакомился Кесслеръ съ тогдашнимъ положеніемъ русской науки, когда онъ въ 1848 г., вмѣстѣ съ Роговичемъ просился о прикомандированіи его къ Дагестанской экспедиціи князя Воронцова. Воронцовъ и Кіевскій университетъ сочувственно отнеслись къ этой мысли, но иначе взглянулъ на дѣло управляющій кіевскимъ учебнымъ округомъ ген.-ад. Бибиковъ. Онъ запросилъ университетъ, насколько хорошо изучена мѣстность ближайшая къ Кіеву и нелучше-ли молодому ученому не ѣхать въ дальнее путешествіе, а заняться этимъ дѣломъ? Университетъ представилъ сводку сдѣланнаго въ этомъ отношеніи. Попечитель, находя, что дѣйствительно, преподаватели Кіевскаго университета достаточно уже потрудились надъ изученіемъ кіевскаго округа, предложилъ приступить къ изданію естественно-историческаго описанія этого округа, командировку же Кесслера на Кавказъ не разрѣшилъ.

Планъ этого описанія былъ составленъ Кесслеромъ и Роговичемъ, былъ одобренъ университетомъ, а послѣ этого и Бибиковымъ, который нашелъ нужнымъ присоединить къ этому плану для полноты его изслѣдованіе округа въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Была учреждена для этой цѣли особая комиссія, ученымъ секретаремъ которой былъ чиновникъ особыхъ порученій Журавскій, предсѣдателями — помощникъ попечителя Юзефовичъ, а мѣстный генералъ-губернаторъ являлся главнымъ руководителемъ дѣла. Членамъ комиссіи, опредѣляемымъ властью генералъ-губернатора, присваивался вицъ-мундиръ министерства народнаго просвѣщенія. Бибиковъ разослалъ всѣмъ болѣе крупнымъ лицамъ служебнаго персонала и мѣстнымъ русскимъ и польскимъ помѣщикамъ оффиціальныя увѣдомленія объ избраніи ихъ въ почетные члены, ежегодный членскій взносъ которыхъ равнялся 30 рублямъ. «Я имѣлъ случай, говоритъ М. Н. Богдановъ, прочесть всѣ ея (этой комиссіи) протоколы по оригинальнымъ документамъ и засвидѣтельствовать, что дѣятельность этой комиссіи вполнѣ соотвѣтствовала ея конструкціи. Въ опредѣленные сроки члены собирались на засѣданія. Ученый секретарь дѣлалъ доклады, составленные видимо подъ наблюденіемъ Юзефовича; члены слушали ихъ въ полнѣйшемъ молчаніи; составлялся протоколъ по формѣ; затѣмъ расходились. Статьи комиссіи шли на одобреніе генералъ-губернатора, затѣмъ цензора и наконецъ въ типографію. Активные дѣятели комиссіи — какъ Кесслеръ, Роговичъ, Ѳеофилактовъ и другіе—почти не проявляли признаковъ голоса въ этихъ канцелярскихъ засѣданіяхъ». «Вся регламентація дѣла указываетъ, говоритъ далѣе М. Н. Богдановъ, на полную несостоятельность въ немъ, неизбѣжно связанную съ этимъ подозрительность, и наконецъ, грубое отношеніе къ наукѣ и ея представителямъ». Однако, Кесслеръ отвѣтилъ высоко-поучительнымъ образомъ на вызовъ Бибикова: съ усиленною энергіей предпринялъ онъ цѣлый рядъ экскурсій для изученія края и посвятилъ нѣсколько лѣтъ на изслѣдованіе мѣстной фауны. Результаты этихъ изслѣдованій, имѣющіе важное значеніе для русской фаунистики вообще, изложены частью въ трудахъ комиссіи, частью въ другихъ изданіяхъ. Часть этихъ трудовъ Кесслера была увѣнчана Демидовской преміей отъ Академіи Наукъ. Послѣ отъѣзда Бибикова вмѣсто Журавскаго секретаремъ комиссіи былъ назначенъ Н. Х. Бунге, пытавшійся вдохнуть хоть искру жизни въ это, до него чисто канцелярское, дѣло; но комиссія, не смотря на различные проэкты ея реформированія, все-таки вскорѣ распалась.

Тѣмъ чувствительнѣе и замѣтнѣе должна была показаться Кесслеру разница въ положеніи русскаго и западно-европейскаго натуралиста, когда онъ посѣтилъ во второе свое путешествіе съѣздъ германскихъ натуралистовъ и врачей въ Кенигсбергѣ въ 1860 году. Вѣроятно, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого съѣзда Кесслеръ, избранный во второй разъ деканомъ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи созвать въ Кіевѣ съѣздъ учителей естественныхъ наукъ въ кіевскомъ округѣ въ виду нѣкоторыхъ перемѣнъ въ преподаваніи въ гимназіяхъ. Съѣздъ былъ разрѣшенъ — попечителемъ округа тогда былъ Н. И. Пироговъ.

Неоффиціальная или лучше небюрокра-

тическая наука естествознанія была тогда въ Россіи представлена однимъ Московскимъ обществомъ естествоиспытателей, издававшимъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ кромѣ спеціальныхъ изданій, популярный естественно-историческій журналъ «Вѣстникъ естествознанія». Положеніе науки и ея представителей въ университетахъ было подобно положенію ихъ въ Кіевскомъ университетѣ. Вотъ почему созваніе перваго съѣзда учителей и послѣдовавшій за нимъ въ 1862 году второй съѣздъ (хотя они имѣли учебный, а не ученый характеръ)—составили, можно сказать, первую брешь, которую пробило себѣ наше естествознаніе изъ оковъ тогдашней цензуры и формализма въ область свободнаго изслѣдованія. Въ 1863 году былъ дарованъ университетамъ новый уставъ съ широкою автономіей; въ Москвѣ и Петербургѣ организованы были естественно-историческія общества. При молодомъ петербургскомъ энтомологическомъ обществѣ Ю. И. Симашко организовалъ комиссію для изученія мѣстной природы, на каковую цѣль министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ приказалъ отпустить 4000 р. Въ трудахъ этой комиссіи опять встрѣчаемся съ работами Кесслера, по ихтіологіи. Въ 1886 г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой явился иниціаторомъ созванія перваго съѣзда естествоиспытателей и врачей, который и осуществился въ 1867 г. благодаря трудамъ и энергіи Кесслера, Желѣзнова, Бекетова, а въ 1868 г. учреждено было С.-Петербургское общество естествоиспытателей, которое выбрало своимъ предсѣдателемъ Кесслера. Проф. Богдановъ такъ резюмируетъ заслуги Кесслера передъ этимъ обществомъ: «онъ былъ воспитателемъ и хранителемъ общества; онъ принесъ ему въ даръ всю свою энергію, всю свою любовь къ дѣлу, всю свою научную дѣятельность, непреслѣдуя никогда и ни въ чемъ какихъ либо личныхъ цѣлей». Такова роль Кесслера въ дѣлѣ эмансипаціи естествознанія. Русскій натуралистъ, знакомый хоть немного съ исторіей прошлаго, присутствуя на современныхъ съѣздахъ и собраніяхъ обществъ, невольно вспоминаетъ о К. Ѳ. Кесслерѣ и говоритъ въ душѣ ему горячее спасибо. Заслуги Кесслера въ этомъ отношеніи были оцѣнены при его жизни, что какъ извѣстно, бываетъ далеко не всегда: IV съѣздъ, собравшійся опять въ Петербургъ, избралъ его своимъ предсѣдателемъ; при съѣздахъ и при С.-Петербургскомъ обществѣ естествоиспытателей основаны преміи имени Кесслера.

Сначала, еще студентомъ, Кесслеръ интересовался математикой и даже получилъ медаль за сочиненіе по чистой математикѣ; позже онъ писалъ стихи на Наполеона; онъ сдѣлался зоологомъ подъ вліяніемъ своего друга Желѣзнова и лекцій профессора Куторги. Куторга былъ всецѣло подъ вліяніемъ тогда уже значительно оставшейся позади своего времени школы Кювье. Первые курсы Кесслера были построены по тому-же плану, какъ и курсъ Куторги. Первые труды Кесслера касаются вопроса о соотношеніи грубо-морфологическихъ чертъ съ ихъ классифицированіемъ. Впрочемъ, позже онъ далъ прекрасное анатомическое описаніе мускулатуры тарантула, что показываетъ его интересъ и къ безпозвоночнымъ формамъ. Мало-помалу въ его трудахъ начинаетъ преобладать фаунистическое и зоогеографическое направленіе. Въ 1843—1846 годахъ Кесслеръ экскурсировалъ въ кіевскомъ округѣ; въ 1849—въ полтавской губ.; въ 1850—опять въ кіевской губ.; 1852—въ полтавской и черниговской; въ 1853—1855 г., экскурсировалъ по Днѣпру; въ 1856 г. въ подольской, херсонской губ. и Бессарабіи, въ 1858 г. совершилъ поѣздку на Черное море; въ 1866 г. на Онежское озеро; въ 1869 г. и 1871 экскурсировалъ по Волгѣ; въ 1873 году—предпринялъ путешествіе въ Крымъ; въ 1875—въ Закавказье; въ 1878—1879 и въ 1880 г. опять видимъ Кесслера экскурсирующимъ въ Крыму, гдѣ было у его брата имѣніе. Въ всѣхъ этихъ трудахъ онъ является не только изслѣдователемъ излюбленной группы, т. е. позвоночныхъ, но интересуется въ то же время и скорпіонами, и многоножками и молюсками. Подъ конецъ жизни онъ занимается исключительно рыбами: имъ описаны рыбы, собранныя нашими извѣстными путешественниками Сѣверцовымъ, Кушакевичемъ, Федченко, Богдановымъ, Пржевальскимъ (изъ Монголіи), Потанинымъ, Поляковымъ, Шренкомъ и др. Ихтіологія обязана Кесслеру открытіемъ цѣлаго ряда новыхъ формъ.

Еще въ Кіевѣ Кесслеръ пытался организовать рядъ наблюденій надъ періодическими явленіями въ жизни животныхъ,

главнымъ образомъ надъ перелетами птицъ—обстоятельство, показывающее, что Кесслеръ вовсе не былъ исключительнымъ систематикомъ, но вполнѣ понималъ важность біологическихъ наблюденій. Благодаря орнитологическимъ трудамъ самого Кесслера и другихъ, стало возможнымъ и доступнымъ опредѣленіе птицъ и для любителей. Это особенно важно при собираніи біологическихъ наблюденій, гдѣ иногда только содѣйствіе цѣлаго ряда лицъ, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, позволяетъ придти къ опредѣленнымъ широкимъ выводамъ. Богдановъ перечисляетъ цѣлый рядъ корреспондентовъ, отъ которыхъ Кесслеръ получалъ орнитологическія свѣдѣнія. Часть этихъ данныхъ была обработана Кесслеромъ, а часть осталась не обработанной.

Ученики Кесслера говорятъ, что въ своихъ лекціяхъ онъ далеко не являлся исключительно фаунистомъ, но отводилъ значительное мѣсто и морфологіи, которая мало по малу захватывала въ сферу своихъ интересовъ какъ ученое, такъ и учебное дѣло заграницей и въ Россіи. Но это была уже не та морфографія, которая характеризовала Кювье и его послѣдователей и которую засталъ Кесслеръ въ лицѣ Куторги: морфографія, пересаженная на почву ученія о измѣняемости формъ, сопровождавшаяся поразительными открытіями въ области эмбріологіи, стала богатою результатами и широкою по своимъ задачамъ морфологіей. Кесслеръ отзывался на этотъ запросъ новаго времени въ своихъ лекціяхъ; но всетаки, онъ былъ и остался, главнымъ образомъ, блестящимъ представителемъ фаунистическаго направленія. И хотя въ настоящее время въ естественной наукѣ возникло новое движеніе, для русской фаунистики, имя Кесслера должно быть незабвеннымъ для русской научно-общественной жизни.

К. Ѳ. Кесслеръ напечаталъ рядъ изслѣдованій, изъ которыхъ упоминаемъ главнѣйшія: «О ногахъ птицъ въ отношеніи къ систематическому дѣленію этого класса. Часть I. Остеологія. СПБ. 1840 г.»; «О скелетѣ дятловъ въ отношеніи къ мѣсту занимаемому этимъ родомъ въ классѣ птицъ. Разсужденіе, написанное для полученія степени д-ра философіи. СПБ. 1842 г.»; «Beitrag zur Naturgeschichte und Anatomie der Gattung Lycosa. Moscou 1849 г.»; «Естественная исторія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Вып. I — перечень млекопитающихъ животныхъ, 1850; вып. II—птицы воробьиныя; 1851; вып. III—птицы хищныя и куриныя; 1851, вып. IV—птицы голенастныя и водяныя; вып. V—животныя землеводныя, 1853; вып. VI—рыбы, 1856»; «Путешествіе съ зоологической цѣлью къ сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ, въ 1858 году. Кіевъ. 1861»; «Описаніе рыбъ, которыя встрѣчаются въ водахъ Петербургской губерніи (Естественно-историч. изслѣдованія Петербургской губерніи, производимыя членами Русскаго Энтомологическаго общ. въ СПБ. т. I. 1864)»; «Матерьялы къ познанію Онежскаго озера и Обонежскаго края, преимущественно въ зоологическомъ отношеніи. (Тр. I съѣзда Естествоиспыт. въ СПБ. 1868); «Волжская минога. Petromyzon Wagneri h. sp. (Тр. СПБ. Общ. Ест. 1870 т. I)»; «Описаніе новаго вида изъ семейства карповыхъ. Schizotherax Palzami n. sp. (ibidem 1870). Ихтіологическая фауна Туркестана (Изв. Импер. Общ. Люб. Естеств. 1872 Т. X)»; «Рыбы. Путешествіе въ Туркестанъ Федченко. (Изв. Импер. Общ. Люб. Естествозн. т. XI. 1874)»; «Описаніе рыбъ, принадлежащихъ къ семействамъ общимъ Черному и Каспійскому морямъ. (Тр. Петерб. Общ. Естествоисп. т. I. 1844)»; «О русскихъ скорпіонахъ (Тр. Русскаго Энтом. Общ. 1876 т. VIII)»; «О русскихъ сороконожкахъ и стоножкахъ (ibidem, т. VIII. 1876)»; «Русскіе рѣчные раки (ibidem. VIII. 1876)»; «Рыбы Монголіи и страны Тунгутовъ (въ соч. Н. М. Пржевальскаго 1876 г. т. II)»; «Рыбы, водящіяся и встрѣчающіяся въ Азово-Каспійско-Понтійской ихтіологической области. (Тр. Азово-Каспійской экспедиціи. 1877 г. в. IV)»; «Путешествіе по Закавказскому краю въ 1875 г. съ зоологическою цѣлью (Тр. Петерб. Общ. Естеств. VIII 1878)»; «Beiträge zur Ichtyologie von Central Asien (Bull. de l'Acad. de S.-Petersbourg 1879 г. т. X)».

Всего въ спискѣ трудовъ К. Ѳ. Кесслера насчитывается 65 болѣе или менѣе крупныхъ статей и изслѣдованій; кромѣ того ему принадлежатъ 57 рѣчей и сообщеній въ ученыхъ обществахъ.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета Св. Владиміра, составленный подъ редакціей проф. В. С. Иконникова; «К. Ѳ. Кесслеръ», М. Н. Богданова, въ XIII т. «Трудовъ С.-Петерб. общ. естеств.», 1882.

В. Шимкевичъ.

Кетчеръ, *Николай Христофоровичъ*, врачъ и поэтъ переводчикъ. Род. въ Москвѣ, въ 1809 г.; ум. тамъ же 12 октября 1886 г. Сынъ шведа, начальника московскаго инструментальнаго завода; дѣтство провелъ частію въ Москвѣ, а частію во Владимірѣ; около 1820 г. родители его окончательно переѣхали въ Москву. Воспитывался сначала въ пансіонѣ, гдѣ изучилъ англійскій языкъ и получилъ любовь къ англійской литературѣ и особенно къ Шекспиру; затѣмъ окончилъ курсъ въ Московской медико-хирургической академіи, въ 1828 г.; съ 1830 г. онъ началъ службу московскимъ уѣзднымъ врачемъ; въ слѣдующемъ году былъ командированъ для борьбы съ холерой въ г. Суздаль и въ курскую губернію, въ 1843 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился въ Медицинское управленіе; черезъ два года, вернулся въ Москву и здѣсь состоялъ съ 1845 г. по 1877 г. штатъ-физикомъ и инспекторомъ медицинской конторы и съ 1877 по апрѣль 1885 г. начальникомъ московскаго врачебнаго управленія; въ апрѣлѣ 1885 г. вышелъ въ отставку.

Исполняя медицинскія обязанности, Кетчеръ въ то же время съ увлеченіемъ отдавался чтенію выдающихся литературныхъ произведеній, по преимуществу западно-европейскихъ; еще въ молодости примкнулъ онъ къ знаменитому кружку Станкевича и былъ близкимъ другомъ Огарева и Герцена, и рано прослылъ всесторонне образованнымъ человѣкомъ. Въ 1828 г., одновременно съ окончаніемъ курса въ медицинской академіи, появляется и первое его литературное произведеніе—стихотворный переводъ «Разбойниковъ» Шиллера, вслѣдъ за тѣмъ въ теченіе 12 лѣтъ онъ перевелъ «Заговоръ Фіеско» Шиллера (М. 1830 г.), «Црини», трагедія Кернера (М. 1832 г., анонимно), «Котъ Мурръ» Гофмана (Спб. 1840 г.) и «Мейстеръ Фло» его же («Отеч. Зап.» 1840, кн. 12). съ французскаго онъ перевелъ «Первое философическое письмо» Чаадаева («Телескопъ», 1836 г., кн. 15).

Съ 1851 г. стали появляться переводы Кетчера Шекспировскихъ драмъ. Онъ дорожилъ каждою строчкой великаго писателя, боялся опустить хотя бы одно слово; благодаря этому онъ сохранялъ почти неимовѣрную близость къ подлиннику, хотя нельзя сказать, чтобы эта близость не вредила мѣстами поэтичности перевода. Въ переводахъ Кетчера появились въ печати на русскомъ языкѣ два полныя собранія драмъ Шекспира: первое въ 1841—1855 гг. и второе 1862—1879 гг.; переводы Кетчера считаются лучшими переводами произведеній Шекспира на русскій языкъ и составляютъ несомнѣнную заслугу его въ исторіи нашей литературы.

Одновременно съ переводами Шекспировскихъ драмъ появлялись въ печати его переводы въ журналахъ: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Московскій Наблюдатель», «Журналъ Садоводства» и др. и отдѣльными изданіями: «Путеводитель по пустынѣ», ром. Купера (Спб. 1841 г.) и «Частная патологія и частная терапія» Неймана (М. 1846—1851 г.). Кромѣ того Кетчеръ состоялъ редакторомъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1843—1845), «Магазина Землевѣдѣнія» (1855—1860) послѣ смерти Фролова, и вмѣстѣ съ А. Д. Галаховымъ—«Сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» въ изданіи Л. Солдатенкова.

И. И. Панаевъ. «Литературныя воспоминанія» (Спб. 1876 г.); А. Н. Пыпинъ, «Жизнь и труды В. Г. Бѣлинскаго» (Спб. 1876); Т. П. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ» (Спб. 1878); «Русскій Архивъ», 1886 г., т. III и 1887 г., т. I; «Истор. Вѣстникъ», 1886 г., № 12; «Русская Мысль», 1888 и 1889 гг. (переписка) Анненковъ «Воспоминанія и критическіе очерки». Спб. 1881 г. Станкевичъ А. В. «Н. Х. Кетчеръ»; Воспоминанія 1887 г.

Кетчеръ, *Яковъ Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, членъ совѣта департамента удѣловъ, ум. 10 ноября 1880 г. Кончивъ въ 1829 г. курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ канцелярію главнаго директора межевой канцеляріи, гдѣ въ 1834 г. занялъ мѣсто секретаря. Въ 1835 г. назначенъ былъ, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, дѣлопроизводителемъ комитета Высочайше утвержденнаго въ Москвѣ для составленія устава межевого управленія и другихъ проектовъ по межевой части. Въ 1837 г. поступилъ правителемъ канцеляріи тверского губернатора, но черезъ годъ вышелъ въ отставку. Въ 1839 г. вновь поступилъ на службу секретаремъ правленія Московской медико-хирургической академіи, а въ 1842 г. переведенъ въ медицинскій департаментъ на должность секретаря и откомандированъ къ директору департамента для производства письмен-

ныхъ дѣлъ во время обозрѣнія имъ медицинской части въ 22-хъ губерніяхъ. По окончаніи ревизіи назначенъ дѣлопроизводителемъ комитета для разсмотрѣнія свода врачебныхъ постановленій, а въ 1843 г. начальникомъ отдѣленія департамента съ управленіемъ канцеляріей врачебно-полицейскаго комитета. Въ 1854 г. переведенъ въ департаментъ удѣловъ начальникомъ судебнаго отдѣленія; въ 1861 г. назначенъ членомъ департамента и въ 1856 г. переименованъ въ члены совѣта департамента удѣловъ. Обладая всесторонними свѣдѣніями, проведшій молодость въ кругу литераторовъ товарищей своего брата, онъ основательно изучилъ русскую и иностранную литературу, былъ близко знакомъ съ исторіей и теоріей живописи и скульптуры, осмотрѣлъ всѣ европейскія галлереи и былъ извѣстенъ какъ просвѣщенный цѣнитель искусства.

Голосъ, 1880 г., № 325.

Кёхи, (**Köchy**), *Христіанъ Гейнрихъ Готтлибъ*, род. 24 апр. 1769 г. вблизи Брауншвейга, ум. 18 августа 1828 г. Онъ получилъ степень доктора въ 1794 году, съ 1800 г. сдѣлался приватъ-доцентомъ правовѣдѣнія въ Іенѣ, въ 1803 г. перешелъ въ митавскую гимназію учителемъ законовѣдѣнія и съ 1805 г. избранъ ординарнымъ профессоромъ Дерптскаго университета по каѳедрѣ эстонскаго и финляндскаго права. Но 5 мая 1817 г. по Высочайшему повелѣнію онъ, какъ деканъ юридическаго факультета, вмѣстѣ съ проф. Штельцеромъ, бывшимъ въ то время ректоромъ, были удалены со службы за злоупотребленія при производствѣ въ ученыя степени по юридическому факультету. Въ теченіе 11 лѣтъ своей профессуры Кёхи неоднократно былъ избираемъ проректоромъ и деканомъ. Остальное время жизни онъ провелъ заграницей, занимаясь адвокатурой, издательской дѣятельностью и типографскимъ дѣломъ. Скончался насильственною смертью—былъ убитъ своей женой. Онъ извѣстенъ какъ талантливый и многостороній писатель. Ему принадлежатъ: 1) Meditationen über die interessantesten Gegenstände der heutigen Civilrechtsgelehrtheit. Leipzig. 1795. 2) Theoretisch-practischer Commentar über die Pandecten, nach Anleitung des Helfeldischen Lehrbuches. 5 B. Leipz. 1796 — 1803. 3) Thesaurus juris Saxonici, 2 B. 1796 и 1798. 4) Civilistische Erörterungen Leipz. 1797. 5) Commentatio de testamento, vi metuque extorto. Jenae. 1800. 6) Die ersten Blüthen meiner Phantasie. 1803. 7) Probabilium juris civilis specimen, pro manere professionis juris provincialis Esthonici et Finnici ordinariae in universitate litterarum Dorpatensi... Dorpati. 1806. 8) Die Minnesänger. Dorp. 1813. Подъ псевдонимами: 9) Friedz Glover. Goethe als Mensch und Schriftsteller aus dem englischen übersetz, Halberst. 1824. 10) H. A. Gottschalk. Goldoruhe für Hausväter und Hausmütter oder Kunst, Nahrungsmittel aller Art. 1825. Сверхъ того принималъ участіе какъ въ ученыхъ, такъ и въ литературныхъ изданіяхъ статьями, рецензіями и проч.

Кизимовскій, *Василій Петровичъ*, протоіерей, ум. 10 іюля 1884 г. Кончилъ курсъ въ черниговской духовной семинаріи въ 1827 г. и поступилъ учителемъ въ черниговское духовное училище. Рукоположенъ 6 января 1831 г. въ священники, въ 1860 г. переведенъ ключаремъ каѳедральнаго собора, гдѣ и служилъ до выхода за штатъ, 21 іюля 1877 года. Оставилъ два рукописные труда: «Сѵнодикъ въ хронологическомъ порядкѣ», въ которомъ помѣщены черниговскіе архипастыри съ 992 г. и всѣ служившіе при соборѣ, и «Лѣтопись каѳедральнаго собора», съ историческими свѣдѣніями, касающимися и исторіи Чернигова.

«Черниговскія епархіальныя извѣстія», 1884 г., № 17.

Кикинъ, *Александръ Васильевичъ*, адмиралтействъ совѣтникъ, казненъ 17 марта 1718 г. Онъ рано сталъ извѣстенъ Петру Великому; въ 1693 г. онъ былъ сдѣланъ бомбардиромъ потѣшнаго полка. Въ Азовскомъ походѣ Кикинъ сопровождалъ государя въ званіи царскаго деньщика. Затѣмъ въ 1697 г. онъ отправленъ былъ заграницу при великомъ посольствѣ, «валентиромъ» въ первомъ десяткѣ и въ Голландіи на остъ-индской верфи, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ государю лицъ, учился судостроенію. По возвращеніи въ Россію онъ опредѣленъ былъ, въ званіи мачтъ-макера, къ строенію кораблей и работалъ сначала на Воронежской, затѣмъ въ 1703 и 1704 гг. на Олонецкой верфи. Въ 1706 г. Кикинъ участвовалъ въ войнѣ; въ январѣ онъ съ отдѣльнымъ корпусомъ стоялъ въ Митавѣ и долженъ былъ препятствовать соединенію арміи Карла XII съ корпусомъ Левенгаупта; въ мартѣ, взорвавъ Митавскій замокъ, онъ отступилъ въ

Минскъ. Въ началѣ слѣдующаго года онъ по приказанію Петра пріѣхалъ въ Петербургъ (изъ Москвы) и, по смерти коменданта Яковлева, вступилъ въ управленіе петербургскимъ адмиралтействомъ. Въ декабрѣ 1707 г. Кикинъ ѣздилъ въ Батуринъ съ какимъ-то порученіемъ Петра къ Мазепѣ. Въ Петербургѣ же, кромѣ адмиралтейскихъ дѣлъ, строенія судовъ и иногда командованія ими въ морѣ, Кикинъ наблюдалъ за постройкой крѣпости и дворца, за посадкой дубовой рощи, сдѣлалъ рисунки морскихъ сигналовъ и исполнялъ разныя мелкія порученія Петра.

Въ декабрѣ 1708 г. онъ ѣздилъ на верфи Олонецкую и Ново-Ладожскую, и въ 1709 г. въ Воронежъ для осмотра корабельныхъ работъ. Въ послѣдующіе годы, 1710 — 1714, дѣятельность его сосредоточилась исключительно около адмиралтейства. Кикинъ жилъ большею частью въ Петербургѣ, наблюдалъ за строеніемъ судовъ, снаряжалъ флотъ пушками и провіантомъ для кампаніи, ѣздилъ въ командировки для осмотра верфей, или въ Шлиссельбургъ для провода судовъ. Въ это время Кикинъ женился (1711); 17 іюня 1712 г. произведенъ былъ въ адмиралтейскіе совѣтники.

Кикинъ былъ очень близокъ къ государю. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его личная переписка съ нимъ, въ которой Петръ называетъ Кикина «grotvader, дѣдушкой, дидомъ», увѣдомляетъ собственноручно о важнѣйшихъ своихъ дѣлахъ, черезъ него пересылаетъ поклоны супругѣ. Въ 1708 г. Витворту только черезъ Кикина удалось выхлопотать себѣ аудіенцію у царя. Знатныя лица, кн. Б. Куракинъ и кн. Черкасскій, заискивали передъ нимъ. Въ 1712 г. Кикинъ былъ шафером на бракосочетаніи государя. Въ концѣ 1714 г. Кикинъ замѣтилъ холодность въ отношеніяхъ къ себѣ Петра и приписывалъ ее погибели въ морѣ нѣсколькихъ бригантинъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ арестованъ за злоупотребленія по службѣ. Въ письмѣ къ государю Кикинъ каялся въ совершенномъ преступленіи и, не смѣя просить милости, просилъ позволенія жить въ деревнѣ; онъ заплатилъ денежный штрафъ и, въ видѣ ссылки, отправленъ былъ въ Москву. Но въ томъ же году Петръ окончательно простилъ его и разрѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ. Кикинъ снова сталъ пользоваться извѣстнымъ значеніемъ, какъ это видно изъ его столкновенія съ Меньшиковымъ. Въ январѣ 1716 г. на вопросъ государя о причинѣ его худобы, Кикинъ отвѣчалъ, что онъ похудѣлъ изъ за Меньшикова и подалъ доносъ на Меньшикова и кн. Долгорукова, очень ихъ безпокоившій. Въ маѣ слѣдующаго года у Кикина было снова столкновеніе съ Меньшиковымъ: онъ спорилъ о переулкѣ между принадлежавшими имъ дворами и дѣло потребовало личнаго рѣшенія Петра. Въ этой враждѣ къ Меньшикову и въ невысокомъ служебномъ положеніи и надо, повидимому, искать причину измѣны Кикина дѣлу Петра; измѣна эта не имѣла характера принципіальной вражды къ реформѣ. Еще въ 1713 году Кикинъ переписывался съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, въ 1714 году сблизился съ нимъ и совѣтовалъ ему бѣжать отъ отца во Францію. Затѣмъ, когда царевичъ вернулся, онъ уговаривалъ его постричься, въ ожиданіи смерти отца, замѣчая, что «клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ». Весною 1716 годъ Кикинъ сопровождалъ въ Карлсбадъ царевну Марью Алексѣевну, также тайную сторонницу Алексѣя Петровича; онъ воспользовался этой поѣздкой заграницу и одинъ съѣздилъ въ Вѣну, чтобъ узнать, какъ тамъ встрѣтятъ царевича. Въ Либавѣ, въ октябрѣ 1716 года, онъ встрѣтился съ Алексѣемъ и убѣдилъ его скрыться отъ государя въ Австрію и ни въ какомъ случаѣ не возвращаться въ Россію. По возвращеніи въ Петербургъ осторожный Кикинъ, подготовляя себѣ оправданіе на будущее время, разсказывалъ Ивану Аѳанасьеву о непріязненныхъ отношеніяхъ между нимъ и царевичемъ.

По разсказу Голикова, Кикинъ подкупилъ также царскаго деньщика Константина Баклановскаго, чтобы тотъ заблаговременно далъ ему знать объ опасности. Въ началѣ февраля 1718 г. Кикинъ былъ арестованъ; говорятъ, при арестѣ съ нимъ сдѣлался ударъ. На пыткахъ 11 и 18 февраля Кикинъ во всемъ сознался, подтвердивъ показанія царевича; 22 февраля онъ написалъ Петру письмо, въ которомъ пытался оправдаться, но на новой пыткѣ 5 марта подтвердилъ свое признаніе. Министры присудили ему «жестокую» смертную казнь. По свидѣтельству Мэкензи, царица, по настоянію гр. Апраксина, просила о смягченіи наказанія Кикину. Не-

смотря на это Кикинъ, 17 марта, былъ колесованъ и на слѣдующій день обезглавленъ по приказанію царя. Его дома (5 въ Петербургѣ и 3 въ Москвѣ) и имѣнье, до 3500 десятинъ земли, были отписаны въ казну; въ одномъ изъ домовъ, близъ Смольнаго монастыря помѣщена была въ 1719 г. библіотека и кунсткамера Академіи Наукъ.

Устряловъ, «Ист. царств. Петра Вел.» т. II прилож. № 17 с. 558, т. III прил. № 13 с. 575, т. IV ч. 2. с. 494, 495, с. 575, 577 т. VI с. 57, 157, 172, 177, 224, прил. № 154, 157. Соловьевъ, «Ист. Россіи т. XVI, с. 260, 263, т. XVII с. 154—207 (изд. 1-е); Погодинъ, «Цар. Алексѣй Петровичъ» въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1861 кн. 3 с. XX с. 169 и др.; Пекарскій, «Наука и литер. при Петрѣ В.» т. I, 47, 561 т. II № 385.; Голиковъ, «Дѣянія» т. VI с. 33, 34 (изд. 1788). «Сборн. Ист. Об.» т. XI с. 1—29, т. XIX с. 448 (Витвортъ) т. LXI с. 324 (Мэкензи). «Письма и бумаги Петра Вел.», т. I № 181 с. 187, т. II № 489, с. 127, 537, Письма русск. госуд. т. III с. 62. Мат. для ист. русск. флота т. I passim, т. II. Общій морской списокъ, т. I Опись дѣлъ арх. морск. мин. т. № 405 и 440, Доклады и пригов. Прав. Сен. т. I № 385 с. 274, Архивъ. кн. Куракина кн. 3, с. 318, 333.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Кикинъ, *Алексѣй Ивановичъ,* статскій совѣтникъ, род. въ 1810 г., ум. 8 февраля 1852 г. Въ 1825 г. поступилъ въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи, гдѣ еще студентомъ исправлялъ должность прозектора зоотоміи и въ 1829 году кончилъ курсъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія, съ серебряною медалью и оставленъ при Академіи прозекторомъ зоотоміи. Въ 1830 г. во время появившейся въ Москвѣ холеры, производилъ изслѣдованіе болѣзни, съ самоотверженіемъ вскрывая трупы умершихъ, и въ 1831 г. напечаталъ «Disquisitio anatomico—pathologica in hominibus cholera morbo extinctis anno 1830». Въ 1834 г., защитивъ диссертацію «De scorbuto», удостоенъ степени доктора медицины и, по особому экзамену, пріобрѣлъ званія акушера и инспектора врачебной управы. Въ 1835 г. утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ Академіи и читалъ зоотомію, сравнительную физіологію и ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ, но въ 1836 г., при введеніи новаго устава въ Акад., назначенъ снова прозекторомъ зоотоміи. Въ 1845 г. уволенъ по случаю закрытія Академіи. Въ 1846 г. опредѣленъ въ Московскій Университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, для изложенія ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарной науки, читалъ еще гигіену и діэтетику. Онъ издалъ «Краткую зоотомію или руководство къ познанію строенія тѣла домашнихъ животныхъ» (М. 1837. 2 ч.) первый на русскомъ языкѣ учебникъ по анатоміи животныхъ и напечаталъ «Вопросы изъ общей эпизоотіи» (М. 1843).

«Змѣевъ», «Русскіе врачи писатели»; Шевыревъ, «Словарь проф. Моск. Унив.»; Геннади, «Словарь»; «Моск. Врачебный Журн.», 1852. «Medic.-Zeitung Russl.» 1852, 112.

Кикинъ, *Василій Петровичъ,* стольникъ, полковой воевода и посолъ XVII в., игравшій видную роль въ переговорахъ съ Малороссіей; ум. около 1676 г. Впервые онъ упоминается въ документахъ подъ 1640 г., по поводу назначенія стольникомъ, и затѣмъ подъ 1654 г., когда онъ былъ посланъ въ Малороссію для принятія городовъ кіевскаго намѣстничества «подъ государеву высокую руку». Въ 1657 г. царь Алексѣй Михаиловичъ, не зная еще о выборѣ Выговскаго, по смерти Богдана Хмѣльницкаго, послалъ В. П. Кикина въ Малороссію съ объявленіемъ, что «его царское величество, извѣстившись о непріязненныхъ намѣреніяхъ крымскаго хана, посылаетъ на помощь казакамъ войско подъ начальствомъ Ромадановскаго и Шереметева». По пріѣздѣ туда онъ хлопоталъ, между прочимъ, о примиреніи Выговскаго съ полковникомъ Пушкаремъ и успѣлъ было въ этомъ, но полтавскіе казаки запретили Пушкарю мириться; тогда послѣдній, не смотря на увѣщанія Кикина, напалъ на гетманскій обозъ, и въ происшедшей тутъ схваткѣ московскій посолъ едва спасся бѣгствомъ. Вскорѣ послѣ этого (въ началѣ 1658 г.) онъ былъ отозванъ въ Москву, вѣроятно, и для оправданія также отъ обвиненій «въ корысти», которыя возводилъ на него Брюховецкій. Но несомнѣнно, они мало имѣли значенія: въ томъ же году В. П. Кикинъ былъ отправленъ снова въ Малороссію для разбора дѣла о злоупотребленіяхъ московскихъ воеводъ. Женатъ былъ на Маріи Михайловнѣ Голохвастовой и имѣлъ сыновей Петра, Ивана, Варѳоломея и Александра.

Кикинъ, *Петръ Андреевичъ,* статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ, род. 27 декабря 1775 г. въ г. Алатырѣ, симбирской губерніи, ум. 18 мая 1834 г. Собственно онъ былъ крещенъ Варѳоломеемъ но, по довольно распространенному еще въ концѣ XVIII в. обычаю, назывался другимъ именемъ—Петромъ. Образованіе

получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, куда еще на второмъ году отъ роду былъ записанъ по желанію гр. И. Г. Орлова. Въ 1802 г. Императоръ Александръ I пожаловалъ его во флигель-адъютанты и оказывалъ ему особенное довѣріе; П. А. Кикинъ состоялъ при генералахъ: Михельсонѣ, Мейендорфѣ и князѣ Прозоровскомъ, а затѣмъ при особѣ Государя. Въ 1812 г. состоялъ дежурнымъ генераломъ обѣихъ армій и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Краснымъ и въ походѣ 1814 г. По взятіи Парижа уволился въ отставку и произведенъ въ бригадные генералы. Онъ первый подалъ мысль о сооруженіи въ память 1812 г. храма Христа Спасителя въ Москвѣ, изложивъ ее въ письмѣ къ А. С. Шишкову, который довелъ ее до свѣдѣнія Императора Александра I, благодаря чему мысль эта и осуществилась. Въ 1816 г., по личному желанію Государя, гр. Аракчеевъ упросилъ Кикина вступить снова на службу, и онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по принятію прошеній на Высочайшее имя. На этомъ посту онъ отличался чрезвычайною прямотою и твердостію; если онъ былъ убѣжденъ, что рѣшеніе Государя по доложенному имъ дѣлу несправедливо, — то онъ не затруднялся снова входить съ тѣмъ же докладомъ и нерѣдко успѣвалъ добиться того рѣшенія, которое было справедливо. Въ Петербургѣ онъ былъ близокъ съ Н. С. Мордвиновымъ, адмираломъ Шишковымъ, Державинымъ; состоялъ членомъ Вольнаго экономическаго общества и Московскаго общества сельскаго хозяйства. Въ 1820 г., вмѣстѣ съ княземъ И. А. Гагаринымъ и И. Д. Мамоновымъ онъ положилъ основаніе Обществу поощренія художникамъ и очень много сдѣлалъ для общества въ первое время его существованія; онъ былъ постояннымъ ходатаемъ о нуждахъ общества предъ Государемъ и очень заботился о поддержкѣ всякаго трудящагося художника. Въ общемъ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора хранится немало всеподданнѣйшихъ докладовъ его въ этомъ смыслѣ. По выходѣ въ отставку въ 1826 г. поселился въ деревнѣ и много сдѣлалъ для улучшенія быта своихъ крестьянъ.

«Иллюстрація», 1847, № 11: сочиненія Державина, изд. Грота, по указателю.

Киль (Kiel), *Левъ Ивановичъ*, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, ум. въ Парижѣ въ ноябрѣ 1851 г. Былъ сначала адъютантомъ великаго князя Константина Павловича; затѣмъ переведенъ въ свиту Его Величества. Рисовалъ акварелью и на камнѣ (для литографіи) портреты, затѣмъ гравировалъ, по порученію великаго князя Николая Павловича въ 1815—1819 г. костюмы русской арміи. Въ концѣ 40-хъ годовъ жилъ въ Римѣ и былъ начальникомъ надъ русскими художниками; былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Академіи Художествъ.

Ровинскій, «Подроб. слов. русс. граверовъ», 1895; «Отчетъ общ. поощр. худож.» за 1840—1841 г., — въ «Художеств. Газетѣ», 1841, № 14; «Отчеты Импер. Акад. Худож.» за 1849—1851 г.

Н. С.

Кильдюшевскій, *Павелъ Николаевичъ*, дѣйствит. стат. совѣт., род. въ 1799 г., ум. 20 ноября 1858 г., происходилъ изъ духовнаго званія. Кончивъ курсъ въ 1824 г. въ Московской медико-хирургической академіи лѣкаремъ I-го отдѣленія, былъ назначенъ врачемъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ съ оставленіемъ при академіи адъюнктъ-профессоромъ. 19 іюля 1826 г. получилъ степень доктора медицины за диссертацію «De usu forcipe obstetricae». (М. 1826). Въ 1827 г утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ сравнительной анатоміи и физіологіи. Въ 1830 — 1831 гг. былъ командированъ на холеру въ Саратовъ, Тулу, Вольскъ и Данцигъ. Въ 1838 г. удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи. По закрытіи Московской медико-хирургической академіи, былъ назначенъ профессоромъ повивальнаго института при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Въ 1849 г. пожалованъ почетнымъ гофъ-хирургомъ и въ 1853 г. назначенъ операторомъ въ Московскую Шереметьевскую больницу, гдѣ и оставался до кончины. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ о холерѣ и основалъ въ 1834 г. Московское медико-фармацевтическое попечительство.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; «Московская Мед. Газета», 1858 г., № 48; «Сѣверная Пчела», 1858 г., № 272.

Кингъ, *Егоръ Васильевичъ*, докторъ медицины, род. 1816 г., ум. 25 мая 1881 г. Окончилъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи Пирогова въ 1841 г.; по окончаніи курса служилъ въ больницѣ Обуховской и Маріи Магдалины; за-

тѣмъ семь лѣтъ въ г. Томскѣ, наконецъ снова въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ, будучи старшимъ докторомъ Троицкой общины сестеръ милосердія. Кингъ отличался чрезвычайной добротою и отзывчивостью, свою практику онъ сосредоточивалъ преимущественно среди бѣднѣйшаго населенія столицы и самъ, имѣя крайне ограниченныя средства, постоянно оказывалъ своимъ паціентамъ еще и матеріальную поддержку. Онъ и умеръ скоропостижно, отъ разрыва сердца, возвращаясь отъ больного, къ которому отправился, не смотря на то, что самъ чувствовалъ себя очень плохо.

«Голосъ», 1881 № 151.

Кипіани, *Дмитрій Ивановичъ,* дѣйствит. стат. совѣт., род. въ 1807 г., ум. 25 октября 1887 г. По происхожденію грузинъ, воспитывался въ тифлисской семинаріи и въ тифлисскомъ благородномъ училищѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ, началъ службу въ тифлисскомъ уѣздномъ судѣ, затѣмъ преподавалъ въ тифлисской гимназіи; прослуживъ нѣкоторое время въ канцеляріи вологодскаго губернатора, въ 1849 г. перешелъ снова на службу на Кавказъ и въ 1863—1864 гг. былъ членомъ совѣта главнаго управленія намѣстника кавказскаго; въ 1864—1870 гг. былъ тифлисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; въ 1880—1882 гг. былъ на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; съ 1882 г. по смерть былъ кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ ночь на 25 октября 1887 г. онъ былъ убитъ въ Симферополѣ грабителями, проникшими къ нему ночью въ спальню. Оставилъ любопытныя записки, напечатанныя въ т.т. 49, 50 и 51 «Русской Старины».

Языковъ, «Обзоръ», за 1887 г. (СПб. 1893), 39; «Русск. Архивъ» 1889; «Москов. Вѣд.», 1889, № 248.

Кипренскій, *Орестъ Адамовичъ,* профессоръ живописи, род. 13 марта 1783 г. на мызѣ Нѣжинской, около Копорья, ораніенбаумскаго уѣзда петербургской губ.; ум. 5 октября (ст. ст.) 1836 г. въ Римѣ. Отецъ его, Адамъ Карловичъ Швальбе, былъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ бригадира А. С. Дьякова, который, замѣтивъ у 5-тилѣтняго Ореста выдающіяся художественныя способности, далъ ему отпускную и опредѣлилъ его въ 1788 г. въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ тотъ и воспитывался, будучи ученикомъ Угрюмова и Левицкаго, подъ фамиліей Кипренскаго, передѣланной, какъ полагаютъ, изъ прозвища Копорскій, даннаго ему по мѣсту его рожденія и крещенія; братъ же его, Александръ, былъ опредѣленъ въ ту же Академію въ 1800 г. уже подъ именемъ Швальбе. Вообразивъ себя влюбленнымъ въ одну дѣвушку красавицу, которой больше нравились военные, юный Кипренскій задумалъ поступить въ военную службу, и на вахтъ-парадѣ 13 марта 1799 г., будучи отпущенъ изъ Академіи для свиданія съ родственниками, обратился съ просьбою объ этомъ къ самому Императору Павлу. Взятый при этомъ оберъ-полицеймейстеромъ Лисаневичемъ, онъ былъ препровожденъ въ Академію, Совѣтъ которой и опредѣлилъ: «за самовольный его поступокъ сдѣлать ему при собраніи всѣхъ учениковъ выговоръ»; этимъ и ограничились для Кипренскаго слѣдствія его дѣтской выходки. Въ 1800—1801 гг., онъ получилъ 2 серебрянныя медали за рисунки съ натуры, а въ 1802 г., декабря 11, получилъ и 2-ю золотую медаль за исполненную программу: «Юпитеръ и Меркурій, посѣщающіе въ видѣ странниковъ Филемона и Бавкиду», и другую такую же медаль отъ президента Академіи, гр. А. С. Строганова, особенно ему покровительствовавшаго,—за эскизъ по конкурсу для памятника покойному профессору скульптуры Козловскому; наконецъ, въ 1803 г., по исполненіи эскиза на 1 золотую медаль: «Варяги, отецъ съ сыномъ, отказывающіеся въ присутствіи кн. Владиміра поклониться Перуну», получилъ 1 сентября «за хорошіе успѣхи и особливо за признанное добронравіе, честное и похвальное поведеніе»—аттестатъ 1-й ст. и шпагу, причемъ, въ виду собственнаго желанія продолжить еще время своего пребыванія въ Академіи, оставленъ при ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, «дабы подъ руководствомъ профессоровъ они могли пріобрѣсть вящіе успѣхи не яко уже ученики, а какъ художники». Тутъ-то Кипренскимъ и былъ написанъ бывшій на Академической выставкѣ 1804 г. портретъ его отца, отличавшійся прекраснымъ колоритомъ, широкою мастерскою кистью, естественностью освѣщенія и рельефомъ и признававшійся современниками за одно изъ лучшихъ произведеній не только его самого, но и вообще русской живописи той эпохи; портретъ этотъ былъ пріобрѣ-

тенъ по повелѣнію императора Николая I, послѣ смерти художника, и переданъ въ Императорскій Эрмитажъ въ 1850 г., а въ Академическомъ музеѣ оставлено повтореніе; въ pendant къ нему онъ началъ было писать портретъ С. Ѳ. Щедрина. Получивъ и 1-ю золотую медаль 1 сентября 1805 г. за программу: «В. К. Дмитрій Донской послѣ побѣды надъ Мамаемъ, находимый въ рощѣ князьями и воинами, при послѣднемъ почти издыханіи» (находится въ Академіи Художествъ), и черезъ годъ будучи назначенъ въ число 7 человѣкъ, избранныхъ къ посылкѣ въ чужіе края пенсіонерами «для пріобрѣтенія бо́льшаго познанія и искусства въ художествахъ», Кипренскій остался еще въ Россіи по политическимъ обстоятельствамъ Европы. Въ то время, по порученію президента Академіи, онъ списалъ копію съ принадлежавшей ему картины Ванъ-Дейка «Мужской портретъ» (почитался за портретъ Антверпенскаго бургомистра Класа Рококса), какъ одной изъ немногихъ, по которымъ ученики могутъ совершенствовать себя въ колоритѣ, причемъ за окончаніе ея «съ похвальнымъ успѣхомъ» получилъ, по опредѣленію Совѣта 16 мая 1808 г.,—300 р., а 22 августа того же года состоялось новое опредѣленіе объ отправленіи его за границу, по измѣнившимся тогда обстоятельствамъ; но тѣмъ не менѣе 27 февраля 1809 г. онъ былъ прикомандированъ къ адъюнктъ-ректору Мартосу, въ Москву. Къ этому времени и относятся исполненные имъ портреты: граф. Е. П. Ростопчиной, рожд. Протасовой, 1809 г. (находится въ Московской галлереѣ бр. Третьяковыхъ) и Н. С. Мосолова (1811), а также гр. Д. И. Хвостова (1812).

Пробывъ за тѣмъ въ Твери, при в. к. Екатеринѣ Павловнѣ, и сдѣлавъ еще большіе успѣхи за время своей отлучки изъ Академіи, Кипренскій, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ Академическому Совѣту, вмѣстѣ съ рисованными карандашемъ портретами крестьянина съ кружкой кваса и ген. де-Волана, еще писанные масляными красками портреты: принца Георга Голштейнъ-Ольденбургскаго (1811 года, находится въ Царскосельскомъ Большомъ Дворцѣ), шталмейстера кн. Гагарина, лейбъ-гусарскаго полковника, партизана 1812 г. Д. В. Давыдова и коммерціи совѣтника Кусова, за которые возведенъ былъ въ академики 1 сентября 1812 г. большинствомъ голосовъ, а 1 сентября 1815 г., по представленнымъ новымъ работамъ,— въ совѣтники Академіи. Въ то же время имъ исполнены были: находящіеся въ Московской галлереѣ бр. Третьяковыхъ портреты сенатора В. С. Хвостова и жены его Д. Н. Хвостовой, рожд. Арсеньевой (1814 г.), и бывшіе въ собраніи Н. Д. Быкова въ Петербургѣ портреты архитектора Гваренги (1814 г.) и музыканта Козловскаго; затѣмъ находящіеся на Академической выставкѣ 1814 г. портреты старика съ сѣдою бородою (какъ этюдъ для апостольской головы), актера Дмитревскаго (гравированный), партизана русской арміи Фигнера (рисованный чернымъ карандашемъ) и помѣщенные въ Китайской галлереѣ Гатчинскаго Дворца портреты в. к. Михаила Павловича и имп. Николая I — поколѣнный (1814 г.), а немного позднѣе — его же поясной въ конно-егерскомъ мундирѣ (1816 г.) и, наконецъ, К. Н. Батюшкова (1815 г.), И. А. Крылова (1816 г., рис.), Е. С. Семеновой (1816 г., рис.), ген.-лейт. С. А. Тучкова (1816 г., рис.). Кромѣ того, Кипренскимъ написаны были портреты: кн. Вяземскаго, В. А. Жуковскаго (находится въ Порѣчьѣ, въ имѣніи гр. Уваровыхъ), С. С. Уварова, А. В. Перовскаго въ испанскомъ костюмѣ XVII в. (находится въ Академіи Художествъ) и нѣкоторые другіе. Всѣ они отличались, по отзывамъ современниковъ, не только сходствомъ, но и пріятнымъ, вѣрнымъ колоритомъ, составлявшимъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ даровитой кисти Кипренскаго. Желая подражать Рубенсу и Рембрандту, онъ, какъ бы мимо воли, писалъ по своему, и еще въ первые годы ученія составилъ себѣ особенную манеру, впослѣдствіи усовершенствованную.

Отправленный въ 1816 г. за границу на счетъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которой портретъ былъ имъ нѣкогда исполненъ, Кипренскій поселился въ Италіи. Однако, по замѣчаніямъ современниковъ, «превосходные образцы живописи не имѣли на него слишкомъ большаго и благодѣтельнаго вліянія. Плѣнясь оконченностію въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ мастеровъ, онъ наиболѣе въ этомъ отношеніи старался имъ подражать, и написанный въ то время портретъ г-жи Авдулиной (1823 г.) можно поставить въ образецъ принятаго имъ направленія. Но тщатель-

ность въ работѣ доводилъ онъ иногда до излишества, такъ что одно изъ самыхъ важныхъ его произведеній, «Анакреонова гробница» или «Пляска вакханки съ сатиромъ» (находились у А. П. Брюллова),— картина, на которую онъ употребилъ и много трудовъ, да и много времени, — весьма теряла отъ излишней, до сухости доведенной, оконченности». Тѣмъ не менѣе о ней появилась особая брошюра по итальянски: Cotti «La tomba d'Anacreonte, quadro d'Orest Kiprensky», Roma. 1820. Другія, наиболѣе замѣчательныя работы Кипренскаго, исполненныя имъ въ первое его путешествіе за границу, т. е. въ тотъ же періодъ, какъ и поименованная только что картина, были: «Отдыхающій молодой садовникъ» (1817 года, находится въ Эрмитажѣ), «Дѣвочка въ маковомъ вѣнкѣ съ гвоздикой въ рукахъ», «Смѣющаяся цыганка съ миртовой вѣткой» и портреты: собственный (по заказу Флорентійской Академіи Художествъ для музея degl'Uffizi; другой экземпляръ находится въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, третій 1828 г.—въ галлереѣ бр. Третьяковыхъ), гг. Берлинскаго, Лагарпа и др.

Во время писанія названной главной картины Кипренскій нашелъ для модели молоденькой ваханки одну бѣдную дѣвочку по имени Маріучча, дочь женщины подозрительнаго поведенія; нѣсколько разъ онъ откупалъ у нея дѣвочку, наконецъ вырвалъ окончательно изъ ея рукъ формальнымъ актомъ и затѣмъ, когда самъ уѣхалъ въ Россію въ 1823 г., помѣстилъ въ одно воспитательное заведеніе на счетъ казны. Въ первое время своего пребыванія въ Римѣ, по своимъ связямъ съ путешествовавшими тогда русскими вельможами, Кипренскій могъ поддерживать любимыя имъ пышность и блескъ. Къ тому же написанные имъ тамъ вначалѣ портреты такъ удивили итальянцевъ, что его превозносили Ванъ-Дейкомъ и Тиціаномъ, а Каммуччини и другіе художники были съ нимъ какъ товарищи. Но одно несчастное приключеніе вдругъ всѣхъ отъ него отдалило и общее мнѣніе было противъ него до такой степени, что долго не смѣлъ онъ одинъ по улицѣ пройдти. Очень вѣроятно, что это имѣло вліяніе на послѣдующія его работы и римляне имъ уже не удивлялись. Объ этомъ происшествіи мы имѣемъ слѣдующее любопытное письмо Кипренскаго изъ Неаполя (1836 г.) къ брату пейзажисту Щедрина, слѣдующаго содержанія: «Я выставлялъ—пишетъ Кипренскій—портретъ отца моего и портретъ дѣвочки одной, писанной мною въ Римѣ. Здѣшняя Академія, разсматривая сіи картины, со мною сыграла слѣдующую шутку: г. президентъ Академіи, кавалеръ Николини, объявляетъ мнѣ отъ имени Академіи замѣчаніе, опытностью и знаніемъ профессоровъ изслѣдованное, якобы сіи картины не суть работы нынѣшняго вѣка; будто бы я выдаю сіи картины за свои, но въ самомъ дѣлѣ одна писана Рубенсомъ — портретъ отца, а дѣвочка—совсѣмъ другимъ манеромъ и другимъ авторомъ древнимъ писана; что картины сіи безподобны: отца портретъ они почли шедевромъ Рубенса, иные думали Вандика, а нѣкто, Альбертини,—въ Рембрандты пожаловалъ, и что въ Неаполѣ не позволятъ они себя столь наглымъ образомъ обманывать иностранцу. И такъ, прошу васъ покорно выпросить отъ Академіи нашей свидѣтельство, что сіи картины писаны мною и что, въ панданъ портрета отца моего, я началъ писать портретъ дяди вашего, Семена Ѳедоровича. Кончить надобно тѣмъ, что когда я принесъ другія, сверхъ того, работы мои, писанныя въ Неаполѣ, и всѣ въ различныхъ манерахъ, то они удостовѣрились, что въ Россіи художники не обманщики. Особенно «отдыхающіе мальчики» (Академіи) S-ta Lucia всеобщее одобреніе заслужили,—картина сія писана для здѣшняго короля, — и «Сибиллою Тибуртинскою» всѣ были обворожены».

По возвращеніи въ Петербургъ, Кипренскимъ были выставлены въ Академіи въ 1824 г., кромѣ 4-хъ вышеупомянутыхъ картинъ и портретовъ В. А. Жуковскаго и Авдулиной, еще портреты: гр. Д. Н. Шереметева въ ростъ, ген.-лейт. И. В. Гладкого, гвардейскаго офицера Анненкова, а въ 1827 г. — портреты: мин. нар. просв. А. С. Шишкова (1825 г., писанъ для Россійской Академіи), А. С. Пушкина (1827 г.), адмирала гр. Кушелева, Н. С. Шишмаревой, А. Ѳ. и М. В. Шишмаревыхъ (въ ростъ, одинъ изъ нихъ находится въ Московской галлереѣ бр. Третьяковыхъ), отставнаго ген.-маіора К. Н. Альбрехта (тоже), дѣтей ген.-адъют. Бенкендорфа, М. Е. Лобанова, В. С. Шереметева, офицера кавалергардскаго полка кн. Трубецкаго, Мальцова, Богдановой и проч., а также картинка «Задумчивость» и эскизъ алле-

горіи 1813 г.—«Аполлонъ послѣ пораженія Пиѳона». «Многія изъ этихъ произведеній, по замѣчанію современниковъ, были превосходны и ставили Кипренскаго на ряду, если не съ первѣйшими портретистами, то покрайней мѣрѣ съ замѣчательнѣйшими изъ нихъ. Сходство, строгость рисунка, сила, чистота и пріятность колорита—были неотъемлемыя качества его живописи».

Вернувшись затѣмъ снова въ Италію въ 1828 г., Кипренскій жилъ поперемѣнно въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, Болоньѣ и др. городахъ, причемъ, будучи всегда болѣе или менѣе причудливъ, но страсно любя искусство, старался усовершенствоваться и стремился не безуспѣшно къ тому, чтобы побѣдить понятое имъ свое заблужденіе — доводить оконченность работы до сухости. Написанные имъ въ началѣ 1833 г. въ Римѣ, уже въ бытность профессоромъ 2-й степени, въ которые онъ былъ переименованъ изъ совѣтниковъ 10 января 1831 г., портреты двухъ братьевъ кн. Голицыныхъ и, въ особенности, Торвальдсена (находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ), а также «Сибилла Тибуртинская» (находится въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ) и др. позднѣйшія произведенія служатъ тому доказательствомъ. Къ этому же времени относится и одно изъ лучшихъ произведеній Кипренскаго, такъ называемый «Пажъ» въ испанскомъ костюмѣ, съ черною маскою въ рукѣ, моделью для котораго послужилъ одинъ юноша благородной флорентійской фамиліи, привлекшій при нечаянной встрѣчѣ вниманіе нашего художника. Сверхъ того, имъ написаны были тогда же: «Мальчикъ лазарони», «Дѣвочка съ плодами», «Молодые люди, читающіе газету» (находится въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ). Но Кипренскій испытывалъ себя и въ пейзажной живописи, причемъ почти единственная въ этомъ родѣ картина его—«Видъ изъ окна квартиры» (въ Неаполѣ) находилась у Императора Николая I (другой его пейзажъ «Вечеръ» поступилъ съ галлереей Прянишникова въ Московскій Румянцовскій Музей). Засимъ слѣдовали еще портреты: г-жъ Жадимировской, съ дочерью, и Пуччи, граф. М. А. Потоцкой въ ростъ, съ сестрою, и граф. Шуваловой, съ негритянкою, — это послѣднее произведеніе художника, который, какъ полагаютъ, ничего лучшаго дотолѣ не производилъ. Въ послѣдніе разы произведенія Кипренскаго появлялись на Академическихъ выставкахъ: 1833 г.—портретъ актрисы Телешовой, «Ворожея со свѣчей», «Мальчикъ лазарони», «Итальянская дѣвушка съ плодами», «Читающій и слушающіе газету», «Видъ Неаполя и Везувія съ моря», и 1836 г.—портреты кн. Голицына и Торвальдсена и «Сибилла Тибуртинская».

Не надо забывать стараній Кипренскаго усовершенствовать и литографическую часть. Онъ представилъ въ этомъ отношеніи нѣсколько работъ, изъ которыхъ портретъ Императора Александра I (1825 г.) и голова Спасителя, съ Караччи, заслуживаютъ особеннаго вниманія, не говоря о портретахъ: Гёте, кн. И. А. Гагарина, П. А. Кикина, И. И. Козлова, гр. Растопчина (1822 г.), А. С. Шишкова (1825 г.), головкѣ «Цыганки» (1823 г.) и проч. Кромѣ того, онъ пробовалъ свои силы въ гравюрѣ карандашной манерой (портреты: кн. А. И. Горчакова, актера Дмитревскаго, кн. Ю. В. Долгорукаго, пьяниста Фильда) и крѣпкой водкой (разные грифонажи 1814 г.).

Лѣтомъ 1836 г. Кипренскій, наконецъ, женился на давно любимой имъ Маріуччѣ, но только неболѣе 3 мѣсяцевъ пользовался семейнымъ счастьемъ, какъ жестокая горячка сразила его. Собираясь съ молодою женою въ Петербургъ, онъ началъ было писать «Ангела-хранителя дѣтей», подъ которымъ изобразилъ свою обожаемую Маріуччу, но картина осталась неоконченной. Послѣ его смерти, Академія Художествъ предложила вдовѣ его въ мартѣ 1837 г. уступить три портрета его работы: Давыдова, Императрицы Елизаветы Алексѣевны и Торвальдсена за 7.000 руб., она же просила купить еще: «Голову стараго римскаго поселянина» и «небольшой морской видъ Неаполя» и, хотя сама осталась съ ребенкомъ, предоставила въ пользу жившей въ Петербургѣ бѣдной сестры мужа 750 р. асс. изъ слѣдовавшихъ Кипренскому за портретъ гр. Потоцкой 5.000 р. асс.; наконецъ, Академія испрашивала Высочайшее разрѣшеніе 28 декабря того же года на розыгрышъ въ лотерею остававшихся у ней картинъ, эскизовъ и рисунковъ Кипренскаго.

Кипренскій не зналъ осѣдлости и не имѣлъ постоянной квартиры; его картины, матеріалы и вещи были разсѣяны повсюду, гдѣ случалось ему жить. Но эта небрежность по отношенію къ вещамъ нимало

не согласовалась съ его вниманіемъ къ собственной личности, которое онъ простиралъ даже до кокетства, какъ это видно изъ его писемъ и другихъ бумагъ.

По описанію скульптора С. И. Гальберга, онъ былъ средняго роста, довольно строенъ и пригожъ, но еще болѣе любилъ «дѣлать себя красивымъ» (far si bello): рядился, завивался, даже румянился, учился пѣть и играть на гитарѣ, хотя пѣлъ очень плохо. Все это, разумѣется, чтобы нравиться женщинамъ, которыхъ страстно любилъ до самаго конца. Однажды, онъ упрекалъ Гальберга въ дикости, застѣнчивости, и когда тотъ въ свое извиненіе представлялъ, что не можетъ переломить себя и что невольно боится женщинъ,— отвѣчалъ ему: да, правда, бѣда съ ними познакомиться, кто не Кипренскій.

Относительно его значенія, какъ художника, не мѣшаетъ прибавить отзывъ другаго современника, по замѣчанію котораго «Кипренскій принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ избранныхъ портретистовъ и, не безъ выгоды, можетъ быть сравниваемъ со многими лучшими иностранными художниками этого рода— тѣмъ болѣе, что, не будучи слѣпымъ подражателемъ чужихъ достоинствъ и создавъ особенный характеръ живописи, представляетъ самобытныя стороны. Онъ имѣлъ умъ весьма пытливый и склонный къ отвлеченнымъ изысканіямъ, и его горячее воображеніе, кажется, часто представляло ему возможность разрѣшенія самыхъ трудныхъ проблемъ математики и естественныхъ наукъ. Тогда онъ съ жаромъ и на долгое время предавался изслѣдованіямъ, совершенно отвлекавшимъ его отъ искусства. Но въ подобномъ направленіи, кажется, можно предполагать и источникъ характера его живописи. Въ ней онъ, особенно въ послѣднее время, какъ будто искалъ чего-то новаго въ механическихъ пріемахъ, и хотѣлъ въ наивозможно тщательной отдѣлкѣ найдти новое средство для полнаго выраженія жизни въ своихъ произведеніяхъ. Кажется, онъ предполагалъ, что эту отдѣлку можно довести до того совершенства, которое совершенно скроетъ живопись, скроетъ слѣды движенія кисти, сольетъ краски въ неуловимые переходы оттѣнковъ цвѣтовъ и произведетъ въ картинѣ тотъ же самый нерукотворимый видъ, какой имѣютъ предметы въ природѣ. И къ этому совершенству живописи, должно замѣтить, онъ не шелъ путемъ подражанія. Создавъ самъ себѣ задачу, онъ и разрѣшалъ ее по своему. Въ немъ вы не увидите точной копировки, такъ сказать волосокъ въ волосокъ, какъ въ Деннерѣ или Жерарѣ Довѣ. Онъ старательность сосредоточивалъ на колоритѣ, въ накладкѣ красокъ, и изображалъ болѣе прозрачность кожи на тѣлѣ, нежели ея наружные оттѣнки. Рѣшеніе вопроса, куда бы привела его такая манера, прекращено преждевременною его кончиной. Что-же касается до тѣхъ качествъ живописи, которыя всегда составляли и составляютъ предметъ изученія художниковъ,—именно рисунка, освѣщенія и выраженія, то Кипренскій, съ своимъ дарованіемъ и искусствомъ, не могъ не оказать въ нихъ большихъ успѣховъ, которые видны въ большей части его картинъ».

Наиболѣе обстоятельная біографія Кипренскаго появилась въ «Худож. Газетѣ» 1840 г., № 13, стр. 19—32, послѣ предварительнаго некролога 1836 г., № 9—10, стр. 137—138. Она послужила главнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ статей о немъ: въ «Сѣв. Пчелѣ» 1856 г., № 35 (Толбина); въ «Живописи и живописцахъ» А. Андреева, 1857 г. стр. 511—515; въ «Портретной галереѣ» Мюнстера, II, 280 (П. Петрова) и въ «Худож. Хроникерѣ» 1887 г., № 2—3. Интересная характеристика Кипренскаго была сдѣлана въ «Указателѣ находящихся въ Академіи Художествъ произведеній по алфавиту именъ художниковъ и предметовъ», изд. Е. Фишера, 1842 г., а также въ «Сочин.» К. Батюшкова, I, 148—150 (прежн. изд.). Слѣдовавшія затѣмъ краткія біографіи: въ «Каталогѣ оригин. произведеній русс. живописи въ картин. галереѣ Императорской Академіи Художествъ», А. Сомова, 1872 г., стр. 174—175; въ «Худож. галереѣ Моск. Публ. и Румянц. Музея», А. Новицкаго, 1889 г., стр. 174—176, и въ «Подробныхъ словаряхъ»: русс. гравиров. портретовъ, 1887 г., II, 1078, и русс. граверовъ 1895 г., II, 485, Д. Ровинскаго, не говоря уже о другихъ, представляются простыми извлеченіями изъ названнаго выше первоисточника, причемъ въ первой изъ нихъ Кипренскій ошибочно названъ пенсіонеромъ имп. Екатерины Алексѣевны, каковая ошибка повторена и въ «Каталогѣ картинной галлереи Имп. Эрмитажа», А. Сомова, 1895 г., стр. 116.—Важнѣйшимъ источникомъ для біографіи Кипренскаго служатъ, кромѣ рукописныхъ документовъ въ архивахъ: Императорской Академіи Художествъ 1799 г., № 24 и 1812 г., № 86, и Министерства Императорскаго Двора, дѣла канцеляріи, 1831 г., оп. XVIII, № 200, св. 226, и 1836 г., № 316, св. 375 (по стар. нумер.), еще— «Сборникъ матер. для исторіи Императорской Академіи Художествъ», П. Петрова, т. I — II, и «Указатель» къ нему, А. Е. Юндолова, не считая описаній Академическихъ выставокъ въ журналахъ: 1814 г. («Сынъ Отеч.», XVIII), 1824 г. («Отеч. Зап.», XX), 1827 г. («Сѣв. Пчела», № 110), 1883 г. («Литер. Прибавл. къ Русс. Инвал.», № 87), 1836 г. («Худож. Газета»,

1 прибавл.) и проч., и «Описи худож. произведеній город. галлереи П. и С. Третьяковыхъ», М. 1896 г.

Н. Собко.

Кипріановъ, *Василій Александровичъ*, тайный совѣтникъ, род. въ 1818 г. въ Смоленской губерніи, ум. 21 января 1889 г. въ Москвѣ. Получилъ образованіе въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія и службу началъ по этому же вѣдомству. Въ теченіе ея онъ принималъ участіе въ работахъ по улучшенію судоходства по р. Москвѣ, по прорытіи второго Ладожскаго канала, по сооруженію Московско-Нижегородской желѣзной дороги. Случайно заинтересовавшись толщами земли, которыя приходилось ему прорывать, онъ началъ заниматься геологіей и палеонтологіей; изъ множества статей его по этимъ наукамъ, напечатанныхъ имъ въ разныхъ трудахъ ученыхъ обществъ, особенно значительна монографія объ ископаемыхъ рыбахъ и гигантскихъ пресмыкающихся, помѣщенныхъ въ 28, 30 и 31 томахъ мемуаровъ Академіи Наукъ; Кипріановъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ; въ палеонтологическій кабинетъ С.-Петербургскаго университета В. А. Кипріановъ пожертвовалъ замѣчательную колекцію окаменѣлостей.

«Новое Время»; 1889 № 4640.

Кипріановъ, *Василій*, типографщикъ и библіотекарь, умеръ въ 1728 году. По происхожденію тяглый человѣкъ Кадашевской сотни въ Москвѣ, служилъ типографщикомъ въ Московской духовной типографіи, а съ заведеніемъ въ 1705 г. гражданской типографіи былъ главнымъ работникомъ въ ней, подъ ближайшимъ руководствомъ генерала Брюса. Кипріановъ издалъ почти всѣ книги и учебники гражданской печати, выпущенные при Петрѣ Великомъ, касавшіеся математики и географіи, такъ же навигаторскія карты и нѣсколько гравюръ. Имъ, также подъ наблюденіемъ Брюса, былъ составленъ и вырѣзанъ на 6 листахъ календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова, вышедшій въ 1710 — 1716 г. Вознагражденіе за свои работы онъ получалъ, кажется, довольно незначительное и обращался однажды къ Петру Великому съ прошеніемъ, чтобы, за напечанныя имъ на своемъ иждивеніи книги, ему уступлены были два лавочныя мѣста за стоимость только мѣстъ, не считая стоимости строеній; надо думать, поэтому, что онъ занимался и торговлею. Василій Кипріановъ былъ въ вѣдѣніи Синода, но Кадашевская слобода предъявляла требованія, чтобы онъ исполнялъ различныя обязанности, какія они на него возлагали, какъ на своего члена; стараніями Брюса, однако, онъ былъ уволенъ изъ зависимости отъ слободы. Нося титулъ «библіотекаря» Кипріановъ, кажется, подавалъ Петру Великому проектъ устройства публичной библіотеки. Послѣ же его смерти, два его сына обращались въ Синодъ съ просьбою, чтобы имъ отдана была въ содержаніе типографія и представили вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ учрежденія при ней «публичной всенародной библіотеки»; Синодъ изъявилъ свое согласіе но, неизвѣстно почему, предположеніе это не осуществилось.

Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, II, «Русскій Архивъ», 1866, 1291 — 1300; «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода». IV, № 168; Д. Ровинскій, «Русс. Народ. Картинки», II, IV, и «Подроб. Словарь, русс. Граверовъ», II.

Кипріанъ, преподобный устюжскій, скончался 29 сентября 1276 г. Уроженецъ Двинской области; былъ довольно богатымъ земледѣльцемъ, оставилъ міръ и постригся въ монашество, въ началѣ XIII в. (около 1212 г.); онъ поселился въ маленькой кельѣ, недалеко отъ г. Устюга Великаго; вскорѣ около его кельи образовался Архангельскій монастырь; Кипріанъ управлялъ имъ до самой кончины.

Кн. Эристовъ «Словарь историч. о святыхъ»; Саввaитовъ, «Описаніе Великоуст. Арханг. мон».

Кипріанъ, святой, митрополитъ всея Россіи, ум. 16 сентября 1406 г. Онъ былъ, вѣроятно, болгаринъ, хотя въ Никоновской лѣтописи и называется «сербиномъ», а, по словамъ Григорія Цамблака, происходилъ изъ города Тернова. По влеченію къ монашеской жизни онъ рано поселился на Аѳонѣ и затѣмъ былъ въ клирѣ Константинопольскомъ. Его первое появленіе въ Россію относится къ 1374 г., когда онъ упоминается въ качествѣ патріаршаго посла. На этотъ разъ онъ былъ отправленъ для разслѣдованія отношеній митрополита Алексія къ западно-русскимъ церквамъ по поводу жалобъ Ольгерда на забвеніе его владѣній митрополитомъ Московскимъ и его суровость. Въ теченіе этого пребыванія онъ съумѣлъ понять интересы литовскихъ князей, склонилъ ихъ на свою сторону и написалъ отъ лица ихъ просительную грамоту къ патріарху о поставленіи его

въ санъ митрополита русскаго со многими обвиненіями на митрополита Алексія, котораго увѣрилъ въ своемъ полномъ расположеніи. Вернувшись обратно, Кипріанъ повелъ дѣло такъ, что былъ избранъ и поставленъ Филоѳеемъ, патріархомъ Царградскимъ, въ санъ митрополита кіевскаго и литовскаго, съ правомъ на всю Россію по смерти митрополита Алексія. Это былъ актъ не каноническій и самъ Кипріанъ послѣ вынужденъ былъ затушевывать его туманною фразой: «не вѣмъ, како судьбами, ими же вѣсть Богъ, и азъ смиренный возведенъ бых на великій престолъ митрополіи русскія».

Получивъ такимъ образомъ въ декабрѣ 1375 г. пока только часть послѣдней, онъ пожелалъ немедленно же завладѣть всею, и съ этою мыслію 9-го іюня «выѣхалъ на Кіевъ». Отсюда онъ хотѣлъ проникнуть въ Москву, но тутъ ему «прилучилось мало нѣчто противное»: вел. кн. Димитрій Іоановичъ его не принялъ, а его хлопоты въ Новгородѣ и Псковѣ остались безуспѣшны. Тогда Кипріанъ рѣшился выжидать въ Кіевѣ благопріятныхъ обстоятельствъ. Смерть св. Алексія (12-го февраля 1377 г.), повидимому, открывала ему свободную дорогу къ достиженію митрополіи московской; однако великій князь избралъ своего кандидата въ лицѣ духовника и любимца своего, спасскаго архимандрита Михаила, по прозванію Митяя. Несомнѣнно, что извѣстія Никоновской лѣтописи—и, вѣроятно, не безъ вліянія Кипріана—объ этомъ лицѣ сильно преувеличены въ дурную для него сторону. Тѣмъ не менѣе, если не поведеніе, то странное и нелегальное положеніе Михаила въ качествѣ неслыханнаго доселѣ намѣстника митрополита со всѣми его правами и привиллегіями вызвало на Москвѣ не мало затрудненій и замѣшательствъ. Кипріанъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ для осуществленія своихъ плановъ и въ маѣ 1378 г. двинулся въ Москву въ увѣренности, что онъ найдетъ себѣ энергическую поддержку въ средѣ недовольныхъ Митяемъ, и что великій князь долженъ будетъ примириться съ совершившимся фактомъ, который теперь получалъ и каноническое оправданіе. Его надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что у него были хорошія связи, напр., съ такими людьми, какъ Сергій Радонежскій и Ѳеодоръ Симоновскій, которымъ онъ и писалъ съ дороги 3-го іюня изъ Любутска, приглашая ихъ повидаться съ нимъ, «гдѣ они сами поглядаютъ». Но всѣ эти разсчеты не оправдались: великій князь изгналъ пришлеца съ величайшимъ срамомъ, почему Кипріанъ готовъ былъ подозрѣвать замыслы о его «убіеніи или потопленіи». Въ необычайномъ раздраженіи по этому случаю онъ написалъ 23-го іюня новое посланіе тѣмъ же лицамъ, съ изображеніемъ своихъ злоключеній, и положилъ клятву на всѣхъ виновныхъ и причастныхъ къ нимъ, поскольку «аще братъ мой (Алексій) представился, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія». Въ этомъ убѣжденіи онъ начертываетъ такую программу дальнѣйшихъ дѣйствій: «а къ Царюгороду ѣду боронитися Богомъ и святымъ патріархомъ и великимъ соборомъ» съ цѣлію извлечь нѣкую пользу и изъ самого позора своего: «мнѣ ихъ бещестіе болшу честь приложило по всей земли и въ Царѣгородѣ». Съ одной стороны ему ничего инаго и не оставалось, а съ другой—необходимо было предотвратить и отразить вліяніе противниковъ, которые и сами помышляли о поѣздкѣ въ Константинополь. Кипріанъ зналъ еще, что на Москвѣ у него имѣются добрые защитники, въ лицѣ Сергія и Ѳеодора, потому что на второе его письмо они отвѣтили «со смиреніемъ и повиновеніемъ и любовію» къ нему, не взирая на всѣ скорбныя обстоятельства. Посему уже отъ 18 октября 1378 г. онъ увѣдомлялъ ихъ, что «безъ измѣны ѣдетъ къ Царюгороду». Прибывъ сюда, онъ снова былъ ободренъ неожиданнымъ и благопріятнымъ для него оборотомъ дѣлъ. Прежде всего, подвергся опалѣ и былъ свергнутъ съ престола покровитель Митяя, патріархъ Макарій, который—по смерти св. Алексія—нарочито писалъ Димитрію Іоанновичу, чтобы Кипріана ни въ какомъ случаѣ не принимали; не признанному претенденту на митрополію русскую пришлось теперь даже судить непріятнаго ему патріарха, и это показываетъ, что его прерогативы въ извѣстной мѣрѣ уважались. Затѣмъ, и торжественная поѣздка самого Митяя кончилась совершенно плачевно, ибо онъ умеръ почти въ виду Константинополя. Правда, его спутники избрали новаго кандидата, Пимена переяславскаго, вписали его имя на чистый бланкъ за великокняжескою печатью и представили его патріарху Нилу для утвержденія въ санѣ митрополита русскаго, но тотъ сначала рѣшительно отказалъ

въ этомъ. Однако свита успѣла закупить вліятельныхъ лицъ, затративъ громадныя суммы и въ іюнѣ 1380 г. Кипріанъ соборно былъ лишенъ даже Кіева, съ сохраненіемъ за нимъ—и то по снисхожденію—Малой Россіи и Литвы, а митрополитомъ русскимъ назначенъ Пименъ. Кипріану ожидать больше было нечего, и въ концѣ 1380 г. онъ направился въ Кіевъ; здѣсь ему и суждено было скоро получить желанное въ награду за свои страданія и усердную ревность. Великій князь отвергъ Пимена, чрезъ игумена Ѳеодора Симоновскаго пригласилъ къ себѣ Кипріана, а Пимена потомъ схватилъ въ Коломнѣ и заточилъ въ Чухлому. Кипріанъ не замедлилъ, и въ праздникъ Вознесенія Господня, 23-го мая 1381 г., былъ встрѣченъ и принятъ Москвою съ особою торжественностью. Впрочемъ, и на этотъ разъ Кипріанъ не долго продержался въ столицѣ и ничего особеннаго не сдѣлалъ, такъ какъ упоминается лишь о его поѣздкѣ въ Новгородъ. Уже подъ 7 октября 1382 г. мы читаемъ: «тояжъ осени не восхотѣ великій князь Димитрій Іоановичъ московскій Кипріана митрополита всея Руссіи и имяше къ нему не любіе». Въ близкихъ къ изгнанному памятникахъ сообщается только, что это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Кипріанъ, вернувшись въ Москву изъ Новгорода предъ самымъ нашествіемъ Тохтамыша (8-го августа), и «видя рознство и распрю во градѣ, отойде во Тверь и тамо избысть». Но другой источникъ ясно передаетъ, что «розгнѣвася на него (Кипріана) князь великій Димитрій того ради, яко не сидѣлъ въ осадѣ на Москвѣ, но съѣхалъ въ Тверь, боящеся татарскаго нахожденія». Очевидно великій князь подозрѣвалъ митрополита въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ силу русскихъ, почему и искалъ спасенія въ бѣгствѣ, умоливъ гражданъ выпустить его изъ города и покинувъ его въ ту минуту, когда именно святителю нужно было показывать примѣръ бодрости и вдохновлять всѣхъ. Еще болѣе раздражило Димитрія Ивановича то, что Кипріанъ уѣхалъ подъ кровъ ненавистнаго ему родственника Ольгердова, Михаила Александровича тверскаго, который посылалъ дары Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Великій князь рѣшился теперь воспользоваться тѣмъ, что раньше предлагалъ ему патр. Нилъ въ своихъ многократныхъ и усердныхъ моленіяхъ за Пимена: Кипріанъ былъ удаленъ въ Кіевъ, а Пименъ вызванъ изъ заточенія и встрѣченъ съ честію. На прежнемъ мѣстѣ Кипріанъ нашелъ преданнаго покровителя въ кіевскомъ князѣ, сынѣ Ольгерда Владимірѣ, который настолько благоволилъ къ избраннику своего отца, что послѣ не пропустилъ въ Москву поставленнаго въ митрополиты Діонисія Суздальскаго и задержалъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ 15-го октября 1385 г. Кипріанъ не могъ забыть Москвы и, можетъ быть, уже въ 1383 г. онъ снова предпринялъ «трудъ путный» въ Константинополь съ надеждою «борзо быть у васъ (т. е. при великокняжескомъ московскомъ столѣ) изъ Царягорода». Но пребываніе Кипріана затянулось долго и хлопоты его не увѣнчивались успѣхомъ, когда въ половинѣ 1387 г. по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ императоръ командировалъ Кипріана въ югозападную Россію; съ него взято было обязательство священнодѣйствовать только въ этихъ предѣлахъ и непремѣнно вернуться на судъ предъ соборомъ, что онъ и исполнилъ. Что случилось потомъ,—неизвѣстно; въ февралѣ 1389 г. было соборно опредѣлено, «чтобы митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи и былъ и назывался киръ Кипріанъ, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣми областями». Той порой сошли со сцены и недруги и враги Кипріана: 19-го мая 1389 г. умеръ Димитрій Іоановичъ, а 11-го сентября скончался въ Халкидонѣ и Пименъ. Всѣ препятствія были устранены — и (какъ кажется) 1-го октября 1389 г. Кипріанъ выѣхалъ изъ Константинополя, въ февралѣ 1390 г. былъ въ Кіевѣ и на четвертой недѣлѣ великаго поста торжественно вступилъ въ Москву. Теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ усиленныхъ стараній, онъ получилъ больше, чѣмъ желалъ нѣкогда, ибо фактически соединилъ подъ своею властію раздѣленныя части митрополіи русской и до самой своей смерти управлялъ ими въ качествѣ митрополита всероссійскаго, усердно охраняя авторитетъ патріарха. Съ этого времени начинается періодъ спокойной дѣятельности Кипріана. Къ сожалѣнію, именно объ этомъ времени и сохранилось мало извѣстій. Больше таковыхъ осталось касательно епархіальнаго управленія. Мы знаемъ, что еще въ 1390 г. онъ ѣздилъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу и тамъ «отста-

вилъ отъ епископства Евѳимія Висленя», назначеннаго сюда въ 1374 г. св. Алексіемъ, «по клеветамъ тяжкимъ зѣло и неудобоносимымъ», хотя въ началѣ и самъ находилъ подсудимаго невиннымъ; повидимому, все совершено было по волѣ тверскаго князя, хотя дѣлу и придана была соборная санкція; Евѳимій былъ отправленъ въ Чудовъ монастырь и замѣщенъ архидіакономъ митрополичьимъ Арсеніемъ. Но особенно много хлопотъ доставлялъ Кипріану Новгородъ, который упорно отказывалъ ему въ правѣ «мѣсячнаго суда» и пренебрежительно относился къ грамотѣ въ этомъ смыслѣ патріарха Антонія, выхлопотанной митрополитомъ предъ своимъ отправленіемъ въ Россію. Кипріанъ самъ поѣхалъ къ непокорнымъ: они приняли его (11 февраля 1391 г.) торжественно и внимательно слушали его поученія, но относительно главнаго предмета отвѣтили категорическимъ отказомъ. Наложивъ на всѣхъ отлученіе и запретивъ службы, митрополитъ воротился ни съ чѣмъ и побудилъ патріарха (въ сентябрѣ 1393 г.) адресовать новгородцамъ обширную обличительную грамоту, которую тотъ подтвердилъ снова, когда къ нему явились потомъ ходатаи изъ Новгорода. Лишь великому князю Василію Димитріевичу «многою ратью» удалось смирить упрямцевъ, и они изъявили полное послушаніе и князю и митрополиту. Между тѣмъ изъ Константинополя пришелъ посолъ съ упомянутыми грамотами патріарха, и митрополитъ опять пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, хотя и не безъ значительнаго сопротивленія, но добился своего. Для достиженія своихъ цѣлей онъ постарался оградить права Новгородскаго святителя надъ Псковичами, которыхъ, въ лицѣ мірянъ и духовенства, поучалъ касательно ихъ обязанностей. Новгородцы были тронуты такою заботливостію объ ихъ привиллегіяхъ и уступили, а Кипріанъ «благословилъ съ любовію сына своего Ивана владыку новгородскаго архіепископа и весь великій Новгородъ» и преподалъ наставленія на счетъ богослуженія и церковнаго управленія; хотя вскорѣ и самъ Іоаннъ удостоился въ Москвѣ внимательнаго пріема отъ митрополита, но успѣхъ его не былъ прочнымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1401 г. Іоаннъ—вмѣстѣ съ луцкимъ епископомъ Саввой — на соборѣ Московскомъ долженъ былъ отписаться онъ своей епископіи «за нѣкія вещи святительскія» и пробылъ «въ пониманіи» у Кипріана три года и четыре мѣсяца, вѣроятно, по той же причинѣ. — Наряду съ этимъ Кипріанъ старался держать свое имя не менѣе «славно и грозно» и въ другихъ подвѣдомыхъ ему областяхъ, а въ частности и въ юго-западной Россіи, гдѣ онъ правилъ чрезъ своихъ кіевскихъ намѣстниковъ. Въ началѣ 1396 г. умеръ Свидригайло, и великій князь литовскій Витовтъ получилъ власть надъ Кіевомъ. Могли быть неожиданныя затрудненія, и митрополитъ немедленно отправился въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ. Витовтъ оказалъ должное почтеніе своему тестю и Кипріану, который смѣнилъ ставленника Пименова Михаила и назначилъ (2-го апрѣля) епископомъ смоленскимъ Кассіана. Затѣмъ Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и провелъ полтора года. Можетъ быть, и распространеніе латинства въ Литвѣ и внутреннія дѣла православныхъ епархій задерживали его столь долго. О послѣднемъ можно догадаться потому, что нѣкто (епископъ) Іоаннъ изъ Луцка потомъ предлагалъ Кипріану 300 русскихъ гривенъ и 30 коней за возведеніе его на митрополію Галичскую (чего, кажется, онъ достигъ послѣ), а въ 1401 г. митрополитъ (конечно, не безъ причины) заставилъ епископа луцкаго Савву отказаться отъ епископіи. Не безъ смущенія вернулся Кипріанъ въ Москву 7-го октября 1397 г., но здѣсь былъ утѣшенъ извѣстіями о новыхъ пріобрѣтеніяхъ для православной вѣры въ предѣлахъ Пермскихъ незадолго надъ тѣмъ (26-го апрѣля 1396 г.) скончавшимся св. Стефаномъ, просвѣтителемъ зырянъ. Впрочемъ, вскорѣ Кипріану опять пришлось устраивать отношенія съ Новгородцами (какъ сказано выше) и сноситься съ патріархомъ насчетъ Галицкой митрополіи, для которой онъ посвятилъ одного епископа; тѣмъ не менѣе въ общемъ онъ могъ теперь наслаждаться большимъ спокойствіемъ и по часту жилъ въ уединеніи то въ подмосковномъ селеніи Голенищевѣ, гдѣ построилъ храмъ во имя трехъ святителей, то во владимірской области на Святомъ озерѣ, также украсивъ это мѣсто церковію Преображенія Господня. Великій князь оказывалъ полное почтеніе митрополиту, въ 1402 г. особою грамотою утвердилъ его высокія права и обезпечилъ съ матеріальной стороны, даровавъ не малыя

льготы его вотчинамъ и установивъ съ церквей опредѣленный митрополичій сборъ. Лишь въ 1404 г. начали приходить тревожныя вѣсти изъ южной Россіи, и Кипріанъ поѣхалъ туда 20-го іюля. Его намѣстникъ, архимандритъ Тимоѳей, очевидно, недостаточно охранялъ митрополичьи интересы или злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, почему удаленъ былъ съ прежними слугами и замѣщенъ Ѳеодосіемъ спасскимъ съ новымъ штатомъ. Потомъ митрополитъ посѣтилъ Луцкъ и посвятилъ тамъ епископа во Владиміръ Волынскій, въ Милолюбовѣ видѣлся съ королемъ польскимъ Ягайлой и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, по настоянію послѣдняго отрѣшилъ невинно оклеветаннаго въ сношеніяхъ съ Ордой Антонія туровскаго и отослалъ его на покой въ московскій Симоновъ монастырь. 1-го января 1406 г. онъ былъ уже въ Москвѣ, 26-го августа торжественно отпраздновалъ день избавленія отъ Тамерлана (въ 1395 г.), посвятилъ симоновскаго архимандрита Иларіона въ Коломну и чрезъ двѣ недѣли рукоположилъ Митрофана во епископа Суздальскаго. Но 1-го сентября онъ слегъ въ постель и въ ночь на 16-е число скончался. Ростовскій архіепископъ Григорій вмѣстѣ съ двумя помянутыми іерархами совершилъ его погребеніе, причемъ была прочитана и написанная за четыре дня до смерти прощальная грамота почившаго. Тѣло его съ честію было предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ почиваетъ и понынѣ. Историческая память благосклонно отнеслась къ Кипріану и, цѣня лишь однѣ заслуги, высоко почтила его почти тридцатилѣтнее служеніе. Уже митрополитъ Фотій называлъ его «свято почившимъ», а въ 1472 г. при перестройкѣ открыты были мощи Кипріана, который и былъ послѣ канонизованъ съ установленіемъ нарочитыхъ празднованій.

Не менѣе онъ былъ почитаемъ и за свои литературные труды, которые, впрочемъ, требуютъ особаго разсмотрѣнія. Неоспоримо, что Кипріанъ былъ большимъ любителемъ книжной мудрости и усердно занимался даже переписываніемъ полезныхъ книгъ, но извѣстія объ немъ по этому предмету, кажется, сильно преувеличены. В. Н. Татищевъ даже утверждаетъ, что «въ наставленіе душевное (Кипріанъ) прислалъ соборы бывшіе въ Руси, много житія святыхъ русскихъ, и степени великихъ князей русскихъ (иныя) же въ наставленіе плотское, яко правды и суды и лѣтопись русскую отъ начала земли русскія и, многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ архимандриту Игнатію спасскому докончати, яже и соблюдохъ». Большинство новѣйшихъ писателей принимаетъ это свидѣтельство съ абсолютнымъ довѣріемъ, и только митрополитъ Макарій выразилъ основательныя сомнѣнія, которыя оправдываются и детальнымъ разборомъ сообщенія Татищевскаго.

Что до соборовъ, то изъ таковыхъ до Кипріана на Руси былъ лишь одинъ Владимірскій, почему подразумѣваютъ еще Константинопольскій (1301 г.), гдѣ епископъ сарайскій Ѳеогностъ предлагалъ свои недоумѣнные вопросы; но послѣдній не былъ на Руси, а затѣмъ дѣянія владимірскія не обращались въ отдѣльныхъ спискахъ и помѣщались при Кормчихъ. Говорятъ, что соборно-русскія опредѣленія Кипріанъ именно и присовокупилъ къ *своей* Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя. О ней, дѣйствительно, упоминается въ разсказѣ о Московскомъ пожарѣ 1547 г., но не ясно, такъ что или совсѣмъ не передается о правилахъ, или не устанавливается ихъ принадлежность какому нибудь лицу. Въ XVII в. богоявленскій игуменъ Илія и справщикъ Григорій въ спорѣ съ Лаврентіемъ Зизаніанъ прямо заявляли о *переводѣ* Кипріаномъ «правильныхъ книгъ христіанскаго закона греческаго языка», однако слова ихъ подозрительны, ибо славянская Кормчая у насъ была давно. Розенкампфъ думалъ считать Кипріановскимъ переводъ правилъ, найденный имъ въ сводной Кормчей (Лаптевскаго списка) 1615 г., но еще Горскій устранилъ это предположеніе. Вообще нужно замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній признавать этотъ новый мнимый переводъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Кипріанъ ссылается на прежній *старый* Номоканонъ, а вскорѣ послѣ его смерти митрополитъ Фотій въ своей грамотѣ противъ Григорія Цамблака приводитъ до 15-ти правилъ въ изложеніи сходномъ съ редакціями рязанскою и софійскою, между тѣмъ Кормчая Розенкампфа «различествовала отъ всѣхъ прочихъ».

Съ именемъ Кипріана до насъ дошло только житіе св. митрополита Петра. Оно состав-

ляетъ несомнѣнную его собственность, но дальше мы не имѣемъ права съ увѣренностію утверждать, что «къ нему не могли быть приложены и другія исправленныя Кипріаномъ въ слогѣ» и считать таковыми тѣ, которыя помѣщены въ Степенной книгѣ.

Подъ «степенями князей русскихъ» должно разумѣть, конечно, степенныя книги. Что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ не Кипріановскаго происхожденія — это неоспоримо. Указываютъ на болѣе краткій списокъ (ркп. Румянцевскаго Музея № 415), говоря, что «тринадцатымъ степенемъ и должно было оканчиваться сочиненіе Кипріана», но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, ибо тамъ повѣствуется и о дальнѣйшихъ поколѣніяхъ русскихъ князей. Посему и всякія догадки о характерѣ и содержаніи Кипріановскихъ степенныхъ книгъ совершенно напрасны.

«Правды и суды» обыкновенно относятъ къ русско-византійскимъ законамъ суднымъ и уголовнымъ, принятымъ въ составъ Кормчей, но византійскія постановленія справедливѣе исключить и понимать слова Татищева въ смыслѣ упоминанія вообще о памятникахъ церковно-гражданскихъ. Во всякомъ случаѣ и это извѣстіе сомнительно, потому что особой Кипріановской Кормчей не было, и въ 1402 г. торжественно былъ одобренъ древній Номоканонъ съ уставами св. Владиміра и Ярослава и другими узаконеніями церковно-гражданскаго характера. Въ своемъ посланіи противъ Діонисія суздальскаго Кипріанъ упоминаетъ о «записываніи грамотъ», но тамъ рѣчь идетъ просто о томъ, что свѣтская власть издаетъ опредѣленія, записанныя на бумагѣ,—и больше ничего.

Лѣтопись отъ начала земли русской, какъ трудъ Кипріана, на столько невѣроятна, что и защитники мнѣнія Татищева говорятъ лишь о «замышленіи» ея, ибо упоминаніе Троицкой лѣтописи о «лѣтописцѣ великомъ русскомъ» не имѣетъ никакого отношенія къ этому митрополиту. Гораздо правдоподобнѣе мысль объ участіи митрополита Кипріана въ веденіи записей ему современныхъ. Горскій находилъ ихъ въ Троицкой лѣтописи, открытой Карамзинымъ и погибшей во время Московскаго пожара 1812 г. Она «болѣе всѣхъ другихъ сообщаетъ о княженіи Василія Дмитріевича» и заключается описаніемъ нашествія Эдигея (1408 г.). Это весьма возможно, хотя и не для всего объема отъ Рюрика, но сохранившіеся отрывки невелики и не достаточны характеры. Съ немалою увѣренностію можно предполагать Кипріановское вліяніе и на Никоновскую лѣтопись; впрочемъ слѣды этого могутъ быть указаны лишь приблизительно.

Устранивъ такимъ образомъ недоразумѣнія, мы перечислимъ теперь и кратко охарактеризуемъ несомнѣнные труды митрополита Кипріана.

Отъ него до насъ сохранилось восемь грамотъ и четыре письма, изъ коихъ три адресованы преп. Сергію радонежскому съ его племянникомъ и ученикомъ Ѳеодоромъ симоновскимъ и одно неизвѣстному по имени игумену. Во всѣхъ ихъ виденъ пастырь заботливый и образованный, но все же это не литературныя произведенія, такъ какъ или имѣютъ частный интересъ и лишь біографически важное значеніе, или занимаются разрѣшеніемъ различныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе церковныхъ законовъ и искусство въ ихъ толкованіи и примѣненіи.

Болѣе общими наставленіями отличается «посланіе игумену Аѳанасію», котораго принимаютъ за ученика Сергіева, бывшаго настоятелемъ въ Высоцкомъ монастырѣ, основанномъ въ 1374 г. серпуховскимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ 1382 г. этотъ Аѳанасій сопутствовалъ Кипріану въ Кіевъ и затѣмъ въ Константинополь, гдѣ и остался въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, занимаясь списываніемъ книгъ; какъ кажется, туда и адресовано это письмо—Аѳанасій повидимому находился далеко отъ автора. Время его составленія нужно относить ближе къ 1392 г. въ виду высказываемой въ немъ мысли о «послѣднихъ лѣтахъ»,—мысль эта всего естественнѣе могла явиться при началѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра; за это говоритъ и ссылка на «многія попеченія», что указываетъ на недавнее утвержденіе автора на митрополіи. По своему содержанію это посланіе представляетъ отвѣтъ Аѳанасію, вопросившему «о нѣкоихъ потребныхъ вещѣхъ», и потому изложено не особенно связно. Хотя недоумѣнія касались преимущественно общихъ началъ христіанской жизни и дѣятельности, но Кипріанъ съ большою охотою занимается разъясненіемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ постановленій и обы-

чаевъ, чѣмъ онъ интересовался издавна. Разсужденія его отличаются обстоятельностію и трезвостію воззрѣній, напр. касательно благоразумной сдержанности при употребленіи эпитимій и мудрой осторожности въ принятіи и пользованіи церковными имуществами. Всюду авторъ руководится апостольскими и соборными опредѣленіями безъ послабленій ради утвердившихся порядковъ. Такъ, онъ прямо запрещаетъ совершеніе браковъ монашествующими, хотя примѣры этого на Руси бывали не рѣдко, особенно при вѣнчаніяхъ лицъ княжеской крови, и хотя самъ онъ иногда уступалъ сложившейся практикѣ. Въ Стоглавѣ разъясненія Кипріана на счетъ правъ церкви признаются каноническими и включаются въ число соборныхъ постановленій; митрополитъ Петръ Могила помѣстилъ въ своемъ «Требникѣ» его правила касательно богослуженія, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли и въ «учительное извѣстіе», печатаемое при нашихъ служебникахъ.—Въ концѣ Кипріанъ обращается къ назидательнымъ темамъ и, говоря о важности самоусовершенствованія и духовнаго бдѣнія, сильнѣйшее побужденіе къ тому находитъ въ близости кончины міра; несомнѣннымъ признакомъ послѣдняго служитъ для него необыкновенное развитіе всякихъ пороковъ и — особенно зависти. Это аргументъ новый и оригинальный, но онъ велъ къ слишкомъ рѣзкой суровости обличительнаго направленія, что съ крайностію выступаетъ уже у митрополита Фотія. Необходимость любви христіанской и учительства не только словомъ, но и дѣломъ развита далеко не столь подробно. Впрочемъ, посланіе написано весьма выразительно, языкомъ яснымъ и изобразительнымъ, безъ излишней многорѣчивости, и тономъ искреннимъ.

Сходно съ разобраннымъ по замыслу «Посланіе игуменомъ, и попомъ, и діакономъ, и ко мнихомъ и ко всѣмъ православнымъ христіаниномъ», которое находится между рукописей Московской синодальной библіотеки и выдается за Кипріановское; оно доселѣ не издано.

Нѣкоторые церковные историки утверждаютъ, что прежде существовало не мало поученій Кипріана, но намъ извѣстно лишь, что въ бытность свою въ Новгородѣ онъ «нача учити (въ Софійскомъ соборѣ) люди Новгородцкія велегласно во всю церковь». Въ Никоновскомъ спискѣ приводятся двѣ рѣчи, сказанныя митрополитомъ въ Новгородѣ и—по сходству съ изложеніемъ Новгородскихъ лѣтописей о тогдашнихъ событіяхъ ихъ можно признать довольно точнымъ (хотя бы и фрагментарнымъ) воспроизведеніемъ импровизацій Кипріана. Онѣ не много говорятъ въ пользу его пастырской учительности: въ нихъ слышится голосъ раздраженія, стремленіе подвести непокорныхъ подъ клятву закона, а не духъ любви и кротости, допускающій суровыя мѣры только въ исключительныхъ случаяхъ; при томъ же и новгородцы были не совсѣмъ неправы.

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ прощальная грамота Кипріана, которую лѣтописцы называютъ твореніемъ «чуднымъ, незнаемымъ и страннолѣпнымъ»; поэтому «по отшествіи сего митрополита и прочіи митрополиты Рустіи, и до нынѣ преписовающе сію грамоту, повелѣваютъ въ представленіи своемъ, во гробъ вкладающеся, таки же прочитати во услышаніе всѣмъ», какъ она была прочитана и при погребеніи ея перваго составителя. Указавъ на свое болѣзненное состояніе, авторъ свидѣтельствуетъ въ началѣ «святую богопреданную апостольскую вѣру и православія истинное благочестіе», кратко повторяя здѣсь содержаніе «исповѣданій», дававшихся при посвященіи въ епископскій санъ, а въ заключеніе «всѣхъ православныхъ прощаетъ и благословляетъ, тако же и самъ отъ всѣхъ прощенія и благословленія требуя», согласно распространенному среди русскихъ и вполнѣ естественному обычаю этого рода. По основнымъ своимъ идеямъ, это завѣщаніе не вполнѣ оригинально, но оно изложено хорошо и задушевно и, дѣйствительно, является предсмертнымъ наставленіемъ пастыря-отца своимъ духовнымъ дѣтямъ. А сохранное степенною книгою и Никоновскимъ спискомъ «философское дополненіе» къ этой грамотѣ, съ размышленіями о суетности и скорбности жизни человѣческой и съ указаніемъ необходимости упованія на милосердіе Божіе,—едва ли подлинно: оно нестройно въ развитіи мыслей и изложено витіевато, темно и по мѣстамъ запутанно.

«Житіе св. митрополита Петра» написано Кипріаномъ послѣ 23 мая 1381 г., ибо въ немъ сообщается о встрѣчѣ его на Москвѣ великимъ княземъ Димитріемъ Ива-

новичемъ; затѣмъ авторъ довольно опредѣленно высказываетъ, что бурный періодъ исканій Московской митрополіи прошелъ и онъ утвердился на ней прочно, что было лишь въ 1390 г.; но и теперь онъ приступилъ къ жизнеописанію не сразу и, кажется, уже послѣ 1397 г., потому что ранѣе едва ли располагалъ нужнымъ досугомъ. И сказаніе о Кипріанѣ дѣйствительно сообщаетъ, что это произведеніе составлено имъ въ селѣ Голенищевѣ среди другихъ книжныхъ работъ. Въ основѣ его, несомнѣнно, лежитъ болѣе древнее повѣствованіе о св. Петрѣ, не совсѣмъ увѣренно усвояемое епископу ростовскому Прохору, хотя о своихъ источникахъ авторъ выражается довольно туманно: «елико отъ сказателей слышахъ». Дополненія касаются только волынскаго происхожденія Петра, тогдашняго состоянія Волыни и замысловъ волынскаго князя объ особой митрополіи при отправленіи святителя въ Царьградъ, но въ замѣнъ того опускается важное извѣстіе объ избраніи послѣднимъ на митрополію архимандрита Ѳеодора и о пастырской дѣятельности Петра передается короче. Въ этомъ большой недостатокъ разсматриваемаго труда: Кипріанъ не позаботился о собраніи всего матеріала, какой ему могъ быть доступенъ. Повидимому, онъ и не считалъ этого нужнымъ, такъ какъ желалъ лишь «похвалами украсить» жизнь святаго, для чего часто вдается въ излишнюю витіеватость, а сильное стремленіе встать подъ сѣнь похваляемаго чудотворца увлекало его до нѣкоторой тенденціозности въ интересахъ собственной апологетики. Поэтому и Кипріанъ—наряду съ Пахоміемъ Логоѳетомъ — справедливо причисляется къ «творцамъ новой (и нездоровой) агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ ея первымъ мастерамъ», съ которыми сходится иногда и по языку, нѣсколько напыщенному и не всегда вразумительному. Однако его изображеніе не такъ покрыто колоритомъ сплошной чудесности и болѣе внимательно къ исторической и художественной естественности.

Въ числѣ самостоятельныхъ трудовъ Кипріана должно назвать и его «молитву разрѣшити царя и князя и всякаго христіанина», написанную имъ въ городѣ Луцкѣ и впервые прочитанную при гробѣ луцкаго князя Димитрія. Это родъ «разрѣшительной грамоты», изложенной въ тонѣ возвышенномъ и умилительномъ.

Не меньше, если только не больше, значенія въ исторіи нашего просвѣщенія имѣютъ «Списанія» и переводы Кипріана, къ чему онъ изъ-млада чувствовалъ великую склонность и въ чемъ обнаружилъ довольно искусства и пастырской ревности. Эти труды относятся главнымъ образомъ къ церковно-богослужебной области, упорядоченіе которой всегда занимало его вниманіе. Изъ посланія къ псковскому духовенству мы знаемъ, что митрополитъ отправлялъ во Псковъ списки литургіи Іоанна Златоуста и Василія Великаго, чинопослѣдованія крещенія, браковѣнчанія, освященія воды въ 1-й день августа и обряда православія, съ обѣщаніемъ, по мѣрѣ переписки, препровождать и другія полезныя книги, но здѣсь рѣчь, по всей видимости, только о болѣе исправныхъ текстахъ. Совершенно несомнѣнно, что Кипріанъ принималъ большое участіе въ исправленіи «Служебника» и «Требника», а равно ему принадлежитъ преписаніе «Лѣствицы» св. Іоанна Лѣствичника (автографъ коей въ Московской духовной Академіи № 152) и «Псалтыри», подходящей по составу къ слѣдованной. Безспорно также, что Кипріанъ хорошо былъ знакомъ съ трудами своего покровителя, патріарха константинопольскаго Филоѳея, но что именно было переведено изъ нихъ нашимъ митрополитомъ, не можетъ быть опредѣлено съ полною точностью. Всего чаще надписываются его «потруженіемъ» канонъ и молитва на поганые, канонъ «о гобзинѣ плода», канонъ—молебенъ «о усобныхъ бранехъ иноплеменнымъ», нѣсколько молитвъ, однако не для всѣхъ случаевъ несомнѣнно, что это самостоятельные переводы. О нихъ въ свое время сотрудникъ Максима Грека, Нилъ Курлятевъ, далъ плохой отзывъ, но онъ не вполнѣ справедливъ, а мнѣніе о «негораздомъ разумѣніи» Кипріаномъ греческаго языка и совершенно ложно. Вообще же Кипріанъ, будучи «любодѣтельною пчелою», немало поработалъ на пользу русскаго просвѣщенія и въ этихъ интересахъ самъ много вывезъ изъ Константинополя и славянскихъ земель и другимъ поручалъ заботы въ этомъ смыслѣ. Онъ радѣлъ и о добромъ направленіи въ дѣлѣ просвѣщенія и въ особой статьѣ при Молитвенникѣ предостерегалъ всѣхъ на счетъ запрещенныхъ книгъ, рекомендуя со своей стороны то, что могло служить къ познанію Бога, человѣка и природы. Въ итогѣ литератур-

ная дѣятельность Кипріана заслуживаетъ не меньшаго почтенія, чѣмъ и пастырская.

Литература о митрополитѣ Кипріанѣ: А. В. Горскій, «Св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи» (въ 17-й части «Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцовъ», Москва 1848, стран. 295—369). А. Л. (Архим. Леонидъ Кавелинъ) «Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію» (въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», 1867 г. кн. II, отд. 1, стран. 11—32), И. Д. Мансветовъ «О трудахъ митрополита Кипріана по части богослуженія» (въ «Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ» 1882 г., кн. I, стран. 152—205; кн. II, стран. 413—495; кн. III, стран. 71—175), Н. Н. Г. «Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи, какъ писатель» (въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», 1892, № 2, стран. 358—424). М. С. Боголюбскій, «Московская іерархія. Митрополиты» (въ «Чтен. Общ. люб. дух. просв. «1894 г., № 9, стран. 454—457); Макарій въ «Исторіи русской церкви» и Архіеп. Филаретъ «Исторія рус. церкви», кн. II, III, его же «Обзоръ русской духовной литературы», (§§ 74—75) Истор. литературы Шевырева (ч. II, III), Галахова и Порфирьева (ч. I). Источники—Acta patriarchatus Constantinopolitani, ed. Fr. Miclosich et Ioh. Muller, II; «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», кн. III, IV, V, VI — по указателю; «Никоновская лѣтопись ч. IV и V, «Русская Историческая Библіотека, VI, «Степенная книга» I и др. *Гл.*

Кипріанъ, почитается основателемъ Николаевскаго Сторожевскаго монастыря, на Ладожскомъ озерѣ. Обстоятельства, даже время его жизни, въ точности неизвѣстны. По преданію онъ жилъ въ XVI в. и сначала былъ разбойникомъ, но затѣмъ раскаялся подъ вліяніемъ преп. Адріана, основателя Ондрусовой пустыни, самъ принялъ монашество и отличался строгостію жизни и подвигами. Память его мѣстно чтится и при гробѣ его служатся молебны.

Эристовъ, кн. «Словарь историч. о святыхъ»; Звѣринскій, «Матеріалы для ист.-топогр. изслѣд. о монастыряхъ», № 1009.

Кипріанъ (*Жоховскій*), съ 1665 г. архимандритъ Дерманскаго и Дубенскаго уніатскихъ монастырей; съ 1668 г. архим. Леотинскаго монастыря; съ 1671 г. епископъ витебскій и мстиславскій, коадъюторъ кіевской митрополіи; съ 1674 г. полоцкій уніатскій архіепископъ и вмѣстѣ Кіевскій уніатскій митрополитъ; отличался особенною преданностью католической церкви; присутствовалъ на Люблинскомъ съѣздѣ 1680 года, имѣвшемъ цѣлью привлеченіе православныхъ въ унію и описалъ съѣздъ въ «Colloquium Lubelskie»; умеръ въ Супраслѣ 2 октября 1693 г.; похороненъ въ Полоцкѣ.

Сапуновъ, Витеб. Стар., V; Чистовича, «Ист. зап. рус. ц.», II; архим. Николай Далматовъ, «Супрасс. монастырь».

Кипріанъ (*Кармазинскій*), архимандритъ. «Изъ запольскаго рубежа, уряднический сынъ». Въ одномъ изъ смоленскихъ монастырей принялъ монашество и съ 1738 по 1740 г. состоялъ префектомъ и архимандритомъ-конціонаторомъ смоленской семинаріи; 17 декабря 1744 г., какъ ученый, былъ вызванъ св. синодомъ изъ Болдина монастыря смоленской епархіи, по ходатайству архіепископа московскаго Іосифа, въ калужской Лаврентіевъ монастырь для увѣщанія раскольниковъ. Ум. 22 апрѣля 1754 г.

Архивъ св. синода, дѣло 1744 г. № 216.— И. Сперанскій, «Исторія смоленск. дух. семинаріи», Смоленскъ, 1892.

С. Г. Р.

Кипріанъ (*Островскій*), архимандритъ—Род. около 1753 г., на Волыни, «сынъ шляхетскій», ум. 22 декабря 1812 г. «Учился россійской грамоты и писать и другихъ нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ». Принялъ монашество 2 декабря 1778 г. въ кіевскомъ Пустынно-николаевскомъ монастырѣ, гдѣ 9 мая 1781 г. былъ посвященъ во іеромонаха. Въ 1783 г. вытребованъ въ петербургскій Александроневскій монастырь (нынѣ лавра), гдѣ былъ назначенъ уставщикомъ. Въ 1788 г. уволенъ въ Польшу, въ епархію епископа всѣхъ православныхъ церквей въ тогдашнихъ польскихъ предѣлахъ Виктора Садковскаго, который 12 мая этого года посвятилъ его въ игумена въ Жаботинскомъ монастырѣ и назначилъ настоятелемъ слуцкаго братскаго Преображенскаго монастыря, къ тому времени пришедшаго въ крайній упадокъ. Недолго спустя Кипріанъ былъ опредѣленъ присутствующимъ слуцкой консисторіи, а затѣмъ каѳедральнымъ намѣстникомъ. 18 апрѣля 1789 г., вмѣстѣ съ преосвященнымъ Викторомъ, по неправильному подозрѣнію въ возбужденіи западнорусскаго православнаго народа противъ Польши, былъ арестованъ по дорогѣ изъ Грозовскаго монастыря въ Слуцкъ и подъ строгимъ карауломъ доставленъ въ Варшаву. Здѣсь былъ помѣщенъ сначала въ красинскомъ дворцѣ, но вскорѣ переведенъ въ арсеналъ, гдѣ томился въ темной, душной и тѣсной коморкѣ подъ крышей. Здѣсь онъ сильно занемогъ, послѣ чего былъ переведенъ въ болѣе удобное помѣщеніе. Съ теченіемъ времени караульные солдаты и офицеры привыкли къ узнику и однажды зимою, по его

просьбѣ, купили ему на его 15 копѣекъ лотерейный билетъ, принесшій ему 720 р. выигрыша; послѣ этого, его положеніе нѣсколько улучшилось; 22 мая 1791 г. онъ былъ переведенъ въ вполнѣ удобное помѣщеніе за городомъ. 8 іюня 1792 г. освобожденъ. Дождавшись освобожденія и преосвященнаго Виктора, онъ съ его разрѣшенія вернулся въ концѣ года въ Слуцкъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ растроившихся въ трехлѣтнее архіерейское отсутствіе епархіальныхъ дѣлъ, сохранивъ за собою всѣ свои прежнія должности. 11 ноября 1792 г. преосвященный Викторъ назначилъ его настоятелемъ самаго богатаго въ епархіи Дятловичскаго монастыря. Скоро, впрочемъ, онъ разошелся съ преосвященнымъ Викторомъ и былъ уволенъ, по прошенію, за болѣзнію, отъ всѣхъ должностей 23 апрѣля 1793 г. Послѣ этого отправился въ Кіевъ, гдѣ сначала былъ помѣщенъ въ лаврѣ, въ числѣ рядовой братіи, а потомъ получилъ званіе соборнаго старца и исправлялъ «послушаніе» экклесіаршеское, намѣстническое и Китаевской пустыни начальника». Въ 1794 г. императрица Екатерина II опредѣлила Кипріану пенсію по 150 р. въ годъ, между тѣмъ какъ по штатамъ ему полагалось пенсіи только по 50 р. Въ мартѣ 1807 г. Кипріанъ былъ назначенъ настоятелемъ кіевскаго Николаевскаго монастыря. Въ февралѣ 1812 г. этотъ монастырь былъ переданъ подъ помѣщеніе монахинь сгорѣвшаго тогда Кіевофлоровскаго монастыря, а монахи были помѣщены въ Кіевопечерской лаврѣ. Здѣсь Кипріанъ и скончался 22 декабря 1812 г. Въ 1792 г. преосвященный Викторъ возложилъ на него, въ награду за невинныя страданія подъ арестомъ, золотой наперсный крестъ, награда по тому времени весьма рѣдкая, и хотя св. синодъ преосвященному сдѣлалъ выговоръ за самовольное награжденіе Кипріана, однако послѣднее утвердилъ.

Въ «Христіанскомъ Чтеніи» за іюль 1892 г. профессоръ протоіерей П. Ѳ. Николаевскій напечаталъ извлеченное имъ изъ рукописей московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ длинное «письмо къ другу» Кипріана, представляющее подробное описаніе его арестованія и заточенія и коротенькую рѣчь при встрѣчѣ преосвященнаго Виктора въ Слуцкѣ по пріѣздѣ изъ Варшавы, превосходный для своего времени образецъ ораторскаго искусства; С. Г. Рункевичъ, «Исторія минской архіепископіи», Спб. 1893.

С. Г. Р.

Кипріанъ (*Скрипицынъ* или *Скрыпицынъ*), епископъ коломенскій и каширскій, ум. 16 іюня 1740 г. въ С.-Петербургѣ. Извѣстно, что онъ былъ человѣкъ «нешкольный», т. е. неучившійся въ школахъ. Въ 1719 — 1723 гг. онъ былъ архимандритомъ Спасо-Ярославскаго монастыря; въ 1722 г. Кипріанъ опредѣленъ ассессоромъ въ московскую духовную дикастерію, въ іюлѣ 1723 г. перемѣщенъ въ Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) настоятелемъ. 27 сентября 1727 опредѣленъ въ дмитровскій Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ онъ и былъ настоятелемъ до 1732 года; Затѣмъ онъ былъ настоятелемъ московскихъ монастырей: Знаменскаго, Спасо-андроніева и Чудова; 6 іюля 1737 г. онъ былъ опредѣленъ, а 31 декабря хиротонисанъ въ санъ епископа вятскаго и великопермскаго. При немъ въ Вяткѣ открыта духовная семинарія. 18 мая 1739 г. онъ перемѣщенъ на коломенскую епископскую каѳедру; 16 декабря 1738 г. Кипріанъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ, гдѣ и скончался, не видѣвъ коломенской паствы.

Дѣла архива св. синода: 1727 г. № 200; 1738 г. № 162; 1740 г. № 145; Никитниковъ—«Іерархія вятской епархіи».

Здр.

Кипріанъ, инокъ Валаамскаго монастыря, умеръ послѣ 1792 г. По происхожденію крестьянинъ Цывозерской волости Устюжскаго уѣзда. Достигши зрѣлаго уже возраста онъ съ дядею своимъ удалился на сѣверъ и присоединился къ пастуху Василію Степанову, основавшему такъ называемое Пастуховское согласіе. Затѣмъ вернулся на родину и сталъ тамъ съ успѣхомъ распространять ученіе своего согласія. Мѣстный сельскій священникъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія властей и Кипріанъ, тогда еще носившій мірское имя Ксенофонта, съ двумя ближайшими своими помощниками, былъ захваченъ полиціею. Онъ держался крайне вызывающимъ образомъ относительно представителей власти, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и навлекалъ съ ихъ стороны чрезвычайно суровое обращеніе. Его возили въ Устюгъ, въ Вологду и наконецъ помѣстили для увѣщанія въ Александро-Невскую лавру. Самъ митрополитъ Гавріилъ неоднократно увѣщалъ его. Кипріанъ подробно разсказалъ всѣ эти увѣщанія,

свое упорство сначала и наконецъ—искреннее убѣжденіе въ ошибочности своихъ прежнихъ взглядовъ и присоединеніе къ православію, въ небольшой книжкѣ: «Краткая повѣсть о обращеніи изъ раскола многогрѣшнаго Ксенофонта, а по постриженію во иночество Киприана, писанная имъ самимъ... и т. д.» М. 1798 и 1806.

Кипріанъ (*Старорусенниковъ*), митрополитъ новгородскій, род. въ концѣ XVI в., ум. 17 декабря 1635 г. въ Старой Русѣ. Въ 1611 г. былъ архимандритомъ Новгородскаго-Спасскаго Хутынскаго монастыря. Когда Новгородъ былъ взятъ шведами подъ начальствомъ Делагарди, Кипріанъ ѣздилъ, по порученію митрополита Исидора и кн. Ив. Никит. Одоевскаго въ Швецію просить, согласно договору, королевича Филиппа «на Ноугородцкое царство»». Здѣсь, подвергаемый пыткамъ и истязаніямъ за твердость, съ которой отстаивалъ интересы родины, находился до избранія Михаила Ѳедоровича. Пріѣхавши въ Москву (1614 г.) объяснилъ царю причины своего посольства въ Швецію, просилъ помощи вѣрному Новгороду и въ 1620 г. 8 сентября былъ посвященъ въ архіепископы сибирскіе. Въ Сибири онъ прежде всего старался поднять нравственный уровень казацкаго и инородческаго населенія; но первое время воеводы не только не поддерживали его, но даже противодѣйствовали ему. Кипріанъ многихъ инородцевъ крестилъ, устроилъ церкви, монастыри: Никольскій мужской въ Туринскѣ (1622), и въ Тарѣ — мужской во имя Нерукотвореннаго образа Спаса (1624), и дѣвичій во имя св. Параскевы и Екатерины. 1621 г. 4 іюня исходатайствовалъ онъ нѣсколькимъ монастырямъ царское жалованіе, земли, рыбныя ловли. Заботясь о развитіи земледѣлія, Кипріанъ основалъ двѣ слободы—Устьницынскую и Тавдинскую (1622). Онъ же положилъ начало Сибирской лѣтописи, записавъ разсказы живыхъ сподвижниковъ Ермака. 1624 г. 15 февраля уѣхалъ въ Москву и 1625 г. 12 декабря опредѣленъ въ митрополиты на Крутицы. Въ 1626 г. написалъ канонъ и стихиры въ честь Ризы Господней, подаренной персидскимъ шахомъ Абассомъ Мих. Ѳедоровичу. Въ 1627 г. переведенъ былъ митрополитомъ въ Новгородъ.

«Жур. Мин. Нар. Просв.» 1849 г., ч. 64, стр. 1—8. и 1854 г., февр.,—«Матеріалы для ист. христ. просвѣщенія въ Сибири»; «Тобольск. губ. вѣд.» 1858 г. № 4 и 1887 г., № 9—10. «Русскія Вѣд.» 1863 г. № 46, стр. 8. «Странникъ» 1864 г. т. III, № 8. «Правосл. Обозр.» 1866 г. т. 20 № 8, 377 стр. Андріевичъ, «Исторія Сибири», I, 180; Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос. 1862 г. II, отд. I, 93; Соловьевъ, IX, стр. 92—94, 96, 97, 431, 447—449, 462; Леонидъ, «Ист. церкви въ пред. нынѣш калуж. губ.», 95—96.

Кипріанъ, епископъ пермскій и вологодскій, ум. послѣ 1558 г. Откуда онъ былъ родомъ, неизвѣстно. Съ 1542 г. онъ упоминается архимандритомъ московскаго Богоявленскаго монастыря. 30 января 1547 г. хиротонисанъ въ епископа пермскаго и вологодскаго. Участвовалъ на всѣхъ соборахъ того времени по церковнымъ вопросамъ, объ установленіи празднованія русскимъ святымъ, о пошлинахъ съ новгородскаго духовенства, объ учрежденіи казанской епархіи, былъ въ числѣ членовъ Стоглаваго собора.

«Вологод. епарх. вѣдом.»; 1865 г. № 19. Рукописи синод. архива: «списки архіер. XI—XVIII вв.» и прот. Діева—«Повѣрка іерарх. каталоговъ».

Здр.

Кирикъ діаконъ и уставщикъ новгородскаго Антоніева монастыря, писатель XII в. Род. въ 1108 г., ум. послѣ 1137 г. Отъ Кирика дошли до насъ два сочиненія, которыя служатъ и источникомъ для его біографіи. Одно — «Впрашаніе Кюриково еже въпроша епископа ноугородскаго Нифонта и инѣхъ», списки котораго входили въ составъ многихъ старинныхъ Кормчихъ книгъ—слѣд., «Впрашаніе» было небезъизвѣстно въ древней практикѣ нашей церкви; имѣются свидѣтельства, что «отвѣты», составляющіе вторую его часть, служили практическимъ руководствомъ для священниковъ при отправленіи ими духовныхъ обязанностей. «Впрашаніе», признаваемое однимъ изъ важныхъ памятниковъ русской словесности XII в., заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, вопросы, предложенные Кирикомъ относительно религіозныхъ обрядовъ и постановленій, умѣстности съ религіозной точки зрѣнія различныхъ житейскихъ пріемовъ, обычаевъ и проч., и во-вторыхъ, отвѣты лицъ, къ которымъ были обращены вопросы, а именно епископа новгородскаго Нифонта, игумена, а потомъ новгородскаго епископа Аркадія, новгородскаго архіепископа Иліи и нѣсколькихъ лицъ мало извѣстныхъ — напр., Савина, Клима, игуменьи Марины и епископскаго чернеца Луки. Помимо біографическаго своего значенія «вопросы» эти позволяютъ составить выгодное понятіе объ умѣ и

степени начитанности ихъ автора. Священное писаніе, соборныя постановленія, творенія святыхъ отцевъ были, повидимому, хорошо извѣстны Кирику. Впервые напечатано «Впрашаніе» въ «Памятникахъ россійской словесности XII в.», изданныхъ въ 1821 г. Калайдовичемъ, но не вполнѣ и не совсѣмъ исправно. Извлеченіе изъ него можно найдти у Карамзина въ его «Исторіи государства Россійскаго», т. II, прим. 379. Другой трудъ Кирика, открытъ въ рукописномъ сборникѣ новгородской Софійской библіотеки подъ № 475 митрополитомъ Евгеніемъ, который изложилъ его содержаніе вмѣстѣ съ біографическими данными о Кирикѣ въ «Трудахъ Общества любителей россійской словесности» за 1828 г., ч. IV, кн. I, стр. 122 и слѣд.—трудъ этотъ: «Кириково ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ»; въ другомъ спискѣ, принадлежавшемъ М. П. Погодину, заглавіе такое: «Сія книга 1 небеси сотворенія, 2 исхода, 3 левитская» и проч. Это «Ученіе», представляющее собою хронологію и пасхалію и небезъинтересное для исторіи развитія математическихъ наукъ въ Россіи, состоитъ изъ 18 параграфовъ. Со втораго параграфа начинаются вычисленія числа мѣсяцевъ, недѣль, дней и часовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра; далѣе идутъ: — ученіе объ индиктѣ, о солнечномъ кругѣ, о лунномъ кругѣ, опредѣленія числа «вѣковъ міра», протекшихъ отъ Адама до года написанія книги Кирикомъ, древняя астрологія, опредѣленіе числа високосныхъ годовъ, ученіе о великомъ кругѣ, о составѣ года. Въ концѣ сообщается о годѣ написанія «Ученія»—1137 г. Знатокъ пасхаліи и счетной мудрости, Кирикъ пользовался въ своихъ вычисленіяхъ способами средневѣковой математики, какъ извѣстно, весьма сложной и запутанной.

Кромѣ названныхъ статей Калайдовича и митр. Евгенія статья Бобынина: «Математическія знанія въ Россіи до XVI в.» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1884 г. № 4).

Кириллъ, епископъ Туровскій, святой, знаменитый писатель и проповѣдникъ XII вѣка. Несмотря на широкую извѣстность и уваженіе, какими пользовались его творенія въ древней Руси и славянскихъ земляхъ, обстоятельства жизни и литературной дѣятельности его остаются для нашего времени довольно загадочными. Біографическія свѣдѣнія о немъ исчерпываются краткимъ житійнымъ сказаніемъ, внесеннымъ въ нѣкоторые списки (XV—XVII вв.) пролога и принадлежащимъ, какъ догадываются, перу современника татарскаго ига (въ концѣ «сказанія» авторъ его молится объ избавленіи «отъ належащихъ бѣдъ и томленія поганскаго», «отъ безбожныхъ Агарянъ, присно мучащихъ ны»). Сынъ богатыхъ родителей, Кириллъ, по словамъ этого сказанія, родился и получилъ воспитаніе въ Туровѣ (нынѣ—урочище Проковъ или Ковенъ, минской губерніи, мозырскаго повѣта). Въ молодые года онъ усиленно занимался изученіемъ «божественныхъ писаній» и прекрасно ознакомился съ тогдашнею письменностью, славянскою и переводно-византійскою. Съ такою подготовкою онъ принялъ монашество и, будучи еще простымъ инокомъ, заявилъ себя поученіями къ братіи, которую призывалъ къ послушанію игумену. Нѣсколько позже онъ принялъ на себя одинъ изъ самыхъ суровыхъ видовъ подвижничества («послѣ блаженый, на болшая подвигъ желая, во столпъ вшедъ затворися, и ту пребысть нѣколико время, съ постомъ и молитвою паче себе тружаяся, и многа божественная изволи» или по другой редакціи проложнаго «сказанія»—«многа божественная писанія изложивъ»), и затѣмъ, когда слава о немъ разнеслась далеко, былъ возведенъ кіевскимъ митрополитомъ, на епископскую каѳедру Турова, близъ Кіева. Изъ трудовъ св. Кирилла, относящихся къ періоду епископской его дѣятельности, сказаніе упоминаетъ объ обличеніи такъ называемой ереси «Ѳеодора епископа», который, какъ извѣстно изъ лѣтописей, около 1169 года (Лавр., или въ 1172, Ипатск.) сдѣлалъ попытку порвать зависимость своей епархіи отъ кіевской митрополіи. — О кончинѣ св. Кирилла «сказаніе» неопредѣленно замѣчаетъ, что «тако доброчестивѣ, благороднѣ поживъ, добрѣ порученое ему стадо оупасъ, преставися вѣчный животъ и безконечный».

Краткимъ перечнемъ сочиненій туровскаго епископа (о которыхъ скажемъ ниже) и приведенными немногочисленными біографическими свѣдѣніями «сказанія» и ограничивается вся сумма болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій о св. Кириллѣ. Попытки установить точнѣе факты и хронологію его жизни приводятъ уже

не къ положительнымъ разъясненіямъ, а къ ряду взаимно противорѣчащихъ или же только правдоподобныхъ догадокъ. На основаніи проложнаго «сказанія» слѣдуетъ признать, что время жизни св. Кирилла туровскаго совпадало со срединою XII вѣка, ибо въ 1169 году, (Лавр. лѣт.) былъ казненъ «Ѳеодоръ ростовскій», «ересь» котораго обличалъ св. Кириллъ, будучи уже въ санѣ епископа. Такъ какъ, по каноническимъ правиламъ, посвященіе въ этотъ санъ допускается только для лицъ, достигшихъ тридцатилѣтняго возраста, то можно согласиться и съ тѣмъ, что св. Кириллъ родился не позже 1139 года. Но къ какимъ именно годамъ относятся его рожденіе, дѣятельность въ монастырѣ, аскетическіе подвиги и епископское служеніе, все это принадлежитъ къ числу историческихъ загадокъ. Лаврентьевская лѣтопись подъ 1146 годомъ упоминаетъ о туровскомъ епископѣ Іоакимѣ, удаленномъ въ этомъ году со своей каѳедры. Изъ этого показанія можно извлечь лишь то заключеніе, что въ 1146 году св. Кириллъ еще не былъ епископомъ. Но чрезъ сколько времени состоялась его хиротонія, остается неизвѣстнымъ. Очевидно только, что посвященіе св. Кирилла во епископа относится ко времени не ранѣе 1146—1147 и не позже 1169 гг.

Насколько продолжительнымъ было епископское служеніе его остается также неизвѣстнымъ. Подъ 1182 годомъ въ Ипатской лѣтописи упоминается въ числѣ участниковъ поставленія Василія на печерское игуменство туровскій епископъ Лаврентій. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что служеніе св. Кирилла въ епископскомъ санѣ завершилось къ 1182 году. Но такой выводъ затрудняется тѣмъ, что къ числу сочиненій Кирилла присоединяютъ (по надписаніямъ) «Повѣсть къ Василію Игумену Печерьскому», иначе называемую «словомъ о мирьскомъ сану и мнишьскомъ чину и о умѣ и о души и о покаяніи». Если это сочиненіе дѣйствительно было адрессовано имъ, какъ стоитъ въ надписаніи, Василію игумену печерскому, и если бы считать принадлежащимъ Кириллу одно посланіе писанное къ сему игумену (т.е. посланіе, изданное въ Приб. къ Твор. Св. Отцевъ, X, 341, подъ заглавіемъ: «Посланіе нѣкоего старца къ богоблаженному Василію, архимандриту о скимѣ»), то нужно думать, что передъ 1182 г. онъ удалился или былъ удаленъ съ каѳедры и что, живъ послѣ сего на покоѣ или въ отставкѣ лѣтъ около десяти—пятнадцати (ибо посланіе къ Василію «о скимѣ» написано послѣ того, какъ этотъ игуменъ построилъ вокругъ Печерскаго монастыря каменныя стѣны и помышлялъ облечься въ великую скиму), онъ скончался въ послѣднемъ десятилѣтіи XII вѣка. Проф. Е. Голубинскій сомнѣвается однако въ принадлежности обоихъ сочиненій св. Кириллу, и слѣдовательно въ тѣхъ заключеніяхъ о времени кончины его, которыя на нихъ построяются. Напротивъ того, другіе изслѣдователи склоняются къ предположенію, что св. Кириллъ, оставивъ епископство, скончался послѣ 1182 года или около 1183. Слѣдуетъ однако замѣтить, что основанія для такого мнѣнія слишкомъ шатки. «Посланіе нѣкоего старца» не носитъ въ рукописи имени автора. «Повѣсть» же «о бѣлоризцѣ человѣцѣ» (если не предполагать ея интерполировки) могла быть назначена св. Кирилломъ для Василія, въ такомъ случаѣ, если послѣдній во время написанія этой повѣсти, не былъ еще не только игуменомъ, но и инокомъ печерскаго монастыря, ибо авторъ повѣсти говоритъ о немъ, какъ о монастырѣ неизвѣстномъ или по крайней мѣрѣ мало извѣстномъ для Василія.—Кромѣ неясности хронологическихъ вопросовъ, относящихся къ жизни св. Кирилла, трудно установить точно и мѣсто подвиговъ святого. Неизвѣстно, въ какомъ именно монастырѣ получилъ постриженіе и жилъ св. Кириллъ. Въ древности существовалъ въ Туровѣ монастырь «Бориса и Глѣба», находившійся недалеко отъ рѣки. Такъ какъ мѣстное преданіе говоритъ о существованіи близъ мѣстечка Турова (у кладбища) церкви и монастыря во имя св. мучениковъ, то обыкновенно полагаютъ, что этотъ монастырь и былъ мѣстопребываніемъ Туровскихъ епископовъ, а въ числѣ, ихъ и св. Кирилла, и что здѣсь находятся его мощи.

Насколько неясны историческія извѣстія о св. Кириллѣ, настолько же затруднительными являются вопросы, связанные съ его литературною дѣятельностью, а изъ нихъ прежде всего—вопросъ о подлинности приписываемыхъ св. Кириллу твореній. Драгоцѣнный, но весьма краткій, перечень ихъ сохранило до насъ проложное «сказаніе» о св. Кириллѣ. «Андрею же Бо-

голюбскому князю, говоритъ оно, много послания написа (т. е., св. Кириллъ) отъ еуангельскихъ и пророчьскихъ писании, яже соуть чтоми на праздники господьския, ина многа душеполезна словеса, яже къ Богу молитвы, и похвалы многимъ; ина множайшая написавъ церкви предасть; канунъ великій о покоянии створи къ Господоу по главамъ азбуки. Се же и донынѣ творятъ вѣрніи рустіи людие». Отсюда видно, что св. Кириллъ еще во время составленія сказанія о немъ признавался авторомъ литературныхъ памятниковъ разнороднаго типа и содержанія, но сколько въ точности отдѣльныхъ группъ сочиненій желало приписать «сказаніе» туровскому епископу—вопросъ этотъ опять разрѣшается неодинаково. Непонятно, отождествляетъ ли оно посланія ко князю Боголюбскому съ тѣми сочиненіями, о которыхъ замѣчаетъ, что они «суть чтоми на праздники господьскія»? Въ спискѣ пролога 1642 года, «посланія» ко князю Андрею Боголюбскому отдѣлены отъ словъ «на праздники господскія», какъ двѣ совершенно независимыя группы сочиненій св. Кирилла. Такое разграниченіе, было принято въ новѣйшее время рядомъ изслѣдователей: митропол. Макаріемъ, Е. Голубинскимъ, Малышевскимъ и другими. Напротивъ, другіе (К. Ѳ. Калайдовичъ, Филаретъ черниговскій, Спб. 1884 изд. III) догадывались, что слова свои на Господьскіе праздники св. Кириллъ препровождалъ князю Андрею Боголюбскому въ видѣ посланій. Это мнѣніе и слѣдуетъ признать за болѣе справедливое, такъ какъ: 1) заглавія нѣсколькихъ словъ св. Кирилла носятъ надпись — «отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній», т. е. называются точно такъ же, какъ называетъ посланія къ князю составитель «сказанія» о св. Кириллѣ; 2) въ древнѣйшемъ и болѣе исправномъ текстѣ проложнаго «сказанія» (который не былъ еще извѣстенъ К. Ѳ. Калайдовичу) сообщается, что «посланія» къ Воголюбскому прочитывались (т. е. во время составителя «сказанія») на господскіе праздники; 3) ни одного посланія св. Кирилла ко князю Андрею Боголюбскому, несмотря на то что ихъ было много (по словамъ «сказанія») и несмотря на уваженіе древности къ трудамъ св. Кирилладо насъ не сохранилось. Кромѣ словъ—посланій, древнѣйшій списокъ «сказанія» приписываетъ св. Кириллу: «ина многа душеполезна словеса», «яже къ Богу молитвы», «похвалы многимъ», «ина множайшая», «канунъ великій о покаяніи къ Господу поглавамъ азбуки». То же «сказаніе» по списку 1642 года знаетъ только: «ина многа душеполезная въ нихъ словеса» и «ина множайшая», но въ тоже время упоминаетъ объ обличеніи ереси Ѳеодора ростовскаго посредствомъ божественныхъ писаній. Это подало поводъ утверждать, что къ числу сочиненій св. Кирилла принадлежало и недошедшее до насъ письменное опроверженіе этой «ереси» Но болѣе древняя версія «сказанія» говоритъ объ этомъ обличеніи менѣе опредѣленно. Такимъ образомъ автору проложнаго «сказанія» были извѣстны слѣдующія группы сочиненій св. Кирилла: а) слова на Господьскіе праздники, посылавшіяся имъ ко князю Андрею Боголюбскому, б) иныя многія душеполезныя слова, в) молитвы къ Богу, г) похвалы многимъ, д) иныя множайшія сочиненія и е) покаянный канонъ, написанный по главамъ азбуки.

Изъ этихъ сочиненій св. Кирилла къ настоящему времени нѣкоторыя совершенно утратились. Тѣмъ не менѣе въ современной научной литературѣ св. Кириллу разными изслѣдователями усвояется до 70 произведеній, состоящихъ а) изъ церковныхъ посланій къ Андрею Боголюбскому (поученій), б) изъ нравоучительныхъ статей къ монахамъ и в) изъ молитвъ, хотя подлинность всѣхъ этихъ произведеній имѣетъ за себя доказательства не одинаковой силы. Изъ числа учительныхъ произведеній (церковныхъ поученій) слѣдуетъ признать за сочиненія св. Кирилла Туровскаго слѣдующія слова: 1) «въ недѣлю Цвѣтоносную, отъ сказаніа Евангелска», 2) «на святую Пасху въ свѣтоносный день Въскресеніа Христова, отъ Пророчьскыхъ сказаній», 3) «въ новую недѣлю по Пасцѣ, о пониовленіи Въскресеніа и о артусѣ и о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень», 4) «о сънятіи тѣла Христова съ креста и о Мироносицахъ, отъ сказанія Евангелскааго, и похвала Іосифу; въ недѣлю 3-ю по Пасцѣ». По рукописямъ XVI вѣка извѣстна и переработка этого слова. 5) «О раслабленѣмь, отъ Бытія и отъ сказанія Евангелскаго; въ недѣлю 4-ю по Пасцѣ». 6) «О слѣпьци и о зависти Жидовъ, отъ сказанія Еуангельскаго; въ недѣлю 6-ю по Пасцѣ»; 7) «на Възнесеніе Господне»; 8) «на Сборъ Святыхъ отець 300 и 18, отъ Святыхъ

книгъ указаніе о Христѣ Сынѣ Божіи, и похвала Отцемъ Святаго Никейскаго събора; въ недѣлю преже Пятидесятія». 9) «Притчу о человѣчьстей души и о тѣлеси, и о преступленіи Божіихъ заповедей, и о въскресеніи тѣлесъ человѣчь, и о будущемъ судѣ и о муцѣ».

Подлинность первыхъ восьми словъ можетъ быть признана внѣ сомнѣній. Что касается до девятаго слова или притчи о слѣпцѣ и хромцѣ, то оно также должно быть признано за сочиненіе св. Кирилла, хотя относительно нея высказывались и сомнѣнія, возникавшія вслѣдствіе того, что въ рукописяхъ кромѣ болѣе пространной редакціи ея, встрѣчается краткая проложная. Сличеніе и анализъ обѣихъ редакцій приводятъ къ выводу, что краткая или проложная (переведенная съ греческаго) послужила лишь источникомъ для болѣе пространной, которая и должна быть разсматриваема какъ трудъ св. Кирилла, ибо эта болѣе обширная редакція въ рукописяхъ часто надписывается именемъ его и по содержанію представляетъ собою литературную переработку проложной притчи, составляя подробный ея комментарій, имѣетъ аналогіи по слогу, пріемамъ толкованія и фигуральности изложенія съ восемью подлинными словами св. Кирилла.

Къ числу поученій, подлинность которыхъ является по меньшей мѣрѣ недоказанною, относится прежде всего: 1) Поученіе въ недѣлю 5-ю по пасхѣ. Оно находится уже въ сборникѣ XIII вѣка, содержащемъ другія подлинныя слова Кирилла туровскаго и приписывается ему на томъ основаніи, что въ рукописяхъ восполняетъ собою пропускъ въ серіи праздничныхъ и воскресныхъ словъ св. Кирилла, начинающихся съ недѣли Ваій и кончающихся словомъ на соборъ 318 отцевъ. Но несходство его по тону, языку, составу и безъискусственному изложенію съ остальною группою словъ св. Кирилла не позволяетъ признать разсматриваемый памятникъ за несомнѣнное произведеніе св. Кирилла. Кромѣ того, въ древнѣйшемъ спискѣ словъ св. Кирилла въ надписаніи поученія на недѣлю 5-ю нѣтъ имени автора. Это показываетъ, что составитель сборника уже въ XIII в. не признавалъ это поученіе за произведеніе св. Кирилла. Въ другихъ рукописяхъ также не встрѣчается оно съ именемъ Туровскаго епископа, а или остается анонимнымъ или усвоивается св. Василію Великому, св. Іоанну Златоустому и т. п. 2) Въ числѣ принадлежащихъ св. Кириллу твореній К. Ѳ. Калайдовичемъ было издано поученье на пятидесятію, но принадлежность его св. Кириллу сомнительна. 3) «Того жь Кюрила наказанье», находящееся въ сборникѣ XIV вѣка библіотеки бывшей Царскаго вслѣдъ за словами св. Кирилла туровскаго, приписывается послѣднему преосв. Филаретомъ черниговскимъ и митр. Макаріемъ, но безъ достаточно твердыхъ основаній: а) въ дошедшихъ до нашего времени подлинныхъ твореніяхъ св. Кирилла незамѣтно механическаго сцѣпленія отрывковъ, заимствованныхъ изъ древней письменности; «Наказанье» же состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей. б) Оба отдѣла «наказанья» представляютъ собою сочетаніе двухъ выдержекъ изъ двухъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго, входившихъ въ составъ «Маргаритовъ» и подвергнутыхъ не очень значительной переработкѣ, на которой можно усматривать и вліяніе поученія, встрѣчающагося въ «Измарагдахъ», подъ заглавіемъ: «Слово Павла апостола, истолковано Іоанномъ Златоустомъ и Василіемъ Кесарійскимъ» Все это говоритъ скорѣе о болѣе позднемъ происхожденіи «наказанья» — въ періодъ составленія подобныхъ словъ для потребностей Измарагдовъ и Златоустниковъ. Самое «наказаніе» съ литературной стороны совершенно несходно съ подлинными словами св. Кирилла, а въ нѣкоторыхъ Златоустахъ (правда, позднихъ — XVII вѣка, напр., Моск. Синод. библ. № 231 л. 118) вторая часть «наказанья» является еще обособленною отъ первой—въ видѣ отдѣльнаго слова, надписаннаго именемъ св. Іоанна Златоустаго. 4) «Слово о премудрости притча», или «Слово святыхъ отець о наказаньи», или «въ недѣлю 33-ю поученіе нѣкоего человѣка вѣрна къ духовному брату» ни въ одномъ изъ извѣстныхъ нынѣ списковъ не носитъ въ заглавіи имени св. Кирилла и къ его сочиненіямъ было причислено К. Ѳ. Калайдовичемъ по недоразумѣнію. 5) Слово «о исходѣ души и о восходе на небо», *въ большинствѣ* списковъ приписывается или Кириллу, или Кириллу-Философу (поводъ къ каковому надписанію могли подать начальныя слова памятника), но не Кириллу туровскому,

который не былъ извѣстенъ въ древней письменности съ прозвищемъ «Философа». По недоразумѣнію слово это въ числѣ твореній туровскаго епископа было издано К. Ѳ. Калайдовичемъ, хотя это ничуть не прибавило основаній въ пользу происхожденія слова отъ проповѣдника XII вѣка. Со стороны содержанія оно представляетъ собою повѣсть о мытарствахъ, переработанную изъ «Видѣнія Ѳеодоры», извѣстнаго по житію Василія Новаго и въ пріемахъ изложенія отличается значительно отъ подлинныхъ сочиненій св. Кирилла. Слѣдуетъ однако замѣтить, что правильная генеалогія текстовъ разсматриваемаго слова не можетъ быть исчерпана пересмотромъ одного печатнаго матеріала, почему не только вопросъ объ авторѣ слова «о мытарствахъ», но и о времени его происхожденія слѣдуетъ считать открытымъ. 6) «Слово святаго Кирилла о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ на земли», составляло, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ двѣ части однаго болѣе обширнаго сочиненія, такъ какъ соединено со словомъ «о мытарствахъ» въ словѣ на соборъ Архистратига Михаила. Отождествлять автора слова «о небесныхъ силахъ» со св. Кирилломъ туровскимъ по меньшей мѣрѣ рисковано. 7) «Слово святаго отца Кирила о первозданнѣмъ» встрѣчающееся въ рукописяхъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія, есть простое сокращеніе (отрывокъ) изъ слова «о мытарствахъ», сдѣланное, вѣроятно, какимъ-либо переписчикомъ. Поэтому усвоять это слово св. Кириллу туровскому такъ же затруднительно, какъ и все слово «о мытарствахъ». 8—11) Кромѣ перечисленныхъ словъ св. Кириллу туровскому изслѣдователями усвояются многія другія, встрѣчающіяся въ древней письменности поученія съ именемъ Кирилла (святаго, или епископа), хотя и безъ точнаго обозначенія какого именно, туровскаго ли, ростовскаго ли, митрополита ли, бѣлозерскаго, или какого-либо иного, но усвояются туровскому проповѣднику — вполнѣ произвольно, большею частью безъ достаточныхъ или какихъ-либо доказательствъ. Сюда принадлежатъ напр. слова: «Слово о страсѣ Божіи», «Слово о томъ яко незабывати оучителей своихъ», «Слово въ первую недѣлю поста на соборъ». 12—13) Наконецъ, митрополитомъ Макаріемъ было высказано предположеніе, что св. Кириллу туровскому можно приписать сочиненіе, извѣстное въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Кирилла монаха Похвала святыхъ и преп. отецъ нашихъ Евѳимія великаго и Саввы освященнаго». Но оно принадлежитъ перу греческаго автора Кирилла скиѳопольскаго. — По мнѣнію архимандрита Леонида Кириллу туровскому принадлежитъ «въ недѣлю мясопустную Кирилла мниха сказаніе евангелія отъ Матѳея». Въ дѣйствительности же слово это есть 47-я бесѣда Константина, епископа болгарскаго.

Такимъ образомъ изъ длиннаго ряда приписываемыхъ св. Кириллу поученій можно признать за дѣйствительно принадлежащія ему только 8 словъ на праздничные и воскресные дни и «притчу о человѣчьстѣй души». Что же касается до нравоучительныхъ сочиненій, обращенныхъ къ инокамъ, то Кириллъ туровскій несомнѣнно былъ авторомъ: 1) «сказанія о черноризьчьствѣмь чину, отъ вьтхаго закона и новаго, оного образъ носяща, а сего дѣлы съвьршающа», такъ какъ съ именемъ «Кирилла епископа туровскаго» «сказаніе» это помѣщено уже въ авторитетномъ спискѣ его твореній (XIII вѣка). Другія сочиненія къ инокамъ, обыкновенно приписываемыя ему, могутъ быть сближаемы съ подлинными его твореніями менѣе тѣсно и менѣе безусловно. Такова прежде всего 2) «повѣсть къ Василью Игумену Печерьскому. Притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ, и о мнишьствѣ, и о души, и о покаяніи». Во-первыхъ, какъ было уже замѣчено, при поставленіи Василія на печерское игуменство въ 1182 г. присутствовалъ туровскій епископъ Лаврентій, и если бы усвоять «повѣсть къ Василью игумену печерскому» перу св. Кирилла, то пришлось бы признать, что послѣ 1182 года онъ былъ еще живъ, но не имѣлъ епархіи. Но если бы принять это предположеніе и утверждать, что «повѣсть» написана послѣ 1182 года, когда Василій былъ возведенъ на игуменство, то, во-вторыхъ, малопонятными оказались бы слова повѣсти о Печерской Лаврѣ. Если бы Василій, къ которому адресовано посланіе, былъ въ то время игуменомъ печерскимъ, то подробности о мѣстонахожденіи находившейся подъ его управленіемъ Лавры (въ Кіевѣ), ея основателѣ и славѣ были бы излишни въ «посланіи». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что содер-

жаніе «повѣсти» съ ея приточною основою, фразеологія и отдѣльныя выраженія не находятся въ противорѣчіи съ литературными свойствами подлинныхъ трудовъ св. Кирилла. Если извѣстные нынѣ списки «повѣсти» ведутъ начало отъ копіи ея, сдѣланной въ славянскихъ земляхъ, гдѣ повѣсть была уже извѣстна въ XIII вѣкѣ, то слова о Кіево-печерскомъ монастырѣ можно объяснить вставкой, приспособленной для нерусскихъ славянъ, обращенія автора повѣсти—не къ одному лицу, а многимъ, назначеніемъ посланія не для игумена лично, а для его братіи или приспособленіемъ къ чтенію посланія предъ братіею, сдѣланнымъ позднѣйшими переписчиками. 3) «Посланіе нѣкоего старца къ богоблаженному Василію архимандриту, о скимѣ» по мнѣнію издателя А. В. Горскаго, нашедшаго это посланіе въ Сборникѣ Московской Синодальной библіотеки № 935, XVI вѣка, «можно съ вѣроятностью приписать» тому же епископу туровскому, св. Кириллу, который писалъ къ архимандриту Василію притчу «о бѣлоризцѣ». Подтвержденіе этой догадки А. В. Горскій усматривалъ въ сходствѣ (оно довольно однако слабо) нѣкоторыхъ выраженій этого «посланія» съ изреченіями въ притчѣ «о бѣлоризцѣ» и въ другой притчѣ «о человѣчестѣй души».— Мнѣніе А. В. Горскаго было признано правдоподобнымъ позднѣйшими изслѣдователями, за исключеніемъ проф. Е. Голубинскаго, который, не признавая туровскаго епископа авторомъ повѣсти «о бѣлоризцѣ», вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшается признать св. Кирилла и авторомъ «посланія», хотя и относитъ памятникъ къ XII вѣку. Едва ли, однако, можетъ оказаться справедливымъ даже это послѣднее предположеніе. Если разсматривать литературные пріемы «посланія нѣкоего старца», то оно, будучи писано языкомъ плавнымъ, текучимъ и простымъ, напоминаетъ собою скорѣе памятники эпистолярной письменности XV вѣка, чѣмъ произведенія домонгольской литературы. Широковѣщательное обращеніе къ игумену въ началѣ «посланія», близко къ формуламъ письмовниковъ и посланій конца XV и начала XVI вѣковъ. Подлинность «посланія» должна быть признана сомнительной тѣмъ болѣе, что имена печерскихъ игуменовъ намъ далеко не всѣ извѣстны 4) «Поученіе о подвизѣ иноческаго житія», находящееся въ Чудовскомъ пергаменномъ сборникѣ XIV вѣка вслѣдъ за сказаніемъ Кирилла туровскаго о черноризьческомъ чину, по внутреннему характеру («господству воображенія и чувства, по мыслямъ, выраженіямъ и пріемамъ ораторства», см. напр. заключеніе), какъ указываютъ издатели поученія, близко къ подлиннымъ произведеніямъ св. Кирилла. Но никакихъ опредѣленныхъ данныхъ для усвоенія упомянутаго сочиненія туровскому проповѣднику не существуетъ. 5) Еще менѣе существуетъ какихъ-либо основаній приписывать св. Кириллу— вмѣстѣ съ преосвящ. Филаретомъ черниговскимъ четыре поученія къ инокамъ, находящіяся въ той же рукописи и изданныхъ въ «Матеріалахъ для исторіи русской церкви».

Итакъ изъ числа нравоучительныхъ сочиненій, обращенныхъ къ инокамъ, св. Кириллу принадлежитъ болѣе или менѣе несомнѣнно только «сказаніе о черноризьчествѣ чину». Остальныя же творенія той же группы не могутъ быть признаны за несомнѣнныя произведенія Туровскаго епископа.

Значительно больше сохранилось съ именемъ его молитвословій. Но вопросъ о дѣйствительномъ авторѣ каждаго изъ нихъ разработанъ еще менѣе, чѣмъ вопросъ о его поученіяхъ и сочиненіяхъ объ иночествѣ. «Молитвы» св. Кирилла, расположенныя по порядку дней седмицы, по нѣскольку молитвъ на каждый день, встрѣчаются во многихъ рукописяхъ, но не въ одинаковомъ числѣ. Въ «Православномъ Собесѣдникѣ»(за 1857 г.) и въ изданіи преосв. Евгенія всѣхъ молитвъ св. Кирилла туровскаго помѣщено 30. Въ рукописныхъ сборникахъ XVI вѣка онѣ обыкновенно встрѣчаются въ числѣ 21, и такое-же точно количество ихъ вошло и въ старопечатныя изданія ихъ. Въ другихъ сборникахъ молитвы св. Кирилла встрѣчаются то въ числѣ 10, то въ числѣ 11 и т. п. Въ харатейномъ спискѣ XIV в. молитвъ св. Кирилла (Е. В. Барсова) ихъ содержится 13. Такъ какъ «молитвы» св. Кирилла распредѣлялись по днямъ седьмицы, то возможно, что кругъ этихъ молитвословій дополнялся и другими авторами, почему нѣкоторыя изъ молитвъ и не носятъ имени Кирилла. — Кромѣ круга «повсядневныхъ» молитвъ, въ рукописныхъ сборника усвояются св. Кириллу и другія, стоящія внѣ связи съ этою группою ихъ. Такъ прямо усвояются св. Кириллу туровскому: а) молитва ко всѣмъ

Святымъ, въ Сборн. Новг. Соф. бил. XVI в., въ четв., № 498 л. 181—178; б) три молитвы на исходъ души въ Канонникѣ XVI вѣка братьевъ Салтыковыхъ. Въ томъ же Канонникѣ помѣщены двѣ молитвы «инока Кирилла спати хотящимъ» и «молитва святого Кирилла о искоушеніи сонномъ», которыя вѣроятно, составитель Канонника также желалъ усвоить Туровскому епископу. Наконецъ, къ числу молитвословій, составленныхъ преп. Кирилломъ туровскимъ, относится «канонъ молебный», сохранившійся съ именемъ автора («Кирила грѣшнаго») въ «Обиходѣ церковномъ разныхъ моленій» Новг. Соф. бил., XIII—XIV в., и такъ называемое «Исповѣданіе». Это послѣднее слѣдуетъ отличать отъ «поминанія и исповѣданія» Кирилла епископа Туровскаго, изданныхъ М. И. Сухомлиновымъ и представляющихъ собою переработку молитвы св. Кирилла «въ субботу по заутрени». Что же касается до «канона великаго» («о покаяніи, къ Господу, по главамъ азбуки»), о которомъ упоминаетъ проложное «сказаніе», то онъ считается утраченнымъ, такъ какъ дошедшій до насъ «канонъ молебный» писанъ не по главамъ азбуки. Въ харатейномъ спискѣ молитвъ св. Кирилла, принадлежащемъ Е. В. Барсову, находятся правда «стихи» и «пѣніе», названные «азбуковникомъ», но что это за молитвы доселѣ не выяснено.

Какъ авторъ и проповѣдникъ Кириллъ туровскій былъ представителемъ искусственно-витіеватаго краснорѣчія, вызваннаго къ жизни потребностью праздничныхъ панегириковъ (вслѣдствіе богослужебно-уставныхъ предписаній). Большинство его проповѣдей (8 изъ 9) относится къ разряду торжественныхъ праздничныхъ словъ (genus panegyricum), въ которыхъ нестолько изъясняется, сколько образно и картинно излагается воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ событіе. Этому картинному изложенію обыкновенно бываетъ посвящено все содержаніе слова отъ начала его до конца. Въ приступѣ проповѣдникъ выражаетъ какую либо общую мысль, приспособленную къ послѣдующему изложенію, затѣмъ въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняетъ предметъ праздника, раскрываетъ обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія и указываетъ его переносный таинственный смыслъ. Наставленій или практическихъ примѣненій содержанія слова къ слушателямъ (паренезиса), какъ особой части его, Кириллъ туровскій не даетъ. Лишь нѣсколько нравоучительныхъ замѣчаній дѣлаетъ онъ изрѣдка въ заключеніи. Исключеніе составляетъ притча «о человѣчествѣй души и о тѣлеси» (написанная, какъ и сказаніе «о черноризьчьстемъ чину»), въ особой формѣ экзегетической бесѣды, гдѣ нраво-обличительный элементъ сравнительно болѣе замѣтенъ.

Уже этими особенностями своихъ словъ Кириллъ туровскій сближается съ представителями искусственнаго византійскаго краснорѣчія (VI—XI вѣковъ), образцамъ котораго въ вѣкъ Симеона Болгарскаго подражали и славянскіе проповѣдники Іоаннъ экзархъ, епископъ Климентъ и другіе и который послѣ принятія русскими христіанства скоро былъ перенесенъ и въ предѣлы южной Руси—наряду съ безискусственнымъ поученіями, необходимыми для новопросвѣщенныхъ въ вѣрѣ. Въ Византіи этотъ искусственный родъ краснорѣчія въ проповѣдничествѣ получилъ примѣненіе еще въ IV вѣкѣ, а въ періодъ послѣ-Златоустовскій неумѣренное пользованіе риторикою уже стало оттѣснять въ проповѣдяхъ прежнюю назидательность и непосредственность. Въ погонѣ за широковѣщательными фразами, напыщеннымъ изложеніемъ и изысканною отдѣлкою конструктивной стороны у авторовъ проповѣдей VI и послѣдующаго столѣтій наблюдалась склонность избирать темы, предоставлявшія возможность показать рессурсы своего риторизма, которымъ часто едва прикрывалась пустота содержанія. Переводные памятники этого и болѣе ранняго краснорѣчія уже въ XI столѣтіи получили доступъ на Русь, гдѣ распространялись не только въ письменности, но и прочитывались за богослуженіемъ. Слѣды вліянія этихъ образцовъ можно замѣтить у насъ уже на знаменитомъ словѣ «о законѣ и благодати» и въ трудахъ мниха Іакова. Это вліяніе не ослабло въ южной Руси въ XII вѣкѣ, и произведенія св. Кирилла были лишь дальнейшей стадіей на пути подобнаго подражанія. Но это подражаніе сказалось здѣсь не столько въ содержаніи, сколько въ литературной отдѣлкѣ словъ. Справедливо поэтому внѣшнюю сторону ихъ сравниваютъ съ мозаичными картинами византійскаго стиля. Каждое изъ словъ, будучи проникнуто одною мыслію, въ тоже время

изобилуетъ украшеніями, которыми въ древности—располагала византійская риторика. Сравненія, противуположенія, вопросы, обращенія, восклицанія, олицетворенія и другія метафоры вмѣстѣ съ драматизмомъ изложенія и аллегоріями чередуются здѣсь въ изобиліи и превращаютъ каждое «слово» св. Кирилла въ искусственно витіеватое произведеніе. Прототипы всѣхъ этихъ прикрасъ взяты у греческихъ авторовъ, изъ числа которыхъ можно предполагать знакомство св. Кирилла съ трудами св. Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Прокла Константинопольскаго, Епифанія Кипрскаго, Тита Вострійскаго, Симеона Логоѳета, Ѳеофилакта Болгарскаго, псевдозлатоуста и другихъ, къ которымъ слѣдовало бы причислить Іоанна экзарха, Климента болгарскаго, русскаго митрополита Иларіона и творцовъ церковныхъ пѣснопѣній. Но при всѣхъ этихъ заимствованіяхъ творенія св. Кирилла чужды компилятивности и до сихъ поръ въ нихъ неудалось найдти ни одного буквальнаго заимствованія изъ предшествующей письменности. Каждое украшеніе находится на своемъ мѣстѣ, сцѣплено логически съ другими и подобно отдѣльнымъ штрихамъ на картинѣ помогаетъ общему впечатлѣнію художественнаго цѣлаго.

Съ этой своей художественной стороны произведенія св. Кирилла довольно рѣзко выдѣляются отъ однородныхъ русскихъ (за исключеніемъ «слова о законѣ и благодати») памятниковъ не только до-монгольскаго, но и вообще до-Петровскаго времени. При единствѣ мысли въ сочиненіяхъ русскихъ книжниковъ «сплетавшихъ словеса» обыкновенно не бывало разнородныхъ украшеній, а при разнородности украшеній (въ похвальныхъ словахъ) не была выдерживаема цѣлостность произведенія со стороны руководящей темы. Сочиненія же Кирилла туровскаго (не только церковно-учительныя, но и остальныя)—вполнѣ законченныя — какъ по замыслу, такъ и по литературному исполненію — произведенія, въ которыхъ не замѣтно разносоставности, и которыя могли принадлежать только ораторски-образованному таланту. По силѣ и свойствамъ литературныхъ дарованій св. Кирилла туровскаго современные изслѣдователи не стѣсняются сопоставлять его съ авторомъ «слова о законѣ и благодати» и творцомъ «слова о Полку Игоревѣ». Сравнительно съ митрополитомъ Иларіономъ у Кирилла туровскаго находятъ болѣе живое и плодовитое воображеніе и болѣе изящную витіеватость рѣчи, но менѣе точности въ языкѣ, менѣе естественности, оживленія и большую искусственность изложенія.

Цѣлостность литературной формы въ произведеніяхъ св. Кирилла зависѣла отъ того, что всѣ тропологическія фигуры ихъ являлись здѣсь не только внѣшними аттрибутами рѣчи, но были неотдѣлимы и отъ самого способа представленія, усвоеннаго туровскимъ проповѣдникомъ. Все старается онъ представить себѣ въ формѣ образа, иносказанія и аллегоріи, при которыхъ явленія видимыя служатъ символами міра невидимаго и событія ветхозавѣтныя—прообразомъ новозавѣтныхъ. При этомъ съ одними и тѣми же предметами у него скрѣпляются постоянно опредѣленныя понятія подобно тому, какъ тѣ же символы употребляются съ постоянствомъ въ твореніяхъ блаженнаго Ѳеодора и другихъ представителей антіохійской школы экзегетовъ, у которыхъ событія ветхозавѣтныя служатъ для уясненія новозавѣтной жизни. Въ вѣкъ Кирилла туровскаго на Руси эта символическая образность представленія вмѣстѣ съ метафоричностью рѣчи не была какою либо новинкою, ибо наблюдалась уже въ трудахъ митрополита Климента Смолятича и т. п., но никогда ни раньше, ни позже она не выражалась въ такомъ совершенствѣ, въ такой полнотѣ, какъ въ словахъ св. Кирилла. Эти особенности литературнаго таланта св. Кирилла весьма рано доставили на Руси широкую извѣстность его трудамъ, и уже въ XIII приблизительно вѣкѣ составитель проложнаго сказанія о св. Кириллѣ называлъ его «златословеснымъ витіею», имѣя вѣроятно въ виду его плодовитость и достоинства его поученій. Въ томъ же XIII вѣкѣ его творенія стали извѣстными даже въ славянскихъ земляхъ (ибо одно изъ нихъ встрѣчается въ сербскомъ сборникѣ XIII—XIV в.), а на Руси прочитывались за богослуженіемъ народу со святоотеческими установленными чтеніями въ соотвѣтствующіе дни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только составитель «проложнаго сказанія», но и списки Кирилловскихъ поученій, восходящіе къ XIII вѣку. Эти поученія вошли въ составъ такъ называемыхъ «Златоустовъ» и сборниковъ содержавшихъ

уставныя чтенія на праздники Тріоди постной и цвѣтной и т. п., и отъ XV—XVI извѣстны по множеству списковъ. Русскіе грамотеи, кромѣ того, вносили сочиненія св. Кирилла и въ «Измарагды», употреблявшіеся для домашняго чтенія, и въ словахъ Кирилла находили источникъ для составленія новыхъ сочиненій. Такія переработки извѣстны, напр. по рукописямъ XVI вѣка. Въ XVII вѣкѣ учительными сочиненіями св. Кирилла пользовался Кириллъ Транквилліонъ и авторъ Статира.—Не меньшимъ уваженіемъ пользовались и молитвословія св. Кирилла, читавшіяся за богослуженіемъ уже въ XIV вѣкѣ.

Вполнѣ удовлетворительнаго изданія твореній св. Кирилла не существуетъ, хотя отдѣльныя творенія стали проникать въ печать еще съ XVI вѣка (см. напр. Евангеліе Толковое, изданное въ 1595 году Козмою Ивановичемъ Мамоничемъ, Евангеліе учительное архіепископа Каллиста, изданное въ 1606 году въ Крилосской типографіи, «Соборникъ, си есть собраніе словъ нравоучительныхъ и торжественныхъ», изданный въ 1643, 1647, 1760, 1787, 1793, 1804 и другихъ годахъ, Кормчую 1653 года, «Молитвы повседневныя» изд. въ Вилянѣ въ 1596 году, 1602 и 1635 годахъ и т. п.). Большинство учительныхъ сочиненій Св. Кирилла сгруппировано въ изданіяхъ: а) «Памятники россійской словесности XII вѣка», изданы съ объясненіемъ, варіантами и образцами почерковъ К. Калайдовичемъ, М. 1821; б) «Рукописи графа А. С. Уварова», т. II, Памятники словесности, вып. I. СПБ. 1858 (съ предисловіемъ М. И. Сухомлинова); в) «Творенія святаго отца нашего Кирилла епископа Туровскаго съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII вѣка, изд. преосв. Евгеніемъ епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, Кіевъ 1880. г) «Памятники древне-русской учительной литературы». вып. I, СПБ. 1894 (съ предисловіемъ А. И. Пономарева). Молитвы Св. Кирилла изданы въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1857 при статьѣ подъ заглавіемъ «Молитвы на всю седмицу Св. Кирилла, епископа туровскаго» (№ 1—2). Изъ числа изданій отдѣльныхъ сочиненій, принадлежащихъ или приписываемыхъ св. Кириллу, см. а) «Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ», за 1854 г., т. X, гдѣ А. В. Горскимъ издано посланіе къ Василію архимандриту печерскому; б) «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», 1854, т. III (слово душеполезно о слѣпцѣ и хромцѣ); 1855, т. IV, вып. 4 (слово о мытарствахъ); 1856, т. V, вып. 6 (отрывки изъ исповѣданія и изъ молитвы на исходъ души); 1860, т. VIII, вып. 4. в) Исторію русской церкви, митрополита Макарія т. III, 1857, (9 молитвъ и канонъ молебный). По вопросу о подлинности сочиненій Св. Кирилла см. Е. Голубинскаго, «Исторію русской церкви», т. I, первую половину, М. 1880; Архіепископа Филарета «Обзоръ русской духовной литературы», изд. III, СПБ. 1884; третій томъ «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія.

Кириллъ *Бѣлозерскій*, преподобный, основатель Кирилло-бѣлозерскаго монастыря нынѣ въ городѣ Кирилловѣ, род. около 1337 г., скончался 9 іюня 1427 г. Въ мірѣ прозывался Косма и по происхожденію принадлежалъ къ высшему московскому классу. Рано оставшись сиротою, онъ провелъ свою молодость въ должности казначея своего родственника (окольничаго великаго князя Димитрія Донскаго) Тимоѳея Васильевича Вельяминова. Частыя посѣщенія московскихъ монастырей укрѣпили Косму въ рѣшимости принять монашество. Послѣ одного изъ посѣщеній боярскаго дома преп. Стефаномъ Махрищскимъ, онъ (до 8 сентября 1380 г.) былъ облеченъ въ рясофоръ и вступилъ затѣмъ въ братство московскаго Симонова монастыря, славившагося въ то время строгостью своего общежительнаго устава. Здѣсь, послѣ испытанія, постриженный въ иноки преп. Кириллъ провелъ 9 лѣтъ въ хлѣбнѣ, поварнѣ и прочихъ службахъ, находясь подъ руководствомъ старца Михаила, впослѣдствіи смоленскаго епископа, и пользуясь совѣтами преп. Сергія Радонежскаго. Возведенный въ санъ іеромонаха, онъ по удаленіи Симоновскаго архимандрита Ѳеодора на ростовскую архіепископію, былъ избранъ на его мѣсто, но въ этомъ санѣ оставался недолго (около 1388—1390 гг.). Недовольный нарушеніемъ старыхъ строгихъ порядковъ монастырской жизни Кириллъ уступилъ свое мѣсто другому (Сергію Азакову), а нѣсколько позже преслѣдованія со стороны новаго игумена принудили его и удалиться изъ Симонова въ старый монастырь Рождества Пречистой (иначе въ «Старое Симоново», недалеко отъ новаго Симоновaго монастыря), гдѣ у него и явилась мысль «далече отъ міра уединиться». Узнавъ отъ своего сподвижника по монастырю преп. Ѳерапонта (впослѣдствіи основателя бѣлозерскаго Ѳерапонтова монастыря), возвратившагося съ Бѣлаозера, что тамъ есть мѣста, удобныя «для безмолвія», онъ въ сопровожденіи преп. Ѳерапонта отправился въ Бѣлозерскую страну и здѣсь въ 1397 г. на берегу Сиверскаго озера, верстахъ въ 7 отъ Шексны, положилъ начало общежительному монастырю во имя Успенія Богородицы,—впослѣдствіи сдѣлавшемуся извѣстнымъ подъ именемъ Кириллова-бѣлозерскаго; игуменомъ этого монастыря онъ и состоялъ около 30 лѣтъ до самой своей кончины. Первоначально

онъ поселился въ нынѣшней «Ивановской» половинѣ монастыря. Здѣсь на склонѣ холма онъ водрузилъ деревянный крестъ, устроилъ вмѣстѣ съ преп. Ѳерапонтомъ самый простой шалашъ, а затѣмъ выкопалъ въ землѣ келлію. Преп. Ѳерапонтъ вскорѣ удалился и впослѣдствіи основалъ особый монастырь, Кириллъ же на томъ мѣстѣ соорудилъ небольшую избушку, сохранившуюся до нашихъ дней; она служила ему, вѣроятно, келліей, хотя обыкновенно ее называютъ часовнею. Впослѣдствіи онъ перенесъ свое мѣсто жительства нѣсколько на западъ и поставилъ здѣсь при содѣйствіи пришлыхъ рабочихъ деревянную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, келліи, трапезу и другія служебныя постройки.

Въ основу внутренней организаціи своего монастыря преп. Кириллъ положилъ обычаи Симоновскіе: строгое общежитіе, личную нестяжательность и вотчинный строй съ ограниченіями въ духѣ требованій митр. Кипріана. Богослужебные и келейные порядки съ самаго начала монастыря были, повидимому, іерусалимскіе.

Благодаря счастливому географическому положенію новой обители (близъ историческаго Словинскаго волочка, т. е. недалеко отъ волоковаго пути) и благодаря колонизаціонному движенію населенія, изъ Понизовья въ предѣлы Бѣлоозера, искусственно усиленному льготами, предоставленными для новыхъ поселенцевъ бѣлозерскими князьями, уже при жизни преп. Кирилла монастырь его достигъ значительной степени благосостоянія, чему отчасти содѣйствовало личное расположеніе къ преп. Кириллу князей — его духовнаго сына князя бѣлозерскаго и можайскаго Андрея Дмитріевича, его семьи, великаго князя московскаго, князя галицко-звенигородскаго и общественное уваженіе къ его подвижничеству. При жизни его въ составѣ монастырскаго братства числилось до 53 иноковъ, а его обитель владѣла приблизительно 40 земельными участками въ Бѣлозерскомъ княжествѣ: селами, деревнями, нивами, займищами и рыбными ловлями. Въ монастырѣ преп. Кирилла соблюдался самый строгій уставъ. Самъ игуменъ исполнялъ его строже всякаго простаго инока. Все имущество было общее; безъ разрѣшенія игумена никто не выходилъ изъ монастыря; все, приносимое братіи, подарки или даже письма, непремѣнно вносилось съ вѣдома игумена; черезъ его же руки проходило все, что посылали кому либо на сторону иноки. Каждый инокъ строго исполнялъ послушаніе, спеціально назначенное ему игуменомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще при жизни преп. Кирилла его обитель стала своего рода культурнымъ центромъ. Самъ преп. Кириллъ былъ извѣстенъ какъ книголюбецъ еще въ Симоновѣ. При его бѣлозерскомъ монастырѣ проживалъ дьякъ, обязанностью котораго было писать книги и учить дѣтей «грамотной хитрости». Многіе изъ грамотныхъ иноковъ трудились надъ перепискою книгъ и составленіемъ сборниковъ, изъ числа коихъ нѣкоторые доселѣ сохраняются въ Кирилловомъ монастырѣ. Преданіе указываетъ между ними и рукописи, писанныя рукою самого Кирилла. Самъ онъ былъ авторомъ трехъ посланій, свидѣтельствующихъ о его начитанности, хотя и изложенныхъ въ простонародно—безъискусственной формѣ. Посланія эти адресованы: къ великому князю Василію Дмитріевичу (начинается оно такъ: «Господину благовѣрному и благолюбивому князю великому Василію Дмитреевичю, Кирилло черньчищо многогрѣшный»...); къ удѣльному князю Андрею Дмитріевичу (начинается такъ «Господину благовѣрному князю Ондрею Дмитріевичю, Кирилъ черньчище грѣшный и непотребный»), и къ звенигородскому князю Георгію (Юрію) Дмитріевичу (начинающееся такъ «Господину благовѣрному князю Георгію Дмитреевичю, Кириллище черньчище грѣшный съ своей братицею»). Въ посланіи къ великому князю, являющемся отвѣтнымъ, преп. Кириллъ прежде всего благодаритъ его, что онъ обратился къ нему, такому грѣшному иноку, и обѣщаетъ со своей стороны молиться Богу за князя; князю же онъ совѣтуетъ строго исполнять свои обязанности предъ Богомъ и людьми; «храни себя, господине, со многою твердостью въ добрыхъ дѣлахъ», пишетъ онъ; «если на кораблѣ ошибется гребецъ, то опасность гораздо меньше, чѣмъ если ошибется кормчій; такъ же, сравнительно, важна и всякая ошибка правителя». Въ посланіи къ можайскому князю опять видимъ увѣщанія заботиться о подданныхъ. «Смотри, господине, пишетъ игуменъ, чтобы судъ у тебя творили правильно, чтобы не было поклеповъ, подметовъ, чтобы судьи не принимали посуловъ.

Смотри, чтобы не было у тебя въ вотчинѣ корчмы: отъ нея великая пагуба, христіане пропиваются, а души гибнутъ. Также не было бы у тебя мыта, это прибыль неправильная, но гдѣ перевозъ, тамъ прилично дать труда ради... Христіанамъ не лѣнись управу давать самъ». Въ посланіи къ князю звенигородскому преп. Кириллъ утѣшаетъ его по случаю смерти его жены и убѣждаетъ каяться въ своихъ грѣхахъ и исправляться, напоминаетъ, что смерть есть лишь переходъ въ лучшую жизнь. На извѣщеніе князя, что онъ хочетъ пріѣхать въ монастырь, чтобы найдти утѣшеніе въ бесѣдѣ съ игуменомъ, этотъ послѣдній проситъ князя отказаться отъ этой мысли. «Вы ожидаете, господине, пишетъ онъ, что я здѣсь добрый и святой, а по истинѣ я окаяннѣе и грѣшнѣе всѣхъ людей и исполненъ всякаго зла». Эти посланія, простыя по изложенію, принадлежатъ, по искренности и сердечности, къ лучшимъ произведеніямъ древне-русской письменности. Преп. Кириллу принадлежитъ еще духовное завѣщаніе къ братьи, составленное по общепринятому въ то время образцу и извѣстное въ двухъ редакціяхъ: сокращенной (въ Пахоміевомъ житіи) и болѣе пространной (встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ и помѣщено въ Успенской церкви въ г. Кирилловѣ за стекломъ) и одно неизданное поученіе. Кромѣ того преп. Кириллу нерѣдко приписываютъ составленіе письменнаго устава для своего монастыря, но это — догадка, не имѣющая за собою основаній. Скончался преп. Кириллъ 9 іюня 1427 г., 90 лѣтъ отъ роду (по сказанію житія), во время эпидемической болѣзни, погребенъ въ Кирилловѣ монастырѣ съ правой стороны церкви Успенія. Надъ его мощами нынѣ находится церковь во имя преп. Кирилла, построенная въ 1585—1587 гг. и заново перестроенная въ XVIII вѣкѣ.

Житіе преп. Кирилла, составленное въ концѣ XV в. Пахоміемъ Логофетомъ (въ рукописи). Сокращенное житіе преп. Кирилла (въ рукописи начала XVI в.). Похвала преп. Кириллу (въ рукописи начала XVI в.). Житія преп. Ѳерапонта и Мартиніана бѣлозерскихъ (въ рукописи; сравн. Лѣтопись занятій Археограф. комм. 1861, вып. I, 1—7). Акты Историч. т. I, № 16, 27, 32, 163, 204; А. Юр. № 72; Рус. Ист. Библіот., изд. Археогр. комм., т. II, №№ 5, 6, 7, 8, 9—15; Д. М. Мейчикъ, «Грамоты XIV и XV вв. Моск. архива Мин. Юстиціи», М. 1883, стр. 99, 120, 123. В. В. Звѣринскій, «Матеріалы для историко-топограф. изслѣдованія о правос. монастыряхъ въ росс. имперіи съ библіограф. указат.», II. Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 г. 1892, № 867, стр. 166—175; Н. П. Барсуковъ, «Источники русск. агіографіи», изд. Импер. Общ. Любит. Древ. Письм., LXXXI, 1882, стб. 297 — 306; В. О. Ключевскій, «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», 1871, стр. 123, 158, 272; Архим. Варлаамъ, «Опис. историко-археол. древностей и рѣдкихъ вещей, находящ. въ Кириллобѣл. монастырѣ», М. 1859 (изъ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос.»); его-же: «Обозрѣніе рукописей собств. библ. преп. Кирилла Бѣлоз.» («Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1860, II, отд. 3, стр. 1—69); С. Шевыревъ, «Поѣздка въ Кирилло-бѣлоз. монастырь, въ 1847 г.», ч. I—II. М. 1850; Макарій, «Ист. рус. церкви», тт. IV, V; Никольскій, Н. К., «Кириллo-Бѣлозерскій монастырь и его устройство», 1897.

Кириллъ, *преподобный Челмскій или Челмогорскій*, скончался 82 лѣтъ 8 декабря 1367 г.; постриженникъ обители преп. Антонія римлянина, онъ положилъ начало въ XIV ст. Челмскому, или Челмогорскому монастырю, существующему и нынѣ въ олонецкой губерніи, въ каргопольскомъ уѣздѣ, въ 53 верст. къ сѣв.-зап. отъ уѣзднаго города. Житіе преп. Кирилла сообщаетъ, что Кириллъ въ 1316 г. построилъ себѣ хижину на Челмѣ горѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и жилъ здѣсь отшельникомъ болѣе 50 лѣтъ, просвѣщая свѣтомъ христіанскаго ученія окрестныхъ жителей чудянъ, изъ которыхъ многіе еще были язычниками. По смерти преп. Кирилла на мѣстѣ его пустынной кельи, неизвѣстно въ какое время, устроился Челмогорскій монастырь. Мощи преп. Кирилла подъ спудомъ.

«Христіанское Чтеніе», 1889 г. №№ 3—4, 9—10; Ключевскій, «Древнерусскія житія святыхъ», 236; «Слов. истор. о святыхъ».

Кириллъ (Киріакъ) (*Адріановичъ, Андреевичъ*), новгородскій посадникъ, ум. въ 1410 г. Въ 1390 г. новгородцы посылали его къ вел. кн. Василію Димитріевичу для заключенія мира, «и докончаша миръ по старинѣ»; въ 1402 г. онъ построилъ въ дѣвичьемъ монастырѣ церковь во имя св. Варвары и придѣлъ въ церкви св. Михаила на Прусской улицѣ. Умеръ, принявъ иноческое постриженіе.

П. С. Р. Л. III, 102, 104, 234; IV, 97, 113, 144; V, 244; VIII, 61; Соф. Врем. Строева I 395; «Опытъ о посадн. новгор.».

А. Э.

Кириллъ (въ мірѣ Константинъ Лукьяновичъ *Богословскій - Платоновъ*) сынъ священника, род. въ с. Воздвиженскомъ (возлѣ Троице-Сергіевой Лавры), 14 мая 1788 г.; ум. въ С.-Петербургѣ 28 марта 1841 г.; погребенъ въ лаврѣ. Учился въ лаврской духовной семинаріи,

при чемъ по смерти отца (въ 1806 г.) состоялъ стипендіатомъ митрополита Платона; въ 1809 г. поступилъ въ С.-Петербурскую духовную академію; по окончаніи въ ней курса со степенью магистра богословія (1814) оставленъ при ней бакалавромъ; 28 августа 1814 г. постриженъ въ монашество; въ 1817 г. назначенъ ректоромъ Полтавской духовной семинаріи и настоятелемъ Лубенскаго монастыря,— а въ 1819 г. опредѣленъ ректоромъ Московской духовной академіи и настоятелемъ московскаго Новоспасскаго монастыря; въ 1822 г. возведенъ въ степень доктора богословія за «Толкованіе посланія къ евреямъ» (осталось въ рукописи); въ 1824 г. возведенъ въ санъ епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи; 26 марта 1827 г. назначенъ епископомъ вятскимъ; въ Вяткѣ особенно заботился о христіанской миссіи среди язычниковъ-инородцевъ; 24 января 1832 г. назначенъ архіепископомъ подольскимъ; заботился объ исправленіи разныхъ нестроеній епархіальной жизни, объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ и т. п. Не смотря на непродолжительное управленіе обѣими епархіями оставилъ по себѣ самую добрую память, сохраняющуюся и донынѣ. Преосвященный Кириллъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту московскому Филарету и пользовался большимъ расположеніемъ знаменитаго святителя. Памятникомъ этихъ отношеній остались письма къ нему митрополита Филарета за время съ 1817 г. по 1840 г., числомъ до 40; митрополитъ Филаретъ самъ составилъ «чинъ» для отпѣванія преосвященнаго Кирилла и самъ исправилъ краткое жизнеописаніе Кирилла, составленное его племянникомъ, профессоромъ Московской духовной академіи П. С. Казанскимъ — жизнеописаніе это напечатано при первомъ томѣ его «Полнаго собранія словъ и ученій», вышедшаго въ Москвѣ въ 1854 г. въ 3-хъ частяхъ; отдѣльные сборники проповѣдей преосвященнаго Кирилла вышли въ Москвѣ въ 1832, 1833, 1835, 1837 и 1840 гг. и въ Петербургѣ въ 1835 и 1837 г. Преосвященный Кириллъ былъ замѣчательный проповѣдникъ; на Волыни его проповѣди привлекали цѣлыя массы слушателей; и въ числѣ ихъ бывали не только католики, представители мѣстнаго польскаго общества, но даже и евреи. Умеръ въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

«Христіанское Чтеніе», 1888, №№ 1, 10—12; «Собранія мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. I — по указателю; Геннади, «Словарь»; Батюшковъ, «Подолія».

Кириллъ (Козьма Васильевичъ *Бѣлый*), преподобный Новоезерскій, іеромонахъ, изъ дворянъ. Род. въ гор. Галичѣ, костромской губерніи, 4 февраля 1481 года, скончался 4 февраля 1532 г. Въ молодыхъ лѣтахъ удалился изъ дома родительскаго и въ 1496 г. поселился въ монастырѣ препод. Корнилія Комельскаго, гдѣ въ 1500 г. постригся въ монашество съ именемъ Кирилла и проходилъ различныя послушанія, изумляя иноковъ своими подвигами. Около 1515 года отправился въ путешествіе по св. мѣстамъ и затѣмъ рѣшился вести отшельническую жизнь. Въ 1517 г. онъ прибылъ на Красный островъ на Новомъ озерѣ и тамъ основалъ Воскресенскій Новоезерскій монастырь. Святая жизнь его была далеко извѣстна и привлекала къ нему толпы народа. Мощи Кирилла открыты 7 ноября 1649 г., а 22 августа 1652 г. перенесены въ новый каменный храмъ. Память его празднуется 4 февраля, по опредѣленію собора 1547 года.

«Житіе преп. Кирилла Новоезерскаго».

Кириллъ *Димитріевичъ*, новгородскій тысяцкій, потомъ посадникъ, ум. въ 1414 г. Въ 1397 г. ѣздилъ въ числѣ другихъ пословъ къ вел. кн. Василію Димитріевичу, который требовалъ отъ новгородцевъ расторженія мира съ нѣмцами и вслѣдствіе неисполненія этого требованія занялъ Двинской край и другія новгородскія волости; посольство это не имѣло, впрочемъ, успѣха, новгородцы не успѣли склонить великаго князя возвратить имъ эти волости. Въ 1404 г. Юрій Святославичъ, князь смоленскій, лишенный своей отчины Витовтомъ, искалъ убѣжища въ Новгородѣ и новгородцы дали ему 13 городовъ съ условіемъ, что бы онъ блюлъ цѣлость ихъ владѣній. Взаимныя обязательства скрѣплены были крестнымъ цѣлованіемъ: за весь Новгородъ крестъ Юрію цѣловалъ Кириллъ Димитріевичъ.

П. С. Р. Л. III, 98, 105; IV, 102, 107, 114, 145; V, 205; VIII, 70; «Опытъ о посадн. новгор.».

А. Э.

Кириллъ (*Завидовъ*), митрополитъ ростовскій и ярославскій, ум. 7 мая 1619 г. Въ 1580—1594 гг. Кириллъ былъ игуменомъ новгородскаго Антоніевскаго мона-

стыря, а съ 31 іюля 1594 г.—архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря; 18 марта 1605 г. онъ былъ хиротонисанъ въ митрополита ростовскаго; присутствовалъ при кончинѣ царя Бориса Годунова. Въ апрѣлѣ 1606 г. Лжедимитрій удалилъ его съ ростовской каѳедры и поставилъ туда митрополитомъ Филарета. Кириллъ жилъ послѣ изгнанія въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Когда митрополита Филарета увезли въ плѣнъ въ Польшу, тогда въ началѣ 1612 г. ярославцы пригласили къ себѣ вновь митрополита Кирилла и онъ управлялъ ростовскою епархіею до самой смерти. Имя митрополита Кирилла, во вторичное управленіе имъ ростовскою епархіею, упоминалось въ перечисленіи всѣхъ русскихъ іерарховъ того времени впереди всѣхъ другихъ, такъ какъ, за смертію патріарха Гермогена, митрополитъ Кириллъ былъ первымъ высшимъ духовнымъ лицомъ въ Россіи. Онъ приглашалъ на царство Михаила Ѳеодоровича, встрѣчалъ его при въѣздѣ въ Москву и участвовалъ въ коронаціи. Онъ основалъ Аѳанасьевскій ярославскій монастырь и построилъ много храмовъ въ своей епархіи.

«Яросл. епарх. вѣдом.» 1894 г. № 11.

Кириллъ (*Кипріановъ*), архимандритъ. Великороссіянинъ, сынъ пономаря, род. въ 1762 г., ум. 15 іюня 1817 г. Въ 1776 г. поступилъ въ архангельскую семинарію, по окончаніи курса въ ней назначенъ былъ 29 іюня 1785 г. учителемъ въ ту же семинарію. Принялъ монашество 25 апрѣля 1791 г. въ архангельскомъ монастырѣ, на слѣдующій день произведенъ во іеродіакона, 7 мая того же года во іеромонаха, а 1 іюня во игумена Николаевскаго корельскаго монастыря. 29 октября 1798 г. назначенъ присутствующимъ архангельской духовной консисторіи. За время управленія корельскимъ монастыремъ привелъ монастырскія зданія, пострадавшія особенно отъ пожара 26 мая 1798 г., въ отличный видъ; 30 декабря 1800 г. преосвященнымъ архангельскимъ Аполлосомъ переведенъ въ полуразрушенный и запущенный архангельскій монастырь и 27 февраля 1801 г. назначенъ учителемъ въ семинаріи. Обиженный, онъ обжаловалъ распоряженіе епископа Аполлоса предъ Св. Синодомъ. Пока шло дѣло, епископъ скончался. Новый архангельскій преосвященный Евлампій принялъ сторону Кирилла и представилъ его къ возведенію въ санъ архимандрита, а вмѣстѣ къ возведенію въ архимандрію и архангельскаго монастыря, бывшаго третьеклассным. Св. Синодъ утвердилъ это представленіе; 8 ноября Кириллъ возведенъ былъ во архимандрита. 22 декабря того же года назначенъ префектомъ и учителемъ философіи въ семинаріи. 12 февраля 1804 г. переведенъ въ Антоніевъ сійскій монастырь. Состоялъ въ это время уже ректоромъ семинаріи и учителемъ богословія. 13 іюня 1806 г. перемѣщенъ въ онежскій Крестный монастырь, гдѣ и скончался.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1801 г., № 238; 1802 г. № 601; 1804 г. № 26; 1806 г. № 396; 1817 г. № 725 —П. Строевъ, «Списки». *С. Г. Р.*

Кириллъ (Діонисій Алексѣевичъ *Куницкій*), епископъ чигиринскій, викарій кіевской епархіи. Род. въ 1783 г., ум. 16 апрѣля 1836 г. Сынъ сельскаго священника, кіевскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Кіевской академіи. По окончаніи академическаго курса назначенъ преподавателемъ академіи. 14 февраля 1814 г. принялъ монашество, 22 февраля рукоположенъ во іеродіакона, 8 марта посвященъ въ іеромонаха. Въ 1815 г., назначенъ соборнымъ іеромонахомъ Кіево-печерской лавры. 15 августа 1819 г. назначенъ ректоромъ семинаріи и учителемъ богословія; тогда же назначенъ присутствующимъ въ правленіи Кіевской духовной академіи, а 22 сентября присутствующимъ въ кіевской дикастеріи (консисторіи). Въ 1823 г. опредѣленъ членомъ конференціи Кіевской духовной академіи. 3 марта 1824 г. назначенъ членомъ цензурнаго комитета при Кіевской академіи. По представленію кіевскаго митрополита Евгенія возведенъ 25 января 1824 г. въ архимандриты безъ монастыря. Осенью 1825 г. вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія. 18 августа 1826 г. назначенъ настоятелемъ Кіево-выдубицкаго монастыря, 26 ноября назначенъ ректоромъ Кіевской духовной академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, 22 декабря опредѣленъ настоятелемъ Кіевобратскаго училищнаго монастыря. 13 мая 1828 г. хиротонисанъ во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, 5 января 1835 г. уволенъ на покой.

Архивъ св. синода, дѣла: 1815 г. № 27; 1824 г. № 913; 1825 г. №№ 1173, 1226, 1332; 1826 г. №№ 350, 381; Г. Геннади, «Словарь»; Ю. Толстой, «Списки»; Аскоченскій, «Ист. кіевск. дух. акад.», К. 1863. *С. Г. Р.*

Кириллъ (*Ляшевецкій*), епископъ черниговскій, ум. 14 мая 1770 г. Сынъ сотеннаго писаря, впослѣдствіи принявшаго священство. Учился въ Кіевской академіи, по окончаніи курса былъ назначенъ въ Сергіевскую семинарію наставникомъ, затѣмъ былъ въ ней профессоромъ и ректоромъ. Въ 1738 г. посвященъ въ санъ епископа воронежскаго, 19 октября 1761 г. назначенъ епископомъ черниговскимъ. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ іерарховъ своего времени; послѣ его смерти осталось почти 1000 книгъ, изъ нихъ 555 русскихъ и 380 на иностранныхъ языкахъ; большая часть ихъ взята была въ уплату долга каѳедрѣ, числившагося въ размѣрѣ 280 р. и въ уплату 350 р., употребленныхъ при погребеніи. Въ свое время славился какъ проповѣдникъ. Изъ словъ его напечатаны: «Слово императрицѣ Елизаветѣ при посѣщеніи лавры»; «Слово въ день памяти преподобнаго Сергія» и нѣкоторыя другія.

Филаретъ, «Истор.-стат. опис. черниговской епархіи», I, 99—101.

Кириллъ (Василій Николаевичъ *Наумовъ*), епископъ мелитопольскій, сынъ діакона, род. 25 декабря 1823 г. въ г. Калугѣ, ум. 10 февраля 1866 г. Образованіе получилъ въ калужской духовной семинаріи и С.-Петербургской духовной академіи. Окончилъ курсъ со степенью магистра и 7 іюня 1847 г. постригся въ монашество съ именемъ Кирилла; 22 іюня рукоположенъ въ іеродіакона и 21 іюля—въ іеромонаха. Оставленный при академіи бакалавромъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ читалъ лекціи по нравственному и пастырскому богословію и по церковному краснорѣчію, составилъ учебникъ по пастырскому богословію для духовныхъ семинарій, давшій ему докторскую степень и званіе ординарнаго профессора; онъ былъ членомъ академическаго правленія, ревизовалъ разныя духовныя семинаріи; 5 октября 1851 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ инспекторомъ академіи; въ тоже время былъ членомъ духовнаго цензурнаго комитета. 13 октября 1857 года хиротонисанъ во епископа мелитопольскаго и назначенъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Но эта должность не пришлась ему по душѣ; онъ постоянно жаловался въ письмахъ къ митрополиту Макарію на трудность служенія. «Службы, пріемы, визиты, соображенія, донесенія, доклады и вся частная, полуофиціальная и офиціальная переписка, писалъ онъ, лежатъ на мнѣ одномъ». Утомленный непрерывною дѣятельностью, онъ просился на покой; 22 іюня 1863 г. былъ уволенъ и ему поручено управленіе казанскимъ Спасопреображенскимъ монастыремъ. Митрополитъ Филаретъ называетъ его человѣкомъ «обладающимъ свободнымъ движеніемъ мысли и слова, но опытомъ не подготовленнымъ къ дѣлу». Послѣ преосвященнаго Кирилла остались слѣдующія сочиненія: «Пастырское богословіе»; «Минуты уединенныхъ размышленій»; «Слово по окончаніи выборовъ с.-петербургскаго дворянства 20 марта 1857 г.»; «Рѣчь при нареченіи во епископа»; «Письма къ митрополиту Макарію (Булгакову)»; «Жизнь св. Александра Невскаго»; «Акаѳистъ св. Александру Невскому».

Дѣла архива Св. Синода.; «Русская Старина» 1889 г. № 12; 1890 г. №№ 1, 4 и 10; «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета по дѣламъ православной церкви на Востокѣ», 1896 г., стр. 406 и далѣе. *Здр.*

Кириллъ (Александръ Александровичъ *Орловъ*), епископъ ковенскій, сынъ діакона, род. 5 іюня 1837 г. въ с. Каринскомъ звенигородскаго уѣзда московской губерніи, ум. 26 декабря 1890 г. Обучался въ звенигородскомъ духовномъ училищѣ, въ московской виѳанской семинаріи и въ Московской академіи. По окончаніи курса въ академіи, 8 іюня 1862 г. постригся, 17 іюня рукоположенъ въ іеродіакона, а 1 іюля въ іеромонаха. 14 ноября 1863 года назначенъ на должность инспектора виѳанской семинаріи. 23 апрѣля 1872 года возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря. 14 декабря 1880 года хиротонисанъ во епископа острожскаго, викарія воронежской епархіи; 24 апрѣля 1882 года перемѣщенъ на каѳедру епископа чебоксарскаго, викарія казанской епархіи. Въ Казани преосвященный Кириллъ часто посѣщалъ противураскольническія школы и неразъ велъ собесѣдованія въ главныхъ центрахъ раскола. Въ то же время предсѣдательствовалъ въ братствѣ преподобнаго Гурія и въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ. Въ 1887 года ему поручено было управленіе пермскою епархіею, а 13 февраля 1888 г. онъ перемѣщенъ на самостоятельную епископскую каѳедру екатеринбургскую и ирбитскую. Волѣзненное состояніе заста-

вило его 2 апрѣля 1888 года проситься на покой. Проведя цѣлый годъ въ Раифской пустыни казанской епархіи, онъ 13 мая 1889 г. былъ назначенъ епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовской епархіи. Сейчасъ же былъ избранъ въ предсѣдатели виленскаго святодуховскаго братства и епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1890 году управлялъ временно литовскою епархіею. Скончался скоропостижно.

«Церковн. Вѣдом.» 1891 г. № 1; «Церк. Вѣстн.» 1891 г. № 1; «Московск. епарх. вѣдом.» 1891 г. № 1; «Литовскія епарх. вѣдом.» 1890 г. № 52.

Здр.

Кириллъ (*Семеновичъ Терлецкій*), епископъ лужскій и острожскій, ум. въ 1607 г. Происходилъ изъ небогатаго рода православныхъ дворянъ. Онъ не прошелъ правильнаго школьнаго образованія, а, повидимому, по примѣру многихъ другихъ дворянъ того времени, упражнялся въ письмоводствѣ, знакомился съ дѣлами въ какой нибудь канцеляріи городскаго или земскаго суда: латинскаго языка онъ и впослѣдствіи не зналъ, но былъ очень опытенъ въ юридическихъ дѣлахъ. Въ 1560-хъ годахъ занималъ должность «протопопа» соборной церкви въ г. Пинскѣ и въ 1572 г. былъ назначенъ пинскимъ епископомъ. Управленіе свое этою епархіею Кириллъ ознаменовалъ главнымъ образомъ стараніями пріобрѣсти имущество лично для себя или по крайней мѣрѣ для своей каѳедры. Въ 1585 г. онъ испросилъ себѣ у короля сдѣлавшуюся вакантною каѳедру лужской и острожской епархіи. Эту епархію, принадлежавшую къ числу богатѣйшихъ, Кириллъ нашелъ въ очень разстроенномъ положеніи; онъ ревностно принялся водворять въ ней порядокъ и первое время пользовался большимъ уваженіемъ со стороны кн. Константина Острожскаго, который думалъ, что въ лицѣ новаго епископа онъ нашелъ дѣятельнаго и истиннаго пастыря церкви. Но вскорѣ Острожскій лишилъ Терлецкаго своего расположенія: не только обнаружилась крайняя стяжательность епископа, который не затруднялся прямо вооруженною силою отнимать у другихъ то, что почиталъ принадлежащимъ себѣ, но раскрылось множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о крайне недостойномъ образѣ личной жизни этого іерарха. По своему образу жизни Кириллъ Терлецкій являлся типичнымъ представителемъ тѣхъ, къ сожалѣнію многочисленныхъ, іерарховъ западно-русской церкви, которые своею безнравственностью и полнымъ нерадѣніемъ о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ совершенно подорвали въ своей православной паствѣ всякое довѣріе и уваженіе къ своимъ іерархамъ. Въ видѣ протеста противъ этого возникли многочисленныя церковныя «братства», которыя и получили отъ патріарха право наблюдать за жизнью и нравственностью не только свѣтскихъ, но и духовныхъ, и даже противиться епископу «какъ врагу истины», если онъ станетъ нарушать церковныя правила. Дѣятельность этихъ братствъ въ значительной степени стѣсняла епископовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ являлась мысль подчиниться римскому папѣ, чтобы избавиться отъ подчиненія и подсудности константинопольскому патріарху, который оказывалъ всегда большее довѣріе и поддержку братствамъ въ ихъ столкновеніяхъ съ епископами, и чтобы пріобрѣсти лучшее положеніе предъ свѣтскою католическою властью Польши. Въ іюнѣ 1591 г. на съѣздѣ въ Брестѣ четырьмя епископами была составлена грамота о готовности ихъ на нѣкоторыхъ условіяхъ, подчиниться римскому престолу; хлопотать о приведеніи этого въ исполненіе поручено было Терлецкому. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ въ 1594 г. составлены были «артикулы», на основаніи которыхъ должна была быть заключена унія. Одинаковое участіе съ Терлецкимъ принималъ въ томъ дѣлѣ и епископъ брестскій Ипатій Потѣй. Въ концѣ сентября слѣдующаго года Кириллъ и Ипатій выѣхали въ Римъ; 23 декабря 1595 г. въ засѣданіи священной коллегіи эти епископы изложили свое дѣло и отъ лица всѣхъ остальныхъ архіереевъ присягнули на вѣчное единеніе съ римскою церковью. 3 марта 1596 г. они возвратились въ Луцкъ и унія была торжественно объявлена. Извѣстно, какое негодованіе вызвала она въ большей части православнаго общества. Многіе епископы составили соборъ и постановили низложеніе Терлецкаго. Но онъ, добившись того, чего собственно онъ искалъ—обезопасивъ себя защитою и покровительствомъ папы, не принималъ болѣе почти никакого активнаго участія въ разгорѣвшихся спорахъ и волненіяхъ; онъ жилъ на доходы своей теперь богатой епархіи, возмущая по прежнему лучшую часть своей паствы своимъ образомъ жизни, вовсе недостойнымъ духовнаго лица.

Левицкій, О., «Кириллъ Терлецкій, еп. луцкій и острожскій», Кіевъ, 1885; его же «южнорусскіе архіереи въ XVI—XVII в., «Кіев. Стар.», 1889, I, 49—10?; Кояловичъ, «Литов.церк. унія»; Жуковичъ, «Борьба противъ уніи», 1897.

Кириллъ (*Транквилліонъ-Ставровецкій-Безбородый*) ум. послѣ 1646 г., былъ іеромонахомъ и проповѣдникомъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ; около 1628 г. назначенъ былъ настоятелемъ елецкаго успенскаго монастыря. Въ Черниговѣ онъ завелъ типографію, въ которой напечаталъ одно изъ своихъ произведеній «Перло многоцѣнное». Время его управленія было неспокойное, онъ страдалъ отъ гоненій іезуитовъ и уніатовъ; около 1637 г. онъ долженъ былъ покинуть монастырь и скитался по разнымъ мѣстамъ; изъ другихъ его сочиненій извѣстны: «Зерцало богословія», «Евангеліе учительское», разныя похвальныя слова; нѣкоторыя изъ нихъ выдержали до трехъ и четырехъ изданій, отъ 1618 до 1696 г., но въ Москвѣ не всѣ произведенія Кирилла почитаемы за жизнь православія; нѣкоторыя по приказу патр. Филарета рѣшено даже было сжигать.

Филаретъ, «Истор. стат. опис. черниг. епархіи», III. 9—11; «Словарь историч. о бывшихъ въ Росс. писат. духов. чина», I.

Кириллъ (*Флоринскій*), архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря. Род. въ началѣ XVIII столѣтія въ г. Харьковѣ, ум. 9 января 1744 г. Обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1729 г. посланъ былъ для продолженія образованія «въ нѣмецкія страны» и былъ тамъ до 1732 года. По возвращеніи изъ заграницы въ Харьковъ, постригся въ монашество и въ ноябрѣ 1732 года опредѣленъ учителемъ піитики въ Харьковскій коллегіумъ. 22 февраля 1733 года рукоположенъ въ іеродіакона, а 13 мая того-же года—въ іеромонаха. Въ томъ же коллегіумѣ онъ былъ учителемъ философіи и съ 1 сентября 1735 года префектомъ. 6 іюля 1736 года перемѣщенъ въ московскую Славено-греко-латинскую академію, гдѣ началъ преподавать богословіе и затѣмъ былъ префектомъ; тогда же онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ и его хотѣли послать къ православной церкви въ Лондонѣ, но не назначили и отправили обратно въ Москву. Тамъ ему былъ ввѣренъ Симоновъ монастырь, а съ іюля 1741 года онъ назначенъ былъ ректоромъ Московской духовной академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря. Управляя академіей, онъ сдѣлалъ попытку освободить преподаваніе въ ней отъ схоластическаго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привлеченъ былъ къ участію въ дѣлѣ, которое во все царствованіе Елизаветы Петровны занимало Синодъ, именно къ участію въ изданіи библіи. Кириллъ подалъ мнѣніе, что древній славянскій текстъ ближе къ древнѣйшему александрійскому, чѣмъ текстъ ватиканскій, доказалъ, что въ послѣднемъ есть не мало вставокъ съ одной стороны и пропусковъ съ другой; поэтому онъ предлагалъ оставить начатое подъ вліяніемъ Ѳеофана Прокоповича исправленіе русскаго текста библіи по ватиканскому и печатать прямо по древнему славянскому. Мнѣніе его было принято. Въ 1742 г. онъ открывалъ и устраивалъ московскую Троицкую семинарію. Ему принадлежатъ проповѣди: на день рожденія Императрицы Елизаветы 18 декабря 1741 г.; на недѣлю Ваій 11 апрѣля 1742 г., и на освященіе храма въ Заиконоспасскомъ монастырѣ 15 іюля 1742 г. Автографъ въ библіотекѣ московской академіи № 243: «Богословіе положительное и полемическое, преподанное въ московской академіи Кирилломъ Флоринскимъ», на латинскомъ языкѣ; по отзыву преосв. Филарета «наука отца Кирилла далеко выше науки Лопатинскаго, какъ по систематической стройности, такъ и по меньшей схоластичности въ рѣшеніи вопросовъ».

Филаретъ, «Обзоръ», стр. 309—311; Смирновъ, «Исторія москов. акад.», 198, 202; «Исторія троицкой сем.»; дѣла архива св. синода: 1736 г. № 292; 1737 г. № 279; 1738 г. № 446; 1744 г. № 212) — Этотъ Кириллъ Флоринскій не имѣетъ ничего общаго съ еп. сѣвскимъ Кирилломъ Флоринскимъ, который, въ свою очередь не былъ вовсе писателемъ.

Кириллъ (*Флоринскій* или *Фліоринскій*), епископъ сѣвскій и брянскій, род. въ 1729 г. (по другому показанію въ 1727 г.), ум. 24 сентября 1795 г. Былъ сынъ казака переяславскаго уѣзда. Учился сначала въ Кіевской духовной академіи; въ 1754 г. былъ взятъ въ пѣвчіе ко двору императрицы, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и нѣкоторое время посѣщалъ лекціи физики въ Академіи Наукъ. Въ 1756 г. митрополитомъ новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ постриженъ въ монашество и отправленъ учителемъ въ Новгородскую семинарію. Въ 1760 г. отправленъ былъ для служенія въ посольской церкви въ

Парижѣ, но тамъ не ужился и вскорѣ возвратился въ Россію; въ 1764 г. былъ сдѣланъ архимандритомъ Борисоглѣбскаго новоторжскаго монастыря и въ бытность императрицы Екатерины II въ Москвѣ въ 1766—1767 г. обратилъ на себя вниманіе какъ проповѣдникъ; 13 января 1768 г. былъ хиротонисанъ въ санъ епископа сѣвскаго и брянскаго, викарія московской епархіи. Епископъ Кириллъ имѣлъ живой умъ, выдающуюся память и умѣлъ заслужить уваженіе такихъ лицъ, какъ И. И. Бецкій и кн. Д. М. Голицынъ. Но дѣятельность его какъ епископа отмѣчена по преимуществу печальными, несимпатичными чертами. Начавши дѣятельно борьбу съ различными суевѣрными и грубыми обычаями, онъ быстро сталъ примѣнять въ этой борьбѣ пріемы столь рѣшительные и самовластные, что они никоимъ образомъ не могутъ быть одобрены. Особенно рѣзкія столкновенія происходили у него съ раскольниками; не рѣдко возникали ссоры и съ представителями свѣтской власти. Его келейникъ, извѣстный мемуаристъ Добрынинъ, оставилъ намъ чрезвычайно живое описаніе его личности и всего его образа жизни; называя его человѣкомъ чрезвычайно пріятнымъ въ состояніи совершенно покойномъ, Добрынинъ прибавляетъ, однако, что въ такомъ состояніи его бывалъ едва ли нѣсколько часовъ въ годъ; повидимому, его сразила какая то нервная болѣзнь. Наконецъ, по доносамъ нѣкоторыхъ лицъ, Синодъ обратилъ вниманіе на поведеніе Кирилла, затребовалъ отъ него отвѣта, и когда отвѣта не послѣдовало, прислалъ въ 1773 г. спеціальную комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ для разбора жалобъ. Митрополитъ Самуилъ предлагалъ Кириллу самому проситься на покой, обѣщая, что тогда ему устроитъ почетное положеніе, но Кириллъ отказался; тогда 26 апрѣля 1778 г. онъ былъ уволенъ на покой въ Кіево-златоверхій монастырь, съ пенсіею, но безъ подчиненія ему монастыря.

Дѣло синод. архива, 1756 г., № 383; Добрынинъ, «Истинное повѣствованіе»; «Рус. Старина», т. XV, 454—457, 675; т. XVI, 709—712.

Кириллъ (*Шумлянскій*), послѣдній луцкій православный епископъ, сынъ луцкаго епископа Аѳанасія Шумлянскаго, въ 1711 г. избранъ волынскимъ дворянствомъ въ санъ епископа луцкаго; вопреки ожиданіямъ польскаго правительства, принялъ посвященіе въ епископскій санъ въ Кіевѣ отъ православнаго митрополита; 17 октября 1711 г. король, по настоянію уніатскаго митрополита Георгія Винницкаго, издалъ универсалъ, лишавшій Кирилла его сана; Кириллъ удалился въ Кіевъ (1712); Петръ I (1714 г.) ходатайствовалъ за него безуспѣшно передъ королемъ; митрополитъ сдѣлалъ его въ Кіевѣ своимъ коадъюторомъ—епископомъ переяславскимъ; умеръ 30 ноября 1726 г.

Чистовичъ, «Ист. запад.-рус. церкви». Дѣла архива Св. Синода, 1726 г., № 135 и 1727 г., № 88.

Кириллъ, епископъ ростовскій, занималъ каѳедру въ 1216—1229 г., когда по болѣзни оставилъ ее, постригшись въ схиму съ именемъ Киріака; ум. 17 апрѣля 1230 г.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщ.», 1890, № 5, 90—91.

Кириллъ I, митрополитъ кіевскій, ум. въ 1233 г.; занялъ митрополію въ 1224 г.; по довольно достовѣрнымъ извѣстіямъ онъ пришелъ на Русь изъ Греціи, изъ Никеи; по отзыву лѣтописи былъ «учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ»; пользовался уваженіемъ между князьями и нѣсколько разъ успѣвалъ примирять враждующихъ, готовыхъ вступить въ борьбу, князей.

Макарій, «Истор. рус. церкви», III, 15; Карамзинъ III, 151, 155, 157.

Кириллъ, печатникъ Даніила Романовича галицкаго. Въ 1241 г. въ Галицко-волынской области, разоренной татарами, стали распоряжаться всѣмъ, за отсутствіемъ князей, бояре; князья Даніилъ и Василько Романовичи по прибытіи въ свое княжество отправили Кирилла въ Бакоту «писати грабительства нечестивыхъ бояръ». Въ это время на Бакоту напалъ Ростиславъ Михайловичъ съ Болоховскими князьями. Послѣ битвъ передъ воротами города Ростиславъ вступилъ было въ переговоры, но они тянулись безъ результата; тогда Кириллъ вышелъ противъ него и заставилъ его отступить. Такимъ образомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, «мудростью и кротостью» онъ удержалъ Бакоту за Даніиломъ и Василькомъ. Затѣмъ Кириллъ принялъ участіе въ войнѣ, когда Даніилъ ходилъ на князей Болоховскихъ.

Полн. Собр. р. лѣт. II, 179—180.

А. Э.

Кириллъ 2-й, епископъ ростовскій, правилъ епархіею съ 1230 г. почти по день кончины, ум. 21 мая 1262 г., въ

глубокой старости. Во время нашествія татаръ онъ укрылся на Бѣлоозерѣ; возвращаясь оттуда онъ нашелъ тѣло вел. кн. Юрія Всеволодовича, погибшаго при Сити и похоронилъ его. Продолжительная пастырская дѣятельность Кирилла въ тяжелую эпоху первыхъ лѣтъ татарщины была очень плодотворна; онъ возстановилъ многія церкви; устроилъ бытъ духовенства, примирялъ неоднократно князей. До прибытія во Владиміръ митрополита Кирилла, Кириллъ ростовскій въ теченіи приблизительно десяти лѣтъ одинъ управлялъ всѣми епархіями сѣверо-восточной Руси.

«Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщ.», 1890, май—іюль, 91—93.

Кириллъ II, митрополитъ кіевскій, ум. 9 ноября 1280 г. Каѳедру митрополіи кіевской онъ занялъ въ 1240 г., послѣ страшнаго разгрома, нанесеннаго Руси татарами; гдѣ и въ какомъ званіи дѣйствовалъ онъ прежде, совершенно неизвѣстно; извѣстно только, что санъ этотъ онъ принялъ по желанію Даніила, князя галицкаго, который отстранилъ отъ митрополіи епископа угровскаго Іоасафа, пытавшагося самовольно занять каѳедру. Въ 1246 г. Даніилъ, получивъ утвержденіе хана въ своей княжеской власти, отправилъ Кирилла въ Царьградъ для утвержденія его патріархомъ. Путешествіе Кирилла продлилось довольно долго; изъ Венгріи онъ, по настоятельному желанію короля Белы, вернулся къ князю Даніилу и устроилъ миръ между нимъ и Белою; послѣ этого онъ отправился въ Никею, гдѣ находился тогда патріархъ Мануилъ II. Когда онъ вернулся въ Русь—неизвѣстно; въ лѣтописи онъ упоминается снова только въ 1250 г., по случаю поѣздки его въ Черниговъ, Рязань и суздальскую землю. Южная Русь была такъ страшно раззорена татарами, что митрополитъ не нашелъ удобнымъ поселиться ни въ какомъ изъ ея городовъ; не поселился онъ и въ землѣ Галицкой, вѣроятно вслѣдствіе того, что это слишкомъ отдалило бы его отъ Руси сѣверной. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ избралъ Владиміръ, гдѣ и жилъ преимущественно, сохраняя, однако, титулъ митрополита кіевскаго. Около 27 л. прожилъ онъ во Владимірѣ, совершая временами поѣздки въ Кіевъ, Новгородъ и другіе города. Онъ ревностно старался устроить паству послѣ всѣхъ ужасовъ татарскаго погрома; лѣтописи говорятъ, что онъ, «проходя грады и веси по обычаю своему учаше, наказуяше, исправляше». Митрополитъ Кириллъ дѣйствовалъ во всемъ согласно съ вел. кн. Александромъ Ярославичемъ Невскимъ и въ его духѣ; въ 1266 г., между прочимъ, онъ сопровождалъ до Копорья великаго князя въ его походѣ съ новгородцами на Финляндію; ему удалось заслужить у татаръ довѣріе и съ этого же времени начинается покровительственное отношеніе завоевателей Руси къ русскому духовенству; въ дошедшемъ до насъ ярлыкѣ хана Менгу Темира, данномъ Кириллу въ 1267 г., упоминается, что уже и ранѣе даны были ему подобныя же грамоты; уже въ 1261 г. Кириллъ успѣлъ испросить у хана позволеніе основать православную епархію въ Сараѣ, гдѣ постоянно жило множество русскихъ людей; епископомъ туда былъ поставленъ Митрофанъ. Въ 1274 г. Кириллъ поставилъ во Владимірѣ особаго епископа Серапіона, знаменитаго своими проповѣдями, а самъ переѣхалъ въ Кіевъ; на соборѣ русскихъ епископовъ, собравшихся для установленія новой епископской владимірской каѳедры, было составлено правило, въ которомъ духовенству и мірянамъ даны были наставленія по многимъ вопросамъ нравственности и церковнаго благоустройства.—Митрополитъ Кириллъ своею неутомимою дѣятельностью на благоустройство русскаго общества въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ въ его исторіи, заслужилъ глубокое уваженіе всѣхъ современниковъ; Карамзинъ говоритъ, что едва ли какой другой митрополитъ превосходилъ Кирилла пастырскими добродѣтелями. Скончался онъ въ Переяславлѣ суздальскомъ; тѣло его перевезено было въ Кіевъ и погребено въ Софійскомъ соборѣ.

Макарій, «Ист. рус. церкви»; IV, 7—13; 305—306; Карамзинъ, IV, 26, 43—47, 56, 94, 95»; «Прибав. къ твореніямъ св. отц.», 1843, I, 414—432; тутъ напечатано и «посланіе соборное»; «Владим. епарх. вѣдом.», 1867, № 22.

Кириллъ, 6-й епископъ рязанскій, упоминается съ 1295 по 1334 г.; можетъ быть, что лѣтописи говорятъ тутъ о разныхъ лицахъ, носившихъ одно и тоже имя.

Филаретъ, «Рязанская іерархія».

Кириллъ, митрополитъ московскій и всей Россіи. Съ 1566 года Кириллъ былъ архимандритомъ Троицы-Сергіева монастыря. 11 ноября 1568 года хиротонисанъ

въ московскіе митрополиты на мѣсто св. Филиппа. При немъ лютость царя Іоанна Грознаго достигла крайнихъ предѣловъ: цѣлые города грабились и опустошались. Въ 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ Гирей сжегъ Москву; митрополитъ Кириллъ спасся въ Московскомъ успенскомъ соборѣ. По ходатайству его Іоаннъ простилъ князя Мстиславича, обвиняемаго въ томъ, что онъ привелъ татаръ въ Москву. Скончался 8 февраля 1572 года и погребенъ въ Новинскомъ монастырѣ.

«Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщ.», 1894 г. № 9. *Здр.*

Кириллъ, игумень, основатель астраханскаго Троицкаго монастыря, ум. въ 1576 году. Вскорѣ по присоединеніи Астрахани къ московскому государству, первый воевода астраханскій, кн. Серебряный-Оболенскій, просилъ Іоанна IV прислать въ Астрахань «человѣка святаго — монаха, чтобы онъ училъ добру и въ крещеную вѣру загонялъ, какъ разумъ достанетъ». Іоаннъ IV послалъ игумена Кирилла. Прибывши въ Астрахань, Кириллъ ревностно занялся устроеніемъ церкви и распространеніемъ христіанства въ новозавоеванномъ краѣ, причемъ своею кротостію пріобрѣлъ уваженіе даже среди магометанъ настолько прочное, что память о немъ сохраняется до сего времени. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Астрахани, Кириллъ основалъ монастырь, Троицкая церковь котораго освящена уже въ 1576 г., въ годъ кончины Кирилла. Назначая Кирилла въ Астрахань, Грозный, грамотою отъ 12 февраля 1567 года пожаловалъ ему на пропитаніе его и братіи учугъ Иванчугскій. Могила Кирилла почитается священною въ настоящее время и на ней отправляются дозволенныя въ подобныхъ случаяхъ священнослуженія.

«Астраханскія епархіальныя вѣдомости» 1877 г., №№ 47 и 50.

Кириллъ, архимандритъ курковскаго монастыря, род. въ 1760 или 1764 г., ум. 23 марта 1825 г.—По однимъ свѣдѣніямъ грекъ, свѣтскаго званія, по другимъ, болѣе вѣроятнымъ, молдаванинъ, сынъ священника—дворянина, родился въ Адріанополѣ. Въ ранніе годы его жизни его родители переселились сначала въ Валахію, потомъ въ Молдавію. Здѣсь онъ получилъ образованіе, учился «молдавской и греческой грамотѣ» въ «греческой школѣ». Въ малолѣтствѣ оставшись сиротой, былъ взятъ молдавскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Калимахомъ на свое попеченіе и 16 апрѣля 1778 г. постриженъ въ рясофоръ въ монастырѣ Рышкѣ. 10 марта 1783 г. гушскимъ епископомъ Іаковомъ посвященъ въ іеродіакона. 20 сентября 1788 г. посвященъ во іеромонаха. 25 августа 1792 г. митрополитомъ Іаковомъ назначенъ игуменомъ молдавскаго Слатинскаго монастыря (или «Пангарацъ»). За два года управленія этимъ монастыремъ Кириллъ обстроилъ его и вообще привелъ въ прекрасное съ внѣшней стороны состояніе. Въ 1794 г. переведенъ архимандритомъ въ монастырь «Рышку». Когда на мѣсто Іакова вступилъ на митрополію Веніаминъ, Кириллъ подвергся съ его стороны гоненію, уволился въ 1805 г. отъ управленіе монастыремъ и оставался въ продолженіе пяти лѣтъ безъ должности. Когда русскія войска заняли Молдавію и духовнымъ ея правителемъ былъ назначенъ митрополитъ Гавріилъ (Бадони-Банулеско), въ званіи экзарха Св. Синода (съ 27 марта 1808 г.), Кириллъ былъ вызванъ въ ясскую митрополію и опредѣленъ первоприсутствующимъ ясской консисторіи, настоятелемъ училищнаго монастыря «Соколы» и намѣстникомъ митрополіи. Тогда же Кириллъ получилъ благословенія отъ митрополита употреблять при богослуженіи митру и архимандричій посохъ. По ходатайству главнокомандующаго дунайскою арміей графа Каменскаго 2-го, получилъ 31 іюля 1810 г. золотой наперсный крестъ. Въ 1811 г. переведенъ настоятелемъ галатскаго монастыря «Преклоненнаго Гробу Господню»; въ этой должности состоялъ до 12 октября 1812 г., до выхода россійскихъ войскъ изъ Молдавіи, послѣ чего, оставивъ всѣ должности, удалился въ монастырь «Рышку», гдѣ имѣлъ собственную келлію. Возстановленный послѣ этого въ своихъ правахъ молдавскій митрополитъ Веніаминъ поднялъ жестокое гоненіе противъ духовныхъ молдаванъ, которые «подъ россійскимъ правленіемъ» занимали разныя должности. Кириллу онъ приказалъ переселиться въ Нямецкій монастырь. Но когда Кириллъ отказался повиноваться, осудилъ его на безысходное пребываніе въ Секульскомъ монастырѣ. Тогда Кириллъ явился въ Яссы искать справедливости предъ судомъ, но здѣсь самъ подпалъ суду враждебно настроенныхъ про-

тивъ Россіи греческихъ монаховъ, которые привлекли къ суду всѣхъ монастырскихъ начальниковъ, поставленныхъ русскою властію во время пребыванія русскихъ войскъ въ Молдавіи, взводя на нихъ обвиненіе въ растратѣ и расхищеніи церковныхъ имуществъ. Это обвиненіе однако нисколько не подтвердилось на судѣ и обвиняемые были освобождены. Послѣ этого Кириллъ вышелъ въ Россію, въ августѣ 1813 г. явился въ Кишиневъ къ своему покровителю, преосвященному Гавріилу Бадони, съ 21 марта 1813 г. состоявшему митрополитомъ кишеневскимъ, здѣсь принялъ присягу на русское подданство и былъ опредѣленъ настоятелемъ Курковскаго монастыря. По высочайшему рескрипту 4 мая 1818 г., получилъ орденъ св. Анны 2-й степени и 400 рублей ежегодной пенсіи за приверженность и услуги Россіи. 7 января 1821 г. оставилъ настоятельство въ монастырѣ и до кончины проживалъ въ кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ.

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1813 г. № 629; 1825 г. №№ 492 и 1230. *С. Г. Р.*

Кириллъ, архимандритъ единовѣрческаго корсунскаго монастыря. Род. въ 1764 г., ум. 6 сентября 1826 г. Изъ числа братіи единовѣрческаго корсунскаго монастыря избранъ по жребію въ настоятели монастыря. По представленію преосвященнаго екатеринославскаго Платона, утвержденъ Св. Синодомъ въ должности настоятеля съ возведеніемъ въ санъ игумена 19 апрѣля 1809 г. Въ виду его особенныхъ заслугъ по устройству монастыря и привлеченію раскольниковъ къ единовѣрію, съ высочайшаго соизволенія, возведенъ въ санъ архимандрита по опредѣленію Св. Синода 2 декабря 1812 г., что являлось особымъ отличіемъ, такъ какъ Корсунскій монастырь былъ не штатный, а въ такихъ монастыряхъ архимандритамъ быть не положено .

Архивъ Св. Синода, дѣла: 1809 г., № 76; 1811 г. № 409; 1812 г. № 595; 1826 г. № 378.

С. Г. Р.

Кириллъ, іеромонахъ тихвинскаго Богородскаго монастыря. Изъ духовнаго званія, род. въ 1815 г., ум. послѣ 1856 г., обучался въ александровскомъ духовномъ училищѣ. 22 сентября 1836 г. вступилъ послушникомъ въ староладожскій Николаевскій монастырь; 18 декабря 1845 г., перемѣщенъ въ новгородскій Хутынъ монастырь, гдѣ принялъ монашество и рукоположенъ во іеродіакона 21 іюля 1846 г. Въ 1848 г. 25 іюля, рукоположенъ во іеромонаха. Съ 1853 года служилъ во флотѣ. 15 апрѣля 1855 г. снова откомандированъ во флотъ на корабль «Іезекіиль». Во время бомбардированія 28 и 29 іюля 1855 г. непріятельскимъ флотомъ крѣпости Свеаборга, Кириллъ на «Іезекіилѣ» служилъ молебны и во время самой сильной перестрѣлки, съ крестомъ и св. водою постоянно обходилъ всѣ палубы, воодушевляя матросовъ.

Архивъ Св. Синода, дѣло 1855 г. № 3480.

С. Г. Р.

Кириловъ, *Дмитрій Кириловичъ*, род. въ 1837 г., ум. 18 іюня 1877 г. Окончилъ въ 1855 г. курсъ въ 3-й московской гимназіи по реальному отдѣленію, затѣмъ выдержалъ экзаменъ изъ латинскаго языка и поступилъ въ Московскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. По окончаніи курса и выдержаніи магистерскаго экзамена онъ былъ утвержденъ въ 1864 г. и. д. адъюнкта по каѳедрѣ химіи. Онъ пріобрѣлъ очень обширныя теоретическія свѣдѣнія, лекціи его, а особенно возраженія на нѣкоторыхъ диспутахъ, обнаруживали его обширную начитанность. Чрезвычайная требовательность къ самому себѣ и неувѣренность въ себѣ препятствовали Кирилову много печатать, изданы лишь его магистерская диссертація «Изслѣдованія надъ титаномъ», веществомъ рѣдкимъ и способы полученія котораго въ химически чистомъ видѣ еще ему самому пришлось установить.

«Отчетъ московскаго университета» за 1878 г. 11—13.

Кириловъ, *Иванъ Кириловичъ*, оберъ-секретарь сената, географъ и статистикъ, ум. 14 апрѣля 1737 г. Будучи незнатнаго происхожденія, Кириловъ началъ службу въ канцеляріи сената съ низшихъ чиновъ; въ 1719 г. онъ былъ уже сенатскимъ секретаремъ. Въ маѣ 1727 г. Бибиковъ настаивалъ на назначеніи Кирилова совѣтникомъ Ревизіонъ-коллегіи въ числѣ другихъ «къ такимъ дѣламъ искусныхъ людей»; вмѣсто того Кирилову были поручены обязанности секретаря въ коммисіи о коммерціи, а въ слѣдующемъ году онъ былъ сдѣланъ оберъ-секретаремъ сената. — По свидѣтельству Рычкова, Кириловъ былъ «великій рачитель и любитель наукъ,.. не жалѣвшій при томъ никакого своего труда и иждивенія». Его любовь къ просвѣщенію видна и изъ

его переписки съ академиками Шумахеромъ, Делилемъ и съ барономъ Корфомъ, но картографія была его страстью. По собственной иниціативѣ Кириловъ задумалъ составить атласъ изъ присылаемыхъ въ сенатъ геодезистами картъ и испросилъ у сената позволеніе издать его на собственный счетъ. Въ 1728 г. по его настоянію отправлена была вторая партія геодезистовъ, для расширенія поля работъ геодезистовъ 1720 г. Кириловъ успѣлъ издать въ 1726—1734 только первую часть задуманнаго труда, подъ латинскимъ названіемъ Atlas imperii russici. По его плану атласъ долженъ былъ состоять изъ 360 картъ, но ему удалось издать только одну генеральную карту Россіи и 14 спеціальныхъ, а именно губерніи выборгскую (1726), ингерманландскую (1727), уѣзды кексгольмскій, олонецкій, каргопольскій, бѣлозерскій, арзамасскій, губ. пермскую (1731), лифляндскую (1732), свв. и ю. часть тобольской, и карту границы съ Китаемъ. Въ числѣ спеціальныхъ картъ было нѣсколько очень хорошихъ, особенно первая, снятая геодезистомъ Як. Клешнинымъ и гравированная П. Пикаромъ. Общая же карта была слишкомъ скудна по содержанію, вмѣщала въ себѣ лишь обозначенія провинцій съ главными городами и недостаточно точна даже по тогдашнимъ свѣдѣніямъ. Характерною особенностью ея былъ счетъ меридіановъ отъ меридіана остр. Даго (Дагданъ). Въ предисловіи Кириловъ самъ не скрывалъ неполноты и неточности своего атласа. Къ составленію его онъ былъ приведенъ живо чувствовавшейся имъ крайней потребностью времени. Атласъ этотъ былъ въ ходу около полустолѣтія; еще императрица Екатерина II въ началѣ царствованія купила для сената Кириловскій атласъ.—На поприщѣ картографіи Кириловъ столкнулся съ акад. Делилемъ; правда, онъ составилъ для него реестры картамъ, реестры городамъ и «краткое истолкованіе» русскихъ географическихъ терминовъ, велъ съ нимъ переписку и снабжалъ картами, но дѣло не обошлось безъ нѣкоторой ревности къ общей работѣ со стороны Кирилова. Въ 1732 г. онъ не далъ хода прекрасному проекту Делиля объ учрежденіи географическаго бюро. Въ 1735 г. Кириловъ представилъ докладъ «о приведеніи въ совершенное исправленіе россійской генеральной и партикулярныхъ ландкартъ», гдѣ, возражая противъ Делиля, доказывалъ, что астрономическія обсерваціи затянутъ изданіе атласа и предлагалъ сдѣлать сначала болѣе точныя геодезическія съемки рѣкъ и дорогъ. Такимъ образомъ, и уѣхавъ изъ Петербурга, Кириловъ не оставлялъ заботы объ атласѣ; въ 1734 онъ испросилъ себѣ указъ «имѣть свободную корреспонденцію съ геодезистами и Академіей Наукъ». Находясь въ Уфѣ, онъ принималъ живое участіе въ составленіи карты р. Яика (1735).

Кромѣ географіи, Кириловъ занялся и русской статистикой. Въ февралѣ 1727 г. онъ составилъ книгу «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое зачалъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій...», остававшуюся неизданной до 1831 г. Въ 1-й части описаны губерніи центральныя и западной окраины, во второй—губерніи окраинъ восточной и сѣверной. Сочиненіе это было сводомъ оффиціальныхъ свѣдѣній, имѣвшихся въ сенатѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ. Въ немъ помѣщены штаты присутственныхъ мѣстъ, росписи штата войска и флота, роспись государственныхъ приходовъ и расходовъ, свѣдѣніе о городахъ, епархіяхъ, монастыряхъ, церквахъ, школахъ, госпиталяхъ, о заводахъ и фабрикахъ, а также элементарныя свѣдѣнія объ инородцахъ и историческія замѣтки о построеніи городовъ и о завоеваніи Сибири (по «Степенной книгѣ» и «Сибирской исторіи» 1637 г.). Понимая недостатки своего труда, Кириловъ въ предисловіи настаивалъ на необходимости собранія болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній.

Въ началѣ 1734 г. Кириловъ подалъ въ Кабинетъ составленное имъ обширное «изъясненіе о киргизъ-кайсацкой и каракалпацкой ордахъ». Каракалпаки только что подчинились Россіи (1733), а киргизъ-кайсацкая орда просила о принятіи ея въ подданство. Въ виду этого, Кириловъ, указывая на пользу закрѣпленія за Россіей этой восточной окраины, предлагалъ построить на р. Ори городъ, который, говорилъ онъ въ проектѣ, «весьма нуженъ, не только для одного содержанія въ подданствѣ киргизовъ», и «для закрытія за собой Башкиріи», но и «для отворенія свободнаго съ товарами пути въ Бухары, въ Водокшанъ, въ Балхъ и въ Индію». Кромѣ Оренбурга Кириловъ предлагалъ также по-

строить пристань на Аральскомъ морѣ и указывалъ на возможность подчиненія «разсыпанныхъ Бухарскихъ владѣній». Проектъ этотъ, благодаря поддержкѣ гр. А. П. Бестужева-Рюмина, былъ утвержденъ императрицей 1 мая 1734, и исполненіе его поручено было автору, вмѣстѣ съ полковникомъ Тевкелевымъ; 18 мая Кирилову пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, награда въ 3000 р. и дана была обширная инструкція изъ 41 пункта. Въ экспедицію съ Кириловымъ отправились инженеры, моряки для порта на Аральскомъ морѣ, геодезисты, канцеляристы, кадеты, артиллеристы; въ его распоряженіе отданы были два пѣхотныхъ полка (Пензенскій и Вологодскій), казаки, дворянское ополченіе. Прибывъ въ Уфу, Кириловъ составилъ интересную подробную записку о бытѣ башкиръ и состояніи башкирскаго края. Увлеченный своимъ проектомъ, онъ не хотѣлъ вѣрить извѣстіямъ о начавшемся возстаніи башкиръ и опровергалъ ихъ въ своихъ донесеніяхъ. Въ апрѣлѣ 1735 г. онъ двинулся за р. Бѣлую, составляя планы о покореніи Ташкента и Туркестана и собирая свѣдѣнія о торговлѣ съ Индіей. Не безъ потерь отъ башкирскихъ нападеній Кириловъ достигъ устья р. Орп, и 15 августа 1735 г. заложилъ гор. Оренбургъ, причемъ послалъ императрицѣ поздравленіе съ пріобрѣтеніемъ Новой Россіи. Между тѣмъ для усмиреніе башкирскаго бунта отправленъ былъ А. И. Румянцевъ и экспедиція Кирилова была ему подчинена. На совѣщаніи въ Мензелинскѣ, въ декабрѣ 1735 г. Румянцевъ съ Кириловымъ выработали проектъ окончательнаго усмиренія башкирцевъ и Кириловъ отправился съ этимъ проектомъ въ Петербургъ. Благодаря его настояніямъ, въ Петербургѣ одержало верхъ мнѣніе о необходимости энергичнаго подавленія башкирскаго бунта. Въ мартѣ 1736 г. Кириловъ вышелъ на ногайскую дорогу и одновременно съ Румянцевымъ и Татищевымъ началъ съ разныхъ сторонъ тѣснить и истреблять башкирцевъ. Опираясь на успѣшныя дѣйствія противъ башкиръ, онъ продолжалъ настаивать на построеніи 45 городковъ отъ Оренбурга до Аральскаго моря и мечталъ объ «объявленіи полезной коммерціи на всю полуденную Азію». Къ началу 1737 г. возстаніе было до нѣкоторой степени подавлено. Кириловъ населилъ нѣсколько городковъ, началъ строить мѣдный и желѣзный заводы при гор. Тобольскѣ и на р. Икѣ, и въ это болѣе спокойное время умеръ отъ чахотки 14 апрѣля 1737 г. въ гор. Самарѣ, гдѣ и похороненъ въ церкви св. Николая Чудотворца. По своей энергіи и по увлеченію своему разными практически полезными предпріятіями и работами Кириловъ является однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и замѣчательныхъ дѣятелей, выдвинувшихся въ эпоху Петра Великаго.

Рычковъ, «Оренбургская ист.» въ «Сочин. и перев. на 1759 г.»; Миллеръ, «Опись росс. ландкартъ», ibid. 1761 ч. 2; Н. Поповъ, «Татищевъ и его время» с. 175—181; К. Свенске, «Мат. для ист. сост. атласа Росс. Имп. 1745 г.», въ прилож. № 2 къ IX т. Зап. Имп. Акад. Наукъ с. 23—27 и прилож.; Соловьевъ, «Ист. Россіи», т. XIX с. 322—338 (изд. 1869); Бестужевъ-Рюминъ, «Біогр. и характер.», с. 38, 39, 245»; П. Пекарскій, «Жизнь и лит. перен. П. Рычкова», с. 7—9, 165. Полн. Собр. Зак. т. IX №№ 6571. 6576, 6584 Сборн. Имп. Ист. Об. т. XI с. 393. т. LXIII с. 527, 606 «Цвѣт. сост. Росс. Госуд.» 2 ч. М. 1831 изд. Погодинъ (по списку Голикова)»; Митр. Евгеній, «Словарь» т. I; Геннади, «Словарь» т. II, 134. «Русск. Архивъ» ч. 3, с. 480.

Н. П.-С.

Киричинскій, *Іоаннъ*, протоіерей холмской епархіи, сынъ мѣщанина. Род. 25 августа 1825 г. въ городѣ Збаражѣ въ Галиціи, ум. 4 февраля 1891 г. Обучался въ Збаражскомъ училищѣ, въ Тарнопольской гимназіи и въ Львовскомъ университетѣ. Въ 1853 г. Киричинскій рукоположенъ во священника и служилъ въ Галиціи. Сочувствуя возсоединенію уніатовъ съ православною церковью, онъ переселился въ холмскую епархію и 27 апрѣля 1874 года опредѣленъ настоятелемъ селецкаго прихода; въ 1883 году произведенъ въ санъ протоіерея. Былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей по возсоединенію; въ его епархіи совращеній въ католичество не было, а присоединенныхъ къ православію было много.

«Холм. Варш. епарх. вѣдом.», 1891 г. № 6; «Церк. Вѣдом.», 1891 г. № 13.

Здр.

Кіріакова, *Анастасія Яковлевна* (рожденная Марченко), ум. въ 1880 г. Довольно плодовитая писательница, помѣщала свои повѣсти, разсказы, стихотворенія подъ буквами Т. Ч. или подъ псевдонимомъ Темризовъ, съ 1848 г. въ «Сѣверномъ Обозрѣніи», «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Русскомъ Инвалидѣ», «Пантеонѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ»; автобіографическія записки ея переданы были не-

задолго до смерти въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Кн. Голицынъ, «Библіограф. словарь русскихъ писательницъ».

Кириакъ, преподобный, почитаемый основателемъ Сырьинской или Сильинской Успенской Воздвиженской пустыни, архангельской губерніи. Обстоятельства жизни преп. Кириака неизвѣстны. Скончался онъ въ 1402 г. Мощи его подъ спудомъ въ приходской Успенской церкви; память чтится 28 апрѣля.

Звѣринскій «Матеріалы», т. III, № 2178.

Кириякъ, *Тимофей Прокофьевичъ*, ум. послѣ 1802 г.; воспитывался въ академической гимназіи; съ семидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка онъ является довольно плодовитымъ переводчикомъ: онъ перевелъ Фенелона «Приключенія Аристоновы» (1775), «Игра счастія» (1778), сочиненія Фридриха II (1789—1791), 8 частей, и его же «Исторія моего времени», 2 части; онъ же перевелъ составленныя Штелиномъ «Достопамятныя и любопытныя сказанія о Петрѣ Великомъ». Въ 1799 г. Кириякъ издалъ «Краткую россійскую исторію для народныхъ училищъ», выдержавшую въ теченіи 28 лѣтъ 9 изданій; былъ инспекторомъ въ Смольномъ институтѣ. Любопытное письмо его о знаменитомъ потемкинскомъ праздникѣ 1791 г. напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1868, 673—694.

Геннади, «Словарь», II, 135, 391.

Киркоръ, *Адамъ-Гонорій Карловичъ*, археологъ, род. въ 1812 г. въ могилевской губерніи въ м. Сливинѣ, ум. 12 ноября 1886 г. Сынъ мелкаго землевладѣльца. Образованіе получилъ въ могилевской гимназіи, а потомъ въ виленскомъ дворянскомъ институтѣ и въ концѣ 30-хъ годовъ поступилъ секретаремъ въ виленское губернское правленіе. Онъ вскорѣ близко сошелся съ М. Гомолицкимъ, медикомъ по профессіи, но большимъ любителемъ и знатокомъ древностей вообще, а древностей и исторіи г. Вильны въ особенности. Подъ его вліяніемъ Киркоръ занялся археологіей, раскопалъ систематически болѣе тысячи кургановъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, изслѣдовалъ и описалъ много урочищъ и городищъ. Въ 1843 г. онъ издалъ сборникъ на польскомъ языкѣ подъ названіемъ «Radegastъ», посвященный мѣстной исторіи; въ 1845—1846 г. онъ издалъ три выпуска сборника «Pamietniki i myslowe»; и то и другое изданія не пошли—такъ не высоки были еще научные интересы въ краѣ. Вскорѣ Киркоръ былъ избранъ членомъ губернскаго статистическаго комитета и въ 1850—1854 г. онъ редактировалъ «Памятную книжку виленской губерніи», въ которой помѣстилъ нѣсколько своихъ статей. Въ 1854 г. совмѣстно съ П. Кукольникомъ Киркоръ издалъ книгу «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа», драгоцѣнную для литовской этнографіи. Въ то же время Киркоръ напечаталъ нѣсколько статей въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ», въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» и въ «Запискахъ» Московскаго археологическаго общества. Матеріалъ для послѣднихъ Киркору доставили обширныя раскопки, произведенныя гр. Евст. Тышкевичемъ при его ближайшемъ участіи. Въ 1855 г. учрежденъ было въ Вильнѣ музей древностей и археологическая комиссія при немъ; Киркоръ былъ назначенъ «консерваторомъ», и много содѣйствовалъ быстрому обогащенію музея коллекціями и хорошему его устройству. Разныя статьи и замѣтки Киркоръ не переставалъ помѣщать въ трудахъ Русскаго археологическаго общества, а на ряду съ этими статьями, привлекавшими вниманіе спеціалистовъ, онъ постоянно стремился привлечь вниманіе публики къ свѣдѣніямъ по исторіи и древностямъ края и для этого издалъ нѣсколько путеводителей по Вильнѣ и ея окрестностямъ, сообщая въ этихъ книгахъ въ легкой формѣ строго провѣренныя научныя данныя.

Рядомъ съ занятіями археологіей Киркоръ занимался и этнографическимъ изученіемъ края. Особенно цѣнна статья его «Этнографическій взглядъ на виленскую губернію», (Вѣстникъ Имп. Русс. Геогр. Общ. 1857—1858 г.) по программѣ Географическаго общества; долгое время этотъ очеркъ служилъ самою лучшею работою въ своей области.

Съ 1857 по 1866 г. Киркоръ предпринималъ нѣсколько мѣстныхъ изданій; насколько хорошо умѣлъ онъ понять интересы мѣстной публики, видно изъ того, что число подписчиковъ одного изъ его изданій поднялось съ 400 до 3000. Въ 1866 г. онъ переселился изъ Вильны въ Петербургъ и съ 1867 по 1871 г. издавалъ здѣсь газету «Новое Время»; онъ встрѣченъ былъ очень подозрительно въ той части русской прессы,

которая отстаивала преимущественно русскіе интересы въ западномъ краѣ и интересы тамъ крестьянскаго сословія. Въ 1871 г. онъ уѣхалъ въ Краковъ, и въ значительной степени бѣдствовалъ, не имѣя никакихъ постоянныхъ средствъ къ жизни и принужденный добывать ихъ литературнымъ трудомъ. Въ 1882 г. въ изданіи Вольфа «Живописная Россія» помѣщена была обширная монографія Киркора о Литвѣ и Бѣлоруссіи; она отличается прекраснымъ изложеніемъ и обширнымъ, хорошо разработаннымъ матеріаломъ; но освѣщеніе отношеній разныхъ народностей въ Литвѣ и Бѣлоруссіи можетъ въ значительной степени вызывать критику. Среди постоянныхъ трудовъ по археологіи Галиціи, Киркоръ скончался 12 ноября 1886 г. въ Краковѣ. — Не отличаясь выдающимися талантами, Киркоръ обладалъ искреннѣйшею любовью къ знанію и ученой работѣ и выдающеюся энергіею и трудолюбіемъ; благодаря этому онъ сдѣлалъ чрезвычайно много для изученія археологіи и этнографіи Литвы, разработкѣ которыхъ онъ посвятилъ свои силы.

Статья Янчука «А. К. Киркоръ», въ XII т. «Древностей» Моск. археол. общ., 1888, 79—107; тутъ и полный списокъ статей Киркора.

Кирпичевъ, *Левъ Львовичъ*, генералъ-маіоръ, профессоръ Артиллерійской академіи, род. 10 іюля 1840 г., ум. 17 ноября 1890 г. Изъ дворянъ псковской губерніи; учился въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. 30 августа 1858 г. произведенъ въ офицеры въ Семеновскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи; по окончаніи въ ней курса онъ былъ оставленъ при Академіи для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ декабрѣ 1863 г. Кирпичевъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ спеціальной комиссіи по вопросамъ, относящимся до теоріи стрѣльбы и вновь вводимыхъ нарѣзныхъ орудій. Въ 1866 г. назначенъ въ артиллерійское училище учителемъ по артиллеріи, балистикѣ и элементарной механикѣ, въ 1868 г. назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Артиллерійской академіи; съ марта 1871 г. былъ помощникомъ инспектора классовъ академіи и училища; въ сентябрѣ 1881 г. назначенъ инспекторомъ классовъ академіи и училища; въ 1888 г. назначенъ профессоромъ, въ 1885 г. произведенъ въ генералъ-майоры; съ 1886 г. былъ постояннымъ членомъ артиллерійскаго комитета и преподавалъ артиллерію въ Академіи Генеральнаго штаба. Какъ профессоръ Кирпичевъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на слушателей; своими лекціями по такому, повидимому, сухому предмету какъ артиллерія, онъ производилъ неизгладимое впечатлѣніе; его чтенія отличались оригинальными сближеніями, интересными и образными сравненіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ—философскимъ характеромъ. Горячо любя дѣло преподаванія, Кирпичевъ, зная о предстоящемъ ему близкомъ концѣ, не оставлялъ преподаванія и еще наканунѣ смерти читалъ лекцію. Еще болѣе замѣчателенъ онъ, какъ ученый и писатель. Еще въ 1869 г. онъ издалъ «Общія основанія механики»; въ 1872 г. совмѣстно съ полковникомъ Шкляревичемъ онъ издалъ «Элементарный курсъ артиллеріи»—оба эти сочиненія получили Михайловскія преміи; его «Начала механики» выдержали два изданія; въ 1889 г. вышли его «Начала балистики»; кромѣ того онъ напечаталъ немало статей въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Березина и въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ» Г. А. Леера; неоднократно такъ же принималъ онъ участіе въ разборѣ сочиненій на Михайловскую премію. Какъ человѣкъ Л. Л. Кирпичевъ пользовался искреннимъ уваженіемъ и симпатіями всѣхъ знавшихъ его.—Братъ его, *Михаилъ Львовичъ*, род. въ 1847 г., тоже окончилъ курсъ въ Артиллерійской академіи и тоже былъ оставленъ при ней репетиторомъ по химіи. Съ 1872 г. преподавалъ химію и физику въ артиллерійскомъ училищѣ; принималъ участіе въ извѣстныхъ опытахъ надъ устройствомъ газовъ, произведенныхъ подъ предсѣдательствомъ Д. И. Менделѣева; ум. въ 1875 г.

«Русскій Инвалидъ», 1890, № 255.

Кирпичниковъ, *Иванъ*, сотникъ яицкаго войска. Въ началѣ 1771 г. былъ отправленъ непослушною стороною яицкихъ казаковъ во главѣ депутаціи въ Петербургъ съ челобитною на самоуправство атамана Тамбовцева. Онъ являлся къ гр. З. Г. Чернышеву и гр. Г. Г. Орлову. Возвратившись на Яицкъ черезъ годъ, онъ тамъ еще болѣе вызвалъ неудовольствій между казаками, разглашая, что всѣ притѣсненія

творятся безъ вѣдома императрицы, самовольно гр. З. Г. Чернышевымъ. Послѣ убіенія 13 января 1772 г. генерала Траубенберга, онъ былъ руководителемъ въ составленіи прошенія на имя Императрицы, чтобы яицкое войско было изъято изъ подъ вѣдѣнія Военной Коллегіи и подчинено только гр. Г. Орлову. Впрочемъ, при дальнѣйшемъ распространеніи безпорядковъ онъ уже старался сдерживать казаковъ, но безуспѣшно. Во время движенія ген. Фреймана онъ былъ однимъ изъ коноводовъ яицкихъ казаковъ непослушной стороны; затѣмъ былъ отправленъ снова депутатомъ въ Петербургъ, но по дорогѣ схваченъ и отосланъ для слѣдствія въ Оренбургъ.

Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники», I, 50, 51, 75, 78, 101.

Кирьяковъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, старшій справщикъ Московской синодальной типографіи, род. въ 1804 г., ум. 7 декабря 1882 г.; учился въ калужской семинаріи и въ Московской духовной академіи, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью магистра. Съ 1830 г. служилъ въ тамбовской семинаріи, затѣмъ въ калужской и московской. 20-го декабря 1842 г. назначенъ инспекторомъ московской семинаріи. Съ 1844 г. по 1847 г. безмездно занимался сличеніемъ хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ рукописей твореній святаго Іоанна Златоустаго съ печатными изданіями для англійскихъ ученыхъ, занимавшихся изданіемъ писаній св. отцевъ церкви. Составилъ латинскую грамматику (М. 1847 г.), которая въ свое время была лучшимъ и наиболѣе распространеннымъ руководствомъ и, вмѣстѣ съ И. И. Аничковымъ-Платоновымъ—Chrestomathia Latina (3 части, М. 1861), не утратившую своего значенія отчасти донынѣ.

Архивъ Св. Синода: Формулярные списки наставниковъ Московской семинаріи за 1847 г.; Смирновъ, «Ист. Москов. духов. акад.»; Языковъ, «Обзоръ» за 1884 г.

Кирьяковъ, *Михаилъ Михаиловичъ* выдающійся агрономъ и дѣятель новороссійскаго края, род. 23 мая 1810 г., ум. 26 марта 1839 г. Получилъ первоначальное воспитаніе въ домѣ отца, въ 1828 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, со степенью кандидата нравственно-политическихъ наукъ. Послѣ путешествія по Россіи и заграницей (въ Галиціи, Силезіи, Моравіи, Богеміи, Ганноверѣ, Нидерландахъ, Франціи, Австріи и Венгріи), онъ съ 1833 г. занялся сельскимъ хозяйствомъ въ наслѣдственномъ имѣніи, а также и изученіемъ древностей края. Свое хозяйство Кирьяковъ поставилъ очень хорошо. Въ то время, какъ хозяева южной Россіи считали облѣсеніе степи и защиту посѣвовъ лѣсонасажденіями дѣломъ эфемернымъ, Кирьяковъ завелъ лѣсонасажденія въ очень обширныхъ размѣрахъ и уже въ 1836 г. получилъ Высочайшее благоволеніе и серебряную медаль отъ Общества поощренія лѣснаго хозяйства. Съ 1834 г. онъ сталъ помѣщать свои статьи въ «Листкахъ общества сельскихъ хозяевъ южной Россіи», а въ 1837 г. принялъ на себя ихъ редакцію. Здѣсь онъ напечаталъ: «Объ арнаутскѣ южной Россіи», «Свѣдѣнія о тонкорунномъ овцеводствѣ въ херсонской губ.», «О разведеніи бука въ южной Россіи» и много др. Кромѣ того М. М. Кирьяковъ сотрудничалъ въ «Лѣсномъ Журналѣ», гдѣ помѣстилъ «Взглядъ на лѣсоводство и садоводство въ херсонской губ.», «О степныхъ пожарахъ въ Новороссіи» и др., въ «Земледѣльческой Газетѣ» гдѣ печаталъ «О китайскомъ индиго въ Новороссійскомъ краѣ». Результаты своихъ занятій по древностямъ и исторіи края Кирьяковъ печаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ Энциклопедическомъ словарѣ Плюшара. Изъ нихъ наиболѣе любопытна его статья: Арріана Периплъ Понта Эвксинскаго», («Журналъ Мин. Нар. Пр.», ч. XXVII). Послѣдніе годы своей жизни онъ трудился надъ составленіемъ «Статистическаго описанія херсонской губ.» и «Земледѣльческаго календаря Новороссійскаго края». Обѣ эти работы остались неоконченными. Изъ нихъ появились только «Историческій обзоръ херсонской губерніи» (въ «Матеріалахъ для статистики Россійсской имперіи», Спб. 1839 г.). Календарь напечатанъ въ необработанномъ видѣ въ «Листкахъ общества сельскихъ хозяевъ южной Россіи» (1839 г.). Въ послѣдніе годы жизни Кирьяковъ собралъ довольно значительную библіотеку, посвященную преимущественно южной Россіи и думалъ сдѣлать ее впослѣдствіи доступною для общаго пользованія. Кирьяковъ былъ членомъ Парижскаго Азіатскаго общества, физико-математическаго Молдавскаго, Московскаго любителей садоводства, Императорскаго Московскаго испытателей природы, ученаго комитета

при министерствѣ государственныхъ имуществъ, Одесскаго общества исторіи и древностей и др.

«Листки общ. сельскихъ хозяевъ юж. Рос.». 1839 г. № 5—6, 397—400; «Зап. Одес. общ. ист. и древност.», I, 578—582.

Кирѣевскій, *Иванъ Васильевичъ*, критикъ и мыслитель, род. въ Москвѣ 22 марта 1806 года, ум. 11 іюня 1856 года въ Петербургѣ. Онъ принадлежалъ къ одному изъ самыхъ старинныхъ родовъ бѣлевскихъ и козельскихъ дворянъ. Отецъ его, Василій Ивановичъ Кирѣевскій, служилъ въ гвардіи и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; женатъ онъ былъ на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Это былъ человѣкъ весьма образованный и дѣятельный: онъ зналъ пять языковъ, много читалъ, собралъ у себя въ деревнѣ довольно большую библіотеку, занимаясь преимущественно естественными науками, физикою, химіею и медициною. Впрочемъ, на дѣтей онъ не могъ имѣть вліянія, такъ какъ умеръ, когда они были еще въ младенческомъ возрастѣ. Въ 1812 году онъ устроилъ въ Орлѣ и орловской деревнѣ своей, Кирѣевской Слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ города, пріютъ для пострадавшихъ отъ войны, заразился при уходѣ за больными тифомъ и скончался въ Орлѣ 1 ноября 1812 года. Вдова съ двумя сыновьями и дочерью, переѣхала на жительство въ село Долбино, родовое имѣнье Кирѣевскихъ, находившееся въ 7 верстахъ отъ г. Бѣлева. Въ Долбинѣ прошли дѣтскіе годы Кирѣевскаго и его брата. Село Долбино было далеко кругомъ извѣстно своею старинною церковью и находившеюся въ ней мѣстно чтимою чудотворною иконою Успенія Божіей Матери, и братья Кирѣевскіе въ самомъ раннемъ дѣтствѣ могли видѣть воочію живыя проявленія цѣльной народной вѣры и глубокаго благочестія... Почти одновременно съ Кирѣевскими въ Долбино пріѣхалъ и поселился тамъ Жуковскій, бывшій въ родствѣ съ Авдотьей Петровной Кирѣевской, воспитанный вмѣстѣ съ нею и связанный съ нею съ дѣтства нѣжною дружбою. Поэтъ прожилъ въ Долбинѣ съ Кирѣевскими два года слишкомъ, и близость его не могла остаться безслѣдною для юнаго Ивана Кирѣевскаго. Для него Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ, муза котораго воплощала въ его глазахъ «всю поэзію жизни, все сердце души»; «при немъ, писалъ Иванъ Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ роднымъ, невольно теплѣешь душою, и его присутствіе даетъ самой прозаической головѣ способность понимать поэзію; каждая мысль его—ландшафтъ съ безконечною перспективою». Жуковскій съ своей стороны горячо любилъ Кирѣевскаго, высоко цѣнилъ его способности, чистоту души и благородство стремленій и искренно сочувствовалъ его литературнымъ начинаніямъ: «Ваня—самое чистое, доброе, умное и даже философическое твореніе, писалъ онъ разъ матери Ивана Васильевича; его узнать покороче весело»...

Кирѣевскій съ братомъ оставался безвыѣздно въ Долбинѣ до пятнадцати-лѣтняго возраста. Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла во второй разъ замужъ за своего внучатнаго брата Алексѣя Андреевича Елагина. Кирѣевскіе росли и воспитывались подъ непосредственнымъ и исключительнымъ руководствомъ матери, участвовавшей, по словамъ Кавелина, «въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу», и отчима, горячо и нѣжно ихъ любившаго и взаимно ими любимаго. Иванъ Кирѣевскій одаренъ былъ блестящими способностями. Уже въ 1813 году семилѣтнимъ мальчикомъ онъ обращалъ на себя вниманіе плѣнныхъ французскихъ офицеровъ мастерскою игрою въ шахматы. Десяти—двѣнадцати лѣтъ онъ былъ уже довольно хорошо знакомъ съ лучшими произведеніями русской литературы, языками французскимъ и нѣмецкимъ и ихъ литературами; также рано онъ перечелъ множество историческихъ сочиненій и выучился математикѣ; мальчикомъ тринадцати—четырнадцати лѣтъ онъ читалъ Локка и Гельвеція. Елагинъ, бывшій сначала почитателемъ Канта, въ 1818 году познакомился съ сочиненіями Шеллинга и, увлекшись этимъ философомъ, занялся въ долбинскомъ затишьѣ изученіемъ и переводомъ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій на русскій языкъ; по вечерамъ возникали бесѣды и споры философскаго характера, и въ нихъ свѣтлый умъ и врожденныя философскія способности Кирѣевскаго находили самыя благопріятныя условія для своего развитія и обнаруженія. Въ 1822 г., когда Елагины для дальнѣйшаго образованія дѣтей переселились изъ Долбина въ Москву, Кирѣевскій явился въ кругу своихъ сверстниковъ уже основательно знакомымъ со многими положеніями тогдаш-

ней нѣмецкой философіи. Въ Москвѣ Кирѣевскій сталъ учиться латинскому и греческому языкамъ и выучился имъ настолько, чтобы сдать такъ называемый комитетскій экзаменъ; впослѣдствіи онъ изучилъ древніе языки болѣе и основательно могъ читать въ подлинникѣ древнихъ классиковъ и творенія Св. Отцовъ. Въ Москвѣ онъ учился еще англійскому языку, бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ Московскаго университета и слушалъ публичныя лекціи по философіи профессора Павлова. Въ 1824 году, сдавъ комитетскій экзаменъ, Кирѣевскій поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Иностранной Коллегіи, но не на долго. Товарищами его по службѣ въ архивѣ были братья Веневитиновы (Д. В. и А. В.), Шевыревъ, Кошелевъ и др. Къ нимъ примкнули Баратынскій, Языковъ, Погодинъ, Максимовичъ. Все это были молодые люди, одушевленные живыми литературными интересами и большею частію увлекавшіеся современною нѣмецкою философіею. Въ исходѣ 1826 года съ этимъ кружкомъ чрезъ Веневитинова сблизился и пріѣхавшій въ Москву тогда Пушкинъ. Кирѣевскій готовился посвятить себя литературѣ съ живою вѣрою въ свое призваніе. «Я не безполезно провелъ свою молодость, писалъ онъ Кошелеву въ 1827 г., и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями. Но цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью образовываться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его, и дамъ литературѣ свое направленіе... Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога»... Первый литературный опытъ Кирѣевскаго относится въ началу 1827 года: это былъ небольшой беллетристическій очеркъ романтическаго характера «Царицынская ночь», написанный имъ по настоянію кн. Вяземскаго для прочтенія на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ у кн. З. А. Волконской. Очеркъ этотъ впрочемъ былъ напечатанъ впервые только въ 1861 г. въ вышедшемъ тогда «Полномъ собраніи сочиненій» автора. Въ этомъ произведеніи ярко отразилось идеально-поэтическое настроеніе и завѣтныя мечты автора въ данный моментъ. Весною 1828 г. московскіе литераторы провожали ужиномъ уѣзжавшаго въ Петербургъ Мицкевича, и Кирѣевскій при этомъ привѣтствовалъ польскаго поэта стихами; стихи эти напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г. Въ томъ же году онъ напечаталъ въ журналѣ Погодина «Московскій Вѣстникъ» свою первую статью «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина». Статья однако была напечатана безъ подписи, вмѣсто которой были поставлены цифры 9. 11. Въ этой статьѣ Кирѣевскій разсматриваетъ появившіяся тогда въ печати поэмы Пушкина, главы изъ романа «Евгеній Онѣгинъ» и сцену Пимена съ Григоріемъ: являясь въ «Русланѣ и Людмилѣ» «чисто творцомъ—поэтомъ, передающимъ вѣрно и чисто внушенія своей фантазіи», Пушкинъ въ «Кавказскомъ плѣникѣ», «Бахчисарайскомъ фонтанѣ,» «Цыганахъ» и отчасти «Евгеніѣ Онѣгинѣ» представляется критику «поэтомъ философомъ», въ самой поэзіи стремящимся выразить сомнѣнія своего разума, сообщающимъ всему краски своего особеннаго воззрѣнія; обнаруживая сначала въ большей или меньшей степени зависимость отъ генія Байрона, онъ постепенно все болѣе и болѣе выростаетъ въ самобытнаго поэта-живописца. Многія мысли, высказанныя Кирѣевскимъ въ этой статьѣ, стали впослѣдствіи общимъ достояніемъ, но въ свое время онѣ имѣли весь интересъ оригинальности и новизны; эта первая статья Кирѣевскаго свидѣтельствовала и о блестящемъ его литературно-критическомъ дарованіи. Въ 1829 году Максимовичъ предпринялъ изданіе альманаха «Денница» на 1830 годъ, и Кирѣевскій, по его просьбѣ, написалъ для этого изданія «Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ», вторую свою статью для печати, на этотъ разъ уже подписанную его именемъ. Въ началѣ статьи онъ отмѣчаетъ въ развитіи русской литературы девятнадцатаго столѣтія три эпохи, указывая представителемъ первой Карамзина, второй—Жуковскаго и третьей Пушкина: по мнѣнію Кирѣевскаго, французскій филантропизмъ Карамзина и нѣмецкій идеализмъ Жуковскаго, совпадая въ стремленіи къ лучшей дѣйствительности, нашли естественное развитіе въ художественномъ реализмѣ Пушкина. Кирѣевскій въ этой статьѣ впервые, по замѣчанію Тихонравова, указалъ на важное значеніе дѣятельности Новикова, съ которымъ ставилъ въ связь такой важ-

ный фактъ, какъ зарожденіе въ Россіи общественнаго мнѣнія, «чего такъ давно желаютъ всѣ люди благомыслящіе, чего до сихъ поръ, однако же, мы еще не имѣемъ, и что, бывъ результатомъ, служитъ вмѣстѣ и условіемъ народной образованности, а слѣдовательно и народнаго благосостоянія». Въ обозрѣніи литературныхъ явленій даннаго времени говоря о Д. В. Веневитиновѣ, что «отличительнымъ характеромъ его духа было созвучіе ума и сердца, и самая фантазія его была болѣе музыкою мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія», и заключая отсюда, «что онъ былъ рожденъ еще болѣе для философіи, нежели для поэзіи», Кирѣевскій высказываетъ между прочимъ нѣсколько мыслей о философіи вообще, замѣчательныхъ для даннаго момента, какъ зародыши позднѣйшаго капитальнаго труда его жизни по этому предмету. «Намъ необходима философія, говоритъ онъ здѣсь: все развитіе нашего ума требуетъ ея. Ею одною живетъ и дышетъ наша поэзія; она одна можетъ дать душу и цѣлость нашимъ младенчествующимъ наукамъ, и самая жизнь наша, можетъ быть, займетъ отъ нея изящество стройности. Конечно, первый шагъ нашъ къ ней долженъ быть присвоеніемъ умственныхъ богатствъ той страны, которая въ умозрѣніи опередила всѣ другіе народы. Но чужія мысли полезны только для развитія собственныхъ. *Наша* философія должна развиться изъ нашей жизни, создаться изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ *нашего* частнаго быта». Характерною чертою разсматриваемой статьи Кирѣевскаго представляются между прочимъ его сопоставленія явленій русской литературы съ аналогичными, по его мнѣнію, явленіями литературы европейской: литература русская и западноевропейская являются въ сознаніи критика какъ бы величинами однородными—точка зрѣнія, которую оспаривалъ, прочитавъ статью, въ разговорѣ съ авторомъ ея Жуковскій. Впрочемъ, окончательный выводъ статьи тотъ, что за исключеніемъ Исторіи Карамзина, нѣсколькихъ произведеній Державина, Жуковскаго, Пушкина, Крылова и нѣсколькихъ сценъ изъ Фонвизина и Грибоѣдова, у насъ нѣтъ произведеній достоинства европейскаго: «у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы». Но за то, въ то время какъ современная Европа представляетъ, по мнѣнію Кирѣевскаго, видъ какого то оцѣпенѣнія и усыпленія, внутренней жизни, Россія цвѣтетъ надеждою, судьба ея зависитъ отъ ея одной и заключается въ ея просвѣщеніи.... Въ примѣчаніи къ своей статьѣ Кирѣевскій говоритъ объ одновременномъ съ нею приготовленіи имъ въ печати особаго разбора стихотвореній Жуковскаго; но работа эта осталась неоконченною и не была напечатана. Вообще литературная работа у него въ это время не особенно спорилась. «Не знаю отчего, писалъ онъ около этого времени Кошелеву, мнѣ даже некогда и читать то, что хочется, а некогда отъ того, вѣроятно, что я ничего не дѣлаю. Правда, я прочелъ комедій 200 послѣ твоего отъѣзда; одну сыгралъ, одну перевелъ, но мои прожекты о Жуковскомъ, о критикѣ, о философіи въ Россіи,—до сихъ поръ все еще прожекты. На дняхъ намѣренъ приняться за исполненіе. Между тѣмъ много еще другихъ сочиненій—кандидатовъ, которые просятся въ комплектъ, но которыхъ я до сихъ поръ оставляю при особенныхъ порученіяхъ, а между тѣмъ ты понимаешь, что они другъ другу мѣшаютъ, перебиваютъ другъ у друга мѣста и пр.». Въ августѣ 1829 года Кирѣевскій сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Петровнѣ Арбеневой, которую полюбилъ со всею присущею ему горячностью и глубиною чувства; впослѣдствіи она стала его женою, но теперь почему-то предложеніе его не было принято. Отказъ такъ сильно потрясъ Кирѣевскаго нравственно и физически, что здоровье его, и безъ того слабое, очень разстроилось. Стали опасаться развитія чахотки и, по совѣту врачей, для разсѣянія и поправленія здоровья онъ предпринялъ поѣздку за границу. «Одна дѣятельность, живая, безпрестанная, утомительная, можетъ спасти меня отъ душевнаго упадка, писалъ Кирѣевскій брату въ Мюнхенъ. Вотъ почему я думаю ѣхать въ чужіе краи и учиться, утонуть въ ученьи,—возвратившись, опьяниться дѣятельностью... Если нѣтъ счастья, есть долгъ»... Въ январѣ 1830 года Кирѣевскій уѣхалъ изъ Москвы. Десять дней онъ пробылъ въ Петербургѣ у Жуковскаго и повидался здѣсь съ Пушкинымъ и своими петербургскими друзьями: Кошелевымъ, Титовымъ, кн. Одоевскимъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ въ началѣ февраля, Кирѣевскій прожилъ здѣсь

до 1 апрѣля, до окончанія лекцій въ университетѣ. Онъ слушалъ здѣсь Риттера, Гегеля, Шлейермахера и др. и познакомился лично съ Гегелемъ. Особенно благопріятное впечатлѣніе произвели на него лекціи Риттера по всеобщей географіи: «каждое слово его дѣльно, писалъ онъ домой, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль всемірна; малѣйшій фактъ умѣетъ онъ связать съ бытіемъ земнаго шара; все обыкновенное, проходя черезъ кубикъ его огромныхъ свѣдѣній, приноситъ характеръ геніальнаго». Сначала Кирѣевскій предпочелъ даже Риттера Гегелю, читавшему исторію философіи въ одинъ часъ съ первымъ: Гегель на его взглядъ въ своихъ лекціяхъ мало прибавлялъ къ своимъ сочиненіямъ и при этомъ плохо говорилъ, кашляя и проглатывая звуки; однако, потомъ онъ все-таки сталъ слушать его, вмѣсто Риттера, разсудивъ, что онъ старъ, скоро умретъ, и тогда уже не будетъ возможности узнать, что онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ. Шлейермахера Кирѣевскій слышалъ въ церкви и въ университетѣ. Проповѣдь, сказанная Шлейермахеромъ надъ тѣломъ страстно имъ любимаго единственнаго сына, обнаруживала, по мнѣнію Кирѣевскаго, въ знаменитомъ богословѣ-философѣ истинное глубоко-христіанское сердечное расположеніе, но университетская лекція его о воскресеніи оставила по себѣ въ немъ чувство неудовлетворительности. «Ему также мало можно отказать, писалъ Кирѣевскій, въ сердечной преданности къ религіи, какъ и въ философскомъ *самодержавіи ума*. Но сердечныя убѣжденія образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ и, между тѣмъ какъ первыя развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. Отцовъ и Евангелія, вторыя росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII вѣка. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе, напоминаютъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ, какъ внутри раздаются пѣсни Іисусу и Богородицѣ». Такимъ образомъ въ Кирѣевскомъ уже въ эту пору жило хотя и невысказанное прямо требованіе цѣльности воззрѣнія и сознаніе безплодности разсудочной раздвоенности.—Изъ Берлина, съ остановкою на три дня въ Дрезденѣ, Кирѣевскій проѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ въ то время жилъ, занимаясь въ университетѣ, братъ его Петръ Васильевичъ. Здѣсь первое время по пріѣздѣ вниманіемъ его овладѣла картинная галлерея: «иногда мнѣ кажется, писалъ онъ домой, что я рожденъ быть живописцемъ, если только наслажденіе искусствомъ значитъ имѣть къ нему способность». Въ университетѣ онъ слушалъ Шеллинга, Окена, читавшаго натуральную исторію и физіологію, и Шорна, читавшаго исторію новѣйшаго искусства. «День мой довольно занятъ, писалъ домой Кирѣевскій, потому что, кромѣ субботы и воскресенья, я четыре часа въ сутки провожу на университетскихъ лавкахъ; въ остальное время записываю лекціи». Кругъ знакомыхъ Кирѣевскаго въ Мюнхенѣ составляли Тютчевы, Шеллингъ и Оконъ. Въ Мюнхенѣ Кирѣевскій сталъ учиться итальянскому языку и вскорѣ могъ читать итальянскихъ классиковъ. Особенно восхищался онъ Аріостомъ: «міръ его фантазіи, писалъ онъ, — это теплая, свѣтлая комната, гдѣ можетъ отдохнуть и отогрѣться, кого морозъ и ночь застали на пути... Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздоромъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни правды. Но мнѣ они именно потому и нравятся, что они вздоръ, и что въ нихъ нѣтъ ни тѣни правды»... Изъ Мюнхена Кирѣевскій думалъ было отправиться въ Италію, въ Римъ, гдѣ былъ въ то время Шевыревъ и жилъ Мицкевичъ. Но безпокоясь за родныхъ, вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій о холерѣ въ Россіи, Кирѣевскій въ ноябрѣ 1830 г. изъ Мюнхена вернулся въ Москву. «Германіей уже мы сыты по горло», писалъ онъ роднымъ изъ Мюнхена еще въ іюлѣ; насколько онъ уважалъ и высоко цѣнилъ нѣмецкую науку и ученыхъ, хотя и критически относился къ нимъ, это видно изъ сдѣланнаго имъ признанія въ одномъ письмѣ изъ Берлина, что какое-то особенное невѣдомое раньше расположеніе духа насильно, какъ чародѣйство, овладѣваетъ имъ при мысли: «я окруженъ первоклассными умами Европы»; но народъ и нѣмецкое общество въ своихъ будничныхъ, житейскихъ отношеніяхъ мало внушали ему расположенія къ себѣ: «нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе нѣмцевъ», писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ

писемъ передъ отъѣздомъ въ Россію.—Таковы были общія впечатлѣнія, вынесенныя Кирѣевскимъ изъ годоваго почти пребыванія въ Германіи. Въ одномъ письмѣ изъ Мюнхена слышится даже какъ-будто разочарованіе въ самомъ строѣ жизни европейской, въ самыхъ основахъ ея образованности въ данный моментъ: «только побывавши въ чужихъ краяхъ, писалъ онъ, можно выучиться чувствовать все достоинство нашихъ, первоклассныхъ, потому что... но я не хочу теперь дорываться до причины этого, которая лежитъ на *днѣ всего вѣка*. Вообще все русское имѣетъ то общее со всѣмъ огромнымъ, что его осмотрѣть можно только издали»... По возвращеніи изъ-за границы, Кирѣевскій въ концѣ того-же 1830 года написалъ сказку «Опалъ», основная мысль которой въ заключительныхъ словахъ ея: «обманъ все прекрасное, а чѣмъ прекраснѣе, тѣмъ обманчивѣе; ибо лучшее, что есть въ мірѣ, это мечта». Сочиненіе это, повидимому, предназначалось авторомъ для будущаго его журнала. Въ продолженіе слѣдующаго 1831 года онъ написалъ нѣсколько водевилей и комедій, которые были разыграны на домашнемъ театрѣ, и вмѣстѣ съ Языковымъ сочинилъ драматическій фарсъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Вавилонская Принцесса». Въ 1831 году въ «Денницѣ» Максимовича было напечатано также его стихотвореніе: «Хоръ изъ трагедіи Андромаха», по содержанію представляющее сжатый очеркъ Троянской войны; оно было подписано псевдонимомъ—*ва*. Осенью 1831 года Кирѣевскій приступилъ къ осуществленію давнишней своей мечты: къ изданію съ января 1832 года своего журнала подъ названіемъ «Европеецъ». Названіе журнала характеризуетъ образъ мыслей его издателя въ данный моментъ. «Я назвалъ его такъ, писалъ Кирѣевскій Пушкину, не оттого, разумѣется, чтобы надѣялся сдѣлать его европейскимъ по достоинству, но потому, что предполагаю наполнять его статьями, относящимися больше до Европы вообще, чѣмъ до Россіи». Первая книжка журнала открывалась статьею Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ». Сущность современнаго господствующаго направленія «европеизма» Кирѣевскій стремится опредѣлить въ своей статьѣ исторически. Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка господствующее направленіе умовъ было безусловно разрушительное, выражаясь въ стремленіи ниспровергнуть старое въ жизни, наукѣ, общественномъ строѣ, литературѣ, искусствѣ; самая мысль о новомъ не являлась иначе какъ отрицательно: подъ свободою разумѣлось отсутствіе прежнихъ стѣсненій, подъ человѣчествомъ — большинство въ противоположность господствовавшему прежде меньшинству, подъ разумомъ—отсутствіе прежнихъ предразсудковъ; невѣріе въ замѣнъ прежнихъ злоупотребленій вѣрою въ области религіознаго сознанія, исключительный раціонализмъ въ наукѣ, подражаніе внѣшней неодушевленной природѣ взамѣнъ подражанія классическимъ образцамъ, въ искусствѣ, необразованная естественность, вмѣсто прежней изысканной искусственности, въ общественныхъ отношеніяхъ, грубый, чувственный матеріализмъ въ философіи — черты, характеризующія это направленіе, а французская революція можетъ служить яснымъ и кровавымъ зеркаломъ его. Направленіе разрушительное породило, какъ реакцію себѣ, направленіе насильственно-соединяющее, которое сказалось въ торжествѣ систематическихъ умозрѣній надъ опытомъ въ наукѣ, распространеніи мистицизма среди людей чуждыхъ увлеченія невѣріемъ, въ стремленіи къ блеску внѣшняго великолѣпія и пышности, въ сентиментальности и мечтательности въ искусствѣ, въ развитіи чисто-духовныхъ системъ въ философіи. Но эти оба направленія согласовались въ борьбѣ съ прежнимъ вѣкомъ; изъ этой борьбы родилась потребность успокоительнаго равновѣсія, и отсюда возникло третье измѣненіе духа вѣка: стремленіе къ мирному соглашенію враждующихъ началъ въ одной искусственно-отысканной серединѣ: характерныя черты этого новаго направленія—въ области вѣры терпимость съ уваженіемъ къ религіи, вмѣсто ханжества, невѣрія и таинственной мечтательности, въ философіи примиреніе идеализма съ матеріализмомъ въ системѣ тожества, въ жизни общества изящество образованной простоты, въ поэзіи замѣна подражанія видимой дѣйствительности и мечтательности историческимъ направленіемъ, «гдѣ свободная мечта проникнута неизмѣняемою дѣйствительностью, а красота однозначительна съ правдою», наконецъ живой интересъ къ средневѣковью въ литературѣ, наукѣ. Кирѣевскій видитъ это направленіе продолжающимся и въ свое время, хотя

уже значительно измѣненнымъ. Но въ данный моментъ, по мнѣнію его, оно уже проходитъ. Чтобы опредѣлить характеръ новой поэзіи, Кирѣевскій указываетъ отличительныя качества тѣхъ произведеній, которыя въ его время имѣли наибольшій, хотя и не заслуженный, успѣхъ: въ нихъ, по его словамъ, замѣчается «больше восторженности, чѣмъ чувствительности; жажда сильныхъ потрясеній, безъ уваженія къ ихъ стройности; воображеніе, наполненное одною дѣйствительностью во всей наготѣ ея». «Безъ сомнѣнія, качества сіи, продолжаетъ Кирѣевскій, предполагаютъ холодность, прозаизмъ, положительность и вообще исключительныя стремленія къ прозаической дѣйствительности. Изъ того, что жизнь *вытѣсняетъ* поэзію должны мы заключить, что стремленія къ жизни и къ поэзіи *сошлись*, и что, слѣдовательно, часъ для поэта жизни наступилъ». Диккенсъ и Гоголь, по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, оправдали это предсказаніе Кирѣевскаго. То же измѣненіе въ направленіи Кирѣевскій видитъ и въ современной ему философіи, въ области которой въ ученіи Шеллинга также предъявляется требованіе исторической существенности и положительности, и въ области религіознаго сознанія гдѣ замѣчается то же стремленіе къ сближенію съ дѣйствительностью жизни: для полнаго развитія религіи, говоритъ Кирѣевскій, «необходимо единомысліе народа, освященное яркими воспоминаніями, развитое въ преданіяхъ односмысленныхъ, сопроникнутое съ устройствомъ государственнымъ, олицетворенное въ обрядахъ однозначительныхъ и общенародныхъ, сведенное къ одному началу, положительное и ощутительное во всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ отношеніяхъ»... Въ послѣднихъ словахъ Кирѣевскаго, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, можно видѣть ключъ «къ тому процессу, концомъ котораго было признаніе православія основной чертой русской народности», хотя авторъ въ данный моментъ былъ еще очень далекъ отъ того, что принято называть славянофильствомъ. Обобщая свои наблюденія, Кирѣевскій приходитъ къ заключительному выводу, что современное ему просвѣщеніе въ Европѣ характеризуется направленіемъ практическимъ и дѣятельно-положительнымъ, а основаніемъ господствующаго характера времени является вѣра въ просвѣщеніе общаго мнѣнія, служащая связью между дѣятельностью практическою и стремленіемъ къ просвѣщенію вообще. «Какъ же относится русское просвѣщеніе къ европейскому»? спрашиваетъ далѣе Кирѣевскій... Изъ трехъ началъ, изъ которыхъ развилось европейское просвѣщеніе: христіанства, духа варварскихъ народовъ и остатковъ древняго классическаго міра, развитію образованности въ Россіи недоставало послѣдняго, и этотъ недостатокъ вліянія классическаго міра роковымъ образомъ отразился на всемъ историческомъ ходѣ русской жизни. Устройство древняго міра дѣйствовало на весь гражданскій бытъ и на просвѣщеніе народовъ Европы; вліяніе его, можетъ быть, сильнѣе нежели гдѣлибо, сказалось на образованіи римской церкви, въ которой гражданская власть духовенства была прямымъ наслѣдіемъ древне-римскаго устройства. Двойное отношеніе христіанства къ новому и древнему міру сдѣлало его средоточіемъ всѣхъ элементовъ европейскаго развитія, основою и феодализма, и священной Римской имперіи, и рыцарства, и духовнаго единенія Европы въ крестовыхъ походахъ и отпора мусульманскому нашествію. «Въ Россіи, говоритъ Кирѣевскій, христіанская религія была еще чище и святѣе. Но недостатокъ классическаго міра былъ причиною тому, что вліяніе нашей церкви, во времена необразованныя, не было ни такъ рѣшительно, ни такъ всемогуще, какъ вліяніе церкви римской», и Россія, раздробленная на удѣлы, не связанная духовно, на нѣсколько вѣковъ подпала владычеству татаръ. «Не имѣя довольно просвѣщенія для того, чтобы соединиться противъ нихъ духовно, мы могли избавиться отъ нихъ, продолжаетъ Кирѣевскій, единственно физическимъ матеріальнымъ соединеніемъ, до котораго достигнуть могли мы только въ теченіе столѣтій»; это единеніе, по своему характеру, должно было неизбѣжно надолго остановить Россію въ тяжеломъ закоснѣніи и оцѣпенѣніи духовной дѣятельности, вслѣдствіе перевѣса силы матеріальной надъ силою нравственной образованности. Между тѣмъ съ эпохи Возрожденія постепенно «государства, причастныя образованности европейской, внутри самихъ себя, говоритъ Кирѣевскій, совмѣстили всѣ элементы просвѣщенія всемірнаго, сопроникнутаго съ самою національностью ихъ». Въ силу этихъ соображеній Кирѣевскій естественно является убѣжденнымъ защитникомъ

реформы Петра. Противники преобразованій Петра, продолжаетъ Кирѣевскій, «говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинному-русскому». Въ томъ или другомъ народѣ западно-европейскомъ такое стремленіе, по его мнѣнію, можетъ имѣть свой смыслъ: «тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдняго»; «но у насъ, говоритъ Кирѣевскій, искать національнаго значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы»? Русскій народъ, начинающій образовываться, можетъ, минуя старое просвѣщеніе европейское до половины XVIII в., какъ неразрывно связанное съ прежнею жизнью Европы, прямо заимствовать самобытное новое, непосредственно примѣняя его къ своему настоящему быту. Таково въ сжатомъ видѣ было содержаніе замѣчательной статьи, открывавшей первую книжку журнала Кирѣевскаго: она была какъ бы исповѣданіемъ вѣры ея автора въ данный моментъ, существенно отличнымъ отъ того, съ какимъ онъ выступилъ впослѣдствіи. Кромѣ этой статьи, въ первыхъ двухъ книжкахъ журнала самимъ Кирѣевскимъ было напечатано еще нѣсколько другихъ статей: «Обозрѣніе русской словесности за 1831 годъ», «О слогѣ Вильменя», «Горе отъ ума на московскомъ театрѣ» и «Русскіе альманахи на 1832 годъ». Въ своемъ «Обозрѣніи» литературныхъ явленій за предъидущій годъ Кирѣевскій останавливается на разборѣ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ» и поэмы Баратынскаго «Наложница». При этомъ Кирѣевскій высказываетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о современной ему русской критикѣ, сохранившихъ свое значеніе и для настоящаго времени. По его мнѣнію, у насъ еще нѣтъ критики: «нѣтъ ни одного критическаго сочиненія, которое бы не обнаруживало пристрастіе автора къ той или другой иностранной словесности»... Между тѣмъ «не чужіе уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить насъ мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примѣненными къ особенности нашего просвѣщенія, не извлеченными изъ коренныхъ потребностей нашего быта, до тѣхъ поръ, мы еще не имѣемъ своего мнѣнія, либо имѣемъ ошибочное, не цѣнимъ хорошаго—приличнаго, потому что ищемъ невозможнаго совершеннаго, либо слишкомъ цѣнимъ недостаточное, потому что смотримъ на него изъ дали общей мысли, и вообще мѣряемъ себя на чужой аршинъ и твердимъ чужія правила, не понимая ихъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній». Критика Кирѣевскаго отличается независимостью и самостоятельностью мыслей. Въ то время какъ большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся или долженствующее совершиться, «трагедія Пушкина, по мнѣнію Кирѣевскаго, развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является не какъ дѣйствіе, но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало по малу, то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ Самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народа, то, наконецъ, въ громкомъ ниспроверженіи неправедно царствующаго дома. Это постепенное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, не связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно трагическій, и такимъ образомъ позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка». Поэма «Наложница» даетъ поводъ Кирѣевскому высказать свой взглядъ на характеръ поэзіи Баратынскаго вообще: Баратынскій, больше чѣмъ кто-либо изъ нашихъ поэтовъ, по его мнѣнію, могъ бы создать поэтическую комедію «изъ вѣрнаго и вмѣстѣ поэтическаго представленія жизни дѣйствительной, какъ она отражается въ ясномъ зеркалѣ поэтической души, какъ она представляется наблюдательности тонкой и проницательной, передъ судомъ вкуса разборчиваго, нѣжнаго и счастливо образованнаго»... Изъ остальныхъ статей Кирѣевскаго, напечатанныхъ въ «Европейцѣ», особенное вниманіе обращаетъ на себя статья его о представленіи комедіи Грибоѣдова на Московской сценѣ. Въ комедіи этой изображены пустота и невѣжество Московскаго общества «сильно, живо и съ прелестью по-

разительной истины». Но при своемъ тогдашнемъ взглядѣ на отношеніе русскаго просвѣщенія къ европейскому Кирѣевскій не могъ, конечно, оставить безъ возраженія извѣстныхъ разсужденій Чаадаго о любви къ иностранному: по мнѣнію критика, «намъ нечего бояться утратить свою національность, но до сихъ поръ національность наша была національность необразованная, грубая, китайски-неподвижная: просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное»... Но любовь къ иностранному, оговаривается въ заключеніе Кирѣевскій, не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ иностранцамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые, проживая въ Россіи, подчасъ отличаются отъ русскихъ только незнаніемъ русскаго языка и иностраннымъ окончаніемъ фамилій: такъ ребенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою.—Ближайшими сотрудниками журнала являлись въ Москвѣ Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ, въ Петербургѣ Жуковскій, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ, кн. Одоевскій; Пушкинъ черезъ Языкова выражалъ также свое живое сочувствіе изданію Кирѣевскаго и обѣщалъ свое содѣйствіе и сотрудничество; вообще журналу Кирѣевскаго предстояла, повидимому, прекрасная будущность. Но на второй книжкѣ «Европеецъ» былъ запрещенъ. Поводомъ къ тому явились статьи Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ» и «Горе отъ ума на московскомъ театрѣ». Распоряженіе о запрещеніи было, по выраженію Погодина, своего рода «исторической бумагой». Въ ней было сказано, что, вопреки заявленію Кирѣевскаго въ его первой статьѣ, что онъ говоритъ не о политикѣ, «сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ понимаетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно-отысканная середина не что иное, какъ конституція; статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ». Статья о комедіи Грибоѣдова была признана непристойной выходкою противъ живущихъ въ Россіи иностранцевъ. Цензоръ, пропустившій первую книжку журнала, С. Т. Аксаковъ былъ подвергнутъ служебному взысканію и вскорѣ отставленъ отъ должности, Кирѣевскій оффиціально признанъ человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ; ему угрожало удаленіе изъ столицы, и онъ спасенъ былъ только горячимъ и энергическимъ заступничествомъ В. А. Жуковскаго. Между Государемъ и Жуковскимъ, по свидѣтельству А. П. Елагиной, произошла сцена, послѣ которой поэтъ пріостановилъ даже на двѣ недѣли занятія съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, думая вовсе удалиться отъ двора; вмѣшательство Государыни положило конецъ размолвкѣ. Кирѣевскій по поводу запрещенія своего журнала подалъ записку гр. Бенкендорфу съ просьбою довести ея содержаніе до свѣдѣнія Государя (записка эта была написана, по просьбѣ Кирѣевскаго, другомъ его, Чаадаевымъ, знавшимъ близко гр. Бенкендорфа, но мысли, въ ней изложенныя, разумѣется принадлежали Кирѣевскому). Въ этой запискѣ, Кирѣевскій признавался, что нѣкогда дѣйствительно раздѣлялъ идеи своего поколѣнія о преобразованіяхъ для блага родины государственнаго управленія въ Россіи, на подобіе европейскихъ, т. е. о конституціяхъ и т. п., хотя не искалъ преступнымъ путемъ ихъ осуществленія, но теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что, въ виду различія историческихъ условій запада и Россіи, европейскія политическія теоріи не отвѣчаютъ потребностямъ русскаго народа: теперь онъ желаетъ для своей родины прежде всего распространенія серьезнаго и здраваго классическаго образованія, затѣмъ освобожденія крестьянъ, какъ «необходимаго условія всякаго послѣдующаго развитія для насъ, и особенно развитія нравственнаго», и наконецъ пробужденія религіознаго чувства, не понимая иной цивилизаціи, кромѣ христіанской. «Считаю, говоритъ Кирѣевскій, развивая въ частности свою мысль о крѣпостномъ правѣ, что въ настоящее время всякія измѣненія въ законахъ, какія бы правительство ни предпринимало, останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ нашихъ умахъ зрѣлищемъ рабства, насъ съ дѣтства окружающаго: лишь его постепенное уничтоженіе можетъ сдѣлать насъ способными воспользоваться другими преобразованіями, которыя наши государи въ своей

мудрости найдутъ удобными сдѣлать. Полагаю, что исполненіе законовъ, какъ бы мудры они ни были, не можетъ никогда быть соотвѣтственнымъ намѣренію законодателя, если оно будетъ поручено людямъ, съ молокомъ кормилицы впитавшимъ всевозможныя мысли неравенства, если всѣ вѣтви администраціи будутъ вручены подданнымъ, съ колыбели своей освоеннымъ со всякаго рода несправедливостью». Что касается до своего журнала, Кирѣевскій заявлялъ, что изданіе его должно было быть всецѣло-литературнымъ: издатель желалъ бы привить у насъ вкусъ къ философской литературѣ, установить связь не съ политической, а съ мыслящей Европой, показать, что «для насъ нѣтъ иной политики, кромѣ науки», прояснить сознаніе о нашемъ общественномъ отношеніи къ Европѣ. Въ заключеніе записки авторъ выражаетъ надежду, что «его не будутъ считать среди суетныхъ и бурныхъ умовъ» и что ему позволено будетъ продолжать свое скромное дѣло. Неизвѣстно, была-ли доложена записка Кирѣевскаго Государю, но пятно неблагонадежности тяготѣло надъ нимъ довольно долго и впослѣдствіи. Литературу Кирѣевскій считалъ своимъ призваніемъ, въ литературной дѣятельности видѣлъ святое служеніе на благо своего отечества, и вдругъ былъ сурово остановленъ въ самомъ началѣ избраннаго дѣла жизни. Онъ почти совсѣмъ пересталъ писать. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ послѣ запрещенія «Европейца» имъ, кромѣ отрывковъ изъ двухъ неоконченныхъ повѣстей: «Двѣ жизни» и «Островъ», была написана лишь въ концѣ 1833 г., по просьбѣ А. П. Зонтагъ, въ видѣ письма въ ней, небольшая статья «О русскихъ писательницахъ» для альманаха, изданнаго кружкомъ одесскихъ дамъ съ благотворительною цѣлью, и статья «О стихотвореніяхъ Языкова», напечатанная въ «Телескопѣ» безъ имени автора и въ такой тайнѣ, что даже ближайшимъ друзьямъ его, не исключая и самого Языкова, не было извѣстно, кѣмъ она была написана. Герценъ сказалъ, что жизнь Кирѣевскаго за это время напоминаетъ зыбь моря надъ затонувшимъ кораблемъ... Но въ душѣ Кирѣевскаго все это время несомнѣнно совершалась живая, хотя и скрытая работа, внутренняя трудная борьба, подобная, можетъ быть, той, какую пережилъ Герценъ... Кирѣевскій все это время много работалъ мыслію и сердцемъ въ тяжелыхъ сомнѣніяхъ относительно самыхъ завѣтныхъ жизненныхъ своихъ убѣжденій, въ горькомъ сознаніи, что «свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая и звѣзды лучшія срываются съ небесъ», и когда черезъ одиннадцать лѣтъ опять выступилъ на литературное поприще, образъ мыслей его оказался существенно измѣнившимся. Большое вліяніе на него въ этой внутренней работѣ сознанія имѣлъ прежде всего его братъ, Петръ Васильевичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ усвоившій себѣ глубокое непоколебимое убѣжденіе въ самобытности основъ русской жизни и русскаго просвѣщенія. Съ дѣтства оба брата были связаны другъ съ другомъ самою горячею дружбою. Старшій братъ чуть не молился на младшаго: «понимать его, писалъ онъ однажды, возвышаетъ душу. Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаетъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе»... «Такая одинаковость, писалъ онъ въ другой разъ, съ такою теплотою сердца и съ такою правдою въ каждомъ поступкѣ, врядъ-ли вообразимы въ другомъ человѣкѣ... Когда поймешь это все хорошенько, да вспомнишь, что между тысячами милліоновъ именно его мнѣ досталось звать братомъ, какая-то судорога сожметъ и расширитъ сердце»... Не смотря на такія отношенія, между братьями въ пору изданія старшимъ изъ нихъ «Европейца» не было одинаковости убѣжденій по вопросу о русской народной самобытности и основныхъ началахъ русскаго просвѣщенія; разногласіе въ такомъ жизненномъ для того и другаго изъ нихъ вопросѣ тяготило обоихъ и порождало между ними постоянные и горячіе споры и страстный обмѣнъ мыслей, и въ нихъ взгляды старшаго брата постепенно теряли свою прежнюю устойчивость и измѣнялись при соприкосновеніи съ цѣльнымъ, какъ бы прирожденнымъ, убѣжденіемъ младшаго. Къ этому присоединилось вліяніе Хомякова, съ которымъ близко подружился И. В. Кирѣевскій около того времени, когда такъ неожиданно прервалась его журнальная дѣятельность, и который, среди тогдашняго общества, въ огромномъ большинствѣ считавшаго русскаго мужика прямымъ дикаремъ, а православіе отожествлявшаго съ невѣжествомъ, былъ горячимъ и убѣжденнымъ поборникомъ необходимости

самобытнаго развитія, православія, какъ основы этой самобытности, изученія старины и возвращенія къ ея завѣтамъ, поборникомъ идеи о будущемъ міровомъ призваніи Россіи и славянства. Въ 1834 г., въ апрѣлѣ, Кирѣевскій женился на той, чьей руки тщетно добивался пять лѣтъ тому назадъ. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, Филаретомъ, который успѣлъ внушить ему глубокое уваженіе къ себѣ и бесѣды котораго онъ очень полюбилъ; это тоже оставило свой слѣдъ на образѣ мыслей Кирѣевскаго. Поводомъ для Кирѣевскаго впервые высказаться въ духѣ назрѣвшихъ у него постепенно новыхъ убѣжденій явилась статья Хомякова «О старомъ и новомъ», написанная авторомъ для прочтенія на одномъ изъ вечеровъ, бывавшихъ у Кирѣевскихъ въ теченіе зимы 1839 г., и, какъ предполагаютъ, съ нарочною цѣлью вызвать Кирѣевскаго на обмѣнъ мыслей. Хомяковъ въ своей статьѣ высказываетъ тотъ взглядъ, что въ древней Руси, какъ и теперь, было «постоянное несогласіе между закономъ и жизнью, между учрежденіями писанными и живыми нравами народными», и что «наша древность представляетъ намъ примѣръ и начало всего добраго въ жизни частной, въ судопроизводствѣ, въ отношеніи людей между собою, но все это было подавлено, уничтожено отсутствіемъ государственнаго начала, раздорами внутренними, игомъ внѣшнихъ враговъ». Преобразовательная дѣятельность Петра была страшною, но благодѣтельною грозою: съ Петра «вещественная личность государства получаетъ рѣшительную и опредѣленную дѣятельность, свободную отъ всякаго внутренняго волненія, и въ то же время безстрастное и спокойное сознаніе души народной, сохраняя свои вѣчныя права, развивается все болѣе и болѣе въ удаленіи отъ всякаго временнаго интереса и отъ пагубнаго вліянія сухой практической внѣшности»... Теперь, когда эпоха созданія государственнаго кончилась, настало для насъ время подвигаться впередъ, «занимая случайныя открытія запада, но придавая имъ смыслъ болѣе глубокій или открывая въ нихъ тѣ человѣческія начала, которыя для запада остались тайнами, спрашивая у исторіи церкви и законовъ ея свѣтилъ путеводительныхъ для будущаго нашего развитія и воскрешая древнія формы жизни русской»... Кирѣевскій въ своей статьѣ «Въ отвѣтъ А. С. Хомякову» находитъ прежде всего неправильнымъ самый вопросъ, была-ли прежняя Россія, въ которой порядокъ вещей слагался изъ собственныхъ ея элементовъ, лучше или хуже Россіи теперешней, гдѣ порядокъ вещей подчиненъ преобладанію элемента западнаго: если старое было лучше теперешняго, разсуждаетъ онъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно было лучше теперь; съ другой стороны, если старое было хуже, то изъ этого также не слѣдуетъ, чтобы его элементы не могли развиться во что-нибудь лучшее при условіи свободы отъ вліянія элемента чужаго. Мало имѣетъ смысла также вопросъ, нужно-ли для улучшенія нашей жизни теперь возвращеніе къ старому русскому, или нужно развитіе противоположнаго ему элемента западнаго, иными словами, который изъ двухъ элементовъ исключительно полезенъ теперь: будь одинъ изъ нихъ избранъ въ теоріи, другой вмѣстѣ съ нимъ теперь останется неизбѣжнымъ въ дѣйствительности, и «сколько-бы ни желали возвращенія русскаго или введенія западнаго быта, но ни того ни другаго исключительно ожидать не можемъ, а поневолѣ должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть изъ взаимной борьбы двухъ враждующихъ началъ... Не въ томъ дѣло, который изъ двухъ, но въ томъ, какое оба они должны получить направленіе, чтобы дѣйствовать благодѣтельно»? Разсматривая основныя начала жизни, образующія силы народности въ Россіи и на западѣ, Кирѣевскій отмѣчаетъ различіе между ними въ видахъ христіанства, общаго начала здѣсь и тамъ, въ направленіи просвѣщенія, въ смыслѣ частнаго и народнаго быта. На западѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ дѣйствовали на развитіе просвѣщенія остатки классическаго міра, древняго язычества, которое представляетъ въ сущности своей «торжество формальнаго разума человѣка надъ всѣми, что внутри и внѣ его находится», въ видѣ формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Самое христіанство западное не избѣгло вліянія классическаго міра, и «римская церковь въ своемъ уклоненіи отъ восточной отличается именно тѣмъ же торжествомъ раціонализма надъ преданіемъ, внѣшней разумности надъ внутреннимъ

духовнымъ разумомъ»; въ торжествѣ формальнаго разума надъ вѣрою и преданіемъ коренится, по мнѣнію Кирѣевскаго, и вся судьба Европы, вся особенность ея просвѣщенія и быта. Христіанство восточное не знало ни борьбы вѣры противъ разума, ни торжества разума надъ вѣрою; потому и вліяніе его на просвѣщеніе было иное. «Я совсѣмъ не имѣю намѣренія писать сатиру на западъ, говоритъ Кирѣевскій, никто больше меня не цѣнитъ тѣхъ удобствъ жизни общественной и частной, которыя произошли отъ того-же самаго раціонализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю западъ; но въ сердцѣ человѣка есть такія движенія, есть такія требованія въ умѣ, такой смыслъ въ жизни, которые сильнѣе всѣхъ пріятностей жизни и внѣшней разумности, безъ которыхъ ни человѣкъ, ни народъ не могутъ жить своею настоящею жизнію. Потому, вполнѣ оцѣнивая всѣ отдѣльныя выгоды раціональности, я думаю, что въ конечномъ развитіи она своею болѣзненною неудовлетворительностью явно обнаруживается началомъ одностороннимъ, обманчивымъ, обольстительнымъ и предательскимъ». Кирѣевскій находитъ основою западнаго развитія частную, личную самобытность и общественное самовластіе, тогда какъ на Руси, по его мнѣнію, человѣкъ принадлежалъ міру, міръ ему, поземельная собственность, источникъ личныхъ правъ на западѣ, была принадлежностью общества, отдѣльныя общества или міры управлялись единообразнымъ обычаемъ, семья подчинялась міру, міръ—сходкѣ, сходка—вѣчу и т. д., всѣ связывались единствомъ просвѣтительнаго начала православія, и, вслѣдствіе этого, одинаковостью понятій объ отношеніяхъ общественныхъ и частныхъ; на западѣ права и преимущества, общественныя отношенія основываются на договорѣ -*условіи*, внѣ котораго нѣтъ правильныхъ отношеній и свободы управляемыхъ, а произволъ самовластія правящихъ — на Руси-же слово *право* означало единственно справедливость, правду, и, понимаемое только въ этомъ смыслѣ не могло ни браться, ни продаваться или уступаться, но существовало само по себѣ, независимо отъ условныхъ отношеній. Церковь наша не продавала чистоты своей за временныя выгоды, и потому Русь не имѣла рыцарства, а вмѣстѣ съ нимъ того аристократическаго класса, который былъ главнымъ элементомъ западнаго образованія. «Россія, заключаетъ свою статью Кирѣевскій, не блестѣла ни художествами, ни учеными изобрѣтеніями, не имѣя времени развиться въ этомъ отношеніи самобытно, и не принимая чужаго развитія, основаннаго на ложномъ взглядѣ и потому враждебнаго ея христіанскому духу. Но зато въ ней хранилось первое условіе развитія правильнаго, требующаго только времени и благопріятныхъ обстоятельствъ; въ ней собиралось и жило то устроительное начало знанія, та философія христіанства, которая одна можетъ дать правильное основаніе наукамъ. Всѣ св. отцы греческіе, не исключая самыхъ глубокихъ писателей, были переведены и читаны, и переписываемы, и изучаемы въ тишинѣ нашихъ монастырей, этихъ святыхъ зародышей несбывшихся университетовъ... И эти монастыри были въ живомъ безпрестанномъ соприкосновеніи съ народомъ»... Объясненіе причины паденія прежняго строя жизни Кирѣевскій видитъ въ Стоглавомъ Соборѣ. «Какъ скоро ересь, говоритъ онъ, явилась въ церкви, такъ раздоръ духа долженъ былъ отразиться и въ жизни»: при разрушеніи связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной; отсюда мѣстничество, опричина, рабство и т. п., отсюда расколъ, разногласіе правительства съ народомъ, «оттого Петръ, какъ начальникъ партіи въ государствѣ, образуетъ общество въ обществѣ, и все, что затѣмъ слѣдуетъ». Возвращать умершія съ ослабленіемъ духа формы древняго русскаго быта «было бы смѣшно, когда бы не было вредно», замѣчаетъ Кирѣевскій, но формы оставшіяся должно хранить съ вѣрою, «что когда-нибудь Россія возвратится къ тому живительному духу, которымъ дышетъ ея церковь».

Воззрѣнія, высказанныя въ этой статьѣ Кирѣевскимъ, существенно отличаются отъ высказанныхъ имъ въ статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ» и другихъ его прежнихъ статьяхъ: прежде вліяніе классическаго міра разсматривалось, какъ преимущество запада передъ Русью, теперь отсутствіе его въ Россіи обусловливаетъ въ глазахъ Кирѣевскаго преимущество ея передъ западомъ; прежде взаимодѣйствіе древняго языческаго міра и христіанства признавалось обстоятельствомъ, способствовавшимъ

усиленію и болѣе многостороннему развитію послѣдняго, теперь вліяніе классическаго языческаго міра представляется зародышемъ тлетворнаго раціонализма въ религіозномъ сознаніи; прежде вліяніе православія въ жизни русской почиталось менѣе рѣшительнымъ и мощнымъ, нежели вліяніе католичества въ жизни западныхъ народовъ, теперь православная вѣра полагается основою русской народной самобытности и истиннаго просвѣщенія, одухотворяющимъ началомъ жизни русской; прежде древняя Русь представлялась Кирѣевскому раздробленною физически и лишенною связи духовной, теперь она представляетъ въ его глазахъ стройное цѣлое, связанное однообразіемъ обычая, единствомъ духа и просвѣтительнаго начала; прежде наша національность почиталась необразованною, грубою, китайски-неподвижною, лишенною своихъ собственныхъ началъ для внутренняго развитія образованности, теперь она является залогомъ будущаго самобытнаго просвѣщенія и носительницею высшихъ «устроительныхъ» началъ знанія. Правда, и прежде высказывались Кирѣевскимъ нѣкоторыя мысли, согласовавшіяся, больше съ теперешними его убѣжденіями, нежели съ прежними; такъ—изъ высказаннаго имъ прежде признанія необходимости сознанія существующихъ условій дѣйствительности и построенія убѣжденій на основѣ этихъ условій и народности—логически уже вытекала теперешняя его теорія: «если бы онъ исходилъ, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, изъ того начала, что единое истинное есть общечеловѣческое, и притомъ въ формѣ европейскаго, то онъ могъ бы и долженъ бы былъ остановиться на оправданіи реформы; но, исходя изъ противоположнаго направленія, онъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ противоположному результату»... Тѣмъ не менѣе такое коренное измѣненіе самыхъ жизненныхъ убѣжденій въ человѣкѣ, «у котораго сердечная увѣренность никогда не была въ разладѣ съ логическими выводами и логическій выводъ никогда не ложился въ основаніе убѣжденія, а былъ лишь оправданіемъ внутренняго вѣрованія», требовалъ несомнѣнно упорной работы мысли и тяжелой душевной борьбы отъ Кирѣевскаго: для такого подвига сознанія велика должна была быть въ человѣкѣ жажда истины... Обѣ статьи, и Хомякова, и Кирѣевскаго, были напечатаны впервые лишь при изданіи впослѣдствіи полныхъ собраній ихъ сочиненій. Въ 1839 г. Кирѣевскій былъ сдѣланъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзднаго училища. Въ этомъ званіи имъ была написана въ 1840 г. и подана тогдашнему попечителю московскаго учебнаго округа графу Строганову записка: «О направленіи и методахъ первоначальнаго образованія народа», а въ 1854 году была представлена ему же другая записка: «О преподаваніи славянскаго языка совмѣстно съ русскимъ»; вслѣдствіе этой второй записки въ Бѣлевскомъ училищѣ было введено преподаваніе славянскаго языка. Въ сороковыхъ годахъ Кирѣевскій искалъ каѳедры философіи въ Московскомъ университетѣ, которая была тогда свободною, и по этому поводу имъ была составлена и представлена графу Строганову записка о преподаваніи логики, но намѣренію его не пришлось осуществиться, такъ какъ его, повидимому, какъ это ни странно, все еще продолжали считать неблагонадежнымъ и опаснымъ со времени запрещенія «Европейца». Между тѣмъ, по его собственному признанію въ письмѣ брату, около этого времени, онъ жаждалъ труда, «какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды». Въ теченіе 1844 года Кирѣевскій чрезъ посредство брата и Хомякова велъ переговоры съ Погодинымъ относительно редакціи и участія въ изданіи «Москвитянина» Настроеніе, въ какомъ онъ думалъ снова выступить на журнальное поприще, характеризуется слѣдующими его словами изъ письма брату: «хочу только не ввести никого въ отвѣтственность и не прятаться, какъ злоумышленникъ... согласенъ на ваши предложенія только въ случаѣ офиціальнаго позволенія, и притомъ при такомъ устройствѣ, чтобы при скоропостижной смерти Жуковскаго никто не пострадалъ отъ меня, и при жизни и здоровьѣ Жуковскаго, чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею». Въ началѣ 1845 г. «Москвитянинъ» дѣйствительно переходитъ отъ Погодина къ Кирѣевскому, но не надолго—подъ редакціею Кирѣевскаго вышли только первыя три книги журнала и былъ приготовленъ матеріалъ для четвертой книги; оффиціальнаго разрѣшенія на изданіе получить ему такъ и не удалось, а вести журналъ, не располагая полной свободой дѣйствій, было ему очень

трудно и даже невозможно; къ этому присоединилось еще нездоровье. Сотрудниками Кирѣевскаго въ этой попыткѣ его возобновить журнальную дѣятельность, кромѣ прежнихъ сотрудниковъ «Европейца»: Хомякова, Языкова, А. И. Тургенева, князя Вяземскаго, явились Дм. Алекс. Валуевъ, К. С. Аксаковъ, Петръ Вас. Кирѣевскій и др. Изъ статей самого Кирѣевскаго въ «Москвитянинѣ» 1845 г. особенно замѣчательно его «Обозрѣніе современнаго состоянія литературы». Какъ характерную черту своего времени, Кирѣевскій отмѣчаетъ прежде всего въ своей статьѣ паденіе безкорыстнаго интереса къ явленіямъ чисто-литературнымъ: словесность изящная замѣнилась словесностью, такъ сказать, журнальною, въ которой «мысль подчинена текущимъ обстоятельствамъ, чувство приложено къ интересамъ партіи, форма принаровлена къ требованіямъ минуты». При этомъ интересъ изъ области вопросовъ политическихъ, особенно занимавшихъ прежде умы на западѣ, въ послѣднее время перемѣщается въ область вопросовъ общественныхъ съ точки зрѣнія усовершенствованія человѣка и его жизненыхъ отношеній. Отсюда значительность частныхъ литературныхъ явленій и хаосъ противорѣчащихъ мнѣній и воздушныхъ теорій въ общемъ объемѣ литературы, и въ основаніи всего отсутствіе общаго или господствующаго убѣжденія. Во всѣхъ литературныхъ явленіяхъ современности обыкновенно оказываются двѣ стороны: «одна почти всегда возбуждаетъ сочувствіе въ публикѣ, и часто заключаетъ въ себѣ много истиннаго, дѣльнаго и двигающаго впередъ мысль—это сторона *отрицательная*, полемическая, опроверженіе системъ и мнѣній, предшествовавшихъ излагаемому убѣжденію; другая сторона, если иногда и возбуждаетъ сочувствіе, то почти всегда ограниченное и скоро проходящее: эта сторона *положительная*, т. е. именно то, что составляетъ особенность новой мысли, ея сущность, ея право на жизнь»... Такая двойственность западной мысли объясняется, по мнѣнію Кирѣевскаго, съ одной стороны, сознаніемъ неудовлетворительности прежнихъ началъ жизни, съ другой, безсиліемъ и невозможностью найдти новое основаніе для жизни народной, иными словами, создать себѣ убѣжденіе напряженіемъ мышленія. Разсматривая затѣмъ замѣчательныя движенія литературъ европейскихъ и сообразя свои наблюденія съ господствующимъ характеромъ европейскаго просвѣщенія, Кирѣевскій приходитъ къ ряду положеній, опредѣляющихъ въ совокупности сущность его новаго воззрѣнія на отношеніе западнаго просвѣщенія къ русскому. «Отдѣльные роды словесности смѣшались въ одну неопредѣленную форму. Отдѣльныя науки не удерживаются болѣе въ своихъ прежнихъ границахъ, но стремятся сблизиться съ науками, имъ смежными, и въ этомъ расширеніи предѣловъ своихъ примыкаютъ къ своему общему центру — философіи. Философія въ послѣднемъ окончательномъ развитіи своемъ ищетъ такого начала, въ признаніи котораго она могла бы слиться съ вѣрою въ одно умозрительное единство. Отдѣльныя западныя народности, достигнувъ полноты своего развитія, стремятся уничтожить раздѣляющія ихъ особенности и сомкнуться въ одну обще-европейскую образованность». Основаніемъ для такого стремленія служитъ признаніе общности и единства коренной основы господствующаго начала европейской жизни. Современная особенность западной жизни заключается въ сознаніи неудовлетворительности этого начала въ данный моментъ для высшихъ требованій просвѣщенія. Начало это характеризуется стремленіемъ къ личной и самобытной разумности въ мысляхъ и въ жизни; слѣдовательно, «общее ощущеніе неудовлетворительности самыхъ началъ европейской жизни есть не что иное, какъ темное или ясное сознаніе неудовлетворительности безусловнаго разума». Отсюда возникаетъ стремленіе къ религіозности вообще, на это стремленіе, «по самому происхожденію своему изъ развитія разума, не можетъ подчиниться такой формѣ вѣры, которая бы совершенно отвергала разумъ, ни удовлетвориться такою, которая бы поставляла вѣру въ его зависимость». Въ крайнемъ развитіи раціонализма коренится источникъ отчужденія искусства отъ жизни и упадокъ поэзіи. Вообще современный характеръ европейскаго просвѣщенія однозначителенъ съ характеромъ образованности греко-римской, «когда, развившись до противорѣчія самой себѣ, она по естественной необходимости должна была принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности». Заключительный выводъ тотъ, что

«на днѣ европейскаго просвѣщенія въ наше время всѣ частные вопросы о движеніяхъ умовъ, о направленіяхъ науки, о цѣляхъ жизни, о различныхъ устройствахъ общества, о характерахъ народныхъ, семейныхъ и личныхъ отношеній, о господствующихъ началахъ внѣшняго и самаго внутренняго быта человѣка,—всѣ сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православнословенскаго». Обращаясь къ Россіи, Кирѣевскій отмѣчаетъ какъ коренное отличіе литературы русской отъ западно-европейской ея подражательность. Въ народной самобытности западно-европейскихъ литературъ, въ живой цѣлости образованности европейскихъ народовъ заключается основа значительности западной культуры. Подражательность нашей литературы дѣлаетъ произведенія ея интересными для другихъ народовъ развѣ только въ статистическомъ отношеніи, какъ показаніе мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи образцовъ. «Мы переводимъ, говоритъ Кирѣевскій, подражаемъ, изучаемъ чужія словесности, слѣдимъ за ихъ малѣйшими движеніями, усвояемъ себѣ чужія мысли и системы, и эти упражненія составляютъ украшеніе нашихъ образованныхъ гостиныхъ, иногда имѣютъ вліяніе на самыя дѣйствія нашей жизни, но, не бывъ связаны съ кореннымъ развитіемъ нашей, исторически намъ данной, образованности, они отдѣляютъ насъ отъ внутренняго источника отечественнаго просвѣщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ насъ безплодными и для общаго дѣла просвѣщенія всечеловѣческаго». Такія явленія, какъ Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій Пушкинъ, Гоголь—исключенія; рѣчь идетъ о словесности вообще, въ обыкновенномъ ея состояніи. «Тѣ начала умственной, общественной, нравственной и духовной жизни, которыя создали прежнюю Россію и составляютъ теперь единственную сферу ея народнаго быта, не развились въ литературное просвѣщеніе наше, но остались нетронутыми, оторванныя отъ успѣховъ нашей умственной дѣятельности, между тѣмъ какъ мимо ихъ, безъ отношенія къ нимъ, литературное просвѣщеніе наше истекаетъ изъ чужихъ источниковъ, совершенно не сходныхъ не только съ формами, но часто даже съ самыми началами нашихъ убѣжденій». Кирѣевскій считаетъ ошибочнымъ мнѣніе, «что полнѣйшее усвоеніе иноземной образованности можетъ со временемъ пересоздать всего русскаго человѣка, какъ она пересоздала нѣкоторыхъ пишущихъ и не пишущихъ литераторовъ; уничтожить особенность умственной жизни народной такъ же невозможно, какъ не возможно уничтожить его исторію; замѣнить литературными понятіями коренныя убѣжденія народа такъ же легко, какъ отвлеченную мыслію перемѣнить кости развившагося организма». Наконецъ, если бы это и было возможно, то въ результатѣ получилось бы не просвѣщеніе, а уничтоженіе народа. Одинаково ошибочнымъ признаетъ Кирѣевскій и другое мнѣніе, противуположное указанному безотчетному поклоненію Западу, «столько же одностороннее, хотя гораздо менѣе распространенное», заключающееся «въ безотчетномъ поклоненіи прошедшимъ формамъ нашей старины и въ той мысли, что со временемъ новоприобрѣтенное европейское просвѣщеніе опять должно будетъ изгладиться изъ нашей умственной жизни развитіемъ нашей особенной образованности»: возстановить форму жизни, однажды прошедшую и уже болѣе не возвратимую, какъ та особенность времени, которая участвовала въ ея созданіи—это то же, что воскресить мертвеца. Сдѣлавшись однажды участниками европейскаго просвѣщенія, мы можемъ, если это нужно, подчинить его другому, высшему, дать ему то или другое направленіе, но истребить въ себѣ его вліяніе мы не въ силахъ. «Направленіе къ народности, замѣчаетъ Кирѣевскій, истинно у насъ, какъ высшая ступень образованности, а не какъ душный провинціализмъ. Потому, руководствуясь этою мыслью, можно смотрѣть на просвѣщеніе европейское, какъ на неполное, одностороннее, не проникнутое истиннымъ смысломъ и потому ложное,—но отрицать его, какъ бы не существующее, значитъ стѣснять собственное»: результатомъ въ послѣднемъ случаѣ была бы односторонность просвѣщенія, утрата имъ общечеловѣческаго значенія. Заключительный выводъ Кирѣевскаго тотъ, «что всѣ споры о превосходствѣ Запада или Россіи, о достоинствѣ исторіи европейской или нашей и тому подобныя разсужденія принадлежатъ къ числу самыхъ безполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ

придумать празднолюбіе мыслящаго человѣка». Слѣдуетъ различать двѣ образованности, два раскрытія умственныхъ силъ въ человѣкѣ и народахъ: «внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины», и «формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній». Первая образованность «зависитъ отъ начала, которому покоряется человѣкъ и можетъ сообщаться непосредственно, вторая есть плодъ медленной и трудной работы. Первая даетъ смыслъ и значеніе второй, но вторая даетъ ей содержаніе и полноту. Для первой нѣтъ измѣняющагося развитія, есть только прямое признаніе, сохраненіе и распространеніе въ подчиненныхъ сферахъ человѣческаго духа»; вторая—бываетъ плодомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ «совокупныхъ усилій всѣхъ частныхъ разумѣній». Въ переходныя эпохи, въ эпохи паденія или колебанія цѣльности внутренней образованности, внѣшняя, формальная образованность отожествляется съ истинною, совершенною. Таково, по мнѣнію Кирѣевскаго, до послѣдняго времени было состояніе европейскаго просвѣщенія; въ данный моментъ заблужденіе, «будто то живое разумѣніе духа, то внутреннее устроеніе человѣка, которое есть источникъ его путеводныхъ мыслей, сильныхъ дѣлъ, безоглядныхъ стремленій, задушевной поэзіи, крѣпкой жизни и высшаго зрѣнія ума», можетъ составляться изъ одного развитія логическихъ формулъ, начинаетъ разрушаться успѣхами высшаго мышленія, и этимъ состояніемъ европейской мысли опредѣляется отношеніе европейскаго просвѣщенія къ кореннымъ началамъ образованности русской. «Любовь къ образованности европейской, равно какъ любовь къ нашей, обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно христіанскому просвѣщенію». Установивъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія на возможное отношеніе образованности европейской и народной русской, Кирѣевскій обращается къ разсмотрѣнію частныхъ явленій современной русской литературы и останавливается на журналахъ. Общій выводъ обзора тотъ, что у насъ больше потребности мнѣній, нежели самихъ мнѣній; литературныхъ мнѣній у насъ еще не составилось, и не можетъ ихъ быть, «покуда господствующая краска нашихъ мыслей будетъ служить оттѣнкомъ чужеземныхъ убѣжденій», лишенныхъ въ данный моментъ единства и цѣльности; при отсутствіи на западѣ законченныхъ системъ, теперь каждый долженъ составить себѣ свой собственный образъ мыслей и, если онъ не возметъ его изъ всей совокупности жизни, то всегда останется при однѣхъ книжныхъ фразахъ; живое рождается только изъ жизни... Нѣкоторый поворотъ къ измѣненію такого порядка вещей замѣчается въ зарожденіи того «славяно-христіанскаго» направленія, «которое, съ одной стороны, подвергается нѣкоторымъ, можетъ быть, преувеличеннымъ пристрастіямъ, а съ другой преслѣдуется странными, отчаянными нападеніями, насмѣшками, клеветами, но, во всякомъ случаѣ, достойно вниманія, какъ такое событіе, которому, по всей вѣроятности предназначено занять не послѣднее мѣсто въ судьбѣ нашего просвѣщенія».—Таково было содержаніе статьи Кирѣевскаго, въ которой онъ впервые высказался печатно въ духѣ новаго направленія, усвоеннаго его мыслью по вопросу объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному и называемаго имъ «славяно-христіанскимъ» или «православно-словенскимъ». Въ близкой связи съ нею по духу сужденій и направленію мыслей находились и другія статьи Кирѣевскаго, напечатанныя въ «Москвитянинѣ» его редакціи: замѣтка о сочиненіяхъ Паскаля, изданныхъ Кузеномъ, статья о публичныхъ лекціяхъ проф. Шевырева о древней русской словесности, редакціонная замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ при открытіи въ журналѣ отдѣла, посвященнаго этому предмету, вступленіе къ отдѣлу библіографіи и рядъ библіографическихъ замѣтокъ: о «Бесѣдахъ на Четыредесятницу» преосв. Иннокентія, о переводѣ «Фауста» Вронченка, о книгѣ гр. Соллогуба «На сонъ грядущій», о сочиненіи Ѳ. Надеждина «Опытъ науки философіи», народной повѣсти «Лука да Марья» Ѳ. Глинки, романѣ Шишкиной «Прокопій Ляпуновъ» и др. Говоря объ утратахъ, понесенныхъ русскою литературою въ 1844 году съ кончиною Баратынскаго и Крылова, Кирѣевскій останавливается между прочимъ на Гоголѣ, какъ представителѣ «той новой, великой, до сихъ поръ въ ясномъ видѣ не являвшейся силѣ, которой неисчислимые результаты могутъ произвести совершенный переворотъ въ нашей литературѣ и которую называютъ *силою русской народности*». По этому поводу онъ высказываетъ

свой взглядъ на значеніе народности въ писателѣ вообще: въ этой особенности, по его мнѣнію, у писателя больше правъ на жизненное вліяніе къ литературѣ, нежели даже въ геніальности. «Ибо если справедливо, говоритъ онъ, что красота принадлежитъ всѣмъ націямъ, что статуя греческая равно нравится нѣмцу и русскому, то надобно сознаться, что для понятія чужой красоты необходимо нѣкоторое разумное отвлеченіе, охлаждающее ея дѣйствіе, между тѣмъ какъ красота своенародная, окруженная невидимымъ строемъ сочувственныхъ звуковъ, близкихъ и далекихъ отголосковъ, темныхъ и ясныхъ, сердечныхъ, несознанныхъ воспоминаній, не отрываетъ мечту отъ жизненной сферы, но дѣйствуя двойною силою, связываетъ художественное наслажденіе, подлежащее сознанію, вмѣстѣ съ безотчетными пристрастіями нашей особенной жизни». Книжка Глинки «Лука да Марья» назначалась для народа, и это обстоятельство даетъ Кирѣевскому поводъ высказать нѣсколько мыслей относительно народной литературы вообще. Характеръ этой литературы, по его мнѣнію долженъ согласоваться съ основаніемъ и направленіемъ народнаго мышленія, содержаніе и характеръ котораго почерпается изъ самыхъ глубокихъ истинъ нашего вѣроученія. «Тѣ не совсѣмъ правы, говоритъ Кирѣевскій, которые смотрятъ на нашъ народъ, какъ на ребенка, еще ничего несмыслящаго и требующаго дѣтскихъ игрушекъ, поверхностныхъ наставленій, полушуточнаго языка и легкихъ размышленій о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ». Кромѣ названныхъ статей Кирѣевскимъ въ «Москвитянинѣ» своей редакціи была напечатана статья о Шеллингѣ и переводъ отрывковъ изъ автобіографіи Стефенса. Статья о Шеллингѣ написана по поводу рѣчи философа въ Берлинской Академіи наукъ о значеніи римскаго Януса и заключаетъ въ себѣ изложеніе ученія Шеллинга о философіи, миѳологіи и откровеніи. Интересъ жизнеописанія Стефенса опредѣляется въ глазахъ переводчика главнымъ образомъ, повидимому, характернымъ для этого философа-литератора постояннымъ исканіемъ «той неосязаемой черты, гдѣ наука и вѣра сливаются въ одно живое разумѣніе, гдѣ жизнь и мысль одно, гдѣ самыя высшія, самыя сокровенныя требованія духа находятъ себѣ не отвлеченную формулу, но внятный сердцу отвѣтъ». Кромѣ статей въ «Москвитянинѣ», Кирѣевскимъ въ 1845 г. была напечатана въ «Библіотекѣ для воспитанія», издаваемой Д. А. Валуевымъ, небольшая статья о Баратынскомъ. Оставивъ редакцію «Москвитянина», Кирѣевскій лѣтомъ 1845 года уѣхалъ въ Долбино и прожилъ тамъ годъ слишкомъ, до осени 1846 года. 1846 годъ былъ для него, по его собственнымъ словамъ, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни. Одинъ за другимъ скончались въ это время Дм. А. Валуевъ, А. И. Тургеневъ, А. А. Елагинъ, Н. М. Языковъ, все люди близкіе и дорогіе Кирѣевскому; наконецъ. въ тотъ же годъ онъ потерялъ дочь. Въ литературной дѣятельности Кирѣевскаго произошелъ новый перерывъ: въ теченіе семи лѣтъ онъ не печаталъ ничего. Въ началѣ 1852 года Кошелевымъ, подъ редакцію И. С. Аксакова, былъ изданъ «Московскій сборникъ», и въ первой книгѣ его Кирѣевскій напечаталъ въ видѣ письма къ гр. Е. Е. Комаровскому статью «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи». Статья эта заключаетъ въ себѣ большею частію мысли, уже высказанныя Кирѣевскимъ раньше, въ прежнихъ литературныхъ произведеніяхъ его, но, по законченности развитія основныхъ положеній, опредѣленности и послѣдовательности ихъ изложенія, считается особенно значительнымъ, капитальнымъ трудомъ автора. По мнѣнію Кирѣевскаго, европейское просвѣщеніе, достигнувъ во второй половинѣ XIX вѣка полноты своего развитія, породило конечными своими результатами всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды, потому что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій, общій выводъ изъ всего богатства знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка. Западный человѣкъ «вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на преобразованной имъ землѣ». Но самый отвлеченный разумъ дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности и убѣдился, что высшія истины ума и его существенныя убѣжденія лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса. Съ утратою вѣры въ всемогущество разума оставалось либо

«довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ», либо «возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума»; ни то, ни другое было не возможно для людей, которые были не въ силахъ «вынести ни жизни тѣсно-эгоистической, ни жизни односторонне умственной, прямо противорѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія», и большинство мыслителей европейскихъ «обратились къ тому избѣгу, что каждый искалъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній». Въ виду такого состоянія умовъ въ Европѣ многіе въ Россіи, «убѣдившись въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія»: начались живыя историческія разысканія въ этомъ направленіи, сличенія, изданія... «Впервые послѣ полутораста лѣтъ, обративъ испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, русскіе ученые, говоритъ Кирѣевскій, съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія и живыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ они были до сихъ поръ обмануты» вслѣдствіе того, что «безусловное пристрастіе къ западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ русскаго варварства заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи». Выраженіе основныхъ началъ русской самобытности представляетъ однако большія трудности, такъ какъ они въ силу историческихъ условій не раскрылись въ жизни до очевидности конечнаго развитія просвѣтительныхъ началъ Запада въ его исторіи. Какъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ, кромѣ разностей племенныхъ, Кирѣевскій указываетъ три основныхъ начала просвѣщенія европейскихъ народовъ: христіанство въ формѣ римской церкви, образованность языческаго міра и возникшую изъ насилій завоеванія государственность. Всѣ эти три элемента Запада, по мнѣнію Кирѣевскаго, были совершенно чужды древней Руси; для чистаго вліянія христіанскаго ученія на жизнь человѣка на Руси не было тѣхъ препятствій, какія Европа находила въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ Запада; въ отношеніи государственномъ русскій народъ устраивался вполнѣ самобытно. Особенностью настоящей статьи Кирѣевскаго, сравнительно съ прежними его сочиненіями, является выдѣленіе греческаго міра изъ понятія о мірѣ классическомъ по отношенію его къ Западному просвѣщенію и опредѣленіе вліянія варваровъ на европейскую образованность не только въ смыслѣ чисто культурномъ, въ смыслѣ благопріятнаго условія для болѣе полнаго и многосторонняго развитія просвѣтительнаго начала, но главнымъ образомъ въ признаніи важности тѣхъ слѣдовъ ихъ завоеваній, которые сохранились въ строѣ государственной жизни западно-европейскихъ народовъ. Въ связи съ этимъ нѣсколько измѣняется и характеристика соотвѣтствующихъ началъ образованности русской: авторъ допускаетъ, что древняя Русь не была совсѣмъ чужда древней классической образованности, что она была причастна ей, но въ той уже формѣ, въ какой эта образованность прошла сквозь ученіе христіанское; указаніе на отсутствіе элемента завоеванія въ развитіи государственности на Руси было дѣлаемо Кирѣевскимъ и раньше, но мимоходомъ, теперь, въ сопоставленіи съ новымъ опредѣленіемъ вліянія варваровъ на образованность Запада, указаніе это получило особый самостоятельный смыслъ и значеніе. Такія измѣненія въ оттѣнкахъ основныхъ положеній весьма интересны въ біографическомъ отношеніи: видна безостановочная работа мысли въ опредѣленномъ направленіи, исканіе истины, прояснѣніе сознанія, и это слѣдуетъ принять во вниманіе не только для характеристики личности Кирѣевскаго, но и при опредѣленіи и оцѣнкѣ конечныхъ результатовъ всей его дѣятельности. Переходя затѣмъ къ выясненію вліянія каждаго изъ трехъ названныхъ элементовъ на дальнѣйшее развитіе Европы, Кирѣевскій говоритъ, что »всеобъемлющимъ» началомъ была старая римская образованность, которая проникала въ самое основное строеніе общественныхъ отношеній, въ законы, въ жизнь, въ нравы, въ обычаи, въ первое развитіе наукъ и

искусствъ европейскихъ, въ весь внутренній составъ жизни западнаго человѣка и преобразовывала болѣе или менѣе всѣ другія вліянія, согласно своему господствующему направленію. Но римская образованность отличалась односторонне разсудочнымъ пониманіемъ жизни. Такая же отвлеченная формальная разсудочность является опредѣляющимъ признакомъ и всей жизни европейской: религіознаго сознанія, общественнаго и государственнаго строя, философіи, наукъ и искусствъ Запада. Мысль эта была высказываема и развиваема Кирѣевскимъ уже и раньше; теперь она пріобрѣтаетъ только больше законченности и опредѣленности. Роковая особенность римскаго ума, отрѣшенная разсудочность, мало помалу проникла въ сознаніе и самое ученіе богослововъ римской церкви и разрушила въ нихъ присущую христіанскому умозрѣнію гармоническую цѣльность; отсюда всѣ особенности римскаго католицизма, весь характеръ историческаго развитія среднихъ вѣковъ, отсюда и папа Николай I, и Лютеръ, и Штраусъ.. Духомъ узкаго формализма и отвлеченной разсудочности проникнуто и внѣшнее устроеніе европейскаго общества. Государственное устройство на Западѣ возникло изъ завоеванія или насилія; отсюда враждебная разграниченность сословій, возникшая изъ борьбы спорящихъ другъ съ другомъ племенъ, угнетавшаго и угнетеннаго, наружныя, формальныя и насильственныя условія примиренія, условныя, по договору установленныя правила внѣшнихъ формальныхъ отношеній, рыцарскіе законы чести, искусственная связь рыцарскихъ замковъ, являющихся отдѣльными государствами въ государствѣ, формально логическая законность. Начавшись насиліемъ, государства европейскія, скрывавшія подъ общественными формами постоянно однѣ частныя партіи, должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть не что иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Въ развитіи философскаго мышленія Европы Кирѣевскій видитъ то же развитіе отвлеченной раціональности. Безконечная, утомительная игра понятій въ продолженіе семисотъ лѣтъ господства схоластики, этотъ постоянный калейдоскопъ отвлеченныхъ категорій, произвели въ результатѣ общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики; живое, цѣльное пониманіе внутренней духовной жизни и живое непредубѣжденное созерцаніе внѣшней природы равно изгонялись изъ круга западнаго мышленія, первое подъ именемъ «мистики», второе подъ именемъ «безбожія». Съ паденіемъ схоластики разсудочность и слѣпота къ живымъ истинамъ сохранились почти по прежнему: онѣ сказались и въ системахъ Декарта, Спинозы и Лейбница. Юмъ, послѣдователь Бакона и Локка, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель—все это звенья одной и той же отвлеченно-логической цѣпи. Въ противоположность западному мышленію Кирѣевскій ставитъ мышленіе восточное, опредѣлившееся въ трудахъ писателей Восточной церкви. Не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, они держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія. Просвѣщеніе византійское, по самому содержанію своему, было полнѣе западнаго, образовавшагося почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей; западные писатели и Аристотеля, который, можно сказать, былъ душою всего умственнаго развитія средневѣковой Европы, знали лишь въ обработкѣ арабскихъ и латинскихъ ученыхъ. Кромѣ различія понятій Кирѣевскій находитъ между Востокомъ и Западомъ различіе и въ самомъ *способѣ* мышленія. «Стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные писатели, говоритъ Кирѣевскій, заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа, западные—болѣе о внѣшней связи понятій, первые ищутъ внутренней цѣльности разума, вторые полагаютъ возможнымъ достиженіе истины и для раздѣлившихся силъ ума». Цѣлостное воззрѣніе св. отцовъ Восточной церкви, неоцѣненное, какъ слѣдуетъ, и даже оставшееся до сихъ поръ вовсе неизвѣстнымъ Западу, перешло изъ Греціи въ Россію и, распространившись путемъ монастырскаго просвѣщенія по всей обширной землѣ Русской, опредѣлило собой сущность всей русской жизни. «И не природныя какія нибудь преимущества славянскаго племени, замѣчаетъ Кирѣевскій, заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; они

могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени». Различаясь отъ Европы въ духѣ и характерѣ просвѣтительнаго начала, Россія отличается отъ нея и въ характерѣ государственнаго строя и общественнаго быта. Пришествіе варяговъ не было ни нашествіемъ чужаго племени, ни завоеваніемъ, и государственность слагалась на Руси безъ всякихъ насилій извнѣ, единственно вслѣдствіе внутренняго строя нравственныхъ понятій народа, изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія. Государство стояло Церковью, но сама Церковь съ начала навсегда опредѣлила твердыя границы между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностью общественнаго устройства и, управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, никогда не имѣла притязаній насильственно управлять ихъ волею или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную, тѣмъ болѣе—искать формальнаго господства надъ правительствомъ. Отсюда отсутствіе такихъ свѣтско-духовныхъ учрежденій, какъ рыцарско-монашескіе ордена, инквизиціонныя судилища и т. п. Духовное вліяніе Церкви было тѣмъ полнѣе, что не было историческаго препятствія внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ; не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ; не было ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго, ни истекающей отсюда политической и нравственной борьбы; Русь не знала и слѣдствій этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. Русское общество древнихъ временъ не знало ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля; оно представляло безчисленное множество маленькихъ общинъ, разселенныхъ по всему лицу земли Русской, имѣющихъ каждая, на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ каждая свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливались въ другія, большія согласія, которыя, въ свою очередь, составляли согласія областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагалось одно общее огромное согласіе всей Русской земли, съ великимъ княземъ всея Руси во главѣ, въ качествѣ кровли всего общественнаго зданія. Законы, выходя изъ бытоваго преданія и внутренняго убѣжденія, чужды характера искусственной формальности и «носятъ характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости буквальному смыслу формы, святость преданія логическому выводу, нравственность требованія внѣшней правдѣ». Оттого на Западѣ улучшенія совершались насильственными перемѣнами, на Руси стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ. Затѣмъ Кирѣевскій останавливается на различіи между Западомъ и Россіею въ пониманіи права поземельной собственности: на Западѣ личное право собственности является основаніемъ гражданскихъ отношеній, въ общественности русской первое основаніе—личность, а право собственности лишь случайное ея отношеніе. Характеризуя наконецъ общежительныя отношенія двухъ сравниваемыхъ міровъ, Кирѣевскій въ западномъ человѣкѣ находитъ раздробленіе жизни на отдѣльныя стремленія, тогда какъ въ русскомъ отмѣчаетъ постоянное стремленіе къ совокупной цѣльности нравственныхъ силъ, на Западѣ видитъ шаткость личной самозаконности, на Руси крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей, тамъ стремленіе къ роскоши и искусственность жизни, здѣсь простоту жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества. Заключительный выводъ тотъ, что характерныя черты западной образованности раздвоеніе и разсудочность, а древне-русской—цѣльность и разумность. Паденіе древняго идеальнаго быта Руси и причину, почему образованность русская не достигла большей полноты сравнительно съ европейскою прежде введенія послѣдней въ Россію, Кирѣевскій объясняетъ, въ качествѣ личнаго своего мнѣнія, тѣмъ, что на Руси «чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ. Отъ этого смѣшенія, конечно, ограждалъ его самый характеръ православнаго ученія, преимущественно заботящагося о цѣльности духа. Однако же разумъ ученія, принятаго

человѣкомъ, не совершенно уничтожаетъ въ немъ общечеловѣческую слабость». Отсюда уваженіе къ формѣ, обряду, смѣшеніе частныхъ юридическихъ постановленій Византіи съ обязательными общецерковными, упадокъ строгости жизни при наружномъ благочестіи, отсюда мѣстничество, отсюда «та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ, и потомъ своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противуположную себѣ, другую односторонность—стремленіе къ формамъ чужимъ и чужому духу». Но корень образованности русской живетъ еще въ народѣ и его православной Церкви и на этомъ основаніи, и ни на какомъ другомъ, можетъ и должна созидаться и русская самобытная наука, и истинно-русское искусство, русская общественность, живое русское просвѣщеніе. Однако для возвращенія къ прежнему духу Кирѣевскій не только не находитъ нужнымъ возстановленіе какихъ либо прежнихъ формъ, «внѣшнихъ особенностей прежней жизни, однажды погибшихъ», но прямо видитъ въ этомъ перемѣщеніи прошлаго въ настоящее опасность, не желаетъ этого... Онъ заканчиваетъ статью горячимъ пожеланіемъ, «чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи св. православной церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ, чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе, и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей православной Россіи»... Статья Кирѣевскаго явилась крупнымъ событіемъ дня и обратила на себя вниманіе многихъ. Гр. Комаровскій написалъ автору письмо, въ которомъ выразился, что статья Кирѣевскаго «истинно производитъ впечатлѣніе какого-то путешествія въ новооткрытыя страны: столько тутъ новаго и въ стилѣ и въ идеяхъ, даже во многихъ отношеніяхъ въ самомъ направленіи (les tendances)». «Ручаюсь, замѣчаетъ гр. Комаровскій, «что не одинъ православный человѣкъ, не одинъ патріотъ (plus d'un orthodoxe, plus d'un patriote) можетъ почувствовать, благодаря вашимъ строкамъ, несказанную радость Робинзона, когда онъ вдругъ на своемъ необитаемомъ островѣ нашелъ слѣды человѣка»... Грановскій заявлялъ И. С. Аксакову, что рѣшительно не согласенъ съ Кирѣевскимъ, но находилъ его статью превосходно написанною. Взгляды Кирѣевскаго однако не вполнѣ раздѣляли и ближайшіе его друзья, сотрудники того самаго изданія, въ которомъ была напечатана его статья. «Если вы прочли «Сборникъ», писалъ И. С. Аксаковъ И. С. Тургеневу, то васъ, можетъ быть, смутила статья Кирѣевскаго. Знайте, что ни Константинъ, ни я, ни Хомяковъ не подписались бы подъ этою статьей»... Хомяковъ написалъ даже возраженіе своему другу, которое предназначалось къ напечатанію во 2-й книгѣ «Московскаго Сборника»; книгѣ этой не суждено было появиться въ свѣтъ. Направленіе «Московскаго Сборника» было признано властями предосудительнымъ и продолженіе изданія запрещено. Къ числу статей, подлежащихъ запрещенію, была отнесена и статья Хомякова «По поводу статьи Кирѣевскаго», представленная въ цензуру въ рукописи вмѣстѣ съ другими статьями, предназначенными къ печатанію во 2-й книгѣ «Сборника»,—статья эта впервые появилась лишь въ посмертномъ собраніи сочиненій Хомякова. Главнымъ участникамъ «Сборника», въ томъ числѣ и Кирѣевскому, было вмѣнено въ обязанность впредь представлять всѣ свои сочиненія для разсмотрѣнія непосредственно въ Главное Управленіе Цензуры, что было крайне для нихъ стѣснительно и почти равносильно запрещенію... Кирѣевскій снова пересталъ писать для печати и уѣхалъ на житье въ свое Долбино. «Литературныя занятія мои, писалъ онъ въ октябрѣ 1852 года Кошелеву, ограничиваются кой-какимъ чтеніемъ, и то новаго читаю мало, а старое охотнѣе, можетъ быть, оттого, что самъ состарился. Однако же не теряю намѣренія написать, *когда можно будетъ писать*, курсъ философіи, въ которомъ, кажется, будетъ много новыхъ истинъ, т. е. новыхъ отъ человѣческой забывчивости»... Живя въ Долбинѣ, въ деревенскомъ затишьи и уединеніи, и работая надъ своимъ философскимъ сочиненіемъ, Кирѣевскій занялся изученіемъ въ подлинникахъ твореній св. отцевъ, въ томъ, между прочимъ убѣжденіи, что «направленіе философіи зависитъ, въ первомъ своемъ

началѣ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ». Изъ Долбина онъ часто ѣздилъ въ сосѣднюю Оптину пустынь; онъ проводилъ въ монастырѣ нерѣдко цѣлыя недѣли, сблизился съ нѣкоторыми изъ монастырской братіи, особенно съ духовникомъ своимъ, о. Макаріемъ, и принялъ живое участіе въ монастырскихъ изданіяхъ переводовъ святоотеческихъ сочиненій: просматривалъ рукописи переводовъ, исправлялъ всѣ корректуры, завѣдывалъ печатаніемъ, велъ сношенія съ типографіею, цензурою, книгопродавцами... Къ этому періоду жизни Кирѣевскаго относятся два большихъ письма его къ Кошелеву. Одно изъ этихъ писемъ свидѣтельствуетъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ Кирѣевскаго въ богословской литературѣ своего времени и характеризуетъ настроеніе мыслей Кирѣевскаго въ данный моментъ: «существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія, пишетъ онъ, найдти святаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцевъ; такіе старцы, благодаря Богу, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь»... Другое письмо, помѣченное 15 октября 1853 года, было написано Кирѣевскимъ по поводу книги швейцарскаго пастора Вине (Vinet) объ отношеніи церкви къ государству. Кирѣевскій соглашается съ авторомъ, что «въ большей части государствъ, гдѣ есть господствующая религія, правительство пользуется ею, какъ средствомъ для своихъ частныхъ цѣлей и, подъ предлогомъ покровительства ей, угнетаетъ ее», но находитъ, что «это бываетъ не потому, что въ государствѣ есть господствующая вѣра, а, напротивъ, потому, что господствующая вѣра не господствуетъ въ государственномъ устройствѣ», вслѣдствіе разрыва между убѣжденіями народа и правительства. Оспаривая затѣмъ утвержденіе Вине, будто православная церковь всегда находилась подъ угнетеніемъ правительства, Кирѣевскій объясняетъ «утѣснительныя» дѣйствія Грознаго по отношенію къ церкви тѣмъ, что онъ былъ еретикъ: «что его понятіе о границахъ или правильнѣе о безграничности его власти и объ ея разорванности съ народомъ было не христіанское, а еретическое, это до сихъ поръ всенародно свидѣтельствуютъ св. мощи митр. Филиппа»... Кирѣевскій не допускаетъ совершенной независимости церкви и государства и полной вѣротерпимости: отвергая безусловно всякія насилія въ дѣлѣ свободнаго убѣжденія, онъ находитъ, что государство должно для оправданія своего существованія согласоваться съ церковью, проникаться духомъ ея и видѣть въ своемъ существованіи только «средство для полнѣйшаго и удобнѣйшаго водворенія церкви Божіей на землѣ»; съ другой стороны, «тамъ, гдѣ народъ связанъ внутренно одинакими убѣжденіями вѣры, тамъ онъ въ правѣ желать и требовать, чтобы и внѣшнія его связи—семейныя, общественныя и государственныя—были согласны съ его религіозными внушеніями и чтобы правительство его было проникнуто тѣмъ-же духомъ»... Кромѣ указанныхъ писемъ за время жизни Кирѣевскаго въ Долбинѣ сохранилось еще два письма отъ 1855 года—одно къ К. С. Аксакову по поводу статьи послѣдняго о русскихъ глаголахъ, другое къ Погодину, помѣченное «послѣднимъ днемъ 1855 года». Во второмъ изъ этихъ писемъ Кирѣевскій выражаетъ радость по поводу случайнаго совпаденія его мыслей съ мыслями Погодина о нашихъ несчастіяхъ подъ Севастополемъ. «Да, любезный другъ, писалъ онъ, эти страданья очистительныя; эта болѣзнь къ здоровью. Мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, небывалое въ мірѣ.—Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться. Ужасно, невыразимо тяжело это время: но какою цѣною нельзя купить того блаженства, чтобы русскій православный духъ,—духъ истинной христіанской вѣры,—воплотился въ русскую общественную и семейную жизнь! А возможность этого потому только не вѣроятна, что слишкомъ прекрасна».

Въ 1856 году, съ наступленіемъ нѣкотораго улучшенія въ положеніи печати, въ Москвѣ сталъ выходить трехмѣсячный журналъ «Русская Бесѣда», подъ редакціею Кошелева и при участіи другихъ московскихъ друзей Кирѣевскаго. Во 2-й книгѣ этого журнала, вышедшей въ іюнѣ мѣсяцѣ, напечатана была статья Кирѣев-

скаго «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Статья эта представляетъ замѣчательное по стройности историко-критическое обозрѣніе развитія философскаго мышленія на Западѣ. По замыслу автора, за этимъ критическимъ обозрѣніемъ движенія философской мысли, должно было слѣдовать догматическое построеніе новыхъ началъ для ея дальнѣйшаго развитія: напечатанное представляло лишь первую половину того большаго труда о новыхъ основаніяхъ для философіи, о которомъ говорилъ Кирѣевскій въ упомянутомъ выше письмѣ своемъ къ Кошелеву. Но въ той же книжкѣ «Русской Бесѣды», гдѣ появилась статья, было напечатано нѣсколько словъ памяти ея автора и проповѣдь Сидонскаго у его гроба: весной 1856 года Кирѣевскій поѣхалъ въ Петербургъ для свиданія съ сыномъ, оканчивавшимъ курсъ въ лицеѣ; 10 іюня онъ заболѣлъ тамъ холерою и на другой день скончался на рукахъ сына и двухъ друзей своей молодости—гр. Комаровскаго и А. В. Веневитинова. Тѣло было предано землѣ въ Оптиной пустыни. Такимъ образомъ мысль о необходимости новой самостоятельной философіи, высказанная Кирѣевскимъ въ одной изъ первыхъ его статей, была основаніемъ и его «лебединой пѣсни». Смерть остановила его на порогѣ къ осуществленію завѣтнаго стремленія его — опредѣлить въ точности сущность будущей философской системы. Оставшіеся въ бумагахъ его отрывки не представляютъ ничего цѣльнаго. Стихи Хомякова, написанные по поводу первыхъ статей Кирѣевскаго:

Ты сказалъ намъ: «За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли Эмпирей»...

опредѣляютъ и конечные результаты его работы въ области философіи.

Въ краткихъ словахъ историко-философскіе взгляды Кирѣевскаго можно формулировать такъ: культура западной Европы страдаетъ односторонностью, обусловливаемою господствомъ въ ней раціонализма; русская народная жизнь характеризуется цѣльностью духовнаго начала и опредѣляется требованіемъ гармоническаго соединенія ума, сердца и воли; основаніемъ этой цѣльности является народная вѣра—православіе, и будущность просвѣщенія заключается въ развитіи его въ духѣ ученія православной церкви. Критика находила воззрѣнія Кирѣевскаго слишкомъ отвлеченными и неопредѣленными въ приложеніи къ дѣйствительной жизни. Но едва-ли не слѣдуетъ видѣть въ этомъ скорѣе трагизмъ личнаго положенія Кирѣевскаго, нежели органическій недостатокъ его мышленія. Въ капитальной статьѣ Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» чуткое вниманіе друга (гр. Комаровскаго) подмѣтило «присутствіе затаенныхъ сожалѣній», «пожеланій, не свободныхъ отъ сомнѣній», коренящихся въ грустномъ раздумьи, допустимо ли, чтобы философія исторіи подлежала точности математической.... «Я знаю, говоритъ самъ Кирѣевскій, что общія мысли, не развитыя въ подробностяхъ, рѣдко понимаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ хотятъ представить; ибо рѣдко, даже человѣку съ талантомъ, удается найдти выраженіе простое и незапутанное, когда онъ говоритъ общими выводами о предметахъ сложныхъ и подлежащихъ не одному разуму, но вмѣстѣ и опыту, и памяти, и личнымъ соображеніямъ каждаго». Онъ самъ смотрѣлъ на иныя свои статьи, «единственно какъ на введеніе къ подробнѣйшему изложенію» предмета, и заявлялъ, что не рѣшился бы никогда начать изложеніе своихъ мыслей въ подобномъ случаѣ, «если бы не надѣялся каждую изъ нихъ развить особенно, и въ примѣненіи къ дѣйствительности подтвердить и пояснить то, что въ краткомъ очеркѣ не можетъ быть представлено иначе, какъ умозрительно». Таково, вообще, положеніе мыслителя, пролагающаго новые пути мысли. Не слѣдуетъ притомъ забывать, что онъ не досказалъ вполнѣ своихъ мыслей, а изъ послѣдовательнаго обозрѣнія сочиненій его ясно видно, что онъ неустанно стремился къ проясненію сознанія и большей опредѣленности воззрѣній. Заслуга его въ исторіи русскаго самосознанія несомнѣнна: она заключается въ указаніи самобытности началъ русскаго просвѣщенія и опредѣленіи отношенія къ нему просвѣщенія западнаго. Примѣненіе его философско-теоретическихъ положеній въ дѣйствительности составляло задачу уже будущаго поколѣнія изслѣдователей русской жизни. Едва-ли справедливы также указанія критики на мистицизмъ воззрѣній Кирѣевскаго. Несомнѣнно, онъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и убѣжденный въ томъ, что вѣра пріобрѣтается человѣкомъ не пу-

темъ логическихъ доказательствъ ея истинъ, не силою познавательныхъ его способностей, а изъ благодатнаго откровенія. Въ этомъ случаѣ весьма характернымъ для Кирѣевскаго является извѣстный въ изложеніи Герцена разсказъ его объ испытанномъ имъ однажды живомъ молитвенномъ настроеніи при видѣ проявленій горячей народной вѣры передъ чтимою иконою. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ славянофильства заключилъ изъ этого разсказа Кирѣевскаго, будто онъ думалъ, что икона «такъ сказать, намагничивается обращенною на нее душевною силой вѣрующаго народа», становится святою, потому что ей молятся, и нашелъ нужнымъ указать на ошибочность такого взгляда; но сущность разсказа Кирѣевскаго несомнѣнно совсѣмъ не въ томъ: онъ лишь хотѣлъ сказать, что если невозможно логически доказать святость иконъ, какъ всякую вообще догматическую истину вѣры, то можно проникнуться ихъ святынею силою непосредственно-охватывающаго чувства въ благодатномъ общеніи молитвы съ братьями по вѣрѣ. «Но чѣмъ яснѣе, говорилъ Кирѣевскій, обозначены и чѣмъ тверже стоятъ границы Божественнаго откровенія, тѣмъ сильнѣе потребность вѣрующаго мышленія согласить понятіе разума съ ученіемъ вѣры»; въ этомъ соглашеніи логическаго начала съ непосредственностью сердечнаго убѣжденія онъ видѣлъ полноту и крѣпость религіознаго сознанія и въ немъ полагалъ основу философіи. Въ этомъ опредѣленіи отношенія научнаго знанія къ вѣрѣ одна изъ литературныхъ заслугъ Кирѣевскаго. Если выраженія: «центръ бытія», «внутреннее средоточіе духа» и т. п. являются признаками мистическаго направленія мысли, то не слѣдуетъ забывать вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ другой стороны, Кирѣевскій признавалъ важность для религіи свѣта науки и сознанія и утверждалъ, что «только изъ дѣйствительныхъ отношеній къ существенности загораются тѣ мысли, которыя освѣщаютъ умъ и согрѣваютъ душу». Въ послѣднихъ словахъ Кирѣевскаго новѣйшая критика отмѣтила предчувствіе того направленія, которое получила въ настоящее время положительная наука. Нѣкоторыя крайности и преувеличенія въ развитіи основныхъ мыслей, какъ по вопросу объ отношеніи западнаго просвѣщенія къ русскому, такъ и объ отношеніи философіи къ вѣрѣ, вполнѣ объяснимы условіями времени, или вѣрнѣе, того момента, который переживало предлагаемое ученіе, какъ объяснимы рѣзкости правдивыхъ рѣчей Чацкаго тѣмъ «милліономъ терзаній», который онъ носилъ въ груди въ душной средѣ Фамусовскаго общества. Значеніе Кирѣевскаго, можетъ быть, не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, которое онъ занялъ въ исторіи русскаго самосознанія: въ его философско-литературныхъ произведеніяхъ такъ называемое славянофильство, однимъ изъ зачинателей и первыхъ представителей котораго онъ былъ, получило, какъ это было уже справедливо замѣчено проф. Виноградовымъ, смыслъ явленія, имѣющаго значеніе европейское: оно непосредственно примыкало къ извѣстному моменту въ развитіи европейскаго сознанія и являлось своеобразнымъ, но естественнымъ шагомъ впередъ въ поступательномъ его движеніи, открывая выходъ изъ того тяжелаго чувства неудовлетворенности, которое порождалось современнымъ направленіемъ европейской культуры. Философъ-мыслитель, теоретикъ славянофильства заслонилъ въ Кирѣевскомъ широко-образованнаго и даровитаго критика; между тѣмъ его критическія статьи, по свѣжести и оригинальности мыслей, объективности и отчетливости характеристики разбираемыхъ произведеній или литературнаго значенія того или другаго автора, принадлежатъ безпорно къ лучшимъ произведеніямъ русской критической литературы. Наконецъ, это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, крупнѣйшихъ русскихъ писателей - прозаиковъ, поражающій необыкновенною ясностью изложенія предметовъ самыхъ сложныхъ и движеній мысли, едва уловимыхъ. «Глубокій оригинальный мыслитель, Кирѣевскій, по мѣткому выраженію В. И. Ламанскаго, обладалъ необыкновеннымъ, почти платоновскимъ, изяществомъ изложенія. По языку онъ писатель классическій».

Личныя качества Кирѣевскаго высоко цѣнились всѣми знавшими его. Его любили и уважали не только люди одного съ нимъ образа мыслей, но и различныхъ съ нимъ взглядовъ: можетъ быть, ни съ кѣмъ изъ славянофиловъ западники не поддерживали такихъ хорошихъ отношеній, какъ съ И. В. Кирѣевскимъ. По словамъ видавшихъ его, Кирѣевскій пора-

жалъ необыкновеннымъ изяществомъ рѣчи, удивительною глубиною мысли и обширностью многосторонних познаній и вообще производилъ сильное впечатлѣніе своею личностью. Онъ какъ бы совершенно не входилъ въ обыкновенныя рамки. Всѣмъ существомъ своимъ и всѣми рѣчами онъ какъ бы вносилъ тепло и прелесть духовной атмосферы... «Сердце, исполненное нѣжности и любви, говоритъ о немъ близко знавшій его Хомяковъ, умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи, прозрачная чистота кроткой и беззлобной души, какая то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стремленіе къ истинѣ, необычайная тонкость діалектики въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостью, когда противникъ былъ правъ, и съ какою то нѣжною пощадою, когда слабость противника была явною, тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, въ выраженіи мысли или въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ; вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно, глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ; наконецъ, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ: таковы были рѣдкія и неоцѣненныя качества, по которымъ И. В. Кирѣевскій былъ любезенъ всѣмъ, сколько нибудь знавшимъ его, и безконечно дорогъ своимъ друзьямъ».

«Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго», 2 тома. М. 1861 г.; въ 1 т. «Матеріалы для біографіи»; «Русскій Архивъ», 1874 г. (Стихи Мицкевичу, Кирѣевскій о Барятынскомъ), 1894 г. (И. В. Кирѣевскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности, съ портретомъ. Письма братьевъ Кирѣевскихъ къ матери и отчиму), 1896 г. (Письмо гр. Комаровскаго къ Кирѣевскому; письмо Кирѣевскаго къ Пушкину; Записка гр. Бенкендорфу по поводу запрещенія «Европейца»); 1897 г. (И. В. Кирѣевскій и цензура «Московскаго Сборника» 1852 г.—библіогр. замѣтка М. А. Веневитинова); «Сочиненія» Хомякова, т. I; Бестужевъ-Рюминъ, «Славянофильское ученіе и его судьба въ русской литературѣ»—«Отечеств. Зап.» 1862 г. №№ 2, 3 и 5 (особ № 2); Поповъ, «Славянофильство, какъ философское ученіе»—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1880 г. № 11; П. Виноградовъ, «И. В. Кирѣевскій и начало московск. славянофильства»—«Вопр. философіи и психол.». 1892 г., кн. 11; Masaryk, «Slovanské studie», I. Slavjanofilstvo J. V. Kiréjevskeho, Praha, 1889 (изъ журн. Athenaeum); Колюпановъ—«Очеркъ философской системы славянофиловъ», Русск. Обозрѣніе, 1894 г. №№ 7—11 (особ. № 8); его-же «Біографія А. И. Кошелева»; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина»; Пыпинъ, «Характеристика литературныхъ мнѣній».

Г. Князевъ.

Кирѣевскій, *Петръ Васильевичъ*, братъ Ивана Васильевича, собиратель произведеній русскаго народнаго творчества, род. 11 февраля 1808 года въ селѣ Долбинѣ, вблизи г. Бѣлева, родовомъ имѣніи своего отца, ум. 25 октября 1856 года въ своей орловской деревнѣ Кирѣевской слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Орла. Дѣтскіе годы, вмѣстѣ съ братомъ, онъ провелъ въ Долбинѣ. Обстановка и вліянія, подъ которыми проходило его дѣтство, были тѣ же, что и для старшаго брата; съ переѣздомъ въ 1822 году въ Москву братья Кирѣевскіе занимались у однихъ и тѣхъ-же профессоровъ и вращались въ одномъ и томъ-же кругу товарищей, хотя Петръ Кирѣевскій, отличаясь крайнею застѣнчивостью и несообщительностью, сближался до дружбы съ немногими. По словамъ брата, это была душа глубокая, горячая, но несокрушимо одинокая... Любопытно, что для своего общественнаго образованія Петръ Кирѣевскій находилъ въ эту пору полезнымъ поступить на нѣкоторое время въ военную службу и оставилъ это свое намѣреніе лишь потому, что не пожелалъ огорчить матери, отказавшейся благословить сына на задуманный имъ шагъ въ жизни. По свидѣтельству знавшихъ Петра В. Кирѣевскаго, у него были богатыя и разносторонніе способности, но менѣе блестящія, нежели у старшаго брата; онъ говорилъ и писалъ на семи языкахъ, но у него не было такого рѣдкаго дара слова, какимъ владѣлъ его братъ; писалъ онъ также съ большимъ трудомъ, что, впрочемъ, объясняется отчасти и его крайнею требовательностью къ себѣ... Первыя литературныя произведенія Петра Кирѣевскаго относятся къ тому же году, когда выступилъ впервые на литературное поприще и братъ его: въ 1828 году онъ напечаталъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» въ переводѣ съ испанскаго отрывокъ изъ комедіи Кальдерона «Трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ» (день первый). Въ примѣчаніи редакціи было сказано, что П. В. Кирѣевскій намѣревается заняться переводомъ всѣхъ

лучшихъ произведеній Кальдерона; по свидѣтельству составителя матеріаловъ для біографіи Ивана Кирѣевскаго, послѣ Петра Кирѣевскаго въ рукописи дѣйствительно осталось нѣсколько оконченныхъ переводовъ трагедій Кальдерона и Шекспира, но въ печати, кромѣ указаннаго отрывка изъ Кальдерона, ничего затѣмъ не появлялось. Въ томъ же 1828 году Петръ Кирѣевскій напечаталъ особою книжкою свой переводъ съ англійскаго повѣсти Байрона «Вампиръ», съ примѣчаніями къ ней и приложеніемъ въ переводѣ отрывка изъ другаго, недоконченнаго сочиненія Байрона. Выборъ оригинала для перевода изъ Байрона, можетъ быть, объясняется пробужденіемъ уже тогда у П. В. Кирѣевскаго интереса къ народнымъ вѣрованіямъ и сказаніямъ. Въ іюлѣ 1829 года Петръ Кирѣевскій отправился для довершенія образованія за границу и черезъ Бреславль и Дрезденъ, проѣхалъ въ Мюнхенъ. Здѣсь онъ прожилъ почти все время пребыванія за границей и слушалъ въ университетѣ лекціи Шеллинга, Аста, Окена, Цинкейзена, Гёрреса, Шорна, Тирша, Баадера, Деллингера и др. Вмѣстѣ съ братомъ, тоже пріѣхавшимъ впослѣдствіи въ Мюнхенъ, П. Кирѣевскій занимался также итальянскимъ языкомъ. «Занимается онъ здѣсь, писалъ о Петрѣ Кирѣевскомъ изъ Мюнхена домой братъ его, много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіею, соединенное съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которые, можетъ быть, сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка». Съ Шеллингомъ, Океномъ и Цинкейзеномъ П. Кирѣевскій познакомился лично и бывалъ у нихъ въ ихъ пріемные дни. Шеллингъ отзывался о немъ съ большимъ сочувствіемъ и, говорятъ, цѣнилъ его даже выше старшаго брата. Кромѣ профессоровъ П. Кирѣевскій часто бывалъ у поэта Ѳ. И. Тютчева, служившаго тогда при посольствѣ въ Мюнхенѣ. «Необходимость сообщаться съ людьми, писалъ Иванъ Кирѣевскій о братѣ, сдѣлала его и сообщительнѣе и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо-вредною, если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно, его внѣшняя сторона никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться, но всетаки это внѣшнее образованіе будетъ одною изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія». «Не подумайте однако же, писалъ матери, съ другой стороны, самъ о себѣ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, читая, что я такъ часто бываю на балахъ, что я пустился въ большой мюнхенскій свѣтъ, сдѣлался развязенъ, многоглаголенъ и танцующъ; напротивъ: языкъ мой костянъ по прежнему, неловкость та же, и я возвращаюсь съ бала, не произнеся ни одного слова. Они (т. е. балы) интересны для меня только какъ нѣмецкія панорамы. Это не значитъ однако же, чтобы я думалъ, что общество *для общества* и безъ другихъ отношеній не нужно и безполезно; я давно убѣжденъ въ важности *свѣтскихъ* качествъ, и даже до нѣкоторой степени въ ихъ необходимости. Но чѣмъ больше я въ этомъ убѣждаюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь и въ своей совершенной къ нимъ неспособности, которая заключается не въ неловкости, не во французскомъ языкѣ, съ которымъ бы можно было сладить, но въ *несообщительности*, которая лежитъ въ характерѣ, которой нельзя помочь наружными средствами и дѣйствія которой идутъ дальше свѣтскаго общества». Осенью 1830 года Петръ Кирѣевскій ѣздилъ въ Вѣну и провелъ въ этой поѣздкѣ мѣсяцъ слишкомъ; поѣздка по Австріи, по словамъ самого П. Кирѣевскаго, доставила много ему занимательныхъ впечатлѣній и воспоминаній. Въ концѣ ноября П. Кирѣевскій вернулся въ Россію и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ свирѣпствовала холера. Онъ проѣхалъ черезъ Варшаву наканунѣ мятежа. Курьеръ, привезшій извѣстія о вспыхнувшемъ возстаніи, пріѣхалъ въ Кіевъ нѣсколькими часами прежде П. Кирѣевскаго. Въ Кіевѣ, подъ впечатлѣніемъ только что полученной вѣсти о возмущеніи и въ виду польскаго окончанія фамиліи проѣзжаго мюнхенскаго студента, полиціи показалось подозрительнымъ, что человѣкъ спѣшитъ въ городъ, изъ котораго всѣ старались выѣхать, и П. Кирѣевскаго, прежде чѣмъ выдать ему свидѣтельство для полученія подорожной, потребовали для объясненій о себѣ къ генералъ-губернатору. Княжнинъ, который занималъ тогда этотъ постъ въ Кіевѣ, принялъ Кирѣевскаго сухо и строго; выслушавъ объясненіе Кирѣевскаго, онъ

молча сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то соображая. Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, сталъ ходить вслѣдъ за нимъ... «Стойте, молодой человѣкъ»! крикнулъ, вспыхнувъ, генералъ-губернаторъ. «Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ»?—«Если у васъ есть возможность это сдѣлать, спокойно отозвался Кирѣевскій, то вы не имѣете права это сдѣлать». Смущенный Княжнинъ тотчасъ же отпустилъ его и велѣлъ выдать ему подорожную.

По возвращеніи изъ-за границы братья Кирѣевскіе разошлись въ выборѣ рода дѣятельности «для блага своего отечества», служеніе которому привыкли оба считать своимъ святымъ долгомъ съ раннихъ лѣтъ дѣтства. Между братьями въ то время, когда они только что вернулись изъ-за границы, при всей нѣжной взаимной любви ихъ другъ къ другу и горячей дружбѣ, было существенное различіе и въ другомъ отношеніи... Петръ Кирѣевскій съ раннихъ лѣтъ воспиталъ въ себѣ убѣжденія совершенно противуположныя тѣмъ, какія высказывалъ И. Кирѣевскій въ своихъ первыхъ произведеніяхъ: онъ глубоко чтилъ и любилъ древнюю Русь, крѣпко вѣрилъ, что въ ней, въ ея жизни заключаются тѣ коренныя начала, которыя одни могутъ служить залогомъ славной будущности Россіи; изученіе этихъ началъ въ прошломъ и въ живой старинѣ современнаго народнаго быта постоянно привлекало его больше всего другаго, ему онъ теперь съ любовью и рѣшился посвятить свою жизнь... По своему рожденію и образованію принадлежа къ избранному высшему кругу общества, Петръ Кирѣевскій, по словамъ Ѳ. В. Чижова, «умѣлъ однако страстно полюбить русскую народность во всей ея первобытности, простотѣ и не гнушался ея въ ея нищенской одеждѣ; онъ относился къ простому нищему брату точно такъ же, какъ къ ученому, богатому и сильному»...

Литературная дѣятельность Петра Кирѣевскаго, кромѣ упомянутыхъ выше переводовъ его изъ Кальдерона и Байрона, выразилась лишь въ двухъ—трехъ трудахъ, изъ которыхъ самостоятельнымъ, оригинальнымъ, впрочемъ, былъ только одинъ. По указанію автора матеріаловъ для біографіи Ив. Кирѣевскаго, Петромъ Кирѣевскимъ была составлена напечатанная въ 1832 году во второй книжкѣ журнала «Европеецъ» статья подъ заглавіемъ «Современное состояніе Испаніи». Но статья эта была переводомъ или извлеченіемъ изъ англійскаго журнала The Foreign Quaterly Review. Въ 1845 году П. Кирѣевскій напечаталъ въ 3-й книжкѣ журнала «Москвитянинъ», выходившаго тогда подъ редакціею его брата, Ивана Васильевича, статью «О древней русской исторіи», въ видѣ письма къ Погодину по поводу его «Параллели русской исторіи съ исторіею западныхъ европейскихъ государствъ», появившейся въ первой книжкѣ журнала за тотъ же годъ. Статья осталась неоконченною, но въ напечатанной части весьма интересна по самостоятельности взглядовъ автора и оригинальности пріемовъ изложенія. Замѣчательною особенностью этой статьи была общеславянская постановка вопроса, для своего времени совершенно новая, какъ это прямо и высказалъ въ своей отвѣтной замѣткѣ Погодинъ. Занятія русскою исторіей привлекали, какъ было сказано, постоянно вниманіе Петра Кирѣевскаго. Въ 1846 г. имъ былъ напечатанъ въ первой книжкѣ начавшихъ тогда выходить «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» при Московскомъ университетѣ переводъ съ англійскаго сочиненія Самуила Коллинса, бывшаго врачемъ царя Алексѣя Михайловича, о современномъ ему состояніи Россіи, сдѣланный съ экземпляра перваго изданія его 1671 года («Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ»). Переводу предпослано было нѣсколько словъ о Коллинсѣ, обстоятельствахъ его пребыванія въ Россіи и сочиненіяхъ его. Кромѣ этого въ бумагахъ Петра Кирѣевскаго, оставшихся послѣ его смерти, сохранилась масса выписокъ изъ лѣтописей и другихъ источниковъ древней русской исторіи, представляющая также черновую работу покойнаго по любимому предмету.

Но учено-литературная дѣятельность, какъ было сказано, не составляла главнаго дѣла для Петра Кирѣевскаго. Дѣломъ его жизни было выясненіе основъ русской народной самобытности практическимъ путемъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изученія живыхъ въ немъ памятниковъ народной старины. По свидѣ-

тельству Кавелина, близко знавшаго всю семью Кирѣевскихъ, Петръ Кирѣевскій «съ палкою въ рукѣ и котомкой на плечахъ отправился странствовать пѣшкомъ по нашимъ селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдѣ слѣды старины сохранились живѣй и ярче, неутомимо собирая народныя пѣсни, пословицы, сказанья, изучая народный бытъ и нравы, стараясь разглядѣть и понять обломки давно прошедшей народной русской жизни»... Свой подвигъ собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ онъ началъ вскорѣ же по возвращеніи изъ-за границы, лѣтомъ 1830 года, и продолжалъ его затѣмъ неустанно до самой кончины. Первое небольшое собраніе, сдѣланное имъ въ 1830 году, по его собственному свидѣтельству, какимъ то образомъ пропало, и въ 1831—1832 г. онъ снова принялся записывать пѣсни съ голоса среди крестьянъ московской губерніи. Предпріятіе его встрѣтило сочувствіе и поддержку со стороны друзей, особенно Языкова, и скоро собраніе его пополнилось пѣснями, записанными семьею Языкова въ симбирской и оренбургской губерніи. Какъ дорого цѣнилъ П. Кирѣевскій такое участіе друга въ своемъ дѣлѣ, видно изъ того, что впослѣдствіи вспоминая о немъ, при изданіи части своего собранія, онъ со свойственною ему скромностью склоненъ былъ приписать Языкову даже главную честь всего дѣла и заявлялъ, что одушевленному сочувствію своего незабвенного друга, онъ обязанъ «многими внутренними силами» для осуществленія своего предпріятія. Въ 1834 году, для пополненія своего собранія, которое въ это время уже достигло довольно значительнаго объема, П. Кирѣевскій путешествовалъ по уѣздамъ новгородскому, валдайскому, демянскому и осташковскому и собралъ здѣсь много пѣсенъ, «особенно замѣчательныхъ, по его словамъ, по своему нарѣчію». Съ тѣхъ поръ онъ постоянно продолжалъ дополнять свое собраніе въ многочисленные переѣзды свои по различнымъ сторонамъ Россіи. Собраніе пополнялось и доставленіемъ матеріаловъ со стороны лицами, сочувствовавшими П. Кирѣевскому и понимавшими важность его предпріятія; между прочимъ, были доставлены пѣсни: Пушкинымъ изъ псковской губерніи, Гоголемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, Кольцовымъ изъ воронежской губерніи, Снегиревымъ изъ тверской и костромской, Шевыревымъ изъ саратовской, Поповымъ изъ рязанской, Кавелинымъ изъ тульской и нижегородской, Вельтманомъ изъ калужской, Далемъ изъ Пріуралья, Якушкинымъ изъ костромской, тверской, тульской, калужской и орловской, Ознобишинымъ свадебныя пѣсни изъ псковской губерніи и др. Такимъ образомъ собраніе Кирѣевскаго обнимало почти всѣ великорусскія губерніи и захватывало часть южныхъ. Кромѣ того, въ составъ его вошло значительное количество пѣсенъ бѣлорусскихъ: П. Кирѣевскій своимъ личнымъ трудомъ или, за плату изъ своихъ средствъ, при помощи мѣстныхъ силъ собралъ и записалъ до 500 народныхъ пѣсенъ изъ бѣлорусскихъ областей «отъ Чудскаго озера до Волыни и Сурожа, отъ литовскаго Берестья до Вязьмы и подъ Можайскъ». Въ 1844 году П. Кирѣевскій рѣшился приступить къ печатанію своего собранія, но встрѣтилъ, повидимому, большія препятствія со стороны тогдашней цензуры. «Если министръ будетъ въ Москвѣ, писалъ Иванъ Кирѣевскій брату въ 1844 году, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть, даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное, на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя* пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ»... Послѣ многихъ хлопотъ, въ 1847 году удалось напечатать «Русскіе народные стихи» (духовные), въ количествѣ 55, въ девятой книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Любопытна оговорка собирателя относительно содержанія печатаемыхъ народныхъ стихотвореній, очевидно, находившаяся въ связи съ цензурными условіями времени. «Разумѣется, говоритъ Кирѣевскій, что отъ этихъ простодушныхъ изліяній народнаго чувства нельзя требовать ни догматиче-

ской точности, ни соотвѣтственности выраженія съ важностью предмета; но должно имъ отдать справедливость, что всѣ они проникнуты чувствомъ искренняго благочестія. А потому и ошибки ихъ, ненамѣренныя, конечно, никого не введутъ въ соблазнъ, тѣмъ болѣе, что и самые простолюдины строго отличаютъ эти плоды своей фантазіи отъ ученія церковнаго»... Пѣснямъ было предпослано отъ собирателя предисловіе, въ которомъ онъ говорилъ о любви русскаго народа къ пѣснѣ, о многочисленности народныхъ пѣсенъ, красотѣ ихъ, вымираніи живаго народнаго творчества, образованіи своего собранія и о значеніи печатаемыхъ народныхъ духовныхъ стиховъ. «Русскія пѣсни, говорилъ здѣсь Кирѣевскій, можно сравнить съ величественнымъ деревомъ, еще полнымъ силы и красоты, но уже срубленнымъ: безчисленныя вѣтви этого дерева еще покрыты свѣжею зеленью, его цвѣты и плоды еще благоухаютъ полнотой жизни, но уже нѣтъ новыхъ отпрысковъ, нѣтъ новыхъ завязей для новыхъ цвѣтовъ и плодовъ. А между тѣмъ прежніе цвѣты уже на многихъ вѣтвяхъ начинаютъ преждевременно сохнуть; уже много изъ прежнихъ листьевъ и цвѣтовъ начинаетъ облетать или глохнуть подъ блѣдною зеленью паразитныхъ растеній». Кирѣевскій объяснялъ въ предисловіи, что въ его собраніе вошли только пѣсни старинныя, *настоящія*; позднѣйшія, на которыхъ сказалось вліяніе городской моды, въ которыхъ «вмѣсто прежней красоты и глубины чувства встрѣчается безобразіе нравственной порчи, выраженное въ безсмысленномъ смѣшеніи словъ, вмѣсто прежней благородной примоты ужимистый характеръ сословія лакейскаго»,—такія пѣсни изъ него исключены; пѣсенъ, бывшихъ въ печати, очень немного, большая часть записана прямо съ голоса. Относительно духовныхъ стиховъ Кирѣевскій замѣчалъ, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на «полевые цвѣты», которыми народъ въ простотѣ своей любитъ украшать священные предметы... Какое значеніе имѣло въ ту пору появленіе въ печати такого рода произведеній, какъ пѣсни Кирѣевскаго, видно между прочимъ изъ письма Максимовича къ Бодянскому по поводу цензурной кары, постигшей «Чтенія» въ 1849 г., т. е. черезъ два года послѣ напечатанія въ нихъ пѣсенъ Кирѣевскаго: «жалѣю сердечно о вашихъ «Чтеніяхъ» писалъ Максимовичъ, у меня съ появленіемъ духовныхъ стиховъ (Кирѣевскаго) родилось какое то предчувствіе не къ добру»... Кромѣ 55 упомянутыхъ духовныхъ стиховъ въ «Чтеніяхъ», при жизни Кирѣевскаго было напечатано изъ его собранія нѣсколько пѣсенъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 г. и «Русской Бесѣдѣ» 1856 года. Въ примѣчаніи къ напечатаннымъ въ «Московскомъ Сборникѣ» пѣснямъ П. Кирѣевскій обращаетъ вниманіе на немногочисленность историческихъ пѣсенъ сравнительно съ другими, и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что «именно тотъ слой народа, который шелъ во главѣ историческаго движенія и потому естественно былъ ближайшимъ хранителемъ изустнаго историческаго преданія, съ начала прошедшаго вѣка принялъ надолго направленіе, неблагопріятное для сохраненія родныхъ воспоминаній, а остальной народъ, и до сихъ поръ еще не отвыкшій пѣть народныя пѣсни, могъ сохранить въ памяти только немногіе отпечатки главныхъ эпохъ исторіи». Подобнымъ же образомъ, по замѣчанію Кирѣевскаго, «не уцѣлѣло ни одной исторической пѣсни» и въ Польшѣ. Особенное вниманіе Кирѣевскій въ своей статьѣ обращаетъ на почти полное отсутствіе пѣсенъ объ «эпохѣ такъ называемаго татарскаго ига»: «такое отсутствіе воспоминаній объ этой эпохѣ, говоритъ онъ, можетъ служить сильнымъ свидѣтельствомъ противъ лицъ, называющихъ это несчастное время эпохою татарскаго владычества или ига, а не эпохою татарскихъ опустошеній, какъ было бы справедливѣе». Примѣчанія подобнаго рода характеризуютъ источники, изъ которыхъ вытекалъ у П. Кирѣевскаго живой интересъ къ изученію произведеній народнаго творчества.—«Великому печальнику за русскую землю», какъ называлъ Петра Кирѣевскаго Хомяковъ такъ и не пришлось увидѣть въ печати въ полномъ видѣ свое собраніе, трудъ многихъ лѣтъ, исполненный съ такою любовью и съ такимъ знаніемъ дѣла. Петръ Кирѣевскій не перенесъ потери брата Ивана, умершаго 11 іюня 1856 года, заболѣлъ вскорѣ послѣ его смерти и скончался 25 октября того же года въ своей орловской деревнѣ, на 48 году жизни. Онъ погребенъ рядомъ съ братомъ въ Оптиной пустыни. Пѣсни, собранныя имъ, были изданы Обществомъ любителей россійской словесности въ

1860—1874 гг. въ 10 выпускахъ, подъ наблюденіемъ Безсонова въ составѣ комиссіи изъ И. С. Аксакова и Даля, при участіи брата покойнаго собирателя В. А. Елагина. Нѣкоторыя пѣсни изъ собранія Кирѣевскаго, впрочемъ, не изданы и до сихъ поръ. Кромѣ пѣсенъ, послѣ смерти Петра Кирѣевскаго, въ 1857 году, появился въ печати и сдѣланный имъ переводъ съ англійскаго книги Вашингтона Ирвинга «Жизнь Магомета».

П. В. Кирѣевскій считается однимъ изъ первыхъ по времени и наиболѣе вліятельныхъ и крупныхъ представителей того направленія русской мысли и литературы, которое возникло въ началѣ сороковыхъ годовъ и извѣстно подъ именемъ славянофильства. Герценъ ставилъ его особенно высоко въ ряду другихъ славянофиловъ. Значеніе его, однако, въ выработкѣ славянофильскаго ученія пока мало выяснено и недостаточно опредѣлено. Главнымъ образомъ, повидимому, оно сводилось къ непосредственному вліянію его личности. Хомяковъ говорилъ, что не видывалъ человѣка съ большими миссіонерскими способностями, и положеніе, занимаемое Петромъ Кирѣевскимъ, по отношенію къ старшему брату Ивану, можетъ, кажется, служить тому подтвержденіемъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства оба брата были почти неразлучны и связаны другъ съ другомъ самою сильною и горячею дружбою; не смотря на это сначала они расходились въ убѣжденіяхъ относительно самаго жизненнаго для того и другаго вопроса—во взглядахъ на русскій народъ и основы его жизни и просвѣщенія; потомъ, въ непрерывномъ общеніи и живомъ, страстномъ обмѣнѣ мыслей и изученій, взглядъ старшаго брата постепенно измѣнялся, тогда какъ исконное, завѣтное убѣжденіе младшаго еще болѣе крѣпло и опредѣлялось. Въ результатѣ—оба являются замѣчательными дѣятелями русскаго общественнаго и народнаго самосознанія, первый преимущественно путемъ теоретическаго выясненія и опредѣленія русской народной самобытности и основъ самобытнаго русскаго просвѣщенія, второй практическимъ путемъ непосредственнаго общенія съ народомъ и подвигомъ собиранія въ немъ живыхъ памятниковъ его духовной жизни, произведеній его поэтическаго творчества; представляя живой примѣръ духовнаго взаимодѣйствія, братья по характеру и способностямъ своимъ взаимно какъ бы дополняли другъ друга въ томъ дѣлѣ, которому посвятили свою жизнь, такъ что, по замѣчанію Хомякова, въ сущности, невозможна отдѣльная біографія того или другаго изъ нихъ, возможна только біографія братьевъ Кирѣевскихъ. Отличавшая Петра Кирѣевскаго сила ума, самостоятельность мысли, глубина чувства, горячность убѣжденія, многосторонняя образованность, въ связи съ неотразимымъ обаяніемъ чистоты и теплоты душевной, должны были несомнѣнно оказывать большое вліяніе на людей, близкихъ къ нему по направленію мыслей, если эти высокія духовныя его качества признавались и цѣнились людьми, и не раздѣлявшими его взглядовъ. «На дняхъ я былъ въ Орлѣ, писалъ однажды И. С. Тургеневъ С. Т. Аксакову, и оттуда ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности—его нельзя не полюбить». «Какъ мнѣ жаль обоихъ Кирѣевскихъ,—передать вамъ не могу», писалъ онъ же въ началѣ 1857 года, послѣ смерти одного за другимъ обоихъ братьевъ.

Источники для біографіи П. Кирѣевскаго тѣ же, что для біографіи его брата И. Кирѣевскаго; кромѣ того—«Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Россійск.» 1847 г., кн. 9. «Русск. нар. пѣсни, собр. П. Кирѣевскимъ», (предисловіе).

Г. Князевъ.

Кирѣевъ *Николай Петровичъ*, драматургъ. Род. въ Зарайскѣ, 31 августа 1843 г., ум. 6 мая 1882 г. Воспитаніе получилъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и Константиновскомъ военномъ училищѣ. Выпущенный изъ послѣдняго въ 1863 г. въ 6-й стрѣлковый баталіонъ, онъ вскорѣ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя театру, игралъ на частной сценѣ, въ провинціи и наконецъ въ Московскомъ народномъ театрѣ. Кирѣеву принадлежитъ нѣсколько переводовъ иностранныхъ пьесъ: «Убійство Коверлэй» (играна, но не напечатана), «Послѣдній кумиръ» А. Доде и «Отечество», драма Сарду (не разрѣшена цензурой). Онъ сотрудничалъ въ «Новостяхъ», ведя тамъ театральный и библіографическій отдѣлы и въ журналѣ «Всемірный трудъ», гдѣ между прочимъ помѣщена его повѣсть «Генералъ». Наиболѣе обширный и пользовавшійся успѣхомъ трудъ Кирѣева—«Тайны закулисной свѣтской роли комика» (М. 1879 г.).

Киселевъ, *Василій Максимовичъ*, купецъ первой гильдіи, род. въ 1765 г., ум. 22 іюля 1831 г. Происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Новосильцева въ шуйскомъ уѣздѣ. Его отецъ торговалъ холстомъ и въ 1779 г. выкупился отъ помѣщика за 500 р.; сынъ его въ 1783 г. записался въ московскіе купцы 3-й гильдіи, впослѣдствіи былъ въ 1-й гильдіи. Въ 1812 г. Киселевъ рискнулъ скупить до 50.000 пудовъ бумажной пряжи, которая въ окрестностяхъ Москвы страшно пала въ цѣнѣ; къ концу года она такъ поднялась, что Киселевъ нажилъ на этой операціи свыше милліона ассигнаціями. Тогда онъ завелъ торговыя сношенія съ Англіею и, постепенно сокращая обороты свои по внутренней розничной торговлѣ, усиливалъ ихъ по внѣшней, оптовой и во 20-хъ годахъ былъ почти единственнымъ поставщикомъ англійской пряжи и англійскихъ красокъ на всѣ фабрики владимірской губерніи; къ 30-мъ годамъ оборотъ его достигъ колоссальной по тому времени цифры 10 милліоновъ рублей ассигнаціями; послѣ себя онъ оставилъ капиталъ до 7 милліоновъ рублей ассигнаціями. Вторую половину жизни онъ прожилъ въ Шуѣ и на пользу этого города онъ возвелъ нѣсколько построекъ. Отличаясь по преимуществу практическимъ складомъ ума и характера, Киселевъ не чуждъ былъ и умственныхъ интересовъ: онъ собралъ довольно значительную библіотеку и не мало рукописей, среди которыхъ къ нему попалъ и автографъ путешествія извѣстнаго путешественника Барскаго, вмѣстѣ съ разными фирманами турецкаго правительства и другими документами, купленный имъ отъ наслѣдниковъ Барскаго; автографъ этотъ Киселевъ принесъ въ даръ Академіи Наукъ.

«Влад. губ. вѣд.», 1853 г. № 34.

Киселевъ, *Николай Дмитріевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, русскій посланникъ во Франціи и въ Италіи, род. въ Москвѣ въ 1800 г., ум. во Флоренціи 26 ноября 1869 г. Младшій братъ графа П. Д. Киселева, онъ выросъ въ той же семейной средѣ, какъ и первый, но получилъ гораздо лучшее образованіе; П. Д. Киселевъ заботился о его образованіи и одно время думалъ помѣстить его въ Ришельевскій лицей, подъ ближайшій свой присмотръ; но затѣмъ Н. Д. Киселевъ поступилъ въ Дерптскій университетъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1823 году. 2 января слѣдующаго года Киселевъ поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Блестящіе служебные успѣхи старшаго брата, который питалъ къ нему самыя теплыя чувства, облегчили Киселеву карьеру. Въ 1826 году онъ былъ отправленъ въ Персію съ княземъ Меншиковымъ; въ 1829 году былъ назначенъ секретаремъ при посольствѣ въ Парижѣ; въ 1834 г. получилъ званіе каммергера; въ 1837 г. назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ; въ этомъ же году, а также въ 1839—1840 гг. исполнялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ; въ 1840 г. переведенъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ и въ слѣдующемъ году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1841 и 1851 гг. онъ исправлялъ здѣсь должность повѣреннаго въ дѣлахъ, а съ 1851 г. вмѣстѣ съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники, онъ былъ назначенъ «находиться по особымъ порученіямъ при французскомъ правительствѣ и управлять русскимъ посольствомъ въ Парижѣ». Положеніе русскаго дипломата во время возвышенія Наполеона III было крайне щекотливое. Избраніе принца Луи-Наполеона въ пожизненные президенты встрѣтило самый одобрительный пріемъ со стороны русскаго правительства, но на извѣстіе о стремленіи его къ императорскому титулу гр. Несельроде отвѣчалъ рѣзкою депешей на имя Киселева, конфиденціально, прося тѣмъ не менѣе довести ея содержаніе до свѣденія Наполеона. Эта депеша раздражила императора французовъ и привела къ тому, что въ возникшихъ по поводу войны съ Турціей недоразумѣніяхъ Киселевъ былъ не въ силахъ привлечь Наполеона на сторону Россіи. Назначенный 6 января 1853 г. чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Наполеонѣ, Киселевъ уже 23 января (4 февраля) 1854 г. вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ ноту о прекращеніи дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею и отправился въ Германію; 18 декабря онъ былъ причисленъ къ Министерству иностранныхъ дѣлъ. Неуспѣхъ Киселева въ Парижѣ вызвалъ противъ него неудовольствіе, которое, впрочемъ, продолжалось недолго, и уже 8 іюня 1855 года онъ былъ вновь отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ къ дворамъ римскому и тосканскому; на

этомъ посту онъ оставался до 1864 года, когда былъ назначенъ представителемъ Россіи при королѣ объединенной Италіи; послѣдній постъ Киселевъ занималъ до самой своей смерти, продолжая пользоваться полнымъ расположеніемъ Государя. Внѣшнимъ знакомъ этого расположенія былъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, пожалованный Киселеву въ 1868 г. Еще ранѣе того, когда онъ былъ посломъ въ Римѣ, вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна во время пребыванія своего въ Италіи довольно продолжительное время прожила въ русскомъ посольскомъ домѣ, т. е. у Н. Д. Киселева. Киселевъ былъ женатъ на вдовѣ графа Торлонія, урожденной княжнѣ Францескѣ Русполи.

Н. Д. Киселеву Высочайше утвержденнымъ 1-го іюня 1865 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта предоставлено было послѣ смерти брата его, гр. П. Д. Киселева, принять его гербъ и графскій титулъ; но такъ какъ Н. Д. Киселевъ умеръ раньше своего старшаго брата, то графскій титулъ по Высочайшему повелѣнію отъ 19 апрѣля 1873 г. переданъ племяннику братьевъ П. Д. и Н. Д. Киселевыхъ, Павлу Сергѣевичу Киселеву, съ тѣмъ что и впредь титулъ и гербъ этотъ будутъ переходить только къ старшему въ родѣ.

Формуляръ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1869 г. № 2; А. П. Заблоцкій—Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» СПБ. 1882. Переговоры по поводу провозглашенія Наполеона III императоромъ — въ «Der Staatsstreich vom 2. December 1851 und seine Rückwirkung auf Europa», Leipzig. 1870», —тѣ же событія несовсѣмъ правильно изложены въ «Памятныхъ замѣткахъ В. Н. Давыдова» (Русскій Архивъ, 1871 г.).—Письмо Киселева къ Друэнъ-де-Люису при выѣздѣ изъ Парижа напечатано въ «Aktenstücke zur Orientalischen Frage. Von D-r Jasmund», Berlin. 1855, I, № 178. «И. С. Тургеневъ въ запискахъ и письмахъ къ Милютинымъ» (1884 г.); К. Д. Кавелинъ, «Три неизданныя монографіи по крестьянскому вопросу» (1887 г.); «Переписка Киселева съ разными лицами» (1887 г.); «Характеристика генераловъ 2 й арміи, сдѣланная Киселевымъ» (1890 г.) и «Замѣчанія на эту статью Ѳ. П. и И. П. Корниловыхъ» (1890 г.); «Дневникъ гр. П. А. Валуева» (1891 г.); «Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской Имперіи»,—изданіе Департамента герольдіи Прав. Сената, СПБ. 1892.

Киселевъ, графъ *Павелъ Дмитріевичъ,* генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, министръ государственныхъ имуществъ, русскій посолъ въ Парижѣ, род. 8 января 1788 г. въ Москвѣ, ум. 14 ноября 1872 г. въ Парижѣ. Отецъ его, Димитрій Ивановичъ, служилъ въ Москвѣ помощникомъ управляющаго московскою оружейною палатою, былъ небогатъ, но принадлежалъ къ лучшему московскому обществу и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Ѳ. В. Растопчинымъ и лучшими представителями московской интеллигенціи, И. И. Дмитріевымъ и Н. М. Карамзинымъ. Кромѣ того онъ имѣлъ связи и съ многими вліятельными лицами въ Петербургѣ, что въ послѣдствіи облегчило карьеру его старшему сыну, Павлу. Воспитаніе Киселевъ получилъ домашнее, подъ руководствомъ гувернера француза, который не могъ сообщить ему особенно широкихъ и разнообразныхъ знаній. Но общій тонъ семьи, поддерживаемый умною и доброю матерью, наложилъ на характеръ Киселева интеллигентный отпечатокъ, а такіе сверстники, какъ А. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій, познакомили его съ образомъ мыслей и идеалами лучшей молодежи Александровской эпохи. Впрочемъ вліяніе это умѣрялось консервативными взглядами знакомыхъ отца, гр. Растопчина и Карамзина. Во всякомъ случаѣ, Киселеву пришлось съ раннихъ лѣтъ слышать толки объ общественныхъ явленіяхъ, и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, а это обстоятельство, конечно, способствовало развитію въ немъ сознательнаго и вдумчиваго отношенія къ тому, что совершалось вокругъ него.

25 января 1805 г. Киселевъ поступилъ на службу «коллегіи юнкеромъ», 28 августа того же года переведенъ въ канцелярію генералъ-интенданта князя Волконскаго, а 5 октября 1806 г.—корнетомъ въ кавалергардскій полкъ. Тутъ онъ попалъ въ среду офицеровъ, принадлежавшихъ къ самымъ богатымъ и аристократическимъ семьямъ, и много такту надо было ему, небогатому и неродовитому, чтобы поставить себя въ правильныя отношенія съ товарищами по полку. По собственному свидѣтельству Киселева это ему удалось какъ нельзя лучше, и онъ сразу завоевалъ всеобщую дружбу и расположеніе въ полку. Но отъ природы самолюбивый и честолюбивый, онъ не довольствовался этимъ: ему хотѣлось выдвинуться изъ уровня посредственности и занять выдающееся мѣсто и въ обществѣ, и на службѣ. Обладая недюжиннымъ умомъ и сильною волей, Ки-

селевъ скоро овладѣлъ и внѣшностью, и самою сущностью военныхъ требованій. Чувствуя скудость знаній, вынесенныхъ изъ домашняго обученія, онъ пробовалъ чтеніемъ восполнять пробѣлы, но, по недостатку времени и компетентнаго руководства, все-таки не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, расширить свой умственный горизонтъ и отсутствіе правильной школы, особенно юридической, наложило свою печать на всю его дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Киселевъ не чуждался и общества. Молодой и красивый, смѣлый и остроумный, онъ былъ пріятнымъ гостемъ въ самыхъ аристократическихъ гостинныхъ и тутъ пріобрѣлъ свѣткость обхожденія и тактичность, столь пригодившіяся ему впослѣдствіи, когда онъ получилъ доступъ ко Двору. Во время службы въ кавалергардскомъ полку, Киселевъ не упускалъ случаевъ завязать прочныя отношенія съ людьми, которые могли бы быть ему полезными: онъ запросто бывалъ у оберъ-гофмейстера Толстаго, былъ друженъ съ А. А. Закревскимъ, кн. А. С. Меншиковымъ и А. Ѳ. Орловымъ, благодаря которымъ впослѣдствіи имѣлъ возможность постоянно обращать на себя вниманіе высшей администраціи. Стремясь къ карьерѣ, Киселевъ не упускалъ никогда способовъ выдвинуться изъ тѣни, и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы доказать свои дарованія.

Въ 1807 г. Киселевъ въ первый разъ участвовалъ въ походѣ и въ первый разъ былъ въ огнѣ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ (1808—1809 гг.) королевской прусской фамиліи онъ состоялъ ординарцемъ при королевѣ Луизѣ. Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ Бородинской битвѣ, за которую получилъ орденъ св. Анны 4-й степени. Таковы были первые шаги Киселева на служебномъ поприщѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинскаго боя онъ, по собственному желанію, былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику арьергарда, Милорадовичу, подъ руководствомъ котораго желалъ основательно изучить военное исскусство. Въ теченіе полутора года, съ Бородинской битвы до взятія Парижа, Киселевъ участвовалъ въ 25 битвахъ, получилъ 4 почетныхъ награды, въ томъ числѣ орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазами и золотую шпагу съ надписью «за храбрость», былъ произведенъ въ ротмистры и кромѣ того получилъ прусскій и баварскій ордена. Личныя отношенія у него съ Милорадовичемъ не удались, но за то адъютанство при этомъ генералѣ дало ему возможность сблизиться съ Императоромъ Александромъ I и, благодаря этому, быстро пойдти впередъ по службѣ. Милорадовичъ тяготился всякою отчетностью, докладывать тоже не любилъ ни письменно, ни устно; между тѣмъ Императоръ требовалъ постоянно обстоятельныхъ донесеній отъ него. Такъ какъ Киселевъ обладалъ даромъ слова и отчетливостью изложенія, то Милорадовичъ и отправлялъ его постоянно съ докладами къ Государю. Киселевъ такъ понравился Императору, что 2 апрѣля 1814 г., 26-ти лѣтъ, былъ назначенъ въ флигель-адъютанты и съ тѣхъ поръ постоянно пользовался Высочайшимъ довѣріемъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ вступленія въ новую должность онъ получилъ крайне щекотливое порученіе разслѣдовать дѣло о безпорядкахъ, произведенныхъ русскими войсками въ Бріеннѣ, и успѣшно исполнилъ это дѣло. Затѣмъ онъ сопровождалъ Императора на Вѣнскій конгрессъ, пробылъ въ Вѣнѣ все время конгресса, зорко приглядываясь къ людямъ и къ событіямъ, послѣ «Ста дней» снова сопровождалъ Императора въ Парижъ и тутъ опять на него было возложено порученіе разслѣдовать жалобы на войска, расположенныя въ окрестностяхъ Реймса. На этотъ разъ Киселеву удалось доказать, что жалобы относились къ гессенцамъ, а наши солдаты, по удостовѣренію мѣстныхъ властей, отличались образцовою дисциплиною. Такой оборотъ дѣла произвелъ наилучшее впечатлѣніе въ Парижѣ: король пожаловалъ Киселеву орденъ св. Людовика, и вскорѣ затѣмъ онъ получилъ чинъ полковника. На обратномъ пути изъ Парижа Киселевъ присутствовалъ 23 октября 1815 г. въ Берлинѣ на помолвкѣ будущаго императора Николая Павловича съ принцессою Шарлоттою, и это послужило поводомъ къ сближенію Ихъ Величествъ съ нимъ; Императрица Александра Ѳеодоровна всегда была къ нему особенно благосклонна, какъ къ одному изъ тѣхъ немногихъ лицъ свиты, которыя принимали участіе въ этомъ радостномъ для нея торжествѣ. Прямо изъ Берлина Киселевъ былъ посланъ Государемъ на югъ Россіи для выбора нижнихъ чиновъ въ гренадерскіе и кирасирскіе полки, а также для осмотра нѣкоторыхъ

полковъ 2-й арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ отъ гр. Аракчеева предложеніе заѣхать въ Крымъ и разслѣдовать дѣло о злоупотребленіяхъ тамъ по винному откупу. Такъ впервые Киселевъ познакомился со средою, въ которой вскорѣ занялъ выдающійся административный постъ.

Киселеву привелось дѣйствовать при самой благопріятной служебной обстановкѣ: онъ успѣлъ сблизиться съ кн. П. М. Волконскимъ, который, въ званіи начальника главнаго штаба, вѣдалъ всѣми дѣлами военнаго министерства, кромѣ хозяйственныхъ. Дежурнымъ генераломъ былъ назначенъ А. А. Закревскій, правителемъ дѣлъ при кн. Волконскомъ—кн. А. С. Меншиковъ. Кромѣ того, въ лицѣ А. Ѳ. Орлова, котораго Государь приблизилъ къ себѣ, Киселевъ имѣлъ постояннаго ходатая и заступника передъ лицемъ Императора. Вслѣдствіе этого, говоритъ біографъ Киселева, «всѣ представленія его получали ходъ, а это въ извѣстной степени развивало въ немъ пытливость, съ которою онъ, въ послѣдующую службу, всматривался во все, что встрѣчалось ему замѣчательнаго; эта пытливость поддерживалась въ немъ увѣренностью, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу, какъ дѣлу, такъ и лично ему. Притомъ должно сказать, что онъ весьма легко изучалъ разнородные предметы, затѣмъ обыкновенно составлялъ предположенія о необходимымъ измѣненіяхъ или преобразованіяхъ; каждое исполненное имъ порученіе, кромѣ должной отчетности, сопровождалось рядомъ докладныхъ записокъ». Такъ, уже въ первую поѣздку на югъ онъ, кромѣ исполненія данныхъ ему порученій, ознакомился съ состояніемъ второй арміи и съ общимъ положеніемъ Бессарабіи, заинтересовался въ Севастополѣ вопросомъ о крѣпостной службѣ нижнихъ чиновъ и о положеніи арестантовъ и сдѣлалъ рядъ другихъ частныхъ наблюденій въ областяхъ, по которымъ проѣзжалъ. По вопросу объ откупѣ Киселевъ выяснилъ виновность не только самого откупщика, но и всей мѣстной администраціи, прикрывавшей злоупотребленія. Однако это дѣло оказалось ничтожнымъ по сравненію съ безпорядками по откупу въ прочихъ южныхъ губерніяхъ. Доклады Киселева объ его трудахъ во время командировки ярко изображали всѣ замѣченныя имъ злоупотребленія и утвердили за нимъ репутацію талантливаго и дѣятельнаго человѣка. Государь имѣлъ съ нимъ обстоятельный разговоръ объ его путешествіи и остался вполнѣ доволенъ его взглядами на дѣло и его наблюдательностью. Осенью 1816 г. Киселевъ сопровождалъ Императора въ поѣздкѣ въ Москву, Кіевъ и Варшаву.

Къ этому времени Киселевъ вполнѣ уже опредѣлился, какъ личность и какъ общественный дѣятель. Его блестящій умъ и даръ слова покорялъ всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Безусловная честность и открытость характера составляли другую его сильную сторону. При этомъ онъ, когда хотѣлъ, бывалъ необыкновенно мягокъ и обходителенъ и умѣлъ успокаивать чужія самолюбія. Лишь иногда прирожденная горячность увлекала его и доводила до рѣзкостей, которыя, въ соединеніи съ завистью къ быстрому его повышенію, породили ему не мало враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выдающійся успѣхъ въ самомъ началѣ карьеры развилъ въ Киселевѣ самоувѣренность, которая, при отсутствіи строгой работы надъ собою, при отсутствіи постояннаго стремленія къ самопознанію, мало по малу переходила въ преувеличенное мнѣніе о своихъ достоинствахъ и заслугахъ и мѣшала Киселеву критически отнестись къ собственнымъ дѣйствіямъ. Какъ общественному дѣятелю, Киселеву недоставало продуманнаго и цѣльнаго общественнаго и политическаго идеала. Просвѣтительное движеніе начала XIX-го вѣка коснулось его только отчасти и внушило ему чувство гуманности и законности, а также раскрыло глаза на вредъ крѣпостнаго права, но не дало ему опредѣленной государственной программы. Поэтому онъ очень легко примкнулъ къ господствующему типу дѣятелей Николаевскаго царствованія, которые, признавая зло, не рѣшались на безпощадную борьбу противъ него и охотно мирились на полумѣрахъ, прибѣгая, главнымъ образомъ, къ уничтоженію частныхъ проявленій зла путемъ административнымъ и опасаясь принципіальной ломки существующаго строя. Но въ этой партіи Киселевъ всегда являлся однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ тружениковъ и самымъ смѣлымъ новаторомъ въ рядахъ консервативныхъ дѣятелей. Отличаясь большимъ честолюбіемъ, Киселевъ однакоже стремился къ повышенію путемъ упорной работы на пользу службы, какъ онъ ее понималъ, и никогда не при-

бѣгалъ къ интригамъ и заискиваніямъ. За то, не получая должнаго, онъ приходилъ въ негодованіе и горячо жаловался на несправедливость.

Административный талантъ и разработка крестьянскаго вопроса—вотъ главная сила Киселева и главный результатъ его дѣятельности. Административную зоркость онъ доказалъ въ командировкѣ 1815—1816 г. Воззрѣнія свои на крѣпостное право онъ развилъ въ докладной запискѣ, которую въ 1816 г. представилъ Государю въ Москвѣ. Въ этой запискѣ формулированы вкратцѣ тѣ взгляды, которыми Киселевъ руководствовался въ теченіе всего Николаевскаго царствованія. «Гражданская свобода, писалъ онъ,—есть основаніе народнаго благосостоянія. Истина сія столь уже мало подвержена сомнѣнію, что излишнимъ почитаю объяснять здѣсь, сколько желательно было бы распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, неправильно лишенныхъ оной». Однако «водворить «эту» законную свободу слѣдуетъ *постепенно*», такъ чтобы рабство уничтожилось «само собою и безъ потрясенія государства». Для этой цѣли слѣдуетъ дозволить капиталистамъ всѣхъ званій пріобрѣтать населенныя земли, опредѣляя особымъ закономъ отношенія крестьянъ къ новымъ владѣльцамъ; запретить увеличеніе числа дворовыхъ; крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ освободить; разрѣшить устройство майоратовъ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ крестьяне обращались въ вольныхъ хлѣбопашцевъ; разрѣшить крестьянамъ выкупаться по опредѣленной правительствомъ цѣнѣ; оставить на помѣщичьихъ земляхъ лишь такое количество крестьянъ, какое дѣйствительно необходимо для обработки этихъ земель, а остальныхъ выкупить казнѣ и на правахъ вольныхъ хлѣбопашцевъ переселить на пустыя земли, взыскивая съ нихъ постепенно сумму, назначенную на выкупъ ихъ свободы. Ясно, что предлагаемыя Киселевымъ мѣры вели не къ уничтоженію, даже не къ ограниченію власти помѣщика надъ крестьянами, а лишь къ уменьшенію числа крѣпостныхъ черезъ открытіе имъ новыхъ способовъ къ освобожденію. Участь этой записки осталась неизвѣстною.

Въ 1816 г. обнаружились большіе безпорядки по интендантской части во Второй арміи, расквартированной въ юго-западныхъ губерніяхъ и Бессарабіи. Чтобы поправить дѣло, главнымъ интендантомъ въ эту армію былъ посланъ статскій совѣтникъ Жуковскій. Но новый интендантъ скоро пришелъ въ столкновеніе съ главнокомандующимъ Второй арміей, Беннигсеномъ, и отношенія такъ запутались и обострились, что Беннигсенъ просилъ Государя прислать довѣренное лицо для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Выборъ Императора палъ на Киселева. Ему поручалось не только «изслѣдовать въ точности несогласія, происшедшія между главнокомандующимъ, его начальникомъ штаба и генералъ-интендантомъ», но также обревизовать положеніе арміи вообще, такъ какъ до Государя дошли свѣдѣнія о безпорядкахъ въ ней.

Произведенное Киселевымъ слѣдствіе обнаружило, что главная отвѣтственность за всѣ злоупотребленія должна лечь на Беннигсена, который, по незнанію законовъ и формъ дѣлопроизводства, «приказывалъ и принималъ мѣры ложныя или незаконныя». Но и Жуковскій въ сдѣлкахъ съ подрядчиками былъ несовсѣмъ чистъ. Что касается до самой арміи, то «она отстала во всѣхъ отношеніяхъ», дисциплина пала, авторитетъ начальства нарушенъ, чему главной причиною были «мѣры главнокомандующаго и слишкомъ большая мягкость его характера».

Въ результатѣ Киселевъ доложилъ Государю, что Беннигсенъ желалъ бы выйдти въ отставку, и Государь одобрилъ это, какъ и весь образъ дѣйствій Киселева. Вообще ему понравилось выказанное Киселевымъ умѣнье такъ распутать узелъ самыхъ тонкихъ интригъ, чтобы все осталось цѣлымъ, несмотря на то, что на каждомъ шагу можно было возбудить скандальную исторію. Государь искалъ правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался щадить самолюбіе своихъ сподвижниковъ, во главѣ коихъ онъ недавно прошелъ Европу. Чтобы лишить обиднаго характера отставку Беннигсена, Государь рѣшилъ сдѣлать смотръ 2-й арміи, найдти ее въ отличномъ состояніи и выраженіемъ благодарности главнокомандующему смягчить фактъ удаленія его отъ дѣлъ. Но для этого надо было дѣйствительно подготовить армію. Съ такой цѣлью Киселевъ и получилъ новую командировку въ Тульчинъ (главная квартира Беннигсена). Новое отвѣтственное и щекотливое порученіе Киселевъ исполнилъ

съ обычнымъ тактомъ и успѣхомъ. Высочайшій смотръ вполнѣ удался, Беннигсенъ вышелъ въ отставку, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Витгенштейнъ. За всѣ эти труды Киселевъ былъ произведенъ 6 октября 1817 г. въ генералъ-маіоры.

Въ 1818 г. онъ былъ посланъ на встрѣчу королю прусскому, ѣхавшему въ Петербургъ, и во все время пребыванія королевской фамиліи въ Россіи находился при наслѣдномъ принцѣ.

22 февраля 1819 г. Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Второй арміи, и тогда же ему было поручено, прежде прибытія въ главную квартиру, заѣхать въ Войско черноморское и произвести разслѣдованіе по дѣлу есаула Вареника о разныхъ злоупотребленіяхъ тамъ. Успѣшно выполнивъ эту задачу и представивъ Государю проэктъ реорганизаціи Черноморскаго войска, Киселевъ 16 мая пріѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ положеніе его сразу оказалось довольно щекотливымъ. Такъ какъ онъ былъ назначенъ безъ вѣдома Витгенштейна, то послѣдній обидѣлся и даже написалъ Государю письмо, въ которомъ говорилъ, что считаетъ назначеніе Киселева выраженіемъ царскаго недовѣрія къ нему, Витгенштейну. Съ другой стороны въ арміи старые генералы считали себя обойденными, а другіе офицеры непріязненно смотрѣли на Киселева, какъ на человѣка, присланнаго для борьбы съ закоренѣлыми безпорядками и злоупотребленіями.

Это не помѣшало Киселеву энергично приступить къ дѣлу, заручившись предварительно надежными помощниками. Среди лицъ, близкихъ къ нему въ это время, находимъ нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ участіе въ тайныхъ обществахъ и пострадавшихъ впослѣдствіи послѣ декабрьскаго бунта... Особенно сблизился Киселевъ съ Пестелемъ, хотя изъ Петербурга его неоднократно предостерегали, указывая на подозрительный образъ мыслей Пестеля. Но Киселевъ писалъ, что «изъ всего здѣшняго синклита онъ одинъ, и совершенно одинъ, могущій съ пользою быть употребленъ». Даже большую часть своего свободнаго времени Киселевъ проводилъ съ Пестелемъ. Близокъ былъ онъ и съ другимъ декабристомъ, Бурцевымъ, а также съ Басаргинымъ, но о существованіи заговора онъ узналъ лишь послѣ бунта, и совершенно несправедливы всѣ слухи о принадлежности его къ союзу благоденствія. Нѣкоторое содѣйствіе своимъ мѣропріятіямъ по упорядоченію Второй арміи находилъ Киселевъ и въ корпусныхъ командирахъ Рудзевичѣ и Сабанѣевѣ, особенно въ послѣднемъ. Отношенія съ Витгенштейномъ Киселевъ успѣлъ поправить сразу, выказывая главнокомандующему полное уваженіе и не предпринимая ничего безъ его вѣдома и согласія. Благодаря такому образу дѣйствій, Витгенштейнъ охотно примирился съ новымъ начальствомъ штаба и посылалъ въ Петербургъ восторженные отзывы о немъ. Не смотря на то, положеніе Киселева оставалось весьма затруднительнымъ: осмотрѣвъ Вторую армію, онъ пришелъ къ выводу, что корень зла заключается въ неудачномъ подборѣ высшихъ военныхъ чиновъ; крупныя перемѣны въ личномъ составѣ были не во власти Киселева, а работать, встрѣчая скрытое сопротивленіе, было нелегко.

Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ отчета, представленнаго Киселевымъ Государю въ 1824 г., онъ за пять лѣтъ успѣлъ произвести рядъ улучшеній во Второй арміи: упрощено и упорядочено было дѣлопроизводство, составлены военныя карты юго-западной Россіи и пограничныхъ турецкихъ и австрійскихъ земель, положено основаніе собиранію статистическихъ данныхъ, приступлено къ составленію исторіи войнъ Россіи съ Турціей, для чего собраны богатые архивные матеріалы, учреждена школа кантонистовъ и топографовъ. Кромѣ этихъ дѣлъ, исполнявшихся въ самомъ штабѣ, Киселевъ обратилъ вниманіе и на строевую часть, для чего усилилъ значеніе инспекторскихъ смотровъ. Извѣстно, что въ то время, благодаря вліянію Аракчеева, на фронтовую выправку обращалось особенное вниманіе, и занятія учебнымъ шагомъ и деталями аммуниціи ложились тяжелымъ бременемъ на армію. Киселевъ, какъ и его петербургскіе друзья, былъ противъ такого чрезмѣрнаго развитія фронта, но неудача Высочайшаго смотра Второй арміи въ 1820 г., заставила его усилить фронтовыя занятія. Закревскій въ письмѣ къ нему съ удивленіемъ отмѣтилъ эту странную перемѣну въ его воззрѣніяхъ на Аракчеевскія требованія. Задѣтый этимъ Киселевъ отвѣчалъ, что «учебный шагъ для многаго содѣлывается нуженъ, я имъ занимаюсь, какъ необходимостью и

часто убѣждаюсь въ пользѣ его». Болѣе стойкій въ своихъ воззрѣніяхъ, Сабанѣевъ указывалъ Киселеву на паденіе боевой подготовки войскъ, которыя отвлечены отъ своихъ прямыхъ обязанностей службы смотрами, передѣлкою аммуниціи и пр.; Киселевъ не внималъ протестамъ и настаивалъ на фронтовой выправкѣ, безъ которой не могъ разсчитывать на сохраненіе милости Государя. Но въ 1822 г., когда возстаніе Ипсиланти грозило вовлечь насъ въ войну съ турками, Киселевъ обнаружилъ свое настоящее отношеніе къ Аракчеевскому режиму: онъ съ нервностью добивался изъ Петербурга опредѣленныхъ свѣдѣній, будетъ ли война. «Война и учебный шагъ—двѣ статьи совершенно разныя»,—писалъ онъ. Въ виду предстоявшаго Высочайшаго смотра, онъ боялся забросить фронтовыя занятія и въ то же время понималъ, что на войнѣ фронтовая выправка ни къ чему не послужитъ. Окончательно возмутился онъ, когда изъ Петербурга пришло требованіе переучить солдатъ и ввести вновь изобрѣтенный Желтухинымъ учебный шагъ. Онъ прямо писалъ, что новое переучиваніе можетъ возмутить армію и дать поводъ къ печальнымъ событіямъ. Благодаря его протесту, обязательность Желтухинскаго шага была отстрочена. На Высочайшемъ смотрѣ въ 1823 г. Вторая армія оказалась въ образцовомъ порядкѣ, и Киселевъ былъ назначенъ 5 октября генералъ-адъютантомъ.

Гуманность Киселева сказалась въ постоянныхъ хлопотахъ о томъ, чтобы солдатъ не изнурялн безъ нужды; кромѣ того было совершенно запрещено наказывать тесаками, а палки сохранены для исключительныхъ опредѣленныхъ случаевъ; за своеручные удары солдата въ лицо Киселевъ обѣщалъ взыскивать безъ пощады, а унтеръ-офицерамъ безусловно запретилъ наказывать солдатъ тѣлесно. Корпуснымъ командирамъ было предписано наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ, однако не дѣлая ихъ извѣстными нижнимъ чинамъ. Къ жалобамъ населенія на войска Киселевъ относился всегда внимательно и старался устранить взаимное озлобленіе между крестьянами и солдатами. Въ связи съ этими мѣрами стояло упорядоченіе военно-судной части, которую Киселевъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ функцій военнаго вѣдомства. Онъ даже неоднократно обращался къ Закревскому съ просьбою составить полный сводъ военно-судныхъ постановленій, но эта его идея не была тогда приведена въ исполненіе. Заботясь о поднятіи нравственнаго уровня арміи Киселевъ придавалъ большое значеніе образованію, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ подвергалъ молодыхъ людей, поступавшихъ на военную службу, серьезнымъ экзаменамъ, а для юнкеровъ завелъ особую школу при штабѣ, но черезъ два года эта школа была закрыта, такъ какъ не было отпущено на нее необходимыхъ средствъ. По той же причинѣ не удались и проектированные Киселевымъ корпусные лицеи. Въ 1820 г. онъ завелъ ланкастерскія школы по методѣ взаимнаго обученія, для распространенія среди нижнихъ чиновъ грамотности, но эти школы привились плохо и не дали ожидаемыхъ результатовъ. Впрочемъ Киселевъ относился къ нимъ какъ-то двойственно. «Образованіе,—писалъ онъ князю Волконскому,—дѣйствительно полезно только для людей, призванныхъ командовать другими; обязанные же повиноваться могутъ безъ него обойдтись и даже слушаются лучше». Гораздо лучшіе результаты дали заботы Киселева по медицинской части: въ 1819 г. былъ открытъ дивизіонный госпиталь въ мѣстечкѣ Махновкѣ, въ 1821 г. ассигновано было 173.000 руб. на устройство госпиталя въ Тульчинѣ, въ Одессѣ было устроено госпитальное отдѣленіе на 120 чел. Съ необыкновенною энергіей и съ успѣхомъ боролся Киселевъ противъ чумной заразы, появлявшейся на нашей границѣ въ 1819 и 1825 гг.

Зоркій глазъ Киселева слѣдилъ за всѣмъ: и за стрѣльбой въ цѣль, и за состояніемъ вооруженія, и за лагерной службой, и за маневрами, и за артельными солдатскими деньгами, которыя часто присвоивались полковыми командирами. При этомъ онъ часто давалъ волю своему пылкому характеру и несдержанному языку, такъ что петербургскіе друзья неоднократно увѣщевали его быть осторожнѣе. Но Киселевъ умѣлъ улаживать непріятные инциденты, и только разъ недоразумѣнія по службѣ довели его до дуэли съ Мордвиновымъ, который и былъ убитъ. Государь отнесся къ этому случаю мягко.

Штабная дѣятельность не удовлетворяла Киселева. Онъ скучалъ въ захолустномъ Тульчинѣ и рвался на болѣе видное по-

прище. Въ 1821 г. вспыхнуло греческое возстаніе и Ипсиланти сталъ во главѣ инсургентовъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Всѣ ожидали, что Россія вступится за возставшихъ, а Вторая армія была въ этомъ положительно увѣрена. Киселевъ надѣялся, что война дастъ ему возможность выдвинуться и дѣятельно подготовлялъ армію къ походу. Онъ собиралъ точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ за Прутомъ, выказывалъ явное сочувствіе бѣглецамъ изъ Турціи и возставшимъ, послалъ Пестеля на границу, въ Скуляны, для ближайшаго ознакомленія съ ходомъ дѣлъ. Въ Петербургъ онъ посылалъ горячія просьбы освободить его отъ штабной службы и дать ему дивизію, но эти хлопоты остались безуспѣшными. Войны не объявляли. Однако въ слѣдующемъ году Киселевъ продолжалъ военныя приготовленія: ремонтировалъ крѣпости, провѣрялъ карты, заботился объ улучшеніи личнаго состава арміи, завелъ даже секретную полицію для собиранія свѣдѣній въ Турціи. Но война, какъ извѣстно, все таки не возгорѣлась.

Расположеніемъ Государя Киселевъ дорожилъ необычайно и боялся, что его забудутъ въ Петербургѣ, хотя Императоръ постоянно оказывалъ ему большое вниманіе. Въ 1820 г. онъ видѣлся съ Государемъ въ Москвѣ; въ 1821 г., по поводу помолвки Киселева съ гр. Софіей Потоцкой, мать невѣсты получила отъ Императора письмо, весьма лестное для жениха; въ 1822 г., по поводу рожденія сына и смерти старой гр. Потоцкой, Киселевъ опять удостоился знакомъ Высочайшаго вниманія; въ 1823 г. онъ снова представлялся Государю въ Варшавѣ и былъ принятъ весьма ласково. Установившееся вліяніе Аракчеева и смѣщеніе Волконскаго и Закревскаго довели безпокойство Киселева до крайнихъ предѣловъ, и въ 1823 г. онъ даже хотѣлъ оставить постъ начальника штаба 2-й арміи. Лишь ласковый пріемъ со стороны Государя въ Орлѣ и затѣмъ (въ 1824 г.) въ Петербургѣ ободрилъ Киселева. Съ новымъ начальникомъ главнаго штаба, Дибичемъ, у него установились также хорошія отношенія.

Тяжелымъ ударомъ былъ для Киселева бунтъ декабристовъ и обнаруженіе заговора во 2-й арміи. Близкія сношенія его съ Пестелемъ и другими заговорщиками бросали сильное подозрѣніе и на него. Въ спискѣ, найденномъ въ кабинетѣ покойнаго Императора, среди заговорщиковъ значилось и имя Киселева. Съ тѣмъ бо́льшимъ усердіемъ помогалъ онъ, желая опровергнуть всякія подозрѣнія, генералъ-адъютанту Чернышеву, посланному въ Тульчинъ для производства слѣдствія. Онъ просилъ Дибича увѣрить Императора Николая въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ, о томъ же писалъ въ Петербургъ и Витгенштейнъ, выставляя на видъ усердіе Киселева при производствѣ дѣла о тайномъ обществѣ. Киселевъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи, что онъ организовалъ во 2-й арміи сыскную полицію и давно уже поручилъ ей слѣдить за Пестелемъ, но агенты его ничего не открыли. Въ началѣ слѣдующаго года Киселевъ былъ посланъ въ Петербургъ для представленія Государю клятвеннаго обѣта войскъ 2-й арміи, и вынесъ изъ пріема во Дворцѣ сознаніе, что репутація его поколеблена. Онъ написалъ Императору горячее письмо, въ которомъ просилъ «суда, чтобы быть оправданнымъ, или наказаннымъ», но и это письмо не имѣло дѣйствія. Грустный вернулся Киселевъ въ Тульчинъ, и лишь на коронаціи въ Москвѣ ласковое обхожденіе Императора и орденъ св. Владиміра 2-й степени доказали ему, что опасенія его были совершенно напрасны.

Конецъ 1826 и весь 1827 г. прошелъ для Киселева въ осмотрѣ арміи и въ приготовленіи ея къ ожидавшейся войнѣ съ Турціей. Еще разъ прорвалось его стремленіе къ военнымъ подвигамъ: узнавъ о поѣздкѣ Дибича на театръ войны съ Персіей, онъ просилъ перевести его туда, но снова получилъ отказъ. Тѣмъ горячѣе желалъ онъ войны съ Турціей, которая въ 1828 г. была окончательно рѣшена, и Киселева вызвали въ Петербургъ для обсужденія плана кампаніи. 12-го апрѣля Киселевъ, вмѣстѣ съ главной квартирой 2-й арміи, выступилъ изъ Тульчина въ походъ, принялъ участіе въ осадѣ Браилова. Не довольствуясь тѣснымъ кругомъ штабнаго дѣлопроизводства, онъ производилъ рекогносцировки, составлялъ диспозиціи, присутствовалъ при ихъ исполненіи подъ выстрѣлами непріятеля, словомъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ самыхъ военныхъ операціяхъ. Во время переправы войскъ черезъ Дунай подъ Сатуновымъ въ присутствіи Государя, онъ примѣромъ личной храбрости поддержалъ духъ арміи въ минуту колебанія и за-это получилъ

чинъ генералъ-лейтенанта. Въ сраженіи подъ Буланлыкомъ онъ находился при передовыхъ кареяхъ, а подъ Шумлою бился наравнѣ съ солдатами. Эти подвиги, совершенные на глазахъ Государя, снискали Киселеву полное расположеніе Императора Николая, который, помимо постоянныхъ знаковъ дружбы и вниманія, наградилъ его брилліантовой шпагою и милостивымъ рескриптомъ. Репутація Киселева выросла необыкновенно. И Дибичъ, и Витгенштейнъ постоянно хвалили его. Первый писалъ про него Государю: «Не возможно быть лучше, чѣмъ онъ». Государь отвѣчалъ: «очень радъ, что вы имъ довольны; я его очень люблю». На зиму армія отступила отъ Шумлы, и главная квартира была перенесена въ Яссы, гдѣ Киселеву пришлось снова погрузиться въ военно-хозяйственную и административную дѣятельность, и кромѣ того бороться съ страшнымъ врагомъ—чумою, участвуя въ то же время въ обсужденіи плана будущей кампаніи. Однако онъ не оставлялъ мысли о перемѣнѣ штабной службы на строевую, и на этотъ разъ хлопоты его увѣнчались успѣхомъ: 9-го февраля 1829 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Сдавая свою прежнюю должность барону Толю, онъ особенно гордился тѣмъ, что «несмотря на войну, заботы и многоначаліе, 31.000 номеровъ въ одинъ годъ выпущены изъ моихъ управленій и всѣ журналы заключены, счеты кончены и ни одна входящая бумага не оставлена безъ разрѣшенія или отмѣтки».

Черезъ два мѣсяца подъ команду Киселева были поставлены всѣ войска, находившіяся по лѣвой сторонѣ Дуная и предназначенныя прикрыть правый флангъ главной арміи, въ случаѣ движенія турецкихъ силъ изъ Босніи и Герцеговины. Кромѣ того Киселевъ долженъ былъ наблюдать за силами, затворившимися въ Журжѣ, Рущукѣ и Никополѣ. Не довольствуясь выжидательною ролью, Киселевъ составилъ проектъ и смѣту осады Журжи, но эта операція оказалась излишней по общему ходу войны. Не состоялось и внезапное овладѣніе Никополемъ, о которомъ думалъ Киселевъ. Но когда нашему правому флангу стала угрожать армія паши Скодрскаго, то Киселевъ получилъ предписаніе перейдти черезъ Дунай, скорѣе аттаковать и разбить пашу. Скорое заключеніе мира не дало времени Киселеву прійдти въ столкновеніе съ непріятелемъ: дойдя до Шипкинскаго перевала безъ битвы, онъ получилъ извѣстіе о подписаніи мира и приказъ вернуться за Дунай. Услуга, оказанная главной арміи безъ пролитія крови, не удовлетворяла Киселева, и онъ горько жаловался въ письмѣ къ Желтухину на скорый миръ, лишившій его побѣдныхъ лавровъ: «Съ удовольствіемъ—не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи, и черезъ три дня я занялъ бы сей городъ. Признайтесь, что при всемъ патріотизмѣ позволительно сѣтовать на судьбу, которая послѣ преодолѣнія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ... Блистательный миръ опечалилъ весь безъ изъятія корпусъ. Паша Скодрскій выбирался уже изъ Софіи, и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его»...

14-го сентября 1829 г. Киселевъ былъ назначенъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ Молдавіи и Валахіи. Эти княжества подъ турецкимъ владычествомъ дошли до полной дезорганизаціи. Обезпеченія личности и собственности въ нихъ не существовало, полиція прикрывала грабежи и разбои. Злоупотребленія при взиманіи податей, взяточничество и внутреннія таможни разоряли населеніе; двѣ трети государственныхъ доходовъ шли на содержаніе господаря; въ администраціи господствовала система торговли должностями; дворянскій классъ бояръ угнеталъ народныя массы. Желая упорядочить дѣла въ княжествахъ, Россія рѣшила создать новую администрацію и новые законы. Для составленія новаго «органическаго регламента» составлена была особая коммиссія изъ мѣстныхъ дѣятелей подъ предсѣдательствомъ бывшаго русскаго генеральнаго консула въ княжествахъ, Минчаки, а впредь до выработки регламента власть въ княжествахъ была ввѣрена русскому генералу съ титуломъ полномочнаго предсѣдателя дивановъ. Вступивъ въ правленіе княжествами, Киселевъ убѣдился сразу, что привилегированныя сословія всячески тормозятъ реформы, которыя отнимали у нихъ возможность извлекать личныя выгоды изъ общаго безпорядка. Бояре находили себѣ поддержку въ Австріи и Турціи, которыя также опасались, что реформы, совершен-

ныя подъ руководствомъ Россіи, потрясутъ ихъ вліяніе въ княжествахъ. Въ виду этого Киселевъ рѣшилъ опереться на народныя массы и рядомъ мѣръ склонить ихъ на сторону русскаго вліянія. Торопя работы коммиссіи по составленію регламента, онъ въ то же время энергично боролся противъ чумы, опустошавшей княжество, принималъ мѣры противъ голода, угрожавшаго странѣ, лично принималъ прошенія отъ жителей, назначилъ повсемѣстно ревизіонныя коммиссіи для разслѣдованія о злоупотребленіяхъ, прекратилъ беззаконные поборы, уничтожилъ продажу должностей и внутреннія таможни, сильно сократилъ разбои и наконецъ занялся устройствомъ сельскаго населенія, которое находилось въ крѣпостномъ состояніи. Крестьянская реформа Киселева въ княжествахъ основывалась на слѣдующихъ принципахъ: 1) дворяне признаются вотчинниками земель, а крестьяне сохраняютъ полное право личной свободы; 2) помѣщики должны непремѣнно снабдить живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ опредѣленнымъ количествомъ угодій за установленныя повинности и не могутъ высылать ихъ изъ своихъ помѣстій, пока тѣ исполняютъ свои обязанности; 3) крестьянинъ, исполнившій свои обязанности относительно землевладѣльца, имѣетъ право перейдти отъ него на другія земли. По настоянію Киселева эти реформы были внесены въ органическій регламентъ, но незнакомство Киселева съ мѣстными условіями и съ юридическими понятіями значительно уменьшило значеніе реформъ: съ одной стороны обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ оказались слишкомъ тяжелыми, съ другой стороны неудачная формулировка закона допускала массу отступленій отъ него, и въ концѣ концовъ переходъ крестьянъ на практикѣ оказался почти невозможнымъ. Большее значеніе имѣло уничтоженіе класса «сокорельниковъ и послушниковъ», находившихся въ личной зависимости отъ бояръ; тѣ и другіе поступили въ общій составъ крестьянъ, а бояре были вознаграждены пожизненными пенсіями. Кромѣ того Киселевъ провелъ въ регламентъ уничтоженіе смертной казни и пытки, однообразный судебный процессъ для всѣхъ сословій и введеніе поголовной подати. Въ 1831 г. регламентъ былъ окончательно выработанъ, а къ началу 1832 г. было кончено преобразованіе внутренняго управленія въ обоихъ княжествахъ; всѣ учрежденія, установленныя регламентомъ, были въ полномъ ходу; большинство народонаселенія было, по словамъ Киселева, довольно новыми порядками. Но Порта медлила съ утвержденіемъ регламента. Какъ это обстоятельство, такъ и неисправность Турціи въ уплатѣ военнаго вознагражденія заставляли продолжить окупацію княжествъ.

Въ 1832 г. открылась вооруженная борьба между султаномъ и египетскимъ пашею Махметомъ-Али, вскорѣ поставившая Турцію на край погибели. Въ 1833 г. султанъ обратился къ Императору Николаю съ просьбою о помощи и Государь приказалъ Киселеву двинуться къ Константинополю сухимъ путемъ, туда же былъ отправленъ и черноморскій флотъ. Киселевъ, давно уже ожидавшій подобной развязки и приготовившійся къ походу, принялъ новую миссію съ энтузіазмомъ, надѣясь «на блестящіе военные подвиги, на дѣятельное, быть можетъ, рѣшающее участіе въ восточномъ вопросѣ». Но надежда эта опять его обманула: Порта скоро опомнилась и, предпочитая позорный миръ съ египетскимъ пашею появленію русской арміи въ Константинополѣ, просила позадержать Киселева на Дунаѣ, а вслѣдъ затѣмъ и окончательно отказалась отъ русской помощи. «Всѣ труды Киселева, говоритъ его біографъ, всѣ заботы по приготовленію къ походу были для него потеряны; и это въ немъ, нечуждомъ славолюбія, не могло не отозваться прискорбнымъ чувствомъ и даже подѣйствовало на его здоровье». Не довѣряя султану, Киселевъ настаивалъ на необходимости продолжить оккупацію княжествъ и даже намекалъ, что настоящая русская граница—на Дунаѣ. Но въ этомъ пунктѣ его взгляды радикально разошлись съ мнѣніями гр. Нессельроде, который намекнулъ Киселеву, что онъ изъ личныхъ выгодъ желаетъ продолженія оккупаціи. Тогда Киселевъ подалъ въ отставку и получилъ ее. Въ началѣ 1834 г. онъ простился съ представителями княжествъ и 11 апрѣля уѣхалъ изъ Яссъ въ Петербургъ, гдѣ его ожидалъ блестящій пріемъ, такъ какъ Государь чрезвычайно высоко цѣнилъ заслуги его по реорганизаціи княжествъ. Дѣятельность Киселева въ Молдавіи и Валахіи доставила ему европейскую извѣстность. Но необходимо замѣтить, что въ выработкѣ

реформъ весьма важная роль принадлежала Василію Ивановичу-Карнѣеву, который былъ привлеченъ къ составленію органическаго регламента еще предшественникомъ Киселева. Оцѣнивъ дарованія Карнѣева, Киселевъ впослѣдствіи, когда сталъ докладчикомъ V-го отдѣленія и затѣмъ министромъ государственныхъ имуществъ, привлекъ его въ свою канцелярію и постоянно возлагалъ на него важныя и отвѣтственныя порученія. Такъ нѣкоторыя записки, представленныя Киселевымъ въ секретные комитеты по крестьянскому вопросу, цѣликомъ вышли изъ подъ пера Карнѣева.

На другой день послѣ возвращенія Киселева въ Петербургъ, 9 мая 1834 г., онъ имѣлъ аудіенцію у Государя, на которой произошелъ разговоръ, опредѣлившій всю послѣдующую дѣятельность Киселева. Императоръ одобрилъ весь его отчетъ объ управленіи княжествами и особенно обратилъ вниманіе на одинъ пунктъ, гдѣ Киселевъ говоритъ объ освобожденіи крестьянъ въ Молдавіи и Валахіи. «Мы займемся этимъ когда-нибудь, сказалъ Государь,—я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ, и который ихъ пугаетъ. Видишь-ли, продолжалъ Государь, указывая рукою на картонки, стоявшія на полкахъ кабинета; здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Вскорѣ затѣмъ Государь прибавилъ: «Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ комъ не нашелъ прямаго сочувствія; даже въ семействѣ моемъ, нѣкоторые были совершенно противны... По отчету твоему о княжествахъ я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проэкта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Киселевъ отнесся съ восторгомъ къ предложенію Государя и направилъ всѣ свои усилія къ ознакомленію съ крестьянскимъ вопросомъ и на изысканіе мѣръ къ постепенному уничтоженію крѣпостнаго права.

6 декабря 1834 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но еще за нѣсколько дней до назначенія вручилъ Государю записку по поводу спорнаго вопроса, возникшаго въ совѣтѣ касательно крестьянъ. Обсуждалось, можно ли допускать самихъ крестьянъ на торги, когда продается съ аукціона населенное имѣніе, перешедшее по наслѣдству къ лицу, неимѣющему права владѣть крестьянами. Въ Совѣтѣ признали это необходимымъ; согласился съ этимъ и Киселевъ, но, согласно съ духомъ своей записки 1816 г., предложилъ дать разночинцамъ право владѣнія крѣпостными, ограничивъ только власть ихъ точнымъ закономъ. Въ 1835 г. Киселевъ былъ назначенъ въ секретный комитетъ, обсуждавшій проектъ министра финансовъ Канкрина объ улучшеніи состоянія крестьянъ разныхъ званій. Графъ Канкринъ предполагалъ постепенно дать крестьянамъ личную свободу, но безъ земли. Въ работахъ этого комитета Киселевъ особенно дѣятельнаго участія не принималъ. Лѣтомъ того же года, во время пребыванія за границею, онъ просилъ русскаго посла въ Вѣнѣ, Татищева, собрать для него свѣдѣнія о ходѣ и принципахъ освобожденія крестьянъ въ Австріи, и въ слѣдующемъ году Татищевъ прислалъ ему обильный матеріалъ по этому вопросу. Въ 1837 г. Киселевъ съ такою же просьбою обращался къ Рибопьеру, послу въ Берлинѣ, и получилъ отъ него свѣдѣнія объ освобожденіи прусскихъ крестьянъ. Тогда же въ дѣятельной перепискѣ Киселевъ обсуждалъ крестьянскій вопросъ съ другими горячими сторонниками эмансипаціи, княземъ М. С. Воронцовымъ и княземъ Н. А. Долгоруковымъ. Такъ, мало по малу уяснялъ онъ себѣ принципіальную сторону дѣла.

Работы первыхъ же секретныхъ коммиссій въ царствованіе Императора Николая показали, что полная эмансипація крестьянъ не можетъ быть осуществлена, ибо ближайшіе совѣтники Государя не видѣли, какимъ практическимъ путемъ достигнуть этого результата, и сомнѣвались правиленъ-ли и полезенъ-ли онъ будетъ. Въ виду этого общій вопросъ раздробился и вни-

маніе Государя сосредоточилось главнымъ образомъ на двухъ разрядахъ крестьянъ: на дворовыхъ и государственныхъ. Первые, какъ испорченный и необезпеченный классъ, казались наиболѣе опасными для общественнаго спокойствія; вторыхъ, какъ не связанныхъ съ помѣщиками, казалось легче всего устроить на раціональныхъ началахъ, не производя ломки. Послѣдняя идея принадлежитъ всецѣло Сперанскому, но разработку и выполненіе ея Государь поручилъ Киселеву.

Государственные крестьяне находились тогда въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Графъ Канкринъ, указывая на неудовлетворительное положеніе ихъ, главную задержку экономическому преуспѣянію ихъ видѣлъ въ подушномъ оброкѣ и въ неупорядоченности земельнаго владѣнія, а также въ безпорядкѣ сельскаго и волостнаго правленія. Киселевъ, признавая существенность двухъ первыхъ причинъ, главное зло видѣлъ въ отсутствіи «покровительства и наблюденія». Обревизовавъ положеніе государственныхъ имуществъ въ четырехъ губерніяхъ, Киселевъ нарисовалъ Государю необычайно мрачную картину всего видѣннаго имъ и прямо заявилъ, что никакія улучшенія невозможны, пока управленіе государственными имуществами не будетъ выдѣлено въ особое вѣдомство. Государь вполнѣ согласился съ нимъ и немедленно же перевелъ всѣ государственныя имущества изъ министерства финансовъ подъ власть V-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учрежденнаго незадолго передъ тѣмъ и порученнаго Киселеву. Вмѣстѣ въ тѣмъ ему поручалось составить соображенія объ учрежденіи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Это порученіе Киселевъ исполнилъ въ теченіи 1837 г. и съ 1 января 1838 г. новое министерство начало функціонировать съ самимъ Киселевымъ во главѣ.

Реформа, произведенная Киселевымъ, и закрѣпленная въ положеніи о министерствѣ государственныхъ имуществъ, была чисто административная и, сообразно съ духомъ того времени, имѣла бюрократическій характеръ. Центральному министерству были подчинены въ губерніяхъ палаты государственныхъ имуществъ, исполнительными органами которыхъ на мѣстѣ являлись окружные начальники. Въ сельскихъ обществахъ учреждались мірскіе сходы и сельскія управленія. Для разбора мелкихъ тяжбъ созданы были расправы сельскія и волостныя, и для руководства имъ составленъ особый судебный уставъ. Для наблюденія полицейскаго порядка былъ составленъ сельскій полицейскій уставъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ не было никакихъ измѣненій противъ существующихъ законоположеній. Главную заслугу свою Киселевъ видѣлъ въ точной регламентаціи всего порядка: обязанности каждаго управленія и каждаго должностнаго лица опредѣлены съ возможною положительностью и полнотою; точно также означены положительно предѣлы дарованныхъ крестьянамъ правъ личныхъ и по имуществу, указаны ясно обязанности ихъ и опредѣлена мѣра ихъ отвѣтственности. Главный вопросъ финансовый и экономическій — былъ совершенно обойденъ Киселевымъ: оброчная подать, а равно подушная подать и земскія повинности по прежнему исчислялись по душамъ, хотя при распредѣленіи ихъ теперь болѣе принимались во вниманіе мѣстныя выгоды отъ земли и промысловъ каждаго общества. Впрочемъ, понемногу этотъ вопросъ разрабатывался въ канцеляріи министерства и даже были попытки примѣненія на практикѣ обложенія по землѣ и промыслу. Изъ мѣръ, принятыхъ Киселевымъ для благоустройства государственныхъ крестьянъ въ теченіе восемнадцатилѣтняго управленія ими, наибольшее значеніе имѣли заботы объ образованіи мірскихъ капиталовъ, введеніе жеребьевой системы рекрутскихъ наборовъ, и главнымъ образомъ—настоятельныя мѣры по распространенію грамотности среди крестьянъ, что теперь Киселевъ считалъ самымъ могущественнымъ рычагомъ для матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія деревни. Тогда даже въ высшихъ сферахъ смотрѣли недовѣрчиво на образованіе народа. Не безъ труда и не сразу побѣдилъ Киселевъ это предубѣжденіе, и 23 ноября 1842 года состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи сельскихъ приходскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ, а въ 1847 г. положено было начало женскимъ училищамъ. Къ 1855 г. въ вѣдомствѣ казенныхъ государственныхъ имуществъ числилось 2,434 училища съ 170,194 учащимися; впрочемъ на практикѣ оказалось, что большинство школъ находилось въ довольно печальномъ состояніи. Во всякомъ слу-

чаѣ важно уже было принципіальное признаніе необходимости народнаго образованія.

Успѣхъ новаго управленія, построеннаго на бюрократической основѣ, зависѣлъ главнымъ образомъ отъ подбора личнаго состава чиновниковъ. Подборъ этотъ, въ общемъ, былъ для своего врѣмени весьма удаченъ и доказываетъ большой административный талантъ Киселева. Кромѣ того онъ самъ неоднократно совершалъ поѣздки по Россіи, ревизовалъ учрежденія своего вѣдомства, вступалъ въ объясненія съ крестьянами, принималъ отъ нихъ жалобы и сурово наказывалъ всякія злоупотребленія со стороны чиновниковъ. Не отказывался онъ и отъ собиранія тайныхъ свѣдѣній о своихъ подчиненныхъ, даже самъ просилъ объ этомъ своего брата, жившаго въ Москвѣ. Изъ принципіальныхъ обвиненій, возникавшихъ противъ новаго министерства, самымъ существеннымъ было указаніе на слишкомъ сложный механизмъ управленія, требовавшій большаго количества чиновниковъ, содержаніе которыхъ тяжело ложилось на крестьянъ. Но главный недостатокъ новаго управленія заключался, конечно, въ томъ, что оно оставляло крестьянина въ прежнемъ безправномъ положеніи и не защищало его опредѣленнымъ законодательствомъ отъ административнаго произвола.

Императоръ Николай былъ вполнѣ доволенъ дѣятельностью Киселева. Въ первое время послѣ учрежденія министерства Киселевъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ лицъ ко Двору и почти ежедневно бывалъ либо у Самого Государя, либо у другихъ членовъ Царской Фамиліи. Съ особеннымъ расположеніемъ относилась къ нему Великая Княгиня Елена Павловна. Царская милость къ Киселеву, помимо постоянныхъ лестныхъ знаковъ вниманія, выразилась пожалованіемъ ему графскаго титула (26 марта 1839 г.) и ордена Св. Андрея Первозваннаго (16 апрѣля 1841 г.). Императоръ Николай особенно цѣнилъ Киселева за то, что онъ «совершенно вникалъ въ мысли Государя, усвоялъ ихъ себѣ и при осуществленіи и исполненіи поступалъ такъ, какъ поступилъ бы Государь и никогда не заходилъ дальше, чѣмъ шелъ бы Государь. Его вѣрность и преданность не допускали и мысли завлечь Государя дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ идти. Какъ человѣкъ исполнительный, онъ былъ неоцѣненъ, потому что при самомъ исполненіи, въ своей дѣятельности высказывался человѣкомъ умнымъ, неутомимымъ и энергичнымъ... Киселевъ не былъ человѣкомъ самостоятельной иниціативы. Онъ былъ человѣкъ, такъ сказать, исполнительный, но въ обширномъ смыслѣ, не исключающемъ самостоятельной дѣятельности исполнителя. Исполнителемъ въ этомъ смыслѣ можетъ быть только человѣкъ, самостоятельно дошедшій до той же мысли, которую берется осуществить».

Это тѣсное единеніе между Императоромъ Николаемъ и гр. Киселевымъ видно и въ работахъ послѣдняго по облегченію участи помѣщичьихъ крестьянъ. Отношеніе его къ другому жгучему вопросу лучше всего выразилась въ докладной запискѣ комитету о дворовыхъ людяхъ (1844 г.), гдѣ между прочимъ читаемъ: «Отказываться по причинѣ затрудненій отъ улучшеній, необходимыхъ для блага государственнаго, правительство не можетъ и не должно. Предоставить дѣло времени—безполезно, ибо въ Россіи безъ руководства правительства ничего не начинается и не дѣлается. Въ подобныхъ случаяхъ главное дѣло состоитъ въ удобствѣ законодательныхъ мѣръ. Если при сложности интересовъ дѣйствовать, безъ всякаго подготовленія, распоряженіями крутыми, то мѣра, конечно, произведетъ всеобщую тревогу, и законъ болѣе нежели не исполнится; онъ распространитъ повсемѣстно неудовольствіе и противодѣйствіе». Эта точка зрѣнія можетъ быть признана характерною не для одного Киселева, но для всей внутренней политики Николаевскаго царствованія, когда самыя благія предположенія верховной власти, послѣ обсужденія въ секретныхъ комитетахъ, откладывались, изъ боязни вызвать безпорядокъ несвоевременными мѣрами. Въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, Киселевъ принималъ участіе во всѣхъ комитетахъ по крестьянскому вопросу. Хотя практическихъ результатовъ отъ этихъ комитетовъ не получилось почти никакихъ, тѣмъ не менѣе любопытны идеи, которыя отстаивалъ въ нихъ гр. Киселевъ.

По вопросу о дворовыхъ людяхъ въ 1840 и въ 1844 гг. Киселевъ предлагалъ рядъ мѣръ, постепенно приводящихъ къ освобожденію этого класса. Въ процессѣ освобожденія онъ проэктировалъ 4 стадіи:

1) приготовить образованіе особаго сословія, къ которому бы дворовые люди могли быть причисляемы, и для этого учредить по всѣмъ городамъ цѣхи слугъ; 2) затѣмъ издать законъ, чтобы дворовые, отпускаемые изъ оброка, причислялись къ цѣху слугъ; 3) потомъ по какому-либо частному случаю пояснить, что дворовые люди, какъ слуги, обязательно должны быть причисляемы къ сему цѣху и уплачивать по нему подати; 4) стѣснивъ такимъ образомъ выгоды помѣщиковъ по владѣнію дворовыми людьми, издать постановленіе, предоставивъ владѣльцамъ право отпускать дворовыхъ на волю съ выкупомъ личной свободы. 12 іюня 1844 г. состоялся указъ, разрѣшавшій дворянамъ отпускать дворовыхъ людей на волю безъ земли за выкупъ. Но такъ какъ предворительныя мѣры, которыми, по мнѣнію Киселева, обезпечивался успѣхъ такого закона, не были приняты, то и самый законъ никакихъ послѣдствій не имѣлъ.

Въ концѣ 1839 г. учрежденъ былъ особый секретный комитетъ для обсужденія причинъ, вызвавшихъ безплодность закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и для выработки мѣръ, которыя увеличили бы количество свободнаго крестьянскаго населенія. Выдающаяся роль въ этомъ комитетѣ принадлежала Киселеву. При самомъ началѣ засѣданій онъ представилъ Государю записку, въ которой излагалъ свои взгляды на мѣры къ облегченію крѣпостнаго права. Вотъ главныя его основанія: 1) взимать рекрутовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ для отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій; 2) назначить для крестьянъ опредѣленные земельные надѣлы и предоставить имъ право на движимую собственность; 3) ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 4) устроить между крѣпостными крестьянами сельское управленіе съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста наравнѣ со свободными хлѣбопашцами. Государь возвратилъ Киселеву докладъ съ слѣдующей резолюціей: «Читалъ съ особымъ вниманіемъ и полнымъ удовольствіемъ; начала, на коихъ основанъ проектъ, мнѣ кажется весьма справедливы и основательны. Я не нашелъ сдѣлать ни одного замѣчанія и разрѣшаю внесть въ комитетъ». Основываясь на согласіи Государя, Киселевъ представилъ комитету подробную записку, въ которой подвергаетъ разбору указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и предлагаетъ проектъ новаго устройства крестьянъ. Главный недостатокъ учрежденія о свободныхъ хлѣбопашцахъ онъ видѣлъ въ томъ, что «увольненіе крестьянъ съ землею требовало перехода всей недвижимой собственности изъ владѣнія дворянъ въ пользу низшаго сословія. Послѣдствіемъ сей мѣры было бы уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи изъ людей, перешедшихъ изъ крѣпостнаго состоянія», между тѣмъ «дворянство должно исключительно пользоваться правомъ владѣнія населенными землями». Вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ относился съ рѣшительнымъ осужденіемъ также и къ освобожденію крестьянъ безъ земли. Серединою между двумя крайностями онъ считалъ такую мѣру, которая «поставивъ крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ силою закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія одному только дворянству». Главныя основанія освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи должны были, по мнѣнію Киселева, состоять въ слѣдующемъ: «Помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброками, положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ... Лѣса, оброчныя статьи, богатства въ нѣдрахъ земли составляютъ принадлежность помѣщика; сверхъ того, владѣльцы земель, предоставляя крестьянамъ личную свободу, освобождаются отъ обязанности давать имъ пособія на продовольствіе и въ пожарныхъ случаяхъ». Землепользованіе у крестьянъ должно сохраниться общинное. До тѣхъ поръ, пока крестьяне исполняютъ повинности, ихъ нельзя выслать съ земель, предоставленныхъ имъ въ пользованіе. Они получаютъ полное право собственности на движимое имущество; дома и другія усадебныя строенія также принадлежатъ имъ; они могутъ жаловаться на притѣсненія владѣльцевъ въ общія судебныя учрежденія. При соблюденіи извѣстныхъ условій обязанные

крестьяне могутъ переходить въ другія свободныя состоянія и на иныя владѣльческія земли. Вотчинная юрисдикція помѣщика сохраняется, но ограничивается точными законами. Важнѣйшими пунктами въ проектѣ Киселева были: настойчивый протестъ противъ обезземеленія крестьянъ, защита общиннаго принципа и разработка вопроса о размѣрѣ земельнаго надѣла. Всѣ эти три пункта вызвали въ комитетѣ упорную оппозицію, особенно со стороны кн. Меншикова. Подъ напоромъ большинства членовъ комитета Киселевъ отказался отъ предложенной имъ мѣры надѣловъ и повинностей обязанныхъ крестьянъ и предоставилъ этотъ вопросъ соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. Надо еще принять въ разсчетъ, что переводъ крѣпостныхъ въ обязанные предполагался не иначе, какъ съ согласія и по иниціативѣ помѣщика. Въ виду этого Киселевъ былъ правъ, заявляя, что проектированное «положеніе далеко отъ того, чтобы можно было увольняемыхъ крестьянъ назвать свободными». Какъ ни скроменъ былъ проектъ Киселева, но комитетъ значительно ослабилъ его, а Государственный Совѣтъ придалъ ему еще болѣе скромный видъ, такъ что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 2 апрѣля 1842 г. оказался неимѣющимъ никакого значенія. Во время преній въ Государственномъ Совѣтѣ Киселевъ «всталъ только однажды, чтобы сказать, что согласился на заключеніе комитета и теперь не споритъ противъ нихъ единственно въ той надеждѣ, что это будетъ предисловіемъ къ чему-нибудь лучшему и обширнѣйшему впослѣдствіи времени». Надеждамъ Киселева не суждено было сбыться.

Послѣ 1842 г. участіе Киселева въ крестьянскомъ вопросѣ выражалась въ частичныхъ случаяхъ: онъ защищалъ отъ нападокъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, помогалъ князю М. С. Воронцову устроить часть его крестьянъ по новому положенію, участвовалъ въ обсужденіи вопроса о введеніи инвентарей въ Западномъ краѣ (1839 г.), о сдачѣ помѣщичьихъ имѣній въ аренду (1846 г.), о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ права пріобрѣтать недвижимую собственность (1847 г.) и т. п. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ велъ дѣятельную переписку съ кн. Воронцовымъ о крестьянскомъ вопросѣ. Потерявъ вѣру въ это дѣло подъ вліяніемъ предшествовавшихъ неудачъ и поворота во взглядахъ Государя послѣ февральской революціи, онъ отрицалъ теперь возможность эмансипаціи и со страхомъ глядѣлъ въ будущее, опасаясь повсемѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ. Энергія его какъ будто пала.

Поэтому понятно, что новый Императоръ Александръ II не видѣлъ возможности сохранить Киселева на прежнемъ посту въ то время, когда готовилась радикальная реформа крестьянскаго быта. Въ 1856 г. Киселевъ былъ щедро осыпанъ монаршими милостями и 1 іюля назначенъ посломъ въ Парижъ. Невольное удаленіе Киселева было обставлено такъ, чтобы не задѣть его самолюбія: Государь учредилъ медаль въ его память, предоставилъ ему выбрать себѣ преемника, и самое назначеніе въ Парижъ просилъ принять, какъ бы принося жертву на благо отечества. Тѣмъ не менѣе Киселевъ съ великою грустью покидалъ свое министерство и горько жаловался на новое назначеніе, которое считалъ унизительнымъ для себя. Онъ привыкъ постоянно находиться въ личномъ общеніи съ Государемъ и исполнять его прямую волю. Теперь же между нимъ и престоломъ становился посредникъ—министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ, которому Киселевъ долженъ былъ подчиниться. Съ второстепенной ролью Киселевъ не могъ примириться и непремѣнно хотѣлъ играть болѣе видную и самостоятельную роль, чѣмъ выпадаетъ на долю посла. Онъ критически относился къ распоряженіямъ и видамъ кн. Горчакова и иногда изъ одного духа противорѣчія стремился по своему повернуть направленіе русской политики. Естественно, что это приводило къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

А между тѣмъ новый постъ, ввѣренный Киселеву, былъ въ высшей степени почетенъ и доказывалъ большое довѣріе къ нему молодаго Государя. Послѣ крымской кампаніи отношенія между Россіей и Франціей были таковы, что требовали со стороны посла большаго такта, ума и опытности. Надо было сумѣть поддержать достоинство побѣжденной Россіи передъ лицемъ побѣдителя и въ то же время установить добрыя отношенія между двумя правительствами. Просвѣщенный и энергичный администраторъ, Киселевъ не былъ тонкимъ дипломатомъ, и самъ это сознавалъ въ началѣ, но скоро ему показалось,

что онъ освоился съ новымъ родомъ дѣятельности, и онъ съ обычною настойчивостью сталъ проводить свои идеи. Необычайно ласковый пріемъ, оказанный русскому послу со стороны императора французовъ и его супруги, очаровалъ Киселева и онъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ тѣснаго союза съ Франціей, хотя самъ замѣчалъ симптомы шаткости въ положеніи Наполеона. Первоначально русская дипломатія также склонялась на сторону этого союза, но политическій авантюризмъ Наполеона, некорректность его образа дѣйствій въ Италіи и неопредѣленное положеніе, занятое относительно польскаго вопроса,—все это заставило петербургскій кабинетъ уклониться отъ формальныхъ обязательствъ по отношенію къ императорской Франціи. Но Киселевъ продолжалъ упорно настаивать на франко-русскомъ союзѣ и такимъ образомъ сталъ въ непримиримое противорѣчіе съ кн. Горчаковымъ. Желая прекратить неестественное положеніе, Императоръ сначала вѣжливыми намеками старался дать Киселеву почувствовать неумѣстность его настойчивости. Киселевъ не понималъ. Затѣмъ Государь дважды предлагалъ ему постъ предсѣдателя въ Государственномъ Совѣтѣ. Киселевъ отказывался. Не желая его все таки отозвать прямо, Государь въ 1862 г. назначилъ ему въ помощь чрезвычайнаго посланника, барона Будберга. Тутъ наконецъ Киселевъ подалъ въ отставку, но не черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, а черезъ министерство военное. И все таки онъ удалялся отъ дѣлъ съ чувствомъ горькой обиды и съ убѣжденіемъ, что палъ жертвою интриги, а не собственнаго заблужденія.

Дѣло, которое Киселевъ считалъ цѣлью своей жизни,—освобожденіе крестьянъ,—не осталось ему чуждымъ и послѣ отъѣзда въ Парижъ. Его труды на этомъ поприщѣ создали ему почетное имя, и всѣ лучшіе дѣятели крестьянской реформы, относясь къ Киселеву съ глубокимъ почтеніемъ, постоянно обращались къ нему за совѣтами. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ: «въ убѣжденіяхъ всей Россіи имя гр. Киселева связано съ идеею, которой мы служимъ». Н. А. Милютинъ, племянникъ Киселева, находилъ въ немъ постоянную опору и поддержку въ самыя тяжелыя минуты своего поприща. Самъ Императоръ Александръ II препровождалъ освободительные проекты на обсужденіе Киселева. Такъ же поступалъ и великій кн. Константинъ Николаевичъ. Киселевъ неизмѣнно являлся защитникомъ принциповъ, высказанныхъ имъ раньше, и настаивалъ на необходимости освобожденія крестьянъ съ землей и сохраненія общиннаго начала. Торжество этихъ принциповъ въ значительной степени зависѣло именно отъ настойчивости Киселева. Манифестъ 19 февраля 1861 г. вызвалъ горячую и искреннюю радость въ старомъ поборникѣ свободы. Въ восторженномъ письмѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу онъ воздаетъ хвалы новому порядку и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рядъ глубоко-вѣрныхъ замѣчаній: «Прекращеніе крѣпостнаго права встрѣтитъ и на долгое время много противниковъ и порицателей, а потому для успѣшнаго исхода сего великаго дѣла, необходимо прежде всего избрать орудія, къ тому способныя... Новое дѣло требуетъ новыхъ дѣятелей, одаренныхъ свѣжестью силъ физическихъ и нравственныхъ... Молодые люди... должны быть призваны на служебное поприще предпочтительно предъ прочими... Табель о рангахъ нынѣ къ избранію дѣятелей непримѣнима». «Способу, какимъ былъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, говоритъ біографъ Киселева,—онъ вполнѣ сочувствовалъ, и не смотря на то что зданіе, въ основаніи котораго онъ прежде всѣхъ сталъ класть камни и въ которое много положилъ труда, завершать пришлось не ему, онъ ничего не порицалъ въ новыхъ крестьянскихъ положеніяхъ, но напротивъ—вполнѣ ихъ одобрялъ и самъ сознавался, что если бы ему пришлось вести до конца крестьянское дѣло, онъ едва ли пошелъ бы такъ далеко. Онъ оправдывалъ здѣсь свои слова, сказанныя въ 1842 году Государю Николаю Павловичу, что «тамъ, гдѣ дѣло шло о великихъ народныхъ интересахъ, личное самолюбіе его умолкаетъ».

Послѣ отставки Киселевъ уже не возвращался въ Россію, а проводилъ время то въ Парижѣ, то въ Швейцаріи, постоянно ослабѣвая подъ вліяніемъ старческихъ недуговъ. Частыя встрѣчи съ членами Царскаго дома во время поѣздокъ ихъ заграницу служили утѣхою его старости.

Погребенъ Киселевъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ на графинѣ Софіи Потоцкой, отъ которой имѣлъ сына, умершаго въ раннемъ дѣт-

ствѣ. Въ 1829 году онъ разошелся съ женою и всю остальную жизнь провелъ одинокимъ.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», 4 тома.—Спб. 1882»; Рецензіи на эту книгу: проф. И. Э. Энгельмана (въ «Отчетѣ о двадцатьпятомъ присужденіи наградъ графа Уварова», Спб. 1883), и въ «Journal de St.-Pétersbourg, 1881, №№ 342 и 344; В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», 2 тома, Спб. 1888»; Н. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I» (Въ первомъ томѣ «Русскаго Біографическаго Словаря»); С. С. Татищевъ: «Императоръ Александръ II» (тамъ-же); «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. 73 и 78 (Бумаги графа А. А. Закревскаго), т. 98 (Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I и къ исторіи его царствованія), Спб. 1890, 1891, 1896; «Архивъ князя Воронцова» кн. 38, М. 1892; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. Мюнстера», Спб. 1865. — Некрологи: «Иллюстрированная Газета», 1872 г., № 47; «Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества» за 1872 г.; «Голосъ», 1872 г., № 200; «Русскій Инвалидъ», 1872 г., № 255; «Всемірная Иллюстрація», 1873 г., № 212; «Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества за 1872 г.». «Графъ ПавелъДмитріевичъ Киселевъ» («Воскресный Досугъ», 1867 г., № 201); «Записки графа Павла Дмитріевича Киселева», Парижъ. 1883; Фонтонъ, Ф. П. «Воспоминанія», Лейпцигъ, 1862, 2 тома; Воспоминанія Малышева (Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1885, іюль); С. Славутинскій, «Отрывки изъ воспоминаній» (въ «Древней и Новой Россіи», 1878 г., сентябрь); А. Зыряковъ, «Крестьянское движеніе въ шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи въ 1843 г.» (тамъ-же, 1879 г., ноябрь); Свѣдѣнія о Киселевѣ разбросаны въ «Русскомъ Архивѣ» и въ «Русской Старинѣ» за всѣ годы ихъ существованія. Крупнѣйшія статьи, въ коихъ упоминается объ его дѣятельности, слѣдующія: въ «Русскомъ Архивѣ»: Письма гр. Ѳ. Я. Растопчина къ Д. И. Киселеву (1863 г.); Липранди, «Историческія замѣчанія» и «Изъ дневника и воспоминаній» (1863 г.); Ю. Самаринъ, «Православные Латыши» (1869 г.); Д. Свербѣевъ, «Н. И. Тургеневъ» (1871 г.); Ципринусъ, «Калейдоскопъ воспоминаній (1872 г.); «Изъ старой записной книжки» (1874 и 1875 гг.); «Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой» (1874 и 1875 гг.); «Записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке» (1875 г.); «Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову» (1879 г.); «Изъ записокъ дамы» (1882 г.); «Записки графа И. Х. Граббе» (1873, 1884 гг.); «Записки Инсарскаго» (1873 г.); «Воспоминанія Л. Ѳ. Львова» (1885 г.); въ «Русской Старинѣ»: «Переписка Дибича съ Николаемъ I» (1872, 1877, 1880, 1881, 1882); «Василій Ивановичъ Карѣевъ» (1873 г.); «Война Россіи съ Турціей 1828 г.» (1876 г.); «И. К. Айвазовскій» (1878 г.) «Кн. Н. С. Голицынъ», «Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и его управленіе Молдавіей и Валахіей« (1879 г.); «Питомцы Московскаго воспитательнаго дома» (1879 г.); «Записки Богуславскаго» (1979, 1880 г.); «Записки принца Евгенія Виртембергскаго» (1880 г.); Н. А. Лебедевъ, «Графъ Киселевъ и его управленіе государственными имуществами» (1880 г.); «Доносъ на Киселева 1826 г.» (1881 г.); «Записки сенатора Я. А. Соловьева» (1881 г.); «Памяти А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго» (1882 г.).

Киселевъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, служилъ князьямъ Іоанну III и сыну его Василью. Въ 1487 г., когда Іоаннъ III на мѣсто Алегама посадилъ на казанскомъ престолѣ Магметъ-Аминя «изъ своей руки», Ѳедоръ Киселевъ былъ оставленъ въ Казани русскимъ представителемъ; онъ собиралъ съ подданныхъ Аминя пошлину въ казну великаго князя московскаго. Въ 1502 г., по поводу перемирія съ Литвой, Ѳедоръ Киселевъ ѣздилъ посломъ къ Менгли-Гирею. Въ 1506 г., послѣ пораженія русскихъ подъ Казанью, онъ во главѣ конницы далъ отпоръ преслѣдовавшимъ его казанцамъ.

Полн. собр. р. лѣт. VI, 47—48, 51, 245; VIII, 241, 246; Карамз. VI, пр. 310.

А. Э.

Кисель, *Адамъ Григорьевичъ*, знаменитый кіевскій воевода. Род. въ 1600 г., ум. 3 мая 1653 г. Происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода сѣверо-западной Волыни, гдѣ ему принадлежало во владимірскомъ повѣтѣ имѣніе Низкиничи. Онъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ фамиліи, достигшимъ сенаторскаго званія и вліятельнаго положенія въ Рѣчи Посполитой. Хотя, по преданію, перешедшему и въ малороссійскія хроники и въ геральдическія сочиненія XVIII в., напр., Нѣсецкаго, и даже въ королевскую грамоту 1646 г, которою Адамъ Кисель возводится въ званіе кіевскаго каштеляна, родъ Киселя восходитъ къ кіевскому воеводѣ Святолду или Свентолдичу, павшему въ Кіевѣ во время взятія его въ 1018 г. Болеславомъ Храбрымъ, но по документальнымъ даннымъ представители рода Киселя извѣстны только отъ конца XV в. Первыя извѣстія объ Адамѣ Киселѣ относятся къ 1617 г., когда онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ южной арміи Жолкевскаго; черезъ два года сопровождалъ Жолкевскаго подъ Орынинъ и въ 1620 г. къ Цецорѣ. Въ 1626 г. участвовалъ въ хотинскомъ походѣ и далѣе продолжалъ служить подъ начальствомъ гетмановъ Ходкевича и Конецпольскаго; сначала, какъ человѣкъ небогатый, занималъ низшія должности, но шесть лѣтъ спустя былъ уже начальникомъ хоругви, гдѣ служили его родичи. Вскорѣ послѣ этого смерть отца заставила Адама Киселя вернуться

въ родовое имѣніе для его устройства; здѣсь онъ и пробылъ до смерти Сигизмунда III (30 апрѣля 1632 г.). Выступивъ на открывшемся вслѣдъ за смертью короля конвокаціонномъ сеймѣ сторонникомъ королевича Владислава и защитникомъ православной вѣры, испытавшій рядъ притѣсненій въ предшествующее правленіе, Кисель въ началѣ 1633 г. былъ оставленъ только что утвердившимся на престолѣ королемъ Владиславомъ IV, извѣстнымъ своею вѣротерпимостью и непріязнью къ польскимъ магнатамъ, при дворѣ, въ званіи «дворянина королевскаго». Такъ назывались тѣ изъ придворныхъ, которые не занимали опредѣленныхъ должностей, а состояли для особыхъ болѣе важныхъ порученій. На первыхъ порахъ Адаму Киселю поручено было отобрать отъ уніатскаго епископа почаповскаго жидичинскую архимандрію съ ея богатымъ монастыремъ, имѣніями и церковью и передать православному сицкому епископу Александру Пузынѣ. Вслѣдъ за этимъ на него было возложено, по случаю открывшейся войны съ Москвой, еще болѣе важное дѣло — охрана Сѣверской земли со стороны Путивля. Съ 20.000 казаковъ, которыхъ Кисель быстро успѣлъ собрать въ Запорожьи, онъ заставилъ русскихъ снять осаду Чернигова и затѣмъ вмѣстѣ съ войсками Лукаша Жолкевскаго и князя Іереміи Вишневскаго вторгся въ предѣлы Московскаго государства, имѣя цѣлію воспрепятствовать сбору въ порубежныхъ мѣстностяхъ новыхъ ополченій противъ главной арміи Владислава, подступавшей къ Смоленску. Казаки Киселя очень помогали успѣху короля. За это ему былъ пожалованъ на ленномъ правѣ городъ Кобыцъ и Козаргродъ въ черниговскомъ воеводствѣ, даны староство носовское и должность черниговскаго подкоморія, и поручена ближайшая административная власть надъ казаками, подъ верховенствомъ краковскаго каштеляна Станислава Конецпольскаго. Но послѣднія обязанности Киселя, какъ главнаго коммиссара надъ казаками, державшаго болѣе сторону правительства, продолжались только до 1638 г.; въ этомъ году на сеймѣ, по случаю подавленія возстанія Павлюка, главнымъ образомъ, при посредствѣ Киселя, было нарушено данное имъ Павлюку слово о помилованіи; этимъ было сильно поколеблено къ нему довѣріе казаковъ и онъ оставилъ свое мѣсто. Съ этого времени въ дѣятельности Киселя наступаетъ новый періодъ, посвященный преимущественно участію въ разнаго рода дипломатическихъ переговорахъ. Такъ въ 1638—1641 гг. онъ участвовалъ въ коммиссіи по разграниченію воеводствъ кіевскаго и черниговскаго, въ 1641—1645 гг. въ коммиссіи для установленія «вѣчныхъ» границъ съ Московскимъ государствомъ, для окончательныхъ переговоровъ о которыхъ онъ былъ даже посланъ въ Москву въ 1646 г. Передъ отъѣздомъ въ Москву Киселю и было дано званіе кіевскаго каштеляна; какъ человѣкъ православный, притомъ хорошо владѣвшій письменною рѣчью того времени, онъ отлично ладилъ съ московскими боярами и договорился съ ними до полнаго соглашенія объ опредѣленіи границъ обоихъ государствъ и удовлетворенія порубежныхъ претензій той и другой стороны, объ обмѣнѣ пограничныхъ властей вѣстями и объ оборонительномъ союзѣ противъ татаръ. Но далеко не всему этому суждено было впослѣдствіи осуществиться. Самымъ точнымъ образомъ исполнялось условіе о пограничныхъ отношеніяхъ, такъ какъ исполнителемъ его явился самъ Кисель, весьма аккуратно извѣщавшій московскихъ бояръ о набѣгахъ крымцевъ, ногайцевъ и др. Въ награду за свои труды въ Москвѣ, онъ былъ возведенъ, вернувшись оттуда въ началѣ 1648 г., въ достоинство брацлавскаго воеводы, что было весьма высокою наградою и свидѣтельствовало о большой признательности къ нему короля.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій Хмѣльницкимъ, Кисель является во главѣ польскихъ комиссаровъ, переговаривавшихся о мирѣ. Переговоры эти, какъ извѣстно, были довольно продолжительны, нѣсколько разъ прекращались, опять возобновлялись, но результатовъ не имѣли почти никакихъ, во-первыхъ, потому, что обѣщанія Киселя, напр. объ уничтоженіи уніи, встрѣчали полную оппозицію на польскомъ сеймѣ; во-вторыхъ потому, что онъ совершенно расходился съ Хмѣльницкимъ во взглядѣ на настоящее движеніе казаковъ, приравнивая его къ прежнимъ возстаніямъ XVI в.; и въ-третьихъ, много мѣшала медленность веденія переговоровъ. Король, однако, высоко цѣнилъ и эти труды Киселя и назначилъ его въ 1650 г. кіевскимъ воеводой. Но современники со стороны польской и казацкой обвиняли его въ измѣнѣ.

Поляки, кромѣ того, приписывали ему намѣреніе вмѣстѣ съ королемъ произвести государственный переворотъ. Все это, конечно, причиняло Киселю большія непріятности; онъ захворалъ и, послѣ заключенія Бѣлоцерковскаго договора, которое было послѣднимъ актомъ его служебной дѣятельности, извѣстнымъ по источникамъ, поселился въ Кіевѣ. Здѣсь онъ, удручаемый болѣзнью и разочарованный въ самомъ королѣ (объ этомъ разочарованіи свидѣтельствуетъ его письмо къ Владиславу отъ 23 января 1632 г.), прожилъ нѣсколько лѣтъ, вдали отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, но затѣмъ принялъ участіе въ Брестскомъ походѣ, во время котораго и скончался. Память его въ Кіевѣ сохранилась и до сихъ поръ въ наименованіи «Киселевкою» бывшей замковой горы между Подоломъ, Андреевскимъ спускомъ, Воздвиженскою улицей и урочищемъ Гончарами.

По своимъ способностямъ и убѣжденіямъ Кисель былъ выдающійся политическій дѣятель и дипломатъ. Поставивъ себѣ краеугольнымъ камнемъ для своихъ дѣйствій salus reipublicae и держась шляхетскихъ взглядовъ, онъ дѣйствовалъ открыто и въ то же время съ рѣдкою выдержкою и послѣдовательностью; по своему серьезному пониманію политическихъ обстоятельствъ онъ былъ выше многихъ польскихъ сенаторовъ; при этомъ обладалъ краснорѣчіемъ, искусствомъ располагать въ свою пользу, и гражданскимъ мужествомъ, не говоря о храбрости, обнаруженной въ бояхъ. Но какъ шляхтичъ, онъ не восходилъ до мысли освобожденія отъ рабства малороссовъ и неразъ говорилъ Хмѣльницкому: «пусть воюютъ казаки, а хлопы работаютъ на пановъ». Точно также не соединялъ онъ народности съ національностью въ политическомъ смыслѣ.

Костомаровъ, «Богданъ Хмѣльницкій»; Новицкій, «А. Г. Кисель, кіевскій воевода» (Кіевъ, 1886 г.); и «Къ біографіи Адама Киселя» въ «Кіевской Старинѣ», 1886 г., т. XIV, стр. 826 и 831.

Кислингъ, *Ѳеофилъ Христофоровичъ*, кандидатъ изящныхъ искусствъ, адъюнктъ Виленскаго университета. Кислингъ преподавалъ въ Виленскомъ университетѣ гравировальное искусство съ 1829 г. по 1832 г. По прошенію отъ 13 сентября 1832 г. признанъ «назначеннымъ» при Императорской Академіи Художествъ за представленные образцы работъ, именно за гравюру съ картины Рафаэля «Св. семейство»; вмѣстѣ съ тѣмъ была ему задана программа на званіе академика: выгравировать эстампъ съ картины Леонарда да Винчи «Св. семейство». На художественной выставкѣ въ 1820 г. въ Виленскомъ университетѣ были слѣдующія гравюры и другія работы Кислинга: 1) Джулія и Ромео, гравюра, 2) портретъ профессора Рустема, 3) портретъ Віоллета, гравюра, 4) портретъ Тизенгауза, рисованный мѣломъ, 5) портретъ профессора Саундерса, рисованный мѣломъ, 6) портретъ генерала Кологривова, рисованный мѣломъ, 7) двѣ фигуры съ натуры карандашомъ. Кромѣ этихъ работъ извѣстна его гравюра, изображающая императора Александра I, подписывающаго Тильзитскій миръ, и гравюры при сочиненіяхъ Балинскаго, портреты Жолкевскаго, Сапѣги и короля Владислава IV.

Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для истор. Акад. Худ.», II стр. 285 и 348; «Dzien. Wil.», 1820.

Кисловъ, *Александръ Степановичъ*, начальникъ архивовъ генералъ-интендантства. Род. въ 1808 г., ум. 3 апрѣля 1866 г. Въ молодые годы написалъ два романа «Паденіе Шуйскихъ» (3 части, 1836 г.) и «Проказы молодаго человѣка»; затѣмъ еще нѣсколько небольшихъ работъ; въ 1840 г. издалъ учебникъ минералогіи, былъ преподавателемъ русской словесности въ институтѣ Воспитательнаго дома и сотрудникомъ «Иллюстрированнаго Листка» и «Иллюстрированной Газеты». Въ 1861 г. онъ напечаталъ составленный имъ проектъ учрежденія Общества покровительства животныхъ, который потомъ послужилъ основаніемъ для дѣйствующаго устава этого общества.

«Иллюстр. Газета», 1866, № 13.

Кистеръ, *Василій Ивановичъ*, род. въ 1788 г. въ Олендорфѣ, въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ, ум. 3 апрѣля 1875 г. Въ 1805 г. поселился въ Москвѣ, гдѣ основалъ въ 1813 г. торговый домъ, существовавшій до 1863 г. Кромѣ коммерческихъ занятій, онъ неоднократно былъ избираемъ на разныя должности по городу, но главною его дѣятельностью было садоводство. Ему Москва обязана устройствомъ Александровскихъ садовъ, за участіе въ работѣ которыхъ онъ былъ награжденъ Императоромъ Александромъ I золотою табакеркою.

«Журналъ Садоводства», 1875 г., № 5.

Кистеръ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, лекторъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ, род. 5 мая 1772 г. въ Брауншвейнѣ, умеръ 28 марта 1849 г. Окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Гельмштедтскаго университета въ 1795 г. и былъ приглашенъ въ Россію наставникомъ въ одинъ частный домъ. Въ 1808 г. выдержалъ испытаніе при Московскомъ университетѣ и получилъ степень доктора правъ; въ 1811 г. назначенъ былъ главнымъ смотрителемъ Московской коммерческой академіи; въ 1812 г. избранъ былъ директоромъ школы при евангелической церкви. Въ 1818 г. опредѣленъ былъ преподавателемъ нѣмецкой словесности въ Университетскій благородный пансіонъ, съ 1823 г. по 1834 г. былъ лекторомъ въ Московскомъ университетѣ. Съ 1819 г. по 1838 г. содержалъ пансіонъ для дѣтей, считавшійся лучшимъ въ Москвѣ; за управленіе этимъ пансіономъ Кистеръ неоднократно получалъ благодарность отъ министерства народнаго просвѣщенія и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. Съ 1838 г. былъ свѣтскимъ засѣдателемъ въ Московской евангелической лютеранской консисторіи; съ 1841 г. по 1845 г. былъ депутатомъ отъ дворянства при коммиссіи строенія въ Москвѣ. Въ теченіи 1833—1847 г. онъ издалъ рядъ учебниковъ и сборниковъ упражненій для изученія нѣмецкаго языка, которые выдержали по нѣсколько изданій. Какъ человѣкъ Ѳ. И. Кистеръ оставилъ о себѣ благодарную память и у своихъ многочисленныхъ учениковъ и у своихъ сослуживцевъ.

«Біограф. словарь профес. Москов. университета», I, 412—415; Геннади, «Словарь».

Кистяковскій, *Александръ Ѳедоровичъ*, докторъ уголовнаго права, ординарный профессоръ университета Св. Владиміра, род. 14 марта 1833 года въ с. Городищѣ сосницкаго уѣзда черниговской губерніи, ум. въ Кіевѣ 13 января 1885 года. Происходя изъ духовнаго званія, онъ первоначальное образованіе получилъ въ черниговскомъ духовномъ училищѣ и черниговской духовной семинаріи. По окончаніи курса послѣдней, А. Ѳ. Кистяковскій предполагалъ и дальше посвятить себя избранному разъ пути и поступить въ Московскую духовную академію, но семинарскимъ начальствомъ онъ не былъ допущенъ къ выпускнымъ экзаменамъ, «по причинамъ, которыя теперь не время разъяснять»—замѣчаетъ онъ въ своей автобіографіи. Это событіе повліяло на всю дальнѣйшую судьбу его: вмѣсто Московской духовной академіи онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ, куда былъ принятъ послѣ повѣрочнаго экзамена въ сентябрѣ 1853 года; черезъ годъ онъ попалъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ, какимъ и остался до окончанія университетскаго курса въ 1857 году. Университетскій курсъ окончилъ А. Ѳ. Кистяковскій не особенно блестяще, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, какъ онъ самъ объясняетъ, вслѣдствіе болѣзни, продолжавшейся три мѣсяца. Окончаніе университетскаго курса со степенью дѣйствительнаго студента не удовлетворяло А. Ѳ. Кистяковскаго; онъ стремился къ дальнѣйшему ученому труду; но борьба съ нуждой заставила его по окончаніи курса поступить домашнимъ учителемъ въ домъ М. А. Маркевича и уѣхать въ деревню Высковцы, прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи, гдѣ онъ и оставался восемъ мѣсяцевъ. Въ августѣ 1858 года прибылъ онъ въ Петербургъ, 16 ноября опредѣлился на службу и съ 1 декабря сталъ исправлять должность младшаго помощника секретаря въ канцеляріи межеваго департамента Правительствующаго Сената; въ это врамя матеріальное положеніе его было особенно тяжелое, такъ что одно время ему пришлось даже жить «въ углу», что не мѣшало ему, однако, находить время, желаніе и силы заниматься наукой и предпринять свой первый ученый трудъ — переводъ сочиненія Блюнчли «Allgemeines Staatsrecht», оставшійся ненапечатаннымъ. Въ іюлѣ 1859 года А. Ѳ. Кистяковскій перешелъ въ канцелярію общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената на ту же должность, а 16 ноября 1860 года перемѣщенъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ Министерство народнаго просвѣщенія. Но канцелярская работа не могла заглушить въ немъ стремленія къ ученой дѣятельности, и все свободное отъ службы время посвящалъ онъ излюбленной наукѣ, роясь въ библіотекахъ и изучая преимущественно философовъ-гуманистовъ прошлаго столѣтія — особенно Беккарію и Монтескье—и современныхъ нѣмецкихъ юристовъ, Миттермайера и Блюнчли. Въ это же время появляется его первый печатный трудъ подъ заглавіемъ «Очеркъ англійскаго

уголовнаго судопроизводства по Миттермайеру» (въ «Журналѣ Министерства юстиціи» за 1860 г. № 6; кромѣ этого журнала онъ еще сотрудничалъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія»). Къ этой же эпохѣ относятся его первыя публицистическія работы, которыя онъ печаталъ въ малороссійскомъ журналѣ «Основа», издававшемся въ Петербургѣ В. М. Бѣлозерскимъ въ 1861 и 1862 годахъ. Въ 1863 году по случаю преобразованія центральнаго управленія Министерства народнаго просвѣщенія А. Ѳ. Кистяковскій остался за штатомъ и въ теченіе года готовился къ кандидатскому экзамену, который онъ выдержалъ въ Кіевѣ въ декабрѣ 1863 года. Затѣмъ въ сентябрѣ 1864 года онъ защитилъ при университетѣ Св. Владиміра диссертацію pro venia legendi на тему «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству», вслѣдъ затѣмъ по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства въ качествѣ приватъ-доцента, въ каковой должности и состоялъ съ 1864 по 1867 годъ. Въ этотъ періодъ онъ женился и подготовился къ магистерскому экзамену, который и держалъ въ теченіе 1865 и 1866 годовъ. Въ маѣ 1867 года онъ получилъ степень магистра уголовнаго права по защитѣ диссертаціи «Изслѣдованіе о смертной казни», сразу выдвинувшей его въ ряды лучшихъ нашихъ юристовъ. Въ іюнѣ того же года онъ былъ утвержденъ въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, а 15-го августа командированъ съ ученою цѣлью въ Петербургъ и Москву для изученія практическаго примѣненія новыхъ судебныхъ уставовъ въ только что открытыхъ въ то время судахъ. Въ концѣ 1868 года онъ получилъ степень доктора уголовнаго права по защитѣ диссертаціи: «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда». Въ началѣ 1869 года онъ былъ избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1870 году—ординарнымъ по той же каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства. Но и достигши высшей ученой степени, А. Ѳ. Кистяковскій не переставалъ трудиться для своего дальнѣйшаго развитія: въ сентябрѣ 1871 года онъ отправился въ заграничную командировку, въ которой пробылъ до 15 апрѣля 1873 года. Въ это время онъ посѣтилъ университеты: Вѣнскій, Гейдельбергскій, Берлинскій, Неаполитанскій и Римскій; особенно долго оставался въ Гейдельбергѣ и Неаполѣ, гдѣ посѣщалъ лекціи и практическія занятія профессоровъ юридическаго факультета, чтобы познакомиться поближе со способомъ преподаванія юридическихъ наукъ въ Германіи и Италіи. Съ 1 октября 1865 года по 12 января 1870 года онъ занималъ должность директора кіевскаго тюремнаго комитета, въ 1878 году состоялъ судьей университетскаго суда; нѣкоторое время, наконецъ, занимался адвокатурой. Кромѣ того А. Ѳ. Кистяковскій былъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ, почетнымъ членомъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ и Археологическаго института, почетнымъ членомъ Московскаго и Кіевскаго юридическихъ обществъ (въ послѣднемъ онъ состоялъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ съ 1879 года). Послѣдніе годы его жизни были для него особенно тяжелы вслѣдствіи все болѣе и болѣе развивавшагося у него недуга, требовавшаго много времени и для отдыха и для лѣченія, но онъ продолжалъ до самой смерти своей интересоваться и заниматься научными вопросами. Смерть его была горестно встрѣчена всѣмъ интеллигентнымъ русскимъ обществомъ. — Въ университетѣ А. Ѳ. Кистяковскій читалъ курсы по уголовному праву и судопроизводству и велъ практическія занятія студентовъ. Характеристику его, какъ профессора, далъ въ надгробной рѣчи его ученикъ и товарищъ, проф. Тальбергъ: «какъ преподаватель А. Ѳ. Кистяковскій не отличался даромъ увлекательнаго изложенія, блескомъ рѣчи, но лекціи его всегда отличались прекрасною подготовкой, богатствомъ содержанія, продуманностью и послѣдовательностью развитія основной идеи, что несомнѣнно составляетъ высокія качества въ академическомъ преподаваніи. Онъ стоялъ близко къ учащейся молодежи, къ слушателямъ своимъ; онъ умѣлъ сродниться, сблизиться съ аудиторіей; всякій, наконецъ, встрѣчалъ въ покойномъ не

формальное, а душевное, любящее отношеніе учителя, руководителя, къ ученику, ищущему свѣта знанія... Въ этой доступности покойнаго, въ его сердечномъ, любовномъ и честномъ отношеніи къ молодежи слѣдуетъ искать разгадку той популярности, той симпатіи, которою пользовался всегда покойный... Вся личность покойнаго—насколько она сказывается въ его научной дѣятельности и въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ—проникнута была гуманностью, великою, всеобъемлющею любовью къ человѣку и правдѣ». Да и вообще господствующею чертою его характера было теплое, искреннее, безграничное человѣколюбіе, которое не было только теоретическимъ, а проявлялось и на реальной почвѣ. Такимъ онъ оставался до послѣднихъ своихъ минутъ. По словамъ проф. Антоновича «еще за часъ до смерти, въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, онъ съ большимъ вниманіемъ распрашивалъ о ходѣ дѣлъ въ текущей сессіи окружнаго суда и, услыхавъ характеристику нѣкоторыхъ дѣлъ и отношенія къ нимъ суда и присяжныхъ, онъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: «я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ — святое дѣло въ нашемъ отечествѣ»—затѣмъ онъ тихо склонилъ голову, и голосъ его сталъ болѣе и болѣе ослабѣвать».

Ученая дѣятельность Кистяковскаго проявилась съ одной стороны въ области уголовнаго права; съ другой—въ области исторіи; кромѣ того, онъ былъ видным общественнымъ дѣятелемъ и отчасти публицистомъ. Для характеристики его, какъ ученаго, необходимо имѣть въ виду, что научная дѣятельность его совпала какъ разъ съ великою реформой императора Александра II въ области судопроизводства, и гуманныя идеи послѣдней нашли себѣ живой откликъ въ его трудахъ,

А. Ѳ. Кистяковскій принадлежалъ къ научно-позитивному направленію науки уголовнаго права. Въ своемъ «Элементарномъ учебникѣ общаго уголовнаго права» онъ нападаетъ на метафизическое направленіе, господствовавшее еще тогда въ наукѣ: «вслѣдствіе метафизическаго метода изслѣдованія природы дѣйствій человѣка, говоритъ онъ, преступленіе до сихъ поръ въ наукѣ остается какой-то загадкой, чѣмъ-то безпричиннымъ, какимъ-то зломъ, которому нѣтъ другаго объясненія, кромѣ невѣдомо откуда происходящей злой воли. Современная злая воля — это средневѣковый діаволъ, только принявшій другую личину». А. Ѳ. Кистяковскій въ своихъ произведеніяхъ является сторонникомъ теоріи эволюціонизма и первый проводилъ ее въ русской наукѣ уголовнаго права. Не онъ, конечно, основатель этой теоріи, но онъ наглядно, цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ изысканій, доказалъ справедливость ея положеній. Въ диссертаціи своей «Изслѣдованіе о смертной казни» онъ разсматриваетъ исторію смертной казни, т. е. причины ея появленія, особеннаго развитія и постепеннаго вымиранія; не поднимая спора о справедливости или несправедливости смертной казни, онъ изслѣдуетъ вопросъ съ исторической точки зрѣнія. Явившись сторонникомъ эволюціонизма въ уголовномъ правѣ, А. Ѳ. Кистяковскій долженъ былъ естественно обратить свое преимущественное вниманіе на исторію, и въ дѣйствительности въ большинствѣ его трудовъ исторіи удѣлено болѣе всего мѣста. «Исторія, говоритъ онъ, указываетъ на естественную причину существованія уродливостей и вообще того или другаго состоянія уголовнаго права; она констатируетъ источникъ его прогрессивности и даетъ данныя для оцѣнки какъ старыхъ, такъ и новыхъ теорій и ученій уголовнаго права». Тотъ же взглядъ проводитъ онъ и въ своемъ изслѣдованіи «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда». По отзыву проф. Фойницкаго это изслѣдованіе содержитъ въ себѣ изложеніе полной исторіи русскаго уголовнаго процесса, которое по достоинствамъ своимъ стоитъ выше всего, появившагося донынѣ въ русской литературѣ по этому предмету. Догматической разработкѣ дѣйствующаго права А. Ѳ. Кистяковскій посвящалъ гораздо меньше вниманія, хотя и въ этомъ родѣ имъ написано нѣсколько замѣчательныхъ работъ, каковы: «О порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія» (Журналъ Министерства юстиціи 1867 г., № 9), «О подсудности по закону 11 октября 1865 года» (Судебный Вѣстникъ 1866 г.), «О преступленіи—недозволенное оставленіе отечества» (тамъ-же 1875 г. № 230) и др. Большое вниманіе обратилъ онъ и на обычное право, въ числѣ дѣятелей по собиранію матеріаловъ котораго онъ пріобрѣлъ себѣ замѣт-

ное мѣсто. Изъ области обычнаго права А. Ѳ. Кистяковскій напечаталъ всего одинъ трудъ «Къ вопросу и цензурѣ нравовъ у народа» (СПб. 1878 года), удостоенный Географическимъ обществомъ серебряной медали. Изданная имъ въ 1872 г. (2-е изданіе въ 1878 г.) «Программа для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву», по словамъ проф. Лучицкаго, является «первою въ Россіи серіозною и научною программой въ области уголовнаго права, программой, остающеюся и теперь лучшею изъ программъ этого рода».

Ученая дѣятельность А. Ѳ Кистяковскаго не ограничивалась только работами по уголовному праву: исторія вообще, а родной земли—Украйны въ особенности, постоянно привлекала его къ себѣ. Уже съ первыхъ шаговъ своихъ на ученомъ поприщѣ берется онъ за историческіе вопросы; и въ этой области стремится онъ указать на тѣ основанія, которыя породили то или другое явленіе исторической жизни народа. Вообще онъ постояно слѣдилъ за наукой исторіи, за новыми методами изслѣдованій, но избранная имъ спеціальность не давала ему возможности и времени всецѣло посвятить себя исторіи. Ей посвящены у него только двѣ работы. Первая появилась въ январѣ 1862 года въ журналѣ «Основа» подъ заглавіемъ: «Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи» (подписанная —кій). Какъ замѣчаетъ проф. Лучицкій, эта работа «въ смыслѣ научномъ является первою серьезной попыткой разъясненія процесса развитія крѣпостнаго права въ Малороссіи». А. Ѳ. Кистяковскій приходитъ здѣсь къ тому заключенію, что хотя «крѣпостное право въ Малороссіи косвенно признано русскимъ правительствомъ только во второй половинѣ XVIII в., но крѣпостная зависимость, паны и подданные, существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у послѣднихъ право перехода». Недостатокъ обнародованнаго матеріала не давалъ ему возможности вполнѣ объяснить причины этого явленія, но самый ходъ закрѣпощенія переданъ вѣрно, что подтверждено позднѣйшими изслѣдователями этого вопроса. Во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 году А. Ѳ. Кистяковскій открылъ рукопись подъ названіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ». Памятникъ этотъ оставался до тѣхъ поръ въ полной неизвѣстности; встрѣчались только упоминанія его. А. Ѳ. Кистяковскій открылъ его и взялся за его научное изданіе и научное объясненіе, чему посвятилъ четыре года, напечатавъ его въ 1879 году; изданію текста онъ предпослалъ обширное введеніе о поводахъ къ составленію разсматриваемаго документа, его источникахъ и вліяніи, имъ оказанномъ на правовыя отношенія Малороссіи. Въ этомъ введеніи онъ доказалъ, что «магдебургское право было не номинальнымъ только, но и дѣйствующимъ правомъ, что книги этого права служили ручными книгами въ судахъ, и что въ то же время постановленія этого права терпѣли видоизмѣненія отъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые дѣйствовали нерѣдко наряду съ нимъ и замѣняли его»; онъ первый изложилъ здѣсь вполнѣ ясно рецепцію магдебургскаго права въ Малороссіи. Этими двумя изслѣдованіями и ограничивается дѣятельность А. Ѳ. Кистяковскаго, какъ историка Малороссіи: смерть помѣшала ему выполнить многіе изъ задуманныхъ плановъ; «но и того, говоритъ проф. Лучицкій, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отвести ему видное мѣсто въ ряду изслѣдователей исторіи Малороссіи и малороссійскаго строя въ XVII и XVIII вѣкахъ, главнымъ образомъ, какъ иниціатору и возбудителю крупныхъ и серьезныхъ вопросовъ въ наукѣ».

Какъ общественный дѣятель, А. Ѳ. Кистяковскій много поработалъ на пользу кіевскаго юридическаго общества и Рубежевской колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Желая привлечь интересъ публики къ только что возникшей исправительной колоніи, онъ предпринялъ въ 1871, 1877 и 1878 годахъ публичныя лекціи въ пользу колоніи. Лекціи эти вышли впослѣдствіи отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій» (Кіевъ 1878 г.). Исходная точка зрѣнія этой работы та, что «причина совершенія малолѣтними преступленій лежитъ не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ. Сами малолѣтніе являются лишь безсознательными орудіями, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя

преступность окружающей среды». Изъятіе ихъ изъ этой среды, воспитаніе и исправленіе ихъ составляютъ не только нравственный долгъ общества, но и разумное средство самозащиты отъ преступленій. Принципъ милосердія по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ не есть проявленіе сентиментальности чувствъ, а принципъ пользы самого общества. «Примѣненіе милосердія есть такъ же какъ и примѣненія наказанія оплотъ общества». Участіе А. Ѳ. Кистяковскаго въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, возникновенію котораго онъ не мало способствовалъ, началось съ самаго его образованія; съ 1879 года онъ состоялъ предсѣдателемъ его, съ этого же года существуетъ въ обществѣ возникшее по его иниціативѣ отдѣленіе обычнаго права. За шесть лѣтъ своего участія въ юридическомъ обществѣ А. Ѳ. Кистяковскій прочелъ 12 рефератовъ и самымъ внимательнымъ образомъ относился къ рефератамъ другихъ лицъ. Дѣятельность его въ качествѣ члена общества была очень плодотворна въ виду особеннаго отношенія его къ самой сущности и идеѣ юридическихъ обществъ; онъ былъ истиннымъ «поборникомъ идеи сближенія юристовъ на поприщѣ юридическихъ обществъ». Въ засѣданіи 6 сентября 1880 года онъ прочелъ рѣчь «О значеніи и цѣли юридическихъ обществъ въ правовой жизни нашего отечества и объ отношеніи ихъ къ судебной реформѣ», гдѣ особенно ясно высказалъ свой взглядъ по этому предмету. Юридическое общество, по его мнѣнію, есть «складъ установленныхъ силъ, грунтовой работы и средство заявить, обмѣняться своими мыслями, своими трудами и найдти возможность ихъ обнародованія. Въ этой сферѣ теоретику приходится встрѣтиться съ такими вопросами, которые создаетъ жизнь, и этимъ способомъ получить матеріалъ для дальнѣйшей разработки теоріи. Здѣсь и практикъ является не съ стремленіемъ отстаивать какую-нибудь казуистичную тонкость, лишенную основанія, а съ желаніемъ представить или отыскать лежащее въ какой-нибудь правовой идеѣ основаніе для такого или другаго рѣшенія конкретнаго случая. Здѣсь и теоретику приходится испытывать и познавать состоятельность или несостоятельность той или другой теоріи и на опытѣ оцѣнить мѣру ихъ значенія; и практику случается услышать о такомъ смыслѣ и о такомъ освѣщеніи извѣстныхъ общественныхъ явленій, которыхъ не могла дать ему практика. Такимъ образомъ, теоретическая юриспруденція здѣсь совлекается съ такихъ высей, въ которыя она способна улетѣть, лишенная возможности наполниться кровью дѣйствительной жизни и дѣлаясь внѣ жизни мечтательною, заоблачной, трансцедентальной. Въ свою очередь и юридическая практика здѣсь одухотворяется духомъ идеи и освобождается отъ рутины, безсознательности и безпринципности».

Что касается дѣятельности А. Ѳ. Кистяковскаго, какъ публициста, то она проявилась въ его участи въ малороссійскомъ журналѣ «Основа» въ 1861—1862 годахъ и въ кіевской газетѣ «Заря» въ восмидесятыхъ годахъ. «Основа» была посвящена изученію Украйны и развитію украинской литературы. Здѣсь принимали участіе, кромѣ главнаго редактора В. М. Бѣлозерскаго, Н. И. Костомаровъ, Т. Г. Шевченко и П. А. Кулишъ, но спеціально образованнаго юриста не было — этотъ пробѣлъ и восполнилъ А. Ѳ. Кистяковскій; съ 1861 года онъ состоялъ помощникомъ главнаго редактора журнала. Участіе его въ «Зарѣ» было болѣе пассивное: напечаталъ онъ въ ней очень мало; по словамъ г. Кулиша, «съ его благословленія возникла «Заря», въ его кабинетѣ были указаны тѣ основныя задачи, которыя она должна была преслѣдовать».

Литературные труды, оставшіеся послѣ А. Ѳ. Кистяковскаго, достигаютъ числа 70 (подробный ихъ перечень помѣщенъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1895 годъ, № 1). Изъ нихъ важнѣйшіе: 1) «Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права», выдержавшій три изданія: 1875, 1882 и 1891 годовъ, 2) «Изслѣдованіе о смертной казни», выдержавшее два изданія: 1867 и 1896 годовъ, 3) «О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда», Спб. 1868, 4) «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія», Кіевъ, 1878, 5) «Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Императрицы Екатерины II» (Кіев. Унив. Изв. 1864 г. № 10), 6) «О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета Св. Владиміра 9 ноября 1869 года (Кіев.

Унив. Изв. 1870 г. № 5 и 6), 7) «Главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права» (Кіев. Унив. Изв. 1873 г. № 12 и 1874 г. № 1), 8) «О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву» (Суд. Вѣстн. 1876 г.), 9) Къ вопросу о вліяніи инородческаго права на русское» (Юрид. Вѣстн. 1880 г.), 10) «О преступленіяхъ противъ вѣры» (Наблюдатель 1882 г.).

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета Св. Владиміра».—Кулишеръ, М., «А. Ф. Кистяковскій». Некрологъ. Кіевъ 1885 г.—Шимановскій, М. В., «А. Ф. Кистяковскій» (Некрологъ)—рѣчь товарища предсѣдателя одесскаго юридическаго общества. Одесса 1885 г.; Владиміровъ, В. М., «А. Ф. Кистяковскій и его ученые труды»—рѣчь, читанная въ годовомъ собраніи юридическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, 10 марта 1885 г. Спб. 1885 г.; Модестовъ, В. «Памяти друга»—«Новости» 1885 г. № 23; Прибавленіе къ № 11 «Зари» за 1885 г. (статьи проф. В. Антоновича и М. Кулишера).—Науменко, В., «А. Ф. Кистяковскій»—Кіевская Старина 1895 г. № 1.—Лучицкій, И., «Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права» (тамъ же).—Фойницкій, И., «А. Ф. Кистяковскій, какъ криминалистъ».

Китаевскій, *Максиміанъ Казиміровичъ*, врачъ. Род. 25 іюня 1850 г., ум. 12 сентября 1882 г. Изъ дворянъ петербургской губерніи. Въ 1876 г., по окончаніи курса Медико-хирургической академіи, былъ посланъ на Кавказъ врачемъ въ Ставропольскій пѣхотный полкъ, съ которымъ во время турецкой войны 1877—1878 г. выдержалъ 23-хъ-дневную осаду Баязета, а потомъ участвовалъ при взятіи Карса и Эрзерума. Здѣсь заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, и въ 1879 г. уволенъ отъ службы. Выдержавъ успѣшно докторскій экзаменъ въ Медицинской Академіи, началъ готовить диссертацію и для собиранія матеріаловъ поступилъ въ Петропавловскую больницу младшимъ ординаторомъ; въ припадкѣ меланхоліи 12 сентября 1882 г. застрѣлился. Онъ былъ первый врачъ въ Россіи, который произвелъ вырѣзываніе привратника желудка. Его статья объ этомъ напечатана въ «Медицинскомъ Обозрѣніи» 1881 г. Кромѣ того онъ напечаталъ: «О сифилитическомъ пораженіи колѣна»(«Врачъ» 1881) и «Къ казуистикѣ аневризма восходящей аорты». (Проток. Спб. общ. рус. вр., 1880—81). М. К. Китаевскій отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и преданностію дѣлу; онъ прямо уклонялся отъ практики внѣ больницы, хотя и былъ крайне стѣсненъ въ средствахъ; отдавая своей больницѣ все свое время, онъ не отказывался подавать помощь на сторонѣ только въ томъ случаѣ, если за нею обращались люди совершенно бѣдные.

Змѣевъ, «Русск. врачи писат.»; «Газета Гатцука», 1882, № 39; «Проток. Спб. общ. рус. врач.», 1882—83, 27.

Китай (Китаинъ), *Василій Ѳедоровичъ*, изъ рода кн. Шуйскихъ, ум. послѣ 1481 г. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ администраторовъ Іоанна III, служилъ ему и на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1475 г. онъ былъ намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ началѣ апрѣля 1475 г. онъ съ Ѳедоромъ Мансуровымъ ѣздилъ къ польскому королю Казимиру въ отвѣтъ на посольство послѣдняго (1473 г.), по поводу непріязненныхъ столкновеній русскихъ съ литовцами. Въ 1476 г. онъ арестовалъ въ Новгородѣ, по приказу великаго князя, посадника Ивана Аѳанасьевича, а затѣмъ ѣздилъ во Псковъ передать тамъ великокняжескій приказъ, чтобы псковичи въ пять дней удовлетворили всѣмъ требованіямъ своего намѣстника, кн. Ярослава Оболенскаго, на котораго они жаловались. По покореніи Новгорода въ 1478 г., Китай оставленъ былъ въ немъ намѣстникомъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Зиновьевымъ. Тогда же великій князь посылалъ его во Псковъ вручить псковичамъ позлащенный кубокъ за службу ихъ при покореніи Новгорода. Послѣднее лѣтописное извѣстіе о Китаѣ отмѣчаетъ участіе его, въ 1481 г., въ походѣ на нѣмцевъ вмѣстѣ съ Иваномъ Зиновьевымъ.

Полн. собр. р. лѣт. IV, 251, 258, 260, 261, 265; V, 38, 41; VI, 19, 22, 33, 203, 206, 207, 220; VIII, 81, 185, 199, 214; Карамз. VI, 105, пр. 119.

А. Э.

Китеръ, *Александръ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, членъ медицинскаго совѣта, род. въ 1814 г., ум. 24 марта 1879 г. Происходилъ изъ Лифляндской губерніи; кончилъ курсъ въ рижской гимназіи въ 1831 г., въ 1835 г. окончилъ курсъ съ золотою медалью въ Дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету и былъ оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію, а въ 1836 г. назначенъ ассистентомъ при хирургической клиникѣ. 8 мая 1836 г. получилъ степень доктора медицины и въ 1838 г. былъ отправленъ на казенный счетъ за-границу. По возвращеніи оттуда, 27 января 1840 г. назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ

хирургіи въ Казанскій университетъ; въ 1841 г. сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а вскорѣ и ординарнымъ. Въ 1848 г. Медико-Хирургическая Академія избрала его профессоромъ по каѳедрѣ акушерскихъ болѣзней; несмотря на нежеланіе министра гр. Уварова лишить Казанскій университетъ даровитаго профессора, на прямо выраженное имъ несогласіе на переходъ Китера въ Академію, гр. Чернышевъ, военный министръ, настаивалъ, что Академія, по уставу, ничѣмъ не стѣснена въ выборѣ профессоровъ. Китеръ 29 октября 1849 г. вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія и перешелъ на службу въ Академію. Изъ печатныхъ трудовъ его наиболѣе замѣчательны: «Руководство къ изученію акушерской науки» (1857), «Атласъ къ оперативной хирургіи», 1870, 2 части.

Дѣло архива Минист. нар. просв.

Киттары, *Модестъ Яковлевичъ*, заслуженный профессоръ и почетный членъ Московскаго университета. Род. въ 1825 г. въ Перми, ум. 28 марта 1880 г., въ Петербургѣ. Окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, въ 1845 г. получилъ степень магистра зоологіи, а въ 1848 г. степень доктора естественныхъ наукъ за диссертацію «Анатомическое изслѣдованіе galeodes araneoides и galeodes dorsalis». Въ 1850 г. занялъ въ Казанскомъ университетѣ каѳедру технологіи и, неутомимо проработавъ всю жизнь на этомъ поприщѣ, составилъ себѣ громкую извѣстность. Въ теченіи четырехъ лѣтъ онъ образовалъ вокругъ себя цѣлую школу молодыхъ техниковъ, оживилъ дѣятельность казанскаго экономическаго общества, основалъ при немъ журналъ; подъ вліяніемъ его и его учениковъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ поволжско-камскаго края были введены новѣйшіе, улучшенные способы производства. Извѣстность его проникла въ среду московскихъ купцовъ и фабрикантовъ; въ 1857 г. по ихъ ходатайству въ Московскомъ университетѣ была открыта каѳедра технологіи, на которую и былъ приглашенъ Киттары. Здѣсь онъ съ такою же если не съ большею энергіею принялся за свое дѣло, устраивалъ техническую лабораторію, редактировалъ журналъ московскаго общества сельскаго хозяйства и основалъ новую газету «Промышленный Листокъ». По приглашенію московскаго купеческаго общества Киттары принялъ мѣсто инспектора (равное директорскому) въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Съ уничтоженіемъ старинной системы виноторговли министерство финансовъ, нуждаясь въ знающихъ дѣло акцизныхъ чиновникахъ, обратилось къ М. Я. Киттары съ просьбою прочитать для нихъ курсъ винокуренія. Онъ прочелъ «Публичный курсъ винокуренія», издалъ его и долго это сочиненіе служило главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній, необходимыхъ акцизнымъ чиновникамъ. Вскорѣ затѣмъ, по приглашенію военнаго министерства, Киттары прочелъ для чиновниковъ преобразованнаго интендантскаго управленія «Публичный курсъ товаровѣдѣнія»; подъ его вліяніемъ введены были въ интендантскомъ вѣдомствѣ коренныя преобразованія; самъ Киттары назначенъ былъ предсѣдателемъ вновь учрежденнаго ученаго комитета интендантства. На ряду съ этими занятіями Киттары чрезвычайно интересовался и сельскимъ хозяйствомъ; еще въ 1862 г. онъ издалъ брошюру «Выработка крахмала», выдержавшую нѣсколько изданій. Въ 1868 г. онъ пріобрѣлъ подъ Москвою небольшую ферму и съ величайшимъ интересомъ занимался тамъ сельскимъ хозяйствомъ и наблюдалъ за преподаваніемъ въ школѣ, заведенной имъ на собственныя средства, гдѣ обучалось 70 мальчиковъ; въ самое послѣднее время своей жизни Киттары началъ устраивать на той фермѣ образцовый заводъ для производства свинцовыхъ бѣлилъ способами, совершенно безопасными для здоровья работающихъ. Въ 1879 г., выслуживъ въ университетѣ 25 лѣтъ, Киттары вышелъ въ отставку, возведенный университетомъ въ званіе почетнаго члена, переѣхалъ въ Петербургъ и всецѣло отдался интендантству. Смерть застигла его за работами по редактированію перевода обширнаго труда Муспрата «Теоретическая, практическая и аналитическая химія, въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности». Киттары посѣщалъ всемірныя выставки въ Парижѣ и Лондонѣ и давалъ о нихъ обстоятельные печатные отчеты. Кромѣ работъ своихъ по технологіи и товаровѣдѣнію, онъ написалъ нѣсколько статей по этнографіи и физической географіи, въ 1860 г. получилъ отъ Вольно-экономическаго общества золотую медаль за изобрѣтенный имъ способъ простаго и дешеваго изготовленія консервовъ, изло-

женный въ брошюрѣ, «Русская печь, какъ средство къ приготовленію консервовъ» (три изданія въ 1859 г., и два въ 1865 г.). Изъ его печатныхъ работъ назовемъ: 1) «Очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской мануфактурной промышленности» (рѣчь 1857, два изданія). 2) «Производство конопляннаго масла» (1860). 3) «Лекціи о кожевенномъ производствѣ» (1865). 4) «Записки по вопросу объ обезпеченіи Военнаго министерства пороховою селитрою» (1873). 5) «Карта кожевеннаго производства въ Россіи» (1875).

«Новое Время», 1880, № 1497.

Кифа, архимандритъ пензенскаго Спасопреображенскаго монастыря, ум. въ 1859 году. Сначала былъ псаломщикомъ с.-петербургской почтамтской церкви; въ 1825 году, Юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ взятъ въ Новгородъ, постриженъ въ монашество, назначенъ казначеемъ Юрьевскаго монастыря, а вскорѣ и намѣстникомъ. Кифа былъ живой, веселый, пожалуй даже разгульный монахъ, но въ то же время - любимый ученикъ аскета—Фотія и пользовался его полнымъ довѣріемъ. Когда Фотій выдумалъ хитоны для братіи, то Кифа первый надѣлъ эту причудливую форму и являлся въ ней на глаза настоятелю; но приходя домой въ келью, сбрасывалъ хитонъ и наряжался въ свѣтское платье. Черезъ пять лѣтъ по какой то непріятности Фотій уволилъ его отъ должности намѣстника. Кифа поѣхалъ въ Петербургъ, наговорилъ на Фотія митрополиту и митрополитъ поручилъ Кифѣ тайный надзоръ за монастыремъ, назначивъ его въ 1831 г. игуменомъ Клопскаго монастыря. Въ 1842 г. Кифа былъ произведенъ въ архимандриты новгородскаго Сковородскаго монастыря; онъ жилъ здѣсь широко, издерживалъ на свои прихоти большія деньги изъ монастырской казны, но благодаря расположенію новгородскихъ владыкъ, настоятельствовалъ въ монастырѣ около 15 лѣтъ. Въ 1856 г. перемѣщенъ въ пензенскій Преображенскій монастырь, но и тамъ не измѣнилъ образа жизни. Кифа былъ замѣчательный проповѣдникъ ораторъ на церковной каѳедрѣ; личностью своею онъ представлялъ поразительный контрастъ съ аскетомъ архимандритомъ Фотіемъ, съ которымъ судьба поставила его близко.

Чистовичъ, «Руководящіе дѣятели духовн. просвѣщенія въ половинѣ XIX столѣтія», Арх. Св. Син. 1858 г. № 4641.

Кишинскій, *Николай Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1814 г., ум. 14 ноября 1868 г. Происходилъ изъ дворянъ харьковской губерніи, образованіе получилъ въ частномъ учебномъ заведеніи, службу началъ въ 1831 г. юнкеромъ Козловскаго пѣхотнаго полка и немедленно же попалъ въ экспедицію противъ горцевъ сѣверо-западнаго Кавказа; въ 1838 г. перешелъ въ Куринскій полкъ, особенно отличившійся въ дѣлахъ съ горцами. Въ 1848 г. уже въ чинѣ подполковника переведенъ въ Ширванскій полкъ и участвовалъ во взятіи Гергебиля; въ 1850 г. произведенъ въ полковники, въ 1852—въ генералъ-маіоры. За время своей сравнительно недолгой службы Н. С. Кишинскій былъ четыре раза раненъ и въ 1852 г. отчисленъ по арміи, за болѣзнію отъ ранъ. Но съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи онъ снова вступилъ въ дѣйствительную службу, и уже 19 ноября 1853 г. принялъ дѣятельное участіе въ пораженіи турецкой арміи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ; въ слѣдующемъ году въ сраженіи при Кюрюкъ-Дарѣ онъ лично повелъ въ штыки свою бригаду и въ значительной степени содѣйствовалъ побѣдѣ и при этомъ снова получилъ сильную рану. Умеръ отъ болѣзней, вызванныхъ этими ранами.

«Военный Сборникъ», 1869 г. т. 65 223—227.

Клапротъ, *Генрихъ-Юлій*, академикъ, оріенталистъ, род. въ Берлинѣ 11 октября 1783 г., ум. 27 августа 1835 г. Уже съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ склонность къ лингвистическимъ занятіямъ, преимущественно восточнымъ, что особенно не нравилось отцу его, Мартину Клапроту, извѣстному химику; отецъ принуждалъ сына заниматься науками естественными, которыя потомъ и пригодились Юлію Клапроту во время его путешествій въ Азіи. Значительная коллекція китайскихъ книгъ въ королевской берлинской библіотекѣ такъ заинтересовала молодаго Клапрота еще на гимназической скамьѣ, что онъ рѣшился выучиться китайскому языку. Не смотря на самыя несовершенныя пособія въ этой области въ то время онъ быстро освоился съ китайскою мудростію; за то, когда пришло время экзаменовъ въ гимназіи, Юлій Клапротъ не могъ отвѣтить на нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ, и экзаменаторъ замѣтилъ ему, что онъ ничего не знаетъ; на это ученикъ возразилъ, что онъ знаетъ по китайски и представилъ

свои переводы съ китайскаго. Это сразу подняло престижъ молодаго синолога, его ставили въ примѣръ другимъ ученикамъ. Но отецъ, не видя никакого проку въ синологіи, рѣшилъ, чтобы отвлечь сына отъ такихъ занятій, удалить его изъ Берлина и опредѣлилъ его студентомъ въ университетъ въ Галле въ 1801 г. для усовершенствованія въ классической филологіи. Съ этою задачей Юлій Клапротъ справился очень скоро и лѣтомъ 1802 г. былъ уже въ Дрезденѣ, гдѣ продолжалъ любимыя занятія, и въ концѣ того же года обнародовалъ въ Веймарѣ первые номера «Азіатскаго Магазина» на нѣмецкомъ языкѣ (Asiatisches Magazin. Weimar, 1802). Вскорѣ онъ получилъ приглашеніе изъ Петербурга поступить на службу въ Академію Наукъ адъюнктомъ. Онъ сейчасъ же согласился, разсчитывая найдти въ Россіи обильный матеріалъ для своихъ изысканій и хорошо тамъ устроиться по примѣру другихъ иностранцевъ, на что онъ не могъ разсчитывать въ Пруссіи. Юлій Клапротъ прибылъ въ Петербургъ въ то время, когда снаряжалось посольство въ Китай. Еще не былъ выбранъ посланникъ, а Клапротъ получилъ назначеніе сопровождать его. Начальникомъ пышнаго посольства былъ назначенъ графъ Головкинъ. Клапротъ выѣхалъ впередъ весною 1805 г. и черезъ Казань, Пермь, Екатеринбургъ, Тобольскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ прибылъ въ Иркутскъ, откуда началъ дѣлать экскурсіи для изученія быта и языковъ тунгусовъ, башкировъ, якутовъ, киргизовъ; составлялъ словари, дѣлалъ классификацію языковъ, впослѣдствіи обнародованную имъ въ Asia polyglotta. Къ осени 1805 г. посольство собралось въ Иркутскѣ, откуда отправилось въ Кяхту, гдѣ было задержано переговорами о церемоніяхъ до конца года. Клапротъ не терялъ здѣсь времени, занялся изученіемъ языковъ монгольскаго и манджурскаго и собиралъ лингвистическій матеріалъ. Наконецъ посольство тронулось въ путь; но изъ Урги должно было вернуться назадъ и прибыло въ Кяхту въ мартѣ 1806 г. Академія Наукъ послала своимъ членамъ новыя инструкціи, при чемъ Клапроту предложено было продолжать изслѣдованія въ Сибири и осмотрѣть буддійскія кумирни, собрать сочиненія на тибетскомъ языкѣ. Вернулся онъ въ Петербургъ въ 1807 г. и былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго академика, а императоръ Александръ I пожаловалъ Клапроту за эту экспедицію пенсію въ 300 р. Въ томъ-же году, по мысли графа Потоцкаго, Клапроту дана была новая командировка—на Кавказъ для изслѣдованія вновь пріобрѣтенныхъ странъ, ихъ языковъ, для отысканія лѣтописей и собиранія преданій. Въ январѣ 1808 г. онъ прибылъ въ Тифлисъ и приступилъ къ занятіямъ въ новой для него области. Особенное вниманіе онъ обратилъ на осетинскій языкъ. Чума и политическія усложненія съ Персіей не дали возможности Клапроту посѣтить, какъ предполагалось, Баку и Персію, и въ концѣ 1808 г. Академія отозвала его въ Петербургъ. Отчеты объ этой поѣздкѣ были напечатаны на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Тогда же Клапротъ началъ издавать «Archiv für die asiatische Litteratur, Geschichte und Sprachkunde» (Petersbourg, 1810. Bd. I). Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено составить каталогъ богатаго собранія китайскихъ книгъ Академіи.

Въ 1811 г. Академія командировала Клапрота въ Берлинъ, чтобы тамъ заказать шрифты, необходимые для изданія его трудовъ. Этимъ онъ и воспользовался, чтобы навсегда оставить Россію, пребываніе въ которой ему уже не нравилось. Однако и въ Германіи онъ не могъ устроиться по своему желанію и въ 1815 года переселился въ Парижъ. Но заслуги Клапрота всетаки были почтены въ его отечествѣ: прусскій король далъ ему званіе профессора азіатскихъ языковъ и литературъ и 24.000 франковъ на изданіе его трудовъ (дополненіе къ китайскому словарю, манджурская хрестоматія, каталогъ китайскихъ книгъ берлинской библіотеки) съ позволеніемъ оставаться къ Парижѣ до ихъ полнаго окончанія.

Не смотря на способности къ изученію языковъ и усиленныя занятія ими, изъ Клапрота не выработался первоклассный оріенталистъ, быть можетъ потому, что онъ брался за языки самые разнообразные по составу и строю, и до всего доходилъ самоучкой. Обязанный большинствомъ своихъ свѣдѣній и матеріаловъ Россіи, онъ, однако, ничѣмъ не выразилъ ей своей благодарности. Клапротъ постоянно велъ полемику съ о. Іакинфомъ (Бичуринымъ), которому уступалъ въ знаніи китайскаго языка, но предъ которымъ имѣлъ преимущество въ критическомъ талантѣ.

Главнѣйшія сочиненія Клапрота слѣдующія: Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle und Berlin, 1812—1814.—Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814.—Mémoire de Jean Pnosk'Herdjean, prêtre arménien de Wagarchapad, pour servir à l'histoire des événements qui ont eu lieu en Arménie et en Géorgie à la fin du XVIII siècle et au commencement du XIX, suivi de 28 anciennes inscriptions arméniennes à l'aide de M. Arontioun-Atswatsatour. Paris, 1818.—Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen âge. Paris, 1822.—Asia polyglotta, ou Classification des peuples de l'Asie, d'après l'affinité de leurs langues, avec d'amples vocabulaires comparatifs de tous les idiomes asiatiques. Paris, 1823. (Второе изданіе въ 1829 г.).—Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris, 1823. 2 vol.—Sur les Boukhares. Paris, 1823.—Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. vol. I — III. Paris, 1824—1826.—Magazin asiatique, ou Revue géographique et historique de l'Asie centrale et septentrionale. Paris, 1825, 2 vol.—Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours. Paris, 1826. Atlas in folio.—Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris, 1827.—Vocabulaire latin, persan et coman, d'après un manuscrit écrit en 1303, et provenant de la bibliothèque du célèbre poëte Francesco Petrarcha. Paris, 1828.— Vocabulaire et grammaire de la langue Géorgienne. Paris, 1827.—Mémoire sur l'introduction et l'usage des caractères chinois au Japon, suivi d'un vocabulaire coréen. Paris, 1829.—Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase, par le comte I. Potocki. Paris, 1829.—Rapport sur les ouvrages du P. H. Bitchourin. Paris, 1830.—Fragments bouddhiques. Paris, 1830.—San Kokf tsou ran to sets, ou Aperçu général des trois royaumes, traduit de l'original japonais-chinois. Paris, 1832.—Notice de l'Encyclopédie littéraire de *Ma Touan Lin* intitulée: *Wen Hiän Thoung khao*. Paris, 1832.—Description de la Chine sous le règne de la dynastie mongole, traduite du persan de Rachid—Eddin, et accompagnée de notes, Paris. 1833.—Aperçu des entreprises des Mongols en Géorgie et en Arménie dans le XIII siècle, traduit de l'arménien, accompagné de notes. Paris, 1833.—Verzeichniss der chinesischen und mandschurischen Bücher und Handschriften d. K. Biblioth. zu Berlin nebst Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren. Fol. Paris, 1822.—Reise in den Kaukasus und nach Georgien in d. Jahr 1807 — 1808; nebst Anhang: Kaukas. Sprachen. Halle, 1812 — 1814. 3 Bde, mit Karten. — Abhandlung über die Sprachen und Schrift der Uiguren. Nebst einige Wörterzeichnisse und anderen Uigurischen Sprachproben aus dem kaiserlichen Uebersetzungshofe zu Peking. Paris, 1820. Fol. Въ числѣ изслѣдованій Клапрота особенно выдается изслѣдованіе объ уйгурскомъ письмѣ; замѣчательна также его «Carte de l'Asie centrale».

Біографическія свѣдѣнія о Клапротѣ въ статьѣ Ландресса въ Nouveau Journal Asiatique, tome XVI; Paris, 1835, p. 243—273.

Н. Веселовскій.

Классовскій, *Владиміръ Игнатьевичъ*, педагогъ, род. въ 1815 г., ум. 28 января 1877 г. Изъ дворянъ Тамбовской губерніи; окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по первому отдѣленію философскаго факультета и съ 1836 г. по 1843 былъ учителемъ латинскаго и русскаго языковъ. Увлекшись за это время революціонными и отчасти атеистическими ученіями, Классовскій бросилъ службу и уѣхалъ заграницу, гдѣ прожилъ около пяти лѣтъ и состоялъ въ сношеніяхъ преимущественно съ людьми такого же образа мыслей; но тяжелая, продолжительная болѣзнь и неожиданное выздоровленіе произвело на него такое сильное впечатленіе, что онъ совершенно отказался отъ прежнихъ взглядовъ и впалъ въ мистицизмъ; впослѣдствіи, однако, онъ успѣлъ выработать болѣе спокойное и здравое міросозерцаніе. Въ 1849 г. онъ получилъ мѣсто наставника-наблюдателя по русскому языку въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ 1867 г. назначенъ инспекторомъ классовъ Елисаветинскаго института, въ 1874 г. членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Какъ преподаватель онъ оказывалъ огромное вліяніе на своихъ учениковъ; многіе изъ нихъ и впослѣдствіи сохранили съ нимъ отношенія; Классовскій какъ то особенно умѣлъ будить и поддерживать въ окру-

жающихъ живые умственные интересы. Онъ оставилъ значительное количество работъ, въ свое время пользовавшихся извѣстностью; кромѣ цѣлаго ряда учебниковъ по грамматикѣ русскаго и церковнославянскаго языковъ и изданій классиковъ съ коментаріями, онъ напечаталъ: «Основанія педагогики», «Теорія и мимика страстей», «Душевныя болѣзни въ психологическомъ отношеніи», «Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній» и др. Плодомъ пребыванія его заграницей явилась его книга «Помпея и открытыя въ ней древности», выдержавшая три изданія.

К. Б., «В. И. Классовскій», некрологъ.

Клауберъ, *Игнатій Себастіанъ*, профессоръ гравированія, род. въ 1754 г. въ Аугсбургѣ, ум. 13 мая 1817 г. Сынъ гравера І. Б. Клаубера, у котораго и получилъ первые уроки гравировальнаго искусства; затѣмъ работалъ въ Римѣ и съ 1787 года въ Парижѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Ж. Ж. Вилля, и за портреты Ванлоо, съ картины Лесюера, и Аллегрена, съ картины Дюплесси, получилъ титулъ королевскаго гравера и званіе члена Академіи Художествъ. Революція заставила его удалиться въ Аугсбургъ; въ 1795 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ гравированія у курфирста Трирскаго и сдѣлался членомъ датской Академіи художествъ. Громкую славу доставили ему превосходныя изданія: «Principales figures de mythologie, executées en taille douce d'après les pierres gravées antiques, qui appartenaient autrefois au bar. de Stosch et qui sont aujourd'hui dans le Cabinet du Roi de Prusse», Nurenberg, 1798 г.—тутъ собраны гравюры, исполненныя по рисункамъ Казановы и др. самимъ Клауберомъ, (числомъ 22), частью—другими граверами по его рисункамъ. Въ 1796 г. президентъ Академіи художествъ гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ пригласилъ Клаубера занять мѣсто преподавателя въ классѣ гравированія. Клауберъ принялъ это мѣсто по контракту на три года съ жалованьемъ въ 1200 руб., готовою квартирой и правомъ брать посторонніе заказы; но затѣмъ, онъ остался въ Петербургѣ уже до конца жизни и оказалъ существеннѣйшія услуги развитію въ Россіи гравировальнаго искусства. Не отличаясь такими выдающимися талантами, какъ знаменитый Шмидтъ, положившій начало русской художественной гравюрѣ, Клауберъ былъ тѣмъ не менѣе отличнымъ граверомъ; рѣзецъ его красивъ и блестящъ, хотя нѣсколько однообразенъ; но что особенно цѣнно — Клауберъ былъ превосходнымъ преподавателемъ; онъ любилъ это дѣло, и умѣлъ заинтересовать работою своихъ учениковъ; въ отличіе отъ многихъ другихъ граверовъ онъ не держалъ въ секретѣ отъ учениковъ своихъ пріемовъ въ техникѣ гравированія, а напротивъ раскрывалъ предъ ними все, что зналъ. Въ короткое время гравировальный классъ Академіи наполнился учениками и изъ среды ихъ вышли Уткинъ, Скотниковъ, Ухтомскій, Галактіоновъ, два брата Чесскіе и др. Въ Россіи Клауберъ исполнилъ 17 портретовъ русскихъ знаменитостей, между которыми особенно цѣнятся портреты кн. А. Бѣлосельскаго - Бѣлозерскаго, митрополита Гавріила и гр. Мусина - Пушкина. Въ 1801 г. Клауберъ, имѣвшій уже званіе совѣтника Академіи Художествъ, былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію смотрителемъ эстамповъ Эрмитажа; въ 1811 г. онъ получилъ орденъ Владиміра четвертой степени, что, по тому времени, было для художника совершенно исключительною наградою. Кромѣ упомянутыхъ уже работъ Клаубера имъ до прибытія въ Россію были исполнены еще 21 портретъ, въ томъ числѣ портретъ императрицы Маріи Терезы съ семействомъ и императора Леопольда, гравюры съ семи картинъ—особенно цѣнны «Petit écolier de Harlem», съ оригинала Пеленбурга и портретъ художника Нетчера, съ его собственной картины, затѣмъ 11 гравюръ для роскошнаго изданія сочиненій Виланда и «Basilica Mahemiensis»; въ Петербургѣ, кромѣ портретовъ онъ исполнилъ нѣсколько эстамповъ: съ картины Маратти «La mère du Sauveur», К. Дольчи, «Mater dolorosa», затѣмъ «Св. Семейство», «L'amour clairvoyante», до 10 картинокъ для книги Кёлера о предметахъ древностей; наконецъ подъ его руководствомъ и отчасти непосредственно имъ самимъ были награвированы 62 таблицы для атласа къ «Путешествію Сарычева» и къ «Путешествію Крузенштерна»; подъ его же смотрѣніемъ было приготовлено до 48 досокъ, въ томъ числѣ 22 доски въ контурахъ для III тома изъ Эрмитажной галлереи — изданіе это не было издано—и 19 картинокъ (въ 1812 г.) для книги «Catalogue de la belle collection de tableaux de M. Duval, de «Genève»,

Paris, 1846. Впрочемъ, полнаго списка гравюръ работы Клаубера еще нѣтъ; у Ровинскаго напр., пропущена гравюра его съ картины Дитрици «Деревенскій цирульникъ», исполненная въ 1800 г.

Ровинскій, «Подроб. словарь русскихъ граверовъ», 338—349 и 100—103.

Клаусъ, *Карлъ*, профессоръ, род. 23 января 1796 г. въ Дерптѣ, ум. 24 марта 1864 г. Рано лишился родителей и провелъ дѣтство въ крайней нуждѣ; 14 лѣтъ поступилъ въ одну изъ петербургскихъ аптекъ, между дѣломъ готовился къ экзамену на степень магистра фармаціи и увлекся ботаникой и химіей. Въ 1816 г. поступилъ провизоромъ въ саратовскую аптеку и здѣсь занялся изученіемъ степной приволжской флоры, что ему очень пригодилось, когда онъ въ 1827 г., вмѣстѣ съ Эверсманомъ, предпринялъ путешествіе въ степной районъ между Ураломъ и Волгой. Въ 1826 г. съ большимъ трудомъ удалось ему завести собственную аптеку въ Казани, но въ 1831 г. онъ ее продалъ и переселился въ Дерптъ въ качествѣ ассистента при химическомъ кабинетѣ университета. Въ 1834 г. онъ снова участвовалъ въ экспедиціи въ заволжскіе солончаки, сопровождая проф. Гёбеля, въ качествѣ путеводителя, переводчика и ботаника экспедиціи. Въ 1837 г. Клаусъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ химіи въ университетъ въ Казань, гдѣ онъ и оставался до 1852 г., будучи произведенъ въ 1839 г. въ экстраординарные, и въ 1843 г. въ ординарные профессора. Въ 1852 г. онъ избранъ профессоромъ фармаціи Дерптскаго университета и черезъ 10 лѣтъ, по выслугѣ 25 лѣтъ, вновь избранъ единогласно на слѣдующій срокъ. Въ 1863 и 1864 гг. командированъ былъ заграницу, и былъ избранъ членомъ-корреспондентовъ берлинской Академіи. Въ началѣ 1864 г. принималъ дѣятельное участіе въ первомъ общемъ собраніи фармацевтическаго общества въ Петербургѣ. Главнѣйшіе изъ его трудовъ: «Grundzüge der analitischen Phytochemie», 1837; обработанный имъ ботаническій отдѣлъ въ изданіи: «Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Göbel in Begleitung der Herren Dr. C. Claus und A. Bergmann, 1837—38, Localfloren der Wolgagegenden», 1851; съ 1844 г. по 1862 г. въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ онъ помѣстилъ 17 статей о своихъ работахъ надъ платиной и объ открытіи рутенія; изъ другихъ его химическихъ изслѣдованій слѣдуетъ упомянуть: «Bestimmungen des Theins und der Chinoalcoloide»; «Verhalten des Camphers zu Holoiden»; «Zur Kenntniss der Schwefelcian-metalle».

Клейберъ, *Іосифъ Андреевичъ*, математикъ, род. 3 декабря 1863 г., ум. 31 января 1892 г. Сынъ богатаго петербургскаго негоціанта; съ дѣтства отличался выдающимися способностями; поступивъ въ четвертый классъ 2-й петербургской гимназіи, имѣя всего 11 лѣтъ отъ роду, онъ кончилъ курсъ всего 16-ти лѣтъ и по особому разрѣшенію былъ принятъ въ С.-Петербургскій университетъ, на физико-математическій факультетъ. Въ началѣ 1884 г. онъ получилъ золотую медаль за сочиненіе «Астрономическая теорія падающихъ звѣздъ», которое было затѣмъ напечатано на счетъ университета; въ томъ же году І. А. Клейберъ окончилъ курсъ, не имѣя еще двадцати одного года, и былъ оставленъ при университетѣ. Особенно интересовался онъ теоріею вѣроятностей; этому отдѣлу математики посвящалъ онъ свои работы и въ приложеніи къ изслѣдованію астрономическихъ явленій и въ приложеніи къ изслѣдованію явленій общественныхъ; спеціальный курсъ, посвященный этому послѣднему приложенію теоріи вѣроятностей, онъ читалъ на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Магистерская его диссертація была посвящена вопросу «О сглаживаніи наблюденій»; въ 1891 г. онъ напечаталъ обширную работу «Опредѣленіе орбитъ метеорныхъ потоковъ», которая была принята въ качествѣ докторской диссертаціи, но защитить которой онъ уже не успѣлъ, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ, которое перешло затѣмъ въ скоротечную чахотку. Кромѣ упомянутыхъ уже трехъ работъ І. А. Клейберъ въ періодѣ времени отъ 1885 до 1891 гг. напечаталъ еще до 20 статей въ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ журналахъ. Онъ отличался чрезвычайно широкимъ и сильнымъ умомъ, необыкновенною способностью работать; имъ сдѣлано очень много для человѣка, который на 28-мъ году жизни заболѣлъ смертельною болѣзнью. Среди своихъ постоянныхъ ученыхъ работъ І. А Клейберъ находилъ время для чтенія лекцій въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, для множества сообщеній въ ученыхъ обществахъ, для публичныхъ лекцій и поѣздокъ за границу, откуда

онъ возвращался всегда съ огромнымъ запасомъ научныхъ впечатлѣній, полученныхъ отъ сношеній со свѣтилами западноевропейской науки и съ еще болѣе живою любовію къ своему второму отечеству, Россіи. І. А. Клейберъ былъ наконецъ человѣкомъ съ выдающимися музыкальными способностями и оставилъ нѣсколько композицій для фортепіано.

Клейненбергъ, *Фридрихъ Казиміръ*, профессоръ, род. 9 марта 1754 г. въ Курляндіи, ум. 13 февраля 1813 г. Изучалъ юридическія науки въ Гёттингенѣ и Галле въ теченіи 1771—1775 гг.; по возвращеніи въ Россію занимался сначала адвокатурой, въ 1803 г. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ курляндскаго права и протосиндикомъ Дерптскаго университета. Объявленная имъ подписка на учебникъ курляндскаго провинціальнаго права хотя и состоялась, но учебникъ въ свѣтъ не вышелъ.

Клейнертъ, *Адольфъ Фридрихъ*, профессоръ, род. 28 августа 1802 г. въ восточной Пруссіи, ум. 28 февраля 1834 г. Окончилъ курсъ на теологическомъ факультетѣ Кенигсбергскаго университета въ 1825 г. и былъ сначала домашнимъ учителемъ, потомъ членомъ проповѣднической семинаріи въ Виттенбергѣ. Въ 1829 г. былъ избранъ профессоромъ Дерптскаго университета по каѳедрѣ ветхаго завѣта и еврейскаго языка и оставался на этомъ мѣстѣ до смерти. Въ теченіе своей короткой жизни онъ успѣлъ однако издать нѣсколько цѣнныхъ трудовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ: «Ueber die Echtheit sämmtlicher in dem Buche Jesaia enthaltenen Weissagungen», 1829; «Ueber die Entstehung, die Bestandtheile und das Alter der Bücher Esra und Nehemia» въ «Dorpater Beiträgen zu den theologischen Wissenshaften, 1832», I; «Ueber den Regierungsantritt des Artaxerxes Longimanus» въ томъ-же изданіи, за 1833.

Клейнмихель, графъ *Петръ Андреевичъ*, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. 30 ноября 1793 г., ум. 3 февраля 1869 г. Отецъ его, Андрей Ивановичъ, былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса и генералъ-лейтенантомъ. П. А. Клейнмихель числился въ Дворянскомъ полку, но воспитывался дома; 7 февраля 1808 г. онъ вступилъ на дѣйствительную службу подпоручикомъ въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ и сначала состоялъ при отцѣ; 23 марта 1812 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ и зачисленъ адъютантомъ къ гр. Аракчееву. Съ этого времени началось его чрезвычайно быстрое движеніе по службѣ: 16 мая 1814 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества, 30 августа того же года с.-петербургскимъ плацъ-маіоромъ, 1 января 1816 г., т. е. всего 23-хъ лѣтъ отъ роду, произведенъ въ полковники и 24 марта 1819 г. сдѣланъ начальникомъ штаба управленія военными поселеніями; 8 іюня 1820 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Исполня эту должность Клейнмихель непрерывно пользовался расположеніемъ сначала гр. Аракчеева и Императора Александра I, а затѣмъ и Императора Николая I; онъ очень много разъ получалъ выраженіе Высочайшей благодарности за дѣйствія свои по управленію военными поселенцами; особенно милостиво относился къ нему Императоръ Николай Павловичъ. 22 Августа 1826 г. Клейнмихель назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ. 1 Мая 1832 г. назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Величества; 19 іюня 1835 г. съ переформированіемъ управленія военными поселеніями въ департаментъ назначенъ директоромъ этого департамента; въ то же время завѣдывалъ инспекторскимъ департаментомъ военнаго министерства; 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Онъ принималъ участіе въ работахъ многихъ коммиссій, назначенныхъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для изученія или для реформированія разныхъ частей арміи и флота, затѣмъ въ 1830 г. на него возложено было составленіе историческаго описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ; въ 1837 г. по его представленію учрежденъ для этого особый комитетъ, предсѣдателемъ котораго Клейнмихель и состоялъ до 21 октября 1855 г.; описаніе это составлено главнымъ образомъ трудами А. В. Висковатова и вышло въ 1841—1862 гг. подъ названіемъ «Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ съ древнихъ временъ» (30 выпусковъ). Кромѣ того Клейнмихель принималъ дѣятельное участіе, постоянно доставлявшее ему все болѣе и болѣе замѣтное благоволеніе Императора Николая, въ коммиссіяхъ по сооруженію разныхъ построекъ въ Петербургѣ: такъ въ 1828—1829 гг. онъ завѣдывалъ постройками дома трудолюбія и дома

Патріотическаго института, въ 1835 г. постройкою зданій Чесменской богадѣльни; особенное благоволеніе онъ заслужилъ своимъ участіемъ въ коммиссіи по возобновленію сгорѣвшаго въ 1837 г. Зимняго Дворца,—по окончаніи работъ 26 марта 1839 г., при особо милостивомъ рескриптѣ П. А. Клейнмихель получилъ графское достоинство; послѣ этого онъ завѣдывалъ еще постройкою зданій военнаго госпиталя, каменнаго моста черезъ Неву—открытъ 21 ноября 1850 г. и назывался сначала Благовѣщенскимъ, нынѣ Николаевскій; тогда же назначенъ въ коммиссію по сооруженію новыхъ зданій Эрмитажа. 4 марта 1834 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для устройства телеграфнаго сообщенія между С.-Петербургомъ и Варшавою; 1 февраля 1842 г. назначенъ членомъ комитета и строительной коммиссіи, учрежденной для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, 10 февраля ему поручено главное завѣдываніе канцеляріею комитета; со 2 апрѣля до 11 августа того же года управлялъ въ отсутствіе военнаго министра военнымъ министерствомъ, и 11 августа 1842 г. назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Главнымъ дѣломъ Клейнмихеля за это время является сооруженіе Николаевской желѣзной дороги. Паровозное движеніе началось въ 1846 г. сначала на участкѣ отъ Петербурга до Колпина, къ этому же времени былъ устроенъ и Александровскій заводъ; затѣмъ въ 1849 г. открыто было движеніе между Петербургомъ и Чудовымъ и между Тверью и Вышнимъ-Волочкомъ; вся линія открыта была 1 ноября 1851 г., какъ разъ въ срокъ еще при началѣ работъ назначенный Императоромъ. Государь живо интересовался ходомъ постройки и дѣятельностью Клейнмихеля былъ очень доволенъ; но нельзя не признать, что она, при своей акуратности и быстротѣ, обходилась чрезвычайно дорого и государству и народу; постройка Николаевской дороги обошлась въ 64.000.000 слишкомъ, по 107.000 р. на версту дороги. Кромѣ этого главнаго своего дѣла Клейнмихель устроилъ и нѣсколько новыхъ шоссе. 15 октября 1855 г. по прошенію онъ былъ уволенъ отъ должности министра путей сообщенія съ оставленіемъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта. — Супруга гр. П. А. Клейнмихеля, вдова штабъ-ротмистра Хорватъ, рожденная Ильинская, графиня *Клеопатра Петровна*, род. 17 октября 1811 г., ум. 17 января 1865 г.; была статсъ-дамою, кавалерственною дамою ордена св. Екатерины и предсѣдательницею патріотическаго общества.

«Подробный формуляръ службы Генералъ-Адъютанта гр. П. А. Клейнмихеля» (печатный); «Русскій Инвалидъ», 1869 № 19.

Клементовскій, *Александръ Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, ум. въ 1876 г. Въ 1843 г. окончилъ курсъ въ Московской Медико-хирургической академіи. Въ 1846 г. былъ городскимъ врачемъ въ Трубчевскѣ, орловской губ. Перейдя въ 1848 г. въ Москву младшимъ врачемъ при лазаретахъ Воспитательнаго дома, онъ въ 1856 г. получилъ степень доктора медицины и съ 1869 г. состоялъ главнымъ докторомъ Московскаго воспитательнаго дома. Онъ былъ одинъ изъ основателей Московскаго общества русскихъ врачей, первымъ секретаремъ его и редакторомъ его органа «Московской Медицинской Газеты», въ которой помѣстилъ рядъ статей.

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», и 2-е дополн. 1892 г.; тамъ же полный списокъ трудовъ.

Клементовскій, *Иванъ Семеновичъ*, профессоръ, род. въ 1790 г., ум. 3 мая 1839 г. Въ 1805 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургской Медико-хирургической академіи. Въ 1810 г. состоялъ при Московскомъ военномъ госпиталѣ и въ 1811 г. лѣкаремъ Московской Голицинской больницы. 28 апрѣля 1817 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины, и въ 1818 г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ той же академіи по каѳедрѣ физіологіи и анатоміи, а съ 1825 г. ординарнымъ профессоромъ. Перевелъ съ французскаго сочиненіе Капюрона «О женскихъ болѣзняхъ» (М. 1821 г.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели».

Клементьевъ, *Иванъ*, дьякъ. Съ 1671 по 1676 годъ упоминается какъ дьякъ Иноземскаго приказа; съ 1678 по 1680 г.—какъ дьякъ Ямскаго приказа; въ 1688 г.—какъ дьякъ Государевъ.

Акты Истор., т. V. 43, 65, 293.—Допол. къ Актамъ Истор., т. VI, 187, 207; т. VII, 62, 63; т. VIII, 82, 86, 88, 137, 138, 213, 259.—Въ Указателѣ къ «Дополненіямъ» и въ «Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей» ошибочно названъ дьякомъ Рейтарскаго приказа и Денежнаго сбора.

Клепиковъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, академикъ медальернаго искусства, глав-

ный медальеръ С.-Петербургскаго монетнаго двора, род. въ 1801 г., ум. 13 января 1852 г. Сынъ художника, онъ былъ принятъ въ воспитанники 1 возраста въ Академію Художествъ 29 сентября 1813 г.; при переводѣ изъ 2-го въ 3-й возрастъ назначенъ къ обученію лѣпкѣ изъ глины, и въ теченіе академическаго курса получилъ медали: по 2-й серебрянной въ 1823 г. за рисунокъ съ натуры (23 декабря) и за лѣпленіе (14 апрѣля), 1-ю за лѣпленіе же въ 1824 г. (3 мая) и 2-ю золотую за лѣпленіе программы по рѣзбѣ на камнѣ—«Дедалъ, привязывающій крылья Икару»—въ томъ же году (12 сентября), послѣ чего былъ выпущенъ съ аттестатомъ 1-й степени (16 сентября) и тогда же опредѣленъ медальеромъ на Монетный дворъ. Признанный «назначеннымъ» онъ получилъ 3 февраля 1831 г. программу по рѣзьбѣ на камнѣ—«Геркулесъ, поражающій Лернейскую гидру», на званіе академика, въ которое и былъ возведенъ. Одна изъ первыхъ его работъ, уже не по программѣ, была рѣзьба, совмѣстно съ Лялинымъ, бывшихъ на Академической выставкѣ 1836 г. 20-ти штемпелей въ маломъ видѣ съ медальоновъ гр. Ѳ. П. Толстаго на событія отечественной войны 1812 г. и затѣмъ такихъ же штемпелей для медалей въ память войнъ противъ Персіи 1826—1827 гг. и Турціи 1828—1829 гг., въ томъ числѣ и на миръ въ Адріанополѣ. Онъ возобновлялъ нѣкоторые старые поврежденнные медальные штемпеля: на освобожденіе Москвы, на учрежденіе ордена Св. Владиміра, на учрежденіе губерній, коронованіе Императрицы Екатерины II, на взятіе Шлиссельбурга, на переходъ черезъ Балканы, и другія военныя событія, вырѣзалъ на камнѣ нѣсколько дворянскихъ гербовъ и медали: для Московскаго Александровскаго сиротскаго института (1844—1845), для Управленія Государственнаго Коннозаводства, въ память 25-ти лѣтнихъ трудовъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства (1845—1846), для награды за выставку сельскихъ произведеній (1846 — 1847), въ память возобновленія Кремлевскаго Дворца въ Москвѣ (1847—1848), по случаю 25-ти-лѣтняго юбилея со времени назначенія Великаго Князя Михаила Павловича шефомъ Л.-Гв. Московскаго полка (1848—1849), для Лебедянскаго общества сельскаго хозяйства (1849—1850), на открытіе постояннаго Благовѣщенскаго черезъ Неву моста—по модели гр. Ѳ. П. Толстаго (1850—1851), а также рѣзалъ портреты: Великаго Князя Александра Невскаго, Императора Петра Великаго, Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго—на оникѣ и образа: Св. Николая Чудотворца — на камнѣ, Спасителя—обронно, на топазѣ, для Кабинета Его Императорскаго Величества, Божьей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ — на саксонскомъ топазѣ, для герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, Христа Спасителя—обронно, на саксонскомъ камнѣ, и проч. Снимки съ его работъ можно найдти въ «Собраніи русскихъ медалей» подъ №№ 341, 365, 377 и III, № 36.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», П. Н. Петрова, т. II, 51, 133, 173 — 187, 191, 195 — 196,259;—«Указатель выставки въ Императорской Академіи Художествъ» 1876, №№ 479—498;—«Отчеты Императорской Академіи Художествъ» за 1844—1852 гг.;—«Современникъ» 1841, т. XXI, № 1, с. 82—87;—«Сѣверная Пчела» 1852, № 38;—Ю. Иверсенъ «Словарь медальеровъ», 1884 (очень кратко). *Н. Собко.*

Клешнинъ, *Андрей* (*Лупп*ъ) *Петровичъ*, дядька царя Ѳеодора Іоанновича, былъ въ 1585 г. возведенъ въ званіе «ближнія думы дворянина», а въ слѣдующемъ году пожалованъ въ окольничіе «изъ дворянъ въ думѣ». По вступленіи на престолъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, Клешнинъ постригся въ монахи, измѣнивъ «прямое» свое имя *Лупп*ъ на монашеское *Левкій*, и скончался въ схимѣ 6 апрѣля 1599 года въ Боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича Клешнинъ занималъ очень видное положеніе, какъ «ближній» человѣкъ; имя его нерѣдко встрѣчается въ разрядныхъ записяхъ и иныхъ документахъ того времени. Преданіе приписываетъ ему даже главную роль въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о кончинѣ царевича Димитрія Іоанновича въ Угличѣ въ 1591 году. Лѣтописцы XVIII вѣка изображали Клешнина интимнымъ совѣтникомъ Бориса Годунова въ покушеніи на жизнь царевича. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ называлъ его даже братомъ Борису «свойствомъ и дѣломъ», то есть, по качествамъ и поступкамъ. Трудно судить, насколько справедливы были эти слухи о близости Клешнина къ Годунову и о преступныхъ интригахъ Клешнина въ пользу Бориса. Возвышеніемъ своимъ Клешнинъ обязанъ прежде всего своимъ лич-

нымъ отношеніямъ къ своему воспитаннику царю Ѳеодору, и возвышеніе его началось во всякомъ случаѣ ранѣе, чѣмъ Борисъ окончательно овладѣлъ властью. Поэтому нельзя считать его креатурою Б. Годунова. Существуетъ мнѣніе, что Клешнинъ былъ женатъ на княжнѣ Волконской, сестрѣ князя Григорія Константиновича. Это не вѣрно. Изъ книгъ Болдина Троицкаго монастыря узнаемъ, что жену Андрея Клешнина звали *Ириною Андреевною*.

Карамзинъ, тт. X—XII (по «Ключу» Строева); «Русская Историч. Библіотека, издаваемая Археограф. Коммиссіей», т. XIII (по указателю), Никоновская лѣтопись, т. VIII, стр. 16—19; Древн. Росс. Вивліоѳика, т. XX, стр. 61, 62 *С. П.*

Клименковъ, *Степанъ Ивановичъ*, профессоръ Московскаго университета, род. въ 1805 г. въ Смоленскѣ, ум. 19 августа 1858 г. Родители его были люди очень бѣдные и даже неграмотные, но очень желали, чтобы дѣти ихъ учились грамотѣ; сначала старшій сынъ ихъ учился у дьякона, но ничему не выучился въ два года и дьяконъ объявилъ родителямъ, что сынъ ихъ лишенъ всякихъ способностей; они отдали его, однако, въ городское училище, гдѣ онъ началъ оказывать очень быстрые успѣхи и кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ; затѣмъ онъ поступилъ въ гимназію и благодаря необычайному трудолюбію быстро нагналъ своихъ сверстниковъ въ знаніи латинскаго языка, за который принялся сравнительно уже поздно. Директоръ гимназіи Л. Ѳ. Людоговскій, бывшій еще секретаремъ при первомъ кураторѣ университета И. И. Шуваловѣ, далъ ему отличную рекомендацію къ тогдашнему ректору университета, А. А. Прокоповичу-Антонскому и Клименковъ былъ принятъ въ 1823 г. въ университетъ на медицинскій факультетъ. Въ постоянной борьбѣ съ нуждою онъ тѣмъ не менѣе отлично занимался и 7 сентября 1827 г. кончилъ курсъ лѣкаремъ съ отличіемъ; въ 1828 г. былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора студентовъ, 4 сентября 1829 г. назначенъ помощникомъ директора медицинскаго института; должность помощника инспектора студентовъ, часто исправляя и должность инспектора, онъ занималъ до 1852 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ студенческою библіотекою. Въ 1838 г. получилъ степень доктора медицины; въ 1847—1848 гг. завѣдывалъ холерною больницею для студентовъ. Въ 1852 г. уволенъ отъ должности помощника инспектора и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія съ порученіемъ преподавать гигіену и діететику. Труды его: «Алфавитный каталогъ книгъ студенческой библіотеки Московскаго Университета», Москва, 1838 г., съ двумя дополненіями 1839 г. и 1841 г. и новый полный—Москва, 1849 г.; переводъ съ французскаго сочиненія Рикора «О венерическихъ болѣзняхъ и ихъ прививаніи», Москва, 1843 г., «О холерѣ и ея лѣченіи», Москва 1855.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели»; Біографическій словарь професс. и препод. Москов. унив.», I.

Климентовъ, (или сокращенно Климовъ) *Василій*, медальеръ XVIII ст. Имъ вырѣзаны были штемпеля медалей: большой величины—на кончину имп. Елизаветы Петровны, съ полнымъ обозначеніемъ его имени, и безъ обозначенія имени: на коронованіе имп. Екатерины II, для чего онъ былъ вызванъ изъ Москвы въ 1762 г., вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Михаиломъ Никитинымъ; онъ вырѣзалъ еще нѣсколько медалей и на разныя событія Петровскаго времени.

Ю. Иверсенъ, «Словарь медальеровъ» 1874.
Н. С.

Климентъ, (*Мажаровъ*), архимандритъ, ум. въ 1863 г.—Изъ учениковъ рязанской духовной семинаріи въ 1827 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса, 30 сентября 1831 г. утвержденъ въ степени магистра богословія и 2 октября опредѣленъ баккалавромъ Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ богословскихъ наукъ. 14 декабря 1831 г. принялъ монашество, 23-го рукоположенъ во іеродіакона, 24-го іеромонаха. 7 октября 1832 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александроневской лавры. Въ 1833 г. около мѣсяца исправлялъ должность ректора академіи. 13 октября 1836 г. возведенъ въ санъ архимандрита. 8 февраля 1837 г. утвержденъ членомъ академическаго окружнаго правленія, 21 мая опредѣленъ членомъ с.-петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета. 17 іюня 1838 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи. 5 мая того же года переведенъ въ орловскую семинарію на должность ректора и профессора богословскихъ наукъ и опредѣленъ настоятелемъ мценскаго Петропавловскаго монастыря и членомъ орловской духовной консисторіи. Въ 1843 г. переведенъ на

должность ректора и профессора въ казанскую духовную семинарію и опредѣленъ настоятелемъ казанскаго Спасопреображенскаго монастыря. 24 декабря 1850 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ въ елецкій Успенскій монастырь и ректоромъ черниговской духовной семинаріи. 31 марта 1852 г. переведенъ въ тверскую духовную семинарію и назначенъ настоятелемъ тверскаго Отроча монастыря. Въ мартѣ 1853 г. переведенъ настоятелемъ въ Новый Іерусалимъ, съ увольненіемъ, по болѣзни, отъ духовно-учебной службы. Въ 1856 г. уволенъ на покой.

«Орловскія епарх. вѣдом., 1868 г., № 22»; И. А. Чистовичъ, «Ист. С.-Пет. дух. акад.»; А. Благовѣщенскій, «Ист. казанск. дух. семинаріи»; «Истор. статист. опис. черниг. епархіи»; В. Колосовъ, «Исторія тверской дух. сем.»; П. Строевъ, «Списки». *С. Г. Р.*

Климентъ (Смолятичъ), Зарубскій схимникъ, а затѣмъ митрополитъ кіевскій и всея Руси, первый митрополитъ изъ русскихъ. Въ санъ митрополита онъ былъ возведенъ въ 1147 году 27 іюля по волѣ великаго князя Изяслава Мстиславича, соборомъ изъ шести епископовъ и вопреки обычаю—безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Такой способъ поставленія, предложенный епископомъ черниговскимъ Онуфріемъ, вызвалъ протесты со стороны епископа новгородскаго Нифонта и епископа смоленскаго Мануила, (къ нимъ примкнулъ и Косма, епископъ полоцкій), которые, ссылаясь на рукописаніе митрополита Михаила, требовали, чтобы Климентъ принялъ благословеніе отъ константинопольскаго патріарха. Возникшая отсюда борьба между владыками приняла особенно острый характеръ въ отношеніяхъ митрополита Климента къ епископу Нифонту (ум. 15 или 18 апрѣля 1156 (6664) года), нашедшему себѣ поддержку въ патріархѣ, въ князѣ Святославѣ Ольговичѣ и въ обществѣ («поборникъ *всей* русской земли»). Вслѣдствіе этой борьбы годы управленія митрополитомъ Климентомъ митрополіею были весьма тревожными и самое положеніе его непрочнымъ. Пользуясь властью во время безпокойнаго правленія князя Изяслава Мстиславовича, онъ былъ вынужденъ оставлять кіевскую каѳедру при другихъ князьяхъ, напримѣръ въ 1149 году, когда Кіевъ достался князю Юрію Владиміровичу. Хотя въ 1151 году Климентъ былъ опять въ Кіевѣ митрополитомъ, но по смерти великаго князя Изяслава Мстиславича (въ ноябрѣ) кіевляне въ апрѣлѣ 1156 года уже ожидали прибытія изъ Царяграда новаго митрополита Константина. Впослѣдствіи, по смерти Юрія, когда Кіевъ достался князю Мстиславу Изяславичу и Ростиславу Мстиславичу, митрополитъ Климентъ, повидимому, былъ опять нѣкоторое время въ Кіевѣ, но въ силу соглашенія, состоявшагося между названными князьями, какъ онъ, такъ и Константинъ были устранены отъ кіевской митрополіи и сюда былъ вызванъ изъ Царяграда митрополитъ Ѳеодоръ. По смерти Ѳеодора (чрезъ 10 мѣсяцевъ по прибытіи) князь Ростиславъ задумалъ было «оправить Клима на митрополію», но изъ Константинополя явился неожиданно новый митрополитъ Іоаннъ, и Климентъ не вступалъ болѣе на митрополичью каѳедру. Время и мѣсто смерти Климента остаются неизвѣстными.

По словамъ лѣтописей митрополитъ Климентъ былъ «книжникъ и философъ, какого въ русской землѣ не бывало», а Никоновская лѣтопись прибавляетъ къ этому, что Климентъ «много писанія написавъ предаде». Дѣйствительно, какъ видно изъ его посланія Ѳомѣ, онъ много интересовался духовною литературою и самъ поддерживалъ оживленную переписку по вопросамъ экзегетическимъ и инымъ; къ перепискѣ этой были прикосновенны: пресвитеръ Ѳома, его учитель Григорій, князь Изяславъ, многіе послухи, князь, при которомъ состоялъ Ѳома (т. е. Ростиславъ?), и другія лица. До настоящаго времени отъ этой переписки сохранилось только: «Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ, истолкованное Аѳанасіемъ мнихомъ», дошедшее до насъ въ испорченномъ видѣ въ двухъ рукописяхъ XV—XVI в. (начало: «Почетъ писаніе твоея любве, яже аще и медлено бысть»). Въ первой (краткой) части этого посланія митрополитъ Климентъ оправдываетъ себя отъ упрековъ въ тщеславіи и славолюбіи, выразившихся въ исканіи власти и въ «философскихъ» толкованіяхъ, предложенныхъ имъ. Вторая часть, происхожденіе которой и отношеніе къ «посланію» возбуждаетъ много недоумѣній, состоитъ изъ толкованій разныхъ библейскихъ текстовъ и другихъ выраженій. Большая часть этихъ толкованій заимствована изъ сочиненій блаженнаго Ѳеодорита, изъ Шестоднева Іоанна экзарха и другихъ по-

добныхъ трудовъ; затѣмъ, извѣстно, что было посланіе митрополита Климента «отъ Омира, Аристотеля и Платона»: объ этомъ посланіи упоминаетъ самъ митрополитъ Климентъ (въ посланіи къ пресвитеру Ѳомѣ), но оно до насъ не сохранилось; посланіе это пресвитеръ смоленскій Ѳома считалъ адресованнымъ къ себѣ, но по словамъ Климента, въ дѣйствительности оно назначалось для князя (Ростислава?).—Нѣсколько отвѣтовъ («Клима») канонически-богослужебнаго содержанія находятся въ «Вопросахъ Кирика» («Русск. Ист. Библіотека», 1880, т. VI. стр. 29, 31, 32, 33 и друг.); редакція отвѣтовъ, впрочемъ, вѣроятно принадлежитъ не митрополиту Клименту, а Кирику. Кромѣ того Клименту приписывается неизданное «слово о любви», находящееся въ одной Воскресенской рукописи (приписывается митрополиту Клименту И. И. Срезневскимъ и архіепископомъ Филаретомъ). Но едва ли оно принадлежитъ митрополиту Клименту; въ этомъ поученіи о любви не содержится никакихъ указаній на автора; поученіе составлено изъ отрывковъ, заимствованныхъ изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго и другихъ. «Слово въ субботу сыропустную» (нач.: «Кто доволенъ изъглаголати силы»), составленное, вѣроятно, въ вѣкъ митрополита Климента, приписывается митрополиту Клименту архіепископомъ Филаретомъ. Въ содержаніи слова, однако, нѣтъ указаній, кто былъ его авторомъ.—Отличительная черта писаній митрополита Климента—это ихъ несамостоятельность. Не только во второй части своего посланія къ пресвитеру Ѳомѣ (вѣроятно интерполированной) онъ буквально пользуется, не цитируя ихъ, уже готовыми памятниками переводной славянской литературы, (толкованіями блаженнаго Ѳеодорита и т. п.) но и первая часть посланія вовсе не оригинальна.

«Полное собаніе русскихъ лѣтописей», Лѣтопись по Ипатскому списку 1871, стр. 241, 245, 268, 305, 332—334, 345, 357; «Русская Историческая библіотека», т. VI, Спб. 1880, стр. 2933 и друг.; Архіеп. Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы» изд. III, Спб. 1884, стр., 32—33; А. Зернинъ, «Нифонтъ, епископъ новгородскій» (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ», М. 1855, книги второй половина первая, отдѣлъ III, стр. 107—115); Митрополитъ Макарій, «Исторія русской церкви», т. III, изд. 2, Спб. 1868, стр. 9—19; Е. Е. Голубинскій, «Исторія русской церкви», т. I, первая половина тома, М. 1880, стр. 265—285; Хр. Лопаревъ, «Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ, неизданный памятникъ литературы XII вѣка» (Памятники древней письменности XC). Спб. 1892; Никольскій, Н. К., «О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII вѣка», Спб. 1892; Archiv für slavische Philologie, herausgegeben von U. Iagiz, XV Band, 4-es Heft. 1823, S. 607—609. Статья U. J.; П. Владиміровъ, «Критико-библіографическія замѣтки объ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ по русской словесности за 1892 годъ» (Кіевскія Универс. Извѣстія, за 1893 годъ).

Климентъ, новгородскій архіепископъ ум. 22 мая 1299 г. Въ 1283 г. архіепископъ Далматъ, по просьбѣ посадника и старѣйшихъ новгородскихъ мужей, указалъ какъ на преемника себѣ, духовника своего Климента, котораго народъ и избралъ, а умирающій архипастырь благословилъ своеручно. Вскорѣ новому владыкѣ пришлось выступить ходатаемъ предъ великимъ княземъ за свою паству. Въ 1280 г. великій князь Дмитрій Александровичъ построилъ въ Копорьѣ каменную крѣпость и хотѣлъ имѣть ее въ личномъ владѣніи, Новгородъ же никакъ не хотѣлъ допустить такого нарушенія своихъ правъ. Димитрій уѣхалъ во Владиміръ готовиться къ походу на Новгородъ. Новгородцы отправили къ нему владыку, но переговоры не имѣли успѣха. Когда великій князь стоялъ уже на Шелони, Климентъ успѣлъ упросить его заключить съ новгородцами миръ. Въ 1285 г. Климентъ принималъ и чествилъ въ Новгородѣ митрополита Максима. Во время своего епископства Климентъ не разъ усмирялъ враждовавшія въ Новгородѣ партіи. Въ концѣ своего архипастырскаго служенія онъ поставилъ двѣ церкви въ 1292 г.—Св. Николая на Липнѣ, на берегу Ильменя, а въ 1296 г.—церковь Воскресенія «на воротѣхъ».

«Пол. соб. рус. лѣтоп.», III, 63—67, 73, 129, 181, 120—223; IV, 43, 45; V, 199, 201, 203, 216; VII, 173—175, 182, 199, 139; X, 152, 158, 172; XVI, 55—56, 63, 317.

Климовскій, *Семенъ*, казакъ, по свидѣтельству Новикова написалъ въ 1724 г. стихами «О правѣ и великодушіи благодѣтелей»; рукопись хранилась въ Императорской библіотекѣ; до сихъ поръ она не издана и содержаніе ея въ точности неизвѣстно.

Ефремовъ, «Матеріалы для исторіи русской литературы».

Климентова (Клементьева), *Евдокія Ильинишна*, гофмейстерина, род. въ 1680 г., ум. въ 1755 г. Въ 1718 г. была мамкою при царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, затѣмъ при царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, затѣмъ была

гофмейстериною при Императрицѣ Екатеринѣ I, которая пожаловала ей титулъ баронессы.

«Энцикл. словарь», Края. VI, 727.

Климовъ, *Василій*, медальеръ см. Климентовъ.

Климченко, *Константинъ Михайловичъ*, скульпторъ, род. въ 1816 г., ум. въ Римѣ 10 сентября 1849 г. Будучи ученикомъ Академіи Художествъ онъ получилъ вторую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры—14 апрѣля 1834 г.; одобреніе за бюстъ Венеры—2 мая 1836 г.; за торсъ Бельведерскій—29 августа 1836 г. и за круглую голову съ натуры 1 мая 1837 г. и снова 2-ю серебряную медаль за лѣпленіе съ натуры (бюстъ М. Д. Кирѣева)—4 сентября 1837 г. Назначенный къ академику Гальбергу еще въ ноябрѣ 1836 и состоя вольноприходящимъ академистомъ 1 ст., онъ получилъ золотыя медали: 2-ю за барельефъ «Жертвоприношеніе Авраамово»—30 сентября 1838 г. и 1-ю за круглую статую «Парисъ съ яблокомъ»—19 сентября 1839 г., послѣднюю вмѣстѣ съ званіемъ художника 14 класса, послѣ чего вылѣпилъ въ 1840—1841 гг. барельефъ съ изображеніемъ исторіографа Карамзина, окруженнаго семействомъ для его памятника въ Симбирскѣ. Въ 1842 г. отправленъ пансіонеромъ заграницу; въ 1844 г. прислалъ въ Академію Художествъ рисунки предпринятыхъ имъ въ Римѣ работъ. Климченко обратилъ затѣмъ на себя вниманіе Императора Николая I при посѣщеніи Его Величествомъ его римской мастерской въ 1845 г. своею алебастровою статуею «Нарциссъ, смотрящійся въ источникъ» и своимъ эскизомъ изъ глины «Вакханки», почему, по отъѣздѣ изъ Рима Антона Иванова, ему порученъ былъ въ 1846 г. съ Высочайшаго разрѣшенія надзоръ за исполненіемъ изъ мрамора для Государя Императора статуи его уѣхавшаго сотоварища «Молодой человѣкъ убиваетъ змѣю». Въ томъ же году онъ исполнялъ рисунки для скульптурныхъ работъ на внѣшнюю сторону храма Христа Спасителя въ Москвѣ, удостоившіеся одобренія со стороны Академическаго совѣта; въ 1849 г. былъ вызываемъ въ Россію, вмѣстѣ съ прочими пенсіонерами, по случаю наступившихъ въ Европѣ смутныхъ обстоятельствъ, но умеръ еще не успѣвъ выѣхать изъ Рима.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», П. Н. Петрова, т. II и III, и «Указатель» къ нему А. Е. Юндолова; «Художественная Газета», 1836, 1-е прибавленіе, № 2; 1837, с. 294 (№ 64); 1840, № 5, с. 10 и 12; 1841, № 13, с. 16 и № 17, с. 2;—«Литературная Газета» 1842, № 50, с. 1016;—«Сынъ Отечества» 1847, кн. 10 с. 22. *Н. С.*

Клингенбергъ, *Карлъ Ѳедоровичъ*, генералъ отъ инфантеріи, род. въ 1772 г., ум. 19 ноября 1849 г. 12 октября 1788 окончилъ курсъ въ Шляхетскомъ сухопутномъ корпусѣ, произведенъ въ штыкъ-юнкеры и, несмотря на свои 16 лѣтъ, оставленъ при корпусѣ воспитателемъ; въ 1798 г. переведенъ помощникомъ гофмейстера въ Пажескій корпусъ, съ 1807 г. былъ тамъ же гофмейстеромъ; въ 1822 г., въ чинѣ полковника, назначенъ комендантомъ Нарвы, 11 февраля 1828 г., въ чинѣ генералъ-маіора, директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса; 1829 г. ему же подчиненъ Александровскій корпусъ; 20 апрѣля 1835 г. онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, съ управленіемъ спеціально Павловскимъ, и присутствующимъ въ совѣтѣ военноучебныхъ заведеній. На этомъ мѣстѣ онъ и оставался до смерти, прослуживъ, съ перерывомъ всего въ шесть лѣтъ, болѣе шестидесяти лѣтъ по вѣдомству военноучебныхъ заведеній; за это время подъ его начальствомъ прошли чуть не всѣ офицеры и генералы русской арміи. Клингенбергъ пользовался большею любовью своихъ воспитанниковъ, и 12 октября 1838 г., съ Высочайшаго соизволенія съ особою торжественностью и сердечностью былъ отпразднованъ его пятидесятилѣтній юбилей; въ день юбилея Клингенбергъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, драгоцѣнную табакерку отъ Императрицы Александры Ѳеодоровны и милостивое письмо отъ Великаго князя Михаила Павловича.

«Литературное прибавленіе къ Русскому Инвалиду», 1838; «Справ. энциклоп. словарь» Края.

Клингеръ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, (Friedrich Maximilian v. Klinger), генералъ-лейтенантъ, нѣмецкій писатель. Род. во Франкфуртѣ на Майнѣ 6 (17) февраля 1752 г., ум. въ Петербургѣ 13 февраля 1831 г. Происходилъ изъ недостаточнаго семейства, рано лишился отца и дѣтство провелъ въ крайней бѣдности; мать содержала семейство поденною работою, но дала сыну возможность поступить въ гимназію; въ 1774 г. онъ поступилъ въ Гиссенскій университетъ на юридическій факультетъ.

Еще во Франкфуртѣ познакомился онъ съ Гёте, затѣмъ въ Вецларѣ посѣщалъ его кружокъ. Въ 70-хъ годахъ Клингеръ задумывалъ поступить въ военную службу, въ одинъ изъ отрядовъ, которые Англія набирала въ Германіи для службы въ Сѣверной Америкѣ, но блестящій успѣхъ на сценѣ перваго же его произведенія заставилъ его отказаться отъ этой мысли; онъ остался въ Германіи и занялся литературою. Въ 1778 г. Клингеръ поступилъ въ военную службу, а въ 1780 г., по рекомендаціи брата цесаревны Маріи Ѳеодоровны, былъ принятъ на службу въ Россію. Прибывъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1780 г. Клингеръ былъ зачисленъ лейтенантомъ въ морской батальонъ и принятъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ къ своему двору; онъ исполнялъ, въ числѣ другихъ, должность чтеца, вскорѣ заслужилъ расположеніе великаго князя и его супруги и пользовался ихъ расположеніемъ до самой ихъ смерти. Съ сентября 1781 г. по ноябрь 1782 г. Клингеръ сопровождалъ великаго князя Павла Петровича съ супругою въ продолжительномъ путешествіи ихъ по Европѣ (подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ) и при этомъ имѣлъ случай возобновить нѣкоторыя свои литературныя связи и знакомства. Поступивъ на русскую службу въ надеждѣ отличиться на военномъ поприщѣ, Клингеръ при самомъ началѣ смутъ въ Крыму, окончившихся присоединеніемъ полуострова къ Россіи, явился съ письмомъ отъ цесаревича къ гр. П. А. Румянцеву и былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ первой линіи; но, какъ извѣстно, до вооруженнаго столкновенія дѣло не дошло и Клингеру не пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; съ нимъ въ это время случилось несчастіе: онъ былъ укушенъ бѣшеною собакой и хотя врачи спасли ему жизнь, но здоровье его навсегда пошатнулось отъ тѣхъ способовъ лѣченія, какіе были въ этомъ случаѣ примѣнены, согласно тогдашнему состоянію медицины; послѣ этого Клингеръ уже не могъ думать о спеціально военной карьерѣ. Въ 1785 г. онъ былъ назначенъ капитаномъ въ Сухопутный шляхетскій корпусъ; съ воцареніемъ Павла Петровича онъ быстро получалъ повышенія по службѣ: въ февралѣ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ декабрѣ того же года въ генералъ-майоры; въ то же время, вмѣстѣ съ назначеніемъ вел. кн. Константина Павловича директоромъ корпуса, Клингеръ былъ назначенъ ему помощникомъ, и фактически управлялъ корпусомъ вполнѣ самостоятельно; 10 февраля 1801 года былъ назначенъ прямо директоромъ; это мѣсто онъ сохранилъ до 1820 г.; по воспоминаніямъ тогдашнихъ кадетовъ онъ рисуется человѣкомъ суровымъ, холоднымъ, не внушавшимъ своимъ ученикамъ и воспитанникамъ къ себѣ любви; въ этомъ отношеніи сказалась, повидимому, та отчужденность отъ всего русскаго, которую всегда сохранялъ Клингеръ. Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта Смольнаго института и училища ордена св. Екатерины, съ порученіемъ ему въ непосредственное управленіе всей хозяйственной части этихъ учебныхъ заведеній. 8 сентября 1802 года назначенъ былъ членомъ въ только что учрежденную подъ предсѣдательствомъ графа П. В. Завадовскаго комиссію объ училищахъ и въ первомъ же ея засѣданіи, 13 сентября, ему поручено было сочинить проектъ объ устроеніи и распространеніи нижнихъ училищъ; въ засѣданіи 20 сентября того же года представленный имъ проектъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ комиссіей; затѣмъ онъ постоянно участвовалъ въ работахъ комиссіи по составленіямъ «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія», которыя и были утверждены императоромъ Александромъ 24 января 1804 г.; въ тотъ же день, при назначеніи попечителей учебныхъ округовъ, этими правилами установленныхъ, Клингеръ былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго университета и округа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ въ комиссію объ устройствѣ военныхъ учебныхъ заведеній, работавшую подъ предсѣдательствомъ вел. кн. Константина Павловича, членомъ отъ главнаго училищъ правленія, а затѣмъ, когда утвержденъ былъ выработанный этою комиссіею проектъ, по которому завѣдываніе военными учебными заведеніями поручено было комитету подъ наблюденіемъ особаго совѣта, Клингеръ былъ назначенъ членомъ этого комитета, вмѣстѣ съ генералами Сухтеленымъ и Аракчеевымъ и академикомъ Фуссомъ. Въ 1811 г. Клингеръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Назначеніе Клингера попечителемъ дерптскаго округа и университета объясняется представленіемъ объ этомъ тогдашняго рек-

тора дерптскаго университета, Паррота, который пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ императора Александра и на котораго Клингеръ произвелъ при одной случайной встрѣчѣ весьма благопріятное впечатлѣніе своею горячею преданностью императору. Но сношенія Клингера, какъ попечителя, и Паррота, какъ ректора, были не особенно дружественны. Дерптскій университетъ постоянно приходилъ въ столкновенія со своимъ попечителемъ, преимущественно по поводу избранія преподавателей и вслѣдствіе стремленій университета по возможности ослабить зависимость свою отъ попечителя и дѣйствовать вполнѣ самостоятельно; нѣмецкіе профессора находили, что въ Клингерѣ «нѣмецъ совершенно обрусѣлъ» и что «поэтъ въ немъ подавленъ администраторомъ». Но Клингеръ очень заботливо относился къ дѣйствительнымъ нуждамъ университета и неоднократно испрашивалъ очень большія по тому времени суммы на устройство въ немъ учебной части. Благодаря въ значительной степени ему въ 1803—1805 гг. построенъ при университетѣ анатомическій театръ, въ 1806 г. вновь отдѣлано помѣщеніе библіотеки, въ 1805—1807 гг. построены новыя клиники и къ 1809 г. отремонтировано и отчасти перестроено главное зданіе университета. Въ 1809 г. Клингеръ посѣтилъ университетъ и былъ торжественно въ немъ принятъ. Но вскорѣ разыгрался надѣлавшій въ свое время много шуму скандалъ:—обнаружилось, что въ университетѣ дипломы формально продавались за деньги. Послѣ длинныхъ разслѣдованій дѣло кончилось отставкою ректора и четырехъ профессоровъ; Клингеръ держался въ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно, но строго требовалъ обнаруженія и наказанія виновныхъ. Всѣ эти непріятности и смерть единственнаго сына, умершаго отъ ампутаціи обѣихъ ногъ вслѣдствіе раны, полученной подъ Бородинымъ, окончательно потрясли здоровье Клингера; съ возвращеніемъ императора Александра I изъ заграничнаго похода и съ возвышеніемъ кн. А. Н. Голицына, Клингеръ 3-го января 1817 г. оставилъ кураторство, а въ 1820 г. и директорство въ корпусѣ.

Главное значеніе Клингера—какъ дѣятеля нѣмецкой литературы «Sturm und Drang-Period'a».—Первая же драма его «Otto» имѣла большой успѣхъ; затѣмъ въ короткое время (1774—1776) были имъ написаны: «Das leidende Weib», «Pyrrhus», «Die neue Arria», «Die Zwillinge», «Sturm und Drang»; въ то же время онъ написалъ еще романы «Der neue Orpheus», «Prinz Seidenwurm», «Formoso»; въ 1781—1785 г., уже въ Россіи, имъ написаны были драмы: «Die falschen Spieler», «Schwur gegen Ehe», «Der Günstling», «Konradin», «Damokles», «Aristodemus» и др., романы «Der goldene Hahn», «Faust's Leben, Thaten und Höllenfart», «Faust der Morgenländer», «Geschichte eines Teutschen der neuesten Zeit», разсужденіе «Betrachtungen über gegenstände der Welt und Literatur», діалогъ «Der Weltmann und der Dichter» и др. Собраніе сочиненій Клингера вышло въ 12-ти томахъ въ Кенигсбергѣ, въ 1819—1820 гг. Клингеръ отнесся очень строго къ своимъ сочиненіямъ и напримѣръ изъ пятидесяти приблизительно своихъ драматическихъ произведеній включилъ въ это собраніе лишь десять. Клингеръ былъ вполнѣ представителемъ той эпохи, въ которую началась его литературная дѣятельность; онъ выводитъ въ своихъ драмахъ тѣ же типы—которые, напр. вывелъ Шиллеръ въ трагедіи «Коварство и любовь» — честныхъ нѣмцевъ, бюргеровъ и испорченныхъ князей и придворныхъ; во многихъ драмахъ Клингера ясны отзвуки «Гёца фонъ-Берлихингена», «Эмиліи Галотти», «Разбойниковъ». Убѣжденность и страстность въ выраженіи чувствъ доставили пьесамъ Клингера успѣхъ въ ту эпоху, когда нѣмецкая литература выходила на новую дорогу, освобождаясь отъ прежней условности и искусственности; но произведеніямъ Клингера не доставало истинныхъ поэтическихъ достоинствъ и они совершенно позабыты теперь; романы его и у современниковъ имѣли менѣе успѣха, чѣмъ его драмы. Впослѣдствіи и самъ Клингеръ отчасти перемѣнилъ свои литературные взгляды; въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій онъ говоритъ, что знакомство съ жизнью отвлекло его «отъ преувеличенныхъ изображеній» и научило его, что «простота литературнаго произведенія, искренность его и стройность суть волшебные жезлы, двигающіе сердцами человѣческими».

Rieger, M., «Fr. Max. v. Klinger, sein Leben u. Werke». Darmstadt, 1880—1896, III Bände; «Allgem. deutsche Biographie», XVI; «Сборникъ матер. для исторіи просвѣщ. Россіи въ XVIII и XIX вв.», т. I. Спб. 1896.

Клингштедтъ, *Тимофей*, (Timotheus Merzahn v. Klingstädt), дѣйствительный статскій совѣтникъ, вицепрезидентъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, род. въ Бартѣ въ Помераніи, въ 1710 г., ум. въ 1786 г. Сынъ бартскаго бургомистра. Былъ домашнимъ учителемъ въ Лифляндіи, въ 1740 г. прибылъ въ Петербургъ и вскорѣ получилъ мѣсто въ Архангельскѣ при воеводскомъ правленіи; затѣмъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а въ то время, когда русскія войска въ семилѣтнюю войну занимали Восточную Пруссію, онъ завѣдывалъ камеральными дѣлами въ Кенигсбергѣ; 8 декабря 1763 г. назначенъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Одаромъ, въ распоряженіе «комиссіи для учрежденія комерціи россійскаго государства» учрежденной подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Императрицы въ составѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н. И. Неплюева, гр. Миниха (сына) и кн. Я. Шаховскаго. Въ 1764 г. въ чинѣ статскаго совѣтника назначенъ вицепрезидентомъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ и финдляндскихъ дѣлъ; а 1767 г. былъ депутатомъ отъ юстицъ-коллегіи въ Большой Комиссіи и былъ членомъ частной комиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Въ 1771 г. оставилъ должность президента и принималъ участіе въ работахъ комиссіи о комерціи, Былъ одинъ изъ первыхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: статья «Russland» въ словарѣ Savary (Kopenhagen, 1765 г.) и «Mémoires sur les Samojèdes et les Lappons» (Königsberg, 1762 г.), выдержавшіе два нѣмецкія и два французскія изданія и рядъ статей въ изданіяхъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Recke u. Napiersky, «Allgem. Schriftsteller-u.—Gelehrten—Lexicon», II, 451—452, «Сбор. Импер. Рус. Ист. Общ.». т. XXXII. 332.

Клиндеръ, *Александръ Ивановичъ*, академикъ живописецъ. Будучи студентомъ Дерптскаго университета, онъ представилъ въ 1834 г. въ Академію Художествъ два портрета своей работы: одинъ—акварельный съ натуры и другой—скопированный съ чужаго оригинала, для полученія званія свободнаго художника; Академія произвела ему своего рода экзаменъ, назначивъ нарисовать съ натурщика подъ наблюденіемъ дежурнаго профессора; призванный по своимъ работамъ (шесть портретовъ офицеровъ л.-гв. Гусарскаго полка) «назначеннымъ», онъ получилъ программу на званіе академика акварельной живописи: въ 1839 — портретъ профессора Брюлова въ ростъ и въ 1840—изображеніе натурщика при какомъ либо занятіи, подъ наблюденіемъ профессора Варнека, возведенъ же былъ въ это званіе въ 1841 г. закартинку «Крестьянинъ, играющій на балалайкѣ». Занявшись потомъ рисунками для «Историческаго описанія одеждъ и вооруженій русскихъ воиновъ», онъ написалъ еще въ миніатюрѣ портреты: въ 1842 г. — Императора Николая I и Императрицы Александры Ѳеодоровны—для Кабинета Его Императорскаго Величества, кн. Меншикова и Гагарина, полковника Пашкова; въ 1844—1845 гг.—кн. Абамелика, барона и баронессы Штиглицъ, купца Меца; въ 1845—1847 гг.—гр. Мусина-Пушкина, гг. Гецермана, Грота, г-жи Прокоповичъ-Антонской, кн. Вяземскаго; въ 1847—1848 гг.—кн. Лобанова-Ростовскаго и Щербатова, гр. Алопеуса, барона Фитингофа, полковниковъ Шевича и Герздорфа; въ 1848—1850 гг.—всѣхъ офицеровъ Кавалергардскаго Его Императорскаго Величества, л.-гв. Гусарскаго и Кирасирскаго полковъ, въ 1850—1851 гг. Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочествъ для Кабинета; въ 1853—1854 гг.—свѣтл. кн. Д. П. Волконскаго и др. Кромѣ того занимался преподаваніемъ уроковъ рисованія.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», П. Н. Петрова, т. II, 392, 410, 416; III, 318; — «Указатель выставки въ Императорской Академіи Художествъ»: 1839, с. 7 и 1842, с. 19;—«Отчеты Императорской Академіи Художествъ», за 1844—1854 гг.

Н. С.

Клинъ, *Эрнестъ Ѳедоровичъ*, (Ernst Klien), преподаватель Московскаго университета, род. въ 1795 г. въ м. Барутѣ, въ Верхней Лузаціи, ум. въ Москвѣ въ 1866 г. Отецъ его былъ пасторомъ; Э. Клинъ учился въ будишинской гимназіи и въ Лейпцигскомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ. По окончаніи курса былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ школахъ Лейпцига и Дрездена. Необходимость добывать средства для поддержанія довольно многочисленной семьи, со смертью отца оставшейся въ бѣдственномъ положеніи, побудила Клина отправиться въ Россію, въ надеждѣ устроиться тамъ получше. Въ Москвѣ приняли въ немъ участіе

профессора Лодеръ и Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ. Клинъ получилъ мѣсто домашняго наставника въ домѣ кн. П. П. Гагарина; по просьбѣ Лодера онъ написалъ латинскіе стихи для привѣтствованія А. Гумбольдта во время проѣзда его черезъ Москву на Уралъ; затѣмъ онъ же написалъ стихи въ честь Гёте, въ 1828 г., при празднованіи дня его рожденія; стихи эти оказались очень удачными, обратили вниманіе на молодаго учителя и въ 1837 г. графъ С. Г. Строгановъ доставилъ ему мѣсто преподавателя латинскаго языка въ университетѣ. Мѣсто это Клинъ и занималъ почти до самой смерти; въ послѣдніе годы жизни онъ былъ уже однимъ изъ старѣйшихъ преподавателей университета и по годамъ и по лѣтамъ службы въ университетѣ. Онъ преподавалъ сначала студентамъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ, а потомъ читалъ латинскую стилистику студентамъ историко-филологическаго факультета.

«Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета», I.

Кличка, *Францъ Николаевичъ*, генералъ-поручикъ, ум. 28 октября 1786 г. Воспитывался въ артиллерійскомъ корпусѣ; въ службу вступилъ въ 1750 г.; въ Семилѣтнюю войну былъ адъютантомъ при генералѣ Вильбоа; былъ взятъ пруссаками въ плѣнъ, но въ скоромъ времени ему удалось освободиться изъ плѣна. По окончаніи войны былъ произведенъ въ секундъ-маіоры; въ 1769 г., состоя подполковникомъ въ Ярославскомъ полку, принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ, отличился подъ Хотиномъ, при Ларгѣ и подъ Килiею; получилъ въ награду орденъ св. Георгія 4-й ст. и чинъ полковника; въ 1771—1773 гг. состоялъ въ отрядѣ генерала Вейсмана и отличился въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ набѣгахъ, которые совершалъ Вейсманъ на правый берегъ Дуная. 30 іюня 1773 г. онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и въ томъ же году чинъ бригадира. 2 іюня 1775 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1777 г. при открытіи по новому «учрежденію о губерніяхъ» новгородской губерніи былъ назначенъ правителемъ новгородской губерніи; такъ какъ генералъ-губернаторъ Сиверсъ принималъ живое участіе въ обсужденіи общаго плана областной реформы и часто на продолжительное время уѣзжалъ ко Двору, то на Кличкѣ лежало фактически управленіе вновь устроенною губерніей. 24 сентября 1778 г. онъ былъ назначенъ въ иркутскую губернію губернаторомъ; иркутскій губернаторъ пользовался нѣсколько болѣе широкими правами, чѣмъ прочіе губернаторы, въ виду отдаленности губерніи отъ центральныхъ учрежденій и чрезвычайной ея обширности: въ составъ губерніи входило все пространство восточной Сибири до Охотскаго моря. Это мѣсто Кличка занималъ до 1784 г. и получилъ на немъ чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Анны I ст. Кличка дѣлалъ все возможное, чтобы поднять сколько нибудь хлѣбопашество въ обширномъ краѣ, порученномъ его управленію; въ 1780 г. онъ успѣлъ возстановить торговыя сношенія съ Китаемъ, на много лѣтъ предъ тѣмъ прерванныя вслѣдствіе разныхъ пограничныхъ столкновеній; устроилъ до извѣстной степени цѣлебные источники Баргузинскіе. Съ 1784 г. по кончину былъ генералъ-губернаторомъ калужскимъ и орловскимъ; при немъ учреждена была въ Курскѣ существующая и до сихъ поръ ярмарка.

Рукописныя замѣтки сенатора А. В. Ховодаева; «Рус. Стар.», 1876, т. XV, 767—768. Кн. Туркестановъ, «Губернскій Служебникъ», «Списки военнаго департамента»; «Полное Собраніе Законовъ», №№ 14,803, 16,162.

Кліентовъ, *Григорій Степановичъ*, священникъ, род. въ 1795 г., ум. 5 октября 1871 г.; воспитывался въ Троицко-Сергіевской лаврской академіи. Въ 1819 г. іюля 20 посвященъ въ діаконы къ Алексѣевскому дѣвичьему монастырю, гдѣ велъ въ храмѣ христіанскія бесѣды съ прихожанами, съ одобренія митрополита Филарета съ 1823 г. по 1827 г., а въ 1830 г. посвященъ въ священники къ церкви Воскресенія, что въ Малой Бронной; 29 лѣтъ былъ увѣщателемъ при Арбатской части. Въ продолженіе своего многолѣтняго служенія успѣлъ обратить и присоединить къ православію многихъ иновѣрцевъ.

«Всеобщая газета», 1869 г. № 13; «Моск. епар. вѣдом.», 1871 г. № 42.

Клобуковъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, «государевъ дьякъ», ум. 5 іюня 1593 г. Въ 1561 г. былъ отправленъ гонцомъ въ Польшу; въ 1566 г. засѣдалъ на земскомъ соборѣ въ качествѣ дворянина второй статьи. Затѣмъ неоднократно упоминается какъ дьякъ, въ посольскихъ сношеніяхъ.

Въ 1571—1572 гг. управлялъ Разрядомъ. Въ 1577 г. участвовалъ въ ливонскомъ походѣ, состоя у наряда. Въ 1578 г. въ битвѣ подъ Кесью остался при войскѣ послѣ бѣгства главныхъ воеводъ и былъ взятъ въ плѣнъ поляками.

Карамзинъ, т. IX прим. 460 и 509; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. II, стр. 263 (изданіе Тов. Общественной пользы); Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.».

Клобуковъ, *Григорій (Злоба) Ивановичъ*, дьякъ. Въ 1595 г. участвовалъ въ переговорахъ и въ заключеніи мира со шведами въ Тявзинѣ; въ 1598 г. участвовалъ въ соборѣ, избравшемъ на царство Бориса Годунова. Въ 1597 г. верстался помѣстьями новиковъ въ Каширѣ; въ 1600 г. составлялъ десятню по г. Луху. Въ томъ же году мѣстничался съ дьякомъ Иваномъ Неѣловымъ. Въ 1601 г. посланъ въ Царевъ-Борисовъ для переговоровъ съ крымскими послами. Въ томъ же году былъ съ царскими воеводами въ Ливнахъ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ участіе въ походѣ, состоя при нарядѣ. Въ 1603—1604 гг. былъ дьякомъ Новгородскаго разряда.

Карамзинъ, т. X, прим. 290; т. XI. прим. 36; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI вѣка».

Клобуковъ, *Иванъ Тимоѳеевичъ*, «дьякъ государевъ» (отецъ предъидущаго), ум. въ монашествѣ съ именемъ Иннокентія, 2-го января 1573 г. Въ 1551 г. вмѣстѣ съ кн. Димитріемъ Палецкимъ былъ отправленъ посломъ въ Казань. Въ 1561 г. сидѣлъ въ приказѣ Казанскаго Дворца. Въ 1562 г. писалъ поручную запись бояръ, поручившихся за кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго. Въ 1563 г. былъ посланъ гонцемъ къ королю польскому. Въ 1566 г. былъ дьякомъ въ Разрядѣ и засѣдалъ на земскомъ соборѣ, а также участвовалъ въ пріемѣ польскихъ пословъ. Происходилъ изъ рода Топорковыхъ.

Карамзинъ, т. VIII, прим. 240; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. II, стр. 67, 193 (Изданіе Тов. Общественной Пользы); Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI вѣка».

Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ *Карлъ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ, род. 25 іюля 1765 г. въ помѣстьи своего отца близъ Ревеля, ум. 22 іюля 1822 г. Учился въ ревельской Dohm-Schule, затѣмъ окончилъ образованіе дома, подъ руководствомъ отличныхъ учителей, въ числѣ которыхъ былъ Шубертъ, впослѣдствіи извѣстный астрономъ, членъ Петербургской Академіи Наукъ. На шестнадцатомъ году отъ рожденія К. Ѳ. Клодтъ началъ дѣйствительную службу сержантомъ Бомбардирскаго полка; во вторую турецкую войну принималъ участіе въ дѣйствіяхъ кубанскаго корпуса. Въ 1797 г., въ чинѣ капитана, назначенъ въ свиту Его Величества. Въ 1806—1818 гг. онъ состоялъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, участвовалъ во множествѣ сраженій, между прочимъ въ знаменитомъ штурмѣ Рущука, предпринятомъ графомъ Н. М. Каменскимъ 22 іюля 1810 г., окончившемся неудачно, несмотря на отчаянную храбрость русскихъ войскъ. Въ 1812 г. баронъ К. Ѳ. Клодтъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусъ ген. Раевскаго; въ составѣ этого же корпуса онъ находился и на полѣ сраженія подъ Бородинымъ. Затѣмъ онъ принималъ участіе почти во всѣхъ значительныхъ битвахъ, начиная съ битвы при Тарутинѣ и кончая битвою при Лейпцигѣ. Вскорѣ послѣ нея онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Бременъ. 16 марта 1817 г. Клодтъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса; на этомъ мѣстѣ онъ и умеръ. Помимо боевой дѣятельности К. Ѳ. Клодта замѣчательны его геодезическія работы; въ 1802 г. онъ произвелъ съемку петербургской губерніи, въ 1805—1811 составилъ обстоятельную карту Молдавіи, Валахіи, частію Сибири и Бессарабіи; съ 1817 г., онъ управлялъ съемкою юговосточной части Сибири.

«Военная Галлерея Зимняго Дворца», I.

Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ *Константинъ Карловичъ*, генералъ-маіоръ, граверъ на деревѣ, род. въ 1807 г., ум. 3 ноября 1879 г. Младшій братъ извѣстнаго литейщика, профессора скульптуры, онъ получилъ образованіе въ артилерійскомъ училищѣ и вышелъ изъ офицерскихъ классовъ въ 1828 г.; затѣмъ въ 30-хъ годахъ сталъ посѣщать рисовальные классы Академіи Художествъ и обратилъ на себя вниманіе, какъ хорошій рисовальщикъ перомъ подъ гравюру; труды его были представлены Государю и удостоились Монаршаго поощренія. Въ то время вниманіе художественнаго міра было занято идеею возрожденія забытой отрасли искусства — ксилографіи; баронъ Клодтъ, совмѣстно съ бар. Неттельгорстомъ, посвятилъ себя спеціально этому дѣлу и, можно сказать, былъ первымъ русскимъ граверомъ на деревѣ въ XIX вѣкѣ. Въ 1835 г. онъ вышелъ въ отставку и, занимаясь съ успѣхомъ,

какъ любитель, художествами, особенно рисованіемъ, рѣшился исключительно посвятить себя именно искусству гравированія на деревѣ; по предложенію Общества поощренія художниковъ онъ выгравировалъ на деревѣ, для опыта, небольшой пейзажъ, нарисованный съ натуры въ Москвѣ Резановымъ. Опытъ этотъ убѣдилъ Общество, что есть всѣ основанія ожидать отъ него блистательныхъ успѣховъ. Академія Художествъ, признавшая тоже пользу и необходимость усовершенствованія этого таланта за границею, послала его, совмѣстно съ Обществомъ поощренія художниковъ, въ Германію, Францію и Англію для посѣщенія мастерскихъ важнѣйшихъ граверовъ на деревѣ (1838—1839 г.). По возвращеніи изъ-за границы, бар. Клодтъ, пользуясь ежегодною субсидіей отъ Общества поощренія художествъ, устроилъ при Академіи особый классъ для обучающихся ксилографіи и, благодаря этому, стали удешевляться и роспространяться у насъ гравированныя изображенія. Имъ самимъ исполнены были гравюры для разныхъ изданій, напр.: «Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой данъ летранже» (1841 г.), «Наши» и, особенно, «Иллюстрація» (1845—1848 гг.). Изъ учениковъ его Бернардскій и Тиммъ стали извѣстны прежде другихъ. Кромѣ названныхъ выше у него обучались также гравированію на деревѣ: Лаврентій Сѣряковъ, Наполеонъ Кюи, Фридрихъ Фрейндъ, Францъ Гернеръ и др.; помимо исполненія гравировальныхъ работъ, онъ завелъ еще фотографію, пользовавшуюся большою извѣстностью въ Петербургѣ, и въ то же время состоялъ преподавателемъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

«Всем. Иллюстр.», 1879, II, 474 и 480; «Голосъ» 1879, № 305, «Справ. энциклопед. слов.» Края, VI, 731; «Иллюстр.» 1848, № 14, стр. 220—221, и № 15, стр. 237; «Отчеты Общ. пообщр. худож.» за 1838—1841 гг.; дѣло въ архивѣ Акад. Худ. 1850 г., № 114 (по старой нумер.). *М. Ф.*

Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, баронъ *Петръ Карловичъ*, профессоръ скульптуры. Род. 24 мая 1805 г., ум. 8 ноября 1867 г. въ С.-Петербургѣ. Принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Эстляндіи; родъ Клодтовъ происходитъ изъ Италіи, въ Лифляндіи онъ явился еще во время владычества тамъ нѣмецкаго ордена. Въ 1543 г. одинъ изъ Клодтовъ, называемый въ нѣкоторыхъ актахъ Iustus Claudius, владѣя обширными помѣстьями въ Лифляндіи, присоединилъ къ своей фамиліи, по названію одного изъ нихъ, прозвище фонъ-Юргенсбургъ. Потомки его владѣли долгое время богатыми имѣніями въ Лифляндіи и Эстляндіи и занимали разныя государственныя должности какъ тамъ, такъ и въ Швеціи. Въ 1714 г. одинъ изъ Клодтовъ, генералъ-лейтенантъ шведской службы, бывшій посланникомъ при Россійскомъ дворѣ, возведенъ въ баронское достоинство. Одна изъ вѣтвей этой фамиліи и переселилась въ Россію; къ ней-то и принадлежитъ знаменитый ваятель.

Петръ Карловичъ Клодтъ былъ вторымъ сыномъ генералъ-маіора барона Карла Ѳедоровича Клодта. Петръ Клодтъ еще въ дѣтствѣ проявлялъ особенную склонность къ рисованію; особенно любилъ онъ рисовать и вырѣзывать ножичкомъ изъ дерева изображенія лошадей. Изъ Сибири, гдѣ служилъ его отецъ, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ и въ 1822 г. опредѣленъ въ только что учрежденное тогда Артиллерійское училище. Лишь только выдавалась свободная минута, онъ тотчасъ же принимался за свои художественныя занятія; онъ наблюдалъ лошадей вездѣ,—въ манежѣ, на улицѣ, въ каретной упряжи; руководительницей его во всемъ этомъ была натура и, слѣдуя ей безпрекословно, онъ старался передавать все безукоризненно точно, до послѣдней жилки.—Въ 1826 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры, въ 1827 г. вышелъ въ отставку поручикомъ и посвятилъ всѣ свои силы любимому дѣлу, посѣщая классы Академіи Художествъ. Различные портреты лошадей, вырѣзанные изъ дерева съ изумительнымъ совершенствомъ, вскорѣ обратили на него вниманіе Императора Николая I, который и далъ молодому художнику заказъ—вырѣзать: гусара и коннаго артиллериста. Исполненіемъ заказа Государь остался очень доволенъ и съ тѣхъ поръ милость Государя и заказы художнику не прекращались до самой кончины Императора.

Въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, были препровождены въ Академію Художествъ исполненные барономъ Клодтомъ съ эстамповъ 3 рисунка, въ томъ числѣ изображеніе «Божіей Матери»,—съ приказаніемъ оставить послѣднее въ академическихъ коллекціяхъ, а другіе два

вернуть; въ 1833 г., послѣ пожалованія Государемъ Академіи гипсовыхъ лошадей двухъ конныхъ группъ его работы, предназначенныхъ къ постановкѣ въ двухъ экземплярахъ на пристаняхъ у Невы передъ входами въ малыя (боковыя) аллеи Адмиралтейскаго бульвара, баронъ Клодтъ былъ принятъ въ «назначенные». Первымъ его большимъ трудомъ были вылѣпленные имъ изъ глины, по порученію Государя, въ 1832 г. шесть колоссальныхъ коней къ торжественной колесницѣ на тріумфальныя ворота у Нарвскаго тракта и исполненныя изъ выбивной мѣди художникомъ Пратомъ, подъ присмотромъ директора петербургскихъ казенныхъ литейныхъ заводовъ г. Кларка.

Въ 1835 г. бар. Клодтъ былъ избранъ членомъ Берлинской Академіи Художествъ, а въ 1838—академикомъ Петербургской Академіи (19 марта) и, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ профессоромъ 2 ст., на мѣсто умершаго Орловскаго (26 апрѣля). Въ этомъ году бар. Клодтомъ была вылѣплена первая группа для Аничкова моста—«коня съ вожатымъ» и при ея отливкѣ внезапно умеръ академикъ Екимовъ, мастеръ литейнаго дѣла; другихъ свѣдующихъ въ этомъ искусствѣ лицъ не было въ то время, и бар. Клодтъ просилъ дозволенія продолжать ему самому начатое дѣло; предложеніе это было принято и бар. Клодтъ скоро прославился на этомъ новомъ для него поприщѣ; соединеніе скульптора и литейщика въ одномъ лицѣ явленіе очень рѣдкое.

Принявъ въ свое завѣдываніе литейную мастерскую, бар. Клодтъ преобразовалъ ее по своему плану, выстроилъ двѣ громадныя новыя печи, въ которыхъ могло топиться до 600 пуд. металла, и, сверхъ того, отвелъ въ томъ же самомъ зданіи особенную литейную—для статуй и барельефовъ небольшаго размѣра. Одновременно съ этимъ бар. Клодтъ сдѣлалъ модель артиллерійскаго орудія, запряженнаго 6-ю лошадьми и отлилъ препарированную проф. Буяльскимъ для Академіи Художествъ анатомію.

Въ 1839 г. первая группа Аничкова моста была отлита и красовалась уже на мѣстѣ, а въ 1840 г. изготовлена была и вторая. Въ то же время бар. Клодтомъ были отлиты бюсты: статсъ-секретаря Кикина—для А. П. Брюллова; ректора Мартоса, работы Гальберга, — для Академіи Художествъ, и президента Академіи А. Н. Оленина; во всѣхъ случаяхъ — безъ чеканки, съ травленіемъ только кислотою; затѣмъ памятники: Пономареву (1838—1839), извѣстному генералу Бистрому, съ огромнымъ львомъ (1839—1840), и Имп. Петру I, въ Кронштадтѣ, работы французскаго художника Жака (1840—1841), а впослѣдствіи — Барклаю-де-Толли, въ Дерптѣ. Въ 1841 г. имъ были отлиты, по заказу Государя, еще по экземпляру конныхъ статуй Аничкова моста—для короля прусскаго, за что, кромѣ избранія почетнымъ членомъ Берлинской Академіи Художествъ, онъ награжденъ былъ орденомъ Краснаго орла 3 ст. и пожалованъ золотою табакеркою, осыпанною бриліантами и наполненною двумя тысячами червонцевъ.

Между тѣмъ, производство литейнаго дѣла все расширялось; вскорѣ частные кабинеты и художественныя мастерскія наполнились слѣпками съ маленькихъ моделей барона Клодта, которыя до того высоко цѣнились, что, по мнѣнію извѣстнаго французскаго художника Гораса Вернета, посѣтившаго Петербургъ, ученики и наставники не могли уже съ тѣхъ поръ жаловаться на недостатокъ образцовыхъ оригиналовъ. Въ теченіе 1841—1842 гг. бар. Клодтомъ были отлиты фигуры для памятниковъ: пейзажиста С. Ѳ. Щедрина въ Сорренто — работы Ставассера, по проэкту проф. Гальберга; исторіографа Карамзина въ Симбирскъ, тоже по проекту Гальберга,—поэта Державина, по проэкту Гальберга, Климченко и Рамазанова, въ Казань (1844); а тѣмъ временемъ шла подготовка третьей группы коня съ водничимъ на Аничковъ мостъ. Наконецъ, въ 1844 г. была окончена четвертая группа, доставившая художнику еще въ 1843 орденъ св. Анны 3 ст.; двѣ изъ прежнихъ были подарены въ 1845 г. Государемъ королю Неаполитанскому, пожаловавшему за это художнику орденъ св. Фердинанда 3 ст., а потому взамѣнъ ихъ, повелѣно было исполнить изъ бронзы двѣ новыхъ группы. Въ 1845—1846 гг. бар. Клодтомъ былъ вылѣпленъ изъ глины и затѣмъ отлитъ изъ бронзы барельефъ «св. Георгій на конѣ», для Георгіевской залы Кремлевскаго Дворца въ Москвѣ, куда онъ и ѣздилъ ставить его; въ 1846 г., одновременно съ работою двухъ новыхъ группъ лошадей для Аничкова моста, имъ были

отлиты изъ бронзы два барельефа для сѣверныхъ дверей Исаакіевскаго собора: «Положеніе во гробъ Христа Спасителя» и «Несеніе креста на Голгофу», а въ 1848 г. выполнены: барельефъ изъ глины «Христосъ во славѣ»—для помѣщенія надъ царскими вратами, отлитый впослѣдствіи изъ серебра; 8 стоящихъ ангеловъ вокругъ купола и два барельефа по бокамъ южныхъ дверей: «Избіеніе младенцевъ» и «Ангелъ возвѣщаетъ пастухамъ о рожденіи Спасителя», раб. Логановскаго,—оконченныя къ 1858 г. работы эти доставили художнику орденъ св. Владиміра 3 ст. и золотую медаль на Андреевской лентѣ. Въ томъ же 1847 году бар. Клодтомъ вылѣпленъ былъ изъ глины огромный барельефъ, длиною въ 24 сажени, изображающій различныя стадіи въ развитіи служенія лошади человѣку,—для фриза надъ новымъ зданіемъ манежа и службъ Мраморнаго Дворца, и выполненъ бюстъ изъ бронзы в. к. Михаила Павловича, съ оригинала Витали, въ количествѣ 23 экземпляровъ.

Принимая участіе въ 1848 г. въ конкурсѣ на памятникъ Крылову, бар. Клодтъ былъ избранъ исполнителемъ и утвержденъ волею Императора въ этомъ званіи. Лѣпя всегда и все съ натуры, онъ и тутъ доставалъ къ себѣ въ мастерскую дикихъ звѣрей и лѣпилъ свои барельефы съ нихъ; самый памятникъ былъ оконченъ лишь въ 1855 г. и доставилъ художнику орденъ св. Анны 2 ст.

Возведенный 30 сентября 1848 г. въ званіе профессора 1 ст., бар. Клодтъ участвовалъ, вмѣстѣ съ академикомъ Токаревымъ, въ постановкѣ памятника бывшему войсковому атаману Войска Донскаго, гр. Платову въ Новочеркасскѣ (1849); дѣлалъ двѣ новыя группы Аничкова моста, (за которыя получилъ въ 1850 г. орденъ св. Владиміра 4 ст.) и избранъ былъ въ члены Римскою Академіей Художествъ св. Луки (1852).

Въ 1851—1854 имъ изваянъ былъ и отлитъ изъ бронзы для Кіева памятникъ св. Равноапостольному князю Владиміру, проектированный проф. Демутъ-Малиновскимъ, за что онъ награжденъ былъ перстнемъ съ вензелемъ Императора (1853); затѣмъ исполнялъ памятникъ Императрицы Екатеринѣ II, съ модели Гальберга, для колонистовъ саратовской губерніи (1851), и модель большаго орла—для сапернаго лагеря въ Петербургѣ (1852). Сдѣланный послѣ того главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ начертательныхъ искусствъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (1855), бар. Клодтъ выполнялъ еще украшенія для носовыхъ частей корветовъ (съ 1855) и лѣпилъ конную статую Императора Николая I, для его памятника въ Петербургѣ (1856), оконченнаго въ 1859 г. и доставившаго художнику чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; дѣлалъ проекты скульптурныхъ работъ для храма Спасителя въ Москвѣ (съ 1858) и бюстъ ген.-ад. Ростовцева (1860). Въ 1858 (окт. 24) онъ возведенъ былъ въ званіе заслуженнаго профессора Академіи; въ 1859 г. сдѣланъ членомъ-корреспондентомъ французской Академіи Художествъ, а въ 1867 г. получилъ прусскій орденъ «pour le merite».

Рукописныя біограф. замѣтки его сына, жанриста М. П. Клодта;—«Семейный кругъ» 1859 г., №№ 10 и 11, стр. 164—170 и 177—185 (ст. В. Толбина); «Русск. Худож. Листокъ»; 1853, № 19; «Сѣв. Пчела» 1844, № 249, ст. 995—996; «Голосъ» 1867, № 320 (въ фельетонѣ); «Иллюстрир. Газ.» 1867, II, 335; «Сборникъ матер. для исторіи Имп. Акад. Худож.», П. Н. Петрова, т. II—III, и «Указат.» къ нему, А. Е Юндолова.—«Отчеты Имп. Акад Худож.» за 1857—1864 гг.

М. Федорова.

Клоковъ, *Валеріанъ Емельяновичъ,* дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ втораго департамента министерства государственныхъ имуществъ, род. въ 1796 г. въ саратовской губерніи, ум. 17 іюля 1843 г. въ Петербургѣ. Происходилъ изъ купеческаго званія; послѣ первоначальнаго обученія на родинѣ поступилъ въ Педагогическій институтъ. По окончаніи курса въ 1816 г. избранъ преподавателемъ правовѣдѣнія и науки государственнаго хозяйства въ Горный институтъ; въ скоромъ времени занялъ мѣсто ученаго секретаря въ канцеляріи министра финансовъ, не оставляя педагогической дѣятельности; неоднократно исполнялъ въ институтѣ обязанности инспектора института и участвовалъ въ комитетахъ, занимавшихся вопросами объ лучшей организаціи учебнаго дѣла. Въ 1826 г., при введеніи въ петербургской губерніи опытнаго управленія государственными крестьянами, Клокову поручено было завѣдываніе дѣлами этого учрежденія; вмѣстѣ съ этимъ онъ оставилъ преподаваніе въ институтѣ и въ томъ же 1826 г. назначенъ во вновь учрежденное второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества и

принялъ дѣятельное участіе въ составленіи Свода Законовъ, пользуясь особеннымъ довѣріемъ гр. Сперанскаго. Въ 1836 г. Клоковъ былъ приглашенъ во вновь открытое пятое отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, которому было поставлено цѣлью полное преобразованіе управленія государственными имуществами; въ теченіе двухъ лѣтъ участвовалъ онъ ближайшимъ образомъ въ трудахъ гр. П. Д. Киселева и въ 1838 г., съ учрежденіемъ Министерства государственныхъ имуществъ, получилъ управленіе вторымъ департаментомъ его; однимъ изъ главныхъ дѣлъ этого департамента было устройство казенныхъ имѣній и казенныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ; люстрація ихъ и совершалась подъ непосредственнымъ руководствомъ Клокова; въ 1831 г. онъ произвелъ обстоятельную ревизію мѣстныхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ второму департаменту.

«Жур. Мин. гос. имущ.», 1843, № 5, 15—98.

Клокоцкій, *Адамъ Казиміровичъ*, докторъ богословія епископъ сыдиненскій суфраганъ брестскій виленской епархіи, род. въ 1734 г., ум. 18 апрѣля 1822 г. Происходилъ изъ дворянъ, учился въ іезуитской школѣ въ Слуцкѣ, въ 1748 г. поступилъ въ орденъ іезуитовъ въ Вильнѣ и продолжалъ образованіе въ Виленской академіи, гдѣ изучалъ философскія и богословскія науки и право; съ 1754 г. былъ учителемъ риторики и философіи въ іезуитской школѣ и проповѣдникомъ; въ 1769 г. получилъ степень доктора богословія и назначенъ секретаремъ академіи, затѣмъ былъ супріоромъ іезуитской миссіи въ Волковыскахъ до закрытія ордена іезуитовъ. По закрытіи ордена съ 1774 г. былъ настоятелемъ разныхъ приходовъ. Въ 1798 г. посвященъ въ епископа сыдиненскаго и назначенъ суфраганомъ брестскимъ и эту должность исполнялъ до 1820 г. Основалъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій въ Высоколитовскѣ.

«Dzieje Dobrocz.» 1823, II p., 204.

Клонгевичъ, *Андрей Венедиктъ*, профессоръ, род. въ 1765 г., ум. 27 декабря 1841 г. По окончаніи ученія въ главной литовской школѣ по моральному отдѣленію, онъ занялъ въ 1789 г. мѣсто учителя уѣзднаго училища въ м. Крожахъ; послѣ передачи училища въ завѣдываніе ордена кармелитовъ, поступилъ въ 1797 г. въ Виленскій университетъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ слушалъ лекціи на физическомъ и моральномъ отдѣленіяхъ его; по окончаніи курса въ университетѣ служилъ въ Виленской католической консисторіи; 24 марта 1808 г. избранъ въ духовники, а 10 іюля 1810 г. въ регенсы главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ; два года фактически управлялъ семинаріей, съ 1812 до 1816 г. номинально считался регенсомъ; 27 апрѣля 1815 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора Виленскаго университета по догматическому богословію и церковной исторіи и возведенъ въ званіе доктора богословія (27 мая 1815 г.), оставшись членомъ совѣта главной семинаріи; профессоромъ онъ оставался до 1828 г.; въ качествѣ профессора Клонгевичъ имѣлъ сильное вліяніе на Іосифа Сѣмашко и сотрудниковъ его по возсоединенію уніатовъ; въ духовномъ вѣдомствѣ онъ носилъ санъ сначала каменецъ-подольскаго каѳедральнаго каноника, а потомъ (съ 1819 г.) виленскаго; 23 апрѣля 1828 г. ему поручено управленіе виленскою католическою епархіею съ званіемъ суффрагана-епископа; въ 1839 г. назначенъ епархіальнымъ виленскимъ епископомъ.

Жуковичъ, «О профессорахъ богословскаго факультета Виленскаго университета въ настоящемъ столѣтіи»,—«Христ. Чтеніе», 1888 г.; Symon, «De catholica facultete theologica in universitate litterarum olim Vilnensi» (въ приложеніи къ «Academia Caesarea Romano - Catholica Ecclesiastica Petropolitana anno academico 1888—1889).

Клопманъ, *Фридрихъ Сигизмундъ*, род. 25 апрѣля 1787 г. въ м. Суссей въ Курляндіи, ум. 8 января 1856 г. въ Митавѣ. Образованіе получилъ въ митавской гимназіи и въ Геттингенскомъ университетѣ; съ 1810 г. началъ службу въ земскихъ учрежденіяхъ Курляндіи и въ 1820 г. былъ уже оберъ-гауптманомъ Митавы, въ 1834 курляндскимъ ландмаршаломъ и въ 1842 г. президентомъ курляндской консисторіи. Онъ много занимался исторіей и древностями своего края, былъ въ числѣ учредителей общества исторіи и древностей остзейскихъ провинцій, директоромъ курляндскаго провинціальнаго музея, почетнымъ членомъ Императорской публичной библіотеки и нѣсколькихъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ; въ 1836 г. онъ принималъ участіе въ работахъ комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для кодификаціонныхъ работъ по составленію провинціальнаго кодекса остзейскихъ провинцій. Въ изданіяхъ ученыхъ обществъ,

членомъ которыхъ Клопманъ состоялъ, онъ помѣстилъ между прочимъ слѣдующія работы: «Peters des Grossen Anwesenheit in Kurland im Jahre 1697»; «Ueber die Freibauern in Kurland», «Nachrichten über bea Mitauschen Kalender», «Das Adels-Diplom und die Verwandtschaftstafel der Fmilis Bühren, später Biron genannt» и др.

Recke u Napiersky, «Allgem. Schriftsteller— und—Gelehrten Lexicon II, 456—457, и «Nächträge», 304—306.

Клоссіусъ, *Вальтеръ Фридрихъ*, профессоръ, род. 17 сентября 1795 г., ум. 10 февраля 1838 г. Изучалъ право въ Тюбингенѣ въ 1812—1817 гг., въ 1817 г. получилъ степень магистра философіи и доктора utriusque juris, въ 1818 г. уже былъ приватъ-доцентомъ, а въ 1819 г. вошелъ въ составъ юридическаго факультета какъ членъ испытательной коммиссіи. Въ 1819—1820 гг. онъ предпринялъ ученое путешествіе по Германіи, Нидерландамъ, Франціи и Италіи и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ въ 1821 г. экстраординарнымъ, а въ 1823 г. ординарнымъ профессоромъ правъ. Въ 1825 г. онъ принялъ приглашеніе Дерптскаго университета занять каѳедру уголовнаго права, уголовнаго судопроизводства и исторіи юридической литературы и состоялъ на службѣ въ Дерптѣ до 1837 г. Въ этомъ году онъ перешелъ на службу въ Гессенъ-Дармштадъ по судебному вѣдомству, будучи и членомъ юридическаго факультета въ Гессенскомъ университетѣ. Его труды: 1) Dissertatio juridico-litteraria, sistens specimen descriptionis codicum manuscriptorum Digestis veteris Stuttgariensium et Tubingensis 1817. (Новое изданіе въ 1818 г.); 2) Prodromus corporis juris civilis a Schradero, Clossio, Tafelio edendi, Berolini 1823; 3) Theodosiani codicis genuini fragmenta; 4) Hermeneutik des römischen Rechts und Einleitung in das Corpus juris civilis, im Grundrisse. Mit einer Chrestomatie von Quellen, Dorp. 1829 u. Leipz. 1831; 5) Beschreibung von Moskwa—im «Darmstäder Monatsblatt» 1828; 6) Ueber die Bibliothek des Grosjfürsten Wassjily IV Iwanowitsch und des Zaren Iwan IV Wassiljewitsch—на русскомъ языкѣ въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія, 1835, іюль, на нѣмецкомъ — съ исправленіями и дополненіями въ «Dorpater Jahrbüchern», B. III, 1834. Рядъ отдѣльныхъ статей—въ «Inland» за первые годы и «Provinzial-blatt für Cur-Liv-und-Esthland». Есть извѣстіе, что послѣ него остался трудъ «Iter Rossicum», заключающій обширное описаніе его ученаго путешествія по Россіи.

Клостерманъ, *Германъ Іоаннъ*, род. въ 1755 г. въ Гетруйденбергѣ въ Голландіи, ум. въ 1839 г. въ Петербургѣ. Онъ былъ сынъ нѣмца, вызваннаго въ Петербургъ на должность преподавателя нѣмецкаго языка въ Пажескомъ корпусѣ, впослѣдствіи бывшаго тамъ инспекторомъ. Торговалъ книгами и картинами, впослѣдствіи имѣлъ въ Петербургѣ книжную лавку. Пользовался нѣкоторою извѣстностью какъ знатокъ искусства; Императрица Екатерина вызвала его для совѣщаній по вопросу о пріобрѣтеніи предметовъ древности и искусства и сама неоднократно посѣщала его магазинъ. Клостерманъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фонвизинымъ и сообщилъ о немъ много любопытныхъ подробностей въ своихъ замѣткахъ,—«Denkwürdigkeiten des ehemaligen Kunst-und-Buchhändlers Hermann Iohann Klostermann»; выдержки изъ нихъ напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1881, III, а подлинникъ находится въ библіотекѣ гр. Д. А. Толстого.

«Русскій Архивъ». 1991, III. 291.

Клотъ, *Густавъ Рейнгольдъ*, генералъ суперъ-интендантъ, род. 5 октября 1780 г. въ Вышнемъ Волочкѣ, ум. 6 октября 1855 г. Въ 1805 г. кончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и назначенъ пасторомъ. Въ 1834 г. назначенъ генералъ суперъ-интендантомъ Лифляндіи и вице-президентомъ лифляндской консисторіи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ въ числѣ мѣстныхъ дѣятелей, обратившихся къ изученію латышскаго языка и въ 1827 г. былъ сдѣланъ президентомъ образовавшагося по его иниціативѣ общества для изученія латышскаго языка; въ изданіи «Magazin, herausgegeben von Lettisch-litteralischen Gesellschaft» онъ напечаталъ нѣсколько статей по граматикѣ этого языка, статьи о немъ въ Encyklopädie Крюнитца и нѣсколько статей біографическаго содержанія въ «Rigasche Stadtbätter».

Recke u. Napiersky, «Allgem. Schriftsteller u. Gelehrten Lexicon» II, 457, и «Nachträge», 30, 308.

Клугинъ, *Лавръ Никаноровичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1828 г., ум. 7 іюня 1879 г. Въ офицеры былъ выпущенъ въ 1746 г.; затѣмъ окончилъ курсъ въ Военной академіи; принималъ участіе

въ Крымской кампаніи, вскорѣ послѣ нея назначенъ былъ начальникомъ дивизіоннаго штаба, потомъ помощникомъ начальника штаба московскаго военнаго округа и затѣмъ начальникомъ штаба харьковскаго округа. На этомъ мѣстѣ онъ принималъ весьма видное участіе въ разработкѣ проекта всеобщей воинской повинности и за особые труды по составленію положенія о воинской повинности произведенъ былъ генералъ-лейтенанты; усиленные труды подорвали его здоровье и послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ отставкѣ.

«Русскій Инвалидъ», 1879, № 127.

Клушинъ, *Александръ Ивановичъ*, писатель и журналистъ; род. въ 1763 г., ум. 11 мая 1804 г. въ Ревелѣ. Происходилъ изъ древняго дворянскаго рода орловской губерніи, ведущаго себя отъ касожскаго князя Редеди; пожалованная въ серединѣ XVII с. Ивану Лукьяновичу Клушину въ вотчину дер. Жерино, въ серболовомъ стану ливенской округи, еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, была во владѣніи у сына писателя. Отецъ А. И. Клушина, Иванъ Степановичъ Клушинъ, былъ бѣденъ, служилъ подканцеляристомъ въ гор. Ливнахъ и умеръ губернскимъ регистраторомъ, когда оба сына его: Николай, (бывшій впослѣдствіи совѣтникомъ Орловской Уголовной Палаты) и Александръ были еще въ малолѣтствѣ; мать же ихъ, Авдотья Прокофьевна, овдовѣвъ, вскорѣ вышла замужъ за Булгакова и жила въ Ливнахъ; А. И. Клушинъ учился въ ливенскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ служилъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку и въ 1790 году былъ въ отставкѣ, имѣя чинъ подпоручика. Военная служба Клушина продолжалась не долго и уже вскорѣ по открытіи Орловскаго намѣстничества онъ былъ опредѣленъ для разбора старыхъ архивныхъ дѣлъ провинціальной канцеляріи. Однако, разсказываетъ А. Т. Болотовъ, Клушинъ «по молодости былъ такъ дерзокъ, что отдавалъ въ ряды купцамъ цѣлыя подлинныя дѣла, въ архивѣ бывшія. Судьѣ какому то случилось увидѣть въ рядахъ сіи акты. Началось слѣдствіе, и Клушинъ попалъ въ бѣду. Надлежало его судить и дѣло рѣшить бывшему тогда намѣстникомъ кн. Н. В. Репнину. Онъ, видя его молодость и примѣчая въ немъ рѣдкія способности, взялъ его къ себѣ въ канцелярію и отъ наказанія избавилъ». Въ канцеляріи Клушинъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ ея управляющаго, Д. П. Трощинскаго, бывшаго тогда адъютантомъ кн. Репнина. Благодаря расположенію князя, Клушинъ получилъ доступъ въ его библіотеку, что и дало ему возможность хотя нѣсколько пополнить свое недостаточное образованіе. Здѣсь же, по словамъ Болотова, онъ научился «самъ собою и слогу, и всему, и поэзіи, и даже французскому», а впослѣдствіи и нѣмецкому языку. Сколько времени продолжалась служба Клушина въ канцеляріи кн. Репнина—неизвѣстно, но уже въ 1790 году онъ жилъ въ Петербургѣ, предаваясь здѣсь своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Къ этому же году относится и появленіе Клушина въ печати: въ Петербургѣ была издана переведенная имъ съ французскаго языка одноактная комедія J. Patrat—«Разсудительный дуракъ, или Англичанинъ» («Anglais, ou le Fou raisonnable», 1781 г.). Пьеса эта, по словамъ переводчика «имѣла лестную участь» и «рукоплесканія были ему наградой». Въ слѣдующемъ году было напечатано «Посланіе къ другу моему В. С. Ефимьеву» (Спб. 1791 г.), въ которомъ повѣствуется, въ довольно неуклюжихъ стихахъ, о любви автора къ Плѣнирѣ, что даетъ Клушину поводъ разразиться противъ всѣхъ страстей вообще и любви въ особенности. Къ этому времени относится, вѣроятно, знакомство Клушина съ А. И. Крыловымъ, а черезъ него и съ И. Г. Рахманиновымъ, извѣстнымъ поклонникомъ и убѣжденнымъ и дѣятельнымъ проповѣдникомъ «вольтеріанскихъ» идей. Вольтеръ былъ той почвой, на которой развилась тѣсная дружба трехъ друзей, изъ которыхъ Рахманиновъ былъ старшимъ, наиболѣе серьезнымъ и какъ бы руководителемъ двухъ другихъ. Болотовъ сохранилъ указаніе на то, что уже въ то время Клушинъ, «былъ величайшій безбожникъ», позволявшій себѣ издѣваться надъ религіей и духовенствомъ и непочтительно относившійся къ своей матери. Къ 1792 году дружескія связи Клушина съ Крыловымъ были уже настолько тѣсно закрѣплены, что послѣдній считалъ его самымъ близкимъ къ себѣ лицомъ. Поэтому, когда въ 1792 году Крыловъ, при помощи И. А. Дмитревскаго, П. А. Плавильщикова, Ѳ. О. Туманскаго и Н. Ѳ. Эмина, началъ издавать журналъ «Зритель»,—въ числѣ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его явился и Клушинъ, принявшій

также участіе въ содержаніи типографіи Крылова, пріобрѣтенной имъ отъ Рахманинова и перешедшей впослѣдствіи въ собственность Театральной Дирекціи. Даровитый Клушинъ вообще благотворно вліялъ какъ на самого Крылова, такъ и на направленіе журнала, избравшаго предметомъ своихъ обличеній уродливыя явленія крѣпостнаго права, низкія страсти современнаго ему общества и пристрастіе современниковъ ко всему иностранному. Хотя издатели и говорили во «Введеніи», что они не будутъ касаться ничьихъ личностей, однако въ «Зрителѣ» мы находимъ рядъ насмѣшекъ надъ бездарнымъ писателемъ П. Ю. Львовымъ, а также И. И. Дмитріевымъ и Карамзинымъ, издававшимъ тогда свой «Московскій Журналъ», въ которомъ редакторы «Зрителя» видѣли противоположнаго себѣ дѣятеля, представителя европеизма на французскій ладъ, будто бы безобразившаго чисто-русскій складъ рѣчи необычными для нея оборотами и словами. Разница сужденій была и во взглядѣ на театръ и представителей иностранной литературы. Такъ Клушинъ обзывалъ Шекспировъ вкусъ «кабацкимъ», а произведенія Шиллера и Лессинга называлъ «безобразными выродками литературы», тогда какъ Карамзинъ высоко цѣнилъ обоихъ послѣднихъ, а Шекспира ставилъ выше Корнеля и Расина. Вполнѣ естественно, что и Карамзинъ не могъ дружелюбно относиться къ Клушину, но, не желая вступать съ нимъ въ открытую полемику, лишь въ письмахъ къ Дмитріеву нѣсколько разъ съ насмѣшкою отзывался о своемъ литературномъ противникѣ. Изъ прозаическихъ статей Клушина въ «Зрителѣ» обращаютъ на себя вниманіе сатирическіе очерки, подъ названіемъ «Портреты», въ которыхъ онъ, подъ соотвѣтствующими ирозвищами бичуетъ современные ему отрицательные характеры, оговариваясь, что должность его, какъ сатирика, — осмѣивать не отдѣльныя лица, «удрученныя слабостями и пороками, яко дѣйствіе, но слабости и пороки, яко причину». Статья «Прогулка» заключаетъ въ себѣ насмѣшку надъ докторами въ лицѣ доктора Смертодава; въ рецептахъ, которые даетъ онъ противъ безсонницы, заключаются выходки противъ алхимиковъ, а также—Карамзина и Дмитріева. Стихотворныя произведенія Клушина написаны довольно легко и обличаютъ въ немъ литературное дарованіе; лучшими изъ нихъ можно считать: «Несчастье отъ лорнета», «Роза» и «Совѣтъ Хлоѣ»—въ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, находится указаніе на годъ рожденія Клушина. Въ 1793 году Клушинъ выступилъ, въ товариществѣ съ Крыловымъ, уже въ качествѣ оффиціальнаго издателя «С.-Петербургскаго Меркурія», служившаго какъ бы продолженіемъ «Зрителя», державшагося той же программы и считавшаго въ числѣ своихъ сотрудниковъ кн. Д. П. Горчакова, Ѳ. О. Туманскаго, Н. П. Николева и другихъ противниковъ Карамзина. Сверхъ того здѣсь былъ заведенъ отдѣлъ «россійскихъ анекдотовъ» о разныхъ отечественныхъ дѣятеляхъ, помѣщены переводы изъ Вольтера, Галлера, Геснера, Томаса, Попа и Даламбера; извѣстія о новыхъ книгахъ и о русскомъ и французскомъ театрѣ составляли отличительную черту «С.-Петербургскаго Меркурія» отъ прочихъ нашихъ повременныхъ изданій (кромѣ «Московскаго Журнала»). Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ въ «Меркурій» былъ самъ Клушинъ. Изъ прозаическихъ статей его назовемъ нѣсколько анекдотовъ, разсказывающихъ, между прочимъ, о К. Р. (т. е. кн. Репнинѣ), рецензіи на вновь вышедшія книги: «Приключенія шевалье де-Фобласа», «Героиду» И. И. Завалишина, о которой онъ даетъ вполнѣ заслуженно рѣзкій отрицательный отзывъ, подробный разборъ содержанія трагедіи Я. Б. Княжнина «Вадимъ Новгородскій», послужившій причиною столкновенія издателей съ петербургскою полиціей вслѣдствіе изданнаго сенатскаго указа объ уничтоженіи этой пьесы, въ которой были усмотрѣны республиканскія идеи; впрочемъ Клушинъ, приводя большіе отрывки изъ этой трагедіи, приходитъ къ тому заключенію, что, по множеству погрѣшностей въ стихахъ и языкѣ, «Вадимъ» «не есть лучшая изъ трагедій г. Княжнина». Наконецъ здѣсь же помѣщена оригинальная повѣсть Клушина «Несчастный М-въ», въ которой разсказывается о несчастной любви даровитаго, но бѣднаго и неизвѣстнаго юноши (Маслова) къ одной богатой и знатной дѣвушкѣ, любви, кончившейся самоубійствомъ влюбленнаго. Эта повѣсть Клушина, написанная, какъ ни странно съ перваго взгляда, подъ вліяніемъ сентиментализма, была издана отдѣльно, въ Петербургѣ, въ 1802 году, подъ заглавіемъ: «Вертеровы чувствованія, или

несчастный М. Оригинальный анекдотъ», а въ 1804 году появилась въ «Журналѣ для милыхъ» (№ 6, 8 и 9), въ дословной перепечаткѣ, но подъ видомъ будто бы переведенной съ французскаго языка Е. П. Люценкомъ. Самое заглавіе повѣсти показываетъ уже, что Клушинъ хотѣлъ въ ней подражать Гёте, но подражаніе вышло лишь внѣшнее, въ фабулѣ и нѣкоторыхъ, цѣликомъ заимствованныхъ, подробностяхъ, о внутреннемъ же сходствѣ не можетъ быть и рѣчи. Стихотворенія Клушина, помѣщенныя въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ», отличаются легкостью формы, а многія изъ нихъ, по своимъ двусмысленностямъ, и легкостью содержанія,—черта, замѣчаемая почти во всѣхъ его произведеніяхъ, весьма, впрочемъ, обыкновенная въ то время, встрѣчающаяся иногда и у Карамзина. Къ числу наиболѣе удачныхъ стихотвореній Клушина относится, между прочимъ, и ода его «Человѣкъ», до послѣдняго времени приписывавшаяся перу Державина. Современники восторгались ею; и дѣйствительно она мало чѣмъ уступаетъ Державинской лирикѣ—до такой степени Клушинъ усвоилъ себѣ стиль тогдашняго корифея русской поэзіи. Ода эта, однако, была осмѣяна И. И. Дмитріевымъ, тогда же написавшимъ на нее эпиграмму, весьма, впрочемъ, слабую. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Клушина замѣтно также очевидное вліяніе Ломоносова.

Въ томъ же 1793 году Клушинъ выступилъ со своею первою оригинальною пятиактной комедіей въ стихахъ: «Смѣхъ и горе», напечатанною сперва въ XL части «Россійскаго Ѳеатра», а въ 1795 г. вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ. Пьеса эта, представленная въ первый разъ на Маломъ театрѣ 20-го января 1793 года, встрѣтила восторженный пріемъ, о которомъ вспоминаетъ и самъ Клушинъ въ одномъ изъ стихотвореній, а также свидѣтельствуетъ Крыловъ въ своей рецензіи на эту комедію, говоря, что «рѣдкое сочиненіе принималось съ такимъ успѣхомъ». Названіе піесѣ дано отъ двухъ лицъ: Хохоталкина и Плаксина, «мнимыхъ философовъ», смотрящихъ на міръ съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: Плаксинъ «плачетъ обо всемъ, все ставя въ страшный грѣхъ», а Хохоталкинъ «изо всего выводитъ глупый смѣхъ». Но, какъ ни странно, лица эти, давшіе пьесѣ названіе,—лишь второстепенныя, эпизодическія. Главными же дѣйствующими лицами являются: Вздорова—молодящаяся вдова, Старовѣкъ-добродушный старикъ, ихъ племянница — Пріята, влюбленная въ офицера Пламена, отвѣчающаго ей тѣмъ же, и Вѣтронъ—петиметръ; слуги—Анюта и Андрей—являются, по обыкновенію, наперсниками влюбленныхъ. Крыловъ тогда же разобралъ безпристрастно эту комедію, отмѣтивъ какъ ея немногіе недостатки, такъ и большія достоинства, заключающіяся въ легкости слога и чистыхъ стихахъ. Дѣйствіе идетъ живо, а въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, особенно Вѣтрона, часто звучитъ сатира на современные нравы. Но и тутъ встрѣчается много двусмысленностей, вложенныхъ въ уста Вѣтрона, Андрея и Анюты. Развязка комедіи, по словамъ Крылова, была «нова, наполнена жаромъ и производила прекрасное дѣйствіе надъ зрителемъ, передъ коимъ открывалась тогда, когда онъ менѣе всего ее ожидалъ». Не даромъ кн. П. А. Вяземскій говорилъ, что послѣ чтенія тогдашнихъ комедій нашихъ, особенно стихотворныхъ, «утомленное вниманіе отдыхаетъ и освѣжается при нѣкоторыхъ чертахъ остроумія и счастливыхъ стихахъ, встрѣчающихся въ Клушинѣ».

13-го іюня того же 1793 г. представлена была и вторая, одноактная комедія Клушина, въ прозѣ, «Алхимистъ», въ которой одинъ актеръ играетъ семь различныхъ ролей. Вскипятилинъ, человѣкъ ограниченный, пристрастившись къ алхиміи, во чтобы то ни стало хочетъ найдти философскій камень, исканіе котораго заставляютъ его забыть всѣхъ и все. Его другъ, Здравомысловъ, старается образумить чудака и для этого прибѣгаетъ къ хитрости: переряжаясь въ разныя платья, онъ послѣдовательно приходитъ къ алхимисту подъ видомъ Рубакина, Криспина, Разгильдяева, Ветхокрасовой, Сгорепьянова и доктора Смертоноса; въ одной роли онъ бранитъ его за невѣжество, въ другой—осмѣиваетъ, въ третьей—льститъ и т. д., а въ лицѣ Смертоноса вызываетъ на дуэль за то, что онъ, отыскивая панацею, тѣмъ самымъ подрываетъ медицину; побѣжденный Вскипятилинъ отказывается отъ своихъ занятій, а Здравомысловъ, скинувъ съ себя платье доктора, убѣждаетъ его навсегда отречься отъ алхиміи. Крыловъ, признавая эту комедію Клушина новшествомъ въ театральномъ мірѣ, замѣ-

чаетъ, что авторъ, безъ сомнѣнія, «подражалъ въ выборѣ сего рода писаній французамъ», и что комедія «вообще наполнена остроты и соли». «Алхимистъ» былъ также отлично принятъ публикою.

Разборъ обѣихъ этихъ комедій помѣщенъ въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ», редакціей котораго въ концѣ года завѣдывалъ И. И. Мартыновъ, ибо Крыловъ, котораго считали причастнымъ къ напечатанію «Путешествія» Радищева, въ это время бросилъ изданіе и типографію и покинулъ Петербургъ. Что же касается Клушина, то онъ получилъ отпускъ за границу. Императрица приказала выдать ему на это путешествіе 1500 руб., т. е. жалованье за 5 лѣтъ впередъ, за что Клушинъ отблагодарилъ ее одой, напечатанной въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» и въ томъ же году вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ. Однако Клушинъ, по разсказу А. Т. Болотова, растратилъ эти деньги и доѣхалъ только до Ревеля. Здѣсь онъ женился на баронессѣ Маріи-Еленѣ-Луизѣ Розенъ (р. 1770, ум. 1848), недавно передъ тѣмъ разведшейся со своимъ мужемъ, маіоромъ Іоанномъ фонъ-Смиттенъ. Вслѣдъ за этимъ въ литературной дѣятельности Клушина является перерывъ, обусловленный пребываніемъ его у брата въ Орлѣ. Здѣсь генералъ-губернаторъ А. А. Беклешовъ, относившійся къ Клушину съ уваженіемъ, предлагалъ ему мѣсто ассессора въ палатѣ, отъ чего, впрочемъ, онъ отказался, не желая «промѣнять вольности и быть связаннымъ». Въ Орлѣ онъ написалъ два стихотворенія, помѣщенныя во 2-й книжкѣ «Аонидъ» Карамзина, прежняго его противника: «Ода на сожженіе въ Орлѣ фейерверка въ день высочайшей коронаціи Императора Павла I-го» и стихи «Къ Е... И... Б.». Пріѣхавъ снова въ Петербургъ, Клушинъ 13-го іюля 1799-го года, въ чинѣ подпоручика, былъ опредѣленъ цензоромъ театральныхъ сочиненій при русскомъ театрѣ, и здѣсь снискалъ себѣ покровителя въ лицѣ главнаго директора театровъ—А. Л. Нарышкина, что видно, между прочимъ, изъ посвященія ему комедіи «Худо быть близорукимъ». Въ этомъ же году Клушинъ написалъ «Стихи» на смерть отца своего новаго начальника оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина (напечатаны отдѣльно). 21-го декабря 1799 г. Клушинъ былъ переименованъ въ титулярные совѣтники, 23-го мая 1800 г., оставаясь въ должности цензора, былъ назначенъ инспекторомъ (режиссеромъ) россійской труппы на мѣсто Ант. Мих. Крутскаго, вскорѣ (18-го октября 1800 г.), «за отличное прилежаніе въ трудахъ», былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры и наконецъ 5-го февраля 1802 г.— въ надворные совѣтники.

Съ 1800 года Клушинъ снова появляется на сцену: 8-го и 11-го января на каменномъ театрѣ была дана его одноактная комедія въ прозѣ «Худо быть близорукимъ», изданная въ Петербургѣ въ томъ же году. Эта комедія, написанная очень тяжелой прозой, не имѣла успѣха. Въ томъ же году была играна на каменномъ театрѣ (8-го февраля) комическая опера Клушина въ 2 дѣйствіяхъ съ хорами, балетами и музыкой Е. Фомина «Американцы». Опера эта, написанная Крыловымъ еще въ 1788 году была принята на театръ, но не играна. Въ 1799 году А. Л. Нарышкинъ поручилъ Клушину передѣлать ее заново, что онъ и исполнилъ, удержавъ только Крыловскіе стихи, которые, кстати замѣтить, гораздо удачнѣе прозы. Имя Гусмана, мѣсто дѣйствія и нѣкоторыя выраженія, очевидно, взяты имъ изъ трагедіи Вольтера «Альзира или Американцы». Комедія была издана въ Петербургѣ въ томъ же 1800 году. Послѣднею театральной пьесой Клушина была трехактная комедія въ прозѣ «Услужливый», написанная въ подражаніе комедіи «Officieux» (1780), маркиза de La Salle d'Offemont и представленная въ первый разъ 28-го Октября 1800 г. на каменномъ театрѣ. Пьеса эта была издана въ 1801 г. съ посвященіемъ Д. П. Трощинскому, давнишнему покровителю Клушина; по увѣренію послѣдняго, она была всякій разъ принимаема съ рукоплесканіями. Піеса мѣстами не лишена остроумныхъ qui-pro-quo, но черезчуръ длинна, что и умаляетъ ея достоинства.

Сверхъ этихъ піесъ Клушинъ написалъ еще «Оду на пожалованіе ордена Андрея гр. И. П. Кутайсову» (1800 г. СПБ.), послужившую поводомъ къ его размолвкѣ съ Крыловымъ, уговаривавшимъ своего друга не печатать ее изъ уваженія къ самому себѣ и «Стихи на высочайшее прибытіе Александра I-го изъ Москвы въ Петербургъ», написанные въ обычномъ духѣ торжественной лирики, съ замѣтнымъ вліяніемъ Ломоносова. Затѣмъ Клушинымъ же написано нѣсколько сти-

ховъ къ балету Вальберха «Жертвоприношеніе благодарности. На тезоименитство Александра I» (СПБ. 1802); наконецъ П. Н. Араповъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1803 году весьма часто давалась переведенная Клушинымъ съ французскаго языка, но неизданная драма, въ 3 дѣйствіяхъ съ музыкой А. Н. Титова и балетами Вальберха «Судъ царя Соломона».

Въ 1804 году Клушинъ, для поправленія совершенно разстроеннаго здоровья поѣхалъ въ Ревель, гдѣ и скончался 11 мая того же года, оставивъ послѣ себя жену и трехъ сыновей.

Дѣло Клушиныхъ въ архивѣ департамента герольдіи; чинопроизводныя дѣла за 1800 годъ, дѣло № 328, въ архивѣ департамента герольдіи; «Сенатскій Архивъ», СПБ. 1888, т. I; «Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ», вып. I, Отд. 1—3, СПБ. 1892; П. Безакъ, «Описаніе С.-Петербурга», СПБ. 1793; «Списокъ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ 6-го и 7-го классовъ на 1803 г.», стр. 206; митр. Евгеній, «Словарь свѣтскихъ писателей», М. 1845, т. I, стр. 286—287; Г. Н. Геннади, «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ», Берлинъ, 1880, т. II, стр. 138 и 402; А. Т. Болотовъ. «Памятникъ претекшихъ временъ», М. 1875, стр. 68, 69, 117—118; Я. К. Гротъ, Записки Академіи Наукъ, т. II, 1862, кн. I. стр. 37; «Письма Карамзина къ Дмитріеву», СПБ. 1866; Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», СПБ. 1861, стр, 162; Л. Н. Майковъ. «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в.», СПБ. 1899; его же: «Историко-литературные очерки», СПБ. 1895, ст. 23 и сл.; П. П. Быстровъ, «Отрывки изъ записокъ моихъ объ И. А. Крыловѣ»,—Сѣв. Пчела 1845 г. № 203; С. П. Жихаревъ, «Записки», М. 1890 г; И. И. Мартыновъ, «Записки» въ «Зарѣ» 1871 г. № 6, стр. 88—89; А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ» СПБ. 1874; П. А. Плетневъ: біографія И. А. Крылова при собраніи его сочиненій, СПБ. 1859, т. I, стр. XXXI—XXXIII; Н. А. Лавровскій, «О Крыловѣ и его литературной дѣятельности»—въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г. ч. CXXXVII, стр. 399; Державинъ, «Собраніе сочиненій», подъ ред. Я. К. Грота; Я. К. Гротъ, «Литературная жизнь Крылова»—въ Сборн. II Отд. Ак. Наукъ, т. VI, стр. 12—13; «Филологическія розысканія», СПБ. 1885, т. I: Сборникъ Историческаго Общества, т. 62, стр. 790; Н. П. Лихачевъ, «Автографъ И. А. Крылова»—Волжскій Вѣстникъ 1886 г. № 169: кн. П А. Вяземскій, «Фонъ-Визинъ» въ Собр. Сочин., СПБ. 1880, т. V, стр. 130; «Русскій Архивъ», 1868 г., стр. 244—245; «Полное Собр. Законовъ», т. XXXIX, стр. 294.

Б. Модзалевскій.

Клушинъ, *Павелъ Николаевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, род. въ 1814 г., ум. 4 октября 1886 г. Онъ приходился племянникомъ писателю А. Н. Клушину. Окончилъ курсъ въ Институтѣ корпуса путей сообщенія въ 1830 г. и 19 іюня 1830 г. началъ дѣйствительную службу въ строительномъ отрядѣ; съ 1833 г. по 1837 г. служилъ въ военной службѣ, 30 декабря 1837 г. перешелъ на службу въ Петербургскую казенную палату; 20 февраля 1846 г. назначенъ калужскимъ вицегубернаторомъ; здѣсь пробылъ онъ до 1854 г., неоднократно исполнялъ обязанности начальника губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ губернскаго тюремнаго комитета; производя не разъ ревизію городскихъ управленій уѣздныхъ городовъ губерніи, Клушинъ отлично ознакомился со всѣми административными порядками дореформенной Россіи. 15 іюня 1854 г. онъ былъ назначенъ пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ, въ слѣдующемъ году — волынскимъ гражданскимъ губернаторомъ, при чемъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; съ 16 сентября 1856 г. по 24 октября 1858 г. былъ директоромъ отдѣленія промышленности и художествъ въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства польскаго и въ тоже время былъ предсѣдателемъ комитета мануфактурной выставки, бывшей въ Варшавѣ въ 1857 г.; весну и лѣто 1858 г. онъ провелъ въ командировкѣ въ Германіи, изучая устройство и содержаніе германскихъ тюремъ. 24 октября 1858 г. назначенъ витебскимъ губернаторомъ, 4 августа 1861 г.— херсонскимъ губернаторомъ; 21 августа 1868 г. назначенъ присутствующимъ въ Сенатѣ. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ былъ Клушинъ губернаторомъ, онъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ успѣвалъ упорядочить городское хозяйство въ городахъ губерніи и увеличивать число казенныхъ поступленій не усиленнымъ взысканіемъ недоимокъ, а неусыпнымъ и умѣлымъ надзоромъ за дѣятельностью административныхъ органовъ губерніи. Положеніе крестьянъ повсюду было главнѣйшимъ предметомъ его заботъ; онъ сообщилъ въ коммиссіи, работавшія надъ подготовкой освобожденія крестьянъ, множество весьма цѣнныхъ свѣдѣній и соображеній, и по введеніи Положенія 19 февраля получилъ не только знакъ и медаль въ память этого событія, но еще и особую медаль за труды по освобожденію и знакъ отличія за поземельное устройство бывшихъ казенныхъ крестьянъ. 5 марта 1871 г. онъ былъ назначенъ для

обревизованія пермской губерніи. Клушинъ раскрылъ въ пермской губерніи множество серьезныхъ злоупотребленій, которыя и были затѣмъ устранены, благодаря его ревизіи. Въ 1875 г. онъ былъ командированъ съ особыми полномочіями въ воронежскую губернію, гдѣ возникли серьезныя замѣшательства по поводу отвода бывшимъ государственнымъ крестьянамъ лѣсныхъ участковъ; по этому дѣлу мѣстная администрація и мѣстный прокуроръ пришли въ сильное столкновеніе; Клушинъ съ успѣхомъ окончилъ это щекотливое дѣло. Съ 24 декабря 1875 г. былъ начальникомъ главнаго гражданскаго управленія на Кавказѣ; 1 января 1877 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

«Новое Время», 1886, № 3808; «Витеб. губ. вѣд.», 1861, № 37; «Моск. Вѣдом.», 1871, № 12, 13; «Вѣстникъ Европы», 1871, № 11; формулярный списокъ П. Н. Клушина въ архивѣ Сената.

Клюки-фонъ-Клугенау, *Францъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 14 (25) сентября 1791 г. въ городѣ Іозефштатѣ, въ Богеміи, ум. 7 апрѣля 1851 г. Отецъ его служилъ въ военной службѣ; Францъ Клугенау учился сначала въ городской школѣ, затѣмъ съ 1803 въ виннернейштадтской высшей академіи; ученіе, однако, шло у него плохо; подъ вліяніемъ непрерывавшихся въ Германіи военныхъ дѣйствій онъ стремился въ военную службу и въ 1808 г. поступилъ кадетомъ въ 43-й пѣхотный полкъ; 17 августа 1809 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ; участвовалъ затѣмъ въ дрезденскомъ и лейпцигскомъ сраженіи, и въ послѣднемъ былъ сильно контуженъ. Въ началѣ 1818 г. вышелъ изъ австрійской службы и 18 марта принятъ поручикомъ въ 8-й Егерской полкъ; полкъ этотъ былъ въ маршѣ на Кавказъ и въ октябрѣ Клугенау уже участвовалъ въ дѣлахъ; въ 1820 г. онъ перешелъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ; въ то время военныя дѣйствія на Кавказѣ шли почти постоянно и скоро Клюки-фонъ-Клугенау своею выдающеюся храбростью и распорядительностью заслужилъ вниманіе и уваженіе А. П. Ермолова. Въ 1826 г. онъ былъ въ составѣ отряда, осажденнаго персіянами въ Шушѣ, и выказалъ большое мужество въ защитѣ и замѣчательную распорядительность въ сношеніяхъ и переговорахъ съ осаждающими; Ермоловъ былъ особенно доволенъ его дѣйствіями. Въ томъ же году Клугенау былъ прикомандированъ къ 7-му Карабинерскому полку, получилъ команду надъ шестью ротами его, прикомандированными къ корпусу, дѣйствовавшему противъ персіянъ, участвовалъ въ разгромѣ персидской арміи подъ Елизаветполемъ 13 сентября 1826 г. и получилъ за отличіе орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1827 г. онъ занималъ должность коменданта города Карабаха; въ 1829 г. онъ принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей и за храбрость въ сраженіяхъ при Катанлы и Мили-Дюзѣ получилъ чинъ подполковника и золотую шпагу. Въ 1831 — 1832 годахъ онъ участвовалъ въ борьбѣ съ Хази-Муллою въ Дагестанѣ и затѣмъ на него возложена была обязанность устроить укрѣпленія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и поручено командованіе войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ. Въ 1833 — 1837 гг. онъ принималъ опять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шамиля и совершилъ замѣчательную экспедицію въ Абхазію; за нее онъ въ 1835 г. произведенъ въ генералъ-майоры съ оставленіемъ командующимъ войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ. Въ 1838 г. Клюги-фонъ-Клугенау назначенъ былъ управляющимъ Ахалцыхскою провинціею; на этомъ мѣстѣ онъ долженъ былъ бороться съ чумою, проникшею въ край. Въ 1839 г., по желанію генералъ-адъютанта графа Граббе, Клугенау былъ назначенъ его помощникомъ въ предпринятой экспедиціи противъ Ахульго, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 20-й дивизіи; въ начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ Клугенау особенно отличился при штурмѣ аула Гимры и при пораженіи Шамиля 14 сентября 1840 г. Изъ числа другихъ военныхъ дѣйствій Клюки-фонъ-Клугенау выдается его участіе въ экспедиціи графа Воронцова въ 1845 г., приведшей сначала къ овладѣнію ауломъ Дарго, а затѣмъ—повлекшей крайне трудное и опасное отступленіе. Этотъ походъ былъ послѣднимъ въ дѣятельности Клугенау, который всего совершилъ 20 кампаній и участвовалъ болѣе нежели въ ста дѣлахъ. Съ 1845 г. по 1849 г. онъ командовалъ 19-ю пѣхотною дивизіею; въ 1849 г. просилъ о переводѣ въ дѣйствующую въ Венгріи армію; но Императоръ прикомандировалъ его въ гвардейскій корпусъ до того времени, пока откроется вакансія начальника дивизіи; вскорѣ онъ былъ назначенъ на-

чальникомъ 9-й дивизіи; занимая эту должность онъ и скончался, 7 апрѣля 1851 г.— Клюки-фонъ-Клугенау представлялъ типъ настоящаго боеваго генерала; при большомъ умѣніи дѣйствовать сообразно съ обстановкою онъ отличался выдающеюся личною храбростью; память о подвигахъ его долго держалась на Кавказѣ.

Біограф. очеркъ въ «Рус. Старинѣ», т. XI, XII, XV и XVI.

Клюпфель, *Владиславъ Филипповичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, род. въ 1796 г. въ Вѣнѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства, ум. въ Ревелѣ, 22 августа 1885 г. Послѣ домашней подготовки поступилъ въ только что основанный Институтъ инженеровъ путей сообщенія, но съ началомъ войны 1812 года онъ оставилъ институтъ и въ качествѣ волонтера участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ арміи графа Витгенштейна; съ перенесеніемъ военныхъ дѣйствій за границу Клюпфель принималъ участіе въ битвахъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, при Монмиралѣ и Феръ-Шампенуазѣ и занятіи Парижа; рядъ наградъ, полученныхъ имъ, завершился орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. По возвращеніи въ Россію Клюпфель остался въ военной службѣ; въ 1832 г. участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ; за отличіе онъ получилъ чинъ генералъ-майора; въ 1834 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка. Въ 1843 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ директоромъ полоцкаго кадетскаго корпуса; въ 1847 г.— инспекторомъ военноучебныхъ заведеній. Въ то суровое время, когда самая безпощадная строгость считалась необходимою въ дѣлѣ воспитанія, генералъ Клюпфель явился сторонникомъ системы, которая возлагала всѣ надежды на мягкость отношеній начальниковъ къ ихъ малолѣтнимъ подчиненнымъ, на самыя внимательныя попеченія о ихъ нуждахъ и интересахъ. Съ такими идеями Клюпфель объѣхалъ всѣ военноучебныя заведенія, иныя по нѣскольку разъ, всюду старался направить дѣло воспитанія согласно своимъ взглядамъ, и дѣятельность его по управленію русскими военноучебными заведеніями является въ высшей степени плодотворною. Въ 1861 г. Клюпфель произведенъ былъ въ генералы отъ кавалеріи, въ 1867 г. получилъ званіе генералъ-адъютанта и назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Онъ умеръ старѣйшимъ изъ русскихъ генераловъ, послѣ свыше-семидесятилѣтней службы, окруженный общимъ почетомъ и уваженіемъ.

«Русскій Инвалидъ», 1885, № 192.

Ключаревъ, *Ѳедоръ Петровичъ*, московскій почтъ-директоръ, род. въ 1751 г. ум. 1 іюля 1822 г. Происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. День смерти показанъ въ формулярѣ; годомъ рожденія тамъ же отмѣченъ 1755; Геннади указываетъ 1754, 5 октября; но въ виду того, что Ѳ. П. Ключаревъ началъ службу (копіистомъ въ конторѣ Бергъ-Коллегіи въ Москвѣ) въ 1766 году, надо, повидимому, принять показаніе митрополита Евгенія, что онъ родился въ 1751 г. Въ 1767 г. произведенъ въ подканцеляристы, въ 1776 году въ канцеляристы и переведенъ въ могилевскую губернію, по требованію генерала Каховскаго. Здѣсь Ключаревъ успѣлъ заслужить расположеніе бѣлорусскаго генералъ-губернатора гр. З. Г. Чернышева и въ 1782 г. получилъ черезъ него мѣсто прокурора въ губернскомъ московскомъ магистратѣ; черезъ полтора года былъ переведенъ прокуроромъ же въ вятскій верхній земскій судъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ этого получилъ отставку съ награжденіемъ чиномъ, а 7 января 1785 года назначенъ секретаремъ вице-президента Адмиралтействъ-коллегіи гр. И. Г. Чернышева; въ 1792 г. опять уволенъ отъ службы съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника; со 2 января 1795 г. началась его служба по почтовому вѣдомству—въ московскомъ почтамтѣ; 15 іюня того же года онъ былъ назначенъ астраханскимъ почтъ-директоромъ, 16 апрѣля 1799 г. — тамбовскимъ, 7 іюля 1800 г. получилъ командорскій мальтійскій крестъ, 26 марта 1801 г. назначенъ московскимъ почтъ-директоромъ, на этомъ мѣстѣ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст. и оставался до 10 августа 1812 г., когда по распоряженію гр. Растопчина былъ схваченъ и высланъ изъ Москвы въ воронежскую губернію, по неосновательному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ французами. Обстоятельства этого дѣла не вполнѣ выяснены; гр. Растопчинъ былъ раздраженъ на Ключарева за его отказъ

выдать извѣстнаго Верещагина; послѣ того какъ этотъ послѣдній былъ убитъ, Растопчинъ выслалъ Ключарева. Вѣроятно, Ключаревъ казался Растопчину подозрительнымъ, какъ старинный еще масонъ. Уже въ 1780 г. Ключаревъ былъ членомъ «Собранія университетскихъ питомцевъ», но едва ли вѣрно извѣстіе, что онъ былъ воспитанникомъ университета; какъ мы видѣли, онъ уже съ 1766 г. былъ на канцелярской службѣ; несомнѣнно, что въ это время онъ познакомился съ Н. И. Новиковымъ и вступилъ въ масоны; съ Новиковымъ у него завязалась тѣсная дружба, продолжавшаяся до самой смерти Новикова; послѣ освобожденія своего изъ крѣпости Новиковъ проѣхалъ прежде всего въ усадьбу Ключарева и нѣкоторое время тамъ жилъ; Ключаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, съ которыми Новиковъ часто и охотно видался въ послѣдніе годы своей жизни. Въ массонствѣ Ключаревъ носилъ названіе eques ab oliva tenera и еще въ 1781 г. былъ мастеромъ стула въ ложѣ «Святаго Моисея»; въ 1782 г. когда русское массонство образовалось по началамъ, выработаннымъ на Вильгельмсбаденскомъ конгрессѣ, онъ былъ избранъ однимъ изъ пяти членовъ директоріи восьмой провинціи (т. е. русскаго массонства), предсѣдателемъ былъ Новиковъ; въ 1782 г. на торжественномъ открытіи Дружескаго ученаго общества Ключаревъ прочиталъ свою оду. Когда надъ Новиковымъ разразилась гроза, она не коснулась Ключарева, но это ни мало не говоритъ въ пользу предположенія, чтобы онъ старался себя выгородить; дружескія и близкія отношенія съ нимъ Новикова и послѣ освобожденія совершенно устраняютъ возможность такого подозрѣнія. Въ 1812 г. самого Ключарева постигла бѣда, повидимому, совершенно случайно: гр. Растопчину были сообщены письма къ его сыну отъ одного изъ французовъ, жившихъ въ Россіи; письма эти показались ему подозрительными; заступничество Ключарева за Верещагина, который служилъ въ московскомъ почтамтѣ, сдѣлало Ключарева еще болѣе подозрительнымъ въ глазахъ главнокомандующаго. Но невиновность Ключарева въ какихъ-либо незаконныхъ сношеніяхъ съ французами не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, 28 іюня 1816 г. по словамъ формуляра Ключарева, онъ «Высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ Правительствующему Сенату, въ вознагражденіе за потерпѣнное удаленіе отъ должности, произведенное по обстоятельствамъ 1812 г. тогдашнимъ московскимъ мѣстнымъ начальствомъ, Всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники и облеченъ званіемъ сенатора».— Ключареву принадлежатъ слѣдующія литературныя произведенія: «Ода», читанная на открытіи Дружескаго общества— (напечатана въ приложеніяхъ къ книгѣ Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты»), «Владиміръ Великій», трагедія въ стихахъ, М. 1779 г. (напечатана въ VI ч. «Россійскаго театра»), «Испытаніе честности», повѣсть. Калуга, 1797 г.; есть извѣстіе, что имъ же сдѣлано было первое изданіе сборника Кирши Данилова «Древнія русскія стихотворенія». М. 1804 г.

«Списокъ о службѣ т. сов. сенатора и кавалера Ѳеодора Ключарева»—дѣло Министерства юстиціи, 1822 г., № 1979—изъ архива Сената № 1893; Геннади, «Словарь»; Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты», Болотовъ, «Жизнь и приключенія», т. III, 1032, IV, 279. Добрынинъ, «Записки», 194, 266—267; Дмитріевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти», 236—239; «Русскій Архивъ», 1863, 1875.